Юрий Нестеренко

Игра королевы

В черно-белые игры фигурки играли,
Королева всех пешек должна уничтожить -
И тех, кто мешает на диагонали,
И всех остальных постепенно тоже.

Это такая Игра!
С клетки на клетку в отчаянном прыжке!
Это такая Игра!
Кем-то сегодня пожертвуют на доске.
Пригодится для подлых интриг
Парализующий яд, усыпляющий газ...
Стоит отвлечься на миг,
Пешки сыграют нами за нас.

"Оля & Монстр"

Дебют

Сколько прошло веков,
Который день за окном?
Лёгкий узор стихов
Долгим тревожным сном.

Раны души весна
Скроет от глаз травой.
В мире опять война,
А ты всё ещё живой.

По дороге в легенду нам не будет удачи
И по звёздам забытым не вернуться назад
Нас по просьбе последней дождь весенний оплачет
Прежде, чем лёд и полночь отразятся в глазах...

Тэм Гринхилл

В рубке МКК "Добрая воля" сидели пятеро мужчин.

Собственно, наличие на корабле рубки было не более чем данью традициям. На самом деле ни звездолет, ни его экипаж не нуждались в специальном командном помещении. Благодаря нейроимплантам в собственных мозгах и беспроводной сети, пронизывавшей весь корабль, любой из тридцати двух членов экипажа мог, в рамках своих полномочий, считать показания приборов и отдать команды бортовым системам - равно как и связаться с товарищами - в любой момент и из любого места, где бы он ни находился. Так что рубка рассматривалась скорее как кают-компания, а ее "обзорный экран" - который на самом деле был огромным, во всю стену, многофункциональным дисплеем - официально считался резервной системой на тот совсем уж маловероятный случай, если у кого-то из экипажа возникнут проблемы с имплантами (причем проблемы столь серьезные, что нанороботы не смогут исправить их быстро), но на самом деле экран выполнял скорее декоративно-интерьерную функцию. "Просто чтобы мы не забыли, что мы на космическом корабле", как шутил по этому поводу Густав Якобсон, один из двух врачей экспедиции. Внимания экрану обычно уделяли не больше, чем привычной картине на стене в те времена, когда обои еще не были динамическими.

Вот и сейчас никто из присутствовавших в рубке не смотрел на МФД. Но по другой причине.

Огромный экран был мертв и пуст. Вернуть его к жизни было, в принципе, возможно, но это не имело практического смысла. Датчики, которые могли бы наполнить его содержанием, также были мертвы. Космический корабль "Добрая воля" - самое совершенное творение человеческого разума в истории (во всяком случае, так дело обстояло 218 лет назад по земному времени) - был слеп, глух и нем.

Но, к счастью, хотя бы не парализован. Двигатели работали - и главный туннельный, и разгонно-тормозной, и маневровые. Основной мозг звездолета погиб, но резервный, собранный не на электронной, а на фотонной элементной базе, продолжал действовать. Только это и позволило оставшимся в живых членам команды рассчитать обратный курс. Курс, который должен был привести их через четыре десятка парсеков к крохотной песчинке, ввинчивающейся в пустоту по неправильной трехмерной спирали с переменной скоростью в среднем около тридцати километров в секунду. Ошибка в одну стомиллиардную радиана означала промах.

Ошибка в несколько минут - при нелинейно меняющемся релятивистском времени на всем протяжении пути - означала промах. Возможности для коррекции не было - во всяком случае, до тех пор, пока притяжение Солнца, а затем Земли не станет настолько сильным, что его смогут уверенно обнаружить три разнесенных по корпусу на максимальное расстояние гравитационных датчика, представляющих собой иридиевый шар, подвешенный на скрученных нанотрубках в вакуумной колбе. Это были почти единственные приборы, еще способные поведать остаткам экипажа информацию о мире за пределами корабля. В чужой системе именно они помогли рассчитать обратный курс, но самая ничтожная ошибка, накапливаясь на протяжении пути почти в полторы сотни световых лет, могла сделать их новую информацию запоздалой или вовсе бесполезной.

Тем не менее, датчики отреагировали в расчетное время. Ну, почти в расчетное. Чуть позже - но тогда, когда коррекция была все еще возможна. Корабль описал длинную петлю в гравитационном поле Солнца, словно слепец, держащийся за поводок собаки-поводыря, затем вернулся к Земле - или к тому, что должно было быть Землей. И вот теперь, после двух десятков витков по орбите, он должен был, наконец, закончить свой полет. Закончить способом, не предусмотренным никакими инструкциями, но дававшим людям на борту шанс остаться в живых.

Во всяком случае, пятеро уцелевших членов экипажа на это надеялись.

Больше им все равно ничего не оставалось.

- Сколько там еще... - пробормотал Луиджи Вельо. Этот огромный человек с копной черных курчавых волос до плеч походил на кузнеца старинных времен, но на самом деле он был лингвистом. Одним из лучших специалистов в своей области на Земле - как, собственно, и все члены команды "Доброй воли"; именно ему принадлежала ключевая роль в расшифровке Послания. Он должен был стать одним из самых нужных членов экспедиции - ведь всякое взаимопонимание начинается с общего языка - а оказался в итоге самым бесполезным из выживших. И осознание этого угнетало его весь обратный полет - он понимал, что остальные четверо не скажут ему "лучше бы вместо тебя уцелел кто-то из инженеров!", но понимал и то, что они не могут так не думать.

- Восемьдесят восемь минут до входа в плотные слои, - ответил Эрик Локхарт, командир. - Плюс-минус, конечно.

Изначально у экспедиции было два руководителя - полковник Локхарт был капитаном корабля, а Маркус Франк возглавлял научно-дипломатическую миссию. Какова была вероятность, что уцелеет хоть один из них? Не слишком большая. Какова была вероятность, что уцелеет хоть кто-то, способный вести корабль, тем более в его нынешнем состоянии? Тоже не особенно хорошая. Им чертовски повезло, что таких оказалось сразу двое: Локхарт и пилот Гюнтер Шрамм. А вот Франку не повезло - хотя теперь толку от него было бы не больше, чем от Вельо.

- Невыносимо столько ждать... - проворчал гигант, стискивая кулаки.

- Да ладно вам, Луиджи, - Якобсон, перегнувшись через подлокотник кресла, потрепал великана по бицепсу. - Мы ждали больше трех лет, - он, конечно, имел в виду бортовое время, - можно потерпеть еще чуток. Через два часа уже будете пить свое кьянти. Ради такого случая мы закажем доставку прямо к месту приземления.

В отличие от своего покойного коллеги, доктора Бу Юншэна, чьей специализацией была анатомия и физиология, доктор Якобсон был психологом. И, вероятно, оставшиеся в живых сумели пережить провал величайшей в истории миссии, гибель товарищей, собственное превращение фактически в инвалидов и три года полета вслепую на изувеченном корабле - пережить без тяжелых депрессий, психозов, попыток самоубийства и серьезных конфликтов между собой - не только благодаря суровому отбору и подготовке перед полетом, но и благодаря невысокому круглолицему улыбчивому доктору Якобсону. Хотя, отправляясь в путь, он

готовился к совсем иным и куда более волнующим задачам, нежели утешение кучки неудачников. Как и все они, разумеется.

- Если мы вообще куда-нибудь приземлимся, - продолжал, тем не менее, гнуть свое Вельо.

- Мы на околоземной орбите, - возразил Шрамм, которому начало надоедать это ворчание. - Теперь это уже бесспорно.

- Кто вам сказал, что это Земля? - упорствовал Луиджи. - Может, мы вместо нее выскочили к Венере. То-то мы будем хороши после посадки. Сколько там - плюс пятьсот по Цельсию?

- Не говорите чепухи, доктор Вельо, - поморщился Локхарт. Неформальному стилю Якобсона он на протяжении всего полета противопоставлял подчеркнутую уставную строгость, полагая, что в потерпевшей крах экспедиции это единственный способ сохранить дисциплину и порядок. - Венера сейчас в совершенно другом месте. Даже если бы мы оказались настолько ближе к Солнцу - что, вообще говоря, наши гравидатчики бы зафиксировали - мы бы не вышли на орбиту вокруг нее.

- Если бы можно было хотя бы выглянуть в люк и убедиться... - вздохнул Вельо.

- Люки заварены, и вы это знаете, - ответил Шрамм столь же неприязненно. В скором времени самая ответственная работа - работа, которая окончательно определит, стоило ли им все эти три года бороться за жизнь, или же это было лишь бессмысленное растягивание агонии - предстояла именно ему. И эта задача опять-таки была совсем не той, к которой он в свое время готовился. Никто и никогда в истории космических экспедиций Земли не совершал *такую* посадку. И выслушивать теперь все эти бесполезные причитания... Впрочем, в какой-то мере можно сказать, что ему еще повезло. От него, по крайней мере, будет что-то зависеть. Остальным придется тупо ждать, справится он или нет. Если нет... надежда лишь на то, что они не успеют это понять.

- Не знаю, - возразил лингвист на последние слова пилота. - Мы знаем только, что не можем их открыть. Но мы понятия не имеем, почему именно. И на что вообще теперь похож наш корабль снаружи.

- Во всяком случае, это наиболее вероятная гипотеза, - примирительно заметил капитан. - Термическая деформация при ударе.

- Насколько сильная? - не желал угомониться Вельо. - Может, наша обшивка деформирована настолько, что все наши аэродинамические расчеты...

- Если бы мы получили удар такой мощности, то и сами едва ли остались бы в живых, - ответил Локхарт. - А незначительные деформации на траекторию не особо повлияют.

- То есть это вы так думаете. Но в этом полете все идет не так, как мы думали, не правда ли?

- В любом случае, через два часа мы будем либо дома, либо мертвы, - отрезал Шрамм. - А теперь, доктор Вельо, могу я попросить вас заткнуться?

- Гюнтер, - произнес Якобсон с мягкой укоризной, - мы все нервничаем. И озвучить свои страхи в таких случаях полезнее, чем молчать и кусать губы. Хотя лучше всего поговорить вообще о чем-нибудь отвлеченном.

- А я по-прежнему не считаю, что нам вообще стоит предпринимать эту... самоубийственную попытку посадки, - подал голос Арман де Сегюр. Его профессия была почти столь же бесполезной, как и у Вельо - он был послом, представлявшим Европейский Союз. "Почти" потому, что его дипломатические навыки все же отчасти облегчали задачу доктора Якобсона. Но сейчас и ему не без труда давалось хладнокровие.

- Что вы предлагаете? - усмехнулся Локхарт. - Болтаться на орбите и дальше? Сколько времени?

- Рано или поздно нас заметят и окажут помощь, - уверенно произнес де Сегюр.

- Когда? Мы сделали двадцать два витка. Даже если предположить, что техника сканирования ближнего космоса за два столетия не улучшилась, нас должны были засечь еще на подлете. Минимум четверо суток назад. И даже если они уже забыли нас ждать - во что трудно поверить, учитывая, с какой помпой мы отчалили - то все равно обязаны были заинтересоваться, что это за корабль, не значащийся в современных полетных планах и не отвечающий на радиозапросы.

- Вероятно, им требуется больше времени для организации помощи, - возразил дипломат. - Все-таки звездолет - это не электромобиль на обочине. Нельзя просто подойти, постучать в стекло и спросить, что случилось.

- Именно потому, что это не электромобиль, помощь в таких случаях организуют максимально быстро, - ответил капитан. - За четверо суток на терпящем бедствие корабле может никого не остаться в живых. Да что там суток - часов. Запустить корабль, даже если у них не было ничего наготове в космосе, и синхронизировать с нами орбиту, если не жалеть топлива - а в таких случаях его не жалеют - можно было буквально за час-полтора.

- Может, они уже подлетали, убедились, что не могут состыковаться, и теперь думают, как прорезать ход в корпусе так, чтобы не убить нас при этом. Нужно, очевидно, сначала доставить на орбиту некий тамбур, прилепить его к нам, герметизировать щель...

- Никто к нам ничего не прилепляет. Мы бы услышали.

- Все равно. Надо ждать. Нам помогут.

- Если там внизу еще есть, кому помогать.

Никто из них давно не говорил об этом вслух. Эта тема была негласным табу. И все же не думать об этом они не могли.

В рубке повисло молчание. Никто не произнес сакраментального "этого не может быть". Они слишком хорошо знали, что может. Кому, как не им, было это знать.

Международный космический корабль "Добрая воля" - первый звездолет планеты Земля - в период подготовки экспедиции так часто называли величайшим творением человеческого разума, что это стало расхожим штампом. Но, как и всякий штамп, этот был верен лишь отчасти. Ибо звездолет был также и творением разума нечеловеческого. Причем не только искусственного интеллекта компьютеров, без помощи которых он бы тоже никогда не был построен.

Сигнал из звездного скопления Гиады был впервые получен в 2053 году зондом, исследовавшим Юпитер - причем произошло это в результате ошибки в ориентации зонда, когда его главная антенна, которая должна была все время смотреть на Землю, оказалась развернута в сторону Гиад. В Хьюстонском центре управления два дня сходили с ума, пытаясь вернуть контроль над зондом, едва успевшим приступить к работе; на кону стояла многолетняя программа стоимостью в миллиарды долларов. Когда двое суток спустя компьютер зонда все же сумел перезапуститься и вернуться к номинальным параметрам, выяснилось, что за это время зонд получил информацию, с лихвой оправдавшую все расходы. Информацию, на которую его создатели не рассчитывали даже в самых смелых мечтах.

Правда, тогда удалось поймать лишь фрагмент передачи, слишком короткий для однозначной расшифровки - но в его искусственном происхождении сомнений практически не было. Несмотря на то, что радиант сигнала был определен с большой точностью, поймать его снова на антенну того же зонда не получилось - радиолуч был узконаправленным, и Юпитер уже вышел из него. Понадобилось еще полгода, прежде чем сигнал был пойман снова (на этот раз станцией в окрестностях Сатурна), и лишь три года спустя сеть специально развернутых в космосе антенн смогла принять циклически повторяющуюся передачу целиком.

Ее расшифровка, однако, оказалась гораздо более сложной задачей, чем надеялись изначально. Даже с использованием всех наиболее мощных суперкомпьютеров Земли дело не двигалось с мертвой точки. Вслед за первоначальным бурным энтузиазмом, охватившим даже

людей, далеких от науки, последовало столь же массовое разочарование и волна пессимистических публикаций, доказывавших, что сигнал вообще невозможно расшифровать за реальное время, что он, по всей видимости, адресован другой цивилизации, знающей код, а Солнечная система просто случайно оказалась у него на пути, или же что это вообще никакая не передача, а сложная структура сигнала может быть порождена, скажем, системой из нескольких пульсаров с некратными периодами. В эти версии, однако, плохо вписывался тот факт, что радиолуч явно направлялся в сторону планет-гигантов, хотя и не следовал за ними с абсолютной точностью - вероятнее всего, невозможной при наблюдении с расстояния в полтораста световых лет, если источник действительно находился в Гиадах.

Однако два года спустя молодой математик Тайдзи Хасэгава совместно с суперкомпьютером "Ямато III" все же решили проблему (это, кстати, стало первым прецедентом, когда в научной публикации компьютер был указан как соавтор, а не как инструмент). Оказалось, что ученые Земли исходили из неверной парадигмы: они предполагали, что послание, адресованное доселе неведомой цивилизации, должно быть составлено таким образом, чтобы максимально облегчить расшифровку потенциальному получателю. Если же это не так, значит, земляне случайно подслушали чужой разговор (длящийся, очевидно, столетиями - впрочем, кто сказал, что во Вселенной нет цивилизаций, которые могут себе это позволить?), и он закодирован от посторонних так, что вскрыть его можно лишь полным перебором за миллион лет. Обе гипотезы оказались неверны. Способ кодировки представлял собой тест: понять Послание сможет лишь тот, кто достоин. Кто обладает достаточно развитым разумом и математическим аппаратом - заметно превосходящим тот уровень, который необходим, чтобы просто принять радиосигнал.

И усилия, потраченные на расшифровку, вполне оправдали себя. Послание содержало в себе не только базовые сведения о цивилизации кэйлиан, подобные тем, что некогда (и доселе безуспешно) отправляли в космос сами земляне. (Само имя "кэйлиане", кстати, было условностью: Послание, представлявшее собой цифровой код, содержало их алфавит, но по нему нельзя было определить, какие звуки соответствуют буквам. По косвенным признакам, касавшимся как взаимного расположения букв, так и довольно кратких сведений по кэйлианской анатомии, можно было предположить, что согласных в их языке нет вообще, а есть лишь гласные разной высоты вплоть до ультразвука. Человеческая речь была, по всей видимости, невоспроизводимой для кэйлиан и наоборот. Поэтому для записи инопланетных слов приняли такую систему: 24 буквам чужого алфавита сопоставили по порядку латинские буквы, за исключением J и W; при этом, если при написании образовывалось более двух согласных подряд, после второго вставляли E. Для названия планеты и ее обитателей последний трюк применять не пришлось, поскольку получилось вполне удобочитаемое KALY. Правда, по иронии судьбы это слово почти совпало с именем Кали, индуистской богини с весьма неоднозначной репутацией, и - возможно, во избежание ненужных коннотаций - общепринятым стал английский, а не латинский вариант произношения.)

Звезда кэйлиан была похожа на Солнце, только холоднее (спектральный класс G5) - а вот планетарная система была совершенно иной. Два газовых гиганта обращались по более-менее круглым ближним орбитам и три планеты земного типа - по сильно вытянутым дальним; соответственно, ни одна из них не была пригодна для жизни. Первый из газовых гигантов представлял собой типичный "горячий Юпитер"; в окрестностях второго, по земным меркам, было, наоборот, слишком холодно - тем не менее, именно на его спутнике размером меньше Земли, но больше Марса и зародилась жизнь. Парниковый эффект, обусловленный большим количеством углекислого газа в атмосфере, и горячие недра, подогреваемые приливными силами гиганта, обеспечивали Кэйли необходимым для этого теплом.

Очевидно, именно поэтому кэйлиане, отправляя свое послание в Солнечную систему, надеялись, что оно найдет адресата в окрестностях Юпитера или Сатурна, несмотря на

удаленность таковых от светила; мелкие планеты земной группы им, вероятно, вовсе не удалось обнаружить с такого расстояния. Вопрос, почему кэйлиане решили искать братьев по разуму сравнительно далеко, имея под боком четыре сотни звезд Гиад, так и остался без ответа; скорее всего, одно попросту не мешало другому, и они отправляли подобные передачи ко всякой звезде, похожей на их собственную и имевшей подходящие по их мнению планеты. (Косвенно эту версию подтверждало то обстоятельство, что с 2058 года сигнал больше не принимался - видимо, кэйлиане переключились на другую звезду.) Во всяком случае, причиной явно не могли быть сигналы, отправленные в XX веке с Земли, ибо ответ на таковые мог прийти не раньше, чем через триста лет.

Но самое главное - Послание содержало рецепт межзвездных путешествий.

Строго говоря, нигде в тексте не утверждалось, что сами кэйлиане используют его для этой цели (и даже вообще хоть как-то летают в космос), как не было в Послании и явного приглашения построить корабль и посетить Кэйли. Но именно такая интерпретация выглядела самой очевидной, а по мнению многих - единственно возможной. Иначе зачем из всех достижений кэйлианской физики излагать в Послании именно это?

В основе рецепта лежали два эффекта, давно известных земной физике - туннелирование элементарных частиц через потенциальный барьер и эффект Казимира, он же - "давление вакуума", обусловленный квантовыми флуктуациями виртуальных частиц, постоянно рождающихся и исчезающих в вакууме. Если некоторым образом воспрепятствовать рождению виртуальных частиц с определенными длинами волн по одну сторону от преграды, то с обратной стороны преграды, где частицы рождаются беспрепятственно, возникнет давление и, соответственно, тяга. Однако оба эффекта становятся сколь-нибудь заметными только на микро- и наноуровне.

Кэйлианским ученым, однако, удалось вытащить их на макроуровень. Они показали, что в сверхпроводящем канале определенной геометрии (представляющей собой трехмерную развертку сложного четырехмерного фрактала - просчитать ее, кстати, также невозможно было без суперкомпьютеров), движущемся с достаточно высокой скоростью (не менее 0.05 с), возникает макротуннелирование виртуальных частиц от входа к выходу канала. Причем, благодаря фрактальной природе канала (очень упрощенно представляющего собой коническую спираль, состоящую из конических спиралей, состоящих из... - и так до бесконечно малых величин), охватить удается все (в математической модели) или почти все (в ее практической реализации) длины волн и, таким образом, не просто создается перепад давлений между входом и выходом канала, но и вакуум перед входом становится абсолютно пустым - лишенным даже виртуальных частиц. В результате чего возникает новый эффект - область пустого пространства перед входом канала - или носом корабля, через который канал проходит насквозь - просто сжимается. И корабль, летящий через такое пространство, с точки зрения внешнего наблюдателя может превысить скорость света.

Это не было "гиперпространством", вожделенным фантастами и так и не открытым физиками; корабль оставался в обычном континууме, лишь до некоторой степени деформируя его перед собой. С точки зрения наблюдателя на борту он по-прежнему двигался с досветовой скоростью - но длина его пути сокращалась. Не в разы, всего лишь на проценты, и тем не менее, расстояние в 150 световых лет такой звездолет мог покрыть всего лишь за столетие с небольшим по земному и кэйлианскому времени.

Эксперименты подтвердили правильность изложенной в Послании теории и практическую возможность постройки корабля (пришлось, впрочем, решить несколько весьма непростых инженерных проблем, относительно которых Послание не давало никаких советов - был ли это еще один тест, или кэйлиане сами не знали решения и именно поэтому слали к звездам радиосигналы, а не звездолеты?) После этого идея отправки экспедиции на Кэйли вызвала энтузиазм практически по всей планете - несмотря ни на крайнюю дороговизну проекта

(собственно, международный состав миссии определялся не только политическими соображениями, но и тем фактом, что ни одна страна, даже Китай, не потянула бы постройку звездолета в одиночку), ни на то, что результатов миссии пришлось бы ждать более двух веков (впрочем, успехи медицинских нанотехнологий и нейрокибернетики позволяли надеяться если не победить смерть окончательно, то, по крайней мере, очень существенно увеличить продолжительность жизни землян уже в близкой перспективе). Хотя нашлись у проекта и противники, и это были не только разного рода сектанты и религиозные ортодоксы, считавшие инопланетян бесами (уже хотя бы потому, что кэйлиане, ведшие, судя по всему, полуводный образ жизни, явно не были созданы по тому же образу и подобию, что и люди), но и те, кому во всей этой истории мерещилась некая грандиозная ловушка. "С чего эти типы рассылают по космосу бесплатные рецепты, как построить корабль и прилететь к ним? Если им просто охота пообщаться, почему не прилетят сами? Бесплатный сыр бывает знаете где?" Внятно конкретизировать, в чем именно тут может заключаться опасность, они, впрочем, не могли. Допустим, зловредные кэйлиане хотят заманить к себе земных астронавтов, чтобы... что? Выбить из них военные тайны и устроить вторжение? Во-первых, наивно ожидать, что группа первого контакта будет состоять из носителей стратегических секретов, во-вторых, любые секреты все равно устареют за двести с лишним лет, в-третьих, даже строительство одного туннельного корабля - дорогое удовольствие, во сколько же обойдется флот столь гигантский, что способен завоевать целую планету, в-четвертых, зачем кэйлианам это вообще могло бы понадобиться? Их звезда, спокойная, как и Солнце, в ближайший миллиард лет не грозила им никакими неприятностями, с их планетой тоже вряд ли могло что-то случиться, добывать какие-либо ресурсы за сто пятьдесят световых лет от родного мира бессмысленно, тем более имея под боком сотни других планет Гиад - так ради чего затевать столь безумную авантюру, результаты которой непредсказуемы, а возможная выгода даже в случае победы крайне сомнительна? Земля не была бы комфортным местом для завоевателей - отличающийся состав атмосферы, слишком большая гравитация, слишком жарко, биохимическая несовместимость с местной флорой и фауной и, как следствие, невозможность пользоваться местной пищей...

Этого они пока не знают, отвечали параноики. И вторжение может быть вовсе не таким, как в бульварной фантастике прошлого века. Никаких армад звездных дредноутов. Вернется наш же собственный корабль с нашим экипажем - только астронавты будут тайно заражены вирусами. Или подменены клонами. Или им просто промоют мозги. И они запустят некий лавинообразный процесс, который погубит человечество и подготовит Землю к прибытию захватчиков. Или даже не к прибытию. Может, они сами и не собираются никуда вторгаться, а просто хотят зачистить весь окружающий космос от возможных соперников, которые когда-либо могли бы вторгнуться к ним. Или им так велит их религия. Откуда мы знаем, какой логикой руководствуются инопланетяне?

Это тоже бульварная фантастика, отвечали сторонники контакта. Очевидно же, что вернувшаяся с чужой планеты экспедиция пройдет полное медицинское обследование и карантин. Уже сейчас нанозонды способны изучить чуть ли не каждую клетку в человеческом теле, а через двести лет и подавно. Никакие сюрпризы невозможны.

Никогда не говори "никогда", угрюмо возражали им. Когда речь идет о безопасности всего человечества, мы не можем пренебрегать даже самой ничтожной вероятностью. Если даже и строить этот корабль - хотя лучше бы потратить деньги на что-нибудь более полезное - то лететь на нем следует не на Кэйли, а куда-нибудь в противоположном направлении.

Разговорами дело не ограничилось. Были акции протеста и уличные беспорядки. Были даже попытки терактов. Тем не менее, ведущие страны мира поддержали идею контакта. После всех войн и политических потрясений первой половины XXI столетия человечество остро нуждалось в позитивной объединяющей идее... Звездолет "Добрая воля" был построен. Тысячи ученых по всему миру мечтали занять место на его борту, но корабль был рассчитан лишь на 32

человека. 5 членов собственно летного экипажа - пилоты и инженеры, трое дипломатов - от Европы, Америки и Азии, остальные - ученые в различных областях, причем многие из них совмещали смежные специальности. Среди отобранных счастливчиков оказались Тайдзи Хасэгава, генеральный конструктор корабля Леонард Блюменберг, создательница первого искусственного многоклеточного организма Инга Гай и добрая дюжина нобелевских лауреатов и номинантов.

К началу 2069 все уже было, в принципе, готово, но старт символично назначили на 21 июля - столетнюю годовщину первой высадки человека на Луну. Церемонию отлета корабля с околоземной орбиты - где он и был построен, ни по своим размерам, ни по конструкции не годясь для взлетов и посадок в атмосфере - смотрели почти восемь миллиардов человек.

В течение трех (по бортовому времени) лет полета все шло благополучно - не только в плане работы бортовых систем, но и в плане психологического состояния столь разношерстного экипажа, запертого в очень небольшом по сути объеме (несмотря на все старания конструкторов обеспечить астронавтам максимум комфорта и хоть какие-то возможности для уединения), да еще и - за исключением везунчиков-теоретиков, способных заниматься любимым делом и во время полета через кубические парсеки пустоты - оторванного от привычной работы. Не то чтобы проблем не возникало вообще, но критического уровня они не достигали, да и расторопный доктор Якобсон был начеку. Наконец звездолет, уже не разгоняющийся, а тормозящий (заставить туннельный двигатель работать в режиме торможения было, кстати, одной из самых сложных задач при конструировании "Доброй воли"), приблизился к цели настолько, чтобы принимать передачи с Кэйли. Не направленные передачи - инопланетяне не могли знать о прибытии гостей, экипаж планировал сообщить о себе с более близкого расстояния - а обычный радиоэфир.

Но планета молчала. Во всем диапазоне радиочастот. То есть, разумеется, на "Доброй воле" принимали ее естественные излучения, порождаемые солнечным ветром в ионосфере и тектоническими процессами - но ничего похожего на осмысленные сигналы.

Поначалу это не вызвало особенно серьезного беспокойства - или, точнее, таковое не высказывали вслух. Общепринятой стала версия, что кэйлиане просто больше не используют радиосвязь в своих повседневных нуждах - во всяком случае, такую, сигналы которой попусту уходят в космос. Возможно, они отдают предпочтение оптическому диапазону в сочетании с кабельными сетями. Или вообще открыли какой-то новый физический принцип. Тем не менее, сигналы с "Доброй воли" - на той же частоте и том же языке, что и исходная кэйлианская передача - были посланы на планету. И остались без ответа.

Чем ближе подходил звездолет к своей цели, тем очевиднее становилось, что с планетой что-то не так. Отсутствие постоянных источников света на ночной стороне - только всполохи гроз и полярных сияний. Тепловая карта на удивление ровная для цивилизованной планеты - особенно холодной, где крупные поселения должны выделяться достаточно контрастно на общем фоне, но немногочисленные выделявшиеся точки, напротив, были слишком горячи для городов - по всей видимости, это были вулканы...

Наблюдения в оптическом диапазоне практически ничего не давали из-за густой облачности, постоянно покрывающей бо́льшую часть Кэйли. И тем не менее, когда "Добрая воля" приблизилась достаточно, кое-что ее команда все же увидела. Не на самой планете. В окружающем ее пространстве.

Спутники. Их было очень много - настолько, что они образовывали вокруг планеты некое подобие кольца, уменьшенной копии того, что окружало газовый гигант. Поначалу, собственно, это кольцо и сочли таким же естественным, образованным космической пылью и мелкими метеоритами. Но нет. Спектральный анализ показывал, что это не могут быть метеориты, даже металлические. Сочетание элементов было совершенно не характерным для естественных тел.

Но какая цивилизация станет запускать на свою орбиту сотни тысяч аппаратов,

большинство которых по размеру меньше теннисного мяча? Разве это не приведет к столкновениям? И почему они не проявляют совершенно никакой активности?

Ответ напрашивался. И дальнейшее сближение с планетой его подтвердило.

Это были обломки. Большая часть - раздробленные чуть ли не в пыль, возможно, что и в результате многочисленных столкновений друг с другом (как показывает моделирование, при изначальном движении по разным орбитам обломки в конце концов выстраиваются в одной плоскости). Некоторые - достаточно крупные, включая и, по всей видимости, целые аппараты, внешне не пострадавшие. Но все - мертвые. Околокэйлианское космическое пространство представляло собой огромное кладбище.

И если раньше в разговорах о причинах молчания планеты оптимистические версии все чаще сменялись мрачными гипотезами о природной катастрофе, то теперь истина стала ясна окончательно.

Война. Планетарная война на уничтожение. Причем, по всей видимости, не с внешним врагом, вторгшимся из космоса - в этом случае на планете обнаружились бы поселения либо прежних, либо новых хозяев - а между самими кэйлианами. О причинах можно было лишь догадываться - Послание не содержало сведений о количестве кэйлианских государств и их социальном устройстве, не говоря уже о том, что с момента его отправки на Кэйли прошло без малого три столетия. Большинство экспертов сочло как-то само собой разумеющимся, что цивилизация, достигшая технологии межзвездных полетов, научилась урегулировать внутренние конфликты. Может быть - как полагали параноики - она и могла представлять опасность для других, но не для себя самой.

Как выяснилось, большинство в очередной раз оказалось неправо. И теперь ученым "Доброй воли", прибывшим для установления дружбы и сотрудничества с другой цивилизацией, оставалось лишь анатомировать ее останки и попытаться реконструировать картину ее гибели.

Если там еще было что анатомировать. Уже ясно было, что война едва ли могла быть ядерной - экология планеты, судя по всему, не пострадала. Значит, или биологическое оружие, или - наиболее страшное и наиболее вероятное - нановойна. Орды крошечных самовоспроизводящихся нанороботов, разбирающих противника на атомы. По сути, та же смертоносная эпидемия, только не биологическая и уничтожающая не только живых существ. Особенно если в программе нанороботов возникли сбои, и они пошли вразнос. В этом случае они могли превратить в пыль - и в собственные тела - все, что когда-то создал разум в этом мире. Тогда от кэйлианской культуры не осталось совсем ничего, а высадка на планету - если питаемые энергией солнца и недр нанороботы до сих пор активны - представляет собой крайнюю опасность.

Тем не менее, проверить и эту гипотезу было необходимо - разумеется, со всей возможной осторожностью. Сначала запустить беспилотные зонды...

Но сделать это они не успели. И осторожность не помогла. Они считали, что опасность грозит им только внизу. И в любом случае они все еще имели слишком большую скорость и не могли просто отвернуть, не пройдя вблизи планеты. Но, когда они еще приблизились к Кэйли, один из спутников, который они считали давно мертвым, ожил и нанес удар.

"Добрая воля" была исключительно надежным кораблем. Она могла выдержать даже достаточно близкий взрыв водородной бомбы, учитывая, что ударной волны в вакууме нет, тепло хорошо рассеивается с расстоянием, а от радиации и электромагнитного импульса внутренние помещения звездолета были экранированы весьма основательно. Но боевой спутник давно мертвой цивилизации и не стремился уничтожить врага (всякий, не подтвердивший, что он свой - враг!) физически. Просто превратить в еще один бесполезный кусок металла, полимеров и композитов. Выжечь внешние сенсоры и внутреннюю электронную начинку.

Вероятнее всего, именно так и шла эта война - ордами нанороботов на планете командовали находившиеся вне пределов их досягаемости автономные, способные к

саморемонту и самосовершенствованию беспилотные спутники. Но спутники тоже были уязвимы - для других спутников. Поначалу в борьбе друг с другом они использовали все средства вплоть до банального тарана, но быстро идущая в таких условиях киберэволюция пошла по пути совершенствования средств радиоэлектронной борьбы. Зачем тратить энергию на уничтожение вражеского спутника, если достаточно лишить его способности принимать и передавать информацию? Способность затаиваться, "притворяясь мертвым", тоже, очевидно, стала одной из стратегий выживания. В результате война в космосе могла затянуться на многие годы после того, как оставшиеся без пастухов - или с подмененными пастухами - нанороботы уничтожили всю разумную жизнь на планете. И вот теперь посланцев Земли угораздило встретиться с победителем в этой войне. С последним. Самым совершенным. Незнающим о том, что его сохраненная в боях со всеми прочими кибернетическая жизнь и миссия, ради которой он вел эту борьбу, уже давным-давно не имеют смысла.

Мощные лазеры навсегда ослепили все внешние датчики звездолета в доли секунды, но электромагнитный импульс не имел шансов проникнуть сквозь экранирующую обшивку, если бы... если бы не эффект макротуннелирования. На тот момент, когда кэйлиане отправляли свое Послание, они умели вызывать его лишь в очень специфических условиях туннельного двигателя. Но, очевидно, в последующие годы их наука не стояла на месте.

Возможно, она продолжала развиваться даже после того, как они сами исчезли.

Так или иначе, поле проникло сквозь стены корабля, превратив внутренность "Доброй воли" в подобие гигантской микроволновки. Практически вся электроника, которой был напичкан звездолет, была выжжена в тот же миг.

Включая нейроимпланты и нанороботов в мозгах и телах экипажа.

Само по себе это не было смертельно - сгоревшие элементы убили лишь сотни тысяч из сотни миллиардов нервных клеток. Бо́льшая часть команды погибла не от этих точечных ожогов, а от того, что сами их мозги - лучшие мозги Земли - сварились, как курица в печке. Некоторые умерли сразу, другие, ослепшие и в значительной мере утратившие рассудок, в течение следующих дней; степень поражения зависела от того, кто в каком помещении корабля оказался в момент удара. Двое - Хасэгава и Инга Гай - могли выжить физически, но их разум был разрушен необратимо, и даже если бы по возвращении на Землю удалось регенерировать нервную ткань, их личности фактически больше не существовали. Посоветовавшись с единственным оставшимся в живых врачом, Локхарт, ставший единственным командиром на борту, принял решение об эвтаназии.

Но это было уже потом, а тогда, сразу после удара, Локхарт и Шрамм, терзаемые страшной головной болью, корчащиеся в приступах рвоты, в буквальном смысле потерявшие ориентацию, под крики и стоны товарищей каким-то чудом сумели добраться до рубки - единственного теперь места, откуда еще можно было управлять кораблем - и практически на одной лишь интуиции, без электроники, без данных внешних сенсоров (кроме гравитационных датчиков) сумели выполнить маневр ухода. Выключив тормозной двигатель, изувеченный корабль промчался над Кэйли без выхода на орбиту, затем описал гиперболическую петлю в поле тяготения газового гиганта и ушел обратно в глубокий космос.

Управлять с помощью кнопок и рычагов вместо привычных мысленных команд - хотя пилоты и делали это на тренировках - было все равно что ходить, переставляя руками ставшие непослушными и утратившие чувствительность ноги. Но главной проблемой было, конечно, не это. Одно дело - выполнить вручную маневр в гравитационном поле близкой планеты и совсем другое - проложить обратный курс к Земле, отстоящей на 150 световых лет. Сделать это без компьютеров было бы невозможно в принципе. К счастью, помимо уничтоженной электроники, на борту оставалась не пострадавшая фотоника - системы, в которых информация передается в виде оптических сигналов по непроводящим световодам. Но таких систем было меньшинство, в основном - как раз резерв на случай аварии, и, как это часто бывает с аварийными системами,

превосходя обычные в надежности, они уступали в производительности. Впрочем, фотонный компьютер все же позволял рассчитать обратный полет, но - в стандартных условиях. Никто, даже генеральный конструктор Блюменберг (он умер через два дня после удара), не планировал, что возвращаться придется вслепую, не имея возможности корректировать курс по звездам и, уже в Солнечной системе, радиосигналам с Земли, а полагаясь исключительно на цифры расчетов. Хватит ли точности? Теоретически должно было хватить, но на практике этого никто не знал. В конце концов, это был лишь второй полет туннельного звездолета в истории (не считая испытаний в пределах Солнечной системы), и первый - тот, что привел их в систему Кэйли - проходил в штатных условиях с постоянным наблюдением звездных ориентиров...

И все-таки они долетели.

Ну, почти.

Они достигли окрестностей Земли. Теперь оставалось попасть вниз живыми. Притом, что "Добрая воля" в принципе не предназначалась для полетов в атмосфере, не говоря уже о посадках на планеты, а предназначенный для этой цели шаттл оказался заперт в ангаре, поскольку их внешние люки больше не открывались. Поначалу Шрамм предложил попытаться протаранить люк, просто включив двигатели шаттла; это было в самые страшные ранние дни обратного полета, когда память о катастрофе и погибших товарищах была еще слишком яркой, когда пятеро последних выживших только-только приходили в себя после полученных травм и заново - подобно калеке прошлого, учившемуся ходить на протезах - привыкали жить без нейроимплантов. И все же уже тогда они планировали все детали своего возвращения - может быть, чтобы подбодрить себя, а может, чтобы убедиться, что продолжать борьбу за жизнь вообще имеет смысл. Идея Шрамма, однако, выглядела сомнительной. Во-первых, никто (по крайней мере, из выживших) не знал, что будет, если включить мощный маршевый двигатель шаттла, предназначенный для взлета с планеты, прямо в ангаре. Предельно компактный ангар и сам челнок на это рассчитаны не были, в норме (при открытом люке, разумеется) шаттл выбрасывала наружу электромагнитная катапульта (ныне неработоспособная), и она же, сменив полярность, затягивала обратно при возвращении. Во-вторых, что еще важнее, никто не знал, какие повреждения может получить при таране наружная теплозащита шаттла, столь необходимая при спуске в атмосферу. Когда при входе в плотные слои на скорости в двадцать Махов корпус раскалится до звездных температур, даже крохотная брешь в защите может стать роковой.

И тогда Шрамм предложил идею, на первый взгляд, еще более безумную, чем таран.

Направить "Добрую волю" в атмосферу по траектории, вызывающей максимальный нагрев при перегрузке, которую еще может выдержать экипаж. Перед входом в атмосферу занять места в шаттле. И просто ждать, пока звездолет разрушится и освободит заключенный внутри него челнок. Последний, возможно, и будет при этом поврежден, но это произойдет уже на значительно меньшей высоте и скорости, чем если бы он спускался с орбиты самостоятельно - а значит, он должен выдержать.

Троих оставшихся членов команды, которые не были пилотами, эта идея привела в ужас. Тем не менее, расчеты показывали, что это может сработать... точнее, что это должно сработать. В какой именно момент атмосфера разрушит раскаленный корабль, сказать заранее было нельзя. Но с вероятностью 89% это должно было произойти на высоте не менее 8 км. С вероятностью 99.8% - до достижения минимальной высоты (порядка километра), с которой шаттл еще успевал перейти из пикирования среди обломков в управляемое пологое планирование.

Оставались, конечно, еще 0.2%. Плюс точность моделирования. Плюс не поддающаяся прогнозу вероятность, что обломки звездолета все же нанесут критические повреждения шаттлу.

Тем не менее, волею командира план был принят. Лучшего у них все равно не было. Хотя они до последнего надеялись, что воплощать его в жизнь не придется. Что, если им только удастся добраться до Солнечной системы и Земли, их заметят и спасут.

Но увы.

- К тому же, - добавил Локхарт после паузы, повисшей после его слов, - чем дольше мы тут крутимся вслепую, тем выше шанс столкнуться с каким-нибудь космическим мусором. Даже если на Земле все в порядке, на этих орбитах его может мотаться достаточно - в основном, конечно, мелкий и неопасный для нас, но не только. А уж если его... давно не убирали...

- Или что-то может счесть таким мусором нас, - сумрачно заметил Вельо.

- Тоже не исключено, - согласился капитан. - А поскольку послать сигнал "свой-чужой" мы не можем...

- В атмосфере нас могут атаковать еще вернее, - возразил де Сегюр. - Неизвестно чей корабль, пикирующий кому-то прямо на голову...

- Если наши расчеты верны, обломки упадут в Атлантический океан, - устало произнес Локхарт. Этот спор возникал уже не в первый раз.

- Если верны. И откуда мы знаем, что там теперь в Атлантическом океане. Может быть, плавучие города. У кэйлиан ведь были плавучие города...

- То кэйлиане, - возразил Вельо; он, похоже, пребывал в таком состоянии, когда все равно, с кем спорить, лишь бы спорить. - Они же амфибии... были.

Корабль дрогнул, и на тридцать секунд вернулась тяжесть. Это компьютер, запрограммированный Шраммом, дал тормозной импульс для схода с орбиты. Затем опять вернулась невесомость; даже если бы обзорный экран в рубке работал и показывал Землю, визуально астронавтам казалось бы, что ничего не изменилось. Но на самом деле звездолет больше не скользил по бесконечному эллипсу, а падал на планету с пятисоткилометровой высоты. Падал по пока еще пологой траектории, тем не менее, финал отныне был неотвратим: "Добрая воля" была обречена, и существовать ей осталось не более полутора часов.

В отношении остатков ее экипажа никакой уверенности не было.

- Идем в шаттл, - Локхарт поднялся из кресла.

Щелкая гекконитовыми подошвами, позволяющими ходить в невесомости за счет силы Ван-дер-Ваальса, они покинули рубку и двинулись по коридору. Якобсон шел последним, оглядываясь по сторонам. Однако на пороге ангара Локхарт задержался, пропуская остальных вперед.

- Покидаете корабль последним? - понимающе произнес психолог.

- Как положено, - кивнул Локхарт. - Хотя на самом деле ничего возвышенного в этой традиции нет. По морскому праву владельцем брошенного судна становился первый, кто поднимется на его борт. Вот капитан и должен был проследить, чтобы никакой ушлый матрос или пассажир, дождавшись, пока все офицеры покинут корабль, не провозгласил себя его владельцем. Конечно, если корабль все равно тонул, особого значения это не имело, но если он все-таки оставался на плаву, компания-владелец судна не желала получить подобный сюрприз. Не наш случай, да. И случайно забыть кого-то из пяти человек мы тоже не можем. Но все равно, устав велит мне за этим проследить. Хотя, формально говоря, мы все еще остаемся внутри корабля. Но из шаттла мы уже не сможем им управлять.

Само собой, до катастрофы это было возможным.

- А вы, доктор? - продолжал полковник. - Я заметил, как вы смотрите по сторонам. Проверяете, везде ли мы погасили свет?

Это была, разумеется, шутка - никакого смысла отключать все еще работающие системы звездолета не было.

- Мне жаль "Добрую волю", - просто ответил Якобсон. - Все-таки почти семь лет она была нашим домом... хотя кое-кому и казалась тюрьмой, особенно на обратном пути. Но она была хорошим кораблем, и не ее вина, что... В какой-то мере я даже чувствую себя предателем. Она, получившая тяжелые раны, все же спасла нас - хотя бы нас пятерых - а мы обрекаем ее на смерть. Скажете - глупо испытывать такие чувства к неодушевленному предмету?

- Глупо или нет - вам виднее, вы у нас психолог. Лично я летаю с пятнадцати лет... в космосе - с двадцати шести... и у меня никогда не возникало желание одушевлять машины. Или дома́, если уж на то пошло. Мне всегда было легко уходить, даже когда я знал, что это - навсегда. А иначе я бы, очевидно, так и остался на Земле.

- Вы холостяк, - кивнул Якобсон. - А я ради участия в этой экспедиции бросил жену и дочку. Само собой, ведь сделать ребенка может каждый, а вот установить контакт с другой цивилизацией...

- Может быть, они еще живы, - заметил Локхарт.

- Даже если так - что они помнят обо мне через двести с лишним лет? - развел руками доктор. - Самое смешное, что все мои профессиональные знания не позволяют ответить на этот вопрос. В наше время по столько не жили.

- Ладно, доктор. Не знаю как насчет двухсот лет, но если мы хотим пережить ближайшие два часа, нам пора занять места в шаттле.

- Да, конечно. Простите, полковник, я, кажется, и в самом деле попытался переложить на вас свои профессиональные обязанности. Знаете анекдот: психиатр спрашивает у пациента, какая у того профессия. Тот отвечает - "Я психиатр". "А почему вы не поможете себе сами, коллега?" "Я слишком дорого беру!"

Беседуя таким образом, они вошли в ангар, и люк за ними закрылся.

Салон челнока был, разумеется, рассчитан на 32 места, включая пилотское; при этом полному составу экипажа, облаченному в скафандры, здесь было бы тесновато, но подобное неудобство при проектировании сочли вполне приемлемым для полета, длящегося, максимум, несколько десятков минут. Пятеро, однако, могли разместиться здесь более чем просторно. Но Шрамм - теперь, на шаттле, командовал он - велел остальным четверым сесть рядом друг с другом в середине салона.

- Для оптимальной центровки, - понимающе кивнул де Сегюр.

- Да, - ответил пилот, - а еще на случай, если мы начнем кувыркаться. Тогда, чем дальше от центра вращения, тем хуже.

"Если мы начнем кувыркаться вместе с "Доброй волей", нам это не поможет", - подумал Локхарт, но не стал говорить этого вслух. Действительно, такая опасность была серьезной - как поведет себя в атмосфере построенный без всякой мысли об аэродинамике звездолет, сказать определенно, при тех куцых средствах для компьютерного моделирования, которые у них остались, было невозможно. Особенно когда он начнет разрушаться. Изначально маневровые двигатели развернули корабль таким образом, чтобы перегрузка при входе в атмосферу, которая на пике должна была превысить 10g, действовала на сидящих в челноке людей в наиболее комфортном направлении "грудь-спина". В этом положении тренированный человек - а все они поддерживали себя в форме на всем протяжении полета - способен переносить такую перегрузку без вреда для себя несколько минут. Но уже направление "спина-грудь" чревато отслоением сетчатки, "голова-ноги" оставляет мозг без кислорода, а "ноги-голова" - самое худшее для человека направление перегрузки - при 10 g означает не только мгновенную потерю сознания, но и, весьма вероятно, кровоизлияние в мозг. Конечно, противоперегрузочные скафандры будут стараться вовсю, сдавливая тело таким образом, чтобы поддерживать нормальное кровообращение и дыхание, но они обеспечат лишь частичное облегчение. Кресла шаттла, правда, могли поворачиваться так, чтобы поддерживать оптимальное направление перегрузки - но не на 360 градусов. Если бы каждое кресло поместили в этакий отдельный свободно вращающийся шар, это слишком увеличило и утяжелило бы челнок. Его конструкторы предусматривали возможность резких нештатных маневров при посадке, но не кувыркание по всем осям. Тем более - внутри ангара вместе со звездолетом...

Двое оставшихся в живых пилотов, Локхарт и Шрамм, знали это с самого начала, но не говорили остальным. Выбора все равно не было. Более щадящий режим спуска с меньшими

перегрузками не обеспечивал достаточной вероятности, что звездолет разрушится раньше, чем врежется в землю или воду.

Локхарт занял место в середине вместе с остальными, ибо помогать Шрамму при спуске он не мог. Пилотское кресло - панель управления крепилась к его подлокотникам, при необходимости поворачиваясь вместе с ним - было на шаттле только одно. Считалось, что тройного резервирования - основной компьютер, фотонный компьютер и пилот-человек - более чем достаточно, и второй пилот-человек не нужен. Основного компьютера у них больше не было. Фотонный без проблем посадил бы челнок в штатном режиме, но он не был рассчитан на ситуацию, когда из нулевой скорости внутри ангара шаттл внезапно окажется на сверхзвуковой, летящим в нестандартной конфигурации - хорошо если не хвостом вперед - среди обломков звездолета. Потом, когда полет стабилизируется - если Шрамму это удастся - можно будет отдать управление фотонному автопилоту. Но самый опасный и ответственный участок все же придется взять на себя человеку.

Человеку, который в последний раз пилотировал в атмосфере - в реальности, а не на симуляторе - семь лет назад. А без нейроимплантов - вообще никогда.

Но выбора все равно не было. Сам Локхарт был, разумеется, не в лучшем положении, и при этом у Шрамма налет в атмосфере был все-таки больше.

Да, с самого момента катастрофы едва ли не все их действия определялись этой мантрой: "выбора все равно не было". Впрочем, только ли с момента катастрофы? На самом деле выбора у них не было со времени старта. Они были обречены с самого начала этой злосчастной экспедиции, хотя и не знали об этом... Или даже еще раньше - с момента, когда подали заявки на участие? На каждое место на борту претендовали многие сотни желающих, но разве они победили в конкурсе случайно? Разве их победа не была предопределена достижениями каждого из них?

К черту эту философию о свободе воли, одернул себя Локхарт. Он понимал, отчего его тянет на такие мысли: он всегда был человеком практического действия, а вот теперь оказался в роли простого пассажира, вверившего свою жизнь в чужие руки. И все же в самой глубине души он был рад, что ответственность, лежавшая на нем на протяжении всего этого проклятого пути - особенно пути назад - сейчас лежит на ком-то другом. Хотя, скажи ему об этом Якобсон, он, вероятно, стал бы это отрицать.

Шаттл, в отличие от звездолета, не был слеп - у него имелось лобовое стекло, хотя на самом деле, конечно, это было не стекло, а сверхпрочный прозрачный полимер, способный выдержать звездные температуры и прямое попадание бронебойного снаряда (или фрагмента космического мусора, ничуть не менее разрушительного при своей скорости). Но пока что через это окно видна была лишь внутренность ангара. Единственным прибором, сообщавшим полезную информацию - до тех пор, пока челнок не освободится - были теперь часы.

Перегрузка пришла практически в рассчитанное время, навалившись не мгновенно, но быстро. Что ж, стало быть, высоту они вычислили лишь с небольшой погрешностью. Шрамм поспешно - настолько позволяли стремительно тяжелеющие пальцы - ввел эту погрешность в фотонный компьютер. Как все-таки неудобно делать это руками, а не мысленной командой - особенно в таких условиях... К тому моменту, как он закончил с этим, его тело уже весило тонну. Руки превратились в штанги, сердце с трудом проталкивало по сосудам пять литров жидкости, куда больше похожей на ртуть, чем на кровь, а на груди и животе словно уселась футбольная команда, которую приходилось приподнимать всякий раз, чтобы сделать вдох. И это было еще не самым худшим.

Их развернуло - довольно жестко, но в пределах, которые позволяли компенсировать кресла. Затем больше минуты сохранялось устойчивое положение, и оба пилота почти поверили, что буравящий атмосферу корабль все же вошел в аэродинамически равновесную фазу установившегося полета. А затем их начало болтать.

Каждый поворот корпуса на такой скорости воспринимался, как удар о бетонную стену - или, точнее, бетонной стеной. Скафандры и амортизаторы кресел делали, что могли - но при таких резких перепадах направления перегрузки они могли не так уж и много. Кресла отклонялись на максимально предусмотренные углы и бились об ограничители.

В какой-то момент гибнущий звездолет вновь поймал устойчивое положение, но теперь вектор тяжести, даже при полностью отклоненных креслах, был направлен от головы к ногам людей, лишь немного отклоняясь вправо и вперед. Перед глазами у Локхарта все залило чернотой, но сознание пока еще сохранялось. Голова беспомощно упала вперед и вбок, почти коснувшись лбом забрала шлема, щеки, казалось, оттянуло куда-то к плечам, а в нижней части тела - особенно в ногах - несмотря на все компенсационные усилия скафандра, росла тупая боль от давления крови. Полковник не сомневался, что Шрамм тоже уже ничего не видит. Впрочем, к тому моменту, когда корабль разрушится, перегрузка уже должна уменьшиться - но успеет ли Шрамм, особенно если сейчас он все же потеряет сознание, прийти в себя и стабилизировать челнок? Может, все же стоило послушать де Сегюра - еще несколько суток на орбите ничего бы не изменили. Вот именно - ничего... рано или поздно все равно пришлось бы делать то, что они делали сейчас. Даже не имея никакого понятия, что творится на Земле, Локхарт был уверен - помощи извне они бы не дождались. Так что не было смысла откладывать неизбежное - чем бы оно ни кончилось.

Может быть, все эти мучения - лишь для того, чтобы совершить мягкую посадку посреди радиоактивной пустыни. Или прямиком в "серую слизь" нанороботов. Но в любом случае...

Додумать Локхарт не успел. Сознание оставило его за несколько секунд до того, как от звездолета оторвало довольно-таки крупный фрагмент, вновь изменив его аэродинамику. Корабль перекувырнуло на 180 градусов, и кровь, отлившая к ногам, теперь тараном ударила в голову. Люди отправились из блэкаута прямиком в редаут[1], не приходя в сознание.

Шрамм пришел в себя от дикой головной боли. Когда-то он принадлежал к числу счастливчиков, у которых ни разу в жизни не болела голова, и впервые он познакомился с этим состоянием на тренировках как раз во время отрицательных перегрузок. Впрочем, те перегрузки были заметно слабее. Хотя сейчас тоже никак не могло быть минус 10 g, иначе он ни за что бы не очнулся... видимо, корабль все-таки затормозился уже достаточно и теряет скорость не так быстро...

Скорость. Торможение. Давление, разрывавшее его голову, не давало соображать, но в сознание все же пробилась мысль: звездолет должен был разрушиться, пока температура и перегрузка высоки... а значит, скорость - еще велика... если же это не произошло... а может, они уже падают в шаттле?! Какая высота?! Почему ничего не видно?

Затем он сообразил, что красная пелена, затмевающая ему обзор - это не только следствие прилива крови к глазам. Кровью был залит изнутри весь его шлем. Кровью из носа, из ушей... хорошо если не из глаз... Впрочем, лопнувшие сосуды сыграли и свою положительную роль, помогая стравить давление. Шрамм понял, что его руки безвольно висят, вытянутые над головой. С усилием, словно подтягиваясь, он поднес их к голове... с трудом, до и дело промахиваясь пальцами в перчатках - хотя столько раз проделывал это на тренировках - отыскал и повернул защелку и откинул шлем назад. Сквозь все еще заливавший глаза красный туман различил трапециевидный силуэт лобового стекла. За ним была сплошная чернота. Ночь? Нет, какая, к черту, ночь... они должны приземлиться на дневной стороне. Если света нет, значит... значит, они все еще в ангаре. Электричество отрубилось... возможно, и от самого звездолета уже осталось не так много. Но ангар все еще цел и по-прежнему удерживает челнок в плену. Какая высота? Черт побери, какая высота?

В самом челноке электричество работало. Ровно светились индикаторы приборной

[1]Blackout - потеря сознания из-за отлива крови от головы, redout - из-за прилива. Сопровождается потемнением и покраснением перед глазами, соответственно.

панели. Шрамм быстро отыскал взглядом дисплей, на котором отображалась рассчитанная высота - разумеется, рассчитанная лишь предположительно, исходя из времени падения и представления о том, какой должна быть их скорость и траектория... представления, которое при неуправляемом полете на разрушающемся корабле может дать черт знает какую погрешность. Но даже эти данные он так и не смог прочитать: цифры двоились и плавали перед глазами. Можно переключиться на аналоговый режим, эмулирующий циферблат со стрелками, но как это сделать, Шрамм не мог вспомнить. Само собой, в нормальных условиях он проделал бы это мгновенно, но при такой перегрузке и разрывающей череп боли голова совершенно отказывалась соображать. Тогда Шрамм посмотрел на табло секундомера, отсчитывавшего время пикирования - там цифры были крупнее. Понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять: то, что он увидел - много это или мало? Проклятье, кажется, много... они уже должны были освободиться! До земли, то есть воды, в лучшем случае несколько километров - а то и сотни метров! Похоже, план не сработал, ангар оказался слишком прочным - надо вырываться своими силами. Как они расположены? Они тормозят головой вперед, но траектория падения не вертикальная, значит, нос направлен под довольно крутым углом... куда? Вверх или вниз? Вверх или вниз? А, к черту, нет времени думать! Он врубил зажигание маршевых двигателей, но вывел оба РУДа[2] вперед лишь на четверть. Нужно просто протаранить заклинивший люк, а не срываться с места с полной тягой, предназначенной для взлета с планеты - особенно если их нос смотрит все-таки вниз...

Послышался рев, корпус завибрировал, багровый свет озарил погруженный во мрак ангар - но шаттл не двинулся с места. Не задумываясь - некогда! - Шрамм передвинул РУДы вперед до упора. Лишь уже проделав это, он сообразил, что, очевидно, захваты, удерживавшие челнок во время всех его кувырканий, не освободили шаттл из-за нарушения электроснабжения ангара. Хватит ли мощи двигателей, чтобы вырваться из этих объятий, удержавших трехсоттонный челнок при разнонаправленных десятикратных перегрузках? В течение нескольких секунд, показавшихся Шрамму минутами, в стремительно раскаляющемся от хлещущего из дюз пламени ангаре продолжалось противоборство; затем, вероятно, температура ослабила не рассчитанную на такое конструкцию, и шаттл со скрежетом вырвался из захватов, обдирая теплозащитную обшивку. В следующую же долю секунды его нос с легкостью вышиб внешний люк, и в кабину хлынула синева. Но не синева неба, на которую рассчитывал Шрамм, а синева моря. Моря, ставшего стеной впереди и сверху. Шаттл все-таки оказался в положении носом вниз и назад, и теперь вся мощь двигателей, рассчитанных на преодоление планетарной гравитации, вдвое превосходящей земную, швырнула его навстречу совсем уже близкому океану.

Шрамм резко убрал РУДы до нуля, но это уже не могло спасти. До воды оставалось меньше километра - достаточно, чтобы выйти из пике, да еще и перевернутого, на легком самолете, но не на трехсоттонной махине. Если бы ангар, из которого они вырвались, висел в воздухе неподвижно или падал туда же, куда смотрел нос шаттла, спасение было бы невозможно. Однако траектория падения "Доброй воли" (или того, что от нее осталось к этому моменту) была почти перпендикулярной продольной оси челнока, и едва нос шаттла вырвался из ловушки, в него ударил "сверху" мощный поток встречного воздуха. Этот поток развернул нос еще дальше назад, давая Шрамму шанс выполнить полубочку - как все-таки медленно ворочается эта громадина, казавшаяся маленькой лишь в ангаре огромного звездолета! - а затем, все же развернувшись брюхом в сторону земли и летя практически плашмя, при совершенно закритическом угле атаки, снова дать тягу двигателям, перейти из парашютирования в пологое пикирование и, если повезет, все-таки выровняться над самой водой...

И у Шрамма почти получилось.

Почти.

---

[2]Рычаг управления двигателем, регулирует тягу.

Челнок, уже с задранным носом и работающими двигателями, врезался в воду; ему не хватило каких-нибудь двадцати метров. Несколько тонн воды, мгновенно обратившиеся в пар, разорвали дюзы; шаттл подбросило в воздух, а затем он снова рухнул в океан и скрылся под водой - теперь уже навсегда. Рукотворная комета - изувеченный корпус "Доброй воли" с протянувшимся за ним длинным хвостом раскаленных обломков - обрушилась в океан несколькими милями дальше, породив довольно внушительную волну - все же масса корабля составляла сотни тысяч тонн. Вскоре эта волна прокатилась над местом падения шаттла. Мелкие обломки продолжали сыпаться еще в течение нескольких минут. Затем все стихло и успокоилось. Словно самый грандиозный космический корабль и самый величественный международный проект в истории земной цивилизации никогда и не существовал.

Океан выглядел так же, как и за миллион лет до появления человека. Ни единое судно не бороздило его воды; в небе, подернутом дымкой, также не было заметно никаких искусственных аппаратов. Лишь большой серокрылый альбатрос нарезал широкие круги над водой. Нечто привлекло его внимание - и он устремился вниз, туда, где покачивались на воде пять ярких оранжево-бело-желтых предметов. Они были похожи друг на друга, но четыре из них не особо заинтересовали альбатроса - он чувствовал, что они несъедобны. Пятый, однако, источал запах свежего мяса и крови. Альбатрос уселся на его желтую несъедобную часть, приноравливаясь клюнуть розово-красное.

- Кыш, тварь! - Вельо, еще не окончательно пришедший в себя, вяло махнул рукой. Его восклицание так и не вышло за пределы шлема, но жест вынудил птицу недовольно подняться с плеча Шрамма. Альбатрос сделал пару малых кругов, надеясь, что наблюдал последнюю судорогу агонии - но вместо этого четыре плававших в воде несъедобных предмета начали шевелиться все активнее, и хотя единственный интересовавший его пятый по-прежнему не подавал признаков жизни, альбатрос понял, что полакомиться утопленником ему не дадут. Он мог бы возмутиться поведением существ, которые не едят сами и не дают есть другим, но его птичий мозг не был способен давать моральные оценки, поэтому он просто полетел прочь - и вскоре уже был вознагражден, спикировав к воде и вновь взлетев с рыбиной в клюве. После недавнего странного грохота среди совсем не грозового неба всплыло не так уж и мало оглушенной рыбы, так что перспектива остаться голодным альбатросу не грозила.

Астронавты, тяжело откидывая заляпанные кровью шлемы, мутными взглядами окидывали друг друга. Выглядели они ужасно: полностью красные белки глаз, кровавые потеки из носов и ушей, лица, покрытые сеткой лопнувших сосудов. Локхарт зачерпнул рукой в перчатке морскую воду и омыл лицо, машинально отметив, что вода, пожалуй, холодновата для субтропической Атлантики в сентябре. Если, конечно, они действительно приводнились в субтропической Атлантике... Впрочем, сейчас этот холод был только приятен и помогал унять остаточную головную боль.

- Все живы? - хрипло спросил он. - Доложитесь поименно.

Это не было пустой формальностью - если выживший после такой "посадки" помнит собственное имя, это уже хороший признак.

- Луиджи Вельо. Я в порядке.

- Арман де Сегюр. Голова болит, но, полагаю, в целом в порядке.

- Густав Якобсон. У меня, кажется...

- Ох черт, Шрамм! - перебил Вельо доктора, присмотревшись повнимательнее к дрейфовавшему рядом пилоту.

Шрамм не подавал признаков жизни. Автоматическая система спасения благополучно катапультировала его из-под воды вместе с остальными, но она не могла закрыть его шлем. И, хотя раздутый воздухом скафандр удерживал его голову высоко над водой, находившийся без сознания пилот, очевидно, нахлебался воды во время всплытия.

Остальные астронавты подплыли к нему.

- Ох, - бормотал растерянно Якобсон, тщетно пытаясь нащупать пульс на шее пилота, - надо положить его на твердое и выдавить воду из легких, но как это сделать?..

- Спокойно, - велел Локхарт. - Вы трое, приподнимите его и держите горизонтально, чтобы живот был над водой. Лицом вверх, да.

Когда они исполнили это распоряжение, командир поспешно расстегнул большой накладной карман на левом боку Шрамма. Такие карманы были у каждого из них; средства первой помощи, вместе с аварийным запасом пищевых концентратов, находились в правом, но сейчас Локхарту были нужны не они, а инструменты, хранившиеся в левом кармане. Он извлек наружу тонкий электрический щуп, а затем откинул крышку на поясе пилота, под которой прятались системы управления автоматикой скафандра. Они были размещены таким образом, чтобы астронавт при необходимости мог выполнить мелкий ремонт собственного скафандра, но делать это с покачивающимся на волнах чужим телом, плавая рядом с ним самому, было не так-то просто, особенно учитывая, что для задуманного Локхартом требовалась большая точность движений. Времени при этом совсем не было - сколько Шрамм уже провел с водой в легких? Возможно, они уже опоздали...

- Держите его как можно ровнее, - велел командир. Он стянул свою правую перчатку - хотя они и были рассчитаны на высокоточную работу в открытом космосе - и вновь перехватил щуп.

- Что вы хотите сделать? - потерял терпение Вельо.

Локхарт мог бы и не отвечать, но все же процедил сквозь зубы:

- Замкнуть датчик перегрузки...

Датчик нужно было не просто "замкнуть" абы как, а создать у автоматики скафандра впечатление, что на тело вновь действует сильная отрицательная перегрузка. После нескольких тщетных попыток Локхарту это все же удалось. Скафандр раздулся в верхней части, дабы воспрепятствовать притоку лишней крови - это сейчас было совершенно ни к чему, но пульса все равно не было - но, главное, запульсировал, помогая работе легких. Изо рта Шрамма начала выплескиваться вода. Однако пульс и дыхание по-прежнему отсутствовали. Локхарт выдернул щуп.

- Адреналин! - сказал Якобсон.

- Знаю, - ответил Локхарт, разблокируя и нажимая красную кнопку на поясе пилота. Эту возможность конструкторы предусмотрели - прямой впрыск адреналина в сердце без снятия скафандра.

Шрамм дернулся и закашлялся, выхаркивая остатки воды. Остальные приветствовали его возвращение в мир живых радостными восклицаниями.

Еще, наверное, с минуту пилот кашлял и тяжело ворочал налитыми кровью глазами - и, наконец, с трудом прохрипел:

- Зе-эм...

- Да, дружище, - Якобсон положил левую руку ему на плечо, что Шрамм едва ли мог почувствовать сквозь скафандр, - мы на Земле. Вы спасли нас всех.

- Н-н... - замычал пилот, раздраженно мотая головой. Он посмотрел вверх, отыскивая солнце - мутное светлое пятно едва просматривалось сквозь дымку - затем решительно махнул рукой: - Зе-эм... т-т... т-т... - он снова махнул рукой, затем растопырил три пальца.

- Земля в трех милях к западу? - понял Локхарт. Поскольку их головы лишь слегка поднимались над водой, отсюда они могли видеть только океан. Но Шрамм, очевидно, успел разглядеть больше за те краткие мгновения, когда пытался выровнять челнок. Теперь он размашисто кивнул.

Это была, безусловно, хорошая новость. Вероятно, не все из них, радуясь собственному спасению, успели подумать, что могли приводниться посреди открытого океана - но Локхарт успел. Изначальный расчет был на то, что конечная точка траектории окажется вблизи

восточного побережья Северной Америки - но точность этого расчета при тех данных, которыми они располагали... Отклонение могло составить сотни миль. Если бы челнок освободился раньше, это было бы не страшно - его двигатели донесли бы их, куда угодно, и даже в планирующем режиме он мог преодолеть значительное расстояние. Но оказаться в воде вдали от берега, пусть даже в не позволяющем утонуть и замерзнуть скафандре... В этом случае их единственным шансом на спасение была бы помощь извне. Но, хотя передатчики их скафандров уже должны были начать автоматически транслировать сигнал бедствия, Локхарту не верилось, что от этого будет толк. Ему, конечно, очень хотелось верить, но интуиция подсказывала иное. Если на Земле еще было кому им помочь, это действительно должны были сделать еще на орбите...

Так что три мили, которые они смогут проплыть самостоятельно - это очень, очень большая удача.

Что, однако, радовало меньше, так это состояние Шрамма.

- Вы не можете говорить? - уточнил Якобсон.

Пилот, пытаясь опровергнуть очевидное, напрягся так, что на висках набухли жилы - но из его рта вырвалось лишь нечто нечленораздельное.

- Успокойтесь, Гюнтер, - мягко произнес доктор, - это просто временная контузия. Скоро пройдет.

Однако Локхарт, быстро переглянувшись с Якобсоном, понял, что тот так не думает.

- Ну что ж, - сказал командир, - если все пришли в себя, то не будем терять времени. Надеюсь, мы успеем доплыть до берега до темноты. Курс на запад, 2-7-0, - компасы в их шлемах работали.

- Можно подумать, мы можем промахнуться мимо Америки, - буркнул Вельо.

- Это вряд ли, - согласился Локхарт, - но держитесь вместе и не теряйте друг друга из виду.

- Гхм... насчет вместе, - подал вдруг голос Якобсон. - Боюсь, что я буду вас всех задерживать...

- В чем дело, доктор?

- Моя правая рука, - смущенно признался тот. - Кажется, она не работает. И я ее совсем не чувствую.

- Сломана? - спросил де Сегюр.

- Нет, - качнул головой Якобсон. - Тогда бы я чувствовал ее даже слишком хорошо... Боюсь, что сломан в данном случае мой мозг. Точнее, некоторый его участок.

- А правая нога? - поспешно осведомился командир.

- Она в порядке. Это не паралич половины тела. Я смогу идти, если вы об этом. И плыть смогу, но медленно. Вам не стоит всем задерживаться из-за меня. Что со мной случится в этом скафандре? Его видно за много миль. Вы доберетесь до берега и пришлете помощь. Если меня еще раньше не подберут какие-нибудь рыбаки или туристы.

- Мы не знаем, какие нынче рыбаки и туристы, - хмуро заметил Локхарт. - Нет уж, мы все будем держаться вместе. По крайней мере, до тех пор, пока не выясним, что теперь творится на Земле.

- Держитесь за меня, док, - сказал Вельо. - Моими веслами, - он поднял в воздух свои лапищи, - я могу грести за двоих.

И они поплыли. К счастью, море было достаточно спокойным, и им не мешали ветер или течения, но плаванье все равно заняло больше времени, чем надеялся Локхарт - возможно, Шрамм все же недооценил расстояние, или Вельо переоценил свою способность "грести за двоих". Так что, когда они наконец различили вдали полоску пляжа - совершенно голую и пустынную, без единого дерева или строения - солнце уже скрылось за полосой дымки, особенно густой над горизонтом. Тем не менее, даже после того, как последний отсвет заката

истаял, тьма не поглотила море: серебристо-голубоватый лунный свет, рассеянный дымкой, но все равно казавшийся небывало ярким даже для полной Луны в перигее, озарял все вокруг и чертил по воде колеблющуюся дорожку, словно указывая плывущим путь к берегу. Что-то не нравилось Локхарту в этой романтической картине - помимо, разумеется, полного отсутствия огней как на берегу, так и в море - но он не отдавал себе отчета, что именно, и был, как и прочие, слишком занят тем, чтобы грести.

Наконец, спустя еще полтора часа, пятеро усталых человек выбрались на песчаный берег - это были обычные пологие дюны, что тянутся вдоль всего атлантического побережья Северной Америки и выглядят во Флориде так же, как в Канаде, слегка различаясь разве что растительностью. По низкому гребню дюн росли какие-то полузаметенные песком кустики, но даже при свете дня едва ли кто-то из выживших членов команды "Доброй воли" определил бы их видовую принадлежность. Поднявшись к этим кустикам, подальше от кромки прибоя, вымотанные люди разом, без команды, повалились на песок.

- Cazzarola! - выругался Вельо на родном языке, впервые после заката посмотрев в небо.

- М-да, - констатировал Локхарт, только теперь осознавший, что именно ему не нравилось в лунной ночи. За семь лет они отвыкли от земного неба, и все же даже сквозь облачность оно никогда прежде не выглядело так.

Теперь же, после захода солнца, небо прояснилось, исключая лишь полосу над горизонтом, и стало прекрасно видно, что никакой луны на нем нет. Зато через все небо с запада на восток, проходя лишь немного южнее и ниже зенита, тянулась гигантская сияющая арка, непохожая ни на что, когда-либо виденное в земных небесах. Она была тонкой, но более яркой, чем луна.

- Что это такое? - спросил де Сегюр таким тоном, словно обращался к официанту, принесшему ему несвежие устрицы.

- Кольцо, - ответил Локхарт. - Это кольцо.

- Как у Сатурна? - казалось, де Сегюр сейчас потребует "уберите это немедленно!"

- Скорее как у Кэйли, - мрачно ответил командир.

- Неужели все-таки и у нас... - произнес Якобсон, и в его всегда спокойном и доброжелательном голосе впервые послышалось настоящее отчаяние.

- Не думаю, что это обломки спутников, - сказал Локхарт, подумав. - Оно слишком яркое. Пока что, правда, мы не знаем, на какой оно высоте... но мне представляется, что его суммарная масса должна быть на порядки больше, чем можно ожидать от спутников.

- И нам чертовски повезло, что мы не столкнулись с ним, пока крутились вокруг Земли вслепую, - заметил Вельо.

- А может быть, это искусственное сооружение? - предположил с надеждой Якобсон. - В смысле, не обломки, а действующее. Скажем, для освещения Земли в ночное время.

- Вряд ли, - возразил Локхарт. - Куда эффективнее было бы вывести на низкую орбиту отдельные зеркала, чем создавать такую сплошную штуку, от которой при этом света все равно недостаточно. Можно, конечно, создать сплошное кольцо из космических станций, но зачем они нужны в таком количестве? Ведь не переселились же все люди в космос.

- Может, и переселились, - буркнул де Сегюр. - Пока, по крайней мере, на Земле мы не встретили никаких признаков жизни. Я имею в виду, разумной.

- Но и признаков смерти тоже, - заметил Якобсон. - Радиационный фон в норме. И никакие нанороботы нас пока что не съели.

- Ключевое слово - "пока", - пробормотал Локхарт, адресуясь то ли к де Сегюру, то ли к Якобсону, то ли к обоим сразу.

- А если это Луна? - предположил вдруг Вельо. - Если у них тут что-то случилось с Луной? Ее нигде не видно.

- Вероятно, она сейчас просто за горизонтом, - возразил командир. - Никто ведь не

поинтересовался, какая сейчас должна быть фаза и время восхода?

Действительно, никому из них не приходило это в голову, пока это было возможно сделать на корабле. Даже Шрамм промычал отрицательно. Компьютер, рассчитывавший финальный участок их траектории, проложил курс так, что положение и гравитационное поле Луны никак им не мешало, и людям этого было достаточно.

- Но, с другой стороны, - продолжал Локхарт, - если предположить, что Луна действительно разрушена... тем или иным образом... последствия для Земли могли быть весьма серьезными. Особенно если это было неконтролируемое разрушение. Падение крупных обломков... это могло быть куда хуже ядерной войны, хотя и без радиации.

- А вы думаете, люди могли разрушить Луну контролируемо? - спросил де Сегюр. - Не спрашиваю, как, но - зачем?

- Кто знает? - откликнулся полковник. - Не забывайте, прошло больше двухсот лет.

- Ладно, что бы это ни было, утро вечера мудренее, - решительно заявил Вельо. - Не похоже, чтобы кто-то здесь собирался подать нам кьянти, так что давайте перекусим нашим НЗ и спать.

- Согласен, - кивнул Локхарт. - Но мы должны выставить часовых. Вахты по полтора часа. Шрамм, вы в состоянии? Сможете нас разбудить, если что? (Пилот промычал утвердительно.) А вы, доктор Якобсон?

- Да, конечно, - откликнулся доктор. - Правда, у нас все равно нет оружия...

Оружия на "Доброй воле" действительно не было - даже пистолетов, обычно выдававшихся астронавтам на случай вынужденной посадки в неподходящей местности. Организаторы миссии настояли, что у кэйлиан не должно возникнуть и тени сомнения в совершенном миролюбии гостей. Тем более что в случае конфликта от целой планеты все равно не отбиться, а, скажем, от когтей и зубов хищника при той же вынужденной посадке скафандр в состоянии защитить (если, конечно, этот хищник не размером с тираннозавра, но от такого не поможет и пистолет). Тем не менее, ножи в аварийный набор все же входили, о чем Локхарт и напомнил.

- И, в любом случае, предупрежден - значит вооружен, - продолжил он. - Есть доброволец в первую смену?

Таковых не нашлось; все чертовски устали.

- Де Сегюр, вы, - распорядился полковник. - Затем Вельо. Затем я. Затем Якобсон и последний Шрамм.

Локхарт специально выбрал время бодрствования около полуночи - он хотел произвести кое-какие наблюдения и измерения, насколько это позволяла визирная шкала в шлеме. В том, что, хотя радиооборудование скафандров и уцелело, системы геопозиционирования не принимают никаких сигналов, они убедились сразу. Само по себе это ничего не доказывало - кто сказал, что стандартные частоты не могли поменяться за двести с лишним лет. Впрочем, приемники их скафандров не могли поймать вообще никаких передач. Что тоже еще ничего не значило - мало ли как изменились технологии связи... да-да, именно так они и рассуждали, подлетая к Кэйли.

Во всяком случае, часы в шлемах исправно работали, и лингвист разбудил командира в предписанное время. Все было спокойно; в небе сияли привычные земные звезды - там, где их не затмевал свет Кольца. Никаких других огней - ни на небе, ни в море - как и за время предыдущих дежурств, заметно не было.

Полтора часа спустя Локхарт разбудил Якобсона.

- А? - вскинулся со сна тот. - Тревога?

- Нет, все в порядке. Тише, доктор, не разбудите остальных. Мне нужно с вами поговорить. Давайте отойдем чуть в сторону.

Два человека прошли с десяток метров по гребню дюны. Со стороны, противоположной

морю, за широкой полосой песка темнела трава и какие-то невысокие заросли. Никаких следов цивилизации.

Полковник развернулся так, чтобы не терять из вида троих спящих. Доктор, стоя лицом к нему, мог, напротив, видеть, что творится за спиной командира. Ни там, ни там, впрочем, ничто по-прежнему не нарушало спокойствия ночи.

- Как ваша рука? - спросил Локхарт.

- Все так же, - спокойно ответил доктор. - Это кровоизлияние в мозг, сомнений нет. Само не пройдет. Тут нужны серьезные регенеративные процедуры с применением соответствующего оборудования... Мне ужасно повезло, что я левша, - доктор попытался улыбнуться.

- А у Шрамма тоже?

- С ним все может быть еще хуже. Он ведь подвергся не только перегрузке. Неизвестно, как быстро мы пришли в себя и как долго его мозг пробыл без кислорода... возможно, пострадал не только центр речи. Он вроде бы ведет себя адекватно, по крайней мере, не превратился в овоща, как это называют в бульварной прессе... но его интеллекту, памяти, способности к обучению мог быть нанесен серьезный урон. Точнее я сейчас не могу сказать, тут нужно комплексное обследование... и, по большому счету, не только ему.

- Что вы имеете в виду? Остальные в порядке.

- То есть это нам так кажется. А что там на самом деле творится внутри... Если бы наши нейроимпланты работали, они бы дали нам исчерпывающую диагностику, но увы. Видите ли, человеческий мозг - очень хитрая штука. С одной стороны, у него колоссальные запасы надежности. Пастер, к примеру, сделал свои главные открытия уже после того, как кровоизлияние в мозг фактически уничтожило одно полушарие. Медицина знает примеры людей, которые прожили всю жизнь с пулей или обломком копья в голове, причем ни они, ни окружающие даже не догадывались об этом. Они думали, что у них была лишь поверхностная рана, которая затянулась, и на этом все кончилось... А с другой стороны, иногда самое ничтожное повреждение может повлечь самые серьезные и, хуже того, непредсказуемые последствия. От тромба, который может в любой момент оторваться и привести к смерти, до самых разнообразных психических и психиатрических феноменов. Причем сам пациент может не отдавать себе в этом отчета...

- Галлюцинации, например?

- В том числе.

- Стало быть, из отряда суперменов - лучших из лучших, отобранных со всей Земли - мы превратились в инвалидную команду, - констатировал полковник. - Причем даже дважды: сначала нам выжгло импланты, а теперь и наши биологические мозги получили невесть какие повреждения... Но ведь вы не думаете, что это - галлюцинация? - он показал вверх.

Сияющая небесная арка изменилась. Теперь в середине ее - точнее, уже ближе к западу - зиял разрыв со смазанными, красновато-коричневыми краями.

- Что это? - удивился Якобсон. - Кольцо с дыркой? А, да, - сообразил он. - Это, очевидно, тень Земли?

- Да. Я измерил ее протяженность, когда она была прямо над нами. Немного меньше двадцати градусов дуги. С учетом того, что остается чуть больше недели до осеннего равноденствия, это означает, что кольцо находится примерно на высоте геостационарной орбиты. Подозреваю, что точные измерения показали бы, что даже и не "примерно"... То есть это на порядок ближе, чем Луна, и едва ли может быть ее останками. Кроме того, исходя из расстояния и яркости, у этой штуки весьма высокое альбедо. Явно выше, чем у камней Луны или, допустим, какого-нибудь астероида.

- Металл? Вы думаете, это все же искусственное сооружение? Если геостационарная орбита...

- Такая орбита наводит на эту мысль. Но размеры и предполагаемая масса... это должно

быть нечто чудовищное. По-прежнему не думаю, что это могут быть обломки спутников - хоть военных, хоть бытовых. Но некоторые гипотезы у меня есть. Например - гигантский ускоритель частиц. Или Кольцо все же может иметь естественную природу. Так сверкать может не только металл, но и лед. Допустим, это останки крупной ледяной кометы, которая должна была столкнуться с Землей, но была разрушена на орбите. Правда, такое могло произойти лишь совсем недавно. На таком расстоянии от Солнца лед в открытом космосе испарился бы очень быстро - месяцы, максимум годы.

- Значит, по-вашему, с нашей цивилизацией все в порядке? Если она строит такие ускорители и отражает угрозы из космоса.

- Не знаю, - качнул головой Локхарт. - Если это был грандиозный физический эксперимент, то он мог пройти неудачно. А у эксперимента таких масштабов и последствия соответствующие. А какие-то куски кометы могли все же упасть на Землю. Достаточно большие, чтобы... В общем, то, что мы видим, может быть и надгробным памятником человечеству.

- Но, во всяком случае, не галлюцинацией, - вернулся к предыдущей теме Якобсон. - Не у всех пятерых сразу.

- Вот и я о том же. Далее, я определил по звездам нашу широту. Кстати, подтвердилось, что Кольцо лежит в экваториальной плоскости... Мы где-то между 25 и 27 градусом северной широты. Если мы упали в Атлантику, то это Флорида или Багамы. Но если мы грохнулись в Мексиканский залив - что маловероятно, но возможно - тогда это Тэксас или Мексика. Ну или, точнее, то, что называлось так в наше время. Есть, правда, еще одна возможность. Это может быть земля, которой в нашу эпоху просто не было.

- Созданная искусственно?

- Или возникшая в результате катастрофы... Вас ничего не смущает в нашей широте?

- А должно? Мы ведь и рассчитывали приземлиться где-то в тропиках.

- Здесь холодновато для тропиков.

Доктор покосился на шлемный термометр.

- Действительно, +12 по Цельсию... В скафандре совсем не чувствуешь, даже когда лицо открыто. Да и я, признаться, не привычен к жаре... фактически я в этих широтах впервые оказался только перед нашим отлетом... Но везде могут быть аномально холодные ночи. Или что вы хотите сказать?

- Что, вполне возможно, на Земле произошли некие грандиозные изменения. Климатические. Может быть, геологические и географические. И бог весть какие еще. Совсем не обязательно они были следствием мировой войны. Но их последствия могли оказаться ничуть не лучше.

Якобсон ничего не ответил.

- Я, конечно, понимаю, - добавил полковник, - что нам всем необходимо обследование в оборудованном стационаре и, вероятно, лечение - как минимум, инсталляция новых имплантов. Но если окажется, что в ближайшее время это невозможно, вы можете провести какие-то тесты в полевых условиях? Если у кого-то из нас имеются серьезные нарушения психики, я должен знать об этом заранее. В том числе, - усмехнулся Локхарт, - если этим кем-то окажусь я сам.

- Да, конечно, - ответил Якобсон. - Простые психологические тесты не требуют никакого оборудования. Если хотите, я займусь этим завтра.

- Да, займитесь с утра, прежде чем мы двинемся куда-то дальше... Ну ладно, - Локхарт двинулся обратно к спящим. - Заступайте на вахту, доктор, и смотрите в оба. Пока нас никто не потревожил, но это пока. И вот еще что. Через полтора часа разбудите не Шрамма, а снова меня.

Остаток ночи прошел без приключений. С утра Шрамм, кажется, пытался выразить неудовольствие тем, что его не разбудили на вахту, но Локхарт сказал, что таково было предписание доктора. После завтрака очередной порцией концентратов Якобсон приступил к своим тестам, начав со Шрамма и закончив Локхартом; в общей сложности это заняло около

двух с половиной часов.

- Итак, доктор? - осведомился полковник после окончания процедуры. Психолог устроил свой временный "кабинет" на пляже в паре десятков метров от их стоянки; в левой руке у него все еще была палочка, которой он чертил картинки на плотном сыром песке.

- Как я и предполагал, хуже всего дела обстоят со Шраммом. Остальные, вероятно, легко отделались.

- Вероятно?

- Я не обнаружил заметных нарушений когнитивных способностей у вас и двух других, но вы же понимаете, что это было довольно поверхностное тестирование. Вполне возможны локальные провалы в памяти или, хуже того, замещение их ложной памятью. Выявить таковое, не зная, как обстояли дела в действительности...

- Ясно. Ну, по крайней мере, едва ли мы все забыли или ложно вообразили себе одно и то же. Так что со Шраммом?

- Как я и опасался, поражен не только речевой центр, - нахмурился Якобсон. - Его интегрированный коэффициент интеллекта сейчас порядка 85. А было 145.

- Почти в два раза, - качнул головой командир.

- Формально говоря, это еще не умственная отсталость. Это считается нижней границей нормы. Но, сами понимаете, интеллектуальные сферы деятельности ему уже недоступны, на профессиональном уровне, я имею в виду. Работа пилота в том числе...

- Подозреваю, что в ближайшее время это будет не самая нужная нам работа, - мрачно констатировал Локхарт.

- Имеются серьезные проблемы с памятью и способностью к обучению, - продолжал доктор. - Правда, это в основном касается второй сигнальной системы. Абстрактное мышление, вербальные функции. А вот кинестетические функции по-прежнему хорошо развиты. Можно даже ожидать некоторого их усиления в порядке компенсаторного механизма...

- То есть он теперь сможет хорошо играть в футбол, - невесело усмехнулся полковник. - Хотя, насколько я знаю, этим он никогда не увлекался. Полеты были для него всем. Двукратный чемпион мира по высшему пилотажу...

- Да, я знаю. Но теперь его личность претерпела... значительные изменения, - возразил доктор. - Которые со временем, вероятно, будут прогрессировать. Я имею в виду не снижение интеллекта само по себе. Весь склад характера. Он становится более грубым, даже, возможно, жестоким...

- Ближе к животному, - кивнул Локхарт.

- Вообще-то самое жестокое животное - это как раз человек...

- Он может представлять для нас опасность?

- Так вопрос не стоит. Во всяком случае, пока. Он предан команде. Возможно, теперь даже больше, чем прежде. То есть я, конечно, не хочу сказать, что он прежде был нелоялен...

- Но раньше это была лояльность и дисциплина человека и офицера, а теперь - преданность пса. Так?

- Ну... если выражаться не буквально, а метафорически... если угодно, да. Прежде он бы выполнил ваш приказ даже в случае несогласия - но в любом случае стал бы его анализировать. А сейчас кинется в бой, не рассуждая. С другой стороны, если он почувствует, что обижен, то переубедить его рациональными доводами будет практически невозможно.

- И как нам надлежит с ним обходиться, чтобы не обидеть?

- По возможности - никак не показывая, что мы обходимся с ним каким-то особым образом. Но, как вы понимаете, когда вы демонстративно пытаетесь подчеркнуть, что ничего не случилось, это тоже имеет обратный эффект.

- М-да.

- В принципе то, что сейчас он практически не может разговаривать, облегчает задачу.

- А писать и читать он может?

- Писать может, но с ошибками. Читать - короткие простые тексты. Длинные, вероятно, будут вызывать у него утомление и раздражение, возможно - головную боль. Как и любая интеллектуальная задача, требующая напряжения или длительной сосредоточенности.

- Есть шансы, что его мозговые функции восстановятся? Хотя бы частично?

- Без высоких технологий? Пораженные области, очевидно, восстановиться не смогут. Но, как я уже говорил, мозг - очень хитрая штука, и компенсаторные механизмы иногда творят чудеса. Боюсь, впрочем, что прежним он уже в любом случае не будет.

Двое вернулись к остальным. При свете дня с низкого гребня дюны по-прежнему не видно было никаких признаков цивилизации. На запад уходила равнина, заросшая высокой - вероятно, где-то по пояс - травой; за широкой полосой сплошной травы виднелись одинокие раскидистые деревья, дальше к горизонту учащавшиеся и смыкавшиеся, возможно, в протянувшуюся вдоль берега рощицу, а может - и в сплошной непроходимый лес, уходящий на десятки километров вглубь континента. Листва в основном была зеленой, но кое-где среди крон уже проглядывали необычные для Флориды желтые и рыжие осенние пятна.

- Ни одной пальмы, - мрачно заметил Локхарт, окидывая взглядом все это растительное царство.

- Да, - согласился де Сегюр, - я, конечно, не ботаник, но это скорее растительность умеренных широт.

- Выходит, нынешняя прохлада - это не временная аномалия, - констатировал командир (солнце вовсю светило с ясного неба, но температура все еще едва поднялась до +16 по Цельсию). - Климат действительно стал холоднее.

- Ну уж не настолько, чтобы человечество вымерло! - фыркнул Вельо.

- Мы не знаем, что творится в более высоких широтах, - заметил де Сегюр.

- Если бы там творилось что-то совсем скверное, народ массово мигрировал бы в эти края, - возразил Вельо. - Что-то я не наблюдаю, чтобы тут все было застроено.

- Пойдем на юг вдоль берега, - принял решение Локхарт. - Если здесь есть хоть какие-то поселения, больше шансов наткнуться на них возле океана. Будь то фешенебельный курорт, порт или рыбацкая деревушка.

Идти как по рыхлому песку, так и через высокую траву было неудобно, поэтому они отправились в путь вдоль самой кромки прибоя, там, где песок был сырым и плотным; подошвы скафандровых ботинок оставляли на нем рубчатые следы, практически такие же, как те, что более трех столетий назад оставили первые люди на Луне. Но, в отличие от тех, обреченных сохраняться в безвоздушном покое мертвого мира миллионы лет, эти уже спустя пару минут слизывал длинный белый язык очередной волны.

Пляж был совершенно пустынным; если волны когда-либо и выносили на этот берег рукотворные предметы, то их, как видно, давным-давно уже унесло обратно или поглотило песком. Лишь торопливо бегали, выхватывая что-то микроскопическое из выдыхающейся пены, маленькие кулички, да серые песчаные крабы поспешно прятались в норки при приближении людей. Солнце поднималось над морем все выше, но его свет оставался нежарким. В ясном голубом небе уже не так ярко, как ночью, но по-прежнему вполне различимо белела тонкая полоска Кольца. Теперь цветом и яркостью она походила на облако или на свежий инверсионный след самолета - но, увы, настоящих инверсионных следов не было нигде. Если бы не Кольцо, легко было бы поверить, что астронавты вернулись назад не только в пространстве, но и во времени, в эпоху, когда Земля еще не знала бремени человека.

Они шли так около часа, пока береговая линия, прежде тянувшаяся практически прямо, не свернула резко вправо, образуя полукруглую бухту. И здесь они, наконец, увидели поселение.

Это был определенно не курорт и не портовый город, а именно что рыбачья деревушка, изогнувшаяся подковой вдоль берега. Несколько лодок лежали на песке, еще пара одномачтовых

суденышек покрупнее виднелись в воде у линии прибоя; на длинных деревянных рамах сушились сети.

Однако это зрелище не принесло радости астронавтам. Даже с расстояния немногим более полумили они разглядели обугленные стены, провалившиеся крыши и оголившиеся балки, торчащие из развалин, словно кости разложившегося трупа. Большинство одноэтажных домов, обращенных к бухте, выгорело, и, судя по всему, жители не пытались ни сопротивляться пожару, ни отстроиться заново после него. Со стороны злосчастного селения не доносилось ни звука и не было заметно никакого движения.

Тем не менее, астронавты поспешили туда, невольно ускоряя шаг, так что до окраины деревни они добрались практически бегом. Чтобы лишний раз убедиться, что спешить было некуда и незачем.

Селение не просто выгорело почти полностью. Пожар, уничтоживший его, не был роковой случайностью, да и не мог ею быть - дома располагались достаточно просторно, и естественным путем, даже при отсутствии всякого противодействия жителей, огонь едва ли смог бы перекидываться с одного на другой. Но об истинной причине гибели деревни наглядно говорили уже пробитые днища лодок (в том числе и тех, что находились в воде - фактически они были затоплены, из волн торчали только мачты) и размашисто располосованные сети. Шрамм, внезапно наклонившись, вытащил из песка нечто вроде сломанного мачете, покрутил его в руке и, ухмыляясь, сделал несколько выпадов этим оружием. Даже и обломанный, этот клинок выглядел внушительнее, чем ножи из аварийного набора астронавтов - но, очевидно, был сделан из худшей стали, доказательством чему служило его нынешнее состояние. Локхарт заметил это вслух, но Шрамм все же попытался пристроить клинок на пояс скафандра, а когда это не удалось, понес его в руке. Полковник хотел приказать ему бросить эту железяку, но, вспомнив слова Якобсона, не стал настаивать. В конце концов, если из-за ближайшего дома, зияющего пустыми окнами, на них сейчас кто-нибудь выскочит, возможно, и такое оружие лишним не будет.

Но выскакивать, похоже, никто не собирался. Астронавты медленно двинулись прочь от берега по улице между обугленными развалинами. "Есть кто живой?!" - зычно крикнул Вельо. Локхарт запоздало подумал, что, возможно, им не следовало бы привлекать внимание. У них нет оружия серьезнее ножей - с которыми к тому же никто из них не учился обращаться именно как с оружием - а на деревню, вероятно, напал не такой уж маленький отряд, раз жители не смогли отбиться. Впрочем, хотя запах отсыревшей гари все еще чувствовался, все это явно произошло уже много дней назад, и вряд ли в развалинах до сих пор кто-то прячется...

Словно желая опровергнуть его мысль, в густой тени черного полуразвалившегося дома что-то зашуршало и метнулось вбок. Астронавты резко обернулись, но тревога была ложной. Это оказался всего лишь пес - являвший собой почти столь же жалкое зрелище, что и сожженная деревня. Облезлый, с лишаем во весь бок, на тонких дрожащих ногах; уцелевшая шерсть топорщилась клочками, на левом глазу синело бельмо. Зрячим глазом он с опаской косил на непрошеных гостей.

В зубах пес держал кусок частично горелого, частично гнилого мяса - в котором, однако, трудно было не опознать оторванную кисть человеческой руки с вяло болтавшимися пальцами.

- Вот черт... - пробормотал Вельо.

Локхарт сделал несколько шагов вперед, опасливо косясь на все еще нависавшие над пепелищем останки крыши. Собака испуганно шарахнулась в сторону, еще крепче зажав в зубах свою добычу - отчего один из пальцев отвалился и упал на землю. Полковник посмотрел под ноги, на нечто черное и практически бесформенное среди головешек и мусора. Из обугленных лохмотьев выпирали оголившиеся ребра. При таком состоянии трупа трудно было установить даже, было ли это когда-то мужчиной или женщиной. Взгляд Локхарта задержался на миг на зубах почерневшего черепа. Они были в полном порядке - должно быть, погибший был совсем

еще молод.

- Здесь, наверное, хватает мертвецов, - мрачно произнес де Сегюр. - Все, кто не успел убежать.

- Кому понадобилось уничтожать мирную рыбачью деревню? - возмущенно воскликнул Якобсон.

- Кому-то, выходит, понадобилось... - пробормотал Локхарт, возвращаясь на улицу. Он подумал о том, насколько они хорошо заметны в своих ярких оранжево-желто-белых скафандрах, специально спроектированных так, чтобы максимально облегчить спасателям задачу поиска. Может быть, стоит вымазаться сажей? Да нет, на открытом пространстве они все равно будут бросаться в глаза...

Они пошли дальше по уводившей прочь от берега улице мертвой деревни, настороженно оглядываясь по сторонам.

- Немощеные улицы, ни машин, ни дорожных знаков, ни фонарей, никаких следов техники снаружи или в домах, - констатировал Вельо то, что и так было уже очевидно всем.

- Я бы все же не спешил с выводами, - заметил, тем не менее, Якобсон. - И в наше время были люди, отвергавшие технический прогресс. Какие-нибудь, к примеру, амиши...

- Амиши жили в северных штатах, а не здесь, - возразил командир.

- Я говорю - к примеру. Мало ли какая коммуна или секта... тем более, если климат изменился, то и северяне могли мигрировать сюда...

- Допустим, на некую коммуну, религиозную или иную, напали еще какие-нибудь фанатики и устроили все это побоище. Ну и? - произнес Локхарт уже не без раздражения. - Через несколько часов здесь все было бы оцеплено полицией, а вокруг ограждения толпились бы репортеры. Через несколько дней, после, разумеется, вывоза всех тел и окончания работы следователей и спасателей, здесь была бы стройплощадка. Еще спустя пару недель - либо отстроенная заново деревня, либо, что более вероятно, мемориал... Не надо обманывать себя. Цивилизации в этой стране больше не существует. А если так, ее, скорее всего, не существует и на этой планете.

- Но, по крайней мере, люди не вымерли, и это уже что-то, - не сдавался доктор. - Того же, что на Кэйли, здесь не случилось. А из средневековья... даже если мир действительно откатился туда... человечество однажды уже выбиралось.

- Не факт, что это получится сделать снова, - покачал головой де Сегюр. - Когда люди поднимались от средневекового уровня в прошлый раз, в их распоряжении были легкодоступные ресурсы. Нефть, богатые руды у самой поверхности и все такое. Мы все это израсходовали. Теперь добыча ресурсов требует высоких технологий, которые невозможно восстановить без этих ресурсов. Замкнутый круг.

- Не все израсходовано безвозвратно, - возразил Якобсон. - Прошло, в худшем случае, два столетия. Многое должно было сохраниться. Многое, наверное, можно восстановить.

- Если будет кому восстанавливать, - скривился де Сегюр, кивая на то, что лежало в пыли впереди. Это был еще один полуразложившийся труп, на сей раз валявшийся прямо посреди дороги и явно женский. Селянка, очевидно, не пострадала в пожаре и пыталась спастись бегством; ей удалось добежать уже до окраины деревни, где ее настигла стрела в спину. Ветер с моря бесстыдно задрал лохмотья ее разорванной юбки; в гнилых ягодицах и промежности копошились черви.

Шрамм наклонился над трупом, выдернул стрелу и деловито осмотрел наконечник. Локхарт без энтузиазма присоединился к этому занятию, буркнув: "Осторожнее, майор, не пораньтесь, там трупный яд."

- Огнестрельное оружие, очевидно, забыто, - констатировал Вельо.

- Да, - вынужден был согласиться Локхарт. - И эта стрела явно не из спортивного магазина. Изготовление определенно кустарное.

- Но скафандр, как я понимаю, такая не пробьет, - предпочел уточнить Якобсон.

- Не должна. Даже при выстреле в упор. Хотя синяк останется, - ответил полковник. - Майор, выбросьте это. Все равно у нас нет лука, а если бы и был - никто из нас не умеет им пользоваться.

Шрамм с неохотой переломил стрелу - очевидно, чтобы не досталась врагам - и бросил обломки на дорогу. Астронавты двинулись дальше - и тут же ускорили шаг, оказавшись с подветренной стороны от трупа. Де Сегюр решительно надел шлем. Локхарт запоздало подумал, что им вообще не следовало снимать шлемы - разве что протереть их от крови и тут же снова надеть. Неизвестно, какую заразу можно подцепить теперь в воздухе родной планеты... впрочем, сейчас уже, вероятно, поздно. Хотя лекарства, входящие в аварийный набор каждого из них, способны справиться с любой инфекцией средневековья - даже с оспой, которая была полностью уничтожена еще в XX столетии. Да, сейчас их аптечки ценнее всех сокровищ местных монархов - если, конечно, здесь имеются монархи... Однако кто сказал, что за прошедшие века не появилась какая-нибудь совсем новая и оригинальная дрянь - и что именно она не ответственна за нынешнее положение дел? Все же они непростительно расслабились после своего чудесного спасения... И в первую очередь, конечно же, он, как командир. Вся ответственность по-прежнему на нем. Его миссия не закончилась после посадки - если, конечно, это можно назвать посадкой - и закончится ли она теперь когда-нибудь вообще?

Похоже, что теперь он отвечает за своих людей до конца жизни. Их и своей. Поскольку, очевидно, его начальство, равно как и любые законные правопреемники такового, более не существуют, снять с него эту ответственность некому.

А как было бы здорово, если бы оказалось, что они просто-напросто приземлились на съемочной площадке исторического фильма. Что все это - просто гигантская декорация, на которую еще не прибыла съемочная группа. Хотя, конечно, уже в его время никто не строил декораций и почти не снимал натурных сцен, исключая самые тривиальные - все делалось средствами компьютерного моделирования. Но кто знает, какие причуды моды возможны спустя два столетия... может быть, в кинематографии тоже появились свои амиши... Но - нет. Деревня могла быть и декорацией. Но трупы были реальными. Собака не стала бы жрать резиновую имитацию. И черви... и эта вонь... Нечего обманывать себя, он ведь сам это сказал.

Локхарт заметил, что его спутники поглядывают на него, ожидая, как видно, указаний. Ну да, правильно. Он все еще командир, и ему принимать решения. Его предыдущее решение было - идти вдоль берега на юг. Но сейчас они идут на запад, удаляясь от берега. Деревенская улица превратилась в дорогу, ныряющую в лес впереди - где, вероятно, надеялась укрыться та несчастная и где, возможно, укрылись ее более удачливые односельчане... а может, и не только они. Стоит ли вернуться и продолжать путь по берегу - или идти туда, куда ведет эта дорога?

- Наденьте шлемы, - скомандовал Локхарт. Защищаться от возможной заразы уже поздно, но от стрелы в голову они сохранят. - Мы идем через лес.

Они пересекли обильно заросшую травой открытую местность и нырнули под кроны деревьев. Здесь, впрочем, трава тоже росла гуще, чем обычно в американских лесах - кругом была сплошная зелень, коричневая земля нигде не проступала между стволами. Бурой была лишь лента дороги с продавленными колеями от узких тележных колес и видневшимися кое-где пятнами давно уже засохшего и растоптанного лошадиного навоза. Локхарт разбирался в ботанике не больше, чем де Сегюр - тем более что сам он прожил бо́льшую часть своей жизни на американском юге и практически не бывал в лесах умеренных широт, так что из деревьев он мог опознать разве что клен и дуб, и то без уточнения конкретного вида. Тем не менее, когда отряд достаточно углубился в чащу, полковник обратил внимание, что деревья стали толще и выше, чем это казалось с опушки. Могли ли такие стволы вымахать всего за два столетия - или даже меньше, ведь неизвестно, когда начал меняться климат, и едва ли эта перемена была мгновенной? Ну, видимо, могли, раз выросли. Едва ли столь обширный лес мог быть, к примеру,

одичавшим ботаническим садом...

- Прямо как в фильмах о Робине Худе, - усмехнулся Вельо, словно прочитав мысли командира.

- Вот только разбойники, если они здесь есть, едва ли окажутся благородными, - откликнулся тот, бросая цепкие взгляды по сторонам.

- Да они, в общем-то, никогда и не были, - подал голос де Сегюр. - Слово "благородный" тогда означало всего лишь дворянское происхождение. Так называемый благородный разбойник - это просто дворянин, вышедший на большую дорогу из-за безденежья. Чаше всего - младший сын, поскольку по закону о майорате все имение наследовал старший. Ну или просто разорившийся, промотавший, утративший имение в результате войны. Никакими высокими моральными качествами такие господа обыкновенно не отличались. Ничуть не большими, чем разбойники самые обыкновенные. Возможно, даже и меньшими, если чувствовали себя несправедливо обиженными судьбой.

- Насколько хорошо вы знаете историю средневековья? - спросил вдруг Локхарт. Он, конечно, знал - как и все на борту "Доброй воли" - что де Сегюр происходит из самого настоящего старинного графского рода, но, хотя в манерах дипломата и присутствовала определенная чопорность, ее скорее можно было приписать его профессии, нежели происхождению. Де Сегюр всегда держался как человек вполне современный и не склонный к архаике.

- Не так хорошо, как серьезные историки, но, как говорится, положение обязывает, - ответил француз. - Я имею в виду не только историю моего собственного рода. Это вообще была достаточно интересная эпоха, в том числе и с точки зрения становления европейской дипломатии. Но я хотел бы предостеречь вас от прямых аналогий. То, что на Земле - или, по крайней мере, в этих краях - произошел значительный технологический откат, совсем не означает, что мир вернулся в то самое средневековье, каким мы его знали. Современная политическая система может быть весьма причудливой смесью разных эпох и стилей - или даже чем-то вообще ни на что не похожим. Военная диктатура, может быть, даже рабовладельческая, но с сохранением формальной атрибутики американской демократии; кастовое общество индийского типа под тибетскими свастиками с китайцами во главе; анархический коммунизм; экуменический религиозный социализм с пантеоном из Будды, Христа и Маркса; исламская теократия победившего джихада; наконец, обыкновенные банды, конкурирующие друг с другом - это, впрочем, как раз ближе всего к классическому раннему феодализму... словом, все, что угодно. Причем в разных местах разное. И то, что мы не обнаружили никаких следов техники в сожженной деревне, тоже еще ни о чем не говорит. Возможно, в городах - хотя бы в некоторых - техника есть. Не такая, очевидно, совершенная, как наша, но, скажем, паровые машины... может быть, даже и электричество на уровне XIX столетия. Ведь, действительно, если хоть какие-то люди выжили, многие знания прошлого должны были сохраниться - если не в виде чертежей, то хотя бы в виде общей идеи. Идеи, которую талантливые механики - пусть даже самоучки - могли вновь довести до практической реализации, даже без всякой нефти и высоколегированных сплавов.

- Конец XXIII столетия... parbleu! - выругался Вельо на сей раз по-французски. - Впрочем, если они действительно откатились не раньше XIX века, то это, конечно, упрощает нашу задачу.

- Что вы понимаете под нашей задачей? - осведомился де Сегюр. - Восстановление цивилизации?

- Ну... - пробормотал лингвист, смущенный скептической интонацией собеседника, - во всяком случае, мы должны сделать для этого то, что от нас зависит. Пусть даже среди нас нет ни одного инженера...

- А я полагаю, что наша задача теперь - это просто выжить, - возразил дипломат. - Выжить, понять, куда мы попали, и разобраться в ситуации. По возможности - заручиться

покровительством или хотя бы благожелательным нейтралитетом местных властей, хоть каких-нибудь. И уже только после этого строить дальнейшие планы. Ведь так, полковник?

- Так, - согласился Локхарт. - Пока что у нас слишком мало данных.

- Что же касается нового возрождения, - продолжал де Сегюр, - то как раз относительно высокий уровень технологий может ему препятствовать.

- Почему? - удивился Вельо.

- Если мы оказались в совершенно диком мире, то с нашими знаниями, при всей их неполноте, мы можем выглядеть тут чуть ли не богами... или, что не менее вероятно, демонами. Впрочем, демонам, способным предложить технологии военного превосходства, обычно с большой охотой продают душу... Но если здесь царит XVIII-XIX век, и при этом люди помнят о прошлом... помнят, хотя бы в общих чертах, катастрофу, и, возможно, винят в ней науку... то они могут отреагировать на идею нового прогресса еще агрессивнее, чем любые ортодоксальные мракобесы средневековья. Они могут считать, что именно сейчас, после всех потрясений прошлого, они наконец-то построили себе золотой век, и главное теперь - не поколебать хрупкое равновесие. "У нас есть паровые машины и электричество, и мы всем довольны. Если вы хотите снова дать нам атомную бомбу, убирайтесь в ад!"

- Вы думаете, это все же была ядерная война? - спросил Якобсон.

- Как вариант. Мы ведь подошли к ней предельно близко в первой половине XXI века, не так ли? Потом, конечно, все наперебой твердили "как мы могли быть столь безумны, никогда больше!" Но сколько раз в истории человечества уже звучали такие заявления...

- И вы, тем не менее, хотите снова дать людям технологии военного превосходства, - произнес доктор колючим тоном.

- Я хочу заручиться поддержкой местных властей, кем бы они ни были. Если им нужно оружие - значит, надо дать им оружие. Я не говорю об атомной бомбе. Ни один из нас все равно не сможет сделать ее на коленке. Но если правители, которые обеспечат нам безопасность, станут сильнее своих конкурентов, это будет прямо отвечать нашим интересам. И интересам прогресса, если мы и в самом деле решим его насаждать. Но если они - поклонники гармонии с природой и противники нового развития техники, то, боюсь, и нам придется полюбить буколическую пастораль.

- То, что мы видели в деревне, не показалось мне пасторалью и золотым веком, - едко заметил Вельо.

- Пока в салоне какой-нибудь викторианской леди разливали чай, индейцы или зулусы вот такими же стрелами уничтожали поселение на фронтире, - пожал плечами де Сегюр. - А маори так и вовсе лакомились человечиной. Леди, конечно, ахнет, прочтя об этом в газетах - если это вообще попадет в газеты - однако, если предложить ей альтернативу, в которой ей придется с утра тащиться в пробке из тысяч автомобилей на работу в офис, она, вполне вероятно, выберет свой салон. Особенно если это будет офис во Всемирном торговом центре, уничтоженном самолетами террористов. Леди предпочтет мир, в котором нет самолетов и нет террористов, способных добраться до нее лично, а не до каких-то безвестных рыбаков. И для нас, как ни цинично это звучит, мнение леди - а лучше ее влиятельного мужа-лорда - а еще лучше, самой королевы Виктории - важнее, чем мнение этих несчастных.

- Вы уже рассуждаете о викторианской утопии, как о факте, хотя сами ее только что придумали, - произнес Вельо все так же неприязненно.

- Просто рассматриваю одну из возможных альтернатив. Не забывая о прочих. Как я уже сказал, мы должны сотрудничать с любой властью, какой бы она ни была. Вы ведь не будете отрицать, что у нас нет другого выхода? Нас всего пятеро. В незнакомом и, вероятно, некомфортном для нас мире. В одиночку мы все равно ничего не добьемся и вряд ли вообще выживем.

- Даже если это окажется, как вы говорите, теократическая рабовладельческая диктатура?

- Даже в этом случае. Заручиться расположением тирана и постепенно влиять на него изнутри. А что вы предлагаете? Впятером поднять восстание? Даже если чисто теоретически предположить, что нам это удастся, любые реформы лучше делать, опираясь на работающие легитимные механизмы, а не на стихию, которая тратит энергию не на созидание, а на разрушение. Дверь гораздо целесообразнее открывать ключом, а не динамитом. Которого у нас к тому же нет.

- Не ко всякой двери можно подобрать ключ, - стоял на своем Вельо.

- Тогда мы просто поищем другую дверь.

- А вы что молчите, командир? - повернул голову итальянец. - Вы одобряете этот план?

- Я пилот и офицер, - ответил Локхарт. - Дипломатия не моя область. Как я уже сказал, пока у нас слишком мало информации для каких-либо планов. Но, насколько я понимаю, идея де Сегюра в том, чтобы как можно скорее выйти на контакт с местными властями и предложить им сотрудничество? Очевидно, именно так и стоит поступить. Я предпочел бы собрать больше предварительных сведений, но у нас практически нет возможностей для скрытной разведки. Даже если мы обменяем скафандры на местную одежду, мы не сможем сойти за местных. Слухи о нас, очевидно, начнут распространяться весьма быстро, и будет гораздо лучше, если мы явимся к властям сами, не дожидаясь, пока нас доставят силой.

- Даже если бойню в деревне устроили по приказу этих самых властей?

- Во время Второй мировой войны британские и американские бомбардировщики убили в Дрездене и других городах Германии, в общей сложности, порядка двух миллионов, - ответил Локхарт. - Главным образом - мирных жителей, многие из которых сгорели заживо под зажигательными бомбами. Одобряю ли я это? Нет. Считаю ли я, что это зло было необходимым? Нет. Считаю ли я, что из-за этого американские и британские солдаты должны были выступить против своих правительств? Нет.

- Если бы мы приземлились в тогдашней Германии, то, по плану де Сегюра, вступили бы в войну на ее стороне. Возможно - помогли бы ей победить.

- Или закончить войну с меньшими жертвами для всех сторон. Во всяком случае, шансов как-то повлиять на Хитлера - в том числе и устранить его - у нас было бы больше, если бы мы оказались в числе его приближенных, а не в концлагере. Если мы столкнемся с тоталитарным правительством, нам тем более важно заверить его, что мы ему не опасны. Ну а будет ли это так на самом деле, это мы выясним позже.

- С рациональной точки зрения, конечно, любому местному правителю выгодно использовать наши знания... хотя, разумеется, ни один из нас не является специалистом в ключевых для нынешней реальности областях, - произнес Якобсон. - Впрочем, мы, вероятно, могли бы создать впечатление, будто мы знаем и умеем куда больше, чем на самом деле - по крайней мере, на какое-то время. Но главное то, что по умолчанию считать поведение людей, пусть даже и занимающих ответственные посты, рациональным - это большая, хотя и весьма распространенная ошибка. Мы вполне можем нарваться на каких-нибудь фанатиков, которые пожелают уничтожить нас просто из принципа. Потому, например, что мы противоречим какой-нибудь религиозной доктрине о плоской Земле и твердом небесном своде. Или не посвящены в таинства какого-нибудь ритуала. Или все из того же консерватизма и страха перед переменами, о котором говорил де Сегюр. Наши обещания ни во что не вмешиваться - это, конечно, хорошо, но наше устранение будет еще надежнее, не так ли? Так что я бы все же поостерегся от контактов по принципу "как можно скорее". И уж в любом случае на такой контакт не следует идти нам всем. Скажем, двое представителей... сразу же дающих понять, что есть и другие. Причем не обязательно сообщать, что этих других только трое и они безоружны...

- Разумеется, - кивнул де Сегюр. - Я и не имел в виду, что в первичных переговорах должны участвовать мы все. Но удастся ли поддерживать иллюзию, что за нами стоит целый космический флот... или хотя бы весь экипаж "Доброй воли" - а сведения о его численности

могли сохраниться... не знаю, отнюдь не уверен.

Беседуя таким образом, они продолжали шагать через лес, не забывая поглядывать по сторонам и прислушиваться к шорохам в зарослях и крикам птиц. Их собственные разговоры, отсеченные шлемами от внешней среды, не были слышны потенциальным наблюдателям, но, конечно, сами фигуры в скафандрах были более чем приметны, и единственный обломанный тесак в руке у Шрамма едва ли способен был отпугнуть серьезного противника. Однако то ли в этом лесу и впрямь не водилось никого опаснее зверей и птиц, то ли возможные наблюдатели предпочли не связываться с людьми, одетыми столь странно - но примерно через полтора часа впереди вновь забрезжил свет открытого пространства, и вскоре астронавты, так никем и не потревоженные, вновь выбрались на заросшую травой равнину.

Никаких лесов больше не просматривалось до самого западного горизонта, если не считать отдельных куп деревьев, но не они привлекли внимание астронавтов. Там, куда уводила нырявшая в траву дорога, они наконец-то увидели город.

До него было немногим более двух миль, но и с такого расстояния было понятно, что гипотеза о викторианской утопии не подтверждается. Во всяком случае, не в этой части континента. Город был окружен вполне классической - и едва ли декоративной - крепостной стеной из белого камня с высокими круглыми башнями. Как и всякая средневековая крепость, вынужденная минимизировать оборонительный периметр, город был невелик в диаметре - вероятно, не больше мили.

- Надеюсь, там дела обстоят лучше, чем в деревне, - пробормотал Вельо.

- Следов штурма и разрушений не видно, - откликнулся де Сегюр. - По крайней мере, отсюда.

- Не нравятся мне эти стены, - заметил Якобсон. - Во-первых, нас могут не впустить, а во-вторых, что еще хуже - не выпустить. И, главное, вокруг ни одной рощицы, где можно спрятаться и понаблюдать, прежде чем соваться внутрь.

- Если вокруг и росли деревья, их, несомненно, вырубили специально, - ответил де Сегюр. - Именно для того, чтобы никто не мог подобраться к стенам незаметно. Интереснее, почему не видно никаких предместий - никаких деревенек поблизости. Должен же горожан кто-то кормить. Или эти места настолько опасны, что даже крестьяне не отваживаются селиться вне крепостных стен, и все продовольствие в город везут издалека?

- Ссс... Там! - выдохнул вдруг Шрамм, указывая своим оружием вперед и чуть вбок.

Действительно, пока астронавты всматривались в далекий город, значительно ближе появился новый человек. Он возник вместе со своей лошадью словно бы ниоткуда, внезапно вынырнув из сплошного моря травы; очевидно, дальше к западу дорога спускалась в ложбину, некогда бывшую, возможно, дном пересохшей реки или лагуны. Еще несколько мгновений - и незнакомец стал виден в полный рост, насколько это уместно говорить о человеке, сидящем на телеге. Да - ни на разбойника, ни на солдата, ни на представителя властей он определенно не походил. Это был уже немолодой и довольно грузный человек, ехавший на простой крестьянской телеге, влекомой неказистым, но, похоже, крепким и выносливым саврасым коньком. Он был облачен в просторную серую рубаху до колен, подпоясанную узким кушаком на его рыхлом объемистом животе; из-под рубахи виднелись коричневые чулки, заправленные в пыльные, явно не новые кожаные сапоги со смятыми "гармошкой" голенищами. На голове у возницы была круглая бежевая шапка с длинными распущенными завязками, свисавшими от ушей на грудь. Сивая борода, впрочем, была подстрижена довольно коротко и аккуратно - настолько, очевидно, насколько позволяли ножницы и искусство сельского цирюльника.

- Снимите шлемы, - скомандовал Локхарт и сам откинул свой шлем за спину. Местный житель был, по всей видимости, безоружен и не представлял никакой опасности, и отпугивать его и без того странным облачением, не похожим ни на что виденное им ранее - в том числе и на рыцарские доспехи - было ни к чему. Пусть, по крайней мере, видит, что под шлемами у

незнакомцев самые обычные человеческие головы. Полковник также велел Шрамму убрать подальше его тесак и всем отойти на край дороги, дабы это не выглядело, как засада.

Но возница, уже, несомненно, заметивший пришельцев, не выказывал ни малейших признаков страха. Он все так же добродушно улыбался ясному деньку, щуря от солнца и без того маленькие глазки, и время от времени причмокивал, погоняя взбиравшегося из ложбины коня. Возможно, неширокая дорога с разъезженной колеей просто не давала ему шансов быстро развернуться, и он предпочел ехать навстречу опасности, ничем не выдавая своего беспокойства? Если так, его самообладанию можно было лишь позавидовать. Вполне возможно, подумал Локхарт, что вот с таким же добродушно-простецким видом он торгуется на ярмарках, и городские хлыщи, надеявшиеся поживиться за счет сельского увальня, потом сами недоумевают, как это они уплатили вдвое там, где думали взять за полцены...

На каком языке, кстати, они это делают? Локхарт впервые задумался о том, что теперь это совсем не обязательно английский - во всяком случае, тот, к которому привык он сам. Что ж, в этом случае вся надежда на лингвистические познания Вельо...

Возница, наконец, подъехал к незнакомцам и натянул вожжи.

- Мир вам, добрые господа, - пробасил он на чистейшем английском, к вящему облегчению командира.

- И тебе, добрый человек, - ответил Локхарт, на ходу адаптируясь к архаичному стилю. - Куда путь держишь?

- Да вот, изволите видеть, к морю еду, - охотно ответил возница, не пояснив, впрочем, что он собрался делать на море - уж явно не купаться. Может быть, конечно, он хотел купить рыбы у рыбаков, если до сих пор еще не знал об участи их деревни. - Вы сами-то, я чай, не оттуда ли часом? Как там погодка-то нынче, не штормит? Так-то денек нынче славный, заглядение прямо, и солнышко, и не жарко, и ветра вроде нет, - здесь, за лесом, морской бриз и впрямь не чувствовался, - но море-то, оно, сами знаете, и в ясную погоду разгуляться может, особенно ежели мертвая зыбь...

- Нет, море спокойное, - прервал полковник этот словесный поток. - Обычный прибой, не более чем. Но ты разве не знаешь, что случилось с деревней, в которую ведет эта дорога?

- Как не знать, знаю, - нахмурился возница. - Пираты на нее напали, в прошлом месяце еще. Мало кто тогда живой ушел, да.

- Пираты? - удивился Локхарт. - Я думал, пираты нападают на корабли в море. Что им простые рыбаки?

- И с рыбаков можно куш поиметь, ежели данью их обложить. А те-то дань платить отказались. Им бы, может, сразу бы убежать, так все бы спаслись. А они дома бросать не захотели, чего, мол, мы нищими погорельцами останемся... ну а отбиться-то тоже не смогли, так-то вот.

- А что же правительственные войска? Почему не наведут порядок, не разберутся с пиратами? Вроде и город рядом, там же и гарнизон есть?

- Правителям-то нашим нынче не до того, не во гнев будь сказано, добрые господа. Вы сами-то, я чай, не местные?

- Нет, - не стал отрицать очевидное полковник. - Мы... прибыли только вчера. Я капитан корабля "Добрая воля" Эрик Локхарт, а это мои пассажиры.

- Вот оно как, - покивал возница, словно и впрямь понял (нимало притом не удивившись), *что* это за корабль и почему его пассажиры одеты так странно. - А я Заккари, соседи дядюшкой Заком кличут. А корабль-то ваш где причалил, али на рейде стоит?

- Наш корабль... - Локхарт решил вновь не скрывать правду, - потерпел крушение. Поэтому нам нужна помощь. За которую позже мы сможем щедро отблагодарить.

- Вот оно как, - снова кивнул дядюшка Зак. - Потонул корабль-то, значит?

- Увы, - опять честно ответил Локхарт. Играть в дипломатические игры с этим простым

крестьянином - или кем там был дядюшка Зак - ему не хотелось. Тем более что, когда в задаче слишком много неизвестных - ее следует упрощать, а правда всегда проще лжи. Тем не менее, он поспешил вновь переключить собеседника с вопросов на ответы: - Так что же местные власти, почему они не наведут порядок?

- Так вы, добрые господа, выходит, не знаете, что король наш Гумбольдт скончался? Дела-то, по правде говоря, и в последние-то его годы не ахти как хорошо шли, а уж теперь-то... не вовремя это, ох, не вовремя... в народе болтают, что не сам-де король преставился, помогли-де ему... кто говорит - шпионы иноземные помогли, а кто - и свои придворные... ну да я бабьи сплетни повторять не буду, бабам-то что, у них язык без костей...

- Так что у вас теперь, междуцарствие? - вновь поторопил его Локхарт. - Не можете определиться с наследником?

- Трон наследует принцесса Элинор, - возразил дядюшка Зак с некой даже неожиданной суровостью в голосе, словно отметая возражения. - В столице скоро ее коронация. Да только нелегко ей будет страной-то рулить в этакую пору... хоть и королевская дочка, а ей ведь еще и двадцати не исполнилось...

- Как я понимаю, возраст - это не единственная ее проблема? - уточнил Локхарт. - Есть и другие причины, мешающие ей разобраться с пиратами - даже после официальной коронации?

- Ох, да что пираты, - покачал головой дядюшка Зак. - Кабы в пиратах было дело... и похуже напасти имеются. Что Гроггендор на севере, что Тлукаляхан за морем. Да и наши собственные лорды, не во гнев будь сказано... как раз тогда, когда все силы в один кулак собрать надобно... - дядюшка Зак продемонстрировал кулак и тут же вяло расслабил его, обреченно махнув рукой: - Эх, что там говорить...

"Понятно, - мрачно подумал Локхарт, - никакой вам буколической утопии, мосье граф де Сегюр. Угодили прямиком в какой-то кризис. Не иначе, у них тут назревает не то война, не то переворот, не то все сразу." Впрочем, он не стал расспрашивать нового знакомого о тонкостях большой политики, полагая, что средневековый простолюдин имеет о таковых весьма смутное понятие, и предпочел перейти к более близким и наглядным вопросам:

- А что это за город? - он для убедительности указал рукой, хотя никаких других городов в окрестностях не было.

- Это-то? - дядюшка Зак оглянулся, словно и он подозревал наличие там каких-нибудь других. - А это Хассенворт. Вы не туда ли направляетесь?

- Ну, для начала пожалуй что туда. Ты сам оттуда? Не подскажешь, где там лучше остановиться?

- Постоялый двор найдется, вестимо дело. И в "Золотом гусе" можно, и "У Готлиба", и в "Кружке и подушке"... хотя нет, эта, пожалуй, простовата для благородных господ будет, хотя цены там хорошие и медь берут, не поморщившись... А знаете что? Давайте я прямо сейчас вас отвезу, что ж вам, не пешком же идти, ноги бить. Сразу на месте все и покажу.

- А на море, выходит, ехать раздумал? - усмехнулся Локхарт, которому это радушие вдруг показалось подозрительным.

- А что море-то? Море - оно тысячу лет море, никуда не денется.

- А конь твой? Справится один шестерых везти?

- А чего ж не справиться? Вы не смотрите, что статью не вышел - коняга крепкий.

Локхарт подумал, что, скорее всего, оснований для подозрений нет - дядюшка Зак просто рассчитывает на щедрую плату за свою помощь. Что, кстати - как и грядущая плата на постоялом дворе - представляло собой проблему, ибо, естественно, ничего, что могло бы сойти за деньги в этом мире, у астронавтов не было. Конечно, они могли продать что-нибудь из своих аварийных запасов - но расставаться с продуктами высоких технологий, которые нечем будет заменить, отчаянно не хотелось. И что делать со скафандрами - непробиваемыми для местного оружия, но в то же время и делающими пришельцев столь заметными? Но Локхарт решил, что

пока что самым разумным будет принять помощь нового знакомого и следовать его рекомендациям. Обведя взглядом своих спутников и не встретив возражений, он объявил об этом дядюшке Заку. Вшестером они быстро развернули телегу и, вскарабкавшись на это транспортное средство, покатили к Хассенворту.

- А ты отважный человек, дядюшка Зак, - заметил вдруг де Сегюр, пока телега лихо катилась под уклон на дно лощины. Здесь трава была особенно высокой, скрывая повозку вместе с седоками; должно быть, питавшая ее плодородная почва и впрямь когда-то была илом на дне лагуны. - Времена, сам говоришь, неспокойные, а ты не побоялся подъехать к пятерым странно одетым незнакомцам в безлюдном месте...

- И, да что взять с бедного крестьянина вроде меня? Телегу да лошадь, разве что. Ну так нешто я не понимаю, не позарятся благородные господа вроде вас на мужицкую клячу...

Де Сегюр отметил тонкой улыбкой превращение "крепкого коняги" в "клячу" (пока что, надо сказать, конь скорее соответствовал первому описанию - впрочем, ему еще предстояла самая трудная часть пути: пологий, но длинный подъем); кстати, и сам возница не выглядел таким уж бедным, хотя, конечно, едва ли мог быть и богат.

- Так ты, выходит, крестьянин? А говоришь, что живешь в городе, - заметил граф вслух.

- Нет, добрый господин, не говорил я этого, - покачал головой дядюшка Зак, ничуть не смутившись. - В Хассенворте я только по делам бываю, хотя и часто бываю, да. Племяш там у меня живет, лавочку держит.

- Что за лавочка? - осведомился де Сегюр, словно это и в самом деле было важно.

- А мясом торгует.

- А ты, стало быть, ему мясо-то и поставляешь?

- Ну да, а как же.

- А хозяйство твое где же?

- А там дальше за городом, - махнул рукой дядюшка Зак.

- Понятно, - произнес граф и без перехода продолжил: - И вот ты нас в город везешь, не зная, кто мы и что. А может, мы гроггендорские шпионы? Или тлукахалянские.

- Тлукаляханские, - поправил возница. - Нет, ну какие же вы шпионы, не во гнев будь сказано. Шпионы бы и оделись понезаметнее, и про короля нашего покойного с дочкой евонной все бы знали.

- А знаешь, что это за одежда? - вмешался Локхарт. Де Сегюр посмотрел на него, словно хотел сказать: "Не стоит, полковник, не здесь и не сейчас". Но Локхарт исполнился решимости сказать правду до конца - и посмотреть на реакцию.

- Чудна́я какая-то, не во гнев будь сказано, - откликнулся дядюшка Зак без особого, впрочем, удивления или интереса. - Костюм - не костюм, доспех - не доспех. И не кожа вроде, и не ткань. Сроду такого не видывал.

- Это космические скафандры, - сообщил Локхарт ровным тоном. - Мы прибыли из космоса. То есть на самом деле мы с Земли. Но вчера мы вернулись из... очень долгого путешествия.

- Вот оно как, - в очередной раз произнес дядюшка Зак, что, видимо, должно было означать: ну, из Космоса так из Космоса, я о таком месте, правда, не слыхал, ну да мало ли стран и городов на свете.

- Ты не понимаешь, - терпеливо сказал Локхарт. - Космос - это небо. Мы летали к звездам. Я понимаю, тебе трудно в такое поверить, - поспешно добавил он, упреждая возражения - хотя возница даже не открыл рта. - Название "Добрая воля" тебе, очевидно, ничего не говорит. Но, я полагаю, вчера во второй половине дня даже из города - и даже с твоей фермы - было видно и, вероятно, даже слышно, как в море на востоке упал... метеорит. Падающая звезда. На самом деле это был наш корабль. Звездный корабль.

Возница продолжал молчать, и полковник протянул к нему руку в перчатке:

- Вот, можешь пощупать. Это действительно не кожа, не лен, не хлопок, не шерсть, даже не металл. Нигде в твоем мире не могут изготовить подобное. Раньше умели, но забыли, как. Не пропускает воду и воздух, не горит в огне, не пробивается стрелой. Я могу все это продемонстрировать прямо на себе. Это доказательство, что я не вру. Теперь ты мне веришь?

- Если доброму господину так угодно, - пожал плечами дядюшка Зак.

Локхарт тяжело вздохнул.

- Ну хорошо, - сказал он. - Ты знаешь, что случилось на Земле? Хотя бы в самых общих чертах?

- Где случилось? Когда случилось?

Полковник понял, что его вопрос и впрямь бессмысленный. Если бы житель античности вдруг возник посреди средневековой Европы, где-нибудь среди убогих загаженных хижин, выстроенных на руинах форумов, величественных храмов и мраморных терм, и начал расспрашивать местного крестьянина "что случилось?", тот бы просто не понял, о чем его спрашивают. С его точки зрения ничего не случилось, жизнь идет себе своим чередом.

- За последние два столетия, - пояснил Локхарт. - Была какая-то большая война? Катастрофа? Эпидемия?

- Ну, за двести-то лет войн было видимо-невидимо. Но про это вы лучше ученых людей расспрашивайте. В столице вон ежели будете, так там целый скрипторий, - возница выговорил это слово без запинки, - где все эти летописи хранятся.

- А это? - полковник в отчаянии ткнул пальцем в небо и махнул рукой вперед-назад вдоль по-прежнему различимой тонкой белой полосы Кольца. - Это когда и как возникло, ты знаешь?

Дядюшка Зак посмотрел вверх.

- Всегда там было, - ответил он равнодушно.

Дорога пошла в гору, и возница все же спрыгнул с телеги, дабы облегчить задачу коню, но решительно запротестовал, когда то же самое попытались сделать астронавты.

- А позвольте спросить, добрые господа, - произнес он, шагая рядом с телегой, - вам в Хассенворте, помимо постоялого двора, может, еще что надобно? Так вы скажите, я подскажу.

- Надобно, - согласился Локхарт. - Встретиться с местным... градоначальником. Насколько сложно это устроить?

- Ну... - задумчиво протянул дядюшка Зак, - начальников-то в городе сейчас почитай что два. Тут ведь какое дело, вообще-то эти земли принадлежат его сиятельству графу Хагентраубу. Но Хассенворт еще в запрошлом царствовании получил статут вольного города. Напрямую, стало быть, короне подчиненного, а больше над ним сеньоров никаких нет. Гражданский начальник тут, стало быть, бургомистр, которого жители сами избирают, и он перед королем ответственный за сбор налогов и все такое. Ему же городская стража подчиняется и ополчение, на случай ежели на город нападет кто. Но сейчас, потому как времена неспокойные, в помощь местному ополчению еще военный гарнизон сюда прислали. Командует гарнизоном капитан Дармонт. Он сюда, вестимо, от короля поставлен и перед бургомистром не ответственен - хотя и в городские дела, не касательные обороны, мешаться не должен, - это "не должен" вместо "не вмешивается" не ускользнуло от внимания Локхарта. - Но ежели война и осада, тогда вся власть переходит к нему...

- Вот с ним нам и надо встретиться, - принял решение полковник. Офицер, назначенный от самого короля, несомненно, куда больше отвечал их задаче установить контакт с правительством, чем местный чиновник, занятый исключительно локальными хозяйственными вопросами.

- Тут вот еще что, - продолжал дядюшка Зак. - Поговаривают, что граф Хагентрауб, не во гнев будь сказано, хотел бы вернуть себе земли и привилегии, утраченные еще его дедом. В том числе и восстановить свою власть над Хассенвортом. Оно и понятно, в Хассенворт-то, почитай, все дороги с побережья сходятся, ну, в этой части страны, вестимо, а к северу и к югу отсюда

гавани посерьезней, чем тутошняя бухточка, куда большому кораблю не войти. И все, выходит, через город вглубь страны идет, на столицу отсюда самая прямая дорога, а пошлина - прямиком в королевскую казну, графу ничего не перепадает. А капитан Дармонт когда-то служил под его знаменами, под графскими-то. Думается, король это учел, сюда его посылаючи...

- В самом деле? - хмыкнул Локхарт. Все эти средневековые интриги были для него в новинку, но простую логику, кажется, никто не отменял. - По-моему, если между графом и королем и впрямь существуют... разногласия, было бы разумнее поставить во главе местного гарнизона противника графа, а не его сподвижника.

- А я так полагаю, король наш Гумбольдт мудро поступил, - возразил дядюшка Зак. - С одной стороны, уважение графу выказал. Ежели что, им с капитаном, а через него, выходит, и с королем легче договориться-то будет. А с другой стороны, капитан графа хорошо знает и заранее, значит, лучше прочих скумекать может, чего от того ожидать...

- Все это верно при условии, что капитан хранит лояльность королю, - заметил Локхарт, уже забывший о своем нежелании обсуждать большую политику с простым крестьянином.

- Вестимо, так, - согласился дядюшка Зак. - Но, покуда на троне в Дракенхайме сидел Гумбольдт, он, как видно, не имел причин капитану не доверять. Дармонт, сказывают, не только рубака отчаянный, но и командир дельный. Но поговаривают также, что он, как и граф вообще-то, ждал воцарения Арвика. Вроде бы даже Арвик графу обещал дедовские привилегии вернуть, как на трон сядет. А теперь, когда такая неожиданность для них вышла, что Элинор нашей королевой будет... уж и не знаю, что станется. Не во гнев будь сказано.

- Вот оно как, - невольно произнес теперь уже Локхарт. - А кто такой этот Арвик?

- Старший сын покойного короля.

- Есть еще и младший? - уточнил полковник.

- Нет, сына нету. Был, правда, да еще в младенчестве помер. Дочь только осталась.

- Как же вышло, что сестра наследует трон в обход старшего брата? - Локхарт не разбирался в средневековых системах престолонаследия - де Сегюр наверняка мог бы поведать об этом больше - однако был уверен, что даже те из них, что предоставляли женщинам равное с мужчинами право на трон, не допускали нарушения принципа старшинства. Хотя, конечно - прав де Сегюр - ниоткуда не следует, что нынешнее средневековье точно копирует предыдущее...

- Он ей, в общем-то, не совсем брат, - пояснил крестьянин. - Наполовину только. От первой, стало быть, жены. По завещанию короля объявлен незаконнорожденным. Так что он теперь и не принц Арвик вовсе, а просто граф Дункельт.

- Как так может быть? - вновь удивился полковник. - Если от жены, то какой же он незаконнорожденный?

- Да тут вот какая тонкость вышла... Мать-то его, Арвика значит, герцогиня Гейнская, с ума сошла. А ежели один из супругов безумный, брак расторгается.

- Так когда она, собственно, лишилась рассудка? До рождения сына или после? Хотя тут, по логике, даже не о рождении, а о зачатии надо говорить...

- Так в том-то и закавыка! Всегда считалось, что после. Король-то с ней официально развелся, когда Арвику уже второй год шел. И никто вроде как и не сомневался, что Арвик нашим королем будет. Не всем это нравилось, по правде говоря. Ну сами понимаете, коли мать безумная, не во гнев будь сказано, чего можно от сына ожидать? А после или не после... такие вещи, известное дело, часто наследственную склонность имеют. И нрав у Арвика и впрямь, поговаривают, крутой, чтобы не сказать - бешеный... Ну вот, а как, значит, король помер и завещание-то его вскрыли, так оказалось, он там объявляет, что супруга его была душевнобольною с самого начала, а стало быть, по нашему закону, брак считается недействительным, хоть развод и позже был. Ибо сказано: "в здравом уме и доброю волею". И, стало быть, наследницей своей назначает он принцессу Элинор.

- Ясно, - кивнул Локхарт.

- Так и это еще не все, - продолжал дядюшка Зак. - По старому-то закону девица все равно не может наследовать, пока хоть какие мужчины в роду есть. Сначала, стало быть, сыновья короля по старшинству, ежели их никого в живых не осталось - то их сыновья, ежели ни королевских сыновей, ни королевских внуков нет - тогда королевские братья, затем их сыновья, и вот только коли никого из них нет, тогда до дочерей очередь доходит. А значит, ежели не Арвику, то трон должен был достаться герцогу Бронгарскому, младшему брату Гумбольдта. Он, кстати, всему королевскому войску командующий, и Дармонт теперь ему напрямую подчиняется... Но Гумбольдт в своем завещании прежний закон изменил и волю короля превыше него поставил.

- А что, он не имел на это права? - спросил полковник.

- Как король, конечно, имел. Если б он при жизни такой указ издал, никто бы и не пикнул. Ну то есть, может, и пикнули бы, но про себя. Но когда указ, ранее не оглашенный, вводится в действие завещанием, стало быть, уже после смерти... выходит, вроде как мертвый король закон издает. Никогда у нас такого прен-цен-дента не было, вот ученые люди головы-то и ломают. Одни говорят - не может мертвец законы менять, со смертью его власть кончилась, по завещанию только имущество распределять можно. Другие говорят - живой или мертвый, он все равно наш король до тех пор, пока новая коронация не состоялась, и посмертная воля ничем от прижизненной не отличается...

- Отчего же он не издал указ при жизни и не расчистил дочери дорогу к трону?

- На то, значит, была его королевская воля, - ответил крестьянин, похоже, не желая углубляться в тему. Но Локхарт уже и сам вспомнил слова о том, что смерть Гумбольдта, возможно, не была естественной. Может быть, его убили именно для того, чтобы он не успел ввести в действие этот указ - но королю все же удалось перехитрить своих убийц...

Или же нет. Коронация, вроде как, еще не состоялась.

- Так на чьей же стороне Дармонт - Арвика или его дяди? - осведомился де Сегюр.

- Я к нему в голову влезть не могу и клеветать почем зря на королевского слугу не стану, - вновь уклонился дядюшка Зак. - Полагаю только, что всякий верноподданный должен королевскую волю уважить и новой нашей государыне присягнуть, а смуты и раздоры никому, кроме иноземных врагов наших, не надобны.

Повозка вновь выбралась на ровную местность, и возница, одобрительно потрепав коня по холке, вновь вскарабкался на свое место. До города оставалось уже недалеко.

- Так что вы думаете, добрые господа? - осведомился дядюшка Зак. - Я-то, вестимо, простой крестьянин, к городскому начальству не вхож - ни к тому, ни к этому, разве что дорогу показать могу. Про то, что выше, уж и не говорю, но вы-то мне не чета, вас-то, я чай, и там примут. А только вам подумать бы, к кому вам надобно...

- Да, - ответил Локхарт, - мы подумаем. Пока что отвези нас на постоялый двор.

Вблизи стены Хассенворта, сложенные из разновеликих, но тщательно пригнанных друг к другу каменных глыб, выглядели еще более внушительно и уж совершенно точно не походили на декорацию. Локхарт поднял голову, разглядывая зубчатый гребень, представил, каково во время штурма падать оттуда, с высоты в добрые пятнадцать метров, и невольно поежился. Такая перспектива казалась куда менее приятной, чем быть сбитым ракетой или лазером во время боевого вылета, где если и не успеешь катапультироваться, то, по крайней мере, умрешь мгновенно. Наклонные желоба примерно на середине высоты стены с черными потеками под ними, как видно, оставшимися от кипящей смолы или масла, также не сулили осаждающим ничего хорошего.

Впрочем, сейчас город, залитый светом послеполуденного солнца, с гостеприимно распахнутыми воротами, производил скорее мирное впечатление, и даже знамена над башнями, вознесшими свои зубчатые короны на полуторную высоту стен, не гордо реяли, а лишь вяло колыхались на слишком слабом ветру, так что Локхарт не сразу разобрал их рисунок из трех

вертикальных полос - черной, желтой и синей. Ниже с тех же флагштоков свисали двухвостые сине-белые вымпелы - это, вероятно, были цвета самого города.

- Так ты говоришь, эта страна называется Дракенхайм? - уточнил полковник у возницы.

- Нет, - откликнулся тот, - это королевство Айринтия. Дракенхайм - наша столица. До нее отсюда в три дня доехать можно, а ежели лошадей менять, и того быстрее.

"Что-то около сотни миль, наверное", - подумал Локхарт. Необходимость потратить три дня там, где прежде по скоростному шоссе или по воздуху можно было добраться за час, свидетельствовала о свершившейся катастрофе даже отчетливей, чем сожженная деревня и крепостные стены города. Мир снова стал большим, подумалось полковнику.

- Мы вообще на материке или на острове? - предпочел уточнить он.

- Ну, как сказать? Кабы канал вдоль границы с Гроггендором докопали, был бы остров. А как его бросили, денег, мол, нет в казне, так и выходит, что нет.

"Гроггендор на севере", - вспомнил Локхарт.

- А тебе что-нибудь говорит название "Флорида"? - спросил он без особой надежды.

- Не слыхал, - пожал плечами дядюшка Зак.

Повозка въехала в городские ворота. Двое стражников с алебардами, в шлемах с железными полями и блестящих нагрудниках, подпирали стены коридора с полукруглым потолком, идущего сквозь толстую надвратную башню. Они не стали требовать ни платы за въезд, ни каких-либо документов, и лишь проводили телегу скучающе-равнодушными взглядами, словно в ворота этой средневековой крепости каждый день въезжали астронавты в скафандрах.

Коридор изогнулся коленом внутри башни - пожалуй, неопытные лошадь и возница могли бы и застрять в этом месте, но привычный конь дядюшки Зака даже без понуканий хозяина протащил телегу через поворот, ни разу не зацепив стен. Тем не менее, Шрамм проворчал что-то сердитое, очевидно, выражая возмущение нелепостью подобной архитектуры.

- Это чтобы нападающие, даже проломившись через внешние ворота, не смогли протащить таран к внутренним, - пояснил де Сегюр. - И вот еще, - он указал вверх.

Астронавты подняли головы и увидели в полукруглом каменном потолке щели бойниц и круглые отверстия желобов для поливания маслом и кипятком. Да, непрошеных гостей в этом коридоре ожидал в прямом смысле горячий прием. И, хотя к повозке дядюшки Зака у защитников крепости, очевидно, не было претензий, мысль о том, что они и в эту минуту находятся на посту и готовы применить свои смертоносные средства по первому приказу, явно не добавляла уюта в этом полутемном и узком проходе. Так что астронавты почувствовали себя комфортнее, когда повозка, наконец, вновь выбралась на свет, выехав через внутренние ворота на улицу города.

Народу на узких, мощеных булыжником и присыпанных соломой улицах Хассенворта было неожиданно много - хотя, казалось бы, час был слишком поздний для хозяек и служанок, возвращающихся с покупками, и слишком ранним для ремесленников, направляющихся после работы по домам или по кабакам. Тем не менее, по улицам неспешно фланировали и деловито шагали представители обоих полов, одетые по большей части ярко и пестро. Даже с учетом того, что среди них, очевидно, присутствовали представители разных сословий и уровня доходов, какой-то общий стиль и мода не просматривались совершенно; похоже, каждый из горожан руководствовался своим собственным вкусом (причем даже в большей степени, чем кошельком). Попадались грубые кожаные и мягкие замшевые куртки, бархатные камзолы с кружевными жабо, короткие и длинные плащи (некоторые с застежкой на одном плече, некоторые с капюшонами, что придавало им сходство с монашескими рясами, но для ряс они были слишком нарядных цветов), рубахи-камизо, как у дядюшки Зака (но опять же более яркие), узкие и длинные блио с рукавами, едва не волочащимися по земле, и расшитыми бисером поясами, короткие расфуфыренные жакеты с рукавами-буф и опушенным гофрированным подолом,

двухцветные котарди с накладными фестончатыми воротниками, шляпы всевозможных видов - от мягких и жестких колпаков до украшенных перьями беретов и треуголок, короткие панталоны с полосатыми чулками, кожаные штаны, длинные чулки-шоссы (нередко разного цвета на левой и правой ногах), башмаки и туфли с блестящими пряжками, сапожки с острыми, загнутыми вверх носами, ботфорты с широкими отворотами, сандалии с затейливым плетением ремешков; две смешливые девицы и вовсе шлепали босиком, но при этом обе были облачены в яркие нарядные платья - желтое и оранжевое, совершенно разного покроя. Словом, историк средневекового костюма насчитал бы здесь, наверное, стили доброго десятка стран и эпох, и космические скафандры на фоне всего этого буйства красок и фасонов смотрелись не так чтобы заурядно, но и, вероятно, не слишком шокирующе.

- У вас тут всегда так одеваются? - спросил Локхарт у возницы, чья обыденная серо-коричневая одежда теперь не столько делала его неприметным, сколько выделяла в пестрой толпе, сквозь которую медленно продвигалась телега.

- Так карнавал же, - ответил тот. - Осенняя ярмарка.

"Ах вот оно что! - понял полковник. - Тогда, вполне возможно, где-нибудь здесь мы увидим и карнавальный костюм, сшитый в подражание нашей эпохе." Однако ничто подобное так и не попалось ему на глаза. Неужели время, предшествовавшее крушению цивилизации, забыто полностью? Или, может быть, считается проклятым, и любые подражания ему под запретом... Зато от внимания Локхарта не укрылось что, несмотря на все эти праздничные одежды, многие горожане, отнюдь не только солдаты или стражники (каковые как раз на улицах попадались редко), были вооружены - чаще всего короткими мечами или кинжалами, изредка встречались длинные тяжелые шпаги с затейливыми эфесами (очевидно бессильные против латного доспеха, но вполне способные проткнуть кольчугу). Впрочем, карнавалы никогда не были таким уж беззаботным и безобидным мероприятием; уличные карманники и пьяные драки - еще не худшие из угроз, возможные в густой, шумной, пестрой толпе. Особенно если празднество предусматривает еще и маскарад. Пока что, правда, масок нигде видно не было.

- А у вас тут довольно чисто, - заметил де Сегюр, проводив взглядом босоногих девиц. Действительно, мало кто решился бы по доброй воле - а не по крайней нужде или приговору суда - прогуляться подобным образом по улицам того, прошлого средневековья, где конский навоз был еще не самой худшей проблемой, ибо жители опорожняли прямо из окон на улицы ночные горшки и чаны с помоями. Из-за запрудившего мостовые народа чистоту улиц Хассенворта сложно было оценить напрямую, но уже отсутствие зловония, сопровождавшего всю жизнь обитателя классического средневекового города, говорило о многом. - Может, здесь и канализация есть?

- А то как же, - ответил дядюшка Зак, не удивившись мудреному слову. - Не свиньи, чай, в хлеву-то жить.

Граф что-то удовлетворенно пробормотал по-французски - кажется, что такое средневековье нравится ему куда больше, чем предыдущее. Дальнейшие расспросы, впрочем, выявили, что воду в Хассенворте - как и в других городах Айринтии - черпают все же из колодцев или покупают у водовозов, а для того, чтобы принять горячую ванну (представляющую собой жестяную лохань или и вовсе бочку), надо сперва нагреть воду на плите, отапливаемой углем или дровами. О паровых машинах дядюшке Заку слышать, разумеется, не доводилось.

- Прямо какой-то рок преследует эту очевидную идею, - возмущался де Сегюр, обращаясь к своим спутникам. - Она была известна еще Герону Александрийскому во втором веке до нашей эры, но человечество почему-то упорно игнорировало ее аж до конца XVIII столетия. А вот теперь снова умудрилось забыть! Хотя каждая хозяйка знает, как пар подбрасывает крышку...

- Боюсь, что человечество умудрилось забыть отнюдь не только это, - мрачно заметил Локхарт.

Возница тем временем, наконец, поворотил с запруженной народом улицы в какой-то

закоулок, где не было вообще никого, и поехал быстрее; телегу сильно затрясло на булыжниках. Еще несколько поворотов в лабиринте узких и кривых улочек - и дядюшка Зак натянул поводья.

- Вот, добрые господа, - объявил он. - Гостиница "У Готлиба".

Астронавты без особого восторга разглядывали трехэтажное здание из темного кирпича под пологой серой крышей, втиснутое между двумя соседними в конце безлюдного переулка. Окна выходили на глухую стену дома напротив. Над единственной дверью не было никакой вывески или надписи.

- Это - гостиница? - недоверчиво произнес Локхарт, думая про себя, что слепая кишка этого переулка - идеальное место для засады. Народ, празднующий на главных улицах, даже и криков не услышит, а если и услышит - определенно не станет вмешиваться... - Где название? Где это... помещения для лошадей и экипажей?

- Так это ж все там, с другой стороны! - махнул рукой дядюшка Зак. - Вы меня извините, добрые господа, что я вас к заднему выходу привез, но к парадному сейчас через эту толпу мы бы еще полчаса проталкивались. Лошадей ведь у вас все равно нет, не во гнев будь сказано...

- А почему именно сюда? Ты ведь говорил, есть и другие гостиницы.

- Так ведь эта ближе всех. И потом, в "Кружке и подушке" публика не очень чистая, а в "Золотом гусе" неведомо еще, есть ли места, особливо на пятерых-то, да и в "Кружке" тоже. Ярмарка же.

- А здесь, значит, точно есть? - усмехнулся Локхарт. - И ты в этом уверен, не заходя внутрь?

- Для меня найдутся, - лукаво улыбнулся дядюшка Зак. - Хозяин-то тутошний - мой добрый знакомый.

- И ему, стало быть, мясо поставляешь?

- Ну, сейчас нет, племяшу заработать даю, а в прошлом, ну, были общие дела. И дочка евонная, племяша-то, служанкой тут, Ильзой звать. Вы, как я вам понадоблюсь, ей только скажите, она меня мигом известит... Да вы внутрь-то зайдите, добрые господа, - продолжал крестьянин, видя нерешительность своих новых знакомых. - Не понравится, ну, тогда в другое место поедем.

Локхарт обдумывал это предложение. Все это слишком походило на ловушку. Уже и переулок-то сомнительный, а уж внутри здания расправиться с ними... скафандры, правда, почти невозможно проткнуть или разрезать теперешним оружием - если успеть защелкнуть шлем - но они не помешают переломать все кости палицей или топором. К тому же и человека в скафандре можно лишить свободы - а дальше, к примеру, морить жаждой и голодом, да и разобраться, как снимается скафандр, не слишком сложно. С другой стороны, с момента их случайной встречи дядюшка Зак ни с кем посторонним не общался, стало быть, подготовить ловушку не мог... хотя как знать, кому он мог незаметно мигнуть в этой толчее? Какой-нибудь мальчишка, пока телега пробиралась сквозь толпу, мог успеть добежать и сообщить хозяину, что ему везут подходящих "клиентов". Подходящих, правда, для чего? Для ограбления? Это, конечно, наиболее вероятная опасность; если бы речь шла об обвинении в ереси или шпионаже, за дело, вероятно, взялись бы стражники...

Тем не менее, придется рискнуть. Если они не доверятся дядюшке Заку - кому-то довериться рано или поздно все равно придется. И совсем не факт, что этот кто-то будет надежнее.

- Ладно, - принял решение Локхарт, слезая с телеги, - пойдем потолкуем с хозяином и посмотрим комнаты. А мои люди пока останутся здесь. Присмотрят заодно за твоим... экипажем.

- Ох, хитры вы, добрый господин, - ухмыльнулся возница, - не во гнев будь сказано. Ну, оно и правильно, я бы тоже в незнакомом городе стерегся, по нынешним временам особливо. А только, сами изволите убедиться, тут никакого обмана, дядюшка Зак - человек честный, это вам

всякий скажет.

Возница и полковник подошли к двери; дядюшка Зак дернул дверь - оказалось заперто - затем постучал - самым обычным стуком, не похожим на условный. Через несколько мгновений дверь открылась; на пороге стоял хмурый детина с лошадиной челюстью, который, конечно, вполне мог быть и обычным трактирным слугой, но едва ли отвечающим за прием новых постояльцев. Он ничего не сказал, лишь уставился выжидательно.

- А покличь-ка нам, братец, хозяина, - велел ему дядюшка Зак.

Детина все так же молча удалился куда-то вглубь полутемного коридора.

- Обычно-то здесь, изволите видеть, не заперто, - сообщил крестьянин Локхарту извиняющимся тоном, - это, видать, из-за ярмарки, чтоб кто не надо не шастал. Тут щеколда простая, - он показал на двери, - изнутри-то завсегда выйти легко.

- Зачем же нам выходить через черный ход, а не через парадный? - вновь усмехнулся полковник.

- Ну как, мало ли... время сэкономить, чтоб вокруг не идти...

"И не попадаться на глаза, кому не надо, - подумал Локхарт. - А то и попросту сбежать, пока, допустим, хозяин или кто еще отвлекает зашедших с парадного входа разговорами... Кстати, отсюда, пожалуй, не только через черный ход, но и через крышу удрать можно, хоть налево, хоть направо. Соседние дома-то вплотную..."

Заскрипели половицы под торопливыми шагами, и к гостям, на ходу обтирая руки висевшим на шее полотенцем, вышел, очевидно, сам Готлиб. Это был невысокий, не сказать чтобы жирный, но плотно упитанный мужчина лет пятидесяти с круглой плешивой головой и щекастым лицом. Обменявшись радушным, но торопливым приветствием с дядюшкой Заком, он повернулся к потенциальному клиенту (так же не показывая никакого удивления по поводу его наряда):

- А вам, сэр, верно, комнату?

- Вообще-то пять комнат, - уточнил полковник.

- Пять? - Готлиб потеребил гладко выбритый круглый подбородок. - Это, осмелюсь заметить, сэр, непросто будет. Ярмарка...

- Да ясное дело что ярмарка, - перебил его дядюшка Зак. - Но господам очень надобно. Они, видишь ли, с корабля спаслись, который потонул в наших водах, им сейчас совсем некуда податься. Надо где-то остановиться, пока не свяжутся с кем надо и не решат, как и что. Я обещал, что у тебя местечко найдется, ты уж не подведи старого приятеля.

Готлиб выглянул из двери через плечо Локхарта, окидывая взглядом его спутников.

- В принципе, не обязательно пять отдельных комнат, - решил упростить задачу полковник. - Мы можем пока поселиться и вместе, но чтоб не слишком тесно и чтобы нас никто не беспокоил.

- Есть большая комната на первом этаже с двухэтажными нарами, но это для людей совсем простых, - поведал хозяин. - А для благородных найдутся две комнаты на двоих, в одну велю третью кровать поставить. Пойдет? Правда, они не рядом...

- Вот это плохо.

- ...но я попрошу постояльцев местами поменяться, думаю, не откажут.

- Хорошо, но сначала покажите комнаты.

Комната оказалась на третьем этаже, под самой крышей; из окна открывался вид на все тот же переулок, который просматривался отсюда из конца в конец, что полковник оценил положительно. Убранство было вполне спартанским не то что по сравнению с высокотехнологичной каютой звездолета, но даже, вероятно, с номером отеля XIX столетия: кровати, пара жестких деревянных стульев, громоздкий шкаф и столик с парой запирающихся ключами ящиков, на котором стояли свечи, таз и кувшин с водой. Несмотря на наличие в городе канализации, такая роскошь, как отдельные уборные в номерах, не предусматривалась (общая

находилась в конце коридора и представляла собой дырку в полу, венчающую косую трубу, подсоединенную, видимо, к проходящему через все этажи стояку; рядом стояло большое ведро с водой, в котором плавал ковш для смыва), но под кроватями предусмотрительно стояли ночные горшки. Очевидно, даже и для благородных господ не считалось зазорным пользоваться ими в присутствии друг друга.

- Вторая комната такая же, - сообщил Готлиб. - Столик вот так передвинем, как раз третья кровать войдет.

- Ну допустим, - пробормотал Локхарт. - И сколько за все это?

- Десять хеллеров в день с комнаты, свечи и вода входят, завтрак и ужин отдельно. Можно в общей трапезной, можно сюда заказывать - я за это дополнительную плату не беру, ну а служанке сколько от щедрот подкинете.

Локхарт понятия не имел, много это или мало, и опасался лишь фразы "плата вперед", но ее так и не прозвучало.

- В "Гусе" за такой номер чуть не вдвое возьмут, во время ярмарки особливо, - пришел ему на помощь дядюшка Зак. И хотя быстро проверить правдивость его слов не было возможности, притом что его желание разместить гостей именно у Готлиба было очевидным, полковник решил, что от добра добра не ищут, и от лица всех своих спутников выразил согласие.

Спустившись вниз, он сообщил им об этом; через несколько минут к гостям вышел хозяин, сообщив, что все в порядке, постояльцы второго номера согласились поменяться, и кровать уже принесли.

- Ну, вот и славно, - резюмировал дядюшка Зак, - я тогда поеду, а как понадоблюсь, вы, значит, Ильзе только мигните. И у Готлиба спрашивайте, что надо, не стесняйтесь.

Астронавты поднялись на третий этаж. Для того, чтобы обсудить положение, выбрали ту из комнат, где осталось две кровати и, соответственно, больше места. Когда все зашли внутрь, Локхарт бросил косой взгляд на Шрамма. Стоит ли обсуждать серьезные вопросы в его присутствии? Может, под каким-то предлогом отправить его в соседнюю комнату?

Предлог тут же нашелся. Де Сегюр сделал знак, призывая остальных к молчанию, и принялся обследовать стены - осматривая, прикладываясь ухом и даже простучав ту из них, что была общей со вторым выделенным астронавтам номером. Никто не стал спрашивать его, зачем он это делает.

- Не гарантирую, конечно, - резюмировал он, - но вроде никаких специальных приспособлений для подслушивания здесь нет. Так что, если мы не будем повышать голоса...

- Майор Шрамм, - сказал Локхарт, - вам поручение. Идите в ту комнату, сядьте возле этой стены с той стороны и слушайте. Если услышите наши голоса - стучите.

Шрамм вышел, никак не продемонстрировав своего отношения к этому распоряжению. Он все еще оставался офицером, а приказ есть приказ.

- Итак, - произнес Локхарт, когда четверо расселись (двое на стулья, двое на кровать), - мы все еще не знаем, что за катастрофа произошла на Земле, но сейчас это представляет для нас скорее академический интерес. Гораздо важнее разобраться с практической ситуацией, в которую мы попали. Как я понимаю, мы угодили в самую гущу средневековой политической интриги, и нам едва ли удастся остаться от нее в стороне. Так или иначе придется определяться с выбором союзников и, соответственно, противников. У нас, очевидно, имеется три - как минимум, три - претендента на трон...

- У них, - поправил де Сегюр.

- Что? - не понял полковник.

- Не у нас. У них. Не забывайте об этом, господа. Особенно вы, полковник. Я понимаю, что вы здесь родились...

- Не совсем здесь. Севернее, в Джорджии. Хотя и во Флориде прожил немало, работая на Космическом побережье.

- Да, разумеется. Но теперь это уже не ваша страна. Даже несмотря на то, что здесь все еще говорят по-английски. Это другой мир. В котором мы свободны от каких-либо патриотических обязательств и... сентиментальных соображений. Все это не должно влиять на наши решения. Мы должны руководствоваться исключительно целесообразностью.

- Это все еще люди, - хмуро заметил Вельо. - Земляне. Это, по-вашему, ничего не значит? Если так, зачем мы вообще летели назад? Можно было остаться и на Кэйли. Биосфера там вроде как не пострадала.

- Не утрируйте, доктор, - поморщился граф. - Разумеется, это люди, со всеми присущими человеку достоинствами и недостатками. Я не говорю, что из-за того, что их цивилизация деградировала, мы должны относиться к ним, как к животным. Я говорю лишь, что нам не следует принимать близко к сердцу проблемы Королевства Айринтия. Равно как и каких-либо иных теперешних королевств. В том числе, возможно, существующих на территории бывшей Франции, или Швеции, или Италии - если, конечно, там вообще еще осталась какая-то разумная жизнь.

- Нам все равно придется принять какое-нибудь подданство, - возразил Локхарт. - Если, конечно, мы не собираемся удалиться в пустыню и вести жизнь отшельников в пещере.

- А что, учредим свой собственный монастырь, - улыбнулся Якобсон, явно желая разрядить обстановку. - Братство Доброй Воли Небесной - разве плохо звучит?

- Скорее уж Падших с Небес, - проворчал Вельо.

- Ключевые слова здесь - "какое-нибудь", - ответил де Сегюр на слова командира. - Возможно, гроггендорское или тлукаляханское. Эти страны, очевидно, враги Айринтии - и, вполне возможно, друг друга - но отсюда отнюдь не следует, что жизнь там хуже, чем здесь. Возможно, наоборот. Есть, очевидно, и другие государства - в том числе и на территории Америки - о которых мы пока ничего не знаем...

- Надеюсь, вы не намерены начать шпионить на них прямо сейчас? - осведомился Вельо.

- Нет, разумеется. Не раньше, чем мы соберем о них достаточно сведений, чтобы понять, стоит ли оно того. Но мы должны иметь в виду и такую возможность. Я просто пытаюсь донести простую мысль: у нас нет ни юридических, ни моральных обязательств ни перед кем из ныне живущих на Земле. Исключая, - добавил граф после краткой паузы, - разве что друг друга.

- Рад, что вы об этом вспомнили, - буркнул Вельо.

- Друзья, давайте все же исходить из того, что сейчас мы находимся в Айринтии, и нам не стоит без крайней нужды ссориться ни с ее жителями, ни с ее властями, - вмешался Якобсон.

- Что возвращает нас к исходной теме, - кивнул Локхарт. - Единой власти в Айринтии сейчас, очевидно, нет. Точнее, она есть лишь формально - а впрочем, пока принцесса Элинор не коронована, даже это не факт. Ближайшими ее соперниками являются брат и дядя. На стороне брата - традиция престолонаследования и сомнительность способа, которым он был объявлен бастардом. На стороне дяди, помимо традиции и легитимности по старому закону - еще и армия, которой он командует. Плюс, очевидно, немалый жизненный и политический опыт. На стороне принцессы - только воля покойного короля, который уже, понятно, ни на что не способен повлиять. Честно говоря, в такой ситуации я вообще не понимаю, какие шансы у Элинор.

- За каждым претендентом, очевидно, стоит своя партия, - заметил де Сегюр, - сил которых мы на данный момент не знаем. И, кстати, силу королевской армии не стоит переоценивать. Если нынешнее средневековье в этом плане подобно классическому, эта армия отнюдь не тождественна всем вооруженным силам королевства. Это лишь войска королевского домена, подчиняющиеся непосредственно королю или, как в данном случае, его коннетаблю. Все крупные феодалы имеют свои собственные армии. Формально они являются королевскими вассалами и обязаны служить королю войском, но даже эта обязанность не требует от них предоставлять в распоряжение монарха все наличные силы - командование которыми они, как правило, к тому же сохраняют и под королевским флагом. По сути армии вассалов - это скорее

союзные, чем непосредственно подчиненные королю войска. Которые при определенных обстоятельствах могут и перестать быть союзными. Плюс к тому, аналогичный принцип распространяется вниз по феодальной лестнице, а вассал моего вассала - не мой вассал. При этом войска неоднородны и по составу. Они могут состоять из профессиональных воинов - не обязательно дворян - связанных вассальными отношениями со своими сеньорами, пехотного ополчения, набираемого из крестьян, и отрядов наемников под собственным командованием, служащих исключительно за деньги. Это не говоря уже о возможном существовании фактически независимых рыцарских орденов или, скажем, церковной гвардии, если церковь в этом мире имеет атрибуты светской власти...

- Кстати, о крестьянах, - сказал Локхарт. - Как по-вашему, джентльмены, этот дядюшка Зак похож на одного из них?

- Даже с учетом того, что крестьяне в этой стране, видимо, ближе к британским йоменам, чем к французским вилланам, я сильно сомневаюсь, что этот человек - простой фермер, каким представляется, - заметил с усмешкой де Сегюр.

- Я не занимался всерьез говорами средневековья, но я бы сказал, что его речь - это не речь крестьянина, а речь человека, пытающегося изобразить из себя крестьянина, - согласился Вельо. - Сквозь нарочитое просторечие... иногда слишком нарочитое, на мой взгляд... проскакивают слова и выражения, характерные для совсем иных социальных страт. При этом его изначальное происхождение может быть и не знатным. Но разбирается он определенно не только в быках и коровах.

- Кстати, этот его мясной бизнес - тоже весьма примечательный момент, - подхватил де Сегюр.

- Вы так спросили его, почему он везет нас в город, будто подозревали, что он и нас на мясо пустить собирается, - припомнил полковник.

- Ну не то чтобы прямо так буквально, но, в общем, мясная лавка его племянника - если это действительно его племянник - это и в самом деле хорошее прикрытие. Вообще в средневековом городе и убийство, и избавление от трупа проще, чем в цивилизованном - прежде всего потому, что институт криминального расследования фактически отсутствует, стражники могут взять кого-то только с поличным или по доносу - но если надо, чтобы некий человек навсегда исчез... возможно, и после допроса с пристрастием... то мясная лавка - идеальное для этого место.

Раздался стук. Локхарт обернулся было к стене, за которой должен был нести свою вахту Шрамм, но тут же понял, что стучали в дверь.

Прежде, чем он или кто-то другой ответили, дверь скрипнула, приоткрываясь, и в щель просунулось хорошенькое личико со вздернутым носиком и ясными карими глазами.

- Можно? Я белье принесла.

Вновь не встретив противодействия, служанка - не вошла, не проскользнула, а как-то мигом оказалась внутри комнаты, пяткой затворив за собою дверь. При словах "средневековая трактирная служанка" воображение Локхарта рождало два противоположных образа: пышная разбитная девица с черными кудряшками и вываливающимися из глубокого декольте грудями, разносящая по залу литровые кружки пива, или, напротив, худая бледная скромница в чепце и фартуке, метущая золу где-нибудь у камина. Особа, объявившаяся в комнате со стопкой сложенных простыней в руках, не походила ни на один из этих вариантов. Прежде всего, это была совсем еще девчонка - едва ли ей исполнилось даже полные пятнадцать. И фигурой, и стремительностью движений она скорее походила на мальчишку - но для того, чтобы и впрямь сойти за такового, ей пришлось бы не только сменить юбку на штаны, но и обрезать пышные каштановые волосы, в художественном беспорядке реявшие вокруг ее головы. Чепец на подобных волосах был бы возмутительным надругательством. Немного веснушек на носу и чуть длинноватые передние зубы со щелкой между резцами ничуть ее не портили, а лишь

подчеркивали озорной вид.

- Кровати позволите сейчас застелить? - осведомилась она таким тоном, словно не была служанкой, а, напротив, напоминала нерадивым слугам об их обязанностях.

Локхарт хотел было ответить "оставь белье, мы сами застелем", но затем подумал, что, возможно, здесь такое не принято и подрывает авторитет постояльца - а им очень важно выглядеть солидными клиентами, во всяком случае, до тех пор, пока они не решат проблему собственной платежеспособности. Поэтому он с показной брюзгливостью ответил: "Ну давай, только побыстрее."

Девчонка проскользнула между сидящими к свободной кровати - успев по дороге окинуть быстрым внимательным взглядом всех четверых - и сноровисто принялась за дело, всей своей узенькой спиной демонстрируя, что ее ни капельки не интересует, какие такие разговоры ведут четверо необычных гостей в этой комнате. Но, разумеется, разговор с ее появлением прекратился.

- Ты, что ли, Ильза? - осведомился Локхарт, нарушая повисшую паузу.

- Ага, - ответила служанка, лихо взбивая подушку. - Так что вы, ежели вам чего надо, сразу меня зовите. Можно просто на лестницу выйти, крикнуть: "Ильза!" - и я услышу. Ну или вниз спуститься, если, скажем, других беспокоить не хотите.

"Ну да, - подумал полковник. - Когда в номерах ни телефонов, ни электрических звонков, как еще?"

- Племянница дядюшки Зака? - уточнил де Сегюр.

- Не. Я его тоже так зову, его все так кличут, но по правде-то это мой отец его племянник. Он у меня мясом торгует, это, как отсюда выйдете, направо - или налево, ежели через задний выход - и там будет Гончарная улица, вот по ней, значит, в сторону центра, это вот туда, - она махнула рукой, - там площадь будет с колодцем, вот от колодца, значит, направо, это будет Башмачная улица, ее сразу узнаете, там на первом же доме вот такой сапог жестяной здоровенный висит, и вот с нее второй поворот налево, и там как раз на углу его лавка будет, отца моего то бишь. За мясом только к нему идите, не пожалеете. Ни у кого в городе таких копченых колбас больше не найдете.

- Понятно, - усмехнулся граф. - А сюда он тебя пристроил?

- Ну, вестимо, он.

- А я думал - дядюшка Зак.

- Ну, он присоветовал.

- Готлиба - твоему отцу, или тебя - Готлибу?

- Да обоим, наверное. Они с Готлибом давние знакомые, у них старые дела были.

- Что за дела? - осведомился де Сегюр тоном светской скуки, но Ильза на это не клюнула:

- Мне про то не рассказывали, и вообще, я про хозяина не сплетничаю, - она взмахнула в воздухе покрывалом, позволяя ему опуститься на прежнее место, и принялась аккуратно расправлять складочки.

- А про гостей? - усмехнулся граф.

- Не, - Ильза обернулась, широко распахнув и без того большие честные глаза, - я никогда, могила! Мне вы завсегда доверять можете. Ежели разузнать чего надо, или позвать кого, или там записку передать - вы мне только скажите, я мигом. Хоть и на другой конец города могу сбегать.

- А хозяин-то отпустит? - продолжал расспрашивать де Сегюр.

- А что хозяин? Он знает, что ежели я куда бегу, так не просто так, а поручение гостей исполняю. А куда, какое - это ему дела нет. Я ж тут не единственная прислуга. Так вы вторую постель мне заправить-то дадите?

Локхарт и Якобсон, улыбаясь, пересели на другую кровать, освобождая Ильзе поле для деятельности. Управившись и там и осведомившись, желают ли гости обед в номер ("Возможно,

но попозже", - ответил Локхарт), Ильза с оставшимся бельем выпорхнула из комнаты, чтобы заправить кровати и во втором номере.

Де Сегюр тут же сделал остальным знак молчать, на цыпочках подкрался к двери, замер возле нее на несколько секунд, затем резко распахнул - но весь этот маневр оказался напрасным, за дверью никто не подслушивал. Когда граф возвращался на свое место, на его лице отобразилось как будто даже легкое разочарование.

- Думаете, и Ильза вовлечена в шпионские игры? - скептически осведомился Локхарт.

- Сами посудите, как тут все складно стыкуется, - ответил граф. - Имеется некий дядюшка Зак, который все тут хорошо знает, но сам в городе не живет, а бывает наездами - якобы с фермы, а откуда на самом деле, про то горожанам знать не обязательно. У него тут имеется племянник с мясной лавкой, которую - помимо повода для частых визитов, не вызывающих подозрений - я уже сказал, как можно использовать. Кроме того, имеется Готлиб с его гостиницей, удобно обустроенной как для тех, кто желает незаметно в нее попасть, так и для тех, кому может понадобиться внезапно и быстро ее покинуть. И нас, заметим, провели именно этим путем. При этом гостиница - это опять-таки такое место, где появление посторонних в городе людей и встреча их друг с другом есть дело совершенно естественное и подозрений не вызывающее. У Готлиба с Заком давние, но не конкретизируемые связи. И, кстати, совсем не обязательно дружеские. Тут возможны варианты от регулярного жалованья до шантажа. И в этом случае Ильза может быть не только связной между гостиницей, мясной лавкой и Заком, но и, в некотором роде, надзирательницей, присматривающей за Готлибом...

- А она не слишком мала для этого? - не выдержал Вельо.

- Ну, во-первых, она может оказаться старше, чем выглядит, - невозмутимо возразил граф. - Во-вторых, в средневековье люди вообще взрослели рано. Девушку могли выдать замуж в четырнадцать, а то и раньше; если она оставалась незамужней в двадцать пять, то уже считалась старой девой, а в сорок - старухой... Ну и, разумеется, я не знаю, насколько она посвящена в детали. Вполне возможно, что ее задача - только наблюдать и докладывать, а с этим она справиться вполне в состоянии. Плюс выполнять поручения особых клиентов, передавать те же записки - и совсем не факт, кстати, что не заглядывая в них при этом... Ну а то, что из-за возраста и пола ее мало кто может заподозрить в чем-то серьезном - это дядюшке Заку и тем, кто за ним стоит, сами понимаете, только на руку.

- Вы полагаете, на самом деле никакого родства между ними нет? - спросил Якобсон.

- Может быть, и есть. А что вас смущает? Средние века - пора наследственных ремесел. Династия королей, династия гончаров, династия шпионов. Риск? Ну да. Но ведь и король, готовя сына к царствованию, знает, что того могут убить - но не предлагает ему из-за этого выбрать более спокойную работу...

- Сына или дочь, - пробормотал Локхарт.

- Именно так.

- Так на чьей стороне, по-вашему, Зак - и куда, соответственно, пытается нас втянуть? - спросил полковник. - Вроде бы формально он высказывал лояльность принцессе, но это, как я понимаю, ничего не доказывает?

- В общем случае, разумеется, не доказывает, - согласился граф. - Не будет же он заявлять первым встречным незнакомцам о своей нелояльности к официальной власти. Но Зак и его сеть, очевидно, обосновались здесь задолго до нынешних событий. А в Хассенворте, напомню, своя специфика. В то время как в королевстве в целом готовятся столкнуться три силы, здесь имеется граф Хагентрауб, который на трон, как я понимаю, не претендует, а просто хочет под шумок вернуть себе город, что, кстати, местных жителей вряд ли прельщает. И он, соответственно, готов поддержать того, кто ему это пообещает, а это Арвик. Но раньше Арвик, напомню, считался законным наследником. Поэтому графу не было особого резона создавать здесь свою тайную сеть, готовящую, к примеру, захват города - достаточно было просто сидеть и ждать, а

уж если интриговать, то не здесь, а в Дракенхайме, чтобы Арвик не передумал. Для Арвика отдача города, снижающая, что ни говори, королевские доходы - вынужденная мера, а никак не цель, а может быть, с его точки зрения и вовсе пустяк, не стоящий внимания. Соответственно, ему создавать такую сеть тем более нет смысла, да и, подозреваю, когда дядюшка Зак обосновался здесь, Арвик был еще ребенком. В свою очередь, король и его брат-коннетабль действовали в то время заодно; герцог, очевидно, мирился со своим положением младшего брата, которому не светит престол - о его лояльности Гумбольдту свидетельствует хотя бы должность, на которую тот его назначил - и лишь теперь его настроение на сей счет поменялось, или, во всяком случае, могло поменяться. В прошлом же, повторяю, они действовали сообща и прислали сюда своего человека, с кандидатурой которого были согласны оба - но этот человек не Зак, а Дармонт, причем с явными, а не тайными полномочиями. Остается еще и такой вариант, что свою сеть создали сами горожане, желающие во что бы то ни стало отстоять свой статус вольного города. Но в этом случае, скорее всего, дядюшка Зак был бы не пришлым фермером, бывающим в городе наездами, а, напротив, городским ремесленником или купцом, совершающим деловые поездки вовне...

- Так кто же в таком случае? - удивился Локхарт.

- Я думаю, все-таки король. Во-первых, он мог организовать негласное наблюдение за ситуацией в городе еще в те времена, когда здесь не было никакого Дармонта. Негласное потому, что наличие явного соглядатая от короля, видимо, нарушает привилегии вольного города, и лишь ухудшение политической ситуации - в первую очередь внешняя угроза, реальная или преувеличенная - дало для этого достаточный повод, вероятно, оформленный как просьба о защите от самих горожан. А во-вторых, Дармонт - в прошлом человек Хагентрауба, а ныне человек герцога Бронгарского. И для короля вполне закономерно было желание, никоим образом не выказывая своего недоверия, дабы никого из них не задеть, все же тайком за капитаном приглядывать.

- Вы забыли еще одну возможность, - буркнул Вельо. - Та самая внешняя угроза. Иностранные шпионы.

- Тоже не исключено, - согласился де Сегюр. - Хассенворт - город хоть и не портовый, но прибрежный. В случае высадки десанта со стороны Атлантики он может сыграть существенную роль. Но то, как Зак говорил с нами, совсем не походило на вербовку в пользу иностранного государства. Скорее наоборот. Да и смысла особого нет нас вербовать, мы все еще слишком приметны - иностранной державе нужны отнюдь не такие агенты... Собственно, Зак сказал это открытым текстом.

- А что ему вообще от нас надо? - воскликнул Вельо. - По-вашему, это нормально - вот так с бухты-барахты втягивать в политические игры первых встречных незнакомцев?

- Мы не просто незнакомцы, - тонко улыбнулся де Сегюр. - И встреча на дороге, полагаю, была не случайной. Как справедливо заметил наш командир, падение "Доброй воли" должно было быть видно и слышно из города. Еще до того, как звездолет упал в океан, он вошел в плотные слои атмосферы на гиперзвуке... С точки зрения жителя средневековья это, конечно, всего лишь метеорит - хотя и такое событие само по себе примечательно, тем более для людей эпохи, склонной трактовать природные и особенно небесные явления в мистическом и пророческом смысле. Но дядюшка Зак счел это событие достаточно важным, чтобы поехать посмотреть лично. Кстати, то, что он прибыл лишь на следующее утро, доказывает, что в городе его на тот момент не было, и, возможно, не было даже в окрестностях. Кто-то примчался и доложил ему...

- Почему же Зак не взял с собой никого для подстраховки? - усомнился Локхарт.

- Возможно, в определенных ситуациях он предпочитает действовать в одиночку.

- Думаете, он понял, кто мы такие на самом деле? Еще до того, как я попытался ему втолковать?

- Не исключено. У меня не возникло впечатления, что цивилизованное прошлое забыто здесь начисто. Канализацию, к примеру, они сохранили... Скорее эта тема просто считается табу. Возможно, это табу достаточно эффективно, чтобы вытравить тему из памяти простого народа. Но кому надо, тот знает - не всё, разумеется, но кое-что. Достаточно, чтобы осознать, что прибытие людей, владеющих знаниями прошлого, способно стать существенной гирькой на весах нынешних раскладов.

- С гирькой можно поступить по-разному, - хмуро заметил Локхарт. - Ее можно бросить на свою чашу весов. А можно уничтожить, чтобы она не попала на чужую.

- Именно так, - кивнул де Сегюр.

- В этом плане мне не нравится, что нас провели в эту гостиницу чуть ли не тайком, - продолжал полковник. - Конечно, на улице нас видели довольно многие, но придали ли они этому значение? Ну, ехали на телеге какие-то люди в необычных карнавальных костюмах. Если после окончания карнавала никто этих костюмов больше не увидит, это ни у кого не вызовет удивления.

- Да, - согласился граф. - Возможно, пряча нас у Готлиба, дядюшка Зак как раз хочет защитить нас от такого варианта. Но возможно - и сам держит его про запас, если мы откажемся сотрудничать с представляемой им партией.

- Так вы все же полагаете, что это партия принцессы? - уточнил Локхарт. - Потому что, как мы только что обсудили, человек, ранее лояльный Гумбольдту, совсем не обязательно ныне лоялен его дочери.

- Ну, теоретически да, - согласился де Сегюр. - Он мог принять и сторону герцога. Уж точно не Арвика, о коем он отзывался без всякого почтения... Хотя, строго говоря, пока что мы не знаем с уверенностью, что герцог и в самом деле собирается бороться за трон. Такое предположение естественно, но дядюшка Зак напрямую этого не сказал.

- Возможно, он и сам не знает, - заметил Якобсон. - И только опасается такого варианта.

- Да, или наоборот, - задумчиво произнес граф. - Может быть и такой расклад, что в партию герцога не входит сам герцог.

- Как это? - удивился Вельо.

- Есть люди, желающие посадить его на трон. Но, допустим, сам он - честный служака, не желающий смуты и готовый исполнить волю покойного брата. Вопрос, однако, долго ли он будет сопротивляться тем, кто подталкивает его к иному? С одной стороны - естественное тщеславие, с другой - аргументы типа того, что для предотвращения смуты стране нужен как раз-таки сильный монарх, популярный в армии, а не какая-то девчонка...

- В чем, между прочим, есть резон... - пробормотал Локхарт.

- Так, по-вашему, когда Зак говорил, что все должны исполнить волю Гумбольдта и присягнуть его дочери, он выражал свою настоящую позицию, лукавил или прощупывал нас? - вновь вернулся к теме Вельо.

- Трудно сказать определенно, - признал де Сегюр. - Мне все же кажется, что если бы он хотел склонить нас на сторону герцога, то подобрал бы другие слова. Хотя, повторяю, возможно всякое. Даже... даже такая, к примеру, схема: принцесса восходит на трон, герцог Бронгарский и все прочие ей присягают, воля короля исполнена, ничей авторитет не подорван, смуты нет. А затем королева отрекается в пользу дяди. И спокойно возвращается к своему вышиванию. Или, еще лучше, выходит замуж за какого-нибудь гроггендорского принца. Ну или более длинный вариант - выходит замуж, рожает ребенка и тут же отрекается в его пользу, а герцог становится регентом. И все это, естественно, оговаривается заранее.

- А муж? - спросил Вельо.

- Муж остается принцем-консортом, не имеющим права на престол. Хотя, опять же, возможны варианты. Вплоть до личной унии.

- В эту идиллию не вписывается Арвик, - заметил Локхарт.

- Разумеется. Не бывает так, чтобы хорошо было сразу всем. Но Арвик объявлен бастардом и к тому же, насколько я понимаю, не очень популярен, будучи сыном сумасшедшей. Он не сможет раскачать ситуацию в одиночку, если прочие силы королевства будут едины. А тем более - поддержаны извне благодаря династическому браку...

- Пока что это только ваша гипотеза, - напомнил Якобсон.

- Гипотеза... или программа действий, - произнес де Сегюр, все больше увлекаясь этой идеей. - Если они сами до этого еще не додумались, я бы предложил им именно такой выход из ситуации.

- Как в старом анекдоте - осталось уговорить принцессу, - улыбнулся Якобсон.

- Вы думаете, 19-летняя девушка, тем более - получившая средневековое воспитание, больше всего мечтает принять на себя всю тяжесть управления страной в условиях гражданской, а возможно - еще и внешней войны?

- Насчет воспитания я бы не был так уверен, - заметил Локхарт. - Если отец решил передать трон ей, у него, наверное, были основания считать, что она готова к этой миссии. В противном случае, даже если он хотел во что бы то ни стало отстранить Арвика, он мог без всяких проблем, не меняя старого закона, оставить престол младшему брату.

- Я правильно понимаю, что мы теперь выбираем между Элинор и герцогом, а Арвика поддерживать точно не собираемся? - осведомился Вельо, и по тону его трудно было понять, говорит от серьезно или иронизирует.

- Я бы не рекомендовал, - произнес Якобсон. - Наследственность у этого молодого человека действительно не лучшая. Само собой, она еще не гарантирует болезни, но когда на кону стоит благополучие целой страны, тем более при средневековом уровне медицины...

- Если все это вообще не вранье, - заметил Вельо.

- В каком смысле? - не понял Якобсон.

- Его мать могли просто объявить сумасшедшей и запереть в... куда тут у них принято запирать королев в таких случаях? Просто потому, что королю, допустим, приспичило жениться на другой, а разводы без достаточно веских оснований тут запрещены или сопряжены с большими трудностями... Кто бы стал проверять и кто бы смог опровергнуть официальную версию?

- Хм... и такое вполне возможно, - признал де Сегюр. - Интересно, жива ли она еще? Полагаю, доктор Якобсон, если бы вам удалось с ней увидеться, вы бы поставили правильный диагноз?

- Скорее всего, но текущий, а не ретроспективный. Я имею в виду, что четверть века в заключении - или сколько она там провела - вполне способны свести с ума и изначально здорового человека. Особенно если тюремщики в этом заинтересованы. Конечно, будь в моем распоряжении необходимая аппаратура, я мог бы, по крайней мере, сделать выводы о наличии органических патологий мозга и, главное, о генетических аномалиях... но нет смысла обсуждать то, что теперь уже заведомо недоступно.

- В любом случае полагаю, доктор, что вам не следует сообщать местным о вашей специализации, - заявил граф. - Во всяком случае, до тех пор, пока мы не определимся, на чьей мы стороне.

- Верно, - согласился Локхарт. - Если болезнь бывшей королевы - действительно обман, и если они поймут, что вы, хотя бы теоретически, можете его разоблачить...

- Они ведь не обязаны признавать мой диагноз, - улыбнулся Якобсон. - У меня даже не осталось диплома, который я мог бы им предъявить. Даже если наши чипы все еще читабельны... - доктор покрутил в воздухе рукой, под кожу ладони которой был вживлен идентификационный чип.

- В истории борьбы за троны даже и куда более шаткие основания, чем диагноз, поставленный врачом без диплома, нередко играли ключевую роль, - возразил де Сегюр. - Какая-

нибудь клятва на Библии здесь с успехом заменяет любые электронные сертификаты, прошитые в наших чипах. Даже просто слух о том, что какая-нибудь неграмотная служанка видела королеву и убедилась, что та в здравом уме...

- Но сумасшествие матери Арвика вполне может быть и правдой, - заметил доктор.

- В таком случае вы представляете угрозу не для партий принцессы или герцога, а для партии Арвика, которая, вероятно, попытается доказать обратное.

- Пожалуй, - вынужден был согласиться Якобсон.

- Так каковы ваши выводы, посланник? - осведомился Локхарт у де Сегюра. - Какую тактику подсказывает вам ваша дипломатическая интуиция?

- Первое: хотим мы того или нет, мы участвуем в игре. В покое нас не оставят. Если на нас готова сделать ставку - не поручусь пока, насколько крупную - одна из сторон, тем самым мы автоматически становимся объектом интереса и для всех остальных. Совсем не дружественного интереса, само собой. Даже если бы мы и заявили о своем желании удалиться в пустыню, боюсь, нам бы не поверили. Мы просто лишились бы покровительства потенциальных союзников и остались один на один с потенциальными врагами, желающими, как вы любите выражаться, полковник, устранить лишнее неизвестное из уравнения. Второе: нам нет смысла задерживаться в Хассенворте и иметь дело с локальными проблемами и второстепенными персонажами. Нам надо как можно скорее - пока нас не попытались остановить - пробираться в столицу и вступать в контакт с лицами, принимающими решения.

- Что вы, собственно, и хотели с самого начала, - заметил Вельо.

- Да. Но сейчас эта тактика видится мне не просто желательной, а единственно возможной. Если мы не хотим, чтобы какие-нибудь туповатые исполнители убрали нас по-тихому - возможно, даже не докладывая наверх, просто чтобы не усложнять. Учтите, кстати, что любые доклады в столицу сейчас занимают несколько дней, а не несколько минут, как в нашу эпоху - и, соответственно, исполнителям на местах дана куда большая власть действовать самостоятельно в быстро меняющейся ситуации. Что касается того, кого именно нам следует поддержать, то вы уже знаете, какой план я хочу предложить герцогу и принцессе. Он, в принципе, отвечает интересам обоих, хотя, конечно, герцогским в большей степени. Арвик, таким образом, становится нашим противником, но чем позже он об этом узнает, тем лучше. Особенно желательно, чтобы он не узнал об этом прежде, чем мы покинем земли союзного ему Хагентрауба.

- То есть вы считаете, что нам нет смысла встречаться с городскими властями, - полувопросительно произнес Локхарт.

- Дармонт, несомненно, оказал бы нам большую услугу, если бы обеспечил транспортом и охраной до Дракенхайма. Но с тем же успехом он может и попытаться не пустить нас туда. Так что я бы не рисковал посвящать его в наши планы. Вот еще, кстати, момент, который все мы должны иметь в виду. Мы привыкли повторять, что политика - дело грязное, но в наше время она все же делалась по правилам. Эти правила, конечно, нарушались. Но нарушение вызывало всеобщее осуждение, и не только моральное. Нарушитель, какой бы высокий пост он ни занимал, рисковать окончить свои дни в тюрьме или даже еще хуже. Этот принцип действовал даже после распада ООН. Но теперь, очевидно, не так. Теперь тоже существуют формальные законы и правила, но обязательный характер они носят только для обывателей. А для участников больших политических игр главные принципы - это "цель оправдывает средства" и "победителей не судят". Я, возможно, проговариваю очевидные вещи, но важно, чтобы каждый из нас осознал их по-настоящему. Не только на сознательном, но и на подсознательном уровне, если угодно. Потому что интуитивно мы привыкли считать, что нас не могут, к примеру, арестовать просто так. Что должно быть предъявлено формальное обвинение, которое, конечно, может быть сфабриковано, но нам обязаны предоставить адвоката, консула и так далее. Что есть, наконец, независимая пресса, правозащитные организации и миллионы пользователей глобальных сетей.

Теперь не так. С нами могут сделать все, что угодно, без соблюдения каких-либо формальностей, и никто не понесет за это ответственности - при условии, что его партия победит. И это даже не коррупция, привычная нам по диктаторским режимам нашей эпохи - это просто норма современного мира, которой никому в голову не приходит возмущаться. Мира, где проигравший в борьбе за верховный пост отправляется не в оппозицию, а на плаху. Ну или, если очень повезет - в изгнание. С соответствующими последствиями для его команды.

- Звучит обнадеживающе, - проворчал Вельо.

- Не я придумал теперешний мир, - пожал плечами де Сегюр. - Я лишь объясняю, как он устроен. Даже если они сохранили канализацию и, возможно, что-то еще, политическая и правовая культура здесь наверняка откатилась на классический средневековый уровень - который, вообще говоря, и в прошлой истории во многом сохранялся аж до XIX столетия, а кое-где и дольше. Ставки высоки. Но не играть мы не можем.

- Ладно, джентльмены, - резюмировал Локхарт, - в любом случае, мы не можем покинуть город прямо сейчас. У нас нет транспорта - полагаю, никто из вас не умеет ездить верхом? - нет денег, нет оружия, которым мы опять-таки не умеем пользоваться, и мы даже не знаем, какая именно дорога ведет в Дракенхайм. Видимо, нам придется положиться на помощь дядюшки Зака в этих вопросах. А сейчас мы можем пообедать.

- Нас тут не отравят? - усмехнулся Вельо.

- Не будем все же впадать в паранойю, - ответил полковник. - Мы, конечно, можем растянуть наш НЗ еще на несколько дней, но рано или поздно все равно придется переходить на местную пищу. А Зака и его людей мы будем рассматривать, как союзников, пока не доказано обратное.

- Спустимся в общий зал или закажем сюда? - осведомился Якобсон и тут же сам ответил: - Думаю, лучше спуститься. Если гостиница - территория наших друзей, то лишние контакты нам не повредят, а дать новую информацию могут. А если все-таки нет, то едва ли в изоляции мы будем в большей безопасности, чем на глазах у кучи народу.

- Согласен, - кивнул Локхарт, поднимаясь.

Они вышли в коридор. Пока полковник запирал дверь - бессмысленная в общем-то условность, учитывая, что они не оставили в номере никаких вещей, если не считать гостиничного белья и свечей - Якобсон пошел позвать Шрамма. На стук деликатного доктора тот не откликнулся - что было не очень удивительно в его нынешнем состоянии - после чего Якобсон приоткрыл незапертую дверь и просунул голову внутрь:

- Гюнтер, мы идем... - он запнулся, шагнул внутрь и тут же выскочил обратно: - Его здесь нет!

Локхарт рефлекторно оглянулся по сторонам - не увидев, разумеется, ничего примечательного, кроме пустого коридора и растерянных лиц своих товарищей - а затем решительно направился к соседней двери.

- Вы уверены? - вырвалось у него. Вопрос прозвучал глупо, и Якобсон округлил глаза:

- Ну он же не иголка! Сами видели, в этих комнатах негде спрятаться, да и зачем?

- Ну, например, под кроватью, - пробормотал полковник, - а насчет зачем - вы сами говорили, что последствия травм могут быть непредсказуемыми... Майор! Где вы? Это ваш командир!

Однако под тремя кроватями, занявшими почти все пространство, не обнаружилось ничего, кроме изрядного слоя пыли под двумя из них, стоявшими на старых местах. Все три были аккуратно заправлены - Ильза, очевидно, сделала свое дело; Локхарт присмотрелся к постели возле стены, разделявшей комнаты астронавтов, и даже потрогал одеяло, но не похоже было, чтобы после ухода служанки здесь кто-то сидел. Полковник выглянул в окно, затем рывком распахнул его (рама скрипнула, не без труда сдвигаясь с места; похоже, открывали ее нечасто). На камнях переулка внизу не было, к счастью, ничего примечательного; под окнами

третьего этажа проходил неширокий карниз, по которому, при достаточной отваге, можно было пробраться вдоль всей стены и попасть в другое окно в этом и даже в соседнем здании, а при определенных акробатических навыках, наверное, отсюда можно было влезть и на крышу. Но зачем бы Шрамму понадобилось подобное? Куда логичнее, конечно, предположить, что он просто вышел через дверь, не поставив в известность своих товарищей. Но опять-таки, куда и зачем? Скафандр, рассчитанный на переработку всех телесных выделений без контакта с внешней средой, избавлял его даже от необходимости ходить в уборную. Полковник все же проверил последнее предположение, но туалет в конце коридора был пуст.

- Он ушел сам, - сказал Вельо. - Иначе мы бы услышали шум борьбы.

- Если только маленькая Ильза не воткнула в него иголку с каким-нибудь быстродействующим препаратом, - заметил вполголоса де Сегюр. - А потом бесшумно прокрались люди посильнее... возможно, уже ждали в другом номере...

- Но зачем? - возмутился Якобсон. - Давайте действительно не впадать в паранойю!

- Просто один из вариантов, - пожал плечами граф. - Не самый вероятный, согласен, но возможный. Впрочем, в любом случае не стоит обсуждать это в коридоре.

- Мы идем на поиски, - распорядился Локхарт. - Возможно, он еще в гостинице. Может, просто проголодался и пошел обедать без нас. Но если надо, мы перероем весь город. Если он ушел сам, мы его найдем.

Астронавты практически ссыпались вниз по крутой лестнице. Локхарт бежал впереди всех, мысленно ругая себя за казавшуюся столь удачной идею удалить поглупевшего коллегу с ответственного совещания. Вот теперь выясняй, куда его увела его травмированная голова - в незнакомом городе незнакомой эпохи, где и самому умному из них легко попасть впросак! - и какие последствия это будет иметь не только для него лично, но и для всех остальных...

Они выскочили в холл, пустой и мрачный из-за потемневших деревянных панелей и скудного освещения; свет с улицы едва пробивался в глубину помещения. Коридор позади них вел к выходу в переулок; справа, за довольно обшарпанной двустворчатой дверью, по всей видимости, находилась трапезная, откуда доносились аппетитные запахи чего-то жареного. За массивной дубовой стойкой слева не было ни Готлиба, ни кого-либо из его подручных.

- Ильза! - Локхарт произнес это достаточно громко, но все же стараясь не кричать на всю гостиницу.

- Звали? - девчонка возникла у них за спиной; они так и не поняли, откуда она выскользнула - возможно, из каморки под лестницей.

- Ты видела нашего товарища? - Локхарт обернулся к ней, пристально глядя ей в глаза.

- Когда?

- Когда заправляла постели во втором номере. И потом тоже.

- Да, он там был. Я попросилась белье застелить, так он мне ничего не сказал, только кивнул. Когда я уходила, он у окна стоял.

- А потом? Больше ты его не видела?

- Не, почему же, видела. Он почти что сразу следом за мной спустился.

- И куда пошел дальше?

- Ну, почем мне знать. Карнавал смотреть, наверно.

- Он не пытался, скажем, записку передать? Или еще как-то дать знать, где его искать, если он быстро не вернется?

- Не-а. Он вообще, небось, не заметил, что я видела, как он спускался. Я его хотела окликнуть, мол, не хочет ли он отобедать, а потом подумала, не, лучше не буду навязываться. У него вид суровый такой, такие обычно не любят этого.

- Он ушел один?

- Один.

- Через парадный вход?

- Да.

- Н-ну ладно, - Локхарт решительно направился тем же путем; остальные последовали за командиром.

- А вы-то как же, добрые господа? - донеслось им вслед. - Тоже обедать не будете?

- Позже, - повторил ей полковник. - Когда вернемся.

Они вышли во двор, образованный зданием гостиницы и примыкавшими к нему слева и справа длинными сараями, а затем - на улицу, где сразу же оказались в толпе гуляющих. Солнце уже клонилось к вечеру, так что узкие каменные улочки, зажатые между вплотную сомкнутыми домами, почти повсеместно погрузились в тень, и лишь красные черепичные крыши, полукруглые и треугольные чердачные окна и блестящие, словно надраенные, флюгера еще ярко горели в косых вечерних лучах на фоне безупречно-синего неба. Народу на улицах еще прибавилось, так что астронавты вынуждены были дрейфовать по течению, не представляя, куда оно их принесет (впрочем, так же, вероятно, перед этим поступал и Шрамм). Теперь среди нарядов все чаще попадались не просто праздничные, но и откровенно карнавальные - карикатурные звездочеты и алхимики в балахонах и разрисованных загадочными символами колпаках, пираты с бутафорскими ятаганами, огромными носами и свирепо топорщащимися усами (не очень-то деликатно рядиться для забавы пиратами после того, что те совсем недавно учинили неподалеку, подумал Локхарт; впрочем, есть ли дело горожанам до проблем окрестных деревушек?), вельможи в завитых париках, увешанные вырезанными из жести орденами, какие-то восточного вида личности в халатах, шароварах и пышно накрученных чалмах и тюрбанах (значит, контакты с Азией сохраняются? или это потомки американских мусульман? впрочем, возможно, Азия для этих людей - не более чем сказочная страна из легенд), судьи в мантиях и палачи в красных колпаках с прорезями для глаз. Кое-где под всеми этими накладными носами, усами и бородами явственно угадывались хорошенькие женские личики. Не все веселящиеся изображали людей; были здесь и звери с острыми ушами и мохнатыми носами, и птицы с длинными клювами и торчащими из волос перьями, и нечистая сила - рогатые черти с зачерненными сажей лицами, мертвецы в лохмотьях - у этих, напротив, лица были выбелены, а вокруг глаз темнели круги, упыри с кривыми когтями и торчащими изо рта клыками, безобразные горбатые карлики с кровавыми улыбками до ушей (их, очевидно, изображали дети) и сама смерть с косой во многих экземплярах. Безголовый труп в глухом черном плаще с высоким воротом нес насаженную на палку собственную голову, выглядевшую, надо сказать, весьма реалистично; поворачивая палку, он словно давал ей осмотреться по сторонам. У какой-то дамы - причем не первой, похоже, молодости - восседал на голове не менее реалистичный гигантский паук, и паутина вуалью спадала на ее лицо. Неудивительно, что на фоне всего этого скафандры астронавтов хотя и заслужили несколько любопытствующих взглядов, но по-прежнему не вызывали никакого повышенного интереса. Если кто из четверки и привлекал внимание, то разве что Вельо, но не благодаря своему облачению, а благодаря своим внушительным габаритам. Именно он, возвышавшийся над толпой почти на целую голову, был сейчас главным наблюдателем группы, пытавшимся высмотреть во всей этой пестрой толчее знакомые цвета скафандра Шрамма, в то время как низенькому Якобсону не было видно вообще ничего, кроме плеч и голов стискивающей его со всех сторон публики.

- Не заблудиться бы нам в этих лабиринтах, - пробормотал врач. - Капитан, рассчитываю на ваш опыт навигатора. Лично я уже понятия не имею не только в какой стороне гостиница, но и в какой мы части города.

- В нынешние времена заблудиться довольно трудно даже без компаса в шлеме, - усмехнулся полковник, указывая вверх, где в начавшем уже темнеть небе все ярче наливалось светом Кольцо.

- Может быть, именно за этим они его и сделали? - предположил де Сегюр. - Просто в качестве ориентира?

Локхарт бросил на него взгляд и понял, что тот не шутит.

- Представьте себе размеры и массу этой штуки, - возразил полковник. - По-моему, слишком дорогое удовольствие для простой альтернативы компасу.

- Почему бы и нет. Не мне вам рассказывать, что магнитные компасы неудобны и ненадежны. Магнитный полюс мало того что заметно отстоит от географического, так еще и прецессирует, плюс влияние внешних полей. А сигналы GPS и радиомаяков не везде ловятся... то есть ловились. А тут - постоянный указатель восток-запад, видимый из любой точки Земли.

- Не из любой, - поправил Локхарт. - Примерно до восьмидесятой параллели. Да и в более низких широтах - только при ясном небе.

- Ну, за восьмидесятой параллелью нормальные люди не живут. А Кольцо, возможно, излучает в диапазоне, видном сквозь облака в соответствующий прибор, - предположил граф. - А что касается стоимости проекта... возможно, по их меркам она была не столь уж высокой. Мы не знаем, как высоко они поднялись, прежде чем...

- Кстати, вы пытались связаться со Шраммом по радио? - спросил Якобсон. - Даже если он не может ответить - хотя чуть-чуть говорить он способен - он должен понять, что мы его зовем...

- Пытался несколько раз, - покачал головой Локхарт. - Бесполезно. При снятом шлеме он нас, скорее всего, не услышит, тем более в праздничном шуме. (Шума действительно хватало: помимо обычных разговоров и смеха, то там, то сям звучала музыка - где дудка, где скрипки, где лютня или гитара - почти всегда не слишком искусно, но от души; раздавались выкрики торговцев, умудрявшихся в этой толчее сбывать пирожки, лепешки и сладости; периодически доносился женский визг.) А главное, - продолжил Локхарт, - в этом каменном лабиринте сигналы наших передатчиков практически не проходят.

Наконец толпа вынесла их на большую площадь - возможно, рыночную, где, однако, сейчас уже не было никакой торговли, если не считать вездесущих разносчиков. В центре лихо крутилась деревянная карусель с подвешенными на цепях лошадками; держаться в таком седле, лишенном каких-либо поручней и ремней безопасности, обязательных на аттракционах более цивилизованной эпохи, было, очевидно, не так уж и просто, и испуганно-радостные визги катающихся, проносившихся на своих неустойчивых "скакунах" над головами других гуляющих и ждущих своей очереди, не выглядели показными. Карусель приводили в движение несколько скачущих по кругу живых лошадей или мулов - разглядеть их за множеством спин и голов было затруднительно, зато явственно слышны были хлесткие удары кнута, которым их подгоняли.

Вокруг карусели - на неравных расстояниях от нее и без всякой видимой системы - было сооружено несколько высоких помостов, на каждом из которых разворачивалось свое действо. На одном из них наяривал самодеятельный оркестр, состоявший из нескольких флейт, трех визгливых скрипок, большой медной трубы, литавр и здоровенного, гулко ухающего барабана; музыканты, щедро обсыпанные мукой и конфетти, явно полагались не столько на знание партитуры (если ли они вообще когда-либо слышали это слово), сколько на громкость и импровизацию. Вокруг, вертясь и старательно топая, отплясывал народ - поодиночке, парами с поминутно менявшимися дамами и кавалерами и целыми обнимавшимися за плечи хороводами, возникавшими с такой же легкостью, с какой и распадавшимися. На другом помосте, ничуть не смущаясь какофонией по соседству, актеры с большими, в половину человеческого роста марионетками на веревочках разыгрывали нечто явно комедийное, что подтверждали периодические взрывы довольного хохота. На третьем помосте трое артистов в разноцветных трико, стоя спиной друг к другу и задрав головы, жонглировали горящими булавами. Четвертый помост оккупировали акробаты, строившие живые пирамиды. На пятом кипел бой на палках - не то еще один спектакль, не то соревнование. На шестом, похоже, толпу развлекал фокусник...

- Что ж, можно, наверное, забавляться и так, - произнес де Сегюр тоном плохо скрываемого презрения. - Без электричества, без глобальных сетей, без прямого подключения

нервной системы к компьютерам, даже без фильмов в полном 3D...

- Вот вам 3D и прямое подключение, - ответил Якобсон, обводя здоровой рукой картину вокруг. - Прямее и трехмернее не бывает.

- Привыкайте, граф, - усмехнулся Локхарт, - отныне и вам предстоит развлекаться таким образом.

- Ну уж нет, - парировал де Сегюр. - При дворе наверняка существуют развлечения и более изысканные. Театр, например - не вот этот балаган, а настоящий театр. Не забывайте, что пьесы Шекспира были написаны и игрались как раз в такую эпоху. Приличная музыка тоже - хотя расцвет классики пришелся на более поздние времена, но кто сказал, что откат произошел и в этой сфере? Турниры поэтов. Шахматы, в конце концов...

- Вон он! - воскликнул вдруг Вельо. - Я его вижу! Гюнтер! Шрамм! Идите сюда!

Астронавты резко повернулись туда, куда указывал лингвист, но мало что могли разглядеть сквозь толпу. Кажется, вдали, у одного из выходов с площади, и впрямь мелькнули знакомые бело-оранжевые цвета, но можно ли было сказать с уверенностью, что это не один из маскарадных костюмов? Тем более что солнце уже зашло и, хотя наверху сиреневая сумеречная синева еще не истаяла окончательно в ночную черноту, окруженную домами площадь озаряли уже практически одни лишь многочисленные факелы.

Тем не менее, Вельо кричал и махал руками - "Мы здесь, сюда!" - а когда это не помогло (Шрамм, если это и впрямь был он, напротив, уходил все дальше), решительно двинулся в ту сторону. Поначалу он пытался проявлять деликатность, подобающую доктору наук ("Простите! Позвольте! Извините!"), но, убедившись, что веселящаяся публика совершенно не реагирует на его просьбы, принялся напористо прокладывать дорогу через толпу широкой грудью и локтями - стараясь никого не уронить, но в то же время игнорируя недовольные крики и ругательства (коих, впрочем, было немного, ибо такой способ передвижения был здесь в порядке вещей, а желавшие все же поскандалить тут же прикусывали язык, оценив комплекцию обидчика). Какая-то нетрезвого - а может, просто излишне веселого - вида девица попыталась в прямом смысле повиснуть на шее у столь видного во всех смыслах кавалера, но Вельо со словами "пардон, мисс" перевесил ее на стоявшего поблизости белобрысого веснушчатого парня, явно не возражавшего против такого подарка. Локхарт, де Сегюр и Якобсон пристроились за лингвистом в кильватере, словно сухогрузы за ледоколом.

Продвигаясь таким образом, они сравнительно быстро - насколько это вообще было возможно в таких условиях - добрались до края площади, где Вельо видел скафандр Шрамма в последний раз, но их товарища там уже не было. По всей видимости, он покинул площадь по вливавшейся в нее в этом месте улице, и астронавты нырнули туда. Здесь, однако, продвигаться было еще сложнее, ибо на площади движение было более-менее броуновским, в то время как народ на улице - узкой, как и все улочки в городе-крепости - все еще тек преимущественно в сторону площади, так что двигаться все время приходилось против течения. Впрочем, Шрамм, очевидно, должен был столкнуться с той же проблемой, а значит, не мог уйти далеко.

Это теоретическое утешение, однако, утратило практический смысл на первой же развилке. Куда дальше? Вельо покрутил головой по сторонам, но нигде не обнаружил искомое.

- Может, разделимся? - неуверенно предложил он.

- Ни в коем случае, - отрезал Локхарт. - Каждый раз, когда я слышал эту фразу в триллерах, мне хотелось пристрелить того, кто ее произносит. Держимся только вместе.

- Гюнтер! - снова рявкнул Вельо во всю мощь своих легких. Над их головами с треском распахнулся ставень, и оттуда высунулся рыжий детина с небритой опухшей рожей - но убедившись, что зовут не его, засунулся обратно. Вельо еще раз посмотрел по сторонам и, проигнорировав переулок слева, один вид которого мог вызвать клаустрофобию, а также улицу справа, нырявшую в совершеннейший мрак без единого огня, продолжил прежний путь.

Этот путь, однако, вскоре уперся в стену дома, а точнее - прямиком в двери кабака, за

которыми, судя по доносившимся изнутри голосам, нестройно выводившим какую-то песню, тоже вовсю шло веселье. Перед астронавтами опять встал вопрос - налево или направо? На той улице, где они оказались, народу было уже меньше, и в обоих направлениях он двигался примерно одинаково. "Направо", - постановил Локхарт волевым решением.

Эта улица нырнула в арку с двумя узкими окнами сверху - очевидно, кто-то жил в квартире, располагавшейся прямо над мостовой - и за ней изогнулась вправо. Убедившись, что еще немного - и они вновь окажутся все на той же площади, астронавты повернули назад. Это тоже оказалось не лучшим решением, ибо перед аркой им пришлось остановиться, чтобы пропустить целую процессию, которая, распевая нечто, кажется, не слишком пристойное под аккомпанемент приплясывавших вокруг дудочников и рожечников, тащила длинные, увитые гирляндами цветов носилки. На носилках был установлен трон, на коем восседала живая свинья в пурпурной мантии и огромной шутовской короне. Несчастное животное, крепко привязанное к своему трону, периодически принималось визжать и дергаться, пытаясь освободиться и от пут, и от своих монарших регалий, чем вызывало бурный гогочущий восторг наблюдателей. То ли это была демонстрация цеха мясников, желавших подчеркнуть "королевское качество" своей продукции (и не здесь ли, в таком случае, находился и предполагаемый племянник дядюшки Зака?), то ли "ритуальная десакрализация королевской власти, специально дозволяемая в ярмарочные дни", как пытался объяснить сквозь весь этот гвалт де Сегюр.

Наконец астронавты смогли двинуться дальше. Они вновь миновали уже знакомый кабак (голоса внутри стали громче и агрессивнее - не иначе, там назревала потасовка), прошли под почти смыкавшимися над головой коваными балконами, с которых смеющиеся девушки швыряли в прохожих конфетти, и уперлись в очередной перекресток, где им преградило дорогу факельное шествие в странных головных уборах, в которых - в окончательно сгустившейся уже темноте, разгоняемой лишь пляшущими отсветами огня - астронавты не сразу распознали горшки и кастрюли.

- Нет, так мы ничего не добьемся, - пробормотал Вельо. - Он может быть, где угодно.

- Мальчик! Эй, постой! - Якобсон ухватил за рукав мальчишку, пробежавшего мимо, едва последний горшечник с факелом скрылся за углом. Тот без страха воззрился на незнакомца. - Ты не видел нашего товарища, одетого в такой же костюм, как у нас? Мы с ним разминулись, и...

- Этого, что ли? - спросил мальчишка лениво-презрительным тоном уличного шалопая.

- Где? - оторопел доктор.

- Да вон же! Его только что из кабака вышибли.

Все четверо обернулись и уставились на оставшийся уже довольно далеко позади кабак. Тем не менее, народ на улице уже в значительной мере рассосался - кто на площадь, кто по питейно-питательным заведениям - и в свете, лившемся из кабацких окон, астронавты отчетливо различили фигуру, стоявшую перед только что захлопнувшейся дверью с видом человека, который никак не может решить, предпринять ли новый штурм отвергшего его заведения или уйти от греха подобру-поздорову. И на сей раз сомнений быть не могло - фигура была облачена в космический скафандр с откинутым за спину шлемом.

- Черт, что он там делал... - пробормотал Локхарт, знавший, что Шрамм всегда был абсолютным трезвенником. Во всяком случае, до тех пор, пока с ним не случилось то, что случилось. - Гюнтер!

То ли услышав этот окрик, то ли просто приняв, наконец, решение не искушать судьбу, фигура повернулась и потопала прочь. "Да что ж это такое!" - проворчал де Сегюр. Четверо, лавируя между еще остававшимися на улице гуляющими, бегом устремились в погоню.

Шрамм по-прежнему не реагировал на оклики, но и не пытался прибавить ходу, так что они настигли его возле арки.

- Шрамм, черт побери! - рявкнул Локхарт, опуская руку на его плечо. - Вы что, не слышите, что вас зовет командир?!

Человек в скафандре испуганно оглянулся и уставился на своих преследователей. Они с не меньшим удивлением смотрели на него.

Это был не Шрамм.

Стоявший перед ними был ниже ростом и, вероятно, лет на десять старше - или так казалось из-за его довольно потасканного лица с большими залысинами и набрякшими веками над водянистыми глазами. На ногах он держался не очень уверенно, и от него и впрямь разило спиртным. Астронавты никогда в жизни не видели этого человека.

У Локхарта мелькнула мысль, что, возможно, на воспоминания об эпохе высоких технологий все же не наложено табу, и кто-то все-таки делает маскарадные костюмы, изображающие покорителей космоса - хотя, быть может, последние проходят здесь по тому же разряду, что эльфы или вурдалаки. Но даже в слабом свете горевших перед входом под арку факелов он понял, что скафандр незнакомца - вовсе не примитивная имитация, какую мог бы сшить средневековый портной. Окончательно сомнения развеяли шеврон на рукаве и нашивки на груди - логотип Международного Космического Агентства, круглая эмблема экспедиции (на фоне звездного неба - цветок в виде земного шара, окруженного разноцветными лепестками, и надпись "Добрая воля" по периметру на трех рабочих языках МКА) и, главное, индивидуальная бирка "Гюнтер Шрамм, пилот, BRh-".

- Кто вы такой? Где Шрамм? - выпалил Локхарт в недоуменно выпученные глаза незнакомца.

- Шрам? Какой еще шрам?[3]... - бормотал тот в ответ.

- Где ты взял эту одежду? - строгим начальственным голосом спросил де Сегюр, решив зайти с другой стороны.

- Купил... ничего не знаю, купил... дорого, между прочим... думал, ни у кого такого не будет...

- У кого купил? Когда? - продолжал допрос граф.

- Сегодня... недавно... у портного... У меня, это... костюма подходящего не было... а карнавал же... А что такого-то?

- Где этот портной? Веди нас к нему!

- Ну где, там... - пьяный неопределенно махнул рукой. - Там его лавка, на Портняжной улице, где ж ей еще быть... Клаус его зовут...

- Сказано - идем, показывай дорогу!

- Да вам-то зачем? У вас, я гляжу, такие уже есть... Чего вы ко мне-то прицепились, идите сами туда, если вам надо... Хотя, конечно, если вы мне нальете...

- сэр, - могучая длань Вельо опустилась на плечо пьяницы, и тот сразу стал ниже ростом еще на пару дюймов, - это костюм нашего товарища, которого мы разыскиваем. И мы будем вам очень признательны, - рука стала еще тяжелее, - если вы нам поможете. Без дальнейших промедлений.

- Хорошо, хорошо, - сразу сменил тон горожанин, опасливо глядя на гиганта, - но я ничего не знаю, я честно у портного купил, у Клауса, деньги заплатил, он мне, гад, наврал, что такой один на весь город, а вашего друга я не грабил и не видел вообще...

- Мы поняли, - терпеливо произнес Вельо, - а теперь ведите нас к этому Клаусу.

Они вновь двинулись вспять по лабиринту улиц, причем лингвист продолжал держать за плечо их проводника, справедливо полагая, что тот может удрать и затеряться в толпе.

- Мы отберем у него скафандр? - спросил де Сегюр у командира.

- В зависимости от того, как он его заполучил, - мрачно ответил Локхарт. - Если и в самом деле честно купил... не думаю, что нам стоит начинать нашу карьеру здесь с создания репутации разбойников. Мы, конечно, могли бы его выкупить, но пока что у нас нет денег. Да и, честно

---

[3]В оригинале "Shram? Who's shrammed?" - "Кто закоченел от холода?"

говоря, я не уверен, что скафандры нам теперь так уж необходимы. Они защитят от ножа уличного грабителя, но не от тех, кто пожелает взяться за нас всерьез. Им, скорее, такое одеяние лишь поможет нас отыскать.

- Во всяком случае, стоит забрать аварийный набор из его карманов.

- Да, - согласился Локхарт и объявил об этом их провожатому. Тот не посмел протестовать, но карманы скафандра оказались пустыми. Позаботился ли об этом сам Шрамм, Клаус или кто-то еще?

Меж тем веселье на улицах не только не шло на спад, но становилось все активнее и разнузданнее - из кабачков и подвальчиков вываливали румяные посетители, желавшие продолжить празднование на свежем воздухе. Периодически астронавтов пытались вовлечь в пляску или от избытка чувств угостить вином прямо из початой бутыли, но они упорно продвигались вперед, отклоняя все эти проявления радушия. К счастью, это не приводило к обидам, способным перерасти в потасовку - возможно, не в последнюю очередь и благодаря габаритам Вельо.

- Да где же эта Портняжная улица? - потерял терпение де Сегюр, когда ему на голову приземлился яблочный огрызок, брошенный с какого-то балкона. - Кругами ты нас, что ли, водишь?

- Сейчас вот уже будет... это, значит, за углом сейчас направо в переулок, а потом налево на Башмачную, и оттуда уже рукой подать...

- Такое впечатление, что изнутри этот город больше, чем снаружи, - проворчал граф. - Не подумал бы, что здесь можно столько петлять!

- Глядя на человеческий живот, тоже трудно поверить, что там внутри помещается шесть метров кишечника, - заметил Якобсон.

- Прекрасная аналогия, доктор, - де Сегюр был раздражен настолько, что ему изменила обычная чопорность. - Значит, или нас тут переварят, или мы окажемся в заднице!

Еле развязавшись с очередной разряженной, орущей и хохочущей компанией, закрутившейся хороводом вокруг них и надевшей на шею Вельо венок из разноцветных бумажных лент, астронавты свернули под жестяную вывеску в форме подвешенного на цепях сапога высотой чуть ли не в шесть футов[4], и Локхарт вспомнил, что Ильза называла этот ориентир. Значит, в двух кварталах отсюда - мясная лавка ее отца. Сразу вспомнились зловещие предположения де Сегюра о двойной роли этого заведения. Уж не туда ли ведет их этот пьянчужка (и в самом ли деле он так пьян, как пытается казаться?), и не там ли он получил скафандр, снятый со Шрамма? Неужели готовность довериться дядюшке Заку была все же ошибкой?

Но их проводник свернул с Башмачной улицы на первом же повороте, не дойдя до угла, за которым должна была находиться мясная лавка. Пройдя еще метров сорок по булыжной мостовой, где теперь уже солома мешалась с конфетти и серпантином, хассенвортец остановился перед одним из домов, втиснутых в общий ряд: "Вот тут."

Беленый двухэтажный дом под крутой крышей был, по всей видимости, устроен по тому же принципу, что и многие местные дома - лавка на первом этаже, жилье ее хозяина на втором - но ставни были закрыты и там, и там, и нигде между ними не пробивался свет. Входная дверь тоже оказалась запертой.

- Должно, уже тоже праздновать ушли, - констатировал покупатель скафандра, что звучало, в принципе, вполне правдоподобно. Но где теперь искать этого Клауса - и, главное, Шрамма? Снова на площади? На улицах по всему городу?

- Покажешь нам этого портного, если увидишь? - спросил Локхарт без особой надежды.

---

[4]Ко времени отлета "Доброй воли" метрическая система утвердилась повсеместно, в т.ч. в Конфедеративных Штатах Америки, откуда родом Локхарт. В Айринтии, однако, снова используется британская система. Поэтому в тексте романа используется они обе.

- Да где ж я его увижу? - заканючил хассенвортец. - Вы мне сказали - к лавке его привести, я и привел, а теперь что ж я вам, из-под земли его достану, что ли... Знать я не знаю ничего, отпустите меня... а ежели вашего друга ограбили, стражникам жалуйтесь, а я тут ни при чем... знал бы, сроду не стал бы этот ваш костюм покупать... вот ведь, денег еще кучу выложил...

А в самом деле, подумал Локхарт, почему бы не испробовать самое простое - обратиться к местным стражам порядка? Хотя, даже если они не имеют никакого отношения к исчезновению Шрамма, то и помочь вряд ли помогут - в ночь карнавала у них наверняка имеются более актуальные заботы: разнимать потасовки, ловить воришек и все такое. Доказательств, что со Шраммом случилось что-то плохое, нет, да и как бы они стали его искать без самой главной приметы - скафандра? Фото разыскиваемого сейчас патрульным не разошлешь...

- А Клаус-портной, небось, сам теперь так оделся, что лбами столкнешься - не узнаешь... - продолжал ныть нынешний обладатель скафандра, и это тоже было логично.

- Как тебя зовут и где тебя найти, если понадобишься? - потребовал Локхарт. - Только не врать! Если ты ни в чем не виноват, тебе и бояться нечего.

- Джакоб, сын Джакоба... старший приказчик в лавке купца Фергюса... А только я больше ничего не знаю, а ежели вам этот костюм нужен, пусть мне Клаус деньги вернет...

- Как вы думаете, доктор Якобсон, он говорит правду? - Локхарт обернулся к психологу - точнее, туда, где тот должен был находиться. - Доктор?!

Якобсона нигде не было. Вокруг по-прежнему фланировали веселые, шумные и не слишком трезвые гуляющие.

- Так, - выдохнул полковник, оборачиваясь к оставшимся своим людям. - Кто-нибудь видел, куда девался Якобсон? Когда вы его видели в последний раз?

- Не видел с тех пор, как говорили про кишки, - припомнил де Сегюр. - Это на Башмачной улице... нет, еще до нее...

- Доктор Якобсон! - крикнул Вельо, вытягиваясь во весь свой рост и размахивая над головой сорванным венком. - Густав! Где вы?! Сюда!

Тем временем Джакоб, сын Джакоба решил, что самое время воспользоваться моментом, пока незнакомцы не обвинили его в пропаже еще одного товарища, и удрать. Вывернувшись из-под ослабившей хватку руки Вельо, он рванул прочь и тут же ввинтился в толпу за спиной у лингвиста.

- Стой! Куда?! - рявкнул тот, похоже, расценивший бегство как признание вины, и побежал следом.

- Доктор Вельо, стойте! - крикнул уже Локхарт, у которого вновь мелькнула мысль, что все это - тщательно организованная западня. Но одновременно прямо у него над ухом взревела свистулька, разворачивая надувной "язык хамелеона", а какой-то человек в маске козла положил руки ему на плечи и проблеял ему в лицо. Несколько человек захохотали, и тут же слева лязгнули литавры. Слышал ли Вельо командира за всей этой какофонией? Полковник замешкался на пару мгновений - что опаснее, остаться на месте вдвоем с графом или бежать туда, куда их, возможно, заманивают? - а затем, бесцеремонно оттолкнув "козла", все же скомандовал: "Де Сегюр, за мной!" и побежал за лингвистом.

Когда он пробегал мимо переулка справа, оттуда как раз вывалила очередная поющая и пляшущая толпа, предводительствуемая двумя волынщиками и фокусником-огнеглотателем, который поочередно подносил ко рту два фитиля на длинных тонких палках и выдувал струи огня. Две девицы в масках лисы и кошки ухватили полковника за руки и попытались, под оглушительное завывание волынок, закружить его на месте. Локхарт раздраженно вырвался, но тут прямо перед ним оказался фокусник, который дунул ему прямо в лицо. Полковник невольно отпрянул, ожидая ожога, но вместо огня его голову окутал густой и довольно едкий дым. Локхарт закашлялся, попытался протереть глаза и почувствовал, как его снова хватают за руки.

"Отпустите меня, мне не до ваших дурацких шуток!" - крикнул он и тут же понял, что руки, крепко сжимающие его локти, теперь уже едва ли могут быть девичьими. Проморгавшись, он увидел, что окружен мужчинами в длинных черных плащах, высоких шляпах и клювастых масках, похожих на те прообразы противогазов, что когда-то носили чумные доктора. Эти люди увлекали его в переулок, в то время как вокруг продолжала скакать и бесноваться толпа, и волынки отчаянно ревели, заглушая любой крик. Локхарт не видел ни Вельо, ни де Сегюра.

- Простите, сэр, - клюв скользнул по его щеке, и чужой рот практически прижался к его уху, - но вас просят следовать за нами.

- Просят? Кто просит? Кто вы такие, черт побери?

- Узнаете в свое время. Мы вам не враги.

- Тогда отпустите меня! - он попытался вырваться, но его надежно держали с двух сторон. В тот же миг на него набросили такой же просторный черный плащ, как и у захвативших его (капюшон, по всей видимости, скрыл откинутый назад шлем), а на голову столь же быстро надели клювастую маску и шляпу. Вот только у этой маски глаза были лишь нарисованы, но не прорезаны.

- Просим прощения за неудобство, - рот возле его уха был все так же вежлив. - Вынужденная мера безопасности. Просто позвольте нам сопроводить вас.

- Мои люди! Что с моими людьми?!

- С ними все будет в порядке. От вас требуется лишь немного сотрудничества.

Ладно, подумал Локхарт. Вырываться и звать на помощь, очевидно, бесполезно. Товарищи помогают идти перебравшему другу, что может быть естественнее - даже если этот друг и вздумает орать спьяну что-нибудь не то, никто не разберет это в общем гвалте, а и разберет - не рискнет вмешиваться. Ребята явно куда более серьезные, чем уличные грабители. Самое разумное сейчас - не злить их без нужды, беречь силы и примечать любые детали.

Он принялся считать шаги и повороты, но из этой затеи ничего не вышло - по поверхности его вели недолго. После очередного поворота - судя по гулкому звуку шагов, внутри какой-то подворотни - конвоиры остановились. Чуть слышно клацнул замок, и все тот же вежливый голос предупредил: "Осторожно, ступеньки", - после чего его повели вниз по крутой лестнице.

В скафандре и маске, закрывавшей все лицо, Локхарт не чувствовал холода и сырости подземелья, но не сомневался, что его ведут каким-то тайным ходом, проложенным под городом. Ход был более прямым, чем улицы на поверхности, но несколько поворотов все-таки сделал - хотя, скорее всего, это были не извивы одного туннеля, а целая сеть подземных коммуникаций. Несколько раз, на фоне шагов конвоиров, Локхарт различал звуки капающей воды или потрескивание факелов, но ничего более примечательного. Наконец его вновь предупредили о ступеньках и повели наверх. Снова лязганье запоров, еще лестница, какой-то коридор, остановка, стук, вероятно, в дверь, затем еще несколько шагов вперед - и тут Локхарта, наконец, отпустили. Он услышал удаляющиеся шаги и мягко закрывшуюся за спиной дверь.

- Можете снять маску, - сказал новый голос.

Локхарт снял шляпу и стащил с головы клюв.

Он находился в квадратной комнате, стены которой были завешаны гобеленами; окон в ней не было вовсе. Комнату озарял свет нескольких масляных светильников. Из мебели в ней был лишь массивный стол, небольшой комод слева от него и два кресла по обе стороны стола - одно, очевидно, предназначалось для посетителей, в другом сидел хозяин кабинета.

Это был человек, вероятно, старше сорока, но моложе пятидесяти, если судить по средневековым меркам. Вся его голова была подстрижена одинаково коротко, "под ежик" - это касалось и волос, и бороды, и усов. Несмотря на это единообразие, верхняя и нижняя части его продолговатого лица казались взятыми от двух разных людей: над квадратной челюстью громилы - тонкий аристократический нос и холодные серые глаза интеллектуала. Косой шрам на

левой щеке словно подчеркивал линию, по которой происходила склейка. Хозяин кабинета был облачен в черный камзол с широким алым воротником и алыми обшлагами, однако по тому, как гладко лежала ткань на груди, Локхарт заподозрил, что под камзолом скрывается стальной нагрудник. Через правое плечо тянулся широкий кожаный ремень портупеи.

- Прежде всего, прошу простить за способ, которым мне пришлось передать мое приглашение, - сказал сидевший. - На то были причины, которые вы, полагаю, понимаете, или скоро поймете. Надеюсь, мои люди были не слишком грубы.

- Не слишком, - согласился Локхарт не без сарказма. Не дожидаясь приглашения, он подошел к столу и демонстративно положил на него маску и шляпу. - Раз уж вы "пригласили" меня столь оригинальным способом, могу я, по крайней мере, узнать, кто вы? При условии, разумеется, что это знание не будет стоить мне жизни.

- Капитан Орелан Дармонт, военная гвардия Его Величества, - ответил тот, игнорируя иронический тон собеседника. От внимания Локхарта, конечно, не укрылось это "его" вместо "ее". Впрочем, Элинор еще не взошла на трон...

- Полковник Эрик Локхарт, - представился он в ответ и добавил по-уставному, понимая, разумеется, как это звучит в нынешних обстоятельствах: - Военно-космические силы Конфедеративных Штатов Америки.

- Садитесь, полковник, - Дармонт кивнул на кресло, не выказывая никакого удивления.

- Благодарю, - Локхарт вновь добавил сарказма в свой тон, прежде чем последовать приглашению.

- Кстати, - все так же ровно сообщил капитан, - на случай, если вы не знаете: гвардейские звания в Айринтии стоят на две ступени выше армейских, так что мы с вами практически в одном ранге.

- Формальные ранги не имеют значения, ведь так? - ответил Локхарт. - Ибо фактически, как я понимаю, вы являетесь военным диктатором этого города.

"А я - бывшим офицером несуществующего рода войск исчезнувшей страны", - добавил он про себя.

- Это преувеличение, - возразил капитан. - Во всяком случае, до тех пор, пока не начались боевые действия. И, собственно, это одна из причин, почему мы с вами беседуем неформальным образом.

- Прежде, чем мы продолжим беседу, - твердо произнес Локхарт, - я хочу знать, что с моими людьми и гарантирована ли им безопасность.

- А что с вашими людьми? - Дармонт чуть приподнял брови. - Полагаю, они беспокоятся по поводу вашего отсутствия, но ничего более серьезного с ними не происходит. Распоряжения, отданные моим подчиненным, касались только вас. Ведь вы предводитель вашего отряда, не так ли?

- Допустим, - признал полковник, обдумав в течение пары секунд, стоит ли это отрицать. - Но прежде, чем меня схватили ваши подчиненные, мои собственные начали пропадать один за другим.

- Это карнавал, - пожал плечами капитан. - Люди теряются в толпе... особенно если они плохо знакомы с городом... потом находятся. Как правило.

- Это намек?

- Всего лишь констатация факта. Но, если это вас так беспокоит, я отдам распоряжение, чтобы ваших людей разыскали и... проследили, чтобы с ними не случилось ничего плохого. Насколько это в силах моих подчиненных.

- Я думаю, что вас это беспокоит не меньше, чем меня. И соответствующие распоряжения вы уже отдали.

- Вы умны, полковник Локхарт, - улыбнулся Дармонт, - и мне это нравится. Да, если угодно, если бы с вашими людьми случилось что-то серьезное - во всяком случае, пока они

находятся на улицах Хассенворта - мне бы доложили. Пока что такой доклад не поступал.

"Это может быть и неправдой", - напомнил себе Локхарт, а вслух спросил:

- Вам нравятся умные союзники или достойные противники?

- Честно говоря, и то, и другое, - капитан вновь улыбнулся. - А кем предпочитаете быть вы?

- По правде говоря, я предпочел бы вовсе не ввязываться в эти ваши игры.

- Но вы в них уже ввязались, не так ли? Самим фактом вашего появления в Айринтии.

- Пока что все, во что мы ввязались - это уличный карнавал.

- Ой ли? - приподнял бровь капитан.

"Он знает, в какой гостинице мы остановились, - подумал Локхарт. - И, вероятно, делает из этого далеко идущие выводы. Впрочем, мы ведь уже и в самом деле приняли решение, что не останемся в стороне..."

- Что вы от меня хотите? - спросил он вслух.

- Для начала - узнать ваши намерения.

- А если они не совпадут с вашими, вы меня убьете?

- Ну, зачем так примитивно, - поморщился Дармонт. - Это было бы совсем не интересно, верно? Я постараюсь вас переубедить.

Локхарт не стал спрашивать, какие методы переубеждения тот считает допустимыми, и сказал:

- Пока что я сам толком не знаю свои намерения. У нас слишком мало информации.

- Готов помочь вам с этим.

- Вы... - Локхарт посмотрел в глаза Дармонту, - понимаете, откуда мы прибыли?

- Из другого мира, - спокойно ответил капитан.

- Ну... можно сказать и так, - пробормотал полковник. Пытаться растолковать средневековому офицеру, пусть и явно неглупому, механизм релятивистского сокращения времени, пожалуй, не лучшая идея. - И вас это не удивляет?

- Если я начну ахать и закатывать глаза, это как-то поможет Королевству Айринтия?

Прагматик, подумал Локхарт. Средневековому человеку, как ни странно, гораздо проще быть прагматиком, чем насквозь рациональному материалисту просвещенной эпохи. Колдовство? Ангелы? Демоны? Эльфы? Чудовища? Почему нет, все это не только существует, но и поддается классификации и может быть, при выполнении определенных правил, использовано в практических целях. Страна псоглавых людей, страна фей, страна, где люди ходят в мягких доспехах и летают на небесных кораблях. Почему нет.

Или Дармонт все же осведомлен о прошлом лучше, чем у них тут принято показывать?

Локхарт не стал в очередной раз спрашивать, что случилось с Землей, и задал более конкретный вопрос:

- Когда возникла Айринтия?

- Примерно шестьсот лет назад Айринтийский полуостров был поделен между Тлукаляханской империей и Бугенхольмским королевством, притом что формально земли полуострова не входили в состав ни одного из них. Север занимало Хильдское княжество, вассальное по отношению к Бугенхольмской короне, а на юге - как и на большинстве островов Ибикейского моря - обитали варвары, которых поддерживал Тлукаляхан. Поддерживал не столько от большой любви, сколько полагая, что их проще подкармливать и держать таким образом в качестве буфера и вечного источника нестабильности на южных рубежах Бугенхольма, нежели завоевывать и решать эту проблему самостоятельно. По материку в то время Тлукаляхан с Бугенхольмом не граничил, их разделял Гроггендор, граничивший, соответственно, с Тлукаляханом на юге и с Бугенхольмом на востоке, и было это королевство обширное, но раздробленное, а потому слабое и не только не представлявшее опасности для своих соседей, но и платившее дань обоим. Но вот в Хильде нашелся военачальник Йоргел -

коего позже назовут Йоргелом Освободителем и Йоргелом Завоевателем - которому надоели постоянные набеги на приграничные поселения, и он организовал поход против южных варваров. Сам Йоргел, кстати, не принадлежал к княжескому роду, возвысившись из простых дружинников благодаря своим воинским талантам, и действовал фактически на свой страх и риск, без приказа князя, который, напротив, узнав о его походе, пытался его остановить, не желая лишних осложнений. Йоргел приказ вернуться проигнорировал и провел кампанию настолько быстро и успешно, что к тому времени, как весть об этом дошла до столицы Тлукаляхана, варвары были вырезаны практически подчистую (попутно, кстати, было освобождено более тысячи рабов, угнанных из Хильда во время набегов). Тлукаляхан выразил Бугенхольму протест. Однако Йоргел заранее позаботился об этом. Вернувшись с триумфом из похода, он сверг старого князя и провозгласил создание на северных и южных землях полуострова единого и независимого королевства Айринтия. На самом деле такой шаг был загодя согласован к бугенхольмским двором, который мог теперь с чистой совестью заявить: договор нарушили не мы, а мятежник-сепаратист, которого мы сами не контролируем. Предполагалось, разумеется, что независимость Айринтии будет чисто формальной, а на самом деле за спиной у новоявленного короля будет по-прежнему стоять мощь Бугенхольма, что по достаточно прозрачным намекам были должны понять и в Тлукаляхане. Тлукаляханцы все же предложили Бугенхольму совместную карательную экспедицию против мятежника на условиях возвращения к прежней границе, получили ожидаемый отказ, поскрипели зубами и угомонились. Война за полуостров, куда они могли попасть только морем - притом что они не обладали в ту эпоху сильным флотом, как, впрочем, и другие страны региона - в то время как противник мог получать постоянные подкрепления по суше с севера, пусть бы эти подкрепления и не выступали под официальными бугенхольмскими знаменами, не сулила тлукаляханцам никаких светлых перспектив. В течение восьми лет Йоргел, формально числящийся в Бугенхольме мятежником, продолжал исполнять свои вассальные обязанности и выплачивать бугенхольмскому двору дань, одновременно получая от него помощь в укреплении отвоеванной южной части полуострова. Йоргел строил там не только города и крепости, но и флот, необходимый для защиты от тлукаляханской угрозы. Ну а восемь лет спустя он объявил королю Бугенхольмскому, что готов быть его "другом и братом", но не слугой и данником. Прозрачно намекнув, разумеется, что если "брату" не нужно равноправие и союз двух королевств против Тлукаляхана, то Айринтия может заключить союз и с Тлукаляханом против понятно кого. При этом айринтийский флот, который в Бугенхольме считали фактически своим, подошел к бугенхольмским портам, готовый их блокировать. Бугенхольмский монарх поначалу был в ярости, но, хорошо подумав, согласился. В том числе и на дополнительное требование Йоргела - выдать за него свою дочь, скрепив союз династическим браком...

- Все это очень интересно, - перебил Локхарт, - но вы сказали - шестьсот лет назад? Вероятно, вы имели в виду двести? Или, скорее, еще меньше - скажем, сто пятьдесят?

- Разумеется, я имел в виду шестьсот. Именно столько насчитывает история королевства Айринтия. По-вашему, я похож на человека, способного перепутать шестьсот и двести?

- Хмм... мы ведь с вами понимаем под словом "год" одно и то же? Не время года, - у Локхарта мелькнула мысль, что, если значение термина так изменилось, то все сойдется: шестьсот сезонов - как раз сто пятьдесят лет, - а полный цикл из зимы, весны, лета и осени? 365 дней?

- Да, разумеется.

- Тогда этого никак не может быть, - твердо заявил полковник. - Шестьсот лет назад здесь и близко не было ничего подобного.

- То есть вы полагаете, - на сей раз в улыбке капитана не было и тени добродушия, - что лучше меня знаете историю *моей* страны?

"Но это и моя страна!" - хотелось воскликнуть Локхарту. То есть, конечно, шестьсот лет

назад это были еще не Конфедеративные и даже не Соединенные Штаты Америки. А что здесь было в конце XVII века? Кажется, испанская колония... или конгломерат из испанских, французских и британских поселений. Может быть, Тлукаляхан, Гроггендор и Бугенхольм - новые названия этих стран или, по крайней мере, их колоний, так же, как Флорида ныне называется Айринтией, а Карибское море - Ибикейским? А варвары, соответственно, индейцы? Но нет, все равно не сходится. Не было здесь никакого княжества, ставшего самостоятельным королевством...

- Ладно, - отступил Локхарт, видя неудовольствие собеседника, - возможно, я и в самом деле что-то путаю. Так что было дальше?

- С вашего позволения, я не стану пересказывать все шестьсот лет. Позже вы сможете прочитать все это в хрониках, если пожелаете... Остановлюсь только на моментах, существенных для нынешней ситуации. Потомки Йоргела продолжали укреплять армию и флот Айринтийского королевства. При Дагмаре Корабеле айринтийский флот достиг пика своего могущества, став самым сильным во всем Ибикейском регионе - несмотря на то, что Айринтия и по территории, и по населению уступала и Тлукаляхану, и Бугенхольму, и Гроггендору. Впрочем, Гроггендор на тот момент вообще имел единственный морской порт, который ему фактически было позволено иметь на условиях беспошлинного входа как для бугенхольмских, так и для тлукаляханских кораблей... Дагмар поставил своей целью подчинить Айринтии острова Ибикейского моря. Как я уже сказал, в то время они были населены, главным образом, варварами, лишь кое-где имелись тлукаляханские базы. Бугенхольм особого интереса к этим островам не проявлял, полагая, что затраты по усмирению варваров и строительству и снабжению колоний в условиях неизбежного ухудшения отношений с Тлукаляханской империей не оправдают себя. Однако Дагмара подобные соображения не остановили, и воплощением плана всей его жизни занялся адмирал Когбург - без сомнения, самый талантливый флотоводец в истории Айринтии. После того, как он дважды разбил превосходившие по численности имперские эскадры, пытавшиеся воспрепятствовать высадке наших сил на острова, в его руках было сосредоточено командование всем айринтийским флотом. Увы, как показали дальнейшие события, это было ошибкой... Когбургу действительно практически удалось сделать Ибикейское море внутренним морем Айринтии. Тлукаляхан потерял все свои островные базы - одни в результате десантных операций, другие из-за невозможности снабжать - и в первый и, к сожалению, пока что в последний раз в истории вынужден был платить Айринтии дань за право беспрепятственного прохода своих торговых судов. Правда, на завоеванных островах не было создано полноценных айринтийских колоний - населенные дикарями джунгли действительно весьма осложняли этот процесс. Только флотские базы в удобных бухтах. Планировалось, однако, что процесс колонизации все же будет развиваться. Но Дагмар умер, и трон перешел к его сыну Стефану, который, к сожалению, не унаследовал талантов своего отца. Он был человеком недалеким и подозрительным, чему, естественно, поспособствовали два пережитых им покушения. Лично я полагаю, что эти покушения специально были организованы так, чтобы не причинить ему реального вреда, ибо врагам Айринтии он был нужен живым... Агенты Тлукаляхана сумели внушить ему мысль, что адмирал Когбург, находившийся в зените своей славы, куда популярнее самого короля - что было, по правде говоря, недалеко от истины - и планирует воспользоваться этим, чтобы самому захватить трон. Король приказал адмиралу прибыть в столицу, собираясь обвинить его в измене и казнить. Когбург догадался об этих планах - или ему помогли о них догадаться - и отказался подчиняться королю. И флот, боготворивший к тому времени своего адмирала, остался с ним на ибикейских островах практически в полном составе. Создать полноценное государство, не имея в своем распоряжении ничего, кроме военных баз, они не могли, поэтому объявили, что любые суда, проходящие по Ибикейскому морю, должны платить им пошлины. Вот так было положено начало Ибикейской пиратской республике, существующей до сих пор...

- И до сих пор контролирующей морские пути?

- В значительной мере да... Имперский флот пытается с ними бороться, но без большого успеха. Как потому, что Тлукаляхан вообще никогда не отличался хорошими моряками, так и, самое главное, потому, что в самом Тлукаляхане слишком много любителей скупать у пиратов награбленное. Гроггендор, ратуя за очистку моря от пиратов на словах, не пытается сделать это на деле - скорее всего, потому, что сам нападает на чужие суда, сваливая это на ибикейских разбойников. Что касается Айринтии, то... в настоящее время считается, что с пиратами выгоднее сотрудничать, чем воевать.

- То есть вы платите им дань, - усмехнулся Локхарт. - Потомкам своего собственного победоносного флота.

- Официально это так не называется. Но, в общем, да, мы платим им за защиту наших кораблей.

- От них самих?

- И от тлукаляханцев и гроггендорцев тоже. Правда, это не всегда работает. Но, повторяю, уже давно было подсчитано, что платить пиратам обходится дешевле, чем заново создавать и обеспечивать собственный военный флот.

- Который может выкинуть тот же финт, что и предыдущий, - с понимающей усмешкой кивнул Локхарт. - К тому же другие державы, вероятно, тоже были бы не в восторге от перспективы возрождения айринтийского военного флота.

- Вы проницательны, - подтвердил Дармонт. - Хотя об этом у нас не принято говорить вслух... но, в общем, лишний повод для конфликта ни с Тлукаляханом, ни с Гроггендором нам не нужен. А морской флот в любом случае невозможно создать ни мгновенно, ни скрытно.

- А что Бугенхольм? Я уже слышал о Тлукаляхане и Гроггендоре как о врагах, но об этой стране мне ничего не говорили. Она все еще остается союзником Айринтии?

- Бугенхольм, полковник, больше не существует.

- Вот, значит, как.

- Его упадок начался около трехсот лет назад, примерно во времена Дагмара Корабела. Хотя некоторые считают, что первым толчком стало еще отсоединение Айринтии. А после того, как наша страна лишилась военного флота, правящий дом Бугенхольма решил, что нет лучшего способа поправить внутренние проблемы и заткнуть рты своим недовольным, нежели устроить победоносную войну за "возвращение исконных земель". Бугенхольмская армия вторглась в нашу страну. При Дагмаре - хотя он уделял больше внимания флоту, чем сухопутным войскам - захватчики, полагаю, были бы биты сразу. Но при его ничтожном сыне им поначалу сопутствовал успех. Измена Когбурга, естественно, лишь укрепила страхи короля перед любым талантливым и популярным военачальником, и он окружил себя одними бездарными льстецами. В итоге отражать агрессию стало некому. Король бежал на юг при первых признаках приближения вражеского войска, бросив Айзеншлосс, нашу старую столицу со времен Хильдского княжества. Именно тогда столица была перенесена в заложенный Дагмаром на юге Дракенхайм. Бугенхольмцы заняли всю прежнюю хильдскую территорию, и если бы им хватило ума этим удовольствоваться, как знать, как выглядела бы сегодня политическая карта. Однако им было мало, они хотели себе всю Айринтию. Но взамен разбитой королевской армии на юге стало фактически стихийно формироваться ополчение - у истоков его стояли несколько незнатных офицеров невысокого ранга и даже простых горожан, фермеров и охотников. Этому ополчению, поначалу плохо обученному и вооруженному, удалось, однако, изрядно потрепать захватчиков во время их продвижения через Иммермурские болота, которые, собственно, и отделяют южную Айринтию от северной. Решение наступать по суше, а не высаживать десанты на юге с моря, было большой ошибкой бугенхольмского командующего. Он, очевидно, рассудил, что таким образом сможет перебросить бо́льшие силы и защитить себя от превратностей, связанных со штормами, не раз топившими корабли у айринтийских берегов; а тот факт, что в болотах его

рыцарская конница становилась совершенно бесполезной, уравновешивался, по его мнению, тем обстоятельством, что кавалерию не сможет применить и противник. Точнее, то, что от этого противника осталось... Чего, однако, бугенхольмцы не ожидали, так это что их будет атаковать не конница и даже не панцирная пехота, а мелкие легковооруженные отряды, доспехам предпочитающие камуфляж и мобильность, возникающие ниоткуда, наносящие быстрый удар и растворяющиеся в тумане. Их называли "москитами" - один комариный укус вроде бы не может причинить серьезный вред куда более крупному и сильному противнику, но когда таких укусов сотни... В итоге бугенхольмская армия на юг все же прошла, но с серьезными потерями - в том числе и с потерей темпа. А здесь на помощь ополчению уже подтянулись силы двух опальных лордов, которых король в свое время отправил в ссылку, но казнить побоялся. В результате продвижение бугенхольмцев на юг было остановлено, а с севера "москиты" полностью отрезали их от снабжения. Бугенхольмский флот попытался-таки запоздало поддержать своих десантами на побережье, но его силы, не подготовленные к такой операции заранее, оказались недостаточны и распылены. В итоге бугенхольмская армия капитулировала, и можно сказать, что от этого поражения - наложившегося на те самые проблемы, решить которые и надеялись войной - Бугенхольм так и не оправился.

Мирный договор, кстати, подписывал уже новый айринтийский король, точнее, регент. Прежний, когда победившая армия пришла к нему задать некоторые вопросы, заперся в своем замке и, после безуспешных переговоров об отречении, так и не поверив в предлагаемые ему гарантии, принял яд. Желание возвести на трон одного из лордов, командовавших ополчением на финальном этапе, было понятным, но слишком многие считали важным и сохранить символическую преемственность династии, идущей от Йоргела Освободителя. Ради этого пришлось отречься двум несовершеннолетним сыновьям покойного короля и его незамужней сестре, которая уже едва ли могла бы продолжить род, после чего право наследования перешло к племяннице - дочери младшей сестры короля, которая умерла, рожая ее. Девочке было тогда семь лет, но это не помешало выдать ее замуж за графа Бронгара, с тем, чтобы будущий сын от этого брака, несущий в своих жилах кровь Йоргела, стал королем. Граф же назначался регентом до совершеннолетия собственной супруги; фактически он правил государством и после, до самого совершеннолетия своего наследника. Второй же лорд, граф Хагентрауб, получил должность командующего королевской армией.

- Ах вот оно что. Значит, нынешний Хагентрауб - потомок того прославленного героя. А Бронгаров произвели из графов в герцоги, и в таком виде этот титул унаследован королевской семьей.

- Да, с тех пор по обычаю так титулуется брат короля, старший после него самого, или незамужняя сестра при отсутствии братьев. Что касается должности командующего, то она, разумеется, не наследственная.

- Это понятно. А что стало с мальчиками, которые - или, точнее, за которых - отреклись?

- Они были сосланы в отдаленный замок на краю Иммермурских болот, где, с интервалом в полтора года, умерли от малярии, не дожив до совершеннолетия.

- По официальной версии, - усмехнулся Локхарт.

- Ну, климат в той местности действительно нездоровый. Их мать умерла еще раньше, еще при жизни их отца, и ходили слухи, что она тоже пала жертвой его подозрительности. Если вас интересует судьба их тетки, то она осталась жить в столице, вела скромную и праведную жизнь и умерла своей смертью в глубокой старости.

- Так что там было дальше с Бугенхольмом? Как я понимаю, тогда он еще не исчез и даже сохранил свои границы.

- Да, хотя и выплатил большую контрибуцию и выкуп за пленных. Но спустя еще пару десятилетий, на фоне вырождения бугенхольмской правящей династии, началось возвышение Гроггендора. По иронии судьбы, наша страна имела и к этому некоторое косвенное отношение...

Помните хильдского князя, свергнутого Йоргелом? Он так ничего и не понял и бежал после переворота в Бугенхольм, где требовал от короля организовать карательную экспедицию против "мятежника" и был в итоге отравлен за непонятливость. Его сын и дочь, однако, перебрались после этого дальше - в Гроггендор. Сын тоже пытался там интриговать и против Айринтии, и против Бугенхольма. Для этого ему надо было заручиться поддержкой хоть какого-нибудь из гроггендорских кланов, и метод он избрал простой и бесхитростный: подкладывал свою сестру всем их предводителям по очереди. В конце концов он так всем этим надоел, что глава очередного клана зарезал его прямо на пиру, не стерпев обвинений, что, мол, обесчестил мою сестру, а жениться не хочешь. Княжну, впрочем, он все же оставил себе в качестве наложницы. Статуса законной супруги она так никогда и не удостоилась, но убийца ее брата имел от нее трех дочерей, старшую из которых уже вполне официально выдал замуж за предводителя другого клана, одного из самых на тот момент захудалых и потому, ради покровительства более могущественного рода, готового закрыть глаза на сомнительное происхождение невесты. Так вот три века спустя этот захудалый клан - Хобдены - неожиданно получил возможность возвыситься после того, как в затяжной междоусобице представители более могущественных гроггендорских родов сильно проредили друг друга. Молодой энергичный Ингвар Хобден - прямой потомок, соответственно, хильдского князя по женской линии - сумел воспользоваться ситуацией и в конечном итоге занял гроггендорский престол. На тот момент в нем видели скорее компромиссную фигуру - надо было согласиться хоть на какого-то короля, чтобы положить конец войне, и при этом не дать преимущества ни одному из ее инициаторов - однако он оказался способен куда как на большее. Именно с воцарения Ингвара Первого началось превращение Гроггендора из страны, которую соседи не завоевывали лишь потому, что не желали сами увязнуть в ее проблемах, в сильнейшую державу Северного континента. К концу его жизни гордые и своевольные гроггендорские лорды ходили перед ним по струнке, а кто не хотел ходить, те лежали в земле. А он только и знал, что урезал их наследственные привилегии. При этом он полностью реформировал армию, превратив ее из собрания клановых ополчений в единое войско под единым командованием, ввел единую монету, право на чеканку которой имел опять-таки только королевский монетный двор, столь же радикально реформировал управление, ввел общий для всех сословий королевский суд, лишив лордов права вешать простолюдинов по своему желанию, отказался от выплат какой-либо дани соседям и разорвал все невыгодные для Гроггендора договоры. При этом он умудрился еще и снизить налоги, опять-таки ограничив произвол лордов по отношению к своим вассалам. А Ингвар II, унаследовав от отца преображенное таким образом централизованное государство, задумался уже и о расширении такового. Он, собственно, начал с того, что заложил новую столицу имени себя - официально имени отца - практически прямо на восточной границе, словно открыто декларируя, что когда-нибудь это место станет не окраиной, а центром Гроггендора, как оно в итоге и получилось... В его царствование было три войны с Бугенхольмом, и если первая закончилась более-менее вничью, то вторая и третья позволили оторвать от Бугенхольма изрядные куски. Третья кампания, правда, получила малопочтенное прозвание "Поносной войны" - оба войска жестоко страдали от дизентерии, но Бугенхольму она нанесла больший урон, что и предопределило его поражение. Та же болезнь сразила, однако, и короля победителей, что, наложившись на некие осложнения, свело его в могилу вскоре после триумфа. Бугенхольм пытался этим воспользоваться и отбить потерянное, но слишком поторопился с организацией новой кампании и в итоге лишился еще трех портов на севере Кирландского залива.

"Мексиканского, очевидно", - мысленно перевел Локхарт.

- С тех пор могущество и территория Гроггендора росли, а Бугенхольма уменьшались, - продолжал капитан. - Не то чтобы неуклонно, были длительные периоды затишья, несколько раз Бугенхольму удавалось отбить у Гроггендора какую-нибудь пограничную крепость, была новая большая гроггендорская смута сто сорок лет назад, когда Хобдены утратили трон и страна

оказалась фактически расколота, чем попытались воспользоваться сперва бугенхольмцы, а затем и тлукаляханцы - но опять поспешили и получили обратный результат: перед лицом внешней угрозы гроггендорцы вновь объединились и возвели на престол сына свергнутого короля. Часть земель на юге они все же утратили в пользу империи, но зато Бугенхольму отплатили сполна. Несколько раз на протяжении последних трех веков бугенхольмские монархи обращались к нашим с предложением об антигроггендорском союзе. Айринтийские короли неизменно отвечали отказом: "Это не наша война". Поначалу это была мудрая позиция - именно Бугенхольм представлял для нас угрозу с севера, и его ослабление было нам только на руку, в то время как с Гроггендором у нас даже не было общей границы. Но сорок четыре года назад состоялась Война Секиры. Она получила такое название по ключевой операции "Секира", в ходе которой гроггендорская армия молниеносным ударом на восток рассекла территорию Бугенхольма - к тому времени уже сократившуюся более чем наполовину за счет потери западных земель - и вышла к океану. Этот план был бы авантюрой, если бы на сравнительно узкий коридор, пробитый захватчиками, обрушились бугенхольмские войска с севера и юга. Но Бугенхольм когда-то сам включил северные провинции в свой состав силой, и лорды севера, хотя и давно уже не решались на открытый мятеж, любили вспоминать о временах прежней независимости - причем чем слабее становилась центральная власть, тем чаще. И вот теперь гроггендорские эмиссары обещали им восстановление этой независимости и покровительство гроггендорской короны. Взамен от них не требовалось воевать - только сохранять нейтралитет. Идеальный вариант, правда? Не делай ничего и получи все даром. Они согласились. Единственный, кто выступил против, был убит прямо во время переговоров. После предательства северян гроггендорцы без особого труда расширили захваченную территорию к югу и захватили два порта теперь уже и на океанском побережье. По новому мирному договору - в прочность которого никто уже, разумеется, не верил - от Бугенхольма остался жалкий огрызок, меньше четвертушки на юго-востоке первоначальной территории. Правда, это было все еще больше, чем площадь Айринтии... но у нас уже давно бытовала поговорка, что сравнивать маленькую Айринтию с большим Бугенхольмом - это все равно что сравнивать маленький кулак с большим животом. Они даже и формой похожи, хотя в практическом плане, не спорю, долгое время это было некоторым патриотическим преувеличением... но после Войны Секиры превратилось, наоборот, в преуменьшение: уже и живот усох. И тогда стали раздаваться голоса, что мы можем сами прибрать к рукам то, что осталось от Бугенхольма. Однако король Дагмар IV не хотел войны. Он считал - и небезосновательно - что нам выгоднее сохранить Бугенхольм как буфер между нами и чересчур усилившимся Гроггендором. Но в рамках такой логики следовало, наоборот, оказать Бугенхольму помощь. Однако это сделано тоже не было. Дагмар не хотел становиться на сторону слабого и злить тем самым сильного. В итоге Гроггендором были навязаны Бугенхольму еще более кабальные договоры, фактически делавшие его беззащитным перед потенциальным вторжением. Сын Дагмара, Гумбольдт, попытался было изменить ситуацию и заключил-таки с бугенхольмским королем союз в обмен на передачу нам ряда приграничных областей. Казалось бы, блестящая победа - мы одновременно и расширили нашу территорию, и получили союзника, и укрепили наши северные рубежи, не пролив при всем этом ни капли крови. Но бугенхольмцы уже сами не верили в возможность сопротивления. В итоге их король, подписавший соглашение о союзе, его жена, старший сын и дочь со своим мужем были зарезаны ночью в своих постелях, причем это сделали именно бугенхольмские дворяне, хотя, конечно, нетрудно догадаться, кто их надоумил. Что примечательно - изменники объявили, что казнили короля за "измену", выразившуюся в сдаче исконных бугенхольмских земель Айринтии... Престол, таким образом, перешел к младшему принцу, который, согласно условиям упомянутого кабального договора, воспитывался при гроггендорском дворе фактически на положении заложника. Мальчику было лишь тринадцать лет, но это не помешало опубликовать от его имени манифест, в котором он объявлял о присоединении Бугенхольма к Гроггендору "на

вечные времена". При этом за ним сохранили формальный статус короля, поскольку гроггендорский монарх одновременно провозгласил себя императором, а свое королевство - империей. В итоге, что называется, не успели просохнуть чернила на нашем договоре о союзе, а у нас на границе объявился сильный враг, предъявляющий претензии на наши свежеприобретенные северные земли. Некоторые считали - и считают до сих пор - что их следовало бы отдать, дабы умиротворить Гроггендор. Они, мол, все равно никогда не были нашими, мы присоединили их без крови и можем так же без крови обменять на мир и безопасность северных рубежей. Но ведь не получится. Гроггендор не остановится. Его экспансия продолжается уже триста лет. С Бугенхольмом тоже все начиналось с захвата спорных территорий, которые когда-то сам Бугенхольм отхватил у тогда еще слабого Гроггендора. Но как только добыча была переварена, хищник потребовал еще.

- И что? Началась война?

- Пока нет. Получив категорический отказ Гумбольдта, империя попробовала нашу оборону на прочность - и нашла, что таковая достаточно прочна. Может быть, прочнее, чем она была в то время на самом деле... Тогда Гроггендор предпочел сделать вид, что ничего не было - гроггендорский полк заблудился ночью в тумане и сам не заметил, как пересек границу, а будучи внезапно атакованным, отбивался, полагая, что находится на своей территории. Имперцы даже принесли нам извинение за этот инцидент, мы им тоже - за их погибших. И вроде бы на этом Гроггендор отступился - на время, разумеется. Он не признает эти земли нашими, но и не нападает. За это время он предпочел разобраться со своими подзащитными княжествами на севере.

- Теми, кому обещал протекцию, если они отколются от Бугенхольма?

- Именно. Их стравили между собой, а когда они обескровили друг друга в Девятилетней войне, империя прибрала их одно за другим практически без сопротивления. Измученные войной и ее последствиями жители встречали гроггендорских солдат как гарантов мира и спокойствия. Некоторые отчаянные партизаны еще продолжают сопротивление в северных лесах и горах, но это, сами понимаете, несерьезно. Так что теперь у гроггендорцев вполне развязаны руки. И смерть короля Гумбольдта - в естественности которой я, кстати, отнюдь не уверен - выглядит для них весьма лакомой возможностью.

- Если, по-вашему, за смертью Гумбольдта стоят гроггендорцы, почему они до сих пор не напали? Ведь в этом случае они должны были все подготовить заранее.

- Я не знаю, кто именно за ней стоит. Заинтересованные были и у нас. Кроме того, не забывайте, что империй у нас теперь две. И они не очень друг друга любят. Точнее - очень не любят. Гроггендор сполна отплатил за былые унижения Бугенхольму - но не Тлукаляхану. Земли, захваченные во время смуты стосорокалетней давности, до сих пор не возвращены, и воинственная риторика на сей счет в Гроггендоре не стихает. Более того - в последнее время она только усиливается. Возможно, в прежние времена это был выпуск патриотического пара для внутреннего употребления, но сейчас Гроггендор реально силен. И в Тлукаляхане, долгое время по инерции игнорировавшем эту проблему - там вообще любят все делать по инерции - теперь, насколько нам известно, реально ею озабочены. Что, разумеется, хорошо - я имею в виду, для нас. Тлукаляханцы нам не друзья, отнюдь. Но после того, как они проглотили аннексию Бугенхольма - чьими друзьями они тоже не были - им совсем не улыбается перспектива остаться с Гроггендором один на один.

- В таком случае, зачем им убивать вашего короля? Вы ведь, как я понял, допускаете и такую версию?

- Эта версия представляется мне не особо вероятной, но возможной. Все зависит от того, кого они предпочли бы видеть на нашем престоле и существуют ли некие тайные договоренности между ними и претендентом... или, возможно, даже и сторонниками претендента, действующими без его ведома. Такое тоже исключать нельзя.

- Но конкретных подозрений у вас нет?

- Обоснованных на данный момент нет.

- Что подводит нас к главной теме, не так ли? Вы ведь "пригласили" меня таким своеобразным способом не для того, чтобы прочитать лекцию по истории? Хотя, признаюсь, я впечатлен вашими познаниями в этой теме.

- А вы ожидали увидеть на моем месте тупого солдафона? - улыбнулся Дармонт. - Не скрою, среди наших армейских офицеров хватает тех, кто едва способен написать собственное имя, что уж говорить о чтении исторических хроник... но королевская гвардия - это совсем другое дело. Особенно такие посты в гвардии, как тот, что занимаю я.

- То есть вы не только командуете гарнизоном.

- Скажем так - командование гарнизоном в таком месте, как Хассенворт, состоит не только в расстановке солдат на стенах и башнях и подготовке запасов стрел и дров для котлов. Я прислан сюда не столько для того, чтобы отразить возможную осаду или штурм - хотя в наихудшем случае я готов и к этому - сколько для того, чтобы вовсе их не допустить. Так вот, возвращаясь к вашему проницательному замечанию... насколько вы вообще осведомлены о положении дел в Айринтии? Я так понимаю, кое-кто уже поставил вас в известность.

- Я знаю, - не стал спорить Локхарт, - что по завещанию Гумбольдта принц Арвик объявлен бастардом, а порядок престолонаследования изменен в пользу принцессы Элинор, которая должна взойти на трон в обход своего дяди.

- Если только это завещание - не подделка, - спокойно заметил капитан.

- Хмм... - такая мысль не приходила Локхарту в голову. - А что, есть основания так считать?

- Завещание обнародовал Фабиас, архиепископ Айринтийский. Давний друг и соратник короля, неофициально бывший его первым советником. Его духовный сан пусть вас не смущает: он весьма искушен в светских делах. Он же фактически был и воспитателем принцессы и, по всей видимости, привязан к ней, насколько может быть привязан мудрый и рассудительный старец. А вот Арвика он, напротив, всегда недолюбливал - можно сказать, даже еще до его рождения. Он пытался отговорить короля от брака с его матерью, но это был один из не очень многочисленных случаев, когда Гумбольдт его не послушал...

- Если он имел такое влияние на короля, зачем ему подделывать завещание? Он мог просто убедить Гумбольдта передать трон дочери.

- И это не исключено. Но, как я уже сказал, безграничным его влияние не было, и мне бы не хотелось создать у вас впечатление, будто король был всего лишь глупой марионеткой в его - или чьих-то еще - руках. Гумбольдт был далеко не глуп и если и прислушивался к советам Фабиаса, то лишь потому, что по большей части они и в самом деле были дельными. Двум умным людям, делающим общее дело, нетрудно найти общий язык.

"Это намек?" - подумал Локхарт. Дармонт тем временем продолжал:

- Но вот как раз решение передать государство девятнадцатилетней девушке в такой сложный момент, когда Гроггендор сосредоточивает силы у нашей границы, да и от Тлукаляхана непонятно чего ожидать... в конце концов, если он сочтет, что мы не выстоим против северного соседа, то может попытаться захватить нас прежде, чем это сделает Гроггендор... такое решение короля не представляется мне достаточно мудрым. Тем более когда при этом еще и нарушаются права законного наследника. И король Гумбольдт, которому я служил верой и правдой много лет, тоже должен был это понимать.

- Почему же мудрый Фабиас этого не понял? Думаете, он позволил эмоциям взять верх над разумом? Он действительно так любит свою воспитанницу?

- И так не любит Арвика. Хотя, скорее всего, он рассчитывает править страной из-за ее спины.

- А вы не допускаете, что в этом и может заключаться замысел короля? Ведь он не мог

передать власть архиепископу официально. А другие возможные наследники, как я понимаю, едва ли стали бы прислушиваться к нему так, как принцесса.

- Да уж, в особенности Арвик. Который, разумеется, прекрасно осведомлен, как Фабиас к нему относится. И хотя формально архиепископ подсуден лишь церковному, а не королевскому суду - до тех пор, конечно, пока церковный суд не лишит его сана...

- Ну вот видите.

- Вижу, что у Фабиаса были веские причины фальсифицировать завещание. Причем не государственного, а личного характера. А иначе почему король не обнародовал свою волю еще при жизни?

На этот вопрос у Локхарта не было ответа, и вместо этого он спросил:

- Тем не менее, вы только что назвали Фабиаса мудрым и рассудительным стариком и другом короля, которому вы верно служили. Возможно, его теневое руководство принцессой, то есть уже королевой - все же не худший вариант?

- При определенных обстоятельствах я мог бы с этим согласиться, - спокойно ответил Дармонт. - Если бы ситуация была стабильной как извне, так и внутри страны, Фабиас, не сомневаюсь, прекрасным образом удерживал бы лодку от раскачивания и резких поворотов. Но сейчас Айринтии нужен воин, а не священник, ни разу в жизни не державший меч. И воин, чье право на трон не вызывает сомнений.

- Вы говорите о герцоге Бронгарском? - Локхарт подумал, что все складывается вполне удачно, и уже собирался изложить план де Сегюра.

- Герцог Бронгарский - отважный рыцарь, победитель многих турниров и искусный военачальник, - ровным тоном ответил Дармонт. - Именно он сумел в кратчайшие сроки перебросить войска на наши новые северные земли и отбить начинавшееся вторжение, создав у противника впечатление, что наши силы там куда существеннее реальных. Но есть одна проблема. В окрестностях его замка - а также иных мест, где его светлость останавливается достаточно надолго - время от времени пропадают дети. Мальчики и девочки не старше пяти лет, всегда из семей простолюдинов. Как правило, больше их никто никогда не видит. Но несколько раз находили трупы. В таком состоянии, словно их терзал дикий зверь. У суеверных крестьян, конечно, существует легенда об оборотне. Но тщательное исследование останков показало, что зверь этот был вооружен не когтями, а металлическими инструментами. У самого герцога, кстати, детей нет, что не слишком хорошо для будущего короля. Хотя он женат уже вторым браком. Его первая жена умерла, и вторая тоже не выглядит счастливой.

- Та-ак, - произнес Локхарт, чувствуя, что весь безупречно рациональный план де Сегюра летит к чертям. - Ну а какие доказательства, что это именно он? Ведь это может быть кто угодно из его свиты.

- Было проведено тайное дознание, - кивнул Дармонт. - Под особое подозрение попали наиболее бедные семьи, в которых пропадали дети. Родители, будучи допрошены с пристрастием...

- Черт! - не сдержался Локхарт. - Вы хотите сказать, что пытали и без того несчастных родителей?

- Говоря "бедные", я имел в виду их финансовое положение, а вовсе не уровень счастья, - спокойно пояснил капитан. - Напротив, они - прежде чем их начали допрашивать, разумеется - были весьма довольны заключенной ими сделкой.

- Сделкой?

- Ну да. Они продали своих малюток, которых им все равно было не на что кормить. Продали человеку, по описанию весьма похожему на личного секретаря герцога. К сожалению, допросить его самого надлежащим образом в рамках тайного дознания не представляется возможным. Личный секретарь командующего армией и младшего брата короля - это очень серьезная фигура, вы ведь понимаете? Даже если по данному делу он чист аки слеза, он знает

много всего другого, отнюдь не предназначенного для чужих ушей... или чужих архивов. Он имеет свою собственную охрану, и хотя любую охрану, разумеется, можно нейтрализовать, подобная операция будет означать неминуемый скандал. Во всяком случае, если она проведена без приказа свыше. А такой приказ мог бы отдать либо сам герцог, либо король.

- И что же король? Его поставили в известность об этом вашем расследовании?

- Увы, его величество Гумбольдт счел предоставленную ему информацию клеветой и интригами против своего брата. Формально говоря, доказательства, причем даже не против самого герцога, а лишь против его секретаря, действительно только косвенные. Слухи и показания невежественных селян, данные под принуждением... притом что никакие особые приметы названы не были, и, понятное дело, покупатель стремился не слишком демонстрировать свою внешность... Чтобы получить более веские доказательства, нужно все же допросить должным образом секретаря, а чтобы получить на это санкцию, нужны более веские доказательства. Замкнутый круг.

- Вы, помнится, назвали покойного короля умным человеком. Не мог же он так просто отмахнуться...

- Верно мыслите, - кивнул Дармонт. - Лично я полагаю, что истинные мотивы его величества были иными. Он опасался не столько того, что это окажется клеветой, сколько обратного результата. Сами понимаете - с одной стороны умелый и популярный командующий, весьма нужный нам в ситуации нарастающей угрозы от сильного врага. Даже от двух сильных врагов. Плюс, разумеется, репутация королевской династии, и в самой стране, и за ее пределами. А с другой - какие-то простолюдины, которые сами были рады избавиться от лишних ртов. Что должен выбрать мудрый правитель, пекущийся о благе государства? При этом, как мне представляется, некий намек герцогу король все же сделал. И если бы виновником был, как вы предположили, непосредственно сам секретарь - или другой человек из герцогской свиты - этот человек бы просто исчез. Ну или умер от внезапной болезни или несчастного случая на охоте. Это было бы самым разумным. Ни с кем из приближенных герцога этого, однако, не произошло. Не знаю, впрочем, как бы развивались события дальше, если бы не смерть короля...

- Вы хотите сказать, что герцог, боясь разоблачения, убил...

- Ну, зачем такие громкие слова, - перебил капитан. - Я не располагаю доказательствами для столь радикальных обвинений. Я лишь обрисовываю вам картину.

- То есть вы не считаете, что такой... человек, как герцог Бронгарский, должен занять трон, - сделал вывод Локхарт. - Даже из тех соображений "государственной мудрости", о которых вы только что говорили. В противном случае вы бы не стали рассказывать все это мне.

Капитан молча улыбнулся.

- Кто же остается? Арвик? Лишенный права на престол сын сумасшедшей?

- Не забывайте, что завещание, лишающее его этого права, сомнительно. Как, соответственно, и душевное нездоровье леди Агаты. Во всяком случае, на момент его рождения.

- Она все еще жива?

- Да. Она даже по-прежнему содержится в королевском дворце. Разумеется, в одном из его дальних... покоев, недоступном для посторонних.

- Я правильно понимаю, что королевский дворец является одновременно и тюрьмой для самых важных государственных узников?

- Согласитесь, это разумно - держать все, подлежащее наилучшей охране, в одном месте.

- Как сказать... - усмехнулся полковник, - есть ведь еще и совет не класть все яйца в одну корзину.

- Это верно лишь в том случае, если все яйца равнозначны. А если среди них есть главное, без которого все прочие утрачивают значение...

- Ну, допустим. Тем не менее, его-то вы и не уберегли, - жестко произнес Локхарт.

- Личная охрана его величества никогда не была моей функцией, - спокойно возразил

капитан. - Это даже не функция моего ведомства. Военная гвардия - это, если угодно, меч, а не щит.

- Я имел в виду "вы" в самом собирательном смысле. Ну ладно. Значит, сейчас вы - лично вы и те, кого вы представляете - поддерживаете притязания на престол принца Арвика.

- Ну а кого же поддерживать верному слуге престола, как не законного наследника? - улыбнулся Дармонт.

- Ваши оппоненты, очевидно, говорят о себе то же самое.

- Ну а что им еще остается говорить... В любом случае, даже оставляя в стороне вопрос о подлинности завещания и праве короля менять законы посмертно, альтернативы вы знаете. Слабая и неопытная юная девушка или герцог Бронгарский с его... весьма специфическим хобби.

- Но я слышал, что и Арвик бешенством нрава пошел в мать.

- Ему свойственна юношеская горячность, - признал Дармонт, - но насчет "бешенства" - это явное преувеличение. А в воинском искусстве он упражняется с малолетства.

- А граф Хагентрауб? Какова его роль во всем этом?

- Род Хагентрауб получил многочисленные привилегии в награду за героизм их предка, спасшего Айринтию триста лет назад. Ну, если говорить совсем откровенно, это была не только награда тогдашнему графу за героизм в бою, но и плата за отказ от каких-либо притязаний на трон в пользу Бронгара. Сто с лишним лет назад, однако, короли Айринтийские начали эти привилегии потихоньку урезать, сочтя, что могущество и богатство Хагентраубов чересчур умножилось за минувшие столетия и может, в принципе, даже представлять угрозу единству королевства.

- Опасения были небеспочвенны? - усмехнулся Локхарт.

- Ну... в общем, небеспочвенны. Достаточно сказать, что это урезание чаще всего делалось косвенными путями. Например, у Хагентраубов возникает конфликт с вассалами, те обращаются к королю с просьбой рассудить, король - а лучше, королевский суд - решает в их пользу...

- Так получил свой вольный статус Хассенворт?

- В том числе. Понятно, что, несмотря на все эти уловки, графы прекрасно понимали, что к чему, и им это сильно не нравилось... но формального повода для возмущения у них не было. На открытый бунт они так и не решались.

- До сегодняшнего дня, я так понимаю? - вновь усмехнулся полковник.

- Не думаю, что слово "бунт" здесь уместно, - строго возразил капитан. - Но, в общем, сейчас граф Хагентрауб - союзник принца Арвика. Законного наследника, - вновь подчеркнул Дармонт.

- А точнее - обещанных им восстановленных привилегий.

- За все приходится платить.

- Вы ведь начинали свою службу под знаменами графа? Что вы можете о нем сказать?

- Ну, Рудольф Фердинанд граф Хагентрауб человек, конечно, жесткий. Можно даже сказать - жестокий. Требовательный командир, не принимающий отговорок. Но я бы не сказал, что к другим он жесток более, нежели к самому себе. И за хорошую службу он воздает столь же полной мерой, как и за плохую.

Значит, понял Локхарт, гарнизон Хассенворта нужен не для того, чтобы отразить внешнюю угрозу (хотя, возможно, изначально его задача была именно такой), а строго наоборот - чтобы в нужный момент подавить внутренние протесты.

- Граф - самый сильный союзник Арвика? - спросил он вслух.

- Достаточно сильный, скажем так, - улыбнулся Дармонт.

- Он сейчас в столице?

- Принц или граф?

- Ну, в принципе, оба.

- Арвик получил приглашение на коронацию. Как граф Дункельт. Но протокол не обязывает его там присутствовать. В положении бастарда есть свои преимущества, - капитан вновь улыбнулся. - И, я думаю, принц будет совершенно прав, если проигнорирует это оскорбительное приглашение.

"То есть сейчас он не в Дракенхайме, - понял Локхарт. - Очевидно, уехал сразу же после оглашения завещания."

- Дело ведь не только в оскорблении, верно? - произнес он вслух. - Столица для него сейчас небезопасна. Эта слабая девятнадцатилетняя девушка и в самом деле способна расправиться с собственным братом?

- Фабиас, полковник. Говоря "Элинор", думайте про себя "Фабиас". Он - вполне способен. И в общем-то я бы его понял, если бы играл на его стороне... Причем это можно сделать даже без кровопролития и без нарушения формальных законов. Объявить, что принц, то есть граф Дункельт, сошел с ума, как и его мать, и нуждается в изоляции, как буйнопомешанный... кто усомнится и на этот раз?

- Вы хотите сказать, что и версия о сумасшествии леди Агаты - тоже дело рук Фабиаса? - догадался Локхарт. - Вы сказали, он всегда ее не любил.

- Ну, я, конечно, не врач, полковник... - Дармонт многозначительно не закончил фразу.

"Не это ли им от нас надо? - подумал Локхарт. - Якобсон. Возможно, де Сегюр был прав, и их действительно интересует врач из другого мира, не аффилированный, таким образом, явно ни с какой из партий и владеющий знаниями, недоступными современным лекарям. Который может подтвердить или опровергнуть диагнозы не только бывшей королевы, но и ее сына. Но ведь они не знают о специализации Якобсона! Мы никому не рассказывали, кто из нас кто. Хотя... доктор ведь куда-то пропал. Если его уже успели допросить... он знает, что не должен говорить об этом, но какие у них тут методы допроса, хотя Дармонт и заверяет... нет, в любом случае прошло слишком мало времени. А если Шрамм? Он ведь пропал гораздо раньше. И в его нынешнем состоянии от него, наверное, совсем нетрудно добиться правды, даже и без насилия. Он, правда, почти не может говорить. Но может писать..."

- У вас есть еще вопросы? - нарушил молчание капитан.

- Вы не ответили насчет Хагентрауба, - напомнил Локхарт.

- Ну, о планах его сиятельства надо спрашивать не меня. Хотя сейчас он, насколько мне известно, находится в своих владениях, и я тоже нахожу это разумным.

- Тогда самый важный вопрос. Что вы все-таки хотите от нас? Мы в этом мире не обладаем ни властью, ни войском, ни богатством. Честно говоря, сейчас у нас нет вообще ничего. Мы просто... потерпевшие крушение, выбравшиеся на ваш берег.

- Не прибедняйтесь, полковник, - в очередной раз улыбнулся Дармонт.

- И даже мое воинское звание, если вы об этом... моя специализация крайне далека от командования средневековыми... современными солдатами. В летной академии был и курс общевойсковой подготовки, но даже там не рассматривалась армия, не имеющая огнестрельного оружия. Так что, если у вас тут в королевской сокровищнице не хранится парочка космических кораблей или хотя бы реактивных истребителей... то есть, я имею в виду, боевых самолетов[5]... то есть летательных машин... видите, я даже не могу изложить вам свою специальность в понятных терминах.

- Что привносит в нашу игру некую новую нестандартную составляющую, - кивнул капитан, - которая, как известно, способна смешать карты противника в самый неожиданный момент непредсказуемым заранее образом. Во всяком случае, люди Фабиаса не считают вас такими уж бесполезными, не так ли?

---

[5]По-английски для человека средневековья эти термины - jet fighters и combat planes - звучат совсем странно: "струйные (или угольно-черные) бойцы" и "боевые плоскости (или равнины)".

- Фабиаса?

- Они вам не представились? Как это на них похоже. Обратите внимание - я сразу честно объяснил вам, кто я и кого представляю.

- Но вы... прошу прощения, если этот вопрос покажется вам глупым... вы точно знаете, что люди, встретившие нас здесь, работают на Фабиаса, или это все же лишь версия?

На сей раз капитан прямо-таки расплылся в улыбке, демонстрируя, что вопрос и впрямь чересчур наивен.

- В свое время, - пояснил он, - мы с ними делали общее дело. Относясь при этом к разным ведомствам. Мы - военная гвардия, формально входящая в состав королевской армии и тем самым подчиненная ее командующему. Есть еще личная гвардия короля, осуществляющая, так сказать, видимую охрану его величества. А есть Тайная Стража, начальнику которой, впрочем, подчинена и личная гвардия тоже. Но верховный начальник у нас был общий - король Гумбольдт. Формально мне не полагалось ничего знать о тайных агентах короля, не относящихся к моей собственной структуре - и тем более имеющих, в некотором роде, полномочия приглядывать за мной самим. Но вы же понимаете, как это бывает между коллегами. Иногда приходится выходить за рамки инструкций, чтобы просто элементарно не мешать друг другу... да и хорош бы я был, если бы не обнаружил действующих в городе чужих агентов. Если бы я не знал, что это свои, я бы должен был заподозрить в них вражеских шпионов, не так ли? И действовать соответственно. Должен заметить, что официальное разоблачение иноземных шпионов нам сейчас не с руки. Айринтии крайне невыгодно осложнять отношения с обеими империями.

- Поэтому выявленные шпионы просто исчезают, - понял Локхарт. - Или даже просто заподозренные... И было бы, конечно, неприятно по ошибке убрать своих. Но теперь они вам уже не свои.

- Увы. Смерть короля многое изменила. И отнюдь не в лучшую сторону.

- Кстати, - заметил Локхарт, - вы сообщили мне информацию, которая, как вы сами сказали, способна бросить тень на королевскую династию и, возможно, даже повредить боеспособности армии, которой командует герцог Бронгарский. Почему вы не боитесь, что завтра об этом будет знать, к примеру, весь Гроггендор?

Этот вопрос мог быть опасным, но Локхарт не сомневался, что Дармонт подумал об этом заранее и не спохватится теперь, что выболтал слишком много.

- Вам никто не поверит, - спокойно ответил капитан. - Мало ли какую клевету на нас распространяют наши иноземные враги? Возможно, попытка опорочить герцога столь грязными и чудовищными обвинениями из-за рубежа даже укрепит его репутацию внутри страны.

- Но слухи ходят и внутри страны. Вы сами говорили, легенды об оборотне и все такое.

- Ходят, - не стал спорить Дармонт. - В том числе и более правдоподобные, чем легенда об оборотне. Но те, кто верят бездоказательным слухам, верят им и без вас. А никаких доказательств вы предъявить не можете. Все это не означает, разумеется, что я поощряю вас рассказывать о нашем разговоре. Просто демонстрирую, что ничем не рискую даже в худшем случае.

- А в лучшем? Допустим, я... и мы все согласимся встать на вашу сторону. Что все-таки конкретно от нас потребуется?

- Ну, для начала - ничего не сообщать об этом агентам Фабиаса. Делать вид, что вы на их стороне, и постараться вытянуть из них побольше информации. Вероятно, они захотят как можно скорее переправить вас в столицу, возможно, еще до коронации. Вот на это я прошу соглашаться не раньше, чем вы обсудите это со мной.

- Я не могу давать вам никаких обещаний прежде, чем переговорю с моими людьми. И, разумеется, прежде чем убежусь в их полной безопасности, сейчас и в дальнейшем. Их согласие может быть только добровольным. Хочу особо подчеркнуть, что шантажировать меня или их

бесполезно.

- Ну, полную безопасность вам в этом мире не может гарантировать никто, - усмехнулся Дармонт. - Я могу обещать лишь поддержку и защиту тех сил, которые я представляю. В Хассенворте и на землях Хагентрауба эти силы довольно сильны, хотя и не всемогущи. В Дракенхайме, боюсь, пока что наши возможности сильно ограничены. Слишком верные слуги короля были известны Фабиасу, и теперь ему не составит большого труда нейтрализовать их, так или иначе...

- Поэтому вам нужны новые люди, - сообразил Локхарт. - Незасвеченные. И даже, вероятно, воспринимаемые партией принцессы - или архиепископа, если вам так больше нравится - как свои...

- Как я уже говорил, приятно иметь дело с умным человеком, - капитан опять улыбнулся. - Да, вам ведь, как я понял, нужны деньги? - он извлек из ящика комода тугой мешочек и водрузил его на стол перед Локхартом. Мешочек увесисто звякнул. - Здесь сто золотых. По нынешним временам, это довольно значительная сумма. Хорошего коня можно купить за пятнадцать вместе со сбруей, хороший костюм обойдется в пару золотых, если только не увешивать себя драгоценностями. Гардероб вам, конечно, стоит сменить на менее приметный.

- Это не только одежда, но и защита, - произнес полковник без особой уверенности.

- Иногда лучшая защита - это не привлекать к себе ненужного внимания.

На это Локхарт, и сам уже думавший о том же, не возразил и лишь молча смотрел на мешочек. Если он возьмет деньги, означает ли это принятие на себя - и на своих спутников! - обязательств, которые ему до конца не ясны и которые он, еще неизвестно, сможет ли и захочет ли исполнять? Станет ли это поводом для шантажа? Впрочем, сейчас ведь нет никаких устройств, записывающих разговор, да и помеченные купюры явно не в ходу...

- Берите, не стесняйтесь, - усмехнулся Дармонт. - Я не требую от вас расписываться кровью. Считайте это просто подарком. Люди Фабиаса ведь ничего не сделали для решения ваших материальных проблем?

- Пока что, напротив, в гостинице нас поселили не бесплатно, если вы об этом.

- Меня это не удивляет. Между нами говоря, Фабиас всегда был скрягой. Хотя для государственного мужа это скорее достоинство, чем недостаток... но иногда все же следует проявлять и щедрость. Особенно в такие неспокойные времена.

Локхарт протянул руку и взял тяжелый мешочек, думая, удастся ли запихать его в один из карманов скафандра.

- Как я свяжусь с вами, когда мы примем решение? - спросил он.

- Приходите в девять утра послезавтра - или уже завтра? - короче, наутро после следующей ночи приходите на рыночную площадь. Там в это время будет много продавцов и покупателей. Делайте там любые покупки, которые вам нужны. К вам подойдет человек и предложит донести ваши покупки до дома. Ему вы изложите свой ответ и от него получите дальнейшие инструкции. Ведите себя естественно, не вертите головой по сторонам, стараясь обнаружить слежку - об этом позаботятся без вас.

- Меня узнают без скафандра... этого костюма?

- Об этом не беспокойтесь. Этот человек имел достаточно времени, чтобы рассмотреть ваше лицо.

"Возможно, он и в эту самую минуту наблюдает за мной из-за гобелена", - подумал Локхарт.

- Вы следили за нами с того момента, когда мы въехали в город? - спросил он вслух.

- Ну... по правде говоря, несколько позже. Наши соперники нас опередили, что да, то да.

- Значит, с того момента, как первый из нас покинул гостиницу? Вы все же уверены, что с ним все в порядке? Ведь мы, остальные, отправились искать его и так и не знаем, где он и что с ним.

- Что вы хотите сказать? - обеспокоился вдруг Дармонт. - Один из ваших действует независимо от остальных?

- Разве вы это не отследили? - Локхарт понял, что и сам он успокоился преждевременно. - Человек в его скафандре - это какой-то местный приказчик. Джакоб, сын Джакоба. Уверяет, что скафандр купил у портного Клауса, торгующего маскарадными костюмами. Так этот Клаус работает не на вас? Может, на Фабиаса?

- Черт... - пробормотал капитан. - Это действительно прокол моих людей. Наблюдение за вами установили слишком поздно. Нет, Клаус ни на кого не работает... кроме как на себя лично, конечно. Это действительно просто портной... по крайней мере, насколько мне известно. Хотя в наше время ни в чем нельзя быть уверенным. Сделаем так: если ваш человек не вернется до утра, вы совершенно открыто и официально оповещаете об этом городскую стражу. Она не подчинена мне напрямую, но меня проинформируют. А я уже организую розыск по своим каналам прежде, чем подчиненные бургомистра начнут чесаться... Но, повторяю, дождитесь завтрашнего дня. Вполне возможно, что ваш человек просто перебрал и сейчас мирно дрыхнет под столом какой-нибудь харчевни. Может, он даже пропил свой костюм, или таковой с него сняли, воспользовавшись его состоянием.

- Он не пьет, - возразил Локхарт без особой уверенности.

- Как раз непьющему-то и легче всего набраться до положения риз. С непривычки. Знаете, как оно бывает: угостили, согласился пропустить по маленькой, чтобы не обидеть, а дальше пошло-поехало...

Локхарт вновь подумал, что прежний Шрамм на такое, конечно, не поддался бы, но нынешний...

- А сейчас мои люди вас проводят, - продолжил капитан. - Не до самой гостиницы - ведь это ваша точка сбора? - но подскажут дорогу к ней.

Полковник мысленно выругал себя идиотом - ведь он даже не назначил точку сбора! А ведь это совершенные азы при планировании любой операции... в том числе и поисковой, на случай, если ее участники потеряют друг друга. Впрочем, рассуждая логически, идти кроме как в гостиницу им все равно некуда.

- Боюсь, что вынужден просить вас вновь надеть маску, - закончил Дармонт. - Тайные ходы на то и тайные, вы понимаете.

На сей раз Локхарт не стал противиться. Он, правда, попытался надеть маску так, чтобы оставить снизу щелочку для обзора, но убедился, что "клюв" сработан на совесть и незаметно подглядывать не получится. Его вновь взяли под локти, но на сей раз весьма деликатно - уже не как похитители, а как поводыри.

Когда с Локхарта, наконец, сняли маску, он стоял в каком-то глухом и темном переулке. Издали доносились нетрезвые крики и визгливая музыка все еще продолжавшегося гулянья, но вокруг не было ни души, за исключением его сопровождающих все в тех же клювастых облачениях.

- Пройдете до конца переулка и повернете налево, - напутствовали его. - Гостиница "У Готлиба" будет по правую руку через три квартала. Плащ и шляпу можете оставить себе, если не хотите привлекать внимание.

- Спасибо, - усмехнулся Локхарт. Его провожатые, не говоря больше ни слова, растаяли в темноте.

На сей раз никто не помешал ему дойти до гостиницы; попадавшиеся навстречу гуляющие были, по-видимому, просто гуляющими. Перед парадным входом горели чадящие факелы, но внутри заведение Готлиба встретило полковника мраком и тишиной. Дверной колокольчик глухо звякнул, когда полковник входил, но этот звук был единственным. Большой пустой холл еле освещала единственная свеча в канделябре, стоявшем на стойке; вероятно, достаточно было одного дуновения, чтобы погрузить все помещение во мрак. Из трапезной тоже

не пробивалось света и не доносилось ни звука, хотя Локхарт ожидал, что какие-нибудь припозднившиеся постояльцы там еще пируют. Разве хозяин не говорил, что вся гостиница забита по случаю ярмарки и карнавала? Неужто все уже легли спать - или, напротив, еще не вернулись с улиц?

У Локхарта вновь появилось неприятное ощущение ловушки, и он остановился в нерешительности, обдумывая, окликнуть ли кого-нибудь или, напротив, постараться подняться по погруженной во тьму лестнице как можно незаметнее. Но тут из темноты послышались торопливые шаги, и перед полковником предстала Ильза собственной персоной.

- Вот и вы, сэр, - хозяйственным тоном объявила она, легко узнав постояльца даже в скрывшем скафандр одеянии. - Все ваши уже вернулись, только вас ждут. Вы так и не обедали, и не ужинали в городе? Наш повар уже ушел, но я для вас холодную телятину оставила. Ежели хотите, подогреть могу...

- Сойдет и холодная, - отмахнулся Локхарт, лишь теперь вспомнив, что ничего не ел с самого утра. - Так говоришь, все вернулись? Все четверо?

- Ну да. Я им дубликат ключа дала, вы ключ-то с собой унесли...

- Да, хорошо... - рассеянно произнес полковник, радуясь, что все опасения оказались напрасными, в то время как девочка подошла к парадной двери и навесила на нее изнутри тяжелый засов. Как видно, Локхарт был последним, кого здесь ждали. Затем она столь же хозяйственно подошла к стойке, взяла свечу и обернулась к постояльцу, явно намереваясь проводить его до номера.

- Послушай-ка, - сообразил вдруг полковник, прищуриваясь, - а ты сама-то почему до сих пор не дома? Не слишком поздно для маленькой девочки?

- Не такая уж я и маленькая, - фыркнула Ильза. - Да и вообще, я здесь часто ночую.

- И отец не возражает? - усмехнулся Локхарт.

- А, чего ему, - махнула рукой Ильза. - Небось, рад только, что глаза не мозолю.

- Вы с ним не ладите? - понимающе произнес Локхарт.

- Ну, отчего ж не ладим? Просто у него свои дела, у меня свои.

- А мать что же? Не беспокоится?

- Матери я не помню.

- Умерла? - сочувственно понизил голос полковник.

- Да не... сбежала с каким-то хлыщом проезжим, мне тогда три года было, - равнодушно ответила девочка. - Так вы к себе идете, я вам ужин следом принесу, или вам, может, трапезную отпереть? Ваших друзей позвать сюда вниз могу.

- Хм, пожалуй, позови, - оценил идею Локхарт. Действительно, если в трапезной никого нет, удобнее будет обсудить новости там, чем ютиться впятером в комнате на двоих. И подслушать здесь, наверное, будет еще сложнее, если сесть в середине зала, подальше от всех стен.

Ильза извлекла из кармана на переднике тяжелую на вид связку ключей и отперла двери трапезной. Локхарт последовал за ней внутрь. Словно прочитав его мысли, она подвела полковника к столу в самом центре - такому же грубому и тяжеловесному, сколоченному из широких досок и не прикрытому никакой скатертью, как и прочие в этом помещении. На досках, потемневших от времени и местами выщербленных, там и сям виднелись старые пятна вина, каких-то, вероятно, соусов и расплавленного воска. Прямо над столом висела громоздкая люстра - Локхарт подсознательно ожидал увидеть тележное колесо, утыканное свечами, но нет, люстра была металлическая, кованая, подвешенная на цепях. Цепи выглядели вполне прочными и, очевидно, держали свой груз уже много лет, но все же полковник не мог отделаться от подсознательного же опасения, что вся эта конструкция может рухнуть прямо ему на голову. Но демонстрировать это опасение девчонке он, конечно, не стал. Ильза не стала зажигать свечи на люстре - для чего здесь, очевидно, использовался какой-нибудь длинный шест с фитилем на

конце - а вместо этого собрала несколько свечных огарков с соседних столов и по очереди затеплила их от своей свечи. После чего отправилась на кухню и быстро вернулась с большой глиняной тарелкой, буквально накрытой огромным бифштексом - в обычное время Локхарт сказал бы, что это порция на троих, но сейчас он почувствовал, что и впрямь изрядно проголодался.

Все же он не притронулся к еде, пока снаружи не послышались торопливые шаги, и в трапезную не ввалились остальные астронавты. Сперва Локхарту показалось, что их только трое в сопровождении какого-то местного, но затем в подтянутом человеке в коричневой замшевой куртке с фестончатым воротником, кожаных штанах и высоких сапогах полковник с облегчением опознал Шрамма. Куртка была препоясана широким ремнем с тяжелой кованой пряжкой, и на этом ремне висел узкий меч в ножнах. Садясь, Шрамм небрежным, словно бы давно привычным жестом придержал рукоять меча, направляя его мимо скамьи, пока конец клинка с тупым стуком не уткнулся в пол. Вообще, новый наряд шел бывшему пилоту, словно сшитый на заказ, и ничто теперь не выдавало в нем человека из другого мира.

Командира, естественно, попытались забросать вопросами, но он решительно пресек таковые, потребовав сперва доклада от своих подчиненных - по-прежнему без возражений признававших этот статус. "Но долго ли это продлится?" - мелькнула мысль у Локхарта. Как скоро первый из них не согласится с его решением и заявит "вообще-то, полковник, мы уже не на борту "Доброй воли", и вы нам больше не командир"? И кто это будет? Чопорный де Сегюр с его вновь обретающим смысл графским титулом? Вечно склонный поспорить Вельо? Или даже, чем черт не шутит, милейший доктор Якобсон, гаситель любых конфликтов - если, к примеру, сочтет какое-то из его решений слишком жестким? А Шрамм, на которого прежде Локхарт положился бы, как на самого себя, сегодня уже покинул вверенный пост. Возможно, доктор заблуждается относительно собачьей преданности...

Сейчас именно Якобсон, успевший, разумеется, узнать у товарищей все, что не знал сам, взял на себя роль рассказчика. Итак, Шрамму наскучило сидеть у стены, сквозь которую не проникало никаких звуков, и после визита Ильзы с бельем он решил, что принесет бо́льшую пользу команде, если выйдет в город и раздобудет денег. Единственным способом, который пришел ему в голову, было продать скафандр (благоразумно оставив себе содержимое его карманов); за доспех, непробиваемый нынешним оружием, он рассчитывал выручить крупную сумму, которой хватит не только на то, чтобы одеться и вооружиться по теперешней моде самому, но и на оплату гостиницы и прочие расходы всех остальных.

Ему действительно удалось довольно быстро отыскать лавку оружейника и объяснить тому - больше жестами, чем словами - чего он хочет. При этом Шрамм весьма убедительно потыкал обломком мачете в собственную грудь, демонстрируя чудесные свойства космического костюма. Однако, к великому возмущению бывшего пилота, оружейник все равно наотрез отказался признавать мягкий скафандр доспехом и вообще чем-либо, представляющим интерес по его части, и посоветовал попытать счастье у портного с соседней улицы, торгующего, помимо обычной одежды, маскарадными облачениями. А вот к сломанному мачете оружейник проявил неожиданный интерес и согласился выложить за него два батцена, что составляло чуть больше одного золотого; на эти деньги можно было купить ножны от меча, но, конечно, не сам меч, стоивший никак не меньше пяти золотых. Оружейник посоветовал решить эту проблему с тем же портным, приобретя у него маскарадный меч, который, мол, в настоящих ножнах будет смотреться совершенно как настоящий и внушать должное уважение всем уличным шалопаям.

Шрамм все же нашел в себе силы смирить гнев и последовать полученным советам, не то польстившись на эффектную красоту ножен, не то здраво рассудив, что при нулевом опыте фехтования пользы от настоящего меча будет не больше, чем от бутафорского. Портной Клаус действительно согласился, хотя и с видимой неохотой, обменять скафандр на обычный костюм (обычно маскарадные облачения шли, разумеется, дешевле настоящей одежды) и - только из

уважения к другу-оружейнику, при случае поставлявшему ему клиентов - бутафорский клинок в придачу. Таким образом, изделию высочайших технологий земной цивилизации, способному выдерживать условия открытого космоса, огонь, радиацию, прямое попадание молнии, любые агрессивные химические среды и удары практически любого колющего, режущего и метательного оружия - да еще и напичканному не менее высокотехнологичной аппаратурой - выпала высокая честь быть принятым в уплату за несколько кусков замши, полотна и кожи, выкроенных и сшитых в лавке средневекового ремесленника.

- Не следовало делать это, не получив разрешение от меня, - строго произнес Локхарт, прожевав очередной кусок бифштекса.

- Н-надо... быть... к-как они, - с трудом выдавил из себя Шрамм.

Ну да, и Дармонт, чей интеллект явно не 85, советовал то же самое. От скафандров, скорее всего, действительно придется избавиться - хотя разумнее, конечно, не продать их по цене маскарадных костюмов, а возить с собой на всякий случай в качестве багажа, благо теперь у них есть деньги, чтобы купить одежду и нанять экипаж. О последнем Шрамм заранее знать, естественно, не мог. Но то, что он действовал на собственное усмотрение, не поставив в известность командира... Однако, что теперь с этим делать? Объявить ему строгий выговор? Посадить на гауптвахту?

- Вот что, джентльмены, - сказал полковник официальным тоном, откладывая в сторону двузубую вилку. - Мы не оговорили это явно, а зря. Нам надо уточнить текущий статус и субординацию нашей группы. Согласно уставу, в случае гибели корабля капитан сохраняет ответственность за команду и пассажиров - и соответственно власть над ними - до тех пор, пока все выжившие не окажутся в безопасности, либо пока эта ответственность не будет снята с него уполномоченным официальным лицом. Хотя мы и достигли, в некотором смысле, цивилизации, о безопасности в нынешних реалиях нам, видимо, придется забыть. Но и мира, в котором действовал устав и оговоренные в нем официальные лица и полномочия, больше нет. И если кто-либо из вас, будь то офицер, - он пристально посмотрел на Шрамма, - или гражданский, более не желает мне подчиняться, я не имею ни практической возможности, ни... - он сделал крохотную паузу, - желания его принуждать. Если кто-то считает, что он сумеет лучше сориентироваться и выжить в теперешнем мире в одиночку, это его право - хотя я бы не назвал такую позицию разумной. Ибо это непростой, непривычный нам и жестокий мир, причем нас угораздило оказаться в скверном его месте в скверное время. Я узнал на сей счет дополнительные подробности... Но, повторяю, если кто-то хочет уйти - пусть уходит прямо сейчас и не подрывает единство группы. А тем, кто останется, по-прежнему необходим единый лидер и общая координация действий. И я прошу вас официально подтвердить, что вы признаете меня вашим лидером. Либо, если большинство выскажется против - избрать нового. Итак? - он окинул взглядом своих товарищей, сидевших вокруг стола. Де Сегюр сидел слева - что ж, в этом случае он начнет опрос справа. - Доктор Вельо?

- Гхм, - прокашлялся великан, - да, конечно, вы наш командир.

- Майор Шрамм?

- Д-да... с-с-сэр, - Шрамм залихватски отдал честь; рука повиновалась ему не в пример лучше, чем язык.

- Доктор Якобсон?

- Ну, разумеется, нам надо держаться вместе, и затевать какие-то разборки внутри нашей компании было бы крайне неразумно.

- Пожалуйста, скажите явно, признаете ли вы меня своим командиром. Как говорится, для протокола.

- Да, полковник Локхарт, вы - мой командир.

- Посланник де Сегюр?

- Хмм... - протянул граф, - вы, разумеется, прекрасный астронавт, полковник, и именно

ваше мастерство и мужество спасли нас всех после катастрофы у Кэйли. Но, при всем уважении, навыки космического пилота едва ли будут востребованы в обозримой перспективе...

- Иными словами, вы хотите отделиться? - перебил его Локхарт, прекрасно понимавший, что дипломат клонит вовсе не к этому.

- Нет, разумеется, нет; я лишь предлагаю всесторонне обдумать, чьи навыки в сложившейся политической ситуации были бы наиболее полезны...

- Полагаю, навыки каждого из нас будут полезны по-своему, - ответил полковник, - в том числе, конечно же, и ваши познания в области дипломатии и истории, и нам было бы чрезвычайно жалко вас потерять. Но считаю, что командовать должен тот, кто прошел специальную подготовку для этой роли и уже имеет успешный практический опыт командования в критической ситуации. Если вас не устраивает моя кандидатура, вы, конечно, можете предложить иную, но у вас лишь один голос против четырех.

- Хм... ну, если вы так ставите вопрос...

- Думаю, что это единственная разумная его постановка.

- Ну хорошо. Да, полковник, я признаю вас своим командиром. Но, - он широко улыбнулся, - надеюсь, вы не потребуете от нас пожизненной клятвы верности вассалов сеньору?

- Я потребую только того, что будет способствовать нашему выживанию и адаптации в этом мире. А не моим личным амбициям, если вы об этом. Я бы сейчас с великим удовольствием плюнул на все и отправился греть пузо на пляже. Но боюсь, что теперь это для нас не вариант... Ну что ж, хорошо, с этим разобрались. Продолжайте ваш рассказ, доктор Якобсон.

Якобсон продолжил. После совершенной не слишком удачной сделки Шрамм еще некоторое время бродил по улицам, пытаясь сообразить, как же все-таки добыть денег, но, так ничего и не придумав, вновь вернулся в гостиницу - где и был встречен вездесущей Ильзой, сообщившей ему, что остальные отправились его искать, и - вопреки предыдущим заявлениям о нежелании вступать в дискуссии с такими суровыми постояльцами - убедившей его больше никуда не ходить, а ждать возвращения товарищей. (Эту часть истории Якобсон знал не из рассказа Шрамма, состоявшего больше из каракулей в блокноте, чем из немногочисленных с трудом произнесенных слов, а из гордых пояснений самой Ильзы: "А я ему и говорю, этак вы друг за дружкой-то всю ночь по нашим улицам бегать будете, в карнавал-то тем паче, так уж вы сидите тут, сюда-то они все точно придут, никуда не денутся, а я вам пока обед подам.")

Далее доктор перешел к собственным приключениям. Как оказалось, от остальных его отрезали почти таким же образом, как и Локхарта - налетела, закружила и увлекла за собой очередная гурьба празднующих - но, в отличие от случая с полковником, это были, судя по всему, самые обычные гуляки. Доктор вырвался от них спустя какую-нибудь пару минут, но уже не только не мог догнать товарищей, а и не имел понятия, в какую сторону вообще следует идти (в отличие от бывшего пилота, сохранившего способность ориентироваться даже несмотря на поражение мозга, Якобсон всегда сам говорил о себе, что страдает топографическим кретинизмом; он мог отлично запомнить карту, но стоило ему оказаться на местности и сделать пару поворотов...). Даже Кольцо в небе его не выручило, ибо перед этим он больше смотрел по сторонам и под ноги, а не в небо, и, соответственно, не имел понятия о правильном направлении. Оказавшись на какой-то незнакомой площади (далеко не такой большой, как рыночная) и окончательно убедившись, что заблудился, доктор вдруг решил, что эта площадь вполне подходит для публичного выступления. Поначалу на невысокого человечка, пытающегося перекричать праздничный шум, не обращали внимания, но упорство Якобсона и, возможно, его необычный костюм таки принесли плоды, и вокруг постепенно начала собираться толпа. Якобсон рассказывал им об экспедиции "Доброй воли", о мире, из которого она послана, о катастрофе и возвращении на Землю...

- Зачем? - вновь нахмурился Локхарт. - Это было весьма неблагоразумно.

- Но вы ведь и сами... - не преминул напомнить де Сегюр.

- Отдельным людям - да, но не целой толпе, - твердо ответил полковник. - Мы до сих пор не знаем, может, здесь за такие речи положено отправлять на костер!

- Меня, как видите, не отправили, - возразил доктор, - как и никого из нас до того. Во всяком случае, наш внешний вид их не шокировал. Я решил, что мы, наоборот, будем в большей безопасности, если о нас будет знать как можно больше народу. Тогда ни у каких местных интриганов не возникнет соблазн просто убрать нас по-тихому. Ибо по-тихому уже не получится... Вы ведь сами говорили, как вам не нравится, что нас тайком провели в гостиницу, разве не так?

- Ну, допустим, - нехотя признал Локхарт. - И как они отреагировали на ваши откровения?

- Слушали очень внимательно, - мрачным тоном поведал доктор, - мне казалось, что они все понимают, может, даже вспоминают рассказы предков о том, что было на Земле раньше... А потом... стали аплодировать и кидать монеты. Некоторые подходили хлопнуть по плечу и сообщить, что таких складных баек давно не слыхивали, и, что если я переложу это в стихи, то смогу заработать еще больше. Они не поверили ни одному моему слову, понимаете? Приняли просто за ярмарочного шута.

- Чего уж тут непонятного, - усмехнулся полковник. - Поставьте себя на их место. Вы же психолог.

- В том-то и дело, что - даже если они действительно ничего не помнят о прошлом - средневековый человек, в отличие от нас с вами, мог с легкостью поверить в самые невероятные вещи. Не обязательно в ведьм или оборотней. Идея, например, о жителях Луны не показалась бы ему чем-то невозможным. И Джордано Бруно на самом деле казнили вовсе не за идею множественности обитаемых миров. Но они слушали меня не так, как должен был слушать средневековый обыватель. А так, как слушал бы обыватель XX столетия, твердо знающий, что никакой жизни на Луне нет, но не имеющий ничего против хорошей сказки.

- Возможно, современная наука, насколько этот термин вообще уместен, вновь считает звезды шляпками гвоздей, которыми приколочена небесная твердь, - пожал плечами Локхарт.

- Если так, значит, откат еще хуже, чем мы думали. Ложное знание хуже простого невежества.

- Что делать, такова нынешняя реальность. Так сколько вы заработали, доктор?

- Что-то около шестидесяти хеллеров, - проворчал Якобсон. - Медная мелочь. Наверное, там было больше, но мне было не слишком удобно собирать их в темноте с булыжной мостовой, да еще одной рукой. Затем один из местных мальчишек был столь любезен, что за один из этих хеллеров проводил меня до гостиницы.

- Понятно. Что двое других?

История Вельо и де Сегюра оказалась совсем короткой. Гиганту так и не удалось поймать куда-то юркнувшего Джакоба; он повернул вспять, зовя товарищей, и вскоре встретился с графом, отыскавшим его благодаря высокому росту и зычному голосу. Де Сегюр сообщил лингвисту, что толпа отрезала его от Локхарта, и проницательно заподозрил, что это произошло не случайно; некоторое время они вдвоем пытались отыскать остальных на соседних улицах, но, так и не преуспев, решили все-таки возвратиться в гостиницу, где к немалому облегчению обнаружили Шрамма, а позже вернулся и Якобсон. Естественно, все волновались об участи Локхарта и велели Ильзе немедленно уведомить их, если что-то станет известно.

- Надеюсь, теперь вы удовлетворите наше любопытство, - закончил с улыбкой Якобсон. - Если я правильно понимаю, ваши приключения были интереснее, чем у нас всех?

Локхарт, уже управившийся к этому времени с бифштексом, огляделся по сторонам, словно желая еще раз убедиться, что их никто не подслушивает, и принялся негромко пересказывать свою беседу с Дармонтом.

Когда он закончил, некоторое время все молчали, обдумывая услышанное. Наконец

молчание нарушил де Сегюр.

- Так что же, - произнес он без энтузиазма, - теперь вы полагаете, что мы должны поддержать Арвика?

- Не знаю, - честно ответил полковник. - Я взял деньги, но не обязательства.

- Едва ли люди Арвика - или Хагентрауба - занимаются благотворительностью, что бы вам ни сказал на сей счет Дармонт, - возразил граф. - И, конечно, он ждет от вас только положительного ответа следующим утром. Если мы откажемся работать на них, лучше им узнать об этом, когда мы будем уже далеко.

- А вы считаете, что мы должны отказаться? Мне самому не нравится идея быть вовлеченным в эти шпионские игры. Но в любом случае ясно, что мы уже не можем следовать вашему первоначальному плану.

- А собственно почему?

- То есть? - опешил Локхарт. - Вы хотите посадить на трон маньяка-извращенца, зверски убивающего детей?

- История повторяется, - усмехнулся де Сегюр. - Жиль де Рэ.

- Что? - переспросил Локхарт. Это имя было ему смутно знакомым, но он не помнил, чем оно знаменито.

- Был такой маршал Франции. Талантливый военачальник и близкий соратник Жанны Дарк[6]. Вошел в историю как самый страшный серийный педофил-садист-детоубийца. Он сам сознался - правда, под пытками - в убийстве 800 детей, но суд посчитал доказанными только 150 случаев. Казнен вместе с двумя своими телохранителями. Однако объективность суда вызывает большие сомнения: в число судей входили злейшие враги обвиняемого, обвинение строилось на свидетельских показаниях, по большей части полученных под пытками, никаких материальных улик - как-то останков жертв - найдено так и не было. Итальянский чернокнижник, который будто бы и втянул маршала в сатанинские ритуалы с детскими жертвоприношениями, был и вовсе освобожден после церковного покаяния. В конце XX века комиссия французского Сената заново рассмотрела дело и вынесла решение об оправдании де Рэ, правда, юридических последствий это решение не имело.

- Так вы все же считаете, что герцога Бронгарского оклеветали?

- Весьма вероятно. Заинтересованных в этом хватает.

- Но тайное расследование было проведено еще до того, как он стал претендентом на трон.

- Герцог и до смерти Гумбольдта был весьма значительной фигурой, у которой могли быть не менее значительные враги. Причастен ли ваш Дармонт к фабрикации обвинения или искренне верит в заглоченную чужую наживку - вопрос уже вторичный.

- Вы говорите так, словно у вас уже есть доказательства фабрикации.

- Нет, - согласился де Сегюр. - И, понятно, ссылаться на презумпцию невиновности я не буду. Нас интересуют не формальности - к тому же наверняка уже не действующие в теперешнем мире - а реальное положение дел. Но давайте рассуждать логически. Допустим даже, это не клевета. Что от этого так уж качественно меняется? В государственном плане?

Сразу несколько человек - в том числе и Шрамм - издали протестующие возгласы.

- Повторяю - логически, а не эмоционально, - произнес с нажимом де Сегюр. - Сексуальные наклонности человека могут быть сколь угодно извращенными и отвратительными - и при этом совершенно не пересекаться с его обычной жизнью, в которой он может быть личностью вполне здравомыслящей и притом талантливой. Мудрым государственным деятелем и успешным полководцем - что, как мы видим, признают даже его противники. Да, время от

---

[6] Фамилия Жанны была именно такой (впрочем, в хрониках встречаются также варианты Тарк, Дар и Дэй). Современное написание д'Арк, на дворянский манер (переводящееся как "Аркская"), появилось лишь в XVI веке и является неверным.

времени ему надо удовлетворять свою нужду, но сделав это, он вновь возвращается в норму. Да, конечно же, мучить и убивать детей - это ужасно, можете не объяснять мне очевидное. Но как часто он это делает? Вряд ли очень часто, иначе простыми легендами об оборотне дело бы не ограничилось. Но допустим даже, он делает это раз в неделю, как Жиль де Рэ, если, конечно, верить сделанному под пытками признанию последнего. И допустим, он процарствует еще двадцать лет, сохранив те же потребности - хотя либидо, даже извращенное, угасает с возрастом, а герцогу уже сейчас, наверное, не меньше пятидесяти. Итак, в наихудшем случае погибнет около тысячи детей. Но неужели вы думаете, что в результате гражданской войны, весьма вероятного вследствие таковой иноземного вторжения и неизменно сопровождающих такие события бедствий, включая столь характерные для средневековья голод и эпидемии - неужели вы думаете, что в результате погибнет меньше? Намного больше, уверяю вас - притом не только детей, многие из которых в своих бедных семьях все равно не дожили бы до совершеннолетия, но и взрослых.

- Беретесь подсчитать, сколько точно? - усмехнулся Локхарт. - И гарантировать, что ваш Джек Потрошитель сможет предотвратить войну?

- В политике гарантий не бывает, и вы сами это знаете, - невозмутимо ответил граф. - Даже если их дают в торжественной обстановке и скрепляют большими государственными печатями. В конечном счете, любое соглашение действует лишь до тех пор, пока оно выгодно более сильной стороне... Но есть вероятности. И есть пространство возможного.

- Ну разумеется, политика есть дело грязное, - не выдержал Вельо, - но всему же есть предел!

- Ни Сталин, ни Хитлер, ни множество других тиранов не были маньяками-педофилами, а убили на порядки больше народу, чем любой Джек Потрошитель или тот же де Рэ, - пожал плечами де Сегюр. - Доктор, я не меньше вашего хотел бы посадить на айринтийский престол светлого рыцаря без страха и упрека. Но где такого взять? Я имею в виду - из имеющих реальные шансы? Арвик? Я не думаю, что это лучший вариант, учитывая, что даже родной отец предпочел не допустить его до власти.

- Если он и в самом деле это сделал, - напомнил Локхарт.

- Думаю, что сделал, - возразил граф. - Какими бы ни были личные мотивы Фабиаса, отношения между отцом и сыном явно складывались не лучшим образом. Иначе сами посудите, как бы это выглядело: при жизни король в принце души не чает, а в своем завещании вдруг лишает всех прав и объявляет бастардом! Никто бы в такое просто не поверил.

- А любопытный у нас расклад выходит, - заметил вдруг Якобсон. - Айринтийский Жиль де Рэ против айринтийского Гамлета...

- Гамлет - это, конечно, очень романтично, - желчно изрек де Сегюр, - но боюсь, что у нас тут не театр. К тому же он и в театре плохо кончил.

- Однако, следуя вашей логике, - возразил Локхарт, - Гумбольдт предпочел не допустить до власти брата точно так же, как и сына.

- Сын, насколько я понимаю, не прославился ничем достойным, - парировал граф. - А вот герцог, вне зависимости от того, как к нему относился король и кто на самом деле был автором завещания - герцог уже зарекомендовал себя в качестве талантливого командующего.

- Я не собираюсь становиться на сторону детоубийцы и помогать ему получить трон, - резко произнес Вельо. - Это просто не обсуждается.

Шрамм одобрительно кивнул и поднял большой палец в знак солидарности.

- Мы еще не знаем, правдивы ли обвинения, - терпеливо напомнил де Сегюр.

- Вот когда узнаем, тогда и обращайтесь. А пока я не собираюсь выбирать между маньяком и сыном сумасшедшей.

- Есть, конечно, и иной выбор, - спокойно кивнул граф. - Не для Айринтии. Для нас лично. Пробираться на север в Гроггендор. Или сесть на корабль, идущий в Тлукаляхан.

- Насколько я понимаю, северная граница - до которой еще надо добраться - сейчас весьма милитаризована и тщательно патрулируется, - заметил Локхарт. - Наверное, отряд из пяти человек все же мог бы пробраться через нее незамеченным... при наличии соответствующей подготовки. Но не когда большинство в нем - штатские, да еще и чужие этому месту и времени. Да, мы все прошли курс выживания на случай вынужденной посадки, но это совсем не то же самое. Что касается Тлукаляхана... не знаю, есть ли с ним сейчас морское сообщение и насколько оно безопасно, но, в любом случае, об этой империи мы практически ничего не знаем. Но интуитивно - или, если угодно, на основании проговорок Дармонта - она у меня симпатии не вызывает.

- Элинор, - сказал вдруг Шрамм. Он произнес это слово отчетливо, словно здоровый, и у Локхарта даже мелькнула мысль, что его товарищ выбрал это имя лишь потому, что его было легче всего артикулировать. Впрочем, полковник тут же мысленно пристыдил себя за такое отношение к Шрамму. Да, тот поглупел, но все же не впал в маразм.

- Говоря "Элинор", имейте в виду "Фабиас", - напомнил Локхарт. - Возможно, впрочем, это и впрямь лучшая альтернатива, как говорит доктор, маньяку и сыну сумасшедшей. Если только оба обвинения правдивы, а не являются, к примеру, плодом усилий все того же Фабиаса.

- От этого варианта я, положим, тоже не в восторге, - буркнул Вельо. - Мне совсем не нравится, когда церковники получают светскую власть. Особенно когда они правят в качестве серых кардиналов, как бы лично ни за что не отвечающих.

- Я и сам от такого не в восторге, - согласился полковник. - Но выбор не так уж велик. В конце концов, он уже был влиятельной фигурой при Гумбольдте, и ни к какой катастрофе это не привело.

- Если не считать внезапную смерть его венценосного друга, - усмехнулся Вельо.

- Вы подозреваете в этом Фабиаса? - приподнял бровь Локхарт. Такая мысль не приходила ему в голову; он слишком привык понимать слово "друг" буквально. Возможно, прав де Сегюр, и в нынешнем болоте феодальных интриг от его опыта пилота и офицера, всегда четко знающего, кто свой, а кто противник, и впрямь мало толку. Насколько проще была бы жизнь, если бы люди, как летательные аппараты, оснащались передатчиками "свой-чужой"...

- Гумбольдт благоволил архиепископу, но был слишком сильной и самостоятельной фигурой, чтобы позволить тому править вместо себя, - согласился с лингвистом граф. - Устранить его, чтобы посадить на трон покорную марионетку, выращенную и подготовленную Фабиасом специально для этой роли - это вполне логично. Такие люди, как Фабиас, мыслят десятилетиями и идут к своей цели без лишней спешки, зато уж наверняка...

- Элинор, - упрямо повторил Шрамм. - Не Ф-ф-ф...

- Вы полагаете, она может быть самостоятельной фигурой? - де Сегюр повернулся к Шрамму со снисходительной улыбкой взрослого, говорящего с умственно отсталым ребенком. - Боюсь, Гюнтер, вы... недостаточно искушены в политике. Да полно, уж не влюбились ли вы в принцессу? Это было бы явно преждевременно, вы ведь еще не видели даже ее портрета.

Якобсон посмотрел на графа красноречиво-укоризненным взглядом, безмолвно требуя, чтобы тот прекратил издеваться над Шраммом. Последний, в свою очередь, раздраженно помотал головой, плюхнул на стол многоразовый блокнот, который уже использовал для объяснений с товарищами, и, очистив страницу, принялся писать, давя на стилус, словно тот был обычным карандашом:

"вы ничиво о ней ни знаете как вы можите ришать за нее?"

Граф продолжал снисходительно улыбаться, но Локхарт почувствовал себя пристыженным этим доводом. Может, интеллект Шрамма теперь и 85, но в самом деле, не слишком ли легко и быстро они списали принцессу со счетов? Девятнадцатилетняя девушка, ну да. А сколько было Жанне Дарк? Кажется, в этом возрасте ее уже сожгли на костре...

И кстати, какая участь уготована принцессе в случае поражения? Они как-то совершенно

не задумывались об этом, решая, сторону какого из ее врагов принять. Ну, допустим, по плану де Сегюра, от которого тому, кажется, очень не хочется отказываться, она должна всего лишь мирно отречься в пользу дяди - или пока не существующего сына - и "вернуться к своему вышиванию". Вот только дядю с его своеобразными вкусами забыли об этом спросить. А если верх возьмет Арвик? Пока над ним тяготеет клеймо бастарда - какой бы клеветой ни объявила это его пропаганда - живая законная дочь короля ему категорически не нужна. Впрочем, даже если ей и сохранят жизнь, то уж точно не свободу...

- Знаем мы, действительно, все еще слишком мало, - признал полковник вслух. - Особенно с учетом "правила тринадцатого удара". Знаете? "Тринадцатый удар часов означает не только то, что он неверен сам по себе - он еще и ставит под сомнение предыдущие двенадцать ударов."

- Что вы имеете в виду? - осведомился Якобсон. - Пока что, если я ничего не упустил, то, что нам рассказали представители двух фракций, практически не противоречит друг другу. Ну, понятно, что акценты расставляются по-разному, но...

- Хотя бы шестисотлетняя история Айринтии. Как вы это объясните?

- Ну, - улыбнулся Якобсон, - тут как раз нет ничего удивительного. Знаете ли вы, например, что древняя история Швеции была целиком выдумана в XVI веке лжеисториком Юханом Монссоном? Включая первых шесть королей Карлов. Когда позже это вскрылось, неправильная нумерация уже закрепилась в династии и так уже никогда и не была исправлена... А в Британии Гальфрид Монмутский, живший в XII веке, и вовсе придумал древнюю историю аж до времен Троянской войны, точнее, до XII века до нашей эры. Король Лир, или Леир, например - это оттуда. Якобы он правил в Британии в IX веке до нашей эры, еще до основания Ромы, когда в реальности на Британских островах жили разве что неолитические племена... И подвергать сомнению "историю" Гальфрида Монмутского начали лишь четыре века спустя. Да и вообще, редко какой народ в средние века имел исторически достоверные представления о собственном происхождении. Чуть ли не любая династия выводила свою родословную от легендарных героев - часто легендарных в буквальном смысле - а то и вовсе от богов. Возможен, конечно, и такой вариант, что вымышленными являются не сами события - хотя бы в самой своей основе - а исторические сроки. Мы знаем, что все это средневековье никак не могло начаться раньше, чем два века назад, но "для красоты" - а точнее, для придания большей древности айринтийским аристократическим родам - официальная историография превратила два столетия в шесть. Думаю, что если мы действительно доберемся до хранящихся в столице хроник, то обнаружим там, так сказать, разную плотность событий. Более-менее недавние времена, о которых еще сохранилась память, окажутся весьма насыщены событиями, а в давнем прошлом обнаружится, что от одного примечательного события до другого целый век мог пройти без каких-либо заметных происшествий. Это, между прочим, выглядит вполне логично и объясняется тем, что чем древнее эпоха, тем меньше информации о ней сохранилось, но в данном случае, очевидно, все эти "пустые" столетия просто выдуманы.

- Вся эта древняя история - реальная или вымышленная - представляет для нас разве что академический интерес, - нетерпеливо произнес де Сегюр. - Нам надо решить, что делать сейчас. И я полагаю, что самым разумным будет соглашаться на все предложения, которые нам будут сделаны.

- Как это? - опешил Вельо. - На предложения от враждебных друг другу фракций?

- Именно так, - невозмутимо кивнул граф. - Ни с кем не ссориться и сохранять свободу маневра... настолько долго, насколько это окажется возможным.

- Чтобы в итоге огрести разом от всех, - заключил Вельо, не утруждая себя дипломатическими формулировками.

- Думаю, ни одна из сторон не будет возражать против наших контактов с другими сторонами... пока будет верить, что эти контакты осуществляются в ее, а не их, интересах. Пока

что мы получили внятное предложение лишь от партии Арвика. Они хотят, чтобы мы стали их шпионами в лагере Фабиаса - отлично, эту иллюзию мы и должны у них поддерживать, во всяком случае, до тех пор, пока не покинем земли Хагентрауба. Партия Фабиаса - или Элинор, если вам так угодно - пока что ничего конкретного нам не предложила, но мы, видимо, вступим с ней в более тесный контакт, когда прибудем в столицу, где она более сильна. Если при этом вскроется наше сотрудничество с людьми Арвика, в этом нет ничего страшного - мы всегда объясним это хитростью, необходимой для того, чтобы нам позволили выехать отсюда в Дракенхайм. О партии герцога нам пока что ничего не известно - как, возможно, и ей неизвестно о нас - но, вероятно, для нее будут верны те же рассуждения. Вероятно, рано или поздно нам все же придется сделать однозначный выбор и совершить поступки, после которых обратного пути уже не будет - но к тому времени мы, по крайней мере, будем лучше понимать расклад. В том числе и по части того, что клевета, а что правда, - де Сегюр посмотрел со значением на Вельо и Шрамма.

- То есть вы предлагаете лавировать, сколько возможно, между всеми тремя фракциями, чтобы в итоге примкнуть к победителю, - усмехнулся Локхарт.

- Если угодно, - спокойно ответил граф. - Вообще я, разумеется, понимаю все практические опасности сложившейся ситуации, в том числе для нас лично... и все же не могу не оценить эстетического, если угодно, совершенства сложившегося политического расклада. Три противника внешних - Гроггендор, Тлукаляхан и Айринтия - и в самой Айринтии три противника внутренних - Элинор, Арвик и Бронгар. В физике три точки опоры обеспечивают идеальную статическую устойчивость; добавление четвертой и прочих, заметим, эту устойчивость не повышает, а снижает, ибо чем их больше, тем меньше шансов, что все эти точки окажутся в одной плоскости. Но в политике, наоборот, три - самая динамическая конфигурация! Противостояние двух противников может быть только лобовым и исключает какие-либо варианты; четверо с большой вероятностью заключат попарные союзы и дальше, как говорится, смотри решение предыдущей задачи. Но три - очень интересный расклад! Особенно, конечно, если их силы примерно сопоставимы. Каждый из них заинтересован в том, чтобы заключить союз с любым из двух других против третьего. Казалось бы, выиграет тот, кто первым предложит такой союз и первым на него согласится, и, следовательно, все должно закончиться очень быстро. Но в том-то и дело, что каждый, заинтересованный в союзнике, в то же время понимает, что и оба его соперника заинтересованы в нем самом ничуть не меньше - а стало быть, нет смысла немедленно хвататься за первого же из них, а есть смысл поторговаться об условиях... И при этом они все же остаются противниками, имеющими некие принципиальные противоречия каждого с каждым. А если добавить еще и проистекающий из этого фактор взаимного недоверия... В общем, игра получается чрезвычайно интересной и малопредсказуемой. При условии, разумеется, что нам не удастся добиться прочного союза между двумя фракциями, как я предлагал с самого начала. Было бы, конечно, желательно найти компромисс, устраивающий все три, но это, боюсь, исключено. Однако если к согласию придут две - любые две - третьей можно пренебречь.

- Ой, не факт! - хмыкнул Вельо. - Иногда и один игрок может разбить все выступающие против него альянсы.

- Поэтому стремиться следует к такому союзу, который оставит в роли третьего слабейшего противника, - вновь не смутился де Сегюр. - Точнее, я бы даже сказал, что идеальный союз - это союз сильнейшего со слабейшим против третьего, который слабее первого, но сильнее второго. Такой альянс, во-первых, практически гарантированно победит, а во-вторых, будет прочным изнутри. Слабейшему он выгоден по очевидным причинам, а сильнейший, соответственно, будет доверять своему союзнику, не боясь удара в спину.

- При условии, что каждый из них реалистично оценивает свои силы, - заметил Локхарт.

- Да. Либо - если, напротив, в реальности силы примерно равны - если удастся создать

соответствующую иллюзию. Что труднее, но возможно.

- Однако эти разумные рассуждения не означают, что нам или кому-то еще удастся добиться такого союза, - заметил Якобсон. - Трон-то только один.

- Предки нынешних Бронгара и Хагентрауба в свое время благополучно решили этот вопрос, - напомнил граф.

- И из условий тогдашней договоренности выросла нынешняя фронда Хагентрауба, - напомнил в ответ Локхарт. - Если бы Арвик не получил в его лице могучего союзника, возможно, весь расклад был бы другим.

- Что там будет через сто или двести лет, уже не наша проблема, - отмахнулся де Сегюр. - В политике не бывает ничего вечного. Тогда, по крайней мере, удалось избежать гражданской войны между победителями, и сейчас мы хотим того же. Разве нет?

Никто не возразил, и де Сегюр продолжил:

- Думаю, завтра, точнее, уже сегодня, мы получим какое-то предложение от людей Фабиаса, которое следует принять. Если, конечно, от нас не потребуют прямого участия в боевых действиях, что вряд ли. А на следующий день - сообщить тому человеку на рынке, что мы принимаем предложение партии Арвика. И в обоих случаях настаивать на том, что нас надо скорее переправить в столицу. Вы согласны, командир? - вспомнил он о субординации.

- Посмотрим, что будет завтра, - буркнул Локхарт. - Что именно нам предложат - если предложат. А сейчас нам всем надо как следует выспаться.

С этим никто не стал спорить; все и впрямь почувствовали, насколько устали за этот длинный и насыщенный событиями день. Слова командира словно сбросили рубильник, удерживавший их в форсажном режиме все это время. Зевая и довольно потягиваясь, они поднялись с грубых деревянных скамей трапезной и побрели к себе наверх. Локхарт отправил в комнату на троих Шрамма, Якобсона и Вельо - не без умысла, ибо теперь он еще менее был уверен в том, что может выкинуть Шрамм, и предпочел приставить к нему, с одной стороны, врача и психолога, а с другой - самого физически сильного человека в команде. Номер на двоих, соответственно, заняли сам Локхарт и де Сегюр.

Комната, естественно, была погружена в темноту; лишь тусклый свет недавно взошедшей ущербной луны - как оказалось, вполне невредимой - пробивался под углом сквозь толстое оконное стекло. Хотя в аварийный набор, покоившийся в кармане скафандра каждого из астронавтов, входили фонарик и электрозажигалка, ни один из них не стал зажигать свет лишь для того, чтобы улечься спать; заряд следовало экономить. После короткой неуверенной паузы полковник, еще раз проверив прочность засова на двери, все же решился вслед за плащом снять скафандр и, оставшись в тонком комбинезоне, растянулся на кровати. Хотя в комнате в этот глухой ночной, или скорее даже предутренний, час было достаточно прохладно, одеяло, благодаря свойствам комбинезона, ему, в принципе, не требовалось - но он все же укрылся, ибо так было уютнее. На улице было уже тихо; лишь откуда-то очень издалека пару раз донеслись неразборчивые крики последних припозднившихся гуляк. Слышно было, как в темноте устраивается на своей кровати де Сегюр; у Локхарта мелькнуло опасение, что вот сейчас тот решит продолжить высокоумный разговор о тонкостях айринтийской политики - возможно, захочет поделиться с командиром некими соображениями, которые не захотел озвучивать в присутствии остальных - но граф, похоже, хотел спать ничуть не меньше самого полковника. Вскоре оба уже крепко спали, как и трое их товарищей за стеной; никакие караулы на сей раз назначены не были. В городе, в гостиничных номерах, надежно запиравшихся изнутри, подобная предосторожность выглядела бы, пожалуй, параноидальной.

И все же некая тревога, вызванная не то этим, не то всеми прочими обстоятельствами, не покидала Локхарта и во сне. Поначалу усталость была сильнее этих опасений, прорывавшихся лишь в сновидения, где полковника молча окружали какие-то мутные фигуры, лиц которых невозможно было разглядеть - но в конце концов чувство тревоги все же заставило его открыть

глаза. Некоторое время Локхарт лежал на спине, глядя в потолок (за окнами уже начинало светать), и говорил себе, что это был просто дурной сон - но затем все же поднялся и выглянул в щель между деревянными жалюзи на окне.

На улице не было ни огонька - город отсыпался после бурной ночи. Но Локхарту вполне хватило тусклого предрассветного света, чтобы различить силуэты в шлемах и панцирях, перекрывающие оба конца переулка. Один кордон уже стоял, другой занимал позицию у него на глазах. Солдаты очень старались не шуметь, но двигаться совсем беззвучно у них, в их облачениях, не получалось - и, возможно, именно донесшийся сквозь сон лязг меча или доспеха и стал истинной причиной пробуждения Локхарта.

Можно было, конечно, строить предположения о том, сколько и каких постояльцев находится в здании и по чью именно душу явились солдаты (дюжины полторы, оценил полковник, и это только те, что блокируют задний выход) - но Локхарт уже яростно тормошил не желавшего просыпаться де Сегюра. Едва граф, наконец, разлепил недовольные глаза, раздался стук в дверь.

Локхарт развернулся к двери, окидывая безнадежным взглядом все еще погруженную во мрак комнату. Никакого оружия, черт побери, совсем никакого... Стулом, что ли, отбиваться? Против мечей? Или попытаться удрать по карнизу и далее по крышам? Он не мог поручиться при таком освещении, но, кажется, у тех, внизу, были и арбалеты...

- Это я, Ильза! - приглушенно донеслось из-за двери. - Скорей просыпайтесь! Опасность!

Локхарт поспешно открыл дверь, с опозданием подумав, что это может быть и ловушкой - что, если Ильзе приставили нож к горлу? Но даже в этом случае - что он может изменить?

За дверью, однако, не оказалось вообще никого - только темнота неосвещенного коридора. Однако стук тут же раздался сбоку, и Локхарт, повернув голову, понял, что Ильза уже будит его товарищей. Заметив, что дверь открылась, девушка бегом вернулась к нему. В ее руке был черный потайной фонарь с круглым "глазом", при необходимости закрывавшимся железной шторкой.

- Гвардейцы, - коротко сообщила она. - Быстрее. Я выведу вас.

- Что им здесь надо? - воскликнул Локхарт, все еще не веря, что опасность грозит именно ему и его команде. - Кажется, еще вчера... - он осекся, сообразив, что Ильзе совсем не обязательно знать о его дружеской беседе с Дармонтом. В то же мгновение снизу загрохотал стук. Стучали в парадную дверь, но так громко и нагло, что было слышно на третьем этаже.

- Нет времени, - Ильза сердито и нетерпеливо мотнула головой, так, что собственные волосы хлестнули ее по лицу. - Берите свои вещи и за мной! Карл их долго не удержит!

Полковник метнулся обратно в комнату, молниеносно натянул скафандр (норматив - 10 секунд, Локхарт обычно управлялся за 8), набросил заодно и подаренный плащ и выскочил в коридор. Следом за ним, зевая, выбежал де Сегюр, успевший влезть только в нижнюю часть скафандра и теперь на ходу пытавшийся натянуть верхнюю. Из соседнего номера тем временем поспешно выбирались остальные. Последним выскочил Шрамм - быстро облачиться даже в простой средневековый костюм было куда сложнее, чем в скафандр, специально спроектированный для максимально быстрого надевания в условиях разгерметизации или иной опасности - но, тем не менее, хотя куртка Шрамма осталась незастегнутой, перевязь с бутафорским мечом была на месте.

Ильза, едва не притоптывавшая ногой от нетерпения, велела им закрыть двери, а сама побежала по коридору - не к лестнице, как ожидал Локхарт, а мимо таковой. Снизу тем временем доносились грубые голоса - очевидно, Карл (тот самый слуга с лошадиной челюстью?) препирался с гвардейцами, заявляя, что никого не станет пускать без разрешения хозяина. Гвардейцы, надо полагать, грозили в ответ вышибить дверь.

Добежав до конца коридора, Ильза открыла дверцу неприметной каморки, выглядевшей так, словно в ней хранились всякие щетки и ведра. Они там и хранились, но, очевидно, каморка

служила и иной цели. Ильза отодвинула большое жестяное корыто, а затем приподняла находившуюся под ним половицу, под которой обнаружилось большое металлическое кольцо. С натугой потянув за него, девушка подняла тяжелую крышку люка. Крутая, почти вертикальная лестница под ней уводила в непроглядный холодный мрак каменного колодца.

Снизу тем временем доносился уже возмущенный баритон Готлиба, втолковывавшего незваным гостям что-то о привилегиях вольного города и отсутствии военного положения. Однако эти аргументы оборвались коротким вскриком, и тут же вверх по лестнице затопали тяжелые шаги.

- Вниз, быстро! - скомандовала Ильза, словно была не четырнадцатилетней девчонкой, а боевым офицером в немалом ранге. - Фонарь возьмите! - она сунула фонарь в руку Локхарту.

Тот мог бы ответить, что у них у всех есть электрические фонари, но понимал, что сейчас действительно не время что-либо объяснять. Так что он просто взял неожиданно тяжелый масляный фонарь за железное кольцо и, придерживаясь другой рукой за боковину лестницы, стал быстро спускаться. Следом за ним торопливо перебирали руками и ногами остальные. Якобсон попытался было пропустить Ильзу вперед себя, но она лишь цыкнула на него, требуя не мешкать.

Лестница - больше всего напоминавшая пожарную в домах XX столетия, с той разницей, что она была деревянной, а не железной - уперлась в квадратную площадку этажом ниже, которая на самом деле была даже и не площадкой, а окаймлением очередного люка - на сей раз открытого - с новой лестницей вниз. Собственно, места на этом бордюрчике хватало только на то, чтобы шагнуть с него на следующую лестницу, поэтому ни Локхарт, ни следовавшие за ним не могли задерживаться и выяснять, как там дела у остальных, а должны были сразу же продолжать спуск.

В конце концов последний, четвертый пролет привел полковника на дно сырого и холодного каменного мешка самого клаустрофобского вида. Здесь под ногами был лишь прочный камень, но, посветив "глазом" фонаря по сторонам, Локхарт обнаружил невысокую, но явно массивную, покрытую пятнами ржавчины железную дверь в стене справа, закрытую на тяжелый засов. Другого выхода отсюда явно не было, и полковник потянул торчащую ручку засова в сторону, ожидая, что он либо не поддастся, либо издаст душераздирающий скрип. Но засов сдвинулся с места неожиданно легко и беззвучно - как видно, его регулярно смазывали. Равно как и петли двери, также открывшейся наружу без особых усилий.

Желтый свет масляного фонаря озарил еще одну лестницу, на сей раз каменную, но тоже уводившую вниз, хотя и не так круто. Наклонный ход был таким низким, что всем, кроме, кажется, Якобсона (но уж зато Вельо - в особенности), пришлось пригибаться. Впрочем, ход оказался коротким. Едва не споткнувшись на последней ступеньке о крысу, с писком бросившуюся из-под ног, Локхарт, наконец, ступил на пол помещения, судя по гулкому звуку, уже не такого тесного. Где-то в темноте негромко журчала вода. Полковник шагнул вбок, давая дорогу остальным, и повел фонарем по сторонам. В обе стороны уходил длинный каменный коридор с полукруглым потолком. Не по такому ли он путешествовал всего несколько часов назад? (Да, лишь несколько часов... выспаться им так и не дали).

Локхарт, подняв фонарь (какая все же тяжелая эта средневековая штуковина по сравнению с невесомыми пластиковыми цилиндриками!), по очереди осветил спустившихся следом за ним. Все астронавты были тут - но не девушка.

- Где Ильза? - негромко спросил полковник.

- Сказала, ждать ее внизу, - беспомощно пожал плечами (точнее, левым плечом) Якобсон, спустившийся последним.

Несколько минут все напряженно прислушивались - и, наконец, с облегчением различили легкие шаги сверху. Такие звуки едва ли могли издавать грубые сапоги преследователей. Затем послышался глухой металлический лязг - очевидно, Ильза запирала дверь со стороны

подземелья. Наконец она показалась в низкой арке прохода.

- Порядок, - сообщила она и хозяйским жестом протянула руку. - Фонарь-то давайте.

- Не сунутся они в ту каморку? - осведомился Локхарт, возвращая ей фонарь и доставая, наконец, из кармана скафандра свой собственный.

- Они уже сунулись, - спокойно ответила Ильза. - Я еле успела крышку опустить, как раз под люком сидела. Кабы шелохнулась, небось, услыхали бы. А так в каморке темно, ежели не знать, где люк, так его и не заметишь, даже когда лоханью не прикрыт. По полу с фонарем ползать надо. Ну, теперь ежели даже и заметят, нескоро выломают, я за собой-то все позапирала.

- Ладно, - резюмировал Локхарт. - Теперь объясни, что случилось и что нам дальше делать. Эти гвардейцы точно явились по наши души?

- Может, и не только по ваши, - помрачнела девушка. - Там теперь, небось, никому не поздоровится. Кабы не накрылась теперь моя работа у Готлиба... ежели он сам-то живой еще.

- Но почему? - повторил полковник. - Что все это значит?

- Ночью было покушение на Дармонта, - пояснила, наконец, Ильза. - Не знаю пока, убит он или только ранен. Вот, - она кивнула на плащ, наброшенный поверх скафандра Локхарта, - вроде как убийца в таком вот плаще был и в маске с клювом. Хорошо, что вы его там не оставили, в комнате-то... да только, небось, все одно теперь не поможет.

- Да это же... они же сами... - задохнулся от возмущения Локхарт и вновь сообразил, что делиться этими подробностями с Ильзой - как теперь уже стало совершенно очевидно, отнюдь не простой служанкой - не следует. Во всяком случае, когда он покинул капитана, тот был еще жив и здоров, чему имеются свидетели - те самые, что вывели его оттуда... вот только захотят ли они дать соответствующие показания? Одно из двух - или покушение всего лишь инсценировка, повод зачистить гнездо агентов Фабиаса, а заодно и подозрительных пришельцев... вот только к чему тогда весь этот задушевный разговор накануне? Ведь даже не истек срок, данный им капитаном на размышление... Или, более вероятно, Дармонт действительно выведен из строя, на время или навсегда, и сейчас гвардейцами командует кто-то другой, не знающий о предварительных договоренностях капитана и полковника... тоже, очевидно, человек Арвика, но предпочитающий более простые и грубые пути. И поди докажи ему теперь... а может, и еще хуже - он все знает, но не одобряет выбранный чересчур интеллектуальным Дармонтом путь. Считает как раз, что надежнее уничтожить гирьку, чем рисковать, что она попадет на чужую чашу весов. Да уж и не сам ли Арвик отдал такой приказ? Нет, не так быстро. Нельзя забывать о реалиях теперешней эпохи. Депешу с донесением о пришельцах Арвик, небось, прочитает не раньше чем через несколько дней...

- Вам надо выбираться из города, - продолжила Ильза, не дождавшись от Локхарта осмысленного завершения реплики. - Сейчас мы по этим ходам выйдем к площади, где балаган стоит, бродячие актеры. Вчера выступали на ярмарке, а теперь в столицу едут на коронацию, там по этому случаю тоже праздник будет и мистерии всякие. Вот с ними-то вы поедете, вроде как тоже комедианты.

- А актеров выпустят из города? Если за нас взялись всерьез, все повозки, наверно, будут обыскивать.

- Ворота охраняет местная стража, не королевские гвардейцы. Эти выпустят, уже хотя б чтобы гвардейцам насолить. Но спешить надо. Гвардейцы-то, верно, попытаются теперь бургомистра задвинуть и все под себя подмять. Раз они на гостиницу такой налет устроили, так уж, верно, на полпути не остановятся, - и Ильза решительно зашагала вперед, освещая путь фонарем.

- Ну да, - констатировал полковник, - война началась, церемонии закончились... Идемте, джентльмены.

Они двинулись быстрым шагом по подземному туннелю. В фильмах, которые Локхарт смотрел когда-то в юности, такие коридоры почему-то всегда были хоть и тускло, но освещены -

либо факелами на стенах (кто зажигал и постоянно менял эти факелы?), либо вообще неким необъясненным способом. Но здесь, в настоящем подземелье, вечный мрак, разумеется, рассеивали лишь лучи фонарей идущих - желтый масляного и ярко-белые светодиодных. Впрочем, сейчас этот яркий искусственный свет, рассчитанный на борьбу с любыми мутными средами - туман, дым, сильные осадки - полковника не слишком радовал. Он понимал, что они еще отнюдь не в безопасности. Едва ли люди Арвика и люди Фабиаса используют разные системы подземных ходов. Скорее всего, все подземелья Хассенворта образуют единый лабиринт, и напороться здесь можно на кого угодно. Надежнее было бы переключиться на инфракрасный или ультрафиолетовый свет и активировать соответствующий визор в шлеме. Но шлема нет ни у Шрамма, ни, главное, у их проводницы.

Вельо вдруг отделился от группы и подошел к стене, светя на нее своим фонарем.

- Что вы там увидели? - обернулся Локхарт

- Н-нет, ничего, - откликнулся Вельо, поспешно догоняя остальных. - Просто подумал, что, возможно, эти ходы - остатки подземных коммуникаций нашего времени. Но, похоже, это самые натуральные средневековые катакомбы.

Коридор разветвился, и Ильза уверенно выбрала левый путь. Они миновали осклизлую железную решетку, за которой слышалось уже не журчание, а глухой шум воды, явно падавшей из каких-то труб; дух оттуда шел неприятный. Позже им пришлось перебраться через этот поток по узкому, лишенному перил каменному мостику; сырые камни под ногами покрывала какая-то бледная и, главное, скользкая плесень. Локхарт внимательно посветил под ноги и тут же увидел мелких членистоногих тварей - не то мокриц, не то белесых тараканов - разбегавшихся в стороны. Де Сегюр скривился от отвращения, зато Шрамм принялся топтать их с остервенением, достойным куда более серьезного врага. За мостом Ильза нырнула в низкую нишу справа, и какое-то время им опять пришлось пробираться по тесному лазу, сперва согнувшись в три погибели, а потом и вовсе на четвереньках; в конце этой каменной кишки девушка замешкалась, и было слышно, как что-то проскребло и прошуршало, а потом с сухим стуком посыпалось на камни.

- Что там? - раздраженно осведомился де Сегюр. - Надеюсь, проход не завален?

- Все в порядке, - буркнула Ильза. - Осторожно, тут до пола ярд где-то.

Она легко развернулась в узком проходе ногами вперед и выбралась из лаза в очередной коридор; Локхарт повторил тот же маневр не без труда и подумал, что Вельо, очевидно, придется приземляться на руки. Хотя перчатки скафандров были ничуть не менее надежны, чем ботинки, полковник все же посветил на пол в поисках острых камней - или что там только что Ильза вытолкала из лаза, прочищая путь - и мысленно вздрогнул, увидев, что это было.

Луч фонаря высветил череп, определенно человеческий, с хорошо сохранившимися зубами и остатками волос. Недалеко от него на полу валялся другой - этот был расколот, на месте теменной кости зияла дыра, еще усиливавшая зловещее впечатление. Также на камнях валялось несколько крупных и мелких костей - целых и обломков.

Локхарт быстро посветил вокруг себя и увидел, что ниша, в глубине которой находился лаз - сейчас оттуда как раз вылезал де Сегюр - буквально заполнена черепами и костями. И такие ниши шли по обе стороны коридора, насколько хватало света фонаря.

- Что за... - пробормотал полковник, оборачиваясь к девочке, которая стояла со своим фонарем среди всей этой жути, как ни в чем не бывало, дожидаясь, пока все астронавты выберутся из дыры.

- Обычное дело для средневековых городов, - ответил вместо нее де Сегюр, окидывая взглядом открывшуюся картину. - Христианский обычай требовал хоронить покойников в городской черте, но место на кладбищах быстро заканчивалось. Тогда кости переносили в катакомбы. Под Пари шесть миллионов таких мертвецов.

. Из дыры выбрался Вельо, уже понявший, что ему предстоит увидеть, а за ним Якобсон,

слегка задержавшийся из-за своей неработающей руки; он тоже не смог развернуться и лез головой вперед. Едва психолог показался в проходе, лингвист подхватил его под мышки, как ребенка, и вытащил в коридор. Ильза, поставив фонарь на пол, торопливо покидала голыми руками черепа и кости обратно в нишу - руководствуясь, по всей видимости, не почтением к останкам, а желанием вновь замаскировать проход. Локхарт подумал, что его предыдущее путешествие по подземелью вовсе не сопровождалось такими сложностями. Просто повезло, или все дело в том, что гвардейцы чувствуют здесь себя хозяевами, а команда дядюшки Зака - отнюдь нет? Особенно теперь, когда хрупкое перемирие рухнуло... и, вполне возможно, рухнуло оно не только в Хассенворте.

- Долго еще? - буркнул Вельо, которому узкий лаз явно не доставил удовольствия. Да и все эти черепа и кости, кажется, тоже.

- Почти пришли уже, - обнадежила его Ильза, вновь шагая вперед. - Там за углом вас ждать должны.

- Кто? - сразу встревожился Локхарт.

- Свои, ясное дело. Пятеро будут, вы с ними одеждой поменяться должны. Они, стало быть, эти ваши костюмы наденут, а вы наверх полезете. Там лестница дальше в конце коридора, а балаган над люком как раз.

- А эти пятеро, стало быть, должны будут сыграть наши роли и увести ищеек за собой, - понял Локхарт. - И что с ними будет?

- Убедятся, что это не вы, отпустят... - пожала плечами Ильза и тут же добавила более мрачным тоном: - наверно. А коли и нет, то уж не ваша забота. Они свои деньги получили, чай, знали, на что идут...

- А ты? - прямо спросил Локхарт.

- А что я? Я глупая девчонка-служанка, кто мне чего сделает...

Полковник отнюдь не был в этом уверен, но его готовую вырваться реплику перебил де Сегюр:

- Эти пятеро, они хоть похожи на нас?

- Не знаю, сама их еще не видала. Быстро уж все слишком закрутилось-то. Ну, наверно, лицом не очень-то схожи, все ж таки трудно даже одного похожего быстро найти, а уж пятерых-то... но уж фигурами наверно, чтоб костюмы хоть как подошли. Вы им покажете, как это все надевается.

- Да просто надевается, некий Джакоб, сын Джакоба без нашей помощи разобрался, хотя большим интеллектуалом не выглядел, - произнес Локхарт, думая про себя, что, должно быть, Заку и компании непросто было за считаные часы отыскать человека с габаритами Вельо. Если считать, что поисками занялись только после известия о покушении на Дармонта, то это, пожалуй, и вовсе невозможно. Значит, вся операция по их бегству из города готовилась заранее, возможно, с самого их прибытия в Хассенворт. По крайней мере, в качестве одного из вариантов... Откуда, кстати, вообще распространилась информация о покушении - распространилась среди ночи быстрее, чем гвардейцы, явно стремившиеся застать противника врасплох, явились с обыском? Не в том ли дело, что Зак узнал об этом покушении... даже раньше, чем оно состоялось? Впрочем, даже это еще не значит, что таковое организовал именно он... но, по крайней мере, он его не предотвратил, хотя, вероятно, мог бы предупредить давнего коллегу.

- Теперь тихо, - велела вдруг Ильза, останавливаясь. - Вон ту пустую нишу справа видите? Прячьтесь туда, гасите фонари и ждите. А я пойду вперед гляну, все ли в порядке.

Вельо пытался что-то возразить - кажется, что негоже пятерым мужчинам прятаться, предоставляя несовершеннолетней девчонке рисковать собой - но Ильза, приходившаяся ему по солнечное сплетение, так на него шикнула, что гигант растерянно замолк.

Эта ниша не была заполнена костями и оказалась изрядно низкой - спрятаться в ней

можно было, только согнувшись или присев на корточки - но зато глубокой. Возможно, когда-то это был сквозной туннель, позже заложенный кирпичом - и предназначенный скорее для стока воды, чем для людей, живых или мертвых. Кое-как разместившись друг за другом в его тесной глубине, астронавты застыли в не слишком удобных позах. Тьма вновь стала абсолютной - Ильза, ушедшая вперед, как видно, тоже закрыла заслонку своего фонаря, а может быть, он просто не отбрасывал ни малейших отсветов назад - и полагаться приходилось только на слух.

Вскоре из тьмы донеслись негромкие голоса. Разобрать слова было невозможно, но, похоже, с Ильзой беседовал какой-то мужчина. Интонации были спокойные, и Локхарт расслабился. Кажется, на сей раз все действительно в порядке...

И тут же по ушам резанул отчаянный девичий визг, отражаясь от стен туннелей; мгновением позже он перешел в мычание, затем послышалась какая-то возня, грубый мужской голос рявкнул ругательство, быстро затопали прочь бегущие ноги - пара легких башмаков и тяжелые сапоги - но и эти звуки парой секунд спустя оборвал самый жуткий из всех: короткий, тонкий, взлаивающий всхлип (одновременно лягнуло по камню что-то железное), перешедший в мокрый хрип, быстро затихший.

"Что там? - спросил новый голос, не тот, что ругался. - Дышит еще?"

"Какое там, - брюзгливо отозвался еще один. - Он же ее насквозь пропорол."

"Идиот! - возмутился предыдущий голос, вероятно, принадлежавший командиру. - На кой хрен было сразу убивать? Это-то всегда успеется! Допросить сперва надо было!"

"Тебе бы так по яйцам двинули, - огрызнулся первый голос, в котором все еще звучал отголосок страдания. - Мигом бы забыл, что сперва, а что потом. Вы тоже хороши, чуть не дали ей удрать! Кабы я ее мечом не достал..."

"Солдат не яйцами думать должен! Что мы, девчонку бы не догнали, что ли?"

"Да заткнуть ее надо было скорей, пока она тут все подземелье не переполошила!"

"Хуже уже бы все равно не сделала, - отозвался командир. - Думаю, она тут не одна шастала, и кто ее слышал, уже со всех ног отсюда чешет. Ты, ты и ты - бегом в ту сторону, остальные за мной!"

Снова затопали сапоги - одни удаляясь, другие приближаясь. На краткий миг у входа в нишу заметались отсветы не то фонарей, не то факелов, но ноги протопали мимо, не снижая скорости. Еще какое-то время шаги бухали, отдаляясь и отдаваясь эхом от стен, затем все стихло.

- На выход, быстро! - приглушенно скомандовал Локхарт. - Свет не зажигать, идем ощупью по правой стене до поворота и дальше до лестницы. Мы должны выбраться отсюда, пока они не вернулись.

- А если там еще кто-то остался в засаде? - столь же тихо усомнился де Сегюр.

- Исполняйте приказ! - шепотом рявкнул полковник, но затем все же снизошел до пояснений: - Он сказал - "остальные за мной". Не сказал никому остаться.

На самом деле это не было абсолютной гарантией - что, если была еще и вторая группа, не подчиненная командиру первой? - но рисковать приходилось в любом случае. Выбравшись из ниши, астронавты - Локхарт впереди - поспешно, но в то же время стараясь ступать бесшумно, двинулись вдоль стены. Вскоре полковник, скользя рукой в перчатке по камням над головой - на той высоте, куда, как он помнил, не доставали ниши с останками - нащупал угол и шепотом сообщил об этом остальным. Он уже свернул в коридор, когда у него за спиной сверкнул свет.

- Какого черта, доктор?! - Локхарт, резко обернувшись, зажал перчаткой фонарик в руке Якобсона.

- Вы же сами сказали - они ушли... Мы не можем бросить Ильзу... так.

- Она мертва, вы что, не слышали?!

- Слышал. Но не видел. Хорошо, я больше не буду включать свет, я успел заметить, где она. Хотя бы проверю пульс. Может, с нашим снаряжением ей еще можно помочь. Пожалуйста, полковник, люди мы или кто?

- Люди, - мрачно ответил Локхарт. - На которых охотятся другие люди. Ладно, возьмите мой плащ, прикроете им свет. Если она жива... доктор Вельо, возьмете ее. Сможете подняться с ней по вертикальной лестнице?

- Конечно, - ответил гигант.

Логика подсказывала, что трогать Ильзу, живую или мертвую - не лучшая идея. Тогда вернувшиеся враги сразу же обнаружат, что здесь кто-то побывал, и, очевидно, догадаются, кто именно. А охоту они могут продолжить и на поверхности... и даже, между прочим, послать погоню за караваном, уже покинувшим город. Но... Но.

Послышался шелест, из-под края плаща на миг мелькнула полоска света.

- Она жива! - шепотом воскликнул Якобсон. - Луиджи, помогите мне!

"И куда мы ее теперь денем? - мрачно подумал Локхарт. - Ее же надо в больницу, а не в фургон комедиантов..." Азбучная истина из курса общевойсковой подготовки: убитый противник - это лишь один выведенный из строя враг, раненый противник - это целая группа выведенных из строя врагов. Помимо самого раненого, это все, кто будет пытаться его спасти...

- Как она? - спросил он вслух, чувствуя совсем рядом солено-железистый запах крови.

- Плохо, - откликнулся из темноты Якобсон, едва поспевая рядом с широко шагающим Вельо. - Я не могу прямо на ходу остановить кровь из такой раны, не говоря уже обо всем прочем. Нужно хотя бы пять минут, чтобы спокойно использовать наш арсенал.

- Они у вас будут, как только мы доберемся до лестницы, - Локхарт все же решился посветить вперед. Луч уперся в стену в дюжине метров впереди - коридор кончался тупиком. Но, быстро посветив по сторонам, полковник заметил еще одну нишу, или, скорее, целый вертикальный колодец в стене слева от тупика. Подбежав туда, Локхарт увидел в глубине "колодца" металлическую лестницу, не особо отличавшуюся от тех, что вели вглубь подземных коммуникаций XXI столетия - разве что эта выглядела слишком ржавой и не особенно надежной. Пожалуй, не стоит подниматься по ней всем сразу, несмотря на спешку... Но что там, наверху? (Луч фонаря погладил изнутри тяжелую крышку люка метрах в пяти выше.) Если вместо обещанных "своих", которые должны были сыграть роль астронавтов, здесь поджидала засада, то кто мешал противнику оставить вторую засаду там, сверху? Хотя кто-то, конечно, мог и помешать - городская стража, например, не жалующая гвардейцев...

Эти мысли пронеслись в голове Локхарта за секунду, пока он быстро обводил лучом фонаря своих товарищей. Вельо с черно-кровавым свертком на руках - девочкой, завернутой в плащ, Якобсон, на ходу зажимающий ее рану... В любом случае, из них всех лишь у Шрамма костюм соответствует эпохе - и, может быть, позволит вылезти из люка, не привлекая излишнего внимания. Если, конечно, этот люк не посреди заполненной народом площади. Хотя какой народ? Сейчас ведь еще самое раннее утро. Даже средневековые хозяйки и служанки еще не отправились на рынок - особенно после ночного карнавала...

Можно, конечно, поменяться со Шраммом одеждой. Но это потеря времени, а враги могут вернуться в любой момент, и деваться из этого тупикового коридора некуда.

- Майор, сможете подняться и проверить, как там и что? Кто нас там ждет - друзья или враги? Если это комедианты, то...

- П-понял, - коротко выдавил из себя Шрамм и быстро полез вверх по лестнице, подозрительно скрипевшей и вибрировавшей под его руками и ногами. Вельо тем временем уложил девочку на расстеленный плащ и светил на нее фонариком, пока Якобсон пытался оказать помощь. Локхарт покосился на освещенную лучом рану, с которой доктор, вынужденный действовать одной рукой, как раз сорвал кровавые тряпки. Зрелище было жутким: в груди Ильзы - почти совсем еще детской - словно открылся уродливый багровый рот, блюющий кровью. Из настоящего рта девочки тоже текла кровь, правда, не так обильно. Чудо, как меч не задел сердце, но легкое, очевидно, пропорото насквозь, и это, возможно, не единственная проблема...

- Де Сегюр, помогите док... - начал полковник, но граф в тот же миг согнулся, отворачиваясь, и его вырвало.

Теоретически, конечно, во время предполетной подготовки все они проходили курс оказания медицинской помощи. Но одно дело - тренажеры и манекены... да и было это семь лет назад.

- Ладно, - перебил себя Локхарт. - Следите за тем концом коридора. И встаньте так, чтобы загораживать свет... тем, кто оттуда появится. Доктор, - он опустился на колени рядом с Якобсоном, - говорите, что делать.

- Достаньте собственный набор первой помощи, так быстрее... Да, можете поставить ей прямо на живот... И возьмите фонарь, а вы, Луиджи, раздвиньте и зафиксируйте края раны... Стойте! Стерилизуйте перчатки!

- Да, конечно, - смущенно пробормотал Вельо (действительно, вылетает из головы самое элементарное!), поспешно "намыливая" руки в перчатках антисептическим гелем. Локхарт сделал то же самое, прямо не выпуская фонарика из руки.

- Вот здесь... да, отодвиньте ребро, это даже хорошо, что оно перерублено... - рука Якобсона углубилась в жуткую дыру в груди девочки. Ничего разглядеть в заливаемой кровью ране было невозможно, действовать приходилось на ощупь. - Ага, вот оно! Крупный сосуд, возможно, легочная артерия... Командир, сможете перехватить и зажимать, пока я заклею разрез?

- Сейчас... - Локхарт, быстро переложив фонарик в левую руку, скользнул правой между кулачищами Вельо и вдоль руки Якобсона, пока пальцы не ухватили быстро пульсирующую трубку. - Есть!

Но, стоило доктору вытащить окровавленную руку из раны, как скользкий сосуд вывернулся из захвата полковника, продолжая выплевывать кровь (впрочем, все слабее). Со второй попытки, однако, Локхарту удалось удержать поврежденную артерию, вдруг прекратившую сопротивляться. В первый миг он обрадовался, но тут же сообразил, что это означает:

- Черт, похоже, остановка сердца!

- Спокойно... - процедил Якобсон, вводя аппликатором гель, который сам расползается по поврежденным тканям и обволакивает их непроницаемой пленкой - если его только не смывает током крови. Один из последних продуктов нанотехнологий на этой планете... - Сейчас попробуем запустить! Луиджи, сведите вместе края раны! Командир, инъектор! Не этот, красный! Так, а теперь вся надежда на массаж сердца! Давайте, здесь нужны две руки! Быстрее! Вот так! Вот так! Луиджи, а теперь вы - два выдоха ей в рот!

Наверху лязгнул люк, впуская в подземелье тусклый свет. Локхарт вынужденно оторвался от умирающей, задирая голову. Кто там - Шрамм или гвардейцы? Или, может быть, Шрамм, по наивности ведущий за собой переодетых гвардейцев? Ильза ведь попала в такую ловушку, а ее интеллект, хоть она и корчила из себя простушку, был явно не 85.

Шрамм, склонившись сверху в открытый люк, делал нетерпеливые манящие знаки рукой.

- Н-наверх! Б-быстро!

- Сейчас... - буркнул Локхарт, с новой силой нажимая скользкими от крови руками на грудь Ильзы. Сколько времени у них еще есть? Не у этой совершенно чужой им девчонки, а у них? Минуты? Секунды? Может, гвардейцы вот-вот оцепят площадь или закроют городские ворота. Надо все бросить и... Но он продолжал попытки вернуть Ильзу к жизни, каждую секунду говоря себе, что делает глупость.

- Хватит, - устало выдохнул Якобсон. - Бесполезно.

- Вы уверены? - спросил Локхарт таким тоном, словно не сказал себе уже десять раз, что это был бы наилучший вариант.

- С такой кровопотерей у нее все равно не было шансов, - ответил доктор, складывая инструменты обратно в коробку. - Конечно, если бы она сразу попала в стационар... в *наш*

стационар... Нанороботы, аппарат искусственной циркуляции, переливание... А в таких условиях она прожила даже дольше, чем я рассчитывал. Тем более, я ведь даже не хирург.

"Ну да, курс общей подготовки, - мелькнуло в сознании Локхарта. - Из него такой же хирург, как из меня пехотный командир. Все мы тут не на своем месте - я неправильный полковник, он неправильный врач, да еще и однорукий..."

- Де Сегюр, наверх, быстро! - скомандовал он вслух, невольно повторяя формулировку Шрамма. Сам он поспешно вытер окровавленные перчатки краем расстеленного на полу плаща (останется улика преследователям, да... впрочем, не нужны им формальные улики) и выпрямился. - Тогда какого черта мы с ней возились? - сердито спросил он, слыша, как граф торопливо перебирает руками и ногами по ржавым ступенькам.

- Я не хирург, - повторил Якобсон. - Я не мог гарантировать, что нет смысла даже пробовать.

- Ладно, доктор, - буркнул Локхарт, извлекая из своего аварийного набора свернутый трос (еще один продукт погибшей цивилизации - плетение из углеродных нанотрубок, толщина как у лески, прочность на разрыв - десятки килоньютонов), и цепляя карабин на одном конце к поясу скафандра, а второй протягивая Якобсону: - Цепляйтесь. Доктор Вельо, вы замыкаете после того, как мы поднимемся.

Де Сегюр уже добрался до верха. Шрамм ухватил его за руку и помог выбраться, затем вновь появился в проеме люка, показывая жестом, что все окей. Локхарту не нравилась идея подниматься по шаткой лестнице вдвоем, но, очевидно, с одной рукой Якобсон не смог бы влезть самостоятельно.

Лестница, однако, хоть и подозрительно шаталась в разболтанных креплениях, не подвела. Когда голова полковника, наконец, высунулась наверх из люка в серый свет раннего утра, он увидел, что находится в середине небольшого лагеря, образованного пятью крытыми повозками, весьма похожими на фургоны переселенцев из старых вестернов, и натянутыми между ними тентами. Очень хорошо; стало быть, никто посторонний снаружи не видит, как они вылезают. Где-то фыркали лошади, что-то звякало и брякало, кто-то кого-то окликал из-под тента, быстро (и не глядя в сторону люка) прошла дородная женщина в чепце, неся охапку каких-то не то попон, не то покрывал - очевидно, шли последние приготовления к отъезду. Но, помимо Шрамма и де Сегюра, возле люка стояли еще трое мужчин, не участвовавших в этих приготовлениях. Двое из них выглядели типичными ярмарочными силачами и, по всей видимости, приходились друг другу братьями. Третий, с черными, чуть тронутыми сединой волосами до плеч, одетый во что-то типа черного трико, обладал не столь внушительной фигурой, но властное лицо с резкими морщинами на лбу выдавало в нем лидера. На поясе у него висел кинжал в украшенных бисером кожаных ножнах. Этот человек нагнулся и протянул полковнику сильную руку, не столько, очевидно, ради приветствия, сколько помогая ему побыстрее выбраться на поверхность. Затем они помогли вылезти Якобсону, а пару минут спустя из-под земли показалась косматая голова Вельо, чьи широкие плечи едва пролезли в круглый проем.

- Все? - требовательно спросил предводитель комедиантов.

- Да, - ответил Локхарт.

- Погоня? - столь же лаконично осведомился черный.

- Пока нет, - помотал головой Вельо, выбираясь. В последний раз глянув вниз - хотя там нельзя было различить ничего, кроме темноты - он опустил на место чугунную крышку люка. Локхарт тем временем окинул быстрым взглядом своих товарищей. М-да, ну и видок для звездолетчиков... особенно у них троих, пытавшихся спасти Ильзу и теперь заляпанных ее кровью, заметной даже несмотря на водоотталкивающие свойства скафандров. Вельо с окровавленным ртом вообще похож на вампира или каннибала... Теперь ее кровь в буквальном смысле на наших руках, подумал полковник. Она пожертвовала собой, спасая нас. Если бы она

просто сдалась, когда поняла, что попала в засаду, и не стала предупреждать нас криком... впрочем, кто знает, не была ли бы в этом случае ее участь еще хуже, учитывая средневековые методы дознания.

Хотя, конечно, никто не заставлял девчонку играть в эти страшные взрослые игры. Но, возможно, она и в самом деле до самого конца не понимала, насколько все серьезно...

- Кто-нибудь ранен? - спросил главный "комедиант", также, очевидно, глядя на эти кровавые следы.

- Мы - нет, - покачал головой Якобсон. - Но там, внизу, осталось тело девочки, Ильзы. Наверное, надо как-то сообщить ее родным...

- Это уже не имеет значения, - отрезал черный. - Мертвые не важны. Важно к ним не присоединиться. Вижу, пошло не по плану. Но вы все целы и погони пока нет. Не будем терять времени. Мое имя Ференц. Кто у вас главный?

- Я. Эрик Локхарт.

- Хорошо. Идите все в тот фургон, - Ференц махнул рукой. - Там займутся вашей одеждой и внешностью. Делайте все, что вам скажут, если хотите выбраться живыми. Разговоры потом.

В фургоне пахло кожей, сукном, маслом, пудрой и какими-то еще субстанциями, которые человек, никогда не бывавший за кулисами театра - тем более старинного - не смог бы определить. Вдоль парусиновых стен, натянутых на ребра каркаса, громоздился разнообразный реквизит, разложенный по сундукам и ящикам или просто сваленный в кучи. Места для пятерых человек среди всего этого барахла оставалось немного, но, не успели астронавты разместиться на застланном одеялами полу, как парусина у входа вновь откинулась, и в фургон забралась пышнотелая особа лет сорока пяти, в необъятной коричневой юбке и белой блузке с пышными рюшами. Ее круглое рыхлое лицо обрамляли вьющиеся, но жидковатые светлые волосы, увенчанные чепцом. Кажется, это была та самая, которую Локхарт мельком уже видел.

- Я - Матильда, - представилась она. - А вы... - и она принялась тыкать пальцем в каждого из них: - Том, Карел, Робин, Йохан и Арчи. Запомнили? Ну-ка скажите по очереди, как вас зовут.

Астронавты послушно назвали свои новые имена. Де Сегюр, представляясь "Арчи", не сдержал при этом усмешки, за что был немедленно отчитан Матильдой, но главная проблема возникла, естественно, у Шрамма, который лишь с четвертой попытки смог выговорить имя "Карел".

- Так, понятно, ты - немой, - распорядилась Матильда. - Мима изобразить сможешь?

Шрамм затруднился с ответом, и тогда она назначила его работником на все руки - конюхом, поваром и реквизитором.

- Еще у кого какие болезни или раны? - требовательно спросила Матильда.

Якобсон-"Йохан" сообщил о своей руке.

- Подрался в кабаке, сломал, - кивнула Матильда. - Забинтуем в лучше виде. А кто из вас чего умеет? На инструментах играете? Лютня, дудка, рожок, хотя бы бубен?

- Я в свое время учился играть на фортепьяно, - с достоинством сообщил де Сегюр. - Правда, уже очень давно не практиковался.

- На фортечём? Не, такого у нас не водится. Ну а хоть стишок какой с выражением прочитать сможешь?

- Смогу, - мрачно ответил граф, сверля ее возмущенным взглядом.

- Ты на меня не зыркай, я твою задницу спасаю, - тут же осадила его Матильда. - Ишь, расфуфырился. Ублюдок, небось?

- Что-о? - гневно вытаращился де Сегюр, забыв все свои дипломатические навыки.

- Матильда имеет в виду незаконнорожденного отпрыска благородной крови, - поспешно пояснил Якобсон.

- Ну да, - кивнула та, - нешто я таких не навидалась? И у нас в труппе были. Гонору, как у принца, а в кармане блоха на аркане...

- Гм... ну я могу карточные фокусы показывать, - не без смущения сообщил Вельо-"Робин".

- Ты? Не, какой ты фокусник. Ты - только в силачи, - определила Матильда.

- Ну, я, конечно, на корабле занимался на тренажерах, но это так, обычная физкультура... не настоящая тяжелая атлетика.

- А думаешь, у нас все гири настоящие? - подмигнула Матильда.

Фургон дернулся и тронулся с места по булыжникам площади. Зацокали копыта.

- Так, - решительно произнесла Матильда, - некогда разговоры разговаривать, сейчас будем вам новые лица делать. Карел, давай ты первый, тебе можно не переодеваться, а вы прочие пока снимайте эти свои костюмы и подбирайте себе что-нибудь из реквизита. Все-все с себя снимайте, ничего не нашего не оставляйте - найдут, беда будет! Вон там ширму можно раздвинуть, ежели кто стесняется, хотя я, уж поверьте, за свою жизнь голых мужиков навидалась... Вот в этих сундуках выбирайте, что кому впору. Только не копайтесь, к воротам подъедем, вы уже полностью готовы должны быть!

Матильда оказалась весьма расторопной и умелой гримершей. Шрамм ее стараниями заполучил родимое пятно на щеке, мясистый нос картошкой, оттопыренные уши и встрепанные волосы, обкусанные "под горшок". Вельо пришлось расстаться со своими роскошными кудрями, его лицо, благодаря подкладкам под щеки, сделалось круглее, а кожа обрела смуглый оттенок. Еще несколько штрихов - и лингвист обрел несомненное сходство с братьями-силачами; не близнец, но, вполне вероятно, старший из троицы. Впрочем, если он сохранил хотя бы короткую стрижку, то де Сегюра Матильда, возможно что и в наказание за гонор, обрила наголо, компенсировав это обстоятельство пышными и длинными, черными с проседью усами с закрученными вверх острыми кончиками. Попутно он заполучил нос крючком и несколько морщин на лбу, заставивших его выглядеть старше, а левое ухо графа украсила не то цыганская, не то матросская серьга в виде бронзового кольца, на самом деле не протыкавшая мочку, но выглядевшая именно так. Якобсон, помимо шины из примотанной к руке деревяшке, получил еще фингал под глазом, плешь, большую коричневую родинку на носу, нездоровый румянец, свидетельствующий, очевидно, о пристрастии к выпивке, и несколько килограммов лишнего веса, отразившегося и на лице, и на животе. Дольше всех Матильда колдовала над Локхартом, небезосновательно рассудив, по всей видимости, что именно его внешность может быть наилучшим образом известна противнику и именно он может быть главным объектом охоты.

Пока гримерша занималась своим делом, в медленно едущий фургон на ходу забрался рослый чернявый парень, чтобы забрать скафандры и комбинезоны. Шрамм, буквально понявший требование "не оставлять ничего не нашего", отдал ему и сохраненные после продажи скафандра аварийные наборы. Де Сегюр еще копался в сундуках, подбирая себе костюм, но парень раздраженно поведал ему, что это можно делать и голым, а от "не наших" вещей надо избавиться прямо сейчас, пока караван еще не подъехал к воротам. Этот аргумент заставил графа поумерить свою разборчивость и поспешно натянуть первые попавшиеся черные штаны с блестками. Вельо, в свою очередь, несмотря на свои габариты, сумел подыскать себе штаны и рубаху по размеру, а вот с обувью вышла заминка - все перепробованные башмаки и сапоги оказались малы, пришлось ограничиться открытыми сандалиями, из которых его волосатые пальцы торчали наружу. Завернув все вещи астронавтов в большое покрывало и взвалив получившийся здоровенный тюк на плечо, парень выпрыгнул из фургона.

Вскоре после этого караван остановился; снаружи донеслись какие-то недовольные голоса. Матильду, все еще продолжавшую работать над лицом Локхарта, это, впрочем, не обеспокоило. Как видно, она знала, что в случае реальной опасности ей бы уже подали сигнал тревоги.

- Что там? - все же не выдержал полковник. - Почему стоим?

- Не разговаривай, - строго одернула его Матильда, - не то мне тут все переделывать

придется. Народу с ярмарки разъезжается много, а ворот мало, вот и стоим.

- Так рано же еще, - удивился Вельо. - Все прямо на рассвете прочь потянулись?

- Ну так каждый же себя самым умным считает, - откликнулась Матильда. - Думает, он раньше всех уедет, пока еще толчеи нет. Ну и потом... слухи быстро расходятся. Многие, чай, уже знают, что в городе неспокойно.

"С момента, когда гвардейцы ворвались в гостиницу, прошло уже не меньше полутора часов, - подумал Локхарт. - С покушения на Дармонта, соответственно, еще больше. Неужели все выезды из города до сих пор не перекрыты?"

В фургон вновь просунулась черноволосая курчавая голова:

- Готово? - парень окинул требовательным взглядом загримированных гостей. - Вы двое, - он указал на Шрамма и де Сегюра, - давайте в следующий фургон. Меч только тут оставь, ему здесь самое место...

- Он н-не... - попытался объяснить Шрамм.

- Не настоящий, - пояснил за него Якобсон.

- Так я и говорю, пусть с прочим реквизитом остается, - нетерпеливо произнес кучерявый. - Ты, - он ткнул в Вельо, - в тот фургон, что за ним следом, только сразу не иди, выжди чуть-чуть...

- А ты, Том, как я закончу, вперед пойдешь, - подхватила Матильда, обращаясь к Локхарту. - А Йохана мы здесь оставим, после драки и пьянки отлеживаться.

Полковнику в первый момент не нравилась идея, что они все разлучатся и потеряют контакт друг с другом, но он тут же сказал себе, что это разумно. "Если будут искать пятерых, то нас лучше распихать по разным повозкам. Хотя тоже, конечно, не самая невообразимая военная хитрость... Будем надеяться, что народу выезжает действительно много, и досматривать всех как следует нет времени."

- Ладно, хорош, - резюмировала, наконец, Матильда, закончив работать с его лицом; трое других астронавтов к этому времени уже покинули фургон. - Вот погляди-ка, - она подала ему овальное зеркальце в витой бронзовой раме.

Локхарт уже успел убедиться в ее искусстве на примере товарищей, и все же поразился, увидев собственное новое обличье; он ни за что не узнал бы этого человека. Матильда превратила полковника в седого старика с вислыми усами, бородой и сросшимися кустистыми бровями; на его щеках залегли резкие вертикальные морщины, губы сделались высохшими и сморщенными, а лоб косо пересек старый шрам. У Локхарта мелькнула мысль, что, наверное, настоящий артист без грима должен быть гладко выбрит и коротко стрижен - ибо бритого легко загримировать под бородатого, а вот наоборот... И тогда наличие лишней растительности на голове их не маскирует, а выдает. Но тут же он сообразил, что, должно быть, местная публика не настолько разборчива, чтобы предъявлять особые требования к внешнему облику персонажей, и актер, носящий бороду и усы, запросто может играть любую роль - главное, чтоб не женскую. А может, даже и женскую, если это комедия...

- Да ты прямо колдунья, - усмехнулся он, оценивая в зеркале работу гримерши. - Был бы я суеверным, испугался бы, что ты и вправду меня состарила.

- Да это так, халтура на скорую руку, - ответила Матильда без всякого кокетства. - Вот было бы у меня хотя бы по часу времени на каждого из вас... Ну ладно, будем надеяться, сойдет. Ты старайся побольше сутулиться, а то выправка у тебя... из военных, небось? Впрочем, это не моего ума дела, - тут же перебила себя Матильда. - И говори, если спросят, этак негромко, неспешно и хрипло.

- Вот та-ак? - проскрипел Локхарт, никогда в жизни не игравший даже в школьной самодеятельности.

- Примерно, - одобрила Матильда. - Ладно, давай, двигай в переднюю повозку.

Локхарт выбрался из фургона спереди, перебравшись через козлы с равнодушным

возницей в красной рубахе, не уделившим ему никакого внимания. Вожжи, которые возница держал в опущенных между колен руках, лежали на спинах пары крупных, но мосластых гнедых коней, всем своим видом демонстрировавших столь же стоическое равнодушие ко всяческой суете. Подобное спокойствие, однако, выказывали отнюдь не все, скопившиеся в это утро перед возвышавшимися впереди городскими воротами. Улица, на которой застрял караван, была достаточно широкой, во всяком случае, по средневековым меркам - по крайней мере, на ней без проблем могли бы разъехаться две повозки, и даже осталось бы место для пары не слишком толстых пешеходов по краям (тротуары здесь, как и повсюду в Хассенворте, отсутствовали). Но сейчас вся эта улица до самой увенчанной зубцами стены была забита возками, подводами, навьюченными мулами и небогато одетыми пешими путниками с торбами за плечами. Завязла в этом потоке, упершемся в квадратную надвратную башню, и пара карет - больше похожих на грубые деревянные ящики, водруженные на тележные колеса, нежели на изысканные экипажи XVIII-XIX веков, но, несомненно, принадлежавших людям более знатным и богатым, чем вся прочая скопившаяся перед воротами публика. Тем не менее, и этим важным господам приходилось ждать вместе со всеми прочими. Животные, надо отдать им должное, по большей части вели себя терпеливо (да и в самом деле, им-то куда было спешить?) - лишь время от времени взревывал какой-то мул, терзаемый скорее насекомыми, чем скукой; а вот люди бестолково суетились, пытаясь пробраться ближе к воротам, брюзжали, громко зевали, покрикивали на ни в чем не повинную скотину и переругивались друг с другом и со стражниками у башни. На несколько мгновений Локхарт почувствовал неприятный холодок в животе - ему показалось, что выезд из города перекрыт наглухо; но затем длинная и узкая телега впереди, дребезжа по булыжнику обитыми железом колесами, вкатилась под своды ворот. Тем не менее, следующая повозка за ней не последовала - во всяком случае, сразу - и Локхарт понял, что покидающих город все же досматривают. Не желая лишний раз маячить у всех на виду, он поспешно протиснулся мимо подводы, на которой восседало целое крестьянское семейство - муж, жена и три дочки в ярких, вероятно, приобретенных накануне на ярмарке нарядах - и просунул голову в первый фургон каравана. Увидев там Ференца, полковник вскарабкался внутрь.

Глава труппы был в фургоне не один; на покрытом старым ковром полу, привалившись к стенке, сидела девица в пышных юбках и платье с глубоким декольте; мелко завитые черные волосы в беспорядке падали на ее голые плечи. В руках она держала лютню, а может, и мандолину - Локхарт никогда не разбирался в подобных инструментах - но скорее делала вид, что собирается играть, чем и в самом деле извлекала какие-то звуки. Вся ее поза выражала лень и расслабленность. Сам Ференц, напротив, вид имел сосредоточенный и деловитый; он упражнялся с кинжалом, так и порхавшим в его руках; казалось, неведомая сила притягивает нож к его пальцам, не позволяя упасть.

- Ты еще кто? - воскликнул удивленно предводитель труппы, делая движение, словно собирался метнуть нож в незваного гостя; астронавт от неожиданности застыл неподвижно и, если бы нож и впрямь полетел в него, едва ли успел бы увернуться. Но Ференц уже рассмеялся: - А! Матильда, вижу, потрудилась на славу! Вы ведь...

- Том, - с усмешкой перебил его полковник, стараясь говорить скрипучим голосом. - Теперь я Том.

- Конечно, - кивнул Ференц. - Давай, Том, присоединяйся к компании. Это Клара, - и после короткой паузы добавил, - твоя дочка.

- Привет, папаша, - Клара помахала ему рукой, улыбаясь полными губами.

- Окей, - кивнул Локхарт, усаживаясь напротив них на какой-то свернутый ковер, а может, и занавес. Тут же он, впрочем, задумался, употребляют ли сейчас это слово? В прошлом средневековье оно, разумеется, было бы полным анахронизмом, но, как не раз подчеркивали его товарищи, нынешнее не обязано копировать ту эпоху во всех мелочах. Ференц и Клара, во

всяком случае, не сделали ему никакого замечания, и Локхарт поспешно осведомился уже своим обычным голосом:

- Пока мы не подъехали к воротам - есть что-то, что я должен знать? И что должны знать вы?

В этот момент фургон вновь тронулся, и Ференц ответил:

- Знакомиться со всем составом труппы сейчас уже поздно. На это будет время, когда выберемся из города.

- А мы выберемся?

- Должны. Если они попытаются полностью закрыть ворота, здесь будет форменный бунт. Хассенворт - вольный город, к самоуправству стражников здесь не привыкли. Ни местные, ни гости.

- Но ведь гвардейцам местные обычаи не указ?

- Гвардейцев здесь и так не любят. Подозревают, что те под предлогом защиты и безопасности явились отобрать здешние вольности. Не зря, думаю, подозревают...

- Вы и в самом деле артисты? - усмехнулся Локхарт.

- Конечно, - ответил Ференц без улыбки. - Я, например, работаю с огнем и ножами...

- В меня их мечет, - промурлыкала Клара.

- ...и в пьесах тоже играю, - закончил Ференц. - Как и ты, Том, наш самый старый член труппы.

- Я имею в виду - по-настоящему.

- Что такое настоящее? - пожал плечами Ференц, не переставая играть с ножом. - Весь мир - театр...

- И люди в нем актеры, - машинально подхватил Локхарт. Стало быть, Шекспира тут еще помнят. А ремесло бродячего артиста и в самом деле - идеальное прикрытие для шпионских дел. Артисты разъезжают по всей стране, не вызывая подозрений, общаются с кучей народу, способны менять внешность и притворяться кем угодно, а еще и владеют всякими полезными навыками типа метания ножей на меткость...

И словно в ответ на эту его мысль нож как бы случайно вырвался из пальцев Ференца и полетел прямо в грудь Локхарту! Полковник не успел среагировать, да и, вероятно, никто бы на его месте не успел. Он лишь почувствовал удар - а затем нож упал на вытертый ковер, проскользнув между его раздвинутыми коленями. "Ну да, - мелькнуло в сознании Локхарта, когда он осознал, что произошло, - скафандр..." Однако он тут же вспомнил, что вместо скафандра на нем теперь обычный средневековый жакет, явно не обладающий свойствами гибкой брони.

Но размышлять о том, что спасло его, было некогда. Локхарт быстро нагнулся и подхватил нож с пола, готовый бороться за свою жизнь. Что происходит в этот миг с остальными? Не режут ли их по одиночке каждого в своем фургоне? Полковник открыл рот, втягивая воздух, чтобы как можно громче крикнуть об опасности, и одновременно замахнулся ножом.

- Давай, ударь меня, - усмехнулся Ференц, не трогаясь с места. Он лишь протянул руку, но не так, словно хотел отобрать у противника оружие или парировать удар, а будто и впрямь специально предлагая проверить на ней остроту ножа.

- Что... - до Локхарта начало доходить. - Какого черта?

- Ну же, - подбодрил его Ференц, практически приставляя собственное обтянутое тканью предплечье к ножу в чужой руке.

- Ну, если ты настаиваешь, - фыркнул Локхарт, уже понимая, что никакого кровопролития не произойдет, и несильно ткнул ножом в подставленную руку. Лезвие беззвучно вошло в рукоять, хотя со стороны казалось, что оно вонзилось в плоть. Полковник отвел руку назад, и клинок, вытолкнутый пружиной, вышел обратно, на вид все такой же прочный и смертоносный.

- Предупреждать надо, - сердито буркнул Локхарт.

- Прошу прощения. Это у меня профессиональное, - улыбнулся Ференц, не уточнив, какую из профессий имеет в виду. - И мне нужно было проверить реакцию человека, ради которого мы все рискуем, - добавил он уже без улыбки, протягивая руку за своим ножом. Локхарт отдал ему "оружие".

- И как? - усмехнулся Локхарт.

- Не очень, - ответил Ференц. - Увернуться никто бы не успел, шанс отбить был, но ты даже не попытался сделать ни то, ни другое.

- Просто я не ожидал... от союзника, - сердито пробурчал полковник, чувствуя себя задетым. При нештатных ситуациях на космических скоростях иной раз действительно жизнь от смерти отделяют доли секунды, и он раз за разом подтверждал свою реакцию в регулярных тестах. Но ни на симуляторах, ни в реальной пилотской кабине ему не приходилось сталкиваться с ножом, брошенным в грудь членом одной с ним команды.

- Теперь будешь ожидать. В Айринтии всегда надо быть готовым к предательству, - буднично произнес Ференц.

- А в Гроггендоре или Тлукаляхане?

- Там - тем более. Так что́, - продолжал предводитель труппы, - настоящий ли этот нож?

- Реквизит, - презрительно ответил полковник. - Бутафория.

- Так, так, - кивнул Ференц, зажимая лезвие пальцами левой руки - а правой при этом нажимая на рукоятку и крестовину. Раздался щелчок, и рукоятка повернулась на 180 градусов вокруг продольной оси. Когда она с новым щелчком встала на место, нож обрел точно такой же вид, как и перед этим. Ференц метнул его вертикально вверх, и нож с резким тупым стуком вонзился в деревянное ребро фургона над головой артиста и завибрировал. Острие вошло в дерево на добрые полдюйма.

- А теперь? - невинно осведомился Ференц.

- Понятно, - кивнул Локхарт. - Практический ответ на мой вопрос. Все зависит от того, как повернуть. Я бы, впрочем, предпочел без этих дзен-буддистских штучек.

Он, впрочем, тут же подумал, что Ференц едва ли что-нибудь слышал о дзен-буддизме; правда, и сам Локхарт имел о таковом лишь самое приблизительное представление. Но предводитель труппы не стал переспрашивать - возможно, потому, что не хотел показывать свою неосведомленность, или же потому, что в этот момент повозка вновь остановилась. Перекрывая общий нестройный шум снаружи, послышались приближающиеся голоса; Ференц поднял руку и выдернул нож из деревяшки за несколько мгновений до того, как в фургон заглянули новые люди.

Стражники. Они просунулись внутрь одновременно и спереди, и сзади, как видно, перекрывая любую возможность для бегства (впрочем, возможно ли было сколь-нибудь далеко убежать в этой скопившейся перед воротами толпе?) Локхарт (мигом напомнивший себе, что он - старик-актер, за свою долгую кочевую жизнь перевидавший тысячи таких вот вояк в самых разных городах, а то и странах) окинул их лениво-равнодушным взглядом. Ему в глаза, разумеется, сразу же бросилось различие в обмундировании. Двое были в круглых шлемах с полями и нагрудниках поверх кольчуг, двое других - в гребнистых бацинетах без забрал и пластинчатых бригантинах с латными наручами. Ясно, подумал полковник, городская стража и гвардейцы не передрались, а договорились о совместных действиях. Скверно. А может, и нет. Черт его знает, что бы тут началось, если бы эти две силы и впрямь сцепились друг с другом...

- Доброе утро, господа артисты, - произнес вполне дружелюбно румяный круглолицый стражник. - Кто у вас главный?

- И вам, служивые, - откликнулся Ференц. - Я главный. Что тут творится у вас, что с утра пораньше такое столпотворение, выехать нормально нельзя?

- Скверные вещи творятся, - помрачнел стражник. - Мы разыскиваем пятерых чужаков,

приехавших в город вчера и этой ночью учинивших настоящую бойню в гостинице "У Готлиба". Зарезан сам хозяин и его работники. Одна служанка совсем еще девчонка, пятнадцати не было. Черт, я ведь хорошо знаю ее отца, всегда у него мясо покупаю... Как я ему теперь в глаза посмотрю? Вы, скажет, не досмотрели, не уберегли... Так вы случайно ничего не знаете про этих извергов?

Локхарт чуть не задохнулся от возмущения, но сумел сохранить внешнее спокойствие. Во всяком случае, он на это надеялся.

- На наших представлениях побывали сотни горожан и гостей, - пожал плечами Ференц. - Может быть, там были и какие-нибудь изверги - но откуда ж нам знать, кого именно вы разыскиваете, и главное - чем мы можем вам помочь?

- Нет, эти устроили свою резню уже под утро, когда уж все представления кончились, - ответил стражник. - А узнать их нетрудно, костюмы у них уж больно приметные, даже на карнавале ни у кого таких не было. И, по уму рассуждая, они от этих костюмов первым делом избавиться должны были... так, может, они их вам продать пытались? По улицам-то в обычные дни так никто ходить не будет, а вам для представлений в самый раз... нет? А может... - стражник хитро прищурился, переводя взгляд с Ференца на Локхарта, а затем и на Клару, - они и в труппу к вам просились? Ну хотя бы для того, чтобы вы их из города вывезли?

Локхарт по-прежнему надеялся, что ничем не выдает себя, хотя чувствовал, что его пульс ускорился, и ничего не мог с этим поделать. Он оставался хладнокровен во всех нештатных ситуациях в воздухе и в космосе, в которых ему доводилось побывать за его летную карьеру - а таковые случались и до катастрофы возле Кэйли, и в некоторых из них угроза жизни была более чем реальной. Порой его даже самого удивляло это отсутствие страха в критической ситуации, позволявшее ему действовать четко, как на симуляторе, словно худшее, что ему грозило - это необходимость перезагрузиться. И, несомненно, эта его способность сыграла не последнюю роль в том, что из тысяч умелых и опытных пилотов капитаном "Доброй воли" был выбран именно он. И, вполне возможно, именно это спасло их возле Кэйли... Но в пилотском кресле все было по-другому. Там он знал, что все зависит от него, что именно его решения и действия определяют дальнейшее развитие событий. Был субъектом, а не объектом. А теперь ему оставалось лишь пассивно ждать, полагаясь на удачу и глупость вот этого кругломордого типа сотоварищи. Ведь действительно, вся идея их бегства лежит на поверхности. Выбраться из города с бродячими артистами, по возможности изменив внешность с помощью грима и театральных костюмов - что может быть очевиднее? Да еще при таких особых приметах - у одного не работает язык, у другого рука, третий на голову выше почти что всех в этом городе! Надежда лишь на то, что гвардейцы еще не знают всех этих тонкостей - по крайней мере, вчера их интересовал только сам Локхарт...

- Нет, - отвечал тем временем Ференц, - Никто нам ничего не предлагал и не напрашивался. Пацан один, правда, сбежать с нами хотел, не хочу, говорит, быть юристом, как отец, скучища же смертная, хочу вольным артистом, но мы не взяли, к чему нам с юристами ссориться. И было это еще позавчера, как мы только приехали, да и пацан совсем мелкий, лет тринадцать от силы. Вы же не его ищете?

- Не его, - согласился один из гвардейцев и вскарабкался в фургон. Доски скрипнули под тяжестью облаченного в доспехи тела. Неуклюже сгибаясь в своей бригантине под брезентовым потолком, он сделал пару шагов, зыркая по сторонам, а затем вытянул из ножен длинный и узкий меч. Сапогом он раскидал сложенные вдоль стен вещи артистов, пошевелил некоторые из них концом меча. - А ты что молчишь, папаша? - осведомился он, нависая над Локхартом.

- А что говорить? Ференц все сказал, - проскрипел в ответ тот.

- Так-таки и все? - усмехнулся гвардеец и вдруг сделал стремительный колющий выпад сверху вниз. Клинок скользнул между бедрами Локхарта и пронзил рулон, на котором тот сидел.

- Эй, какого черта?! - не выдержал Ференц. - Занавес, между прочим, денег стоит!

Сказали бы - мы бы раскатали и показали, что никого там не прячем!

- Так быстрее, - ответил с той же усмешкой гвардеец, выдергивая свое оружие обратно. - Видели, сколько народу хочет выехать? Нехорошо заставлять людей ждать... Так, стало быть, не прячете? - и на сей раз он с силой дернул Локхарта за бороду.

Тот крякнул от боли и неожиданности. К счастью, клей, использованный Матильдой, выдержал испытание - борода осталась на месте. Полковник с облегчением понял это, но не знал, полагается ли ему возмутиться или же, напротив, покорно снести унижение; на выручку ему пришла Клара.

- Доволен, служивый? - осведомилась она. - Что теперь хочешь проверить - не приклеенная ли у меня грудь? - и она вызывающе качнула соответствующей частью тела, едва не выпрыгнувшей из декольте. По затуманившемуся взгляду гвардейца можно было понять, что он и впрямь не прочь провести инспекцию подобного рода.

- Клара! - укоризненно прокряхтел Локхарт, вспомнив, что приходится ей "отцом".

- Ладно, пошли, - нетерпеливо распорядился второй гвардеец, обращаясь к товарищам.

- Черт знает что, - бормотал Ференц. - Кажется, я знаю, какой город мы ославим в своих представлениях до самого Бигенбагена...

Гвардеец, забравшийся внутрь, нехотя двинулся к выходу, по-прежнему держа в руке обнажённый меч - и уже перед тем, как спрыгнуть на мостовую, вдруг развернулся и уже без всякого практического смысла резким взмахом своего клинка располосовал брезент фургона от одного деревянного ребра до другого, словно мстя за то, что эта штука заставила его склониться. Одарив Ференца белозубой улыбкой - "ну давай, паяц, повозмущайся еще!" - но на сей раз не дождавшись реакции, он выпрыгнул наружу.

-С-скоты, - пробурчала Клара. Да, подумал Локхарт, контраст со вчерашними вежливыми похитителями и впрямь впечатляющий. Впрочем, если Дармонт действительно убит...

В фургон, словно расслышав последнюю реплику, снова просунулась голова в шлеме - это был круглолицый стражник.

- Вы, господа артисты, обиды на наш город не держите, - произнес он неожиданно чуть ли не заискивающим тоном. - Это ж не местные, это королевская гвардия! Нам они тут самим поперек горла... - последние слова он даже подкрепил для убедительности соответствующим жестом.

"Что ты там застрял!" - окликнули его с улицы, и стражник, откликнувшись: "Иду!", исчез за полотняной занавеской.

А хассенвортцам, похоже, и впрямь не все равно, если их город станут высмеивать бродячие артисты, с удивлением подумал Локхарт. Недобрые шутки о соседях тут, должно быть, распространяются быстро и охотно. Четвертая власть в ее средневековом варианте...

Затем он отметил про себя, что о покушении на Дармонта не было сказано ни слова. Возможно, местную стражу и вовсе не поставили об этом в известность. Столь возмутившее полковника обвинение в убийствах в гостинице, совершенных самими гвардейцами, было, если рассуждать без эмоций, весьма грамотным ходом. Искать убийц собственных сограждан, в том числе четырнадцатилетней девчонки, местные будут куда охотнее, чем покушавшихся на капитана непопулярных здесь гвардейцев, да и, опять-таки, чем позже ненадежные местные союзники, больше похожие на врагов, узнают, что гвардейцы остались без командира, тем лучше для последних. Правда, слухи уже все равно пошли...

Вот ведь как все оборачивается - вольный город Хассенворт, не имеющий иных сюзеренов кроме короля, в принципе, должен видеть в королевской гвардии свою защиту как от внешних угроз, так и, в особенности, от всяких местных хагентраубов - а теперь все складывается с точностью до наоборот. Во всяком случае, здесь. Вполне возможно, что в столице королевская гвардия сохранит верность новой королеве. Вообще, нельзя судить о лояльности лишь по факту принадлежности к некой организации. Любая из них может не только

содержать подкупленных предателей и внедренных агентов, но и расколоться на фракции изнутри...

Обдумывая это, Локхарт не забывал, что непосредственная опасность еще отнюдь не миновала - неизвестно, насколько оправдают себя ухищрения Матильды в следующих фургонах. Он невольно потеребил собственную искусственную бороду (впрочем, волосы, из которых она состояла, были, вне всякого сомнения, настоящими).

- Как это потом снять? - тихо спросил он у Ференца.

- Есть специальный растворитель, - усмехнулся тот. - Но не спешите с этим. Не раньше, чем доставим вас в столицу.

Фургоны продолжали стоять перед, очевидно, запертыми воротами. Сколько нужно времени, чтобы проверить все пять? Впрочем, есть ведь и другие повозки, стоящие вровень с ними. Стражники, наверное, проверят их все, прежде чем выпустить из города очередную порцию жаждущих.

С другой стороны, если ни у кого не оторвется ус и не вырвется какое-нибудь неосторожное слово, каким образом стражники надеются выловить тех, кого ищут? Максимум, что у них имеется - это весьма расплывчатое устное описание. Что ни говори, а эпоха, не знающая ни идентификационных чипов (такой по-прежнему был имплантирован под кожу ладони и у Локхарта, и у его товарищей - вот только, очевидно, в мире не осталось ни одного сканера, способного извлечь из них информацию), ни даже бумажных или пластиковых документов с фотографией - такая эпоха весьма облегчает положение беглецов. Впрочем, прав, наверное, и де Сегюр, предупреждавший об особенностях местной правовой культуры. Если сильным мира сего - и их вооруженным слугам - что-то или кто-то покажется подозрительным, они не станут утруждать себя поиском формальных доказательств. Как и вообще какими-либо формальностями. Готлиба и его людей зарезали, не поморщившись, без суда и следствия. Да и какой суд осудил бы их за то, что в айринтийском городе они были агентами айринтийской короны? О чем, возможно, кто-то из них даже и не догадывался...

Локхарту снова вспомнилась Ильза, умирающая под его руками. Ее кровь, толчками выплескивающаяся на его пальцы. Можно ли сказать, что она знала, на что шла? Даже если и так, это, черт побери, не оправдание.

Да уж. Детоубийца тут не только Бронгар.

Да сколько же будет тянуться эта проверка? Впрочем, если бы стражники что-то разнюхали или кого-то схватили, наверное, уже донеслись бы крики. Нет, пока еще, кажется, все идет, как надо. Но это пассивное ожидание невыносимо. Люди делятся на тех, кто в критической ситуации предпочтет оказаться в кресле пилота и в кресле пассажира, подумалось ему. Или, если угодно, на людей действительного и страдательного залога. Он никогда не мог понять вторых - точнее, не мог представить себя на их месте, хотя формально и понимал их логику. Сбросить с себя бремя ответственности и вверить свою судьбу кому-то другому. Тому, кто лучше, сильнее, мудрее - или, по крайней мере, свято веровать, что это так. Не желать даже знать, что происходит, охотно верить успокоительной лжи стюардессы, пока все не кончится - так или иначе. Не в этом ли источник утешения всех религий?

Сам Локхарт не видел в подобном никакого утешения. Он считал, что не может быть ничего страшнее ситуации, в которой от тебя ничего не зависит. Даже если это ситуация блаженства, от которого ты не можешь отказаться.

Разумеется, будучи офицером, он выполнял приказы. Но это другое. Даже исполняя приказ, он оставался тем, кто действует, и действует сознательно. Субъектом, а не объектом. Человеком действительного залога.

И вот теперь, сидя в повозке с продранным верхом перед запертыми воротами средневекового города в бессильном ожидании "пронесет-не пронесет", он окончательно понял, что будет участвовать в здешней игре, какими бы высокими ни были ставки. Не потому, что ему

не оставили другого выбора (в конце концов, один человек - или пятеро - смогут затеряться в какой-нибудь глуши, если очень захотят; в варварском мире это намного проще, чем в цивилизованном). Не потому, что он хочет отомстить за Ильзу (о нет, уж точно не из подобных романтических соображений). Не потому, что его прельщает слава "делателя королей" (как там звали того британского графа? он, кстати, кажется, плохо кончил.) А потому, что его место - в пилотской кабине, а не в пассажирском салоне.

Наконец фургон тронулся. Медленно, едва не задевая соседние телеги, он подкатил к воротам, где вновь пришлось остановиться, ибо широкая улица сменялась узким коридором, который повозки могли преодолеть только по одной. Это была западная башня, а не восточная, через которую астронавты прибыли в Хассенворт, но устроена она была точно так же. После еще нескольких минут мучительного ожидания стражник, стоявший у въезда в туннель, наконец крикнул "проезжай!", и над фургоном потянулись мрачные каменные своды, хорошо видные через располосованный верх. А затем в дыру заглянуло голубое утреннее небо, и под колеса вместо тряского булыжника лег мягкий, припорошенный пылью грунт. Только тогда Локхарт позволил себе расслабиться.

Ференц, однако, поднялся с озабоченным видом и, пройдя мимо полковника, выглянул из фургона назад. Некоторое время он стоял и смотрел, затем, не говоря ни слова, принялся укладывать обратно раскиданные гвардейцем вещи. Потом вернулся на место.

- Едут за нами, - наконец ответил он на невысказанный вопрос, имея в виду, судя по его спокойной интонации, не преследователей, а остальные повозки труппы.

- Ну, кажись, пронесло, - произнесла Клара и взяла некий радостный аккорд на своем инструменте.

- Не говори "гоп", - мрачно заметил Ференц. - Пока эти люди у нас на борту...

- Я... прошу прощения за все неудобства, которые мы доставляем, - сказал Локхарт. - И за это тоже, - он кивнул сперва на проткнутый занавес, затем на распоротый брезент.

- Раз уж мы взялись за эту работу, мы ее сделаем, - ответил Ференц. - Наши проблемы - не ваша забота. А кто вы и зачем вам в столицу - не наша забота. Это понятно?

- Вполне, - кивнул Локхарт. Ну да, разумеется, чего не знаешь - не выдашь. Вероятно, они так легко выбрались из города только благодаря массовому отъезду народа с ярмарки. Если бы покинуть Хассенворт хотели только бродячие артисты, их бы, наверное, загребли на всякий случай всех. И отправили бы в застенок, пока кто-нибудь не признается - из них или из нас, подумал Локхарт. Он вполне отдавал себе отчет, что никто из астронавтов не тянет на легендарного героя, способного выдержать средневековые пытки. Включая его самого. Но когда город покидают бесчисленные повозки, всадники и пешеходы, совершенно невозможно определить, к кому из них примкнули беглецы (если примкнули вообще, а не прячутся где-то в городе, дожидаясь, пока утихнет шумиха). А арестовать и допрашивать с пристрастием все эти сотни человек, конечно, немыслимо. Во всяком случае - пока. Пока борьба за власть остается подковерной и не перешла в открытую гражданскую войну...

Интересно, кстати, что стало с другими постояльцами гостиницы? Астронавтам не довелось общаться с ними - разве что слышать голоса из трапезной, но гости там определенно были, причем, вероятно, в том числе и самые обыкновенные. Для чего бы ни использовал Готлиба дядюшка Зак (интересно, он-то успел унести ноги? интуиция подсказывала Локхарту, что да), гостиница должна была исполнять и свою прямую функцию, и окажись она пустой или полупустой во время ярмарки, это выглядело бы слишком подозрительным... а точнее - прямым признанием. И, конечно, перебить всех постояльцев гвардейцы не могли - ну уже хотя бы потому, что это плохо вписывалось в версию о бойне, учиненной чужаками. Слишком круто для всего пятерых разбойников. Скорее всего, всех, кого застали в номерах, увели "для дачи свидетельских показаний". А там уже будут сортировать, кто пойдет свидетелем, подтверждающим официальную версию, а кто...

Сколько крови уже пролилось из-за нас, подумал вдруг Локхарт, и сколько еще прольется? Хотя мы меньше всего этого хотели. Мы, черт побери, просто-напросто выбрались здесь на берег после крушения! Нет, конечно же, дело совсем не в нас, дело в борьбе за престол, в которой нас почему-то считают полезными... хотя, безусловно, мы действительно могли бы - уже один только рецепт огнестрельного оружия... но мы ведь никому не давали подобных обещаний! Хотя я сам проболтался про боевые летательные машины... не следовало, конечно, этого делать... или они все-таки помнят о прошлом больше, чем изображают? Впрочем, вполне возможно, что покушение на Дармонта совершенно случайно совпало с нашим появлением - но может быть и так, что триггером давно назревавшей войны послужили именно мы. Во всяком случае, не просто же так нас пытались перехватить на выезде из города...

А может, вся эта внезапная грубость гвардейцев после вежливой беседы с их (уже бывшим?) командиром - не более чем маскировка? Может, их искали не для того, чтобы отправить в застенок или того хуже, а наоборот - чтобы обеспечить их безопасность? А они, доверившись Ференцу и компании, сами себя отдали в руки врагов? Уж не было ли предупреждение Ференца о нравах Айринтии глумливым признанием? Но нет. После того, что гвардейцы учинили в гостинице и потом, в подземелье, на их доброту лучше не закладываться. Он снова вспомнил блюющий кровью рот в груди Ильзы. Да и меч, пронзивший свернутый занавес, не оставлял шансов тому, кто мог там прятаться. Никакая это не маскировка. Их ждали не для того, чтобы защитить, а чтобы арестовать или убить. Может быть, Дармонта убрали свои. Какой-нибудь лейтенант "из простых", считавший капитана слишком интеллигентным и намеренный сделать карьеру на качественно иной политике - разрубания, а не развязывания узлов. Или же, наоборот, удар был нанесен не снизу, а сверху. Ведь формально гвардия и сам Дармонт подчинены Бронгару, а не Арвику. И попытка Дармонта играть на стороне опального принца должна была быть закономерно расценена герцогом, как предательство...

- Обдумываешь, можно ли мне доверять? - нарушил молчание Ференц, словно прочитав мысли Локхарта. Клара продолжала перебирать струны, словно не обращая на мужчин никакого внимания.

- Ты сам сказал - в Айринтии предать может каждый, - усмехнулся полковник.

- Я сказал - в Айринтии надо быть всегда готовым к предательству, а это не совсем то же самое. Веришь или нет, но я всегда исполняю свои обязательства. Артист, получивший плату, обязан хорошо сыграть свою роль. Правда, даже если эта роль трагическая, он не обязан умирать по-настоящему. Думаю, тебе следует это знать. Я сделаю все, что могу, чтобы доставить вас живыми и невредимыми в Дракенхайм. Но я не стану жертвовать ради вас жизнью. Рисковать - да. Уже рискую. Но не жертвовать.

- Я об этом и не прошу, - ответил Локхарт почти с испугом.

- Просто чтобы ты понимал. Я не работаю на тех, о ком ты думаешь. В смысле, не в данный момент, а вообще. И на их противников я тоже не работаю. Я работаю только на себя и свою труппу.

- То есть это все-таки не прикрытие? Ваши представления?

- Какое из состояний ножа настоящее?

- То, в котором он может убить, - мрачно ответил Локхарт.

- А по мне так они оба. Искусство и жизнь.

- Смерть.

- Жизнь одного - всегда смерть другого, - пожал плечами Ференц. - Точнее, других. Никто не питается воздухом. Хищники едят травоядных, травоядные едят растения, растениям нужны разложившиеся останки, без которых почва была бы просто бесплодным песком.

Локхарт подумал о мыслящих компьютерах, питающихся чистым электричеством. С другой стороны, было ли их существование жизнью? К моменту его отлета на Земле еще не сложился консенсус на сей счет. Теперь же, очевидно, тема утратила всякую актуальность.

- Ладно, - решительно произнес полковник, - у нас есть проблемы поважнее философских диспутов. Каковы наши ближайшие планы?

- Остановимся в ближайшем селе, где есть трактир и кузня. Формально - ради кое-какой починки... благодаря любезности королевской гвардии даже не придется ломать что-то специально, - усмехнулся Ференц, кивая на болтающийся разрезанный брезент. - Ну а на самом деле - дождаться пятерых наших, которые будут выбираться из города по одному пешком.

- Это из-за нас вы их там оставили? - сообразил Локхарт. - Разве в фургонах не хватило бы места на всех? Как же мы тогда поедем дальше?

- Места-то хватит, но слишком большая труппа могла вызвать подозрения. Особенно если кто-нибудь пересчитывал нас во время выступлений.

- Думаешь, и до такого дошло?

- Лучше быть живым параноиком, чем мертвым скептиком, - пожал плечами Ференц.

- Все действительно настолько серьезно? Нас - и вас - в самом деле убьют, если поймают?

- Могу лишь повторить то, что только что сказал.

- Ясно, - Локхарт помолчал, думая, в каком веке появилось понятие "параноик". Впрочем, если здесь и помнят отдельные медицинские термины цивилизованных времен, это совсем не значит, что медицина избежала общего упадка. - А что с нашими вещами? - спросил он.

- Полагаю, они сейчас покоятся на дне самой глубокой выгребной ямы Хассенворта.

- Что - все? Не только костюмы, но и все, что было в карманах?! Это же были очень ценные...

- Если бы любую из этих вещей нашли при обыске, это поставило бы под угрозу нас всех.

- Да... - растерянно пробормотал Локхарт, - конечно.

Стало быть, теперь на Земле от высокотехнологичной цивилизации не осталось совсем ничего. Не считая пятерых неудачников, потерявших абсолютно все и не знающих, как им жить дальше. Как - и, главное, зачем. При условии, что им вообще позволят жить...

"Отставить!" - скомандовал себе Локхарт. Даже если ему больше никогда не подняться в небо, он остается пилотом и командиром. И дело не только в том, что он отвечает за своих людей. Не сам ли он говорил, что ему всегда было легко уходить, навсегда оставляя позади прошлое? Уходить не туда, куда уходят трусы, а навстречу новым вызовам. Если угодно, всю Айринтию можно рассматривать как новый, пусть и весьма необычный, тип корабля. Управление которым он должен освоить.

Фургон продолжал катиться вперед, изредка поскрипывая. Слышно было мягкое постукивание конских копыт по пыльной дороге. Эти звуки и плавное движение убаюкивали, и Локхарт, проспавший этой ночью всего пару часов, сам не заметил, как задремал - сперва сидя, а потом, не просыпаясь, устроился на ковре.

- Полковник!

- А? - Локхарт вскинулся, ошалело озираясь. Сфокусировал взгляд на сидевшем над ним на корточках де Сегюре и подавил невольную усмешку: вид у чопорного графа, ныне больше похожего на старого пирата, был забавный. - Сколько времени?

- Уже вечереет.

- Правда? - Локхарту казалось, что он проспал всего ничего. Но он знал, как обманчиво может быть подобное ощущение. Увы, он уже больше трех лет не мог узнать время простым мысленным запросом к нейроимпланту и вынужден был приобрести архаичную привычку смотреть на запястье - но теперь и от нее не было никакого толку. Ничего, кроме кружевной манжеты темно-лилового жакета, он там не увидел. Затем он посмотрел на некогда распоротый верх повозки и убедился, что тот аккуратно заштопан. Должно быть, он и впрямь крепко спал, раз не заметил, как это делали... с другой стороны, игла - это не отбойный молоток. Локхарт сел на полу, машинально отряхивая свое новое одеяние. - Где мы?

- Стоим на окраине какого-то селения. Кажется, уже давно.

- Что с остальными?

- Все в порядке... насколько, конечно, это возможно в нашем нынешнем положении.

- Почему вы не разбудили меня раньше?

- По правде говоря, сам недавно проснулся.

- А что наши, хм, хозяева?

Ответ на последний вопрос не потребовался, ибо, отдернув полотнище у входа, в фургон легко забрался Ференц. В левой руке он держал горшок, из которого торчала ложка и струился аппетитный запах жаркого.

- Ну и горазд ты спать, Том, - весело заметил он. - Да и все вы.

- У нас была бессонная ночь, - смущенно пробормотал Локхарт. - Как ваши, вернулись?

- Только двое, - помрачнел Ференц.

- Думаете, трех других арестовали?

- Не знаю. Может, проверка стала строже, может, в городе объявили чрезвычайное положение и закрыли выходы полностью. Надеюсь, им все же удастся выбраться позже. Но мы в любом случае больше не можем ждать и поедем дальше без них.

- Если бы они проболтались, нас бы уже настигла погоня, - подумал вслух Локхарт.

- Полномочия городской стражи кончаются за городскими стенами - но не королевской гвардии, - кивнул Ференц. - Так что, надеюсь, они в безопасности... если, конечно, не погибли при попытке ареста. В первом случае они знают, куда мы направляемся, и настигнут нас уже в столице.

- Такое уже бывало в вашей... гастрольной практике?

- Не раз.

- И обходилось благополучно?

- В основном. Ты, небось, есть хочешь? - он протянул Локхарту горшок. - А твою порцию, Арчи, уже в твой фургон отнесли. Том, ты тоже туда перебирайся. Ты с Арчи и Карелом во втором поедешь, а Робин и Йохан - в четвертом.

- Почему не вместе и не рядом? - вновь насторожился полковник.

- Ну, мало ли кто нас еще остановит. Все лучше будет, если вы вперемешку с настоящими артистами окажетесь.

Локхарт покорно выбрался на улицу с горшком в руке следом за де Сегюром. Караван стоял напротив громоздкого бревенчатого строения - судя по всему, какой-то мастерской; на мощных гвоздях, вбитых снаружи в лишенную окон стену по обе стороны от двустворчатых дверей, висели хомуты, упряжь и даже целые тележные колеса, а изнутри, несмотря на вечерний уже час, доносился то визг пилы, то стук молотка. Уже знакомый астронавтам чернявый парень запрягал коня в назначенный им фургон. Полковник остановился рядом и окинул взглядом единственную улицу небольшой деревеньки - беленые домики под красными крышами, утопавшие в зелени садов (лишь кое-где подкрашенной первыми желтыми и красными мазками осени) и уютно освещенные заходящим солнцем. В конце улицы, вздымая пыль босыми ногами, носились друг за другом трое детей лет восьми-десяти; их звонкий смех разносился в чистом и уже прохладном вечернем воздухе. Картина выглядела настолько идиллически, что казалась не реальным пейзажем, а рекламой какого-нибудь туристического бюро.

Что останется от этой идиллии, если начнется война? Населенные пункты вблизи больших дорог в таких случаях страдают первыми...

- Давайте, не задерживайтесь, ехать пора, - окликнул астронавтов чернявый.

- А где тут... - начал Локхарт и смущенно запнулся; в самом деле, вопрос про "комнату отдыха" или "ванную" посреди средневековой деревни звучал бы идиотски. Бесхозных кустов поблизости тоже не наблюдалось; сразу за околицей начиналась заросшая некошеной, но не столь уж высокой травой равнина.

- Они делают это прямо у колеса, - с усмешкой просветил его граф таким тоном, словно

его самого это чудесным образом не касалось.

- Что, прямо у всех на глазах? - еще более смутился полковник. - Женщины...

- А нешто они тоже в свой черед под колесо не присаживаются, - фыркнул чернявый. - А кому смотреть противно, тех никто ж не неволит.

М-да. Романтическое Средневековье в полный рост. Ну а что он ожидал, собственно - даже сохранившаяся городская канализация еще не означает придорожных заправок с магазинчиками и туалетами.

- Руки где потом помыть? - буркнул Локхарт.

- Вон колодец, коли не лень бежать, - кивнул парень. - Не в поилке только, коням тоже чистая вода нужна. ("Это, очевидно, то каменное корыто возле колодца", - сообразил Локхарт.) И быстрее давай, не до ночи же нам тут ждать.

- Давайте я отнесу ваш ужин в фургон, - предложил де Сегюр вполне светским тоном.

Едва полковник вернулся бегом от колодца (не стремясь, впрочем, побить рекорд и помня о своем стариковском облике), повозки тронулись; в свой второй фургон Локхарту пришлось забираться уже практически на ходу. Интересно, подумалось ему, почему труппа, спокойно прождав здесь несколько часов, теперь так спешит покинуть деревню до заката? Какое-нибудь суеверие, или ночью в таком вот идиллическом поселении, затерянном посреди степи (как все же изменилась флоридская растительность!), и впрямь опаснее, чем в чистом поле?

Он задал этот вопрос своим новым попутчикам (помимо астронавтов, в фургоне ехали трое артистов, все - мужчины; двое представились Хайнцем и Лучиано, а третий, Готфрид, сидел на козлах).

- В темное время чем дальше от чужих, тем лучше, - мрачно ответил Хайнц.

- А на дороге нас ночью не подстерегут? - осведомился Локхарт, усаживаясь и принимая от де Сегюра свой горшок с жарким.

- Вряд ли, - ответил все тот же член труппы. - По ночам народ боится ездить, потому что боится лихих людей. Лихие люди знают, что у них мало шансов на добычу, и предпочитают ночами спать. Поэтому ночью дороги безопаснее всего.

- Так что же, мы теперь ночами будем ехать, а днем отдыхать?

- Где как, - пожал плечами артист. - Как Ференц решит. Есть места получше, есть похуже.

- И эта деревенька, выходит, не из лучших. А выглядит такой милой.

- Маленькие поселения опаснее всего. Там все друг за дружку держатся, случись что-концов не найдешь.

- Прелестные у вас тут нравы, - усмехнулся Локхарт.

- Как везде, - откликнулся Хайнц. - Зато не скучно.

На следующий день, однако, путь продолжался без приключений. Погода была солнечной, но не жаркой, дорога хорошей - насколько, конечно, это можно было сказать о пыльной грунтовке с колеями от тележных колес - и на всем вокруг словно лежала печать лениво-расслабленного благодушия. Местность не выглядела обильно заселенной, но не казалась и дикой; в основном поросшие выгоревшей на солнце травой равнины чередовались с небольшими, неразбойного вида рощицами и перелесками. Навстречу время от времени попадались одинокие всадники и крестьянские подводы; пару раз проехали кареты, направлявшиеся, вероятно, в Хассенворт, один раз пропылил на рысях небольшой вооруженный отряд, не уделивший, впрочем, артистам никакого внимания. Караван проехал, не останавливаясь, несколько деревенек, а вскоре после полудня обогнул, не заезжая внутрь, желтовато-серые каменные стены города, несколько уступавшего по размеру Хассенворту. Два привала, утром и вечером, сделали в поселениях среднего размера - обнесенных бревенчатыми частоколами, но застроенных вполне деревенскими домиками; во втором из этих поселков труппа даже устроила небольшое выступление, пока отдыхали кони. Программа была явно сокращенной, без драматических номеров - одни цирковые: двое братьев-силачей, богатырски

ухая, пожонглировали гирями (Локхарт, впрочем, уже не был уверен, что они такие тяжелые, как выглядят), один из нынешних соседей полковника по фургону, длинноусый и бритоголовый Лучиано, облачившийся по такому случаю в алый тюрбан и расшитый звездами халат, показал несколько фокусов с кольцами и веревками, закончив выниманием монеты из уха одного из зрителей, а Ференц покидал ножи в скудно одетую Клару, вставшую, раскинув руки, к стене ближайшего амбара, и призывно извивавшуюся в распятой позе. Последний нож вонзился ей между бедер, пришпилив коротенькую юбку к стене; казалось, что круглый набалдашник на конце рукоятки торчит прямо из промежности. Мужская часть аудитории откликнулась радостным свистом и гоготом. "Дикари", - с отвращением подумал наблюдавший за представлением Локхарт. Впрочем, разве студенты самых престижных университетов его эпохи - не все, конечно, но многие - отреагировали бы на подобную сцену иначе, чем эта неотесанная деревенщина?

Полковник с раздражением отвернулся и пошел обратно к фургонам. Когда он уже собирался забраться в свою повозку, он вдруг понял, что слышит звуки, которые не были шумом представления. Это был лязг оружия, и доносился он с прямо противоположной стороны.

Локхарт заглянул в фургон, думая, не позвать ли кого на помощь, но внутри было пусто. Тогда он поспешил на звук сам, не особо еще представляя, что станет делать, если застанет вооруженную стычку. Здравый смысл подсказывал, что это не может быть нападением ни на артистов, ни на кого-то из его людей; момент, пока бо́льшая часть труппы и местных жителей отвлечена представлением, конечно, удобный, но если жертва все еще жива и отбивается, почему она не зовет на помощь? Тут же, впрочем, полковник вспомнил, что у одного из его подопечных теперь имеются заметные проблемы с речью. Правда, полностью немым Шрамм все же не был - но, может быть, нервное напряжение как раз мешает ему издать хоть какие-то членораздельные звуки, как это, кажется, бывает при сильном заикании...

Локхарт торопливо обогнул старое раскидистое дерево неведомой ему породы, росшее с внешней стороны плетня и накрывавшее своими низкими ветвями, кажется, половину двора и половину улицы - и оказался в закутке, образованном плетнем, упиравшимся в стену сарая, оставшимся позади деревом, двумя последними фургонами каравана и какой-то местной телегой, нагруженной мешками, стоявшей перед входом в сарай. И в этом-то закутке, не видимом ни с улицы, ни, скорее всего - за плетнем и ветвями дерева - со двора, и шел бой. Чернявый парень - Локхарт уже знал, что его зовут Люкас - с длинным и узким мечом в руке атаковал Шрамма; тот, уже загнанный в угол и практически прижатый спиной к телеге, тем не менее, яростно отбивался. Бутафорским мечом? Очевидно, да, где ж ему было взять настоящий! Отражать удары тупой клинок, очевидно, мог, а вот наносить...

Локхарт не тратил времени на раздумья о причинах схватки и возможных последствиях. С этим потом. Сейчас важно лишь, что его человек может в любой миг получить смертельный удар. И что сам он, Локхарт, безоружен - а следовательно, вступать в дискуссию с вооруженным противником было бы ошибкой, по крайней мере, до тех пор, пока у него есть преимущество внезапности. Полковник бросил быстрый взгляд по сторонам и попытался выдернуть жердь из плетня, но это оказалось не так-то просто. Нижние сучья дерева также выглядели слишком крепкими, чтобы их отломать. Но на одном из кольев плетня торчал кверху дном большой глиняный кувшин, очевидно, повешенный таким образом для просушки; Локхарт схватил его обеими руками и рванул к Люкасу, занося свое орудие. Шрамм, разумеется, заметил его и попытался что-то сказать; Люкас по выражению лица своего противника понял, что нечто происходит у него за спиной, и, отступив на шаг, дабы оказаться вне досягаемости меча Шрамма, начал поворачиваться вместе со своим клинком - однако Локхарт успел первым. Кувшин, обрушившись на кучерявую голову, раскололся на куски; Люкас без звука рухнул в пыль.

Локхарт тут же наклонился и выдернул меч из его вялой руки. Пользы от этого предмета

было не больше, чем от какой-нибудь древней фузеи - обращаться с которой полковник точно так же не умел - но в любом случае, лучше оружие в собственной руке, чем в руке врага.

- З-за-ачем?! - наконец выдавил из себя Шрамм.

Локхарт уставился на него непонимающе,

- Он же напал на вас.

- Ннн... - Шрамм сердито замотал головой. - Я с-сам...

- Вы напали на него?!

- Он... учил.

- Учил? - до полковника, наконец, дошло. - То есть вы попросили его, чтобы он дал вам уроки фехтования?

Шрамм кивнул, глядя на валявшегося в пыли и по-прежнему не подававшего признаков жизни учителя.

- Ч-черт, - пробормотал Локхарт. - Могли бы, по крайней мере, поставить меня в известность! - он потрогал лезвие трофейного меча и убедился, что тот тоже тупой. Опасности не было даже теоретически.

Полковник присел над поверженным Люкасом, отложил меч и осторожно дотронулся до головы парня. Пальцы ощутили под волосами теплое и липкое. "Проклятье, неужели я его убил? И что теперь делать?" Впрочем, Локхарт тут же скомандовал себе не паниковать и постарался нащупать пульс на шее лежавшего. И тут же с облегчением убедился, что пульс есть.

- Позовите доктора, - велел он Шрамму, по-прежнему тупо стоявшему над ними с мечом в руке. - Якобсона, - на всякий случай уточнил он. (Кто знает Шрамма в его нынешнем состоянии - может, он позовет лингвиста...) - Он там, смотрит представление со всеми. И постарайтесь не привлекать больше ничьего внимания.

Но из этой предосторожности ничего не вышло. Представление уже закончилось, участники и зрители расходились. Едва Шрамм увел за собой Якобсона, следом, неторопливо переговариваясь, потянулись члены труппы. Первой лежащее тело заметила Матильда - но, надо отдать ей должное, не стала поднимать переполох, а устремилась к месту происшествия с неожиданным проворством, едва не отпихнув спешившего за Шраммом доктора.

Локхарт без утайки поведал о случившемся; Матильда лишь укоризненно качала головой - мол, эти ваши мальчишеские игры никогда не доводят до добра. Якобсон тем временем, действуя одной рукой, попытался привести Люкаса в чувство, но без особого успеха. Заметив неладное, подошло еще несколько человек. Кто-то распорядился позвать Ференца, который, верно, переодевался в своем фургоне после выступления.

- Если кость цела, оклемается, - авторитетно заметил кто-то из артистов, наблюдая манипуляции доктора. Якобсон покосился на него устало-вежливым взглядом профессионала, которому под руку вещает самоуверенные глупости дилетант, затем выпрямился, держа на весу окровавленную руку.

- Ну что, доктор?

- По крайней мере, череп вы ему не проломили. Крови много, но это обычное дело при ранениях скальпа. На самом деле там лишь мелкие порезы. Однако потеря сознания весьма глубокая. Зрачки расширены и не реагируют. Трудно сказать без аппаратуры, тем более что механические травмы - все же не совсем моя специализация, но...

Подошел Ференц, которому уже успели рассказать о случившемся. Посмотрел на лежавшего, возле которого теперь присела Матильда (возможно ли, что гримерша смыслила еще и во врачевании? ну а почему бы и нет), затем перевел взгляд на Локхарта и сумрачно заметил:

- Если мы потеряем Люкаса, это будет чертовски некстати.

- Я... еще раз прошу прощения, - пробормотал полковник, окидывая взглядом собравшихся артистов (смотревших на него не сказать чтобы со злобой, но и, понятно, без особой симпатии). - Но поставьте себя на мое место. Я внезапно вижу, что моего человека вот-

вот проткнут мечом... тем более, после всех этих разговорах о предательствах и играх без правил... что мне было делать? Откуда мне было знать?

- Я сказал, что доставлю вас целыми и невредимыми в Дракенхайм, - ответил Ференц. - Это значит, что я отвечаю и за своих людей. Впрочем... слово против меча, действительно, не очень убедительный аргумент.

- В-вуф, - раздался вдруг голос снизу. - Что это было?

Люкас сидел на земле и, недовольно морщась, трогал свою макушку.

- Ну я же говорил - оклемается, - меланхолически заметил давешний артист.

Локхарту пришлось вновь рассыпаться в извинениях и объяснять, что случилось.

- Ладно, - проворчал Люкас, подобрал свой меч и пружинисто вскочил на ноги (несмотря на протестующий жест доктора, явно опасавшегося, что подобная активность обернется новым обмороком). - Я тоже хорош, позволил тебе подобраться сзади. С моим-то опытом...

Полковник впервые взглянул на него с интересом. Парню было на вид лет двадцать, ну максимум двадцать пять. Где это он, интересно, успел набраться подобного опыта? Речь ведь определенно шла не о постановочных поединках на сцене. Конечно, подготовить неплохого солдата в учебке можно и за полгода, но когда-то Локхарту доводилось читать, что для того, чтобы в совершенстве овладеть мечом, требовалось существенно больше времени. И опыт, о котором говорит Люкас - это явно больше, чем просто тренировки. Хотя Айринтия, кажется, в последние годы не воевала, если не считать той единственной стычки с гроггендорцами на севере - да и та была не меньше десяти лет назад...

- Ты не всегда был артистом? - спросил Локхарт.

- Кем я только... Ладно, - перебил сам себя Люкас, вновь потрогал свою голову, посмотрел на пальцы. Кровь больше не текла. - Будем считать, проехали. Выходит, я дал урок твоему приятелю, а ты - мне. А Карел твой способный, далеко пойдет. Он ведь, как я понял, прежде меча в руках вообще не держал? Сейчас уже от пары пьяных хулиганов отбился бы влегкую. От настоящего противника, конечно, нет пока. Но такими темпами...

Шрамм сдержанно улыбнулся.

Локхарту вспомнились слова Якобсона о "возможном усилении кинестетических функций в порядке компенсационного механизма". Ну что ж, хорошо, если хотя бы так. Шрамму, похоже, нравилось ощущение меча в руке, и он не тосковал, что больше не сможет вернуться в небо. Возможно, со своим теперешним IQ 85 он еще сможет быть счастливым в этом мире... единственный из них всех, м-да.

- Надеюсь, вы продолжите тренировки, - сказал полковник. - Больше вам никто не помешает.

- Только не в ближайшие дни! - решительно воспротивился Якобсон. - После такого удара Люкасу нужен постельный режим на неделю. Это же сотрясение мозга, с этим не стоит шутить - тем более в отсутствие надлежащих медикаментов.

- Да ладно, все уже позади, - отмахнулся Люкас и неожиданно был поддержан Матильдой, заявившей доктору: "Ну, ты уж слишком серьезен."

- Разумеется, я серьезен! - возмутился Якобсон. - Вы с вашим... - "средневековым невежеством", хотел сказать он, но избрал более дипломатичную формулировку: - отсутствием медицинского образования просто не понимаете. То, что человек пришел в себя после удара по голове, еще не значит, что...

- Да все я понимаю, - перебил Люкас уже с явным недовольством. - Впервой, что ли?

- Ладно, доктор, это его дело, - Локхарт коснулся руки Якобсона и тут же смекнул, что трогает парализованную руку. - Вам, по-хорошему, тоже нужно в стационар, и куда больше, чем ему... как и всем нам, наверное... однако ничего, бегаем. Человек вообще куда выносливей, чем предписывают осторожные медицинские нормативы... вам ли не знать.

- Ладно, - распорядился Ференц, - давайте по фургонам, и поехали.

Интересно, сколько ему все же лет, думал Локхарт, провожая взглядом Люкаса. Хотя - это в нашу эпоху ему не продали бы пива, не проверив дату рождения, а в средневековье, как и сказал граф, люди взрослели рано. Если, допустим, он сбежал из дома лет в 13-14, прибился к какому-нибудь отряду наемников... а то и вовсе разбойников или пиратов... то к, скажем, 23 годам у него уже может быть очень солидный боевой опыт. Включая и травмы поопаснее нынешней. Почему он в итоге оказался в труппе бродячих артистов? Устал от приключений и захотел жизни поспокойнее? Или как раз наоборот?

Когда повозки тронулись в путь, Локхарт почувствовал мимолетный укол совести из-за того, что не заплатил за разбитый кувшин (хозяин которого, впрочем, так и не показался). "Вот ведь, - тут же сказал он себе, - тут, того и гляди, начнется война с тысячами жертв, а я беспокоюсь о каких-то глиняных черепках. Может быть, скоро весь этот поселок сровняют с землей..."

Ночевали вновь в чистом поле - точнее, в маленькой рощице в стороне от дороги. Небольшой костерок, постреливавший искрами в прозрачное звездное небо, печеная на углях картошка - все это живо напомнило Локхарту скаутский лагерь его детства. В те годы - хотя он уже тогда мечтал о космосе - он бы не отказался пережить и настоящие средневековые приключения. Только, разумеется, с тем, чтобы, одолев всех злодеев и покрыв себя неувядающей рыцарской славой, вернуться домой, в цивилизованный мир...

Рано утром они продолжили путь. Солнце поднималось у них за спиной, вытягивая резкие гротескно-длинные тени вдоль пустынной дороги; росистая трава сверкала миллионами бриллиантов. Было еще достаточно свежо, от дыхания лошадей в безветренном воздухе поднимался пар.

Вскоре, однако, безмятежное спокойствие сентябрьского утра нарушил глухой и быстрый перестук копыт у них за спиной. Караван настигали всадники, вытянувшиеся колонной вдоль дороги. Их было плохо видно против солнца, но их явно был не один десяток, и, похоже, все они были в доспехах и при оружии.

- Это не за нами? - с тревогой спросил Локхарт, высовываясь из фургона в тщетных попытках разглядеть детали за остальными повозками.

- Вряд ли, - откликнулся Лучиано. - Слишком их там много, за нами бы столько не послали.

- А если все-таки? У нас есть какой-нибудь план?

- Ехать, как ехали, - пожал плечами фокусник. - Что еще мы можем сделать?

В самом деле, обремененный повозками караван не мог, конечно, соперничать в скорости с всадниками на боевых конях, да и любое проявление беспокойства, очевидно, лишь послужило бы командой "фас!" Не прошло и четверти часа - и это были не лучшие минуты в жизни астронавтов - как кавалеристы настигли караван. Их оказалась целая сотня, в чешуйчатой броне, с мечами и круглыми щитами; на поднятых пиках развевались черно-красные флажки. Догнав фургоны, они разделились на две колонны, обтекая караван слева и справа, едва не задевая повозки стременами. Копыта дробно грохотали, взбивая пыль, ритмично брякала сбруя и оружие, от всадников разило конским потом, кожей и нагретым железом. Некоторые лица, полускрытые круглыми шлемами, оборачивались в сторону повозок, но ни один не сбавил темпа (что, впрочем, в плотном строю было бы просто опасно). Наконец обе колонны проскакали мимо и, вновь соединившись, умчались вперед, оставив караванщиков в буквальном смысле глотать пыль.

- Кавалерия графа Хагентрауба, - пояснил со знанием дела Лучиано. - Должно быть, вон туда скачут, - он махнул рукой вперед и влево.

- А что там? - Локхарт вновь высунулся из фургона. В указанном направлении у самого горизонта поднимался холм (необычайно высокий для прежде плоской, как стол, Флориды, отметил про себя полковник - уж не насыпали ли его специально?), на вершине которого уже

можно было различить очертания какой-то крепости.

- Родовой замок Хагентраубов, - ответил Лучиано.

- Хм... нам придется проехать мимо него?

- Не вплотную. От самого замка до тракта мили полторы. Внизу, правда, есть еще форт, позволяющий перекрыть тракт. Говорят, что он связан с замком подземным ходом.

- И что, если тракт перекрыт?

- Такого не случалось уже много лет. Это может быть только во время войны.

- А все-таки? Нельзя ли проехать в Дракенхайм какой-нибудь другой дорогой?

- Можно. Тогда нам надо было свернуть на нее вчера вечером. Но это большой крюк, который никогда не выбрали бы артисты, желающие успеть на коронацию и не замышляющие ничего дурного.

Так что им ничего не оставалось, кроме как продолжать путь. Локхарт понимал, что нервничать по поводу замка не только бессмысленно, но и нелепо - во-первых, если за ними охотились, их могли перехватить в любом месте, совсем не обязательно здесь, во-вторых, не уделившие им никакого внимания кавалеристы графа вроде как свидетельствовали, что с этой стороны им ничего не грозит. И тем не менее, и самому полковнику, и, как он подозревал, его спутникам - включая не только астронавтов, но и многоопытных караванщиков - хотелось, чтобы чертов замок поскорее остался позади.

Увы, пока что он, напротив, приближался, причем, находясь в стороне от дороги, даже это делал медленно. Со своего холма он доминировал над всей окрестной равниной - как назло, здесь это была открытая до самого горизонта степь, чье травяное однообразие нарушали лишь совсем редкие одинокие деревца - и, как понимал полковник, они обречены были видеть замок еще много часов, равно как и оставаться видимыми оттуда. Хотя, конечно, с расстояния в добрый десяток миль ползущие по тракту повозки едва ли различимы... если только у тех, кто наблюдает с холма, нет хорошей оптики. Но почему бы таковой и не быть? Она вполне могла сохраниться. Локхарт спросил своих спутников-артистов, доводилось ли им иметь дело с подзорными трубами. Те переглянулись, затем Лучиано как-то неохотно пробурчал, что "слышал о таких штуках". Оценив его тон и поймав многозначительный взгляд де Сегюра, Локхарт решил воздержаться от дальнейших расспросов: кажется, знакомство с некоторыми технологиями здесь прямо не запрещалось, но и не поощрялось.

Наконец караван добрался до форта. Его толстые восьмигранные стены с глубокими прорезями бойниц громоздились слева от дороги; справа же высилась одинокая круглая башня, также опоясанная четырьмя ярусами бойниц и соединявшаяся с фортом проходящей над дорогой крытой галереей. Вне всякого сомнения, не только сам тракт, но и равнина по обе стороны от него - где теоретически проехать через некошеную траву не составляло труда - прекрасно простреливались и из форта, и из башни, и с галереи. Сейчас, впрочем - во всяком случае, снизу - никаких солдат на стенах и башне заметно не было, но от этого вся эта угрюмая тяжеловесная фортификация не выглядела менее зловеще. Пожалуй, уж лучше бы даже где-то блеснули доспехи, послышался лязг оружия, прозвучал бы грубый окрик: "Кто едет?", нежели эта гнетущая тишина, нарушаемая лишь мягким перестуком копыт по пыльному тракту и скрипом повозок; казалось, что там, за древними темными бойницами, дорогу стерегут призраки или мертвецы. В особенности это гнетущее чувство усилилось, когда фургоны въехали в тень высоких, замшелых у подножия стен, сложенных из огромных глыб (солнце к тому времени уже перебралось за полдень) и один за другим медленно проползли под грозно нависшей сверху галереей, под черными отверстиями в ее полу, откуда, очевидно, могли не только бить вниз стрелы, но и литься смола или кипяток.

Никто, однако, не попытался воспрепятствовать каравану, и пару минут спустя фургоны снова выкатились на свет. Сам замок Хагентрауба тоже хорошо был виден отсюда, несмотря на полторы мили расстояния, и был, конечно, еще намного внушительнее, нежели придорожный

форт. Вершину холма широко опоясывала внешняя стена высотой в добрые пятнадцать метров, сплошная, без зубцов (галереи с бойницами проходили внутри нее), с вынесенными на склоны гранеными бастионами. Над нею высился гребень внутренней стены, соединявшей круглые башни тридцатиметровой высоты. И уже над этими стенами, вровень с зубцами башен, вздымалась четырехугольная громада донжона. Ее венчали четыре малые угловые островерхие башенки, над каждой из которых развевалось черно-красное знамя.

- Интересно, сколько лет строился этот замок, - подумал Локхарт вслух. Его всегда удивляло, как люди возводили такие громады без всякой техники.

- Да он, почитай, все время строится, - откликнулся Лучиано. - У Хагентраубов и родовой девиз такой - "Не останавливаться!"

- Граф любит прогресс? - осведомился де Сегюр не без иронии.

- Граф любит все, что споспешествует его целям.

Интересно, как далеко эти цели простираются, подумал Локхарт. Если нынешний Хагентрауб и впрямь соответствует своему родовому девизу, то, возможно, Дармонт заблуждался, считая его верным союзником Арвика. Может быть, граф вовсе не собирается довольствоваться утешительным призом в виде Хассенворта и что там еще обещал ему принц. Или, по крайне мере, это не единственный и не самый желанный для него сценарий. Что, если на самом деле Хагентрауб как раз мечтает о гражданской войне, в которой нынешние претенденты на престол истощат, а лучше - совсем истребят друг друга? И тогда явится он, весь в белом. Никаких формальных прав у него нет, его предок отказался от претензий на трон, но как там говорил де Сегюр - всякое соглашение действует лишь до тех пор, пока оно выгодно сильному. А стать самым сильным можно двумя путями - усилиться самому или добиться ослабления конкурентов. Может быть даже, за покушением на Дармонта - верного человека своего союзника Арвика и бывшего подчиненного самого графа - стоит именно Хагентрауб? Кажется, я уже начинаю рассуждать, как политик средневековья, отметил про себя полковник. Или как параноик...

Теперь замок на холме постепенно удалялся - столь же мучительно медленно, как и приближался прежде. Никаких явных признаков опасности по-прежнему не было, солнце ярко светило с безоблачного неба, в траве стрекотали кузнечики, но Локхарт вдруг понял, что за последние несколько часов - кажется, с тех самых пор, как их обогнали кавалеристы - навстречу им не попался ни единый всадник или повозка. В этом, скорее всего, не было ничего чрезвычайного - астронавты уже успели убедиться, что нынешние дороги вдали от больших городов куда менее оживлены, чем хайвеи прошлого, да и артисты не проявляли никаких признаков беспокойства. И все же Локхарт испытал иррациональное облегчение, когда впереди, наконец, показался лес - не крохотная рощица, а настоящий лес, куда ныряла дорога. Полковник вполне отдавал себе отчет, насколько это облегчение иррационально - ведь в лесу куда удобнее устроить засаду и вообще совершить нечто, не предназначенное для посторонних глаз, нежели на открытой местности - и все же он почувствовал себя спокойнее, когда зеленый полог сплетавшихся над дорогой ветвей скрыл замок от них и их, соответственно, от замка.

Де Сегюр, однако, явно не разделял его оптимизма и с тревогой осведомился у артистов, встречаются ли в этом лесу разбойники.

- Бывает, - меланхолично ответил Хайнц, тот из комедиантов, что прежде говорил о безопасности ночных дорог.

- И ты говоришь об этом так спокойно?

- Нас не тронут, - уверенно заявил тот. - Они знают, что бродячие артисты - народ небогатый, денег с нас много не возьмешь, а вот неприятностей можно поиметь по самое не балуйся.

Ну да, понял Локхарт. Меч Люкаса, ножи Ференца - все это годится не только для представлений. Да и силачи, даже если их гири на самом деле наполовину полые... и как знать

еще, какими талантами владеют остальные. Лучше не связываться. Мирные жители какой-нибудь деревеньки, впускающие гостей на ночлег и потом внезапно набрасывающиеся на спящих в мягких постелях, и впрямь куда опаснее разбойников в диком лесу.

И в самом деле, часа за полтора пути по лесу никто не потревожил караван - лишь птицы перекликались в густой листве, да порою шуршали в придорожных кустах не то белки, не то зайцы. Затем фургоны остановились на привал на небольшой полянке. Путники, потягиваясь и разминая конечности, выбирались из повозок; Люкас, похоже, и впрямь совершенно оправившийся от вчерашней травмы, распрягал лошадей, Матильда, расстелив чистую тряпицу, уже нарезáла крупными ломтями большой ржаной каравай, кто-то, поигрывая топором, отправился за хворостом, кто-то за водой к ручью - невидимому отсюда, но, как видно, недалекому и хорошо известному по прошлым стоянкам. Несколько мужчин тут же выстроились у фургонов спиной к поляне и справили малую нужду; Локхарту все еще претила их манера делать это у всех на виду, и он отошел за деревья, не рискуя, впрочем, слишком удаляться от лагеря. Де Сегюр последовал за ним, вероятно, сочтя, что полное уединение посреди средневекового леса в неспокойные времена - все-таки непозволительная роскошь, или просто желая перемолвиться словечком без свидетелей.

- Странный замок, - заметил граф, застегивая ремень штанов.

- Я не слишком хорошо разбираюсь в средневековой фортификации, - ответил Локхарт. - Выглядит, по крайней мере, основательным.

- Я не об этом. Он тут словно сам по себе. Вокруг ни одной деревни.

- Возможно, его сиятельство не любит грубых мужланов, - усмехнулся полковник. - Предпочитает любоваться неоскверненными ими пейзажами.

- Да, но кто поставляет в замок провизию, дрова - зимой их, очевидно, нужно немало, если климат в этих краях и впрямь теперь ближе к европейскому - и все такое прочее? Вы же офицер, понимаете, насколько важен для крепости вопрос снабжения. Особенно для крупной крепости с соответствующих размеров гарнизоном.

- Вообще-то да. Хотя в случае осады от деревень, оставшихся снаружи стены, все равно не будет толку. Наоборот, лишние ресурсы достанутся противнику.

- Средневековые осады не бывают внезапными, это же не воздушный десант. При подходе вражеского войска можно забрать все, что можно, в замок. Даже угнать туда скотину. Конечно, если деревни рядом, а не за десятки миль. Откуда все это непросто доставлять даже в мирное время.

- Вы говорили это и про Хассенворт, - припомнил полковник. - Где народу, очевидно, куда больше, чем даже в крупном замке.

- Да, - кивнул де Сегюр. - Но там мы не слишком внимательно осматривали окрестности. Деревень нет непосредственно под стенами, но, наверное, они все же раскиданы в нескольких милях от города. Там лес и неровный рельеф. А здесь хорошо видно, что вокруг замка - одна лишь голая степь до горизонта.

- Ну и как вы это объясняете? Вы же не думаете, что этот замок - некая гигантская декорация? На макет он никак не похож. Это настоящие каменные стены, которые наверняка возводились десятки лет. Слишком дорогое удовольствие для обманки. И потом, родовой замок есть родовой замок. Хагентраубы живут здесь поколениями. Будь это не так, это давно стало бы известно.

- Не знаю, - пожал плечами де Сегюр. - Хотел узнать, есть ли у вас гипотезы.

- Может быть, здесь тоже с другой стороны холма крупное село, которое мы просто не видели.

- Вряд ли. Пока мы ехали, мы могли наблюдать замок в разных ракурсах. Выстроить позади холма целое село так, чтобы ни с какого места дороги его не было видно, вряд ли возможно, да и зачем? Любой, допустим, вражеский лазутчик все равно может объехать замок

вокруг, а не только осмотреть со стороны тракта. И немыслимо, конечно, чтобы в окрестностях замка жили крестьяне, о которых никто никогда не слышал. Пусть в средние века люди путешествовали и знали о своих соседях гораздо меньше, чем в нашу эпоху, но все же не до такой степени.

- Тогда что же? - усмехнулся Локхарт. - Хагентрауб знается с нечистой силой и добывает все необходимое колдовством?

- Не удивлюсь, если тут ходят и такие слухи, - спокойно ответил де Сегюр. - Но на самом деле, как вы сами понимаете...

- Технологии? Богатство и влияние рода Хагентраубов зиждется не только на привилегиях, дарованных их предку, но и на неких до сих пор работающих машинах, сохраняемых внутри замка? Синтезаторы пищи, в частности? Для них, правда, нужно электричество, и я не уверен, что генератора, подсоединенного к мельничному колесу, хватит.

- Может, и не к мельничному. Внутри такого холма много что можно спрятать.

- Уж не ядерный ли реактор вы имеете в виду? Нет, это все неграмотная фантастика. Высокие технологии не могут существовать в отрыве от остальной цивилизации. Запчасти и топливные элементы для ядерного реактора не изготовишь в кустарной мастерской. И кроме того, будь у Хагентраубов технологическое превосходство, они бы не ограничились производством пищи без помощи крестьян. Они бы наделали... ну, если не боевых роботов, то по крайней мере штурмовых винтовок, и захватили бы власть.

- Может быть, - согласился де Сегюр. - Но только если они сами все еще понимают, что к чему. А если и для них самих это уже превратилось в колдовство? Прочитай заклинание, то есть команды голосового интерфейса, включая пароль... соверши ритуальные пассы - нажми эту и эту кнопку... кто-нибудь из них, наверное, пытался заказать вместо еды оружие, но получал в ответ "команда не опознана" и счел за благо больше не экспериментировать, пока рассерженные демоны не шарахнули молнией... кстати, кого-то, полезшего внутрь, могло и шарахнуть, то есть убить током, в назидание остальным.

- И все же едва ли вырванный из цивилизации кусок может двести лет функционировать автономно, если только он не был разработан специально для этой цели, - упрямо произнес Локхарт. - А никакая бытовая или промышленная техника в наше время не проектировалась с таким расчетом. Включая ядерные реакторы. Они имели системы защиты, по истечении определенного срока глушащие их автоматически.

- Может, и не двести, - возразил де Сегюр. - Мы ведь не знаем, когда именно произошла катастрофа и какого уровня на тот момент достигли технологии. Нам кажется, что если мир откатился на столетия назад, то и пройти должны были столетия, но ведь это неверно. Это развитие требует долгого времени, а деградация может быть очень быстрой. Достаточно одному поколению не получить должного образования... Лично я пока что не видел здесь никого старше, скажем, шестидесяти. Так что, даже если крах произошел немногим больше полувека назад, этого вполне достаточно, чтобы никто из живущих не помнил, что было раньше.

- Тогда бы осталось множество материальных свидетельств, - не согласился Локхарт. - Многоэтажные дома не могли бесследно исчезнуть за полвека.

- Мы все еще не знаем, что здесь случилось, - напомнил де Сегюр. - Может, какая-то облегченная версия "серой слизи". Нанороботы разобрали на атомы все творения разума, но самих людей и прочие формы жизни не тронули. Люди в буквальном смысле остались голыми на голой земле. Очень многие, конечно, погибли от холода, голода, болезней, вспышек паники и насилия. Выжившие - среди которых должны были преобладать физически, а не умственно развитые люди - сохранили лишь то, что было у них в памяти. Никаких компьютеров, книг, чертежей и прочих носителей информации. Думаю, этого как раз было бы достаточно, чтобы не скатиться в каменный век, но и не подняться выше средневековья.

- А столетние деревья умеренного пояса тоже, по-вашему, вырастили нанороботы?

- Крушение цивилизации могло произойти гораздо позже, чем изменился климат.

- Ну хорошо. Но как же тогда, по-вашему, сохранились гипотетические машины Хагентрауба?

- Возможно, что-то успели спасти в герметичных убежищах, но из-за коллапса всех прежних социальных институтов не сумели этим воспользоваться. И холм, на котором стоит замок - как раз такое убежище. Впрочем, это, конечно, лишь гипотеза.

- Думаете, Хагентрауб заинтересован в нашей, гм, технической поддержке? Если, конечно, хоть кто-то из нас в состоянии таковую оказать.

- В чем именно он заинтересован, я знаю, разумеется, не больше вашего. Просто не будем делать поспешных выводов. Дармонт предложил нам союз от имени Арвика и Хагентрауба. После этого - совпадение или нет - Дармонта убирают, а нас вынуждают бежать при помощи людей Фабиаса...

- Которых тоже изрядно "поубирали", - мрачно напомнил Локхарт.

- Да. Возможно, за этим стоит Бронгар, которому, конечно, было выгодно стравить своих соперников. Возможно, кто-то другой. Возможно, это вообще какой-то внутрихассенвортский конфликт, о котором вожди партий не имеют понятия. Но предложение Дармонта может быть все еще в силе.

- Несмотря на то, что сам он, вероятно, мертв, а его гвардейцы нас чуть было не прикончили?

- Несмотря на это. Гвардейцы Дармонта - это не люди Хагентрауба.

Локхарт открыл рот и вдруг замер:

- Слышите?

- Что именно? А... должно быть, лошадей ведут на водопой.

- Нет. Кто-то скачет сюда.

Де Сегюр вновь прислушался.

- Да, - мрачно согласился он. - И не один.

Теперь уже не было сомнений - остановившихся на привал путников настигал новый конный отряд, и, судя по лязгу и бряканью, не безоружный. Возможно, конечно, артисты интересовали этих всадников не больше, чем предыдущих. Но те скакали к замку, а эти - от замка, да и встреча в глухом лесу внушала как-то меньше оптимизма, чем на открытой местности. Всадников еще не было видно за деревьями; Локхарт и де Сегюр быстро переглянулись - обоих посетила одна и та же мысль. Их двоих уже сейчас практически не видно с поляны; стоит им сделать еще несколько быстрых шагов в глубь леса - и они скроются окончательно. Преимущество конного над пешим теряется в чаще, собак у преследователей - если это преследователи - нет (иначе был бы слышен лай), так что, даже выяснив у оставшихся на поляне, что должны быть еще двое, или же зная это заранее, их едва ли найдут. Де Сегюр даже сделал движение в сторону чащи, но все же остановился, вспомнив о субординации.

- Я должен вернуться к своим людям, - твердо произнес Локхарт. - Вы... можете спрятаться и наблюдать. Дальше действуйте по обстановке.

Де Сегюр кивнул и с удивительным проворством нырнул в густую тень между деревьями. Полковник развернулся и вышел на поляну как раз в тот момент, когда туда же въехали всадники.

На сей раз их было не слишком много - около дюжины, считая нескольких, маячивших за деревьями. Большинство было облачено в легкие доспехи из грубой кожи с нашитыми металлическими бляшками и островерхие шлемы; за плечами у них висели луки и колчаны со стрелами. Лишь передний - очевидно, главный - был в кольчуге с блестящим нагрудником и с мечом на поясе. Забрало его круглого шлема было поднято, открывая худое и длинное, серое от налипшей на потную кожу пыли лицо с короткой бородкой.

- Кто такие и куда направляетесь? - хрипло осведомился он; казалось, пыль не только

облепила его лицо, но и забила горло.

Ференц спокойно выступил вперед.

- Мы мирные люди, сэр, бродячие артисты, и не хотим ничего дурного; а направляемся в Дракенхайм, чтобы выступать перед гостями, которые съедутся на коронацию.

- Артисты - это хорошо, - произнес офицер; по его тону можно было предположить, что он прекрасно знал, кого именно нагнал, и спрашивал лишь для проформы - или для того, чтобы проверить, не станут ли ему врать. - Дракенхайм подождет. Езжайте за нами, сегодня вам выпала честь развлечь не уличную чернь, а нашего сюзерена и его гостей.

- Это и в самом деле высокая честь, сэр, - поклонился Ференц, - однако смиренно прошу простить меня и моих людей. Мы устали и сейчас совершенно не готовы к выступлению, в особенности - достойному столь высоких особ, а потому лишь испортили бы сим досточтимым господам все удовольствие.

- Об усталости еще могли бы говорить ваши лошади, но не вы, - презрительно скривил губы командир отряда. - Если выступите как следует, получите достойную плату и угощение с графского стола - надеюсь, это вас взбодрит?

- Еще раз почтительнейше прошу прощения, сэр, - Ференц склонился еще ниже, - но...

- Это не просьба, комедиант, - отрезал офицер. - На землях графа Хагентрауба воля графа Хагентрауба - закон. Так вы поедете сами, или тащить вас на аркане?

Последнее, похоже, отнюдь не было фигурой речи, так что Ференц, вздохнув, изъявил повиновение.

- Сколько вас? - осведомился графский посланник. - Выходите все, чтобы я мог на вас взглянуть.

Путники нехотя выстроились возле повозок; несколько человек вылезли из фургонов. Офицер сделал знак одному из своих людей; тот спешился и прошел вдоль повозок, заглядывая в каждую.

- Пятнадцать, - подвел итог офицер. - Большая у вас труппа.

- Мы даем самые разные представления, - пустился в объяснения Ференц. - И потешные номера для простого народа, и большие пьесы для благородной публики, что, правда, требует предварительной подготовки и...

- Это все? - требовательно перебил его офицер.

Ференц на мгновение замешкался. Он уже знал, что не хватает двоих - де Сегюра и одного из братьев-силачей. Причем, если в отношении последнего у Ференца, вероятно, уже было мнение, что хуже - взять его с собой или бросить одного в лесу, то как поступать по отношению к одному из чужаков, он не знал. Руководитель труппы обменялся быстрым взглядом с Локхартом. Полковник понял, что Ференц не больше него знает, насколько опасно полученное ими "приглашение", и еле заметно качнул головой.

- Мой брательник за водой пошел, - откликнулся в это время второй силач, снимая, таким образом, с Ференца ответственность и за это решение. - Щас вернется.

- Позови его, - потребовал офицер. - Не век же нам его тут дожидаться.

- Ти-больд! - рявкнул силач во всю мощь своих легких. - Тибольд, бросай свои ведра, иди сюда!

Локхарт оценил этот призыв - по "бросай свои ведра" Тибольд вполне мог сообразить, что зовут его вовсе не ради чего-то хорошего, и истолковать "иди сюда" в диаметрально противоположном смысле. Что, кстати, станут делать люди Хагентрауба, если один из артистов так и не покажется? Отправятся прочесывать окрестности? Или махнут рукой - "да черт с ним, поехали, без него управитесь!"? Если их действительно зовут всего лишь для развлечения графских гостей, логично ожидать второго. Но если это лишь предлог...

Однако эти размышления прервал треск веток в лесу, и вскоре на поляну медвежьей походкой вышел сам Тибольд с полными ведрами в обеих руках - бросать общественное

имущество он, очевидно, все же не стал.

- Чего это тут? - осведомился он с видом самым простоватым - типичный деревенский увалень, вся сила которого ушла в мускулы, минуя мозги. Но Локхарт сильно сомневался, что он и в самом деле так прост - как, впрочем, и каждый в этой труппе.

Тибольду объяснили, что артистов зовут выступить перед самим Хагентраубом.

- Прям щас, что ли? Это как же, мы же даже не обедамши? - силач кивнул на разожженный, но уже оставленный без присмотра костерок.

- Отобедаешь с графской кухни, - усмехнулся в ответ офицер. - Если заработаешь. Гасите огонь, не хватало нам еще пожара в графском лесу, и поехали.

Тибольд поставил одно из ведер на землю и опрокинул на костер второе; Люкас и еще двое уже поспешно запрягали коней в повозки. Пять минут спустя все уже были готовы. Об отсутствующем "Арчи" никто, конечно, не обмолвился ни словом.

Повозки тронулись, сопровождаемые конным конвоем. И вдруг со стороны только что оставленной поляны донеслось: "Эй, подождите!"

Всадники оборачивались, некоторые натянули поводья. Из фургонов выглядывали караванщики, узнавшие, разумеется, голос. Караван догонял де Сегюр.

- Ты еще кто? - неприветливо осведомился командир конников, подавая коня назад, чтобы рассмотреть его между фургонами (командир ехал справа от каравана, в то время как де Сегюр бежал слева)

- Я... с ними.

- А раньше где ты был?

- По нужде ходил, - огрызнулся граф. - Что, обязательно кричать об этом на весь лес?

- Ишь, какой стеснительный, - фыркнул офицер. - Он правда из вашей труппы? - крикнул он, обращаясь к остальным.

Несколько голосов откликнулись утвердительно.

- Что ж вы сразу не сказали, когда я спрашивал, все ли тут? - офицер явно понимал ответ на этот вопрос и лишь забавлялся, ожидая, как они будут выкручиваться.

- Так ежели он сам просрет свой заработок, нам больше достанется! - нашелся Хайнц.

Некоторые солдаты довольно гыгыкнули.

- Ладно, засранец, запрыгивай, - милостиво разрешил офицер.

Де Сегюр догнал свою вторую повозку и забрался внутрь. Он ничего не сказал и вообще сохранял профессиональную невозмутимость, и все же Локхарт явственно прочитал в его взгляде: "Знали бы эти средневековые скоты, что мой титул не ниже, чем у их хозяина - а род так и куда древнее!"

- Все же решили лично встретиться с Хагентраубом? - негромко спросил Локхарт.

- В конце концов, это моя работа, - ответил де Сегюр.

Локхарт подумал, что, даже услышь этот ответ солдаты, они бы решили, что речь о работе комедианта. Хотя полковник сомневался, что едущие снаружи могут их расслышать, он тоже предпочел избрать дипломатичную формулировку:

- Не говорите ему... ничего такого, что он не готов услышать.

Это означало - "если он действительно считает нас просто бродячими артистами, не раскрывайте, кто мы."

- Постараюсь доставить графу то удовольствие, на которое он рассчитывает, - кивнул де Сегюр.

Локхарт полагал - как, вероятно, и остальные - что они едут обратно к замку, но неожиданно повозки стали заворачивать влево. "Куда это мы?" - спросил он у артистов, но те понимали не больше, чем он сам. Полковник высунулся из фургона и увидел, что они свернули с главного тракта на узкую лесную тропку, где кавалеристы уже не могли сопровождать повозки по бокам - даже и сами фургоны здесь периодически цепляли за ветки брезентовыми боками - и

потому всадники и повозки вытягивались в единую длинную колонну, перемежаясь друг с другом.

- Куда мы едем? - крикнул Локхарт ближайшему из лучников (их офицер ускакал вперед). - Разве не в замок?

- Нет, - откликнулся тот.

- А где же мы должны будем выступать?

- Его сиятельство охотится со своими гостями.

- Надеюсь, не на людей, - пробормотал Локхарт, забираясь обратно в фургон. - Похоже, взглянуть на замок изнутри нам не удастся, - сообщил он де Сегюру.

Тот пожал плечами - мол, что поделаешь? - но, несомненно, был разочарован. Надежда найти в замке свидетельства в пользу своей гипотезы была одной из причин, по которой де Сегюр решил все же присоединиться к увозимым силой товарищам. Впрочем, тот факт, что в замок не пускают посторонних - даже и артистов, которых желает видеть сам же Хагентрауб - тоже мог быть косвенным свидетельством, что что-то за этими могучими стенами нечисто. Хотя это могло быть и обычной предосторожностью против шпионов или и вовсе случайным совпадением.

Если тракт, даже и проходя через лес, шел более-менее ровно с востока на запад, то теперешняя тропа то и дело петляла, огибая буреломы, болотца и бочаги, так что вскоре уже никто из астронавтов не сказал бы с уверенностью, в каком направлении они едут. Когда-то они знали свое положение в пространстве в любой момент и в любой точке Земли - но это было до того, как излучение инопланетного спутника выжгло их импланты. Теперь же, даже выглянув наружу, они не увидели бы никаких ориентиров - небо, ясное с утра, затянуло тучами, и мутно-серый свет, пробивавшийся сквозь листву над головой, не давал представления ни о солнце, ни о Кольце. В чаще царил сырой полумрак; время от времени под колесами чавкала вода или хрустела упавшая ветка. Графские лучники молча ехали вперед; в повозках тоже как-то затихли все разговоры, и вся процессия в целом менее всего походила на комедиантов, едущих кого-то веселить. Казалось, этот путь обречен закончиться скорее у какого-нибудь жертвенного камня, нежели у охотничьего бивака.

Однако в итоге тропинка вывела их к большому и крепкому бревенчатому дому посреди леса, который, впрочем, больше походил на небольшой форт, чем на охотничий домик. Графы Хагентраубы определенно всерьез относились к своей безопасности даже во время развлечений. Повозки въехали в огороженный частоколом двор, сгрудившись между оградой, основным зданием в два этажа и длинным сараем конюшни; вышедшие навстречу слуги принялись сноровисто распрягать лошадей. Почуяв чужих, залаяли невидимые отсюда собаки. То, что коням бродячих артистов нашлось место на графской конюшне - вероятно, и с сопутствующей порцией овса - следовало, конечно, воспринимать как большую честь, но одновременно это означало, что уедут отсюда они не раньше, чем им будет позволено. В чем, впрочем, и так не было сомнений.

Встречать артистов вышел седой, но крепкий человек в черно-красном котарди, чья выправка почти наверняка указывала на военное прошлое.

- Все, что годится на роль оружия, оставляйте здесь, - распорядился он. - Никаких номеров с ножами, стилетами и всем подобным, никакого жонглирования гирями, никаких фокусов с огнем.

- Разумеется, - кивнул Ференц. - Ничего, что могло бы потревожить его сиятельство или его гостей. Комические куплеты, баллады, простые безопасные фокусы и все такое. Но, должен заметить, не все из нас специализируются на таких номерах, а некоторые вообще не артисты, а лишь заботятся о реквизите, пропитании и лошадях. Прикажете заходить лишь тем, кто будет выступать?

Графский распорядитель - или кем он там был - окинул взглядом не такую уж маленькую

компанию из семнадцати человек, дюжина из которых были мужчинами. Локхарт на его месте не стал бы пускать такое количество незнакомцев внутрь без тщательного обыска каждого... а возможно, даже и после такового. Много ли нужно времени человеку ловкому и тренированному, чтобы схватить какой-нибудь нож со стола или вертел из очага... Однако седой ответил:

- Заходите все. Его сиятельство щедр, и охота была удачной.

С другой стороны, подумал Локхарт, ведь это не мы к нему напросились, а наоборот. Довольно странно ожидать, что в составе каравана, спокойно ехавшего мимо, окажутся убийцы, злоумышляющие против графа...

А не собираются ли нас в очередной раз подставить, мелькнула новая мысль у Локхарта, пока он вместе с остальными поднимался по деревянной лестнице из просторных сеней на второй этаж. Может быть, здесь готовится какая-то бойня - или заговор против графа, или, напротив, он сам желает прикончить кого-то из своих гостей. А обвинят во всем нас - поэтому и нужны были первые попавшиеся на дороге козлы отпущения, и чем больше, тем лучше... Но пути назад уже в любом случае не было.

Лестница привела их в большую прямоугольную комнату - скорее даже залу. Сквозь узкие окна, больше похожие на бойницы, проникало не так уж много света пасмурного дня, даже витые свечи в громоздких кованых канделябрах на столах не полностью развеивали полумрак. На стенах чередовались охотничьи трофеи - головы серых и черных волков, огромных клыкастых кабанов и даже медведей гризли ("неужели и они тут теперь водятся?", подумал Локхарт), гобелены со сценами охоты и вертикальные, во всю высоту стены, черно-красные знамена. Потолка не было вовсе - вместо него высоко над головами скрещивались тяжелые балки, а над ними уходили во мрак крутые скаты пирамидальной крыши. Но не это было самым примечательным. С трех сторон вдоль стен шел широкий помост, на котором стояли столы, оставляя проход позади - или, скорее, три помоста разной высоты. Самый высокий, напротив входа - и он же самый короткий - очевидно, предназначался для Хагентраубов и их почетных гостей. Из двух параллельных помостов слева и справа от него выше был тот, что по правую руку от хозяина; сюда сажали гостей попроще, а также егерей и дружинников в ранге выше простого солдата. Наконец, самый низкий помост служил, по всей видимости, для челяди - в большом замке ей, возможно, и не дозволялось есть в одном зале с господами, но здесь, в охотничьем доме, порядки были более демократичными (ныне, однако, стоявший здесь стол был пуст - то ли теперешний Хагентрауб не разделял заведенных предками демократических традиций, то ли сегодняшние застольные разговоры не предназначались для холопских ушей). Но даже и этот помост возвышался над полом достаточно, чтобы вошедшие чувствовали себя, словно на дне ямы, где даже последний графский псарь или поваренок может взирать на них свысока - не говоря уже, разумеется, о хозяевах. Даже голова Вельо, подойди он вплотную к графскому столу, едва приподнималась бы над столешницей.

Локхарт подумал, что это не только способ "поставить на место" всякого визитера - а входили сюда, наверное, не одни лишь призванные для развлечения комедианты - но и остроумная мера безопасности: нанести удар сидящим за столами из такой позиции невозможно, и даже брошенный снизу вверх нож скорее попадет либо в стол, либо в стену над головой сидящего. Никаких явных охранников в зале, куда только что пустили семнадцать незнакомцев, видно не было, но полковник не сомневался, что сидевшие за вторым столом вполне способны постоять за себя и своего сеньора - или сеньоров. Как, наверное, и сами эти сеньоры; взгляд Локхарта, быстро обежав помещение, сосредоточился на людях, сидевших за главным столом. Их было шестеро, все, вполне предсказуемо, мужчины, ни один из них, вероятно, не моложе сорока, и выглядели они, в общем, так, как в представлении полковника и должны были выглядеть пирующие средневековые феодалы: усатые и бородатые (гладко выбрит был лишь один из них, сидевший ближе к левому краю), с прическами, более похожими на копну (у одних

гладкую, у других довольно-таки растрепанную - но это, по всей видимости, определялось естественным типом их волос, а не искусством цирюльника), облаченные - насколько можно было разглядеть поверх стола - разумеется, не в доспехи и не в какие-нибудь расфуфыренные придворные одеяния, а в простые кожаные и замшевые куртки. На столе перед ними - так же, как и перед менее знатной публикой по правую руку от них - были довольно беспорядочно расставлены кувшины и блюда с яствами; судя по тому, что на некоторых блюдах громоздились лишь кости и объедки, пирушка шла уже давно. На самом большом блюде посередине господского стола покоился наполовину объеденный скелет кабана - не столь гигантского, как былые обладатели взиравших со стен голов, но и явно не поросенка. Неужели шесть человек могли съесть столько мяса, подумал Локхарт почти с восхищением. Нет, скорее кусками с хозяйского стола здесь жалуют и публику попроще... Который все же из них Хагентрауб - третий слева или третий справа? Пожалуй, Локхарт поставил бы на второго - у того, стриженного короче прочих, было резкое и грубое лицо старого рубаки, с квадратной челюстью, седыми висками и стальным взглядом, с каким не хочется встречаться даже союзнику, не говоря уже о враге. В то же время это не было лицо тупого громилы - оно определенно принадлежало человеку неглупому и оттого лишь более опасному. Из таких выходят хорошие генералы и скверные правители.

- Артисты, ваше сиятельство, которые будут счастливы развлечь вас, - доложил встретивший их внизу.

- Что - все сразу? - иронически осведомился не тот, на кого подумал Локхарт, а его сосед слева. Черты его лица определенно отличались бо́льшим изяществом: высокий гладкий лоб, узкий прямой нос, тонкие губы, мягко очерченный подбородок. Лишь глаза, слишком глубоко посаженные, практически невозможно было разглядеть; при таком освещении глазницы графа казались темными омутами. В черных, как смоль, и довольно длинных волосах не было ни намека на седину. Локхарт даже подумал, что борода и усы заставляют Хагентрауба выглядеть старше, чем он есть, но тут же вспомнил, что граф едва ли может быть моложе Дармонта, начинавшего службу под его знаменами.

- Нет, ваше сиятельство, не все из нас будут выступать, - поклонился Ференц, - но ваши слуги были столь любезны, что от вашего имени пригласили нас всех без исключения.

Де Сегюр позволил себе чуть улыбнуться, оценив шпильку. Жаль, правда, что оскорбивший его офицер остался внизу и не слышал, как его обозвали простым слугой, да еще и слишком много себе позволившим.

- Они следовали моему приказу, - спокойно ответил Хагентрауб, желая, как видно, подчеркнуть, что без его воли ничто не совершается в его владениях. В чем именно состоял приказ - найти каких-нибудь артистов? привезти именно тех комедиантов, что проехали мимо замка? может быть, задерживать всех путников на тракте? - он, конечно, не конкретизировал. - Пусть же те из вас, кто будет выступать, стараются за двоих, тогда угощение получат все.

О деньгах он не упомянул, но Ференц пружинистым шагом выступил вперед и застыл на несколько мгновений, разведя руки - все прочие тем временем выстроились в два ряда у него за спиной - а затем начал читать традиционное вступление:

Почтенная публика, добрые господа!
Сегодня наш путь привел нас сюда,
И мы будем счастливы дать представление
Только для вашего увеселения!

Мы ветер над полем, мы рябь на воде,
Сегодня мы с вами, а завтра мы где?
Мы облако в небе, мы пух на ветру -

Ловите момент! Мы исчезнем к утру...

Закончив читать, он низко поклонился, широким артистическим жестом поведя рукой; за ним поклонились и остальные, в том числе, нехотя, астронавты. Лишь теперь, вынужденно опустив глаза к полу, Локхарт заметил то, на что не обратил внимания сразу. Через весь пол, окаймленный помостами, шла щель, делившая его пополам; а быстро стрельнув глазами по сторонам, полковник увидел и металлические петли, подобные петлям больших ворот, у оснований левого и правого помостов. Выходит, Хагентрауб позаботился о своей безопасности - и, возможно, не только о ней - куда серьезней, чем показалось Локхарту в первый момент. Весь пол в обрамленной помостами части помещения представлял собой гигантский двустворчатый люк! И стоит кому-то - самому ли графу или начальнику его охраны - дернуть скрытый рычаг, как все, кто стоят на этом люке, полетят вниз, словно висельники в вестернах. Правда, падение едва ли будет смертельным, высота здесь метра четыре - маловато, чтобы убиться, но достаточно, чтобы поломать кости. Хотя кто знает, что там, внизу. Может, вовсе не пол первого этажа, а яма с кольями на дне.

И до самого конца представления все артисты должны были оставаться на этом ненадежном полу. (На тяжесть какого числа человек он вообще рассчитан, и не могут ли створки распахнуться случайно - или же просто потому, что хозяину что-то не понравится? Пожалуй, никогда еще понятие "провал" не наполнялось для труппы столь буквальным смыслом.) Выступавшие выходили на середину залы, остальные должны были стоять возле стены, через дверь в которой вошли (но едва ли кто-то успел бы допрыгнуть до двери или одного из помостов, если бы пол под ними и впрямь рухнул). Первым номером выступили Ференц, Клара и Готфрид, исполнив под лютню (или мандолину - Локхарт так и не разобрался в этом вопросе) довольно-таки скабрезные "комические куплеты"; затем на середину зала вышли двое акробатов, крутанули с места заднее сальто навстречу друг другу и под разухабистый аккомпанемент все того же инструмента лихо станцевали на руках, периодически встречаясь ногами в воздухе и звонко стукая при этом подметкой о подметку; потом Лучиано показывал фокусы - возможно, даже слишком хорошо, ибо рубака с квадратной челюстью заметил вслух: "Не люблю, когда меня дурят у меня же на глазах!" Возможно, это следовало счесть шуткой, но Лучиано счел за благо поспешно закруглить выступление и уступить площадку девушке по имени Гертруда, которая демонстрировала чудеса гибкости, кладя ступни себе же на плечи и изображала то змею, свивающуюся в кольцо, то кошку, чешущую ногой за ухом; из-за второго стола в ее адрес прозвучало несколько не особо пристойных комплиментов и предложений, но Гертруда никак не показала, что слышит это. Потом, словно желая придать происходящему более возвышенный лад, вперед вновь выступила Клара - на сей раз с Люкасом, у которого оказался неожиданно красивый голос - и они исполнили дуэтом длинную сентиментальную балладу.

Чем дольше Локхарт смотрел и слушал выступления, тем более он убеждался, что причин для беспокойства нет. Хагентрауб, по всей видимости, действительно пригласил их просто как артистов без всякой задней мысли. Допрашивать с пристрастием каждого относительно его биографии и обязанностей в труппе никто, похоже, не собирается, гости выглядят вполне довольными предложенной программой, даже сам Хагентрауб, в основном хранящий холодный вид, иногда позволяет себе слегка улыбнуться. Так что, если только механизм открытия пола-люка не сработает самопроизвольно... но, в конце концов, скольких визитеров он уже выдержал...

И вдруг, коротко перемолвившись с Ференцем - но не с Локхартом - вперед вышел де Сегюр. Коротко и с достоинством поклонившись Хагентраубу и его гостям, он начал читать стихи:

Смотрите, как тянется берег наш, длинный язык земли -
Его осушили наши отцы и стены плотин возвели.
Отбросили море на лигу вспять. Но ныне отцы мертвы.
Мы в мире под сенью плотин рождены, но мир наш кончен, увы.

Вдали прилив на плотины ползет, все пробуя пенным ртом.
У шлюзных ворот обгрызает края и гложет стены кругом,
Гальку несет назад и вперед, песок смывает, бурлив...
Мы ж слишком от берега далеки, чтоб знать, что творит прилив.

И мы с неохотой идем взглянуть и сбросить обузу с плеч:
Ведь это - плотины наших отцов, ни разу не давшие течь.
Чего нам бояться? В прошлом штормов хватало, в конце концов;
Мы только посмотрим, как там стоят плотины наших отцов.

А над болотом, где каждый дом порознь к земле прижат,
Измученный, жалкий и тусклый блеск струит, умирая, закат -
Ветер на запад унес искру, уголь в золе погас...
Мы отданы ночи и морю во власть, и море идет на нас!

Скотина в низине ревет у моста, сбиваясь возле дверей,
Разбужена шумом бегущих ног и вспышками фонарей.
Сбивайте засовы, спасайте скот, выпускайте на волю стада!
Низины тонут на наших глазах, отовсюду хлещет вода.

И в девять раз выше гребня плотин встают буруны во мгле.
И пена их - море, но море уже беснуется на земле.
Морской табун копытами бьет и сушу зубами рвет,
Покуда и берег, и дрок, и мостки не скроются в бездне вод.

Велите топливо людям собрать, масло, паклю, смолу.
Огонь, а не дым, будет нужен нам, коль рухнут плотины во мглу.
Пусть с колоколен люди следят (как знать, что покажет заря?) -
Гремящий колокол наверху, веревка в руках звонаря.

Да, все, что осталось - лишь ждать зари, на всех поделив свой стыд.
Отцы завещали плотины нам, но нами завет был забыт.
Нас предупреждали не раз и не два, но мы были хуже слепцов,
И вот - мы сгубили наших детей и предали наших отцов.[7]

Когда де Сегюр закончил, на некоторое время в зале воцарилась тишина.

- Дерзкие стихи, комедиант, - произнес, наконец, Хагентрауб.

- Автору нечего опасаться, ваше сиятельство, - спокойно ответил де Сегюр. - Он умер несколько столетий назад.

- Автору, может быть, и нечего, - согласился хозяин дома и всех окрестных земель.

- Я позволил себе избрать стихи, достойные великого правителя, а не куплеты, которыми веселят пьяную чернь, - произнес де Сегюр столь же хладнокровно. - Разве я был неправ?

---

[7]Р. Киплинг, перевод Ю. Нестеренко и Э. Горлина.

- Кого ты хочешь обидеть больше, - усмехнулся Хагентрауб, - моих гостей или своих товарищей?

- Никого, ваше сиятельство. Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до неба не подняться.

- Твой язык хорошо подвешен, но мы собрались здесь развлекаться, а не выслушивать мораль.

- Как и те, о ком шла речь в стихотворении, ваше сиятельство.

"Что он делает?! - подумал Локхарт. - Этот феодал сейчас прикажет его повесить... и нас всех заодно!"

Хагентрауб молча налил себе вина из кувшина и поднес серебряный кубок к губам. Не торопясь, сделал несколько глотков. Все молчали, ожидая его реакции.

- Что ж, - сказал он наконец, - мне нравится твоя смелость. Иногда полезно выслушать от бродячего комедианта то, что не решаются сказать собственные советники. Полезно, разумеется, не столько для меня, сколько для них, - граф улыбнулся тонкими губами; фраза явно имела конкретных адресатов в этой зале. - Прочти еще что-нибудь.

- Как будет угодно вашему сиятельству, - де Сегюр поклонился все с тем же холодным достоинством, как равный - равному (коими два графа по сути и были). - Из того же автора:

Человек из-под земли нас откопал
И расплавил в огненной печи,
Дал нам блеск, и форму, и закал,
По размеру обстрогал и обточил.

Дайте воду нам и уголь в срок.
Смажьте маслом - и пустите в ход.
Выполнять мы будем свой урок
Дни и ночи, дни и ночи напролет.

Мы послушны человеку, но заметь:
Нам чужда ошибка или ложь.
Ни прощать мы не умеем, ни жалеть -
За один случайный промах ты умрешь!

Мы сильнее, чем и нация, и царь -
Припадай с почтеньем к нашим рычагам!
Мы способны изменить любую тварь,
На земле мы уступаем лишь богам.

Но, хоть дымом можем скрыть мы небеса,
Звездным светом озарится снова тьма;
Несмотря на нашу мощь и чудеса,
Мы - не больше чем творения ума![8]

- Уж не с тлукаляханского ли это перевод? - иронически осведомился единственный гладковыбритый. - Богам во множественном числе поклоняются там.

- Нет, мой лорд[9], - ответил де Сегюр, - автор этих строк даже не слышал о Тлукаляхане.

---

[8]Р. Киплинг, перевод С. Маршака и Ю. Нестеренко (оригинальное стихотворение значительно длиннее).

[9]Именно вариант "мой лорд/моя леди" является правильной английской формой обращения. "Милорд/миледи" - это французское искажение.

- А ты сам?

- Я - всего лишь артист, странствующий по свету, и мне доводилось бывать очень далеко. В Тлукаляхане я, впрочем, не бывал, так что прошу простить, мой лорд, если вы ждете вестей оттуда, - это была, разумеется, еще одна дерзость, но она заслужила благосклонные смешки соседей гладковыбритого, хотя сам он сердито надулся. - Зато я могу доносить голос мертвых до ушей живых. И я полагаю, что для того, чтобы исполнить волю и доставить удовольствие графу Хагентраубу, мне нет нужды получать разрешение архиепископа.

Вновь послышались смешки. Его высокопреосвященство Фабиаса здесь определенно не жаловали.

- Красиво говоришь, - произнес Хагентрауб не без иронии в голосе. - Я бы даже мог взять тебя в свою свиту, но у тебя уже есть работа, а доверять лицедею почти так же неразумно, как доверять женщине, - граф допил вино из кубка и, после короткой паузы, поднялся из-за стола. - Пожалуй, я сыт, - объявил он, не уточняя, имеет он в виду еду или представление. - Можете продолжать без меня. Комедиантам подать мяса и вина и заплатить, как обычно, а затем проводить до тракта, - граф прошел направо по помосту и вышел через дверь в углу, почти незаметную в полумраке.

Появились слуги, указавшие артистам места на самом низком помосте. Здесь, в отличие от двух других, не было ни кресел, ни стульев - лишь грубо сколоченная деревянная скамья во всю длину стола, на которую с трудом втиснулись семнадцать человек. Еда, которую им подали, в буквальном смысле оказалась с графского стола - тот самый недоеденный кабан и несколько раздербаненных птиц (фазанов? тетеревов? куропаток?), у которых разборчивые лорды съели грудки, но оставили все остальное. Сами лорды, несмотря на приглашение Хагентрауба "продолжать", один за другим покинули залу вскоре после хозяина дома - впрочем, они действительно, должно быть, уже наелись до отвала, да и развлечений больше не ожидалось; следом за каждым из них выходил и кто-нибудь из-за другого стола, и Локхарт подумал, что это, скорее всего, их телохранители. Несколько человек за вторым столом все же осталось, но на артистов напротив они демонстративно не обращали внимания.

Хотя, разумеется, на костях и мясе не было следов зубов, а только лишь ножей (впрочем, лорды не стеснялись отрывать мягкие куски и руками), Локхарт и де Сегюр не могли отделаться от неприятного ощущения, что им подали объедки, и если полковник все же пересилил себя, то граф, убедившись, что за ним не наблюдают, почти не притронулся к еде. Остальные астронавты - не говоря уже об артистах - оказались не столь щепетильны; Вельо уплетал за двоих, что было вполне естественно при его габаритах, Шрамм хищно вгрызался в мясо, не обращая внимания на жир, стекающий по подбородку, а затем хлебал большими глотками красное вино, словно это была вода; прежняя идейная трезвость явно была забыта (впрочем, как убедился не любивший алкоголя, но все же пригубивший единственное поданное им питье Локхарт, вино крепким не было - по всей видимости, его и впрямь изрядно разбавили водой). Но долго пировать им не дали; вошел еще один слуга и известил артистов, что их кони готовы в путь, дав тем самым понять, что графское гостеприимство на этом закончилось.

Дожевывая на ходу - а кое-кто без особого стеснения прихватил большие шматки мяса с собой - труппа гурьбой спустилась вниз. Плату Ференцу вручили уже на улице - три золотых монеты. Судя по его реакции, это и впрямь было щедро. Локхарт тоже был доволен, но не платой, а тем, что они, кажется, благополучно унесли отсюда ноги. Де Сегюр, напротив, явно был неудовлетворен, и вовсе не потому, что Ференц, прежде чем лезть в свою повозку, бросил на него весьма колючий взгляд (хотя и не стал ничего говорить в присутствии людей Хагентрауба); даже когда фургоны тронулись, дипломат несколько раз выглядывал наружу в сторону охотничьего дома, словно ожидая, что Хагентрауб опомнится и пошлет за ним гонца. Однако владыка здешних земель, по всей видимости, совершенно потерял интерес к комедиантам, и даже обратно до тракта их сопровождал не прежний отряд во главе с офицером, а всего лишь

пара рядовых лучников.

Зато Локхарту было что сказать своему подчиненному - который сам недавно признал этот статус - но он не мог затевать этот разговор в присутствии артистов, ехавших в том же фургоне. Пришлось ждать, пока караван не добрался сперва до тракта (здесь лучники их оставили, проводив взглядами удаляющиеся по тракту фургоны, а затем развернулись и скрылись в лесу), а затем и до поляны, где им не дали сделать привал в первый раз. До темноты оставалось еще часа полтора, но ехать дальше смысла не было - до следующего удобного места стоянки, где Ференц изначально планировал заночевать, они бы теперь добрались только ближе к утру. Вместо этого предводитель труппы решил выехать пораньше, задолго до рассвета - как-никак, они действительно торопились на коронацию, и несколько потерянных ими часов надо было как-то наверстывать.

Выбравшись наружу, Локхарт поманил де Сегюра за собой. У него мелькнула мысль, надо ли позвать остальных для общего обсуждения, или разумнее ограничиться разговором с глазу с глаз, и он поймал себя на том, что еще недавно не задумался бы об этом. Они знали друг друга восемь лет, считая предполетную подготовку, а в течение последних трех с лишним лет ни у одного из них в буквальном смысле не было никого ближе во Вселенной, чем остальные четверо. Тем не менее, близкими друзьями они так и не стали. Локхарт был уверен, что никакая фамильярность между командиром и подчиненными недопустима - причем в критических условиях недопустима в особенности, да и потребности в таковой не испытывал. Неизменно доброжелательный Якобсон, со своей стороны, тоже придерживался точки зрения, что в ситуации, в которой они оказались после кэйлианской катастрофы, ровные отношения всех со всеми лучше близкой дружбы, которая не может быть всеобщей, а стало быть, будет не объединять, а разделять их группу и потенциально провоцировать конфликты типа "двое против троих". Вежливый и рассудительный, тщательно избегавший любых конфронтаций де Сегюр, казался, тем не менее, воплощением своей профессии, той самой, где "нет ни друзей, ни врагов, а есть лишь вечные интересы". Что и неудивительно, ведь он был в своей области одним из лучших на Земле - как, впрочем, и все они, оборотной стороной чего была неизбежная профессиональная деформация, или "профессиональная оптимизация", как деликатно именовал это Якобсон. Шрамм был влюблен... влюблен во все, что летает; люди же интересовали его постольку-поскольку. Да, он готов был пожертвовать собой ради спасения своих пассажиров - что в итоге и сделал; но жертвовать собой и дружить - это не одно и то же. Хотя, возможно, они и могли бы сойтись с Локхартом - во всяком случае, и по темпераменту, и по сфере интересов эти двое были ближе друг к другу, чем остальные - если бы не принципиальная дистанция, которую держал командир (а Шрамм отнюдь не стремился нарушить). Вот разве что темпераментный Вельо охотно подружился бы с кем-то, подобным ему по характеру - однако среди выживших таких не было.

И тем не менее, уже более трех лет любой вопрос, касавшийся их группы, они обсуждали впятером - несмотря на то, что окончательное решение, разумеется, было за командиром. Разве что план аварийной посадки Локхарт и Шрамм сначала разработали вдвоем, как профессионалы - но и об этом плане и сопряженных с ним опасностях (по крайней мере, о большей части таковых) они затем честно известили остальных, не отделываясь отговорками типа "доверьтесь нам, мы знаем, что делаем"...

Но прежде, чем Локхарт успел принять какое-либо решение, к ним двоим быстрой походкой подошел Ференц.

- Я обещал доставить вас в Дракенхайм и заботиться в пути о вашей безопасности, насколько это будет возможно, - сердито произнес он, - но не в том случае, если вы сами будете этому мешать.

- В чем дело? - холодно удивился де Сегюр. - Разве мы плохо заработали? И разве ты сам не согласился на то, чтобы я в этом поучаствовал?

- Я думал, что ты прочитаешь самые обычные стихи для развлечения публики. Какую-нибудь любовную канцону или, еще лучше, героическую балладу. А не будешь делать одному из самых опасных людей в этих краях, если не вообще в стране, всякие политические намеки, которые могут ему и не понравиться. Если тебе охота вступать в подобные дискуссии, то, пожалуйста, без меня и без моих людей.

- Ну что значит "не делать намеки", - пожал плечами граф. - При желании их можно усмотреть в чем угодно. Вот вы с Кларой и Готфридом пели куплеты про старого мужа, молодую жену и любовника. А вы уверены, что ни для кого в зале - может быть, даже и для самого Хагентрауба - это не было животрепещущей темой?

- Ты, Арчи, или как тебя там на самом деле - хотя я этого не знаю и знать не хочу - не делай вид, будто не понимаешь, что я имею в виду.

- А что я, собственно, такого сказал? Всего лишь назвал его великим правителем, на что он вряд ли обиделся. Ну и напомнил об опасностях, грозящих Айринтии, и о том, что слава и деяния предков не спасают от проблем дня сегодняшнего.

- Вот только Хагентрауба нам и не хватало для их решения, - оскалился Ференц. - Слышал поговорку "не буди лихо, пока спит тихо"?

- Так тебя не устраивает не сам факт, что я поднял политическую тему, а то, что я поднял ее именно перед Хагентраубом? Чем же он так плох?

- Тем, что у меня другой наниматель, - огрызнулся Ференц. - Я не могу работать на одного, если порученные им мне подопечные работают на другого. Во всяком случае, если такое заранее не оговорено в контракте.

- Я не работаю на Хагентрауба, если ты об этом. Если бы я - мы все - это делали, нам едва ли понадобилась бы твоя помощь, чтобы пересечь его земли. Так... слегка прощупал его, не более чем.

- Я не собираюсь с тобой спорить, - отрезал Ференц. - Ни с тобой, ни с твоим... хозяином, - он посмотрел на Локхарта, хотя, вполне вероятно, имел в виду не его, а кого-то повыше. - Либо мы вместе едем в Дракенхайм, и вы - вы все! - ведете себя тише воды, ниже травы, и ни во что не вмешиваетесь. Либо вы идете своей дорогой, а мы едем своей.

- Мы едем, как ехали, - поспешно сказал Локхарт. - Я прошу прощения за выходку моего человека. Я не давал ему на это разрешения и сам как раз собирался его отчитать.

Ференц посмотрел на него внимательным взглядом. Затем - на де Сегюра, который невозмутимо произнес: "Мне жаль, что между нами возникло недопонимание. Больше такого не повторится."

- Ладно, - буркнул Ференц, вновь переводя взгляд на полковника. - Будем считать, что мы поняли друг друга. Потому что там, где слова не работают, в ход идут... другие методы, - он повернулся и пошел прочь.

- Между прочим, я действительно собирался высказать вам то же самое, - сказал Локхарт, едва одни отошли на край поляны подальше от фургонов.

- Он не клюнул, - произнес де Сегюр словно бы про себя. - Жаль.

- Ференц?

- Ференц - простой наемник, не имеющий никакого значения, - пренебрежительно отмахнулся граф. - Я о Хагентраубе! Я надеялся, что он как-то выразит желание переговорить со мной без свидетелей. Но увы.

- И на что он, по-вашему, должен был клюнуть? На ваши призывы спасать Айринтию?

- В первую очередь на стихотворение о машинах. Я внимательно следил за его лицом, но он ничем не показал, что эта тема ему интересна. Что он вообще понял, о чем речь.

- Вероятно, ваша гипотеза о хранилище под за́мком все же несостоятельна.

- Может быть. Или же он все-таки слишком осторожен. Хотя мне казалось, что он - игрок, а не собака на сене. И я дал ему понять, что мы можем возродить для него наследие предков и

научить управлять этой силой, которая без нашей помощи, в неумелых руках, останется смертельно опасной. Дал понять настолько ясно, насколько это вообще было возможно - не считая, конечно, признания открытым текстом.

- Что ж вы не признались? - усмехнулся Локхарт.

- Вы мне запретили.

- Хорошо, что вы об этом помните, - желчно произнес полковник. - А это стихотворение... вы ведь не сами его сочинили?

- Нет, конечно. Это Киплинг. Как и первое. Я увлекался им в юности, перечитал все его стихи в оригинале. Многое, как видите, еще помню...

Локхарту почудилась некая шпилька в том, что француз демонстрирует свое превосходство над ним в знании пусть и не американской, но, во всяком случае, англоязычной поэзии, и он недовольно произнес:

- Меня стихи никогда особо не занимали. Впрочем, это неважно. Почему вы вообще решили, что мы должны предлагать Хагентраубу свои услуги? Я помню вашу идею насчет того, чтобы никому не отказывать в предложениях сотрудничества и лавировать, пока возможно. Но Хагентрауб вам ничего и не предлагал. Вы сами решили напроситься. Даже не посоветовавшись со мной... и остальными!

- Советоваться нам, как вы помните, было некогда, - возразил де Сегюр. - С того момента, как нас прихватили в лесу, мы ни на миг не оставались без свидетелей. Иногда приходится действовать на свой страх и риск, чтобы не упустить шанс. Думаю, что и вам в вашей пилотской карьере доводилось принимать быстрые решения, не согласовав их с диспетчером...

- Это другое, - поморщился Локхарт, но де Сегюр продолжал:

- А что касается айринтийских раскладов... нам ведь не нравится ни один из претендентов на престол? - произнес он с усмешкой. - Элинор слаба и несамостоятельна, Арвик неопытен и необуздан, а возможно - и вовсе унаследовал материнское безумие, Бронгар вообще маньяк. Лучший выбор из трех зол - это найти четвертую альтернативу.

- У Хагентрауба нет прав на трон.

- Если Элинор - марионетка Фабиаса, то Арвик мог бы стать марионеткой Хагентрауба.

- Если верно то, что мы успели узнать о принце, он не потерпит над собой чужой власти. Это вам не кроткая девушка, воспитанная священником.

- Регент при безумном короле. Ну а дальше, как вариант, опять-таки брак с Элинор, которая не станет королевой, но чей сын от графа унаследует корону после смерти Арвика, который, как безумец, конечно, умрет холостым. При опять же регентстве Хагентрауба, если его сын к тому времени еще не будет совершеннолетним.

- Зачем так запутанно? - усмехнулся Локхарт. - Почему бы Хагентраубу не посвататься к ней сразу?

- Потому что сейчас они - враги, и она ему откажет. А вот если граф станет всесильным правителем, Элинор придется стать гораздо сговорчивее.

- Кстати, а кто вам сказал, что Хагентрауб не женат?

- Эта проблема решаема, - отмахнулся де Сегюр.

- Так, как с леди Агатой?

- Способы есть разные, - пожал плечами граф. - Любой брак можно расторгнуть. Если есть закон, мешающий этому... закон можно изменить. Особенно если ты регент.

- Как все сложно. Но главное - сам он, по вашей схеме, на трон так и не взойдет.

- Как вы справедливо заметили, у него нет на это прав.

- Почему бы ему просто не захватить власть силой и не короноваться явочным порядком?

- Тоже вариант, - согласился де Сегюр с видом бармена-виртуоза, которому вместо сложного коктейля из полудюжины ингредиентов заказывают неразбавленное виски. - Но, как я понял из вашего рассказа, в Айринтии ценят легитимность и считают важным сохранение

"крови Йоргела" в династии. Даже если ради этого ее придется пролить.

- И вы думаете, Хагентрауб не думал обо всем этом и без ваших подначек? Если, конечно, власть над королевством его вообще интересует, что, между прочим, не факт. Желание расширить привилегии своего рода еще не означает желания взвалить на себя ответственность за всю страну.

- Очень может быть, что и думал, - вновь согласился де Сегюр, игнорируя последнюю реплику. - но почему бы не предложить ему союз? Даже если у него нет никаких машин... а тем более если есть.

- Союз с кем? С бродячими комедиантами?

- Он сказал, что не доверяет лицедеям, - кивнул де Сегюр, - но это еще не значит, что он и в самом деле нас за них принял. Вполне возможно, что это был его ответ - мол, пришлите официального посла... или, по крайней мере, не прячущегося под маской, тогда будем разговаривать. Вообще-то не очень умно требовать соблюдения протокола в неспокойные времена... хотя с другой стороны, и риск самозванцев и провокаторов, конечно... Вы ведь обратили внимание на его слова насчет женщин?

- Думаете, он имел в виду Элинор?

- Кого же еще?

- Просто женщин, - пожал плечами Локхарт. - И просто лицедеев. Не за всякими словами стоит второй смысл.

- Возможно, - вновь не стал спорить де Сегюр. - Но, во всяком случае, я дал ему понять, что я не на стороне Фабиаса - и Элинор, соответственно.

- Хотя нас везут именно их люди. Вам, очевидно, пришлось бы их сдать, чтобы доказать свою лояльность Хагентраубу, - усмехнулся Локхарт.

- Я думал об этом, - невозмутимо подтвердил де Сегюр. - Если бы Хагентрауб показал свою заинтересованность...

- Ну, знаете! - возмутился полковник. - Это уже совершенная... - ему не хотелось бросать в лицо члену своей команды слова "подлость" или "гнусность", но он не представлял, как это можно назвать более мягко.

- Что? - не дождался определения де Сегюр. - Это просто наемники, которым за нас заплатили. Думаете, они поступили бы с нами лучше, если бы им это было выгодно?

- Уже поступили. Ференц предложил нам мирно разойтись и не более чем, если мы хотим играть на другой стороне.

- Угу, предложил, - усмехнулся граф. - "Вы идите, мы поедем." Что это значит на практике? Если бы мы сказали "ладно, мы уходим" - пешком посреди глухого леса, заметьте - чем бы это обернулось? Они бы убедились, что мы им больше не союзники, догнали бы нас на конях - которых ради такого случая можно было бы даже выпрячь из повозок - и прикончили бы без каких-либо свидетелей и помех.

- Это ваша паранойя, - не стал уже сдерживаться Локхарт. - Или, как сказал бы Якобсон, рационализация. С целью оправдать предательство людей, рискующих ради нас жизнью.

- То, что произошло в Хассенворте - тоже моя паранойя? - спокойно парировал де Сегюр.

Локхарт не нашелся, что ответить.

- Там в подземелье нас тоже должны были ждать люди, рискующие ради нас, - продолжал граф. - Которые должны были поменяться с нами одеждой и позволить арестовать себя вместо нас. Что они сделали на самом деле?

- Я так понял, их схватили, а вместо них нас поджидали гвардейцы...

- А я так понимаю, что ловушку нам устроили те самые люди. Поэтому Ильза спокойно заговорила с ними, как не стала бы говорить с чужаками и тем более с солдатами. Лишь потом она, должно быть, заметила прятавшихся в темноте гвардейцев, но было уже поздно.

Локхарт помолчал.

- "Нам чужда ошибка или ложь", - процитировал он после паузы. - Конечно, современные машины... то есть машины нашего времени имели многократные защиты от ошибок пользователя, тех самых случайных промахов. Но вот отношение ко лжи, полная несовместимость с нею - это то, что всегда привлекало меня в мире машин. Да, какой-нибудь прибор может выдавать неверную информацию из-за неисправности, но он никогда не будет делать этого преднамеренно. И любая машина, от простого штурвала с механическими тягами до суперкомпьютера, будет исполнять ровно ту команду, которую ты ей дал, а не строить предположения о том, что ты имел в виду на самом деле и как, соответственно, следует поступить, исходя из этого и еще из кучи фальшивых условностей. Если ты имел в виду не то, что выразил явно и четко - ты сам виноват и получишь соответствующие последствия. Вплоть до того, что не надо спрашивать "как дела?", если ты и в самом деле не хочешь услышать, как дела у твоего собеседника... И по этой же причине я всегда испытывал отвращение к политике.

- Тем не менее, теперь вы политический деятель, - констатировал де Сегюр. - По крайней мере как глава нашей группы.

- Снова хотите предложить мне отречься в вашу пользу? - неприязненно произнес Локхарт.

Ответить граф не успел (а возможно, и не собирался делать этого с только что воспетой полковником четкостью); к ним подошли Вельо и Якобсон.

- Ференц был недоволен? - проницательно осведомился врач.

Локхарт кратко пояснил, в чем дело, подчеркнув, что полностью поддерживает требование Ференца.

- Вот и правильно, - согласился Вельо. - По-моему, этот Хагентрауб - весьма малоприятный тип. Счастье еще, что мне не пришлось изображать перед ним силача...

- На вас не угодишь, доктор, - пожал плечами де Сегюр. - Напоминаю, что мы в средневековом королевстве. Настоящем, а не сказочном. Махатму Ганди вы здесь вряд ли встретите, а если бы и встретили - он был бы наихудшим кандидатом на власть в стране, которой грозят как внутренний хаос, так и внешние враги.

- Нет, я не хочу сказать, что он какой-то Темный Властелин из мультиков, - отступился Вельо, - уж во всяком случае, наверное, он лучше педофила-детоубийцы. Но уже хотя бы тот способ, которым он "пригласил" нас к себе... да, в итоге нас накормили и заплатили, но ведь можно же было позвать по-хорошему? Мы же свободные люди, а не его холопы!

- Здесь, похоже, вообще в моде подобный способ приглашения, - пробормотал Локхарт.

- Это средневековые понятия о праве и морали, - терпеливо повторил де Сегюр. - Это не мир XXI века, где даже уборщику говорили "сэр". Он - крупный феодал, стоящий лишь на ступеньку ниже короля, практически суверенный государь на своих землях. Через которые едут какие-то безродные артисты. Да, не его вассалы. Но в своих владениях он имеет право приказывать нам, как, скажем, генерал имеет право приказывать рядовому - не обязательно даже своему подчиненному, вообще любому рядовому, просто как старший по званию. Вы же не станете считать генерала злодеем только потому, что он не обращается к рядовому со словами "будьте любезны, сэр"?

- Наверное, вы правы, - вздохнул лингвист, - но если такой вот генерал без малейшего сожаления и колебания пошлет нас под пули - или что там теперь вместо, стрелы и копья - нам не будет легче оттого, что он делает это не по личной злобе, а исключительно из своих стратегических соображений.

- А где Шрамм? - предпочел сменить тему Локхарт.

- Кажется, он упросил Люкаса еще попрактиковаться, - улыбнулся Якобсон.

- Он делает успехи в фехтовании?

- Не мне об этом судить, но, кажется, да.

- А как ваша рука, доктор? Не лучше?

- Увы, - покачал головой Якобсон. - В моем случае, если какая-то ремиссия и возможна, то это произойдет не быстро. Успехи Шрамма, как я понимаю, объясняются не тем, что в его мозгу прорастают новые капилляры или нервы - на это требуется больше времени - а активизацией того, что уже было раньше, но как бы находилось под спудом.

"Угу, - подумал Локхарт. - Это как айсберг. Уничтожь верх, отними у человека половину интеллекта - и наверх всплывет то, что прежде находилось под водой. Хорошо, конечно, если это просто склонность и способность к фехтованию. Но что там еще, в этих глубинах..." Ему вспомнилось, как неприятно ел Шрамм. Раньше он никогда себе такого не позволял. Не то чтобы он отличался безупречно-ледяной вышколенностью прусского аристократа - коим никогда и не был - но в быту всегда был столь же аккуратен, сколь и в пилотировании. А теперь... теперь он просто жрал, называя вещи своими именами.

Да и Вельо, в общем-то, тоже не очень-то от него отставал, хотя его интеллект в порядке. Возможно, деградация ожидает всех нас, поврежден мозг или нет. Одно дело, когда доктор наук общается с другими докторами, и совсем иное - когда с варварами. Это даже хуже, чем те необитаемые острова, на которых дичали потерпевшие крушение моряки. Отрицательный пример хуже, чем никакого примера. Человеку свойственно перенимать образ поведения окружающих, и что хуже всего - перенимать бессознательно, это древний адаптационный механизм выживания. Физического выживания, которое может быть одновременно и гибелью личности...

С другой стороны, как же антропологи, годами жившие даже не в средневековье, а в первобытных племенах, и остававшиеся цивилизованными людьми? Хотя им, наверное, помогал как раз резкий контраст. Потенциальный барьер, культурная пропасть, которую нельзя преодолеть, не заметив. А эти люди - не голые раскрашенные дикари, они почти такие же, как мы. Почти, да. Человека от шимпанзе тоже отличает менее двух процентов генов... И кстати - у антропологов сохранялся хотя бы ментальный образ цивилизации, в которую они должны вернуться. А если бы они знали, что возвращение невозможно?

- Мы должны держаться вместе, - сказал Локхарт. - Что бы ни случилось.

Остальные, не знавшие хода его мыслей, посмотрели на него с удивлением.

- Мы ведь уже обсудили это, - мягко заметил Якобсон.

- Да. Но мало ли какие идеи могут возникнуть у кого-то в будущем. Разногласия на тему того, кого нам следует поддерживать... и, соответственно, искушение разбежаться по разные стороны здешних баррикад. Так вот мы не должны этого допустить. Даже если кто-то будет считать, что остальные неправы, он должен остаться с ними. Не потому даже, чтобы не воевать друг против друга. Просто это единственный способ остаться собой. Иначе этот мир нас сожрет и переварит.

- Вы все же хотите от нас клятвы верности? - улыбнулся де Сегюр.

- Я хочу, в первую очередь, осознания того, что я только что сказал. Тогда никакие формальные клятвы не понадобятся. Но если данное слово поможет, то я первым даю свое.

- И я, - охотно поддержал его Вельо.

- Я тоже, - сказал Якобсон.

- Ну, если вам так угодно, - туманно сформулировал де Сегюр.

Шрамм при разговоре не присутствовал, и Локхарт подумал, что позже надо взять слово и с него... но так и не сделал этого. Потому ли, что Якобсон утверждал, что бывший пилот и так будет теперь хранить лояльность, "как верный пес"? Или же потому, что на самом деле Шрамм уже куда больше принадлежал этому, а не прежнему миру?

Больше в этот день никто не потревожил караванщиков, а за три часа до рассвета они вновь тронулись в путь.

Кони, с равнодушной покорностью исполнявшие свою службу в любое время суток, шагали по ночному тракту через лес, погруженный в кромешный мрак - плотная низкая

облачность полностью скрыла все небесные источники света, включая Кольцо, и не отражала, в свою очередь, никаких огней с земли, как это было бы в более привычную астронавтам эпоху. На многие мили вокруг не было ни единого огонька, если не считать тусклых масляных фонарей, покачивавшихся в такт движению фургонов - у каждой повозки их было два, один спереди, подвешенный под первым ребром фургона практически над головой возницы, второй сзади внизу, на крюке, торчащем из заднего борта. Их свет лился через стеклянные грани во все стороны, а не конусом вперед, но хватало его, чтобы кое-как отвоевать у темноты лишь три-четыре метра. Впрочем, при невысокой скорости повозок, да еще и на абсолютно пустой дороге, больше и не требовалось.

Внезапно Клара, правившая первой повозкой - артисты занимали место возницы по очереди, и был как раз ее черед - натянула поводья, вслушиваясь и всматриваясь во тьму. Лучиано, подремывавший на козлах второго фургона, не заметил этого вовремя - но, поскольку его "мотор" имел собственные глаза, столкновения не произошло; лошади остановились сами, почти уткнувшись в задний фонарь первой повозки. Встали и остальные; послышались встревоженные голоса, спрашивающие, что случилось. Ференц вылез на козлы рядом с девушкой, задавая ей тот же вопрос.

Ответить Клара не успела - точнее, ответ уже не понадобился. Отдаленный звук и едва различимое движение во мраке, которые она уловила несколько мгновений назад, обернулись уже вполне отчетливым, стремительно приближающимся топотом копыт, и в круг света перед повозкой вылетел конь на полном скаку. Весь черный, он казался сгустком ночной тьмы, породившей и изрыгнувшей его навстречу каравану; в свете фонаря сверкнули лишь глаза, бронзовые кольца и пряжки сбруи и оскаленные зубы. Всадника не было.

Все произошло настолько внезапно и быстро, что никто из артистов, выглянувших из повозок - хотя многие из них обладали превосходной реакцией - не успел как следует разглядеть коня, не говоря уже о том, чтобы попытаться его остановить. Вороной промчался мимо фургонов так, словно за ним гнались адские демоны - или же он сам был демоном, преследующим грешную душу - и снова канул в черноту ночи. Собственные лошади караванщиков, напуганные пронесшимся мимо призраком, мотали головами и пятились; первая повозка сдвинулась назад, и горячее железное ребро фонаря коснулось ноги кобылы, запряженной во второй фургон. Та с резким ржанием отпрянула, тараня своим фургоном следующих лошадей и распространяя хаос и сумятицу дальше... В итоге последний фургон развернуло поперек, и он съехал задом с дороги, врезавшись в ствол дерева; висевший сзади фонарь разбился, и горящее масло потекло на древесную кору и устилавшую землю сухую хвою.

Тут уже реакция проявилась, как должно: сразу из нескольких повозок выскочили люди сбивать и затаптывать огонь, а сам фургон поспешно откатили обратно на дорогу, пока пламя не перекинулось на него. Дружными усилиями огонь удалось потушить прежде, чем он успел наделать бед. Лошадей успокоили, перепутавшуюся упряжь привели в порядок, фургоны вновь выстроили в походную колонну - но трогаться с места не спешили. Никто не знал, откуда взялся ночью в глухом лесу бешено несущийся конь без всадника - но всем было ясно: там, откуда он прискакал, едва ли случилось что-то хорошее.

К чести артистов, несмотря на весь зловещий антураж сцены, словно бы взятой из какого-нибудь рассказа Эдгара По, никто из них не стал строить суеверных предположений. Впрочем, и отпечатки подкованных копыт на озаряемой фонарями пыльной земле свидетельствовали, что черный конь не был призраком.

- Видимо, на кого-то напали недалеко отсюда, - высказал наиболее вероятную версию Готфрид. - Он не смог бы долго скакать так.

- Без всадника вряд ли, а вообще смог бы, - заметил Люкас. - Судя по тому, что я успел рассмотреть, это фриз. Одна из лучших рыцарских пород. На таком не станет ездить простой горожанин - и даже купец, который хоть и мог бы позволить себе это по деньгам, но предпочтет

лошадку посмирнее.

- Разбойники в лесу напали на рыцаря? - усомнился Лучиано. - Обычно они не наглеют до такой степени.

- Если он ехал не в доспехах, почему нет, - возразила Матильда. - Не всякому охота тащиться во всем этом железе.

- Если кто-то ехал ночью, у него, скорее всего, были основания опасаться нападения, - не согласился Хайнц. - Тем паче если он был один.

- То, что мы видели лишь одного коня, не значит, что с ним не было других лошадей и всадников, - заметил Ференц. - Мы просто не знаем, что с ними стало.

- Зато знаем, что стало с этим, - мрачно изрекла Клара. - Я видела кровь на седле.

- Ты уверена, что это кровь? - вновь усомнился Лучиано. - На такой скорости и в темноте ты вряд ли могла хорошо рассмотреть...

- Ну, значит, это было вишневое варенье, - раздраженно откликнулась Клара. - Что еще, по-твоему, это могло быть?

- И что нам теперь делать? - озвучила интересовавший всех вопрос Гертруда. - Ждать здесь до рассвета? Еще дольше? Мы же не успеем на коронацию.

- Если эти разбойники настолько круты, чтобы нападать на рыцарей, они и нам способны создать серьезные проблемы, - констатировал Ференц.

- Он может быть еще жив, - заметил вдруг Тибольд.

- Кто? - рассеянно переспросил Ференц, всматриваясь во тьму впереди.

- Ну этот рыцарь или кто он там. Может, ранен, но жив. И мы можем ему помочь.

- Это излишний риск, - возразил Ференц.

- Нас не так-то мало, - настаивал силач. - А он, может, и сам порубал половину разбойников, прежде чем его свалили с коня. Тем паче коли он был не один. А ежели мы спасем дворянина, то не только доброе дело сделаем. Нам это и на пользу пойти может...

- В самом деле, - поддержал его брат, - с каких это пор мы отказываемся от доброго приключения?

- С тех пор, как взяли на себя обязательство доставить кое-кого в Дракенхайм, - напомнил ему Ференц.

- Стоя тут посреди дороги и дожидаясь невесть чего, мы точно туда не попадем, - пробурчал Вельо.

- Вы умеете драться на мечах с лесными разбойниками? - ядовито осведомился де Сегюр.

- Проехать там нам так или иначе придется, - констатировал Локхарт. - Вопрос в том, когда. Если бой еще идет или только что закончился, я полагаю, разбойники предпочтут не связываться с новым противником, силы которого им будет трудно оценить в темноте. А вот если мы дождемся, пока рассветет... может быть, они перегруппируются и подготовят новую засаду. Тогда у них будет преимущество. Хотя может быть, что к этому времени они просто-напросто уйдут, удовлетворившись нынешней добычей.

- То есть если ждать, риск может стать и меньше, и больше, - резюмировал Тибольд. - Но нам важно, что в худшем случае он станет больше. Да еще и точно никого не спасем, и на коронацию опоздаем.

- Далась вам эта коронация, - пробурчал де Сегюр. - Ну приедем, когда гуляния будут уже в разгаре - что с того? Все равно же празднование, как я понимаю, за несколько часов не кончится.

- Три дня минимум, - подтвердил Лучиано, - но все хорошие площадки уже займут.

Несколько артистов высказались за то, чтобы ехать; кабы, мол, знать, что разбойники уйдут и когда они это сделают, тогда бы стоило подождать, а так уж лучше не терять время попусту.

- Что скажешь, Том? - спросил Ференц, давая Локхарту понять, что у того есть право

вето.

- Поехали, - кивнул полковник. В ситуации неопределенности оптимальная стратегия - не стремиться к возможному лучшему, а избегать возможного худшего. Интуитивно не очевидный вывод, который, однако, сразу сделал Тибольд, подтверждая прежнее мнение Локхарта, что этот силач вовсе не так прост.

- По фургонам, - скомандовал Ференц, и это прозвучало совсем по-военному. - И держите оружие наготове.

Повозки снова двинулись вперед. Люди вслушивались и всматривались в темноту ночного леса, но все было спокойно. Ни звуков далекого боя, ни мелькания факелов. Где-то протяжно заухал филин. Уж не сигнал ли? Нет, пожалуй, слишком в стороне от дороги...

Затем вдруг забеспокоились кони. Они прядали ушами, мотали головами и выражали явное нежелание идти дальше. Люди выглядывали из остановившихся повозок, но вокруг по-прежнему не было никаких признаков опасности. Наконец Люкас взял фонарь и со словами "прикройте меня" пошел вперед.

И почти сразу же впереди справа от дороги что-то влажно хрустнуло, а затем в темноте загорелись два желтых глаза. Потом рядом с ними - еще два.

- Это не разбойники! - крикнул Люкас. - Это волки!

- Выходите и зажигайте факелы! - гаркнул Ференц.

Артисты, не исключая и женщин, торопливо выбирались из фургонов. Впереди - спеша прикрыть Люкаса, но целясь в сторону леса - шли двое лучников (Локхарт даже не подозревал, что такое оружие есть в караване - вероятно, в репертуар труппы входили и чудеса меткой стрельбы). Прочие, помимо факелов, вооружались мечами, шпагами, ножами, бичами, получившимися из снятых поясов с тяжелыми пряжками на концах, палками и железными стержнями, которые использовались для возведения разборного шатра, помоста или декораций (последние у бродячих артистов чаще всего сооружались из ткани, натянутой на каркас). Топоры, вертел, рогатки, на которых подвешивали котелок над костром, тоже пошли в ход. Вытягиваясь цепью вдоль края дороги и наступая в сторону леса, артисты угрожающе размахивали факелами и орали во все горло: "Вон! Прочь! Убирайтесь!"; эту какофонию дополняли стук барабана, трезвон медных тарелок и немелодичные взвизгиванья флейт.

Неудивительно, что волки не приняли бой. Пару раз угрожающе рыкнув, они развернулись и убежали в лес. Это не была большая стая; в пляшущем свете факелов мелькнули, скрываясь в переплетении черных теней, лишь четыре или пять серых силуэтов.

Однако, прогнав пугавших лошадей хищников, караванщики не спешили вернуться обратно в повозки. Ференц и Люкас подошли к краю дороги, вглядываясь в лес.

- Они там что-то жрали, - убежденно заявил Люкас.

- Похоже на то, - согласился предводитель труппы и оглянулся на подошедшего к ним Локхарта, впервые в жизни державшего в руке горящий факел. - Пойдем глянем.

Полковник, в свою очередь, поманил за собой Якобсона, догадываясь, что именно они найдут в придорожных зарослях.

Его предчувствия оправдались. В нескольких метрах от дороги, среди забрызганной чем-то темным густой травы и подлеска, неверный свет факелов и масляного фонаря выхватил из мрака очертания трех растерзанных трупов. Зубы хищников превратили тела в мокрое багрово-серое месиво в окружении вырванных, жирно блестящих ошметков внутренностей и пропитанных кровью клочьев одежды; кое-где из этой массы торчали обгрызенные и обломанные кости. Хотя Локхарту, как и его товарищам, уже доводилось иметь дело с мертвецами - и после кэйлианской катастрофы, когда пятерым уцелевшим пришлось разыскивать и собирать мертвых и умирающих коллег по всему кораблю, и совсем недавно в сожженной деревне и в подземелье - нынешнее зрелище в сочетании с тяжелым запахом несвежей крови и начавшего уже гнить мяса заставило полковника с отвращением отвернуться.

Он тут же встретился взглядом с Якобсоном. Насколько можно было заметить в свете факела, тот тоже побледнел, несмотря на свою медицинскую степень - все же при его специализации ему никогда не приходилось видеть подобное. Тем не менее, видя реакцию Локхарта, доктор даже попытался пошутить:

- Подумываете о том, чтобы стать вегетарианцем, командир?

- Пожалуй, рассмотрю такую возможность, - буркнул полковник.

- Вот ведь странно устроен человек, - заметил Якобсон. - Кабан, которого мы ели только вчера, пребывал практически в таком же состоянии - ну, не считая, конечно, того, что его мясо не было сырым - однако вызывал у нас аппетит, а не отвращение. И лишь подобное зрелище заставляет нас...

- Их убили не волки, - прервал Ференц эту беседу.

Локхарт обернулся, заставив себя вновь взглянуть на мертвецов. Как бы сильно звери ни терзали и ни тормошили тела, было очевидно, что все три лежали рядом в одинаковых позах - на спине, вытянувшись ногами к дороге. Явно не там, где упали, а там, куда их оттащили и бросили. Опознать их было невозможно - лица двоих были объедены практически до кости, а у третьего... у третьего попросту не было головы. И ровный срез шеи с перерубленным посередине белым позвонком явно свидетельствовал, что никакой волк, даже самый крупный и свирепый, тут ни при чем. Голова была отрублена или отрезана человеком.

- И это явно случилось не полчаса назад, - продолжал Ференц.

- Откуда же взялся конь? - спросил Локхарт. - Или, может быть, одно совершенно не связано с другим? Или это первые жертвы разбойников, а владелец коня попал в засаду уже позже?

- У волков было достаточно времени попировать, так что никакой второй засады здесь не было, - возразил Ференц. - Думаю, конь ускакал от убийц и какое-то время бродил до лесу, а потом вернулся на то место, где расстался с хозяином. И вот тут его уже напугали волки.

Подходили другие караванщики; некоторые сразу отворачивались или уходили, но другие, напротив, оставались стоять со своими факелами, с мрачным видом разглядывая открывшуюся сцену. Вельо был среди тех, кто отвернулся, но остался стоять поблизости, полагая, вероятно, что лучше уж держаться вместе; Шрамм некоторое время с задумчивым видом рассматривал трупы; де Сегюр, уже наслышанный о страшной находке, так и не решился приблизиться, уверенный, что ему расскажут все, что имеет значение.

- Кто-нибудь видит его голову? - спросил Ференц. - Если ее отрубили в схватке, она должна валяться где-то поблизости.

Несколько человек разбрелись вокруг, наклоняя факелы ближе к земле в поисках головы. Никто не спросил, какое им дело до этого убийства неизвестных им людей и почему бы просто не убраться отсюда поскорее.

- Доктор Якобсон, вы можете определить время и причину смерти? - негромко спросил Локхарт.

- Я, как вы понимаете, не судебный медик, - ответил тот. - Курс общей анатомии, конечно, проходил, но с акцентом на строение мозга, который в данном случае как раз... К тому же в темноте, при таком освещении, без всяких инструментов... Но попробую, что еще остается. Посветите мне. Или нет, лучше Люкас. Его фонарь дает более ровный свет.

Ференц тоже принял участие в осмотре мертвецов, но он больше интересовался их одеждой и, возможно, уцелевшими под ней вещами - хотя на последнее он особенно не надеялся, понимая, что убийцы должны были обыскать своих жертв - если только их, в свою очередь, кто-нибудь не спугнул.

- Ну что ж, - подвел, наконец, итог Якобсон, - определенно больше шести часов, но менее двух суток, иначе уже были бы личинки мух... Думаю, скорее всего их убили вчера. задолго до захода солнца - тела успели несколько часов пролежать в тепле и на свету. Причина смерти всех

троих - множественные ранения вот такими штуками, - доктор продемонстрировал короткую и тяжелую даже на вид металлическую стрелу. - В каждого всадили по три-четыре стрелы, одновременно или с очень небольшим интервалом времени - так что, полагаю, никто из них не успел оказать сопротивления. Стреляли с двух сторон, слева и справа. Большинство стрел убийцы, очевидно, выдернули и забрали, но вот эту, вошедшую глубоко в брюшную полость, пропустили.

- Арбалетный болт, - мрачно прокомментировал Ференц. - С близкого расстояния пробивает любой доспех. Но главное - арбалет медленно перезаряжается. То есть это была очень серьезная засада. Минимум дюжина арбалетчиков, выстреливших одновременно - кто-то из них наверняка промазал - плюс, наверное, прикрывающие их мечники или лучники. Может быть, конечно, мечи были и у самих арбалетчиков, но это в любом случае означает серьезных профессионалов. Не обычных разбойников с самодельными луками и дубинами.

- И в эту засаду чуть было не угодили мы, - констатировал Лучиано. - Если бы графские солдаты не завернули нас назад...

- Как по-вашему, - спросил Локхарт, - нам просто повезло, или нас развернули специально? Вряд ли из гуманизма - скорее, чтобы мы не помешали засаде, устроенной, очевидно, не на нас...

- Кто знает, - пожал плечами Ференц. - То есть Хагентрауб, очевидно, знает. Но со мной своими планами не делился. Что там, не нашли голову? - крикнул он. Голоса из темноты отозвались отрицательно.

- Вряд ли они ее найдут, - покачал головой Якобсон. - Голова отрезана чем-то вроде большого зазубренного ножа уже после смерти.

- З-зачем? - спросил Шрамм.

- Полагаю, чтобы отчитаться ею перед заказчиком. Таким образом, целью убийц был именно этот человек; а двое других - всего лишь его охранники или слуги.

- Да, - согласился Ференц, - на всех троих были простые дорожные плащи, чтобы, вероятно, не привлекать внимания, а под ними - жилеты из грубой кожи, по сути легкие доспехи. Но у этих двух под доспехами - простые холщовые рубахи, а у безголового - шелк с кружевным воротником.

- И рыцарский конь, видимо, тоже принадлежал ему, - кивнул Локхарт. - Но почему он не надел доспех посерьезнее?

- На самом деле это было не так уж глупо, - ответил Люкас. - Путешествовать в тяжелых латных доспехах не слишком удобно ни для всадника, ни для коня, особенно когда ты, во-первых, спешишь, а во-вторых, не хочешь лишнего внимания. Можно было бы ограничиться короткой кольчугой или нагрудником под плащ, но от арбалета вблизи они бы все равно не спасли, а от лука - во всяком случае, такого, на какой можно ожидать нарваться где-нибудь на дороге, а не в бою с регулярной армией - и кожаный доспех защищает довольно неплохо, будучи при этом фунтов на тридцать легче.

- Похоже, они не защитили даже от волчьих зубов, - пробормотал Локхарт.

- Убийцы срезали застежки, когда обыскивали тела, - объяснил Ференц.

- И, конечно, они забрали все, что помогло бы идентифицировать труп.

- Само собой, - подтвердил Ференц. - Я, по крайней мере, ничего в этом месиве не нашел. Но могу подтвердить, что их убили не ради ограбления. Деньги и оружие, конечно, забрали, не пропадать же добру. Но вот сапоги оставили. А хорошие сапоги, да еще со шпорами, стоят несколько золотых, никакой нормальный разбойник бы не побрезговал...

- А двух других коней убийцы, надо полагать, увели с собой.

- Во всяком случае, лошадиных трупов здесь нет.

- Доктор, а вы можете что-то добавить об... обезглавленном?

- Ну, это молодой человек с достаточно ухоженным телом, едва ли занимавшийся

физическим трудом... ногти аккуратно подстрижены, под ними нет грязи... в то же время мускулатура довольно развита...

- Рыцарь-аристократ, это мы уже поняли, - нетерпеливо перебил Локхарт. - Что-то еще?

- В лаборатории я бы мог сказать больше, - вздохнул доктор. - А теперь помогите мне кто-нибудь вымыть... руку.

- Идемте, док, - тут же отозвался Вельо.

- Интересно, в какую сторону они ехали, - подумал вслух Локхарт. - Из столицы или в столицу.

- Можно, в принципе, поискать следы на дороге, - откликнулся Ференц. - Хотя те, что на месте засады, мы, должно быть, уже затоптали. А те, что дальше, могут принадлежать и другим лошадям.

- Возможно, этого рыцаря перехватили и убили люди Хагентрауба, - продолжал рассуждать вслух полковник. - А возможно, наоборот, это был посланец Хагентрауба в столицу... или куда-то еще. И нас убрали с дороги, подозревая, что мы можем ему как-то помешать. Но помешали ему совсем другие.

- Все может быть, - нетерпеливо изрек Ференц, обтирая о траву окровавленные руки. - Так или иначе, нас это дело не касается. Ни здесь, ни, по всей видимости, дальше никакой засады больше нет, и это единственное, что имеет для нас значение. Едем дальше! - крикнул он и добавил, когда разбредшиеся в поисках головы или, напротив, из нежелания глядеть на изувеченные трупы артисты подтянулись ближе: - Мы здесь не останавливались и ничего не видели.

- Разве мы не похороним их? - спросил Вельо, когда предводитель труппы и остальные уже шли к повозкам.

Ференц обернулся и молча посмотрел на него взглядом человека, услышавшего столь очевидную глупость, что ее даже нет смысла комментировать.

Через пару часов после того, как рассвело, караван вновь выехал на открытое пространство. Местность к западу от леса оказалась куда более плотно заселенной, чем к востоку: живописные, утопавшие в садах деревеньки - явно зажиточные, многие с каменными домами - и городки попадались через каждые несколько миль. Чем дальше на запад, тем чаще встречались поселения явно городского типа, лишенные, однако, крепостной стены - или же давно выбравшиеся за пределы первоначальной крепости и не потрудившиеся соорудить новый пояс укреплений. Как пояснили Локхарту его спутники-артисты, внутренние территории королевского домена считались безопасными, давно уже не зная ни внешней угрозы, ни феодальных междоусобиц: все эти земли принадлежали непосредственно короне.

Путь по этим цветущим и, как казалось, беззаботным землям, где совершенно не чувствовался дух нависших над страной угроз, проходил без происшествий; даже небо вновь совершенно очистилось от облаков, предоставив солнцу раскрашивать в яркие контрастные цвета живописные пейзажи. В корчме, где караванщики остановились пообедать и дать отдых лошадям, у Локхарта было искушение расспросить хозяина о трех путниках, один из которых - молодой человек на черном фризском жеребце, возможно, проехавших здесь накануне (если они и впрямь направлялись с запада на восток, а не наоборот), однако полковник помнил о данном Ференцу (и вполне благоразумном) обещании не затевать опасных разговоров. Да и что бы полезное он узнал, даже если бы корчмарь подтвердил, что такие здесь проезжали? Едва ли он опознал злосчастного рыцаря, который, скорее всего, стремился сохранить инкогнито.

На постоялом дворе, где Ференц надеялся заночевать, им так и не открыли ворота, отвечая через калитку, что мест нет. Как видно, желающих попасть в недалекую уже отсюда столицу на коронационные торжества и впрямь было много. Впрочем, рядом тут же нарисовался расторопный крестьянин, предложивший "всего за четвертачок" - 25 хеллеров - загнать повозки к нему во двор. Он пояснил "господам артистам" извиняющимся тоном, что в доме у него "никак

нет" места для такого количества гостей, но они смогут переночевать у него на сеновале, где тепло и сухо. Ференц согласился, рассудив, очевидно, что в этих цивилизованных краях за подобным предложением не кроется никакой ловушки.

Действительно, ночью караванщиков никто не потревожил, и они вновь выехали еще затемно, рассчитывая успеть в столицу до полудня - времени начала коронации. Несмотря на ранний час, дорога становилась все оживленнее, их все чаще обгоняли всадники, спешившие, очевидно, туда же и с той же целью. Затем сзади послышались звонкое щелканье кнута и нарастающий дробный грохот, и повозки обогнала, едва не зацепив их колесами, богато украшенная карета с гербами на дверцах, запряженная четверней; на головах белых лошадей развевались черные султаны перьев, двое слуг в коротких зеленых ливреях и треугольных шляпах стояли на запятках. Кучер немилосердно нахлестывал несчастных животных, из-под копыт и колес клубилась пыль, несколько затмевавшая великолепия экипажа; как видно, пассажиры кареты, скрытые за опущенными занавесками, очень боялись опоздать на церемонию. Артисты проводили экипаж насмешливыми взглядами.

- Кто это? - осведомился Локхарт, полагая, что гербы позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

- Барон какой-то, - равнодушно отозвался Хайнц. - Должно быть, из тех подрядчиков или ростовщиков, что получили титулы в прошлом царствовании. Король наш Гумбольдт изобрел прекрасный способ не платить по счетам, предлагая вместо золота дворянские грамоты. Старая аристократия, конечно, кривится...

- Вот, между прочим, не понимаю я этого презрительного отношения, - заметил Локхарт. - Экономика - это основа государства. Разве не большего уважения заслуживает тот, кто заработал состояние собственным трудом, чем унаследовавший титул от далеких предков? Да и те, кстати, заслужили свой титул не созиданием, а тем, что кого-нибудь убивали. Нет, я ничего не хочу сказать против военного сословия, я сам, в конце концов... хотя для меня это был лишь способ получить доступ к самой передовой технике... но ведь, в конечном счете, военные нужны для защиты экономических интересов, а не наоборот.

- Деньги в рост давать - много ума не надо, - возразил Хайнц. - А если они такие умные, что ж они согласились вместо золота на королевскую закорючку на пергаменте, от которой ни жарко, ни холодно? Из титула шубу не сошьешь.

- Дворянство все же дает определенные привилегии, - не согласился де Сегюр. - Начиная уже с поместья, которое, как я понимаю, должно быть пожаловано вместе с титулом.

- Э, король Гумбольдт не дурак был, - довольно усмехнулся Хайнц. - Он предлагал дворянство только тем, у кого своя земля уже и так была. Казне - никакого убытка. А все эти почести, гербы и реверансы - они бесплатные. Или, скажешь, какому-нибудь жирному банкиру нужен военный или придворный чин? У него доход выше, чем любое государственное жалование. Вот разве что, - саркастически продолжил Хайнц, - дворянина вешать нельзя, а можно только рубить голову. Это полезная привилегия, не поспоришь.

Де Сегюр пожелал узнать больше деталей о положении сословий в нынешнем мире (он рассчитывал позже расспросить об этом кого-нибудь более юридически подкованного, но раз уж разговор зашел с артистами, почему не спросить и у них). Выяснилось, что в Айринтии никогда не было крепостного права ("мы же свободная страна!"), а вассалы хотя и подлежали суду своих сеньоров, но имели право на апелляцию в королевский суд; еще одной дворянской привилегией, не упомянутой Хайнцем, было право решать конфликты с другим дворянином не в суде, а через поединок. Айринтийские коммерсанты и ремесленники не платили подушную подать, но платили подоходный налог или же плату за патент на право заниматься определенной деятельностью; дворяне не платили налогов на доходы с имений, но должны были служить своему сюзерену войском, содержа его за свой счет, что, в общем, обходилось не дешевле; в прежние времена всякий дворянин и в самом деле содержал свой вооруженный отряд - хотя бы

рыцарское "копье"[10] - с которым обязан был по первому зову прибыть под знамена своего сеньора, но ныне многие, и в первую очередь, конечно, новопожалованные бароны (чьим сеньором считался король), предпочитали вместо этого откупаться деньгами.

В Тлукаляхане, напротив, процветало самое настоящее рабство - как частное, так и государственное; впрочем, рабы, особенно государственные, могли достигать весьма высокого положения в обществе, вплоть до должности премьер-министра (официально именовавшегося первым советником, поскольку считалось, что никакого "правительства" в Империи быть не может, ибо Божественный Император управляет ею единолично - что, понятно, было далеко, а часто - очень далеко от действительности). Такие рабы могли иметь своих собственных рабов, не говоря о прочем имуществе. Более того, жены в Тлукаляхане (где, кстати, существовала полигиния) считались собственностью мужей, а несовершеннолетние дети - отцов, и хотя этот статус отличался от статуса обычного невольника, глава семьи имел право продать жен и детей и в рабство совершенно обычное.

В Гроггендоре традиционно каждый член клана обязан был пожизненно служить своему клану; считалось, что и сам предводитель такового служит клану наравне со всеми, хотя на практике он имел почти неограниченную власть над остальными членами (принцип "вассал моего вассала - не мой вассал" при этом не действовал). Однако эта система была сильно поколеблена реформами Ингвара I, а затем и присоединением новых земель, жители которых не вписывались в клановую систему. Так что теперь в Гроггендоре фактически существовало два дворянства - старое, клановое, и новое, которое, в свою очередь, делилось на бугенхольмских аристократов (чьи рода, впрочем, нередко были не менее древними, чем у глав кланов) и дворян, пожалованных монархами, начиная с Ингвара, из простолюдинов. Юридически они были уравнены между собой (с точностью до иерархии титулов, которая в клановой системе была более короткой), но принадлежность к первому виду считалась более почетной, и между ними существовали понятные трения. Аналогично и простолюдины, уравненные в своем статусе, сохраняли неформальное деление на "клановых" и "неклановых", смотревших друг на друга свысока, как, вероятно, могли бы делать домашние и бродячие псы, обладай собаки человеческим мышлением.

Беседу о деталях сословного и государственного устройства прервали возмущенные крики, доносившиеся откуда-то спереди, и явно незапланированная остановка фургона. Артисты и астронавты высунулись наружу посмотреть, что случилось.

Путь преграждала река - довольно широкая, и, как видно, достаточно глубокая, чтобы ее нельзя было преодолеть вброд. Берега соединял явно не новый, но, похоже, все еще справлявшийся со своими обязанностями деревянный мост. Тем не менее, перед мостом скопилось с полдюжины разнообразных повозок; возницы и пассажиры, числом не менее двух десятков, толпились на берегу и на мосту, что-то раздраженно выкрикивая, причем благородные, судя по одежде, господа надрывались не меньше, чем простолюдины. Все они, как видно, надеялись успеть на коронацию и понимали, что с каждой минутой задержки шансы на это тают.

- Пойдем разберемся, в чем там дело, - решительно скомандовал Ференц.

Артисты и присоединившиеся к ним астронавты двинулись вперед, без особых церемоний расталкивая тех, кто мешал проходу. Некоторые пытались огрызаться, но, увидев дюжину решительных мужчин, среди которых Вельо и два силача выглядели особенно впечатляюще, предпочитали заткнуться. Как видно, здесь, вдали от каких-либо стражников,

---

[10]Средневековая тактическая единица во главе с рыцарем, численность и состав которой варьировались в зависимости от страны, эпохи и финансовых возможностей рыцаря (в основном в пределах 3-12 человек). По минимуму, состояло из самого рыцаря, "вспомогательного" солдата (кнехта, сержанта), который мог быть легким кавалеристом или пехотинцем, и оруженосца. Копье всегда состояло из людей разных специализаций - например, в придачу к перечисленным это могли быть конные лучники, пеший арбалетчик и пехотинцы с разными видами древкового оружия.

шерифов и судей, даже благородные дворяне трезво оценивали свои шансы получить кулаком в нос от безродных бродяг-комедиантов (которые к тому же не были совсем безоружными - у нескольких человек висели на поясе кинжалы, а братья-силачи заткнули за кушаки топоры).

Движение, как выяснилось, намертво заблокировали две застрявшие на мосту повозки, в одной из которых артисты не без злорадства опознали давешнюю карету с баронскими гербами. Расфуфыренный экипаж имел теперь не столь гордый вид: карета стояла, накренившись и перекосившись, упираясь правым задним углом в перила, а левым передним - в крестьянскую подводу; ее левое переднее колесо при этом валялось на мосту прямо под колесом телеги. Неказистая, но крепко сколоченная подвода, похоже, от столкновения не пострадала, равно как и столь же неказистая, но крепкая саврасая кобыла, которая была в нее впряжена и ныне стояла в своих оглоблях с олимпийским спокойствием, дожидаясь, пока кричащие и суетящиеся люди решат свои проблемы.

А вот баронским лошадям, судя по доносившемся жалобному ржанию, повезло меньше. Подойдя еще ближе, караванщики увидели, что левая из лошадей коренной пары практически лежит на боку - лишь передняя часть ее тела приподнята, обвисая на ремнях упряжи - и ее ноги при этом оказались под подводой, не позволяя той, соответственно, сдвинуться с места, даже если откатить назад вставшую врастопырку карету. Остальные кони, впрочем, оставались на ногах. Что же касается людей, препиравшихся друг с другом, то это были возницы обеих повозок, оба баронских слуги и еще четверо из тех, кому столкнувшиеся транспортные средства преградили путь, судя по всему, все - люди простого звания; хозяин кареты, очевидно, полагал ниже своего достоинства вмешиваться в перебранку слуг и даже не покинул покалеченный экипаж.

Открывшееся зрелище и звучавшие реплики вполне проясняли случившееся. Ширина моста, в принципе, позволяла разъехаться двум одноконным повозкам, и то с осторожностью. Баронский же кучер гнал свой четверик во весь опор, крича ехавшему навстречу крестьянину, чтобы тот освободил дорогу. Крестьянин, уже въехавший на мост, в принципе мог бы сдать назад, но и не подумал этого делать, руководствуясь принципом, что кто въехал первым, того и должны пропускать - кем бы там ни был второй, "ежели это только не сам король, а твой господин мне не хозяин". Баронский кучер, разумеется, счел ниже своего достоинства - не говоря уже о достоинстве своего господина - уступать дорогу крестьянской телеге; темп он, правда, снизил, но все же недостаточно. В итоге паре выносных все-таки удалось проскочить (хотя левая лошадь оцарапала бок), а вот левой коренной повезло гораздо меньше - она налетела на телегу и, по всей видимости, сломала ногу, после чего повозки еще и столкнулись, зацепившись друг за друга колесами - что осталось без заметных последствий для подводы, а вот карета сломала ось, культя которой теперь застряла между толстыми деревянными спицами тележного колеса. Выпрячь баронских лошадей - что упавшую, что остальных - было теперь затруднительно, ибо из-за перегородивших всю ширину моста кареты и высоко нагруженной подводы до них было просто не добраться. Впрочем, упавшая лошадь, даже если освободить ее от упряжи и откатить карету назад, все равно гарантированно перекрывала движение по мосту в обоих направлениях.

Баронские слуги орали и наседали на хозяина подводы, который, разумеется, не только не был виноват в аварии, но и теперь при всем желании не мог "убрать свою чертову колымагу", пока у него под колесами лежала чужая лошадь. Он лишь с усмешкой предлагал недовольным перенести его телегу на руках (что было явно невозможно даже для полудюжины человек - накрытая брезентом подвода выглядела тяжело нагруженной). Те в ответ ярились еще больше и обещали опрокинуть его телегу боком в реку. Крестьянин, вместо того чтобы почтительно мять шляпу в страхе перед баронским гневом, в ответ грозил подать иск в королевский суд. Однако прочие участники склоки, которым было все равно, кто и каким образом освободит дорогу - и которые при этом имели основания полагать, что их личности установлены судом не будут -

вполне готовы были к тому, чтобы воплотить угрозу на практике - если бы, опять же, им хватило для этого сил; пожалуй, подойди на мост с берега, где толпились недовольные, еще несколько человек, и имущество владельца подводы и в самом деле оказалось бы в большой опасности.

Оценив положение, Ференц немедленно взял ситуацию в свои руки.

- Так, - веско произнес он, становясь между крестьянином и людьми барона, - тихо все! Ты, - ткнул он в хозяина телеги, - выпрягай лошадь и отведи ее туда, - он махнул большим пальцем за плечо, - освободи место. Что у тебя на подводе?

- Тебе какое дело? - хмуро откликнулся крестьянин.

- Такое, что сейчас мои люди ее разгрузят, чтобы на ту сторону пролезть. Так оно бьется или нет?

- Мешки с углем там, - неохотно ответил возница.

- Хорошо. Значит, кидайте их прямо на мост, - обратился он уже к своим артистам. - Люкас, как они расчистят место, разберешься с лошадью. А вы, - велел он остальным участниками конфликта, - оттаскивайте мешки дальше, с пути подводы.

То ли эффект возымела решительность его тона - тона человека, имеющего право отдавать приказы - то ли участники конфликта просто возрадовались, что наконец появился кто-то, готовый взять решение проблемы на себя, но склока мигом прекратилась и возражений не последовало. Крестьянин отвел вперед свою лошадь, после чего двое силачей, Вельо и пара акробатов взобрались на телегу, стащили с нее брезент и принялись сбрасывать туда, где только что стояла савраска, тяжелые мешки, постепенно расчищая пространство вдоль левого борта. Каждый мешок весил, наверное, целый пуд, так что даже для физически крепких людей работа была не самой легкой. Но, наконец, они освободили достаточно места и откинули вниз борт подводы, ударивший несчастную лошадь; та дернулась от этой новой боли. Люкас влез на телегу и вытащил длинный кинжал.

- Эй! - раздался вдруг возмущенный крик из кареты. - Что этот парень собирается делать?!

Ференц обернулся. Занавески были откинуты, и из окна вместо ожидавшейся одутловатой физиономии бывшего ростовщика выглядывало хорошенькое злое личико молодой брюнетки.

- Избавить вашу лошадь от страданий прежде, чем по ней проедет телега, - спокойно ответил он.

- Ты с ума сошел! Ты соображаешь, сколько она стоит?!

- После того, как она сломала ногу, она не стоит ничего. Разве что где-то рядом есть мясник, изготовляющий конскую колбасу - он, может, даст за нее пару четвертаков. И то если вы ее к нему привезете.

- Ты даже не знаешь, сломала ли она ногу! Ее никто не осматривал!

- Как же ее осмотришь, ежели телега мешает, - встрял кучер баронессы. Главный виновник происшествия демонстративно не участвовал в таскании мешков - не иначе, на правах особо приближенного.

- Если лошадь упала и не встает, дело дрянь, ваша милость, - почтительно, но твердо откликнулся с телеги Люкас. - По доброй воле ни одна лошадь на боку лежать не будет, она от этого задыхается.

- Но, может, все-таки... сначала как-то вытащить ее из-под телеги... здесь уже собралось достаточно народу, чтобы...

- Возни будет больше, а результат тот же, - твердо возразил Ференц. - А вы, как мне показалось, спешите?

- Ладно, - внезапно переменила решение баронесса. - Делайте, что должно, только скорее.

Люкас улегся на пол телеги и успокаивающе потрепал обреченную лошадь по холке - а затем быстрым выверенным движением перерезал артерию на шее. Фонтаном ударила кровь,

орошая все вокруг; лошадь испуганно дернулась и забилась на боку, но спустя считаные секунды ее мускулы обмякли, и голова упала, глухо стукнувшись о настил моста. Кровь еще вытекала, но все было кончено. "Ну вот, телегу мне изгваздал", - недовольно проворчал крестьянин. "Запрягай обратно!" - крикнул ему Люкас, поднимаясь; его лицо было в красных брызгах, словно в веснушках. Сам он спрыгнул прямо на тушу лошади и принялся поспешно расстегивать ремни ее упряжи.

- Не стойте столбом, - велел Ференц баронским слугам, - помогите высвободить ось. А вам, ваша милость, лучше выйти. На трех колесах карета не будет устойчива.

- Не слишком ли ты раскомандовался? - холодно осведомилась баронесса. Сцена гибели собственной лошади, похоже, не произвела на нее впечатления.

- Как вам будет угодно, - пожал плечами Ференц. - Если желаете опрокинуться вместе с каретой, можете оставаться внутри.

- Чтобы твой коновал и меня лечил тем же способом, если я упаду? Ну уж нет, - она открыла дверцу и выпрыгнула на мост. На ней оказалось вовсе не платье, как можно было бы ожидать, а короткий черный жакет с пышным белым кружевным воротником и черные брюки в обтяжку, заправленные в высокие, выше колен, сапоги из тонкой кожи. Это был скорее костюм наездницы, чем пассажирки роскошной кареты. Больше внутри экипажа никого не было.

Оказавшись под непосредственным присмотром хозяйки, двое слуг засуетились, дергая застрявшую ось и покачивая покалеченную карету, но без какого-либо успеха. Ференц, оценив плоды их усилий, крикнул Тибольда с топором. "Ось придется перерубить, - пояснил он хозяйке экипажа, - она в любом случае сломана." Баронесса в ответ лишь пожала плечами.

Тибольд, оттеснив могучим плечом обоих слуг и велев им придержать карету, разок тюкнул топором. Отрубленный кусок оси упал на мост; пустой экипаж не завалился, но, несомненно, ни ехать в нем на трех колесах, ни приделать колесо обратно, не заменив ось целиком, было нельзя.

Крестьянин вновь запряг саврасую. Оставшиеся караванщики попрыгали с телеги, второй силач и акробаты при этом, перебравшись через оставшиеся мешки, навалились на подводу сзади, помогая ей преодолеть препятствие. Тяжелые колеса проехали по уже мертвым лошадиным ногам, с хрустом ломая кости. Ференц велел рубить перила моста.

- Зачем? - удивился Локхарт.

- Как иначе мы сбросим тушу в реку? Хочешь переваливать больше тысячи фунтов через перила?

- В реку? Ты хочешь сбросить мертвую лошадь в реку, из которой люди, наверное, берут воду?

- И что? В любой реке или озере полно гниющей рыбы и прочей дохлятины. Все, что там живет, там же и подыхает, не забывай. А при жизни туда же и срет.

- М-да, - пробормотал полковник. В его эпоху отношение к экологии и санитарным нормам было совсем иным - во всяком случае, в этих краях. Притом, что тогда никто не стал бы брать воду прямо из реки, без очистных сооружений. Хотя, если вдуматься, Ференц прав - естественная экосистема действительно адаптирована к тому, чтобы перерабатывать трупы, и в дополнительной помощи не нуждается. Впрочем, с другой стороны, холера и тиф - тоже часть естественной экосистемы...

Перила, представлявшие собой толстые, длинные и кривые окоренные палки, перерубили. "Кто их будет восстанавливать?" - спросил Вельо. "Тот, кому это нужнее, чем нам", - усмехнулся Ференц. Продолжая командовать, он отрядил восемь человек, чтобы оттащить и сбросить с моста лошадиную тушу, а остальным велел грузить мешки обратно на телегу.

- Твои люди могут починить мою карету? - требовательным тоном осведомилась баронесса; несомненно, это казалось ей более важным делом, нежели загрузка мужицкой подводы.

- Нет, ваша милость, - без колебаний ответил Ференц. - Но если вы спешите на коронацию, за умеренную плату мы можем отвезти вас туда.

- Ты хочешь, чтобы *я* ехала в фургоне комедианта? - она окинула его презрительным взглядом с головы до ног.

- Ваша проницательность относительно моей профессии делает вам честь, - усмехнулся Ференц. - Но лично я ничего не хочу. Мне показалось, что это вы очень хотите поскорее попасть в Дракенхайм. Трех лошадей вам для этого хватило бы с избытком, но трех колес явно недостаточно.

- Куда и зачем я хочу попасть - это не твое дело, - отрезала баронесса. - Но... пожалуй, я готова купить твой фургон. Лучший из тех, что у тебя есть, и при условии, что твои люди быстро вышвырнут оттуда лишний хлам.

- Боюсь, что все наши фургоны вместе с нашим хламом нужны нам самим, - издевательски улыбнулся Ференц.

- Пять гульденов.

- За эту сумму я как раз собирался предложить вам место в фургоне, и мое предложение все еще в силе. Но никак не весь фургон целиком.

- Ну ты и нахал, - произнесла она с оттенком брезгливого восхищения, словно посетительница, разглядывающая большую обезьяну в зверинце. - Ладно, десять.

- Мы тоже спешим в столицу, и наши повозки не продаются.

- Двадцать!

Раздался громкий всплеск, и брызги взметнулись выше настила моста - мертвую лошадь, наконец, спихнули в воду.

- Нет, - покачал головой Ференц.

- Двадцать пять, разбойник, но это последнее число!

- Вы очень щедры, ваша милость, - вновь улыбнулся предводитель труппы, - но - нет.

- Да что ты о себе возомнил?! - теперь она была по-настоящему взбешена. - Весь твой балаган со всеми клячами в придачу стоит меньше! И в Дракенхайме тебе столько не заработать и за неделю!

- Почему бы вам не предложить свои деньги ему? - усмехнулся Ференц, кивая на крестьянина, который уже взобрался на свою подводу. Мешки были кое-как загружены, и он тронул свою савраску шагом, не оглядываясь назад. - Он бы, полагаю, удовлетворился и меньшей платой.

- Ты в своем уме? Предлагаешь мне ехать на мужицкой телеге?

- Ну или им, - предводитель комедиантов невозмутимо махнул рукой в сторону берега, где томились в ожидании другие путники. - По-моему, я видел там парочку дворянских карет. Не столь, конечно, шикарных, как ваша, но явно более достойных вашей милости, нежели фургон бедных артистов.

- Я уже посылала своего человека предложить им это, - хмуро поведала баронесса. - Они не соглашаются.

- Вот как? - Ференц забавлялся уже в открытую. - Ну, в таком случае даже не знаю, что вам еще посоветовать. Разве что счастливо оставаться. Идемте, парни!

Когда они подходили к берегу, навстречу им торопливо проехала первая из дворянских карет, вынудив их прижаться к перилам. Возницы и пассажиры остальных повозок суетились, занимая свои места.

- Старая аристократия мстит нуворишам? - усмехнулся Локхарт, кивнув на прогрохотавший колесами по доскам экипаж.

- По всей видимости, - кивнул де Сегюр. - Тем более что посылать к другому дворянину слугу вместо того, чтобы договариваться самой - это почти оскорбление. Впрочем, быть может, эта особа направляется вовсе не в Дракенхайм. Поэтому роль попутчицы ее не устраивает - даже

попутчицы аристократа. Ей нужен экипаж в полное распоряжение.

Действительно, подумал Локхарт, на столице и коронации свет клином еще не сошелся. Мало ли какие другие неотложные дела могут быть у баронов в Айринтии... У баронов, да. Спешащий по делам ростовщик, даже бывший, удивления не вызывал. Но вот его жена или дочь, мчащаяся куда-то в одиночестве - слуги, разумеется, не в счет - это, наверное, для средневековья не очень обычно. Впрочем, возможно, нынешнее средневековье не столь патриархально, как прежнее...

Когда десять минут спустя уже сами артисты ехали по мосту на запад, баронской кареты там уже не было. Впрочем, далеко покалеченный экипаж, разумеется, не уехал - они обнаружили его на берегу в стороне от дороги сразу же за мостом. Баронесса стояла снаружи, погруженная в безрадостные размышления; фургоны она проводила весьма недобрым взглядом.

- Кажется, Ференц только что заработал врага на всю жизнь, - усмехнулся Локхарт. - И, возможно, не он один.

- У бродячих артистов нет ни врагов, ни друзей, - беспечно откликнулся Готфрид. - Мы ветер над полем, мы рябь на воде.

Лошади каравана, возможно, и не заслужили пренебрежительной характеристики, данной баронессой, но они, несомненно, уступали ее собственной великолепной четверне (теперь уже тройке), к тому же на каждую из них приходился куда больший груз. Так что нестись во весь опор они не могли, и, как ни поторапливали их возницы, по мере приближения солнца к полудню становилось все яснее, что после задержки на мосту прибыть в столицу до начала церемонии они не успеют.

Несколько раз их обгоняли всадники. В какой-то момент, заслышав приближающийся перестук копыт, сидевший на козлах Хайнц обернулся и заметил: "Ого! А дамочка-то бойкая!" Локхарт выглянул наружу как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо проскакала на белой лошади всадница в черном; ее вьющиеся черные волосы развевались на ветру. Как видно, баронесса и впрямь оказалась не столь капризной и избалованной особой, как могло показаться при их первой встрече.

- Интересно, где она взяла седло со стременами? - произнес полковник вслух.

- Должно быть, купила в ближайшем за мостом селении, - откликнулся Готфрид.

- Да, но ведь туда она тоже должна была как-то доехать. Неужели доскакала без седла?

- Может, и так. Или все ж-таки подвез кто. А вообще, Том, ты не гляди, что она сейчас такая расфуфыренная. Может, пока за барона своего не выскочила, простой деревенской девкой была, в ночное с парнями ездила. Такие-то как раз больше всего из себя изнеженных принцесс корчат. Пока не припечет, конечно.

Наконец, спустя еще примерно три четверти часа, когда тень от ехавшего впереди фургона уже выбралась из-под его задних колес, артисты подъехали к стенам Дракенхайма.

Точнее говоря, пока еще не к стенам. К берегу округлого, зеркально гладкого озера диаметром около двух миль. И прямо из воды, отражаясь в ней вместе с синевой неба и редкими облачками, поднимались высокие белокаменные стены айринтийской столицы. Над их зубчатым гребнем, в свою очередь, через равные промежутки вздымались тонкие островерхие башни, делая город похожим на гигантскую корону, лежащую на зеркальном столе.

Лежащую в ожидании того, кто осмелится ее взять.

Через озеро в город вели четыре моста из того же белого камня, ориентированные по четырем сторонам света. Их полукруглые своды были, вне всякого сомнения, прочными и основательными, и все же архитектору удалось придать им ощущение некой легкости и воздушности. Казалось, что они не столько опираются на уходящие глубоко в донный ил сваи, сколько парят над водной гладью. Караванщики, подъехавшие с востока, не могли видеть западный мост, но по тем трем, что были им видны, все еще двигались припозднившиеся повозки и даже пешие путники. Из города доносились размеренные и долгие удары большого

колокола, наводившие, однако, на мысль скорее о трауре, чем о празднестве.

- Основная церемония еще не началась, - подтвердил со знанием дела Лучиано. - Пока еще звонят в память о покойном государе.

- Разве не должны были начать в полдень?

- Нет закона, предписывающего начинать минута в минуту. Это лишь традиция. Наверное, чего-нибудь ждут... или кого-нибудь.

"Не нас же, в самом деле", - подумал Локхарт и тут же устыдился нелепости этого предположения. Вероятно, ждут какого-нибудь гонца с важным известием... и кстати, не этот ли гонец нашел свою смерть в лесу? Очень даже может быть... А может быть, что-то случилось с самой принцессой. Скажем, внезапное недомогание на нервной почве. Или даже, чем черт не шутит - вдруг ее нигде не могут найти? Нет, это уж совсем из области сказок. В реальной истории, в отличие от бесчисленных легенд, принцесс, кажется, не похищали ни разу. А вот убивали не раз, причем не внешние завоеватели, а свои...

Колеса застучали по камням моста, и Локхарт недовольно поморщился от тряски. Как они только ездили - и ездят! - в этом своем средневековье на колесах без всякой пневматики (и даже без литой резины), без рессор (у дорогих карет какая-то амортизация есть, но не у простых фургонов), да еще по таким вот булыжникам! Какой-то тройной мазохизм. Нет бы хотя бы мостили дороги гладкими плитами... Это сейчас еще и по городским улицам так же трястись придется?

Но до городских улиц они не доехали.

Ворота благополучного Дракенхайма не были устроены столь же сложно, как в прибрежном Хассенворте - внутренний проем соединялся с внешним обычным прямым проходом длиной не более шести метров (Локхарт подозревал, что и здешние башни, слишком уж высокие и тонкие, словно у сказочного замка с картинки, выполняют больше декоративную, чем фортификационную функцию) - но, тем не менее, большой по средневековым меркам город имел всего четыре въезда (они же выезды), и в день наплыва гостей, отовсюду спешивших на коронацию, это неизбежно привело к заторам у всех четырех ворот. Хуже всего ситуация была с утра, но и теперь, когда перед входами толпились лишь опоздавшие, вереница сгрудившихся повозок тянулась по мосту на добрые двадцать метров. Однако, едва караван остановился, снаружи послышались торопливые шаги, и во второй фургон с удивительным для ее комплекции проворством забралась Матильда. На протяжении путешествия она ежедневно подновляла грим астронавтов, но теперь пришла пора для обратной операции. Пока Матильда поспешно смывала грим и отклеивала фальшивые усы и бороды Локхарта, де Сегюра и Шрамма, подтянулись двое их вызванных Ференцем товарищей. Едва дождавшись, пока гримерша закончит и с ними, предводитель труппы скомандовал всем пятерым: "Выходите, быстрее!" и повел их вдоль повозок по левой стороне моста. Подойдя к воротам, над которыми красовался огромный, в полтора человеческих роста, герб - синяя голова дракона на желтом поле с черной каймой - Ференц что-то негромко сказал (и, кажется, показал) одному из стражников (всего за въезжающими повозками наблюдало четверо, по двое с каждой стороны), и тот тут же скрылся в калитке в стене надвратной башни слева от ворот. Не прошло и минуты, как из калитки появился офицер в коротком синем плаще, надетом поверх сверкающего нагрудника, и каске с алым плюмажем, и поманил всех шестерых за собой. Ференц и астронавты гуськом прошли за ним вглубь башни.

Они оказались в прохладном и пустом полукруглом помещении без окон, освещенном масляными светильниками; после яркого солнца снаружи оно казалось полутемным. Винтовая лестница уводила наверх, но офицер не стал подниматься.

- Вы - те, о ком говорилось в донесении из Хассенворта? - требовательно спросил он.

- Откуда мне знать? - логично ответил Локхарт. - Мы вашего донесения в глаза не видели.

- Кто вас послал?

- Он называл себя Заккари, или дядюшкой Заком. Если это, конечно, его настоящее имя.

Офицер несколько мгновений молча разглядывал Локхарта и остальных, и у полковника мелькнула внезапная мысль: "А хороши же мы будем, если, пока мы ехали, тут уже произошел переворот, и на трон собираются возвести, к примеру, Бронгара..." Он все никак не мог привыкнуть к миру, где скорость распространения новостей исчисляется днями, а не секундами.

Офицер все так же молча сунул руку под плащ, но извлек оттуда вовсе не оружие (тем более что его меч висел на поясе) и не свисток, чтобы вызвать подмогу, а небольшой, но явно увесистый мешочек.

- Твоя вторая часть, - он протянул мешочек Ференцу.

- Благодарю, - ответил тот, пряча плату в карман. - Приходите на наше представление, лейтенант.

Тот не удостоил его ответом. Предводитель комедиантов отсалютовал шутовским жестом и вышел обратно через калитку, не сказав ни слова на прощание бывшим спутникам, ради которых он и его люди рисковали жизнью. Ну да - для него они были всего лишь работой. Груз сдал - груз принял.

- Прошу за мной, - велел лейтенант астронавтам и направился к другой невысокой дверце, уводившей, как можно было понять по ее расположению, не наружу и не внутрь города, а прямо в толщу стены. Действительно, им пришлось пройти еще пару десятков метров по узкому коридору, едва не задевая плечами камни стен, прежде чем лейтенант отпер очередную дверцу справа, за которой оказалась лестница наверх. Новый коридор, более широкий, был уже проложен, очевидно, внутри какого-то здания, пристроенного прямо к городской стене. Наконец по новой лестнице они спустились во двор этого здания, имевшего, как оказалось, самый казенно-казарменный вид, хотя особо рассматривать его было некогда, ибо прямо у выхода их дожидалась большая, запряженная парой вороных карета с темно-серыми занавесками на окнах.

- Садитесь, - лейтенант распахнул перед ними дверцу. Едва астронавты забрались в полутемное нутро кареты, офицер захлопнул дверцу снаружи, и экипаж сразу же резко тронулся с места (Вельо пришлось подхватить Якобсона, который не успел устроиться на сиденье и свалился прямо на гиганта). Локхарт попытался отдернуть занавеску, но обнаружил, что она приклеена прямо к стеклу. При большом желании, наверное, ее можно было бы отодрать, но он решил пока от этого воздержаться, хотя ситуация нравилась ему все меньше. Слишком все это походило на то, что их везут прямиком в тюрьму. Распахнуть дверцу и выпрыгнуть на ходу? А куда дальше? Копыта цокают впереди, но не рядом - значит, конвой их не сопровождает... Локхарт осторожно повернул дверную ручку и убедился, что дверца не заперта. Никакого эскорта в приоткрывшуюся щель и впрямь не просматривалось - только проплывавшие назад дома обычной средневековой улочки, такой же, как в Хассенворте. Многие из них были украшены флагами и бумажными гирляндами - не иначе, в честь коронации... Нет, похоже, они тут все-таки гости, а не пленники... по крайней мере, пока. Но куда же их везут?

Карету трясло на булыжниках не так сильно, как телегу или фургон, но все же ее довольно примитивные рессоры не могли полностью погасить тряску. Звуки колокола меж тем становились все громче. Наконец, когда они зазвучали уже практически прямо над головой, карета остановилась. Локхарт вновь протянул руку к дверце, но прежде, чем он успел взяться за ручку, ее открыли снаружи, и астронавты увидели монаха в темно-серой сутане. Он был еще молод - наверное, не старше тридцати - хотя в черных, как смоль, волосах уже просматривались залысины. Лицо было худым, но без той изможденности, что отличает религиозных фанатиков.

- Добро пожаловать в Дракенхайм, - сказал он. Голос звучал приятно, с какой-то мягкой и подкупающей, но совершенно лишенной подобострастия или фальши интонацией. - Я брат Клавиус. Его высокопреосвященство поручил мне встретить вас. Надеюсь, путешествие прошло благополучно? По правде говоря, мы ожидали вас раньше.

- Были некоторые... задержки в пути, - произнес Локхарт, все еще не уверенный, что

именно следует говорить и надо ли, к примеру, представиться настоящим именем. Он чувствовал себя актером, не просто играющим чужую роль, но еще и выпихнутым на сцену до того, как он успел ее выучить.

- Благоволите следовать за мной, - произнес монах, не задав никаких вопросов. - Церемония уже начинается.

В самом деле, удары колокола прекратились, что бы это ни значило.

Выбравшись из кареты, астронавты оказались прямо под стенами огромного готического собора, занимавшего бо́льшую часть квадратной площади (однако выстроен он был не по центру площади, а ближе к одному из ее краев.) Три шпиля возносились на недосягаемую (но притом одинаковую) высоту над окрестными домами. Массивные, украшенные множеством вырезанных фигурок главные ворота храма были закрыты, несмотря на собравшуюся перед ними толпу; как видно, их заперли с началом церемонии. Люди на площади, впрочем, не выказывали никаких признаков неудовольствия - вероятно, они дожидались того, что произойдет после коронации: выхода королевы к народу, раздачи подарков или чего-то вроде этого. Брат Клавиус, однако, направился не к главному входу, а к небольшой полукруглой двери в правой стене храма. Поднявшись по ступенькам, окаймлявшим собор со всех сторон, он отпер дверь большим ключом на связке и потянул на себя бронзовое кольцо.

Узкий полутемный коридор уводил вперед, где угадывалось большое, заполненное народом пространство, но монах указал на крутую лестницу справа. Следуя за ним, астронавты поднялись на балкон, в обычные дни, возможно, предназначавшийся для певчих (сейчас они выстроились на балконе напротив по другую сторону нефа). Отсюда открывался прекрасный вид на все внутреннее пространство собора.

Широкий центральный неф вместил, наверное, не меньше семи тысяч человек в праздничных одеждах. Однако и их разноцветные наряды, и застывшие в два ряда у основания колонн статуи тонули в полумраке, почти не разгоняемом ни солнечным светом, пробивавшимся сквозь узкие стрельчатые витражи высоко наверху, ни намеренно недостаточным для столь огромного зала количеством свечей. Ярко освещен был лишь центральный проход к алтарю, украшенный пурпурной ковровой дорожкой. Трансепт пересекал центральный неф непосредственно перед алтарем; там, напротив, никого не было, за исключением единственного человека, стоявшего точно посередине средокрестия. Это был высокий старик в бело-золотых ризах и островерхом головном уборе; длинная седая борода ниспадала на его грудь. По всей видимости, это и был архиепископ Айринтийский. По левую и правую руку от него на голом каменном полу трансепта уходили в полумрак громоздкие параллелепипеды из черного мрамора - очевидно, они не могли быть ничем иным, кроме как гробницами. На ближайшей слева к архиепископу и, вероятно, самой новой - судя по тому, как зеркально блестели ее полированные грани, отражая огни свечей - возлежал в головах зубчатый золотой обруч короны, ниже, поперек плиты - белый жезл скипетра, и еще ниже, вдоль, рукоятью вверх - большой меч в сверкающих искорками драгоценных камней ножнах.

Локхарт пересчитал гробницы. Их было двенадцать.

- Это ведь могилы айринтийских королей? - негромко уточнил он у монаха.

- Да, - ответил тот с легким поклоном, - а та, на которой возлежат знаки монаршей власти - нашего новопреставленного государя Гумбольдта. Они все еще принадлежат ему, пока не будут вручены новому монарху.

"Я догадался," - подумал полковник, прикидывая в уме. Даже если каждый из королей правил по тридцать лет, шестьсот в сумме никак не набирается - ну кто бы сомневался, собственно. Набирается триста шестьдесят, а если заменить их на максимально возможные двести, то... сколько это выходит на одного?.. где-то в среднем шестнадцать лет. Негусто, но вполне в пределах правдоподобия.

Тут же, впрочем, он вспомнил, что Дракенхайм - новая столица Айринтии, а в первую

половину ее истории таковой был Айзеншлосс на севере. Кроме того, такой собор по средневековым технологиям должны были строить никак не меньше полувека, так что, вероятно, первые правившие в Дракенхайме короли не дожили до его открытия. Хотя, конечно, их прах могли перенести сюда позже... С другой стороны, откуда следует, что под всеми этими надгробьями - и тем более под такими же в Айзеншлоссе - настоящие кости? Если историю Айринтии удлиняли искусственно, никто не мешал подкрепить миф пустыми саркофагами...

Затем взгляд Локхарта переместился на алтарь и выше, и тут он впервые увидел то, чего увидеть никак не ожидал. На стене за алтарем не было распятия. Вместо креста там красовался совсем другой знак - треугольник с глазом внутри. Прямо как на союзной однодолларовой купюре... Локхарт не застал ни единых США, ни бумажных денег, но такая купюра в детстве у него была - он выменял ее у одного из одноклассников в обмен на пароль к какой-то сетевой игре, а позже внимательно рассмотрел в лупу и перевел с помощью компа латинские девизы: "одобряет предприятие" и "новый мировой порядок". Кто именно одобряет? На официальных сайтах писали, что бог, но из латинской надписи это никак не следовало - там вообще не было подлежащего. Тогда же маленькому Эрику пришло в голову, что две эти фразы, записанные по кругу, надо на самом деле читать, как одну - "новый мировой порядок одобряет предприятие". Однако отец, с которым он поделился этим открытием, обозвал его юным конспирологом и объяснил, что Всевидящее Око в треугольнике - символ вполне христианский.

Что ж, если местная религия и имеет в основе своей христианство, то, очевидно, изрядно модифицированное, раз оно сменило свой главный логотип. Присмотревшись, Локхарт понял, что и на шапке архиепископа красуется тот же треугольник, да и сама она, если смотреть спереди, имеет соответствующую форму.

Снова ударил колокол, но другой, более высокий, три раза подряд. Толпа внизу, наскучившая ожиданием, оживилась; головы поворачивались в сторону входа, многие, стоявшие вдали от центрального прохода, поднимались на цыпочки. Астронавты тоже посмотрели туда, куда было направлено всеобщее внимание.

По пурпурной ковровой дорожке шла девушка - высокая, стройная, в длинном темно-зеленом платье с черной кружевной пелериной (по всей видимости, знак траура по отцу). Светлые, слегка волнистые волосы, не убранные ни в какую сложную прическу - тоже проявление траура или же характера их обладательницы? - свободно ниспадали на плечи, эффектно контрастируя с черной тканью. Девушку сопровождали две фрейлины, отставая на два шага; они шли по голому полу по обе стороны дорожки - пурпурный ковер предназначался только для принцессы.

"Стало быть, все-таки Элинор", - подумал Локхарт с облегчением, которое, впрочем, не имело никакого отношения к личности королевской дочери. Просто чем меньше неожиданных сюрпризов, тем лучше.

Не дойдя примерно десяти шагов до архиепископа, принцесса остановилась - почти напротив балкона, откуда за ней наблюдали астронавты. Фрейлины приблизились к своей госпоже и принялись расшнуровывать и снимать ее платье.

- Что они делают? - удивился Вельо (пожалуй, несколько громче, чем следовало, учитывая отличную акустику собора).

- Согласно древней традиции, - тихо и поспешно принялся объяснять брат Клавиус, - пред коронацией возводимый на престол разоблачается от своих прежних одеяний и в таком виде, открытый Господу и людям, принимает свой венец, после чего облачается в королевские одежды...

Одна из фрейлин аккуратно сложила снятое платье, в то время как вторая, опустившись на колени, по очереди сняла туфли с ног принцессы. Элинор осталась в одной лишь простой льняной рубашке до колен (впрочем, целомудренно застегнутой под самое горло). Фрейлины с ее вещами двинулись прочь, каждая в свою сторону, и скрылись в полумраке боковых проходов.

Последние десять шагов принцесса прошла одна, ступая босыми ногами по ковру, и остановилась перед архиепископом. Из проходов, где скрылись фрейлины, вышли два других человека - на сей раз это были не первой молодости мужчины. Один из них, грузный, круглолицый и гладко выбритый, был облачен в пышные, отороченные мехом одежды вельможи; на шее у него висел большой медальон на золотой цепи. Второй, высокий, с коротко стриженой черной с проседью бородой, обрамлявшей костистое лицо, был в парадных золоченых доспехах без шлема и в длинном тяжелом плаще. Они подошли и встали по обе стороны от первосвященника, сохранив, впрочем, некоторую почтительную дистанцию.

- Это первый министр и главнокомандующий королевской армией, - вновь принялся пояснять Клавиус. - Они должны вручить коронованному регалии - скипетр и меч Йоргела; они же выступают и как свидетели, что коронация произведена в соответствии с законом. Король принимает меч и опоясывается им; после чего салютует им народу; королева же должна вновь вручить меч своему главнокомандующему и благословить народ скипетром. Если бы она пожелала сменить командующего, вместе со старым вышел бы новый, но поскольку, как мы видим, этого не произошло...

"Так вот ты какой, герцог Бронгарский", - подумал Локхарт, разглядывая золотого рыцаря. Герой войны? Насильник и убийца детей? Его облик не противоречил ни тому, ни другому. Не тем ли вызвана задержка коронации, что другой кандидат на его место все-таки был, и торг шел до последнего? А может быть, нового командующего ждали, но... так и не дождались? Хотя человек, обезглавленный в лесу, был чересчур молод для такой должности, да и эскорт его выглядел слишком несерьезным... но кто знает, какие еще смерти могли произойти за последние сутки?

- Но королева ведь может сменить его потом? - спросил Локхарт вслух.

- Разумеется, - наклонил голову монах, - но традиция...

- Кто ты? - громко и строго вопросил архиепископ, и его немолодой властный голос разнесся под сводами собора.

- Элинор, принцесса Айринтийская! - звонко ответила девушка.

- Подтверждаешь ли и клянешься ли ты, что готова занять трон по праву и употребишь все силы, таланты и добродетели свои ради процветания Королевства Айринтия, да поможет тебе в этом Святая Троица?

- Подтверждаю и клянусь!

- Преклони колена, Элинор, принцесса Айринтийская.

Девушка опустилась на одно колено. По толпе зрителей прошел не то чтобы ропот, но некий шепоток.

- Что-то не так? - спросил де Сегюр монаха.

- Король, принимая венец, опускается на одно колено, но королева - на оба, - неохотно пояснил Клавиус. - Это не закон, просто обычай. Но прежде от него не отступали.

Локхарт впервые почувствовал что-то вроде симпатии к доселе совершенно безразличной ему принцессе. Он всегда был сторонником гендерного равенства и уважал тех, кто способен пойти против устоявшихся предрассудков.

Бронгар, стоявший по левую руку от архиепископа и, стало быть, ближе к гробнице Гумбольдта, взял с мраморной плиты корону и подал ее первосвященнику. "Каково это ему, - с усмешкой подумал Локхарт, - подержать корону в руках и отдать другому... Интересно, а если бы короновался он сам, кто бы вручал корону и меч ему? Впрочем, на такой случай тут, конечно, предусмотрены свои правила..."

- Я, Фабиас, архиепископ Айринтийский, властью, данной мне богом и людьми, сим священным венцом айринтийских королей венчаю и благословляю на царство тебя, Элинор, и да правишь ты долго, мудро и справедливо, к вечной славе Айринтии. Встань, Элинор, королева Айринтийская!

Снова появились две фрейлины, несшие на больших подушках сложенную высокой стопкой одежду. Среди зрителей, стоявших ближе всего к трансепту, вновь возникло некое оживление - похоже, они заметили то, что пока не было видно другим. Пока фрейлины натягивали на ноги Элинор длинные зеленые чулки, астронавты еще не чуяли ничего необычного - в их представлении, несмотря на то, что за последние дни они уже не раз видели примеры обратного, чулки все еще оставались чисто женской одеждой. Но когда за чулками последовали высокие сапоги, а также воинского покроя поддоспешник-жиппон и поверх него - темно-синий, расшитый золотом короткий камзол-пурпуэн, никаких сомнений не осталось - Элинор облачалась в мужской наряд! Шум среди зрителей нарастал, распространяясь волной от передней части нефа к задним рядам, но пока трудно было понять, какие чувства он выражает.

- Принцесса... то есть королева ведь не нарушает никаких законов? - осведомился де Сегюр. Жанну Дарк в свое время сожгли в том числе и за мужскую одежду - хотя, конечно, она не была коронованной особой...

- С точки зрения юридической, конечно, нет, - пробормотал Клавиус, столь уверенно взявший на себя функцию гида, а теперь, похоже, пребывавший в не меньшем замешательстве, чем публика внизу (что доставило Локхарту некое мстительное удовольствие, хотя, казалось бы, у него не было причин испытывать неприязнь к монаху). - Бывает, что королевы одеваются в мужское платье, отправляясь на охоту или с визитом в действующую армию... в последнем случае уместны и естественны даже доспехи... но во время коронации - это... беспрецедентно.

Наконец, поверх всей прочей одежды последовала традиционная пурпурная мантия с горностаевой опушкой. Теперь Элинор готова была получить свои регалии. Герцог Бронгарский - надо отдать должное ему и двум другим высокопоставленным особам, никто из них и бровью не повел по поводу свершавшегося на их глазах нарушения традиций - торжественно взял двумя руками меч и, держа его горизонтально параллельно груди, подал новоиспеченной королеве. Та почтительно приняла легендарное оружие основателя Айринтии, поблагодарив командующего коротким поклоном, наполовину выдвинула меч из ножен и приложилась к клинку губами, а затем - в чем Локхарт уже не сомневался - вместо того, чтобы возвратить меч герцогу, ловко прицепила его к собственному поясу. После чего, как ни в чем не бывало, приняла скипетр у министра и повернулась к толпе.

Откуда-то из задних рядов донеслись нестройные приветственные крики - вероятно, там еще просто не знали, что церемония идет не так, как обычно - но передние, похоже, еще сами не решили, как реагировать. Элинор обнажила меч, сверкнувший по всей длине (и весивший не меньше четырех фунтов), и резким рыцарским жестом отсалютовала своим подданным - а затем левой рукой склонила в их сторону скипетр, исполнив, таким образом, оба варианта ритуала.

В тот же миг под сводами собора полилась торжественная, но лишенная излишней помпезности мелодия, и чистый голос запел: "Long live Irinthia!" "Long live Irinthia", - мощно подхватил хор: Хотя исполнителями были церковные певчие, это, очевидно, было не религиозное песнопение, а государственный гимн:

Land of the proud and the dignified,
Freshed by the streaming breeze, washed by the gleaming seas,
Warmed by the tender beams of golden sunlight!

Brave and illustrious, just and industrious,
Faithful and generous, ancient and new,
With meadows flowering, with castles towering,
Long live, our Motherland, we're singing to you!

Long live your warriors, stalwart and glorious,

Long live your artisans, skillful and keen!
Flourish in clarity, peace and prosperity!
Long live Irinthia and God save the Queen![11]

- Да здравствует королева! - громко возгласил Фабиас за спиной Элинор, когда музыка смолкла.

Теперь уже сомневающихся не осталось, и вся толпа, заполонившая собор, взорвалась ликующими криками. Одновременно на колокольне ударили в колокола - на сей раз быстрым, частым и веселым перезвоном. Заслышав колокола главного собора Айринтии, откликнулись звонари других столичных церквей, разнося весть все дальше - "радуйтесь, люди! У нас есть королева!" Вскоре слухи разнесут и дополнительные подробности - новая королева, королева-воительница, готовая дать отпор любым посягательствам с севера и с юга... и изнутри собственной страны тоже.

- Интересно написан последний куплет, - заметил де Сегюр, наклоняясь к Локхарту на фоне всего этого шума. - Слова подобраны так, чтобы рифмоваться и с "королем", и с "королевой", - и добавил тише, чтобы не услышал Клавиус :- Не удивлюсь, если еще сегодня утром эти господа не знали, какой из вариантов им придется петь.

Полковник никогда в жизни не задумывался над рифмами и прочими поэтическим тонкостями, и его внимание в гимне привлекло другое. Если гимны известных ему монархий прошлого обычно начинались с "Боже, храни короля!", то в айринтийском это шло лишь в самом конце. Это, разумеется, не означало недостаточного уважения к государю - заключительное слово нередко даже важнее вступительного, можно было бы даже сказать, что весь текст подводил к финальной фразе. И все же гимн, который начинался с красот природы и хвалы народным добродетелям, а не со славословий властителю, гимн, в котором искусных и трудолюбивых ремесленников славили раньше, чем монарха, говорил об определенной системе приоритетов, которая Локхарту определенно импонировала.

Тем временем Элинор, вернув меч в ножны, двинулась по ковровой дорожке обратно к выходу. Тут же с обеих сторон прохода словно из воздуха соткались стражники, прикрывавшие юную королеву от чересчур восторженных поклонников (и, возможно, не только от них). Тем не менее, между алебардами и кирасами тянулись руки с растопыренными пальцами и слышались крики, умолявшие королеву коснуться их. Элинор, улыбаясь, время от времени протягивала скипетр и дотрагивалась до какого-нибудь счастливца.

---

[11] Ноты: http://yun.complife.info/Long_live_Irinthia.pdf
Послушать музыку можно здесь: https://youtu.be/jW4XeQ6CP4E
Подстрочный перевод (примерный, в силу многозначности ряда эпитетов):

Да здравствует Айринтия!
Да здравствует Айринтия,
Земля гордых и достойных,
Освежаемая струящимся ветром, омываемая сияющими морями,
Согретая нежными лучами золотистого солнечного света!

Прекрасная и прославленная, справедливая и трудолюбивая,
Верная и щедрая, древняя и новая,
С цветущими лугами, с высящимися замками,
Да здравствует наша Родина, мы поем тебе!

Да здравствуют твои воины, стойкие и славные,
Да здравствуют твои мастера, умелые и увлеченные!
Процветай в ясности, мире и благоденствии!
Да здравствует Айинтия и боже, храни королеву!

Локхарт с раздражением отвернулся. Он не имел ничего против этой девушки, достойно сыгравшей свою роль (и, похоже, преподнесшей сюрприз не только скептикам вроде де Сегюра, считавшим ее безвольной марионеткой, но и самому Фабиасу - во всяком случае, его доверенному монаху точно) - однако фанатизм, любой фанатизм, всегда вызывал у него отвращение. С детства, когда отец в первый и последний раз затащил его на футбольный матч, и он оказался внутри этой орущей, скандирующей, вскакивающей с мест толпы. А уж когда вся эта публика принялась послушно выполнять идиотские команды чирлидерш... ему хотелось тогда просто убить этих людей, превратившихся в стадо воющих павианов. Сейчас он был снисходительней - особенно понимая, что у средневековых горожан не так много развлечений, да и уровень их знаний таков, что прикосновение королевы может всерьез считаться чудодейственным - но наблюдать все это ему в любом случае не хотелось, а от криков - прекрасная акустика, да - почти закладывало уши.

Так что он отвернулся, ища взглядом Клавиуса, чтобы попросить того вывести их отсюда и... какая там дальше культурная программа для них заготовлена? - как вдруг замер, увидев лицо Шрамма. Тот смотрел на Элинор, не отрываясь - и, кажется, не замечая больше никого и ничего вокруг. Нет, он, конечно, не кричал и не бесновался, как толпа внизу - он просто смотрел, как отягощенный всеми пубертатными проблемами мальчишка смотрит на первую красавицу школы. Впрочем, нет. Мальчишка мечтает затащить ее в постель. Во взгляде Шрамма не было похоти. Скорее это был взгляд адепта на богиню.

Так, подумал Локхарт. Похоже, по крайней мере один из нас определился с выбором стороны. И выбор этот не смогут изменить ни рациональные аргументы, ни, вероятно, даже приказ командира...

- Я так понимаю, церемония закончена? - громко обратился полковник к монаху.

- Да, - ответил Клавиус. - Официальная часть, конечно же. Королева сейчас выйдет на крыльцо и поприветствует тех своих подданных, что не были допущены в собор, скажет им что-нибудь... приятное, но вы сами понимаете, это не будет государственная речь... В толпу разбросают несколько мешков медных денег, а на дворцовой площади уже установлены столы, где будут до заката раздавать бесплатное угощение. Кроме того, сегодня до полуночи во всех кабаках Дракенхайма будут поить за казенный счет всех, кто пьет за королеву.

- Этак у вас вся столица упьется в лежку, - усмехнулся Локхарт. - Утром будет даже некому приготовить и подать королеве завтрак.

- Не вся, - улыбнулся монах. - Королевские слуги получают слишком хорошее жалование, чтобы давиться за бесплатной выпивкой. И потом, есть же ограничения. Наливают только тем, кто может без запинки произнести "Здоровье ее королевского величества Элинор Первой!" А у кого язык начинает заплетаться...

- Ясно, - хохотнул Локхарт. - Ну мы-то в любом случае по кабакам не собираемся. Можете ли вы посоветовать, куда нам направиться и где обосноваться в столице?

- О, разумеется. Его высокопреосвященство для того и направил меня в ваше распоряжение. Благоволите следовать за мной.

Они спустились за монахом по крутой лестнице, но вместо того, чтобы повернуть к двери, ведущей наружу, Клавиус двинулся дальше по старым, протоптанным до выемок в камне ступенькам, увлекая гостей вниз, в подземелье.

- Куда вы нас ведете? - вновь насторожился Локхарт.

- Его высокопреосвященство содержит в столице дом для гостей светского звания, которым было бы неудобно останавливаться в монастыре, - пояснил монах, не переставая спускаться.

- Это очень... любезно с его стороны - я имею в виду, пригласить нас в гости - но разве выход на улицу не там?

- На улицах сейчас слишком много празднующего народу, - Клавиус остановился и

обернулся с извиняющейся улыбкой. - Проехать будет затруднительно. Я предлагаю вам пройти подземным коридором. Так мы, право же, доберемся быстрее, здесь недалеко.

- Ваш босс... в смысле, его высокопреосвященство распорядился не только предоставить нам кров, но и продемонстрировать тайные ходы? - Локхарт хорошо помнил, как во время прошлого подобного путешествия ему закрывали глаза. - Чем мы заслужили такое доверие?

- Тут, собственно, нет никаких особых тайн, - вновь улыбнулся монах. - Это просто туннель, проложенный, дабы в собор можно было своевременно попасть в те дни, когда передвижение по улицам может быть затруднено... из-за каких-нибудь праздничных событий, например.

"И не только праздничных", - понял Локхарт.

- Так вы идете, господа?

- Да, - принял решение полковник, делая шаг вниз по лестнице. В конце концов, если бы Клавиус и те, кто за ним стоят, хотели им зла, не было бы никакого смысла сначала показывать им коронацию...

Вход в туннель скрывался за низкой тяжелой дверью в глубине сводчатой ниши (отнюдь не единственной в полутемном подвальном помещении); монах тщательно отпер замок другим ключом своей связки и столь же тщательно запер, когда все шестеро прошли внутрь. Проложенный под землей ход ничем особенным не отличался от уже знакомых астронавтам подземелий - те же каменные стены и полукруглый потолок, та же холодная сырость в воздухе - разве что этот туннель все же был освещен масляными светильниками, укрепленными на вмурованных в стены через равные промежутки позеленевших бронзовых кольцах. Сырой воздух образовывал туманные гало вокруг бледных огоньков. Здесь, стало быть, кто-то регулярно проходит и доливает масло, хотя туннелем вряд ли пользуются постоянно... впрочем, едва ли где-либо и когда-либо государственная церковь заботилась об экономии.

Путь и в самом деле оказался недолгим, причем, вопреки ожиданию Локхарта, ни разу не разветвился. Если только тайные двери не были замаскированы под участки каменной стены - что, впрочем, в скупо освещенном коридоре было бы нетрудно проделать - этот туннель был нужен лишь для того, чтобы соединять гостевой дом с собором. Впрочем, вне всякого сомнения, из подземелий собора вели и другие ходы...

Еще одна дверь (клацанье и лязг запоров - сперва с одной, потом с другой стороны), еще одна крутая выщербленная лестница - и они оказались в небольшом холле, откуда вело еще несколько дверей. Монах открыл для них среднюю.

- Ваши комнаты на втором этаже, - любезно пояснил он, указывая на очередные ступеньки. - Три спальни налево, три направо, большая зала посередине - столовая... хотя вы, разумеется, вольны использовать ее и для иных целей - там есть, к примеру, шахматный столик - равно как и можете заказывать еду себе прямо в комнаты. В каждой из них имеется шнурок для вызова прислуги; обо всем, что вам понадобится, сообщайте слугам без всякого стеснения во всякое время...

- Все это очень мило, - произнес Локхарт, - но правильно ли я понимаю, что платы за это с нас не возьмут?

- Вы - гости его высокопреосвященства, - ответил Клавиус с легкой укоризной в голосе.

- Да. Это очень любезно, - повторил полковник. - Но правильно ли я понимаю также и то, что мы вольны покинуть наши апартаменты в любое время?

- О, ну разумеется! Вы можете воспользоваться главной лестницей, выход на которую находится напротив столовой, чтобы спуститься в большой холл и, соответственно, выйти оттуда во двор либо в сад позади дома; а через эту дверь, - монах указал на правую стену, - можно попасть прямо на улицу, если вы пожелаете избежать случайных встреч. Входы охраняют привратники, но им достаточно будет назвать ваши фамилии, и то лишь в первый раз.

- Да, мы ведь не представились...

- В этом нет необходимости, - вновь улыбнулся Клавиус.

"Откуда они... а, ну конечно. Личные бирки на наших скафандрах. Дядюшка Зак, очевидно, проявил к ним куда больше интереса, чем демонстрировал..."

- Обед подадут через час, - продолжал монах. - Пока же в комнатах есть вазы с фруктами... и, как я уже сказал, вы всегда можете обратиться к прислуге, если вам чего-то недостает. В том числе - и если вам понадобятся провожатые. Это я бы вам настоятельно рекомендовал, у нас тут легко заблудиться с непривычки, а некоторые районы, к сожалению, небезопасны, особенно в темное время. А сейчас, - продолжил Клавиус после паузы, - если у вас нет других вопросов...

- Есть вопросы, - не слишком тактично перебил его Вельо. - Зачем нас вообще сюда привели? Ведь не просто же для того, чтобы кормить и поить бесплатно, как рождественских гусей?

Де Сегюр посмотрел на него с укором, полагая, что последний намек был явно лишним.

- Насколько мне известно, - монах опять улыбнулся, - вы сможете обсудить ваши дальнейшие планы лично с его высокопреосвященством.

- А возможно ли будет для нас также получить аудиенцию и у королевы? - осведомился де Сегюр.

- Об этом надо спрашивать не у скромного монаха, - развел руками Клавиус. - Вопросами королевских аудиенций ведает маршал двора. Хотя, я полагаю, если вы изложите вашу просьбу его высокопреосвященству, он сможет передать ее напрямую ее величеству, и это будет быстрее, чем действовать по обычной бюрократической процедуре. Но, как вы понимаете, это всего лишь мой совет, а никоим образом не обещание, давать которые от имени столь высокопоставленных особ я никак не полномочен.

Расставшись с говорливым монахом, астронавты поднялись на отведенный для них этаж, попутно заметив, что указанная им лестница ведет только туда; очевидно, гости каждого этажа имели свой собственный вход, хотя имелась и общая парадная лестница, соединявшая все три этажа. Комнаты (в дверях каждой из них торчал ключ) оказались роскошными по своему убранству, включая лепнину на потолках, широкие кровати под балдахинами, канделябры в виде статуэток крылатых девушек (облаченных в длинные целомудренные хитоны), полированные поверхности и позолоченные ручки мебели - но в то же время и не слишком просторными. В особенности Локхарту не понравились стрельчатые окна, настолько узкие, что больше походили на бойницы, с деревянными рамами решетчатого типа, в квадраты которых были вставлены прозрачные и матово-разноцветные квадраты стекла: смотрелись они симпатично, но вот выбраться наружу через такое окно в случае чего было бы нереально. Да и куда именно выбраться? Окна выходили в сад, но за аккуратно подстриженными деревьями и образующими причудливый орнамент цветочными куртинами вздымалась высокая глухая каменная стена, отсекающая дом от остального города; Локхарт не сомневался, что она опоясывает строение со всех сторон, и выйти отсюда без ключей от подземных ходов, если привратники вдруг раздумают выпускать гостя, будет весьма проблематично. Не понравилось ему также и то, что центральный зал делил жилые помещения на две части, отрезая, таким образом, троих из них от двух других. Впрочем, полковнику оставалось лишь повторить себе, что заманивать их в такую дорогую ловушку не было никакого смысла - если бы Фабиас хотел им зла, их можно было ликвидировать куда проще. Однако кто знает, как могут поменяться намерения архиепископа впоследствии...

Убранство всех спален было одинаковым, если не считать цвета обоев (все они были пастельных тонов, но разных оттенков, от голубого до розового) и портретов: каждую комнату украшало изображение одного из айринтийских королей. В той, что выбрал себе Локхарт (в левом крыле между комнатами де Сегюра и Вельо), висел портрет Гумбольдта, и полковник, оставшись один, некоторое время внимательно рассматривал грузную фигуру и квадратное лицо

серьезного немолодого мужчины в берете с ниспадающим на плечо пером; глаза из-под густых насупленных бровей смотрели угрюмо и властно. Если портрет адекватно отражал характер короля, вряд ли покойный был нежным отцом своей дочери... впрочем, как знать, может быть, как раз ей доставалось то, чего уж точно не получал нелюбимый сын.

"Я отдал Айринтии всю жизнь, а что сделал для нее ты?" - словно читалось во взгляде мертвого короля. "Вопрос не по адресу", - усмехнулся про себя Локхарт и тут же понял, что это не совсем так. Что бы ни говорил де Сегюр об отсутствии моральных обязательств и что бы ни думал он сам о грозящем засосать их болоте средневекового варварства, ему, пожалуй, начинала нравиться эта страна. Не потому, что она возникла на руинах его собственной, безнадежно здесь забытой - в конце концов, к Гроггендору это было применимо в еще большей степени, и именно там, после захвата Бугенхольма, находилась теперь его родная Джорджия - и уж тем более не из-за не очень пока понятного гостеприимства Фабиаса, которое еще вполне могло обернуться своей противоположностью. Но если не предаваться бессмысленной ностальгии по утраченному навсегда, а исходить из реальных альтернатив, то Айринтия, где никогда не было рабства и крепостного права, где закон не ограничивал право носить оружие лишь дворянами, где простой крестьянин отнюдь не спешил уступить дорогу баронессе и грозил ей судом в случае нанесения ущерба его собственности, где не только народ присягал королеве, но и королева народу - такая страна была отнюдь не худшим вариантом. Нет, он не забыл ни резни в Хассенворте, ни трупов на обочине лесной дороги, ни способа, которым граф Хагентрауб "пригласил" к себе артистов, ни предостережений Ференца. Но едва ли где-то в современном мире дела обстоят лучше...

Затем Локхарт направился к высокому бюро, верхняя часть которого представляла собой полку с книгами. Первая из них, тяжелый том в черном кожаном переплете, предсказуемо оказалась "Святым Писанием" с треугольником вместо креста на обложке. Локхарт открыл ее лишь для того, чтобы убедиться, что она печатная, а не рукописная (так оно и оказалось), и тут же поставил обратно. Следом стояло еще несколько книг духовного содержания - "Сумма против язычников", "Классификация чертей, демонов, бесов, духов нечистых, нежити лесной, земляной, болотной, морской, речной и озерной, по классам, родам, видам, рангам и званиям, с приложением душеполезных советов по остережению и противодействию", "Сумма против Беренгария Табитского, превратно сущность Святого Треугольника толкующего" и тому подобных; среди них Локхарта заинтересовала лишь тонкая, но роскошно изданная брошюра "Житие святого Йоргела" - того самого или тезки? Перевернув твердую тяжелую обложку, полковник увидел гравюру, изображавшую воина в доспехах, причем поверх шлема у него красовалась корона, а поверх короны нимб - и понял, что первый айринтийский король и впрямь канонизирован. Вот, стало быть, еще одна причина, почему здесь считают столь важным сохранять династическую преемственность от святого монарха. Понимая, однако, что житие - это не тот жанр, где стоит искать исторически достоверные факты, полковник поставил брошюру на полку. Дальше шло несколько философских сочинений с названиями типа "О дивергенции этических и когнитивных систем, не сводимых к инвариантному Абсолюту", которые Локхарта тоже не заинтересовали. Далее стоял неподъемный фолиант, озаглавленный "Родословие и гербы дворянских родов Айринтии, Бугенхольма и Гроггендора". За ним, неожиданно - "Книга об искусстве, приемах и правилах мечного, рапирного и сабельного боя, мастером Гвидо Хакеншлаггером составленная, с приложением советов по исцелению ран". "Это надо будет показать Шрамму, если только в его номере нет такой же", - подумал с усмешкой Локхарт. Рядом стояли "Основы фортификации". Вот это можно будет почитать и самому, но не раньше, чем он решит записаться в местную армию... Все же он полистал пухлый том, заполненный чертежами, лишь в некоторых из которых непосвященный мог опознать разрезы башен и планы стен, и формулами типа "расчет прочности арочного свода поперечного сечения..." Похоже, эта книга больше предназначалась для архитекторов, чем для военных - хотя, очевидно, и командир осаждаемых, и командир штурмующих должны были иметь

представление обо всем этом хотя бы в общих чертах (например, знать такие таблицы, как "Эффективная дальность и поражающий эквивалент при стрельбе из требушета - масса ядер - масса противовеса") Полковник впервые почувствовал нечто вроде уважения к своим средневековым коллегам, которых доселе представлял преимущественно тупыми грудами мускулов.

Просматривая все эти книги - и особенно последнюю, которой он уделил больше внимания - Локхарт сперва почувствовал, что ему режут глаз многочисленные опечатки, но затем сообразил, что это никакие не ошибки, а изменившиеся за столетия правила. Так, буква "c" оставалась только в сочетании "ch" - во всех же прочих случаях вместо нее писали либо "s", либо "k", в зависимости от звучания, а вместо "qu" теперь писалось просто "q", хотя произношение соответствующих слов, насколько мог судить полковник по уже имевшемуся опыту, осталось прежним; к примеру, "quick" теперь писалось, как "qik". Однако к этому можно было быстро привыкнуть; в остальном же язык книг столь же мало отличался от привычного Локхарту, как и устная речь.

Следом за "Фортификацией" на полке обнаружились несколько рыцарских романов, Локхарта совершенно не заинтересовавших - с реализмом они явно не имели ничего общего, а жанром "фэнтези" он не увлекался даже в детстве. Наконец, последняя книга оказалась и вовсе сборником стихов; поскольку Локхарт никогда не был поклонником поэзии, он уже разочарованно собирался поставить и эту книгу на место, но заметил узкую кожаную закладку, выглядывавшую откуда-то из середины тома. У него мелькнула мысль, что это может быть знаком, оставленным неспроста; впрочем, он тут же сказал себе, что никто не мог заранее знать, какую комнату выберет командир, и даже если набор книг во всех комнатах одинаков, никто не мог быть уверен, что постоялец вообще станет просматривать книги и доберется именно до этой. С другой стороны, это может быть посланием, адресованным кому-то другому, кто хорошо знает, что и где искать; что ж, щепетильность по части чужих секретов теперь - слишком большая роскошь, и информация лишней не будет. Локхарт открыл книгу. На заложенной странице было напечатано стихотворение некоего Георга Рехта:

Черный небесный шелк исколот звездной иглой,
Белым оловом льда расплавился лик луны.
Гнев моего огня давно уже стал золой,
Бег моего коня пронзительней тишины.

Волчьей тропой - за край, прах заметет следы,
Мимо железных гор, мимо свинцовых вод...
Тысячу долгих лет конь мой не знал узды,
Тысячу грозных миль длился его поход.

Пусть глаза мои ныне подернуты льдом,
Я уже различаю во мраке огонь костра.
Я вернулся в долину, где был мой дом,
Принимай же меня, сестра.

Пусть тебя не страшит, что так холодна рука,
Я напою коня и снова вернусь к огню.
Вязью морозных рун расчерчена сталь клинка,
Пепел чужих ветров окутал мою броню.

Что ж, расскажи, сестра, как тебе здесь жилось?

Вьюга твои цветы лисьим хвостом смела,
Выстудила зима пламя твоих волос,
Бездною твоих глаз стала ночная мгла.

Я был мертв всю последнюю тысячу лет,
И у нас остается лишь три часа до утра,
Но, покуда не выплеснул кровь рассвет,
Расскажи обо всем, сестра.

Бремя моих дорог, как едкий металл цепей.
Тысяча долгих бед рассыпана по плечам.
Выучен наш мотив волками чужих степей,
Но не найти дверей к добытым нами ключам.

Тени седых камней жмутся к моим ногам,
Солон и горек вкус встречи среди руин!
Больше не надо слез, я отомщу врагам,
Только прости, сестра - я ухожу один.

Снова скроет туман отпечатки подков,
И холодною кровью оплавится сталь, остра,
Но таков наш удел до конца веков -
Ты же знаешь это, сестра.

Помнишь тот летний день, ручья золотую трель,
Солнца горячий мед в оправе янтарных бус,
Буйство зеленых трав, пастушескую свирель,
Наш беззаботный смех и теплой малины вкус?..

Вот и последний миг. Дай мне свою ладонь.
Гриву склонив к земле, просится конь в полет.
Больше не надо слов, молча гляжу в огонь,
И из моих глазниц капает синий лед.

"А ведь это практически про меня, - подумал Локхарт, осиливший столь длинное стихотворение, кажется, впервые со средней школы. - Про нас всех. Вернувшихся из черных холодных глубин космоса, не принесшего нам ничего, кроме бед, на руины родного дома спустя, ну, пусть не тысячу, а «всего» двести лет. Вот только никакие сестры нас не дождались. И, может быть, хорошо, что не дождались. Кто бы ни разрушил наш мир, мстить уже некому..."

И все же едва ли это могло быть каким-то намеком. Намеком на что? На то, что они уже пытались объяснять открытым текстом куче народу - от офицеров Тайной Стражи и Военной гвардии до горожан на улице, натыкаясь на полное равнодушие в ответ? Нет, очевидно, это лишь случайное совпадение, и страница была заложена лишь потому, что предыдущий гость - точнее, кто-то из предыдущих гостей - дочитал до этого места, когда ему пришло время покинуть дом.

Ладно, подумал Локхарт. Стихотворение, конечно, красивое - этого он не мог не признать - но ничего, кроме грусти, не навевает. А неконструктивные эмоции ему не нужны. Ему нужна полезная информация, которой в этих книгах он определенно не найдет. (Ему представилось, как он подключается через нейроимплант напрямую к Сети и посылает запрос: "Анализ внутри- и внешнеполитического положения Айринтии. Перспективы. Прогноз" - и Сеть, точнее, та часть

из десятков миллиардов ее процессоров, что будет автоматически выделена для обработки его запроса, за долю секунды перелопачивает тысячи статей, сводок и статистических данных, существующих по столь животрепещущей теме, и выводит ему на сетчатку их дайджест вместе с наиболее вероятными сценариями развития событий. Мечты, мечты...)

Локхарт подошел к кровати и дернул за витой, с тяжелой кистью на конце алый шнур, свисавший из отверстия в стене возле изголовья. Никакого звука он не услышал, но, наверное, где-то в комнате прислуги прозвонил колокольчик. Все-таки можно, выходит, обходиться и без электричества... Для верности Локхарт дернул еще раз, а затем обернулся к двери в ожидании. Не прошло и минуты, как в дверь деликатно постучали. "Войдите!" - крикнул полковник.

Дверь открылась, и в комнату вошел молодой человек в белой рясе.

- Вызывали, сэр?

- М... да, - подтвердил Локхарт, ожидавший увидеть горничную. - Скажите, в этом... доме вся прислуга такая?

- В каком смысле, сэр?

- Вы монах?

- Послушник, сэр.

- А мне сказали, что это светское заведение, - усмехнулся Локхарт. - Для тех, кому неудобно было бы гостить в монастыре.

- Мы служим здесь по благословению его высокопреосвященства, исполняя наше послушание, но мы еще не имеем духовного звания, сэр, - пояснил молодой человек.

- Вы получаете жалованье за свою работу?

- Нет, сэр, это наше послушание, - повторил слуга. - Но мы обеспечены всем необходимым.

- А если я дам вам чаевые, вы пожертвуете их в церковную кружку?

- Да, сэр, - ответил юноша, не моргнув глазом.

- Тогда я, пожалуй, воздержусь, - вновь усмехнулся полковник. - Так весь персонал здесь - мужчины?

- Конечно, сэр. Сами понимаете, какие слухи начнут распускать недоброжелатели, если окажется, что гостей его высокопреосвященства обслуживают женщины. Сколь бы добродетельны они ни были на самом деле, сэр.

Локхарт подумал, что аналогичные слухи можно распускать и про молодых мужчин - хотя, возможно, в эту эпоху гомосексуализм загнан в столь глубокое подполье, что большинство даже не догадывается о его существовании. Впрочем, вряд ли дело в этом. Этот крепкий молодой парень своей манерой держаться и отвечать куда больше напоминал хорошего солдата, нежели монаха... то есть, пардон, послушника. Ну да кто бы сомневался, что и его высокопреосвященство - отнюдь не просто благообразный старичок с бородой...

- У вас тут в столице выходят какие-нибудь газеты или журналы? - задал Локхарт интересовавший его вопрос.

- Что вы имеете в виду, сэр?

- Я имею в виду масс-медиа... периодические издания, - переформулировал полковник, уже понимая, что спрашивает впустую. - В которых печатают новости и статьи.

- Статьи законов, сэр? Вы говорите об объявлениях, которые расклеивают на площадях?

- Ладно, забудьте, - вздохнул Локхарт. - А могу я получить какую-нибудь хорошую книгу по истории Айринтии... и других земель? С древнейших времен начиная. Но такую, что описывает факты, а не легенды.

- Вы можете обратиться в скрипторий при государственном архиве, сэр. Там хранятся все айринтийские хроники.

- Да, конечно, - согласился Локхарт без энтузиазма; ему вовсе не хотелось сутками разбираться в древних манускриптах (хотя кой черт древних? самому древнему из них не может

быть больше двух столетий...) - Но неужели никто до сих пор не проделал такой труд? Не написал книгу на основе всех этих летописей?

- Я не библиотекарь, сэр. Но я выясню это для вас и постараюсь найти такую книгу, сэр.

- Хорошо.

- Что-нибудь еще, сэр?

- Нет. Свободны, - ответил Локхарт по-армейски, почти уверенный, что услышит в ответ армейское же "слушаюсь, сэр". Но послушник лишь коротко поклонился и вышел.

Выждав некоторое время, Локхарт также вышел в коридор и, обойдя комнаты своих товарищей, предложил им собраться в центральном зале, не дожидаясь обеда. Рассевшись на стульях с высокими резными спинками вокруг накрытого вышитой скатертью стола, астронавты обменялись впечатлениями. Выяснилось, что ассортимент книг в номерах несколько различается - вероятно, предыдущие постояльцы заказывали что-то в придачу к стандартному набору, и это так и оставалось в комнатах - но ничего особенно полезного в нынешней ситуации там так и не оказалось. Пара книг была вообще на латыни (Вельо, понимавший этот язык, объяснил, что одна из них посвящена значению символов, используемых в геральдике и не только, вторая представляет собой некий заумный трактат мистически-философского характера), но большинство все же на английском. Обнаружился даже справочник по ювелирному делу, который, вероятно, пригодился бы астронавтам, если бы им пришлось оценивать стоимость драгоценных камней - но пока что их богатства ограничивались сотней золотых, полученных от Дармонта и до сих пор не тронутых.

- Между прочим, вы ознакомились с основами местной религии? - осведомился де Сегюр. Остальные покачали головами или ответили в том смысле, что до этого у них не дошли руки.

- Напрасно, - назидательно изрек граф. - Находясь в доме первосвященника, нашпигованном солдатами церкви, следует знать, во что тут положено верить. Я, правда, не думаю, что нас станут преследовать за ересь per se, но если им потребуется предлог...

- Так просветите нас, - перебил его Локхарт. - Вы ведь, как я понимаю, времени даром не теряли.

- Корни у здешней веры действительно христианские, хотя само это слово, как и слово "Христос", насколько я успел заметить, не употребляется. Треугольник символизирует Святую Троицу - хотя, похоже, это лишь одно из многих его значений - перетолкованную весьма своеобразно: теперь ее образуют Иисус, Мария и Иосиф. Последний одновременно считается земным воплощением бога-отца.

- А святой дух, стало быть, выброшен за ненадобностью? - иронически осведомился Локхарт. Он знал, что среди его товарищей нет верующих, и их не заденет подобный тон.

- Не совсем. Он теперь считается не личностью или ипостасью личности, а божественным атрибутом, свойством, присущим всем членам Троицы в равной степени и, собственно, делающим ее единым целым. Иисус, кстати, теперь именуется не только Спасителем, но и Карателем. Он спасает добрых и карает злых, в то время как Мария - заступница за тех и за других, и она же - воплощение сил природы и телесного начала. Иисус - деятельное и эмоциональное начало, человеческое в отличие от природного, а бог-отец - это, если угодно, чистый разум, мыслитель и созерцатель. Полная противоположность своему библейскому прототипу, кстати, в гневе уничтожавшему целые народы, а однажды и вовсе всю жизнь на земле, кроме оставленных на развод пар... Можно трактовать нынешнюю Троицу и так: отец-Создатель, мать-Хранительница и сын-Преобразователь. Но самое интересное не это. Они тут... - де Сегюр не удержался от драматической паузы, - верят в реинкарнацию.

- Своеобразно для христианства, - согласился Вельо.

- Душа после смерти отправляется в чистилище, где и пребывает в более либо менее комфортных условиях - в зависимости от заслуг в последней жизни - до следующего воплощения. Святые, впрочем, не возвращаются и в чистилище не попадают, они "пребывают с

богом" вечно. Понятия кармы не существует, каждая жизнь начинается, так сказать, с обнуленным счетчиком. Кстати, треугольник, похоже, символизирует и вечное повторение жизненного цикла: рост - старение - реинкарнация.

- А как у них тут со священной историей? - заинтересовался Локхарт. - Романская империя, Иудея, Назарет, Иерусалим? Это все упоминается?

- Евангелие только одно, примерно повторяющее известный нам сюжет - я, впрочем, успел просмотреть его лишь бегло - но, насколько я успел заметить, там нет никаких привязок к реальной географии. Используются слова типа "родной город", "селение", "озеро", "столица" без названий. То есть, в принципе, можно представить себе, что все эти события происходили прямо здесь... или где угодно еще. Вообще, как мне кажется, эта их треугольная религия хотя и именуется официально Истинной Верой, предоставляет больший простор для толкований, чем каноническое христианство, развязывавшее целые войны из-за одной буквы. И, соответственно, играет менее заметную роль в жизни общества по сравнению с классическим средневековьем.

- В моей комнате стоит целый том, написанный против ереси какого-то Беренгария, - возразил Локхарт.

- Ну да, какие-то канонические рамки все же существуют... хотя, если моя интуиция верна, этого Беренгария тоже не сожгли на костре. С ним просто дискутируют. Вы обратили внимание, что церемония коронации была фактически светской?

- Проведенная в главном кафедральном соборе архиепископом, перед которым будущий монарх, облаченный чуть ли не в рубище, встает на колени?

- Да, но без пары часов молитв и песнопений перед этим и после. Я не хочу, разумеется, сказать, что Айринтия - это атеистическое или светское государство. Нет, в средневековье такое едва ли возможно, как и вообще сам институт монархии, не опирающийся на религию - ибо чем еще, кроме божьей воли, можно подкрепить эксклюзивные права монарха, не обоснованные ничем, кроме права рождения... Я говорю лишь о том, что здешняя религия, видимо, не столь агрессивна и навязчива, как в знакомой нам истории.

- По-моему, - подал голос Якобсон, - это вполне логично. Раз уж они приняли доктрину реинкарнации. Одно дело - когда за единственный грех можно отправиться в ад навсегда. Цена вопроса слишком высока, и никакие меры не кажутся чрезмерными. И совсем другое - бесконечный цикл жизней, где в принципе нет ничего непоправимого.

- Возможно, - согласился де Сегюр. - Что означает, впрочем, бо́льшую терпимость не только к ересям, но и к злодеяниям вполне реальным. Раз любое из них искупается чистилищем, а потом - новая жизнь с чистого листа...

- Ну, положим, от реальных злодеяний церковь не спасала никогда, какой бы строгой ни была ее доктрина, - заметил Локхарт. - Скорее наоборот. "Убивайте всех - господь на небе узнает своих!" И самый высокий уровень религиозности всегда был среди уголовников. Вообще, давно уже подмечено, что трудно придумать систему, более способствующую злу, чем та, которая провозглашает, что можно убивать всю жизнь, а перед смертью покаяться и попасть в рай. Особенно учитывая, что при этом жертвы убийцы должны оказаться в аду - они-то умерли без покаяния...

- Мы в любом случае не должны терять бдительности, - не стал спорить граф. - Речь лишь о том, что угрозы нам будут носить скорее светский, чем религиозный характер.

- Даже если здесь нет официального института типа инквизиции, позиции Фабиаса явно подкрепляются не одним лишь духовным авторитетом, - констатировал Локхарт. - Здешние послушники - а возможно, и монахи, если канон не запрещает им брать в руки оружие "для защиты благочестия" - это готовая армия или, по крайней мере, личная гвардия.

В дверь постучали. Четверо послушников, легкие на помине, получив согласие, принялись сервировать стол. Обед в гостевом доме его высокопреосвященства оказался куда более изысканным, чем в охотничьем домике Хагентрауба. Здесь явно не предполагалось, что

гости будут рвать жареное мясо руками с общего блюда; каждому было подано несколько тарелок и чашечек с соусами, а также целый набор ножиков, вилочек, ложек и даже чего-то вроде больших пинцетов для накладывания (из всех пятерых лишь де Сегюр знал, как со всем этим обращаться). Да и ассортимент был куда разнообразнее, включая нежнейшую запеченную рыбу, жареных моллюсков, маринованные грибы, разнообразные салаты, удивительно вкусно приготовленные тушеные овощи, нарезанные тонкими ломтиками сыры, теплый, только что из печи, пшеничный хлеб с хрустящей корочкой, а также сладкие пирожные на десерт. Съесть все это вместе мог разве что Вельо (что он с удовольствием и проделал); остальные вынуждены были с сожалением оставить бо́льшую часть столь обильного угощения на тарелках. В напитках тоже были учтены все вкусы: помимо белого и красного вина, были поданы соки и морс в запотевших графинах ("интересно, как они их тут охлаждают без холодильников?") и чай в пузатых фарфоровых чайниках с длинными выгнутыми носиками.

- Delizia, - промурлыкал Вельо, блаженно откидываясь на спинку стула (та жалобно скрипнула). - Впрочем, надо подумать и о пище духовной. Командир, мне обещали возможность поработать с летописями в здешнем скриптории. Вы не возражаете?

- Прямо сейчас?

- Передохну часок после обеда и пойду.

- Хм... мне не нравится, что вы собираетесь туда в одиночку.

- Меня проводят туда и обратно.

- Здешние "послушники"? Я не это имел в виду.

- Я готов составить компанию доктору, - вмешался де Сегюр. - Мне тоже интересно взглянуть на исторические документы.

- Н-ну хорошо, - согласился Локхарт. Ознакомиться с хрониками Айринтии действительно стоит, а идти туда всем впятером смысла нет. В случае нападения профессионалов пятеро окажутся столь же беспомощны, как и двое - тут уж действительно лучше положиться на благорасположение архиепископа и предоставленную им охрану...

- А у м-меня, - подал голос Шрамм, - скоро урок ф-ф-фехт...

- Вы и здесь нашли себе инструктора? Ну что ж, - разрешил Локхарт. - Только не записывайтесь в послушники. Доктор Якобсон, кажется, нам с вами одним предстоит скучать этим вечером. Прогулку по празднующему городу не предлагаю, этого нам хватило в Хассенворте... может, в шахматы?

- Попозже, если не возражаете, - ответил Якобсон с извиняющейся улыбкой. - Я, пожалуй, немного подремлю.

Локхарту спать не хотелось - вероятно, в силу всегдашней умеренности в еде - и он решил спуститься в сад, а заодно и провести некоторую рекогносцировку. Воспользовавшись путем, указанным Клавиусом, он вышел в пустой и гулкий главный холл, миновал очередных крылатых девиц (на сей раз мраморных и в человеческий рост) у подножия парадной лестницы, прошел коридором, уводившим к стеклянной двери в задней части здания, и, наконец, оказался в саду. Здесь он обнаружил то, чего не заметил при беглом взгляде из окна сверху - в саду имелись настоящие зеленые туннели, образованные стрижеными кустами и вьющимися растениями, густо оплетавшими решетчатые арки и натянутые между ними сетки. Под пологом этих туннелей - которые, как вскоре убедился Локхарт, образовывали целый лабиринт, охватывавший весь сад - можно было передвигаться, оставаясь невидимым из окон дома.

Шагая по зеленому коридору, полковник подумал, что, возможно, проводить совещания им лучше здесь, а не в столовой, где их вполне могут подслушать. В свое время именно так делали японцы - для обсуждения секретов не запирались в какой-нибудь бункер, а устраивались на открытом месте на природе, полагая, что уж там к ним никто не подберется незамеченным. Вот, кстати - Локхарт пошел на звук журчащей воды и выбрался из зеленого коридора - и подходящее открытое пространство. Круглая лужайка, не очень, правда, большая, с говорливым

фонтанчиком в центре. В чаше фонтана плавали красные и оранжевые рыбки. Локхарт посмотрел на дом; трехэтажное строение под крутой красной крышей выглядело не слишком большим, но вместе со всей прилегающей территорией - в городе, теснящемся в пределах крепостной стены! - наверняка стоило преизрядных денег. И ведь это всего лишь домик для гостей... Локхарт с усмешкой вспомнил слова Дармонта, что Фабиас всегда был скрягой, пока что мало похожие на истину - впрочем, кто сказал, что капитан был объективен по отношению к главе враждебной партии? Хотя и скрягой можно быть смотря по отношению к кому. Вполне вероятно, что именно скаредность по отношению к простой пастве и позволила архиепископу стяжать такие богатства для себя лично - и для произведения впечатления на тех, кого он почему-либо считает особо полезными... Если де Сегюр и прав насчет меньшего идеологического влияния церкви в этом мире, то уж финансовые рычаги она из рук явно не выпускает. Что ж, Локхарт всегда считал, что всякая религия - это в первую очередь бизнес, даже если какая-то часть персонала и в самом деле верит в то, что внушает пастве. Но Фабиас, очевидно, не из таких. Это не идейный фанатик. С ним можно говорить, как с деловым человеком, и это хорошо...

- Вот вы где, - услышал Локхарт прямо над ухом и вздрогнул: за журчанием воды он совершенно не слышал, как подошел Клавиус. - А я вас везде ищу, - продолжал монах. - Вы, как я понимаю, уже отобедали? И как вам? Есть какие-нибудь замечания?

- Все было превосходно, - сдержанно ответил полковник. - Но вы ведь разыскивали меня не затем, чтобы спросить о качестве обслуживания?

- Вы проницательны, - улыбнулся монах. - Дело в том, что его высокопреосвященство желает побеседовать с вами, и у него как раз есть немного времени прямо сейчас. Это большая удача, его высокопреосвященство очень занятой человек, а сегодня еще вся эта коронация... Если вам, конечно, удобно, - вежливо добавил Клавиус.

- Разумеется, - кивнул Локхарт. - Вы имеете в виду меня лично или всю нашу группу?

- В данный момент вас лично. Ведь именно вы возглавляете ваших людей? Вы сможете, разумеется, донести до них содержание разговора - в том объеме, который сочтете нужным.

- Да, - подтвердил Локхарт. - Ну что ж, не будем терять драгоценное время его высокопреосвященства.

Клавиус в очередной раз произнес свое "благоволите следовать за мной" и нырнул в зеленый туннель, который привел их к неприметной полукруглой дверце в увитой плющом высокой стене; как понял Локхарт, это было продолжение той глухой стены, которую он озирал из окна. За дверью, которую монах отворил своим ключом, оказался короткий, завивавшийся запятой коридор, переходивший прямо в винтовую лестницу; поднявшись по ней до высоты второго или третьего этажа - без промежуточных площадок Локхарт не мог сказать с уверенностью - они вышли в другой коридор, прямой и довольно длинный, лишенный окон, но хорошо освещенный масляными лампами. По всей видимости, резиденция архиепископа - если это и в самом деле была она - вплотную примыкала к ограде, отделявшей ее от дома для гостей. Полковник отметил про себя, что здешнее убранство куда менее роскошно, чем в недавно покинутом им здании. Никакой лепнины и позолоты, никаких ковров и статуэток - простота и строгость во всем. Нет, не до утрирования, конечно, не до голых кирпичей и скрипучих щелястых половиц - пол был все же мраморным, а стены - отделаны большими деревянными панелями, но это совершенно не бросалось в глаза, и, скорее всего, и сорта мрамора, и породы дерева были не самыми дорогими, а сама отделка - явно не новой. Здесь доминировала функциональность, а не желание произвести впечатление... а может, и нет, тут же подумал с усмешкой Локхарт. Возможно, личная скромность архиепископа, заставляющая придворных распускать слухи о "скряге Фабиасе", как раз вполне намеренно и расчетливо призвана контрастировать с роскошью, которой он готов окружить дорогих гостей...

Они прошли весь коридор из конца в конец, миновав несколько запертых дверей справа

(полковник подумал, уж не сделан ли коридор таким длинным, чтобы охрана успела перекрыть его, если этим путем проникнут злоумышленники, и не за этими ли дверями находятся посты "послушников") и оказались перед дверью в дальнем торце. Клавиус деликатно постучал; уже знакомый Локхарту голос, теперь, впрочем, лишенный всяких торжественных интонаций, пригласил войти. Клавиус чуть приотворил дверь и тут же отступил в сторону, с поклоном делая Локхарту приглашающий жест. Полковник вошел, и дверь за его спиной тут же мягко закрылась; монах остался снаружи.

Локхарт оказался в неожиданно большом кабинете - помещение было в несколько раз больше того, в котором его принимал Дармонт. Впрочем, размеры, вероятно, служили не демонстрации куда более высокого статуса владельца - во всяком случае, не в первую очередь - а вполне практической цели: в меньшем помещении просто не поместились бы все эти шкафы, набитые книгами. Узкие стеллажи стояли даже между стрельчатыми окнами, откуда лился солнечный свет. Монументального вида стол - полковник подумал с усмешкой, что мог бы посадить на него небольшой вертолет - располагался почти посередине помещения - чуть ближе к окнам, нежели к двери. На столе было множество бумаг, которые, однако, не производили впечатления беспорядка, а были аккуратно разложены на несколько стопок. Локхарт поискал взглядом стулья для посетителей и не обнаружил таковых; возможно, сидеть в присутствии архиепископа не полагалось; но, не успел Локхарт проникнуться раздражением по этому поводу - не слишком ли рано смиренный слуга божий возомнил себя королем? - как хозяин кабинета поднялся из высокого кресла и вышел из-за стола навстречу гостю.

Теперь Фабиас был облачен в длинный бархатный темно-фиолетовый камзол без всяких украшений и знаков своего сана и выглядел в нем почти по-домашнему. Локхарт с удивлением понял, что без своей треугольной шапки архиепископ даже не столь уж и высок - на пару дюймов ниже самого полковника.

- Добро пожаловать в Дракенхайм, полковник Локхарт, - произнес Фабиас голосом доброго дедушки, радушно приветствующего приехавшего издалека взрослого внука, которого он никогда прежде не видел, но которому теперь жаждет продемонстрировать свои владения.

Локхарт не знал, как здесь положено приветствовать архиепископа - кланяться, может, даже целовать руку (чего он делать точно не собирался) - потому ограничился тем, что коротко наклонил голову и ответил: - Благодарю вас, ваше... высокопреосвященство, за... все, сделанное для меня и моих людей.

Такая обтекаемая формулировка показалась ему наиболее удачной. Одновременно он задумался, называл ли кому-то из людей Фабиаса свое звание? Дармонту - да, а вот ни дядюшке Заку, ни всем прочим, кажется, нет. И на бирке его скафандра звания тоже не было. Кэйлианам незачем было знать, что в состав сугубо мирной миссии "Доброй воли" входят военные...

- Ваш путь сюда был не слишком спокойным, насколько мне известно, - ответил Фабиас, - но, надеюсь, ваше пребывание в столице будет более приятным. Во всяком случае, в той мере, в какой это в моих скромных силах... в наше непростое время.

"Угу - 'только я могу гарантировать вашу безопасность здесь'", - мысленно перевел Локхарт и решительно произнес:

- Ваше высокопреосвященство, я весьма польщен личным вниманием столь высокопоставленного лица, но прежде, чем принимать ваши милости, мне бы хотелось удостовериться, что здесь нет никакой ошибки или недопонимания. Что нас не принимают за тех, кем мы на самом деле не являемся - в том числе, не переоценивают наши возможности. В Айринтии у нас нет никаких связей или влияния на здешние политические силы. Мы всего лишь чужаки, чей корабль потерпел крушение у ваших берегов.

Полковнику ясно представился, как де Сегюр возмущенно восклицает "Что вы делаете?!" и чуть ли не хватается за голову (что вообще для сдержанного дипломата было несвойственно). Граф наверняка настаивал бы, что им нужно создать ауру как можно большей собственной

значительности, и что если Фабиас считает их могущественными союзниками, то этим следует пользоваться на полную катушку и уж как минимум - сначала выжать из архиепископа как можно больше информации. Но Локхарт решил следовать собственному правилу "сокращения числа неизвестных в уравнении". Они слишком плохо разбираются в нынешнем мире, чтобы уверенно и успешно блефовать, а лишние знания, доверенные им по ошибке, могут стать для них попросту смертельно опасными. Выдавать себя за посланцев некой могучей силы - хотя бы и той, что строит летающие корабли и делает непробиваемые доспехи (что было бы правдой, если бы она и в самом деле все еще существовала) - еще можно было бы в условиях мира и покоя. Но в условиях острого кризиса (а Локхарт не был столь наивен, чтобы верить, что кризис завершился с коронацией Элинор) от каждого союзника рано или поздно - и скорее рано - потребуется предъявить его действительные, а не мнимые возможности. Каковые у пятерых астронавтов, оставшихся без всех своих высоких технологий, были весьма скромными. Среди них даже нет ни одного инженера, способного воплотить знание общих принципов погибшей цивилизации в конкретные технологические решения, доступные миру средневековья. Возможно, опять-таки, в условиях мира и покоя их знания сумели бы направить в нужном направлении теперешних умельцев - но не в ситуации, когда непосредственная военная угроза требует быстрых и простых решений.

- Не стоит беспокоиться, полковник, - чуть улыбнулся Фабиас. - Ваше участие одобрено. В противном случае вам, конечно, не позволили бы дойти так далеко.

- Одобрено кем? - нахмурился Локхарт, еще острее, чем прежде, чувствуя себя пешкой в чужой игре, правил которой он не знает.

- Заинтересованными сторонами[12].

"Новый мировой порядок одобряет предприятие", - вспомнилось Локхарту. Он посмотрел на Фабиаса взглядом, требующим пояснений.

- Насколько вы знакомы с политической ситуацией в Айринтии? - спросил архиепископ.

- Элинор взошла на трон согласно завещанию покойного короля, но ее права может оспорить ее единокровный брат Арвик и, возможно, ее дядя Бронгар, пока что вновь утвержденный ею в должности главнокомандующего. Кроме того, вашей стране угрожают Гроггендор с севера и Тлукаляхан с юга, - о прочих деталях Локхарт решил пока не распространяться.

- В общих чертах все так, - кивнул Фабиас. - Нам будет удобнее продолжать беседу, глядя на карту.

- Несомненно! - обрадовался Локхарт. Увидеть карту нового мира он мечтал с самого прибытия.

Фабиас подошел к одному из шкафов и извлек оттуда внушительных размеров рулон; чтобы развернуть карту целиком, потребовалась чуть ли не вся поверхность огромного стола. Локхарт встал слева от архиепископа, жадно разглядывая изображение, выполненное в типичной средневековой манере - с рисунками кораблей, морских животных, крепостных стен и башен и надувающим щеки Бореем (или как там он теперь звался) в углу. К разочарованию полковника, это не была карта мира; она, по всей видимости, изображала лишь центральную часть Америки - юг северного и север южного континента. "По всей видимости" - ибо очертания берегов отличались от знакомых Локхарту со школы (и не раз впоследствии виденных из космоса). В частности, Флорида (закрашенная ныне в голубой цвет и пересеченная огромной, сообразно масштабу карты, каллиграфической надписью "Королевство Айринтия") стала толще и с востока, и особенно с запада, а острова Флорида Киз слились друг с другом и с материком, образовав нечто вроде выгнутого на запад тупого крюка. Вельо действительно напрасно надеялся отыскать в подземельях Хассенворта следы погибшей цивилизации - во времена

[12]В оригинале "The stakeholders" - более многозначное понятие.

цивилизации это место, скорее всего, было дном Атлантики... Кирландский залив, напротив, заметно скукожился по сравнению с Мексиканским. Приросли сушей и другие побережья; особенно распухли Багамы и та часть Центральной Америки, где некогда находились Никарагуа и Онду́рас[13]. Площадь Панамского перешейка тоже увеличилась (никаких следов Панамского канала, кстати, на карте не было, равно как и Никарагуанского). В целом, если отбросить версию об ошибках неумелых средневековых картографов, всему этому напрашивалось только одно объяснение - уровень мирового океана значительно понизился. Но что послужило этому причиной?

Вслед за океаном, видимо, опустился и уровень грунтовых вод. Локхарт с удивлением понял, что вековой лес, через который они ехали с труппой Ференца, некогда был крупнейшим в Конфедеративных Штатах пресноводным озером Окичоби, от которого теперь остались лишь отдельные болота в этом лесу. Вместе с тем Флорида в целом определенно не пересохла - почти всю центральную часть полуострова занимали Иммермурские болота, в коих некогда увязла бугенхольмская армия. Теперь, правда, они выглядели не столь безнадежно - с севера на юг через них тянулись тонкие линии дорог, к которым кое-где лепились селения, а в самом центре болот зубчатый венец обозначал не то город, не то крепость.

Локхарт легко отыскал обе столицы - Дракенхайм к югу от Иммермура и Айзеншлосс к северу - а также Хассенворт и даже мельком упомянутый комедиантами Бигенбаген, небольшой городок на северо-западе, но не обнаружил на карте никаких следов городов своей эпохи, даже и под другими именами. Конечно, он не мог теперь по команде нейроимпланту вывести на сетчатку карту Флориды и не помнил ее в подробностях (в чем при работающих нейроимплантах просто не было необходимости), но вполне представлял себе местоположение Майами, Тампы, Джексонвилля, Орландо и нескольких других наиболее крупных городов. Теперь, несмотря на крупный масштаб и большую детализацию карты, на этих местах не было ничего - даже мелких деревушек или развалин. Локхарт вновь задумался, что же за катаклизм мог стереть без остатка с лица земли столь обширные поселения, возведенные - если говорить о самых новых их зданиях - по надежным технологиям XXI столетия. Уж явно не изменение климата само по себе! А может, это не уровень океана понизился, а, напротив, суша поднялась вверх? Что, конечно - произойди это в столь ничтожные сроки - должно было сопровождаться землетрясениями чудовищной силы, действительно способными разрушить цивилизацию, по крайней мере, в этих краях. Но возможно ли такое в принципе? Локхарт имел очень ограниченные познания в геологии, но сильно в таком сомневался. Ладно еще западное побережье с его вечной сейсмической активностью, но восточное... и вообще весь юг Северной Америки и север Южной...

- Это территория княжества Хильд, с которого началась Айринтия, - Фабиас вернул гостя от физической географии к политической. Его палец прошел по северу Иммермура, затем вдоль побережья и по кривой пунктирной линии, наискосок, с северо-востока на юго-запад отделявшей полуостров от материковой части Флориды, в прежние времена именовавшейся "Ручкой Сковородки". Локхарт заметил, что если в правой части это просто пунктир, то в левой он накладывается на жирную линию, упирающуюся в кирландское побережье как раз над Бигенбагеном и обозначающую, вероятно, нечто более материальное. Выглядело это так, словно некто пытался оторвать полуостров от материка по перфорации, но бросил это занятие на середине; не хватало только надписи "открыть здесь". В первый миг Локхарт подумал, что это пограничная речка (которой не было два века назад, но теперь это уже не должно было удивлять), но затем вспомнил слова дядюшки Зака о недостроенном канале, который должен был обезопасить Айринтию от нападения гроггендорцев. Ныне, однако, голубая айринтийская территория простиралась по обе стороны от пунктира и канала; розовые гроггендорские земли

[13]По-испански - именно так, с ударением на втором слоге.

начинались дальше к северу и тянулись через весь континент примерно от Южной Каролины до Южной Калифорнии, захватывая также север Мексики. По сравнению с Айринтией, размеры угрожавшей ей с севера империи впечатляли. Локхарт тут же напомнил себе, что на самом деле мощь государства, даже средневекового, определяется вовсе не его площадью - но, во всяком случае, Бугенхольм гроггендорцы сожрали и не подавились...

Желтая территория Тлукаляхана выглядела не сильно приятней. В ее состав вошла почти вся бывшая Мексика вместе с южной частью Тэксаса, весь приросший вышедшими из моря землями центральноамериканский перешеек и север Колумбии и Венесуэлы. Утешали разве что отсутствие общей с Айринтией сухопутной границы и, если верить Дармонту, слабость тлукаляханского флота.

- Это, - продолжал меж тем Фабиас, указывая на голубое к северу от недорытого канала, - бывшие земли Бугенхольма, полученные нами по договору, заключенному королем Гумбольдтом, и ныне служащие поводом раздора между нами и Гроггендором... Вы знаете, что такое Бугенхольм и какую роль он играл в судьбе Айринтии?

Локхарт подтвердил, что знаком с этой частью здешней истории (во всяком случае, с официальной ее версией, добавил он про себя), разглядывая тем временем новоприобретенные земли. Новая версия Ручки была короче и толще прежней, то есть меньше простиралась на запад и больше - на север (а также и на восток, учитывая отступивший с этой стороны океан). Это делало стратегическое положение новой территории несколько лучше - прежнюю Ручку, тянувшуюся вдоль побережья полосой длиной в триста миль и шириной всего в сорок в самых узких местах, было бы практически невозможно защитить от рассекающих ударов превосходящих сил с севера, особенно в условиях отсутствия у Айринтии военного флота, который мог бы обеспечить снабжение и подкрепления с моря. Но и нынешнее территориальное приобретение Айринтии заставило Локхарта неодобрительно приподнять уголок рта.

Эта мгновенная гримаса не укрылась от внимания Фабиаса, чей взор, казалось, был устремлен на карту, а не на собеседника.

- Вы не одобряете договор с Бугенхольмом, полковник? - тут же спросил архиепископ все тем же мягким голосом. - Вы полагаете, что Гумбольдт совершил ошибку?

Локхарт мысленно напрягся. Чего от него хотят? Профессионального мнения военного (подчеркнув это обращением по званию)? Демонстрации лояльности покойному королю и его могущественному другу? Или наоборот - готовности говорить неприятную правду в лицо?

- На тот момент, когда договор был заключен, это, возможно, было вполне резонным решением, - ответил он, не кривя душой. - Но после предательства заговорщиков в самом Бугенхольме ситуация изменилась. Раньше вы имели границу с Гроггендором - то есть пардон, на тот момент еще с Бугенхольмом - практически по самому узкому месту перешейка, враг мог атаковать по суше только с севера, и сама граница была защищена каналом, хотя бы частично, и, как я понимаю, многочисленными укреплениями, возводившимися в прошлые годы. Теперь протяженность вашей сухопутной границы возросла более чем вдвое, новая территория может быть атакована по сходящимся направлениям с севера и запада, - Локхарт показал на карте, - и, что еще хуже, новая граница, насколько я понимаю, не имеет укреплений. У Бугенхольма возводить их в глубине собственной территории не было смысла, а у Айринтии - времени.

- Строится пояс крепостей... - возразил Фабиас.

- При современных темпах строительства вы не успеете его достроить, - жестко парировал Локхарт. - Если, конечно, гроггендорский император не решит поиграть с вами в поддавки. Я бы на вашем месте бросил все эти средства не на крепости, а на то, чтобы докопать канал. Он обеспечивает сплошной рубеж. А между крепостями всегда можно пройти.

- То есть вы считаете, что не следует даже пытаться защищать новые территории? - прищурился Фабиас.

- Я считаю, что формальный casus belli никогда не бывает истинной причиной войны.

("Помнят ли здесь латинские выражения? Ах да, Вельо упоминал книги на латыни...") И соответственно - его устранение не может предотвратить таковую. Если агрессор хочет напасть, он нападет, так или иначе. Но когда это случится, защитить эти земли будет невозможно. Если, конечно, армия Гроггендора чего-то стоит.

- Некоторые при дворе разделяют то же мнение. Но герцог Бронгарский считает иначе.

- Я говорю не с герцогом Бронгарским, - пожал плечами Локхарт.

- Герцог - главнокомандующий королевской армией и прославленный полководец, однажды уже разбивший гроггендорцев именно на этих землях. А я - всего лишь смиренный служитель Святой Троицы.

- И какой же из ее углов вы предпочитаете? - не сдержал усмешки Локхарт, которого игры в религиозное смирение всегда раздражали.

- Вы желаете проповедовать ересь Беренгария архиепископу Айринтийскому? - нахмурился Фабиас. - Только беренгарианцы дерзают утверждать, что члены Троицы не равнозначны между собой, и даже противопоставлять их друг другу.

- Прошу прощения, - тут же сдал назад Локхарт. - Я не знаком с тонкостями вашего вероучения, равно как и со здешними ересями. Я лишь хотел метафорически подчеркнуть, что сам предпочитаю разум эмоциям. И других призываю к тому же. Я не имею никакого намерения спорить о религиозных вопросах и прошу трактовать эти и любые мои слова исключительно в земном плане.

- Несомненно, - согласился Фабиас, - если бы я хотел устроить религиозный диспут, то пригласил бы не вас.

- Если вы пригласили меня, как военного, не связанного субординацией с герцогом Бронгарским, и сами поинтересовались моим мнением, то я вам его высказал. Принимать ли его к сведению - дело ваше.

- Вы признаете, что уход с этих земель не спасет нас от нападения. Гроггендорцев наша уступчивость скорее поощрит, а вот на моральный дух айринтийцев повлияет не лучшим образом. И в то же время вы считаете, что отстоять новые территории мы не сможем - хотя, поправьте меня, если я ошибаюсь, вы знаете и о нашей армии, и об армии Гроггендора гораздо меньше, чем Бронгар.

- Вообще ничего не знаю, - согласился Локхарт. - Вполне возможно, что армия Айринтии, - он обвел пальцем очертания страны на карте, - сильнее, чем армия Гроггендора, - он широко провел ладонью слева направо над розовыми землями, подчеркивая размеры страны. - Которая последние триста лет только и делала, что воевала и увеличивала свою территорию... более чем в два раза, я правильно понимаю?

"Черт, какие триста? - мысленно спохватился он. - Всем этим государствам не может быть больше двух веков. Я уже проникаюсь местной мифологией. Впрочем, если это поможет его убедить..."

- Ну почти, - подтвердил Фабиас. - Гроггендор начинался, как союз кланов Западных гор, - он провел рукой над бывшей территорией Южной Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико, - союз более номинальный, чем фактический. Тем не менее, на равнины они вышли еще до того, как началось ослабление Бугенхольма. Длительное время граница между ними проходила по Шлемвассеру, - Фабиас провел пальцем по Миссисипи - по крайней мере эта река оказалась на своем месте. - Затем Бугенхольм без особого труда продвинулся на запад. Ну а при Ингваре II началось движение в обратном направлении...

- Так вы признаете, что гроггендорская армия сильнее айринтийской? - вернул его к главному Локхарт.

- Сильнее, - наклонил голову Фабиас. - Так что вы предлагаете? Если, по-вашему, и защищать, и отдать новые земли бесполезно?

- Ну... - полковник наклонил голову, глядя на карту, - с чисто военной точки зрения, как я

уже сказал, нужно укреплять старую границу и стянуть туда все силы, оставив на новой чисто номинальные заслоны. Чьей задачей будет создавать у врага иллюзию, что они куда более многочисленны - насколько я понимаю, Бронгару в свое время удалось именно это? - но которые, конечно, дадут лишь временную отсрочку и будут потеряны в первые же дни реальных боев. Но, возможно, лучшее решение тут лежит не в военной области... - ему вспомнился де Сегюр. - Нет ли, к примеру, у Гроггендора какого-нибудь неженатого принца, за которого ваша новая королева могла бы выйти замуж?

- Гроггедорские принцы женятся только на представительницах гроггендорских кланов, - покачал головой Фабиас. - Причем существует даже четкий порядок, в котором эти кланы чередуются. Этот обычай принят после гроггендорской смуты сто сорок лет назад с целью обеспечения единства страны - мол, нет смысла бунтовать против власти Хобденов, со временем каждый клан получит свою королеву или принцессу... теперь уже императрицу. Есть, правда, бывший бугенхольмский король, формально все еще сохраняющий этот титул, - добавил архиепископ без энтузиазма. - Ему сейчас 24, как раз подходящий возраст. И гроггендорские послы выдвигали это предложение еще при жизни Гумбольдта, три года назад. Тогда все считали, что наследником будет Арвик, и соответственно для Элинор это могло показаться выгодной перспективой. Но Гумбольдт отказал. Потому что Финеас - так его зовут - чисто номинальная фигура, не решающая вообще ничего. Он даже ни разу не был в своей столице с тех пор, как его увезли оттуда маленьким ребенком. Бугенхольмом управляет гроггендорский наместник, формально утвержденный Финеасом, а последний даже не пытается интересоваться политикой. А если бы он все же попытался, его убрали бы точно так же, как убрали его отца, брата и прочих родственников. Элинор, став его супругой, не смогла бы его защитить - напротив, сама оказалась бы в опасности. Ну и кроме того, - добавил архиепископ, - возможно, у Гумбольдта уже тогда были иные планы на Элинор.

- Возможно? То есть наверняка вы этого не знаете? Мне казалось, вы были близким другом короля.

- Его величество оказал мне эту честь, тем более высокую, что обычно он отличался весьма строгим нравом и не склонен был доверять людям... для чего, увы, имелось достаточно оснований. Но всех своих планов он не доверял даже мне. В чем лишь проявлялась его мудрость, ибо всякий человек слаб, и даже Господь наш Иисус просил Отца избавить его от Чаши...

- Вот как? - усмехнулся Локхарт. - А мне казалось... - он запоздало прикусил язык.

- Договаривайте, - потребовал Фабиас.

- Что это именно вы склоняли короля сделать Элинор наследницей.

- Мои советы и планы короля - не одно и то же, - улыбнулся архиепископ. - Что бы там ни говорили злопыхатели.

- Но если теперь Элинор королева, ситуация для нее улучшилась, разве нет? Она уже не должна ехать к мужу в Гроггендор. Она может взять его сюда в качестве... консорта, так ведь это называется?

- И он по-прежнему не будет значить для Гроггендора ничего, - возразил Фабиас. - Он не будет заложником, способным гарантировать мир - да и с какой бы стати им выдавать нам такого заложника, если мир не в их интересах? Зато за ним последует положенная ему по статусу свита. Вы думаете, нам очень нужно нашпиговать двор гроггендорскими агентами? А в случае, допустим, его внезапной смерти Гроггендор обеспечит себе дополнительный casus belli.

- Да, действительно, - смущенно пробормотал Локхарт. Глупо было лезть со своими дилетантскими советами к мастеру средневековой интриги. Тем не менее, он сделал еще одну попытку:

- А что находится к северу от Гроггендора? - эти территории остались за пределами карты.

- Безжизненная пустыня, - без запинки ответил Фабиас.

"Все-таки ядерная война? - подумал полковник. - Или, может, не ядерная, но не менее разрушительная..."

- А к югу от Тлукаляхана? - спросил он вслух.

- Дикие джунгли.

- Стало быть, больше союзников ждать неоткуда, - понял Локхарт. - Впрочем, и врагов тоже... Вы ведь не поддерживаете никаких контактов с Европой?

- С чем?

- Со странами по ту сторону океана.

- Ни один корабль не может пересечь океан.

"Да уж. И никто из нас не знает, как строить парусники - как, впрочем, и пароходы. Да и, может быть, слова Фабиаса - не обычное средневековое невежество? Может, изменение климата, а то и геологии, породило такие ветры и течения - или зоны сплошных рифов через всю Атлантику - которые и в самом деле ставят крест на трансокеанских путешествиях?"

Тут ему пришел в голову вопрос, который уместнее всего было задать как раз его теперешнему собеседнику.

- А в какой стране, в таком случае, родился и жил Иисус? Насколько я понимаю, ваше Евангелие не называет ее по имени, но говорит, что это была империя. Если это не страна за океаном и, очевидно, не Гроггендор, тогда что же - неужели Тлукаляхан?

- Нет, - покачал головой Фабиас. - Некогда существовала древняя Империя, объединившая все эти земли. Но она отвергла Иисуса и распяла его, и за это подверглась Божьей каре. Бог разделил и смешал языки ее жителей, и Империя распалась. Само имя ее было забыто, и о ней, по воле Троицы, сохранились лишь те сведения, что изложены в Евангелии. Все современные страны возникли на тех же землях уже позже.

"Очевидно, в местной мифологии падение Ромы переплелось с историей о Вавилонской башне, - подумал Локхарт. - Плюс, возможно, повлияли верования мормонов, считавших, что евангельские события происходили в Америке. Но, в любом случае, для местных это вполне непротиворечивое объяснение, и доказать им, что существуют, или хотя бы существовали, другие обитаемые земли, не получится, даже опираясь на их священное писание... "

- Стало быть, у вас тут существует только каботажное плавание? - спросил он вслух. - Тогда мне непонятно, кого грабят ибикейские пираты, если не считать прибрежных деревушек. И какая тут вообще может быть морская торговля, если в регионе имеются лишь три страны, враждебные друг другу...

- Четыре, - поправил Фабиас. - Хотя официально, конечно, Ибикейскую республику никто не признает. Но ее меньше всего беспокоят формальности... А суда ходят и через Ибикейское море, и через Кирландский залив. А торгуют, естественно, все со всеми. Вражда - не помеха для получения прибылей. Даже война не помеха. Конечно, риск в этом случае возрастает, но и прибыль в случае удачи тоже.

- А этих пиратов нельзя как-нибудь натравить на Гроггендор?

- Они никогда не принимают ничью сторону, кроме своей собственной. Напасть на плохо защищенный корабль они всегда готовы и без наших подначек. Раздражать гроггендорский флот чересчур активно не в их интересах. И уж тем более они не станут воевать на суше - да и сил у них для этого нет.

- Ну тогда... - медленно произнес Локхарт, - боюсь, я не могу предложить для безопасности Айринтии ничего лучше того, что уже предложил. Если, конечно, у вас нет какого-то неизвестного мне козыря.

- Увы, мне такой козырь также неизвестен, - ответил Фабиас, - хотя, строго говоря, это не означает, что его нет... Но кое-что известное вы все же упускаете из виду, - он выдержал паузу, но Локхарт не стал гадать. - Тлукаляхан.

- Тоталитарная рабовладельческая империя, враждебная Айринтии с самого появления таковой?

- Сейчас важно не то, что она враждебна Айринтии, а то, что она враждебна Гроггендору. Сейчас между двумя империями установилось шаткое равновесие. Если Гроггендор вторгнется в Айринтию, оно будет нарушено в его пользу. Тлукаляхану это не понравится.

- Бугенхольм такие соображения не очень-то спасли.

- Тогда на суше было четыре страны. Теперь осталось три. Тлукаляханцам, конечно, стоило бы побеспокоиться раньше. Но они слишком тяжелы на подъем. Их империя слишком увязла в бюрократии с одной стороны и коррупции с другой, чтобы быстро реагировать на перемены... чтобы *признавать сам факт* перемен. Но они все-таки способны делать выводы. И теперь, насколько мне известно, они делают намеки Гроггендору, что не потерпят его дальнейшего усиления за наш счет.

Локхарт вспомнил, что в том же духе высказывался и Дармонт. Когда мнения враждебных фракций сходятся, это, конечно, добавляет вескости аргументу.

- Если Гроггендор нападет на Айринтию, они готовы напасть на Гроггендор? - спросил он вслух.

- Трудно сказать. Никогда не знаешь, что скрывается за цветистыми фразами тлукаляханца на самом деле. В этом смысле они полная противоположность рыцарской прямоте, которую ценят у нас... - "Или делают вид, что ценят," - мысленно перевел Локхарт. - Но, - продолжал Фабиас, - во всяком случае, они хотят, чтобы гроггендорцы так думали. Или хотя бы допускали такую возможность.

- Некоторый смысл в этом есть, - признал полковник. - Тлукаляхан, очевидно, атакует на западе по суше, так что Гроггендору придется воевать на два фронта на противоположных сторонах континента. Быстрая переброска сил с одного театра на другой будет невозможной. Если Тлукаляхану вообще нужна война, лучше всего для него напасть именно в такой ситуации. Но это если ему нужна война.

- Может быть, она нужна ему меньше, чем Гроггендору. Но и мир ему нужен не настолько сильно, насколько он нужен нам.

- Что подводит нас еще к одной теме, - подхватил Локхарт. - До сих пор мы обсуждали внешние угрозы. Но есть и внутренние... и сейчас они едва ли не более актуальны, не так ли?

- Еще сегодня утром я согласился бы с вами, - кивнул Фабиас. - Но теперь, надеюсь, ситуация стабилизируется.

- Вы имеете в виду коронацию? Вы так уверены, что противники Элинор теперь прекратят борьбу?

- Кого вы называете противником законной королевы, полковник? Вообще-то это серьезное обвинение, и я просил бы вас быть осторожнее в формулировках. Хорошо, что нас здесь не слышат посторонние...

- Ой, ну давайте не будем играть в кошки-мышки, - поморщился Локхарт, даже не пытаясь быть учтивым. - Вы прекрасно знаете, что речь идет о принце Арвике и герцоге Бронгарском, и вы сами признали это в начале разговора...

- Я лишь согласился с вами, что они *могли бы* оспаривать права Элинор. Но Бронгар сохранил свой пост. Не скрою, это стало результатом непростых переговоров, которые продолжались практически до самой коронации...

- И вы думаете, должность главнокомандующего - это предел его мечтаний?

- Армия всегда занимала его больше, чем скучные гражданские дела, - добродушно усмехнулся Фабиас.

Локхарт не нашел этот аргумент убедительным и сомневался, что даже сам Фабиас считает его таковым. Возможно, архиепископ что-то не договаривал - но было бы, конечно, наивно ожидать, что он раскроет чужаку все свои тайны и козыри, так что полковник предпочел

задать другой вопрос:

- Как насчет Арвика?

- Кто такой Арвик? Я знаю только графа Дункельта, который, постыдным и неучтивым образом проигнорировав приглашение на коронацию, удалился в изгнание. Не думаю, что мы снова о нем услышим.

- Боюсь, вы его недооцениваете, - усмехнулся Локхарт. - И всегда недооценивали... если верно то, что я об этом слышал.

- Слышали, да. Не хочу показаться невежливым, полковник, но сколько дней вы уже в Айринтии?

- Вы правы, - сдал назад Локхарт. - Со стороны чужака, только что прибывшего в страну, крайне наивно давать советы тому, кто прожил здесь всю жизнь и с рождения знает всех обсуждаемых персонажей. Но ведь зачем-то вы меня пригласили?

- Главным образом для того, чтобы оградить вас от возможных ошибок. Вас и ваших людей, я имею в виду. Кое-кто мог бы, воспользовавшись вашей недостаточной осведомленностью, вовлечь вас в скверные и опасные авантюры, чего мне бы не хотелось ни как человеку, ни как пастырю.

- Это очень любезно, но ведь не всякие гости Айринтии удостаиваются столь благосклонного внимания самого архиепископа?

- Вы сами ответили на свой вопрос. Вы - не всякие гости Айринтии.

"Продолжаем темнить, ну ладно", - подумал Локхарт.

- В таком случае, - сказал он вслух, - могу я просить еще об одной милости? Надеюсь, вы не сочтете это наглостью, но мне бы хотелось... получить аудиенцию у королевы.

Фабиас чуть улыбнулся:

- Как вы сами понимаете, я не могу приказывать ее величеству... но ваше пожелание будет доведено до ее августейшего сведения. Возможно, даже скорее, чем вы думаете.

В дверь постучали. Как показалось Локхарту - несколько менее деликатно, чем это делал Клавиус.

- Прошу меня простить, полковник, - развел руками архиепископ. - Я просил не беспокоить меня, но, похоже, там действительно что-то важное... или, по крайней мере, доставивший известие так думает. Так что, если у вас нет неотложных вопросов...

- Нет-нет, конечно, - вежливо ответил Локхарт, хотя самые главные вопросы - например, что случилось с миром, верит ли Фабиас в официальную шестисотлетнюю историю Айринтии и понимает ли, откуда на самом деле прибыли его гости, он так и не задал. Впрочем, даже если архиепископ и знал больше, чем хотел показать, спрашивать его об этом, очевидно, было бесполезно. - Вы и так уделили мне столько времени... - он попятился к выходу.

- Могу я попросить вас выйти через другую дверь? - остановил его Фабиас с извиняющейся улыбкой.

- Другую?.. - полковник растерянно озирался по сторонам. Никаких дверей, кроме той, через которую он вошел, в кабинете не было.

- Сюда, пожалуйста, - архиепископ подошел к одному из шкафов и потянул за канделябр на стене рядом. Тяжелый шкаф почти беззвучно повернулся на 90 градусов вокруг вертикальной оси, открыв проход. Локхарт хмыкнул и качнул головой, но направился в открывшийся проем. Некстати вспомнилось бегство из гостиницы. Оставалось надеяться, что уж здесь-то его не ждет засада...

- Вниз по лестнице, затем по коридору и снова вверх, - напутствовал его Фабиас. Локхарт еще раз коротко кивнул и шагнул в полумрак прохода. Шкаф за его спиной тут же встал на место.

Полковник оказался в помещении размером с кабину лифта; слабый свет пробивался в него снизу, из квадратного отверстия в полу, куда круто уходила винтовая лестница. Шкаф встал

на свое место плотно, не оставив ни единой щелочки; иного Локхарт и не ожидал, но у него возникло искушение постоять и послушать, приложив ухо к задней стенке шкафа. После короткого колебания он так и сделал, но, сколько он ни вслушивался, из кабинета не доносилось ни звука. Что ж - наивно было считать дураками как строителей этого кабинета, так и его хозяина. Надеясь, что никто не заметит его задержку, Локхарт принялся торопливо спускаться по лестнице.

Лестница привела его в пустой коридор, очень похожий на тот, по которому Клавиус вел их из собора. В каком направлении нужно идти по этому коридору, красноречиво подсказывала стальная решетка, перекрывавшая путь в другую сторону. За решеткой все скрывалось в темноте, но Локхарт не сомневался, что Фабиас не доверяет одной лишь прочности прутьев и запоров и где-то дальше находится пост охраны.

Полковник зашагал в единственном доступном направлении; при этом от его внимания не укрылась щель в потолке, из которой, видимо, могла опуститься еще одна решетка, закрывая и этот путь. Коридор дважды свернул, но не имел ответвлений и в конце концов окончился тупиком, откуда уходила обещанная лестница наверх. Локхарт стал подниматься по крутым ступенькам, размышляя, пользуется ли хоть иногда этим тайным ходом сам Фабиас - в его возрасте, наверное, такой подъем не слишком легок. Полковник ожидал, что наверху его встретит извиняющийся за неудобства Клавиус или, на худой конец, послушник в белой рясе - однако там тоже никого не оказалось. Лестница закончилась площадкой перед дверью, очень похожей на ту, через которую Локхарт покинул сад; он потянул кольцо на себя, не сомневаясь, что в том же саду сейчас и окажется.

Однако вместо зеленого лабиринта он увидел впереди глухую кирпичную стену; тем не менее, он по инерции шагнул вперед, так как стена очень походила на ту, что окружала гостевой дом. И лишь когда тяжелая дверь за его спиной захлопнулась, понял, что оказался в совсем другом месте.

Это был очередной кишкообразный переулок, коими столь богаты средневековые города - такой узкий, что солнце проникало сюда разве что в полдень - в этот же предвечерний час здесь царил неуютный полумрак. В стене напротив окон не было вовсе; в доме, из которого только что вышел Локхарт, они были, но наглухо закрытые ставнями. Слева переулок изгибался и уходил за поворот; справа в некотором отдалении брезжил свет какого-то более обширного пространства. Ну и куда теперь? Фабиас, будь он неладен, не сказал об этом ни слова - не то забыл (нет, на впадающего в маразм старикашку он явно не похож), не то так торопился выпроводить гостя втайне от новоприбывшего, не то специально... зачем? Или, может, сам Локхарт пропустил правильный выход? Нет, там совершенно негде было заблудиться... Тем не менее, полковник подергал захлопнувшуюся дверь, но она и не думала открываться.

В первый миг Локхарта это не обеспокоило. Он прекрасно понимал, что физически не может находиться слишком далеко от гостевого дома, и надо лишь вспомнить, как он шел из сада в кабинет и из кабинета сюда, чтобы сориентироваться по направлениям - что для него как для пилота, в отличие от "топографического кретина" Якобсона, всегда было несложной задачей... М-да. Вспомнить, как шли коридоры, было просто, но чертовы винтовые лестницы! Он не был уверен, что число их витков было целым...

И кроме того, этот глухой переулок выглядел чертовски удачным местом для засады.

Хотя опять-таки - зачем? После этой милой беседы... неужели он все-таки сказал что-то такое, что заставило Фабиаса счесть его - и их всех? - слишком опасными? Или, наоборот, не сказал чего-то, что от него ждали? Возможно ли, что, несмотря на все попытки Локхарта объясниться - еще с первого дня, со встречи с дядюшкой Заком - на самом деле здесь ждали вовсе не их, и Фабиас лишь сейчас понял свою ошибку?

Бесполезное теоретизирование, одернул себя Локхарт. Надо действовать! Ну, налево или направо? Справа, по крайней мере, виден какой-то выход... Он направился туда, давя

инстинктивное желание ускорить шаг. Если опасности нет, это бессмысленно, а если есть - бесполезно. Все, кому надо, уже на своих местах... А если за ним просто наблюдают, опять же, не стоит демонстрировать свое беспокойство.

Он успел пройти примерно полпути до выхода из переулка, когда сзади послышались торопливые, определенно догонявшие его шаги.

Но это не был топот солдатских сапог или башмаков наемных убийц (или во что там обуваются "послушники" - в сандалии? такую обувь тоже не стоит недооценивать, романские легионеры в ней завоевали мир...) Это был легкий стук каблуков одного человека.

Локхарт обернулся. За ним бежала женщина в просторном сером плаще с низко надвинутым капюшоном. Левой рукой в перчатке она придерживала капюшон, а правую держала под плащом.

Полковника это отнюдь не успокоило. Во-первых, одеться таким образом мог и мужчина, во-вторых и в-главных, из женщин тоже получаются замечательные убийцы - особенно замечательные в таком мире, где от них этого не ожидают. Если она прячет под плащом стилет...

В принципе, оторваться от нее было бы, наверное, не сложно. В какой бы хорошей физической форме она ни была, туфли на достаточно высоком каблуке и плащ до земли, путающийся в ногах - не лучшее облачение для бега. Но - обратиться в бегство от одинокой женщины без явных признаков угрозы? Некоторые рефлексы слишком сильны, хотя, возможно, те, кто ее послал, на это и рассчитывали...

Локхарт остановился и стал ждать. Смешно будет, если она просто пробежит мимо. И не столь смешно, если следом из-за оставленного позади поворота "кишки" покажутся ее преследователи, выглядящие куда менее безобидно. В лучших традициях всех этих старинных романов плаща и шпаги, да. Благородный герой и прекрасная незнакомка, за которой гонятся злодеи... Вот только никакой шпаги у него нет, как и любого иного оружия - равно как и средств защиты от такового. И кстати - что, если ее преследуют за дело? Если это просто воровка, прячущая под плащом срезанный кошелек?

Незнакомка замедлила шаг. Нет, она вовсе не собиралась пробежать мимо или даже сделать вид. Она направлялась прямиком к Локхарту.

- Кто вы и что вам нужно? - громко спросил он, давая понять, что не намерен подпускать ее вплотную.

Она остановилась, сжимая рукой края капюшона перед подбородком; он почти не видел ее лица - только скулы и кончик носа.

- Моя госпожа... - донесся из-под капюшона негромкий, слегка запыхавшийся голос, определенно не принадлежавший переодетому мужчине, - велела передать вам.

Ее рука вынырнула из-под плаща, и Локхарт мгновенно напрягся, готовый перехватить ее - но угрозы не было. Пальцы незнакомки держали не стилет, а сложенный листок бумаги.

- Вы уверены, что это мне? - усмехнулся полковник. Но она лишь настойчиво держала бумагу в протянутой руке, и Локхарту ничего не оставалось, кроме как взять предложенное.

- Если вы ищете путь домой, - сказала она еще тише, - направо и еще раз направо, - она махнула рукой в сторону выхода из переулка, к которому он направлялся до этого. Локхарт невольно взглянул в ту сторону и тут же услышал удаляющийся стук каблуков.

Фигурка в развевающемся плаще бежала обратно, пока не скрылась за поворотом переулка. Астронавт проводил ее взглядом, затем развернул сложенный вдвое листок. Так оказались всего три строчки, выведенные каллиграфическим женским почерком. Локхарту пришлось напрячься, разбирая эти красивые завитушки - он не помнил, когда в последний раз ему доводилось видеть текст, написанный от руки, равно как и писать от руки самому.

"Полковник Локхарт,

будьте сегодня в 9 вечера позади восточного крыла королевского дворца, под фонарем напротив черного входа, и вы узнаете то, что вам следует знать."

Подписи не было.

Локхарт хмыкнул и сунул записку в карман, а затем, еще раз оглянувшись по сторонам (глухие стены кирпичного ущелья не преподнесли ничего нового), зашагал к свету. Больше никто не пытался его остановить, и минуту спустя он вышел на более широкую улицу, шедшую с востока на запад. Всего один шаг - и он, казалось, попал в совершенно другой мир, залитый радующим светом предвечернего солнца, где фланировали празднично одетые гуляющие. Ну да, столица отмечает коронацию... Впрочем, Локхарт помнил, какие сюрпризы могут таить празднующие улицы, и решил не расслабляться.

Следуя совету незнакомки, он свернул направо, а дойдя до перекрестка - еще раз направо. Здесь улица упиралась в тупик, а точнее, теперь уже без всякой ошибки - в высокий забор, ограждавший дом для гостей архиепископа.

Привратник в нише у больших и тяжелых ворот - выглядевший самым обычным лакеем в ливрее, а не солдатом в доспехах и не послушником в рясе - пристально посмотрел на полковника.

- Я Локхарт, - назвался тот, помня наставление Клавиуса. - Гость его высокопреосвященства.

- Проходите, сэр, - поклонился привратник, не сверяясь ни с какими списками, и открыл калитку в левой створке ворот.

Лишь шагая по аллее к дому, Локхарт почувствовал себя в безопасности. Впрочем, из того, что он вернулся от архиепископа целый и невредимый, еще не следует, что Фабиасу можно безоговорочно доверять. Но пока... пока, скорее всего, архиепископ все же числит их на своей стороне. Хотя он, кстати, тоже не может доверять им безоговорочно...

Поднявшись на второй этаж, на сей раз, по парадной лестнице и никого больше не встретив, Локхарт прошел в свою комнату, запер изнутри дверь и опустился в большое мягкое кресло. Он знал, что из всех его людей на месте только Якобсон, и тот, вероятно, все еще спит после сытного обеда. Позже надо будет все же проведать его, но сначала Локхарт хотел обдумать, что делать с запиской. Эта странная история слишком уж напоминала все то же бульварное псевдоисторическое чтиво, до которого Локхарт не был охотником даже в детстве, предпочитая истории про космос и путешествия, но - едва ли он стал жертвой некоего розыгрыша. Дракенхайм сейчас не лучшее место для шуток - во всяком случае, для людей, знающих его фамилию и звание. Вызов исходит от кого-то серьезного - и, кстати, совсем не обязательно от женщины. Женщину могли использовать просто как наживку...

Локхарт достал из кармана записку и еще раз, теперь уже при хорошем освещении и внимательно, осмотрел ее. Даже понюхал, проверяя, не надушена ли она, как все в тех же романах. Но записка не пахла ничем, кроме бумаги хорошего качества (выходит, таковую здесь все же умеют делать). Не было на ней и каких-нибудь не замеченных им раньше знаков. Видимо, записку и в самом деле следовало понимать буквально. "Будьте позади королевского дворца..." любопытное место для свидания. Хотя, наверное, это просто самое примечательное место в городе, дорогу к которому легко найти даже чужаку и даже в поздний час, ибо сегодня столица будет гулять всю ночь... Но Локхарту вспомнились и другие слова - "королева узнает о вашем пожелании даже скорее, чем вы думаете." Неужели?.. Нет, абсолютно исключено. Он получил записку максимум через десять минут после того, как попросил Фабиаса об организации аудиенции. Даже в эпоху всеобщего онлайна подобные вопросы не решались с такой скоростью - а уж тем более в эпоху гонцов с записками. Впрочем, де Сегюр высказывал Клавиусу то же пожелание гораздо раньше, и если монах тогда же доложил архиепископу, а тот направил рекомендацию своей августейшей воспитаннице, присовокупив личную просьбу принять гостей поскорее - тогда по времени все, в принципе, сходится. По времени, но не по способу! Уж наверное королева изъявила бы свое согласие официально и по всей форме, послав... как это у них называется - фельдкурьера, фельдъегеря? - с пакетом с гербами и печатями, а не прячущую

лицо служанку с запиской без подписи о свидании на улице! Не говоря о том, что Элинор сегодня весь вечер - хозяйка бала, и ей явно не до каких-то не согласованных заранее встреч, официальных или неофициальных.

Скорее все-таки - какая-то придворная дама, также обязанная присутствовать на балу, но способная ускользнуть незаметно на какое-то время. И, по всей видимости, так же, как и ее служанка, представляющая не себя лично. А кого? Уж точно не Фабиаса и, соответственно, не Элинор - архиепископу ни к чему подобный маскарад. Тогда, коль скоро на Локхарта уже выходили представители партии Арвика и представители партии Фабиаса-Элинор... быть может, Бронгар? Впрочем, раз Дармонт мертв (мертв ли?) и договор с ним сорвался, это с тем же успехом может быть и снова Арвик. Положение его людей в столице сейчас, должно быть, хуже некуда - настолько, что Фабиас вообще списал его со счетов! - и для них как раз вполне естественно таиться и назначать встречи на улице под покровом темноты...

Или, чем черт не шутит, вообще какая-нибудь гроггендорская разведка. Версия совсем экзотическая, но не невозможная. Уж если кого и вербовать, то именно пришельцев, не связанных с Айринтией никакими патриотическими узами и при этом необъяснимым образом заслуживших благосклонность самого Фабиаса... Впрочем, в очередной раз напомнил себе Локхарт, при нынешних технологиях вести о пришельцах не могли так быстро дойти в Гроггендор. Но к гроггендорскому резиденту в Дракенхайме могли...

Как все же его выследили на выходе от Фабиаса? Ведь даже сам архиепископ в начале их встречи, вероятно, не знал, что выпроводит гостя через тайный ход. Просто тупо стерегли снаружи, надеясь на удачу? И никакие "послушники" Фабиаса, в свою очередь, не засекли эту слежку?

И главное - что теперь с этим делать? Идти или не идти на встречу? Сообщат ли ему действительно нечто важное, будет ли это ложь и провокация, направленная против... ну, скорее всего Фабиаса, хотя не обязательно, или же его хотят заманить в ловушку, чтобы... ну уж наверное не похитить с целью выкупа. Скорее - допросить с пристрастием и убить. На самом деле ничего особо стратегически важного он не знает, но им-то это неведомо...

Да уж. Варианты. Исходя из принципа "в случае неопределенности надо не стремиться к возможному лучшему, а избегать возможного худшего" записку следует просто порвать и выбросить. С другой стороны, что, если его хотят предупредить об опасности? И, главное, он даже не может попросить о помощи товарищей - их нет дома... хотя, возможно, до вечера они уже вернутся, но пока что в его распоряжении лишь доктор Якобсон - однорукий коротышка, явно не мастер уличных драк. Возможно, *они* учли и это. Вполне вероятно, что у них свой человек среди послушников...

Впрочем - Локхарт вспомнил слова Клавиуса - он сам может взять послушников для безопасности. Если кто-то из них и работает на другую сторону, то уж наверняка не несколько человек сразу. Но не спугнет ли это ту - или того - кто назначил встречу? В записке не сказано "приходите один". Но интуиция подсказывала Локхарту, что автор не будет рад почетному эскорту. Само собой, этот эскорт может маскироваться и держаться в отдалении. Но если он будет слишком далеко, то может не успеть на помощь. Локхарт хорошо помнил, как быстро его захватили на улице Хассенворта примерно в такой же обстановке. И кроме того, если ему действительно сообщат нечто, идущее вразрез с интересами Фабиаса, а люди архиепископа будут об этом знать...

Локхарт поймал себя на мысли, что хочет послать вместо себя де Сегюра. В конце концов, командир не должен рисковать собой без крайней нужды. А у де Сегюра переговоры - профессия. Но граф, вероятно, засидится в скриптории допоздна. А главное - записка адресована Локхарту и никому другому. Они с де Сегюром примерно одного роста и комплекции, издали в темноте перепутать можно, но не вблизи, конечно. Скорее всего, с де Сегюром даже не вступят в контакт, не дадут ему шанса предъявить "верительную грамоту" от Локхарта - просто пройдут

мимо. Нет - тут уж или идти самому, или не идти вообще.

Черт бы побрал эти средневековые интриги. Насколько проще и спокойней было в космосе!

Локхарт поднялся и пошел посоветоваться с Якобсоном.

Доктор не спал. Он сидел за столом и читал книгу.

- Нашли что-нибудь интересное, доктор?

Якобсон улыбнулся и продемонстрировав обложку. "Доблестный рыцарь Ромуальд Табергутский, или Подлинная история достославных подвигов благородного мужа", - прочитал Локхарт.

- Не думал, что вы увлекаетесь подобной литературой, - усмехнулся он.

- Вообще-то бульварное чтиво иногда может сказать о психологии и культуре общества не меньше, чем серьезное исследование, - заметил Якобсон. - Особенно когда под рукой *нет* серьезного исследования. Но это не то, что вы подумали. Не классический рыцарский роман. На самом деле этот Ромуальд Табергутский - трус и напыщенный дурак, а подлинный герой книги - его находчивый и расторопный слуга, умудряющийся устраивать все дела и создавать героическую репутацию своего господина, ну и себя меж тем тоже не забывающий. Весьма забавное сочинение. По этой книге можно было бы снять отличную комедию, которая, уверен, имела бы успех и в нашем мире... А что вы, полковник - нашли себе какое-нибудь занятие на вечер?

- Скорее оно меня нашло, - вновь усмехнулся Локхарт и коротко пересказал доктору свою встречу с Фабиасом и случившееся потом.

Якобсон осмотрел записку.

- Я не эксперт-графолог, - сказал он наконец, - но, полагаю, это действительно написано молодой женщиной в спокойном состоянии. Это не отчаянная просьба о помощи, скорее, ну, скажем, предложение сделки...

- А может, бескорыстное желание предостеречь нас о чем-то, самой писавшей не грозящем? - иронически предположил Локхарт.

- Тоже не исключено, - пожал плечом Якобсон. - Иногда люди действительно помогают другим, ничего не прося взамен. Думаю, такое случалось даже в средневековье. Впрочем, если угодно, мотив может быть и обратным - желание сделать пакость кому-то, кто писавшей неприятен. Не вам, само собой, а тому, чью тайну она желает выдать. Тоже вполне бескорыстно, если, конечно, трактовать корысть в узко-меркантильном плане... Так вы пойдете?

- Еще не решил. Хочу услышать ваше мнение.

Доктор подумал.

- Боюсь, - сказал он в конце концов, - я знаю не больше вашего, в какой степени мы можем доверять хоть Фабиасу, хоть этой вашей таинственной незнакомке. По крайней мере, она не могла ожидать, что вы пойдете на встречу, никого не предупредив. Я не думаю, что она настолько глупа или считает, будто вы потеряете голову от ее женских чар. Уже хотя бы потому, что записка не надушена...

- Да, я тоже обратил на это внимание. Возможно, это как раз прямое указание, что речь идет о деле, а не о каких-то... шурах-мурах. Но чем она умнее, тем, в принципе, опаснее может быть ловушка...

- Конечно. Вы - наш командир, и я ни в коем случае не призываю вас рисковать собой. Как, впрочем, не стал бы призывать и прочих членов нашей команды. Тем более что все эти... тайны дракенхаймского двора очень далеки от моей специальности. Я все-таки врач, а не рыцарь плаща и кинжала.

- А я - пилот Военно-космического флота, - кивнул Локхарт. - Боюсь только, что раз уж нас занесло в столицу страны, где вот-вот может начаться и гражданская, и внешняя война, да еще и угораздило заинтересовать основных игроков - гарантированно безопасных мест и

стратегий для нас теперь нет в принципе.

- Так вы все-таки решили пойти?

- Сделаем так. Записку я оставлю вам в качестве вещественного доказательства, вы покажете ее остальным, когда они вернутся... но пока что не здешним послушникам. Эта особа явно не хотела, чтобы о нашей встрече узнал Фабиас, иначе к чему передавать приглашение таким романтическим способом... что ж, пока сыграем по ее правилам. Но если я не вернусь спустя, скажем, два часа - тогда поднимайте тревогу. А я, в свою очередь, сразу же предупрежу ее, что если со мной что-нибудь случится, люди архиепископа перероют весь город.

Вернувшись в свою комнату, Локхарт вызвал уже знакомого слугу и велел подать ужин в семь вечера, карту города - чем скорее, тем лучше, а также докладывать о возвращении любого из его людей - незамедлительно. Большую и подробную карту ему и в самом деле принесли уже через несколько минут. Нарисована она была в не совсем привычной полковнику манере (улицы представляли собой вид сверху, а дома - вид сбоку), но отыскать на ней и гостевой дом, и королевский дворец (находившийся, как выяснилось, также не слишком далеко от собора) было совсем нетрудно. Дворец предсказуемо располагался на большой площади в центре, куда сходились полдюжины улиц: самая широкая и парадная - со стороны фасада по центру, две поуже с боков и три еще более узкие сзади - по этим, вероятно, к черным ходам доставлялось все необходимое для функционирования дворцового хозяйства. Сам дворец занимал практически всю северную половину площади, так что с задней стороны от близлежащих зданий его отделяло лишь совсем неширокое пространство. "В этом коридорчике, пожалуй, не будет никаких гуляющих, - неодобрительно подумал Локхарт, - а вот напасть здесь на одинокого прохожего очень удобно. Да, прямо под стенами дворца - и никто даже не услышит криков. Внешних караулов с этой стороны наверняка нет, черные ходы заперты и охраняются только изнутри, да еще, наверное, музыка с площади и бал в самом дворце заглушат любые звуки отсюда..." Тем не менее, он уже принял решение и не собирался его менять.

Он прикинул маршрут и решил не идти кратчайшей дорогой от гостевого дома, а сделать пару петель, чтобы засечь и отсечь возможную слежку. Разумеется, его никогда не учили отрываться от "хвоста", но Локхарт понадеялся, что сумеет распознать одних и тех же людей, подозрительно повторяющих его маршрут (явно нехарактерный для простого, не склонного петлять кругами прохожего). С учетом этих планов он решил выйти пораньше, хотя по прямой до дворца было менее полукилометра (впрочем, как водится в средневековых городах, прямой дороги через лабиринт закрученных улиц не существовало в принципе). Запомнить ориентиры, оценить время пути между контрольными точками - почти что план полета при визуальном пилотировании в атмосфере, усмехнулся про себя Локхарт. Разве что поправки на ветер учитывать не приходится - вместо них поправки на слежку...

Ровно в семь - часов в комнатах не было, возможно, в теперешнем мире достаточно компактных механизмов вообще не существовало, но каждые четверть часа с улицы доносились куранты собора - ему подали ужин, столь же превосходный, как и обед. Никто из ушедших астронавтов по-прежнему не возвращался; не удовлетворившись докладом послушника, Локхарт после ужина лично проверил их комнаты и весь этаж, но увы. Вельо и де Сегюр не вызывали у него особого беспокойства - он не сомневался, что над историческими фолиантами можно засидеться допоздна, и помнил, что люди архиепископа должны защитить его товарищей на ночных улицах - но куда запропастился Шрамм? Поначалу Локхарт не сомневался, что тот тренируется где-нибудь поблизости, там же, где делают это "послушники" - может быть, даже в этом же здании - но сколько часов подряд можно заниматься фехтованием? Ведь выбьются из сил и ученик, и учитель. Полковник вновь вызвал послушника, но тот не знал, куда и с кем ушел господин Шрамм - или, по крайней мере, утверждал это с самым честным видом.

Локхарт поймал себя на мысли, что испытывает не столько беспокойство, сколько досаду. Опять этот Шрамм! Все повторяется, как в Хассенворте, только там была ярмарка, здесь -

коронация... Нет, на сей раз никто не пойдет его искать и не станет менять из-за него планов. Пусть возвращается сам. Конечно, если он не вернется до утра... но проблемы будем решать по мере поступления.

Локхарт вдруг понял - и сам ужаснулся этой мысли - что не будет особо переживать, если Шрамм не вернется... если он пропадет совсем. Это был больше не тот майор Шрамм - блестящий пилот и безупречный офицер - которого полковник считал не только самым полезным из выживших членов экипажа, но и самым близким в психологическом плане. Сейчас это был всего лишь интеллектуальный обрубок прежнего Шрамма. Слабое звено в команде. Источник потенциальных проблем. Еще и, похоже, по-мальчишески втюрившийся в королеву, что, может, и неплохо в плане лояльности, если они останутся в этом лагере - но вот если им все же придется сменить сторону...

Ну а кто из нас теперь не слабое звено, с горькой усмешкой подумал Локхарт. Де Сегюр, явно мечтающий занять место лидера группы? А может - и даже скорее всего - не только группы. Возможно, мир нынешних политических интриг - свободный от всех ограничений и условностей дипломатии цивилизованной эпохи - это как раз и есть то, к чему граф подсознательно тяготел всю жизнь. А может, даже и не очень подсознательно... И как далеко он способен пойти, чтобы сделать карьеру в этом мире? Насколько легко - и насколько скоро - ради расположения истинных сильных мира сего, всех этих королей и герцогов, он переступит через совершенно эфемерную власть некоего капитана более не существующего корабля из погибшего мира? Он с легкостью готов был сдать Хагентраубу Ференца и его людей, с которыми в то время был членом одной команды - где гарантия, что в подходящий момент он не поступит так же и со своими товарищами с "Доброй воли"?

Доктор Якобсон... милейший человек, от которого уж точно не приходится ждать предательства - но он, к сожалению, теперь слаб чисто физически. Что в нынешнем мире может стать критичным. Пока что во время бегства из гостиницы Готлиба и потом им везло. Но позже может и не повезти. И что делать в ситуации, если доктор будет задерживать остальных во время погони, от которой будет зависеть их свобода и жизнь?

Вельо - вот уж кто в полной мере сохранил и физическую, и интеллектуальную силу. Хотя, конечно, любит поворчать, особенно в напряженной ситуации, когда это особенно раздражает других... но это недостаток мелкий и терпимый. Хуже то, что лингвист, как и многие сильные люди, слишком уж негибок. В этом плане он - противоположность де Сегюру. Если что-то противоречит его убеждениям и моральным принципам, Вельо упрется насмерть, несмотря ни на какие рациональные аргументы. Возможно - "насмерть" в буквальном смысле, учитывая опять-таки современные реалии...

И все же, хотя каждый из них мог стать проблемой - в определенной ситуации, возможно, смертельно опасной проблемой! - Локхарт вдруг совершенно неожиданно для себя почувствовал ужас при мысли, что может лишиться не кого-то одного, а их всех, и остаться с нынешним миром один на один. Эти люди не были его друзьями, он вообще на протяжении всей своей жизни никогда ни к кому не привязывался - ни к людям, ни к домам, ни к машинам (он всегда с иронией смотрел на пилотов, дававших имена своим самолетам и кораблям и всерьез грустившим, если таковые отправлялись на списание). Он не был мизантропом (иначе ему не доверили бы командовать кораблем, представляющим человечество) и предельно серьезно относился к таким понятиям, как долг и ответственность (особенно - перед членами своей команды); однако всякую эмоциональную привязанность он считал бессмысленной и неуместной слабостью. Он был готов рисковать жизнью, чтобы доставить свой экипаж и пассажиров домой в целости и сохранности - но, если бы дома все оказалось нормально, у него вряд ли возникло бы желание встречаться с этими людьми в неформальной обстановке впоследствии.

Если бы дома все оказалось нормально.

Теперь же они были последним, что осталось от *нормального* мира. И что, в конечном счете, позволяло ему считать нормальным себя. А если он останется совсем один... тогда, как бы он ни говорил себе, что ему начинает нравиться Айринтия, он либо станет выродком, обреченным на вечную несовместимость с окружающей реальностью... более того - поддерживающим в себе эту несовместимость сознательно и целенаправленно... либо сольется с этой реальностью и перестанет быть собой. Выглядеть уродом или стать уродом - формулировка утрированная, но суть отражает...

Ладно, мрачно подумал Локхарт, еще неизвестно, кто из нас останется последним. Может быть, я не доживу даже до сегодняшней полуночи.

Но такой исход он все же считал маловероятным. И, когда пробило восемь пятнадцать, а никто из его товарищей все еще не вернулся, предупредил доктора Якобсона (на всякий случай оставив ему на хранение полученные от Дармонта деньги) и вышел из дома, воспользовавшись дверью, через которую, как сказал Клавиус, "можно попасть прямо на улицу, избежав случайных встреч."

На улице было уже совсем темно и неожиданно промозгло, хотя дождя не было; впрочем, небо затянула низкая облачность, сквозь которую едва пробивался свет Кольца. Выйдя из неуютно темного и пустого переулка, Локхарт оказался на длинной улице, освещенной гранеными масляными фонарями, подвешенными через неравные промежутки на крюки в стенах и подворотнях. Гало вокруг фонарей подчеркивали сырую дымку в воздухе, которая вполне могла вскоре превратиться в полноценный туман, и это полковнику не понравилось.

Но празднующим погода, похоже, не мешала; там и сям двигались гуляки - реже поодиночке или парочками, чаще целыми компаниями - шумными и, вероятно, нетрезвыми. Локхарту вновь вспомнились не самые приятные минуты в Хассенворте; но, по крайней мере, коронация - это не карнавал, так что ни на ком не было скрывающих лица масок, и это полковнику понравилось.

Локхарт сориентировался на местности, сопоставляя реальный вид с отложившейся в голове картинкой, и двинулся запланированным маршрутом. Карту он на всякий случай взял с собой (сложенная в несколько раз, она теперь оттопыривала боковой карман его камзола), но без крайней необходимости не хотел доставать и разворачивать, привлекая к себе внимание. Необходимости и не было - пока что расположение улиц и домов совпадало с тем, что он запомнил. Локхарт знал, что средневековые карты могут быть весьма неточны - скажем, изображать кривой путь как прямой, или варьировать масштаб в зависимости от того, насколько детализировано пожелал изобразить картограф тот или иной участок - но, похоже, план столицы был составлен в полном соответствии с нормами цивилизованной топографии. Жаль, что на нем не было еще и карты подземных ходов...

Локхарт остановился на углу, собираясь нырнуть в переулок и как бы рассеянно оглядывая улицу на предмет выявления возможной слежки. Однако это оказалось совсем не так просто, как представлялось ему в хорошо освещенном свечами кабинете. Свет фонарей был тусклым и явно недостаточным, чтобы различать лица дальше чем в нескольких метрах, к тому же туман и в самом деле сгущался; а все еще многочисленные гуляющие двигались беспорядочно, кто-то нырял в гостеприимные двери кабаков, кто-то, напротив, вываливался оттуда, разбредаясь в разные стороны, так что уследить за всеми сразу было решительно невозможно. Вдобавок и одеты горожане были хотя и, чаще всего, празднично, но без той пестроты, что на карнавале в Хассенворте, так что и различать их по костюмам было затруднительно. Локхарт проторчал на углу минут десять, давая пройти мимо всем, кто мог идти за ним следом - но в самом ли деле они так и поступили? Не зашел ли кто-то из них в кабак напротив и не наблюдает ли сейчас оттуда, невидимый с улицы, пока "объект" двинется дальше?

В конце концов полковник продолжил путь, досадуя на погоду и на свое легкомыслие в вопросах слежки. Впрочем, возможно, туман сыграет ему на руку и поможет оторваться от

"хвоста", если таковой действительно есть. Но и заблудиться в тумане в этих кривых и узких переулках можно запросто, даже имея карту в кармане...

Первая "контрольная петля" оказалась совершенно бесполезной - Локхарт по-прежнему не имел понятия, идет ли кто-то за ним - так что вторую он решил не делать (тем паче что и видимость становилась все хуже) и направился прямиком к дворцу. Похоже, он все-таки умудрился пропустить нужный поворот, понял, что улица заворачивает не в ту сторону, покрутил головой в поисках фонаря (как назло, ни одного поблизости), пошел обратно, на сей раз чуть ли не ощупывая стены, отыскал-таки ход в верном направлении (ширина его была такова, что позволяла положить ладони на левую и правую стены одновременно) и вышел, наконец, на улицу, которая должна была вывести его на зады дворца.

Улица была темна и совершенно пуста. Никаких увеселительных заведений на ней, по всей видимости, не располагалось; фонарей здесь не было вовсе, и ни один лучик света не пробивался между закрытыми ставнями выходивших сюда окон. Что было, в принципе, логично в этом лишенном электричества мире: гуляющие - на улицах, прочие - уже в своих постелях... Лишь рассеянный свет Кольца слабо просачивался сверху сквозь белесый туман, позволявший различить в лучшем случае стены ближайших домов. Даже трудно было поверить, что эта глухая и темная улица ведет прямиком к королевскому дворцу, где в эти минуты продолжается пышный бал, собравший весь цвет айринтийской знати, а дворцовая площадь в паре кварталов отсюда наверняка забита гуляющими, приканчивающими бесплатное угощение...

Локхарт пошел по улице, глядя под ноги - не хватало еще споткнуться в этой темени - и внимательно прислушиваясь. Единственным звуком на всю улицу были его быстрые шаги по сырым булыжникам, эхом отражавшиеся от стен. Или это было не эхо? Пару раз он резко останавливался и оборачивался, тщетно вглядываясь в туман. Нет, похоже, никто за ним не идет, это всего лишь игры воображения. "В условиях недостаточной видимости пилот должен полностью доверять приборам, а не собственным ощущениям, которые могут легко его дезориентировать", м-да. В прежней жизни он был легко шагал по любой улице любого незнакомого города даже при нулевой видимости, получая картинку от навигационных имплантов в собственной голове. Хотя, конечно, вероятность нежеланных встреч существовала и тогда. Но уличная преступность в его время практически сошла на нет - у шпаны почти не было шансов скрыться от вездесущих полицейских дронов, которые потенциальной жертве даже не нужно было звать голосом - достаточно было послать сигнал бедствия мысленно. А сейчас, кричи не кричи, ни одна из этих тяжелых ставень даже не приоткроется, и истыканный кинжалами труп так и останется лежать на сырых камнях мостовой до утра...

Шаги. Теперь уже совершенно точно. Сзади? Туман и эхо творят странные штуки со звуком... Кажется, все-таки спереди. Кто-то идет навстречу ему со стороны дворца... и не один. Конечно, это могут быть просто случайные гуляки... которых до сих пор на этой улице не было ни одного, причем идут молча, что не очень естественно для подвыпивших гуляк. Но и не таятся, громко клацая подкованными сапогами по булыжникам... Вроде их всего двое, но это не очень утешает, учитывая, что у него нет никакого оружия. Локхарт не думал обзаводиться таковым, поскольку все равно не умел пользоваться оружием нынешней эпохи - но теперь пожалел, что, как Шрамм, не подвесил себе на пояс хотя бы бутафорский клинок. Как и о том, что выстроил маршрут закоулками, "где легко обнаружить слежку", а не пошел по широким и людным улицам - к дворцу, кстати, тоже можно было подойти спереди, а не сзади. Не стоило следовать своим цивилизованным рефлексам... Глупее всего, если это окажутся заурядные грабители! Хотя - зачем грабителям ходить по пустым улицам, где нет шансов встретить добычу?

Деваться с улицы некуда, дома, как везде в средневековых городах, сомкнуты вплотную, двери наверняка заперты изнутри. Прижаться к стене в надежде, что в тумане его не заметят? Если они здесь по его душу, то это наверняка профессионалы. Просто повернуться и бежать?

Отрезали ли ему уже путь назад? Профессионалы должны были...

И тут в тумане что-то фыркнуло, и Локхарт понял, что за звук слышит. Не подкованные сапоги, а самые натуральные подковы! Лошадь! И теперь он различил уже и другие звуки - перестук колес по камням и поскрипывание экипажа. Впрочем, расслабляться опять-таки рано. Мало ли кто там сидит, в этой ночной повозке...

Из тумана выступил черный силуэт, в первый момент показавшийся неправдоподобно огромным, но затем обретший более реалистичные очертания. Длинногривый конь-тяжеловоз катил простую телегу, совершенно пустую, если не считать сидевшего на передке возницы. Тот, казалось, спал, уронив голову на грудь, а руки, державшие вожжи - меж раздвинутых коленей, а конь шагал вперед по собственному усмотрению. Было в этой картине нечто жуткое и мистическое; легко было представить, что возница на самом деле мертв, а могучий черный конь вообще не принадлежит нашему миру...

"Должно быть, доставляли еду или вино во дворец", - подумал Локхарт и, желая окончательно развеять наваждение, окликнул возчика: "Эй!"

Тот поднял голову (конь продолжал шагать в прежнем темпе):

- Чего?

- До дворца далеко?

- Разуй глаза, - проворчал возница, вяло махнув рукой назад.

Действительно, всмотревшись, уже можно было различить сквозь туман впереди поперек улицы темные очертания некоего внушительного сооружения. Странно, почему нигде не видно света? Пусть это и не парадный фасад, но празднество, наверное, затрагивает не только бальный зал...

- Это восточное крыло? - уточнил Локхарт.

- Западное, - буркнул возница, проезжая мимо. Полминуты спустя его повозка снова скрылась в тумане.

"Выходит, я все-таки сбился с курса и вышел не на нужную улицу, а на параллельную, - с неудовольствием понял Локхарт. - Понастроили лабиринтов вместо нормального города..." Понятно, что эти лабиринты легче оборонять, если враги прорвутся внутрь городских стен - особенно учитывая, что защитники могут перебрасывать свои силы по подземным ходам. Но понимание причин неудобства не делает его удобнее.

Еще минута - и Локхарт, наконец, вышел в тот самый проход, что отделял заднюю сторону дворца от близлежащих домов. Дворец был слишком огромен, чтобы рассмотреть в густом тумане его весь или хотя бы его значительную часть; сквозь белесую муть на фоне темной громады пробивался лишь свет одинокого фонаря на невысоком, чуть больше человеческого роста, столбе, установленного, похоже, перед крыльцом черного входа. Рядом разгружалась еще одна телега; несколько дюжих слуг - Локхарт не разобрал в тумане, сколько именно - более похожие на портовых грузчиков, чем на ливрейных лакеев, таскали внутрь какие-то ящики. На приблизившегося Локхарта они не обратили ни малейшего внимания. "Мне не сюда, - напомнил себе полковник, - мне в противоположное крыло."

Он зашагал вдоль стены дворца, словно вдоль борта огромного корабля. Теперь он заметил, что кое-где тусклый свет все же пробивается из окон сквозь плотно задернутые шторы. Откуда-то очень издалека доносились звуки музыки - судя по ее вульгарному характеру, вряд ли из самого дворца, скорее с площади по другую сторону от него. Толстые дворцовые стены надежно скрывали все, что происходило внутри.

Локхарт не был уверен, сколько сейчас времени - он не слышал, чтобы били девять, но слышен ли отсюда вообще колокол собора? - однако надеялся, что все еще не опаздывает, а если даже опаздывает, то не сильно. В конце концов, если речь идет действительно о важном вопросе, вызвавшая его сюда должна подождать, а не убегать обиженно через пару минут... хотя - что, если она просто не может? Если она действительно может незаметно отлучиться лишь на пару

минут, а затем должна участвовать в какой-нибудь придворной церемонии?

Наконец впереди замаячило размытое пятно еще одного фонаря. Должно быть, это уже тот самый. Локхарт быстрым шагом подошел к невысокому столбу (при желании он мог бы погасить этот фонарь, просто протянув руку) и остановился, озираясь. Крыльцо черного хода всего в нескольких метрах от него еле угадывалось в тумане; там никого не было, и дверь, надо полагать, была заперта. Улица с противоположной стороны совершенно терялась во мгле; оттуда сейчас, в принципе, может подойти кто угодно... Интересно, не было ли и это запланировано, когда его вызывали сюда в такой час? Насколько в нынешнем мире умеют предсказывать погоду? Сам он, увы, слишком привык полагаться на метеосводки в Сети...

- Полковник? - раздался тихий голос у него за спиной.

Локхарт резко обернулся. Перед ним была давешняя незнакомка в сером плаще - или, по крайней мере, некая особа, достаточно на нее похожая, если судить о сходстве лишь по росту, одежде и голосу. Хотя она стояла почти под фонарем, густая тень капюшона скрывала ее лицо - свет обрисовывал лишь тонкие губы и острый решительный подбородок, без всяких томных припухлостей и мягких округлостей, приличествующих придворной даме.

- Идемте, - она, в свою очередь, очевидно, прекрасно разглядела его лицо. Где-то вдали колокол начать отбивать девять часов.

- Куда? - осведомился Локхарт, не двигаясь с места, но она решительно протянула руку, и ее пальцы в перчатке твердо сжали его ладонь:

- Идемте, ну? У нас мало времени, и моя госпожа не любит ждать.

- А я не люблю подчиняться невесть кому, - проворчал Локхарт, но все же позволил ей увлечь себя в сторону дворца. В конце концов, придя сюда, он уже принял правила игры.

Они поднялись по трем низким ступеням опоясывавшего весь флигель крыльца, но незнакомка направилась не к широким дверям черного хода, а куда-то влево вдоль стены. Полковник увидел маленькую дверцу с ромбовидным стеклянным окошком; незнакомка беззвучно толкнула ее внутрь, и, едва они вошли, заперла ее за собой маленьким ключиком.

Локхарт увидел полутемный коридор и уводившую наверх лестницу - на сей раз, как он вскоре убедился, не винтовую. Они поднялись на третий этаж, затем провожатая провела полковника еще одним коротким и пустым коридором и почти что втолкнула его в небольшую круглую комнату без окон, озаренную свечами в серебряных настенных канделябрах. Локхарт увидел круглый стол в центре, к которому были небрежно придвинуты два мягких кресла предсказуемо музейного вида (в гостевом доме архиепископа были примерно такие же); на столе стояло несколько ваз с различными фруктами.

- Ждите здесь, - напутствовала незнакомка; даже в освещенном помещении она умудрялась все время оставаться к нему спиной или боком, так что он никак не мог разглядеть ее лица. - Угощайтесь, если хотите. Моя госпожа сейчас подойдет.

Оставшись один, Локхарт опустился в кресло и с сомнением покосился на тугую фиолетовую гроздь винограда, свешивавшуюся через край вазы - выглядит аппетитно, но безопасно ли? Впрочем, вряд ли его заманили сюда, чтобы отравить, убить его можно было бы и проще - хотя кто знает, вдруг кому-то нужно, чтобы труп почетного гостя архиепископа был найден именно в королевском дворце... и потом, помимо смертельных ядов, существуют и всякие психотропные средства. В эту эпоху, конечно, вряд ли, но - мало ли что могло сохраниться в каких-то тайных убежищах?

Он перевел взгляд вверх и увидел, что потолок комнаты представляет собой купол из матового стекла, расписанный порхающими птицами с ветками в клювах. Вероятно, днем свет проникает оттуда. Хорошо хоть птицы, а не какие-нибудь толстомясые ангелочки, которых Локхарт терпеть не мог. Особенно его раздражали нелепые кургузые крылышки - если ангелы летают благодаря сверхъестественным силам, крылья им не нужны, а если благодаря естественным, то это нелепое недоразумение неспособно удерживать их в воздухе. Ну да,

художники древности не знали аэродинамики, но могли бы хотя бы оценить относительные размеры крыльев и туловища тех же птиц...

Почти беззвучно открылась дверь. Локхарт поспешно опустил голову и повернулся. В комнату вошла королева Элинор.

Теперь на ней было белое бальное платье, воздушное и в то же время строгое, не обнажавшее ничего, кроме разве что ключиц. В волосах, по-прежнему вольно распущенных, искрилась небольшая изящная диадема, похожая на две тонкие узорчатые золотые ветки, сплетающиеся друг с другом и осыпанные мелкими ледяными каплями бриллиантовой росы. Единственным иным украшением был перстень с изумрудом на правой руке.

Локхарт поспешно поднялся и наклонил голову, радуясь, что она не застала его жующим.

- Ваше величество, - выдавил он из себя. Он был офицером и понимал субординацию, а также не имел предрассудков относительно женщин на вышестоящих постах; "да, мэм!" вылетало из его уст с той же легкостью, что и "да, сэр!" - он вообще не склонен был делить по половому признаку ни начальство, ни подчиненных. Он даже, сам будучи республиканцем[14] до мозга костей, не имел ничего против смешных европейских монархий своей эпохи - пусть себе тамошние жители устраивают эти ролевые игры для туристов, если им так нравится. Но вот ему лично такое совсем не нравилось. Произносить "ваше величество" и склонять голову не перед женщиной, добившейся высокого поста благодаря своим способностям и многолетней упорной работе, а перед девчонкой более чем вдвое его моложе, не заслужившей такие почести ничем, кроме обстоятельств собственного рождения - это представлялось ему самоуничижением, притом совершенно не оправданным.

- Полковник, - она тоже вежливо наклонила голову в ответ и тут же вновь взглянула ему в лицо веселым, чуть ли не смеющимся взглядом. Локхарт впервые обратил внимание, что глаза у нее зеленые - притом такого чистого и насыщенного цвета, что в другую эпоху он заподозрил бы контактные линзы. - Вы хотели меня видеть?

"Мне казалось, это вы хотели меня видеть!" - чуть не вырвалось у него, но он вовремя сдержался и со всей почтительностью, на которую был способен, произнес:

- Благодарю вас за... ээ... эту честь. Признаться, я не ожидал, что она будет оказана... столь быстро.

"И таким легкомысленным способом!" - добавил он про себя.

- Я дам вам официальную аудиенцию позднее, - произнесла королева, словно отмахиваясь. - Всем пятерым. А пока... - она опустилась в кресло. - Садитесь, полковник. Когда я сижу, вы тоже можете сидеть в моем присутствии.

Локхарт не понял, персональная ли это честь или просто общее правило здешнего этикета, но охотно воспользовался разрешением. Стоять перед сидящим ему никогда не нравилось.

- И берите фрукты, - продолжала Элинор; протянув тонкую руку, она сама взяла из вазы большую желтую грушу. - Они не отравлены.

Последняя фраза прозвучала без иронии и издевки, просто как констатация. Впрочем, быть может, Элинор имела склонность иронизировать с совершенно серьезным видом. Ее белые зубы впились в бок груши, и Локхарт тоже отщипнул виноградину.

- Бал уже закончился? - спросил он, не зная, можно ли переходить к более серьезным темам.

- Нет, - Элинор на миг наморщила нос, - закончена только официальная часть, во время которой королева должна оставаться с гостями постоянно. Согласно церемониалу, она остается хозяйкой бала до полуночи, но уже не обязана все время находиться на виду и может отлучаться... в том числе и для того, чтобы приватно побеседовать с кем-то из гостей... но не

[14]Под республиканцем здесь и далее понимается приверженец республиканской формы правления, а не Республиканской партии КША.

слишком надолго, если не хочет, чтобы это привлекло внимание. В полночь она желает доброй ночи всем гостям и удаляется в опочивальню. Гости, впрочем, вольны продолжать праздновать и после этого... самые настырные разъедутся только на рассвете, когда слуги начнут гасить свечи. Это - тот знак, после которого оставаться во дворце уже считается неприличным, - Элинор откусила еще кусок от груши; ей удавалось делать это аккуратно, так, что сок не стекал на подбородок. Локхарт отметил про себя, что, какой бы тонкой и изящной ни была ее рука, державшая фрукт, ее ногти коротко подстрижены и не накрашены; на ее лице также не было никаких следов косметики. Локхарту это понравилось.

- А подавать им еду и напитки положено, пока не уедет самый последний, - продолжала Элинор, прожевав. - И это не считая всех бесплатных угощений за пределами дворца. Представляю себе чувства бедняги генерал-интенданта, когда он увидит общий счет... хотя, конечно, там не будет ничего для него неожиданного. Коронации - ужасно дорогое удовольствие, особенно учитывая, что они, как правило, следуют сразу после похорон. Хорошо, что это все не сопровождается еще и свадьбой... трех таких ударов подряд казна Айринтии бы не выдержала, - она снова откусила от груши, и на сей раз в ее взгляде явственно мелькнула ирония, словно этой девушке откуда-то было известно о прожектах де Сегюра.

- Я, ээ, выражаю соболезнования по поводу, ээ, кончины вашего батюшки, - Локхарт постарался быть максимально вежливым.

- Нет-нет, полковник. Это все уже в прошлом. Сегодня у нас праздник. Вся Айринтия радуется и ликует.

"Она сама прозрачно намекнула, что времени для разговора у нас мало, - напомнил себе Локхарт, - так что хватит светской болтовни."

- Вся ли? - прищурился он, чуть подаваясь вперед.

- Вы уже кое-что знаете о наших раскладах, - спокойно кивнула она, - но вы знаете не все. Сегодня действительно был очень важный день. Который мог не состояться. Кое-кто очень хотел, чтобы он не состоялся. И не только хотел, но и действовал. Но теперь они уже не станут демонстрировать, что не рады. Не посмеют. Или не смогут, - королева вонзила зубы в грушу с такой зловещей решительностью, словно перегрызала горло врагу.

Слабая наивная девочка, мечтающая вернуться к своему вышиванию? Как бы не так... впрочем, это было ясно уже в соборе.

- Выигран первый раунд, - сказал Локхарт вслух, - но еще не игра.

"Черт, я-то куда лезу? Тоже мне, эксперт по средневековым интригам..."

- Я знаю, - спокойно согласилась Элинор, глядя на него.

- А знаете ли вы, - решился Локхарт (со старым лисом Фабиасом это бы явно не прошло, коль скоро он сам не стал поднимать эту тему, но с этой девушкой почему бы не попробовать?) - что-нибудь о мире, из которого я... мы все пришли? О том, что было в этих краях два века назад? Нет, не согласно вашим летописям, а на самом деле, когда эта земля называлась Флорида и была частью Конфедеративных Штатов Америки - государства куда более могущественного, чем все эти гроггендоры и тлукаляханы, ибо люди в ту эпоху умели...

- Полковник, - строго перебила его Элинор, - вы не должны говорить таких вещей. Ни мне и никому другому. Теперь вы находитесь в нашем мире и должны принимать его законы.

- Понятно, - растерянно пробормотал Локхарт. - Я просто думал, что мои... наши знания могут быть полезны для Айринтии.

- Предоставьте решать королеве, что полезно для Айринтии.

- Конечно, - смиренно наклонил голову полковник и тут же не сдержался: - Я только не понимаю в таком случае, чего ради вы меня сюда пригласили. Тем более - таким способом, - когда он убедился, кто был автором записки, у него мелькнула мысль, что эта тайная встреча нужна для обсуждения темы, которая является табу для Фабиаса, но, похоже, он опять ошибся.

- Да так, - королева с легкой усмешкой пожала плечами, - хотелось посмотреть в глаза

человеку, который решает мою судьбу, не удосужившись даже взглянуть на меня поближе.

- Вашу судьбу? Я? - растерялся Локхарт.

- Почему бы не отдать Элинор за Финеаса Бугенхольмского? - издевательски передразнила она. - Это же будет такое остроумное решение! И кому какое дело, что Финеас - великовозрастный недоумок с мокрыми губами и вечно потными руками, который в свои 24 года не знает более интересного занятия, чем игра в солдатики? Кого волнует мнение Элинор, кто вообще такая эта Элинор?

- Вы... слышали весь разговор, - понял Локхарт. - В кабинете архиепископа не единственный шкаф с секретом. И Фабиас... то есть его высокопреосвященство... знал, что вы...? Конечно, знал, - оборвал себя полковник, вспомнив слова архиепископа, что королева узнает о его просьбе "даже скорее, чем он думает". - Ну что ж, будем считать, что я попался. Но замечу, - не удержался он, - что, хотя вы и хорошо умеете изменять голос, выдавать себя за собственную служанку - это довольно-таки заезженный штамп. Я видел такое в полудюжине... - он хотел сказать "фильмов", но перестроился на ходу: - ...спектаклей. Ваше величество, - добавил он, словно вспомнив наконец о субординации.

- Ребячество, недостойное королевы? - холодно произнесла она. - Вы это хотите сказать?

- Я хочу сказать, что вы подвергали ненужному риску не только меня, но и себя.

- Не было никакого риска, - усмехнулась она. - Все было под контролем. Думаете, в противном случае дядя Фабиас согласился бы мне подыграть?

- Дядя?

- Ой... - на сей раз смутилась она. - На самом деле, конечно, он мне никакой не дядя. Просто я так зову его с детства. Четырехлетней девочке было бы не слишком удобно выговаривать "ваше высокопреосвященство", вы понимаете. Он не возражает.

- Так за вами приглядывали люди Фабиаса? И за мной тоже, пока я шел сюда? Где же они прятались на совершенно пустой улице?

- У дяди Фабиаса могут быть глаза даже на крышах.

- В таком тумане? Сомневаюсь, что они много видели.

- Хмм... туман, да. Это мы не учли, - созналась она. - Некоторые вещи неподвластны даже королям и архиепископам.

"Зато подвластны обычному противотуманному аэрозолю или инфравизору", - подумал Локхарт, но вслух этого не сказал. Он еще не расстался окончательно с надеждой заинтересовать Элинор идеей возрождения утраченных технологий прошлого - хотя бы некоторых из них, которые позволит нынешний технический и ресурсный уровень... вполне возможно, что табу насчет "законов этого мира" внушено ей Фабиасом, но девушка выглядит слишком независимой, чтобы слепо следовать неразумной догме... однако сейчас, в любом случае, было неподходящее время.

- Я... прошу прощения, если мои слова в разговоре с архиепископом показались вам обидными, - произнес он вслух. - Я просто искал решение поставленной задачи, у меня и в мыслях не было...

- Вот именно, - перебила Элинор. - У вас и в мыслях не было, что вы говорите о живой королеве, а не о шахматной фигуре.

- Я уже извинился, - пожал плечами Локхарт. - Увы, я не знаком с вашим этикетом, и за это тоже прошу прощения, хотя в этом и не виноват. Что вы еще хотите? Отрубить мне голову?

- Нет, - улыбнулась она, доедая грушу. - Ваша голова не настолько плоха, и это было бы неразумным ее использованием. Я вовсе не имею в виду, что при решении задач надо руководствоваться чувствами, а не рассудком. Тем паче - чужими чувствами. Но учитывать их - да.

- Это и есть то, что мне "следовало узнать", согласно вашей записке?

- Одно из, - она поднялась из-за стола, и Локхарт понял, что она съела грушу всю

целиком, вместе с сердцевиной. Остался только хвостик, который Элинор положила на пустое блюдо.

- Полагаю, мне уже пора вернуться к гостям, - сказала она. Локхарт тоже поспешно поднялся.

- Все-таки зачем вы устроили *такую* встречу? - спросил он. - Только ради маленькой мести? Заставить сухого рационалиста вроде меня поступить безрассудно?

- Проверить, насколько вы способны на *обдуманный* риск, - ответила она. - Безрассудные союзники мне не нужны - как, впрочем, и ни на что не решающиеся трусы.

- Капитан "Доброй воли" не может быть трусом, - проворчал Локхарт, задетый ее словами. - Будь я трусом, меня давно бы не было в живых.

- У страха тысяча лиц, - пожала плечами Элинор. - Я, например, в детстве ужасно боялась пауков. Отважный полководец, бестрепетно бросающий армию на вражеские копья, может впасть в панику, оказавшись на месте простого солдата. А герой на поле боя - потерять всякое достоинство перед лицом правителя. Но мне понравилось, как вы держались. Даже то, что вы забывали прибавлять титул... О нет, не надо опять извиняться. Конечно, в присутствии посторонних вам все же надо следовать этикету. Прибавлять "ваше величество" к каждой фразе не обязательно, "мэм" вполне достаточно. Но когда нас никто не слышит, я избавляю вас от этой условности.

- Благодарю... мэм.

- В конце концов, мы ведь фактически равны, - продолжила она.

Локхарт, как идейный республиканец, был с этим полностью согласен, но предпочел уточнить:

- В смысле?

- Вы тоже суверенный повелитель своих людей, над которым нет никакого вышестоящего сюзерена, - пояснила она.

- Хмм... - такой подход не приходил Локхарту в голову. Не будучи ничьим вассалом, он и в самом деле получается в этом мире чем-то вроде короля, все "королевство" которого состоит из четырех подданных. Вырожденный случай, но тем не менее. А уж если совсем удаляться в формализм, то он вообще теперь Президент Конфедеративных Штатов Америки - как последний оставшийся в живых после гибели всех вышестоящих командующих (прочие выжившие астронавты не были гражданами КША). Ну или, по крайней мере, исполняющий обязанности, поскольку президентскую присягу он не принимал...

Элинор открыла дверь, и они вышли в коридор, по-прежнему пустой (Локхарт уже не сомневался, что сюда и не может забрести никто случайный). Королева проводила своего гостя не к той лестнице, по которой они поднялись, а к одной из дверей, которую отперла своим ключом. За дверью оказалась очередная винтовая лестница вниз.

- Спускайтесь и выходите через дверь внизу, она не заперта, - напутствовала Элинор. - Фонарь будет справа от вас, рядом ждет экипаж, который отвезет вас в ваш дом. О времени официальной аудиенции вам сообщат позже в установленном порядке.

Вернувшись в гостевой дом, Локхарт с облегчением узнал, что все его товарищи уже там. Включая вдрызг пьяного Шрамма, которого привели домой двое дюжих солдат королевской гвардии. Шрамм, как выяснилось, провел этот вечер в гвардейских казармах, где не только получил мастер-класс фехтования, но и поучаствовал в праздничной попойке вместе со сменившимися с караула солдатами. Судя по его нынешнему состоянию, "за здоровье ее величества Элинор Первой" он осушил, должно быть, целый бочонок, и при этом, по уверению доктора Якобсона, домой пришел "почти сам", разве что слегка придерживаясь за плечи новых друзей - развезло его уже потом. Ну да, подумал с мрачной усмешкой Локхарт, прежняя трезвость забыта, но рефлексы пилота еще действуют - сначала в любом состоянии довести и посадить машину, и только потом можно расслабиться... Интересно, зачем Фабиас - а в том, что

это сделано с благословения архиепископа, Локхарт не сомневался - устроил Шрамму эту экскурсию в казармы? Хотел получить своего человека в гвардии? Этих гвардий тут, насколько полковник помнил со слов Дармонта, несколько, и далеко не факт, что сейчас все они лояльны новой королеве... Но если так - Фабиас плохо осведомлен, что из себя теперь представляет Шрамм. Вот уж кто на роль агента годится в последнюю очередь.

Так или иначе, теперь Шрамм храпел в своей комнате и ни проблемы, ни интереса не представлял. Локхарт в глубине души был даже доволен, что можно обсудить последние новости без него. Остальных он позвал для разговора в столовую.

Вельо и де Сегюр действительно просидели допоздна в скриптории, разбирая исторические документы. Конечно, для того, чтобы перечитать их все, потребовались бы многие месяцы, если не годы. Но работники архива охотно помогли гостям с подбором наиболее значимых материалов, и определенное впечатление те получили.

- В целом шесть веков истории Айринтии и окружающего мира документированы достаточно подробно, связно и непротиворечиво, - сообщил Вельо. - Насколько, конечно, об этом может судить лингвист, а не историк. При этом непохоже, что реальные события просто растянули во времени в три-четыре раза - это опровергается хотя бы годами жизни королей и прочих значимых личностей. В целом, если это и фальсификация, то качественно изготовленная и потребовавшая немалого труда...

- Что значит "если"? - раздраженно перебил Локхарт. - Мы прекрасно знаем, что по крайней мере четыре из этих шести веков не могут быть ничем, кроме фальсификации.

- Настоящий ученый не должен иметь никаких предубеждений, приступая к исследованию, - пожал плечами Вельо. - И быть готовым даже к самым невероятным открытиям, опровергающим предыдущий опыт.

- Есть разница между невероятным и невозможным, - настаивал Локхарт.

- Какое-то время я думал - а что, если наш путь занял больше времени, чем мы рассчитывали? Ведь это был первый межзвездный полет, основанный на технологии, которую мы получили из космоса и сами не до конца понимаем. Если в расчеты вкралась ошибка, неучтенный эффект?

- Доктор, вы не физик, так что воздержитесь, пожалуйста, от... - Локхарт хотел сказать "безграмотных", но смягчил формулировку: - ...дилетантских гипотез. Начнем с того, что если бы наш полет занял не двести, а шестьсот лет по планетарному времени, мы бы никуда не прилетели - ни к Кэйли, ни к Земле. Звезды смещаются друг относительно друга, и за такой срок смещаются достаточно ощутимо. Про обращение планет вокруг звезд уж и не говорю - ошибка должна была составить целое число лет с точностью до секунды, причем как наших, так и кэйлианских, а они не равны и не кратны.

- Да, конечно, командир, вы правы. В итоге я тоже об этом подумал. Правда, тогда у меня родилась еще более дилетантская гипотеза. Что, если это вообще не наша Земля?

- А какая же еще? - фыркнул полковник. - Вы знаете еще какую-нибудь планету в космосе, где говорят по-английски?

- Что, если этот наш способ полета, деформирующий континуум - то есть саму структуру пространства-времени! - приводит к тому, что корабль постепенно смещается не только вперед, но и куда-нибудь... вбок? В некую параллельную вселенную? Может быть, кэйлиане, разработавшие эту технологию только теоретически, сами не знали об этом эффекте. Или наоборот - знали, и именно поэтому не пользовались ей сами, а рассылали приглашения другим. Им-то было все равно, откуда прилетят гости и принесут интересную информацию - из нашей вселенной или из параллельной. А вот самим отправлять куда-то экспедицию, которая не сможет вернуться в родной мир, им не было смысла.

- Их Послание распространялось с помощью обычных радиоволн в нашей вселенной и ни в какую параллельную попасть не могло, - возразил Локхарт.

Но карта этого мира отличается от привычной, вспомнилось ему. И Кольцо...

- А что, если... - похоже, эта идея только что пришла в голову Вельо, - если все дело в Кольце? Если это был какой-то гигантский ускоритель, научный эксперимент, который пошел не так? И отбросил всю Землю в прошлое - может, даже не на шесть веков, а на больше? Или, наоборот, ускорил течение времени на ней...

- Доктор, я же только что...

- Да-да, я помню. Мы бы просто на нее не попали. Но ведь мы летели назад вслепую, и у нас был риск ошибиться и промахнуться мимо Солнца. А что, если одна ошибка наложилась на другую? Мы *действительно* прилетели не туда, но нам так повезло, что Земля оказалась именно там...

- Попробуйте прикинуть вероятность подобного совпадения, - усмехнулся Локхарт. - И опять же - как вы представляете себе изменение хода времени отдельно на Земле? Что при этом будет с Солнцем, которое, повторяю, движется со своей собственной скоростью? Земля же просто не смогла бы остаться на своей орбите. Или, по-вашему, этот ваш эксперимент изменил ход времени не только на Земле, но и во всей Солнечной системе? Не слишком ли круто для человеческих возможностей? Да и вообще, все это ненаучная фантастика! Не имеющая никакого отношения к нашим реальным проблемам.

- Да, наверное, не имеющая, - вновь согласился Вельо. - Но знаете, в этих летописях есть некая странность, которую, возможно, не заметил бы историк, но заметил лингвист. Они все, от самых древних, относящихся к временам Йоргела Завоевателя, до самых свежих, описывающих царствование Гумбольдта, написаны практически одним языком. Различия есть, но не такие, какие должны были накопиться за шестьсот лет - и даже за двести. Можно, конечно, объяснить это тем, что древние рукописи - на самом деле не оригиналы, а копии, причем каждый последующий переписчик осовременивал их в соответствии с языковыми нормами своей эпохи...

- Все гораздо проще - все эти "древности" были придуманы и написаны относительно недавно, что и требовалось доказать, - нетерпеливо перебил Локхарт.

- Это напрашивается, - кивнул Вельо. - Но это не объясняет всего. Впрочем, хоть я и хорошо знаю английский, это все же не мой родной язык. А вам, командир, ничего не показалось странным в манере говорить нынешних жителей?

- Да нет, пожалуй, - ответил Локхарт, удивленно приподняв бровь; ему не приходило в голову задумываться об этом. - Ну, раз уж вы спросили... я бы сказал, что, например, дядюшка Зак, судя по его говору - не уроженец Юга. Скорее, откуда-то из Новой Англии. Манера речи Элинор похожа на калифорнийскую. Дармонт... я затрудняюсь сказать, откуда он, как, впрочем, и Фабиас. Едва ли Конфедерация, а может, даже и не Союз. Все, что угодно, от Англии до Новой Зеландии - я не знаком с тамошними стилями речи и не могу судить... У Ференца, как мне кажется, английский вообще не родной, что при его кочевом образе жизни неудивительно. А вот Ильза говорила, как здешняя. Что наводит на мысль, что она с Заком все же не были родней. Вы это имели в виду?

- Нет. В этом как раз нет ничего особенного - учитывая, что люди могут родниться через брак, в одном семействе вполне могут оказаться выходцы из разных местностей. Даже теперь, когда путешествия на дальние расстояния, очевидно, куда затруднительней, чем в наше время - но по той же причине и акценты жителей соседних городов могут различаться заметнее, чем когда-то - штатов на разных концах Америки и даже, как вы говорите, Англии и Новой Зеландии. Не говоря о том, что, если на Земле была некая глобальная катастрофа, нынешние айринтийцы могут быть потомками беженцев из самых разных мест. Дело не в этом, а в том, что все эти люди фактически говорят на современном нам английском языке. Так?

- Ну... если не считать отдельных архаизмов...

- Вот-вот. Которых, на самом деле, быть не должно. Это технология может быть

отброшена вспять, а язык так не умеет. Язык может переживать упрощение и деградацию, но он никогда не возвращается к своему прошлому - он всегда развивается только вперед. Поэтому мы должны были обнаружить не архаизмы, а неологизмы - причем в гораздо большем количестве. Пусть даже все айринтийские летописи - подделка недавнего времени. Но за два с лишним столетия, сопровождающихся столь грандиозными потрясениями, язык должен был измениться куда заметнее. А эти люди, напрочь забывшие о самом существовании хоть Соединенных, хоть Конфедеративных Штатов - как, видимо, и Британии с Новой Зеландией - тем не менее, говорят на правильном английском языке XXI столетия. Ну, чуть-чуть упростили орфографию, только и всего. При этом по части имен собственных этот язык насыщен германизмами - но больше германское влияние ни в чем не проявляется...

- В свое время американская топография была полна индейскими названиями, - заметил Локхарт. - Правда, на личные имена это все же не распространялось... Вы что же, хотите сказать, что была некая война, в ходе которой Германия завоевала Америку? А потом, поколения спустя, американцы - или еще какие-то англоязычные - отбили эти земли?

- Я ничего не хочу сказать, - развел руками Вельо. - Я лишь констатирую, что современный английский не похож на язык, свободно развивавшийся более двухсот лет после нашего отлета - не говоря уже про шестьсот, конечно же. Возможно, бо́льшую часть этого времени он был мертвым языком и был реконструирован относительно недавно. Евреи в свое время реконструировали мертвый иврит спустя два тысячелетия, так что двести лет - это не срок. И все старые летописи тогда действительно представляют собой современные переводы с того языка, который использовался раньше. Может быть, действительно, с языка завоевателей, который ныне проклят и забыт. Или, может, не завоевателей, а беженцев из Европы, которых было так много, что... Но это все гипотезы. И не знаю, насколько они важны в практическом плане.

- А вы, полковник, узнали за сегодня что-нибудь важное? - спросил де Сегюр. - Доктор Якобсон сказал, что вы беседовали с самим Фабиасом?

- И даже с самой Элинор, - кивнул Локхарт и принялся рассказывать.

Географические подробности заинтересовали де Сегюра, казалось, даже больше, чем политические.

- Понижение уровня океана одновременно с понижением температуры, - пробормотал он. - Да, так это и должно быть. Вы знаете, я начинал свою карьеру в Европейской комиссии по изменению климата...

Локхарт неприязненно дернул щекой:

- Которая полвека боролась то с глобальным потеплением, то с глобальным похолоданием, пока не было доказано, что нет ни того, ни другого, а есть только глобальные аферы?

- Не утрируйте, полковник, - поморщился де Сегюр. - Да, в конечном счете возобладала точка зрения, что климатические колебания, наблюдавшиеся в XX и XXI веках, носят характер естественных флуктуаций и не могут быть вызваны деятельностью человека...

- После того, как на борьбу с этими флуктуациями были выброшены триллионы долларов, а целые отрасли и страны стали жертвами нахрапистого шантажа и старательно раздуваемой в обществе истерики. Основанной на преднамеренно фальсифицированных данных, - вновь перебил Локхарт. К климатическим алармистам, в свое время чуть было не похоронившим космонавтику - да и высокоскоростную авиацию - из-за "экологического ущерба", у него были личные счеты.

- Но, в конце концов, вы не можете отрицать, что теперь в мире *действительно* похолодало, - произнес де Сегюр, уже не скрывая своего собственного раздражения.

- Как и вы не можете отрицать, что человеческая промышленность тут ни при чем. Как и транспорт. На планете Земля больше нет ни того, ни другого. Рай, о котором всегда мечтали

зеленые недоумки.

- Командир, - мягко вмешался Якобсон, - мне кажется, граф хотел сообщить нам нечто существенное.

- Да, конечно, - сдал назад Локхарт. - Я не имел в виду в чем-либо обвинять вас лично, де Сегюр. Вы ведь тогда были всего лишь выпускником университета и работали с теми данными, которые вам подсовывали другие.

- Так вот как бы вы ни относились к этим данным, - подхватил граф, - пусть они были ошибочными, пусть даже, как вы утверждаете, их фальсифицировали преднамеренно, но, отталкиваясь от них, климатологи построили немало интересных моделей, отражавших разные сценарии. В том числе экстремальные сценарии. Вплоть до... - он не удержался от драматической паузы, - нового ледникового периода. Да, тогда ничего подобного не случилось - вы скажете, что и не могло случиться - но картина мира, рассчитанная для такого развития событий, весьма напоминала то, что мы наблюдаем сейчас. Значительное понижение уровня мирового океана из-за нарушения круговорота воды. Испаряясь в тропических широтах, она выпадает на сушу умеренных и остается там в виде снега и льда. Который не тает круглый год. По той же причине снижается количество облаков, которые могли бы удерживать тепло, а многократно увеличившиеся снежно-ледяные площади отражают солнечный свет обратно в космос. Все более ухудшая ситуацию.

- Хотите сказать, что на Земле сейчас новый ледниковый период? - на сей раз скепсис выразил Вельо. - По-моему, здесь все же не настолько холодно.

- Да, в тропиках похолодание не столь значительно. Хотя это тоже может быть лишь делом времени, если новое равновесие все еще не установилось. А весь север Америки и большая часть Евразии сейчас, возможно, покрыты нетающим льдом.

- То есть это и есть та катастрофа, которая погубила цивилизацию? - Локхарта эта версия по-прежнему не убеждала. - Глобальные климатические процессы не происходят мгновенно. У человечества было бы достаточно времени, чтобы отступить в низкие широты вместе со всеми высокими технологиями. Да, конечно, могли быть беспорядки и даже целые войны между коренными жителями и многомиллионными волнами беженцев. Но, в конце концов, от технологий зависело выживание, и это должны были понимать все. Не говоря о том, что такие места, как Флорида, были ли бы заселены куда более плотно.

- Мы не знаем, что послужило отправной точкой, - возразил граф. - Вы говорите, что это не могла быть деятельность человека - "всей мощности цивилизации не хватило бы на такое", да, я читал статьи, выражающие вашу точку зрения. Хорошо, допустим, вы правы. Но это могла быть природная катастрофа, и именно одномоментная. Скажем, столкновение с астероидом. Или извержение Йеллоустоунского супервулкана. Вы ведь понимаете последствия? Вся цивилизация Северной Америки уничтожена в один миг. Европейская - в руинах после невиданных за всю человеческую историю землетрясений. Ну или наоборот, если главный удар пришелся туда, а не сюда. Вот вам и секрет исчезновения городов. Даже после ядерной войны разрушены были бы лишь некоторые из них - но не после толчков, перетряхнувших весь континент. А через ту же Флориду могло, к примеру, прокатиться гигантское цунами от берега до берега. Поэтому, в частности, мы до сих пор не видели здесь ни одного темнокожего - все прежнее население просто смыло... (Локхарт лишь сейчас сообразил, что и впрямь доселе не видел здесь ни одного негра. Для бывшей Флориды это было странно, но для Айринтии, столь напоминавшей средневековую Европу, казалось совершенно естественным.) После чего пыль и пепел на годы закрывают солнце, и на выживших среди развалин обрушивается холод и голод. Какое уж тут сохранение цивилизации... счастье еще, что они удержались хотя бы на средневековом уровне. Я не удивлюсь, если Айринтия, Гроггендор и Тлукаляхан - это действительно *все*, что осталось от человечества.

- К югу от Тлукаляхана - джунгли, а не льды, - напомнил Локхарт.

- То есть так считают айринтийские картографы. Исходя из логики "чем южнее, чем теплее" и не понимая, что она работает лишь до экватора. Если посмотреть на карты прежнего средневековья, там тоже можно найти немало любопытного. Чем дальше от места жительства картографа, тем любопытнее...

- А шесть веков? Как они вписываются в вашу версию? - осведомился полковник.

- Никак, - пожал плечами де Сегюр. - То есть так же, как и в любую другую. Это - местная мифология, не связанная с истинными причинами катастрофы. Возможно - направленная на то, чтобы стереть слишком болезненную память о катастрофе. Они могут отказываться от науки нашей эпохи даже не потому, что винят ее в случившихся бедах, а потому, что не хотят вспоминать, с каких вершин и на какое дно рухнули. Ведь так, доктор? - граф обернулся к Якобсону.

- Подобный защитный психологический механизм вполне возможен, - кивнул тот. - У тех поколений, которым еще было что вспоминать, конечно. Ну а дальше уже просто вошло в традицию. И теперь их вымышленная история - это то, чем они привыкли гордиться, и любое посягательство на нее будут воспринимать в штыки.

- Что ж, - пробормотал Локхарт, - послать экспедицию на север или на юг, чтобы проверить вашу гипотезу, не в наших силах...

- Вода куда-то должна была деться, - веско произнес граф.

- ...но если она верна, то это значительно повышает ставки.

- Или понижает, - пробурчал Вельо. - Если лет через сто ледники доберутся и сюда, какой смысл вообще трепыхаться? Такое ведь в истории Земли уже было - правда, задолго до человека...[15]

- А по-моему, ничего это не повышает и не понижает, - не согласился де Сегюр. - Что бы там ни происходило двести лет назад или через двести лет, мы должны решать свои задачи здесь и сейчас. Ну да - если Айринтия падет, бежать, скорее всего, будет некуда. Но я не думаю, что даже в этом случае победители устроят здесь геноцид. В Бугенхольме, по крайней мере, не устроили.

- Если Айринтия падет - падет последний оплот свободы в этом мире, - мрачно возразил Локхарт. - Конечно, очень относительной свободы. Айринтия - не республика и даже не конституционная монархия. Король вправе менять законы единоличным решением, существуют сословные привилегии и все такое. Но все-таки, как я понимаю, здесь свободы куда больше, чем в агрессивно-имперском Гроггендоре - не говоря уже о Тлукаляхане.

- Вы забыли еще пиратов, - усмехнулся де Сегюр. - Вот уж кто свободней некуда.

- Вы сами понимаете, что я говорю о конструктивной свободе, а не о произволе разбойничьей шайки.

- Ну, - протянул граф, - мне представляется, что разница не во всех случаях столь уж разительна.

- Что вы имеете в виду? - осведомился Локхарт.

- Фабиас ведь заявил вам, что Арвик больше не проблема? Это значит, что либо архиепископ самоуверенный глупец, либо хотел произвести на вас такое впечатление - и то, и другое вряд ли - либо он действительно знал, о чем говорил. И Элинор, кстати, это подтвердила. "Просто не смогут", да. Думаю, что знаю, чье обезглавленное тело мы нашли в лесу.

- Вы хотите сказать, что это был Арвик? - произнес потрясенный Локхарт. - Даже не какой-нибудь, к примеру, его эмиссар...

- Эмиссар не удостоился бы таких "почестей", - отмахнулся граф. - У Арвика, несомненно, хватило ума не принять приглашение на коронацию, что было бы для него сдачей на милость победителю, к милости к тому же отнюдь не склонному. Вместо этого он бежал из

[15]В криогенийском периоде неопротерозоя. Предположительно, Земля была полностью покрыта льдом 220 миллионов лет (850—630 млн лет назад).

столицы на восток под защиту своего союзника Хагентрауба. Бежал, соблюдая максимальную конспирацию, всего с парой человек охраны. Граф, в свою очередь, готовился встретить дорогого гостя. Но, пока его люди очищали дороги от всяких подозрительных комедиантов, истинные убийцы все же сумели сделать свое дело. Перехватив Арвика там, где он уже, возможно, считал себя в безопасности.

- Вы думаете, Элинор хладнокровно приказала убить собственного брата? - все еще не мог поверить Локхарт.

- Хладнокровно или нет - это вам виднее, пока что с ней общались только вы, а не я, - ответил де Сегюр, и в его тоне проскользнула нотка неудовольствия. - Возможно, сама идея принадлежала Фабиасу. Но Элинор, несомненно, была в курсе. Я даже думаю, что коронация началась позже из-за того, что что-то задержало гонца, который вез голову Арвика в Дракенхайм.

- По-вашему, Элинор хотела лично взглянуть на отрезанную голову, прежде чем взойти на трон? - поморщился полковник. - Вы путаете ее со злодейкой из комиксов.

- Нет, не столько взглянуть сама - она-то была заинтересована в том, чтобы коронация состоялась как можно скорее - сколько продемонстрировать кому-то из партии Арвика, что их сопротивление потеряло смысл. Кому-то, кто был достаточно силен, чтобы создать помехи коронации. Вы же сами процитировали слова Фабиаса, что переговоры шли буквально до последнего момента.

Локхарту все равно трудно было поверить, что девятнадцатилетняя девушка, с которой он общался совсем недавно, способна на такое. Да, Элинор не походила на томную изнеженную принцессу, падающую в обморок при виде дохлой мыши. И да, Арвик был ее врагом - во всяком случае, стал таковым после оглашения завещания. Но в детстве они, наверное, играли вместе. И *первой* отправить в погоню за ним убийц, приказав привезти его голову...

- Вы думаете, он на ее месте стал бы церемониться? - де Сегюр словно прочитал мысли Локхарта, впрочем, достаточно красноречиво отраженные на его лице. - Я сказал все это вовсе не в осуждение Элинор. Напротив, если она способна к решительным действиям, а не является лишь безвольной марионеткой Фабиаса - чего мы пока еще, впрочем, не знаем наверняка - то это лишь внушает к ней уважение. И делает игру интереснее.

- Игру? - всколыхнулся Вельо. - Вы называете это игрой?

- Называйте как вам угодно, доктор, - поморщился де Сегюр. - Я только хочу напомнить вам, что такова современная реальность - и, несомненно, в Гроггендоре и Тлукаляхане она ничуть не лучше. Кто не желает быть игроком, обречен быть пешкой в руках игроков. Да и, на самом деле, так было всегда. На фоне мировых войн и диктатур так называемой цивилизованной эпохи все эти средневековые кровопролития и в самом деле выглядят детской забавой.

- Мы думали, что это наконец осталось позади, - вздохнул Вельо.

- Вам напомнить, сколько раз в мировой истории возникала подобная иллюзия? Причем всякий раз - накануне очередной особенно кровавой бойни. Нет, джентльмены. Так будет всегда, пока люди остаются людьми. При любом уровне технологий.

- Тогда, возможно, ледник, который окончательно сотрет нас с лица Земли - это и не худший выход, - проворчал Вельо.

- Вспомните Кэйли, доктор, если вас это утешит.

- Не могу поверить, что это универсальный закон, - произнес Локхарт. - Не может быть, чтобы разум везде кончал так.

- Почему нет? - пожал плечами де Сегюр. - Разум - инструмент, порождаемый эволюцией не для любви и милосердия, а для выживания во враждебной внешней среде. Если неразумные враги побеждены, разуму остается только обратиться против другого разума.

- Как вы только стали дипломатом с такими взглядами, - усмехнулся Вельо.

- Дипломатия - это лишь продолжение войны другими средствами. И мне нравится, что

эти средства менее жестоки и более утонченны. Я действительно не люблю грубое насилие. Оно, если хотите, неизящно. Но, какими бы ни были средства, суть, в конечном счете, не меняется.

- Не путайте суть разума и его происхождение, - возразил Локхарт. - Это грубое передергивание. Перья, к примеру, когда-то возникли для обогрева, а вовсе не для полета. И достоинство разума как раз в том, что он может осознать породившие его природные механизмы типа "не съешь ты - съедят тебя" и подняться выше их. Это даже если не рассматривать разумные компьютеры, над которыми вообще не тяготеет животное прошлое.

- И где они теперь? - откликнулся де Сегюр. - Люди, по крайней мере, выжили хоть в каком-то виде.

- Да, друзья, давайте все же не забывать и о положительных сторонах, - подал голос Якобсон. - На Земле, по крайней мере, не произошло того же, что на Кэйли. Мы все еще живы. Как личности и как вид. И у нас все еще есть будущее.

Оспаривать примирительную сентенцию Якобсона никто не стал; все как-то сразу почувствовали, что нуждаются в отдыхе после этого долгого и насыщенного дня. Так что, сойдясь во мнении, что пока нет необходимости ни в каких экстренных мерах и остается лишь ждать, как будут развиваться дальнейшие события, они разошлись по своим комнатам.

На следующее утро Локхарт строго отчитал Шрамма по поводу алкоголя. Тот, мучившийся незнакомым ему прежде похмельем, смиренно признал вину, однако тут же попросил разрешения продолжить обучение фехтованию в гвардейских казармах, заверив, что пить больше не будет (да и повода вроде как не было). Первым побуждением Локхарта было отказать, но он рассудил, что Шрамм воспримет это как несправедливое наказание осознавшему свою вину и стремящемуся исправиться. К тому же, подумал полковник, если Шрамм и в самом деле делает такие успехи в освоении нынешнего оружия, не помешает обзавестись хотя бы одним собственным телохранителем, а не полагаться исключительно на охрану, приставленную Фабиасом (пусть даже эти тренировки и происходят с очевидного ведома и разрешения последнего) или даже Элинор. Окончательно вопрос решила консультация с Якобсоном, у которого Локхарт спросил, насколько эти тренировки пойдут на пользу здоровью Шрамма. "Без аппаратуры мы не можем отследить процессы в его мозгу, - ответил доктор, - но вполне вероятно, что физические упражнения, тем более не сводящиеся к простой накачке мышц, а требующие быстроты реакции, предсказания поведения противника и так далее, улучшают кровоснабжение пораженных участков и способствуют образованию новых нейронных связей. Чудес, разумеется, не будет, прежним Шрамм не станет уже, по-видимому, никогда, но по крайней мере восстановление речевых функций происходит быстрее, чем я ожидал." После этого Локхарт дал Шрамму разрешение тренироваться столько, сколько тот пожелает, строго напомнив, однако, что Шрамм по-прежнему остается членом команды "Доброй воли" и не должен выполнять ничьих приказов, кроме своего командира. Бывший пилот просиял лицом, словно мальчишка, которого отпустили в поход, и вскоре чуть ли не бегом отправился в казармы. Как уточнил Локхарт, это были казармы личной гвардии королевы, а не военной гвардии, которой командовал Бронгар; таким образом, версия, что Фабиас надеется сделать из Шрамма своего человека среди подчиненных герцога, не подтверждалась. Отчего же архиепископ пошел навстречу желанию самого простоватого из своих гостей - неужели просто по доброте душевной? Впрочем, как говорил Якобсон, иногда люди действительно помогают другим, ничего не прося взамен. Особенно когда им самим это ничего не стоит.

Впрочем, мотивы щедрого гостеприимства Фабиаса по отношению к остальным астронавтам также оставались неясны. Они продолжали жить в гостевом доме на всем готовом, наслаждаясь обслуживанием по классу "люкс" и не платя за это ни хеллера (сто крон, полученные от Дармонта, так и хранились нетронутые у Локхарта); более того, на второй день с утра к ним явился портной, предложивший свои услуги (так же заранее отплаченные от щедрот

его высокопреосвященства). Это было весьма своевременно - ведь единственной их одеждой оставались костюмы из реквизита комедиантов, уже нуждавшиеся в стирке (с обувью у них проблем пока не было, включая и Вельо, который обзавелся добротными башмаками еще накануне, зайдя в сапожную лавку по дороге в скрипторий - причем хозяин, с которым перемолвились сопровождавшие лингвиста послушники, также не потребовал с него платы). Однако после того, как портной снял мерку с каждого, выслушал все пожелания и отбыл, пообещав, что заказ будет исполнен "со всей возможной скоростью", больше гостей никто не беспокоил. От скуки они, впрочем, не страдали, проводя время за чтением: Вельо и де Сегюр продолжали копаться в архивах (ежедневно провожаемые туда и обратно парой почтительных крепких послушников), Якобсон читал свой плутовской роман, а Локхарт получил обещанный ему исторический труд. Конечно, в отличие от первоисточников из королевского скриптория, это была компиляция, составленная неким Мартином Дрольфусом и, вполне вероятно, носившая следы предвзятости своего автора - зато она позволяла ознакомиться с официальной историей этой части мира намного быстрее.

Эта история (согласно книге) уходила вглубь даже не на шестьсот, а почти на восемьсот лет; по крайней мере, к этому времени легенды относили основание Кранцхюгеля - столицы Бугенхольма, от каковой даты и велось нынешнее летосчисление. Однако, как признавал сам Дрольфус, обрывочные и скудные сведения об этой эпохе были почерпнуты в основном из легенд; более-менее внятной и исторически достоверной картина становилась лишь сто лет спустя. В те времена на этих землях было намного больше стран, чем теперь. Гроггендор начинался с независимых горных кланов, долгое время враждовавших между собой; на равнинах Тэксаса и Оклахомы также существовали независимые королевства, графства и даже совсем карликовые баронства. К западу, северу и югу от раннего Бугенхольма тоже лежали самостоятельные княжества (в том числе Хильдское и те северные, что позже будут присоединены к Бугенхольму и предадут его ради эфемерной независимости, оказавшейся гроггендорской ловушкой). В луизианских лесах и болотах и вовсе обитали племена варваров. О прошлом Тлукаляхана у Дрольфуса было намного меньше сведений, но и его территория прежде делилась между суверенными владыками. Постепенно, однако, в результате завоеваний, дипломатии и династических браков все эти независимые и полузависимые образования укрупнялись, поглощались, сливались друг с другом, пока не пришли к уже известной Локхарту реальности. Никаких намеков на реальное прошлое хорошо знакомой ему Америки или на какую-то древнюю катастрофу, с которой началась история нового мира, книга не содержала. Локхарт тщетно пытался понять, где же проходит шов между очевидным вымыслом всех этих древних герцогств и королевств и объективной действительностью, которую он мог наблюдать прямо из окна - но Дрольфус излагал свою версию истории удивительно гладко и последовательно, без сколь-нибудь заметных нестыковок. Вероятно, даже подлинные документы из архивов обнаружили бы куда больший разнобой, ибо одни и те же события неминуемо описываются разными хронистами по-разному, в силу политических предпочтений и неполноты данных; однако Дрольфус, очевидно, отбирал из множества вариантов тот, который представлялся ему наиболее верным в контексте общей картины, и даже не упоминал об остальных. В общем, чтение было любопытным, но завесу занимавшей Локхарта тайны не приоткрывало. Впору и впрямь было поверить в "параллельную Землю" со своей собственной историей, никогда не знавшей подъема к вершинам технической цивилизации (и на которой при этом люди европейской расы и культуры оказывались аборигенами Америки), но полковник, конечно, говорил себе, что это полная чепуха.

Вечером их пятого дня в Дракенхайме с Локхартом пожелал побеседовать де Сегюр, почему-то вернувшийся раньше Вельо. Поначалу он лишь спросил полковника, удалось ли тому узнать что-либо важное. Локхарт сообщил, что никто из сильных мира сего с ним больше не связывался, и коротко поделился с графом прочитанным, поинтересовавшись, в свою очередь,

удалось ли им с Вельо найти что-то примечательное среди исторических документов в скриптории.

- Не знаю, - равнодушно ответил тот, - спросите Вельо, я этим больше не занимаюсь. Не думаю, что это имеет какой-то практический смысл.

- Что же, в таком случае, вы целыми днями делаете в архиве? Или вы ходите куда-то еще, не поставив в известность меня?

- Вы напрасно подозреваете меня в нелояльности, - усмехнулся граф. - Я работаю в том же архиве, но с другими документами. Не с историческими, которые, как мы знаем, не могут не быть фальшивками, а с юридическими, действующими сейчас. Само собой, в них тоже присутствуют ссылки на некие древние установления, родословные и договоры, и уже тогда я разыскиваю и их тоже.

- И что вам удалось найти?

- Пока что я изучаю действующее право. Айринтийское и международное, насколько такой термин применим к эпохе, когда право силы важнее любых договоров. Могу, в частности, подтвердить, что юридическая коллизия, возникшая в результате посмертного изменения закона о престолонаследии, действительно не имеет однозначного решения в рамках существовавшей до этого нормативной и прецедентной базы. И даже свершившийся акт коронации тему не закрывает. Он станет нормообразующим прецедентом лишь в том случае, если будет признан в качестве такового всеми заинтересованными сторонами.

- Бронгару трудновато будет его не признать после того, как он сам участвовал в церемонии, - усмехнулся Локхарт. - А Арвик, как вы сами говорите...

- Да, именно поэтому участие их обоих в коронации было так важно. И именно поэтому Бронгар мог торговаться до конца. Ему не обязательно было поднимать открытый мятеж. Достаточно было за полчаса до коронации объявить о своей отставке - и легитимность королевы повисала в воздухе. Но он, как мы знаем, сохранил свой пост, а это значит, что с ним удалось договориться. Ну а вопрос с Арвиком был решен по-другому...

- А если бы Арвик явился в собор и в самый кульминационный момент закричал: "Это незаконно, я протестую"?

- Полагаю, его бы вывели и позже объявили сумасшедшим. К тому же у него как у бастарда меньше прав, чем у Бронгара как законного наследника по прежнему закону - так что этот выкрик был бы, собственно, в пользу герцога... Но, конечно, осадок бы остался, и этого предпочли не допустить. Возможно, просто составив приглашение в намеренно оскорбительной форме в расчете на его нрав. Возможно - и более надежно - прямо намекнув ему, что его убьют, если он не покинет столицу.

- Чтобы убить, когда он ее покинет... Так Фабиас был прав, говоря, что внутренние угрозы ликвидированы?

- Я говорю о чисто юридической стороне вопроса. Если ограничиваться лишь ей, то и внешней угрозы тоже нет. Претензии Гроггендора на так называемые новые территории Айринтии юридически совершенно несостоятельны. Ни бугенхольмский король, ни гроггендорский император не может денонсировать договор, по которому эти земли отошли Айринтии, ибо такой механизм не прописан в самом договоре и не устанавливается нормами более высокого уровня - за отсутствием таковых.

- Если не считать таким механизмом гроггендорскую армию, - мрачно заметил полковник.

- Как я только что и сказал.

- И для внутренних дел верно то же самое.

- Да. Бронгар. Он больше не может оспаривать трон у царствующей Элинор. Но он все еще законный наследник, первый в очереди. В случае ее смерти или отречения корона переходит к нему.

- Не обязательна открытая война, - понял Локхарт. - Которая весьма нежелательна на виду у внешнего врага. Достаточно одного удачного покушения. После которого Бронгар с помпой отыщет и казнит исполнителей. Обливаясь слезами по безвременно погибшей племяннице.

- Именно так. А возможностей у него, как у командующего королевской армией, немало. Хотя личная гвардия королевы ему и не подчинена... В связи с чем у меня вопрос: вы совершенно уверены, что мы должны остаться на стороне Элинор?

- В чем я совершенно уверен, так это в том, что не желаю быть соучастником ее убийства, - отрезал полковник.

- Простите, командир, но вы рассуждаете как... Вельо, - усмехнулся де Сегюр.

- Именно поэтому вы явились пораньше, дабы говорить со мной без него? - неприязненно осведомился Локхарт.

- Если угодно. Боюсь, что незапятнанной так или иначе не останется ни одна сторона - и королевская, собственно, уже начала, пролив кровь Арвика. А у нас, напомню еще раз, нет ни юридических, ни моральных обязательств ни перед кем из них. Мы даже формальную присягу не приносили. Вы считаете, что быть соучастником убийства Бронгара лучше? Вы ведь не думаете, что жизнь женщины чем-то ценнее, чем жизнь мужчины?

- Такой мужчина, как Бронгар, давно заслужил смерть, - мрачно ответил полковник. - Если, конечно, насчет детей все правда.

- Вот именно - если... Хотя, как я уже говорил, даже не это главное. Главное - от кого из них будет больше пользы для государства... и для нас лично.

- Бронгар вышел на вас с предложением? - прищурился Локхарт.

- Нет, пока нет. Я рассуждаю чисто теоретически... возможные варианты, знаете ли, лучше просчитать заранее. Теоретически, вообще, нам лучше всего было бы разделиться между двумя лагерями... теперь, когда их осталось два, картина очень упростилась... но при этом сохранять контакты между собой. Тогда мы имели бы наиболее объективную картину, и в итоге, кто бы ни взял верх, победители спасли бы проигравших, сказав, что те были их агентами в стане врага.

- И каким образом вы собираетесь "поддерживать контакты" - по телефону? - язвительно осведомился Локхарт. - Или, может, телепатически? И не вы ли сами только что согласились, что Бронгар с удовольствием расправится с теми, кто поможет ему убрать Элинор? Или кого хотя бы можно будет в этом обвинить. Чужаки, за которых некому вступиться - идеальные козлы отпущения. Так что, может, у вас и нет никаких обязательств перед кем-либо из айринтийцев, зато они у вас есть передо мной, подтвержденные данным вами словом. И я, как ваш командир, запрещаю вам даже думать о подобных... макиавеллиевских трюках. Я уже сказал - что бы ни случилось, мы все остаемся на одной стороне и никогда не будем вовлечены в интриги друг против друга. Пока что это сторона королевы - королевы и Фабиаса, если вам угодно - и у нас нет никаких рациональных, я подчеркиваю, причин ее менять. Бронгар нам даже теоретически ничего не предлагал, и мы даже не знаем наверняка, действительно ли он намерен продолжать борьбу за трон. А здесь нам определенно благоволят.

- А по каким причинам? Даже вы этого не знаете, хотя и удостоились беседы и с королевой, и с архиепископом. Может, Вельо был не так уж и неправ, говоря про рождественских гусей...

- Не думаю, что мы нужны Фабиасу в качестве некой жертвы. Уж не в религиозном смысле точно...

- Не то чтобы жертвы... скорее приманки. Сами по себе мы ему, скорее всего, не нужны - во всяком случае, не похоже, чтобы он проявлял интерес к знаниям нашего мира. Но, оперативно доставив нас из Хассенворта и поселив здесь со всей возможной роскошью, он создает у кого-то впечатление, что мы - чрезвычайно важные фигуры. Возможно - отвлекая внимание от неких *действительно* важных фигур. Возможно - провоцируя покушение, которое, допустим, позволит

выявить слабые места в системе безопасности и разоблачить вражеских агентов. Или даст повод для репрессий против противника. Или... ну, мало ли что еще. В общем, я бы не сказал, что наше положение здесь столь уж безопасно. Кстати, Фабиас ведь не предлагал вам денег?

- Нет. А зачем? Мы тут и так на всем готовом...

- Вот именно за этим. Потому что деньги - это свобода и независимость. А без них мы зависим исключительно от милости его высокопреосвященства.

- У нас есть сто золотых... хотя он, скорее всего, об этом не знает.

- Пусть не знает и дальше. Всегда полезно иметь козырь, неизвестный противнику.

- Вы уже называете Фабиаса противником?

- Единственные в этом мире, кого мы можем безусловно считать союзниками - это мы сами друг для друга, не так ли? - усмехнулся де Сегюр.

- Именно. Не забывайте об этом.

На следующие утро, пока никто еще не покинул дом, явился портной в сопровождении целой полудюжины подручных, которые несли коробки с аккуратно упакованной одеждой. Астронавты получили костюмы на разные случаи жизни (включая торжественные), а также набор рубашек, чулок и нижнего белья (наличие последнего было еще одним выгодным отличием теперешнего средневековья от классического). Даже если не все это было пошито с нуля, несомненно, для выполнения столь обширного заказа всего за четыре дня потребовался труд целой артели портных. После примерок, оставивших всю команду довольной обновками (хотя Вельо и поворчал по поводу неудобства "этой средневековой сбруи" с ее завязками, крючками и пуговицами по сравнению с нанолипучками и автозастежками цивилизованной эпохи), Шрамм, лингвист и дипломат собирались отправиться по уже становящимся привычными делам, однако появившийся невесть откуда Клавиус с улыбкой попросил гостей не расходиться, ибо "ожидается важное известие". "Известие" явилось полчаса спустя в виде конного гонца в парадном мундире черно-желто-синих государственных цветов, сопровождаемого двумя королевскими гвардейцами в сияющих кирасах. Гонец, надутый от собственной важности, привез пакет, опечатанный кроваво-красными сургучными печатями с головой гербового дракона. "Ее Королевское Величество Элинор I Айринтийская изволит принять полковника Эрика Локхарта и его спутников, как то:..." - далее шли имена остальных (причем без единой ошибки, несмотря на то, что каждое из них писалось по правилам языка, отличного от английского), время аудиенции - завтрашнее число, полдень - и место: малая тронная зала королевского дворца.

После отбытия расфуфыренного гонца брат Клавиус тут же принялся посвящать гостей в тонкости этикета королевской аудиенции. Локхарт, уже понявший, что парадные костюмы были пошиты с такой скоростью и доставлены аккурат перед прибытием гонца не случайно, все же не удержался от иронического замечания - откуда, мол, смиренный монах так хорошо разбирается в придворных делах?

- Мой старший брат - обер-церемонимейстер двора ее величества, - скромно улыбнулся Клавиус. - Несомненно, вас мог бы проинструктировать и кто-то из его подчиненных, но я подумал, что будет проще...

- Так-так, - сообразил Локхарт; ему припомнилось прочитанное когда-то, что в средние века церковная карьера была нередким выбором младших братьев родовитых дворян, поскольку титул и имение, согласно принципу майората, единолично наследовал старший. - А вы, надо полагать, исполняете ту же функцию при его высокопреосвященстве?

- Нет, я всего лишь скромный секретарь, отвечающий за прием и обустройство гостей его высокопреосвященства. Церковный церемониал не находится в моем ведении. С людьми же светского звания его высокопреосвященство общается просто, как заповедано нашей религией, без каких-либо специальных церемоний.

Впрочем, этикет малых королевских аудиенций (большие причитались гостям

королевской крови, иностранным послам, высшим сановникам по случаю событий особой важности, таким как начало и окончание войны, а также крупным делегациям) в изложении Клавиуса тоже не отличался чрезмерной сложностью и не содержал, к большому удовольствию Локхарта, никаких унизительных ритуалов типа необходимости становиться на колени или целовать руку (как-либо дотрагиваться до царствующей особы вообще не полагалось, и полковник с усмешкой вспомнил, как королева - тогда, впрочем, в образе служанки - сама решительно схватила его за руку и потащила во дворец). Добираться до дворца самостоятельно и объяснять охране, что "им назначено", тоже не требовалось - за гостями должны были прислать карету, а потом отвезти обратно.

Разъяснив все эти детали, Клавиус с неизменной улыбкой осведомился, не желают ли гости воспользоваться услугами цирюльника наутро перед аудиенцией. В самом деле, в мире, где больше не существовало депиляционных кремов, эту проблему надо было как-то решать. Она не стояла перед Локхартом и Шраммом - люди, избиравшие военную карьеру, обычно избавлялись от неуставных волос навсегда (оплата перманентной эпиляции даже входила в стандартный соцпакет военных), равно как и перед Якобсоном, который еще в юности также предпочел избавиться от необходимости бритья - однако Вельо и де Сегюр, которых в последний раз брила Матильда, ежедневно подновлявшая их грим, уже обросли весьма заметной (особенно у темноволосого Вельо) шестидневной щетиной. В свое время, перед стартом "Доброй воли", было предложение всем мужчинам на борту пройти эпиляцию лица, что позволило бы сэкономить на средствах для удаления волос в течение семилетнего путешествия туда и обратно, и хотя в команде было несколько идейных усачей и бородачей, они, несомненно, пошли бы на эту жертву ради участия в величайшей экспедиции в человеческой истории - однако в итоге возобладало мнение, что кэйлиане должны увидеть землян во всем возможном разнообразии. Идейных бородачей Локхарт еще мог понять, хотя и находил нелепым превращать в предмет эстетики явный атавизм; по его мнению, нейроимпланты в мозгу и шерсть на лице образовывали еще более дикое сочетание, чем фрак и набедренная повязка. Но кто вызывал у него совсем уж ироническое недоумение, так это мужчины, которые и бород не носили, и избавиться от растительности раз и навсегда не желали - мол, "не хочу необратимых решений, а вдруг я отпущу усы и бороду в будущем". Конечно, мазаться кремом раз в несколько дней было несложно, но все равно - зачем эти регулярные лишние действия? Вельо, кстати, после кэйлианской катастрофы действительно отпустил бороду, но на подлете к Солнечной системе вновь от нее избавился; де Сегюр же депилировался с неизменной регулярностью даже в самые страшные дни гибели их товарищей и надежд. Но вот теперь эта ничего не значащая мелочь превращалась в проблему. Бриться никто из них не умел, тем более - опасными бритвами, которые, вероятно, только и остались в этом мире.

Де Сегюр тут же откликнулся, что как раз сам хотел спросить об этом Клавиуса; Вельо с некоторым смущением - кажется, он вообще не задумывался о своей щетине - присоединился. Де Сегюр, обритый наголо Матильдой, спросил, нельзя ли также раздобыть подходящий парик. Клавиус заверил, что все будет сделано в наилучшем виде, и откланялся.

После всех этих утренних хлопот граф и лингвист таки отправились в архив, а Шрамм - к своим гвардейцам, с которыми теперь, похоже, проводил время охотнее, чем со своими товарищами с "Доброй воли" ("Ну да, - с неудовольствием думал Локхарт, - они теперь ему куда ближе по интеллекту, чем мы.") Полковник, не покидавший гостевой дом с самой встречи с королевой (если не считать прогулок по саду), внезапно тоже решил выбраться в город. Никакой необходимости в этом не было, но Локхарту захотелось удостовериться, что гостевой дом не является для них золотой клеткой и они вольны покинуть его в любой момент без всяких сопровождающих. (Кстати, они до сих пор не знали, гостит ли в доме кто-то еще, кроме них. Никто из астронавтов - Локхарт специально спрашивал их об этом - доселе не встречал никого, кроме послушников, хотя, конечно, архитектура дома с отдельными входами на каждый этаж и

укромными выходами позволяла гостям его высокопреосвященства избегать нежеланных встреч.)

Как он и ожидал, никто не попытался остановить его или навязать охрану, хотя бы и в самой мягкой форме. Он вышел на улицу тем же путем, как и когда направлялся на встречу с "таинственной незнакомкой", но на сей раз на улице стоял теплый солнечный день классического индейского лета. Классического для куда более северных земель, разумеется - во Флориде в конце сентября полагалось бы стоять обычному лету без всяких уточняющих прилагательных...

Залитый этим мягким светом, Дракенхайм казался куда привлекательней, чем промозглой туманной ночью. Даже узкие кривые переулки не выглядели так зловеще, а уж по более широким улицам хотелось бездумно бродить до самого заката. Они напоминали типичный "Старый город" где-нибудь в Европе - туристический квартал, где тщательно восстановлена (а возможно - и романтически приукрашена) архитектура средневековья, но при этом напрочь исключены все не столь романтичные черты подлинной средневековой жизни. Никаких помоев и нечистот, вылитых из окон прямо на мостовую, никаких оборванных попрошаек, тычущих культи и язвы (подлинные или поддельные) под нос прохожим, никаких снующих под ногами крыс, никакого зловония сточных канав или кожевенных и красильных мастерских, никаких сырых разводов на стенах и обвалившейся штукатурки... даже никакого конского навоза, с удивлением понял Локхарт - как видно, его здесь убирали с похвальной оперативностью (впрочем, подавляющее большинство людей на улицах передвигалось все-таки пешком; всадники попались на глаза полковнику лишь дважды и еще один раз - карета). Да, наверное, все дело в том, что это центральная часть города, окрестности дворца, поэтому здесь все так вылизано - окраины столицы, возможно, куда менее привлекательны; однако в прежнем средневековье не то что окрестности, а и сам королевский дворец - к примеру, Версаль - был загажен по самый тронный зал, и во время долгих придворных церемоний все эти напыщенные аристократы справляли нужду прямо за портьерами, ими же и подтираясь. Нет, все-таки очень хорошо, что нынешнее человечество сохранило хоть какую-то - возможно, подсознательную - память о цивилизованных нормах, хотя бы в области гигиены...

Полковник несколько раз пытался определить, следят ли за ним (помня слова Элинор, он присматривался даже к крышам), но не заметил ничего подозрительного. Что, конечно, могло свидетельствовать не об отсутствии шпиков, а лишь об их искусстве. Но на сей раз Локхарт не стал предпринимать никаких специальных попыток оторваться от гипотетического хвоста. Он просто гуляет. У всех на виду. И пока он не ныряет ни в какие безлюдные закоулки, с ним точно ничего не случится.

Локхарт дошел до рыночной площади, в это послеполуденное время почти пустой - основная торговля здесь шла с утра, когда хозяйки и служанки закупали продукты на день (в мире без холодильников это, очевидно, приходилось делать ежедневно). Тем не менее, некоторые торговцы терпеливо поджидали покупателей и сейчас. Локхарт не собирался ничего покупать, тем не менее, прошелся вдоль рядов, в нескольких местах поинтересовавшись ценами, чтобы, наконец, оценить полученный от Дармонта капитал не только в конях и костюмах. Еда стоила очень дешево, особенно овощи и фрукты - так, целую корзину яблок, куда входило, наверное, фунтов семь, ему предложили всего за грош, то есть половину хеллера. мясо и рыба, особенно копченые - чуть подороже, но тоже в пределах нескольких хеллеров. Полковник подумал, что, вздумай он что-нибудь купить, у здешних торговцев может еще и не найтись сдача с целого гульдена. При этом он не забывал придерживать рукой кошелек, понимая, что на рынке даже и в это малолюдное время могут промышлять карманники.

У Локхарта был и еще один мотив. Он помнил, что Дармонт в свое время назначил ему встречу со своим человеком на рыночной площади. Правда, тогда речь шла о девяти утра - времени, когда на рынке бывает много народу; зато сейчас, неспешно фланируя между рядами и

видимый издалека, он словно говорил предполагаемым наблюдателям - ну вот он я, если хотите вступить в контакт, пока я вне стен Фабиаса, это ваш шанс. Но никто не подошел к нему ни на рынке, ни после, когда он столь же неспешно зашагал обратно к дому. Какая-то цветочница, правда, принялась зазывать его в свою лавку, которая могла быть и удобным местом для переговоров, и ловушкой; но когда Локхарт не без колебаний все же рискнул зайти, оказалась, что она и в самом деле всего лишь хотела продать ему цветы. Полковник чуть было даже не купил букет, ожидая, что в него будет вложена записка, но, еще раз взглянув в простовато-бесхитростные глаза девушки, понял, что это чепуха.

В целом Дракенхайм производил впечатление исключительно мирного, спокойного и беззаботного города, совсем не походившего на "столицу страны, где вот-вот может начаться и гражданская, и внешняя война", как охарактеризовал его недавно сам Локхарт. Если здесь и были какие-то тревожные настроения после смерти короля, то, похоже, они и впрямь совершенно развеялись после коронации. Неужели Фабиас прав и кризис удалось разрешить малой кровью, вытекшей из перепиленной шеи Арвика? Впрочем, что могут знать обыватели... Сама Элинор, по крайней мере, была не настолько оптимистична. "Выигран лишь первый раунд. - Я знаю."

- Дорогу! Дорогу!

Этот крик, дополняемый быстрым перестуком копыт и грохотом колес по булыжникам, оторвал Локхарта от его мыслей и заставил поспешно оглянуться. Прямо на него (как показалось ему в первый миг) мчалась большая черная карета, запряженная парой необычайно крупных и сильных лошадей. Необычной была не только их порода, но и масть - белая у левой и вороная у правой. Никогда прежде, ни в фильмах, ни в жизни Локхарт не видел, чтобы в одну упряжь запрягали лошадей разных мастей. Полковника возмутила наглость их возницы и, очевидно, его хозяина - улицы Дракенхайма, не разделенные на проезжую часть и тротуар, в равной степени принадлежали прохожим и проезжим, и мчаться во весь опор, разгоняя со своего пути пешеходов (в том числе, между прочим, одетых вполне на дворянский манер) было, очевидно, совершенно безобразным хамством. Но качать права, стоя на пути у несущихся на него полутора тонн живого веса (не считая массы экипажа), было не лучшей идеей, так что полковник, отбросив свое офицерское достоинство, поспешно отскочил в сторону.

Карета промчалась мимо; негодяй-кучер даже не пытался замедлить темп. Локхарт не увидел пассажира за тщательно задернутыми окнами, зато разглядел большой выпуклый герб на дверце - на черно-белом поле, образованном чередующимися в шахматном порядке ромбами, два перекрещенных меча, проходящих через объединяющую их в центре корону. Мечи были вписаны в равносторонний треугольник (вероятно, столь же естественный в современной геральдике, как и кресты в прошлой), на сторонах которого Локхарт успел различить слова "KRAFT SCHAFFT MACHT". Насколько он знал дойч - за время полета все они нахватались познаний в языках друг друга - здесь не хватало артиклей; впрочем, если не английские, то германские правила все же могли измениться. Смысл же был понятен - "Сила создает власть". Хотя при желании тот же девиз можно было прочитать и в обратную сторону, против часовой стрелки.

Полковник проводил взглядом стремительно удаляющийся экипаж.

- Чертовы гроггендорцы, - раздалось у него над ухом.

Локхарт обернулся и увидел плотного человека средних лет, который, судя по его одежде, мог быть преуспевающим лавочником или хозяином ремесленной мастерской.

- Кто это был? - спросил полковник, уже догадываясь об ответе.

- Гроггендорский посол, - произнес с отвращением собеседник. - Рано или поздно он кого-нибудь задавит, и что, вы думаете, ему за это будет? Ровным счетом ничего. Совсем обнаглели, ведут себя так, словно им здесь Бугенхольм... Вы как, в порядке?

- Да, спасибо, - рассеянно ответил Локхарт, стараясь вспомнить карту. Кажется, широкая

улица, на которую он забрел, вела прямиком от дворца. Возможно ли, что посол ехал прямо с королевской аудиенции? И, похоже, не в лучшем расположении духа... Впрочем, последнее - не более чем спекуляция, вызванная мрачным видом черной кареты с задернутыми шторами и наглым поведением ее возницы. Такая же спешка может быть обусловлена и, наоборот, желанием поскорее отправить своему монарху радостные вести...

- По мне так вся эта дипломатия гроша ломаного не стоит, - продолжал кипятиться горожанин. - Они не остановятся, пока не получат по морде.

- Вы думаете, будет война? - спросил Локхарт. Конечно, столичный лавочник никак не был экспертом по этому вопросу, но интересно, каковы настроения горожан. Бугенхольм в конечном счете потерял свою независимость вовсе не на поле боя...

- А то как же. При Гумбольдте-то мы им вломили, так они боялись сунуться. А сейчас, небось, думают, что, как Гумбольдта извели и у нас теперь юная королева, так им все можно. Да пусть только попробуют. У меня трое сыновей, и все пойдут сражаться за королеву и за Айринтию. Да и я, глядишь, еще вспомню, с какого конца за алебарду берутся...

- Так вы думаете, Гумбольдта извели гроггендорцы?

- Да сто пудов! Не сами, конечно, кто бы их самих-то к королю подпустил. Это они Арвика подбили отравить отца. Дали ему специальный яд, какого не знают наши лекари - давай, мол, королем станешь, да только, услуга за услугу, герцога Бронгарского в опалу отправь. Это который их в прошлый раз-то на севере побил! Ну и все бы, дорога в Айринтию, почитай, открыта. Да только Гумбольдт-то хитрее оказался, он Арвика и с того света достал, лишил наследства! Арвик-то, говорят, в бега ударился, да, думаю, не долго пробегает, получит, подлец, по заслугам...

"Молодец Фабиас! - мысленно восхитился Локхарт. - Хорошо работает его пропаганда. А впрочем... Фабиас ли? Пока что главным героем тут выглядит Бронгар - может, он и распускает эти слухи?"

- Этот-то, - горожанин брезгливо кивнул в ту сторону, куда укатила карета, - небось, ездил теперь Элинор против Бронгара уговаривать. Да только хрен ему на граблях через плечо без масла! То-то он такой злой скачет, ровно ему в зад крапивы напихали. Королева-то наша не Арвик какой-нибудь, знает, кто друг, а кто враг...

- А не может быть такого, - осведомился Локхарт, - чтобы сам Бронгар пошел против королевы?

- Это кто ж вам такую ересь сказал?! - чуть не задохнулся от возмущения горожанин, и тут же его гневно распахнутые глаза сузились подозрительным прищуром.

- Да так, слышал в трактире от одного типа... - поспешно ответил полковник.

- Вы, как такое услышите, сразу стражу зовите, - категорически заявил дракенхаймец. - Это все арвиковы недобитки и гроггендорские наймиты воду мутят.

- Должно быть, так, - предпочел согласиться Локхарт. - Не может же честный человек предать королеву.

- Никогда! Мы все за нее горой встанем, и пусть эти там на севере не надеются!

Распрощавшись с верноподданным горожанином, полковник вновь зашагал по направлению к гостевому дому, думая про себя, что, возможно, этот далекий от политических вершин айринтиец не так уж и не прав. До сих пор не было ни одного прямого доказательства, что Бронгар намерен бороться за трон. Что, если герцога и впрямь устраивает нынешний status quo? В конце концов, почему бы ему просто не занимать при племяннице то же положение, что и при брате - ведь он и тогда, когда наследником считался Арвик, не мог претендовать на трон и, кажется, не комплексовал из-за этого...

Локхарт возвратился домой без каких-либо новых происшествий, и никто из людей Фабиаса не обмолвился и полусловом о его прогулке. Утром следующего дня события также развивались без неожиданностей - сперва прибыл цирюльник, не только гладко и без малейших

порезов выбривший Вельо и де Сегюра, но и подровнявший прически тех астронавтов, которые в этом нуждались (киберпарикмахеры на борту "Доброй воли" вышли из строя во время кэйлианской катастрофы, так что на протяжении обратного полета им приходилось обходиться собственными силами); граф получил обещанный парик и убедился, что тот сидит хорошо и не свалится во время поклона. Затем прикатил экипаж, отвезший облачившуюся в торжественные костюмы пятерку во дворец.

На сей раз Локхарт вошел во дворец через парадный вход, предводительствуемый двумя расфуфыренными слугами в ливреях, расторопно открывавшими двери и указывавшими дальнейший путь; однако очередные мраморные лестницы со статуями на площадках (здесь это были не девы в хитонах, а главным образом суровые воины в доспехах), ковры и гобелены, лепнина и позолота уже не произвели на него особого впечатления. Наверное, все дворцы - и все роскошные дома - изнутри похожи друг на друга, и хотя королевская резиденция была, несомненно, куда грандиознее гостевого домика архиепископа (на этом фоне и впрямь казавшегося скромным), это была количественная, а не качественная разница. О нет, несомненно, имелись здесь и помещения куда более любопытные. Например, та комната для тайных переговоров, в которой Локхарт беседовал с Элинор в прошлый раз. А еще, как вспомнилось полковнику, где-то в этом огромном здании уже десятилетия томится бывшая королева Агата, возможно, безумная, а может, и не совсем... как, очевидно, и другие важные узники. Самое интересное происходит вовсе не в раззолоченных парадных залах...

Пока же, поднявшись по широкой лестнице и проследовав по коридору мимо всех этих статуй, гобеленов и канделябров, гости выслушали последний (и, к счастью, краткий) инструктаж о правилах этикета от некоего придворного чина (явно не старшего брата Клавиуса, а кого-то ниже рангом, но державшегося так важно, словно он был по меньшей мере министром двора) - и, наконец, вошли в торжественно распахнутые двумя стражниками высокие двери.

Малая тронная зала, впрочем, и в самом деле оказалась невелика - размером с обычную гостиную в богатом доме, хотя, конечно, и отличалась от гостиных убранством. Посередине длинной стены, прямо напротив входа, стоял трон на возвышении из трех ступенек и под алым балдахином трехметровой высоты. По левую руку от трона, на почтительной дистанции в пару метров, примостился небольшой лакированный столик с придвинутым к нему стулом; ни то, ни другое не отличалось особой роскошью и, очевидно, предназначалось для секретаря, протоколирующего беседу, однако сейчас там никого не было. Больше в помещении не было ничего, не считая тяжелых парчовых портьер и люстры со множеством свечей, свисавшей на цепях из-под высокого потолка.

Элинор восседала на троне в полном соответствии с церемониалом. Никакого мужского наряда, в котором запомнили ее астронавты, в последний раз видевшие ее в соборе; на ней было пышное зеленое платье с ниспадающим до пола подолом (не то простое и строгое, подчеркивавшее траур по отцу, в котором она явилась на коронацию, а куда более роскошное), а волосы на сей раз были убраны в сложную прическу, поддерживаемую сеткой с блестками драгоценных камней и увенчанную золотой короной. Королева одарила вошедших официальной милостивой улыбкой; гости почтительно поклонились, как их учили.

Потекла неторопливая светская беседа. Королева осведомилась, хорошо ли гости устроились в Дракенхайме; Локхарт ответил, что устроились они, благодарение щедрости его высокопреосвященства Фабиаса, просто превосходно. Королева спросила, как им нравится столица. Де Сегюр ответил, что столица ее величества восхитительна, и что все они были потрясены дерзкой красотой замысла архитектора, возведшего город посреди озера. Королева поведала, что Дракенхайм, конечно, был возведен не прямо на озерном дне, а на острове, которому лишь придали более правильную форму, но согласилась, что стены кажутся поднимающимися прямо из воды, и выразила надежду, что когда-нибудь - когда им, разумеется, самим будет угодно - гости посетят и древний Айзеншлосс, выстроенный в совершенно ином

стиле, и смогут сравнить красоту обеих столиц. Гости также выразили такую надежду. После обмена еще несколькими подобными репликами лицо Элинор вдруг перестало походить на маску, и она, чуть наклонившись вперед, решительно произнесла:

- Ну ладно, джентльмены, полагаю, мы достаточно отдали должное церемониям. А теперь мне все же хотелось бы услышать, зачем вы на самом деле просили об этой аудиенции - если, конечно, не из одного лишь любопытства взглянуть на королеву, на каковое, впрочем, имеет право даже кот[16].

Де Сегюр выступил вперед:

- Ваше величество! Судьба привела нас в Айринтию из мира, очень отличного от нее; но, коль скоро мы не только оказались здесь, но и были приняты айринтийскими властями и лично вашим величеством со всей щедростью и благосклонностью, пока еще, по правде говоря, ничем нами не заслуженными...

"Она же сказала, что хочет услышать суть, а не цветистые выкрутасы!" - с раздражением подумал Локхарт.

- ...со своей стороны хотели бы как можно скорее оправдать оказанные нам милости и послужить всеми нашими знаниями и умениями айринтийской короне, - вырулил на финал де Сегюр.

- Айринтийской короне или айринтийской королеве? - тонкие губы Элинор тронула уже не столь кукольная улыбка.

- Но, ваше величество, разве это не одно и то же? - очень искренне удивился дипломат.

- Некоторые могут считать, что нет, - спокойно ответила Элинор. - Я, разумеется, не имею в виду присутствующих. Но вы ведь обыкновенно точны в формулировках, мистер де Сегюр?

- Именно поэтому я и не делаю разницы между этими двумя понятиями, - твердо ответил де Сегюр. - И, ваше величество... да будет мне позволено почтительно заметить, что я не просто "мистер". У себя на родине я носил... ношу графский титул. К сожалению, все наши документы погибли при крушении нашего корабля...

- О, не стоит беспокоиться, любезный граф. Слово дворянина надежнее любых бумаг, не так ли? Хотя, конечно, - задумчиво произнесла Элинор, словно это только сейчас пришло ей в голову, - было бы несколько опрометчиво полагаться на него в случае, когда сам факт дворянства и подлежит установлению. Однако, - добавила она после короткой паузы, явно насладившись замешательством де Сегюра, - у вас имеются четыре свидетеля, и их подтверждения будет вполне достаточно.

"Разумеется, нет, - подумал про себя Локхарт, - этак любая бандитская шайка обзаведется любыми титулами, свидетельствуя друг в пользу друга. Лишь показания независимых свидетелей могут быть приняты. И, разумеется, она это понимает. Но, похоже, просто дает де Сегюру сохранить лицо. Ей не столь уж важно, действительно ли он граф - важно, насколько он может быть полезен..."

- Это правда, мэм, - сказал он вслух. - Я подтверждаю титул графа де Сегюра как капитан корабля, хорошо знающий всех членов моей команды.

Подтвердили и остальные (Шрамм - заикаясь, Вельо, кажется, не очень охотно).

- Хорошо, - кивнула Элинор. - С этим разобрались. К сожалению, иностранные титулы в Айринтии, обеспечивая, разумеется, должный почет и уважение, не дают никаких иных привилегий... Продолжайте, граф. Вы остановились на "знаниях и умениях".

- В нашем мире я был дипломатом; на борту "Доброй воли" я находился в ранге посла. И полагаю, что в нынешнее, да будет позволено мне это заметить, непростое время мои дипломатические навыки будут полезны Айринтии - и ее королеве, - добавил де Сегюр уже с умыслом.

---

[16]Элинор намекает сразу на две английские пословицы - "Кот имеет право смотреть на короля" и "Любопытство погубило кота".

- Боюсь, что все посольские должности у нас заняты, - в голосе Элинор вновь явственно проскользнула ирония.

- О нет-нет, я, разумеется, понимаю, что чужак, лишь несколько дней назад прибывший в страну, не может претендовать на столь высокий пост. Но я мог бы быть полезен в качестве консультанта - само собой, не принимающего никаких решений, а лишь предлагающего, анализирующего и обосновывающего таковые. А также в качестве неофициального переговорщика в тех случаях, когда почему-либо неудобно задействовать лиц официальных...

"Рискуете, граф, - подумал Локхарт. - В теперешнем мире не факт что даже официальные переговорщики обладают неприкосновенностью. А уж неофициальный может кончить совсем плохо - вплоть до отрезанной головы, отправленной его нанимателю в качестве ответа..." Но, как видно, де Сегюру уж очень хотелось сделать карьеру в айринтийской политике - и ситуация к этому и впрямь располагала, если быть готовым на риск. И вновь Локхарта кольнула мысль - как далеко готов зайти его пока еще подчиненный?

- Мы подумаем над этим, - ответила Элинор, не уточняя, имеет ли она в виду под "мы" себя лично, по давней королевской традиции, или себя и кого-то еще. - Еще пожелания?

- Я лингвист, - сказал Вельо и, не уверенный, что его поняли, уточнил: - Специалист по языкам. Прилично знаю дюжину и имею представления еще о паре дюжин, плюс общие принципы грамматик и... хотя это вам, наверное, неинтересно, мэм. Не уверен, что на этих языках все еще говорят... здесь. Но, думаю, с моим багажом мне было бы несложно освоить, к примеру, тлукаляханский. Работать с архивами и документами на иностранных языках...

- У нас нет недостатка в переводчиках, - качнула головой Элинор. - Но мы постараемся найти вам занятие. А вы? - она поощрительно взглянула на маленького Якобсона, почти потерявшегося в тени гиганта.

- Я врач, ваше величество, - ответил тот. - Специалист по душевному здоровью... хотя до некоторой степени умею заботиться и о телесном. Последнее - не моя специализация, но, учитывая, что уровень развития медицины в нашем мире, очевидно, значительно превышал здешний...

- Специалист по душевным болезням, вы хотели сказать? - перебила Элинор.

- Предпочитаю ту формулировку, которую использовал, - улыбнулся Якобсон. - Некоторые врачи забывают, в чем смысл нашей профессии, и интерес к болезням превращается у них в самоцель. На пациента они смотрят лишь как на "интересный случай" или "неинтересный случай". Хотя именно "неинтересный случай", то есть норма, и должен интересовать их больше всего... И без ясного понимания, что же такое норма, невозможно понять и суть патологии - в то время как обратное в общем случае неверно.

- Что ж, душевное здоровье - это то, что необходимо всем нам, - кивнула Элинор, - и чем, увы, не всякий может похвастаться.

"Кого она имеет в виду? - подумал Локхарт. - Если тема Арвика уже закрыта, то... Бронгар? Доложили ли ей о его "хобби"? Уж наверное доложили, несмотря на всю неприглядность темы для невинной девушки. Королева не может позволить себя невинность в смысле неосведомленности... Хотя все это еще может оказаться такой же выдумкой партии Арвика, как то, что Арвик отравил отца - выдумкой партии его противников... или это и впрямь не выдумка?"

- В-в-ваше в-в-в...

Мучительно заикающийся голос отвлек Локхарта от его мыслей, и полковник понял, что очередь дошла до Шрамма. Вот это было явно лишним - никаких санкций на инициативу и предложения полковник Шрамму не давал и вообще с превеликой охотой не брал бы его на аудиенцию, если бы приглашение не было адресовано всем пятерым. Элинор смотрела на бывшего пилота сочувственно - кажется, ей самой было неудобно, что он никак не может выговорить ее титул. Но Шрамм, наконец, справился с "величеством" и вдруг заорал во весь

голос без всякой запинки:

- Прошу зачислить меня в вашу личную гвардию!!!

- Майор Шрамм! - вырвалось у Локхарта. - Что вы себе позволяете?!

- Майор? - Элинор приподняла бровь. - Вы скрывали от меня еще одного офицера, полковник?

- Мм... да, мэм, формально он носит это звание, - вынужден был признать Локхарт. - Но после полученной контузии он не может исполнять эти обязанности... временно, - добавил полковник, вспомнив предостережение Якобсона и не желая злить Шрамма.

Но тот, похоже, и не думал обижаться.

- Прошу зачислить рядовым, мэм!!! - рявкнул он все так же оглушительно.

- Немедленно прекратите кричать, - процедил Локхарт. - Извините, ваше величество. Вы сами видите, последствия контузии...

- Эээ... похоже, это мне надо извиняться, ваше величество, - вмешался Якобсон. - Это я посоветовал господину Шрамму, что людям, испытывающим проблемы с речью, может помочь особая манера произношения. Например, если они поют. Или говорят медленным и низким голосом без интонаций. А некоторым, напротив, помогает крик. Но я не думал, что он решит опробовать это на приеме у королевы.

"А где же еще, - зло подумал Локхарт. - Чего еще ожидать от влюбленного недоумка... теперь уже недоумка сразу по двум причинам."

- Ничего страшного, - милостиво кивнула Элинор. - Ваша просьба будет рассмотрена, майор.

Локхарт открыл было рот, чтобы протестовать: "При всем уважении, мэм, майор Шрамм - мой подчиненный, и я не могу передать его в подчинение иного командира иной армии, тем более что полученная им травма..." - но тут же сообразил, что таким образом лишь настроит Шрамма против себя, а слова Элинор, на самом деле, ничего не значат. "Ну да, - подумал он все еще с раздражением, - обещай всем, что они хотят услышать, а исполнять совсем не обязательно. Не в этом ли главный принцип политиков в любые эпохи?"

- А вы, полковник? - теперь зеленые глаза королевы смотрели прямо на него. - Вы ничего не хотите предложить?

- Нет, мэм, - твердо ответил Локхарт, глядя ей в глаза. - Коль скоро я "должен подчиняться законам этого мира", - он подчеркнуто процитировал ее слова, - мне нечего предложить вам. Все мои навыки здесь бесполезны. Несмотря на мое офицерское звание, я никогда в жизни не держал в руках меча - как и все мы, за исключением разве что Шрамма, но и он начал учиться фехтованию лишь неделю назад. Там, откуда мы прибыли, войны велись совсем иными средствами. Более того - мне никогда не доводилось ни командовать, ни даже участвовать в реальном бою. Конечно, я знаком с некоторыми принципами стратегии и тактики, которые, полагаю, вполне универсальны - но похоже, что, - добавил он ядовито, - его высокопреосвященство разбирается в этих вопросах лучше меня.

Королева собиралась что-то ответить, но тут за дверями послышался шум; кто-то говорил на повышенных тонах, хотя сквозь толстые двери сложно было разобрать слова. Затем в дверь торопливо постучали, и в приоткрывшуюся створку боком протиснулся стражник:

- Нижайше прошу прощения, ваше величество, но здесь смотритель королевской голубятни, который требует его пропустить. Мы сказали, что у вас аудиенция, но он настаивает, что это не терпит отлагательств...

Локхарт едва сдержал смешок, услышав должность нарушителя спокойствия, но тут же сообразил, что ничего смешного тут нет. В эпоху, когда нет ни Сети, ни даже самого примитивного телеграфа, именно голуби становятся самым быстрым - хотя и менее надежным по сравнению с конными гонцами - средством доставки критически важной информации.

Не успела Элинор даже дать разрешение, как из-за двери просунулась рука, решительно

отстранившая (почти отпихнувшая) стражника, и в залу, громыхая ботфортами, вошел невысокий, но кряжистый человек лет сорока пяти, с абсолютно лысой головой и глазами навыкате под белесыми бровями. На портупее у него висел короткий меч, и уже одно это - право входить с оружием в королевские покои - свидетельствовало, насколько важное значение здесь придается его должности. Игнорируя гостей, он прошел быстрыми шагами к трону и с коротким поклоном протянул королеве два маленьких скрученных в трубку листка:

- Только что доставлено, ваше величество. Оригинал и расшифровка.

Элинор развернула послание, отняла в сторону шифрованный вариант, затем вновь свернула оба документа. Как видно, сообщение было коротким. Королева хорошо владела собой, но Локхарт не сомневался - послание содержало крайне скверные новости.

- Кто-нибудь еще уже знает об этом? - негромко спросила она.

- Нет, ваше величество. Как положено, я расшифровывал лично и без свидетелей.

- Хорошо. Пусть так и остается. Свободны.

Когда смотритель голубятни вышел, Элинор вновь перевела взгляд на своих гостей:

- К сожалению, джентльмены, на этом аудиенцию придется завершить. Срочные государственные дела, - она делано улыбнулась. - Впрочем, мы, кажется, успели обсудить все существенное. Когда ваши услуги понадобятся, вы получите соответствующие предписания.

Астронавты, вновь поклонившись, как их учили, направились к выходу.

- Полковник! - вдруг услышал Локхарт за спиной, когда уже почти шагнул за порог. - Задержитесь, пожалуйста. С вами мы не закончили.

Локхарт остановился. Его товарищи - тоже, оглядываясь на него с тревогой. Кто-то, кажется, уже вообразил, что королева намерена покарать его за дерзкий ответ.

- Возвращайтесь домой и ждите меня, - коротко приказал он своим людям, а затем вновь повернулся к трону. Тяжелые двери снова закрылись за его спиной.

- Подойдите, - устало вздохнула девушка на троне. - Официальная часть закончена, и больше нет нужды перекрикиваться через всю залу, соблюдая церемониал.

Маска королевского спокойствия окончательно исчезла с ее лица, и теперь уже не было никаких сомнений, что Элинор только что получила сильный и, похоже, никак не ожидавшийся удар.

Локхарт приблизился к трону настолько, насколько позволяли его собственные представления о приличии и о личном пространстве. Королева сидела, а он стоял, но благодаря ступенькам их лица оказались практически на одном уровне.

- Хотите знать, что здесь? - она показала свернутое в трубку послание.

- Только если потом вам не придется меня убить, - чуть усмехнулся Локхарт.

- Все равно через несколько дней об этом будет говорить весь город... Так уж лучше вы узнаете от меня, чем из уличных слухов, - она сделала короткую паузу. - Арвик прибыл в Айзеншлосс и занял старый королевский дворец. Городской гарнизон присягнул ему. Несколько человек, которые отказались, были убиты на месте.

- Та-ак, - протянул Локхарт. - Выходит, де Сегюр был неправ. И его высокопреосвященство тоже. Оба считали, что Арвик мертв.

- Он мертв. Должен быть мертв. Я своими глазами видела его голову. Собственно, могу показать ее даже вам. Она здесь, во дворце. В банке со спиртом.

- Тогда кто же там, в Айзеншлоссе? Самозванец?

- Может быть. Но это еще не худший вариант. Хуже, если там - действительно Арвик. Он оказался хитрее, чем мы думали. На восток к Хагентраубу он отправил двойника, отвлекая наше внимание, а сам пробрался на север...

- "Наше" - вы имеете в виду Фабиаса и себя?

- Себя и Фабиаса, если угодно, - невесело усмехнулась она. - Я не такая уж наивная девочка, как вам, возможно, казалось. И не только вам - этот образ всячески раздувался, чтобы

притупить бдительность наших врагов... Но это был в первую очередь мой план. И я не стану прятаться от ответственности и взваливать на кого-то вину за свои ошибки.

- Вы хладнокровно приказали заманить в ловушку и убить собственного брата? - глядя на ее юное лицо, Локхарт все же с трудом мог в это поверить. Куда легче было предположить, что ею манипулировал архиепископ...

- Он мой брат лишь наполовину, но дело, конечно, не в этом. Нас рассорил вовсе не трон. Арвик всегда был жестоким истеричным маленьким ублюдком. Плоть от плоти своей мамочки... Он на пять лет старше меня, и он был кошмаром моего детства. Щипать безответных нянь и служанок, не смевших противиться наследнику престола, ему было не так интересно. Издеваться над младшей сестрой-принцессой было куда забавнее... Конечно, я жаловалась отцу. И Арвик быстро смекнул, что синяки на моем теле - это улика, от которой не отвертеться. Но... мучить ведь можно не только физически, вы же понимаете? Дразнилки, обзывалки, когда никто не слышит... обещания посадить меня на цепь в темницу, как только он станет королем, казнить всех моих друзей, всех, кто станет за меня заступаться... пауки, подбрасываемые в постель, в одежду, в обувь - о, как он был счастлив, когда узнал, что я их боюсь! И ведь ничего не докажешь - "он сам заполз", а гадкая Элинор просто клевещет на нежного мальчика с ранимой психикой, потому что завидует, что он станет королем, а она нет... И ведь действительно, когда отец спрашивал меня, как обычно, грозно нахмурив брови: "Ты сама видела, как он это сделал?" - я честно отвечала, что нет, потому что, кажется, с самого рождения ненавидела ложь, вообще не понимала, как это можно - врать в глаза своему папе... Не то чтобы, конечно, отец ни о чем не догадывался и Арвик всегда выходил сухим из воды. Но король вечно был слишком занят государственными делами и поручал все воспитателям. А Арвик на любое наказание реагировал такой истерикой, что те, кто только что его наказывал, сами же бросались утешать бедняжечку. Ну конечно, бедный мальчик, мы всё понимаем, мать сошла с ума, надо всячески оберегать психику будущего короля... Один лишь дядя Фабиас полностью мне верил и меня понимал. Но и он, якобы всесильный фаворит короля, мог разве что утешать меня и предоставлять мне убежище, когда я убегала от ненавистного братца. Отец считал, что Фабиас пристрастен к Арвику, как был пристрастен к его матери...

- Тем не менее, в конце концов Гумбольдт все же лишил Арвика наследства.

- Да. Отец был не так прост, как хотелось бы некоторым. И способен был признавать свои ошибки, даже когда другие об этом еще не подозревали.

- Но почему он избрал такой юридически спорный способ? Почему не сделал вас официальной наследницей еще при жизни?

- Потому что в этом случае я могла до наследования просто не дожить, - мрачно ответила Элинор.

- Неужели все настолько плохо? Король не смог бы защитить собственную дочь в собственном дворце?

- В этом дворце хватало тех, кто хотел бы видеть на престоле если не моего брата, то моего дядю. Я имею в виду - настоящего дядю, Хуберта.

- Это кто? - не понял Локхарт. - А... это личное имя герцога Бронгарского?

- Да, - кивнула Элинор. - И будь у них достаточно времени на подготовку - у них могло бы получиться. А так все произошло слишком неожиданно для них. Мы с отцом просто поставили их перед фактом.

- Вы знали о завещании заранее?

- Уже три года, - кивнула Элинор. - Отец рассказал мне в день моего шестнадцатилетия и велел готовиться. Я сказала: "Но ведь ты проживешь еще долго!" Он ответил: "Надеюсь. И ты можешь надеяться, но должна готовиться." Так что все это время я готовилась. А они нет.

- М-да, - пробормотал Локхарт. - Если бы сын был объявлен бастардом и лишен наследства в пользу дочери, а дочь погибла, тогда, конечно, Бронгар остался бы единственным

наследником без вариантов, и даже еще живой Гумбольдт ничего не смог бы с этим поделать. Ну разве что - казнить собственного брата по обвинению в убийстве принцессы... и, возможно, не только ее...

- И породить тем самым невиданный за всю историю Айринтии династический кризис. Пресечение линии Йоргела. Мужская пресеклась еще триста лет назад, а теперь пресеклась бы и женская. Даже будь мой отец еще жив и женись он в третий раз, в своем возрасте он вряд ли зачал бы нового здорового наследника - а если бы даже и да, не успел бы его вырастить. И я сильно сомневаюсь, что этому маловероятному ребенку дали бы дожить до совершеннолетия... В этих условиях вообще непонятно, кому отдать корону. Скорее всего - вспыхнула бы гражданская война между всеми знатными родами. И все это - на глазах у Гроггендора, мечтающего о подобном подарке. В свое время он уже прокрутил подобное с северными княжествами Бугенхольма...

- Да, я знаю, - кивнул Локхарт. - Интересно, а почему Гумбольдт сразу не назначил наследником Бронгара - опытного и популярного полководца? То есть у меня есть, конечно, версия на сей счет...

- А версию, что мой отец все-таки любил меня, вы не рассматриваете? - усмехнулась Элинор.

- Лишив вас трона, он мог обезопасить вашу жизнь.

- Это вряд ли, - покачала головой девушка. - Пока я жива, я угроза для моих врагов... И вот вам еще аргумент: дяде Хуберту пятьдесят один, и у него до сих пор нет детей. Даже бастардов. Скорей всего - и не будет. Значит, его коронация лишь переносит только что описанный сценарий на несколько лет в будущее.

- Но теперь в игру возвращается Арвик... Если, конечно, вы уверены, что убит был именно двойник.

- Не уверена, - пожала плечами Элинор. - Надо будет еще раз внимательно осмотреть голову, - на ее лице мелькнула мгновенная гримаса брезгливости. - В первый раз я лишь взглянула на нее и удостоверилась, что - похож. Но каких-то особых примет, которые позволяли бы абсолютно гарантировать, что это он или не он, у него не было. Однако, сдается мне, в Айзеншлоссе Арвик все же предъявил какие-то доказательства своей аутентичности. Простых солдат гарнизона можно было "купить" одним лишь внешним сходством, но офицеры потребовали бы, как минимум, личную печать.

- Может, этих-то офицеров как раз и казнили. В послании ведь не говорится, кто отказался присягать?

- Повторяю - если так, то это не худший вариант. Самозванец, да еще без офицеров, долго не продержится, если, конечно, не играть с ним в поддавки. А вот настоящий Арвик...

- Интересно, что было бы, если бы двойнику все же удалось добраться до Хагентрауба?

- Ничего, - вновь пожала плечами королева. - Просто через несколько дней Хагентрауб убедился бы, что в руках у него вовсе не заложник, а пустышка. При этом другого варианта, кроме как продолжать поддерживать Арвика, у него бы все равно не было.

- Заложник? Хмм... мне не приходило в голову думать об отношениях двух союзников в таких терминах.

- Зато Арвику, очевидно, пришло.

- Не такой уж он, выходит, и безумец, раз все это провернул.

- Я никогда не говорила, что он дурак. Я говорила, что он жестокий истеричный маленький ублюдок. Ну то есть теперь уже - жестокий истеричный большой ублюдок. Но не дурак.

- Вот кстати да, - заметил Локхарт. - Кто-то, наверное, сказал бы, что Арвик был всего лишь гадким мальчишкой, но это не повод его убивать. Но из маленьких негодяев вырастают только большие негодяи. Лично я не знаю исключений из этого правила. Есть большая разница

между маленьким озорником и маленьким садистом. Последние не исправляются никогда.

- Если не я его, то он меня, - твердо сказала Элинор. - Для него это теперь дело принципа. Когда огласили завещание, у него была истерика, каких не было с детства. Он готовился занять трон всю свою жизнь, и вдруг, когда он уже чувствовал корону на голове, его обошли - и, главное, кто?!

- Да, я понимаю. И, как я уже сказал, не осуждаю вас за ваше решение. Я не понимаю только одного, - медленно произнес Локхарт. - Зачем вы рассказываете все это мне? Почему вы считаете, что можете мне доверять? Чужаку, о котором вы не знаете практически ничего?

- Хотите сказать, что я ошибаюсь? - усмехнулась Элинор.

- Хорош бы я был, если бы сказал "да", - усмехнулся в ответ Локхарт. - Но мой ответ - "не знаю". Я не могу гарантировать вам, что, к примеру, не выдам ваших тайн под пытками. Или чтобы спасти жизнь... - "своих людей", хотел закончить Локхарт, но вовремя прикусил язык. Не станет ли такое признание для них приговором? Дабы полковнику Локхарту, который зачем-то нужен королеве, было уже нечего терять...

- Договаривайте, - не обманулась Элинор. - Я ведь поняла по вашей интонации, что вы не закончили. Вы имели в виду жизнь членов вашей команды, не так ли?

- Вы очень проницательны, - вынужденно признал Локхарт и холодно добавил: - Ваше величество.

- А если я стану членом вашей команды? - это было произнесено без малейших оттенков кокетства. Зеленые глаза Элинор смотрели требовательно и серьезно.

- Вы? Королева Айринтии?

- Я не сказала - вашей подчиненной. Я сказала - членом одной с вами команды. Тогда ваши правила чести будут распространяться и на меня, не так ли?

- Я все же по-прежнему не понимаю... прошу прощения, если это прозвучит грубо, но - не понимаю, что вам от меня надо. Советов в сложной политической ситуации? За этим, действительно, лучше к де Сегюру... не говоря уже о Фабиасе и прочих ваших здешних советниках, гораздо лучше разбирающихся во всех нюансах. А я никогда прежде не занимался политикой. Не скрою, у меня мелькала мысль, что Айринтия - как корабль, в управлении которым я мог бы принять участие. Не ради власти, просто потому, что это интересно... Но буря - не лучшее время, чтобы осваивать с нуля принципиально новый тип корабля. Тут лучше уступить место опытным пилотам... ээ, морякам.

- Вот именно потому, что вы все это говорите, - кивнула Элинор. - Потому, как вы себя вели во время обеих наших встреч. Вы прямой, откровенный и независимый человек, полковник Локхарт - и я не думаю, что это может быть рисовкой. Специалистов по интригам у меня тут хватает. Среди них есть и вполне искренние друзья, тот же дядя Фабиас, но... у них сознание работает по-другому, вы понимаете? Они слова не скажут, не подумав, как это отразится на тех или иных раскладах. Не побудит ли это слово, к примеру, меня поступить не так, как, согласно их представлениям, мне следует поступить ради моего же блага... я уже не говорю о тех, которые просто побоятся сказать королеве в лицо неприятную правду. Причем даже не сознательно побоятся, это-то еще полбеды. Нет, они сперва в глубине души, сами того не осознавая, убедят сами себя, что этой правды не существует, дабы потом изложить мне искаженную картину с чистой совестью и чувством выполненного долга... Мне нужен человек, сохраняющий независимость мышления, суждений и высказываний. Кто-то, с кем можно быть откровенной, рассчитывая на откровенность в ответ. И свежий взгляд со стороны... это тоже очень ценно. Ваши военные навыки на этом фоне глубоко вторичны... хотя, возможно, и им найдется приложение, и напрасно вы думаете, что различия между нашими мирами создают какую-то непреодолимую стену. В конце концов, ум - это универсальный инструмент, а не ключ, которым можно откручивать лишь гайки строго одного размера.

"У них тут есть болты и гайки, - машинально отметил Локхарт. - Ну а почему нет,

собственно. Наверное, используются для крепления частей доспехов и осадных машин."

- Я ответила на ваш вопрос?

- Да, - он хотел добавить "мэм", но подумал, что как раз сейчас формальные титулы будут неуместны, и лишь повторил: - Думаю, да.

- Кстати, этот ваш де Сегюр - скользкий тип, - заметила Элинор. - Будьте с ним осторожны. При случае он продаст вас с потрохами.

Локхарт едва не вздрогнул от того, насколько точно она угадала его собственные опасения. И это притом, что она общалась с французом лишь несколько минут...

- Хотя это, конечно, не значит, что мы не сможем его использовать, - продолжила королева. - Всякая вещь может приносить пользу при правильном употреблении. (Локхарт улыбнулся слову "вещь"; ему даже захотелось увидеть, с каким лицом выслушал бы это чопорный граф.) Но, конечно, я никогда не стала бы пускаться с ним в подобные откровения.

- Стало быть, я должен сохранить нашу беседу в тайне от моих людей? - понял полковник. - Я не имею в виду... личное, это-то понятно. Но - политическое?

- Теперь ваши люди поступят в распоряжение... нашей общей команды. И узнают то, что им следует знать, от тех, кто будет ставить им задачи. Вы ведь офицер, и вам не надо объяснять разумность такого подхода?

- Да... конечно.

- Да, и насчет Шрамма. Я надеюсь, вы не будете сердиться, если я все же заберу его у вас в гвардию. Он действительно жаждет служить мне... я видела, как он на меня смотрел. Он будет несчастен, если ему запретить.

- Вам не хватает новобранцев, едва научившихся держать меч в руках и к тому же не блещущих умом после травмы? - нахмурился Локхарт. - Мне казалось, что в гвардии, и тем более - в личной гвардии королевы, место лишь отборным солдатам.

- Я очень надеюсь, что моей гвардии не придется участвовать в реальных боях. По крайней мере - не тому подразделению, где он будет служить. А безусловная личная преданность иногда искупает недостаток других качеств. Разумеется, как исключение, а не как правило. Но такие исключения тоже нужны.

- Похоже, сказав "нет", я поссорюсь и с ним, и с вами, - проворчал Локхарт.

- Я бы не стала ссориться с вами из-за такой мелочи. Но он - да. Для него это не мелочь.

- Ладно, - вздохнул полковник. Пусть, в конце концов Шрамм и в самом деле перестанет быть его обузой. Бывший пилот сам сделал свой выбор, и по всем цивилизованным нормам даже со своим нынешним интеллектом он все еще считается дееспособным. 85 - нижняя граница нормы. Совесть Локхарта чиста. - Так что делать с Арвиком? Или вы хотите услышать совет на эту тему от меня?

- Он поднял открытый мятеж и убил нескольких верноподданных короны. Это дает нам все формальные права объявить его вне закона и давить силой. Как именно - это мне сейчас предстоит обсуждать с моими генералами, которые, как вы выразились, разбираются в нюансах.

- А Бронгар? Он не ударит в спину?

- В самую точку, полковник, - вздохнула Элинор. - Проблема не в одном Арвике. Проблема в том, что в нашем распоряжении совсем немного военных сил, которые не были бы подчинены Бронгару. Правда, это формальное подчинение. Никто из них не вправе ослушаться прямого приказа королевы - или командиров, действующих от имени королевы и по ее распоряжению. Но... если дядя Хуберт, вдохновленный примером племянника, захочет поднять свой собственный мятеж, еще неизвестно, в каком соотношении распределится лояльность. Безусловно - прямой приказ выступить против царствующей королевы выполнят далеко не все, и он это понимает. Но ему даже не обязательно устраивать открытый бунт. Он может, к примеру, тайно саботировать мои распоряжения и перехватывать приказы, направляемые лояльным частям, которые вообще не узнают истинного положения дел... У нас еще есть возможность

собрать дворянское ополчение, не входящее в состав королевской армии и не подчиненное, соответственно, ее командующему. Но это, во-первых, время - на полную мобилизацию уйдет несколько месяцев. Во-вторых, опять-таки сложно сказать, какой процент лордов сохранит лояльность в условиях бунта. На войско Хагентрауба, например, уж точно можно не рассчитывать...

- А что, Бронгара совсем неким заменить?

- Он получил гарантию, что сохранит свой пост, - покачала головой Элинор, - в обмен на его собственную гарантию лояльности. Что у него на уме, я знать не могу, но пока он своих обязательств ничем не нарушил. А вот если я нарушу свои, это точно толкнет его к бунту. И даст ему определенные моральные козыри, позволяющие привлекать людей под свои знамена.

- Да уж, головоломка, - признал Локхарт. - Задача со многими неизвестными. А... сейчас уже, конечно, поздно об этом жалеть, но так ли было необходимо давать Бронгару эти гарантии?

- Тогда мы считали, что Арвик мертв, - напомнила Элинор. - И герцог тоже считал. Утром в день коронации ему продемонстрировали голову племянника. Не могу сказать, кстати, чтобы это задело его родственные чувства, хотя, очевидно, и расстроило кое-какие планы... В тех обстоятельствах у него не было никаких формальных поводов для бунта, а единственная война, в которой он мог бы участвовать - против Гроггендора, если бы, к нашему общему несчастью, началось вторжение. И тогда у него не было бы другого выхода, кроме как сражаться за Айринтию и ее королеву. А вот как он поведет себя в войне против Арвика - вопрос совсем не однозначный.

Локхарт промолчал, обдумывая ситуацию. Да, все это совсем не походило на привычное ему планирование воздушных и космических полетов...

- Ну ладно, полковник, - сказала королева. - Сейчас мне, как я уже сказала, предстоит небольшой военный совет. На который, увы, я не могу вас пригласить, ибо сложно будет объяснить ваше присутствие моим генералам. Я пришлю вам приглашение, когда мы сможем побеседовать снова... может быть, через пару дней. К этому времени я буду знать больше деталей, чем сейчас. А пока вас проводят домой - и помните, пожалуйста, что вы обещали не распространяться об этом разговоре. Я была рада поговорить с вами... правда рада. Это помогло мне привести мысли в порядок. По крайней мере, не буду выглядеть перед генералами как растерянная дура, которая сама не знает, во что влипла, - она улыбнулась почти виновато. - До встречи, полковник.

- До встречи... - у него чуть не вырвалось "Элинор", но он вовремя одумался: - мэм.

В гостевом доме товарищи ждали Локхарта, собравшись в столовой, о чем ему сообщил расторопный послушник, едва полковник поднялся по лестнице. На их нетерпеливые вопросы он поведал лишь, что королева беседовала с ним вполне благосклонно и все они остаются под ее покровительством.

- Она дала вам понять, что за известие получила? - требовательно спросил де Сегюр.

- Вам все сообщат в надлежащее время.

- Вы говорите "вам", а не "нам", - тут же ухватился де Сегюр, - то есть вам она уже все сообщила?

- Королева просила меня не распространяться о деталях разговора, ради чего, собственно, и выбрала разговор наедине.

- Вот как, - прищурился дипломат. - То есть мы больше не команда, члены которой друг для друга важнее любых нынешних королей?

Этот вопрос, апеллировавший к неоднократным словам самого Локхарта, застал полковника врасплох. "Чертов де Сегюр!"

- Разумеется, мы команда, - раздраженно произнес он. - Команда... ээ... в которой существует субординация. Я - ваш командир. И если я считаю, что некоторые сведения до поры до времени должны сохраняться конфиденциальными - вы выполняете мое решение. Мое, а не

королевы Элинор. Это понятно?

- Как скажете, командир, - усмехнулся граф.

- Капитан не обязан отчитываться перед экипажем в своих действиях, - продолжал с нажимом Локхарт, желая стереть эту ироническую усмешку с лица де Сегюра. - Тем более в условиях чрезвычайной ситуации, которая у нас, боюсь, теперь чрезвычайная на неопределенный срок... Но во избежание домыслов и кривотолков скажу, что если командир получает важные сведения на условиях конфиденциальности - это безусловно более полезно для команды, чем если этих сведений не получит никто. До чего всякий умный человек мог бы додуматься и сам, - он обвел их пристальным взглядом, подчеркивая, что вопрос закрыт. - Да, кстати, - улыбнулся он, спеша сменить тему, - кое-что я все-таки могу сообщить. Шрамм, королева пообещала мне, что ваша просьба будет удовлетворена. Вы получите назначение в гвардию, - это прозвучало так, словно Локхарт лично добился такого результата.

Шрамм просиял лицом так, словно Элинор пригласила его на свидание.

- Спасибо, сэр!!! - снова гаркнул он во все горло.

- И постарайтесь все же изъясняться тише, - поморщился Локхарт. - Я понимаю, что так вам проще, но, может быть, можно найти какой-то... промежуточный вариант...

- Да, - поддержал Якобсон, - на самом деле вы можете говорить, Гюнтер; то, что у вас получается кричать, это подтверждает. Проблема, видимо, не в физическом повреждении центра речи - во всяком случае, не в необратимом - а в некоем психическом блоке, возникшем вследствие... - "снижения интеллекта и памяти, а как следствие - словарного запаса и способности строить фразы, при рефлекторном стремлении сохранить прежний темп речи", сказал доктор про себя, но озвучил более мягкий вариант: - стресса из-за полученной травмы. Этот блок самоподдерживающийся, то есть вы затыкаетесь потому, что подсознательно ожидаете этого и боитесь этого. Но крик отвлекает вас от этого ожидания и помогает пробить этот ступор. Постарайтесь имитировать крик, но при этом понижать голос. Если сразу не получится, попробуйте кричать шепотом, потом постепенно добавляйте тон...

Шрамм попробовал - поначалу не слишком успешно, потом у него вышло несколько лучше, хотя тембр и интонация выходили неестественными, а артикуляция нечеткой. Но, так или иначе, неприятный разговор о тайнах дракенхаймского двора превратился в сеанс логопедии для Шрамма, что полностью устроило Локхарта, ускользнувшего под шумок в свою комнату.

Шрамм получил свое назначение на следующий день. Уйдя утром на уже привычную тренировку, он вскоре вернулся в новеньком синем мундире и при мече, улыбаясь до ушей (Локхарт никак не мог привыкнуть к этому выражению на лице всегда серьезного и сдержанного Шрамма), дабы продемонстрировать своему командиру - теперь уже, похоже, бывшему - официальную бумагу, гласившую, что *майор* Гюнтер Шрамм направляется для прохождения переподготовки в учебную роту личной гвардии ее королевского величества. Приказ был подписан командующим гвардией полковником Айбенхорстом. Локхарт ухмыльнулся, прочитав этот текст: Элинор сумела польстить своему обожателю по максимуму, формально признав за ним офицерское звание, и в то же время отрядила его в простые курсанты, которые стоят в армейской иерархии даже ниже рядовых солдат. Локхарт не знал, что у гвардейцев имеется специальная учебная рота - он полагал, что в гвардию попадают лишь уже обученные солдаты (которые потом, конечно, регулярно тренируются и поддерживают форму). Но теперь он окончательно успокоился относительно судьбы Шрамма - учебную роту уж точно не пошлют ни в какую мясорубку на севере. Получив благословение от Локхарта, Шрамм вновь отбыл, чтобы уже не возвращаться в гостевой дом - отныне он переходил на казарменное положение.

После обеда Локхарт отправился погулять по зеленым лабиринтам сада и подумать над ситуацией, в которой все они оказались. Ситуации, о которой пока еще почти никто не ведал в беспечном и веселом Дракенхайме... Интересно, в курсе ли уже Бронгар? Для конного гонца еще, наверное, рано, но голубиная почта может быть не только у королевы... И что он, Локхарт,

будет делать, если представители герцога выйдут на него с предложением *теперь*? Ему было очевидно, что менять сторону он уже не может. То, что до последней встречи с королевой еще могло рассматриваться как маневр, теперь превращалось в предательство - даже несмотря на то, что он не приносил никакой формальной присяги. Как там у Данте - обманувшие доверившихся, последний круг ада... Это Локхарт знал, даже не будучи поклонником поэзии. Хороший или плохой, но выбор сделан, для него и тем самым для них всех (и это, по правде говоря, большое облегчение - не надо больше вновь и вновь подвергать этот выбор сомнению и пытаться сохранить пути для отступления). Так что любое предложение от врага следует либо прямо отвергнуть - что будет, видимо, не слишком умно - либо вступить с противником в игру. О каковой, конечно, надо будет сразу поставить в известность королеву и тех, кто обеспечивает ее безопасность, и далее действовать не по собственной инициативе, а в контакте с ними. Но как? Элинор не оставила ему никаких средств обратной связи. Просто - "ждите, когда вас пригласят". Вручить записку послушнику с наказом передать Фабиасу? Даже если не писать в самой записке ничего конкретного - безопасно ли это? Или велеть послушнику привести Клавиуса и уже ему изложить дело устно? Хотя, конечно, пока все это лишь теоретические рассуждения...

Внезапно Локхарт услышал шорох шагов по траве. Кто-то быстро шел по соседнему проходу, отделенному от полковника зеленой стеной. Кто бы это мог быть, заинтересовался Локхарт. Явно не кто-то из астронавтов - дома оставался лишь Якобсон, а он, как хорошо знал полковник, после обеда предпочитал сиесту, а не прогулку. Да и шаги были слишком быстрыми и деловитыми. Кто-то из послушников, возможно, садовник? Или же - кто-то из иных гостей архиепископа, доселе ни разу еще не виденных никем из астронавтов?

Неизвестный, судя по звуку, прошел мимо, и Локхарт попытался раздвинуть ветки, чтобы взглянуть ему вслед. Это оказалось не так-то просто - эти зеленые туннели специально создавали так, чтобы максимально оградить передвигающихся по ним от нескромных взглядов. И все же ценой нескольких царапин и порванного обшлага ему удалось проделать небольшое окошко в плотных колючих зарослях.

Человек продолжал шагать прочь, не обратив внимание на шорох позади. И хотя Локхарт видел его только со спины, у полковника не возникло сомнения, кто это. Он слишком хорошо знал и эту фигуру, и эту походку, и даже этот парик.

Выходит, сегодня - а может, и не только сегодня? - де Сегюр отправился вовсе не в архив. Или, по крайней мере, не только в архив. Ничего не сказав об этом своему командиру.

Локхарт знал, куда ведет этот зеленый туннель. К небольшой дверце в стене, отделяющей гостевой дом архиепископа от резиденции самого его высокопреосвященства. То есть это, конечно, никакая не встреча с агентами врага - де Сегюр всего лишь получил наконец аудиенцию у Фабиаса. Но почему он не доложил об этом? Не из желания же отомстить Локхарту за отказ разгласить беседу с Элинор - это было бы совсем ребячеством... И кстати - первая ли это их встреча? Локхарт помнил, как его самого сопровождал Клавиус, открывший эту дверцу своим ключом. Но де Сегюр шел один. То есть он не только знает дорогу - а по первому разу в зеленом лабиринте немудрено заблудиться - но и получил ключ, позволяющий входить на территорию архиепископа, как к себе домой? Хотя, наверное, там внутри его все же встретит какая-то охрана, Фабиас не может быть настолько беспечен - но все равно... Ему, Локхарту, такого ключа, к примеру, не дали.

Впрочем, он тут же вспомнил слова Элинор: "Теперь ваши люди узнают то, что им следует знать, от тех, кто будет ставить им задачи." Тогда он принял как должное это ограничение доступа к информации для его подчиненных - но как-то не подумал, что оно распространяется и на него самого. Если Фабиас уже ставит задачи де Сегюру через голову его командира, то... то это логично, вынужден был признать Локхарт. С точки зрения Фабиаса, по крайней мере. Но и без того призрачная власть самого Локхарта - то есть его возможность отвечать за своих людей и удерживать единство группы - в этом случае трещит по швам...

Потребовать вечером отчета у де Сегюра? А он скажет с усмешкой: "Все вопросы - к его высокопреосвященству"? И что дальше? Ситуация напоминает в миниатюре ту, с которой столкнулась Элинор - лучше делать вид, что веришь в лояльность Бронгара, чем подтолкнуть его к открытому проявлению нелояльности... Ладно. Пока все они - Фабиас, де Сегюр, Элинор и сам Локхарт с остальными его людьми - играют на одной стороне, лучше не обострять отношения.

Вечером граф, как и ожидал Локхарт, ни словом не обмолвился о своих беседах с архиепископом и на вопрос полковника, что интересного он узнал за день, отвечал "ничего особенного". На следующий день сюрприз преподнес и Вельо, с которым Локхарт неожиданно столкнулся, выходя из туалета (увы, за неимением в этом мире ватерклозетов, даже в роскошном гостевом доме архиепископа не было туалетов в каждом номере, а выбор оставался все тот же, что и в гостинице Готлиба - ночной горшок или общий туалет в конце коридора, с той, правда, разницей, что здесь вынос горшка можно было поручить послушнику, но Локхарт стыдился это делать).

- Я думал, вы ушли в скрипторий, - удивился полковник.

- Де Сегюр прав - нет никакого смысла рыться в этих якобы древних рукописях, - брюзгливо ответил лингвист. - Я занялся более полезным делом - изучением гроггендорского и тлукаляханского, но для этого не надо никуда ходить. Книги по моему заказу доставили в мою комнату.

- Почему вы не доложили мне?

- О чем? О том, что остался дома? Я думал, докладывать надо только об отлучках.

- О том, что больше не ходите в архив и нашли себе новое дело.

- Собирался рассказать, когда будут какие-то выводы, - пожал плечами Вельо. - Я ведь не обязан рапортовать о каждом своем шаге в буквальном смысле слова? Мы все-таки не в казарме.

- Вы должны докладывать обо всем, что может влиять на безопасность группы.

- И как на нее влияет то, что я сижу дома с книгами? Кстати, когда я ходил в архив в последний раз, де Сегюр уже не составлял мне компанию. Он вам докладывал?

- Я должен в любое время знать, где находится каждый из моих людей, - строго сказал Локхарт, проигнорировав последний вопрос.

- Докладываю: в настоящий момент я намерен находиться в сортире. Если вы, конечно, позволите, командир, - издевательски растянул губы гигант.

Локхарт просверлил его взглядом, намереваясь напомнить, что дисциплина - это не его прихоть, ибо все они находятся в чужом и опасном мире и т.д. - но лишь буркнул: "Ладно" и отступил с пути лингвиста. Читать нравоучения на пороге туалета - и в самом деле не лучшая идея. А настроение Вельо тоже можно понять - его, видимо, задели слова Элинор, что ей не нужны переводчики. Вельо чувствовал себя самым бесполезным членом команды на протяжении обратного полета, и теперь история повторяется. Надо сказать Якобсону, чтобы как-то его поддержал... Но, черт побери, если дисциплина будет разваливаться такими темпами, от их группы скоро не останется ничего! В космосе они вынуждены были подчиняться командиру, несмотря ни на какую хандру и амбиции - им просто некуда было деваться. А теперь в их распоряжении целый мир, каким бы он ни был. Любой может уйти в любой момент, несмотря ни на какие ранее данные обещания...

Тем не менее, вечером за общим ужином (каждый из них мог заказывать еду в комнату, но Локхарт настаивал, чтобы каждый вечер все собирались в столовой) Вельо все же поведал первые результаты своих изысканий.

- Нам повезло, что мы оказались в Айринтии, где говорят на чистом английском языке, - сообщил он. - В других странах объясняться было бы не так просто. И в Гроггендоре, и в Тлукаляхане говорят на креольских языках...

- Креольских? - сильно удивился Локхарт. - Вы что же, хотите сказать, что эти страны основаны выходцами с Хаити?

- Нет, конечно, - снисходительно улыбнулся Вельо. - Язык Хаити - это лишь один из примеров креольского. В лингвистике креольским называется язык, родившийся в результате смешения других языков и при этом развившийся достаточно, чтобы уже не называться пиджином. Кстати, даже и сам современный английский по сути является креольским языком, родившимся из смеси древнегерманских, старофранцузского, латыни и кельтских языков. Ну так вот. Язык Гроггендора в какой-то степени повторил то же смешение, но уже с языками нашей эпохи в качестве исходных. Это смесь германо-скандинавских языков с французским и с небольшой примесью английского. Насколько я понимаю, существует множество диалектов, в которых эти соотношения варьируются - что вполне естественно для средневековой империи, расширявшейся путем завоеваний и присоединений - но основных вариантов два, западный и восточный, и они довольно сильно отличаются, хотя их все же нельзя назвать разными языками. Западный - это наречия гроггендорских кланов с сильно выраженной скандинавской составляющей, а в восточном очень значителен вклад французского. Что интересно, Бугенхольм даже в период своей независимости - окончившейся, как мы знаем, лишь недавно - говорил именно на восточном диалекте того же языка. Язык Тлукаляхана еще любопытнее - он, если угодно, испано-арабо-турецкий с вкраплениями, если я правильно понимаю, языка майя - во всяком случае, точно чего-то из доколумбовой Америки.

- То есть здесь произошло некое вавилонское смешение, - кивнул Локхарт. - Интересно, как в Центральной Америке оказались турки...

- Ледник, - напомнил де Сегюр.

- Да, это аргумент в пользу вашей гипотезы, - признал полковник. - Во всяком случае, это доказывает наплыв из Евразии. Но далеко не со всей Евразии, в то же время.

- Вся бы здесь просто не поместилась, - пожал плечами граф. - Восточная Азия, возможно, бежала в Африку и Австралию. Не знаю, насколько успешно - в Австралии слишком мало плодородной почвы, а технологии синтеза пищи, очевидно, утрачены... Ну и, конечно, если главная катастрофа, послужившая отправной точкой, произошла именно на востоке Евразии, там могло вообще не остаться выживших.

- Все же не астероид, а война? - предположил Вельо. - Русские все-таки воспрянули духом, тайно воссоздали оружие массового поражения и попытались отвоевать свою былую империю у китайцев? А в результате таки погубили весь мир...

- Я знаю не больше вашего, - резонно ответил де Сегюр. - После нашего отлета могло произойти что угодно. Вплоть до нового подъема милитаризма в Японии, раскола и гражданской войны в Китае или появления в Монголии Чингисхана 2.0, опирающегося на высокие технологии. И даже рождения некой новой нации. Хотя мне все же кажется, что это была какая-то природная катастрофа - судя по масштабам последствий.

- Луиджи, а как быстро вы можете выучить эти языки? - поинтересовался Якобсон, желая вернуться к менее мрачной теме.

- Ну, гроггендорца я бы понял прямо сейчас. Сделать так, чтобы и он понял меня, сложнее - надо разобраться, где слова из каких языков используются, но, думаю, пара недель, при наличии разговорной практики быстрее, хотя скорее это будет заточка под конкретный диалект. С тлукаляханским сложнее, мои познания в арабском и особенно тюркских языках очень ограничены. Месяца три-четыре, чтобы начать объясняться хоть сколь-нибудь сносно... и, опять же, нужна разговорная практика, чтобы отработать произношение. Здешние книги не дают о нем практически никакого представления...

- Не думаю, что в Айринтии вам будет легко найти живого тлукаляханца, - заметил не без иронии де Сегюр. - Их купцы посещают несколько портовых городов на юге, но дальше им хода нет. Только по специальному разрешению, которое должна выписать чуть ли не лично королева. Этот закон принят давным-давно... официально потому, что тлукаляханцы "язычники", хотя это едва ли не единственный действующий закон в Айринтии, закрепляющий дискриминацию по

религиозному признаку. Полагаю, на самом деле запрет пролоббирован айринтийскими купцами, желающими сохранить монополию, в том числе на торговлю тлукаляханскими товарами, внутри страны.

- Но в отношении Гроггендора такого запрета нет? - уточнил Локхарт.

- С гроггендорскими купцами борются более экономическими методами - через высокие пошлины. Гроггендор, естественно, отвечает тем же. Но в целом товарооборот с империей невелик. С захватом Бугенхольма и появлением общей сухопутной границы он не вырос, а, наоборот, сократился. Северные территории сейчас - сплошная милитаризованная зона, где каждый иностранец воспринимается, как шпион.

"Интересно, он вычитал это в архивах или узнал от Фабиаса?" - подумал Локхарт, но вслух ничего не сказал.

- Естественно, существует контрабанда, - продолжал де Сегюр. - Частый вариант - контрагенты встречаются в открытом море, где товары перегружаются с корабля на корабль. Но это опасно, всегда есть риск, что "честный купец", и без того уже нарушающий закон сразу двух стран, обернется пиратом. Ну или пираты, тоже знающие о таких сделках, могут подкараулить их участников... На самом деле эти идиотские пошлины давно пора отменить, - произнес вдруг де Сегюр с нехарактерной для него экспрессией. - Они только мешают экономическим связям и больше обогащают пиратов и контрабандистов, чем бюджет страны. Хуже того - они подрывают безопасность Айринтии.

- Безопасность? - переспросил Локхарт. Экономика никогда не была его сильной стороной.

- Если Гроггендор захватит Айринтию, пошлины исчезнут. Купцы по обе стороны границы это понимают. Для гроггендорских в этом случае патриотизм подкрепляется выгодой. Для айринтийских патриотизм вступает в противоречие с выгодой. Надо ли говорить, что в таких случаях побеждает?

"Французу - точно не надо", - неприязненно подумал Локхарт, а вслух произнес:

- Вы же сами только что говорили, что именно айринтийские купцы лоббировали запреты для тлукаляханцев.

- Ну, во-первых, с Тлукаляханом ситуация иная. Это слишком чуждая и закрытая страна, айринтийцам будет трудно проникнуть на тлукаляханский рынок даже при отмене запретов со своей стороны. А во-вторых, да, есть торговцы, которые ориентированы только на внутренний рынок, и им выгоден протекционизм. Но это, в общем-то, тупиковый путь, застой без расширения. А есть те, что - на внешний и на перспективу. Тем более, многие еще помнят куда более свободную торговлю с Бугенхольмом. Бугенхольм уже не вернуть, зато можно сдать Айринтию Гроггендору.

- А они не боятся, что оккупанты их просто ограбят и присвоят их бизнес себе? - усмехнулся Вельо.

- В Бугенхольме этого не произошло. У императора хватило ума не настраивать против себя новых подданных. Включая будущих.

- Но там и войны не было, - напомнил Локхарт. - Я имею в виду - на последнем этапе. Бугенхольм сдался сам.

- А кто вам сказал, что никто в Айринтии не хочет такого варианта? Надо выбить почву у них из-под ног, в частности, максимально облегчив экономические связи с Гроггендорской империей. Я намерен предложить это королеве, как только она изволит меня принять, - он со значением посмотрел на Локхарта, мол, раз уж у вас особые отношения с Элинор, организуйте мне этот прием. Полковник ответил ему взглядом, означавшим: "Почему бы вам не обратиться с этой просьбой к Фабиасу?"

На самом деле он не мог организовать встречу с королевой даже для самого себя, и это чем дальше, тем больше его угнетало. Сразу после аудиенции он полагал, что его позовут во

дворец чуть ли не в ближайшие часы, после того, как военный совет примет решение и королева его утвердит (или, может быть, даже не утвердит сразу, а захочет обсудить с ним, Локхартом - мысль самоуверенная, но, что греха таить, приятная). Спешка, с которой смотритель голубятни передал сообщение, позволяла предположить, что и дальше все будет развиваться столь же стремительно. Но один день сменялся другим, а полковник оставался в неведении, и в спокойном комфорте гостевого дома (как, кажется, и во всем городе) ровным счетом ничего не менялось. Словно там, на севере, и не развивались события, от которых зависела судьба не только королевы и всех, кто пошел за ней, но и, возможно, всей Айринтии...

Локхарт говорил себе, что без быстрых средств связи (даже голубиная почта не сравнится с сигналами, передаваемыми со скоростью света, не говоря уже о том, что голубей могут перехватывать хищные птицы, специально обученные и дикие) и без моторизованных средств переброски войск иначе и быть не может. Но чем дальше, тем слабее это утешало. Он вновь оказался в ненавистной для себя роли пассажира - причем пассажира, *знающего*, что у пилотов далеко не все в порядке, но не способного ни помочь, ни хотя бы уточнить детали. Ни даже обсудить происходящее с товарищами или с кем бы то ни было.

Вдобавок ему стало уже просто нечем заняться. Осилив Дрольфуса, он попытался было читать порекомендованный Якобсоном плутовской роман (самим доктором к тому времени уже дочитанный), но приключения ушлого слуги не смогли его увлечь и вызывали скорее раздражение, чем сочувствие, возмущая сызмальства свойственное Локхарту чувство справедливости. Ему не нравилось, что напыщенный дурак рыцарь получает незаслуженные почести, а его слуга врет, как дышит - обманывая при этом отнюдь не только мерзавцев, но и людей вполне добропорядочных и законопослушных, вся вина которых заключается лишь в излишней доверчивости и вере в незыблемость правил.

На пятый день практически сразу после завтрака, отложив с раздражением книгу, Локхарт отправился бродить по городу - без всякой определенной цели, желая лишь убить время. Как и в прошлый раз, никто ему не препятствовал; не заметил он также и слежки, что, впрочем, не гарантировало ее отсутствия. Однако полковник рассудил, что если люди Фабиаса за ним и приглядывают, то сейчас это скорее способствует его безопасности, чем наоборот.

На первый взгляд столица все так же безмятежно наслаждалась последними теплыми и солнечными днями осени, как и неделю назад (устойчивый антициклон, мысленно охарактеризовал погоду Локхарт; Флорида, то есть Айринтия, сейчас, должно быть, чудесно смотрится с орбиты...) Однако вскоре он почувствовал, что кое-что изменилось. Народу на улицах меньше не стало, но чаще попадались озабоченные лица. В лавке на углу, торгующей сырами и колбасами, подросли цены - не то чтобы сильно, но подросли. Несколько раз на достаточно широких улицах Локхарт видел группки из трех-четырех человек, что-то обсуждавших, стоя перед каким-нибудь домом; вполне обычное дело, будь это кумушки, остановившиеся "почесать языки" у порога одной из них - но это были солидно выглядящие мужчины. Полковник специально прошел рядом с такой компанией, желая услышать, о чем они говорят, но они замолчали при его приближении.

Слухи, очевидно, уже пошли. Насколько достоверные - другой вопрос. И главное - насколько достоверна информация, которой владеют лица, принимающие решения...

До слуха Локхарта донесся барабанный бой и какие-то выкрики; свернув на звук, он вышел на небольшую площадь, куда выходило сразу несколько кабаков. Посреди площади стояли, образуя правильный квадрат, несколько солдат в блестящих надраенных латах, с поднятыми длинными копьями, на которых реяли длинные черно-желто-синие вымпелы; внутри квадрата был сооружен помост, по краям которого стояли два военных барабанщика, периодически выбивавшие дробь из своих инструментов, а между ними надрывался немолодой офицер в парадном мундире, призывая "настоящих мужчин славного Дракенхайма" "послужить верой и правдой нашей королеве и Айринтии", записавшись в армию. За спиной у офицера

возвышался приколоченный к длинной деревянной рейке плакат, изображавший девушку в короне и со знаменем в руке, с крупной надписью "Ты нужен мне, солдат!" Перед помостом был установлен стол, за которым сидел писарь с большим пером, готовый записывать добровольцев.

Локхарт с усмешкой вспомнил аналогичные плакаты XX столетия, которые когда-то видел в Сети; он никогда не понимал, как подобная картинка может подвигнуть человека на столь серьезный, меняющий всю его жизнь (а возможно - и обрекающий его на смерть) выбор. Его собственное решение стать военным пилотом было сознательным и обдуманным, вызревало с самого детства, и уж конечно на него никак не мог повлиять какой-то плакат, случайно увиденный где-то на улице. Особенно не плакат с румяным козлобородым старичком в цилиндре, бывшим когда-то символом единых США; Локхарту, чья сознательная жизнь прошла уже в Конфедерации, этот образ всегда казался комическим. Девушка на плакате (имевшая несомненное, хотя и не абсолютное, сходство с Элинор, но, вероятно, символизировавшая также и Айринтию) была, по крайней мере, красивой - хотя и это, само собой, не причина.

Тем не менее, к помосту подходил народ. Перед столом даже образовалась очередь - пока небольшая, из четырех человек. Остальные пока переминались в нерешительности, задавая вопросы солдатам и офицеру. Последний, в свою очередь, взывал не только к патриотизму, но и к более материальным стимулам: каждый записавшийся не только поступит на полное казенное довольствие с причитающимся жалованьем, но и получит пять крон сразу же после того, как поставит подпись. И действительно, Локхарт заметил, как писарь выдает долговязому парню, только что склонявшемуся над столом, маленький, но туго набитый мешочек. Определенно там было не пять монет, а заметно больше. Значит, не золотые гульдены и даже не серебряные батцены, понял полковник, а медная мелочь. Конечно же, по номиналу все без обмана, но курс меди к золотому стандарту - как де Сегюр уже успел просветить Локхарта, прежде не знакомого ни с какими деньгами, кроме электронных - в условиях кризисов может очень даже отклоняться от номинального. Но добровольцы думают сейчас не об этом, а о том, что получают целый увесистый мешочек денег. Старый, примитивный и, тем не менее, действенный психологический прием - хочешь впарить дешевое по цене дорогого, увеличивай визуальные размеры товара, люди обращают на них большее внимание, чем на реальную ценность. На это клевали не только неграмотные средневековые обыватели, но и люди куда более цивилизованной эпохи - Локхарт еще помнил огромные (и при этом почти невесомые) коробки с чипсами в супермаркетах... Впрочем, здешние обыватели тоже не столь уж неграмотны - по крайней мере, читать и писать они умеют. А вот понимают ли они, что записываются участвовать не в патриотической обороне северных рубежей от внешнего врага, а в гражданской войне? И для многих ли станет шоком, когда они это поймут - или регулярное жалование для них важнее любых подобных рефлексий? Интересно, кстати, каковы финансовые возможности Арвика - да и Бронгара тоже, если ему придется платить войску самому, а не из королевской казны...

Локхарт прошел мимо вербовщиков и вышел с площади, оказавшись на улице, где не бывал раньше. Заблудиться ясным днем он, впрочем, не боялся, забрести в какие-нибудь опасные трущобы тоже - достаточно всего лишь смотреть, куда идешь. Навстречу ему двигалась какая-то карета, но эта, в отличие от экипажа гроггендорского посла, катилась вполне благопристойным образом, не распугивая пешеходов, так что Локхарт бросил на нее лишь беглый взгляд. Однако, поравнявшись с ним, карета неожиданно остановилась.

- Полковник Локхарт? - услышал он из-за приоткрывшейся дверцы. - Я разыскиваю вас по всему городу. Королева хочет вас видеть.

"Наконец-то!" - было первой мыслью полковника. Голос был женский и показался ему смутно знакомым - впрочем, Локхарт не слишком хорошо различал женские голоса, если только они не были писклявыми или чересчур низкими; но на сей раз это уж точно не была Элинор, притворяющаяся собственной служанкой. Локхарт заглянул в полутемное нутро кареты (шторы на окнах были задернуты), но после солнечного дня различил лишь силуэт сидевшей; ясно было,

по крайней мере, что в карете она одна. Он шагнул на ступеньку и сел напротив. Женщина захлопнула дверцу, и экипаж тут же тронулся с места.

Пару минут они ехали молча, пока, наконец, глаза полковника не адаптировались к полумраку настолько, чтобы ясно различить черты ее лица. Теперь он понял, что не ошибся, и вспомнил, где ее видел. Баронесса, ставшая виновницей аварии на мосту. Так, выходит, они с ней играют на одной стороне? И тогда она спешила в Дракенхайм с каким-то важным для партии Элинор известием? Или...

- Где я вас видела раньше? - требовательно спросила она.

- На улице, очевидно, - ответил Локхарт. - Я иногда прогуливаюсь пешком.

Он был уверен, что грим Матильды в сочетании с другой одеждой делали его вполне неузнаваемым.

- Нет, - твердо возразила баронесса, пристально всматриваясь в его лицо. И вдруг по тому, как ее глаза сузились на мгновенье, Локхарт понял - она его все-таки узнала и вспомнила. Но почему-то предпочла не озвучивать это вслух. - Вы знаете, кто я? - спросила она вместо этого.

- Нет, - ответил полковник по возможности равнодушно, причем фактически не кривя душой. В самом деле, ему был известен лишь ее титул.

- Тем не менее, вы сели ко мне в карету, - заметила она и добавила почти с издевкой: - Едва услышав о королеве.

- Разве повиноваться воле королевы - не долг всякого подданного? - усмехнулся Локхарт, но весело ему не было. Кажется, он и впрямь поторопился записать эту особу в союзники. Куда они едут? Впрочем, карета не электромобиль, из нее можно в любой момент выскочить на ходу - по крайней мере, пока они едут по людным улицам, где сложно разогнаться - и едва ли у этой девицы хватит сил ему помешать...

- Вы не подданный Айринтии, - отрезала она, что тоже было правдой. - Иначе вы бы знали, сколь опрометчиво доверять голословным утверждениям людей, которых вы не знаете. Или красота прекрасной Элинор настолько вскружила вам голову?

- Мою голову ничто не может вскружить, - неприязненно ответил он, задетый столь вздорным подозрением, и мысленно добавил: "Даже центрифуга". В самом деле, его вестибулярный аппарат всегда показывал лучшие результаты тестирования. - И если, по-вашему, я слишком беспечен, то вы, по-моему, чересчур самоуверенны. Опасность оказаться наедине с незнакомцем актуальна в обе стороны, не так ли?

- Я могла бы убить вас, не вставая с сиденья, - холодно проинформировала она.

- В самом деле? - Локхарт иронично приподнял бровь. На баронессе был все тот же - или, по крайней мере, похожий - облегающий наряд, под которым трудно спрятать оружие, да и какое? Пистолетов теперь нет, а руку с кинжалом он успеет перехватить...

- Отравленный шип на моем сапоге. Один удар по голени, пока вы смотрите мне в лицо, - сообщила она.

Локхарт поспешно перевел взгляд вниз, на ее ноги в остроносых сапогах. Никакого шипа он не увидел, но, возможно, тот выскакивает в нужный момент, приводимый в движение... пальцем ноги? ударом каблука об пол?

- На самом деле его там нет, - снизошла до пояснения баронесса. - Но он мог бы там быть. А вам в голову не пришло подумать об этом.

- Ладно, - раздраженно произнес Локхарт, уставший от этих игр. - Если бы вы хотели и могли меня убить, вы бы уже это сделали, не так ли? А раз вы этого не сделали, значит, вы зазвали меня в карету с другой целью. Почему бы вам не перейти, наконец, к делу?

- Дела стоит делать лишь с теми, кому можно доверять. А доверять не стоит не только тем, кто может предать сознательно, но и тем, кто недостаточно осторожен.

- Спасибо за лекцию. Если это все, то я выхожу, - Локхарт даже приподнялся на сиденье.

- Мне казалось, умный человек благодарит, когда ему указывают на ошибки, а не

обижается.

- Я поблагодарил, - растянул губы Локхарт. - Так что дальше? На кого вы работаете?

- На кого может работать подданный, как не на королеву? - усмехнулась она, практически повторяя его слова.

- Например, на короля. Претенденты на эту роль, кажется, имеются.

- Имеются, - подтвердила баронесса. - Один из них сейчас собирает силы на севере. Вам известно об этом?

"Да", - чуть не вырвалось у Локхарта, но он вовремя прикусил язык.

- Я знаю только то, что мне следует знать. И я усвоил ваш урок, так что не собираюсь обсуждать деликатные темы неизвестно с кем.

- Я баронесса Хюгельдорф, - наконец представилась она. - Виолетта Хюгельдорф, если вам нужно личное имя.

- Мне это имя ничего не говорит, - холодно ответил Локхарт. - Тем более что, как вы сами отметили, голословные утверждения...

Баронесса молча сунула руку за пазуху своего жакета и вытащила не кинжал (чего Локхарт и не ожидал, хотя машинально слегка напрягся), а свернутую в тонкую трубку грамоту, и протянула ее полковнику. Тот развернул свиток и слегка отодвинул занавеску на окне, позволяя свету упасть на документ.

"*Подательнице сего, баронессе Хюгельдорф, надлежит оказывать всяческое содействие, ибо она действует в интересах Престола и Отечества.*"

Ниже стояла витиеватая подпись и расшифровка: "Хуберт, герцог Бронгарский, Главнокомандующий Королевской Армией Айринтии."

Ага, подумал Локхарт. Ну вот, наконец-то, и третья сторона. Тут же у него мелькнула и менее серьезная мысль - почему она не разогнала всех этой бумагой на мосту? Или тогда у нее еще не было этой грамоты?

- Я не так уж часто показываю этот документ, - заметила баронесса, словно прочитав его мысль.

Ну да, понял Локхарт, ей не хотелось афишировать свою связь с Бронгаром перед каким-то случайным сбродом. А интересно, подчинился бы Ференц, ткни она ему под нос эту бумагу? Или сказал бы, что герцог Бронгарский ему не начальник?

- Стало быть, мне оказана честь, - сказал полковник вслух, возвращая ей грамоту. - И что дальше?

- Я полагаю, вам все же известно, что сейчас творится на севере. Слухи об этом уже идут по городу. Граф Дункельт, бывший принц Арвик, поднял мятеж, подавить который в зародыше не удалось. Но деталей вы не знаете. Ситуация гораздо серьезнее, чем считают... некоторые. Не только на улицах, но и во дворце. Фактически все войска, переброшенные на защиту наших новых территорий, оказались у него в заложниках. Он может попросту отрезать им снабжение. А может - отдать приказ об отходе с этих плохо укрепленных земель, где они круглые сутки чувствуют себя под прицелом гроггендорских арбалетов, под защиту надежных крепостей на старой границе. Что многим из них понравится и привлечет на его сторону... Само собой, гроггендорцам это понравится еще больше. Но это случится уже потом, а для Арвика жажда власти превыше интересов страны. Его надо остановить прямо сейчас. Проблема в том, что личной гвардии королевы для этого явно недостаточно. И, конечно, вся эта нынешняя вербовка горожан - это несерьезно. Вы ведь офицер и понимаете, чего стоит необученный сброд. А обучать его некогда. У Арвика на севере уже профессиональные солдаты. Единственный, кто может быстро и гарантированно раздавить его - это Бронгар. Возможно, даже без большой крови. Герцога весьма уважают в войсках, и если он лично явится на север во главе королевской армии, многие из тех, кто сейчас поддержал мятежника, перейдут под его знамена. Что, как вы понимаете, было бы идеальным вариантом, учитывая гроггендорскую угрозу. Проблема в том,

что Элинор не хочет отдавать такой приказ. Ибо не доверяет Бронгару.

- И что вы от меня хотите? Чтобы я ее переубедил?

- Нет, это у вас вряд ли получится, - покачала головой баронесса. - Она скажет, что вы совсем не знаете герцога и не можете давать никаких гарантий от его имени. И это будет, в общем-то, логично. Хотя Бронгар и не давал ей повода сомневаться в его слове. Но тут дело вот в чем. Элинор почему-то решила, что вам, которого она едва знает, она может доверять больше, чем собственному дяде, всю жизнь верой и правдой служившему ее отцу...

- Возможно, потому, что я не могу претендовать на трон, - не удержался Локхарт. - И за мной не стоит армия, способная ее свергнуть.

- Допустим, - не стала спорить баронесса. - Важно то, что она может поделиться с вами информацией, важной для безопасности страны. Которой она, тем не менее, не захочет делиться с герцогом. Как уже не захотела своевременно известить его о мятеже Арвика. Главнокомандующий королевской армией узнал о военной угрозе на севере страны на два дня позже, чем королева...

- Ах вот оно что, - покивал полковник. - Вы предлагаете мне воспользоваться доверием королевы, чтобы шпионить в пользу Бронгара?

- В пользу Айринтии!

- Угу. "Государство - это я", кто-то так уже говорил...

- Государство - это все мы, - серьезно ответила баронесса. - Но наша беда в том, что мы не доверяем друг другу, в то время как нам всем грозят куда более страшные внешние враги... Я понимаю, что вы не айринтиец, и было бы странно взывать к вашему патриотизму. Но Айринтия приняла вас, и приняла очень неплохо...

"Да уж, особенно если вспомнить, как мы уносили ноги из Хассенворта", - подумал Локхарт.

- ...а в нашем мире это кое-чего стоит, - продолжала баронесса. - В Тлукаляхане, например, чужака без роду-без племени и без охранных грамот просто продали бы первому же работорговцу.

- А в Гроггендоре? - ироническим тоном осведомился Локхарт.

- В Гроггендоре на вас просто было бы всем наплевать. Империя слишком велика, чтобы обращать внимание на отдельных людей, не вписанных с рождения в стандартные схемы. Там мыслят категориями полков и батальонов, или, на худой конец, гильдий. Вы не член гильдии, за вас не заступится клан, так что вам бы пришлось или наниматься в армию рядовым, или воровать и кончить жизнь на виселице, или просить подаяние.

- Но в Айринтии мне это не грозит, - усмехнулся полковник, понимая, к чему она клонит.

- Айринтия готова хорошо платить тем, кто способствует ее безопасности.

- Мне все же не очень понятно, с каких пор "Айринтия" стало вторым именем герцога Бронгарского.

- Вы напрасно иронизируете. Я лишь хочу сказать вам, что это такое же честное вознаграждение, как и то, что получает солдат на поле боя. Который служит той же цели, но другими средствами.

"Может, мне следует согласиться для вида? - подумал Локхарт. - Де Сегюр бы наверняка... Но - нет, это может всплыть в самый неподходящий момент. Стоит мне взять у них хоть один золотой, и меня начнут шантажировать разоблачением, требуя работать на них всерьез. Это не Дармонт, оставлявший возможность отказаться... хотя еще неизвестно, что бы он стал делать, воспользуйся мы этой возможностью... Если бы я мог сразу предупредить Элинор... но когда у меня будет такой шанс? И вообще, я не создан для шпионских игр!"

- Я был солдатом в моей стране, - сказал он вслух. - Но не шпионом. Хотя там это тоже неплохо оплачивалось. И если бы мой командир предложил мне разглашать секреты моего президента - пусть даже ему лично, а не противнику - я бы расценил это, как измену.

- Вы не понимаете. В конечном счете это в интересах самой Элинор...

- Я не считаю себя вправе решать за королеву, что более в ее интересах. И я также не понимаю, кто дал такое право баронессе Хюгельдорф или даже самому герцогу Бронгарскому.

- Н-ну хорошо, - она постучала в стенку за спиной, и карета остановилась. - Можете считать, что этого разговора не было.

Локхарт выглянул в окно, стараясь одновременно не выпускать из виду свою визави. Нет, его не завезли ни в какие страшные трущобы на расправу убийцам. Кажется, все время их разговора карета кружила по центральным улицам.

- Хорошего дня, баронесса, - попрощался он, берясь за ручку. Дверца легко отворилась, и он спустился на залитую солнцем булыжную мостовую. Дверца тут же захлопнулась, и экипаж покатил прочь.

Локхарт оглянулся по сторонам. Так, вон торчат над крышами шпили кафедрального собора, а вон там, стало быть, дворец... Ноги понесли Локхарта в последнем направлении, хотя он сам затруднился бы сказать, зачем. Не может же он постучать в парадные двери (или хоть в заднюю калитку) и объявить, что хочет видеть королеву. Даже если он сообщит, что имеет важную информацию (а может ли попытка подкупа со стороны Бронгара считаться таковой? скорее, здесь это дело вполне рутинное...), его примет максимум какой-нибудь офицер охраны или, хуже того, гражданский чиновник, который предложит "изложить донесение в письменном виде, дабы оно было рассмотрено в надлежащем порядке". Но возвращаться в гостевой дом все равно не хотелось. Лучше уж прогуляться вокруг дворца, полюбоваться его архитектурой при солнечном свете...

Несмотря на погожий день, дворцовая площадь была почти пустой - любующиеся достопримечательностями туристы остались в другой эпохе, а столичные жители видели дворец тысячу раз и если и пересекали площадь, то быстрым деловым шагом, даже не глядя в сторону величественного здания (самого большого по площади в городе - по высоте, разумеется, лидировал собор) со стрельчатыми окнами, высокими арками на фасаде и декоративными башнями по углам главного корпуса. Праздно гуляющих не было, если не считать нескольких мальчишек в жестяных шлемах и с деревянными мечами, гонявшихся друг за другом по широкой площади. Похоже, они разыгрывали бой на подступах к дворцу, и Локхарт мрачно подумал, что эти игры могут вскоре оказаться ближе к реальности, чем они думают. Он увидел караульных в позолоченных доспехах, застывших на своих постах - с алебардами вверху, у дверей, в арках напротив друг друга, и с мечами внизу, у подножия огибавших все здание ступеней, парами лицом к площади. Вид у них было скорее декоративный - если вдруг на площадь ворвутся несколько сотен решительно настроенных бойцов, что смогут сделать эти стражники? В лучшем случае - успеют забежать внутрь и закрыть двери на засовы... Впрочем, еще раз окинув взглядом флигели - выстроенные не в одну линию с главным корпусом, а полуохватывавшие площадь с двух сторон наподобие разведенных клешней, полковник пришел к выводу, что из их узких, похожих на бойницы окон прекрасно простреливается все пространство перед дворцом, так что пытающихся выломать мощные двери под перекрестным потоком стрел не ждет легкое развлечение. А если атаковать дворец сзади, то там, как помнил Локхарт, слишком мало места, чтобы развернуться, придется бежать гуськом под окнами, откуда, наверное, тоже будет сыпаться что-то не слишком приятное. Правда, и двери с той стороны не чета этим, некоторые можно выбить коленом - но, наверное, в таких местах дальше внутри имеются опускные решетки, позволяющие поймать ворвавшихся в ловушку...

А может, и нет, напомнил себе Локхарт. Может, все это - его фантазии, причем вполне дилетантские, учитывая уровень познаний космического пилота в обороне и штурме зданий. Может, дворец строился вообще без расчета на серьезную опасность, грозящую изнутри, а не снаружи городских стен. Тогда - скверно...

Локхарт шагал вдоль дворца, рассеянно скользя взглядом по стражникам, и вдруг замер.

Напротив него, справа от своего напарника, навытяжку стоял Шрамм в сияющих латах.

Он тоже заметил полковника, и его лицо просияло почти так же, как доспехи. Но, конечно, он ничего не сказал, как и сам полковник - пусть военная карьера Локхарта и прошла в пилотских креслах, он, конечно, знал, что караульному нельзя разговаривать на посту. Так что полковник лишь молча отсалютовал с улыбкой и двинулся дальше. Похоже, Шрамм и впрямь делает успехи на новом поприще, раз его уже ставят в караул при дворце. Нет, конечно, эта редкая шеренга внизу ступенек - чистая декорация, никто не рассчитывает, что им придется драться всерьез, но все-таки, наверное, в учебной роте такое назначение считается почетным. Иначе сержант, или кто там у них командует курсантами[17], гонял бы его сейчас до седьмого пота, а не послал сюда. Может, бывший непревзойденный летчик и в самом деле станет в этом мире непревзойденным мечником, и интеллект 85 ему в этом не помешает. Заикание не мешает уж точно, тем паче что Шрамм нашел способ борьбы с таковым, пусть и не идеальный.

Локхарт хотел было остаться на площади и подождать, пока Шрамм сменится с поста, но понял, что обсуждать им, по сути, нечего. "Как ваши дела? - Отлично, сэр!!! - Начальство довольно вашими успехами? - Да, сэр!!!" - вот, пожалуй, и весь возможный диалог, ради которого нет смысла торчать тут еще невесть сколько. Так что, прогулявшись вдоль дворца, Локхарт все же направился домой - то есть в то место, которое ему теперь приходилось так называть.

После возвращения он некоторое время беседовал с Якобсоном - на борту "Доброй воли" такие беседы, продиктованные не обычным желанием общения, а стремлением снять психологическое напряжение, иронически называли "исповедями". Сам Локхарт "исповедовался" крайне редко, полагая, что психолог не скажет ему ничего такого, чего он не мог бы сказать себе сам; впрочем, иногда такие разговоры помогали упорядочить собственные мысли. На сей раз, однако, беседа совсем не приносила полковнику удовлетворения, и доктор, почувствовав это, предложил "вместо всех этих разговоров" сыграть в шахматы. "Только не поддавайтесь", - традиционно предупредил его Локхарт и получил в ответ столь же традиционное "И не надейтесь!" Якобсон, как водится, почел ниже своего достоинства пользоваться доской - он всегда играл в уме. Локхарт завидовал этому таланту, но давно оставил безнадежные попытки сравняться в этом с доктором и для себя все же расставил фигуры. Первую партию он продул позорным зевком, вторую, осторожничая, свел вничью и в третьей, наконец, сумел сосредоточиться на игре достаточно, чтобы развить подающее надежды наступление на ферзевом фланге. Доктор пока еще удерживал численный паритет, но уже остался со сдвоенными пешками и потерявшим право на рокировку королем, и Локхарт как раз раздумывал, стоит ли тратить темп на охоту за практически незащищаемой пешкой, или сразу развивать более амбициозную атаку, как вдруг в дверь постучали.

Это был послушник, и явился он не к Якобсону, в комнате у которого проходила игра, а к Локхарту.

- Вы здесь, сэр? Вам пакет, - он с поклоном протянул конверт с печатями.

Это оказалось именно то, чего все эти дни ждал полковник. Приглашение от королевы - на сей раз без лишнего пафоса официальной аудиенции, но и не в виде легкомысленной записки без подписи. Элинор приглашала его на следующее утро. Его одного.

- Что-то важное? - осведомился Якобсон, не вставая с места.

Локхарт после мгновенного колебания - никаких просьб о конфиденциальности на сей раз не было - протянул ему бумагу.

- Ну вот видите, - кивнул доктор, - зря вы беспокоились.

- Я не то чтобы беспокоился. Просто чертовски не люблю неопределенность.

- И лишние неизвестные в уравнениях, - вновь с улыбкой кивнул Якобсон. - Сообщите об

[17]Астронавты "Доброй воли" оперируют привычными им воинскими званиями, однако в средневековой армии слово "сержант" означало просто профессионального солдата-простолюдина.

этом остальным?

- Ммм... - вопрос застал Локхарта врасплох. - Позже. В зависимости от результатов встречи. Пока достаточно, что об этом знаете вы.

Почему он так ответил? Из желания отомстить де Сегюру за тайные переговоры с Фабиасом? Но это, вообще-то, по-детски... Или, наоборот, дабы не усиливать хандру Вельо, и так страдающему из-за своей ненужности? Впрочем, неважно. Интуитивно это показалось ему верным решением, а пилоты лучше, чем многие другие, умеют доверять своей интуиции. Хотя, если Якобсон приведет контраргументы... Но доктор лишь предложил доиграть партию.

- Предлагаю ничью, - с неохотой произнес Локхарт.

- Нет, сэр, мне не нужно ваших подачек. Я намерен бороться до конца.

- Я боюсь, что не смогу снова сосредоточиться должным образом, и мне бы не хотелось загубить такую интересную позицию очередным зевком, - честно признался полковник. - Может, запишем позицию и доиграем потом?

- Вас так волнует встреча с королевой?

В устах де Сегюра подобный вопрос был бы, безусловно, попыткой поддеть. Но Локхарт понимал, что Якобсон спрашивает как психолог их команды.

- Просто это заставляет меня обдумывать другую партию. А хорошо играть сразу на двух досках я, увы, не умею.

- Что ж. Та партия для нас всех и впрямь важнее, раз уж мы оказались здесь. А эту давайте, действительно, запишем и доиграем позже. Имейте в виду - я совсем не считаю свое положение безнадежным.

Наутро в девять, как и было сказано в послании Элинор, к гостевому дому подъехал экипаж. Локхарт, наученный уроком баронессы Хюгельдорф, на сей раз осмотрел экипаж более внимательно, но ни кучер в дворцовой ливрее, ни сама карета (в которой никого не было) подозрительными не выглядели - да и подсылать поддельный экипаж под видом посланного из дворца имело бы смысл лишь в том случае, если бы первый прибыл раньше времени и забрал ничего не подозревающего пассажира, а полковник нарочно задержался на несколько лишних минут. Локхарт сказал себе, что не стоит впадать в паранойю, и уселся на мягкое сиденье, обитое красной кожей. Зацокали копыта, карета покатилась по булыжникам, и полковник даже подумал, что начинает привыкать к чертовой тряске.

Однако чувство направления, вырабатывающееся у любого хорошего пилота, подсказало ему, что они едут не в сторону дворца, еще раньше, чем он убедился в этом, выглянув в окно. Поначалу он сказал себе, что в этом лабиринте улиц попасть во дворец можно различными путями, но вскоре он вынужден был признать, что экипаж удаляется все дальше от центра города. Он не мог поверить, чтобы кто-то попытался похитить его настолько нагло, на глазах у персонала гостевого дома и никак не ограничивая при этом свободу похищаемого, который может выскочить на улицу в любой момент - но когда впереди показалась внешняя крепостная стена, все же не выдержал и приоткрыл дверцу. Если что, он выйдет прямо сейчас и обратится к стражникам надвратной башни.

- Эй! - крикнул он кучеру, высовывая голову наружу. - Куда вы меня везете?

- Согласно приказу, на загородную прогулку, сэр, - спокойно откликнулся возница.

- На прогулку?.. - пробормотал Локхарт. Ох уж эта Элинор с ее сюрпризами, не могла предупредить сразу, что зовет не во дворец... все-таки при всем своем уме она остается девятнадцатилетней девчонкой! Или же это все-таки западня, настолько наглая и идиотская, что может сработать именно по этой причине?

Карета въехала в полумрак арки ворот, стены которой подпирали двое караульных.

- Эй, солдат! - окликнул Локхарт ближайшего из них. - Как твое имя?

- Рядовой Хаккель, сэр, - отрапортовал тот, очевидно, рассудив, что пассажир такой кареты имеет право спрашивать.

- Вольно, рядовой, - кивнул Локхарт. - Не дремли тут в тенечке. Следи за дорогой.

- Так точно, сэр!

"Теперь он меня запомнит, если что, - подумал полковник. - И карету тоже, он будет смотреть ей вслед."

Экипаж выехал из города и покатил по мосту на запад. Небо было ясным, но над водой озера еще висел волнистыми седыми прядями легкий туман. Прищурив глаза, можно было представить, что мост проложен прямо по небу, а оставшийся за спиной Дракенхайм - сказочный город в облаках... Неужели, подумал Локхарт, мне больше никогда не подняться в настоящее небо? Впрочем, туман - это и есть облака, находящиеся на уровне земли, а всякий, кто просто подпрыгнет, оказывается в состоянии невесомости и даже движется какое-то время по эллиптической орбите[18], пока, разумеется, его полет не будет остановлен земной поверхностью. Знание физики иногда очень утешает, да. Хотя чаще наоборот - ни одно злое божество не могло бы быть таким безжалостным, как физические законы...

За мостом всякая тряска, наконец, прекратилась - карета покатила по мягкой пыли грунтовой дороги. Вскоре дорога нырнула в рощу - далеко не столь впечатляющую, как дремучий лес, где нашел свой конец лже-Арвик; деревья здесь были тонкие и не слишком высокие, их возраст явно исчислялся десятилетиями, а не веками. Затем экипаж свернул на какую-то совсем уже неприметную тропку; впрочем, благодаря щедро пробивавшемуся сквозь золотую осеннюю листву солнцу зловещей она тоже не выглядела, несмотря на то, что несколько раз карету ощутимо качнуло на ухабах, а один раз под колесами смачно чавкнула вода. И вот, наконец, экипаж вновь выкатился на открытое пространство и остановился.

Локхарт открыл дверцу, и почти сразу же рядом мягко затопали по заросшей травой земле копыта.

- Доброе утро, полковник!

Голос Элинор прозвучал неожиданно звонко, словно только здесь, вдали от городских стен, королева ощущала всю полноту жизни.

- Утро[19], мэм, - ответил Локхарт с несколько меньшим энтузиазмом, хотя и с облегчением.

- Я должна извиниться перед вами, - сказала Элинор, словно поняв его неудовольствие. - Я решила пригласить вас на конную прогулку и совершенно не подумала, умеете ли вы ездить верхом. Для нашего мира такой вопрос был бы странным, но, возможно, там, откуда вы прибыли...

- Вот как раз я умею, - заверил ее Локхарт. - Единственный из нас всех, полагаю. В нашем мире действительно верховая езда была очень экзотическим видом развлечений для богатых. Но у моих родителей было ранчо, где разводили лошадей как раз для таких клиентов. Так что я умею ездить с детства, - "хотя не могу сказать, что я большой фанат лошадей", добавил он мысленно. Машины, безупречно послушные командам оператора, с ясной системой диагностики и возможностью включения и выключения в любой момент, всегда нравились ему куда больше, чем нечто живое и не вполне предсказуемое. Не говоря уже о том, что за машиной не приходится убирать навоз (с коим юному Эрику пришлось иметь дело немало, несмотря на все высокие технологии: его отец был убежден - и небеспочвенно - что роботы пугают лошадей). Но здесь тема машин, очевидно, была табу...

- Отлично! - обрадовалась его словам королева. - В таком случае, мне не придется вас учить. Ваш конь вас уже ждет.

Локхарт, наконец, выбрался из кареты. Элинор, вновь одетая по-мужски, восседала на кобыле вишневой масти, а к ее седлу был привязан повод великолепного игреневого коня, при виде которого брюзгливое настроение окончательно оставило Локхарта: конь с его лоснящимся

---

[18]А не по параболе, как учат в школьных учебниках; парабола является лишь приближением, не учитывающим сферическую форму Земли.

[19]Обычное для английского языка сокращение формы "доброе утро".

корпусом, почти черным в тени и отливавшим медью на солнце, и роскошными серебристыми гривой и хвостом, был истинным красавцем, а о его навозе, чистке копыт и всем прочем, очевидно, на сей раз предстояло заботиться кому-то другому.

- Я думал, мы будем беседовать во дворце, мэм, - все же заметил он, забираясь в седло.

- Посылая вам вчера письмо, я тоже так думала, - ответила Элинор, отвязывая повод его коня, - но потом решила, что на открытом воздухе нам будет удобнее.

Да, сообразил Локхарт, снова вспомнив японцев - на открытом пространстве можно быть уверенным, что никто не сможет подобраться и подслушать, чего, наверное, нельзя гарантировать во дворце. Выходит, все же не "взбалмошная девчонка", а вполне трезвый расчет...

- И к тому же сегодня, может быть, последний погожий день в этом году, - продолжала Элинор, трогая лошадь с места, - надо пользоваться, пока не зарядили осенние дожди. Смотрите, я покажу вам чудесный вид на город.

Они находились на вершине большого, но пологого холма, северная сторона которого заросла деревьями, зато саму вершину и более крутой южный склон покрывала лишь трава. Элинор направила лошадь прочь от границы рощи, въехала на взлобок, нависавший над юго-восточным склоном, и остановилась; Локхарт подъехал и встал рядом.

Отсюда открывался вид на равнину до самого горизонта, в основном представлявшую собой степь, расцвеченную белыми, желтыми и сиреневыми брызгами и пятнами поздних полевых цветов, и лишь кое-где то темнели хвоей, то пестрели желтой, красной и оранжевой листвой небольшие рощицы и перелески. Когда-то подобные осенние краски можно было увидеть где-нибудь в Новой Англии, но никак не во Флориде... На юго-запад вилась тонкая синяя нитка речки, не то впадавшей в озеро, не то, напротив, вытекавшей из него. Дракенхайм лежал примерно в трех милях внизу на юго-востоке; солнце поднялось уже достаточно высоко и не мешало смотреть на город, зато ослепительно сверкало в водах озера - там, где этому не мешали тени стен, башен и мостов. Отсюда можно было различить все четыре моста, казавшиеся совсем воздушными, идеально круглый обод крепостной стены с ее высокими тонкими башнями, еще более напоминавший корону в таком ракурсе, и шпили и островерхие крыши наиболее высоких построек внутри, включая несколько городских храмов и дворец. Все это казалось игрушечным, замечательно детализированной моделью, выставленной в витрине супермаркета в период праздничных распродаж. Локхарту вдруг представилось, как, происходи это все в другую эпоху, Элинор вышла бы на самый край взлобка, повернулась, протянула руку и попросила бы сфотографировать ее так, словно она держит город на ладони.

- Красиво, - согласился Локхарт.

- Обратите внимание - длина мостов равна радиусу городской стены, - тоном экскурсовода сообщила королева. - Ну, не абсолютно, конечно. Центральный остров специально подравнивали, когда строили город, а вот внешний берег озера не настолько круглый, поэтому на самом деле длина мостов все-таки разная. Но отсюда это незаметно. Вообще, по-моему, Дракенхайм удивительно удачно вписывается в окружающий ландшафт. Искусственное и естественное не противоречат друг другу... Знаете, я часто удирала сюда из дворца, когда была принцессой. Любила подолгу сидеть тут одна на холме и смотреть на город, особенно рано утром или солнечным вечером. Вообще-то у меня была мысль показать вам отсюда рассвет, но я подумала, что вам не понравится идея ехать куда-то за город ночью в тумане. Да и, честно говоря, по нынешним временам это и впрямь может быть небезопасным - если только не брать с собой взвод охраны. Который разрушил бы все очарование.

- Но я все же надеюсь, что вы не прискакали сюда ночью без охраны? - обеспокоенно взглянул на нее полковник.

- Я не настолько романтична, как вы опасаетесь, - невесело улыбнулась Элинор. - То, что могла позволить себе никем не воспринимаемая всерьез принцесса, не может королева... Гвардейцы там, в роще. Но нам они мешать не будут. На открытом пространстве нам ничего не

угрожает. Врагам сначала пришлось бы нас догнать, - она вдруг пришпорила свою кобылу и поскакала наискосок вниз по склону. Локхарт не без некоторого опасения - все же он не ездил верхом с семнадцати лет, да и конь был незнакомый - последовал за ней.

Но игреневый не подвел, сразу же пошел уверенной размашистой рысью, а когда Элинор, оглянувшись через плечо на своего спутника, пустила кобылу в галоп, легко перешел и на этот аллюр. Так они лихо скакали до самой реки, а затем поехали шагом бок о бок вдоль берега. На мили вокруг не было никаких следов человека - лишь безупречно синий купол неба над головой, журчащая в камышах вода и сочная трава под копытами.

- Вы хороший наездник, - похвалила Элинор.

- Целые века не сидел в седле[20], - ответил полковник (что по земному календарю было чистой правдой), - но, говорят, это как велосипед - научившись один раз, потом уже не разучишься...

Элинор никак не отреагировала на слово "велосипед", но Локхарт и сам сообразил, что вновь затронул неположенную здесь тему, и поспешил перейти к более актуальному вопросу: - Так какие новости? Проблема Арвика, как я понимаю, далека от решения?

- Тайная Стража допросила человека, знавшего его голову лучше, чем кто-либо другой, - сообщила Элинор. - Его цирюльника. Он подтвердил, что та голова, что у нас - не Арвика.

- И что с ним стало потом? - мрачно осведомился Локхарт. - Я имею в виду цирюльника.

Элинор вздохнула: - А вы как думаете?

- Он же был просто слугой. Он был ни в чем не виноват.

- Вы же офицер, полковник. В чем виноват часовой, которому вы - или ваши солдаты по вашему приказу - перерезают горло? Он может быть замечательным человеком, любящим мужем и отцом, но вы не можете допустить, чтобы он поднял тревогу. Цирюльник Арвика был ему лично предан, никого другого Арвик не подпустил бы с бритвой к своему горлу. А нам меньше всего нужен свидетель, распускающий слухи, что люди королевы пытались тайно убить Арвика и хранят в банке его голову - ну то есть не его, а двойника, но это не их заслуга... Теперь-то Арвик поднял мятеж, и против него оправданы любые действия. Но тогда у нас еще не было формального повода.

- А если цирюльник просто соврал, чтобы досадить убийцам своего господина?

- Это вряд ли, - жестко ответила Элинор.

Ну да, подумал Локхарт, средневековые методы допроса...

- Удивляюсь, как вы доверяете мне тайны, которые другим стоят жизни, - сказал он вслух.

- Вам я могу доверять. Теперь я в этом окончательно уверена.

- Теперь? - переспросил Локхарт.

- Я просила сохранить наш прошлый разговор в тайне, и вы не сказали ни слова никому, - улыбнулась королева. - Даже своим людям, как бы те ни настаивали.

- Ах вот оно что, - помрачнел полковник. - Значит, наши апартаменты прослушиваются. Ну да, давно стоило догадаться, почему нас там поселили... Только общая столовая, или личные комнаты тоже?

- Нет. Ну то есть всех тайн дяди Фабиаса не знаю даже я, но насколько я в курсе - нет. Но де Сегюр доложил ему, что потерпел фиаско.

- Так вот какое применение вы ему нашли, - усмехнулся Локхарт. - Ну что ж, я даже не могу обижаться. Вы честно предупредили, что он продаст меня с потрохами.

- Нет, это, разумеется, не единственное и не главное его применение, - возразила Элинор. - У дяди Фабиаса на де Сегюра большие планы. Мне кажется, они сработаются. Не против вас, нет! Это была всего лишь проверка, которую вы прошли, чему лично я очень рада. Мы все одна команда. Против наших общих врагов.

---

[20]В оригинале он сказал "Haven't sat a horse for ages".

- Кстати, не далее как вчера я получил заманчивое предложение от некой баронессы Виолетты Хюгельдорф, а точнее, ее устами - от герцога Бронгарского. Он очень огорчен, что вы недостаточно ему доверяете, и готов щедро платить за ваши секреты. Дабы тем самым подтвердить свое право на доверие, очевидно... И боюсь, что я не единственный, к кому обращаются с таким предложением. И что не все, в свою очередь, дают на него тот же ответ, что и я.

- О да! - рассмеялась вдруг Элинор. - Вы были великолепны. Виолетта пересказала мне ваш диалог в красках.

- Так и она тоже...? - опешил Локхарт. - Ну, знаете! Такими темпами я скоро уверую, что на самом деле и Арвика никакого нет, а он придуман лишь для того, чтобы испытать меня на лояльность!

- Арвик, к сожалению, есть, - ответила королева. - И с ним все очень серьезно. Ну полковник, не обижайтесь! Вы же сами задавались вопросом, почему я доверяю человеку, которого прежде не знала, который даже не айринтиец - вот вам и ответ.

- Ну, в принципе, логично, - вынужден был согласиться Локхарт. - Стало быть, эта Хюгельдорф тоже работает на вас - ну, одним противником меньше, это всегда хорошо. Но она показывала мне грамоту с личной подписью Бронгара. Подделка?

- Нет. Тут все интереснее... Вы вообще знаете, кто она такая?

- Какая-то баронесса, - пожал плечами Локхарт. - Как мне говорили - не самого древнего рода, жена какого-то нувориша, получившего дворянство при вашем отце... или дочь?

- Виолетта - дочь графа Хагентрауба.

- Вот как? - удивился полковник. - И вы ей доверяете? Хагентрауб - союзник Арвика.

- Да. Но Виолетта ненавидит своего отца.

- За что?

- За то, что он изнасиловал ее мать. Работавшую у него служанкой. Виолетта - незаконнорожденная.

- Ах вот оно что... Интересная, кстати, коллизия. То есть с одной стороны ее чувства понятны, но с другой выходит, что она ненавидит причину собственного появления на свет - притом что склонной к самоубийству она мне отнюдь не показалась...

- Такое бывает сплошь и рядом, - пожала плечами Элинор. - Даже если нечто послужило нашим интересам, это еще не значит, что оно - хорошо само по себе.

- Ну, в принципе, да. И как незаконная дочь служанки стала баронессой?

- Как вы и сказали, через замужество за нуворишем. Этот Хюгельдорф сказочно разбогател на поставках для армии. Не уверена, кстати, что там все было чисто, но теперь уже никто не будет в этом разбираться... Ну а Виолетта его, что называется, захомутала. Ей было 17, ему 70, старый толстый боров... На следующее утро после свадьбы она проснулась вдовой.

- И ей не предъявили никаких обвинений?

- В чем? В чересчур усердном исполнении супружеских обязанностей? Не волнуйтесь, полковник, со мной можно обсуждать такие темы. Люди почему-то путают невинность с невежеством, хотя это принципиально разные вещи... Ну и вот, ее покойный муж вел эти армейские дела с дядей Хубертом, а Виолетта как наследница добилась на этом основании аудиенции у герцога. Но бизнес ее не интересовал. Она жаждала приключений, и пуще всего - мести Хагентраубу. Что, конечно, заинтересовало дядю. Триста лет назад тогдашние Бронгар и Хагентрауб сражались плечом к плечу, вместе спасая Айринтию от интервентов...

- Да, я в курсе.

- Но с тех пор многое изменилось. Все последние поколения айринтийских королей стараются ограничить чрезмерные привилегии и амбиции дома Хагентраубов. Эту линию проводил и мой отец, и мой дядя полностью с ним в этом согласен.

- И Виолетта стала его агентом. Но, насколько я понимаю, никакого существенного вреда

графу не нанесла.

- Не все сразу. А главное - у герцога поменялись приоритеты. Он решил, что сможет использовать Виолетту с большей пользой, внедрив ее не к Хагентраубу, у которого не было никаких оснований ей доверять, а ко мне. На тот момент общепризнанным наследником был Арвик, и дядя Хуберт, конечно, не мог знать о завещании - но, наверное, что-то он все-таки подозревал, или просто перестраховывался на всякий случай... в общем, он решил, что шпионка в моем ближайшем окружении ему не помешает. Между вариантами "сделать мою лучшую подругу своей шпионкой" и "сделать свою шпионку моей лучшей подругой" ему пришлось выбрать второй, поскольку никаких настоящих подруг у меня не было... Он не учел только одного - что Виолетта *действительно* станет моей лучшей подругой. Которой у нее, незаконнорожденной дочери служанки, с детства шпыняемой за свое происхождение, никогда не было точно так же, как и у законной принцессы Айринтийской, чье происхождение было *слишком* высоким...

- И вы нашли друг друга, - кивнул Локхарт без иронии.

- Ну да. Так что дядя Хуберт до сих пор думает, что Виолетта - это его агент в моем лагере. А на самом деле все как раз наоборот. Как я вам уже говорила, планируя политические игры, не стоит недооценивать чужие чувства...

- И что, в таком случае, Виолетта сообщает о ближайших планах Бронгара?

- Увы, он с ней этими планами не делится, - вновь помрачнела Элинор. - Ему-то она не подруга и не советчица, просто инструмент... Она *может* узнать что-то важное, но пока... пока герцог Бронгарский не дает поводов обвинить его в нелояльности.

- Хорошо. Тогда вернемся к Арвику. Какова ситуация на севере?

- Как вы уже поняли, решить проблему с наскока не удалось. Шанс был, и я на него надеялась. Айзеншлосс хорошо укреплен, но сам королевский, а прежде - княжеский замок, давший название первой столице, разрушен еще триста лет назад бугенхольмцами после захвата города. И с тех самых пор пребывает в состоянии "живописные руины". Его чуть-чуть подлатывают, чтобы не дать совсем развалиться, но не более чем. Официально - в качестве напоминания "не забудем, не простим", хотя забывать и прощать уже некого. Неофициально - ради экономии средств, ну и... во избежание ситуаций типа нынешней. Все-таки нехорошо государству иметь две столицы, одна из которых неофициальная, зато более древняя. Король может путешествовать по стране и делать своим дворцом любой замок и даже простой дом, над которым он поднимет свой штандарт. Но не должно быть дворцов, которые делали бы их обитателя королем. Арвик понимает эту логику. Короноваться в Айзеншлоссе он не может при всем желании, это можно сделать только в одном месте на свете - в кафедральном соборе Дракенхайма, куда перенесены все священные реликвии времен Йоргела. Но поэтому ему так важно хотя бы поселиться в продуваемых всеми ветрами руинах дворца. Где до него, в принципе, можно было бы добраться изнутри города. И в Айзеншлоссе были агенты Тайной Стражи, готовые это сделать даже после перехода на сторону Арвика городского гарнизона. Но... один из них оказался предателем, сдавшим всю группу. Донесение об этом - видимо, последнее, что мы получили из Айзеншлосса. Того, кто успел его отправить, очевидно, уже нет в живых.

- То есть надо либо брать город штурмом, либо выманивать Арвика наружу. Второе мне кажется разумнее - не может же он сидеть там до бесконечности, если хочет стать королем страны, а не одного города...

- Может. Пока не наберет достаточную армию для похода на юг.

- И каковы шансы, что у него это получится?

- Достаточные, - мрачно признала Элинор. - Официальная версия, на которой он основывает свои притязания - Фабиас отравил короля и подделал завещание.

- Насколько я понимаю, - возразил Локхарт, - подобные обоснования, особенно когда они голословны, никогда не бывают причиной, по которой люди идут за претендентом. Только

поводом. Люди верят в них лишь потому, что хотят поверить. Так в чем привлекательность Арвика?

- Он готов обещать своим союзникам что угодно, - раздраженно пояснила Элинор. - Хагентраубу - восстановление всех прежних привилегий, а может, и новые в придачу. Дворянам - новые земли. Простолюдинам - снижение податей. Солдатам - отход с новых территорий в безопасные крепости с сохранением боевых норм жалования... Его не волнует, что будет с Айринтией, если попытаться исполнить все эти обещания, хотя, скорее всего, он и не думает их исполнять. Ему главное - дорваться до власти любой ценой. Ну и плюс, конечно, всегда найдутся вольнодумцы, готовые поддержать любого, кто идет против церкви. Хотя в Айринтии церковь очень терпима - в нашей истории было несколько королей-фанатиков, но это давно в прошлом... И тем не менее - это государственная церковь, она достаточно богата и влиятельна, ее главу еще с прошлого царствования обвиняют в том, что он лезет в светские дела, что он пытался манипулировать Гумбольдтом, а уж теперь и подавно манипулирует мной... так что желающие выступить против архиепископа найдутся всегда. И молодой принц, лишенный законной короны злодеем-мракобесом, в их глазах будет романтическим символом борьбы за свободу. Познакомились бы они с этим символом поближе...

- Надеюсь, вы не разочаруетесь в своем доверии, если я скажу вам, что я атеист? - мрачно произнес Локхарт. Де Сегюр, наверное, и от этого признания схватился бы за голову, но Локхарту не хотелось ни притворства, ни недомолвок в этом вопросе.

- Нет, полковник, - эта новость, казалось, не вызвала у нее особого удивления. - По правде говоря, мне больше импонируют те, кто боится потерять самоуважение, чем те, кто страшится небесной кары. Тем паче что последнее, насколько мне известно, никогда не срабатывает... Странно слышать такие речи от девушки, которую больше воспитывал архиепископ, чем собственный отец? Но для меня он все же куда больше "дядя Фабиас", чем "его высокопреосвященство".

- Кстати, о вашем отце... все эти разговоры об отравлении - в Дракенхайме, как я слышал, в том же обвиняют как раз Арвика... а что все-таки случилось на самом деле? Король действительно был убит?

- Никто не знает наверняка, - покачала головой Элинор. - Однажды утром его нашли мертвым в собственной кровати, и лейб-медик не нашел более умного диагноза, чем "смерть от остановки сердца" - как будто того же нельзя сказать про любую смерть... На здоровье он не жаловался. Следов яда не нашли, но есть такие яды, следов которых не остается уже через несколько часов.

- А ваша мать... насколько я понимаю, она умерла намного раньше?

- При моем рождении, - кивнула Элинор. - Точнее - до моего рождения. Меня вырезали из ее уже мертвого тела. За несколько часов до этого врач сказал отцу, что спасти можно или жену, или ребенка. Отец выбрал - меня. Тогда он, конечно, еще не знал, что я девочка. Подозреваю, что у него уже тогда были сомнения насчет Арвика - из-за его матери...

- То есть он надеялся получить второго наследника. И не был уверен, что его жена - если бы, гм, плод пришлось насильственно извлечь до срока - сможет родить еще раз...

- Ее первый ребенок, мальчик, умер на следующий день после рождения, - кивнула Элинор. - Потом она долго не могла забеременеть снова. Ходили даже слухи о "проклятии безумной королевы", то есть матери Арвика, которая якобы, когда король развелся и заточил ее, посулила, что он никогда не сможет иметь сыновей от других жен...

- Он, наверное, был разочарован, что вы не мальчик?

- Он ни разу не дал мне понять, что сожалеет о сделанном выборе, - твердо ответила Элинор. - Может, он был и не самым нежным и заботливым отцом, но и Арвик получал от него не больше. Как я уже говорила, государственные дела не оставляли ему времени возиться с детьми. Но когда время все же находилось, он, как я теперь понимаю, во многом воспитывал

меня как мальчика. Который не должен плакать, а должен находить способы решать свои проблемы...

- Да, вернемся к более актуальным проблемам. Если решать вопрос Арвика военным путем, то какими силами располагают стороны?

- Мы не можем знать, какими силами располагает Арвик прямо сейчас. Информация запаздывает, вы понимаете. Предположительно, он сейчас активно рассылает эмиссаров со своими грамотами по всем гарнизонам в окрестностях Айзеншлосса... и вообще всей северной Айринтии. Сколько из них признают его? - Элинор пожала плечами. - Наверняка не все, но некоторые точно. Не обязательно даже из предательства, просто от непонимания ситуации. Люди много лет жили с мыслью, что Арвик - наш будущий король. Это сила привычки, он не воспринимается, как самозванец. Особенно когда он тут рядом и развивает бурную деятельность, а законная королева где-то там на юге для многих из этих людей, годами служащих на севере - не более чем абстрактный образ, чуть ли вообще не слух, пущенный врагами принца. Не все эти части даже успели принести мне присягу. Само собой, на север уже отправлены наши собственные эмиссары с моими грамотами и распоряжениями. Но скольких из них Арвик сумеет перехватить, и скольких из них войска, уже распропагандированные его людьми, примут, как посланцев законной королевы, а не узурпаторши? Он ближе, у него выигрыш во времени и более осязаемая возможность покарать непокорных... Далее, половина королевской армии сейчас находится на новых территориях. Севернее Канала. В принципе, этих сил достаточно, чтобы взять штурмом даже хорошо укрепленный Айзеншлосс и прихлопнуть Арвика, как муху. Но, во-первых, отозвать их с севера - пусть даже не все - это все равно что послать Гроггендору приглашение. Во-вторых, ими затруднительно командовать из Дракенхайма. Даже если не рассматривать возможность перехвата приказов - в конце концов, есть и морские пути - обстановка должна анализироваться и распоряжения отдаваться на месте, а не с задержкой в несколько дней.

- Конечно, - кивнул Локхарт. - На север необходимо отправить толкового командира, в лояльности которого нет сомнений.

- Не забывайте про пункт "во-первых". И это, собственно, то, чем Арвик может переманить... значительную часть этих войск на свою сторону. Если он отдаст им приказ оставить новые территории и они подчинятся, то дальше у них просто не останется выбора, кроме как признавать его и повиноваться ему и впредь. Иначе они получатся изменниками и дезертирами.

- Их желание уйти оттуда действительно настолько велико? Честно говоря, я их понимаю. Не знаю, рассказывал ли вам об этом Фабиас, но я сам советовал ему это. Эти плохо укрепленные земли почти невозможно защитить от натиска превосходящих сил - а силы Гроггендора, очевидно, превосходящие. Особенно если массированное наступление по суше будет сопровождаться морскими десантами в тыл...

- Я знаю все эти соображения, - откликнулась Элинор. - Плюс к тому, тут даже патриотическую пропаганду особо не задействуешь. Местное население - не айринтийцы, а бугенхольмцы, для которых мы такие же оккупанты, как гроггендорцы, и солдаты тоже не считают эти территории своими. Не скажешь, мол, не отдадим земель, за которые наши отцы и деды проливали кровь - не было никакой крови, были лишь чернила на договоре с более не существующим государством. Но сдать новые территории Гроггендору совершенно невозможно из политических соображений, причем сейчас - невозможно вдвойне. Вы же понимаете, какой это будет козырь для Арвика. "Фабиас и его марионетка Элинор раздают страну врагам!" - то есть делают то, что на самом деле собирался сделать он сам...

- И как он, интересно, оправдается, если все-таки сам отдаст приказ уходить оттуда?

- Что-нибудь вроде того, что я не оставила ему другого выхода, - пожала плечами Элинор, - а вот сидел бы он на троне в Дракенхайме, такого бы, конечно, не случилось. Это же всегда так

- во всем виновата власть, а не оппозиция. Потому что первая могла, но не сделала, а второй просто не дали...

- Кстати, пока не забыл. Не знаю, рассказал ли вам об этом Фабиас, но де Сегюр предлагает для снижения напряжения с Гроггендором отменить или снизить торговые пошлины. Сам я не разбираюсь в экономике и не знаю, как к этому относиться, но он считает, что из-за этих пошлин купцы по обе стороны границы заинтересованы в захвате Айринтии Гроггендором...

- Нет, дядя Фабиас не говорил мне об этом, - покачала головой Элинор, - поскольку мы уже обсуждали эту тему раньше. И с ним, и с первым министром. Архиепископ говорит, что приток гроггендорских товаров в Айринтию будет подрывать патриотизм нашего населения - мол, если гроггендорские товары - это неплохо, то, может, и вся жизнь под властью империи неплоха? Министр говорит, что торговый баланс в этом случае будет не в нашу пользу. Не то чтобы имперские товары были лучше, но Гроггендор может позволить себе обрушивать цены. Если бы в Айринтии король попытался регулировать цены своим указом, это вызвало бы бунт. Если не вооруженный, то по крайней мере в виде исчезновения соответствующих продуктов с прилавков и из производства. А в Гроггендоре... ну, формально император ценами тоже не распоряжается. Но он может договориться с руководством гильдий. А гроггендорский работник не может пойти против своей гильдии. Или ты подчиняешься гильдейским правилам, или помираешь с голоду. Работать и торговать на своих собственных условиях тебе просто не дадут... Но больше всего меня убедило знаете что? То, что такое же предложение мне сделал гроггендорский посол.

- Если что-то предлагает Гроггендор, это точно не в интересах Айринтии? - усмехнулся Локхарт. - Вообще-то, это не обязательно так. Бывают и соглашения, выгодные обеим сторонам - даже когда эти стороны не любят друг друга.

- Знаете, что именно он предложил? Отменить пошлины не повсеместно, а на наших новых территориях. Превратить их в зону свободной торговли между двумя странами. Демилитаризованную. Под гарантию императора. Который признает эти земли нашими, если гроггендорские купцы получат туда беспрепятственный доступ. Вам ведь не надо объяснять, что это значит?

- Разумеется. Под видом торговцев туда войдут имперские солдаты. Потом "неизвестные грабители" каких-нибудь купцов вырежут, и, под предлогом их защиты...

- Именно. В конце концов, если Гроггендор хочет напасть, он все равно нападет, отменим мы пошлины или нет.

- Ну ладно. Оставим пока новые территории и тамошние войска. Что у нас с остальными?

- Остальная королевская армия распределена по крепостям по всей стране, по большей части вдоль побережья для защиты от ударов с моря... В южной половине полуострова чуть больше, в северной чуть меньше. В любом случае, это не та армия, которую можно построить в колонны и отправить на Айзеншлосс прямо сейчас. Сначала их надо собрать по всем этим гарнизонам... Перед Арвиком, впрочем, стоит та же проблема. Это мы все говорили о войсках, которыми командует герцог Бронгарский. Формально, по крайней мере.

- Кстати, - вспомнил Локхарт. - Что насчет военной гвардии? Насколько я знаю, формально она также подчинена Бронгару. Но по крайней мере в Хассенворте она была на стороне Арвика даже еще до начала его мятежа.

- Мне это известно, - мрачно подтвердила Элинор. - Военная гвардия - это элитные королевские войска... по крайней мере, такой она задумывалась. Мастера на все руки, способные сражаться конными и пешими, а при необходимости также осуществлять охранные... и карательные функции, кто бы ни поднял бунт - простонародье или зарвавшийся феодал. Но эта элитарность - в смысле фактическая, а не формальная - несколько размылась из-за того, что туда берут только родовитых дворян. Не всех подряд, разумеется, но все равно получается, что

древность герба важнее личных достоинств. Часто это младшие сыновья, которые не могут наследовать титул и имение, то есть по сути не имеют за душой ничего, кроме этого самого герба, зато гонора у них не меньше, чем у старших братьев, а злости на несправедливую судьбу так еще и побольше... Из-за всего этого между гвардией и королевской армией, где как раз немало способных выходцев из низов, существуют давние и серьезные трения. Плюс, эти отпрыски старой аристократии мнят себя блюстителями традиций. Уже само появление королевы, правящей самостоятельно, а не служащей ритуальным аксессуаром мужу, заставляет их морщиться, а уж способ, которым я возведена на престол в обход брата и дяди - это, с их точки зрения, нарушение порядка престолонаследования, идущего от самого Йоргела. К тому же Арвик служил именно в гвардии. Это тоже давняя традиция, что принцы королевской крови служат там. Не скажу, впрочем, что все гвардейцы от него в восторге. От него трудно быть в восторге, когда познакомишься с ним поближе. Но все же для многих из них он - свой, брат по оружию. И он, конечно, будет активно использовать это в своей пропаганде.

- Так что же, военная гвардия перешла на его сторону?

- Пока это трудно сказать, - покачала головой королева. - Гвардейские части не дислоцированы все в одном месте, а тоже раскиданы по стране. Большинство - на севере, поскольку до сих пор самой актуальной угрозой считалась гроггендорская. Скорее всего, эти части встанут, или уже встали, на сторону Арвика. Но формально командующий гвардией граф Дирлих принес присягу мне и сохраняет лояльность. Полагаю, однако, что ни одна из гвардейских частей не может считаться в полной мере надежной. При этом любые резкие движения - скажем, замена командования или вообще роспуск этих частей - только подтолкнут их к переходу на сторону врага. Во всяком случае, сейчас, когда ситуация нестабильна. Лучшее, что мы можем сделать - это просто держать их подальше друг от друга и от Арвика. И уж, конечно, ни в коем случае не пытаться использовать их для подавления мятежа. В любом случае, сейчас все они также находятся далеко от столицы.

Теперь моя личная гвардия. В ней я вполне уверена, она верна мне, как была верна моему отцу. При этом она как раз расквартирована в столице и окрестностях, и двинуть ее на север можно было бы, что называется, еще вчера. Но тут тоже две проблемы. Во-первых, у нее недостаточно сил для штурма такого города, как Айзеншлосс. Для осады - может быть, но не для штурма. А осада - это время, которого у нас нет. Арвик подтянет союзников и деблокирует свою столицу. А во-вторых...

- Во-вторых, отправив все или большую часть своих сил на север, вы останетесь здесь в столице фактически заложницей Бронгара, - закончил за нее Локхарт.

- Да.

- А если вы, к примеру, лично выступите во главе своих войск? Хотя это тоже не снимает пункт "во-первых"...

- Именно. А кроме того, в нынешней ситуации мне нельзя покидать столицу. Кто владеет Дракенхаймом, владеет короной.

- Кафедральный собор, - вспомнил Локхарт.

- Да. А между старой и новой столицей, помимо главной дороги, множество возможных путей - во всяком случае, сейчас, пока не началась осенняя распутица и зимние заносы. Так что Арвик может просто обойти меня с моей армией и захватить город. А кроме того, если я покину Дракенхайм, сами понимаете, кто останется здесь на хозяйстве. Я имею в виду не формально, а фактически.

- Все тот же дядя Хуберт, - кивнул полковник. - С достаточным войском, чтобы разогнать любую городскую стражу, и собором, где можно короноваться. Хотя и без какого-либо формального повода сделать это.

- Поводы - дело наживное, - пожала плечами Элинор. - Допустим, в город придет известие о моей трагической гибели... допустим даже, оно будет неверным... на тот момент.

- А Фабиас не сможет этому противостоять?

- Как? У церкви нет своей армии.

- У меня сложилось впечатление, что это не совсем так, - усмехнулся Локхарт.

- Ну... именно что не совсем. Да, есть люди, способные выполнять деликатные задания... или просто охранные функции... но не противостоять регулярным войскам. Конечно, дядя Фабиас мог бы отказаться короновать узурпатора. Но... архиепископы тоже смертны, тем более в таком возрасте, а желающие занять его место найдутся.

- Ну а если вы с Бронгаром вместе выступите на север против общего врага и мятежника? Во главе объединенных сил. Ваша личная гвардия и те части королевской армии, которые можно перебросить сюда максимально быстро. А более дальним частям будет послан приказ идти форсированным маршем на защиту столицы на тот случай, если Арвику все же удастся вас обойти...

- Это неплохой план, - медленно произнесла Элинор. - Но... как поведет себя герцог в решающий момент? Сколько сражений в истории было проиграно из-за предательства союзника прямо на поле боя? Не думайте, я читала труды по военной истории. В таких случаях не обязательно даже прямо наносить удар в спину. Достаточно просто отойти в сторону и ничего не делать.

- Ну, если вы настолько ему не доверяете... - проворчал Локхарт, - наверное, сохранить за ним пост командующего было не лучшим решением.

- На тот момент это был единственный способ обеспечить коронацию без проблем, - напомнила королева. - И вы понимаете, проблема даже не в том, что я ему не доверяю, а в том, что я *не знаю*, насколько ему можно доверять. Ясный и однозначный враг - это в каком-то смысле проще, чем такая вот неопределенность. То, что вы услышали от Виолетты, на самом деле не было постановкой. Она *действительно* выполняла его поручение... вот только и мое тоже. Он на самом деле хочет знать мои секреты и готов за это платить. Я не могу сказать, что это нелогичное желание. Я даже не могу сказать, что его слова, что это нужно для блага Айринтии - непременно чистое лицемерие. Он не Арвик. Он действительно служил Айринтии - и моему отцу - верой и правдой много лет. Возможно, он лишь хочет сохранять полный контроль над всеми военными делами, не претендуя на большее. Но он может и вполне искренне считать, что его воцарение было бы в нынешней ситуации наилучшим выходом для королевства. А не только для него лично. Отчего, как вы понимаете, моя ситуация проще не становится.

- Вам ведь известно, в чем его подозревают? - Локхарт невольно понизил голос. - Насчет детей?

- Да. Я нашла доклад о расследовании в бумагах отца. В числе тех бумаг, которые, как он считал, я должна прочитать в первую очередь в случае его смерти.

- Стало быть, Гумбольдт все же не считал, что это просто клевета врагов герцога. Разве это не дает нам козырь? - Локхарт произнес это "нам" автоматически и тут же подумал, не слишком ли нахально оно прозвучало.

- Только если он будет уверен, что у нас есть веские доказательства, - покачала головой Элинор. - Причем против него лично, а не против его секретаря. В противном случае... боюсь, угроза разоблачения скорее подтолкнет его к нелояльности, чем даст гарантию от таковой.

- Хмм... Как говорил один из моих преподавателей, если проблема не решается на плоскости, добавьте третье измерение. Возможно, Арвика можно нейтрализовать невоенным путем?

- Каким? Подослать к нему новых убийц не получится. Сейчас он слишком осторожен, к нему не подобраться.

- Да нет, это-то я понял. Я имею в виду *совсем* невоенный, ненасильственный путь. Ну например - найти на него какой-нибудь грязный компромат, который либо заставит его самого отказаться от борьбы за трон, либо уничтожит его репутацию в глазах союзников. Вообще-то я

не любитель подобных методов, но де Сегюр на моем месте, наверное, сказал бы, что лучше грязь, чем кровь... Вы же сами говорили, что у Арвика с самого детства были садистские наклонности. Может, и за ним числятся какие-нибудь замученные жертвы, как за Бронгаром?

- Такой информации у нас нет, - покачала головой Элинор. - То есть, конечно, его истерики не всегда ограничивались одними воплями, доходило и до рукоприкладства. А однажды он в гневе зарубил офицера. Но это, в общем, не тайна. Офицер был при оружии, и Арвик при свидетелях бросился на него с мечом и криком "защищайся, ничтожество!" Что формально подводило ситуацию под категорию дуэли. Ну а что у офицера не хватило духа поднять меч на наследника престола - это уже его, то есть погибшего, трудности... Некоторый скандал, конечно, был, тем более что офицер был не самого худого рода. Отец в наказание сослал Арвика на три месяца заместителем командира одного из самых глухих гарнизонов в Иммермурских болотах, кузен убитого получил неплохую должность, тем дело и кончилось. В общем, ничего такого, что сторонники Арвика не могли бы оправдать формулировкой "молодая горячая кровь".

- Да уж, кровь, - пробормотал Локхарт. - Хороша же эта "священная кровь Йоргела", порождающая сплошных маньяков и психопатов... То есть простите, - запоздало спохватился он, - я, конечно, не имел в виду...

- Полковник, - поморщилась Элинор, - ну хотя бы вы не извиняйтесь. Я, кажется, уже сказала вам, что мне нужен хоть кто-то, говорящий то, что думает, а не то, что, по его мнению, я хочу услышать... И я понимаю, что вы не имели в виду меня. Впрочем, вы все же неправы. Мой отец маньяком тоже не был, а деда вообще именовали Дагмаром Добрым - правда, некоторые анонимные стихоплеты называли также Дагмаром Тряпкой и Дагмаром Тюфяком... Нельзя судить обо всей династии по дяде Хуберту и Арвику. Тем более что у Арвика это от матери, в которой крови Йоргела нет ни капли, - Элинор вдруг замолчала с таким видом, словно обдумывала внезапную интересную мысль. - Этот ваш Якобсон... специалист по душевному здоровью... действительно хороший врач? - спросила она после паузы.

- Один из лучших в своей области, - честно ответил Локхарт и тут же поправился про себя, что так дело обстояло два века назад. А в нынешнем мире Якобсон, скорее всего, не просто лучший, а единственный... Что ж - вот и происходит то, о чем предупреждал де Сегюр. Но раз уж они уже определились, на чьей стороне играют, то почему нет? Странно даже, что граф сам не подсказал эту мысль Фабиасу.

- Это хорошо, - кивнула Элинор. - Как раз такой нам и нужен.

- Насколько я понимаю, вы не к Арвику его хотите направить, - позволил себе усмехнуться полковник.

- Нет, конечно. К его матери.

"Ну да, ну да", - подумал Локхарт, а вслух произнес очевидное:

- То есть вы хотите, чтобы он подтвердил ее безумие?

- Нет, - возразила Элинор, - это ничего не даст. Права Арвика на трон разрушает не нынешнее состояние его матери, а то, каким оно было на момент вступления в брак. Этого, насколько я понимаю, спустя столько лет ни один врач определить не может. Кроме того, сторонники Арвика обвинят врача во лжи. Это же у них сейчас популярная идея. Пока Арвик считался законным наследником, им было наплевать на леди Агату. Но теперь она у них превратилась в мученицу, жертву интриг Фабиаса, объявленную сумасшедшей, дабы король мог жениться на ставленнице архиепископа...

"А это точно не так?" - хотелось спросить Локхарту, но он задал другой вопрос:

- В таком случае, чего же вы хотите от Якобсона?

- Чтобы он подтвердил их подозрения. Мать Арвика должна быть признана здоровой.

- То есть? - опешил Локхарт.

- Сейчас Арвик - так сказать, юридический бастард. Его права на трон зависят от того,

законно или нет был заключен брак. Но в нем все равно течет кровь Йоргела. Единственный способ полностью и без вариантов лишить его каких-либо прав на престол - сделать его бастардом фактическим. Если его мать подтвердит под присягой, что Гумбольдт не был отцом Арвика, это закроет тему раз и навсегда. Для чего она, конечно, должна быть сначала признана вменяемой. К радости всех сторонников Арвика, которые немедленно признают заключение Якобсона и тем самым закроют себе пусть к отступлению.

- То есть на самом деле она все-таки не безумна?

- Я никогда ее не видела, - поморщилась Элинор. - Мне говорили, что это малоприятное зрелище, и я, в любом случае, не врач. Но судя по тому, что я знаю, она, конечно, истеричка и стерва, но она не безумна в буквальном смысле слова. То есть я не хочу сказать, что мой отец заточил совершенно здоровую жену всего лишь из-за ее тяжелого характера или из-за советов архиепископа. Когда некто бросается с кулаками, а то и с ножом, на всякого, кто сказал хоть слово поперек, это едва ли можно назвать здоровьем. Но я думаю, что она вполне в состоянии произнести несколько осмысленных фраз, отвечая на вопросы судей королевского суда. Или, по крайней мере, что ваш доктор Якобсон сможет добиться от нее соответствующего поведения.

- То есть получится, что царствующий дом все же держал ее в заточении незаконно?

- Она сама симулировала сумасшествие.

- Зачем? В Айринтии что, казнят за адюльтер?

- Нет, конечно - когда речь о браке обычных людей. Но происхождение наследника - это вопрос государственной важности, и в этом случае супружеская измена - равно как и ложь под присягой о таковой - приравнивается к измене государственной. Королева могла бы спасти себя чистосердечным признанием, но в этом случае, естественно, ее сын терял право на трон. Поэтому когда она узнала, что слух о ее измене дошел до короля, она предпочла прикинуться сумасшедшей, лишь бы избежать допроса...

- Этот допрос настолько страшен? Неужели ваш отец отдал бы приказ пытать... королеву? По одному лишь подозрению? - спросил Локхарт, даже забыв на миг, что речь идет о придуманной у него на глазах истории.

- Королевская особа, конечно же, неприкосновенна, - мрачно усмехнулась Элинор, - но существуют эффективные способы и без физического насилия. Например, у нее на глазах могли... что-то делать с ее любовником. Хотя это лишь самый очевидный вариант. В Тайной Страже служат специалисты, разбирающиеся в теме гораздо лучше меня... Разные, короче, есть способы. Но без ее признания доказать ее вину было невозможно, так что она надеялась просто дождаться, пока Арвик унаследует престол и вернет матери свободу. Но ваш Якобсон разоблачил симулянтку, и у нее не осталось другого выхода, кроме как сознаться.

- Почему вы думаете, что она согласится сыграть эту роль?

- Чтобы выйти из помещения[21], где ее держат уже 23 года, она согласится на что угодно.

- А наказание за измену?

- Я помилую ее королевским указом. После того, разумеется, как она изъявит желание постричься в монахини во искупление своего греха.

- То есть сменить одну тюрьму на другую?

- В монастыре у нее будет значительно больше свободы, чем сейчас. Но, разумеется, никакой возможности влиять на политику.

- А если она за все эти годы и в самом деле лишилась рассудка?

- Поэтому я так надеюсь на вашего специалиста по душевному здоровью.

- Постойте-ка, - Локхарта поразила новая мысль, - а разве этот план не подрывает вашу собственную легитимность? Если леди Агата не сумасшедшая, значит, брак короля с ней был законным, а с вашей матерью, соответственно, нет?

---

[21]В оригинале ward - слово, которое может означать и больничную палату, и тюремную камеру.

- Первый брак короля был официально расторгнут, - покачала головой Элинор. - Неважно, по какой причине - даже если она потом и оказалась ложной. Это брак может быть признан незаконным, а развод - нет. Не говоря уже о том, что адюльтер - такое же бесспорное основание для развода, как и сумасшествие.

- Хмм... наверное, это все может сработать. Но ведь Арвик все равно не сдастся?

- Пусть не сдается, сколько ему влезет. Тот, в ком нет крови Йоргела, не может стать королем. Во всяком случае, пока живы те, в ком она есть.

- Вот именно, - мрачно подчеркнул Локхарт.

- Нет, у него никаких шансов. От него разбегутся все соратники, особенно после того, как я объявлю им амнистию. Тем, разумеется, кто был вовлечен в мятеж графа Дункельта не по злоумышлению, но по неведению - но как вы думаете, сколько там сразу окажется внезапно прозревших?

Элинор натянула поводья и решительно развернула коня.

- Это надо сделать как можно скорее, - сказала она. - Якобсон должен осмотреть Агату сегодня. И сказать, сколько времени ему нужно, чтобы подготовить ее выступление перед публикой.

- Но я не могу гарантировать, что у него получится, - заметил Локхарт, также поворачивая игреневого. Неспешная прогулка вдоль реки, очевидно, закончилась. - Все зависит от того, в каком она на самом деле состоянии, а Якобсон хотя и лучший в Айринтии врач, но не чародей.

Особенно без всех высоких технологий, которые использовала медицина - и психиатрия в том числе - в третьей четверти XXI века, добавил Локхарт мысленно.

- Все, что нам от нее нужно - это чтобы она с осмысленным видом рассказала короткую историю и ответила на несколько вопросов, которые будут известны заранее. Держась при этом естественно. Как она будет вести себя потом в монастыре - не имеет никакого значения. Вашему доктору достаточно или добиться временной... ремиссии, так ведь это называется? - или просто выдрессировать ее, как дрессируют мартышку. Загипнотизировать, наконец. ("Еще одно понятие, которое не было известно в классическом средневековье, - подумал Локхарт. - Тогда такие вещи считались исключительно колдовскими чарами...") Лишь бы только это натурально выглядело со стороны. Если ему нужны для этого какие-то препараты, мои лучше аптекари к его услугам.

"Да уж, представляю себе, на каком уровне теперь фармацевтика, - не вдохновился Локхарт. - Толченый помет летучей мыши с вареными жабьими лапками... и хорошо еще, если не сурьма или мышьяк..."

- Скачите прямо в город, полковник, - велела королева. - Вдоль реки, она приведет вас к западному мосту. Я, увы, не могу составить вам компанию - сами понимаете, как бы это выглядело - и должна вернуться к своим гвардейцам. Но надеюсь не позже чем через час прислать за доктором экипаж и помощников, которые будут в полном его распоряжении, если ему что-то понадобится.

- А что мне делать с конем? - спросил Локхарт, когда она уже отвернулась, разворачиваясь в сторону холма.

- Прислуга гостевого дома о нем позаботится, - бросила Элинор, не оборачиваясь.

"Да, и еще, - хотел сказать полковник, - раз уж я прошел все проверки, пусть де Сегюр докладывает мне о своих беседах с Фабиасом. И кстати, как мне в случае чего быстро связаться с вами?" Но, когда он открыл рот, Элинор уже хлестнула кобылу и помчалась галопом обратно к холму. Локхарту ничего не осталось, как погнать коня вдоль реки в сторону города.

Якобсон обычно старался в любой ситуации излучать спокойную доброжелательность, однако, выслушав полковника, он нахмурился.

- Разумеется, я готов обследовать леди Агату - насколько, конечно, это возможно без всякого оборудования - и, если она вменяема, охотно дам соответствующее заключение. Если ее психика нарушена - что, полагаю, после стольких лет заключения практически неизбежно - я

готов приложить все свои знания и умения, чтобы улучшить ее состояние. Я не знаю, сколько времени это потребует - возможно, недели, возможно, месяцы. Но чего я точно не буду делать, так это утверждать, что больная здорова и симулирует, и тем более пытаться как-то... манипулировать несчастной больной женщиной. От кого бы ни исходил такой приказ - от королевы или даже от вас. Простите, командир, но это элементарная медицинская этика.

Локхарт вздохнул.

- Доктор, все эти прекраснодушные принципы остались в прошлом. Где они тоже, кстати, далеко не всегда работали... Сейчас речь идет о том, чтобы предотвратить - точнее, погасить в зародыше - кровопролитную гражданскую войну, в которой счет жертв пойдет на тысячи. Это куда важнее формальных - и все равно никем здесь не признаваемых - прав одного пациента.

- Узнаю логику де Сегюра, - чуть улыбнулся доктор, - хотя не совсем привычно слышать ее от вас. Мне казалось, что вы человек правил, а не исключений.

- Логика не бывает десегюровской или моей, - ответил Локхарт уже раздраженно. - Логика объективна. Дважды два равно четыре, а десять тысяч больше одного, кто бы это ни высказывал. Вы можете что-нибудь возразить *по существу*? Без патетических лозунгов.

- Только одно, - пожал левым плечом доктор. - Исключения разрушают правило и в конечном счете могут полностью его подменить. Слишком многие бойни и тирании в истории начинались с идеи, что необходимо пожертвовать совсем незначительным меньшинством ради блага всех остальных. Никто изначально не говорил "давайте вырежем миллионы". Говорили, к примеру, давайте вырежем нескольких особенно зловредных аристократов. С семьями, конечно, иначе дети будут мстить, когда вырастут. А потом оказывалось, что этого недостаточно, и надо дорезать кого-нибудь еще, ну и далее по индукции, доходящей до тех, кто резал, и тех, кто резал их, и вообще всех вокруг. Знаете один из старых тестов, применявшихся психиатрами - "если при крушении поезда больше всего жертв бывает в первом вагоне, как повысить безопасность пассажиров?" Нормальный человек скажет - сделать первый вагон багажным. Ну или добавить туда какие-нибудь амортизаторы, как-то усовершенствовать его конструкцию. А больной отвечает "отцепить первый вагон". Ему просто не приходит в голову, что в этом случае первым станет следующий. Варфоломеевская ночь начиналась с идеи ликвидировать всего лишь нескольких вождей гугенотов - которые, кстати, сами были виноваты, что не хотели идти на компромисс. И цель была такой же - погасить гражданскую войну. Первая мировая война началась с убийства одного человека - точнее, двух, эрцгерцога и его жены, которая была вообще ни при чем, хотя первой застрелили именно ее... Английская, французская, русская революция - ну, вы знаете. "Казним монарха и будем наслаждаться свободой", а в итоге... Да и нынешняя ситуация, кстати. Если бы не попытка решить проблему убийством Арвика, - Локхарт, хотя и без подробностей, все же вынужден был открыть этот секрет Якобсону, объясняя положение дел, - возможно, он не поднял бы свой мятеж? Нет, я понимаю, в какой мир мы попали, и не осуждаю ни солдата, делающего свою работу, ни даже палача, который лишь исполняет приговор, вынесенный другими. Но я врач. Они следуют правилам своей профессии, а я - своей.

- Я терпеливо выслушал вас, доктор, поскольку, вероятно, и психологу надо перед кем-то выговариваться, - усмехнулся Локхарт. - А теперь напоминаю вам, что, во-первых, речь не идет об убийстве. А во-вторых, ваша пациентка и так находится в пожизненном заключении без всякой, насколько я понимаю, медицинской помощи, так что еще ухудшить ее судьбу вы не можете. А вот улучшить - возможно. Даже если вам не удастся ее вылечить, но удастся добиться ее перевода в монастырь, где забота обо всяких убогих - дело достаточно привычное. А для этого она должна сказать то, что от нее требуется.

- Да, - вынужден был согласиться Якобсон, - тут вы правы. Пожалуй, хуже ей и впрямь уже не будет. Но вы ведь понимаете, что я не могу давать никаких гарантий.

- Королева тоже это понимает, - заверил его Локхарт. - Невозможного от вас никто не требует. Но мы надеемся, что вы сделаете все возможное.

- "Мы", - повторил Якобсон со значением.

- Я как ваш командир, если это местоимение вам нравится больше.

- Я просто хотел бы предостеречь вас, командир... нет, в данном случае я согласился с резонностью ваших доводов, я говорю в общем... предостеречь от опасности, возможно, неосознанно путать политическое с личным, рационализируя второе через первое. Нет, - поспешно произнес доктор, видя протестующее движение полковника, - я, разумеется, знаю, что никаких сексуальных мотивов у вас нет и быть не может. Не знаю, поставили ли об этом в известность даже вас, но асексуальность вообще была одним из критериев отбора в нашу экспедицию, хотя и, конечно, не главным - во избежание одной из самых сильных и иррациональных причин конфликтов во время многолетнего полета в условиях самой полной изоляции от всей остальной цивилизации, какую когда-либо переживала замкнутая группа людей. Разнополая группа, в которой мужчин было больше, чем женщин... Но есть и иная подсознательная мотивация, свойственная мужчинам Земли - причем в первую очередь как раз тем из них, кто в своем развитии поднялся выше примитивного - или приматиного - самца. Это готовность и желание защитить нуждающуюся в помощи женщину, особенно молодую девушку, или ребенка...

- Элинор не ребенок, - жестко возразил Локхарт. - Образ слабой наивной девушки создавался сознательно, чтобы усыпить бдительность ее врагов. И лично у меня слабость никогда не вызывала умиления или иных теплых чувств. Скорее строго наоборот. И вообще-то, объективно говоря, это мы нуждаемся в ее покровительстве, а не наоборот.

- С рациональной точки зрения, несомненно. Но Элинор, в свою очередь, может подсознательно видеть в вас некую проекцию образа сурового отца... возможно, не столь сурового, каким был ее настоящий отец, но оттого лишь более притягательного...

- По-моему, доктор, вы впадаете в ересь психоанализа, - усмехнулся Локхарт. - Я уважаю Элинор за ум и волю, только и всего. А ей, очевидно, нужен кто-то, с кем она может общаться на равных, не вспоминая о своем титуле. Но если вы намекаете, что я могу пожертвовать интересами нашей группы ради красивых зеленых глаз Элинор, то это, конечно, полная чепуха. Шрамм - возможно, потому я, собственно, и согласился убрать его от нас. Но уж точно не я.

- Какого цвета глаза Шрамма?

- Что?

- Простой вопрос, не так ли?

- Ммм... - Локхарт был сбит с толку. - Кажется, карие... или серые? Никогда не обращал на это внимания. Какое это имеет значение?

- Вы не помните цвет глаз вашего лучшего пилота, с которым провели бок о бок семь лет. Точнее, восемь, учитывая предполетную подготовку. Причем на обратном пути, последние три с половиной года, вы общались с ним больше, чем с кем-либо из нас. Но при этом вы помните цвет глаз Элинор, которую видели три раза в жизни. Ну, четыре, если считать коронацию, но там расстояние было слишком большим.

- Просто насыщенный зеленый - гораздо более редкий цвет глаз, чем... какие они там все-таки у Шрамма?

- Серо-голубые.

- Вот именно. Не привлекают внимания, в отличие от. Это никак не связано с... отношением к обладателю данных глаз. Где вы видите хоть что-то иррациональное в моих действиях? Быть другом правящей королевы определенно разумнее, чем быть ее врагом.

- Проблема в том, что друг королевы может стать ее врагом даже скорее, чем кто-то посторонний. Если она захочет *слишком* с ним сблизиться и не получит желаемого.

- Нет, только не Элинор. Она не какая-нибудь взбалмошная истеричка. Она три года, со дня своего шестнадцатилетия, *знала* о завещании отца - и все это время безупречно изображала принцессу, у которой нет ни шансов, ни амбиций. И готовилась занять трон. Не догадался никто.

- К сожалению, описанный мной сценарий возможен даже для сильной личности. Понятно, что истерик с битьем посуды не будет, но то-то и оно, что вы можете даже не догадаться, когда отношение к вам радикально изменится...

- И кроме того, я держу дистанцию и не даю ей никаких поводов. Как и всегда и со всеми, собственно.

- Да, вы говорили мне, что не испытываете потребности в привязанностях. Не только сексуальных, вообще любых. Но еще раз повторяю - это не значит, что такой потребности нет у нее. Поэтому будьте с ней осторожны, командир.

"Не надо руководствоваться чувствами, тем более чужими, но учитывать их надо", - вспомнились Локхарту слова самой Элинор. Может быть, доктор не так уж и неправ?

В дверь деликатно постучали.

- Сэр, - стоявший на пороге послушник поклонился Якобсону, - за вами прибыл экипаж из дворца.

После отбытия доктора (полковник на всякий случай вышел вместе с ним взглянуть на карету, но она не вызвала у него подозрений) Локхарт вернулся в дом, но направился не к себе, а к комнате де Сегюра. На стук в дверь граф не отозвался, и дверь была заперта, что Локхарта ничуть не удивило, однако он продолжал стучать, пока в коридоре не показался очередной послушник.

- Я могу вам помочь, сэр?

- Де Сегюр не открывает дверь. У вас есть запасной ключ?

- Вероятно, графа нет дома, сэр, - ответил послушник, уже осведомленный, как и вся прислуга дома, о признанном королевой титуле дипломата.

- Он не должен был уходить, не предупредив меня, - возразил Локхарт. - Он отбыл в архив?

- Ммм... не могу знать, сэр.

- Позовите того, кто может это знать.

- При всем уважении, сэр, нам не разрешено рассказывать одним гостям о других иначе как по просьбе последних.

- Де Сегюр - не просто "гость", а мой подчиненный.

- Прошу прощения, сэр, но вам лучше решить этот вопрос напрямую с графом.

- Я все же опасаюсь, что он может быть внутри, и... с ним что-то случилось. Принесите ключ.

- Сэр, я не уверен...

- Не говорите глупостей, - резко перебил Локхарт самым командирским тоном. - Вы каждый день убираетесь в наших комнатах, стало быть, имеете право входить туда в отсутствие хозяина.

Послушник, кажется, хотел вновь возразить, но под свирепым взглядом полковника лишь смиренно поклонился:

- Хорошо, сэр.

Через пару минут он вернулся с ключом и отпер дверь. Комната де Сегюра была пуста - в чем Локхарт и не сомневался. Он лишь хотел проверить пределы собственных полномочий в этом доме - а заодно и полномочий графа. Прежде послушники без возражений докладывали Локхарту о прибытии и отбытии его людей - но, кажется, теперь де Сегюр получил новый статус, причем едва ли это обусловлено его титулом...

Локхарт окинул пристальным взглядом комнату дипломата, но не заметил ничего необычного. На столе лежало несколько книг, одна из них раскрыта, из двух других свисали матерчатые закладки. У Локхарта возникло искушение подойти и внимательно изучить их, а заодно и порыться в ящиках стола, если те окажутся незаперты - не посмеет же послушник удерживать его силой? Но он понял, что таким образом лишь продемонстрирует *посторонним*

раскол в команде. Даже если у де Сегюра и появились какие-то тайны, вряд ли он держит соответствующие предметы в комнате, где их, действительно, может обнаружить любой слуга, зашедший для уборки.

- Видите, сэр, все в порядке, - произнес послушник, которому явно не терпелось снова закрыть дверь.

- Да, - коротко ответил Локхарт, повернулся и зашагал к лестнице. Он практически не сомневался, куда именно ушел де Сегюр.

Пройдя уже знакомым путем по садовому лабиринту, полковник остановился перед полукруглой дверцей в увитой плющом стене. Само собой, она снова была заперта. Но на сей раз Локхарт решил подождать. Никаких более полезных занятий у него все равно не было. Отойдя назад до первого поворота зеленого туннеля, он уселся на траву.

Интересно, знает ли уже Фабиас о плане королевы, родившемся во время утренней прогулки? И если да, поставил ли он в известность де Сегюра? Не это ли они обсуждают прямо сейчас? Впрочем, обсуждать пока что нечего - сперва надо получить хотя бы предварительное заключение Якобсона...

Ждать пришлось долго; Локхарт даже пожалел, что не заказал предварительно обед. Впрочем, при необходимости он мог легко обходиться без еды сутками (и проделывал это на тренировках во время имитации вынужденной посадки вдали от цивилизации). Скуку он считал худшей проблемой, но и она досаждала ему лишь в ситуациях, когда у него не было ни плана дальнейших действий, ни информации, позволяющей этот план создать. Если же он знал, каким будет следующий пункт - хотя бы просто "дождаться де Сегюра и восстановить субординацию" - то практически всегда находил тему для размышлений, за которыми время текло незаметно.

Сейчас он обдумывал, какими могут быть исходы идеи королевы по окончательной делегитимизации Арвика. Если план сработает, Арвик, конечно, не смирится и будет называть показания собственной матери клеветой... но его проблема в том, что он *не может* знать этого наверняка. В мире, где не существует генетической экспертизы, данное под присягой утверждение женщины, что она прижила ребенка не от мужа, опровергнуть невозможно никак - и уж тем более этого не может сделать сам ребенок. (Ну разве что предполагаемый любовник мог бы, в свою очередь, присягнуть, что "ничего не было" - но словам свидетельствующего в собственную защиту веры меньше, чем словам свидетельствующего против себя, а главное, Локхарт не сомневался, что эта кандидатура будет подобрана наилучшим образом - возможно, из числа покойников, чтобы уж точно исключить любые сюрпризы) Возможно, даже сам Арвик усомнится в собственном происхождении - и это, конечно, станет окончательной победой Элинор, даже если Арвик и не признает это вслух. Особенно учитывая, что заодно будет разрушена его главная версия о подделанном Фабиасом завещании: даже сторонникам Арвика станет ясно, что у короля была веская причина лишить наследства сына, небеспочвенно подозреваемого в том, что он вовсе не сын. Пусть даже официально озвученная причина и была иной (что тоже вполне понятно).

А если нынешнее состояние леди Агаты таково, что даже Якобсон окажется бессилен? Тогда, очевидно, придется воевать... или? Локхарта вдруг поразила новая идея. Если Арвик сумел подсунуть своим врагам двойника, настолько похожего, что обманулись и сестра, и дядя (кем, интересно, был этот несчастный? может, и в самом деле бастардом, но плодом прелюбодеяния не королевы, а короля? хотя, конечно, бывает и удивительное сходство без родства...) - то почему бы не применить тот же прием против него самого? Поддельная леди Агата... тем более что создать такую будет намного проще, учитывая, что бывшую королеву никто, кроме надзирателей, не видел уже более двадцати лет... Впрочем - не обернется ли эта простота своей противоположностью? Что, если в двойника не поверят именно потому, что не смогут сравнить с оригиналом? Более того - не поверить могут даже в *настоящую* леди Агату, которую долгое заключение и болезнь наверняка изменили очень сильно... Нет, пожалуй, у

Арвика все же не исчерпаны контраргументы. Если он додумается настаивать на версии "это не моя мать"... Правда, чтобы иметь право на такие заявления в эпоху без фото и видео, он должен увидеться с ней лично. То есть явиться в Дракенхайм, прямиком на заклание. Однако ему не обязательно делать это самому. Вполне достаточно, чтобы такие заявления сделали какие-нибудь свидетели, которые знали бывшую королеву прежде и увидят ее теперь. А не показывать ее возможным сторонникам Арвика тем более нельзя - они должны услышать ее показания собственными ушами...

"О чем я только думаю, - подумал вдруг Локхарт. - Я, всегда ненавидевший ложь и лживых политиков, всегда предпочитавший прямоту и ясность..." Неужели этот мир переваривает его даже быстрее, чем он опасался? Но ведь верен и аргумент, который он сам привел Якобсону - лучше ложь, чем "честная" война с тысячами жертв...

Полковник ощутил легкую вибрацию почвы под чьими-то близкими шагами и поспешно встал - как раз вовремя, чтобы встретиться с вышедшим из-за поворота де Сегюром.

- Какая встреча, посланник, - произнес Локхарт. - Могу я узнать, что вы здесь делаете?

Замешательство де Сегюра длилось лишь долю секунды.

- Иду обедать, - невозмутимо ответил он. - Составите мне компанию?

- С удовольствием, - кивнул Локхарт. - Однако я полагал, что вы сейчас работаете в архиве. Во всяком случае, так вы докладывали мне.

- Так и есть, - спокойно подтвердил граф, - но архив - это не только королевский скрипторий. Его высокопреосвященство оказал мне честь, - де Сегюр произнес это без тени иронии, - позволив работать в его собственном архиве.

- Вы должны были доложить об этом.

- Прошу прощения, - просто ответил дипломат. - Я собирался сделать это сегодня утром, но вас уже не было дома. А отказывать его высокопреосвященству в ожидании вашего разрешения было бы невежливо.

"Хитрый лис, - подумал Локхарт, - будет теперь делать вид, что это его первый визит туда..."

- Вы ведь беседовали с архиепископом и раньше, - прямо сказал он.

- Разве это запрещено? - пожал плечами де Сегюр. - Он хозяин, мы гости. И разве мы все не играем на одной стороне, как вы и хотели?

- Вы должны докладывать мне о своих контактах и своих действиях, - жестко произнес полковник.

- Конечно - но ведь не о каждом же слове? Поверьте - так я не докладывал даже своему президенту в прошлой жизни. Это было бы просто неэффективно и нерационально. Сначала необходимо собрать информацию, обобщить, проанализировать, и уже потом представить факты, выводы и рекомендации. Для чего, собственно, и нужны профессионалы, а не просто, гм, ретрансляторы... Послушайте, командир, - произнес вдруг де Сегюр почти просительным тоном, заглядывая Локхарту в глаза. - Я понимаю ваше... неудовольствие. Вам, похоже, кажется, что я чуть ли не плету интриги у вас за спиной. Но это совсем не так. Сами подумайте - чисто рационально, как вы любите - какой в этом смысл? Прошу меня простить за прямоту, но в этом мире вы не принц, не министр, не генерал. Вы просто не занимаете такого места, чтобы против вас имело смысл интриговать - тем более таким людям, как Фабиас. Ну не думаете же вы, в самом деле, что я добиваюсь от архиепископа Айринтийского, чтобы он назначил меня главным в нашей четверке вместо вас? Это же просто смешно...

"Шрамма он уже списал, - констатировал про себя Локхарт и тут же мысленно признался: - А я сам разве нет?"

- Я просто стараюсь делать свою работу, - продолжал де Сегюр, - и делать ее хорошо - в наших общих интересах. И, по-моему, у нас с вами сложилось весьма удачное распределение труда - вы контактируете с королевой, я с архиепископом. Эти двое, в свою очередь, друг с

другом. Естественно, если я узнаю о чем-то критичном для нашей безопасности, я немедленно вам сообщу. Но мои шансы узнать это выше, если мне не придется испрашивать и ждать вашего разрешения на каждый разговор.

- Ну допустим, - нехотя согласился Локхарт. - И что, в архиве Фабиаса содержатся важные документы, которых нет в королевском архиве?

- В том числе, - кивнул де Сегюр. - Но давайте все же продолжим этот разговор в столовой? Лично я и в самом деле проголодался.

Они вернулись в дом и сделали заказы

- Так что там, в этих архивах? - вернулся к теме Локхарт в ожидании, пока принесут еду.

- Сами понимаете, пока у меня не было времени изучить их достаточно внимательно, - ответил де Сегюр, - но кое-что примечательное выявляется даже при беглом просмотре. Конечно, я не говорю о каких-то страшных тайнах типа организации заговоров и политических убийств в иезуитском стиле, столь любимых авторами бульварных романов. Даже если такие документы и существуют, было бы наивно ожидать, что мне дадут к ним доступ. Нет, то, с чем я получил позволение работать - это, по большей части, скучная хозяйственная отчетность, которая едва ли заинтересовала бы желтую прессу, если бы таковая здесь и имелась... Но знаете ли вы, к примеру, кто является самым крупным землевладельцем в Айринтии?

- Неужели архиепископ?

- Не он лично. Церковь как организация. У нее больше земли, чем даже у короны. Правда, если королевский домен - или владения крупных феодалов типа того же Хагентрауба - представляют собой, в основном, единые территории, то церковные земли разбросаны по всей стране. Клочок здесь, пятачок там.[22] Монастырь, сельское подворье, погост. Вот, между прочим - все кладбища в Айринтии принадлежат церкви. Она - абсолютный монополист в сфере похоронного дела. Более того - даже если кого-то похоронят посреди чистого поля с соблюдением положенных обрядов, это автоматически делает могилу, то есть четыре квадратных ярда земли, собственностью церкви. Это закон, идущий с древних времен. Исключения - только гробницы, расположенные внутри построек, включая замки, даже если сама могила при этом под открытым небом.

- Любопытно, - сказал Локхарт. - Полагаю, в местных антиклерикальных памфлетах церковников именуют торговцами смертью. Хм... а ведь получается, что церкви выгодны войны с большим числом жертв? Ведь любое поле боя, на котором массово хоронят участников, становится церковной собственностью?

- Да. Я тоже обратил на это внимание. Правда, земля остается церковной лишь до тех пор, пока за ней сохраняется статус кладбища. Перепрофилировать ее, скажем, для сдачи арендаторам нельзя. Но можно проводить на ней профильное строительство. Часовенку с ящиком для пожертвований, церквушку для заказа поминальных служб, гостиничку для паломников. Которые, кстати, могут быть и вполне светскими путешественниками - просто остановиться в такой вот кладбищенской гостинице дешевле, чем на постоялом дворе напротив, потому что церковь не платит налогов... Теперь вы понимаете, как любопытны бывают скучные хозяйственные документы?

- Да уж... Хотя мне все-таки трудно представить, чтобы церковь сознательно разжигала гражданскую или даже международную войну только для того, чтобы потом настроить на местах боев гостиниц. Назовите меня идеалистом, но... даже оставляя в стороне любую мораль, по-моему, потери и риски тут несопоставимы с ожидаемой прибылью.

- Ну с одной стороны да, во время войны не щадят и церковную собственность. Летописных свидетельств о разграбленных и сожженных монастырях в архивах тоже хватает. Но с другой стороны - если война все равно уже идет, то церковь может рассчитывать извлечь из нее

[22]В оригинале "A plot here, a spot there." Слово plot, помимо участка земли, может означать также интригу или заговор.

выгоду. Как, впрочем, и из любых бедствий. Хотя от однозначных оценок в стиле упомянутых вами памфлетов я бы тоже воздержался. Этак и врачей легко обвинить в том, что они заинтересованы в как можно большем количестве болезней и больных...

- Разница в том, что врачи помогают реально.

- Ну, как подтвердил бы Якобсон, психологический настрой порою важнее лекарств. А то, что церковники играли в средневековом обществе роль психологов - это, в общем, факт неоспоримый... Вот, кстати, о врачах. Айринтийская церковь, разумеется, занимается благотворительностью. Но по большей части это, похоже, организация праздников с бесплатным угощением и раздачей подарков. А вот больниц и школ на церковном балансе, похоже, не числится. И если первое еще можно объяснить скупостью, то второе представляется мне несколько странным. В прежние эпохи церковники не упускали возможность индоктринировать потенциальную паству с самого младшего и податливого возраста.

Вошли двое послушников, рослые и крепкие, как и вся прислуга в доме, неся на подносах исходившие аппетитными ароматами блюда. Астронавты замолчали, выжидая, пока те накроют на стол. Наконец, споро и аккуратно расставив все приборы и пожелав гостям приятного аппетита, послушники удалились.

- Не думаю, что у здешней церкви есть проблемы с индоктринированными, - заметил с усмешкой Локхарт, проводив их взглядом.

- Да, наверное, таких вот парней, желающих послужить церкви и его высокопреосвященству, хватает, - согласился де Сегюр, - кроме того, при государственном статусе религии дети вряд ли получают атеистическое воспитание и в обычных школах. С другой стороны, далеко не все доходы церкви поступают от собственно исполнения религиозных обрядов. Значительная часть принадлежащих ей земель - это самые обыкновенные поля, луга и леса, сдаваемые арендаторам точно так же, как это делают обычные феодалы. Плюс доходы от хозяйственной деятельности монастырей - вот этот цыпленок, например, наверняка выращен в таком хозяйстве, и эта сметана произведена там же. Пасеки, маслобойни и сыроварни, ткацкие мастерские, лесопилки - чего там только нет. Словом, айритнийская церковь чувствует себя совсем неплохо и во вполне светских сферах экономики. Но верующие с их пожертвованиями - добровольными, прошу заметить, налогов церковь не платит, но и десятину не получает - верующие тоже отнюдь не лишние. Так что мне непонятно, почему здесь упускают возможность дополнительно окучивать юные души через систему церковных школ. Никакой закон такому не препятствует - по крайней мере, я ничего подобного не нашел.

- Хотите подсказать Фабиасу идею? - вновь усмехнулся Локхарт. Вмешательство религии в образование он отнюдь не приветствовал.

- Только если увижу от этого какую-либо пользу для нас, - успокоил его де Сегюр. - Впрочем, его высокопреосвященство определенно не настолько глуп, чтобы не прийти к такой идее самостоятельно. Как, полагаю, и его предшественники. Так что если это все-таки не делается, то причина не в недогадливости церковных иерархов.

- Полагаете, тема айринтийских школ может быть важной? - спросил Локхарт.

Ответить де Сегюр не успел, потому что в столовую вошел Вельо. Полковник обратил внимание, что, в то время как граф теперь ежедневно пользовался услугами цирюльника, лингвист, похоже, вновь начал отращивать бороду.

- Почему отсюда доносятся такие чудесные запахи, а меня не зовут к столу? - осведомился итальянец.

- О, простите, доктор, - смутился Локхарт. - Мы с посланником, как видите, сегодня обедаем поздно и думали, что вы уже поели.

- Ну, вообще-то я перекусывал пару часов назад, но не откажусь и добавить, - изрек великан.

Явившийся на зов послушник принял заказ на каплуна и салат из мидий, осведомившись,

не желает ли доктор пока скоротать время пирожками и творожной запеканкой. Доктор ответил, что желает.

- Как ваши успехи в тлукаляханском, доктор? - светским тоном осведомился де Сегюр.

- Аа... - Вельо поморщился и махнул рукой. - Чувствую себя так, словно работал на руднике, причем в самой грязной его части. Что, собственно, и делает меня таким голодным, - гигант отправил в рот маленький пирожок целиком и некоторое время активно работал челюстями. - В жизни не видел языка более уродливого, - продолжил он, сглотнув, - а я, как вам известно, знаю их немало. Это какой-то монстр Франкенштайна, - лингвист произнес эту фамилию правильно. - То есть в принципе, конечно, такое можно сказать о любом креольском языке. Но в данном случае монстр сшит даже не из частей человеческих трупов, а из останков человека, осла, свиньи и обезьяны, если можно так выразиться. Причем - на разных стадиях разложения... Возможно, я выражаюсь непрофессионально. Для лингвистов не бывает языков плохих и хороших - ко всем положено относиться одинаково и использовать термин "особенности", а не "уродства". Но, - он посмотрел на Локхарта, - вот представьте себе, полковник, какой-нибудь летательный аппарат, склепанный из нестыкующихся друг с другом частей вопреки всем законам аэродинамики. Он летает, да - за счет избыточной мощности двигателей и огромного расхода топлива. Но при взгляде на него вы, полагаю, будете чувствовать то же, что я - от книг по тлукаляханскому. И к тому же я по-прежнему не имею понятия о правильном произношении. Латинские транслитерации дают, насколько я понимаю, очень искаженную картину. Причем такую, на какой легко сломать язык, даже тренированный, - возмущенный Вельо вознаградил себя еще одним пирожком.

- Возможно, виноват не сам язык, а плохие учебники? - предположил Локхарт. - Насколько я понимаю, контакты с этой страной настолько ограничены, что хороших специалистов по тлукаляханскому в Айринтии может просто не быть. Даже айринтийские дипломаты, возможно, более полагаются на тлукаляханских переводчиков, чем учат язык сами.

- А вот кстати, вполне может быть, - заметил де Сегюр. - Это даже может быть целенаправленной стратегией самих тлукаляханцев. Не давать чужеземцам изучать свой язык. Специально изъясняться с ними на некоем искусственно изуродованном диалекте, который коренной тлукаляханец, в принципе, поймет, но на котором сам говорить с соотечественником не будет. Тогда любой шпион, полагающий, что овладел тлукаляханским "в совершенстве", будет сразу же разоблачен.

- По-моему, это конспирология, - поморщился Локхарт. - Я допускаю, что свой тайный язык может иметь какая-нибудь секта, но чтобы целая империя...

- Не забывайте, в каком состоянии теперь находятся информационные технологии, - возразил де Сегюр. - Когда вы не можете ни зайти на тлукаляханский сайт, ни послушать их радиопередачу, ни беспрепятственно проехать вглубь страны - вы знаете о тлукаляханцах лишь то, что они сами желают вам показать. Вот кстати, еще одна любопытная статья расходов айринтийской церкви - это выкуп пленных, захваченных пиратами. Как удерживаемых на самих ибикейских островах, так и проданных в Тлукаляхан. Тоже фактически монополизированная церковью сфера деятельности.

- Вы что же, хотите сказать, - нахмурился Локхарт, - что церковь каким-то образом в сговоре с пиратами, которые делятся с нею барышами?

- Нет, конечно нет. В финансовом плане, как я уже сказал, эта деятельность для церкви убыточна. И тем не менее - это единственная организация в Айринтии, поддерживающая столь тесные контакты с врагами королевства. Поддерживающая, разумеется, вполне официально, как посредники, которым доверяют обе стороны - чего нельзя сказать о дипломатах, которым, к примеру, контакты с пиратами вообще не по статусу. Но - вы ведь понимаете, какими потенциальными возможностями обладают подобные посредники?

- Но если есть пленные, выкупленные из тлукаляханского рабства, то уж они-то должны

знать тамошний язык, - заметил Локхарт.

- Не обязательно, - возразил граф. - С ними тоже могут общаться на "диалекте для чужеземцев". Или даже на их родном языке - не из снисхождения к ним самим, разумеется, а все из той же цели. Для общения с рабом ведь достаточно всего пары десятков слов. Встал, пошел, бери лопату, копай отсюда дотуда. А выучить сложный и непохожий язык хозяев, слыша его лишь урывками... вы ведь согласны, доктор?

- Да, - кивнул Вельо, - это даже по учебнику-то непросто.

К тому времени, как лингвисту принесли его каплуна, Локхарт и де Сегюр уже покончили со своей едой, но оставались в столовой "за компанию".

- Когда вы в последний раз делали упражнения, доктор? - спросил вдруг полковник, глядя, как Вельо, умявший перед этим пирожки, запеканку и мидии, расправляется с птицей.

- Упражнения? - тот, похоже, все еще думал о тлукаляханской грамматике.

- Физические, - пояснил Локхарт. На борту "Доброй воли" тренажеры были обязательной частью ежедневного распорядка, но после их приземления о поддержании физической формы никто, кажется, специально не задумывался, если не считать Шрамма с его фехтованием. Даже сам Локхарт не проделывал свой регулярный комплекс на турнике - по причине полного отсутствия здесь турников. - Я рад, что у вас такой отменный аппетит, и здесь действительно так хорошо кормят, что трудно остановиться. Но не хотелось бы, чтобы это обернулось для вас лишним весом. Как и для всех нас, разумеется. Просто хочу напомнить, что теперь мы все должны особо следить за здоровьем, ибо, очевидно, всю оставшуюся жизнь нам придется провести в мире, где медицины фактически не существует.

Вельо посмотрел на него угрюмо, словно собираясь сказать что-то вроде "вы не моя мама", но затем вдруг передумал.

- Вы правы, - буркнул он. - Лучше тягать какие-нибудь гири, чем учить этот чертов тлукаляханский. Который, как говорит наш дорогой граф, может вообще оказаться бесполезной фикцией и ловушкой для шпионов.

- Это лишь гипотеза, - напомнил де Сегюр.

- Чем дольше я об этом думаю, тем убедительней она мне кажется.

Несмотря на поздний обед, до заката было еще далеко, и Локхарт спросил графа:

- Вы собираетесь снова в архив?

- Ммм... пожалуй, на сегодня хватит с меня копания в церковной отчетности, - откликнулся тот. - Лучше просто почитаю вечером что-нибудь для души.

- Нашли себе подходящее чтение? - спросил полковник почти что с завистью.

- У них тут неплохая поэзия, - ответил граф. - В чем-в чем, а в этом они не деградировали. Если сравнивать с тем, во что выродилась европейская поэзия в XXI веке, то скорее наоборот - хотя на самом деле это лишь возвращение к добротной классической манере... Впрочем, вам, как я понимаю, это неинтересно.

Хотя Локхарт действительно был равнодушен к стихам (и, даже страдая от скуки, так больше ни разу и не заглянул в тот томик, что стоял в его комнате), он вдруг почувствовал себя уязвленным. Я, мол, аристократ с тонкой душевной организацией, а ты - простой извозчик, пусть и космический... Он обдумывал, что ответить - и стоит ли отвечать вообще - как вдруг из коридора донеслись новые шаги.

- Кажется, это Якобсон, - сказал Вельо, очевидно, научившийся отличать на слух семенящую походку психолога от твердой поступи рослых послушников. Он не ошибся; мгновением спустя маленький доктор действительно возник на пороге. Вид у него был неважный; выглядел он усталым и совсем невеселым, вопреки обычному своему добродушию.

- Ну что там, доктор? - спросил Локхарт, уже догадываясь, что не услышит в ответ ничего хорошего.

- Это... это ужасно, - ответил Якобсон, переводя дыхание после торопливого подъема по

лестнице (ему тоже не мешало бы заняться своей физической формой, подумал полковник). - Они держат ее голой! В кандалах!

- Кого?! - опешил Вельо.

- Доктор Якобсон сегодня по просьбе королевы обследовал леди Агату, - пояснил Локхарт, вспомнив, что его товарищи еще ничего не знают об этом. - Мать Арвика.

- Вот, значит, как выглядят здешние лазареты... - мрачно констатировал Вельо.

- Они утверждают, что это для ее же пользы, - поспешно произнес Якобсон. - Точнее, что одежду она всякий раз срывает с себя сама... вообще, такое поведение действительно характерно при некоторых психических расстройствах, особенно при деменциях... А ошейник-де нужен для того, чтобы она не смогла сама себя душить. А цепь, которой она прикована к кольцу в середине камеры - чтобы она не смогла разбежаться и разбить голову о стены... ну и для безопасности надзирателей, конечно... Вообще, в прошлой истории душевнобольных перестали заковывать в кандалы лишь в XIX веке, так что, наверное, тут нет ничего удивительного, но, сами понимаете, меня воспитывали в рамках совсем другой школы. Я, разумеется, первым делом потребовал снять цепи. Они отказались, заявив, что королева спустит с них шкуру, если со мной что-нибудь случится. Я сказал, что она спустит с них шкуру, если они не будут выполнять мои распоряжения. Они подумали и заявили, что моя безопасность важнее, а если я все же настаиваю, то пусть королева выдаст им письменный приказ. Я подумал и... не стал настаивать. Все же работать с пациенткой, предположительно способной в любой момент наброситься, не имея возможности даже вколоть ей элементарное успокоительное... а мне необходимо было остаться с ней наедине... если бы у меня хотя бы работали обе руки...

- Доктор, вас никто не обвиняет, - нетерпеливо перебил Локхарт. - Как вы оцениваете ее состояние?

- На первый взгляд, оно безнадежно. Полный распад личности, она лишь бормочет отдельные бессмысленные фразы. Но... это на первый взгляд. При более длительном общении... точнее, бесплодных попытках общения, кое-что показалось мне подозрительным. Скажем так - ее безумие выглядит слишком уж нарочитым. При сохранении, в частности, вполне членораздельной речи - пусть и лишенной смысла и связи с внешними раздражителями - и контроля над некоторыми физиологическими функциями, которые больные на такой стадии чаще всего не контролируют...

- То есть вы полагаете, что это все же симуляция? - спросил полковник.

- Возможны варианты. Это *может* быть сознательной симуляцией, правда, чрезвычайно талантливой - поймать ее на обычные в таких случаях приемы мне так и не удалось. Более вероятно - подсознательное бегство от ужасной действительности в некий, скажем так, внутренний кокон, блокирующий связи с внешним миром. Внутри этого "кокона" личность сохраняется, хотя и, возможно, в состоянии, близком к анабиозу. Это особенно вероятно в качестве защитной реакции на тяжелые травмирующие переживания...

- Вы думаете, ее... подвергают сексуальному насилию? - спросил Вельо.

- Страшную тощую старуху, от которой воняет фекалиями? Не думаю, что даже среди самых непритязательных надзирателей найдутся желающие. Но так она выглядит сейчас. А четверть века назад, насколько я понимаю, она была достаточно красива, чтобы даже суровый король Гумбольдт не послушал мудрых советов своего друга Фабиаса. В чем потом, конечно, раскаялся. И уж не знаю, какие он отдал приказы - или каких, наоборот, не отдал...

"Уж не так ли появился на свет двойник Арвика?" - мелькнула мысль у Локхарта.

- Ну и, наконец, - продолжал доктор, - очень даже может быть, что мои версии - лишь попытка выдать желаемое за действительное, а в действительности она настолько безумна, насколько и выглядит. За сегодняшний день мне это установить так и не удалось. Кончилось тем, что пациентка просто легла на пол и уснула, видимо, слишком устав от моего общества. К ней ведь уже больше двадцати лет никто не заходит, кроме надзирателей на пару минут в день...

Завтра я все же потребую, чтобы ее освободили от цепей, вымыли, одели, перевели в помещение, где ничего не будет напоминать о прошлом, и обеспечили максимально комфортные условия. Ирония, правда - если здесь уместно это слово - заключается в том, что для человека, за десятилетия привыкшего к скотским условиям, возвращение к нормальной жизни может оказаться не меньшим стрессом, чем когда-то обратное. Но есть надежда, что этот новый шок может сдвинуть дело с мертвой точки. Хотя, само собой, и это может ничего не дать. Но если мне удастся добиться хоть какого-то контакта... Даже и в этом случае, впрочем, быстрых результатов обещать не могу, но шанс, по крайней мере, будет.

- Вы сообщили королеве ваши результаты? - спросил Локхарт.

- Нет еще никаких результатов. Любая из версий может оказаться верной. Надо продолжать работу с пациенткой.

- Вы будете обедать, док? - осведомился Вельо. - Мы тут, видите, прямо как специально вас дожидались. Хотя мы, по большей части, уже закончили, но можем посидеть за компанию. Наверное, наши физиономии будут для вас приятней, чем то, что вы видели сегодня.

- Нет, спасибо, друзья, не нужно, - улыбнулся Якобсон. - Я, если вы не возражаете, предпочел бы сначала принять ванну. Боюсь, что от меня до сих пор пахнет этим... казематом. А поем уже потом. А затем, наверное, лягу спать. Сегодняшний день меня вымотал.

- Конечно, как вам будет удобно, доктор, - ответил за всех Локхарт.

Якобсон повернулся к выходу, но затем вновь обернулся:

- Я еще думаю... об Арвике. Он, конечно, не может помнить свою мать, он был слишком мал. Но если до него доходили какие-то слухи о том, в каких условиях она содержится... вероятно, он ненавидит своего отца. Возможно, ненавидел его многие годы, с самого детства. И сестру, конечно же, ради которой, по его мнению, все это проделано.

- Бедный мальчик, - иронически произнес де Сегюр, - готовый залить собственную страну кровью ради своих детских комплексов.

- Понять не значит оправдать, - пожал левым плечом Якобсон. - Но это в любом случае полезно. Я имею в виду - понимать мотивацию... противника, коль скоро теперь мы должны относиться к Арвику так. Причем я отнюдь не утверждаю, что это его единственный мотив. Вполне возможно, что в первую очередь им действительно движут властолюбие и самовлюбленность, а также унаследованные от матери истероидные черты. Но тогда тем безнадежнее получается общий коктейль... - он снова двинулся к двери и снова обернулся с почти виноватой улыбкой. - Луиджи, спасибо за поддержку. Честно говоря, зрелище и впрямь было не из лучших. Я ведь все-таки по основной специальности психолог, а не психиатр. Я изучал все это теоретически, но на практике работал в основном с людьми, имеющими проблемы от небольших до умеренных. Сохраняющими человеческий облик. А тут... Дело не в физической брезгливости, врачей от этого отучают в первую очередь. Но страшно видеть, во что может превратиться человеческий разум. Во что могут его превратить другие люди. Не дай бог оказаться бывшей королевой в Айринтии... - с этими словами Якобсон вышел.

Разошлись и остальные. Локхарт, вернувшись в свою комнату, решил было дать новый шанс поэтическому сборнику, но первые два стихотворения показались ему чересчур заумными, с метафорами столь вычурными, что за ними терялся смысл, третье оказалось любовным (после первой же строфы Локхарт брезгливо поморщился и перелистнул страницу), четвертое было хорошо по форме, но слишком уныло по содержанию, пятое... вроде бы это была неплохая, хотя и длинная, баллада, но полковник вскоре поймал себя на том, что его глаза бездумно скользят по строчкам, а мысли уносятся куда-то прочь. Нет, ему требовалось занять ум чем-то более существенным, и он снял с полки том об искусстве фортификации. Раз уж его и здесь называют полковником, пора начать хоть как-то соответствовать этому званию в мире, где все навыки, полученные в военно-космических войсках, не имеют смысла.

Не то чтобы это было легкое чтение, но оно заставило его мозг работать, а не гонять по

кругу бесплодные догадки, сколько времени понадобится Якобсону, чтобы добиться толку от леди Агаты (если это, конечно, вообще возможно), какое войско сумеет собрать за это время Арвик и как будет смотреть на все происходящее Бронгар. Локхарт просидел над книгой весь вечер допоздна, пока не почувствовал, что начинает клевать носом (что отнюдь не безопасно в мире, где случайно опрокинутый канделябр может привести к пожару); задув свечи, он отправился спать.

Утром, умываясь водой из таза, Локхарт отметил про себя, что фактически уже привык обходиться без водопровода и одеваться в казавшиеся поначалу чересчур сложными и неудобными средневековые костюмы. Ополоснув лицо в последний раз, он понял, что к плеску стекающей в таз воды примешивается стук капель за окном. Выглянув в окно, полковник убедился, что предсказание Элинор о "последнем погожем дне", похоже, сбылось: все небо затянули низкие отечные тучи, сулившие, что нудный холодный дождь затянется на часы. Локхарт мысленно пожалел тех, чья служба в такую погоду проходит под открытым небом, и порадовался, что ему самому нет нужды выходить.

Раздался еще один стук, на этот раз в дверь; судя по его вежливому характеру, стучал кто-то из послушников.

- В чем дело? - откликнулся Локхарт, никакую прислугу не вызывавший.

- Сэр, прошу прощения, - донеслось из-за двери, - не знаете ли вы, где господин Якобсон?

- Если его нет у себя, он, должно быть, уехал во дворец, - ответил полковник и тут же запоздало подумал, положено ли послушнику это знать.

- Нет, сэр, - почтительно возразил слуга, - нарочный из дворца только что прибыл за ним, но его дверь заперта, он не отзывается, и мы нигде не можем его найти. Мы уже спрашивали других гостей, сэр, прежде чем беспокоить вас.

"Черт!", - подумал полковник, мгновенно понимая, что это не окажется всего лишь забавным недоразумением. Но что могло случиться с Якобсоном?! Не сбежал же он от миссии, показавшейся ему слишком тяжелой - это совершенная чепуха, но уж тем более никто не мог его похитить из охраняемого гостевого дома...

Застегнув пуговицу рубашки под кружевным воротником, Локхарт выскочил в коридор. Перед дверью Якобсона уже толпились пятеро - взъерошенный Вельо, небритый, но в парике и аккуратно одетый де Сегюр, двое послушников и человек в дворцовой ливрее.

- Что вы стои́те? - возмутился Локхарт, обращаясь к послушникам. - Принесите запасной ключ, - на миг у него возникло ощущение deja vu - вот так же вчера он требовал открыть комнату де Сегюра. Вот только теперь у него отнюдь не было уверенности, что за дверью не окажется ничего особенного...

- Да, сэр, - тут же кивнул один из послушников и почти бегом устремился по коридору. Локхарт меж тем прижался ухом к двери, но из комнаты не доносилось ни единого звука. Прибежал послушник с ключом.

- Доктор! - крикнул полковник. - Это ваш командир! Откройте, если вы там!

За дверью по-прежнему стояла мертвая тишина, и Локхарт кивнул послушнику. Мягко клацнул ключ в замке; беззвучно повернулись дверные петли.

Якобсон в одном нижнем белье лежал лицом вниз на полу между кроватью, с которой наполовину свалились простыня и одеяло, и дверью. Ноги раскорячены, правая рука протянута вдоль тела, левая выброшена вперед и сжата в кулак - словно доктор не то пытался доползти до двери, не то, напротив, схватить и удержать кого-то убегавшего.

Локхарт поспешно вошел внутрь и присел возле доктора, пытаясь нащупать пульс на шее. Затем, уже понимая, что увидит, перевернул тело. Оно вяло перевалилось, стукнувшись затылком об пол, и в потолок с посиневшего лица стеклянно уставились два мертвых глаза. На губах засохла пена.

Послушники поспешно осенили себя знаком треугольника.

Локхарт даже не стал пытаться проводить массаж сердца или искусственное дыхание. Все это было очевидно бесполезно. Тело уже начало коченеть.

Полковник выпрямился, встретившись взглядом с оставшимися у него людьми.

- Porca Madonna! - выдохнул потрясенный Вельо.

- Как следует вымойте руки, командир, - хладнокровно посоветовал де Сегюр. - Если это яд, он мог попасть и вам на кожу.

- Да... конечно, - пробормотал Локхарт и шагнул туда, где стояли умывальный таз и кувшин Якобсона.

- И лучше в вашей комнате, - добавил дипломат. - Здесь лучше ничего не трогать.

- Верно, - снова согласился полковник и вышел в коридор. - Пусть дверь немедленно запрут и опечатают. И доложат... впрочем, я так понимаю, уже... - по коридору уже действительно топали ноги бегущего послушника; посланец из дворца тоже, отвесив поспешный поклон, поспешил прочь.

Минуту спустя он в своей комнате яростно тер руки мылом и снова ополаскивал, а в голове у него билось: "Первый... первый... первый..." Конечно, это было не так, бо́льшую часть своего экипажа он потерял еще три с половиной года назад, но теперь он чувствовал себя едва ли не хуже, чем после кэйлианской катастрофы. Тогда он знал, что величайшая миссия его жизни провалена, доверенные ему люди погибли, но за спиной у них по-прежнему остается вся мощь великой земной цивилизации. Теперь же, когда от всей этой цивилизации осталось лишь пять человек... То есть уже четыре.

Подсознательно он полагал, что их первой потерей станет Шрамм, и практически смирился с этим. Но это оказался Якобсон. Быть может - самый полезный из них, особенно с учетом возлагавшихся на него еще вчера надежд.

Которые, скорее всего, и стали причиной его смерти.

Кто станет следующим?

Миттельшпиль

Кто жаждет победы, возможно, ее и добьется.
Кто празднует труса, вовеки не смоет позор.
Ласкают штандарты лучи заходящего солнца,
Уходят войска в окровавленный алый простор.

Скади

Предрекать беду - не моя стезя,
Но мои глаза не умеют лгать.
Оставаться - ложь, и идти нельзя,
Я пойду с тобой, чтобы воевать.

Она же

Локхарт не знал, где он.

Уже пятые сутки, с тех пор, как их троих - его и оставшихся у него подчиненных - поспешно увезли из гостевого дома архиепископа в карете с приклеенными к окнам занавесками. Неразговорчивые люди в неброской гражданской одежде (хотя под их застегнутыми под подбородок плащами угадывались кольчуги), на все вопросы отвечавшие "это для вашей безопасности", действовали столь быстро и решительно, что Локхарт не мог отделаться от скверных подозрений - особенно естественных всего через полчаса после того, как он сам лично обнаружил труп Якобсона - хотя он и говорил себе, что никакое похищение не может произойти из поднятого по тревоге дома прямо на глазах у переполошенных людей архиепископа. Если только, конечно, все происходящее - не часть интриги самого Фабиаса... Прибывшие, впрочем, на настойчивые требования полковника отвечали, что исполняют "королевский приказ", но письменное распоряжение представят позже. Что в условиях экстренных мер в чрезвычайной ситуации выглядело вполне правдоподобно, и все же Локхарт почувствовал бы себя спокойнее, если бы увидел какие-то документы или получил устное заверение от самого хозяина дома. Но его высокопреосвященство, как видно, в это утро был занят настолько важными делами, что даже убийство одного из его гостей не могло его отвлечь - а может быть, и вовсе находился где-то в другом месте и даже не знал еще о случившемся. Де Сегюр, сохранявший профессиональное спокойствие с самого момента обнаружения тела Якобсона, высказался в том смысле, что, мол, не стоит мешать прибывшим делать их работу; Вельо, пребывавший в состоянии, близком к ступору, похоже, был готов ехать куда угодно и с кем угодно, ибо не считал, что какое-либо место будет для них опаснее, чем то, где только что убили их товарища. Так что Локхарт нехотя повиновался настойчивым "просьбам" посланцев и велел своим людям садиться в карету. Из которой они вылезли уже внутри большого и мрачного помещения без окон, исполнявшего, вероятно, ту же функцию, что и подземные гаражи более цивилизованной эпохи. Оттуда сперва по короткому подземному коридору, а затем по крутой винтовой лестнице наверх их проводили в их нынешние апартаменты, состоявшие из трех комнат - двух узких, вполне спартанского вида спален, в каждой из которых едва помещалось по две кровати, и несколько более просторной гостиной (она же столовая) между ними, с большим камином и громоздкой мебелью, которые, впрочем, не особо придавали уют голым каменным стенам без окон. Окон в традиционном смысле не было и в спальнях - то есть они были, но не в стенах, а в потолке. Винтовая лестница, проходившая прямо через гостиную, позволяла подняться еще выше - на крышу, где располагался небольшой прогулочный дворик с

высаженными в горшки и ящики декоративными растениям, обнесенный по периметру оштукатуренной стеной высотой под четыре метра. Увидеть, что находится за стеной, таким образом, не представлялось возможным - Локхарт понял, что едва ли сможет сделать это, даже взобравшись на плечи Вельо. Он лишь полагал, что они все еще находятся в Дракенхайме - во всяком случае, судя по тому, как быстро их привезли сюда. В то же время перед самым прибытием карета, судя по изменившемуся звуку под колесами, проехала по деревянному (подъемному?) мосту, что наводило на мысль о некой крепости - существовала ли такая прямо в городской черте? Хорошо был слышен близкий колокол, периодически отбивающий время, но, кажется, это не был колокол кафедрального собора.

Спуститься по лестнице вниз тоже было можно - до площадки, на которой дежурила стража. Два охранника в кольчугах и шлемах, неизменно предлагавшие постояльцам вернуться в их покои. "Это для вашей же безопасности." Вельо особенно ярился, слыша эту фразу. "Мы что, под арестом?!" "Нет, сэр." "Тогда я могу выйти наружу?" "Пока нет, сэр. Это для вашей же безопасности." "И сколько нам тут сидеть?!" "Пока не станет безопасно выйти, сэр." "Скажите хотя бы, где мы, черт побери!" "В безопасном месте, сэр." "Да чтоб вас! Obesrańcy!" - выругался гигант на сей раз по-польски, наливаясь кровью. "Доктор! - предостерегающе окликнул его Локхарт, опасаясь, что лингвист пойдет на прорыв силой, что у него, учитывая габариты, вполне могло получиться - впрочем, очевидно, лишь до следующего поста или запертой двери. - Эти люди выполняют приказ королевы!"

Это была правда - или, по крайней мере, Локхарт надеялся, что это правда. Обещанный письменный приказ ему действительно передали в первый же день, через пару часов после прибытия астронавтов в эту своеобразную "гостиницу". Точнее, это была записка на простой, хотя и хорошего качества, бумаге без всяких печатей, гласившая: "Полковник! Эти люди действуют по моему приказу с целью обеспечения безопасности вас и ваших людей. Прошу вас неуклонно исполнять все их предписания. Элинор." Почерк был ему уже знаком, но ведь его, в принципе, можно и подделать... Более того - в записке он не был назван по имени, так что, теоретически, это мог быть даже выкраденный документ, изначально адресованный какому-то другому полковнику по другому поводу. Или же Элинор специально не написала имени, дабы даже здешние стражи не знали, кого именно они охраняют?

Локхарт рассчитывал, что следом за запиской доставят и Шрамма - коль скоро опасность могла грозить всем астронавтам, логично было и спрятать их всех в одном месте. Однако этого так и не случилось, несмотря на сперва вопросы, а потом настойчивые требования Локхарта. Стражники лишь отвечали, что передали его слова своему начальству, и оно ответило, что причин для беспокойства нет. "Если их нет, почему моего человека не доставят ко мне, и почему нас самих держат здесь?" - хотелось саркастически воскликнуть Локхарту, но он понимал, что простые охранники и даже их непосредственный начальник сами ничего не решают.

Помимо тревоги неизвестности, астронавты страдали от скуки. Зарядившие осенние дожди лишили их даже такого скудного развлечения, как прогулки в садике на крыше. В гостиной имелось несколько потрепанных книг (сборники баллад и комических рассказов в непритязательном средневековом стиле, многие - довольно фривольного содержания, непринужденно соседствовали со "Святым Писанием" и "Житием святого Йоргела"), но это чтение особо не заинтересовало никого из троих. Вельо ругался и требовал, чтобы ему принесли, черт побери, хотя бы учебник этого проклятого тлукаляханского (охранники, как водится, обещали передать его просьбу начальству, чем все и ограничивалось); де Сегюр, хотя и листал с серьезным видом религиозные тексты, словно готовясь к диспуту по вопросам веры, все же явно предпочел бы продолжить знакомство с более актуальными документами. Также к их услугам были игральные карты и шахматы, однако толку от этого было немного. Вельо был докой во многих картежных играх, но он, понятное дело, не мог играть сам с собой, а все свои фокусы он продемонстрировал товарищам еще в космосе, шахматы же итальянец, наоборот,

недолюбливал, ибо, увлекшись атакой, часто "зевал" (хотя Локхарт, когда его отвлекали мысли о более практических проблемах, тоже не был свободен от этого недостатка). Де Сегюр, как ни удивительно, тоже не был большим поклонником шахмат, говоря, что истинная игра дипломатов - это покер. Однако тут ни Вельо, у которого все читалось на лице, ни Локхарт, которому отец еще в детстве внушил презрение к азартным играм, не могли быть ему подходящими партнерами.

Понятно, что разговоры в гостиной веселыми не были, и версия "рождественских гусей" всплывала часто. Если предположить, что гибель Якобсона как раз и стала тем событием, ради которого Фабиас поселил их с таким комфортом в своем гостевом доме, то что дальше? Выявил ли он вражеских агентов среди своих людей, клюнувших на приманку в лице несчастного психолога, воспользовался ли плодами своей провокации - и, главное, что будет с ними теперь? Они все еще нужны партии королевы и архиепископа, или же "мавр сделал свое дело"? В последнее Локхарту категорически не верилось. Только не после его разговоров с Элинор. Она не стала бы так доверять человеку, которому отведена роль просто разменной монеты. Но Фабиас... хотя он, кажется, тоже был вполне доволен обществом де Сегюра... впрочем, кто знает, как и почему могли поменяться планы старого интригана! Быть может, и сама Элинор не в курсе, где они находятся и действительно ли безопасно их положение...

Дипломат делал вид, что все идет именно так, как должно идти. Но в глубине души, похоже, и он чувствовал досаду, что вынужден сидеть тут и ждать в полном неведении, словно спрятанная в сейф вещь (хотя бы даже и ценная), как раз тогда, когда он хотел бы находиться в самой гуще разворачивающейся интриги. Все же, при всей разности подходов, он тоже был человеком действительного, а не страдательного залога - и это качество Локхарт не мог в нем не уважать.

На пятые сутки их заточения погода несколько улучшилась - было по-прежнему пасмурно, сыро и холодно, но хотя бы прекратился дождь. Вельо, которому осточертело сидеть в помещении без окон, расхаживал теперь наверху по крыше, как тигр по клетке. Двое других астронавтов, однако, не вдохновились хмурым и промозглым осенним днем и предпочли спуститься обратно, поближе к теплу камина. Де Сегюр, полностью одетый, возлежал, скрестив руки на груди, на кровати в спальне, которую занимал вместе с Локхартом (Вельо отдали в единоличное распоряжении вторую главным образом из-за его габаритов, сдвинув там вместе две узкие кровати), глядел в матовое окно в потолке (на которое время от времени падала тень шагающего Вельо) и, вероятно, предавался размышлениям о тонкостях айринтийской политики. Локхарт сидел в высоком и тяжелом кресле напротив камина и смотрел в огонь. Говорят, это зрелище никогда не надоедает. На пятые сутки вынужденного бездействия Локхарт уже не был в этом так уверен. Хотя, казалось бы, какая это ерунда по сравнению с семью годами, проведенными в стенах "Доброй воли"! Вот уж где заточение и отрезанность от мира были куда полнее, чем в любой средневековой тюрьме. Но в космосе у него всегда была цель и план дальнейших действий - или, по крайней мере, возможность выработать такой план. Теперь же...

Снизу донесся звук колокольчика, которым деликатные охранники извещали о своем появлении. "Разрешите войти?" - раздался голос из колодца винтовой лестницы.

- Входите, - откликнулся Локхарт. Что им понадобилось? Для обеда еще рано (кормили здесь, кстати, хорошо, хотя и не столь изысканно, как в доме архиепископа). Неужели, наконец, есть какие-то новости? Он повернулся, выглядывая назад из-за спинки кресла.

Из круглого отверстия в полу показалась голова в круглом шлеме, тускло блестевшем в отсветах пламени камина и свечей.

- Вас-то мне и надо, сэр, - объявил охранник, заметив, что Локхарт в гостиной один. - Извольте следовать за мной, вас хотят видеть.

- Меня одного? - уточнил полковник.

- Приказано сопроводить только вас.

Локхарт мгновенно прикинул варианты и решил, что незачем идти на принцип и требовать "только все вместе". Если они здесь среди своих, в этом нет смысла, а среди врагов трое столь же беспомощны, как и один.

- Что там, командир? - окликнул его де Сегюр через открытую дверь спальни.

- Похоже, со мной наконец хочет побеседовать кто-то посолиднее охранников, - отозвался Локхарт, выбираясь из кресла (насколько все же вращающиеся кресла на корабле были удобнее этой громоздкой средневековой мебели!) - На время моего отсутствие назначаю вас командиром группы, - не удержался от шпильки он. Группы, состоящей из одного Вельо, ага.

Следом за охранником - тот вежливо шел впереди, как проводник, а не сзади, как конвоир - полковник спустился по лестнице до площадки, с которой расходилось несколько коридоров. Охранник отпер своим ключом решетчатую дверь, преграждавшую дорогу в один из них. Миновав еще один пост охраны в конце коридора, они свернули налево и остановились перед неприметной дверью с полукруглым верхом, которая у Локхарта ассоциировалась с винным погребом в каком-нибудь старом европейском кабаке. Охранник постучал, умудрившись сделать это громко и деликатно одновременно, затем просунул голову внутрь и, очевидно, получив разрешение, отступил назад, сделав приглашающий жест Локхарту. Полковник вошел.

Это было очередное помещение без окон, с низким сводчатым потолком и голыми каменными стенами, но, конечно, никакой не винный погреб, а небольшой кабинет, хозяин которого почему-то стоял за своим столом. Локхарт уставился на этого человека не без любопытства, ибо его внешность была примечательной. Высокий, с крупной тяжелой костью и длинным массивным черепом, он в то же время отличался изрядной худобой, наводившей на мысль даже не о болезни, а о могиле. Его кожа была неестественной бледной даже для человека, всю свою жизнь проводящего вдали от солнечного света - почти совершенно белой, но еще белее были его коротко стриженные волосы, а глубоко посаженные глаза под массивными надбровными дугами, лишенными бровей, были красными, как у кролика. Он был облачен в долгополый сюртук землисто-серого цвета без какой-либо декоративной отделки и знаков различия, глухо застегнутый под самый подбородок. В целом облик хозяина кабинета произвел жутковатое впечатление даже на Локхарта, прекрасно знавшего, что в альбиносах нет ничего мистического (хотя доселе и не встречавшего ни одного из них в реальности), а уж малограмотным обитателем этой эпохи такой человек должен был казаться натуральной нежитью, особенно здесь, в полумраке подземелья (или помещений, похожих на подземелье), при дрожащем свете масляной лампады.

Когда Локхарт вошел, альбинос смотрел почему-то мимо него; затем, переведя взгляд на полковника, произнес низким голосом: "Проходите!" и вновь уставился в угол. Войдя, Локхарт тут же повернул голову туда же, опасаясь, не поджидает ли там палач с удавкой, но увидел вместо этого женскую фигуру в сером плаще с низко надвинутым капюшоном, стоявшую под закруглением каменного свода.

- Рада видеть вас в добром здравии, полковник, - сказал знакомый голос. - Надеюсь, мои телохранители не слишком вам докучали.

- Ваше... - Локхарт был удивлен, но не шокирован.

- Не надо титулов, - перебила его Элинор, приподнимая руку в перчатке. - Корнелиус, расскажите полковнику о результатах расследования. Все без утайки, так, как докладывали мне.

- К сожалению, сэр, - альбинос вновь повернулся к Локхарту, но то и дело бросал быстрый взгляд на королеву, - несмотря на все усилия моего ведомства, на данный момент я вынужден констатировать неудачу, - его низкий голос был почти таким же тусклым, как и освещение в кабинете. - Но должен почтительно заметить, что это не вина моих людей. Были своевременно и в полном объеме предприняты все меры, применимые в таких случаях. Весь персонал, находившийся в гостевом доме в течение суток до момента обнаружения тела, установлен, задержан и подвергнут перекрестному допросу. В том числе, послушники,

готовившие пищу и ванну для доктора Якобсона, а также убиравшие его комнату, допрошены с особым пристрастием. К сожалению - или же к счастью для лиц, отвечающих за подбор персонала для его высокопреосвященства - оказалось, что сознаваться им действительно не в чем. Хотя некоторые под конец пытались, но это был обычный при допросе третьей степени самооговор, не подтверждающийся исследованием доказательств...

- Они остались живы? - усмехнулся Локхарт.

- Да... по большей части, - все тем же лишенным интонаций голосом ответил Корнелиус. - Но они уже не смогут вернуться к своей... своему послушанию. Личный обыск послушников и их келий, а также иных помещений дома - нам даже пришлось побеспокоить других гостей его высокопреосвященства - также ничего не дал. Не найдено никаких следов яда... или иных предметов, которые могли бы послужить в качестве орудия преступления. Как, собственно, и в самом теле. Причина смерти остается неустановленной.

"Ну да, - подумал Локхарт, - воображаю, какие теперь судмедэксперты..."

- Как и в случае смерти короля Гумбольдта? - спросил он вслух.

- Я бы воздержался от поспешных выводов о сходстве этих случаев, - возразил Корнелиус. - Во всяком случае, король Гумбольдт скончался мирной смертью во сне, в то время как доктор Якобсон в момент смерти находился в сознании и, похоже, пытался добраться до помощи или оказать сопротивление... чему-то или кому-то. Однако никаких следов проникновения посторонних в его комнату снаружи дома или изнутри также не найдено. Рама на окне и решетка в дымоходе не позволяет попасть в комнату иначе как через дверь, которая была закрыта изнутри до того момента, когда ее вскрыли в вашем присутствии, и все, кто мог получить доступ к ключам, как я уже сказал, проверены и допрошены.

- Что, если ключ выкрали, а потом вернули на место? - предположил Локхарт.

- В настоящее время эта версия рассматривается как маловероятная. Как и само предположение, что кто-то посторонний мог проникнуть в гостевой дом незамеченным.

- В таком случае Якобсон мог получить яд - если это был яд - вне гостевого дома. В том числе, - Локхарт бросил быстрый взгляд на Элинор, - во время его визита во дворец. Или даже, - полковнику вспомнилась баронесса Хюгельдорф, - в карете по пути туда или обратно. Какой-нибудь отравленный шип в сиденье...

- Эти версии также тщательно проверены, - все так же спокойно ответил Корнелиус. - Подтверждение они не нашли. Во время своего визита доктор Якобсон ничего не ел и не оставался наедине с кем-либо... если не считать его пациентку. Которая, даже если не принимать во внимание ее душевное состояние...

- Которое может быть симуляцией! - перебил Локхарт.

- ...не имела чисто физической возможности причинить вред доктору Якобсону, - невозмутимо закончил Корнелиус. - Предположения о "сглазе" и "проклятии" мы, разумеется, не рассматриваем.

- Похвальное здравомыслие, - пробормотал полковник.

- Таким образом, - продолжал альбинос, - мы до сих пор не знаем ни способ, ни исполнителей, ни, что всего важнее, заказчиков данного преступления. Операция прикрытия пока также не дала результатов.

- Что за операция? - заинтересовался Локхарт.

- Была организована утечка информации, что вас и ваших людей спрятали в одном из монастырей недалеко от столицы. Были подобраны три человека на эту роль, имеющие внешнее сходство, и за ними установлено тщательное наблюдение. Однако никакого интереса к ним пока не выявлено.

- Ну, четыре дня - слишком маленький срок...

- Именно об этом я почтительно докладывал ее величеству, - Корнелиус снова метнул взгляд в сторону Элинор, - но она полагает...

- Она полагает, что нет смысла держать вас в этом уютном гнездышке еще месяц или два, - перебила королева, обращаясь к Локхарту, - или вы считаете иначе?

- Нам, честно говоря, тут осточертело и за четыре дня, - искренне ответил тот и, вспомнив о вежливости, добавил, переведя взгляд на Корнелиуса: - Хотя мы, конечно, ценим усилия, предпринятые ради нашей безопасности... А что Шрамм? - спохватился он. - Вы сказали - три человека, что с четвертым?

- Продолжает свою службу в учебной роте личной гвардии ее величества. За ним также установлено наблюдение, не давшее результатов.

- Он вообще знает, что случилось?

- Теперь, полагаю, да. Официально его не извещали, но слухи... Как вы понимаете, операцию такого масштаба невозможно скрыть. Слишком многих людей задерживали и допрашивали.

- И он даже не потребовал от своего начальства ответов, где мы и что с нами?

- Он, как и надлежит хорошему солдату, беспрекословно исполняет приказы своего начальства, а не пытается требовать от него отчета, - холодно ответил Корнелиус.

Это было логично, и все же Локхарт ощутил что-то вроде ревности. Шрамм, похоже, окончательно забыл, кто на самом деле его командир. У него теперь новое начальство и новые товарищи. И возможно ли, что он когда-нибудь поднимет меч против своих прежних, если получит такой приказ? Хотя, конечно, пока что все они на одной стороне...

- Ладно, Корнелиус, - произнесла Элинор, - я понимаю, что вы и ваши люди сделали все, что могли. А теперь я желаю переговорить с полковником наедине. А вы пока распорядитесь, чтобы подготовили экипаж. Я забираю ваших подопечных.

- Да, мэм, - поклонился Корнелиус и поспешно вышел - не через ту дверь, через которую вошел Локхарт, а через другую, в глубине полукруглой ниши позади его стола.

- Я и в самом деле рада видеть вас целым и невредимым, - тихо сказала Элинор, выждав несколько секунд после того, как за альбиносом закрылась дверь. - Вероятно, это несправедливо по отношению к бедному доктору, особенно учитывая, какие надежды мы на него возлагали, но... я рада, что это были не вы.

- Вы думаете, это мог быть я? По-моему, какой бы хитрый способ ни изобрели убийцы, мотивы их, по крайней мере, очевидны. А соответственно и заказчик, что бы ни говорил ваш Корнелиус.

- Вовсе не так очевидны, - покачала головой Элинор. - Вы имеете в виду, что это люди Арвика, желавшие сорвать наш план? Но об этом плане не знал никто, кроме вас, меня и самого Якобсона. Никто, даже люди, выделенные ему в помощники, не знал, с какой целью он обследует леди Агату. Конечно, внезапный интерес к матери Арвика после стольких лет забвения мог насторожить - и, кстати, не только представителей партии Арвика - что называется, на всякий случай...

- Герцогу Бронгарскому тоже было бы невыгодно, если бы леди Агату признали вменяемой, - согласился Локхарт, - особенно если он в курсе, что двадцать лет назад это и в самом деле было так. И коль скоро он не знал, с какой целью это делается...

- Это одна из версий, - согласилась Элинор, - хотя он должен был сообразить, что я не стала бы действовать против собственных интересов. Но он может считать, что после состоявшейся коронации я слишком самоуверенна. А еще есть, например, герцоги Гейнские. Точнее, формально этот титул считается пресекшимся после смерти отца и матери леди Агаты, но земли - та их часть, что не отошла короне в качестве приданого - были поделены между двумя боковыми ветвями дома. А теперь, если бы последнюю герцогиню Гейнскую признали вменяемой, она получила бы право требовать эти земли обратно. С тем, чтобы пожертвовать их монастырю, например, в обмен на свое освобождение - вот вам и мотив, по которому Фабиас якобы убедил меня согласиться на сделку... Однако этим господам было бы крайне

затруднительно вообще узнать о поручении, данном Якобсону, не говоря о том, чтобы подготовить и осуществить покушение в тот же день. После развода моего отца все родственники Гейнского дома были удалены от двора - и, в общем, не жаловались, учитывая доставшееся им отступное...

- Никогда не следует недооценивать противника. Мало ли какие у них могли остаться связи...

Неужели все так просто, подумалось Локхарту - никакой политики, просто чьи-то меркантильные интересы? Хотя, конечно, остается вопрос, как именно они могли это провернуть...

- Да, - не стала спорить Элинор. - Но Якобсон мог погибнуть и просто по ошибке. Целью мог быть кто-то другой.

- Так вы полагаете, это был я? - повторил Локхарт. Даже после всех опасностей, пережитых в космосе и на земле, ему было трудно переварить эту мысль. Одно дело - иметь дело с ясным и осязаемым врагом, с опасностью, источник которой понятен - будь то хоть космическая катастрофа, хоть вражеские солдаты - и совсем другое - служить мишенью неведомых убийц, наносящих свой удар неизвестно откуда, когда и как...

- Может быть, - ответила королева. - Может, де Сегюр, из-за его контактов с Фабиасом. Вряд ли Вельо, уж он точно ни у кого не стоял поперек дороги...

"Разве что у тлукаляханской контрразведки", - подумал Локхарт, вспомнив идеи лингвиста относительно тлукаляханского языка. Но представители заморской империи уж точно никак не могли об этом узнать.

- И тем более не Шрамм, - сказал полковник вслух. - Который теперь не может участвовать ни в каких политических раскладах просто в силу своего умственного уровня. Именно поэтому его не стали прятать вместе с нами? Или... все-таки оставили на виду в качестве "живца"? - последняя идея Локхарту, конечно, совсем не нравилась, хотя он и понимал, что, если бы даже у Шрамма спросили согласия на роль приманки. тот согласился бы с радостью. Все, что угодно, чтобы послужить его обожаемой королеве...

- Возможно, и то, и другое сразу, - пожала плечами Элинор. - Операцию планировала не я, но я предпочла согласиться с рекомендациями профессионалов. Может даже, был и третий мотив - чтобы он потом не выболтал никаких секретов этого места.

- Думаю, он не смог бы при всем желании, - усмехнулся Локхарт. - Даже я до сих пор не знаю, где мы, собственно, находимся.

- Замок святого Михаила, - просветила его Элинор и иронически добавила: - Вот сейчас любой понял бы, что вы не айринтиец, по отсутствию реакции на вашем лице. Этого места положено бояться, как огня. Это крепость внутри крепости, штаб-квартира и одновременно тюрьма Тайной Стражи. А покои, в которых вы гостили все это время, находятся на вершине знаменитой Башни Слез. Знаменита она в том числе тем, что в ней нет ни окон, ни дверей - в смысле, внешних. Ни единого отверстия, ведущего наружу. Попасть в нее можно только подземным ходом. В который в любой момент можно пустить воду из озера и затопить его в считаные минуты. Тогда башня и все ее обитатели окажутся полностью отрезанными от мира. Им даже нельзя будет передать еду.

- Милую перспективу нам тут уготовили! - Локхарт вновь не сдержал усмешки.

- За время существования Дракенхайма такое проделывали всего три раза - именно с целью переморить голодной смертью разом всех узников - но все три были очень давно, последний - почти полтора века назад. И уж конечно никто не отдал бы подобный приказ сейчас, когда вы находились внутри. Вообще, у покоев наверху роль двоякая. Иногда они используются как тюрьма для почетных узников, которым надо обеспечить более комфортные условия содержания, чем прочим - ну и, конечно же, одновременно исключить возможность побега - а иногда как сейчас, в качестве максимально надежного тайного убежища. О последнем, конечно,

знать никому не следует. Как вы могли заметить, к вам наверх ведет отдельная лестница, не имеющая выходов на другие этажи...

- Где условия куда менее комфортны, - понимающе кивнул Локхарт.

- Не настолько, как рассказывают, - заметила Элинор, - и далеко не все из помещений в самой башне вообще используются в качестве тюрьмы. Там хранятся, в частности, кое-какие архивы... Но вот казематы под башней - те да. Когда двери заперты, они полностью герметичны. В них выведены трубы, по которым поступает воздух. Но через те же трубы можно пустить, опять-таки, озерную воду и затопить каждую камеру в отдельности. Причем заслонки специально спроектированы так, что, будучи открытыми, они не могут вернуться в прежнее положение, пока давление с двух сторон не сравняется. То есть пока камера не будет целиком заполнена водой - раз начав, процесс уже не остановить. И такое как раз проделывалось множество раз. Узники знают об этом. И днем и ночью видеть над собой эти трубы, зная, что из них в любую минуту может начать извергаться вода... говорят, это действует на психику посильнее иных методов допроса с пристрастием.

- Да уж, - пробормотал полковник.

- А знаете, с кем вы тут только что говорили? - продолжала просвещать его королева. - Тоже по-своему легендарная личность. Корнелиус Крамп, по прозвищу Бледная Смерть. Генеральный дознаватель Тайной Стражи. В некотором роде, более важная фигура, чем тайный советник Блаттер, начальник этого ведомства. Должность Блаттера во многом административная. А вот к Крампу сходятся все нити собственно следственной и агентурной работы. Человек ужасной репутации, именем которого матери пугают детей. На самом деле он же эту репутацию всячески и раздувает, чему его внешность весьма способствует. Не исключено даже, что когда-то именно его облик и подтолкнул его выбрать такую карьеру... Блестящий профессионал с потрясающей работоспособностью - порою кажется, что он вообще никогда не спит - и одновременно, между прочим, человек с тонким художественным вкусом, в свободное время пишущий очень неплохие картины. Особенно ему удаются портреты - он способен буквально несколькими точными мазками передать характер человека. К сожалению, свободного времени у него почти не бывает... Но одну его работу вы видели - портрет моего отца в гостевом доме. Только подписи художника вы на нем не найдете. Широкая публика не должна об этом знать. Для публики он должен оставаться Бледной Смертью, потусторонней нечистью, властителем пыточных подвалов...

- А это не так? - желчно усмехнулся Локхарт.

- Такая репутация как раз часто позволяет достигать желаемого без всякого физического насилия... Нет, конечно, если надо, он убьет и не поморщится. ("Какое состояние ножа настоящее?" - вспомнилось Локхарту.) Как и любой солдат. Как и вы, полковник. Разве не так?

- Я еще никогда в жизни никого не убивал. И в армию пошел не ради этого. Хотя, конечно, если на мою страну или на людей, за которых я отвечаю, нападает враг, я не стану с ним церемониться. Но выпустить во врага ракету... или там стрелу - это одно, а допросы третьей степени... не моя специализация.

- Не думайте, что мне нравятся такие методы. Но увы - без них не обойтись.

- В моем мире как-то обходились.

- Это вы так думаете, - неожиданно желчно произнесла Элинор.

- Вы что-то знаете о моем мире? - навострил уши Локхарт.

- Просто знаю, что люди остаются людьми в любых мирах, - мрачно констатировала юная королева. - Ладно, мы с вами увлеклись философией, а у нас есть более практические проблемы.

- Верно. Какие новости за те дни, что мы тут сидим?

- Арвик собирает войска на севере. Небезуспешно. Сведения, как вы понимаете, запаздывают, так что сейчас мы имеем представление, как обстояли дела три-четыре дня назад. Но если тенденция сохраняется, то она не радует. А она, скорее всего, не просто сохраняется -

она усиливается. Сами понимаете - чем больше полков перейдут на его сторону, тем легче и естественней будет тот же выбор для остальных. Далее, сегодня утром гроггендорский посол вручил нам ноту. Они, видите ли, обеспокоены беспорядками на севере Айринтии, вследствие коих вооруженные формирования, неподконтрольные правительству в Дракенхайме, могут представлять угрозу для южных рубежей Гроггендора. Прелестно, да? Это, оказывается, они боятся, что мы на них нападем. То есть даже не мы, а мятежники Арвика.

- Чтобы иметь предлог ввести свои войска на север Айринтии и "обеспечить безопасность" своими силами, коль скоро этого не может сделать центральное правительство, - кивнул Локхарт.

- Для начала, как минимум, направить своего "специального представителя" в Айзеншлосс для переговоров с "лидером неподконтрольных Дракенхайму сил". То есть фактически посла. Который в любой момент может получить этот статус и официально. Нет, своего посла из Дракенхайма они тоже не отзывают. Будут сидеть в обеих столицах, выжидая, чья возьмет. Хотя не думаю, что у них надолго хватит терпения для пассивного выжидания. Тем более что Арвик, коль скоро они готовы вступить с ним в переговоры, полагаю, пообещает им северные территории в обмен на признание его королем. С какой легкостью он раздает обещания, я уже говорила - возможно, и не собираясь их исполнять, но в данном случае Гроггендор заставит его это сделать. Если только мы быстро не продемонстрируем им, что войска на приграничных землях находятся под нашим контролем.

- Например, выведя их оттуда? - усмехнулся Локхарт. - Что и говорить, Гроггендор устроит любой вариант!

- Либо быстро покончив с мятежом, - кивнула Элинор. - Но с этим пока что...

- Как насчет нашего плана? Несмотря на смерть Якобсона, возможно, еще не все потеряно. Вы посылали к леди Агате других врачей?

- Увы, они находят ее состояние совершенно безнадежным, - покачала головой королева. - Надежда была только на вашего доктора.

- Тогда, - Локхарт решил озвучить идею, уже приходившую ему в голову, - почему бы не предъявить заинтересованным сторонам двойника леди Агаты? Думаю, при тщательной подготовке...

- Увы, - Элинор вновь покачала головой. - Я уже думала об этом, конечно. Ничего не выйдет. Существует документ, составленный при помещении матери Арвика... туда, где она сейчас находится. Представители, точнее, представительницы нескольких знатных родов, ее личные служанки и сам король осмотрели ее обнаженной и составили скрупулезный перечень всех ее примет, включая каждую родинку. Этот документ, подписанный королем и всеми свидетельницами, был обнародован, и его копии хранятся во множестве архивов. По иронии судьбы, отец распорядился сделать это именно для того, чтобы предотвратить появление самозванок, "чудом спасшихся" из дворца. На тот момент это действительно была вполне разумная предосторожность...

- Да уж. Значит, будет война?

- Если только у вас нет другого плана, - сказала Элинор серьезно, глядя ему в глаза.

Локхарт задумался.

- Боюсь, что нет, - вынужден был признать он. - Арвика, очевидно, нельзя ни переубедить, ни купить, ни, как вы говорите, скомпрометировать в глазах сторонников. Даже если мы найдем кого-то, кто присягнет, что является его настоящим отцом, в это никто не поверит. Как, в общем-то, и в любые иные обвинения, исходящие от заинтересованной стороны - а незаинтересованных сторон в этом конфликте не существует... Подослать к нему убийц, по вашим словам, уже не получится. Значит... боюсь, это уравнение не имеет иных решений.

- Признаюсь, у меня была слабая надежда, что вы предложите нечто, что мы все упускаем, - вздохнула Элинор. - Ну, вы знаете, свежий взгляд со стороны и все такое... Но чудес

все-таки не бывает.

- Возможно, у де Сегюра найдутся идеи получше. Он все-таки профессиональный дипломат.

- Я переговорю с ним чуть позже.

- Жаль вас разочаровывать, - пожал плечами Локхарт. - Вы именно поэтому приехали сюда лично? В надежде получить совет на фоне гроггендорского ультиматума?

- В том числе. События развиваются столь быстро и неприятно, что я решила забрать вас отсюда, не дожидаясь новых результатов зашедшего в тупик расследования... хватит вам уже тут прохлаждаться без всякой пользы, - она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла невеселой. - Сами понимаете, это неофициальный визит. Обычно королевы не посещают такие места. Если не считать жену моего прадеда Марианну, обвиненную в заговоре с целью убийства мужа и возведения на трон своего брата и, по всей видимости, любовника...

- Да уж! - брезгливо поморщился полковник.

- ...но она была доставлена сюда не по своей воле, - закончила Элинор.

- Ее казнили? - осведомился Локхарт.

- Ей было обещано, что палач к ней не притронется, если она сознается. Поэтому все сделала вода.

- Хмм... - задумался полковник, - а насколько вообще для вас безопасно посещать такие места инкогнито? Если предположить, что среди здешнего персонала имеются заговорщики... вы могли бы просто исчезнуть в одном из здешних казематов, и никто бы даже не узнал...

- Не путайте "неофициально" и "инкогнито", - возразила Элинор. - Мои гвардейцы ждут во дворе, разумеется. Да и потом, в день, когда я не смогу доверять своей Тайной Страже, мне останется только переродиться.

"Переродиться?" - удивился полковник, а потом вспомнил об особенностях местной религии. Очевидно, это слово служило здесь эвфемизмом смерти и, в особенности, самоубийства.

- У Корнелиуса есть только один недостаток, - продолжала Элинор. - Который, как часто бывает, продолжение его же достоинств. Он безусловно предан короне.

- Что же в этом плохого? - удивился Локхарт.

- Короне, а не королеве. Сейчас эта корона на моей голове, и я могу полностью на него полагаться. Но если бы вдруг Арвику или дяде Хуберту удалось короноваться - с соблюдением всех законных формальностей, в кафедральном соборе Дракенхайма - он стал бы служить им столь же преданно, как сейчас служит мне.

- Что ж, - заметил Локхарт, - такая принципиальность, во всяком случае, внушает уважение. Честно говоря, я и сам всегда считал своим долгом служить своей стране, а не личности конкретного правителя.

- И вы намерены сохранить те же принципы сейчас? - насмешливо приподняла бровь Элинор.

- Моя страна была республикой, а не монархией. Не думаю, что ее принципы применимы здесь и сейчас, - признал Локхарт и мысленно добавил: "Кто-нибудь - тот же де Сегюр - мог бы сказать, что они не выдержали проверку временем, раз республик больше нет, а королевства есть. Если не считать ибикейских пиратов, разве что..."

- Полагаю, что - хоть я, как вы выражаетесь, лицо заинтересованное, - отметила Элинор тем же ироничным тоном и вновь перешла на серьезный, - интересы страны в данном случае совпадают с моими личными. И ваши тоже, - добавила она. - Победа Арвика была бы катастрофой для Айринтии.

- Как насчет герцога Бронгарского? - вырвалось у Локхарта, и он тут же поспешил уточнить: - Это я так, в качестве адвоката дьявола.

- Кое-кто назвал бы его и так, - холодно отметила королева. - Вы знаете, из-за чего. В

любом случае, правда это или нет, полагаю, он способен лучше послужить Айринтии на своем нынешнем посту, чем в качестве короля.

- То есть вы все же приняли решение послать его на север подавлять мятеж?

- Не знаю, - Элинор раздраженно качнула головой. - Возможно, мне придется так поступить. Гроггендорцы могут не оставить иного выхода. В конце концов, из ныне живущих айринтийских полководцев он единственный, кто их уже бил, и они поймут, что означает этот сигнал... Но пока я еще не решила.

- Времени для нерешительности остается все меньше, - заметил полковник, не подумав, насколько дерзко это звучит.

- Да, - спокойно согласилась Элинор. - Гонцы уже посланы в гарнизоны, королевские войска идут к столице. Когда они подойдут... держать их здесь будет едва ли не опаснее, чем отправить восвояси.

- Держать под командованием Бронгара? - понял Локхарт. - Я бы назначил место сбора севернее, подальше от столицы.

- Тогда и их командующего придется послать туда, - возразила Элинор. - А пока он остается в Дракенхайме...

- Не только вы оказываетесь у него в заложниках, но и он - у вас, - сообразил полковник.

- В столице у меня преимущество, - уточнила Элинор. - Личная гвардия и Тайная Стража. Я могла бы арестовать его в любой момент, если бы... для этого нашлись основания. Но когда его армия будет стоять под стенами - даже и не войдя внутрь - это несколько изменит расклад.

- Послать его с армией на север значит выпустить из рук, вручив ему силу, превосходящую вашу. Отправиться с ним вместе - рисковать получить удар в спину. Держать его здесь - патовый вариант, недопустимый уже хотя бы из-за растущей с каждым днем угрозы с севера, теперь уже двойной угрозы, - перечислил Локхарт. - Что ни выбери, все плохо.

- Да.

- А если все же... убрать это неизвестное из уравнения? Не ломая голову, лоялен он или нет. Просто убрать, именно как неизвестное. Любым способом, который не позволит прямо обвинить вас - несчастный случай, гроггендорские шпионы, мститель за *тех самых* детей...

"До чего я уже дошел? - вдруг поразился сам себе Локхарт. - Я предлагаю убить человека, высокопоставленного офицера и героя войны - и, кстати, родного дядю этой девушки - на основании одних лишь подозрений. Просто на всякий случай. Но в нынешней реальности, очевидно, уже нельзя позволить себе руководствоваться презумпцией невиновности и прочими атрибутами нашей цивилизации..."

Элинор, очевидно, ничуть не была шокирована этой идеей. Она лишь невесело осведомилась:

- И кого вы предлагаете назначить вместо него?

- Ну, это вам виднее, - растерялся Локхарт. - Неужели его совсем некем заменить?

- Есть несколько кандидатур, - без энтузиазма признала королева. - Но никто из них не имеет его боевого опыта и популярности в войсках. Длительный мир, которого удалось добиться моему отцу, имеет свои отрицательные стороны... А популярность в войсках для нас сейчас весьма критична, учитывая, что Арвика многие считают законным наследником... и более подходящим для престола уже просто потому, что он мужчина, - добавила Элинор неприязненно. - "В эти неспокойные времена", да. Опять же, пока коннетаблем является герцог Бронгарский, никому в голову не приходит оспаривать его авторитет и его полномочия. А против любого из этих... кандидатов мигом объединятся все остальные под девизом "почему он, а не я?" Нет, конечно, до открытого неповиновения не дойдет. Но вы же понимаете, как можно втихомолку саботировать приказы, желая выставить собственного начальника некомпетентным дураком в надежде самому занять его место. И что будет с Айринтией, пока ее полководцы будут интриговать друг против друга вместо того, чтобы отражать грозящую всем нам угрозу? К тому

же для Гроггендора Бронгар - тоже знаковая фигура. Единственный человек - точнее, единственный командующий - наносивший им поражение за последние, по меньшей мере, тридцать лет. Причем поражение, так и оставшееся неотомщенным... Убрать его - это практически сделать им приглашающий жест.

- Возможно, - задумчиво заметил Локхарт, - гроггендорская угроза - это, по крайней мере, хороший повод держать Бронгара на севере. Подальше от столицы. Поручить именно ему защиту новых земель, в необходимости коей он, насколько я знаю, уверен.

- После того, как он разобьет Арвика? - усмехнулась Элинор.

- Разумеется. И пожаловать ему в награду за это какие-нибудь поместья все там же, на бывших бугенхольмских землях. Дабы подкрепить его патриотический интерес личным... - Локхарт почувствовал себя в ударе: похоже, искусство средневековой интриги не так уж и сложно по сравнению с управлением космическим кораблем. Однако он тут же осекся, заметив сомнение во взгляде королевы. - Вы не уверены, что Бронгар победит Арвика? Или... вы полагаете, что эти двое могут вступить в союз против вас?

- В чем я совершенно уверена, так это в том, что дядя Хуберт не пойдет на союз с Гроггендором, - ответила Элинор. - Это для него вопрос принципа. Даже ради короны он не отдаст им ни клочка айринтийской земли. А вот что касается Арвика... я не знаю. Я не сказала бы, чтобы эти двое когда-либо были близки, но и врагами тоже не были. Пожалуй, их отношения всегда были нейтральными. Дядя Хуберт, как и все, полагал, что Арвик - будущий король, которому он будет служить. Если он и не был в восторге от некоторых качеств племянника, то, очевидно, держал это при себе. Арвику, в свою очередь, не за что было его ненавидеть. И более того - судя по тому, что наши переговоры с герцогом шли практически до самой моей коронации, а точнее - до того момента, как ему предъявили голову, как мы тогда полагали, Арвика - некие планы на племянника, а возможно, и прямые договоренности с ним, у Бронгара были. Коронация, конечно, многое изменила. Сейчас в глазах Арвика герцог - предатель, присягнувший мне. Но если тот вздумает убеждать племянника, что это был лишь хитрый маневр с целью сохранить командование армией и привести ее в распоряжение "законного короля"... - Элинор пожала плечами.

- Зачем это Бронгару?

- Кто знает. Может быть, в расчете потом объявить Арвика сумасшедшим и править от его имени.

Локхарт вспомнил, как де Сегюр хотел предложить подобный план Хагентраубу. "Регент при безумном короле..."

- Я не говорю, что у дяди Хуберта имеется такой план, - продолжала Элинор. - Боюсь, этого не знает никто, кроме него самого. Просто и такой вариант нельзя исключать. Или он даже может решить, что в условиях гроггендорской угрозы важнее бескровно объединить все имеющиеся на севере войска, чем губить их в междоусобной войне ради защиты законной королевы. Как ни парадоксально, но на измену его может толкнуть именно патриотизм, а не личные амбиции.

- Или личные амбиции, удобно прикрываемые патриотизмом, - пробормотал Локхарт, - как оно во все времена и бывало, насколько я знаю историю... Кстати, - припомнил он, - мы все время говорим об угрозе с севера, а что тут у нас на юге? Что поделывает, в частности, граф Хагентрауб? Ведь он на стороне Арвика.

- Полагаю, на самом деле он ни на чьей стороне, кроме своей собственной, - ответила Элинор. - Как, собственно, и все последние поколения Хагентраубов. Пока, во всяком случае, он сохраняет лояльность. Или, возможно, до сих пор дуется на Арвика за то, что тот разыграл его втемную в истории с двойником, - королева усмехнулась. - Но, скорее всего, он просто выжидает, чья возьмет. Прекрасно понимая, что ссориться с ним сейчас не в интересах ни одной из сторон. Хагентрауб может выставить под свои знамена до пяти тысяч бойцов, это больше, чем

вся моя личная гвардия... И это, кстати, еще один повод держать Бронгара и королевскую армию здесь, а не отсылать их всех на север.

Локхарт молчал, обдумывая ситуацию. Никаких обнадеживающих идей ему в голову не приходило.

- Ну ладно, - сказала, наконец, королева, не дождавшись его ответа, - не будем заставлять ждать ваших товарищей, которые уже, полагаю, сидят в карете.

- Куда мы поедем на этот раз? Я так понимаю, не обратно в гостевой дом архиепископа?

- Во дворец. Теперь я намерена держать вас под рукой, - улыбнулась Элинор.

- В каком качестве?

- Там имеются покои для почетных гостей. В восточном крыле, которое вам уже отчасти знакомо, - она вновь улыбнулась.

- Насколько это безопасно? - предпочел уточнить он, не отвечая на улыбку.

- Полковник, вы говорите о королевской резиденции.

- Да, - не смутился он, - об огромном здании со многими входами и выходами - а вероятно, и тайными ходами внутри - где работает, живет или бывает множество самого разного народу. И где, как вы сами говорили, даже ваш отец не мог гарантировать вашу безопасность в вашу бытность принцессой, - "а возможно, не смог обеспечить ее и самому себе", добавил Локхарт мысленно.

- Эти покои достаточно хорошо изолированы от остального дворца, дабы никто не мог потревожить покой королевских гостей.

- Еще одна тюрьма? - усмехнулся полковник.

- Нет. В прежние времена там действительно останавливались весьма важные господа, вроде иностранных принцев. Забота о безопасности коих была порою даже более важна для интересов государства, чем безопасность, так сказать, коренных обитателей. Никто не сможет попасть туда незамеченным.

- Хм... а это ничего, что мы не принцы, и даже дворянин среди нас только один? Это не будет считаться нарушением придворных правил?

- Я королева, - отрезала Элинор. - Я сама устанавливаю правила.

Сочтя, очевидно, объяснения законченными, она решительно подошла к двери в коридор и открыла ее; снаружи уже ожидали двое гвардейцев. Локхарту ничего не оставалось, кроме как последовать за королевой.

Из "подземного гаража" они, конечно, выехали в двух разных каретах (выглядевших, впрочем, весьма похоже, без каких-либо гербов и украшений) - Элинор отдельно, астронавты отдельно. Де Сегюр и Вельо, как и говорила Элинор, уже дожидались Локхарта в отведенном им экипаже (возможно, том же, что доставил их сюда, или, во всяком случае, таком же, с приклеенными к окнам шторками); никаких объяснений им так никто и не дал, и лингвист, как выяснилось, порывался устроить скандал стражникам, заявляя, что никуда не пойдет без своего командира, что, возможно, могло закончиться даже и рукоприкладством (со стороны итальянца, естественно, ибо стража вела себя с неизменной почтительностью), если бы де Сегюр не напомнил товарищу, что исполняет обязанности командира в отсутствие Локхарта, и не приказал подчиниться полученному распоряжению. После чего гигант нехотя повиновался, но продолжал бурчать уже и в карете до самого появления там полковника.

По пути Локхарт пересказал товарищам то, что узнал сам, неожиданно поймав себя на мысли, что ему не хочется излагать политические подробности при Вельо точно так же, как прежде при Шрамме, хотя разум великана уж точно не был поврежден ни травмой, ни влюбленностью. Просто... просто сама натура Вельо казалась несовместимой с самой концепцией политических интриг. Действительно, лингвист, обрадовавшийся было при появлении живого и здорового Локхарта, вновь нахмурился и сидел с мрачным видом всю дорогу - в то время как де Сегюр явно выглядел довольным, и это проступало даже сквозь его

обычную сдержанность.

- Чему вы радуетесь, посланник? - не выдержал Локхарт. - Не вижу в новостях ничего для нас хорошего.

- Ну, во-первых, события развиваются именно так, как я и предполагал, - невозмутимо ответил де Сегюр. - Во-вторых, чем задача сложнее, тем она интереснее.

- Это не головоломка, которую вы разгадываете после обеда для развлечения. Это ситуация, от которой могут зависеть наши жизни! Не говоря уже о жизнях множества других людей...

- В-третьих, - продолжал граф, игнорируя последнюю фразу, - если говорить о наших личных интересах, то смотрите, с какой быстротой мы продвинулись от безвестных чужаков без гроша за душой, спавших под открытым небом на морском берегу, до личных гостей королевы, занимающих апартаменты принцев в королевском дворце. Не думаю, что в бескризисную эпоху нас ждала бы подобная карьера.

- Но, как вы сами справедливо заметили, - язвительно напомнил Локхарт, - расплатой за подобную карьеру в подобную эпоху является не уход в оппозицию, а эшафот для проигравших.

- Вы можете изменить правила игры?

- Нет, - буркнул полковник, - но и не вижу повода им радоваться.

- Раз уж не играть мы все равно не можем, не вижу, почему бы не получать удовольствие от процесса.

У Локхарта вертелся ответ, что подобным образом говорят об изнасиловании, но он сдержался. В конце концов, конфликты внутри группы им совершенно ни к чему. А де Сегюр... как сказала Элинор, наши недостатки - продолжение наших достоинств. Идеальный дипломат, наверное, и должен быть таким - лишенным личных принципов и привязанностей, готовым служить тому, кто является властью сегодня, и думающим не об эфемерных понятиях типа чести или морали, правды или справедливости, а исключительно об эффективности решения поставленных задач. Получающим удовольствие от самого процесса игры и безразличным к участи убираемых с доски фигур...

- Если, как вы говорите, вы предвидели развитие событий, - сказал полковник вслух, стараясь убрать язвительность из голоса, - у вас, вероятно, есть идеи, что делать дальше?

- Кое-какие есть, - спокойно подтвердил граф, - и я намерен поделиться ими с его высокопреосвященством или с королевой, в зависимости от того, кто изволит принять меня раньше.

Локхарт отметил про себя, что де Сегюр поставил Фабиаса на первое место и по порядку, и по почтительности. Впрочем, эти двое, вероятно, действительно хорошо подходят друг другу. А вот то, что дипломат не считает нужным сперва поделиться своими идеями со своим непосредственным командиром... Однако это тоже приходится признать логичным. Бремя принятия политических решений лежит теперь отнюдь не на Локхарте, а требовать от де Сегюра предварительно согласовывать с командиром любые идеи, прежде чем высказывать их высокопоставленным лицам, значит лишь подрывать свой авторитет, отдавая приказ, исполнение которого заведомо невозможно проконтролировать. Остается утешаться лишь тем, что все они на одной стороне... во всяком случае, пока.

А может быть, подумалось вдруг Локхарту, де Сегюр тоже не хочет обсуждать тему при Вельо.

Наконец карета остановилась (Вельо так и не проронил за весь путь ни слова, сердито уставившись в заклеенное окно). Выбравшись наружу, астронавты оказались с задней стороны дворца среди суетящейся прислуги, разгружавшей какую-то повозку - по виду обычных дворцовых слуг низшего разряда, не носивших парадных ливрей, а следовательно, не допущенных к обслуживанию высоких гостей. Однако у Локхарта не возникло сомнений, в каком ведомстве получают свое жалование те четверо из них, что уже стояли в ожидании прямо

возле кареты. Один из них, вероятно, старший по званию, коротко поклонился прибывшим и пригласил их следовать за ним; прочие двинулись следом в качестве эскорта, прикрывавшего троих гостей с боков и сзади, но, тем не менее, вызывавшего нехорошие ассоциации с конвоем.

Астронавтов провели внутрь восточного крыла через один из черных ходов; в коридоре шедший впереди свернул в полукруглую нишу справа, спустился по короткой лестнице и отпер своим ключом дверь, которая по виду вела в один из дворцовых погребов. Это действительно оказался погреб с огромными, диаметром больше человеческого роста, бочками, горизонтально вмурованными в стену слева и справа от прохода. Подойдя к четвертой бочке слева, провожатый дважды повернул кран на бочке (откуда не упало ни капли), а затем толкнул ее дно, которое беззвучно повернулось вдоль вертикальной оси; свет масляного фонаря озарил в глубине ступени уводившей наверх лестницы. Поднявшись гуськом по этой лестнице, астронавты и сопровождающие оказались в коротком коридоре с голыми каменными стенами без окон и дверей, если не считать единственной, окованной железом, в которую он упирался. Шедший впереди отпер тем же ключом. Через нее они вышли в перпендикулярный коридор, словно принадлежавший другому зданию - с коврами на полу, панелями красного дерева на стенах и лепниной на потолке; это уже были типичные интерьеры дворца, знакомые им по прошлому официальному визиту. Окон не было и здесь, но отблески многочисленных светильников отражались в полировке и золоченых ручках украшенных резьбою дверей.

- Ваш ключ, сэр, - предводитель провожатых все с тем же коротким поклоном протянул ключ Локхарту. - Когда эта дверь заперта изнутри, ее невозможно открыть с другой стороны. Вы можете воспользоваться ею, если у вас возникнет... особая необходимость покинуть дворец. Но всякий раз, когда эта дверь открывается, в помещении начальника стражи звонит колокольчик. Поэтому, если не хотите поднимать тревогу, пользуйтесь обычным выходом в конце коридора, - он махнул рукой. Эти два выхода - единственные, через которые можно попасть в эту часть здания.

Двери с резьбой вели в сами апартаменты, обставленные с еще большей роскошью, чем в гостевом доме архиепископа; каждый "номер" состоял из трех комнат - спальни (которая также могла играть роль столовой), кабинета и помещения для прислуги, на случай, если высокопоставленный гость пожелает держать при себе собственного камердинера или телохранителя. Два самых больших и роскошных номера рядом, соединявшиеся дверью (Локхарт мысленно окрестил их "президентскими"), предназначались, очевидно, для главы делегации и его супруги; еще девять попроще - для дворян свиты. Отличительной особенностью их всех, однако, было то, что они не имели окон с видом на город. Апартаменты располагались по квадрату ("президентские" на одной стороне, прочие по три на остальных) вокруг внутреннего дворика с разбитым в нем зимним садом, пышно зеленеющим и цветущим и в эту осеннюю пору. В центре мягко плескался фонтан, выгибаясь лепестками зыбкого стекла, вдоль выложенных камнем дорожек и под игрушечными мостиками струился по спирали искусственный ручей, а среди зеленых веток перепархивали разноцветные птицы - Локхарт заметил красных кардиналов, синих соек и даже, кажется, зеленого попугая - не иначе как дар из все еще сохраняющего тропическую фауну Тлукаляхана (у полковника даже мелькнула мысль, не обучен ли этот попугай повторять потом услышанные от гостей слова, но он тут же отмел ее как совершенно фантастическую). Весь этот маленький рай защищала от непогоды стеклянная крыша. Все окна выходили именно туда, во внутренний двор, и ни одно - на внешнюю стену.

Гостям были представлены слуги - не те переодетые стражники, что провели их через тайный ход, а вполне натуральные дворцовые ливрейные лакеи, хотя можно было не сомневаться, что они тоже получают изрядную часть своего жалования в том же ведомстве. Как особо подчеркнул старший стражник, лишь эти слуги, несущие дежурство в три смены, допущены к обслуживанию высоких гостей; появление любого иного лица, какими бы объяснениями, типа подмены внезапно заболевшего, оно ни сопровождалось - повод немедленно

поднять тревогу. Для каковой цели во всех апартаментах имелся красный шнур с кистью на конце, свисавший из отверстия в стене; синий шнур рядом с ним служил для обычного вызова прислуги. Позолоченная панель с прорезью рядом играла роль почтового ящика; как было объявлено, любая корреспонденция, брошенная туда, будь то письмо во внешний мир или обращение, адресованное кому-то внутри дворца - скажем, просьба об аудиенции - будет незамедлительно отправлена согласно указанному адресу.

Локхарт тем временем решал в уме собственную, пусть и миниатюрную, политическую проблему: каким образом расселить своих подчиненных. "Президентских люксов" только два, а если всем заселиться в один номер (что имело бы смысл с точки зрения безопасности, и можно приказать слугам перетащить дополнительную кровать в кабинет), то "господских" помещений там опять-таки только два. Значит, третий окажется в худших условиях. В прежние времена такая ерунда вообще не стоила бы внимания - даже комнаты для прислуги здесь роскошнее, чем их каюты на "Доброй воле", если, конечно, обращать внимание на внешний лоск, а не на отсутствие всех технических удобств - но теперь, когда отношения в их троице, откровенно говоря, не самые блестящие, любой новый повод для конфликта между, допустим, де Сегюром и Вельо... Локхарт устыдился мелькнувшей было рефлекторной мысли отправить в худшее помещение Вельо и словно в отместку подумал: "А почему бы мне не занять его самому? Даже в комнате для прислуги я все равно остаюсь их командиром..." Затем он, однако, подумал, что и это соображение было актуально в прежние времена. А теперь его власть слишком эфемерна, чтобы подрывать ее даже такими пустяками, имеющими, однако, символическое значение.

Эфемерна? - подумалось ему в следующий момент. У него, выбирающего себе предназначенные для принцев покои в королевском дворце? ("Мы ведь фактически равны", - вспомнились ему слова Элинор.) Пожалуй, многие здешние феодалы захотели бы поменяться с ним местами! Неужели он до сих пор не воспринимает новую реальность всерьез и полагает, что быть командиром того, что осталось от "Доброй воли", важнее, чем быть...

Кем? Каков все-таки его статус здесь? С ним советуется королева, но у него нет ни должности, ни титула, ни даже собственности, не считая тех злосчастных дармонтовских монет, которые он так и таскает собой с одной предоставленной из милости квартиры на другую...

Тут он заметил, что и слуги, и товарищи смотрят на него выжидательно, и понял, что ему уже второй раз задают вопрос.

- Мы займем смежные апартаменты на противоположной стороне, - сказал он, указывая в окно "президентского люкса" через зимний сад. - Я в середине, Вельо слева, де Сегюр справа.

Слуги приняли пожелания по поводу обеда и, пообещав подать его через сорок минут, важно удалились вместе с охранниками.

Локхарт отметил про себя, что во дворцовых гостевых покоях, в отличие от архиепископских, общей столовой не имелось. Возможно, в предположении, что для торжественных обедов и ужинов высоких гостей будут приглашать за королевский стол, а легкий перекус удобней устраивать прямо в апартаментах у каждого. Или же в расчете на то, что если гости все же пожелают собираться вместе - дабы не только разделить трапезу, но и обсудить некие вопросы - то самым естественным местом для этого будет зимний сад (где можно и накрыть столы), который хорошо просматривается и, возможно, прослушивается не только попугаями (последнее даже и не требовалось, если зоркие соглядатаи умели читать по губам, в то время как плеск воды и чириканье птиц внушали гостям ощущение ложной приватности). Так или иначе, Локхарт назначил на роль столовой спальню в одном из "президентских люксов", где, несмотря на эпических размеров кровать под балдахином (Локхарт подумал с усмешкой, что вся его комната в курсантской общаге была меньше), оставалось более чем достаточно места для трапезы по меньшей мере полудюжины человек.

Королевская кухня оказалась выше всяческих похвал, однако на астронавтов, уже избалованных не менее изысканной едой в гостевом доме архиепископа, это не произвело

большого впечатления. Локхарт решительно пресек попытку слуг соблюдать церемониал и прислуживать гостям на всем протяжении трапезы; им велено было оставить на столе все блюда сразу и удалиться. Однако, несмотря на отсутствие посторонних ушей, обед прошел в молчании. Освобождение из Башни Слез - не сопровождавшееся, однако, никакими утешительными вестями - так и не подняло им настроения - во всяком случае, двум из них; де Сегюр же был целиком погружен в какие-то собственные мысли, делиться которыми явно не собирался. Локхарт с сожалением подумал, что Якобсон, наверное, сумел бы разрядить обстановку и вовлечь остальных в беседу, которая не звучала бы принужденно, и что им всем, возможно, еще предстоит убедиться, насколько важной была на первый взгляд незаметная роль маленького доктора для поддержания хоть какого-то единства их маленькой группы. Может, даже не словами, а невербальными методами - улыбнуться одному, ободряюще коснуться руки другого, серьезно кивнуть на слова третьего... По злой иронии судьбы - или, быть может, в соответствии с расчетом неведомых злоумышленников - единственным человеком, который мог бы нормализовать психологический климат в команде после нераскрытого убийства Якобсона, был сам Якобсон.

Тем не менее, поднявшись из-за стола, Локхарт объявил, что они и впредь будут есть вместе здесь же "уже хотя бы из соображений безопасности". Никто не попытался возражать.

После обеда Локхарт направился в соседнюю комнату - кабинет "президентского люкса", где он уже успел отметить изрядное собрание книг на полках вдоль левой и правой стены - здесь их было во много раз больше, чем в гостевом доме, не говоря уже о Башне Слез (и больше, чем в тех более скромных апартаментах, которые он выбрал для себя и своих товарищей). Впрочем, как вскоре с неудовольствием понял полковник, они были расставлены на полках без должного порядка. Точнее говоря, порядок был - книги были расположены по алфавиту, причем по названиям, а не по авторам (без учета предлога "о", с которого начинались многие названия, а также вводных слов типа "сочинение" или "трактат") - но совершенно не учитывал тематику. Локхарту попадались то рыцарские романы, то очередные "душеполезные" религиозные сочинения, то сборники пьес в стихах. Очередной снятый с полки том оказался пособием по искусству шахматной игры. Полковник вновь с досадой подумал, что со смертью Якобсона ему стало не с кем играть, однако полистал книгу в надежде обнаружить знакомые названия типа "испанская партия" или "гамбит Эванса". Однако его надежда отыскать хоть какой-то мостик, связывающий с привычным ему миром, не оправдалась и тут. Соответствующие варианты игры в книге, конечно, присутствовали, но носили иные названия, типа "дебют Монтескона" или "гамбит Фюхтера". Королевский и ферзевый гамбиты именовались привычным образом, но это, понятно, ничего не значило.

Некоторое время Локхарт размышлял над термином "ферзевый гамбит"[23]. Жертва пешки на втором же ходу с целью обеспечить простор для атаки... Играет ли Элинор в шахматы?

Он поставил книгу на полку, затем обернулся к шкафам с противоположной стороны, и его взгляд упал на лежащий плашмя фолиант в самом буквальном смысле этого слова[24] - корешок книги был длиной почти в 20 дюймов, хотя и не отличался толщиной. Не без усилия вытащив с полки эту книгу, Локхарт убедился, что это географический атлас. Поспешно разложив его на массивном столе у окна, полковник, однако, испытал легкое разочарование. Его надежда увидеть карту мира - или хотя бы земель, находящихся за пределами уже известных ему стран - вновь не оправдались. Атлас содержал только карты Айринтии - хотя и весьма подробные, с планами отдельных городов, включая Дракенхайм и Айзеншлосс. Планы теперешней столицы мятежников особенно заинтересовали Локхарта, и он принялся изучать превосходно выполненные гравюры, пытаясь соотнести увиденное с пока еще слишком куцыми сведениями, почерпнутыми им из книги по фортификации (есть ли в этом кабинете другой ее

[23] Queen's Gambit, т.е. гамбит королевы.
[24] Т.е. соответствующий формату in folio.

экземпляр или аналог?) Он видел два пояса стен - внутренние, так называемый Старый Вал, практически разрушенный бугенхольмскими оккупантами, и внешние, более мощные и высокие, возведенные уже после освобождения, полуразрушенный королевский замок - нынешнюю резиденцию Арвика, паутину улиц, узких и кривых в центральной части, закрученных в тугой спиральный лабиринт, затрудняющий наступление прорвавшемуся врагу, и разбегающихся растопыренными иглами от нескольких прямых проспектов, некогда бывших ведущими в город трактами, а ныне вместе с застроенными предместьями включенными в его черту... Эти проспекты - если, конечно, удастся прорвать внешний пояс укреплений - казалось, так и приглашали маршировать к центру чуть ли не в парадном строю, но, на самом деле, на них наверняка возведут баррикады, а наступающие по ним колонны, которым негде укрыться, станут хорошей мишенью для стрелков с крыш. Айзеншлосс был выстроен на холме, и даже при одинаковой этажности, чем ближе к центру, тем выше был уровень крыш, давая преимущество защитникам над наступающими с окраин штурмующими. Бугенхольмцы почти полностью сожгли деревянный город, так что теперь Айзеншлосс состоял почти исключительно из каменных домов, с прочными стенами и тяжелыми ставнями, позволяющими превратить окна в бойницы. Так что можно было сказать, что у города не два пояса укреплений, а намного больше - он весь состоит из них, как луковица. Даже если удастся преодолеть внешние укрепления, легкой прогулки не получится...

Впрочем, довольно смешно полковнику Военно-космических сил планировать штурм средневекового города. У Элинор наверняка есть командиры, разбирающиеся в этой теме гораздо лучше.

В дверь постучали, деликатно и в то же время настойчиво.

- Да!, - крикнул Локхарт.

На пороге обозначился слуга в синей ливрее с золотыми галунами (полковнику пришлось напрячь память, чтобы удостовериться - это один из допущенных; у Локхарта была не слишком хорошая память на лица, совершенно не требовавшаяся при его прежней профессии - в прошлой своей жизни при общении с новыми людьми он больше полагался на бирки на униформах).

- А я искал вас в ваших покоях, сэр. Имею честь сообщить, что ваша просьба об аудиенции удовлетворена, и позвольте мне сопроводить вас, сэр.

"Об аудиенции? Но я не просил..." - чуть было не вырвалось у Локхарта, но он сообразил, что, скорее всего, такую просьбу подал через щель для писем де Сегюр. А Элинор (или, возможно, Фабиас?) хочет, чтобы в обсуждении идей графа участвовали оба ее гостя. Или даже все три? Хотя нет, едва ли туда позвали и Вельо...

- Я приглашен вместе с моими людьми? - уточнил он.

- Мне велено сопроводить лично вас, сэр. Осмелюсь просить не задерживаться, вас уже ожидают.

- Ну хорошо, - Локхарт не чувствовал полной уверенности, но все же вышел следом за слугой и пошел за ним по коридору, не пытаясь наведаться к своим товарищам.

Провожатый вывел его через "официальную" дверь (полковник на ходу оценил ее толщину и понял, что выбить ее было бы весьма непросто) и повел дальше по коридорам и лестницам дворца - сперва через парадную его часть, затем они свернули в не столь роскошный проход, предназначенный, вероятно, для обслуживающего персонала - без ковров, картин, лепнины и статуэток, но все же с деревянными панелями на стенах, а не с голыми камнями, как в тайном ходу. У Локхарта лишь окрепло возникшее еще в прошлые визиты впечатление, что, хотя снаружи дворец выглядит симметричным, его внутренняя архитектура изрядно запутана, и ориентироваться без провожатых здесь было бы непросто. И что с идущим здесь по безлюдному коридору человеком в принципе можно случиться что угодно прямо среди бела дня, и сотни слуг, чиновников, стражников и придворных, наполняющих огромное здание, этого даже не заметят. В конце концов, каземат леди Агаты тоже находится где-то здесь, не так уж далеко от

покоев, которые она занимала, будучи королевой - и кто в парадных залах вспоминает об этом?

Еще через пару поворотов во все тех же непарадных коридорах провожатый остановился перед простой дверью без всяких украшений, совсем не похожей на дверь аудиенц-залы. У Локхарта вновь шевельнулось подозрение, что этот человек мог привести его совсем не туда, куда обещал. Однако слуга уже распахивал дверь перед ним и делал приглашающий жест, и Локхарт шагнул вперед.

Он оказался в довольно большой квадратной комнате, освещенной не через окна (коих в помещении просто не было) и не свечами или масляными лампами, а через огромный, диаметром в добрые четыре метра матовый плафон в потолке, откуда струился не желтый свет светильников, а белый дневной - не иначе как через окно в крыше. Этот свет озарял большой стол в центре, всю площадь которого занимала рельефная карта, сделанная, вероятно, из чего-то вроде папье-маше. В карту были неравномерно воткнуты флажки разного цвета и размера; не матерчатые, а твердые (скорее всего, из крашеной и лакированной фанеры); Локхарт не сомневался, что они изображают войска. Другие, бумажные карты, а также, возможно, свитки иного назначения, упрятанные в тубусы с наклеенными на торец бирками, торчали из шкафов, расставленных вдоль стен; полковнику они напомнили некую батарею залпового огня. Между шкафами вместо окон располагались деревянные стенды, пустые или задернутые черными занавесками, должно быть, скрывавшими приколотые карты или иные изображения; прямо напротив двери, через которую вошел Локхарт, вместо стенда висела грифельная доска. В помещении имелась еще одна дверь, в стене справа. Вдоль стены слева, где не было ни шкафов, ни стендов, стояли в ряд двенадцать стульев, но, очевидно пренебрегая ими, вокруг стола стояли пятеро мужчин; все они посмотрели на Локхарта, когда он вошел. Фабиас, Крамп, де Сегюр... и еще двое, Локхарту незнакомых. Один из них, черноволосый, с курчавой бородой, в которой уже виднелась проседь, облаченный в простую черную кожаную куртку, обтягивавшую его широкие плечи и мускулистые руки, своим видом больше напоминал кузнеца, чем придворного. Другой, высокий и тощий блондин с сухим лицом и неожиданно длинными волосами, образующими колоколообразную прическу, носил голубой камзол с двумя рядами золоченых пуговиц, вероятно, положенный по его должности, но при этом идеально сочетавшийся с его холодными голубыми глазами; желтая лента через плечо, надо полагать, была знаком ордена или иного отличия.

Блондин смерил цепким взглядом подошедшего к столу Локхарта, затем вопросительно взглянул на Фабиаса.

- Все собрались, - произнес архиепископ, отвечая на незаданный вслух вопрос. Но это было, видимо, не совсем так, ибо над столом вновь повисло выжидательное молчание, и Локхарт воспользовался этой паузой, чтобы бегло изучить карту. Она изображала Айринтию и восточный Гроггендор - то есть, по сути, бывший Бугенхольм в границах, которые он имел в период наивысшего своего расцвета, от Луизианы до атлантического побережья (нынешнее "королевство Бугенхольм" - провинция в составе империи - занимало, как некогда и сказал Дармонт, едва четверть от этой территории). На большей части гроггендорских просторов, однако, не было никаких флажков - что означало, очевидно, отнюдь не отсутствие там войск, а либо отсутствие информации о них у айринтийской разведки, либо их неактуальность (во всяком случае, пока) в рамках рассматриваемой проблемы. Черно-белые флажки густо и угрожающе топорщились лишь к северу от новой айринтийской границы - и выглядели заметно внушительней разрозненных айринтийских к югу от той же линии, имевших теперь к тому же разные цвета. На новых землях преобладали серые с редкими вкраплениями красных, к югу от недостроенного канала соотношение менялось на противоположное до самого Иммермура; еще южнее красные флажки исчезали, зато появлялись синие. Локхарт догадался, что красные обозначают части и гарнизоны, достоверно перешедшие на сторону Арвика, синие - королевскую армию под командованием Бронгара (их было больше, но не настолько, насколько

он ожидал), а серые, очевидно - те, чья лояльность на данный момент точно неизвестна. Некоторые флажки торчали из трехмерных колец и многоугольников, обозначавших городские стены, другие - на дорогах и просто на пустом пространстве равнин (где, возможно, имелись неприметные тропы, не удостоившиеся изображения на карте). Флажки не передавали направления движения, и все же у Локхарта сложилось твердое впечатление, что красные стягиваются к Айзеншлоссу, а синие - к Дракенхайму. Личная гвардия королевы на данный момент вся находилась в столице, и ее обозначал единственный (но крупный) синий флажок с желтой короной.

Но это было не все: на юго-востоке выстроились черно-красные флажки Хагентрауба, такими же плотными группами - хотя и менее многочисленными - собрались красно-синие, желто-черные, зелено-белые, желто-фиолетовые флажки, вероятно, обозначавшие собственные армии других крупных феодалов, а еще то тут, то там без всякого видимого порядка торчали маленькие зеленые - возможно, военная гвардия?

Локхарт хотел спросить об этом, но не успел. Открылась вторая дверь, и в комнату вошла королева. "Очевидно, этикет предписывает ей входить последней - негоже королеве ждать подданных", - подумал Локхарт. Впрочем, это была единственная дань, уплаченная Элинор этикету, ибо королева вновь была облачена в мужской костюм - кожаные штаны для верховой езды и укороченный до пояса синий пурпуэн; кружевная оборка стоячего ворота была единственным отступлением от строгого военного стиля. В волосах, впрочем, сверкала бриллиантами знакомая Локхарту диадема, напоминая об истинном статусе юной амазонки.

Все почтительно поклонились (Локхарт сделал это с секундным опозданием); королева подошла и встала во главе стола (насколько этот термин применим к столу квадратной формы), с северной стороны карты - полковник обратил внимание, что она таким образом оказалась напротив Фабиаса.

- Поскольку не все здесь встречались ранее, - сказала она, - я перечислю по очереди всех присутствующих. Канцлер Зиглер, государственный секретарь и глава Посольской канцелярии. (Блондин слегка наклонил голову с видом "только из уважения к королеве, но ни к кому более".) Полковник Айбенхорст, командующий Личной гвардии королевы. (Им ожидаемо оказался чернобородый; Локхарт вспомнил, что гвардейские чины здесь на две ступени выше армейских, стало быть, фактически Айбенхорст был генералом.) Генеральный дознаватель Крамп, представляющий Тайную Стражу (А не ее номинальный глава Блаттер, отметил про себя Локхарт.) Фабиас, архиепископ Айринтийский, коего мы просим проследить, дабы решения, принятые здесь, не отклонялись от заповедей святой веры, и молиться об их успехе. (Локхарт мысленно усмехнулся, услышав это обоснование присутствия священника на сугубо светском политическом совещании.) Граф де Сегюр, желающий изложить нам свои соображения о текущей политической ситуации. И полковник Локхарт.

Из всех присутствующих один лишь Локхарт не был назван по должности или титулу - за неимением таковых - и не получил никакого комментария, объясняющего его присутствие на совещании такого уровня секретности, куда не были приглашены ни командующий армией герцог Бронгарский, ни премьер-министр, ни, очевидно, другие высшие сановники, чье присутствие было бы логичным при решении вопросов государственной важности. Тем не менее, никто, включая и канцлера, окинувшего Локхарта еще одним пронзительно-холодным взглядом, не высказал вопросов или, тем паче, возражений. "Я королева, я сама устанавливаю правила." Но ведь что-то они про себя думают? Кем-то же они его считают? Неужели, гм, фаворитом королевы? То есть, говоря прямо - ее любовником?! Мысль о том, что его могут воспринимать именно так, впервые пришла Локхарту в голову и вызвала у него резкое возмущение. Хотя, если взглянуть на ситуацию со стороны... никому не известный чужак, внезапно появившийся при дворе и пользующийся таким доверием королевы... что еще должны подозревать эти люди? Но все равно, какая мерзкая чушь! И не повредят ли такие подозрения

авторитету самой Элинор? Или во всех этих средневековых королевствах такое считается в порядке вещей?

- Совещание ведется без протокола, - продолжала Элинор, - и, полагаю, все присутствующие понимают, что ничто, сказанное здесь, не подлежит разглашению ни родным, ни друзьям, ни коллегам и подчиненным, кроме как в рамках, необходимых для исполнения принятых здесь решений. ("Уж не Вельо ли она имела в виду?" - подумал Локхарт и тут же сообразил, что у присутствующих здесь имеется куда больше подчиненных, чем у него. Хотя, очевидно, на итальянца сказанное также распространяется.) Вам известна ситуация, сложившаяся в связи с мятежом графа Дункельта и фактическим ультиматумом, предъявленным нам Гроггендором. Начать ее обсуждение я хочу с меморандума, поданного на мое имя графом де Сегюром. Прошу вас, граф, ознакомьте с вашими тезисами присутствующих.

"Ишь ты, меморандум! - усмехнулся про себя Локхарт. - И когда это он успел? И адресовал ли его напрямую королеве, или Фабиасу?"

- Ваше величество, господа, - поклонился на две стороны де Сегюр, очевидно, чувствовавший себя полностью в своей тарелке и нимало не смущенный своим собственным положением никому не известного чужака. - Полагаю, все мы согласимся, что оптимальное решение проблемы графа Дункельта лежит не в военной области, - Айбенхорст сделал протестующий жест, но де Сегюр с нажимом продолжал: - Ибо ведение войны на собственной территории, тем паче - гражданской войны, никогда не может быть признано оптимальным вариантом. Не говоря уже о том, что, да позволено мне будет сказать это прямо, в настоящее время мы не располагаем достаточными средствами для... быстрого и гарантированного военного решения проблемы, - на сей раз он сделал паузу, словно призывая оппонентов возразить, но все промолчали. - И в этой связи хочу предложить вам иной взгляд на ноту, предъявленную нам правительством Гроггендора... точнее говоря, на открыто признанное намерение имперского правительства вести прямые переговоры с предводителем мятежников. Я полагаю, что это хорошо, а не плохо.

На сей раз он все же удостоился некой протестующей реакции - не оформившейся, впрочем, конкретными репликами - и, коротко насладившись произведенным эффектом, продолжил:

- Коль скоро мы не можем покончить с мятежом ни штурмом, ни осадой Айзеншлосса, очевидно, необходимо выманить Дункельта за пределы города... и вообще контролируемой им территории. Как мне представляется, единственный способ сделать это - предложить ему переговоры. Вполне очевидно, что предложение прибыть для переговоров в Дракенхайм он отвергнет, не поверив ни в какие гарантии - и будет, конечно, прав, со своей точки зрения. Однако поехать на переговоры в Гроггендор - это совсем иное дело. Для него это будет признанием статуса, коего он добивается. От такой чести он не откажется.

- Пока что Гроггендор никуда его не приглашал, а лишь заявил о возможности направить своего представителя в Айзеншлосс, - заметил канцлер.

- Ну, - де Сегюр улыбнулся ему, как наивному ребенку, - вашему превосходительству, несомненно, хорошо известно, как организуются подобного рода дела. Пока что Гроггендор пробует нас на прочность, и стоит нам, например, дать понять, что представитель нас не заботит, но вот прямых переговоров Дункельта с императором или его министрами мы не потерпим... В свою очередь, в силу существующего между странами территориального спора Гроггендор, очевидно, заинтересован в подобных переговорах с... человеком, позиционирующим себя в качестве претендента на трон.

- И что нам даст, если они получат то, в чем заинтересованы? - буркнул хриплым басом Айбенхорст.

Де Сегюр улыбнулся еще более покровительственно.

- То, что Дункельт окажется вне своих укреплений, вне своей территории и без охраны,

не считая чисто символического эскорта. Нейтрализация его, таким образом, превратится в чисто техническую задачу, а вся вина за это ляжет на Гроггендор и послужит заодно наглядным уроком желающим сотрудничать с империей.

- Что вы на это скажете, Корнелиус? - осведомилась Элинор. - Смогут ли ваши люди организовать операцию по устранению... графа Дункельта на территории Гроггендора? С учетом, разумеется, тех мер охраны, которые предоставит ему имперское правительство.

- Теоретически убить можно любого человека, мэм, - неторопливо ответил Крамп. - Даже гроггендорского монарха, что, как мы знаем, случалось в истории несколько раз. Вопрос в том, насколько сложно это устроить. И в данном случае, осмелюсь заметить, предлагаемую операцию будет весьма непросто осуществить. Прежде всего, если визит Дункельта в Гроггендор состоится, то он будет, без сомнения, носить тайный характер. Как бы сильно Дункельту ни хотелось официального признания, ни ему, ни Гроггендору не нужно дарить нам козырь, позволяющий объявить его гроггендорской марионеткой. К тому же он элементарно побоится оставлять без присмотра своих соратников. Узнав, что он куда-то отбыл - может быть, на переговоры к императору, а может, просто струсил и сбежал, прикрывшись этой легендой, они же не могут знать наверняка - они могут попросту разбежаться, особенно если в это самое время наши войска подойдут к стенам Айзеншлосса. Что, кстати, представляется мне лучшим решением проблемы, нежели попытка организовать покушение на имперской территории. Но подозреваю, что это понимает и Дункельт, а потому будет сидеть безвылазно в своей крепости до тех пор, пока не сможет выступить оттуда во главе достаточно многочисленного войска - дабы отправиться, разумеется, не на север, а на юг. Если же его секретный визит в империю все же состоится, то он будет, несомненно, весьма кратким, именно для того, чтобы мы не успели перебросить войска в его отсутствие. В таком случае, раз этот визит будет кратким и тайным, то мы, во-первых, можем попросту не узнать о нем, во всяком случае - не узнать вовремя. Во-вторых, следует понимать, что численность и возможности нашей агентуры в Гроггендоре ограничены. Даже получив необходимую информацию, она может просто не успеть организовать операцию по перехвату. Позволю себе напомнить, что одна попытка нейтрализации Дункельта уже предпринималась, притом в условиях намного более благоприятных - он передвигался по нашей собственной территории и без серьезной охраны. Тем не менее, она закончилась провалом. Противник попросту перехитрил нас. Эта операция проводилась без моего ведома, но, как глава ведомства, допустивший действия своих подчиненных в обход их руководителя, я признаю свою ответственность за неудачу и сразу же подал ее величеству прошение об отставке, каковое она, по милости своей, отклонила...

Локхарт понял, как развивались события. На тот момент Элинор еще не была королевой, поэтому не решилась довериться Крампу, который "предан не личностям, а короне" и в принципе мог считать Арвика не менее легитимным претендентом. Ликвидация Арвика была поручена кому-то уровня дядюшки Зака. Когда Корнелиус - уже после коронации Элинор - узнал об этом, то оскорбился проявленным недоверием и выразил свой протест единственным легальным для чиновника способом. Вероятнее всего, он поступил бы так, даже не окажись операция провальной.

- Так вот, - продолжал Крамп, - поскольку мы имеем дело с явно неглупым противником - которому теперь уже будут помогать неглупые гроггендорские кураторы - то, с большой вероятностью, организовать засаду по пути просто не удастся. Само собой, они могут просто дать ему целый батальон охраны, с которым наши агенты с их ограниченными силами, даже потратив все имеющееся у них золото на наем какие-нибудь головорезов, попросту ничего не смогут сделать. Но, учитывая тайный характер миссии, скорее они вновь используют отвлекающие маневры, когда настоящий Дункельт проедет совсем не там, где его будут ожидать. В этом случае последней теоретической возможностью ликвидировать означенную фигуру будет сделать это непосредственно на месте проведения переговоров. Может ли граф де Сегюр, или

кто-либо из присутствующих, назвать мне это место?

- Вы хотите сказать, что это не будет Ингварштад? - вынужден был произнести де Сегюр.

- Нет, конечно же, - на сей раз покровительственная улыбка раздвинула тонкие губы Крампа, и он указал на карту на столе. - До гроггендорской столицы, - он протянул руку к ее левому краю, направив палец на город на берегу Миссисипи, или, как ее здесь называли, Шлемвассера, - Дункельту, даже если империя обеспечит ему регулярную смену лошадей, пришлось бы добираться не менее двух недель при самой благоприятной погоде - что для него, как мы уже выяснили, совершенно неприемлемо. Да и подобная честь для него пока что слишком высока...

- Несомненно, - подал голос Зиглер. - Император не станет с ним встречаться. Максимум, на кого Дункельт может рассчитывать - это уполномоченный министр.

- Даже и Кранцхюгель находится слишком далеко, продолжал Крамп, обводя пальцем город на территории бывшей Алабамы. - Так что подобные переговоры могли бы состояться в любом из городов и замков, находящихся недалеко от северной границы. Но в каком именно? В большинстве из этих городов у нас есть свои люди. Что понятно, учитывая наш особый интерес к любой активности потенциального противника в приграничных районах. Но, как правило, в самих городах, а не в укрепленных резиденциях, где под усиленной охраной могли бы поселить подобного гостя и куда проникнуть гораздо труднее. Хотя в некоторых замках нашим агентам это удалось. Но вероятность, что Дункельта привезут именно туда, невелика. В остальных же случаях внедриться в персонал соответствующей крепости за пару дней, да еще в условиях, когда там будут приняты особые меры безопасности, не представляется возможным. Более того - даже если переговоры будут проходить там, где у нас уже есть свои люди, там могут из соображений безопасности просто сменить весь персонал. Это вполне в гроггендорском духе. Так поступают, в частности, во время поездок императора по стране - он возит с собой всю свою прислугу... Так что шансы на успех я вынужден оценить как минимальные, - закончил Корнелиус.

- Что, на самом деле, хорошо, - подхватил Зиглер. - Мистер де Сегюр, очевидно, плохо представляет себе политические последствия предлагаемого им мероприятия, - это оскорбительное "мистер" вместо "граф" было очевидной местью не имеющему айринтийских титулов выскочке за снисходительную улыбку. - Мы можем сколько угодно возлагать вину на Гроггендор, заявляя, что они заманили нашего подданного на свою территорию, чтобы убить - хотя бог весть для чего им такое могло бы понадобиться при данном раскладе. Но они-то обвинят нас - и вполне справедливо, прошу заметить - в политическом убийстве гостя имперской короны на имперской территории. То есть в акте агрессии против Гроггендора. И, вполне возможно, подкрепят это обвинение доказательствами, если им удастся арестовать исполнителей. Так что, если им нужен casus belli... И напоминаю, что война с империей была бы для нас гораздо большим бедствием, чем мятеж Дункельта, учитывая силы каждой из сторон.

- Обращаю внимание его превосходительства, - ответил де Сегюр после крохотной паузы, - что я не произносил слова "убийство". Я говорил о *нейтрализации*. Каковая может быть осуществлена различными способами... и не обязательно силами Тайной Стражи, - на сей раз он сделал паузу уже преднамеренно, явно дожидаясь признаков замешательства. Однако канцлер и остальные просто молча ждали продолжения. - Боюсь, за своими мирскими заботами некоторые склонны недооценивать силу нашей святой церкви, - пояснил, наконец, свою мысль де Сегюр и почтительно повернулся в сторону Фабиаса. - Несмотря на то, что формальным главой гроггендорской церкви считается император, гроггендорцы исповедуют ту же веру, что и мы (Локхарт усмехнулся про себя этому "мы" в устах человека, всю жизнь бывшего атеистом), и духовное общение между нашими церквями никогда не прекращалось. Многие бугенхольмские - теперь уже гроггендорские - клирики совершали паломничества в айринтийские святые места, некоторые даже рукоположены в Айринтии. Айринтийская церковь, в свою очередь, делала

братские пожертвования на нужды бугенхольмских и гроггендорских святынь...

"Ловкий способ подкупа", - восхитился Локхарт, прежде не знавший этих подробностей. Наверняка эти "братские пожертвования" не облагаются никакими юридическими ограничениями, нельзя же запретить благочестие...Впрочем, у палки всегда два конца - наверняка и гроггендорская агентура действует точно так же.

- Дункельту в его миссии, а также сопровождающим его лицам, очевидно, потребуется пастырское благословение, - продолжал де Сегюр. - И я полагаю, что при должном увещевании все еще сохраняется шанс отвратить айринтийского подданного с пути греха.

"Что за вздор! Какой-то поп сумеет переубедить Арвика?!" - подумал Локхарт, но ни на одном лице не появилось улыбок, и полковник сообразил, что никто из присутствующих не понимает слова француза буквально. Речь по-прежнему идет об убийстве, только совершенном священником... какая-нибудь отравленная просфора, к примеру. Или, возможно, кем-то из свиты Арвика, кого священник убедит это сделать - причем скорее обещанием земных благ или кар, нежели небесных. И в этом случае - если смерть не удастся представить естественной, что в случае молодого человека не так просто - вина ляжет на члена той же делегации. Ссора между мятежниками, а не акция айринтийской короны.

Теперь все взоры устремились на Фабиаса, ожидая его комментариев.

- Церковь Святой Троицы никогда не оставляет попыток отвратить грешников от греха, - произнес архиепископ. - И мы молимся за вразумление чада божьего Арвика и предотвращение кровопролитной войны... но боюсь, что в настоящий момент это практически все, что мы можем сделать. Арвик никогда не отличался благочестием... и, главное, мы столкнулись бы с теми же проблемами, о которых говорил дознаватель Крамп. То есть вероятность, что к членам делегации получит доступ пастырь, ставящий интересы нашей церкви выше интересов гроггендорской короны, не слишком велика. Она определенно ниже, чем вероятность, что переговоры лидера мятежников с высокими представителями Гроггендора окончатся успешно с точки зрения интересов наших противников. Следовательно, с нашей стороны споспешествовать подобным переговорам в надежде перехватить инициативу было бы опрометчиво.

Локхарт понял, что де Сегюр не обсуждал предварительно эту идею с Фабиасом - возможно, она вообще родилась у него экспромтом - за что и поплатился. Полковник осознал, что ему доставляют удовлетворение щелчки по носу, полученные самоуверенным французом, и тут же устыдился этой мысли. Надо думать об интересах дела, а не о личной неприязни... было бы гораздо лучше, если бы де Сегюр и в самом деле нашел способ подавить мятеж без большой крови.

- Полковник Айбенхорст, - обратилась Элинор к командующему гвардией, - а вы что скажете относительно возможности провести молниеносную военную операцию, если Дункельта все же удастся выманить из Айзеншлосса?

- Полагаю, мэм, такая возможность уже упущена, - почтительно, но твердо пробасил Айбенхорст. - Это надо было делать в первые же дни мятежа - хотя, как я сказал вам тогда и повторю сейчас, скорее всего и тогда подобная попытка окончилась бы бесперспективной осадой города. Но тогда, по крайней мере, мы могли без потерь подойти к его стенам, ибо противник не имел организованных сил за его пределами. Сейчас же он, очевидно, располагает таковыми, в то время как численность вашей личной гвардии, мэм, к сожалению, не выросла. Таким образом, даже если он покинет Айзеншлосс, и нам станет своевременно об этом известно, полагаю, он успел бы вернуться прежде, чем мы с боями пробились бы к старой столице. После чего мы просто оказались бы в ловушке под стенами Айзеншлосса, не имея возможности войти в город и в окружении стягиваемых со всех сторон превосходящих сил противника. И более того, в скором времени не только молниеносные, но и вообще какие-либо переброски войск - в особенности через Иммермурские болота - станут практически невозможны из-за осенней распутицы. Это означает, что если война не начнется прямо сейчас,

то боевые действия отложатся по меньшей мере до зимы, и в течение этого времени Дункельт будет сидеть в Айзеншлоссе и копить силы, угрозами и лестью склоняя на свою сторону расквартированные на севере части, пока еще ему не подчинившиеся. Те из них, что предпочтут сохранить верность законной королеве, он, вероятно, сможет передавить поодиночке, и мы не сможем ему помешать.

- Но распутица помешает и Гроггендору начать вторжение? - уточнила королева.

- Наступать через Иммермур до морозов они, безусловно, не будут. Но они могут вторгнуться на новые земли к северу от канала. Идеальным временем для этого будет, примерно, конец ноября - начало декабря. На севере грязь уже замерзнет, а нам тут все еще будет мешать отправить туда подкрепления. Это не было такой страшной проблемой, пока мы могли быть уверены в северных гарнизонах, укомплектованных так, чтобы продержаться достаточное время без поддержки с юга, однако сейчас...

- Позвольте уточнить, полковник, - Локхарт поднял руку, словно дисциплинированный курсант, - ведь, помимо Иммермура, существует и морской путь? Даже два, вдоль обеих побережий, - он кивнул на карту.

Айбенхорст смерил его взглядом - "еще один чужак, ничего не смыслящий в наших реалиях, но этот, по крайней мере, спрашивает, прежде чем лезть с глупыми советами..."

- Морской путь также крайне ненадежен в это время из-за осенних штормов. А зимой море и вовсе замерзнет - не целиком, но плавучие льды будут представлять серьезную проблему для кораблей. Навигация возобновится только весной. К этому времени в судьбе Айринтии могут произойти уже весьма драматические изменения... в ту или иную сторону.

"Да уж, плавучие льды во Флориде, - подумал Локхарт. - Что, интересно, сейчас творится в Европе? Сохранилась ли там хоть какая-то жизнь? Кроме белых медведей..."

- У вас появилась какая-то идея, полковник Локхарт? - Элинор взглянула на него поощрительно.

- Никак нет[25], мэм, - ответил он по-уставному. - Просто решил уточнить. Впрочем... - вероятно, ассоциация между отрицанием и отрицательным отношением подарила ему новую мысль. - Позвольте еще один вопрос?

- Спрашивайте, полковник.

- Я не знаю, как решить проблему Арвика... или Дункельта, как бы его ни называть. Но, быть может, возможно осложнить жизнь Гроггендору так, чтобы ему стало не до Айринтии и айринтийских проблем. Насколько негативно бугенхольмцы относятся к оккупировавшей их империи? Я знаю, что до сих пор они практически не бунтовали, если не считать партизан в Дунгардских горах, - как Локхарт уже знал из карты, так теперь именовались Аппалачи. - Но чужие революции, и даже чужие мятежи, бывают заразительны. Я понимаю, что для Айринтии крайне нежелательны обвинения со стороны Гроггендора в разжигании сепаратизма на его территории. Но если бы, допустим, бугенхольмские священники, упомянутые ранее, стали продвигать в своих проповедях мотив национально-освободительной борьбы... даже и прямо указывая на Арвика как на положительный пример! - подхватил он пришедшую по вдохновению новую мысль. - И тем самым снимая подозрение с айринтийских властей, которые уж точно не сказали бы о нем ни одного хорошего слова.

- Вы еще предложите ему возглавить восстание и стать новым бугенхольмским королем, - насмешливо произнес канцлер. - Зачем, мол, тебе маленькая Айринтия, бери себе целый Бугенхольм...

- Вообще-то восстановление независимости Бугенхольма было бы в интересах Айринтии, - заметила Элинор, одарив Зиглера строгим взглядом. - Но, разумеется, не с Арвиком во главе.

- Бугенхольмцы и не пошли бы за ним, - заметил Фабиас. - Он для них ничем не лучше

[25]В оригинале Negative - стандартный отрицательный ответ не только в военном, но и в гражданском флоте (морском, воздушном и космическом).

гроггендорцев. И, боюсь, полковник Локхарт переоценивает как количество семян, коими располагает наша церковь, так и плодородность почвы, на которую они могли бы упасть. Сам посев не лишен смысла, но не принесет быстрого урожая, коий нам так необходим.

- В Бугенхольме мало распространены протестные настроения, - пояснил без метафор Крамп. - Многие считают, что от аннексии они только выиграли. На протяжении поколений они были подданными страны, терпевшей одно поражение за другим - а сейчас они часть империи-победительницы. Гроггендор формально уважил их, приравняв в правах к своей собственной нации, добавив второй меч в свой герб и даже сохранив титул их короля. "Не они нас захватили, а мы к ним присоединились, притом добровольно" - формально ведь так оно и было, если не считать, конечно, трех четвертей территории, отторгнутых ранее... Конечно, строгие имперские порядки и пронизывающая всю тамошнюю жизнь бюрократическо-кланово-гильдейская система не всем нравятся, и коренные гроггендорцы все равно смотрят на бугенхольмцев свысока, причем это верно и в среде дворян, и в среде простолюдинов. Но - это повод поворчать на кухне, а не рисковать жизнью, поднимая бунт. С бунтовщиками в империи не церемонятся.

- С ними нигде не церемонятся, - буркнул Айбенхорст. - И правильно делают.

- Моя родная страна родилась в результате подобного бунта, - заметил Локхарт. - Точнее, трех подобных бунтов, второй из которых утопили в крови, но третий победил бескровно - никто уже не хотел воевать... Как и сама Айринтия, не так ли? Сперва против Тлукаляхана, потом против хильдского князя, потом против бугенхольмского короля...

- Это все дела прошлые, - ответил Зиглер, - а нам надо решать, что делать сейчас.

- Насколько я понимаю, другого выхода, кроме военного, не остается, - Элинор сделала паузу, ожидая возражений, но их не последовало. Согласиться, впрочем, тоже никто не поспешил. - И если мы не начнем войну сейчас, то фактически не сможем сделать этого до зимы.

- Армия увязнет в грязи, мэм, - подтвердил Айбенхорст.

- Но к зиме Арвик, то есть Дункельт, может существенно улучшить свое положение, и, что хуже того, мы полностью теряем контроль над севером перед лицом прямой и недвусмысленной гроггендорской угрозы. Мы можем потерять не только новые земли, но и то, что южнее. Чуть ли не до самого Иммермура.

- Да, мэм.

- При этом, если Дункельт намерен сидеть в Айзеншлоссе, и выманить его оттуда нам нечем, то силами одной моей личной гвардии проблему не решить. Значит, нет другого выхода, кроме как задействовать королевскую армию. Но, помимо прочих соображений, она все еще элементарно не готова к походу на север. Нам нужно еще... - она устремила взгляд на карту, - не меньше недели, чтобы собрать войско достаточной численности, я правильно понимаю?

- Я бы сказал, не менее десяти дней, мэм, - уточнил Айбенхорст и вопросительно взглянул на Крампа.

- При условии, что все части прибудут вовремя и не будет саботажа, - дополнил тот.

- И это будет уже слишком поздно.

- Если только не случится чуда в виде пары недель ясной и солнечной погоды, мэм, - подтвердил Айбенхорст. - Но по всем приметам на это надеяться не приходится.

Сколько, интересно, агентов Тайной Стражи находится в войсках, собирая и передавая информацию параллельно официальным армейским рапортам, подумал Локхарт, скользя взглядом по карте. Вероятно, достаточно, чтобы обеспечить реалистичную картину положения и боеготовности каждой части - с учетом, конечно, времени, требующегося на передачу и обработку информации в эту эпоху. Но даже они не могут дать однозначный ответ на вопрос, готовит ли предательство герцог Бронгарский. Точнее, если они дадут этот ответ, это будет значить, что он уже запоздал... Но сейчас дело даже не в этом. Сейчас, даже если считать, что Бронгар безукоризненно предан королеве, им элементарно не хватает темпа, как в шахматах...

Ферзевый гамбит, вновь подумалось ему. Гамбит королевы.

- Полковник Локхарт? - голос Элинор прозвучал в гнетущей тишине, наставшей после слов Айбенхорста.

- Да, мэм? - он поднял глаза от карты и встретился с требовательным взглядом ее зеленых глаз. Нет, на самом деле не требовательным... просящим. Может быть, даже умоляющим. Взглядом сильной и смелой девушки, не привыкшей просить, но оказавшейся в ситуации, в которой ей отчаянно нужна помощь...

- Вы что-то сказали?

Неужели он и в самом деле пробормотал под нос? Такое с ним бывало, когда он напряженно размышлял над чем-то в одиночестве, но не в присутствии подчиненных или, тем паче, начальства.

- Я... думал о ферзевом гамбите, мэм.

Зря я это сказал, тут же подумал он. Если Элинор не играет в шахматы, это будет выглядеть так, словно он публично пытается продемонстрировать, что умнее ее...

Но королева лишь спокойно спросила:

- Принятом или отвергнутом?

- Надеюсь, что принятом, мэм. Насколько я понимаю, наш противник весьма охоч до принятия любых жертв.

- О да, - недобро улыбнулась королева.

- Видите ли, господа, - продолжил Локхарт, обращаясь к остальным присутствующим, - мы, как мне кажется, до сих пор рассматривали ситуацию лишь с нашей стороны. С этой точки зрения, у нас не хватает времени и сил, чтобы провести победоносное наступление на Айзеншлосс, а все, что остается Дункельту - это сидеть безвылазно в своей крепости, копить силы и стараться разыграть в свою пользу гроггендорскую карту. Это выглядит логичным, но я предлагаю взглянуть на ситуацию с его точки зрения. Он поднял мятеж не для того, чтобы сидеть в обороне. Ему нужен не Айзеншлосс, а Дракенхайм.

Локхарт сделал паузу. Никто не возразил; все, включая де Сегюра, выжидательно смотрели на него.

- И с этой точки зрения, - продолжал полковник, - его положение во многом симметрично нашему, практически как в шахматах в начале партии. Он знает, что королевские войска разбросаны по всей стране, и что им нужно время, чтобы подтянуться к столице. Так же, как и мы, он не знает, какому количеству войск на собственной, если позволите так выразиться, половине доски может доверять его противник, но может предполагать, что со временем это число будет расти. Люди тяготятся неопределенностью и склонны принимать сторону того центра власти, который ближе и более способен на них влиять - причем каждый, подтвердивший свою лояльность, тем самым служит примером для неопределившихся, и процесс идет с ускорением. Все это наводит Дункельта на мысль, что он мог бы выиграть войну одним стремительным ударом, если бы бросил свои войска на вражескую столицу прежде, чем противник соберет у нее достаточно сил. Но он не уверен, что сил на такой бросок хватит у него самого. Ему не хватает темпа, чтобы получить перевес, точно так же, как и нам. И он тоже понимает, что распутица вот-вот закроет для него окно возможностей для быстрой победы. Все симметрично, не так ли?

- Ну и к чему вы клоните? - нетерпеливо спросил Айбенхорст. Вероятно, он как раз был более привычен к мечу, нежели к шахматам, и не знал значения слова "гамбит".

- К тому, что в условиях неготовности обеих сторон эту войну проиграет тот, кто нанесет удар первым. Есть лишь один способ выманить Арвика... то есть Дункельта, из Айзеншлосса - не на север, а на юг. Мы должны подставить ему легкую добычу, которая спровоцирует его броситься в наступление - и либо сложить голову под стенами Дракенхайма, либо увязнуть в Иммермурских болотах.

- Да, - немедленно подтвердила Элинор. - Это вполне в его духе. И, конечно, если он сам явится сюда, пусть и со всеми своими войсками, это изрядно облегчит нам задачу. Избавит от проблемы растянутых коммуникаций и... всего, что с этим связано.

"От необходимости выпускать из рук Бронгара вместе с уже собранной под его знамена армией, - перевел про себя Локхарт. - Если бы он мог разбить Арвика, не покидая при этом столицы, это был бы оптимальный вариант."

- Он может и не выступить сам во главе армии, - заметил Крамп. - Назначить верного ему командира, а самому остаться в Айзеншлоссе ждать результатов.

- Он слишком тщеславен, чтобы дарить победу кому-то другому, - возразила Элинор. - И в любом случае, если его армия будет разбита, его не спасут уже никакие стены Айзеншлосса. Ему ведь придется отправить в этот бросок все, что у него есть, если он рассчитывает на победу. Пан или пропал, и да, это как раз в его характере... точнее, в "пропал" он вообще не верит - слишком привык получать то, что хочет. Я прекрасно помню его истерику, когда он узнал, что корона ему не достанется. Но все же, если до сих пор ему хватало ума сдерживаться, мы должны показать ему достаточно убедительную приманку.

Мужчины склонились над картой. Локхарт никогда в жизни не планировал наземных операций, но мысль напрашивалась. Одинокий синий флажок внутри рельефного квадрата прямо в центре Иммермурских болот, на середине узкой ленте дороги, связывающей север и юг страны. Находящийся ближе всех к вражеским позициям и не защищенный никем - все остальные "синие" оставались южнее Иммермура.

Почти как пешка, выдвинутая на c4 в ферзевом гамбите. Хотя аналогию нарушало отсутствие пешки рядом, да и не в шахматах тут, конечно, дело...

Локхарт открыл было рот, чтобы задать уточняющий вопрос, но Айбенхорст его опередил, уверенно указав на тот же самый квадрат:

- Крепость Дортинайн. Фактически - ключ к югу страны, закрывающий основную дорогу через Иммермур. Есть и другие пути на юг, в том числе по побережью - там, правда, серьезные крепости, предназначенные для защиты от высадки с моря - однако путь через Дортинайн - самый короткий. Если Дункельт поймет, что легко сможет ее взять, он вряд ли удержится.

- Особенно учитывая, что он хорошо знает эту крепость, - тут же поддержал Корнелиус. - Он прослужил там три месяца после инцидента, когда он в гневе зарубил офицера, и его сослали из гвардии в армию. Вряд ли он был в восторге от этого места, но в качестве заместителя коменданта, очевидно, изучил там все входы и выходы и прочность каждого бревна. Больше ему там заняться все равно было нечем...

- Мне говорили, что он служил в какой-то дыре, - удивился Локхарт. - А тут, выходит, крепость, занимающая стратегически важную позицию?

- Это и есть дыра, - снисходительно пояснил Айбенхорст. - В мирное время. Какое стратегическое значение может иметь крепость посреди болота в самом центре страны, на максимальном расстоянии от всех границ и всех врагов? Ее заложили после бугенхольмской войны, но с тех пор она так ни разу и не служила по назначению. Ее, можно сказать, и построили-то по ошибке - для контроля над дорогой через Иммермур логичнее было бы возвести две крепости, на севере и на юге от болот, которые было бы куда удобнее снабжать, а не одну посередине, вдали от всех населенных пунктов. Но тогда, после войны, страна была разорена, несмотря даже на выплаченные Бугенхольмом репарации - которые, впрочем, наверняка осели не в тех карманах, как это всегда бывает - вот и заложили временный деревянный пост вместо двух нормальных крепостей. До которого осенью и весной не доберешься из-за распутицы, а зимой из-за снежных заносов. Строили пленные бугенхольмцы, отсюда и название: "Куда нас гонят? - Туда вглубь", dort hinein на их языке... А дальше, как водится, нет ничего более постоянного, чем нечто временное. Какое-то время там собирали пошлину с едущих на север и на юг, но и этому положил конец указ короля Винфрида II,

который, дабы споспешествовать торговле, отменил дорожную пошлину на всех землях короны. Так что, по большому счету, Дортинайн никому не нужна уже двести лет - разве что в качестве места ссылки для провинившихся солдат и офицеров. Ее, правда, несколько раз латали, частично заменили деревянные укрепления каменными... но лишь частично, уж больно неудобно через эти болота камни возить.

- А две крепости на входе и выходе Иммермура так и не построили, - констатировал Локхарт, глядя на карту.

- Так а зачем, если никогда больше север нашей страны не угрожал югу и наоборот? От Бугенхольма нового нападения уже не ждали, ему не до того было, от Тлукаляхана с юга - тоже не особо... даже и непатриотично было бы такие крепости строить, это ж признавать, то мы, мол, готовимся потерять половину страны...

- Теперь, однако, ситуация изменилась, - вполне светским тоном заметил Фабиас. - Дортинайн действительно преграждает Дункельту путь на юг и может служить базой нашим войскам при их наступлении на север.

- Тем аппетитнее для него приманка, - нетерпеливо ответила Элинор, похоже, уловив в тоне архиепископа намек на возражение.

- Насколько я понял, это не очень мощная крепость? - подал голос де Сегюр впервые после своего фиаско. - Насколько она способна задержать его продвижение... если без поддавков?

- В дождливую погоду, когда ее невозможно обойти - если изначально двигаться именно этой дорогой - очень даже способна, - ответил Айбенхорст. - Даже скромный гарнизон мог бы сдерживать многократно превосходящую его армию в течение, по меньшей мере, нескольких дней, и нанести ей серьезный урон. Но наша задача не в том, чтобы задержать противника, а наоборот...

- Для чего имеется вполне убедительный повод, - подхватил Крамп. - Дортинайном до сих пор командует тот же комендант, что и в период службы Дункельта... тогда еще принца Арвика, - Корнелиус говорил это, не заглядывая ни в какие бумаги, и Локхарт мысленно восхитился его памятью, позволяющей без всяких нейроимплантов держать в голове все нужные сведения (очевидно, не только об этой крепости, ибо генеральный дознаватель не мог знать заранее, о чем пойдет речь). - Согласно донесениям, которыми располагает мое ведомство, отношения коменданта с его августейшим на тот момент подчиненным были далеки от идеальных...

- С кем они у Арвика вообще идеальные, - буркнула Элинор.

- ...но это не имеет значения, поскольку мы всё равно имеем полное право не доверять коменданту, столь тесно и долго общавшемуся с мятежником. Плюс к тому, как тут верно было отмечено, и контингент крепости состоит главным образом из бойцов, имеющих различные провинности и попросту плохо справляющихся со службой. Таким образом, весь гарнизон крепости, находящейся на стратегически важном направлении, по сути служащей ключом ко всему югу - совершенно ненадежен! За что, вообще говоря, кое-кому следовало бы ответить... я, конечно, не имею в виду лично главнокомандующего герцога Бронгарского...

- И мы немедленно отзываем весь этот ненадежный контингент и заменяем его... - королева улыбнулась, позволяя своим сподвижникам продолжить.

- ...преданными бойцами личной гвардии вашего величества, - подхватил генеральный дознаватель.

- Новобранцами, набранными за последние дни на площадях, - пояснил без затей Айбенхорст. - Пьяницами, готовыми записаться в гвардию за лишнюю кружку. Стариками, пригодными только нести почетный караул у дворца. Даже заключенными столичной тюрьмы, которые согласятся поменять тюремную робу на гвардейский мундир. И отдаем их под командование самому бездарному офицеру, какого сможем найти.

- В моей гвардии такие есть? - нахмурила брови королева.

- Срочно произведем из капралов, - успокоил ее Айбенхорст. - Найдем самого тупого дуболома, умеющего только орать на солдат на плацу и ни разу в жизни не бывавшего в бою. А еще лучше из интендантов, они все равно все ворье.

- Но Арвик должен своевременно узнать, какого рода контингент направляется в крепость, - заметила Элинор.

- Из этого даже и не будет делаться особого секрета, - ответил Крамп. - Вербовщики пойдут по всем кабакам. Слух о том, насколько у королевы не хватает людей и каким отребьем она пытается создать видимость таковых, быстро достигнет ушей агентов Дункельта, которые всегда пасутся в подобных местах, и отправится с почтовыми голубями на север, возможно, уже сегодня вечером. Получив подтверждения из нескольких источников, он вряд ли заподозрит ловушку.

Нечто в этих уверенных рассуждениях царапнуло Локхарта.

- Прошу прощения, мэм, - произнес он, - но, я надеюсь, речь не идет о том, чтобы отправить на убой... учебную роту?

Элинор улыбнулась.

- Я помню о вашем подчиненном, полковник. Разумеется, ему ничего не грозит.

- И речь вообще не идет про убой, - добавил Айбенхорст. - Разумеется, жертвы будут, но главная задача всего этого сброда - не лечь там костьми, а обратиться в паническое бегство. Расположение Дортинайна этому как раз способствует - в такую погоду крепость невозможно окружить, так что, пока атакующие ломают северные ворота, гарнизон может беспрепятственно бежать через южные. Думаю, Дункельт не станет их преследовать. Живые трусы в стане врага всегда полезнее мертвых героев. И его самого такая картина вдохновит еще больше, чем пусть неумелое, но сопротивление. Он, вероятно, возомнит, что Дракенхайм сам откроет ему ворота.

- И заодно ему станет не до переговоров с Гроггендором, - удовлетворенно констатировал канцлер. - Просто не останется на это времени.

- Я бы все же не пускал дело на самотек, - осторожно заметил де Сегюр. - Не полагался бы на бездарного офицера, который обратится в бегство по собственной трусости. Напротив, во главе отряда я бы поставил по-настоящему надежного человека. Имеющего четкий приказ в нужный момент скомандовать отступление.

- В этом есть резон, - признала Элинор, - но естественность обычно убедительней спектакля, а даже надежный человек может попасть в плен и расколоться на допросе. К тому же мы вообще сейчас не в том положении, чтобы разбрасываться надежными офицерами.

- Почему разбрасываться, мэм? - не понял де Сегюр. - Если, как тут было сказано, скорее всего ему дадут отступить...

- Потому что его придется казнить за постыдное бегство и сдачу крепости, - ответил за королеву Айбенхорст тоном человека, объясняющего очевидное. - Так, чтобы Дункельт узнал об этом и продолжал идти вперед.

- Так что лучше все же послать труса и тупицу, - продолжала королева, - но желательно все же как-то подстраховаться, чтобы он совершенно точно обратился в бегство. Иногда даже у труса может совершенно ни к месту взыграть героизм. Или он просто впадет в ступор и не сможет отдать никакой команды - даже на отступление.

- Вручить ему письменный приказ в запечатанном пакете, - предложил Крамп. - С указанием вскрыть в случае появления неприятеля. Приказ будет написан чернилами, разрушающимися под действием света. Прочитать и отдать команду он успеет, а через несколько минут улики уже не останется. Что бы он потом ни твердил в свое оправдание, это будет выглядеть как жалкий лепет завравшегося труса. Ну и, на совсем крайний случай... парочка людей в отряде будет следить, чтобы обошлось без неожиданностей.

- Хорошо, Корнелиус, - одобрительно кивнула королева, - я рассчитываю на вас.

На этом обсуждение военного плана закончилось. Зиглер пообещал представить ответ на гроггендорскую ноту, выражавший заверения, что Айринтия "чтит принцип невмешательства во внутренние дела соседей точно так же, как и Гроггендорская империя", и "предпримет все меры, дабы не допустить проникновения мятежников на имперскую территорию" (Локхарт одобрительно ухмыльнулся, оценив двусмысленность формулировок), Фабиас призвал благословение Святой Троицы на Айринтию и ее королеву, и совещание завершилось.

Участники, поклонившись королеве, двинулись к выходу.

- Полковник Локхарт! - окликнула Элинор. - У вас было меньше времени, чем у других, чтобы изучить карту. Можете сделать это сейчас.

- Я готов дать полковнику необходимые пояснения, - тут же откликнулся Айбенхорст.

- Вы очень любезны, полковник, - Элинор устремила на него холодный взор, - но у вас есть более неотложная задача. Распоряжения по реализации принятого нами плана должны быть отданы незамедлительно.

- Да, ваше величество, - поклонился Айбенхорст.

Де Сегюр обернулся на пороге на своего командира. Локхарт слегка качнул головой в сторону двери: ступайте, вас остаться не приглашали. Зиглер, выходивший последним, окинул Локхарта понимающим взглядом, и тот еле удержался от резкой реплики: "Вы что-то хотели сказать, канцлер?"

Дверь закрылась. Командир "Доброй воли" и королева Айринтии остались одни.

- Полагаю, вы оставили меня не ради изучения карты, - произнес Локхарт, - что было бы довольно смешно уже после того, как совещание завершилось и решения приняты.

- Конечно, - кивнула Элинор, - хотя эта карта и в самом деле хороша. Думаю, вы еще не видели такой крупномасштабной и показывающей при этом так много территории.

- Да, - согласился Локхарт, - даже в кабинете у Фабиаса масштаб был меньше. Но думаю, что все же уже успел ее рассмотреть. Я и перед этим листал атлас Айринтии в наших новых апартаментах. Так что, если мне и нужны пояснения, то разве что по условным знакам войск. Я так понял, размер флажка пропорционален численности, а форма означает род. Квадратные, очевидно, гарнизоны крепостей, которые могут быть выведены и преобразованы в пехоту...

- Пехота бывает двух типов, - подхватила Элинор. - Прямоугольники - панцирная, или тяжелая, в латных доспехах. Как правило, включает элитных пеших мечников с двуручными и полуторными мечами, копейщиков и алебардщиков. При осаде и штурме крепостей здесь же находятся осадные машины. Ромбики - легкая пехота, обычно состоящая из стрелков - лучников с длинными луками и арбалетчиков - и мобильных кнехтов, в поле служащих главным образом для прикрытия стрелков, а при штурме - для преодоления стен и маневренных уличных боев. Доспехи, прикрывающие только корпус - кольчуги, бригантины, иногда просто кожа и войлок, основное вооружение - одноручный меч, реже топор или чекан, и небольшой щит. Моя личная гвардия - это в основном легкая пехота, хотя ездить верхом они тоже умеют, и есть подразделения, обученные обращению с осадной техникой. Треугольники - легкая кавалерия. Доспехи такие же, как у легкой пехоты, типичное вооружение - меч и короткий лук. Могут сражаться в пешем строю. Бывает еще вариант с арбалетом, тактика таких частей - быстро подъехать к противнику, остановиться, дать залп с близкого расстояния, а потом закинуть арбалеты за спину и, в зависимости от ситуации, либо идти в атаку и продолжать бой мечами, либо ускакать обратно на безопасное расстояние, перезарядиться и повторить маневр. Достаточно эффективны против тяжелой пехоты и даже тяжелой кавалерии, не прикрытых собственными стрелка́ми, но это, в общем, экзотика, практикуемая в собственных армиях некоторых феодалов - в королевской конных арбалетчиков нет... Двузубые флажки - тяжелая кавалерия. Полные латные доспехи, возможно еще и с защитой коня, копья, мечи, топоры, палицы. Бывает облегченный вариант - иногда ради маневренности, чаще ради дешевизны - с кирасами вместо полного доспеха, таких часто презрительно именуют полурыцарями - но в то

же время подобный вариант довольно часто встречается в военной гвардии, которая одинаково хорошо дерется конной и пешей... Что касается размеров флажков, то они считаются так: один тяжелый конник соответствует пяти легким или двадцати пехотинцам. Ну и заодно могу объяснить вам систему воинских званий, на случай, если она отличается от привычной вам. В Айринтии она проще, чем в Гроггендоре. Унтер-офицерские функции у нас выполняют капралы, которые не делятся на ранги, хотя могут подчиняться друг другу в рамках конкретной задачи. У гроггендорцев им соответствует целых три ранга - унтерфельдфебели, фельдфебели и оберфельдфебели. Подразделениями в составе воинских частей командуют, как правило, лейтенанты; у гроггендорцев с их большой армией лейтенанты нередко имеют собственных заместителей - унтерлейтенантов, но у нас эту функцию обычно исполняют капралы. Звание второго лейтенанта существует, но используется почти исключительно в гвардии; в обычной армии - главным образом в качестве наказания, когда кого-то разжалуют в самый низ, но все же оставляют в офицерском статусе, дающем право на личное дворянство. Ну или наоборот, кого-то из простолюдинов могут произвести во вторые лейтенанты в качестве синекуры, чтобы тут же уволить в отставку, но уже с личным дворянством... Личное дворянство обеспечивает обычные дворянские привилегии, но не передается по наследству и не предполагает наделения поместьем, хотя, конечно, такой дворянин может приобрести имение самостоятельно, - пояснила Элинор. - Самостоятельными частями, такими, как отряд, рота или гарнизон, численность которых может сильно варьироваться, обычно командуют капитаны, с лейтенантами в качестве заместителей. Майоры обычно командуют временными объединениями таких частей или особо крупными гарнизонами. У гроггендорцев имеется звание лейтенант-майора, то есть заместителя майора; у нас эту роль обычно выполняет капитан самой крупной из таких частей. Постоянными полками командуют полковники, хотя численность полка, даже полностью укомплектованного, может быть меньше, чем численность объединения под командой майора. Их заместители, соответственно, лейтенант-полковники. Далее идут лейтенант-генералы и генералы - последних в королевской армии сейчас три, если не считать приравненных к ним гвардейских полковников: Гартхард на новых территориях, Эбенрих на юге и Швертлинг в столице, командующий городским гарнизоном, хотя его генеральство скорее почетное, и ему уже семьдесят лет... Кроме того, формальное генеральское звание имеют королевские вассалы герцогского и графского ранга, имеющие под своим командованием личные армии размером больше полка, как тот же Хагентрауб, а также имеются еще несколько должностей, в названии которых фигурирует это слово, например, генерал-интендант или тот же генеральный дознаватель[26]. У гроггендорцев есть еще и фельдмаршалы[27]... Что касается Тлукаляхана, то у них система званий привязана исключительно к численности подчиненных. Десятник, сотник, тысячник и так далее. Причем у них даже нет деления званий на солдатские, офицерские и генеральские. Если все считаются рабами императора, то какие среди рабов офицеры и генералы? Просто старшие надсмотрщики над младшими надсмотрщиками... Хотя родовая аристократия в Тлукаляхане существует. Но дворянство у них не привязано к военной службе, как у нас. Скорее - к придворной. А придворного могут сегодня поставить во главе армии, а завтра - руководить прокладкой оросительных каналов или вообще надзирать за разведением императорских павлинов... Тем не менее, недооценивать тлукаляханскую армию не стоит. У нас уже три столетия не было с ними столкновений, но они до сих пор удерживают территории, захваченные некогда у Гроггендора, а это что-нибудь да значит... Как видите, я могу рассказать все это не хуже Айбенхорста, - улыбнулась королева.

---

[26]В оригинале General Investigator.

[27]Такая система гораздо ближе к армиям Нового времени, чем классического средневековья, где в рыцарском войске иерархия обеспечивалась не системой званий, а в основном структурой вассальных отношений, а в наемном войске чуть ли не единственным офицерским званием было "капитан", т.е. командующий отрядом, численность которого могла варьироваться от десятков до сотен и даже тысяч человек.

- Да уж, вижу, вы сделали вашу домашнюю работу[28], - усмехнулся Локхарт и тут же спохватился: - Простите, если это показалось вам дерзким.

- Полковник, мы же договорились, - поморщилась Элинор, - когда мы без посторонних, нет нужды соблюдать субординацию.

- Кстати, о посторонних. В свое время вы говорили, что я не могу присутствовать на вашем военном совете, ибо "ваши генералы этого не поймут". Что изменилось?

- Теперь, полагаю, они поняли, - пожала плечами королева. - Раз вы предложили нам план, которого не смогли предложить они сами.

- Но вы не могли знать этого заранее. Даже я сам этого не знал, когда вошел сюда.

- Я в вас верила, - улыбнулась Элинор. - А вы зря прибеднялись с утра, говоря, что у вас нет никаких идей. Надо было просто создать вам атмосферу более вдохновляющую, чем сидение в башне.

- Мозговой штурм? Или... вы хотите сказать, что мне просто некуда было деваться? Это был еще и тест для меня лично? А если бы я не справился? Если бы так ничего и не придумал?

- Вероятно, - вздохнула Элинор, на миг приняв вид обиженной девочки, - я бы не стала звать вас на следующие советы. Но вы справились. Вы не могли потерпеть поражение на глазах у них всех.

- Надеюсь, они теперь не возненавидят меня за это, - пробормотал Локхарт. - Во всяком случае, канцлер Зиглер, похоже, не проникся ко мне теплыми чувствами... Кстати, можете вообще пояснить, как устроена ваша администрация? До сих пор я знал о премьер-министре - хотя и не общался с ним лично - но его здесь не было, а был некий канцлер... и ни одного, собственно, настоящего генерала при обсуждении военных вопросов...

- Устроена достаточно просто. Следующее за королем лицо в государстве - это коннетабль, главнокомандующий королевской армией; ему же формально подчинена военная гвардия со своим командующим. Военные вопросы в основном в ведении коннетабля, и настоящие генералы вместе с лейтенант-генералами - его подчиненные. Как вы уже знаете, сейчас в столице находится лишь один из них, хотя других, в принципе, можно было бы вызвать - но пока я не вижу в этом необходимости. Помимо того, что у них есть обязанности там, где они сейчас находятся, все они могут считаться потенциальными кандидатами на место коннетабля, и боюсь, что участие любого из них в совете - даже кого-то одного, не говоря уже о большем числе - не осталось бы тайной ни от конкурентов, ни от Бронгара. Уже просто сам факт их прибытия в город и, тем паче, визита во дворец, ибо, конечно же, ни один из них не согласился бы пробираться сюда тайно в неприметной гражданской одежде - ну как же, это же ниже их достоинства! Это же визит к королеве, а не в разбойничий притон! Так что лучше держать их на местах, чем давать повод к лишним интригам. Далее, есть Тайная Стража, которой формально подчинена и королевская личная гвардия, но, как я уже говорила, должность тайного советника Блаттера чисто административная. Людей, реально руководящих обоими ведомствами, вы сегодня видели. Далее идет гражданское правительство во главе с премьер-министром. У меня нет особых претензий к статскому советнику Хустингу, но лично он занимается, опять-таки, административно-хозяйственными вопросами, а не тем, что мы обсуждали сегодня. В его подчинении находятся канцлер, ведающий в основном международными делами, а также королевским документооборотом, он же - хранитель государственных печатей; и еще трое министров: казначей, верховный судья и маршал двора, ведающий всем дворцовым хозяйством. У каждого из них, разумеется, имеется свой собственный аппарат со своими службами и должностями. Церковь стоит отдельно, в Айринтии, в отличие от Гроггендора, она формально не подчинена монарху, ее глава избирается синклитом кардиналов и только им же может быть смещен.

---

[28]Американское выражение, означающее "вы хорошо подготовились".

- И это все? - воскликнул Локхарт после паузы, поняв, что продолжения не будет. - Все правительство - четыре министра плюс премьер? В стране, откуда я родом, существовали, например, отдельные министерство финансов и министерство торговли, министерство сельского хозяйства, министерство труда и министерство жилищного строительства... имелось даже отдельное министерство по делам ветеранов, не входившее в состав министерства обороны, глава которого, кстати, по закону обязан был быть штатским...

- Это вам в Гроггендор, - усмехнулась Элинор. - Это там на каждый чих имеется по своему департаменту. Существует старая шутка, что система управления по-гроггендорски - это когда министерство башмаков на левую ногу ведет многолетнюю аппаратную борьбу с министерством башмаков на правую ногу, причем оба ведомства достигли в этой борьбе значительных успехов. А в Айринтии такая глупость не приходила в голову даже самым безумным из наших королей. Кому может понадобиться министерство сельского хозяйства? Разве крестьянин не лучше любых чиновников знает, что ему сеять и сажать? Разве купцу нужно указание от министра торговли, чтобы стремиться получить прибыль? Если он будет делать это плохо, он разорится, только и всего. А если он будет делать это хорошо, то лучшая помощь, которую может оказать ему государство - это не мешать. И просто в установленный срок собирать налоги, как собирает мёд пасечник. Он ведь не пытается руководить пчелами, придумывать для них правила, инструкции и органы, контролирующие исполнение оных. Пчелы миллионы лет как-то обходились без министерства труда и впредь обойдутся.

- Зато министерство труда не обойдется без пчел, - усмехнулся Локхарт. - Мой отец, державший собственное ранчо, всегда говорил, что все эти департаменты существуют только для того, чтобы паразитировать на тех, кто действительно работает, и я с ним, в общем, согласен. Рад, что королева Айринтии разделяет эту точку зрения. Однако экономика сейчас - не самая актуальная наша проблема, если я правильно понимаю. Так зачем вы просили меня остаться?

- Может быть, - вздохнула Элинор, - просто чтобы сказать вам "спасибо". Честно говоря... после смерти отца мне практически не с кем поговорить, если это не вызвано государственными соображениями. Хотя отец тоже не особо баловал меня в этом плане. Но с ним я хотя бы иногда могла позволить себе расслабиться. Побыть... просто человеком. Не повелительницей, обязанной вызывать восхищение, не воительницей, не знающей страха и сомнений, не исторической личностью, каждое слово которой войдет в хроники и станет препарироваться на все лады. "Что имела в виду Элинор Первая, когда 26 сентября в три часа пополудни чихнула в присутствии гроггендорского посла, желала ли она таким образом выразить свое презрение к империи и был ли сей поступок достойной смелостью или безрассудной дерзостью?" Да ничего она не имела в виду, у нее просто засвербило в носу! Даже дядя Фабиас... пока я была принцессой, я еще могла прибегать к нему выговориться... иногда и выплакаться... но теперь уже нет. Теперь он такой же мой подданный, как и остальные. И с ним я как раз должна быть особенно строга, чтобы избавиться от клейма его ставленницы и марионетки. Вы практически единственный, перед кем я могу не носить маску... которая, что ни говори, утомительна. Особенно "в эти сложные времена", как принято говорить. Иногда, знаете ли, от постоянной улыбки устаешь больше, чем от веса доспехов.

- Одиночество власти, да, - кивнул Локхарт. - Мне это, в общем-то, знакомо. Я сам семь лет был фактически монархом для своих людей. От меня зависели их жизнь и смерть, и моя власть была даже более абсолютной, чем у любого земного владыки - от любого из них можно бежать, а от меня моим подданным деваться было некуда. Мой корабль - это и был весь их мир, вся вселенная. И я не имел права на слабость и нерешительность... особенно на обратном пути. Но... вообще-то одиночество никогда меня не тяготило. Иначе я бы боялся космоса, а не мечтал о нем.

- Я не боюсь власти и ответственности, иначе не боролась бы за корону, - сказала Элинор. - Но одиночество... оно легко переносится, когда, так сказать, внешнее соответствует

внутреннему. Когда можно ускакать куда-нибудь в лес и просидеть там целый день на склоне холма, зная, что никто тебя даже не хватится. Но не когда тебе приходится все время быть на виду и общаться с людьми, ни один из которых тебе не близок. Монарх ведь не может позволить себе иметь друзей. Если это будет подданный, им будет мешать неравенство и, вполне вероятно, корысть со стороны нижестоящего. А если иностранец, это будет поводом для обвинений в измене. Вы - практически уникальный случай, не попадающий ни под одну из категорий. Вы не принадлежите ни одной из стран нашего мира. Вы свободный.

- Вообще-то нас таких трое, - не удержался от усмешки Локхарт. - Точнее, даже четверо.

- Да, но... вы ведь понимаете, почему я никогда не стала бы говорить так с тем же де Сегюром.

- Тем не менее - хотя я и не чужой подданный... хотя не знаю, кем меня вообще здесь считают... вы ведь понимаете, что когда вы так вот демонстративно остаетесь со мной наедине - что подумают всякие зиглеры?

- Пусть думают, что хотят, - отрезала Элинор. - Я плачу им жалование не за это. Но, кстати, зря вы так пренебрежительно отзываетесь о Зиглере. Он действительно заносчивый и высокомерный тип, довольно неприятный в общении, но при этом очень хороший профессионал. И не только в составлении нот. Вы ведь понимаете, какова на самом деле главная функция посольств?

- Внешняя разведка? - сообразил Локхарт. - Я думал, она в ведении Тайной Стражи.

- Внешних разведок у нас, по сути, несколько. Тайная Стража ведает нелегалами - завербованными иностранцами и засланными нашими. У церкви свои агенты, о которых все верно говорил де Сегюр - не знаю, сам он догадался, или, скорее, ему рассказал Фабиас. Ну а сбором информации под дипломатическим прикрытием занимается Посольская канцелярия. В значительной мере, кстати, это не какие-то романтические операции под покровом ночи, а сбор и анализ сведений из открытых источников. Но его тоже надо уметь проводить. Зиглер и его люди умеют. Вот эти сведения, в частности, - Элинор указала на расстановку гроггендорских войск к северу от границы, - их заслуга. Ну а его цинизм и склонность во всем видеть грязь - это, если угодно, тоже... профессиональное.

- Недостатки как продолжение достоинств, - кивнул Локхарт. - Надеюсь, он хотя бы не станет подозревать во мне вражеского агента, хитрым образом внедренного в ваше окружение. Хотя я даже не знаю, что должен думать вменяемый разведчик или контрразведчик о чужаках, в буквальном смысле свалившихся с неба и сразу же принятых при дворе. Правда выглядит слишком нелепо, чтобы в нее поверить.

- Вы продемонстрировали свою полезность, - ответила Элинор, похоже, предпочитая не углубляться в тему, какова официальная версия происхождения и появления Локхарта и его людей.

- Чем больше я смотрю на карту, - заметил Локхарт, - тем более очевидной мне кажется высказанная мной идея. Я даже удивляюсь, что ее не предложил никто другой. Вместо того, чтобы тащиться куда-то через распутицу, растягивая коммуникации, и выбивать врага из крепости, что требует многократного превосходства - заставить проделать все то же самое его самого и в итоге разбить, не сходя с места. Неужели это не приходило в голову тому же Айбенхорсту? Он-то, в отличие от меня, профессионал наземной войны.

- Может, и приходило. Но вообще-то идея своими руками открыть врагу дорогу и привести его прямо под стены собственной столицы - она, скажем так, обоюдоострая. Если все выйдет, как задумано, ее назовут гениальным стратегическим замыслом. А если нет - безрассудной глупостью. А то и изменой.

- А что может пойти не так? - пожал плечами Локхарт. - В самом худшем случае, Арвик просто не клюнет. Ну, тогда все останутся при своих. Но если он полезет сюда, то угодит прямо в смыкающиеся клещи королевских частей под стенами города, взять который у него заведомо

недостаточно сил. И даже не сумеет удрать обратно через Иммермур - погода отрежет ему путь к отступлению.

- В гражданской войне все может пойти не так, - мрачно возразила Элинор. - Все расчеты по правилам военной науки - численность атакующих, численность обороняющихся, мощность крепостных стен и так далее - исходят из того, что все стороны сохраняют первоначальную лояльность. А в условиях, когда войска претендента на престол оказываются под стенами столицы, это отнюдь не гарантировано. Высота и толщина городских стен ничего не значит, если в самом городе найдется достаточно желающих открыть ворота. Собственно, Арвик ведь именно на это и рассчитывает - то есть будет рассчитывать, если заглотит наживку. Посчитать численности гарнизонов он и сам в состоянии. Провокация в Дортинайне должна убедить его, что та же история повторится в Дракенхайме. Но... когда роешь другому яму, всегда остается риск перехитрить самого себя.

- Но вы же не думаете, что...

- Нет, раз я приняла это решение. Но риск остается.

- Вы приняли... подождите, - до Локхарта начало доходить. - Вы хотите сказать, кто-то должен был взять на себя ответственность за эту идею? Кто-то, за кем не стоит его ведомство, партия или страна? И именно за этим я вам и понадобился? А на самом деле у вас уже был этот план?!

Элинор улыбнулась.

- Как вы сами сказали, он достаточно очевиден. Я не могу отправиться на север сама и не могу послать туда одного Бронгара, не будучи в нем уверенной. Что еще оставалось, кроме как притащить нашего врага сюда?

- Угу - если гора не идет к Магомету... Но, знаете ли, - Локхарт чувствовал гнев, как всякий человек, осознавший, что им манипулировали, - я полагал, что мы команда! Вы сами предложили мне это!

- А разве нет? Разве вас кто-то обманывал? Вы сами пришли к этой идее и высказали ее по доброй воле. И я рада, что наши выводы совпали.

- А если бы нет?

- Если бы вы предложили лучший план, я согласилась бы с ним, - вновь улыбнулась Элинор. - Если бы худший или никакого... ну, наверное, пришлось бы все-таки озвучить эту идею самой. Или сделать прозрачный намек де Сегюру. Все более и более прозрачные намеки, до тех пор, пока до него бы не дошло. Хотя мне все же хотелось, чтобы этот план высказал военный человек, пусть даже и не служивший в нашей армии.

- Мне кажется, вы слишком умны для своих девятнадцати лет, - проворчал Локхарт, все еще злой, и язвительно добавил: - Прошу прощения за дерзость, мэм.

- А вы предпочли бы иметь дело с дурой?

- Я предпочел бы иметь дело с человеком, чьи слова о доверии - не пустой звук. В конце концов, если бы вы просто попросили меня высказать эту идею за вас...

- То это нарушило бы чистоту эксперимента. Вы же понимаете, выводы ценнее, когда к ним приходят независимо. А так я дала вам возможность выдвинуться. Вы ею воспользовались. В наших общих интересах. Чем вы недовольны?

- Наверное, вы правы, - вздохнул Локхарт. - И я должен благодарить, а не обижаться. Я просто все еще слишком неискушен в политике. Управлять кораблями все-таки проще.

- Мир, полковник? - сейчас на него смотрела не королева, а озорная девчонка.

- Если вы только не собираетесь меня казнить, как того несчастного офицера... в случае, если все провалится.

- Если все провалится, боюсь, это сделает кое-кто другой, - она вновь помрачнела. - И меня заодно. Мы действительно в одной лодке, и доверие - это не пустые слова. Речь идет уже не о власти или карьере, а о выживании. И нашем личном, и Айринтии.

- Я понимаю.

- Ладно, - вздохнула Элинор. - Вы довольны тем, как вас разместили?

- Конечно, благодарю вас. Никогда в прежней жизни я не мог представить, что буду жить в королевском дворце, - хотя, добавил он про себя, у кэйлиан теоретически могла оказаться и монархия. Послание ничего не говорило об их социальном устройстве. Хотя, конечно, мало кто всерьез считал, что у столь высокоразвитой цивилизации может быть столь архаичная форма правления... В любом случае, даже королевский дворец амфибий вряд ли был бы уютным местом для гостей с Земли. Предполагалось, что члены экспедиции - с разрешения кэйлианских властей, конечно же - развернут на планете свой собственный лагерь с наиболее подходящим для них микроклиматом...

- От скуки не страдаете? Если у вас есть какие-то просьбы или пожелания...

- Думаю, мне стоит продолжить изучение военного дела... в том виде, в каком оно существует здесь и сейчас. В доме архиепископа я уже начал читать трактат по фортификации, но, как вы сами знаете... я пока еще не разобрался, в кабинетах наших нынешних апартаментов есть книги соответствующей тематики?

- Должны быть. Там весьма разносторонняя библиотека. Но если чего-то не хватает, вам достаточно только бросить заявку в щель для писем. Все они просматриваются в течение считаных минут. И вашим товарищам тоже, разумеется.

- Вельо, полагаю, захочет продолжить свои языковые штудии. Ну а де Сегюра, наверное, по-прежнему интересуют документы из архивов. Он сможет получать их, не покидая дворца?

- Полагаю, это можно устроить. В крайнем случае, можно снять копии.

- Это ведь, наверное, очень трудоемкое дело теперь? - сообразил Локхарт. - Придется переписывать от руки?

- Об этом не беспокойтесь, - улыбнулась королева. - Мне служит достаточно бездельников, которым надо отрабатывать жалование.

- Что ж, мне, наверное, не стоит уподобляться бездельникам и отнимать и дальше ваше время, -Локхарт коротко наклонил голову. - С вашего позволения, вернусь к книгам и попытаюсь для начала расставить их по темам, а не так, как они стоят там сейчас.

- Я бы охотно побеседовала с вами еще, - возразила Элинор, - но увы, время действительно поджимает, и мне остается лишь вам завидовать.

- Завидовать? Сортировке книг?

- Меня ожидает куда более скучное занятие - позировать художнику. Да, представьте себе - именно в нынешней обстановке! Лучшего времени, чем сейчас, для писания парадных портретов не нашлось. Но дядя Фабиас полагает, что это будет полезно для пропаганды, и Корнелиус с ним согласен - а эти двое, на самом деле, соглашаются не так уж часто... Кроме того, тот же художник должен сделать рисунок моего профиля для монетного двора. Монеты до сих пор еще чеканят с изображением моего отца... Если бы люди знали, сколько забот у королевы, они бы, может быть, не так стремились на трон. Ну ладно. Моя камеристка проводит вас до ваших покоев.

Элинор вышла через ту же дверь, через которую вошла, оставив Локхарта в одиночестве. Он с опозданием подумал, что надо было спросить у нее, следует ли ему ждать провожатую здесь или в коридоре. В принципе, диспозиция на столе - это явно секретная информация, которую негоже видеть служанке, и еще неизвестно, что там за свитки в шкафу - хотя к ним он ей, конечно, не позволил бы притронуться... примечательно, однако, что королева позволила остаться наедине с этими свитками ему самому. Но если камеристка будет ждать его снаружи, почему Элинор не сказала ему об этом? Может быть, она просто считает, что простая служанка ничего не поймет, даже и увидев карту со значками войск? Если так, то это очень опрометчиво... хотя нет, Элинор не может быть настолько наивной. Какой угодно, только не наивной - в этом он только что имел возможность убедиться в очередной раз. Может быть, это еще один тест? От

него ждут, не сунет ли он сам нос туда, куда ему не разрешали?

Локхарт с демонстративным видом скрестил руки на груди и остался стоять возле стола. Через некоторое время раздался деликатный стук в дверь - ту, через которую он пришел - и приглушенный голосок позвал: "Полковник Локхарт, сэр?"

Он подошел к двери и открыл ее. На пороге стояла юная девушка - явно не старше Элинор - темноволосая, в скромном коричневом платье и чепце, вполне отвечавшая представлениям Локхарта о типичной средневековой служанке. Она поспешно присела в коротком книксене и, не поднимая глаз, произнесла: "Извольте следовать за мной, сэр".

Полковник вышел в коридор, не увидел там никого, за исключением девушки, и в сомнении остановился. Охранник, приведший их во дворец, велел не доверять никому из слуг, кроме тех, что были им представлены. Конечно, слово королевы важнее слова какого-то охранника. Но... если эта девица появилась после того, как Элинор пообещала прислать камеристку, это, строго говоря, еще не значит, что она и есть та самая. Рядом нет никого, кто мог бы подтвердить ее личность. Возможно, настоящая камеристка еще только идет сюда... или даже была перехвачена по дороге...

- Сэр? - девушка, сделав несколько шагов по коридору, обернулась выжидательно, продолжая смотреть в пол. Личико под чепцом, обрамленное темными локонами, было, насколько Локхарт мог разглядеть в таком ракурсе, довольно миловидным, но не более чем. Полковнику вспомнилась Ильза - живая, непосредственная, словно брызжущая энергией, так и излучавшая решительность и уверенность в себе. Эта девица выглядела полной ее противоположностью. Типичная служанка, да... может, даже слишком типичная. Встретив такую где-то в коридорах дворца, не запомнишь, не сможешь потом описать, даже просто не обратишь внимания, если занят своими мыслями или беседой...

- Как вас зовут? - спросил Локхарт.

- Марта, сэр, - она вновь чуть присела.

- Сколько вам лет?

- Семнадцать, сэр.

- Как давно вы служите у королевы?

- Три года, сэр.

"С четырнадцати лет?" - удивился Локхарт. Впрочем, как говорил де Сегюр, в средневековье люди взрослели рано... Специально ли Элинор выбрала себе в услужение такую тихоню и скромницу... или кто-то порадел о том, чтобы пристроить неприметную Марту на это место? Три года назад, впрочем, Элинор была всего лишь принцессой, не имевшей никаких шансов на престол и мало кому интересной... если только эта девушка говорит правду...

Нет, это паранойя, решительно сказал себе Локхарт. Чего он ожидает - что она метнет нож из рукава? Выхватит отравленную заколку из волос? Это все-таки, действительно, королевский дворец, а не вертеп разбойников.

Девушка покорно ждала, не смея торопить его. Локхарт бросил взгляд через плечо на оставшуюся позади совещательную комнату.

- Разве не надо запереть дверь на ключ?

- Об этом позаботятся, сэр.

- Ладно, - решился он. - Идемте.

Он не был уверен, что с одного раза запомнил дорогу - все же его умение ориентироваться относилось больше к небесным просторам, чем к лабиринтам коридоров - но все-таки решил, что заметит, если его поведут заведомо не туда. Вскоре ему действительно показалось, что Марта свернула не в ту сторону, и он напрягся, однако полутемный коридор, показавшийся ему подозрительным, неожиданно вывел на ярко освещенную парадную лестницу, где застыли на часах две фигуры в латах. В первый момент Локхарт принял их за декоративные, но затем различил глаза в прорезях забрал. Хотя он явно не проходил здесь

раньше, это его успокоило - караульные при исполнении увидели его вместе с Мартой - хотя они совершенно никак не отреагировали, словно и впрямь были лишь истуканами. Знали ли они в лицо камеристку королевы? Должны ли были знать?

Подъем на один пролет, галерея над большим залом - надо полагать, бальным - снова спуск по крутой винтовой лестнице, коридор, еще коридор, в середине которого Локхарт увидел еще двух стражников на часах у дверей (эти были в облегченных доспехах - кирасы и открытые шлемы без наручей и поножей - что наводило на мысль, что их миссия более реальная, а не декоративная). Еще через несколько шагов полковник с облегчением понял, что это двери гостевых покоев, только они вышли к ним с другой стороны. Путь через бальный зал был короче, но, вероятно, более чреват свидетелями - хотя в тот момент, когда Марта и Локхарт проходили по галерее, внизу не оказалось никого, кроме слуги, натиравшего широкой шваброй и без того сияющий полированным мрамором пол.

Стражники синхронно отсалютовали Локхарту и распахнули перед ним двери (белые с позолоченной резьбой, куда более роскошные, как он обратил внимание теперь, чем дверь в совещательную комнату королевы), словно он и в самом деле был иноземным принцем. "Интересно, приветствовали ли они так же де Сегюра?" - подумалось ему. Марта сделала еще один поспешный книксен и, ни слова не говоря, поспешила обратно.

Оставив двери и короткий проход от них за спиной, Локхарт свернул направо, к "президентскому люксу", дабы, как он и сказал Элинор, продолжить разбор книг. Вскоре ему удалось отыскать довольно увесистый "Трактат о тактике пехотной наступательной и оборонительной, супротив пешего и конного неприятеля, сообразно оружию и численности сторон при надлежащем учете природных кондиций, а также о формах пехотного строя и порядках маршевых и гарнизонных." Перевернув обложку в кожаном переплете, он прочитал на титульном листе под заглавием "Сочинение капитана Фридерика ван Штравена, ветерана бугенхольмских кампаний", а ниже - "Отпечатано в Адлерштаде, в типографии Йохана Рудериуса, в лето 652-е."

Адлерштад - это древняя столица Гроггендора, вспомнил Локхарт. Город на другом конце континента, в Скалистых горах. Интересно. С гроггендорским сочинением по тактике особенно интересно познакомиться, учитывая вполне реальную угрозу войны с империей. Правда, этой книге уже больше ста лет - сейчас идет 786 год от основания Кранцхюгеля... (В старину, как уже было известно Локхарту, каждый гроггендорский клан имел свое собственное летосчисление, что, понятно, приводило к изрядным неудобствам; межклановые договоры и королевские указы датировались по принципу "в 135 год Ворона, он же 97 год Койота, он же 81 год Черной Лисицы..." с перечислением всех вовлеченных кланов по старшинству. Ингвар Первый унифицировал календарь, заимствовав его у более развитого на тот момент Бугенхольма, где заодно корректно решалась проблема високосных годов.) Но это же средневековье - вряд ли за последнее столетие здесь имел место значительный прогресс. Все так же рубятся мечами и копьями, как и сто, и двести лет назад. (На сей раз Локхарт даже не вспомнил, что двести лет назад здесь еще не могло быть настоящего средневековья - ну разве что самое начало такового, если предположить, что неведомая катастрофа произошла сразу после отлета "Доброй воли" - а в так называемые времена Ингвара Первого на Земле и вовсе процветала технократическая цивилизация...)

Однако, перелистнув страницу, полковник испытал разочарование. Книга оказалась на гроггендорском - чего, собственно, и следовало ожидать (хотя титульный лист почему-то был все же на английском - возможно, его вставили позднее уже в Айринтии для удобства каталогизации?) Некоторое время Локхарт, положась на свои познания в дойче, пытался пробиться сквозь громоздкие архаичные фразы, но обилие слов, недостаточно похожих на знакомые ему германские, вынудило его признать свое поражение еще до конца первой страницы. В западном диалекте горного Гроггендора большая примесь скандинавских языков,

вспомнил он слова Вельо, а в восточном, бугенхольмском - французского.

Придется обращаться к Вельо. Если лингвист страдает от своей ненужности - в частности, что его не позвали на совещание, как двух других - то вот ему, пожалуйста, задание. Хотя, конечно, сколько времени понадобится на перевод такого тома - да еще без всякого компьютера... писать от руки... вправе ли он не то что приказывать, но хотя бы просить о таком объеме работы? Или попытаться задействовать чиновников-бездельников, о которых говорила Элинор - есть среди них не просто переписчики, но и переводчики? В любом случае, стоит проконсультироваться с Вельо - пусть он хотя бы просмотрит книгу и перескажет ключевые моменты, чтобы стало ясно, стоит ли переводить подробнее...

С тяжелым трактатом в руке Локхарт пересек зимний сад, не обращая внимания на плеск воды и чириканье птиц, и подошел к двери апартаментов, выделенных лингвисту. Подняв свободную руку, чтобы постучать, он вдруг замер. Двери в сад были не такими толстыми, как двери в коридор, так что полковник различил странные звуки, идущие изнутри помещения. Скрип половиц и... кажется, какое-то кряхтение. Тюлевые занавески на окнах, выходящих в сад, ничего не позволяли разглядеть, но Локхарт прижался ухом к стеклу и теперь уже смог различить и доносящееся изнутри тяжелое дыхание. Что он там делает? Все-таки внял увещеваниям и решил заняться спортом? Но скрип, дыхание и кряхтение не укладывались в размеренный ритм, свойственный человеку, выполняющему физические упражнения. Скорее это походило на... драку. Словно Вельо схватился там с кем-то и топчется в медвежьих объятиях, почему-то не пытаясь звать на помощь... возможно, ему зажали рот, хотя Локхарту сложно было представить человека, способного сделать такое с гигантом - впрочем, если их там несколько... Неужели повторяется история с Якобсоном, который, кажется, тоже с кем-то боролся перед смертью?!

- Доктор? - крикнул полковник через дверь. - С вами все в порядке?

В ответ донесся звук удара и грохот. Любые инструкции в таких случаях предписывают не ввязываться самому, а отступать и вызывать охрану, особенно если единственное твое оружие - это книга по пехотной тактике, однако Локхарт рванул ручку двери. На себя, от себя - заперто! Действуя на уровне рефлексов, он выбил стекло в двери, швырнув в него тяжелый том, сунул руку внутрь, повернув ручку и ворвался в помещение.

Ему предстало удивительное зрелище. Доктор Вельо, один из лучших - а теперь, очевидно, лучший - лингвист на Земле, обладатель почетных степеней полудюжины европейских и американских университетов, знаток десятков языков, автор множества научных работ - стоял, тяжело дыша, посреди кабинета, голый по пояс, сжимая в волосатых руках тяжелую двухметровую алебарду. На полу валялся опрокинутый стул.

Больше в помещении никого не было.

Астронавты пару секунд смотрели друг на друга. Затем Вельо с мрачным видом опустил свое оружие.

- Опасности нет? - уточнил Локхарт.

- Нет, - буркнул итальянец. - Разве что порезаться или простудиться после того, как вы разбили мне стекло.

- Я полагал, что на вас напали. Я слышал звуки борьбы и грохот.

- Зацепил стул, - пояснил Вельо все так же ворчливо. - Дрогнула рука, когда вы крикнули у меня под дверью. Я пока еще не очень ловко управляюсь с этой штукой.

- Что вы тут делали вообще? Откуда у вас алебарда?

- Попросил, вот и принесли. Тут же все к услугам гостей, верно? На самом деле она учебная. Тупая, - он приподнял алебарду и провел пальцем по лезвию.

- Череп раскроить ею все равно можно, просто за счет массы, - заметил полковник. - Все-таки, зачем она вам понадобилась? Вы что, решили пойти по стопам Шрамма? У вас-то интеллект не 85.

- Вы сами говорили мне насчет физических упражнений, - усмехнулся Вельо. - Уж лучше это, чем совершенно бесполезные гири. Или чем совершенно бесполезные книги. По тлукаляханскому и вообще. От моего интеллекта здесь все равно никакого толка. А алебардой я орудовать могу не хуже прочих. Пожалуй, и получше многих, надо только как следует потренироваться, - он вскинул тяжелое оружие и крутанул его над головой, едва не задевая полки с книгами. Лезвие с гудением рассекло воздух. Локхарт рефлекторно попятился.

- Вы ошибаетесь, доктор, - сказал он. - Ваш интеллект очень даже нужен, и я как раз и шел побеседовать с вами по поводу книг. Может, все-таки отставите в сторону эту штуку? Лучше вообще положите ее на пол.

Вельо нехотя повиновался, а Локхарт аккуратно поднял валявшийся на полу среди осколков трактат. Книга не пострадала.

- Вот, - сказал он. - К сожалению, это на гроггендорском, и моих языковых познаний явно недостаточно...

- Вы предлагаете мне все это перевести? - скривился лингвист.

- Ну, не все, конечно... возможно, самое важное...

Вельо без энтузиазма взял тяжелый том, отнес его на стол, перевернул обложку...

- Ну вот, - усмехнулся он, - а спрашиваете, зачем мне алебарда. Затем же, зачем вам эта книга.

- Есть большая разница, - возразил Локхарт. - Я хочу изучить, как ведется современная война, - он отметил про себя, насколько странно звучит слово "современная" в этом контексте, - но я вовсе не собираюсь сам на роль пушечного мяса. Или как оно там называется теперь, когда нет пушек...

- Это потому, что вы полковник, и вас принимает сама королева, - ответил Вельо все так же брюзгливо. - А Луиджи Вельо никому не нужен и годится только в рядовые ландскнехты. Но уж по крайней мере в этом качестве он на голову выше прочих. В буквальном смысле.

"Это не так, доктор", - хотел возразить Локхарт, но запнулся: получилось бы, что он оспаривает последний тезис, а не предшествующий.

- Но что вам тут переводить? - продолжил лингвист. - Тут же по-английски.

- Это только титульный лист.

- Нет, и дальше тоже. Каждый второй лист. Нечетные на гроггендорском, четные на английском.

- В самом деле? - Локхарт подошел к столу и убедился, что Вельо прав. "Черт, я даже не удосужился заглянуть дальше первой страницы, - выругал он себя. - Великий аналитик и стратег, воистину. В пехоту, алебардой махать..."

- Очевидно, после того, как книгу привезли из Гроггендора, король или кто там приказал сделать перевод, прежде чем помещать ее в дворцовую библиотеку, - предположил Вельо. - Затем ее разъяли, вставили новые страницы и переплели заново. По мне так очень правильно. Я всегда предпочитал читать переводы, имея под рукой оригинал.

- Выходит, на самом деле книга вдвое тоньше, - констатировал Локхарт. - Тем лучше. В таком случае, займусь ее изучением, - подхватив трактат, он направился к двери в сад. Под ногами хрустнули осколки. - Надеюсь, стекло вам заменят без проблем, если что - валите все на меня.

- Ну а на кого же, - буркнул Вельо, совсем уже, видно, не думая о субординации.

- И, доктор, - Локхарт вновь повернулся к нему. - Освоить теперешнее оружие, может, и впрямь полезно, но очень надеюсь, что вы не собираетесь и в самом деле записываться в армию. Или в гвардию, или в иное подобное место. Это было бы классическое забивание гвоздей микроскопом, вы же понимаете.

- А на что еще годится микроскоп в нынешнем мире?

- Считайте, что это приказ, - строго сказал полковник. - Я вам запрещаю. Шрамму

разрешил, а вам нет.

- Да, сэр, - Вельо издевательски козырнул, а затем подошел к стене и дернул шнур, вызывая слугу. Набросить себе что-нибудь на плечи он при этом не удосужился. В самом деле, к чему церемониться с прислугой? Мы же в средневековье, не так ли? Дикий мир, дикие нравы...

"Якобсон, возможно, сумел бы поднять ему настроение", - печально подумал Локхарт, выходя.

Пять дней спустя в столичном кабачке с патриотичным названием "Синий дракон", что находился недалеко от казарм личной королевской гвардии и пользовался неизменной популярностью у обитателей оных, сидела за длинным столом, отмечая очередное субботнее увольнение, именно такая компания. Обыкновенно подобные компании, собиравшиеся по выходным, были большими и шумными; грохотали по столу пинтовые кружки, дружное ржание вознаграждало незамысловатые шутки, а после очередного возлияния господа гвардейцы принимались хором, компенсируя недостатки музыкального образования рвением, распевать песни - от своего официального гимна "За флаг и короля"[29] (теперь, понятное дело, без ущерба для песни вместо "короля" пели "королеву"[30]), до самых скабрезных. Однако прочие посетители, не имевшие чести принадлежать к личной гвардии его или ее величества, слыша эти звуки, не торопились прочь, ибо у гвардейцев была репутация гуляк веселых, но не буйных, знающих меру и блюдущих приличие. Во всяком случае, не чинить ущерба владельцу "Дракона" дядюшке Зигмунду и его заведению считалось у них делом принципа, и если кому-то и случалось опасно перебрать, его останавливали и успокаивали свои же товарищи.

Но в эту субботу веселью явно недоставало привычного размаха. И самих собравшихся за столом было меньше, и настроение у них было не столь беззаботным. По Дракенхайму ползли скверные слухи. О мятеже на севере, что разрастается, не встречая сопротивления, о дезертирах, бегущих с новых земель, о грядущей войне с Гроггендором. Поговаривали, что даже и королевские войска, идущие к столице, ненадежны. Но если даже это было и не так, если, как утверждалось на инструктажах, такие слухи распускали враги Айринтии, гроггендорские и тлукаляханские шпионы, коих надлежит арестовывать на месте и препровождать в кордегардию - сам факт стягивания войск для защиты столицы сомнению не подлежал и наводил на мрачные

---

[29]Вот полный текст гимна вместе с неофициальным 4-м куплетом:

For the Flag and the King our morglays we swing
Fierce in fight, glorified by the bards,
Both our arms and our will are as stubborn as steel,
As the guards will forever be guards!

For the Flag and the King, under Blue Dragon wing,
Be it flood, be it blood - no regards,
We will stand and defend our land to the end,
As the guards will forever be guards!

For the Flag and the King our anthem we sing,
It's forever enchased in our hearts
And His Majesty knows that in heat and in snows
All his guards will forever be guards!

For the Flag and the King our wine we will drink,
Here we also are famous diehards -
No man in the town ever can drink us down
As the guards will forever be guards!

Ноты: http://yun.complife.info/Royal_Guards_Anthem.pdf
Послушать музыку можно здесь: https://youtu.be/jW4XeQ6CP4E

[30]В оригинале замена "King" на "Queen" действительно вписывается в размер и почти не ухудшает рифму.

мысли. Айринтийцы всегда жили с мыслью о недружественных соседях, об угрозах на границе и опасности пиратских рейдов на побережье - но уже очень давно опасность не грозила непосредственно Дракенхайму.

О том, что слухи - это не просто слухи, свидетельствовали и перемены в распорядке самой гвардии. Нарядов и караулов стало больше, в увольнительные отпускали реже - но при этом с оружием, и перед уходом капралы строго наставляли насчет необходимости сохранять бдительность даже и во внеслужебное время, причем это касалось не только распространителей слухов, но и возможных провокаций против самих гвардейцев. "Врагам королевы на руку выставить ее личную гвардию в неприглядном свете, посеять раздор между солдатами разных частей, под разными знаменами служащими нашей общей Айринтии..."

Обыкновенно во время субботних гулянок в "Драконе" салаги из учебной роты не допускались за один стол с "действительными" гвардейцами; исключения делались лишь для отдельных особо отличившихся, попавших в гвардию не прямиком с гражданки, а из других частей, имевших более солидный возраст, чем обычные мальчишки из учебки, или просто друзей кого-то из авторитетных гвардейцев. Шрамм, благодаря своему формальному офицерскому званию, возрасту хорошо за тридцать, успехам в освоении мечного боя и симпатии, которую он, почти не разговаривая, сумел тем не менее снискать у новых товарищей, попадал под все эти категории. Но в эту субботу ему даже не требовались особые привилегии - гвардейцев в "Драконе" собралось так мало, что все они, включая самых юных курсантов, разместились вперемежку за одним столом.

Юнцы, как водится в таких случаях, гордились и хорохорились, спешили засвидетельствовать свое презрение к врагам и уверенность в победе, что отчасти способствовало общему подъему духа, а отчасти, наоборот, вызывало раздражение некоторых ветеранов, особенно успевших уже не раз и не два приложиться к кружке.

- А вы знаете, сколько гроггендорцев нужно, чтобы покрасить забор? - разорялся белобрысый паренек лет семнадцати. - Шестеро: один держит кисть, второй льет на нее краску, а четверо носят мимо них забор влево-вправо и вверх-вниз! (Несколько его сверстников довольно рассмеялись, но старшие хранили молчание.) А вы знаете, сколько гроггендорцев нужно, чтобы забить гвоздь? Трое: один из гильдии, которая держит гвозди, второй из гильдии, которая бьет молотком, а третий из гильдии, которая кричит, когда второй попадает первому по пальцам! (Еще смешки.) А вы знаете, сколько гроггендорцев нужно...

- А ты знаешь, сколько гроггендорцев нужно, чтобы перебить целый взвод таких пустомель, как ты? - перебил его немолодой вислоусый гвардеец с вертикальным шрамом на лбу. - Одиннадцать лет назад хватило четверых. Сняли часовых и вырезали форпост подчистую, те даже проснуться не успели. Если бы летучий отряд его светлости герцога Бронгарского не подоспел вовремя...

- Как ты почтительно отзываешься о Бронгаре, - насмешливо заметил рыжеволосый гвардеец помоложе.

- Что бы о нем ни говорили, он тогда спас страну, - ответил вислоусый. - Если бы он не разбил передовые части гроггендорцев, они бы хлынули, как саранча. Началось бы вторжение, и совсем не факт, что они остановились бы на старой границе.

- Не он один спас, его солдаты спасли, - возразил рыжий. - А вот кого он сейчас спасать будет, страну или свою задницу, это еще вопрос.

- Ну ты попридержи язык-то, - вмешался еще один гвардеец, бритый наголо. - Пусть он нам и не начальник, но ты все-таки говоришь о родном дяде королевы. Которого пока что никто ни с каких постов не снимал и в измене не обвинял.

- А что такого о нем говорят? - заинтересовался один из курсантов. - Плохое что-то?

- А ты не слышал? - повернулся к нему рыжий. - Насчет детей...

- Бабьи сплетни, - перебил бритый. - Не слушай эту чушь, малец, - он смачно глотнул из

кружки и во весь голос затянул: - For the Flag and the Queen our morglays we swing[31]...

Несколько голосов подхватили гимн - но не все разом, как бывало обычно. На другом конце стола, где сидел над своей кружкой Шрамм, продолжался свой разговор, участники которого не пожелали прерываться ради патриотических песнопений. Шрамм не участвовал в дискуссии - по понятным причинам он вообще старался говорить как можно меньше - но и петь тоже не стал, хотя это у него получалось лучше, чем говорить. Но, во-первых, он никак не мог заучить слова - с этим у него теперь обстояло гораздо хуже, чем с фехтовальными приемами, которые он схватывал на лету - а во-вторых, не хотел мешать разговору, к которому прислушивался с сумрачным видом. Обсуждали, конечно же, мятеж Арвика, положение столицы и все последние тревожные новости и слухи.

- Сразу надо было давить! Сразу! - кипятился гвардеец лет двадцати пяти. - Бросить армию на север, я не понимаю, чего она столько медлила!

- Нет ничего проще, чем решать за других, - насмешливо отвечал его сосед. - Если ты такой стратег, почему ты до сих пор не генерал?

- Потому что мой отец не герцог, а простой суконщик!

- Ну и что? Наш Батя, - имелся в виду Айбенхорст, - сам бастард.

- Графский бастард! Лучше быть незаконным сыном графа, чем законным суконщика...

- Ты хоть в капралы сначала выбейся, а потом про генералов рассуждай. Скажешь, в капралы тоже без знатного папы не берут?

- Ну я, может, и не такой военный знаток, как Батя, - сдал назад критик, - но уж наверное и не глупее юной девицы!

- Э, ты говори, да не заговаривайся!

Шрамм еще больше нахмурился и сжал в кулаке ручку кружки, осознав, что парень напротив посмел непочтительно отозваться об Элинор. Задать бы ему хорошенько! Впрочем, его уже одернули, а сам Шрамм взял за правило не ссориться с новыми товарищами. Ему надо еще многому у них научиться, чтобы лучше служить своей королеве, и совсем негоже затевать драки, они подрывают дисциплину. Но все равно, какая наглость! И ведь кто, ее же личный гвардеец! Неужели измена проникла даже сюда?

- For the Flag and the Queen, under Blue Dragon wing[32]... - неслось с другого конца стола. Обычно эту строку подхватывали с особым энтузиазмом, воздавая должное не только государственному гербу, но и заведению дядюшки Зигмунда. Но на сей раз и тут вышел конфуз - один из гвардейцев, успевший уже довольно основательно набраться, оторвался от кружки, чтобы радостно подхватить любимую строчку, и по привычке проорал ее так, как пел все предыдущие годы службы - "For the Flag and the King..." При этом он взревел так громко, что едва ли не перекрыл в одиночку все остальные голоса.

В иных обстоятельствах это было бы вполне понятной оговоркой, на которую никто не обратил бы внимания. Но только не в ситуации, когда в Айринтии имелось по меньшей мере два человека, способных претендовать на титул короля, причем один из них уже поднял мятеж, а второй, хотя и хранивший пока лояльность, имел немало сторонников, полагавших его права на трон более законными, чем у Элинор. В таком контексте фраза, словно бы демонстративно выкрикнутая из-за стола королевских гвардейцев, прозвучала прямым вызовом и чуть ли не призывом к бунту, попутно подставляющим еще и "Синий дракон" вместе с его хозяином. Обернулись (или, наоборот, предпочли склониться над столом и сделать вид, что ничего не слышали) даже некоторые посетители на соседних скамьях, а песня пошла вразнобой и сама собой смолкла на следующей строчке.

Вислоусый гвардеец сориентировался первым. Он отвесил возмутителю спокойствия подзатыльник: - Что ты мелешь, дурак! - и обратился к соседям: - Не давайте ему больше пить, -

[31]За флаг и королеву мечами мы машем.

[32]За флаг и королеву, под крылом Синего Дракона.

а затем снова запел куплет сначала, уже правильно. Другие голоса присоединились, и все вроде бы пошло своим чередом, но страшное подозрение об измене, возможно, пустившей корни уже даже в личной гвардии королевы, лишь укрепилось в сознании Шрамма.

- Но я и в самом деле не понимаю, почему королева, или Бронгар, или кто там сейчас отвечает за военные решения, не посылали войска на север так долго, - продолжал спор третий сосед Шрамма. - Мятеж он как пожар, ему нельзя давать разгораться. Даже если, допустим, под рукой недостаточно воды, чтобы загасить его сразу - надо плеснуть в огонь ту, что есть, а потом уже бежать за новой. Пламя не потухнет, но хотя бы ослабнет, даст время натаскать из колодца еще. А если рассуждать по принципу "сначала набрать достаточно воды, а потом уже начинать тушить", так там уже, глядишь, тушить нечего будет...

- А ты бы хотел стать тем самым первым ведром, которое испарится в огне без остатка? - усмехнулся другой.

- Ну понятное дело, что на смерть идти никому не охота, но кому-то же надо. Такова уж наша солдатская доля...

- And Her Majesty knows that in heat and in snows
All her guards will forever be guards![33]

- дружно проорали не слишком трезвые голоса, на сей раз нигде не сбившись с полом монарха, и сделали традиционную паузу перед четвертым, неофициальным куплетом.

- ...послали, чем же ты недоволен? - расслышал Шрамм в наступившей почти что тишине.

- Во-первых, поздновато, а главное, кого?! Это же совсем...

- For the Flag and the Queen our wine we will drink[34], - грянул финальный куплет. Он был дописан другим автором, и оттого рифма в первой строке хромала, но его радостно подхватило еще больше голосов. Вино собравшиеся ценили явно больше, чем строгость поэтической формы. Шрамм недовольно поморщился - не потому, что был ценителем поэзии (он не был таковым и в прошлой жизни) или не любил гвардейский гимн (к которому еще совсем недавно относился с восторгом неофита, хотя и злился на себя, что постоянно сбивается в словах), а потому, что хор мешал ему расслышать разговор соседей, в то время как они, как он чувствовал, говорили о чем-то важном. Он, разумеется, знал, что три дня назад на север выступил большой отряд под гвардейским знаменем, отправленный, как говорили, чтобы укрепить гарнизон крепости, служащей ключом ко всему югу страны. Туда включили и нескольких парней из учебной роты, и Шрамм очень надеялся, что и ему будет оказана такая честь, но он не попал в список. Ну что ж, это понятно, он ведь начал обучение недавно и еще не овладел в полной мере приемами обращения с холодным оружием. Правда, те, кого отправили на север, хотя и находились в учебной роте намного дольше него, но, на взгляд Шрамма, большим воинским искусством не отличались. Да что там "большим" - он сам не раз побивал их в учебных боях. Если бы его спросили, он бы даже сказал, что это были самые никчемные курсанты во всей учебке. Но кто он такой, чтобы его спрашивали? Что он понимает? Он новичок и в гвардии, и вообще в этом мире. Его дело - прилежно исполнять приказы и не подвергать сомнению авторитет командиров, которые уж точно разбираются во всем лучше, чем он. Насколько важны для военнослужащего дисциплина и субординация, он хорошо помнил еще из прошлой своей жизни. Но вот теперь, кажется, и опытные гвардейцы, служащие уже не первый год, высказывают сомнение в мудрости отданных приказов? Уж не измена ли это? Или...

- ...сброд, я слышал, их вообще набрали по тюрьмам...

- ...Here we also are famous diehards[35]...

- ...счет тюрем не знаю, но необученные молокососы...

---

[33]И Ее Величество знает, что в жару и в снегах
Все ее гвардейцы останутся гвардейцами!

[34]За флаг и королеву вино мы будем пить.

[35]Здесь мы также знамениты несгибаемостью.

- ...No man in the town ever can drink us down[36]...

- ...их же отдали под опеку ветеранов?

- As the guards will forever be guards![37] - отревела последняя фраза, и днища кружек дружно ударили по столу, знаменуя окончание песни.

- ...песок сыплется! - крикнул над ухом Шрамма его скептический сосед, по инерции пытаясь перекричать уже умолкший хор. Несколько певунов, сидевших дальше и не слышавших спор, повернулись в его сторону. Он поспешно понизил голос, однако продолжал, обращаясь к своим соседям: - Но главное - кого там поставили во главе?! Вы, небось, слыхали поговорку - армия баранов во главе со львом побьет армию львов во главе с бараном.

- Во-во, - кивнул его оппонент, вероятно, видя в этом оправдание действий командования.

- Так вот там даже не баран! У барана хотя бы рога есть! Проворовавшийся интендант, конторская крыса, вы его на плацу даже ни разу не видели. Все свои звания получил, не отрывая задницы от стула. Я так понимаю, перед ним просто выбор поставили - или под суд, или туда...

- Я бы выбрал под суд, - усмехнулся еще один гвардеец. - За воровство сейчас не вешают, а там, с такой командой и таким командиром - верная смерть. Если, конечно, до боя дойдет.

- Дойдет, как не дойти - иначе зачем их туда посылали? Вот тебе и ведро воды - послали тех, кого не жалко.

- По мне такая вода больше на светильное масло похожа. Мятежников легкая победа только раззадорит...

- Так, может, на то расчет, что Арвик не узнает, кого против него послали? Подумает, что это настоящая гвардия, и побоится соваться?

- Да как же, не узнает он! Мы вот с тобой знаем, а у него, думаешь, в столице шпионов нет?

"Измена!" - понял Шрамм. Самая настоящая измена! Только дело не в рядовых гвардейцах, распустивших языки - все куда хуже! Пока капралы внушают им быть бдительными и прислушиваться к болтовне простых обывателей, измена в самом командовании гвардией, а может, даже и еще выше! Враги королевы намеренно отправили защищать стратегически важную крепость никуда не годное войско с никуда не годным командиром, чтобы открыть мятежникам прямую дорогу на столицу!

Все так же не говоря ни слова, Шрамм поднялся, оставив недопитую кружку на столе. Гвардейцы, занятые разговором, если и обратили на это внимание, то уж точно не придали значения, решив, очевидно, что он отлучился по самой прозаической нужде. Однако Шрамм, выйдя во двор кабака, не стал сворачивать к деревянным будкам туалетов. Вместо этого он направился к коновязи.

Обращаться по начальству, как велят уставы, нельзя. Неизвестно, кто из них в заговоре, кому можно доверять. Если бы можно было рассказать все самой Элинор! Но его не пропустят к ней. Она королева, а он простой солдат, даже ниже солдата - курсант. Когда-то, правда, она его приняла... и как раз на той встрече он сам попросился в рядовые, думая, что в качестве гвардейца он будет ближе к ней! С тех пор он не видел ее ни разу, даже когда охранял ее дворец... Может, если бы не та просьба... хотя, если бы не та просьба, он не оказался бы сейчас в кабаке в компании гвардейцев и не узнал, какого рода войско направили на север. В любом случае, его не пустят во дворец. Спросят, кто ты такой? "Курсант учебной роты гвардии ее величества." "Ха-ха-ха-ха! Курсант! Пойди проспись, пока твой капрал не надрал тебе задницу за пьянство!" (Это правда - он пил, и от него, должно быть, пахло вином, хотя он чувствовал себя совершенно трезвым.) "Но у меня дело государственной важности!" "Тогда мы отведем тебя к офицеру Тайной Стражи." А если и тот - изменник? Или его начальник? И в любом случае - сколько времени будет потеряно, пока будут докладывать по инстанциям и решать, стоит ли

[36]Ни один человек в городе никогда не сможет нас перепить.

[37]Ибо гвардейцы всегда будут гвардейцами!

беспокоить королеву, или это просто пьяный бред глупого курсанта?

Можно было бы обратиться к... прежнему командиру, сообразил Шрамм. К полковнику Локхарту. Возможно, тот замолвил бы за него словечко перед королевой. Но Шрамм даже не знал, где его искать. После того, как изменники и заговорщики убили доктора Якобсона, Локхарта и остальных прячут в каком-то монастыре за пределами столицы. Он не знал, в каком, а если бы даже и знал, сколько бы ушло времени, чтобы туда добраться? И чтобы потом отправить оттуда депешу во дворец?

Войско ушло на север три дня назад, его уже никак не догнать пешком, и даже на лошади не так быстро. Нельзя терять время, совсем нельзя, и тем более нельзя рисковать, что его задержат заговорщики! Он поскачет на север сам, прямо сейчас, и спасет Элинор! Спасет свою королеву! Что он может один? А разве не сказано - "Армия баранов во главе со львом побьет армию львов во главе с бараном"?

В своей прежней жизни Шрамм никогда даже не видел живую лошадь (даже в цирке, где любые номера с животными запретили как "негуманные" задолго до его рождения), но умение ездить верхом входило в обязательный минимум гвардейца, и он успел получить несколько уроков верховой езды. Недостаточно, чтобы стать виртуозным наездником, но довольно, чтобы не свалиться с седла и справиться с не самым норовистым конем. Однако никто не выдаст ему коня с гвардейской конюшни без приказа. Значит...

Остановившись у коновязи, Шрамм окинул взглядом имеющиеся варианты и выбрал гнедого, который выглядел сильнее и выносливей тонконогой мышастой кобылы и в то же время не косил на чужака бешеным взглядом и не всхрапывал, как соседний вороной. Шрамм, мыча что-то успокаивающее, протянул руку и погладил гнедого по носу, жалея, что у него нет с собой яблока. Но конь и без подношения принял ласку и качнул головой словно бы в знак согласия. Шрамм распутал повод и взобрался в седло.

- Э, эй! - раздался окрик со стороны кабака. - Ты что творишь?!

Расплескивая сапогами грязные лужи, к коновязи бежал упитанный гладко выбритый господин в кургузом дублете, штанах с буфами и пышном берете, по виду - преуспевающий ремесленник или средней руки торговец, но не дворянин.

- Именем королевы! - прокричал Шрамм во весь голос, избегая таким образом заикания. - Реквизиция! Для! Государственных! Нужд! - он сунул под нос запыхавшемуся хозяину коня свой единственный документ - приказ о его направлении в учебную роту - и отдернул бумагу прежде, чем тот успел прочитать. - Будет возвращено! Позже! - он дал шпоры коню и поскакал прочь. Растерявшийся хозяин лишь отпрянул, уворачиваясь от грязи из-под копыт.

В Айринтии не было системы гражданских почтовых станций, но были военные посты, на которых чиновник или военнослужащий, путешествующий по казенной надобности, мог сменить лошадь. Однако для этого требовался документ, подтверждающий полномочия, поэтому Шрамм не рискнул туда соваться; более того, с юридической точки зрения он теперь находился в самовольной отлучке, и хотя эпоха была уже не та, когда информация об этом была бы мгновенно разослана по армейской и полицейской сети, рефлекс заставлял его держаться подальше от любых военных и представителей власти. Так что он еще дважды реквизировал лошадей у гражданских. Впрочем, первый из них даже и не возражал, ибо наметанным глазом знатока конских статей (коим Шрамм безусловно не был) сразу определил, что предлагаемый ему взамен гнедой, пусть и усталый после долгой скачки, лучше его собственного коня. В чем Шрамм в скором времени и убедился, но было уже поздно (во всех смыслах), и на этой лошади ему пришлось ехать всю ночь, ибо терять время на сон он не пожелал. А вот при втором обмене дело обстояло прямо противоположным образом, и владелец великолепного белого жеребца, как на грех оказавшийся стряпчим, заявил, что "это беспредел" и он будет жаловаться на "возмутительное беззаконие королевских гвардейцев" во все инстанции вплоть до самой королевы. Вдобавок он выразил желание внимательно изучить документы Шрамма. Тот в ответ

молча выгреб из кошелька, не считая, несколько монет (из всех членов команды "Доброй воли" он единственный получал жалованье в теперешнем мире, хотя, конечно, у курсантов оно было совсем не богатым) и протянул их недовольному.

- Это смехотворно, любезный! - воскликнул тот, брезгливо покосившись на монеты, оказавшиеся у него на ладони, и как бы машинально сжав кулак. - Моя лошадь дороже вашей по меньшей мере на пять золотых, не считая моих потерь из-за задержки, а вы суете мне какую-то медь?!

Тогда Шрамм рванул из ножен меч и проорал в лицо стряпчему: - Если вам не нравится моя медь, могу предложить мое железо!!!

Увы, он не сам придумал эту фразу - когда-то в прошлой жизни он не то прочел ее, не то услышал в каком-то фильме. Но это не имело значения, поскольку стряпчий побледнел и попятился, бормоча: - Нет, ну я же тоже патриот, я понимаю... государственная надобность... война... только хотелось бы все же получить расписку, если вы не возражаете...

Шрамм накарябал собственную подпись на протянутом ему клочке бумаги, не глядя, что успел вписать там стряпчий, и вскочил в седло.

Таким образом, меняя лошадей, он ехал почти без остановок целые сутки, почти не обращая внимания ни на боль от поясницы и ниже, вызванную столь длительной скачкой непривычного к седлу наездника, ни на усталость, ни на периодически срывавшийся с хмурого неба дождь. Наконец к закату воскресенья он добрался до трактира у южной границы Иммермурских болот.

В трактире, где по причине скверного как в погодном, так и в политическом смысле времени вовсе не оказалось постояльцев, он узнал, что большой военный отряд прошел на север утром. Шрамм понадеялся было нагнать их за ночь, но коню определенно требовался отдых, а взять свежего было негде. У трактирщика имелся свой собственный, но это был флегматичный пожилой тяжеловоз, привычный неспешно катить телегу с припасами, но совершенно непригодный для быстрой скачки верхом. Вдобавок, как заверил Шрамма трактирщиц, никто не ездит через болота ночью.

- П-п-почему?

- Слишком опасно, сэр. Крестьяне судачат, что по ночам в болотах до сих пор бродят призраки бугенхольмских солдат, которые ищут и не могут найти дорогу домой...

Шрамм раздраженно замотал головой, показывая, что не верит в подобную чушь, и трактирщик охотно согласился: - Да, конечно, это просто сказки... скорее всего. Про любые болота такое рассказывают, а на самом деле это просто оседает ил, выходят газы, кричат ночные птицы, ну и плюс блуждающие огоньки, конечно. Но ночью там и в самом деле опасно, особенно в эту пору, при такой погоде. Слишком легко сбиться с дороги и угодить в трясину, особенно если туман поднимется, а он там часто. Дорога-то не прямо идет, самые топкие места огибает. Все, кто идут или едут через Иммермур - а это даже по сухой погоде не меньше трех дней пути - на ночь всегда становятся лагерем, там есть стоянки...

В итоге Шрамм купил еды для себя и для коня на два дня; денег на приличную комнату после этого у него уже не осталось, а трактирщик не пожелал делать скидку даже и единственному постояльцу - "не подумайте дурно, сэр, но это для вас одного печь топить, а уголь нынче дорог, да и служанок я уже распустил, скоро закрываюсь до весны..." - и Шрамм, не пытаясь угрожать или спорить (что вряд ли стоило делать, ибо служанок трактирщик, может, и распустил, но за его спиной маячили два крепких угрюмых парня - не то сыновья, не то просто работники), завалился на сено в сарае, завернувшись в плащ. Он так устал, что и это показалось ему блаженством.

Проснулся он от стука дождя по крыше. Уже давно рассвело, и вот теперь уже Шрамм в гневе чуть не зарубил трактирщика за то, что тот не разбудил его чуть свет, как было велено. "Да куда ж вы поедете сейчас в такой дождь..." - оправдывался владелец заведения, но Шрамм,

больше не слушая его, уже седлал коня. Из каких-то дальних уголков сознания вынырнул образ героя на белом коне, скачущего спасти прекрасную деву.

Впрочем, обстоятельства его путешествия отнюдь не располагали к романтике, и дело было не только в нудном холодном дожде, бесконечно лившемся с беспросветно серого неба. Несмотря на изменившиеся климат и флору, Иммермур больше походил на болота прежней Флориды или Луизианы, чем, к примеру, Британии: не унылая равнина до горизонта, покрытая лишь травой (скрывающей опасные топи), где только изредка маячит одинокий куст или деревце на каменистой кочке, а мрачный лес, где деревья с отсыревшей, обросшей лишайниками корой (в основном ольха, уже полностью лившаяся листвы, изредка - низкие кривые сосны) и корявые кусты торчат прямо из жирной грязи и воды, кое-где расступаясь вокруг гиблых "полян", а кое-где, напротив, смыкаясь в непролазную путаницу колючих ветвей. Тем не менее, некоторые места были суше прочих, и летом в хорошую погоду через болота существовало много троп. В дожди же главная дорога, проходящая через Дортинайн, становилась единственной - во всяком случае, единственной, которую можно было преодолеть, не рискуя утонуть. Однако в распутицу и она заплывала грязью настолько, что на многих участках любой колесный транспорт увязал по ступицу и выше, и от этого не спасала даже гать, проложенная на большей ее части: бревна гнили, дробились в сырые щепки тяжелыми колесами и постепенно погружались все глубже в грязь. Время от времени гать латали, но всегда лишь отдельные участки, никогда всю целиком, и хватало этого ненадолго.

Пока что, впрочем, дорога еще не сделалась настолько скверной, но вязкая грязь уже чавкала при каждом шаге коня, налипая на копыта тяжелыми комьями, явно не облегчавшими животному его задачу. Шрамм быстро убедился, что ехать придется шагом, о вчерашней резвой рыси не приходилось и мечтать. Выбравшись, наконец, на достаточно хороший, обновленный недавно бревенчатый настил, он обрадованно пустил было коня вскачь, но тот уже настолько утомился, что не мог держать хороший темп. Тем не менее Шрамм не щадил его, погоняя шпорами и плетью, ибо думал лишь о том, как дорого время и что каждая минута дождя продолжает ухудшать ситуацию.

Он помнил, что не может потерять своего единственного коня, которого некем заменить на пустой дороге среди болот, и даже придумал, как ему казалось, оптимальную стратегию: на участках с глубокой грязью, где конь все равно не может двигаться быстрее человека, слезать и идти пешком, давая животному отдых, дабы потом быстрее скакать по хорошим участкам. Примерно так же когда-то (очень давно) он дотянул до аэродрома на самолете с перегревавшимся двигателем, прибавляя обороты, чтобы набрать высоту, а потом прибирая РУД на малый газ и планируя, чтобы охладить мотор. Идея была и впрямь неглупой, особенно для человека с его нынешним уровнем интеллекта, и все же нетерпение подвело Шрамма. Он не давал жеребцу достаточно отдыха и чересчур подгонял его на "скоростных" участках. Уже под вечер, проскакав по очередному настилу до того места, где тот уходил в бурую жижу, Шрамм спрыгнул в грязь, полагая, что очередной "трудный" для скакуна участок позади и начинается "легкий". Но конь остановился, не желая идти дальше, а когда Шрамм начал раздраженно понукать его и тянуть за поводья, задрожал всем телом, осел на задние ноги и завалился набок. Из белых ноздрей хлынула кровь.

Убедившись, что конь больше не встанет, Шрамм навьючил на себя сумку с едой и зашагал дальше на север под темнеющим небом, с которого продолжал лить дождь. Он упрямо брел, меся сапогами грязь, пока мог различать дорогу - свет Кольца почти не пробивался сквозь плотные тучи, лишь придавая им темно-серый оттенок вместо совершенно черного - а затем принялся подыскивать место для ночлега, дающее хоть какое-то укрытие от дождя. Но вокруг тянулась все та же грязь, мутные лужи и лишенные листвы кусты и деревья, слишком хилые и тонкие, чтобы на них взобраться. Затем он снова почувствовал под сапогами бревна настила - полусгнившие, но все-таки бревна, не только облегчавшие путь, но и позволявшие держаться

дороги. Это придало ему новых сил, и он зашагал быстрее, механически переставляя ноги и больше не думая об усталости и ночлеге, а думая только о том, что если он, оставшись пешим, хочет нагнать пеших солдат, то его лучший шанс - идти ночью, пока они спят. Он действительно шагал так под дождем до самого утра, пока мрак снова не начал сереть - и в этом светлеющем сумраке он различаем далеко впереди очертания каких-то строений. Неужели это и есть крепость Дортинайн? Ни единого огонька видно не было, но, с другой стороны, ночные дозорные на башнях и не должны жечь огни, которые лишь обозначат их неприятелю, но не помогут всматриваться в темноту... Но - а что, если уже поздно? Если гарнизон крепости перебит, и она занята мятежниками?!

Он попытался еще ускорить шаги, но даже его тренированный организм имел свой предел, а дорога вновь превратилась в сплошную грязь, тяжелым бременем налипавшую на сапоги. До сооружения он добрался лишь минут через сорок. На крепость оно совсем не походило. Это оказался просто длинный навес на столбах без стен, сооруженный на пологой кочке - очевидно, одно из мест для ночлега, о которых упоминал трактирщик. Навес был достаточно велик, чтобы загнать под него дюжину повозок вместе с лошадьми, но сейчас, разумеется, там не было никого, как и на всем протяжении пути Шрамма через Иммермур. Бесконечная бахрома дождя сеялась с края крыши; лужи стояли и на дощатом полу - крыша протекала в нескольких местах. Все же значительная часть пола оставалась относительно сухой (насколько это было возможно при такой влажности воздуха); имелся даже каменный очаг, но разжечь его было нечем, хотя обыкновенно здесь же под крышей складывали запас хвороста или дров, но он был, видимо, израсходован теми, кто побывал здесь недавно и не позаботился о том, чтобы возобновить его для следующих путников.

Войдя под навес, Шрамм увидел в сумерках дождливого утра множество грязных следов на полу, а от очага еще исходило слабое тепло. Очевидно, солдаты, за которыми он гнался, ночевали здесь и ушли на рассвете, не более часа назад! Но он совершенно выбился из сил и понял, что не сможет их догнать, если не отдохнет хотя бы полчаса. Он уселся на грязный пол, вытянув гудящие ноги и прижимаясь спиной к еще теплым камням очага. Полчаса и не больше, скомандовал он себе. И не закрывать глаза, иначе он уснет. Нельзя... закрывать...

Когда он проснулся, было уже позднее утро. Шрамм вскочил в гневе на себя - и тут же понял, что бежать следом за ушедшими солдатами не получится. Дождь, наконец, кончился, зато над болотом висел белый туман, такой плотный, что его, казалось, можно было резать ножом. Со своего места в середине навеса Шрамм даже не мог различить столбов, поддерживающих кровлю по краям; было бы безумием идти через болото в такую погоду. Вдобавок Шрамм совершенно закоченел за время сна (очаг, конечно же, давным-давно остыл); из носа у него текло, а зубы выбивали вполне натуральную дробь. Однако стандартный солдатский комплекс, столь любимый сержантами в качестве наказания за любую мелкую провинность (и учебная рота королевской гвардии не была исключением) - пятьдесят отжиманий, пятьдесят приседаний - помог ему разогнать кровь и согреться. Пока он жевал отсыревшую краюху хлеба с холодным мясом и запивал свой завтрак разбавленным вином из фляги, туман чуть-чуть развеялся - во всяком случае, столбы проступили из него мутными тенями - и Шрамм решил более не терять времени и продолжать путь. Тем паче что дорога вскоре вновь превратилась в бревенчатую гать, пусть и изрядно разбитую колесами, но все же не позволявшую сбиться с пути.

Так он шагал еще около часа; туман на его пути то вроде бы истаивал, то вновь сгущался, что зависело от разного соотношения воды и почвы, густоты ветвей по сторонам дороги и токов воздуха (в памяти Шрамма всплыли обрывки курса по метеорологии, прослушанного в его бытность курсантом в совсем другом заведении - летном училище Люфтваффе). Когда белое марево уплотнилось в очередной раз, ему вдруг почудилось, что влажные звуки его шагов отражаются эхом от чего-то впереди. Остановившись, он понял, что это вовсе не эхо. Кто-то шел ему навстречу... и, похоже, далеко не один. А в следующий миг он различил побрякивание и

поскрипывание, какие могут издавать трущиеся друг о друга доспехи, амуниция и оружие.

Если они идут навстречу, значит, это враги. Он все-таки опоздал! Мятежники сходу разгромили посланное против них слабое войско и продолжают свой марш на столицу. Но деваться с дороги все равно некуда - только прыгать в тумане с гати в болото, рискуя угодить в трясину. Лучше умереть, как воин, защищая свою королеву, чем захлебнуться в грязи!

Отбросив тяжелую от сырости полу плаща, Шрамм выдернул меч из ножен. Он один, и у него ни шлема, ни щита, ни кирасы - в увольнение не ходят в доспехах. Но у него выгодная позиция - они ведь тоже не могут сойти с дороги и обойти его. Судя по густоте тумана в этом месте, вокруг сплошная жижа. И кроме того - они ведь не знают, что он здесь один!

Из тумана выступили первые фигуры, голова колонны. Все, как положено - кольчуги, мечи, знамя... Оно висело на древке отсыревшей тряпкой, ничуть не величественно, но Шрамм сумел различить его цвета - и вдруг испытал невероятное облегчение: черно-желто-синее! Свои! Но тут же он сообразил, что рано обрадовался. Ведь Арвик считает себя законным королем, а значит, тоже использует государственный флаг! Хотя - как-то ведь его солдаты должны отличать себя от войск королевы?

Увидев человека с мечом у себя на пути, солдаты растерянно остановились. Для них, очевидно, эта встреча в тумане была ничуть не менее неожиданной, чем для него.

- Ты еще кто... - начал тот, что шел впереди, протягивая руку к собственному мечу.

- Стой!!! Смирно!!! - заорал Шрамм самым солдафонским голосом, какому позавидовал бы любой капрал. Рефлексы, вбиваемые в солдат с первых дней службы, возымели действие - неизвестные бойцы не то чтобы вытянулись по струнке, но замерли; ближайший из них так и не донес руку до рукояти меча. - Кто ваш командир?!

- Капитан... капитан Бруммель, - ответили ему сразу несколько голосов, даже не пытаясь выяснить, имеет ли он право спрашивать. Тоже солдатский рефлекс - при всякой возможности свалить ответственность на начальство, пусть оно разбирается...

- Я к... майор Шрамм!!! - проорал он, чуть было не сбившись на ставшее уже привычным "курсант". Фамилия капитана ему совершенно ничего не говорила, но главное, что он был ниже по званию. - Командира ко мне!!!

Солдаты стали оборачиваться, передавая его требование, но капитан, похоже, и сам уже спешил вперед, желая выяснить, что там за крики и почему остановилась колонна. Первой мыслью Шрамма было дождаться его и зарубить, но потом он сообразил, что, раз ему повинуются, он может действовать хитрее. Возможно, ему вообще удастся развернуть эту колонну вспять, не пролив ни капли крови. Он убрал меч в ножны.

Широко шагая вдоль колонны, подошел Бруммель - худой, сильно немолодой уже офицер с длинным узким лицом, прорезанным вертикальными морщинами и обрамленным довольно длинными седыми волосами, свисавшими из-под шлема. Остановившись шагах в трех от Шрамма, он окинул того скептическим взглядом, и Шрамм сообразил, как выглядит: перемазанный грязью с ног до головы, без доспехов, без коня и без сопровождающих солдат, он не слишком походил на старшего офицера.

- Кто вы такой? - спросил Бруммель.

- Майор Гюнтер Шрамм!!! Посланный... - он сунул руку за пазуху и махнул в воздухе своим единственным документом, опять-таки, слишком быстро и слишком далеко от лица капитана, чтобы тот сумел различить что-либо, кроме размашистой подписи Айбенхорста и кругляша печати с эмблемой гвардии, - ...со специальной миссией!!!

- Капитан Эрвин Бруммель, - спокойно представился тот. - Комендант... то есть бывший комендант крепости Дортинайн. И, кстати, можете не кричать, майор - я прекрасно вас слышу.

Не кричать Шрамм, естественно, не мог - он бы сразу начал позорно заикаться и утратил бы всю свою внушительность.

- Я - старше - по званию!!! - рявкнул он, и тут до него дошел смысл услышанного: это не

авангард противника, это свои! Но и не те, кого он пытался догнать. Это контингент Дортинайна. Но почему они идут на юг? На разбитых в бою они не похожи, не видно ни единого раненого... - Почему оставили крепость?! Где посланное вам подкрепление?!

- Согласно полученному приказу, выступили из крепости на рассвете, - ответил Бруммель все так же спокойно и язвительно добавил: - Королева, как видно, настолько ценит сорок лет моей верной службы, что не пожелала оставить меня на ней больше ни на минуту лишнюю. Должно быть, полагает, что если этот ублюдок[38] провел под моим началом три месяца, то я захочу провести под его началом всю оставшуюся жизнь. В приказе особо подчеркивалось, что мы должны выступить независимо от того, успеет подойти наша смена или нет. Ваших героических вояк мы встретили уже в пути. Они чуть было не бросились бежать от одного нашего вида, приняв нас в тумане за противника. Но это уже не моя проблема.

Измена, понял Шрамм. Все именно так, как он и полагал - преступным приказом под предлогом смены контингента отозвали защитников из крепости, дабы враг занял ее вообще без сопротивления!

- Приказ отдан изменниками!!! - прокричал он вслух. - Я послан, чтобы отменить его!!! Разворачивайтесь и возвращайтесь в крепость!!!

- У меня письменный приказ за подписью королевы, сэр, - нахмурился Бруммель. - Отданный через головы всех моих начальников до герцога Бронгарского включительно. Если у вас есть иной, более свежий приказ, могу я взглянуть на него? - он требовательно протянул руку, показывая, что демонстрацией бумаги издали не удовлетворится. - И кстати, - добавил он, видя замешательство Шрамма, - где ваша лошадь? Что-то я сомневаюсь, что офицера со срочным предписанием отправили пешком.

- Мой конь пал!!! - крикнул Шрамм, радуясь, что может хоть в чем-то ответить правду. Одновременно он подумал, почему он сам не встретил вестового, доставившего приказ Бруммелю, и догадался, что тот, должно быть, проскакал мимо, пока он спал. А подпись королевы? Очевидно, подделка! Или же негодяи обманули ее, оклеветали перед ней этого честного воина... Но честному воину уже надо было что-то отвечать, и Шрамм выкрикнул: - И приказ... попал в лужу!!!

- В лужу, значит, - насмешливо покивал Бруммель. - В таком случае, ничем не могу помочь... сэр. А теперь освободите дорогу колонне, иначе мне придется арестовать вас за препятствование исполнению королевского приказа.

- Вы за это ответите!!! - в гневе прокричал Шрамм. - Я старше по званию!!! Я доложу!!!

- Дальше Дортинайна не сошлют, - усмехнулся капитан, - а там я уже был.

Шрамму ничего не оставалось, как отступить на край гати. Солдаты не в ногу двинулись мимо него, выныривая из тумана и вновь растворяясь в нем, почти не обращая внимания на незнакомца в куртке гвардейца и перепачканном грязью плаще, скользившего по их лицам гневным взглядом. Их оказалось не слишком много - чуть меньше пары сотен, без обоза и лошадей. Когда последний из них скрылся в тумане, Шрамм упрямо зашагал дальше на север.

- Подозрительный тип, сэр, - заметил Бруммелю его заместитель, поравнявшись с капитаном. - Почему вы не арестовали его?

- Черт его знает, кто он такой, - проворчал бывший комендант. - У него гвардейское обмундирование и бумага с гвардейской печатью, но на офицера, тем паче на майора, он не похож. На шпиона, впрочем, тоже, слишком уж глупо себя ведет - шпион позаботился бы хотя бы о минимальном правдоподобии... По-моему, он просто какой-то контуженный. Но вы видели тот сброд, который прислали нам на замену под гвардейским знаменем - почему бы среди них не быть и контуженному? Отбился от своих, теперь догоняет. В любом случае, это уже не наша забота. Вы же знаете первое армейское правило? - саркастически усмехнулся он. - "Не

[38]bastard по-английски - и ублюдок как ругательство, и бастард как незаконнорожденный, коим теперь считается Арвик.

высовывайся." Инициатива наказуема. Раз уж мы пользуемся таким безмерным доверием королевы, наше дело - делать только то, что нам приказано, и ничего кроме. У меня есть приказ оставить крепость и вести людей в Зюдендорф, и я его выполняю. У меня нет приказа разбираться со встречными полоумными. Или вы хотите, чтобы, когда наших сменщиков раздолбают в мелкие ошметки, в этом обвинили нас - дескать, мы неправомерно задержали их самого ценного бойца, а то и в самом деле офицера? Не удивлюсь даже, если его произведут в офицеры задним числом. Вы же знаете, как делаются такие дела, когда надо найти крайнего.

- По крайней мере, в смелости этому парню не откажешь, - заметил заместитель. - Он кинулся с мечом один против всей нашей колонны.

- Смелость часто просто другое название глупости, - брюзгливо ответил Бруммель. - Или неинформированности.

- Вам виднее, сэр.

- Что вы хотите сказать, лейтенант? - капитан вдруг резко повернул к нему голову, хмуря густые седеющие брови.

- Только то, что вам виднее, сэр.

- Что я должен был делать, по-вашему? Отказаться выполнять приказ? Письменный приказ за подписью королевы?

- Но вы видели этих людей, сэр. Половина из них даже не умеет правильно затянуть портупею. Они не удержат крепость, если будет штурм.

- Королева доверяет им больше, чем нам. Кто я такой, чтобы подвергать сомнению мудрость ее величества? И кто вы такой, чтобы спорить со старшим по званию?

- Я не знаю, полоумный тот парень или нет, - упрямо возразил лейтенант, - но то, что он говорил об измене, не кажется мне такой уж глупостью. Я не знаю, кто подсунул королеве эту бумагу и насколько она вообще в курсе... Я не спорю, сэр, - поспешно добавил он, видя выражение лица капитана. - Просто мысли вслух.

- Держите свои мысли при себе.

- Да, сэр.

Тем временем тремя милями севернее медленно двигалась в противоположном направлении другая колонна. Пять сотен солдат могли бы являть собой достаточно внушительное зрелище - шесть дней назад, выступая из Дракенхайма под гвардейским знаменем, они его и являли, особенно для обывателей, не разбиравшихся в нюансах выправки и амуниции - однако сейчас они куда более напоминали толпу, чем войско. Давно утратив всякое подобие походного строя, растянувшись чуть ли не на милю, усталые люди понуро брели, тяжело переставляя облепленные грязью сапоги. Обвислое знамя, сырое и тяжелое от влаги, качалось в такт колебаниям древка в руках старого знаменосца, привыкшего чеканить шаг на плацу, но уже двадцать лет не совершавшего марш-бросков по пересеченной местности. Будучи в пути с самого рассвета, они прошли за это время вдвое меньшее расстояние, чем солдаты Бруммеля - которые, как было справедливо отмечено на военном совете в королевском дворце, тоже не относились к элитарным, однако их недостатки касались главным образом дисциплины, а не уровня физической подготовки. Мутное солнце, наконец одолевшее туман, но не затянувшую небо дымку, размытым пятном перетекло через полдень и поползло к закату, а они все шли и шли, уже едва ли веря, что этому пути настанет конец.

Но вот, наконец, когда солнце вновь утонуло в набрякших над горизонтом тучах, словно тоже устав от тщетных попыток развеять бесконечное буро-серое уныние Иммермурских болот, впереди показались очертания крепости. Она не выглядела особо впечатляющей - квадратные каменные башни под пирамидальными дощатыми кровлями, не превышавшие в высоту шести метров, соединял четырехметровый деревянный частокол. Так, во всяком случае, крепость выглядела с южной стороны; с севера, который со времен бугенхольмской войны считался более опасным, стены тоже были по большей части каменными, но не особенно толстыми. Слишком

тяжелую конструкцию не выдержала бы болотистая почва.

И тем не менее, крепость, не отличаясь высотой и толщиной стен, занимала изрядную площадь, полностью оккупируя остров посреди болота, и надежно перекрывала единственную в этой части страны дорогу. Летом или зимой в мороз армия с конницей и обозом еще могла надеяться обойти ее стороной, но в распутицу единственной альтернативой был путь вокруг Иммермура по побережьям.

Соответственно, крепость имела лишь двое ворот, северные и южные; с востока и запада подойти к ее стенам можно было разве что зимой или после очень длительной засухи. Ворота во всю высоту стены располагались не в башнях, слишком узких для этого, а между двумя башнями каждые. Места для опускающихся сверху портикулов, таким образом, не оставалось, но с боков из башен выдвигались мощные засовы, закрывавшие ворота с внутренней стороны и представлявшие собой целые бревна.

Южные ворота, через которые из крепости ушел прежний гарнизон, были заперты, но это не удивило Титуса Пфляйгеля, срочно произведенного в гвардейские лейтенанты (что соответствовало армейскому капитану) и назначенного комендантом Дортинайна шесть дней назад. После утренней встречи со своим предшественником он уже знал, что тот (вопреки полученному приказу) не бросил крепость совершенно пустой, а оставил там четырех человек, чтобы было кому открыть ворота вновь прибывшим. Правда, как видел Пфляйгель издали, они почему-то не спешили открыть вход его солдатам, подошедшим первыми во главе со знаменосцем. Хромая (ибо стер в проклятом походе обе ноги), он, наконец, дотащился до ворот сам.

- Что такое, почему не пускают? - брюзгливо осведомился он у своих подчиненных.

- Требуют пароль, - ответил молодой мосластый парень самого деревенского вида, забыв добавить положенное "сэр".

- А, да, - вспомнил Пфляйгель. Хотя - ну не идиоты ли? Кто еще, кроме своих, может подойти с юга? - Эй вы там! Куропатка! - он закашлялся от собственного крика, затем высморкался в кружевной платок, уже мокрый насквозь. Эти чертовы болота его добьют... - Слышите? Пароль "Куропатка"!

Он понятия не имел, почему Бруммель выбрал такой пароль - возможно, решил, что это смешно. Старикан был явно не в духе и зыркал на своего преемника так, словно хотел смешать его с окружающей грязью одним лишь взглядом. Радовался бы, что уносит ноги из этой гнилой дыры! Можно подумать, он, Пфляйгель, рвался на его место. Ему просто не оставили выбора - или тюрьма, или сюда... и он уже не был уверен, что выбрал правильно. Тащиться через эту грязь под дождем, без лошади даже для командира... Они должны были прибыть еще утром, но опоздали на девять часов, и это вызывало у Пфляйгеля почти что мстительное удовлетворение. Все равно эта чертова крепость никому не нужна, только полный идиот погонит армию через Иммермур в такую пору... Вот пожалуйста - она простояла девять часов вообще без гарнизона, и кто это вообще заметил?

Послышался глухой скрип отодвигаемых засовов, а затем створки ворот медленно поползи наружу, приводимые в движение во́ротами в башнях - пока не замерли, открывшись едва ли на две трети. Должно быть, этим бездельникам в башнях надоело крутить тяжелые вороты. Ну да, известно, что в Дортинайн всегда ссылали всяческих раздолбаев...

- Эй! - закричал Пфляйгель. - Открывайте полностью, дармоеды!

Никакой реакции не последовало. И он, Пфляйгель, даже ничего не может им сделать - они подчиненные Бруммеля, а не его. В принципе, сейчас, впустив его воинство, они должны отправиться на юг догонять своих.

- Ладно, ребята, - буркнул Пфляйгель своим бойцам. - Заходите, чего ждете? Ковровой дорожки?

Усталые люди потянулись внутрь. Пфляйгель не спешил войти с ними - он стоял сбоку от

ворот и глядел на юг, на дорогу, по которой длинной прерывистой цепью тащились его подчиненные. Он все-таки офицер и должен проследить, чтобы вошли они все, даже самые последние отставшие и плетущиеся в самом хвосте.

Старый знаменосец, напротив, вступил в крепость первым, сопровождаемый еще несколькими солдатами. Их взглядам открылся пустой, утопающий в грязи крепостной двор, истоптанный сапогами покинувших Дортинайн солдат. Точнее, половина этого двора: внутри крепость делил пополам с запада на восток еще один частокол, не такой высокий, как внешняя стена, всего лишь в человеческий рост, что позволило бы защитникам крепости укрываться и в то же время стрелять между верхушками кольев, стесанными узко и длинно, как остро заточенные карандаши. По замыслу архитектора, эта стена должна была стать последним рубежом обороны от врага, ворвавшегося в крепость с севера или с юга, однако, поскольку Дортинайн ни разу не штурмовали, никогда не служила в этом качестве и рассматривалась разве что как преграда, не позволяющая путникам проехать в обход дорожного поста без уплаты пошлины. Этот пост находился в самом центре крепости, там, где идущая насквозь от ворот до ворот дорога пересекалась с внутренней стеной; каждая из половин частокола заканчивалась деревянной будкой со шлагбаумом между ними, некогда выкрашенным в черно-белые полосы, но теперь больше похожим на простое гнилое бревно. Хотя пошлина не собиралась уже много лет, сейчас шлагбаум был опущен - очевидно, обстоятельства военного времени требовали подвергать проверке всякого, едущего на север или с севера, хотя, скорее всего, в такую погоду здесь уже много дней никто не проезжал. Помимо этого прохода, во внутреннем частоколе имелась еще пара калиток ближе к внешней стене, не предусмотренных при постройке, но проделанных позже солдатами, которым надоело ходить до главного прохода, чтобы пересечь двор.

По периметру двора вдоль внешней стены тянулись одноэтажные бараки и сараи с плоскими кровлями; изначально все они предназначались для нужд гарнизона, но многие из них уже давно сдавались за умеренную плату для ночлега едущим через крепость путникам - опять-таки, в более подходящий для этого сезон. В случае осады и штурма эти плоские крыши должны были играть роль помостов, откуда защитники крепостной стены могли бы стрелять по нападающим. Кое-где здания, не примыкавшие друг к другу, специально для этой цели были соединены поверху мостками. Люки в крышах позволяли попасть из казарм сразу наверх к стене.

В целом крепость Дортинайн хотя и не могла сравниться с величественными каменными замками, но для своего уровня была спроектирована достаточно разумно и, благодаря удачному расположению, в самом деле могла на много дней задержать неприятельскую армию, многократно превосходящую ее собственный гарнизон. Болота вокруг служили ей лучшей защитой, чем глубокие рвы и высокие каменные стены; на большей части ее периметра к ее скромному частоколу практически невозможно было подтащить лестницы, не говоря уже о стенобитных орудиях и осадных башнях. Вечная сырость мешала даже поджечь ее деревянные укрепления. Атаковать ее можно было только с дороги, подходя к воротам узкой колонной под обстрелом с башен и стены. При достаточном искусстве лучников (и достаточном боезапасе, конечно) защитники крепости могли обеспечить на самом опасном для себя участке перед воротами плотность стрельбы в две сотни стрел в минуту на квадратный ярд; кроме того, в наиболее угрожающей ситуации - при подведении тарана к воротам - защитники могли сделать контратакующую вылазку с тем, чтобы захватить его или разрушить (или просто спихнуть в болото), в то время как стрелки сверху, сосредоточив стрельбу на более дальнем участке дороги, мешали бы подойти подкреплению противника.

Однако все эти тактические соображения едва ли воодушевляли усталых подчиненных Пфляйгеля, которые один за другим втягивались в крепость через полуоткрытые ворота. Они видели перед собой лишь грязь, сырость, потемневшие от времени бревна и черные провалы

пустых окон невысоких и неказистых построек. От этой картины промозглым осенним вечером посреди болот веяло лишь унынием и заброшенностью. Казалось, что люди ушли отсюда не этим утром, а месяцы или даже годы назад...

Ветераны по привычке выстраивались шеренгами в середине двора (точнее, южной его половины), хотя не получили никакого приказа от лейтенанта. Новички, напротив, беспорядочно разбредались по всему двору в разные стороны; некоторые, опять-таки не дожидаясь команды, направились к баракам, желая не то занять лучшие места, не то просто поскорее оказаться под крышей. Но их ждало разочарование - Бруммель, покидая крепость, приказал запереть все двери; ключи он передал Пфляйгелю.

Знаменосец сперва было занял место на левом фланге постепенно формирующегося строя ветеранов, но затем сообразил, что торжественного построения не будет. Расфуфыренный болван, которого им назначили в командиры, понятия не имел о воинском распорядке, лежащем в основе дисциплины, и о важности торжественных ритуалов для поддержания боевого духа. Скорее всего, он просто сунет кому-то из капралов связку ключей и буркнет: "Заселяйтесь!", а сам поспешит завалиться кверху пузом на кровать в комендантской квартире. Так что знаменосец решил не дожидаться команды Пфляйгеля, а самостоятельно исполнить свой долг. Он не видел знамени над южными воротами - само собой, ведь прежний гарнизон ушел вместе со знаменем - и это надлежало исправить. Он вернулся к воротам и направился к входу в правую, западную башню, над крышей которой торчал голый флагшток.

Дверь с полукруглым верхом, утопленная в неглубокую нишу, оказалась заперта. Но знаменосец понимал, что в башне есть люди - те самые, что открыли им ворота - и замолотил бронзовым кольцом в широкие доски.

- Открывайте! - крикнул он, не дождавшись реакции. - Я должен поднять знамя!

После еще нескольких ударов дверь отворилась. На пороге стоял рыжебородый солдат в кольчуге с нагрудником.

- Давай свое знамя, старик, - сказал он, протягивая руку. - Я сам его повешу.

- Убери руки, - с достоинством возразил знаменосец. - Это знамя моей части, а не вашей. Ваше уже на пути к Зюдендорфу.

- Как будто мы в этом виноваты, - гыгыкнул солдат. - Ладно, проходи, - он отступил назад, крикнул кому-то наверх: "Ихний знаменосец со знаменем!" и начал подниматься по крутой винтовой лестнице.

Знаменосец последовал за ним. Даже по сравнению с хмурым днем снаружи в башне царил полумрак, почти темнота - так что знаменосец различал перед собой практически одни только грязные сапоги солдата, топчущие ступени. Правый каблук был запачкан сильнее левого, и это нарушение симметрии раздражало старого гвардейца даже больше, чем грязь как таковая. Грязная обувь сразу после марша естественна, но эти сидят тут целый день - кто им мешал привести сапоги в порядок? Впрочем, на то они и ненадежные солдаты, которых королева решила отозвать отсюда... Он старался не задыхаться, взбираясь за молодым бойцом, и держать знамя ровно. Пусть эти разгильдяи видят, что такое старая гвардия! Гвардейцы всегда останутся гвардейцами!

Наконец последний виток лестницы вновь вывел их на свет, на верхнюю площадку башни. Солдат Бруммеля оказался на свету первым, и теперь знаменосец заметил, что грязь на его сапогах еще и разного цвета. На правом каблуке она была тоже бурой, но скорее темно-рыжего оттенка, не похожего на цвет болотной почвы. А похожая скорее на ржавчину или на...

Знаменосец, успевший по инерции шагнуть к флагштоку, резко обернулся. Позади него стояли еще трое солдат с луками за спиной и короткими мечами на поясе. Бруммель, насколько знаменосец расслышал разговор между прежним и новым комендантом, оставил здесь именно четырех - но *в обеих* башнях, иначе некому было бы открыть вторую створку ворот!

Увидев его взгляд, все трое резко обнажили мечи.

- Измена! - закричал старик, вскидывая знамя, словно боевую алебарду. Ему даже удалось парировать первый удар, хотя меч при это перерубил древко. - Изме...

Меч его провожатого вонзился ему в спину. Еще два клинка довершили дело ударами в грудь и в живот

Гвардейское знамя, развеваясь в воздухе, упало в грязь прямо к ногам все еще стоявшего снаружи крепости Пфляйгеля, который уставился на него в тупом изумлении.

На башне отрывисто протрубил рог. И в тот же миг со всех башен Дортинайна на скопившихся во дворе людей посыпались стрелы. В крышах бараков распахивались люки, и оттуда тоже поспешно выскакивали лучники, выстраиваясь для стрельбы на крышах и на помостах вдоль всей южной половины внутреннего периметра. А когда часть растерявшихся солдат Пфляйгеля в панике бросились вперед к шлагбауму, надеясь укрыться по ту сторону внутренней стены, навстречу им по всей длине частокола между остриями кольев поднялись вражеские шлемы и высунулись острые жала арбалетных болтов.

Ловушка была почти безупречной. Лейтенант Гилмор Флимп, предложивший ее майору Обендаху, командующему авангардом его высочества - и получивший под это предложение капитанскую должность, которую в случае успеха должно было закрепить соответствующее звание - гордился своей идеей. Интуиция всякого военного человека говорит, что оборонять крепость от неприятеля следует, удерживая его снаружи и пользуясь всеми преимуществами, которые крепостные укрепления дают находящимся внутри. Для того, собственного, крепости и строятся. И в этом случае, несомненно, то смехотворное войско, которое, как докладывала разведка, выслала против них узурпаторша, обратилось бы в бегство, попав под ливень стрел со стены и не имея возможности добраться до его источника. Но это было бы слишком гуманным вариантом для мятежников, пошедших против своего законного короля. Они должны быть уничтожены, все - ну или почти все. Те, что сдадутся, будут повешены - как те двое, что, зарубив своих товарищей, открыли ворота авангарду принца. Его высочество не милует предателей, предавший однажды предаст снова. Оставить в живых можно только парочку, чтобы они рассказали своим, что бывает с изменниками. Рассказали и показали. Их рассказ будет гораздо убедительней, если они будут вести его без носа и ушей... и, возможно, каких-нибудь еще частей тела.

Но это потом. Сначала надо заманить их в ловушку, которой они не ждут, ибо она противоречит интуиции. Впустить их внутрь крепости, куда они так жаждут попасть. Но крепостные стены могут не выпускать так же легко, как и не впускать, а расстреливать врагов гораздо удобнее, когда они, как перепуганное стадо, сбились в кучу посреди двора, и бежать им просто некуда. Да - стрелки вдоль стены окажутся без защиты частокола, но это перекрывается полной неготовностью противника и множеством смертей в первые же мгновения. Этот сброд, измотанный долгим переходом, плохо подготовленный, расстреливаемый со всех сторон, просто не сумеет оказать достойное сопротивление. К тому же прикрытие будет у стрелков на башнях и по ту сторону внутренней стены, согласно плану крепости, нарисованному лично его высочеством.

Единственным недостатком этого плана оказалась не недооценка, как обычно, а переоценка противника. Флимп полагал, что это жалкое воинство окажется никуда не годным в бою, но оно оказалось таковым и на марше. Колонна так растянулась, что к тому времени, когда знаменосец полез вешать свое знамя (по собственной инициативе, без приказа, без общего построения в начале - ну о чем можно говорить с такой армией?!), половина его сослуживцев все еще не успела войти в крепость. Солдаты в башне, ждавшие момента, когда войдут последние, чтобы закрыть ворота и захлопнуть ловушку, конечно, тоже сделали глупость - надо было просто прирезать старого дурака внутри башни, а не позволять ему подняться на верхнюю площадку, где он успел поднять тревогу. Должно быть, они боялись, что его хватятся раньше времени, и надеялись, что он просто повесит знамя и уйдет - но он проявил неожиданную

сообразительность.

Ну что ж, теперь уже делать было нечего - пришлось начать раньше, чем было запланировано. Даже в условиях, когда половина людей Пфляйгеля оставалась снаружи, стрелков на башнях и крышах было вдвое меньше, чем их целей во дворе; впрочем, чисто арифметически численность почти уравнивали арбалетчики за частоколом, стоявшие в две шеренги, что позволяло им, стреляя по очереди, компенсировать невысокую скорострельность своего оружия (особенно эффективного для настильной стрельбы через весь двор до самых ворот, в то время как лучники били сверху). Но численное соотношение, на самом деле, не имело никакого значения. Лишь единицы, в основном из числа ветеранов - тех, что, себе на горе, успели дойти, а не отстали - попытались сорвать с плеча луки и отстреливаться (впрочем, умевших стрелять среди посланных с Пфляйгелем вообще было меньшинство, и даже среди них луки были у немногих, как почти ни у кого не было щитов, а у многих и доспехов - "дабы не отягощать колонну в походе, все нужное возьмете на складе в крепости"), или выхватить мечи и бежать к баракам с целью взобраться на крыши и вступить в рукопашный бой. Все прочие повиновались рефлексам, противившимся самой мысли о том, чтобы оставаться на одном месте (что требовалось для меткой стрельбы) под ливнем вражеских стрел или бежать навстречу этому ливню. Вчерашние новобранцы, неумехи и неудачники, пьяницы и воры, амнистированные на условии вступления в гвардию, в панике метались с криками по крепостному двору, мешая тем немногим, кто пытался организовать сопротивление. Наконец вся эта редеющая на глазах толпа, спотыкаясь о мертвых и раненых товарищей, ломанулась к воротам, которые уже медленно закрывались, отсекая их от последней надежды на спасение. После того, как несколько человек, только что вошедшие в крепость, успели выскочить наружу, створки сомкнулись, но удар множества врезавшихся в них тел вновь приоткрыл их, не позволив солдатам, крутившим вороты в башнях, задвинуть засовы. Этих солдат на самом деле было по шестеро в обеих башнях, но их сил, даже увеличенных во́ротами согласно законам механики, не хватало, чтобы противостоять напору толпы; борьба шла с переменным успехом, щель между створками то ширилась, то сужалась. В то же время эта куча народу, сбившегося у ворот в панической жажде, яростно отпихивая друг друга, протиснуться через эту щель (вместо того даже, чтобы, дружно навалившись на створки по всей ширине, преодолеть сопротивление воротов и распахнуть их полностью), представляла собой прекрасную мишень, чем не замедлили воспользоваться стрелки.

Лейтенант Пфляйгель, в оцепенении простоявший прямо под башней чуть ли не полминуты, являл собой не менее прекрасную мишень, но никто не подумал выпустить в него стрелу сверху, хотя роскошный плащ (пусть и со слипшейся от грязи меховой оторочкой), щегольская перевязь и дорогой панцирь выдавали в нем офицера. Стрелки, следуя как полученному согласно плану операции приказу, так и обычным солдатским рефлексам, диктующим, что, если враги находятся и снаружи, и внутри крепости, то приоритетную цель представляют последние, стреляли исключительно по целям во дворе, не отвлекаясь на то, что происходит за стенами. И в самом деле - у них и без того было достаточно удобных мишеней. Выйдя, наконец, из ступора и в полной мере осознав, что происходит - все это ловушка, крепость занята врагом, там идет бойня, его люди, которым удалось вырваться, бегут - Пфляйгель бросился наутек следом за другими спасшимися счастливчиками, наступив при этом на валявшееся под ногами знамя (грязь чавкнула под сапогом) и даже не обратив на это внимания. Будучи упитанным мужчиной средних лет, не склонным к физическим упражнениям, да еще и чертовски уставшим после этого идиотского марша через болота, он не мог развить большую скорость - и все же никогда в жизни он не бегал так быстро. Разбрызгивая грязь, тяжело пыхтя, тряся объемистым задом и каждую секунду ожидая стрелы в спину.

Но стрелы все не было, и в мозгу Пфляйгеля зашевелились новые мысли: допустим, ему удастся унести ноги отсюда, но что будет с ним там, куда он бежит? Разве его не обвинят в том,

что случилось? В таких ситуациях всегда ищут козла отпущения! А он подходит просто идеально, особенно учитывая его прошлые грешки. Хотя, конечно, откуда он мог знать, что здесь засада?! Во всем виноват чертов Бруммель, который увел своих людей и бросил крепость врагу! Но Бруммель отвертится, скажет, что просто выполнял приказ...

Приказ, да! Как он мог забыть! В сумке, которая сейчас хлопала его по боку, лежал секретный приказ, который надлежало вскрыть по прибытии в Дортинайн. Логика подсказывала, что там едва ли содержится что-то для него утешительное, но он ухватился за мысль об этом приказе, как утопающий за соломинку. Может быть... там если не оправдание, то хотя бы подсказка, что делать дальше...

Снизив темп - но все же не останавливаясь - он на бегу расстегнул сумку, долго не мог нашарить пакет внутри, наконец, выдернул его, выронив что-то в грязь, кажется, пару теплых носков... На бегу же разорвал пакет, чуть не повредив при этом и содержимое. Перед глазами запрыгали буквы: "в случае угрозы... сбережения личного состава... отступить на безопасную..."

Нет, он должен остановиться и прочитать нормально! Оглянувшись через плечо, он понял, что ни одна стрела из крепости его уже не достанет. Пфляйгель остановился, сразу же почувствовав, как тепло приливает к коже и сочится противным потом, и дрожащими руками поднес бумагу к глазам.

Он перечитал текст три раза, не решаясь поверить. Спасение! Да ведь это спасение! Это полное оправдание! Теперь это уже не бегство, а "планомерное отступление на безопасную позицию согласно полученному приказу". Правда, со сбережением личного состава вышло, кажется, не очень. Сколько человек успели унести ноги? Он оторвался от бумаги, переводя взгляд вперед - и почувствовал, что его снова бросает из жара в холод. Что-то происходило там, впереди. Кажется, бегущие по дороге через болото солдаты наткнулись на какое-то препятствие. Кто-то из них даже разворачивается назад... Неужели ловушка оказалась еще хитрее, и теперь враг подобрался еще и с юга?! Но как? В такую погоду их же невозможно было обойти... Мятеж в тылу?!

Подходя к крепости, Шрамм понял, что опоздал. Он уже почти догнал хвост колонны, голова которой, кажется, благополучно вошла в ворота, а потом... потом все изменилось. Он увидел падающий с башни флаг, услышал крики, затем увидел людей, в панике бегущих ему навстречу - и во второй раз за день встал один с обнаженным мечом на пути у сотен солдат.

- Стой!!! - заорал он во всю мощь легких. - Стой, трусы!!! Зарублю!!! Первого же дезертира!!!

Несколько человек остановились. Это были те, что шли последними и повернули назад первыми, увидев, как навстречу им бегут другие. Они не видели бойню и не были так напуганы, как те, что чудом вырвались из крепости.

- Кру-гом!!! - разорялся Шрамм. - Не сметь отступать!!! Вперед!!!

Запыхавшиеся бойцы повиновались. Они не понимали, что происходит, не знали, кто такой Шрамм и откуда он взялся, но в нем они увидели человека, наконец-то берущего ответственность на себя и знающего, что делать. Те, что бежали следом, натыкались на преградивших им дорогу и тоже вынужденно останавливались. "Что там? Кто?" - торопливо спрашивали они. "Офицер... командир... приказ..." - неслось им в ответ. Кто-то высказал предположение: "Подкрепление?", Шрамм услышал это и тотчас подхватил:

- Подкрепление уже рядом!!! Вперед!!! Вперед, гвардия!!!

Развернутых им солдат становилось все больше, но тут в них врезалась следующая группа беглецов, побывавших непосредственно в Дортинайне и решительно не собиравшихся останавливаться, не говоря уже о том, чтобы поворачивать обратно. "Дорогу! Дорогу" - кричали они, отпихивая тех, кто оказался у них на пути. Впереди них двигался высокий и длиннорукий уличный грабитель с низким лбом и квадратной челюстью. Он уже сбил с ног двоих солдат, причем один из них в результате свалился в болото и теперь барахтался там; другие предпочли

попятиться на край дороги - и он оказался перед Шраммом.

- Стоять!!! - гаркнул Шрамм, наставляя клинок ему в грудь.

- С дороги, коз-зел! - рявкнул тот, замахиваясь своим собственным мечом.

Шрамм легко, как на тренировке, уклонился от удара и тут же, в продолжение того же движения, рубанул его по шее. Веером брызнула кровь; голова громилы мотнулась на плечо и повисла кверху подбородком, все еще удерживаемая полоской кожи и мяса. Кровь толчками выплескивалась вверх из шеи, словно из адского фонтанчика, однако тело все еще продолжало стоять, и глаза на перевернутом лице удивленно моргали. Шрамм столкнул его с дороги в болото. Он впервые в жизни убил человека, но испытал при этом не больше эмоций, чем если бы прихлопнул раздражающего комара.

- Так будет с каждым трусом и предателем!!! - прокричал он. - Вперед!!!

Другие беглецы не осмелились противиться и покорно разворачивались в сторону крепости. К тому же первый приступ паники уже прошел, и люди осознали, что находятся уже за пределами досягаемости вражеских стрел, а потому могут, по крайней мере, остановиться и перевести дух. Погони тоже не было, хотя одна створка ворот оставалась открытой, и несколько человек еще бежали от крепости, но это, очевидно, были свои.

Шрамм решил, что ему уже не обязательно играть роль конвоира, подгоняя солдат сзади, и стал проталкиваться вперед, криками помогая строиться новой колонне. Он видел все еще открытые ворота и жаждал немедленно повести бойцов в контратаку, но все же сообразил, что сначала, как требует устав, надо уяснить обстановку.

- Что здесь произошло?! - крикнул он. - Где ваш командир?!

- Вон, вон он! - указали несколько рук.

Шрамм увидел субъекта не первой молодости, который чем-то напомнил ему воздушный шарик, прежде надутый, а теперь дряблый. Он стоял на краю дороги с какой-то бумагой, дрожавшей в его руках, и смотрел на быстро подходящего Шрамма одновременно с испугом и возмущением.

- Имя и звание!!! - рявкнул Шрамм, не давая ему опомниться.

- Лейтенант Пфляйгель, - ответил тот, стараясь держаться с достоинством.

- Почему сдали крепость врагу?! - напустился на него Шрамм.

- Там... была засада и... Вы кто такой вообще?!

- Майор Гюнтер Шрамм!!! Гвардия королевы!!! - он сунул под нос Пфляйгелю свой документ, на этот раз дав достаточно времени, чтобы прочитать слова "майор Гюнтер Шрамм направляется для прохождения... личной гвардии ее королевского величества." При этом он держал бумагу так, что его палец прикрывал слова "переподготовки в учебную роту" На своей кабинетной должности Пфляйгель никогда не видел курсантов учебной роты и не знал их по именам. Для него они были лишь безликими единицами, на которые назначалось довольствие. И, разумеется, хотя иногда в учебную роту попадали перешедшие из армии в королевскую гвардию капралы и младшие офицеры, Пфляйгелю не могло прийти в голову, чтобы среди курсантов мог оказаться целый майор. Так что слова, закрытые пальцем, он автоматически достроил единственным очевидным образом - "строевой службы в составе", а звание интерпретировал как гвардейское, а не армейское.

- Какова численность неприятеля?! - продолжал допрос Шрамм, убрав за пазуху бумагу.

- Я... не знаю, я был снаружи и...

- Кто знает?! - обернулся Шрамм к солдатам. - Сколько их там?!

Вопрос вызвал замешательство. Большинство спасшихся тоже уцелели лишь потому, что не успели войти в крепость. Вырваться изнутри удалось лишь немногим, и у тех были куда более актуальные проблемы, чем считать расстреливавших их бойцов.

- Сотен пять, кажись, - прозвучал неуверенный голос. Это было значительным преувеличением, чего Шрамм не мог знать. Но его это не смутило. Возможно, не смутило бы,

даже если бы ему сказали "пять тысяч". Ворота все еще оставались открыты, и нельзя было упускать шанс.

- Гвардейцы!!! - прокричал он. - Подкрепление на подходе!!! Слушай мою команду!!! Докажите, что вы гвардейцы королевы, а не цыплячье дерьмо!!! Вперед!!!

- Эй, постойте! - возразил Пфляйгель, вновь обретая уверенность. Он был бы счастлив, если бы кто-то взял бремя принятия решений на себя, но не хотел отвечать за последствия. - У меня приказ отступить... для сбережения личного состава... - он поднял свою бумагу.

- Я принимаю командование!!! - проорал Шрамм. - И отменяю ваш приказ!!! - он вырвал бумагу из рук Пфляйгеля, разорвал и бросил в грязь.

Пфляйгель замер с открытым ртом, видя такое надругательство над официальным документом. Но, в конце концов, что он мог сделать? Перед ним был майор гвардии, то есть целый полковник по армейским меркам, который, наверное, имел право так поступить. Судя по тому, как он все время орал - точно имел. Все, что оставалось лейтенанту Пфляйгелю - это отойти с дороги, в прямом и переносном смысле.

- Гвардейцы, за мной!!! За королеву!!! Ура-а-а!!!

Первые два десятка ярдов он пробежал в полном одиночестве. Солдаты, большинство из которых можно было назвать солдатами лишь с большой долей условности и которые только что едва избежали гибели в стенах Дортинайна, совсем не жаждали бежать туда снова. Но затем один из молодых новобранцев устремился следом, за ним побежал его друг, потом одному из ветеранов стало совестно провожать взглядом молодых и необученных, а его пример воодушевил крепкого мужчину, хлопнувшего по плечу приятеля - "давай, раз уж даже старики..." В скором времени к воротам крепости бежали уже почти все уцелевшие - чуть меньше трех сотен человек. Некоторые, правда, специально замешкались, чтобы оказаться в хвосте колонны, но на месте не остался почти никто.

Человек с более высоким уровнем интеллекта - включая и прежнего Шрамма - непременно задумался бы на бегу, отчего ворота остаются открытыми, хотя наружу больше никто не выбегает. А задумавшись, пришел бы к выводу, что едва ли оставшиеся внутри так называемые гвардейцы сумели переломить бой в свою пользу - а стало быть, приглашающе распахнутая створка ворот означает какую-то новую ловушку победителей. И, соответственно, соваться в крепость не следует. Но нынешний Шрамм думал лишь о том, что надо спешить, пока ворота еще открыты. Никаких орудий для осады и штурма у (теперь уже бывших) подчиненных Пфляйгеля, само собой, не было, как и инструментов, позволяющих их сделать - да и среди унылых зарослей вокруг не нашлось бы деревьев достаточно толстых, чтобы изготовить таран - так что единственной надеждой отбить Дортинайн было успеть добежать, пока враги не запрутся изнутри.

Как ни удивительно, именно такая оценка ситуации и была верной. Когда во время бойни в крепости в воротах образовалась давка, не все из пришедших с Пфляйгелем потеряли головы. Один из ветеранов, понимая, что спасение тех, кого еще можно спасти, зависит от того, сумеют ли враги закрыть ворота, объединил вокруг себя нескольких новобранцев (подчинившихся ему с той же готовностью, с какой вскоре их товарищи подчинились Шрамму) и попытался захватить с ними одну из привратных башен (он выбрал западную, просто потому, что находился ближе к ней). Из этой затеи вряд ли бы что-то получилось, учитывая толщину двери и прочность запоров - если бы не оплошность, допущенная солдатом, впустившим знаменосца. Он не запер дверь (старик со своим знаменем перегородил весь узкий проход от входа к лестнице), а начал сразу же подниматься наверх. Потом сразу же начался бой (точнее, бойня), и солдату стало не до того - он так и не вспомнил о том, чтобы спуститься и наложить засовы. Когда охваченные паникой люди ломились в ворота, им даже не приходило в голову проверить на прочность дверь в башню в нескольких ярдах правее (ведь она не вела наружу); более того, они даже не заметили, когда это сделали их товарищи во главе с сохранившим ясную голову стариком. Не заметили этого и

солдаты в башне, четверо из которых наваливались на ворот, борясь с напором толпы, а двое были заняты стрельбой по двору с верхней площадки и не видели, что происходит прямо под ними. Поэтому пять человек, быстро поднявшихся по лестнице, перебили их всех - сперва четверых у ворота, потом двоих наверху - быстрее, тем те успели что-то понять и оказать сопротивление.

Как только сопротивление на вороте исчезло, створка ворот распахнулась под напором бегущих и так и осталась в этом положении - что спасло жизни большинству из тех, кто все еще оставался на ногах к этому моменту. Однако сами их спасители выбраться уже не успели. К тому моменту, как последние их товарищи выбежали наружу, враги уже заметили и поняли, что произошло. Сразу десяток воинов Арвика с мечами побежали к захваченной башне. Попасть внутрь они не смогли - на сей раз дверь была тщательно заперта изнутри - но и оказавшаяся внутри пятерка не могла выбраться наружу. В больших каменных крепостях из башни еще можно выбраться на стену (или даже в проложенную внутри стены галерею), но в Дортинайне, где стена представляла собой просто частокол, такой возможности не было. Стало быть, все, что оставалось пятерке - сидеть в башне до последнего, стреляя с верхней площадки из трофейных луков (правда, это умели лишь двое из них, включая старика), пока враги внизу не высадят дверь, а затем попытаться подороже продать свои жизни.

Так что внимание части солдат лейтенанта Флимпа было сосредоточено на этом последнем (а на самом деле единственном с начала побоища) очаге сопротивления - полдюжины выламывали дверь, молотя в нее тяжелой скамьей, которую притащили из барака, еще несколько человек прикрывали их, стреляя по верхушке башни в тщетной надежде достать прячущихся за зубцами лучников, прочие просто глазели, ожидая, как долго продержатся защитники башни. Но еще больше было тех, кого не занимало даже это противостояние с очевидным исходом; не дожидаясь его окончания и не особо опасаясь летевших с башни редких стрел, они спускались во двор и бродили там, добивая мечами раненых и собирая стрелы, пригодные для нового использования (первейшая забота хорошего лучника после боя).

Преследовать убежавших врагов никто не пытался - даже Флимп, хотя и испытавший досаду по поводу того, что столь многим из них удалось спастись, представил себе этот бег по грязи и лениво бросил: "Черт с ними, пусть бегут до самого Дракенхайма" - но и их возвращения обратно тем паче никто не ожидал. Тем не менее, совсем уж внезапным оно не стало - Шрамма и бегущих за ним солдат заметили через открытую половину ворот, когда им оставалось еще не меньше семидесяти ярдов до крепости. Раздались крики; несколько лучников выстрелили по бегущим через открытые ворота, но, кажется, ни один из них не попал. Закрыть ворота все еще было невозможно, а времени на то, чтобы спустившиеся во двор стрелки вновь заняли свои позиции вдоль стены и на башнях, уже не было, поэтому находившийся во дворе капрал крикнул: "Отставить стрельбу! Мечи наголо, за мной!" - и побежал наружу, дабы встретить врага за стенами крепости и не позволить ему ворваться внутрь. Теперь, когда уже не было никакого преимущества неожиданной засады, когда стрелки находились не на позициях и никто во дворе не был готов к обороне, военные рефлексы подсказали ему правильное решение.

Однако, если Шрамму удалось увлечь за собой почти всех своих, то за капралом побежали немногие. Настроение его сослуживцев было совершенно иным. Они уже наслаждались легкой победой, и внезапную контратаку неприятеля восприняли как досадную помеху, с которой пусть лучше разбирается кто-нибудь другой, а не как серьезную угрозу, требующую общих скоординированных действий. К тому же они не могли оценить истинное количество атакующих - бегущую колонну во всю длину можно было бы разглядеть с башен, но не снизу. Поэтому против почти трех сотен Шрамма выбежали лишь три десятка человек, жаждавших "размяться и порубать этих тупых придурков".

Шансы на это у них были. Они были куда лучшими мечниками, нежели солдаты Шрамма, и к тому же на дороге, где противник не мог их обойти, не увязнув в болоте, действительно

могли бы остановить идущую маршем колонну, многократно превосходящую их численно. Но именно идущую, а не бегущую, охваченную ажиотажем почти столь же сильным, как та паника, что совсем недавно гнала их в противоположном направлении. Ажиотажем, вызванным не только уверенным в себе лидером, заставившим и их поверить в себя, но и желанием поквитаться за только что пережитые ужас и унижение, за роль беспомощной дичи, расстреливаемой для забавы. И даже если у бегущих первыми в последний момент и возникли какие-то сомнения, деваться им было уже некуда - сзади напирали остальные.

Отбежав на два десятка ярдов от ворот, капрал остановил своих людей за считаные мгновения до столкновения, дабы встретить противника, прочно стоя на месте. Он видел мчащегося на него Шрамма, на бегу заносящего меч. Удар, который тот намеревался нанести, был вполне очевиден, как очевидно и противодействие - уклониться, позволив инерции увлечь противника вперед, и затем пропороть его колющим ударом в бок, не защищенный даже кольчугой. Однако капралу помешал его собственный подчиненный, остановившийся не так резко, как он сам, и таким образом выскочивший справа от него и лишивший его свободы маневра. Поэтому капралу пришлось срочно менять решение в последний миг, когда уже не оставалось другого варианта, кроме как ставить блок собственным мечом, принимая удар на клинок возле самой рукоятки. Мечи столкнулись со страшной силой и оглушительным лязгом; у Шрамма, вложившего в этот удар не только всю силу руки, но и всю инерцию бега, кисть пронзила тупая обессиливающая боль, и он только чудом не выронил оружие. Но его противнику повезло еще меньше - его меч сломался в двух дюймах ниже рукояти, оставив капрала беззащитным. Отступить ему было некуда - опять-таки мешали свои - и в течение пары секунд, пока Шрамм восстанавливал силу в кисти, враги лишь смотрели друг ну друга полными ярости глазами. Затем меч Шрамма взвился и обрушился вновь, разрубая кольчугу, ключицу и ребра под ней.

Однако для двух солдат, обежавших Шрамма слева и справа исход столкновения с более умелыми бойцами оказался противоположным - один из них был убит, другой смертельно ранен в первые же мгновения. Но, не успели сраженные упасть - не успели даже победители высвободить мечи из их тел - как на них сзади налетели следующие, толкая тела вперед, на врага, словно большие щиты. Затем, конечно, они все же рухнули, успев помешать оборонявшимся и повалив одного из них, но прямо по телам уже бежали следующие гвардейцы. Воины Арвика зарубили еще двух, потом еще, но напор не ослабевал, мертвые и раненые наваливались на живых, блокируя их оружие, валя их с ног и обрекая их на смерть под сапогами бегущих следом или на барахтанье в болоте рядом с дорогой, где их тоже вскоре добивал чей-нибудь меч или утягивали в ил собственные доспехи.

Меньше чем за минуту солдаты, выбежавшие из крепости навстречу Шрамму, были полностью опрокинуты. Они успели зарубить девятерых и потеряли семнадцать своих, включая командира (больше затоптанными и сброшенными в болото, чем зарубленными в бою); остальные бросились бежать обратно в крепость. Окрыленные успехом победители погнались за ними, выкрикивая насмешки и оскорбления.

Шрамм уже не бежал впереди своих людей. Сразив капрала, он схлестнулся со следующим из врагов, и этот бой занял больше времени - однако в конце концов также завершился победой бывшего астронавта, впервые взявшего в руки меч менее двух месяцев назад, но впечатлявшего учителей своим упорством и успехами точно так же, как когда-то впечатлялся его инструктор в летном училище. Однако, пока шел этот поединок и противники оставались на месте, гвардейцы обегали своего нового командира слева и справа. Так что к тому времени, когда противник Шрамма, наконец, повалился в грязь, тщетно зажимая руками кровавую рану в животе, большинство гвардейцев успели уже убежать вперед, и первые из них ворвались в крепость.

Здесь, однако, их ожидала новая проблема, и связана она была даже не с тем, что

находившиеся во дворе успели организовать оборону - хотя они торопливо пытались это сделать, и лейтенант Флимп, до этого спокойно наблюдавший сверху за развитием спланированной им операции, уже бежал по крышам и помостам вдоль стены, на ходу выкрикивая команды - а с тем, что атакующие попросту не знали, что делать дальше. Легко было бежать колонной по единственной дороге к воротам, но кого атаковать, оказавшись в широком дворе, где враги даже не успели еще выстроиться в боевой порядок, а те из них, на чьих плечах гвардейцы ворвались в крепость, попросту брызнули в разные стороны? Остановиться и подумать атакующие не могли (валяющиеся повсюду трупы их товарищей и первые стрелы, полетевшие в их сторону, не располагали к спокойным размышлениям), скомандовать было некому (их собственные унтер-офицеры валялись сейчас мертвые в этом дворе, а Шрамм отстал), так что они стали попросту разбегаться по двору, выбирая себе каждый свою цель. Само собой, это была очень плохая тактика, особенно учитывая, что большинство из них были крайне скверными фехтовальщиками, гарантированно проигрывавшими бой один на один, а Флимп тем временем принялся энергично командовать, выдвигая мечников вперед, отводя лучников назад и веля арбалетчикам, все еще остававшимся за частоколом - и теперь уже неспособным стрелять, чтобы не поразить своих - занимать позиции на башнях и стенах в южной половине крепости. Возможно, лучшим решением было бы, наоборот, всем отходить за частокол и отбиваться оттуда, но Флимп все еще не понимал, что именно происходит. Он решил, что к уже совершенно разгромленному врагу внезапно подошло подкрепление, о котором не предупреждала разведка. Впрочем, так оно, в принципе, и было, вот только состояло это подкрепление из единственного человека.

Тем временем этот человек, с отвращением обтерев с меча не только кровь, но и дерьмо своего последнего противника, огляделся по сторонам и заметил гвардейское знамя, втоптанное в грязь под башней (так, кстати, до сих пор и не взятой - штурмовавшие ее бросили скамейку и пустились наутек, когда в крепость ворвались, размахивая окровавленными мечами, их враги). Шрамм вспомнил, что видел, как падает этот флаг, и побежал к нему. Что спасло его от стрелы, вылетевшей из ворот, которая попала бы ему точно в переносицу, не возьми он в эту секунду влево. Но он даже не заметил этой стрелы - как и предыдущей, оцарапавшей его щеку, когда он бежал во главе колонны. Теперь стрела, предназначенная ему, вонзилась в горло солдату, бежавшему следом, но Шрамм не заметил и этого.

Знамя! Именно то, чего ему не хватало! Шрамм поднял его левой рукой, мокрое и грязное (обрубок древка был все еще достаточно длинным), и взмахнул им над головой. Сырое полотнище хлопнуло, разворачиваясь, и проглянувший сквозь тучи косой солнечный луч озарил запачканный, но ясно различимый вензель Элинор в золотом венце поверх гвардейской эмблемы. Шрамм несколько секунд любовался им, а потом поспешил к воротам.

"Назад! Назад! Отходим!" - донеслось из крепости, и навстречу ему выбежали несколько гвардейцев. Решительные команды Флимпа и оставшихся у него капралов возымели эффект; его подчиненные выстраивались в шеренги, рассекая на части и рубя неорганизованную и плохо обученную толпу, а через их головы навесом летели стрелы, накрывая пространство у ворот, где как раз стала возникать новая давка: те, что бежали в хвосте колонны Шрамма, еще только входили в крепость, в то время как другие уже испуганно бежали им навстречу. Кто-то из ветеранов срывающимся голосом пытался навести порядок, но его не слушали.

- Гвардейцы, отставить панику!!! - заорал Шрамм, появляясь со знаменем в проеме ворот. - Подкрепление уже рядом!!! Вперед!!! За флаг и королеву!!! - размахивая флагом, он проталкивался вперед (его бойцы охотно расступались, пропуская его), и вскоре вновь оказался впереди всех. По нему стреляли; две стрелы пробили знамя, одна чиркнула по его кожаной куртке, еще одна застряла в плаще, но ни одна не причинила вреда.

Никакого продуманного плана атаки у Шрамма не было. В прошлой жизни он - хотя и никогда не командовал пехотой - вероятно, сообразил бы, что противник имеет превосходство в

стрелка́х, а потому надо стремительным броском охватить его с флангов, отрезая от стен и башен, а затем атаковать окруженных, одновременно блокируя проходы во внутреннем частоколе, дабы не дать их товарищам из северной половины крепости прийти им на помощь (но и не пытаясь, в свою очередь, прорваться на ту сторону, сколько бы стрел оттуда ни летело, дабы не распылять силы и не увязнуть в бою за частокол, где, кто бы ни атаковал, преимущество было бы у обороняющихся) - и только после того, как будут перебиты "южные", заняться северной половиной. Этот план мог иметь, а мог и не иметь успех; в значительной мере это зависело от того, насколько эффективной окажется стрельба арбалетчиков с башен северной стороны и насколько стойкими останутся неопытные гвардейцы под их обстрелом. Но нынешний Шрамм не обдумывал этот план. Он просто увидел на крыше по ту сторону частокола слева человека в кирасе и шлеме, окруженного еще несколькими бойцами, который отдавал команды криком и жестами, и распознал в нем вражеского командира. Предателя, который привел всех этих людей сражаться против Элинор.

- За мной!!! Смерть изменнику!!! - заорал Шрамм, указывая на него знаменем, и побежал вперед, распевая во все горло: - For the Flag and the Queen our morglays we swing...

Флимп как раз перед этим скомандовал своим мечникам, наконец выстроившимся в три шеренги (одну по центру и две под тупым углом к ней по флангам), перекрывшие двор и теснившие противника обратно к воротам, прекратить наступление и даже чуть отступить, дабы дать простор для работы лучникам, уже находившимся в безопасности за их спинами и стрелявшими поверх их голов. Увлеченные боем, они выполнили это не совсем синхронно, и вот как раз в брешь между двумя разошедшимися шеренгами - центральной и западной - устремился Шрамм и побежавшие за ним бойцы.

Их противники могли бы успеть сомкнуться у них на пути, но все еще следовали предыдущему приказу "отойти и дать пространство для работы стрелка́м". Стрелки работали; знамя служило им хорошим ориентиром, даже если они стояли в стороне и не видели за спинами своих самих бегущих. В то же время, однако, полотнище на коротком древке, колыхавшееся не столько над головой, сколько перед лицом Шрамма, в какой-то мере служило ему подобием щита. Еще две стрелы пробили сырую ткань, изменив в результате направление полета и не попав в знаменосца. Еще одна все-таки чиркнула его по волосам. Одна со звоном срикошетила от меча в его руке и ударила в плечо солдата, бежавшего рядом. Тот остановился, и тут же вторая стрела вошла ему точно в глаз. Еще одна стрела ранила бежавшего позади Шрамма. Но сам Шрамм благополучно проскочил между шеренгами мечников и побежал дальше, продолжая орать гимн. Он даже не думал над словами, в которых обычно путался - они словно сами прыгали ему на язык, и он выкрикивал их, делая паузы лишь чтобы перевести дух.

Мечники, наконец, бросились ликвидировать прорыв, но было уже поздно. За Шраммом снова бежала целая колонна. Их рубили с боков, но, пока падали солдаты, бежавшие слева и справа, центральные прорывались вперед. Они бежали туда, куда вели их флаг и гимн, не обращая внимания на гибель товарищей, не отвлекаясь на второстепенные цели и угрозы. Бежали, чтобы победить.

Те лучники, что не успели вновь занять позиции наверху и оставались во дворе, увидели бегущую на них толпу с мечами и, торопливо и неприцельно выпустив еще несколько стрел, бросились врассыпную, мешая целиться арбалетчикам, успевшим вернуться за частокол. Однако один арбалетный болт все же угодил в бок Шрамму, пробив навылет кожу и подкожный жир, но не задев внутренние органы. Шрамм бежал дальше с торчащей в боку металлической стрелой, не обращая на нее внимания.

- Be it flood! Be it blood! No regards!

Мечникам Флимпа, наконец, удалось рассечь колонну и сомкнуть прорыв, но прорвавшаяся группа насчитывала четыре десятка человек и выглядела достаточной угрозой и их стрелка́м, и их командиру, и даже им самим, если бы развернулась и ударила им в тыл.

Поэтому вместо того, чтобы продолжать атаковать их товарищей, все еще находившихся у ворот (коих все еще оставалось около сотни), две шеренги развернулись и пустились в погоню (хотя Флимп кричал им: "Нет! Стоять! Держать позицию!", рассчитывая, что прорвавшиеся не пройдут дальше частокола). В свою очередь, гвардейцы, теснимые к воротам, восприняли это как бегство противника и тоже устремились вперед; оставшаяся третья шеренга лишь перекрыла им проход по правому флангу, но не могла перекрыть весь двор.

Тем временем из одной из башен южной стены (находившейся западнее привратной, которую все еще удерживали, не зная, чья возьмет, старый гвардеец и четверо новобранцев) за происходящим внизу наблюдали двое. Они пришли вместе с Пфляйгелем и считались простыми солдатами, хотя один имел при себе лук, а второй - чуть ли не единственный во всем отряде арбалет. Все прочие арбалетчики и большинство лучников отряда уже были мертвы, однако эти двое всегда оказывались в хвосте, на максимальном расстоянии от опасности. Они не сделали в нынешнем бою ни единого выстрела и вообще как-то умудрялись не привлекать внимания ни своих, ни противника. Эту башню они заняли без всякого сопротивления - стрелки Флимпа покинули ее, когда считали бой уже оконченным и пошли собирать стрелы, и не успели вернуться, когда гвардейцы вновь ворвались в крепость. Сами гвардейцы тоже не заметили, куда направились двое их товарищей, никому из них не знакомые и на протяжении всего похода ни с кем, кроме друг друга, особо не общавшиеся.

- Что он делает?! - процедил лучник, глядя на бегущую через двор группу со Шраммом во главе. - Я думал, он тут, чтобы окончательно добить всех. Но такими темпами...

- Сейчас я это прекращу, - ответил арбалетчик, медленно ведя наконечником стрелы в такт движению фигуры со знаменем с учетом необходимого упреждения.

- Подожди. Ты уверен, что это не изменение плана?

- Нас бы поставили в известность. Он бы и поставил.

- А если просто не успел? Сам видел, что тут творилось.

- Тогда мы должны действовать согласно последнему доведенному до нас плану, а не гадать, - ответил арбалетчик и плавно нажал на спуск.

Юный новобранец, бежавший за Шраммом, повалился в грязь, в агонии кусая стрелу, пробившую ему затылок и вышедшую изо рта.

- Черт! - арбалетчик в башне принялся крутить ворот, заново снаряжая свое оружие. - Проклятая сырость...

- Сэр! - другой солдат, нагнавший Шрамма, дернул его за рукав. - Туда! - он указал на дверь барака, оставшуюся распахнутой после того, как его покинули лучники Флимпа. Шрамм не видел снизу люков на крышах строений и не знал, как попасть наверх, дабы оказаться на одном уровне с Флимпом, но теперь сообразил, что лестницы находятся внутри. Кивнув, он свернул в указанном направлении, увлекая за собой остальных.

- Он сейчас скроется! - нетерпеливо воскликнул лучник в башне, глядя на все еще крутившего ворот товарища. - Я сам его сниму! - он вытянул стрелу из колчана и натянул тетиву.

- Промажешь, - спокойно возразил арбалетчик, не прекращая своего занятия. - Слишком далеко для лука.

- Уйдет же!

- Не уйдет, - арбалетчик, наконец, поднял свое оружие. В тот же миг Шрамм, наклонив знамя, нырнул в дверь барака.

- Ну вот! - с досадой воскликнул лучник, ослабляя тетиву и опуская лук.

- Сейчас вылезет, куда он денется? Командовать боем оттуда он явно не планирует. А может, эти и сами с ним разберутся.

Действительно, Флимп уже отдавал новые команды. Пятеро лучников (они были ближе всего) бежали по крыше с соседнего барака, куда они только что успели подняться - находившегося между тем, куда вбежал Шрамм, и внутренним частоколом - чтобы, вероятно,

закрыть люк сверху и не позволить людям Шрамма выбраться наверх. Гнавшиеся за ними мечники смогли бы в этом случае, в свою очередь, заблокировать им выход через дверь, и они бы оказались в ловушке (окна во всех зданиях крепости специально были сделаны узкими, как бойницы - что не сильно помогло бы, учитывая, что в группе Шрамма не было лучников, и лишь не позволило бы им вырваться таким путем).

И у них почти получилось. Первый из лучников успел встать на люк, но не успел задвинуть засов. Стрела, прилетевшая издалека, клюнула его в горло. Ее выпустил стрелок из западной привратной башни; это оказался его самый меткий выстрел за этот день. Раненый повалился на колени, захлебываясь кровью, а потом рухнул набок на крышку люка, но мощный удар снизу откинул его тело в сторону и поднял крышку. Сразу три стрелы в упор пронзили того, кто показался оттуда. Но это был не Шрамм. Это был двухметровый амбал, чьим единственным воинским достоинством была физическая сила; сейчас она как раз пригодилась, в первый и последний раз. Он рухнул обратно, но и лучники бросились бежать назад по крыше, не дожидаясь, кто покажется следом; у них были и луки, и короткие мечи, но их было всего четверо, и они понимали, что не совладают с десятикратно превосходящим противником.

На крышу выбрался Шрамм со знаменем в руке и снова запел гимн. Гвардейцы, остававшиеся во дворе, встретили его появление радостными криками. Сопровождаемый своими людьми, он побежал в сторону внутреннего частокола и стоявшего по ту сторону Флимпа, следом за удиравшими лучниками.

Арбалетчик в башне сопровождал его бег своим оружием, но все не решался сделать выстрел. Мотающееся знамя мешало прицелиться в голову, а все, что ниже, прикрывали гвардейцы, бежавшие рядом. Лучник, не выдержав, выстрелил сам - и, как и было предсказано, промазал. Стрела вонзилась в крышу под ногами бегущих, не причинив никому вреда.

Один из спасавшихся бегством стрелков нырнул в люк, из которого недавно вылез; второй не успел это сделать и получил удар мечом в спину. Еще двое, не останавливаясь, добежали до края крыши. Отсюда у них было лишь две дороги - прыгать с высоты на землю, рискуя переломать ноги (впрочем, грязь внизу давала неплохие шансы на мягкое приземление), или пытаться перепрыгнуть через частокол на крышу с северной стороны, где стоял Флимп с двумя солдатами (что было в принципе возможно, но требовало изрядной ловкости и грозило куда худшими последствиями при неудаче). Лучник, добежавший первым, избрал первый вариант - и двор тут же огласился воплем: при приземлении его нога скользнула в грязи, и он рухнул с подвернутой лодыжкой. Второй остановился, обернулся и выпустил стрелу в грудь Шрамму почти в упор.

Шрамм остановился, словно запнувшись о препятствие, и оборвал песню. Кто-то испуганно ахнул, кто-то выругался, увидев, как качнулось знамя. Но Шрамм не упал. Лучник слишком торопился и не натянул тетиву в полную силу. Стрела, проткнув кожаную куртку и собственную кожу Шрамма, ударила в грудину, но не смогла пробить кость.

Сам лучник, отшвырнув свое оружие, развернулся и бросился к торцевому краю крыши, собираясь перепрыгнуть частокол. Возможно, его подвигнул на это решение доносившийся с земли крик товарища, однако ему не повезло и тут. Или он не рассчитал разбег, или поскользнулся при отталкивании, только его ноги ударились в воздухе о частокол, и он рухнул животом на острые колья, пропоровшие легкий кожаный доспех. Жуткие вопли и стоны умирающего заглушили даже стенания его повредившего ногу сослуживца.

Флимп усмехнулся, глядя на своих врагов через частокол. Он даже не попытался отступить. Лучников среди них не было, а после только что состоявшейся наглядной демонстрации он был уверен, что никто из них не осмелится прыгать.

- For the Flag and the Queen! - снова выкрикнул Шрамм, бросаясь вперед.

Арбалетный болт просвистел за его спиной там, где он находился секунду назад, и вонзился в бревна частокола левее и дальше.

- Вот же непредсказуемый тип! - раздраженно пробормотал арбалетчик в башне, снова торопливо взводя тетиву. - Откуда он только взялся...

Шрамм прыгнул.

В своей прошлой жизни он выполнял немало трюков в воздухе, заставлявших зрителей замирать в испуге - но в основе всех их лежал четкий холодный расчет, и на самом деле для тренированного пилота они были не многим опаснее "головокружительных" аттракционов в парках. Тот же прыжок, на который он отважился сейчас - без всяких расчетов и тренировок, после целого дня выматывающего пути по грязи и беготни снаружи и внутри крепости, в плаще и со знаменем, которые увеличивали не только вес, но и сопротивление воздуха - был чистым безумием, на какое прежний Шрамм не согласился бы никогда и ни за что.

И тем не менее, он перелетел через колья, на которых корчился умирающий гвардеец, и подошвы его сапог ударились о самый край крыши; каблуки повисли над пустотой. В какой-то миг казалось, что он упадет - однако, взмахнув знаменем и мечом, он сумел обрести равновесие и сделал шаг вперед.

Никто из следовавших за ним от ворот не рискнул повторить самоубийственный прыжок. Они лишь сгрудились у края крыши и смотрели - не обращая внимания даже на то, что происходило у них за спиной, где по лестнице уже взбирались преследовавшие их мечники.

Двое солдат Флимпа устремились навстречу Шрамму. Снизу начали было стрелять арбалетчики, но тут же перестали, опасаясь попасть в своих. Шрамм хлестнул ближайшего из своих противников знаменем; тот запутался в тяжелом сыром полотнище. Второй уже наносил удар, который должен был снести Шрамму голову, но тот успел резко присесть, пропуская меч над собой, и рубануть врага по не защищенным никакими доспехами ногам. Солдат рухнул с перерубленным коленом; его голень болталась на куске кожи и сухожилиях. Шрамм добил его вертикальным ударом сверху вниз. Первый солдат тем временем вслепую рассек знамя мечом, но просчитался с направлением удара. Шрамм огрел его древком по руке и выбил оружие, а затем рубанул мечом по шее.

Теперь оставался только Флимп. Он ждал Шрамма с мечом в руке, не пытаясь бежать - вероятно, не желая подрывать свой авторитет перед подчиненными, а может, и в самом деле испытывая удовольствие от возможности сразиться один на один с достойным противником. Шрамм с полуразрезанным знаменем и мечом побежал на него.

- Стреляй же, пока он не грохнул их командира! - раздраженно воскликнул лучник в башне.

- Именно в командира я и боюсь попасть, - мрачно ответил арбалетчик, не прекращая целиться. - Вот ведь тоже идиот, пижон, честного поединка ему захотелось...

Мечи скрестились, высекая искры. Флимп легко отбил удар Шрамма и тут же перешел в контратаку. Его меч обрушился сверху, тут же соскользнул с подставленного клинка, чтобы ударить сбоку, а когда Шрамм успел отбить вниз и этот удар, Флимп попытался достать врага прямым колющим снизу вверх. Шрамму удалось парировать и этот выпад, но пришлось отскочить назад. Он вновь попытался использовать знамя как оружие, набрасывая его на лицо врага, но меч Флимпа отсек кусок полотнища и тут же на возвратном движении свистнул к шее противника. Шрамм еще раз отпрыгнул, отклоняясь назад на пределе равновесия, и острие меча промелькнуло в каком-то дюйме от его горла. Пока что Шрамма спасала быстрота реакции мастера высшего пилотажа, но его враг был куда более опытным мечником и к тому же бился со свежими силами. Кроме того, кираса практически гарантированно защищала его от одноручного меча (что Шрамму уже было известно со слов инструктора в учебной роте), оставляя открытыми для поражения лишь шею, конечности и проймы, через которые все же можно было вонзить меч в туловище колющим ударом сбоку; правда, панцирь добавлял и лишний вес, но судя по тому, как быстро двигался лейтенант, его это не особенно напрягало. Теперь он рванулся вперед, рассчитывая, что противнику уже некуда отклоняться, но Шрамм успел присесть под клинок

(тот вновь полоснул по знамени) и попытался пробить колющим в пах, под нижний край кирасы. Флимп увернулся и тут же в развороте обрушил сверху вниз удар, который должен был отсечь Шрамму вытянутую руку с мечом. Шрамм успел отдернуть руку, но не до конца. Клинок ударил по клинку возле самой рукояти, и меч Шрамма со звоном вырвался из руки и грохнулся на доски крыши. Шрамм вскочил, вооруженный одним лишь исполосованным знаменем. Теперь его гибель была лишь вопросом нескольких секунд. Но, перехватив древко двумя руками, он упрямо запел, глядя в глаза врагу:

- And Her Majesty knows! That in heat and in snows!

"И в грязи тоже", - добавил Шрамм про себя. При этом он отпрыгивал назад от новых выпадов и пытался отмахиваться знаменем от противника - но, разумеется, долго это продолжаться не могло. Меч Флимпа перерубил древко, и знамя шумно упало на крышу. В руках у Шрамма осталось лишь подобие укороченного бильярдного кия. Флимп бросился вперед, чтобы нанести последний удар, Шрамм опять шарахнулся назад - и споткнулся о труп ранее убитого им солдата. Он грохнулся навзничь, но это спасло его от меча, рассекшего пустой воздух над ним. Флимп тут же ударил сверху вниз, Шрамм перекатился, впервые почувствовав боль от стрелы в боку - и одновременно в ребра ему впилась рукоятка меча, совсем недавно выбитого из чужой руки им самим. Схватив этот меч - и по-прежнему сжимая в левой руке обломок древка - Шрамм снова вскочил на ноги. Спеша добить его, пока он снова не занял боевую стойку, Флимп сделал стремительный выпад, который Шрамм, вероятно, не сумел бы отбить - но нога лейтенанта поскользнулась в луже крови, натекшей из разрубленного горла мертвеца, и Флимп потерял равновесие. Он практически упал на Шрамма, рефлекторно взмахнув мечом совсем не так, как собирался, так что вместо смертельного удара клинки вновь скрестились, давя друг на друга, а лица врагов оказались в каком-то футе одно от другого. Шрамм увидел круглый бешеный глаз лейтенанта прямо перед собой - и скорее инстинктивно, чем осмысленно, вонзил в этот глаз острый обломок древка.

- All her guards!

Флимп, все еще живой, несмотря на то, что обломок, очевидно, вошел ему в мозг, отшатнулся назад (кровь хлынула из пустой глазницы) и махнул мечом, но уже неуклюже.

- Will forever! - Шрамм рубанул по его руке и отсек кисть с оружием. Флимп сделал еще один машинальный шажок назад и обреченно застыл, уронив руки и уже никак не пытаясь защищаться.

- Be! - Шрамм широко замахнулся мечом слева направо, желая ударить со всей силы.

- Guards!!! - клинок с гудением рассек воздух, словно лопасть пропеллера, и начисто снес голову в шлеме, которая упала и покатилась по окровавленным доскам прочь от рухнувшего тела.

Шрамм понял, что ему впервые удалось пропеть гимн от начала до конца, ни разу не забыв и не перепутав слова.

Что-то сильно ударило ему в спину, пронзая острой болью до самой груди. Это была стрела, выпущенная лучником из башни, которому, наконец, удалось сделать меткий выстрел на предельной дистанции. Шрамм покачнулся, удивленно опуская меч и чувствуя, что не может вздохнуть. Так не должно быть, он же победил, они победили...

В тот же миг арбалетный болт пробил его не защищенный шлемом затылок, и тело майора Гюнтера Шрамма рухнуло на тело только что поверженного им лейтенанта Флимпа, словно старшая карта, кроющая младшую в некой чудовищной игре.

- Слишком поздно, черт... - сердито пробормотал лучник, глядя на опускающего арбалет товарища.

- Нет, - возразил тот. - Они снова остались без командира, и я бы не назвал их положение хорошим.

Действительно, если во время поединка двух командиров весь остальной бой

практически прекратился - представители обеих сторон, затаив дыхание, смотрели на своих лидеров - то теперь сражение в крепости возобновилось с новой силой, и гвардейцы, еще несколько секунд назад чувствовавшие вкус победы, неожиданно поняли, что их дела обстоят совсем не так радужно. Мечники, преследовавшие группу Шрамма, уже бежали по крыше к столпившимся в конце ее бойцам, которые, сраженные гибелью своего лидера - гибелью, как они думали, от рук кого-то из вражеских стрелков - даже не пытались сопротивляться (да и не имели на это хороших шансов) и в панике попрыгали с крыши вниз во двор; большинство приземлилось благополучно, но при этом они оказались на земле рядом с частоколом, из-за которого их могли в упор расстреливать арбалетчики. Другая часть гвардейцев, увлекшаяся преследованием мечников - которые теперь с готовностью развернулись обратно - попала под обстрел лучников, выстроившихся в юго-восточной части двора и теперь поливавших их стрелами с фланга и с тыла. Командовать было некому, общей картины боя никто из гвардейцев во дворе не видел, враги снова были со всех сторон, и, потеряв за пару минут дюжину человек убитыми и ранеными, необученные люди снова ударились из эйфории в панику с той же легкостью, что и до этого.

- Им крышка, - удовлетворенно констатировал арбалетчик. - Пора уносить отсюда ноги.

Но, едва двое отошли от бойниц и подошли к лестнице, снизу от ворот донесся многоголосый боевой клич: "Йоргел и Дракон!"

Двое застыли на месте, затем бросились к бойницам, выходившим на внешнюю сторону.

- Это еще что?! - гневно воскликнул арбалетчик. - Откуда здесь королевская армия?! Ничего из этого не было в плане!

- По-моему, нас подставили, - мрачно изрек его товарищ.

- Нас? Да кому мы на хрен нужны? Тут подставили кое-кого куда повыше!

Они были далеко не глупыми людьми - иначе не занимали бы свои должности и не оставались бы при этом так долго в живых - и все же они ошибались.

Примерно за пять часов до этого на дороге к югу от Дортинайна капитан Бруммель сказал своему заместителю:

- Знаете, лейтенант, я все думаю о том контуженном парне. И... мне кажется, я забыл запереть в крепости пару дверей.

- Сэр? - переспросил тот, не решаясь поверить.

- А кто-то, может, и вовсе оставил непогашенный очаг, - продолжал Бруммель. - Вы же знаете, какой у нас контингент. Сплошные нарушители дисциплины. А мы ведь не можем допустить пожара?

- Так вы все-таки решили...

- Отря-ад! Слушай мою команду! Мы возвращаемся в Дортинайн!

Среди солдат послышался ропот. Отшагав четыре с лишним часа по грязи на юг, они вовсе не горели желанием теперь проделывать тот же путь на север.

- Я слышал цыплячье кудахтанье, или мне послышалось? - грозно сдвинул брови Бруммель, шагая вдоль колонны и пристально всматриваясь в лица; недовольные поспешно отводили глаза. - Думаю, что послышалось. Здесь нет цыплят, здесь только настоящие солдаты, которые собираются показать этим гвардейским зазнайкам, чего стоит королевская армия! Вы же не хотите пропустить все веселье?!

- А как же королевский приказ, сэр? - спросил с улыбкой лейтенант, когда колонна вновь двинулась на север.

- А что приказ? Нам приказали оставить Дортинайн, и мы это сделали. Но нам не приказывали не возвращаться.

- Оставить Дортинайн и идти в Зюдендорф, разве нет, сэр?

- Мы именно туда и направляемся, - заверил его Бруммель. - Просто не самым коротким путем, - он помолчал и добавил серьезно: - Надеюсь, еще не слишком поздно.

Они успели. К тому времени, как боевой клич его солдат огласил стены Дортинайна, из пяти сотен, пришедших с Пфляйгелем, в живых оставалось 83 человека, включая два десятка раненых (плюс еще шестеро, включая самого Пфляйгеля, которые так и оставались снаружи на безопасном расстоянии от крепости - всех их Бруммель потом арестовал за дезертирство.) Противник из первоначальных 240 потерял лишь около четырех десятков, а две сотни Бруммеля, вымотанные маршем, вынуждены были вступить в бой, не получив ни минуты отдыха. И все-таки они успели. На солдат Флимпа, лишившихся своего командира, внезапное, вопреки всему, что обещала им разведка, появление королевской армии оказало шокирующий эффект. Никто даже не удосужился посчитать, что эта "армия" состоит всего из двух сотен человек. Солдат, вступивших в ворота Дортинайна с армейским боевым кличем, восприняли как авангард, за которым, возможно, движутся целые полки (подобным авангардом был и сам отряд Флимпа). В итоге капрал, командовавший арбалетчиками в северной части крепости, счел за благо срочно уводить своих людей из Дортинайна на север, пока вновь прибывшие разбираются с мечниками и лучниками по ту сторону частокола. Последние, занятые боем, даже не сразу заметили, что товарищи их бросили - но когда заметили, также впали в панику и бросились к центральному и боковым проходам во внутреннем частоколе. Большинство из них было перебито людьми Бруммеля; вырваться из крепости успели лишь полторы дюжины. Их не преследовали.

Майор Обендах со своей конницей расположился лагерем - насколько это слово подходило к стоянке в грязи, кое-как забросанной ветками - в четырех милях к северу от Дортинайна и дожидался вестей там. Разбить лагерь ближе не позволяла местность - это был последний перед крепостью участок, где конница в такую погоду могла сойти с дороги пусть в грязь, но хотя бы не в трясину - а в самой крепости просто не было помещений, позволяющих разместить две сотни лошадей. Тем более - разместить их так, чтобы противник не заметил ловушки. Лошади вообще не слишком хорошо годятся для устройства засад. Они издают звуки, и не только романтические. Было бы чертовски досадно, если бы безупречно спланированная операция сорвалась из-за не вовремя пёрнувшего коня.

Впрочем, в глубине души Обендах не был уверен, что план Флимпа безупречен. Мальчишка рвется сделать карьеру, это понятно, когда и делать быструю карьеру, как не во время войны, а уж в особенности - войны гражданской, когда наблюдается дефицит офицеров, пока что - Обендах вынужден был это признать - чаще предпочитавших сохранять лояльность другой стороне. Что бы ни говорил (и ни кричал в ярости) принц, Элинор коронована в Дракенхаймском кафедральном соборе действующим архиепископом с соблюдением всех правил церемонии, и сейчас именно она - королева Айринтии, вне зависимости от того, насколько законны ее права на престол. Юридически принц даже не вправе предъявлять претензии к тем, кто признаёт ее таковой - особенно если они не поднимают оружие против него самого, а лишь занимают выжидательную позицию. Ну это, понятно, юридически... Плохое время для лоялистов, хорошее для выскочек. Флимп уже получил капитанские полномочия и рвется увенчать их соответствующим рангом, это понятно. Ну, если у него выгорит, то почему бы и нет, но в отчеты и летописи это все равно войдет как блестящая операция по уничтожению противника, разработанная под командованием майора Обендаха. А если что-то пойдет не так - как преступная авантюра самонадеянного юнца. Официальный приказ Обендаха отряду Флимпа был лишь "занять крепость Дортинайн и удерживать ее до подхода основных сил". О том, чтобы по собственной воле впустить в крепость противника, в приказе не говорилось (хотя и прямо ему не противоречило, если при этом крепость продолжала "удерживаться"). Флимп понимал, что получил лишь устное, нигде не зафиксированное "добро" на свой план, и принимал на себя риск - а что ему еще оставалось, капитанские звания не раздаются просто так... Впрочем, он, похоже, был уверен, что выделенные ему сотни легкой пехоты с легкостью разгромят противника, численно превосходящего их более чем вдвое - зато, как гарантировала разведка, многократно уступающего по боеспособности. Обендах не был самоуверенным мальчишкой, он

был опытным и осторожным командиром, однако он тоже не нашел никаких рациональных изъянов в этом плане. И все же в глубине души он чувствовал некоторое беспокойство, которое только росло по мере того, как час проходил за часом, а из крепости все не было вестей.

Поначалу он говорил себе, что так и должно быть. Никуда не годное воинство, посланное против них, не могло выдержать надлежащий маршевый темп, тем более в таких погодных условиях, и должно было прибыть в крепость со значительным опозданием. Но теперь уже начинало темнеть. Возможно ли, что это горе-войско опаздывает не на несколько часов, а на целый день? Что они не успеют до темноты и снова заночуют где-то на болотах - что, в свою очередь, из-за них придется сделать и армии принца? Абсурдная, по сути, ситуация - враг остановил их не благодаря своей силе, а благодаря своей слабости. Они ждут, пока он прибудет в наиболее удобное для разгрома место, а он все не приходит. Смешно, но принц, вероятно, не оценит юмора. Он рвется вперед, и не только по причине свойственной ему горячности, но и по вполне разумным соображениям, желая пройти Иммермур как можно скорее, пока дорога не стала *еще* хуже... А что, если в этом и заключается план врага - настолько идиотский, что может сработать именно благодаря этому? Заставить их ждать противника, который так и не придет. Что, если потешное войско просто развернулось с полдороги? Само собой, это не задержит армию принца надолго. Сколько бы они ни сидели в крепости, как наиболее выигрышном месте, ожидая подхода противника - день, ну максимум два, потом все равно двинулись бы дальше. Но - может быть, Элинор не хватает буквально суток для реализации какого-то плана?

К черту, решил Обендах, мы не будем больше ждать. Мы заночуем в крепости и выступим на юг на рассвете.

Кавалерия двинулась в путь, чавкая копытами по грязи и брякая сбруей. По хорошей дороге отдохнувшие кони дошли бы резвой рысью до крепости за двадцать минут, но сейчас конница ползла не быстрее пехотинцев. Уже почти стемнело, когда они проехали едва половину пути; ясно было, что Дортинайна они достигнут уже в совершенном мраке, и это вновь вызвало у Обендаха нехорошее чувство. И тут головной дозор заметил в сгущающейся тьме людей, бредущих им навстречу.

Это явно не был гонец, посланный в лагерь с известием. Это была целая колонна солдат. Неужели враги? Неужели они каким-то непостижимым образом прорвались и продолжают наступление на ночь глядя? Обендах решительно не мог в это поверить, но нервно стискивал в кулаке поводья, ожидая доклада ускакавших вперед дозорных.

Он увидел, как те приблизились к пехотинцам, затем, без каких-либо признаков враждебности, повернули обратно.

- Это наши! - донесся до него крик дозорного. Не желая больше ждать, Обендах хлестнул плетью коня и поскакал по грязи вперед.

Вскоре он уже с самым мрачным видом выслушивал доклад капрала арбалетчиков о гибели Флимпа, разгроме его отряда и внезапно подошедшем с юга "огромном королевском войске". Капрал, разумеется, многократно преувеличивал силу врага, отчасти желая оправдаться за собственное бегство, но отчасти и потому, что уверовал в это сам.

"Это ловушка! - понял Обендах. - Нашей разведке специально скормили ложную информацию, что в крепость отправляется никуда не годный сброд. На самом деле под видом сброда послали элитных бойцов! И расчет на то, что Бронгар не станет таскать каштаны из огня для Элинор, похоже, тоже не оправдался... Надо немедленно уходить, пока мы еще можем выбраться из этого болота!"

Он не хотел быть тем, кто доложит об этом Арвику, но, похоже, выбора у него не оставалось. И единственное, что могло спасти его при таком докладе - это та же тактика, которую (неведомо для него) избрал и капрал арбалетчиков: всячески преувеличивать силы врага, так, чтобы отступление выглядело не бегством, а исключительно грамотным и своевременным решением, позволившим спасти армию от полного разгрома.

Капитан Бруммель, вероятно, удивился бы, узнав, с какой скоростью его две сотни штрафников превратились в "по меньшей мере три тысячи отборных солдат, являющихся, по всей видимости, авангардом более крупного войска." А может, и не удивился бы. Он был офицером старым и опытным и знал, как случаются подобные вещи.

Тело Гюнтера Шрамма, вместе с телами других убитых в этот день, было погребено в братской могиле, а точнее - предано болоту. Что формально наделило айринтийскую церковь правом собственности на пару тысяч квадратных футов иммермурской топи. Никто из выживших гвардейцев не знал, кем был человек, переломивший исход битвы за Дортинайн, и откуда он взялся; ни один из курсантов, отправленных с Пфляйгелем за негодностью и прежде видевших Шрамма в учебной роте, не пережил этот бой.

- Они празднуют победу, - горько констатировала Элинор, отодвинув занавеску и глядя на площадь перед дворцом. - Героическую победу нашей армии над нашим планом.

- Ну, по крайней мере хотя бы пропагандистская польза, - заметил Локхарт.

- Да, конечно. Все эти ликования санкционированы. Агенты Тайной Стражи не зря трепали языком по рынкам и кабакам. Если не получил то, что хотел - делай вид, что хотел то, что получил. Хотя, даже если рассуждать чисто формально, мы потеряли вчетверо больше, чем противник, чтобы занять крепость, которая и так была наша. Та еще победа.

- И сорвали вражеское наступление.

- Которое сами же и спровоцировали. Арвик, можно сказать, отделался легким испугом, а все бремя наступления в самое неподходящее время года ложится теперь на нас. Если мы продолжим наступать. А если нет - придется объяснять всей этой патриотически настроенной публике, почему нет. Обыватель - и даже простой солдат - ведь не понимает, сколь часто победу в войне определяет не героизм, а логистика.

- Но, насколько я понимаю, не в этой истории с Дортинайном, - возразил Локхарт. - Что все-таки там произошло?

- Пока до конца неясно. Согласно рапорту Бруммеля, он встретил некоего гонца, который передал ему приказ повернуть назад.

- Которого никто не посылал.

- Естественно. И вроде бы этот же гонец сумел реорганизовать людей Пфляйгеля, превратить бегство в контратаку и собственноручно сразить вражеского командира. После чего пал в бою непосредственно перед приходом Бруммеля. Звучит, как героическая баллада, а не как описание реальных событий, - Элинор раздраженно пожала плечами.

- Выяснили, кто это был?

- Если он вообще был. Если Бруммель его не придумал, чтобы оправдать свое своеволие.

- Такое возможно? При таком количестве свидетелей...

- Все свидетели там. А здесь у нас пока что только рапорт Бруммеля. Впрочем, я все еще жду известий от агентов Тайной Стражи, которые были в отряде. Если они уцелели. Могли и не уцелеть. Бруммелю, конечно, уже отправлено требование представить более подробный рапорт со всеми деталями об этом загадочном гонце...

- Его мог послать кто-то, желавший сорвать наш план?

- Всех людей, знавших о нашем плане, вы видели.

- Да, но это не ответ на мой вопрос. При всем уважении, - прибавил Локхарт, вспомнив, что говорит с королевой.

- Я могла бы задать тот же вопрос вам, полковник, - она холодно взглянула на него.

- Но вы же не думаете, что это я! - оторопел Локхарт, но затем сообразил: - Или вы имеете в виду... де Сегюр?

- Во всяком случае, он единственный участник совещания, в котором я не могу быть уверена... настолько, насколько в прочих. Хотя я все же не думаю, что это он. В

самостоятельного игрока он пока что не вырос. Да и вообще... даже если предположить, что кто-то - не обязательно де Сегюр - желал сорвать наш план в интересах Арвика - а в чьих еще? - он не стал бы посылать героя-одиночку. Он бы просто предупредил самого Арвика, и все.

- Логично. А что сейчас известно об Арвике? Он действительно повернул назад?

- Он сам вообще не входил в Иммермур. Ждал доклада от своего авангарда, что путь свободен, стоя лагерем к северу от болот. Очевидно, боялся угодить в ловушку, как когда-то бугенхольмцы. Проклятье, я не думала, что он, с его бешеным нравом, окажется таким осмотрительным...

- Вы сами говорили - он истерик, но не дурак, - напомнил Локхарт. - Так что - он возвращается в Айзеншлосс?

- Согласно последней депеше, доставленной голубиной почтой, пока еще нет. Для него ведь это тоже удар не только по его личным амбициям, но и по его репутации среди своих, которая для него еще важнее, чем для меня. Мятежник, который терпит поражения и отступает, рискует слишком быстро растерять сторонников... И раз уж он решился выступить из своей столицы, он не может просто вернуться назад ни с чем. Пока что он отошел лишь чуть-чуть, в Альтенбург - это древняя крепость к северу от болот, когда-то бывшая базой Йоргела перед его походом на юг. Арвик тоже любит символы, да. И продолжает подтягивать силы уже туда, а не к Айзеншлоссу.

- И что дальше? Попытается идти на юг в обход болот?

- Может быть, хотя это весьма неудобный и рискованный для него путь. А может, все-таки попытается в лоб через Дортинайн, хотя это еще менее вероятно. На самом деле для него плохи оба варианта. Но он может продолжать сидеть в Альтенбурге, как сидел в Айзеншлоссе, делая вид, что поход вот-вот начнется, что он, собственно, уже начался, и это всего лишь временная остановка для перегруппировки сил... И тем временем вести переговоры с гроггендорцами.

- Но и мы тоже продолжаем стягивать армию к столице.

- Да. Армию его светлости герцога Бронгарского. Которую придется или отправлять на север, причем через все те же болота, ибо путь в обход просто откроет Арвику дорогу на столицу - или же держать без всякого дела здесь, не объясняя, почему она не идет в бой после первой уже одержанной победы. Тоже два плохих варианта.

- Да, Бруммель ведь подчиненный Бронгара... Кстати, а вы не думаете, что это мог быть он? В смысле, герцог? Что это именно он послал своего офицера? Ему ведь нет нужды помогать Арвику, зато есть прямой резон выставить в лучшем свете своих армейцев. Конечно, он не должен был знать о нашем плане. Но если Арвик знал, какого рода контингент отправляется на замену Бруммелю, это тем более мог узнать Бронгар. Понял он наш замысел или нет, он воспользовался им в своих интересах.

- Может быть, - задумчиво согласилась королева. - Достаточно правдоподобная гипотеза. Хотя и непонятно, почему, в таком случае, он послал лишь одного человека, а не целый отряд. Он ведь имел формальное право это сделать и без моего ведома - командующий армией вправе укреплять свои гарнизоны... Понимал, что я это не одобрю, даже если не смогу предъявить официальные претензии, и не хотел конфронтации? Оставлял себе возможность сделать вид, что он тут ни при чем?

В дверь деликатно постучали.

- Войдите! - крикнула Элинор. Как видно, она знала, что ее не стали бы беспокоить по пустякам.

Локхарт не слишком удивился, узнав в вошедшем Корнелиуса Крампа.

Королева, казалось, была удивлена больше.

- Понимаю, ваше величество, что должен находиться сейчас по месту службы, - ответил он на вопрос в ее взгляде, - но сведения, полученные мною, столь, гм, своеобразны, что я счел

необходимым явиться с докладом лично. Полковник Локхарт, - он коротко поклонился, словно только сейчас заметив собеседника королевы, - рад, что и вы здесь. Несмотря на конфиденциальный характер моего визита, я охотно выслушаю ваши, гм, комментарии - если, конечно, ее величество дозволит мне говорить в вашем присутствии.

Локхарту вовсе не понравилось, как это прозвучало; Элинор, похоже, тоже была встревожена.

- Говорите, Корнелиус, - велела она, - и можете ничего не скрывать в присутствии полковника.

- Надеюсь, что могу, - он окинул Локхарта пристальным взглядом своих красных глаз и вновь обратился к королеве: - Вообще-то, ваше величество, я пришел просить об отставке. Ибо упущения, допущенные моим ведомством, хотя бы даже и в согласии с ранее отданным распоряжением...

- К делу, Корнелиус! - строго потребовала королева.

- Да, мэм, - он снова поклонился. - Поскольку распоряжение о постоянном наблюдении за курсантом учебной роты Гюнтером Шраммом, отданное после смерти доктора Якобсона, было впоследствии отменено, факт дезертирства означенного курсанта прошел мимо внимания моего ведомства...

- Дезертирства? - переспросили одновременно Элинор и Локхарт. Полковник с тех пор, как королева заверила его, что Шрамму не угрожает отправка в Дортинайн, ни разу не вспомнил о своем бывшем пилоте, убежденный, что тот продолжает свои фехтовальные и прочие тренировки в учебной роте к своему полному удовольствию, свободный от проблем, терзающих его более умных коллег с "Доброй воли" - то есть уже бывших коллег...

- Однако, - продолжал Крамп, - расследование, проведенное дознавателями, направленными мною в Дортинайн немедленно после получения первых известий об исходе боя - а позволю себе заметить, известие от моего агента в стане противника пришло раньше, чем рапорт капитана Бруммеля - так вот, означенное расследование показало, что загадочным человеком, оказавшим столь нежелательное для нас влияние на ход и исход битвы, как раз и был означенный майор Шрамм, - на этот раз Корнелиус предпочел назвать его майором, а не курсантом. - Эксгумировать его тело для опознания уже не представляется возможным, однако его имя и внешнее описание сообщили независимо друг от друга несколько свидетелей, включая капитана Бруммеля и бывшего лейтенанта Пфляйгеля, которые не могли знать его прежде.

- Вот же черт... - пробормотал потрясенный Локхарт.

- Хорошо понимаю вашу досаду, полковник, - немедленно обернулся к нему Крамп. - Ведь именно с ваших слов нам было известно о невысоком умственном уровне майора Шрамма, ставшем следствием полученного им ранения. Впрочем, наши собственные наблюдения это подтверждали. Что определенно переводило его в разряд персон, не способных на собственную интригу.

- Он не стал бы интриговать, даже когда был умнее вдвое, - мрачно ответил Локхарт. - Он по натуре был прямой, как... - "лазерный луч", хотел сказать полковник, но нашел более подходящее эпохе сравнение: - как меч. И такой же несгибаемый. К тому же он был... - "по уши влюблен", хотел сказать Локхарт, но изменил формулировку на более дипломатичную: - искренне предан королеве.

- Мечи, на самом деле, обладают определенной гибкостью, - возразил Крамп, - и к тому же являются обоюдоострым оружием. А притворяться глупее, чем ты есть - равно как и преданнее - на самом деле несложно, это притворяться умнее невозможно... Но если мы поверим вашему медицинскому заключению на слово, как делали до сих пор...

- Вообще-то не моему, а доктора Якобсона, - не сдержался Локхарт.

- К сожалению, тоже уже покойного, - "понимающе" кивнул Крамп. - Так вот, если мы примем, что майор Шрамм не мог самостоятельно разработать план по срыву операции, о

которой ему, кстати, ничего не должно было быть известно, остается лишь предположить, что он действовал по чьему-то приказу. Его нынешние командиры в личной гвардии ее величества такого приказа не отдавали. Кто же, в таком случае, мог это сделать? - Крамп уставился на Локхарта проницательным взглядом.

- Если вы хотите сказать, что это был я, то это полный абсурд! - возмущенно воскликнул Локхарт. - Я не виделся с ним с тех пор, когда еще был жив Якобсон! И главное - зачем, по-вашему, мне это могло бы понадобиться? Срывать план, который я сам же и предложил?

- На что только не идут люди, чтобы отвести от себя подозрение, - развел руками Крамп. - Можно предложить план, который улучшит положение в случае успеха, зато ухудшит его в случае неудачи - а затем поспособствовать именно последнему исходу.

- Корнелиус, - строго сказала Элинор, - ваша паранойя переходит все границы.

- Не смею спорить с вашим величеством, - поклонился Крамп, - потому и пришел почтительно просить об отставке. Коль скоро я не справляюсь с возложенными на мое ведомство обязанностями и за все годы моей службы престолу не заслужил того доверия, коего удостоены лица, прибывшие в Айринтию совсем недавно неизвестно откуда.

- Прекратите эту вашу чепуху насчет отставки! - раздраженно ответила королева. - Я не сомневаюсь в вашей верности и вашем профессионализме. Но я знаю полковника Локхарта... несколько лучше, чем вы. И у него нет никаких, абсолютно никаких причин работать против меня на кого-либо из моих врагов, - говоря это, она смотрела Локхарту в глаза, и тот неожиданно почувствовал, что тронут ее доверием, которое не поколебали даже подозрения генерального дознавателя - вообще-то не столь уж абсурдные, если смотреть на ситуацию со стороны. Приказать Шрамму, помимо нынешних гвардейских офицеров, действительно мог только его прежний командир...

- Я не имел в виду непременно полковника Локхарта, - сдал назад Крамп. - Иные лица из состава той же группы также могли оказать определенное воздействие на своего товарища.

- Вельо - точно нет, - немедленно ответил Локхарт. - Он ничего не знает о дортинайнской операции... и вообще о тонкостях нынешней политической ситуации. Не знает и, по-моему, не хочет знать. Он тренируется с алебардой и говорит, что это единственное, на что он может здесь пригодиться. Де Сегюр... - Локхарт запнулся. Теперь уже и Крамп - тоже едва ли подозревавший Вельо, которого никто не посвящал в политические тайны - высказывал те же подозрения, что и Элинор. Мог ли дипломат убедить Шрамма отправиться в эту гибельную миссию? Да запросто - достаточно было просто сказать, что это необходимо Элинор. Но зачем? - Я не вижу причин ему поступить так, - сказал Локхарт вслух. - Разве что из желания досадить мне, сорвав предложенный мной план. Но это как-то слишком по-детски. И к тому же не было ни малейшей гарантии, что Шрамму в одиночку это удастся. Я, собственно, до сих пор удивляюсь, что ему это удалось. Когда-то он был блестящим офицером, но - в таком роде войск, который здесь даже не существует. И даже там он получал свои награды и звания не за участие в реальных боях. А что с тех пор случилось с его интеллектом, вы знаете. Я думаю, что если бы даже де Сегюр вздумал предать меня... или королеву - заметьте, я говорю "если бы" - он все равно слишком осторожен и рассудителен, чтобы делать настолько ненадежную ставку. Вы бы лучше подумали, не мог ли Шрамм попасть под влияние кого-то из людей герцога Бронгарского. Как раз перед вашим приходом мы с ее величеством обсуждали, что от нынешней ситуации больше всех выигрывает герцог.

- Хмм... - задумался Крамп. - Обычно королевская армия не в лучших отношениях с гвардией - что военной, что личной. Но, конечно, совершенно исключать...

- А мне кажется, все проще, - сказала вдруг Элинор. - Никто за ним не стоял.

- Но, ваше величество, при всем уважении... - начал Крамп.

- Пока я не знала, кто это был, я тоже полагала это чьей-то комбинацией, - перебила его королева. - Но теперь - я думаю, что он сделал все сам, от начала и до конца. Не имея, конечно,

понятия ни о каких планах. Просто думал таким образом послужить мне. Бедный дурак.

Крамп покачал головой, показывая, что его это не убедило, но возражать не осмелился.

Неожиданно дверь открылась без стука и разрешения; Локхарт и Крамп, стоявшие к ней спиной, повернулись, первый - удивленно, второй - возмущенно. На пороге стоял, возможно, единственный человек во всей Айринтии, который мог позволить себе подобным образом войти в королевские покои.

- Вот вы где, дочь моя, - сказал Фабиас. - Прошу простить старика за вторжение, но я везде вас искал...

- Да я, в общем-то, не прячусь, - пожала плечами Элинор, что было полуправдой: она пригласила Локхарта для беседы без свидетелей в одну из гостиных, где обычно не бывала, ибо не желала, чтобы их беспокоили, но в то же время вынуждена была сообщить доверенным слугам, где ее искать, если того потребуют безотлагательные дела. - Что случилось, дядя? - она все же отплатила ему за бесцеремонное появление, назвав при других по-домашнему, а не "высокопреосвященством", как того требовал этикет.

Фабиас смерил взглядом двоих собеседников королевы и, видимо, решил, что может говорить при них.

- До меня дошла информация, что вы приказали командующему военной гвардией графу Дирлиху срочно прибыть в Дракенхайм. Верно ли это?

- Какие интересные темы занимают айринтийскую церковь, - усмехнулась Элинор. - Не могу, однако, не воздать должное вашим шпионам. Учитесь, Корнелиус - вам, я так понимаю, об этом еще не доложили. (Крамп молча развел руками, признавая свое поражение.)

- Айринтийскую церковь занимает все, что угрожает миру и спокойствию в королевстве, - строго ответил Фабиас.

- Отчего же миру и спокойствию - которых у нас, впрочем, нет как минимум с начала мятежа Дункельта - угрожает вызов королевой одного из ее верноподданных командиров в ее столицу?

- Оттого, что он не может считаться по-настоящему верноподданным, - жестко произнес Фабиас. - И та форма, в которую был облечен этот срочный вызов, вряд ли наведет его на мысль, что его хотят наградить. Скорее он сделает вывод, что его собираются, как минимум, снять с должности...

- Снять с должности и арестовать, - спокойно подтвердила Элинор. - Сразу же по его прибытии в столицу.

По лицу Крампа, пусть и не отражавшему ярких эмоций, полковник понял, что для генерального дознавателя это и впрямь не меньшая новость, чем для самого Локхарта.

- На каком основании? - требовательно осведомился Фабиас.

- Разве вы сами только что не сказали, что он ненадежен? - пожала плечами королева.

- Но ведь доказательств его измены, насколько я понимаю, тоже не имеется? - Фабиас взглянул на Крампа; тот лишь склонил голову набок и снова развел руками.

- На севере его подчиненные перешли на сторону мятежника. Именно это обвинение будет ему предъявлено, - ответила Элинор.

- На севере, но не здесь у нас! Те, что на севере, перешли в прямое подчинение Дункельта и фактически не подчиняются Дирлиху, который принес присягу вам и пока что сохраняет по крайней мере формальную лояльность. Самым разумным было бы вообще его не трогать. Пусть военная гвардия хотя бы на юге сохраняет нейтралитет и остается в стороне, как она делала до сих пор.

- И какая нам польза от этого нейтралитета? - возразила королева. - От нейтральной силы нам ни жарко, ни холодно, не так ли? А уж тем более если мы не можем гарантировать, что она так и останется нейтральной...

- Так вы что же, - до Фабиаса начало доходить, - хотите сознательно толкнуть их на

бунт?!

- Гамбит, ваше высокопреосвященство, - пояснила, наконец, Элинор. - С жертвой пешки у нас не вышло. Придется пожертвовать фигуру. Ту, которая для нас и так в лучшем случае бесполезна.

- То есть, если я правильно понимаю, мэм, - вмешался Локхарт, - вы полагаете, что, узнав о мятеже военной гвардии, Дункельт все-таки пойдет на юг, несмотря на распутицу, и мы осуществим первоначальный план?

- Скорее всего, - невозмутимо подтвердила Элинор. - Ну или, во всяком случае, у герцога Бронгарского будет чем заняться здесь, и мне не придется оправдываться, почему я не посылаю его на север. Если Дункельт предпочтет отсиживаться там, мы, по крайней мере, передавим его потенциальных союзников здесь.

- А если нет? - настаивал Локхарт. - Если нам придется одновременно иметь дело и с Дункельтом, и с гвардией? И кстати, если вы не доверяете Бронгару достаточно, чтобы послать его против Дункельта, насколько ему можно доверять против людей Дирлиха... мэм?

- Как я уже говорила, части и гарнизоны военной гвардии разрозненны, - спокойно ответила Элинор. - Их легко передавить по очереди, и даже все вместе они слабее королевской армии, просто по численности. Причем мятеж наверняка поднимут не все, но тут уже мы убедимся, кто из них действительно надежен. И хотя формально Дирлих подчинен Бронгару, армейцы точно не захотят поддержать мятеж, поднятый гвардейцами.

- Вражда между ними действительно настолько сильна, мэм? - усомнился Локхарт.

- Против внешнего врага они бы сражались плечом к плечу, и соперничество между ними в основном вылилось бы в состязание, кто кого перегеройствует, - ответила Элинор. - Против взбунтовавшейся черни, возможно, тоже. Но таскать каштаны из огня для графа Дирлиха армейцы точно не пожелают, и Бронгар не может это не понимать.

- О внешнем враге забывать как раз не стоит, - напомнил Фабиас. - Вы, дочь моя, хотите стравить армию и гвардию в ситуации, когда нам всем грозит Гроггендор?

- Лучший способ снизить гроггендорскую угрозу - поскорее покончить с мятежом, - ответила Элинор. - В идеале - до декабря, ибо, как уже говорилось, раньше они вряд ли осмелятся напасть - в Гроггендоре тоже хорошо понимают, что такое распутица. Впрочем, когда она закончится у нас, глядишь, морозы и снежные заносы в самом Гроггендоре - он ведь севернее - заставят их отложить планы кампании до весны... Да и гвардию давно уже пора реорганизовать. Из военной элиты она превратилась в отстойник для аристократических амбиций. После подавления мятежа принцип ее формирования изменится. В нее будут набираться наиболее способные воины независимо от происхождения. Уже ради одного этого стоит спровоцировать ненадежных на бунт, чтобы иметь повод вычистить всю гниль, которая блокировала бы любые реформы.

- А как насчет личных армий феодалов? - вспомнил Локхарт. - Пока они, я так понимаю, по-прежнему хранят нейтралитет. Но если вы намерены наступить на хвост старой аристократии...

- О, вот уж кто точно не станет вступаться за младших сыновей, так это их старшие братья, - усмехнулась королева. - Прямой конфликт интересов. Если какой-нибудь провинциальный барон позволит себе чересчур много, кто в первую очередь заинтересован в каре для него? Для него и его потомков, которые в этом случае также лишаются прав состояния? Его младший брат, которому в результате отойдет замок со всеми землями. Собственно, нынешний принцип формирования гвардии не в последнюю очередь был порожден именно этим соображением. Держать баронов в узде силами их же потенциальных наследников. Но сейчас такой подход уже устарел. Сейчас центральная власть сильнее, чем в те годы.

- Хотелось бы в это верить, мэм, - мрачно произнес Локхарт. Самое время порассуждать о прочности центральной власти в разгар гражданской войны, когда королева боится послать

собственную армию против своего главного врага, потому что не доверяет ее командующему и не решается его заменить.

- В наше время феодальные армии действительно слабее, чем в прошлом, - пояснил ему Крамп. - Многие королевские вассалы предпочитают не служить королю войском, как встарь, а откупаться от этой обязанности деньгами, которые идут на содержание королевской армии - но таким же образом поступают и их собственные вассалы. Причем средства, полученные от них, их сеньоры совсем не обязательно тратят на наемников. То есть деньги на личные войска по-прежнему собираются, но идти могут на что угодно, особенно в небольших поместьях и у новой аристократии. По-настоящему серьезные армии по-прежнему держат лишь несколько старых домов, из коих дом Хагентраубов первый.

- А у Хагентрауба в гвардии служат какие-нибудь родичи? - спросил Локхарт. - Что, если он поддержит гвардейский мятеж? Коль скоро он союзник Дункельта, а гвардия выступит на стороне последнего...

- Это вряд ли, - качнула головой Элинор. - Между Хагентраубом и Дирлихом давняя фамильная вражда. Это было, я так понимаю, не последней причиной, по которой мой отец поставил во главе военной гвардии именно Дирлиха.

- Которого вы теперь хотите арестовать, - напомнил Фабиас.

- Враг моего врага совсем не обязательно мой друг, - возразила королева. - Эти двое скорее станут отпихивать друг друга локтями, борясь за влияние при Арвике, чем защищать мои интересы.

- Но пока что они оба сохраняют лояльность, по крайней мере формальную, - настаивал архиепископ.

- Потому что Хагентрауб точно так же не жаждет защищать и интересы Дункельта, - ответил за королеву Крамп. - Напротив, он желает, чтобы Дункельт защитил его собственные интересы. Ему, несомненно, было выгодно сохранить бывшего принца в качестве игрока, и он, как мы знаем, приложил усилия, дабы это сделать - хотя Дункельт в итоге лишь использовал его для отвлекающего маневра. Но теперь граф Хагентрауб будет, я полагаю, ждать максимального повышения ставок, чтобы поддержать ту из сторон, которая предложит ему больше в ситуации, когда на кону будет стоять все.

- А Дирлих? Что вы думаете о нем? - заинтересовался Локхарт.

- Если ее величество позволит мне высказать мое мнение - подкрепленное, разумеется, информацией моего ведомства... - Крамп сделал крохотную паузу, словно давая Элинор возможность остановить его, но королева этим не воспользовалась, - граф Дирлих относится к тем, кого именуют "честный служака". Он едва ли способен интриговать самостоятельно и не склонен участвовать в чужих интригах; он будет скорее следовать чувству долга, нежели соображениям личных предпочтений. Но если ее величество считает, что его следует принести в жертву, то я не смею возражать. Тем паче что именно его чувство долга может внушать ему мысль, что законные права так называемого принца Арвика на престол были нарушены...

- Однако он принес присягу королеве, - напомнил Фабиас.

- Верно, ваше высокопреосвященство, - поклонился Крамп, - но, позволю себе заметить, я сказал "может". Я не могу утверждать наверняка, что он думает сейчас и как повлияет на него та или иная новая информация, которая, к примеру, заставит его счесть себя обманутым в момент принесения присяги. Что, однако, не вызывает сомнений, так это его аристократический гонор. Если он сочтет себя несправедливо обиженным, то легко может отказаться от своих прежних обязательств перед обидчиком.

- Насколько несправедливо? - захотел уточнить Локхарт. - Он как командир отвечает за мятеж гвардейских частей на севере?

- Формально, конечно, отвечает, - словно бы нехотя признал Крамп, - но на самом деле, если мне будет позволено заметить, должность командующего военной гвардией во многом

церемониальная. Военная гвардия не создавалась в качестве некоего соединения, действующего единым фронтом под единым командованием. Напротив, всегда предполагалось, что каждая ее часть либо действует автономно под командованием собственного капитана, либо придается для усиления армейским частям в качестве некоего элитного ядра, поступая в этом случае под начало соответствующего армейского командующего. За всю историю существования военной гвардии я, пожалуй, не припомню случая, чтобы она вся собиралась в одном месте. И я бы сказал, что между различными гвардейскими частями существуют не только значительные различия, но и определенного рода соперничество, иногда не менее серьезное, чем между гвардией и армией. А возможность эффективно командовать разбросанными по всей стране гарнизонами, как вы сами можете судить...

- Да уж, при нынешних средствах связи... почтовых голубей не напасешься, - понял Локхарт. - И все же арест такого номинального командира спровоцирует мятеж в гвардии? В смысле - в тех частях, что еще не успели сами встать на сторону Дункельта...

- Если этот арест вообще состоится, - покровительственно улыбнулся Крамп (улыбка в его исполнении выглядела достаточно жутковато). - Если я верно понял замысел ее величества, приказ графу Дирлиху отправлен в такой форме, что он не может не понять, чего ради его вызывают в столицу, а поняв - откажется ехать...

- И тем самым подтвердит свою вину уже совершенно ясным и недвусмысленным образом, - подхватила Элинор. - Еще до того, как ему будут предъявлены какие-либо формальные обвинения, которые он мог бы объявить несправедливыми.

- А если он все же предпочтет явиться и защищать себя перед судом? - скептически спросил Фабиас.

- Тогда они будут ему предъявлены, - спокойно ответила Элинор. - В любом случае, даже если начнется судебное разбирательство, будет назначен новый командующий... возможно, даже незнатного рода... которого военная гвардия не примет.

- И что потом? - спросил Локхарт. - Гвардейские части, под командованием Дирлиха или каждая сама по себе, пойдут на столицу?

- Ни Дирлих и уж тем паче никто из его капитанов не тянут на самостоятельную политическую фигуру, - ответила королева. - Очевидно, они попытаются установить связь с Арвиком и будут делать то, что он им прикажет. А он, конечно, вряд ли устоит перед искушением направить их к Дракенхайму - и одновременно двинуться туда же со своими силами. Но синхронизировать такую сложную операцию в самый разгар распутицы у него не получится, плюс они выбьются из сил на таких дорогах. Поэтому мы разобьем их по очереди по мере прибытия.

- Это вы так полагаете, дочь моя, - покачал головой Фабиас. - Вам не следовало отсылать приказ Дирлиху, не обсудив это с вашими советниками.

- Я королева, - холодно отрезала Элинор. - Никто, ни светское, ни духовное лицо, не вправе решать за меня, что мне следовало и чего не следовало делать.

- Прошу прощения... ваше величество, - сдал назад архиепископ. - Но моя дерзость продиктована единственно попечением о вас и об Айринтии.

- В прошлый раз мы принимали решение на совете, - продолжала Элинор. - Ну и чем это кончилось?

"Ну да, - подумал про себя Локхарт, - когда она решала на этот раз, она еще не знала, что во всем виноват Шрамм, и, стало быть, считала, что не может больше доверять даже тому узкому кругу, что собрался тогда. А может, и до сих пор так считает?"

Ему подумалось о страшном одиночестве этой девушки, наделенной всей полнотой высшей власти и имеющей право повелевать тысячами... нет, скорее, миллионами подданных (каково, интересно, население Айринтии?) - но при этом одинокой не менее, если не более, чем он сам в космосе после кэйлианской катастрофы. Он знал тогда, что полностью отрезан от мира

и никто не придет ему на помощь, что вся тяжесть окончательного принятия решений в сложившейся отчаянной ситуации, решений, отделяющих жизнь от смерти, лежит целиком и полностью на нем, и разделить ее не с кем - но он по крайней мере мог доверять оставшимся у него людям (половина из которых теперь уже мертвы, напомнил он себе, а из двоих оставшихся он теперь сомневается по крайней мере в одном). А Элинор - неужели она не уверена вообще ни в ком? Ни в ком, кроме него, раз пригласила его одного для этого разговора - присоединение двух других не входило в ее планы... Только потому, что он не айринтиец и вообще не из этого мира, что он далек от здешних раскладов и не может иметь никаких самостоятельных интересов в местной политике? (Ему вспомнился мешочек с сотней золотых, полученный, по сути, от ее врагов и до сих пор хранящийся нетронутым в его апартаментах.) Или потому, что она неким образом чувствует в нем... родственную душу? Притом, что их разделяет практически все - происхождение, возраст, жизненный опыт...

- ...так что, Корнелиус, - распоряжалась тем временем Элинор, - вашим людям надлежит следить за графом Дирлихом и арестовать его немедленно по прибытии в столицу. Но только в этом случае. Никаких захватов и похищений за ее пределами - не говоря уже о более радикальных мерах. В качестве лидера мятежа здесь на юге он нам полезнее, чем в качестве мученика.

- Да, ваше величество, - поклонился Крамп. - Есть ли у вас какие-либо особые распоряжения в отношении Бруммеля и Пфляйгеля, или же следует предоставить дело королевскому правосудию в обычном порядке?

- Пфляйгель, разумеется, должен быть казнен за дезертирство, - ответила Элинор. - То есть судим военным судом, каковой вынесет приговор, причитающийся за данное преступление - королева в этот процесс не вмешивается. А к Бруммелю какие теперь уже могут быть претензии? Он теперь герой. Исполнявший наш хитрый план заманить врага в ловушку притворным отступлением, а затем вернуться и разбить его. Отныне в истории существует только такая версия событий... Полковник, - неожиданно обратилась она к Локхарту, - намерены ли вы ходатайствовать о посмертном награждении майора Шрамма?

- А я должен? - растерялся Локхарт.

- Нет, - покачала головой Элинор. - Я просто спросила на случай, если бы вам этого хотелось.

- Этого, несомненно, хотелось бы ему, - ответил полковник, - но его больше нет. А кроме него никому, полагаю... - "нет до этого дела", безжалостно закончил он про себя.

- Хорошо, - кивнула королева. - Значит, единственным героем этого боя останется *майор* Бруммель. Тем паче что он, похоже, и в самом деле неплохой и преданный нам офицер, хотя и чересчур вольно трактующий приказы...

С улицы донесся вступительный перезвон колоколов собора, а затем четыре тяжелых мерных удара отбили время.

- Уже четыре? - воскликнула Элинор. - Господа, вынуждена вас покинуть. Меня ждет премьер-министр с докладом о состоянии финансов в нашем королевстве. Тема скучнейшая, но, к сожалению, в условиях войны и фактической невозможности получать налоги с севера особенно актуальная.

Мужчины поклонились, готовясь расходиться.

- Корнелиус, - продолжила королева, - вы не проводите полковника Локхарта до его апартаментов?

- Да я уже и сам запомнил... - начал было Локхарт, но был перебит твердым: "Конечно, ваше величество" и осекся. Возможно, Элинор хочет, чтобы Крамп переговорил с ним наедине?

Но, если воля королевы и впрямь была такова, то Крамп, похоже, не проявлял свойственной ему понятливости. Он лишь с молчаливым поклоном пропустил Локхарта в коридор, а затем пошел рядом, все так же не говоря ни слова.

- Я видел вашу картину, - не выдержал Локхарт, когда они прошли таким образом несколько коридоров. - Портрет покойного короля.

- Значит, ее величество рассказала вам о моем скромном хобби, - без выражения констатировал генеральный дознаватель.

- Вы хороший художник.

- Это помогает отдохнуть от моей основной работы, - ответил Крамп и вновь замолчал.

- Вы все еще не доверяете мне? - спросил Локхарт напрямую.

- В день, когда я перестану не доверять кому-либо, за исключением, естественно, монаршей особы, мне и в самом деле надо будет уйти в отставку, - произнес Крамп почти добродушно - Но ее величество доверяет вам... и вам лучше оправдать это доверие. Это, в конце концов, в ваших же интересах.

- Я не собираюсь подводить королеву, - серьезно сказал Локхарт.

- Но один из ваших подчиненных уже сделал это, не так ли? - Крамп повернул голову и взглянул на него в упор. - Собственно, уже даже двое ваших подчиненных.

- Вы про де Сегюра? У вас есть что-то на него?

- Нет, пока нет. Я про Якобсона.

- Ну уж его-то в чем вы можете обвинить?! - возмутился Локхарт.

- В том, что он позволил себя убить, - жестко ответил Крамп. - Причем без всякой пользы.

- Ну знаете ли! Предъявляйте претензии к тем, кто не смог его защитить.

- Предъявили, - спокойно парировал Крамп. - Но одно не отменяет другого. Успех покушения - почти всегда следствие беспечности не только охраняющих, но и охраняемого.

- Я не собираюсь давать себя убить, если вы об этом.

- Каким оружием вы владеете?

- Никаким из доступного здесь, - вынужден был признать Локхарт.

- Вот видите.

- Я все равно бы не научился владеть мечом так, чтобы отбиться от профессионалов. Для этого нужны годы тренировок, разве нет?

- Даже небольшой шанс лучше, чем никакого. И демонстрация намерения порою даже важнее самого действия. Но это не тот аспект вашей ненадежности, который беспокоит меня в первую очередь.

- Что вы имеете в виду? - нахмурился Локхарт.

- Вы - человек двойной лояльности, не так ли?

- Я не присягал никому из правителей современного мира. И никому из противников или потенциальных противников королевы внутри Айринтии, если вы об этом.

- На чьей стороне вы будете - королевы или ваших людей, если их интересы разойдутся?

- Если желаете знать, я четко и недвусмысленно сказал своим людям, что мы выбрали сторону королевы и останемся на ней, все без исключения.

- Это не ответ на мой вопрос.

- Если кто-то из них нарушит мое распоряжение, он предаст не только королеву, но и меня. Но если... - Локхарт сделал паузу. Не глупо ли говорить об этом генеральному дознавателю? Впрочем, Крамп достаточно проницателен, и, пожалуй, лучше сказать ему прямо, чем пытаться отрицать: - Если моих людей попробуют подставить вопреки их воле, использовать их как разменные пешки, я буду защищать моих людей. Я отвечаю за них и перед ними, и никто, даже королева, не может снять с меня эту ответственность.

- По вашей собственной инициативе недавно подставили пять сотен человек, - заметил Крамп. - Большинство из которых сейчас мертвы. Это вас не смущает?

- Я понимаю необходимость жертв на войне, - мрачно ответил Локхарт. - Но... они не были моими людьми. И они были... - он замолчал.

- Отбросами, вы хотели сказать? Они были не лучшими солдатами, но среди них были и

искренние молодые патриоты, и ветераны, честно прослужившие дому Йоргелингов всю жизнь. Но для вас все они - люди второго сорта по сравнению с вашими товарищами? Возможно, не только они, но и все мы?

Локхарт почувствовал раздражение. Ему захотелось ответить: "Да, все вы - средневековые дикари и расходный материал[39], а они - все, что осталось от мира, который вы не в состоянии даже вообразить. Причем в том мире они были лучшими из лучших. По сравнению с ними вы даже не второй, а третий сорт!"

Но Элинор? Разве он считает и ее просто дикаркой? Разве он готов пожертвовать ею ради спасения, например, де Сегюра, со всеми его блестящими знаниями?

Неужели он позволяет себе поддаться эмоциям? Неужели Якобсон со своими предупреждениями был прав?

Впрочем, дело вовсе не в "зеленых глазах Элинор", сказал он себе. Ему было не плевать, к примеру, и на Ильзу, которую он пытался спасти даже с риском (не запредельным, но все-таки) для своей группы. Нет, он вовсе не считает этих людей ничего не стоящими ничтожествами. Не они виноваты, что цивилизация откатилась туда, где она сейчас. Сумма знаний - это еще не все, что определяет человека. Просто это естественно, что из штабных кабинетов люди, сотнями посылаемые на смерть, воспринимаются совсем иначе, чем девчонка, захлебывающаяся собственной кровью у тебя на руках. И это правильно, что командир в штабе абстрагируется от личной трагедии каждого солдата и воспринимает их просто как статистические единицы - иначе войну не выиграть. Но столь же правильно и стремление командира спасти и защитить именно своих людей - не всех подряд, кто воюет на той же стороне, а конкретно своих...

Да. Теоретические рассуждения. Но кто ему теперь более свой - Элинор или де Сегюр? Или даже, допустим, Вельо, который, в отличие от графа, при всем своем брюзжании не вызывал у Локхарта никакой неприязни...

- Я не подследственный в вашем подвале, - хмуро ответил он наконец Крампу, - и не собираюсь клятвенно уверять вас в своей верности и преданности. Я честно играю с теми, кто честно играет со мной. Если от меня... и моих людей потребуется жертва - пусть мне скажут об этом прямо. А не поступают, как с Дирлихом. Хотя я, разумеется, не вправе осуждать королеву за принятое ей решение и понимаю его причины. Просто не поступайте так *со мной*. Допускаю, что Дирлих и в самом деле не надежен. Но я - да. Юридическое крючкотворство законов о престолонаследии мне совершенно безразлично. Я родом из страны, где власть выбирали. И я свой выбор сделал и буду ему верен - и никогда не предам тех, кто не предаст меня. Ну а верить мне или нет - это дело ваше. И ее величества, - добавил он.

- Понятно, полковник, - спокойно кивнул Крамп. - Но все же не совершайте распространенную ошибку людей, полагающих, что если они играют по правилам, то и с ними играют так же. Я, разумеется, не имею в виду ее величество. Но не доверяйте чрезмерно даже и своим людям. Вон ваши покои, а мне надлежит вернуться к делам службы, - он коротко поклонился и повернул вспять на глазах у невозмутимых стражников, охранявших вход в гостевые апартаменты.

Подчиненные Локхарта, следуя его распоряжению о совместных трапезах, исправно ожидали его в их импровизированной столовой, причем де Сегюр подчеркнуто не притронулся к еде до возвращения командира, в то время как Вельо, не иначе как вновь намахавшийся алебардой (этим тренировкам он предавался в последнее время с угрюмой страстностью), вовсю уплетал паштет из гусиной печенки, в то время как на пустых тарелках перед ним громоздились рыбьи и птичьи кости, арбузные корки и апельсиновая кожура. ("Интересно, где они теперь выращивают цитрусы? - подумал вдруг Локхарт. - Здешний климат уже недостаточно теплый. В оранжереях? Или закупают в Тлукаляхане? Сколько времени нужно, чтобы доставить их оттуда

---

[39]В оригинале disposables, что означает также как малую ценность, так и легкую доступность.

сюда - без холодильников?")

Он коротко рассказал товарищам об участи Шрамма (ничего не сообщив, однако, о новом плане).

- Печально, - произнес де Сегюр без выражения.

- Вы ведь ничего не рассказывали ему о дортинайнской операции? - предпочел все же уточнить Локхарт.

- Нет, разумеется, - граф взглянул на него с видом "за кого вы меня принимаете?!" - Я вообще не виделся с ним с гостевого дома архиепископа.

- Я так и думал, - примирительно кивнул полковник.

- Вам совершенно наплевать на смерть Гюнтера, - сердито констатировал Вельо, сглотнув. - Вам обоим. Вас волнует только провал этого вашего плана, - сам лингвист узнал о плане только что, и это, очевидно, добавляло ему раздражения.

- Вам, кажется, случившееся тоже не слишком испортило аппетит, - язвительно заметил де Сегюр. - Думаю, хотя бы в своем кругу мы можем воздержаться от пафоса и лицемерия.

- Удивительно слышать это от человека вашей профессии, - парировал Вельо.

- Я весьма уважал майора Шрамма, - спокойно ответил дипломат. - Как, впрочем, и всех членов нашей экспедиции. Пока он оставался собой. Но то, во что он превратился после приземления... - де Сегюр пожал плечами. - Вы помните, что случилось с доктором Хасэгавой и доктором Гай, которые некогда тоже были в числе самых блестящих умов Земли. И какое решение принял командир.

- Не передергивайте, - поморщился Локхарт. - Там была почти полная утрата когнитивных функций, до уровня идиотии, а здесь все-таки... Вы что же - хотите сказать, что мне следовало его убить?! Сразу после того, как Якобсон поставил ему диагноз? Убить человека, спасшего нас всех?

- Я ничего не хочу сказать, - пожал плечами граф и тут же, опровергая себя, добавил: - Но, как видите, в результате он все равно умер. Только при этом еще и успел сорвать план, который, возможно, позволил бы быстро закончить войну. Один дурак способен создать столько проблем, сколько и десять умных не решат. Это не моя формулировка, это пословица.

- И кто у вас следующий в списке слабых звеньев? - агрессивно поинтересовался Вельо. - Надо полагать, я?

- Ну вас, доктор, никто не осмелится назвать слабым, - Локхарт попытался разрядить ситуацию шуткой, как, вероятно, сделал бы Якобсон. - А вам, посланник, следует все же вести себя... дипломатичнее. Даже и в нашем кругу.

- Как скажете, командир, - усмехнулся де Сегюр. - Хотя я все же полагаю, что среди своих лучше называть вещи своими именами.

Впервые за последние две недели тучи над Дангеллоном разошлись, и город и окрестности озарило непривычно яркое для ноября солнце, удивительным образом переменив осенний пейзаж, еще несколько часов назад казавшийся безнадежно унылым. Серые сырые стены домов, бурые кирпичи башен, мокрые черепичные крыши, словно по волшебству, обрели яркие цвета - белые, красные, желтые, город сделался нарядным и умытым, и даже мутные лужи и залитые водой колеи среди жирной грязи, отражающие теперь ясное синее небо, сияли как-то по-весеннему.

Граф Дирлих оставался в Дангеллоне последние три дня - формально из-за непрерывных дождей, превративших немощеные дороги в месиво, но на самом деле в надежде дождаться прибытия гвардейских частей из ближайших гарнизонов, которым отправлены были срочные депеши. Приказ, полученный им, требовал "незамедлительного прибытия" в Дракенхайм, и все же Дирлих надеялся выиграть время. В приказе ничего не говорилось о том, чтобы он брал с собой какой-либо эскорт, помимо обычных полагающихся ему по сану охранников, но не было и

прямого запрета на это, поэтому он рассчитывал приехать в столицу с максимально внушительным сопровождением. Командующего гвардией, созданной в свое время не в последнюю очередь для борьбы с мятежами, призывают в столицу, которой угрожают мятежники - разве не естественно для него понять приказ именно таким образом, что его призывают для защиты города, и привести с собой войско? Это мудрая предусмотрительность, никоим образом не выходящая за рамки его полномочий - он вправе отдавать приказы любым гвардейским частям! - а вовсе не проявление нелояльности. Ну а как переменится тон разговора с ним, если он явится не с дюжиной личной охраны, а с парой тысяч гвардейцев, это уже другой вопрос...

На самом деле в свои 58 Дирлих не хотел потрясений - хотя и не мог не догадываться об истинном смысле полученного им королевского приказа. Военная гвардия на севере поддержала принца, то есть бывшего принца, и в Дракенхайме теперь ищут козла отпущения. Вполне возможно, что королева тут даже и ни при чем, она же совсем девчонка, ей просто нашептали интриганы и завистники... карьеристы, желающие возвыситься за его счет... Но если он приведет с собой силу, с которой следует считаться, им придется заткнуться. Даже если гвардейцев не впустят в город, даже если они просто станут лагерем под стенами. Никакого прямого неповиновения, прозрачный намек и не более чем. Он не хочет бунта и кровопролития. Он просто хочет, чтобы его оставили в покое.

Однако внезапное улучшение погоды отняло у него последнее оправдание для задержки. Приходилось отправляться в путь с тем, что он успел собрать. За час до полудня Дирлих с неполными тремя сотнями легкой кавалерии выступил из Дангеллона и двинулся по раскисшей дороге на север.

Дорога огибала холм, на вершине которого высилась заметная издали церковь; золотой треугольник на верхушке шпиля ярко сиял в солнечных лучах. Проезжая мимо, Дирлих вдруг сделал знак своим сопровождающим, поворотил коня и начал подниматься на холм. Его первым намерением было окинуть окрестности взглядом сверху - не обнаружатся ли вдали идущие на его зов колонны? Но увы - хотя воздух был прозрачен и чист до самого горизонта, нигде не просматривалось спешащее ему на помощь подкрепление. Бурые ленты дорог, струящиеся мимо облетевших рощ, пожухлых лугов и разбросанных там и сям селений, были пусты - лишь кое-где можно было различить медленно ползущую подводу или одинокого всадника.

Убедившись, что на материальную поддержку рассчитывать не приходится, Дирлих спешился и зашагал ко входу в церковь. Это было не просто демонстрацией благочестия перед лицом подчиненных. Перед поездкой в Дракенхайм, которая имела изрядные шансы кончиться для него плохо, он и в самом деле почувствовал желание поговорить со священником. Пастор придорожной церкви не может, конечно, освободить его от присяги (сделать это может только лично архиепископ или коллегия кардиналов - в истории Айринтии такое случалось), но, возможно, разрешит его сомнения и укрепит его в его намерениях.

Священник - средних лет, со слегка одутловатым лицом, в поношенной лиловой сутане, скромно подпоясанной простой веревкой - похоже, ничуть не был удивлен появлением в пустой церкви командующего военной гвардией королевства (хотя слухи о его пребывании в Дангеллоне, конечно, уже могли дойти сюда) и спокойно выслушал его краткий рассказ.

- Вам не в чем упрекнуть себя, сын мой. Не вы разжигаете смуту, и не вы потворствуете ей. Изменники, повернувшие оружие против законной королевы, предали вас точно так же, как и ее, и не одни лишь члены военной гвардии повинны в таком. Среди предателей есть и воины королевской армии, однако герцог Бронгарский не смещен и не отправлен в опалу за это. Так что исполняйте свой долг и данные вам предписания с легким сердцем, положась на справедливость престола и милосердие Господа.

Дирлих мог бы возразить, что герцог Бронгарский - куда более весомая фигура, нежели он сам, и более того - является его начальником, поскольку военная гвардия также формально

подчинена коннетаблю, а стало быть, как раз Бронгар и может быть инициатором идеи свалить всю вину за северных изменников на Дирлиха - однако предпочел лишь поклониться со словами: "Благодарю вас, святой отец, вы укрепили меня." Пастор, в конечном счете, выражает позицию архиепископа, а тот, как говорят, имеет большое влияние на королеву. Конечно, простой священник не может быть посвящен в тонкости замыслов высших иерархов, но, вероятно, церковь по-прежнему благоволит военной гвардии, иначе тон священника был бы иным, что-нибудь о покаянии и искуплении...

Дирлих действительно вышел из церкви и сел в седло почти что с легким сердцем, чему способствовало и по-прежнему сиявшее с безоблачного неба солнце, хотя по логике именно оно помешало его планам. Быть может, Элинор всего лишь желает переговорить с ним лично, дабы убедиться в его лояльности, не полагаясь на депеши. И тем трем сотням, что он приведет с собой, еще может представиться шанс доказать свою верность престолу...

Он спустился с холма, и колонна во главе со своим командующим и двинулась дальше на север. Вслед им донесся полуденный перезвон трех колоколов, типичных для церквей Святой Троицы: дон-дан-дан, дон-дин-дан, дан-дан-дон, дан-дан-дин... Колокола тоже звучали бодро и весело, по-весеннему, удивительно гармонируя с этим солнцем и небом. Граф улыбнулся.

В шести милях к северу тем временем другой церковный служитель, вслушиваясь в доносящиеся с юга звуки, старательно выписывал в колонку триплеты колоколов, обозначая разнонаправленными черточками низкий, средний и высокий. Когда последний звук замер в тишине, он направился к педалям, управлявшим колоколами его собственной колокольни.

Три часа спустя на стол архиепископа Фабиаса легло сообщение:

DGLN XII DRLH MMM RRR MCC

"Дангеллон. 12 часов дня. Дирлих едет верхами [код MMM] в столицу [код RRR] с войском условной силы 1200 [поскольку легкий кавалерист считается за 4 пехотинца]"

Каждый триплет представлял собой троичный номер буквы латинского алфавита (код 000, или "низкий-низкий-низкий", использовался как разделяющий, если длина слова отличалась от трех букв). К сожалению, данный способ передачи не годился для сообщений особой секретности (как часто ни меняй коды), а также слишком длинных - и, главное, требовал сплошной линии церквей с колокольнями с дистанцией не более шести миль друг от друга, что, даже несмотря на активное строительство при трех последних архиепископах, существовало далеко не везде, а в таких, например, областях, как Иммермурские болота, было невозможно в принципе. И все же это было надежнее голубей и куда быстрее конных гонцов.

Три дня спустя колонна во главе с графом Дирлихом въехала в ворота Гохенторна - города, лежавшего в одном дневном переходе к югу от столицы. В городе, как было известно Дирлиху, был расквартирован постоянный королевский гарнизон, и граф предвидел традиционное для "теплых" отношений между армейцами и гвардейцами разбирательство по поводу размещения людей в городских казармах. Формально гвардия имела приоритет, и армейские обязаны были потесниться - разгоняя, в свою очередь, обывателей из гостиниц, а если мест не хватало и там - становясь на постой в домах горожан. Что совсем не радовало уже не только простых бюргеров, но и чиновников магистрата - а также и самих армейцев, особенно если город был для них местом постоянной дислокации. "Гвардейские хлыщи придут и уйдут, а нам здесь жить!" Поэтому реализация гвардейских привилегий почти всегда наталкивалась на сопротивление, и бывало, что гвардейский командир, особенно при численном соотношении явно не в свою пользу, предпочитал вообще не связываться с армейскими и сам размещал своих бойцов по гостиницам и квартирам (где, кстати говоря, уровень удобств мог оказаться повыше, чем в казармах - но местные смотрели волками и в лучшем случае бурчали под нос и грозили жалобами, а могли и втихую пакостить непрошеным гостям; гордые айринтийцы - это вам не вымуштрованные государством, кланами и гильдиями гроггендорцы, не смеющие пикнуть в подобных ситуациях!)

Открыто противиться самому командующему военной гвардией не решился бы, очевидно, и самый заносчивый из армейских командиров, но уж кислую рожу корчил бы непременно. В обычной ситуации это не сильно беспокоило бы Дирлиха - возможно, он даже позлорадствовал бы про себя, видя эту бессильную злость. Но что, если теперь он уже числится в опале? Если до местного коменданта довели прямой намек, что ему можно хамить и отказывать в законных правах совершенно безнаказанно? А то и... гарнизон Гохенторна достаточно велик, почему бы не попытаться арестовать опального командующего прямо здесь, не позволив ему даже доехать до Дракенхайма? Кое-кто мог решить, что лучше сделать это по-тихому, вдали от столицы...

Однако все опасения Дирлиха оказались напрасны. Гохенторнские казармы были пусты. В городе осталась лишь немногочисленная местная стража, подчиненная бургомистру. Как пояснил Дирлиху последний, солдаты ушли на север для защиты столицы еще три дня назад. "Мятежники уже и в самом деле угрожают Дракенхайму?" - нахмурился граф. "Не знаю, мой лорд, я человек штатский, - заюлил бургомистр. - Наверное, я неверно выразился - войско увели не для защиты, а для наступления... вы ведь знаете, королевские войска одержали большую победу в Иммермуре..."

Проследив за размещением своих людей и в особенности лошадей (забота о конях - первое дело для хорошего командира!), Дирлих поднялся в отведенные ему апартаменты, обычно занимаемые комендантом городского гарнизона. Обычная квартира в офицерской части казарм - без роскоши, но со всем необходимым. Войдя в квадратную комнату с плотными задернутыми шторами, полумрак которой рассеивал лишь предусмотрительно разожженный кем-то огонь в камине, граф довольно улыбнулся идущему от очага теплу (несмотря на то, что погода все еще оставалась преимущественно ясной, на улице было изрядно холодно). Сняв перевязь с мечом и тяжелый плащ, Дирлих блаженно опустился в высокое мягкое кресло у камина, стараясь пристроить поудобнее свое немолодое тело, усталое от долгого пути верхом.

- Вы неосмотрительны, граф Дирлих.

Он резко обернулся. На кровати в углу, куда он даже не взглянул, сидела, закинув ногу на ногу и обхватив колено, молодая женщина. В облегающем черном костюме для верховой езды, высоких черных сапогах и с длинными прямыми черными волосами, обрамлявшими узкое лицо, она практически сливалась с сумраком, и лишь глаза сверкали отраженным светом камина. На проститутку, посланную бургомистром в качестве оригинальной любезности гостю или же самостоятельно пробравшуюся в охраняемое здание, она не походила - ни ее наряд, ни, тем более, насмешливо-самоуверенный взгляд, которым она рассматривала командующего гвардией.

- Что вы здесь делаете? - хрипло спросил он, думая, не слишком ли поспешил освободиться от меча.

- Жду вас, - все тем же холодно-насмешливым тоном ответила она. - Между прочим, уже три дня. Королеве не понравится, что вы так задержались в дороге. Приказ требовал прибыть незамедлительно, не так ли?

- Погодные условия... Кто вы такая вообще? - гневно перебил сам себя Дирлих. - И по какому праву находитесь здесь?

Вместо ответа она гибким кошачьим движением встала с кровати и пошла к нему, на ходу извлекая из-под своего жакета тонкий свиток.

- Здесь ответ на оба ваши вопроса.

- "Баронесса Хюгельдорф", - прочитал Дирлих, щурясь при неярком свете пламени. - "Надлежит оказывать всяческое содействие..." Так вы хотите сказать, что прибыли от коннетабля? Должен сказать, за всю мою долгую службу мне не доводилось получать приказов, доставленных подобным... вестовым, - граф также позволил себе насмешливый тон.

- Ибо не всякий приказ, распоряжение... или даже добрый совет можно передать в письменной форме и вообще доверить обычному фельдкурьеру, - баронесса невозмутимо

забрала свой документ и уселась в свободное кресло напротив, снова закинув ногу на ногу.

- Добрый совет?

- Вы едете на заклание, вы знаете это? Отдан приказ о вашем аресте, как только вы вступите в ворота Дракенхайма. Кстати, взять с собой всех этих вооруженных гвардейцев было совсем плохой идеей. Их слишком мало, чтобы вас защитить, но вполне достаточно, чтобы обвинить вас в попытке переворота.

- В приказе не говорилось, что я должен прибыть без сопровождения.

- Это вы будете рассказывать королевскому суду. Куда, между прочим, Элинор назначила трех новых судей. Вы в самом деле надеетесь, что вам удастся отстоять свою невиновность на фоне перехода ваших подчиненных на сторону принца?

Дирлих отметил про себя это "принц" вместо положенного теперь "граф Дункельт" или "мятежник", но все же спросил вслух:

- И какой же добрый совет вы... то есть, если я правильно понимаю, герцог Бронгарский - хочет мне дать?

- Герцог не в восторге от тех распоряжений, которые он получает в последнее время. Он не желает воевать с вами. Конечно, не с жалкими тремя сотнями, а с силами военной гвардии в целом. Если вы все еще способны командовать этими силами и продемонстрируете это... армия пропустит вас, куда бы вы ни направлялись. Либо, конечно, вы можете явиться в Дракенхайм прямо сейчас и предать себя в руки королевского суда. Это ваш выбор.

"Так, значит, гарнизон из Гохенторна выведен в знак доброй воли?" - подумал Дирлих.

- Верно ли я понимаю, что герцог намерен поддержать... принца? - спросил он вслух.

- Герцог готов воевать с внешними врагами. Но не хочет участвовать в междоусобице. Впрочем, я и так сказала вам достаточно, - баронесса поднялась и направилась к выходу.

Восемь часов спустя, задолго до рассвета, Дирлих со своими всадниками покинули Гохенторн через те же ворота, в которые въезжали, и по схваченной первым ночным морозцем дороге двинулись обратно на юг.

- Я хочу сделать вам подарок, - сказала Элинор.

- Подарок, мэм? - вежливо переспросил Локхарт. Слуга только что препроводил его в ситуационную комнату, как полковник именовал про себя помещение с большим столом и картами, но на сей раз там не было никого, кроме королевы. Но первый взгляд полковника устремился не на Элинор, а на рельефную карту, где, как он заметил даже издали, изменилось расположение флажков - однако реплика королевы не дала ему их рассмотреть.

- Следуйте за мной, - велела она тоном почти что официальным и направилась к двери в правой стене.

За дверью оказалась продолговатая светлая комната, больше похожая на широкий коридор, в достаточно строгом стиле, с мраморным полом в шахматную клетку, белыми стенами, окнами от пола до потолка, задернутыми густым тюлем меж симметричными складками светло-кремовых гардин, и прямоугольным массивным столом, накрытым белоснежной скатертью, к которому было приставлено лишь четыре стула - по одному с каждой из сторон. Локхарт догадался, что этот стол предназначен для приватных трапез в одиночестве или же в очень ограниченной компании, а не для политических совещаний - хотя, наверное, при необходимости они могли проводиться и здесь. Королева, не останавливаясь, быстрым шагом проследовала через столовую и открыла следующую дверь.

За ней обнаружилась небольшая комната в голубых тонах, приятно контрастировавшая своим уютным убранством и с рабочим стилем ситуационной комнаты, и с холодноватой строгостью столовой. Локхарт окинул взглядом обтянутые тканью стены (на одной висел овальный портрет совсем юной Элинор, на другой, напротив - зеркало в овальной раме), синие изразцы камина в углу, два кресла с овальными набивными спинками и подлокотниками с

мягкими накладками, небольшой столик на выгнутых ножках с двумя ящиками, софу и кушетку с высоким подголовником, стоявшие перпендикулярно друг к другу в противоположном камину углу (все ножки и ручки мебели были позолочены). В памяти Локхарта всплыло невесть когда и где прочитанное слово "будуар". На столике между двумя канделябрами лежала небрежно раскрытая книга, а над кушеткой висел музыкальный инструмент, правильного названия которого полковник так и не выяснил. Еще одна дверь, полускрытая портьерами, вела дальше - возможно, в спальню. В отличие от двух предыдущих помещений, это не имело отдельного выхода в коридор.

Элинор направилась к кушетке, но не за инструментом, как почему-то подумалось Локхарту в первый момент, а за лежавшим вдоль спинки длинным предметом, который он поначалу не заметил. Королева обернулась, и в руке у нее был меч в ножнах. В следующий миг она обнажила клинок.

Первым рефлекторным побуждением Локхарта было отпрянуть, но его разум все же успел осознать, что ни при каком, даже самом невероятном раскладе королева не стала бы угрожать ему оружием, во всяком случае, самолично. Поэтому он остался на месте, надеясь, что она не успела заметить мгновенное смятение на его лице.

Если даже она и заметила, то не подала вида.

- Преклоните колено, полковник Локхарт, - торжественно произнесла Элинор.

"Ах вот в чем дело!" - сообразил он, припомнив сцены из исторических фильмов. Но стоит ли ему принимать такой подарок? Какими обязательствами это его свяжет? Однако если он попытается отказываться или хотя бы спрашивать, королева, наверное, расценит это, как оскорбление...

Локхарт опустился на одно колено, механически отметив про себя, что все ритуалы посвящения - до коронации включительно! - почему-то содержат элемент унижения.

- Клянетесь ли вы всегда следовать трем рыцарским добродетелям, кои суть верность, честь и храбрость? - строго вопросила Элинор.

- Клянусь, - ответил полковник без особого энтузиазма. Против перечисленных качеств он ничего не имел, но что еще от него потребуют? Да и, если вдуматься, верность и честь порою могут вступать в противоречие...

Меч плашмя коснулся его плеча.

- Эрик Локхарт, сим посвящаю вас в рыцари Айринтийской короны. Да будет ваш путь прям, воля тверда, а ум остер, как этот клинок. Встаньте, сэр Эрик.

Он поднялся. Проникнуться торжеством момента у него так и не получилось; он вообще не любил пафос, а сейчас еще и подумал, что довольно смешно быть посвященным в рыцари в будуаре - хотя, конечно, что бы изменилось, если бы они перешли в ситуационную комнату? Свидетелей, во всяком случае, не было ни там, ни там. В то же время фраза про ум ему понравилась - вряд ли это качество было в почете в прошлом средневековье, тогдашние рыцари чаще были тупыми громилами...

- Прошу прощения, я не знаю церемониала, - пробормотал он. - Я должен теперь сказать "спасибо, мэм"? Или "служу Айринтии"?

- Можете ничего больше не говорить, - усмехнулась Элинор. - В принципе, есть длинный старинный ритуал, предполагающий ночное бдение у алтаря, и клятва там тоже на целую страницу... но, как мне показалось, вы не были бы в восторге от такой сложной церемонии и обетов вроде "защищать Истинную Веру", учитывая ваши взгляды. Поэтому я воспользовалась упрощенной церемонией, разработанной для посвящения на поле боя... хотя теперь ее все чаще применяют и в мирных условиях, - королева вложила меч в ножны и протянула ему. - Возьмите, он теперь ваш. Полагаются еще шпоры, но их я вам пришлю потом. Как и грамоту, подтверждающую ваш статус.

- Ээ... спасибо, мэм, - все же произнес он, беря меч. "И что мне теперь с ним делать?

Повесить на стенку над кроватью?"

- Портупея надевается через правое плечо, - подсказала Элинор без тени насмешки, хотя он уже много раз видел, как здесь носят мечи. - Можете подтянуть или укоротить ремень, как вам удобно. Отныне вам даровано право входить с оружием в королевские покои. Эту привилегию имеют очень немногие, даже из числа самых знатных дворян. Хагентраубу, например, в случае визита во дворец пришлось бы сдать оружие страже.

- Все равно я не умею им пользоваться, - пробурчал Локхарт.

- Вам следует научиться, раз уж вы носите военное звание, а теперь еще и рыцарский титул, - строго заметила Элинор.

- Да, да, ваш Крамп уже говорил мне, - ответил Локхарт, подтягивая портупею так, чтобы гарда оказалась точно на поясе (хотя он не был уверен, правильно ли это, ибо как-то не приглядывался, как носят мечи другие). - Теперь, похоже, вы не оставили мне выбора? Вообще-то в моем мире тоже еще были рыцари. Рыцари Британской империи, хотя сама империя уже давно не существовала. А рыцарский титул давали комикам, футболистам и трип-музыкантам[40]. - он запоздало подумал, что Элинор, вероятно, поняла в этом перечне лишь слово "комик". - Едва ли хоть кто-то из них когда-либо держал в руках меч. Но я, конечно, понимаю, что теперь все серьезно, - поспешно добавил он. - И что теперь... помимо необходимости брать уроки фехтования? Я становлюсь вашим вассалом? - нельзя сказать, что подобная перспектива ему нравилась. Их предыдущее условное равенство устраивало его больше.

- В принципе, не обязательно. Но вам лучше принять айринтийское подданство. Да, я помню все, что говорила вам по поводу нашего равенства, и мне самой это нравилось... Но, видите ли, при нынешнем положении дел ваша роль при дворе, и особенно ваше участие в секретных совещаниях, вызывает слишком много вопросов. И с этим приходится считаться даже королеве.

- Я, вероятно, должен сказать, что это высокая честь, - неуверенно произнес он. Впрочем, действительно, почему нет? В своей прежней жизни он никогда не был и не хотел быть лицом без гражданства. Слово "подданный" нравится ему меньше, чем "гражданин"? Ну так и монархии нравятся ему меньше, чем республики - однако что делать, если других вариантов теперь нет? Опять же, это в общем случае. А если сравнивать конкретно последнего президента КША, которого он застал - демагога-популиста, сколотившего состояние на сомнительных сделках с недвижимостью и, как говорили, заделавшегося ярым апологетом проекта "Доброй воли" как раз с целью отвлечь внимание общественности от расследования этих сделок (чем оно в итоге кончилось, отправившемуся к звездам Локхарту так и осталось неизвестным) - если сравнить его и Элинор, то кто из этих двоих ему, Локхарту, более симпатичен? Вопрос риторический, и дело вовсе не в "зеленых глазах"...

- Это, в принципе, формальность, - сказала Элинор, отвечая на сомнение в его тоне. - Между нами двумя все останется по-прежнему. Я совершенно не жажду командовать вами и понимаю, что ваша лояльность определяется не фактом подданства.

- Возможно, мне следовало бы в ответ принять вас в почетные члены экипажа "Доброй воли", - невесело усмехнулся он. - Ради сохранения симметрии. Но это не имеет смысла. "Добрая воля" мертва.

- Айринтия жива, - напомнила королева.

- Да, конечно. Очевидно, мне пора перестать цепляться за призраки и принять новую

---

[40]Трип-музыка - направление, возникшее как часть молодежной контркультуры в середине XXI века, изначальной идеей которого было с помощью частот, резонансных с ритмами мозга (включая ультра- и инфразвуковые), вызвать эффекты, схожие с наркотическим опьянением ("трипом"). На смену акустическому воздействию, практиковавшемуся изначально, быстро пришла ритмическая стимуляция зон мозга с помощью нейроимплантов; слушатели при этом слышали звуки, отсутствующие в реальности. К моменту отлета "Доброй воли" трип-музыка занимала примерно ту же социокультурную нишу, что и рок-музыка столетием ранее.

реальность... Вы ждете того же и от моих людей? Не уверен, что могу приказать им это.

- Вообще-то, - улыбнулась Элинор, - де Сегюр уже сам обратился ко мне с просьбой о принятии в айринтийское подданство.

- Не поставив в известность меня, - мрачно констатировал Локхарт.

- И знаете что? Моим первым намерением было ему отказать. Ибо нам было бы полезно иметь для переговоров нейтральную фигуру, не связанную ни с одной страной. Профессиональный дипломат в этом качестве просто находка. Однако я пришла к выводу, что наши возможные... контрагенты не поверят в его нейтральность. Ее ведь нельзя подтвердить ничем, кроме его слов. Не существует верительных грамот, выданных никем.

- Доказать отсутствие всегда труднее, чем наличие, - кивнул Локхарт.

- Поэтому лучше уж ему честно выступать от имени Айринтии. Даже если возникнет необходимость использовать его как неофициального посланника. Тут, правда, возникают еще сложности с его титулом. Айринтийским графом он быть, разумеется, не может. У меня просто нет для него графства. Титулы иностранцев признаются у нас просто как почетные, не дающие никаких реальных привилегий. При переходе в подданство все прежние вассально-сеньорские отношения сохраняются, то есть айринтиец может быть вассалом и иметь вассалов за пределами страны, но в его айринтийском имени любые неайринтийские титулы должны обозначаться как иностранные. Например, если бы де Сегюр был гроггендорцем, он стал бы Арман де Сегюр граф де Сегюр Гроггендорский[41]...

- Ну, значит, будет граф де Сегюр Французский.

- Звучит, как название некой сказочной страны. На переговорах не воспримут всерьез человека с таким титулом, словно у актера из балагана.

"Забавно, - подумал Локхарт, - В свое время во Франции именно Айринтию назвали бы "сказочной страной"..."

- Тогда, - усмехнулся он вслух, - могу предложить только вариант "граф де Сегюр Добровольский"[42]. Хотя как раз на борту корабля он так не титуловался...

- Хм, - задумалась Элинор, - а это интересная мысль. Если источником титула может быть одинокий остров, даже если это необитаемая скала - такие прецеденты в нашей истории были - то почему бы и не корабль? По морскому праву корабль считается суверенной территорией государства, флаг которого он несет. Теоретически, если он поднимает свой собственный флаг, и это происходит не в результате захвата или мятежа, то его можно рассматривать как самостоятельное государство - особенно если его капитан и команда не являются подданными ни одной другой страны. Таких прецедентов в истории не было, даже ибикейские пираты не претендуют на это, признавая свои суда частями единой республики, которую, в свою очередь, не признает никто иной - но в принципе почему бы и нет...

- А ничего, что моего корабля больше не существует?

- То есть он затонул у берегов Айринтии, ведь так? Тем самым можно считать, что он вошел в состав нашей страны. И если вы принимаете айринтийское подданство, то ваш корабль становится вассальной территорией Айринтии. Что, кстати, позволит использовать его для дарования титулов, не связанных с наделением реальным поместьем - ибо все пригодные земли королевства, как вы понимаете, давно поделены. До сих пор для этой цели использовался Иммермур - в стране десятки пожалованных дворян, формально владеющих участками болота.

---

[41]В Англии существует два графских титула: собственного английские графы именуются earl, а иностранные - count (но при этом почему-то графини - всегда countess, женской формы от earl не существует, как нет подобного деления и для других аристократических титулов). Айринтия, однако, этой традиции не следует, там все графы - count. Поэтому иностранных выделяют дополнительным словом.

[42]В оригинале count de Ségur of Good Will, что можно интерпретировать и как "граф по благосклонности", графский титул, данный в знак благожелательности, без обладания реальным графством, примерный аналог почетного доктора.

Но графы и бароны Доброй Воли - это, пожалуй, еще более изящно. Само собой, всем будет понятно, чего реально стоит такой титул, но формально требование закона даровать титул только вместе с владением будет соблюдено...

- Рад, что помог вам разрешить юридическую коллизию, - вновь усмехнулся Локхарт. - Граф затонувшего корабля, полагаю, де Сегюр будет счастлив. Но, я полагаю, у нас есть и более актуальные проблемы? Я имею в виду войну. Могу я взглянуть на карту?

- Конечно, - кивнула Элинор.

Они вернулись в ситуационную комнату.

Локхарт впился взглядом в красные флажки, которые заметил еще издали. Их стало больше, и теперь они были не только на севере, но и на юге, где угрожающе подступали к столице неправильным полукольцом. Появились также еще и некие желтые флажки, а число синих, соответственно, уменьшилось (зато сама столица как раз ощетинилась синими флажками, которые прежде были лишь на подходе к ней). Но королеву, похоже, эта тревожная картина только радовала.

- Мятеж военной гвардии? - Локхарт кивнул на флажки.

-Да, все идет по плану, - ответила Элинор. - Дирлих отошел обратно в Дангеллон и продолжает стягивать туда гвардейские части, что он попытался делать еще сразу после получения приказа. Но не все они направляются туда, судя по поступающим сведениям. По всей видимости, вместо того, чтобы собраться в единый кулак, они будут подходить к столице разрозненно, с нескольких направлений от юго-западного до юго-восточного. Возможно даже - по полной дуге от запада до востока, - рука Элинор описала полукруг к югу от Дракенхайма. План, очевидно, состоит в том, чтобы не позволить королевской армии выдвинуться и встретить мятежников на направлении главного удара - каковой бой Дирлих наверняка бы проиграл. Этого направления просто нет, мы, то есть герцог Бронгарский, должен ожидать удара со всех сторон, то есть сидеть в столице, а не пытаться гоняться за ними за ее пределами. Что, как вы понимаете, полностью отвечает нашим целям, - королева улыбнулась. - Тем временем армия Арвика выступила из Альтенбурга. Можно предположить, что сейчас она уже возле северного входа в Иммермур.

- Вы уверены, что он не попытается идти в обход по берегу?

- Гарнизоны прибрежных крепостей усилены, - покачала головой королева. - Там ему не прорваться, во всяком случае, без больших потерь.

- И он все-таки потащится через непролазную грязь Иммермура?

- Да, с тяжелой кавалерией, с обозом, со всем остальным. Это будет адская прогулка, - ухмыльнулась Элинор. - Но он не может ждать до морозов. Он хочет воспользоваться моментом, пока гвардейцы тут на юге оттягивают на себя наше внимание, и не дать нам их передавить - что ему, кстати, было бы крайне невыгодно и политически. Если он бросит их без помощи, то рискует потерять поддержку их товарищей на севере.

- И он будет в лоб штурмовать Дортинайн?

- Майора Бруммеля ожидают тяжелые времена, - кивнула королева. - Но боюсь, что он сам на это напросился. Мы, конечно, не можем во второй раз вывести оттуда гарнизон, так что теперь его приказ - стоять до конца. Он просил о подкреплении, но не получит его. Мы не можем сейчас посылать войска на север, у нас тут свой собственный мятеж.

- Дортинайн должен пасть, - понимающе кивнул полковник.

- Конечно. Переход через Иммермур должен измотать противника по максимуму - но все-таки не настолько, чтобы заставить его опять повернуть назад. В этом же весь смысл.

- И что будет, если они подойдут к Дракенхайму со всех сторон? Арвик с севера, Дирлих и его гвардейцы со всех прочих?

- Как я уже говорила, наш доблестный дядя Хуберт разобьет их по очереди по мере прибытия прямо под стенами. Для этого ему самому даже не придется выходить из города - для

командного пункта отлично годится любая из городских башен.

- Я имею в виду - если им все-таки удастся подойти одновременно?

- Это вряд ли, - покачала головой Элинор. - Не обязательно, чтобы кто-то из них опоздал с прибытием на сутки - достаточно расхождения всего на пару часов... которое при необходимости можно и организовать. Внезапная атака небольшого летучего отряда, цель которого - не победить и не обратить в бегство, а всего лишь задержать...Но даже в самом худшем случае, если им удастся идеально согласовать свои действия, у них ничего не выйдет. Дракенхайм все-таки крепость. При его проектировании эстетика порою брала верх над фортификацией - в частности, башни тоньше и выше, чем это было бы оптимально для обороны - но нельзя сказать, что фортификация вовсе не принималась во внимание. С налету город не взять, для этого нужен многократный численный перевес над защитниками, коего у Арвика и Дирлиха вместе взятых нет даже близко. Притом, что войско Арвика будет измотано переходом через Иммермур.

- И Арвик, по-вашему, этого не понимает?

- Видимо, он рассчитывает на осаду, а еще больше - на предательство. На то, что стоит ему подойти к городу со своими силами, и ему откроют ворота.

- И вы уверены, что этого не случится?

- Пока дядя Хуберт остается в городе, он управа на сторонников Арвика, а Тайная Стража и моя личная гвардия - на него самого.

- Да, но проблема может быть не только в Бронгаре и его личных амбициях.

- Представители Тайной Стражи в частях приглядывают не только за ним. Разумеется, абсолютной гарантии быть не может, но в целом они не докладывали о каких-то серьезных настроениях в пользу мятежников в наших рядах. В принципе, конечно, нельзя исключать, что Арвик вступил в тайный сговор с кем-то из командиров. Но если любой из старших офицеров попытается изменить прямо на поле боя, он будет тут же арестован или ликвидирован. Единичное предательство обречено, а массовое вряд ли удалось бы скрывать.

- Возможно, Бронгара все же придется выпустить из города, - заметил Локхарт. - Хотя бы чтобы преследовать отступающего врага - если Арвик, конечно, не погибнет в бою.

- Если и не погибнет, это будет бегство после разгрома, - ответила Элинор. - Соответственно, не будет нужды посылать в погоню всю королевскую армию во главе с ее прославленным полководцем. С тем, чтобы загнать остатки мятежников в Иммермурские болота и утопить их там, справится любой командир средней руки.

- Кстати, какая-то часть военной гвардии все же сохранила верность вам? И кого вы назначили ее новым командующим?

- Пока никого, - пожала плечами королева. - Формально, собственно, это должен сделать коннетабль, а я - лишь утвердить его выбор... но спешить с этим нет нужды. Пусть мятежники продолжают думать, что Бронгар благоволит к ним, на что Дирлиху был сделан прямой намек - тем эффектнее будет сюрприз в финале. Пока что во все гвардейские части отправлен приказ о том, что граф Дирлих нарушил присягу и смещен, и военной гвардии надлежит оставаться в местах нынешней дислокации до дальнейших распоряжений. Соответственно, те, кто остаются, а не двинулись с места по приказу Дирлиха, считаются верными.

- Желтые, - понял Локхарт, оценивая численное соотношение желтых и красных. - Примерно треть.

- Примерно одна восьмая, считая с теми, что на севере, - возразила Элинор. - Но могло быть еще хуже. Хотя некоторые северные - особенно те, что стоят на новых территориях - возможно, тоже сохраняют лояльность или, как минимум, нейтралитет. Точно мы этого не знаем.

- Арвик пока еще не сдал новые территории, как я вижу?

- Нет. Вероятно, понимает, насколько это будет для него невыгодно политически. А может, надеется выторговать за них поддержку от Гроггендора, но пока не преуспел. Если так, то

сейчас мы снова заставили его выступить в поход, не закончив переговоров. Но пока что мы числим гарнизоны к северу от канала серыми. У нас почти нет с ними связи. Зиглер, правда, уверяет Гроггендор в обратном - что королевские войска на северных территориях стоят надежным буфером между империей и мятежниками, и потому гроггендорцам совершенно нечего опасаться...

- Угу - а если они повредят этот буфер, на их земли хлынут страшные полчища Арвика, - усмехнулся Локхарт. Затем он перевел взгляд от северной границы на юго-восток и отыскал Хассенворт. Там красовался желтый флажок.

- Желтым, очевидно, тоже нельзя доверять, - констатировал он. - Мы знаем, что военная гвардия в Хассенворте на стороне Арвика. Или это была личная позиция покойного капитана Дармонта?

- Дармонт жив, - возразила Элинор. - Он оправился после ранения и недавно вернулся к командованию. Но тем не менее да, возглавляемые им гвардейцы остаются в Хассенворте. Может быть, потому, что для того, чтобы присоединиться к Дирлиху, им пришлось бы пересечь земли Хагентрауба.

- Но разве Хагентрауб - не союзник Арвика?

- Он себе на уме, - пожала плечами Элинор. - Как уже было сказано, он может играть на повышение ставок. А с Дирлихом у него к тому же родовая вражда.

- А на его собственной территории никаких гвардейцев нет, я правильно понимаю?

- Одна из привилегий дома Хагентраубов, - кивнула королева. - Никакие королевские войска, включая и военную гвардию, не могут вводиться на их земли без их согласия. Разумеется, в случае открытого мятежа это правило перестанет действовать. Но пока что он не дал повода.

Локхарт вновь рассматривал синие флажки, смыкающиеся в защитное кольцо вокруг столицы, и грозящие ей красные - мелкой россыпью с юга, единым кулаком с севера.

- Все же, насколько вы уверены, что Бронгар сумеет разбить их всех? - спросил полковник. Сам он такой уверенности не чувствовал.

- По численности, с учетом родов войск, его армия плюс моя личная гвардия превосходят даже их всех вместе, а уж тем более по отдельности.

- Да, но исход боя далеко не всегда решает численность.

- Вооружение и подготовка у них, в общем, аналогичные. Ведь прежде они были одной армией. Понятно, что в любой армии есть лучшие и худшие части, и даже в одном подразделении есть лучшие и худшие солдаты, но в среднем, более-менее... Что касается командования, то Бронгар хороший полководец, уж этого у него не отнять.

- Все же боевой дух - это фактор, который трудно предсказать заранее. Иногда наглость и впрямь заменяет силу, и решительный натиск может обратить в панику даже войска, у которых не было сознательных планов предать.

- Мы на войне, - пожала плечами Элинор. - И это тот расклад, с которым нам приходится играть. Вы можете предложить лучший план?

- Нет, - вздохнул Локхарт, подумав. - На сей раз нет. Тем более, когда все уже приведено в движение...

- Хорошо. Тогда я познакомлю вас с учителем фехтования. Готовы начать тренировки?

- Что, прямо сейчас? - опешил Локхарт.

- А к чему откладывать? По-хорошему, стоило бы начать еще раньше.

- Ну да, лет на тридцать... - пробормотал полковник. Впрочем, почему бы и нет? Он по-прежнему сомневался, что это поможет ему в случае реального боя с местными опытными мечниками, но, по крайней мере, это способ держать себя в форме, раз уж здесь нет привычных ему тренажеров.

- И надо будет снять с вас мерку для доспешного мастера, - хозяйственным тоном

продолжала Элинор.

- И это тоже? Ну да, - констатировал полковник, - назвался рыцарем - полезай в латы[43]... Трип-музыкантам было проще.

- Вам не придется ходить в них все время, - улыбнулась Элинор, - но иметь их и уметь их надевать не помешает, особенно в такое время. И, между прочим, хороший латный доспех стоит целое состояние.

- Конечно, мэм, - спохватился Локхарт. - Я очень благодарен вам за вашу щедрость, - он произнес это серьезно и даже искренне, но ему тут же представилась вся нелепость ситуации - он, астронавт Военно-космических сил, с ног до головы облаченный в рыцарские доспехи! - и ему сделалось смешно, хотя он и сумел не показать этого. Впрочем, почему бы не считать латы разновидностью скафандра, раз уж он сравнивал всю Айринтию с космическим кораблем...

Королева вернулась в столовую и вызвала оттуда слугу, который, в свою очередь, привел человека, уже, должно быть, ожидавшего вызова - он был, по-видимому, лет на десять старше самого Локхарта, сухощав, но крепок, с длинным лицом, длинными волосами и длинными усами, спускавшимися по обе стороны подбородка. Выражение его лица было скорее добродушным, хотя и не лишенным иронии. Элинор представила его как мастера меча Габриуса.

- Душевно рад, - Габриус поклонился, когда ему, в свою очередь, представили Локхарта. - Я так понимаю, сэр, вы никогда прежде не имели дела с мечами? То есть *вообще* никогда?

- Верно, - ответил Локхарт, слегка задетый этим подчеркнутым "вообще", словно отсутствие подобного навыка было чем-то крайне удивительным, сродни неумению читать и писать (хотя - какой процент айринтийцев грамотен? Прошлое средневековье, кажется, не могло похвастать высокими цифрами по этой части...) Впрочем, коль скоро королева представила его, как полковника, недоумение учителя фехтования понятно.

- Оно и заметно, - кивнул Габриус. - Вы слишком высоко затянули портупею. Вы, очевидно, еще не пытались садиться? Конечно, нет, не в присутствии ее величества. А иначе вы бы столкнулись с изрядным неудобством. Ножны не должны болтаться слишком свободно и бить по ногам при ходьбе, но и эфес не должен упираться вам в подмышку при попытке сесть. Но это не главное. Возьмитесь за эфес и попробуйте вытащить меч дюймов на пять - само собой, не больше, вы не должны обнажать оружие в присутствии ее величества иначе как для защиты королевы в ситуации непосредственной опасности... Чувствуете, как неудобно? Вам приходится буквально выкручивать кисть. Меч должен висеть ниже и сильнее отклоняться назад, а эфес, соответственно, вперед... позвольте мне поправить.

Пока Габриус возился с его портупеей, Локхарт почувствовал некоторую неловкость. Неужели нельзя было исправлять его огрехи не на глазах у королевы? Впрочем, Элинор, конечно, не смотрела на него насмешливо, она прекрасно понимала, что ему негде было научиться обращению с мечом. А Габриус, как тут же сообразил Локхарт, был прав, что занялся его портупеей, не откладывая - иначе полковник как раз выставил бы себя в смешном виде, идя с неправильно подвешенным мечом через весь дворец.

- Вот так гораздо лучше, - заключил фехтовальщик. - Попробуйте теперь. Видите? Меч легко выходит из ножен, движение руки естественно, вы могли бы полностью обнажить клинок за долю секунды. Но это, разумеется, не здесь, это в тренировочном зале, куда мы сейчас проследуем, если, конечно, позволит ее величество... - он вопросительно взглянул на королеву.

- Идите, полковник, - кивнула та. - Слушайте мастера Габриуса, он человек с очень... богатым опытом, и не только преподавательским, если вы понимаете, о чем я. Между прочим, учил и Арвика, когда тот был мальчишкой. Ну и в тайне от всех давал кое-какие уроки мне, - Элинор улыбнулась.

Последнее обстоятельство Локхарта ничуть не удивило. Он вспомнил, с какой

---

[43]В оригинале Stand by your swords - отсылка к выражению "stand by your words" ("отвечай за свои слова").

непринужденной легкостью Элинор салютовала мечом на церемонии коронации. Но бывший учитель Арвика - не опрометчиво ли доверять ему? Хотя, конечно, Габриус всего лишь исполнял свою придворную обязанность перед наследником престола, а Арвик был тогда всего лишь подростком... Хотя бывает, что между учителем и учеником сохраняется связь и многие годы спустя. Но Арвику, кажется, чужды подобные сантименты... А может быть - мелькнула у Локхарта новая мысль - Элинор хочет, чтобы он изучил стиль боя Арвика, на случай, если им когда-то придется сойтись в личной схватке? Нет, конечно, это было бы слишком мелодраматично, такое бывает только в дешевых фильмах, а не в реальности. И к тому же Локхарт по-прежнему не сомневался, что, даже если бы такая дуэль состоялась - через несколько недель или месяцев - он не имел бы никаких шансов против человека, тренировавшегося с мечом с детства.

Тренировочный зал, куда привел Локхарта Габриус, оказался совсем не таким, как ожидал полковник. Не просторное пустое помещение, а нечто вроде театральной декорации - точнее даже, целого склада декораций к различным спектаклям. Виток винтовой лестницы, круто уходящей вверх, фрагмент крепостной стены высотою в три фута, не считая зубцов, грубо сколоченная мебель - стулья, стол и скамейки, круглая колонна, квадратная песочница и даже небольшой бассейн с наклонным дном (в самом глубоком месте вода в нем доходила где-то до пояса).

- Хороший фехтовальщик должен уметь сражаться в любых условиях, а не только на открытом пространстве с твердым покрытием под ногами, - пояснил Габриус то, что Локхарт уже понял и сам. - И вот что еще я хочу сказать вам, сэр, прежде чем мы начнем. Забудьте обо всех боях, которые вы видели в исполнении балаганных актеров, где десять минут стучат клинком о клинок, принимая красивые позы. Настоящий бой профессионала - если речь о поединке, конечно - редко длится больше минуты, часто все решают первые же удары. И самое главное - в настоящем бою нет никаких правил и запрещенных приемов. Они есть на дуэли, но не на войне. На войне хорошо и правильно все, что наносит ущерб противнику и помогает вам остаться в живых. Рыцарские кодексы - это для менестрелей.

- Этому вы учили Арвика? - не удержался Локхарт.

- Как раз этому его учить не требовалось, - невозмутимо ответил Габриус, - это в нем было с рождения. А вот у вас, как мне кажется, могут быть некие романтические иллюзии, несмотря на то, что в благородное сословие вы посвящены только сегодня. Впрочем, чаще всего подобные иллюзии бывают как раз у неофитов... Ваш меч пока можете положить вот сюда, тренироваться мы будем, разумеется, тупым оружием, но по весу и балансу оно точно такое же. А начнем с небольшой разминки...

Три часа спустя Локхарт возвратился в гостевые апартаменты, изрядно измотанный и недовольный собой. Габриус гонял его без всякой пощады, но успехи полковника были скромными. Один день - это, безусловно, слишком мало, но когда-то в летной школе ему хватило тех же трех часов с инструктором, чтобы, первым из всех курсантов, получить допуск к самостоятельному полету. Правда, тогда он был почти втрое моложе, и летать он мечтал с детства, а вот махать мечом - как-то не особо... и все же, хоть он и говорил себе, что это всего лишь варварское занятие, на которое способен любой невежественный средневековый громила, ему было досадно, что он не проявил тех же способностей, что и покойный Шрамм. За всю свою карьеру Локхарт не привык чувствовать себя отстающим.

Потребовав от прислуги ванну, он не стал дожидаться, пока нагреют и натаскают ведрами воду (одно из очевидных неудобств средневекового образа жизни), и направился к де Сегюру, желая высказать ему все свои претензии по поводу нарушения субординации. Но графа в его покоях не оказалось (во всяком случае, на громкие требования "откройте, это ваш командир!" не последовало никакой реакции). Вельо оказался на месте (и даже сидел на сей раз над книгой, а не тренировался с алебардой, хотя вид, благодаря отросшей черной курчавой бороде и

нестриженым волосам, все равно имел совершенно разбойничий) - однако лингвист ответил, что понятия не имеет, где находится де Сегюр: "Мне он не докладывает!" "Мне тоже!" - едва не вырвалось у Локхарта, чье раздражение только росло. Наконец слуга доложил ему, что ванна готова, и Локхарт получил возможность улечься в теплую воду и привести свои мысли и чувства в порядок.

Он даже задремал в воде, чем обычно себе не позволял (и к чему нынешние металлические, лишенные эмалевого покрытия и потому быстро остывающие ванны и не располагали) - однако сразу же проснулся, услышав стук со стороны прихожей. Он выскочил из ванны, досадуя на себя, словно его застали за чем-то неподобающим, недовольно крикнул: "Подождите минуту!" и принялся торопливо вытираться и натягивать одежду, которая, в отличие от привычных ему высокотехнологичных комбинезонов, мало того что состояла из кучи отдельных, неудобно застегивающихся частей, так еще и не умела мгновенно впитывать и испарять влагу. Тем не менее, пусть и не за восемь секунд, уходивших у него обычно на надевание скафандра, но за две минуты он был полностью в форме, не считая мокрых волос, и распахнул дверь.

На пороге стоял де Сегюр.

- Вас-то мне и надо, - мрачно изрек Локхарт, впуская его в прихожую. - Почему вы принимаете такое важное решение, как вступление в айринтийское подданство, без моего ведома и согласия? Не говоря уже о прочем, вы понимаете, как я выгляжу в глазах королевы, когда впервые слышу об этом от нее?

- Я всего лишь почтительно поинтересовался у ее величества, готова ли она в принципе рассмотреть подобное прошение, если мой командир позволит мне его подать, - невозмутимо ответил де Сегюр. - И, в случае ее благосклонного ответа, собирался изложить вам свои аргументы, почему, как я полагаю, нам всем следует это сделать. Но, кажется, в этом уже нет необходимости, ибо ее величество сделала это за меня?

- Вам следует в первую очередь обсуждать ваши инициативы со мной, а уж потом с кем-либо еще, - упрямо произнес Локхарт.

- Иногда контекст разговора, особенно с высокопоставленным лицом, благоприятен для проявления инициативы, тем паче что полномочий я не превысил, - возразил де Сегюр. - Точно так же я поступал, ведя переговоры в интересах моего президента. Прощупывал почву от своего имени, не забывая подчеркнуть, что окончательное решение - за руководством моей страны. И сейчас, - продолжал де Сегюр, не давая Локхарту времени возразить, - я как раз пришел, чтобы обсудить с вами вопрос даже более важный, чем вопрос нашего подданства. Но, может быть, мы не будем делать это, стоя в прихожей?

- Хорошо, проходите в кабинет, - буркнул Локхарт и язвительно добавил: - Я так понимаю, пригласить Вельо вы не хотите?

- Не думаю, что он может быть нам полезен, - холодно ответил граф. - При всем уважении к его лингвистическим талантам... и военным упражнениям.

В кабинете от внимания де Сегюра, конечно, не укрылась перевязь с мечом, повешенная Локхартом попросту на спинку стула.

- Вы тоже решили освоить современное оружие? - осведомился он. - Или же вас следует поздравить с получением рыцарского достоинства?

- Можете поздравить, - усмехнулся Локхарт, все еще, несмотря на понимание всей серьезности происходящего, воспринимавший свое посвящение примерно как взрослый, которого дети приняли в почетные скауты.

- Вы напрасно относитесь к этому иронически, - тут же возразил де Сегюр. - Отныне вы полноправный айринтийский дворянин со всеми вытекающими отсюда правами... и обязанностями.

- Да уж - оказался в одном сословии с вами. Хотя и, конечно, не со столь высоким

титулом.

- Мой титул здесь всего лишь почетный, - ответил граф, ничем не демонстрируя своего неудовольствия, - а ваш - настоящий. Насколько я понимаю, вас произвела лично королева? Дело в том, - зачем-то поспешил пояснить он, - что вообще пожалование дворянских титулов - это королевская привилегия, монарх считается единственным "источником чести". Но рыцарский титул, самый низший, хотя и сохраняющийся при получении более высоких - единственное исключение. Возможно, потому, что не предполагает наделения поместьем, хотя официально вам назовут более возвышенные причины на тему доблести на поле боя, братьев по оружию и всего такого. Посвятить в рыцари может любой дворянин, носящий меч. Дамы, однако, меча не носят, во всяком случае официально, поэтому на них это право не распространяется. Исключение составляют только особы королевской крови, что, если я верно понимаю, и имело место?

- Вы понимаете верно, - ответил Локхарт, утомленный его многословием, - но, как я понимаю, вы пришли сюда обсудить не это.

- Отчасти и это, - невозмутимо возразил де Сегюр. - Поскольку пожалованный вам титул лишь подтверждает уже ни для кого не являющийся тайной факт, что вы... имеете определенное влияние на королеву.

- Я не просил у нее этот титул, если вы об этом, - ответил полковник резче, чем хотел. - И вообще не знаю, что вы подразумеваете под "определенным влиянием", которое к тому же "ни для кого не тайна". Между мной и королевой нет никаких отношений, которые могли бы бросить тень на кого-то из нас, - он тоже выстроил дипломатическую формулировку.

- Я и не имею в виду ничего подобного, - незамедлительно произнес граф, - хотя, как вы сами понимаете, слухи подобного рода, к сожалению, также невозможно исключить, и вы еще можете столкнуться как с завистниками, так и с просителями, которые станут предлагать вам взятку ради того, чтобы вы замолвили за них словечко перед ее величеством... но я не об этом. Я о том, что королева готова прислушиваться к вашим советам, чему мы, собственно, были свидетелями при планировании Дортинайнской операции...

"Которую она задумала сама, а мне лишь доверила озвучить идею, которую не хотела выдвигать от своего имени!" - хотел ответить Локхарт, но прикусил язык. Пожалуй, де Сегюру ни к чему это знать.

- Так вот я о продолжении этой операции, - продолжал тот. - Сейчас королева затеяла слишком рискованную игру с этим искусственно спровоцированным мятежом гвардии.

Фабиас, понял Локхарт. Никто другой не мог сообщить де Сегюру этих подробностей. Архиепископу и тогда не нравился этот план, и что же - теперь он, не сумев переубедить Элинор лично, надеется сделать это через Локхарта? Но теперь уже в любом случае поздно, машина запущена...

- Если вам известны детали мятежа, вам, вероятно, известно и соотношение сил, которое не в пользу мятежников, - холодно ответил он вслух.

- Соотношение сил не так много значит на гражданской войне, - отмахнулся де Сегюр. - Этим она отличается от прочих типов войн. В обычных войнах, как правило, не бывает внезапных переломов ситуации. Победитель развивает свой успех постепенно. Да, проигранное генеральное сражение может стать переломным моментом - но не мгновенно, а лишь в перспективе. Вчерашний кандидат в победители, проиграв такую битву, чаще всего не бежит в панике, а всего лишь останавливается или организованно отступает, и чтобы превратить это отступление в паническое бегство, другой стороне понадобится приложить еще немало усилий. Когда же превосходство одной из сторон становится подавляющим, дальнейшие неожиданности практически исключены. В гражданских войнах все по-другому. Все может перевернуться на 180 градусов в считаные дни или даже часы. Вчера еще законный монарх бежал из столицы, население которой цветами приветствовало узурпатора. Сегодня в стане победителя произошел

раскол, или его наемники своим мародерством рассердили местных жителей, или слухи удачно разнесли какой-нибудь компромат - и уже вчерашний триумфатор, вступивший в столицу во главе многотысячной армии, вынужден бежать с последней горсткой оставшихся у него сподвижников. А завтра ближайший соратник вернувшегося короля решает, что его недостаточно щедро отблагодарили, и предлагает этому прячущемуся в какой-то дыре изгнаннику свою поддержку деньгами и войском... В истории войны Алой и Белой Розы, к примеру, такое случалось множество раз. Или в истории русского Смутного времени в начале XVII века. История гражданских войн - это часто в куда большей степени история интриг и предательств, нежели собственно воинской славы. Да, собственно, в принципе любая гражданская война начинается с предательства, в котором обе стороны обвиняют друг друга...

- И чьего же предательства вы ждете? - прервал этот монолог Локхарт и добавил: - Вы с его высокопреосвященством, если я правильно понимаю.

- Вы проницательны, - улыбнулся де Сегюр. - Разумеется, я бы не дерзнул оспаривать решение королевы, полагаясь на одни лишь собственные соображения, не подкрепленные мнением людей, куда более искушенных в нюансах айринтийской политики. Однако хочу отметить, что мнению его высокопреосвященства мы можем доверять не только в силу его многоопытности. Уж он-то последний, кто заинтересован в победе Арвика.

- Думаю, что последней все же является Элинор, - не удержался Локхарт.

- Один из последних, во всяком случае. И даже в победе Бронгара он едва ли заинтересован.

- Так это Бронгар? У Фабиаса есть сведения о готовящейся измене герцога?

- Увы, никаких определенных сведений нет, - развел руками де Сегюр. - Если бы они были, его высокопреосвященство, несомненно, изложил бы их непосредственно королеве. Речь лишь о том, что допускать мятежников под стены столицы, более того - фактически позволять им окружить Дракенхайм, чрезвычайно рискованно. Может сложиться впечатление - подогреваемое, разумеется, определенными кругами - что части вооруженных сил королевства переходят на сторону Дункельта одна за другой, может начаться паника, и тогда... ну, вы знаете, что такое самосбывающийся прогноз. Как биржа рушится только из-за того, что прошел слух о ее грядущем обрушении, и все бросились избавляться от акций - хотя объективная экономическая ситуация к этому не располагала. Бронгар, в свою очередь, в этой ситуации может почувствовать себя чересчур вольготно. Не просто делателем королей, который может выдвигать любые условия, торгуясь с обеими сторонами, но и единственным законным претендентом на престол, способным положить конец смуте и объединить вокруг своей фигуры сторонников обеих партий - кроме самых главных, конечно, которым уже нет дороги назад.

- Вы не возражали против первоначального "гамбита", - напомнил Локхарт, имея в виду не только собеседника, но и Фабиаса.

- Пока жертвовали пешкой, а не фигурой. Мятеж военной гвардии ухудшил положение Элинор. То есть объективно, может, и нет, коль скоро эти части все равно не были надежны, но с точки зрения обывателя это так выглядит, что может быть гораздо важнее. И того обывателя, что служит в королевской армии, и того, что может открыть городские ворота, даже оставаясь сугубо штатским...

- Тайная Стража позаботится об этом.

- Тайная Стража не смогла ликвидировать Дункельта, причем дважды - на дороге и в Айзеншлоссе, с большим трудом и потерями эвакуировала нас из Хассенворта и не смогла обеспечить нужный результат боя в Дортинайне, - перечислил де Сегюр. - У меня складывается впечатление, что у этой организации больше провалов, чем успехов. Возможно, я просто исхожу из неполной и нерепрезентативной статистики - в конце концов, о деятельности организаций подобного рода стороннему наблюдателю чаще всего становится известно именно в результате их провалов, а не успехов - но в любом случае очевидно, что Тайная Стража не всемогуща.

"А эти двое нечасто согласны между собой", - вспомнились Локхарту слова Элинор о Фабиасе и Крампе. Тем не менее, от приведенных де Сегюром аргументов нельзя было просто отмахнуться.

- И что вы предлагаете? - спросил полковник. - В любом случае, отыграть назад уже нельзя. Королева не может сказать Дирлиху "вернись, я все прощу". Сами понимаете, что это означало бы для ее авторитета.

- Разумеется. Проявив открытое неповиновение, неважно, спровоцированное или нет, Дирлих не оставил себе выхода. Следует немедленно назначить нового командующего военной гвардией - но только такого, какого гвардейцы примут и поддержат. Из числа старой аристократии. Который гарантирует гвардии сохранение всех ее привилегий. И все части, которые признают его, должны быть... даже не амнистированы, а просто их неповиновение должно быть забыто, как досадное недоразумение. Просто до них не довели вовремя, что Дирлих уже отстранен от командования, поэтому они исполняли его приказы, а с назначением нового командующего ситуация благополучно разрешилась. Пока еще не поздно, пока еще не пролилась кровь, это можно представить в таком виде. Но это надо делать прямо сейчас.

- Но это совсем не то, чего хочет добиться Элинор. Она, напротив, намерена воспользоваться ситуацией для давно назревшего радикального реформирования военной гвардии. Каковая в нынешнем виде действительно наглядно демонстрирует свою ненадежность.

- Не время заниматься радикальными реформами, когда один претендент на престол наступает с севера, а другой стоит во главе королевской армии. С другой стороны, восстановление лояльности гвардейцев, которых Дункельт уже считает своими, станет для него еще более неприятным сюрпризом, чем то, что уготовано ему по нынешнему плану. Более того, их примеру могут последовать, хотя бы частично, и те гвардейские части, которые он ведет с собой с севера...

- Если только все это и в самом деле произойдет.

- Абсолютной гарантии нет, конечно, - признал де Сегюр. - Но это может произойти. А в рамках нынешнего плана это не произойдет точно.

- И у Фабиаса, очевидно, уже есть кандидатура командующего, готового привести гвардию обратно под знамена королевы? - скептически осведомился Локхарт.

- Например, граф Райнбальд. Его род столь же древний, как и у Хагентрауба, хотя и не настолько могущественный.

- Вы сейчас делаете именно то, о чем только что предостерегали меня, - усмехнулся полковник. - Просите меня похлопотать перед королевой за некую персону. Осталось только обсудить размер взятки.

- Вы напрасно иронизируете, командир, - спокойно ответил де Сегюр. - Я забочусь о наших общих интересах, а вовсе не об интересах Райнбальда.

- Я, конечно, могу изложить ваши аргументы Элинор, - пожал плечами Локхарт, - но я не вижу, почему бы архиепископу не сделать это самому. Я не смогу быть более убедительным, чем он, и, разумеется, не стану делать вид, будто все эти мысли пришли мне в голову независимо от него. Да королева в это бы и не поверила, я ведь даже не знаю, кто такой Райнбальд... Действительно не знаю, хорош он или плох, и не могу его рекомендовать. Могу только сказать, что его высокопреосвященство считает его подходящим кандидатом.

- Вам не обязательно называть конкретные имена. Я упомянул Райнбальда просто как пример, демонстрирующий, что есть кого назначить на этот пост. Возможны, в принципе, и другие кандидатуры из числа высшей аристократии. Ну а сама идея, изложенная двумя источниками, обоим из которых королева имеет основания доверять, звучала бы убедительней, чем одним, вы же понимаете.

- Я не собираюсь обманывать Элинор, посланник, - холодно произнес Локхарт. - А также лукавить, недоговаривать и какие там еще дипломатические синонимы вы изобретете. Выдавать

чужие идеи за свои, лоббировать интересы третьих лиц и вообще как бы то ни было злоупотреблять доверием, о котором вы упомянули.

- Даже в интересах нашей команды? - де Сегюр приподнял бровь.

- В интересах нашей команды следовать принципу "честность - лучшая политика". Коему я, кстати, следовал всю жизнь.

- Хорошо, хорошо, - сдал назад граф. - Я только хочу еще раз подчеркнуть, что изложенный мной план отвечает интересам самой Элинор. В этом нет никакого обмана или предательства.

Локхарт промолчал. Внутренне он сам был скорее согласен с де Сегюром - новый "гамбит" Элинор, который она начала разыгрывать, судя по всему, самостоятельно, не посоветовавшись ни с кем (в том числе и с самим Локхартом), казался ему чересчур рискованным, и аргументы графа только подкрепили его интуитивные сомнения. Но что он мог сделать? Если бы она нуждалась в его совете, она бы, очевидно, так и сказала. И уж если ее не сумел переубедить искушенный в айринтийской политике архиепископ, нелепо рассчитывать, что она прислушается к человеку куда менее осведомленному. Эти люди - даже Фабиас и даже де Сегюр! - похоже, и в самом деле совершенно неверно трактуют характер их отношений.

- Так я верно понимаю, - произнес граф, не дождавшись ответа, - что вы теперь, как рыцарь айринтийской короны, принимаете айринтийское подданство и санкционируете тот же шаг для всех нас?

"Для всех - это для него и Вельо", - подумал Локхарт и вспомнил, что еще не поставил лингвиста в известность.

- Да, - ответил он вслух. - Именно так. Санкционирую, но не приказываю.

- Хорошо, - кивнул де Сегюр. - Хорошего вечера, командир, - он коротко поклонился и вышел.

С Вельо Локхарт переговорил позже за ужином (на который де Сегюр не явился, похоже, вновь куда-то отбыв без предупреждения, и Локхарт с внезапным усталым безразличием почувствовал, что не собирается вновь читать ему нотации, когда тот вернется). Лингвист, с мрачным видом поглощавший очередные дары королевской кухни, воспринял новость с демонстративным равнодушием: "в подданство так в подданство, в айринтийское так в айринтийское".

- Доктор, - вздохнул Локхарт, - я понимаю причины вашей хандры, но...

- Но что? - агрессивно осведомился Вельо, беря с тарелки очередной пирожок.

- Но другого мира у меня для вас нет, - ответил полковник жестче, чем хотел. - И мы должны научиться жить в этом. Который, кстати, по-своему интересен.

- Я и учусь, - ответил лингвист и откусил половину пирожка с таким видом, словно это была голова его злейшего врага. - И при этом еще и упражняюсь, как вы велели. Что не так?

- Я имею в виду не ваши упражнения с алебардой.

Вельо молча жевал.

- В конце концов, - сказал Локхарт, не дождавшись никакой реакции, - мне повезло меньше, чем вам. Я летал с пятнадцати лет. Если угодно - небо было всей моей жизнью. На земле у меня, по сути, не было никаких интересов. Теперь оно для меня закрыто. Навсегда, - он помолчал, внезапно осознав сказанное, как человек время от времени осознает факт собственной смертности, безусловно известный ему, но вытесняемый на самую дальнюю окраину сознания в остальное время. - Но я не отчаиваюсь, не капризничаю и... не ищу смерти в каком-нибудь дурацком бою, - с нажимом продолжил он. - Ваше положение намного лучше моего. Лингвистикой можно заниматься и в этом мире тоже.

- Без доступа к компьютерам и Сети? Без систем анализа текстов? Вы просто не понимаете, насколько в наше время, - очевидно, он имел в виду XXI век, - лингвистика ушла от уровня XIX столетия. Да что там - никого из нас даже не учили писать от руки! Я попробовал.

Это пытка. Лучше уж махать алебардой.

- Мелкая моторика полезна, - заметил Локхарт.

- Дело не в мелкой моторике. Дело в скорости. Пальцы совершенно не успевают за мыслью, и это так мучительно, как... я даже не знаю, как что. Это даже хуже, чем то, что мы чувствовали, оставшись без нейроимплантов - но по крайней мере с клавиатурами и устройствами голосового ввода фотонных компьютеров. Я могу достаточно свободно писать на японском, китайском, хинди, иврите, но не заставляйте меня вырисовывать все эти символы вручную. Причем иероглифическое письмо как раз самое легкое - когда на слово достаточно одного-двух символов. А вот когда надо выписывать каждую букву...

- Ученые прошлого справлялись. Радуйтесь, что в этом мире по крайней мере есть книгопечатание.

- Но главное - к чему это все? - продолжал Вельо. - В здешнем мире имеется всего три языка, один из которых - хорошо знакомый нам английский, а два других - креольские. Гроггендорский, представляющий собой германо-романскую смесь, по сути малоинтересен, ибо легко разложим на первоисточники. Тлукаляханский теоретически интересен, как соединение трудносоединимого, но практически безобразен, а главное - может оказаться вообще фэйковым конструктом. Но допустим даже, мне бы удалось составить его вменяемую грамматику... хотя нет, без контакта с носителями языка или хотя бы доступа к достаточной базе аутентичных текстов это невозможно. Но кому это надо? Какому-нибудь местному шпионскому ведомству, которое тут же положит мою работу в самый секретный ящик, а то и меня грохнет на всякий случай? Лингвистики как научной дисциплины в этом мире не существует. Есть переводы, выполняемые с сугубо прикладными целями - причем я даже ни разу не видел имен переводчиков, настолько, очевидно, низко ценится их труд... Но нет ученых, нет научных школ, нет публикаций, нет общения... Даже не потому, что не позволяют технические возможности. Все это просто никому не интересно. Это же не война, не политические интриги и даже не торговля, - ядовито закончил он.

- Общение, - Локхарт предпочел ухватиться за предыдущую мысль. - Вам надо завести себе каких-то знакомых. Мы с де Сегюром, очевидно... достаточно намозолили вам глаза за время полета. Но среди местных... допустим, вы не найдете своих коллег, но все же можете найти друзей.

- Вы еще скажите - любовницу, - криво усмехнулся Вельо.

- На что вы намекаете? - нахмурился Локхарт.

- А почему вы видите в моих словах намек? - парировал лингвист.

- Давайте не будем играть в эти игры, - раздраженно произнес полковник. - Для этого мне вполне хватает де Сегюра... и прочих.

- Вот-вот, - кивнул Вельо. - Только меня почему-то никто не спрашивает, хочу ли я играть в ваши игры. Вы предлагаете мне завести здесь друзей? Как вы себе это представляете? Просто пойти на улицу и завести непринужденную беседу с первым встречным?

- Н-ну... - Локхарт понял, что его совет и в самом деле прозвучал легкомысленно, - не совсем так, наверное, но...

- Вот именно. Потому что, стоит мне выйти на улицу, за мной увязывается пара топтунов из Тайной Стражи. Не настолько тайной, впрочем, чтобы я их не замечал. Что? Скажете, вы об этом не знали?

- Честно говоря, нет, - признался Локхарт. Сам он ни разу не пытался отправиться на прогулку по городу с тех пор, как их поселили во дворце. - Но, учитывая то, что произошло с нашими товарищами, я не могу назвать подобные меры нелогичными. И даже их, как вы говорите, демонстративный характер - он не от неуважения к вам и не от неумелости охранников, а чтобы отбить у потенциальных злоумышленников саму охоту покушаться.

- Кому вообще надо покушаться на меня? - сердито осведомился Вельо. - Кому я нужен и

интересен в нынешнем мире? Вовсе не во мне дело. Я ни в каких здешних интригах не участвую. Меня пасут только из опасения, что через меня могут добраться до вас. Хотя я об этом совершенно не просил. Но из-за того, что вы влезли во всю эту кашу, я теперь не только должен опасаться убийц и похитителей, но и не смогу завести никаких, как вы выражаетесь, друзей, пока они не получат одобрение Тайной Стражи. О, я даже не сомневаюсь, что если я брошу письмо в ящик о том, что мне не хватает общения, мне пришлют какого-нибудь образованного по здешним меркам собеседника, или даже нескольких на выбор. Но я совсем не хочу, чтобы наши с ними беседы оседали в архивах здешних спецслужб.

- Я совсем не стремился влезать в эту кашу, как вы выражаетесь, - холодно возразил Локхарт. - Если помните, нам просто не позволили остаться в стороне. Но вы не можете отрицать, что в нашем нынешнем положении - и в вашем тоже, да! - имеются определенные плюсы. Мы живем, как принцы, в королевском дворце, а не зарабатываем на пропитание в каком-нибудь бродячем балагане. Вы бы предпочли тягать гири на потеху толпе, доктор?

"А мне бы не нашлось и такой работы, ибо с гирями мне не справиться, а актерских способностей у меня нет, - закончил Локхарт про себя. - Пилоты в этом мире востребованы еще меньше, чем лингвисты."

- В балагане у нас было бы больше свободы, - упрямо ответил Вельо. - И, главное, все были бы живы.

- Во время гражданской войны в этом отнюдь нельзя быть уверенным, - качнул головой Локхарт.

Вельо ничего не ответил и лишь придвинул к себе блюдо с жареными креветками в сухарях.

- Так или иначе, я не могу отпустить вас в балаган, даже если бы вы просили об этом, - подытожил Локхарт. - Я даже не могу просить об этом королеву. Потому что, как вы сами только что сказали, мы по-прежнему связаны, все трое, и потенциальные враги будут из этого исходить. Они не поверят в то, что вы не имеете никакого отношения ко мне... или де Сегюру. Вас могут, допустим, похитить и пытать даже не с целью выведать какие-то секреты - хотя и это тоже - а уже просто с целью оказать давление на меня. Как на... человека, пользующегося доверием королевы. "Но едва ли на де Сегюра, - добавил он мысленно. - Тот спокойно позволил бы порезать Вельо на куски, но не отказался бы от своих планов. Но я сам? Кого бы я стал спасать в первую очередь? Безусловно, я должен следовать долгу, а не эмоциям. В чью бы сторону они ни были направлены. Но мой долг... да, пожалуй, принятие айринтийского подданства снимает неоднозначность в этом вопросе. Это больше не долг командира первого (и последнего) звездолета земной цивилизации и офицера Военно-космических сил Конфедеративных Штатов Америки. Ни одна из этих сущностей больше не существует. Это долг рыцаря Айринтийской короны и подданного королевы Элинор. Как бы странно ни звучали такие слова для человека с моей биографией... Наша группа - то, что от нее еще осталось - разваливается, пора признать очевидное, даже если какие-то враги еще считают наоборот. Бессмысленно пытаться сохранять лояльность тому, чего больше нет..."

Почему так вышло, размышлял он позже, когда Вельо, так ничего больше и не сказав, ушел в свои покои. Почему семь лет в космосе - и особенно три с половиной года обратного пути - они благополучно выдерживали друг друга, несмотря на все различия характера и темперамента, несмотря на пережитую ими катастрофу и крах того, что должно было стать кульминацией всей их жизни, и тот же де Сегюр ни разу не подвергал сомнению авторитет командира, а Вельо хоть и брюзжал, но в допустимых пределах, а теперь... Не на одном же Якобсоне все держалось! Потому что в космосе им было просто некуда деваться друг от друга? Потому что тогда у них была цель и надежда - вернуться на Землю? Но ведь нельзя сказать, что их нынешнее существование бесцельно и безнадежно. Да, этот мир им непривычен - как, впрочем, непривычен был бы и мир Земли, ушедшей на столетия вперед, а не назад, куда они

рассчитывали вернуться. Да, во многих отношениях он хуже того, который они покинули, но в чем-то - стоит в этом честно признаться - даже интереснее... На смену космическому кризису, благополучно пережитому ими, теперь пришел политический. И они могли бы сплотиться перед новым вызовом, как сделали это после кэйлианской катастрофы, а вместо этого...

Вместо этого, понял Локхарт, каждый из них находит свою нишу и уходит в нее. Или не находит, как Вельо, но он, похоже, единственный из них, кто упорно остается человеком XXI века, несмотря на свои демонстративные тренировки с алебардой и прекращение бритья. Странно - прежде Локхарт полагал, что таким человеком будет он сам. Но - выдержав прессинг, они не выдерживают искушения... да и должны ли? Да, этот мир уже отнял жизни двух из них - и все же, при всех его пороках, может дать им, оставшимся, больше, чем они сами теперь друг другу, и есть ли в таком случае смысл цепляться за верность тому, что ушло навсегда? Де Сегюр, похоже, понял это самым первым, и стоит ли его в этом винить... Нет, конечно, они все равно должны оставаться на одной стороне. Но верность этой стороне теперь уже важнее их верности друг другу.

Он получил свои позолоченные шпоры на следующее утро, вместе с меховым плащом (тяжелым на вид, но оказавшимся неожиданно легким, когда Локхарт накинул его на плечи), шапкой с беличьим хвостом, сапогами на меху, кожаными перчатками и запиской от королевы, приглашавшей "опробовать все это на конной прогулке".

Поскольку окна гостевых покоев выходили только в закрытый внутренний двор, Локхарт даже не знал, какая погода на улице и полагал, что там стоит все та же мерзкая ненастная осень, что и в предыдущие дни - но приглашение на прогулку и вся эта теплая одежда наводили на мысль, что это не так. Действительно, в безоблачном небе сияло солнце, но Локхарт не был уверен, стоит ли называть погоду хорошей: за ночь сильно похолодало, и мороз щипал его давно отвыкшее от подобных температур лицо (в последний раз на морозном воздухе он оказывался во время тренировки по выживанию в ходе предполетной подготовки). Проживший большую часть своей жизни на Земле сперва в Джорджии, а затем во Флориде, Локхарт совершенно не был поклонником "настоящей" снежной зимы. Впрочем, снега пока что не было, но корки затянувшего лужи льда с хрустом лопались под тяжелыми копытами лошадей. Локхарт ехал на уже знакомом ему игреневом в сопровождении свиты из полудюжины королевских гвардейцев (а может, и представителей Тайной Стражи) в кирасах и шлемах. Полковник, единственный из всех не облаченный в доспехи (хотя и догадавшийся взять с собой меч, пока что, впрочем, практически для него бесполезный), чувствовал себя не слишком уютно в этом окружении, больше напоминавшем конвой, чем почетный эскорт. Элинор не ехала вместе с ними, ни верхом, ни в карете, и Локхарт догадывался, что на улицах столицы того требуют соображения безопасности, а возможно, и приличия.

Королева со своей охраной встретила его уже за городом, после того, как Локхарт и его эскорт проскакали звонким галопом по неожиданно пустому в этот уже не столь ранний час северному мосту над черными, курящимися слабым паром водами озера. Оставив своих охранников в обществе друг друга, Элинор и Локхарт поехали рысью вдоль берега, где вода уже подернулась ломким прозрачным ледком. Лошади легко шли по схваченной морозом земле; пожухлая, покрытая инеем трава сухо шуршала под копытами

- Вижу, вы уже разобрались, как сидеть в седле с мечом, - похвалила полковника королева. - Жаль, что еще не готовы ваши латы, но, надеюсь, уже в следующий раз вы сможете их надеть. Вообще-то хороший доспех делается далеко не так быстро, но у мастера уже есть все заготовки, их надо лишь оптимально подогнать по вашей фигуре... но, кажется, вас это не вдохновляет? - поддела его Элинор, наблюдая полное отсутствие энтузиазма на лице Локхарта.

- Совсем не хочется надевать на себя все это железо на морозе, - откровенно ответил тот. - В этом действительно есть необходимость? Я имею в виду, пока здесь еще нет боевых действий...

- Когда они будут, учиться носить латы будет уже поздно, - логично ответила Элинор. - Но вообще-то методика ношения лат на морозе давно отработана. Под них надевается теплый стеганый поддоспешник и подшлемник. Собственно, в жаркую погоду носить доспехи гораздо тяжелее, поскольку надевать поддоспешник все равно надо, и охладиться в такой ситуации гораздо труднее, чем согреться...но сейчас у нас хотя бы этой проблемы нет.

"Морозы во Флориде в ноябре, - думал Локхарт. - Кто бы мог подумать?"

- В этом году, похоже, зима пришла раньше, чем ожидалось, - сказала Элинор, словно отвечая на его мысли.

Локхарт понял, что это уже не светская болтовня о погоде.

- Это меняет наши планы? - спросил он.

- Скорее просто ускоряет события. Если распутице действительно пришел конец - и если на смену ей сразу же не придут сильные снегопады, что, кстати, вполне возможно - то можно ожидать, что войско Арвика появится здесь раньше, чем мы рассчитывали. И не такое уставшее.

- Как и мятежные гвардейцы, очевидно, - мрачно заметил Локхарт.

- Это не так уж страшно. Королевские войска все равно подошли к столице раньше и имеют достаточно времени для отдыха. Один из лагерей, кстати, виден отсюда, - Элинор повернулась в седле и указала стеком на северную дорогу, которую они оставили позади. Локхарт разглядел вдали, примерно в паре миль от города, пирамидальные верхушки палаток и знамя над ними. - Другой на холме, откуда мы в прошлый раз любовались столицей, - продолжала королева. - Сейчас там, к сожалению, не та обстановка, чтобы любоваться пейзажами.

- Могу только посочувствовать солдатам, живущим в палатках в такую погоду, - заметил Локхарт.

- Палатки у них вполне добротные. А размещать их всех в самом городе было бы излишним, вы ведь понимаете, - ответила Элинор. - Да в городских казармах и нет места для целой армии, пришлось бы тревожить горожан... А так все эти части снаружи... контролируют подходы. При необходимости, конечно, можно укрыть их за городскими стенами, но пока такой необходимости нет.

- Это они перекрыли северную дорогу? Поэтому мы никого не встретили на мосту?

- Официально дороги пока еще не перекрыты. Но, в общем, ехать через военный лагерь не всем хочется. Пока что в город можно попасть через три другие моста. А северное направление у нас, сами понимаете, стратегическое. Предполагается, что дорога должна быть свободной для нашего наступления, которое начнется, когда к городу подойдут последние королевские части, которые якобы идут из самых дальних южных гарнизонов. На самом деле мы ждем, пока с севера явится враг.

- Скоро мятежники перекроют и другие дороги - не прямо здесь, где их ждут наши войска, а дальше от города. Насколько я понимаю, военной гвардии это вполне по силам.

- В Дракенхайме достаточно припасов, чтобы пережить кратковременные перебои снабжения. А длительными они не будут. Даже если распутица действительно кончается раньше, чем мы ожидали - как я уже сказала, это лишь ускорит процесс. Мятежники все равно пойдут на столицу.

- Есть другой план. Дать гвардии того командующего, которого она согласится принять, дабы мирно вернуть ее под ваши знамена. Да, конечно, это похоронит задуманную вами радикальную реорганизацию гвардии, зато станет весьма неприятным сюрпризом для Арвика, который, подойдя к Дракенхайму, неожиданно встретит здесь врагов вместо союзников. Мятеж гвардии уже сыграл свою роль, заставив Арвика выступить, повернуть назад он не успеет, а если и успеет, это станет трусливым бегством без боя, означающим для него политическую катастрофу. Особенно после того, как один раз его войско уже бежало из-под Дортинайна... Это не моя идея, но, по-моему, она не лишена смысла.

- Я знаю, чья эта идея, - усмехнулась Элинор. - Вам назвали и имя этого командующего?

- Граф Райнбальд, - вынужден был признать Локхарт, - хотя я сразу сказал, что не могу ходатайствовать за человека, о котором ничего не знаю...

- Ну да, конечно, - королева продолжала усмехаться. - Вы, очевидно, не знаете даже того, что он родственник его высокопреосвященства?

- Ах вот оно что, - помрачнел Локхарт.

- Отец Фабиаса был младшим братом деда нынешнего графа. Обычный путь младших братьев - или в солдаты, или в священники. Теофил, в полном соответствии со своим именем, избрал второй вариант. Правда, дослужился не выше чем до аббата. Его сын преуспел больше.

- Разве аббат не должен хранить безбрачие?

- А разве вы не знаете, как это бывает? Фабиас - незаконнорожденный. Официально он никогда не носил фамилии "Райнбальд" и никак юридически не связан с этим родом. Но тем не менее.

- Теперь понятно, почему Фабиас предпочел донести до вас эту идею через меня, - констатировал Локхарт. - Но все же, независимо от его личных интересов - возможно, она не столь и плоха? Мне кажется, он достаточно умен, чтобы не руководствоваться одними лишь родственными соображениями, если это подставит под удар не только вас, но и, в конечном счете, его же самого.

- Не сомневаюсь, что дядя Фабиас искренне так считает. Но Райнбальды и так фактически второй по силе дом после Хагентраубов. Их цвета - красный и синий... помните карту?

Локхарт прикрыл глаза, вспоминая. Если черно-красные флажки Хагентрауба сосредоточились к востоку от столицы, то красно-синие - к юго-востоку от нее. И их, если он правильно помнил, было меньше, но явно не в разы.

- Если отдать Райнбальду еще и командование над военной гвардией - которая, как мы уже убедились, в ее нынешнем виде совершенно ненадежна - то это чрезмерно усилит его, - продолжала Элинор. - Фактически сделает его вторым по силе после коннетабля. Под его руководством окажется существенно больше бойцов, чем у Хагентрауба и тем паче чем в моей личной гвардии. Доселе он не проявлял никаких признаков нелояльности, и Фабиас, возможно, полагает, что сможет и дальше его контролировать... но я не столь оптимистична.

- Именно поэтому вы не попытались пригласить Райнбальда с его личной армией, когда нам так отчаянно не хватало надежных сил для похода против Арвика? Мне все же кажется, уж если он родственник архиепископа, пусть даже неофициальный, а тот, в свою очередь - известный враг Арвика, то предательство тут маловероятно.

- Я опасаюсь не столько того, что он предаст, сколько той цены, которую придется заплатить за его помощь, - ответила Элинор. - Как в свое время Хагентраубу - не нынешнему, а тому, с которого началось возвышение их рода. Герою бугенхольмской войны. Королевству не нужен еще один Хагентрауб, у нас и с одним достаточно хлопот.

- Допустим, - согласился Локхарт. - А другие кандидатуры из числа старых аристократов? В смысле, на роль командующего военной гвардией.

- Боюсь, что любой из них начнет выставлять условия, - покачала головой Элинор. - Назначить любого из них сейчас - это фактически расписаться в том, что королева не может подавить мятеж собственными силами. Можно сколько угодно говорить, что мы всего лишь хотим избежать кровопролития и как можно скорее восстановить мир в стране - но восприниматься это будет именно так. А у нас нет времени на торговлю... и главное, как вы справедливо отметили, сохранить и тем паче приумножить привилегии военной гвардии - а они, очевидно, будут требовать именно этого - это совсем не то, чего я намерена добиться. Это значит перебинтовать гнойник вместо того, чтобы выдавить гной. Это значит проявить слабость в самом начале правления. А меня и так слишком многие пока еще склонны считать слабой из-за

пола и возраста... и, конечно, из-за той игры в не имеющую ни амбиций, ни шансов девочку, которую я сама вынуждена была вести последние три года. И необходимо как можно скорее показать им, как они ошибаются. Нет, мы будем действовать по первоначальному плану.

- В таком случае, кого вы собираетесь поставить во главе военной гвардии? Если, конечно, я вправе это спрашивать, - вспомнил о субординации он.

- Претендуете на этот пост, полковник? - улыбнулась королева.

- Я?! - опешил Локхарт.

- А что? Из вас получился бы идеальный раздражитель для всей этой публики. Если мне нужно выявить всех нелояльных, лучшей кандидатуры не найти. Но я, разумеется, шучу, - она вновь перешла на серьезный тон. - Мне бы совсем не хотелось использовать вас в таком качестве. В качестве жупела для аристократии, которая дружно возненавидит демонстративно поставленного над ними выскочку. Кроме того, мне ведь действительно нужно, чтобы обновленную гвардию возглавил умелый и заслуженный командир. А вы, как вы сами признаете, пока что имеете о наших войнах весьма приблизительное представление.

- Несомненно, - согласился Локхарт. - Мне бы тоже совсем не хотелось выступать в подобной... потешной роли. Я привык браться только за то, что могу сделать хорошо.

- Ваши бы слова да большинству моих дорогих соотечественников в уши, - вздохнула Элинор.

- Этим грешат не только айринтийцы.

- Конечно. Но за амбициозную глупость наших врагов пусть болит голова у их монархов.

- В мире, похоже, осталось не так уж много людей, - печально заметил Локхарт, - и все равно всех, кто за пределами наших границ, мы вынуждены рассматривать, как врагов. Человечество, должно быть, и в самом деле необучаемо.

- И если бы только за пределами, - мрачно напомнила королева.

- Так у вас есть кандидат? - вернулся к более практической теме Локхарт. - Можете не называть фамилию...

- Думаю, им станет офицер, который лучше всех проявит себя при подавлении мятежа, - жестко ответила Элинор. - И это будет очень четкий сигнал... всем сомневающимся. Так что пока не будем с этим спешить.

Они продолжали ехать по безлюдной равнине вокруг озера под ясным зимним небом. Из лошадиных ноздрей ритмичными гейзерами вздымались струи пара. "Как это, в сущности, странно, - подумалось вдруг полковнику, - молодая девушка пригласила меня на прогулку, чтобы поговорить о войне, интригах и предательстве. Хотя это, конечно, не страннее, чем вернуться из межзвездной экспедиции прямиком в средневековье. И не страннее идеи монархии как таковой, наделяющей тинейджеров неограниченной властью над целой страной... Нет, Элинор-то справляется лучше многих старших, но сам принцип, когда право на власть определяют не личные достоинства, а исключительно обстоятельства рождения... Впрочем, так ли далеко ушли от этого мы? Последний президент единых США получил импичмент исключительно из-за того, что нашлись доказательства фальсификации его свидетельства о рождении. На самом деле он родился не на территории США, причем он даже не помнил этого, виновниками подлога были его родители - и все же этого оказалось достаточно, чтобы запустить кризис, закончившийся распадом страны. Конечно, противоречия между Севером и Югом копились давно, это стало лишь последней соломинкой - и тем не менее..."

- О чем вы задумались? - спросила вдруг Элинор.

- О том, что между нашими мирами больше общего, чем хотелось бы, - откровенно ответил Локхарт. - Поэтому, должно быть, все так и кончилось.

- Ничего еще не кончилось.

- Да, разумеется... и не кончится даже после победы над Арвиком. Пожизненная власть - это ведь, должно быть, скорее бремя, чем удовольствие. Наши президенты, по крайней мере,

могли сказать себе "максимум через восемь лет все это будет уже не моей проблемой". А жизнь королей всегда такая? Всегда думать о войне и политике?

- Не знаю, это моя первая жизнь в качестве королевы, - с серьезным видом ответила Элинор. Локхарт улыбнулся, затем подумал, что она, возможно, и не шутит, учитывая здешнюю веру в реинкарнацию. Может быть, здешняя церковь предлагает и такую услугу, как "информация" о прошлых жизнях клиента? Даже в цивилизованном мире находились шарлатаны, предлагавшие подобное, а здесь это может быть вполне официальным "таинством", призванным, разумеется, укрепить веру. Сами церковники, конечно, знают, что это чушь, и уж Фабиас-то в первую очередь знает истинную природу всех "чудес" - однако юную Элинор, несмотря на всю к ней симпатию, просвещать, очевидно, не стал. Вот, между прочим, о чем не следует забывать - помимо своих личных интересов, которые, как справедливо отметил де Сегюр, совпадают с интересами Элинор, Фабиас может отстаивать и интересы церкви как организации. А эта организация, между прочим, не ограничивается пределами Айринтии. Хотя айринтийская и гроггендорская церкви не имеют общего руководства, вера у них одна, канонических разногласий, насколько понимал Локхарт, не существует, и тесные контакты, даже вполне официальные, давно и хорошо налажены. Нет, Фабиас, конечно же, не гроггендорский шпион - но перед ним тоже может возникать проблема двойной лояльности. Уже хотя бы в виде необходимости платить за услуги по принципу "мы закрываем глаза на ваших агентов, а вы - на наших"... И не исключен, между прочим, даже и такой вариант, что и самого многомудрого Фабиаса кто-то может разыгрывать втемную. Впрочем, Элинор, как уже ясно, отнюдь не склонна безоговорочно принимать советы архиепископа, и это, в принципе, хорошо...

- Мне было проще, - сказал полковник вслух. - На борту моего корабля я пережил страшную катастрофу, но мне, по крайней мере, не приходилось опасаться предательства и бунта.

- В Айринтии в свое время взбунтовался целый флот, - напомнила Элинор.

- Да... но у меня был особенно отобранный экипаж. Лучшие из лучших. В любом из них я был уверен, как в себе.

- И сейчас тоже? - зеленые глаза из-под опушенного мехом капюшона стрельнули в его сторону.

- Вы имеете в виду двух последних? - помрачнел он. - Насчет де Сегюра ответ вам известен не хуже, чем мне.

- Потому что люди есть люди. Во всех мирах.

- Но Вельо точно не станет участвовать ни в каких закулисных интригах, - продолжал Локхарт. - Он просто органически на это не способен. Кстати, пока не забыл - вы можете подобрать ему какое-нибудь поручение? Ну там, назначить смотрителем библиотеки или что-то в этом роде. Чтобы он не чувствовал себя никому не нужным. Только это не должна быть синекура, это он легко раскусит и только оскорбится. Что-то такое, чтобы его интеллект действительно был востребован. А то он вбил себе в голову, что в этом мире оценить могут только его физическую силу... боюсь, как бы он не пошел по пути Шрамма.

- Я подумаю над этим, - пообещала Элинор.

- Что это там творится? - спросил вдруг Локхарт, указывая вперед и вправо.

Они находились примерно на полпути между северным и западным мостами; город и озеро оставались слева от них, а справа серела облетевшая рощица (над нею маячила вершина уже знакомого полковнику холма, слишком далекая, однако, чтобы разглядеть размешенных там солдат). И вот из-за этой рощицы резвой рысью выезжала колонна всадников в кольчугах и шлемах.

Первой мыслью Локхарта было, что это та самая часть с холма, о которой упоминала королева. Но почему они направляются к городу, если, как сказала Элинор, пока в этом нет необходимости? Впрочем, всеми этими войсками командует не сама королева, а Бронгар...

Полковник даже высказал это предположение вслух, но Элинор, натянув поводья, покачала головой:

- Нет, там стоят пехотинцы, а это кавалерия.

- Тогда кто это такие? - Локхарт бросил быстрый встревоженный взгляд по сторонам. От города их отделяло озеро, мосты были слишком далеко, а их охрана, повинуясь приказу королевы, держалась далеко позади, намного дальше приближавшейся головы колонны - да и что могли сделать полторы дюжины всадников против уже, по меньшей мере, полусотни, а из-за деревьев выезжали еще и еще...

Но Элинор сохраняла спокойствие.

- Очевидно, ночью подошла еще одна часть, - сказала она. - Мне казалось, что прибыли уже все, кого мы ждем, но дядя Хуберт мог посвятить меня не во все детали. Обстановка меняется, доклады запаздывают, это всегда так.

- Но вы уверены, что это свои?

- Враги не могли пройти незамеченными мимо стоящих вокруг города солдат. Может, пара лазутчиков, но не целый эскадрон... хотя их, кажется, еще больше.

"Даже из-за пары лазутчиков не стоило так отрываться от охраны", - подумал про себя Локхарт, но вслух спросил более важное: - Но почему они скачут прямо к нам? Здесь нет ни мостов, ни дороги, что им делать просто на берегу? И кстати, я что-то не вижу их знамени!

- Я тоже... - согласилась Элинор и добавила изменившимся тоном: - Достаточно и гербов на щитах.

- Не могу разглядеть их в таком ракурсе, - признался Локхарт. Щиты висели у всадников на левом боку, и различить изображения на них под таким углом, да еще с такого расстояния, было невозможно. Впрочем, даже отсюда было заметно, что цвета гербов различаются - это явно не была единая полковая эмблема...

- Достаточно того, что они есть, - ответила Элинор. - У армейцев щиты гладкие и одноцветные. Личные гербы в легкой кавалерии - гвардейское чванство.

- Это "желтые"? - уточнил Локхарт и тут же сам понял глупость своего вопроса. "Желтые", лояльные гвардейские части, следуют приказу оставаться на своих местах, им нечего делать возле столицы...

Локхарт резко потянул повод, разворачивая коня - но рука Элинор в перчатке перехватила его предплечье: - Бесполезно, полковник. Нам от них не уйти. Нам скакать по дуге, а им по прямой. К тому же у них луки.

Интуитивно Локхарт не был с этим согласен, но он не мог ни бросить Элинор, ни даже помчаться прочь в надежде на то, что она, не видя лучшего выхода, последует за ним. Слишком горда и не последует. Он быстро и отчаянно оглянулся по сторонам. Охранники королевы, почуяв неладное, скакали к ним, но были все еще слишком далеко... и, кажется, самые сообразительные из них уже переходили с галопа на шаг, осознав соотношение сил. Пытаться искать спасение в ледяной воде озера означало верную смерть, независимо от того, умеет ли Элинор плавать. Локхарт машинально схватился за эфес своего меча и тут же понял, насколько глупо выглядит. Даже будь он величайшим мечником в мире, а не человеком, впервые взявшим меч в руки вчера, что бы он смог сделать? Ну разве что - заколоть Элинор, чтобы она не попала в руки врага живой... но это слишком мелодраматично.

- Что вы собираетесь делать? - воскликнул он, не видя никакого выхода - но и не видя следов паники на лице девушки.

- Поеду поприветствовать своих верноподданных, - ответила королева, поворачивая коня навстречу всадникам. - Главное, сохраняйте спокойствие, полковник. Они не посмеют нас тронуть.

Локхарту ничего не оставалось, как последовать за ней.

Видя, что добыча не пытается скрыться, а едет им навстречу, гвардейцы замедлили темп

и в конце концов остановились. Они уже все выехали из-за деревьев, перестроившись из колонны в некое подобие клина (острием смотревшего на королеву), и теперь можно было оценить число. Локхарту никогда раньше не доводилось быстро считать всадников на лошадях, но он решил, что их никак не меньше трех сотен, а скорее всего, больше. В любом случае, смотрелась вся эта масса, сверкавшая доспехами и оружием, внушительно - хотя в глаза бросался разнобой в вооружении и снаряжении, вызывавший у привыкшего совсем к другим порядкам Локхарта ассоциацию скорее с партизанским отрядом, чем с гвардейской частью. Даже щиты были разной формы (и, действительно, у многих всадников - с различными гербами, коими носители стремились продемонстрировать принадлежность не к своей части, а к дворянским родам, титулы которых чаще всего принадлежали не им, а их старшим братьям). Ну да, сообразил полковник, в этом мире, в отличие от армии, снаряжаемой за счет королевской казны, гвардейцы делают это за свой собственный счет, кто во что горазд. Хотя гвардейцы Дармонта в свое время показались ему более унифицированными - но, возможно, тут немало зависит и от командира, и потом, он не видел их сразу всех...

И да, у этих были луки, и некоторые держали их практически наготове - опущенными и не натянутыми, но уже с извлеченной из колчана стрелой, так что изготовиться к стрельбе они смогли бы за пару секунд. А в руках у других блестели обнаженные мечи. И взгляды, устремленные на королеву и ее спутника, трудно было назвать приветливыми. Впрочем, это была не то чтобы откровенная злоба - скорее настороженность, а у кое-кого и растерянность. Они явно не ожидали, что королева сама поскачет им навстречу... да и понимали ли они вообще, кто перед ними? Локхарт сообразил, что в эпоху, когда нет ни Сети, ни телевидения, ни даже газет с фотографиями - и даже монеты с профилем Элинор только-только начали чеканить - большинство подданных за пределами Дракенхайма понятия не имеют, как выглядит их новая королева.

- Уберите оружие, господа, - небрежно бросила Элинор, останавливая коня. - Под стенами моей столицы вы в безопасности.

Подобная наглость действительно возымела эффект. Некоторые клинки нехотя скользнули в ножны, а стрелы отправились обратно в колчаны. Впрочем, не все.

- Где ваш командир? - требовательно спросила Элинор, не давая им опомниться.

Несколько всадников подали своих лошадей в стороны, и вперед выехал черноусый воин лет тридцати пяти, облаченный в кирасу, а не в кольчугу или бригантину, как большинство прочих; на круглом зеленом щите широко разевала пасть белая волчья голова в профиль.

- Представьтесь сэру Эрику, командир, - потребовала королева прежде, чем он успел открыть рот. "Угу, - сообразил Локхарт, - мол, я-то знаю, кто ты такой, но исполняй протокол и отрапортуйся старшему по званию... Или она и в самом деле узнала его по гербу?"

Командир гвардейцев, повернувшись к Локхарту, нехотя отсалютовал мечом и произнес:

- Капитан Манфред Вульфеншванц, Шестой отдельный дивизион военной гвардии.

- Полковник Эрик Локхарт, - ответил Локхарт, повторяя жест рыцарского салюта, и, не зная, как еще представиться - упоминание о Военно-космических силах тут явно было не к месту - добавил: - Рыцарь короны.

- Сэр, - мрачно изрек Вульфеншванц, - я вынужден просить вас сдать...

- Представьте же меня, сэр Эрик, - громко произнесла Элинор, не давая ему закончить, - а то, кажется, не все из моих отважных гвардейцев понимают, кто перед ними, - она окинула выразительным взглядом тех, кто так и не убрал оружие.

- Перед вами, - обратился Локхарт к кавалеристам, на ходу повышая голос, - ее королевское величество Элинор Первая! - и по наитию рявкнул самым солдафонским тоном, как никогда в своей прошлой жизни не кричал на подчиненных: - Оружие в ножны!!!

Еще пара мечей скользнули в ножны, остальные мятежники нерешительно оглядывались на своего командира.

- Мэм, - произнес Вульфеншванц с прежней угрюмостью, - я вынужден просить вас...

- Откровенно признаюсь, я восхищена, капитан, - Элинор, казалось, не слышала. - Я никак не рассчитывала, что вы сумеете прибыть так быстро. Я даже не думала, что это вообще возможно. Когда вы получили приказ о вашем назначении?

- Приказ, эээ... о назначении? - тупо переспросил Вульфеншванц.

- Что ж, теперь я вижу, что мое решение было совершенно правильным, - продолжала Элинор, словно тут же забыв о только что заданном вопросе. - Хотя многие, скажу вам честно, пытались меня отговорить. Заявляли, что у вас недостаточно опыта и... знатности, чтобы возглавить всю мою военную гвардию. Но ведь опыт не тождественен умению, а знатность - верности, как с особой наглядностью показали последние события, когда изменниками оказываются даже графы. Впрочем, эти события, сами по себе безусловно прискорбные, имеют то положительное следствие, что позволяют выдвинуться инициативным и талантливым молодым командирам, чьи достоинства доселе оставались в тени старших и более титулованных. И, учитывая, с какой потрясающей скоростью вы прибыли на мой вызов в столицу...

Локхарт слушал ее с восхищением, глядя, как меняется выражение лица Вульфеншванца. "Только бы не сорвалось, - думал он. - Только бы он не догадался, что это "назначение на должность командующего" придумано только что и продлится ровно до въезда в Дракенхайм, где он будет немедленно арестован!"

Но Вульфеншванц, похоже, полностью уверовал в то, во что ему так хотелось верить. В счастливое совпадение, благодаря которому он прибыл к стенам столицы, спеша выслужиться перед предводителями мятежа и не зная, что в это самое время королева своим указом поставила его во главе всей военной гвардии - о чем он, несомненно, не мог и мечтать. Сейчас он, должно быть, благодарил судьбу, что не успел произнести роковые слова об аресте королевы. Отблагодарил ли бы его Арвик столь же щедро за пленение или убийство Элинор? Совсем, совсем не факт. Короли вообще не любят тех, кто делает для них грязную работу - и в особенности поднимает руку на их августейших братьев (и сестер), в прямом и переносном смысле. Ведь кто покусился на одну венценосную особу, даже и объявленную "узурпаторшей" (но, тем не менее, несущую в своих жилах королевскую кровь и официально возведенную на престол) - может потом покуситься и на другую... Нет, конечно, исполнителей подобных поручений совсем не обязательно казнят в праведном гневе, обвинив в самоуправстве и неверном толковании приказа, их могут и наградить, но потом нередко предпочитают задвинуть куда-нибудь подальше..

- Мы... скакали всю ночь, мэм, - сказал Вульфеншванц, поясняя "небывалую" скорость исполнения королевского приказа, о котором он не имел понятия, и Локхарт подумал, что это, по всей видимости, чистая правда. Ночной - точнее даже, видимо, еще вечерний - мороз сковал грязь, превратив раскисшие дороги почти что в шоссе, и амбициозный капитан Шестого дивизиона воспользовался этим, чтобы добраться до столицы раньше всех прочих - и раньше, чем ожидала появления мятежников сама королева и ее приближенные. Вот только, если бы ум Вульфеншванца не уступал его амбициям, он бы сообразил, что предпринимать подобный маневр в одиночку по собственной инициативе, никак не согласовав его с другими мятежниками - это большая глупость, которая должна была закончиться не наградой от Арвика или похвалой от Дирлиха, а бесславной гибелью всего дивизиона. И, кстати, большой вопрос, почему этого не произошло. Почему стоящие вокруг города королевские части, на которые рассчитывала Элинор, пропустили мятежников беспрепятственно...

- Ваши лошади и люди, очевидно, нуждаются в отдыхе, - понимающе кивнула Элинор, в лучшей кавалерийской манере поставив лошадей на первое место и тем, вероятно, заработав дополнительные очки в глазах капитана и его офицеров. - Я лично распоряжусь о вашем расквартировании в столице. Полковник Локхарт! Примите командование над дивизионом. Мы с

командующим Вульфеншванцем поедем впереди и обсудим кое-какие военные вопросы.

"Я же понятия не имею, как командовать кавалеристами и куда их, собственно, вести, когда мы войдем в город!" - подумал Локхарт, но Элинор, бросив на него поощрительный взгляд - мол, надо, полковник, я свою роль сыграла, теперь ваша очередь импровизировать - приглашающе обернулась к Вульфеншванцу и поскакала обратно в направлении северного моста, увлекая новоиспеченного командующего гвардией за собой, казалось, одной лишь силой взгляда.

Навстречу этим двоим уже спешили охранники. Чересчур долго они спешили, ядовито подумал Локхарт - но теперь, видя, что королеву сопровождает лишь один всадник, а сотни остальных не пытаются им препятствовать, охранники вновь пустили коней в галоп и спустя пару минут уже окружили Элинор и ее спутника. У Локхарта мелькнуло опасение, что если они схватят Вульфеншванца прямо тут, то ему самому, все еще имеющему за спиной весь Шестой дивизион, это может создать проблемы - но Элинор, конечно, распорядилась правильно, и ее охранники образовали почетный эскорт, а не конвой.

Полковник вновь обернулся к свалившимся на него подопечным. Гвардейцы смотрели на него выжидательно. Некоторые все еще пребывали в явном недоумении по поводу произошедшего у них на глазах, некоторые имели просветленный облик "а, я понял, это была хитрая военная комбинация!" - но откровенно враждебных лиц, как и обнаженного оружия, больше заметно не было.

- Дивизион, слушай мою команду! - громко сказал он. - В колонну по три стройся, - он рассудил, что это оптимальный строй, чтобы проехать по мосту, - и шагом за мной! Да, - вспомнил он, - где ваше знамя? Знаменосца сюда!

Над головами поднялось нечто вроде шеста в чехле, двигаясь по направлению к Локхарту; на ходу оно опустилось, было освобождено от чехла и поднялось снова. Ветра почти не было, и развернувшееся полотнище повисло без особой внушительности. Знаменосец подъехал к Локхарту.

- Военная предосторожность, сэр, - смущенно объяснял он. - Двигаясь через районы, предположительно контролируемые мятежниками... и имея, ээ, приказ прибыть в столицу, не отвлекаясь на второстепенные столкновения...

"Почти не врет, - подумал про себя Локхарт. - Только боялись они столкновений не с мятежниками, а с королевскими солдатами. Но те в любом случае не должны были пропускать к столице неизвестных кавалеристов, со знаменем или без..."

В ворота столицы они въехали без всяких помех. Локхарт велел своим подопечным двигаться шагом не из заботы об их усталых конях, а чтобы ускакавшая вперед Элинор успела отдать необходимые распоряжения. Въезжая в северную надвратную башню, Локхарт опасался, что гвардейцев могут попытаться разоружить прямо тут и что это приведет к кровопролитию на городских улицах. Однако ничего подобного не произошло; городские стражники отсалютовали въезжающим в ворота бойцам, а едва голова колонны, с Локхартом и знаменосцем впереди, выехала из башни в город, как полковник сперва услышал, а затем увидел скачущего к нему расторопного адъютанта, который вызвался показать дорогу в казармы, каковые "прямо в эту минуту освобождают" для вновь прибывших. Локхарт подумал, усмехнувшись про себя, не окажутся ли эти казармы тюрьмой - но нет, они действительно оказались просто казармами (откуда выселяли явно не обрадованных этим армейцев, коим обещали "позже разместить в других помещениях"). Как положено хорошему офицеру, Локхарт проследил за расквартированием вверенных ему людей, после чего отыскал среди них лейтенанта, командовавшего первым из трех эскадронов Шестого дивизиона, передал ему командование вместе с приказом ждать дальнейших распоряжений и поспешил во дворец.

Возможность обсудить произошедшее с Элинор, однако, ему представилась только вечером. Королева пригласила его на ужин в ту самую столовую с шахматным полом. За окнами

уже стемнело, и кремовые шторы были задернуты; желтые огоньки свечей отражались в полированном черно-белом мраморе. Элинор указала Локхарту место напротив себя.

- Непростой был день, - вздохнула королева, - но вы прекрасно справились со своей ролью.

- Вы тоже, - искренне ответил он. - Да я, собственно, ничего и не делал - а вот ваша импровизация... Импровизация, я ведь правильно понимаю? Это не было спектаклем, запланированным заранее?

- Нет. Конечно, нет.

- В какой-то момент я думал, что нам крышка, - признался он. - Хотя вообще-то шанс спастись бегством у нас был. Насчет дуги вы были неправы... при всем уважении, - добавил Локхарт, уже успевший проделать тригонометрические вычисления. - Дуга всегда короче отрезка касательной между лучами, построенными на тех же радиусах. Тангенс ненулевого угла всегда больше величины этого угла в радианах.

- Математика никогда не была моей сильной стороной, - вздохнула Элинор.

- В самом деле? - он иронически приподнял бровь. - Так же, как и шахматы?

- Ну хорошо, хорошо, признаю́сь, - коротко рассмеялась королева. - Я сочла, что для вас математический аргумент прозвучит убедительнее политического, а перепроверять вам будет некогда. Королевы не бегают от своих подданных, если хотят по-прежнему считаться королевами. И потом, луки у них действительно были.

- Из лука еще надо попасть на скаку по скачущей цели. А поехать прямо им навстречу - это был ужасный риск. Почти самоубийственный.

- Что ж вы не попытались ускакать прочь? - усмехнулась Элинор. - Вряд ли они стали бы вас преследовать. Им нужна была я.

- Вы в самом деле полагаете, что я мог вас бросить? - возмутился Локхарт.

- Разве это не было бы рациональным решением, раз уж меня все равно не спасти? - поддела его королева. - Вот, например, мои доблестные охранники рассудили именно так. Они спешили мне на помощь так, чтобы ни в коем случае не оказаться слишком близко к противнику. И знаете что? Я даже не собираюсь их за это наказывать. Во-первых, я сама приказала им держаться вдали от нас, пока мы не вернемся в город, а во-вторых... они вели себя именно так, как надо. Мне нужны были не мертвые герои, а живые свидетели. В этом был залог моего спасения. Часовые на башнях были слишком далеко и не могли понять, что происходит. А эти охранники, если бы увидели, что меня убили или увозят силой, подняли бы тревогу, и тогда Шестому дивизиону вряд ли удалось бы уйти, со мной или без меня. Вокруг города повсюду королевские части, причем со свежими силами, а они едва держались на ногах после ночной скачки. Риск для меня, на самом деле, был не так уж велик.

- Но те же самые части пропустили мятежников под самые стены столицы. Причем именно тогда, когда вы отправились на прогулку.

- Да, да, - помрачнела Элинор. - И по этому поводу у меня возникли серьезные вопросы к дяде Хуберту.

- И что он? Я так понимаю, вы уже успели обсудить с ним эту тему?

- Делает вид, что его подчиненные просто слишком буквально поняли приказ не препятствовать мятежным гвардейским частям до дня "Д", - пожала плечами Элинор. - Такой приказ действительно был отдан, дабы спровоцировать всех нелояльных присоединиться к мятежу и таким образом выявить их. Но речь шла только о том, чтобы не вступать с ними в бой на дальних подступах к столице, а не о том, чтобы пустить их прямо под стены! Бронгар, естественно, говорит, что возмущен глупостью своих командиров, и что виновные будут наказаны...

- Но вы ему не верите.

- Вы бы поверили? Устранить меня руками мятежников, показательно покарать их,

включая Арвика, и сесть на трон - идеальный план, не так ли?

- Откуда вообще взялся этот Шестой дивизион?

- С западного побережья. Изначально считался "желтым" - но это, видимо, потому, что туда слишком долго шел приказ от Дирлиха... Вчера пришла информация, что он все же движется на восток. Но никто не ожидал, что он так рванет этой ночью - конечно, ему сильно помогла погода - и что он выскочит один прямиком к Дракенхайму вместо того, чтобы отклониться к югу, поближе к своим. Это, похоже, была личная инициатива Вульфеншванца. Может быть даже так, что он хотел пройти южнее, но ночью просто сбился с пути. А утром, увидев город - Дракенхайм, конечно, ни с чем не перепутаешь - просто решил сделать хорошую мину при плохой игре и проскочить по нахалке мимо. И наткнулся на нас. Иногда бывают и такие совпадения.

- Кто-то мог еще вчера узнать о ваших планах отправиться на прогулку?

- Нет, конечно же. Я приняла это решение сегодня утром, когда выглянула в окно и увидела там солнце. Вульфеншванц к этому времени уже подходил к столице. Конечно, когда я уже выезжала из города, ему теоретически могли отправить конного гонца навстречу, или подать какой-то видимый издали сигнал. Но это в любом случае буквально в последний момент, а не когда он отправлялся в свой рейд. С другой стороны, моя привычка время от времени совершать загородные прогулки не тайна, да и с инспекцией в какую-нибудь из стоящих за городом частей я могла наведаться. Гарантии не было, но шанс был.

- А что говорит он сам?

- Понятное дело, - пожала плечами Элинор, - теперь он пытается изобразить, что это был хитрый план, что он обманул мятежников, притворившись, будто выполняет распоряжение Дирлиха, дабы привести вверенную ему часть под знамена законной королевы. Что меня заметил, конечно, случайно и не понял, кто я, пока я не подъехала - а потом, конечно, был счастлив выпавшей ему чести...

- Где он теперь? В подвалах замка святого Михаила, я полагаю? - усмехнулся Локхарт.

- Нет, - спокойно ответила Элинор, - вникает в свои новые обязанности командующего военной гвардией королевства.

- То есть? - опешил Локхарт. - Вы что, действительно назначили его на этот пост?!

- Приказ подписан задним числом, но это никого не волнует... А что? Он и в самом деле идеально отвечает нашим целям. Старая аристократия его не примет, слишком худороден и молод. А он, в свою очередь, ненавидит ее лютой завистливой ненавистью. И по тем же причинам даже и не подумает торговаться и выдвигать условия, а будет грызть землю, чтобы оправдать мое доверие.

- Но он уже предал один раз. Можно сказать - даже два раза, когда переметнулся обратно. Что помешает ему переметнуться снова?

- То, что враги не предложат ему больше, чем уже дала я. Все по тем же причинам - сам по себе он слишком незначительная фигура.

- Кто он вообще такой, этот Вульфеншванц? По его гербу я скорее ожидал, что он окажется Вульфенкопф, - усмехнулся Локхарт.

- Сами понимаете - хвост на гербе смотрелся бы не столь эффектно, - усмехнулась в ответ королева. - Но за его фамилией стоит, разумеется, героическая легенда, что его предок убил волка на охоте, голыми руками разорвав ему пасть, и ходил потом в бой в шапке с волчьим хвостом, заслужив соответствующее прозвище, а также такую славу, что один вид этого хвоста наводил ужас на врагов... На самом деле Вульфеншванцы - захудалый баронский род, а Манфред хотя и не младший сын, то есть имеет право на этот титул, но ждать таковой будет еще долго. Отец зачал его в пятнадцать лет и пребывает в добром здравии, так что Манфред имеет перспективу стать бароном годам к шестидесяти, не раньше. Но в воинском деле он все же весьма неплох, потому и дослужился до капитана, командующего отдельным дивизионом.

Обойдя при этом многих более титулованных. И тем не менее, если бы не война и не задуманная мною реформа, это была бы, скорее всего, вершина его карьеры.

- Неплох, говорите? По-моему, этот его одиночный рейд на столицу - самоубийственная глупость.

- Если он рассчитывал, что королевские части его пропустят - как оно и произошло - то, возможно, не такая уж и глупость. И помимо надежды захватить в плен какую-нибудь важную фигуру, не обязательно даже меня, он мог рассчитывать, например, собрать ценную информацию о расположенных вокруг войсках... В любом случае, пока бо́льшая часть военной гвардии участвует в мятеже, его назначение - это практически синекура. А вот окажется ли он достоин сохранить свой пост в реорганизованной гвардии после подавления мятежа - это мы посмотрим. Снять его я смогу в любое время. Это далеко не так сложно, как заменить коннетабля.

- Если вы считаете, что Вульфеншванц теперь на нашей стороне, и он не рассказывает ни о каких гонцах и сигналах, значит, нет доказательств, что Бронгар преднамеренно пытался подставить вас ему.

- Вульфеншванц может и не сознаваться в этом. Он ведь, похоже, поверил, будто я столь наивна, что не распознала его первоначальных намерений, и не хотел бы меня разочаровывать. Конечно, его людей уже опрашивают - вполне деликатно, под предлогом "все, что вы заметили, может оказаться полезным для борьбы с мятежом" - на предмет подобных гонцов и знаков сегодня утром, но пока безрезультатно. У меня была даже мысль, что изначально Вульфеншванц хотел пройти на безопасном расстоянии к югу от города, но именно перехвативший его гонец заставил изменить направление - однако нет, судя по всему, он действительно вышел в это место в это время случайно. Но даже если бы какого-то гонца удалось отыскать и допросить, ему ведь отдавал приказ не лично Бронгар. Он сказал бы - и это была бы чистая правда - что это был неизвестный в низко надвинутом капюшоне, который заплатил ему за передачу информации, смысла которой сам передающий не понимал. А найти этого человека в капюшоне было бы уже совершенно нереально. Его, как и самого гонца, могли и просто убрать, как только стало ясно, что операция сорвалась. И любая ниточка, ведущая к Бронгару - если предположить, что она есть - оборвалась бы. Но с тем же успехом ее может и не быть. У меня по-прежнему нет ни доказательств, ни уверенности. Хотя после сегодняшнего происшествия этой уверенности - в плохую для дяди Хуберта сторону - стало больше. Уже тот факт, что подчиненные ему войска беспрепятственно пропустили врага, говорит о нем как о командующем не лучшим образом. Даже если предположить, что целью не была я.

- Да, довольно странно для человека, имеющего славу искусного полководца.

- Возможно, тем самым он всего лишь хотел дать мне понять, что желает воевать исключительно по своим собственным планам, а не реализовывать мои идеи. А если, мол, я настаиваю на своем праве принимать стратегические решения, то вот что из этого получится. Но даже и такой вариант, сами понимаете...

- Во всяком случае, сейчас менять Бронгара ни в коем случае нельзя. Не в ситуации, когда мятежники подходят к столице со всех сторон и королевская армия остается единственной силой, способной их победить - и уж точно той силой, с которой в принципе некому будет справиться, если она обернется против нас, - Локхарт запоздало подумал, не слишком ли дерзок его безапелляционный тон, но королева лишь спокойно ответила:

- Вот и я о том же. Остается надеяться лишь на то, что разгром Арвика и в его интересах тоже. Тут ситуация, в некотором смысле, аналогична положению Вульфеншванца, только с другого конца. Арвик не даст Вульфеншванцу больше, чем дала я, потому что Вульфеншванц слишком незначителен. А Бронгару - потому что он слишком значителен. Он и так уже второе лицо в государстве, ставить его выше просто некуда. Только на трон, что для Арвика, понятно, не вариант.

- И в политическом плане, если я правильно понимаю, - подхватил Локхарт, - усмиритель мятежа смотрится выгоднее, чем тот, кто сам поднял руку на законно... - у него чуть не вырвалось, по республиканской привычке, "избранную", - коронованную королеву. Во всяком случае, здесь в Айринтии.

- Именно, - подтвердила Элинор. - Бронгару не нужна репутация узурпатора и цареубийцы.

- Но если с королевой что-то случится не по его вине - или, во всяком случае, таковую нельзя будет доказать...

- Вот-вот, - вздохнула Элинор. - И сейчас я ничего не могу с этим поделать. Только принимать к сведению, - она наколола маленькой двузубой вилкой кубик ананаса и аккуратно отправила его в рот. Локхарт решил, что время бесед сменилось временем еды, и тоже придвинул к себе блюдо с фруктами (персики, нектарины и такого же размера сливы лежали там, разрезанные надвое и избавленные от косточек). Однако через пару минут молчаливой трапезы королева вновь вернулась к разговору:

- На закате голубь доставил послание от Бруммеля. Вторая битва за Дортинайн началась.

- Как, уже? Арвик же должен был тащиться туда еще несколько дней.

- Похоже, предыдущую информацию о перемещениях его войска мы получили с запозданием, а эти внезапные заморозки очень помогли ему. Тем более, он движется с севера, туда холодный фронт, очевидно, пришел раньше. Конечно, пока до крепости добрались только передовые части. Легкая конница без осадных орудий, все, что они могут - стрелять навесом через стену, по сути, чисто психологический эффект... но вскоре подтянутся и другие. И самое главное - если морозы продержатся еще два-три дня, им вообще не придется брать Дортинайн. Болото замерзнет достаточно, чтобы крепость можно было просто обойти.

- Кстати, о морозах - как быстро замерзнет озеро? Я так понимаю, сейчас оно защищает столицу лучше, чем стены. Но как только там образуется достаточно прочный лед... на месте противника я бы дождался этого момента, а потом предпринял быстрый и решительный штурм, желательно ночью. Провел бы атакующих по льду под мостами - в этом случае они были бы почти идеально прикрыты и от взглядов, и от стрел со стен и башен...

- Все зависит от погоды, - пожала плечами Элинор. - Стоячая вода замерзает быстрее, чем река, и к тому времени, как Арвик окажется здесь, это уже вполне может произойти. Но городские стены тоже не стоит сбрасывать со счетов, а главное - он будет разбит еще на подходе к городу. Но ваша идея насчет мостов интересна. Признаюсь, мне она не приходила в голову - хотя я, конечно, не специалист по штурму крепостей...

- Мне тоже прежде не приходилось этим заниматься, - пробормотал Локхарт.

- Надеюсь, комендант города об этом подумал, но надо будет его предупредить на всякий случай... Вы понимаете, Дракенхайм ни разу за всю его историю не брали штурмом. Хотя несколько раз в политической ситуации типа нынешней он оказывался в осаде. Но это никогда не происходило зимой. Зимой у нас вообще не любят воевать - нет травы для коней, резкие перепады погоды, метели, снежные заносы... хотя, конечно, водные преграды форсировать легче, но у нас тут и летом не так много рек, которые нельзя было бы перейти вброд... А архитектор мостов точно не думал о такой вероятности. Думал только о том, чтобы конструкция выглядела легкой и ажурной, так что места между сваями там достаточно. Надо будет... опустить там какие-нибудь решетки. Которые, конечно, можно выломать, но это не получится сделать бесшумно. Или обойти вокруг, но при этом придется выходить на открытый лед.

- Эти решетки успеют сделать?

- Должны. Они же нужны не между каждой парой свай, а только вблизи города... Попробуйте эту рыбу, полковник. Это королевский осетр, он водится только в этом озере и больше нигде - во всяком случае, так гласит официальная версия...

- Очень вкусно, - искренне сказал Локхарт, последовав предложению королевы. - Хотя я,

в принципе, не гурман и едва ли отличу на вкус осетра от форели.

- Чего, полагаю, не скажешь о графе де Сегюре, - заметила королева. - Уж он-то весьма разборчив, не так ли?

- Возможно, - усмехнулся Локхарт, - хотя последние семь лет он ел то же, что и я. А с чего вы вдруг о нем вспомнили? - он уже понял, что эта ремарка неспроста.

- Вы знаете, с кем он ужинал вчера?

- Он мне не докладывал, - хмуро ответил полковник, запоздало подумав, что спросить отчета у де Сегюра все же следовало. - И с кем же? Надеюсь, не с какой-нибудь... эээ... дамой с сомнительной репутацией?

- Насчет пола не угадали, - невозмутимо ответила королева. - С гроггендорским послом.

- Вы хотите сказать, что это была тайная встреча? - Локхарт нахмурился еще больше. - Во всяком случае, мне он ничего...

- Мне тоже, если это вас утешит, - усмехнулась Элинор. - Хотя и не был обязан, разумеется. Законы Айринтии не запрещают ее подданным в частном порядке встречаться с иностранцами, в том числе и с иностранными послами. А де Сегюр даже еще не был подданным. Указ о вашем принятии я подписала только сегодня. Возможно, гроггендорский посол спешил поймать именно этот момент, пока де Сегюр формально оставался частным лицом, не имеющим никаких обязательств перед королевством Айринтия... И нет, не сказать, чтобы эта встреча была совсем уж тайной. Она проходила в личных апартаментах посла в здании посольства, куда де Сегюр прибыл в экипаже, подобравшем его, впрочем, не прямо у дворца, а дальше на улице. Хотя вряд ли он был настолько наивен, чтобы полагать, что за ним не проследят. Но неофициальной это встреча была безусловно. Хотя какой еще может быть встреча с сугубо частным лицом?

- Вы говорили об этом с его высокопреосвященством?

- Это не его инициатива. Он тоже ничего не знал об этом визите.

- То есть Гроггендорская империя сама вышла на контакт с человеком, не занимающим никаких официальных постов?

- Похоже на то. Если, конечно, де Сегюр говорит правду и эту встречу не организовал кто-то еще.

- Говорит? Его что, допрашивали? - помрачнел Локхарт.

- Нет, конечно. Я же сказала - формально он ничего не нарушил. Напротив - он сам направил сегодня письменный отчет в канцелярию Зиглера. Хотя и не был обязан это делать.

"А вот передо мной он как раз отчитаться был обязан, но даже и не подумал это сделать", - со злостью подумал Локхарт.

- О чем же там шла речь?

- Мы знаем об этом только со слов де Сегюра. Если верить им, то никакие конкретные предложения на встрече не озвучивались. Так, "светская болтовня". Но похоже, что империю интересуете вы.

- Я?! - удивился Локхарт.

- Вся ваша команда, но вы лично - в первую очередь.

"Ну да, - подумал Локхарт, - непонятные выскочки, появившиеся неведомо откуда и принятые при дворе. Хороший дипломат, составляющий отчеты для своего правительства, должен заинтересоваться такими людьми."

- И что им нужно от меня? - спросил он вслух, хотя ответ напрашивался.

- Возможно, ищут способы повлиять через вас на меня, - улыбнулась королева, не обманув его ожиданий. Ну да, ну да. "Фаворит." Хочет он или не хочет, теперь его будут воспринимать так. Впрочем, этот термин ведь имеет не только фривольный смысл, и в этом значении он даже и справедлив... как еще назвать человека, обсуждающего государственные дела наедине с королевой то на ужине, то на прогулке?

- Надеюсь, вы понимаете, что это абсолютно исключено, - сердито ответил он. - С кем бы и о чем бы ни общался де Сегюр - я, к сожалению, вынужден признать, что более не могу его контролировать...

- Вас никто не обвиняет, полковник, - Элинор вновь улыбнулась. - Речь не о недоверии к вам, ни в коем случае. Просто предупреждаю вас о необходимой осторожности.

- Смерть Якобсона послужила таким наглядным предупреждением, что яснее некуда, - мрачно ответил Локхарт.

- Да, и ни заказчик, ни способ так и не выяснены. Расследование зашло в тупик... Но наши враги могут действовать и гораздо более тонкими методами, вот что я имею в виду.

- Подкупить меня так же невозможно, как и запугать. Понимаю, что звучит патетически, но это правда.

- И даже это - еще не весь возможный арсенал средств, - печально заметила Элинор. - А что касается де Сегюра - формальных претензий к нему нет, но мы не знаем, о чем он мог умолчать в своем отчете.

- И это я тоже понимаю, - кивнул Локхарт. - И все же надеюсь, что его не станут допрашивать с пристрастием в подземельях замка святого Михаила. Насколько я понимаю, в нынешних реалиях для такого достаточно всего лишь подозрения?

- Это я могу вам обещать, - серьезно ответила Элинор. - Если только не появятся по-настоящему веские доказательства его измены. Но по простому подозрению - нет.

Локхарту представилась эта сцена: рафинированный дипломат XXI столетия, интеллектуал, участник межзвездной экспедиции - в средневековой камере пыток, корчащийся на дыбе, голый, мокрый, орущий от боли - и он неприязненно скривился. Как бы он ни относился к де Сегюру - и даже если тот действительно предаст, хотя скорее даже не столько предаст по злому умыслу, сколько "диверсифицирует активы", попытается притвориться своим для каждой из сторон конфликта, как он уже предлагал в свое время...

- Я уже говорила вам, что не люблю таких методов, - сказала Элинор, вполне угадав его мысли.

- Так запретите их. Вы же королева.

- Не могу. Не в условиях войны, на которой ими пользуются другие. Отказаться от оружия, которое продолжают использовать враги, значит дать им преимущество.

- Кто-то должен сделать это первым.

- Да. Победитель. А я пока еще не выиграла.

- Мы можем победить Арвика, - заметил Локхарт, - но вряд ли Гроггендор.

- Как знать, - возразила Элинор. - Иногда маленькие страны переживают большие империи.

- Как звезды, - подхватил Локхарт. - Карлики светят дольше гигантов. Гиганты обычно кончают взрывом.

Тут он запоздало сообразил, что его собеседница не имеет понятия об астрофизике. Элинор, впрочем, не выказала никакого удивления его словам - возможно, из желания хранить королевское достоинство, а может быть, остатки научных знаний сохранялись здесь в виде мифов? Однако Локхарт предпочел не углубляться в эту тему, помня предыдущую резкую реакцию Элинор на попытку заговорить о неположенных здесь вещах.

- Но вряд ли это произойдет при нашей жизни, - заключил он.

- Не в этой инкарнации, скорее всего, - спокойно согласилась королева.

- Было бы обидно родиться гроггендорцем, когда это случится, - усмехнулся Локхарт.

- Но это невозможно, - Элинор взглянула на него с удивлением. - Перерождаешься всегда в собственной стране. Иначе какой смысл был бы укреплять то, что в следующей жизни будешь стремиться разрушить?

- Предусмотрительная религия, - Локхарт продолжал усмехаться. - А где же

перерождаются бугенхольмцы, если их страны больше нет?

- В Бугенхольме, пусть и оккупированном, - ответила Элинор без запинки. - Конечно, они могут вырасти искренними гроггендорскими патриотами, и тогда в следующей жизни могут родиться уже хоть в самом Адлерштаде.

- Значит, приняв айринтийское подданство, мы обеспечили себе будущее рождение в Айринтии, - Локхарт никак не мог оставить иронический тон. - А если бы нет? Где перерождаются лица без гражданства?

- Вблизи от места смерти. Но религиозные вопросы вам лучше обсуждать с его высокопреосвященством. Или, разумеется, с любым священником.

- Да, конечно, - тут же согласился Локхарт. - Пока что нам если и стоит думать о будущей жизни, то лишь в том смысле, как сделать ее как можно более отдаленной перспективой.

- Из чистилища в любом случае не возвращаются раньше, чем умрут все, кого ты знал в прошлой жизни, - просветила его Элинор.

"Ну да, ловко придумано! - мысленно восхитился Локхарт. - Кем я был в прошлой жизни, святой отец? - Джоном Смитом Младшим, сын мой, только все, кто мог бы подтвердить это, умерли. Да-да, монеты клади в эту кружку... "

- Ну, в таком случае, чтобы Арвик оказался там как можно раньше и ждал вас как можно дольше, - сказал он вслух, поднимая бокал с виноградным соком (слуги королевы, очевидно, уже были предупреждены, что он не любит алкоголь). - Хотя даже непонятно, если у вас тут все верят, что все всё равно возвращаются, какой смысл убивать друг друга?

- В следующей жизни он уже не родится принцем, - спокойно ответила Элинор. - И потом, я в общем-то не жажду его убить. Мне нужно, чтобы он просто не мешал мне. Но боюсь, что другим способом этого не добиться. В истории бывали случаи, когда проигравшему оставляли жизнь и даже, более-менее, свободу, но это точно не про Арвика. Он не остановится до тех пор, пока не будет мертв один из нас.

- У меня никогда не было братьев и сестер, - заметил Локхарт, - дядя, правда, был, но мы мало общались. Но мне трудно представить себе, чтобы я ненавидел и хотел убить своего ближайшего родственника. Пожалуй, я бы не хотел родиться принцем.

- Какие-нибудь крестьяне враждуют из-за семейного надела ничуть не хуже, - возразила королева, - просто у них нет армий, и они не попадают в хроники. И вообще, мне кажется, - горько добавила Элинор, - люди враждуют просто чтобы враждовать. Это для них самоцель, а любые материальные выгоды - лишь предлог.

- Да, пожалуй, - согласился Локхарт. - Доказательством этому является спорт и его популярность. У вас ведь он тоже есть - хотя бы в виде рыцарских турниров? Хотя и какая-нибудь игра в мяч, возможно...

- Есть, - подтвердила Элинор. - Даже в нескольких вариантах.

- Вот-вот. Наверняка еще и с болельщиками каждой из команд. Квинтэссенция вражды в чистом виде, лишенной каких-либо рациональных мотивов... Я никогда не мог этого понять. Хотя и по собственной воле пошел в армию. Но опять же лишь потому, что армия имела доступ к технологиям, которых не имел никто другой...

- Тем не менее, теперь вы участвуете в нашей игре.

- Volens-nolens, - блеснул латынью Локхарт.

- Во всяком случае, если бы не эта война и все сопутствующие обстоятельства, мы бы вряд ли познакомились так близко, - заметила Элинор с легкой улыбкой. - Надеюсь, вы об этом не жалеете.

Полковнику вспомнилось предостережение Якобсона. Просто застольная болтовня, или они ступают на тонкий лед?

- Здесь мне, очевидно, следует сказать комплимент, - медленно ответил Локхарт, - но я не умею этого делать. Я, безусловно, всегда буду жалеть о провале моей экспедиции и гибели моего

корабля. Хотя, с другой стороны, даже если бы мы вернулись с самыми блестящими результатами, здесь они, похоже, уже никому не нужны... Но, конечно, раз уж все это все равно случилось... то лучше уж так, чем провести остаток жизни в каком-нибудь монастыре, как предлагал покойный Якобсон - впрочем, даже он предлагал это в шутку... Хотя для него самого это, очевидно, и в самом деле было бы лучше... То есть, это я о ситуации в целом, - заторопился он, поняв, что говорит совсем не о том. - Что же касается нашей... ээ...

- Слово "дружба" не оскорбит меня, сэр Эрик.

Он вздохнул с облегчением.

- Я бы никогда не решился произнести его первым. Вы королева...

- Для них для всех да, - она смотрела прямо на него. - А вам я сказала, что мы равны, при первой же нашей встрече.

- Вообще-то, при второй, - не удержался Локхарт. - Первая была в переулке у дома Фабиаса.

- Хорошо, сэр Педант - в первый день нашего знакомства. Такая формулировка вас устроит?

- Я... не умею говорить о таких вещах, но я действительно... очень тронут вашим доверием, - выдавил из себя Локхарт. - И, честно говоря, до сих пор не вполне понимаю, как я его заслужил. Только потому, что я не из этого мира, с его предательствами и интригами? Но мой мир тоже был далеко не безгрешен в этом плане.

- Считайте, что я доверилась своей интуиции, - улыбнулась Элинор. - Но ведь вы полностью оправдали мое доверие, не так ли? Сегодня. Когда поехали за мной, полагая, что шансов на спасение нет - хотя могли просто ускакать. И я действительно очень ценю это.

- Это был мой долг. Это... не личное.

- В самом деле? - зеленые глаза Элинор смотрели требовательно и серьезно.

- Ну... не совсем, - признал он. - Вы говорили, что у вас никогда не было друзей, за исключением Виолетты Хюгельдорф. У меня, хотя я более чем вдвое старше вас... в общем-то, тоже. Были люди, которых я уважал, были те, чьим профессионализмом я восхищался - Шрамм, между прочим, до катастрофы был одним из них. Были те, с кем мне было интересно общаться - опять же, как правило, коллеги. Были те, за кого я отвечал - мой экипаж, мои пассажиры. И во исполнение этой ответственности я не пощадил бы жизни... звучит пафосно, но это не пустые слова. Причем перечисленные множества пересекались. И все же никого из таких "пересечений" я не назвал бы другом. У меня просто не возникало такого желания - иметь друзей... и вообще какие-либо привязанности. Ну, разве что к моей работе - но и то в целом, а не к конкретным людям или машинам, с нею связанным. Я всегда считал, что привязанности делают человека слабее.

- А что вы считаете теперь?

- Я... не знаю. Я навсегда потерял свою работу, свой мир, в конечном счете и свой экипаж. Наверное, мне надо на что-то опереться, чтобы не остаться в полной пустоте. Более полной, чем пустота космоса, ибо как раз космоса в ней больше нет... Знаете, как соединяются атомы в молекулу... - нет, этого она, скорее всего, не знает, подумал Локхарт и подобрал другой пример: - или как сливаются капли... - "в невесомости", хотел сказать он, но опять остановился. Впрочем, явление наблюдаемо и в земных условиях. - У них, само собой, нет эмоций, толкающих их на нерациональные поступки. Ими движут исключительно законы физики, которые иррациональными быть не могут. Тем не менее, они сливаются, потому что это более энергетически выгодное состояние. Энергия связи. Новое свойство системы, не сводимое к свойствам ее компонентов.

- Очень научное объяснение, - усмехнулась Элинор.

- Я не поэт, - ответил Локхарт почти сердито. - И не хотел бы им быть. Если я назову вам тему моей дипломной работы, вы, боюсь, поймете там только предлоги. Не потому, разумеется,

что я подвергаю сомнению ваш ум, - поспешил добавить он. - Просто в вашем мире вообще не знают таких вещей. Как, впрочем, и я не знаю многое из того, в чем прекрасно разбираются ваши рыцари... Вот ведь - нас разделяет буквально все. Социальное положение, образование, возраст... хотя, кстати, разницы в возрасте с вами я не чувствую. Вы явно умнее ваших лет... хотя де Сегюр говорит, что в средневеко... в вашу эпоху люди взрослеют рано. В моем мире человеку не продали бы даже бутылку пива, пока ему не исполнится 21 год.

- У меня было не самое беззаботное детство, как вы уже знаете. Девчонки, мечтающие быть принцессами, просто не понимают, что это такое на самом деле.

- Так вы полагаете, что мы действительно можем быть друзьями, несмотря на все различия и препятствия? И... что нам следует ими быть?

- А иначе почему вы здесь, по-вашему? Поговорить о войне и политике я могла бы и с кем-нибудь другим, - она помолчала несколько секунд - Локхарт тоже не нашелся, что сказать - и добавила: - Вам не надо бояться меня, сэр Эрик.

- Я не делал и не намерен делать ничего такого, чтобы у меня был повод бояться вас.

- Не только как королевы. Как человека. Для сильной личности привязанность - это не грех и не слабость. Это... уверенность. Точка опоры, как вы сказали. Разве вам не хочется иметь того, кому можно доверять независимо от политических соображений, которые сегодня одни, завтра другие? С кем не надо просчитывать каждый шаг и каждую фразу? Просто доверять. Всегда.

- Значит, - произнес он без всякой иронии, - если политические соображения потребуют пожертвовать мной, вы этого не сделаете?

- Нет, если вы еще этого не поняли.

- Даже ради Айринтии?

- Но вы же не враг Айринтии.

- Иногда жертвуют и своими.

- Но не друзьями[44], - Элинор помолчала несколько секунд и добавила: - Хотя мой отец, вероятно, осудил бы меня за такие слова. Для него политика и долг монарха были превыше всего. Но я - не он.

- Мне проще, - вздохнул Локхарт, - я не являюсь самостоятельной политической фигурой. Моя лояльность королеве Айринтии не может вступить в противоречие с... моей симпатией к Элинор. Простите, если это прозвучало дерзко.

- Сколько раз вам говорить, чтобы вы не извинялись.

- Значит, друзья?

- Друзья.

- Вот уж никогда бы не подумал, - качнул головой Локхарт, - что стану другом королевы.

- Когда мы наедине, вы можете не вспоминать о моем титуле.

- Я бы даже и без титула не подумал, что способен испытывать к кому-то чувства сверх обычного уважения.

- Интересно иногда узнавать о себе новое, не так ли? - улыбнулась Элинор.

- Но... - Локхарт пристально взглянул на нее, - мы ведь верно понимаем друг друга? Речь именно о дружбе, а не о... чем-то ином? - он постарался подчеркнуть интонацией свое принципиальное неприятие этого "иного".

- Именно так, - подтвердила королева. - Вот уж чего я совершенно не ищу... хотя желающих, несомненно, нашлось бы предостаточно.

- Однако, - мрачно заметил он, - вы ведь понимаете, что будут... да что там - что уже говорят о нас.

- Пусть говорят, что им вздумается. Это повод посмеяться над их глупостью и не более

---

[44]В оригинале: "Sometimes they sacrifice friendlies." "But not friends."

чем.

Шагая после ужина в одиночестве по дворцовым коридорам в свои апартаменты (он уже достаточно выучил планировку этой части дворца и даже носил собственный меч, а потому больше не нуждался в провожатых), Локхарт думал о том, о чем ему никогда, за сорок с лишним лет его жизни, не доводилось думать прежде - о своих чувствах к другому человеку. Нет, он, конечно же, не идет по пути Шрамма. Это безусловно не влюбленность, сама мысль о каковой всегда - и сейчас тоже - вызывала у Локхарта лишь презрительную брезгливость. Но это также и не то, о чем говорил Якобсон - не рефлекторное желание сильного мужчины защитить слабую девушку, даже когда под хрупкой внешностью скрывается отнюдь не слабая личность. И это больше, чем просто уважение и интерес, и уж тем более больше, чем просто логический вывод о том, что Айринтия - лучшая из оставшихся стран, а Элинор - лучшая из имеющихся кандидатур на ее престол (вывод, которым он руководствовался прежде и который базировался не столько на достоинствах выбранного, сколько на недостатках альтернатив). Доверие... да, конечно, но само по себе доверие не является для него чем-то новым. Может быть, для Элинор, выросшей в мире сплошных интриг, но не для него. Разве он не доверял членам своего экипажа - и на "Доброй воле", и до нее? Безусловно - он им, а они ему, ведь от этого зависела сама их жизнь (что, конечно, означало и принцип "доверяй, но проверяй", ибо даже лучшим профессионалам свойственно ошибаться). Он доверял им свою жизнь в полете, а потом возвращался к себе домой и не вспоминал о них до следующей миссии, не испытывая к ним никаких чувств - ни к мужчинам, ни к женщинам. Может быть, потому, что любое знакомство с ними начиналось для него с чтения их личного дела, и к моменту встречи "глава в глаза" он уже знал их почти исчерпывающие характеристики, составленные армейскими психологами и интеллектуальными компьютерами? Даже сведения о семейных проблемах и пережитых травмах - ибо все это может негативно проявиться в критической ситуации и повлиять на эффективность астронавта. Доступная информация о начальстве была не столь подробной, как о подчиненных, но тоже не нулевой - разумные специалисты по персоналу давно уже поняли, что взаимодействие в команде будет максимально эффективным, когда не только начальник заранее знает, чего ожидать от подчиненных, но и наоборот... Никого из этих людей Локхарту не приходилось самому узнавать с нуля, постепенно постигая их в личном общении. Это было, как... читать книгу, заранее зная ее содержание - что может быть нужным в плане подробностей, но вряд ли способно увлечь. А вне службы у него тем более не возникало никакой потребности заводить неформальные знакомства.

Впрочем, другие офицеры КША находились в том же положении, но отнюдь не все они были свободны от эмоциональных привязанностей - свободны до уровня отсутствия самого желания иметь таковые. Наверное, действительно понадобилась катастрофа, уничтожившая весь его мир - привычный, четкий, логичный, систематизированный - и заставившая его искать новую опору - не в системе, не в технике, а в человеке... Или же... все дело в том, что прежде ему просто не попадалась такая личность, как Элинор? Среди всех этих блестящих профессионалов и даже нобелевских лауреатов... все же было в ней что-то, чего не было в них, в этой бесстрашной девушке, фактически в одиночку, несмотря на все свои гвардии и тайные стражи, бросающей вызов своему неласковому миру. Умных, смелых и волевых женщин он встречал и раньше, но легко быть сильной, когда за тобой стоит вся мощь цивилизации - мощь не только техническая, но и социальная, когда твой статус защищен традицией, а не противоречит ей, когда никто не подвергает сомнению твою возможность и твое право быть сильной... Или... дело и не только в этом тоже? А в том, что она сама позволила себе чувства по отношению к нему? В отличие от глупостей, от которых страдал Шрамм - и миллиарды людей до него - привязанность, основанная на разумной симпатии, а не на сексуальном умопомрачении, может быть, очевидно, только симметричным движением навстречу друг другу - хотя едва ли он сам отдавал себе отчет в таковом до сегодняшнего разговора...

Проходя по галерее над бальным залом, Локхарт остановился на середине, опершись на

перила и глядя вниз. Огромное помещение было пусто и погружено во мрак, лишь слегка разгоняемый несколькими "дежурными" свечами в канделябрах у дверей; гигантские люстры, свисавшие с потолка как раз напротив галереи (видимо, как раз отсюда их и зажигали), были полностью погашены. Обладай Локхарт более романтическим воображением, он мог бы представить себе бледные призрачные фигуры, движущиеся во мраке зала в танце давно минувшей эпохи - тем более что и холод на галерее, контрастировавший с теплом королевской столовой, навевал ассоциации с рассказами о привидениях. Но полковник подумал лишь о том, как, должно быть, непросто без электричества освещать и отапливать такой большой дворец, особенно зимой с ее длинными и холодными ночами. Что, если столице все же придется пережить длительную осаду? Действительно ли хватит всех необходимых припасов - не только продовольствия, но и топлива? Если таковое придется экономить (а судя по тьме и холоду в пустом бальном зале, это отчасти делается уже сейчас), небогатые жильцы маленьких комнатушек, во многом согреваемых теплом человеческих тел, окажутся даже в выигрыше по сравнению с обитателями роскошных и просторных покоев... Кстати говоря, триста семьдесят пять бойцов Шестого дивизиона, поступившие на полное городское довольствие (причем вместе с лошадьми!), никакими прежними планами не учитывались. Вроде бы это совсем немного на фоне населения целой столицы (сколько оно тут, кстати? явно не миллион, но тысяч сто, наверное, наберется), но иногда, особенно в критической ситуации, самое небольшое отклонение может вызвать драматические последствия. Эффект бабочки или эффект домино, как его ни называй... И то, что эти солдаты, ныне считающиеся защитниками столицы, еще утром пришли сюда, как мятежники, Локхарту совсем не нравилось. Допустим, Вульфеншванцу и впрямь прямой резон теперь верой и правдой служить королеве, оправдывая полученный им пост. Но его люди никаких таких постов не получили. А для того, чтобы взять даже хорошо укрепленный город, вполне достаточно боевой группы, которая откроет ворота изнутри. Небольшому диверсионному отряду с этим не справиться - Локхарт уже имел возможность оценить систему охраны городских ворот и нашел ее вполне надежной, насколько, конечно, он мог судить при своих дилетантских познаниях в фортификации - но почти четыре сотни гвардейцев - это уже сила достаточно серьезная...

Неожиданно он услышал шаги внизу и рефлекторно замер - хотя, разумеется, имел полное право находиться на этой галерее, ни от кого не прячась. В авантюрном романе, подумал Локхарт с усмешкой, он бы непременно стал невольным свидетелем тайной встречи заговорщиков в пустом зале. Но в реальности, конечно, заговорщикам нет никакого смысла избирать такие места. Нити заговоров плетутся не в холодных и гулких залах, а в уютных гостиных и кабинетах, под треск камина, за бокалом хорошего вина...

И действительно, в зал вошел всего лишь одинокий лакей в ливрее. Он запер дверь, через которую вошел, большим ключом и погасил свечи в канделябрах. Затем проследовал в почти уже совершенной темноте к двери с противоположной стороны, погасил свечи и там, вышел и закрыл и эту дверь, заперев ее снаружи. Вверх на галерею он, конечно, даже не взглянул.

Локхарт мог бы окликнуть его и приказать повременить, но в силу все того же странного рефлекса, заставившего его затаиться, не сделал этого - и оттого остался теперь в полной тьме. У него мелькнуло опасение, что и выходы с галереи могли закрыть, пока он стоял здесь, и в этом случае, если никто не услышит его сквозь толстые двери, он застрянет в этом холодном зале до утра - положение не только совершенно идиотское, но, возможно, даже и небезопасное, учитывая, что к рассвету температура здесь может упасть чуть ли не до точки замерзания, а он одет вовсе не для зимней улицы. Вообще, рано он решил (думал Локхарт, торопливо шагая по галерее и скользя рукой по перилам), что может ходить по дворцу без сопровождающих. Он уже не раз проходил этим маршрутом, но это было днем, а о ночной жизни дворца ему ничего не известно. Кто знает, какие двери еще тут могут запирать и не придется ли ему разбираться с какими-нибудь стражниками, совершающими ночной обход...

Однако его опасения оказались напрасны. Дверь в конце галереи по-прежнему оставалась отперта, хотя коридор за ней уже тоже погрузился в темноту - но, ощупью дойдя вдоль стены до поворота, Локхарт с облегчением увидел впереди слабый свет, пробивавшейся снизу с винтовой лестницы. Там тоже горели лишь тусклые "дежурные" масляные светильники, придававшие лестнице мрачный вид колодца, уходящего в некие зловещие глубины из старых фильмов ужасов. Однако, отсчитав нужное число витков, Локхарт благополучно вышел в нужный коридор - а дойдя до его пересечения с другим коридором, снова услышал шаги.

Локхарт свернул за угол и увидел, что это не еще один слуга. Человек, которого он увидел со спины, был облачен не в ливрею, а в длинную шубу мехом наружу и шапку - то есть, очевидно, он только что пришел с улицы и теперь шагал по направлению к гостевым покоям. Пока что он двигался в полумраке, но впереди коридор был ярко освещен, а затем снова погружался в темноту - Локхарт догадался, что это сделано специально, дабы стражники, охраняющие вход в гостевые апартаменты, хорошо видели всякого, кто приближается, оставаясь при этом в тени.

Локхарт двинулся за ним следом, стараясь ступать в такт. Но человек все равно расслышал его шаги и обернулся, как раз достигнув более освещенной части коридора. Полковник узнал де Сегюра.

- Какая встреча, посланник, - произнес он тоном почти что елейным. - Ходили посмотреть на звезды?

- Между прочим, на улице действительно довольно красиво, - невозмутимо ответил граф, останавливаясь. - Полная луна и Кольцо. Хотя и чертовски холодно.

- Как поживает его превосходительство?

- Его высокопреосвященство, вы хотели сказать. Он был столь любезен, что пригласил меня на ужин, откуда я и возвращаюсь.

- Вы популярны, словно трип-звезда, - усмехнулся Локхарт. - Все мечтают поужинать с вами. Но я имел в виду его превосходительство посла Гроггендора, с которым вы ужинали вчера.

- Это моя профессия, - ответил де Сегюр все так же невозмутимо, - и я представил полный отчет об этой встрече в Посольскую канцелярию.

- Но не мне.

- В эпоху без электронных коммуникаций недостаточно просто поставить "СС", чтобы разослать документ нескольким адресатам. Но, может быть, мы не будем обсуждать это посреди коридора?

- Хорошо, - буркнул Локхарт. В молчании они прошли мимо застывших истуканами стражников, а затем - в личные покои де Сегюра.

- Хватит уже этих ваших отговорок, - произнес Локхарт, когда граф снял шубу и шапку. - Вы больше не считаете себя моим подчиненным - так? Полагаете меня чисто номинальной фигурой, отчитываться перед которой вы не обязаны?

- Напротив, - возразил де Сегюр, - насколько мне известно, вы пользуетесь покровительством более высоким, нежели я. Но мы действительно больше не на борту космического корабля, где вы были единственным лицом, ответственным за принятие решений. И я вынужден работать... со всеми такими лицами, стараясь, чтобы они по возможности не мешали друг другу. Многовекторная политика всегда была наиболее разумной стратегией, особенно в ситуации ограниченных возможностей. Если бы я запросил вашего разрешения на эту встречу, а вы мне его не дали - поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы ведь настроены весьма антигроггендорски? - это создало бы куда более неловкую ситуацию, чем теперь.

- Лучше просить прощения, чем разрешения, - с усмешкой процитировал Локхарт старинный афоризм. - А если бы я и в самом деле запретил вам, вы бы нарушили мой прямой приказ?

- При всем уважении, полковник... я не учил вас управлять кораблем, но и вам не следует

учить меня дипломатии. Я стараюсь действовать в интересах нашей группы, но если вы намерены мне в этом мешать, то... я, к моему глубокому сожалению, вынужден буду рассматривать ваше мнение как менее компетентное и соответственно менее приоритетное. Это не вопрос личных амбиций, как вы, возможно, думаете. Это сухой рациональный расчет, к которому вы всегда призывали. Каждый должен заниматься своим делом.

- И мое дело - управлять кораблем, которого больше нет и никогда не будет, - мрачно кивнул Локхарт. - А если уже не только? Как вы сами могли догадаться, раз намекаете на моего высокого покровителя - хотя это не вполне точная формулировка...

- Я ни в чем не повинен перед ее королевским величеством Элинор, - пожал плечами де Сегюр. - Я не действовал, и не стал бы действовать, вопреки *ее* прямому запрету.

- В самом деле? А может быть вы, в рамках вашей "многовекторной политики", решили заранее навести мосты в Гроггендор? Возможно, вы считаете, что Айринтия падет, и лучше сделать ставку на империю? Начать выслуживаться перед ней, пока еще не поздно? А ваш отчет... вы ведь изложили в нем не все, не так ли?

- Я бы попросил вас все же выбирать выражения, полковник, - поморщился де Сегюр, и Локхарт отметил про себя, что тот больше не называет его командиром. - Никто не выиграет, если мы начнем выяснять отношения на повышенных тонах... Да, разумеется, я обязан рассматривать все возможные варианты развития событий - в том числе и неблагоприятные, но, к сожалению, вероятные. В условиях охватившей Айринтию смуты вероятность гроггендорского вторжения весьма велика, и айринтийская армия имеет не слишком хорошие шансы его отразить. И закрывать на это глаза - это самое худшее, что можно сделать для решения данной проблемы... а точнее, вместо решения таковой. А моей целью, если угодно, как раз и было прощупать пути, которые помогли бы предотвратить такое развитие событий. В том числе, разумеется, и расточая определенные комплименты гроггендорскому послу, и делая вид, что я не являюсь особым патриотом Айринтии - во что, как вы понимаете, нетрудно поверить - и открыт для сугубо прагматического сотрудничества, не окрашенного ни в какие идеологизированные тона... Именно в этом случае я становлюсь для него независимым и ценным источником информации, вы же понимаете? А не тем, через который айринтийские власти пытаются сливать империи свою пропаганду! Именно поэтому было необходимо, чтобы я предпринял этот визит без каких-либо предварительных согласований и поручений сверху, на случай возможных утечек.

- Но отчет в Канцелярию вы все-таки представили.

- Да, формальный и благонамеренный. Скрыв, как вы проницательно предположили, некоторые детали, связанные с обсуждением возможного сотрудничества... так что, даже если полный текст этого отчета попадет в гроггендорское посольство, там лишь удовлетворенно покивают головой. Они ведь тоже понимают, что я не должен попасть под подозрение здесь - иначе я потеряю для них всякую ценность! Поэтому я должен был - хотя и не обязан по закону - отчитаться о своей встрече с послом. Отчитаться именно в той форме, в какой я это сделал. А вот на ужине с его высокопреосвященством я уже устным образом описал эту встречу более подробно. Вы можете... или ее величество может спросить у него, если мои слова вызывают сомнения.

- Так что же это за подробности? Я думаю, - едко добавил Локхарт, - мы сэкономим время, если я узнаю их непосредственно от вас, а не через его высокопреосвященство и ее величество.

- Ну например, я постарался донести до имперского посла мысль, что в случае вторжения - независимо, ограничится ли оно новыми территориями или пойдет дальше - айринтийцы забудут свои внутренние распри и все как один объединятся против общего врага. Думаю, что на самом деле это выдача желаемого за действительное, но я очень постарался, чтобы это звучало как авторитетное мнение независимого наблюдателя. Соответственно, в интересах Гроггендора

не нападение в ближайшее время, а максимальное затягивание айринтийской смуты, с тем, чтобы ее участники максимально же истощили и обескровили друг друга, а измученное население само возжаждало мира и порядка, кто бы ни установил таковой - хотя бы и внешний оккупант. Собственно, эта тактика для Гроггендора не новая, так что мне даже не пришлось ее описывать - достаточно было лишь слегка намекнуть...

- Однако! Не много ли вы на себя берете, фактически предлагая Гроггендору закулисно поддерживать мятежника?

- Как будто он не поддержит Арвика и без моих советов! Смысл в том, чтобы любой ценой оттянуть вторжение, к которому мы совершенно не готовы, вы понимаете? Внушить Гроггендору мысль, что быстрая победа Арвика ему невыгодна - как, впрочем, и быстрая победа над Арвиком, и эту мысль я уже постарался донести до его высокопреосвященства. Как ни парадоксально, но гражданская война сейчас спасает нас от имперского вторжения, а быстрый разгром Арвика может спровоцировать таковое.

- Еще недавно вы говорили, что гражданская война на собственной территории не может быть оптимальным вариантом, - припомнил Локхарт.

- Ситуация изменилась, - пожал плечами де Сегюр. - Невоенного варианта, очевидно, больше не существует. И в этом контексте затяжная война с Арвиком - меньшее зло, чем вторжение Гроггендора.

- Если империя примет вашу логику.

- Моя логика достаточно убедительна. Собственно, не поручусь, что какие-нибудь имперские аналитики уже не пришли к тем же выводам самостоятельно. И это лишь укрепит их доверие ко мне.

- Не думаю, что Элинор согласится играть с Арвиком в поддавки, - покачал головой Локхарт. - И уж тем более на это не согласится он сам.

- Во всяком случае, затяжная маневровая война с избеганием крупных боестолкновений была бы хорошей стратегией.

"Это совсем не то, к чему стремятся обе стороны сейчас", - подумал Локхарт, а вслух спросил: - Ну а потом-то что? Ведь это нельзя затягивать до бесконечности.

- Потом мы, возможно, будем лучше готовы к войне с Гроггендором. А Гроггендор, возможно, будет готов к ней хуже. Ожидание изматывает больше самого действия... и никто не поручится, что в такой большой империи не возникнут за это время свои собственные проблемы.

- В своем отчете вы указали, что посол расспрашивал вас обо мне, - сменил тему Локхарт. - Это правда?

- Да, и обо всех нас. Что логично, надо же ему было понять, с кем он имеет дело.

- И вы рассказали ему? О "Доброй воле", о космосе?

- Только то, что мы - последние выжившие члены экипажа корабля "Добрая воля", погибшего у берегов Айринтии. Что это за корабль, я не уточнял.

- В самом деле? - прищурился Локхарт. - И вы не пытались заинтересовать посла идеей возрождения машинной цивилизации, как в свое время Хагентрауба? У такой большой империи, проникнись она этой идеей, было бы для этого гораздо больше возможностей, чем у единственного графа, не так ли? Тем паче что агрессоры любят технику, дающую военное преимущество. А маленькую Айринтию можно было бы принести в жертву великой идее, так?

- Похоже, мы с вами поменялись ролями, - усмехнулся дипломат. - В свое время именно вы готовы были рассказывать о космосе и прогрессе каждому встречному крестьянину, а я призывал к осторожности в этом вопросе... Но ныне я вижу, что эти идеи не пользуются здесь популярностью. Ни по одну сторону границы.

- Так вы все же предлагали ему это?

- Нет, - медленно ответил де Сегюр. - Не предлагал.

- И он удовлетворился объяснением о корабле, взявшемся неизвестно откуда? Пусть он считал, что это парусник - но даже парусник, не принадлежащий ни одной из существующих стран, включая Ибикейскую республику...

- Удовлетворился, - кивнул дипломат. - Он не стал углубляться в эту тему.

- Совершенно удивительная для посла - то есть, называя вещи своими именами, разведчика - нелюбопытность.

- Есть кое-кто, о чем я не рассказал даже Фабиасу, - произнес де Сегюр после короткой паузы. - У меня сложилось впечатление, что любопытство в данном вопросе послу не требовалось. Потому что он понял, о чем речь.

- Понял? - потрясенно повторил Локхарт. - То есть вы хотите сказать...

- Ничего такого напрямую он не говорил. Но мне кажется, что он знает французский язык. Мы говорили по-английски, разумеется. Но иногда я, на правах иностранца, как бы случайно вставлял французские слова, причем так, чтобы об их значении сложно было догадаться по контексту. И он ни разу не продемонстрировал своего непонимания.

- Ну так в бугенхольмском диалекте много французских слов, а Бугенхольм теперь часть Гроггендора.

- Мне уже доводилось просматривать документы на бугенхольмском. Я, конечно, не могу назвать себя знатоком этого языка - или диалекта, как его ни называй - но я употреблял в том числе слова, которые в этих документах совершенно точно были не французскими.

- В официальной речи утвердился германский вариант, а в разговорной остались французские синонимы, - пожал плечами Локхарт. - В английском тоже так когда-то было, - это он помнил еще по прочитанному в детстве "Айвенхо" Вальтера Скотта.

- Все может быть, - согласился де Сегюр. - Но в сочетании с упомянутым вами отсутствием любопытства это наводит на определенные подозрения.

- Если, по-вашему, в империи сохраняется память о мире до Катастрофы - чем бы таковая ни была - почему они это не используют? Все свои военные победы они одержали чисто средневековыми методами. В хрониках нет никаких упоминаний чудо-оружия.

- Я не знаю, - пожал плечами граф. - Возможно, у них сохранились какие-то отдельные работающие машины, которые они могут запускать, но не могут воспроизвести. Или даже не работающие, а просто хранящиеся, как артефакты - что даже скорее всего, если они не знают, как произвести электричество. Или всего лишь сведения чисто гуманитарного характера, без каких-либо технически полезных знаний. Наконец, кто такие "они"? Совсем не обязательно это власти Гроггендора. Это может быть, к примеру, какое-то тайное общество, хранящее утраченные знания...

- И вы, конечно, многого ожидали от контакта с ними.

- Так или иначе, им, похоже, совершенно неинтересна эта тема. Конечно, посол мог просто не поверить, что мы действительно те самые астронавты - хотя иначе откуда нам знать всеми здесь забытую историю? Но он не пытался выяснить какие-то подробности, подловить меня или что-то в этом роде. Просто принял к сведению мой ответ о потерпевшем крушение корабле и перешел к другой теме. На протяжении всей беседы он вел себя как обычный дипломат средневековой державы - хорошо образованный, но лишь в рамках своей эпохи. Если не считать его познаний в языке, на котором больше не говорят ни в одной из здешних стран.

- Вот и хорошо.

- Вы уже больше не хотите возрождать цивилизацию? - иронически произнес де Сегюр.

- Не с гроггендорцами в роли цивилизаторов. Стал бы я вручать высокие технологии Хитлеру, Сталину или Путину? Разумеется, нет. Не только военные технологии. Вообще любые. Ибо даже самые мирные - например, позволяющие лучше кормить или лечить - агрессор все равно использует для усиления мощи своей армии.

- Ну, это все же некорректное сравнение. Гроггендор пока не устраивал никакого

геноцида на захваченных территориях, и рабства там нет. А что это абсолютная монархия, так и Айринтия не республика.

- Дело не в форме правления, а в сути. Все только что упомянутые мною диктаторы формально стояли во главе республик, а за свободу против них боролась, в частности, монархическая Британия... Гроггендор, возможно, не настолько жесток, но все равно это не страна, а гигантская казарма. Так или иначе, вы приняли айринтийское подданство и долг лояльности. И если вы чересчур заиграетесь в свои шпионско-дипломатические игры, забыв, на чьей вы стороне... то даже мое заступничество не сможет вас спасти. Надеюсь, вы это понимаете?

- Вполне, - спокойно ответил де Сегюр. - И я уже сказал вам - мы на одной стороне. Мне только любопытно, ваша лояльность Айринтии обусловлена вашей преданностью этой стране - или одному конкретному человеку?

Локхарт метнул на него неприязненный взгляд, но не нашел остроумного ответа и лишь сердито произнес: - Держите свои намеки и свою иронию при себе. Наша ситуация достаточно серьезна.

- Вы напрасно смущаетесь, командир, - возразил де Сегюр. - В конечном счете личные интересы куда надежнее патриотизма, долга и всех подобных патетических вещей. Если угодно. мою лояльность тоже обеспечивает личный интерес.

- Вот как? И какой же?

- Именно такой: интерес. Легко быть дипломатом сверхдержавы, русские в этом качестве вообще использовали особей, недалеко ушедших от пресловутого коня Калигулы. Но играть на стороне того, кто слабее - вот вызов для настоящего профессионала. А в мире, который захватит Гроггендор, мне просто нечего делать. Даже если империя щедро отблагодарит меня материально, я снова и теперь уже навсегда останусь без работы и умру со скуки.

На следующее утро ветер, сменившийся с северного на северо-западный, но не ставший от этого теплее, принес в столицу снег - пока, впрочем, не настолько много, чтобы вновь сделать дороги труднопроходимыми. В середине дня стражники на юго-восточных башнях подняли тревогу, заметив сквозь снежную пелену движущееся к городу войско, но это оказались солдаты королевской армии - одна из последних частей, прибытия которых все еще ожидали. Тревога, однако, оказалась не совсем пустой - как доложил командир прибывших, в пути они встретились с другим крупным отрядом, судя по всему - мятежными гвардейцами, но тот не принял боя и ушел на восток. Командир, не имевший возможности преследовать конных силами своей пехоты (даже если бы те направились прямиком к столице), возлагал, тем не менее, всю заслугу за отпугнутого от Дракенхайма врага на себя и своих людей, но герцог Бронгарский, лично выслушавший его доклад, не был удовлетворен этой версией. Движение мятежников на восток, прочь от столицы, не выглядело логичным вне зависимости от того, хотели они избежать столкновения или нет. Пехота не может навязать бой кавалерии, если только последняя не стоит на отдыхе. Гвардейцы могли уйти ближе к городу, а не дальше от него. План королевской стороны (выдвинутый в общих чертах Элинор и разработанный в деталях Бронгаром) исходил из того, что мятежные отряды гвардейцев будут стягиваться к столице, проводя беспокоящие рейды в ее окрестностях.

К вечеру слухи, подхваченные от новоприбывших солдат, распространились уже по всем городским кабакам. Поскольку солдаты в своих рассказах склонны были значительно преувеличивать численность противника, некоторые из этих слухов были паническими - мол, на столицу движется огромное войско с юга (многие обыватели все еще толком не знали о мятеже военной гвардии и тем паче не представляли его масштабы), но преобладали все же ура-патриотические - мол, мятежники обращены в бегство, и с каждым очередным пересказом (и каждой кружкой вина) все более выходило, что речь идет не об одном отряде, а чуть ли не обо всех врагах королевы, вместе взятых, включая даже и Арвика, который уж точно никак не мог

оказаться на пути у подкрепления, пришедшего в город с юго-востока.

Локхарту тем временем пришлось примерить с удивительной оперативностью подогнанные по его фигуре латы. Доспешный мастер заставил его проделать в них самые разнообразные движения, в том числе отжаться от пола и сесть в седло (правда, не уже знакомого Локхарту игреневого коня, а деревянного макета в помещении), несколько раз возился с ремнями и креплениями и в конце концов добился от клиента вместо "ну вроде ничего..." уверенного "хорошо". Латы, разумеется, оказались тяжелее и менее удобными, чем скафандр (как ему объяснили, полный комплект весил пятьдесят фунтов), и уж никак не могло быть речи о том, чтобы надеть их за восемь секунд (надевать их оказалось не проще, чем правильно запрячь или оседлать лошадь - так, чтобы ничто нигде не терло, не сползало и не сваливалось - с той разницей, что проделывать это приходится на себе) - и все же двигаться в них оказалось вовсе не так трудно, как опасался Локхарт, некогда наслушавшийся мифов о том, что "рыцарь не мог сесть на коня без посторонней помощи" (всерьез он этим вопросом в своей прошлой жизни никогда не интересовался). Их немалый вес достаточно удобно распределялся по всему телу, а сочленения предоставляли достаточно гибкости для движений. "Теперь я рыцарь в сияющих доспехах, - подумал с усмешкой полковник, когда с подгонкой и обучением правилам надевания и ношения было закончено. - В самом буквальном смысле."

От мастера-доспешника он перешел прямиком в руки Габриуса, который поздравил его с обновкой, но заявил (к облегчению полковника), что для начала тот должен освоить работу с мечом налегке, и лишь потом придет черед тренировок в латах. "В этой броне вы практически неуязвимы против меча, кроме двуручника в руках сильного бойца, и против стрелы, кроме арбалетного болта с близкого расстояния, - пояснял Габриус. - Но вы ни в коем случае не должны поддаваться искушению, что если вы в доспехах, то вам все позволено, в том числе и лезть под удар. Под удар можно подставлять щит или меч, но не собственную плоть, вне зависимости от того, облачена ли она в железо. В доспехах вы должны вести и чувствовать себя так же, как и без доспехов. Латы - это не более чем дополнительная страховка на случай ошибки. Надевать их можно только тогда, когда вы приучитесь мыслить и действовать так, чтобы не допускать ошибок." После чего начались очередные часы тренировки, вполне изматывающей и без веса лат.

Едва Локхарт успел привести себя в порядок после изнурительных упражнений (увы, роль душа при тренажерном зале здесь исполнял слуга с ведром воды, но чистая и благоухающая одежда, поданная ему сразу после, заслуживала всяких похвал), как перед ним предстал лакей с вызовом от королевы. Уже по расфуфыренному виду этого лакея Локхарт понял, что речь идет о неком официальном деле - предыдущее приглашение на ужин ему передала незаметная скромница Марта. Действительно, провожатый привел его в светлое помещение с окнами во всю стену, где, помимо королевы, Локхарта дожидался невысокий человек с тонкими черными усами под горбатым носом, в черном с серебром жакете с рукавами-буф и фиолетовом бархатном берете, свисавшем на одну сторону (Локхарт уже знал, что местный этикет не требует снимать головной убор, особенно если тот является частью официального костюма, даже и в присутствии монарха,). В руке черноусый держал большую кожаную папку.

- Сэр Эрик, это герольдмейстер Людвиг Хаттенберг. Я уже велела подать мне на подпись вашу дворянскую грамоту, и тут вспомнила, что мы с вами забыли о чрезвычайно важной вещи. О вашем гербе. Что вы хотите видеть на нем?

- Хмм... - вопрос застал Локхарта совершенно врасплох. Вот уж о чем он не задумывался вообще никогда - тем паче что ни жена, ни дети в его планы не входили, и, стало быть, сама идея о "доме Локхартов" со всей присущей атрибутикой была нелепой. Но, раз уж он теперь рыцарь, видимо, по местным правилам и в самом деле важно, что будет нарисовано на его щите. У него мелькнула было мысль буквально изобразить свою фамилию - сердце в виде запертого замка́ -

но она тут же показалась ему невыносимо пошлой (как и любое изображение сердца, кроме анатомически достоверного в медицинском справочнике). - Может быть, что-то... летающее? - но не космический корабль и не самолет, конечно, добавил он мысленно. - Птица? Хотя воображаю, сколько в Айринтии гербов со всякими орлами и ястребами...

- Немало, - улыбнулась Элинор.

Ему и самому не нравилась эта идея. Птицы летают в атмосфере, это не космос... Но что космического можно изобразить в стилистике средневековья?

- Как насчет кометы? Или, скорее, падающей звезды, если исходить из моей биографии, - мрачно произнес он. - На черном фоне.

- Сэр Людвиг? - королева посмотрела на герольдмейстера.

- Да, конечно, мэм, - поклонился тот, раскрывая свою папку. Оттуда он извлек лист бумаги и карандаш и в несколько секунд набросал эскиз - пятиконечную звезду с изогнутым кометным хвостом, как бы движущуюся по пологой траектории справа налево и сверху вниз в пространстве щита. - Так, сэр? Желаете добавить что-то еще?

Поле гербового щита и впрямь показалось Локхарту пустоватым, и, коль скоро оно символизировало небо, напрашивалась мысль добавить туда звезды - не такие крупные, конечно, как главная. Поначалу он подумал о каком-нибудь созвездии - но каком именно? Каждое из них наверняка имеет тут какой-нибудь символический смысл, в каковых у Локхарта не было никакого желания разбираться. Да и вообще, пользуются ли жители теперешнего мира теми же обозначениями созвездий, что и в его эпоху? Затем ему пришла в голову другая мысль:

- Можно изобразить в верхней части косой крест из тринадцати небольших пятиконечных звезд? Шесть и шесть, одна в центре, - он показал пальцем на рисунке.

- Конечно, сэр, - карандаш вновь быстро зашуршал по листу.

- Да, именно так, - одобрил Локхарт. Флаг КША. Без синих полос и красного поля, но узнаваемый для всякого, кто видел его хоть раз. Локхарт выбрал эмблему своей навсегда исчезнувшей страны не из сентиментальных соображений. Просто ему вспомнились предположения де Сегюра о том, что какие-то отдельные здешние роды или тайные общества могут сохранять хотя бы фрагменты памяти о прежнем мире. Гербы всех дворян публикуются в специальных книгах - он видел такую и в гостевом доме архиепископа, и в своей нынешней библиотеке - так что, возможно, таким образом он даст знать... Кстати, надо бы и самому внимательно пролистать эту книгу в поисках подобных намеков. Он безусловно не собирался помогать Гроггендору, но если такие люди имеются и в Айринтии... С другой стороны - если они и есть, откуда следует, что они стремятся к возрождению цивилизации - ведь они же не предприняли никаких попыток до сих пор? Но, может быть, им как раз не хватало своего человека при дворе? Впрочем, большой вопрос, сумеет ли он переубедить Элинор, несмотря на все установившееся между ними доверие. Пока что она категорически не желает даже обсуждать эту тему. И... как знать, может быть, целью этих гипотетических "хранителей тайного знания" является вовсе не возрождение цивилизации, а как раз наоборот - недопущение этого? По результатам, по крайней мере, больше похоже на то. Миф о шести, то есть даже восьми, столетиях феодализма, коим предшествовали доисторические времена, о которых не сохранилось даже легенд, выглядит слишком хорошо проработанным, чтобы возникнуть стихийно. Кто-то его насаждал и, возможно, до сих пор следит за его сохранностью. Следит настолько ревностно, что всякое покушение на таковой вызывает рефлекторное отторжение даже у умной и отважной Элинор, в других вопросах не боящейся бросить вызов вековым предрассудкам. Быть может, и Якобсон стал жертвой не нынешней борьбы за айринтийский престол, а как раз стремления защитить этот миф? Живым опровержением коего являются, вообще-то, они все, но Якобсон мог просто стать первым, до кого им удалось добраться, случайно... или нет. Локхарту вспомнилось, что в Хассенворте Якобсон прочитал целую лекцию перед празднующей толпой об их космическом полете. Гуляки ему, естественно, не поверили, но

получается, что из всех астронавтов он стал самым явным нарушителем табу. Остальные пытались - если вообще пытались - поднимать эту тему лишь в частных беседах, а не перед широкой аудиторией. Неужели эта речь на хассенвортском карнавале стала причиной последующей смерти доктора в Дракенхайме? Звучит невыносимо пошлой конспирологией, но... но если это все-таки правда, то своим конфедератским флагом он, Локхарт, бросает вызов той же силе. Перед которой он, впрочем, не собирался капитулировать... но которую лучше бы представлять себе яснее, прежде чем ввязываться с ней в бой. Арвик в этом плане был куда более удобным врагом.

Впрочем, ни Элинор, ни герольдмейстер не выказали никакого неодобрения его идее - как и какого-либо интереса к выбранному им символу. Для них, похоже, крест из тринадцати звезд не значил вообще ничего.

- Окончательный рисунок герба будет готов сегодня же, - пообещал Хаттенберг. - Белые звезды на черном поле?

- Да.

- Похвальная простота и строгость... А какой родовой девиз вы желаете избрать, сэр Эрик?

Этот вопрос вновь заставил Локхарта задуматься. Хорошо бы, конечно, прямо тут изобрести какой-нибудь красивый афоризм... но ничто эффектное не приходило ему в голову, и он решил воспользоваться фразой, придуманной задолго до него:

- Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

- Отличный девиз, сэр.

Поклонившись королеве и Локхарту, герольдмейстер вышел, оставив Элинор наедине с полковником.

- Вы получите щит с вашим гербом завтра, - пообещала королева. - Как вам ваши доспехи?

- Смотрятся эффектно, но оценить их по достоинству я, наверное, смогу не раньше, чем оказавшись в условиях, приближенных к боевым. В любом случае, признателен за подарок. Вы говорили, они дорого стоят?

- Честно говоря, как целая деревня.

- Надеюсь, я не нанес чрезмерного ущерба айринтийской казне, - усмехнулся Локхарт.

- Вовсе не чрезмерного, если эти расходы помогут сохранить вашу жизнь, сэр Эрик, - серьезно ответила Элинор.

- Якобсона не спасли бы никакие доспехи, даже если они у него и были, - мрачно заметил Локхарт.

- Вся пища, подаваемая в гостевые покои, проходит ту же проверку, что и блюда для королевского стола. Ее пробуют как сами повара, так и специально нанятые люди.

"Помогло ли это Гумбольдту?" - подумал про себя Локхарт, но вслух лишь сказал: - Та еще работенка.

- Совсем не такая опасная, как может показаться, - возразила Элинор. - Попытки отравления исключительно редки. Именно потому, что потенциальные отравители знают, что отравят вовсе не того, в кого метят. Конечно, существуют и медленно действующие яды... но, в любом случае, от всех опасностей не может защититься никто - ни королева, ни рыцарь, ни простой крестьянин. Ни даже монах в монастыре. Так что, как вы сами сказали - делай, что должно... Кстати, о еде - пригласить вас сегодня на ужин я не смогу. Напросился дядя Фабиас. Не иначе, хочет устроить мне очередное отеческое увещевание, - Элинор усмехнулась почти виновато.

- Я даже догадываюсь, о чем, - ответил Локхарт и пересказал ей идею де Сегюра о "гражданской войне как защите от внешнего вторжения".

- Я могла бы высказать много соображений о том, как затяжная гражданская война влияет

на страну и общество, - покачала головой Элинор. - Даже если в ней нет больших сражений и кровопролитий. Какие это формирует настроения, как влияет на хозяйство длительная неуверенность ни в безопасности торговых путей, ни в надежности займов и вложений... Но достаточно уже и того аргумента, что Арвик никогда не согласится на роль моего спарринг-партнера. А в войне, где одна из сторон стремится к быстрой и решительной победе, а другая всячески избегает боя, первая получает преимущество. Кроме ситуации, когда вторая может измотать ее бесконечным отступлением, но Айринтия для этого - слишком маленькая страна. Не говоря уже о том, что королева не может позволить себе бегать от мятежников. Иначе она перестанет быть королевой.

- Понимаю, - кивнул Локхарт. - Собственно, я сразу так и сказал де Сегюру.

- Меня радует, что мы понимаем друг друга, - улыбнулась Элинор. - Но, к сожалению, сегодня толком побеседовать не получится. Государственные дела, как водится. Вот прямо сейчас будем обсуждать с первым министром и министром финансов, что делать с долгами Арвика. Он успел нахватать их преизрядно, пока считался наследником. Тогда, понятное дело, банкиры считали это надежным вложением. А сейчас они всерьез обеспокоены перспективами их возврата и почтительно интересуются - если Арвик будет побежден и казнен, как мятежник, покроет ли казна его долги? Сказать "нет" - значит, прямо дать знать его кредиторам - а это весьма серьезные банковские дома - что они не заинтересованы в нашей победе. Сказать "да" - значит, открыть ему неограниченный кредит прямо сейчас: "Элинор платит за все!" Неизвестно, что хуже.

- А если обещать оплату прежних кредитов, но запретить давать ему новые?

- В Гроггендоре такое было бы возможно. Но в Айринтии это немыслимое нарушение свободы предпринимательства - чтобы власть указывала банкиру, кому давать, а кому не давать в долг. Да, вся собственность мятежника подлежит конфискации... но если заимодавец желает иметь дело с таким заемщиком, он все равно имеет на это право. В принципе, даже разбойник, приговоренный к смерти, может взять в долг прямо на эшафоте, если найдется желающий ему дать.

- Тогда объявить, что оплачиваться будут только долги принца Арвика, но не графа Дункельта. То есть сделанные им до того, как он был лишен наследства.

- С этим тоже не все так просто. Во-первых, во многих долговых обязательствах указывается лишь срок выплаты, но не дата заключения соглашения, а учетные книги могут переписываться задним числом. Во-вторых, существует вторичный рынок перекредитования. То есть долги Арвика могут продаваться и перепродаваться и становиться уже как бы и не Арвика...

- Никогда не любил экономику, - проворчал Локхарт.

- Я понимаю, - улыбнулась Элинор, - потому и не зову вас на это совещание. Да, сэр Эрик, быть монархом - это не только танцевать на придворных балах и скакать в позолоченных доспехах во главе войска, но и разбираться в таких вот скучных вещах... Ну ничего, поломаем голову с моими министрами и что-нибудь придумаем. А с вами, надеюсь, мы пообщаемся завтра.

Однако в следующие два дня у королевы, по-видимому, так и не нашлось времени для беседы с Локхартом. Лишь на третьи сутки его позвали на новое совещание в ситуационной комнате.

Состав участников изменился. Де Сегюр зван не был, что Локхарта не особо удивило; удивило его скорее отсутствие Крампа. Зато присутствовал Вульфеншванц. Неужели Элинор настолько доверяет ему, подумал Локхарт - или его присутствие здесь просто требуется согласно его теперешнему статусу? Статусу, в общем-то, чисто номинальному. "Командующий военной гвардией" на самом деле по-прежнему командует единственным дивизионом. Других гвардейских частей в городе просто нет, а из тех, что есть вдали, пять восьмых поддерживают Арвика и еще почти четверть, за вычетом Шестого дивизиона - Дирлиха, то есть по сути все того

же Арвика. И даже оставшаяся одна восьмая, вероятно, не вся уже успела получить известие о новом командующем - и не факт, что вся ему подчинится...

Но эти мысли мелькнули в голове Локхарта лишь в считаные секунды, ибо он уже смотрел на человека куда более значительного, чем Вульфеншванц - и вызывавшего куда большие сомнения. Герцог Бронгарский собственной персоной. Локхарт впервые встретился с ним лично. Герцог окинул его проницательным и слегка насмешливым взглядом, не доставившим Локхарту удовольствия. Астронавт вспомнил, как коннетабль пытался вербовать его через баронессу Хюгельдорф. Первая и пока что единственная попытка. Как знать - теперь, увидев его на этом совещании, не предпримет ли Бронгар новую - и, возможно, более настойчивую?

Остальные участники были те же, что и в прошлый раз - Айбенхорст, Зиглер, Фабиас и, конечно, сама королева, вновь начавшая с того, что перечислила всех присутствующих, завершив представление словами: "и полковник Эрик Локхарт, рыцарь короны".

"Это чисто военное, а не политическое совещание", - подумалось Локхарту. Даже канцлер и архиепископ здесь, видимо, не в качестве дипломата и священника, а в качестве глав своих разведок. Тем не менее, Крамп отсутствует. Может быть, потому, что Бронгар наверняка его не любит - у армейских почти всегда напряженные отношения со спецслужбами, ибо в обязанности вторых входит с особым тщанием следить за лояльностью первых... Значит - глава армии, главы обеих гвардий, начальники дипломатических и церковных шпионов. И какой-то непонятный рыцарь короны, по-прежнему не возглавляющий никаких структур. Элинор снова хочет, чтобы он озвучил какую-то рискованную идею? Если так, могла бы хоть намекнуть предварительно, какую именно. Или она просто демонстративно предъявляет его остальным, в первую очередь Бронгару - "от этого человека у меня нет тайн"? Может быть, она сама хочет, чтобы герцог предпринял новую попытку контакта с Локхартом? Сделать из него вторую Виолетту? Могла бы и предупредить, опять-таки... Но главное, понял Локхарт - присутствие Бронгара и Вульфеншванца при отсутствии Крампа означает, что не всякую идею на этом совещании следует высказывать вслух, и не всякую высказанную - понимать буквально. Здесь присутствуют люди, которым королева не очень-то склонна доверять.

- Итак, что известно об обстановке на этот час, герцог? - обратилась Элинор к своему коннетаблю.

- Сведений о падении крепости Дортинайн до сих пор нет, - ответил Бронгар, обращая взор к рельефной карте. Локхарт впервые услышал его голос - густой и низкий, с легким грассированием, но приятный, в отличие от грубого голоса Айбенхорста. "Действительно ли он маньяк-детоубийца, или это все-таки клевета врагов?" - подумал Локхарт в который раз и тут же одернул себя: не об этом надо думать сейчас.

- Голубь принес просьбу коменданта Бруммеля о срочном подкреплении вчера вечером, - продолжал тем временем герцог. - Как вы понимаете, она была проигнорирована. (Вульфеншванц, для которого действующий план был новостью, хотел, кажется, спросить "почему?", но сдержался, не желая демонстрировать свою неосведомленность.) С тех пор никаких известий. Предполагаю, однако - учитывая известное нам соотношение сил, - маленький синий флажок в крепости действительно выглядел смехотворно на фоне воткнутых рядом красных, каждый из которых был больше его в разы, - что в настоящий момент Дортинайн уже пал или падет в ближайшее время. Хотя я бы на месте противника с наступлением морозов вообще не тратил времени на его взятие, а обошел стороной. Но... Дункельт, очевидно, не желает оставлять невзятую крепость у себя в тылу. Скорее всего, он просто не представляет себе, насколько малочисленен ее гарнизон.

- В этом есть резон, - заметил Айбенхорст, - в случае новой перемены погоды крепость отрежет его от севера. Хотя, если он рассчитывает, что его марш на столицу окончится быстрой победой, то это может не так уж и сильно его беспокоить...

- Или он просто не может не уничтожить того, кто посмел ему сопротивляться, - мрачно заметила Элинор. - Это вполне в его духе. Он скорее отложит наступление, чем свою месть.

"Бедняга Бруммель, - подумал Локхарт. - Надеюсь, он хотя бы не попадет в руки Арвика живым."

- Тем временем ситуация с гвардейским мятежом развивается еще более неожиданным образом, - продолжал Бронгар, указывая рукой с растопыренными пальцами на красные флажки в южной части страны. - Теперь уже нет сомнений, что мятежные части движутся не к Дракенхайму. Они идут на восток.

Действительно, положение флажков подтверждало его слова. Некоторые из них еще оставались западнее дракенхаймского меридиана, но большинство продвинулось заметно правее, в сторону океанского побережья. Однако статичная карта не отражала динамику, и Локхарт поднял руку:

- Позвольте уточнить - они просто идут на восток или стягиваются в какое-то конкретное место на востоке? Исходя из их нынешней траектории...

- Они движутся по дорогам, а не по траекториям, - ответил герцог, взглянув на него из-под густых бровей, - а дороги ветвятся и поворачивают и могут привести в разные места.

Ну да, запоздало сообразил Локхарт, это же не корабли и не самолеты, это конница...

- Но ваш вопрос я хочу переадресовать присутствующему здесь капитану Вульфеншванцу, который сам еще недавно получал приказ о передислокации от изменника Дирлиха.

- С вашего позволения, *майору* Вульфеншванцу, мой лорд, - поправил тот несколько обиженным тоном (ибо и в самом деле уже был представлен в начале совещания в своем новом звании). - И я уже отвечал на этот вопрос. Я получил приказ от Дирлиха следовать в Дангеллон, то есть на юг от Дракенхайма и на юго-восток от моего тогдашнего места дислокации - но могу предположить, что это был не самый последний приказ. Однако, поскольку вместо того, чтобы исполнять волю мятежников, я поспешил к столице на помощь законной королеве, вероятнее всего, следующий гонец от Дирлиха со мной просто разминулся и, таким образом, нынешних планов изменников я не знаю.

"На самом деле он, очевидно, надеялся заслужить награду от мятежников, на свой страх и риск предприняв никем не ожидаемый рейд мимо столицы, как только погода дала ему шанс, - перевел про себя Локхарт. - Ему не указали, какой именно дорогой он должен прибыть в Дангеллон, вот он и выбрал вместо короткого пути крюк вокруг Дракенхайма - в надежде, что его дерзость окупится по принципу "победителей не судят". И чуть было действительно не получил самый большой джекпот, захватив королеву... даже если это и в самом деле было лишь совпадением. Но последних намерений Дирлиха - или Арвика, если первый выполняет приказ второго - Вульфеншванц, вероятно, и в самом деле не знает..."

- Тем не менее, - мрачно продолжил герцог, - если не строить гипотез о каком-то немыслимом маневрировании с резкими разворотами - что не кажется мне имеющим особый военный смысл - то все выглядит так, что мятежные гвардейские части намерены собраться во владениях графа Хагентрауба, либо на границе таковых, что представляется куда более вероятным, учитывая отношения Хагентрауба и Дирлиха..

- Небольшое уточнение, мой лорд, - вмешался Фабиас, - не на границе. Как мне стало известно перед этим совещанием, передовые из них уже находятся там, - архиепископ выдернул самые восточные из красных флажков и переставил их рядом с черно-красными флажками Хагентрауба.

- Я всегда восхищался возможностями нашей святой церкви, - ровным голосом произнес Бронгар, - которые даже превосходят возможности военной разведки.

- Божьим попущением и на благо Айринтии, мой лорд, - смиренно поклонился Фабиас.

"Однако до совещания он это сообщить не поспешил, - понял Локхарт. - Приберегал туз в

рукаве. А Хагентрауб, выходит, все-таки вступил в игру..."

- Неужели два врага все же договорились? - пробормотала Элинор. - Не верится.

Фабиас невесело улыбнулся с покровительственным видом - мол, тебе бы следовало слушать советов старших, девочка, а не полагаться на собственную интуицию, в жизни и в политике бывают еще и не такие союзы... Но королева поспешила пояснить свою мысль:

- Если бы они сговорились выступить вместе на стороне Дункельта против меня, тогда не Дирлих должен идти к Хагентраубу, а наоборот - войска Хагентрауба должны идти на помощь частям Дирлиха, которые, как мы предполагали с самого начала, должны были бы обложить столицу с юга.

- Логично, - согласился Бронгар. - Разве что кто-то из них опасается, что наши силы могли бы отрезать их друг от друга и не дать соединиться. Но и в этом случае им логичнее было бы выступить навстречу друг другу - однако личная армия Хагентрауба, насколько мне известно, остается на месте... - он выжидательно посмотрел на архиепископа, но тот не преподнес новых сюрпризов.

- А может, Дирлих решил просто воспользоваться неразберихой, чтобы напасть на своего давнего врага? - предположил Айбенхорст. - Его личных вассалов для этого явно недостаточно, и, конечно, он не мог бы использовать в личных целях военную гвардию, пока подчинялся короне - но теперь... хотя, пожалуй, звучит довольно глупо.

- Он бы ничего не добился таким образом, - подтвердил Зиглер. - Независимо от исхода подобного столкновения, никакие его притязания не получат законный статус. При королеве Элинор он изменник, не имеющий будущего. Если бы, рассуждая теоретически, королем стал Дункельт, ему бы, вероятно, тоже не понравилось, что Дирлих атаковал не его врагов, а его союзника... хотя бы даже потенциального союзника. Возможно, конечно, Дирлих надеется сразить Хагентрауба в личном поединке, а там будь что будет... но это как-то уж слишком в духе романтической баллады.

- Возможно, Дирлих уже сожалеет о своем мятеже и надеется таким образом заслужить прощение? - предположил Локхарт. - Хотя, наверное, это тоже звучит не слишком вероятно. Никто ведь не делал ему таких намеков или обещаний? - он обвел взглядом присутствовавших. Повисла короткая пауза; некоторые покачали головами, другие, очевидно, не сочли нужным комментировать столь вздорное предположение даже жестом.

- А вот, кстати, Хагентрауб может подумать именно так, - заметил Фабиас. - Поскольку ему известно желание королевского дома ограничить чрезмерные привилегии его рода, он может решить, что мы нашли именно такой вариант. Что весь мятеж военной гвардии - всего лишь спектакль, призванный развязать Дирлиху руки и изобразить, что тот действует по собственной инициативе, а не по королевскому приказу. Само собой, Хагентрауб как вассал короны вправе обратиться к своему сюзерену за защитой от подобного нападения. Но королевская армия имеет сейчас более чем уважительную причину на севере, не позволяющую ей отвлекаться на проблемы королевских вассалов. Целью же в этом случае мог бы быть даже не захват каких-то земель, который, как тут было верно отмечено, не будет признан законным, а просто нанесение дому Хагентраубов максимального ущерба, что способствовало бы его ослаблению... - в интонации архиепископа Локхарту послышались некие мечтательные нотки, словно Фабиас сожалел, что такой план не пришел в голову ему самому.

- Если они сцепятся между собой, это в любом случае будет неплохо, что бы они там себе ни думали, - решительно пробасил Айбенхорст.

- Так или иначе, это снимает угрозу столице с южного направления, - констатировал Бронгар. - Во всяком случае, на ближайшее время. Что дает возможность предпринять форсированный марш на север и решить нашу главную проблему.

- Разве наш план не в том, чтобы дождаться, пока Арвик, то есть Дункельт, сам придет под стены Дракенхайма? - спросил Локхарт, бросив быстрый взгляд на Элинор.

- Планы меняются вместе с погодой, - ответил коннетабль. - Расчет был на то, что армия Дункельта увязнет в грязи и доползет досюда, во-первых, не так скоро, во-вторых, полудохлая и в-третьих, практически неспособная отступить обратно. Однако, коль скоро осенняя распутица в этом году закончилась раньше обычного, все эти обстоятельства меняются. Противник способен как на быстрый марш на столицу, так и на беспрепятственный уход назад. Но и королевская армия, в свою очередь, способна быстро выдвинуться на север. Мне представляется оптимальным сделать это немедленно. Исходя из того, что Дортинайн либо уже пал, либо падет в самое ближайшее время, это позволит встретить Дункельта как раз на выходе из Иммермура. Воевать на болотах, даже замерзших, смысла нет, там негде развернуться даже пехоте, а тем паче тяжелой кавалерии. А вот атаковать противника, когда он только-только выберется оттуда на открытую равнину - это хороший план. Прижать его к болотам и раздавить, - Бронгар даже изобразил кулаком на ладони, как именно.

Интересно, подумал Локхарт, герцог и в самом дела так не жалует своего племянника, или это лишь демонстративная лояльность?

- К тому же, - продолжал Бронгар, - если Дункельт узнает, что Дирлих увел своих людей прочь от Дракенхайма, он может раздумать идти на столицу. Тогда, если мы будем пассивно ждать его здесь, все, что мы затеяли - зря. В этом случае, если мы не то что не выступим, а хотя бы выступим с опозданием, мы его просто не догоним. Он снова запрется в Айзеншлоссе и отнимет у нас шанс на быструю победу.

- Вот это вряд ли, - возразила Элинор. - Он не может позволить себе второе отступление подряд. Я вообще удивляюсь, как у него хватило благоразумия для первого.

- И мы ведь не знаем наверняка, что Дирлих действует по собственному разумению, а не по приказу Дункельта? - поддержал ее Локхарт.

- Не вижу, каким образом нынешние действия гвардейских мятежников могут помочь Дункельту, - пожал плечами Бронгар. - Вы видите?

Локхарт уставился на карту. Может ли он увидеть на ней то, чего не замечают эти люди, гораздо лучше него знакомые с местными реалиями?

Его взгляд уперся в одинокий желтый флажок на восточном побережье.

- Предположим, - сказал он, - мятежники Дирлиха направляются вовсе не к Хагентраубу. Они не собираются ни объединяться, ни воевать с ним. Они просто следуют через его земли, чтобы попасть в Хассенворт.

- Зачем? - Бронгара эта гипотеза явно не впечатлила.

- Потому что этот город, хотя здесь его гарнизон обозначен, как лояльный, на самом деле контролирует поддерживающий Дункельта гвардейский капитан Дармонт.

- Я не спросил, кто его контролирует. Я спросил, зачем туда идти всем остальным мятежникам? Вместо того, чтобы наступать на столицу?

Локхарт смущенно молчал. Ответа на этот вопрос у него не было.

- Хассенворт - не портовый город... - сказал он наконец.

- Да, там нет удобной гавани, - нетерпеливо подтвердил Бронгар.

- Но там сходятся дороги из ближайших портовых городов - Моргенхаффена на юге и Фихтерна на севере.

- В обоих стоят верные мне гарнизоны, - подчеркнул герцог то, что и так было видно на карте. Это "мне" вместо "нам" или "королеве" несколько царапнуло Локхарта, но он продолжил:

- Сил Дармонта, безусловно, недостаточно, чтобы штурмовать любой из этих городов, но совокупные силы мятежных гвардейцев, вероятно, могли бы это сделать?

- Допустим, они могут захватить один из портов, - согласился Бронгар все так же нетерпеливо. - Что с того? Во-первых, у Дункельта уже есть подконтрольные ему порты на севере. Во-вторых, навигация сейчас - последнее, что может его интересовать. В такую погоду никто уже не выходит в море. Плавучие льды могут появляться уже даже и на широте

Моргенхаффена. В Кирландском заливе еще нет, но в океане уже вполне, ветер пригоняет их с севера.

- В свое время китобои и просто исследователи не боялись плавать на парусниках по зимним морям, - возразил Локхарт, не особо заботясь, как это согласуется с местной версией истории. - А Дункельт, насколько я понимаю, из тех, кто готов идти на серьезные риски ради победы.

- Допустим, его гвардейские союзники сумеют переправиться морем в один из портов на севере, найдут для этого достаточно кораблей с готовой идти на такой риск командой - что очень вряд ли - и даже не потонут по дороге, - продолжал возражать Бронгар. - И чем это поможет армии Дункельта в самой середине полуострова?

- На севере, - повторил Локхарт и почувствовал то, что обычно называют восторгом озарения - хотя в данном случае восторгом и не пахло. - Кто вам сказал, что речь о севере Айринтии? И что переправа готовится отсюда туда, а не наоборот? Они должны подготовить плацдарм для высадки гроггендорского десанта! То есть я, конечно, не могу знать этого наверняка, - поспешно оговорился он, - но, по-моему, это логично объясняет все, что нам известно.

- Нет, - покачал головой Зиглер, - это исключено. Гроггендорские порты находятся севернее, сложность и опасность навигации в это время там еще выше. Дункельт может быть каким угодно авантюристом, но гроггендорский император таковым не является. Он не станет рисковать своим флотом. А для масштабного вторжения - если мы предположим, что Дункельт и Дирлих действительно до такой степени готовы предать собственную страну - понадобится, конечно, отнюдь не один корабль. И, что самое главное, подготовку подобной крупной операции практически невозможно скрыть. Мы, естественно, стараемся отслеживать любые признаки на территории империи, свидетельствующие о готовящемся вторжении. Тревожные данные есть, - канцлер указал широким жестом на флажки вдоль северной границы. Кажется, их стало еще больше, чем когда Локхарт рассматривал их в прошлый раз. - Но все они касаются сухопутных процессов. Нет никаких признаков необычной активности вокруг морских портов.

- Значит, не Гроггендор, - согласился Локхарт. - Тогда, возможно, Дункельту удалось сговориться с ибикейскими пиратами? Им ведь плыть не с севера, а с юга?

- Они не станут воевать на суше, - решительно повторил канцлер то, что когда-то Локхарт уже слышал от Фабиаса. - Для них удалиться от своих кораблей - все равно что сунуть голову в петлю. Какие-нибудь отчаянные сорвиголовы среди них найтись, конечно, могут, но не в таком количестве, чтобы решить исход войны. И прежде, чем вы предположите Тлукаляхан, я отвечу вам, что это тоже совершенно невероятно. К сожалению, в силу чрезвычайной закрытости этой империи, наши сведения о происходящих там процессах намного скуднее, чем о Гроггендоре... у нас даже нет там постоянных представителей, всякое посольство от нас к ним и наоборот носит лишь временный характер - однако невозможно представить себе айринтийских аристократов, желающих предать нашу страну этим язычникам. Даже если бы Дункельт или Дирлих действительно пали настолько низко, от них с отвращением отвернулись бы их же подельники. И это не патриотические лозунги, а совершенно реальная оценка. Дункельту, в конце концов, нужен айринтийский престол, а не почетная должность старшего евнуха в тлукаляханском гареме.

- Хорошо, - смиренно согласился Локхарт. - Наверное, моя гипотеза неверна. В таком случае, как объяснить действия Дирлиха?

Вновь повисла пауза. Затем герцог раздраженно пожал плечами:

- Так или иначе, мятеж военной гвардии для нас сугубо второстепенная проблема. Которая, - он бросил взгляд на Элинор, - вообще создана искусственно с целью выманить Дункельта под удар. Так пойдем же и нанесем этот удар. Даже если предположить, что они и впрямь хотят захватить один из портов - штурм крепости требует времени. Мы можем покончить

с Дункельтом раньше. После того, как мы решим главную проблему, второстепенные потеряют значение сами собой.

Локхарт тоже посмотрел на королеву. Должен ли он противостоять намерению Бронгара? Элинор не хотела выпускать герцога с войском из столицы, но есть ли убедительный повод запретить ему "пойти и разгромить Дункельта"? Уход мятежников Дирлиха, переставших представлять непосредственную угрозу столице, такой довод выбил, а новый Локхарт придумать не мог. Впрочем, Элинор не подала ему никакого знака, что он должен продолжать упорствовать.

- Расстояние от Дракенхайма до Иммермура пехота покроет за три дня, я правильно понимаю? - уточнил Локхарт.

- Хорошо тренированные полки - даже за два с половиной, - ответил герцог с ноткой гордости. - Лучше всего будет выступить с наступлением темноты и идти всю ночь. Тогда возможные шпионы противника далеко не сразу вообще заметят, что произошло. Лагеря за стенами не будут свернуты, и из города, конечно, тоже уйдут не все до последнего солдата. Так что, при благоприятном раскладе, Дункельт может ничего не узнать вплоть до самой нашей встречи к югу от Иммермура.

- Но если кавалерия Дирлиха все же объединится с конницей Хагентрауба и повернет назад, то она сможет прибыть под стены столицы раньше, чем ваша армия успеет вернуться, не так ли?

- В столице останется достаточно сил для ее защиты, - спокойно ответил Бронгар. - Не для контратаки, но для защиты от штурма - да. Не так ли, полковник Айбенхорст?

- Конечно, - самодовольно пробасил честный Айбенхорст, хотя, возможно, Элинор хотела от него иного ответа.

- Пару дней осады столица выдержит без проблем, - подхватил Бронгар, - а там придет весть о разгроме Дункельта, и мятеж закончится. Что бы он ни задумал, выполняет Дирлих его приказы или нет, Дункельт наиболее уязвим именно сейчас, когда его армия находится в Иммермуре и лишена свободы маневра, а его союзники, которые могли бы помешать нашему продвижению, ушли от столицы. Возможно, это самое тонкое место в его плане, и возможно, он по молодости и самонадеянности считает, что мы им не воспользуемся. Что старый герцог Бронгарский станет осторожничать и упустит темп - чего, по правде говоря, со мной прежде не случалось, разбитые мною на севере гроггендорцы не дадут соврать... Возможно, он убежден, что мы будем, несмотря ни на что, ждать его в городе, чтобы воспользоваться преимуществами городских стен. Или же, - добавил коннетабль, - он может и вовсе не верить, что армия верна королеве, и рассчитывать, что она станет саботировать приказ о наступлении, как доселе избегала боестолкновений с мятежными гвардейцами.

Фраза выглядела совершенно логично и в то же время прозвучала, как прямой намек, чтобы не сказать - вызов. Локхарт переводил взгляд с Бронгара на Элинор и обратно. Королева, разумеется, вправе была заблокировать план своего главнокомандующего, ничего не доказывая и не объясняя. Она даже имела право снять коннетабля с должности своим единоличным решением. Но...

- Хорошо, герцог, - Элинор царственным жестом наклонила голову. - Отправляйтесь на север и положите конец этому мятежу. Мы ожидаем от вас столь же быстрой победы, что и над Гроггендором одиннадцать лет назад.

- Да, мэм, - Бронгар почтительно поклонился своей племяннице. - Я отдам распоряжения немедленно, с тем, чтобы армия могла выступить после заката, - еще раз поклонившись, теперь уже остальным присутствующим (и оттого более небрежно), он торопливо вышел.

- Что ж, господа, - заключила Элинор с легкой улыбкой, - похоже, больше нам сегодня обсуждать нечего.

Участники совещания, раскланиваясь, двинулись к выходу. Локхарт, поймав взгляд королевы, задержался.

- Простите, если не оправдал ваших ожиданий, - сказал он, когда дверь закрылась за последним из них (это был Фабиас, в дверях бросивший взгляд назад).

- Вы сделали, что могли, сэр Эрик, - покачала головой Элинор.

- Вы позвали меня ради этого? Вам нужен был кто-то, кто не постесняется ему возражать, и вы не хотели делать это сами, чтобы не демонстрировать явно свое недоверие к нему?

- В том числе. Ну и, конечно, когда о военных вопросах рассуждает мужчина и офицер, это всегда звучит убедительней, чем аргументы слабой женщины, - невесело улыбнулась она. - Тем более что вы высказали не только то, о чем думала я, но и то, что мне самой в голову не пришло. Насчет портов... знаете, айринтийские короли веками добивались того, чтобы все портовые города находились под властью короны - либо непосредственно, как включенные в королевский домен, либо опосредованно, через статус "вольных", но главное, чтобы не феодалов. И фактически эта борьба увенчалась окончательным успехом лишь при моем отце, которому удалось отобрать у феодалов Миртхаффен и Боденкрабб - два последних западных порта, каковые всегда считались более лакомым куском, чем восточные. А эти три города - Элинор провела рукой вдоль восточного края карты, указывая на Фихтерн, Хассенворт и Моргенхаффен, - изначально все принадлежали дому Хагентраубов. Хассенворт получил статус вольного после того, как королевский суд решил в пользу горожан их конфликт с тогдашним графом, обернувшийся серьезными беспорядками и кровопролитием. Но это был, так сказать, завершающий удар по уже ослабленным Хагентраубам. А вот для того, чтобы заполучить у них Моргенхаффен, считавшийся лучшим портом восточного побережья, понадобился брак предыдущего короля, моего прадеда, с сестрой тогдашнего Хагентрауба Марианной - я, кажется, уже рассказывала вам о ней...

- Любовница собственного брата?

- Такова, во всяком случае, была официальная версия. Ну или точнее - полуофициальная, ибо широкой общественности было объявлено только о ее заговоре с целью убийства супруга.

- Она ведь все равно не могла возвести своего брата на престол? В Хагентраубах, насколько я понимаю, нет крови Йоргела?

- Строго говоря, это не закон. Всего лишь традиция, которую, впрочем, неизменно чтут. Но поднявшая руку на короля и собственного супруга может покуситься и на другие священные принципы, не так ли? В любом случае, такое обвинение ей было предъявлено. Не берусь утверждать, что это был чистый вымысел - но, согласитесь, версия, скрепленная ее личным признанием, была исключительно удобной для того, чтобы поставить ее брата в очень неприятное положение. Ему пришлось отдать и свой второй и последний порт, Фихтерн, чтобы выпутаться из этой истории в статусе человека, который, конечно, грешен перед богом и королем, но не виновен хотя бы в злоумышлении на цареубийство, ибо ничего-де не знал о зловещих планах своей сестры. Ее дочь была объявлена незаконнорожденной и вскоре умерла, не дожив и до трех лет - говорили, что слабость ее здоровья лишь доказывает ее греховное происхождение - но ей в любом случае ничего не светило - трон унаследовал сын короля от первого брака, будущий король Дагмар Добрый и мой дед. Хагентраубы, само собой, до сих пор не могут простить дому Йоргелингов эту историю.

- Да уж. И вы думаете, нынешние события могут иметь к этому какое-то отношение?

- О планах Хагентрауба я знаю не больше вашего, - пожала плечами королева. - Кто знает, может, он решил воспользоваться смутой, чтобы под шумок вернуть себе хотя бы один из городов. Причем захватить его руками Дирлиха, который не только его родовой враг, но и теперь еще и находящийся вне закона изменник. И соответственно сначала Дирлих выбивает оттуда королевский гарнизон, а потом Хагентрауб выбивает Дирлиха, как бы совершая тем самым благое дело, и явочным порядком сохраняет контроль над городом... Но если план именно таков, совершенно непонятно, зачем на это подписался Дирлих. Или зачем, к примеру, Дирлиху мог приказать такое Арвик. Если бы он хотел отдать Хагентраубу город в награду за помощь, он бы

сделал это и без таких фокусов. А помощь ему сейчас нужна вовсе не на восточном побережье. Нет, не понимаю...

- Но вы все же могли остановить Бронгара.

- Зачем? Его аргументы достаточно убедительны. Во всяком случае, никто из присутствовавших не нашел, что на них возразить. Арвик, похоже, действительно наиболее уязвим именно сейчас.

- Значит, вы все же решили довериться герцогу?

- Я думаю, что он действительно намерен уничтожить Арвика. В конце концов, тот для него такой же конкурент, как и для меня. А в историю все-таки приятнее входить как победитель, а не как предатель, переметнувшийся к тому, кого ты должен был разбить. Но вот что будет потом... это уже другой вопрос.

- Триумфальное возвращение героя в столицу вместе с его армией, - понимающе кивнул Локхарт. - Не пустить их всех в город будет уже просто неприлично, а там, кто знает, какой-нибудь конфликт...

- Триумфального возвращения не будет, - холодно ответила Элинор. - Наш героический дядя сразу же отправится дальше на север защищать наши рубежи от гроггендорской угрозы. Каковая, согласно уже известной вам точке зрения, может чрезвычайно обостриться именно по окончании мятежа, совершенно не оставляя нам времени ни для каких торжеств и парадов.

- Гроггендор и в самом деле может напасть, - заметил Локхарт.

- Именно в этом и состоит гарантия, что герцог Бронгарский выполнит приказ идти на север и оставаться там, подальше от Дракенхайма. Там он будет на своем месте. Кто бы и что про него ни говорил, в том, что он будет честно защищать Айринтию от внешнего врага, я не сомневаюсь.

- А Вульфеншванц? - вспомнил Локхарт. - Вы полностью уверены, что он не попытается известить Арвика о сегодняшнем совещании?

- За ним достаточно хорошо наблюдают. Если не попытается - ну, значит, ему и в самом деле можно доверять.

- Значит, все продумано? - улыбнулся Локхарт.

- Не все, - серьезно возразила Элинор. - Этот уход Дирлиха на восток... Мне не нравится то, чего я не понимаю.

- Хагентрауб ведь не может двинуться на столицу самостоятельно?

- У него нет никаких прав на престол. Он может лишь поддержать одного из претендентов. А если они оба будут на севере, ему тут просто нечего делать.

- Я, в общем, тоже не люблю неопределенностей, - заметил Локхарт. - Всегда предпочитаю сокращать число неизвестных в уравнении. Но если события идут не вполне по нашему плану, это еще не значит, что они идут по плану противника. Он тоже мог чего-то не учесть или не рассчитать.

- Будем на это надеяться, - мрачно кивнула Элинор. - Может быть, он натравил Дирлиха на Хагентрауба, потому что недоволен пассивностью графа и хочет втянуть его в конфликт. Это, в общем, вполне в его духе - бить своих, если те недостаточно расторопно исполняют его прихоти... Не знаю. В любом случае, решение принято, и будем ждать его результатов.

- Кстати, - припомнил Локхарт, - а что вы в итоге решили с министром финансов насчет долгов Арвика?

- Вам же неинтересна экономика, - улыбнулась Элинор.

- Не знаю вещи более скучной, - искренне ответил Локхарт. - Но мне и в самом деле любопытно.

- Мы решили фактически выкупить его долги по состоянию на данный момент. Точнее говоря - по состоянию на момент моей коронации. Но сделать это можно только сейчас. Кто не продаст, или даст ему новые ссуды - рискует потерять все. И речь идет не о выкупе деньгами.

Казначейство выпустит специальные облигации. Фактически мы переписываем эти долги на себя под более высокий процент. Смысл в том, что кредиторы получат этот процент только в том случае, если трон останется за мной. Арвик им ничего такого не обещал, и в его победе они, соответственно, не заинтересованы. Хотя, может быть, все это понапрасну. Если с Арвиком будет покончено в ближайшие дни, проблема снимется сама собой.

- Но платить лишние проценты все же придется. Или облигации пока еще не выпущены?

- Еще нет, но слово королевы вернее всяких облигаций, - вздохнула Элинор. - Но я буду просто счастлива, если это будет самой серьезной из наших проблем и самой большой из наших потерь.

Хотя айринтийская армия не воевала уже одиннадцать лет - и даже тогда в сражении поучаствовала лишь совсем небольшая ее часть, которую герцог Бронгарский успел перебросить навстречу вторгшимся гроггендорцам - регулярные учения и тренировки не прошли даром. Четырнадцатитысячное войско, разделенное вдобавок на полки и батальоны, стоявшие как в самой столице, так и (по большей части) за ее пределами, снялось с места не только четко и слажено, но и почти что бесшумно; обыватели, сидевшие за поздним ужином или отходившие ко сну в своих уютных, хорошо протопленных домах не слышали у себя под окнами ни ритмичного грохота сапог, ни перестука обмотанных тряпками копыт, и уж тем более не могли заметить, как далеко за городскими стенами, в холодной и неприветливой зимней ночи, пустеют лагеря, оставляя неубранные палатки и непогашенные костры (в каждом из таких лагерей оставалось и несколько человек солдат, призванных сколько будет возможно изображать массовку). После полуночи снова посыпался снежок, сперва мелкой крупой, а потом и более густыми хлопьями, к рассвету совершенно заметший все следы.

Разумеется, войско, двигавшееся ускоренным маршем на север, не могло и дальше оставаться незамеченным. Теоретически из любого населенного пункта, через который оно проходило, могли бы отправить известие на север Арвику. Но сделать это было совсем не так просто. Невозможно послать голубя в армию, находящуюся в походе, тем более - посреди Иммермура, где нет поблизости никакого стационарного жилья. Единственным вариантом является конный гонец. Однако Бронгар не стал держать свою легкую кавалерию вместе с пехотой (и тяжелой конницей), а отправил ее вперед, с приказом перехватывать любых всадников, движущихся на север; ни один гонец не смог бы ее опередить. Несколько таких всадников и в самом деле были задержаны по дороге; двоих, показавшихся подозрительными, отправили с конвоем на юг, у остальных лишь на всякий случай конфисковали лошадей (выдав, впрочем, взамен расписки). Каждый из легких кавалеристов в посланных вперед отрядах имел двух коней; поочередно меняя их, эта часть войска могла сократить время отдыха до минимума и достигла южной окраины Иммермура уже сутки спустя, не встретив по пути никаких признаков противника. Кавалеристы заняли позиции по обе стороны от дороги на достаточном от нее расстоянии, чтобы оставаться незамеченными, выставив секреты, которые должны были оповестить о появлении движущейся на юг вражеской армии. Разумеется, эти легкие отряды должны были не атаковать войско Арвика, а беспрепятственно пропустить его, выслав гонцов навстречу Бронгару, но враг так и не появился. На следующий день подтянулась рыцарская конница, так же развернувшаяся по обе стороны от дороги, и, наконец, утром третьего дня, после очередного ночного марша, подошла пехота.

Но воевать было все еще не с кем. Похоже было, что крошечный гарнизон Дортинайна каким-то чудом все еще удерживает многотысячную армию противника. Или, по крайней мере, удерживал еще сутки назад.

Это было лучше, чем Бронгар мог рассчитывать, и герцог заподозрил, что противник обошел его, вместо движения по единственной дороге избрав просачивание отдельными группами через бездорожье замерзших болот слева или справа. Однако высланная на самых

быстрых конях на запад и восток разведка не обнаружила никаких следов врага. Тем временем северный ветер вновь принес снег, к полудню превратившийся в густую метель, сквозь которую трудно было что-то разобрать уже в нескольких десятках шагов. Дозорные проклинали погоду, щурясь против ветра и поминутно стряхивая с лица мокрые ледяные хлопья; остальные солдаты, уставшие после марша, отдыхали и грелись в палатках.

Наконец уже начало смеркаться; беспокойство Бронгара к этому времени изрядно усилилось. Интуиция подсказывала ему, что враг каким-то образом умудрился обмануть его, и все же он до сих пор медлил отправить разведчиков в Дортинайн, опасаясь спугнуть противника. Арвика могла задерживать и погода; ясно было, что снег сделает невозможным всякое быстрое перемещение в ближайшее время. Даже взяв крепость, он мог задержаться там в ожидании подвод с продовольствием и фуражом, застрявших в заносах где-то дальше на севере...

И тут дозорные, наконец, заметили сквозь сплошную пелену метели подошедшее к ним в сумерках почти вплотную вражеское войско.

Мятежники не пробирались по заснеженным кочкам, заросшим кустарником и низкими деревьями - они шли походной колонной по дороге, как и ожидал герцог. Шли нагло, даже не выслав вперед головной дозор (который, впрочем, королевские солдаты беспрепятственно пропустили бы вперед). Впрочем, когда колонна еще приблизилась и миновала прячущиеся в снегу секреты, стало понятно, что вид у армии Арвика не столько наглый, сколько усталый. Солдаты - почему-то только пехота, ни одного рыцаря видно не было - медленно, с тупым равнодушием брели по занесшему дорогу снегу; поднятые копья нестройно раскачивались над их головами. Казалось, только подталкивающая в спину метель еще и заставляет их двигаться вперед. Вероятно, они собирались встать на привал в большом селении Зюдендорф; в таком темпе им оставалось идти туда еще около часа.

Но, конечно же, до Зюдендорфа они не дошли. Бронгар выждал, пока колонна полностью вытянется из иммермурских зарослей на открытую равнину, и когда, наконец, показались телеги обоза - перекрывая свист метели, затрубили рога, и королевская тяжелая кавалерия, вздымая копытами облака снега, двумя темными лавинами с востока и с запада устремилась вперед на тонкую и длинную, казавшуюся совершенно беззащитной пехотную колонну.

Солдаты Арвика, не замечавшие сквозь снежную мглу противника до самого начала атаки, теперь в ужасе смотрели на грузно мчащихся прямо на них рыцарей - скачущие сквозь снег на своих могучих конях, в стальных доспехах и клювастых шлемах, полностью скрывающих лица, те казались в эту минуту не столько людьми, сколько демонами тьмы и холода, пришедшими вместе с метелью из какого-то потустороннего мира. Офицеры пехотинцев хрипло выкрикивали команды, но перестраиваться в правильное оборонительное каре из нескольких рядов копейщиков, упирающих пятки копий в землю, было уже слишком поздно. Бронированные клещи конницы сомкнулись первым делом на хвосте колонны, возле обозных телег, отрезая пехоте Арвика путь для бегства обратно в неудобный для кавалерии Иммермур - а затем уже удар обрушился по всей длине колонны. Рыцарей было всего шесть сотен, а пехотинцев - более четырех тысяч, но в своих легких доспехах, с длинными копьями, бесполезными против уже прорвавшегося врага, и короткими мечами, не способными пробить цельные латы, усталые и увязающие в снегу (который, конечно, мешал и коням, но в куда меньшей степени), солдаты Арвика стали легкой добычей для кавалерии Бронгара. Бой сразу же превратился в избиение. Сбитых с ног затаптывали конями. Вырвавшихся из-под рыцарских мечей и пытавшихся разбегаться в разные стороны тут же настигали и добивали легкие кавалеристы, кружившие вокруг. Сдаваться было бесполезно. Бронгару были не нужны ни пленные, ни перебежчики. И не столько даже потому, что перебежавший один раз может перебежать снова, сколько потому, что солдаты, позволяющие убивать себя с такой легкостью - это плохие солдаты. Некоторые сказали бы, что в будущей войне с Гроггендором сгодится

каждый, кто может хоть как-то держать оружие. Некоторые полагают, что количество искупает низкое качество. Но он, Хуберт Бронгарский, всегда считал иначе - лучше мало хорошего, чем много плохого. Плохих солдат может позволить себе только армия, имеющая большой численный перевес. Способная давить тупой массой, причем свои же собственные первые ряды, которым некуда деваться, пока на них давят задние. А в армии, вынужденной сражаться в меньшинстве, каждый солдат должен быть на вес золота. Лучше не иметь вовсе никого, чем иметь того, кто при первом ударе побежит, увлекая за собой остальных. Мешая воевать своим и воодушевляя врага. Эти слизняки просто не заслужили права на капитуляцию. Настолько бездарно выйти колонной - без разведки, без охранения, не уметь быстро перестроиться, практически даже не пытаться сопротивляться... шансов у них все равно не было, но они должны были хотя бы попытаться! Где только Арвик набрал этот сброд - неужели они прежде служили в королевской армии? Беспомощны, как... как младенцы, да.

Бронгар с силой рубанул тяжелым мечом очередного неудачника, кинувшегося прочь от побоища чуть ли не прямо под копыта его коня. Пехотинец, уже бросивший свое оружие, рефлекторно присел, прикрывая голову в круглом пехотном шлеме обеими руками в перчатках. Меч рассек его пальцы, словно пучок моркови, прорубил шлем и с хрустом вошел в теменную кость. Герцог выдернул клинок и поскакал дальше вдоль избиваемой колонны, не глядя на повалившееся в снег тело. И все же Дортинайн они взяли, напомнил он себе. Какой ценой, интересно? Сколько их жизней забрал Бруммель - тысячу, две? Вот этот парень был хорошим солдатом. Жаль, что он уже мертв.

И все же - даже самые героические сотни Бруммеля не могли перебить половину армии Арвика. Где все остальные? Где конница - которая, по всем военным правилам, должна была выехать на открытое пространство первой?! Где, наконец, сам Арвик?

И тут Бронгар, наконец, увидел всадников в доспехах, появившихся на окраине Иммермура. Они выехали из зарослей и остановились, очевидно, разглядывая сквозь метель происходящее. Но вместо того, чтобы попытаться помочь своей избиваемой пехоте, развернулись и поскакали по дороге обратно вглубь Иммермура.

Это могла быть и голова кавалерийской колонны, и всего лишь небольшой разъезд, высланный впереди конницы (но почему-то не пехоты). На тот случай, если верным было второе, Бронгар отправил за ними в погоню две дюжины своих конников, а затем распорядился прекратить избиение и взять оставшихся пехотинцев живыми для допроса.

Последний приказ чуть было не запоздал - столь ретиво королевская кавалерия рубила мятежников. И все же около трех десятков трясущихся от страха солдат Арвика - все рядовые - предстали перед коннетаблем и его офицерами. Допрашивали их по отдельности, но все они показали одно и то же - что крепость Дортинайн действительно пала после ожесточенного сопротивления два дня назад, и что Арвик направил свою пехоту вперед, а кавалерия, не принимавшая участия в штурме, вместе со своим командующим движется следом и вроде как должна была нагнать их как раз на выходе из Иммермура, но вообще они люди маленькие и о планах начальства не осведомленные.

Бронгар рассудил, что в плане Арвика не морозить попусту своих рыцарей и гвардейцев (и их коней, и не будем забывать про фураж) посреди заснеженных болот, где от кавалерии все равно никакой пользы, в ожидании, пока пехота возьмет Дортинайн, действительно был резон. Вместо этого, очевидно, Арвик ждал со своей конницей к северу от болот известия, что крепость взята, и лишь после этого двинулся на юг сам. Но и в этом случае ему следовало запретить командиру своих пехотинцев (теперь уже покойному) выходить на открытую равнину первым, не дождавшись кавалерии (и уж тем более - даже не попытавшись разведать обстановку к югу от болот). Это выглядело совершенно непростительной глупостью. Возможно, конечно, глупость допустил сам командир, которому не терпелось добраться до Зюдендорфа и встать на очередной ночлег в тепле под крышами, а не под открытым небом в такую погоду, но даже в этом случае

Арвик - дурак, что поставил командовать своей пехотой такого слюнтяя. Сомнения вызывала и численность разгромленной пехоты. По всем агентурным данным, которые знал Бронгар - и которые отражали флажки на карте во дворце - у Арвика, даже с учетом понесенных при штурме Дортинайна потерь, должно было быть существенно больше пехотинцев, и для решающего наступления на столицу он, конечно, должен был задействовать все свои силы...

Вернулись кавалеристы, посланные в погоню. Им так и не удалось настигнуть вражеских конников, и командир счел за благо не углубляться в болота в темноте и метели. То же решение принял и Бронгар. Искушение преследовать Арвика по горячим следам - если предположить, что тот и в самом деле повернул назад, узнав о разгроме своей пехоты - было очень велико, даже на ночь глядя и даже в такую отвратительную погоду (которая, впрочем, будет мешать преследуемым ничуть не меньше, чем преследователям). Но вся ситуация казалась герцогу подозрительной. Глупость самонадеянного юнца или хорошо спланированная ловушка? Скажем, заманить его кавалерию вглубь Иммермура, где она не сможет развернуться, и расстрелять из засады из арбалетов... хотя в такую погоду стрелы практически бесполезны, но метель никто не мог спланировать заранее... Против версии о ловушке говорил только размер наживки. Пожертвовать четырьмя тысячами солдат, пусть и далеко не отборных - воистину королевская щедрость, а Арвик пока еще не король. Хотя, конечно, если такие бойцы не нужны Бронгару, то и сам Арвик может рассуждать аналогично...

Так что, хотя стремительные ночные рейды были, в некотором роде, коньком герцога Бронгарского (в том числе и одиннадцать лет назад, когда ему удалось таким образом остановить гроггендорское вторжение), на сей раз он предпочел оставить дозорных у южной границы Иммермура и отвести армию на ночлег в Зюдендорф.

Пленных герцог велел казнить. В конце концов, как он знал с их же слов, мятежники тоже не оставили в живых никого в Дортинайне. Да и Арвик вполне мог рассчитывать на то, что ему удастся внедрить своих агентов к противнику хотя бы в виде пленных, жаждущих "искупить измену кровью в бою". Зарубить их Бронгар велел своим пехотинцам, и это была первая кровь, пролитая ими в ходе этого похода - накануне королевской пехоте так и не довелось вступить в бой и даже сблизиться с противником, все сделала кавалерия. Собственные потери армии Бронгара составили пять лошадей, которых таки пропороли копьями, плюс один неудачливый рыцарь лишился глаза, когда наконечник копья попал ему точно в щель забрала (Бронгар бы даже пощадил того единственного солдата, который сумел нанести этот удар, если бы его удалось найти прежде, чем он был убит).

Ночью метель, наконец, закончилась, и к рассвету небо полностью прояснилось. Не получив никаких новостей от своих дозорных, герцог отправил в Дракенхайм голубя с известием об одержанной им победе и о том, что он продолжает движение на север, преследуя неприятеля, отступающего через Иммермур.

Место вчерашнего боя вновь представляло собой снежную целину. Искрящийся на солнце снег полностью скрыл не только тысячи трупов (коим теперь, очевидно, предстояло пролежать так до весны), но и дорогу. Могучие рыцарские кони прокладывали путь, шагая почти по брюхо в снегу; за ними тянулись пехотные колонны и легкая кавалерия. Само собой, никакие следы вражеской конницы отыскать было уже невозможно. Тем не менее, Бронгар продолжал продвигаться на север, рассчитывая, что его противник (которому, конечно, снег мешал точно так же) все еще в Иммермуре.

По такому снегу нечего было и думать услать кавалерию (или хотя бы разведывательный кавалерийский отряд) вперед, как герцог делал по пути к Иммермуру, так что теперь вся армия тащилась вместе далеко не с маршевой скоростью и достигла Дортинайна только через три дня. Бронгар предполагал, что Арвик мог если и не остановиться здесь сам (крепость была слишком мала, чтобы вместить крупное войско, особенно с лошадьми), то, во всяком случае, оставить здесь гарнизон, призванный задержать противника точно так же, как его самого задерживали

солдаты Бруммеля. Сам герцог, однако, намеревался в этом случае не уподобляться Арвику, а обойти Дортинайн стороной. Однако крепость оказалась пуста. Над башнями не было никаких знамен. Створка южных ворот была приоткрыта.

Когда солдаты Бронгара расчистили снег и смогли отворить ее полностью, им открылось жуткое зрелище. Посреди заснеженного двора торчало копье; на него была насажена голова Бруммеля, глядевшая смерзшимися глазами на слишком поздно прибывшее подкрепление. Позади выстроилось немногочисленное войско злосчастного капитана, столь недолго успевшего пробыть майором. Раздетые догола замерзшие обезглавленные тела стояли, прислоненные к частоколу, разделявшему крепость на южную и северную половины, а их головы торчали чуть выше, насаженные на острые верхушки кольев. Устройство подобной композиции, очевидно, потребовало достаточно времени, и, как быстро выяснилось, следы на снегу подтверждали, что крепость покинута недавно - если к югу от Дортинайна их успело замести снегом, то к северу - нет, протоптанная лошадьми тропа уходила вдаль через открытые ворота, облегчая задачу преследователям.

Хотя по сути за эти смерти уже было отплачено с большими процентами, у солдат представшая им картина вызвала ярость и желание мстить. Они-то, по крайней мере, не глумились над трупами тех, кто еще недавно были их товарищами. И если в предыдущие три дня они брели по снегу через унылые в любое время года болота без особого энтузиазма, то теперь сами рвались вперед.

Бронгар не видел смысла их удерживать. Он не сомневался, что Арвик дразнит его специально и что где-то дальше к северу его армию поджидает засада вроде той, которую только что устроил противнику он сам - но его люди не попадут в нее так глупо, как пехота Арвика. Тщательная разведка, грамотное охранение, правильное построение. Он, герцог Бронгарский, не собирался терять голову ни в переносном, ни в прямом смысле. Но он хотел этого боя не меньше, чем последний из его рядовых. Он разобьет Арвика, а если тот и дальше попытается уклоняться от битвы - будет гнать его хоть до Альтенбурга, хоть до Айзеншлосса, хоть до самой гроггендорской границы. И Элинор уже не сможет его остановить - ни политически, ни даже технически. Голубь не долетит в движущуюся армию, и даже гонец с приказом, содержимое которого не понравится коннетаблю, может и не доскакать.

Над океаном у восточного побережья Айринтии ползли низкие снеговые тучи. Пронизывающий северо-восточный ветер нес снежную крупу, срывал пенные гребни со свинцово-серых волн и наполнял паруса тяжелого нефа, который, грузно переваливаясь с волны на волну и зарываясь в ледяную воду по самый бушприт, упрямо продвигался вперед, на юг. Принц Арвик, в теплой куртке, опоясанной мечом, и меховой шапке, из под которой выбивались ее длинные, присыпанные снегом волосы, стоял на высоком полубаке у правого фальшборта, вцепившись руками в кожаных перчатках в обледенелый леер над планширом, и смотрел на запад. Палуба то и дело уходила из-под его ног, когда корабль погружался носом в волну, а затем, едва она начинала двигаться обратно, сверху шумным дождем обрушивались ледяные брызги, но Арвик, казалось, не обращал на это никакого внимания. Он не мог разглядеть отсюда берег, тем более в такую погоду и в сгущающихся сумерках, однако знал, что они прошли траверз Фихтерна более двух часов назад, а значит, при таком ветре, должны уже приближаться к цели. Фихтернская гавань была заманчивым пристанищем в такое время, но эту идею Арвик отверг сразу. Несомненно, взять город к его прибытию было вполне посильной задачей для его союзников. Небольшой королевский гарнизон (более скромный, чем в считающихся более важными портах на кирландском побережье), отрезанный от снабжения и подкрепления, не продержался бы долго, особенно учитывая сторонников Арвика внутри городских стен. Но отправить известие в Дракенхайм он бы в любом случае успел, и не одно. Конечно, шансов достигнуть цели у этих известий был бы немного - охотничьи соколы Хагентрауба отлично

натренированы на перехват почтовых голубей. Но "немного" не значит "нет", а Арвик не хотел рисковать быстротой и внезапностью. Вместо этого он готов был рискнуть другим...

Наконец, когда корабль приподняло очередной волной, Арвик различил вдали огонек. Он скрылся, когда волна выкатилась из-под днища и покатилась дальше к далекому берегу, но затем появился снова, и уже не один. Определенно, это не был какой-нибудь случайный костер на берегу (да и кто случайный станет жечь там костры в такую погоду?!), это был сигнал, которого он ожидал. Арвик повернулся, бросил негодующий взгляд на марсового матроса на мачте, который не подавал никаких сигналов из своего гнезда, и заорал: "Где шкипер?! Шкипера ко мне!"

Перебирая руками штормлеер, без которого невозможно было бы устоять на скользкой палубе, подошел шкипер в серой куртке с низко надвинутым капюшоном, из-под которого виднелась главным образом сивая борода.

- Куда смотрят ваши люди?! - напустился на него Арвик. - Вон наше место высадки! Командуйте поворот бакштаг на правый галс![45]

- Сир, - почтительно произнес капитан, словно Арвик уже был королем, - в такую погоду мы не сможем высадиться на берег напротив Хассенворта. От Фихтерна до Моргенхаффена нет ни единой стоянки, подходящей для судна с нашей осадкой.

- Разве не вы говорили мне, что сможете в отлив выброситься на мель так, чтобы прилив утащил корабль обратно?

- Не при такой волне, сир. Судно не выдержит ее ударов, если зароется в песок - откроются течи, понадобится серьезный ремонт. Тем паче что, пока мы подойдем к берегу, уже стемнеет. Да и отлив к этому времени уже закончится.

- Значит, вам следовало прибыть раньше!

- Это парусное судно, сир, - пожал плечами шкипер. - Ветер мне не подчиняется. С полудня он хороший, но до этого, сами знаете... И потом, как я уже сказал, при такой волне...

- И что же вы *мне* предлагаете? - нехорошо улыбнулся Арвик.

- Самое разумное лечь в дрейф до утра, сир. К рассвету море, возможно, станет спокойнее.

- До утра. Конечно же. Возможно, - покивал Арвик с обманчивым спокойствием, а потом заорал в лицо шкиперу, рефлекторно втянувшему голову еще глубже под капюшон: - А может быть, сразу до весны?! Мои люди должны быть на берегу сегодня же! Ветер не подчиняется вам, зато вы подчиняетесь мне! Курс вон на те огни, и мне плевать, что будет с вашей лоханкой!

- Но сир...

Рука Арвика сделала молниеносное движение. Меч вылетел из ножен и прижался холодным блестящим лезвием к жилистой шее прямо под бородой.

- Тебе что-то неясно, шкипер? - процедил принц.

В этот момент нос нефа зарылся в особенно крутую волну, и очередной поток ледяной воды окатил палубу. Нога Арвика поскользнулась на накренившемся мокром настиле, и принц, державшийся за леер лишь одной рукой, рефлекторно махнул другой, в которой сжимал оружие. Безупречно отточенное лезвие рассекло горло шкипера до самого позвоночного столба, проскрежетав по кости, и бородач, нелепо дернув руками, рухнул на обледенелые доски.

- Ч-черт... - растерянно пробормотал Арвик, глядя, как алая кровь, смешиваясь с соленой водой, с журчанием стекает в шпигат. Затем он поднял глаза и встретился взглядом с оцепеневшим от ужаса молодым матросом.

---

[45]Арвик хочет продемонстрировать свое знание морских терминов, но путается в них. Бакштаг - это не поворот, а курс, при котором ветер дует сзади-сбоку. При северо-восточном ветре судно, идущее на юг, уже идет бакштагом левого галса. Правильно было бы сказать "Командуйте поворот через фордевинд на бакштаг правого галса" или (поскольку ни один вменяемый капитан не станет в такой ситуации выполнять оверштаг) просто "командуйте поворот на бакштаг правого галса".

- Чего уставился?! - крикнул принц. - Давай, право руля! Курс на огни!

- Есть, сир, - откликнулся матрос, словно, находясь на полубаке, он и в самом деле мог выполнить такую команду. Затем он развернулся и, торопливо хватаясь за штормлеер, побежал на корму, вопя во все горло: - Право руля! Его высочество приказал право руля!

На полубак торопливо поднялся первый помощник. У Арвика на миг мелькнула паническая мысль: "А ведь он может попытаться меня арестовать. Моих людей на порядок больше, но большинство из них на нижних палубах, а большинство его людей наверху. Если быстро запереть люки снаружи и взять курс хоть на Фихтерн, хоть на Моргенхаффен... Элинор бы щедро заплатила за такой подарок!" Но моряк уже почтительно поклонился, стараясь не глядеть на распростертое у борта тело

- Неповиновение во время войны обходится дорого, - назидательно сказал ему принц. - Видите огни на берегу? Мы должны высадиться там как можно скорее, и мне плевать, во что это обойдется вашему кораблю!

- Да, сир, - вновь поклонился первый помощник, - но, осмелюсь заметить, в это время при такой волне мы не сможем выброситься на мель так, чтобы нос нависал над сушей. Вашим людям и... вам, сир, придется прыгать прямо в волны, которые не только ледяные, но и достаточно сильные, чтобы сбить человека с ног и утащить обратно в океан.

- Значит, выбрасывайтесь не носом, а боком, чтобы корпус прикрывал нас от волн!

Первый помощник хотел было возразить, что в этом случае корабль, увязший в песке по всей длине, будет крайне затруднительно снять потом с мели, но бросил еще один взгляд на мертвое тело и лишь покорно вздохнул: - Да, сир.

В конце концов, корабль принадлежал не ему, а вот его жизнь - да.

- И... велите убрать *это*, - брюзгливо бросил Арвик, вновь отворачиваясь и устремляя взор на сигнальные огни.

Около часа спустя неф на всех парусах подошел к берегу, где горели костры и стояли люди с факелами. Отсветы пламени озаряли мрачные силуэты развалин позади них. Рыбачью деревню, уничтоженную пиратами, так и не отстроили заново; место это приобрело дурную репутацию, и в Хассенворте говорили, что по ночам сюда лучше не соваться, да и днем в общем-то незачем. Из-за призраков убитых или из-за контрабандистов, охотно пользовавшихся этими слухами - это уже второй вопрос... Но люди, встречавшие Арвика, разумеется, не были контрабандистами. Пламя факелов тускло отражалось в их доспехах.

У самой пенной полосы прибоя неф заложил разворот на левый борт так круто, что затрещали мачты, встал боком к волне и считаные мгновения спустя тяжело врезался в песчаное дно по всей длине киля, резко накренился на правый борт и застыл, окатываемый волнами. Крики и проклятия, донесшиеся изнутри, было слышно даже сквозь рев прибоя. Матросы полезли по перекошенным и провисшим, успевшим обрасти сосульками вантам убирать паруса в надежде все же спасти корабль от окончательного опрокидывания (вполне вероятного после того, как трюм и нижние палубы освободятся от груза - притом, что крен уже был настолько велик, что невозможно было сбросить якорь с левого борта, не повредив обшивку), а затем с палубы через правый борт полетели веревочные трапы и просто канаты с узлами. Сперва по ним спустились лишь четверо, и Арвика среди них не было - он послал своих офицеров удостовериться, что это не ловушка и их встречают именно те, кто должен. Когда офицеры, благополучно выбравшись из бурлящей под наклонившимся бортом ледяной воды, переговорили с факельщиками на берегу и подали утвердительные сигналы, началась высадка всех остальных. Учитывая условия, она прошла успешно - по ее окончании не досчитались лишь двоих, которых, очевидно, все же сбило с ног в ледяной воде, и они, незамеченные в темноте товарищами, не то потеряли сознание от температурного шока, не то просто не смогли подняться и захлебнулись в своих доспехах, утонув на глубине по пояс. Остальные устремились бодрым маршем в Хассенворт - жажда согреться заставила их практически бежать.

Кораблю даже после того, как он облегчился от своего груза, не удалось сняться с мели; напротив, он лишь еще сильнее завалился набок и глубже увяз в песке, намытом волнами, окатывавшими его с носа и кормы. Он был брошен командой и постепенно разрушен зимними штормами.

Тонкие длинные огоньки свечей отражались в черно-белых плитах пола. Облик двух девушек, сидевших за столом напротив друг друга, словно бы дополнял шахматную символику: светлые волнистые волосы у одной, черные и прямые - у другой. Одежда их не столь контрастировала по цвету (брюнетка была в черном, но блондинка - в зеленом, подчеркивавшем цвет ее глаз), но различалась по стилю: блондинка была в платье, брюнетка - в своем любимом костюме для верховой езды.

- Наконец-то, Элинор, - усмехнулась баронесса, наполняя свой бокал, - мы ужинаем вместе, как в старые добрые времена. А то, пока я ношусь по твоим делам по всему королевству, ты проводишь все вечера с этим Локхартом.

- Не все, - улыбнулась королева, - и потом, как ты сама только что заметила, я ведь не могу ужинать с тобой, пока ты носишься по всему королевству.

- Ты зовешь его не только на приватные ужины, но и на стратегические совещания. Меня ты не приглашала туда никогда, даже когда я нахожусь в столице.

- Но... ты же понимаешь, насколько... странно это бы выглядело, - удивилась Элинор.

- Почему? Потому, что я всего лишь незаконная дочь графа Хагентрауба? Всего лишь баронесса? А кто такой он? - Виолетта подняла бокал, рассматривая его содержимое на просвет, словно он символизировал того, о ком она говорила. - Полковник несуществующей армии. Капитан несуществующего корабля. Подданный несуществующей страны...

- Уже нет, - улыбнулась королева.

- Человек без единого документа, - продолжала, не слушая, баронесса. - И даже тот титул, который ты ему подарила, ниже моего.

- Виолетта, - вздохнула Элинор, - не надо ревновать. Ниоткуда не следует, что у человека может быть только один друг. Особенно если с самого детства у него не было ни одного.

- При чем тут ревность? Я забочусь о твоей же безопасности. И о нашей общей, если уж на то пошло. Да, я знаю, - перебила баронесса уже готовое вырваться у королевы возражение, - что эту историю о пришельцах из другого мира подтвердили серьезные люди, не склонные к экзальтированным фантазиям. Когда они появились в Хассенворте, у них были при себе вещи, которых в нашем мире не существует. Ну и что? Разве это доказывает, что ему можно доверять? Одно вообще никак не следует из другого. Как будто в другом мире не может быть своих мошенников и авантюристов, - она сделала решительный глоток из бокала.

- Он не мошенник, - покачала головой Элинор. - Уж поверь, я знаю его лучше, чем ты.

- Ты знаешь только то, что наговорил тебе он сам, пусть даже с убедительной интонацией. Откуда ты можешь знать, что его словам можно верить?

- Хотя бы оттуда, что тебе его завербовать не удалось, - с усмешкой напомнила Элинор.

- Ну да, - проворчала баронесса, - заполучившему главный приз нет смысла рисковать им ради утешительного...

- И вообще, - продолжала королева, - ты могла бы больше доверять моей интуиции, раз уж она подсказала мне довериться *тебе*. Охмурившей барона Хюгельдорфа с фатальным для него исходом и подосланной ко мне в качестве шпионки.

- Не думаю, что старый Хюгельдорф питал какие-то иллюзии насчет моей пылкой влюбленности в его жирное брюхо и морщины, - пожала плечами Виолетта. - Он понимал, что просто покупает меня, так что это была честная сделка. Ну а что он получил несколько больше, чем рассчитывал, так больше - это не меньше, и в этом меня сложно упрекнуть, - она осушила бокал до конца и поставила его на стол. - Что касается моей работы на герцога Бронгарского, то

ты знаешь об этом потому, что я сама тебе рассказала, не так ли? А Локхарт рассказал о себе что-то подобное?

- По твоей логике, наименьшего доверия заслуживают невиновные, потому что они заведомо не могут рассказать о себе ничего плохого, - рассмеялась Элинор.

- Между прочим, это не так уж смешно, - заметила баронесса. - Человек, на которого у тебя есть компромат, всегда надежнее того, на кого его нет.

- Виолетта, я тоже не наивная дурочка. Но все хорошо в меру, и подозрительность тоже. Если уж рассуждать по-твоему, то у него нет никакого резона предавать меня. Едва ли кто-то из моих врагов может предложить ему больше, чем я - или хотя бы столько же.

- Не сомневаюсь, - усмехнулась баронесса. - Он уже называет тебя "Элинор", или пока еще держится "вашего величества"?

- Никому в Айринтии, кроме тебя, не позволено называть меня просто "Элинор", - улыбнулась королева. Это было не совсем так - хотя Локхарт ни разу не решился повторить это после их первого совместного ужина - но Виолетте незачем было об этом знать. - Даже дядя Фабиас после моей коронации вынужден был перейти на формальное "дочь моя", когда обращается ко мне, как духовное лицо, и "мэм" - когда как светское. Ну, точнее, когда нас гарантированно никто не слышит, он может и отступать от этого правила, но это секрет, и я тебе этого не говорила. Так что можешь не беспокоиться за свою монополию и перестать уже ревновать.

- Я беспокоюсь за твою безопасность, - вновь повторила Виолетта. - Как и всегда. Так какие у тебя новости? Я имею в виду - не связанные с Локхартом.

- Дядя Хуберт наголову разбил пехоту Арвика и продолжает его преследование на север. Сегодня пришло известие, что он догнал и разгромил арьергард вражеской конницы у северного выхода из Иммермура, но основным силам Арвика во главе, очевидно, с ним самим удалось унести ноги, несмотря на снежные заносы. Но герцог все равно надеется настигнуть его прежде, чем он снова спрячется за крепостными стенами. Завтра Фабиас проведет в кафедральном соборе молебен о победе над мятежниками.

- Как-то слишком все легко и просто.

- Понятно, что до окончательной победы еще далеко. Это в доставленной депеше так красиво сказано - арьергард. Подозреваю, что на самом деле это мог быть совсем небольшой отряд и чуть ли вообще не кавалерийский обоз...

- Не знаю, насколько вообще можно верить донесениям Бронгара, - заметила Виолетта.

- Не хочешь же ты сказать, что он просто выдумывает свои победы? - пожала плечами Элинор. - Это же, в конце концов, проверяемо. В его войске есть агенты Тайной Стражи. Подтверждение о его первой победе под Зюдендорфом уже получено, теперь ждем подтверждение второй. И в том, что он плохой полководец, его не подозревал, кажется, никто.

- Хороший, - кивнула баронесса. - Полководец и стратег. И в своих стратегических интересах он вполне может показательно громить какие-то охвостья, позволив при этом самому Арвику с его главными силами проскользнуть на юг.

- Как можно незаметно провести на юг многотысячную армию, тем более - кавалерию?

- Не знаю, как. Какими-то тайными болотными тропами, что в такую погоду сложно, но возможно. И Бронгару даже не требуется вступать в явный сговор с Арвиком. Попросту не выслать дозоры, которые должны перекрыть эти тропы, или выслать, но недостаточно далеко. Сделать вид, что он полностью верит обманным маневрам Арвика. Зато представь себе ситуацию - пока Бронгар гоняется за ним на севере, а в Дракенхайме возносят благодарственные молебны, войско Арвика объявляется прямо под стенами столицы. И, допустим, берет город. С понятными для тебя последствиями. А потом появляется запыхавшийся Бронгар и уничтожает Арвика. И садится на трон - не в качестве узурпатора, а в качестве мстителя, который покарал узурпатора и убийцу законной королевы. Ну и в качестве последнего из Йоргелингов, само

собой.

- Если бы, не дай бог, Арвику удалось взять Дракенхайм, он бы короновался в соборе и тоже стал законным, - мрачно заметила Элинор.

- Если бы успел. А для него это было бы весьма затруднительно. Ну, допустим, твой премьер переметнулся бы к нему с легкостью, но вот коннетабля ему бы пришлось ставить своего, и архиепископа тоже. А последнего по закону он сделать вообще не может никак, и даже в случае смерти Фабиаса синклит кардиналов, скорее всего, так и не собрался бы даже по чисто формальным причинам - для этого они должны съехаться из разных городов, которые Арвик на данный момент не контролирует. Притом, что и его собственные права сомнительны. В общем, это была бы фэйковая коронация, которую можно было бы оспорить даже не с одной, а с многих точек зрения. Конечно, если бы ему удалось удержать власть силой, всем законникам в итоге пришлось бы заткнуться. Но это - если бы, и далеко не сразу. Так что у Бронгара имеется вполне себе резон подставить тебя точно так же, как Арвик, возможно, подставляет ему самому какие-то свои вспомогательные части.

- В любом случае, даже после ухода королевской армии в столице достаточно сил для защиты. Штурмом ее не взять, а припасов нам хватит на многие месяцы осады.

- Если не будет удара в спину. Я бы не полагалась так безусловно на донесения Тайной Стражи в этом вопросе. Не всегда предателя можно выявить заранее. Иногда о том, что он предатель, не знает в принципе никто, даже он сам - до того самого момента, когда у него появится достаточно хорошая возможность предать.

- Все это - лишь твои домыслы, или ты почерпнула какие-то намеки при общении с Бронгаром? - тревожно спросила королева.

- Он, как ты знаешь, не докладывает мне о своих планах, - усмехнулась Виолетта. - Кстати, то, что я только что сказала о предателях, может касаться и его самого. Но думаю, мне стоит нанести ему очередной визит, где бы он сейчас ни находился. Он, несомненно, будет рад выслушать мой доклад о тебе - а я, в свою очередь, постараюсь прощупать его, глубже, чем он рассчитывает.

- Ты хочешь ехать в такую пору одна через Иммермур? Это слишком опасно. Даже не в смысле каких-то засад, а просто можно угодить в метель и замерзнуть насмерть.

- Может быть, и в обход через побережье, - согласилась Виолетта. - Хотя это, конечно, займет больше времени. Но как знать, что там откроется по пути... самый прямой маршрут далеко не всегда самый интересный.

- Через восточное побережье? - уточнила Элинор.

- Ну да, Альтенбург же ближе туда. Или ты имеешь в виду что-то еще? Какие-то новости от моего дорогого папаши?

- Ты, как всегда, проницательна, - усмехнулась королева. - Сегодня от него прибыл курьер с письмом. Граф выражает свой формальный протест по поводу вторжения частей королевской военной гвардии на его земли, что нарушает привилегии дома Хагентраубов. При этом он, конечно же, знает, что эти части мне не подчиняются. Но, по крайней мере, жалуясь на поведение королевской гвардии мне, он признает меня королевой. Хотя нельзя исключить, что он отправил такую же жалобу и Арвику... но что-то мне подсказывает, что он этого не сделал.

- Возможно, он лишь хочет подчеркнуть таким образом, что никак не связан с их мятежом, - рассудительно заметила баронесса, - хотя последний гульден я бы на это не поставила.

- Я тоже, - кивнула королева. - У меня такое чувство, что что-то там затевается. Во всяком случае, он беспрепятственно позволил мятежникам Дирлиха следовать через свои земли, хотя имел и право, и силы им помешать. И даже личные мотивы, хотя, конечно, отношения с Арвиком для него важнее отношений с Дирлихом - но на стороне Арвика он тоже в явном виде пока не выступил...

- Следовать через? Это куда же - в океан?

- Судя по всему, в Хассенворт. Но сведения оттуда очень скудны. Агентурная сеть в Хассенворте не восстановлена до сих пор, да и земли Хагентрауба пересечь без его ведома и согласия не так-то просто.

- А, да. Припоминаю эту историю. Твой резидент[46] в Хассенворте тогда немного перестарался и подставил слишком много своих, дабы ты заполучила своего Локхарта.

- Ну, во-первых, не мой, а Корнелиуса, во-вторых, Локхарт и его команда на тот момент еще совершенно не были моими. Но, действительно, наш человек там счел, что, раз их намерен заполучить лагерь Арвика, то мы должны сыграть на опережение и вытащить их к себе, сорвав их договоренность с противником любой ценой. Возможно, он, как ты говоришь, перестарался в плане методов, особенно учитывая, что капитан Дармонт, ставленник Арвика, в итоге выжил... но что сделано, то сделано.

- Забавно, на самом деле, - заметила Виолетта. - Ведь формально Дармонта можно было в любой момент снять королевским приказом, а за нужными людьми - если, конечно, предположить, что они и в самом деле нужны - отправить официальный эскорт для доставки их в столицу.

- Я тогда еще даже не была королевой. И они могли бесследно исчезнуть раньше, чем такой эскорт прибудет.

- Да я понимаю... просто говорю, насколько забавно это смотрится со стороны. Так значит, ты не знаешь, что сейчас происходит в Хассенворте?

- Увы. Туда, конечно, отправлены новые агенты, но они могут быть перехвачены... А вот кстати. Завтра утром я отошлю ответ Хагентраубу. О том, о чем он прекрасно знает - что вторгшиеся на его земли гвардейцы суть мятежники, противодействие коим не только не вызовет неудовольствия королевы, но, напротив, заслужит ее благодарность... постараюсь лишить его возможности и дальше сохранять нейтралитет, не ссорясь ни со мной, ни с Арвиком.

- Это опасно. Ты можешь толкнуть его к явному переходу на сторону врага.

- Он и так может сделать это в любую минуту. Но я все же попробую акцентировать внимание на королевской благодарности, а не на карах. Прямо не обещая, однако, ничего, что свело бы на нет усилия моих предков по обузданию Хагентраубов... Но вот что я подумала - не хочешь ли ты доставить это письмо лично?

- Я? - Виолетте, похоже, не приходила в голову такая мысль. - Едва ли он любит меня намного больше, чем я его. То есть больше, конечно - в том смысле, что едва ли ненавидит так же сильно...

- Это неважно. Ты баронесса и приближенная королевы, формально для него это честь по сравнению с обычным фельдкурьером. И тронуть тебя он не посмеет, особенно при исполнении тобой официальной миссии. А ты тем временем сможешь присмотреться к тому, что там происходит...

- Но как я объясню поездку в Хассенворт? Резиденция Хагентрауба намного западнее, а город ему вообще не принадлежит.

- Ты и не обязана ничего объяснять, не так ли? - пожала плечами Элинор. - Айринтийская баронесса вправе свободно ездить по всей территории Айринтии, особенно исполняя королевские поручения, каковых может быть и несколько. Доставив письмо, ты отправишься на север для встречи уже с Бронгаром, а путь через Хассенворт вдоль восточного побережья хотя и не кратчайший, но вполне возможный. Главное, что в статусе моей официальной посланницы он не посмеет тебя задерживать. Даже если ты сунешь нос туда, куда он не хочет.

---

[46]В оригинале station chief, термин, применяемый к главе не только разведывательной сети на иностранной территории, но и колониальной администрации. Однако применительно к территориальным руководителям спецслужб в самой метрополии он не используется, как и "резидент" в русском языке. Таким словоупотреблением Виолетта иронически намекает на то, что Хассенворт подконтролен короне лишь формально.

- Может, и посмеет, если хочет открытой войны, - мрачно заметила Виолетта.

- Если это вынудит его начать открытую войну раньше, чем он планировал, то тоже расстроит его планы.

- Ну да, конечно. А мною ради этого можно просто пожертвовать? - широко улыбнулась баронесса.

- Я вовсе не это имела в виду, - смутилась Элинор. - Я хотела сказать, что именно поэтому он так не сделает.

- При выборе между вариантами раскрыть свои планы врагу или начать неподготовленным? Не знаю... Но ты права, подруга. Это отнюдь не первый риск в моей карьере. И я иду на это не только ради тебя. Просто без риска было бы скучно, - Виолетта вновь улыбнулась, на сей раз более добродушно.

Взрывая пушистый снег копытами рыцарских коней, сверкая латами на солнце, тяжелая кавалерия скакала на запад, туда, где пока еще далеко за горизонтом лежал посреди ледяного озера, словно корона на полированном столе, Дракенхайм. Во главе колонны, в окружении охранников и оруженосцев, ехал молодой человек в шлеме с открытым забралом; кольчужная бармица сзади скрывала его длинные волосы, но спереди несколько густых светлых прядей падали ему на лоб (он не убирал их под шлем, полагая, что они смотрятся живописно). Его доспехи были словно бы подчеркнуто лишены позолоты и украшений, однако надменное и властное выражение его лица с лихвой искупало их простоту - не говоря уже, разумеется, о стальном обруче стилизованного венца (пока еще не совсем короны, но с явным намеком на таковую), намертво припаянном поверх его шлема. На самом деле никакого глубокого символизма, призванного подчеркнуть аскетичную простоту воина в противовес придворной роскоши, в его броне (стоившей, тем не менее, целое состояние, как всякий полный латный доспех) не было. Просто это были не его доспехи, и конь тоже не его. Всего лишь подарок от его любезного союзника, который, очевидно, рассчитывает на благодарность, до сих пор не понимая, кто здесь кому оказывает услугу и честь, соглашаясь принять дары... ну ничего, со временем поймет. Они все поймут, и его враги, и те, что имеют наглость считать себя его друзьями - не понимая, что у короля не может быть друзей, у короля могут быть только его верные подданные. Или не очень верные, но такие - очень недолго...

В своих честолюбивых мечтаниях принц не обратил внимания ни на холм справа в некотором отдалении от дороги, ни тем паче на островерхую церковь на вершине этого холма. Зато в этой церкви обратили самое пристальное внимание на него и его войско. Звонарь, стоявший на колокольне, тщательно пересчитывал движущихся по дороге конников, делая пометки - тяжелая кавалерия, легкая кавалерия, заводные лошади... Он оценил даже их скорость по хорошо знакомым ему ориентирам. Когда колонна миновала холм, он торопливо сбежал вниз по винтовой лестнице к священнику и протянул ему свои записи. Некоторое время спустя он получил от священника новый листок, поднялся с ним обратно к колоколам и взялся за веревки. Дин-дон-дан, дан-дан-дон... Всадники к тому времени были уже далеко и вряд ли обратили внимание на несущийся им вслед перезвон.

Зато на него обратили внимание в следующей к западу церкви. А потом и в той, что за ней. Колокольный мотив обогнал Арвика и полетел дальше на запад впереди его войска.

Но продолжалось это недолго. Едва колокола следующей придорожной церкви принялись звонить, как к ней подлетели галопом шестеро всадников, облаченные поверх доспехов легкой кавалерии в черно-красные сюрко дома Хагентраубов. Спрыгнув с коней, они вбежали внутрь. Трое сразу побежали к лестнице на колокольню, на бегу обнажая мечи, еще трое во главе с командиром двинулись широким шагом по центральному проходу, цепко вглядываясь в полумрак помещения, казавшегося им совсем темным после яркого солнца и белого снега снаружи. Церковь была почти пуста, лишь на скамье слева сидел какой-то старик, а на скамье

справа - женщина в чепце, испуганно уставившаяся на ворвавшихся.

- Все вон отсюда, быстро! - приказал командир. Двое его солдат тут же устремились к прихожанам, дабы выставить их за дверь и проследить, чтобы они убрались, а не остались ждать снаружи. У командира мелькнуло сомнение, стоит ли вообще отпускать лишних свидетелей, тем паче что эти двое могут быть не столь просты, как кажется на первый взгляд - что они делают в церкви, когда нет никакой службы? Но лишние смерти или исчезновения привлекают дополнительное внимание. Черт с ними, пусть убираются. Навстречу по проходу уже спешил дородный священник, протестующе раскинув руки. Командир направился прямо к нему.

Звуки колоколов наверху оборвались прямо посреди очередной триады.

- Уберите оружие, сын мой, - потребовал священник; он был бледен, но старался говорить твердо. - Вы в доме божьем.

Командир услышал, как хлопнула дверь позади - его люди выпроводили прихожан - и, не тратя лишних слов, приставил острие меча к толстому животу пастора.

- Код отмены, - потребовал он.

- Я не понимаю, о чем вы...

Командир надавил на меч. Священник охнул, отступая, но кавалерист шагнул следом за ним, заставляя клинок по-прежнему впиваться в плоть - пока еще неглубоко и неопасно.

- XXX! - выдохнул толстяк.

- Хорошая попытка, - осклабился командир, не ослабляя нажим; пастор пятился, пока не уперся в стену кафедры. - Только я бы в такой ситуации ни за что не сказал код отмены. Я бы назвал, наоборот, код тревоги. Который, возможно, был кодом отмены раньше. Остроумно, да - использующий устаревший код добивается обратного эффекта. Так какой код отмены *сейчас*? - он надавил на меч сильнее. На клинке показалась кровь, а на лице пастора - крупные капли пота.

- Ноль-Z-ноль! - выдавил из себя несчастный, чувствуя, как острие входит все глубже. - Прошу вас! Это правда, клянусь Троицей!

Клинок вонзился до самого позвоночника, одновременно поворачиваясь по часовой стрелке. Священник издал булькающий хрип и сполз на пол, соскальзывая с меча.

- Вы... поплатитесь за это... в следующей жизни... - из последних сил просипел умирающий.

- Я и в этой родился не герцогом, - усмехнулся командир, вытирая меч о его рясу. Затем побежал к лестнице на колокольню.

- Эй там, слышите меня?

- Да, сэр! - донеслось сверху.

- Низкий-низкий-низкий! Высокий-высокий-высокий! Низкий-низкий-низкий!

Дон-дон-дон, дин-дин-дин, дон-дон-дон - пропели колокола. Отмена предыдущего сообщения, прекращение передачи.

Когда последний звук угас, сверху донеслись шаги спускающихся солдат. Вскоре показались они сами; сапоги одного из них оставляли кровавые следы. Командир молча кивнул, удовлетворенный проделанной ими работой, развернулся и направился к выходу.

И тут из-под одной из скамеек слева от него раздался чих.

Командир резко обернулся, вновь выхватывая уже убранный было в ножны меч. Маленькая серая фигурка выскочила из-под скамьи и бросилась прочь от солдат.

- Хватай ее! - крикнул командир и побежал к двери, перекрывая ненужному свидетелю - точнее, как он успел заметить по платью, свидетельнице - путь к спасению.

Само собой, никаких шансов увернуться от солдат, которые вскочили и побежали прямо по скамьям, у нее не было. Полминуты спустя задержанную, ухватив за обе руки, подтащили к командиру. Рукой в кольчужной перчатке тот отбросил каштановые волосы с ее лица. Девчонке было, самое большее, лет тринадцать; голубые глаза округлились от ужаса.

- На кого ты работаешь? - устало спросил командир.

- Н-н-на госпожу Мальден, - с трудом выдавила из себя девчонка. - В пекарне ей помогаю, прибираюсь и то-се...

- Дура, - с отвращением выплюнул командир. - Почему не ушла, когда я сказал "все вон"? Любопытство знаешь кого погубило?

- Я... я испугалась, а потом уже... Пожалуйста! Я никому не скажу! - воскликнула девочка.

- Скажешь, - покачал головой командир.

- Не надо! - из ее глаз покатились слезы. - Я хочу жить! Мне же всего двенадцать!

- Закрой глаза.

- Нет!!!

- Закрой глаза, - повторил командир с нажимом, - и считай вслух до ста, пока мы не уйдем. Не вздумай подглядывать! Отпустите ее, - кивнул он своим людям, взглянувшим на него с недоумением, но выполнившим приказ.

Девочка старательно зажмурилась.

- Раз, два, три...

На счете "четыре" он пронзил ее грудь мечом, целясь в сердце.

- Проверьте еще попа на всякий случай, - бросил он солдатам. Один из них подошел к распростертому возле кафедры телу, наклонился, пощупал пульс на шее:

- Готов!

- Тогда пошли отсюда.

Четверо вышли наружу, где их поджидали двое товарищей. На условно-безопасном отдалении от них переминалась на снегу женщина, явно намеренная вернуться в церковь, как только солдаты уйдут. Командир поманил ее рукой.

- Ты, что ли, Мальден?

- Ну я, - ответила она без особой почтительности.

- У меня для тебя плохие новости. Ступай, расскажи своим. Звонарь ваш продался разбойникам, сговорился, что подаст им сигнал, чтобы ограбили церковь... и все селение. Мы про то узнали и воздали ему по заслугам, но немного не успели. Он успел зарезать священника... и девчонку твою тоже. Прикрывался ей, сбежать хотел, ну а как понял, что не выйдет... - версия, конечно, не выдерживала критики, учитывая, что тело звонаря осталось на колокольне, а тело девочки внизу, да и характер ран говорил о мече, которым едва ли мог быть вооружен звонарь, но командира не особо заботило, поверят селяне или нет. Достаточно было озвучить официальную версию, которую отныне лучше не оспаривать.

- Вот беда-то! - всплеснула руками искренне расстроенная Мальден. - Где ж я теперь новую служанку найду всего за три хеллера в день?

- Это уж твои трудности, - усмехнулся командир. - А пастора вам нового пришлют, его сиятельство позаботится, - отвернувшись от нее, он направился к своей лошади. Солдаты последовали за ним.

Тем временем в нескольких милях к северо-западу по той самой дороге, по которой некогда катил в столицу караван Ференца, в противоположном направлении скользила по снегу поставленная на полозья карета, запряженная четверней белых лошадей и сопровождаемая двумя всадниками с поднятыми пиками, на которых развевались вымпелы черно-желто-синих государственных цветов. Если бы Ференц и его люди вновь оказались здесь, то они могли бы узнать эту карету (и даже трех из четырех лошадей упряжки, что, впрочем, вряд ли, ибо редкий человек способен отличить одну лошадь от другой той же масти и стати).

На окне кареты отдернулась занавеска, а затем откинулась вниз на петлях рама вместе со стеклом, и голова пассажирки высунулась наружу.

- Вы слышали это? - требовательно спросила она у ближайшего гвардейца.

- Что, мэм?

- Колокольный звон где-то там, - баронесса махнула рукой на юго-восток. - Который как-

то слишком внезапно оборвался, а потом вновь продолжился.

- Мм... должно быть, вы правы, мэм, - неуверенно согласился гвардеец. Все его внимание было сосредоточено на дороге и окрестностях; он отнюдь не считал, что официальный характер его миссии делает ее безопасной, и, хотя и понимал, что они вдвоем с товарищем представляют собой почетный эскорт, а не реальную охрану, и будут бессильны против настоящей засады, но все же тщательно высматривал любые признаки таковой. Далекий же колокольный звон никак не являлся в его представлении признаком угрозы - уже хотя бы потому, что был слишком далеко в стороне от дороги - и совершенно не привлек его внимания.

- Мы должны выяснить, что там такое, - констатировала Виолетта. Несколько секунд она, закусив губу, с досадой смотрела на сплошную стену деревьев справа, не позволявшую свернуть с дороги, затем окликнула кучера и велела ему сделать это при первой же возможности.

Гвардеец совсем не был уверен, что это хорошая идея. Основной тракт давал хоть какую-то гарантию безопасности королевской посланнице с официальным поручением. Всякие же боковые тропинки через лес... черт его знает, куда они могут завести и кто может там встретиться. Его сиятельство граф Хагентрауб не может отвечать за каждую банду разбойников на своих землях, не правда ли? То есть он, конечно, очень старается их извести, но все понимают, что полностью искоренить лихих людей невозможно, тем более в такие неспокойные времена, когда на земли Хагентрауба, как хорошо известно во дворце, вообще вторгся Дирлих, который будет только рад возможности подставить своего старого врага... Однако высказывать все это вслух гвардеец не стал, ибо уже знал, что спорить с баронессой бесполезно.

Возможность свернуть направо представилась примерно через три мили. Увидев эту узкую заметенную снегом дорогу, над которой в иных местах смыкались голые ветви деревьев, гвардеец неодобрительно качнул головой и обменялся взглядом поверх крыши кареты со своим товарищем. Тропа была настолько узкой, что они уже даже не могли сопровождать карету по бокам и вынуждены были занять место позади экипажа. Но делать было нечего - они обязаны были повиноваться баронессе.

Они углубились в лес, сразу же потеряв скорость, ибо лошадям приходилось прокладывать путь по снегу, не тронутому ни единым следом, если не считать отпечатков где заячьих, а где и волчьих лап. Лес, просвеченный солнцем, не выглядел особо мрачным. но гвардейцы все равно встревоженно переглядывались, заслышав немелодичные крики птиц - действительно ли это птицы?

Птицы то были или нет, но проехали посланцы королевы недалеко. За очередным поворотом петлявшей по лесу дороги их уже ждали.

Путь преградили шестеро вооруженных всадников. Это были не разбойники (коим лошади и кавалерийская экипировка вообще не по чину) и не гвардейцы Дирлиха. Они носили черно-красные цвета Хагентрауба.

Кучер вынужденно натянул поводья. Гвардейцы выехали вперед.

- Мы сопровождаем личного посланника королевы к вашему сюзерену, - объявил правый из них. - Извольте пропустить нас.

- Невозможно, - ответил командир черно-красных. - Дорога закрыта.

- Что вы себе позволяете? - высунулась в окно Виолетта. - Ваш сеньор спустит с вас шкуру, если узнает, что мне чинились препятствия!

Командир объехал не решившегося мешать ему гвардейца и подъехал к окну кареты.

- Назовите ваше имя, моя леди, - произнес он требовательно, но в то же время вежливо, почтительно коснувшись двумя пальцами шлема.

- Баронесса Хюгельдорф с личным посланием к графу Хагентраубу от королевы Элинор!

- Удачная встреча, моя леди, - кивнул тот. - Эти места небезопасны, а ваша охрана явно недостаточна. К тому же вы, как видно, сбились с дороги. Но теперь можете не беспокоиться, мы проводим вас до самого замка. Придется только распрячь коней, иначе, сами видите, здесь не

развернуться.

- Спасибо за предложение, офицер, но я не заблудилась и не собираюсь разворачиваться. Эта дорога, - Виолетта уже успела свериться с картой, - насколько я понимаю, должна привести нас в селение Тиллерстон, и именно туда я желаю попасть.

Как раз к этому селению относилась единственная в округе церковь, которую баронесса могла услышать с тракта.

- Разве вы не должны как можно скорее доставить ваше послание в графский замок?

- Разумеется, но проехать туда можно и через Тиллерстон.

- Да, но это не будет кратчайший путь. А сейчас это в любом случае невозможно. На дороге снежные заносы, вы не сможете проехать.

- Вы же как-то проехали, - Виолетта уже понимала, что попасть в Тиллерстон ей не дадут, и возражала отчасти из принципа, отчасти чтобы окончательно убедиться, что ее подозрения не напрасны.

- Верхом, но не в экипаже.

- Я тоже умею ездить верхом.

- Вы можете застудиться в такую погоду, и тогда, как вы верно заметили, его сиятельство спустит с нас шкуры, - осклабился кавалерист. - Да и что вам надобно в Тиллерстоне? Это совершенно заурядная деревенька.

- Я... слышала, что там отличная харчевня, а я как раз изрядно проголодалась.

- Пекарня, вы хотели сказать. Но сегодня она все равно закрыта, у хозяйки какая-то проблема с прислугой. Но мы проводим вас в отличный трактир там дальше, - кавалерист махнул рукой в перчатке в сторону оставшегося позади тракта.

- Вы очень любезны, офицер, - проворчала баронесса, понимая, что дальше настаивать бесполезно.

Но так просто сдаваться она не собиралась.

В пути сперва обратно по тропе, затем по тракту она то и дело выглядывала в щель между занавесками на заднем окошке кареты. В полу имелся люк, который позволил бы ей выскользнуть на ходу, распростершись на снегу. Карета проехала бы над ней, и Виолетта, пролежав на дороге пару минут, чтобы уж точно не выдать себя никаким звуком и движением, вскочила бы и убежала в лес. Перспектива остаться на морозе без экипажа и лошади ее не пугала. Она была уверена, что у нее хватит сил добраться до Тиллерстона пешком, а там она раздобудет лошадь, хотя бы даже и крестьянскую. Что же касается ее официальной миссии, то интуиция подсказывала баронессе, что происходящее здесь намного важнее того письма, которое она везет Хагентраубу - и которое вряд ли возымеет какой-либо эффект.

Но увы - пара графских всадников все время держались позади кареты, не давая ей никакого шанса на побег. Ее собственных гвардейцев вынудили ехать впереди четверни, так что она не могла подать им никакого знака, дабы они отвлекли конвой.

Три часа спустя карета въехала во двор харчевни. Виолетта позаботилась о том, чтобы усесться в дальнем темном углу вместе со своими гвардейцами и конвоирами; последние не возражали - им, очевидно, тоже не хотелось, чтобы она привлекала лишнее внимание. Они сели на лавки с обеих сторон стола между нею и выходом; увы, шансов подбросить им снотворное в вино не было - они заказали себе отдельный кувшин, который ни разу не оказался слишком близко от баронессы - но Виолетта не отчаивалась. Когда пришел черед расплачиваться за угощение, она не просто протянула служанке монеты (два золотых - наверняка самые щедрые чаевые, полученные той за всю жизнь), но вложила их прямо в руку девушке, сжав той кулак. Служанка наверняка должна была почувствовать подсунутую под золотые кругляши сложенную в несколько раз записку.

- Где у вас тут уборная? - одновременно спросила Виолетта, не слишком громко, в силу деликатности темы, но и не настолько тихо, чтобы ближайшие солдаты не могли разобрать.

- Перед выходом налево, мэм.

Виолетта выждала еще несколько минут, делая вид, что возится с пудреницей и подводит глаза, а затем направилась к выходу (вся ее "свита", естественно, двинулась следом) и свернула в узкий коридорчик, упиравшийся в дощатую дверь. Один из солдат Хагентрауба попытался было за ней последовать, но, смеренный ее ледяным взглядом, отступил. Они понимали, что другого выхода из уборной нет, и деваться оттуда ей некуда.

Служанка, как она и рассчитывала, уже ждала ее внутри. Виолетта сразу же сунула ей еще три золотых монеты:

- Делай все, как я скажу, и потом получишь еще, - "это вряд ли", добавила она про себя. - Мне надо отделаться от моего ухажера, который стал слишком навязчив, - "совсем неубедительно, но этой дурочке надо что-то сказать, когда ее начнут допрашивать". - Поэтому сейчас мы поменяемся одеждой, ты выйдешь отсюда, сядешь в карету с гербом и поедешь, куда тебя повезут. Ни с кем не говори как можно дольше. Кивай и мотай головой, если спросят.

- А что потом?

- Честно скажешь, что я заплатила тебе за этот фокус, тебя отругают и отпустят, - "совсем не факт". - Все, быстро, у нас нет времени!

На самом деле служанка не так уж походила на Виолетту. На два дюйма ниже и фунтов на пятнадцать толще (она лишь кряхтела, когда баронесса затягивала на ней свою одежду, а особенно ей не понравились сапоги, которые тоже оказались малы), лицо более округлое, с ямочками на щеках, нос чуть вздернутый, глаза не карие, а серые. Но главное - волосы, пышные светлые кудряшки. Но волосы и одежда - это и есть то, на что они обратят внимание. Лицо баронессы они не особенно разглядели в полумраке харчевни, а до этого в карете и вовсе не видели. Виолетта знала, как сильно волосы - прическа у женщин, усы и борода и мужчин - меняют восприятие внешности, позволяя не узнать даже знакомого...

Виолетта ко всему подготовилась заранее. Служанка только охнула, когда она достала ножницы, но не посмела возражать. Светлые кудрявые локоны один за другим полетели в дыру туалета. Затем баронесса жестом фокусника стащила с головы собственную шевелюру.

Длинные черные волосы были едва ли не самой приметной чертой ее внешности. Когда-то они были настоящими, и Виолетте было чертовски жаль состригать их, зная, что отрастить их заново можно будет только за несколько лет. Но она была слишком умна, чтобы позволить чисто женским мотивам взять верх над целесообразностью - а пользу от возможности быстрого изменения внешности она понимала очень хорошо. О том, что она носит парик, не знал никто, даже Элинор.

Еще два парика - светлых, один с кудрявыми волосами, другой с прямыми - она спрятала под одеждой, прежде чем вылезать из кареты. Она не могла знать заранее, какой ей пригодится - пригодился первый. Он тоже не совпал идеально с теперь уже бывшей прической служанки, но никто не станет приглядываться. Она выйдет из уборной уже после того, как "баронесса" и сопровождающие отбудут... Еще немного "подредактировав" лицо служанки с помощью косметики, Виолетта, наконец, практически выпихнула девушку в коридор. На все про все ушло, наверное, минут десять, солдаты уже наверняка нервничают - "что можно так долго делать в туалете?" - но, конечно, не посмеют лезть с грубыми вопросами к баронессе. Некоторое время Виолетта, замерев возле двери, ждала шума, свидетельствующего, что ее обман разоблачен. Женщина, несомненно, сразу заметила бы подмену - не только лицо, но и походка, манера держаться... Но, выждав достаточное время, Виолетта вздохнула с облегчением. Похоже, эти мужланы клюнули. Выйдя из уборной (снаружи уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу кто-то из посетителей харчевни), она быстрым шагом двинулась через трапезную, но была остановлена грубым окриком "ну где ты шляешься, сколько можно ждать!" и вынуждена была с милой улыбкой принять заказ за одним из столов, а затем проскользнула в закуток, где, как она уже знала от служанки, та оставила свою верхнюю одежду, и, быстро облачившись в таковую,

прошмыгнула мимо открытой двери кухни на задний двор.

Пять минут спустя на условно-купленной кобыле (Виолетта взяла ее без разрешения, но оставила хозяину мешочек со вполне щедрым количеством монет и запиской с просьбой не поднимать шум) она выехала со двора и поскакала обратно на запад, с каждой секундой увеличивая расстояние от едущей на восток кареты. Ее теперешний костюм совершенно не подходил для верховой езды, и вид она, очевидно, являла собой странный, но тракт в этот час был безлюдным, а лес сбоку от него и подавно. Виолетта понимала, что теперь лишилась на землях Хагентрауба даже той весьма условной защиты, которой обладала раньше. Она больше не баронесса, официально представляющая королеву, а никому не известная самозванка, которая может пропасть без вести в этих лесах (и даже селениях), и в Дракенхайме никогда не узнают, что и где с ней произошло. Но, в конце концов, если бы не склонность к рискованным авантюрам, она была бы теперь, в лучшем случае, трактирной служанкой не понарошку, а по-настоящему, и пока что у нее не было оснований жалеть, что это не так.

К Тиллерстону Виолетта подбиралась со всеми предосторожностями, подозревая, что там могут быть новые кордоны, однако ей повезло - поскольку армия Арвика (о которой баронесса все еще не имела понятия) успела уже уйти далеко на запад, таковые уже сняли. Так что Виолетта проникла в селение, переговорила с местными и узнала о драматических событиях, случившихся в церкви. Оценив положение церкви на холме как хорошего наблюдательного пункта, она поднялась туда, пытаясь понять, что же такого увидел звонарь или поп, что стоило жизни им обоим. Сама церковь была заперта и опечатана, но, судя по карте, неподалеку проходила лесная дорога, которая, однако, оказалась не видна за деревьями даже с холма. Но Виолетта рассудила, что она может быть видна с колокольни. Это, на самом деле, была ошибка - в действительности звонарь не видел войско Арвика, на тот момент еще даже не подошедшее, а лишь передавал чужое сообщение - но ошибочное заключение побудило баронессу к верному решению осмотреть дорогу. Следы одинокого всадника или небольшого кортежа ничего бы ей не сказали, но - рассудила Виолетта - с колокольни с такого расстояния можно было разглядеть только что-то весьма внушительное. Баронесса спустилась вниз до дороги и по множеству следов копыт и обилию свежего лошадиного навоза поняла, что утром здесь прошла целая армия, причем не на восток к Хассенворту, как говорила Элинор о мятежниках Дирлиха, а на запад. Виолетта, как и все в Дракенхайме, все еще полагала, что Арвик находится на севере, и пришла к выводу, что это армия Хагентрауба, решившего все-таки выступить походом на столицу - что лишало ее миссию всякого смысла. Поэтому она решила отправиться обратно в столицу, дабы постараться все же опередить вражеское войско и предупредить королеву.

Для этого надо было вернуться на тракт - такой путь был не только безопаснее, но и короче и быстрее; вражеское войско, очевидно, выбрало лесную дорогу лишь ради того, чтобы как можно дольше оставаться незамеченным. Баронесса полагала, что ей ни от кого прятаться уже (или еще) не надо - окрестные кордоны сняты, а обманутые ею конвоиры хватятся ее еще нескоро: Виолетта не слишком надеялась, что заменившая ее служанка доедет, неразоблаченная, до самого Хагенхолла - замка Хагентраубов, но рассчитывала, что обман не вскроется по крайней мере до остановки кареты на ночлег.

Но в этом она просчиталась самым роковым образом. Подмена была раскрыта гораздо раньше, и не из-за бдительности конвоя, а из-за страха самой девушки, которая, увозимая в карете в окружении вооруженных всадников, чем дальше, тем больше жалела, что, польстившись на золото, влезла в непонятную и опасную авантюру. Не желая закончить жизнь в каком-нибудь подземелье или, может быть, на глухой дороге в лесу, она решила открыться в первом же крупном селении, выйдя из кареты и честно все объявив при максимальном количестве свидетелей. Мысль о том, что любое число свидетелей защитит ее от ареста и увоза для последующего допроса, была наивной, но именно это она и сделала - предварительно, впрочем, позаботившись о сохранности золотых монет. Она решила рассказать, что ей заплатили

только одну, дабы у нее не отобрали остальные. Сперва она думала проглотить их, но они были слишком большими, так что две она спрятала в чулки под пятками, а еще две засунула в такие места, куда, как она очень надеялась, не доберутся даже при тщательном обыске.

На самом деле те, кто ее допрашивал, были, разумеется, прекрасно осведомлены о практике использования подобных тайников, но им просто не было дела до того, сколько именно монет заплатила королевская шпионка этой деревенской дуре. В том, что дура рассказала им все, что знала, они не усомнились - именно потому, что та сдалась сама и гораздо раньше, чем была заподозрена в чем-либо - а потому просто вышвырнули служанку пинком и устремились поднимать тревогу и организовывать погоню и охоту. Офицер, упустивший ее в первый раз, возглавил эту охоту лично, желая не только загладить вину перед начальством, но и поквитаться с коварной обманщицей, выставившей его дураком.

Всю свою фору по времени Виолетта растратила в Тиллерстоне. И потому те же самые всадники перехватили ее на узкой лесной тропе почти в том же месте, что и в первый раз, только теперь на пути в обратном направлении. Увидев их, баронесса испытала на миг ощущение кошмарного deja vu - хотя теперь они уже не стояли кордоном, а скакали ей навстречу.

Баронесса обреченно остановилась, понимая, что на сей раз ей не уйти. Их лошади были лучше. В чистом поле она еще могла бы попробовать оторваться, но не на узкой тропке в заснеженном лесу.

Уже знакомый офицер подъехал к ней шагом, глумливо ухмыляясь.

- Вас ведь предупреждали об опасности стать жертвой разбойников на этих лесных дорогах, мэм? Напрасно, совершенно напрасно вы не послушались.

- Как продвигаются ваши тренировки, сэр Эрик?

Они снова сидели друг напротив друга в приватной королевской столовой. В предшествующие три дня они не виделись - должно быть, у королевы хватало других дел. Локхарт, впрочем, тоже не страдал от безделья - когда его не гонял Габриус, он штудировал местные труды по военному делу, пока, наконец, не валился от усталости в постель. И все же даже при таком насыщенном распорядке, который, казалось, не должен был оставлять времени на праздные мысли, Локхарт с удивлением заметил, что скучает без новых встреч с Элинор. Такое с ним было впервые - во всяком случае, во взрослом возрасте. Он мог получать удовольствие от беседы с интересным человеком - но, расставшись с ним, обычно сразу же переставал о нем думать и не вспоминал о нем до следующей встречи, если только иного не требовали его служебные обязанности или иные практические соображения. Сожалеть о невозможности переговорить с кем-то "прямо сейчас" он мог лишь в том случае, если этот человек был специалистом, в консультации которого Локхарт нуждался. Или - самый неприятный вариант, разумеется - чиновником, без подписи которого невозможно было делать дело.

И вот теперь он испытывал совершенно иные чувства. Это было необычно и... возможно, неправильно. Даже после произнесенных ими слов о дружбе. С другом можно хорошо проводить время, но, расставаясь с ним, следует полностью переключаться на другие задачи, разве не так? Его первой реакцией было, что он, вероятно, все же занимается недостаточно интенсивно, раз ему в голову лезут посторонние мысли. Когда в шестнадцать лет - на два года раньше большинства своих сокурсников - он поступил в Военно-космическую академию, всякая тоска по дому улетучилась, наверное, на второй же день, если не прямо в первый. Нагрузки на новом месте учебы были такими, что попросту не оставляли ни времени, ни сил на неконструктивные эмоции. Так что и теперь он решил упражняться еще активнее. Пусть Габриус считал, что ему еще рано фехтовать в доспехах, но он мог, по крайней мере, бегать в них на месте, приседать, отжиматься и даже подтягиваться...

И вот Элинор первым делом спрашивала его про тренировки, словно это и впрямь было

самым важным. Хотя, вероятно, Габриус просто докладывает ей о его усердии...

- Чувствую себя мальчиком для битья, - неохотно признал Локхарт. Может, он и подтянул свою физическую форму, но по части главного - искусства фехтования - хвастать ему пока что и в самом деле было нечем. - Сегодня Габриус связал себе ноги, заложил левую руку за спину и велел мне атаковать. Мои движения, разумеется, ничто не ограничивало. И все равно мне так и не удалось коснуться его мечом. Как бы и откуда я ни наносил удар, он всегда успевал его отбить. Словно у него была не одна рука, а восемь, и в каждой по мечу. Как у какой-нибудь... Кали[47], да.

Элинор никак не отреагировала на незнакомое имя. Локхарт уже понял, что здесь это что-то вроде правила вежливости - игнорировать его случайные и намеренные проговорки, относящиеся к другому миру. Вроде как неловкость, которую у воспитанных людей не принято замечать. Но если он станет настаивать, тогда ему строго напомнят, насколько недопустимо такое поведение в обществе. Пожалуй, это единственное, что все еще огорчало его в общении с Элинор - то, что даже она неизменно следовала этому косному табу. Он надеялся, что после их слов о дружбе это изменится... но, похоже, нет.

- Вы не должны расстраиваться, - сказала королева. - Мастер Габриус занимается этим всю жизнь. Возможно, даже и не одну.

- Да я не расстраиваюсь, - ответил Локхарт не слишком искренне, - наоборот, радуюсь, что у меня такой опытный учитель. А что, разве навыки из прошлой жизни могут сохраняться? - ему не хотелось религиозных споров, но все же любопытно было понять, откуда в здешней культуре, во всем остальном копирующей средневековую Европу, взялась эта совсем не европейская концепция. Может быть, на местную версию христианства оказал влияние индуизм? Не через самих индийцев - до сих пор он не видел здесь ни одного человека, во внешности которого угадывались бы такие предки - а через их западных последователей. И тогда многорукая богиня Кали вовсе не является для Элинор чем-то неслыханным, а числится здесь какой-нибудь святой - или, скорее, демоном? Подобно тому, как и христиане прошлого средневековья записывали в демоны языческих богов...

- Иначе почему одни люди рождаются с одними способностями, другие с другими? - пожала плечами Элинор.

- Потому, что занимались этим в прошлой жизни? Интересная гипотеза, - усмехнулся Локхарт. - Хотя на самом деле дело в генах. Впрочем, - добавил он, внезапно осененный новой мыслью, - если трактовать реинкарнацию максимально широко, то можно сказать, что это лишь два названия одного явления. Просто реинкарнирует не личность, а генотип, с поправкой на мутации и перемешивание родительских генов... Что, впрочем, для личности слабое утешение.

Элинор по-прежнему не выказала никакого интереса к словам и идеям из чужого мира и лишь сказала: - Надеюсь, нам пока еще рано думать о будущей жизни.

- Да, - согласился Локхарт, - пусть об этом думают наши враги. Так какие новости?

- Мой доблестный дядя продолжает громить Арвика на севере. Тот пытался обмануть его и заставить осадить Альтенбург, где оставил лишь символический гарнизон, дабы самому в это время отойти обратно в Айзеншлосс. Но Бронгар разгадал этот маневр, не стал терять время на Альтенбург и продолжает преследование.

- То есть в общем-то все свелось к тому плану, который вы отвергли с самого начала, - заметил Локхарт. - Бронгар ушел с королевской армией на север, дабы разбить Арвика в его логове. Это можно было сделать раньше и, наверное, с меньшими потерями. Не пришлось бы провоцировать мятеж в военной гвардии.

- Пока что потери несет почти исключительно Арвик, - пожала плечами Элинор. - А мятеж в гвардии позволяет избавиться от тех, кто в любом случае ненадежен. Конечно, это тоже

[47]Типичное изображение Кали - с четырьмя руками, лишь в одной из которых меч. С восемью руками, в каждой из которых свое оружие, обычно изображали богиню Дургу. Впрочем, Кали является одним из воплощений Дурги.

мои подданные, которые могли бы пригодиться против Гроггендора, но... вышло, как вышло. То, что получилось - далеко не худший вариант. Но вы не дослушали. Разведка донесла, что Арвик не собирается запираться даже и в Айзеншлоссе. Он намерен бежать дальше, на новые территории.

- Неужели так напуган? - усмехнулся Локхарт. - Или... вы хотите сказать, что он рассчитывает на помощь Гроггендора?

- Этого мы точно не знаем, - качнула головой королева. - Пока похоже на то, что вместо того, чтобы отзывать войска с этих территорий на помощь себе, он намерен сам прийти к ним и притащить за собой Бронгара, дабы дать генеральное сражение на своих условиях. Что даст ему сразу два плюса - во-первых, он вдвое увеличит численность своих сил, а во-вторых, избежит политических обвинений в сдаче северных территорий Гроггендору.

- То есть, по-вашему, все его наступление на юг было обманкой, провокацией, чтобы заманить противника на север? В то время как мы пытались заманить его...

- Очень может быть. Уж больно легко даются Бронгару все его победы. Но у этого плана есть и два больших минуса. Во-первых, совершенно неизвестно, насколько северные части поддержат Арвика. До сих пор главное, чем он мог привлечь их на свою сторону - это надежда на вывод оттуда, из-под гроггендорского удара. Чего он прямо никогда не обещал, но на что, очевидно, намекали его эмиссары. Плюс, конечно, тот факт, что они фактически оказались отрезаны от остальной Айринтии, причем как в плане снабжения, так и в плане информации. Но если вместо того, чтобы увести их от войны, Арвик приведет войну к ним... да еще к тому же там же окажется и Бронгар, представляющий законную королеву - совсем не факт, что они не предпочтут принять сторону коннетабля. Особенно если герцог не погонит их воевать - у него и так достаточно сил против нынешнего войска Арвика - а лишь потребует от них формального подтверждения лояльности и, соответственно, неучастия в бою на стороне противника. Ну а второй минус - это, конечно же, Гроггендор, который тоже неизвестно как себя поведет, когда бо́льшая часть вооруженных сил Айринтии окажется у него прямо под боком, воюя при этом друг с другом. Соблазн вмешаться будет слишком велик... Арвик, возможно, будет убеждать северные части тем, что если они помогут ему разбить Бронгара и стать королем, то он договорится с Гроггендором о прочном мире и выведет эти части с севера без потери лица. Имперцы и в самом деле могут предложить ему подобное, как уже предлагали мне - вы помните, я рассказывала.

- Признание в обмен на демилитаризацию, - кивнул Локхарт.

- Тем более что Бронгар для Гроггендора, как я уже говорила, знаковая фигура. Раздражитель. "Уберите его - и ничто не будет мешать миру между нами." Но Гроггендору, естественно, нет никакого резона соблюдать такой договор, как только айринтийские войска уйдут, - продолжила Элинор. - Кто бы ни сидел на дракенхаймском троне.

- Неужели Арвик этого не понимает?

- Возможно, понимает, - пожала плечами Элинор, - но у него просто нет другого выхода. Лучше быть главой в урезанной Айринтии, чем обезглавленным в целой.

- Урезанной насколько? Что, если Гроггендор пойдет до самого Велленфорта? - это, как Локхарт уже знал по карте, был самый южный город Айринтии, расположенный примерно на месте бывшего Ки Веста. - Впрочем, - поспешно добавил он, - об этом, конечно, надо спрашивать не вас.

- Именно, - кивнула королева, - хотя я тоже не думаю, что Гроггендор остановится, пока не поглотит всю Айринтию, как уже поглотил многократно больший Бугенхольм. Впрочем, будем надеяться, что...

В дверь постучали. Причем стук прозвучал резко и нетерпеливо, без той деликатности, которой естественно ожидать от всякого, осмелившегося беспокоить королеву в ее личных покоях.

Локхарт заметил мгновенную тень испуга на лице Элинор. Королева сразу же совладала с собой, но он понял, что не ошибся - такой стук в это время и в этом месте мог означать только чрезвычайно плохие новости. Хотя теоретически, наверное, королеве столь же незамедлительно доложили бы и особенно хорошие новости, вроде того, что Арвик мертв или пленен. Но интуиция подсказывала ему, что это не тот случай.

"Войдите!" - крикнула Элинор, и дверь открылась, кажется, еще до того, как это слово прозвучало до конца. Локхарт неловко оглянулся через плечо, подсознательно жалея, что у него нет при себе оружия. В столовую вошел Крамп и тщательно закрыл за собой дверь.

- Ваше величество? - генеральный дознаватель вопросительно покосился на Локхарта, словно все еще имел основания сомневаться в доверии королевы к полковнику. - Прошу прощения за беспокойство, но я только что получил известие, не допускающее отлагательств, и счел необходимым доложить вам лично.

- Говорите, Корнелиус, - потребовала Элинор.

- Граф Дункельт со своей конницей находится менее чем в одном переходе от столицы. Предположительно, они будут под стенами Дракенхайма к утру.

Если Элинор и была потрясена этой новостью, то ее замешательство длилось не больше секунды.

- Прорвался с севера? - спросила она.

- Нет, мэм. Его армия движется с востока.

- С востока? - на сей раз в голосе королевы все же прозвучала растерянность. - Но как такое возможно? Как он там оказался? Насколько точны ваши сведения?

- Увы, сомневаться в них не приходится, мэм, - мрачно ответил Крамп. - Как ни неприятно мне это признавать, но мы во второй раз попали в ту же ловушку, только ситуация на сей раз обратная. В прошлый раз, пока лже-Арвика перехватывали у Хагентрауба, настоящий объявился на севере. А сейчас, пока фальшивый играет с герцогом Бронгарским в войну на севере, настоящий высадился с корабля на земли Хагентрауба. Если точнее - на морской берег вблизи Хассенворта, поскольку у Хагентрауба нет портов.

- Сколько же у него двойников?! - раздраженно воскликнула Элинор.

- Думаю, мэм, от этого даже не потребовалось портретного сходства. Ведь никто из наших людей не видел его вблизи. Хватило его доспехов, его коня и его знамени.

- Вот, стало быть, кого отправился встречать Дирлих, - констатировала королева. - Ужасный риск пускаться в плаванье при такой погоде, но от Арвика можно было ожидать... Значит, сейчас под его командованием гвардейцы Дирлиха и армия Хагентрауба, я правильно понимаю? Представляю, как они ладят друг с другом...

- Не совсем так, ваше величество. Помимо Дирлиха, Дункельта сопровождает его собственное войско в тысячу двести рыцарей.

- Но это же невозможно! Для переправы такого количества конницы ему бы понадобился целый флот! Он бы не нашел столько кораблей с экипажами, готовыми на подобный риск!

- В том-то и дело, что всех своих лошадей они оставили на севере. А многие из них, возможно, даже свои доспехи и оружие. Дункельт набил своих рыцарей в один тяжелый неф, как простых пехотинцев - или скорее даже как сельдей в бочку. Плавание было не таким уж долгим, так что в принципе это можно было выдержать... хотя полагаю, что они заблевали там все нижние палубы, простите мне мой натурализм, мэм.

- Если бы корабль потонул, Арвик бы лишился разом всего своего рыцарства, - констатировала Элинор. - Безумие, на которое способен только он.

- В этом случае погиб бы и он сам, - подал голос Локхарт, - так что, полагаю, на остальных ему было плевать.

- Ему одному могли найти лодку, но уж точно не двенадцати сотням рыцарей, - возразила королева. - Но где же они взяли коней и все остальное? Не мог же он посадить рыцарей на

крестьянских кляч! Впрочем, кажется, догадываюсь...

- Именно, мэм, - кивнул Корнелиус. - Все необходимое им предоставил Хагентрауб.

- У него нашлось так много лишних рыцарских коней?

- Не знаю, насколько лишних, мэм, ибо его собственное рыцарство в походе не участвует. Участвуют его лошади и - помимо рыцарей Дункельта и гвардейцев Дирлиха - еще пара тысяч человек на лошадях поплоше, не говоря уже об их вооружении. По всей видимости, это просто пехота, посаженная на коней для скорости. Причем они не носят цветов Хагентрауба и, скорее всего, не числятся в реестре его личной армии. Подозреваю, в случае чего он будет утверждать, что это просто ополчение, набранное мятежниками на месте без его содействия и согласия. Или вообще горожане вольного Хассенворта, над которым дом Хагентраубов уже восемьдесят лет как не имеет власти.

- Его сиятельство желает остаться чистеньким, - поняла Элинор. - Еще и заявит, пожалуй, что и лошадей у него отобрали силой... Но если там только рыцарство Арвика без всей прочей его армии и кавалерия Дирлиха без конницы Хагентрауба, то это упрощает задачу. Однако почему мы узнаем об этом так поздно?! Вы сказали - в одном переходе от столицы? Как можно не заметить целое войско, это же не иголка!

- На территории Хагентрауба, очевидно, противнику удалось перехватить все сигналы, - развел руками Крамп. - И даже за пределами таковой... могу предположить, что войско сопровождают сокольничие Хагентрауба, чьи питомцы натасканы на перехват голубей. Плюс перемещение в основном в темное время суток. В итоге гонец с докладом - наиболее подробным, содержащим все изложенные мной сведения - все же доскакал, загнав по пути нескольких коней, но он опередил их всего на считаные часы.

- Как имя гонца? - спросила вдруг Элинор.

- Мм... - вопрос явно застал Крампа врасплох, но он тут же вспомнил: - Дункан Фьертхоф, мэм. Желаете наградить его?

- Нет, - разочарованно ответила королева. - То есть... возможно. Он, очевидно, заслужил. Просто я ждала известий с востока от... другого человека. Но, похоже, его миссия опоздала. Как и все мы... Ладно, - решительно перебила Элинор саму себя. - Значит, двенадцать сотен рыцарей Арвика, примерно две тысячи "полурыцарей" и легких кавалеристов Дирлиха... хотя нет, к ним же наверняка присоединился и Дармонт со своими людьми, так что две пятьсот... плюс еще две тысячи пехотинцев. Всего пять семьсот. Если считать в условных солдатах, то, конечно, больше, но при штурме города кавалеристам придется драться пешими, и они теряют свое многократное преимущество... я ничего не упустила?

- Нет, мэм. Фьертхоф оценивает их численность в пять восемьсот.

- В Дракенхайме три тысячи моей личной гвардии, триста семьдесят пять гвардейцев Вульфеншванца и собственный военный гарнизон под командованием генерала Швертлинга - правда, Бронгар забрал оттуда почти всех солдат, оставив лишь две сотни, но тем не менее. Городских стражников учитывать не будем - они годятся только ловить воров и разнимать пьяные драки, а в случае серьезных боев за город просто попрячутся... Так что в итоге мы имеем три тысячи пятьсот семьдесят пять бойцов, ну пусть даже, учитывая, что реальный боеготовый состав всегда меньше списочного, три пятьсот пятьдесят против пяти восьмисот. Это... сколько там выходит, Корнелиус?

- Соотношение примерно один и шесть, мэм, - без запинки ответил Крамп. - Хотя, несомненно, надо еще учитывать разницу в вооружении. Чисто военные вопросы - не моя сфера, но, насколько я понимаю, двенадцать сотен рыцарей в полных латах - это серьезная сила, даже когда они пешие. Обычные мечи их просто не возьмут, а элиту тяжелой пехоты с двуручниками герцог Бронгарский увел с собой - в то время как длинные луки на узких и кривых улицах также бесполезны...

- У солдат Швертлинга есть алебарды, а гвардейцы Вульфеншванца хорошо владеют

чеканами, - возразила Элинор тоном человека, хорошо разбирающегося в теме. - Хотя их, конечно, недостаточно. А моя гвардия действительно не создавалась для боя против тяжеловооруженных рыцарей - но с момента начала мятежа Айбенхорст проводит регулярные тренировки с топорами и чеканами и там. Арвик об этом не знает - во всяком случае, не должен знать... Но, в любом случае, этим рыцарям сперва придется перелезть в своих латах через стены, а это совсем не просто. Для успешного штурма такой крепости, как Дракенхайм, нужно, как мне говорили, по меньшей мере десятикратное преимущество...

- Только когда озеро служит естественной преградой, мэм, - почтительно перебил Крамп.

- Да, - невозмутимо согласилась королева, - но даже и при замерзшем озере нужен перевес хотя бы в четыре-пять раз. А на долгую осаду у Арвика нет времени. На что он рассчитывает?

- На предательство, мэм, - уверенно ответил Крамп.

- Вы знаете, на чье именно?

- Вынужден признать, что все еще нет, мэм, - мрачно констатировал генеральный дознаватель. - Но больше просто не на что. За Вульфеншванцем наблюдают практически круглосуточно. Адъютант Швертлинга также завербован моим ведомством. Пока ничего.

- Ладно. В любом случае, надо немедленно собрать военный совет. Все командующие, которые будут участвовать в обороне города. Айбенхорст, Швертлинг, Вульфеншванц... ну и вы тоже.

- Вопросы штурма и обороны крепостей - я имею в виду, когда это делается военным путем - не относятся к моей специализации, но я почту за честь присутствовать, мэм, - поклонился Крамп.

- И пригласите вашего Фьертхофа, мы заслушаем его доклад из первых уст.

- Да, мэм. Что насчет его высокопреосвященства?

- Не думаю, что церковь нам поможет с этой проблемой, - по тону королевы Локхарт понял, что она недовольна Фабиасом, что Элинор и не замедлила подтвердить: - Раз уж новость о наступлении Арвика мы узнаем от вас, а не от нее.

Локхарта не удивила эта реплика. То, что смиренные служители Святой Троицы совсем не так просты, он прекрасно понимал еще с первого совещания, на котором де Сегюр предлагал устранить Арвика их руками - а скорее, и с самого своего прибытия в столицу.

Крамп поклонился и вышел.

- Простите, сэр Эрик, что не приглашаю вас, - сказала Элинор, - но речь пойдет, в общем, о вопросах фортификации, в которых вы пока еще, насколько я понимаю...

- Совершенно не эксперт, - докончил за нее Локхарт.

- И... за этот прерванный ужин, - закончила свое извинение королева. - Если хотите, прислуга упакует вам оставшиеся блюда.

- Я не голодаю, - усмехнулся Локхарт, у которого новости и в самом деле отбили аппетит. Он вновь оказывался в наиболее нелюбимой им ситуации - событий не просто опасных, а тревожных своей неопределенностью, на которые он, что самое главное, никак не мог повлиять и вынужден был ждать и зависеть от решений, которые примут другие. Но у него и в самом деле не было оснований напрашиваться на грядущее совещание. Если и в самом деле дойдет до боев за город, ему не предстоит командовать даже взводом... Если на то пошло, он не сможет сражаться даже как рядовой. Разве что против такого же новобранца, но это вряд ли. Арвик, бросивший на севере бо́льшую часть своих солдат ради этого внезапного маневра, наверняка взял с собой только отборных бойцов. Даже эти две тысячи "ополченцев", скорее всего, представляют собой некий неофициальный и неучтенный, но хорошо подготовленный резерв армии Хагентрауба...

Все же эту ночь Локхарт спал, не раздеваясь, посоветовав то же самое Вельо и де Сегюру. Если Крамп был прав в своих подозрениях, критические события в городе могли начаться еще

до штурма и даже до подхода вражеской армии. Все это, впрочем, ничуть не помешало Локхарту заснуть - он никогда не понимал людей, которых стресс и тревога по поводу обстоятельств, которые они не могут изменить, доводит до бессонницы. Для него самого, напротив, с детства сон был самой естественной реакцией в таких случаях. Он предпочитал проводить как можно меньше сознательного времени в беспомощном ожидании. Одно дело - вахта пилота, и совсем другое - бесполезные терзания пассажира.

Проснулся он рано утром, так никем и не потревоженный. Косые лучи солнца пробивались сквозь занавески в верхней части окна - дневное светило, очевидно, только-только поднялось над крышами дворца. Отдернув занавеску, Локхарт увидел, разумеется, то же, что и всегда с тех пор, как поселился здесь - внутренний дворик с фонтаном, зеленью и птицами, искусственный оазис, хранимый стеклом и камнем от зимнего холода снаружи. От холода и от всех прочих проблем. Что бы ни происходило снаружи, даже если весь город утонет в огне и крови, здесь, очевидно, будет сохраняться все та же безмятежная картина, подумал Локхарт с раздражением. Он поспешно умылся, оделся и вызвал слугу.

- Прикажете подать завтрак, сэр?

- Да, разумеется. Но сперва - какие новости?

- Новости, сэр?

Локхарту подумалось, что слуга в своей ливрее с длинными фалдами похож на попугая из внутреннего двора, для которого попросту не существует мира за дворцовыми стенами.

- Я имею в виду вражескую армию под стенами города, - терпеливо, как умственно отсталому, пояснил полковник.

- Ах, это, - ответил лакей таким тоном, словно только сейчас вспомнил о подобном пустяке. - Они пытались подойти к стенам перед рассветом, сэр, но их отогнали стрелами.

- Я не слышал набата, - заметил Локхарт, подумав с неудовольствием - неужели проспал? Доселе его способность мгновенно засыпать в любой неприятной обстановке компенсировалась умением столь же мгновенно просыпаться от самого глубокого сна по первому сигналу тревоги.

- Не было набата, сэр, - ответил слуга. - Они не отважились на штурм. Попытались подобраться к городу, прячась в темноте под мостами, но там недавно поставили решетки, и им пришлось выйти на открытый лед. По ним стали стрелять, и они отступили. Как видно, сэр, надеялись ночью застать нас врасплох, да не тут-то было.

"А может быть, надеялись на агентов внутри, которые должны были впустить их, но Тайная Стража оказалась на высоте", - подумал про себя Локхарт. Уточнять, откуда дворцовому лакею, явно не стоявшему ночью на стенах, известны эти подробности, он не стал. Сходство с глупым попугаем, очевидно, было обманчивым - впрочем, что к обслуживанию покоев для королевских гостей допущены не простые лакеи, было понятно и раньше.

- И где они сейчас? - спросил он.

- На том берегу озера, сэр, - произнес лакей вежливым тоном слуги, с невозмутимой почтительностью отвечающего на сколь угодно глупый вопрос господина.

- Могу я... - начал вопросительным тоном Локхарт и тут же исправил интонацию на повелительную: - Я хочу подняться на стену или башню и взглянуть на них.

- Конечно, сэр. Я доложу, чтобы вас проводили. Но сперва не угодно ли позавтракать?

- Ладно, - усмехнулся Локхарт, подумав про себя, что лакей несколько переигрывает роль заботливого старого слуги при легкомысленном молодом господине. Но, в конце концов, прежде чем стоять на стене на холодном ветру, и в самом деле не помешает подкрепиться.

Полчаса спустя он вышел в коридор, где его уже поджидали двое королевских гвардейцев, молодецки отсалютовавших при его появлении. Локхарт коснулся шлема латной перчаткой в ответ и пошел за ними, громыхая стальными солеретами по мраморным плитам пола. Он впервые решил показаться на публике в доспехах и все еще чувствовал себя несколько неловко - не оттого, что двигался неуклюже или боялся, что не сможет сесть на коня (с этим он

уже освоился), а оттого, что подобное облачение в принципе казалось ему претенциозным и нелепым. Все то же чувство, что посещало его с момента посвящения - словно он взрослый, играющий в детскую игру, причем на глазах у других взрослых. Не актер, не скаутский вожатый, а человек, имевший весьма солидное офицерское звание и должность - некогда отобранный в числе очень немногих, чтобы представлять всю человеческую цивилизацию! - и вдруг на пятом десятке всерьез возомнивший себя средневековым рыцарем. Он говорил себе, что теперь это совершенная норма, что эти доспехи могут спасти ему жизнь, и что никаких "взрослых", которые сочли бы их комичными, здесь попросту нет (за исключением лишь его самого), а в глазах местных, наоборот, эти латы - признак высокого статуса - и все равно его подсознание до сих пор отказывалось это принять. Заниматься историческим фехтованием, как спортом, и носить соответствующее облачение во время тренировок - ну, почему бы нет, но идти в таком виде по улицам? И к тому же - что было, вероятнее, еще важнее - он понимал, что пока что он и в самом деле не настоящий рыцарь, а всего лишь парень, надевший рыцарские латы. Он уже научился их носить, но пока еще совершенно не умеет в них драться. Но надо привыкать к доспехам и за пределами тренажерного зала, тем паче когда события принимают такой оборот, что враг, которого считали благополучно добиваемым где-то на севере, вдруг оказывается под стенами столицы. И защита от шальной стрелы на этих стенах совсем не помешает.

- Собрались на войну, командир?

Локхарт обернулся у самого выхода из гостевых покоев. За грохотом металлических башмаков он и не заметил, как его догнал Вельо. Вот как раз еще один "взрослый", подумал Локхарт с неудовольствием, уловив насмешливую интонацию лингвиста. Впрочем, Вельо говорил с такой же насмешкой и о своих собственных упражнениях с алебардой - а зачем еще, мол, мы тут нужны... Да и если сравнивать, кто из них в данный момент выглядел более комично, то это определенно был заспанный и всклокоченный гигант - похоже, он выскочил в коридор, заслышав звонкие шаги.

- Пока только на небольшую рекогносцировку, - сдержанно ответил Локхарт. - Город окружен армией Арвика, если вы не в курсе. Хочу на них взглянуть сверху.

- Не возражаете, если я с вами? Только подождите пару минут, пока я оденусь.

- На стенах может быть небезопасно, - заметил Локхарт, окинув его взглядом. - а у вас, насколько я понимаю, нет доспехов. Или уже есть?

- Где уж мне, - усмехнулся Вельо. - И я понимаю, какая я хорошая мишень. Ну, если они подойдут слишком близко, я отойду. В любом случае это лучше, чем сидеть здесь и пялиться в окно на попугаев.

- К тому же вы не умеете ездить верхом, - напомнил Локхарт.

- Ничего, как-нибудь добегу, держась за ваше стремя, - вновь невесело усмехнулся великан. - В этих их городишках все рядом. Только езжайте не слишком быстро, а то, боюсь, если я отстану, одного меня не пропустят.

- Что вы такое говорите, доктор! - поморщился Локхарт.

- Ну вы же теперь знатная особа, так? Я уже должен обращаться к вам "мой лорд", или достаточно "вашей милости"?

Полковник, не желая больше с ним препираться, обернулся к гвардейцам: - Организуйте экипаж для доктора Вельо, и побыстрее!

- Да, сэр! - старший из гвардейцев кивнул младшему, и тот убежал исполнять распоряжение. Вельо, в свою очередь, поспешил в свои апартаменты за шубой и теплыми сапогами.

Рассчитывал на то лингвист или нет, но от дворца он отъехал, словно какой-нибудь герцог - в карете из королевского сарая и в сопровождении конного эскорта из рыцаря и четырех гвардейцев (еще двое дожидались Локхарта на улице). У Локхарта мелькнула было мысль сесть в тот же экипаж, но он тут же подумал, что в этом случае уж точно будет выглядеть нелепо в

своих доспехах. Рыцарю в латах положено ездить на коне, а не на мягких подушках. К тому же ему и в самом деле нужно привыкать ездить верхом в таком облачении - а кроме того, так можно увидеть больше, чем из окна кареты.

Хотя город, очевидно, был окружен уже со всех сторон, Локхарт интуитивно направился к восточной стене - в ту сторону, откуда прибыл противник. Тем временем на улицах в этот ранний час царила обычная утренняя суета; большинство прохожих составляли женщины, спешившие за покупками - торговцы и ремесленники, очевидно, уже заняли свои места в лавках и мастерских. Никаких признаков паники заметно не было, как и вооруженных солдат - лишь пару раз попались обычные городские стражники. Локхарт подумал, что, возможно, большинство обывателей вообще до сих пор не знает, что город уже осажден. Эту гипотезу подтверждали цены в продовольственных лавках, демонстрировавшие непривычный разнобой - видимо, одни торговцы еще пребывали в блаженном неведении (или же вынужденно держали цены не выше, чем у конкурентов), другие же спешили нажиться на общей проблеме. Локхарт услышал, как какая-то старуха ругается по этому поводу с приказчиком, и подумал, что торговцы первыми заинтересованы в распространении панических слухов - в том числе и намного преувеличивающих реальную опасность - и что Тайной Страже не следует упускать это из виду. Хотя, скорее всего, подчиненные Крампа прекрасно это понимают. Впрочем, самые ушлые коммерсанты могут действовать еще хитрее и, наоборот, желать сохранения неведения как можно дольше, дабы скупить товар у ничего не подозревающих конкурентов и потом перепродать его втридорога...

Из-за всей этой толчеи на улицах, не разделенных на тротуары и проезжую часть, карета и всадники еле продвигались вперед; пожалуй, если бы Вельо и в самом деле пошел пешком, они добрались бы до восточных ворот даже быстрее. Локхарт мог бы и прикрикнуть на горожан, разгоняя их со своего пути, но ему не хотелось нагнетать обстановку. Однако за то время, пока они все же доехали до восточной стены, количество людей на улицах не пошло на убыль, как обычно в этот час, а лишь продолжало расти, и перед некоторыми лавками уже выстраивалась очереди - очевидно, сведения о происходящем под стенами распространялись. Да и не могли не распространяться, поскольку все городские ворота оставались закрыты с ночи.

Собственно, закрыты оказались не только ворота. Вся улица, ведущая к ним, была перегорожена ярдов за тридцать до стены - причем не символическим заборчиком, а внушительным заграждением из двух рядов тяжелых, длинных и острых кольев, уложенных крест-накрест, наподобие выпрямленных пальцев сцепленных рук, таким образом, что один ряд косых кольев щерился в сторону ворот, другой - в противоположную. Такая баррикада послужила бы препятствием в равной степени и врагам, прорвавшимся снаружи, и диверсантам, которые попытались бы пробиться к воротам изнутри. Возле заграждения ошивалось несколько зевак, вытягивавших шеи, словно в надежде, что это позволит им заглянуть по ту сторону крепостной стены; караульные возле баррикады периодически покрикивали на них, требуя убираться - ничего, мол, тут нет интересного - зеваки покорно отступали на несколько шагов, а потом возвращались снова. Некоторые, замерзнув и разочаровавшись, уходили совсем, но на смену им из города подтягивались новые.

Локхарт решительно подъехал к караульным. Зеваки расступились, заслышав цоканье копыт, но затем стали подтягиваться с двух сторон - наконец-то происходило что-то новое.

- Полковник Эрик Локхарт, рыцарь короны, - представился он и добавил самоуверенным тоном, словно его послала сама королева: - Прибыл осмотреть городские укрепления и позиции противника.

- Да, сэр, - тут же с поклоном откликнулся караульный. - Полковник уже ждет вас.

"Оперативно, - подумал Локхарт. - Хотя, конечно, пока я завтракал и ехал... Пора уже, наверное, привыкать к статусу фаворита королевы, перед которым вытягиваются в струнку, даже когда он не занимает формальных должностей. А может, уже доложили и самой Элинор, и это

она одобрила мою инспекцию и послала распоряжение полковнику... какому, интересно? Айбенхорсту, или тут распоряжается какой-то офицер Швертлинга?"

- Вы можете оставить вашего коня здесь, сэр, - продолжал солдат.

- Да, - кивнул Локхарт, кинул ему повод и спешился. Вельо также выбрался из кареты, заслужив несколько косых взглядов со стороны солдат - Локхарт, благодаря своему званию и титулу (и таки умению вполне достойно держаться в седле), уже, очевидно, воспринимался ими как "свой", а вот визиты на позиции гражданских - в особенности вылезающих в роскошных шубах из дорогих карет - явно не приводили их в восторг. Тем не менее - хотя что им еще оставалось делать? - они раздвинули проход в заграждении и пропустили обоих.

Шагая по пустому участку улицы между заграждением и стеной, Локхарт обратил внимание на стрелков на крышах домов по обе стороны. Скорее всего, подумал он, за запертыми ставнями вторых и третьих этажей разместились и их товарищи. Еще одно свидетельство, что командующий обороной всерьез рассматривает угрозу атаки не только извне, но и изнутри...

Очередные гвардейцы встретили их у башни и провели в калитку справа от закрытых на могучие засовы ворот, а затем по крутой винтовой лестнице наверх и через поднятую решетку из башни на городскую стену. Толщина стены была такой, что, несмотря даже на внушительные зубцы высотой в человеческий рост по внешней стороне, для прохода все еще оставалось около двух ярдов - больше, чем ширина иных городских улиц. Локхарт с усмешкой подумал, что здесь можно было бы легко ездить на лошади, если бы, конечно, кому-то удалось ее сюда поднять.

Грузный человек в латах стоял на стене, скрестив блестящие руки на стальной груди и глядя наружу в щель между зубцами; еще двое - вероятно, его младшие офицеры - почтительно стояли рядом, хотя вряд ли могли что-то увидеть, ибо зубцы и фигура командира загораживали им обзор. Заслышав шаги спешащего с докладом впереди гостей солдата, командир обернулся, и Локхарт узнал Айбенхорста.

- А, Локхарт, - ворчливо приветствовал один полковник другого, пренебрегая положенным теперь по этикету "сэр Эрик"; возвышавшегося позади Вельо он вовсе проигнорировал. - Пришли поразвлечься, или выполняете высочайшее поручение?

- Никто не подвергает сомнению вашу компетенцию, полковник, - предпочел уклониться от прямого ответа Локхарт.

- В самом деле? Вы ведь были против плана Бронгара увести армию на север, а я его поддержал. Ну что ж, можете торжествовать.

- Я последний, кто стал бы торжествовать из-за того, что сбылись мои худшие опасения, - возразил Локхарт. - В такой ситуации я бы гораздо охотнее ошибся. А что, все действительно настолько плохо? Вы говорили, что город гарантированно выдержит осаду объединенных сил Дирлиха и Хагентрауба. Теперь вместо конницы Хагентрауба у нас рыцари Арвика, но общая численность, насколько я понимаю, меньше, чем у графской армии. Так что изменилось к худшему?

- Все, - буркнул Айбенхорст. - Ублюдок должен был быть на севере, а не здесь. Осада должна была продолжаться до его разгрома королевской армией. А теперь события развиваются по его плану, а не по нашему.

- У нас недостаточно сил для контратаки, а у него - для штурма, так? И послание на север Бронгару, очевидно, отправлено еще до того, как противник окружил столицу. Значит, нам нужно просто дождаться возвращения королевской армии. Несколько дней, не более.

- Если послание будет получено. Если погода не отрежет нас от севера. И если Бронгар поторопится. Мы не знаем, где он сейчас и что с ним... и каковы его намерения. Может, все это разыграно с самого начала. Можно не осмелиться на прямой мятеж, но при этом охотно оставаться в стороне под благовидным предлогом, выжидая, кто победит. И, кстати, нет никаких гарантий, что завтра или послезавтра мы не увидим тут и всю армию Хагентрауба. С Дирлихом он, похоже, уже как-то договорился, а теперь просто осторожничает в своей обычной манере.

Выжидает, не обнаружится ли у нас какой-нибудь туз в рукаве. И как только он поймет, что такого туза нет...

Локхарт выглянул в бойницу. На дальнем берегу озера, там, куда уходил абсолютно пустой мост, виднелись шатры вражеского лагеря, отсюда не казавшегося очень внушительным. Ну да, подумал Локхарт, их меньше шести тысяч, и они должны были перекрыть все четыре дороги в город - значит, с этой стороны их тысячи полторы. Тоже, конечно, не стоянка туристов, но и не орда до самого горизонта... Интересно, где ставка Арвика - здесь, на востоке, откуда он прибыл, или, может быть, на севере, откуда можно ожидать возвращения Бронгара? Впрочем, герцогу не обязательно снова идти через заваленные снегом болота, он может выбрать и более длинный, но более легкий путь по побережью, восточному или западному - если только возвращение на помощь Элинор и в самом деле входит в его планы... Затем взгляд Локхарта переместился ближе, он обратил внимание на цепочки серых следов на заснеженном льду, веером расходившиеся из-под моста в направлении города уже вблизи стен. Однако, даже просунув голову между зубцами, чтобы взглянуть вниз, мертвых тел он не увидел. Или их уже успели убрать? Убедившись, что враг отступил, защитники города выходили наружу?

- Они понесли потери во время ночного штурма? - спросил он.

- Да какой там штурм, - презрительно откликнулся Айбенхорст, - попытались подкрасться, пока не рассвело, и бросились наутек, как только поняли, что их уже ждут. На льду их было отлично видно...

Ну да, подумал Локхарт, благодаря Кольцу совершенно темные ночи теперь редкость - только при очень густой облачности.

- Нескольких мы точно подстрелили, - продолжал командующий гвардией, - но они всех забрали с собой. Не знаю, были ли среди них убитые или только раненые. Убитых в таких случаях обычно бросают, но у них могло не быть времени разбираться, а может, был приказ никого не оставлять, чтобы не радовать нас. По правде говоря, парни начали стрелять рановато. Надо было подпустить поближе, тогда потерь у ублюдка точно было бы больше. Но у кого-то не выдержали нервы, когда эта толпа вывалила из-под моста и ломанулась к воротам.

- Лед, стало быть, уже достаточно прочный, чтобы выдержать целую толпу в доспехах, - констатировал Локхарт. - А всадников?

- Скорее всего, тоже, хотя мы не проверяли... а вот они, похоже собираются проверить, - закончил другим тоном Айбенхорст.

Локхарт увидел движение во вражеском стане. Группа кавалеристов выехала на лед и, развернувшись в шеренгу, поскакала вдоль моста по направлению к городу. Это явно не была новая попытка атаки - их было всего десятка полтора с правой стороны моста и, вероятно, столько же с левой. Тем не менее, без внимания их не оставили - послышались крики команды, стрелки, гревшиеся в башне, торопливо выбегали на стену, занимая места у бойниц.

- Легкая кавалерия, лучники, - определил наметанным глазом Айбенхорст. - Но вряд ли они собираются просто дать залп по стенам и ускакать. Ну разве что их так привлекла могучая фигура вашего друга, - добавил с усмешкой командующий гвардией. Вельо действительно стоял у соседней бойницы, загораживая ее всю целиком, и его макушка при этом торчала выше уровня зубцов. В принципе, он мог бы не выглядывать между зубцами, а смотреть поверх них, просто встав на цыпочки. Солдат, который должен был встать у бойницы, с досадой косился на мешающего штатского, но прогнать его, раз уж этого не делал сам Батя Айбенхорст, не решался.

Всадники действительно не стали соваться слишком близко к стенам, остановившись как раз примерно на расстоянии полета стрелы. "Ну и какого хрена им тут..." - проворчал кто-то из солдат. Ответ на этот вопрос последовал даже прежде, чем он успел закончить фразу - на мост со стороны берега въехали еще шестеро всадников. Впереди скакал знаменосец с развернутым стягом - Локхарт различил государственные черно-желто-синие цвета, но и какой-то еще рисунок на их фоне, кажется, в желто-красных тонах. За ним ехали три латника на конях,

облаченных не только в расшитые попоны, но и в свои собственные доспехи. Рыцарь, ехавший чуть впереди, был, похоже, высоким и тонким, его латы ярко сверкали на солнце, а за плечами развевался длинный пурпурный плащ (надетый, судя по его длине и фасону, не только в опознавательных целях, но и для красоты). Двое латников по обе стороны от первого отставали от него на полкорпуса. Правый из них был кряжистый, облаченный в вороненую броню, с черным султаном перьев на шлеме. Левый был таким же долговязым, что и ехавший по центру, но его доспехи выглядели скорее матовыми, чем сияющими, и в седле он держался, как показалось Локхарту, не столь молодцевато (хотя, казалось бы, в кирасе невозможно сутулиться); в то же время прямо на его нагруднике был выгравирован некий герб, детали которого еще невозможно было разобрать. На два корпуса от этих двоих отставали еще два всадника в латах попроще и без лошадиных доспехов - вероятно, адъютанты или телохранители.

- Ба! - воскликнул Айбенхорст, - не иначе, сам ублюдок собственной персоной. Ждет, что мы вынесем ему ключи от города, не иначе.

- Вы уверены, что это он, а не очередной двойник? - скептически осведомился Локхарт.

- С такого расстояния я, понятно, ни в чем не уверен. Но знамя вроде бы его.

- Что там нарисовано по центру? Это ведь не герб Айринтии?

- Нет, он соединил на своем знамени символику Йоргелингов и герб герцогов Гейнских. А еще там должна быть литера "А", но отсюда ее не разглядеть.

- Почему бы нам не впустить его в город, - усмехнулся Локхарт.

- Он не такой дурак, чтобы сунуться ближе полета стрелы.

- А если сделать вылазку?

- Успеет унести ноги. Эти парни его прикроют.

- По крайней мере, ему придется позорно драпать на глазах у своих и ваших людей, - заметил Вельо, слышавший их разговор. Локхарт отметил про себя это "ваших" вместо "наших", уже совершенно естественного для него самого, и его покоробила это демонстративное дистанцирование лингвиста. Если армия этого любителя пурпура ворвется в город, она не станет разбирать, кто тут из какого столетия...

- Ради одного этого не стоит рисковать нашими людьми, - возразил Айбенхорст. - Ветер с востока, у их стрелков преимущество.

Всадники доехали до линии лучников, расположившихся внизу на льду (Локхарт понял, что, сосредоточив стрельбу на узком мосту, те и в самом деле могут эффективно задержать возможную погоню - особенно если им помогут еще и телохранители наверху, которые вдвоем легко перекроют весь мост). Здесь поначалу остановились все шестеро, но затем знаменосец трижды протрубил в рог и, сопровождаемый двумя спутниками Арвика, поехал дальше торжественным гарцующим шагом. Локхарт увидел, что на древке знамени развевается теперь и второй флаг, точнее, белый вымпел, очевидно, символизировавший переговоры. "Никому не стрелять!" - крикнул Айбенхорст. Сам Арвик, тем не менее, предпочел не испытывать благородство противника и остался со своей охраной на месте.

Ритмично цокая копытами по камням моста, трое подъехали почти к самым воротам, остановившись, однако, так, чтобы их хорошо было видно не только из башни, но и со стен. Знаменосец (или его следовало называть герольдом?) снова протрубил. Черный рыцарь выехал вперед и снял шлем (Локхарт различил немолодое бородатое лицо). Второй, слегка отставший, так и остался в шлеме, но поднятое забрало позволяло различить, что он еще старше и, хотя с такого расстояния невозможно было разобрать детали, у Локхарта усилилось впечатление, что он выглядит утомленным. Возможно, вес полного латного доспеха был для него обременителен - а возможно, это была не столько физическая слабость, сколько усталое безразличие человека, на старости лет втянутого в авантюру, о которой он уже сожалеет, но из которой не видит выхода.

- Я генерал Гартхард! - крикнул черный. - Командующий королевскими войсками на севере! Вы знаете, что уже десять лет я не был в столице, защищая наши северные рубежи! Но

ныне мне пришлось покинуть мой пост, ибо, пока я защищал Айринтию от угрозы извне, удар в самое сердце был нанесен ей изнутри! Король Гумбольдт убит, а священный трон Йоргела узурпирован согласно поддельному завещанию, составленному его убийцами! Они же попытались заманить в засаду и убить и законного наследника, принца Арвика, но их замысел был сорван! Родной брат короля, герцог Бронгарский, тоже встал на сторону заговорщиков и пошел против принца - однако теперь и он разгромлен и убит на севере моими верными престолу солдатами! Королевская армия больше не подчиняется узурпаторше и не придет к ней на помощь! Военная гвардия под командованием графа Дирлиха, - генерал указал на своего спутника, - тоже на стороне законного короля! И я прибыл сюда, дабы донести до вас эти вести, покончить со смутой, предательством и несправедливостью и возвести на престол короля Арвика Второго! - Гартхард сделал широкий жест в сторону оставшегося позади всадника в пурпурном плаще. - Жители Дракенхайма! Солдаты Айринтии! Менее всего ваш король хочет проливать кровь своих подданных и своих храбрых воинов! Вам нет никакого смысла умирать за узурпаторшу и убийцу, которой все равно никто и ничто уже не поможет! Присягните вашему законному государю, и в королевстве возобновится мир, столь необходимый всем нам, особенно перед лицом гроггендорской угрозы! Но если вы не подчинитесь вашему королю, вся вина за мятеж и дальнейшее насилие ляжет на вас! У вас есть время на размышление до заката!

Всадники развернулись и поехали прочь, к поджидавшему их Арвику. Дирлих так и не сказал ни слова.

- Это же чушь? - обернулся Локхарт к Айбенхорсту. - Про Бронгара? Вообще, этот человек действительно генерал Гартхард? После всех этих двойников Арвика...

- Я не видел Гартхарда уже десять лет, - проворчал Айбенхорст. - И никто в столице его не видел. Он действительно все это время безвылазно сидел на севере. Говорили, что его назначение туда было чем-то вроде почетной ссылки - произвели в генералы, но с тем, чтобы держать подальше от столицы, Бронгар вроде как считал, что Гартхард метит на его место... но это все слухи, а я в такие дела предпочитаю не встревать. Во всяком случае, похож... и шрам у него был уже тогда.

- Стало быть, у Гартхарда нет особых причин любить Бронгара, - кивнул Локхарт, - а Арвик как раз мог пообещать ему место коннетабля... Но все равно - он ведь никак не мог успеть разбить Бронгара и явиться сюда вместе с Арвиком!

- Он и не говорил, что разбил Бронгара лично, - возразил Айбенхорст. - Он сказал, что это сделали его солдаты. Которых он, очевидно, оставил под командованием какого-то заместителя, отправляясь на юг вместе с ублюдком. В принципе он мог получить свежее известие с севера, которого не получили мы. Доставить сюда доказательство времени и впрямь не было, но простую весточку с голубем...

- Так вы полагаете, что Бронгар действительно убит? - скверно, подумал Локхарт. Несмотря на то, что герцог - потенциальный конкурент Элинор, вот как раз сейчас это скверно. О каком доказательстве речь, он, конечно, понял - отрезанная голова, как в случае лже-Арвика. Других, очевидно, теперешняя эпоха не признает.

- Откуда мне знать? - развел руками Айбенхорст. - Я не сказал, что он не врет. Я сказал только, что это может быть и правдой. Если Бронгара заманили в ловушку... вряд ли это был честный бой, скорее что-то вроде того, что северные части согласились перейти под его командование, а потом...

- И что, по-вашему - армия, которую он привел с собой, вот так просто бы это проглотила?

- Да мне-то почем знать, - пробурчал Айбенхорст. - Солдат - он, вообще, человек подневольный. Ему сказали, что его прежний командир внезапно умер, а теперь у него новый командующий - ну так и все, он исполняет новый приказ. Поднимать бунт, чтобы отомстить за уже покойного коннетабля, уж точно не будет. Черт его знает, что там вообще пропаганда

ублюдка навешала на уши северянам. Вплоть до того, что, пока они там держат рубежи, Бронгар стакнулся с гроггендорцами и пришел нанести удар им в спину...

- Бронгар? С гроггендорцами? Это же совершенно невозможно!

- Все возможно, - вновь подал голос Вельо. - В истории сколько раз бывало, что вчерашних героев обвиняли в предательстве и переходе на сторону тех, в борьбе с кем они и стяжали свою славу. Кстати, даже не во всех случаях это было вранье.

"А ведь верно, - припомнил Локхарт. - Бенедикт Арнольд, например. Хотя Бронгар все-таки вряд ли, чем его может купить Гроггендор... Но солдаты там на севере могут верить во что угодно. И даже тот же Гартхард, десять лет не бывший при дворе - он может быть вполне искренне убежден в том, что только что говорил здесь..."

- Недостаточно убрать одного главнокомандующего, чтобы вся армия перешла на другую сторону, - сказал он вслух. - Есть же вся цепочка командования, начиная со старших офицеров...

- Может, и не перешла, - откликнулся Айбенхорст. - Может, там сейчас разброд, одни за нас, другие против, третьи вообще хотят отсидеться в стороне.

"Так что, если с севера и подойдет некая армия, то еще неизвестно, кому на помощь она прибудет", - подумал Локхарт, но громко произнес:

- Все это вражеская пропаганда, рассчитанная на легковерных трусов. Бронгар жив и здоров, и приведет сюда королевские войска, как только получит наше послание.

"По крайней мере, именно это мы должны внушить гарнизону и горожанам", - добавил он мысленно.

- Да, - понял его Айбенхорст. - Но слухи все равно пойдут, вы ж понимаете. Чем активнее их опровергают, тем они упорнее.

- В конце концов, это следует из элементарной логики, - сообразил Локхарт. - Если Бронгар убит или предал нас, тогда к чему этот ультиматум до заката, к чему такая спешка? Причина может быть только одна - на самом деле они боятся возвращения королевской армии!

- Или им просто неохота мерзнуть под стенами, - пробурчал Айбенхорст.

Гартхард и Дирлих тем временем уже возвратились в свой лагерь, но Арвик все еще оставался на мосту, сидя в седле и глядя на город, словно бросая ему вызов. У кого-то на стене не выдержали нервы, и стрела, взвившись в воздух, упала почти у самых копыт его коня. Это "почти" вдохновило других лучников, и на стене защелкали спускаемые тетивы. Некоторые стрелы падали со значительным недолетом или уходили в сторону, не попадая даже на мост, другие стучали о камни в нескольких ярдах от Арвика - но ни одна не упала ближе пяти футов. Претендент на престол демонстративно не двигался с места, даже его конь не ступил ни на шажок назад, когда очередной наконечник, чиркнув по камню, бессильно застывал вблизи его передних копыт. Локхарту казалось, что даже с такого расстояния он различает на лице юноши, не скрытом поднятым забралом, презрительную усмешку. Всадники на льду тоже не трогались с места (хотя для них, находившихся ниже, летевшие по параболе стрелы представляли бо́льшую угрозу) и не пытались стрелять в ответ, понимая, очевидно, сколь малы у них шансы достать кого-нибудь на стенах - а может быть, следуя приказу изображать ту же невозмутимость, что и их господин.

- Сдохни, хренов псих! - заорал кто-то из стрелков, не сумев достать Арвика в очередной раз. Этот вопль бессильного гнева словно послужил спусковым механизмом - если до этого лучники стреляли молча, словно боясь спугнуть добычу, то теперь на Арвика обрушился поток оскорблений. Каждый старался уязвить хотя бы словами того, кого не мог уязвить стрелами. "Сучий ублюдок!" "Волосатый хрен!" "Опарыш бледный!" "Эй, ты, да я твою маму на дежурстве..." - стрелок слева от Вельо пустился в описания, что именно он делал с леди Агатой в каземате. Локхарт покосился на него. Парню было лет двадцать, так что, учитывая нынешнее малопривлекательное состояние бывшей королевы, едва ли излагаемое им было правдой.

Трудно было сказать, насколько хорошо Арвик разбирает относимые ветром слова, хотя,

возможно, нечеловечески зоркий глаз различил бы, с какой силой его кулаки стискивают поводья. Однако он по-прежнему не двигался с места. Стрельба при этом продолжалась - с прежним результатом.

- Восточный ветер, как я и говорил, - ворчливо констатировал Айбенхорст. - На самом деле ублюдок ничем не рискует. Даже если кому-то удастся его достать, стрела на излете бессильна против доспехов - что его собственных, что его коня. В лучшем случае, удастся слегка поранить лошадиную ногу. Отставить стрельбу! - гаркнул он. - Хватит тратить стрелы на...

Но тут одна из стрел, выпущенная в Арвика и ушедшая вправо от моста, вонзилась точно в глаз коню кавалериста, стоявшего к мосту ближе всех. Несчастное животное с громким ржанием взвилось на дыбы, затем шарахнулось в агонии вправо и свалилось, с размаху впечатав своего всадника головой в каменную опору моста. Упавший на бок конь продолжал биться, человек остался лежать неподвижно.

Защитники города встретили эту не самую внушительную победу радостными и язвительными криками. Противник оказался все-таки уязвим - пусть и не тот, в которого они целились. Несмотря на приказ Айбенхорста - который, впрочем, тот не договорил до конца и теперь не стал повторять - снова защелкали тетивы. Оставив бесплодные попытки достать Арвика, стрелки сосредоточили стрельбу на кавалерии внизу. Еще один раненый конь вздыбился и поскакал назад, волоча за собой всадника, не удержавшегося в седле, но застрявшего ногой в стремени. Третьему кавалеристу пикирующая с изрядной высоты стрела вонзилась в сапог, проткнув ступню...

Арвик по-прежнему не обращал на это никакого внимания, застыв на мосту в картинной позе, словно памятник сам себе. Более того - его пока еще не пострадавшие конники внизу тоже оставались на месте и держали строй.

- Что они делают? - воскликнул Локхарт. - Им же достаточно отойти всего на несколько ярдов, чтобы оказаться вне досягаемости так же, как и он!

- Исполняют приказ, думаю, - мрачно ответил Айбенхорст. - Что-то вроде "ни шагу назад от своего короля".

- Но почему он не позволит им отойти на безопасное расстояние? Они бы точно так же прикрывали его и оттуда, не говоря о том, что ему вообще нет никакого смысла торчать там... Он что, считает, что уронит свое достоинство, исправив ошибку?

- Неужели не понимаете? - усмехнулся Вельо. - Нет никакой ошибки. Он очень точно рассчитал место. Так, чтобы вроде как стоять вровень со своими людьми, но его при этом стрелы не доставали, а их - да. Чтобы продемонстрировать нам, как он стоит под градом стрел, невозмутимый и неуязвимый, и точно так же стоят его люди - отнюдь не неуязвимые, но готовые беспрекословно умирать за своего короля.

- И ради этих дешевых понтов[48] он готов рисковать своими людьми и лошадьми? - возмутился Локхарт и добавил: - Лошади, кстати, даже и не его...

- Теперь вы понимаете, почему у меня ни на секунду не было сомнения, чью сторону выбрать, - пробурчал Айбенхорст.

- Если он намерен позволить нам перестрелять всю его охрану, я бы на вашем месте все же организовал вылазку, - заметил Локхарт. - Если есть хоть самый маленький шанс поймать или застрелить его на мосту...

Словно услышав его слова - или же просто сочтя, что шоу вышло достаточно убедительным - Арвик резко развернулся и поскакал прочь; телохранители наверху пропустили его и поехали следом. Лишь тогда кавалеристы внизу также поворотили коней и последовали за своим повелителем, бросив тело своего товарища. Не считая его и его коня, ранения (в основном, правда, легкие) успели получить четверо солдат и шесть лошадей. Несмотря на

---

[48]В оригинале braggadocio.

очевидные поддавки со стороны Арвика, этот скромный успех поднял настроение защитникам города, так что своим позерством принц скорее добился эффекта, обратного желаемому. Вероятно, сам бы он прокомментировал это в том духе, что грубое быдло не способно оценить красивый жест.

Убедившись, что внезапной атаки ждать неоткуда, рачительный Айбенхорст приказал группе солдат выйти наружу и собрать стрелы. На мосту и на льду внизу (куда солдатам пришлось спускаться по сброшенным с моста веревочным лестницам) их валялось теперь несколько сотен, и пренебрегать подобным ресурсом гарнизону, находящемуся в осаде, не следовало. Локхарт хорошо видел со стены, как гвардейцы подошли к уже переставшему биться коню со стрелой в глазу и его наезднику, который вполне предсказуемо также оказался мертв (шлем не спас его от перелома шейных позвонков). Двое гвардейцев заспорили из-за трофеев - каждый претендовал, что именно он сделал меткий выстрел (хотя на самом деле это был промах), и призывал в свидетели товарищей. Ситуация усугублялась тем, что это были разные гвардейцы - один из личной королевской гвардии, другой из военной, то есть из подчиненных Вульфеншванца (их на всякий случай не стали ставить в одном месте под единым командованием, а "придали для усиления" остальным защитникам города, распределив мелкими группами по всему периметру стены). Гвардеец Вульфеншванца, дворянский сын, ни за что не хотел уступать простолюдину, на стороне которого было численное преимущество его сослуживцев. Однако подоспевший капрал сумел пресечь разгоравшуюся ссору, волевым решением разделив добычу - оружие, доспехи и сбрую - между обоими претендентами "по справедливости" так, что никто не получил полный комплект чего-либо - одному досталась кольчуга, другому шлем, одному лук, другому меч и так далее, вплоть до того, что простолюдин получил сапоги, но шпоры отошли дворянскому сыну. Их товарищи с обеих сторон и стрелки на стенах и в башне наблюдали за этим увлекательным процессом так, словно в осажденной столице королевства не было более важных проблем. Наконец счастливчики потащили свои трофеи обратно в город, а их товарищи продолжили поиск воткнувшихся в снег стрел; на полураздетое мертвое тело, брошенное в снегу, никто уже не обращал внимания - ничуть не больше, чем на конскую тушу рядом.

- Его и свои бросили, и наши не похоронят? - удивился Локхарт.

- Если они пойдут на штурм, тут будут валяться сотни трупов, - равнодушно ответил Айбенхорст. - За что этому отдельные почести? Когда лед растает, вода заберет всех. Будет угощение королевским осетрам.

Локхарту почему-то вспомнилась лошадь, которую Ференц и его люди сбросили с моста в реку. Но то была все-таки лошадь... Хотя, конечно, мертвая плоть есть просто гниющее мясо и не более чем, кому бы она ни принадлежала при жизни. Если вдуматься, всякий пиетет по отношению к ней лишен смысла что с материалистической, что даже с религиозной точки зрения. Куда бы там ни отправилась душа - в рай, в ад, на новую реинкарнацию или просто в небытие, здесь ее больше нет...

Беспокоиться, разумеется, надо не о мертвых, а о живых врагах, и Локхарт вновь перевел взгляд вдаль, на берег озера, где раскинулся неприятельский лагерь. Логика - которой руководствовался и Айбенхорст - говорила, что, даже если противник бросится оттуда в атаку галопом прямо сейчас, защитники города успеют закрыть ворота (и сделают это даже в том случае, если спустившиеся на лед солдаты не успеют влезть обратно), а подобраться к стенам незаметно нельзя никак, на льду в этот солнечный зимний день любая фигура, как на ладони. Так что по крайней мере сейчас опасаться нечего. Но что-то же они там затевают... Локхарт всматривался вдаль, отчаянно сожалея об отсутствии оптики (и лучше всего бы, конечно, в виде оптического прицела, подумалось ему). Ну, о прицелах (и главное - о том, к чему они прилагаются) здесь, конечно, мечтать не приходится, но хотя бы простая подзорная труба... кто-то из команды Ференца, помнится, упоминал, что "слышал о таких штуках". Но, видимо, всего

лишь слышал на уровне легенд. Может быть, искусство шлифовки линз сохранилось лишь где-нибудь в Тлукаляхане. Локхарт как-то привык, что об этой империи здесь отзываются презрительно - страна рабов, погрязшая в лени и коррупции, с большим, но плохим флотом, воплощение всего косного - но социальная отсталость не обязательно означает техническую. Исламские страны средневековья, на которые Тлукаляхан определенно похож, сохранили немало античных знаний, утраченных в Европе - почему бы подобному не повториться и теперь... Но это все теоретические рассуждения, а на практике, если подзорной трубы нет даже у командующего гарнизоном осажденной столицы (или кем там считается Айбенхорст - заместителем при формально командующем Швертлинге?), то здесь ее, очевидно, невозможно ни достать, ни изготовить вообще.

Наконец гвардейцы со стрелами потянулись обратно, и ворота, к облегчению Локхарта, снова были заперты. Никакой атаки или провокации со стороны врага так и не последовало.

Локхарт услышал шаги подкованных сапог, приближающиеся со стороны башни, но не уделил им внимания, полагая, что это кто-то из солдат возвращается на позицию. Продолжая вглядываться во вражеский лагерь и размышлять, что задумал Арвик, он даже не заметил, как рядом вдруг вытянулся Айбенхорст, и даже замешкавшийся Вельо отвесил неуклюжий поклон.

- Кажется, я пропустила все веселье?

Локхарт резко обернулся на знакомый голос. Элинор стояла в двух шагах от него, в позолоченной кирасе и высоком шлеме-кабассете с гребнем. Ее золотистые волосы, выбивавшиеся из-под шлема, очень гармонировали с этой позолотой, а вот лицо, на взгляд Локхарта, слишком уж разрумянилось на морозе - сам он не любил румянец, предпочитая либо загар, либо бледность. Тут же, впрочем, он одернул себя - о какой чепухе он думает?!

- Мужчины, как всегда, убежали на войну, оставив одинокую женщину скучать во дворце, - продолжала Элинор столь же озорным тоном. - Приходится брать инициативу в свои руки. Как мне уже доложили, мой любезный братец приезжал поговорить? Или, точнее, помолчать, пока за него говорят другие?

Айбенхорст кратко пересказал ей только что произошедшие под стенами события.

- Они блефуют, - уверенно добавил Локхарт, когда командующий гвардией закончил рассказ. - Бронгар вернется, и они боятся этого.

- Конечно, - легко согласилась королева. - Нам надо лишь продержаться несколько дней, не поддаваясь на провокации. В прекрасно укрепленной крепости, где есть все необходимое. Кстати, полковник Айбенхорст, раз уж наши враги явно не намерены идти на приступ прямо сейчас, не проведете для меня небольшую экскурсию по нашим укреплениям? Вам, полковник Локхарт, думаю, это тоже будет интересно.

И они двинулись в обход по стенам и башням, спускаясь и поднимаясь на разные уровни, осматривая галереи, проложенные прямо в толще городской стены, озаренные пламенем очагов помещения, где грелись, отдыхали и могли подкрепиться горячей едой бойцы, булькавшие на огне большие котлы уже отнюдь не с едой, готовые излить свое содержимое на головы штурмующих, запасы стрел (а также запасное оружие и щиты), цепные механизмы с во́ротами и противовесами, позволяющие быстро открывать и закрывать проходы и перегораживать их тяжелыми решетками с заостренными на концах прутьями, и все прочее устройство обороны крепости. В общем, городские укрепления оказались и в самом деле не такими уж декоративными, как могло показаться праздному взгляду снаружи. Королева благосклонно выслушивала пояснения, иногда задавала какой-нибудь уточняющий вопрос (вполне дельный) и непременно коротко общалась с находившимися на соответствующем посту солдатами. Что, очевидно, и было главной целью всей "экскурсии".

"Это ее шоу в ответ на шоу Арвика", - понял Локхарт. Королева не прячется у себя во дворце, она здесь, с вами, в воинских доспехах, вы можете напрямую высказать ей свои жалобы и опасения, она выслушает каждого (в отличие от Арвика, с холодным презрением

подставляющего своих людей под стрелы просто для того, чтобы покрасоваться!), и при этом она излучает уверенность и оптимизм и не сомневается в нашей победе... В своей прошлой жизни сам Локхарт терпеть не мог визиты высокого начальства, особенно, так сказать, непрофильного. От визита командующего Военно-космическими силами теоретически еще мог быть какой-то прок - во всяком случае, с ним можно было говорить на одном языке, как профессионал с профессионалом. Но визиты какого-нибудь конгрессмена или, хуже того, президента (особенно того, последнего, спекулянта недвижимостью) всегда были совершенно бессмысленной показухой, только мешающей делу. Но обход укреплений королевой не вызвал у него привычно раздражения. Во-первых, после заявлений Гартхарда (которые, конечно, уже пересказали в красках и тем, кто не слышал их своими ушами) личный состав, не имевший никаких альтернативных источников информации, и в самом деле следовало приободрить и объяснить, что заявления врага - блеф. Во-вторых, Элинор каким-то образом удавалось избежать того неизменного стиля общения высокого вельможи с простым человеком, при котором каждая из сторон считает другую идиотом (или, в лучшем случае, маленьким ребенком, с которым вынужден сюсюкать оторванный от своих важных дел взрослый). Никакого панибратства и фамильярности, разумеется; Элинор, избегая высокомерия, в то же время хранила свое королевское достоинство и не пыталась казаться этим людям "своей в доску". И все же Локхарт замечал, как после короткого разговора с ней светлеют их лица - и вовсе не лицемерными улыбками и не от облегчения подчиненного, который радуется, что высокое начальство наконец оставило его в покое. А может быть, здесь играл роль и фактор, некогда упомянутый Якобсоном - все эти мужчины видели перед собой не только королеву, свою повелительницу, но и, несмотря на все ее внешнее спокойствие и уверенность, молодую девушку, нуждающуюся в помощи и защите? Пришедшую сюда не только для того, чтобы поддержать их, но и чтобы самой получить поддержку от них?

"Небольшая экскурсия" затянулась в итоге практически на весь день. Поначалу Локхарт полагал, что они дойдут по стене максимум до северной надвратной башни и повернут обратно, но потом понял, что Элинор, похоже, намерена обойти по периметру всю столицу. Что было логично в городе, окруженном врагом со всех сторон, однако полная длина городской стены составляла почти три с половиной мили, причем нужно было не просто пройти это расстояние, а побывать на разных уровнях укреплений, многократно поднимаясь и спускаясь по крутым лестницам. Что оказалось утомительно даже для Локхарта, пока еще, несмотря на все тренировки, не привыкшего подолгу носить латы - а ведь на Элинор тоже были доспехи. Пусть и не полные и не такие тяжелые, как его собственные, но все-таки, наверное, ее кираса вместе со шлемом весили фунтов тридцать - четверть ее собственного веса!

Если бы целью Элинор было просто обойти стены, то даже в доспехах это можно было бы сделать часа за два, уложившись, таким образом, где-то к одиннадцати утра - однако, поскольку королева стремилась пообщаться с бойцами на каждом участке обороны, причем не ограничиваясь лишь парой дежурных фраз, это заняло намного больше времени (так что, когда королева изволила отведать еду из солдатского котла, это не было демонстративным жестом - она, очевидно, и впрямь изрядно проголодалась). Айбенхорст сопровождал их только до северной надвратной башни, а дальше с извинениями послал с королевой своего капитана. Где-то по пути между северной и западной башнями они умудрились потерять Вельо - хотя сама мысль о том, что такого гиганта можно потерять, могла показаться довольно забавной. Когда Локхарт впервые заметил, что лингвист больше не сопровождает их, то подумал, что тот всего лишь отстал с непривычки и нагонит во время следующей остановки - потеряться по дороге между соседними башнями в любом случае было негде. Но, когда Элинор успела уже побеседовать с солдатами в следующей башне и отведать их еду, а Вельо так и не появился, Локхарт вынужден был обратить на это внимание Элинор.

- Да, в самом деле, - заметила наконец и та. - Но с ним ничего не могло случиться. Пока

нас не штурмуют, периметр - самое безопасное место. Здесь сейчас собрались все, кто охраняют город. Но если вы беспокоитесь, я пошлю гвардейца на его поиски. Хотя... не хотелось бы слишком задерживаться, мы не прошли еще и полпути.

- Скорее всего, он просто устал и повернул обратно, - согласился Локхарт, мысленно добавив "и я его где-то понимаю". Осмотра пары башен и участка стены между ними было вполне достаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство по части организации обороны крепости - дальше просто повторялось все то же самое, но с поправкой на растущую усталость. Латы, веса которых Локхарт почти не ощущал с утра, теперь уже давили всей тяжестью, заставляя ныть плечи и спину. На Вельо, правда, была лишь далеко не столь тяжелая шуба, но, с другой стороны, он и не тренировался в последнее время с таким упорством, как Локхарт... Или все же тренировался? Полковник понял, что в последние дни совершенно не задумывался, чем занимается его подчиненный. Вот даже и сейчас не уследил за ним, хотя Вельо, конечно, не следовало покидать их, не предупредив - но, возможно, тот сделал это из деликатности перед королевой, а возможно - и из мелкой мести командиру, не обращающему на него внимания...

- Кстати, вы нашли ему какое-нибудь ответственное поручение? - припомнил Локхарт свою просьбу.

- Ох, - смутилась Элинор, - совершенно вылетело из головы. Напомните мне, когда все это закончится. Сейчас, сами понимаете... Капитан, - громко сказала она, - мы идем дальше.

Наконец они обошли весь город по периметру и вернулись в восточную надвратную башню. Солнце уже клонилось к закату, и длинная тень башни вытянулась через озеро в сторону вражеских позиций, словно обвиняющий перст. Как подтвердил снова встретивший их Айбенхорст, никаких новых действий - ни на этом, ни на прочих направлениях - противник так и не предпринял, словно бы благородно блюдя срок ультиматума, несмотря на все стрелы, физические и словесные, выпущенные в Арвика и его кавалеристов, хотя на самом деле, как был уверен Локхарт (и не только он), просто по причине недостатка сил для штурма. Бросив последний взгляд на восток, где сверкала в закатных лучах яркая точка - кажется, это было навершие знамени над шатром Арвика - Локхарт следом за королевой и сопровождавшими ее гвардейцами спустился в город.

В первый миг ему показалось, что он видит карету Вельо на прежнем месте, и он почувствовал резкий укол беспокойства, но тут же сообразил, что это экипаж Элинор, а лингвист, очевидно, давно вернулся во дворец, как они и предполагали. Проводив королеву до кареты, он жестом велел гвардейцу подвести игреневого, но Элинор остановила его:

- Вы можете ехать со мной, сэр Эрик.

- А... это удобно? - пробормотал он.

- Удобнее, чем вам ехать верхом после этого тяжелого дня, - улыбнулась королева.

На это он не мог возразить. Теперь уже не только спина и плечи, а и все его тело нещадно ныло, и все, о чем он мечтал сейчас - это как можно скорее выбраться из проклятых лат, а уж если это невозможно сделать прямо сейчас, то по крайней мере расслабленно откинуться на мягком сиденье, а не трястись в жестком седле, тем паче что и мороз на улице усилился с приближением ночи. И его уже не волновало, что в карете рыцарь в латах смотрится далеко не так героически, как на коне. Подножка кареты лишь слегка спружинила под его тяжестью - даже во всей своей броне всегда следивший за своей формой астронавт весил меньше, чем иные обрюзгшие вельможи. Локхарт опустился - практически рухнул - на алые подушки сиденья, снял шлем (оставшись в меховом подшлемнике с длинными ушами), а также латные перчатки, и положил их рядом, избавившись, таким образом, хотя бы от части железного бремени. Зря, конечно же, он напялил на себя всю эту броню. Военной необходимости в этом не было, ни одна стрела так и не была выпущена в сторону стен, и вышли дешевые понты, почти как у Арвика - за которые он теперь расплачивается. Он-то хотел просто потренироваться в ношении доспехов, полагая, что его визит на стены займет не больше часа - кто ж знал, что он проторчит тут целый

день...Приехать домой, подумал он, полуприкрыв глаза, и сразу улечься в горячую ванну... хотя сразу не получится, придется ждать, пока прислуга нагреет воду. Хорошо бы еще и массаж, но где ж теперь возьмешь массажер? (Локхарту вспомнилась эта похожая на осьминога конструкция, вся состоящая из силиконовых мышц регулируемой гибкости и температуры.) Даже если бы таковой, в рабочем состоянии, чудом и отыскался в каких-то тайных хранилищах, в его мозгу больше не осталось нейроимплантов, чтобы им управлять... Возможно, конечно, в теперешнем мире существовала прислуга, делающая массаж вручную, но Локхарт не решился бы даже интересоваться подобной услугой. На Земле, которую он покинул, "массажные салоны", где клиентов обслуживают люди, а не роботы, были общеизвестным эвфемизмом борделей.

Карета мягко тронулась с места. Вокруг цокали копыта гвардейского эскорта, и где-то там, несомненно, трусил на поводу и освобожденный от седока игреневый. Хотя бы кому-то сейчас легче, чем он ожидал, подумал Локхарт.

- Кажется, я должна извиниться перед вами, сэр Эрик, - сказала Элинор. - Не следовало целый день таскать вас по стенам.

Локхарт поспешно распахнул глаза и уставился на девушку на сиденье напротив. Только теперь, когда никто из подданных не видел свою королеву, она позволила себе сбросить маску бодрости, и стало заметно, что она тоже чертовски устала. Она уже тоже сняла свой шлем с пристегнутым к нему подшлемником, позволив волосам вольно рассыпаться по плечам.

- Я в порядке, - Локхарт выпрямился на сиденье. - Я проходил подготовку. Стокилометровый переход, на случай аварийной посадки, и по снегу, и по жаре... просто в моем мире... доспехи были мягкими и легкими. Но ничего, это только вопрос тренировки. А вы-то как?! Вы же тоже весь день в этом железе!

Элинор вымученно улыбнулась и принялась массировать кончиками пальцев затекшую шею. Если армет Локхарта опирался на стальной воротник-бувигер, перенося свой вес на корпус, то открытый кабассет Элинор, хотя и более легкий, всем своим весом давил на голову и шею носителя.

- Быть королевой - это довольно тяжелая работа, иногда и физически, - сказала она. - Это не только танцевать на балах... что, впрочем, тоже бывает довольно утомительно.

Она немного помолчала, потом произнесла:

- Сказать по правде, я тоже, когда ехала к стене с утра, не планировала обойти весь периметр. Пообщаться с Айбенхорстом, с несколькими солдатами и офицерами на восточной башне, ну, может, еще на паре соседних и все. Но когда я узнала, что Гартхард... и что якобы Бронгар... это было спонтанное решение, но, по-моему, правильное. Надо было объяснить буквально каждому, что враги блефуют, и мы выстоим и победим.

- Да, - согласился Локхарт. - Интересно все же, что собирается делать Арвик, когда убедится, что его ультиматум отвергнут. Штурмовать у него нет сил, а ничего не предпринимать - это для него потеря лица, ведь так?

- Вероятно, ночью его агенты в городе все же попытаются открыть ворота изнутри, - спокойно ответила Элинор, - но у них ничего не выйдет. Мы готовы к этому.

- А если... Бронгар все же не вернется? Что мы будем делать тогда?

- Ждать, пока Арвик потеряет терпение и разобьет голову о наши стены, - усмехнулась Элинор. - С терпением у него всегда было плохо.

- А если у него все же хватит ума этого не делать? Патовая ситуация, ведь так? Он не может взять город, мы не можем снять осаду. Но время в этом случае работает на него. Вы не сможете управлять страной из осажденной столицы.

- Спасибо за информацию, - саркастически проворчала Элинор. - У вас есть какие-то идеи на сей счет?

- Нет, - вынужден был признать Локхарт. - Просто хотел узнать, есть ли у нас план Б.

- Тогда уж план без Б, - невесело скаламбурила королева, имея в виду, очевидно,

Бронгара, а затем, после затянувшейся паузы, произнесла: - Подождем развития событий. Завтра будет новый день[49].

Дальше они ехали в молчании до самого дворца; оба слишком устали, и о войне уже, видимо, все было сказано, а к другим темам обстановка как-то не располагала. Лишь вернувшись в свои покои, Локхарт сообразил, что Элинор пригласила его в свою карету не просто в порядке любезности. Она, весь день ободрявшая других, очевидно, и сама нуждалась в словах утешения и поддержки - и не могла довериться с этим никому, кроме него. Только оставшись наедине с ним, она могла позволить себе не казаться неколебимо сильной и уверенной... но даже и ему она не могла сказать об этом прямо, однако сделала все, чтобы дать ему понять, что было ей так нужно. А он, как обычно, повел себя, как бесчувственный робот (что прежде всегда считал единственно надлежащим поведением). Вместо того, чтобы как-то утешить и приободрить ее, только лишний раз напомнил, насколько опасно и непрочно ее положение и что никакого "плана Б" у них нет. Это правда, конечно, и Локхарт всегда был против утешительной лжи. Но эту правду она знает и сама. От него она ждала не этого...

Выбравшись, с великим облегчением, из чертовых доспехов, он приказал прислуге готовить ванну и ужин. Когда ванну, наконец, наполнили и он блаженно погрузился в горячую воду, у него мелькнула мысль, что надо все же зайти к Вельо и удостовериться, что тот благополучно вернулся - но потом, потом, не вылезать же ради этого из ванны прямо сейчас... Затем, однако, он заснул прямо в ванне и проснулся только оттого, что вода остыла; спать хотелось по-прежнему. Кое-как вытеревшись (тело все еще ныло, хотя стало полегче), он заставил себя съесть тоже уже успевший остыть ужин и сразу же завалился в постель, с удовольствием вдыхая запах чистого белья. О Вельо он уже не вспомнил. Две минуты спустя он уже спал.

Пробуждение Локхарта было куда менее приятным, нежели отход ко сну. Что, впрочем, не редкость и в мирные времена, но во время войны - в особенности.

Над городом гудел набат. Тревожный звон плыл, казалось, отовсюду, со всех сторон, так что на короткий миг, пока сон отчаянно сопротивлялся пробуждению, Локхарту представилось, что он оказался внутри гигантского колокола и пытается вырваться из него - но пытается тщетно, ибо на самом деле он и есть язык этого колокола, против своей воли бьющийся о стенки, и каждый удар отдается болью в теле и невыносимым гулом обрушивается на голову... Затем он все же открыл глаза, но легче не стало - вокруг была полная тьма, наполненная колокольным гулом, и боль во всем теле тоже никуда не делась. Это тревога, это удар, Кэйли ударила их, превратив корабль в гигантскую микроволновку, света нет, потому что выжгло всю электронику, но сейчас должны сработать аварийные системы на фотонной элементной базе... но почему сигнал тревоги звучит так странно? должен быть высокий прерывисто-взревывающий звук...

"Свет!" - прохрипел Локхарт, но автомат, не подчинившийся мысленному приказу, не выполнил и голосовую команду. Или - он просто потерял зрение?! При таком поражении это вполне возможно - его глаза сварились, спеклись, превратились в белесые мутные шарики, как у Блюменберга и других... стоп - как же тогда он мог видеть глаза Блюменберга, и откуда у него чувство, что все это уже было когда-то давно? Или же...

Локхарт проснулся окончательно.

Штурм. Они штурмуют город. Кажется, они двинулись на приступ со всех сторон, что очень глупо с их стороны - при их численности им следовало бы сосредоточить все силы на одном участке... или этот плывущий отовсюду набат означает, что они уже в городе?!

Локхарт вскочил с кровати, по-прежнему чувствуя боль во всем теле. После упорных тренировок последних дней мышечная боль спросонья не была для него в новинку, но после вчерашнего (или все еще сегодняшнего? наступила уже полночь или нет?) он чувствовал себя

---

[49]Английская пословица, имеющая примерно тот же смысл, что и "утро вечера мудренее".

особенно разбитым. Сейчас он совершенно не годится в бой, вот что скверно. Да, впрочем, даже будь он в отличной физической форме, толку от него было бы немного. В доспехах он не фехтовал еще ни разу, да и без них его уровень, мягко говоря... Свет, черт побери! Как все-таки неудобно, когда свет нельзя зажечь ни мысленной, ни голосовой командой, ни даже кнопкой! Локхарт быстро подошел к окну, раздернул плотные занавески, не увидев, разумеется, ничего, кроме тускло озаренного призрачным светом Кольца зимнего сада с его фонтаном, дорожками и цветами на кустах. Наконец при этом слабом свете из окна он отыскал на столе огниво, с третьего удара воспламенил трут, раздул его и затеплил от него фитиль масляной лампы. Наскоро натянув штаны, рубаху и сапоги и повесив через плечо перевязь с мечом, с лампой в руке он вышел в коридор.

Здесь тускло тлели прикрученные по ночному времени светильники на стенах, но никого не было. Звуки набата стали слышнее, но Локхарт понял, что они по-прежнему доносятся издалека. Не похоже, чтобы тревога была поднята в самом дворце. Локхарт направился к выходу во внешний коридор, желая расспросить стоящую там стражу о происходящем (если, конечно, найдет ее на посту), но чуть не столкнулся с де Сегюром с канделябром в руке. Удивительное дело, но дипломат был полностью одет в соответствии с местной модой, со всеми шнуровками, застежками и завязками, включая шоссы, коих Локхарт упорно не признавал, сохраняя убеждение, что мужчина должен носить брюки, а не чулки (хотя облегающие шелковые шоссы считались здесь одеждой более аристократической) - и дело было не только в половых стереотипах, но и в том, что шоссы необходимо было крепить шнуровкой к нижнему краю жиппона, что требовало, понятно, больше времени, нежели просто затянуть пояс штанов. Де Сегюр, однако, успел привести свой сложный костюм в полный порядок, словно не был разбужен тем же набатом максимум пару минут назад. А может, сообразил Локхарт, и вправду не был? Возможно, граф еще не ложился спать, обдумывая какие-то очередные хитрые планы?

- Вы знаете, что происходит? - спросил его Локхарт.

- Полагаю, не больше, чем вы, - спокойно ответил де Сегюр. - Этот набат означает, что противник атакует город, ведь так?

- Видимо, так. Который сейчас час?

- Примерно четверть до полуночи.

Ну да, подумал Локхарт, пересменок. Одна стража готовится смениться, другая еще не заступила. Ультиматум истек несколько часов назад, защитники столицы, конечно, сперва напряглись, ожидая штурма, но постепенно расслабились, уверившись, что ночной атаки не будет. И вот тут...

- Идите проведайте Вельо, - распорядился Локхарт. - Не удивлюсь, если он умудряется спать под весь этот трезвон. А я пока спрошу нашу охрану, известны ли им какие-то детали, - "хотя вряд ли, если тревога поднялась только что", добавил он про себя.

Так и оказалось - охранники по другую сторону двери подтвердили, что тревога поднялась совсем недавно и что она покамест где-то там далеко, а не внутри дворца. На вопрос, означает ли это "далеко" бой под стенами или уже внутри города, они отвечали стандартным "не могу знать". Локхарт вернулся в коридор гостевых покоев и обнаружил де Сегюра, который тщетно звал Вельо, стуча в запертую дверь.

- Не отвечает?

- Нет.

Полковник приложил ухо к двери (заткнув второе, чтобы по возможности заглушить колокола) и не услышал никаких звуков. Он почувствовал, как у него холодеет в животе. Ему, конечно, сразу вспомнилась аналогичная сцена с Якобсоном. Выскочить во внутренний двор и в очередной раз выбить злосчастное стекло? Что бы ни случилось, вряд ли это поможет. Пусть разбираются те, кому поручена их охрана! Локхарт вбежал к себе и дернул красный шнур.

Не прошло и минуты, как послышался грохот сапог, и в коридор ворвалась целая дюжина

стражников с обнаженными мечами; выглядели они столь решительно, что у Локхарта на миг мелькнуло опасение, что это прорвавшиеся враги, а не защитники. Однако их командир поспешно отсалютовал выскочившему в коридор полковнику. Выслушав, в чем дело, он (вопреки рефлекторному ожиданию Локхарта) не отдал приказ своим людям ломать дверь, а извлек кольцо с ключами от всех гостевых апартаментов.

Вельо в его покоях не оказалось - ни живого, ни мертвого. Пока стражники осматривали комнаты (что не заняло много времени), Локхарт попытался все же выяснить у их командира, что происходит в городе. Тот ответил, что, судя по звуку набата, противник штурмует стены с разных сторон, но прорыва нигде нет - тогда бы были частые высокие удары с той стороны. Однако бой начался лишь недавно, так что делать какие-либо выводы рано.

Под этот тревожный аккомпанемент и проходило поспешное расследование исчезновения Вельо. Охранники у двери сообщили, что не видели, как он входил или выходил, хотя они заступили на пост лишь три часа назад. Не пользовался он и тайным выходом через погреб (ключ от которого был только у Локхарта). Вечерняя смена прислуги также не получала никаких вызовов и распоряжений от доктора (как на всем протяжении дня не видел его и де Сегюр). Офицер Тайной Стражи, явившийся следом за солдатами, предложил послать за слугами и стражниками предыдущих смен, но Локхарт, уже понявший, что все это значит, велел первым делом отыскать кучера кареты, на которой Вельо ездил к стене. Такового притащили полуодетым и изрядно напуганным, однако узнав, в чем дело, он быстро приободрился и заявил, что вернулся во дворец без пассажира в три часа пополудни, потому как его смена закончилась, а платить сверхурочные ему никто не обещал, притом, что он и так прождал лишний час, да и пассажир, когда вылезал утром из кареты, никакого распоряжения типа "дождаться во что бы то ни стало" не отдал. О своем возвращении кучер доложил, как должно, старшему смены, и если тот не отправил за пассажиром другой экипаж, то это не его, кучера, проблемы.

Офицер предложил допросить и начальника смены, но Локхарт только отмахнулся. Ему уже было ясно, что дело вовсе не в местных раздолбаях, исполняющих свои инструкции "от сих и до сих", и едва ли можно говорить о каком-то заговоре и похищении, не имевшем никакого политического смысла. Вельо, очевидно, сам захотел остаться на стенах - и, возможно, принять участие в бою, вопреки прямому запрету Локхарта. Ну да, ну да - ведь никакого занятия, наполняющего жизнь смыслом, ему так и не подыскали, у Элинор, что вполне естественно, хватало куда более неотложных дел, и даже его командир (не говоря уже о де Сегюре) с ним в последнее время почти не виделся, вот он и решил "показать всем им". Алебарды у него с собой не было, но это ничего не значило - как Локхарт уже имел возможность убедиться, в башнях имелось запасное вооружение...

Ну и что мне теперь делать, подумал Локхарт с раздражением. Ехать на стены и вытаскивать его оттуда прямо в разгар боя? Даже не зная, где именно он там находится... А не пошли бы вы к черту, доктор Вельо, с вашими комплексами? Вы взрослый человек, а я не Якобсон, чтобы с вами нянчиться. Я отдал вам приказ, вы его нарушили, дальнейшее - ваша ответственность и ваши проблемы.

В конце концов, от еще одной алебарды в сильных руках в эту ночь там, на стене, и в самом деле может быть реальная польза. Куда более реальная, чем от всех научных работ в области лингвистики.

Возможно, даже все эти стражники, прибежавшие сюда из-за исчезновения Вельо, ослабляют тем самым безопасность дворца. Во всяком случае, такой вывод легко было сделать, глядя на их недовольные лица после того, как выяснилось, что королевского гостя никто не похищал и не убивал. Локхарт объявил всем отбой тревоги и вернулся в свои покои, намереваясь, несмотря ни на что, лечь и спать дальше. Он знал, что способен заснуть под любой трезвон - в бытность курсантом он спал даже под рев реактивных двигателей над их учебным аэродромом, а того, кто слышал TF-230 на форсаже, не смутит никакой звук, в принципе

возможный в средневековье... От него сейчас ничего не зависит, ни там на стенах, ни здесь во дворце. Во всяком случае, он ничем не может помочь - разве что помешать.

Однако спать уже не хотелось. И даже мышцы уже не ныли так, как после пробуждения. Через некоторое время Локхарт поднялся и вновь принялся одеваться.

Он все еще оставался человеком действительного залога.

Вызвав слугу, он объявил о своем намерении "проехаться в город оценить обстановку". Затем с неохотой стал облачаться в доспехи, решив, что на этот раз все же не будет надевать полные латы, хотя в нынешней обстановке они выглядели более уместными, чем днем, когда враги были далеко. Поначалу Локхарт думал ограничиться кирасой и шлемом, но потом надел еще наручи и латные перчатки. К бою он совершенно не готов - и не собирался в него вступать - но если все же придется отбиваться, то, чем хуже владеешь мечом, тем важнее защита рук... Известив о своем намерении де Сегюра (тот спросил тоном почти снисходительным: "Уверены ли вы, командир, что в этом есть необходимость?", но, получив в ответ короткое сердитое "да!", лишь молча кивнул), Локхарт направился в конюшню. Уже седлая игреневого, ничуть, похоже, не смущенного ночной побудкой (впрочем, лошади вообще спят меньше людей), Локхарт подсознательно ожидал, что прибежит какой-нибудь посыльный со словами "ее величество просит вас оставаться во дворце". Но никто так и не попытался его остановить, хотя обычные двое гвардейцев и поехали вместе с ним. Что делала Элинор в это время? Уж наверное не спала в ночь, когда враг штурмует ее столицу. Но доложили ли ей о намерении Локхарта? И об исчезновении Вельо перед тем? Вполне вероятно, что нет. Возможно, она выслушивала в этот момент куда более важные доклады, касавшиеся обороны всего города, и у Локхарта не было никаких оснований ей мешать.

Полковник выехал в неприветливую темноту ночного города. Мороз обжигал лицо; температура заметно упала даже по сравнению с отнюдь не теплой дневной. На площади перед дворцом горели факелы, не позволяя никому пересечь ее незамеченным, но она была пуста. Однако все улицы, ведущие к дворцу, были перекрыты кордонами гвардейцев. Локхарта и его сопровождающих беспрепятственно пропустили наружу.

Он размышлял про себя, отчего Арвик все-таки решился на штурм. Может быть, в темноте к нему подошло подкрепление, о котором во дворце пока не знают? Хагентрауб, как опасался Айбенхорст, или... кто-нибудь еще. Локхарт вспоминал карту с разноцветными флажками личных армий. Пока что все эти феодалы хранили лояльность королеве или, по крайней мере, нейтралитет. Но как там говорил Ференц - в Айринтии всегда надо быть готовым к предательству...

Локхарт направил коня на запад. Не только потому, что Вельо, судя по всему, остался где-то на стене между западными и северными воротами; Локхарт все еще не был уверен, будет ли он пытаться вытащить оттуда лингвиста - максимум покричит с улицы из нескольких мест вдоль стены: "Доктор Вельо, это ваш командир! Приказываю вам спуститься и выйти ко мне!", но точно не полезет на укрепления сам, не станет путаться под ногами у людей, возможно, в эту самую минуту ведущих бой. Но дневной обход крепости создал у него впечатление, что, хотя город и готов к круговой обороне, главное внимание защитников сосредоточено на восточном и северном направлении (и дневная диспозиция врага это оправдывала) - и, соответственно, опасных ночных сюрпризов можно ожидать с запада и с юга. В этом смысле ему придется решать, повернуть от западной башни на север, где Вельо, или на юг... Не то чтобы он, конечно, мог в одиночку что-то изменить или, находясь под стеной изнутри города, хотя бы узнать что-то раньше, чем защитники на стене и башнях, да и конные вестовые, способные быстро доставить важные сведения, там наверняка есть и без него - и все же интуиция толкала его оказаться поближе к месту событий.

Однако до западной башни он так и не доехал.

По ночам - и не только в эту ночь штурма, когда над городом гудел набат, но и в тихое

мирное время, исключая дни празднеств и карнавалов - столица Айринтии, как и положено средневековому городу, выглядела практически мертвой: на большинстве улиц, исключая самые главные, не было никаких фонарей (и даже на главных они освещали не столько саму улицу, сколько вход в то или иное здание, причем чаще всего масла в них подливали из расчета на два-три часа после заката, после чего они гасли сами собой - разве что перед гостиницами и кабаками, а также складами и лавками, отгружавшими и получавшими товар затемно, светильники горели всю ночь). Света не было и в окнах, в большинстве своем наглухо закрытых ставнями. Даже свет Кольца почти не пробивался на дно узких улочек, зажатых между довольно высокими по местным меркам домами (трех, а кое-где и четырехэтажными, под крутыми крышами) там, где они тянулись в меридиональном направлении. Поэтому колеблющиеся отсветы огней впереди полковник заметил еще до того, как сами огни показались из-за поворота.

Первой мыслью Локхарта было, что это какой-то патруль или подкрепление, перебрасываемое с одного участка обороны на другой, а может, наоборот, подводы с ранеными. Враги, тайно действующие в городе, вероятно, предпочли бы передвигаться в полной темноте. А затем из-за поворота показались люди с факелами.

Они шли навстречу, то есть по направлению к дворцу. Факелов, на самом деле, было немного - около полудюжины, их несли только передние. Но позади них угадывалась большая темная толпа.

Это были не солдаты. Нигде в свете факелов, насколько мог различить Локхарт, не блестели доспехи или мечи. Судя по всему, это были простые горожане. Однако они быстро шагали густой и мрачной толпой среди ночи по направлению к дворцу, под гул набата, в то самое время, когда враг штурмовал город снаружи - и это, конечно, совсем не выглядело обнадеживающе. Неужели бунт? Арвик делал ставку именно на это? На то, что его агенты не станут пробиваться изнутри к воротам, а сумеют повести толпу прямо на дворец? И Тайная Стража прохлопала эти настроения?

Локхарт натянул поводья. Инстинкт говорил ему, что невозможно в одиночку (ладно, втроем, если его сопровождающие не обратятся в бегство) остановить толпу из по меньшей мере десятков, а может, и сотен человек, и что самое разумное - это скакать назад к дворцу и поднимать тревогу. Но двое гвардейцев спокойно встали по обе стороны от него, полностью перекрыв таким образом узкую улицу; Локхарту это напомнило когда-то виденные им кадры старой хроники с конной полицией, которая вполне успешно управлялась с толпой, и он сообразил, что положение вовсе не так безнадежно. Они на конях, в доспехах и при мечах (в то время как те полицейские были вооружены только дубинками), и толпа, движущаяся навстречу, вероятно, испытывает определенный пиетет перед рыцарями и гвардейцами и еще меньше хочет лезть под мечи, чем демонстранты прошлого - под дубинки.

Пиетет этот, похоже, даже превзошел его ожидания, ибо горожане не рискнули даже приблизиться. Факельщики и те, кого они вели за собой, стали сворачивать в какой-то переулок ярдах в тридцати впереди Локхарта и его спутников. Что, впрочем, отнюдь не означало, что они оставили свои намерения, какими бы те ни были. Очевидно, они просто искали путь в обход.

- Вы знаете, кто это такие и что им надо? - Локхарт полуобернулся к правому гвардейцу.

- Никак нет, сэр.

- Тогда поехали разберемся. Если что, вы, - он указал на правого, - прикрываете меня, а вы, - жест в сторону левого, - скачете к дворцу за подмогой.

- Да, сэр, - по очереди откликнулись оба.

Локхарт нагнал хвост колонны, когда он уже втягивался в переулок.

- Стойте, именем королевы! - властно крикнул он, словно всю свою жизнь был рыцарем короны. - Кто вы и куда направляетесь?

- Смерть врагам королевы! - откликнулись из толпы. - Смерть гроггендорским шпионам!

Локхарт почувствовал облегчение. Все-таки свои! Видимо, какие-то добровольцы или

ополчение. Упоминание Гроггендора его не удивило - он знал, что тема "Арвик - гроггендорский наймит, отравивший короля по приказу своих имперских хозяев", весьма популярна среди простого народа. Хотя у истоков этой идеи, несомненно, стояло ведомство Крампа или Фабиаса, она упала на благодатную почву. Даже то, что сам факт отравления Гумбольдта так и не был доказан, с точки зрения парадоксальной народной логики становилось неопровержимым аргументом в пользу этой версии: "Так это ж потому, что яд гроггендорский, секретный! Кабы был бы наш - все бы доказали!"

И, строго говоря, не факт, что этот пропагандистский миф не мог и в самом деле оказаться правдой. Если не по части "секретного яда", то по крайней мере в том, что Гроггендор будет поддерживать Арвика, чтобы его руками развалить Айринтию и уничтожить ее способность сопротивляться агрессору.

Однако, куда же все-таки направляются эти патриотично настроенные горожане? Почему в разгар боя они идут не к стенам, а в прямо противоположную сторону? Конечно если они невооруженные и необученные, то в бою от них толка немного - впрочем, запасное оружие в башнях есть, да и чтобы отталкивать рогатинами приставные лестницы, наверное, специальная подготовка не требуется... А может, их задача - пока все профессиональные солдаты либо защищают периметр, либо охраняют дворец, патрулировать город в поисках, действительно, шпионов и диверсантов? Нет, эта большая толпа совершенно не похожа на патруль!

Локхарт пустил коня шагом, двигаясь в хвосте колонны, но не мог продвинуться вперед - попытка прокладывать дорогу на коне сквозь такую плотную толпу обернулась бы давкой с жертвами. Люди уже окружили Локхарта со всех сторон, и если поначалу на него опасливо косились, то теперь он слышал приветливые реплики: "О, и господин рыцарь с нами!" "Куда вы идете? - пытался допытываться Локхарт. -Кто ваш командир?" Но ближние лишь неопределенно махали руками куда-то вперед - возможно, и сами не вполне представляли, кто и куда их ведет - а те, что были дальше впереди, вероятно, вовсе не слышали его за гулом набата и периодически выкрикиваемыми патриотическими лозунгами.

Локхарт оглянулся на своих сопровождавших. Те все еще ехали за ним, но толпа уже развела всех трех всадников друг от друга. Более того, теперь множество людей шагало и позади - то ли Локхарту все же удалось продвинуться ближе к голове колонны, то ли, наоборот, к хвосту ее присоединились новые горожане. Очевидно было, что теперь ни левый, ни правый гвардеец - ни тем паче сам Локхарт - не смогут быстро выбраться из толпы и поскакать за помощью. Ситуация вновь стала казаться полковнику нелепой и тревожной одновременно. Во всяком случае, после того, как колонна прошла несколько переулков и коротких кривых улиц (без Кольца над головой, возможно, даже Локхарт с его чувством направления опытного пилота потерял бы ориентацию в этом лабиринте), стало ясно, что она направляется хотя и в центральную часть города, но, похоже, все-таки не к дворцу. В толпе тем временем зажигали все больше факелов; кто-то запел песню, ее подхватили - Локхарт не мог разобрать слов, но звучало довольно воинственно.

И тут за очередным поворотом ему открылась их цель.

Посреди небольшой площади - а может быть, в окружении четырех коротких улиц, в зависимости от того, как трактовать данную планировку - возвышался довольно внушительного и в то же время мрачного вида трехэтажный особняк с высокими стрельчатыми окнами, утопленными в ступенчатых нишах, и декоративными белыми зубцами, обрамлявшими выгнутую крышу в черной чешуйчатой черепице. Здание окружал высокий каменный забор со сплошными воротами, на обеих створках которых красовались кованые гербы. Над полукруглой каменной аркой, венчавшей ворота, торчал флагшток, но изображение на флаге, совсем не величественно свисавшего с него в полном безветрии, невозможно было разобрать. Однако гербы, озаренные светом Кольца и факелов, Локхарт различил вполне отчетливо. Треугольник, скрещенные мечи, корона.

Посольство Гроггендора.

Локхарт мысленно обругал себя идиотом. Де Сегюр на его месте догадался бы сразу, и даже не потому, что уже бывал здесь... Идеальная провокация, лучше не придумаешь. Фанатичная толпа приверженцев Элинор громит гроггендорское посольство, а королева ничего не делает, чтобы это предотвратить. Более того, наверняка найдутся и свидетели, которые покажут, что именно агенты королевских спецслужб разжигали антигроггендорские настроения, и это будет, в общем-то, правдой... После этого даже неважно, чем кончится сегодняшний бой. Он нужен был лишь как повод, чтобы занять гвардейцев на стенах - по всему периметру, да! - и одновременно зажечь толпу. Империя получит свой casus belli, а Арвик со всеми его амбициями действительно всего лишь сыграл роль ее марионетки...

Толпа, размахивая факелами (и, кажется, айринтийскими флагами), с гневно-радостным ревом устремилась к воротам посольства.

- Стойте! - кричал Локхарт. - Назад! Именем королевы! Вас обманули! Это провокация врагов!

Его никто не слушал и не слышал.

Справа от ворот открылась калитка, и оттуда быстро вышли трое королевских гвардейцев. Двое сжимали обнаженные мечи, третий, старший как по возрасту, так, видимо, и по званию, шагнул вперед, выставляя обе ладони в кольчужных перчатках навстречу толпе.

- Стойте, идиоты! - властно гаркнул он.

Как ни странно, его послушались. Толпа с факелами и флагами остановилась в нескольких ярдах от ворот.

- Я такой же айринтиец, как и вы! Второй лейтенант Брайан Курц, личная гвардия ее величества! Служу в гвардии уже шестнадцать лет, начинал рядовым при Гумбольдте! И я люблю гроггендорцев ничуть не больше вашего! Но я поставлен сюда защищать их посольство по приказу королевы, и я буду исполнять свой долг! А вы должны исполнять свой, а не устраивать здесь мятеж на радость нашим врагам!

- Наши враги там! - заполошно крикнул кто-то, указывая на посольство.

- Не только там, - рассудительно ответил Курц. - Даже если сровнять их посольство с землей здесь, Ингварштад никуда не денется. А там, между прочим, так же сидят наши послы! Вы хотите, чтобы и с ними было то же самое?

- К черту всю эту дипломатию! - выкрикнул другой голос, показавшийся Локхарту смутно знакомым. - Наши послы им не вредят, а ихние нам еще как! Не мы отравили их короля! Не мы привели вражью армию к их столице! Сколько еще терпеть это змеиное гнездо в центре Дракенхайма?!

Толпа согласно загудела. Кто-то швырнул факел через ограду, но тот, очевидно, упал на землю за забором, едва ли причинив какой-либо ущерб.

- Вы что - хотите войны с Гроггендором? - крикнул Курц. - Вы на карту смотрели, идиоты?

- Война уже идет! - возразил тот же голос. - Али слышишь плохо? (Действительно, набат был хорошо слышен и здесь.) У нас уже столицу штурмуют, а мы все дрожим, как бы хуже не вышло?!

- Это пока что только армия Арвика, - ответил Курц. - А вы хотите, чтобы сюда заявилась вся армия Гроггендора?!

- А что Гроггендор, Гроггендор? - выкрикнул новый голос с истеричными нотками, и его обладатель, высокий и плечистый, но весь какой-то взъерошенный и раскоряченный, с торчащей клоками неухоженной сивой бородой, выскочил прямо перед Курцем, разворачиваясь лицом к толпе. - Нешто мы Гроггендора ихнего не видели? Вы нашли кого слушать, земляки! Шестнадцать лет он в гвардии, ага! Из столицы не вылезал, всей службы - в почетных караулах стоять! А я одиннадцать лет назад служил на севере под командованием его светлости герцога

Бронгарского! Я сам лично этих гроггендорцев бивал, этой вот рукой! - он согнул вверх руку в рукаве тулупа, словно желая продемонстрировать бицепс. - Так мы им тогда вмазали, что мало кто живым до своего Гроггендора добежал!

Толпа встретила это одобрительным гулом и выкриками.

"Он не похож на старого солдата", - подумал Локхарт, постепенно прокладывавший себе путь через толпу к воротам посольства (люди, теснимые конем, неохотно расступались, но продвигаться таким образом, никого не топча и не рубя, получалось медленно, а травм и тем паче смертей Локхарт все еще надеялся избежать). "Выправка не та. Скорее всего, проплаченный провокатор."

Курц, очевидно, заподозрил то же самое.

- Как твое имя, солдат? - гаркнул он, перекрывая шум толпы. - Как звали твоего офицера в том рейде?

- Я Вилли Крафтман, - без запинки откликнулся тот. - Парни звали меня Рафт. Моим капралом был Нед Вурк, Жестяной Нед. Нами командовал лейтенант Краут, он был из простых горожан, но его светлость лично произвел его в рыцари за ту операцию.

Новые одобрительные возгласы подтвердили, что по крайней мере некоторым из присутствующих эти имена знакомы.

"Возможно, он просто выучил свою легенду, - подумал Локхарт. - А может, он все-таки и впрямь ветеран, спившийся и опустившийся на почве неустроенности в мирной жизни. Из таких тоже выходят хорошие орудия для провокаций."

- Если ты и впрямь солдат, - крикнул Курц, - ты должен знать, что такое дисциплина, и выполнять приказы офицера!

- Я выполню приказ любого, кто поведет нас на врага, - прокричал Крафтман в ответ, - а не трусов, защищающих наших врагов! Иди с нами, Курц, если ты айринтиец, или прочь с дороги, если ты гроггендорское охвостье!

Новые факелы полетели через забор - и, кажется, не только они, но и какие-то более подходящие для метания снаряды. В здании послышался звон разбитого стекла.

- Назад! - отчаянно рявкнул Курц. - Это ваш последний шанс, или вас будут судить за измену!

Лейтенант, очевидно, видел постепенно приближающегося Локхарта - трудно не заметить возвышающегося над толпой всадника - но не подавал ему никаких знаков, вероятно, не зная, на чьей стороне этот появившийся в столь неподобающей компании рыцарь. Локхарт, в свою очередь, рассчитывал с одним из своих гвардейцев (второй уже сумел выбраться из толпы и поскакал за подмогой) добраться до ворот, развернуться и, объединившись с Курцем и его людьми, начать теснить погромщиков прочь - или, как минимум, не подпускать их к воротам до тех пор, пока не подоспеет помощь. Но осуществить этот план он не успел. Камень, брошенный из толпы, ударил Курца в переносицу прямо под шлемом. Лейтенант покачнулся, рефлекторно ухватившись за плечо Крафтмана. Тот схватил его обеими руками и отшвырнул в сторону. Курц упал; один из его гвардейцев, видя нападение на своего офицера, сделал выпад мечом и пропорол напавшего насквозь. Локхарт увидел окровавленное острие, высунувшееся из спины Крафтмана, словно жало какого-то чудовищного насекомого.

Несколько погромщиков отпрянули, кто-то истерично закричал: "Убили, убили!" - но из толпы тут же раздались выкрики: "Смерть предателям!" "Бей гроггендорских собак!", и разъяренная людская масса вновь ломанулась вперед, валя и топча тех, кто пытался пятиться перед вооруженным противником.

- Стоять! Назад! - отчаянно закричал Локхарт, выхватывая меч и устремляя коня вперед уже без всяких церемоний. Кто-то с криком валился под копыта, кто-то шарахался в стороны, но один бородатый мужичонка, развернувшись, ткнул игреневому в морду факелом. Конь вздыбился, перебирая передними ногами в воздухе, и разбил копытом голову своему обидчику

(Локхарт при этом едва не выронили меч, стараясь удержаться в седле). Увы, все это возымело не тот эффект, на который надеялся полковник - люди впереди, в панике оглядываясь на коня и рыцаря с мечом, лишь ломанулись к калитке с удвоенной силой, влекомые уже не столько гневом против гроггендорцев и тех, кто их защищал, сколько инстинктивным желанием укрыться за оградой посольства. Обоих гвардейцев Курца смели, несмотря на их оружие - как, очевидно, растоптали в давке и его самого - причем с такой скоростью, что их товарищи, остававшиеся внутри ограды, не успели запереть калитку изнутри. Теперь погромщики тянули ее в одну сторону, защитники в другую, калитка двигалась туда-сюда с переменным успехом, но атакующих было куда больше, хотя они толкались и мешали друг другу. Локхарт, спеша на выручку обороняющимся, рубанул мечом, не глядя даже, кого, и впервые в жизни почувствовал, как меч, зажатый в его руке, входит в человеческое тело, с легкостью рассекая одежду и мясо и с усилием перерубая кости. Он не просто впервые убил человека - формально он зарубил гражданского и, скорее всего, безоружного (если не считать оружием камень, палку или, максимум, короткий нож), но единственное, что обеспокоило его в этой ситуации - это сумеет ли он быстро выдернуть клинок, так, чтобы тот не застрял в теле. Ему это удалось, и он устремился дальше к калитке, рубя погромщиков налево и направо и топча их конем. Его ноги не были защищены броней (о чем он теперь жалел), как не был ничем защищен и игреневый, так что удар ножом или даже хорошей дубиной в этой толпе представлял вполне реальную опасность - однако Локхарту почти не оказывали сопротивления; орудующий мечом конный рыцарь внушал лишь одно желание - убраться от него как можно дальше. Лишь несколько камней, прилетевших издали, со звоном ударились о кирасу, не причинив, разумеется, никакого вреда. Через пару минут он уже обрушился на погромщиков возле калитки. Те, что не попали под меч или копыта, бросились врассыпную, позволив защитникам посольства, наконец, захлопнуть и запереть дверь. Локхарт, таким образом, остался снаружи перед запертой калиткой и воротами, но его это уже не беспокоило. Он уже оценил превосходство вооруженного всадника над практически безоружными пешими. Он подумал, что среди тел, оставшихся валяться возле ворот, должны быть и Курц с его бойцами, и что кто-то из них может быть еще жив - но пока что он не мог спешиться и оказывать помощь Погромщики отхлынули от ворот, но еще отнюдь не разбежались - тем паче что задние, которым ничего не угрожало, продолжали напирать на передних. Развернув коня, Локхарт увидел своего единственного оставшегося гвардейца и тут же понял, что у того дела обстоят вовсе не так хорошо. Гвардейцу не повезло наткнуться в толпе на кого-то более решительного, а возможно, и более обученного, чем простые горожане. Кровь хлестала из глубокой раны на шее его коня, который с жалобным ржанием топтался на месте, а затем на глазах у Локхарта рухнул на передние колени. Несколько человек тут же набросились на всадника; сразу двое вцепились в его руку с мечом, остальные пытались стащить его с седла. Локхарт устремился на помощь гвардейцу и налетел на погромщиков сзади как раз тогда, когда умирающий конь завалился на бок, увлекая за собой седока, и они оба исчезли под копошащимися телами, наносившими яростные удары сверху. Полковник зарубил двоих из них и обратил остальных в бегство. Гвардеец выбрался из-под трупа своего противника; он потерял меч и был весь в крови, но больше чужой, чем своей и, похоже, серьезно не пострадал. "К воротам!" - крикнул ему Локхарт. И тут со стороны посольства донеслись новые крики, а затем площадь озарили взметнувшиеся языки пламени.

Локхарт понял, что произошло. Пока основная массовка отвлекала охранников возле ворот, те, кому была уготована главная роль, обошли посольство с боков и с тыла, взобрались на ограду (забор высотой в три ярда, и даже без колючей проволоки поверху - не такое уж непреодолимое препятствие, особенно для подготовившихся заранее) и забросали окна здания, наверное, уже даже не факелами, а чем-то вроде бутылок с горючей смесью. Для этого им даже не надо было перебираться внутрь - поскольку, как обычно и бывает в страдающих от дефицита места внутри своих стен средневековых городах, расстояние между оградой и зданием было

невелико, с высоты стены метать снаряды в окна всех трех этажей было только удобнее...

Локхарт увидел эти силуэты на гребне стены, озаренные пламенем. Более того - по сброшенным ими веревочным лестницам на стену уже лезли новые погромщики. Эти уже не задерживались наверху и быстро спускались вниз, причем наверняка не с пустыми руками. Топоры (вполне способные, кстати, прорубить кирасу или шлем), ножи, налитые свинцом дубинки - оружие, доступное любому лавочнику и даже любому подмастерью. Даже из вертела для очага выходит вполне неплохая рапира...

Локхарт понял, что проиграл. Сделать он не мог уже ничего, как, очевидно, и немногочисленная охрана посольства, зажатая теперь в узком пространстве между стеной, откуда прыгали все новые враги, и горящим зданием. У них не было даже луков, чтобы отстреливать погромщиков на стенах - только мечи, неспособные держать врага на расстоянии и не слишком полезные в навалившейся толпе. До сих пор, похоже, охрана посольства носила больше символический характер и не сталкивалась с задачами более серьезными, чем прогнать какого-нибудь пьяницу или, максимум, нескольких недовольных, выкрикивающих оскорбления. Полноценного штурма с участием сотен человек здесь никто не ожидал, да и, в любом случае, защититься изнутри от него было практически невозможно. Для этого нужно было оцепить посольство усиленными кордонами снаружи (лучше всего конными), на что в эту ночь просто не было ресурсов... Приведет ли ускакавший гвардеец подмогу хотя бы теперь? И успеет ли она спасти хоть кого-то из охваченного огнем здания, вокруг которого бесчинствуют погромщики, убивая всех, кто выскочит наружу?

Сильный удар камнем по шлему, в буквальном смысле отозвавшийся звоном в ушах, напомнил Локхарту, что опасность грозит тут не только работникам посольства. Его по-прежнему окружала разъяренная толпа, хотя и державшаяся на расстоянии в несколько ярдов; пожар и крики за его спиной явно вновь придали ей воодушевления. Гвардеец, оставшийся без коня и оружия, в панике жался позади него к запертой калитке.

- Подбери меч! - крикнул ему Локхарт, помня, что где-то тут должно валяться оружие Курца и его подчиненных.

- Какой? Где? Нету! - крикнул в ответ гвардеец, и полковник понял, что погромщики успели забрать трофеи. Он сдал коня назад и повернул боком, прикрывая гвардейца. Помочь гроггендорцам Локхарт не мог уже ничем, и оставалось лишь исполнять второй (после выполнения поставленной задачи) долг командира - заботиться о своем подчиненном.

На Локхарта посыпался новый град камней; погромщики выковыривали их прямо из мостовой. Он опустил забрало, хотя это сильно ухудшило обзор, особенно в темноте, нарушаемой лишь отсветами пламени. Но погромщики уже догадались целиться не в защищенного броней рыцаря, а в его коня. Игреневый дергался и шарахался от ударов; Локхарт догадывался, что конь долго так не выдержит. Кроме того, он и сам получил болезненный удар в незащищенную голень.

Оставалось, очевидно, только идти на прорыв. Но получится ли? Сквозь прорези забрала Локхарт заметил отблески огня на металле в руках погромщиков. Кажется, топоры или мясницкие тесаки. Это были уже не те безоружные обыватели, которых он рубил перед этим. А может, и те прятали под одеждой что-то подобное, просто в условиях темноты, шума и неразберихи ему помог фактор внезапности... Где же подмога, черт побери? И пришлют ли ее вообще? Может, тот, кто командует оставшимися в центре гвардейцами, сочтет, что нападение на посольство - лишь отвлекающий удар, призванный ослабить охрану дворца? И кстати - действительно ли гвардеец ускакал за помощью? Что, если он тоже на стороне погромщиков? Тайная Стража стремилась выявить и нейтрализовать сторонников Арвика, но не патриотически настроенных идиотов...

Где-то неподалеку, перекрывая дальний набат с окраин, где, очевидно, все еще шел бой на стенах, посыпались частые удары нового колокола. Ну да, сообразил Локхарт, пожар хорошо

виден уже и без конных вестников. Но если на этот зов прибудет безоружная пожарная команда, толку от нее будет немного.

Под градом камней Локхарт развернулся, протягивая левую руку своему солдату, чтобы помочь ему влезть на круп коня. Два воина в доспехах (хотя у гвардейца они были легче) - приличная нагрузка для и без того уже пострадавшего от ударов животного, но Локхарт не мог бросить своего человека на растерзание, да и длительная скачка им не требовалась - только вырваться из толпы. Гвардеец ухватился за протянутую руку и начал взбираться, но тут игреневый резко дернулся от удара по голове, и солдат свалился на мостовую. "Вставай!" - крикнул ему Локхарт, но конь ржал и пятился, уже практически не повинуясь седоку. Полковник подумал, что его шанс на прорыв, похоже, упущен, и остается только спрыгнуть на землю, пока его не придавило рухнувшей тушей, и отбиваться мечом, прижавшись спиной к воротам или стене.

Но в этот момент ворота посольства отворились. Возможно, их открыли перелезшие через стены погромщики, а возможно - искавшие спасения от огня и убийц охранники и гроггендорцы. В последнем случае это точно не было мудрой идеей, ибо толпа снаружи, словно уже не обращая внимания Локхарта, с радостным ревом хлынула мимо него внутрь.

Игреневый устоял на ногах, но, видимо, по-прежнему пребывал в состоянии, аналогичном боксерскому грогги, и вместе с толпой тоже ломанулся в открытые ворота прямо к охваченному огнем зданию, волоча за собой вцепившегося обеими руками в заднюю луку седла гвардейца - но затем все же остановился почти у самого крыльца, храпя и роняя кровь из ноздрей. Локхарт почувствовал жар, идущий от пламени. Пылали уже все три этажа, огонь рвался наружу из разбитых окон, пепел уносился вверх, а затем, кружась, опускался на камни вместе с непрогоревшими клочками каких-то бумаг, возможно, и весьма важных. ("Или нет?" - подумал Локхарт. Если Гроггендор сам организовал нападение на собственное посольство, тогда, надо полагать, о ликвидации всех секретных документов здесь позаботились загодя. Вероятно, и самих дипломатов нет в здании, хотя какую-то второразрядную обслугу наверняка оставили, дабы предъявить потом "вопиющие об отмщении" трупы...) Из распахнутых дверей главного входа все еще выбегали люди. Один из них, весь объятый пламенем, рухнул с крыльца головой вниз на плиты двора и остался лежать неподвижно. Но остальные, судя по их одежде и внешнему облику, были не сотрудниками посольства, а погромщиками, вероятно, жаждавшими помародерствовать в разгромленном здании, но вынужденными отступить из-за устроенного их же собратьями пожара. Несколько тел валялись во дворе; при таком освещении, да еще сквозь щели забрала, Локхарт не мог различить, были это гроггендорцы или охранники. Но в любом случае спасать здесь, похоже, было уже некого.

Гвардеец, наконец, сумел вскарабкаться на круп остановившегося коня. Только что ворвавшиеся погромщики растерянно суетились вокруг, осознав, что ни крушить, ни грабить здесь уже нечего; некоторые, впрочем, криками выражали одобрение происходящему. Надо было уносить ноги, пока их внимание и ярость вновь не переключились на еще живых врагов. До слуха Локхарта донеслось отчаянное ржание лошадей, и у него мелькнула было мысль, что это наконец-то прискакала помощь, но он тут же сообразил, что это ржут кони гроггендорцев, горящие заживо в запертой конюшне. "Дикари!" - подумал с отвращением полковник, но ему, конечно, было не до того, чтобы искать и отпирать эту конюшню.

И тут сквозь все эти жуткие звуки - ржание гибнущих животных, далекий и близкий трезвон колоколов, треск и гул пламени - послышались новые торжествующие крики откуда-то справа. Локхарт повернул голову. Несколько человек волокли еще одного - в разорванной одежде, перепачканного сажей, с окровавленным лицом. На ходу его продолжали пинать и отвешивать оплеухи; он что-то лепетал, вероятно, молил о пощаде.

- Что, превосходительство, не такой гордый теперь? - довольно осклабился старший из тащивших, голос которого вновь показался Локхарту знакомым - и теперь полковник вспомнил,

где слышал его раньше. На улице, где его чуть не сбила карета гроггендорского посла - это был тот самый патриотично настроенный горожанин, что разделил тогда возмущение Локхарта. И теперь, похоже, судьба вновь свела вместе всех троих участников той сцены.

Локхарт поспешно направил коня к ним.

- Это гроггендорский посол? - спросил он властным голосом человека, имеющего право приказывать.

- Он самый! - довольно откликнулся горожанин. Очевидно, он уже не был у ворот, когда Локхарт прорвался туда с боем, и потому не воспринимал рыцаря как врага и угрозу. Даже если он разглядел кровь на рыцарском мече, то. должно быть, решил, что это кровь гроггендорцев. Но ему в любой момент могли подсказать другие...

- А ведь мы знакомы, - Локхарт поднял забрало. - Помнишь меня? Мы говорили после того, как этот, - полковник презрительно указал мечом на гроггендорца, который уже практически повис без сил на руках у своих мучителей, - чуть не сбил меня посреди улицы. Ты обещал тогда встать на защиту королевы вместе со своими сыновьями.

- Точно, сэр, - припомнил и горожанин. - Вот, и мои парни все здесь, - он кивнул на троих молодых людей, державших посла. - Старый Петерс слов на ветер не бросает.

- Обещал ты, помнится, взяться за алебарду, - не удержался Локхарт, - так отчего ж вы сейчас не на стенах, а здесь?

"Да уж ясно, отчего - устраивать погромы под патриотическими лозунгами, конечно, проще", - добавил он про себя.

- Так а что толку марионеток бить? - без запинки, словно выученный урок, ответил Петерс. - Бить надо тех, кто их за нитки дергает! Вот, - он ухватил избитого гроггендорца за волосы и вздернул его голову вверх (Локхарт увидел заплывший глаз, ссадину на скуле, текущую из носа кровь и разбитые в лепешку губы), - в подвале пытался отсидеться, падла, но мы его и там достали. Хотите с ним теперь самолично за обиду поквитаться?

"А ведь он, пожалуй, все-таки боится убить посла лично, - подумал Локхарт. - Хочет переложить ответственность на другого, тем паче, на дворянина - мы-де люди маленькие..."

- Хотел бы, - сказал он вслух. - Но он нужен нам живым. Отдайте его мне, я отвезу его на стену. Пусть велит своим наймитам убираться от нашего города!

- И то верно, - неожиданно легко согласился Петерс. - Пусть-ка сперва шакалов своих отзовет, а там уж подумаем, что с ним делать...

"Неужели получилось?" - подумал Локхарт, и тут же его надежду опроверг истошный крик из уже стекавшейся посмотреть на униженного посла толпы: "Кого слушаете?! Он же на ихней стороне! Он только что дружбана моего зарубил, и еще наших кучу целую! Нам рыцари не помощники, дворянин дворянину глаз не выклюет!"

"Точно, точно! Бейте их!" - закричали из толпы, имея в виду, очевидно, Локхарта и гвардейца у него за спиной.

- Я защищал не гроггендорцев, а гвардейцев королевы, на которых вы напали! - крикнул полковник. - То есть не все вы, - он давал им шанс отмежеваться, - а провокаторы, затесавшиеся в ваши ряды и уже получившие по заслугам!

Но это не возымело успеха. Погромщики вновь угрожающе двинулись на него, и на сей раз у Локхарта совершенно не было пространства для маневра - он оказался практически зажат между горящим зданием, жар от которого становился все сильнее, и внутренним углом ограды. Дорогу к воротам и наружу ему уже вновь преграждала разъяренная толпа, жаждавшая, очевидно, увидеть, как сгорят и он, и гроггендорский посол.

- Некогда препираться! - он вновь развернулся к Петерсу, угрожающе приподнимая меч. - Я забираю посла, именем королевы!

- Э нет, сэр, больно вы шустрый! - возразил со злобой, видимо, старший из сыновей Петерса, а его брат занес над головой пленника кулак, на котором тускло блеснул кастет.

Локхарт понял, что они скорее забьют гроггендорца сами, чем отдадут свою добычу. Времени на разговоры действительно больше не было, и в тот момент, когда кулак начал резко опускаться, Локхарт скорее даже интуитивно, чем расчетливо сделал резкое движение мечом, за которое его похвалил бы сам Габриус. Отсеченный кулак полетел в сторону, а парень в тупом ужасе уставился на свое перерубленное запястье, откуда пульсирующим фонтаном выплескивалась кровь. Локхарт ударил еще раз и на сей раз отрубил руку его старшего брата, потянувшую посла назад. Третий из братьев оказался более понятливым и, выпустив пленника, отскочил вспять.

- Ах ты... - Петерс бросился на Локхарта; в его руке с необычайным проворством материализовался мясницкий тесак. Удар меча сверху вниз раскроил ему череп.

Посол остался на ногах и поднял взгляд заплывших глаз на Локхарта, все еще, похоже, не уверенный, означает ли это спасение или еще худшие муки.

- Садитесь на коня позади меня, быстро! - велел ему Локхарт и тут же обернулся назад, к своему гвардейцу: - Освободи место послу!

- Но как же... - пролепетал тот. Им обоим было ясно, что приказ Локхарта обрекает гвардейца на смерть. Но другого выхода, очевидно, не было - спасти врага, коим, несомненно, являлся гроггендорский посол, было куда важнее для Айринтии, чем спасти ее преданного солдата.

- Исполнять приказ, боец! - рявкнул Локхарт. У него мелькнула мысль, что он сейчас весьма уязвим сзади, и гвардеец, даже и безоружный, может попытаться выбросить его из седла, дабы спастись самому. Но тот лишь покорно соскользнул на камни двора и сразу же побежал в сторону пожара - в единственном направлении, где путь не преграждали враги.

Локхарт крутанул коня на месте, отгоняя погромщиков взмахами меча, снова опустил забрало, затем ухватил за руку посла и практически втащил его на коня позади себя. Гроггендорец сразу же обхватил его за стальные бока.

Но взбешенная толпа теперь уже точно не собиралась их выпускать. Погромщики, правда, пятились, не желая попадать под меч, а камней под рукой у них в замощенном квадратными плитами дворе не было, и таким образом Локхарту все же удалось оттеснить их обратно к воротам - тем паче что и все усиливающийся жар от огня ни у кого не вызывал желания задерживаться во внутреннем дворе. Но едва они отступили за ворота, а Локхарт оказался напротив таковых, как в игреневого и его седоков снова градом полетели выковырянные из мостовой булыжники. Конь шарахнулся назад, и тут позади в горящем здании что-то обрушилось с оглушительным грохотом, и словно гигантский дракон выдохнул из пасти дверного проема облако пламени с дымом, искрами и какими-то мелкими раскаленными обломками, ужалившими игреневого в нескольких местах. Конь взвился на дыбы; Локхарт в своих доспехах избежал ожогов, однако горячий едкий дым разодрал болью его носоглотку, лишив его возможности дышать, и заставил крепко зажмурить слезящиеся от рези глаза. Возможно, даже в этих обстоятельствах - и имея лишь одну руку, чтобы держаться, ибо во второй он по-прежнему сжимал меч - полковнику все же удалось бы удержаться в седле, если бы не вцепившийся в него посол, которому, собственно, держаться было больше не за что. В итоге оба всадника грохнулись на каменные плиты, а обезумевший конь, словно вывернувшийся из-под своей ноши, умчался вперед. Толпа шарахнулась в стороны, не пытаясь его задерживать - и снова сомкнулась, готовая наконец свершить свою расправу.

Падение в доспехах на твердые плиты, несмотря даже на всю мягкую одежду, надетую под броню, словно вышибло из Локхарта дух - несколько секунд он лежал, не в силах шевельнуться, хотя сознания все же не потерял и даже не выпустил меч. Тем временем волна дыма, пепла и пыли, вырвавшаяся наружу после обрушения внутренних перекрытий посольства, заставила кашлять, чихать и жмуриться и его противников, не позволив им сразу же наброситься на поверженных. Благодаря этим секундам Локхарт, хотя и чувствуя еще боль в груди до самого солнечного сплетения, сумел-таки подняться на ноги и кое-как проморгаться. Не глядя,

попытался поднять посла, ухватив его за руку - тот тонко вскрикнул, рука, похоже, была сломана (ну да, подумал Локхарт, я ж ему небось на руку и грохнулся во всем этом железе, хорошо, если еще и ребра ему не переломал...) Тогда он без церемоний ухватил гроггендорца за шиворот и со второй попытки все же поставил на ноги.

- Отходим к стене налево! - крикнул ему Локхарт. - Нам надо продержаться, пока не подойдет помощь! - если она подойдет, добавил он про себя. Может быть, те, кто должен ее отправить, уже решили, что спасать больше некого, и просто дадут толпе разойтись, чтобы избежать нового насилия. Штурм города еще продолжается, и всякое дополнительное обострение внутри сейчас особенно нежелательно. Элинор, конечно, отправила бы помощь, если бы знала, что он здесь - но Элинор может об этом даже не подозревать. Даже если ускакавший за помощью гвардеец доложил обо всем, совсем не факт, что его доклад во всех деталях передали королеве... Но такими мыслями, понятно, делу не поможешь. - Следите, чтобы к нам не подобрались сзади! - велел он послу и побежал налево, практически таща за собой за одежду спотыкающегося гроггендорца.

Они пробежали мимо помещения караулки, притулившегося к ограде с внутренней стороны - наружная калитка вела именно сюда. Это было, кажется, единственное строение на территории посольства, не охваченное огнем, но укрываться внутри Локхарт не рискнул, не зная, кто поджидает там в темноте (казавшаяся черной лужа крови, натекшая из проема выломанной двери, выглядела вполне красноречиво). Интуиция его не подвела, ибо, едва он пробежал мимо проема, посол крикнул: "Сзади!" - и Локхарт едва успел обернуться, чтобы встретить мечом выскочившего оттуда детину в косматой шубе, вооруженного колуном на длинной ручке. Удар вышел слабым и почти безвредным, меч лишь скользнул по ребрам, но детина все же отпрянул, и Локхарт вместе с послом, преследуемые толпой, успели завернуть на угол караулки, оказавшись, таким образом, в углу между ее стеной и внешней оградой. Впереди слева, напротив угла горящего здания, Локхарт увидел веревочную лестницу, все еще свисавшую внутрь с ограды; пожалуй, сделав рывок, он мог бы добежать туда быстрее преследователей и вылезти наружу - хотя еще неизвестно, кто будет поджидать его с другой стороны - но в любом случае посол со сломанной рукой явно не смог бы воспользоваться этой лестницей. "Как будет глупо погибнуть здесь, спасая врага, - подумал Локхарт, - особенно если спасти его так и не удастся..." В самом деле, ведь если погибнет он - погибнет и посол, а вот наоборот - совсем, совсем не факт. Но если Локхарт и колебался пару секунд, не бросить ли гроггендорца, спасаясь самому, то дальше момент был упущен. Толпа отрезала даже этот сомнительный путь к спасению и в буквальном смысле загнала их в угол. Локхарт прекрасно понимал, что пеший, пусть даже в доспехах и при мече, он имеет против них куда меньше шансов, чем на коне. Судьба охранников посольства, которых эта толпа просто смела и растоптала, была в этом плане вполне наглядна.

Но все оказалось еще хуже. На несколько мгновений погромщики с топорами и дубинами остановились, не решаясь атаковать противника с более длинным оружием, но затем из их рядов вперед протиснулись четверо других. Вооруженные мечами.

Очевидно, это мечи убитых охранников, подумал Локхарт, и напомнил себе, что, как он уже знал от Габриуса, одноручный меч не может пробить рыцарские латы. К тому же если это городская чернь, впервые взявшая меч в руки, то толку им от их оружия будет немного - уж Локхарт хорошо знал это по своим первым тренировкам...

Но первый же выпад - стремительный и грамотный удар снизу под кирасу, который полковник еле успел отбить - продемонстрировал Локхарту, что его противники - отнюдь не какие-нибудь лавочники, никогда не орудовавшие ничем серьезней разделочного ножа. Вероятно, как и у Крафтмана, у них в прошлом имелся кое-какой солдатский опыт.

Доспехи, конечно, все равно оставались бесспорным преимуществом Локхарта - он мог наносить удары в любую часть тела своих врагов, в то время как для тех имело смысл метить

ему только ниже кирасы. Однако их было четверо, и они как минимум не уступали - а скорее всего, превосходили своего противника в искусстве фехтования. И, понятно, забрало, ограничивающее обзор, отнюдь не облегчало ситуации, когда надо следить за четырьмя противниками одновременно! К тому же их целью был не только Локхарт. Они пытались достать мечами и прятавшегося у него за спиной посла.

На открытом месте - и даже у ровной стены - такая ситуация была бы безнадежной, двое просто проткнули бы гроггендорца с боков, пока Локхарт отбивался бы от двух других, но то, что полковнику и его подзащитному удалось отступить в угол, давало некоторый шанс. Четверо атакующих в такой ситуации только мешали друг другу; двое справились бы с задачей намного лучше, но у них, похоже, не хватало ума это понять, или же каждый слишком жаждал прикончить добычу лично. Вопреки заветам Габриуса - хотя в данной ситуации тот такую тактику бы одобрил - Локхарт всячески старался подставить свои доспехи, и в первую очередь наручи, под удары вражеских мечей и одновременно проводить быстрые выпады, заставляя не имевших брони и щитов противников прекращать атаку и отступать. Ему даже удалось, перехватив латной перчаткой меч одного из них прямо за лезвие, встречным выпадом ткнуть его в живот. Раненый выпустил свое оружие и отшатнулся назад, сгибаясь и прижимая обе руки к животу, но тут же за спиной Локхарта вскрикнул гроггендорец. Полковник не знал, ранен ли тот и насколько серьезно, и не имел времени проверить - он лишь развернулся направо и успел рубануть сверху вниз по руке врага, предположительно нанесшего удар послу. Скорее интуиция, чем понимание опасности, заставила Локхарта тут же, не оборачиваясь, резко присесть - и меч третьего, который должен был распороть его бедро до кости, лишь бессильно стукнул в спину кирасы и соскользнул по ее боку. Локхарт крутанулся на одной ноге в приседе, пытаясь в ответ достать врагов мечом по ногам, не преуспел, но заставил их отпрыгнуть, и вновь вскочил на ноги. Пока что ему удавалось держаться так, что Габриус вновь похвалил бы своего ученика - необходимость бороться за жизнь мотивирует лучше любого тренера, да - но условием его спасения было двигаться быстрее врагов, и все эти развороты, прыжки, удары и блоки в тяжелой броне и с отнюдь не невесомым мечом давались ему совсем не так легко, как героям фэнтезийных фильмов его эпохи. Пот градом тек под доспехами, сердце молотило, как во время рекордного спринтерского забега, и ясно было, что, несмотря на все свои тренировки последнего времени, долго он в таком темпе не продержится. Хотя двух он уже вывел из строя, и осталось... черт! Он с трудом сумел отбить выпад третьего, в последний момент заметив его сквозь щели забрала. Откуда тот взялся, он же должен был остаться без руки?! Нет, кажется, другое лицо... ну конечно, брошенный меч подобрал кто-то еще! Враги не могут напасть на него все сразу, но у них почти неограниченный резерв - никаким чудом у него не хватит сил перебить их всех...

Что-то еще обрушилось в горящем здании, хотя и не столь большое, как перед этим. Но Локхарту послышалось, что сквозь треск и грохот он различает дробный перестук копыт. Была ли то лишь игра его воображения, выдавшая желаемое за действительное? Но он выкрикнул с самым уверенным видом, хватая ртом горький от дыма воздух:

- Слышите, кретины?! Это кавалерия! У вас! Последний шанс! Унести ноги!

Один по центру и впрямь неуверенно отступил, но двое бросились в атаку с двух сторон. Локхарту удалось увернуться от одного, но второй выбил его собственный меч. Локхарт попытался присесть и подобрать его, но чужой сапог уже отбросил меч в сторону. Враги нависли над ним, довольно ухмыляясь. Удар меча обрушился на него сверху, и Локхарт рефлекторно закрылся рукой. Клинок громко лязгнул по наручу, оставив, вероятно, не более чем небольшую вмятину, однако очевидно было, что долго он так не продержится. Сейчас на него просто навалятся кучей, схватят за руки, сорвут шлем...

И тут из-за стены уже вполне отчетливо донесся стук копыт и новые крики, в том числе незнакомый голос, перекрывавший весь шум пожара, погромщиков и набата: "Полковник Локхарт, вы живы?"

- Я здесь! - заорал Локхарт изо всех сил. - Сюда! Скорее!

У погромщиков еще было время его добить, но они, очевидно, предпочли позаботиться о спасении собственных жизней. Они попятились, толкая друг друга, а затем бросились врассыпную, кто к воротам, кто к еще свисавшим с ограды лестницам. Полминуты - и между стеной и пылающим зданием не осталось больше никого живого. Он подобрал меч и поднялся на ноги, чувствуя, как дрожат перенапряженные мышцы. "Какой пошлый штамп, - подумал он с усмешкой. - Кавалерия, в последний момент прискакавшая на выручку героя."

За его спиной раздался стон, и он вспомнил о после. Тот стоял, согнувшись, вжавшись в угол и прижимая здоровую левую руку к правому боку.

- Вы ранены? - спросил Локхарт.

- Кажется... не очень серьезно, - ответил гроггендорец, пытаясь вновь придать своему избитому лицу выражение аристократического достоинства (Локхарт невольно отдал должное его умению не показывать боль - хотя, возможно, дело тут было не столько в самообладании, сколько в эффекте еще не прошедшего шока). - А вы? - добавил посол, словно вспомнив о хороших манерах.

- Я в порядке, - ответил Локхарт, чувствуя, как противно течет по телу горячий пот. Больше всего ему сейчас хотелось влезть под душ. - Вот что, посол... кстати, как ваше имя?

- Альбрехт Лотар фон дер Граален.

- Полковник Эрик Локхарт, рыцарь королевы, - он умышленно сказал "королевы", а не "короны".

- Очень приятно, - ответил фон дер Граален уже вполне светским тоном, словно они встретились где-нибудь на придворном приеме

- Не сомневаюсь, - усмехнулся полковник, не став уточнять, понимает ли посол, кто перед ним, или в своем нынешнем состоянии не обратил внимания на имя и считает его просто одним из айринтийских офицеров. - Так вот, посол фон дер Граален. Мы с вами не друзья, и друзьями стать не можем, это понятно. Но все же задумайтесь над тем, что ваша страна, организовавшая всю эту провокацию, подставила вас и обрекла на мучительную смерть, чтобы обвинить в ней Айринтию. А айринтийский рыцарь и гвардия айринтийской королевы спасли вам жизнь.

- Моя страна тут ни при чем, - покачал головой посол. - Это ваши собственные погромщики.

- Ну да, конечно, - вновь усмехнулся Локхарт. - Не сомневался, что именно так вы и ответите.

- Я понимаю вашу иронию, полковник... но сейчас я говорю вам правду. Не как дипломат - как человек, которого вы спасли. Все, что случилось, для меня действительно полная неожиданность.

- Что лишь доказывает то, что я сказал - ваши власти подставили вас с той же легкостью, что и ваших подчиненных.

- Это было бы не так легко устроить без моего ведома... хотя, конечно, вы вправе мне не верить.

Цоканье копыт за углом караулки прервало их диалог. "Полковник Локхарт?" - донеслось из-за угла. "Здесь! - крикнул Локхарт. - Со мной посол фон дер Граален, он ранен!"

К ним торопливо подъехали конные гвардейцы. Двое, спрыгнув с коней, сразу же занялись раной и сломанной рукой гроггендорца. Локхарту подвели незнакомую лошадь. "Интересно, что с игреневым, - подумал полковник. - От своих травм он, наверное, оправится, но вернется ли во дворец, или его поймают и присвоят какие-нибудь мародеры? На нем сбруя с эмблемами королевской конюшни и, наверное, даже какое-нибудь клеймо с теми же знаками, так что ворам лучше не связываться с такой добычей..." Хотя в прежней своей жизни Локхарт никогда не привязывался к транспортным средствам, от электромобилей до космических кораблей, рассматривая их исключительно с функциональной точки зрения - а в еще более

далеком прошлом лошади на отцовском ранчо были для него скорее обузой, требующей постоянного ухода, чем любимцами - он почувствовал, что начал уже привыкать к игреневому, и не хотел бы его потерять.

В окружении гвардейцев Локхарт выехал из ворот. Площадь была уже очищена от погромщиков. Тут и там валялись трупы, но их было не слишком много - основная часть толпы, по видимости, просто разбежалась, и их не преследовали. Две неказистых, но крепких лошади шустро катили к воротам телегу с установленной на ней огромной бочкой, над которой торчала длинная Т-образная перекладина с ручками на концах. Два человека в блестящих шлемах и длинных плащах стояли на этой бочке с двух сторон, держась каждый за свою ручку. Еще несколько их товарищей, облаченные так же, бежали рядом, держась за борта телеги, или впереди нее, разматывая на бегу прикрепленные к помпе брезентовые шланги.

- Там еще остались живые? - крикнул один из них; Локхарт заметил, что его лицо, как и лица его товарищей, по самые глаза замотаны тряпками. Он и сам сейчас не отказался бы хотя бы от такой маски - у него все еще першило в носу и в горле.

- По-моему, нет! - ответил он. Пожарные, тем не менее, пробежали мимо - но, как ему показалось, уже без прежней спешки.

- Осторожнее там впереди, - предупредил его один из гвардейцев. - Там дальше сплошной лед, мы чуть не навернулись вместе с конями.

- Лед? Откуда? - удивился Локхарт. - Еще полчаса назад его там не было.

- Мятежники не пустили пожарные команды, опрокинули телеги, разбили бочки.

- А это тогда кто?

- Это уже новые.

"Потушить с их примитивным насосом они все равно уже ничего не смогут, - подумал Локхарт. - Разве что следить, чтобы горящие клочки не перенесли огонь на соседние дома - хотя это вряд ли, расстояние все-таки приличное, и ветра нет..."

Он не спрашивал, куда они едут, а гвардейцы не уточняли это. Кажется, всем было очевидно, что они направляются назад во дворец. Понятно, что ни о какой поездке к стенам Локхарт уже не помышлял. Его тело уже сожгло весь адреналин, и теперь максимум, на что он надеялся - это что ему удастся доехать до дворца и слезть с седла без посторонней помощи. Когда стало ясно, что они действительно едут в сторону дворца, он лишь спросил: "Как там дела на стенах?"

- Они еще не угомонились, как видите, - ответили ему (набат продолжал звучать), - но прорваться им нигде не удалось.

"Ну да, ну да, - подумал Локхарт, - это ведь всего лишь отвлекающий маневр. Главное они уже сделали."

И тут воздух расколол новый колокольный звон, более близкий и частый. Он звучал похоже на тот, что возвестил о пожаре посольства, но доносился с другой стороны. Все еще надеясь, что это лишь эхо, искажающее представление о направлении в кривых улочках, Локхарт повернул голову - и увидел отсветы пламени вдали над крышами.

- Что это? - воскликнул он, вскидывая руку в том направлении (она показалась тяжелой, словно сталь его наручей превратилась в обедненный уран). - Неужели все-таки прорыв?

- Нет, сэр, - мгновенно мрачнея, ответил гвардеец, - это еще один пожар. И... ах, черт, я, кажется, знаю, что это горит. Дай Троица, чтобы я ошибался...

- И что же? - поторопил его Локхарт.

- Там... в том направлении... городские топливные склады. Уголь и дрова, которыми отапливают всю столицу. Но, может, это все-таки не они...

Конечно же, это оказались именно они. Как позже охарактеризовал операцию противника в своем докладе королеве Крамп, это была тройная вилка. Сначала практически все силы, имевшиеся в столице, были отвлечены на защиту стен - в том числе и от возможной атаки

изнутри, которая так и не состоялась. Туда же, под стены, были подтянуты и пожарные команды на случай, если придется гасить зажигательные снаряды, заброшенные снаружи - у войска Арвика, прискакавшего накануне "налегке", не было требушетов, но их облегченные варианты, достаточные для переброски через стену горшков с горючим, можно было изготовили на месте или собрать из подтянутых из тыла деталей даже за один день, да и горящие стрелы, выпущенные из обычных луков и арбалетов, могут, при удачном попадании, причинить достаточно неприятностей. Уже одно это, вкупе с дополнительными мерами по охране дворца, оставило гроггендорское посольство практически без защиты - удара туда никто не ожидал (за всю историю Дракенхайма как столицы Айринтии такого в нем не случалось ни разу), хотя задним числом и Крамп, и другие, отвечавшие в эту ночь за безопасность города, лишь поражались, как могла им не прийти в голову такая очевидная мысль. Но увы - пока агенты Тайной Стражи прислушивались к разговорам, в которых с похвалою отзывались бы об Арвике, и с особой тщательностью следили за Вульфеншванцем и его людьми (в итоге вполне достойно показавшими себя на стенах), присматриваться надо было, как выяснилось, к самым патриотичным поклонникам королевы...

Когда же, с роковым опозданием, гвардейцы и еще остававшиеся в резерве пожарные были переброшены к горящему посольству (причем несколько пожарных экипажей были разгромлены поджигателями), последовал третий и самый страшный удар. Городские склады охранялись, и с началом осады их охрана, в отличие от посольства, даже была усилена, но поджигателям (в этом случае ими стали, судя по всему, городские воры, получившие щедрую плату за эту опасную миссию) удалось проникнуть внутрь загодя, еще до введения осадного положения. Некоторые из них так и не сумели выбраться из устроенного ими же огня, но это было очень слабым утешением. Тушить этот пожар, многократно более страшный, чем в посольстве, было уже некому и нечем. Когда, опять же с опозданием, прибыли пожарные команды совсем уж последнего резерва, выяснилось, что вода в их бочках замерзла, а старые шланги, много лет пролежавшие на складах без движения, прохудились во многих местах и не держат напор. Да и вряд ли с помощью бочек с водой и ручных насосов реально было ликвидировать пожар, в котором пылало чуть ли не все горючее столицы, запасенное на случай многодневной осады...

Защитники стен, надо отдать им должное, в массе своей не дрогнули, когда это чудовищное пламя поднялось к небу позади них. Впрочем, на решительный штурм их противник так и не отважился - а скорее всего, и не планировал таковой (хотя, конечно, мог воспользоваться возможностью, если бы на стенах возникла паника). Фактически всю ночь бойцы Арвика суетились в темноте под стенами, осыпали городские укрепления стрелами, скакали на конях по льду, таскали туда-сюда лестницы, приставляли их к стенам и время от времени вроде бы пытались взбираться - но, понеся первые же потери, откатывались обратно. Лишь дважды штурмующие - и то, вероятно, следуя не столько плану командования, сколько собственному боевому азарту - добирались до гребня стены, но были отбиты. На рассвете они отступили, оставив на льду и снегу три дюжины трупов в легких доспехах, все, очевидно, из числа "ополченцев" Хагентрауба (раненых было, видимо, в несколько раз больше, но их забрали с собой) и обломки обрушенных лестниц. Потери защитников были еще меньше - всего три человека убитыми, и еще один позже умер от ран.

При разгроме посольства погибли семнадцать гроггендорцев - вся миссия вместе с прислугой, за исключением фон дер Граалена - и тринадцать королевских гвардейцев, включая того, которым Локхарт пожертвовал, спасая посла (его не убили - он задохнулся в дыму), а также около двух дюжин погромщиков. Точное число последних осталось неизвестным, ибо некоторые, пытавшиеся помародерствовать в уже подожженном здании, по всей видимости, не успели из него выбраться. Здание выгорело полностью - осталась лишь коробка каменных стен - так что пересчитать останки внутри не представлялось возможным. Крамп даже предположил,

что кто-то из сотрудников миссии - как раз и руководивший всей этой операцией, возможно, действительно даже без ведома посла - на самом деле заблаговременно покинул посольство и скрывается теперь где-то в городе, но это была лишь умозрительная гипотеза, не подтвержденная ни единым доказательством.

Утром во дворец вернулся Вельо, слегка запачканный сажей, но целый и невредимый и весьма гордый собой. Накануне он действительно, раздраженный невниманием к своей персоне, предпочел оторваться от свиты королевы в одной из проложенных в стене закрытых галерей, где располагались солдаты Швертлинга с алебардами (им не было никакого смысла выходить наверх на мороз, пока противник не пошел на штурм - в это время там дежурили только стрелки). Вельо разговорился с ними, желая обсудить боевые приемы, которые доселе мог изучать только по картинкам; солдаты сперва отнеслись к "барину" из королевской свиты настороженно, как и ко всякому начальнику, лезущему "по-свойски" пообщаться с нижними чинами, но затем поняли, что его интерес вполне серьезен, и действительно позволили ему взять алебарду и продемонстрировать (насколько хватало места в галерее) плоды его самостоятельных тренировок. Покритиковали ошибки, похвалили за усердие, угостили солдатской кашей, а затем солдатскими байками - короче, так он и напросился остаться с ними, по крайней мере, до следующего утра. Капрал, командовавший солдатами, не решился возражать, не то все же видя в нем важную особу, с которой простолюдину лучше не спорить, не то рассудив, как позже и Локхарт, что пара крепких рук, умеющих держать алебарду, этой ночью может оказаться не лишней.

Вельо действительно удалось даже поучаствовать в настоящем бою - его участок стены стал одним из немногих, куда враги все же попытались вскарабкаться. Но, увидев поджидающего их великана с алебардой, попятились обратно прежде, чем он успел рубануть их хотя бы разок. Все, что сумел сделать раздосадованный лингвист - это разрубить им вслед верхние перекладины их приставной лестницы. Но, так или иначе, атака была отбита, и он полагал это исключительно своей заслугой (хотя лучники, бившие по лезущим на стены почти в упор, нанесли им больший урон). Утром, возвращаясь во дворец после того, как враги окончательно отступили на другой берег озера, Вельо прошагал пешком через полгорода, почти не обращая внимания на мороз, почти не чувствуя усталости. Он, разумеется, видел пожар складов - его было хорошо видно из любой точки города, а столб дыма - и за много миль за пределами Дракенхайма - но даже это зрелище не могло испортить его приподнятое настроение. Доктор Вельо вырос в мире, где разве что лесные пожары еще считались проблемой, а городские случались редко, ликвидировались быстро и вообще никогда не рассматривались как катастрофа, касающаяся кого-либо, кроме владельцев или арендаторов пострадавшего здания (да и то скорее не их, а их страховой компании). И хотя он знал, что теперь находится в другом мире, рефлексы, определяющие человеческие эмоции, часто сильнее логических соображений.

Помимо Вельо, утром отыскался и игреневый, самостоятельно нашедший дорогу в королевскую конюшню. Осмотревший его ветеринар пришел к выводу, что коню необходимы несколько дней покоя, но в целом полученные им травмы не опасны.

В целом число погибших в эту ночь было сравнительно невелико. Меньше, чем оно было бы в случае полноценного штурма, даже отбитого. Но среди них были гроггендорские дипломаты, что давало повод для войны более страшной, чем та, что уже шла. Среди них было и некоторое количество ура-патриотов вроде Крафтмана, что давало повод для пропаганды в стиле "Вот как ваша любезная королева обходится с теми, кто был ей предан! С ветеранами и героями, защищавшими нас от гроггендорцев еще при Гумбольдте, когда она играла в куклы!" Но что было еще хуже - пожар на складах удалось погасить только к вечеру, точнее говоря, он погас сам, пожрав все, что мог пожрать. В разгар сильных морозов большой город остался без топлива.

Ну то есть не то чтобы совсем без топлива - все же не все оно было сосредоточено в

одном месте. Но частные запасы были невелики, в такую погоду их не могло хватить надолго. И если королевская армия не вернется и не снимет осаду в ближайшие дни...

Самым большим независимым запасом угля располагал королевский дворец. И в первый же день нового кризиса - еще до того, как догорел пожар - Элинор издала распоряжение (многократно повторенное глашатаями на всех площадях столицы), что горожане будут ежедневно получать уголь из королевских запасов. Но даже при самом строгом нормировании для такого большого города это было явно недостаточно. Если, опять-таки, Бронгар не вернется быстро.

Бронгар не возвращался, и вестей от него тоже не было. Во всяком случае, они не проникали в осажденную столицу.

Новых попыток штурма также не было. Арвик спокойно ждал, теперь уже всем своим поведением демонстрируя, что спешить ему некуда. Ему и его воинству, очевидно, тоже было нежарко в палатках, но вокруг было достаточно лесов, чтобы осаждающие могли позволить себе жечь костры круглые сутки. (Очевидно, в первую очередь из-за необходимости этого огня - а также, возможно, из опасения, что за резким похолоданием может прийти и резкое потепление, которое ослабит прочность льда - Арвик не решился расположить свои войска прямо на озере, ближе к стенам города, и вынужден был растянуть их вдоль берега.) Дым от этих костров то прямыми, то косыми столбами тянулся к холодному ясному небу, перечеркнутому тонким ободом Кольца.

В первый же день во дворце прекратили отапливать все большие помещения - большой тронный зал, бальные залы, парадные столовые. Затем пришла пора комнат поменьше, без которых можно было обойтись. Сановникам, имевшим личные кабинеты во дворце, было предложено перебираться друг к другу и работать по несколько человек в одном помещении; при необходимости одетый по-уличному слуга приносил им бумаги из покинутых и выстуженных канцелярий, архивов и библиотек. Малую тронную залу было приказано отапливать лишь на время аудиенций - которые, впрочем, давать пока что было некому. Затем пришел черед и жилых помещений; проживавшей при дворе прислуги, прежде не имевшей оснований жаловаться на тесноту, теперь пришлось перебраться в комнаты, превращенные в казармы с двухъярусными койками, согреваемые более теплом человеческих тел, нежели урезаемыми с каждым днем порциями угля. Ежедневно сокращались эти порции и для апартаментов более высокопоставленных особ, пока, наконец, уголь во дворце не начал расходоваться практически только на приготовление пищи - и даже здесь предпочтение отдавалось блюдам, не требующим длительной готовки...

На девятую ночь Локхарт проснулся от стука в окно - донесшегося, понятно, со стороны зимнего сада, куда только и выходили окна гостевых покоев. Его рефлексы позволяли ему спать под какой угодно шум, если тот считался рутинным, но мгновенно будили в ответ на самые слабые необычные и неожиданные звуки, которые могли сигнализировать об опасности. Сквозь плотную занавеску он не увидел и не мог увидеть никакого силуэта, но сама мысль, что кому-то из его товарищей, не говоря уже о прислуге, понадобилось стучаться к нему через окно, а не через дверь, казалась абсурдной. Вылезать из кровати (он спал в одежде и под двумя одеялами) не хотелось, но, подождав пару минут (стук не повторился), он для очистки совести все же сделал это - набросив одеяла на плечи, подошел к окну и отдернул занавеску. Как и следовало ожидать, за окном никого не было. Локхарт подумал, что стук померещился ему во сне - хотя прежде с ним такого не случалось - и вернулся в постель.

Утром он обнаружил под окном снаружи мертвого попугая. Очевидно, птица билась о стекло в последней надежде найти защиту у людей, некогда доставивших ее сюда из привычных теплых краев исключительно ради собственного развлечения. Ныне зимний сад во внутреннем дворе являл собой жалкое зрелище. Листья на деревьях и кустарниках пожухли и свисали черными мертвыми тряпочками, периодически срываясь и падая один за другим. Локхарт не

видел издали, но догадывался, что и кору непривычных к морозу деревьев разорвали трещины, которые уже не позволят им вернуться к жизни. Фонтан, журчавший еще накануне, превратился за ночь в уродливый оплывший сталагмит. Ни одной живой птицы ни видно, ни слышно не было. Вероятно, холод убил их всех.

Увы, люди не могли им помочь, ибо в гостевых апартаментах, некогда предназначенных для принцев, было теперь не многим теплее. Локхарт знал, что и покои самой королевы теперь отапливаются не лучше. Кажется, единственным местом во дворце, где еще сохранялось тепло - не считая кухонь, и то лишь на время готовки - была кордегардия. Таково было распоряжение Элинор: "Эти люди охраняют меня, а не я - их, поэтому забота об их комфорте и здоровье важнее." Распоряжение было, конечно, демонстративным, но мудрым, гвардейцы наверняка оценили эту заботу и эту привилегию, хотя, очевидно, без восторга выбирались из своего теплого помещения в ледяные коридоры, заступая на вахту.

Локхарт вдруг вспомнил о леди Агате. Неужели ее по-прежнему держат голой в цепях в ее каземате? В таком случае она, наверное, должна уже была замерзнуть насмерть - хотя безумцы порою демонстрируют удивительную нечувствительность к неблагоприятным условиям... И, если у тюремщиков нет цели уморить ее - а если бы такая цель была, это бы, наверное, сделали раньше - ей, вероятно, все же дали какие-нибудь теплые одеяла, и даже если ее помраченный разум и заставлял ее срывать с себя одежду прежде, то теперь звериный инстинкт должен заставить ее закутаться... Что, интересно, думает по этому поводу Арвик? Понимает ли он, что среди обреченных им страдать от холода горожан и его мать? Впрочем, вряд ли ему есть до этого дело. Насколько знал Локхарт, идея использовать леди Агату как заложницу с целью воздействия на Арвика ни разу даже не высказывалась на совещаниях у Элинор, и едва ли от избытка благородства сторонников королевы - скорее в силу очевидной им всем бесполезности.

От этих размышлений Локхарта отвлек стук - на сей раз, как положено, в дверь. Полковник подумал, что это слуга с приглашением от королевы (и ему хотелось, чтоб это было именно так), но это оказался де Сегюр.

- Я только что виделся с гроггендорским послом, - сообщил дипломат.

Локхарт знал, что с той роковой ночи фон дер Граален находится во дворце, где получает весь необходимый уход и лечение. Ему выделили бывшие апартаменты Арвика - высокая честь, которой никогда не удостаивался ни один из послов, призванная, очевидно, хоть как-то загладить вину, и одновременно не лишенный иронии намек, если Локхарт что-либо понимал в дипломатии. Интересно, насколько хорошо отапливаются его покои? Возможно, лучше, чем королевские, но хуже, чем кордегардия...

- Он считает, что уже достаточно оправился от своих ран, и намерен завтра выехать на родину, - продолжал де Сегюр.

- Не могу сказать, что осуждаю его за это решение, - пробурчал Локхарт. В самом деле, после разгрома посольства и гибели всех своих подчиненных гроггендорец, очевидно, просто обязан был так поступить, даже если бы был личным другом Элинор. И все же, когда из осажденной столицы бегут иностранные дипломаты, это плохой знак... И хорошо еще, если он действительно отправится прямиком в Ингварштад. А не решит "задержаться" при Арвике. Впрочем, сам он, очевидно, такие вещи решать не может. В любом случае ему, или его преемнику, надо будет получить новые указания в имперской столице. Что, кстати, учитывая нынешние скорости, дает неплохую фору по времени. Если бы за это время удалось покончить с Арвиком... но что же с Бронгаром и его армией?

- И знаете, что он мне предложил? - продолжал де Сегюр. - Присоединиться к нему. Мне, и вам тоже. Он готов, пользуясь своим статусом, безопасно вывезти нас из города.

- И Вельо тоже? - иронически осведомился полковник.

- Разумеется, - ответил граф после крохотной паузы, и Локхарт понял, что о Вельо в этом

разговоре никто даже не вспоминал.

- И что вы ему ответили? - спросил Локхарт все тем же насмешливым тоном.

- Естественно, что я не могу принимать таких решений без консультации с вами.

- А у вас были хоть малейшие сомнения относительно моего ответа? - теперь голос Локхарта звучал серьезно и холодно.

- Думаю, что нет, - спокойно произнес дипломат. - Но дать любой другой ответ значило бы нарушить субординацию, не так ли?

"Рад, что вы о ней вспомнили!" - подумал Локхарт, но не стал произносить это вслух.

- Зачем мы понадобились Гроггендору? - спросил он вместо этого.

- Не знаю. Он не сделал мне никаких деловых предложений. Он даже не настаивает, чтобы мы ехали с ним в Гроггендор - хотя и предлагает это. Но мы вольны покинуть его и на территории Айринтии, как только окажемся за пределами зоны боевых действий. И... я, конечно, не могу читать его мысли, но... у меня сложилось впечатление, что это его личная инициатива. Не связанная с политикой. Он просто хочет отблагодарить вас за спасение его жизни, спася вашу. Ну, и мою заодно, как приятного собеседника.

- Как благородно! - к Локхарту вновь вернулась ирония.

- Он действительно благородного рода, - пожал плечами де Сегюр, - и, знаете ли, у старых аристократов такое действительно в порядке вещей. Не думаю, что он поставил бы долг благодарности выше долга перед своим монархом, но в данном случае одно не препятствует другому. Гроггендору не нужна наша смерть. Арвику - возможно, из соображений личной мести, но империя выше подобных мотивов.

- Значит, он уверен, что Дракенхайм падет, и сторонников Элинор ждет гибель?

- Очевидно, он считает такой исход достаточно вероятным.

- Чепуха. У Арвика нет сил, чтобы взять город. Если только гроггендорская армия не намерена ему помочь. Или вы хотите сказать, что посол намекал именно на это?

Де Сегюр неожиданно задумался, прежде чем ответить.

- Не знаю, - сказал он наконец. - Думаю, что если такие планы и есть, он сам не знает о них наверняка. Это не его компетенция. Но он может догадываться и предполагать.

- Предполагать он может что угодно. Мы тоже много чего предполагали... В любом случае, независимо от того, действительно ли это благородный порыв или очередная провокация, тут нечего обсуждать. Мы выбрали свою сторону один раз и останемся на ней до конца.

Француз вновь помедлил с ответом, и Локхарт ожидал уже реплики в стиле "Мы или вы?" или "Вы уверены, что этот выбор был и тем паче остается рациональным?" Возможно, даже что-нибудь про "зеленые глаза". Но де Сегюр в итоге лишь коротко наклонил голову:

- Да, командир.

С Элинор Локхарт увиделся только вечером, после очередной серии изматывающих тренировок с Габриусом, которым он теперь предавался с особенным энтузиазмом - не только потому, что они уже спасли ему жизнь (и, учитывая обстоятельства, вполне могли понадобиться для той же цели в ближайшее время), но и потому, что это была теперь единственная возможность согреться, не кутаясь в несколько слоев одежды. Правда, вознаградить себя после них теплой ванной было уже невозможно - только наскоро окатиться ковшом ледяной воды и растереться полотенцем. Входя в королевские покои, Локхарт все же надеялся, что от него не слишком разит тренажерным залом.

Ситуационная комната была закрыта, но Локхарт знал, что его пригласили не ради очередного совещания. Насколько он знал, их не проводили уже несколько дней. Осажденный город был отрезан от сведений из внешнего мира, и обсуждать было, по сути, нечего - только ждать подмогу в надежде, что она все-таки придет...

Камеристка Марта проводила его в уже хорошо знакомую ему столовую и беззвучно

ретировалась, притворив за собой дверь. Время было еще слишком ранним для ужина, но никаких блюд на столе и не было. Элинор стояла у окна, отдернув занавеску и устремив взгляд на север, откуда с равным успехом могли явиться и союзники, и враги. Но из окна дворца она, очевидно, не могла увидеть ни идущую с севера армию (если та и впрямь шла), ни даже заснеженных полей и лесов, уходящих за горизонт - только городские крыши и крепостную стену вдали.

И дымы вражеских костров, поднимающиеся над этой стеной в неприветливо темнеющее стылое вечернее небо.

- Рада видеть вас, сэр Эрик, - Элинор отпустила занавеску и повернулась. - Как вы, не слишком мерзнете?

Она сама была одета, как для уличной прогулки - в длинном подбитом мехом плаще с богатой опушкой рукавов и с широким капюшоном, который сейчас, свободно сброшенный на плечи, лежат на них роскошным меховым воротником. Локхарт даже заметил пар у нее изо рта, когда она говорила. Впрочем, он и сам был облачен в долгополый, отороченный мехом суконный кафтан с высоким стоячим воротником, надетый поверх толстого стеганого жиппона, надетого, в свою очередь, поверх двух рубах, шерстяной и льняной. Он подумал, как странно все эти уличные одеяния смотрятся в приватной королевской столовой - а если еще и вспомнить, что дело происходит во Флориде, пусть даже и в декабре...

- Им там за стенами холоднее, чем нам, - ответил он вслух.

- Хотелось бы верить... - невесело усмехнулась Элинор и после паузы добавила: - Вас не слишком затруднит, если я попрошу вас и ваших товарищей поселиться в одних покоях? Возможно, даже спать в одной спальне. Так будет проще отапливать, вы понимаете.

- Наши комнаты вообще отапливают? - вырвалось у Локхарта. Это не было сарказмом - уголь для камина в его кабинете не выделялся уже четыре дня, и хотя он знал, что две другие комнаты, как и большинство помещений дворца, отапливаются не открытым огнем, а с помощью проложенных в стенах труб, но и эти стены теперь уже казались ему холодными.

- Да, но не круглые сутки и слабо... Вам будет теплее, если вы поселитесь вместе. Но я, конечно, не настаиваю...

- Отчего же, я хорошо понимаю, что такое строгая экономия... У нас совсем не осталось запасов?

- Остались бы, если бы мы не раздавали их горожанам. Но вы ведь понимаете нашу ситуацию. Королева должна быть со своим народом. Арвик рассчитывает именно на идею "Элинор нежится в тепле, пока вы мерзнете по ее вине..."

- По ее вине? - возмутился Локхарт. - Что за вздор! Все в городе знают, что склады подожгли его агенты.

- Да, теперь этому даже удалось получить доказательства, - кивнула Элинор. - Тайной Страже наконец-то удалось изловить человека, нанявшего воров для поджога. Награда была объявлена в первый же день, но никто из городского криминала не выдал своих. У них, знаете ли, свой кодекс чести - никогда, ни при каким обстоятельствах не сотрудничать с властями, даже если самим приходится мерзнуть из-за глупости и жадности своих собратьев... Но вот теперь - знаете, как его вычислили? Агенты Тайной Стражи пошли по улицам, примечая дымы из труб. Кто позволяет себе топить печи активнее, чем прочие, соответственно, хорошо запасся топливом заранее, соответственно, мог знать, что это понадобится...

- Это еще не доказательство, - заметил Локхарт. - Предусмотрительность - не преступление.

- Но повод для допроса. И вот один из допрошенных - богатый ювелир, между прочим - показал дознавателям, что уголь он не запас загодя, а купил уже после пожара. И кто именно продал ему, по баснословной, разумеется, цене... В общем, негодяя сгубила жадность. Ему мало было того золота, которое он получил за организацию поджога - он решил еще и дополнительно

нажиться, продавая уголь в замерзающем городе...

Интересно, подумал вдруг Локхарт, а откуда вообще берется уголь в Айринтии? Насколько он помнил из школьного курса географии, некогда единые США обладали самыми крупными запасами угля на планете, и даже после Второй Сецессии у Конфедерации остались весьма внушительные залежи антрацита и бурого угля. Но все они находились в Тэксасе, Арканзасе, Алабаме, Миссисипи, еще, кажется, немного в Джорджии и Луизиане - короче говоря, на территории современного Гроггендора. Во Флориде их не было совсем. Выходит, Айринтия вынуждена покупать уголь у враждебной ей империи? И Гроггендор в любой момент - во всяком случае, в любую зиму - может устроить всей стране то же самое, что Арвик устроил ее столице?

- ...все равно не доказывает, что приказ исходил от Арвика, - продолжала Элинор. - Тот, кто нанял этого типа, никаких идей ему не пропагандировал и имен не называл - просто заплатил золотом и все. Его имя мы выяснили - он, кстати, дворянин неплохого рода, но явно и прямо с Арвиком не связан - но его самого поймать уже не смогли. Его все еще ищут, но, скорее всего, он успел покинуть город перед началом осады. То есть все это было спланировано заранее...

- А нападение на посольство? Что-то прояснилось?

- Скорее всего, организовано тем же человеком, хорошо поработавшим на той почве, которую мы же сами для него удобрили антигроггендорской пропагандой, - мрачно ответила королева. - То есть изначально тему "Арвик по наущению Гроггендора отравил короля" начал раскручивать через проповеди в церквях дядя Фабиас, но и Корнелиус счел, что это вполне удачная идея...

- То есть вы хотите сказать, что это не провокация Гроггендора? Что погром посольства, чреватый войной, способной погубить всю Айринтию, организовал исключительно Арвик всего лишь в качестве отвлекающего маневра для поджога складов?

- Может быть, - пожала плечами Элинор. - А возможно, каждая из сторон просто использовала в своих целях другую. И Арвик, конечно, в этом случае считает себя тактическим гением, но стратегически он идиот. От чего нам не легче... Кстати, посол фон дер Граален сегодня официально объявил мне, что завтра уезжает. Возвращается в Ингварштад. Я предупредила его, что в нынешних обстоятельствах правительство Айринтии не может гарантировать его безопасность за пределами Дракенхайма. Он ответил, что оно уже не смогло гарантировать таковую в пределах такового. Что, в общем, логично, хотя и не слишком дипломатично...

- Де Сегюр уже сообщил мне об этом, - сказал Локхарт, но не стал конкретизировать контекст разговора.

- По крайней мере, сможем сэкономить на отоплении его покоев, - натянуто улыбнулась Элинор, имея в виду, очевидно, посла. - На него уходило чуть ли не больше, чем на половину дворца. Вот кто действительно нежился в тепле, пока вся столица мерзнет. Узнали бы об этом эти горе-патриоты...

- И что у нас с ними? То есть какие вообще настроения в столице?

- Какие могут быть настроения в осажденном замерзающем городе, - вздохнула Элинор. - Вот вы говорите, всем должно быть очевидно, что во всем виноват Арвик. Но это очевидно нам, разумным здравомыслящим людям. А у простонародья, как я уже говорила, во всем всегда виновата власть. Потому что она - власть, и значит, она отвечает за все. "Элинор обещала нам мир и процветание, и вот что в итоге вышло! А придет Арвик - наведет порядок..." Они понятия не имеют, что он из себя представляет и какой порядок он наведет. Для них он - просто имя, символизирующее их надежду на перемену к лучшему. Когда все хотя бы относительно благополучно, обыватель ужасно боится перемен. Даже самых разумных и необходимых реформ. "Нет-нет, нам этого не надо, от добра добра не ищут!" Но в ситуации кризиса все

наоборот. Подавай ему перемены, и неважно, какие - главное, чтоб поскорей. Любая новая фигура и новая политика хороши уже тем, что они - новые. Если ситуация не устраивает его в данный момент, он уже убежден, что любые перемены - к лучшему, потому что хуже уже быть не может. Он просто не понимает, что - может, еще как может, да вот только, когда он это поймет, будет уже поздно...

- Неужели поджог не объяснил им, кто такой Арвик?

- А что поджог? "Вы говорили, что Арвик - гроггендорский наймит. Мы вам поверили, пришли громить гроггендорское посольство, а вы нас порубили мечами. Так, может, и склады - такая же провокация? Их воры подожгли, это криминальные разборки. А может, торговцы, чтобы цены взвинтить. При чем тут Арвик? Скажите еще, что морозы тоже Арвик устроил!" Это не мои фантазии. Это толки, о которых доносят агенты.

- Неужели все настолько плохо?

- Я не хочу сказать, что так думает большинство. Пока еще нет. Но угля в городе уже фактически не осталось. Есть еще некоторое количество дров. Есть нежилые деревянные постройки, которые можно разобрать на дрова, но их немного. Дракенхайм - столица, в нем очень много камня и очень мало дерева. По иронии судьбы, как раз потому, что дерево хорошо горит... Потом придется топить мебелью. А потом... До весны еще три месяца. Столько мы не протянем. И даже не чисто физически. А просто, когда Элинор не может дать никакой надежды, но достаточно открыть ворота и впустить "законного короля" - и все страдания закончатся...

- Думаете, Бронгар так и не вернется?

- Пока надежда еще есть. Мы не знаем, как далеко он ушел на север, прежде чем получил приказ вернуться. Если получил, если еще было, кому получать, и если он решил приказ выполнить. Если предположить, что он успел дойти до самых новых земель, то возвращение оттуда пешком займет минимум две недели, а в такую пору все три, если не больше. В принципе, снег задерживает армию не так сильно, как грязь - одинокий путник увязнет и там, и там, но большая колонна людей и лошадей может регулярно менять авангард, прокладывающий путь для остальных. Однако все же задерживает. Впрочем, тот же снег и холод, которые мешают быстро вернуться, не должны были и позволить его армии уйти слишком далеко. Но если исходить из теоретически возможного максимума... что Бронгар каким-то чудом забрался на самую северную границу, и у гонца уйдет полторы недели, то есть время их встречи - сегодня-завтра, а у армии вместе с пехотой - хотя ему приказано прибыть срочно, и значит, он должен оставить пехоту позади и прибыть с одной конницей, которой достаточно для победы... но допустим, что он из осторожности не подчинится и не станет бросать пехоту, тогда еще три недели... то есть надежда будет окончательно потеряна только через эти три недели. Но боюсь, что бунт вспыхнет раньше.

Локхарту вспомнились слова де Сегюра о том, как стремительно может меняться ситуация в условиях гражданской войны и как переменчивы в этом случае народные симпатии.

- И что мы будем делать? - спросил он.

- Пройдем в будуар, если вы не возражаете, - ответила Элинор без улыбки. - Там теплее.

Локхарт, понятно, спрашивал не об этом, но молча последовал за ней. Голубая комната выглядела, на первый взгляд, точно так же, как и в день его посвящения в рыцари, но особенно теплой не показалась - ну, может, на пару градусов выше, чем в столовой, но не более чем. Однако затем Локхарт заметил в камине перевязанные бечевкой пачки бумаг.

- Подарок от канцлера Зиглера, - насмешливо пояснила Элинор, перехватив его взгляд. - Документы, подлежащие уничтожению. Как мне кажется, если исходить из военно-политической обстановки, жечь их пока еще преждевременно... но если исходить из климатической, то в самый раз. Согласно регламенту их, разумеется, надлежит уничтожать в самой канцелярии, не вынося наружу, но канцлер был настолько любезен, что прислал их для моего личного камина. Хотя имел полное право погреться сам. А я, в свою очередь, хочу

поделиться теплом с вами. В былые времена особой милостью во дворце считалось королевское приглашение на ужин, а сейчас - на огонек... в самом буквальном смысле. К сожалению, бумага быстро прогорает и дает не так уж много тепла... но здесь оно действительно сохраняется лучше, чем в столовой. Маленькая комната, и нигде нет открытого холодного камня. Ужин я тоже велела подать сюда. Не столь аристократично, зато практично.

Словно иллюстрируя последние слова, Элинор сама, не вызывая прислугу, разожгла камин и тут же уселась в уже придвинутое к нему кресло, протягивая руки к огню. Локхарт опустился во второе, равнодушно глядя на корчащиеся в пламени страницы.

- Окажись на вашем месте фон дер Граален, - саркастически заметила королева, - он бы, полагаю, принялся выхватывать эти бумаги из огня голыми руками. Хотя на самом деле не все тут такое интересное. Много просто скучной бухгалтерии за прошлые годы. Но кое-что - да.

Локхарт не стал уточнять, что именно.

- Так что мы собираемся делать? - повторил он, и, хотя и не сомневался, что она и в первый раз поняла его правильно, добавил: - Если, как вы говорите, у нас в запасе всего пара недель... и никто не придет нам на помощь? Арвик, как я вижу, не спешит разбивать лоб о наши стены.

- Неожиданное для него терпение, - процедила королева.

- Мы можем как-то спровоцировать его на штурм? На настоящий, не имитацию?

- Он не такой дурак, как вы уже могли убедиться, - вздохнула Элинор. - Он понимает, что время и холод работают на него. Не сомневаюсь, что он бесится в своем шатре каждый раз, когда ему докладывают, что город все еще не сдался, но...

- А если мы изобразим сдачу? Откроем ворота и приготовим засаду внутри...

- Такую возможность он тоже, очевидно, учитывает. Это слишком лежит на поверхности. Думаю, он не отважится войти в город раньше, чем ему преподнесут мою голову. Отдельно от тела или вместе с ним - последний вариант, кстати, был бы самым худшим...

Локхарт не нашелся, что сказать, и после паузы Элинор продолжила:

- Наверное, единственное, что заставило бы его идти в атаку - это известие о приближении армии Бронгара. Думаю, сейчас бы он уже не бежал, несмотря на мизерные шансы. Это не разворачиваться на полпути в Иммермуре, он слишком близко подошел к своей цели Одна отчаянная атака, которая решит все - да, это вполне в духе Арвика. Но сейчас мы не в силах организовать не то что само приближение Бронгара, но даже слух о таковом. А может быть, он даже и знает, что этот слух заведомо не может быть верным...

- Ммм... а если подослать к нему какого-нибудь убийцу под видом перебежчика? - "слышал бы кто меня теперешнего 7 лет назад", подумал про себя Локхарт. Да что семь лет, даже и пару месяцев назад...

- Опять-таки, он не может не учитывать такой опасности и не станет допрашивать его лично.

- А... - Локхарту пришла в голову еще одна мысль, которая уж точно не посетила бы его в прошлой жизни, - что, если Фабиас отлучит его и всех его сообщников от церкви?

- Это можно сделать только за нарушение церковных канонов, - покачала головой Элинор. - За ересь, за святотатство. Не за светские преступления, даже такие, как убийства и мятеж. Это все тоже считается грехами, конечно, но такими, из-за которых церкви положено увещевать грешника и молиться за него Марии Заступнице, а не исторгать его из своего лона.

- Хорошо, - вздохнул Локхарт, хотя ничего хорошего не видел. - Что предлагают ваши генералы?

Он уже знал, что этим словом Элинор обозначает всех своих высших командиров - включая в их число, кажется, даже Фабиаса - а не только носителей генеральского звания, из коих, собственно, в столице наличествовал один лишь Швертлинг, с которым Локхарт доселе не общался и которого считал фигурой чисто номинальной. Но, к его удивлению, Элинор начала

свой ответ именно с этой фамилии:

- Швертлинг говорит, что мы должны снять осаду своими силами. Вывести армию из города, стремительно атаковать и разбить противника.

- Ему семьдесят лет, вы говорили?

- Да. Честно говоря, сама не ожидала, что он окажется таким бойким старичком.

- Или впавшим в маразм... У противника численный перевес в полтора раза, так?

- И тяжелая рыцарская конница. На болоте или в глубоком снегу это даже могло бы превратиться для них из плюса в минус. Но лед озера для нее просто идеальное поле. Нашей армии просто не дадут дойти до берега.

- Вот-вот. Если это понимаю даже я, на что рассчитывает ваш бойкий дедушка? Сколько сражений он выиграл?

- Ни одного. То есть, и не проиграл тоже. В молодости он участвовал в феодальных стычках, но не в качестве командующего. А период его карьеры в королевской армии - это, в общем-то, маневры и парады, с которыми он, правда, справлялся прекрасно, потому и рос в чинах. Айринтия в это время просто не вела войн, если не считать того столкновения с Гроггендором, в котором Швертлинг не участвовал. Так что сейчас у него, можно сказать, последний шанс поучаствовать в настоящей войне и выиграть настоящую битву, вот он и рвется.

- Угу. Но какой-то план боя у него же есть? Кроме как геройски погибнуть и погубить нас всех?

- У нас преимущество в длинных луках. То есть у Арвика их вообще нет, это чисто пехотное оружие. И оно еще больше усилится при стрельбе со стен и башен, или с моста. И если удастся подманить его рыцарей на достаточное расстояние... Но с чего бы им давать себя подманить?

- Тем более что они уже были возле наших стен в ночь штурма, и их потери не стали катастрофическими.

- Да, вероятно, что-то около полутора сотен вместе с ранеными, насколько можно верить оценкам наших наблюдателей на стенах. Кстати, часть из них, вероятно, уже снова в строю... Но ведь это был не настоящий штурм, а имитация. Они просто бегали в темноте туда-сюда под стенами разрозненными группами, приближаясь и тут же откатываясь. При наступлении в плотных боевых порядках, необходимых для победы в поле, масштаб потерь мог бы быть другим - если бы они наступали так, как хочется Швертлингу. Он предлагает быстро занять мост - который действительно удобен тем, что перекрыть и удерживать его длительное время могут буквально несколько тяжеловооруженных солдат с большими щитами, копьями и алебардами - затем развернуть по всей длине моста колонну лучников и под их прикрытием двинуть вдоль моста по льду пехоту. Если противник атакует, то окажется под сплошным обстрелом лучников, которые сами останутся для него неуязвимыми. А если не атакует и будет ждать на том берегу, то потеряет преимущество, которое дает его коннице ровный лед озера.

- И что дальше? Во-первых, они за это время вполне могли расчистить удобные для конницы плацдармы перед каждым из мостов...

- Швертлинг говорит, что надо дождаться северного или западного ветра, который принесет новую метель. Тогда не только тяжелой коннице, но даже спешившимся рыцарям будет труднее сражаться в снегу, чем легче вооруженному противнику - просто потому, что они быстрее выбьются из сил.

- Но их латы от этого мягче не станут. Насколько я понимаю, даже пешие рыцари в ближнем бою почти неуязвимы для большинства наших солдат. Кроме разве что алебардщиков Швертлинга, но их всего две сотни.

- Вот-вот. Я тоже это сразу сказала. Я не военный эксперт, конечно. Но идеи Швертлинга не разделяет больше никто - ни Айбенхорст, ни Вульфеншванц.

- И что предлагают они?

- Да в общем-то ничего, - раздраженно пожала плечами Элинор. - Ждать. Все того же северного ветра, по сути. Который или заморозит наших врагов раньше, чем нас, или надует нам, наконец, армию Бронгара...

- Или Гроггендора, - мрачно заметил Локхарт.

- Тоже не исключено.

- Если дойдет до такого - как вы думаете... ну, не говорю "сам Арвик", но хотя бы его люди забудут про внутренние распри и объединятся с нами ради спасения страны?

- Не знаю, - вздохнула королева. - Но если действительно дойдет до такого, боюсь, будет уже слишком поздно.

Да, мысленно согласился Локхарт. Если королевская армия - кто бы ей сейчас ни командовал - не сможет не допустить имперское войско к столице, то и заметно меньшие силы, что стоят сейчас друг против друга здесь, вряд ли исправят положение. Сколько тут получится? 5800 плюс 3550 минус убитые и раненые... 9200, ну пусть даже 9300, если раненые успеют поправиться, пусть даже десять тысяч за счет экстренной мобилизации горожан. А сколько будет у Гроггендора? Тысяч пятьдесят? Восемьдесят? Еще больше?

- Знаете, есть одна красивая старинная баллада, которая так и называется "Ветер Севера", - сказала вдруг Элинор. - Никогда не слышали?

- Нет, - рассеянно ответил Локхарт, которого в данный момент (да и вообще, в принципе) меньше всего интересовала музыка.

- Она мне нравилась с тех пор, как я ее впервые услышала. Хотите послушать?

Теперь уже отказываться было явно невежливо, и Локхарт кивнул: "Конечно." Элинор встала из кресла и перебралась на софу, сняв со стены инструмент.

- Надеюсь, мои пальцы уже достаточно отогрелись, - сказала она извиняющимся тоном, взяла перебором для пробы несколько нот, чуть подкрутила один из колков и запела:

Ветер Севера,
Спой мне о доме моём,
Что посмела забыть.
В небо серое
Мы на рассвете уйдём
До Чертогов Судьбы.
Лёд дробят у крыльца
Кони Часа Конца
В ожидании зова последней трубы.

Звонким вереском
Спрячутся наши следы,
И не вспомнят о них.
Кто поверит нам -
Рыцарям падшей звезды
Из отвергнутых книг.
Пусть в узоре времён
Ни стихов, ни имён,
Но напомнит забывшим их полуночный крик.

Словом брошенным
Будет разрушен покой
И живое тепло.
Мелким крошевом

Мир под жестокой рукой,
Как цветное стекло.
По веленью творцов
Нам смеются в лицо.
От руки неумелых умирать тяжело.

Сон безвременный
В липкой глухой тишине
Переписанных фраз.
Ядом медленным
Ложь в почерневшем вине -
Дар последним из нас.
В окна бьётся рассвет,
Больше времени нет -
Мы достигнем Чертогов в установленный час.[50]

---

[50] Песня Тэм Гринхилл (mp3). В исполнении Элинор звучала так (перевод Ю. Нестеренко):

Bitter wind of North,
Sing to me songs of my home
Which I owe to recall.
At dawn we'll go forth
Into the grayish sky dome,
To the Destiny Hall.
Yet the Steeds of the End
Crush the ice-covered land
At the doorstep in wait for the last trumpet call.

In oblivion
Heather will hide, like a scar,
Any trace of our trails.
Who's believing in
Us, knights of the fallen star
From prohibited tales?
They'll commit to the flames
Our poems and names,
But we'll make them recall us by their midnight wails.

Just a flung off word
Will smash the peace of the land
And the warmth of a heart.
Like a glass, the world
Under the merciless hand
Will be broken apart.
Slaves of gods of disgrace
Laugh in our face,
At the hands of unskillful ones dying is hard.

The untimely sleep,
Line is rewritten by line,
Hush is sticky as slime.
Last of us will keep
Lie like the bane in the wine -
Our gift from the clime.
The sunrise hits the glass,
No more time's left for us -
To the Hall we must go, and we'll be in time.

- Красиво, - согласился Локхарт. - И параллели прослеживаются, конечно, - в том числе с "рыцарями падшей звезды", которым никто не верит, а точнее, отвергает их знания, подумал он про себя. - Но надеюсь, что с уходом в небесные чертоги мы все же повременим.

Ему вдруг представилась вполне материалистичная реализация строк из средневековой баллады - утренний старт космического корабля, вертикально пронзающего серые небеса, дабы "достигнуть чертогов" орбитальной станции или лунной базы. Вот бы вытянулись рожи у всех этих арвиков... Хотя, очевидно, даже если бы такая возможность и впрямь была, Элинор отказалась бы покинуть Айринтию. Как и он сам отказался покинуть Элинор в ответ на щедрое предложение фон дер Граалена. Делай, что должно, и пусть будет, что будет...

- Делай, что должно, и пусть будет, что будет, - сказала королева, и Локхарт чуть не вздрогнул от такой симметрии. - Это ведь ваш девиз? Мы, разумеется, еще отнюдь не проиграли. И неизвестно еще, какой бунт зреет в лагере самого Арвика, который наверняка наобещал своим сподвижникам быструю победу. И им надо чем-то кормить своих коней. Вы представляете себе, сколько фуража съедают за день шесть тысяч лошадей?

- Порядка шестидесяти метрических тонн, - ответил Локхарт, припомнив собственную юность на ранчо. - То есть примерно сто тридцать тысяч фунтов ежедневно, - прежде он не задумывался об этом, привыкнув к тому, что транспорт расходует топливо только на маршруте, а не на стоянке, но теперь сам впечатлился названным числом. - Его фуражиры, должно быть, сбиваются с ног.

- Вероятно, к ним прибывают подводы с востока от Хагентрауба, но все равно это непросто, - кивнула королева. - Плюс еда и топливо для них самих. А если ветер с севера действительно принесет даже не метель, а хотя бы просто дальнейшее усиление мороза - которое, конечно, не понравится нам тут в каменных домах, но еще меньше понравится им там в шатрах... Вообще, в любой момент могут прийти вести, которые изменят ситуацию в нашу пользу.

Прежде, чем Локхарт успел спросить, имеет ли она в виду что-то конкретное, в дверь постучали, и он почувствовал, как его обыкновенно спокойный пульс ускорился - неужели уже? Но это оказался всего лишь слуга, почтительно спросивший, подавать ли ужин. Элинор ответила утвердительно. Затем поднялась и снова повесила инструмент на стену.

- Кстати, - припомнил Локхарт, - давно хотел спросить, это лютня или мандолина?

- Это цистра.

"Что говорит нам, что в выборе между двумя ожидаемыми вариантами правильным может оказаться третий неожиданный, - подумал Локхарт и тут же мысленно добавил саркастически: - Что-то меня на философию потянуло..."

- Никогда даже не слышал такого термина, - сказал он вслух. - Впрочем, я ничего не смыслю ни в музыке, ни в поэзии. А то, в чем я смыслю, больше не существует... и, очевидно, уже не будет существовать.

- Вы отлично показали себя в схватке у посольства, - возразила Элинор. - В которой погибли тринадцать профессиональных солдат. А вы не просто выжили, а спасли посла.

- Просто у меня доспехи были лучше, чем у прочих, - буркнул Локхарт.

- Хотя, - продолжала Элинор, проигнорировав его реплику, - если бы я знала, куда вы поехали - точнее, где вы окажетесь в результате и во что ввяжетесь - я бы, наверное, вас не отпустила.

- И некому было бы спасти фон дер Граалена.

- Мне бы не хотелось спасти его жизнь ценой вашей, сэр Эрик, - серьезно сказала Элинор.

- Я... ценю это, - пробормотал Локхарт. - Но вы королева. Вы не должны ставить... нашу дружбу выше интересов Айринтии.

- В таком случае и вы не должны говорить королеве, что она должна, а что нет, - иронически парировала Элинор, но продолжила вновь серьезно: - Я, конечно, помню об интересах Айринтии. Круглые сутки, как о них забудешь... Но - хотя это очень хорошо, конечно, что фон дер Граален остался в живых, само по себе это для нас не спасение. Посольство уничтожено, вся остальная имперская делегация погибла, так что, если им нужен casus belli, они все равно его получили. Разумеется, посол повезет с собой мое официальное письмо с извинениями и предложениями щедрой материальной компенсации за нанесенный империи ущерб - но насколько это поможет... Даже если предположить, что он сам выскажется в нашу пользу - в чем я совсем не уверена, несмотря на то, что все эти дни мы обхаживали его, как принца. Кстати, - усмехнулась она, - не исключено, что у него самого теперь возникнут проблемы там, на родине. Особенно если у них был замысел, по которому ему следовало погибнуть. Но даже если и не было. Единственный выживший всегда вызывает подозрения. А не купил ли он себе жизнь ценою сотрудничества, то есть предательства? Ведь никаких свидетелей ночных событий, убедительных для Гроггендора, нет. Им придется просто поверить ему на слово - а империя не такое место, где принято верить на слово, тем паче - лицам лично заинтересованным...

"Так вот зачем я ему понадобился! - подумал Локхарт. - В качестве свидетеля... а де Сегюра он, очевидно, пригласил просто за компанию, дабы тот помог убедить меня. Хотя в империи вряд ли и меня сочли бы заслуживающим безусловного доверия источником, и еще неизвестно, какие методы допроса применили бы для пущей уверенности... Хотя посол и сказал, что ехать с ним до самого Гроггендора не обязательно. Но это простой психологический расчет - вас никто не заставляет, вам просто в порядке личной благодарности дают возможность эвакуироваться из страны, где идет гражданская война, в страну, где царит твердый порядок... кто ж откажется? Нет, ваше превосходительство, тут вы с вашим "благородством" просчитались..."

- Так что я даже не знаю, что тут лучше для Айринтии, - продолжала Элинор. - Зато я точно знаю, что не хочу потерять вас. Недавно я уже - ради Айринтии, разумеется! - отправила одного своего друга прямо в пасть врагу. И теперь сильно сомневаюсь, увижу ли его... ее снова. Я не хочу повторять ту же ошибку с единственным другом, который у меня остался.

- Я... очень ценю... как я уже сказал, - выдавил из себя Локхарт. - Я бы тоже... не променял вас ни на какого другого правителя... - "Великий космос, что я несу, при чем тут правители?!" - то есть, я имел в виду, что... - он замолчал. Элинор продолжала серьезно и внимательно смотреть на него - почти тем же взглядом, что тогда в карете вечером перед штурмом, только сейчас на ее плечи давили не доспехи, а иная тяжесть, снять которую куда труднее... Внезапно ему захотелось сесть рядом с ней на софу, ободряюще взять за руку, может быть, даже обнять за плечи - чего он не делал никогда и ни с кем. В прошлой жизни ему случалось ободрять подчиненных, главным образом фразами типа "ничего, через 132 часа мы будем на Земле" или "компьютерное моделирование дает нам 89% вероятности успеха", на худой конец - "я дам вам четыре дня внеочередного отпуска, отдохните как следует и приведите себя в норму". Но никаких физических контактов - даже не потому, что это противоречило служебной этике (в армии Конфедерации, не помешанной, в отличие от Союза, на борьбе с гетеро- и гомосексуальным харрассментом, похлопать подчиненного любого пола по плечу не считалось недопустимым - "недотрогам в армии не место, при ранении вас и догола разденут"), а потому, что у него самого не возникало никакого желания прикасаться к кому-либо, если только этого не требовала практическая необходимость. При оказании медицинской помощи или во время тренировки - да, конечно, но по чисто эмоциональным причинам? Ему такие эмоции были неведомы. Прежде...

Но, разумеется, это было совершенно невозможно и теперь. Она королева! И остается таковой даже наедине с ним в собственном будуаре. Она могла позволить ему опускать "мэм" и "ваше величество", но взять ее за руку, не говоря о том, чтобы погладить по плечу - это, конечно,

совершенно немыслимое нарушение этикета...

"Вам не надо бояться меня, сэр Эрик", - вспомнилось ему.

Стук в дверь прервал неловкую паузу. Слуга вкатил столик на колесиках, заставленный блюдами, накрытыми полукруглыми крышками для сбережения тепла. В камине догорали бумаги.

На следующее утро фон дер Граален, как и собирался, покинул Дракенхайм. Северные ворота осажденного города открылись, и карета с имперскими гербами на дверцах в сопровождении эскорта из двенадцати гвардейцев - шестеро спереди, шестеро сзади, впереди два знаменосца с гроггендорским и айринтийским флагами - двинулась по мосту. Ветер сдул снег с моста, и полозья скрежетали по камням, явно нарушая величественность картины. Элинор пришлось пожертвовать этой дюжиной отборных гвардейцев, сокращая свои и без того находившиеся в меньшинстве силы; Арвик обязан был беспрепятственно пропустить их, пока они следовали под дипломатическими флагами, но совершенно не обязан был впускать их обратно, когда они возвратятся, сопроводив посла до границы. И послать пришлось именно отборных гвардейцев, отправить "кого не жалко" было бы оскорблением посла, который и без того имел весьма веский повод для претензий. Знаменосец, к примеру, вынужденный нести ненавистное гроггендорское знамя, не должен был ни словом, ни жестом, ни выражением лица дать его превосходительству повод для обвинений в недостаточном уважении. В то же время была надежда, что эти гвардейцы вернутся не в одиночестве, передав королевской армии - кто бы ей теперь ни командовал - приказ о возвращении, в случае, если ни один из отправленных перед началом осады гонцов не достиг цели (или же если Бронгар сделал вид, что не получал приказа). Впрочем, судьба Дракенхайма и всей Айринтии вполне могла решиться раньше, чем эти бойцы успеют вернуться...

За удаляющейся группой следили с башни несколько офицеров и сам канцлер Зиглер, в порядке последней любезности лично сопроводивший посла до ворот. За пределами города они уже ни на что не могли повлиять, и все же хотели убедиться, что посол благополучно проследует через вражеские порядки дальше на север. Переехав через мост, карета и всадники были остановлены - что, впрочем, было вполне естественно. Наблюдатели на башне ожидали, что после формальной проверки их пропустят дальше - личность посла, исполнявшего свою миссию еще при Гумбольдте, была хорошо известна даже без документов (хотя фон дер Граалену были возвращены его верительные грамоты), Арвик в бытность наследником сам встречался с ним на приемах в посольстве и во дворце. Задержка, однако, затянулась; Зиглер предположил, что ждут Арвика, желающего переговорить с послом - и оказался прав. Рыцарь в пурпурном плаще в сопровождении еще нескольких всадников действительно подъехал к карете. Главное, думал Зиглер, чтобы фон дер Граален не остался у него "в гостях" - что было бы, конечно, делом совершенно неслыханным без согласования такого шага с Ингварштадом, но что, если за время осады Арвик уже получил из Гроггендора некие бумаги, санкционирующие подобный шаг? Которые, конечно, могли быть отправлены только заранее - но если поджог посольства все же организован не без участия самой империи...

Переговоры на берегу затягивались - но все же Арвик не приглашал посла в свой шатер (а возможно, тот сам не соглашался принять такое приглашение). Зиглер наблюдал за происходящим со все большим беспокойством, хотя и не показывал таковое внешне. Но затем произошло и вовсе неожиданное: двенадцать гвардейцев под айринтийским знаменем (но уже без гроггендорского) поскакали обратно по мосту к городу.

Арвик отказался пропустить их через свои позиции, заявив, что не может доверить им безопасность имперского посла на северных землях Айринтии - якобы уже полностью подконтрольных ему - и выделит фон дер Граалену свой собственный эскорт. Гроггендорец в итоге согласился. Элинор, таким образом, получила назад 12 своих бойцов (а Арвик, напротив, отправил на север своих), но эта арифметика меркла на фоне одержанной Арвиком

политической победы. Принять его сопровождающих еще не значило, конечно, признать его королем. Но в то же время дипломатам не положено иметь никаких дел с мятежниками и узурпаторами. Даже если соображения личной безопасности требовали принять на время охрану Арвика, посол не должен был отказываться от официальной охраны, предоставленной ему законным правительством. И то, что он это сделал - и сделал это на глазах у защитников города - было, безусловно, плохим знаком.

Прошло еще четыре дня. Они не принесли ни потепления, ни метели; устойчивый антициклон удерживал ясную и морозную погоду. Не было и никаких новостей с севера. По городу ползли слухи о людях, замерзших насмерть в своих домах. Отмечены были первые попытки погромов, когда разъяренные соседи вламывались в дома тех, над чьими трубами видели дым. Городской страже, однако, пока что удавалось поддерживать порядок. В одном из патрульных рейдов, который пресек погром и помог избежать новых смертей, принял участие Вельо. Великан, благодаря своей комплекции переносивший холод легче других, в первые дни осады воспрянул духом в противовес не только прежней своей хандре, но и настроениям всех прочих, и несколько раз наведывался на стену к своим новых друзьям. Однако этот его душевный подъем продолжался недолго. Новых боев не было, даже никакие одиночные разъезды противника не пересекали озеро и не могли развлечь лучников на стенах хотя бы стрельбой по практически неуязвимой из-за расстояния цели - а, как известно всякому командиру, ничто так не разлагает армию, как бездействие, особенно в сочетании с отсутствием внятных перспектив и удручающими бытовыми условиями. Солдаты мерзли, скучали и злились. Разница в интеллекте и образовании между ними и Вельо в такой ситуации проявилась слишком быстро и наглядно, и лингвист, еще недавно гордившийся тем, что они приняли его, как своего, вскоре утратил охоту общаться с "этими варварами" и впал в свою прежнюю брюзгливость. Что, понятно, теперь, когда трое оставшихся астронавтов ради экономии тепла вновь поселились вместе, не могло не действовать на нервы его товарищам. Локхарт к тому же испытывал нечто вроде уколов совести из-за того, что прежде позволял себе практически забыть о Вельо, чем и довел того до демонстративного участия в бою в ночь штурма - так что вновь обратился к Элинор с просьбой отыскать для лингвиста какое-нибудь полезное занятие. Королева, которую, разумеется, занимали теперь куда более важные проблемы, ответила не без раздражения, что если *доктору* Вельо наскучило стоять с алебардой на стенах, пусть патрулирует город вместе с городской стражей - "от одного его вида любые нарушители спокойствия бросятся врассыпную". Хотя Локхарт имел в виду вовсе не это, он передал итальянцу ее слова. Вельо в первый момент отверг эту идею, причем не потому, что счел ее недостойной своего интеллекта, а из рефлекторной неприязни к любым полицейским (чем удивил и возмутил Локхарта, всегда недоумевавшего, как может законопослушный гражданин, хотя бы и университетский профессор, неприязненно относиться к правоохранителям - хотя репутация у городской стражи действительно была не самой лучшей) - однако по некотором размышлении согласился, что это действительно веселее, чем тупо мерзнуть на стенах или штудировать плохие учебники тлукаляханского. Таким образом язвительная реплика королевы неожиданно даже для нее самой была воплощена на практике со всей серьезностью, и великан, на голову возвышавшийся над своими новыми товарищами, и впрямь уже одной своей комплекцией отбивал у смутьянов тягу к беспорядкам.

Впрочем, по большей части улицы столицы, по которым шагали стражники, были пустынны и тихи. Дракенхайм словно вымер. Большинство лавок были закрыты, не работали и кабаки - продажа спиртного, дающего лишь ложную иллюзию тепла, была запрещена. Горожане избегали выходить на мороз - оставаться в неотапливаемых квартирах, сбившись по несколько человек в комнате и заткнув все щели, было все-таки теплее. Только скрип снега под сапогами патрульных да, время от времени, перезвон церковных колоколов нарушали тишину в некогда оживленном городе. Ну, и еще хрипло каркали вороны на площади Правосудия, где был

привязан к столбу заледеневший труп организатора поджога. Его казнили сообразно его преступлению - раздели и оставили умирать на морозе.

Солнце очередного декабрьского дня, не приносившее, казалось, никакого тепла, закатилось за горизонт, лишив осажденный город еще и света; лишь прощальный розовый отсвет еще вползал некоторое время по трем шпилям кафедрального собора - самым высоким в городе - но затем угас в темнеющем небе и он. Что у солдат на стене, что у стражников в городе начинались самые ненавистные ночные вахты. Они даже предпочли бы бой с противником этим часам бездействия на морозе, казавшимся невыносимо долгим (хотя на самом деле продолжительность вахт была сокращена из-за погодных условий). Особенно тяжело приходилось дозорным на стенах и башнях, которые даже не могли согреть и развлечь себя, быстро шагая по улицам, и вынуждены были переминаться на месте, вглядываясь в едва рассеиваемую Кольцом темноту. Но увы - враги не желали их развлечь новой атакой или хотя бы вылазкой; во тьме на другом берегу озера лишь мерцали всю ночь огни костров, словно издеваясь над мерзнувшими защитниками столицы. На самих стенах не горело ни единого факела, дабы не давать ориентиров вражеским лучникам, если те подберутся к крепости; снаружи город казался угрюмой мертвой громадой.

И вдруг - был уже третий час пополуночи - дозорные на северо-западном участке стены услышали быстрый стук копыт, а затем различили и всадника - казавшуюся почти призрачной фигуру в белом плаще на белом коне, во весь опор скакавшую по льду в направлении города. Считаные мгновения спустя за первым всадником на лед выскочили другие, уже более заметные. На башнях и стенах зазвучали хриплые выкрики команд; стрелки выбегали из хотя бы относительно теплых укрытий и занимали места у бойниц, накладывая стрелы на тетивы.

Хотя белый всадник выехал на озеро вдали от мостов, вскоре стало ясно, что он скачет к северным воротам. И что при этом он, скорее всего, не возглавляет атаку - слишком заметным был его отрыв от остальных - а наоборот - пытается уйти от погони. Когда кавалеристы еще приблизились, в свете Кольца стало заметно, как скакавшие позади натягивают луки. Они были еще слишком далеко, чтобы пытаться поразить защитников на стенах, так что, очевидно, вариант оставался только один - они стреляли в первого!

Лучники на стенах пока еще не могли прикрыть его и лишь подбадривали - сперва мысленно, а затем криками. "Осторожнее, ребята! - предупредил своих подчиненных офицер, командовавший обороной северной надвратной башни. - Это может быть провокация с целью заставить нас открыть ворота!"

Самый глухой час ночи и впрямь казался подходящим временем для провокаций, но, с другой стороны, силы врагов, достаточные, чтобы ворваться в город, не могли подобраться к стенам незаметно, даже и прячась под мостом - при свете дня патрули из города ежесуточно проверяли состояние установленных под мостами решеток. Один же человек, впущенный в город, вряд ли мог представлять серьезную опасность, даже если он окажется вражеским лазутчиком. Очевидно, что ему не позволят встретиться ни с кем и важных лиц, не обыскав и не допросив предварительною - как не позволят и покинуть город с ценной для противника информацией...

Белый всадник продолжал скакать, несмотря на летевшие ему вслед стрелы - в чем, в принципе, как раз можно было усмотреть признак разыгрываемого спектакля, но в то же время попасть на скаку по скачущей цели действительно совсем не просто. Стрелки на стенах, однако, не думали о таких сложных материях, они просто болели за беглеца. "Давай, парень, жми!!!" Иные, наскучив бесконечным ожиданием и невозможностью хоть как-то уязвить врага, самозабвенно орали так, что тут же принимались кашлять на морозе. Ничем более действенным, однако, они все еще не могли его поддержать и с нетерпением ждали, когда он и, главное, его преследователи подберутся ближе.

Всадник вдруг резко качнулся вбок, казалось, он сейчас свалится. Его болельщики на

стенах замерли. Но уже в следующий миг он вновь выправился в седле и продолжил скачку, низко пригибаясь к холке коня. Еще несколько мгновений - и со стены навстречу его преследователям взлетела первая стрела, пока что пристрелочная, выпущенная заведомо в сторону, чтобы не задеть самого беглеца. Но спустя еще несколько секунд тетивы защелкали одна за другой, создавая смертоносную завесу между беглецом и его преследователями. Конь одного из них закрутился на месте, пытаясь вырвать зубами воткнувшуюся в бок стрелу; еще один кувырнулся через голову, ломая шею и выбрасывая седока - однако остальные кавалеристы продолжали погоню и стрельбу по своей цели, благоразумно не отвлекаясь от нее ради почти бесполезной ответной стрельбы по стенам. Еще один всадник вылетел из седла; другой, раненый в руку, предпочел развернуться и поскакать обратно сам - беглец же по-прежнему мчался вперед, наискосок к северной башне. Там уже открыли ворота; два десятка стрелков выбежали на мост, чтобы накрыть противника и оттуда - практически план Швертлинга в миниатюре - и заодно сбросить беглецу веревочную лестницу, чтобы он смог подняться. Въехать в башню на коне он не смог бы никак - городские стены отвесно уходили в озеро, и мост, с которого не было никаких спусков к воде, входил в ворота на высоте восьми ярдов надо льдом. Коня, очевидно, приходилось просто бросить - другого выхода не было.

И тут белый конь повалился сам, не доскакав до основания башни каких-то двадцати ярдов. Всадник, видимо, почувствовал, что раненое животное вот-вот упадет, и успел соскочить на лед, не позволив придавить себе ногу; он упал, перекатился, вскочил и, сбрасывая на ходу свой плащ, побежал к основанию башни. Преследователи наверняка настигли бы его, если бы не сплошной поток стрел, обрушившийся на них со стены, с моста и с нескольких ярусов башни. Люди и лошади валились на лед под этим смертоносным ливнем. Один из кавалеристов, вырвавшийся вперед, был убит в тот момент, когда, не пытаясь больше стрелять на скаку даже и в упор, выхватил более надежный меч в расчете уже в следующее мгновенье зарубить беглеца. Но не успел: две стрелы вонзились ему в грудь, одна, выпущенная с моста - сбоку в горло, прикрытое лишь теплым шарфом, но не кольчужной бармицей, которую он не стал пристегивать на таком морозе, боясь прикосновения ледяного металла к лицу (именно эта стрела и стала смертельной). Один из всадников махнул рукой в сторону моста и поскакал туда; еще двое поскакали за ним. Там они могли укрыться от стрел и в то же время, остановившись и стреляя сквозь решетки, поразить свою цель. Но и этому плану не дали осуществиться лучники на мосту, которые, перегнувшись через перила, расстреляли сверху вниз всех троих прежде, чем те успели оказаться в мертвой зоне. Последние двое кавалеристов, видя, что никого больше не осталось и вся стрельба теперь сосредоточится на них, вздыбили и развернули коней с такой поспешностью, с какой это можно было сделать на льду, и поскакали обратно. Один из них все же свалился с двумя стрелами в спине, другому удалось уйти. Следом за ним ускакали три лошади, потерявшие седоков.

Беглец, добежав до сброшенной ему лестницы, вцепился в перекладины и пару секунд стоял так, переводя дыхание, а потом решительно полез вверх. Из его правого сапога торчала стрела, но он не то не обращал внимания на боль, не то просто не чувствовал ее из-за шока. Сверху навстречу ему уже тянули руки, чтобы скорее втащить его на мост.

И тут из-за туши одной из лошадей приподнялся на колено ее всадник, который не был убит, а был лишь оглушен падением. Защитники города, чье внимание было теперь сосредоточено на карабкавшемся по лестнице раненом, сперва даже не заметили это беззвучное движение, что дало кавалеристу время как следует прицелиться и выстрелить. Стреляя из устойчивой позиции с расстояния менее двадцати ярдов, он просто не мог промазать.

Стрела косо вонзилась беглецу в спину. Он дернулся всем телом, и его ноги сорвались с перекладин, но руки все еще вцеплялись в лестницу. "Тащите! - крикнул кто-то на мосту. "Вытягивайте лестницу наверх!" Сразу несколько рук вцепились в канаты и потащили их через перила, втаскивая лестницу вместе с еще державшимся на руках человеком. Стрелок тем

временем выхватил из колчана новую стрелу, но прицелиться во второй раз ему уже не дали. Сразу четыре стрелы пробили его доспехи с интервалом в доли секунды, и его собственная стрела ушла вбок и вверх, никому не причинив вреда.

Однако за миг до того, как тянувшиеся через перила руки успели подхватить раненого беглеца, его пальцы сорвались с перекладины, и он рухнул на твердый лед с высоты почти в восемь ярдов, ударившись сперва ногами, а потом спиной. Торчавшая из спины стрела вошла в тело, как гвоздь, вбитый в масло, и остановилась лишь тогда, когда наконечник уткнулся в нагрудник изнутри. Тогда древко сломалось, и тело беглеца застыло на льду, нелепо раскинув конечности. Распахнутые глаза удивленно смотрели в черное небо, и черная кровь стекала изо рта по обеим сторонам подбородка.

И тем не менее, когда защитники города снова сбросили лестницу и поспешно спустились к нему, оказалось, что он еще жив. Хотя и полностью парализован - у него были сломаны ноги и позвоночник, не считая пропоротого насквозь легкого. Пока наверху мастерили носилки на веревках, чтобы втащить его на мост, обступившие раненого бойцы пытались выяснить у него, кто он такой и с какими вестями или посланием пытался попасть в город.

- Королева... или... командующий обороной... - прохрипел тот, захлебываясь кровью. - Могу сказать... только им. Доставьте меня... это очень важно...

- Можно ли его поднимать? - спросил вполголоса капрал у спустившегося вместе с ним армейского костоправа.

- Да, если как следует привязать к носилкам, то хуже ему этим не сделаем, - ответил тот. - Его надо поскорее в тепло, тут он замерзнет... но в любом случае не думаю, что он протянет долго.

Гонца - если это и в самом деле был гонец - действительно сумели поднять на мост и внести в башню и положили возле очага, в котором по такому случаю развели огонь, тратя драгоценные дрова. Лекарь решительно воспротивился идее нести или везти его куда-то еще - "не довезете". Впрочем, и на месте он ничего не мог поделать с внутренним кровотечением, не оставлявшим раненому никаких шансов. Послали за Швертлингом как формальным командующим и за Айбенхорстом, но оба в эту ночь, не сулившую неожиданностей, спали у себя дома и явно не могли прибыть в считаные минуты, которые, похоже, только и оставались несчастному.

- Ты гонец? - допытывался, склонившись над ним, командир северной башни. - С севера? У тебя послание? (С раненого уже сняли доспехи и срезали одежду, укрыв его взамен одеялами, но никакой депеши при нем не нашли. Возможно, она осталась в седельной сумке его лошади? Двое бойцов уже отправились за этими сумками.)

- Только... королеве... или... командующему... - упорствовал умирающий.

Лекарь снова подошел к нему, взглянул на синюшные губы, пощупал нитевидный пульс на шее и уверенно покачал головой.

- Никто из них не успеет прибыть, - с армейской прямотой объявил командир башни; вокруг стояли его солдаты, которых, в принципе, можно было разогнать ради сохранения тайны, но, кажется, даже это было уже поздно. - Говори сейчас, или твое послание умрет вместе с тобой, и тогда все это было напрасно.

Гонец, очевидно, и сам понял, что жизнь окончательно покидает его. Собрав остатки сил, он попытался доложиться по форме:

- Лейтенант Барт... королевская армия... - он закашлялся, и кровь вновь обильно хлынула из его рта.

- Главное! - крикнул командир башни. - К черту подробности, самое главное!

- Герцог... Бронгарский... уб...[51]

---

[51]В оригинале "ass...", что может быть ругательством или первой его частью (asshole).

- Что? - командиру на миг показалось, что посланец хочет обозвать герцога ублюдком, имея в виду, очевидно, предательство коннетабля.

- ...б-би...[52]

- Кем?!

Посланец, похоже, сделал последнее усилие, пытаясь ответить на этот вопрос, его окровавленный рот мучительно скривился, губы задрожали - но затем челюсть безвольно отпала, и взгляд остекленел. Лекарь еще раз пощупал его шею и констатировал очевидное.

Командир, опомнившись, обвел грозным взглядом столпившихся вокруг бойцов: "Никому не говорите о том, что только что услышали!" - но при таком количестве свидетелей этот приказ был явно бесполезен. К тому моменту, когда в помещение широкими шагами вошел Айбенхорст (сразу понявший, что опоздал), новость уже была известна всем солдатам в северной башне и на прилегающих участках стены. К полудню ее знал весь город.

В холодной совещательной комнате Элинор собрались все ее "генералы", включая Фабиаса. Локхарт тоже был приглашен, а вот де Сегюр такой чести вновь не удостоился. По всей видимости, после несанкционированного общения с гроггендорским послом он окончательно утратил доверие королевы, хотя никаких формальных претензий ему предъявлено так и не было. Локхарт впервые увидел Швертлинга; старик оказался невысок (почти на голову ниже самого Локхарта) и худощав, но вид имел сердитый и решительный. Казалось, он один здесь знает, как надлежит действовать, и лишь с раздражением ожидает, когда это признают другие.

- Итак, помощи с севера не будет, - констатировал он; голос у него оказался резкий и неприятный. - Теперь, надеюсь, всем уже ясно, что бездеятельным ожиданием проблему не решить.

- Строго говоря, с абсолютной точностью мы этого не знаем, - возразил Крамп. - Это может оказаться такой же провокацией врага, как и заявление Гартхарда. Обращаю ваше внимание, что эти заявления не сходятся между собой. Гартхард говорил о гибели герцога Бронгарского в результате поражения в бою, нынешний посланец - об убийстве. Которое, судя по всему, состоялось непосредственно перед тем, как посланец отправился в путь, то есть уже после того, как Гартхард покинул север вместе с Дункельтом. То есть Гартхард врал, как мы и предполагали с самого начала.

- Но что нам от этого пользы, если сейчас эта ложь стала правдой, - возразила королева.

- Мы не можем знать это наверняка, ваше величество, - повторил Корнелиус. - Так называемый лейтенант Барт не является одним из гонцов, отправленных нами к Бронгару. В списках королевской армии, хранящихся в столичном архиве, не значится ни один лейтенант с такой фамилией. Правда, там есть несколько рядовых и унтер-офицеров с похожими фамилиями - Барт, Баррет, Бартон и даже Бартоломео - допустим, в его физическом состоянии он не смог произнести свое имя полностью, но вряд ли он мог перепутать свое звание с офицерским...

- Возможно, Бронгар произвел его в офицеры уже в походе, - заметил Айбенхорст.

- Возможно, - не стал спорить Крамп, - но наверняка мы этого не знаем. При нем и в его вещах не найдено никаких документов, подтверждающих его личность, характер его миссии и переданное им сообщение. Это, конечно, может объясняться лишь конфиденциальностью этого известия, которое теперь, увы, знает каждая сплетница в Дракенхайме. Но может и, наоборот, указывать на фальшивый характер самого известия. Все, что происходило этой ночью у северной башни, может оказаться лишь хорошо срежиссированным спектаклем. Собственно, какой резон был противнику не пускать в город гонца с деморализующим нас известием? Вариантов только два - либо они действительно не знали и не догадывались, какое известие несет Барт, то есть не имели понятия, что вести с севера для нас неблагоприятны, что

---

[52]В оригинале -sass-si-na...", т.е. assassinated, что означает убийство в результате покушения, а не в бою.

сомнительно, либо делали вид, что не знают, и в этом случае само известие - ложь.

- В таком случае Дункельт послал своих людей на убой, - констатировал Фабиас.

- Вас это удивляет, ваше высокопреосвященство? Он легко пожертвовал бы и бо́льшим их числом, чтобы мы ему поверили.

- Да, но сами эти люди? Кавалеристы могли не знать сути операции и думать, что на самом деле преследуют вражеского лазутчика, которому ни за что нельзя дать попасть в город. Но он сам - неужели так предан Дункельту, что пошел ради него на верную смерть?

- Возможно, он тоже не знал, что его подстрелят для убедительности, - пожал плечами Крамп. - А потом уже выбор у него был только - умереть героем или предателем. Героем с точки зрения мятежников, конечно же.

- Даже если так, - настаивал Фабиас, - выходит, что наши враги сами подвергли свою операцию совершенно неоправданному риску. Барт мог умереть, так и не успев ничего сказать. Куда логичней было бы все же снабдить его бумагой, которая сказала бы все за него. Ну и, опять же, исключить всякие сомнения насчет его личности. Именно то, что все чуть не сорвалось, доказывает, что это не спектакль, а правда.

- Допустим, - вынужден был согласиться Крамп, - однако официально мы можем настаивать на том, что Барт подослан Дункельтом, дабы подорвать боевой дух защитников столицы.

- Не стоит, - покачала головой Элинор, - чем яростнее мы будем отрицать правду, тем охотнее ей поверят. Особенно в такой ситуации, как сейчас.

- Да, ситуация в столице далека от патриотического подъема, - вновь вынужден был согласиться Крамп. - И, несомненно, сегодня она чрезвычайно ухудшилась.

- Если Бронгар не был разбит в бою, а стал жертвой подосланного убийцы, - вмешался Локхарт, - то это еще не значит, что королевская армия не придет к нам на помощь. Может быть... даже наоборот, теперь она сделает это охотнее, и причина, по которой противник пытался остановить Барта, именно в этом. Кому должно было перейти командование?

- Это зависит от последних распоряжений Бронгара, которые нам неизвестны, - ворчливо ответил Швертлинг. - В случае гибели главнокомандующего в бою его знамя поднимает командующий рыцарским центром. Затем - правым флангом, затем - левым... Но это не постоянные должности, они назначаются перед каждым боем. А в период между боями, если командующий сам не назначил своего преемника, его место может занять командир самого большого полка, или старший по званию, или, если таких несколько в равном статусе, как оно нередко бывает - самый знатный из них. Вероятно, Барт знал ответ на ваш вопрос, но не успел сообщить...

- Бардак, - пробормотал Локхарт, привыкший к тому, что подобные вопросы жестко регламентированы уставом. Ему представилось, как в разгар военной кампании - пусть даже и не прямо во время боя - старшие офицеры армии, только что потерявшей командующего, вместо того, чтобы как можно скорее восстановить управление, до хрипоты спорят: "Да наш род древнее вашего на 20 лет! - А мы зато стали графами, когда вы еще баронами были!" Невольно у него мелькнула мысль, что в Гроггендоре такие аспекты наверняка регламентированы со всей возможной скрупулезностью.

- В интересующем нас контексте еще важнее, - заметил Крамп, - кто и с какой целью устроил покушение. Очевидный ответ, что это сделали агенты Дункельта с целью не дать Бронгару прийти к нам на помощь, на самом деле далеко не очевиден и не единственен. Возможно, герцог и в самом деле... не слишком спешил нам на выручку, а тот, кто пришел ему на смену, уже ведет армию к столице... но я бы не стал на это полагаться. Тем паче что эта армия может идти на помощь и не нам. Если, например, она воссоединилась с гарнизонами новых территорий и приняла над собой командование того, кого оставил вместо себя Гартхард. Удобный предлог, чтобы уйти с севера. За этим может стоять не только Дункельт, но и

Гроггендор. А возможно, наоборот, Гроггендор обвинят официально - и новый командующий останется на севере ради отражения имперской угрозы. Это уже удобный предлог, чтобы не вмешиваться в гражданскую войну ни на одной из сторон. Возможны, разумеется, и иные варианты, вплоть до того, что за этим убийством стоят... личные мотивы, не связанные с политикой, - Крамп, очевидно, намекал на убитых детей. - Хотя я в такое не слишком верю, но и это нельзя исключать. Короче говоря, мы не знаем. Но исходить должны из худшего - что помощи нам почти наверняка не будет, и что, более того, она может прийти нашему врагу.

- Интересно все же, что на самом деле знает Дункельт, - произнесла королева. - Возможно, для него это такая же новость, как и для нас. То есть, возможно даже, он этого не знает до сих пор, коль скоро гонец прискакал к нам, а не к нему...

- Как я уже сказал, это весьма сомнительно, ваше величество, - возразил Крамп. - И даже если так - вскоре он, безусловно, узнает. Он-то не осажден, к нему гонцы могут прибывать беспрепятственно.

- Во всяком случае, мы знаем, что предыдущее сообщение о смерти Бронгара было блефом, - заметил Айбенхорст. - И Гартхард не пожалел своей генеральской чести, объявляя эту ложь горожанам...

- После того, как он предал свою королеву, о какой чести может идти речь? - проворчал Швертлинг.

- Возможно, это была не столько ложь, сколько игра на опережение, - заметил Локхарт. - Просто они знали, что Бронгар будет убит, еще до того, как это произошло. Потому и стоят тут спокойно все это время, не боясь возвращения королевской армии и не предпринимая новых попыток штурма.

- Версия очевидная, - кивнул Крамп, - но ни об одном покушении никогда нельзя заранее знать, что оно будет успешным. Полагаю все же, что у Дункельта есть свои агенты в армии, которые успели бы предупредить его, если бы армия двинулась на юг... с враждебными для него намерениями. И те же агенты - если мы предполагаем, что Барт сообщил правду - очевидно, уже известили, или вот-вот известят его о смерти герцога и о новом командующем.

- И если в ближайшие день-два они не снимут осаду и не уйдут, значит, новый командующий не собирается идти нам на помощь, - сделал вывод Локхарт.

- Насколько я знаю Дункельта, он будет стоять здесь до последнего, - возразила Элинор. - Даже если бы королевская армия была в одном переходе отсюда, он все равно надеялся бы, что мы сдадимся раньше.

- В конце концов, он все поставил на эту карту, - согласился Крамп. - Он даже не может уже вернуться в Айзеншлосс. Если он сбежит сейчас, то потеряет все. Превратится из претендента на трон в беглого мятежника, которому не даст приюта уже даже Хагентрауб - притом, что граф и сейчас еще осторожничает и не решается выступить на его стороне открыто... Однако позволю себе вновь почтительно напомнить, что мы не имеем никаких оснований считать, что к нам направляется помощь. Мы можем лишь надеяться на это, как на милосердие Господне, - генеральный дознаватель устремил пристальный взгляд на Фабиаса, - но не можем рассчитывать.

- Мне думается, вы недооцениваете милосердие нашего Спасителя, сын мой, - возразил архиепископ, - ибо сказано: "Проси, да обрящешь".

Локхарт недоуменно переводил взгляд с одного на другого. Момент как будто был неподходящий для религиозных дискуссий. Эти двое знают что-то, что не хотят обсуждать публично - даже в столь узком и привилегированном кругу? Фабиас сделал Крампу какое-то предложение, которое тот отказывается принять? Быть может, под "нашим спасителем" архиепископ подразумевает вовсе не Иисуса? Или, наоборот, Крамп подозревает в чем-то Фабиаса, но не может это доказать? "Эти двое редко в чем-то согласны между собой", вновь вспомнились ему слова королевы. Но какие интриги между ними могут быть сейчас, когда оба

они находятся в одном осажденном городе в критическом положении, и оба они - враги Арвика, которые никак не могут рассчитывать на его милость? Хотя - Фабиас уж точно не может, а вот Крамп, который, по словам Элинор, предан не личности, а должности, и столь же верно служил бы и Арвику, если бы считал того законным королем...

- Бог всегда на стороне больших батальонов, - пробурчал Айбенхорст.

- То есть в данном случае - на стороне нашего врага? Вы это хотите сказать? - повернулась к нему Элинор.

- Нет, пока мы остаемся в крепости. В этом случае большие батальоны именно у нас. Стены столицы неприступны для тех сил, которыми он располагает. И даже для втрое или впятеро больших.

- Стены - да, а люди - нет, - ответил Крамп. - Позвольте мне высказать это прямо, но после сегодняшнего известия бунт из среднесрочной перспективы превращается в краткосрочную. Люди знают, что топлива в городе больше нет, а теперь потеряли всякую надежду, что кто-то придет и снимет осаду. Мы можем, конечно, распространить слух, что при гонце нашли письменное послание от нового командующего, ведущего армию к нам на помощь. Но это даст нам отсрочку, ну, скажем, дней на десять. А потом, когда горожане поймут, что мы их обманули, их гнев вспыхнет с утроенной силой.

- Да и, главное, во что бы там ни верили горожане, проблема не решится сама собой, - напомнил Швертлинг. - Не знаю, как там бог, а удача на стороне тех, кто действует смело и решительно, а не сидит, сложа руки. Кроме нас, снять эту осаду все равно некому, теперь-то вам это ясно, наконец? Джентльмены, - прибавил он, очевидно, чтобы королева не приняла его резкий тон на свой счет.

- Оттого, что наша политическая ситуация ухудшилась, ваш военный план не стал надежнее, сэр, - хмуро возразил Айбенхорст.

- Сегодняшняя ночь показала, что стрельба с моста чрезвычайно эффективна, - возразил Швертлинг. - Эффективнее, чем со стены. Ибо позволяет сочетать высокую скорострельность лука с высокой убойностью практически настильной траектории, характерной для арбалета.

- Если они пойдут в атаку через озеро.

- А если нет - увязнут в снегу на берегу под сплошным градом стрел.

- Нужного вам снегопада все нет.

- Даже и без него там наверняка расчищены лишь небольшие участки вокруг шатров. Я знаю солдат, их ни за что не заставишь делать лишнюю работу, - самодовольно усмехнулся генерал. - Небольшие участки, где конница попадает под плотный обстрел, или глубокий снег, где она теряет темп. К тому же не забывайте, что их "большие батальоны" размазаны вокруг всего озера. Четыре основных лагеря у каждого моста и цепочка постов между ними. А мы, атакуя на узком участке, в любом месте получим локальный перевес.

- Пока они не подтянут силы с других участков. А их конница прискачет туда очень быстро. Даже не по берегу, а прямо через озеро.

- Не прискачет... - задумчиво произнес Швертлинг, словно некая мысль только что пришла ему в голову. - Ставка Дункельта находится перед восточным мостом. Ее мы атаковать не будем! Мы займем одновременно три остальных моста. Главный удар будем наносить вдоль западного. А на северном и южном будут развернуты силы прикрытия.

- Длина мостов примерно от семисот до девятисот ярдов, - покачал головой Айбенхорст. - Западный самый длинный, южный самый короткий. Так или иначе, если ставить по лучнику на полтора ярда, получается минимум полторы тысячи. Это все, что у нас есть. Остальные мои гвардейцы - хорошие мечники, но из длинных луков стрелять не обучены. Но они вам тоже понадобятся для самого наступления - и пехота, и, очевидно, конница Вульфеншванца, если ее удастся спустить на лед либо переправить по мосту после захвата предмостного плацдарма... Кого вы намерены оставить оборонять город? На месте Дункельта я бы специально позволил

вам выйти на берег на западе - и чем дальше, тем лучше, хоть вовсе покинуть столицу - чтобы одновременно атаковать незащищенные восточные ворота! Быстрый решительный штурм, если со стен будет некому стрелять, позволит захватить башню и открыть ворота в какие-нибудь четверть часа. Вы не успеете вернуть бойцов в город.

- Во-от! - Швертлинг торжествующе поднял палец. - Именно в этом и состоит мой план. Хорошо бы еще подсунуть Дункельту какого-нибудь перебежчика, который заранее предупредит его, что для прорыва осады из города будут выведены практически все силы...

- А на самом деле? - начал понимать Айбенхорст.

- На самом деле настоящие лучники будут только на западном мосту. На двух других - только несколько человек, остальные - изображающие лучников стражники и простые горожане. Этого будет достаточно, чтобы рыцари не рискнули скакать через озеро прямо на них - ну и чтобы, соответственно, убедить противника, что с восточной стороны город практически беззащитен. И вот когда его штурмовая группа, не встречая сопротивления, полезет на башню, а кавалерия, не теряя времени, поскачет по мосту к воротам - тут-то лучники вылезут из засады и влупят по ним в упор. В принципе, можно даже впустить штурмовую группу в башню - надежно перекрыв ей выходы оттуда. И открыть ворота, имитируя ее успех. Тогда уж конница Дункельта точно поскачет во весь опор через мост - и будет расстреляна лучниками с галереи. (Локхарт понял, что речь идет о галерее с бойницами, проходящей внутри стены.) Мост - хорошее укрытие, но и отличная ловушка. Достаточно убить нескольких лошадей впереди и сзади, и всадникам под обстрелом будет просто некуда деваться. Разве что прыгать на лед, ломая себе кости...

- Хммм... - Айбенхорст потеребил бороду. - А если он не клюнет и предпочтет все же атаковать вышедшие из города силы?

- Тогда будем действовать по первоначальному плану, - пожал плечами Швертлинг. - Захватим западный лагерь, подожжем шатры вместе с припасами и будем отстреливаться от рыцарей, которые попытаются нас оттуда выбить. В крайнем случае, если и не перебьем их там - нанесем им чувствительный урон и отойдем обратно в город. Это не будет окончательной победой, но это изменит соотношение сил. Возможно, настолько, что союзники Дункельта сами начнут разбегаться. Скажем, гвардейцы Дирлиха, или люди Хагентрауба.

- В принципе, это может сработать, - признал Айбенхорст после короткой паузы. - Хотя, конечно, без гарантии.

- На войне гарантий не бывает, полковник, - строго изрек Швертлинг.

- Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу профессиональную дискуссию, - подал голос Фабиас, - я, конечно, человек не военный, но идея вывести наши основные силы из крепости, лишив их главного преимущества, и уж тем более допустить врага в одну из надвратных башен и открыть ворота, представляется мне не просто "не гарантированной", а совершенно неоправданным риском.

- У вас есть более надежный способ снять осаду с города? - агрессивно осведомился генерал. - Не считая молитв, разумеется.

Локхарт подумал, что два эти старика примерно в одном возрасте, но совершенно не походят друг на друга. Швертлинг напоминал сейчас сердитого воробья, наскакивающего на флегматичную ворону.

- Вы напрасно иронизируете, генерал, - спокойно возразил Фабиас, - ибо сказано, что зло пожирает само себя. Нам нужно лишь дождаться этого, оставаясь в безопасности за городскими стенами, - тут Швертлинг втянул в себя воздух для возмущенного ответа, но архиепископ поднял руку, призывая его к молчанию: - Да, я слышал все, что говорили присутствующие здесь благородные господа о проблемах нашего положения. Но позволю себе заметить, что они рассматривали ситуацию лишь с одной стороны. Я же полагаю, что известие о гибели герцога Бронгарского - которое, несомненно, в скором времени распространится и за пределами

Дракенхайма - бьет не только по нам, но и по нашему противнику, причем едва ли не в большей степени. Вы, к сожалению, сосредоточиваетесь на чисто военном аспекте, забывая о моральном. Весть о том, что герцог Бронгарский, коннетабль Айринтии, герой, защитивший нас от Гроггендора, брат и дядя айринтийских монархов, убит собственным мятежным племянником, причем не пал в честном рыцарском бою, что было бы понятно и объяснимо в условиях военного конфликта, а подло умерщвлен рукою наемного убийцы - как по-вашему, неужели такая весть не вызовет возмущения среди самых благородных родов королевства? Неужели их представители захотят терпеть над собой руку человека столь низкого и бесчестного - который, захвати он власть, может обходиться подобным образом и с ними - и не предпочтут прийти на выручку законной королеве, когда она так в этом нуждается?

- Пока что мы не знаем, действительно ли убийцу подослал Дункельт, - напомнил Крамп.

- Или он, или гроггендорцы в сговоре с ним, - отмахнулся Фабиас. - Уж точно не королева, по чьему приказу Бронгар и выступил против мятежников! Это очевидно всем. Более экзотичные версии нет смысла даже рассматривать. Нам, в конечном счете, важно то, во что поверит айринтийская аристократия - а поверит она в вину Дункельта.

- Мне кажется, ваше высокопреосвященство, вы переоцениваете верность старых домов рыцарским идеалам, - невесело заметила Элинор. - Вряд ли кого-то среди них можно шокировать наемным убийством. У всех достаточно своих скелетов в шкафу... не исключая, кстати, и моего покойного дядю, о чем, полагаю, известно всем присутствующим...

- Я не берусь читать в душах людей, открытых лишь Господу, - смиренно ответил Фабиас, - но я кое-что знаю о нормах приличий. И если до сих пор ни один из сильнейших домов королевства не поддержал Дункельта в открытую, то теперь они получат повод выступить на нашей стороне.

- Почему ни один? Дирлих и Хагентрауб, - напомнил Локхарт.

Фабиас покровительственно улыбнулся не понимающему тонкостей чужеземцу:

- Даже Дирлих участвует в мятеже как не признавший своей отставки командир гвардейцев, а не как глава дома Дирлихов. Его личной армии здесь нет, и, насколько я могу судить, его племянники спят и видят, как дядю казнят за измену, после чего титул и имение перейдут к одному из них. К тому же род Дирлихов я бы не отнес к числу сильнейших. Он древний, это так, но многолетняя вражда с Хагентраубами сильно его ослабила. И это, кстати, лишний повод усомниться в надежности нынешних союзников Дункельта, которые терпеть друг друга не могут. Что же касается Хагентрауба, то где вы видите хоть одно черно-красное знамя или плащ в лагере нашего противника? Граф предоставил ему коней и "ополченцев" без знаков различия, но официально он в войне не участвует. Его личной армии здесь тоже нет - иначе, несомненно, наше положение бы значительно осложнилось...

- Почему она не может появиться здесь теперь? - возразила Элинор. - Почему вы считаете, что убийство Бронгара настроит Хагентрауба и других против Арвика? По-моему, скорее наоборот - они могут решить, что мятежникам больше нечего бояться, и надо скорее перебегать на их сторону...

- Я не берусь судить конкретно о Хагентраубе, - ответил Фабиас, - хотя он, как мне кажется, будет набивать себе цену до тех пор, пока не исчезнет сам предмет торговли. Что же касается прочих, то позволю себе напомнить, что как святая церковь, так и рыцарские обычаи учат нас вступаться за слабого, ибо сильный позаботится о себе сам.

Локхарт готов был презрительно хмыкнуть в ответ на столь наивный аргумент, но не заметил усмешек на лицах присутствующих и сообразил, что имел в виду архиепископ. Проигрывающий всегда готов отблагодарить за помощь щедрее, чем тот, кто считает, будто победа уже и так у него в кармане. Правда, и обратного мотива - примкнуть к побеждающему, пока еще не поздно - тоже никто не отменял, и большой вопрос, какое из соображений пересилит в до сих пор сохранявших нейтралитет феодальных домах...Да и есть ли у них время

дожидаться этого, если в городе не сегодня-завтра вспыхнет бунт...

- Как тут уже говорилось, мы не можем сидеть и ждать, придет ли помощь снаружи к нам или к нашему врагу, - сказала Элинор, словно прочитав его мысли. - Нам придется выручать себя самим, и делать это быстро. Пока в городе еще хотя бы можно найти добровольцев, которые встанут на мостах, изображая лучников... Есть ли у присутствующих здесь военных принципиальные возражения против плана генерала Швертлинга?

Королева по очереди окинула их взглядом, не исключая и Локхарта. В ее глазах ему почудился одобряющий призыв - "говорите, не стесняйтесь". Но что он мог сказать? Даже после всего, что он успел прочитать здесь, много ли он понимал в осаде и штурме крепостей, лучниках и рыцарской коннице? Кажется, что-то подобное - полный разгром, который армия с длинными луками учинила конным и пешим рыцарям, несмотря на впечатляющее численное превосходство противника - было во время Столетней войны[53]. Однако никаких деталей Локхарт не помнил - в академии был курс военной истории, но начинался он с Первой мировой войны, с периода, когда в боевых действиях начала применяться авиация. Всем, что было до этого, будущих военных пилотов старались не грузить - им предстояло усвоить множество куда более полезных вещей. Кто же мог предполагать, что когда-нибудь...

- Насколько я знаю, когда-то в истории что-то подобное удавалось, - сказал он вслух, - но генерал Швертлинг и остальные офицеры, несомненно, разбираются в этой теме лучше меня.

Королева выждала еще минуту и, не получив других реплик, произнесла:

- В таком случае, генерал, я санкционирую вам эту операцию.

- По крайней мере надлежит дождаться благоприятной погоды, - поспешно изрек Фабиас. - Вы же говорили, генерал, что вам нужен ветер и снег?

- Снег затруднит их перемещение, а ветер в нужном направлении поможет нашим стрелка́м, - кивнул Швертлинг. - Но, к сожалению, я не командую погодой. Это скорее по вашей части, ваше высокопреосвященство, - добавил он с усмешкой. - Если Троица пошлет нам нужную погоду, мы будем готовы начать в считаные часы. Но если нет, нам все равно придется действовать не позже, скажем...

- Пять дней максимум, - твердо сказал Крамп, - учитывая настроения в городе. Осада должна быть снята до Рождества, или наши любезные горожане не пожелают встречать праздники в обледенелых квартирах и объявят, что бог не на стороне королевы. А могут не дотерпеть и до Рождества.

Действительно, тревожные донесения от агентов Тайной Стражи начали поступать уже в этот же день. Ситуацию несколько облегчали закрытые кабаки - первейшее место, где вызревают стихийные бунты и погромы - и погодные условия, не поощряющие людей собираться толпами на улице; однако пусть и не толпы, но небольшие группки взволнованных горожан возникали то тут, то там, чаще всего возле продуктовых лавок. Дефицита еды в городе пока что не было (хотя и были предусмотрительно введены максимальные нормы отпуска продовольствия в одни руки), но люди, сделавшие покупки, не спешили домой, как прежде, а оставались обсудить тревожные новости с хозяином лавки и другими покупателями, пока народу не скапливалось столько, что он поневоле выплескивался из небольших помещений на улицу. Другие горожане, видя эту публику возле лавок, ошибочно принимали ее за признак нехватки продуктов и ажиотажного спроса и сами устремлялись туда же "успеть взять, что есть, пока все не расхватали", запуская таким образом механизм самосбывающегося прогноза. Городские стражники сбились с ног, разгоняя эти стихийные сборища и разъясняя, что продовольственным складам столицы ничто не угрожает (они и впрямь охранялись теперь чуть ли не лучше, чем королевский дворец), что горожане находятся в безопасности и что солдаты королевы защитят их от любых угроз, будь то враги снаружи или провокаторы и спекулянты внутри. Хуже, однако, было то, что появились

[53]Причем неоднократно - битвы при Креси, Пуатье, Азенкуре. Что характерно, последняя состоялась через 7 десятилетий после первой, но французы за все это время так и не извлекли уроков из предыдущих поражений.

рапорты о далеко не столь верноподданнических разговорах и среди самих солдат. Поначалу сомнения в правильности выбора, сделанного их командиром, начал выражать кое-кто из подчиненных Вульфеншванца. Прежде они, напротив, гордились, что их командир назначен командующим всей военной гвардией, и хотя пока что это назначение оставалось чисто номинальным, они рассчитывали, что после окончания гражданской войны это сделает их Шестой дивизион самой привилегированной гвардейской частью. Теперь же в частных разговорах зазвучали реплики в стиле "сами в ловушку влезли и дверь за собой захлопнули!" А ведь если бы - это пока еще не произносилось вслух, во всяком случае, в пределах слышимости агентов Тайной Стражи, но явно подразумевалось - тогда они не перешли на сторону Элинор, а, наоборот, арестовали ее, как вначале и планировали, то заняли бы то же привилегированное положение при Арвике, а вот теперь шанс упущен... или еще нет? Затем недовольное бурчание началось и среди солдат городского гарнизона, которых Бронгар оставил Швертлингу; оторванные от всей прочей королевской армии и уверенные, что она теперь уже не придет им на выручку, они тоже видели свое будущее в мрачных тонах. Будучи самой малочисленной частью защитников города, они теперь еще и подозревали, что ими пожертвуют и бросят на убой первыми ради спасения чертовых гвардейцев - что королевских, что военных - привыкших свысока смотреть на армейскую "черную кость". То обстоятельство, что в осажденном городе "чертовы гвардейцы" находятся в той же ловушке, что и они сами, не слишком их успокаивало. В конце концов, говорил кое-кто, они могут повести нас на прорыв и ускакать на конях из города (очевидно, вместе с самой Элинор и ее присными), а нас, пехоту, бросят прикрывать их бегство.

Крамп понимал, что бороться с такими настроениями с помощью репрессий при тех силах, которыми они располагают - не лучший вариант, и потому агенты Тайной Стражи, завербованные среди солдат и простых горожан, пытались поднимать настроения оптимистическими увещеваниями, но получалось у них не очень хорошо. Осада, холод и гибель командующего армией, которая должна была прийти к ним на помощь, были фактами, а любые слова о том, что власти знают, что делают, просто не разглашают пока секретных подробностей, оставались пустыми словами. На третий день недовольная толпа, собравшаяся возле одной из последних еще работавших пекарен (сыров, колбас, солений, копчений, овощей и кондитерских изделий в городе было еще предостаточно, а вот свежий хлеб печь было уже практически не на чем), в ответ на требование стражников разойтись нехотя оставила лавку, но двинулась дальше по улице единой массой, не растекаясь в процессе по домам, а, наоборот, прирастая все новыми горожанами. Когда стало ясно, что она направляется к дворцу, стражники несколько раз пытались остановить ее, перекрывая улицы, но толпа рассеивалась в переулки и снова собралась за спинами кордона. Будучи такими же пешими, как и их оппоненты, стражники не успели перекрыть все улицы, ведущие к центру, а скорее просто не захотели это делать, предпочтя не связываться с толпой, уже численно превосходившей их в несколько раз, которая добралась в итоге до дворцовой площади, где ее уже поджидали шеренги личной гвардии королевы. Не столь уж многочисленные, учитывая, что большинство бойцов несли вахту на стенах.

Увидев решительно настроенных бойцов в полном вооружении, из толпы закричали, что они не бунтовщики и не хотят насилия, но пришли получить ответ, что будет дальше с городом и его жителями. На площадь спешно прибыл Фабиас и обратился к толпе с увещеванием. Но проповедь о награде для верных и грехе уныния успеха не имела. Люди хотели конкретных ответов, а не громких слов. Поначалу толпа угрюмо молчала из почтения к архиепископскому сану, но затем зазвучали выкрики "Хватит этой болтовни! Верой камин не растопишь!" и "Не пугай нас грехом - в чистилище теплее, чем здесь!" Тогда к недовольным вышел премьер-министр Хустинг, который принялся скучным голосом рассказывать о запасах продовольствия (коль скоро о запасах топлива он не мог сказать ничего утешительного), о мерах по недопущению спекуляции, о том, что любые акты грабежей и погромов будут караться по законам военного времени, и о том, что правительство прорабатывает вопрос о компенсациях,

которые получат по окончании осады владельцы городского бизнеса, понесшие убытки вследствие осадного положения. Кое-кого в толпе это и впрямь обнадежило, но в основном люди опять-таки хотели услышать не обещания компенсаций после конца осады, а когда и как этот конец будет достигнут. Несомненно, были в толпе и те, чьей целью было вовсе не "успокоиться и разойтись", как их призывали - и их провокационные выкрики ложились на благодатную почву, и Хустинг в итоге вынужден был прервать свою речь и удалиться под свист и гневные крики.

Тогда, наконец, на площадь прискакал Айбенхорст, изобразивший даже радость при виде сердитой толпы (насколько эта эмоция вообще была свойственна его заросшему бородой грубому лицу старого вояки). Командование готовит операцию по разгрому нашего врага, сообщил он, но в помощь регулярной армии нужны добровольцы из числа горожан. А вот они как раз и прибыли - неравнодушные граждане, желающие поскорее покончить с осадой. Отлично, ребята - записывайся! В казармах, кстати, топят!

Это разделило толпу на три части. Кое-кто и впрямь стал протискиваться вперед, желая записаться, но таких было немного, гораздо меньше необходимой тысячи. Иные, наоборот, предпочли попятиться назад и исчезнуть с площади, опасаясь, что толпу окружат и запишут "в добровольцы" всех, кто не успеет унести ноги. Но большинство все же осталось на месте, убежденное в своем праве ничем не рисковать лично ("за что мы платим подати?!"), но требовать от властей конкретных ответов, которые Айбенхорст, понятно, не мог дать, ссылаясь на военную тайну (даже специально сливать информацию противнику таким образом не имело смысла - Арвик просто не поверил бы в "секретные планы", во всеуслышанье оглашенные на площади). Выкрикивать насмешки и оскорбления в адрес грозного командира, окруженного своими гвардейцами, недовольные не решались - во всяком случае, пока - но и расходиться не спешили, угрюмо бурча и перетаптываясь на месте. Айбенхорст, потеряв терпение, объявил, что истинные патриоты, неравнодушные к судьбе города и страны, записываются добровольцами, а со смутьянами, которые мутят воду в условиях осадного положения, разговор будет совсем другой, и что он дает им пять минут, чтобы очистить площадь.

И тут на балконе дворца появилась Элинор. Шум на площади смолк, сменившись настороженной тишиной. "Полковник! - раздался в этой тишине ее звонкий голос. - Отведите своих бойцов назад. Не стоит пугать этих людей. Они и так раздражены и напуганы сложившейся ситуацией, и я хорошо их понимаю, - Элинор намеренно использовала простое "я" вместо торжественного королевского "мы". - Но и вы должны понять меня..." - обратилась она уже напрямую к собравшимся, продвинувшимся вперед вслед за отступившими гвардейцами. Элинор напомнила им, что королевский дворец с первого же дня раздавал горожанам свои запасы топлива, в то время как враги, поднявшие мятеж перед лицом гроггендорской угрозы и обрекшие столицу на страдания от холода, стоят сейчас под стенами, не позволяя подвести в город уголь; "там у вас точно нет друзей - чем хуже вам, тем лучше им! Во дворце же сейчас так же холодно, как и в ваших домах..." "Да вранье это все! - крикнул кто-то из самой середины толпы, где он, очевидно, чувствовал себя в безопасности. - Сама, небось, греется там со своим любовником!" "Провокаторы, подосланные мятежниками, - спокойно продолжала Элинор, - сообщники тех, что подожгли топливные склады, будут уверять вас в обратном, но они очень глупы и считают дураками вас. Посмотрите на трубы дворца, много ли дыма вы видите над ними? Отапливаются только гвардейские казармы. Но если кто-то все еще не верит мне на слово, пусть выйдет вперед, а не прячется за чужими спинами."

Это предложение вызвало понятное замешательство. Некоторые вертели головами, не то высматривая смельчаков, не то желая подбодрить себя видом толпы, но все же оставались на месте. Никто - и уж точно не затесавшиеся в толпу провокаторы - не желал выходить первым навстречу гвардейцам, хотя и отошедшим вплотную к дворцу, дабы подданные могли слышать свою королеву, но, разумеется, остававшимся в полной боевой готовности. Да и аргумент про

трубы был достаточно наглядным и убедительным.

"Значит, сомневающихся больше нет? - насмешливо констатировала Элинор. - А я хотела устроить десяти самым решительным экскурсию по дворцу, дабы они сами могли убедиться, тепло ли сейчас в королевских покоях. Собственно, это предложение еще в силе, но раз самых решительных не нашлось, вы можете выбрать своих делегатов. Однако я понимаю, - возвысила голос Элинор, перекрывая начавшийся в толпе шум, - что в первую очередь вас интересует не мерзнет ли королева, а когда перестанете мерзнуть вы. Полковник Айбенхорст уже сообщил вам о готовящейся операции. Понятно, что соображения военной тайны не позволяют ему раскрыть детали. Но я, ваша королева, торжественно обещаю вам, что осада будет снята в ближайшие дни!"

Кто-то - возможно, агент Тайной Стражи, затесавшийся в толпу - крикнул "Ура!" Клич подхватили, но не слишком дружно. Слова, даже торжественные, все же оставались лишь словами.

Тем не менее, желающие сходить во дворец нашлись - понятное дело, в обычной жизни им бы вряд ли представилась такая возможность, и теперь они уже не опасались, что это лишь ловушка, чтобы арестовать смутьянов - и Элинор действительно самолично провела их по выстуженным залам и коридорам до самого своего будуара. Опасности в этом не было - при входе во дворец "народных представителей" тщательно проверили на предмет оружия, да и на всем пути делегацию сопровождали гвардейцы, старавшиеся делать вид, что они - почетный караул, а не стража. В финале гостей напоили горячим чаем с пирожными в королевской столовой и (уже без сопровождения самой Элинор) вежливо, словно каких-нибудь аристократов, проводили на выход, к изрядно уже поредевшей толпе (многие разошлись, не желая ждать на морозе, да и не ожидая уже никаких сенсационных известий). После краткого рассказа делегатов (даже те из них, что изначально были настроены ершисто, не нашли теперь ни одного дурного слова о королеве) быстро разошлись и остальные.

Локхарт, понятное дело, не показывался на глаза публике, но наблюдал за происходившим на площади из-за занавески через одно из окон фасада. И выкрики тоже слышал.

- Как я понимаю, уже не только во дворце, но и в городе идут грязные слухи о... нас двоих, - мрачно констатировал он вечером во время привычного уже ужина с Элинор.

- Вас это беспокоит? - пожала плечами королева. - Об известных людях всегда распускают слухи. Над этим можно только посмеяться, как и над всякой глупостью.

- Глупость бывает совсем не смешной, когда имеет фатальные последствия, - возразил Локхарт еще более мрачно. - Если это подрывает вашу репутацию, особенно в нынешних непростых условиях... Да и мне, честно говоря, не хочется, чтобы меня ненавидели в Дракенхайме, в особенности за то, что ко мне совершенно неприложимо.

- И что вы предлагаете? - усмехнулась Элинор. - Не общаться нам больше?

- Нет, но... - смешался Локхарт. - Может быть, как-то... ну, я не знаю, встречаться не наедине, а в присутствии какой-нибудь почтенной старухи... как это называлось, кажется, дуэнья... которая может быть глухой и слепой, но тем не менее...

- То есть вести себя так, словно нам и в самом деле есть чего стыдиться? Вообще-то, - добавила королева после паузы, - желающие ненавидеть всегда найдут для этого повод. Или придумают. Пытаться им угодить - это не просто унизительно, это, в первую очередь, бессмысленно. А отношение ко мне и даже к вам зависит, в конечном счете не от слухов, которые распускают сплетники, а от того, побеждаем мы или проигрываем в войне. Победителю прощают даже то, в чем он виновен - проигравшему поставят в вину даже то, к чему он не причастен.

- И пока что я бы не сказал, что мы побеждаем, - пробурчал Локхарт.

- То, что было сегодня - это еще не бунт, - ответила Элинор тоном почти беспечным. - Это

даже хорошо, что они получили возможность выпустить пар. А мы набрали некоторое количество добровольцев.

Локхарт механически отметил про себя еще одно выражение, едва ли возможное в прошлом средневековье, до эпохи паровых машин. Понимают ли его смысл теперь? Хотя, как справедливо заметил в свое время де Сегюр, пар вырывается и из кастрюль на кухнях...

- По-моему, дело чуть не кончилось кровопролитием, - возразил он вслух. - Если бы вы не остановили Айбенхорста...

Элинор улыбнулась:

- Айбенхорст отлично сыграл свою роль.

- Вы хотите сказать, что... - сообразил Локхарт, - все это был спектакль?!

- Не всё, конечно. Толпа двинулась к дворцу сама. Если в ней и были кукловоды - а они наверняка были - то не наши, - признала Элинор, помрачнев. - Но мы просчитывали такой вариант заранее. Айбенхорст должен был отдать приказ о жесткой зачистке, как велит долг военного. А я должна была отменить его, как велит долг королевы, пекущейся о своих подданных. Архетипическая ситуация, в общем-то - Иисус Каратель и Мария Заступница.

- В мое время это называлось принципом доброго и злого следователя, - усмехнулся Локхарт. - А Фабиас, очевидно, играл в этой притче роль рассудительного Иосифа? Непонятно только, кем в этом контексте был Хустинг.

- Тянул время до прибытия Айбенхорста, - улыбнулась Элинор. - Не забывайте, что тот находился на стенах и должен был убедиться, что это не согласованный план. Что противник не начнет штурм в тот самый момент, когда внимание гвардии во главе с ее командующим отвлечено на защиту дворца. Это была вполне реальная опасность... но все-таки коммуникация между Арвиком и его агентами в осажденном городе, мягко говоря, затруднительна. И координация их действий, соответственно... Была, конечно, и надежда, что толпа поддастся уговорам Фабиаса и Хустинга... но я с самого начала не особо на это рассчитывала.

- В итоге вам пришлось дать им честное королевское слово, что мы снимем осаду в ближайшие дни. Крови пока удалось избежать, но пространства для маневра у нас не осталось.

- Мы в любом случае собирались это сделать.

- Мы собирались попытаться, - напомнил Локхарт. - И отступить обратно в город, если не выйдет. Теперь, получается, у нас нет такой опции. Даже если противник понесет бо́льшие потери, но мы отступим - это будет политическим поражением, более важным, чем военная победа. И тогда следующая толпа, которая явится к дворцу - или к воротам, чтобы открыть их врагу - будет намного больше, а сил, чтобы отразить ее, у потрепанной в бою гвардии будет намного меньше...

- Хуже то, что кое-кто из гвардейцев может и не захотеть это делать, - мрачно добавила Элинор. - Личная гвардия традиционно считается беззаветно преданной монарху, но, как вы понимаете, реальность всегда сложнее пропагандистских клише. Во всяком случае, Корнелиус уже доложил мне о кое-каких разговорах после сегодняшних событий. В том смысле, что, мол, не дело гвардейцев сражаться с безоружной толпой. Как будто безоружная толпа не может разнести весь дворец. Сегодняшняя, может, и не смогла бы, но если она будет в несколько раз больше... Так что все верно - второго шанса у нас не будет. Мы должны разбить превосходящие силы врага с первой попытки. А что, вы можете предложить другой расклад?

- У нас слишком мало добровольцев для плана Швертлинга. Насколько я мог рассмотреть - записалось всего несколько десятков, а нужна тысяча.

- Это даже хорошо, что на глазах у всех их набрали немного. Остальных набирают непублично.

- Из кого?

- Тюремный ресурс мы выгребли еще осенью, ради дортинайнского плана, - признала королева. - Это был самый простой и дешевый вариант, конечно - те, кого не жалко... Теперь

вместо заключенных приходится использовать охранников и надзирателей. Городские стражники, не самые ценные кадры Тайной Стражи, послушники Фабиаса...

- В самом деле, совсем забыл о них.

- Будем надеяться, Арвик тоже не вспомнит. А их, между прочим, в столице около пяти сотен - Фабиас собрал их здесь еще перед коронацией. Впрочем, это не значит, что он согласится выделить для этой операции их всех - и остаться самому вообще без защиты. Формально им запрещено участвовать в боевых действиях кроме как для защиты Истинной Веры, а на религию Арвик не посягает... но они ведь должны будут просто стоять на мосту с луками, а не стрелять по-настоящему. Приказывать айринтийской церкви не может даже королева, но все же сотни на три я рассчитываю. Потом, мелкие чиновники, которым обещано повышение... Но и всего этого все еще не хватит. Остальных придется просто нанимать за деньги. Не профессиональных солдат, а обычных горожан, чтобы они исполнили роль солдат - что, как ни смешно, может обойтись дороже. А в казне Айринтии и так было слишком много расходов за последнее время, не говоря о том, что поступления сильно упали с началом войны. Но тут уж ничего не поделаешь.

Брожение среди солдат было в итоге использовано Крампом, чтобы донести нужную информацию до Арвика. До гвардейцев Вульфеншванца, среди которых недовольные разговоры звучали особенно часто, был доведен план будущей операции, зеркальный по отношению к реальному: все стрелки будут выведены из города для прикрытия прорыва, а на стенах останутся лишь немногочисленные и необученные добровольцы. На следующее утро - в канун операции, назначенной на 23 декабря - на дежурную проверку состояния решеток под мостами были посланы двое наиболее ненадежных военных гвардейцев в сопровождении бойца личной гвардии, чья лояльность сомнений не вызывала. Потенциальные перебежчики знали об этом заранее и имели время сговориться. Резоны для предательства у них были вполне очевидные: с одной стороны - перспектива участвовать в едва ли не самоубийственном бою против превосходящих сил противника (где им, по известной им диспозиции, пришлось бы биться пешими против конных рыцарей), с другой - возможность не просто переметнуться "к своим" под крыло Дирлиха, но и получить награду за ценные сведения о плане операции, назначенной на следующий день. В итоге они повели себя именно так, как и ожидалось: зарубили своего ни о чем не подозревавшего товарища и бросились бежать через озеро под мостом, неуязвимые для стрелков. Можно было рассчитывать, что в искренность этих перебежчиков Арвик поверит.

Однако в дальнейшие планы вмешалась погода. Затянувшийся антициклон, наконец, закончился, и северный ветер - точнее говоря, северо-северо-западный - принес ночью новый снегопад, к утру превратившийся в настоящую бурю, превзошедшую все надежды Швертлинга. Конечно, не то что о стрельбе из луков, но и вообще о какой-либо боевой операции в таких условиях говорить не приходилось. Солдаты на стене, проклиная погоду (хотя кому-то из них - возможно, даже многим - она дарила лишний день жизни), как могли, прикрывались от порывов ветра, хлеставшего их мириадами сперва колких ледяных кристаллов, затем крупных хлопьев, и тщетно всматривались в сплошную белесо-серую пелену, утешая себя мыслью о врагах, которых, наверное, совсем засыплет в их шатрах, так что некоторые палатки, возможно, и рухнут под тяжестью снега.

Буря продолжалась весь день; в то же время постепенно становилось теплее, хотя на таком ветру заметить это было сложно. Ночью ветер не стих, но изменил направление на западное. К утру небо все еще оставалось облачным, но снегопад прошел - мела лишь поземка, не мешавшая обзору со стен и - потенциально - с мостов. Даже в предрассветных сумерках было видно, что не только берега, но и лед озера, и мосты занесены глубоким снегом; полоса практически свободного от снега льда тянулась лишь там, где городские стены послужили прикрытием от метели - вдоль юго-восточной части столичных укреплений. Тем не менее, даже и за пределами этой полосы ветер разровнял снежный покров на озере, в то время как на берегу,

напротив, тут и там на всякой неровности местности наросли сугробы. Ветер также частично сдул пушистый, не успевший слежаться снег с северного и южного мостов.

И вот незадолго до рассвета 24 декабря, в канун Рождества, распахнулись трое городских ворот - все, кроме восточных - и по трем мостам в три стороны поскакали тяжеловооруженные всадники. Но это не были рыцари; это были тяжелые пехотинцы, усаженные на лошадей для скорости. Лошадям, впрочем, предстояло сыграть и еще одну роль, помимо их доставки. Как только всадники достигли последних участков мостов, где те плавно понижались, спускаясь на берег, они спешились, развернули своих коней поперек и убили их. Лошадиные туши, взгроможденные друг на друга, тут же были облиты водой из привезенных с собой бадей, которая, смешиваясь с кровью, потекла вниз, застывая на морозе. Таким образом, въезд на каждый мост превратился в ледяную горку с баррикадой наверху, из-за которой уже ощетинились копья и алебарды. Это произошло не одновременно на всех мостах, в силу их разной длины и разного количества снега - но везде это было проделано слишком быстро, чтобы солдаты Арвика, не везде даже сумевшие еще выбраться по тревоге из своих утопающих в снегу шатров, успели помешать захвату мостов, откуда теперь им было бы весьма непросто выбить противника. Даже то обстоятельство, что Арвик заранее оповестил своих командиров о планах неприятеля выйти из крепости, на это не повлияло. Он не знал деталей плана Швертлинга и рассчитывал, что его враги будут наступать по льду, а не по узким мостам, откуда так легко перекрыть выход - а если бы они это сделали, то, по его мнению, сами загнали бы себя в ловушку. Вот только они не собирались оттуда выходить - они, напротив, собирались там закрепиться.

Всадники с алебардами и копьями еще только скакали, а за ними уже бежали лучники. Внешне все они выглядели одинаково, но лишь треть из них были настоящими. И находилась эта треть не там, где предполагалось изначально.

Швертлинг, не спавший с полуночи и регулярно получавший отчеты о погоде, изменил свой план еще затемно и успел перетасовать войска внутри города в соответствии с новой диспозицией. Все же, хотя он и не командовал прежде настолько крупными силами в бою, свои отличия за маневры он получал не зря. Он верно рассудил, что сильный западный ветер не позволит лучникам, наступающим в западном направлении, достать с моста лагерь неприятеля (зато, конечно, облегчит задачу стрелков, прячущихся в восточной части стены, что было очень кстати). При этом западный мост - самый длинный, а южный - самый короткий, и именно на нем можно создать максимальную плотность стрельбы.

В той информации, которую скормили перебежчикам, говорилось, что направлений наступления будет сразу три - главное и два отвлекающих, но не сообщалось, какое направление будет главным - иначе, конечно, Арвик перебросил бы туда основные силы заранее, что помешало бы идее разбить его разделенное на части войско по очереди. Однако предположение, что это будет западное направление - наиболее удаленное от его ставки и скрытое от него стенами города - вполне напрашивалось. В то же время как раз в силу логичности такого предположения Арвик мог, в свою очередь, предполагать, что именно этого от него и ожидают. И потому - рассудил Швертлинг - Арвик не станет заранее сосредоточивать свои силы ни на одном направлении (тем паче что он ожидал атаки по льду, а не по мостам), но должен быть готов оперативно перебросить их туда, где обозначится главная атака. А при нынешнем снежном покрове нечего было и думать об оперативной переброске в обход по берегу. Напротив - если перебрасывать придется все же на запад, то напрашивался путь через озеро близко к стенам с южной стороны, там, где снег неглубок. Ведь Арвик верит, что на стенах не осталось стрелков (впрочем, с южной стороны так оно и было), и - не видя издали, как расставлены лучники на мосту - может недооценивать угрозу потока стрел оттуда, несомого ветром как раз навстречу...

В итоге две трети настоящих лучников Швертлинг направил на ближнюю к башне часть южного моста (где они встали в три шеренги за спинами друг у друга, так что издали и снизу

цепочка стрелков казалась не такой плотной), а оставшихся - на дальнюю треть западного моста. Но задачей последних было не стрелять против ветра по западному лагерю, а стрелять в противоположном направлении - в спины (или во фланг) тем, кто попытается атаковать вышедшую на лед, но не дошедшую до берега пехоту.

Пехота вышла именно на западе, торопливо спускаясь по лестницам, сброшенным с моста возле башни, а также выходя из искусственного грота в основании стены, через который в теплое время года в город доставляли улов рыбаков и другие грузы, привезенные на лодках. Этот грот (как и такой же с восточной стороны) не облегчал врагам дорогу внутрь - даже разломав закрывавшую вход решетку (чтобы поднять ее теперь, ночью пришлось сверлить лед вокруг прутьев), они оказались бы на дне вертикального колодца, который при необходимости также перекрывался выдвижными решетками на нескольких уровнях и упирался в окованную железом площадку подъемного механизма, тоже полностью перекрывающую шахту. Сейчас этот механизм работал вовсю, спуская все новые партии солдат. Вывести таким образом на лед конницу было нереально. На подъемник можно было поместить не более двух лошадей за раз, а спуск и подъем занимали вместе около пяти минут, так что на спуск даже всего двух дюжин коней с всадниками ушел бы целый час. Внутри грота, даже с учетом замерзшей вокруг причала воды, места тоже было слишком мало, чтобы собрать здесь лошадей заранее (как сделали это с первой полусотней солдат). Таким образом, пехотинцам предстояло выйти на открытый лед озера без кавалерийского прикрытия, фактически представляя собой лакомую приманку для конницы противника - на что, собственно, и рассчитывал Швертлинг. Оставалась, конечно, и вероятность, что Арвик вовсе не станет отвлекаться на разгром вышедшей из города пехоты, а сразу же предпримет штурм оставшейся без защиты, по его мнению, крепости - но и в этом случае план Швертлинга, по крайней мере, не ухудшил бы ситуацию.

Хотя каждый солдат в отдельности не мешкал, для того, чтобы вывести на лед двумя имевшимися способами полторы тысячи пехотинцев, требовался почти час. Такой срок развертывания на глазах у противника показался бы недопустимо долгим офицеру XXI века, привыкшему к тому, что обмен информацией между участниками боевых действий идет со скоростью света, однако периметр озера составлял одиннадцать километров, и даже в хороших погодных условиях конному вестовому потребовалось бы никак не меньше получаса, чтобы доскакать по берегу от западного лагеря до ставки Арвика на востоке и обратно (плюс время ожидания собственно приказа). По глубокому же снегу такой путь требовал едва ли не вчетверо больше времени. Вестовой, правда, попытался срезать путь через озеро, но, издали заметив солдат на южном мосту, благоразумно поскакал не вдоль городских стен под этим мостом, а по двум хордам - от западного лагеря к южному и лишь затем - к восточному, избежав, таким образом, вражеских стрел, но и не так уж сильно сократив путь.

Пехота королевы тем временем двинулась на запад тремя колоннами, которые формировались прямо на ходу, по мере того, как по лестницам и из грота прибывали и пристраивались в хвост товарищам все новые бойцы. Центральная колонна, обойдя решетки, шла прямо под мостом, две другие - по бокам. Командир западного лагеря, видя приближение неприятеля, должен был, таким образом, принимать решение сам, не дожидаясь ответа Арвика. Надо отдать должное его подчиненным - из своего лагеря, теперь представлявшего собой один большой сугроб, они выбрались еще до того, как их противник приблизился к берегу. Но что теперь - занять оборонительную позицию на берегу и ждать, чтобы сразиться с врагом пешими в глубоком снегу, или все-таки, несмотря на лучников на мосту, атаковать конницей, пока вражеская пехота наиболее уязвима на льду и пока она не вся еще даже вышла из крепости? Что перевесит - осторожность или жажда славы, страх перед гневом Арвика из-за чрезмерной пассивности или, может быть, страх перед гневом Арвика из-за дерзости? Учитывая нрав претендента на престол, он мог возмутиться не только действиями, предпринятыми без его одобрения, пускай и в его интересах (если только не согласовал таковые заранее), но даже и

победой, одержанной так, что основная слава достанется не ему... В Дракенхайме не знали, кто из сторонников Арвика командует каждым из его лагерей (исключая, понятно, восточный) и могли лишь гадать, как не только военные, но и психологические соображения повлияют на действия оппонентов.

Ответ был получен, когда голове пехотной колонны (или трех колонн, смотря как считать - впрочем, с берега были видны лишь две боковые) оставалось до берега около двух сотен ярдов, а хвост все еще вытягивался из башни. Колонна, таким образом, чрезвычайно растянулась и казалась легкой целью для атаки конницы, которая, даже не имея возможности развить свою обычную скорость, с легкостью рассечет противника и перебьет и попросту растопчет рассеянную, разбегающуюся, не способную сомкнуться в плотный оборонительный порядок пехоту. Очевидно, вражеский командир пришел именно к такому выводу; пропели рога, и на берег - не галопом, а всего лишь шагом, пролагая себе путь в глубоком снегу, но все равно внушительные в своей тяжелой броне - выехали рыцари, три сотни тяжелой кавалерии. Они выехали на озеро не возле моста, прямо на ждущих там лучников, а к югу от него. С этой стороны, "в тени" моста, снега на льду было меньше, чем к северу от него, что как раз позволяло резко разогнаться перед решающим ударом во фланг колонне, обратить тех пехотинцев, что не будут убиты на месте, в бегство на север, где они увязнут в снегу, и быстро добить их уже там. При этом, даже если они не отбегут в панике достаточно далеко, чтобы оказаться вне прикрытия стрелков, последние все равно перестанут быть серьезной проблемой - при хаосе потерянного строя, где своя пехота перемешается с вражеской конницей, лучники на мосту, скорее всего, прекратят стрельбу, боясь попадать по своим. Да еще и сильный западный ветер, сбивающий прицел...

На льду рыцари сумели перейти на рысь, развернулись, перестраиваясь для атаки, и устремились на север тремя расходящимися на скаку клиньями. Та треть лучников на мосту, что действительно умела стрелять и первоначально выдвинулась в конец моста, тем временем уже вовсю бежала назад, чтобы занять более подходящие для стрельбы позиции; их поставленные для вида товарищи, хоть и не имевшие в массе своей военной подготовки, быстро отступили к перилам, пропуская их - этому простому маневру их успели обучить. При этом по уже протоптанной по мосту дорожке стрелки бежали практически с той же скоростью, что и вражеские лошади по снежной целине внизу.

Однако рыцари набирали темп - медленнее, чем привыкли, но все равно уверенно. В большинстве своем они были вооружены мечами или палицами-моргенштернами, но не копьями, эффективными при конной сшибке или, в крайнем случае, против плотных оборонительных порядков пехоты, но не при охоте за разбегающимися пехотинцами. И они действительно видели перед собой типичную легкую пехоту (личную гвардию королевы), вооруженную мечами, практически бесполезными против их доспехов, или, максимум, топорами и чеканами, способными пробить латы - но не длинное оружие, которым пехотинцы могли бы эффективно защищаться от тяжелой кавалерии. И, что вполне ожидаемо, пехотинцы эти и впрямь бросились врассыпную, кто вперед, кто назад - что предвещало легкую и быструю победу, несмотря даже на поток стрел, обрушившийся с моста навстречу коннице. Первые лошади и люди валились в снег, но остальные рыцари лишь яростно шпорили коней, спеша разогнаться на последней сотне ярдов, чтобы скорее проскочить опасный участок и обрушиться на врага всею силой смертоносной массы, помноженной на скорость.

И тут скачущим рыцарям сквозь узкие щели их забрал открылось кое-что неожиданное. Во-первых, до сих пор они видели только колонну, двигавшуюся сбоку от моста, и ее вооружение. Те пехотинцы, что шли под мостом, были невидимы с берега и почти невидимы позади своих товарищей при взгляде с озера. Теперь же оказалось, что среди них есть тяжелая панцирная пехота и что, главное, и тяжелые, и даже легкие пехотинцы в средней колонне несли длинные прочные копья, которые, будучи надежно упертыми, представляют более чем

серьезную угрозу скачущей прямо на их острые пики кавалерии. Надежно упереть их в лед, правда, было бы затруднительно, но в этом заключался сюрприз номер два. То, что атакующие сперва сочли хаотичным разбеганием в стороны, оказалось невиданным прежде оборонительным построением. Каждая группа пехотинцев устремилась к ближайшей опоре моста и встала вкруг нее, уперев пятки копий в опору и выставив острия полукругом наружу.

Даже самый вышколенный боевой конь, способный скакать прямо на острые пики, не поскачет в лоб на широкий каменный столб. Те лошади, которых всадники все-таки попытались направить в сторону врага, старались остановиться, сгибали ноги, даже полностью приседали на задницу - но под копытами у них была не земля, а лед, пусть и присыпанный снегом, а скорость и масса были слишком велики, и они просто беспомощно скользили вперед прямо на копья. Точно так же не могли погасить скорость и другие всадники, на пути у которых не было препятствий - просто они рассчитывали, что им предстоит рубить на скаку убегающего противника, а не вступить в бой с надежно укрепившимся на месте. Некоторые из них пытались остановиться, чтобы рубиться с врагом прямо под мостом, вне досягаемости стрел; другие, напротив, решили побыстрее проскакать под мостом насквозь, избегая копий и не снижая скорости, отъехать на безопасное расстояние и развернуться для новой атаки. Беда была в том, что каждый принимал решение индивидуально, в результате чего, естественно, разгоняющиеся налетали на тормозящих и скачущие прямо - на сворачивающих; общей команды не было. Ее и не могло быть, ибо их командир граф Хайдельберт, по традиции старой аристократии лично возглавлявший атаку, был сражен стрелой одним из первых, даже еще до того, как успел понять, что происходит (в него попали три стрелы, но две не сумели пробить латы на дальней дистанции и лишь третья угодила точно в глаз). При этом каждый из четырнадцати дюжин настоящих лучников выпускал по стреле каждые 4-5 секунд - разумеется, не синхронно с прочими, так что стрелы сыпались непрерывным потоком, и большинство из них находили цели - чаще, впрочем, коней, чем людей, ибо это было проще в силу размера и, главное, отсутствия брони (снабжая прибывшее на корабле "налегке" рыцарство своего союзника конями, Хагентрауб поскупился на доспехи для них). Часть стрел, конечно, отскакивали от доспехов, ударившись под углом, или наносили неопасные раны лошадям и всадникам, но все новые животные и люди валились на лед, под копыта скачущим следом, а раненые или просто потерявшие всадников кони начинали метаться, все усиливая общий хаос.

Рыцари, все же проскочившие под мостом насквозь, оказались в той ловушке, которую планировали для обращенного в бегство противника - потеряли скорость в более глубоком снегу как раз тогда, когда им нужно было как можно скорее уйти из опасной зоны. Лучники перебегали к противоположным перилам и расстреливали их в спину почти в упор - теперь уже, впрочем, стреляя почти исключительно по лошадям, поскольку здесь уже скорость всадника не складывалась, а вычиталась из скорости стрелы, и шансов пробить доспех было еще меньше; в рыцарей целились лишь тогда, когда они оказывались на льду после потери коней. Почти никто из всадников не получил серьезных травм при падении, ибо снег смягчал удар, и они бросались бежать кто дальше на север в надежде все же уйти из-под обстрела, кто назад под прикрытие моста, где уже вовсю кипел бой, а точнее - полная куча-мала конских и человеческих тел. Примерно полусотне рыцарей, тем не менее, удалось прорваться и отъехать на безопасное расстояние, где они остановились и оглянулись, оценивая ситуацию позади. После короткого раздумья полторы дюжины самых отчаянных поскакали обратно на помощь товарищам, что было большой ошибкой с их стороны - если у трех сотен рыцарей еще были приемлемые шансы прорваться сквозь поток стрел в достаточном количестве, то у менее чем двух десятков, по которым плотно "работала" сотня тренированных лучников - и которые при этом не могли даже развить в снегу достаточную скорость - шансов не было совсем. До моста не доехал ни один из них; лишь троим, своевременно повернувшим назад, удалось уйти живыми (одному из них - пешим). Остальные прорвавшиеся на север благоразумно наплевали на все высокие идеи вроде

того, что рыцарю стыдно бросать своих и бежать от пехоты, и поскакали к своему лагерю, держась подальше от моста. Еще примерно две дюжины сумели развернуться еще перед мостом и ускакать на юг. Остальные - те, что еще оставались в живых и сохраняли боеспособность - вынуждены были забиться под мост и пытаться сражаться там.

Они все еще имели лучшие доспехи и оружие, чем большинство их противников, но совершенно не имели места для боя. Выход за пределы узкой полоски моста хоть в одну, хоть в другую сторону означал для них (в отличие от их врагов, конечно же) практически гарантированную гибель. Те, что еще сохранили коней, вынуждены были спешиться, но все равно оказывались в толчее, где им негде было развернуться, не говоря уже о том, чтобы перестроиться в боевой порядок. Свои же товарищи толкали их навстречу копьям, топорам и чеканам. Вдобавок, желая рассечь противника, они теперь сами оказались рассечены на маленькие группки, каждая под своим пролетом моста, окруженные со всех сторон неприятелем, численно превосходившим их уже на порядок. Это рыцарь в седле, скачущий на просторе, мог считаться равным двадцати пехотинцам, а в давке под мостом вступала в действие совсем другая арифметика. Здесь даже одноручные мечи, обычно бесполезные против лат, и даже стилеты-мизерикорды, предназначенные для добивания раненых - но в данном случае используемые против еще здоровых врагов - без особо труда находили себе путь через щели доспехов, главным образом через забрала. Конечно, рыцарские мечи и палицы тоже оставались смертоносным оружием - но их обладателям старались не дать возможности их использовать. Если рыцари сами не спотыкались в толчее о тела людей и лошадей под ногами, их старались повалить, подсекая ноги копьями (имевшими стальные крючья немного позади наконечников как раз для того, чтобы стаскивать с седла всадников и подсекать пеших), а затем наваливались на лежащих, становясь башмаками на руку с оружием, и добивали их сверху. Лед под снегом дополнительно играл на руку солдатам королевы: рыцари в своих железных башмаках-солеретах легче поскальзывались, чем их противники в сапогах на кожаной подошве, и в тяжелых латах, все же ограничивавших гибкость и подвижность, им было труднее сохранить равновесие.

Лишь когда всадники, вырвавшиеся из бойни в ее начале на север и на юг, доскакали по снегу до своего лагеря, его командующий граф Фельзенбург понял, что происходит под мостом, и послал на выручку рыцарям гвардейцев Дирлиха - легкую кавалерию с луками, сила и дальнобойность которых значительно уступали длинным лукам стрелков на мосту. Последнее обстоятельство было причиной, по которой Фельзенбург не отправил этих гвардейцев с целью очистить мост еще до атаки тяжелой конницы или, по крайней мере, для прикрытия самой атаки - каковая в этом случае могла бы иметь совсем иной эффект. Несомненно, конные лучники понесли бы потери, еще даже не приблизившись к мосту на расстояние собственного выстрела, однако их численный перевес - а в распоряжении западного командующего их было пять сотен - мог сыграть решающую роль, особенно если бы они действовали одновременно с тремя сотнями рыцарей против всего 168 лучников королевы. Фельзенбург, однако, не знал, что из пяти сотен лучников на мосту настоящие лишь треть. Но главная причина была даже не в этом. Он просто не доверял Дирлиху, фактически присоединившемуся к Арвику вынужденно и даже не особо это скрывавшему (чему, опять-таки, способствовала старая вражда Дирлихов и Хагентраубов) - и соответственно, распространял недоверие к командиру и на его людей. Вообще, хотя военные гвардейцы и корчили из себя защитников традиционных ценностей старой аристократии, среди них было слишком много младших сыновей, не имевших права на титул, и потому собственно титулованная аристократия, к которой принадлежал и Фельзенбург, нередко относилась к ним настороженно - не как к "безродным выскочкам", коих было много в королевской армии, но как к опасным конкурентам (как и отмечала в свое время Элинор) и "цепным псам", готовым исполнять карательные функции хоть против мужичья, хоть против высоких домов, отстаивающих свои древние привилегии. Причем, похоже, и сам Арвик не доверял в полной мере Дирлиху (хотя - доверял ли он в полной мере хоть кому-то вообще?), оттого и не оставил

всех его людей под его командованием, а распределил их между четырьмя лагерями. И, хотя это полностью соответствовало традиционной схеме использования военной гвардии, в нынешней ситуации трений между гвардейцами Дирлиха, "ополченцами" Хагентрауба и рыцарями Арвика - поначалу не особо заметных, но все усиливавшихся по мере того, как скука и холод затянувшейся осады все более действовали на нервы осаждающих - все больше гвардейцев, в прежние времена числившие Дирлиха лишь номинальным своим главой, чувствовали недовольство этим разделением.

Все эти соображения, с одной стороны, могли стимулировать Фельзенбурга бросить гвардейцев в бой первыми, как тех, кого не жалко. С другой стороны, он опасался, что они обратятся в бегство, попав под обстрел на дистанции, откуда не могут стрелять сами, причем это может быть даже не трусость, а сознательный саботаж. Как же - их, "элиту", рыцарский командующий использует в качестве расходного материала, приберегая в безопасности своих рыцарей, имеющих более прочные доспехи и щиты!

Но теперь у Фельзенбурга не осталось другого выхода. Гвардейцы, разъехавшись по берегу, выехали на лед с двух сторон - три сотни с севера и две с юга. Одновременно два десятка вернувшихся рыцарей, спешившись и прикрываясь тяжелыми длинными щитами, попытались взять штурмом баррикаду, перекрывшую вход на мост, однако не смогли подняться по ледяной горке. Несколько лучников, подбежавших к баррикаде со своей стороны, расстреливали их практически в упор, и, хотя суммарная толщина щитов и лат спасла большинство штурмующих от смерти и серьезных ранений, после нескольких тщетных попыток взобраться на мост они вынуждены были отступить.

Одновременная атака конных лучников с двух сторон имела больше шансов на успех. Пользуясь высокой мобильностью легкой кавалерии и своим натренированным за годы навыком стрельбы на скаку, они могли бы быстро подъезжать на необходимую им дистанцию, давать залп, сосредоточившись на определенном участке моста, и быстро отъезжать на безопасное расстояние для перегруппировки и новой атаки. Однако и тут снег на льду подорвал их главное преимущество над неподвижными стрелка́ми на мосту - скорость. Вдобавок лучники королевы успели уже пристреляться, а на скаку гораздо труднее брать поправку на ветер, особенно когда нет времени остановиться и оценить результаты своей стрельбы. В итоге в первых же заходах гвардейцы понесли серьезные потери (почти семь десятков были выведены из строя еще до того, как успели сделать хотя бы один выстрел), в то время как их стрелы летели по большей части мимо и чаще всего просто бились о перила моста. Лучники королевы, опять же, старались в первую очередь бить по лошадям, после чего свалившийся всадник либо бросался бежать прочь, либо становился легкой мишенью. При этом они не испытывали проблем с боеприпасами - их фальшивые "коллеги" не только отвлекали на себя внимание врага, но и выполняли весьма важную задачу, быстро передавая по цепочке от самых открытых ворот города новые колчаны со стрелами.

Во время этих атак, пока все внимание лучников королевы было отвлечено на вражеских стрелков, у остававшихся еще в живых рыцарей под мостом теоретически был шанс вырваться оттуда и убежать к своим - если бы они действовали все разом и скоординировано. Но ни о какой координации между разрозненными и окруженными группками не могло быть и речи; прорваться и спастись бегством удалось лишь троим.

Первыми, потеряв почти половину личного состава и своего командира, обратились в бегство гвардейцы, атаковавшие с севера - что позволило лучникам, стоявшим у северных перил, перебежать через мост на помощь своим товарищам. Заметив это, и командир южных сотен скомандовал отход на безопасное расстояние, где они еще пару минут дожидались оставшихся без коней своих, тяжело бежавших к ним по снегу, и всматривались в происходившее под мостом, где пехотинцы добивали последних рыцарей. Убедившись, что организованное сопротивление там прекратилось, а значит, поставленная задача по спасению

рыцарей потеряла смысл, командир с чистой совестью повел свои изрядно поредевшие сотни обратно в лагерь.

Всего в результате атак тяжелой и легкой кавалерии западный лагерь Арвика потерял почти три четверти коней, 223 рыцаря и 212 гвардейцев (раненых добивали и пленных не брали - в отличие от обычных феодальных междоусобиц, все они считались мятежниками и не могли рассчитывать на освобождение за выкуп). Сторона королевы потеряла, считая только убитых, 28 пехотинцев и 13 лучников (а также двоих фальшивых лучников, на свою беду оказавшихся слишком близко к месту боя).

Видя такое положение - а также приближающуюся пехотную колонну врага, которая теперь уже полностью вышла из города и численность которой он оценил в две тысячи бойцов (что было преувеличением, но не очень значительным) - Фельзенбург принял единственное остававшееся ему разумное решение: срочно покинуть лагерь и уходить с оставшимися у него людьми по берегу (не пытаясь даже срезать через озеро, подставляя тем самым фланг) на соединение с южными. В принципе, это уже означало прорыв осады. Если бы кто-то, включая саму Элинор, захотел покинуть столицу, дорога - по крайней мере, в западном направлении - была открыта. Но, разумеется, у Элинор и ее генералов были совсем другие планы. Этот день должен был закончиться, как минимум, полным изгнанием Арвика из-под стен столицы, а лучше - его окончательным разгромом.

Объединение южных сил противника с западными, пусть даже и понесшими большие потери, представляло вполне реальную угрозу этим планам, и с западной башни, откуда наблюдали за боем Швертлинг и зоркие молодые дозорные (уже заметившие, куда направляются вражеские колонны, хотя те и попытались сделать вид, что отходят от берега вглубь суши), передали сигнальными флажками приказ преследовать отходящих и не дать им соединиться со своими. Пока пехотная колонна подтягивалась и строилась в плотный походный порядок на берегу перед мостом, лучники, уже исполнившие свою роль на мосту, быстро перебирались через баррикаду из мертвых лошадей и съезжали на собственных задах по ледяному спуску вниз, дабы также принять участие в атаке. Фальшивым приказано было следовать за настоящими - не только чтобы продолжать дезориентировать противника, но и чтобы нести дополнительные колчаны со стрелами. Теперь, однако, цепочки от самого города больше не было, и, стало быть, даже с дополнительными четырьмя колчанами (каждый из которых вмещал 30 стрел), боеприпасов каждому лучнику хватило бы не более чем на 15 минут стрельбы в максимальном темпе. Впрочем, даже самые тренированные лучники не смогли бы долго выдержать такой темп, учитывая силу натяжения в 80-100 фунтов.

Одновременно бывший заместитель Вульфеншванца, произведенный теперь в капитаны и назначенный новым командиром Шестого дивизиона, решил преподнести еще один сюрприз врагу; это была его собственная дерзкая импровизация, а не часть первоначального плана. Бо́льшая часть его дивизиона также входила в состав пехотной колонны - поскольку на спуск их лошадей на лед не было времени, они наступали в пешем строю, неотличимые для внешнего наблюдателя (особенно наблюдавшего издалека) от личной гвардии королевы. Крамп вообще сомневался в их лояльности и не советовал вводить их в бой на первом, самом рискованном этапе, но Элинор все же санкционировала их участие (хотя и оставила в городе со Швертлингом самого Вульфеншванца, как "командующего всей военной гвардией королевства") - в конце концов, находясь в середине пехотной колонны, которой предстояло отражать атаки противника, склонного рубить на скаку, а не вступать в диалоги, они даже чисто технически имели куда меньше возможности переметнуться на другую сторону, чем разъезжая по полю боя на конях. Но вот теперь они все же сумели заполучить коней - их капитан велел ловить трофейных, оставшихся без всадников. Пока лучники спускались с моста и строились, военные гвардейцы успели обзавестись тремя десятками коней. Это не было особенно сложно - кони военной гвардии (а в живых остались в основном они) были обучены, потеряв своего седока, подходить

по команде, дабы послужить его товарищам. Главное было, чтобы они не ускакали слишком далеко и услышали призыв. Трофейные кавалерийские луки и колчаны также были теперь в изобилии.

И вот капитан с тремя десятками наиболее умелых и отчаянных своих подчиненных устремились верхом за ретирующимся противником. Вездесущий агент Тайной Стражи, находившийся среди пехотинцев, даже заподозрил его в желании перебежать к неприятелю, но воспрепятствовать не смог, ибо Айбенхорст, командовавший вышедшими из крепости объединенными силами, не стал останавливать капитана. Любой дополнительный беспорядок или задержка в стане врага были только на руку.

Маленький отряд военных гвардейцев двигался по дороге, уже протоптанной в глубоком снегу отступающим неприятелем, и потому быстро настиг тянущиеся по снегу колонны бойцов бывшего западного лагеря. Теоретически это выглядело наглостью - ведь, несмотря на все потери, численность кавалерии там все еще была многократно больше, чем у преследователей. Но на практике вся эта конница, тяжелая и легкая, двигалась впереди, а в арьергарде брели сотни пеших, совершенно беззащитные против кавалерийской атаки с тыла. По всей видимости, помимо оставшихся безлошадными, но живыми рыцарей и гвардейцев, коих в сумме было лишь несколько десятков, это были "ополченцы" Хагентрауба. Капитан не стал задумываться, куда делись их кони. (Ответ на этот вопрос дали разведчики, тем временем поспешно обследовавшие покинутый лагерь и обнаружившие лошадиные кости и целые замороженные туши. Очевидно, коней, доставивших не умевших сражаться верхом пехотинцев, отправили после этого в солдатские котлы, решая таким образом сразу две задачи - обеспечение осаждающих продовольствием и уменьшение потребности в фураже. А возможно, также и третью, осложняя людям Хагентрауба потенциальное бегство из-под стен Дракенхайма.). Точно так же не волновало капитана, почему западный командующий не озаботился прикрыть пеший арьергард еще остававшимися у него конными лучниками. Возможно, слишком полагался на то, что у врага нет конницы, а возможно, сказалось традиционное презрение рыцаря к состоящей из простолюдинов пехоте (спешенные рыцари, кстати, шагали впереди, практически рядом с конями своих более удачливых товарищей). Так или иначе, всадники Шестого дивизиона нагнали арьергард почти беззвучно (ибо копыта не производили много шума по снегу), осыпали стрелами (пехотинцы с криками бросились бежать вперед, толкая друг друга, но не врассыпную) и стали обгонять справа (по глубокому снегу, но все равно чувствуя себя в безопасности против бегущих в панике пеших), дабы следующий залп дать уже всею длиной отряда вбок, а не через головы друг друга.

И тут вдруг один из коней атакующих громко заржал и вздыбился, выбрасывая из седла всадника, который в этот самый момент натягивал тетиву и, соответственно, не успел ухватиться руками. А в следующий миг и конь самого капитана упал на колени в снег - тут же снова резко дернувшись и с мучительным ржанием заваливаясь набок. Другие всадники Шестого дивизиона, не понимавшие, что происходит (они не видели, чтобы кто-то по ним стрелял, их бывшие товарищи, а теперь враги - конные гвардейцы Дирлиха - хотя и начали разворачиваться в ответ на крики позади, но были слишком далеко впереди и еще не заняли подходящей позиции для стрельбы), резко подали коней вправо, чтобы не наехать на упавших и на всякий случай увеличить дистанцию с вражеской колонной.

Но тут завалился еще один конь, и тут же закричал от боли его всадник. Вздыбился еще один, кропя снег кровью, текущей прямо из копыта. Капитан, выбравшись из-под бока своего бьющегося на снегу скакуна, вскочил, намереваясь бежать назад - и замер, видя, как с криком подпрыгивает на одной ноге другой оставшийся без лошади гвардеец.

- Калтропы[54], м-мать их!

[54]Калтроп (от латинского calcitrapa - "ловушка для ноги") - антично-средневековый аналог мин, конструкция из нескольких длинных металлических шипов, торчащих в разные стороны (обычно из четырех, концы которых

Действительно, осаждающие не тратили время даром в ожидании, пока осажденные решатся на вылазку. В ночь перед предполагаемым боем - то есть еще накануне бури - по всему периметру озера между четырьмя лагерями были разбросаны калтропы, в изобилии доставленные Арвику на подводах из земель Хагентрауба. Снег замел их, сделав ловушку идеальной. Офицеры Арвика знали ориентиры, позволяющие определить безопасный путь по берегу - и, разумеется, именно по такому пути бойцы из западного лагеря шли теперь в южный. Пока их преследователи двигались по их следам, им тоже ничего не угрожало - но стоило им отклониться...

Прежде, чем всадники Шестого дивизиона сумели вернуться на безопасную тропу позади своих врагов, они потеряли шесть лошадей. Один человек пропорол ступню, и еще три получили тяжелые раны в бедро, бок и плечо, упав с лошади или вместе с ней прямо на скрытый под снегом шип. Еще двое, включая капитана, вынуждены были выбираться пешком, осторожно прощупывая путь впереди. "Ополченцы", потерявшие во время их налета 23 человека только убитыми (большинство конных гвардейцев успели поразить с близкого расстояния одну, а некоторые - и две цели), не пытались вернуться и контратаковать, а бежали дальше вперед, но им навстречу уже двинулись их собственные конные гвардейцы, готовые покарать за дерзость бывших товарищей. Проблема этих всадников, впрочем, была в том, что они тоже не могли развернуться широким фронтом и вынуждены были пробиваться назад по той же дороге, сталкивая в снег с прячущимися в нем шипами и просто давя ломящуюся им навстречу пехоту. Это серьезно замедлило их продвижение (тяжелая рыцарская конница справилась бы лучше с задачей валить и топтать всех, кто преграждает путь) и дало всадникам Шестого дивизиона шанс дождаться своего капитана и еще троих (включая двоих раненых), ковылявших к ним через снег. Остановившись на месте, подчиненные капитана выпускали стрелу за стрелой в сторону противника; ветер был на их стороне (для них он дул сзади-сбоку), поэтому их стрелы достигли гвардейцев Дирлиха первыми (при этом не долетевшие стрелы с обеих сторон падали на головы пехотинцев, оказавшихся между двумя группами всадников). Но это преимущество длилось лишь несколько мгновений, пока кавалеристы Дирлиха, нещадно топча и расшвыривая пехоту Хагентрауба (и дело здесь было даже не в отношениях между двумя графами, а во все том же всегдашнем презрении кавалерии к пехотинцам), не сократили дистанцию еще на пару десятков ярдов, после чего на две дюжины гвардейцев Вульфеншванца, все еще остававшихся в седлах, обрушился целый дождь стрел. Пока ни одна из сторон не могла развернуться широким фронтом, две сотни гвардейцев Дирлиха не могли реализовать свое решающее преимущество, пока не приблизятся вплотную - но вдруг голова их колонны разделилась и начала разворачиваться в шеренгу в обе стороны от дороги, не боясь никаких ловушек! Очевидно, проходы через калтропы существовали не только концентрические, но и радиальные - однако только офицеры Арвика знали, где они находятся. Их противники мужественно отстреливались, оставаясь на месте, в надежде дождаться и вытащить хотя бы своего командира, но, потеряв за минуту семь человек, вынуждены были развернуться и скакать прочь. Капитану, однако, удалось выбраться на протоптанную дорогу и даже поймать там оставшуюся без всадника (уже во второй раз за какой-то час) лошадь, но, когда он уже вскочил в седло и развернулся в сторону своих, стрела ударила его сзади под шлем, пробила кольчужную бармицу и вышла из кадыка. Остальные его товарищи, оставшиеся без лошадей, также были добиты стрелами.

Наибольшие потери в этом бою между двумя группами кавалеристов, впрочем, понесли пехотинцы Хагентрауба.

Тем временем основное войско королевы все еще не понимало, что произошло с ускакавшим вперед отрядом. Там не слышали крика про калтропы, отнесенного ветром дальше

образуют вершины тетраэдра, так что калтроп не надо устанавливать специально - достаточно просто бросить на землю, и три шипа всегда воткнутся, а один будет торчать вверх). Такой шип способен проткнуть не только обувь солдата, но и копыто коня.

на восток и заглушенного ржанием раненых коней. Там лишь поняли, что впереди происходит что-то не то, и их товарищам - включая командира Шестого дивизиона - нужна помощь. К тому же настигнуть противника надо было как можно скорее, пока тот еще был достаточно далеко от южного лагеря, и Айбенхорст дал команду "бегом!" Бежали они, естественно, тоже по уже протоптанной дороге, а не по глубокому снегу по краям, так что никто не напоролся на ловушку и не узнал о таковых до самой встречи со скачущими назад всадниками, из коих уцелело лишь немногим более половины.

"Ополченцы" тем временем оттянулись, наконец, за линию конных стрелков, которые, однако, не спешили покидать свою позицию и продолжать отход на юго-восток. Айбенхорст стал разворачивать своих стрелков с длинными луками, имевших преимущество в дальности, напротив них. В отличие от мин более цивилизованной эпохи, калтропы не были непреодолимым препятствием для пехоты - достаточно было лишь идти по снегу осторожно, прощупывая ногой путь прежде, чем перенести на нее вес (либо ступая точно по чужим следам), что, понятно, замедляло передвижение (и исключало бег), но не делало его невозможным. И все же калтропы лишили бойцов королевы главного преимущества легкой пехоты, на которое рассчитывал Швертлинг - маневренности... Лучники, занявшие позицию, сразу же открывали стрельбу, не дожидаясь, пока шеренга развернется полностью. Вражеские кавалеристы тщетно пытались отстреливаться со слишком большой для них дистанции; буквально за пару минут два десятка из них были убиты или ранены либо лишились лошадей, но их товарищи все еще не покидали свою позицию.

И тут стала ясна причина такого самоубийственного упорства. Наблюдатели с южной башни просигналили флажками, что южное войско противника оставило свой лагерь и идет на соединение с западными, чей авангард находился к тому времени примерно в миле от него.

Швертлинг не думал, что южные решатся покинуть свой лагерь, который в этом случае легко смогут занять лучники с южного моста - однако они поступили именно так. Генерал, перебравшийся к этому времени в башню посередине между западной и южной, колебался, отдать ли лучникам на мосту приказ о выдвижении. Соблазн зажать противника между шеренгами стрелков с длинными луками с двух сторон был слишком велик, но именно потому действия неприятеля слишком походили на ловушку. Что, если, пока лучники будут спускаться с моста и не успеют построиться в боевой порядок, "южные" стремительно развернутся и атакуют? Но "южные" - и пехота, и конница - отходили все дальше, уменьшая шансы на успех такого маневра. Хотя с такого расстояния все еще трудно было оценить их численность и понять, ушли из лагеря все или нет - но похоже было, что конницы там явно меньше, чем должно было быть при равном распределении между четырьмя лагерями; и, стало быть, она могла остаться в засаде (для чего хорошо подходили не столько даже шатры самого лагеря, где можно было укрыть пехоту, но не всадников, сколько рощица позади него, наполовину, правда, уже вырубленная ради топлива). С другой стороны, в условиях, когда конница теряла свое решающее преимущество в снегу, их командиры могли просто приказать части кавалеристов наступать пешими. В то же время, для Швертлинга ждать, пока хвост их колонны достаточно отдалится от лагеря, означало позволить ее голове без потерь вступить в бой вместе с "западными" против королевской пехоты. И генерал велел передать команду лучникам на мосту, рассчитывая, что первыми - оказавшись тем самым в самой опасной позиции - спустятся занимавшие последнюю треть южного моста фальшивые лучники, которых все равно не жалко.

Тут, однако, Швертлинга, привыкшего командовать маневрами, а не реальными боевыми действиями, ожидал неприятный сюрприз. Если послушники дисциплинированно выполнили приказ, то добровольцы и "полудобровольцы" из числа городских служащих, которым было обещано, что им придется лишь изображать из себя солдат, стоя на относительно безопасной позиции, но не участвовать в реальном бою - решительно отказались выходить первыми на берег, где они оказались бы совершенно беззащитны. Разумеется, принудить их именно в этот

момент не было никакой возможности, так что настоящим лучникам пришлось проталкиваться между ними вперед - притом, что выход с моста и без того был в буквальном смысле узким местом.

И тут кавалерия с востока, из лагеря самого Арвика, пошла в атаку - рысью через озеро, обходя город с юга вплотную к стенам, как, собственно, и предвидел Швертлинг, ради чего он и выставил настоящих лучников на южном мосту. Но он не ожидал, что эта атака начнется именно сейчас. С расстояния более двух километров из ставки Арвика невозможно было различить, что именно происходит на южном мосту, есть ли там в данный момент вообще какие-то люди, не говоря уже о том, лучники это или мечники. Едва ли из ставки принца можно было разглядеть и сигнальные флаги на юго-западной башне - а если бы даже и да, никто в лагере Арвика не понял бы их значения, ибо система сигналов менялась перед каждым боем. Из южного лагеря Арвику тоже никак не могли просигналить, опять-таки из-за слишком большого расстояния (только большие стационарные флагштоки на башнях позволяли поднимать флаги такого размера), а гонцу оттуда пришлось бы скакать по снегу вокруг озера чуть ли не полчаса. В общем - никаким способом, кроме разве что колдовства, Арвик не мог узнать, что именно сейчас подходящий момент направить конницу под южный мост.

Он этого и не знал. Как не знал и того, что его западный лагерь, на подмогу которому поскакала конница, уже захвачен. Он лишь успел получить известие, что противник развивает наступление на западе и, по всей видимости, до сих пор еще не разбит. То, что он послал кавалерию именно в этот момент, было простым совпадением. Собственно, если бы он действительно знал, что происходит, то повременил бы еще несколько минут - и тогда лучники точно не успели бы вернуться на свои позиции на мосту, и конница проскакала бы под ним без потерь.

Теперь же к тому моменту, когда на южной башне затрубили рога, возвещая тревогу, спуститься на берег успела только примерно половина реальных лучников (то есть треть от находившихся на мосту людей); задержавшая их толчея, возникшая из-за заартачившихся "добровольцев", неожиданно пошла на пользу стороне королевы. Стрелка́м, успевшим спуститься с моста, уже не было смысла пытаться вернуться обратно, карабкаясь по скользкому спуску; они, наоборот, по команде капрала, командовавшего первым взводом (лейтенант, командовавший всей южной группой лучников, все еще оставался на мосту), стали торопливо отходить в сторону лагеря, дабы оставить побольше снега между собой и скачущей по льду конницей. Те же, что еще оставались на мосту, побежали обратно; "добровольцы" снова путались у них под ногами, но другой догадливый капрал рявкнул на них: "В город бегом марш!" - и тут уже псевдосолдат не надо было уговаривать, они радостно помчались во всю прыть под защиту надежных крепостных стен. Настоящие же стрелки бежали вместе с ними кто до начала, кто до середины моста, останавливались и занимали позиции, натягивая луки навстречу быстро приближающейся кавалерии.

Хотя Арвик не мог знать, остаются ли стрелки на мосту до сих пор, о самом факте, что вылазка противника началась с занятия мостов лучниками, он уже был осведомлен доскакавшими до него гонцами - и, в отличие от злополучного Фельзенбурга, выслал кавалерию грамотно, придав тяжеловооруженным рыцарям гвардейцев с луками.

И их оказалось неожиданно много. Голова колонны уже приближалась к южному мосту, а хвост все еще вытягивался с восточного берега. Пять сотен рыцарей и девять сотен гвардейцев! (Защитники королевы еще не знали этого, но командовал всей этой силой сам Гартхард, а в подчинении у него находился Дирлих, руководивший своими гвардейцами.) Это означало, что Арвик разделил свое войско между четырьмя лагерями вовсе не поровну, как это можно было подумать после боя с "западными". Раз он почти вдвое усилил конницу на востоке, значит, он снял ее с севера или с юга, а то и с обоих направлений (так что нехватка кавалерии у вышедших из лагеря "южных" могла объясняться именно этим). Или случилось гораздо худшее - за время

осады к нему подошло подкрепление? Возможно, все-таки официальная армия Хагентрауба? Но дозорные на башнях днем и ночью считали дымы и огни костров во вражеских лагерях. Их число особо не менялось...

Так или иначе, теперь вся эта конная лавина катилась к мосту, на котором успели занять позиции лишь сто шестьдесят стрелков. Первоначально Гартхард рассчитывал пройти под мостом узкой колонной вдоль городской стены, по наиболее свободному от снега маршруту, но, разглядев лучников, растянувшихся по мосту довольно-таки редкой цепью - теперь с ними не было даже "добровольцев", создававших иллюзию сплошной шеренги - на ходу перестроил своих всадников. Рыцари, которым надо было проскочить мост как можно быстрее, поскакали первоначальным маршрутом, а вот гвардейцы, которым требовалась не скорость, а, наоборот, возможность сделать как можно больше выстрелов прежде, чем они достигнут моста, развернулись из колонны в несколько шеренг слева по направлению движения, то есть дальше от города, там, где было больше снега.

Лучники просто не могли справиться с таким количеством целей. Даже их лейтенант не смог решить, следует ли отдавать предпочтение рыцарям или гвардейцам, так что каждый стрелял по собственному разумению. Инстинкт, впрочем, побуждал большинство из них стрелять по тем, кто стреляет по ним, а не по тем, кто просто скачет мимо, тем паче что гвардейцы представляли собой и более медленные, и хуже защищенные цели. Ветер был на стороне защитников королевы, еще увеличивая преимущество в дальности длинных луков, и перила моста и здесь служили им неплохой защитой, так что им удалось сразить или оставить без лошадей около полусотни гвардейцев прежде, чем хотя бы одна ответная стрела нашла свою цель. Однако, когда первые шеренги гвардейцев проехали под мостом, они не поскакали дальше, а развернулись и принялись осыпать противника стрелами сзади по крутым навесным траекториям - и тут уже ветер помогал им, а перила ничем не могли помочь их противникам; правда, стрелять приходилось практически наудачу, и меткость сильно оставляла желать лучшего. Но лучники королевы не могли даже перебежать с восточной стороны моста на западную, чтобы отражать эту новую угрозу (их лейтенант прямо запретил им это), поскольку с востока приближались новые шеренги, и стрелы сыпались с обеих сторон.

В течение какой-нибудь пары минут стрельба сделалась такой плотной, что некоторые стрелы, выпущенные гвардейцами с обеих сторон, перелетая через мост, поражали своих - однако лучники королевы теперь тоже уже несли значительные потери. На близком расстоянии преимущества их оружия и позиции уже мало что значили по сравнению с многократным численным перевесом противника. Стрельба по коням, столь хорошо показавшая себя у их товарищей на западе, тоже не приносила особой пользы, ибо всадники атаковали не в плотном строю (но и не хаотично) и не такой скорости, которая не позволила бы объехать упавшую лошадь, а если оказывались на льду, то не бежали в панике прочь, а продолжали стрелять еще более метко с неподвижной позиции. (Коня убили и под Дирлихом, но граф, благополучно пережив падение, остановил скачущего мимо гвардейца, велел ему спешиться и взобрался в седло на его место.) Рыцари тем временем практически без помех скакали мимо в стороне от основной перестрелки, и, когда арьергард их колонны удалился на безопасное от моста расстояние, остававшиеся в седлах гвардейцы последовали за ними. При достаточном упорстве они могли бы, вероятно, полностью очистить мост (вынудив последних оставшихся на ногах стрелков бежать в башню), но после того, как они обеспечили проход рыцарей, это не было их задачей. Их главной целью был разгром основных сил противника, и для этого стоило поберечь не только людей, но и стрелы. Те из всадников, что остались без лошадей и не смогли поймать себе новых, отступили - кто бегом, кто пятясь и отстреливаясь на ходу - обратно на восток.

Общие потери гвардейцев Дирлиха у южного моста - включая потери от дружественной стрельбы - составили почти три сотни, но и лучники королевы лишились почти половины из тех, кто участвовал в перестрелке. Потери рыцарей оказались минимальны - восемь человек и

четырнадцать лошадей.

Лишь оказавшись за мостом, авангард конницы Арвика, наконец, разглядел, что бой идет уже не возле западного моста, а на берегу примерно посередине между южным и западным лагерями. Перестроившись в новый порядок - рыцарская колонна посередине, гвардейская легкая кавалерия по бокам - всадники поскакали туда.

Тем временем на южном мосту оставшиеся на ногах лучники побежали сперва к башне - пополнить боезапас, а затем - в противоположную сторону, чтобы присоединиться к своим уже вышедшим на сушу товарищам. Как и Швертлинг на башне, командиры лучников предполагали, что не все враги покинули южный лагерь и оставили там засаду, а также охрану припасов, поэтому не стали пытаться войти в лагерь, где они, конечно, потеряли бы все свое преимущество и превратились бы в легкую добычу. Впрочем, оттуда их тоже никто не попытался атаковать в самые рискованные для них минуты, пока сперва первая (не участвовавшая в перестрелке), а затем вторая (уцелевшая после таковой) группа спускалась и разворачивалась на предмостном плацдарме. Выждав еще несколько минут в настороженных шеренгах, развернутых в сторону лагеря, лучники (в число которых входили и около полусотни выполнивших приказ фальшивых - послушников и охранников, непригодных в качестве стрелков, но способных оказать сопротивление в рукопашной) двинулись через снежную целину, стараясь держаться подальше от шатров лагеря, вдогонку за ушедшим на соединение с "западными" войском, дабы осыпать его стрелами с тыла. И, конечно же, вскоре наткнулись на калтропы, о которых доселе не знали (как по-прежнему не знали о них и в крепости). Лейтенант, командовавший лучниками, принял решение осторожно пробираться кратчайшим путем до следов, оставленных "южными" - что, правда, означало движение колонной, а не шеренгами, готовыми сразу же открыть опустошительную стрельбу широким фронтом.

"Южные" тем временем уже соединились с "западными", оттесненными еще дальше лучниками Айбенхорста, которые медленно, но верно продвигались вперед. Однако последних оставалось всего полторы сотни, наступавшие тремя шеренгами (за ними двигались еще шесть шеренг псевдолучников, создававших видимость - здесь они подчинились приказу, чувствуя себя в большей безопасности - и колонна основной пехоты). Гвардейцы "западных", тщетно попытавшиеся сдержать их наступление до подхода "южных", вынуждены были в итоге беспорядочно отступить, причем не все даже доехали по проходу через калтропы до дороги, уже в основном освобожденной их пехотой - некоторые на флангах, не выдержав, попытались скакать прочь по диагонали через опасную целину и, конечно, таким образом было потеряно еще несколько коней, а также их бывших всадников, которых настигли стрелы; также во время этого бегства гвардейцы стоптали еще нескольких недостаточно расторопных пехотинцев. Но уже на следующем рубеже - невидимом для бойцов королевы радиальном проходе через ловушки - отступление прекратилось: "западных", наконец, встретили "южные". Пехотные колонны тех и других буквально столкнулись, и бегущие не столько даже от вражеских стрел, сколько от собственной конницы пехотинцы "западных" произвели определенный хаос в рядах прибывших им на помощь товарищей, однако конные лучники действовали более слажено. Большинство "западных" гвардейцев (коих осталось на конях чуть больше сотни от первоначальных пяти) все же проскакали дальше в тыл - одни в панике, другие потому, что у них были на исходе стрелы - но "южные", доселе не участвовавшие в бою, пропустили их, быстро разъехавшись двумя колоннами влево и вправо по безопасному проходу - а затем, пользуясь своим знанием свободных от калтропов путей, принялись обходить противника с флангов. Около четырех десятков "западных" гвардейцев, перегруппировавшись, все же присоединились к ним. Хотя в снегу кони могли двигаться лишь немногим быстрее пешехода, солдаты королевы, в свою очередь, из-за ловушек перемещались еще медленней. В результате Айбенхорсту не удалось ни воспрепятствовать окружению, ни хотя бы перебросить часть лучников для защиты тыла; все, что он успел - это прикрыть ими фланги и выкрикнуть приказ арьергарду бежать вперед, под их

защиту, не взирая даже на калтропы, потери от которых были бы меньше потерь от атаки конных лучников на беззащитный тыл (тридцать всадников Шестого дивизиона совсем недавно показали, как это делается, а теперь роли менялись - причем всадников теперь было больше, и они знали, где находятся ловушки). Фронт остался прикрыт практически одними лишь псевдолучниками - Айбенхорст надеялся, что их грозный вид удержит противника на почтительном расстоянии.

Не удержал. Шеренги спешившихся рыцарей (в основном "южных", к которым присоединились и уцелевшие "западные"), общей численностью чуть более двух с половиной сотен, двинулись в лобовую атаку. Парадоксальным образом отказ от коней давал им теперь все преимущества. Они могли наступать широким фронтом, а не узкой колонной по дороге, на которой так удобно концентрировать стрельбу - ибо калтропы не могли проткнуть их стальные солереты, и максимум, что грозило из-за шипов рыцарям - это споткнуться. (Впрочем, глубокий снег все равно существенно задерживал их, причем, прокладывая путь через него, они выбивались из сил быстрее, чем их оппоненты - не только более легкие, но и двигавшиеся в основном по уже протоптанным другими путям.) В пешем строю было и удобнее прикрываться щитами (не говоря уже о том, что сами рыцари в своих латах были менее уязвимы для стрел, чем кони).

Все же, несомненно, они понесли бы весьма значительные потери, наступая по снежной целине прямо на шеренги лучников, а возможно, и были бы отброшены - если бы все эти лучники были настоящими. Но таковых по фронту осталась лишь одна жиденькая цепочка. И когда фальшивые лучники (облаченные лишь в легкие доспехи) увидели неумолимо надвигающуюся на них стену брони, острых мечей и тяжелых палиц - они, включая послушников (которые были дисциплинированными, но не самоубийцами), начали растерянно пятиться, а затем и вовсе обратились в бегство, бросив единственную цепочку настоящих стрелков даже без возможности пополнить боеприпасы.

Рыцари, ободренные паникой в рядах противника (причины коей они все еще не понимали), грузно побежали вперед, уже не особо утруждая себя тем, чтобы максимально прикрываться щитами. Некоторые падали, все же нарвавшись на стрелу (таких становилось все больше по мере сближения с лучниками) или просто споткнувшись о шип (такие быстро поднимались и бежали дальше), но большинство благополучно добежали до рядов неприятеля. Стрелки, выпустив последние стрелы - некоторые буквально с расстояния уже в пару ярдов - бросились назад, кто по дороге, кто по сторонам от нее, стараясь попадать в безопасные следы (не всем и не всегда это удавалось). Однако прямо за ними, словно острые сучья, обнаженные сдутой ветром листвой, рыцарей Арвика уже поджидали тяжелые пехотинцы Швертлинга с алебардами и копьями.

Их доспехи не так уж сильно уступали рыцарским. У них не было щитов, ибо они сражались двумя руками, зато и их оружие было длиннее мечей и палиц их противников (правда, удар меча мог перерубить древко, но и удар алебарды мог сломать меч). Но они были обуты в обычные сапоги и не могли позволить себе наступать на шипы - а значит, не могли быстро перестраиваться и перемещаться за пределами безопасной дороги. И потому, когда центр атакующих сошелся с ними в лязгающей, грохочущей и высекающей искры (и щепки из щитов) схватке, остальным рыцарям не составило труда обойти неприятеля с флангов, дабы атаковать лучников, которые вели перестрелку с конными гвардейцами.

Наибольшего успеха, как и следовало ожидать, эта стрельба у лучников Айбенхорста достигла на левом фланге - в сторону озера, ибо ветер к этому времени еще более изменился в направлении юго-западного и добавлял стрелам защитников королевы лишние 13-15 узлов скорости, отнимая их, соответственно, у стрелявшего в обратном направлении противника. Люди Арвика, разбрасывавшие калтропы, старались оставлять концентрические проходы в них на расстоянии не больше полета стрелы из кавалерийского лука, но вмешательство ветра они не

учитывали, да и не могли учесть заранее. И теперь выходило, что стрелы со стороны берега не наносят урона, а вот наоборот, учитывая и без того бо́льшую дальнобойность длинных луков - очень даже. Когда командир "южных" гвардейцев с этой стороны сообразил это, то свернул перестрелку и попытался поскорее провести своих всадников мимо для атаки с тыла - но даже в этом не особенно преуспел. Люди и лошади падали, сраженные стрелами, потерявшие всадников или получившие легкие ранения кони шарахались прочь от опасности, напарываясь на калтропы - и если бы не переполох, вызванный прорывом рыцарей во фланг лучников, гвардейцев на этом направлении, вполне возможно, ждал бы полный разгром. Но даже и теперь из примерно 170 проскочить для атаки с тыла удалось лишь полусотне с небольшим; примерно две дюжины в панике повернули назад, остальные были убиты, ранены или оказались на поле калтропов между противником и берегом, пешими или пока еще на конях.

На правом фланге Айбенхорста, где ветер, наоборот, помогал его противнику, дела, естественно, обстояли хуже. Там сотня конных гвардейцев, осыпав неприятеля стрелами, почти без потерь прорвалась для атаки в тыл по свободному от ловушек коридору, а еще шесть десятков продолжали перестрелку на фланге. За считаные минуты им удалось сразить более четырех десятков человек, в основном, правда, не лучников, а вольно или невольно прикрывших их пехотинцев, прибежавших из хвоста колонны.

И вот в этой ситуации, когда рыцари обходили алебардщиков Айбенхорста с обоих флангов, готовые рубить лучников, а легкая кавалерия скакала для удара в тыл - словно всего этого было мало, со стороны озера подъехали рыцари и гвардейцы под командованием Гартхарда и Дирлиха. Эти рыцари также спешились, развернулись широким фронтом и двинулись вглубь суши. "Восточные" гвардейцы остались в седлах; две сотни их поскакали вдоль берега направо, на северо-запад, до радиального прохода, который вел в тыл противника; а остальных Дирлих, беглым взглядом оценивший обстановку, разделил надвое и послал перекрыть въезды на южный и западный мосты, дабы отрезать солдатам королевы шанс прорваться и отойти обратно в город. Гартхард остался на коне вместе с двумя рыцарями, дабы наблюдать за ходом боя с берега; несколько человек остались присмотреть за конями спешившихся латников. Тем временем две кавалерийские колонны гвардейцев, ранее прорвавшиеся по флангам, добрались до радиального прохода в ловушках позади неприятеля и вновь свернули навстречу друг другу, заходя для атаки в тыл, которая имела все шансы стать разгромной, особенно учитывая, что на подмогу им уже скакала колонна "восточных", самая многочисленная.

Однако прежде, чем они успели начать эту атаку, ситуация, становившаяся для солдат королевы совсем безнадежной, переменилась из-за фальшивых лучников. Обратившиеся в беспорядочное бегство, они столкнулись с пехотинцами арьергарда, бежавшими, наоборот, вперед, прочь от заходившей в тыл вражеской кавалерии, и те практически отбросили псевдолучников обратно (чему поспособствовал и крик кого-то догадливого: "Вперед, рыцари отходят!"). Рыцари, конечно, и не думали отходить, но фальшивых лучников, которым было уже просто некуда деваться, вынесло им прямо навстречу. Само собой, даже те из них, кто умел пользоваться короткими мечами, входившими в стандартную экипировку лучника, не могли оказать реального сопротивления тяжеловооруженным латникам, но они просто создали хаос и давку у них на пути. Последовала жуткая бойня; разъяренные рыцари, пытаясь пробиться, орудовали мечами и палицами так, что в стороны летели не только брызги крови, но и ошметки мяса, в истоптанный снег падали отрубленные конечности и вываливались дымящиеся кишки, шипастые моргенштерны с хрустом дробили черепа прямо сквозь легкие шлемы, вышибая глаза и разбрызгивая мозги - но время для стремительного удара, который превратил бы в такую же кровавую кашу не фальшивых, а настоящих лучников, было упущено. Вчерашние послушники, стражники, чиновники и просто решившие подзаработать горожане полегли почти все (впрочем, в давке погибли и трое рыцарей - одному ловкий послушник исхитрился ткнуть стилетом в

пройму кирасы, еще одному аналогичным образом рукой воткнули стрелу в глаз сквозь забрало, а третьего огрел палицей по голове его же товарищ, промахнувшийся по увернувшемуся противнику). Но за это время настоящие лучники успели отбежать назад, перестраиваясь в подобие равнобедренного треугольника - или наконечника стрелы - острым концом смотревшего вперед, при этом снаружи их прикрыли оттянувшиеся назад пехотинцы с копьями и алебардами, и лучники могли стрелять между ними. Однако выстроить еще и основание треугольника против атаки сзади они никак не успевали - соединенная вражеская колонна уже скакала в тыл войску королевы во весь опор.

Но навстречу трем с половиной сотням конных гвардейцев Арвика устремились шестнадцать всадников Шестого дивизиона. В чистом поле, конечно, это было бы совершенно бессмысленным самоубийством - их просто обошли бы слева и справа. Однако в условиях, когда их противник мог атаковать лишь колонной по свободному от калтропов коридору, их контратака, оставаясь столь же самоубийственной, обретала смысл. Помогло им также и то, что поначалу "южные", попросту не допустив мысли о такой наглости, приняли их за отставших "западных" (на чьих трофейных конях они и скакали), спешащих присоединиться к союзникам - несмотря даже на то, что "западные" могли подъехать лишь по левому или правому, но не по центральному проходу. Свою ошибку скакавшие впереди "южные" осознали лишь тогда, когда "союзники", забросившие за спины бесполезные в кавалерийской сшибке луки, выхватили мечи...

Для конницы проход в калтропах представлял собой тот же мост, который несколько хороших бойцов могут какое-то время удерживать против целой армии. И всадники Шестого дивизиона - те самые, кого Крамп после предательства их товарищей вообще не рекомендовал вводить в бой за пределами крепости - удерживали его восемь минут (потеряв за это время лишь четверых и выведя из строя девятерых врагов), пока, наконец, один из офицеров "южных" не догадался приказать четырем десяткам своих спешиться, обойти всадников противника с флангов и расстрелять их в упор. Трое из двенадцати были только ранены и даже попытались продолжить бой пешими, но были сбиты с ног и затоптаны хлынувшей вперед конницей.

Однако атакующих встречала уже не спасающаяся бегством пехота, а сомкнувшаяся стена лучников, которым тоже было особенно удобно "работать" по узкой колонне. Падавшие кони мешали скакавшим следом, которые не могли объехать их за пределами безопасного коридора; некоторые всадники, валившиеся на снег живыми, пытались продолжать атаку пешими, но под градом стрел или падали уже окончательно, или обращались в бегство, или оказывались под копытами коней собственных союзников, опять-таки тормозя их продвижение. В итоге атака захлебнулась; потеряв без всякой пользы около сотни человек, включая своего командира и его заместителя, "южные" (с примкнувшими к ним остатками "западных") в беспорядке отступили, тесня и находившихся позади них "восточных", чей командир, уже потерявший достаточно своих людей у южного моста, решил не упорствовать, а предоставить поле боя лучше защищенным рыцарям.

Без малого полтысячи "восточных" рыцарей, несмотря на все помехи, создаваемые глубоким снегом, ловушками и путавшимися у них на пути лошадьми и людьми "южных", отброшенных на поле калтропов стрельбой левого фланга лучников королевы, к этому времени уже действительно подходили к рядам противника, где тем временем продолжался бой их "южных" (и немногих уцелевших "западных") товарищей. После того, как их первоначальный прорыв, грозивший катастрофой войску Айбенхорста, в буквальном смысле увяз в человеческом мясе, лучники, которых они не успели изрубить с фланга, начали бить по ним обеими сторонами треугольника почти в упор, препятствуя новым попыткам охвата. На левом фланге рыцари, попытавшиеся все же атаковать эту сторону "треугольника", попали под перекрестный обстрел - сзади на них обрушились стрелы своих же конных гвардейцев - те самые две дюжины, что откатились назад при попытке прорыва по этому флангу, теперь попытались реабилитироваться

и поддержать своих издали и дали залп поверх их голов, но недостаточно учли встречный ветер. Большинство этих стрел не смогли пробить латы, однако их психологический эффект оказался сильнее их пробивного действия: рыцари решили, что оказались в окружении, и обратились в бегство, пока противник окончательно не замкнул кольцо, подгоняемые тут же перешедшими в массированную контратаку пехотинцами королевы (хотя большинство таковых было облачено лишь в легкие доспехи и отнюдь не все имели эффективное против рыцарских лат оружие, правда, имели пятикратный численный перевес и кураж).Другой рыцарский фланг тем временем тоже попытался стремительным броском атаковать свою (правую) сторону "треугольника" и, несмотря на потери от стрел (лучников, увы, было слишком мало, и к тому же и их физические силы, и боеприпасы были на исходе), подбежал к ней вплотную, но не смог прорваться через стену копий и также быстро откатился назад. (Конные гвардейцы на этом фланге прекратили стрельбу во время этой атаки, дабы не попадать по своим, и поскакали дальше на северо-запад вслед за ранее ускакавшими туда товарищами, чтобы присоединиться к их атаке на тыл противника, еще не зная, что она уже захлебнулась.) Центр "южных" рыцарей оставался на месте, продолжая ожесточенно рубиться с головой колонны Айбенхорста с переменным успехом; в результате чего обе колонны постепенно перемалывали друг друга; со стороны это походило на две очереди, стоящие за смертью.

Однако бежать через калтропы - что вперед, что назад - опять-таки могли позволить себе лишь рыцари в солеретах, поэтому бойцы королевы не смогли перевести свою контратаку в стремительный охват противника с прорывом в тыл, где находились "ополченцы", более многочисленные, но куда менее опасные, нежели рыцари. Если бы не это обстоятельство, у войска Айбенхорста был бы шанс разгромить и обратить в бегство "южных" с остатками "западных" до того, как подойдут "восточные". Но темпа для этого не хватило. Заметив отступление своего правого и левого фланга, рыцарский центр также начал пятиться по всей ширине прохода, но не настолько быстро, чтобы это превратилось в бегство, и не настолько медленно, чтобы вынужденные смотреть под ноги даже на истоптанном уже снегу пехотинцы королевы могли выполнить охватывающий маневр. Видя приближение "восточных", Айбенхорст успел лишь перебросить всех лучников с правого фланга на левый, расположив шеренги стрелков, благодаря продвижению вперед, на месте побоища, стоившего жизни почти всем псевдолучникам. Настоящие лучники вынуждены были встать среди скользкого кровавого месива, но на изрубленных трупах оставались колчаны со стрелами (не все из которых, впрочем, были целыми), и за буквально пару минут передышки лучники смогли пополнить свой истощившийся боезапас. Сюда же успели прибежать и лучники, прикрывавшие тыл от кавалерийской атаки.

Но всех их вместе оставалось к этому времени чуть больше ста тридцати - слишком мало, чтобы отразить пять сотен рыцарей, атаковавших широким фронтом с северо-востока, и одновременно еще и не давать приблизиться конным гвардейцам по дороге с северо-запада. Айбенхорст понял, что идея разбить врага по частям потерпела крах, а попытка отсидеться в обороне, отбиваясь от атаки с трех сторон - с фланга, с тыла и с фронта - обречена, и единственная надежда - в прорыве вперед любой ценой, с целью уже не разгромить противника, а лишь обойти его, даже если ради этого придется бросить лучников без прикрытия копейщиков и алебардщиков, то есть на верную гибель. И он скомандовал этому прикрытию "вперед бегом!", оставив двойную шеренгу лучников наедине с врагом. Те, продолжая стрелять по атакующим рыцарям с такой скоростью, с какой еще позволяли их ноющие от усталости руки, вынуждены были пятиться с дороги на юго-запад, в направлении прочь от озера, спиной вперед через поле калтропов, вслепую нашаривая ногами путь - совсем не так быстро, как приближались рыцари, даже и вынужденные прокладывать путь через глубокий снег. Конные гвардейцы, видя это, поскакали по радиальному проходу еще дальше вглубь суши, дабы зайти лучникам в тыл через следующий концентрический проход и полностью отрезать возможность для спасения.

Айбенхорст понимал, что лучники, уже унесшие столько вражеских жизней в этот день (и все еще продолжавшие убивать и ранить рыцарей, ни один которых пока еще не смог добежать до пятящейся и стреляющей шеренги), являются особенно желанной (или особенно ненавистной) добычей для противника, и тот предпочтет покончить сперва с ними, прежде чем, уже не опасаясь стрел, обрушиться на остальных - а стало быть, пожертвовав стрелка́ми, можно выиграть столь необходимый темп, чтобы все же отбросить или обойти неприятеля впереди, где рыцарей оставалось почти втрое меньше, чем на фланге, и прорваться к южному мосту, под прикрытие тамошних лучников, что позволило бы в лучшем случае отбиться от преследующего противника, а в худшем - нанеся ему значительный урон, уйти по мосту обратно в город (Айбенхорст еще не видел, что лучники уже покинули мост, как и того, что предмостный плацдарм занят двумя сотнями конных гвардейцев Дирлиха во главе с ним самим).

Удастся этот прорыв или нет, сказать не мог никто, исход боя могла решить какая-нибудь минута или даже секунды. И подчиненным Айбенхорста не требовалось это объяснять - они сами понимали, чем грозит им бой в окружении, и бросились в яростную атаку по правому флангу, не считаясь с потерями и почти даже не обращая внимания на калтропы (полагаясь более на удачу, чем на осторожность). Целью не столько обратить противника в бегство - на что, вероятно уже не хватило бы времени и сил, особенно если бы бегству авангарда помешал бы его же собственный арьергард - сколько просто вытеснить с дороги влево, дабы, с одной стороны, очистить себе свободный от ловушек путь, а с другой - оставить "южных" между собой и "восточными" (в какой-то мере даже прикрываясь первыми от вторых), а не оказаться между ними.

И этот план имел успех. "Южные" рыцари, попытавшиеся было контратаковать при виде приближающегося со стороны озера подкрепления, не выдержали этот отчаянный натиск и были сброшены с дороги, опрокинутые порою уже просто массой атакующих; тех, кто спотыкался и падал, наткнувшись на калтропы или на собственных товарищей, добивали ударами сверху вниз - а иногда, не тратя времени даже на это, просто бежали прямо по ним (что не было смертельно из-за прочности лат, но не давало рыцарям подняться, пока кто-нибудь все-таки не наносил смертельный удар). Пара десятков рыцарей, однако, не отступили вбок или назад, а побежали вперед, окончательно отрезая лучников от своих. Те, слишком занятые тем, чтобы отстреливаться, чересчур поздно поняли, что остались совершенно одни в окружении врагов; нескольким из них все уже удалось добежать до арьергарда ушедшей вперед колонны, но остальные были убиты в спину стрелами подъехавших сзади конных гвардейцев или изрублены наконец настигшими их рыцарями.

Но "ополченцы" Хагентрауба, в этот день уже понесшие едва ли не больше потерь от собственной конницы, чем от противника (и при этом сами доселе не нанесшие противнику ни единого удара), при виде пятящихся "южных" рыцарей и прорвавшихся бойцов королевы даже не попытались принять бой и бросились бежать тою же дорогой, которою пришли "южные", в сторону их лагеря - так что в скором времени большинство участников сражения двигались так быстро, как могли, в одном направлении: впереди "ополченцы", за ними войско Айбенхорста, а за ними - преследующие его "восточные" рыцари и, по параллельному концентрическому проходу с противоположной берегу стороны - конные гвардейцы. У последних, правда, вышла заминка, когда ехавшие во главе колонны сбились с курса в снегу и заехали на калтропы, увлекая за собой остальных - но, потеряв несколько коней, гвардейцы все же довольно быстро выбрались обратно на правильный путь.

Однако у бегущих впереди всех "ополченцев" возникла куда более серьезная проблема. Они наткнулись на лучников с южного моста, идущих им навстречу. Те, конечно, тоже вынуждены были двигаться колонной по проложенной противником дороге, а не широким фронтом так, как им бы хотелось; и начали медленно и осторожно разворачиваться в шеренги лишь при приближении неприятеля. Однако "ополченцы", уже несомненно видевшие их,

продолжали бежать прямо на них, не то считая их меньшей угрозой, чем куда более многочисленное войско позади, не то почему-то полагая их союзниками - возможно, потому, что они не открывали стрельбу. На самом деле, учитывая неблагоприятное для себя направление ветра, лучники просто решили подпустить противника поближе - но вот их лейтенант отдал команду, и на бегущих обрушился сплошной поток стрел, с легкостью прошивавших доспехи "ополченцев".

Тем оставалось добежать до противника каких-нибудь сорок ярдов - и они могли это сделать, пусть и понеся серьезные потери, но все равно сохранив численный перевес над лучниками, пусть и вооруженными короткими мечами. И несколько рыцарей, затесавшихся среди ополченцев (в основном отступивших туда после полученных легких ранений), даже кричали им, чтобы они так и делали - но их не послушали. После короткой панической толкотни на месте "ополченцы" вновь бросились бежать - некоторые врассыпную прямо на скрытые снегом калтропы, но большинство назад, где снова столкнулось с армией Айбенхорста.

И эта охваченная паникой толпа оказалась еще хуже, чем организованная контратака. Они просто ломили навстречу тупой массой, не обращающей внимания на потери, в которой бойцы королевы увязли точно так же, как некоторое время назад рыцари Арвика в толпе псевдолучников, только эта была заметно более многочисленной. Бой в очередной раз превратился в хаотическую давку и мясорубку, в которой никто уже не то что не держал строя и не придерживался свободного от ловушек коридора, но даже не смотрел под ноги, топчась среди калтропов, а также убитых и раненых. В считаные минуты погибло более трехсот "ополченцев" (и примерно четыре десятка солдат королевы), причем многие были даже не зарублены, а задавлены и затоптаны своими и чужими. Однако к тому времени, как авангард Айбенхорста наконец пробил себе дорогу через эту копошащуюся массу, "восточные" рыцари обрушились на арьергард, резко изменив динамику потерь.

Но Айбенхорст по-прежнему понимал, что нельзя ввязываться в бой в невыгодном положении (тем паче что по параллельному коридору уже подъезжали конные гвардейцы), и бросил арьергард так же, как перед этим бросил лучников, дабы увести всех остальных. Всадники обстреливали их с фланга во время этого рывка, но не успели перерезать им путь на следующем радиальном проходе в ловушках. Примерно двенадцать сотен бойцов Айбенхорста благополучно добежали до новых союзных лучников, пропустивших колонну, и, прикрываемые ими, продолжили отход к южному мосту уже в более спокойном темпе. Враги, пешие и конные, продолжали преследовать их, но предпочитали держаться на почтительном расстоянии от лучников, не спеша воспользоваться своим численным перевесом над последними (коих все-таки было почти три сотни, из которых, правда, полсотни фальшивых, чего, впрочем, офицеры Арвика не знали). Однако даже трем сотням лучников, еще не слишком измотанным и имевшим неплохой боезапас, было бы затруднительно отразить атаку с нескольких направлений (если бы вражеская конница, пока что двигавшаяся по снежной целине со скоростью пешехода, смогла все же ускориться достаточно, чтобы зайти во фланг, а то и в тыл), и это Айбенхорст тоже понимал. Он предполагал, что противник выжидает более удобного момента и позиции для атаки, и рассчитывал занять эту позицию первым. Он уже видел всадников перед мостом, и это, конечно, было неприятно, ибо означало потерю столь необходимого темпа, но не было катастрофой - их было слишком мало, чтобы остановить пятнадцать сотен бойцов, из которых две с половиной вооружены более дальнобойными луками и подойдут с наветренной стороны. Допускал Айбенхорст и возможность засады в южном лагере - особенно учитывая, что "южных" в целом оказалось меньше, чем было бы при равном распределении между лагерями, и если нехватка рыцарей и гвардейцев могла объясняться избытком таковых у "восточных", то недостающие "ополченцы" как раз могли прятаться в засаде - но, успев обменяться мнением на сей счет с лейтенантом лучников, изначально имевшим то же подозрение, Айбенхорст счел это не слишком вероятным. Если такая засада была, то отчего не атаковала лейтенанта и его три

сотни в спину, пока их союзники были еще далеко? Исключительно из нежелания обнаруживать себя раньше времени? Но бить противника по частям, не давая ему собраться вместе - это азы военной науки (и на этом, собственно, во многом строился и план Швертлинга, рассчитывавшего, что "южные" не уйдут из своего лагеря на помощь "западным", а "восточных" будет меньше, и они не сумеют прорваться под мостом без критических потерь...) А уж лучники, не прикрытые пехотой, представляли собой особенно желанную добычу. И если их все же не тронули, это наводило на мысль, что две сотни всадников у моста - это все, что осталось у противника впереди. Все прочие силы, возможно, в эту самую минуту готовятся на востоке к штурму города, или даже уже начали таковой - но это уже не было проблемой Айбенхорста. Это входило в план, и с этим должны были разобраться оставшиеся в крепости.

Конечно же, это все равно отнюдь не обещало легкой прогулки на мост. Айбенхорст понимал, что в ту самую минуту, когда его лучники развернутся, чтобы прогнать защищающие мост две сотни всадников, объединившиеся товарищи последних (числом около трех сотен), пока что сопровождающие королевское войско практически параллельным курсом, постараются нанести удар во фланг, атакуя со стороны лагеря, где нет калтропов, в то время как столь же объединившиеся рыцари, коих всех вместе еще оставалось примерно пять с половиной сотен, широким фронтом пойдут в атаку с тыла, ну и все еще остающихся "ополченцев" тоже не стоит совсем сбрасывать со счетов. При этом тяжелая пехота с алебардами у самого Айбенхорста была выбита в предыдущих схватках с рыцарями практически подчистую - сейчас его войско состояло почти исключительно из гвардейцев королевы и примерно восьми десятков военных гвардейцев Шестого дивизиона.

Тем не менее, Айбенхорст все еще надеялся на успех - уже не на победу своих сил, конечно, но хотя бы на то, что удастся избежать окончательного разгрома. Если быстро выбить вражеских всадников с предмостного плацдарма - для чего, видимо, придется идти в атаку пехотой на конницу, не ограничиваясь лишь стрельбой с безопасной дистанции - а потом любой ценой удерживать его, пока лучники, цепляясь за перила, карабкаются на обледенелый мост... потери, несомненно, будут огромными, теперь уже придется жертвовать не стрелка́ми ради спасения остальных, а наоборот, но если лучники смогут закрепиться на мосту и обстреливать оттуда врагов, это вновь сделает ситуацию патовой, и тогда, быть может, Арвик пойдет-таки на штурм восточной башни, как и было задумано. А может быть, из города по мосту даже подойдет подкрепление, хотя на это едва ли стоило рассчитывать. Это подкрепление просто неоткуда взять - разве что с восточной части стены, где оно необходимо, чтобы отбить попытку штурма, и Швертлинг, конечно, не станет снимать его оттуда ради спасения Айбенхорста и его людей. Максимум, чего можно ожидать из города - это подноса новых колчанов со стрелами.

Всадники у моста тем временем не выказывали никакого беспокойства при виде приближающегося противника, численно превосходившего их в семь с половиной раз. Они даже не брали луки наизготовку. Ну да, конечно - они не станут ввязываться в безнадежную для себя перестрелку из коротких луков против ветра, они, очевидно, поскачут в атаку прямо на вражеский строй одновременно со своими товарищами, атакующими с фланга...

Но до этого просто не дошло. Из рощи позади южного лагеря начали резвой рысью выезжать новые всадники. Первыми показались рыцари в полных латах, за ними - "полурыцари" в кирасах и конные арбалетчики. Ветер трепал красно-синие флаги и надетые поверх доспехов нарамники тех же цветов, ничуть не смущавшие конников у моста, для которых появление этой новой кавалерии, очевидно, не было неожиданным. В какие-нибудь три минуты плотная колонна из сотен всадников (а из рощи появлялись все новые и новые) перерезала путь войску Айбенхорста и достигла моста, где ехавший впереди рыцарь обменялся салютом с Дирлихом, после чего часть латников поехала дальше по льду вдоль берега, отрезая путь к городу, а конные арбалетчики остановились, разворачиваясь в сторону бойцов королевы и опуская свое заранее взведенное оружие в позицию для стрельбы. А вдоль конной колонны уже шагали их пешие

товарищи - тяжелая панцирная пехота с двуручными мечами, а также пешие лучники и арбалетчики, направлявшиеся к мосту, чтобы, очевидно, занять ту самую позицию, которую планировал для своих стрелков Айбенхорст.

Растерянно остановившиеся бойцы королевы с ужасом и отчаянием взирали на эту картину. Теперь стало понятно, почему "южные" с такой легкостью оставили свой лагерь и почему их вообще оказалось здесь меньше, чем ожидалось. Вовсе не они были здесь главной силой. Очевидно, подкрепление подошло к противнику ночью, а может быть - во время метели накануне, когда его не видели дозорные на башнях. Красный и синий, цвета дома Райнбальдов. Выходит, Арвику все же удалось заручиться поддержкой одного из самых могущественных аристократов королевства. До Айбенхорста доходили слухи, что граф Райнбальд метил на место Дирлиха, особенно после поднятого тем мятежа, но Элинор отказала. Что ж, неудивительно, что Райнбальд принял предложение другой стороны. Не очень понятно, правда, как они теперь будут выяснять отношения с Дирлихом, но... но все это уже не имело значения для Айбенхорста и его людей. Личная армия Райнбальда насчитывала не менее четырех тысяч мечей, и вариантов теперь оставалось только два - сдаться на более чем сомнительную милость Арвика или полечь всем поголовно в этом снегу, не сумев даже забрать с собой достаточное количество врагов, ибо противник теперь превосходил их и в стрелка́х тоже.

Ну или... существовал, в принципе, теоретический, совершенно невероятный шанс, что если как-то удастся протянуть время, то нетерпеливый Арвик пойдет на штурм столицы прямо сейчас (или даже уже это сделал) и таки нарвется на приготовленный ему Швертлингом сюрприз. И не просто понесет большие потери - которые теперь, с прибытием союзника, для него не критичны - а примет участие в штурме беззащитного по его мнению города лично, желая стяжать славу главного победителя, и погибнет или попадет в плен. Но устраивать подобный штурм, не дождавшись окончательного разгрома уже обреченного противника, было бы слишком уж вопиющей глупостью даже для такого тщеславного и самовлюбленного субъекта, как Арвик. Это могло иметь смысл, если бы Арвик рассчитывал взять город, пока основные силы неприятеля связаны боем за его пределами, потому что имел бы серьезные основания сомневаться в исходе этого боя. Но с таким тузом в рукаве, как армия Райнбальда, он имел все резоны просто спокойно дожидаться окончательного разгрома врагов - и, вероятно, сдачи столицы даже без дальнейшего сопротивления.

Однако чего же ждет Райнбальд - или кто там командует его людьми? Почему он не начинает бойню? Может быть, он тоже опасается, что Арвик умудрится погибнуть в шаге от победы? Пока что, во всяком случае, люди Райнбальда не пролили ни капли крови верноподданных Элинор, и формально графа еще нельзя обвинить в мятеже. Или же он просто жалеет своих солдат, не желая нести даже минимальные потери? Не от избытка доброты, конечно. До сих пор он не вмешивался в бой, предоставляя гибнуть исключительно людям Арвика, Дирлиха и Хагентрауба. Понятно, что чем больше потеряют они, тем сильнее будут позиции самого Райнбальда после победы. Собственно, он ведь мог вступить в бой намного раньше - чего от него, наверное, ожидали союзники - но предпочел тянуть до последнего...

Так или иначе, бойцы Райнбальда, заняв выгодные позиции для атаки на обреченное войско королевы, не атаковали. Остановились и воины Арвика, подошедшие достаточно близко, но затем, как видно, решившие, что они-то уже пролили достаточно своей крови в этот день, и теперь настал, наконец, черед поработать их союзникам, тем паче что три сотни лучников и двенадцать сотен пехотинцев Айбенхорста все еще оставались достаточно крепким орешком. Разумеется, не спешил посылать своих людей в последнюю самоубийственную атаку и сам Айбенхорст; он даже не пытался перегруппировать их, опасаясь, что любое передвижение спровоцирует арбалетный залп и последующую атаку противника. Таким образом, все три силы на поле возле южного моста застыли, напряженно вглядываясь друг в друга, но не трогаясь с места. Стрелы были наложены на тетивы, мечи обнажены, но над полем боя стояла

удивительная тишина, нарушаемая лишь всхрапыванием коней.

И тут из города донесся колокольный звон, далеко раскатившийся в чистом морозном воздухе. Это не был тревожный набат, возвещавший о начале штурма - скорее перезвон церковной службы. "Нашли время!" - мелькнуло в голове у Айбенхорста; кое-кто более набожный осенил себя знаком святого треугольника. Но едва отзвучал последний удар колокола, красно-синий рыцарь, сидевший на коне рядом с Дирлихом, обнажил меч, словно собираясь, наконец, послать своих людей в атаку - но вместо этого молниеносным ударом снес старому графу голову вместе со шлемом. В то же мгновение конные арбалетчики дружно спустили тетивы. Тяжелые арбалетные болты просвистели над головами бойцов королевы и врезались в первую шеренгу изготовившихся для атаки рыцарей, пробивая доспехи. Убитые еще не успели упасть в снег, как высоко в воздух взвилась туча стрел лучников Райнбальда, чтобы в следующие мгновения обрушиться смертельным градом на следующие рыцарские шеренги. После краткого замешательства к этой стрельбе присоединились и лучники Айбенхорста. Красно-синие всадники тем временем уже рубили ничего не успевших понять гвардейцев Дирлиха у моста, а из рощи грузно вылетали новые рыцари с копьями наперевес, дабы атаковать гвардейцев, нависших над правым флангом Айбенхорста.

- Элинор и Айринтия! - выкрикнул рыцарь, зарубивший Дирлиха, потрясая в воздухе окровавленным мечом.

- За флаг и королеву! - радостно заорал ему в ответ Айбенхорст, разворачиваясь от новообретенных союзников к прежним врагам.

Несмотря на то, что юго-западный ветер мешал первым залпам, шансов у людей Арвика не было теперь никаких. Лишь нескольким десяткам гвардейцев удалось ускакать, не нарвавшись ни на калтропы, ни на стрелы и копья. Всех пеших конница Райнбальда окружила с четырех сторон по уже ясно протоптанным проходам среди ловушек и по льду озера, и началось избиение. Рыцари, осыпаемые градом стрел теперь уже не только с востока, благо конные арбалетчики уже выехали им в тыл, пытались прорваться на берег к своим коням, но этих коней уже гнали прочь, а на их место въезжала вражеская кавалерия. Хотя на суше конница Райнбальда из-за калтропов вынуждена была ограничиться контролем периметра, не имея возможности прокатиться тяжелой гибельной волной внутри такового, с последней задачей вполне справилась тяжелая пехота с двуручниками (измотанные бойцы Айбенхорста уже почти не принимали в этом участия, но все же добили нескольких пытавшихся вырваться "ополченцев"). Впрочем, к тому времени, как истощились колчаны стрелков, работы для пехотинцев оставалось уже не слишком много.

Вырваться из окружения не удалось никому. Раненых и сдающихся добивали на месте. Единственным, кого все-таки взяли живым, был генерал Гартхард, который, двигаясь по льду вдоль берега за своим войском, практически подъехал к южному мосту и не успел ускакать, когда подъехавшие к нему "союзники" внезапно обернулись врагами. Все же прочие силы "восточных", "южных" и "западных", за исключением ранее упомянутых гвардейцев, были уничтожены.

И тем не менее - это был еще не конец битвы за Дракенхайм.

У Арвика все еще оставалось в общей сложности 230 рыцарей, восемь сотен конных гвардейцев (не считая тех, что избежали гибели на юге - лишь немногие из них поскакали к восточному лагерю, остальные, сумевшие ускакать в разные стороны, предпочли вовсе покинуть поле боя и весь уже казавшийся им разгромленным мятеж) и тринадцать сотен "ополченцев". На момент начала боя бо́льшая часть этой конницы и триста пехотинцев находились в северном лагере, но, когда Арвик понял, что бой, как он и рассчитывал, идет на юге, то вызвал к себе на восток всех рыцарей и три сотни гвардейцев, оставив на севере всего сотню вместе с пехотой, дабы они продолжали отвлекать на себя внимание лучников на мосту, не давая тем оснований вернуться в город (Арвик, разумеется, по-прежнему не знал, что все эти

лучники фальшивые). На тот момент, когда первый из вырвавшихся из окружения гвардейцев (один из стоявших перед мостом, все еще забрызганный кровью Дирлиха) доскакал до Арвика и сообщил ему катастрофические вести, "северные" рыцари и гвардейцы как раз успели добраться по берегу в ставку Арвика.

Само собой, принц, ожидавший совсем иных вестей, пришел в неописуемую ярость. "Что?! - заорал он, а затем, выхватив меч, бросился на несчастного гвардейца с криком: - Шпион! Провокатор! Ты подослан!" Тот, как и офицер, некогда погибший при схожих обстоятельствах, не посмел обнажить оружие против королевского сына, однако поскакал прочь, а Арвик - за ним, размахивая мечом. Гвардеец не решился скакать прочь из лагеря через снежную целину, где его конь сразу потерял бы скорость, а принялся кружить по утоптанному снегу между шатрами, выкрикивая оправдания; принц продолжал его преследовать, и его меч то рассекал полотнище палатки, то перерубал колышек или натянутую веревку, обрушив, таким образом, один за другим три шатра. Зрелище было вообще-то изрядно комическим, но только не для участников. Наконец гвардеец увидел еще двоих своих товарищей, скачущих к лагерю, и устремился навстречу им, ища в них свидетелей своей лояльности и своих слов. Арвик, подъехавший к этим троим в сопровождении двоих офицеров, которые, обращаясь к нему не иначе как "ваше величество", пытались его урезонить (одним из них был капитан Дармонт), наконец, казалось, успокоился и выслушал доклад вновь прибывших (один из них запинался от страха, другой был мрачен и тверд) с каменным лицом (не убирая, впрочем, меч). Задал несколько уточняющих вопросов, как подобает умному командующему, получившему критические известия и вынужденному решать не кто виноват, а что теперь делать. Кивнул, выслушав ответы. Поворотил коня. А затем вдруг развернулся и таки рубанул мечом злосчастному гвардейцу по шее.

Арвик хотел снести ему голову точно так же, как Райнбальд Дирлиху, но эффектный жест не получился. Принцу пришлось крутиться в седле слишком далеко назад, и удар вышел недостаточно сильным; меч вошел только наполовину и застрял между шейными позвонками. Арвик в ярости дернул клинок, и гвардеец рухнул с коня в снег, захлебываясь кровью. "Это тебе за то, что бросил своего командира!" - назидательно воскликнул Арвик (как будто гвардеец имел шанс спасти Дирлиха от внезапного предательского удара сзади!) и поскакал по следам собственного коня обратно в лагерь.

Там, конечно, новости уже распространялись со скоростью верхового пожара, и большинство ожидало приказа немедленно уходить. На север, подхватив своих людей из северного лагеря, или, бросив на произвол судьбы даже их - на восток к Хагентраубу (пехотинцы склонялись к последней идее даже в том случае, если конница двинется на север, хотя и стали бы совсем легкой добычей без ее прикрытия - впрочем, многие из них понимали, что благородные господа на конях и не попытаются их спасать, особенно если они станут задерживать бегство, а охотно бросят на растерзание, дабы тем временем оторваться от преследователей самим - в то время как именно эти господа, во главе с Арвиком, являются наиболее желанной добычей, за которой - а вовсе не за безликой пехотой, если та уйдет в другую сторону - и будет вся погоня). В любом случае, всем было ясно, что жаждущие крови победители скоро будут здесь и, стало быть, надо уносить ноги хоть куда, главное - без промедления.

Поэтому приказ Арвика удивил всех. Это был приказ о немедленном штурме столицы.

Сам план штурма был разработан и доведен до будущих участников заранее - правда, он предполагал, что в операции примут участие заметно бо́льшие силы, теперь добиваемые к югу от города. И, в общем, то время, которое требовалось новым союзникам - Райнбальду и Айбенхорсту, чтобы завершить это добивание, действительно могло бы дать Арвику (полагавшему, что в городе не осталось настоящих войск) крохотный шанс на успех в случае молниеносной атаки. Закончив на юге, Райнбальд мог подойти к восточному лагерю коротким

путем через озеро, а Айбенхорст в это же время вернуться в крепость по южному мосту - и даже, возможно, снова выйти для атаки в лоб по восточному. Но если бы Арвику удалось первым ворваться в беззащитный город, если бы его конники прорвались к южным воротам и заперли их изнутри прежде, чем уже считающие себя победителями враги снаружи поймут, что происходит - тогда численное превосходство последних по другую сторону стен теряло всякое значение. Они не сумеют отбить город прежде, чем его всадники наведаются во дворец, а после *самоубийства* Элинор на почве страха узурпаторши перед правосудием он останется последним Йоргелингом, и у них всех просто не останется другого выхода, кроме как признать его королем. Либо он - либо гроггендорский наместник. В конце концов, до Йоргела Завоевателя будущая Айринтия была вассальной территорией Бугенхольма, правопреемником которого является Гроггендор, который с пресечением династии может потребовать восстановления прежнего status quo. Особенно учитывая, что гроггендорский император - прямой, хотя и не совсем законный потомок последнего хильдского князя...

И все же этот штурм был безумием, выражением ярости и отчаяния Арвика, а вовсе не хладнокровного расчета. И слишком многие из приведенных им под стены Дракенхайма понимали это даже лучше, чем он сам. Поэтому за выкрикнутым им приказом последовало замешательство. Дюжина конных рыцарей, правда, поскакала по мосту к воротам; от идеи сперва прикатить туда изготовленный за время осады тяжелый таран с окованным сталью острым концом Арвик отказался - во-первых, на то, чтобы выбить ворота, уже могло не хватить времени, во-вторых, теперь они нужны были целыми самому Арвику, чтобы запереться изнутри от численно превосходящего врага, так что всю надежду он возлагал на пехотинцев, которые сумеют перелезть через стены, захватить башню и открыть ворота коннице (задачей передовой группы рыцарей было лишь обеспечить контроль над мостом до этого момента). Одновременно пехота с лестницами должна была бежать по льду к стенам, прикрываемая конными гвардейцами с луками (Арвик понимал, что даже не обученные воевать добровольцы, поставленные, как он полагал, на стену вместо профессиональных солдат, все же могут оказать какое-то сопротивление). Но гвардейцы лишь переглядывались и не спешили тронуться с места. Их мысли были понятны - Дирлих мертв, и всю вину за мятеж можно теперь повесить на него и на тех, кто полег в бою с королевскими солдатами, а сами они, не успевшие поучаствовать ни в одном сражении против королевы, имеют сейчас хороший (и последний) шанс отмежеваться от мятежа. Просто отойти в сторону. А может, даже и последовать примеру Райнбальда, чтобы уж точно заслужить полное помилование и даже, возможно, новые привилегии... Пехотинцы Хагентрауба, которые должны были стать главной силой штурма, уже послушно двинувшиеся было вперед, тоже заметили, что гвардейцы остаются на месте, и теперь оглядывались на них и останавливались.

Арвик в бешенстве озирался по сторонам, стискивая рукоять меча. Он понимал, что еще немного - и его арестуют прямо здесь, и даже рыцари, ускакавшие вперед по мосту, ему не помогут. "Капитан Дармонт! - выкрикнул он, встретившись с оным взглядом. - Назначаю вас командующим военной гвардией! Ведите своих людей в атаку, *майор*!"

Это был неглупый выбор. Арвик знал, что у Дармонта нет никаких оснований симпатизировать Элинор, агенты которой пытались ликвидировать его еще до коронации. Правда, там было какое-то очень топорное покушение, больше похожее на инсценировку - вроде как агенты Тайной Стражи не то подставили, не то под видом гвардейцев Дармонта сами же и убили своих же людей, так что целью, по всей видимости, был не сам капитан, а некие чужаки, которых хотели во что бы то ни стало заставить покинуть город и встать на сторону Элинор; так, во всяком случае, полагал сам Дармонт по результатам проведенного его людьми расследования. Он пытался докладывать об этом Арвику, предлагая использовать в пропагандистских целях историю о том, как люди узурпаторши не погнушались принести в жертву даже работавшую на них четырнадцатилетнюю девочку - но принц не счел эту историю достойной внимания (как,

впрочем, и всю тему чужаков, в коих он, вопреки мнению Дармонта, не видел ни пользы, ни угрозы своим планам). Кого волнуют подобные смерти, Бронгар вообще потрошил детей пачками и считался героем... Но, по крайней мере, Арвик запомнил, что у Дармонта имеется личный зуб на Элинор, Крампа, Фабиаса и всю эту компанию - как и они, в свою очередь, наверняка уже не решились бы доверять ему, что закрывает для него саму возможность предательства.

И капитан - или уже майор - действительно не подвел принца. Четыре из семи сотен военных гвардейцев, находившихся сейчас в лагере Арвика, были его подчиненными и выполнили его приказ; за ними двинулись вперед и остальные.

Они быстро и благополучно пересекли озеро (снег практически не мешал бежать и скакать, ибо бо́льшую часть пути они двигались по дороге, уже проложенной четырнадцатью сотнями кавалеристов Гартхарда и Дирлиха), в то время как большинство рыцарей (исключая дюжину достигших башни), выстроившись в колонну, ожидали на берегу команды въехать на мост - у Арвика хватало ума не посылать их туда до того, как будут открыты ворота, иначе при подходе Райнбальда они оказались бы в ловушке. Когда штурмующие приближались к стенам, в городе ожил тревожный набат, рассыпая частые колокольные удары, но ни единого выстрела со стороны крепости так и не последовало ни во время их подхода, ни когда пехотинцы принялись торопливо соединять вместе фрагменты принесенных с собой лестниц, ни когда они начали карабкаться по этим лестницам на стену слева и справа от надвратной башни. Арвик, сидя на коне в окружении своих рыцарей на берегу, довольно ухмылялся, глядя, как быстро карабкаются вверх маленькие фигурки, которые должны принести ему корону. Он все еще ожидал, что им на головы может политься кипяток или горячая смола - с этой задачей, в отличие от стрельбы из луков, могут справиться и нетренированные добровольцы - но и этого не происходило. Ну да, разумеется - в Дракенхайме не осталось топлива, если только Элинор не пожертвует для нагрева котлов мебель из своего будуара... Время от времени Арвик бросал настороженные взгляды на юго-запад, но там все еще не было видно никаких приближающихся врагов.

Первые штурмующие поднялись на гребень стены и увидели людей в доспехах и с оружием. Но те не приняли боя, а бросились бежать к башням, надвратной и двум соседним - какая кому была ближе. Солдаты Арвика проводили их насмешливыми криками и, протиснувшись между зубцами, побежали с двух сторон к центральной башне следом за ними. Две другие, не имевшие выхода наружу крепости, их не интересовали, их задачей было как можно скорее открыть ворота.

Спасавшиеся бегством "добровольцы" успели захлопнуть за собой двери, ведущие со стены в башню, но не попытались оборонять их изнутри (для чего в дверях и стене рядом с ними имелись специальные бойницы, позволяющие стрелять и бить атакующих копьями), так что штурмующие, вооруженные топорами, без всяких помех разломали эти двери (толстые, прочные и обитые железом, но все же лишь деревянные внутри) всего за несколько минут и почти одновременно с двух сторон ворвались в башню.

Они по-прежнему не встретили сопротивления. Этот этаж башни, находившийся вровень со стеной, был пуст. Вверх и вниз вели две лестницы - винтовая в центре и вертикальная из вмурованных в камень железных скоб на задней стене. Обе они были перекрыты запертыми люками. Солдаты не стали пытаться проникнуть наверх - вполне возможно, что часть так называемых защитников города в панике отступила туда (отрезав себе по глупости путь к дальнейшему бегству), но штурмующие не видели смысла тратить время на то, чтобы перебить этих никчемных трусов, лишь изображающих из себя солдат. Механизмы, управляющие воротами, находились не вверху, а внизу - дабы даже в ситуации, когда враг прорвался в башню со стен, помещение, откуда можно открыть ворота, не осталось отрезанным, и туда могло подойти подкрепление изнутри города. Так что штурмующие принялись высаживать широкий люк в центре пола и, преуспев в этом, устремились вниз.

Их дальнейшее продвижение оказалось еще более легким - они нигде не встречали ни единого врага и, более того, им уже даже не приходилось выламывать засовы - очевидно, так называемые солдаты королевы бежали в такой панике, что даже не трудились уже запирать за собой люки между этажами (делать это снизу действительно было труднее, чем сверху, хотя каждый люк был снабжен засовами с обеих сторон). Спустившись на два уровня, штурмующие обнаружили комнату с подъемно-поворотными механизмами, однако это им не помогло - вороты крутились вхолостую, приводные цепи были с них сняты и сброшены вниз. Это означало, что поднимать тяжелые засовы внешних и внутренних ворот и открывать сами огромные створки придется вручную - задача не то чтобы легкая, но посильная для пары дюжин солдат, а в башню набилось уже более полусотни. Добравшись до нижнего этажа, они устремились к тем и другим воротам и действительно без особых проблем распахнули те, что вели наружу, впуская в башню нетерпеливых рыцарей; копыта гулко зацокали по каменному полу короткого коридора, проходившего через башню насквозь. Арвик, видя это с другого берега, махнул рукой, посылая всех оставшихся у него рыцарей вперед, через мост в город. Но эта команда была несколько преждевременной, поскольку внутренние ворота оставались заложены засовами не только изнутри башни, но и со стороны города. Всадники вперемешку с пешими мигом забили весь нижний этаж, но дальше дороги им не было. Однако это не могло стать существенной преградой, требовавшей тарана, ибо выход внутрь имелся не только через большие ворота, но и через дверь караулки рядом (очевидно, бежавшие из нижних этажей якобы солдаты покинули башню именно через нее) - прочную и с дополнительной металлической решеткой, но все же преодолимую, как и двери и люки, уже выломанные штурмующими. Рыцари не смогли бы провести коней через эту маленькую дверь, но они, разумеется, рассчитывали, что штурмовая группа, выбравшись наружу, откроет для них ворота.

И, пока пехотинцы, с лязгом высекая искры, долбили боевыми топорами решетку, хвост рыцарской колонны уже полностью втянулся на мост (достаточно широкий, чтобы на нем могли разъехаться две кареты, а стало быть, и две пары всадников). Две сотни гвардейцев по команде Дармонта развернулись и поехали через озеро обратно, дабы въехать на мост и затем в город следом за рыцарями; остальных осторожный Дармонт пока еще держал под стеной. Но прежде, чем на мост успели въехать первые из гвардейцев, это сделала последняя группа рыцарей - Арвик и его приближенные и охрана. Принц решил, что осторожничать и дальше, дабы въехать в столицу последним, недостойно победителя - да и снаружи вот-вот станет намного опаснее, чем внутри.

И вот тут - когда рыцари, жаждущие ворваться в крепость, уже заполонили мост настолько плотно, насколько им позволяли собственные кони, следом за ними въехал Арвик со свитой, а за ними - первые гвардейцы, из всех бойниц верхних этажей башни и проложенной в толще крепостной стены галереи обрушился поток стрел, сходясь почти что в одну точку на мосту. Нет, этой точкой не был Арвик - он оставался слишком далеко, за пределами досягаемости стрелков. Но все же они старались поразить цели на пределе эффективной дальности, с тем, чтобы тела лошадей и людей заблокировали мост - после чего уже можно было разобраться и с теми, кто оказался ближе, запертый в ловушке на мосту; следующие потоки стрел хлестнули уже по ним.

На мосту мгновенно воцарился хаос. Ржали, метались и валились в агонии раненые кони, кричали и ругались люди, самые умные сразу же спешивались, полагаясь на крепость своих лат в давке, но и они никуда не могли пробиться, кто-то не то в панике спрыгнул с моста, не то свалился, пытаясь обойти столпотворение по перилам, и остался лежать на льду. Те рыцари, что находились ближе к башне, рвались вперед, надеясь укрыться внутри, остальные под градом сотен стрел пытались отпрянуть назад, натыкаясь на уже мертвых и раненых, опрокидывая и давя друг друга. Рыцари, ворвавшиеся в башню на конях, топтали и давили пехотинцев, открывших им этот путь, и даже своих спешившихся товарищей; наиболее сообразительные и

расторопные, успевшие вырваться из этой давки, уже торопливо поднимались по винтовой лестнице, спеша не просто выбраться из толпы, но и добраться до стрелков, засевших в галерее и на верхних ярусах башни.

И тут сверху донесся клокочущий рев, совсем не похожий на звуки, издаваемые людьми. Бойцы Арвика недоуменно замерли, глядя вверх - а в следующие мгновения и из люка, и из желобов, скрытых в потолке и стенах, на их головы бурлящими, грохочущими, сбивающими с ног потоками обрушились тонны воды.

В городе действительно уже практически не было топлива, чтобы вскипятить котлы, установленные на вершине башни. Но это и не требовалось. Ледяная вода на морозе без возможности согреться почти так же смертоносна, как кипяток - разве что не вызывает такой жуткой боли и приводит к гибели медленнее, но, во всяком случае, она способна охладить любой воинственный пыл.

Из открытых ворот вода хлынула на мост, под ноги теснившимся там людям и коням, чтобы быстро превратиться в лед, усиливая хаос. С двух сторон моста ее потоки водопадами обрушились вниз, окатывая побежавших прятаться под мост от стрел пехотинцев и гвардейцев. Из желобов внизу крепостной стены и шлангов, высунутых в бойницы, свою порцию получили и те, что стояли у подножия стен или еще пытались вскарабкаться по приставным лестницам. Те их товарищи, что уже находились на стене, оказались под перекрестным обстрелом из башен (часть стрелков в надвратной башне, прятавшихся на верхних этажах, уже вернулись на соответствующий ярус) и были перебиты, практически не успев оказать сопротивление. После этого лучники бегом заняли гребень стены и открыли стрельбу оттуда, в то время как их товарищи продолжали стрелять из бойниц башен и галереи.

Лишь немногие гвардейцы Арвика попытались обстреливать их снизу. Остальные сразу поняли, что не имеют шансов против почти тысячи лучников со свежими силами и практически неограниченным боезапасом, ведущих стрельбу с укрытых позиций, так что - хотя приоритетной целью лучников королевы были рыцари - конница на льду, а за ней и пехота, не стали дожидаться своей очереди и ударились в паническое бегство прочь от города. Всё же стрелы, выпущенные и им вслед, успели забрать восемь десятков жизней, в основном пехотинцев.

С расстояния в полтысячи ярдов Арвик не мог разглядеть все детали (в частности, он не понял, что именно произошло в башне), но тоже быстро сообразил, что его войско попало в заранее подстроенную ловушку. Однако он упорно не желал поверить, что теперь уже потеряно действительно все. В ярости и отчаянии он заорал: "Не отступать! Вперед!", размахивая мечом и подгоняя коня - все еще в надежде, что, раз его воины, включая рыцарей, уже в надвратной башне, они еще могут переломить сопротивление противника - хотя бы даже тот и впустил их туда нарочно - и прорваться в город, а также в галерею и на стену, дабы устроить там бойню лучникам.

Арвику даже удалось увлечь за собой ехавших следом гвардейцев, еще хуже понимавших, что происходит впереди - но рыцари уже поняли это слишком хорошо. Даже те из них, кому повезло оказаться за пределами осыпаемой стрелами зоны, поворачивали коней (что не без труда удавалось им на узком, заполненном всадниками мосту) и скакали назад, яростно шпоря и нахлестывая своих скакунов. Те же, кому не повезло оказаться ближе к крепости, под градом стрел рвались к спасению в полной панике, конными и пешими перебираясь через тела животных и людей, топча упавших, отталкивая и валя мешающих, некоторые даже рубили мечами собственных товарищей, оказавшихся у них на пути. И, конечно, попытка Арвика остановить этот хлынувший навстречу поток была обречена. Несколько мгновений его толкали назад вместе с конем, не слушая его яростных криков и обтекая его с двух сторон, а затем какой-то рыцарь, на которого Арвик замахнулся мечом, опередил его и сам ударил принца мечом по шлему - может быть, сознательно, мстя за горечь поражения и множество погибших (среди которых могли быть его друзья и родственники), а может, и рефлекторно, не отдавая себе отчета,

кто перед ним, и думая лишь о спасении собственной жизни. Так или иначе, претендент на престол рухнул с коня под ноги и копыта спасающихся бегством остатков его рыцарства.

Его свита тем временем уже скакала прочь, бросив своего принца даже раньше, чем он был выбит из седла. Обратилась в бегство и военная гвардия, ибо в тот самый миг с берега послышались крики: "Они идут! Они здесь! Спасайтесь!" Действительно, конница Райнбальда не стала срезать путь через озеро, а прошла вдоль берега на достаточном расстоянии от него, дабы зайти противнику в тыл, и теперь приближалась к мосту с востока.

Вот теперь капкан захлопнулся окончательно. Из примерно десяти дюжин рыцарей Арвика, которым удалось выбраться с моста, прорваться и спастись удалось лишь считаным единицам. Военные гвардейцы даже не пытались помочь им, а, пользуясь тем, что, как и у стрелков на стенах и в башне, рыцари были наиболее приоритетной целью противника, разбегались во все стороны (преимущественно на север), и примерно трем сотням их удалось уйти. Среди спасшихся был и Дармонт, который промок до нитки под стенами Дракенхайма и должен был замерзнуть в зимнем лесу, однако убедившись, что оторвался от погони, он вспорол брюхо своего коня и забрался внутрь, согреваясь теплом его крови и внутренностей, благодаря чему выжил и сумел добраться до жилья. На пехотинцев, которым удалось унести ноги из-под стен, победители поначалу вообще не отвлекались и как будто бы позволили им беспрепятственно уйти, если только те не лезли прямо под мечи и копыта - однако несколько часов спустя всех, кто уходил организованными колоннами, всадники Райнбальда легко догнали по следам и порубили до последнего человека. Выжить удалось лишь тем, кто предпочел уходить в одиночку или группами из двух-трех человек, если только они, не имевшие никаких припасов, не замерзли в пути.

Сотня гвардейцев и три сотни пехотинцев, все еще остававшиеся в северном лагере, так и простояли там, ожидая приказа, который так и не пришел, а когда, наконец, увидели, как скачут на север, увязая в снегу, спасающиеся от разгрома беглецы - сдались в полном составе командиру лучников на мосту, который был, на самом деле, единственным настоящим солдатом королевы к северу от Дракенхайма. Поскольку в бою они так и не участвовали, то надеялись на милость победителей. Теперь, с разгромом мятежа, Элинор могла позволить себе милосердие - тем паче что гроггендорская угроза никуда не делась, и стране по-прежнему нужны были солдаты.

Однако Арвик не был мертв.

Шлем, усиленный ободом стилизованного венца, погнулся от удара, но не был пробит; Арвик всего лишь потерял сознание. Доспех, подаренный Хагентраубом, хотя и не совсем подходил Арвику, будучи выкован для человека более атлетического телосложения, отличался отменной прочностью и сумел защитить своего нынешнего носителя от копыт рыцарских лошадей, неоднократно наступивших на поверженного, несмотря на немалый вес коня и тяжеловооруженного всадника. Не обошлось без вмятин и синяков под ними, однако все кости претендента на престол остались целы.

Когда Арвик пришел в себя, мост уже опустел - точнее говоря, на нем не осталось живых, за исключением самого принца. Бежавшие рыцари уже покинули мост (и гибли в эти минуты от рук кавалеристов Райнбальда), а торжествующие победители еще не пришли собирать трофеи. Мертвые же валялись на мосту во множестве - в основном, конечно, в пределах полета стрелы от башни, но некоторые дальше. Когда Арвик приподнял гудящую и кружащуюся голову, он увидел тело в латах, распростертое всего в паре ярдов от него. Этот рыцарь не стал жертвой спешивших своих; стрела настигла его во время бегства и теперь позорно торчала из его спины, как символ трусости, но не убила сразу - он успел преодолеть еще полмоста, прежде чем рухнул.

Полученная травма не мешала Арвику соображать быстро. Не поднимаясь, он снял свой помятый шлем и истоптанный пурпурный плащ, а затем стянул шлем с убитого... который вдруг застонал и открыл глаза. Это не входило в планы Арвика, и он сдавил холодной латной

перчаткой горло своего недавнего сподвижника, пережимая сонные артерии. Убедившись, что тот больше не подает признаков жизни, принц обменялся с ним шлемами, с усилием выдернул стрелу, пристроил свой плащ за плечами убитого и воткнул стрелу обратно. Затем отполз на пару ярдов и, ухватившись за перила, тяжело поднялся на ноги.

Он понимал, что его вполне могут видеть из башни, но лишь как крохотную фигурку без всяких деталей - однако если они заинтересуются этой фигуркой, то будут здесь уже через несколько минут. Сам он, в свою очередь, повернув голову, увидел столь же крохотные фигурки на берегу, среди шатров лагеря и вокруг них, где рыцари предателя Райнбальда, по всей очевидности, добивали его собственных. Своего коня Арвик нигде не увидел, но это уже не имело значения - путь для бегства в ту сторону был уже отрезан что пешему, что конному. Перегнувшись через перила, Арвик посмотрел вниз, на восемь ярдов, отделявших его ото льда озера. Это была северная сторона моста, снег здесь, в отличие от южной, почти не был истоптан, но все равно не выглядел вдохновляюще глубоким для такого падения. Но Арвик, перебирая руками по перилам, проковылял еще несколько ярдов до очередной опоры моста. Возле нее намело большой сугроб. Арвик не знал, достаточно ли он глубок, но выбора у него не было. У него лишь несколько минут, прежде чем враги доберутся до него или из города, или с берега. Тяжело перевалившись через перила, он спрыгнул.

Его здорово встряхнуло при приземлении, вызвав новый приступ головокружения, но снег и толстая мягкая одежда под доспехами позволили избежать травм. Куда теперь? Уходить пешком? (Он видел вдалеке фигурки бредущих через озеро пехотинцев, за которыми пока никто не гнался, но это пока - к тому же он в своих блестящих латах, заметных издали, не сойдет за одного из них.) Попытаться спрятаться под мостом и отлежаться в снегу до темноты, изображая мертвеца? Его найдут по следам, да и он замерзнет насмерть, если не будет двигаться. Надо найти коня, это хоть какой-то шанс. Здесь должны быть лошади, лишившиеся всадников... Он вспомнил клич, хорошо знакомый ему по временам его собственной службы в военной гвардии, и хрипло выкрикнул его. Действительно, почти сразу же он услышал скрип снега и побрякивание сбруи и увидел лошадь, которая неспешно трусила в его направлении, волоча по снегу труп гвардейца, застрявший ногой в стремени. Избавив лошадь от ее бремени, Арвик взобрался в седло и, борясь с головокружением и тошнотой, поехал на север так быстро, как позволял снег. Погони за ним все еще не было, но в том, что она последует, он не сомневался.

Совещательную комнату королевы наполняло блаженное тепло. Первые подводы с углем уже прибыли в Дракенхайм; Арвик держал их наготове, желая одарить столицу топливом сразу же после ее триумфального занятия. Достались горожанам и запасы дров из вражеских лагерей. Всего этого, однако, было недостаточно для большого (по здешним меркам) города, и топоры дровосеков уже стучали в окрестных лесах и рощах - Элинор эта вырубка не приводила в восторг, особенно с учетом ущерба, уже нанесенного деревьям осаждавшей армией, но она вынуждена была велеть королевским лесничим закрыть на это глаза. Ее верноподданные, пережившие вместе с ней все тяготы осады, имели право поскорее вознаградить себя за перенесенные лишения.

- Его все еще ищут, - докладывал Крамп. - Погоня отправлена на север и на восток.

- И только? - нахмурилась королева. - Как насчет других направлений?

- Это те, что дают ему наибольшие шансы, - спокойно ответил генеральный дознаватель. - Если он попытается скрыться где-то еще, то - коль скоро он не захочет провести остаток жизни в качестве отшельника в глуши, а попытается и дальше доставлять нам неприятности - рано или поздно ему все равно придется пробираться или к недобитым Бронгаром союзникам, брошенным им на севере, или к Хагентраубу на востоке. Но чем позже, тем сложнее ему будет это сделать, ибо все ведущие туда дороги будут перекрыты.

- С этими бесконечными двойниками я скоро поверю, что никакого настоящего Дункельта

вообще не существует, - проворчал Айбенхорст.

- Нет, нет никаких сомнений, что боем действительно командовал он сам, - возразил Крамп. - Тело, найденное на мосту, нельзя назвать настоящим двойником. Оно, очевидно, было частично переодето уже после смерти. Но все же позволю себе выразить надежду, что таким образом он купил себе лишь отсрочку, а не спасение. На севере Иммермур практически непроходим после снегопада, и в любом случае он будет настигнут раньше, чем доберется туда. На востоке он, конечно, может надеяться получить убежище у Хагентрауба... но в свете изменившихся обстоятельств я сомневаюсь, что последний согласится предоставить таковое. В интересах Хагентрауба сейчас, напротив, максимально отмежеваться от мятежа.

- Все же не понимаю, как люди Райнбальда могли его упустить, - не унимался Айбенхорст. - Он ускакал прямо у них на глазах. Если бы я в этот момент был там, а не на юге, и у меня были лошади...

- А вот это, кстати, интересный вопрос, - неожиданно согласился Крамп.

- На что вы намекаете, сэр? - возмутился Фабиас. - Позволю себе напомнить, что граф Райнбальд спас столицу и всех нас, и, полагаю, даже полковник Айбенхорст не будет отрицать, что без его помощи...

- Да, - перебил Крамп, - но не будем забывать и то, что он прибыл сюда как союзник Дункельта.

- Чтобы втереться в доверие!

- Несомненно, он прибыл сюда с намерением предать одну из сторон, - кивнул генеральный дознаватель. - Вопрос в том, какую именно. И я подозреваю, что до последнего момента ответ на этот вопрос не знал даже он сам. Просто ждал, кто предложит ему больше.

- Это не более чем ваши домыслы, - покачал головой архиепископ, - вполне, впрочем, понятные, учитывая характер вашей службы...

- Как и ваша скромность, учитывая характер вашей, ваше высокопреосвященство, - покивал Корнелиус. - Превознося роль графа Райнбальда в сегодняшней победе, вы умалчиваете о своей собственной, не так ли? Достойное смирение для священнослужителя, но не очень хорошее качество для верноподданного, принимающего стратегические решения без ведома и согласия своей королевы.

- Вы переходите границы, сын мой, - нахмурился Фабиас.

- В самом деле? Вы поклянетесь на Священном Писании, что это не вы позвали Райнбальда сюда и не давали ему никаких обещаний от имени ее величества?

Элинор лишь удивленно переводила взгляд с одного на другого.

- Все это время я находился в том же осажденном городе, что и вы, - уклонился от прямого ответа архиепископ.

- Мне это известно, - кивнул Крамп. - Как и то, что информацию можно передать не только с помощью гонца или даже голубя... хотя, кстати, даже и соколы Хагентрауба не гарантируют перехват всех голубей. Мне продолжать, ваше высокопреосвященство? Лжесвидетельство пред лицом Троицы - это тяжкий грех[55], не так ли?

Локхарт, также приглашенный на это совещание, созванное сразу после победы, не уловил подлинного смысла последней фразы, но остальным присутствующим она была понятна. Архиепископ не подсуден светскому суду и не может быть смещен королевским указом - однако религиозное обвинение в тяжком грехе может быть поводом для созыва церковного суда и, теоретически, лишения сана.

Фабиас несколько секунд мрачно смотрел на оппонента, пытаясь понять, блефует ли он или действительно что-то знает. Наконец нехотя произнес:

- Я уже давно предлагал ее величеству привлечь графа Райнбальда к подавлению смуты и

[55]В оригинале major sin.

восстановлению мира в Айринтии, однако она отнеслась к этой идее скептически. Однако после известия о гибели герцога Бронгарского, чрезвычайно ухудшившего наше положение, я - не имея, разумеется, полномочий говорить от имени ее величества, в чем вы меня безосновательно обвиняете - направил Райнбальду пастырское увещевание...

- Шифровку, - уточнил Крамп. - Набор цифр.

- 5, 9, 12, - подтвердил архиепископ. - Святое Евангелие[56], глава пятая, стихи девятый и двенадцатый. "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах." Не от имени земного монарха, но от имени царя небесного говорил я. Вы усматриваете в словах Иисуса ересь или измену, дознаватель?

- Там были еще две семерки, - заметил Корнелиус. - Стало быть, глава седьмая, стих седьмой? Это, если я правильно помню... - он на мгновение задумался, - "Просите, и дано вам будет; стучите, и отворят вам".

- У вас хорошая память, - холодно улыбнулся Фабиас.

- Возможно, в прошлой жизни я был священником, - осклабился в ответ Крамп.

- Лично я не вижу ничего плохого в том, что архиепископ позвал к нам на помощь одного из сильнейших дворян королевства, - вмешался Швертлинг, - хотя бы даже и своего родственника. В конце концов, в этих войнах между братьями и сестрами[57] мы начали как-то забывать, что родственники вообще-то созданы, чтобы помогать друг другу... Но какого... гхм, я извиняюсь, почему, ваше высокопреосвященство, вы не поставили в известность военное командование?! Мы бы совершенно по-другому планировали операцию, если бы знали, что к нам подойдет подкрепление... тем паче такое, превосходящее все наши собственные силы. И понесли бы куда меньшие потерь... возможно - вообще никаких.

Айбенхорст согласно кивнул; он уже думал, что Райнбальд, внезапно ударив в тыл Арвику еще до начала основного сражения, мог бы выиграть бой даже без участия солдат королевы.

- Я всего лишь направил графу пастырское увещевание, - смиренно ответил Фабиас. - Я не мог знать, когда он прибудет и прибудет ли вообще.

- И с какими намерениями, - мрачно подхватил Крамп. - С тем же успехом он мог бы вступить в бой и на стороне Дункельта... и тогда, конечно, у человека, позвавшего его сюда, могли бы быть большие проблемы.

- Как будто, если бы он хотел сговориться с Дункельтом, ему требовалось для этого мое посредничество! - возмутился Фабиас.

- Возможно, ему требовалось приглашение от обеих сторон, - невозмутимо парировал Крамп. - Пока заинтересованной оставалась только одна, он не трогался из своего замка. Но Дункельт, очевидно, предложил ему меньше, чем он рассчитывал. И потому Райнбальд не вступал в бой ни на одной из сторон. Пока ваши колокола, ваше высокопреосвященство, не пробили все те же две семерки.

- Хотя бы в этом случае вам следовало получить мою санкцию! - возмущенно повернулась к архиепископу королева.

- Совершенно не было времени, мэм, - развел руками Фабиас. - Спросите у полковника Айбенхорста, чем грозило промедление. Мне самому-то еле успели доложить о появлении армии Райнбальда.

- Значит, вы признаете, что Райнбальд готов был выступить против нас? - тут же хищно осведомился генеральный дознаватель.

- Человек слаб, сэр, - пожал плечами архиепископ. - Мы должны надеяться на лучшее, но быть готовы к худшему.

- Так что вы пообещали ему от моего имени? - холодно осведомилась у Фабиаса Элинор.

---

[56]От Матфея. Но в Айринтии (и Гроггендоре) евангелие только одно.

[57]В оригинале - siblings' wars.

- Все, что он попросит, ваше величество, - ответил за архиепископа Крамп. - Вы же помните, как звучит седьмой стих.

- Полагаю, на практике это означает пост командующего гвардией? - Элинор бросила быстрый взгляд на Вульфеншванца, после понесенных его людьми потерь оставшегося фактически командиром без войска. По сути, всю военную гвардию надо было теперь формировать заново...

Фабиас вновь замешкался с ответом, и Крамп снова ответил за него:

- Полагаю, это уже пройденный этап, мэм. За свою услугу Райнбальд потребует большего. Теперь, когда пост коннетабля свободен...

- Ах вот как, - в глазах Элинор появилось понимание. Она вспомнила, как Фабиас только что признался, что отправил свое "пасторское послание" сразу после известия о смерти Бронгара.

- И это, очевидно, как раз то, чего не мог предложить ему Дункельт, - встрял Локхарт, демонстрируя, что и он уже начал кое-что смыслить в местных интригах, - потому что уже обещал эту должность Хагентраубу или Гартхарду.

Крамп взглянул на него с уважением.

- Благодаря моему предложению мы победили, а наш враг полностью разгромлен, - напомнил Фабиас.

- Но жив и на свободе, - возразил Крамп. - Потому что Райнбальду нужны гарантии, что его услуги все еще могут понадобиться. Что ему не скажут просто "спасибо, теперь можете возвращаться домой".

- У него есть гарантии и посолиднее, чем беглый Дункельт, - мрачно изрек Айбенхорст. - Прямо сейчас под нашими стенами стоит почти четырехтысячная армия, которую мы просто не можем не впустить в город.

- Пока что они остаются снаружи под предлогом сбора трофеев, - подхватил Крамп, - а нам, в свою очередь, нужно время, чтобы подготовить для них теплые казармы. Но через час или два - во всяком случае, до темноты точно - нам таки придется их впустить. Стучите, и отворят вам, да.

- Что ж, - неожиданно легко согласилась Элинор, - нам в любом случае нужен новый коннетабль. Я не хотела ставить на эту должность Райнбальда, но... будем надеяться, он хотя бы удовлетворится этим и не потребует других привилегий для своего дома, - она устремила строгий пристальный взгляд на Фабиаса. - И его доблестные бойцы должны, конечно, получить все почести, причитающиеся спасителям столицы... но прежде, чем открыть кабаки, распорядитесь, Корнелиус, чтобы вино в них по возможности разбавили. Нам меньше всего нужны пьяные конфликты солдат Райнбальда с местными жителями.

Локхарт заметил, как при словах королевы желчно скривился Швертлинг. Старик, чье генеральство еще недавно воспринималось, как синекура, явно надеялся, что за победу в сегодняшней битве постом коннетабля наградят его. Впрочем, даже оставив в стороне политические соображения, по справедливости он вряд ли это заслужил. Если бы не вмешательство Райнбальда, спланированное Швертлингом сражение могло закончиться очень скверно для армии королевы - и даже в лучшем случае, вероятно, завершилось бы кровавой ничьей, где остатки королевского войска отошли бы обратно в город, нанеся противнику еще больший урон, но так и не добившись победы...

- Отчет по потерям уже есть? - спросила Элинор, словно прочитав мысли Локхарта. - Обеих сторон.

- Еще составляют, мэм, - ответил Айбенхорст. - Предварительно, мы потеряли более девятисот бойцов - в том числе три сотни лучников вашей личной гвардии, почти всю тяжелую пехоту и двести сорок бойцов военной гвардии - плюс триста тридцать горожан, изображавших лучников. У Райнбальда тоже есть погибшие, но это буквально несколько человек.

- Девятьсот, - печально повторила королева. - Более четверти всех наших сил.

- Калтропы лишили нас главного преимущества легкой пехоты - мобильности, - развел руками Айбенхорст. - В результате вместо того, чтобы держать противника на расстоянии, засыпая его стрелами, мы вынуждены были вступить в рукопашную с тяжеловооруженным врагом. Но, по крайней мере, у противника вообще полный разгром. Потери все еще подсчитываются, кого-то даже все еще добивают вдали от города. Точные цифры будут завтра утром, мэм.

- Хорошо, - вновь согласилась королева. - Оставим мертвецов будущему. Сегодня будем праздновать. В конце концов, - добавила она после паузы, - еще сегодня утром я не была уверена, что доживу до вечера.

- Никто из нас не был, мэм, - все так же мрачно откликнулся Айбенхорст.

Элинор распустила своих советников, предварительно пригласив их на торжественный ужин в честь Райнбальда. Локхарт не поспешил уйти вместе со всеми, не сомневаясь, что королева захочет обсудить с ним события этого переломного дня наедине. Сам он, конечно, не участвовал в боевых действиях, но, не желая просто сидеть и ждать финала во дворце (как сделал это де Сегюр, демонстрировавший столь флегматичное спокойствие, словно бой за столицу вообще никак его не касался), напросился в свиту Швертлинга и наблюдал за боем с башен, переходя по стене с запада на юг и далее к востоку вместе с генералом. А вот Вельо со своей алебардой таки занял позицию на восточной стене вместе с буквально горсткой солдат Швертлинга, оставшихся в городе. Отказать ему не было возможности - слишком уж мало алебардщиков оставалось в крепости, и хотя план предполагал, что королевские гвардейцы справятся с сознательно допущенными на городские укрепления врагами самостоятельно (как оно в итоге и вышло), в случае незапланированного прорыва каждый тяжеловооруженный воин был бы на вес золота. Что касается самой Элинор, то она, несмотря на понятное желание наблюдать за ходом сражения, сочла необходимым оставаться во дворце. Опасения, что одновременно с битвой под стенами может вспыхнуть бунт в самом городе, сохранялись до последней минуты. Но то ли Тайной Страже удалось своевременно выловить агентов и агитаторов Арвика, то ли у них самих не хватило сил и координации на что-то более серьезное, чем недавний фальстарт с походом толпы ко дворцу - однако этот сценарий так и не реализовался. Возможно, как раз в свете этой угрозы Элинор следовало покинуть дворец, где оставалась лишь самая минимальная охрана, и присоединиться к Швертлингу - среди солдат на стене она была бы в большей безопасности. Но она рассудила, что любой слух, будто "королева бежала из дворца", как раз и может послужить сигналом к бунту. Несомненно, ей пришлось пережить более тяжелые часы, нежели ее офицерам на стене и даже, возможно, непосредственным участникам сражения - во всяком случае, так полагал Локхарт с его философией людей действительного залога. И, наверное, теперь ей необходима была разрядка, возможность поговорить с человеком, перед которым можно не прятать свои чувства под маской хладнокровной повелительницы, стоящей выше страхов и сомнений простых смертных...

Но побеседовать наедине они не успели.

Едва дверь закрылась за последним из "генералов" (на сей раз таковым оказался не Фабиас, который предпочел выскользнуть из комнаты вторым, сразу же за раздраженным Швертлингом, а Крамп, словно ожидавший некоего отдельного поручения от королевы, но так и не дождавшийся от нее никакого знака), как снаружи вновь постучали. Получив разрешение Элинор, в приоткрытую дверь просунулся гвардеец.

- Прошу прощения, мэм... мой лорд[58], - поклонился он отдельно Локхарту, - но прибыл вестовой от графа Райнбальда.

- Пусть войдет, - без особого энтузиазма ответила Элинор.

---

[58]С формальной точки зрения, не будучи, как минимум, бароном, Локхарт не заслуживал такого обращения.

На пороге, молодцевато щелкнув каблуками кавалерийских сапог, возник чернобородый воин в легком доспехе из черной кожи со стальным нагрудником поверх и черных же кожаных штанах. На обеих его рукавах красовались красно-синие повязки, а на нагруднике был выбит графский герб - волк с ягненком в пасти, пронзаемый копьем со спины. Локхарт подумал, что хотя этот герб, несомненно, старинный, он неплохо подходит к сегодняшней ситуации.

- Ваше величество, - графский посланец полностью проигнорировал Локхарта, - мой сюзерен граф Райнбальд благодарит вас за возможность собрать трофеи, однако почтительно интересуется, когда его людям будет позволено войти в город.

Бойцы королевы были возвращены в крепость почти сразу же после окончания боя, и бо́льшая часть трофеев, таким образом, досталась воинству Райнбальда, а не тем, кто принял на себя основную тяжесть битвы; сделано это было для того, чтобы, с одной стороны, насытить аппетиты свежеобретенных союзников и отбить у них желание вести себя в столице, словно в завоеванном городе, а с другой стороны - дабы вообще по возможности задержать вход в Дракенхайм этой чужой по сути армии, превосходящей численность всех оставшихся в распоряжении Элинор сил. Само собой, полный разгром армии Арвика не мог быть всего лишь обманным маневром, а сам Райнбальд не имел никаких прав на престол - и тем не менее Элинор предпочла потянуть время, дабы разместить как собственных защитников, так и чужаков внутри города таким образом, чтобы максимально исключить неприятные неожиданности. Многочисленность воинов Райнбальда была достаточным предлогом, чтобы расквартировать их в разных районах столицы, группами, которые не способны быстро связаться и соединиться друг с другом и которые было бы легко окружить и заблокировать баррикадами на узких городских улицах каждую в отдельности, несмотря даже на их общий численный перевес. Но, как уже отметил Крамп, слишком долго держать спасителей столицы на морозе за стенами было нельзя.

- Квартиры для них уже выделены, они протапливаются и приводятся в наилучший вид прямо сейчас, - ответила королева, - к сожалению, это потребует еще некоторого времени, поскольку весь город промерз насквозь за время осады, а мебель во многих домах была сожжена по той же причине. Что же касается самого графа Райнбальда, то передайте ему, что королева с нетерпением ожидает его во дворце.

"Где он окажется в некотором роде заложником, - смекнул про себя Локхарт, - но, конечно, не сможет отклонить это почетное приглашение и остаться со своими людьми. И даже не сможет, вероятно, наедине переговорить с Фабиасом - во всяком случае, не раньше, чем с самой Элинор."

- Да, мэм, - поклонился посланник. - Граф также просит, чтобы в столицу были без промедления пропущены подводы с углем, которые он привел с собой. Они отстали от армии во время снежной бури, но теперь, наконец, подошли.

"Что за возницы на этих подводах? - подумал Локхарт. - И уголь ли там под брезентом? Впрочем, это уже паранойя. Райнбальду нет никакой нужды прибегать к подобным хитростям - он может в открытую ввести в город столько солдат, сколько захочет, и Элинор не решится ему отказать."

Королева, как видно, пришла к тому же выводу, поскольку без запинки ответила:

- Непременно. Уголь - это то, что сейчас необходимо нам в первую очередь. Передайте графу мою глубокую благодарность... впрочем, я сделаю это сама, как только он прибудет во дворец.

- Да, мэм. И еще одно. Солдаты графа взяли пленницу во вражеском лагере. Она говорит, что она баронесса Хюгельдорф, и очень настойчиво требует, чтобы ее отвели к вам.

- Виолетта! - величественная холодность мигом слетела с Элинор. - Что ж вы сразу... хотя, конечно, откуда вам... Немедленно освободите ее и проводите ко мне со всем возможным почтением!

- Да, ваше величество, - посланец еще раз поклонился и вышел.

- Виолетта, слава Троице! - радостно произнесла Элинор после того, как за ним закрылась дверь. - Все-таки жива! Я знала, что с ней не так-то просто разделаться!

- Мне уйти? - холодно осведомился Локхарт.

- Что? Конечно, нет, сэр Эрик, останьтесь!

- Разве я не помешаю вашей встрече с баронессой? Она, кажется, не слишком ко мне расположена... и не могу сказать, что это не взаимно.

- Глупости! - решительно возразила королева. - Мои друзья не должны испытывать неприязнь друг к другу. Тем более сегодня, в день нашей победы... мне кажется, это прекрасный повод, чтобы наладить отношения между вами.

Они перешли в столовую, и Элинор отдала распоряжения повару, полагая, очевидно, что бывшая пленница мечтает о горячей и сытной еде. Затем, в ожидании, пока Виолетту доставят во дворец, Элинор рассказала Локхарту о ее миссии - в итоге, очевидно, проваленной и уже потерявшей актуальность, хотя какую-то все еще полезную информацию баронесса могла успеть получить. Последнее обстоятельство, впрочем, занимало королеву меньше, чем тот факт, что ее подруга цела и, надо надеяться, невредима.

- Все это хорошо, - произнес Локхарт, которому, разумеется, были совершенно чужды подобные сентиментальные соображения. - Но как она оказалась в лагере Арвика? Почему она не в темнице Хагентрауба?

- Очевидно, Арвик захватил ее по пути на восток, когда она засекла его армию, - пожала плечами королева. - Возможно, даже еще до ее встречи с Хагентраубом. Возможно, он даже не хотел, чтобы эта встреча состоялась и чтобы Хагентрауб получил мои предложения...

- Да, но зачем он потащил ее с собой? В вашем мире, насколько я понимаю, со шпионами не церемонятся. Тем более такие люди, как Арвик. Допустим, в пути у него не было времени допросить ее как следует, но уж за время осады... В общем, я не понимаю, почему она до сих пор жива. В качестве заложницы? Но ведь он не предъявлял вам никаких требований или предложений в обмен на ее жизнь. О том, что она была у него в руках, вы узнали только что, не так ли? А для Хагентрауба - если, допустим, Арвику нужен был рычаг давления на союзника - его незаконная дочь не имеет совершенно никакой ценности...

- Ну... - Элинор улыбнулась его недогадливости, - не всегда такие вещи определяются политикой. Виолетта красивая девушка...

- Думаете, она купила себе жизнь *таким* образом? - Локхарт неприязненно скривился. - Хотя, конечно, ей не привыкать, учитывая, как она стала баронессой. Жаль только, что Арвик оказался покрепче ее мужа, а она не стала второй Юдифью.

- Ее согласия могли и не спрашивать, - мрачно заметила королева. - И это мог быть даже и не Арвик, а кто-то из его подчиненных. Хотелось бы надеяться, что до этого не дошло... но, в любом случае, девы, предпочитающие смерть позору - это все красиво в легендах. А я предпочитаю живую подругу мертвой героине баллады.

В дверь снова постучали.

- Ваше величество, баронесса Хюгельдорф...

Тонкая и изящная, но сильная рука легла на плечо гвардейца, нетерпеливо отодвигая его с дороги, и в помещение шагнула Виолетта. Даже зная, что это она, Локхарт с трудом узнал ее. Ее легко можно было принять за юношу; хотя она и обычно одевалась формально в мужском стиле, презирая платья и юбки, но ее излюбленная одежда обтягивала и подчеркивала ее стройную фигуру, сейчас же грубая кожаная куртка явно с чужого плеча висела на ней мешковато, да и тупоносые солдатские сапоги были ей определенно велики. Но главное - вместо длинных черных волос на голове у нее остался лишь короткий "ежик". Вместе с тем, изнуренной неволей она не выглядела - ее лицо было не более худощавым, чем обычно, и не носило никаких следов жестокого обращения.

Локхарта она окинула колючим взглядом, явно не ожидая увидеть его здесь, но все же

насмешливо наклонила голову в его сторону. Полковник также ответил молчаливым холодным поклоном.

- Виолетта! - королева, демонстративно не замечая этот обмен "любезностями", поспешно вышла из-за стола и обняла подругу. - Я уже не надеялась увидеть тебя живой! Надеюсь, люди Райнбальда тебя не... обижали.

- Нет, они были настолько корректны, насколько этого можно ожидать от солдатни, - усмехнулась баронесса. - И примерно настолько же понятливы. Пока мне удалось втолковать им, кто я такая и что нахожусь в лагере их врагов не по своей воле...

- Разве они не захватили или убили твоих охранников?

- Охранников не было, в том-то и дело. То есть, может, снаружи шатра кто и стоял, но заблаговременно сбежал. Я не знала, что происходит, пока в шатер не ворвались эти красно-синие. Возможно, они думали, что захватили любовницу самого Арвика, - Виолетта вновь презрительно усмехнулась.

- А что с твоими волосами? Это сделали мятежники? Вообще, как ты себя чувствуешь? Сейчас подадут горячую еду, я распорядилась - ты, наверное, голодна...

- Не особенно, - ответила Виолетта, - но от стакана горячего глинтвейна не откажусь.

Впрочем, когда слуги принесли - помимо глинтвейна и чая с травами - жареную куропатку, жаркое с овощами в дымящемся горшочке и целый поднос пышных румяных пирожков только что из печи, баронесса воздала должное всем этим угощениям. Элинор, которую ожидал впереди торжественный ужин в честь Райнбальда и победы, не притронулась к еде; Локхарт решил ограничиться парой пирожков.

- Рассказывай, - потребовала, наконец, королева. - Ты же понимаешь, что я сгораю от нетерпения.

- Все-все рассказывать? - Виолетта с надкусанным пирожком в руке устремила демонстративный взгляд на Локхарта.

- Сэр Эрик мой друг, которому я полностью доверяю, - твердо сказала Элинор. - И мне хотелось бы положить конец всякому недоверию и между вами тоже. Когда-то ты испытывала его, но ведь он уже давно прошел тест.

Локхарт подумал, что если баронесса и в самом деле выжила в плену тою ценой, которую они недавно обсуждали, то может не иметь ни малейшего желания говорить об этом в его присутствии. Почему Элинор настаивает? Считает само собой разумеющимся, что ее вопрос касается только политики? Или же знает, что для Виолетты подобное - всего лишь "небольшое приключение", о котором рассказывают со смехом, а не со стыдом?

- Если баронесса находит мое присутствие обременительным, - сказал он вслух, - я, разумеется, не хотел бы ее смущать.

- Вы бы едва ли сумели сделать это, даже если бы захотели, - отрезала Виолетта, откусила от пирожка, прожевала и лишь затем издевательски добавила: - Сэр Эрик.

Сочувствие, которое испытал было к ней Локхарт, мгновенно испарилось. "Не очень-то заноситесь, дамочка, - подумал он. - Ваше дворянство не сильно старше моего. И я свое, по крайней мере, получил не в постели... даже если кто-то испорченный считает иначе."

Но Виолетта, похоже, восприняла его сочувствие как попытку поддеть и начала рассказывать. Она поведала, как ее перехватил кордон кавалеристов Хагентрауба, как ей удалось перехитрить своих конвоиров и как она попалась во второй раз. В тот момент Виолетта прекрасно понимала, что ее допросят с пристрастием, дабы выяснить, что она успела разнюхать и, главное, успела ли кому-либо это передать (например, кому-нибудь в Тиллерстоне), а потом убьют, и никто не найдет даже ее обглоданных волками костей. Тем не менее, она с достоинством заявила, что по-прежнему должна доставить послание королевы графу Хагентраубу - послание не только письменное, но и устное, подчеркнула она - и что граф будет чрезвычайно недоволен, если не получит его вовремя. Это явно расстраивало планы вражеского

офицера, но, немного поразмыслив, он все же принял то решение, которое почти всегда принимают офицеры и чиновники во всех странах мира во все эпохи- не брать ответственность на себя, а переложить таковую на начальство, пусть оно разбирается.

В итоге баронессу все же отвезли - в закрытой повозке уже без всяких гербов и флагов и с сидевшими напротив стражниками - не на запад, а, к ее удивлению, все-таки на восток, в Хагенхолл, где ее действительно принял ее отец, ни полусловом, разумеется, не намекнувший на их родство. Он держался с ней с холодной вежливостью, как с официальной посланницей королевы - хотя после своего бегства в чужом платье она и могла считаться лишившейся этого статуса. Граф, разумеется, расспросил ее и об этой эскападе, пытаясь выяснить, что же она успела узнать, и она, конечно, заверяла его, что ровным счетом ничего, кроме истории с какими-то нелепыми убийствами в сельской церкви, которая вряд ли может заинтересовать Дракенхайм. Хагентрауб сказал, что даст ответ на письмо королевы позже и приглашает баронессу дождаться такового у него в гостях. Очевидно, он решил из осторожности держать ее под почетным арестом до тех пор, пока не станет ясно, чья возьмет под стенами Дракенхайма. Однако, поскольку с ней старались подчеркнуто обходиться как с гостьей, а не как с пленницей, Виолетте вновь удалось обмануть охрану и сбежать.

Возвращаться в столицу было, разумеется, безнадежно поздно, как и пытаться что-то расследовать в Хассенворте, поэтому баронесса устремилась через восточное побережье на север, дабы добраться до Бронгара и как можно скорее привести его армию на выручку столице.

Ей действительно удалось благополучно уйти от погони - если таковая была - и отыскать королевскую армию под стенами Айзеншлосса. Был уже поздний вечер, темно, но, пользуясь своим документом, подписанным Бронгаром, она прошла прямо в шатер командующего. Герцог уже лег, однако, получив доклад адъютанта, принял ее, хотя даже при свете свечи она заметила, как скверно он выглядит - но списала это на усталость и принялась рассказывать свои чрезвычайные известия. Она все еще не была уверена, что Дракенхайм осаждает лично Арвик - лишь понимала, что это не может быть лично Хагентрауб - но догадывалась, что Арвик каким-то образом обманул Бронгара и провел свое войско к столице, как она уже говорила когда-то Элинор. Бронгар попытался задать ей какой-то вопрос, но вдруг закашлялся и не мог остановиться, изо рта у него пошла кровь, он повалился на пол шатра, хватаясь за грудь - и прежде, чем Виолетта успела позвать на помощь, был мертв.

- Думаю, это был какой-то яд длительного действия, - продолжала баронесса. - Причем, скорее всего, он получил его не с пищей. Он был очень осторожен на сей счет, воды из колодца не принял бы иначе как из рук личного повара... Может, что-то, попавшее через кожу - или, скорее, через дыхание, раз при мне он чуть ли не выкашлял собственные легкие. Но поймите[59] мое положение! Я вхожу в шатер, когда главнокомандующий еще жив, и выхожу оттуда, оставляя его мертвым на полу в крови. Если бы я подняла тревогу, меня бы обвинили в убийстве. Во всяком случае - я была бы первой подозреваемой. Я не знаю, кто был у него до меня и как задолго, но, во всяком случае, после этого он переговорил со своим адъютантом и не выказал ему никаких подозрений или обвинений в адрес прошлых посетителей. Как видно, он сам не понимал, что плохое самочувствие, заставившее его лечь пораньше - не следствие простого переутомления. Короче, мне совсем не улыбалась перспектива допроса, который, учитывая обстоятельства, мог вестись не самыми деликатными методами, без оглядки на мой титул. И мои известия тоже никто не принял бы на веру, а лишь счел бы дополнительными доказательствами, что все это вражеская операция - убила командующего, а теперь пытается увести армию прочь от Айзеншлосса, который вот-вот должен пасть. Защитить меня могла бы только королевская грамота, но бумага, подтверждающая мой статус королевской посланницы, естественно, осталась у Хагентрауба... В общем, у меня не осталось другого выхода, кроме как

[59]Поскольку в английском у глаголов во втором лице нет чисел, в оригинале невозможно понять, обращается ли Виолетта только к Элинор, демонстративно игнорируя Локхарта, или все же к обоим слушателям.

удрать оттуда, не привлекая ничьего внимания. И возвращаться в Дракенхайм, чтобы сообщить о гибели Бронгара. Мне удалось добраться до столицы и, естественно, обнаружить, что она в осаде. Я была к этому готова и надеялась проскочить мимо постов... но, как я понимаю, кто-то из людей Бронгара опередил меня.

- Да, - кивнула Элинор.

- Видимо, он ехал более коротким путем через Иммермур, чего я в такую пору, признаюсь, не рискнула, - продолжала баронесса. - И, соответственно, у Арвика усилили меры предосторожности. И я попалась, - Виолетта произнесла это, отведя взгляд - ей было явно неприятно признаваться в своем проколе. - Все, что мне оставалось, - продолжила она после паузы, - это объявить, что я дочь Хагентрауба, выполняющая его личное поручение. И что мой отец будет крайне недоволен, если хоть волос упадет с моей головы. Арвик, конечно, не поверил мне на слово, но и рисковать не стал. Он отправил нарочного в Хагенхолл, дабы выяснить этот вопрос. По таким дорогам нарочный должен был вернуться через четыре, максимум - пять дней, и мне оставалось лишь надеяться, что за это время мне либо удастся сбежать, либо произойдет решающее сражение, либо, чем черт не шутит, мой папаша решит, что я еще могу ему пригодиться - хотя бы для торга с тобой, Элинор - и подтвердит мою версию. Ну, на последнее-то надежды было не очень много. А что касается побега, то... в общем, Арвик - остроумный сукин сын, в этом ему не откажешь. До возвращения нарочного он велел обходиться со мной без всяких грубостей. Никаких цепей и веревок. Просто мне из всей одежды оставили один только спальный мешок, вот и все. Достаточно теплый, чтобы я не замерзла в шатре, завернувшись в него по самый нос. Но выбраться наружу в такую погоду, сами понимаете... Даже если бы мне удалось каким-то образом провертеть в мешке дырки для глаз - хотя и это мне было сделать нечем - и надеть его сверху, босиком по снегу в мороз я бы далеко не убежала. Так что... битва состоялась очень вовремя.

- Да уж, - вздохнула Элинор. - Мне, конечно, не следовало отправлять тебя в эту миссию. Ты не представляешь себе, сколько раз я жалела об этом в последние дни. Но все хорошо, что хорошо кончается.

- Ничего еще не кончилось... мэм, - мрачно возразил Локхарт. - Арвик жив, а главнокомандующий королевской армией убит, теперь мы уже знаем это точно. И хотя он тоже был претендентом на престол, что, в некотором роде, упрощает уравнение - это не сокращает количество неизвестных. Ибо он убит явно не каким-то частным мстителем и даже не простым наемным убийцей. И, главное, мы не знаем, кому сейчас подчиняется эта армия и что она намерена делать дальше.

- Во всяком случае, - заметила королева, - он убит не тем же способом, что Якобсон и, предположительно, мой отец. Там не было никакой крови изо рта.

- Что само по себе еще не значит, что за этим стоит другой человек, - возразил Локхарт. - Но если это разные люди с разными интересами, то это, опять же, лишь увеличивает число неизвестных.

- Арвик или Гроггендор, - пожала плечами Виолетта, нехотя признавая за ним право участвовать в обсуждении. - Кто еще?

- Самый очевидный ответ не всегда самый правильный, - заметил Локхарт. - Во всяком случае, на месте Арвика я бы, пожалуй, сделал это раньше - собственно, он врал нам, что это так и есть, но теперь-то мы знаем, что тогда это был блеф. А на месте Гроггендора - позже. Непосредственно перед вторжением, которое они, скорее всего, планируют на более теплое время.

- Это же не куропатка, которую можно заказать подать к определенному часу, - пожала плечами баронесса, демонстративным жестом приподнимая обглоданную кость с блюда. - Это второй человек в государстве. Убить его совсем не так просто. Когда получилось, тогда и получилось.

- Кстати, - осведомился Локхарт, - когда Арвик допрашивал вас, как по-вашему - он уже знал о смерти Бронгара или узнал об этом от вас? И как он реагировал?

- Я вообще не говорила ему, что была на севере, - ответила баронесса. - Говорила, что прибыла от Хагентрауба. А что он там знал из других источников, я не в курсе. Если покушение организовал он, то, возможно, исполнитель уже успел доложить ему об успехе...

- Ты ведь понимаешь, Виолетта, что тебе нужно рассказать обо всем во всех подробностях Крампу, - заметила королева. - И о том, что произошло в ставке Бронгара, и о том, что было с тобой в ставке Арвика. И как можно скорее. Ну то есть, - смутилась Элинор, - после того, как ты окончательно придешь в себя от всех этих приключений, конечно...

- Да что уж там, я в порядке, - проворчала Виолетта. - Можешь звать своего костолома.

- Сейчас он, скорее всего, занят личным допросом Гартхарда, - сообразила Элинор, - но я велю передать ему, что ты вернулась и готова с ним встретиться. Надеюсь, он успеет записать твои показания еще до ужина.

- Ничего, теперь я уже точно не оголодаю, - усмехнулась Виолетта, окидывая взглядом остатки пиршества.

- Немного придется для приличия, - улыбнулась Элинор в ответ. - Я имела в виду торжественный ужин в честь Райнбальда.

- Да? Это надо понимать так, что я тоже приглашена? Всего лишь какая-то баронесса в первом поколении?

- Не прибедняйся, Виолетта, - королева продолжала улыбаться. - Разве ты не хочешь лично поблагодарить графа за свое спасение? К тому же твой покойный супруг и ты вели дела с прежним коннетаблем... не исключено, что у тебя найдется о чем поговорить и с новым, помимо изъявления благодарности.

- Ах вот как, - понимающе кивнула баронесса. - Не успела окончиться моя миссия при Бронгаре, уже вербуешь меня в твои шпионки при Райнбальде?

- Виолетта, - вздохнула королева, - я понимаю, что пережитое тобой дает тебе право побрюзжать, но все же не стоит...

- Отчего же не стоит называть вещи своими именами? - перебила ее баронесса. - Разве здесь не все свои? Кстати, *сэр* Эрик, очевидно, тоже приглашен?

Этот вопрос смутил королеву. Для ее ближнего круга стало уже естественным присутствие Локхарта на совещаниях, но Райнбальд не входил в ближний круг - как и его вассалы и офицеры, как и знатные жители Дракенхайма, пригласить которых велел этикет - а Локхарт не занимал никакой официальной должности, которая требовала бы его присутствия на торжественном мероприятии, имел не столь уж высокий титул - всего лишь один из множества рыцарей короны (пусть даже большинство этих рыцарей, сохранявших верность королеве, ушли на север с Бронгаром или сидели сейчас по замкам и гарнизонам вдали от столицы) - и даже не был участником сегодняшнего сражения. Хотя, разумеется, королева была вольна сама выбирать, кого ей приглашать - но его появление на официальном ужине обрело бы демонстративный оттенок: "да, это мой фаворит, смиритесь!", и Элинор не была уверена, что хочет публично переступить эту черту.

- Сэр Эрик, - обратилась она к Локхарту, - вы хотите присутствовать? Я буду рада вашему согласию, но и не обижусь в случае отказа. Эти придворные ужины чрезвычайно длинны и утомительны...

Локхарту доводилось бывать на подобных официальных приемах, устраиваемых главами государств экипажу "Доброй воли" в последние месяцы перед отлетом, и никакого энтузиазма эти нудные мероприятия с предсказуемыми заранее патетическими речами у него не вызывали. Но он силился понять, какого ответа от него ждут. Чертова баронесса, из-за которой он не может спросить у Элинор прямо...

- Только если вместе с моими людьми, мэм, - нашелся он наконец. - Прошу прощения,

если нарушаю ваш этикет, но я должен следовать и своему собственному.

Это действительно выглядело сомнительно с точки зрения дворцового этикета. Если де Сегюр имел хотя бы почетный титул графа Добровольского, то Вельо, несмотря на все свои ученые регалии и положение гостя королевы, с точки зрения айринтийского закона оставался простолюдином и рядовым даже не солдатом, а ополченцем, стоявшим на стене с алебардой. Впрочем, последнее обстоятельство позволяло пригласить его хотя бы как участника битвы - пусть даже ему и не довелось нанести в ней ни единого удара. Но приглашение всех троих гостей из иного мира - вне зависимости от того, что именно известно о них Райнбальду - обретало уже иной оттенок, чем приглашение одного лишь Локхарта.

- Да, конечно, - тут же откликнулась королева, довольная найденным им решением. - Я буду рада видеть всех троих.

Ужин лишь отчасти оправдал ожидания Локхарта, оказавшись чем-то средним между уже знакомыми ему по прошлой жизни торжественными приемами и пиршеством в охотничьей хижине Хагентрауба. Дело было не в том, что придворные церемонии во дворце айринтийских королей были менее утонченными, нежели у глав государств XXI столетия - скорее наоборот, однако в этот рафинированный церемониал явно не вписывался - а точнее, не пожелал вписываться - собственно виновник торжества, граф Эдгар Райнбальд, старательно отыгрывавший роль простого и грубого воина, презирающего дворцовый лоск. Его черная борода и грубая кожаная куртка с нашитыми металлическими бляшками (по сути, легкий доспех) того же цвета контрастировали с выбритыми подбородками и парадными нарядами придворных, и если первое было для айринтийских военных делом достаточно обычным, то второе уже выглядело вполне демонстративным вызовом - и Швертлинг, и Айбенхорст, и другие офицеры королевы явились на пир в цивильных камзолах и жакетах. Но дело было, конечно, не только в неподобающем одеянии (вполне закономерном для рыцаря, который так спешил со своим войском на помощь своей королеве, что не позаботился взять с собой штатский костюм - и, конечно же, не мог теперь принять платье с чужого плеча, в то время как самый расторопный портной не успел бы за несколько часов сшить для него новое). Дело было в том количестве воинов, которых Райнбальд привел с собой на пир. Причем среди них были не только офицеры графа, опять-таки вполне закономерные в такой ситуации, но и простые солдаты, и не пара-тройка особо отличившихся героев, что также отвечало бы традициям, а добрые полсотни - но, конечно, возражать спасителю столицы никто не осмелился. Все солдаты, как на подбор, не только были облачены примерно так же, как и их предводитель, но и внешне выглядели похоже - рослые, черноволосые и чернобородые. Вероятно, их и в самом деле отобрали в первую очередь по внешности, а не по воинским заслугам - что, впрочем, отнюдь не означало, будто они не умеют держать меч в руках. Конечно, все люди Райнбальда (включая его самого) явились на пир без оружия (как и люди Элинор, включая и тех, кто имел право входить с оружием в королевские покои) - в этом отношении этикет нарушен не был. Но все равно эта толпа бородачей в кожаных доспехах, наполнившая большую пиршественную залу так, что придворным пришлось потесниться и есть, практически задевая локтями друг друга, производила не самое празднично-умиротворяющее впечатление - так, что впору было задаться вопросом, явились эти люди сюда как спасители или как завоеватели. Казалось даже, что в помещении, освещенном множеством свечей в люстрах и канделябрах, стало темнее из-за этого обилия черной кожи.

Райнбальд был удостоен почетного места прямо напротив королевы; Локхарт со своими двумя людьми получил более скромную позицию - хотя и тоже за центральным королевским столом, но в дальнем его конце (противоположном тем столам, где расселись солдаты) и внимательно разглядывал будущего коннетабля оттуда. Граф, надо отдать ему должное, все же не переигрывал и не пытался изображать совсем уж неотесанного солдафона, каким еще мог бы оказаться какой-нибудь провинциальный барон, но не глава одного из знатнейших домов королевства. Но, глядя, как аккуратно Райнбальд обращается с ножом и вилкой, Локхарт не мог

отделаться от мысли, что всего несколько часов назад граф с тою же легкостью, с какой сейчас резал кабанье мясо, собственноручно зарубил Дирлиха, и не в честном рыцарском бою, а предательским ударом сзади (сам Локхарт этого, конечно, не видел, но ему успели пересказать детали этой сцены). Дирлих, разумеется, сам был предателем и, стало быть, заслуживал такой участи (во всяком случае, по меркам этой эпохи - хотя, говоря по справедливости, предать его фактически вынудили). Но кто знает, как далеко простираются представления о лояльности самого Райнбальда и на что он способен, если, к примеру, решит, что предали его самого, не дав того, что было обещано. А обещано ему было, если исходить из слов священного писания, все, что он попросит...

По правую руку от Элинор сидел Айбенхорст, а по левую - Фабиас. Как вполголоса объяснил Локхарту де Сегюр, вообще-то по протоколу торжественных приемов в отсутствие за столом членов королевской семьи и коннетабля, считавшегося вторым человеком в государстве, по правую руку от монарха положено сидеть премьер-министру, а по левую - канцлеру. Но данное правило является строгим лишь на официальных трапезах, даваемых в честь иностранных гостей королевской крови или же их послов; если же прием дается в честь собственных подданных, то, в принципе, монарх волен сам решать, как ему рассадить своих гостей. Но каждый избранный вариант, конечно, все равно будет иметь символическое значение и получит ту или иную трактовку, зависящую от многих обстоятельств. К примеру, следование строгому дипломатическому протоколу может быть признаком особенной торжественности и высокой чести, оказываемой подданному наравне с иностранными монархами - а по отношению к фигурам ранга Хагентрауба такое может быть и вовсе опасным, ибо такой подданный может возомнить, что его и в самом деле признают равным государю. И в то же время такой прием может быть демонстрацией подчеркнутой формальности и холодности. А чем неформальнее расположение гостей за королевским столом, тем, напротив, более это может свидетельствовать о расположении монарха - но тоже до определенного предела, пока не переходит в пренебрежение и издевку, если, к примеру, король посадит близ себя человека вовсе незнатного или даже собственного шута...

- А у Элинор есть шут? - спросил Локхарт, ни разу не слышавший о таковом и не задумывавшийся на эту тему.

- Нет, - небрежным тоном знатока дворцовой жизни ответил де Сегюр, - эту должность упразднил еще Гумбольдт со словами: "В моей стране и без того хватает дураков, получающих жалование из казны". Королева не стала восстанавливать старинный обычай, хотя сейчас, конечно, у нее хватает более насущных проблем... Так вот, бывает и так, что собственно весь прием устраивается не ради формального бенефициара, а ради того, чтобы посадить определенного человека на определенное место и продемонстрировать это или самому́ почетному гостю, или другим присутствующим. В частности, в несколько иных обстоятельствах я бы сказал, что Райнбальду демонстрируют, что ему следует поумерить свои амбиции, ибо следующим коннетаблем будет Айбенхорст - хотя, конечно, он, то есть граф, не останется без награды, что символизирует его родственник, усаженный по левую руку от королевы. Но, насколько я понимаю, назначение Райнбальда - уже вопрос решенный, так что утешают тут скорее Айбенхорста...

- А разве Фабиас символизирует не благочестие королевы? - усмехнулся Локхарт.

- Формально, конечно, да, но обычно священников, даже самого высокого ранга, не приглашают на светские пиры, если только не хотят сделать подчеркнутый жест в сторону церкви. Чаще они присутствуют там как представители определенного рода или партии - хотя формально Фабиас, как мы знаем, не принадлежит к дому Райнбальдов, но граф, разумеется, все прекрасно понимает...

- Он разбирается в этих тонкостях так же хорошо, как вы? - не удержался от сарказма полковник, чувствовавший подспудное раздражение от того, с каким удовольствием ценителя де

Сегюр рассуждает обо всей этой системе условностей и намеков, которые сам Локхарт со свойственным ему прямодушием ненавидел всю свою жизнь.

- Полагаю, намного лучше, чем я, - смиренно ответил француз. - Вы ведь не принимаете всерьез этот образ варвара в коже, ввалившегося в благородное собрание?

- Во всяком случае, его солдаты не выглядят ряжеными, - проворчал Локхарт.

- Конечно, конечно. Это не дворяне, переодетые нижними чинами. Райнбальд показывает королеве своих солдат и свое право привести их в ее дворец, а Элинор в ответ демонстрирует ему Айбенхорста по правую руку. И не придерешься в обоих случаях: оба сыграли ключевую роль в сегодняшней стратегической победе и заслужили... Но никакого насилия здесь, разумеется, не будет. Мы наблюдаем шахматную партию, а не бокс, этим-то она и интересна... В частности, по позиции Швертлинга можно сказать, что сегодняшний день был пиком его карьеры. Дальнейшего ее развития не будет. Вероятнее всего, вслед за известием об окончательной ликвидации Арвика генерала отправят в почетную отставку, скрашенную пожалованием титула и поместья. Это, кстати, сейчас легко - сегодня погибло множество аристократов, чьи имения могут быть конфискованы как владения изменников, одних только графов шестеро, если мои сведения полны...

- Нас, во всяком случае, усадили намного дальше от королевы, чем Швертлинга, - заметил Локхарт все тем же саркастическим тоном, думая про себя, что де Сегюр, несомненно, очень бы хотел занять одно из "освободившихся мест", сменив свой почетный титул на реальный.

- Но мы ведь и не занимаем никаких государственных должностей, не так ли? - ответил француз все так же смиренно, но Локхарту почудился в его словах ехидный намек. Дескать, я-то не занимаю, куда уж мне - хотя и мог бы, кажется, рассчитывать на ваше заступничество согласно вашим же словам, что мы всегда останемся одной командой - но вот отчего вас самого королева не пожалует титулом и должностью посолиднее рыцаря короны? Или в ваших с ней отношениях что-то пошло не так?

"И что я должен ему ответить? - подумал Локхарт с еще большим раздражением. - Что мы просто друзья, а не то, что все думают, и что, главное, королева не смешивает личное с государственным? А с какой стати я должен оправдываться, тем более перед человеком, привыкшим полагать, что никакие слова не следует понимать буквально?"

- И хорошо, что не занимаем, - проворчал он. - По-моему, это ужасно, когда даже на пиру человек не может расслабиться, а должен думать об интригах, высчитывать свое место за столом и прикидывать, что оно значит и что об этом подумают сидящие левее и правее.

- Не все люди созданы, чтобы властвовать, - понимающе кивнул де Сегюр. - Я имею в виду не тот очевидный факт, что не все могут. Не все хотят.

- Я никогда не уклонялся от ответственности и не хотел, чтобы за меня принимали решения другие, - возразил Локхарт резче, чем хотел.

- Я не об этом, командир, - терпеливо, как учитель ученику, пояснил де Сегюр. - Есть три глагола, которые часто считают почти синонимами, но на самом деле они принципиально разные: властвовать, управлять и царствовать. Третий, собственно, означает лишь внешнюю атрибутику, поэтому его мы исключим из рассмотрения сразу, хотя некоторых власть привлекает именно этой стороной - но это, конечно, относится к людям недалеким... А вы по своей натуре - ничего, если я позволю себе слегка заменить покойного Якобсона? - вы, несомненно, хороший управляющий, и я ни разу не подвергаю это сомнению. Вам нужно контролировать ситуацию. Максимально простым и эффективным способом. Устраняя по возможности лишние неизвестные, как вы любите выражаться. Привести корабль к цели самым коротким и безопасным путем, потратив минимум ресурсов, и все такое. Все ради конечного результата. Голый прагматизм.

- Потому что это рационально.

- Разумеется. Но властвовать - это другое. Это... во-первых, это контролировать не

ситуацию, а людей. Вам ведь все равно, чем именно управлять. Кораблем, роботами, технологическими процессами. Люди в этом списке на последнем месте. Вы сами говорили, что предпочитаете иметь дело с машинами, потому что машины понятны, надежны и предсказуемы.

- Около восьмидесяти процентов всех техногенных катастроф приходится... то есть приходилось на человеческий фактор. И это одни только техногенные катастрофы!

- Я ни в коем случае не критикую и не оспариваю вашу позицию! Я просто поясняю разницу! Вы знаете, что в эпоху прошлого феодализма во многих европейских флотах были две отдельных должности - капитан и шкипер? Шкипер отвечал за все, что касалось навигации. "Перебрасопить реи на правый галс, право руля на четыре румба, курс норд-ост-тень-норд", вот это все. Он управлял кораблем. А капитан мог вообще не разбираться в судовождении, это была не его функция. Он управлял людьми. Так вот, властвовать - это именно над людьми, причем чем меньше они похожи на стандартизованных послушных роботов, тем лучше. Ну а второе отличие следует из первого. Процесс важен не менее, чем результат.

- Я всегда считал людей, жаждущих власти ради власти, психически неполноценными и ущербными, - жестко произнес Локхарт. - Только тот, кто ущербен сам, станет самоутверждаться, унижая других. Опуская их еще ниже себя.

- Да не унижая! То есть такое, конечно, тоже встречается очень часто, но я говорю не об этом! Разве спортсмен стремится унизить соперника? Ведь это принизило бы и его собственную победу!

- И спорт - тот, который ради побед, а не ради здоровья - я всю жизнь считаю абсолютно патологическим занятием.

- Это игра, понимаете? Я не говорю про весь раскрученный вокруг этого бизнес, привлекавший людей, шедших в спорт исключительно ради денег Я про изначальный спортивный дух! Не думайте об этих ваших футболистах, которые, очевидно, вызывают у вас такое отвращение - честно говоря, у меня тоже, европейский футбол все же не в пример изящнее... Думайте о шахматистах! Если противник предложил фору, с точки зрения управленца-прагматика вроде вас - менеджера, если угодно - ее надо принять. Потому что это упростит задачу. Но настоящий спортсмен так не поступит, потому что это лишит игру интереса! Похоже дело обстоит и с властителем. Который не обязательно занимает верховный пост - мы говорим сейчас о психотипе, а не о должности...

- По-вашему, - усмехнулся Локхарт, - Элинор сейчас должна позволить Арвику ускользнуть и собрать новую армию, чтобы не лишать игру интереса?

- Нет, конечно же. Не принимать чужих подачек не значит делать их самому, а в политике все вообще сложнее, чем в шахматах, поэтому я сказал "похоже", а не "точно так же". Политик должен использовать любую возможность, любую слабость противника, порождена ли та излишней самоуверенностью, излишним благородством, небрежностью, глупостью, ленью - чем угодно, хоть стихийным бедствием. Но интереснее всего победить именно сильного врага. Или удержать контроль над сильным союзником, что может быть еще сложнее - властвовать над ним и не позволить ему властвовать над тобой, хотя, возможно, и позволить ему так думать... какое-то время. Поэтому средневековая политика, где, если угодно, нет никаких правил - во всяком случае, таких, которые безусловно нельзя нарушать - интереснее, чем политика цивилизованной эпохи, скованная множеством ограничений.

- Разве, даже рассуждая в ваших терминах "интереса к процессу", выиграть по правилам - не более интересная задача, чем без них? - вновь усмехнулся Локхарт.

- Нет, конечно - ведь твои соперники имеют те же возможности! Ты можешь превратить коня в ладью, но когда ты знаешь, что твой оппонент может, в свою очередь, сделать твою фигуру своей, причем так, что ты об этом даже не узнаешь, ты уже задумываешься, а не лучше ли оставить ее конем...

"Ну да, - подумал Локхарт, - с Райнбальдом сейчас это и происходит. Только выбора,

похоже, уже нет..."

- И вы думаете, Элинор получает от всего этого удовольствие? - горько спросил он.

- А вы думаете, нет?

- Я думаю, что у нее просто нет иного выхода, кроме как участвовать и побеждать в том, что вы называете игрой. Даже если бы она добровольно отказалась от власти, ее враги не оставили бы ее в живых и на свободе. Как и она сама не может оставить Арвика.

- Да, да. Объективную сторону дела я, разумеется, не отрицаю. Но уверены ли вы, что так хорошо разбираетесь в чувствах ее величества?

- Уж получше вас! - огрызнулся Локхарт и тут же пожалел о своих словах.

- Как скажете, командир, - смиренно согласился де Сегюр и сосредоточился на еде.

Пир начался, как и ожидал Локхарт, с краткой речи королевы, в которой она выразила благодарность "всем доблестным воинам, защитившим столицу и законную власть" - однако не назвала никаких фамилий. Полковник полагал, что вскоре за этим последует и персональный тост за Райнбальда, вместе с которым граф получит и свое новое назначение, но такового все не было. Гости сперва вовсю работали челюстями, воздавая должное искусству королевских поваров, затем, когда первый аппетит был утолен, пришел черед застольных разговоров - именно в это время де Сегюр принялся объяснять Локхарту тонкости застольной политики; королева также милостиво обменивалась фразами с сидевшим напротив нее графом - однако никаких официальных тостов и речей все не было. И, похоже, кое у кого из гостей это уже начало вызывать беспокойство, заставляя их все чаще бросать выжидательные взгляды в сторону середины главного стола.

Наконец Элинор вновь поднялась. Все звуки за королевским столом - негромкое гудение разговоров, звяканье ножей и вилок - сразу смолкли (хотя солдаты Райнбальда за соседним столом продолжали есть, как ни в чем не бывало). Выждав приличествующую паузу и убедившись, что все взоры - по крайней мере, за главным столом - устремлены на нее, Элинор провозгласила тост "за главного героя сегодняшней битвы..." - короткая пауза, снисходительная улыбка на лице Райнбальда, уже готового подняться в ответ - "... полковника королевской гвардии Айбенхорста".

Айбенхорст поднялся с серебряной чашей в руке, принимая чествование. Локхарт подумал, что, хотя командующего гвардией не упрекнешь в трусости, главными героями битвы были все же другие люди - только никого из них нет и уже не может быть за столом. Это были, например, шестнадцать гвардейцев Шестого дивизиона, ценой своих жизней сорвавшие удар вражеской конницы в тыл, или лучники, отстреливавшиеся до последнего. Но, разумеется, их имена ничего не значили для большой политики... Однако, что значит этот демонстративный тост за Айбенхорста? Неужели Элинор передумала и решила сделать коннетаблем его? Такой вариант, кажется, никогда прежде даже не рассматривался - не потому, что королева не доверяла командующему ее гвардией, но как раз потому, что он оптимально устраивал ее именно на своем месте...

Снисходительная улыбка, однако - насколько мог заметить Локхарт - не покинула лица Райнбальда. То ли граф великолепно владел собой, то ли был совершенно уверен в том, что получит свое, и демонстративное чествование других не угрожает его планам.

И действительно, тост за Айбенхорста обошелся без упоминания новых должностей и титулов, и пиршество покатилось дальше. Некоторое время спустя с тостом поднялся уже сам Айбенхорст, воздавший честь "нашему главнокомандующему в сегодняшней битве генералу Швертлингу". Швертлинг, в свою очередь, после очередной перемены блюд поднял тост за Вульфеншванца, который, правда, по настоянию Крампа оставался в крепости и не участвовал в битве, но чьи солдаты проявили "истинный героизм, защитив доброе имя военной гвардии от изменников, пытавшихся запятнать таковое". О Райнбальде и его людях доселе не было сказано ни слова.

Наконец - пир к этому времени продолжался уже больше часа, все более утрачивая торжественно-официальный вид, ибо даже чопорные придворные уже заметно осоловели от обильной пищи и вина, а солдаты за своим столом вели себя все более шумно и развязно, похоже, все менее помня о разнице между королевским дворцом и кабаком - встал с чашей и Вульфеншванц. Локхарт подумал, что если тот произнесет тост и вовсе за какого-нибудь младшего офицера, если не вообще рядового, то даже если тот, в свою очередь, и вспомнит наконец графа Райнбальда, такое чествование будет больше похоже на оскорбление. Вполне вероятно, что граф нарвался на таковое сам, приведя с собой на пир рядовых солдат; будет по-своему остроумно, если он и сам получит тост от нижнего чина. Но понимает ли Элинор - а в том, что вся эта череда тостов идет по ее сценарию, Локхарт не сомневался - что эта остроумная мелкая месть может лишь обострить отношения с человеком, с которым лучше бы сейчас не ссориться?

Вульфеншванц, однако, произнес тот тост, который Локхарт хотел бы услышать в начале - "за тех, кто пал в сегодняшнем бою за королеву и Айринтию". Что же получается, подумал Локхарт - если последний тост посвящен мертвецам, то продолжить цепочку уже некому и Райнбальд вообще останется без чествования? Значит ли это, что его всего лишь обойдут вниманием на пиру, или он все же вовсе не получит и той главной награды, на которую рассчитывает - и к каким последствиям это приведет?! Локхарт вновь перевел взгляд на графа, желая оценить его реакцию на подобный афронт, и с удивлением обнаружил, что Райнбальд, похоже, даже не особо обратил внимание на слова Вульфеншванца, ибо занят беседой со своей соседкой слева. И это была вовсе не придворная дама, посаженная на это место в начале пира (ее имени Локхарт не знал и не интересовался). Она куда-то исчезла, а на ее месте (почти что напротив королевы, да) теперь как ни в чем не бывало восседала Виолетта, вновь облаченная в свой излюбленный наряд (совсем не соответствующий протоколу торжественной трапезы) и даже со своими длинными черными волосами. Теперь не только Локхарт, но, вероятно, и Райнбальд, если он видел баронессу еще в лагере Арвика, знал, что это парик - но едва ли графа это волновало. Полковник подумал с усмешкой, что с Райнбальдом у Виолетты определенно получается лучше, чем с ним самим. Впрочем, с ним баронесса с самого начала выбрала неверный тон, словно... словно не может простить ему симпатию Элинор. Как же это глупо - притом, что Виолетта отнюдь не дура, это Локхарт не мог не признать...

А затем снова встала королева и дождалась общего молчания и внимания (что теперь потребовало больше времени, чем в начале пира). Ну да, сообразил Локхарт, если здесь принято передавать тосты по цепочке, то после тоста за погибших за королеву по-своему логично, чтобы эстафету вновь приняла она сама...

- Я поднимаю этот тост за человека, чье своевременное появление решило исход сегодняшней битвы, - сказала Элинор, глядя на своего визави, и после крохотной паузы добавила: - За моего верного графа Райнбальда.

И это тоже по-своему логично, подумал Локхарт. Каждого на этом пиру чествовали сообразно его реальным заслугам. Райнбальд не был в этой баталии ни героем, ни командиром героев. Но был тем, кто решил ее исход. Так бывает, и даже не редко... И порядок тостов тоже имеет смысл. Райнбальд появился на поле боя последним - "своевременно", сказала Элинор, но это, очевидно, следует понимать, как сарказм - и с таким же запозданием получает свой тост.

Граф поднялся и уже без всяких снисходительных улыбок впился взглядом в Элинор. Он явно ожидал продолжения. И оно последовало.

- Нового главнокомандующего королевской армией Айринтии.

Наконец эти слова были произнесены при множестве свидетелей. По рядам пирующих пробежал шум. Люди Райнбальда поднимались с мест, готовые приветствовать своего сюзерена. Но, похоже, не все присутствовавшие на пиру знали о грядущем назначении - и не всех оно привело в восторг.

Однако Элинор все еще не закончила.

- И повелеваю ему выступить на север, дабы как можно скорее принять командование над вверенной ему армией.

А вот этого он не ждал, понял Локхарт, не менее внимательно, чем де Сегюр, следивший за лицом графа. Райнбальд явно планировал подольше наслаждаться королевским гостеприимством, одновременно укрепляя свои позиции в столице, где доселе он воспринимался лишь как один из провинциальных феодалов - сильный где-то там в своих владениях, но все равно провинциальный. А вот Элинор, очевидно, совсем не жаждала позволить ему это сделать. И формально к ней не придерешься, требование как можно скорее восстановить управляемость королевской армией действительно разумно, и кому же этим заниматься, как не ее новому командующему?

Мог ли Райнбальд возразить королеве - прямо здесь, на пиру, при всех гостях, в ответ на поднятый за него тост? Что-нибудь вроде того, что раз он теперь командующий, то решать, как и откуда управлять армией - его прерогатива, и что лишь на таких условиях он готов принять на себя предлагаемую ему ответственность, или, если более почтительно, что он не хотел бы повторить ошибку своего предшественника, который покинул столицу, оставив ее без защиты, что чуть не привело к катастрофе? Скорее всего, в обстановке пира, а не совета, даже самое почтительное возражение прямому повелению королевы было бы чудовищным нарушением этикета - но, похоже, граф, застывший с кубком в руках, несколько секунд обдумывал такую возможность. Но, если он и собирался это сделать, то этот план нарушил кто-то из его же солдат, демонстративно приведенных Райнбальдом на пир. Этот солдат, явно не задумывавшийся о тонких политических материях и осознавший лишь сам факт назначения графа на высокий пост, нетрезвым голосом выкрикнул из-за своего стола громкое "ура!" в адрес своего сюзерена - тут же подхваченное другими солдатами, а затем, с большей или меньшей охотой, другими гостями.

Элинор милостиво улыбалась. Райнбальду ничего не оставалось, кроме как поклониться сперва королеве, затем гостям и осушить свой кубок. Момент для возражений был упущен, и, после того, как восклицания стихли и кубки вернулись на столы, граф ответил королеве лишь стандартными словами благодарности за оказанную честь. Впрочем, подумал Локхарт, если Райнбальд и не решился возражать Элинор публично, это еще не значит, что позже он не попытается сделать это в менее многолюдной обстановке. Со своего места (по одну сторону стола с королевой) полковник не мог разглядеть лица Фабиаса - интересно, что думает о происходящем он и насколько оно отвечает, а насколько противоречит его планам. Впрочем, по лицу архиепископа, скорее всего, невозможно было понять его истинные мысли и чувства...

Пир покатился дальше уже без всяких примечательных событий. Локхарт, давным-давно наевшийся, отчаянно скучал - он вообще отличался умеренностью в еде и с детства привык есть быстро, не тратя на это лишнее время, поэтому долгие официальные застолья были для него мучительны - и думал, как бы незаметно ускользнуть, не нарушив никаких придворных приличий. Но пока что все гости оставались на своих местах (если не считать той дамы, что уступила место Виолетте, очевидно, по прямому предписанию Элинор). Наконец, когда колокола собора пробили десять вечера, поднялся Айбенхорст и испросил у королевы разрешения лично принять доклады об организации ночной охраны столицы (очевидно, потребовавшей изменений в связи не только с разгромом неприятеля и снятием осады, но и с потерями, понесенными защитниками). "Возьмите с собой графа Райнбальда, - сказала Элинор. - Безопасность Дракенхайма - теперь и его сфера ответственности, пусть входит в курс дела. К тому же ему, вероятно, тоже нужно принять доклады о том, как разместились его люди." Выпроводив таким образом Райнбальда, Элинор, выждав для приличия еще минут десять, покинула пиршественную залу сама в сопровождении пары фрейлин и Фабиаса, пожелав объевшимся гостям приятного аппетита. Это стало сигналом, что можно расходиться, и действительно, вскоре после ухода королевы зала опустела более чем наполовину, хотя самые настырные из

гостей, включая солдат, оставались за столами до глубокой ночи.

Вокруг была темнота. Арвик понимал, что это не ночь и не мрак подземелья - просто его чертово тело все еще отказывается работать, как надо. Впрочем, не было никаких гарантий, что, когда он окончательно придет в себя, вокруг таки не окажется подземный каземат. Один из тех, что под Башней Слез - с трубой над головой, готовой в любую минуту начать извергать ледяную воду - или какой-нибудь еще, мало ли в Айринтии тюрем, и не только государственных... Он даже не мог понять, может ли он пошевелить конечностями. Впрочем, даже если он не связан и не скован, это еще не значит, что он свободен. Зато... зато ему не было холодно, и вот это уже хороший признак. В тюрьме зимой непременно было бы холодно. Не говоря уже о зимнем лесе. Лес был последним, что он помнил. Он загнал коня, стремясь максимально оторваться от преследователей - то есть он не видел погони, он был достаточно умен, чтобы скакать на запад, а не на север или восток, где они стали бы искать его в первую очередь - но все-таки несколько перестарался (как уже не раз бывало в его жизни), и его конь пал прямо посреди леса, вдали от всякого жилья и дорог, которых он старательно избегал. После этого все, что ему оставалось - брести через лес пешком по глубокому снегу, борясь с тошнотой и головокружением, пока он совершенно не выбился из сил. А потом... потом не было ничего, кроме темноты.

Резко нахлынувшая злость при воспоминании о *том* дне придала ему силы (выброс адреналина, сказали бы в другую эпоху), и он, наконец, открыл глаза.

Света было немного, но он все-таки был - тусклый свет пасмурного дня, проникавший сквозь маленькое мутное окошко, разделенное рамой на четыре части. Первым, что увидел Арвик, был низкий бревенчатый потолок, с которого свисали связки и пучки каких-то сушеных растений, придававшие воздуху необычный запах. Арвик понял, что лежит на мягком, и нечто ограничивает его движения, но это явно не веревки и не кандалы. Приподняв голову, он понял, что накрыт толстым и тяжелым стеганым одеялом. Тогда он решительно сбросил его (оно с шуршащим шумом свалилось на пол) и убедился, что лежит на кровати совершенно голый. Ни каких-либо уз, ни ран на его теле не было.

- Очухался? - прозвучал позади него ворчливый женский голос.

Арвик резко повернул голову, одновременно протягиваю руку за одеялом - но оно уже было на полу вне пределов досягаемости, и ему оставалось только прикрыться руками - жалкий и смешной жест, совсем не достойный короля! На него смотрела круглолицая старуха, закутанная в какие-то серые нищенские лохмотья (на самом деле - вполне добротную шерстяную шаль); длинные вьющиеся пряди седых волос не были благопристойно убраны под чепец, как следовало бы в ее возрасте, а беспорядочно свисали на плечи. Она сидела возле грубо сколоченного стола, на котором стояло несколько предметов - со своей позиции на кровати Арвик различил только вершину кувшина и ручку пестика, торчавшего из ступки. "Ведьма!" - мелькнуло в его сознании, хотя выражение лица старухи было вполне добродушным.

- Да не дергайся ты, - усмехнулась старуха, - нешто я голых мужиков не видала? И тебя тут уж, почитай, неделю выхаживаю, насмотрелась.

- Где моя одежда? - спросил Арвик ледяным королевским тоном, садясь на кровати, но по-прежнему прикрывая рукой промежность. - И мой меч? И мои доспехи?

- Все, что на тебе оставили, тут в углу лежит, - ответила старуха. - Только доспехов там никаких не было.

- Кто оставил?! - Арвик еще раз торопливо оглянулся по сторонам, но каморка, где он находился, никак не походила на темницу, а походила на внутренность маленькой бедной избушки, где как раз в самый раз и обитать таким старухам.

- А я почем знаю, кто? Те, кто тебя в лесу нашли.

"Солдаты? Стражники?" - чуть не вырвалось у Арвика, но он тут же сообразил, что враги непременно забрали бы его с собой, живого или мертвого, и привезли бы отнюдь не в такое

место. Его - или его голову. - Разбойники? - спросил он вслух.

- Да мне-то почем знать? - повторила старуха. - Коли ты сам не ведаешь, я тем паче. Может, и не разбойники. Мало ли кто по лесу шляется. Шли, увидели, ты в снегу валяешься, решили, что мертвый, ну и забрали все, что было ценного. Фуфайку вот разве что оставили да штанами твоими побрезговали, потому как обделался ты.

Если собственная нагота вызвала у Арвика лишь умеренное смущение, то теперь кровь бросилась ему в лицо горячей волной.

- Как ты смеешь!!! - заорал он.

- Да ты не кипятись, - вновь усмехнулась старуха, - подумаешь, дело обычное. Когда человек без чувств лежит, он себя не контролирует. Пока ты тут лежал, думаешь, ни разу этого не сделал?

- Да ты знаешь, кто я?! - гневно воскликнул Арвик, тут же, впрочем, сообразив, что для него же будет лучше, если ответ на этот вопрос - отрицательный.

- Дурак, - отрезала старуха, - который идет один зимой через лес, не зная дороги. Это ж чистое чудо, что ты живой еще. Ты бы там и без всяких разбойников загнулся. Скажи спасибо, что я за хворостом пошла да на тебя наткнулась. Совсем ты кончался уже, еле выходила.

Арвик заставил себя успокоиться.

- Принеси мою одежду, - холодно потребовал он. - Если, конечно, ты ее вычистила.

- Нет - так и бросила вонять в углу, - продолжала насмешничать старуха. - Сам-то не можешь еще встать?

Принц хотел вновь оскорбиться, но сообразил, что последний вопрос относится к его физическому состоянию. Все-таки он, очевидно, был болен всерьез, раз провалялся тут в беспамятстве целую неделю.

- Наверное, могу, - ответил он, прислушиваясь к собственным ощущениям. - Но сначала я должен одеться.

Старуха принесла ему рубаху, поддоспешник и колготы[60]. Арвик натянул все это и, наконец, встал с кровати, едва не задев головой связку каких-то грибов, свисавшую с потолка. В теле все еще чувствовалась слабость, но не болезненная - скорее естественное следствие долгого отсутствия нагрузки на мышцы. Голова слегка закружилась, но это ощущение быстро прошло. Пожалуй, он сможет быстро восстановить силы. Поупражняться бы с мечом прямо сейчас...

- На-ка вот, выпей, - старуха, оценив, как он держится на ногах, поднесла ему деревянную кружку с каким-то резко пахнущим отваром. Арвик покосился на питье с подозрением, но сообразил, что здесь его, если бы хотели, уже сто раз могли умертвить без всякого яда, и в несколько глотков выхлебал горькую гадость.

- Так, говоришь, оружие и латы разбойники забрали? - прищурился он, глядя на старуху уже не снизу вверх, а с высоты собственного роста. - А не ты ли сама? Они больше стоят, чем ты за всю жизнь даже во сне видела!

- Да ты на меня-то посмотри! - ответила старуха уже с раздражением - как видно, ей надоело добродушно усмехаться в ответ на его претензии. - Я тебе что - боевой конь? И так-то еле тебя до дома по снегу доволокла, а уж во всем этом железе с места бы не сдвинула.

- Можно было сделать две ходки, - не согласился Арвик.

- И зачем бы мне тогда вторая? Тебя-то я зачем бы стала спасать, орясина ты неблагодарная? Дерьмо из-под тебя шесть дней выносить, чтоб ты меня тут потом воровкой обзывал? Да и на избу мою посмотри - это что, дворец? Куда все золото-то ушло, которое я, по-твоему, за твои железки выторговала?

- И которое у меня при себе было, - добавил Арвик, но тут же упреждающе поднял руку

---

[60]Столь же типичная мужская одежда средневековья, как и чулки-шоссы. Особенно удобны для надевания под полный латный доспех. Как и шоссы, могли иметь кожаные подошвы, соединяя, таким образом, функции штанов и обуви.

ладонью вперед: - Ладно, ладно, ты права. И я... благодарен тебе за спасение. Но и ты веди себя, как подобает! Ты не с мужланом - ты с... графом разговариваешь! - он почти с отвращением произнес ненавистный титул, данный ему как "бастарду", но сейчас ему определенно не стоило называть свой истинный. За его голову несомненно объявлена большая награда, куда бо́льшая, чем стоимость любого доспеха, и это как раз может быть ответом на вопрос, зачем эта бабка выхаживала его - чтобы точно узнать, кто он такой, прежде чем звать стражников. Наверное, ему и графом-то называться не следовало - ведь в официальных объявлениях о розыске он, конечно, фигурирует как "граф Дункельт", лучше было - бароном, но это было бы уж совсем ниже его достоинства.

- Да мне хоть граф, хоть герцог, - не впечатлилась наглая бабка. - Я в лесу живу, у меня тут сеньоров нет, - с юридической точки зрения это, конечно, было не так, эти земли несомненно кому-то принадлежали. Но в том, что эта лесная ведьма не платит своему сеньору податей, Арвик не сомневался. Возможно, она даже не числится в метрических книгах. - Да и графья не больно-то без свиты пешком по лесу шастают, - добавила старуха, насмешливо глядя на него.

- Мою свиту убили мятежники, - мрачно ответил он.

- Да уж слышала про этот ваш мятеж, - покивала старуха. - Ох, дурные вы все, что те, что эти, что ж вам мирно-то не живется! Ведь на всех хватает и еды, и воды, и воздуха чистого. Да и золота даже - ведь не те мятежи поднимают, у кого его нет! А те, у кого и титулов, и богатства и так полно. Так ведь нет, им еще больше надо! А в итоге и то, что было, потеряют. Сами без головы останутся и других оставят!

- Что именно ты слышала? - спросил Арвик. Ее обывательская философия вызвала у него лишь презрительную усмешку, но сейчас куда важнее были практические вопросы. - Какие новости за последнюю неделю?

- Ну, ко мне в лес не больно-то новости доходят. Но иногда все ж таки выбираюсь продать-купить кой-чего, вот в воскресенье на базаре в Трептоне была. Так там народу нет почти, а какой есть из торговцев, все ругаются. В рождественско-новогоднюю неделю обычно же самая торговля зимой, а сейчас что? Дороги перекрыты, разъезды да патрули повсюду, мятежников этих ваших ищут. Каждую подводу по десять раз перетряхнут, вдруг там в каком горшке самозванец прячется...

- Какой самозванец? - насторожился принц.

- Ну этот, лже-Арвик.

- Лже? - прищурился Арвик. - Вроде бы раньше даже... Элинор не говорила, что он не настоящий.

- Так настоявшего-то под Дракенхаймом убили! Но сразу же новый объявился, никак они не угомонятся, мятежники-то ваши.

- Почем ты знаешь, что убили? - неприязненно спросил принц, хотя сейчас такая версия скорее способствовала его безопасности.

- Ну, я-то сама там не была, - рассудительно ответила старуха, - но народ на базаре говорит - точно убили, и голову его напоказ выставили. Один там, на базаре-то, божился, что сам ее видел. Торчит, говорит, на пике перед Северными воротами, жуть. А мальчишки в нее снежками кидаются.

Конечно, это не могла быть голова рыцаря, на которого Арвик надел свой шлем и плащ - тот был вовсе не похож на него. "Должно быть, это голова бедолаги Жерома, - понял принц; то был его двойник и, по слухам, незаконный брат, сыгравший его роль в сентябре. - Они ее сохранили. Но почему они стали раскручивать версию о самозванце только сейчас? Ах, ну да, конечно. Раньше для них предъявить голову означало сознаться в убийстве. Да и кто бы им поверил, зная, что я далеко. А сейчас у них есть оправдание - Арвик-де пал в бою прямо под стенами столицы, на глазах у свидетелей! Но кого именно они ищут, если я все это время валяюсь здесь в безвестности и бездействии? Уж не объявился ли за эти дни и в самом деле

какой-то самозванец, провозгласивший себя Арвиком?"

Такой вариант он совершенно не рассматривал. Что, если теперь ему противостоит не только узурпаторша, но и самозванец? И, пока он тут валяется, этот самозванец уже собирает вокруг себя оставшихся верными ему, Арвику, людей? А когда Арвик потребует свои права - конечно же, объявит самозванцем *его*, законного наследника? В прежние времена подобную наглую ложь нетрудно было опровергнуть - поэтому Арвик не опасался, что так попытается повести себя тот же Жером. Но теперь, когда его соратники, хорошо знавшие его лично, пали под стенами Дракенхайма, а все документы, хранившиеся в его шатре и в седельной сумке его лошади, тоже утрачены...

Принц чувствовал, как закипает в нем гнев на неизвестного наглеца. При этом он совершенно не думал, что сам он - и всякий, кто дерзнет назваться сейчас "принцем Арвиком" - находится в положении загнанного зверя, чье войско уничтожено, союзники предали (теперь он числил предателем и Хагентрауба, так и не поддержавшего его открыто), столица наверняка захвачена (он оставил там чисто символические силы как приманку для Бронгара), за которым охотятся патрули по всем дорогам. Он рассуждал так, словно Элинор вообще уже не проблема и единственным препятствием, неожиданно вставшим между ним и троном, является этот гипотетический наглый самозванец! Но, обуздав первую волну гнева, он все же взглянул на вещи более трезво. Скорее всего, никакого самозванца все-таки нет. Если бы таковой и объявился, то где-нибудь на севере, а не здесь, среди сплошных врагов, где он гораздо раньше останется без головы, чем сумеет собрать вокруг себя хоть какие-то силы. Тот "самозванец", которого ловят эти враги - это и есть он сам, настоящий Арвик. Пусть они не слышали о нем ничего со времени битвы и даже не знают наверняка, выжил ли он или действительно замерз и достался волкам где-то в лесу (Арвика передернуло при мысли, что его конец мог быть столь бесславным) - они, конечно, не успокоятся, пока не отыщут его живым или мертвым.

Все же, сколько времени они будут активно искать его в этих краях? И безопасно ли отсиживаться у этой бабки? Даже если предположить, что она не предаст сама - не такая уж она никому не ведомая отшельница, на базарах бывает, значит, и к ней могут наведаться с обыском...

- Далеко этот твой Трентон? - спросил Арвик. Ему это название ничего не говорило - какое-то мелкое селение...

- Трептон, - поправила старуха. - Миль восемь будет.

Не так уж плохо, подумал он. Редкие дозорные настолько настырны, чтобы углубляться в лес так далеко - если, конечно, не знают наверняка, что и где искать.

- У тебя есть лошадь? - продолжал он расспрашивать.

- Была бы лошадь, стала бы я тебя на себе волочь, - проворчала бабка. - Коза у меня есть. А лошади на зиму слишком много сена надо, мне в моем возрасте столько не запасти.

- А по восемь миль пешком туда и обратно топать - возраст, значит, не помеха? - Арвик снова заподозрил вранье.

- Так я обычно только до дороги хожу, там и трех миль не будет. А там жду, чтоб кто-нибудь подвез старушку. Кто-нибудь всегда подвозит, это ж не каждый день, а когда народ на базар и с базара едет.

Три мили от дороги - это уже хуже, подумал Арвик. Сюда, в принципе, могут и сунуться, даже если и не знают, где именно тут ее изба.

- А ты тут, значит, совсем одна живешь?

- Мне в лесу и одной хорошо, - ворчливо ответила старуха. - Я зверей не обижаю, а они меня. Травки всякие полезные собираю, грибы-ягоды. Хорошо, спокойно, не то что у вас там.

- Но на базар все-таки ездишь.

- Так это редко. Не все ж своими руками делать, кое-что и прикупить надо. Одежку из козьей шерсти я, к примеру, и сама справлю, а вот обувку уже надо покупать. Или вот недавно сковородку новую, у старой ручка отломалась...

- Значит, деньги есть у тебя. Сколько тебе платят за твои зелья? Найдется хоть несколько золотых?

- И, какие золотые? Батцен-другой, может, найдется.

- Ладно, - помрачнел Арвик, - давай, сколько есть, - старуха молча вытаращилась на него, пораженная такой наглостью, и он снизошел до пояснений: - У меня, сама знаешь, сейчас ни гроша... при себе, а мне надо добраться до моего замка. Потом я тебя отблагодарю с лихвой. Еще мне нужен конь, сапоги и верхняя одежда.

- Да где ж я тебе все это возьму?! - возмутилась бабка.

- Ну, может, от мужа какие вещи остались? Так уж и быть, я и крестьянские готов надеть.

- Какого мужа? Отродясь у меня его не было, очень надо такое счастье!

- Значит, пойди и купи это все! - потребовал он и тут же пожалел о своих словах: старуха, про которую в ближайшем селе наверняка знают, что она живет в лесу отшельницей, покупающая мужскую одежду, может привлечь к себе внимание, да и сама легко сболтнет лишнего. Но бабка лишь насмешливо скривилась:

- Ага, и карету с лакеями. За ту же пару батценов.

- Но я же не могу идти отсюда в таком виде! И жить у тебя до весны, пока не потеплеет, тем паче не могу.

- Если ты и впрямь такой важный граф, отправь записку своим слугам, - пожала плечами старуха. - Так и быть, отнесу ее до дороги и отдам тому, кто согласится доставить. Не забудь только написать там, чтоб вестнику заплатили за услугу. Ну и мне за труды... все ж-таки почти неделю тут тебя выхаживала...

Эта идея понравилась Арвику еще меньше - фактически она означала самому выдать себя врагам - но он ухватился за другое:

- Значит, у тебя есть бумага и чернила?

- Есть немного.

- Можешь нарисовать карту? Где дорога, где Трептон, ну и вообще, что тут знаешь

- Карту - не карту, но как дороги идут, нарисую...

Старуха действительно вполне уверенно изобразила то, что интересовало Арвика - тропинку от своей избы до идущего через лес тракта, большое село Трептон на перекрестке трех дорог на западе, несколько деревень и дорог поменьше. Принц расспросил ее, где стоят кордоны. Из того, что она слышала на базаре и видела сама, выходило, что перекрыты пути на север и даже почему-то на юг, а вот путь в сторону западного побережья пока еще свободен. Возможно, потому, что добравшемуся туда беглецу дальше деваться все равно некуда - навигация в Кирландском заливе прекращена до весны (и даже ни один простой рыбак не выйдет в море в период зимних штормов), а путь вдоль побережья что на север, что на юг упрется в одну из крепостей с верным Элинор гарнизоном, если беглеца не схватят еще раньше в одном из прибрежных селений, где любой незнакомец на виду и сразу оказывается на подозрении. Прибрежные жители вообще почти всегда лояльны к власти, ибо айринтийские короли, нуждаясь в их помощи в борьбе с контрабандистами и шпионами (да и постоянную угрозу пиратских рейдов нельзя было сбрасывать со счетов), издавна даровали им привилегии по сравнению с прочими крестьянами. А теперь туда уже, конечно, доскакали гонцы с обещанием награды.

Впрочем, так дело обстояло четыре дня назад; с тех пор заставы и патрули могли появиться и на западной дороге. А следующим этапом - коль скоро добыча все никак не попадет в сеть ни на дорогах, ни в населенных пунктах - можно было ожидать и рейды по лесам и пустошам с целью проверить любое возможное укрытие вплоть до шалаша или землянки. Так что отсиживаться здесь в надежде, что врагам надоест искать, вряд ли было хорошей идеей.

Но даже не это беспокоило Арвика больше всего - а мысль о самозванце, который может перехватить инициативу, пока он тут прячется в глуши. Пусть даже сейчас никакого самозванца

нет, это всего лишь вранье узурпаторши - но Арвик хорошо знал, что такое самосбывающийся прогноз, или как запущенный кем-то слух превращается в реальность. Если тема самозванца будет обсуждаться достаточно долго, кому-то может прийти в голову, что это и впрямь хорошая идея. Тем паче что сам он, Арвик, в некотором роде этому поспособствовал, уже не раз подставляя вместо себя других. Жером, конечно, мертв, и его собственный ординарец, которого он использовал для обмана Бронгара, наверняка уже тоже убит в Айзеншлоссе (а если бы даже и выжил, то ни за что бы не осмелился пойти против настоящего принца) - но кто-нибудь другой... Особенно если решит, что настоящего Арвика уже и впрямь съели волки или зарезали лесные разбойники, а стало быть, место вакантно. И если настоящий промедлит с отстаиванием своих прав, то потом уже ничего не сможет доказать...

- Ладно, - резюмировал принц. - Когда ты отнесешь записку?

- В воскресенье, как народ на базар поедет. Раньше-то смысла нет, к Новому году все уж закупились, дома сидят, празднуют. На дороге полдня впустую прождать можно. Да и, пока не отпразднуют, все одно не поедут никуда с запиской твоей, здесь народ такой, праздник - это святое.

- Ну хорошо, - проворчал Арвик. - А сейчас есть хочу. Ты тут меня, небось, одним козьим молоком поила!

- Ну почему, и кашу тоже давала.

- А посерьезнее что есть у тебя? Хоть козу свою зарежь. Как мне золото привезут, новую купишь.

- Ишь чего выдумал - Беляночку мою резать! - возмутилась старуха. - Но тетерева тебе, так и быть, зажарю. Как раз утром в силки попался.

- Ты ж говоришь - зверей не обижаешь? - усмехнулся Арвик.

- Птица и рыба - не зверь.

Некоторое время принц наблюдал, как старуха ощипывает и потрошит птицу, затем сказал:

- Ладно, пока ты тут возишься, я тоже что-нибудь сделать могу. Может, тебе дров нарубить надо?

- Да где мне уже с дровами тяжелыми возиться, говорю же - хворост в лесу собираю. Но там ветки толстые и длинные, их, конечно, тоже порубить не помешает. Ручки-то свои графские занозить не боишься?

- Я рыцарь, - строго ответил Арвик. - Мне топором махать и в бою доводилось. А сейчас размяться не помешает на свежем воздухе, не все ж твою кислятину нюхать.

- Ну, если это твой способ сказать "спасибо", то - пожалуйста, - проворчала старуха. - Я уж думала, и слова благодарности не дождусь от тебя за то, что жизнь твою спасла.

- Я это ценю, - усмехнулся принц. - Так где у тебя топор, и хворост твой?

Старуха проводила его в сени, где в углу стоял прислоненный к стене топор, затем на двор под навес, где громоздилась большая куча хвороста. Двор был расчищен от снега, но Арвик сразу почувствовал холод сквозь кожаные подошвы своих колгот - достаточно толстые, чтобы в них можно было ходить без сапог в теплую пору, но не зимой. А уж если придется идти в одних колготах по глубокому снегу... Однако топором на длинной ручке он взмахнул даже с удовольствием. Размяться после столь долгого лежания в постели и впрямь было необходимо - с первых же взмахов он почувствовал, как ослабли за время бездействия его мышцы.

Когда он вернулся, всю избу наполнял аппетитный аромат, который, впрочем, все равно не мог перебить запаха сушеных растений. Старуха как раз доставала тетерева из печи.

- Закончил? - спросила она, не оборачиваясь.

- Угу, - Арвик направился к ней. Она повернулась и поставила блюдо с птицей на стол. Принц при этом шагнул в сторону, но все же попал в поле ее зрения.

- Топор-то в сенях поставь, - ворчливо сказала старуха, - зачем ты его сюда...

Ее глаза округлились, когда до нее дошло, но было поздно. Арвик резким движением ударил ее обухом по голове. Не издав ни звука, старуха повалилась на пол.

Принц присел рядом с бесчувственным телом и двумя пальцами - большим и средним - пощупал пульс на шее. Старуха была еще жива. Но он бил обухом, а не лезвием, конечно же, вовсе не из жалости. Просто он понял, что ее шмотки ему еще пригодятся, и стало быть, незачем пачкать их ее кровью и мозгами.

Оставлять ее в живых было бы, разумеется, большой глупостью. Она бы наверняка его выдала, отнесла бы его записку прямиком стражникам (интересно все же, насколько велика назначенная за него награда?) Но даже если и нет - проболталась бы или по собственной дурости, или когда ее начнут допрашивать заявившиеся сюда дозорные. Да и вообще... она подписала себе приговор первыми же своими репликами. Король может проиграть битву, быть раненым, быть вынужденным спасаться бегством, потерять сознание, замерзать в снегу - но он не может быть найден в обгаженных штанах!

Кстати, не случилось бы с ней того же самого перед смертью, как это бывает с висельниками! Арвик поспешно выпустил ее горло и задрал ее юбку. Нет, пока вроде чисто. Он принялся раздевать грузное бесчувственное тело. Стащив теплую шаль и платье, он снова положил руку на шею старухи (на миг залюбовавшись своей красивой кистью с длинными пальцами, способными удобно охватить не только рукоять меча или боевого топора) и пережимал артерии до тех пор, пока всякая пульсация под пальцами не прекратилась. Затем, оставив труп на полу, уселся за стол и принялся с аппетитом уплетать еще не остывшего тетерева.

Затем он устроил тщательный обыск всей избы в поисках всего, что могло бы ему пригодиться. Еще теплившаяся надежда найти свой меч или какие-то части доспехов так и не оправдалась, но, по крайней мере, он вооружился, помимо топора, еще острым ножом (с помощью которого заодно и побрился), а также предметом, на который едва ли позарился бы другой мужчина - длинной и острой заколкой для волос. Какой-нибудь грубый мужлан посмеялся бы, глядя, как Арвик втыкает ее в собственные густые и длинные волосы, но Габриус в свое время хорошо научил его вонзать мизерикорд в глазницу прямо через забрало шлема и прозрачно намекнул, что для этой цели можно использовать не только мизерикорд и не только тогда, когда противник сам просит о последнем ударе. Отыскал он и деньги в глиняной кружке - там действительно оказалось два батцена и медная мелочь, всего примерно на полторы кроны. Арвик надеялся найти тайник с более крупной суммой, даже опорожнил на землю один за другим множество пузырьков с какими-то настойками и отварами, полагая, что монеты могут быть спрятаны внутри - но увы, похоже, все эти зелья и впрямь были просто лекарствами. Лишь одна находка сперва удивила Арвика, а потом заставила его усмехнуться. Он приметил, откуда старуха доставала бумагу, и обнаружил там целую стопку - причем большинство листов оказались исписаны. И это оказались не какие-то колдовские рецепты, а... стихи. Не какая-нибудь куртуазная возвышенно-утонченная поэзия и не философская заумь, но и не простонародные частушки. Пейзажная лирика, элегические размышления о природе и гармонии... Значит, Арвик не даром заподозрил, что бабка не так проста. Скорее всего, она появилась на свет вовсе не в крестьянской избе. Что ж - тем больше вероятность, что она бы его заложила. Кем она, интересно, была до того, как решила удалиться от мира и поселиться в лесной избушке? На листах нигде не было имени автора, и Арвик подумал, что так и не спросил, как ее зовут. Хотя - назвала ли бы она свое настоящее имя? Впрочем, это все не имело уже никакого значения.

Уж он-то точно не станет следовать ее примеру и удаляться в изгнание.

Ждать три дня до воскресенья он тоже не собирался. Хотя, возможно, в базарный день и легче перехватить кого-нибудь, согласного подвезти. Но он уже и так потерял слишком много времени. С каждым днем тают его шансы убедить потенциальных союзников, что его поражение

- еще не окончательный и непреложный факт, что проиграна битва, а не война - плюс, конечно же, угроза появления самозванцев, которые попытаются сделать это за него. Ну и, кроме того, беглецу лишние встречи в базарный день скорее во вред, чем на пользу...

С отвращением он принялся надевать старухину одежду поверх своей собственной. Эта часть его бегства тоже не должна попасть в исторические хроники - там будет только "благополучно обманув бдительность вражеских кордонов, принц Арвик добрался...". Он понимал, насколько смешно и нелепо выглядит и насколько мало походит на старуху, будучи полной противоположностью ей буквально во всем - пол, возраст, стройная и высокая фигура... вот разве что его светлые длинные волосы могут сойти за ее седые, да и то издали. Конечно же, обмануть стражников таким маскарадом ему не удастся - напротив, его сразу же схватят, едва заметят в таком виде. Но какой-нибудь едущий по дороге крестьянин, не склонный особо присматриваться... если достаточно сгорбиться и замотать лицо платком... Он попробовал произнести старушечьим голосом: "Милок, не подвезешь бабушку до Трептона?" Сперва его разобрал смех, потом он со злостью выругался на себя, но после нескольких попыток стало получаться более-менее похоже, хотя от усилий говорить высоким голосом и запершило в горле. Башмаки старухи на него, конечно, налезть не могли при всем желании, так что он обмотал ступни поверх колгот половинами ее шерстяного платка и обвязал веревками. Возможно, такой эрзац обуви стоило бы выставить напоказ, чтобы вызвать жалость проезжих - если бы не его размер ноги, никак не похожий на женский. Придется прятать ноги под юбкой, двигаясь на полусогнутых - неудобно, конечно, но это нужно делать только на виду у крестьянина, и будем надеяться, что тот не станет присматриваться к следам...

Наконец, уложив в старухину суму на холщовом ремне предметы, которые могли ему пригодиться - в том числе остатки тетерева, кругляк козьего сыра и несколько ржаных сухарей - он отправился в путь. Выходя, Арвик даже не взглянул на тело своей спасительницы, так и оставшееся валяться на полу.

Путь через лес по снегу в такой одежде и особенно обуви не доставил ему ни малейшего удовольствия, но, наконец - не встретившись по пути ни с разбойниками, ни с волками - он все-таки добрался до дороги. Здесь он, как делала в свое время старуха, встал на обочине, дожидаясь какой-нибудь подводы. Его бы устроила едущая хоть на запад, хоть на восток - однако лесная дорога в этот предновогодний день оставалась пуста, как видно, народ и впрямь уже готовился к празднику, сидя по домам. Переминаясь на снегу в промокших насквозь обмотках и не таком уж теплом коротком старухином тулупчике, принц вынужден был признать, что в идее дождаться базарного дня все же был смысл. Но он ненавидел ждать - и вот теперь из-за того, что он не захотел делать это в теплой избе, ему приходилось делать это на морозе, причем без каких-либо гарантий на успех. Лишь один раз с запада на восток быстро проехала дворянская карета, пассажир которой, разумеется, даже и не взглянул из-за своих занавесок на убогую старуху, сгорбившуюся на обочине. Минут сорок спустя в обратном направлении проскакали двое вооруженных всадников, и Арвик еле успел спрятаться за деревьями - не слишком надежно, с дороги на фоне белизны зимнего леса его все равно можно было заметить, но всадники, на его счастье, не смотрели по сторонам. И снова в лесу воцарилось полное безлюдье и безмолвие, нарушаемое лишь стуком зубов и периодическими ругательствами мерзнущего принца. Короткий зимний день уже клонился к вечеру, и шансы, что кто-то тут еще проедет на ночь глядя, таяли с каждой минутой.

Но одна мысль о том, чтобы возвращаться назад в избу - опять три мили по глубокому, а не утоптанному, как на дороге, снегу, и, главное, потом придется снова... - приводила Арвика в ярость. К тому же - он, как обычно, быстро подыскал и рациональный аргумент для обоснования собственных чувств и желаний - туда он дошел бы уже затемно, а в темноте он запросто может сбиться с пути и проскочить мимо избы. Так что он вышел на дорогу и решительно зашагал в сторону Трептона.

По мере того, как солнце впереди опускалось все ниже, заполняя лес густыми тенями, становилось все холоднее. Арвик шагал так быстро, как мог - он бы, пожалуй, и вовсе побежал, если бы проклятая юбка не путалась в ногах. Принц понимал, что до Трептона он все равно тоже доберется уже в темноте, что могло и поспособствовать, и помешать его планам - в зависимости от того, насколько бдительны и осторожны местные жители и, главное, есть ли там в это время кордоны. Если есть, то ночная вахта наверняка бдительней и подозрительней дневной, а старуха, пришедшая в село пешком среди ночи, уж точно привлечет внимание. В то же время, если он попытается загодя свернуть в лес и обойти Трептон стороной, то наверняка выбьется из сил и замерзнет насмерть еще до утра...

И тут он услышал позади мягкое постукивание копыт по утрамбованному снегу и побрякивание сбруи. Арвик тут же сбросил неестественный для старухи темп, а также сгорбился и подогнул колени, надеясь, что делает это не слишком поздно, а затем бросил быстрый взгляд через плечо, одновременно натягивая платок на самый нос. Его догоняла как раз такая повозка, какую он надеялся встретить - крестьянские сани, в которых, похоже, не было никого, кроме возницы. Закатное солнце слепило вознице глаза, и тот, похоже, не заметил ничего необычного в женском силуэте впереди.

- Далеко идешь, мамаша? - весело окликнул правивший санями крестьянин, поравнявшись с Арвиком.

- В Трептон, - проскрипел тот старушечьим голосом, горбясь еще сильнее и втягивая голову еще глубже под платок.

- Ишь ты! - удивился возница. - Этак ты до ночи идти будешь, коли вообще дойдешь. Садись, подвезу.

- Спасибо, милок, - выдавил из себя Арвик. Он взобрался в сани, стараясь оставаться на периферии зрения возницы, и уселся позади него на расстеленную на полу войлочную полсть. Крестьянин чмокнул губами, вновь трогая с места лошадь.

- А к кому тебе в Трептоне? - продолжал расспрашивать словоохотливый возница. - Я всех там знаю, сам там живу. Вот домой возвращаюсь, как раз поспею к Новому году, аж из самой столицы, да.

- И как там? - проскрипел Арвик, игнорируя заданный ему вопрос.

- Ну как - празднуют, гуляют. Тут тебе и Рождество, и победа над мятежниками. Гирлянды, флаги повсюду, народ веселится. А только на Западный мост как въезжаешь, жуть берет. Мертвецы на льду штабелями сложены, так и пролежат до весны. Вчера графьями да баронами были, а теперь осетрам на корм пойдут - осетры в новом году будут жи-ирные... А сразу за мостом голова принца Арвика на шесте торчит. Ну то есть Дункельта, так его теперь называть положено...

"Так перед северными воротами или перед западными? - подумал Арвик. - Или врет он все, не был он в Дракенхайме, чужие байки пересказывает? Хотя врать мог и тот, кто бабке на базаре рассказывал, а то и сама она перепутала..."

- А у северных ворот, - продолжал крестьянин, словно услышав его мысли, - другая голова, генерала Гартхарда. Сколько лет мы его героем считали, что наши северные земли держит, а он тоже предатель оказался, вот оно как. У богатых и знатных-то жизнь тоже не сахар, а смерть и того хуже. Нет, мы уж лучше спокойно свой век проживем, в стороне от господских страстей, верно я говорю? Так кто у тебя в Трептоне?

Арвик предпочел бы узнать побольше о столичных делах (в частности, выступила ли на север армия узурпаторши, ныне, вполне вероятно, возглавляемая предателем Райнбальдом), но медлить, очевидно, было больше нельзя. Арвик как раз успел распустить одну из веревок, которой крепил свои обмотки, и теперь резким движением набросил сзади вознице петлю на шею. Крестьянин захрипел, бросил вожжи, бестолково размахивая руками - но, конечно, не смог избавиться от удавки. Лошадь продолжала трусить вперед, равнодушная к агонии своего хозяина

- быстро, впрочем, прекратившейся.

Арвик встал на санях, оглядываясь и прислушиваясь. Дорога оставалась пустынной, никаких лишних свидетелей. Принц стащил с мертвеца его шапку, тулуп и сапоги (не забыв прихватить и кошель, полный медных и даже серебряных монет - как видно, крестьянин и в самом деле удачно поторговал в праздничной столице) и натянул на него свои старушечьи шмотки. Чернобородый крестьянин в роли старухи смотрелся еще менее убедительно, чем сам Арвик, так что принц вытащил из сумки ножницы и нож и, как сумел, обрил покойника, а затем коротко остриг собственные волосы. Делать ему это было чертовски жаль, но за крестьянина со своей прической он бы точно не сошел. Затем он связал руки и ноги трупа, сунул ему в рот отрезанный кусок платка и уложил убитого под полсть. Если на дороге на запад не будет кордона, возможно, весь этот маскарад и не понадобится. Но если будет...

Кордон был. Подъезжая к Трептону уже в густых сумерках, Арвик заметил трех всадников. И, вероятно, они не в лучшем настроении, вынужденные стоять на посту в праздничную ночь. Ну что ж - не лучший, но и не худший вариант. Он подхлестнул лошадь, направляя ее прямо к ним.

- Стой! - закричали ему.

- Вас-то мне и надо, служивые! - крикнул Арвик, натягивая поводья и оценивая взглядом дозорных. Кольчуги, нагрудники, открытые, без забрал, шлемы, как он и ожидал. Понятно, что никто не поставит в простой дорожный кордон тяжелую кавалерию. - Правду говорят, что за голову Арвика-самозванца большая награда назначена?

- Немалая, - ответил один из дозорных, не называя, впрочем, сумму, ибо совсем не собирался честно делиться с крестьянином, если тот наведет их на след. - А ты что, знаешь, где он?

- У меня в санях, - ответил принц самодовольно. - Вы представьте, он старухой переоделся! А я не разобрал сперва, говорю - мамаша, подвезти тебя? А он как в сани влез, сзади на меня набросился и давай душить! А я вывернулся, кулаком его звезданул промеж глаз и связал. Вот, принимайте голубчика, - Арвик развернулся, отдернул полсть.

- Проверь, кто там, - велел старший караула своему солдату. Тот спешился, зажег необходимый уже при таком освещении факел и заглянул через борт в сани, на всякий случай держа в другой руке наготове меч. Еще один всадник тоже подъехал вплотную и обнажил оружие, но остался в седле.

Пеший, глумливо осклабившись - лежавший в санях мужчина в женской одежде и впрямь смотрелся забавно - поддел концом меча платок на голове мертвеца.

- Это не Арвик. Тот блондин.

- Так это настоящий блондин, а самозванец, может, и нет! - возразил Арвик. Его собственные, короткие теперь волосы полностью скрывала меховая шапка.

- Может, и кто-то еще из мятежников, - заметил командир, но был перебит спешившимся солдатом:

- И он, кажись, вообще мертвый.

- Живой был! - горячо возразил Арвик. - Еще какой живой, когда я его вязал, еле справился!

- Ты ему, дурак, кляп слишком глубоко затолкал, вот он и задохнулся, - презрительно ответил солдат.

- Да живой он! - настаивал Арвик. - Ты дыхание-то послушай!

При свете дня солдату и слушать было бы не надо - он бы заметил отсутствие пара из ноздрей, но при таком освещении это не так бросалось в глаза, так что солдат перегнулся через борт, склоняясь над телом и приближая ухо к груди мертвого крестьянина. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы уловить звук дыхания и сердцебиения (просто пощупать пульс мешали занятые руки). Заколка, спрятанная в рукаве тулупа, скользнула в руку Арвика, и

он молниеносным движением опытного фехтовальщика воткнул ее в глаз и дальше в мозг солдату. Тот вскрикнул и повалился на борт саней, выпуская и меч, и факел. Арвик тут же схватил меч, но факел упал на полсть и поджег ее. Арвик вскочил на облучок саней; солдат, остававшийся на коне рядом, взмахнул мечом, но замешкался - он не мог достать Арвика с седла, поскольку коню мешали сани, и не хотел спешиваться, не желая утрачивать преимущество конного над пешим. Это секундное замешательство стало для него роковым - Арвик бросился вперед и со всей силы рубанул кавалериста по ноге ниже колена. Это был удар, достойный похвалы мастера Габриуса - меч не только полностью отрубил ногу, но и рассек подпругу, а затем и плоть на боку коня. Последняя рана, впрочем, осталась неглубокой и неопасной - но вполне достаточной, чтобы животное шарахнулось от боли в сторону, а искалеченный всадник вместе с седлом свалился ему под копыта.

Теперь оставался третий, командир патруля, все еще преграждавший путь. Он уже обнажил оружие, но тоже замешкался, желая одновременно и блокировать дорогу саням, и атаковать преступника. Самым правильным для него было бы зарубить запряженную в сани лошадь и тогда уж заняться ездоком - но эта простая мысль не пришла ему в голову. Вероятно, потому, что он был кавалеристом и любил лошадей. Арвик метнул в него припрятанный под тулупом топор. Топор ударил всадника в плечо, но не смог пробить кольчугу - хотя и заставил его пошатнуться и едва не выронить меч. Арвик прыгнул с облучка горящих саней к пятящейся от огня лошади первого солдата и поймал ее за уздцы. Конь протащил его несколько футов, прежде чем Арвик сумел ухватиться другой рукой за луку седла, не выпуская при этом меча, и вставить ногу в стремя. Еще секунда - и он лихо взлетел бы в седло... но в длинном тяжелом тулупе, помешавшем сделать мах ногой, это оказалось не так просто, как он привык. Принц позорно плюхнулся животом поперек седла - по-прежнему с оружием в руке, но совершенно беспомощный в такой позе. Патрульный, уже восстановивший равновесие, хлестнул своего коня, устремляясь к противнику с занесенным для удара мечом, отбить который у Арвика не было никаких шансов. Но в этот момент крестьянская лошадь, чувствуя огонь, разгоравшийся у нее за спиной, сорвалась с места, зацепила углом саней по ногам коня кавалериста и помчалась дальше по дороге, идущей насквозь через село. Хотя это не переломало ноги коню патрульного, но заставило его остановиться и шагнуть вбок, что подарило Арвику драгоценные секунды, позволившие, наконец, вскарабкаться в седло. Двое всадников ринулись навстречу друг другу и сшиблись в лязге мечей. В короткой яростной рубке принц вышел победителем. Он сперва отрубил противнику руку с мечом, которая повисла ниже плеча на последнем лоскуте мяса и кожи, а затем не отказал себе в удовольствии снести уже беспомощному врагу голову. Где-то в снегу еще корчился и пытался уползти солдат, оставшийся без ноги; Арвик настиг и добил и его. В конце концов, ему не нужны были живые свидетели - особенно когда где-то совсем неподалеку, на двух дорогах, уходящих в северном направлении, должны стоять еще кордоны.

Затем он поскакал на запад следом за обезумевшей лошадью, тащившей за собой горящие сани; факел этого пламени озарял дорогу в сгущающейся темноте. Ему нужно было снова переодеться, сменив крестьянское облачение на военное, и он помнил, что единственный солдат, которого он убил, не повреждая одежду и доспехи, остался на санях.

Улицы Трептона в этот поздний час уже почти опустели - хотя празднующая молодежь и должна была снова высыпать на них после полуночи - но окна светились повсюду, и, конечно, теперь в селе быстро поднимался переполох - не заметить несущиеся по главной улице пылающие сани было трудно. Припозднившиеся гуляки шарахались к заборам, кто-то, напротив, выскакивал на крыльцо, с разных сторон раздавались испуганные и обеспокоенные крики - "Что там? Пожар?". Но Арвик промчался через село насквозь прежде, чем кто-либо попытался его остановить (селяне, впрочем, и не осмелились бы, а дозорные других караулов не успели) или хотя бы смог как следует рассмотреть. Отчаянно погоняя коня, Арвик оставил Трептон позади и вновь углубился в темнеющий лес.

Он торопился настичь горящие сани, пока огонь не лишил его трофеев, однако получил желаемое даже раньше, чем смог догнать охваченную пламенем повозку. Ведь солдат, на самом деле, так и не свалился в сани целиком, а остался висеть на борту, и его ноги волочились по снегу, из-за чего тело постепенно сползало назад и в конце концов вывалилось на дорогу - практически под копыта Арвику - который едва не наехал на него, не заметив в темноте, где его слепил яркий свет пламени. Однако в последний момент принц все же разглядел труп. Оглянувшись - погони, похоже, все еще не было - принц быстро спешился и снова сменил свой наряд, теперь уже, наконец, на боевой (пусть и не рыцарский). Единственное, что вызвало у него новую вспышку раздражения - кавалерийские сапоги оказались малы. Но, конечно, он никак не мог оставаться в просторных и удобных крестьянских. Рассудив, что в тесной обуви ему предстоит в основном ехать, а не идти пешком, он решил, что сможет это вытерпеть.

Крестьянские шмотки он не оставил рядом с трупом, а сперва побросал на спину коня и избавился от них позже, бросив в огонь, когда все-таки нагнал сани (после чего поскакал дальше, обгоняя уже выбивающуюся из сил крестьянскую лошадь, запряженную в гигантский костер - ее дальнейшая участь принца, понятно, нимало не заботила).

Арвик не строил особых иллюзий и понимал, что очередная смена декораций не избавит его от погони и что слишком долго выдавать себя за кавалериста противника не получится. Даже если никакие депеши, передаваемые способами более быстрыми, чем конные гонцы, и не обгонят его на пути к западному побережью, рано или поздно от скачущего в подозрительном одиночестве солдата потребуют или документ, или пароль. Так оно в итоге и получилось.

Судьба, впрочем, хранила принца довольно долго - в течение почти двух суток скачки на пределе возможностей коня (но не за таковыми - у Арвика все же хватило здравомыслия не загнать этого скакуна так же, как предыдущего, хотя о собственном сне, коего человеку нужно больше, чем лошади, он, казалось, в эти дни вообще не вспоминал). Хватило принцу здравомыслия и на то, чтобы продолжать путь на запад, не пытаясь прорваться на север даже по самым, казалось бы, глухим и неприметным тропкам; он понимал, что умный охотник расставит засады на таковых даже вернее, чем на больших трактах, именно потому, что такие тропки кажутся особенно привлекательными беглецам. Полагался, впрочем, Арвик не только на собственную интуицию, но и на вопросы, которые он строгим тоном патрульного на королевской службе, участвующего в поисках мятежников, задавал кое-кому из местных. И эти расспросы, несколько раз спасавшие его от нежеланных встреч, в итоге его таки подвели: пока он выяснял у хозяина какой-то лавчонки, где тут в округе стоят солдаты, к которым он якобы послан с поручением, тот - не то по доброте душевной, не то, напротив, потому, что не был так наивен - послал мальчишку, который и привел этих самых солдат к разыскивающему их "товарищу". В итоге Арвику все же удалось удрать, приставив нож к горлу этому самому мальчишке (солдат эта угроза, возможно, и не остановила бы, но им помешал лавочник, практически бросившийся им в ноги) - но теперь погоня буквально дышала ему в спину. Заложника он отпустил на первом же перекрестке - понимая, что слухи об убийстве ребенка все же не пойдут на пользу его репутации, столь важной для него сейчас, когда его жизнь может зависеть от любого простолюдина - и даже выдал ему серебряный батцен, дабы мальчишка соврал солдатам, куда поскакал беглец. Но, даже если эта уловка и сработала (сын лавочника вполне мог смекнуть, что, сказав правду, заработает еще больше, а батцен у него все равно не отберут), она не могла задержать погоню надолго. Темнота пасмурной ночи, скрывшей даже свет Кольца, вероятно, помогла ему больше; Арвик свернул с дороги и поскакал через редколесье, пустоши и болотистые низины, где в любое другое время года всякий путник непременно увяз бы, но сейчас морозы сковали грязь. У его врагов, безусловно, не хватило бы людей, чтобы перекрыть все эти территории, так что главной опасностью для него было, что его конь сломает ногу, наткнувшись в темноте на какой-нибудь поваленный ствол или скрытую под снегом кочку. Однако этого так и не случилось; принц скакал до самого утра, а когда сквозь тучи впереди

пробился серый рассвет, измученный конь вынес его на берег Кирландского залива.

С вершины пологой дюны Арвику открылся пустынный пляж, на который с грозным рокотом накатывались грязно-серые вспененные валы, высоко взметая уносимые ветром белые брызги. Даже если не знать, что они ледяные, море выглядело крайне неуютно. "Не более неуютно, чем эшафот в Дракенхайме", - сказал себе Арвик.

Поскольку принц всю ночь ехал по бездорожью, он не знал, где именно находится и как далеко ближайшее жилье. Однако, осмотревшись по сторонам, он увидел, что пляж не совсем пустынен - примерно в полумиле к югу у подножия дюн на безопасном от прибоя расстоянии лежало несколько лодок. Должно быть, за дюнами находилась рыбачья деревушка. Арвик попытался скакать туда, но загнанный конь отказывался двигаться с места и лишь вздрагивал от ударов плети, а затем и вовсе повалился на колени в песок. Арвик с проклятием выбрался из седла, отстегнул вязнущие в песке шпоры и зашагал через пляж пешком.

Лодки были прикованы цепями к врытым глубоко в песок деревянным столбам, но Арвику хватило нескольких ударов меча, чтобы вырубить из ближайшего столба вмурованное в него кольцо. Весла уже лежали внутри; ставить парус Арвик не умел, но понадеялся, что сумеет справиться с тем, с чем справляется любая прибрежная деревенщина. Он навалился на лодку и принялся толкать ее к морю. Это оказалось совсем непростой задачей - принц выбивался из сил, а лодка едва двигалась по песку.

- Эй, что это ты делаешь? Это моя лодка! - раздалось у него за спиной.

Арвик, тяжело дыша, обернулся. На гребне дюны стоял простолюдин средних лет, без всякого почтения обращавшийся к человеку с мечом и в доспехах.

- Твоя? - выдохнул Арвик вместе с паром изо рта. - Очень хорошо. Иди сюда, поможешь мне.

Рыбак и впрямь уже торопливо спускался к нему, но вовсе не горя желанием помочь, а собираясь отстаивать свои права; уже на бегу он принялся кричать о привилегиях прибрежных жителей (куда входила и защита от любых реквизиций) - безоружный против вооруженного, или, если угодно, вооруженный знанием закона против меча. Некоторые люди удивительно глупы, когда дело заходит об их собственности. Очень хорошо - если бы он побежал в деревню за подмогой, было бы куда хуже.

- Отвезешь меня на север, - веским тоном перебил его возражения принц, когда рыбак подбежал.

- Да ты в своем уме?!

- Дело государственной важности. Именем... королевы.

- Да хоть самой Святой Троицы! По такой погоде выйти в море - верная смерть!

- Я хорошо заплачу, - пообещал Арвик и даже продемонстрировал для убедительности полный кошель (полный в основном медью, но рыбак же не мог этого знать).

- Ни за какие деньги, - категорически помотал головой тот. - Утопленнику они ни к чему.

Потеряв терпение, Арвик приставил меч к его груди: - А так?

Рыбак даже не дрогнул.

- Я лучше умру от меча, чем утону в ледяной воде! - заявил он.

- Р-развели неженок, - прорычал принц, готовый уже и впрямь ткнуть мечом, но здравый смысл все-таки взял верх над злостью. - Ладно, - он убрал меч. - Помоги мне хотя бы дотолкать лодку до берега, и получишь этот кошель. А заодно сможешь забрать мою кольчугу и шлем, они одни стоят больше, чем твоя лодка.

- Деньги вперед, - потребовал рыбак. Принц, еще раз мысленно обозвав его идиотом, вручил ему кошель. Рыбак подкинул увесистый мешочек на ладони, кивнул, даже не потрудившись заглянуть внутрь (похоже, ему достаточно было убедиться, что там звякают монеты, а не камни), и навалился на лодку вместе с Арвиком.

Вдвоем они дотолкали лодку до полосы прибоя. Бурлящая пена окатила ноги Арвика,

заставив его почувствовать сковывающий холод даже сквозь сапоги. Вода определенно была еще холоднее, чем во время его высадки под Хассенвортом. У северного побережья залив наверняка уже подо льдом - впрочем, плыть на этой скорлупке настолько далеко Арвик не собирался.

- Все, дальше ты один, - категорически заявил рыбак.

- Ладно. Попридержи лодку, пока я сниму доспехи.

Накатывавшие волны приподнимали нос лодки, мотая его туда-сюда, но корма еще сидела в песке. Пока рыбак опирался всем своим весом на корму, Арвик снял шлем и бросил его на песок туда, куда не доставала волна. Затем туда же последовала кольчуга с нагрудником. Как ни жаль было Арвику избавляться от доспехов, они моментально утянули бы его на дно, если бы лодка опрокинулась. Хотя на самом деле в ледяной воде у него в любом случае не было бы шансов.

- Расскажи хотя бы, как управлять парусом, - попросил принц почти что дружелюбно.

- Так ты не умеешь? И хочешь, чтобы я тебя за минуту научил? Нет, ты точно не в своем уме!

- Ладно, тогда забирай свои трофеи и проваливай!

Рыбак повернулся и наклонился, чтобы подобрать доспехи. Принц беззвучно обнажил меч, собираясь ударить его в спину - не столько даже ради того, чтобы вернуть себе деньги (хотя и эта жалкая мелочь была в его нынешнем положении не лишней), сколько из нежелания оставлять свидетеля. Но в тот же самый момент он увидел всадников, появившихся на гребне дюн к северу.

Похоже, беспокоиться о свидетелях было уже поздно.

Арвик быстро убрал меч обратно в ножны.

- Можешь надеть это все, будет удобнее, чем тащить в руках, - сказал он. - Да и перед девками покрасуешься.

- Какие в мои годы девки... - проворчал рыбак, но совету внял. Скачущих в их сторону всадников он, очевидно, еще не видел, и Арвик рассчитывал, что и они с такого расстояния еще не видят, что именно происходит на берегу, а когда подъедут ближе - обратят внимание в первую очередь на идущего прочь от берега человека в доспехах, а не на того, кто возится с лодкой. Успеет ли он спустить ее на воду и отплыть достаточно далеко, чтобы оказаться вне досягаемости стрел, Арвик еще не знал.

Очередная, особенно сильная волна приподняла лодку целиком, окатив Арвика уже выше чем по колено, и он поспешно навалился на корму, толкая лодку от берега. Суденышко сперва резво потащило в море, затем новый вал, с грохотом обрушившийся впереди, толкнул его назад, едва не сбив Арвика с ног. Однако он сумел вскарабкаться в лодку и сразу же налег на весла, спеша отойти от берега - но тут же понял, что очередной приближающийся вал слишком высок и крут, и отчаянно заработал веслами в другую сторону, дабы не быть затянутым под смертоносный рушащийся гребень. Ему едва удалось это - стена воды с грохотом рухнула прямо перед носом, обдав принца ледяными брызгами с головы до ног, но лодку лишь подбросило и развернуло в пене, а не опрокинуло и не разбило. Быстро работая веслами, Арвик пытался удержать ее и от утягивания под гребни, и от выбрасывания на берег, дожидаясь паузы между страшными валами - низкой волны, которую он смог бы преодолеть, не перевернувшись. Наконец ему показалось, что он видит такую волну, и он принялся яростно грести ей навстречу. Однако и эта волна выросла выше, чем он ожидал - но грести назад было уже поздно, оставалось только изо всех сил налегать на весла в надежде проскочить ее прежде, чем она достигнет своего максимума, поднявшись вертикальной стеной, и начнет рушиться всею своей многотонной яростью. Арвик, который греб лицом к корме, даже не видел, что происходит у него за спиной - он лишь почувствовал, как нос резко вздымается вверх, услышал рев клокочущей пены... - и в следующий момент бурлящий вал прокатился под днищем, а лодка, клюнув носом, благополучно заскользила по его спине вниз и дальше в море. Это был самый опасный рубеж;

преодолеть следующую волну, еще не набравшую полную силу, было уже легче.

Полдюжины кавалеристов, разбрасывая копытами мокрый песок, вылетели на берег. Рыбак в доспехах не особо отвлек их внимание - один из них поскакал к нему, чтобы расспросить, но они еще издали смекнули, что это не тот, кого они ищут. Они видели лодку и понимали, что в такую пору выйти в море решился бы лишь человек, находящийся в самом отчаянном положении. Поэтому они не стали тратить время на какие-либо окрики и приказы вернуться - и даже на выслушивание рассказа рыбака - а сразу же въехали в полосу прибоя и принялись стрелять.

Арвик все еще был слишком близко к берегу, но ветер с моря относил стрелы, и к тому же лодка периодически скрывалась от стрелков, опускаясь между гребнями волн. Лишь одна из стрел ткнулась в корму, остальные и вовсе упали в воду. А принц с каждый гребком удалялся все дальше от берега, и в конце концов всадники прекратили бесполезную стрельбу.

- Надо следовать за ним по берегу, - сказал один из них. - Где-то же он должен причалить, не в Тлукаляхан же он поплыл...

Однако лодка продолжала удаляться в сторону горизонта, не отклоняясь ни к северу, ни к югу. В какой-то момент показался белый треугольник паруса, но вскоре исчез и больше, сколько ни всматривались люди на берегу, уже не появлялся среди пены далеких волн.

- Похоже, опрокинулся, - констатировал наконец другой всадник. - Доплавался, голубчик.

- А я ему и говорил - это верная смерть, по такой-то волне, - поддакнул стоявший рядом рыбак - уже допрошенный (и лишенный доспехов, но не кошелька, о котором благоразумно умолчал), но пока на всякий случай взятый под арест. - Тем паче что он и с парусом-то управляться не умел.

- Да, - нехотя согласился командир некоторое время спустя, - похоже, здесь ловить уже нечего. Может, конечно, море еще вынесет его тело в пригодном для опознания виде, но это вряд ли... - признавать это ему было, конечно, неприятно - ибо награда полагалась только за самого Арвика, живого или мертвого, а не за рассказ о том, что он утонул. Впрочем, если все они подтвердят под присягой, что видели его гибель (и то же скажет и этот рыбак), может, хоть какое поощрение все же получат, подумал командир и скрасил свое разочарование патетической фразой: - Так закончился мятеж графа Дункельта.

- Это если он был настоящий, - проворчал один из его подчиненных.

- Настоящего голова в Дракенхайме на колу торчит, - строго напомнил ему командир. - Это был самозванец.

- Вот и я том же. Где был один самозванец, может появиться и другой...

- Много болтаешь, - отрезал командир. - Ладно, поехали отсюда. Ты, - он обернулся к тщетно надеявшемуся на освобождение рыбаку, - идешь с нами.

В королевском дворце Дракенхайма гремел и сверкал новогодний бал.

Если в Америке, которую Локхарт покинул когда-то, Новый год праздновался не так пышно, как Рождество, то теперь последнее отмечалось более скромно, как праздник скорее домашний (заняв, таким образом, нишу Дня Благодарения, который, как и прочие чисто американские праздники, исчез вовсе). По теперешнему календарю 25 декабря вновь, как при забытом здесь Юлии Кесаре, приходилось на день зимнего солнцестояния, что получило и никак не закладывавшийся в дохристианскую эпоху смысл - с рождением Иисуса день начинает прибавляться, но в то же время из-за этой красивой символики сама рождественская ночь стала самой длинной и темной в году, и обычай предписывал проводить ее дома, за крепкими дверями. И, хотя празднования, открывавшиеся торжественным рождественским богослужением наутро, продолжались всю последнюю неделю декабря, кульминации они достигали именно в новогоднюю ночь (существовала даже поговорка "в Рождество молиться, в Новый год

веселиться"[61]). В этом году к тому же на Рождество столица еще приходила в себя после осады и сражения (и не без опаски приглядывалась к чужим солдатам на своих улицах, в то время как Тайная Стража делала все возможное, чтобы предотвратить инциденты) - зато теперь, кажется, все лишения и жертвы были забыты, и горожане всех сословий и уровней достатка отрывались вовсю, спеша вознаградить себя за все перенесенные беды и страхи.

Обитатели и гости дворца не были исключением - или, по крайней мере, старательно изображали все то же беззаботное веселье. Астронавты - все трое - также получили приглашение на большой королевский бал и, конечно, не могли отказаться от такой чести, хотя удовольствие она доставила только де Сегюру. Локхарт, ненавидевший танцы (даже классический балет вызывал у него некоторую брезгливость как чересчур телесный вид искусства) и сроду не бывавший ни на каких балах (даже с обоих своих выпускных - сперва в школе, потом в Военно-космической академии - он сбега́л сразу же после официальной части), утешал себя надеждой, что на балу ему, несмотря на обилие гостей, удастся по крайней мере пообщаться с Элинор, на что всю последнюю неделю у королевы практически не было времени. В частности, уже хотя бы потому, что в битве за Дракенхайм погибло множество родовитых дворян, в результате чего некоторые аристократические роды пресеклись вовсе, а с другими необходимо было решать вопрос о наследовании. Закон и традиция давали возможность поступить с мятежниками трояко. Первый вариант - отобрать имение в казну; так обыкновенно поступали, если род пресекался полностью (причем и в этом случае имение чаще всего не присоединялось к королевскому домену, а жаловалось - целиком и вместе с титулом, или же в раздробленном виде - тем, кто оказал услугу короне и заслуживал награды). Второй вариант, наиболее распространенный - мятежник и его прямые наследники (часто, кстати, и сами причастные к мятежу) лишались всех прав состояния, и титул и имение переходили одной из боковых ветвей рода; при этом нередко возникали конфликты из-за того, какая именно из ветвей должна стать преемницей с точки зрения как формально-юридической, так и политической целесообразности (а в особенности, конечно, когда эти точки зрения вступали в противоречие); дело могло быть передано в суд, где разбирательство, чьи права наиболее законны, порою тянулись годами, могло дойти до прямой феодальной войны между претендентами, либо же, если согласие на это давали все стороны, решиться через "божий суд" - поединок, однако монарх вправе был на любой стадии вмешаться и решить вопрос своей волей, что, понятно, означало в надежде на поддержку одной из сторон настроить против себя всех ее конкурентов. Наконец, в третьем варианте, практиковавшемся обычно как исключение, монарх мог даровать высочайшее прощение самому мятежнику или, по крайней мере, его прямым потомкам. Разумеется, у Тайной Стражи имелись (или спешно прорабатывались в эти дни) свои соображения относительно того, как лучше всего поступить в каждом конкретном случае, но окончательное решение - даже решение вида "предоставить решать суду (либо наследникам между собой) и не вмешиваться" - все равно оставалось за королевой. Причем решать эти вопросы - как минимум, в отношении наиболее знатных родов - следовало быстро, ибо, несмотря на, казалось бы, безоговорочную победу Элинор, вопрос о том, кого в будущем поддержат братья, кузены и племянники убитых сподвижников Арвика, был совсем не праздным. Де Сегюр мог бы немало рассказать о том, чем обернулись в итоге многие безоговорочные победы, к примеру, при Азенкуре или при Тьюксбери[62] - впрочем, айринтийские хроники тоже хранили достаточно поучительных примеров на эту тему. В конце концов, под Дракенхаймом Арвик потерял лишь тех своих людей, которых привел с собой, пусть даже это и была главная его сила - но не тех, кого оставил на севере, не имея возможности втиснуть на корабль вместе со своим рыцарством. Часть из них,

---

[61]В оригинале Noel to pray, New Year to play. Поскольку айринтийская церковь не использует слово "Христос", в языке нет и термина Christmas.

[62]Победы, соответственно, англичан над французами в Столетней войне и Йорков над Ланкастерами в Войне Роз, после которых окончательное торжество победителей казалось несомненным.

как теперь уже стало ясно, была лишь небоеспособной приманкой для Бронгара, набранной из вчерашних крестьян - но не все, определенно не все. Об остальных все еще ничего не было известно - отправленные туда гонцы и разведчики пока еще не дали ответов, ибо состояние зимних дорог определенно не способствовало быстрой коммуникации. Были ли эти войска разбиты Бронгаром, капитулировали ли перед его преемником, подчинились ли лейтенант-генералу Бургхельму, которого Гартхард оставил своим заместителем (и на чьей стороне, кстати, теперь окажется сам Бургхельм, командующий всеми гарнизонами новых земель?), или, возможно, даже и изъявив в свое время формальную лояльность Арвику, предпочли тихо саботировать его приказы и сидеть по своим крепостям, не вмешиваясь в междоусобицу? И главное - как поведут они себя, если Арвик, официально объявленный погибшим, все-таки снова попытается поднять знамя мятежа? В отношении каждой из оставшихся на севере частей ответ на этот вопрос мог быть различным, и критически важные новости могли прийти в любую минуту.

Задуманная Элинор (и теперь уже попросту неизбежная) реорганизация военной гвардии также требовала внимания королевы. Частям, до сей поры остававшимся на местах (лояльность которых, однако, отнюдь не была гарантирована), посылались приказы прибыть в столицу - но ни в коем случае не всем одновременно, а по очереди, согласно графику, исключавшему их контакт друг с другом. Каждая из них должна была пройти переаттестацию и переформирование по итогам таковой, пополниться бойцами и офицерами незнатного происхождения (на данный момент единственным кадровым ресурсом для этого были участники битвы за Дракенхайм), подтвердить свою верность королеве и лояльность новому командующему (Вульфеншванц сохранил свой пост) и отбыть обратно... или, может быть, не обратно, а в новое место. Даже с имеющимися "желтыми" частями процесс, максимально гарантирующий надежность каждой из них, должен был растянуться на месяцы (в то время как гроггендорская угроза требовала, наоборот, спешить), а ведь необходимо было создавать и новые части взамен уничтоженных - и взамен тех, что остались на севере в непонятном статусе.

Необходимо было и срочно изыскивать резервы для пополнения личной гвардии королевы. Мало того, что она понесла большие боевые потери, так еще и часть ее бойцов - причем как раз наиболее отличившихся на поле боя! - теперь планировалось перевести в военную гвардию. Что, кстати, едва ли могло обрадовать хоть одну из вовлеченных сторон. Одним из традиционных источников пополнения обеих гвардий всегда служила королевская армия, но вот в этом вопросе неопределенность, пожалуй, была самой тревожной.

От армии - то есть от той ее части, что ушла с Бронгаром - по-прежнему не было никаких известий. Само собой, гонцы были отправлены и туда, но, очевидно, снег мешал им добраться. Однако отчего новый командующий не спешит уведомить Дракенхайм о положении дел после смерти Бронгара - и даже, черт побери, о самом факте этой смерти, с момента которой прошло уже две недели - с помощью остававшихся у герцога голубей, перехватывать которых было уже некому? Самый очевидный ответ напрашивался - не зная, кто ныне правит в Дракенхайме (и не доверяя даже гонцам, если они уже достигли его ставки), он предпочитает отмалчиваться и игнорировать приказы, от кого бы они ни исходили, пока сам не получит исчерпывающей информации от собственных разведчиков. Впрочем, как предположил Айбенхорст на совещании у королевы (на которое был приглашен и Локхарт и где теперь присутствовал и Райнбальд), причина могла быть и технической - что, если неведомый убийца добрался не только до коннетабля, но и до его голубей, дабы лишить армию даже односторонней связи со столицей? Фабиас возразил на это, что голуби, обученные возвращаться в Дракенхайм, есть и в Айзеншлоссе; когда же Айбенхорст ответил, что северная столица, возможно, до сих пор не взята, архиепископ со снисходительной улыбкой заявил, что она "по милости божьей" взята еще Бронгаром - причем был, похоже, настолько уверен в этом, что дерзнул спорить даже с королевой, с неменьшей категоричностью опровергшей эти слова. Элинор, однако, настаивала,

что об обстоятельствах смерти коннетабля ей доложили со всей определенностью, и на тот момент армия еще продолжала осаду. Локхарт не без удовольствия наблюдал, как на вальяжном лице архиепископа на миг (всего лишь на краткий миг) мелькнуло выражение растерянности - Фабиас, похоже, был абсолютно уверен в своем источнике. При этом сам этот источник он не назвал - как и королева не назвала свой (в ее случае это была, понятно, Виолетта) - однако архиепископ признал ее правоту, и, похоже, не только из вежливости. (Локхарт тут же мысленно упрекнул себя за мгновенное злорадство - ведь для общего дела, конечно, было бы лучше, если бы прав оказался Фабиас.) По окончании совещания Локхарт ожидал, что Элинор попросит его остаться, как она делала уже не раз - однако на сей раз она обратилась с такой просьбой к Райнбальду. Полковник сказал себе, что она совершенно права и приватный разговор с новым коннетаблем, несомненно, важнее для государственных интересов, чем любая беседа с ним - и все же в глубине души почувствовал раздражение.

Райнбальд ему не нравился, и чем дальше, тем больше. "Скользкий тип", как сказала в свое время Элинор о де Сегюре, но к Райнбальду, по мнению Локхарта, эта характеристика подходила в еще большей мере. Полковник не забыл, что свой высокий пост - второй в государстве! - двоюродный племянник Фабиаса получил благодаря не боевым заслугам, а предательству, причем весьма вероятно - двойному предательству. И теперь он тоже не спешил исполнить прямой приказ королевы и отправиться на север со своим войском. Нет, конечно же, он не проявлял открытого неповиновения и не подвергал сомнению авторитет королевы. Войско готовилось к походу, но... как-то без энтузиазма. И когда все на том же совете Айбенхорст прямо спросил его, когда же он намерен выступить на север, Райнбальд ответил, что он, как человек военный, выполнит любой приказ, но, во-первых, благоразумно сначала дождаться точных сведений о том, что происходит на севере (куда отправились посланцы как Тайной Стражи, так и самого Райнбальда), а не бросаться туда наобум, как это сделал Бронгар; во-вторых, наибольшее беспокойство у него сейчас вызывает не северное, а восточное направление, откуда, собственно, уже был нанесен удар по столице и где, в отличие от разгромленных северных сил Дункельта, остается ничуть не разгромленный Хагентрауб, сохранивший все свои крепости и войска (погибшие "ополченцы" не в счет) и до сих пор официально не объявленный мятежником, хотя и безусловно не могущий считаться верным вассалом королевы; и, наконец, в-третьих, если со дня на день придет долгожданное известие о поимке или смерти Дункельта - для чего им, графом Райнбальдом, совместно с Тайной Стражей прилагаются все усилия, патрули разосланы уже по всем направлениям - то это поможет решить как первую, так и вторую проблему, сделав ненужной всякую спешку и зимние марши целого войска на большие расстояния.

Нельзя было не признать, что во всех этих аргументах был резон. Проблема Хагентрауба выглядела особенно неприятной, ибо было совершенно непонятно, что же с ним делать. Граф был слишком силен; несмотря на то, что его роль в мятеже была очевидной, объявить его изменником без достаточных формальных оснований означало начать новую фазу гражданской войны. Да и при наличии таких оснований, на самом деле, тоже - вся мощь королевской армии еще могла бы его сокрушить, но не те силы, что остались в непосредственном распоряжении Элинор сейчас, и Хагентрауб наверняка это понимал. В то же время никаких прав на трон у него не было, и без Арвика и Бронгара - то есть какого-либо претендента, которого он мог бы поддержать - Хагентрауб вроде бы не выглядел опасным. Элинор, тем не менее, решила отправить ему послание с требованием прибыть в столицу; при этом, конечно, особо подчеркивалось, что граф приглашается к своей королеве не для того, чтобы служить ей войском, то есть должен прибыть лишь с обычной свитой, а не с армией. Таким образом, по мнению Элинор, Хагентрауб либо окажется в столице фактически на положении пленника (и по результатам переговоров можно будет решить, что делать с ним дальше), либо откажется прибыть, прямо нарушив королевский приказ и дав тем самым повод для обвинения в измене (практически тот же сценарий, что был разыгран с Дирлихом, но на сей раз - с более крупной и

опасной фигурой). Осторожный Фабиас возражал против этого плана, опасаясь именно второго варианта, после которого ни одна из сторон уже не сможет отступить без потери лица, и предлагал попросту закрыть глаза на былые шашни графа с Арвиком, если последний уже не проблема. "Ключевое слово - если", - возразила Элинор. "Благоразумно дождаться определенности. Терпение есть добродетель мудрых, дочь моя, и ему учит наша церковь." "Врага надо добивать сразу же после понесенного им поражения, а не давать ему время оправиться, - жестко возразила королева. - Задача же церкви, ваше высокопреосвященство - молиться за вразумление тех наших врагов, кого можно вразумить, и за победу над теми, кого вразумить нельзя." Фабиаса поддержал даже его обычный оппонент Крамп, также призвавший не торопить события в вопросе Хагентрауба - однако королева была непреклонна: "Не потребовать ответа от соучастника мятежа сразу же после разгрома такового значит продемонстрировать ему - и всем остальным - свою слабость. Я могу помиловать грешника, но сперва он должен покаяться в своем грехе - разве не этому учит святая церковь, ваше высокопреосвященство?"

И вот после этого совета - отнюдь не кончившегося согласием, хотя, конечно, все вынуждены были смириться с волей королевы - Элинор пожелала обсудить с Райнбальдом нечто наедине. Вполне возможно, что, изъявив готовность идти на обострение с Хагентраубом, она приняла аргументы Райнбальда, что войско лучше оставить в столице, но не хотела публично (пусть даже и в столь ограниченном кругу) отменять свой приказ, отданный во всеуслышанье на пиру. Действительно, официально он не был отменен, но Райнбальд со своими людьми оставался в городе - хотя и считалось, что он покинет столицу со дня на день. Возможно, думал Локхарт, дело тут не только в "сохранении лица", но и в желании усыпить бдительность шпионов, которых Хагентрауб вполне мог иметь в Дракенхайме. Но полковник мог лишь гадать об этом, поскольку с самого совета у него не было возможности увидеться с королевой. И вот он надеялся поговорить с ней хотя бы во время бала, ибо помнил еще по дню коронации, что королева может иногда отлучаться из бального зала для короткой приватной беседы с кем-то из гостей. Или даже непосредственно на балу, где шум толпы и музыки парадоксальным образом позволяют общаться у всех на виду, практически не опасаясь посторонних ушей. Как не преминул пояснить де Сегюр, придворные балы, как и придворные пиры - мероприятия в большей степени политические, чем развлекательные, хотя и использующие едва ли не прямо противоположный инструментарий. Если на чопорных официальных пирах политика вершилась через рассаживание гостей по строго определенным местам, определяющим не только их статус в официальной и неофициальной иерархии, но и возможность общаться друг с другом, то бал с его видимым демократизмом и свободным перемещением участников по залу позволял проводить под видом неформальной светской болтовни весьма важные порою переговоры, передавать сообщения и делать предложения, которые были затруднительны в иной обстановке По обычаю, любой из гостей мог пригласить на танец любого участника противоположного пола, невзирая не только на звания и титулы (хотя понятно, что совсем уж кого попало на придворные балы не звали - однако не все гости были дворянами), но и на принадлежность к тому или иному политическому лагерю. В любых иных обстоятельствах беседа между двумя видными представителями враждебных партий, если бы о самом ее факте стало известно, вызвала бы резко негативную реакцию их сторонников, которые заподозрили бы сговор и предательство; на балу же не было ничего зазорного в том, чтобы один из них пригласил на танец супругу, сестру или дочь другого. Точно так же, как и простонародье на своих карнавалах могло носить по улицам свинью в короне, не боясь обвинений в злоумышлении против монарха. Это всего лишь праздник, мы отложили политику и все серьезные дела на потом, мы веселимся! Притом, что для многих участников бала все это *действительно* было просто весельем - поводом потанцевать, пофлиртовать, блеснуть модными нарядами и дорогими украшениями, лишний раз отметиться в статусе Приглашенного на Королевский Бал и не более чем. В отличие

от торжественных официальных пиров, где буквально все - место, соседи, порядок тостов, едва ли не каждое слово и каждый жест - воспринималось, как намек и знак, на балу никто со стороны не мог сказать, обсуждают ли рыцарь и его дама, движущиеся в танце, или даже гости одного пола, беседующие у колонны с бокалами, поднесенными расторопным слугой, нечто действительно важное, или это не более чем куртуазная и светская болтовня.

Именно поэтому стремился на бал де Сегюр - дабы, пользуясь непринужденной атмосферой, завязать знакомства в светском обществе (в чем, похоже, преуспевал), а возможно - и передать кое-кому из гостей некие устные послания от Фабиаса, который, как лицо духовное, на подобных мероприятиях, естественно, не появлялся (Локхарт с усмешкой подумал про себя, что в этом случае француз исполняет для архиепископа ту же роль, которую для других придворных играют их жены и дочери). Дипломат, что неудивительно, хорошо танцевал, причем ему не мешали даже прошедшие столетия - похоже, стиль теперешних бальных танцев не очень отличался от тех, с которыми он знакомился когда-то (как он пояснил позже Локхарту, "более архаичны и консервативны, но ничего сложного"). Сам Локхарт, танцевать, естественно, не умевший (и не имевший ни малейшего желания учиться), стоял возле стены рядом с Вельо (также лишенным всяких хореографических навыков), и, скрестив руки на груди, скользил мрачно-скучающим взглядом по мельтешащей праздничной толпе. На поясе у него висели пустые ножны - один из признаков, как он успел узнать, которым рыцарь на балу мог обозначить свое нежелание танцевать и тем избавиться от докучливых приглашений (на самом деле общее правило гласило, что не танцующий не снимает свой меч, но на королевском балу оружие не допускалось даже для имеющих специальную привилегию - вполне разумное правило, учитывая, что потенциальный злоумышленник может выхватить меч у его законного носителя, расслабившегося и потерявшего бдительность в праздничной обстановке - и потому приходилось ограничиваться одними лишь ножнами)

Прежде полковник уже много раз видел главный бальный зал пустым и темным с верхней галереи, возвращаясь поздним вечером после ужина с Элинор в свои апартаменты. И вот теперь он наблюдал это огромное помещение - вероятно, самое большое во дворце - озаренным огнями тысяч свечей и заполненным пестрой толпой. Гораздо более пестрой, кстати, чем на тех светских мероприятиях, которые ему все-таки доводилось посещать в прошлой жизни как командиру "Доброй воли", и даже чем на торжественном ужине в честь Райнбальда; ныне расфуфыренная айринтийская знать больше напоминала уличную толпу во время карнавала в Хассенворте, хотя все же вела себя не настолько разнузданно.

Даже музыка, которая, казалось бы, должна была подчинить всю эту публику единому ритму, вносила лишь весьма относительный порядок; хотя здешние танцы представляли собой не хаотичную пляску в стиле ночных клубов и дискотек (знакомых Локхарту по фильмам, а не по личному опыту), а, казалось бы, строгое и размеренное и движение пар и целых рядов дам и кавалеров, которые сходились, расходились, поворачивались "все вдруг" почти как солдаты на строевом смотре; но, во-первых, танцевали не все, а во вторых, здесь, очевидно, считалось нормой вступать в танец и покидать его прямо на середине фигуры, на ходу меняться партнерами и даже отходить в сторону, чтобы перехватить одного из снующих по залу слуг с едой и напитками, и потом возвращаться и продолжать танец с бокалом или пирожным в одной руке, отхлебывая или откусывая прямо на ходу (кажется, умение делать это с изящной небрежностью, ничего не расплескав и не уронив, даже почиталось здесь особым шиком). Иногда это приводило к столкновениям (в буквальном, физическом смысле), кто-то, разумеется, наступал на ногу партнеру или соседу, кто-то, чересчур часто прикладывавшийся к бокалу, даже падал - но все это сопровождалось лишь беззаботным смехом. На хорошо знакомой полковнику галерее время от времени бухали хлопушки, осыпая танцующих внизу конфетти и серпантином.

Периодически Локхарту удавалось отыскать взглядом в этой толпе королеву. За весь вечер Элинор не сказала ему ничего, кроме пары дежурных любезных фраз, которыми она

встречала каждого из гостей. Локхарт понимал, что такова ее обязанность как хозяйки бала - поприветствовать каждого (или, по крайней мере, каждую пару или группу), не тратя на это лишнего времени и не выделяя никого конкретного. Но у нее не нашлось времени на него и позже. Элинор танцевала то с одним, то с другим своим подданным (иностранные гости, в силу прискорбных предшествовавших событий, на балу отсутствовали, и таким образом, нарушилась давняя традиция, по которой королева или принцесса Айринтийская непременно должна была станцевать с каждым из послов; в последние годы, понятно - только с гроггендорским). Наверное, это тоже было правильно, но, как заметил Локхарт с растущим раздражением, она танцевала с Райнбальдом уже второй раз! И это не было следствием нахальства самого графа - королева была единственным исключением из правила "каждый может пригласить каждого, лишь бы тот был противоположного пола"; монарх всегда сам выбирал своих партнеров. И, естественно, лишь немногие гости могли рассчитывать удостоиться такой чести хотя бы один раз за вечер, а тут - дважды! Конечно, он теперь коннетабль, второе лицо в государстве (интересно, танцевала ли Элинор с Бронгаром? Конечно, он приходился ей дядей, но кто сказал, что это препятствие? Хотя год назад она была лишь принцессой, которую никто не принимал всерьез...), и в теперешней неспокойной ситуации от Райнбальда зависит очень многое - но все равно, не слишком ли много чести она ему оказывает? Элинор двигалась с неизменным изяществом и королевским достоинством, без всяких намеков на фамильярность, и партнеры, следуя фигурам танца, лишь периодически соприкасались руками - строгие нынешние правила не допускали класть даме руку на плечо или тем паче на талию, а уж коснуться таким образом монаршей особы можно было лишь в чрезвычайных обстоятельствах - скажем, защищая ее от убийц. И все равно, глядя на танцующую пару - особенно на самодовольное выражение на лице Райнбальда - Локхарт чувствовал все большее раздражение.

А вот Вельо, что удивительно, совершенно не брюзжал - хотя по идее тоже должен был чувствовать себя лишним на этом празднике. Он не озаботился защитить себя ножнами (которых у него, впрочем, и не было), и пару раз к нему подруливали какие-то девицы, издали разглядевшие столь видного в буквальном смысле кавалера, коим лингвист вынужден был не без смущения отвечать, что не танцует. Затем, однако, его оставили в покое - вероятно, слух о том, что он "не представляет интереса", распространился достаточно быстро. Однако Вельо быстро нашел способ вознаградить себя за этот дискомфорт, то и дело подзывая очередного слугу с угощением. Уже не только его курчавая черная борода, но и его парадный камзол были в крошках от пирожных и печенья, а на начищенный башмак он умудрился капнуть мороженым, и, когда Локхарт в очередной раз скосил на него глаза, это стало для полковника еще одним поводом к раздражению. Педантичным аккуратистом вроде Шрамма Вельо никогда не был, но все же прежде, на борту "Доброй воли", не позволял себе такой неопрятности, тем паче у всех на глазах. Локхарт открыл уже было рот, собираясь сделать ему замечание, но тут услышал с другой стороны знакомый холодно-насмешливый голос:

- Скучаете, сэр Эрик?

Локхарт обернулся и встретился взглядом с баронессой Хюгельдорф. Она и на балу осталась верна своему излюбленному стилю - никаких платьев и туфель, все тот же черный облегающий костюм для верховой езды и высокие сапоги. Локхарт вдруг испытал мгновенное иррациональное желание дернуть ее за волосы, при всех сорвав парик. Несмотря на неподобающее облачение, Виолетта иронически изобразила некое подобие книксена, с которым даме полагалось приглашать кавалера:

- Потанцуем?

- Я не танцую, - сердито ответил полковник. - Вы что, не видите ножны?

- Тогда, - она лениво помахала ладонью, словно обмахиваясь от жары, - по крайней мере, принесите мне лимонаду.

Подобная просьба вполне соответствовала принятому на балу куртуазному стилю,

поддерживать который, однако, Локхарт совершенно не собирался. "Почему бы вам самой..." - собирался язвительно ответить он, как последовательный сторонник гендерного равенства, но тут же сообразил, что она просто хочет поговорить с ним без свидетеля в лице Вельо.

Он отыскал взглядом ближайшего слугу с подносом и, вместо того, чтобы подзывать его, сам подошел к нему и взял с подноса бокал. Когда Локхарт обернулся, баронесса, как он и ожидал, уже сама направлялась к нему, оставив позади у колонны равнодушного Вельо, снова что-то жующего. Подойдя, она отпила лишь один глоток и не глядя сунула бокал слуге.

- Точно не хотите танцевать? Я могу научить вас. Это несложно. Кто хорошо фехтует, должен и хорошо танцевать.

- Кто вам сказал, что я хорошо фехтую? - неприязненно возразил Локхарт, не понимая, к чему весь этот разговор. Она что, хочет выставить его на посмешище? - Я впервые взял меч в руки пару месяцев назад.

- Как же, наслышана уже о ваших подвигах... - откликнулась Виолетта, имея, очевидно, в виду схватку у гроггендорского посольства. - Впрочем, как вам будет угодно. Значит, вы не танцуете и не фехтуете. Зато это делает кое-кто другой, - она насмешливо кивнула в сторону Райнбальда, танцующего с Элинор.

- Не понимаю, какое вам до этого дело, - ответил полковник все так же сердито, а затем тоже иронически прищурился: - Или вы недовольны, что Райнбальд, которого вы так старательно обхаживали, теперь уделяет внимание не вам?

- Вы прекрасно знаете, по чьему предписанию я его обхаживала, - холодно парировала баронесса. - Хотя мне, конечно, не привыкать, что Элинор вечно посылает меня за тем, что хочет получить сама.

"Уж не имеет ли она в виду и меня?" - подумал Локхарт, вспомнив диалог в карете баронессы. Если так, то это утверждение было преизрядной натяжкой. - Вы пришли, чтобы пожаловаться мне на это? - произнес он вслух все так же саркастически.

- Я пришла, если угодно, предложить вам союз против общего врага, - ответила баронесса. Ее губы улыбались, словно давая понять, что это всего лишь шутка, но голос звучал серьезно.

- Врага? - на миг у Локхарта мелькнула дикая мысль, что Виолетта имеет в виду Элинор, затем он сообразил: - И чем вам так не нравится Райнбальд?

- А разве вам он нравится? - пожала плечами баронесса, уходя от ответа. - Вы что, не понимаете, что он задумал?

- Предать королеву? - теперь всякая ирония ушла из голоса Локхарта; он уже не сомневался, что если у баронессы есть такие подозрения, то они основаны на чем-то более серьезном, чем ее ревность хоть королевы к коннетаблю, хоть наоборот.

- Хуже. Жениться на ней. И прибрать к рукам королевство.

Это было так неожиданно для Локхарта, что он совершенно искренне рассмеялся.

- Это не шутка...! - воскликнула Виолетта, кажется, лишь усилием воли проглотив готовое вырваться продолжение: "идиот!" - Никаких формальных препятствий к этому нет. Его род достаточно знатен. Он сам теперь второй человек в государстве...

- Он не женат?

- Его жена - урожденная Фельзенбург. Младшая сестра графа Фельзенбурга. Того, что командовал западным лагерем мятежников под Дракенхаймом.

- Вот оно что, - пробормотал Локхарт. - Никто не говорил мне об этом. Она причастна к мятежу? Это через нее Арвик, то есть Дункельт, вел переговоры с Райнбальдом?

- Точно не знаю, - качнула головой Виолетта. - Скорее всего все-таки нет, она уже несколько лет не общалась с братом. Но при желании теперь в любой момент можно предъявить ей такое обвинение - сам же Райнбальд и будет главным свидетелем - и предложить выбор между тюрьмой и монастырем. В любом из вариантов он мгновенно получает развод, и дорога

свободна. Только сначала он еще и получит через нее наследство Фельзенбурга в качестве бонуса. Единственный сын Фельзенбурга тоже убит в этом бою.

- М-да, - изрек Локхарт. Субъект, способный поступить подобным образом с собственной женой, определенно не вызывал у него симпатии. Впрочем, напомнил он себе, пока что это лишь предположения Виолетты. Однако они хорошо вписываются в картину. Человек, который предал Арвика, а до этого, вероятно, собирался предать Элинор, если бы Фабиас не предложил ему больше - почему бы ему не предать еще и жену? Ради денег и... нет, не короны, выше консорта ему не подняться, но он, очевидно, рассчитывает, что...

Не очевидно, вновь напомнил себе Локхарт и спросил:

- Почему вы так уверены, что он хочет жениться на королеве? Она что... сама вам об этом сказала?

Баронесса вновь иронически улыбнулась:

- Сдается мне, сэр Эрик, вы никогда в своей жизни не пытались добиться женщины.

- И горжусь этим! - отрезал Локхарт.

- Гордитесь, если вам угодно, хотя, позволю себе заметить, главное все же цель, а не средства. Если бы я, к примеру, никогда в своей жизни не пыталась добиться мужчины, я бы сейчас мыла полы на графской кухне. Притом, что всех тех чувств, которые вы так презираете, я к своему муженьку, как вы можете догадаться, не испытывала. Но речь не об этом, а о том, что отсутствие определенного опыта мешает вам заметить вещи, очевидные всякой женщине, которой когда-либо добивались... или которая хотя бы наблюдала за тем, как это делается. Нет, предложения ей он еще не делал, если вы об этом. Для этого еще слишком рано, во всех смыслах, включая юридический. Но... если вас не убеждают всякие оттенки и детали, задумайтесь хотя бы о том, что он должен был отбыть на север неделю назад, однако он все еще здесь, и, как вы можете заметить, отнюдь не впал из-за этого в немилость. Второй танец за вечер, не так ли?

- Этого требует политика, - ответил Локхарт уже не столь уверенным тоном, не отрывая взгляд от танцующей пары. - Королева вынуждена быть с ним любезной, пока его армия стоит в городе. И остается при этом главной силой, на которую королева может опереться.

- Это упрощает, а не усложняет его задачу.

Допустим даже, Виолетта права, подумал Локхарт. "Просите, и дано вам будет", ага. Но... следует ли в этом случае противиться такому браку? С рациональной, а не с эмоциональной точки зрения?

Его эмоциональное неприятие Виолетта просчитала верно, и он не пытался это отрицать. Хотя, быть может, она и не вполне верно оценивала его мотивы. Да, теперь уже ему была неприятна мысль о браке Элинор не только с Райнбальдом, но и с кем бы то ни было. Однако вовсе не потому, что он хотел бы - в сколь угодно невозможных мечтах, в альтернативной реальности - сам занять это место. Нет, безусловно нет. Любующийся, допустим, прекрасным цветущим лугом не хочет, чтобы на этом месте построили супермаркет, вовсе не потому, что мечтает устроить там собственное строительство. А потому, что хочет, чтобы луг оставался нетронутым. Он безусловно не хотел бы, чтобы Элинор влюбилась в кого бы то ни было - но такой несусветной глупости он не пожелал бы вообще ни одному человеку, которого хоть сколько-нибудь уважал, независимо от пола, возраста и характера знакомства. И "в кого бы то ни было" включало, разумеется, и его самого. В этом отношении его взгляды ничуть не изменились. Однако он вынужден был признать, что теперь ему неприятна была мысль и о браке Элинор по расчету - включающем, тем не менее, все то, что обычно включает брак. Он предпочел бы, чтобы она оставалась... непорочной. Все-таки это на редкость точный термин, и недаром он вошел даже в культуры, официально секс в браке пороком не признававшие. Как, кстати, и термин "дефлорация" недаром означает "уничтожение цветов". Цветы прекраснее плодов, хотя их и нельзя есть - а может быть, как раз именно поэтому...

("Вот ведь какие формулировки теперь приходят мне в голову", - отметил с внутренней усмешкой Локхарт, привыкший мыслить и изъясняться более практически, пользуясь прямой, точной и ясной терминологией без всяких метафор. "Еще немного, и начну стихи писать.")

Но Элинор не просто девушка. Она королева, обязанная думать о государственных и династических интересах. Впрочем - в истории ведь уже была королева-девственница, причем ее царствование считается одним из самых великих в истории Британии. Однако никакая историческая аналогия не бывает точной. Для Англии пресечение династии со смертью Элизабет I не привело ни к каким потрясениям. А вот если в Айринтии после Элинор не останется никого, в ком текла бы "кровь Йоргела"... (Который, кстати, вообще не может не быть вымышленным персонажем, как и вся древняя айринтийская история, но уж это местным объяснять тем более бесполезно.)

Впрочем, естественная жизнь Элинор вполне может продолжаться еще лет шестьдесят. Перед Айринтией стоят куда более неотложные проблемы и более близкие угрозы. И если все-таки рассуждать рационально, то брак с Райнбальдом, во всяком случае, гарантировал бы Элинор поддержку с его стороны. Поскольку сам граф не имеет прав на трон и не несет в себе пресловутой крови, без Элинор он никто. Все его возможности как консорта закончатся, если его царствующая супруга потеряет жизнь или власть. Хотя - в случае появления наследника и перспективы стать при нем регентом дальнейшая надобность его матери уже далеко не столь бесспорна...

- Вы не ответили на мой вопрос, - напомнил он Виолетте. - Почему *вы* считаете, что этот брак надо предотвратить?

Вопрос на самом деле был "чем вам не нравится Райнбальд?", но одно, очевидно, вытекало из другого. Уж Виолетта точно предпочитала плоды цветам, о чем, кстати, только что и заявила.

Однако и в этот раз она предпочла не конкретизировать.

- Из этого брака не выйдет ничего хорошего ни для Элинор, ни для Айринтии, - сказала она. - Ни для вас лично, хотя это уже, разумеется, не моя проблема.

- Я не являюсь и не могу быть соперником для графа Райнбальда ни в каком смысле, - пожал плечами Локхарт. - Если вы еще не поняли.

- Я-то, может, и поняла, - кивнула баронесса, - а вот он - нет.

- Вы хотите сказать, что он... - полковник брезгливо дернул щекой, - считает меня любовником королевы?

- А кем он должен вас считать? Просто взгляните на ситуацию его глазами. Да и, в любом случае, полагаю, его нежелание делить с вами влияние на королеву еще важнее, чем нежелание делить ее постель.

- Мое влияние тоже не стоит переоценивать, - проворчал Локхарт. Действительно, он не мог припомнить случая, когда заставил бы Элинор переменить решение... впрочем, он особо и не пытался. Иногда он выражал сомнение, но никогда не настаивал - и не только из-за ее титула. В конце концов, это был ее мир, в котором она, пусть и будучи более чем вдвое моложе, разбиралась лучше, чем он...

- Это вы тоже будете объяснять ему, - ответила с усмешкой Виолетта. - Когда он решит убрать препятствие с дороги... уже хотя бы просто на всякий случай.

- Так вот в чем ваш интерес, - сообразил, наконец, Локхарт. - *Всех* друзей королевы?

- Тех, которые не захотят плясать под его дудку. Вы хотите?

- Нет, - ответил полковник без малейших колебаний, уже не задумываясь о том, насколько Райнбальд может быть полезен для страны и ее правительницы.

- И я тоже.

- Так что вы предлагаете?

- Для начала - договориться об обмене информацией, - у Локхарта на миг возникло

ощущение deja vu, и баронесса, как видно, тоже вспомнив их разговор в карете, с усмешкой добавила: - Сейчас, как вы понимаете, я говорю о наших общих интересах, а не об интересах третьих лиц. Плюс пакт о ненападении, конечно.

- Я никогда не пытался настроить королеву против вас, если вы об этом.

- Я не столь невинна, - хохотнула Виолетта, - и, как видите, честно вам в этом признаюсь. Но будем считать, что отныне это в прошлом. Потом - вы ведь помните, кто тут его главная поддержка[63]?

- Его армия.

- Хороший ответ, - вновь коротко хохотнула баронесса, - но я имела в виду Фабиаса. С которым, если я не ошибаюсь, весьма плотно сработался один из ваших подчиненных.

Локхарт хмыкнул: - Как, однако, все закручивается...

- Да, - согласилась Виолетта. - Фигуры *этого* танца посложнее, чем того. И риск больше, чем что вам просто наступят на ногу. Но тут вас уже не выручат пустые ножны.

Она насмешливо поклонилась и в считаные секунды затерялась в толпе.

Да уж, подумал Локхарт. Еще не так давно он полагал - и говорил своим людям, требуя от них соответствующей клятвы - что "быть на стороне Элинор" в условиях раздирающей страну гражданской войны - это и значит "быть на одной стороне". А теперь оказывается, что даже это не так. И Фабиас, и Райнбальд, и Виолетта, и он сам, конечно же - все они на стороне Элинор, ибо каждый из них по своим причинам кровно заинтересован в окончательной победе королевы над ее врагами и ее дальнейшем успешном правлении. Но при этом они вполне могут быть врагами друг другу. И тот же де Сегюр теперь может действовать в интересах Райнбальда, с чистой душой заявляя, что не нарушал данного командиру слова. Где он, кстати? Локхарт поискал его глазами среди танцующих и не нашел. Что, впрочем, не было удивительно - зал так велик, а народу так много... Во всяком случае, он не беседует в эту минуту с Райнбальдом - что, однако, не значит ровным счетом ничего, и даже не только потому, что это может происходить в другое время. А просто, поскольку мужчины не танцуют с мужчинами, Райнбальд должен использовать для переговоров на балу - если и в самом деле заинтересован в таковых - какую-то женщину. Неужели это его обреченная на заклание жена? Впрочем, вряд ли она - или еще кто-то из его родни - могла успеть прибыть в столицу из родовых земель Райнбальдов по зимним дорогам. Скорее он должен пользоваться услугами какой-то здешней посредницы, которая может формально никак не быть с ним связанной. Таких посредниц, кстати, на этом балу может быть далеко не одна. Потанцевала с одним мужчиной, потом с другим - что может быть естественнее? Возможно, здесь это даже целая профессия (некстати вспомнилась Ильза: "Ежели позвать кого, или там записку передать - вы мне только скажите!") Хотя, конечно, подобное передаточное звено сильно повышает риск утечки информации...

Музыка тем временем смолкла, и Райнбальд с Элинор, обменявшись, как и прочие кавалеры и дамы, финальными поклонами, наконец отошли друг от друга. Граф, словно почувствовав пристальный взгляд Локхарта, повернулся и встретился глазами с полковником. Их разделяло около шести метров, однако Локхарт не сомневался, что коннетабль смотрит именно на него - и ему совсем не понравился этот тяжелый взгляд. Похоже, Виолетта была права.

Следом обернулась и королева - возможно, как раз заметив, как изменилось только что любезное выражение лица Райнбальда. Она тоже поняла, на кого смотрит коннетабль, но Локхарт не был уверен, как следует интерпретировать тень, мелькнувшую на ее лице. Возможно, даже смущение, или же досада вида "я все вам объясню, но потом, потом..." Она даже сделала шаг в его направлении, но остановилась, как видно, передумав. Впрочем, разве она обязана ему что-то объяснять? Она королева. И у нее, очевидно, есть более важные дела. Локхарт демонстративно отвернулся и снова попытался отыскать взглядом де Сегюра. На этот раз ему

[63]В оригинале backer - более многозначное слово, означающее и того, кто поддерживает, и того, кто делает ставку на данного участника состязания.

это удалось. Француз, слегка наклонив голову, любезничал с какой-то рыжей девицей, совершенно, конечно же, Локхарту незнакомой. Полковник перевел взгляд еще левее и обнаружил Вельо на прежнем месте у колонны, подзывающим к себе очередного лакея с подносом. "Как в него все это влезает? - подумал Локхарт с раздражением. - Даже при его габаритах..."

- Сэр Эрик?

Локхарт резко обернулся. Элинор все-таки стояла прямо возле него.

- Как вам нравится бал? - светским тоном осведомилась королева и тут же сама себе ответила: - Вижу, что не очень. Жаль, конечно, что вы не танцуете и тем лишаете удовольствия не только себя, но и тех, кто хотел бы вас пригласить... - она улыбнулась отчасти лукаво, отчасти виновато. Но Локхарт не пожелал вникать в намеки и оттенки.

- Зато мои люди, похоже, наслаждаются, - пробурчал он, - каждый по-своему.

- Рада за них, - кивнула королева, даже не пытаясь отыскать их взглядом. - Сейчас уже будут бить полночь. Идемте на середину, вам будет лучше видно иллюминацию.

Она повернулась и, еще раз сделав приглашающий жест, пошла обратно к центру зала, и Локхарту ничего не оставалось, как идти следом за ней. Музыканты заиграли что-то короткое и торжественное (участвовали только духовые и ударные), явно не предназначенное для танцев, а лишь подчеркивающее приближение кульминационной минуты. Когда королева остановилась на середине зала, Локхарт заметил, что сюда же подтянулись и другие ее приближенные - здесь были и первый министр Хустинг, багроволицый и все еще тяжело дышавший после танцев, и неизменно холодный Зиглер, не очень убедительно изображавший улыбку тонкими губами, и Айбенхорст, ныне выглядевший не грозно, а скорее добродушно, словно жизнелюбивый купец, подсчитавший годовой баланс и довольный результатом, и старый Швертлинг, демонстративно явившийся на бал в блестящей кирасе (на доспехи, в отличие от оружия, никаких запретов не накладывалось), но по-прежнему похожий на взъерошенного воробья, и Вульфеншванц, похоже, искренне наслаждавшийся праздником без всяких задних мыслей, и другие - министры и придворные. Из тех, кого Локхарт знал в лицо, помимо Фабиаса, отсутствовал только Крамп - если архиепископу веселиться на балах не позволял сан, то "Бледной Смерти" - имидж. Райнбальд, понятное дело, тоже никуда не делся, и не мог не заметить, что Элинор лично сходила за Локхартом, но вблизи он уже не смотрел на полковника с той враждебностью и лишь коротко поклонился. Другой на месте Локхарта мог бы даже подумать, что тот взгляд ему почудился из-за большого расстояния или же был адресован кому-то другому (возможно - собственным мыслям графа, вообще не связанным с происходящим вокруг), но полковник был вполне уверен и в своем зрении, и в значении того взгляда.

Трубачи выдули последнюю высокую ноту и смолкли. Локхарт ожидал, что теперь королева скажет речь - но, очевидно, в эпоху, когда не осталось ни средств телетрансляции, ни хотя бы звукоусиливающей аппаратуры, традиция предновогодних обращений главы государства потеряла смысл (что Локхарт не мог не одобрить - он терпеть не мог пустых пафосных фраз). Минуту стояла полная тишина, нарушаемая лишь чьим-то шорохом и перешептыванием, а затем близкие колокола собора уронили свой первый тяжелый и гулкий удар.

И тут же свет в огромном зале начал тускнеть. Локхарт поднял голову, ожидая увидеть на галерее слуг, которые при помощи каких-нибудь длинных шестов гасят многоярусные пирамиды свечей на гигантских люстрах. Но наверху никого не было. С каждым ударом свечи гасли сами - ярус за ярусом, снизу вверх. Интересно, как это делается, подумал Локхарт. Наверное, в ободах люстр проложены трубки, по которым подается воздух, задувающий их. Одновременно гасли и свечи в канделябрах на стенах - но тут секрет был проще, их длина была попросту тщательно рассчитана таким образом, чтобы догореть аккурат к полуночи. Вероятно, темнота, сгущавшаяся с каждым ударом, имела символический смысл - старый год уходит, его огни гаснут, потом зажгутся огни нового - но у Локхарта все это вызвало неприятную и тревожную ассоциацию с

рассказом Эдгара По "Маска Красной смерти", жутко напугавшим его в детстве. Девятилетний Эрик прочел этот рассказ ночью в пустом доме, на их ранчо, где вокруг на много миль не было ни души - родители уехали в город, а никаких приходящих нянь в ту эпоху уже не нанимали: напичканный электроникой "умный дом" мог позаботиться о безопасности ребенка куда лучше, чем ищущая легкой подработки студентка. Он и позаботился - погасив повсюду свет, закрыв доступ к интернету и компам, дистанционно отключив игрушки и заблокировав двери, дабы в положенное время мальчик спал и не занимался ничем другим. Но помешать ему читать с фонариком под одеялом найденную в сарае бумажную книгу "умный дом" не мог - о чем Эрик вскоре пожалел, ибо расплатой за непослушание стал едва ли не самый большой ужас, пережитый им за все детство, а то и за всю жизнь (позже с ним, конечно, случались вещи гораздо страшнее, до кэйлианской катастрофы включительно, но вот реагировал на них он уже гораздо спокойнее). Причем другие рассказы По почему-то не напугали его так сильно, как этот - перечитав его во взрослом возрасте, Локхарт так и не понял, почему. Возможно, в силу атмосферы общей обреченности, когда ужасная смерть настигает не одного несчастливого персонажа, а всех без исключения, и никакого спасения от нее нет... И вот теперь эта праздничная толпа, беспечно веселящаяся несмотря на непойманного еще Арвика, гроггендорскую угрозу, непонятную ситуацию с королевской армией и прочие проблемы и опасности, напомнила ему пир во время чумы в замке Просперо, а полуночный бой и меркнущий свет - его жуткий конец. Не хватало только, чтобы с последним ударом на пороге появилась закутанная в саван фигура...

Вдоль двух длинных стен зала - той, которую еще недавно подпирал Локхарт, и противоположной - тем временем выстроились гвардейцы в кирасах с зажженными факелами. Полковник понял, что с последним ударом колокола эти факелы, очевидно, останутся единственным источником света в зале. Была в этом некая архаика, нечто более грубое и варварское, чем даже свечное освещение, и у Локхарта мелькнула мысль, что этот гаснущий под набатные удары церковного колокола свет, в котором остаются одни лишь факелы, символизирует еще и погружение человечества в пучину средневековья. Хотя вряд ли, конечно, нынешние устроители бала имели в виду это. Но если этот ритуал старинный, то, быть может, у его истоков стояли те, кто еще помнил былую цивилизацию...

- ...Девять... Десять... - считали вслух удары голоса гостей, но не громко и радостно, как в памятные Локхарту времена, а практически шепотом, с придыханием, словно боясь разбудить некую потустороннюю силу. Может быть, ночь перехода из старого года в новый наделяют здесь неким мистическим смыслом? В конце концов, в непросвещенные эпохи полночь куда более ассоциировалась со страхом, нежели с весельем, а второе могло использоваться для того, чтобы заглушить первый - и чем разнузданней веселье, тем сильнее страх. Опять-таки как в рассказе По...

- Одиннадцать... Двенадцать! - дружно выдохнула толпа с последним ударом. Гулкий отзвук замер в темноте, озаряемой лишь дрожащим светом факелов, и снова настала полная тишина. Локхарт заметил, как Элинор открыла рот, собираясь, наверное, провозгласить наступление нового года - но в этот момент в торцевой стене зала распахнулась дверь.

На пороге стояла фигура в саване.

Она вошла внутрь и быстро двинулась через зал по направлению к королеве и ее приближенным. Как и у По, никто не осмелился ее остановить. В зловеще повисшей тишине слышались лишь быстрые звуки ее шагов по мраморному полу. Королева не двигалась с места и не пыталась звать охрану, но по ее напряженному лицу Локхарт понял, что это не часть представления.

Фигура приблизилась еще, и полковник разглядел, что это гвардеец. И облачен он был, конечно, не в саван, а в присыпанный снегом плащ поверх доспехов.

- Ваше величество, - гвардеец почтительно поклонился, но тут же вновь выпрямился. -

Срочное донесение.

Никакой бумаги он при этом не протянул, так что, видимо, донесение было устным. Должно быть, пославший его офицер слишком спешил, чтобы что-то писать.

- Говорите, - потребовала Элинор.

Гвардеец понизил голос и приблизил лицо к лицу королевы настолько, насколько позволяли приличия, но все же стоявший рядом Локхарт - и, очевидно, не он один - отчетливо разобрал: "К столице с севера подходит войско".

- Чье? - спросила королева после крохотной паузы.

- Пока не знаем, мэм. Слишком темно, чтобы разобрать их флаги. Высланы разведчики, на стене поднята тревога. Может быть, за то время, что я скакал сюда, уже появились новые подробности.

- Это наши, - уверенно сказала Элинор и громко провозгласила, перекрывая уже успевшие поползти в разные стороны шепотки: - Королевская армия вернулась в столицу! Подарок, которого все мы ждали. С Новым годом, Айринтия!

Заслышав, наконец, ключевую фразу, гвардейцы с факелами подожгли тонкие фитили, и язычки пламени побежали вверх по каменным стенам, воспламеняя на своем пути новые и новые огоньки, рождавшиеся в соединенных друг с другом стеклянных трубочках, заполненных светильным маслом. На одной стене таким образом расцвели и засияли гигантские желтые цифры 787, а на другой - синяя, благодаря цвету трубочек, голова айринтийского дракона. Толпа разразилась радостными криками. Теперь веселье уже ничто не сдерживало; снова грянул оркестр, а через зал двинулись лакеи с подносами, уставленными бутылками и бокалами. От внимания Локхарта, однако, не укрылось, как в этой праздничной суматохе Айбенхорст поспешно направился к выходу вслед за доставившим известие гвардейцем, а несколько мгновений спустя за ними последовал и Райнбальд.

- Вы действительно уверены, что это свои, мэм? - наклонился к Элинор Локхарт, уже не опасаясь, что кто-то еще расслышит его в общем шуме.

- Ни мятежники, ни тем более гроггендорцы не могли подойти к самой столице, никем не замеченные.

- Если только это не саботаж.

- Скоро мы это узнаем, - процедила королева, широко улыбаясь, - а пока не делайте такое лицо, словно враг уже в городе. Люди смотрят.

- Да, - Локхарт изобразил улыбку, едва ли, впрочем, получившуюся убедительной. Он понимал, что, вопреки радости и облегчению публики вокруг, ситуация выглядит весьма тревожной. Если это действительно свои, то почему они идут к столице ночным маршем? Почему не встали лагерем до утра? И если даже это действительно та армия, которую увел на север Бронгар, то с какими вестями и какими намерениями она возвращается? Празднующие штатские вокруг, похоже, возомнили - с подачи Элинор, постаравшейся внушить им именно эту мысль, хотя и не сказавшей это явно - что армия вернулась с победой, окончательно разбив пособников Арвика на севере. Но вот это как раз вряд ли. На это у нее просто не было времени. Даже если, узнав о разгроме Арвика под Дракенхаймом, все его северные пособники сразу же капитулировали, не оказывая сопротивления - известие об исходе битвы сперва должно было дойти до каждой из принявших сторону бывшего принца частей, затем все они должны были известить о своей покорности заместителя Бронгара, затем тот должен был привести армию обратно на юг. При нынешних темпах передачи информации и состоянии дорог недели на все это никак не хватало. Быть может, конечно, этот неизвестный пока заместитель одержал некую решающую победу на севере еще до того, как получил вести с юга. Наиболее очевидным вариантом такой победы было взятие Айзеншлосса (в котором почему-то был так уверен Фабиас - быть может, некие церковники, уцелевшие, в отличие от агентов Тайной Стражи, должны были открыть ворота?) Но ведь Арвик сознательно шел на то, чтобы сдать Бронгару Айзеншлосс -

лишь бы самому в это время захватить Дракенхайм. А стало быть, а северной столице был лишь некий косметический заслон, а не все верные еще ему войска, и эта потеря не должна была стать для мятежников критичной. Правда, моральный эффект от падения Айзеншлосса мог оказаться для сторонников Арвика, не посвященных в его стратегические планы, важнее размера физических потерь. Вполне возможно, что как раз этого горячий юноша не учел. Ну, хорошо если так, конечно... но ведь возможны и другие варианты. Это могло быть вовсе не победное возвращение, а бегство после поражения. Нанесенного или мятежниками, или вторгшимися гроггендорцами. Опять-таки, очень может быть, что Бронгар был убит, дабы командование над армией принял сторонник Арвика, до той поры, возможно тайный. Возможно даже, решившийся на предательство по собственной инициативе, без предварительного сговора с принцем, в надежде на более щедрую награду и лучшую карьеру, чем при верной службе под командованием Бронгара. Или, например, тот же Бургхельм осуществил мечту солдат на новых территориях - увел их оттуда на юг и по пути принял под свою руку и "осиротевшую" армию Бронгара... Любые схемы изменников, конечно, теряли смысл без Арвика - но он до сих пор не пойман, и что, если ему все-таки удалось прорваться на север?

Снова Локхарт оказывался в ненавистной роли пассажира, которому приходится тупо ждать в неведении, пока действуют другие. Может быть, запоздало подумал он, ему надо было уехать с Айбенхорстом. Хотя, конечно, совсем не факт, что командующий гвардией согласился бы взять его с собой. Не говоря уже о Райнбальде - к этому типу ему, похоже, лучше вообще не поворачиваться спиной...

Меж тем вокруг продолжалось веселье. Снова зажгли люстры, правда, только нижний их ярус - вероятно, с целью создать в бальном зале более романтическую атмосферу, чем при ярком свете (на сей раз не обошлось без участия слуг, которые протягивали с галереи факелы на длинных шестах, в то время как люстры медленно поворачивались вокруг оси; это вращение не прекратилось и после того, как свечи по всему периметру люстр снова загорелись). Музыканты заиграли очередную танцевальную мелодию, и большинство людей, окружавших королеву - включая даже старого Швертлинга - тут же нашли себе пары, но сама Элинор на сей раз не пошла танцевать и подозвала к себе лакея с мороженым.

- Скольких Арвиков поймали вчера? - иронически осведомился у нее Локхарт, словно проникшись окружающей несерьезной атмосферой.

- Не знаю, - серьезно ответила Элинор. - Сведения запаздывают, сами понимаете. Позавчера было трое, согласно докладу Корнелиуса. Включая одного убитого.

Разумеется, не было нужды уточнять, что ни один из них не оказался настоящим. Жаждущие награды подданные хватали всех, кто подходил под описание. Некоторые оказывали сопротивление - не потому, что были в чем-то виновны, а как раз наоборот, особенно когда их пытались задержать не стражники, а обычные обыватели. Иногда это кончалось синяками и ссадинами, иногда - хуже.

- Который это уже по счету? - спросил Локхарт.

- Третий.

- Надо же что-то делать для предотвращения подобного! - возмутился полковник. На фоне тысяч, уже погибших в этой войне, смерть еще нескольких человек как будто мало что значила, но он был все же не столь циничным, как де Сегюр (хотя и не столь упертым, как Вельо). Принципы презумпции невиновности и защиты нонкомбатантов для него все еще что-то значили.

- Мы сделали, - возразила королева. - Награда за мертвого вдвое меньше, чем за живого.

- Почему только вдвое?

- Потому что иначе он почувствует себя бешеной фигурой, как в шахматах[64], - терпеливо

[64]Бешеная фигура - единственная фигура, сохранившая возможность ходить при запатованном короле. Поскольку ее взятие означает пат - которого другая сторона, рассчитывающая на выигрыш, не хочет допустить - она может

пояснила Элинор. - И его могут упустить именно потому, что будут стараться взять только живым - а он будет это знать.

Локхарт не нашелся, что на это возразить, и лишь пробормотал: - Плохие нынче времена в Айринтии для блондинов с длинными волосами. Впрочем, если он не совсем дурак, он уже наверняка обрезал волосы, а то и перекрасил.

- Может быть, - согласилась королева. - Но что поделать - мы вынуждены исходить из тех примет, которыми располагаем. Если исходить из всех вариантов, какими он мог изменить свою внешность, то, сами понимаете, одна половина Айринтии будет ловить другую.

- И притом без всякой пользы, - кивнул Локхарт. - Может быть... - посторонние едва ли могли слышать их разговор за музыкой, но он на всякий случай еще понизил голос, - стоило поручить это дело исключительно Тайной Страже и не объявлять никаких публичных наград. Иначе кое у кого могут возникнуть вопросы, отчего мы уделяем столько внимания... самозванцу, который еще даже никак себя не проявил.

"...наводя их на мысль, что он вовсе не самозванец" - это, конечно, не требовалось произносить вслух.

- Проявит, - уверенно возразила Элинор. - Пока он жив, в этом нет сомнений.

- Если он действительно еще жив, а не замерз где-нибудь в лесу, - Локхарт уже знал, что такая участь постигла не одного из спасавшихся бегством мятежников

- Боюсь, это слишком хорошо, чтобы быть правдой, - проворчала Элинор, - но если это так, то хуже от принимаемых мер не будет. Ну, не считая, конечно, временных неудобств для длинноволосых блондинов.

- Не уверен, - покачал головой Локхарт. - Это может породить самозванца вместо того, чтобы покончить с ним. Может быть, лучше было бы объявить, что его тело найдено и опознано, хотя и объедено зверями до такого состояния, что публично демонстрироваться не будет, и награда, соответственно, больше не выплачивается. Дело закрыто, угрожать законной королеве больше некому.

- И что делать, если он потом объявится?

- Кто? Самозванец второго порядка? Настоящий Дункельт убит в бою, тот, кто хотел выдать себя за него, замерз при попытке бегства, а всякий, кто снова попытается разыгрывать эту карту - фигура уже настолько комическая, что никто не станет рассматривать ее всерьез. При таком имидже он никого не сможет объединить вокруг себя. Если, конечно, у него нет каких-то... веских доказательств.

- Материальных, скорее всего, уже нет. Разве что - определенные познания, которым неоткуда взяться у человека с улицы.

- Но и подлинность которых не может подтвердить человек с улицы.

- Но и не люди с улицы - наша главная проблема.

- Да, - согласился Локхарт. - Например, граф Райнбальд - он проблема или решение?

- Ах вот вы о чем.

- Еще недавно вы намеревались как можно скорее выпроводить его из столицы, ведь так? На север или на восток - неважно, куда. Однако он, похоже, намерен обосноваться здесь надолго. И вы... не препятствуете ему в этом.

- Вы были на совете и знаете нашу ситуацию, - пожала плечами Элинор.

- Но предыдущий приказ не был отменен. То есть вы фактически поощряете человека, саботирующего ваше прямое распоряжение... я просто хочу сказать, как это выглядит со стороны, мэм, - Локхарт вспомнил, что говорит с королевой, хотя и надеялся, что никто не слышит их беседы.

- Что значит поощряю? Я просто не форсировала события... и, похоже, оказалась

"безнаказанно" ходить куда угодно и бить кого угодно.

совершенно права, разве нет? Какой бы ни была эта армия, подходящая сейчас к столице - хорошо, что Райнбальд сейчас в городе.

- Вы танцевали с ним дважды еще до того, как пришло известие об этой армии, - выпалил Локхарт.

- Та-ак, - рассмеялась Элинор (впрочем, беззаботность этого смеха была, похоже, деланной), - если бы я не знала ваших взглядов, я бы подумала, что вы ревнуете, сэр Эрик.

- Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, - поморщился Локхарт. - Это демонстративный жест...

- Отчего же не продемонстрировать нашим подданным, что между королевой и ее новым коннетаблем нет никаких разногласий, и столица под надежной защитой?

- Я имею в виду даже не демонстрацию широкой публике. А то, что может подумать он сам. До меня дошел слух, что... - он запнулся, но все же решил договорить до конца: - что граф Райнбальд... имеет дерзость ухаживать за вами, - высокопарно-архаичный оборот словно сам выпрыгнул Локхарту на язык.

- Слух, - усмехнулась Элинор. - Вы прекрасно знаете, какие слухи ходят о нас с вами - и что с того?

- То, что я - это не он, - произнес полковник намного резче, чем допускал этикет. - И наоборот, соответственно. Вы ведь не хотите сказать, что он уже тоже успел стать вашим близким другом? За столь короткий срок это невозможно, когда речь идет действительно о дружбе. У него явно иные и отнюдь не столь чистые намерения. И я не думаю, что вы можете доверять ему... во всяком случае, так, как вы доверяете мне. Он может быть нужен вам из политических соображений, но не следует смешивать политику и личное... мэм.

- По-моему, вы сейчас занимаетесь именно этим, - парировала Элинор. - Что же до Райнбальда, то - если его лояльность ко мне обеспечивается еще и дополнительным мотивом, то почему нет? Нет, - добавила она, видя, как скривился Локхарт, - я не думаю, что с его стороны тут какие-то... романтические чувства - даже если он и... попытается изображать таковые. Это политический расчет, конечно же. Но если он тешит себя надеждой, что, служа мне, он сможет подняться еще выше, чем сейчас - почему бы этим не пользоваться? Во всяком случае, - широко улыбнулась Элинор, - шансов жениться на Арвике, или лже-Арвике, у него уж точно никаких, так что здесь у меня преимущество.

Локхарт подумал про себя, что в мире, из которого он родом, и такой брак никого бы не удивил (в том числе случались там и однополые браки по расчету между людьми, которые на самом деле не были гомосексуалистами, а просто использовали имевшийся юридический механизм и ничего никому не обязаны были доказывать). Но в Айринтии это, очевидно, воспринимается только как смешная шутка. Даже в прочитанной им книге по здешней истории гомосексуализм не упоминался ни разу, хотя разнополый адюльтер высоких особ - неоднократно.

- И как долго вы намерены поддерживать у него эту иллюзию?

- До тех пор, пока он остается полезен.

- Он может потерять терпение. И стать опасным.

- Едва ли он позволит себе потерять голову, - усмехнулась Элинор, - понимая, что это, мягко говоря, не приблизит его к цели.

- Он может быть опасен не для вас, а для... тех, кого считает препятствием между ним и вами.

- Хммм... - Элинор с озабоченным видом отправила в рот очередную ложечку мороженого. Похоже, она и в самом деле не задумывалась об этом.

- Причем, насколько я понимаю, речь не пойдет о рыцарском поединке, - продолжал Локхарт, - хотя у него и тут было бы бесспорное преимущество. Но у второго лица в королевстве есть масса способов решать такие проблемы чужими руками, не так ли?

Королева еще приблизилась к нему - настолько, насколько позволяли приличия даже относительно демократичной праздничной ночи - и произнесла так тихо, что он скорее прочитал по губам, чем расслышал:

- Я сделаю все, чтобы не допустить этого. Но - вы ведь не покинете меня из страха перед ним, сэр Эрик?

- Нет, - ответил он, - если вы сами этого не захотите. Хотя мне бы не хотелось погибнуть так глупо. Но ведь и вы не прогоните его?

- Он нужен Айринтии, - покачала головой Элинор. - Вы ведь понимаете.

- Возможно, командующий этой прибывшей армии, если там все и впрямь окажется благополучно, более достоин его поста?

- Возможно, - не стала спорить королева, - но "более достоин" еще не значит "будет назначен". Нельзя снять только что назначенного коннетабля без очень веских причин. То есть формально, конечно, можно, но... Я ведь даже не могу предложить ему достойное отступное. Что можно предложить человеку, чтобы он по доброй воле захотел оставить второй пост в государстве? Герцогский титул, поместья убитых графов? Я уже говорила - я не хочу делать из дома Райнбальдов второй дом Хагентраубов. Или даже первый, если он станет еще сильнее. Будущие айринтийские короли не простили бы мне этого и были бы правы.

- Да, - согласился Локхарт, - разумеется. Но дело не только во мне. Мы не знаем, насколько он надежен в принципе. Даже насколько он хорош в качестве полководца. Он оказался на своем посту только благодаря умению вовремя предать.

- Посмотрим, как будут развиваться события, - произнесла королева, извлекая из серебряной вазочки последний подтаявший кусочек мороженого. - Может быть, все изменится уже в ближайшие часы, в лучшую или худшую сторону... - она протянула пустую вазочку поспешившему на жест слуге, а когда тот вновь отошел, тихо добавила, глядя Локхарту в глаза: - Но в любом случае могу пообещать вам, что *я* никогда не предам вас.

Вероятно, подумал полковник, это означает, что она не согласится и на "мирный" вариант - если, скажем, Райнбальд потребует просто удалить его от двора. Хотя, рассуждая прагматически, почетная ссылка в какое-нибудь новопожалованное имение, подальше от всех этих страстей и интриг, могла бы стать и не худшим вариантом - во всяком случае, более безопасным. (Локхарт мысленно усмехнулся, представив себя в качестве средневекового феодала с собственным замком.) Он никому не успел насолить настолько, чтобы ему стали мстить, если он перестанет быть приближенным королевы. Но он безусловно не согласился бы. Это опять было бы ненавидимое им место пассажира. А кроме того... он не хотел расставаться с Элинор. Теперь уже нет.

Музыка смолкла, давая передышку гостям перед следующим танцем, и выражение лица королевы вновь изменилось - на нем появилась дежурная улыбка, а взгляд устремился мимо Локхарта. Проследив направление этого взгляда, полковник увидел де Сегюра, который застыл в почтительном ожидании, словно бы не решаясь приблизиться к монаршей особе и в то же время настойчиво маяча у нее перед глазами.

- Вот и вы, граф, - светским тоном произнесла Элинор. - Что же вы прячетесь? Подойдите, мы рады всем нашим гостям.

Локхарт легкой усмешкой оценил шпильку. Всем, и даже таким, как вы, ага.

- Ваше величество, - француз почтительно поклонился. - Я лишь хотел просить вашего позволения обратиться к моему командиру полковнику Локхарту на предмет возможных распоряжений в свете... последних событий.

"Ага, ага", - продолжал усмехаться Локхарт. Всем участникам разговора было очевидно, что это лишь предлог, чтобы обратить на себя внимание королевы - хотя и по-своему изящный. Де Сегюр, очевидно, специально высматривал момент, когда Локхарт заговорит с Элинор. Вероятность, что граф мог пытаться подслушать - или хотя бы прочитать по губам - их разговор,

полковник, впрочем, исключил - с того места, где стоял де Сегюр, это вряд ли было возможно.

- Какие могут быть распоряжения? - пожал плечами Локхарт. - Мы все ждем новостей, которые, надеюсь, будут добрыми. Пока же, как видите, бал продолжается.

Интересно, подумал Локхарт про себя, он хочет засветиться перед королевой или разузнать что-нибудь для Фабиаса? Впрочем, у архиепископа на этом балу наверняка достаточно информаторов и без де Сегюра.

- Да, - подхватила Элинор, - бал продолжается, и, надеюсь, вы не откажетесь потанцевать со мной, коль скоро от вашего начальника этого, увы, не добьешься.

- Почту за высокую честь, ваше величество, - на сей раз де Сегюр поклонился еще более церемонно, делая плавный жест рукой, что, вероятно, соответствовало танцевальному этикету.

- Только предупреждаю, - Элинор протянула ему руку, которой дипломат почтительно коснулся кончиками пальцев, - раз уж никто из членов вашей команды не танцует, вам придется отдуваться за всех.

Снова заиграла музыка, и пары пришли в движение. "Интересно, - подумал Локхарт, глядя вслед королеве, - кого она имела в виду под начальником[65] - меня или Фабиаса? И какую, соответственно, команду? Если люди архиепископа также духовного звания, им, очевидно, тоже не положено танцевать, и тогда де Сегюр может быть чем-то вроде их светского посла на увеселительных мероприятиях..." И кому Элинор посылала знак этим танцем - широкой публике, показывая, что милостива не только к Локхарту, или архиепископу? Неужели теперь так будет всегда, подумал полковник - ничего не воспринимать прямо и буквально, всюду искать намеки и вторые смыслы? Нет, у Элинор, конечно, всегда можно спросить разъяснений, когда они смогут поговорить наедине - но все остальные... Такая перспектива ему совсем не нравилась. Хотя он, безусловно, по-прежнему хотел быть пилотом, а не пассажиром. Но он привык к тому, что пилот может полностью доверять членам собственной команды, и что любые коммуникации в кабине ясны и однозначны.

Бал во дворце продолжался, в то время как на городских башнях поднятые по тревоге бойцы всматривались в темноту, где все еще невозможно было рассмотреть приближающееся к городу войско. Наконец вернувшиеся разведчики и явившийся с ними вестовой прибывшей армии принесли подтверждение: да, это армия Бронгара. Ныне ей командует лейтенант-генерал Драббен, и он привел свое войско в распоряжение королевы. Он очень спешил, надеясь успеть до Нового года, дабы его офицеры сумели принять участие в праздновании в столице, а не встречали Новый год на морозе в чистом поле - но, к сожалению, низкая проходимость зимних дорог задержала их марш. В результате Драббен только к утру прибыл в королевский дворец - где, впрочем, все еще продолжался бал, куда он и был препровожден прямо в доспехах и где даже получил жидковатую овацию от уставших гостей, многие из которых - начиная, конечно же, с королевы - ожидали его известий более напряженно, чем старались показать. Однако никаких победных реляций, вопреки ожиданиям в зале, Драббен публично не озвучил. Прямо в бальном зале он был представлен вернувшемуся ранее Райнбальду (от Локхарта, наблюдавшего эту сцену со стороны, не укрылись колючие взгляды, которыми обменялись оба командующих - с прибытием Драббена соотношение сил в Дракенхайме изменилось самым радикальным образом), после чего королева удалилась в сопровождении обоих (у Локхарта сложилось четкое ощущение, что она хотела выслушать доклад Драббена наедине, но Райнбальд буквально навязал свое присутствие, и не позволить ему было невозможно - как главнокомандующий он, безусловно, имел право потребовать и принять доклад лейтенант-генерала незамедлительно). После ухода королевы (хотя она и не объявила, что уже не вернется на бал) начали поспешно расходиться и гости, уставшие от веселья, принужденного или нет. Локхарт ушел вместе с де Сегюром (Вельо покинул бал раньше, не заботясь, соответствует ли это придворному этикету;

[65]В оригинале superior, что может означать также главу религиозной общины; впрочем, назвать главу всей айринтийской церкви титулом простого аббата было бы ироническим понижением.

похоже, он принял за чистую монету ту радость, с которой Элинор объявила в полночь о возвращении королевской армии, но сам был скорее разочарован, чем обрадован этой новостью, ибо с прибытием тысяч профессиональных солдат в нем отпадала нужда даже как в алебардщике). Во время краткого пути по коридорам дворца Локхарт пытался разговорить де Сегюра относительно бесед, которые тот вел на балу, но француз ответил, что это была лишь пустая светская болтовня. "То есть вы потратили все это время впустую?" - иронически осведомился полковник. "Ну почему? - невозмутимо пожал плечами дипломат. - Надо же иногда развеиваться - хотя бы в праздник."

Утром Локхарта разбудил почтительный, но настойчивый стук в дверь. Слуга, терпеливо дожидавшийся, пока полковник встанет и оденется, передал ему приглашение от королевы - первое со времени совета, на котором он присутствовал в последний раз. На этот раз Элинор звала его не на совет, а (наконец-то) для беседы наедине, хотя сразу же предупредила с извиняющимся видом, что времени у них немного, и обсудить она хотела военно-политические новости - прежде, чем говорить о таковых с кем-то еще.

Новости оказались совсем не такими радостными, как представлялось большинству гостей на балу. Драббен вернулся вовсе не с победой - хотя, впрочем, поражения ему тоже никто не наносил. Со слов Драббена, события выглядели так. Войско Бронгара осаждало Айзеншлосс, ожидая падения города со дня на день; защита древней столицы выглядела слабой, однако Бронгар, как умный и опытный командир, не спешил бросать войска на штурм, предпочитая по возможности беречь своих солдат и опасаясь ловушки. Вместо этого он пытался добиться от города бескровной сдачи на условиях выдачи Дункельта и его ближайших сподвижников и помилования остальных. Комендант города от переговоров отказывался, но Бронгар сообщил Драббену, что установил связь с некими предателями (или патриотами - смотря с какой стороны смотреть) внутри города, которые готовы были открыть ворота. Тем временем прибыл гонец с известием, что Дункельт находится на юге и осаждает Дракенхайм, и армии предписывается срочно вернуться. Однако Бронгар объявил его провокатором, использующим поддельную королевскую грамоту, и велел немедленно казнить, пока по лагерю не поползли слухи. Герцог был убежден, что Дункельт, которого он преследовал по пятам, находится в Айзеншлоссе, и его источники в городе - те, с кем он вел переговоры о сдаче - это подтверждали. Однако утром того дня, когда город, по словам Бронгара, должен был пасть - герцог был найден мертвым в собственном шатре. Стража показала, что накануне вечером туда была препровождена женщина, предъявившая охранную грамоту, подписанную самим герцогом; знавшие о переговорах предполагали, что она должна была согласовать окончательные условия сдачи (Драббен полагал, что лазутчиком из города, посещавшим коннетабля ранее, был мужчина, но не брался утверждать это наверняка, поскольку не общался с ним сам, а лишь видел фигуру, скрытую плащом с капюшоном). Бронгар не оставил явного распоряжения, кому должно перейти командование в случае его смерти или недееспособности (похоже, в этом походе, который он считал легкой прогулкой, он вообще не рассматривал такую вероятность), и соответственно срочно собранный военный совет передал полномочия командующего Драббену как самому знатному из старших офицеров (Драббены были младшей ветвью Гейнского дома, и соответственно теперь во главе королевской армии оказался человек, занявший этот пост благодаря своему родству с безумной королевой и, через нее, с ее сыном-мятежником). В свете случившегося он рассудил, что обещанная сдача города - ловушка, что мятежники уже достигли одной своей цели - под предлогом переговоров о сдаче убили коннетабля, а теперь готовятся реализовать вторую - нанести смертельный удар армии, когда та войдет в Айзеншлосс. Информация же, доставленная казненным якобы провокатором, может как раз оказаться правдой. В связи с чем Драббен принял решение, не дожидаясь возвращения отправленного на юг гонца, немедленно снять осаду и увести армию обратно к столице для получения дальнейших распоряжений от королевы.

- То есть так он сказал - "от королевы", - добавила Элинор. - На самом деле, полагаю - от того, кто в этот момент контролировал бы столицу. Известие об исходе битвы он получил уже по пути сюда.

- То есть Айзеншлосс так и не был взят, - мрачно констатировал Локхарт.

- Если бы Драббен задержался всего на несколько часов, ему бы сдали город, - невесело кивнула королева. - Но он струсил и побежал снимать с себя ответственность. Не понимая, что желающий избежать ответственности все равно принимает ее на себя.

- Вообще-то он исполнял ваш приказ о срочном возвращении, который саботировал Бронгар! - не сдержался Локхарт.

- Посчитайте дни, сэр Эрик, - невесело усмехнулась королева. - Со дня смерти герцога Бронгарского прошло уже три недели. Мы узнали о ней две недели назад, но ведь и гонцу требовалось время добраться сюда через снежные заносы. Кстати, гонца действительно звали Бартоломео, и он был произведен в офицеры уже в походе - тут мы угадали правильно...

- Верно, - сконфуженно согласился Локхарт; он все никак не мог привыкнуть к невыносимо низким скоростям, с которыми здесь перемещаются и люди, и информация. - Но ведь вы говорили, что армии, если она не оставит позади пехоту, столько и нужно по нынешним условиям?

- Это если бы они шли от северной границы. Айзеншлосс вдвое ближе. Так что Драббен, мягко говоря, не очень спешил мне на помощь. Его армия делала что-то около одиннадцати миль в сутки. Это не форсированный марш, конечно, но по зимнему времени такая скорость для пехоты считается вполне приемлемой, тут к нему не придерешься. Однако он шел не через Иммермур, а в обход через западное побережье. Мотивируя это тем, что такая дорога легче, люди и лошади устали бы меньше, плюс нет риска нарваться на засаду в Иммермуре, гарнизоны прибрежных крепостей лояльны короне... Формально эти аргументы имеют смысл. Его не обвинишь в измене - скорее уж покойного дядю Хуберта, казнившего моего гонца... Но фактически Драббен просто нашел способ самоустраниться, выжидая, чья возьмет. Он не пожелал ни брать Айзеншлосс, ни приходить на помощь какой-либо из сторон под стенами Дракенхайма.

- Да уж, - пробурчал Локхарт. - А как родственник герцогов Гейнских вообще оказался на высоком посту в королевской армии? Вы же говорили, их всех удалили от двора.

- Армия - это не двор. И если кто в Айринтии и заинтересован в восстановлении былых прав герцогов Гейнских, то только не тот, кому достались их земли.

- Да, верно, - вновь смутился Локхарт. - Никак все же не привыкну, что в вашем мире родственники - скорее враги, чем союзники.

- Бывает по-всякому, - возразила Элинор.

- Но, так или иначе, на роль коннетабля он не годится.

- Уж это точно, - кивнула королева. - Я уже полистала досье, составленное на него Корнелиусом. Он, в общем-то, даже не изменник - он просто трус. Точнее - ни рыба ни мясо. Свою военную карьеру он делал не только благодаря знатности. Достаточно исполнительный офицер... но совершенно безынициативный. Точнее, проявляющий инициативу лишь по части прикрытия собственной... ну, вы поняли.

- Значит, Райнбальд остается.

- Да.

- Не только на должности, но и в столице. Вы теперь уже официально отмените отданный ему приказ.

- Приказ был - выступить на север, чтобы принять командование над армией. Раз армия сама пришла к нему, приказ потерял смысл.

- Тем не менее, север до сих пор не под нашим контролем. Ситуация там неопределенная и непонятная. А угрозы со стороны Хагентрауба, полагаю, можно больше не опасаться.

Соотношение сил изменилось - как только до него дойдут вести о вернувшейся и подчиняющейся королеве армии, он станет тише воды, ниже травы.

- Стоит все же дождаться его визита в столицу, дабы он мог увидеть эту армию своими глазами, - усмехнулась Элинор. - Если, конечно, он не осмелится ослушаться.

- Думаю, что прямо не осмелится, но будет тянуть с исполнением вашего повеления точно так же, как это делал Райнбальд.

- Есть еще, между прочим, юг, - напомнила королева.

- Юг? - удивился полковник. - А что у нас на юге?

- Вот именно что ничего, - с горькой иронией ответила Элинор. - Пусто. Несколько гарнизонов в прибрежных крепостях, и это все. А внутренние территории мы совершенно оголили, чтобы отправить войска на север. Вторжения тлукаляханцев в это время года, конечно, можно не опасаться. Три века назад они уже пытались застать нас врасплох зимой...

- Я читал, - кивнул Локхарт. Тогда, согласно Мартину Дрольфусу, Тлукаляхан начал готовиться еще летом, узнав о вторжении в Айринтию Бугенхольма, но пока медлительная южная империи подготовила, наконец, свой большой флот к высадке, война уже закончилась в пользу Айринтии. Но тлукаляханцы все же не оставили своих планов - и для ослабленной войной страны это и впрямь могло бы стать серьезной проблемой, пройди их высадка удачно. Однако практически всю их армаду разметал и потопил зимний шторм, и от последствий этой катастрофы тлукаляханский флот не мог оправиться еще много лет.

- И этот урок они помнят до сих пор, - продолжила королева. - Но вот что касается Арвика - если он вдруг объявится не на севере, а на юге... А он, в принципе, может - дороги на юг перекрыли уже позже, у него было время проскочить.

- Но что ему там делать? Все его недобитые союзники на севере.

- Нет никакого принципа, по которому северная часть Айринтии должна поддерживать Арвика, а южная - меня, - пожала плечами Элинор. - Просто так сложилось, что он обосновался в Айзеншлоссе и начал переманивать на свою сторону тех, кто ближе. Но теоретически он может попытаться проделать такой трюк и на юге. Конечно, после разгрома под Дракенхаймом ему это будет уже куда труднее, но все-таки нельзя исключать, что ему удастся увлечь обещаниями какой-нибудь из южных домов, пока что хранивший не столько верность мне, сколько выжидательный нейтралитет. Конечно, ни один из этих домов не может тягаться не то что с королевской армией, но даже с личной армией Райнбальда. Но ни той, ни другой сейчас на юге нет. И если они уйдут еще дальше на север, мятежники получат фору во времени. А стоит поддержать мятеж кому-то одному, к нему могут присоединиться и другие...

- Все-таки, по-моему, Бургхельм и его люди - куда больший повод для беспокойства, нежели эта чисто гипотетическая возможность, - возразил полковник. - Ну и кто там до сих пор сидит в Айзеншлоссе...

- Айзеншлосс сам по себе теперь едва ли проблема, - возразила королева. - Там не было серьезных сил, и он уже готов был пасть.

- Со слов Бронгара в пересказе Драббена, - напомнил Локхарт. - Интересно, кстати, что за таинственный субъект в плаще с капюшоном обещал открыть ворота. Возможно - монах в рясе?

- Тогда Драббен так и сказал бы - ряса, а не просто плащ.

- Возможно, он недостаточно хорошо разглядел, он ведь сам не общался с этим переговорщиком. Просто его высокопреосвященство был очень уж уверен, что Айзеншлосс уже в наших руках. Очевидно, его агенты, в отличие от агентов Тайной Стражи, там все же уцелели и продолжали работу...

- В давние времена служителей церкви нередко использовали для переговоров между воюющими сторонами, - поведала Элинор. - А еще, например, существовал обычай, позволяющий им беспрепятственно войти в любую осажденную крепость. Формально - для того, чтобы исповедать и причастить осажденных, ну и вообще духовно поддержать их на

пороге возможной гибели. Но, как вы можете догадаться, это открывало слишком хорошие возможности для шпионажа и передачи тайной информации, поэтому обычай сперва изменился таким образом, что войти-то в крепость монах мог, а вот возможности выйти обратно ему уже никто не гарантировал. А потом уже и такое правило перестало действовать, ибо передача информации даже в одну сторону может решить судьбу всей осады... Но, возможно, монах из города знал о каком-то тайном ходе из катакомб, о котором не знал ни Бронгар, ни назначенный Арвиком комендант. Хотя это мог быть и просто человек в плаще, с церковью не связанный.

- Фабиас так и не прояснил этот вопрос?

- Он обожает темнить в таких случаях, - усмехнулась Элинор. - Его агентура, на самом деле, куда более тайная, чем Тайная Стража. Если она добивается успеха - он с улыбкой скажет что-нибудь о "божьей помощи". В случае же провала, какой, очевидно, имел место сейчас - ну, тем более посторонним не следует знать его слабые места. Выводы будут сделаны и виновные наказаны внутри самой структуры, без утечек вовне.

- Что значит "посторонним"?! Вы королева!

- Я уже говорила, формально глава айринтийской церкви не подчинен короне. Призвать его к ответу может только синклит кардиналов, и, разумеется, лишь при наличии веских оснований. То есть он, конечно, тоже мой подданный, но только в вопросах сугубо светских. В делах духовных светская власть не может требовать у него отчета. А граница между ними, сами понимаете - особенно учитывая, что тайны и таинства входят в самую суть религии...

- Угу, - Локхарт вспомнил совещание сразу после битвы, - достаточно назвать тайные переговоры за спиной королевы "пастырским увещеванием"...

- И все же дядя Фабиас - один из очень немногих, кому я могу безусловно доверять. Не только в силу сентиментальных детских воспоминаний. Даже Корнелиус, как я уже говорила, при определенных обстоятельствах мог бы оказаться на другой стороне. Но Фабиасу путь туда закрыт в принципе. Как даже теоретически его ничем не могут привлечь и наши враги за границей. Хотя гроггендорская церковь исповедует те же догматы, там он не имел бы той вольницы, о которой я только что говорила. Там церковь - это государственный департамент, непосредственно подчиненный даже не императору - хотя официальным главой церкви считается именно он - а министру по делам религии, и тамошняя Имперская Служба Безопасности может перевернуть вверх тормашками любой храм по первому подозрению своего офицера. А тлукаляханцы и вовсе язычники. И банально купить его тоже нельзя. Не только потому, что архиепископ айринтийский и так достаточно богат. Деньги, на самом деле, интересны ему не сами по себе, а лишь как инструмент влияния...

- Влияния в чьих интересах? - прищурился Локхарт.

- Моих, - улыбнулась Элинор. - Поскольку они совпадают с его собственными.

- Или Райнбальда, - мрачно заметил полковник.

- Райнбальд не король. И никогда им не будет.

- Знаете, де Сегюр как-то сказал, что такие, как Фабиас, выстраивают свои планы на десятилетия вперед. Может, он еще лет пятнадцать назад задумал поженить своего двоюродного племянника на своей воспитаннице.

- Тогда еще никто не знал, что я стану королевой.

- Что теперь делает этот план более, а не менее привлекательным, не так ли?

- И вообще, нельзя сказать, что архиепископ все эти годы как-то специально отстаивал интересы дома Райнбальдов. С одной стороны, официально он им никто, принимать покровительство бастарда для них было бы, если угодно, ниже их достоинства. С другой, что намного более важно - этого не стал бы терпеть мой отец. Даже от своего ближайшего друга, а скорее даже - от него в особенности. Он жизнь положил на то, чтобы интересы отдельных аристократических домов не ставились выше интересов Айринтии.

- Но теперь ваш отец мертв, - жестко напомнил Локхарт, припомнив про себя и

продолжение рассуждений де Сегюра о том, что и эта смерть могла быть частью плана.

- Послушайте, сэр Эрик, - произнесла Элинор без гнева, скорее устало, - что вы от меня хотите? Торжественной клятвы, что я не выйду замуж за Райнбальда?

- Я... не имею права чего-то от вас хотеть, - сумрачно ответил Локхарт. - И даже давать какие-то государственные советы, если есть подозрение, что они диктуются не государственными, а личными мотивами. Но мне кажется, что отослать Райнбальда наводить порядок на севере стоит по вполне объективным причинам.

- И создать ему тем самым репутацию блестящего победителя и единоличного спасителя страны и короны?

- Хммм... - это не приходило Локхарту в голову.

- Если мятежные войска деморализованы - а это, очевидно, так, особенно если они поверят в смерть Арвика - победа достанется ему удивительно легко и бескровно. Что, конечно, само по себе хорошо. Айринтии нужен командующий, пользующийся авторитетом и у собственной армии, и у врагов по ту сторону границы. Но если он станет *слишком* авторитетным... если создаст впечатление - и уверует сам - что война или мир зависят от него одного... Те же солдаты на новых землях, в частности, и их готовность защищать северную границу - если ему удастся завязать таковую готовность на их лояльность ему лично, он получит рычаг, определяющий судьбы Айринтии. А еще он может, например, решить, что вправе диктовать королеве, как именно восстанавливать военную гвардию. Ведь формально она находится в его подчинении, не так ли? А там, на севере, остались нетронутые гвардейские части, вставшие на сторону Арвика. Они перейдут под его, то есть Райнбальда, руку под обещание амнистии - амнистии, которую я не могу не санкционировать, потому что нам *действительно* не нужно дальнейшее кровопролитие. Но что делать с ними дальше? Оставлять в новой гвардии? Невозможно. Вы же помните, ради чего затеяна сама реформа гвардии. Мной. Но у Райнбальда может быть свое мнение. Конечно, он не посмеет не повиноваться мне прямо. Но он попросту может взять этих людей себе. В свою личную армию. А своих нынешних солдат предложить мне. Поскольку новую гвардию формировать из кого-то надо, а я как раз и хотела делать это из воинов, прославившихся не знатным происхождением, а боевым опытом. И какие у меня будут основания для отказа? А что получится в результате? Райнбальд во главе королевской армии, люди Райнбальда как костяк военной гвардии, плюс его собственная армия из бывших гвардейцев, также всем обязанных ему лично. Вам нравится такой расклад?

- М-да, - пробормотал Локхарт. - Похоже, в этих шахматах я научился только передвигать фигуры, но не просчитывать комбинации.

- Я просто пытаюсь объяснить вам, сэр Эрик, что то, что на балу вам могло показаться женским кокетством или даже легкомыслием...

- Я должен извиниться перед вами, мэм, - наклонил голову Локхарт. - Я действительно недооценил...

- Элинор. Когда мы наедине, вы можете называть меня Элинор.

- Да... Элинор, - заставил себя произнести он. - Тогда, вероятно, и вы можете отбросить "сэр".

- А мне нравится называть вас по титулу, - с улыбкой возразила королева. - В конце концов, ведь это я вам его подарила.

- Как вам будет угодно, - улыбнулся он в ответ и снова спросил серьезно: - Так что мы... то есть, что вы будете делать с Райнбальдом?

- Сначала я действительно хотела отослать его прочь как можно скорее. Но теперь, наоборот, лучше придержать его в столице. И если для этого надо изобразить определенную благосклонность к его ухаживаниям - почему бы нет. Никаких границ я, разумеется, переходить не стану. Помимо всего прочего, это было и крайне неблагоразумно. Идеально, чтобы тот, кто что-то от тебя хочет, никогда не терял надежды, но и никогда не получал желаемого, не так ли?

При условии, конечно, что речь не идет о друге.

- Или о враге. Гроггендор лучше бы потерял надежду на наши земли.

- Да. Знаете, что объединяет друзей и врагов? Ни с теми, ни с другими неуместна торговля. А вот с теми, с кем она уместна - и кто надеется переторговать тебя...

- Так что же с мятежниками?

- На север уже отправлены гонцы с известиями о разгроме мятежа и соответствующими королевскими предписаниями. Туда, где предписаний окажется недостаточно, отправятся королевские части. Отдельные. Каждая под своим командованием. Этого будет достаточно, чтобы подавить разрозненное сопротивление, более не имеющее единого центра. Но это не станет победоносным походом Райнбальда, приводящего под свою руку половину страны. Ему хватит и той славы, что уже есть. Что касается амнистированных мятежников - не позволять им больше собираться вместе. Кого-то принять на службу в королевскую армию, но распылить по разным гарнизонам. Кого-то сослать в их поместья, у кого они есть. Кто-то, конечно, вступит в частные армии - но *разные* армии. Я успокоила вас, сэр Эрик?

- Почти. Меня все же смущает до сих пор не найденный Арвик.

- Самозванец, сэр Эрик. Всего лишь самозванец. У тех, кто шел за ним, теперь есть хороший предлог, чтобы выйти из игры с минимальными потерями. Возможно даже - искупив свою вину его поимкой. Вы думаете, те, кого он не успел погубить, жаждут разделить участь тех, кого успел? Проигравших никто не любит. Поэтому, собственно, мы не будем спешить с вашей идеей объявить о его ликвидации и отменить награду. Пока награда действует - велик шанс, что его выдадут свои. К которым он - если еще жив, конечно - неминуемо обратится, ибо к кому еще?

- Надеюсь, что так.

- А сейчас у меня уже действительно нет времени, - сказала извиняющимся тоном Элинор. - Полстраны сегодня проснутся заполдень, но королева такой роскоши позволить себе не может. Сначала очередная аудиенция. Буду лично решать тяжбу между наследниками Дирлиха. Прямо удивительно, с какой скоростью они примчались в столицу - должно быть, каждый боялся, что другой его опередит... Потом доклад Корнелиуса, потом отчет казначея - как вы понимаете, во время осады мы были отрезаны от всякой деловой активности, сейчас есть новые поступления... В общем, дел невпроворот. Но я постараюсь увидеться с вами поскорее. До встречи, сэр Эрик.

- До встречи... Элинор.

Однако эта встреча не произошла так скоро, как хотелось бы Локхарту. В этот день он не получил уже больше никаких вестей от королевы, в том числе и приглашения на ужин, на которое не то чтобы рассчитывал, но надеялся. Впрочем, он прекрасно понимал, насколько она может быть занята, и ему тоже было чем заняться, коль скоро он решил довести свои познания в теперешнем военном искусстве до уровня, достойного его звания, заработанного в совсем другую эпоху и в расчете на совсем иные военные реалии. С утра он продолжил свои теоретические штудии, а затем его, как водится, ждала практическая часть с Габриусом. В этот день мастер меча одобрительно отметил его успехи, предварительно вымотав своего ученика, сражавшегося теперь уже в полных латах, до полного изнеможения - и оттого, шагая по коридорам дворца обратно, Локхарт помышлял лишь о том, как завалится сейчас в теплую ванну, и даже не сразу заметил стройную фигуру, шагнувшую к нему из боковой ниши в безлюдном коридоре (за что Габриус его бы уж точно не похвалил).

- Вы не были на казни, как я понимаю? - осведомилась Виолетта без предисловий.

- На казни? - Локхарт вздрогнул, отвлеченный от мыслей о ванне (его рука машинально дернулась к мечу) и недоуменно уставился на баронессу.

- И не получали мою записку? Я отправила ее вам утром, предлагая место в моей карете. Хотела прокатиться с вами на площадь Правосудия. Вам ее не доставили, или вы не проверяете

почту?

- Я с утра читал в библиотеке, - так Локхарт уже привык называть про себя кабинет "президентского люкса", хотя Виолетта, конечно, не могла этого знать, - а потом упражнялся с мечом. Так кого казнили?

- То-то и оно, что никого, - усмехнулась баронесса. - Вы что, совсем не в курсе, что происходит в городе?

- Мятеж? - сдвинул брови Локхарт.

- Пока что нет, - вновь усмехнулась Виолетта и принялась рассказывать.

Как оказалось, вечером предыдущего дня - первого дня нового года и последнего в череде зимних праздников, когда люди, отвечавшие за порядок на улицах столицы, готовы были уже вздохнуть спокойно по поводу того, что победно-рождественско-новогодние гуляния прошли без серьезных инцидентов - в Дракенхайме все же случилось пренеприятное происшествие. Всю неделю до этого конфликтов между горожанами и солдатами Райнбальда, по-прежнему остававшимися в столице, удавалось избегать. С одной стороны, обыватели не рисковали задевать вооруженных солдат, пусть даже и не будучи от них в восторге; с другой стороны, и капралы самого Райнбальда регулярно и строго предостерегали своих бойцов против любых безобразий в городе, которые теперь были бы невыгодны и новому коннетаблю, желавшему максимально укрепить свое положение в столице и не желавшему давать лишний повод торопить его с отбытием на север или куда-либо еще. Однако внезапно вернувшихся бойцов королевской армии никто не успел настропалить подобным образом. Многие из них очень уважали Бронгара и до сих пор переживали о его смерти - а потому и свалившуюся на них новость о новом главнокомандующем, ничем, по их мнению, не выдающемся и никак не сравнимом с прежним, восприняли враждебно. То же обстоятельство, что личная армия Райнбальда теперь была расквартирована в их казармах, а им самим, усталым после долгого зимнего перехода, в результате пришлось ютиться кому где, в том числе - разбивать лагеря за пределами городских стен (и это в праздничную ночь!), естественно, лишь подлило масла в огонь. И вот вечером в один из кабаков, где сидела и выпивала (вполне чинно, надо отдать им должное) большая компания солдат Райнбальда, ввалилась не меньшая группа королевских солдат, проведших ночь под стенами и лишь теперь получивших возможности войти в город. Надо сказать, за минувшую неделю в Дракенхайме сложилось уже нечто вроде традиции, в какие питейные заведения люди Райнбальда ходят регулярно (и всегда большими группами, ибо так легче избегать провокаций с обеих сторон, в том числе и благодаря извечному армейскому принципу коллективной ответственности), а где они, наоборот, никогда не показываются. Но вновь прибывшие королевские солдаты об этом, разумеется, не знали, а потому прямо с порога принялись громко возмущаться - и тут, мол, эти заполонили все места, честному солдату королевы уже негде горло промочить в собственной столице, да что ж это творится, какого дьявола?! Напрасно кабатчик пытался выпроводить их, увещевая, что всего в сотне ярдов дальше по улице есть другое заведение, где для них всенепременно отыщутся места. Солдаты явно не желали уходить "на мороз" и требовали, чтобы место "защитникам королевы" освободили чужаки, коих они именовали "тыловыми крысами" и "комнатными собачонками", ибо, по успевшим дойти до них сведениям, совсем не высоко ставили роль людей Райнбальда в битве за Дракенхайм. Последние, в свою очередь, тоже, несмотря на все наставления своих капралов и офицеров, не стали безропотно терпеть оскорбления; словесная перепалка быстро переросла в драку, сперва на кулаках, а когда одному из участников раскроили голову бутылкой, в ход пошли и мечи. В итоге, когда прибежавшим патрульным удалось, наконец, утихомирить дерущихся, на полу остались лежать двое убитых солдат Райнбальда и один серьезно раненый королевский солдат. Еще один его товарищ - якобы убитый бутылкой - уже сидел, тщетно пытаясь унять кровь, обильно текущую по его выбритой наголо голове.

Дуэли в Айринтии были делом обычным, освященным законом и традицией (и даже

используемым в качестве средства установления правоты в суде, если оба тяжущиеся соглашались на такой способ), но это касалось исключительно поединков (причем подчиненных правилам), а не стычек между группами. С другой стороны, случались, особенно в прошлом, и целые войны между личными армиями феодалов, что так же не считалось преступлением перед короной, коль скоро стороны выясняли отношения друг с другом, а не с королем (правда, последние поколения айринтийских монархов всячески старались извести эту практику). Кабацкая драка с жертвами между солдатами, подчиненными, непосредственно или опосредованно, одному командующему, не попадала ни под одну из этих категорий и была, безусловно, нарушением дисциплины - ни ради какой "чести полка" ни один вменяемый командир не захочет терять людей в глупых стычках со своими. Но в спокойные времена виновные отделались бы обычными армейскими наказаниями - гауптвахта, наряды вне очереди, удержание месячного жалования. Однако в нынешней ситуации стычка между двумя группами рядовых солдат могла спровоцировать куда более масштабный конфликт между двумя армиями, подчиненными теперь Райнбальду, но и так уже взирающими друг на друга без восторга, причем все это в условиях все еще не усмиренного до конца мятежа. Лучше всего было бы, конечно, если бы участники драки понесли равные потери; тогда можно было бы объявить, что виновные сами поубивали друг друга, и закрыть дело. Но два убитых против двух раненых никак не обеспечивали желаемой симметрии. У одних это будило желание отомстить, у других - задрать носы: "Вот как мы вас сделали!" - и тем самым опять-таки провоцировать дальнейшую эскалацию. Отправить на гауптвахту всех выживших с обеих сторон уже тоже не выглядело достаточным наказанием, а разбирать степень вины каждого было проблематично. Нанесших смертельные удары установили быстро по крови на мечах, но они утверждали, что имели право на самозащиту. Конфликт определенно начали королевские солдаты; с другой стороны, первыми кровь пролили люди Райнбальда (пресловутый удар бутылкой, который в тот момент их противники расценили, как смертельный, и схватились, в свою очередь, за мечи)...

В итоге стычку между рядовыми солдатами в кабаке пришлось разбирать на самом высоком уровне и в самом узком кругу - помимо королевы и Райнбальда, на совещании присутствовали только Крамп и верховный судья Моррингтон. Это совещание происходило поздно ночью (как только Крамп смог доложить результаты допросов всех участников и свидетелей драки), а уже наутро - медлить было нельзя, слухи быстро распространялись по городу и по обеим армиям - герольды объявили неожиданно жесткий вердикт, согласно которому заурядная кабацкая драка была провозглашена актом государственной измены, преднамеренной провокацией с целью посеять вражду между доблестными защитниками королевы. Главным виновником был объявлен один из раненых - тот, что получил бутылкой по голове (второй умер ночью). На допросе он показал, что был давно завербован агентами мятежников, специально провоцировал солдат Райнбальда на драку (то, как он задирался, подтверждали и свидетели), а получив бутылкой - прикинулся мертвым, дабы перевести мордобой в кровопролитие. Королевский суд (изрядная честь для разбирательства дела о драке в кабаке) тут же признал его виновным и приговорил к повешенью, назначив таковое на полдень.

Однако, когда на глазах у зрителей (среди коих были представители обеих армий, благоразумно разделенные рядами стражников) приговоренного, что-то невнятно бормочущего, вывели на эшафот и надели ему петлю на шею, прискакал еще один герольд и огласил новый документ, согласно которому всемилостивейшая королева Элинор, учитывая чистосердечное признание и искреннее раскаяние виновного, отменяла смертную казнь и заменяла таковую ссылкой на северную границу, где приговоренному надлежало искупать свою вину, служа на самом опасном рубеже Айринтии.

- Таким образом, - иронически заключила баронесса, - ситуация разрешилась ко всеобщему удовлетворению. Во всем виноват проклятый Дункельт - не то тот, чья голова уже неделю торчит на пике, не то тот, которого до сих пор ищут по всем лесам и дорогам, хотя он

никак себя не проявил, ну да какая разница. А между верными престолу солдатами никаких разногласий нет - хотя некоторые из них и поддались на провокацию, в чем ныне раскаиваются. Солдаты Райнбальда могут утешаться тем, что, во-первых, проиграли бой все же не всухую, а во-вторых, дело их обидчиков разбирал королевский суд, а не местный провост и не командир части, как обычно бывает в таких случаях - и этот высокий суд фактически полностью встал на их сторону. Королевские солдаты могут утешаться тем, что, во-первых, бой все же выиграли, хотя и не всухую, во-вторых, опять же, что дело разбирал высокий суд, а не подчиненный теперь Райнбальду армейский командир, а в-третьих, что королева хоть и продемонстрировала Райнбальду, сколь непреклонны ее судьи, однако в итоге не дала в обиду своего солдата, виновного или нет. Райнбальд может утешаться тем, что был избавлен от необходимости принимать решение в пользу одних своих подчиненных против других, и претензий к нему нет ни сверху, ни снизу. В общем, все сохранили лицо, а недовольными остались разве что простаки, пришедшие поглазеть на казнь. Ну, и тот парень, которого зарезали ночью, но он не в счет. Недовольство покойников всегда не в счет.

- Подождите, какой парень?

- Ну как же, второй раненый.

- То есть - вы хотите сказать, он умер не сам? - наконец сообразил Локхарт.

- Надо же было подарить людям Райнбальда хотя бы утешительный приз, - пожала плечами Виолетта. - Двоих Элинор ему не отдала, но одного - это был вполне логичный жест вежливости.

- М-да, - дернул щекой Локхарт. Все-таки одно дело - жертвы в бою (и даже в таком глупом, как эта кабацкая потасовка), и совсем другое - когда "жестом вежливости" называют хладнокровное убийство собственного раненого прямо в лазарете. Хотя, конечно, вольно ж было этому парню ввязываться в драку...

Как и вольно ж было "честному служаке" Дирлиху - уже отнюдь не простому рядовому - не исполнить королевский приказ. И честному служаке Бруммелю тоже. Впрочем, у их подчиненных выбора не было даже теоретически. Одни погибли как предатели, другие как герои, но преднамеренно подставили и тех, и других. И санкционировала это все та же умная и смелая девушка с зелеными глазами, чью дружбу он так ценит и чьим сподвижником, кстати, был и в этих делах тоже. Но был ли у нее лучший выход? Легко морализировать, сидя на диване и ни за что не отвечая...

- И, конечно, лысый никаким агентом Дункельта тоже не был, - заключил полковник вслух. - Из него просто выбили признание пытками.

- Пытками, или обещанием помилования, или сочетанием того и другого, - произнесла Виолетта с видом "какая разница!" и добавила: - Вообще-то я думала, что узнаю детали ночного совещания от вас. Но вижу, что вас туда не только не позвали, но даже не поставили о нем в известность.

- Королева приглашает меня отнюдь не на все совещания, - холодно ответил Локхарт, вновь чувствуя раздражение по адресу баронессы. - Что совершенно логично. Чем бы я мог ей помочь в данном случае?

- А всегда ли вы чем-то помогали ей в прошлые разы?

- Во всяком случае, я высказывал свои соображения, - пожал плечами полковник, не вдаваясь в подробности.

- Стало быть, на сей раз ваши соображения не были ей интересны?

- Я бы посоветовал поступать согласно закону и уставу, - пробурчал полковник. - Возможно, это и в самом деле не то, что она хотела услышать.

- Она... или кто-то другой.

- Вы опять про Райнбальда? Хотите сказать, именно он был против моего присутствия?

Виолетта легкой улыбкой одобрила его понятливость.

- Не надо все же паранойи, - неприязненно произнес Локхарт. - То есть он, вероятно, действительно был против и действительно не испытывает ко мне симпатии, но это совсем не значит, что королева принимает решения под его влиянием. Не надо объяснять интригами то, что имеет самые простые и естественные причины. Вы сами говорите, на этом совещании было всего четыре человека - только те, кого тема касалась непосредственно. Райнбальда, безусловно, касалась, меня - нет. Речь шла о конкретном инциденте, было бы странно собирать большой совет из-за кабацкой драки... Кстати, вы-то откуда знаете об этом совещании? Вам рассказала королева?

- У меня свои источники, - не пожелала конкретизировать баронесса. - Нет, я не знаю, что именно там говорилось. Могу лишь догадываться. Но я знаю, кто там был.

- Вы хотите сообщить мне что-то еще?

- Пока что мне нечего добавить, - пожала плечами Виолетта. - А вы?

- Я говорил с королевой вчера утром, еще до всей этой истории. И... - Локхарт на миг задумался. Стоит ли откровенничать с этой особой? Они вроде как заключили нечто вроде союза, но лишь против Райнбальда - и то (во всяком случае, в понимании Локхарта) лишь по части противостояния личным амбициям графа, а не тем его действиям, что вполне отвечают государственным интересам. Но никоим образом не против Элинор, будь то прямо или косвенно. И он, конечно, не может злоупотреблять доверием королевы, пересказывая их личные беседы кому-то за ее спиной - хотя бы даже и ее подруге. Тем паче, что - разумеется, Элинор имеет возможность сама рассказать Виолетте все, что сочтет нужным, как и Виолетта имеет возможность лично задать ей вопросы. - И я вполне удовлетворен этим разговором, - закончил он вслух. - Я не думаю, что у Райнбальда, хочет он того или нет, есть какие-либо шансы настроить Элинор... королеву против меня... или против вас, хотя конкретно это мы не обсуждали. Королева относится к нему предельно трезво, как и надлежит главе государства относиться к своему командующему армией.

- Мне бы вашу уверенность, сэр Эрик, - качнула головой баронесса.

- Что вы хотите сказать? - резко произнес Локхарт. - Вы все-таки знаете что-то еще, или просто пытаетесь обвинить вашу подругу и королеву во лжи?

- Нет, разумеется нет, - вздохнула баронесса. - Я просто хочу сказать, что то, что было верным вчера утром, может стать неверным сегодня вечером. Не в буквальном смысле сегодня, конечно. Но люди меняются. Полагаю, вам это известно не хуже, чем мне, не так ли?

Своей последней репликой она пресекла его готовое вырваться возражение. На сей раз он понял прямой намек. Разве за последние месяцы не изменился он сам? Да и все они, последние члены экипажа "Доброй воли"? Эти несколько месяцев, проведенные на Земле, какой она стала теперь, изменили их больше, чем предыдущие годы в космосе и даже чем кэйлианская катастрофа... А Элинор - нет, она, конечно, не свалилась в этот мир с неба, она привыкла к нему с детства, но стать королевой в такое время и в таких обстоятельствах - это тоже изрядное потрясение и перемена всей жизни. А она, при всех ее достоинствах - не тренированный офицер на пятом десятке, чья личность и взгляды сформировались давным-давно, она молодая девушка, которой нет и двадцати. И в принципе нельзя исключать, что тот же Райнбальд, как бы она ни относилась к нему сейчас, при достаточной настойчивости - а опыт по охмурению женщин у него наверняка немалый - может добиться...

Вздор, оборвал себя Локхарт. Рассуждаю, как герой пошлой мелодрамы. Элинор слишком умна для всех этих глупостей. Не об этом надо думать вообще... Впрочем - не сама ли Элинор говорила, что при принятии решений нельзя руководствоваться чувствами, тем более чужими, но нельзя и не принимать их в расчет?

- До встречи, сэр Эрик, - коротко кивнула ему Виолетта, не дождавшись новых реплик, и зашагала прочь по коридору. Локхарт проводил ее лишенным симпатии взглядом, затем повернулся и пошел в другую сторону к своим апартаментам.

Ванна уже дожидалась его - теперь, когда с топливом не было никаких проблем, прислуга, примерно знавшая, когда полковник возвращается с тренировок, грела воду заранее, а если он задерживался - регулярно подливала новую, поддерживая нужную температуру. Но прежде, чем раздеться и улечься в воду, Локхарт прошел в свой кабинет - и, как он и ожидал, обнаружил на серебряном подносе под почтовой щелью запечатанный конверт. Это была та самая записка с приглашением от баронессы. Удивительная все же эпоха, подумал Локхарт, где на публичную казнь приглашают, как в наше время приглашали посидеть в кафе - даже не ради самого мероприятия, а чтобы обсудить в процессе какие-то вопросы... Сам он, кстати, до сих пор еще ни разу не видел этого зрелища, не пошел даже на казнь Гартхарда - не из отвращения к самой идее (напротив, он всегда был сторонником смертной казни, правда, лишь за уголовные убийства, а не за политическую измену) или к виду крови, а потому, что ему претила толпа зрителей - точно так же, как аналогичные толпы на спортивных матчах и трип-концертах его эпохи. Даже понимая, что он не будет стоять в этой толпе среди простолюдинов, а получит место на какой-нибудь трибуне для привилегированных, он не желал видеть и слышать эту возбужденную публику, независимо от того, что именно служило причиной ее возбуждения.

Перед тем, как вскрыть конверт, Локхарт тщательно осмотрел его в поисках следов перлюстрации (и не отыскал таковых, хотя и понимал, что это ничего не доказывает, если имеешь дело с профессионалами), а прочитав записку - сжег ее на свече. Хотя ничего секретного или крамольного она не содержала, да и вообще, разве фаворит королевы, живущий в ее дворце под охраной верных ей людей, не должен чувствовать себя в безопасности? Не должен понимать, что любое наблюдение и контроль, если таковые и есть - в его же собственных интересах? Что такое жизнь под охраной, он хорошо знал и по прошлому своему опыту - когда список членов экипажа "Доброй воли" стал известен, их пришлось охранять от фанатиков, желавших сорвать межзвездную миссию, безумцев, готовых убить известную персону, лишь бы прославиться самим, и любых иных возможных злоумышленников (в конце концов, на Земле тех времен тоже хватало грязных интриг, и политические убийства на международном уровне случались даже ради результатов в спорте - что уж говорить о квоте мест в первой в истории экспедиции, летящей устанавливать контакт с другой цивилизацией!). И Локхарт уважал работу охранявших его профессионалов и их принцип "мы не учим вас летать, а вы не учите нас обеспечивать вашу безопасность на земле". В отличие от таких людей, как Вельо, он привык доверять сотрудникам дружественных спецслужб. Но вот теперь эта чертова баронесса заставила его почувствовать себя неуверенно - хотя даже не привела никаких конкретных фактов, из-за которых и в самом деле стоило бы беспокоиться. Нет, конечно, он по-прежнему безусловно верил самой Элинор (что, вероятно, вызвало бы ироническую усмешку у циничного де Сегюра) - но кто знает, в чьих интересах могут действовать люди, служащие королеве... Хотя Райнбальд объявился в столице слишком недавно, чтобы успеть обзавестись собственной агентурой во дворце, и тем паче в отделе Тайной Стражи, отвечающем за личную безопасность королевы и ее гостей. Но, с другой стороны, добрался же кто-то до Якобсона, и тоже на хорошо охраняемом объекте, когда никакого Райнбальда не было еще и в помине! Да - там безопасность обеспечивала другая структура, люди архиепископа, но ведь и Тайная Стража не смогла потом найти злоумышленников. Не смогла - или не захотела? Возможен ли саботаж в ведомстве Крампа - учитывая отмеченные еще де Сегюром неоднократные провалы этого ведомства за последнее время?

Якобсон, кстати, был убит в доме Фабиаса, и именно Фабиас лоббировал (и пропихнул-таки!) своего родича Райнбальда - хотя последний, по всей видимости, и считает себя самостоятельной фигурой, ничем архиепископу не обязанной, а, напротив, в решающий момент спасшей ему жизнь. Может ли здесь быть связь? Мог ли несчастный доктор как-то мешать планам Фабиаса по продвижению своего протеже на один из высших постов? Если бы идея с леди Агатой выгорела и гражданской войны удалось избежать, то и Райнбальду не представился

бы его шанс - однако ни граф, ни архиепископ не знали об этом плане и роли, отведенной в нем Якобсону...

А та же Хюгельдорф - насколько можно доверять ее словам о "союзе против общего врага"? Что, если на самом деле она лишь пытается вбить клин между Локхартом и королевой, как уже делала раньше (в чем сама же призналась!), делая это как раз-таки в интересах Райнбальда, или своих собственных, или чьих-то еще? У полковника даже мелькнула на миг мысль, что баронесса может мечтать отбить Райнбальда для себя. Хотя, конечно, нет: для нее самой это была бы прекрасная партия, но глава одного из знатнейших домов Айринтии, даже получив полный "от ворот поворот" от королевы, ни за что не согласится на столь худородный "утешительный приз" - дочь служанки, вдову выскочки-нувориша. И Виолетта, при всех ее амбициях, не настолько глупа, чтобы этого не понимать... или нет? Или она настолько высоко ставит свои чары, один раз уже обеспечившие ей чрезвычайно выгодный брак?

Нет, это все бессмысленные, бесплодные гадания. И хуже всего, если к и без того запутанным политическим мотивам примешиваются еще и личные. Хотя и политические, конечно, тоже сильно завязаны на личные амбиции, властолюбие, жадность и зависть. Но если на все это наложится еще всякая там любовь и ревность...

К черту, подумал Локхарт. Улечься в теплую воду, закрыть глаза и не множить сущностей сверх необходимого, как заповедовал философ еще из прошлого средневековья[66].

На следующий день, однако, он узнал о новом совещании, на которое его тоже не пригласили - на сей раз от де Сегюра. Француза, конечно, туда тоже не звали, и сам он узнал о совещании от Фабиаса - да и то лишь по оброненной архиепископом короткой реплике. Собственно, именно от Локхарта (как и Хюгельдорф накануне) де Сегюр надеялся узнать подробности - или, по крайней мере, так он это подал. Все же одну новость он сообщил: "Сегодня утром мать Арвика нашли мертвой в ее камере."

- Вот как? - Локхарт вспомнил, что вспоминал о ней накануне. - И какова причина смерти?

- Официально - естественная. Во всяком случае, следов насилия нет. Тело теперь будет предъявлено для опознания тем, кто осматривал ее двадцать лет назад - то есть тем из них, конечно, кто еще жив и сможет прибыть во дворец. Вы ведь знаете, что тогда был составлен документ со всеми ее особыми приметами? Теперь те же люди - то есть женщины[67] - должны будут составить новый, официально подтверждающий ее смерть.

- Честно говоря, я думал, что она умрет раньше. Не переживет холода. Что действительно могло случиться без чужого вмешательства - но если бы кому-то нужно было ее убрать, именно тогда ее смерть выглядела бы наиболее естественной. Так что, если ее не стали травить или морить еще как-то тогда, вряд ли кому-то понадобилось это сейчас.

- Ну, с тех пор кое-какие расклады изменились, - заметил де Сегюр. - Насчет яда ничего не могу сказать, но говорят, что вчера стражники рассказали ей, что голова ее сына торчит теперь на пике перед воротами, и она не пережила эту новость.

- То есть она все-таки не была такой безумной, как считалось, и понимала, что ей говорят? - на миг Локхарт представил, каково это - больше двадцати лет просидеть на цепи в каменном мешке на положении фактически животного, поддерживая себя единственной надеждой, что сын придет и освободит тебя, и в итоге узнать, что голова этого сына насажена на кол неподалеку от твоей темницы. Да, наверное, такое может убить без всякого яда...

- Не знаю, это всего лишь слух, - пожал плечами де Сегюр. - Даже если и рассказали, post hoc non est propter hoc[68].

- К тому же эта голова торчит там уже больше недели, - заметил Локхарт. - Почему только

---

[66]Вильям Оккамский, часто называемый просто Оккамом, хотя это не фамилия, а город, откуда он родом.
[67]В оригинале "the same men - I mean, women - ..."
[68]После этого не значит вследствие этого (лат.)

вчера?

- Это как раз легко объяснимо - на пост заступили новые надзиратели. Предыдущие-то давно не разговаривали с узницей, вообще не воспринимая ее, как человека. А новичкам захотелось поглумиться.

- Но вы все же считаете, что ее смерть была неслучайна?

- Я не знаю, - повторил де Сегюр. - Думал, может, вам известно больше.

- По-вашему, Агата, которую признавали абсолютно безумной все здешние доктора, могла как-то мешать планам Райнбальда? - спросил Локхарт напрямую. - Ведь "изменившийся расклад" - это в первую очередь он.

- Вряд ли, - признал де Сегюр. - Интересы дома Райнбальдов никогда не пересекались с интересами герцогов Гейнских. И даже если она была не столь уж безумна - или кто-то в это верил - она не смогла бы, к примеру, отличить настоящего Арвика от самозванца. Она ведь не видела его с годовалого возраста. И предметом торга тоже не могла служить - Арвик никогда не выдвигал подобных условий. Она никому не мешала, поскольку никому не была нужна.

- Тем не менее, сейчас ее смерть будут протоколировать со всей возможной тщательностью.

- Разумеется - появление "чудом спасшейся" леди Агаты, которая могла бы заодно признать и чудом спасшегося Арвика, никому не нужно. Даже несмотря на то, что я только что сказал. Да, ни один серьезный человек в такое не поверит - но невежественное простонародье, верующее во всякий вздор типа "мать всегда сердцем почует сына"... Пока власть могла предъявить настоящую леди Агату, соответствующую всем приметам, шансов у самозванцев не было. Но раз уж эти приметы скоро будут гнить в земле, необходимо со всей возможной убедительностью засвидетельствовать факт ее смерти. Так что получается, что царствующей королеве эта смерть принесла скорее лишние хлопоты, нежели пользу.

- Быть может, - медленно произнес Локхарт, - Агата могла рассказать об обстоятельствах появления на свет двойника Арвика. Того самого, чья голова в действительности торчит на пике. И тем поддержала бы надежды тех, кто считает, что настоящий жив. Впрочем - едва ли ее слова, даже если бы она вдруг заговорила разумно, вышли бы за пределы ее камеры...

- Скорее всего, - согласился де Сегюр. - Хотя, теоретически, история знает примеры, когда важных узников пытались освободить заговорщики. Иногда это даже удавалось. Чаще нет, но и после неудачных попыток их, то есть узников, обычно ликвидировали от греха.

- Но если на совещании у королевы обсуждалась эта смерть, - продолжал рассуждать полковник, - тогда она, очевидно, была естественной. Иначе - все обсуждения должны были быть до отдачи приказа, а не после его исполнения.

- Я не говорил, что это было там главной темой, - возразил дипломат. - Насколько я понимаю, это там лишь упомянули, а в основном обсуждались военные вопросы. Поэтому я и надеялся узнать больше от вас - в тех рамках, разумеется, в каких вы сочли бы возможным рассказать. Но, коль скоро вас не пригласили...

- Я не командую никакими солдатами и не являюсь экспертом по современной войне, - ответил Локхарт резче, чем намеревался. - Королева не обязана приглашать меня на военные совещания.

- Конечно, конечно. Но... прошу меня простить, командир, но я спрошу прямо - не возникли ли у вас некие трения с ее величеством? Вы ведь понимаете, - поспешно добавил де Сегюр, - что я спрашиваю не из праздного любопытства. Если бы вдруг вы впали в немилость - что, надеюсь, не так - это могло бы отразиться на всей нашей группе.

- Правильно надеетесь, - отрезал полковник. - Нет никакой немилости и никаких трений. Хотя, - не удержался он от шпильки, - вам-то в любом случае нечего опасаться: полагаю, его высокопреосвященство не оставит вас без своего покровительства.

- Я столь же лоялен ее величеству, как и его высокопреосвященству, - невозмутимо

ответил дипломат, - тем более что между ними нет никаких противоречий.

- Я засвидетельствую вашу лояльность королеве при следующей встрече, - ответил с усмешкой Локхарт.

Такая возможность, однако, предоставилась ему лишь через два дня - но, конечно, в этот момент он даже не вспомнил о де Сегюре. Дело было поздним утром; Локхарт шел по коридору на очередную тренировку, но, пройдя примерно полпути, услышал позади торопливые, скорее даже бегущие шаги. Он поспешно обернулся, кладя руку на рукоять меча, но это был всего лишь слуга в ливрее, передавший ему приглашение от Элинор прибыть в совещательную комнату. Обрадованный, но и встревоженный спешкой запыхавшегося слуги - которая, впрочем, могла объясняться плотным графиком королевы, а вовсе не чрезвычайностью обстоятельств - полковник быстро зашагал уже хорошо знакомым ему маршрутом.

Это не было очередным совещанием. Элинор ждала его в ситуационной комнате одна.

- Похоже, с Арвиком, наконец, покончено, - объявила она без предисловий.

- Убит? Пленен? - спросил Локхарт, не решаясь поверить столь хорошей новости.

- Ни то, ни другое, - покачала головой королева. - Поступило донесение с западного побережья. Несколько солдат, преследовавших его, и один местный житель показали под присягой, что видели, как он утонул в море.

- Хммм, - разочарованно протянул полковник. - Что значит "видели"? Тело, как я понимаю, так и не выловили?

- Это произошло слишком далеко от берега. Он пытался уплыть на лодке в шторм, и лодка опрокинулась. У него не было никаких шансов выжить в ледяной воде.

- Я бы все же предпочел его труп любым теоретическим рассуждениям, - мрачно заметил Локхарт. - Да и потом, если его видели только издали, откуда известно, что это именно он? Может, очередной ни в чем не повинный бедолага. Или, скорее, какой-нибудь вор, у которого были свои причины удирать от патрульных.

- Ни вор, ни тем паче невинный не решились бы на такую самоубийственную авантюру - выйти в море на рыбацкой лодчонке в зимний шторм, - возразила Элинор. - Так мог поступить только человек в совершенно отчаянном положении - и притом еще обладающий таким темпераментом, как у него. Какой-нибудь простой разбойник, разыскиваемый за убийство, и то, думаю, предпочел бы петлю палача смерти в ледяных волнах. И какой-нибудь другой мятежник дворянского происхождения тем паче - смерть от топора куда менее неприятна.

- Это опять-таки теоретические рассуждения. Сколько раз мы уже принимали за него кого-то другого?

- Есть и кое-что практическое. Тот след, который он оставил по пути к западному побережью. Вы знаете о смерти его матери?

У Локхарта мелькнуло искушение сказать: "Откуда? У вас же не нашлось времени поставить меня в известность!", но он лишь честно ответил: - Де Сегюр сообщил мне.

- Тогда вы, наверное, знаете, что теперь ее смерть должны засвидетельствовать те же, кто составлял опись ее примет 23 года назад. Не все они еще живы, и не все живут сейчас в столице или окрестностях, но гонцы уже отправлены в самые разные места - ко всем, чье местопребывание известно хотя бы предположительно. Среди них была и Беата Драббен, бывшая придворная дама леди Агаты.

- Драббен?

- Да, она тоже из Гейнского дома, но из побочной ветви. Лейтенант-генералу Драббену она приходится кем-то вроде троюродной тетки, которую он, впрочем, никогда в жизни не видел. Четвертый или пятый ребенок в семье, то есть, кроме древности рода, за душой у нее практически ничего не было. Оттого она состояла при леди Агате еще со времен девичества последней, сама будучи на двенадцать лет старше, и была чуть ли не единственной в свите безумной королевы, кому всегда удавалось находить общий язык с этой чокнутой истеричкой и

утихомиривать ее припадки. Возможно, если бы не ее старания, мой отец раньше понял бы, с кем имеет дело, и не вступил в этот злосчастный брак, последствия которого мы разгребаем до сих пор... Сама она замуж так и не вышла. Так вот, хотя Беата, очевидно, по-своему любила свою подопечную, но ослушаться короля не посмела и вместе с прочими подписала ту самую опись. После чего, однако, удалилась не только от двора - что в любом случае было неизбежно - но и от мира, предпочтя поселиться отшельницей где-то в лесу. Возможно, она полагала, что выпала тем самым из поля зрения Тайной Стражи. На самом деле это было не так, за всеми, кто был так или иначе связан с матерью Арвика, на всякий случай продолжали приглядывать, и об этой ее лесной сторожке тоже было известно, кому надо. Но Беата никому не доставляла проблем, жила, старательно изображая из себя знахарку из простонародья, и постепенно о ней забыли. Вспомнили и подняли архивы только теперь. Вчера гонец прискакал к ней впервые за 23 года. И обнаружил в хижине ее труп. Причем все это - в считаных милях от селения Трептон, где в новогоднюю ночь некий злоумышленник с боем прорвался через кордон, убив троих патрульных - для чего, как вы понимаете, требуются недюжинные воинские умения - и одного местного. Вблизи его никто не видел - никто из оставшихся в живых, я имею в виду - но теперь вы понимаете, кто это был?

- Арвик?

- Все то время, пока по дорогам рыскали дозоры в поисках его, он прятался в доме у Беаты, - кивнула Элинор. - Хотя я до сих пор не понимаю, как он ее нашел - даже в бытность принцем он не имел доступа к секретным архивам Тайной Стражи. Но, очевидно, как-то он узнал, оттого и поскакал на запад, а не на север или восток. Так или иначе, за свою заботу о сыне своей любимой Агаты Беата поплатилась сполна. После того, как он решил, что отсиживался у нее достаточно, он убил ее, заметая следы. Два дня спустя его засекли уже в новом месте, ближе к побережью - тут живые свидетели остались, и хотя волосы он, как вы и предполагали, остриг, прочие приметы совпадают. И он был в доспехах и на коне убитого в Трептоне патрульного - загнанного коня потом нашли на берегу. Ну а чем погоня кончилась, вы знаете.

- Не знаю, - качнул головой Локхарт. - И никто не знает. Какие-то люди видели, как вдали от берега перевернулась лодка. Но они не видели, как пошел ко дну ее пассажир.

- Он не сказочный злодей, сэр Эрик. Он обычный смертный человек. И он не мог выжить.

Локхарт видел, как ей хочется в это верить, и не стал больше спорить. В конце концов, его скепсис не был основан ни на чем реальном - разве что на избитом киношном штампе о том, что персонаж, тела которого так и не нашли, позже непременно окажется живым.

- Значит, все кончено? - сказал он бодрым тоном.

- Почти, - ответила Элинор. - Осталось все-таки навести порядок на севере и вернуть под нашу руку все мятежные крепости, начиная, конечно, с Айзеншлосса. Но теперь это будет легкой задачей, не обещающей никаких сюрпризов. Так что, - королева улыбнулась, - не хотите ли сделать мне этот небольшой подарок, сэр Эрик?

- Я? - не понял Локхарт.

- Помните, я в шутку предлагала вам возглавить военную гвардию? На сей раз я не шучу. Вы отправитесь в Айзеншлосс во главе батальона королевской армии и сделаете то, чего не сделал Драббен - возьмете для меня город.

- Но... я все еще недостаточно разбираюсь в фортификации, и у меня нет никакого опыта командования современными войсками...

- Это же чистая формальность, - Элинор вновь улыбнулась его непонятливости. - По сути, вы отправляетесь просто принять капитуляцию. Сами посудите, какой им теперь смысл сопротивляться?

- Пеший поход в сложных погодных условиях может быть непростой задачей даже без сопротивления противника. Не хотелось бы опозориться на ровном месте из-за каких-нибудь обморожений и заносов. Я проходил тренинг по экстремальному выживанию при температурах

до минус семидесяти, но совсем с другим оснащением, и командуя небольшой группой, а не сотнями солдат...

- Не беспокойтесь, у вас будет опытный заместитель, на которого вы сможете полностью положиться во всех военных и хозяйственных вопросах.

- Но зачем я вам нужен в качестве... свадебного генерала[69]? Вам что, хочется под любым предлогом отправить меня подальше от столицы? Или, может, - прищурился Локхарт, - не вам, а Райнбальду? Это он требует удалить меня от двора?

- Сэр Эрик, - вздохнула Элинор, - граф Райнбальд ничего не может требовать от королевы. Но вопросы... вопросы о вашем статусе действительно возникают. И присутствие простого рыцаря, к примеру, на королевских советах выглядит... странно.

- Оттого вы и перестали меня туда звать? Несомненно, это ваше полное право, но, мне кажется, раньше вам это не мешало.

- Дослушайте, сэр Эрик! - "ну что же все мужчины такие нетерпеливые", явственно слышалось в ее тоне. - Необходимо привести ваш формальный статус в соответствие с фактическим... по крайней мере, сократить разрыв между ними. И сейчас для этого представилась хорошая возможность. Теоретически я и раньше могла в любой момент пожаловать вам любой титул. Но... надеюсь, вы понимаете, как бы это выглядело. Причем в первую очередь для вашей репутации, а не для моей. А теперь вы станете военачальником, во главе королевских войск освободившим от мятежников древнюю столицу Айринтии. За что и получите совершенно заслуженный баронский титул. Разве плохо?

Локхарт не был уверен, что это такая уж хорошая идея. То есть - помимо даже изложенных королевой аргументов - принять участие в подобной экспедиции, коль скоро он решил всерьез изучить здешнее военное дело, для него и впрямь было бы полезно. Но не в качестве командующего, хотя бы даже и номинального. Не в качестве лица, принимающего на себя ответственность и при этом не обладающего необходимой для этого компетентностью. Ведь ответственность-то будет не номинальной, а вполне настоящей - даже если он будет лишь утверждать чужие приказы. Коль скоро ему обещана вполне реальная награда - столь же реальной будет и его вина, если что-то пойдет не так. В этом отличие от ситуации курсанта, совершающего первый полет с инструктором - курсант тоже садится в левое кресло командира, но отвечает за исход полета не он... Что может быть хуже, чем быть пассажиром? Быть пассажиром, усаженным на пилотское место.

Однако, похоже, выбора у него нет. Если он откажется, Элинор его просто не поймет. С ее точки зрения, она дарит ему беспроигрышный шанс. Что может пойти не так? Хотя, конечно, она тоже уже знает, как могут внезапно рушиться безупречные, казалось бы, планы. Но его посылают фактически на тренировочную, а не боевую, миссию. Однако аварии случаются и во время тренировочных миссий. Бывали даже случаи - не в компьютеризированную эпоху Локхарта, раньше - когда неопытному курсанту приходилось сажать самолет из-за того, что инструктору внезапно стало плохо. И даже удавалось посадить.

Что ж - придется учиться пилотированию прямо на ходу.

- Я могу взять с собой своих людей? - спросил Локхарт.

Этот вопрос, похоже, застал Элинор врасплох и заставил на миг задуматься.

- Де Сегюр - человек штатский, - сказала она. - Думаю, его высокопреосвященство скорее найдет ему занятия здесь. А Вельо, конечно, берите, коль скоро он теперь предпочитает алебарду более интеллектуальным делам. Возможно, промаршировав с ней пару сотен миль, он вновь пересмотрит свои приоритеты.

- Две сотни миль? Мне казалось, Айзеншлосс ближе, - Локхарт посмотрел на рельефную карту.

---

[69]В оригинале figurehead.

- Нет нужды опять пробиваться через иммермурские снега. Вы пойдете тем же путем, что и Драббен - через западное побережье, - Элинор провела пальцем над картой, показывая маршрут. - Это немного больше двухсот миль. Заодно проведете определенную ротацию гарнизона прибрежных крепостей - часть ваших солдат оставите там, а часть тамошних бойцов возьмете с собой.

- В такой перетасовке есть необходимость? - осведомился Локхарт. Сам он, как и всякий вменяемый офицер его специальности, отдавал предпочтение слетанным экипажам и подразделениям и полагал такой же подход верным и для пехоты.

- Тем, что только что прошагали весь этот путь в обратном направлении, будет полезно отдохнуть, а тем, что засиделись за стенами - размяться, - улыбнулась королева. - А вам будет намного комфортнее командовать сводным батальоном. Вы ведь понимаете, любая часть с постоянным составом обычно чувствует привязанность к прежнему командиру - если тот не совсем идиот, конечно, но от таких мой дядя старался быстро избавляться - и воспринимает любого нового назначенца негативно. Особенно если он...

- Не прославился ровно ничем, кроме того, что он любимчик королевы, - закончил за нее Локхарт. - Логично.

- Вообще-то не так уж вы и неизвестны, - заметила Элинор. - О вашем героическом бое с погромщиками посольства знают уже многие.

- И весь мой героизм проявился в защите наших гроггендорских врагов, - кивнул полковник. - Да и с этим я, на самом деле, не очень-то справился. Ну ладно, так сколько человек будет в моем распоряжении?

- Полагаю, тысячи вполне достаточно.

- Тысячи? - с сомнением повторил Локхарт. - А сколько сидит за стенами Айзеншлосса?

- Скорее всего, меньше. Точно мы этого не знаем. Но какое это имеет значение? Я же говорю - вам не придется штурмовать город по-настоящему. Но в хроники войдет, что вы взяли одну из лучших крепостей в стране с относительно небольшими силами, за что и получили свое баронство. Если дать вам больше, ваша заслуга будет менее убедительной, а если меньше - неубедительно будет выглядеть вся история целиком. Тысяча - оптимальное число.

- Понял, - кивнул по-военному Локхарт. - Только позвольте все-таки узнать - это ваши личные соображения, или вам посоветовал такое наш новый коннетабль?

Элинор вздохнула, явно недовольная его подозрительностью.

- Граф Райнбальд пока что вообще не знает об этом плане, - сказала она. - Но, разумеется, я обсуждала все военные детали с профессионалом. Собственно, с тем самым человеком, который и будет командовать... то есть, который будет вашим заместителем в этом походе. Уж он-то более, чем кто-либо - не считая меня и вас, конечно - заинтересован в том, чтобы все прошло успешно. И к Райнбальду он не имеет ни малейшего отношения. Теперь вы верите, что вас никто не пытается заманить в ловушку?

- У меня, конечно, и в мыслях не было не доверять вам, - поспешно сказал Локхарт. - Я только надеюсь, что компетентность этого офицера не вызывает сомнений точно так же, как и его лояльность.

- Это лейтенант-полковник Краут. Один из лучших офицеров моего покойного дяди.

- Где-то я уже слышал эту фамилию...

- Участник знаменитого рейда Бронгара против гроггендорцев одиннадцать лет назад. Краут был тогда лейтенантом. Сумел не только выполнить все поставленные задачи, но и не потерять при этом никого из своих людей. За проявленный тогда героизм произведен в рыцари. С тех пор, как вам известно, Айринтия не воевала, иначе, полагаю, он был бы уже генералом...

"Одного, по фамилии Крафтман, уж лучше бы потерял!" - припомнил Локхарт и тут же подумал о другом: "Как-то он меня воспримет? Ему его рыцарский титул пришлось добывать в бою, а я свой получил в будуаре - пусть даже и не в том смысле, в каком многие думают. И

неизвестно, кстати, не входит ли сам Краут в число этих многих. И вот теперь опять я отправляюсь за баронским титулом, в то время как всю основную работу придется проделать ему..." Нет, конечно, он, Локхарт, уже минимум дважды доказывал, что достоин своего рыцарства - когда поскакал вслед за королевой навстречу тогда еще враждебному Шестому дивизиону Вульфеншванца и когда спас гроггендорского посла. Но истинный смысл первой сцены известен лишь главным ее участникам, да и вторая, по местным меркам - всего лишь схватка с чернью, что котируется куда ниже, чем "настоящий" бой с профессиональными воинами. В любом случае, это всего два боевых эпизода, а Краут служит короне уже больше одиннадцати лет, и ему баронство никто не предлагает...

- Надеюсь, Краут тоже будет вознагражден по итогам нашей миссии, какой бы легкой она ни оказалась на самом деле, - сказал Локхарт вслух.

- Получит полковника, - кивнула Элинор. - Бронгар обещал ему это за поход против мятежников, но, как мы знаем, не успел.

- Кстати, стало известно что-то новое о его убийстве? - осведомился Локхарт.

- Почти ничего, - недовольно покачала головой королева. - Драббен даже не удосужился доставить его тело в Дракенхайм, хотя по морозу это было бы несложно. Распорядился похоронить под стенами Айзеншлосса. Кстати, после взятия города надо будет, пожалуй, перезахоронить останки Бронгара там, рядом с могилами древних айринтийских королей. Не уверена, насколько он этого заслуживал, но все-таки он Йоргелинг... Но, так или иначе, столичные специалисты труп не обследовали, мы можем полагаться лишь на заключение армейского лекаря. Он считает, что это был некий яд, поражающий дыхательные пути, какой именно, он не знает. В общем-то, об этом мы и без него могли догадаться. Все попытки установить отравителя оказались безуспешны. Все, кто входил в шатер герцога в последний день его жизни, установлены по показаниям караульных - оруженосец, денщик и несколько офицеров - и тщательно допрошены, но, по всей видимости, невиновны. Как и сами караульные. Таинственный человек в плаще в этот день не появлялся. Хотя в принципе бывают и яды, действие которых проявляется лишь спустя несколько дней. В общем, и тут тупик.

- А его личный секретарь? - вспомнил Локхарт. - Мне кажется, это хороший повод допросить его... в том числе и о тех делах, о которых не решились допрашивать при жизни вашего отца.

- Вы имеете в виду его *прежнего* секретаря? Вы разве не знаете? Ах да - это же случилось как раз тогда, когда вас прятали в Башне Слез, а потом я как-то не подумала вам рассказать... Он был найден повешенным. Официально считается, что это самоубийство. Записка его почерком гласила, что он "не может и далее жить под бременем грехов своих". На самом деле, скорее всего, дядюшка Хуберт, готовясь к роли усмирителя мятежа и спасителя королевства, предпочел избавиться от последнего опасного для него свидетеля. Фактически получалось, что тот взял всю вину на себя, даже если тема когда-либо и всплывет.

- Хмм... интересно, нет ли тут связи со смертью Якобсона, - произнес Локхарт и тут же подумал, что ляпнул глупость. Что могло связывать Якобсона с секретарем герцога-детоубийцы? То есть, конечно, если бы тот поведал доктору о "милых" привычках своего шефа - или если бы даже к Якобсону обратился сам Бронгар за консультацией по поводу своего ужасного пристрастия... но это было совершенно исключено. Едва ли Бронгар вообще слышал о Якобсоне и его специализации, а сам доктор, поступи к нему подобное предложение, непременно доложил бы Локхарту, несмотря на врачебную тайну - не о содержании консультации, но по крайней мере о самой просьбе о таковой. И никакие посланцы к доктору в гостевой дом не прибывали, и сам он таковой не покидал - это дознаватели Крампа установили со всей определенностью.

- Нет, - подтвердила и Элинор. - Корнелиус рассматривал даже и такую версию, но, хотя эти двое действительно умерли в одну и ту же ночь, больше их не связывает абсолютно ничто. Это просто совпадение.

- Ладно. Тогда вернемся к актуальным вопросам. Какие задачи мне ставятся, помимо взятия Айзеншлосса?

- Собственно, только эта. Принять капитуляцию, арестовать предводителей мятежников, если они к тому времени еще не разбегутся, оставить бо́льшую часть своего войска в городе в качестве гарнизона и вернуться с оставшимися солдатами в столицу. Другими крепостями будут заниматься другие люди.

- Что делать в случае, если мы встретим людей Бургхельма?

- Это вряд ли, - покачала головой королева. - Бургхельму отправлено послание, что мы не считаем его мятежником и предписываем оставаться на прежних позициях, охраняя наши северные рубежи от Гроггендора. Я даже прямо намекнула ему, что намерена произвести его в полные генералы, как только будет подтверждено, что все вверенные ему части безусловно подчиняются мне. Если он разошлет своих эмиссаров в гарнизоны, некогда подчинившиеся Арвику, дабы снова привести их под мою руку - отлично. Но только эмиссаров. Выводить свои войска на юг от старой границы без приказа из столицы он не должен - это уже будет расцениваться как дезертирство. Если же у вас все же произойдет встреча с ними... вы еще раз передадите им письменный королевский приказ вернуться в места постоянной дислокации. Прямого столкновения всячески старайтесь избежать. Хотя это, повторяю, очень маловероятный сценарий. Бургхельму, как всем прочим северянам, уже нет никакого резона лезть на рожон, демонстрируя неповиновение королеве. Строго наоборот - они будут делать вид, что подчинились Арвику исключительно по недоразумению, а нам придется в ответ делать вид, что мы им верим.

- Для этого сначала они должны поверить, что Арвик мертв, - заметил Локхарт. - Все они, включая гарнизон Айзеншлосса.

- Поверят, - усмехнулась королева. - Вы повезете с собой доказательство.

- Но ведь такого доказательства нет даже у нас, - Локхарт сразу понял, что речь идет вовсе не о чьих-то словах, пусть даже и скрепленных присягой.

- Большинство жителей Дракенхайма другого мнения.

- Вы имеете в виду голову двойника? - наконец сообразил он.

- Разумеется. Этот аргумент был сомнительным, пока существовал риск, что он лично явится служить живым опровержением. Хотя, конечно, мы бы и в этом случае настаивали, что он - самозванец, но нам могли не поверить. Однако теперь мы знаем, что этого не произойдет.

Локхарт поморщился. Нет, он, конечно, не испытывал ни страха, ни пиетета перед человеческими останками. Это всего лишь мертвая плоть, к тому же достаточно защищенная пропитавшим ее спиртом и морозом от разложения - ничуть не более ужасная или отвратительная, чем голова оленя над камином охотника или даже кожаная куртка на его собственных плечах. Человек отличается от животного лишь пока жив его разум, а после смерти это один и тот же набор органических соединений. И все же некоторые представления о том, что подобает и не подобает цивилизованному человеку, слишком сильны. Представить себе, как он едет с подвешенным к седлу мешком с отрубленной головой, который, покачиваясь в такт аллюру коня, то и дело стукается о его бедро, а потом достает эту голову за волосы, демонстрируя очередному неприятельскому вождю - который в таком контексте представлялся ему даже не рыцарем в латах, а дикарем в шкурах... Впрочем, он, конечно, будет делать это не сам. Найдутся менее брезгливые.

- Понял, - снова кивнул Локхарт. - А все-таки, в том маловероятном случае, если нам попытаются навязать бой - должны ли мы будем его принять?

- Действуйте по обстановке, сэр Эрик. И, разумеется, полагаясь на советы Краута. Нам было бы предпочтительно избежать любого нового кровопролития - весной, когда растает снег, каждый айринтийский солдат может потребоваться для отражения Гроггендора, и ради этого мы готовы забыть об их участии в мятеже. Но в то же время никакое миролюбие и милосердие не

следует доводить до абсурда, то есть до той черты, где оно из великодушия сильного превращается в трусость слабого. Если кто-то окажется настолько безумен, чтобы атаковать вас, не имея решающего перевеса - он, конечно, должен получить надлежащий отпор. Однако в случае столкновения с превосходящими силами противника... я очень надеюсь, что вы не станете пытаться выполнить задачу любой ценой. Помните, я говорила, что живой друг мне нужнее мертвого героя. Тогда речь шла о Виолетте, но, разумеется, это касается не только ее, - она устремила долгий взгляд ему в глаза.

- И... я правильно понимаю, что у вас нет цели, из каких-либо соображений, задержать меня подольше на севере? - требовательно спросил он.

- Я хочу, чтобы вы вернулись как можно скорее, сэр Эрик, - ответила Элинор, не отводя взгляда. - Желательно, конечно, с победой, о которой можно будет объявить во всеуслышанье. Но в первую очередь - целый и невредимый. Я буду ждать вас. Не только как королева.

Если в предыдущие дни Локхарт и мог чувствовать себя оставленным без внимания, то теперь он вновь оказался в центре бурно развивающихся событий. Его военная экспедиция готовилась со всей возможной быстротой - хотя и, насколько он мог судить, без той поспешности, что отличает непродуманные решения. Очевидно, эта идея появилась у Элинор раньше, и она ждала лишь отмашки - известия о том, что Арвик больше не представляет угрозы. С Краутом Локхарт познакомился сразу же после разговора с королевой. Краут оказался примерно его ровесником, а из-за ранней седины в коротко стриженых волосах казался даже старше, хотя Локхарт ожидал, что ему будет лет на десять меньше, коль скоро одиннадцать лет назад он был лишь лейтенантом. Однако полковник вспомнил, что Краут выбился в офицеры из простолюдинов, а стало быть, путь к первому офицерскому званию отнял у него больше времени, чем у урожденных дворян. Краут был чуть ниже ростом Локхарта, но шире в плечах, черты его продолговатого лица были резкими и крупными, а короткая прямая челка, нос с горбинкой и гладко выбритые, в отличие от многих теперешних рыцарей, щеки и подбородок делали его похожим на романского центуриона, какими их изображали в знакомых Локхарту фильмах. Полковнику вспомнилось, что он читал когда-то о своеобразной организации романского войска, в котором "центурион" было почти единственным офицерским званием, но при этом центурионы не были равны друг другу, а занимали всю иерархию командных должностей внутри легиона: если центурион последней центурии был простым сотником, то центурион первой центурии в когорте фактически командовал и всей когортой (при номинальном военном трибуне, который часто был просто молодым аристократом без военного опыта), а центурион первой центурии первой когорты был помощником самого легата, и в ситуации, когда и легат мог получить свой пост благодаря покровительству императора, а не полководческим талантам, первый центурион мог выступать в роли и фактического командира всего легиона. Да уж, похожая ситуация... хотя Локхарт надеялся, что все-таки нет. Что он не окажется в роли монаршего любимчика, который только путается под ногами у настоящих профессионалов. Во всяком случае, он с первых же реплик попытался дать понять Крауту, что воспринимает его не столько как подчиненного, сколько как инструктора, у которого готов учиться. Краут, казалось, был вполне удовлетворен таких подходом - во всяком случае, никак не демонстрировал недовольства навязанной ему ролью "няньки" при королевском фаворите. Вдвоем они обсудили над картой план похода - то есть излагал Краут, а Локхарт слушал, соглашался, иногда задавал уточняющие вопросы, свидетельствовавшие, что он все-таки не зря штудировал "Пехотную тактику" ван Штравена, и, похоже, заработал этим еще пару очков в глазах своего заместителя.

Затем Локхарт переговорил со своими людьми - вопреки когда-то принятому порядку (который с тех пор, впрочем, нарушался уже множество раз), с каждым из них по отдельности. Причем начал с Вельо, предложив тому свободный выбор, оставаться во дворце или участвовать в походе - участвовать по-настоящему, в роли простого пехотинца. Локхарт с умыслом

предложил лингвисту именно такой, максимально жесткий вариант - прошагать весь путь пешком и с алебардой. На первый взгляд это предложение звучало естественно, ибо ездить верхом Вельо все равно не умел, а отправляться в военную экспедицию без оружия означало стать обузой для других, которым придется тебя охранять - но в принципе итальянец мог бы проделать весь путь и в обозных санях под защитой обычного тылового охранения, что было бы не столь романтично, но намного легче и комфортнее. Однако Локхарт сам не был уверен, что лучше - держать Вельо при себе или оставить его в столице, где хандрящий без дела лингвист может выкинуть со скуки какой-нибудь фортель, например - уже на полном серьезе записаться в какой-нибудь другой военный отряд. Так уж пусть лучше получит желаемые приключения по максимуму (по наиболее безопасному максимуму!) под присмотром своего командира - либо же продемонстрирует, что уже не желает их вовсе и будет смирно сидеть во дворце. Вельо, несмотря на уже постигшее его разочарование в интеллектуальном и культурном уровне солдат, все же выбрал поход - хотя и изъявил свое желание в своей традиционно брюзгливой манере, так что полковник еще дважды переспросил его, действительно ли он уверен и хорошо ли представляет себе возможные трудности. Затем он строго напомнил лингвисту, что, хотя тот и будет идти в общем строю, он остается в непосредственном подчинении своего командира, то есть Локхарта, и в случае любой боевой ситуации (коих, как полковник искренне надеялся, не случится) должен будет защищать его, не отвлекаясь ни на какие посторонние цели и задачи. Естественно, на самом деле Локхарт рассчитывал таким образом, наоборот, защитить самого Вельо.

Затем полковник переговорил с де Сегюром, так же, несмотря на слова королевы, предложив ему свободный выбор (естественно, графу, хотя он тоже до сих пор не научился ездить верхом, предлагалось уже не маршировать в пехотном строю, а ехать в отдельной повозке). В принципе, навыки дипломата могли пригодиться при переговорах с вражескими командирами, но в первую очередь Локхарт и в этом случае чувствовал бы себя спокойнее, если бы его номинальный подчиненный оставался при нем - но если в случае итальянца он опасался за безопасность самого Вельо, то в отношении француза не хотел, чтобы тот участвовал в интригах за его спиной. Де Сегюр, однако, даже не стал просить время на обдумывание (или консультацию с Фабиасом), а прямо сказал, что если это действительно вопрос, а не приказ, то он предпочел бы остаться в столице, где сейчас решаются более важные политические аспекты. Локхарт с усмешкой утвердил его выбор.

Подготовка к походу заняла два дня. Вечером накануне выступления Локхарт, наконец, получил возможность поужинать с королевой - или же она получила возможность спокойно поужинать с ним, не выкраивая минуты между решением политических вопросов со множеством других людей. Впрочем, без обсуждения политики не обошлось и на этом ужине. Элинор сообщила, что в этот самый день в столицу, наконец, прибыл ответ от Хагентрауба.

- В самом деле, его саботаж прямого королевского приказа уже слишком неприлично затягивался, - припомнил Локхарт, в последние дни как-то не вспоминавший об *этом* графе. - Так что же, он намерен, наконец, прибыть в Дракенхайм?

- Не совсем, - усмехнулась королева. - Он пишет, что мятежники - под коими он понимает как гвардейцев Дирлиха, так и якобы "ополченцев из Хассенворта" - нанесли такой урон его землям, что он все еще вынужден лично заниматься восстановлением порядка. Всячески намекая при этом на свою готовность, во имя королевы, восстановить порядок и в Хассенворте - каков нахал, а? Притом, что Хассенворт, служивший базой Дармонту и по приказу такового открывший ворота Арвику, формально действительно попадает под определение мятежного города, а наших представителей там Дармонт благополучно зачистил, и объективной информации о положении дел в городе мы не имеем до сих пор...

- Насколько я понимаю, помогать Арвику и через него Хагентраубу, мечтающему вернуть их под свою власть - это последнее, чего хотели хассенвортцы, - заметил Локхарт.

- Разумеется. Но формально Хагентраубу нетрудно свалить на них вину в мятеже, по крайней мере, сейчас. Пока мы не задали ему вопросы, откуда, к примеру, Арвик взял столько рыцарских коней, которых в Хассенворте заведомо не было.

- Так когда же это будет сделано?

- Когда он прибудет в столицу, что он, разумеется, обещает сделать, но не называет сроков, - вновь усмехнулась Элинор. - Пока же... я еще не сказала вам, кто доставил его письмо. Это не простой курьер. Хагентрауб прислал мне своего сына.

- В качестве заложника, - понимающе кивнул Локхарт. - Я и не знал, что у него есть сын, - тогда, в охотничьем домике, никто из сидевших за главным столом не выглядел достаточно молодым для этой роли.

- Шестнадцатилетний мальчишка, - произнесла Элинор пренебрежительно, словно сама была по меньшей мере вдвое старше. - Сам по себе, разумеется, ничего из себя не представляет, еще даже не прошел посвящение в рыцари. Но это действительно его единственный сын - во всяком случае, законный - и наследник титула и земель Хагентраубов.

- Стало быть, граф делает ставки по-крупному? Или это только видимость? Ведь, насколько я понимаю, вы не можете казнить сына за неповиновение отца, даже если тот так и не приедет.

- Формально, через королевский суд, конечно, нет. Максимум - лишить наследства, если Хагентрауб-старший будет официально объявлен мятежником, хотя и это многие считают чересчур опасным, особенно на фоне гроггендорской угрозы. Но - вы ведь понимаете, мало ли что может случиться с мальчиком в столице. Официально он тут не узник, он, напротив, сегодня был представлен ко двору и сохранит определенную свободу передвижения в пределах города. Его, конечно, будут охранять. Очень тщательно охранять - именно для того, чтобы с ним ничего не случилось. Но - нельзя полностью исключить случайности. В случае чего виновных, безусловно, сурово накажут, но сына Хагентраубу это не вернет.

Локхарт вновь невольно отметил про себя, с каким холодным спокойствием рассуждает об этом девятнадцатилетняя девушка. Но - она королева. Она готовилась к этой роли с шестнадцати лет. И, так или иначе, пережила двух других претендентов на престол, чьи шансы изначально казались намного лучшими...

- Выходит, Хагентрауб все же боится вас, - заключил Локхарт вслух. - Он боится ехать и боится не ехать. И пытается откупиться от вас действительно дорогой ценой.

- Пока Рауль здесь, его отец точно не приедет, - покачала головой королева. - Раньше у него было, по крайней мере, то соображение, что если визит в столицу кончится плохо для него лично, то на свободе останется его наследник. Теперь же, если отец и сын окажутся в моих руках одновременно, я смогу покончить с домом Хагентраубов, что называется, одним росчерком пера. Или одним устным приказом, как это обычно делается в таких случаях...

- И вы бы сделали это? - нахмурился Локхарт.

- Кое-кто из моих предшественников на дракенхаймском троне точно не удержался бы от искушения, - ушла от прямого ответа Элинор. - В этом случае титул переходит к дальним родственникам. Имеется три претендента с примерно равными правами - что-то вроде троюродных кузенов или супругов[70] таковых - каждый из которых будет рад согласиться на любые условия, лишь бы королева сделала выбор в его пользу. То есть формально дом Хагентраубов не исчезнет, но вся его мощь и привилегии превратятся в пыль. Заветная мечта нескольких поколений айринтийских монархов. Хагентрауб, разумеется, это понимает.

- И тем не менее - отправил вам сына авансом, не добившись и даже не испросив обещания, что вы отмените свой вызов в столицу для него лично?

- Вероятно, он рассчитывает на ответную любезность, - с усмешкой пожала плечами

---

[70]Как английское cousin, так и английское spouse применимо как к мужчине, так и к женщине.

королева. - Мол, я уже получила гарантию его лояльности и могу позволить ему сохранить лицо, не говоря уж о личной свободе. Впрочем, тут может быть и еще одно соображение. Этот жест может быть адресован не только мне, но и Арвику. Мол, Хагентрауб и рад бы поддержать его новую попытку, но не может, пока его сын находится у меня в заложниках.

- Но ведь Арвик уже мертв?

- Хагентрауб об этом еще не знает. То есть он знает, конечно, о его официально объявленной смерти в бою, но не о "самозванце", утонувшем в водах Кирландского залива. Приказ об отмене выплаты вознаграждения за голову Арвика, то есть "самозванца", в связи с его гибелью отдан только вчера. Рауль в это время уже находился в пути.

- Удачно получилось, - заметил Локхарт. - Приди известие об Арвике на пару дней раньше - и мы, возможно, не получили бы заложника от Хагентрауба.

- Вот видите, а вы предлагали официально прекратить поиски "самозванца" еще в Новый год, - улыбнулась Элинор.

- Я тоже могу ошибаться, - развел руками полковник. - Так или иначе, похоже, все устраивается наилучшим образом. Ни Арвик, ни Хагентрауб, ни даже Бронгар больше не угроза - хотя мы и нуждались в последнем, причем больше всего в тот самый момент, когда он погиб, но справились и без него. И у северян нет выхода, кроме как покориться без сопротивления. Как-то все даже слишком хорошо, прямо не верится...

- Гроггендор, - напомнила Элинор. - И убийца Бронгара. И даже убийца вашего Якобсона. Мы все еще не знаем, кто за этим стоял и каковы их дальнейшие планы.

- И убийца короля Гумбольдта, - мрачно подхватил Локхарт. - Если, конечно, это не была естественная смерть. Хотя как раз этот убийца - я имею в виду заказчика - возможно, и сам уже мертв.

Элинор наполнила свой бокал гранатовым соком из графина, затем зачем-то посмотрела сквозь него на свет. Темно-красная жидкость вызвала у Локхарта вполне естественную в контексте разговора ассоциацию. Должно быть, Элинор подумала о том же самом.

- Настанет ли день, - печально сказала она, - когда мы с вами сможем больше не говорить о войнах, смертях и предательствах. А будем, к примеру, просто сидеть рядом на моем любимом холме и смотреть на закат. Или на звезды.

- Звезды, - повторил Локхарт. - Честно говоря, для меня это тоже печальная тема. Я больше никогда не увижу их так, как видел прежде. Впрочем... там мы тоже нашли только войну и смерть. Те, к кому мы были посланы, уничтожили друг друга. И практически уничтожили нас. Уже после своей смерти, - он сделал паузу, полагая, что любопытство все же заставит королеву задать вопросы, но Элинор молчала, как и всегда, когда он касался не положенной здесь темы. Впрочем, остановить его она тоже не пыталась, поэтому он продолжил: - Мы попали в оставшуюся от них ловушку. Из тридцати двух нас осталось пятеро. И мы вернулись из такой дали, чтобы и здесь... чтобы убедиться, что всё было напрасно.

- Не всё, - серьезно возразила Элинор. - Вас - я имею в виду, вас лично - кто-нибудь ждал из вашего путешествия? Должен был ждать?

- Нет, - покачал головой Локхарт. - Да это было и невозможно. Слишком оно было долгим.

- А теперь вас будут ждать, - сказала королева все так же серьезно, но затем улыбнулась. - И, надеюсь, ваша нынешняя экспедиция окажется намного короче и успешнее. Но все-таки, - она вновь посерьезнела, - несмотря на все, о чем мы говорили прежде, будьте там очень осторожны. На открытое сопротивление они вряд ли решатся, но главная опасность не в этом. Драббен, может, и трус, но его версия, что Бронгару подсунул яд переговорщик из Айзеншлосса, обещавший сдать город, действительно выглядит очень убедительной. Мы ведь уже знаем, что Арвик специально заманил герцога под стены древней столицы. Вполне вероятно, что это был не только отвлекающий маневр. Одновременно уничтожить меня в Дракенхайме и Бронгара под

Айзеншлоссом, избавившись от обоих конкурентов разом - идеальный план. Сорвавшийся лишь в последний момент. Но те, кто все еще сидит в Айзеншлоссе - во всяком случае, некоторые из них - могут попытаться повторить тот же фокус. Даже после того, как вы покажете им голову Арвика. Вы сами только что говорили, как можно даже после смерти врага угодить в подготовленную им ловушку. Всегда могут найтись фанатики, отказывающиеся поверить в поражение - или жаждущие отомстить за него, даже когда это уже не имеет практического смысла.

- Особенно учитывая, что это фальшивая голова, - усмехнулся полковник.

- Даже если бы она была настоящая. Не доверяйте их изъявлениям покорности. Не вступайте ни в какие переговоры без свидетелей и охраны.

Локхарт заверил ее, что будет соблюдать все меры предосторожности. Он уже знал, что в этом походе его безопасность будут обеспечивать не только обычные армейские караулы, но и агенты Тайной Стражи. Бронгар, что вполне понятно, изрядно недолюбливал эту организацию и предпочитал полагаться исключительно на своих людей, что его в итоге, очевидно, и подвело. Но он, Локхарт, которому нечего скрывать ни от королевы, ни даже от Крампа, так поступать не будет. В играх без правил тоже есть свои правила, и он будет их соблюдать. Он хотел научиться управлять Айринтией, как неким экзотическим кораблем - что ж, вот и его возможность пройти очередной учебный курс. Но неужели ему действительно уже не вырваться из порочного круга войн, смертей и интриг? Даже после окончательного усмирения мятежников гроггендорская угроза останется, и все эти райнбальды и хагентраубы продолжат тянуть одеяло каждый на себя. Неужели прав де Сегюр, и разум, сформировавшийся как инструмент выживания в условиях беспощадной меж- и внутривидовой борьбы, имеет своей высшей целью не познание и созидание, а устранение конкурентов, то есть агрессию против себе подобных? И даже такая девушка, как Элинор, которая к тому же занимает пост главы абсолютной монархии, формально ставящий ее выше всех прочих, не может не играть по этим правилам...

Наутро сводный батальон королевской армии под командованием полковника Локхарта выступил в поход. В принципе, сформировать колонну можно было и за пределами городских стен, однако Локхарту устроили торжественные проводы - батальон выстроили на дворцовой площади, откуда он двинулся по столичным улицам (в основном узким и кривым, где шлемы всадников и поднятые острия пик порою задевали белье на протянутых поперек веревках, но тут уж ничего не поделаешь) к западным воротам. Если последнее войско покидавшее столицу - армия Бронгара - делало это ночью, тайком, словно стыдясь, то батальон Локхарта, пусть и куда менее многочисленный, уходил во всем блеске и великолепии. Погода выдалась, как на заказ - солнце ярко светило с безоблачного неба, южный ветер нес тепло, так что, хотя в тени еще стоял мороз, на залитых солнцем улицах уже кое-где блестели лужи и срывались капли с крыш, заставляя расти тонкие сосульки - в общем, несмотря на восьмое января, в воздухе веяло весной. Королевское знамя трепетало и хлопало на ветру, подковы офицерских коней звонко цокали по булыжнику (сам Локхарт ехал во главе колонны на привычном уже игреневом, который полностью оправился от былых травм), а следом ритмично грохотали - грррум, грррум, грррум! - сапоги пехотинцев (скоро они, конечно, пойдут уже не в ногу, но пока что красовались перед горожанами, смотревшими на них из окон и даже, несмотря на зиму, с балконов). Практически сразу за конными офицерами, правофланговым первой роты, вышагивал и Вельо с алебардой на плече. Вид он имел внушительный и самодовольный, и сейчас никто не признал бы в этом чернобородом великане, облаченном в тускло блестящий чешуйчатый доспех, почетного профессора полудюжины университетов.

Перед выездом из города на шесте все еще торчала голова с длинными, когда-то светлыми и ухоженными, а теперь грязными и слипшимися волосами. Птицы давно выклевали ей глаза, в разинутом рту не хватало нескольких зубов, вероятно, выбитых мальчишками, но в остальном проспиртованное лицо пострадало мало (разве что кожа была содрана в нескольких

местах и свисала маленькими клочками со лба над правой бровью и с левой скулы) и оставалось вполне узнаваемым. Локхарт, впрочем, никогда не видел настоящего Арвика настолько близко, чтобы сравнить; он, правда, видел два его портрета - один парадный (ныне, понятно, спрятанный в закрытое хранилище), на котором принц, тогда 18-летний, выглядел карамельным красавчиком, идеальным идолом девочек-подростков, другой - карандашный набросок Крампа, где те же красивые и внешне спокойные черты портило выражение надменной жестокости и злобы, переданное буквально несколькими штрихами - взгляд, линия губ, линия бровей... На мертвом лице двойника, естественно, никакого выражения уже не было (да и умел ли он при жизни принимать столь презрительно-высокомерный вид, как оригинал?), и красивым оно в нынешнем состоянии не казалось, хотя и сохраняло правильность черт. Краут, ехавший справа от Локхарта, невозмутимо подъехал к голове, ухватил ее кольчужной перчаткой за волосы, сдернул с видимым усилием (при этом раздался треск - очевидно, голова примерзла к шесту) и отправил в мешок из грубой холстины, привязанный к задней луке седла.

Затем войско промаршировало по мосту, и Локхарт обратил внимание на сложенные штабелями на льду трупы. Их припорошило снегом, лиц было не видно - только общие очертания тел. В сочетании с веселым весенним солнцем и общей жизнерадостностью пейзажа они образовывали довольно-таки сюрреалистическую картину. "Словно это не люди, даже бывшие, а просто бревна", - подумалось Локхарту. Тут же он вспомнил, что во время Второй мировой войны японские врачи именно этим словом именовали заключенных, на которых ставили изуверские опыты. Затем, дабы в подробностях изучить результаты экспериментов, несчастных вскрывали заживо, естественно, без всякой анестезии. Из подопытных не выжил никто. После войны победители - тогда еще единые США, оплот свободы, демократии и прав человека - даровали убийцам полное помилование в обмен на результаты их "научной работы", которые могли пригодиться в будущих войнах... Нет, нынешнее средневековье ничуть не хуже так называемой цивилизованной эпохи. Эти люди на льду, по крайней мере, умерли в честном бою и без особых мучений. А мертвая органика - это просто мертвая органика.

За мостом колонну уже поджидали сани обоза, которым незачем было скрежетать полозьями по городским булыжникам. Батальон, не останавливаясь, промаршировал мимо, дабы обозные пристроились в тыл прямо на ходу, и двинулся дальше в бодром пехотном темпе. Локхарт оглянулся в седле на свое войско, смотревшееся, словно в рекламном ролике, если бы таковые снимали в эту эпоху. Никто еще не устал и не проголодался, даже не успел запачкаться в дорожной грязи, начищенные сапоги и кольчуги блестели, сияли острия пик и серпы алебард, сверкал чистый снег вокруг, солнце, как надраенная солдатская бляха, сияло со столь же безупречно чистого неба, синего той пронзительной синевой, какая бывает только в ясные зимние и весенние дни, и все эти люди - даже те, что еще накануне ворчали по поводу необходимости, прошагав пешком от Айзеншлосса до Дракенхайма, идти теперь тем же путем обратно - похоже, ныне пребывали в прекрасном настроении и сами получали удовольствие от прогулки. Будет ли их прогулка столь же легкой и приятной и дальше? Вернутся ли они - нет, не в том же составе, учитывая запланированную ротацию, но в том же настроении? Локхарт не видел никаких реальных причин для беспокойства - а прежде всего, их не видел куда более опытный Краут - и все же полковник не мог отделаться от мысли, что пока что все складывается *слишком уж* хорошо. Он сказал себе, что это просто глупое суеверие.

Когда Арвику удалось поднять парус, и тот, захлопав, наполнился ветром, увлекая лодку по диагонали вверх по пологой спине волны, принц подумал, что управиться с парусом будет не так уж сложно. В конце концов, неужели он, хорошо образованный принц королевской крови, не сумеет того, с чем справляется любой неграмотный рыбак? Но его торжество длилось совсем недолго. Лодка перевалила через гребень и тут же резко накренилась под ветром, грозя опрокинуться. Арвик снова ухватился за фал, пытаясь приспустить парус, но при этом неумело

закрепленный шкот сорвался, гик[71] резко развернулся по ветру и ударил его, едва не выбросив в море. Арвик упал спиной на борт, макнувшись головой в подступившую уже совсем близко ледяную воду, но парус встал параллельно ветру и тем самым спас суденышко от опрокидывания. Лодка, хотя и успевшая черпануть воды бортом, резко выпрямилась, и Арвик скатился на дно - откуда, впрочем, тут же вновь приподнялся, кривясь от боли и злости, и увидел, что конец шкота полощется теперь в воде далеко за пределами его досягаемости. Он снова бросился к фалу, но лодка, вновь карабкавшаяся на волну, уже кренилась в противоположную сторону, и гик резким рывком развернуло обратно. На сей раз Арвик успел уклониться от удара, оказавшись впереди мачты, и снова принялся яростно дергать фал - однако без какого-либо результата. Очевидно, от резких рывков снасть заело (а может быть, он просто тянул ее не в ту сторону, но это он сообразил уже позже). Арвик, в отчаянии оглядевшись по сторонам, выдернул из уключины весло и поднял его, пытаясь дотянуться до верхушки мачты и поправить застрявший фал. Это была, разумеется, очень плохая идея. Лодку крутило и болтало в пенящихся волнах, и при очередном развороте паруса тяжелое весло вырвалось из рук принца и плюхнулось за борт, а сам он снова свалился на днище лодки. Когда гик, словно дубина в руках великана, машущего ею из стороны в сторону, в очередной раз пролетал над лодкой, Арвик вцепился в волочащийся за ним мокрый шкот и даже попытался захлестнуть таковой вокруг кнехта, но это лишь вернуло ситуацию к исходной - натянувшийся парус снова стал заваливать лодку набок. В охватившей его панике Арвик решил, что единственное, что ему остается - срочно рубить мачту; когда-то он читал, что моряки делают так, когда шторм грозит перевернуть судно. Меч все еще был при нем, и принц, упираясь ногами в легший уже почти горизонтально борт, яростно ударил раз, другой - щепки летели, но мачта была слишком толстой - и, наконец, сообразил, что рубить надо не саму мачту, а удерживающие ее ванты. Туго натянутый канат лопнул под стальным лезвием, и мачта, с хрустом переломившись по свежим зарубкам, рухнула в волну, ударив при этом по борту и второму веслу. Принц с лихорадочной быстротой перерубил оставшиеся канаты. Лодка снова выпрямилась, но воды в ней теперь было уже чуть ли не по колено, и Арвик изо всех сил принялся ее вычерпывать - сперва пригоршнями, не обращая внимания на температуру (что было не слишком эффективно), затем он, наконец, заметил плававший в воде привязанный веревкой деревянный черпак.

Наконец он понял, что перспектива утонуть прямо сейчас ему больше не грозит. На его счастье, обрушение мачты не нанесло критических повреждений корпусу. Однако уключина на правом борту, куда она упала, оказалась разбита и пуста. Очевидно, весло выскочило оттуда, пока он вычерпывал воду. Некоторое время он отчаянно оглядывался по сторонам, надеясь, что хотя бы одно из весел плавает неподалеку, но в конце концов вынужден был признать, что теперь единственным предметом, которым он еще может грести, не считая собственных окоченевших рук, остается меч - ну или чуть более широкие ножны. Черпак для этой цели не годился - его веревка была слишком короткой, чтобы опускать его в воду за бортом, а отвязывать его Арвик не рискнул, боясь потерять следом за веслами.

Таким образом, он остался один на неуправляемом утлом суденышке посреди продуваемого ледяным ветром штормового зимнего моря, без пресной воды, без пищи, без какой-либо возможности согреться. Арвик разразился проклятиями, столь же яростными, сколь и бесполезными. Его ярость была ничем перед яростью стихии, и сами его крики тонули в шуме моря и ветра.

Вскоре, однако, он успокоился (как это чаще всего бывало с его вспышками бешенства), и к нему вернулась способность размышлять рационально. Он рассудил, что ветер и волны непременно вынесут его обратно на берег, и даже почувствовал опасение, не произойдет ли это слишком скоро, до того, как его преследователи уберутся прочь. Однако время шло, а берег не

[71]Горизонтальное рангоутное дерево, одним концом (пяткой) подвижно соединенное с нижней частью мачты. К гику крепится нижняя часть косого паруса.

приближался. Юго-западный ветер постепенно сменялся южным, что Арвика вообще-то устраивало, ему и нужно было на север, но без паруса и даже без весел это получалось слишком медленно; казалось, лодку гораздо больше мотает вверх-вниз и из стороны в сторону, чем сносит в нужном направлении. Волны в открытом море были выше, чем возле берега, но при этом не такими крутыми, и Арвик вскоре убедился, что, как бы угрожающе ни кренилось суденышко то туда, то сюда, без мачты оно, скорее всего, не перевернется - но проблемой были пенные гребни, которые то и дело перехлестывали через борт, обдавая принца ледяными брызгами и вынуждая его регулярно вычерпывать воду. Впрочем, последнее обстоятельство помогало бороться с холодом - хотя его пальцы закоченели уже так, что практически не разгибались. Качка сама по себе не была для него проблемой, а вот сковывающий мышцы холод - да.

Так он боролся за жизнь весь день. Иногда ему казалось, что берег становится ближе, иногда - дальше; он то поднимался на вершину очередной водяной горы, то вновь проваливался между волнами, теряя сушу из виду. Начало темнеть; он подумал, что у него темнеет в глазах от усталости и голода, но потом понял, что солнце, за целый день так и не показавшееся в густой облачности, уже зашло. Вскоре он не мог различить уже ничего, кроме темных водяных валов вокруг, а затем даже и они слились с чернотой, где проступала, грозно вспучиваясь над лодкой, лишь бурлящая пена. Теперь, когда наступающие из темноты водяные горы сделались почти что невидимы - лишь слышался грозный рев клокочущих гребней - Арвику стало страшно по-настоящему. Никакой бой с вражеской армией, даже многократно превосходящей, не вызвал бы у него такого ужаса. Несмотря на страшную усталость, спать он, конечно же, не мог, вынужденный постоянно вычерпывать воду. Он не знал, насколько еще его хватит.

Когда над штормовым морем засерел рассвет, он был еще жив. Однако зрелище, открывшееся ему в утренних сумерках, способно было отнять последние силы. Сколько он ни всматривался в горизонт с каждого очередного гребня волны, земли не было видно больше нигде. Свет Кольца не пробивался сквозь низкую густую облачность, но небо, светлеющее с одной стороны, все же указало ему направление на восток - однако это ничего не значило. Лишенный неподвижных ориентиров, он понятия не имел, куда его несет - быть может, на самую середину Кирландского залива, где его не ждет ничего, кроме страшной смерти в ледяной воде. Шансов встретить в эту пору хоть какой-нибудь корабль не было никаких, даже одного на миллион.

Вероятно, другой на его месте предпочел бы покончить со всем разом. Но только не Арвик! Из всех ресурсов у него оставался только один - ненависть, но уж зато ее было хоть отбавляй. Ненависть согревала его, ненависть давала силы, ненависть помогала забыть о голоде и жажде. Он не может позволить им победить! Они жестоко поплатятся за все! Очень, очень, ОЧЕНЬ жестоко поплатятся!

К исходу второго дня он выучился спать урывками, отключаясь буквально на несколько минут и вновь вскидываясь, когда в лодке начинала плескаться вода. Постепенно, впрочем, эти промежутки сна увеличивались, и не только потому, что его измученному телу необходим был отдых. Просто шторм постепенно шел на убыль. На закате багровое солнце впервые прорвалось сквозь тучи, словно кровавая рана открылась над горизонтом, расплескивая брызги по синюшной морщинистой коже волн. Затем сквозь истончившуюся облачность начала смутно проступать призрачная полоса Кольца. А затем в стороне, противоположной закату, Арвик увидел огонек.

Принц понятия не имел, что это за огонь. Едва ли это мог быть маяк - большинство из них не зажигали в зимний сезон, когда добропорядочные айринтийские суда не выходят из портов. В то же время он был, пожалуй, слишком ярким для обычного света из окна дома. Возможно, это был костер, разожженный для каких-нибудь отчаянных контрабандистов, готовых рисковать собой в такую погоду. Или огонь на сторожевой башне одной из прибрежных крепостей. Или лагерь какого-то каравана, двигавшегося по идущей вдоль берега дороге... может

быть, даже и воинского отряда. Или даже пожар в рыбацкой деревне. Все варианты, кроме последнего, представляли для Арвика опасность, но сейчас его это не волновало. Главное, что берег снова был не так уж и далеко - и, кажется, постепенно приближался.

Поначалу Арвик лишь нетерпеливо всматривался в неведомый огонек. Затем, окончательно удостоверившись, что тот действительно становится ближе (одновременно сдвигаясь и по горизонтали по мере того, как лодку сносило к северу) - и впрямь попытался грести мечом, держа его одной рукой за рукоять, а другой за ножны прямо под гардой. После пары минут этих совершенно бесплодных усилий он обругал себя словами, за которые убил бы каждого, осмелившегося произнести их в его адрес. Как до него не дошло за столько времени, что он может сделать почти нормальное весло! Надо просто отвязать черпак от вкрученного в банку кольца и привязать к ножнам, а для страховки еще и к собственному запястью. Тем более что волны стали уже значительно спокойнее и хотя и продолжали поднимать и опускать лодку, но уже не захлестывали ее, избавив от необходимости поминутно использовать черпак по прямому назначению.

Развязать мокрый узел непослушными от холода пальцами не удавалось, и Арвик, быстро (как всегда) потеряв терпение, просто разрубил его. Затем, помогая себе зубами, затянул веревку вокруг запястья, а потом принялся приматывать рукоятку черпака к ножнам. Идея, однако, оказалась не слишком удачной. Это были простые солдатские ножны без всяких украшений, с гладкой поверхностью, и стоило ему начать грести, как веревка соскочила с них, и черпак остался в воде за бортом - к счастью, все еще привязанный к его руке. После еще нескольких бесплодных попыток он в ярости стиснул рукоять меча, жаждущий изрубить проклятые ножны, веревку, черпак... - и тут же сообразил, как решить проблему. Он вынул меч и острием проковырял сквозную дырку в нижней части ножен. Через эту дырку он протащил внатяг веревку, продетую сквозь отверстие в рукоятке черпака, и лишь затем заново примотал по всей длине саму рукоятку. Теперь конструкция получилась надежной, и ножнами (правда, уже без меча внутри с его удобным хватом за рукоять и большей длиной рычага) можно было грести.

Что тоже, конечно, было отнюдь не простым делом. Рыбацкая лодка - не легкая пирога ибикейских туземцев, чтобы управляться с ней одним коротким веслом. Уже даже просто для того, чтобы грести попеременно то слева, то справа, приходилось ерзать на банке туда-сюда. Но Арвик очень старался. Он не стал бы впустую тратить силы, если бы его несло прочь от берега, но берег приближался, и принц делал все, чтобы ускорить это приближение. Огонь смещался все дальше назад, но вскоре он стал уже не нужен - в слабом свете Кольца Арвик уже различал очертания побережья.

Он греб всю ночь. Ветер за это время совсем стих, шторм превратился в мертвую зыбь - длинные пологие волны, катившиеся ровно и размеренно, без всякой пены и завихрений. К рассвету и небо почти очистилось от туч. До берега оставалось не более полумили, и Арвик уже ясно видел поросшие низким кустарником дюны и черные, без единого огня домики очередной прибрежной деревушки. Вдали за деревней на фоне начавшего светлеть неба проступили очертания какого-то замка. Высаживаться прямо здесь Арвик не собирался, рассчитывая проплыть чуть дальше, где его точно никто не увидит, и принялся грести не прямо к берегу, а по диагонали.

А затем он понял, что берег больше не приближается, несмотря на все его усилия - даже когда он стал грести по кратчайшему направлению. Под утро снова подул ветер, но теперь он был восточный. И к тому же на него накладывался отлив. Лодку снова понесло в открытое море.

Арвик боролся яростно и отчаянно, но даже ненависть имеет свои пределы. В конце концов измученные мышцы просто перестали ему повиноваться, и он рухнул без сил на днище лодки в полуобморочном состоянии.

Когда он проснулся - или пришел в себя - вокруг снова не было ничего, кроме воды. По небу, правда, плыли лишь отдельные облака, и море оставалось почти что спокойным - но это

ничего не значило, он знал, что зимой шторма нередко идут один за другим. А главное - он вновь понятия не имел, как далеко он от берега. Несмотря на то, что по-дневному бледное Кольцо четко указывало направление на необходимый ему восток, он уже не пытался грести. На третий день без еды, воды и тепла его организм был слишком измотан для новой героической мобилизации сил. Мобилизовывать было больше нечего. Во всяком случае, не раньше, чем он снова увидит сушу. Впрочем, совсем не двигаться, как больше всего хотелось его обессиленному телу, он тоже не мог, боясь замерзнуть насмерть. Он был одет достаточно тепло, чтобы выдерживать мороз, если бы не голод. И мог бы долго обходиться без еды, если бы не холод. Но вот сочетание того и другого... Жажда, правда, в условиях холода почти что не донимала. Но он знал, что последствия обезвоживания могут проявиться и без предварительных ощущений - а возможно, даже уже проявляются.

И все же он пережил и этот день - периодически впадая в полусон-полуобморок, но всякий раз возвращаясь в реальность, когда того требовали рефлексы замерзающего тела, упорно не желавшего умирать. Время от времени он принимался грести на восток, пытаясь согреться, пока участившееся сердцебиение и дурнота не ставили его на грань нового обморока. Теперь ему было уже совсем трудно различить, темнеет уже вокруг или только у него в глазах - пока не настала настоящая ночь, озаренная светом Кольца, и именно яркость этого света, продублированного колеблющейся и изгибающейся на волнах дорожкой, подсказала ему, что это - реальность. Он снова попытался грести, но отключился, выронив свое самодельное весло (все еще привязанное к его запястью).

Его привел в чувство удар. Не то чтобы очень сильный, но ощутимый. Арвик вскинулся, едва снова не потеряв сознание от резкого движения; его первой мыслью было, что лодку наконец-то выбросило на берег. Но, преодолев темноту в глазах и оглядевшись по сторонам, он вновь не увидел в свете Кольца ничего, кроме моря от горизонта до горизонта. Тогда он подумал о рифе, возможно, уже пропоровшем лодку и обрекающем его на гибель - но вроде бы вода, хотя немного ее и плескалось на самом дне (вычерпать ее всю черпаком было нереально), не прибывала. Следующая его мысль была о большой акуле или ином морском чудовище; по слухам, таковые иногда атаковали рыбаков, пытаясь разбить или опрокинуть лодки и добраться до "начинки". Приподнявшись еще выше, он ощутил сопротивление веревки, тянувшейся от запястья через борт, и вытянул из воды свое весло, едва ли способное послужить оружием - а затем вспомнил о мече, валявшемся теперь где-то на днище. Подобрав и его, он взглянул за один борт, за другой, за корму, через нос - и тут, наконец, увидел, что его ударило.

Это была плавучая льдина. Не слишком большая, но, вероятно, вполне способная пробить корпус лодки, если бы он налетел на нее, идя под парусом. Но, поскольку и лодка, и льдина дрейфовали, несомые общим для них течением и лишь в небольшой степени - ветром (хотя парусность лодки была все же несколько выше), соударение произошло на минимальной скорости и обошлось без последствий. Лодку и льдину уже начало снова относить друг от друга.

Арвик некоторое время тупо смотрел на медленно удалявшуюся льдину, казавшуюся в свете Кольца темно-серой на фоне абсолютно черной воды - а затем вдруг, снова бросив под ноги меч, схватился за весло и принялся яростно грести, устремляясь в погоню. Когда-то прочитанная просто ради любопытства информация вспыхнула в его мозгу.

Морской лед на самом деле почти пресный! При замерзании вода вытесняет соль из своей структуры. Кроме того, менее соленая вода замерзает раньше и, соответственно, поднимается вверх, так что самым пресным должен быть верхний слой.

Настигнуть льдину не составило большого труда даже в его состоянии. Через пару минут он уже, перегнувшись через борт, долбил и скоблил мечом ее поверхность. Затем - жадно пихал в рот ледяное крошево. Конечно, он предпочел бы утолить жажду чем-то более теплым, холод и так пробирал до костей - но выбирать не приходилось. Несколько кусков льда покрупнее он взял в лодку в качестве запаса на будущее.

Благодаря этому обстоятельству он пережил четвертый день, к концу которого ветер снова стал крепчать, а волны - расти. Ночью началась еще и метель. Сутки назад Арвик был бы рад слизывать снег, но теперь его главным врагом была не жажда, а холод, и он лишь отворачивался и старался спрятать лицо от ледяных хлопьев. Однако он не мог позволить себе просто сидеть спиной к ветру, ибо на волнах снова появились пенные гребни, захлестывавшие через борт, и ему опять приходилось вычерпывать воду...

Ближе к рассвету он был измучен настолько, что неминуемая гибель, мысль о которой он яростно отгонял все предыдущие дни, стала казаться ему не только весьма вероятной, но даже где-то желанной. Он, принц Арвик, никогда не сдававшийся перед людьми, готов был сдаться перед тупой и равнодушной мощью стихии. Однако в какой-то момент ему стало казаться, что шум волн изменился. Откуда-то из снежной мглы впереди доносился более ритмичный и резкий грохот. Который, очевидно, мог быть только грохотом прибоя.

Арвик из последних сил принялся грести на этот звук, уже не заботясь, пригодно ли это место для высадки. Айринтия - равнинная страна, и в ней нет отвесных скальных берегов. Рифы, правда, попадаются, и если волны разбиваются именно о риф, а Арвик не успеет отвернуть вовремя... При такой температуре даже риф, находящийся недалеко от берега, означал верную смерть. Но это было не слишком вероятно, а особо выбирать ему не приходилось.

Однако то, что внезапно вынырнуло ему навстречу из снежной пелены, не было рифом. Это был вынесенный далеко в море мол с маленьким, всего в два человеческих роста, маяком на конце. Арвика вынесло прямо на этот конец, представлявший собой нагромождение огромных камней, чьи острые края до сих пор не обтесали волны, и его поспешные попытки направить лодку мимо них в бухту при помощи его жалкого весла оказались тщетны. Все, что он еще успел сделать перед ударом - это вернуть меч в ножны (разрубив при этом веревку), а их - на портупею. Если он выживет, меч будет самым полезным из всего, что у него еще осталось.

Удар о камни расколол лодку, и отхлынувшая волна унесла обломки обратно в море - оставив, однако, на верхушке одного из камней вцепившегося в холодную и сырую шершавую поверхность человека. Бо́льшая часть камня, как и соседних с ним, успела обледенеть, и Арвик чуть не сорвался - но все-таки сумел выползти на ровную поверхность мола, куда уже не доставали волны, но, правда, градом сыпались брызги, несколько раз окатившие его с ног до головы. Меч все еще был при нем, но в остальном претендент на престол имел далеко не самый внушительный вид. Его одежда висела клочьями, ладони и колени были в крови, он получил несколько серьезных ушибов, однако от холода почти не чувствовал боли. Первым делом он попытался укрыться на маяке, но тот был слишком мал и не имел никаких внутренних помещений. По сути, это была просто колонна, опоясанная винтовой лестницей снаружи. У Арвика мелькнула мысль, что, когда он станет королем, то велит перестроить все такие маяки в более внушительные и зажигать их и в зимнее время тоже, но он тут же одернул себя: когда *он* станет королем, ему это уже не понадобится, а понадобиться может разве что скрывающимся от него мятежникам! Хромая в своих слишком тесных сапогах, он побрел по молу сквозь метель в сторону все еще невидимого города.

В сам город, стены которого, наконец, проступили во мгле сквозь пелену метели, он не попал, да и не пытался. Ворота, очевидно, были все еще закрыты, а его вид наверняка привлек бы внимание стражников. Но в бухте стояли корабли, покинутые экипажами до нового сезона навигации, и Арвику не составило труда пробраться на один из них - пришвартованную к причалу трехмачтовую каракку. Никакой охраны на судне не было - днем, когда открывались ворота из города, стражу в порту выставляли, но ночью, когда попасть сюда можно было только со стороны моря, в такую погоду это не имело смысла. Впрочем, и красть на поставленном на прикол до весны судне было особо нечего - здесь не было ни товаров, ни припасов, ни оружия. Но у Арвика не было уже ни сил, ни возможности проверять это в полной темноте пустого корабля - сейчас он лишь искал место, чтобы уснуть не под снегом. Офицерские каюты на корме

были заперты, но в матросский кубрик принц проник без проблем. Конечно, здесь тоже было холодно, но не так, как под метелью снаружи, и была надежда со временем прогреть небольшое помещение теплом собственного тела. Обшарив, как мог, в темноте кубрик, принц обнаружил, наконец, первую добычу - мешок сухарей: слишком дрянная еда, чтобы уходивший с судна матрос забрал ее с собой. Сухари к тому же, судя по запаху, частично заплесневели, но Арвик был слишком голоден, чтобы позволять себе разборчивость и брезгливость. Он съел их все, давясь крошками, и завалился спать в натянутый гамак.

Разбудил его какой-то шорох совсем рядом с ним. Арвик схватился за меч еще прежде, чем разлепил глаза, но в следующий миг убедился, что тусклый свет хмурого утра, сочащийся из маленького квадратного иллюминатора, озаряет лишь пустой кубрик и по-прежнему закрытую дверь. Однако звук не был порождением его сна, он шел снизу, и, скосив глаза через край гамака, Арвик увидел здоровенную крысу, деловито подъедавшую оброненные им ночью крошки. Реакция принца была мгновенной - недаром он в свое время столько упражнялся с мечом, тренируясь отражать самые быстрые и неожиданные выпады противника. Крыса метнулась в сторону, но это ее не спасло - меч рассек ее пополам и вонзился в доску пола с такой силой, что Арвику потребовалось напрячься, чтобы выдернуть его обратно.

Некоторое время он смотрел на два серых обрубка, вокруг которых расплывалось маленькое пятно крови (передний все еще дергал лапками). Зрелище вызывало у него брезгливость, но в то же время это было мясо. А после четырех суток борьбы за жизнь без еды на морозе его тело отчаянно нуждалось в чем-то большем, чем мешочек заплесневелых сухарей. Даже этот единственный удар меча заставил его сердце колотиться, словно после долгого яростного боя. Совсем рядом город с его тавернами и лавками, но у него ни хеллера денег (проклятье, он был слишком уверен, что заберет свой кошель обратно, когда отдавал его тому рыбаку, и не позаботился достать оттуда ни монеты!), и, что еще важнее, чтобы попасть в город, придется пройти мимо стражников, а вид у него сейчас весьма подозрительный. Нет, ему необходимо восстановить силы до того, как придется драться с кем-то посерьезнее крысы.

Нет, он, принц Арвик, потомок и наследник айринтийских королей, не стал, разумеется, жрать сырую крысу с пола. Он брезгливо поднял обе половинки (одну за хвост, другую за ухо) и понес их, капающие кровью, на камбуз. Где, к счастью, отыскалась не только большая сковорода, но и дрова вместе с огнивом.

За это они тоже поплатятся, угрюмо думал Арвик, перемалывая крепкими зубами мелкие крысиные косточки. Он заставит их жрать еще и не то... Логика подсказывала, что даже в случае полного успеха его планов Элинор и остальные предпочтут покончить с собой, нежели попасть ему в руки живыми, но все равно, мечтать об их муках и унижении было приятно.

Разумеется, одна крыса, даже большая, утолила его аппетит немногим лучше, чем сухари. Сейчас он готов был съесть целого поросенка. Но для этого, как минимум, надо было сначала попасть в город. А он даже не знал, что это за город и на чьей стороне местное население. Шансы были не в его пользу - даже когда в его распоряжении была целая армия, портовые города западного побережья, насколько ему было известно, в основном сохраняли лояльность узурпаторше (возможно, потому, что ее эмиссары добрались туда морем быстрее, чем его конные гонцы по суше), за исключением самых северных, но его вряд ли занесло настолько далеко. А уж теперь, когда сюда дошла весть о его разгроме, эти продажные твари тем паче сдадут его с потрохами. Впрочем, Арвик был настолько самоуверен, что, пожалуй, мог бы, подъехав к стенам города в одиночку - или лучше все-таки с небольшим отрядом, пусть и недостаточным не то что для штурма, но и для битвы в открытом поле - открыто объявить себя и потребовать повиновения "законному королю". И истории известны случаи, когда подобная наглость увенчивалась успехом - да, собственно, он сам практически так и подчинил себе Айзеншлосс всего несколько месяцев назад. Но для этого он должен был предстать перед городским гарнизоном во всем великолепии - в рыцарских латах, на коне, с гербом и знаменем.

А не в качестве оборванца в продранных на коленях колготах, со слипшимися волосами и недельной щетиной.

Отыскав при свете дня фонарь, Арвик обследовал все доступные ему помещения корабля - нижнюю палубу, где находились кубрик и камбуз, трюм, трехъярусную надстройку полубака (главное укрытие стрелков во время морского боя), чтобы убедиться в том, что и так было очевидно - сходя с судна до весны, команда не оставила на нем ничего ценного. Не рискуя при свете дня выбираться на палубу, Арвик уселся возле иллюминатора, мрачно глядя на город и порт. Метель прекратилась (успев, по всей видимости, замести его ночные следы на палубе), но небо все еще оставалось пасмурным. Несмотря на эту неласковую картину и закрытую до весны навигацию, днем в порту все же появились несколько человек. Это были не стражники, как опасался Арвик, а рыбаки - но не те, что выходят на своих лодках в море, а те, что закидывают удочки с причалов, занимаясь ловлей в качестве средства скорее развлечения, чем пропитания или, тем паче, заработка. Арвик никогда не понимал, в чем удовольствие от такого времяпровождения даже летом, а уж тем более в зимний мороз. Сейчас бы, впрочем, он охотно присоединился к ним - рыба уж всяко лучше крыс! - но у него не было ни снастей (он тщетно обыскал доступные ему помещения на предмет таковых), ни наживки, и кроме того, он не рисковал ни выйти на палубу, ни перебраться на причал на глазах у стражников внизу в воротах и вверху на башнях, которые, несмотря на изрядное расстояние, легко могли бы заметить черную фигуру на свежем белом снегу. Настучать страже могли и находившиеся куда ближе рыбаки, если бы им пришло в голову оторвать взгляды от поплавков и поглазеть по сторонам

В своих поисках Арвик проник и в парусную каюту, где были сложены снятые паруса, и обнаружил там средства для их починки - большую иглу и катушку с толстой нитью. Идею попытаться сделать из этого крючок и леску он благоразумно отверг сразу, поняв, что закаленная игла просто сломается. Однако эта находка навела его на мысль попытаться зашить порванную одежду. Разумеется, принц Арвик никогда в жизни ничего не шил, да и игла с нитью были явно больше тех, какими обычно пользуются портные - впрочем, последнее обстоятельство скорее упрощало задачу. Но что тут такого сложного - протыкай по очереди сшиваемые края да протягивай нитку, не так ли? Неужели орудовать какой-то жалкой иглой труднее, чем рыцарским мечом? Если с этим справляется любая малограмотная девка...

Да, недавно он уже рассуждал подобным образом.

Впрочем, с иглой у него получилось все-таки лучше, чем с парусом - вероятно, потому, что игла не угрожала его жизни, и у него было сколько угодно времени (чего, однако, нельзя было сказать о его терпении). Стежки вышли кривыми и неровными, с разными интервалами между ними, пришитые клочки ткани оказались сморщенными и перекошенными - но это уже не так бросалось в глаза, как просто болтающиеся лохмотья. Ну, по крайней мере, издали. И желательно в сумерках...

Он попытался расправить криво пришитый лоскут, но без особого успеха. По-хорошему, весь этот край надо было отпарывать и пришивать заново.

"Да гори оно огнем!" - рявкнул в ярости Арвик. И тут же понял, как ему попасть в город, не привлекая нежелательного внимания. Точнее, привлекая, но вовсе не к себе.

Он дождался сумерек - но не ночи, когда порт полностью опустеет и ворота снова закроют. Он не сомневался, что при пожаре их откроют вновь - тушить горящий у причала корабль необходимо в любом случае, даже не только ради интересов его владельцев - если прогорят швартовы, он превратится в брандер - но ночью, скорее всего, из города выпустят только стражников и пожарных и никого не впустят внутрь без проверки - версия умышленного поджога пустого корабля в пустом порту слишком очевидна. А вот вечером, пока ворота еще открыты, из города наверняка набегут любопытные, возможно, и члены экипажей этого и других кораблей, желающих помочь с тушением. В этой толпе уже будет шанс затеряться.

Корабль был пришвартован к причалу боком, кормой к городу, и Арвик решил устроить

пожар под полуютом (куда легко можно было пройти из кубрика по нижней палубе, не выходя наружу), дабы огонь и дым прикрыли его от нежелательных наблюдателей. Помимо собственно деревянного корпуса, на судне оставалось достаточно горючих материалов - парусина, пакля и пенька для конопачения и даже светильное масло для фонарей. Все это Арвик свалил на нижней палубе под офицерскими каютами и поджег, а сам вернулся в носовую часть той же палубы под полубаком.

Вскоре по корпусу пополз дым, от которого у принца засвербило в носу и заслезились глаза, однако ожидаемых признаков тревоги все не было. Арвик мысленно клял тупых стражников (и еще более тупых рыбаков), неспособных заметить горящий корабль у себя под носом (хотя огонь, очевидно, еще не вырвался наружу, а дым скрывали сумерки), и прижимал к лицу мокрый кусок парусины. Но вот, наконец, до него донеслись взволнованные крики, а затем и частые удары набата из города. Однако Арвик все еще опасался выбраться наружу - это был самый рискованный момент его плана, и ему нужно было, чтобы на причал сбежалось побольше народу, а темнота и дым стали гуще. Даже когда над головой у него протопали по палубе сапоги какого-то смельчака, принц продолжал отсиживаться в своем укрытии. Он был уверен, что никто из пожарных или их добровольных помощников не сунется в дымную темноту под палубой - но и сам не рискнул выскочить наверх и попытаться смешаться с теми людьми, что в надежде одолеть пожар, пока тот еще не охватил все судно, запрыгивали прямо на борт. Хотя на миг ему и представилась картина, как он внезапно и быстро затаскивает кого-то из них в палубный люк или дверь полубака, убивает с такой скоростью, что тот даже не успевает крикнуть, почти столь же быстро переодевается в его одежду и соскакивает на причал... но, конечно, провернуть такое быстро и незаметно, даже в условиях переполоха, было нереально. Огненно-дымовая завеса - вот его самое надежное прикрытие. В итоге Арвик едва не перехитрил сам себя, просидев в заполняемом дымом помещении до тех пор, пока не оказался на грани потери сознания. В последний момент он все же спохватился и бросился к выходу, но делал он это уже совершенно вслепую - мало того, что в помещении было темно, так еще и дым ел глаза так, что он мог держать их только зажмуренными. Поэтому он налетел на переборку, стукнулся коленом, метнулся в сторону, кривясь от боли и злости, со второй попытки наткнулся-таки на крутой трап, но и тут не рассчитал, споткнулся о ступеньку и свалился, ударившись о край верхней ступеньки головой. Если бы от этого удара он лишился сознания - хотя бы на минуту - то, скорее всего, никогда бы уже не пришел в себя. Однако отчаянным усилием воли ему удалось-таки удержать себя по эту сторону реальности. Он заставил себя задержать дыхание, хотя полные отравы легкие жадно требовали нового вдоха (который, конечно, оказался бы еще более губительным), поднялся, шаря руками, нащупал стену, на миг замер, сообразил, что трап должен быть слева от него, отыскал ощупью перила (да! он не ошибся!) и, перебирая руками и по-прежнему не дыша (хотя грудная клетка уже яростно пульсировала, требуя своего), полез наверх. Мелькнула мысль, что если те, кто бегал по палубе (их шагов он уже не слышал) закрыли люк сверху или поставили на него что-нибудь тяжелое, то это последняя минута его жизни. С нижней палубы есть и другие выходы, но добраться до них он уже не успеет.

Однако никто из людей, пытавшихся потушить пожар, не блокировал люк (зачем бы им это понадобилось?), и принц благополучно выскочил на палубу. С трудом разлепив слезящиеся глаза, он, уже не в силах сдерживаться, вдохнул полной грудью горький воздух, который и здесь был полон дыма, но все-таки разбавлен свежим. Корма ярко пылала; рвущееся пламя поднялось над ютом на добрый десяток футов и охватило уже бизань-мачту до самого клотика. Борьба за спасение судна была, очевидно, проиграна; на борту уже никого не осталось, но с причала обреченный корабль еще поливали из шлангов, качая воду с помощью ручных помп. Это было Арвику совсем некстати - он совсем не хотел попасть под струю на морозе. Впрочем, все внимание и тушивших, и зевак было, как он и рассчитывал, устремлено на охваченную пламенем корму; его появления в дымной мгле из люка перед полубаком не заметил никто. Не

выдержав едкого жжения в дыхательном горле, Арвик закашлялся, сгибаясь ниже фальшборта, но даже эти звуки не привлекли ничьего внимания на фоне треска пламени, все еще трезвонившего набата, шума воды и чьих-то выкриков, не то отдававших распоряжения, не то просто проклинавших злую судьбу.

Принц, все так же пригибаясь так низко, как мог, подбежал к борту и перепрыгнул на причал. Никаких трапов не было, но он легко перемахнул через узкую полосу черной воды - однако едва не грохнулся при приземлении, поскользнувшись на свежей наледи; очевидно, кто-то разлил там воду, которой пытались тушить корабль (до того, как подтащили помпы, огонь пытались заливать ведрами). Все же, отчаянно взмахнув руками и изогнувшись в довольно комичном па, ему удалось проскользить не меньше ярда, но в итоге сохранить равновесие. И едва он вновь обрел устойчивость, ступив со льда на истоптанный снег, как встретился взглядом с человеком, смотревшим прямо на него.

Арвик понял, что этот человек обернулся не только что. Что он, по всей видимости, видел весь прыжок. Само по себе это еще не было катастрофой, Арвик вполне мог сойти за припозднившегося борца с огнем, покинувшего судно последним - но если этот тип окажется особенно любопытным... При этом Арвик видел лишь его темный силуэт на фоне огня, в то время как тот должен был довольно отчетливо видеть озаренное всполохами пламени лицо самого принца. Насколько хорошо в этом городе знают его приметы? И что, если этот субъект - не просто случайный зевака? Что, если он из Тайной Стражи? Весть о пожаре в порту - пожаре, который едва ли мог возникнуть случайно - непременно должна была привлечь сюда ее агентов...

Но, пока Арвик лихорадочно пытался сообразить, что ему делать с этим свидетелем - на которого он, конечно, не мог напасть на виду у нескольких десятков других людей, столпившихся на причале, пусть и смотревших пока что в другую сторону - как горящая бизань-мачта начала крениться. Ее ванты с левого, противоположного причалу борта, куда не долетала вода из шлангов, прогорели и полопались одна за другой, и охваченная пламенем мачта рухнула направо и далее с высокой кормы на причал. Толпа ахнула, шарахаясь в стороны. Сама мачта, развалившаяся от удара на куски, никого не задела (хотя и перебила один из шлангов), но длинный рей[72], ударившись одним ноком о причал, другим описал большую дугу в воздухе и в падении достал сзади того самого человека, который так увлекся разглядыванием Арвика, что, несмотря на крики и стук, не успел среагировать на опасность у себя за спиной. Принц тут же бросился к упавшему ничком мужчине, надеясь, что у того или проломлен череп, или перебит позвоночник, и схватил рукой его за горло, дабы удостовериться в отсутствии пульса либо довести дело до конца самому. Другую руку он сунул под полу кафтана лежавшего, пытаясь нащупать кошель на поясе.

К его разочарованию, пальцы ощутили слабое, но частое биение на шее пострадавшего. Рей зацепил голову этого человека лишь самым концом, и к тому же шапка с меховой оторочкой смягчила удар. Арвику нужно было не более минуты, чтобы прекратить это биение навсегда - но этого времени у него уже не было, как и времени одной рукой отвязать кошель (уже нащупанный и определенно отнюдь не пустой). Происшествие, естественно, привлекло общее внимание, отвлекая зевак от зрелища горящего корабля.

- Что ты делаешь?! - крикнул кто-то Арвику, торопливо подходя.

- Проверяю пульс у него на шее, - нехотя откликнулся принц и разжал руку. - Слава Троице, он жив, - тут же, впрочем, Арвик сообразил, как обратить ситуацию себе на пользу, и, поднявшись, распорядился голосом человека, привыкшего командовать: - Надо отнести его домой! Помогите мне!

Вокруг него сразу образовалась деловая суета, каковая обычно возникает с появлением

[72]В морской терминологии, принятой в русском, рей косого паруса (каковые обычно несли бизань-мачты каракк) именуется реёк, однако в английском такого деления нет, то и другое - yard.

человека, знающего, что делать. Несколько человек все еще продолжали попытки тушить корабль (точнее - хотя бы не дать огню перекинуться на соседние суда), но зевакам, не занятым в этом процессе, теперь явно приятно было поучаствовать в другом важном деле - спасении своего земляка. Из уцелевших вант рухнувшей мачты быстро соорудили подобие носилок - или, скорее, гамак, куда уложили все еще находившегося без сознания пострадавшего. Арвик поднял гамак сзади, ухватившись за выбленки вант, а какой-то коренастый тип - спереди, и, провожаемые сочувственными репликами, они зашагали в сторону ведших в город ворот, над которыми высилась сторожевая башня.

Как и рассчитывал Арвик, пройти в город ему удалось без всяких осложнений. Несмотря на поднятую тревогу и то очевидное соображение, что судно подожжено специально и поджигатель, вероятно, все еще находится где-то в порту, стражники в воротах лишь сочувственно кивнули, пропуская двух человек, несущих раненого. Шедшего впереди коренастого они, впрочем, знали, но и к Арвику не стали особо приглядываться и задавать вопросы. Они, пусть и издали, видели, как падала мачта, и не усомнились, что перед ними действительно жертва несчастного случая (чей явно дорогой костюм определенно внушал уважение) и помогающие ей доброхоты.

Шагая вглубь города прочь от ворот, Арвик почти с ненавистью смотрел на модные и дорогие, с отворотами из мягкого сафьяна, но главное - большие башмаки несомого. Для него самого каждый шаг отдавался тупой ноющей болью. Ногти на ногах наверняка уже синие и сойдут, это очевидно, но не заполучить бы проблему посерьезнее из-за нарушенного кровообращения... Как бы ему завладеть и этими ботинками, и, главное, кошельком? Надо избавиться от свидетеля, само собой. Ткнуть мечом в широкую спину впереди было бы проще простого, если бы они шагали по ночной улице в обычное время. Хотя было еще не так поздно, в холодный зимний день, когда все праздники давно уже прошли, а тучи не пропускают даже свет Кольца, улицы к этому времени обычно пустеют и погружаются во тьму. Но из-за поднятой в порту тревоги кто-то выглядывал из окон, всматриваясь в поднимающееся над городской стеной зарево, а кто-то и выходил удовлетворить свое любопытство на улицу; у несущих раненого уже дважды спросили, что происходит, и коренастый горожанин неизменно отвечал: "На пожаре мачтой зашибло". И даже если они свернут в какой-нибудь совершенно безлюдный переулок, слишком много народу, включая стражников, уже видели Арвика с этими двумя, которых он сейчас очень хотел бы убить. Если их тела найдут - или просто их хватятся - прежде, чем он успеет покинуть город...

- Куда теперь? - неожиданно спросил его коренастый, останавливаясь на перекрестке.

- Ты что - не знаешь, где он живет? - удивился Арвик. По тому, как охотно этот тип вызвался помогать, он был уверен в обратном. Но, по всей видимости, тот просто разглядел, что пострадавший хорошо одет, и понадеялся получить вознаграждение за помощь такому человеку.

- Я думал, ты знаешь, - ответил тот.

Черт, подумал Арвик. Надо было меньше думать о тесных сапогах и сообразить сразу, как только этот тип спросил дорогу, что его можно завести в любую часть города, подходящую для избавления и от живых свидетелей, и от тел. Впрочем, и этой идее мешал тот факт, что Арвик понятия не имел, где здесь находятся такие районы. Правда, припортовые улочки часто имеют как раз такую репутацию - хотя лучше всего такие дела обделываются в сезон навигации, когда в город постоянно прибывают и убывают из него новые люди. Но и зимой с оказавшимся в подобном месте без охраны богачом могут случиться... неприятности.

- Тогда отнесем его в таверну, - распорядился Арвик. - Может, там кто-нибудь знает, где он живет.

- В какую? - тупо спросил коренастый.

- Да в любую! - рявкнул принц. - В ближайшую!

- В "Осьминог"[73]? - спросил горожанин с сомнением в голосе, как-то странно растягивая слово. - Вряд ли там знают этого джентльмена, публика там не очень...

- Потащили уже! - прикрикнул на него Арвик. Похоже, это заведение как раз в нужном ему духе. Он не думал, что там можно просто взять и прирезать человека (или сразу двух) прямо на глазах у коротающей зимний вечер матросни, а вот вытащить кошелек под шумок, возможно, и получится.

Горожанин не стал больше спорить и свернул направо. Таверна оказалась в середине погруженного во мрак переулка, куда выходили, главным образом, глухие стены сараев и складов. Единственный на весь переулок тусклый фонарь на цепи озарял вывеску, изображавшую нечто вроде переплетенных щупалец и корявые буквы названия, складывавшиеся, как оказалось, не в одно, а в два слова: "Ось Миног"[74]. Арвик ухмыльнулся, оценивая остроумие владельца.

Заведение оказалось как раз такой дырой, какую он и ожидал увидеть, однако вместо шумной толпы, на которую он рассчитывал, в скудно освещенном помещении сидело лишь несколько человек (безусловно, не самого респектабельного вида). Вне сезона навигации у матросов вообще не водятся деньги, а уж после недавних праздников, где они прогуляли все, что оставалось, и подавно. Так что нынешние посетители были, вероятно, или более бережливыми, или более удачливыми в кости и карты, чем прочие, а может, и обделывающими некие делишки, прибыль от которых окупает риск выхода в море даже в такое время или же связана с не менее рискованными занятиями на берегу. (И даже из них кто-то, наверное, поспешил в порт, узнав о пожаре, сообразил Арвик. Впрочем, он тут же подумал, что это даже лучше, что их немного.) Хозяин в засаленном фартуке и с черной повязкой через левый глаз (вполне возможно, что и фальшивой, призванной придать более героический вид его обрюзгшей фигуре), занимался тем, чем обычно занимаются скучающие бармены во все эпохи - лениво протирал кружки.

При появлении новых людей, из которых двое тащили бесчувственного третьего и при этом ни один не походил на матроса, публика оживилась. От Арвика не укрылся пристальный взгляд, которым окинул его единственный глаз владельца таверны. Однако известие о том, что розыск самозванца прекращен и награда больше не выплачивается, поступило в город накануне, и трактирщик предпочел оставить свои подозрения при себе.

- Этого человека зашибло при пожаре, - объявил Арвик все тем же голосом человека, имеющего безусловное право командовать. - Найдется у вас комната, где он может отлежаться? Денег у него полный кошель, так что ваша помощь будет оплачена, - присваивать себе весь кошель было рискованно, и Арвик решил, что надежнее просто предложить присутствующим разделить трофеи. Раненого сейчас под благовидным предлогом "помощи" оттащат в комнату наверху, а что с ним произойдет дальше в этом заведении, где вряд ли любят богатеньких, Арвика не заботило. Он может так и не очнуться от полученной травмы, и это не будет убийством - просто последствия несчастного случая, не так ли? А кто именно прикарманил денежки покойника в столь злачном месте, не дознается никакая стража. Горожанин, помогший притащить его сюда, тоже может получить свою монету и убираться, если проявит понятливость. Может быть даже - мелькнула мысль у Арвика - на эти самые деньги он сможет нанять этих головорезов в качестве личной охраны - должен же он с кого-то начинать восстановление своей армии...

- Найдется, отчего ж не найтись, - неторопливо ответил на его вопрос трактирщик, выходя из-за своего прилавка. - Кладите-ка его пока на стол, посмотрим, что за птица.

- Больше смахивает на индюка, чем на альбатроса, - осклабил в ухмылке крупные зубы один из посетителей.

---

[73]В оригинале Tentacles.

[74]В оригинале Ten Tackles. Слово tackle, помимо основных значений - такелаж или веревка с блоком как его элемент - является также одним из жаргонных обозначений мужских гениталий.

- Как там, кстати, герцогиня? - небрежно спросил вдруг Арвика другой, пока принц и его спутник втаскивали свою ношу на стол. Арвик вздрогнул и замер, уставившись на спрашивавшего. Тот выглядел типичным завсегдатаем подобных заведений - не новая и не особо чистая матросская одежда, большая круглая серьга в ухе, сломанный нос, обросший редкой щетиной подбородок, патлы сальных волос из-под шапки. Впрочем, конечно, внешний вид ничего не значит... Какую герцогиню он имеет в виду? Вдову Бронгара? Мать самого Арвика? Но главное - кто его послал и как он узнал?! Ни одна живая душа не могла знать, что принц окажется в этом городе, названия которого он сам не знает до сих пор!

- Еще на плаву, но скоро догорит, - ответил его коренастый спутник. - Такой пожар хрен потушишь.

Арвик выдохнул, мысленно обругав себя идиотом. Ну конечно, "Герцогиня" - название каракки! Он даже не удосужился посмотреть, как она называется - хотя ему, разумеется, было не до этого.

- Это Мунс поджег, точно вам говорю, - подал голос третий матрос. - Как его капитан "Герцогини" на берег списал без жалования, он все твердил, что так этого не оставит.

"Отличная версия!" - подумал Арвик. Пусть так тут и думают.

- Какой резон поджигать судно, чтобы отомстить капитану? - не согласился крупнозубый. - Он же не владелец корабля. Такой же наемный, как и мы все.

- А все ж-таки новое место работы ему теперь искать, как и всей команде, - стоял на своем его оппонент. - Удружил Мунс парням, нечего сказать. Не дай бог ему теперь им на глаза попасться...

- Если это и правда Мунс, - вновь напомнил крупнозубый.

- А парни разбирать не будут!

Трактирщик тем временем подошел к лежавшему на столе, сдернул его сползшую на лицо шапку и воскликнул: - Да это ж арматор Юфтлинг!

Судя по последовавшим восклицаниям, этого человека здесь хорошо знали, хотя и трудно было понять, как тут к нему относятся. Вероятно, часть из этих людей он когда-то нанимал или, напротив, отказывал им в найме. Теперь уже все матросы, выбравшись из-за столов, сходились к лежавшему.

- Это его кораблем была "Герцогиня"? - спросил Арвик. Если так, то ему тем паче не стоит оказываться рядом, когда (если) этот тип придет в себя...

- Наоборот, - вновь осклабился крупнозубый. - Арматором "Герцогини" был Тугенфорк.

"Ах вот оно что, - понял Арвик. - Стало быть, я сжег корабль его конкурента. То-то он так спокойно наблюдал за пожаром... больше пялился не на огонь, а на меня..."

- Ну ладно, - произнес он вслух. - Стало быть, вы знаете, кто он, и сможете о нем позаботиться. А вот вам за труды... - он, наконец, отцепил кошелек арматора от пояса, собираясь устроить дележ, но в тот же миг рука Юфтлинга неожиданно крепко схватила его за запястье.

- Ты что делаешь, черт тебя побери? - воскликнул арматор, открывая глаза.

"Знал бы ты, с кем смеешь говорить в таком тоне, свинья!" - гневно подумал принц, но вслух лишь ответил:

- Хотел заплатить этим добрым господам за помощь, которую они вам оказали, когда вас ударил упавший рей.

- Помощь? - Юфтлинг сел на столе, оглядываясь по сторонам, затем потрогал затылок и поморщился. - Помощь... да... за помощь надо платить, - он отобрал у Арвика свой кошелек, окинув принца столь пристальным взглядом своих маленьких глазок, что тот понял - Юфтлинг прекрасно сознает, что перед ним, как минимум, поджигатель "Герцогини". Догадывается ли он об остальном? Что будет, если догадается? Вообще-то богатый арматор мог бы ссудить будущего короля куда более крупной суммой, чем в этом кошельке... - Трактирщик! Вина всем этим парням за мой счет! - распорядился Юфтлинг вслух. - А этому, - он ткнул пальцем в Арвика, -

двойную порцию.

- Я предпочел бы двойную порцию жареного мяса, - возразил принц. Жажда, благодаря растопленному снегу, его уже не мучила. - И лобстера. И печеной картошки. И омлет.

- Мне нравится твое нахальство, - хохотнул арматор. - Трактирщик, подай моему прожорливому другу все, что он хочет, а потом отведи ему комнату наверху. Ему ведь некуда пойти.

- Хм... - хотя это было правдой, и без денег он не мог снять жилье в другом месте, идея оставаться в таком сомнительном заведении, как "Ось миног", принца не прельщала. - Не стоит...

- Стоит, - перебил его Юфтлинг. - За помощь надо платить, не так ли? Так что отдыхай... главное только - осторожней с огнем, - осклабился арматор. - Мы же не хотим никаких проблем в этой славной таверне? А завтра мы еще потолкуем.

Юфтлинг слез со стола и покачнулся - вероятно, у него закружилась голова.

- Позвольте проводить вас до дома, сэр, - тут же подвернулся коренастый. - После такого удара вам еще может понадобиться помощь.

- Хорошо, хорошо... идем.

Дверь за ними, скрипнув, захлопнулась. Арвик окинул взглядом ухмыляющуюся матросню, рассевшуюся между ним и выходом. У него не потребовали отдать меч, но он не заблуждался относительно собственного положения. Он притащил сюда Юфтлинга с намерением ограбить, а то и убить, но, похоже, ситуация развернулась противоположным образом. Теперь его самого не выпустят отсюда, пока Юфтлинг не разрешит. Можно, конечно, все же попробовать пойти на прорыв - но он в слишком плохой физической форме. Сначала надо, действительно, поесть и отдохнуть. А там уже, может, и станет ясно, что надо от него Юфтлингу. Вариантов напрашивалось, в общем-то, два. Либо арматор заподозрил, кто он такой, и хочет навести справки, чтобы убедиться; бездоказательным словам - что утвердительным, что отрицательным - этот человек, по роду своей деятельности имевший дело с самыми разными обманщиками, от купцов до портового сброда, очевидно, не поверит. Либо Арвик, невольно уже сыгравший на руку Юфтлингу в борьбе против конкурента, нужен арматору еще для какого-то грязного дельца - настолько грязного, что тот не решается поручить таковое даже завсегдатаям "Оси миног", поджигателю же, которого он может сдать в любой момент и за которого некому вступиться, просто некуда деваться. Этот вариант Арвика особенно возмутил. Чтобы его, наследника айринтийского престола, использовали в качестве простого наемника? Разумеется, он убил своими руками уже немало людей - но он это делал ради собственных интересов, а не ради чужих! Впрочем, он все еще рассчитывал, что именно ему удастся использовать в своих интересах Юфтлинга, а не наоборот.

Пока что, по крайней мере, окружавший его сброд не проявлял прямой враждебности - "ты по-хорошему, и мы по-хорошему" - и Арвик, после того как ему и впрямь принесли заказанную еду, а они расселись вокруг, решил расспросить их о последних новостях. Ему поведали - не понимая, разумеется, с кем говорят - о его собственной смерти и прекращении розысков (это было хорошо), о новом коннетабле (это было ожидаемо) и о том, что Айзеншлосс до сих пор не взят - напротив, королевские войска ушли из-под его стен (а вот это было неожиданно здо́рово, Арвик не надеялся на это даже после смерти Бронгара). Заодно узнал он, наконец, и где находится - это был Кромбург, город почти что на широте Дракенхайма - лишь немного севернее столицы и, соответственно, значительно южнее Айзеншлосса (его иногда даже называли "морскими воротами столицы", ибо из всех портов западного побережья именно отсюда вела самая короткая и прямая дорога в Дракенхайм). Выходило, что ветры и течения кружили Арвика практически на одном месте, а не отнесли дальше на север, как он надеялся. Отступившая армия под командованием Драббена прошла через Кромбург еще в конце декабря, поэтому местные знали об этом все подробности, какие могли узнать от солдат. С тех пор, конечно, ситуация вновь могла изменится - вплоть до того, что оставленный Арвиком в

Айзеншлоссе маленький гарнизон во главе с его бывшим ординарцем (прежде успешно дурившим прославленного Бронгара, изображая самого принца) мог просто разбежаться после снятия осады - но, по крайней мере, такие слухи в Кромбург не доходили, и никакие войска с тех пор через него не проходили ни на юг, ни на север.

Назойливых расспросов о собственной персоне, коих Арвик опасался, он благополучно избежал - у публики, имеющей сложные отношения с законом, таковые считаются дурным тоном. Но это совсем не означало, что его здесь принимают за своего - или, точнее говоря, что ему станут делать какие-то поблажки. Точно так же, как и феодал, взявший в плен другого, обыкновенно следует нормам принятого между дворянами этикета, но это совсем не означает, что пленнику гарантирована свобода или жизнь. Но, во всяком случае, накормили принца действительно до отвала, а затем проводили в комнату на втором этаже - само собой, настолько паршивую, насколько и можно было ожидать в такой дыре, с кроватью без белья, грязным полом и какими-то подозрительными потеками на столе и даже на стенах, но главное - окно в ней, как быстро убедился Арвик, не открывалось, а дверь, напротив, не запиралась изнутри (щеколда была сломана). Снаружи ее, правда, тоже никто не запер, но Арвик не сомневался, что "Ось миног" будет открыта всю ночь, и спуститься вниз незамеченным ему не удастся. Что ж - оставалось только ждать переговоров с Юфтлингом.

Арматор явился на следующий день ближе к вечеру, когда Арвик уже бесился из-за затянувшегося ожидания, расхаживая в колготах (ненавистные сапоги он снял еще накануне и с тех пор не надевал) из угла в угол (не то чтобы в маленькой комнатенке для этого было много места) и придумывая, каким карам подвергнет Юфтлинга, когда станет королем. Но, когда за дверью заскрипели, наконец, половицы под тяжелыми шагами арматора, принц быстро взял себя в руки и даже натянул на лицо улыбку, надеясь, что она выглядит по-королевски великодушно, а не заискивающе.

Юфтлинг открыл дверь без стука и вошел без разрешения.

- Порядочные люди стучат, - огрызнулся Арвик, мигом утрачивая заготовленную улыбку. - А если бы я тут на горшке сидел?

- За время моей работы мне доводилось видеть и не такое, - брюзгливо усмехнулся арматор. - Кроме того, это моя комната. Я заплатил за нее хозяину. И за твою еду вчера и сегодня тоже. Так что ты теперь тоже мой - по крайней мере, несколько фунтов тебя точно, а поскольку отделить их от остального не так легко, я бы на твоем месте не ерепенился, - он с кряхтением уселся на единственный в комнате табурет. Арвику ничего не оставалось, как сесть на край кровати напротив.

- Я деловой человек, - продолжал арматор, - поэтому перейдем сразу к делу. Кто заказал тебе "Герцогиню"?

- Что за вздор! - вполне искренне возмутился Арвик и добавил: - И прекратите говорить со мной в таком тоне! Я... дворянин! - он пристукнул ладонью по рукояти меча - не угрожающе, а только в знак подчеркивания своего статуса, хотя в Айринтии мечи могли носить и простолюдины (и этот, собственно, ранее принадлежал одному из них).

- В самом деле? - Юфтлинг насмешливо уставился не на меч, а на его криво заштопанные колготы и отставленные в сторону сапоги. Неряшливо обкусанные волосы в сочетании с отросшей за неделю щетиной также, очевидно, производили не самое аристократичное впечатление. - Хорошо, мой высокородный друг, я упрощу задачу. Выберите ответ из двух вариантов - Тугенфорк или... Тугенфорк?

- Мне никто ничего не заказывал, и я не знаю никакого Тугенфорка, - сердито ответил Арвик, но тут же вспомнил, что накануне уже слышал это имя.

Юфтлинг тяжело вздохнул: - У вас не так много друзей в этом городе, молодой человек. А если мы не договоримся, их станет еще меньше. И меня бы на вашем месте это серьезно беспокоило. Повторяю - не отнимайте мое время. Я так же хорошо, как и вы, знаю, кто поджег

корабль. При этом вы не моряк, это видно сразу, так что какие-либо соображения личных счетов тут исключаются. Версия номер два - бродяга, забравшийся в пустой корабль в поисках ночлега, устроил пожар случайно, когда развел огонь, пытаясь согреться. Но тогда пожар, скорее всего, возник бы на носу, в помещениях команды, а не в кормовой части нижней палубы. Для бродяги там не было ничего интересного. Остается третий вариант - поджог по заказу. В Кромбурге только один человек мог бы заказать уничтожение корабля Тугенфорка. Этот человек - я. Но я этого не делал. Значит, это сделал он сам.

- Зачем ему сжигать собственный корабль? - удивился Арвик.

- Не сомневаюсь, что он не стал объяснять это исполнителю, - издевательски улыбнулся Юфтлинг. - Допускаю даже, что вы действительно не знаете, кто именно вас нанял. Вы в городе человек посторонний, никого не знаете в лицо, и никто не знает вас и ни с кем не ассоциирует. Очень удобно. А причин у него две. Во-первых, страховка. "Герцогиня" была старым кораблем, нуждавшимся в ремонте. Тугенфорк, очевидно, решил, что сжечь ее будет выгодней, чем конопатить в очередной раз. Обычно корабли страхуют лишь на сезон навигации, но "Герцогиня" была застрахована на круглый год, сегодня я узнал это точно - к чему бы это? Поэтому, очевидно, она и стояла дальше всех от города и без охраны. Ну а во-вторых - чтобы обвинить в этом меня, по принципу "кому выгодно". Я полагаю, что, как только вы бы явились за деньгами, вас бы арестовали, чтобы выбить из вас именно эти показания. Так что, как видите, я спас вас от весьма неприятной участи.

- Ради чего?

- Ради того, чтобы вы рассказали правду, - пожал плечами Юфтлинг. - Дали показания на Тугенфорка. Поджог застрахованной собственности - это серьезное преступление. От тюрьмы он, скорее всего, отвертится, но это сильно подорвет его репутацию, плюс, конечно же, финансовые потери.

- А мне что за это будет? - Арвик совершенно не собирался впутываться в подобную историю, но был бы рад получить хоть какой-то финансовый аванс и улизнуть из "Оси миног" и из города. Идея вербовать Юфтлинга уже не казалась ему такой привлекательной - этот скользкий тип скорее выдаст его за верное вознаграждение сейчас, чем положится на благодарность нового короля в будущем.

- Поскольку при пожаре никто не погиб, вас не повесят, - спокойно ответил арматор. - Ах да, - насмешливо добавил он, - совсем забыл, дворян же в любом случае не вешают. Хотя у вас нет с собой вашей дворянской грамоты, не так ли? Пока вы тут крепко спали после поданного вам особого вина, вас обыскали и не нашли никаких документов, как, впрочем, и денег. ("Чертов притон!" - подумал Арвик.) Так или иначе, вас отправят в тюрьму, что в вашем положении не такой уж плохой вариант. Бесплатная еда, крыша над головой и, главное, - его веский тон пресек готовые вырваться у принца возмущенные восклицания, - возможность укрыться от более серьезных обвинений. Знаете, я ведь верю в ваше высокое происхождение. Сперва я принял вас за простого бродягу, но ваша манера говорить и держаться действительно выдает дворянское воспитание. А дворянин без гроша за душой и без документов, ведущий жизнь бродяги - это значит что? Это значит - беглый бунтовщик, разыскиваемый за измену. Сейчас, после этого идиотского мятежа, таких не так уж мало. К счастью для вас, Тайная Стража слишком глупа. Она будет искать вас где угодно, но только не среди заключенных в тюрьме, сидящих там за обычный криминал. А во-вторых, - Юфтлинг поднял руку, пресекая вновь готовые вырваться у принца возражения, - просидите вы там недолго. Где-то до лета.

- И что же случится летом? - криво усмехнулся Арвик.

- Я замолвлю за вас словечко перед новой властью, подтвердив, что истинная причина вашего заключения была не криминальной, а политической, и вас выпустят.

- Новой властью? - у принца воскресли прежние надежды. - То есть вы считаете, что Арвик возьмет реванш? Я...

- Нет, конечно, - брюзгливо перебил арматор. - Какой там Арвик? Во-первых, он мертв, а во-вторых, все это уже не имеет значения. Я же говорю - это был очень глупый мятеж. Совершенно неважно, кто сядет на трон в Дракенхайме сейчас. Все равно не позднее чем летом здесь будет Гроггендор.

- Вы так в этом уверены? - Арвика возмутил его безапелляционный тон. Арматор ответил ему снисходительной улыбкой многоопытного человека, поясняющего устройство мира наивному юнцу:

- Гроггендор готовится к этому давно, а теперь уже получил все, что хотел. И casus belli в виде сожженного посольства, и даже головы двух генералов, которые могли доставить ему наибольшие проблемы - Бронгара и Гартхарда... хотя сомневаюсь, что даже Бронгар, при всех его талантах, сумел бы остановить многократно превосходящую армию. Осталось только дождаться подходящей погоды, и участь Айринтии решена.

- И вы говорите об этом так спокойно?

- Мой патриотичный друг, только дурак будет пытаться развернуть ветер. Умный ставит паруса под нужным углом и плывет туда, куда ему надо, даже если ветер и не очень попутный. Тем паче что в данном случае он все же попутный. Больше никаких глупых мятежей и никаких войн, которые только вредят бизнесу. Империя придет и наведет порядок.

- В Гроггендоре хватает своих Тугенфорков, - едко заметил Арвик.

- Да, конкуренция возрастет, - невозмутимо согласился Юфтлинг. - Но возрастут и объемы торговли, как только исчезнут эти идиотские таможенные барьеры, так что места на рынке хватит всем... во всяком случае, всем достойным. Кроме того, это позволит, наконец, очистить море от пиратов. Сейчас айринтийские власти фактически подкармливают их, потому что боятся строить собственный военный флот. Когда Гроггендор будет до самого Велленфорта, эта проблема тоже исчезнет. Объединенный имперский флот станет господствовать на море, и мои корабли смогут свободно ходить во все порты. Включая тлукаляханские. Язычникам с их допотопными галерами тоже придется принять новые правила игры.

- Если только прежде ваши корабли не погибнут во время войны или не будут конфискованы под каким-нибудь предлогом.

- Этого не случится.

- Вы говорите так уверенно, словно имперцы дали вам какие-то гарантии, - Арвик пристально посмотрел на него.

- Мой любопытный друг, вы задаете слишком много вопросов, - усмехнулся арматор, хотя последняя фраза принца даже и не имела вопросительной интонации. - Короче, вы принимаете мое предложение?

- Во-первых, никакой Тугенфорк меня не нанимал, - ответил Арвик. - Хорошо, я признаю, что корабль сгорел из-за меня, но верна ваша вторая версия, а не третья.

- Это не столь уж важно... - начал Юфтлинг, но на сей раз принц решительно перебил:

- Во-вторых, я не собираюсь садиться в тюрьму, а если бы даже и да - у меня нет никаких гарантий, что вы бы вытащили меня оттуда хоть при гроггендорской власти, хоть при какой. Вы бы просто оставили меня гнить там, коль скоро я вам больше не нужен.

- В Кромбурге знают, что я всегда исполняю свои обещания, - поведал арматор, - независимо от того, означают ли они хорошее или плохое для того, кому даны. Так что вам лучше согласиться на первое и не вынуждать меня пообещать вам второе. Выхода у вас все равно нет... даже и в буквальном смысле, - усмехнулся Юфтлинг.

Рука принца снова легла на рукоять меча, а брови гневно сдвинулись. Его приближенные обыкновенно приходили в ужас, видя это выражение, предвещавшее взрыв ярости. Но арматор лишь покровительственно улыбнулся:

- И брать меня в заложники - это тоже очень плохая идея. По двум причинам. Во-первых, посмотрите повнимательнее на свой меч...

Арвик потянул оружие из ножен, уже догадываясь, что увидит. Ну разумеется! Вместо обоюдоострого клинка он обнаружил овальный в сечении металлический брусок, той же длины и массы, что и меч, но, естественно, бесполезный в бою. Выходит, ночью его не только обыскали, но и подменили меч на учебный!

- А во-вторых, - продолжал Юфтлинг, игнорируя гримасу ярости на лице своего визави, - допустим даже, вы бы вынудили меня попросить моего одноглазого друга, здешнего хозяина, пропустить вас - но куда вам деваться дальше? Городская стража мне, увы, не подчиняется. А Тайная так и подавно. Вы уверены, что хотите привлечь ее внимание?

- Нет, - Арвик вновь заставил себя успокоиться. Он уже окончательно понял, что пытаться склонить Юфтлинга к поддержке "глупого мятежа" бесполезно, а грозить ему в ответ разоблачением его связей с гроггендорцами тем паче не стоит - во всяком случае, не в нынешних обстоятельствах. Однако у принца родилась новая идея: - Я просто хочу сделать вам другое предложение. Более выгодное для нас обоих.

- И?

- Мне нужно попасть в Айзеншлосс. До того, как его займут королевские войска.

- И? Вы что-то сказали про "нас обоих".

- Я знаю, где там спрятана казна принца Арвика.

Это был, разумеется, блеф. Никакой казны у него, по сути, не было. В свое время ему пришлось бежать из Дракенхайма слишком поспешно. И даже то золото, что он все-таки вывез, было все уже растрачено на найм и содержание армии. По большей части он расплачивался со своими людьми векселями - пока еще находились желающие давать ему в долг. Теперь, очевидно, таких желающих уже не будет - во всяком случае, до тех пор, пока ему не удастся добиться перелома в войне. А уж в Айзеншлоссе он не оставил даже самого жалкого тайника - он ведь рассчитывал, что древняя столица падет, пока он берет нынешнюю. Но Юфтлинг не мог этого знать.

- И забрать ее оттуда могу только я, - поспешно прибавил Арвик. - Мои люди не отдадут ее никому другому.

Он запоздало сообразил, что выдал себя этим "мои", но не заметил никакой реакции на лице Юфтлинга и успокоился. В самом деле, ведь так мог сказать не только сам принц, но и некий его приближенный, отвечавший за охрану сокровищ.

- Полагаю, - заметил арматор без воодушевления, - если это и правда, они поделили сокровища между собой и разбежались, как только сняли осаду.

- Это не так просто, - возразил Арвик, сочиняя на ходу. - Упрощенно говоря, есть те, кто хранят ключ, и те, кто знают, где замо́к. Они не знают друг друга. Но знают меня.

- И столь ответственные сведения и полномочия были доверены столь молодому человеку? - Юфтлинг не скрывал своего скепсиса. - У которого к тому же нет даже подходящих сапог?

- Ну разумеется вся эта одежда не моя, - брезгливо ответил Арвик. - Мою забрали мародеры, которые сочли меня мертвым после боя. А что до возраста, то принц Арвик сам молодой человек и делает ставку на молодых. Это же естественно, старики обычно на стороне существующего порядка...

- Во всяком случае, проявляют должную осторожность и не лезут в сомнительные авантюры, - покивал арматор, явно намекая на себя. - Так почему, по-вашему, я должен верить голословным утверждениям человека в чужой одежде и без документов, которого вижу второй раз в жизни?

- Я не предлагаю верить мне на слово, - пожал плечами принц. - Я предлагаю вам поехать туда вместе, и вы, разумеется, возьмете столько людей для охраны, сколько сочтете нужным. Даже в худшем случае вы ничего не теряете.

- Кроме моего времени, которое, как известно, деньги, - проворчал Юфтлинг. - К тому же

Тугенфорк может объявить мой отъезд бегством из-за угрозы разоблачения моей якобы роли в поджоге его корабля.

- Вы можете отправить вместо себя кого-то, кому готовы доверить столь деликатное дело, - с умыслом предложил Арвик.

- Нет уж, это вряд ли, - не обманул его ожиданий арматор. - В принципе, у меня есть дела в городе и до сезона навигации... но не такие уж срочные. А у Тугенфорка нет никаких доказательств - их ведь в принципе нет, не так ли? Так что, пожалуй, небольшое путешествие я себе позволить могу. Но очень надеюсь, мой искушающий друг, что вы не пытаетесь меня обмануть. В ваших же интересах меня не разочаровывать.

- Я тоже надеюсь, что тайник все еще цел, но, коль скоро он там, а я здесь, абсолютно гарантировать это не могу, - развел руками Арвик. - Поэтому в наших общих интересах поторопиться.

По пути в Айзеншлосс, рассчитывал он, охрана Юфтлинга будет только на пользу. А когда они окажутся среди верных принцу людей, старого наглеца ждет большой сюрприз, и никакие головорезы, сколько бы он их ни взял - десять, двадцать? - ему не помогут.

- Ну допустим, - нехотя согласился Юфтлинг. - Осталось договориться о долях. Думаю, 25% будет справедливо.

- Конечно, - тут же кивнул принц, который был уверен, что Юфтлинг потребует минимум половину.

- Я имею в виду - 25% вам, - уточнил арматор.

-Ну знаете ли! - возмутился Арвик, словно забыв, что никаких сокровищ на самом деле нет. - С какой стати вам три четверти?!

- С такой, что я организую экспедицию и беру на себя все расходы, а у вас нет даже нормальных сапог. Как, кстати, и каких-либо прав на эти деньги. Они ведь принадлежат не вам, а Арвику, не так ли? Ну или, после его смерти - айринтийской короне. Хоть по кровному родству, хоть по закону о лишении мятежников прав состояния... Кстати, - прищурился он, - я ведь до сих пор не знаю вашего имени.

У принца мелькнуло искушение нагло назваться Арвиком, но, хотя он и не был единственным в Айринтии носителем этого достаточно редкого имени, подобное совпадение - ведь он обозначил себя в качестве одного из приближенных принца - выглядело бы слишком неправдоподобным и легко проверяемым.

- Вильфред Фельзенбург, - сказал он.

- Насколько мне известно, сын графа Фельзенбурга мертв точно так же, как и его отец, - покачал головой арматор, демонстрируя изрядную для человека, чей профиль - морская торговля, осведомленность в делах феодальных домов.

- Как я и сказал, мародеры так и подумали, - кивнул Арвик. - Тогда я был без сознания и не мог помешать им меня ограбить. Но сейчас я в сознании и вам этого не позволю. Пятьдесят процентов. Соглашайтесь, или не получите ничего.

- Я могу отправить вас в тюрьму и подождать, пока вы станете сговорчивее, - заметил Юфтлинг.

- И дождаться, пока Айзеншлосс возьмут войска узурпаторши и перекопает Тайная Стража?

- Хмм... ну допустим. Пятьдесят, но все расходы на экспедицию я вычту из вашей доли.

- Договорились, - произнес Арвик с таким удовлетворением, словно клад и в самом деле существовал. В этот момент он и сам почти верил в это.

- Хорошо. Вам придется погостить здесь еще день-другой, пока я сделаю все необходимые распоряжения и прослежу за их выполнением.

- Мы спешим, - еще раз напомнил Арвик.

- Тише едешь - дальше будешь[75], мой нетерпеливый друг.

Юфтлинг неторопливо поднялся, затем, словно что-то вспомнив, добавил:

- Вам ведь нужна новая одежда и сапоги. Насколько малы вам эти?

- Не меньше чем на дюйм, - сердито ответил Арвик.

- Хорошо, - кивнул арматор, наклонился и подобрал стоявшие на полу сапоги. - Я распоряжусь, чтобы вам купили на дюйм больше.

С этими словами он вышел, унося сапоги с собой и оставив, таким образом, Арвика без обуви - хотя бы даже и такой. Естественно, это была дополнительная мера против его возможного побега - хотя шансов у Арвика было бы немного и в сапогах. В любом случае, теперь ему оставалось лишь смириться и ждать, как бы это его ни бесило.

Он не мог знать, разумеется, что в этот самый день из Дракенхайма на запад уже выступил сводный батальон Локхарта, направляясь прямиком в Кромбург - первый город на их маршруте, где должна была состояться частичная ротация гарнизона. Впрочем, если бы Арвик об этом знал, то чувствовал бы себя намного спокойнее, ибо мог бы рассчитать время. Теперь же, не имея понятия о действиях своих врагов - и даже о действительных намерениях такого сомнительного союзника, как Юфтлинг - принц вынужден был терзаться муками неопределенности. Которые к тому же вновь усугублялись жаждой и голодом - ибо, будучи опоенным в "Оси миног" один раз, он больше почти не прикасался к приносимой ему еде, предпочитая отправлять ее прямиком в отхожее место - единственное помещение, куда он мог беспрепятственно выходить из предоставленной ему комнаты. Когда он сделал попытку спуститься в общий зал, дорогу ему преградил ухмыляющийся амбал, посоветовавший "не маячить внизу" ради, мол, его же собственной безопасности - "а то там всякая публика бывает, есть и такие, что и мать родную за лишнюю пинту бухла продадут". Арвик внезапно сообразил, что это предупреждение могло быть вовсе не лицемерным - Юфтлинг, вероятно, и впрямь опасался, что разыскиваемого мятежника, на которого у него теперь имелись собственные виды, кто-нибудь из посетителей "Оси миног" может выдать властям в расчете на награду. "Никому уже нельзя доверять в Айринтии, - подумал принц со злой иронией, - раньше хотя бы у уголовников считалось, что выдавать кого-то властям - "западло"". Впрочем, он определенно не был для этих людей своим, а стало быть, и их "понятия" на него не распространялись.

Так или иначе, Арвику пришлось просидеть в заточении еще два дня, прежде чем Юфтлинг объявился снова и сообщил, что все готово и они отправляются в путь прямо сейчас.

- Так что там насчет одежды и сапог? - холодно осведомился принц.

- Переоденетесь в карете, - ответил арматор.

- А вернуть мне мой меч вы не желаете? - осведомился Арвик, прекрасно зная ответ.

- О вашей безопасности будет кому позаботиться, - буркнул Юфтлинг, открывая дверь и делая приглашающий жест. Идти впереди, подставляя спину, он, похоже, при всей уверенности в себе не собирался.

Они спустились на первый этаж, но вышли, следуя указаниям Юфтлинга, не через главный вход, а через кухню на задний двор, который примыкал к узкому, дурно пахнущему каналу, не замерзавшему даже зимой. У Арвика мелькнула мысль, что в этот канал подчиненные одноглазого хозяина сбрасывают не только кухонные отходы, но и трупы. Ступив на шаткий, обросший по бокам бахромой желтых сосулек мостик, Арвик едва удержался от того, чтобы взглянуть с опаской на топавшего сзади Юфтлинга - хотя у того, конечно, не было никакого резона сталкивать его в смрадную воду. За мостиком по ту сторону канала начинался узкий ход между двумя громоздкими строениями без окон - вероятно, портовыми складами - где даже солнечным утром царил почти совершенный мрак. Принцу оставалось лишь надеяться, что он в своих колготах с тонкими подметками не вляпается в этой щели ни в какое дерьмо и не наступит

---

[75]В оригинале The more haste, the less speed.

на гвоздь или острые осколки. Но все обошлось, и спустя еще минуту Арвик, все так же сопровождаемый топавшим сзади арматором, выбрался, наконец, на открытое пространство (находившееся, впрочем, внутри ограды с воротами), где уже поджидали запряженная парой лошадей поставленная на полозья карета без опознавательных знаков, еще две оседланные лошади без всадников и обещанные Юфтлингом спутники.

Арвик ожидал увидеть большой вооруженный отряд, но их оказалось всего трое. И выглядели они так, словно вышли из какой-нибудь сказки или комедии: здоровенный амбал, носатый и губастый, с коротко обкромсанной светло-каштановой шевелюрой и густой бородищей, отливавшей на солнце в рыжину, худой, практически изможденного вида узколицый брюнет с длинными прямыми волосами, ростом на дюйм ниже Арвика, но с такими длинными и тонкими конечностями, что он вызывал неприятную ассоциацию с пауком или богомолом (длинный шрам тянулся вдоль всей его впалой правой щеки и пересекал угол сухого рта), и коренастый коротышка, чья круглая, казавшаяся непропорционально большой голова с матросским кольцом в ухе была лишена всякой растительности, что, на первый взгляд, лишало его такой характеристики, как цвет волос, хотя, присмотревшись, можно было все же различить редкие белесые брови. На поясе амбала висела широкая и тяжелая абордажная сабля[76], худой был вооружен эстоком, таким же узким и длинным, как и он сам, и лишь коротышка выглядел безоружным, хотя под его коротенькой курткой или за широкими отворотами сапог - а возможно, и там, и там - наверняка тоже было что-то припрятано.

- Позвольте представить вам Бурого, Черного и Белого[77], - с усмешкой провозгласил Юфтлинг. - Их подлинных имен не знаю даже я, но они и не имеют значения. А значение имеет то, что в бою каждый из них стоит по меньшей мере троих - по меньшей мере, я подчеркиваю - и, кроме того, они кое-чем обязаны мне лично, а потому лучшей охраны в нашей маленькой экспедиции и пожелать нельзя.

"Ну да, - подумал Арвик, - отправляясь за сокровищами, лучше брать с собой поменьше народу. Впрочем, едва ли их хваленая верность хозяину выдержала бы испытание серьезными деньгами, окажись клад настоящим." Так или иначе, его этот немногочисленный эскорт вполне устраивал. Маленькая группа привлекает меньше внимания и мобильнее больших отрядов, а ему главное - побыстрее добраться до Айзеншлосса...

- Моего высокородного друга, - продолжал Юфтлинг, обращаясь уже к "поросятам", - можете называть просто "сэр". Хотя, в общем-то, я плачу вам не за то, чтобы с ним разговаривать...

Троица молча покивала, окидывая принца взглядами, лишенными всякой почтительности. Особенно ему не понравился холодный цепкий взгляд Черного, производившего впечатление (неизвестно, впрочем, насколько верное) самого умного из троих. Арвик понимал, что в своем нынешнем обличии - с коротко обкусанными волосами и столь же неухоженной отрастающей бородой, не говоря уже про рваную одежду - он мало похож на свои портреты, плюс к тому же о его смерти официально объявлено аж два раза. И все же - может ли кто-то из этой компании догадаться, кто он такой на самом деле? Награда за его поимку отменена, но это совсем не значит, что она не может быть возобновлена снова, если его враги получат веские доказательства (а что может быть более веским доказательством, чем он сам?) и по крайней мере Юфтлинг, вероятно, предпочтет этот более надежный вариант гипотетическому кладу. А вот что предпочтут "поросята", еще неизвестно... "Ничего, - подумал Арвик, - только дайте мне добраться до Айзеншлосса, и я покажу вам, кто тут Большой Серый Волк."

---

[76]Отличие сабли от меча - кривая форма клинка. Т.о., например, катана - не меч, а сабля. Кроме того, если меч обязательно обоюдоострый (в противном случае это палаш), то сабли обычно однолезвийные (в том числе и данная). Абордажная сабля короче (но не легче) типичного меча, что делает ее удобной для использования в ограниченном пространстве.

[77]Browny, Blacky и Whitey - имена Трех Поросят в одной из версий сказки.

- Что ж, не будем более задерживаться, - изрек Юфтлинг, делая Арвику приглашающий жест в сторону кареты. Коротышка тем временем проворно взобрался на козлы, а двое других "поросят" - в седла своих коней. У Арвика мелькнуло даже что-то вроде мимолетного сочувствия к лошади, на которую взгромоздился амбал; к лошадям принц испытывал несколько бо́льшую симпатию, чем к людям, хотя, разумеется, жертвовал ради своих целей первыми с ничуть не меньшей готовностью, чем вторыми.

В следующий миг он уже ступил на слегка скрипнувшую под ногой подножку, забираясь в полутемное, пахнущее кожей нутро кареты.

- Вот ваша одежда, - кивнул Юфтлинг на сложенные на сиденье вещи; сам он уселся на сиденье напротив и дважды стукнул в стену за своей спиной, давая знак кучеру. Карета тут же тронулась, едва не заставив Арвика повалиться на приготовленную для него одежду. Принц метнул на арматора полный раздражения взгляд.

- Переодевайтесь при мне, - с усмешкой подбодрил его Юфтлинг, - я не стеснительный.

Арвику ничего не оставалось, как последовать совету. Предназначенный для него костюм, впрочем, вполне подходил для дворянина, и, главное, сапоги наконец-то были впору. Сменив свои рваные колготы на новые шоссы (модные, но не подходящие для езды верхом, для которой требуются колготы, рейтузы или кожаные штаны - очевидно, Юфтлинг специально затруднял своему "компаньону" возможный побег, но выбирать не приходилось), Арвик принялся натягивать через голову теплую фуфайку - и тут почувствовал прикосновение к своей лодыжке сквозь кожу сапога и услышал металлический щелчок. Арвик резко продернул голову через ворот фуфайки - и в бешенстве уставился на цепь, соединившую его правую ногу с вмурованным под сиденьем кольцом.

- Какого черта?!

- Просто мера предосторожности, - невозмутимо ответил Юфтлинг, разгибаясь. - Поскольку с того момента, как мы выедем за городские ворота, вы будете заинтересованы в моем обществе меньше, нежели я в вашем, мне приходится уравнивать шансы.

- Шансы?! - в бешенстве вскричал Арвик. - А какие у меня шансы, что вы не прикончите меня, как только доберетесь до клада?

- Мое слово, - ответил Юфтлинг все так же спокойно. - Как я уже говорил, все в Кромбурге - и не только - знают, что я всегда держу его. Однако относительно вашего слова этого не знает никто. Я даже не уверен, что имя, которым вы представились, действительно принадлежит вам.

- Немедленно снимите это, - процедил Арвик, кое-как совладав с первым приступом ярости, - или нашей сделке конец.

- Боюсь, молодой человек, вы не в том положении, чтобы ставить условия. До Айзеншлосса мы доедем и без ваших ценных указаний, а там...

- А там вы окажетесь среди людей, все еще хранящих верность принцу Арвику. И если они узнают, что с... одним из верных сподвижников принца дурно обращались...

- Верным сподвижником принца, желающим его ограбить, не так ли? - перебил с усмешкой Юфтлинг.

- Здесь мы в одной лодке, - буркнул Арвик. - И, между прочим, - добавил он по внезапному наитию, - в большей степени, чем вы, похоже, думаете. За эти два дня кое-что изменилось. Вы уже не можете выдать меня Тайной Страже.

- Вот как? И что же именно изменилось?

- Прошли два дня, - усмехнулся Арвик. - Куча свидетелей может подтвердить, что вы могли выдать меня два дня назад. Как надлежало поступить верноподданному узурпаторши. Но вы этого не сделали. Следовательно - вступили со мной в сговор... или даже находились в нем уже давно. И в случае моего ареста вам тоже придется отвечать на очень неприятные вопросы. О ваших шашнях с гроггендорцами в том числе.

- Ну, это еще надо доказать...

- Костоломы Крампа это умеют, - заверил Арвик. - Особенно когда знают, в каком направлении копать. Так что выкиньте из головы мысль, что вы можете сдать меня и получить награду. Вместо награды вы получите большую проблему. И вообще, - все более расходился Арвик, - еще вопрос, кто из нас кого может сдать. Меня-то, по крайней мере, в любом случае не повесят. Так что немедленно освободите меня и не пытайтесь больше выкидывать подобные шутки!

Юфтлинг, казалось, размышлял.

- Я все еще не вижу, какие у меня гарантии, - проворчал он.

- Сейчас у меня ни денег, ни оружия, ни коня, - раздраженно констатировал Арвик. - Так что мне нужна ваша помощь и охрана по дороге в Айзеншлосс. А когда мы доберемся до места, вам в любом случае придется довериться моему слову, если хотите, чтобы я доверял вашему.

Арматор все еще колебался, хотя, очевидно, должен был понимать, что едва ли, прибыв во все еще подконтрольный мятежникам город, сможет удерживать своего спутника в качестве пленника. Даже если намерение похитить то, что он обязался охранять, и лишит "Вильфреда Фельзенбурга" прямой поддержки бунтовщиков, он слишком легко мог бы привести своих нежеланных сообщников вместо клада в ловушку - особенно если решит, что самому ему терять уже нечего. Стало быть, взаимное доверие и добровольное согласие все же необходимы...

Карета тем временем замедлила ход, и Арвик, отодвинув темно-красную шторку, бросил быстрый взгляд в окно.

- Ворота, - констатировал он. - Или вы немедленно снимете цепь, или я позову стражу. Я лучше сдам нас обоих, чем стану терпеть подобное обращение еще хоть минуту!

- Вы блефуете, - уверенно возразил Юфтлинг.

- Хотите проверить? - ощерился Арвик. - Просто подумайте, кто из нас потеряет больше. Я и так беглец без гроша в кармане, а вот вы...

- Ладно, ладно, - поспешно буркнул арматор, понимая, что времени на обдумывание и торговлю не остается. - Сейчас возьму ключ, он не у меня.

Откинув вниз оконную раму со стеклом, он подозвал ехавшего слева Черного и сказал ему условное слово. Тот молча и не демонстрируя никакого удивления протянул ключ. Арматор захлопнул окно, задернул занавеску и низко склонился на своем сиденье, чтобы снять цепь. Арвик испытал сильнейшее искушение пнуть его сапогом в лицо.

В этот самый момент карета достигла ворот и остановилась; послышался оклик стражника и неразборчивый ответ Белого. Это было делом необычным - обыкновенно стража если кого и останавливала, то только въезжающих, а не желающих покинуть город (если, конечно, те не выглядели слишком уж подозрительно), но, как видно, режим усиленной бдительности все еще действовал то ли из-за недавнего пожара в порту, то ли из-за мятежа, хотя его предводитель и был уже объявлен мертвым.

Неудовлетворенный, очевидно, ответом кучера, стражник постучал в дверь кареты (вполне, впрочем, деликатно, учитывая немалую стоимость экипажа). Юфтлинг, согнутый в три погибели, все еще возился с замком кандалов. Стражник постучал уже более настойчиво, невольно заставив Арвика отодвинуться подальше в угол. Он понимал, что никакого оружия в карете нет - арматор не такой дурак, чтобы позволить взять себя в заложники, все оружие - у его людей снаружи. Как они будут реагировать, если неожиданная задержка вызовет у стражи всплеск подозрительности? "Что вы там копаетесь?!" - прошипел сквозь зубы принц.

Арматор, наконец, разомкнул браслет и выпрямился; его лицо было пунцовым от прилива крови. "Сэр!" - донесся требовательный голос стражника снаружи.

Юфтлинг отдернул занавеску и раздраженно высунулся в окно: - Ну что такое?

- О, это вы, господин Юфтлинг. Прошу прощения за беспокойство. С вами все в порядке?

- Уронил запонку, искал на полу, - брюзгливо ответил арматор. - А вы тут колотитесь так,

словно я укрываю беглого преступника.

- О, нет-нет, сэр. Просто не признали вашу карету.

- Это не та, в которой я езжу обычно. Вообще-то я еду по делам моего бизнеса, требующим конфиденциальности. Вам это понятно?

- О, конечно, сэр.

- В самом деле? - усмехнулся арматор. - Сколько Тугенфорк пообещал вам за информацию о моем отъезде?

- Вообще-то, - стражник не столько смутился, сколько изобразил смущение, - каждому по гульдену, сэр.

- Этот скряга? Не думаю, что он посулил больше батцена. Но так уж и быть, - Юфтлинг отсчитал и протянул в окно золотые монеты. - Говорят, вино плохо влияет на память.

- О, спасибо, сэр. Непременно выпьем сегодня за ваше здоровье. И за успех вашего дела.

- Какого дела? - грозно нахмурился арматор.

- Никакого, сэр! - сообразил, наконец, стражник. - Мы вовсе вас не видели и знать не знаем ни о каких ваших делах. Счастливого пути, сэр!

- Идиоты, - проворчал Юфтлинг, закрыв окно и откидываясь на спинку сиденья напротив злобно взиравшего на него Арвика. - За что я только плачу налоги в городскую казну? Но вот будет потеха, если Тугенфорку доложат о моем отъезде и с восточных, и с южных ворот, где меня, понятно, в глаза не видели. Просто чтобы не упускать свои батцены.

Карета, шурша полозьями по хорошо укатанной дороге, выехала из ворот Кромбурга и покатилась дальше на север.

Войско Локхарта вошло в Кромбург лишь три дня спустя под вечер. Погода была типичной для этого времени года на побережье - все небо затянула низкая серая облачность, улицы продувал холодный сырой ветер - но успевшие уже соскучиться без развлечений горожане (после рождественско-новогодних праздников в портовых городах наступает самая унылая пора, тянущаяся до весеннего открытия навигации) во множестве высыпали на улицы, приветствуя королевскую армию. Куда более многочисленное войско Драббена, не так давно промаршировавшее через город в обратном направлении, удостоилось в свое время куда более прохладного приема - ибо, в особенности на фоне принесенного им известия о гибели Бронгара, его марш воспринимался как отступление и внушал понятную тревогу, батальон же Локхарта, направлявшийся на север, служил зримым символом победы законной королевы и скорого окончания смуты. Кое-где патриотично настроенные горожане даже запрудили узкие улочки так, что мешали проходу войска; впрочем, ни к каким серьезным инцидентам это не привело.

История со сгоревшей в порту "Герцогиней" (так и оставшейся единственной жертвой пожара - огню не позволили перекинуться на другие суда) к этому времени успела уже не то чтобы забыться, но уйти из разряда обсуждаемых тем. Тугенфорк, правда, все еще не оставлял усилий добыть доказательства вины Юфтлинга, поспешный отъезд которого он расценил как едва ли не прямое признание вины - но, разумеется, ничуть не преуспел. Официальные власти склонны были списать все на "несчастный случай", виновников которого "невозможно установить". Разумеется, у Тугенфорка были свои агенты в магистрате, настаивавшие на более тщательном расследовании - но и люди Юфтлинга в том же магистрате, в свою очередь, не дремали, прозрачно намекая на версию об умышленном поджоге застрахованной собственности самим Тугенфорком (и в итоге тот счел-таки за благо угомониться, дабы спокойно получить свою страховую выплату, не осложняя процесс дополнительным расследованием). Локхарту о сгоревшем корабле, не имевшем никакого видимого касательства к его миссии, никто даже не доложил - впрочем, данный инцидент все же имел некоторое малозначительное последствие для его войска. А именно, когда на следующей день, после проведенной согласно приказу ротации, батальон покинул город, его численность оказалась на трех человек больше, чем когда он в него

вступил. Среди этих трех, пожелавших срочно записаться не просто в королевскую армию - это они могли сделать и раньше, присоединившись к городскому гарнизону - а именно в уходящий из города батальон, был и некто Абрахам Мунстраль, более известный среди товарищей-матросов как просто Мунс. Молва, из-за некогда неосторожно брошенных им слов, приписала поджог "Герцогини" именно ему, и, как проницательно заметил один из завсегдатаев "Оси миног", его полная невиновность в этом вопросе не имела для его дальнейших перспектив никакого значения. Несколько дней он просто прятался в городе, не желая попадаться на глаза ни страже, ни, главное, жаждущим разделаться с ним матросам (причем в расправе охотно приняли бы участие не только ходившие на "Герцогине", но и их движимые цеховой солидарностью товарищи), пока возможность покинуть Кромбург в составе столь кстати подвернувшегося королевского батальона не стала для него настоящим спасением. Как, кстати говоря, и для двух других новобранцев, также срочно вступивших под королевские знамена по причинам, далеким от чистого патриотизма (хотя и не связанным с пожаром). Что Краут - лично, хотя и коротко, переговоривший со всеми тремя претендентами - прекрасно понимал, однако дефицит людей, который испытывали верные королеве войска, побудил его зачислить всех троих. С оружием они обращаться умели, а святых, как любил говорить еще первый командир самого Краута, у которого тот начинал службу рядовым, следует искать в монастырях, а не в армии.

Локхарт был доволен тем, как проходит поход. Хотя погода уже не баловала, как в первый день, со стороны Кирландского залива постоянно натягивало тучи, из которых периодически сыпался мелкий снег и противная ледяная крупа, но не было ни сильных морозов, ни настоящих вьюг и заносов, и батальон держал очень неплохой для зимнего времени пехотный темп, проходя по пятнадцать миль в день (если не считать задержек в крепостях, где происходила ротация). Правда, засидевшимся в гарнизонах солдатам, вливавшимся в батальон, было поначалу труднее выдерживать этот темп, чем уже привычным к длительным переходам участникам похода Бронгара, но и они быстро восстанавливали форму. И даже Вельо, никогда в прежней жизни не совершавший подобных марш-бросков (даже во время подготовки к полету научная часть команды "Доброй воли" не проходила столь суровые физические тренировки, как летный экипаж, и уж тем более, понятно, никому из них не доводилось маршировать в кольчуге и с алебардой, а не в максимально удобных костюмах, спроектированных по нормам эргономики XXI века), не расклеился и не изводил товарищей брюзжанием, чего опасался Локхарт. Первый день пути великан, чей шаг был в полтора раза длиннее, чем у большинства солдат, отшагал вообще играючи - однако на следующее утро у него отчаянно ныли все мышцы. Все же он избежал главной опасности пеших маршей - стереть ноги, о каковой ни он сам, ни Локхарт даже не подумали, ибо слишком привыкли к высокотехнологичной обуви своей эпохи, делавшей подобную угрозу попросту неактуальной. Однако об этом подумал Краут (знавший, конечно же, что Вельо - не обычный солдат), а с его подачи - и командир отделения, к которому теперь был формально приписан итальянец. Великан, конечно, изрядно смутился, когда у него, словно у маленького ребенка, прямо на глазах у других солдат проверили, правильно ли он надел чулки и сапоги, однако у него вполне хватило ума сообразить, что эта мера была отнюдь не лишней - особенно учитывая, что никому из его новых сослуживцев не пришло в голову подтрунивать при виде этой сцены. Все они когда-то были новобранцами и знали, насколько важен для пехотинца этот вопрос. Все же, хотя данной проблемы Вельо удалось избежать, на второй день пути его состояние явственно читалось у него на лице, и Локхарт (сам проделавший весь путь в седле, что, кстати, было тоже тяжеловато для него с непривычки к столь длительным поездкам верхом) предложил ему передохнуть, проделав часть пути в обозных санях (согласно распоряжению Краута, утвержденному Локхартом, уставшим солдатам в принципе предоставлялась такая возможность, но - поскольку мест в обозе хватило бы, разумеется, далеко не на всех - в этом случае у них вычиталось дневное жалование). Вельо, однако, гордо отказался, и вовсе не потому,

что дорожил платой, назначенной ему наряду со всеми прочими участниками похода. Хотя, похоже, эти заработанные на королевской службе медяки тоже служили ему поводом для гордости - точнее, для своеобразной смеси гордости с самоуничижением: вот, мол я, доктор и профессор, очень неплохо получавший в прежней жизни, теперь гожусь только для того, чтобы таскать алебарду за жалкую плату ландскнехта - но уж зато ее зарабатываю честным трудом, а не живу на всем готовом по чужой милости! Вероятно, с таким настроем он не был бы приятным собеседником для Локхарта (полковник и не напрашивался), но, во всяком случае, со своими новыми товарищами он держался оптимальным образом - без высокомерия и без заискивания, с расчетом честно заслужить их уважение, что ему, похоже, удавалось уже хотя бы благодаря физическим габаритам. Локхарт лишь надеялся, что если дело все же дойдет до реального боестолкновения, то Вельо, раз уж ему так хочется играть в дисциплинированного солдата, подчинится приказу оставаться при своем командире и "охранять" его, а не ломанется в первые ряды демонстрировать свою доблесть и приобретенные навыки алебардщика.

К моменту выступления из Кромбурга дальше на север Вельо уже вполне втянулся в маршевый темп, вознаграждая себя за трудности пути трехкратными порциями еды на привалах (в чем батальонные кашевары ему не отказывали), так что Локхарт перестал беспокоиться по его поводу. Отношения полковника с Краутом также складывались вполне благополучно - без претензий на дружбу (на каковую Локхарт опять-таки и не думал напрашиваться), но по-деловому и на основе взаимного (во всяком случае, у Локхарта не было повода в этом сомневаться) уважения. В целом, пока что поход выглядел просто идеальной учебно-тренировочной миссией для командира, желающего набраться опыта без реального риска для своих людей.

К тому времени, когда батальон покинул Лоттербург - последнюю на своем маршруте крепость на побережье - и повернул, наконец, на восток в сторону Айзеншлосса, его состав обновился более чем на три четверти - что опять-таки пока что не доставляло никаких проблем. Возможно, ситуация обстояла не настолько благополучно в оставленных ими позади городах, где гарнизонная скука в эту самую унылую пору года в принципе могла спровоцировать конфликты между новоприбывшими и "старичками", но солдатам на марше, каждый день выкладывавшимся по полной, было не до таких глупостей. В общем, все шло по плану, и это было совершенно логично - и все же Локхарта нет-нет да и колола мысль, что все слишком уж гладко. Он не был суеверен, и такая мысль никогда не посещала его в космосе, где все и *должно* было идти согласно предварительным расчетам - а всякое отклонение от таковых почти наверняка означало катастрофу. Но в космосе действительно можно было заранее просчитать практически все - траектории, гравитацию, расход топлива и прочих ресурсов, технические характеристики корабля и надежность его систем (имеющих двойное и тройное резервирование). Все это вычислялось по простым (ну, относительно) и точным формулам и практически не оставляло места для неожиданностей - нужно было просто доверять технике и максимально исключить влияние человеческого фактора. Кэйлианскую катастрофу, конечно, просчитать заранее было нельзя, но она-то как раз и была торжеством этого фактора, точнее, его инопланетного (а стало быть, еще более непредсказуемого) аналога. В остальном же нештатные ситуации в космосе случались гораздо реже, чем где-либо еще.

На Земле же все было по-другому. Земля - и в особенности теперешняя, провалившаяся в куда более иррациональную эпоху, чем пусть несовершенная, но все же высокотехнологичная цивилизация второй половины XXI века - была царством пресловутого фактора, порождающего не просто лишние, но и принципиально непросчитываемые неизвестные в уравнениях. И отсутствие отклонений от плана наводило на мысль не о том, что мы все учли, а о том, что мы чего-то не замечаем. Причем возможно - кто-то специально старается, чтобы мы этого не заметили.

Поэтому, когда тыловой дозор доложил о стремительно нагонявшем батальон гонце,

Локхарт даже не удивился. Подсознательно он ждал чего-то подобного, и пусть уж лучше это будет просто гонец, чем внезапное нападение каких-нибудь фанатиков, не понимающих и не желающих понять, что их дело проиграно.

Гонец оказался, как Локхарт и ожидал, из покинутого ими накануне Лоттербурга, куда голубь доставил послание из Айзеншлосса. Послание извещало о состоявшейся в Айзеншлоссе "коронации короля Арвика II" "священными регалиями айринтийских королей" и "возвращении столицы Айринтии в первопрестольный Айзеншлосс" и предписывало гарнизону Лоттербурга "принести присягу законному государю", а церкви - возносить молитвы за "нового архиепископа Айринтийского Пратеруса".

- Что это за бред? - произнес Локхарт, прочитав текст, и протянул бумагу Крауту, сидевшему на коне справа от него. - Это действительно прислано из Айзеншлосса? - спросил он гонца.

- Кольцо на лапке голубя не оставляет в этом сомнений, сэр.

- Предприняты ли в Лоттербурге какие-либо меры в связи с этим... известием?

- Нет, сэр. Комендант, как вы справедливо заметили, считает это бредом, сэр, но все же счел необходимым известить вас о... вероятно произошедших в Айзеншлоссе событиях.

Краут, дочитав, снова свернул бумагу в трубочку.

- Вы понимаете, что это значит? - спросил Локхарт, повернувшись к нему. - Дункельт все-таки в очередной раз выжил? Но если так, похоже, перенесенные злоключения не прошли бесследно для его рассудка - что, впрочем, неудивительно, учитывая наследственность. Какие регалии, если они все в Дракенхайме? Какой Пратерус?

- Нет, - спокойно ответил Краут. - Это, конечно же, не настоящий Дункельт. Это его кукла.

- Кукла?

- Двойник, который изображал Дункельта, чтобы заманить герцога Бронгарского на север. Большого ума для этого не потребовалось, хотя герцог и был, очевидно, талантливейшим из военачальников Айринтии... Все это время он, я имею в виду двойника, видимо, так и сидел за стенами Айзеншлосса, ожидая приказа хозяина и не воспользовавшись возможностью удрать после снятия осады. А когда вместо приказа пришло известие о смерти Дункельта - то есть уже второе, об отмене даже розыска и награды - парень, очевидно, решил, что его час настал. То есть что он может продолжать играть все ту же роль, но уже без оглядки на настоящего Арвика, который рано или поздно вернется и поставит его на место. И, конечно, как и всякий дорвавшийся до власти холоп, он считает себя умнее бывшего хозяина, оттого и принялся делать то, на что настоящий не решился. И решиться, разумеется, не мог, понимая, что такие действия будут нелегитимны даже в глазах его сторонников... но где это понимать холопу? Он просто думает, небось, что его господин был тряпка и размазня, оттого и не стал королем - а вот он, такой умный, станет.

- Вы так презрительно называете его холопом, - заметил с усмешкой Локхарт; он помнил, что Краут и сам родом из простолюдинов. - А почему не солдат, преданный своему командиру - по крайней мере, пока тот был жив? Сами говорите - он не сбежал, когда мог.

- Я помню, как он швырял вверенных ему людей под наши мечи, - мрачно ответил Краут. - Достойный солдат не поступил бы так со своими товарищами. Пусть даже именно этого требовал отданный ему приказ - все равно, можно было минимизировать потери. Не превращать запланированное отступление в бегство, а бегство в бойню. Но жаждущему выслужиться холопу нет до этого дела. И не сбежал он только потому, что хозяйского гнева боялся больше, чем всей королевской армии.

- Значит, по-вашему - дурак и ничтожество, - кивнул Локхарт. - Ну хорошо... а может кто-то более солидный использовать его в своих интересах? Как новое знамя мятежа. Какой-нибудь аристократ, поддержавший Арвика. Чтобы потом править от его имени.

- Этого я не могу знать, сэр, - ответил Краут с неожиданной резкостью. - Мое дело -

военное, а о политике пусть судят другие.

"Вы просто отправляетесь принять капитуляцию", вспомнились Локхарту слова Элинор. Как бы не так. Впрочем, вместо естественного, казалось бы, раздражения он почувствовать нечто вроде задора. Баронский титул, как и всякую награду, приятнее заслужить, чем получить за чисто учебную миссию.

- Ну хорошо, лейтенант-полковник, - сказал он вслух. - В таком случае, поспешим и сделаем наше военное дело, пока этот пожар не разгорелся вновь.

Когда карета Юфтлинга со своими пассажирами и охраной уже приближалась к Айзеншлоссу, над городом вдруг разнесся многоголосый колокольный звон, начатый одним звонарем и тут же подхваченный другими. Этот звук заставил Арвика вздрогнуть - он подумал, что все-таки опоздал (несмотря на то, что арматор, поначалу столь зливший его двухдневной задержкой, в пути уже не терял времени и не жалел лошадей), что войска Элинор все же опередили их. И хотя некогда Арвик сам оставил им древнюю столицу на заклание со смехотворным гарнизоном, совершенно не рассчитывая, что она продержится так долго, с тех пор его положение сильно переменилось, и он больше не мог позволить себе разбрасываться ни городами (тем паче - столицами), ни людьми (хоть какими, но все еще сохраняющими ему верность) Но тут же он сообразил, что это не был тревожный набат, возвещающий о начале штурма. Напротив - это был типичный праздничный трезвон, когда каждый звонарь, кто во что горазд, торопливо дергает веревки малых и средних колоколов, не трогая большие с их мрачным и тяжелым звуком.

- Что это? - спросил принц арматора, все так же, как и практически на всем протяжении поездки, сидевшего напротив него в карете (Арвик уже совершенно не мог видеть эту рожу, но пока что принужден был терпеть). - Разве сегодня какой-то праздник?

- Нет, - ответил без запинки тот. - Во всяком случае, не айринтийского масштаба. Возможно, что-нибудь местное. Я думал, вы знаете это лучше, чем я.

У принца на долю секунды мелькнула самодовольная мысль, что в городе каким-то образом узнали о его возвращении и приветствуют своего повелителя - но, конечно, это было абсолютно невозможно. О том, что он находится в паре миль от Айзеншлосса, не мог знать никто на свете - даже его спутники, не сводившие с него глаз всю дорогу, но все еще не догадывавшиеся, кто он такой на самом деле. Но в любом случае, если в городе празднуют - тем лучше. Ему не нужны подданные, озлобленные его поражением и потерявшие веру. Ему нужны горящие энтузиазмом.

Чем ближе подъезжала карета к городу, тем очевиднее становилось, что никаких вражеских войск поблизости нет. На башнях, как и в день, когда Арвик тайно покинул Айзеншлосс, по-прежнему развевались его флаги с гербом герцогов Гейнских на фоне государственных цветов Айринтии и большой литерой "А" поверх этого герба. Однако ворота, к которым подъехал экипаж, оказались закрытыми - впрочем, из маленькой калитки в башне рядом с воротами тут же вышли двое стражников.

- Есть ли у вас пропуск? - осведомился старший из них вежливо (при виде не самой роскошной, но все же кареты), но твердо. Трезвон к этому времени уже несколько поутих и не мешал разговаривать.

- Какой еще пропуск? - Арвик презрительно выглянул в окно, поворачиваясь профилем (Юфтлинг не пытался ему помешать, понимая, кто должен вести переговоры в Айзеншлоссе). - Ты что, не видишь, кто перед тобой?

- Нет, сэр, - ответил стражник все еще почтительно, но уже с явной ноткой неудовольствия, - этого я знать не могу, пока не предъявите пропуск или другой какой документ.

Принц сообразил, что сейчас он и впрямь мало похож на себя - хоть анфас, хоть в профиль, с короткими волосами и, напротив, отросшей неряшливой бородой (которая его

ужасно раздражала - он вообще находил, что блондинам борода не идет в принципе, даже ухоженная - но которую он, тем не менее, не пытался сбрить именно потому, что предпочитал сохранять как можно менее узнаваемую внешность до самого прибытия в Айзеншлосс). Плюс, конечно же, эти стражники могли никогда не видеть его вблизи прежде. Он ведь старался особо не мелькать на глазах у своих рядовых сподвижников - иначе не выгорел бы его трюк, когда он подсунул врагам вместо себя своего ординарца, который, в отличие от покойного Жерома, не особо походил на него внешне, если не считать роста, комплекции и цвета глаз (а вот более темные и короткие волосы ординарца уже приходилось прятать под париком)

- Роза и лев, - бросил он высокомерно-раздраженным тоном.

- Какая роза, какой лев? - недоуменно переспросил младший из стражников, парень с простым веснушчатым лицом типичного деревенщины.

- Те, что у тебя прямо над головой! - не выдержал Арвик. Это были символы с герба герцогов Гейнских; не самый сложный пароль, но Арвик в свое время специально выбрал такой, который могли бы запомнить даже такие вот идиоты. - Это пароль, болван!

- Не-е, - покачал головой младший, - пароль... - он, похоже, готов был выболтать правильный пароль, но был своевременно перебит старшим товарищем:

- Другой сейчас пароль. Раньше такой был, да, а теперь он уже не действует.

- Я был в отъезде, как ты мог заметить, - презрительно скривил губу Арвик, - и мне еще не успели доложить о ваших... новшествах. Вообще-то комендант не должен был менять пароль без моего распоряжения. Открывайте ворота, я с этим разберусь.

- Без пропуска не можем, - строго возразил старший.

- Я сказал тебе пароль, какого черта тебе еще? - потерял терпение Арвик.

- Устаревший, - напомнил стражник уже с угрозой в голосе.

- Да вы завтра с утра приезжайте, - добродушно посоветовал его младший товарищ. - А пока вон ступайте на постоялый двор, - он указал копьем вдоль городской стены, - со стороны южных ворот ближайший будет. Это только в день коронации такие строгости, чтоб лишний народ не шастал.

- Коронации? - переспросил Арвик.

- Ну да, - продолжал младший стражник, - на халяву пожрать-то много желающих, на всех не напасешься.

- Ты что несешь?!

- Нет, мы-то понимаем, что вы не из таких, - снова вступил старший. - Но приказ всех касается, и благородных господ тоже. Чтобы, значит, никаких провокаций в день коронации.

- Да какой еще коронации?!

- Да вы что ж, колокола не слышите, что ли? Коронации принца нашего Арвика, отныне - короля айринтийского!

- Так я и есть принц Арвик! - рявкнул принц, уже совершенно не задумываясь, насколько безопасно такое заявление здесь и сейчас.

Стражники переглянулись, словно спрашивая друг друга: "Ты тоже это слышал?"

- Что вы сказали, сэр? - вкрадчиво осведомился старший.

- Где должна проходить коронация? - требовательно спросил Арвик.

- В соборе святого Йоргела, - охотно пояснил младший, - только опоздали вы, прошла она уже - колокола-то...

- То есть здесь, в Айзеншлоссе, некто, называющий себя Арвиком, только что провозгласил себя королем? - медленно произнес принц, словно все еще не в силах поверить в услышанное.

- Не он провозгласил, а архиепископ Пратерус, - возразил старший, - и вообще, что значит "называющий себя"?!

- То, что это мой ординарец! - заорал Арвик, окончательно выходя из себя. - Оставленный

мной, чтобы дурить солдат узурпаторши, а не...

В этот момент неожиданно твердый кулак Юфтлинга, доселе, вероятно, вообще не замеченного стражниками в глубине кареты за полузадернутой занавеской, внезапно и резко ударил Арвика под дых, заставив того прервать свою гневную речь. Принц мог лишь бессильно таращить яростные глаза, тщетно пытаясь вдохнуть.

- Бурый! - гаркнул арматор. - У графа опять припадок!

Амбал тут же спрыгнул с лошади с правой стороны - противоположной той, где стояли стражники - и рванул на себя дверцу кареты. В следующий миг он уже был внутри, наваливаясь на Арвика всем своим весом. Яростно, но беспомощно хрипящий принц почувствовал, как к его лицу прижимают пахучую тряпку...

- Не беспокойтесь, служивые, - пояснял меж тем Юфтлинг стражникам, - господин граф был контужен в бою с войском узурпаторши, как перенервничает - начинает нести всякий бред. Говорили ему, что еще полежать, полечиться надо, но он уж очень хотел попасть на коронацию своего сюзерена, за которого сражался. Ну и очень расстроился, что не успел... Я за ним, видите ли, присматриваю. Мы со слугами его сейчас отвезем отдыхать и отлеживаться.

- Не в городе, - твердо ответил старший, - тем паче если он у вас буйный.

- Нет, конечно нет, - согласился Юфтлинг. - Эй, поворачивай!

Это были последние слова, которые услышал Арвик.

- ... вот он, принц-то наш, такую хитрость и придумал. На юг двойника своего послал со всеми дворянами, а сам остался здесь, с простым народом, оборонять первопрестольный Айзеншлосс и ждать герцога Бронгарского. А как тот с войском пришел, повелел ему присягнуть законному королю. А Бронгар и отвечает: я бы, мол, и рад всей душой, да только надобно, чтобы все по закону было, а по закону король без королевских регалий короноваться не может. А Арвик ему: скоро верные мне люди регалии из Дракенхайма сюда доставит. Ну, говорит Бронгар, подождем тогда. Уж очень хотел, чтоб все по закону было. Но Арвик уже почти совсем убедил его не ждать коронации и сразу перейти на его сторону, а то ведь народ из-за осады страдает. Но про то прознали соглядатаи Тайной Стражи, от узурпаторши к Бронгару приставленные, и отравили герцога-то нашего, как прежде короля Гумбольдта. И войско прочь увели, чтоб оно к Арвику-то не примкнуло. А на юге тем временем дворян-то всех побили, ну да их и не жалко, потому как это отвлекательный маневр был. Пока там одни дворяне под Дракенхаймом с другими рубились, верные Арвику люди проникли в тамошний собор и все королевские регалии и реликвии оттуда вынесли - и меч Йоргела, и череп его, и скипетр, и корону. И вот как их, значит, сюда доставили, так король наш новый на трон и взошел. На древний, истинный трон настоящей столицы нашей! Его сам Йоргел своим мечом из древнего дуба вырубил, не то что новодел дракенхаймский...

- А разве его не сожгли бугенхольмцы, когда захватили город? - осведомился Юфтлинг с простоватым видом провинциала, внимающего столичному жителю. Арматор и его собеседник сидели за грубо вытесанным квадратным столом в освещенной желтыми огоньками свечей трапезной постоялого двора. Двое "поросят" - Черный и Белый - сидели за соседним столом, вроде бы не имея никакого отношения к арматору (Белый так и вовсе спиной к нему), но чутко прислушиваясь к разговору.

- Так то только говорилось! - поднял палец горожанин. - На самом-то деле, как Стефан Трусливый бежал, верные люди трон Йоргела спрятали, а сами пали в бою. Но было пророчество, что тогда он вновь будет обретен, когда истинный король Айринтии вернется в Айзеншлосс...

Юфтлинг не сомневался, что это "древнее пророчество" придумано на днях, с целью придать больше легитимности "коронации" самозванца - как и вся прочая только что выслушанная им чушь. Если уж следовать старинной легенде, то первый трон был вырублен из

живого дуба, росшего на вершине холма, не Йоргелом, а еще первым хильдским князем; по сути, это был обтесанный пень, по-прежнему уходивший корнями в землю. Вокруг этого пня князь повелел строить свой замок, а затем уже вокруг замка возник город, перенявший его имя. Корчевать этот трон-пень с его глубокими корнями и где-то прятать его в условиях, когда король бежит, а вражеское войско входит в город, никто бы, разумеется, не стал - чудо, что не бросили хотя бы более транспортабельные реликвии, которые теперь якобы выкрали из кафедрального собора во время боя (который вообще-то шел вокруг города, а не в нем самом) и вернули в Айзеншлосс. Поверить в такое могли лишь совсем невзыскательные простаки - ну и те, кому очень хотелось в это верить. Старый меч, не говоря уже о черепе очевидно, просто достали из какой-нибудь могилы (может быть, одного из захоронений в соборе святого Йоргела), а скипетр и корону изготовили на днях (и вряд ли даже там чистое золото, а не позолота или не вообще краска). Ну и, конечно же, даже будь эти "регалии" настоящими, они ни в малейшей степени не сделали бы законной "коронацию" без выполнения двух других условий - церемонию должен проводить архиепископ Айринтийский в кафедральном соборе Дракенхайма. Поскольку присовокуплять к поддельным регалиям еще и поддельного Фабиаса не было никакого смысла - в его "бегство от узурпаторши" не поверили бы даже самые невзыскательные, ибо вражда между архиепископом и Арвиком была общеизвестна - самозванец назначил на его место какого-то мелкого попика, викария одного из айзеншлосских приходов - никто из более солидных городских священников на эту авантюру не согласился, понимая, что такое назначение абсолютно незаконно что по светским, что по церковным нормам, даже если бы самозванец действительно был королем. Ну а поскольку собор также нельзя было никаким чудом перенести из Дракенхайма, оставалось перенести саму столицу. На это король имел право, но для этого он сначала должен был стать королем. Поэтому самозванец объявил, что-де Айзеншлосс всегда оставался истинной столицей Айринтии, поскольку Стефан Трусливый своим бегством лишил себя легитимности (что и подтвердило позже освободительное войско, явившееся требовать его отречения и отречения его детей), а стало быть, все указы, изданные им после бегства, в том числе и о переносе столицы - незаконны. Аргумент тоже был так себе, поскольку, хотя существовали древние документы, предписывавшие проводить коронацию в "кафедральном соборе столицы Айринтии" без упоминания имени, во всех более поздних был четко прописан Дракенхайм, а попытка поставить под сомнение вообще любые нормы, принятые после бегства Стефана, подорвала бы право на трон и самого Арвика - или того, кто выдавал себя за него.

Тем не менее, несмотря на всю эту неуклюжую чепуху, придуманную явно на скорую руку невеждой для невежд, кое в чем, как понял Юфтлинг, лже-Арвик проявил вполне здравую практическую сметку. А именно, постарался в день своей "коронации" не пустить в Айзеншлосс - нет, не самого Арвика, в смерть которого он, очевидно, вполне поверил, оттого и решился на свою авантюру, а никого, кто мог бы хотя бы теоретически знать настоящего Арвика лично. Именно таких "провокаций", а вовсе не попыток арестовать или ликвидировать его со стороны проникших в город вражеских агентов, он, видимо, опасался больше всего. Полагая, вероятно, что после того, как поддельный архиепископ возложит на него фальшивую корону в неправильном храме, он станет "законным королем", и отыгрывать назад будет уже поздно. Ну или, по крайней мере, что бывшие сторонники мятежного принца предпочтут уцепиться хотя бы за такого "официально коронованного короля", нежели остаться в положении разгромленных бунтовщиков, которым остается уповать лишь на сомнительную милость победителей. По здравом размышлении, при всей авантюрности это звучало не так уж и глупо.

Но главным вопросом для Юфтлинга было, разумеется, что теперь делать со всем этим ему самому. То, что парень, которого он сам привез в Айзеншлосс, на сей раз не врет, он понял там, у ворот, сразу - несмотря на то, что, при всем своем опыте, не был готов именно к такому развитию событий, уверовав, наряду с многими другими, что хотя бы одно из известий о смерти Дункельта должно быть подлинным. Но гнев и возмущение его визави были чем-то бо́льшим,

чем досада самозванца, узнавшего, что его опередил другой самозванец. Самозванец не может знать наверняка, что его конкурент, коего он пока еще в глаза не видел - не настоящий. Но визави Юфтлинга - арматор был в этом уверен - не допускал подобного сомнения ни на долю секунды. Возможна, конечно, и еще одна причина такой уверенности - если он сам, своими глазами видел труп настоящего принца, что в принципе вполне могло произойти в бою под Дракенхаймом или после него - но Юфтлинг хорошо помнил его лицо и интонацию, когда тот назвал себя как графом Фельзенбургом, так и принцем Арвиком, и не сомневался, в каком из этих случаев прозвучала правда. Как сразу же - во всяком случае, несомненно быстрее горячего молодого человека - арматор понял и еще несколько простых фактов.

Во-первых, тот, кто сидел теперь в Айзеншлоссе, явно боялся начинать свою затею, пока не уверился в гибели настоящего Арвика - но уж теперь, ощутив тяжесть короны (пусть даже фальшивой) на голове, на попятную не пойдет и постарается избавиться от подлинного принца как можно быстрее и незаметнее. Вместе, разумеется, со всеми свидетелями. Так что надеяться на награду от него не стоило, а стоило, напротив, уносить ноги как можно скорее, пока дуболомы у ворот не сообразили, что "бред контуженного" может оказаться не таким уж и бредом.

Во-вторых, везти принца обратно на территорию, подконтрольную Элинор - тоже плохая идея, в свете уже отмененной награды за поимку "самозванца" и появления в Айзеншлоссе самозванца вполне реального. Нет, разумеется, люди из Тайной Стражи не стали бы отрицать реальность в угоду пропагандистскому мифу и очень бы обрадовались такому подарку. Но проблема в том, что это был бы именно подарок. Он, Юфтлинг, был лишен в этом случае какой-либо возможности для торговли. Только заикнувшись о своей добыче, он сразу становился обязан ее отдать без всяких условий - иначе сам превращался в изменника, укрывающего государственного преступника первой величины. Нет, конечно, он мог надеяться, что его услуга короне не останется совсем без награды - но этой наградой могло стать, к примеру, благодарственное письмо за подписью Элинор, или приглашение на королевский обед, или даже какой-нибудь титул, совершенно бесполезный для делового человека. Особенно если к решению приложит руку Фабиас, а он, говорят, скряга почище любого Тугенфорка. Кроме того, Арвик в этом случае, безусловно, исполнит свою угрозу, выставив его своим соучастником - и, учитывая проведенное ими вместе время, отвертеться от обвинения будет не так уж и просто. И в этом случае его наградой и вовсе станет простая амнистия, а о большем даже и мечтать будет наглостью.

В-третьих, встать на сторону Арвика в надежде получить награду от него тоже не выглядело впечатляющим вариантом. Прежде всего, принц теперь беднее церковной мыши. Все его активы либо арестованы короной, либо захвачены самозванцем. В тайный клад, спрятанный где-то в Айзеншлоссе, Юфтлинг уже не особо верил, но если таковой и был, попытка добраться до него становилась весьма рискованной. Да и будущее самого принца оптимизма не внушало. Трагедия уже перешла в фарс, в комедию с бывшим ординарцем в фальшивой короне, и пока прежние сторонники - точнее, остатки таковых - будут выяснять между собой, который из Арвиков более настоящий, королевская армия раздолбает их всех. Ну а если Арвику все же удастся каким-то образом - очевидно, не без помощи денег Юфтлинга - собрать новое войско, способное продержаться хотя бы до лета (дальше все эти разборки, напомнил себе Юфтлинг, потеряют значение) - то совсем не факт, что он щедро отблагодарит арматора. Короли и особенно претенденты вообще очень охотно берут деньги и очень неохотно их возвращают, тем паче с процентами - у них всегда находятся более важные расходные статьи. Сначала у Арвика все средства будут уходить на борьбу с Элинор, потом, даже в случае успеха - с гроггендорским вторжением, а потом не будет уже никакого короля Арвика, а будет гроггендорский губернатор... И, что не менее важно, Юфтлинг знал, что говорят о нраве Арвика, и за время их непродолжительного знакомства уже имел возможность наблюдать, как тот с трудом обуздывает

вспышки ярости. Можно практически не сомневаться, что Арвик захочет не столько наградить арматора - хотя бы даже сейчас тот спас ему жизнь и снабдил средствами для дальнейшей борьбы - сколько отплатить ему за не слишком почтительное обхождение в первые дни знакомства, и аргумент "Но сир, тогда я не знал, кто вы!" не особо будет принят им во внимание. Тем паче что Юфтлинг обошелся с ним без всякой почтительности и позже, перед городскими воротами, уже узнав, кто он такой. Заткнуть разгневанного принца было необходимо, чтобы он не погубил их всех, но захочет ли он принять во внимание и это обстоятельство?

В общем, как ни крути, а при любом сценарии выходило, что живой Арвик - это скорее источник проблем, нежели дохода. С другой стороны, арматор не привык попросту бросать то, что попало ему в руки, не получив никакой прибыли. Тем более что он уже потратил деньги и время - пусть и пока немного - на эту экспедицию. Но, пожалуй, труп Арвика - или, во всяком случае, его голову - он все же сможет продать стороне королевы. Которой безусловно нужно доказательство его смерти, и которая в то же время не обвинит в измене того, кто укрывает останки, а не живого Дункельта.

Правда, он дал этому парню слово, а это не было для него пустым звуком. Все знают, что арматор Юфтлинг всегда выполняет свое слово. Но кому и какое слово он дал? Он пообещал Вильфреду Фельзенбургу не убивать его, а честно разделить с ним клад. Но если ни Фельзенбурга, ни клада на самом деле не существует...

Юфтлинг грузно встал из-за стола, оставив айзеншлоссца, гордого своим новым статусом столичного жителя и свидетеля коронации, над недопитой пинтовой кружкой, вышел из трапезной и принялся подниматься по негромко поскрипывающим под его весом ступенькам. Черный и Белый, по-прежнему не афишировавшие своей связи с ним, должны были последовать за ним чуть позже.

Арвик, одетый и в сапогах, лежал с закрытыми глазами на спине на узкой кровати в маленькой комнате. Рядом на табурете, свесив между колен могучие руки с толстыми пальцами, сидел Бурый, не сводивший с него глаз. На самом деле принц давно уже пришел в себя и лишь притворялся спящим, изучая обстановку сквозь неплотно прикрытые ресницы. Во всяком случае, он не был связан, и это уже было хорошо, но в остальном результаты этих наблюдений его не радовали. Похоже было, что обмануть бдительность Бурого не удастся, а в схватке с ним один на один без оружия у Арвика не было никаких шансов. Оставалось разве что вступить в переговоры напрямую, пока не вернулись остальные.

- Ты знаешь, кто я? - хрипло спросил Арвик, открывая глаза.

- Очнулись? - добродушно осведомился Бурый, не отвечая на вопрос.

- Я принц Арвик, - у него было искушение назвать себя королем, но он понимал, что не может стать им без должной церемонии в Дракенхайме, что бы там ни воображал его совершенно обнаглевший ординарец. Впрочем, понимал ли этот громила такие тонкости? - Законный наследник престола, - добавил, тем не менее, Арвик.

- Еще один? - откликнулся Бурый без всякого интереса.

- Я настоящий, болван!

- Ругаетесь и впрямь как благородный, - все так же флегматично констатировал Бурый.

- Ладно, - Арвик постарался подавить гнев. - Слушай меня внимательно. Мне нужна твоя помощь. Я не знаю, что задумал твой хозяин, но если ты будешь на моей стороне - получишь гораздо больше, чем он платил тебе за всю твою жизнь!

- В самом деле? - Бурый вытащил из ножен свою саблю.

- Ты что задумал?!

- Ничего, - пожал плечами громила и принялся полировать клинок. - Об оружии позаботиться никогда не вредно. Тем паче коли заняться нечем.

За спиной Бурого беззвучно открылась дверь, но амбал заметил это, причем не поворачивая головы - просто посмотрел в отполированную сталь, как в зеркало. На пороге стоял

Юфтлинг.

- Вижу, вы проснулись, ваше высочество, - изрек он, входя. - Надеюсь, вы понимаете, что я должен был сделать то, что сделал, там, у ворот. Иначе стража подняла бы тревогу, а даже мои поросята не в состоянии биться со всем городским гарнизоном.

- Гарнизон встал бы на мою сторону, как только бы понял, кто я такой!

- Может, да, а может, и нет, - пожал плечами Юфтлинг. - Такие дела нахрапом не делаются. Жаль, что вы не сказали мне правды с самого начала, тогда мы могли бы лучше подготовиться...

- Ваша "подготовка"! - гневно воскликнул Арвик. - Если бы мы отправились в путь сразу, а не потеряли два дня...

- И никакого клада на самом деле тоже нет, не так ли? - перебил Юфтлинг, а едва принц возмущенно втянул воздух для ответа, упреждающе поднял руку: - Видите ли, если вы хотите, чтобы я помог вам вернуть то, что вы желаете получить, я должен точно, до кроны, знать, какими ресурсами мы располагаем. Если клад есть, и для того, чтобы его забрать, достаточно проникнуть в город, это один сценарий. Если клада нет, тогда я могу профинансировать ваше дело из собственных средств. Это другой сценарий, он тоже возможен, но потребует значительно больше времени, которое для нас в нынешней ситуации критично. И в этом случае я должен отдать распоряжения незамедлительно. Итак?

- Нет никакого клада, - вынужден был признать Арвик. - Только остатки городской казны, которые сейчас, очевидно, в руках самозванца.

- Понятно, - кивнул Юфтлинг и сделал знак Бурому. Собственно, он опять не сказал ни слова неправды - это и было то распоряжение, которое он обещал отдать, а больше он не обещал ничего, рассуждая лишь о теоретических возможностях.

Амбал убрал оружие в ножны, встал с табурета и шагнул к Арвику.

- Эй, что ты собираешься делать?! - принц сел на кровати. Убранная сабля его ничуть не успокоила.

- Тихо, тихо, - произнес амбал, словно коновал, успокаивающий лошадь. Юфтлинг молча стоял за его спиной с видом человека, предпочитающего лично проконтролировать, как его подчиненные выполняют порученную им работу.

Арвик спрыгнул с кровати и отскочил назад к окну, задернутому коричневой занавеской. Он понятия не имел, на каком этаже находится (это был третий, под самой крышей), но вариантов у него оставалось немного. Рывком сорвав занавеску, он увидел добротную решетчатую деревянную раму с вставленными в нее квадратиками толстого мутного стекла, которая, похоже, не открывалась в принципе. В отчаянии он саданул в окно локтем. Единственным результатом, как и следовало ожидать, была прострелившая локоть боль.

Бурый взял с кровати подушку и сделал последний шаг к своей жертве.

- Помогите! - закричал Арвик, догадываясь, что никто его здесь не услышит, а если и услышит - предпочтет не вмешиваться. Подушка легла ему на лицо, заглушив крик.

Но в следующий миг Арвик, еще пытавшийся вслепую отбиваться руками (на душителя это производило не больше впечатления, чем на гранитную статую), услышал еще какую-то возню, какой-то короткий хрип, который не был его собственным - а затем вдруг Бурый, не доделав свое дело, отскочил в сторону, спиной в угол комнаты, выхватывая саблю.

Арвик, уже почти потерявший сознание и с трудом остававшийся на ногах, увидел Юфтлинга, который стоял и смотрел на него с каким-то нелепо-удивленным выражением лица, наклонив голову. За спиной у него стоял кто-то еще, но принц не мог разглядеть его за грузной фигурой арматора. А затем изо рта Юфтлинга полилась тонкая струйка крови, и он повалился вперед, глухо стукнувшись лбом об пол. Позади него обнаружился человек с окровавленным стилетом в руке, которого принц в первый миг не узнал из-за его длинных черных волос и бородки клинышком - и лишь затем сообразил, что это капитан (или уже майор?) Дармонт.

Ничего, однако, еще не кончилось. Стилет Дармонта (какого черта он не вооружился получше?!) явно не был достойной альтернативой широкой и тяжелой сабле Бурого, а принц и вовсе оставался безоружным. Правда, теперь громила, вынужденный отступить в угол, откуда мог держать в поле зрения обоих врагов, уже не загораживал ему путь. Зато таковой загораживал сам Дармонт.

- С дороги! - рявкнул принц, мигом оценив ситуацию. Если Дармонт сумеет задержать Бурого хотя бы на минуту, он, Арвик, успеет выбежать в коридор, а там... это он будет додумывать уже на бегу.

Дармонт послушно сделал шаг в сторону, не сводя глаз с Бурого, и Арвик вихрем промчался мимо него, наступив по дороге на тело Юфтлинга. Однако, когда принц изо всех сил рванул дверную ручку, дверь не открылась. Чертов Дармонт, успевший еще и запереть ее за собой! Арвик резко дернул щеколду и распахнул дверь... чтобы встретиться нос к носу с Черным и Белым, стоявшими с другой стороны. В руке у Черного был обнаженный эсток, а у Белого - топорик, которым он, возможно, как раз собирался высадить дверь.

Принц растерянно попятился назад в комнату и едва не споткнулся о ногу Юфтлинга.

- Я принимаю ваше предложение, сэр, - раздался вдруг позади спокойный голос Бурого.

- Ч...то? - переспросил Арвик, не зная, в какую сторону смотреть, ибо враги были везде.

- Похоже, я только что остался без работодателя, - невозмутимо пояснил громила. - Так что я готов теперь работать на вас. Если, конечно, и впрямь будете хорошо платить.

- Ах ты наглец! - Арвику стало почти весело, когда он услышал такое от человека, только что пытавшегося его убить. Впрочем, он тут же сообразил, что в нынешнем положении это хорошая идея - по крайней мере, до тех пор, пока не подтянутся люди Дармонта, которые воздадут "поросятам" по заслугам. - Ладно. Я беру тебя. Что насчет твоих товарищей?

- Мы согласны, сэр, - ответил Черный, опуская (но не убирая в ножны) свой эсток. - Но предпочли бы получить первую плату вперед. Пятнадцать крон, - и, прежде чем принц успел возмутиться, что по пять гульденов на нос каким-то наемникам - это слишком жирно, добавил. - Каждому.

- Это грабеж! - воскликнул Арвик.

- Нет, сэр, - спокойно возразил Черный. - Это наша плата.

- Теперь я понимаю, что имел в виду Юфтлинг, когда говорил, что каждый из вас стоит троих, - усмехнулся принц. - Впрочем, - добавил он ядовито, - его самого это не спасло.

- Мы следовали отданным нам инструкциям, - пожал плечами Черный. - Очевидно, они оказались не вполне правильными. Замечу, что лично я был против того, чтобы останавливаться на постоялом дворе так близко от Айзеншлосса, но наш хозяин настоял, что, раз погони и слежки за нами нет, это вполне безопасно.

Арвик подумал еще несколько секунд. Похоже, что никакие люди Дармонта на выручку не спешили, так что...

- Капитан! - произнес он царственным тоном и тут же поправился: - То есть майор, - впрочем, не следует ли разжаловать Дармонта обратно за провал штурма Дракенхайма? Нет, пожалуй, сейчас для этого не лучший момент... - Сколько у вас денег?

Дармонт не стал рыться в собственных карманах. Вместо этого он, не выпуская из вида "поросят", наклонился над трупом, отстегнул с его пояса кошель и спокойно пересчитал монеты внутри.

- Тридцать четыре кроны с мелочью, - сообщил он. - Впрочем, полагаю, это не все. Где-то здесь должен быть саквояж или ларец с более крупной суммой.

- Хозяин обыкновенно не возил с собой много золота, - сообщил Черный, нимало не возмущенный тем, что убийца Юфтлинга присваивает его деньги себе - в конце концов, это был его боевой трофей. - Он выписывал векселя, которые почитал за честь обналичить любой банк.

- Хорошо, хорошо, - раздраженно ответил Арвик. - А вместе с вашими личными, майор?

- В данный момент - не так уж намного больше, сир, - признал Дармонт. - Тем не менее, я бы почтительно рекомендовал вам принять предложение этих господ. При условии, что они, в свою очередь, сократят свои аппетиты, скажем, до десяти крон. Учитывая, что найти столь же богатого заказчика, как их предыдущий, по нынешним временам непросто, это все еще хорошая сделка.

- Этот господин обещал мне больше денег, чем предыдущий платил за всю жизнь, - с усмешкой заметил Бурый.

- В будущем, - огрызнулся Арвик. - Не прямо сейчас. Когда я верну себе престол, завещанный мне предками, - "а ты, бандит, отправишься прямиком на виселицу - единственная награда, которой ты достоин!", добавил он про себя.

- Двенадцать, - предложил Черный.

- Одиннадцать, - парировал Дармонт.

- Ну хорошо, - согласился Черный после короткой паузы. - Одиннадцать каждому. Сейчас.

Позже, когда все имущество, бывшее при Юфтлинге, было оценено и поделено (принц при этом не отказал себе в удовольствии несколько раз яростно пнуть труп), Арвик и Дармонт получили, наконец, возможность обсудить положение наедине.

Оно оказалось нерадостным. Никаких людей у Дармонта не было, и денег тоже - настолько, что он вынужден был продать свой меч и остался с одним мизерикордом. Тем не менее, он заплатил авансом - и обещал заплатить больше - прислуге ближайших к Айзеншлоссу постоялых дворов за известие о появлении там человека с приметами Арвика. Приметы, конечно, были в самом общем виде - Дармонт догадывался, что Арвик постарался изменить внешность настолько, насколько мог (как сделал и он сам, обзаведясь париком и накладной бородой), иначе его давно бы сцапали королевские ищейки. Поэтому уже было несколько ложных срабатываний - но платить за них приходилось все равно. Тем не менее, Дармонт был уверен, что рано или поздно Арвик, если он все еще жив, попытается вернуться в Айзеншлосс (где его уже отнюдь не ждут) и надеялся перехватить принца по пути. И вот, когда денег у него не осталось уже практически совсем, слуга, заметивший, как свежеприбывшие гости втаскивают наверх по лестнице "перебравшего" товарища, все же прислал ему весточку, и Дармонт успел примчаться как раз вовремя.

Теперь Арвик, уже вполне оправившийся от пережитого страха (которого не знал в бою, будучи с мечом и в латах, но ощущения человека безоружного и беспомощного, которого душат подушкой, совсем не походили на боевой азарт), рвался в Айзеншлосс, уверенный, что стоит ему побриться и придать неряшливо отрастающим волосам хоть какую-то форму - и горожане, включая, разумеется, гарнизон, признают своего истинного принца и будущего короля, как, собственно, они уже сделали после его первого прибытия в город в самом начале войны (правда, тогда у него были при себе документы и личные печати).

Дармонт "со всей почтительностью" раскритиковал этот план, настаивая, что бывший ординарец уже слишком прочно вошел в роль (на которую некогда сам же Арвик его и назначил) и власть (хотя бы даже и такую условную, как над единственным городом со слабым гарнизоном) не отдаст. Существует (как уже успел разузнать Дармонт) его личная гвардия, для которой он - единственный возможный Арвик, ибо они видели вблизи только его и никогда не видели настоящего. "В самом лучшем случае вы для них - двойник, посланный на юг для "отвлекающей битвы". И железным доказательством для них является то, что битва была проиграна. Уж настоящий-то принц ни за что бы ее не проиграл!" (Арвик едва не скрипнул зубами, слыша это.) Поэтому единственное разумное сейчас, продолжал Дармонт - это оставить Айзеншлосс с его потешным войском и отправляться на север, где все еще остаются присягнувшие принцу военные и гвардейские части. Правда, совсем не факт, что они все еще верны этой присяге. Оптимальным вариантом было бы, конечно, добиться лояльности от Бургхельма, но старый лис осторожен и признает Арвика не раньше, чем почувствует стоящую

за ним силу. Поэтому задача номер один сейчас - собрать всех, кого можно собрать по северным крепостям, начав с малых, ибо сразу же подчинить себе большие, скорее всего, не получится. К сожалению, весть о дракенхаймском разгроме достигла уже, по-видимому, даже самых отдаленных гарнизонов, поэтому к любому командиру следует являться с войском, пусть и не таким большим, как у него, но достаточным, чтобы продемонстрировать наличие у Арвика реальной силы, с которой проще соединиться, чем воевать. Одной лишь рассылки депеш на сей раз будет недостаточно...

- Меж тем самозванец это и делает, - проворчал Арвик.

- Ну это же не значит, что его стратегия будет успешной, - улыбнулся Дармонт. - Он всего-навсего капрал, не так ли? Пока он следовал полученным от вас указаниям, ему удавалось дурить самого Бронгара. Но с тех пор, как он принялся творить отсебятину, которую может принимать всерьез только невежественное простонародье...

- Хм... - задумался вдруг Арвик над этими словами. - "Народный король." Так он себя позиционирует. Аристократов-де он специально услал на юг, чтобы они там поубивали друг друга, а править будет, опираясь на простой народ... В этом, вообще-то, что-то есть. Аристократы предали меня, отняли у меня победу, отказались защищать мои законные права. Поэтому теперь я буду королем простых айринтийцев.

- Подобные заигрывания с плебсом опасны, сир, - нахмурился Дармонт.

- У вас есть деньги, чтобы нанять профессиональную армию? - агрессивно осведомился у него Арвик. - Или аристократы, готовые привести ее под наши знамена? Практически все из них, кто пошел за мной, полегли под Дракенхаймом. А те, что остались, как вы сами говорите, предпочтут отсиживаться за стенами своих крепостей, пока мы не приведем к ним войско, с которым следует считаться. Где нам его набрать? Пока что вся моя армия состоит из "трех поросят", плюс вы со своим стилетом... А крестьян можно повести за собой, вообще ничего им не платя - достаточно воодушевить их идеей. В истории ведь было несколько крестьянских бунтов, которые вообще никто не финансировал.

- Они финансировались за счет мародерства, - напомнил Дармонт. - И, главное, ни один из них не был успешен.

- Это потому, что ни один из них не возглавлял настоящий принц, - самодовольно ответил Арвик. - И в этом случае следует говорить не о мародерстве, а о реквизициях.

- Вы окончательно оттолкнете от себя даже тех аристократов, что еще колеблются.

- Я самый высокородный аристократ в королевстве! - повысил голос Арвик. - Всякий из них должен считать долгом и честью поддержать меня! А те, что от этой чести отказываются, сами выбирают... реквизиции. Я слишком долго терпел изменников, выражавших мне лояльность на словах, но не желавших поддержать меня делом до моей официальной коронации. Больше так не будет! Никому не удастся отсидеться за стенами своего замка, выжидая, чья возьмет!

В тот же вечер, не дожидаясь следующего утра, Арвик с Дармонтом и "поросятами" выехали на север в объезд Айзеншлосса. Тело Юфтлинга так и осталось лежать в комнате на третьем этаже.

Пехота Локхарта прибыла под стены Айзеншлосса лишь неделю спустя. Хотя полковнику очень хотелось добраться до последнего, как он надеялся, очага мятежа как можно скорее, у него хватало мудрости прислушиваться к советам Краута и не гнать людей на самом пределе их сил. Единственное решение, которое позволило ему еще немного увеличить темп - освободить от груза как можно больше обозных саней, дабы ими могли пользоваться побольше нуждавшихся в отдыхе солдат (груз, соответственно, был перенесен на оставшиеся сани). Перегруженный обоз в результате еле тащится, и марширующая пехота быстро оставила его позади - решение рискованное в общем случае, но не в данной ситуации, когда вероятность атаки вражеских

разъездов была минимальна. Важно было как можно скорее обложить Айзеншлосс хотя бы силами наиболее выносливого авангарда - усталый арьергард мог подтянуться уже потом. Вельо, надо отдать ему должное, хотя и похудел в походе на несколько килограммов, упрямо держался рядом со своим ехавшим верхом командиром.

Так называемый "король Арвик" все это время продолжал рассылать во все стороны депеши с требованиями признать его и прислать войска на защиту Айзеншлосса, растратив на это почти всех остававшихся почтовых голубей (кроме тех, что предназначались для передачи сообщений в Дракенхайм) и отправив также нескольких конных гонцов. Одного из них Локхарт арестовал прямо по пути - тот оказался настолько глуп, что прискакал прямо в лоб колонне, приняв королевский батальон за идущее к лже-Арвику подкрепление. Второй, ехавший по той же дороге тем же курсом на следующий день, все же сообразил загодя свернуть с тракта и ускакать прочь по бездорожью на север. Пехота не могла его преследовать, и конные офицеры, следуя благоразумному совету Краута, тоже не стали за ним гоняться. Из допроса предыдущего курьера они уже знали все подробности о событиях в Айзеншлоссе, и попытка поймать еще одного рядового мятежника, который все-таки умчался загодя и имел хорошую фору, была бы неоправданной потерей времени. Краут практически не сомневался, что он все равно будет арестован там, куда скачет (и, кстати, оказался прав).

В самом Айзеншлоссе все эти дни продолжались праздничные гуляния. Возвращение столичного статуса, об утрате которого айзеншлоссцы сокрушались, кажется, все последние триста лет, чрезвычайно повысило популярность лже-Арвика, снискав ему поддержку не только городской черни, но и людей, казалось бы, более солидных и осмотрительных. Даже те из них, кто прекрасно понимал, чего стоит вся разыгранная у них на глазах комедия с коронацией, подбадривали себя и друг друга тем, что "у этого парня вполне может получиться" (кое-кто из них, понятное дело, уже вовсю лелеял надежды заполучить влияние на молодого и совершенно несведущего в придворных делах "короля"). Впрочем, верно было и то, что солидных и особенно осмотрительных в городе к этому моменту оставалось совсем немного. Большинство аристократов и просто богатых горожан уже покинули Айзеншлосс, желая переждать смуту в загородных имениях и прочих более спокойных местах - некоторые еще в самом начале войны, некоторые при известиях, что армия Арвика отступает, громимая преследующим ее Бронгаром, остальные - после снятия первой осады. Оставались либо искренние сторонники Арвика (готовые поддержать даже и самозванца, лишь бы не ненавистную "узурпаторшу" и стоявшего, по их мнению, за ней Фабиаса), либо те, кто переживал за свое городское имущество больше, чем за свою жизнь, либо, наконец, натуры авантюрные, готовые рисковать при максимальных ставках.

Теперь, в особенности после бегства всех "трусов" и "маловеров", боевой дух горожан, несмотря на немногочисленность гарнизона, был самый шапкозакидательский - ведь город уже благополучно выдержал осаду самого Бронгара, который так и не смог его взять! Правда, согласно новой официальной версии не "не смог", а "не захотел", и вообще хотел присоединиться к "королю Арвику", да вот только коварные враги (которые, очевидно, по-прежнему живы и здравствуют) не дали ему это сделать - но такие нестыковки мало волновали новоявленных фанатов "народного короля". Трудно было поверить, что всего-то пару месяцев назад те же самые люди уже готовы были выдать Бронгару своего нынешнего кумира, даже не разбираясь, настоящий он или нет, лишь бы избежать ужасов осады и штурма. Впрочем, и сам лже-Арвик на тот момент вел себя чрезвычайно пассивно, ибо уже исполнил все предписания своего хозяина и попросту не знал, что делать дальше, а потому лишь целыми днями прятался в полуразрушенном замке, уже догадываясь, что настоящий принц обрек его на заклание, и обреченно дожидаясь, когда за ним придут. Теперь же он очень воспрял духом и целыми днями носился по городу, красуясь перед своими подданными и принимая участие в любых торжественных церемониях. В том числе им был лично заложен первый камень реконструкции

королевского замка. "Хватит уже жить прошлым и регулярно напоминать себе об унижении, которое нам нанесли бугенхольмские оккупанты три века назад! Уже и Бугенхольма никакого нет, а Айринтия жива и будет жива! С сегодняшнего дня начинается возрождение не только нашего древнего дворца, помнящего Йоргела Святого, но и всего нашего славного королевства!" (Бурные аплодисменты и крики "Да здравствует король!" Правда, даже если забыть о таких мелочах, как Элинор на юге, Гроггендор на севере и полное отсутствие известий о поддержке нового короля за пределами его столицы - денег на столь масштабное строительство в городской казне, которую настоящий Арвик успел выгрести почти подчистую для нужд своей армии, не было совсем. Но и кто и когда в подобных толпах на площадях задумывается о такой ерунде?)

И вот прибытие батальона Локхарта положило конец этой безумной фиесте. Войско, конечно, заметили издали - благодаря расположению Айзеншлосса на холме окрестности хорошо просматривались не только с башен городской стены, но и почти с любой крыши, а уж из замка на вершине - лучше, чем откуда бы то ни было - и поначалу тоже приняли за идущих к "королю Арвику" союзников, пока не разглядели, что на знаменах нет никаких желто-красных гейнских гербов. Колокола прозвонили тревогу. В городе заперли ворота. Неприятельское войско подошло к стенам на расстояние чуть больше полета стрелы и остановилось.

Локхарт, сидя в седле, с интересом разглядывал снизу вверх древнюю столицу Айринтии (уже даже не вспоминая, что древней она может быть только согласно официальной мифологии). Когда-то, во время первой официальной аудиенции, Элинор светским тоном выразила надежду, что ее гости когда-нибудь посетят Айзеншлосс и смогут своими глазами сравнить красоту обеих столиц. Локхарт тогда столь же вежливо согласился (не имея, впрочем, ничего против), но ему, конечно, и в голову не могло прийти, что это произойдет - так! Что он впервые увидит первую столицу Айринтии, сидя в латах на боевом коне, явившись не в качестве туриста, а в качестве завоевателя!

Город действительное совершенно не походил на Дракенхайм - а точнее даже, был его полной противоположностью буквально во всем. Вокруг, разумеется, не было никакого озера - и даже рва. Если Дракенхайм располагался на плоскости - благодаря озеру казавшейся идеальной, зеркально-гладкой - то Айзеншлосс весь покрывал собой большой холм: могучая внешняя стена опоясывала подножье, а за нею улицы круто карабкались вверх по склону до самой вершины, позволяя наблюдателю снаружи увидеть весь город целиком, а не одну лишь внешнюю стену и шпили поднимающихся выше нее самых высоких зданий, как это обычно бывает в средневековых городах. Локхарту вспомнились крутые улицы Сан Франциско, но там холмов было множество, здесь же один величественный холм нес на себе сразу весь город (хотя и далеко не столь большой, как мегаполисы XXI столетия). Если белые стены и вонзавшиеся в небо островерхие башни Дракенхайма казались (по крайней мере издали) скорее иллюстрацией к сказке, чем реальной крепостью, то сложенные из бурого камня, массивные и грузные стены и башни Айзеншлосса, напротив, словно воплощали саму идею средневековой фортификации, где об изяществе думали в последнюю очередь, а в первую - о толщине и прочности всех элементов конструкции, призванной выдерживать удары таранов и каменных ядер (хотя, несомненно, у такой архитектуры тоже была своя эстетика). Казалось, что тяжеловесная внешняя стена Айзеншлосса намного древнее дракенхаймской, хотя Локхарт помнил, что даже по официальной историографии она возведена позже новой столицы. Остатки первоначальных городских укреплений - Старый Вал - были отчетливо различимы выше по холму, отграничивая примерно верхнюю его треть. Наконец, на самой вершине высился королевский замок, по-прежнему величественный, несмотря на разрушения, заметные даже отсюда (из четырех его башен более-менее сохранились только две) - также, разумеется, совершенно не похожий на дворец в Дракенхайме, который был подчинен горизонтальной, а не вертикальной доминанте и строился в расчете на приемы и балы, а не на отражение штурма.

В свое время - не при подготовке к нынешнему походу, на которую у него было всего два

дня, а в самом начале войны, когда он размышлял о возможном штурме Айзеншлосса - Локхарт внимательно перечитал в хрониках бугенхольмской войны эпизоды, относившиеся к захвату первой столицы врагом. Однако ничего полезного оттуда не извлек. И хронисты-современники, и последующие компиляторы сходились в том, что город был взят не благодаря военному гению бугенхольмского командующего, а главным образом из-за трусости короля Стефана, который попросту бежал при приближении неприятеля, бросив столицу на произвол судьбы. Формально в Айзеншлоссе тогда оставался гарнизон, получивший приказ "держаться" (без какого-либо плана обороны и надежды на подкрепление), но комендант не пожелал быть крайним и открыл ворота после первых же залпов вражеских требушетов.

Сейчас перед Локхартом стояла, в общем-то, аналогичная задача - убедить противника сдаться, по возможности избежав потерь. Причем желательно - с обеих сторон, что для бугенхольмца, безусловно, не было приоритетом. А теперь, глядя на город снизу вверх, Локхарт осознал и еще одну проблему, которая не стояла перед его бугенхольмским предшественником. Тогдашние события, как и большинство средневековых войн, происходили в теплое время года. Теперь же...

- Им достаточно разлить с вершины вниз по улицам несколько цистерн воды, - пробормотал полковник, обращаясь к своему заместителю, как обычно, сидевшему на коне рядом. - И мы не сможем подняться туда даже без всяких стен.

- Если прежде они сами не спустят нам оттуда этого царя горы, - усмехнулся Краут.

Протрубил рог, и к воротам поскакал герольд под королевским знаменем. Голову двойника Арвика он с собой не брал - было уже очевидно, что для сидящих за стенами это в любом случае голова двойника, ибо "настоящий Арвик вообще не был под Дракенхаймом". Подъехав к воротам, герольд торжественно развернул свиток и во всю мощь легких зачитал ультиматум, который, в общем-то, не особенно отличался от выдвинутого в свое время Бронгаром: выдать главаря мятежников и его ближайших сообщников (теперь в число таковых попал и Пратерус, коего ожидал сперва духовный, а затем и светский суд) на условиях полной амнистии для всех остальных и города в целом (что означало отказ от каких-либо репараций или урезания городских привилегий, коих первая столица все еще имела немало). Разве что сам главарь именовался теперь не "графом Дункельтом", а "безродным самозванцем". В противном случае, провозглашал ультиматум (вчерне составленный Элинор и отредактированный Локхартом и Краутом с учетом последних событий), айзеншлоссцы навлекут на себя не только бедствия осады и штурма, но и куда более длительные (возможно - на поколения вперед) последствия, связанные с утратой городом монаршей милости. (Вплоть до срытия городских стен, что, как понял Локхарт, считалось чрезвычайным унижением, фактически - лишением городского статуса как такового; вероятно, в условиях перспективы гроггендорского вторжения уничтожение собственной крепости было не лучшей идеей, но тут куда важнее была угроза, чем ее практическая реализация.)

Закончив читать, герольд подъехал к запертым воротам вплотную и несколькими ударами молотка приколотил к ним бумагу с ультиматумом. Локхарт наблюдал за этой сценой с тревогой, понимая, что самозванец (или даже кто-то из его подчиненных) может, вопреки обычаю, отдать приказ убить герольда, дабы отрезать мятежникам путь к мирной капитуляции. Однако, доделав свою работу, герольд без спешки и с достоинством поехал назад и вскоре был уже в безопасности. Очевидно, в Айзеншлоссе все еще царили настроения "королевская армия готова вот-вот перейти на нашу сторону, как собирался сделать и сам Бронгар, надо только дать ей время разобраться - ну и не форсировать события, пока к нам не подойдут подкрепления."

Действительно, уже через несколько часов с той же башни (кургузой и толстой, как и все надвратные башни Айзеншлосса) был оглашен ответный ультиматум. Впрочем, как ни надсаживал глотку представитель мятежников, до солдат, поставивших свой лагерь намного дальше от стен, чем подъезжал их герольд, едва долетали лишь отдельные слова. Пара капралов

на конях (один из них был представителем Тайной Стражи) все же подъехала поближе, дабы послушать и доложить. Текст оказался практически зеркальным - мол, король готов простить своих храбрых солдат, введенных в заблуждение продавшимися узурпаторше аристократами, как только они, то есть солдаты, принесут ему присягу, для принятия коей он готов выслать своих представителей. При этом король оказался так добр, что даже не потребовал от солдат выдать их командиров. Офицерам, не принесшим присягу, дозволялось беспрепятственно уйти, оставив коней, доспехи и оружие.

- Каков нахал, - рассмеялся Локхарт. - Впрочем, что ему еще остается? Насколько я понимаю, для него лично уже нет дороги назад. Его казнят, даже если он сдастся сам.

- Разумеется, - подтвердил Краут. - Он ведь пошел даже дальше, чем Дункельт. Тот хотя бы формально не объявлял себя королем. Такое в принципе не подлежит прощению, сэр.

- Так ли это необходимо? - усомнился Локхарт. - Ведь это всего лишь какой-то простой солдат. Не аристократ, который может быть реально опасен даже в тюрьме, пока у него остаются сторонники. А он после того, как даст свои показания перед судом, будет просто посмешищем.

- Монарх может прощать заблуждения и слабости, но не прямую и сознательную измену, сэр, - строго возразил Краут. - Как и любой командир, собственно. Независимо от того, представляет она реальную угрозу или нет. Дабы никто впредь не смел и думать, что измена может сойти ему с рук. Да и потом, уж этот-то тип в полной мере заслужил свою петлю. Он виновен уже в тысячах смертей, - напомнил лейтенант-полковник.

- Но, в любом случае, мы должны взять его только живым.

- Разумеется, сэр.

Это действительно было очевидно. В условиях, когда тело настоящего Арвика так и не было найдено, только сочетание головы мертвого двойника и признательных показаний живого самозванца могло окончательно закрыть эту тему.

На следующий день благополучно прибыл отставший арьергард с обозом. Это растянутое прибытие, по сути своей бывшее недостатком - неспособностью всего сводного батальона выдержать одинаковый темп - было умело превращено Краутом в достоинство благодаря тому психологическому эффекту, которое оно имело на мятежников. Они, во-первых, успели пережить очередной цикл из надежды и разочарования, а во-вторых и в-главных, приняли хвост той же колонны за новую часть (ради чего Краут специально отправил навстречу арьергарду вестового с приказом сделать небольшой уже крюк и подойти к городу не с запада, а с севера, откуда мятежники как раз тщетно ждали подкрепления). На следующие сутки прием был повторен - под покровом пасмурной ночи четыре сотни солдат тихо покинули свои палатки, чтобы утром, с развернутым знаменем, подойти к Айзеншлоссу уже по восточной дороге. Таким образом, у мятежников создали впечатление, что к городу с каждым днем стягиваются все новые неприятельские войска. Увы, повторять этот трюк до бесконечности было нельзя - даже самые тупые дозорные в конце концов догадались бы пересчитать палатки вражеского лагеря и убедиться, что их число не увеличивается (а взять еще несколько сотен больших армейских палаток людям Локхарта было негде).

Уже на второй день солдаты взялись за работу по сооружению осадно-штурмовых орудий - требушетов, таранов, лестниц и большой осадной башни. Некоторые детали для них привезли в обозе (в том числе - самые крупные и тяжелые, для изготовления которых на месте могло просто не оказаться деревьев соответствующих размеров), ради остальных принялись рубить и пилить деревья в окрестностях. Во времена бугенхольмской войны, если верить хроникам, все деревья были вырублены на мили вокруг Айзеншлосса - во-первых, в ту пору это было единственное топливо, а во-вторых, их вырубали как раз с целью осложнить жизнь любой армии, которая попытается захватить город - но за прошедшее с тех пор время леса вокруг вновь разрослись. К тому же бугенхольмцам в свое время пришлось с изрядным трудом втаскивать тяжелые детали требушетов вверх по склону холма, прежде чем смонтировать их под стенами -

теперь же к новой стене разросшегося города осадные орудия или их части можно было без труда подкатить по равнине Если тараны и осадная башня устанавливались на широкие цельнодеревянные, без спиц, колеса, то два тяжелых 12-метровых требушета необходимо было строить прямо на позиции. Локхарт уже знал из проштудированных им таблиц, что при использовании четырехтонного противовеса даже относительно легкие 10-килограммовые снаряды летят не более чем на 450 метров, причем это на плоском рельефе - стрельба вверх по склону уменьшала эффективную дальность примерно на 8% на каждые 5 градусов крутизны[78] (впрочем, рельеф Айзеншлосса одновременно имел и свой плюс для осаждающих - большинство целей, кроме тех, что прямо за стеной, были видны им непосредственно). Полковник спросил у своего заместителя, насколько близко к стенам можно развернуть строительство. "Да хоть вплотную", - усмехнулся Краут. "Но они же будут стрелять со стен по строителям." "Пусть стреляют. Бо́льшую часть работ можно выполнить под прикрытием стационарных щитов из досок." "Горящими стрелами." "Обольем доски водой." "Они могут и предпринять вылазку." "А вот это, - покровительственно улыбнулся Краут, - и есть самая большая польза, какую могут принести нам наши требушеты." "Ворваться в город на плечах противника?" - сообразил Локхарт. "Как только они откроют ворота, им конец", - кивнул Краут.

Так что окрестности осажденного Айзеншлосса огласились стуком топоров и молотков, который не умолкал ни днем, ни ночью. По ночам, правда, дежурные не столько работали по-настоящему, что в темноте было затруднительно, сколько просто лупили со всей дури инструментами по дереву, дабы эти звуки действовали на нервы осажденным. Впрочем, под покровом темноты под стены, где началось возведение требушетов, было перенесено и припрятано личное оружие солдат - дабы днем казалось, что строители совершенно не готовы к бою и вооружены лишь плотницкими инструментами. Локхарт и Краут надеялись, что противник клюнет на эту провокацию и попытается уничтожить требушеты еще до того, как они будут достроены. Либо же - что было бы, конечно, лучше всего - что город сдастся сам еще до того, как демонстративно-устрашающие приготовления будут завершены. В общем, осадные орудия строились с тайной мыслью, что их так и не придется пускать в ход - но при этом строились ничуть не менее тщательно.

Меж тем никаких ответов на разосланные во все стороны воззвания "короля Арвика" по-прежнему не было. Как вполне проницательно объяснил Дармонт настоящему принцу, теперь даже те из командиров гвардейских и военных частей, что поддержали его раньше, не спешили подтвердить свою лояльность проигравшему, пока он не приведет веские доказательства, что еще способен стать выигравшим - куда более веские, чем простые депеши. И это даже в том случае, если бы они не сомневались, что к ним обращается настоящий Арвик. Послания же его ординарца вообще мало кто принял всерьез - "коронация", проведенная с нарушением всех норм (включая самоличное назначение королем, а точнее, на тот момент еще даже не королем, "нового" архиепископа), слишком явно указывала на самозванца. Либо, в крайнем случае, на то, что Арвик в результате пережитых стрессов, а может, и удара по голове в бою, окончательно повредился в уме. Были, правда, и те, что готовы были поддержать и такого претендента - но, опять-таки, лишь при наличии у него реальной силы, дающей надежду на победу. Вставать под его знамена первым не хотел никто. Естественно, никаких отказов или требований дополнительных гарантий они, зная крутой нрав Арвика, тоже не посылали. Просто предпочитали выжидать, как дальше повернутся события... В конце концов, голубиная почта ненадежна, да и конные гонцы в военное время не всегда добираются до цели.

Один ответ, впрочем, в Айзеншлосс пришел - но не от какого-либо военного командира, а прямиком из Дракенхайма, хотя туда самозванец и не отправлял никаких посланий, и пришел он не с голубем (хотя таковой и использовался на части маршрута), а с перезвоном колоколов. В

[78]На самом деле зависимость не линейная, а вида (1-sin(a)))/cos(a), но правило, которым пользуется Локхарт, является достаточным для практических целей приближением.

нем извещалось, что бывший приходской викарий Пратерус отлучен от церкви и что подобная же перспектива ждет всякого, споспешествующего ему. Самозванец отдельно не упоминался вовсе, по причине вполне очевидной - айринтийская церковь не может отлучить неизвестно кого (откуда, впрочем, однозначно следовало, что церковь не допускает и мысли, что он может быть настоящим Арвиком). Самозванцу об этом послании не доложили (сам он о колокольных кодах ничего не знал), но Пратерус собственную судьбу расслышал вполне ясно - хотя, конечно, едва ли он мог ожидать чего-то иного. Узнали об отлучении, конечно, и другие айзеншлосские священники, которые не могли противостоять Пратерусу открыто, пока за тем стоял "король" и его хоть какой, но гарнизон, но в большинстве своем, независимо даже от своего личного отношения к Фабиасу, были возмущены той беспардонностью, с которой самозванец вмешался в церковные дела. Так что не прошло и суток, как слух об отлучении Пратеруса, а заодно и самого "короля Арвика" (хотя последнее и не соответствовало реальности), распространился по городу. И хотя, опять-таки, едва ли кто-то из сторонников Арвика, настоящего или лже-, мог ожидать от Фабиаса иной реакции - настроения в осажденном городе это не улучшило.

В ответ самозванец сперва попытался распустить собственный слух, а затем, когда это не принесло большого успеха - выступил с личным обращением, в котором заверил подданных, что уже получены известия от нескольких капитанов военной гвардии, ведущих свои части на помощь королю. Легковерная и переменчивая толпа вновь покричала "Ура!" и "Да здравствует король!" ("так, чтобы нашим врагам под стенами было слышно!"), но тем самым лже-Арвик загнал себя в классическую ловушку "сделки с дьяволом" - купил себе временное улучшение ситуации ценой неминуемой будущей катастрофы. Теперь, если обещанные войска не прибудут в пределах, самое позднее, двух недель - всем станет очевидно, что "король" врал с самого начала, и никакого подкрепления не будет. Ну или, в крайнем случае, что оно полностью разбито, что, в общем, не многим лучше. И сам он был не настолько глуп, чтобы этого не понимать - хотя пока еще надеялся, что его блеф чудесным образом обернется правдой.

Локхарт тем временем (и не он один) ждал, не объявится ли загадочный переговорщик, в свое время предлагавший сдать город Бронгару. Однако никто посторонний не пытался проникнуть или передать сообщение в лагерь. Может быть, этот человек (и те, кого он представлял) покинули город после снятия первой осады, может быть - не рассчитывали, что та же ловушка сработает во второй раз (если это и впрямь была ловушка), может быть, даже были выявлены и ликвидированы верными лже-Арвику людьми (если предложение о сдаче было реальным).

Так или иначе, никаких предложений о сдаче города - ни официальных, ни неофициальных - из Айзеншлосса не поступало, и Локхарт чувствовал, как растет его раздражение этим очевидно бессмысленным сопротивлением, которое, в конечном счете, было на руку только врагам Айринтии. Он мог бы понять героическое, пусть даже и безнадежное, упорство борцов за свободу или отчаянную борьбу загнанных в угол, которым нечего терять. Но ни настоящий, ни лже-Арвик никакими светочами свободы не были и близко - как и Элинор совершенно не выглядела деспотом на фоне прочих средневековых королей - и условия сдачи Айзеншлоссу были предложены более чем гуманные. Конечно, не для самого самозванца - но с какой стати всему городу жертвовать собой ради одного проходимца?!

На десятый день Краут наконец доложил Локхарту, что оба требушета готовы к бою. За время строительства их, возводимых один между северными и восточными, другой между северными и западными воротами, действительно многократно обстреливали, как простыми стрелами, так и зажигательными, но без особого успеха. В результате лишь четверо солдат получили легкие ранения, ни один не погиб. На вылазку, вопреки надеждам осаждающих, осажденные так и не отважились. Теперь надлежало решить вопрос с боеприпасами. Хотя свежевыстроенные требушеты, согласно таблицам, могли метать стокилограммовые каменные (или металлические) ядра на 150 метров вверх по склону (на практике меньше из-за высоты

домов), взять подобные ядра поблизости было в общем-то негде. Каменоломни, из которых в свое время добывался материал для строительства внешних стен, были практически исчерпаны, да еще и засыпаны, рудников за пределами городской стены тоже не имелось. Да и некого особенно было бомбардировать столь тяжелыми снарядами - в пределах досягаемости требушетов лежала в основном жилая застройка, не достойная такой чести. Исключение, конечно, составляли сами стены и башни (для обстрела которых требушеты следовало бы построить намного дальше от них) - но Локхарт (при полном одобрении Краута) надеялся взять город, не нанося серьезных разрушений крепости, которая могла еще пригодиться. Естественно, такой варварский метод, как забрасывание в город на своей территории гниющих трупов с целью вызвать болезни, тем паче не рассматривался. Не было никакого смысла и осыпать город мелкой каменной картечью, способной разве что разбить несколько окон и черепиц. Значит, оставались зажигательные снаряды. И вот для них как раз подходящих целей было предостаточно. Айзеншлосс за пределами Старого Вала представлял собой бывшие предместья, поглощенные городом, разраставшимся стихийно - в отличие от сразу возведенного в неизменных границах и по единому плану Дракенхайма. Многие здания здесь оставались деревянными, ну а скученность, особенно после того, как вокруг все же выстроили новую стену, была как везде в средневековых городах. Пожары здесь время от времени вспыхивали и без всякого внешнего врага - но, как правило, в одном месте, что позволяло их быстро локализовать, а не во многих сразу. И, конечно, массовые пожары в этих кварталах, где проживал в основном мастеровой и ремесленный люд, средней руки торговцы и прочие не самые богатые горожане - основная опора "народного короля" - не могли не повлиять на их боевой дух и настрой.

В прежней жизни Локхарт никогда не отдал бы приказ целенаправленно бомбардировать зажигательными снарядами жилые дома. Но то было в прежней жизни.

Впрочем, не отдал он его и сейчас - во всяком случае, в тот момент, когда этого ожидали Краут и остальные. Ибо воспоминания о пережитой им самим страшной ночи огня в Дракенхайме - вкупе с его недавними опасениями - навели его на идею. Нет, он не знал, где в Айзеншлоссе располагается склад топлива - скорее всего, таковых было много, в силу все того же стихийного разрастания города. Его идея была в другом - и, когда он изложил ее Крауту, тот вполне искренне восхитился ее остроумием.

Требушеты принялись забрасывать улицы в нижней части города - те самые широкие и прямые, что были некогда ведущими в Айзеншлосс дорогами и куда, соответственно, довольно легко было попасть, именно в саму мостовую, а не в дома вокруг - бочонками с водой. То, чего Локхарт опасался как противоштурмовой меры осажденных, он теперь устроил им сам - превратил крутые улицы Нижнего города[79] (в пределах досягаемости требушетов) в сплошной каток. Само по себе такое наказание для мятежников могло бы считаться почти комическим, этаким последним дружеским предупреждением - если бы этим все и ограничилось. Но Локхарт не был настроен на дальнейшие предупреждения. Он и так уже потерял под стенами Айзеншлосса десять дней - а гроггендорская угроза требовала покончить с остатками мятежа до весенней распутицы. Поэтому, стоило льду на улицах схватиться - максимально затрудняя перемещение тяжелых пожарных телег и даже пеших борцов с огнем - как на город полетели снаряды с горючей смесью.

Да, он, полковник Эрик Локхарт, когда-то называвший варварством бомбардировку Дрездена и других городов Германии во время Второй мировой войны - приказал сначала создать максимальные помехи пожарным, а уже потом обрушить на жилые кварталы средневековые аналоги тех же зажигательных бомб. Впрочем, он не ожидал большого числа смертей и не хотел их. Это было бы просто нецелесообразно - от мертвых гражданских нет никакой пользы. Живые погорельцы, оставшиеся без крыши над головой на февральском

[79]В оригинале Lower Town.

морозе, были куда полезнее. Пусть идут на вершину холма, куда не добивают требушеты, и разбираются со своим "королем". Или сразу вниз, к воротам, и открывают их. По сути - именно Арвик научил Локхарта этой тактике (хотя теперешние морозы были изрядно слабее тогдашних, в Дракенхайме), и будет совершенно справедливо, если его сторонники получат таковую в ответ.

Обстрел продолжался весь день. Конечно, по интенсивности и тем паче разрушительности он никак не мог сравниться с тридцатью пятью сотнями тонн зажигательных бомб, вываленных восемью сотнями тяжелых бомбардировщиков на Дрезден. Требушетов было всего два, и у солдат, посменно шагавших внутри больших деревянных колес, каждый раз уходило не меньше десяти минут, чтобы снова поднять на самый верх, почти до уровня городской стены, четырехтонный противовес. Затем, правда, взметнувшийся двенадцатиметровый рычаг с огромной пращой на конце отправлял в полет не один, а сразу несколько (в зависимости от выбранной дальности) керамических сосудов с горючей смесью, которые, разлетаясь веером, накрывали обычно сразу несколько домов. Не всякое попадание приводило к пожару, где-то горящая жидкость бесполезно растекалась по камням, где-то сбежавшимся горожанам с ведрами удавалось потушить пламя в зародыше, но даже при такой скорострельности пожары в городе вспыхивали куда быстрее, чем их успевали тушить. Огонь перекидывался на соседние дома, а городской рельеф продолжал играть с горожанами злую шутку - вода, которую щедро лили пожарные, струилась вниз по склонам, продолжая усиливать проблему с гололедом, созданную утренней водяной бомбардировкой (кое-где, кстати, и горящие ручейки зажигательной жидкости, сбегая вниз, достигали новых целей). Северный ветер также помогал осаждающим, не только увеличивая предельную дальность, но и гоня пламя вверх по склону. Если поначалу огонь и дым образовывали словно два перекрещивающихся на теле Айзеншлосса рубца, соответствовавших траекториям полета снарядов, то после полудня пламя бушевало уже в самых разных местах северной части Нижнего города, а к ночи, когда обстрел прекратился, районы к северу от Старого Вала выгорели более чем на треть.

И все это время разрушения в городе сеяли лишь два десятка человек, расположившихся под самыми его стенами - расчеты требушетов и те, кто периодически подвозил им новые боеприпасы. Все остальное войско стояло далеко позади, провоцируя осажденных выйти и покончить с поджигателями. Разумеется, ответный маневр на этот случай был тщательно просчитан - пехота сама по себе не успела бы добежать до ворот прежде, чем противник закроет их, на что и могли рассчитывать осажденные, но лучники, запрыгнув в обозные сани, должны были успеть подъехать на достаточное для плотной стрельбы расстояние и задержать отход неприятеля обратно в город, пока мечники бегут к башне. Но этому красивому плану, родившемуся из идеи Локхарта "а почему, собственно, обозные кони и подводы не могут быть использованы в бою?", не суждено было осуществиться, ибо лже-Арвик (или тот, кто командовал его людьми) так и не решился на вылазку. Бывший ординарец, очевидно, не следовал принципу, который исповедовал настоящий Арвик - "Наступай, отступай, но только не стой на месте, безропотно снося удары. Тебе могут простить поражение, но тебе не простят бездействия!"

Однако менее чем за сутки настроения в городе очень сильно переменились. В пожарах погибли больше трех сотен человек - многие, даже успев выбежать из горящих домов, задыхались в дыму, не сумев выбраться из запутанного лабиринта узких улочек и переулков; даже жители каменных домов, поначалу чувствовавшие себя в безопасности, задыхались в своих хоромах, если оказывались в окружении горящих деревянных строений. Еще больше было травмированных - обожженных, ушибленных, переломавших конечности при попытке бежать по гололеду. (Впрочем, летом, особенно засушливым, огонь распространялся бы активнее, и жертв наверняка было бы гораздо больше.) Но не это было главное. Главным, как и рассчитывали командиры осаждающих, была разъяренная толпа оставшихся без крова. Нет, пока что в ней еще не проклинали "короля", но кто-то бросил идею идти и занимать явочным порядком дома

"предателей" - тех богатых и знатных (проживавших в основном в Старом городе), что предпочли загодя покинуть Айзеншлосс. Несмотря на осадное положение, ворота Старого Вала были открыты (что было неудивительно, учитывая, что пожарные команды прибывали и оттуда тоже), да и, в любом случае, перелезть через древнюю стену можно было без большого труда во многих местах - как из-за ее разрушения, так и из-за слишком плотной застройки, когда дома примыкали к стене вплотную. Остановить толпу немногочисленные стражники "народного короля" не могли, да и не пытались. Естественно, в ночной темноте никто особо не разбирался, какие дома покинуты владельцами, а какие нет - лишившиеся всего погорельцы, дорвавшиеся до богатых кварталов, принялись врываться вовсюда. Хозяев вышвыривали на мороз, в чем были, пытавшихся оказать сопротивление - избивали и убивали. Наиболее зажиточные, впрочем, имели собственную вооруженную охрану, численность которой могла доходить до двух-трех десятков человек, так что здесь захватчиков ждал отпор, после которого они, как правило, откатывались с потерями - пока кто-то обозленный опять-таки не подал идею поджигать сопротивляющиеся дома. Разумеется, дома айзеншлосской элиты, пусть и выстроенные впритык друг к другу (но с грамотными брандмауэрами между ними), были добротными каменными зданиями, так что пожары в Старом городе получили далеко не такой размах, как в Нижнем - но все же это изрядно усилило хаос. Кто-то пустил слух, что дома поджигают вражеские шпионы; его подхватили, переиначивая (в том числе - даже и сами поджигатели, вполне серьезно решившие, что речь о каких-то других пожарах), и вскоре он приобрел уже панический оттенок - говорили, что вражеское войско уже в городе, что оно не щадит никого на своем пути и направляется прямиком к королевскому замку. В итоге на погруженную во тьму площадь перед замком вывалила, размахивая факелами, палками, а кое-где и настоящим оружием, обезумевшая толпа, где смешались и погромщики, и искавшие от них защиты, и охотники на шпионов, и явившиеся требовать от короля наведения порядка, и прибежавшие защищать его от вражеского вторжения. Патриотические возгласы последних, впрочем, быстро потонули в гневных криках всех прочих. На площади как раз были удобно сложены камни, предназначенные для ремонта замка; прошло совсем немного времени, прежде чем - вслед за оставшимися без ответа требованиями, чтобы король вышел к народу - они полетели в окна.

И вот тут лже-Арвик, наконец, понял, что просто отсидеться уже не получится. Он вышел на балкон, нависавший над площадью, и объявил, что настала пора покончить с "изменниками", причинившими столько вреда стольному граду Айзеншлоссу, что осада будет снята уже сегодня, что он, король Арвик, лично поведет свою армию в бой, а всех храбрых горожан призывает к ней присоединиться.

Сам того не зная, в некоторых аспектах своей речи он почти повторил Элинор, когда та тоже выступала перед пришедшей к ее дворцу недовольной толпой. Но если королева говорила со спокойным достоинством и даже иронией, то речь самозванца, все более накручивавшего себя в процессе, была полна самого гротескного и невыносимо пошлого пафоса (хотя, надо сказать, и желающих записаться в армию - вот прямо тут, с ухватами и палками от метел в руках - после этой речи набралось больше). Вообще, в полном соответствии с классической поговоркой о повторении трагедии в виде фарса, осада Айзеншлосса во многом стала гротескной пародией на осаду Дракенхайма. Город также имел четверо ворот, ориентированных по сторонам света, и, соответственно, Локхарт, как и Арвик в свое время, вынужден был разделить свое войско на четыре части - при этом, правда, основные силы он расположил в северном лагере (блокируя именно то направление, откуда мятежники в первую очередь ждали помощи и куда они, главное, могли бы попытаться бежать), вспомогательные отряды (где были в основном лучники) разместил на востоке и на западе, а на юге оставил лишь совсем косметический заслон из полусотни человек, которые, при помощи пустых палаток (ради этого их товарищам на севере приходилось ютиться в тесноте, хотя так было теплее) и многочисленных костров, старательно изображали, что их больше. Поскольку никакого озера с

мостами вокруг Айзеншлосса не было, расстояние между лагерями было примерно вдвое меньше, чем при осаде Дракенхайма, они находились в пределах прямой видимости соседей и могли достаточно быстро прийти друг другу на помощь. Впрочем, в распоряжении Локхарта не было кавалерии, не считая шестерых конных офицеров и лошадей обоза, что, конечно, ограничивало скорость маневра.

Слухи о том, как именно происходила битва за Дракенхайм, дошли до лже-Арвика лишь в самом общем виде, но он уяснил, что осажденные выиграли эту битву, выйдя из крепости и атаковав осаждающих. До сих пор, имея под своей рукой лишь три сотни более-менее приличных пехотинцев (формально городской гарнизон был втрое больше, но бывший ординарец Арвика хорошо знал, что представляют собой остальные) плюс сотню легкой кавалерии (все, что осталось от той эрзац-армии, которую он по плану и приказу настоящего Арвика скармливал по частям Бронгару, заманивая того все дальше на север), самозванец не отваживался на такой маневр - но теперь, когда судьба практически не оставила ему выхода и надежды на спасительное подкрепление, поверил, что сможет выиграть битву одним стремительным ударом, обрушившись в лоб на главный вражеский лагерь еще до рассвета и убив вражеского командира, быть может, еще до того, как тот успеет выбраться из своего шатра. В конце концов, в его распоряжении была конная сотня - ни одного настоящего рыцаря там не было, но все же это была кавалерия, которой не было у неприятеля. К тому же самозванец верил, что толпа горожан, набранных прямо на площади, хотя бы даже необученных и плохо вооруженные, в темноте сможет сойти за настоящих солдат и, по крайней мере, отвлечь на себя внимание.

Вся атака была спланирована буквально на лету - самозванцу было критически важно успеть до рассвета, и на серьезную подготовку не было времени. В первый момент он хотел обрушить на врага, разделившего свое войско на четыре части, все свои силы "единым кулаком" - но, глядя из седла на растянувшуюся вниз по улице колонну, сообразил, что пропускной способности улиц и, главное, северных ворот не хватит, чтобы разом вывести более двух тысяч человек. Поэтому он послал следом двух своих офицеров (также недавно произведенных из капралов), чтобы они увели свежеприсоединившихся добровольцев (самую бесполезную часть войска) к западным и восточным воротам, откуда те должны были атаковать лучников (в расчете на то, что в темноте те не смогут метко стрелять издали, а в рукопашной с ними справится даже толпа простых горожан), а затем, в случае успеха - идти на соединение с основными силами. Поскольку все войско лже-Арвика двигалось вниз к воротам единой толпой вперемешку, эта перегруппировка на ходу изрядно добавила хаоса в и без того не особо слаженные действия - но все-таки, хотя с изрядно нервировавшей самозванца задержкой, единая колонна растеклась в итоге на три. Наиболее боеспособной пехоте, скопившейся у северных ворот, было велено разойтись в прилегающие улочки, освобождая дорогу коннице - которая должна была, разогнавшись вниз по холму, на полном скаку вылететь из распахнувшихся в последний момент ворот и обрушиться на не успевшего опомниться неприятеля (пехоте надлежало бежать следом). При этом, однако, лже-Арвик совершенно не подумал про лед, все еще покрывавший ту самую широкую и прямую улицу, по которой он собирался лихо проскакать во главе своей сотни. Ну, точнее говоря, не совсем во главе - хоть он и уверовал в свою победу, у него все же хватило осторожности пропустить нескольких всадников вперед себя. Уже внизу, у самых ворот, когда вся кавалькада набрала максимальную скорость, лошадь одного из них поскользнулась и грохнулась на полном скаку; на нее тут же налетали и падали скакавшие следом. В считаные секунды повалилось восемь лошадей, пять из которых получили травмы, бесповоротно выведшие их из строя - в их числе оказалась и "королевская", сломавшая ногу. Сам лже-Арвик, однако, грохнувшись в доспехах на круп другого коня, отделался лишь незначительными ушибами. Шестерым его кавалеристам не так повезло - они либо серьезно пострадали при падении, либо оказались под копытами скакавших следом. Остальным удалось либо проскочить

мимо упавших, либо своевременно сбросить скорость и остановиться. Ворота тем временем уже открывались, но затем в башне заметили заминку, и створки, разошедшиеся уже на две трети, застыли на месте, а затем неуверенно двинулись обратно.

Но лже-Арвик, поднявшийся после падения, уже нетерпеливо требовал себе нового коня. Мертвых и раненых оттащили с дороги, бьющихся на земле лошадей добили мечами, и всадники поехали дальше - теперь уже не лихим галопом, а осторожным шагом. Самозванец оказался теперь уже не во главе, а почти в середине колонны. Те, что проскочили вперед, не останавливаясь, вынуждены были натянуть поводья перед башней и нетерпеливо кричали: "Отворяй! Отворяй!" Наконец ворота вновь открылись, и неполная уже сотня, вновь резво набирая темп, устремилась вперед, туда, где в свете Кольца белесыми призраками маячили палатки вражеского лагеря.

Но там их, разумеется, уже ждали - и дело было даже не в заминке при открытии ворот. Локхарт и его люди весь вечер наблюдали за происходившими на холме событиями - особенно когда пламя пожаров показалось и в Старом городе, куда оно никак не могло перекинуться снизу. По этим отсветам в темноте и периодически доносившимся из города крикам и ударам колоколов трудно было, конечно, составить цельную картину, но ясно было, что беспорядки охватывают уже весь Айзеншлосс, и можно ожидать любого развития событий - от сдачи города и выдачи живого или мертвого самозванца (или попытки такового бежать под покровом ночи) до атаки всеми имеющимися в городе силами. Ближе к утру Локхарт все же позволил себе задремать, не снимая доспехов (как и многие его солдаты, готовые, впрочем, вскочить по первой команде), но Краут - и, естественно, дозорные - по-прежнему бдели и внимательно наблюдали за городом. Движение вниз по склону и далекий перестук сразу многих копыт они различили еще до того, как открылись ворота.

- Началось, сэр, - Краут хлопнул латной рукавицей по стальному оплечью Локхарта.

Полковник мгновенно проснулся и выбежал из шатра; оруженосец уже спешил подвести ему оседланного игреневого. "Тревога, тревога!" - разносилось над лагерем; солдаты выбегали из палаток, расхватывая составленные в конусы копья. Рог, однако, не звучал, дабы раньше времени не спугнуть наконец-то решившегося на вылазку врага - пусть думают, что лагерь все еще спит.

Наличие у осажденных кавалерии не стало сюрпризом для осаждающих - Краут скорее даже ожидал, что всадников окажется больше. Солдаты с длинными копьями, следуя заранее утвержденному плану, выбегали вперед на границу лагеря и тут же падали в снег вместе со своим оружием, оставаясь до поры незаметными для скачущих в темноте врагов. И лишь когда первые всадники с тускло сверкающими в свете Кольца обнаженными мечами доскакали почти до первых палаток, так, что стало слышно бряканье их сбруи и шумное дыхание скачущих во весь опор коней - только тогда резко, почти оглушительно протрубил рог, и бойцы королевы поднялись во весь рост, прочно упирая в землю пятки длинных копий, устремленных прямо в грудь мчащимся лошадям.

Раздалось отчаянное ржание. Кони, набравшие слишком большую инерцию, пытались прыгать через препятствие, взвивались на дыбы, по-собачьи садились на задницу, продолжая скользить вперед всеми четырьмя копытами - но всюду их встречали длинные острые пики, вспарывавшие груди, шеи, животы, разрывавшие мышцы, пронзавшие внутренности. А с флангов, охватывая успевших остановиться коней и вынужденно спешенных всадников, уже бежали алебардщики, подсекая и рубя длинными секирами конские ноги и доставая копошившихся в снегу кавалеристов.

- Вельо! - прикрикнул на всякий случай Локхарт, сидевший в седле с мечом в руке, но позади своих солдат, на безопасной от закипевшей схватки дистанции (его личное участие в бою, разумеется, и не требовалось). Ситуация была заранее оговорена с лингвистом несколько раз, но сейчас полковник лишь крутил головой в шлеме, не в силах отыскать своего

подчиненного. В чем рыцарские латы больше всего проигрывали скафандру, так это в обзоре - через узкое забрало он был совсем никудышным. - Ко мне!

- Здесь, - буркнул великан, грузно подбегая по снегу. Лезвие его алебарды все еще блестело, незапятнанное ничьей кровью и кишками - о чем он, судя по его виду, сожалел. Во всяком случае, обильное кровопролитие, которое он впервые видел так близко - куда ближе, чем когда стоял с алебардой на стене - его явно не смущало.

- Охраняете меня, - строго повторил Локхарт отданный ранее приказ. С военной точки зрения для конного рыцаря такой пеший партнер означал скорее дополнительные хлопоты, чем помощь - Локхарт не мог теперь быстро сменить позицию, бросив его, и в то же время должен был следить в полутьме через чертово забрало, чтобы ненароком не стоптать его конем и чтобы конь, в свою очередь, не напоролся на острое лезвие алебарды. Но уж лучше было держать доктора при себе, чем отослать в тыл без всякой гарантии, что он не устремится в бой самовольно, как уже делал в ночь сожженного посольства. Тут же, впрочем, Локхарт с раздражением подумал, что заботится о Вельо больше, чем обо всем вверенном ему батальоне, что, конечно же, категорически неправильно. Хотя - для заботы о батальоне есть Краут... но баронство за этот бой получит не Краут, так что надо - не мешая, конечно, более опытному офицеру и не вылезая с ненужной инициативой - максимально сосредоточиться на ходе боя и постараться извлечь из него все возможные уроки. Но как же все-таки неудобно это забрало, особенно при таком освещении...

Меж тем лже-Арвик, отставший из-за падения от собственного авангарда, благодаря этой задержке не лишился второго за четверть часа коня. Он успел остановиться прежде, чем его лошадь напоролась на пики. Впрочем, назад, как большинство его уцелевших конников, он тоже не шарахнулся. Теперь он вместе с еще несколькими всадниками гарцевал вдоль линии выставленных ему навстречу копий, ища способ прорваться туда, где, чувствуя себя в безопасности за спинами своих копейщиков и алебардщиков, сидели на конях несколько офицеров противника. Самозванец все еще лелеял надежду, что бой удастся закончить одним ударом, прорвавшись и зарубив главного из них - видимо, того, что был ближе всех к знамени (у ног его еще ошивался какой-то здоровенный алебардщик, вероятно, личный телохранитель). Но прорваться, очевидно, не было никакой возможности - откуда бы он ни пробовал наскочить, навстречу ему смотрели копья, и более того - они не просто занимали оборонительную позицию, а приближались.

- Обходите их с флангов! - крикнул лже-Арвик. - Берите их в клещи! - это было весьма смелым заявлением, даже учитывая, что он полагал, будто половина его конницы еще с ним (в то время как вторую половину добивали копьями и алебардами в снегу у него на глазах). В этом случае он предлагал полусотне всадников "взять в клещи" более чем на порядок превосходящее их число пехотинцев (всего их в северном лагере было шесть сотен, но пока еще не все показались на глаза противнику). Реально же рядом с ним не гарцевало уже и десятка.

- Сир! - крикнул в ответ один из них. - Отходим!

- Что за чушь?! - возмутился "король". - Кавалерия не отступает перед пехотой!

Но, оглянувшись по сторонам, он был все же вынужден признать здравость этого совета и успел ускакать вспять прежде, чем алебардщики отрезали ему путь. Впрочем, ничего еще не было потеряно (как он, по крайней мере, думал) - пусть кавалерийская атака захлебнулась, но со стороны крепости уже вовсю бежали его пехотинцы, которые должны были изменить соотношение сил в его пользу.

Тем временем добровольцы, направленные к западным и восточным воротам, тоже выбегали наружу. Правда, не одновременно, как планировал их "король" - ибо он не позаботился о сигнале, позволяющим синхронизировать их действия (таким сигналом, заметным из противоположных частей города, мог бы стать, например, огонь на башне королевского замка). Первыми наружу выбежали восточные: почти восемьсот человек из которых едва ли у половины

было оружие серьезнее палок (а доспехов не было вообще ни у кого), устремились толпой к спящему, как они надеялись, вражескому лагерю (ворота у них за спиной, согласно приказу самозванца, были сразу же вновь закрыты, отрезая им путь назад) Сто шестьдесят королевских лучников подпустили их вплотную и хладнокровно расстреляли в упор. За минуту они выпустили почти две тысячи стрел, из которых по меньшей мере две трети попали в цель - плотная толпа даже в темноте была идеальной мишенью. За минуту было убито и ранено (в основном убито, и некоторые тела походили в результате на подушечки для булавок) больше шестисот человек; остальные разбежались в разные стороны, не помышляя уже, конечно, ни о чем, кроме спасения собственной жизни. Убедившись, что атака с этой стороны, похоже, исчерпана, часть лучников, следуя еще дневным указаниям, загрузились в обозные сани и поехали к северному лагерю, откуда уже протрубил рог, возвещавший о главном месте боя. Стрелки, не поместившиеся на санях, остались все же сторожить восточные ворота на случай, если мятежники попытаются использовать их для бегства.

К тому времени, как открылись западные ворота, с восточной стороны все было уже кончено, но добровольцы с этой стороны (их было около семисот) об этом не знали. Однако от участи товарищей их спасло отсутствие дисциплины, ибо вместо того, чтобы, согласно приказу, бежать в самоубийственную атаку на лучников, они устремились вдоль стены к северу - громить ненавистный требушет, доставивший столько бед многим из них лично. Могучее осадное орудие досталось им без всякого сопротивления - королевские солдаты, закончив стрельбу, ушли еще вечером. Ирония заключалась в том, что, когда разъяренные айзеншлоссцы накинулись с топорами на метательную машину, она была уже фактически бесполезной для осаждающих и, соответственно, безвредной для осажденных - даже и в том случае, если бы лже-Арвик в эту ночь не пошел в решающую атаку. Дело в том, что накануне оба требушета отстрелялись уже по всей длине своих траекторий от минимальной до максимальной дальности, нанеся все возможные разрушения вдоль этих линий - а развернуть многотонную конструкцию в горизонтальной плоскости для стрельбы по другому азимуту было попросту невозможно, для этого ее пришлось бы разбирать и собирать заново. По этой же причине требушет был бесполезен в качестве трофея для азйеншлоссцев, даже если бы среди них были артиллеристы, и по этой же причине им не имело смысла строить нечто подобное у себя в городе для стрельбы по осаждающим - стационарное орудие эффективно только против стационарных целей, а не против палаточного лагеря, который легко снимется с места и передвинется на несколько ярдов вбок.

Пока толпа громила требушет, лучники западного лагеря разделились так же, как и их восточные товарищи - но при этом те, что отправились на помощь северному лагерю, просто проехали мимо окруживших требушет горожан, не тратя стрел на явно не имевшую серьезного военного значения цель. Те заметили проехавшие мимо сани с лучниками, но тоже не попытались атаковать - словно между врагами возник молчаливый уговор "мы не трогаем вас, а вы не трогаете нас". Несмотря на многократный численный перевес, патриотический угар у многих добровольцев, присоединившихся в эту ночь к "армии короля", уже успел поугаснуть - особенно у тех из них, кто полагал, будто их сперва отведут получить оружие и доспехи, а не выставят в чем были за городские стены (на самом деле городской арсенал был почти полностью вычищен еще настоящим Арвиком точно так же, как и городская казна). Так что теперь они предпочли иметь дело с безответным требушетом, понимая, что он - куда более удобная цель, чем королевские солдаты. (Правда, когда многотонная махина, наконец, рухнула, насмерть зашибло троих и покалечило еще двух.)

К северу от города пехота обеих сторон сошлась в рукопашной. Полсотни оставшихся конников лже-Арвика, по сути представлявшие собой легкую кавалерию (хотя на некоторых были "полурыцарские" доспехи), но не имевшие при этом ни характерных для легкой кавалерии луков, ни длинных рыцарских копий (а только мечи или топоры), бестолково скакали за спинами

своих пехотинцев, имея цель скорее не дать им разбежаться, нежели реально помочь в бою. Лже-Арвик пытался командовать боем, выкрикивая приказы. В первый момент его пехота имела существенный численный перевес (девять сотен против шести), но все это были легкие пехотинцы, вооруженные короткими мечами (вполне пригодными, чтобы перерубать копья, но не дающими никаких шансов против алебарды - до тех пор, конечно, пока у алебардщика хватает сил размахивать своим оружием) - не говоря уже о том, что более-менее достойную подготовку имела лишь треть из них. Капрал, провозгласивший себя королем (и успевший к тому же покомандовать пусть и эрзац-, но армией), вполне отдавал себе в этом отчет. Поэтому, когда он кричал своим бойцам, чтобы они обходили противника с флангов, его идея на самом деле была вовсе не в том, чтобы окружить и задавить врага - он уже вполне отчетливо понимал, что пешая атака его людей на плотный оборонительный порядок неприятеля обречена так же, как и конная. Он надеялся, что враги (также слышавшие его крики), дабы не допустить обхода с флангов, будут все шире и шире растягивать фронт, пока центр не ослабеет настолько, что он, "король Арвик", таки сумеет осуществить свою первоначальную мечту - прорваться со своими конниками по центру прямо к вражескому командиру и убить его. Он рассчитывал, что остававшейся у него полусотни кавалеристов, пусть даже и легких, для этого все еще достаточно.

Однако солдаты королевы и не думали растягивать фронт. На попытки обхода они лишь ощетинивались копьями по флангам, постоянно разворачиваясь остриями к неприятелю - ну давайте, обходите, если желаете! По фронту они, правда, поначалу так же вели себя пассивно - не пытались контратаковать, а лишь пятились, отмахиваясь алебардами и мечами (вполне, впрочем, организованно и сохраняя строй). Делалось это с единственной целью - не спугнуть врага раньше времени и дождаться, пока с юга подтянутся лучники и отрежут противнику (и в особенности - его командиру) путь к отступлению в город. В отношении этого командира - единственного, насколько позволяло различить ночное освещение, из всех вражеских всадников облаченного в полный латный доспех (это были подлинные доспехи самого Арвика) - у осторожного Краута и сытого по горло историями с двойниками Локхарта еще не было уверенности, сам ли это самозванец или некто, командующий от его имени, но на всякий случай его следовало брать только живым. Это, собственно, и было самым сложным во всей операции. Без этого требования Локхарт уже скомандовал бы тяжелой пехоте идти вперед, кроша легковооруженных мятежников в мелкое рагу (как выражался Краут) - но их предводитель в этом случае мог ускакать. Скорее всего - не обратно в город, а прочь от него, но такой вариант тоже не годился. Его нельзя было упустить и нельзя было убить. Только живым.

И вот, наконец, лучники с двух сторон подъехали в тыл мятежникам, все еще не замечавшим их, и дали первый перекрестный залп, сразу сразивший два десятка пехотинцев, а также несколько всадников и лошадей. В северном лагере тоже оставалось несколько лучников, и теперь они по сигналу Локхарта выпустили над головами сражающихся несколько горящих стрел в сторону "короля". Это были стрелы с тупыми концами, не способные убить - таким образом Локхарт лишь обозначил вражеского командующего для вновь прибывших и одновременно дал своим пехотинцам сигнал перейти в контрнаступление. Лже-Арвик об этом не догадывался и, когда одна из этих стрел отскочила от его кирасы (лучшей во всем его войске), лишь дополнительно уверовал в собственную неуязвимость.

Чего никак нельзя было сказать о его солдатах. Внезапно атакованные с тыла, они, даже не пытаясь считать вражеских лучников (коих было всего по полсотни с каждой из сторон, впрочем, кони и сани делали их почти недосягаемыми для пехоты), они ломанулись вперед, толкая передние ряды прямо на вражеские копья и алебарды - а когда, в свою очередь, тяжелая пехота королевы пошла вперед подобно смертоносной машине, коля и рубя всех на своем пути, солдаты самозванца просто бросились врассыпную. Лишь немногие - в основном зажатые в центре, которым было просто некуда бежать - хотя бы попытались оказать достойное

сопротивление (и действительно смогли забрать несколько жизней противника, неся при этом, впрочем, многократно большие потери). Мечники Локхарта врезáлись в самую гущу, туда, где теснота мешала орудовать древковым оружием, или же, напротив, устремлялись в погоню за разбегающимися. Лучники тем временем осыпáли стрелами всадников и их лошадей, попадая, впрочем, не только по ним (несколько таких стрел случайно поразили и своих, оказавшихся слишком близко).

Самозванец крутился на месте, озираясь по сторонам и пытаясь понять, как спасти положение; он даже выкрикнул: "Отставить! Не разбегаться! Держитесь вплотную к ним, тогда их лучники не смогут стрелять!" - но никто его, кажется, уже не слушал, и в следующий момент он с опозданием заметил, что вокруг него не осталось никого из его бойцов, зато прямо на него бежит с копьем наперевес рослый пехотинец противника. Все, что успел сделать лже-Арвик - это вздернуть коня на дыбы, что не помогло увернуться от удара - копье вонзилось в лошадиный бок снизу вверх (собственно, пехотинец, знавший приказ "только живым!", именно в лошадь и целился), попутно перерубив подпругу. Самозванец в своих тяжелых латах свалился вместе с седлом в снег, а в следующий момент был придавлен тушей бьющейся в агонии лошади.

Однако на выручку "королю" уже скакал один из еще остававшихся верными ему конников. Он налетел на пехотинца сбоку-сзади и, склонившись в седле, рубанул его боевым топором по голове, развалив шлем и череп - однако в следующий же миг сам был убит сразу двумя стрелами.

Локхарт, в очередной раз окинув взглядом поле боя, снова посмотрел сквозь забрало туда, где только что видел вражеского предводителя - и понял, что потерял его из вида. Тогда он откинул, наконец, наверх осточертевшее забрало, но даже это не помогло. Он нигде не видел ни рыцаря в латах, ни его коня.

- Где он?! - крикнул Локхарт. - Ищите его! Не дайте ему уйти! - и, не обращая внимания на верного Вельо, неспособного угнаться за конем пешком, сам поскакал туда, где видел самозванца в последний раз. Никакой опасности для себя он при этом не видел - живые враги оттуда уже разбежались. Пехотинцы королевы тоже ушли вперед, преследуя их, на снегу валялись лишь неподвижные тела

И тут ситуация на поле боя изменилась самым неожиданным для обеих сторон образом.

На самом деле она изменилась еще неделю назад (хотя ни в Айзеншлоссе, ни под его стенами никто об этом не знал). У "короля Арвика" все-таки нашелся свой "Вульфеншванц" - или, скорее, свой "Дирлих". Им стал капитан Брахентопф, командир Двенадцатого дивизиона военной гвардии, стоявшего на северо-востоке Айринтии у самой старой границы. В свое время он без раздумий присягнул Арвику, а после известия о разгроме под Дракенхаймом и гибели принца пребывал, понятное дело, в самых мрачных чувствах - особенно когда получил от давнего приятеля весточку, что к нему направляются посланцы Бургхельма, очевидно, с целью снять с командования, а возможно, и арестовать. Но почти сразу же после этого прибыл гонец с другим посланием - от "короля Арвика" с приказом "прибыть для защиты столицы".

Как и большинство получателей таких посланий, Брахентопф не особо поверил, что их отправителем является настоящий Арвик. Но он был молод и склонен к авантюрам, и потому в выборе между вариантами ареста за измену и, даже в лучшем для него случае, гарантированно загубленной карьеры, с одной стороны, и шанса на головокружительную карьеру при Арвике - настоящем или мнимом, но в любом случае чрезвычайно остро нуждающемся сейчас в союзниках, а стало быть, готовом отблагодарить их по-королевски, с другой - капитан недолго терзался сомнениями. Пресловутая "кровь Йоргела", легитимность династии и тому подобные высокие материи не особо его заботили, несмотря на то, что он сам происходил из достаточно старинного рода - но его собственный отец был бастардом, пусть и позже официально признанным и возведенным в статус законного наследника. Так что личную доблесть Брахентопф ставил намного выше, чем фактический и юридический статус предков. Поэтому

незадолго до прибытия эмиссаров от Бургхельма Брахентопф увел свой дивизион на юг, старательно избегая встреч с любыми другими частями (что интересно, в пути он лишь немного разминулся с настоящим Арвиком, направлявшимся вместе с Дармонтом и "поросятами" на север). Не все подчиненные Брахентопфа захотели следовать за ним, но большинству аргумент о том, что при Элинор их часть ждет в лучшем случае расформирование и ссылка в самые глухие дыры (хотя, по правде говоря, их крепость тоже была не лучшим местом службы), все-таки показался достаточно убедительным, так что под стены Айзеншлосса все же прибыли три полные сотни конных гвардейцев. Брахентопф так спешил прибыть в новую-старую столицу - в своих мечтах он видел себя чуть ли не новым коннетаблем, если встанет под знамена короля первым - что гнал их почти без передышки, так что в последний день пути они вовсе не становились на ночевку и вышли к Айзеншлоссу под утро после изнурительного ночного марша.

Брахентопф, надо отдать ему должное, мгновенно и адекватно оценил открывшуюся картину. Даже при свете Кольца нетрудно было понять, с какой стороны находятся защитники Айзеншлосса, а с какой - их противники. Конечно, гвардейцы были не в лучшем состоянии, чтобы тут же, без малейшей передышки, вступить в бой - и все же это были триста прекрасно обученных кавалеристов с мечами и луками, равные, согласно формулам здешней военной науки, тысяче двумстам условных пехотинцев - что вдвое больше, чем было у Локхарта в северном лагере, притом, что и солдат лже-Арвика, пусть и потерявших уже более трех сотен своих, было рано сбрасывать со счетов. Успевшие обратиться в бегство еще запросто могли повернуть обратно, увидев, что ситуация переменилась. А главное - солдаты королевы, увлекшиеся преследованием и добиванием противника, слишком поздно заметили новых врагов, во весь опор скакавших к ним с тыла. Собственно, если бы не лучники, смотревшие как раз в ту сторону, откуда прискакали гвардейцы (но находившиеся от них дальше всех прочих), не исключено, что тех вообще не заметили бы до первых убитых ими.

- Черт! - Краут рывком поворотил коня навстречу новой угрозе. - Копья, кругом! В подкову стройсь! Играть "Все сюда!"

Горнист заревел в большой рог во всю мощь легких и инструмента, призывая на помощь лучников, до сих пор остававшихся напротив восточных и западных ворот. Собственно, это можно было сделать и раньше - но, пока не было уверенности, что мятежниками действительно командует сам лже-Арвик и что тот не попытается вырваться через другие ворота, осторожный Краут предпочитал держать под прицелом все выходы. Теперь, однако, было уже не до этого. Кавалерия с луками могла устроить бойню пехоте королевы, даже не вступая в ближний бой, и это преимущество врага следовало компенсировать как можно скорее.

Локхарт, ускакавший вперед, развернулся, заслышав рог. Он понял, что к врагу внезапно подошло подкрепление, но пока еще не мог разобрать, что именно происходит в тылу, и замешкался, не зная, что ему делать - то ли скакать назад вместе с Краутом и другими офицерами, то ли, наоборот, оставить нового врага им, а самому принять командование над солдатами впереди, все еще преследовавшими убегавших (теперь, правда, заслышав тревожный рог, и преследователи, и преследуемые стали останавливаться и поворачиваться).

- Командир! - услышал он вдруг отчаянный крик. Это был Вельо, грузно бежавший к нему по снегу со своей алебардой - но никак не успевавший отразить новую опасность.

Локхарт резко повернулся туда, куда указывал алебардой итальянец. Прямо на полковника скакал тот, кого он тщетно пытался отыскать в последние минуты - рыцарь в доспехах Арвика с копьем наперевес.

Самозванец, оглушенный, но не раненый при падении, благополучно выбрался из-под конской туши и почти сразу поймал за уздечку другую лошадь - ту, что осталась без всадника, сраженного двумя стрелами. Он уже собирался сесть в седло, но, оглянувшись по сторонам, увидел совсем неподалеку фигуру вражеского командира, сидевшего в седле наполовину

спиной, наполовину боком к нему и, очевидно, до сих пор его не замечавшего. Идея выиграть, кажется, уже проигранное сражение одним ударом, самолично сразив вражеского предводителя, вновь вспыхнула в уме самозванца. Он, правда, совсем не был уверен, что сможет одолеть настоящего рыцаря в бою на мечах (откуда ему было знать, что у Локхарта тоже совершенно нет опыта боя "всадник против всадника"), даже налетев на него сзади (а вдруг тот все-таки успеет обернуться?), и потому, прежде чем влезть в седло, он выдернул из бока своего уже бывшего коня длинное копье, какого у его противника точно не имелось. Громко протрубил рог, но самозванец даже не стал оборачиваться, чтобы разобраться, что происходит - нельзя было терять ни секунды, возможно, у него был последний и единственный шанс на победу.

Как и за мгновение до того, когда он не знал, что делать и куда скакать, Локхарт испытал чувство, совершенно неведомое ему при любых нештатных ситуациях в космосе - неуверенность. Там интуиция, отработанная сотнями часов на тренажерах и в реальных полетах, мгновенно подсказывала ему, что делать. Но его представления о копейной сшибке ограничивались лишь немногими кадрами из исторических фильмов, где показывали даже не настоящие бои, а турниры. Габриус еще не проходил с ним этот вид боя. И уж тем более он не знал, как действовать, когда копье есть только у противника. Пассивно закрыться щитом? Активно отбивать удар? Уворачиваться?

Но самозванец, носивший рыцарские доспехи, но никогда не бывший рыцарем, тоже ничего не понимал в копейной сшибке - иначе не попытался бы идти в атаку с пехотным копьем вместо кавалерийского. Поначалу он нацелился в незакрытое забралом (Локхарт так и не опустил его) лицо противника, но тяжелое пехотное копье, рассчитанное на хват двумя руками, оттягивало его руку и моталось из стороны в сторону, так что лже-Арвик успел сообразить, что рискует не попасть в цель, даже если его враг не двинется с места (а Локхарт уже разворачивался к нему через левый бок). Поэтому за несколько ярдов до цели самозванец переменил решение и резко опустил копье, целя в коня. Уж в него-то он точно не промахнется, а добить оказавшегося на земле противника будет намного проще!

На сей раз Локхарт отреагировал мгновенно, на уровне рефлексов. Он столько же резко опустил левую руку, переворачивая щит и прикрывая им бок игреневого. Никогда в прошлой жизни он не стал бы рисковать частью собственного тела, чтобы защитить транспортное средство (если только гибель последнего не означала гибели экипажа, что обычно актуально в космосе, но не на земле) - и уж точно не стал бы делать этого ради какой-либо из лошадей на отцовском ранчо. Но теперь интуиция, подсознание или как там это еще называть заставило его поступить именно так.

Копье ударило в щит на скорости более чем в тридцать километров в час. Раздался хруст, плечо Локхарта пронзила острая боль, его швырнуло назад, и он вывалился из седла. Новый импульс боли в плече при ударе о землю заставил его потерять сознание.

Но практически то же самое произошло и с его врагом. Третий закон Ньютона был известен рыцарям (но не нацепившим доспехи самозванцам) задолго до того, как был сформулирован британским физиком, и оставался известен спустя столетия после него. Именно поэтому кавалерийское копье делалось полым внутри - дабы оно ломалось при столкновении и не передавало разящему тот же удар, что и разимому, выбивая его руку из сустава, а его самого - из седла. Пехотные же копья (обыкновенно упираемые при отражении атаки в землю или иное препятствие), напротив, делались максимально прочными и крепкими, дабы не ломаться даже под ударом всей массы мчащегося на полном скаку рыцарского коня вместе с тяжеловооруженным всадником.

Так что для лже-Арвика эффект был примерно таким, как если бы он, скача галопом, попытался крепко ухватиться за придорожный столб. Он тоже вылетел из седла и грохнулся на землю в паре ярдов от своего оппонента.

Меж тем конница Брахентопфа врезалась в нестройные (не успевшие перестроиться)

ряды пехоты. Там, где солдаты королевы не успели выставить копья, гвардейцы сразу же вклинились в их позиции, рассекая строй и рубя с коней направо и налево; за пару минут было убито почти полсотни человек. Но, на самом деле, это было ошибкой Брахентопфа (усталого после ночного марша так же, как и как его люди). Гвардейцам бы следовало сначала, пока позволял боезапас, расстреливать пехотинцев из луков, не сближаясь с ними - и лишь максимально ослабив их таким образом (и в особенности постаравшись повыбить тяжелую пехоту), переходить в ближний бой. Но Брахентопф видел, что неприятель не успевает занять оборонительное построение (ощетиненную копьями наружу "подкову"), и велел немедленно атаковать, пока перестроение не завершено. Это обеспечило успех в первый момент, но прорвавшимся между копейщиками кавалеристам не удалось рассечь противника на всю глубину, после чего осталось бы только без большого труда добить отдельные "островки" В какой-то момент они, казалось, были очень близки к этому, и у них действительно могло получиться, особенно если бы солдаты самозванца, в свою очередь, ударили по врагу им навстречу с другой стороны. Действительно, многие из тех, кто только что разбегался от солдат королевы, теперь повернули обратно, устремляясь за своими недавними преследователями. Отнюдь не все; некоторые, впервые увидевшие кровавое побоище вблизи - с фонтанирующей из перерубленных конечностей кровью, разлетающимися под ударами алебард мозгами и вываливающимися на снег дымящимися внутренностями - предпочли продолжать бежать как можно дальше от этого, не вникая, кто там теперь побеждает. Но почти четыре сотни все же побежали назад. Правда, из них лишь около трети снова вступили в бой - остальные предпочитали не лезть в гущу сражения, а держаться в нескольких ярдах от дерущихся, дабы добивать раненых и упавших и иметь право на трофеи. Это неорганизованное сопротивление не смогло стать той стеной, о которую должны были разрубить батальон Локхарта клинья Брахентопфа; напротив, пехота королевы прогнулась под ударом к югу и сомкнулась вокруг вражеских конников, которые завязли в этой толпе, где из-за тесноты уже негде было развернуться с копьями, зато хорошо показали себя алебарды и даже простые мечи. А конные лучники, оставшиеся вне толпы за пределами кордона из копий, уже не могли помочь своим из опасения попасть по ним же (что было тем более легко сделать в ночном сумраке). В то же время возвышающиеся над головами пехотинцев кони и всадники были хорошей мишенью для лучников королевы при стрельбе по настильной траектории - для чего им, правда, сначала надо было подойти поближе. Учитывая это обстоятельство, некоторые гвардейцы предпочли сами спрыгнуть с коней и продолжить бой пешими.

Некоторое время ситуация напоминала слоеный пирог: снаружи солдаты королевы были окружены всадниками Брахентопфа (к ним присоединились и остававшиеся еще в живых три десятка кавалеристов самозванца) и пехотинцами лже-Арвика, в то время как гвардейцы, прорвавшиеся вглубь батальона, сами оказались окружены со всех сторон сомкнувшимся вокруг них противником. Самая яростная рубка шла именно внутри; у раненых с обеих сторон там не было шанса - они валились под ноги дерущимся, и их затаптывали. Затем подтянулся еще один внешний слой - лучники на санях, превосходившие мобильностью пехотинцев, но уступавшие конным гвардейцам. Брахентопф решил воспользоваться последним обстоятельством и послал своих гвардейцев - почти всех, что оставались снаружи - атаковать их с разных сторон на большой скорости, дабы первым делом перестрелять их лошадей, а затем добить уже и самих лучников. Первая часть этого плана действительно удалась - несмотря на преимущество длинного пехотного лука над коротким кавалерийским, большинство стрел, выпущенных по быстро скачущим по разным траекториям гвардейцам, пролетели мимо, и все обозные кони, кроме одного, а также шестеро лучников были убиты, при этом гвардейцы из почти полутора сотен потеряли лишь пятерых (и девять коней). Однако к тому времени, когда гвардейцы перегруппировались для новой атаки, а лучники встали спина к спине вокруг саней (где оставался запас стрел), готовые отбиваться - стрелки из восточного и западного лагерей (о

которых Брахентопф поначалу не имел понятия), бежавшие на помощь своим, уже почти вышли на расстояние полета стрелы от саней. Поэтому кавалеристы, заходившие для атаки с юга, попали под перекрестную стрельбу и, потеряв дюжину своих, брызнули в разные стороны, так и не нанеся ущерба противнику. Те их товарищи, что атаковали застрявшую без лошадей колонну лучников с севера, расстреляли семерых, но сами потеряли вдвое больше и тоже откатились назад. Однако их потери напрасными не были - пока стрелки отбивались от атакующих по фронту, товарищи последних прорвались им во фланги с востока и запада и пустили в ход мечи. В результате этой стремительной бойни в живых осталось лишь шестеро лучников, успевших спрятаться под санями. Одержав эту победу (но трезво рассудив, что ее едва ли удастся повторить с более многочисленными лучниками, приближающимися со стороны города), гвардейцы поскакали обратно на север, туда, где продолжала рубиться пехота.

Схватка в ночи была столь яростной, что ни одна из сторон все еще не хватилась своих номинальных командующих. Солдатами королевы командовал Краут, а управление мятежниками взял на себя Брахентопф (попытавшийся, правда, поинтересоваться у одного из конных айзеншлоссцев, где король, на что тот неопределенно махнул рукой назад: "Там!" - из чего капитан сделал вывод, что король остается в городе, а тот, кто командовал в поле, судя по царившему на момент прибытия гвардейцев хаосу, убит или бежал - разбираться в этом было некогда, надо было переламывать ситуацию).

Меж тем Локхарт и лже-Арвик оказались теперь вне сместившегося поля боя - пехотинцы дрались к северо-востоку от них, лучники еще оставались южнее (и тоже восточнее). Когда Вельо добежал до упавших, он, конечно, первым делом бросился к своему командиру. Щит того (с гербом в виде падающей звезды и эмблемы конфедератов) был расколот, меч валялся в снегу, нога в стальном солерете застряла в стремени, и игреневый (получивший довольно болезненный, хотя и не опасный удар краями спасшего его щита) отходил в сторону от места сшибки, волоча хозяина за собой. Однако, склонившись над полковником, Вельо с облегчением заметил, что его ресницы подрагивают. Итальянец сгреб пригоршню снега и потер лицо Локхарта. Тот открыл глаза и тут же болезненно поморщился.

- Где самозванец? - требовательно спросил полковник.

- Тот, что напал на вас? Валяется тут рядом. Вы в порядке?

- Более-менее, - Локхарт попытался вернуть свою левую руку, откинувшуюся назад, пока конь тащил его по снегу, в нормальное положение и тут же не смог сдержать стона. - Плечо, ч-черт... Ладно, это подождет. Немедленно займитесь самозванцем, пока он не очухался и не удрал. Есть чем его связать? Возьмите конские путы из седельной сумки.

- Вам нужна помощь?

- Сказал же, это подождет! Сначала свяжите его, это положит конец войне!

Вельо побежал обратно к лже-Арвику, который уже тоже пришел в себя после падения и пытался подняться и вытащить из ножен меч - но в последнем не преуспел, ибо у него не работала правая рука. Тем не менее, при виде приближающегося гиганта самозванец вскочил с весьма похвальной для человека в полном латном доспехе и с травмированной рукой резвостью и бросился бежать. Вельо, сплюнув короткое германское ругательство, побежал следом. Погоня продолжалась молча - ни один из ее участников не был уверен в темноте, кто ближе - свои или враги, и потому не звал на помощь (самозванец, кстати, до сих пор даже и не знал о наконец-то пришедшем подкреплении). Несмотря на длинные ноги и изрядную выносливость, грузный великан не был быстрым бегуном - впрочем, и самозванцу мешала тяжесть доспехов. Но в конце концов Вельо все же достал беглеца гулким ударом обуха алебарды по шлему, а когда тот пошатнулся - окончательно настиг и свалил в снег. Даже если бы у "короля" работали обе руки, у него не было бы шансов справиться с навалившимся на него гигантом. Вельо заломил ему руки назад, не обращая внимание на вырвавшийся у пленника крик боли, и скрутил их собственным ремнем. Следовало связать этому любителю бегать еще и ноги, но, оглянувшись, все еще

отдувавшийся итальянец убедился, что погоня увела их далеко от лошадей. Некоторое время он обдумывал вариант еще раз дать самозванцу по голове, а самому сбегать за путами и вернуться (возможно - вместе с лошадьми и Локхартом), но решил, что это ненадежно - пленник может или очухаться раньше времени, или не очухаться вообще. Вариант конвоировать бегуна пешком Вельо не стал даже рассматривать, не желая участвовать в очередном кроссе. Так что, недовольно крякнув, он ухватил пленника за лодыжки, как за оглобли, и поволок по снегу лицом вниз обратно к лошадям (алебарду он при этом пропустил между собственными локтями и спиной). Когда он проделал таким образом примерно две трети пути, самозванец снова застонал и задергал ногами. "Не дергайся, pendejo, - пробурчал лингвист, но тот не унимался, так что Вельо (и сам желавший чуть передохнуть) в итоге все же опустил его ноги на землю, обернулся и уселся на колени рядом со своей добычей. Оказалось, что забрало самозванца задралось, в шлем набился снег вперемешку с грязью, и пленник, похоже, боялся задохнуться. Вельо вовсе стащил с него шлем, желая взглянуть, насколько самозванец похож на портрет Арвика. В первый момент он, правда, увидел лишь мокрый, сбившийся набок длинноволосый парик, почти залепивший лицо. Стащив и его, итальянец увидел бледное, костистое, не особо симпатичное (во всяком случае - куда менее симпатичное, чем на парадном портрете Арвика) и совсем не породистое лицо простоватого парня лет двадцати пяти. Глаза его испуганно бегали, избегая встречаться взглядом с его пленителем. "Вот надо оно тебе было, а? - пожурил его лингвист почти по-отечески. Чем-то этот молодой человек напомнил ему нерадивого студента, каким профессор Вельо когда-то без колебаний ставил незачет. - Посмотри на себя, какой из тебя король..."

И тут мимо них - не то чтобы рядом, но в нескольких десятках ярдов - проскакали к северу несколько гвардейцев, только что перебивших лучников возле саней. Один из них, охваченный боевым азартом и радостью победы, проорал во всю глотку: "Да здравствует король!"

Лже-Арвик мгновенно преобразился. "Сюда! - закричал он. - На помощь королю! Скорее все сюда!"

"Заткнись", - буркнул Вельо скорее устало, чем гневно, а поскольку это не помогло - отвесил самозванцу тяжелую оплеуху рукой в толстой кожаной перчатке. Голова парня мотнулась на тонкой шее и застыла, капая кровью из носа на снег. Похоже, от удара он вновь потерял сознание. Но его успели услышать.

Но не гвардейцы, которые, не останавливаясь, поскакали дальше. Хотя, возможно, они и услышали крик - но сочли его вражеской провокацией. Они были дисциплинированными воинами, понимающими, что на поле боя надо слушать своего командира, а не неизвестно чьи голоса из темноты. Однако своего "короля" услышали те, кто уже хорошо знал его голос - те его солдаты (если их можно было назвать солдатами), которые обратились в бегство в начале боя, а потом, убедившись, что их больше не преследуют, остановились, не желая ни окончательно стать дезертирами (и утратить всякое право на добычу в случае победы), ни снова лезть под мечи и алебарды, и теперь по-шакальи кружили вокруг места битвы. Сразу несколько из них с разных сторон устремились на голос, прозвучавший в стороне от основного сражения. Если их король действительно там и нуждается в помощи, получается, они могут спасти его и мгновенно из трусов стать героями!

Лингвист, завидя эти сбегающиеся из темноты фигуры, вновь досадливо крякнул, поднялся в полный рост, наступил одной ногой на кирасу пленника и принялся двумя руками раскручивать над головой алебарду.

Локхарт видел это, но находился слишком далеко. Он понимал, что с вывихнутой левой рукой едва ли сможет сражаться - он даже не смог сесть в седло (он мог бы, садясь, хвататься за седло правой рукой, но левое плечо отзывалось пронзительной болью на любое резкое движение и напряжение мышц, и Локхарту стало ясно, что, не вправив плечо, он не может помышлять ни о

каких активных действиях). Тем не менее, обнажив меч, он быстро зашагал по направлению к Вельо (понятливый игреневый шел следом), высматривая по сторонам помощь, но увы - насколько он мог разглядеть в темноте, ближе него к Вельо никого из союзников не было. И, пожалуй, на его крик быстрее прискачут враги, чем прибегут свои...

Итальянца обступило не меньше дюжины мятежников - но никому из них не хотелось первому лезть под алебарду. Точнее говоря, один все же попытался достать Вельо со спины - но в следующий миг его голова разлетелась, как гнилой арбуз, а почетный профессор полудюжины университетов продолжал, как ни в чем не бывало, крутить то влево, то вправо свое оружие. Еще один кандидат в герои остался без руки, отсеченной выше локтя. Больше желающих не находилось.

Но было вполне очевидно - и Локхарту, видевшему эту сцену, но пока незамеченному мятежниками, в первую очередь - что Вельо, при всей его силе, не сможет размахивать тяжелой алебардой до бесконечности. Ему уже и сейчас следовало бы поберечь силы и не вращать ее непрерывно, а лишь отвечать на выпады - но почетный профессор, наконец дорвавшийся до возможности проявить себя и в этом мире тоже, похоже, слишком вошел во вкус и любовался собой, не задумываясь о последствиях.

Локхарт еще ускорил темп, придерживая левую руку правой, чтобы не болталась на бегу - но, приблизившись к врагам, вновь перешел на солидный, полный достоинства шаг. Один из них, стоявший к нему лицом (хотя его внимание, как и у прочих, было сосредоточено на Вельо), уже заметил приближающегося рыцаря и принялся тыкать пальцем, указывая на него остальным.

- Эй, вы! - крикнул Локхарт самым веским начальственным тоном, продолжая шагать к ним с мечом в руке. Теперь уже почти все головы повернулись в его сторону, стараясь, впрочем, не упускать из вида и Вельо с его свистящей в воздухе алебардой. - Я полковник Эрик Локхарт, командующий... - "батальоном", хотел сказать он, но внезапно сымпровизировал: - полком ее величества королевы Элинор. И от имени королевы я даю вам последний шанс прекратить бессмысленное кровопролитие и сохранить ваши жизни. Все кончено. Вот ваш так называемый король, а точнее - простой солдат, прикинувшийся им, чтобы обмануть вас.

- У него даже волосы ненастоящие, - пропыхтел Вельо, кивая на валяющийся в снегу парик. Действительно, даже при свете Кольца айзеншлоссцы не могли не заметить, что волосы поверженного "короля" не только заметно короче, но и темнее, чем они привыкли видеть.

- В любом случае, спасти его вы уже не сможете, - продолжал Локхарт. - Но если вы сложите оружие - можете спокойно уйти. Если же нет, он будет убит прямо сейчас. Помешать вы все равно не успеете и не сможете, стоит мне подать знак - и он мертв. А позже и вас казнят, как изменников. Выбирайте - по-моему, это очень простой выбор.

Аргумент был вполне убедительным даже для заскорузлых мозгов средневековой черни. Сперва один, потом другой мятежник бросили мечи в снег и бочком-бочком попятились прочь в темноту. Но остальные, казалось, все еще пребывали в нерешительности. Впрочем, самураев, готовых вопреки всякой логике из принципа погибнуть вместе со своим господином, среди них тоже определенно не было - во всяком случае, напасть на Локхарта, пользуясь явным численным преимуществом, они тоже не пытались. Может быть, они просто не были уверены, что человек на снегу, которого они едва могли узнать без парика, и есть их "король"?

- Он в сознании? - спросил Локхарт у Вельо. - Пусть скажет им, чтобы сложили оружие!

- Сейчас, - лингвист потормошил самозванца сапогом, немилосердно наступив на пострадавшую руку, и тот застонал. - Давай, скажи своим, чтобы бросили оружие и расходились. Скажи, что ты сдаешься на милость королевы, если хочешь жить!

- Я... король Арвик... а вы - изменники, - выдавил из себя тот. - Приведите помощь! - это уже, очевидно, относилось к мятежникам.

Алебарда, доселе крутившаяся в основном в горизонтальной плоскости, резко изменила

направление на вертикальное. Лезвие обрушилось вниз и просвистело не более чем в дюйме от глаз самозванца.

- Больше предупреждать не буду, - посулил Вельо.

- Все, все! - поспешно воскликнул пленник. - Делайте, как они говорят! Я сдаюсь!

- На милость королевы Элинор, - холодно подсказал Локхарт.

- На милость ее величества Элинор... законной королевы Айринтии! - послушно выпалил самозванец.

- Тьфу ты! - сплюнул кто-то из айзеншлоссцев, бросая оружие в снег. - И из-за такой вот сопли...

- А я с самого начала думал, что не похож он на настоящего! - подхватил другой.

- Что ж ты тогда с нами пошел? - презрительно усмехнулся третий.

- А чо мне, больше всех надо? Как все, так и я...

Не прошло и минуты, как все мятежники, побросав мечи и топоры, скрылись во мраке - сперва еще шагом, пытаясь сохранить достоинство, но вскоре припустили бегом, спеша затеряться в темноте, пока победители не передумали - хотя победителей и было всего двое.

Локхарт, сунув в ножны меч, чтобы освободить единственную рабочую руку (поневоле вспоминался Якобсон), вытащил из седельной сумки путы и бросил их опустившему наконец алебарду Вельо:

- Свяжите его все-таки как следует, а потом помогите втащить на коня. Надо поскорее отвезти его туда, - полковник кивнул в ту сторону, где продолжался бой, - и покончить со всем этим.

Вельо снова присел над самозванцем. Прежде, чем связать пленнику лодыжки, лингвист для надежности снял с него башмаки-солереты.

- Может, вообще доспехи с него снять? Тяжелый он в них...

- Не надо, - возразил Локхарт. - В доспехах его скорее признáют. И вообще, некогда возиться.

Полковник нетерпеливо наблюдал за действиями своего подчиненного, думая, что каждая лишняя секунда может стоить жизни еще кому-то из его людей - звуки продолжающегося боя доносились даже сюда. Затем он вдруг осознал, что Вельо, занятый самозванцем, уже не видит, что происходит за его, Локхарта, спиной - и резко обернулся. Что, если кто-то из этих типов, которых он вроде бы благополучно разогнал, все же решил подобраться к нему сзади?

Никаких пехотинцев позади он не увидел. Зато увидел двух всадников, скачущих во весь опор прямо к нему.

С такого расстояния и при таком освещении он не мог разобрать, уцелевшие ли это конники самозванца или гвардейцы, но в любом случае было очевидно, что это враги. Его собственным конным офицерам нечего было делать так далеко от места основного боя - даже ради того, чтобы отыскать его, они не должны были покидать своих солдат, тем более что и скакали они со стороны города. Первым импульсом Локхарта было все же попытаться вскочить в седло, но он тут же понял, что не успеет. Впрочем - он всего лишь должен объяснить этим кавалеристам то, что уже объяснил пехотинцам. Только делать это придется быстрее, учитывая, с какой скоростью они скачут!

- Стойте! - он поднял руку ладонью вперед. - Войне конец! Лже-Арвик сдался!

Однако всадники и не думали останавливаться. Напротив, они на скаку вытягивали из ножен мечи. Это были гвардейцы Брахентопфа, только что благополучно удравшие из-под обстрела наступающих с юга лучников, стоившего жизни нескольким их товарищам, включая их лейтенанта. Но, в любом случае, они не подчинялись не только вражескому офицеру, столь удачно оказавшемуся у них на пути вдали от своих, но даже и самому Арвику, будь он "лже" или не "лже". А только и исключительно своему капитану - который, насколько им было известно, никакого приказа о капитуляции не отдавал (и то, что бой продолжается, они видели своими

глазами). Они даже не рассматривали возможность захватить вражеского рыцаря живым, следуя приказу все того же Брахентопфа - имея, на момент начала боя, лишь три сотни бойцов, он не мог позволить себе отвлекать никого из них на возню с пленными.

Локхарт понял, что дело плохо, и у него не остается других вариантов, кроме как принять бой пешим, без щита и с вывихнутой левой рукой, против двух конных. Где Вельо? Охраняет пленника или спешит на выручку к командиру? У Локхарта уже не было времени даже оглянуться, он лишь изо всех сил своих мышц - и насколько позволяла тяжесть доспехов - отпрыгнул в сторону, в последний момент уходя из-под удара свистящего меча. Но, похоже, этот его прыжок был слишком предсказуемым, ибо, сумев уклониться от удара первого всадника, он, еще не успев восстановить равновесие, оказался прямо на пути второго.

- Пригнитесь! - услышал он резкий крик за спиной и немедленно повиновался. Получилось у него, правда, не пригнуться, а упасть на колено в снег, но в то же мгновение над головой его пронеслось лезвие алебарды, на встречном движении почти начисто снося голову - но не всаднику, а его коню. Тот рухнул, выбрасывая всадника из седла, но удар был так силен, что и у Вельо вышибло алебарду из рук.

Оба врага оказались теперь за спиной Локхарта; он поспешно вскочил и развернулся, уже почти не обращая внимания на боль, отдававшуюся в левом плече при каждом резком движении. Теперь уж точно следовало опустить забрало, но он не мог позволить себе ухудшить обзор, когда надо было следить сразу за двумя противниками. Краем глаза он заметил, что справа оставшийся без коня гвардеец уже успел вскочить на ноги и сцепился с Вельо - тот не успел поднять алебарду, но сумел перехватить руку с мечом, пытавшуюся нанести ему удар, его противник, в свою очередь, тоже схватил его за другую руку, не давая вырвать или выбить меч, и теперь они стояли лицом к лицу, яростно вцепившись друг другу в запястья и напрягая мышцы, словно в армрестлинге - вот только ставкой в данном случае была жизнь. У Локхарта была лишь секунда, чтобы осознать эту картину и понадеяться на бо́льшие габариты и, соответственно, силу Вельо (хотя и его противник, пусть и уступавший ему ростом, был явно не из слабаков) Помочь итальянцу полковник не мог никак - к нему самому уже разворачивался первый всадник, теперь уже не мчавшийся на скорости и, стало быть, не оставлявший шанса просто увернуться, воспользовавшись его инерцией. Локхарт обратил внимание на его меч - это был не обычный одноручный меч легкой кавалерии, а "бастард", или полуторник, более длинный и тяжелый (в том числе и по сравнению с мечом самого Локхарта), пригодный для работы как одной, так и двумя руками и в принципе способный - при достаточной силе владельца, разумеется - пробить, в особенности колющим ударом, даже и латный доспех. Щита у него, соответственно, не было, а доспехи были "полурыцарскими" - бригантина с латными набрюшником-пластроном, юбкой и набедренниками, наручи от локтей до кольчужных перчаток и открытый шлем-морион со щегольским гребнем (словно призванный компенсировать своим лихим видом отсутствие у хозяина денег на полноценную кирасу, не говоря уже о полных латах). Руки выше локтя и ноги ниже колена (обутые в обычные кавалерийские сапоги) защищены не были.

Первый удар мечом, нанесенный сверху вниз из седла, Локхарту удалось благополучно отбить в сторону. Сам он, в свою очередь, попытался поразить колющим ударом в бок вражеского коня, дабы уравнять шансы - но гвардеец успел парировать его выпад, тут же подал коня назад и сделал замах, вынудивший Локхарта отступить. Тогда гвардеец рванулся вперед, выкидывая руку, дабы нанести Локхарту прямой колющий удар в незащищенное лицо - а когда полковник увернулся, на возвратном движении рубанул его по шее. Удар вышел скорее скользяще-режущим, и бувигер выдержал его. Локхарт, в свою очередь, попытался ударить врага по руке с мечом, пока тот не успел ее отдернуть, но клинок лишь лязгнул по наручу и соскользнул, также не причинив вреда.

Гвардеец снова чуть отъехал, а затем перехватил свой меч двуручной хваткой и, управляя послушным конем при помощи только ног, попытался объехать Локхарта, чтобы атаковать его с

левого бока или со спины. Полковник крутился и отступал, стараясь не подпустить его и угрожая короткими взмахами меча скорее коню, чем всаднику. В какой-то момент он заметил игреневого позади своего противника и понял, что тот намеренно оттеснил его от коня, еще не зная, что Локхарт в любом случае не сможет быстро вскочить в седло. А где Вельо и, главное, второй гвардеец?

- Доктор, вы в порядке? - крикнул Локхарт. (Интересно, собьет ли гвардейцев с толку, что простого солдата назвали доктором? Впрочем, они, вероятно, решат, что это просто прозвище[80]...)

- Подождите... м-минутку... - выдавил сквозь зубы Вельо откуда-то слева-сзади, - пока я тут... р-разберусь...

Со свежими силами он, вероятно, и впрямь без большого труда пересилил бы своего противника. Но мышцы доктора слишком устали от предыдущих упражнений с алебардой - и сейчас он медленно, но верно проигрывал противостояние. Гвардейцу удавалось постепенно приближать руку с мечом. Вельо понимал, что если тому удастся вырвать руку, он даже не успеет отпрянуть - меч полоснет его по горлу в тот же миг, но пока что ничего не мог с этим поделать. Точнее - чем дальше, тем менее мог что-то с этим поделать.

Противнику Локхарта тем временем надоело кружить в танце с угрожающими замахами, и он снова стремительно атаковал, пытаясь нанести полковнику рубящий удар слева-сверху. Полковник успел развернуться и парировать, но удар двумя руками был так силен, что отбросил его руку и едва не выбил меч (теперь уже боль стрельнула от запястья в правый локоть Локхарта). Прежде, чем полковник успел восстановить боевую стойку, гвардеец таки рванул мимо него, заходя ему за спину. Локхарт крутанулся через правое плечо, чтобы встретить его в новой позиции и, возможно, достать колющим сзади прежде, чем тот успеет развернуться - однако там, где он ожидал, его врага не оказалось. Вместо того, чтобы проскочить вперед, гвардеец резко вздернул коня на дыбы (высокая задняя лука помогала ему уверенно держаться в седле при таких маневрах) и заставил сдать назад, и, пока полковник пытался снова повернуться к нему лицом, одновременно с движением опускающегося на передние ноги коня рубанул Локхарта сверху вниз по левому плечу.

Меч разрубил крепления оплечья, и оно, погнутое и покореженное, с грохотом свалилось. Но главное - хотя лезвие и не достало до плоти, вывихнутое плечо Локхарта пронзила такая боль, что на несколько мгновений он вообще потерял способность делать что-либо осмысленное. Скорее на рефлексах, чем сознательно он все же довершил поворот лицом к противнику и беспомощно попятился, бесполезно держа полуопущенный меч. Гвардеец устремился вперед, спеша довести дело до конца. Свой новый удар он направил туда же - на уже беззащитное плечо, и у Локхарта мелькнула мысль, что перспектива смерти пугает его меньше, чем перспектива остаться без руки в мире, где не существует никаких кибернетических конечностей, управляемых командами мозга. Он все-таки успел вскинуть меч под удар, но на сей раз не смог его удержать. Меч был выбит из его руки и, кувырнувшись над плечом, упал где-то за спиной. У Локхарта не было времени наклоняться и подбирать его - он был вынужден отпрыгнуть назад и вбок, уходя от нового удара. Теперь он остался безоружным против вооруженного всадника, и ясно было, что жить ему остаются считаные секунды.

- Вельо! - крикнул он, продолжая отскакивать назад и не сводя взгляда с приближающегося врага. - Если вы хоть как-то можете мне помочь...

Неожиданный удар сзади-снизу подсек его ноги, и Локхарт грохнулся навзничь, получив в придачу новый импульс боли, едва не лишивший его чувств..

Думая о двух врагах, полковник упустил из виду третьего. Самозванец, хотя и связанный по рукам и ногам, видя, как складываются дела у его пленителей, вновь воспрял духом и

---

[80]И английское you, конечно, воспримут как "ты", а не как "вы".

вступил в борьбу. Несколько раз перекатившись по снегу, он оказался за спиной у пятившегося Локхарта и ударом связанных ног сумел свалить его наземь. "Надо было сразу тебя убить!" - обреченно подумал полковник, когда понял, что произошло.

Гвардеец спрыгнул с коня и наступил Локхарту на грудь, двумя руками занося меч для последнего вертикального колющего удара. Локхарт отчаянно шарил единственной рабочей рукой в снегу в поисках хоть какого-то оружия - хотя бы камня или смерзшегося комка земли, который можно бросить в довольно ухмыляющееся лицо. Но под пальцами его латной перчатки был лишь сухой рассыпчатый снег, из которого даже снежок толком не слепишь...

И тут вдруг нечто, тускло сверкнув в воздухе, ударило гвардейца в лицо, вонзившись прямо в левый глаз. Брызнула кровь. Гвардеец охнул, хватаясь левой рукой за кровоточащую глазницу. Меч он, правда, не выронил, но так и держал в правой руке на весу, явно забыв на миг о своих намерениях. Та штука, что ранила его, упала, звякнув, на нагрудник Локхарта, но она была слишком мелкой, чтобы сойти за оружие. Однако в тот же миг пальцы полковника, наконец, дотянулись до рукояти настоящего меча! Это был один из тех, что побросали раздумавшие отбивать своего "короля" айзеншлоссцы. С тем же молниеносным автоматизмом, с каким он выполнял маневры в космосе - и уже отработанные приемы с Габриусом - Локхарт со всей силы ударил мечом снизу вверх врагу между ног, туда, где не защищали ни набедренники, ни латная юбка. Клинок вошел на десяток дюймов в задний проход, вспарывая кишечник. Гвардеец даже не вскрикнул, а тонко завизжал. Локхарт продолжал всаживать меч все глубже, насколько хватило длины руки - пока его враг, наконец, не рухнул ему на ноги, вероятно, еще не мертвый, но уже потерявший сознание от болевого шока и кровопотери.

- Спасибо, доктор, - буркнул полковник, неуклюже садясь при помощи одной руки и брезгливо спихивая с себя истекающее кровавым дерьмом тело.

- За что? - откликнулся Вельо, тяжело дыша.

Локхарт обернулся. Итальянец стоял над своим поверженным врагом, который еще дергался в агонии, прижимая руку к шее. Изо рта у Вельо капала кровь.

- Вы в порядке? - озабоченно спросил Локхарт, поднимаясь.

- Я - да... если не считать того, что я, кажется, стал людоедом, - проворчал лингвист.

- Вы его что - загрызли, что ли? - оторопел Локхарт.

- Откусил ему нос... А что было делать? - агрессивно осведомился лингвист. - Бодать бессмысленно, он в шлеме. Ну я его и тяпнул за нос... он от неожиданности и боли хватку ослабил, тут уж я перехватил его меч за клинок, - Вельо покосился на разрезанную перчатку на правой руке, - и его же по горлу...

- А кто тогда кинул это? - Локхарт всмотрелся под ноги в поисках предмета, спасшего ему жизнь, затем нагнулся и подобрал его. Это оказалась кавалерийская шпора.

- Я, сэр! - донесся до него новый голос.

Густая облачность, несомая северным ветром, в этот момент как раз достигла Кольца, в считаные секунды погасив его почти по всей длине. Но все же Локхарт разглядел, как из темноты к ним подходит невысокий тощий солдатик - кажется, наконец-то свой, насколько полковник успел различить в тускнеющем свете его нарамник.

- Имя, солдат? - осведомился Локхарт.

- Мунс, сэр! Ну то есть Абрахам Мунстраль, но все зовут меня просто Мунс.

- Метко кидаешься, Мунстраль, но почему ты не вступил в бой с мечом, как положено?

- Я бы не поспел, сэр, слишком далеко было. А кидаю я хорошо, это да. В детстве еще так камнями швырялся, что меня большие мальчишки боялись. Ну и потом уже, по матросской части, приходилось... всякое...

- Гарпуны, что ли, бросал?

- Типа того, - согласился Мунс. Вообще-то он имел в виду абордажные крючья, но предпочел не уточнять эту деталь своей биографии.

- Ладно. Еще наши с тобой есть?
- Э... нет, сэр.
- Тогда что ты здесь делаешь один?
- Спешил вам на выручку, сэр! - ответил Мунс, не моргнув глазом.

На самом деле, когда пехотинцы "короля" начали разбегаться после первых же потерь, Мунс побежал за легкой добычей, а когда рог позвал солдат королевы обратно отражать новую угрозу, не стал возвращаться, рассудив, что на сегодня он уже навоевался и может позволить себе немного помародерствовать. Так он и занимался обиранием убитых (не особенно успешно, ибо все это была айзеншлосская беднота, с которой нечего было взять - шпоры одного из кавалеристов стали едва ли не лучшим его трофеем), пока случайно не стал свидетелем драматических событий, едва не стоивших жизни Локхарту. Тот, разумеется, догадался, что его спас далеко не самый образцовый солдат - но будь он образцовым и находись там, где положено, его, Локхарта, уже не было бы в живых, так что предъявлять Мунсу претензии было бы, конечно, черной неблагодарностью - хотя и ставить его в будущем на какие-либо ответственные посты, безусловно, не стоило.

- Ладно, - сказал полковник, - благодарю за службу, солдат. Позже получишь свою награду за спасение командира. А сейчас - видишь этого типа? - он кинул на скорчившуюся в снегу фигуру в латах, но без башмаков. - Это и есть так называемый "король Арвик". Помоги... капралу Вельо ("имею же я право произвести его?") погрузить его на лошадь - вот на эту, - Локхарт кивнул на лошадь убитого гвардейца, - отвезем его и объявим, что войне конец.

Тем временем бой продолжался, и взаимное ожесточение ничуть не шло на убыль. После того, как конные гвардейцы, уничтожившие мобильных лучников, попали под обстрел их более многочисленных пеших товарищей (где преимущество длинных луков над короткими кавалерийскими проявилось в полной мере), они умчались обратно к северу, спеша нанести максимальный урон пехоте противника, пока лучники еще далеко. Брахентопф, оценив ситуацию, отвел их еще дальше, так, что теперь они охватывали сражающихся лишь с северной стороны, а с юга остались лишь ненадежные пехотинцы лже-Арвика, по-прежнему представлявшие собой скорее косметический заслон, чем реальную силу. Пехотинцы королевы почти не уделяли им внимания, сосредоточившись на разгроме гвардейцев, вклинившихся в их ряды. Теперь уже ситуация для последних действительно все более склонялась к разгрому после довольно значительного успеха в первый момент, ибо, несмотря на свою гвардейскую выучку (нередко превосходившую таковую у разношерстных солдат сводного батальона) и умение одинаково хорошо биться конными и пешими, в гуще солдат неприятеля они оказались в невыгодном положении при любом стиле: для конного боя у них не было маневра, а пешими они вынуждены были драться в меньшинстве и окружении, к тому же уступая в вооружении тяжелой пехоте. Вскоре их положение стало плохим настолько, что они помышляли уже не о победе, а лишь о возможности вырваться из окружения. Отчаянные крики их лейтенанта, призывавшего на помощь айзеншлоссцев, остались безрезультатными - чему вскоре поспособствовали и решительные действия Краута. Он и три его лейтенанта представляли собой всю "кавалерию", какой располагала сторона королевы (был еще, правда, молоденький знаменосец в чине второго лейтенанта, который должен был сопровождать Локхарта, но по сигналу рога поскакал за Краутом, а затем лишился коня в гуще битвы, но знамя все еще все еще реяло чуть ли не в самом центре "слоеного пирога") - однако эти четверо были рыцари в полном вооружении, каждый из которых считался равным четырем обычным конникам или двадцати пехотинцам, причем нормальным пехотинцам, а не тому недоразумению, что толклось теперь к югу от пехоты королевы, не решаясь атаковать в лоб копейщиков и алебардщиков, которые держали периметр. пока их товарищи разбирались с гвардейцами у них за спиной. Соответственно, едва вражеская кавалерия отступила на северную сторону, эти четверо рыцарей, выбравшись из толпы - свои, естественно, пропустили их без проблем - обрушились на пехоту самозванца, все еще

насчитывавшую около трехсот шестидесяти человек. Но для последних этот стремительный и дерзкий рейд обернулся настоящим избиением. Инстинкт гнал плохо обученных солдат разбегаться от тяжеловооруженных всадников (что, разумеется, не оставляло бегущим никакого шанса) вместо того, чтобы сделать то же, что и пехотинцы королевы - хотя бы даже и рискуя и жертвуя своими жизнями, плотно сомкнуться вокруг численно уступающих вражеских конников, лишая их мобильности и давая своим товарищам возможность разить коней и седоков. Так что их потери в этом побоище ограничивались разве что физической способностью Краута и его офицеров снова и снова поднимать и опускать меч.

Брахентопф тем временем даже не обращал внимания на несущиеся с юга крики. Он уже понял, чего стоят солдаты "короля", и не собирался рисковать своими людьми, чтобы выручить их. Он и те его конные гвардейцы, что оставались снаружи "слоеного пирога" и успешно вернулись из атаки на лучников, теперь сосредоточились на том, чем им следовало заняться с самого начала - расстреливали с севера практически в упор пехоту противника, отступая, когда их пытались контратаковать с длинными копьями. Это вновь привело к резкому росту потерь среди солдат королевы - за считаные минуты было убито более восьмидесяти человек (плюс шестеро гвардейцев, сраженных "дружественными" стрелами). Пехотинцы пятились, но не разбегались, понимая, что в этом случае их перебьют еще вернее, просто догоняя и рубя с коней. Краут, уже практически разогнавший остатки вражеской пехоты на юге, скомандовал своим расступиться с севера - позволяя еще недобитым спешенным гвардейцам вырваться из окружения, дабы они не задерживали отход - и как можно быстрее - но сохраняя при этом строй, щетинившийся копьями в сторону вражеских всадников - отходить на юг под прикрытие спешивших на помощь лучников Большинство окруженных гвардейцев - их оставалось к этому времени неполные четыре дюжины - и впрямь предпочли вернуться к своим, а не пытаться ценой своей жизни задержать многократно превосходящего врага, пусть даже и отходящего.

Позади лучников как раз в это время появились новые враги, которых те даже не заметили. Это были айзеншлоссцы, наконец-то разломавшие и сжегшие северо-западный требушет и направившиеся после этого вдоль городской стены на восток. Однако они даже и не подумали бежать за лучниками и ввязываться в бой, а с чувством исполненного и исполняемого долга потопали дальше ко второму требушету.

К этому времени Краут уже понял, что нигде не видит Локхарта, и на сей счет у него возникли разные мысли - в том числе и та, что любимчик королевы мог просто струсить и ускакать прочь, как только объявился по-настоящему серьезный противник в лице гвардейцев. Правда, до сих пор у Краута складывалось положительное впечатление о его формальном командире, который на всем протяжении похода не заносился, не подчеркивал свой официальный статус, а, напротив, выражал готовность слушать дельные советы и набираться опыта. Но мало ли было на свете солдат и офицеров, которые прекрасно показывали себя на учениях, а в первом реальном бою обделались, в том числе и в буквальном смысле? Из некоторых из них, кстати, потом все равно выходили хорошие бойцы... Правда, насколько было известно Крауту, кое-какой боевой опыт у Локхарта был - во время подавления беспорядков в Дракенхайме, но тамошние мятежники были, очевидно, не страшнее здешних айзеншлосских, это не профессионалы из военной гвардии. Но если вверенный его, Краута, попечению (на что королева намекнула более чем прозрачно) начальник удрал подальше от боя - это лучше, чем если он валяется где-то мертвый. В любом случае, сейчас Крауту было не до этого, что бы ни думала на сей счет ее величество. Он должен был выиграть бой, а не спасать одного-единственного человека, кем бы тот ни был.

Локхарт тем временем, получив более чем наглядную возможность убедиться, что гвардейцы, как, собственно, и следовало хорошим военным, подчиняются не тому, кто называет себя "королем Арвиком", а исключительно своего капитану, отказался от своей первоначальной мысли везти пленного самозванца прямо на место основного боя и заставить его объявить о

капитуляции там. Пока вокруг скакали гвардейцы, а у Локхарта не было никакого конного эскорта, существовал большой риск не доехать. Более того - ни Вельо, ни Мунс не умели ездить верхом (последнему Локхарт еще и не слишком доверял) и могли лишь вести лошадь в поводу, а взваливать пленника на своего коня Локхарт тоже не хотел - игреневый был сильным жеребцом, но двое мужчин в полной латной броне были бы слишком серьезной нагрузкой даже для него, особенно если бы пришлось скакать с большой скоростью. Так что, хотя сам Локхарт, несмотря на свою травму, все-таки сумел взобраться в седло, он не мог даже доставить самозванца быстро, а вынужден был ехать шагом рядом с лошадью, которую вел Мунс под присмотром Вельо, приглядывавшего за переброшенным через седло связанным пленником. Соответственно, Локхарт со своими спутниками направился не туда, где кипело сражение, а навстречу наступавшим лучникам, спеша как можно скорее оказаться под их защитой.

Даже если кто-то из вражеских всадников и разглядел их издали в темноте (что едва ли), то не попытался догнать и выяснить, кто это такие, имея куда более неотложные задачи. Мародеры с обеих сторон, рыскавшие по окрестностям подобно Мунсу, тоже предпочли держаться подальше от конного рыцаря, даже не вникая, кто он и за кого. Так что вскоре Локхарт уже удовлетворенно крикнул приближающимся шеренгам лучников "Элинор и Дракон!" (армейский боевой клич, модифицированный под нужды гражданской войны), дабы не угодить под дружественную стрелу.

Лучники радостными возгласами приветствовали известие о пленении самозванца, но бой все еще не был кончен, конные гвардейцы продолжали обстреливать их быстро отступающих товарищей, и лучники должны были бежать вперед, чтобы скорее прикрыть их. Наконец пехотинцы королевы, хотя и понесшие уже серьезные потери, оказались под защитой своих стрелков, посылавших стрелы через их головы. Теперь уже гвардейцы (у многих из которых к тому же уже истощились колчаны) отпрянули назад. Их оставалось чуть более полутора сотен, треть из которых уже лишились коней; остальным, в принципе, ничто не мешало просто развернуться и ускакать прочь, пользуясь тем, что пехота не может преследовать кавалерию, но, во-первых, это означало бросить своих спешенных товарищей, что каждый гвардеец счел бы бесчестьем, а во-вторых, Брахентопф все еще не мог смириться с мыслью, что, несмотря на нанесенные врагу потери, шансов на победу у него уже нет. Тем не менее, в битве возникла пауза, и в наступившей относительной тишине прозвучал громкий голос Локхарта, который выехал на открытое пространство между лучниками и пехотой в сопровождении Вельо с алебардой и лошади, на которую усадили связанного самозванца (придав ему эту более презентабельную позу в расчете на то, что так его признают скорее):

- Прекратить стрельбу! Переговоры! Я полковник Эрик Локхарт, рыцарь короны, командующий солдатами королевы! Кто командует вашими людьми?

Огибая пехоту батальона, по-прежнему щерившуюся копьями в плотном строю (так что слово "поредевшая" тут никак не подходило, несмотря на потери), сбоку выехал всадник в кирасе и шлеме с поднятым забралом. Защиты конечностей у него, однако, не было, если не считать стальных наколенников и латных перчаток с длинными раструбами, фактически исполнявшими роль наручей.

- Капитан Адальберт Брахентопф, военная гвардия, - представился он и после крохотной паузы добавил: - короля.

- Ваш так называемый король - мой пленник, сдавшийся на милость королевы. Скажи им, чтобы прекратили сопротивление, - потребовал Локхарт от лже-Арвика.

- Это правда, - пробурчал самозванец, косясь на алебарду в руках Вельо. - Вы должны сложить оружие.

Брахентопф скептически всмотрелся в лицо парня, который был лишь немного моложе его самого: - Вы - принц... король Арвик?

Алебарда многозначительно качнулась.

- Я - его ординарец, - признал пленник. - Я... просто выполнял его приказ...

- Если этот человек - самозванец, он не может приказывать мне и моим людям, - хладнокровно ответил Брахентопф.

- В таком случае, кому вы подчиняетесь?

- Законному наследнику престола принцу Арвику.

- Граф Дункельт, которого вы называете принцем Арвиком, мертв.

- Это лишь ваши слова, сэр.

- Нет, - к ним подъехал Краут, развязывая горловину подвешенного к седлу мешка. - Не просто слова.

Некоторое время Брахентопф все с тем же похвальным хладнокровием переводил взгляд с мертвой головы на пока еще живую на плечах самозванца и обратно. Даже в темноте можно было заметить, что сходства между ними немного.

- Если один из них не настоящий, - изрек он наконец, - это еще не значит, что второй- да.

- Если бы настоящий был жив, его ординарец не посмел бы объявить себя королем, - возразил Локхарт. - Умный отличается от дурака не тем, что не совершает ошибок, а тем, что в них не упорствует. Это понял даже он, - полковник с усмешкой кивнул в сторону пленника. - Вы совершили большую ошибку, капитан, но у вас еще есть последний шанс ее исправить. Сложите оружие и положитесь на милость королевы. В условиях гроггендорской угрозы ей нужен каждый, кто способен сражаться за Айринтию. Вы уже пролили достаточно крови ее подданных, но можете искупить вину, проливая кровь ее врагов.

- Вы гарантируете нам помилование? - прищурился Брахентопф.

"Арестовать предводителей мятежников", - вспомнил Локхарт слова королевы.

- Я не могу обещать этого лично вам, - качнул головой он. - Но вашим людям - да. Если они сдадутся прямо сейчас.

Брахентопф задумался на несколько мгновений.

- Я предлагаю вам решить дело рыцарским поединком между нами, сэр, - сказал он наконец. - Если победите вы, мои люди подчинятся вам и примут ту судьбу, которую вы им уготовите. Если же победу одержу я, мы просто уйдем, забрав с собой оставшихся без коней и раненых, и никто из ваших не попытается препятствовать нам в этом.

Эта идея застала Локхарта врасплох. Он полагал, что подобным образом вопросы решаются только в романтических балладах, но не на реальной войне. Он, безусловно, считал безответственным ставить исход боя или даже целой кампании в зависимость от результата единственного поединка, не говоря уже о том, что командующие вообще должны как можно меньше рисковать собой в бою, их функция - управление, а не плакатное геройство. Хотя у пацифистов в свое время и была весьма популярна идея "как было бы хорошо, если бы правители и генералы дрались между собой лично, а не втягивали в войны целые народы" - но это, как и всякая левая идея, демагогическое упрощение куда более сложной реальности, за войнами стоят комплексные объективные причины, а не личные амбиции главнокомандующих... впрочем, в случае нынешней войны это, похоже, не так. Но, кстати - отметил про себя Локхарт - Брахентопф не потребовал в случае своей победы освободить лже-Арвика. То ли потому, что понял, что на это другая сторона точно не согласится, то ли потому, что уже списал его со счетов - а скорее, даже по обеим причинам сразу.

В любом случае, у Локхарта была уважительная причина отказаться от поединка:

- Я не могу принять ваше предложение, сэр. Я получил рану в сегодняшнем бою, - он указал на свое отсутствующее оплечье и висящую плетью руку.

- Я как заместитель полковника Локхарта принимаю вызов, - тут же откликнулся Краут.

- Минутку, капитан, - Локхарт предостерегающе поднял правую руку и подал коня ближе к Крауту. - Вы уверены, лейтенант-полковник? - тихо спросил он. - Мы фактически уже победили, а его голова не стоит вашей.

- У нас слишком большие потери, сэр, - так же тихо ответил Краут. - А нам еще нужно оставить гарнизон в Айзеншлоссе. Если эти гвардейцы перейдут на нашу сторону, это будет совсем не лишним приобретением.

- А они перейдут? - усомнился Локхарт. - Я собирался отвести их в Дракенхайм пешими и безоружными, а там уж пусть королева и ее судьи и командующие решают их судьбу. А вовсе не включать их в состав батальона. По-моему, это слишком рискованно.

- Они аристократы, кичащиеся своей честью, - возразил Краут. - Если они дадут слово, то будут его держать. Особенно, - добавил лейтенант-полковник с усмешкой, - когда предательство не сулит им никакой выгоды.

Это было логично. Раз никаких Арвиков, за которых имело бы смысл воевать против Элинор, больше не осталось... Вспомнились и гвардейцы Вульфеншванца, также прибывшие под стены столицы как враги королевы, а потом ставшие ее верными защитниками. Впрочем - они тогда не успели пролить кровь своих будущих товарищей, а вот эти, судя по словам Краута - еще как. Возможно ли боевое братство между теми, кто еще вчера убивал друг друга? В мире феодальных войн, наверное, да...

- Вы предлагаете биться насмерть? - уточнил Локхарт у Брахентопфа.

- Я буду сражаться до смерти, - подтвердил тот, - но готов даровать жизнь моему противнику, если тот сдастся.

- Благодарю за щедрость, сэр, - откликнулся Краут, - но едва ли она мне понадобится.

- Вы уверены, что одолеете его? - еще раз тихо спросил Локхарт. - Он моложе вас.

- Зато я читал меньше романтических книжек, - вновь усмехнулся лейтенант-полковник. Затем он обратился к своему сопернику: - Желаете ли вы драться конным или пешим, сэр?

- Полагаю, за сегодня мы достаточно утомили своих коней, - ответил капитан, - так что предлагаю сразиться пешими, если вы не возражаете, сэр.

Локхарт подумал, что этот вариант более выгоден Брахентопфу - не имея защиты конечностей, в пешем бою он лучше сможет реализовать свое преимущество в мобильности, и к тому же, вероятно, его конь и в самом деле больше утомлен после ночной скачки, приведшей гвардейцев под стены Айзеншлосса.

Солдаты обеих сторон задвигались, освобождая площадку для боя и в то же время обступая ее со всех сторон. Враги при этом оказались поблизости друг к другу, а кое-где даже спешенные гвардейцы и пехотинцы королевы встали вперемежку, и Локхарт сперва смотрел на это с удивлением и даже хотел одернуть своих, но потом понял, что солдаты, только что пытавшиеся убить друг друга, и в самом деле больше не воспринимают друг друга как источник опасности. Кто бы ни победил в дуэли, кровь, пролитая в ней, должна была стать последней. Ни одна из сторон, по-видимому, не считала, что другая вероломно нарушит слово, данное ее командиром.

Противники вышли на середину предназначенной для поединка площадки. Оба были вооружены одноручными мечами, не способными пробить латы, если только не нанести меткий удар в щели и сочленения; Брахентопф, не имевший латной защиты конечностей, прикрывался треугольным кавалерийским щитом, Краут же, облаченный в полные латы, предпочел оставить свой щит подвешенным к седлу и не отягощать и без того бронированную руку. Его забрало, как и у его соперника, было опушено, но все равно именно щель забрала оставалась едва ли не главным уязвимым местом воина в подобных доспехах.

Некоторое время два врага стояли друг напротив друга, словно передоверяя противнику право напасть первым. Наконец Брахентопфу надоело ждать, и он резко бросился в атаку, осыпая Краута стремительными ударами. Тот отбивался, но практически не контратаковал сам. Локхарт с растущей тревогой следил за своим заместителем, почти сразу ушедшим в глухую оборону и, похоже, все тяжелее выдерживавшим темп, навязываемый ему молодым оппонентом. Когда Краут пропустил удар, Локхарт даже вздрогнул - но меч лязгнул по кирасе, не попав ни в

одно из уязвимых мест и соответственно не причинив вреда. Однако лейтенант-полковник отбивался все более вяло и все чаще пропускал удары - хотя все еще ни разу не был ранен. Гвардейцы, словно на спортивном матче, криками подбадривали своего капитана. Солдаты королевы угрюмо молчали. Локхарт уже жалел, что дал согласие на этот поединок. Пусть бы этот чертов Брахентопф убирался вместе со своими людьми, деваться им теперь все равно особенно некуда...

Капитан, прыгая на полусогнутых вокруг своего противника, попытался достать его колющим в забрало не прямо, а с левого бока. Но Краут успел развернуться и парировать удар, тут же переводя блок в выпад, направленный в лишенную брони верхнюю половину левой руки Брахентопфа. Тот легко отбил его удар щитом, тут же добавляя рубящий удар мечом по руке - и выбил меч.

Наиболее впечатлительные зрители ахнули. Локхарт невольно ожидал, что Брахентопф, в духе романтических рыцарских фильмов, позволит своему сопернику подобрать оружие. Но, очевидно, так далеко его благородство - а может, просто реальные, а не киношные обычаи - не простирались. Он тут же устремился в атаку на безоружного, которая, очевидно, должна была стать финальной. Краут дважды шагнул назад, что, понятно, уже никак не могло его спасти. Брахентопф, отбросив уже ненужный щит, даже без особой спешки, словно демонстративно (а может, все еще оставляя противнику шанс попросить о пощаде), подхватил левой латной перчаткой середину своего клинка, словно бильярдный кий, чтобы точным ударом вонзить его прямо в забрало. ("Прием полумеча", - мелькнуло в памяти Локхарта объяснение Габриуса.)

И тут Краут, легко уйдя с линии удара, шагнул вперед (Брахентопф смог лишь рубануть его по шее сбоку - в потенциально опасное место, но без должного замаха лезвие лишь бессильно проскрежетало по бувигеру), потом шагнул еще раз - и сграбастал капитана в объятия, словно лучшего друга после долгой разлуки, а затем повалил его на землю, подминая под себя. Все, что еще смог сделать Брахентопф - еще дважды, неудобным движением "к себе", ударить его мечом по бронированной спине. Не обращая на эти удары никакого внимания, Краут вытащил из закрепленных на правом бедре ножен мизерикорд и коротким ударом сверху вниз вонзил его в забрало врага.

На несколько мгновений над местом схватки повисла тишина. Краут спокойно поднялся, подобрал из снега свой меч, полупридавленный брошенным щитом, а затем резко скомандовал:

- Всем гвардейцам спешиться!

Те покорно повиновались, брякая сбруей и амуницией. В их ряды затесались и несколько всадников самозванца (хотя большинство тех, что еще оставались в живых, предпочли под шумок ускакать прочь еще до начала поединка).

Краут отыскал взглядом знамя над головами пехотинцев и потребовал: - Знамя сюда!

Древко с полотнищем задвигалось, и из рядов расступившихся бойцов вышел не знакомый Локхарту юный второй лейтенант, а немолодой солдат с длинными седеющими усами. Юноша был убит, как и двое других солдат, подхватывавших знамя после него, нынешний знаменосец был уже четвертым - и все же ни разу в горячке боя оно не упало под ноги дерущимся. Ветра почти не было, и солдат слегка наклонил древко, позволяя полотнищу развернуться. На востоке сквозь облака начинал уже брезжить рассвет, позволяя различить гербовые цвета и вензель Элинор.

- Преклонить колени перед знаменем королевы! - приказал Краут гвардейцам.

Те столь же послушно (хотя некоторые - после короткой паузы) опустились на правое колено в снег.

- Сэр, - обернулся Краут к Локхарту, - полагаю, они готовы принять присягу.

Локхарт кивнул в своем шлеме, словно очнувшись. Полномочия приводить к присяге раскаявшихся мятежников действительно были ему даны, и соответствующий текст (некогда произнесенный и им самим при вступлении в подданство) он хорошо помнил.

- А можно и мне тоже? - раздался вдруг сбоку жалобный голос лже-Арвика, о котором, кажется, все уже забыли.

Локхарт мрачно усмехнулся, понимая, что самозванца не спасут уже никакие изъявления покорности. Впрочем, он был готов позволить эту милость, но Краут сурово упредил его:

- Присяга приносится только свободными людьми! (Да, точно, вспомнил Локхарт, ему говорили об этом. "Ибо клятва, данная под принуждением, стоит недорого.") Но, - добавил Краут, обращаясь к своим солдатам, - снимите его с коня, он свое уже отъездил... Простите за эту заминку, сэр, - вновь повернулся он к Локхарту.

- Повторяйте за мной, - сказал полковник, стараясь, чтобы его голос звучал строго и торжественно. Сам он не любил подобных церемоний, полагая, что истинная верность не нуждается в формальных клятвах, а ложную никакие патетические ритуалы не сделают истинной. Но, очевидно, для многих такие формальности и в самом деле были важны - что в прежнем мире, что в нынешнем. - "Я клянусь своей жизнью и честью в неизменной верности моей королеве, Ее Величеству Элинор Первой, и обещаю служить ей на благо Королевства Айринтия, да поможет мне в этом Святая Троица."

Затем, пока шел сбор трофеев и подсчет потерь, Локхарт, наконец, получил столь необходимую ему медицинскую помощь. В роли хирурга выступил немолодой уже, но внушительных габаритов солдат (хотя до параметров Вельо он все же не дотягивал), выполнявший в батальоне функции армейского костоправа. Осмотрев и ощупав плечо Локхарта, он вправил его одним сильным и резким движением. На глазах у полковника выступили слезы от боли, он с трудом сдержал крик, но затем быстро пришло облегчение. "Все будет в порядке, сэр, - пробасил солдат. - Кости целы." "Много ты можешь знать без рентгена!" - подумал про себя Локхарт. Солдат, как видно, уловив его сомнения по выражению лица, добавил: "Уж можете мне поверить, я всяких травм навидался. А уж плечи в суставы вправлял вообще регулярно." До Локхарта не сразу дошел смысл его слов. Королевская армия в последние годы не вела военных действий, так что речь шла не о боевых травмах, тем паче что даже в эпоху холодного оружия вывих плеча - не самая частая из них. А вот при допросе на дыбе... Локхарт неприязненно покосился на "костоправа", осознав, кем тот был раньше. Хотя, конечно, он понимал, что "святых следует искать не в армии, а в монастыре", особенно в теперешнюю эпоху. И пожалуй, сообразил он, в эту самую эпоху палачи и впрямь не хуже нынешних врачей (а может, даже и лучше!) разбираются в устройстве человеческого тела...

Потери батальона составили 347 человек, не считая легко раненых. Даже с учетом "пополнения" в 154 гвардейца (в надежности которых Локхарт все еще не был уверен), победа оказалась далеко не столь легкой и красивой, как поначалу надеялся Локхарт (и пославшая его Элинор). Правда, еще было перебито двенадцать сотен айзеншлоссцев, но это едва ли могло служить утешением. По большому счету, это были никому не нужные смерти.

Впрочем, город был взят уже без дальнейших потерь и сопротивления - осадная башня (которую так и не успели достроить до высоты стены) и тараны так и не понадобились, хотя в этом никто уже и не сомневался. Стражники северной башни открыли ворота, как только им продемонстрировали плененного и во всем кающегося "короля". (Кстати, незадолго до этого в Айзеншлосс через восточные ворота вернулись не понесшие никаких потерь от действий неприятеля (а только лишь от законов физики) разрушители требушетов, причем вернулись они с новостью о "победе короля", но северных ворот эта новость достигнуть еще не успела.) Локхарт все еще не был уверен, не поджидают ли в городе какие-нибудь ловушки, и с опаской поглядывал по сторонам, пока батальон медленно поднимался к королевскому замку по крутым почерневшим от копоти улицам, где в воздухе еще висел запах гари. Но горожане, как видно, уже не помышляли о бессмысленном сопротивлении или мести и лишь старались не попадаться победителям на глаза - так что в холодном свете хмурого утра частично выгоревший город казался совершенно вымершим.

- Между прочим, вы заставили меня поволноваться, - заметил Локхарт Крауту, вновь ехавшему рядом с ним. - И, думаю, не меня одного. В какой-то момент все думали, что этот Брахентопф вас убьет.

- Если ты слаб, делай вид, что ты силен, а если ты силен - что слаб, - спокойно ответил Краут. Локхарт опознал цитату из Сунь Цзы и не удивился, что ее до сих пор помнят в мире, где, очевидно, забыто не только имя ее автора, но и название его страны. Впрочем, не исключено, что эту простую в общем-то формулу переоткрыл какой-нибудь здешний стратег.

- С вашей стороны весь бой был спектаклем с самого начала?

- Он рассчитывал, что в более тяжелых доспехах я выбьюсь из сил скорее, чем он, и пытался навязать мне активный бой. А я парировал лишь те удары, что представляли реальную опасность, предоставляя доспехам и его собственной усталости делать свою работу. Как вы видели, мне вообще не было нужды разить его мечом. Мне нужно было, чтобы он бросил щит и подпустил меня вплотную, не заставляя за ним гоняться. Убедить его, что я уже не опасен, было нетрудно. Мальчишки, воспитанные в своих родовых замках на романтических легендах, часто забывают, что меч - не единственный и даже не лучший способ убить.

- Мой учитель тоже говорил мне, что в бою хороши любые приемы и любые подручные средства, - кивнул Локхарт. - А вот то, как вы подставлялись под удары, он бы вряд ли одобрил. Он говорит, что в доспехах надо вести себя так же, как и без доспехов, а не считать, что раз ты в латах, тебе все можно.

- В принципе, он прав, - невозмутимо согласился Краут. - В доспехах надо вести себя так же, как и без доспехов - не давать противнику наносить тебе те удары, которые ты не желаешь получить. А вот те, которые ты сознательно позволяешь ему - это уже другое дело. Главный рецепт победы - всегда заставляй противника играть по твоим, а не по его правилам. Даже если ты слабее - вынуди его ударить туда, куда выберешь ты, а не он.

Батальон проследовал через открытые ворота Старого города, а затем занял и королевский замок, вновь не встретив никакого сопротивления, и, окончательно утверждая свою победу, поднял над ним и над городом свой флаг. Именно там, а не в городских казармах, Локхарт демонстративно расквартировал своих солдат. Сопротивляться же было просто некому - замок оказался совершенно пуст, разбежались даже слуги, которым, в принципе, нечего было опасаться ареста - хотя, надо полагать, они не хотели быть допрошенными и в качестве свидетелей. А допросы, несомненно, требовались - дабы разыскать ближайших сообщников самозванца, которых тот успел назначить на "государственные посты" (включая, само собой, Пратеруса). Локхарт сомневался, что эти люди все еще представляют хоть какую-то опасность, но с чистой совестью передоверил эту заботу офицерам Тайной Стражи, приданным его батальону в первую очередь ради таких задач. В бою они, кстати, участия не принимали, прячась в неосвещенных палатках лагеря - естественно, их драгоценными жизнями не следовало рисковать, словно жизнями простых солдат (хотя это не означало, будто они при необходимости не смогут постоять за себя). Впрочем, Локхарт без всякого сарказма понимал и одобрял специализацию и разделение функций. Каждый должен заниматься своим делом. Вот только он сам, всю жизнь считавший своим делом космические полеты, никак не ожидал, что станет королевским фаворитом, рыцарем короны и командиром средневекового войска... Это стало его последней мыслью перед тем, как он, отдав своему воинству команду на отдых, заснул и сам прямо в бывшей королевской спальне Айзеншлосса - где было не особенно уютно из-за длинной трещины в потолке, через которую залетали даже отдельные снежинки, но таково было его право - и даже в некотором роде обязанность - победителя

Вторая половина этого дня была посвящена главным образом церемониям - приведению к присяге жителей города (закованного в цепи самозванца предварительно заставили выступить с признанием и покаянием перед собранной на площади толпой) и чествованию собственных героев батальона - в первую очередь произведенного в капралы Вельо, самолично пленившего

самозванца (Локхарт решительно переадресовал всю честь ему, отказавшись от собственной заслуги в этом событии, и надо было видеть почти детское смущение на лице чествуемого всем батальоном великана), и являвшего собой полную противоположность итальянцу едва ли не во всем, включая физические габариты, Мунса, получившего за спасение командира денежную награду, что, несомненно, порадовало его куда больше, чем любые повышения. На следующий день назначена была менее веселая церемония - перезахоронение останков герцога Бронгарского в соборе святого Йоргела.

Вечером Локхарт выслушал доклад офицера Тайной Стражи. Были арестованы комендант, назначенный еще Гумбольдтом, и "премьер-министр" и "министр финансов" лже-Арвика. Пратеруса все еще искали (причем городские священники, похоже, предвкушали его поимку с особым злорадством и в том же духе настраивали свою паству), но пока не могли найти. Бургомистр, неизменно возглавлявший Айзеншлосс все последние 12 лет, был допрошен и отпущен (с рекомендацией Локхарту оставить его в прежней должности, каковую полковник утвердил). Как человек штатский, бургомистр вынужден был подчиняться любым военным властям, и было бы несправедливо винить его за это - а главное, кто-то должен был теперь разбираться со всем городским хозяйством, где к практически пустой казне добавились последствия самых больших со времени Бугенхольмской войны пожаров (пока что большинство погорельцев, оставшихся без крыши над головой, разместили в городских церквях, что Локхарт также охотно одобрил). Прежняя агентурная сеть Тайной Стражи, была, как и предполагали в Дракенхайме, полностью уничтожена еще настоящим Арвиком, но городские стражники и тюремщики были к услугам новой власти точно так же, как и предыдущей. Эта публика никогда не рефлексирует по поводу того, кому служить, подумал Локхарт - что, вообще-то, правильно. Для них это то же самое, что для сотрудников какой-нибудь компании его эпохи узнать, что их фирму купила другая корпорация. А в условиях гражданской войны, которой наконец-то должен настать конец, это особенно хорошо - не хватало только идейных фанатиков, готовых бороться за дело Арвика даже после его смерти... Вот только интуиция подсказывала Локхарту, что вся эта охранно-тюремная братия с тем же спокойствием предложит свои услуги и гроггендорским оккупантам.

- А что вы думаете о перешедших к нам гвардейцах? - спросил Локхарт. - Насколько им можно доверять, в частности, при конвоировании в Дракенхайм самозванца и других арестованных? Не попытаются ли они освободить его и начать все сначала?

- Нет, - уверенно возразил подчиненный Крампа, - даже если один-два идиота с такими мыслями и найдутся, остальные их не поддержат. Эта карта уже слишком очевидно бита, тем паче после всех публично сделанных самозванцем признаний. Они, напротив, будут выслуживаться, чтобы как можно скорее изгладить память об их участии в мятеже. А на самозванца они теперь только злы за то, что из-за него и сами оказались выставлены в смешном свете - представители аристократических родов, служившие какому-то ординарцу, чуть ли не денщику...

- Его признания еще можно объявить тактической хитростью, и они, получается, в этом заинтересованы, чтобы смыть позор.

- Нет, - покачал головой представитель Тайной Стражи. - Настоящий Арвик скорее умер бы, чем согласился бы сказать о себе такое, и все это понимают. Есть вещи, которые ни король, ни претендент на престол не могут себе позволить, если хотят сохранить хоть какое-то уважение и сторонников.

- Вообще, - заметил Локхарт, - у меня до сих пор не сложилось цельного мнения о том, что из себя представляет военная гвардия. Когда-то, еще до мятежа, я беседовал в Хассенворте с капитаном Дармонтом, и он показался мне в куда большей степени вашим коллегой, чем военным. Да он, собственно, этого и не скрывал. Капитан Вульфеншванц - во всяком случае, в бытность капитаном - явно был куда менее искушен в политике, хотя как военный командир,

видимо, неплох. А этот капитан Брахентопф вообще был, по сути, мальчишкой-авантюристом...

- О военной гвардии и не может быть цельного мнения, - улыбнулся собеседник Локхарта, - потому что это не цельная структура. Трудно представить себе что-то более разнородное, у каждой части свой стиль, свои традиции, одна можно отличаться от другой сильнее, чем пехота от кавалерии, даже при практически одинаковом вооружении и снаряжении... А Дармонт, откровенно говоря, просто возомнил о себе слишком много. Военная гвардия действительно создавалась не в последнюю очередь для борьбы с внутренними врагами и мятежниками, будь то городская чернь или зарвавшиеся аристократы. Но ее задача - выполнять приказы, а не вести самостоятельную игру. Дармонт же мнил себя самостоятельной фигурой, чуть ли не организатором службы, альтернативной Тайной Страже, а король Гумбольдт не пресекал этого...

- Потому что не доверял Крампу?

- Я не комментирую действия моего монарха, даже покойного, - холодно ответил офицер Тайной Стражи. - Но полагаю очевидным, что если бы генеральный дознаватель Крамп не пользовался высочайшим доверием, он бы не сохранил свой пост.

- Просто Гумбольдт считал, что конкуренция пойдет Тайной Страже на пользу, - докончил за него Локхарт. - Что, возможно, было не лишено смысла. Но чего король не учел, так это что после его смерти его верный Дармонт не примет его решения о престолонаследии, каковое, очевидно, стало для капитана столь же неожиданным, как и для большинства.

- Полагаю, теперь всем уже очевидно, что неверный выбор сделал Дармонт, а не король Гумбольдт. Арвик привел бы страну к катастрофе... если бы остался жив.

- Его тело ведь так и не нашли? Я имею в виду Дармонта.

- Нет, сэр. Но его сподвижники мертвы или арестованы. Не говоря уже о том, что ему самому больше не за кого сражаться. Едва ли он все еще может представлять проблему.

По словам докладчика, новых беспорядках в Айзеншлоссе не было - даже вчерашние погромщики, врывавшиеся в богатые дома, теперь предпочли сидеть тише воды, ниже травы, боясь злить солдат королевы, а кое-кто из кричавших еще накануне "Да здравствует король Арвик!", теперь столь же горячо славил армию Элинор, которая "наконец-то наведет порядок". Локхарт, впрочем, не был уверен, что картина и впрямь столь благостна, ибо понимал, что у его собеседника пока что просто недостаточно источников информации. Отпустив представителя Тайной Стражи, полковник решил подняться на башню (единственную их четырех, уцелевшую настолько, чтобы подъем на верхнюю площадку был возможен и безопасен), дабы взглянуть оттуда на город, пока еще не стемнело. Не то чтобы он надеялся лично разглядеть оттуда какие-то источники опасности, до сих пор не замеченные его людьми, но просто до сих пор у него не нашлось времени осмотреть Айзеншлосс с самой высокой его точки - и могло не найтись и впредь, поскольку, если не будет непредвиденных задержек, он планировал отправиться назад в Дракенхайм как можно скорее. Таков был отданный ему приказ, а кроме того... откровенно говоря, он успел уже соскучиться по Элинор.

Весь день было пасмурно, но на закате ярко-алое солнце пробилось из-под нижнего края туч, и его свет озарял город (точнее, западный склон холма), расчерчивая его длинными тенями. Панорама была бы красивой, если бы ее не портили огромные черные проплешины пожарищ на северной стороне. Локхарт лишь теперь смог в полной мере оценить последствия отданных им приказов, целью которых как раз и было вызвать в Айзеншлоссе как можно больше пожаров - и хотя он по-прежнему знал, что приказы были правильными, позволившими покончить с мятежом, удовольствия увиденное ему не доставило. Погорельцев должно было быть очень много, едва ли всем им хватило места в церквях - где теперь прячутся от февральского мороза остальные? "Ничего, - сказал себе Локхарт, - теперь будут строить более разумно. И думать, кого поддерживать, само собой. Глупость должна быть наказуема." Теперь, впрочем, над городом поднимались мирные дымки из многочисленных печных труб, и полковник по старой пилотской

привычке, сохранившейся еще с полетов в атмосфере, машинально определил направление и силу ветра (примерно 60 градусов, 6-8 узлов). Если чуть прикрыть глаза, можно представить, что он не стоит между громоздкими зубцами средневековой башни, а летит над городом. "Айзеншлосс-подход, три-четыре-семь-Bravo-Victor, прошу вектор для визуального захода. - Семь-Bravo-Victor, вправо ноль-восемь-ноль, шесть миль, полоса ноль-семь. - Понял, вправо ноль-восемь-ноль, шесть миль, полоса ноль-семь, семь-Bravo-Victor." Он медленно повернулся, как бы выполняя правый разворот и едва удержавшись от того, чтобы по-детски раскинуть руки, изображая крылья.

- Вы искали меня, сэр?

Голос немедленно вернул его в реальность. В трех ярдах от него из-за огромного зубца башни выступил Краут.

- Н-нет, - ответил Локхарт, радуясь, что таки не стал изображать самолет (хорош бы он был в глазах подчиненного, да!). - Честно говоря, я вообще не заметил, что вы здесь. Что-то случилось?

- Нет, сэр, все в порядке.

- Тогда - просто любуетесь пейзажем?

- У меня сейчас свободное время, сэр.

- Нет-нет, лейтенант-полковник, я и не думал вас упрекать. Я, в общем-то, тоже... Красивый вид. Особенно для тех, кто никогда раньше не был в Айзеншлоссе.

- Да, - согласился Краут со странной интонацией.

- Не знаю, впрочем, пускают ли сюда туристов в мирное время, - продолжал Локхарт. ("Понимают ли здесь слово 'турист'?") - Вы бывали здесь прежде?

Краут почему-то замешкался с ответом.

- Нет, сэр, - сказал он наконец.

- Вы так говорите, словно не уверены в этом.

Краут снова промолчал, и Локхарт уже уверился, что лейтенант-полковник оставит его реплику без ответа, но затем тот произнес:

- Мне кажется, что я уже стоял здесь и видел это. Закат над этими башнями. Перед тем, как покинуть этот город навсегда. Очень, очень давно.

- Deja vu, - понимающее кивнул Локхарт и, вновь не уверенный, что этот термин здесь известен, пояснил: - Явление ложной памяти. Такое бывает у многих.

- Я думаю, - продолжал Краут, не обращая внимания на его пояснение, - что в прошлой жизни... в одной из... я был Лодвиком. Последним князем Хильдским.

Локхарт вспомнил, что встречал это имя в книге Дрольфуса.

- Тем, которого сверг Йоргел Завоеватель? Но ведь он бежал в Бугенхольм. Разве он не должен был переродиться там? - полковник постарался изгнать иронию из своего тона.

- Куда бы ни вынужден был бежать Лодвик, его душа оставалась здесь и должна была вернуться сюда, - покачал головой Краут.

- И вы хотите сказать, что вернулись в Айзеншлосс... впервые за шестьсот лет?

- Святая церковь учит нас, что говорить с уверенностью о своих прошлых жизнях - ересь, - усмехнулся Краут. - Никто не может знать наверняка, и вести себя так, словно и в самом деле их помнишь - дьявольское искушение и великий грех. Мне вообще не следовало заговаривать об этом, сэр. Это все пустое.

- Но если вы считаете себя Лодвиком, значит - Йоргел для вас не национальный герой, основатель Айринтии, а изменник, узурпатор и личный враг. И вся династия Йоргелингов, которой вы теперь служите...

- Нет-нет, сэр, - решительно перебил лейтенант-полковник. - Я же говорю, это пустое. Сейчас я Рудольф Краут, верноподданный ее величества королевы Элинор, и я буду служить ей, пока я жив, как велит мой долг. Как служил ей до сих пор, а до этого - ее отцу. У вас нет поводов

сомневаться в этом, сэр.

- Конечно, лейтенант-полковник. Вы отличный офицер, и я непременно подчеркну это в своем докладе королеве. Ваши заслуги в этом походе куда больше моих.

- Благодарю, сэр. С вашего позволения, - он коротко поклонился и, не встретив возражений, направился к лестнице, ведущей вниз.

Опасная все-таки штука эта их религия, подумал Локхарт, проводив его взглядом. Мало в этом мире реальных поводов для конфликтов, так еще и кто-то может вообразить себя мстителем за свои "прошлые жизни"... Очень правильно, что церковь объявила это великим грехом - а он, стало быть, ошибался, полагая, что рассказ о "прошлых жизнях" - одна из статей церковных доходов. На самом деле это, выходит, "ересь"... но насколько надежны церковные запреты? А главное, ведь всю эту чепуху с реинкарнациями сама же церковь и придумала. Как всегда у людей - кое-как затыкаем дыры, которые сами же и проделали, и потом еще гордимся результатом...

На следующий день состоялось торжественное перезахоронение герцога Бронгарского. Его тело, извлеченное из могилы под стенами города, прекрасно сохранилось благодаря морозу, и у Локхарта мелькнула мысль, что оно все еще пригодно для патологоанатомического исследования с целью определения состава яда. Но представители Тайной Стражи не выказали такого желания, по всей видимости, попросту не обладая необходимой компетентностью. В конце концов, в этом мире так и не смогли установить причину смерти ни доктора Якобсона, ни даже короля Гумбольдта... Так что труп просто положили в гроб и перенесли в собор, где уже подготовлена была новая гробница - первая за триста (если верить официальной хронологии) лет. Погорельцев на это время из собора разогнали, дабы они не мешали торжественности церемонии. Однако их матрасы, одеяла, наскоро сколоченные нары и прочий скарб выкидывать на улицу не стали, а лишь постарались задвинуть подальше к стенам. Сразу по окончании церемонии - типичной для подобных случаев в любые эпохи, со склоненным знаменем, гимном и почетным воинским караулом - настоятель собора, пробившись к Локхарту, которого считал самым главным (хотя гражданская власть над городом уже была формально возвращена бургомистру, который, впрочем, не посмел бы возражать военным), принялся на повышенных тонах жаловаться на погорельцев и просить избавить его храм от этого бедствия.

- Это ваши сограждане и братья по вере, - холодно ответил полковник, уже успевший в полной мере оценить мраморное великолепие главного городского собора, чье строительство несомненно обошлось на порядки дороже, чем всех ныне сгоревших домов, вместе взятых. - Разве помогать им - не долг вашей церкви?

- Не мы разрушили их дома, - огрызнулся священник. - Здесь не Гроггендор. Айринтийская церковь не подчинена армии.

- Задача армии - устанавливать мир силой оружия. Задача церкви - делать это силой молитвы и проповеди, - усмехнулся Локхарт. - Если бы ваша паства сразу открыла нам ворота и выдала самозванца, как ей было предложено, город бы не пострадал. Но вы не увещевали ее должным образом. Так что я свою работу сделал хорошо, а вы свою плохо, и винить теперь можете только себя. Сделайте теперь хорошо хотя бы ту ее часть, где говорится о милости к заблудшим и помощи нуждающимся.

- Но они ведут себя в храме, как в хлеву! Загадили тут все всего за сутки! Никакого почтения к святому месту, устроили лежбище даже на гробнице святого Йоргела...

- Значит, так вы их воспитали, - непреклонно повторил Локхарт, а затем заинтересовался: - А разве останки Йоргела не перенесены в Дракенхайм? - ему, впрочем, тут же вспомнилась типичная ситуация с христианскими мощами прошлого, когда по разным храмам Европы можно было насчитать с десяток голов или конечностей одного и того же святого, все - официально признаваемые подлинными.

- Перенесены, - подтвердил священник, - дабы не допустить поругания бугенхольмцами.

Но после освобождения в гробницу была возвращена десница святого. И сама гробница тоже является реликвией.

- Покажите мне ее, - потребовал Локхарт. У него все еще жила подспудная надежда отыскать свидетельства фальсификации древней истории Айринтии - хотя он и понимал, что без аппаратуры радиоуглеродного анализа ничего доказать не сможет. Замок, во всяком случае, выглядел вполне древним - не только построенным, но разрушенным много лет назад, но как понять, сколько именно? И все же ему хотелось взглянуть на гробницу, которой, по официальной версии, почти шесть веков. Собор мог неоднократно перестраиваться, но гробница вроде как оставалась той же самой?

- Она в пресвитерии, - ответил настоятель. - Туда не полагается входить мирянам.

- Ну раз уж погорельцы все равно зашли, думаю, святой Йоргел мне простит, - усмехнулся Локхарт. - Показывайте.

- Да простит меня Святая Троица, - пробурчал священник, однако повиновался.

Гробницу, конечно, уже очистили от вещей погорельцев. Широкая плита из грубого серого камня, выщербленная по краям, действительно выглядела достаточно древней, совсем не походя на тот полированный мрамор, которым только что накрыли останки герцога Бронгарского. На глубоко врезанных буквах латинской надписи, гласившей "ЙОРГЕЛ I ОСВОБОДИТЕЛЬ, КОРОЛЬ АЙРИНТИИ", не было никаких следов позолоты. Но в первую очередь Локхарт обратил внимание на то, что плита была слегка перекошена.

- Вот! - обличающе ткнул пальцем настоятель. - Даже плиту сдвинули! Хорошо еще, вообще не разбили!

- Подождите, - прервал его праведный гнев Локхарт. - Я не думаю, что это сделали погорельцы. Даже если они действительно здесь спали - не представляю себе, как надо ерзать, чтобы добиться такого эффекта.

- Кто же, по-вашему?

- Кто-то, кто пытался что-то здесь спрятать. Или, наоборот, оттуда достать. Рабочие, которые закрывали гробницу Бронгара, еще здесь? Позовите их, мы должны снять плиту.

- Что вы себе позволяете? - взвился настоятель. - Это священная реликвия!

- Вот и проверим, цела ли ваша реликвия. Эта ваша десница или что там должно быть внутри.

Упреждая дальнейшие возражения, по знаку полковника подошли солдаты, а затем привели рабочих с ломами. Тяжелую плиту со скрежетом сдвинули в сторону. Сразу несколько голов заинтересованно склонились над краем каменной ямы.

На дне ее действительно лежали какие-то кости, некогда, возможно, бывшие рукой, но сейчас разрозненные и разбросанные. Но на них никто не обратил внимания. Все взгляды устремились на лежавшее в гробнице скрюченное тело, которое уж точно не относилось к эпохе Йоргела, реальной или легендарной. Это был труп долговязого и тощего человека в белой (но уже не особо чистой) сутане, с козлиной бородкой и выпученными в агонии глазами на посиневшем лице. Левая его рука вцепилась в сутану на груди, правая все еще сжимала длинный железный лом. Рядом стоял подсвечник с оплывшими остатками толстой свечи.

- Пратерус! - воскликнул настоятель, похоже, еле удерживаясь от гневного плевка. - Мало ему было отлучения при жизни, так еще и смертью своей опоганил святое место...

- Не думаю, что это было его целью, - усмехнулся Локхарт. - Очевидно, он спрятался здесь, рассчитывая, что в столь священном месте его искать не будут, а потом не смог выбраться обратно. Скорее всего - не хватило сил сдвинуть плиту, на которую сверху улеглись погорельцы.

- И они даже не слышали, как он там ломом скребет? - удивился один из солдат. - Я бы, наверно, от страху помер, если б так прилег на могилу и услыхал, как покойник подо мной шебуршится!

- Когда эта толпа сюда ввалилась, тут такой гвалт стоял, - поморщился настоятель. - А

потом еще рабочие могилу для герцога долбить начали, так, небось, весь шум на их счет и относили.

Так или иначе, последний из главарей айзеншлосского мятежа был найден, и Локхарт, не имея больше причин задерживаться, решил покинуть город уже на следующее утро. Всю свою пехоту он решил оставить в Айзеншлоссе в качестве гарнизона и выехать только с конницей, дабы как можно скорее вернуться в Дракенхайм не только с вестью о победе (каковую уже отправили с голубем), но и с ее вещественными доказательствами в виде арестованных мятежников. Оставалось решить, кого именно взять с собой. Несмотря на мнение сотрудника Тайной Стражи, идея довериться всему отряду гвардейцев, в руках которых одновременно окажутся и он сам, и Краут, и самозванец, Локхарту не нравилась. Вместе с тем ограничиться эскортом из пары-тройки человек тоже было бы небезопасно, да и не удобно - все той же скорости ради он собирался ехать через Иммермур, а значит, нужно было брать побольше лошадей для прокладывания пути в снегу. В итоге Локхарт остановился на промежуточном варианте - в городе были реквизированы два больших крытых экипажа, каждый рассчитанный на четырех пассажиров, в один из которых усадили троих пленников в кандалах и караулящего их солдата, в другой - Вельо и еще двух здоровяков из тяжелой пехоты (пусть и уступавших ему габаритами, но втроем, в доспехах и с оружием, они все равно еле поместились в карету на четверых). Плюс еще одна грузовая подвода. Трое возничих - тоже солдаты. Плюс два рыцаря - сам Локхарт (который, конечно, не мог похвастать мастерством конного боя, но гвардейцы этого не знали) и Краут (его лейтенанты остались в Айзеншлосса - надежные офицеры требовались и там). И дюжина гвардейцев, причем каждый - с заводным конем в поводу; таковые бежали налегке также и за поставленными на полозья повозками.

Вечер и ночь не принесли больше никаких сюрпризов. Локхарт все еще ожидал, что таинственные люди, обещавшие сдать город Бронгару, как-то проявят себя, но этого так и не случилось. То ли это действительно была ловушка, подстроенная герцогу (что, впрочем, допрошенный лже-Арвик отрицал, клянясь, что ничего об этом не знает), то ли они опасались теперь обвинения в таковой, то ли просто не видели смысла махать кулаками после драки. Так что, как и планировал Локхарт, его небольшой отряд выехал в предутренних сумерках шестого февраля.

Погода не то чтобы баловала - небо хмурилось, иногда срывался мелкий снег - но и не создавала заметных проблем. Так что, регулярно меняя коней и двигаясь не только в светлое время суток, уже к исходу третьего дня они добрались до Дортинайна, где уже располагался новый королевский гарнизон (солдаты разглядывали самозванца, слух о котором, разумеется, уже успел распространиться, как некую забавную зверушку; некоторые готовы уже были тыкать в него палками, что Локхарт с возмущением пресек). Благодаря дороге, протоптанной этими солдатами в иммермурских снегах через надежно замерзшее болото, дальнейший путь оказался еще легче, и вечером десятого февраля, так и не встретив в пути никаких помех - и не дав Локхарту поводов беспокоиться по поводу верности бывших гвардейцев Брахентопфа - они уже въезжали в северные ворота Дракенхайма.

Впрочем, Локхарт не чувствовал в этот момент того триумфа, какой, казалось бы, должен был бы, учитывая полный успех его миссии. Возможно, в первую очередь из-за усталости после этой почти непрерывной скачки, где лошади по очереди сменяли друг друга, но люди лишь пересаживались с одной на другую - что изрядно вымотало даже привычных к конным переходам гвардейцев, не говоря уже о Локхарте, никогда еще в своей жизни не проводившем по столько часов в седле. Но дело было не только в этом. Он уходил во главе войска из тысячи человек, а возвращался лишь с маленьким отрядом. И хотя это были вовсе не все, кто остался после похода - бо́льшую часть своих бойцов он оставил в Айзеншлоссе, как и планировалось с самого начала - однако все же и понесенные под его командованием потери были велики. Треть всего отряда, куда больше, чем он ожидал, отправляясь "просто принять капитуляцию"... Мог ли

он - хорошо, он и Краут - избежать этих потерь? Если бы они с самого начала держали лучников вместе с остальной пехотой... но им важно было перекрыть все ворота, чтобы не дать самозванцу удрать. Хотя лже-Арвик, как теперь уже ясно, и не попытался бы, а все равно пошел бы в атаку вместе со своим горе-воинством. И вот получается, что эта ненужная перестраховка стоила жизни трем с половиной сотням его, Локхарта, бойцов. Членов его экипажа, за которых он отвечал. Более того, в бою - пусть даже его целью и не было непосредственно руководить сражением, а лишь не мешать Крауту - он оторвался от своих, чуть не подставил Вельо, которого рассчитывал держать в самом безопасном месте, и чуть не погиб по-глупому сам, спасенный в последний момент каким-то полудезертиром, которого в итоге пришлось чествовать, как героя Да, в результате удалось захватить самозванца живым, но это было, в общем, случайностью, а не его заслугой... Достоин ли такой результат обещанного ему баронства? Локхарт не сомневался, что все равно получит таковое - ведь весь поход затевался по сути ради этого, да и формальная победа, что ни говори, налицо - но сможет ли он сам счесть свою награду заслуженной?

Что ж - хотя бы Вельо, похоже, наконец перестал ворчать и радуется своему честно заслуженному капральскому званию так, как не радовался очередному титулу почетного профессора от очередного университета. Не повторил бы он только историю Шрамма - хотя с его-то интеллектом все в порядке. Но, как сказал кто-то из писателей прошлого, умный способен совершить такие глупости, до которых ни один дурак просто не додумается[81]...

Как-то там поживает де Сегюр? Вот о ком Локхарт не вспоминал, кажется, за все время похода - а стоило бы. В какие интриги мог влезть француз за этот месяц, оставшись совсем без командирского контроля? Остается надеяться только на мудрость Фабиаса, который не позволит своему протеже ничего чересчур рискованного - потому ли, что ценит его самого, или потому, что не захочет рикошетом подставлять и себя...

Зато я скоро увижусь с Элинор, подумал Локхарт, и это была единственная приятная мысль.

В Дракенхайме Локхарта уже ждали (хотя и не знали точного времени его прибытия) - голубиная почта, отправленная сперва из Айзеншлосса, а затем, для верности, из Дортинайна, благополучно достигла цели. Тоненькие листочки, вложенные в капсулы, содержали даже список имен сопровождавших полковника гвардейцев - мера предосторожности, которую он счел не лишней. Поэтому никаких заминок с передачей своих "подопечных" представителям Тайной Стражи не возникло. Передав командование над всеми прибывшими с ним военными (кроме Вельо) Крауту, Локхарт в сопровождении итальянца отправился во дворец. Ему казалось, что королева захочет видеть его немедленно, и он даже опасался, успеет ли привести себя в порядок - отмыться от запаха лошадиного пота и переодеться. Но, когда он вернулся в свои покои, от которых уже почти отвык за месяц походной жизни, то обнаружил на серебряном подносе под почтовой щелью записку, гласившую: "Рада вашему возвращению и буду еще более рада видеть вас сегодня за ужином. Пока отдыхайте, вы, полагаю, нуждаетесь в этом. Э."

На сей раз Локхарт не позволил себе заснуть в горячей ванне (хотя искушение смежить веки "на минутку" было очень велико), но, выбравшись из таковой, решил, что все же может позволить себе поспать пару часов (колокола собора как раз пробили семь, а Элинор обычно ужинала около девяти, хотя это и не было строгим правилом). Возможно, следовало бы все же сначала пообщаться с де Сегюром (которого полковник все еще не видел после возвращения, лишь получив короткий ответ от приготовившего ванную слуги, что граф "пребывает в добром здравии"), но Локхарт решил, что может отложить это на потом. Свечу на столике он оставил гореть, прикинув, что на два часа ее хватит с большим запасом - дабы не возиться потом с зажиганием света в темноте, что по теперешним временам было куда более сложной процедурой, чем послать мысленную команду или даже нажать кнопку.

---

[81]Автоцитата

Тем не менее, проснулся он в кромешной тьме. Неужели проспал? Даже после того, как он лишился нейроимплантов, Локхарт умел просыпаться не только по первому признаку тревоги, но и в заранее заданное себе время. А может, просто сквозняк задул свечу? Хотя он не помнил, чтобы в гостевых покоях дворца гуляли столь сильные сквозняки... Нашарив канделябр в темноте, он убедился, что от свечи и в самом деле остался лишь расплывшийся огарок. Вот же проклятье, он, похоже, позволил себе слишком расслабиться, вернувшись, наконец, домой - в место, которое он и впрямь уже считал домом... Кое-как набросив в темноте одежду, Локхарт нашарил сигнальный шнур и вызвал слугу. Тот, с канделябром в руке, появился спустя считаные мгновения, словно только и ждал за дверью.

- Который час? - хрипло спросил Локхарт.

- Без четверти полночь, сэр.

Вот же черт... Что теперь подумает... точнее, что уже думает о нем Элинор?!

- От королевы за мной не присылали?

- Да, сэр. Приходила ее камеристка.

- Почему вы меня не разбудили?!

- Она сказала, что ей не велено беспокоить вас, сэр. Велено ждать, пока вы не проснетесь.

- И где она сейчас? Все еще ждет?

- Да, сэр. Ждет перед входом в покои. Сообщить ей, что вы проснулись?

- Да, разумеется! И что я очень сожалею, что заставил столько ждать...

- Это ее работа, сэр, - заметил слуга неодобрительным тоном блюстителя субординации. - Она получает за это жалование.

- Я имею в виду - заставил ждать ее госпожу. Если меня все еще ждут, - "впрочем, и эту девушку тоже", сказал себе Локхарт. Похоже, он уже заражается предрассудками эпохи и начинает относиться к простолюдинам как к людям второго сорта, хотя и сам заделался дворянином совсем недавно. В прежней жизни он никогда не позволял себе относиться пренебрежительно к обслуживающему персоналу (когда это были люди, а не роботы, само собой). Притом, что в его мире обстоятельства рождения не так сильно влияли на судьбу, как здесь. Что было бы, если бы Марта родилась в семье Элинор, а Элинор - в семье Марты? Или, как в старых романтических легендах, произошла бы подмена в колыбели? Впрочем, нет, тут же возразил себе Локхарт. Каждая из них все равно осталась бы собой. Из тихой скромницы не вышло бы настоящей королевы, а Элинор не удовольствовалась бы ролью служанки. Собственно, наглядный пример того, что целеустремленную натуру не остановят никакие обстоятельства рождения и сословные перегородки - Виолетта. Хотя Локхарту очень не хотелось бы, чтобы Элинор даже и в гипотетической альтернативной реальности пробивалась наверх *такими* методами... Что там, кстати, поделывает сейчас Виолетта, интересно? Вот бы кто мог стать достойной парочкой де Сегюру, подумал вдруг Локхарт и даже фыркнул от этой мысли. А что, он настоящий граф старинного рода, пусть и не айринтийского, и к тому же, очевидно, не последний человек при Фабиасе - Виолетта вполне могла бы рассматривать его как подходящую партию. Правда, скорее всего, лишь временную - ее амбиции наверняка простираются выше...

Вернулся слуга:

- Камеристка пошла доложить ее величеству, что вы скоро будете. Зажечь здесь свечи, сэр?

- Да, разумеется.

Поспешно приведя себя в порядок перед зеркалом, Локхарт отправился по коридорам ночного дворца хорошо знакомым ему маршрутом.

"Шахматную" столовую, как всегда, озарял свет длинных тонких свечей - вероятно, прислуга заменила их совсем недавно. Элинор, погруженная в задумчивость, сидела над столом, уставленным блюдами под серебряными крышками. Когда Локхарт вошел, она подняла на него взгляд и улыбнулась, но не так радостно, как он надеялся. Полковник приписал это своему

опозданию.

- Мне очень неловко, - сказал он. - Я проспал самым безобразным образом, а прислуга не осмелилась меня разбудить...

- Они выполняли мое распоряжение, сэр Эрик, - возразила королева. - Вам нужно было отдохнуть, а то что это была бы за встреча друзей, если бы вы тут клевали носом, - она попыталась улыбнуться более беззаботно. - Я специально заказала блюда, которые можно есть холодными, так что на сей счет можете не волноваться. А я тем временем тоже, в общем, не теряла времени даром. Выслушала кое-какие доклады...

- О моей экспедиции? - "уж Краут, наверное, не дрых полдня", сообразил Локхарт.

- В том числе. Но готова послушать и ваш личный рассказ о ваших подвигах, - она опять улыбнулась.

- Да никаких подвигов, - откровенно ответил полковник. - Моих уж точно. Разве что Краута - поединок, в котором он одолел вражеского капитана. Наверное, здешние барды слагают песни как раз о таком. А в остальном - в чем-то повезло нам, в чем-то противнику, выскочившему на нас в самый неподходящий для нас момент... а итог вы знаете. Он в нашу пользу, но не с лучшим счетом.

- Я знаю, что вы чуть не погибли там, сэр Эрик, - сказала Элинор, уже не пытаясь изображать веселье. - Причем даже дважды. Я бы ни за что не послала вас, если бы знала, что так обернется. Я действительно думала, что это безопасная миссия.

- Кто-то должен был взять Айзеншлосс, - усмехнулся полковник.

- Краут бы справился и без вас.

- Я офицер, - рассердился вдруг Локхарт. - Риск - это часть моей работы. Я не могу сидеть, пришпиленный к... - "женской юбке", едва не вырвалось у него, но он вовремя подобрал менее грубый вариант: - ...дворцовому дивану.

- Офицеров у меня много, - ответила Элинор все так же печально. - А друзей мало.

- Да, - сдал назад Локхарт. - Мне... мне правда жаль, что вам пришлось волноваться из-за меня. Я сам прекрасно знаю, каково это - вместо того, чтобы в опасной ситуации действовать самому, сидеть и ждать вестей от других, зная, что от тебя уже ничего не зависит. Хотя другому, наверное, было бы лестно, что из-за него беспокоится сама королева. Но я бы предпочел, чтобы вы никогда...

- У всего есть обратная сторона, - мягко перебила Элинор. - Ценить можно лишь то, что боишься потерять.

- Надеюсь, у вас нет претензий к Крауту, что он не был не отходящей от меня нянькой. У него было куда более важное дело - руководить боем. В том, что я оторвался от своих, виноват исключительно я сам.

- И благодаря этому захватили лже-Арвика.

- Как я уже сказал - везение. Хотя, в общем-то, искал я действительно его... но умудрился не заметить, пока он не нашел меня сам.

- Как, кстати, ваше плечо?

- Все уже прошло.

- Вы закрыли щитом коня вместо себя, - снова улыбнулась Элинор. - Не думала, что такой холодный рационалист на это способен.

- Было бы совсем нерационально остаться без лошади во время боя, - проворчал Локхарт. - Собственно, потом я, как вы говорите, чуть не погиб как раз потому, что оказался пешим против конного...

- Помните, что я говорила вам, сэр Эрик? Не стоит стыдиться привязанности к тому, кто вам верен. Разум и чувства в этом случае не противоречат друг другу. Ваш конь ни разу не подвел вас, не так ли?

- Ну, в принципе... - пробормотал полковник. - Знаете, хороший пилот чувствует единство

с машиной. Особенно когда оно усилено нейроинтерфейсом, - он даже не стал пытаться объяснять непонятные слова, уже зная, что Элинор проигнорирует эту тему, но и воздерживаться от них тоже не стал, - но так было и прежде, в эпоху рычагов и педалей. И с конем я, наверное, теперь уже начал чувствовать то же самое - просто потому, что становлюсь лучшим наездником, чем раньше. Как будто мы - единое целое. И рефлекторное желание защитить его было таким же закономерным, как желание защитить себя. Или часть себя.

- Так бывает не только с конями.

- Кстати, а кто рассказал вам об этом? - Локхарт вспомнил, что не сообщал таких подробностей Крауту. - Неужели это из протокола допроса самозванца?

- Нет, при чем тут самозванец, - поморщилась Элинор. - Разбираться с его показаниями, конечно, придется, но это уже не сегодня. Ваш доктор Вельо расписал ваши подвиги во всех подробностях, ну и свои не забыл.

- Вы успели принять его лично? - удивился Локхарт и тут же понял, что ничего удивительного в этом нет. Отчего бы Элинор не расспросить обо всем Вельо, пока он, Локхарт, отсыпался? Ведь ей, конечно же, не терпелось узнать все детали. Тем паче что итальянец, проделавший весь путь на мягком сиденье экипажа, явно не вымотался так, как скакавшие верхом. А то, что Элинор, кажется, никогда прежде не удостаивала его персональной аудиенции, так не было повода...

- Да, конечно, - ответила королева. - И, признаюсь, удивлена, что вы до сих пор ничего не сказали о его заслугах. Он ведь не... приукрасил? Он действительно лично пленил самозванца и отбивался в одиночку от десятка врагов?

- По меньшей мере от дюжины. А возможно, их было даже было тринадцать или четырнадцать - признаюсь, не подсчитал их точно... Да, он действительно показал себя молодцом. Я-то думал, что для него это все просто игра в солдатики... Я уже произвел его в капралы. Хотя он, наверное, успел вам похвастать.

- Думаю, - заметила Элинор, - за подвиги в этом бою он достоин рыцарского титула. К сожалению, он не умеет ездить верхом, а рыцарь, способный лишь повесить свои шпоры на гвоздик, не будет восприниматься всерьез - кроме, конечно, случая, когда ездить в седле ему мешает боевая рана, но такого мы ведь ему не желаем... Я сказала ему, что ему следует учиться, но он пробурчал, что лощади вызывают у него больший страх, чем любые неприятельские солдаты. Ехать, мол, верхом на чем-то, что имеет свой собственный нрав и представление о том, что делать в следующий момент...

- Когда-то и я рассуждал так же, - признался Локхарт, - но, похоже, уже привык. Возможно, и он со временем...

- Пока что, во всяком случае, он предпочитает оставаться в пехоте со своей алебардой. Представьте, он даже дал ей имя - Франческа. Он вам не говорил? Вот ведь забавно - бояться живого и в то же время наделять чертами такового неживое... Вы ешьте, - напомнила Элинор. - Вы же, должно быть, ужасно проголодались. Вот тут пирог с сыром, тут - с мясом куропатки, тут заливная рыба, тут салаты...

- Да, - с энтузиазмом согласился Локхарт, придвигая к себе пирог с куропаткой. - А вы?

- Я, в общем-то, уже... Ну разве что пару фруктов за компанию, - улыбнулась она, беря из вазы большую желтую грушу.

"Интересно, откуда тут свежие фрукты в феврале, - подумал Локхарт. - Вряд ли из Тлукаляхана, тем паче что сейчас не сезон навигации. Теплицы, очевидно..."

- Торжественную церемонию по поводу освобождения Айзеншлосса проведем завтра, - сообщила Элинор, прожевав первый кусок груши. - Уличный парад, к сожалению, устраивать не из кого, раз почти все участники похода остались в Айзеншлоссе - что было, разумеется, правильно - так что ограничимся церемонией во дворце, хотя, конечно, глашатаи объявят на всех площадях... Основными героями будете вы, Краут... и Вельо тоже. Я все же пожалую ему личное

дворянство, хотя и без рыцарского титула. В принципе, это можно было сделать и раньше на основании его научных заслуг...

- Разве он проявил их здесь? - откликнулся Локхарт, жуя пирог.

- То-то и оно, что нет. Так что, видимо, получить дворянство за военные заслуги ему будет приятнее. Ну а остальные получат, что обещано - вы баронство, а Краут полковника.

- Барон Эрик Локхарт, - произнес он вслух тоном скорее ироническим, но тут же понял, что это уже не кажется ему смешным. Во всяком случае, его рыцарство перестало казаться ему чем-то несерьезным после того, как ему довелось сражаться в этом качестве, видеть вблизи чужую смерть и убивать самому - чего в прошлой жизни он, дослужившись до полковника, никогда не делал даже дистанционно (как это только и было возможно для офицера Военно-космических сил), а уж тем более - глядя в лицо противнику, чувствуя, как зажатый в руке меч пронзает его тело и видя, как вываливаются его кровавые внутренности. Нет, все это совсем не походило на некую костюмированную игру взрослых детей. И теперь Локхарт задал вопрос, которым даже не поинтересовался прежде: - Это будет баронство Доброй Воли? Или настоящее, с замком?

- Самое настоящее, - заверила его Элинор. - Ваши земли лежат к северу от Иммермура - ближе к столице, увы, все занято. А на севере после битвы за Дракенхайм освободилось немало поместий.

- Стало быть, мне достанутся земли какого-то убитого барона, - понял полковник. - Вместе с его вассалами, я так понимаю? Среди которых, наверное, были и преданные прежнему господину? А его семья? Они, очевидно, лишены прав наследства и изгнаны из родного дома, как родня мятежника. Что соответствует здешним законам, но не означает, что они не попытаются мстить...

- Это все романтические баллады, сэр Эрик, - покачала головой Элинор. - На практике в таких случаях все очень быстро принимают новую реальность. В любом случае, барон Памберкраст был последним в роду. Его вассалы, которых он привел под Дракенхайм, насколько мне известно, разделили его участь, а его единственный сын погиб одиннадцать лет назад в бою с гроггендорцами.

- Вот как, значит. Сын - герой, а отец - предатель.

- Очевидно, он не считал себя предателем, - пожала плечами королева. - Полагал, что защищает Айринтию от узурпаторши точно так же, как его сын защищал от внешнего врага. В любом случае, теперь это не имеет значения. Род пресекся, и он пресекся бы даже и без войны, раз уж барон к своим пятидесяти шести годам так и не породил нового наследника. Даже самому рафинированному чистоплюю не в чем вас обвинить. Я подумала об этом, сэр Эрик. У вас есть и будут враги, это неизбежная участь всякого заметного человека. Но я совершенно не хочу умножать их число без необходимости.

- Кстати, как поживает граф Райнбальд? Он тоже будет на завтрашней церемонии?

- Конечно. Ведь, формально говоря, это и его победа, коль скоро она одержана королевской армией, находящейся под его руководством.

- Коего мы как-то не заметили, - ядовито усмехнулся Локхарт. - Но свою награду он тоже получит?

- Личную благодарность от королевы, не более. Небольшое утешение за вынужденное бездействие.

- Он провел в Дракенхайме весь этот месяц?

- Как мы и планировали.

Это "мы" вместо "я" польстило Локхарту, хотя он и помнил, что это был план исключительно самой Элинор.

- А теперь, очевидно, тем более останется здесь? - эта мысль уже не доставляла ему удовольствия. - Раз уж войне конец.

Элинор молча доела грушу и лишь потом негромко сказала:

- Похоже, не конец, сэр Эрик. Арвик снова объявился на севере.

Только теперь Локхарт понял, почему Элинор была совсем не такой веселой при встрече, как он надеялся.

- Да сколько же у него жизней?! - воскликнул он с раздражением, а затем предпочел уточнить: - Вы уверены, что это он? Возможно, это просто слухи об айзеншлосском самозванце. Сведения запаздывают и искажаются, вы же знаете.

- Еще вчера мы тоже так думали. "Народный король", решивший опереться не на предавших его аристократов - которые после дракенхаймского разгрома и впрямь не рвутся его поддерживать, да и не так много их на севере осталось - а на простой люд...

- Ну да! Это и есть, то есть была, программа самозванца!

- Есть второй, разыгрывающий ту же карту. За последние сутки получены доклады, не оставляющие сомнения, что это другой человек. Он действует севернее Айзеншлосса, пытаясь взбунтовать жителей сел и маленьких городков.

- И каковы его успехи? - усмехнулся Локхарт.

- Пока не очень. Объективно говоря, у айринтийских простолюдинов нет причин для бунта. Мой отец, при всей своей суровости, старался блюсти баланс интересов всех сословий, а к простому народу даже скорее благоволил, видя в нем противовес амбициям крупных феодалов - обуздание которых, собственно, и является главной проблемой уже не первого поколения айринтийских королей, во всяком случае, во внутренней политике. А моего деда и вовсе прозвали Добрым...

- Боюсь, что так далеко народная память не простирается, - невесело заметил полковник.

- Но с другой стороны, - продолжала Элинор, - внешнеполитическая ситуация требует все больших расходов. В экономическом плане новые территории означали для нас одни убытки. Сплошные траты на строительство укреплений и усиление армии, что, естественно, означало увеличение податей. И, главное, всех этих денег все равно недостаточно. Рытье канала так и бросили на середине, крепости хотя и строятся, но слишком медленно. То есть и проблема не решена, и повод для недовольства "поборами" создан. Причем предложи этой же публике: "Ах, вы не хотите содержать эти земли - ну тогда давайте отдадим их Гроггендору!" - и она же заголосит о предательстве. В ее представлении, раз наша территория расширилась - мы должны жить богаче. Если у крестьянина было четыре акра земли, а стало пять, разве он может в результате обеднеть?

- Да уж, - вздохнул Локхарт. - В моем мире тоже хватало таких любителей "простой житейской логики". Только у нас они еще и имели право голоса при выборе главы государства.

- В общем, объективных причин для бунта нет, но субъективные раздуть можно. Но пока - по крайней мере, по той информации, что у нас есть на данный момент - сделать это не удается. Скорее всего, потому, что Арвику тоже нужны были деньги на свою войну, и он старался содрать их с тех самых территорий, на которых теперь ищет народной поддержки. И сообразить, что продолжение войны означает новые поборы, способны даже самые тупые крестьяне.

- А почему вы все же так уверены, что это Арвик, а не очередной самозванец? Прошлый был капралом, а этот, небось, вообще рядовой. Или никогда не служивший в армии.

- Потому что при нем обретается ваш старый знакомый Дармонт, - мрачно произнесла Элинор и добавила: - Это известие поступило сегодня вечером.

"Пока я спал, значит", - подумал Локхарт, а вслух настойчиво спросил:

- Насколько вы уверены в источнике информации?

- Видите ли, у Дармонта было несколько преувеличенное представление о задачах и полномочиях военной гвардии... и его самого лично, - недобро усмехнулась Элинор. - Он, по всей видимости, мечтал превратить ее в структуру, соединяющую функции Тайной Стражи и

элитной военной организации, гораздо более централизованную и самостоятельную, чем сейчас, а себя видел во главе этой структуры. Вероятнее всего, именно это и обещал ему Арвик... которого в этом смысле тоже можно понять. Когда Тайная Стража безоговорочно поддержала волю моего отца, выраженную в его завещании, Арвику волей-неволей понадобилась альтернативная структура. Но Дармонт начинал все это намного раньше, задолго до смерти короля. Пытался распространить свое влияние за пределы той части, которой командовал лично. Добивался перевода своих людей в другие части, что, вообще говоря, в гвардии большая редкость - обычно там на таких чужаков смотрят косо, полагая, что что-то с ними нечисто, раз они вынуждены были покинуть "родную" часть.

- Мне говорили, что у каждой гвардейской части свой стиль и традиции, - кивнул Локхарт.

- Вот-вот. Тем не менее, несколько таких переводов состоялось. И вот к одному из таких своих агентов Дармонт обратился за помощью теперь - надеясь, что он приведет под знамена Арвика еще и своих сослуживцев. В начале войны эта часть условно присягнула Арвику, но так и не двинулась с места. Мы считали ее "желтой" и даже не знали об этой присяге... и, в общем, готовы делать вид, что не знаем до сих пор. И если они не рвались в бой за Арвика даже тогда, когда у него были шансы, то тем более не захотели впрягаться за проигравшего и погубившего все свое войско теперь. Во всяком случае, тот человек, "агент", точно не захотел. И отправил нам подробное донесение о поступившем предложении.

- Но арестовать Дармонта не попытался?

- Дармонт не такой дурак, чтобы явиться к нему лично. В послании своему "агенту" он употребил условные слова, не оставляющие сомнения в его авторстве - и в том, что текст написан им по собственной воле и означает именно то, что означает - однако само послание было доставлено неким лысым коротышкой, уж точно не похожим на гвардейца... который, однако, оказался далеко не столь комичен, как могло показаться по его внешности. За ним попытались проследить в надежде выйти на Дармонта... но увы, живыми этих следивших больше не видели.

- То есть Дармонт знает, что его предали.

- Теперь уже, очевидно, да. Это было восемь дней назад. Хотя сюда рапорт с севера дошел только сегодня.

- И все же настоящий Дармонт еще не означает настоящего Арвика, - упрямо возразил Локхарт. - Может же быть такое, что он поддерживает очередного самозванца просто от отчаяния? Ведь при королеве Элинор ему остается лишь одна дорога - на плаху?

- Вам лучше знать, может быть или нет, - усмехнулась Элинор. - Это вы в свое время общались с ним лично, а я сужу только по досье Корнелиуса...

- Не знаю, - медленно произнес Локхарт. - Это был всего один разговор, а я не Якобсон и даже не Крамп. Но мне Дармонт показался... если не лоялистом, то, во всяком случае, человеком с принципами. Для которого есть вещи важнее собственной шкуры, и есть границы, которых он не переступит хотя бы из уважения к себе. Но я, разумеется, могу заблуждаться.

- Корнелиус, в общем, того же мнения. Дармонт не стал бы участвовать в балаганном мятеже какого-то безродного мошенника. Так что лучше всего исходить из того, что это все-таки настоящий Арвик, который каким-то образом выжил в бурном море. Если окажется, что это не так - тем лучше, но скорее всего это так.

- М-да, - только и изрек Локхарт. - Почему вы не сказали мне об этом сразу?

- Не хотела портить вам аппетит, - невесело улыбнулась Элинор. - И завтрашнюю церемонию тоже. Пока что в Дракенхайме об Арвике никто не знает... кроме тех, конечно, кто должен знать о таких вещах. Но далеко не все их подчиненные. Официально мы, конечно, и дальше не будем признавать его Арвиком... теперь уже даже и графом Дункельтом. Теперь он просто "человек, называющий себя Арвиком", некий неизвестный мятежник без имени и титула,

которого, теоретически, в случае захвата можно просто повесить, как простого разбойника.

- Вы бы это сделали?

- Не вижу, почему я должна церемониться с тем, кто сам называет меня не иначе как узурпаторшей, - холодно ответила Элинор. - И кто точно не стал бы заботиться о моем достоинстве, попади я ему в руки. Впрочем, я готова оказать последнюю милость моему любезному братцу, казнив его, как дворянина, а не как бродягу, - Элинор недобро усмехнулась и пояснила свою мысль: - Вы ведь понимаете, если мы повесим его как очередного самозванца, это не защитит нас от появления новых. Поэтому Арвик должен быть осужден и казнен при максимальном числе свидетелей и максимально убедительных доказательствах, что это действительно он. Что тема "чудом спасшегося принца Арвика" закрыта навсегда. Но это признание он получит лишь после того, как окажется в наших руках. До этого - я даже сомневаюсь, что стоит снова объявлять за него награду, дабы не показывать, что мы ошиблись в прошлый раз и теперь и впрямь воспринимаем его всерьез. Ну разве что - как за обычного атамана разбойничьей шайки, не более чем.

- А хорошие новости есть? Вы сказали, что пока его мятеж развивается не особенно успешно. И что там с частями и гарнизонами на севере? Вы говорили, что, пока я разбираюсь с Айзеншлоссом, ими займутся другие люди.

- Занимаются, - кивнула Элинор. - Над некоторыми мы уже восстановили контроль. Активного сопротивления пока что не встретили. Самая хорошая новость - Бургхельм заверил меня в своей полной лояльности. То есть королевские войска на севере в целом, видимо, на нашей стороне. Проблему, как и прежде, составляют военные гвардейцы, в свое время первыми поддержавшие Арвика. Но похоже, что сейчас даже они занимают выжидательную позицию.

- Тогда я не понимаю, какие у него, собственно, шансы. Если за ним не идут ни кадровая армия, ни аристократы, ни простонародье.

- Наши сведения уже устарели на несколько дней, а в гражданской войне ситуация может меняться очень быстро. Достаточно весам хотя бы на миг качнуться в другую сторону... достаточно даже создать *впечатление*, будто это произошло... а дальше может возникнуть эффект снежного кома.

- Положительной обратной связи, - кивнул Локхарт, предпочитавший все же научные термины метафорам. - В принципе, действительно, в истории бывали прецеденты, когда претендент высаживался где-нибудь на дальнем берегу с кучкой сторонников, а потом с триумфом доходил до столицы... - "Сто дней Наполеона - самый известный", подумал он про себя. Хотя де Сегюр наверняка с ходу назвал бы еще с десяток примеров.

- Я не думаю, что у него хватит сил снова дойти до Дракенхайма, - покачала головой Элинор. - Сейчас, во всяком случае, он движется в обратном направлении - все дальше на север. Надеясь, видимо, что чем дальше от меня, тем легче ему будет вербовать сторонников. Но большое кровопролитие под носом у Гроггендора - это последнее, что нам сейчас нужно. Не только потому, что нет ничего глупее, чем губить своих солдат в междоусобице перед лицом внешнего врага. Но и потому, что любую эскалацию у своих границ - даже просто переброску туда дополнительных сил! - Гроггендор может интерпретировать, как "провокацию" и предлог для вторжения. Вы ведь помните, они уже предъявляли нам подобные ноты, а с тех пор отношения между странами только ухудшились. Император до сих пор не только не прислал нового посла, но и не ответил на мое письмо. Конечно, состояние зимних дорог тормозит любую коммуникацию с Ингварштадом, но боюсь, что дело тут не только в дорогах.

- Так что, новый коннетабль все же не отправится на север? Или проблема пока что просто не его масштаба?

- Хотелось бы верить, что не его. Идеально было бы, если бы Бургхельм решил ее своими силами, не привлекая дополнительные войска с юга и не ослабляя в то же время оборону северных рубежей. Но получится ли?

Локхарту очень хотелось заверить ее, что получится. Но он понимал, что она слишком умна, чтобы верить ничем не подтвержденным словам лишь потому, что в них хочется верить.

На следующий день состоялась обещанная торжественная церемония во дворце. Королева устроила большой прием в честь освободителей Айзеншлосса, куда были приглашены представители всех сословий, дабы чествовать виновников торжества. В принципе, пожалование титулов вовсе не требовало ни публичных ритуалов, ни личных аудиенций и могло ограничиться лишь присылкой награждаемому королевской грамоты - однако в данном случае все три грамоты (баронская Локхарта, дворянская Вельо и полковничья Краута) были оглашены в большой тронной зале перед тремя сотнями свидетелей лично королевским герольдом. Затем прочитана была сочиненная за ночь придворным бардом ода - "Всмотритесь в доблестные лица тех, что, присягой дорожа, первопрестольную столицу спасли из пасти мятежа" и т.д. и т.п. Локхарт, слушая это, едва не морщился - он не любил пафос, хотя и понимал, что королева велела написать эти стихи не для того, чтобы польстить ему лично, а чтобы укрепить его репутацию в здешнем обществе. Зато Вельо, получивший, наконец, желанное внимание и признание, так и цвел, совершенно, кажется, позабыв о своем былом презрении к "этим варварам". Нет, он расценил бы как оскорбительную подачку любые почести, оказанные из милости или по протекции - но сейчас он чувствовал, что полностью заслужил свою награду в настоящем бою с настоящими врагами, и прямо раздувался от гордости. Вообще, поскольку из всех участников боя присутствовали лишь трое, могло сложиться впечатление, что именно они втроем и выиграли все сражение. Что, в общем-то, было не лишено оснований, учитывая, что именно благодаря им был захвачен самозванец и сражен Брахентопф. Но все же в своем ответном слове Локхарт счел нужным напомнить о почти трех с половиной сотнях погибших - "героях, оставшихся безымянными, хотя они рисковали не меньше, чем мы, а отдали гораздо больше". Публика, следуя его призыву, вежливо помолчала полминуты, после чего торжества продолжились, как всегда в таких случаях. Королева обратилась с обещанной благодарственной речью к Райнбальду, в которой, впрочем, не столько благодарила за уже имеющиеся успехи, сколько выражала уверенность в дальнейшем укреплении под его руководством королевской армии, которая "сумеет дать отпор любому, кто покусится на мир и спокойствие Айринтии". Райнбальд выслушал это с непроницаемым видом и в своем ответном слове, отпустив несколько комплиментов королеве, умудрился ни разу не упомянуть собственно виновников торжества. Понятно, что упоминать он не хотел именно Локхарта, а других проигнорировал, что называется, за компанию - иное было бы слишком уж нарочито. Локхарт, впрочем, иного от него и не ожидал.

По окончании официально-торжественной части королева, еще раз одарив всех благосклонным взглядом, величественно покинула залу, но празднование на этом не закончилось, перейдя в нечто вроде фуршета. Гости, до этого выстроенные правильными рядами вдоль прохода от дверей к трону согласно сословной иерархии и служебно-цеховой принадлежности, теперь смешались друг с другом; по зале двинулись лакеи с подносами, разнося легкие закуски и напитки. К виновникам торжества, и в первую очередь - к новоиспеченному барону Локхарту, тут же выстроилась целые очереди незнакомых вельмож, жаждущих лично засвидетельствовать свое восхищение героями. Локхарт отвечал короткими дежурными фразами на их слова, истинную цену которым, конечно, прекрасно понимал - если раньше о его статусе королевского фаворита лишь шептались, не зная, насколько таковой прочен, то теперь этот статус подтвержден официально баронским титулом (то есть возведением в пэры[82], как успел просветить его де Сегюр), а формальный повод этого возведения не столь уж

[82]В английской традиции, которой следует Айринтия, пэры - все титулованное дворянство от герцога до барона включительно. Именно пэры (и только они) считаются лордами и, соответственно, имеют обращение "мой лорд". Не путать с французскими пэрами - представителями высшей знати и духовенства, коих в монархической Франции было всего 12 человек (примерный аналог германских курфюрстов).

важен. Полковник почти не смотрел на всех этих желающих свести с ним знакомство и не старался запоминать называемые ему имена, предпочитая поглядывать по сторонам. От его внимания не укрылось, например, что Райнбальд покинул залу сразу за королевой (хотя и не вместе с ней) - что тоже было ожидаемо. Локхарт невольно поискал глазами Виолетту, но не нашел ее - впрочем, на чествование военных героев были пригашены в основном мужчины, а дамы если и присутствовали, то только в качестве их спутниц. Де Сегюр также получил приглашение (хотя, разумеется, не имел никакого отношения к айзеншлосскому походу - но не позвать его на чествование его товарищей означало бы явно выразить ему королевскую немилость, для чего у Элинор не было никаких оснований), но скромно держался в сторонке. Локхарт, впрочем, уже успел переговорить с ним с утра, но не узнал от него ничего принципиально важного о событиях в Дракенхайме за последний месяц - ну разве только что ухаживания Райнбальда за Элинор ни для кого уже, кажется, при дворе не тайна, в то время как королева придерживается с ним традиционного женского стиля "ни да, ни нет". Что, впрочем, тоже не было для Локхарта ни новым, ни неожиданным; он прекрасно знал истинные мотивы Элинор и ничуть не сомневался в искренности ее слов. Со своей законной супругой Райнбальд до сих пор не развелся - возможно, не будучи уверенным в своих перспективах, но скорее всего - просто дожидаясь, пока будут улажены все юридические формальности, связанные с вступлением урожденной Фельзенбург в права наследства.

Наконец поток желавших лично засвидетельствовать свое почтение "освободителю Айзеншлосса" иссяк, и Локхарт, взяв у лакея бокал с чем-то вроде лимонада, принялся обдумывать, удобно ли удалиться прямо сейчас или приличия требуют пробыть еще какое-то время. Вельо, как он заметил, оживленно беседовал сразу с двумя девицами, приходившимися ему по грудь - судя по внешности, сестрами, а судя по одежде - дочерьми кого-то из придворных - имея, впрочем, при этом вид (в том числе и благодаря различию в габаритах) не кавалера, любезничающего с дамами, а добродушного учителя, что-то рассказывающего юным ученицам. Краут тоже еще с кем-то беседовал - судя по костюму, не с дворянином, скорее всего, со старшиной какого-нибудь ремесленного цеха (Локхарт уже научился различать такие детали), который был старше новоиспеченного полковника лет на десять, но у Локхарта мелькнула мысль, что, возможно, некогда тот был солдатом и служил под началом Краута. Де Сегюр стоял в одиночестве в дальнем углу (похоже, никому здесь не интересный), озирая оттуда залу с задумчивым видом. У Локхарта на миг мелькнуло даже нечто вроде жалости к нему, но он тут же сообразил, сколь неуместно это чувство - вот уж кто точно нуждался в восхищении толпы и вообще публичном внимании не больше, чем посетитель зоопарка - в восторгах обитателей клеток. Все же Локхарт решил подойти и заговорить с ним и даже сделал пару шагов в его сторону, но тут услышал сбоку:

- Сэр?

Локхарт обернулся. К нему обращался юноша, почти мальчик - вероятно, самый молодой из всех гостей, включая даже собеседниц Вельо, но при этом одетый, как представитель богатого и знатного рода - в темно-лиловый бархатный жакет с буфами и пышными кружевными воротником и манжетами, расшитый золотом и застегнутый на аметистовые пуговицы, снежно-белые шоссы и красные длинноносые туфли из мягкой кожи.

- Позвольте выразить вам, сэр... - начал юноша, но смешался, запутался (у Локхарта даже мелькнула мысль, что он сейчас покраснеет), а затем начал заново: - Я только хотел сказать, сэр, что вы - человек чести, и это сразу видно.

- Благодарю, - коротко кивнул Локхарт, намереваясь продолжить свой путь, но юноша не отставал:

- Ваша речь, сэр. То, как вы заставили всех этих расфуфыренных придворных почтить память простых солдат. Никому из них, включая моего отца, даже не пришло бы это в голову.

- Это самое малое, что я мог сделать.

- И то, что вы сделали для Вельо. Он ведь тоже был простым солдатом, так? Другой бы на вашем месте присвоил все его заслуги себе и остался бы в хрониках единственным победителем самозванца. А своему подчиненному в лучшем случае дал бы батцен на пропой и еще считал бы, что проявил щедрость.

"Ну, Вельо, конечно, не простой солдат, - подумал полковник, - но, разумеется, будь на его месте обычный солдат из этого мира, я поступил бы так же."

- До меня доходили дурные слухи о вас, сэр... - продолжал юноша.

- Вот как? - Локхарт иронично приподнял бровь.

- ...но я вижу, что это лишь вздорные измышления низких и завистливых людей, которые судят о других по себе. Ее величество не могла... удостоить своим расположением недостойного человека. Прошу простить меня, сэр, что думал о вас плохо.

- Нет проблем, - ответил Локхарт, хотя, наверное, это прозвучало не совсем по-баронски.

- И прошу вас передать ее величеству... впрочем, нет, забудьте. Честь имею, сэр, - юноша коротко поклонился и поспешно зашагал прочь. Локхарт продолжил путь в прежнем направлении и вскоре подошел к де Сегюру.

- Скучаете, граф?

- Умному человеку никогда не бывает скучно, - ответил тот, - особенно в одиночестве.

- Тонко, - оценил Локхарт.

- Я не имел в виду ваше общество, - тут же добавил дипломат. - Кстати, поздравляю, барон. И, надеюсь, вы понимаете, что я говорю без малейшей иронии. Теперь это ваш официальный и вполне заслуженный титул.

- Какое-то время мне придется к нему привыкать, - усмехнулся полковник. - Именно потому, что он настоящий. С замком и всем прочим. Для астронавта это все-таки довольно необычно.

- Привыкнете, - заверил де Сегюр. - Как уже привыкли к этой одежде и латам вместо скафандра. Кстати, как вам юный Хагентрауб?

- Так это он и был? - сообразил Локхарт. - Рауль Хагентрауб? Не думал, что его тоже пригласят.

- Почему же нет? Он - почетный гость королевы и представитель самого могущественного из домов Айринтии - после Йоргелингов, разумеется.

- Он даже не назвал своего имени... Весьма, гм, непосредственный молодой человек.

- Или умело изображающий непосредственность, - в тон ему ответил де Сегюр.

- Да бросьте, - поморщился полковник - Ему всего шестнадцать лет.

- Ильзе было четырнадцать, - напомнил дипломат. - Да и сама ее королевское величество не так уж сильно старше.

- Так вы думаете, - понял Локхарт, - что отец заслал его сюда специально? То есть что это был не откуп, а приманка, которую Элинор не могла не заглотить?

- Вы сказали, - невозмутимо ответил француз, словно цитируя Евангелие.

- Но - чтобы что? Что он может сделать? Вряд ли даже отправлять какие-то донесения. За ним, насколько я понимаю, постоянно следят.

- В какой-то момент могут и не уследить, - пожал плечами де Сегюр. - Так или иначе, Хагентрауб избавился от необходимости ехать на заклание и одновременно получил своего агента при дворе, а это дорогого стоит.

- Вот именно - дорогого! Хагентрауб не может так рисковать, подставляя его. Я даже не говорю про отцовские чувства и все такое, но мальчик - его единственный наследник. Будущее всего рода.

- То, ради чего он сюда заслан, совсем не обязательно подразумевает риск его жизнью. Хотя, в общем-то, кто не рискует, тот не становится самым могущественным домом королевства. Не становится даже бароном, не так ли?

- По-моему, это просто ваша паранойя, - поморщился Локхарт.

- Профессиональная оптимизация, как выражался покойный Якобсон. Но кто предупрежден, тот вооружен, не так ли, командир? Мое дело - анализировать и докладывать мои выводы. Решения принимать не мне.

После трех недель скитаний по землям северной Айринтии в тщетных попытках сколотить "народную армию" Арвик, наконец, потерял терпение. В теории идея опереться на простолюдинов вместо аристократов выглядела блестящим стратегическим решением, предоставляющим ему новый, неожиданный для его врагов и почти неограниченный ресурс. На практике эта тупая чернь попросту не желала идти за ним. Если ему и удавалось собрать несколько десятков человек где-нибудь на площади перед кабаком - или в самом кабаке - и некоторые из них даже кивали сочувственно в ответ на его обличения кровопийцы Фабиаса, отравившего короля Гумбольдта и подделавшего завещание, и его марионетки-узурпаторши, казнившей защитника Айринтии Гартхарда, чтобы продать страну гроггендорцам - то после его пламенного призыва вступать в армию законного принца вся эта толпа разбредалась. Причем одинаково неуспешной оказывалась агитация что от первого лица, что от третьего (когда Арвик не говорил прямо, что он-то и есть принц Арвик, хотя и не отрицал этого) Вероятно, где-то его принимали за посланца айзеншлосского "короля", слухи о котором уже успели распространиться, где-то просто за мошенника, но главными причинами отсутствия энтузиазма были даже не недоверие и не опасение новых поборов в случае продолжение войны (если не для самих рекрутов, то для их остающихся дома семей). Во-первых, все, кто хотели сменить мирную жизнь обывателя на рискованную карьеру солдата, уже давно могли это сделать и так, причем не рискуя попасть под обвинение в измене (и, соответственно, так и поступили, записавшись кто в королевскую, кто в частные армии). Во-вторых, Арвик уже проводил массовый набор необученных простолюдинов в свою армию всего несколько месяцев назад - именно их он и скормил Бронгару, заманивая того на север. И хотя этих бедолаг набирали не в этих краях, а в землях южнее Айзеншлосса, слухи об их участи, разумеется, дошли уже и дальше на север. Наконец, пыл потенциальных искателей приключений в буквальном смысле охлаждала погода. Летом, возможно, обещания будущих наград, трофеев и титулов, щедро раздаваемые Арвиком, встретили бы больше интереса, но зимой абсолютное большинство предпочитало греться у камина, а не маршировать на морозе по снегу. Отдельные добровольцы - явно не имевшие ни малейшего боевого опыта - все же находились, но большинство из них дезертировало уже через несколько дней. Причем они имели обыкновение исчезать вместе с выданным им оружием (то были мечи, наскоро скованные деревенскими кузнецами - не лучшего качества, но все-таки мечи, оплаченные за счет остатков золота Юфтлинга и продажи оставшегося от него имущества, включая карету). Наконец, устав ждать, пока наберется "народная армия" достаточной численности, чтобы привлекать на его сторону и профессиональных солдат, Арвик повел свой едва насчитывавший три дюжины отряд к крепости Виденфрахт, где был расквартирован Седьмой гвардейский дивизион, который Дармонт рассчитывал привлечь на их сторону. Однако и эта надежда потерпела полный крах - высланный вперед Белый едва унес оттуда ноги, а принцу и его людям пришлось срочно менять планы и направление движения. Арвик целый день гнал своих необученных рекрутов в максимальном темпе прочь от "предательского" Виденфрахта (лошади были только у Арвика, Дармонта и у ранее "реквизировавших" их "поросят") - и в результате половину их растерял по дороге. Лишь уже ночью поредевший отряд добрался до большого села Фрогфорд, где расположился на ночлег в трактире. Арвик надеялся, что отставшие в пути еще подтянутся до утра.

Утренняя поверка, однако, принесла ему очередное жестокое разочарование. За ночь не только не прибыл никто из отставших (быть может, кто-то из них и замерз в пути, но большинство, скорее всего, просто сочло за благо более не участвовать в этой авантюре), но и

дезертировало еще шестеро - так что все войско Арвика теперь насчитывало лишь двенадцать человек, включая Дармонта и "поросят" и не включая его самого.

И вот тут уже Арвик окончательно потерял терпение. Он в любом случае собирался утром выступить с речью перед селянами, как делал и в предыдущие дни - вот только теперь характер этого выступления изменился.

Для начала он велел своим людям собрать на площади перед трактиром всех мужчин села. Двенадцати его подчиненным, не все из которых даже были вооружены, удалось без большого труда согнать толпу из более чем двухсот человек, большинство из которых, впрочем, подчинились скорее из любопытства по поводу обещанного им "важного обращения высокого лорда", нежели из страха. Категорически идти отказались лишь обитатели двух домов - и их оставили в покое, но тут же выяснили у соседей их имена. У поселян спрашивали также о сбежавших ночью дезертирах, но никто не признался, что видел их.

На сей раз Арвик не стал долго распинаться на политические темы. Он объявил, что проводит срочный набор в свою армию, и первые десять вступивших сразу же получат по гульдену, а следующие - по батцену (до этого никаких авансовых выплат - как и каких-либо вообще - никто из рекрутов не получал, и не только в силу их ненадежности - прежде всего, у Арвика не было на это денег). Теперь же всем сомневающимся был продемонстрирован полный монетами ларец, и между поселянами возникла даже небольшая драка за право войти в первую десятку - а когда счастливые обладатели гульденов поступили под командование Дармонта, выстроилась очередь и за батценами (или их эквивалентами в медных монетах), причем на всех желающих денег не хватило. Арвик, с усмешкой наблюдавший за этим, скрестив руки на груди, не питал особых иллюзий относительно этого взрыва патриотизма, оплаченного не громкими речами и посулами, а звонкой монетой; он знал, что у многих добровольцев на уме - получив деньги, сбежать при первой возможности и спокойно вернуться домой, исходя из того, что у создаваемого отряда будут более важные задачи, чем гоняться за ними Зато они не знали, что на уме у него.

Когда довольные рекруты попрятали свои монеты и получили оружие (мечей хватило только на троих, остальные получили кто нож, кто топор, а большинство - простые деревянные дубины), Арвик объявил всем прочим, что опустевший ларец - никоим образом не беда, денег хватит на всех - ибо все имущество изменников, саботажников, уклонистов и укрывателей дезертиров подлежит конфискации, а любое сопротивление законному наследнику и его армии будет пресекаться самым беспощадным образом. На этих словах Бурый вынес большой ларь - намного крупнее того, откуда извлекались деньги доселе. Поселяне вытянули шеи, ожидая увидеть намного большее количество монет - но Бурый, торжественно откинув крышку, продемонстрировал обалдело охнувшей толпе отрезанные головы трактирщика и двух его слуг. Именно трактирщику принадлежал ларец с уже розданными деньгами, и именно за нежелание расстаться с ними (официально - за "помощь бежавшим ночью дезертирам") он и его люди лишились жизни.

Все добровольцы, таким образом, автоматически оказывались соучастниками убийства; они могли бы, конечно, просто вернуть деньги, но их цепкая крестьянская натура рефлекторно противилась этой идее (тем паче что трактирщик все равно был уже мертв и вернуть деньги они могли только его убийцам, так что "чего уж теперь-то"), а кроме того, это означало самим попасть под обвинение в дезертирстве. Их было вчетверо больше, чем людей Арвика, но каждый думал, что если на попятную пойдет он, то остальные его не поддержат. Не давая им опомниться, Арвик объявил, что дезертиры по-прежнему прячутся в селе, и он знает, где их укрывают - назвав те самые два дома, мужчины из которых отказались идти на площадь. Дома были, кстати, зажиточные (чем в немалой степени и объяснялось отсутствие у их хозяев интереса к авантюрам), и толпа, которой было обещано все имущество "изменников", повалила туда.

Когда рекруты вломились к людям, еще недавно бывшим их добрыми соседями, переворачивая все вверх дном, то действительно обнаружили троих дезертиров, прятавшихся в амбаре, причем, похоже, даже без ведома хозяев. Но последнее обстоятельство никого не волновало, и менее всего оно волновало Арвика, который приказал немедленно повесить и дезертиров, и якобы укрывавшую их семью (старика с женой и двух его сыновей). Вторая непокорная семья также была перебита при попытке оказать сопротивление погромщикам (не пощадили и ребенка, который бросился с ножом на врагов, защищая свою мать, но тут же рухнул с проломленным дубиной черепом). Пока шел погром и грабеж, Арвик, гарцуя на коне (тоже украденном, только раньше), выкрикивал, что так будет с каждым, кто посмеет не повиноваться законному наследнику престола и его армии. Теперь уже "изменником" провозглашался каждый, кто отказывается присоединиться к его воинству. Большинство фрогфордцев к этому времени еще не записались в рекруты, но выбор у них был невелик - или записаться и присоединиться к грабежу и дележу добычи, или стать теми, кого грабят. То есть был, конечно, и третий вариант - дать отпор "реквизиторам", пока еще заметно уступавшим численно и плохо вооруженным (притом, что и у каждого селянина дома нашелся бы как минимум топор и нож, а у охотников и луки), но такой отпор должен был кто-то организовать, а на это не было ни времени, ни, главное, психологической готовности. Всякий думал лишь о собственном доме и хозяйстве. Организация и напор были на другой стороне, где было кому командовать и брать на себя всю ответственность. Арвик верно рассчитал, что поселяне, взявшие сперва деньги убитого трактирщика, а затем и "укрывателей дезертиров" (еще троих беглецов, кстати, так и не нашли - видимо, они предпочли убраться из селения еще до рассвета), теперь уже не остановятся, получив карт-бланш на "реквизиции" и у прочих своих соседей, посмевших оказать сопротивление, и что чем больше будет пострадавших, тем скорее и охотнее будут присоединяться к "победителям" остальные. Кое-кто под шумок решил свести старые счеты, громко выкрикивая обвинения в адрес тех, с кем находился в давней ссоре или кому просто завидовал. Сопротивление вызывало лишь еще большее ожесточение; не прошло много времени, прежде чем в одном из домов вспыхнул пожар - что, вообще говоря, не входило в планы Арвика, ибо могло вновь объединить фрогфордцев ради борьбы с огнем, угрожающим и другим домам. Однако остервенение толпы достигло уже того уровня, когда никакие здравые соображения не работают; погромщиков куда больше заботило растаскивание имущества из горящего дома, чем безопасность собственных жилищ. В итоге в селе выгорело восемь домов, включая и принадлежавшие рекрутам, в том числе двоим из первой десятки добровольцев. Но Арвик объявил, что его верные солдаты и их семьи могут выкидывать на мороз семьи любых "уклонистов" и занимать их дома.

К полудню, когда побоище, наконец, закончилось, во Фрогфорде было убито более тридцати человек - зато войско Арвика пополнилось почти двумя сотнями рекрутов, у которых теперь уже фактически не было дороги назад (во всяком случае, принц на это надеялся). Взятые в селе лошади и повозки - а также запасы фуража, что очень немаловажно по зимнему времени, когда кони не могут питаться подножным кормом - позволили Арвику усадить весь свой отряд в сани, обеспечив мобильность хотя и заметно уступавшую кавалерийской, но все же превосходившую пехотную. Впрочем, Арвик не питал никаких иллюзий относительно собственно воинских качеств своих новобранцев (чего-то стоили разве что охотники с луками) - но по крайней мере они могли создать массовку, которая, как он надеялся, поможет привлечь на его сторону и настоящих солдат.

На следующий день в большом селении Бартмор открылась ярмарка. Большинство зимних ярмарок в Айринтии проходили в преддверии Рождества или на праздничной неделе, но Бартморская традиционно проводилась в начале февраля, считавшегося в Айринтии самым холодным месяцем. Еще с тех времен, когда климат был более теплым и настоящая зима с морозом и снегом начиналась в Айринтии обыкновенно не ранее середины января, основным

товаром, ради которого продавцы и покупатели издали съезжались на Бартморскую ярмарку, были меха, добытые охотниками, а также одежда и обувь из меха и кожи. А раз уж туда съезжались охотники, то им, в свою очередь, готовы были предложить свои луки и наконечники для стрел и копий оружейники; постепенно расширявшие свой ассортимент, "чтобы два раза не ездить", так что теперь в Бартморе можно было приобрести уже не только охотничье снаряжение, но и мечи и легкие доспехи.

И вот, когда торги были в самом разгаре - у торговцев уже были деньги, но еще оставался товар - в Бартмор на полной скорости ворвался санный поезд Арвика. Поначалу никто ничего не понял - люди без доспехов, знамен и нарамников гербовых цветов, в простых тулупах и на крестьянских санях совсем не походили на военный отряд (и даже на разбойников, которые никогда не осмеливались на подобное открытое нападение среди бела дня, а если бы и осмелились - вооружились бы для него получше). И действительно, в первый момент вновь прибывшие повели себя как простые покупатели, обступившие прилавки оружейников и интересующиеся товаром. Затем на открытое пространство выехал Арвик, развернул знамя (упрощенную версию, какую только и удалось изготовить в походных условиях, где негде было найти мастера, который вышил бы герб герцогов Гейнских и каллиграфический вензель самого принца, а потому на черно-желто-синий флаг нашили лишь две красных и одну желтую ленты, образовавшие самый простой вариант литеры А) - и принялся выкрикивать свою речь, перекрывая ярмарочный шум. Ему удалось отвлечь на себя общее внимание, и потому, когда он провозгласил, что все оружие на ярмарке реквизируется в пользу его армии - это стало свершившимся фактом. Торговцы, в чьем распоряжении были десятки мечей, сабель, луков, ножей - но гораздо меньше рук для использования всего этого - попросту не смогли защитить свой товар от почти безоружных, но многочисленных и наглых захватчиков. После того, как войско Арвика расхватало оружие (четверо торговцев, пытавшихся воспротивиться, были убиты на месте, еще несколько отделались ранами и побоями), наступил закономерный следующий этап - "реквизиция" денег и товаров уже всех торговцев, не только оружейников. При этом посетителям ярмарки было объявлено, что они могут вступить в армию наследника и сразу же получить причитающуюся им долю вещевого и денежного довольствия.

В общем, все тот же нехитрый прием - "все, кто готов идти с принцем, берите бесплатно все, что пожелаете, у тех, кто не готов, и это не разбой, а исполнение высочайшей воли" - сработал и тут. Вслед за посетителями ярмарки тот же выбор - подкрепленный свежезахваченным оружием - был предоставлен и жителям Бартмора.

Вообще, в прежние годы никому бы не пришло в голову, что ярмарка в Бартморе может быть небезопасной (чем и объяснялась сравнительная беспечность торговцев, не сумевших оказать почти никакого сопротивления). По дороге где-нибудь в лесу, конечно, можно было нарваться на разбойников (если следовать не по главным трактам, а рисковать, срезая путь) - но только не в самом Бартморе. Во-первых, безопасность гостям гарантировал местный барон, а во-вторых, и сами жители села дорожили репутацией кормившей их ярмарки. Но теперь барон пал под Дракенхаймом (он был тем самым рыцарем, которого Арвик собственноручно задушил на мосту, чтобы хоть на время выдать его тело за собственное), а бартморцы оказались слишком быстро поставлены перед фактом, что репутация ярмарки уже разрушена, и компенсировать потери надо каким-то новым способом.

В итоге численность отряда выросла более чем вдвое, до четырех с половиной сотен, и у него появилось хорошее оружие и доспехи (кольчуги, бригантины, наручи, шлемы) - правда, далеко не у всех, на всех трофеев не хватило. Зато среди новых рекрутов оказались не только стрелки из числа охотников, но и несколько старых солдат, прежде служивших под королевскими или феодальными знаменами. Они получили самое лучшее оружие и были назначены командовать поделенными на сотни и полусотни остальными.

Три дня спустя Арвик со своим воинством, разграбившим еще пару мелких селений, но и

разросшимся за счет их жителей уже до более чем полутысячи (без дезертиров, впрочем, тоже не обошлось), подошел к стенам Хартенбаума - небольшого города, не имевшего постоянного гарнизона, а лишь собственную милицию[83]. К удивлению и гневу Арвика, рассчитывавшего получить здесь не только пополнение, но и крайне необходимые ему материальные ресурсы, город закрыл перед ним ворота и наотрез отказался его впустить. Хартенбаум не был хорошей крепостью - часть укреплений вообще оставались деревянными со времени его возникновения (хотя и периодически латались), и даже там, где стены все же заменили на каменные, они не отличались ни высотой, ни толщиной. Однако, несмотря на всю свою ярость, Арвик все же внял здравым словам Дармонта о том, что для штурма города у них нет ни обученных людей, ни приспособлений, а для осады - времени и ресурсов (людей и лошадей надо было чем-то кормить, а в городе припасов было явно больше, чем в войске принца). Да и "не стоит какой-то Хартенбаум ваших усилий, такие победы не приносят славы". В итоге принц вынужден был вступить в унизительные переговоры через запертые ворота, обещая уйти, если город выдаст ему запасы еды и фуража, а также выпустит всех горожан, которые пожелают к нему присоединиться. Городское начальство выразило согласие по всем трем пунктам, но в куда меньших количествах, чем он рассчитывал, и лишь после того, как он отведет своих людей на полмили от города. После того, как Арвик - скрежеща зубами и мысленно обещая Хартенбауму самые страшные кары после своей победы - выполнил требование, ворота города приоткрылись, и оттуда, катя бочки и толкая нагруженную телегу, вышли две дюжины человек. Как выяснилось - все это были заключенные хартенбаумской тюрьмы. Ни один свободный горожанин вступить в войско Арвика - успевшее уже снискать репутацию большой разбойничьей шайки - не пожелал.

Продовольствие тоже было не лучшего качества, а главное - и по количеству его хватило бы лишь на пару дней. Арвику, однако, ничего не оставалось, как стерпеть все эти пощечины, несмотря на всю бушевавшую в нем ярость. Впрочем, он тут же объявил срывающимся голосом, что извлечет пользу из нанесенного ему оскорбления и немедленно подпишет указ, согласно которому все преступники Айринтии, отбывающие наказание или находящиеся в розыске, подлежат амнистии, если выразят готовность искупить свою вину, вступив в армию законного наследника и защищая его дело - каковой указ должен рассылаться и расклеиваться по всем населенным пунктам страны, для чего необходимо будет отрядить специальных посыльных и снабдить их лошадьми.

- Сир, - нахмурился Дармонт, - едва ли это удачная идея. У нас и так плохо с дисциплиной, а подумайте, как повлияет на нее подобное пополнение...

- Разбойники прекрасно знают, что такое дисциплина, - отрезал Арвик, - и с оружием обращаться обучены, не то что эти, - он брезгливо мотнул головой в сторону своего воинства. - По сути, любая шайка - это автономное боевое подразделение, умеющее годами выживать и сохранять боеспособность на вражеской территории без поддержки извне. Многим королевским солдатам стоило бы у них поучиться.

- Выживают потому, что стараются не попадаться на глаза солдатам. И уж тем паче не берут городов.

- Так я и не говорю, что надо формировать армию из одних разбойников, - огрызнулся Арвик. - Просто и от них может быть польза. В конце концов, даже узурпаторша набирала в свою гвардию воров из тюрем.

- Это, насколько я понимаю, была операция с целью дезинформировать нас, - покачал головой Дармонт. - И в любом случае - воров, а не убийц.

- Убийцы умеют убивать, а это то, что нам сейчас нужно, - отрезал Арвик тоном, исключающим дальнейший спор.

Тем не менее, Арвик принял дополнительные меры по усилению дисциплины. Он

---

[83]В исходном значении этого слова, т.е. непрофессиональное ополчение местных жителей.

разделил свое воинство на десятки, перемешав своих людей таким образом, чтобы ни одна десятка не состояла целиком из земляков, дабы ее членам труднее было сговариваться друг с другом, и ввел принцип коллективной ответственности - сперва он хотел объявить, что за каждого дезертира будет казнена вся десятка, но сообразил, что так быстро останется совсем без войска, и провозгласил, что казнены будут трое из той же десятки, выбранные по жребию. Это, конечно, все равно не гарантировало от бегства всей десятки целиком, но Арвик рассчитывал, что организовать таковое плохо знающим друг друга рекрутам будет все же сложнее, чем исчезать поодиночке, когда за ними никто не приглядывает.

Потерпев неудачу (во всяком случае, относительно своих первоначальных расчетов) в Хартенбауме, Арвик направился на северо-восток, во владения (теперь уже, видимо, бывшие) графов Фельзенбургов. Вообще с того момента, как Арвик с Дармонтом и "поросятами" покинул окрестности Айзеншлосса и начал собирать новую армию, он передвигался в основном неправильным зигзагом, все более смещаясь к северу - что было правильным решением, ибо позволяло ему доселе избегать встреч с посланными королевой отрядами, которые постепенно восстанавливали контроль над городами и гарнизонами, некогда присягнувшими Арвику. Как и предсказывала Элинор, в большинстве случаев им удавалось сделать это без сопротивления (собственно, битва за Айзеншлосс стала не только самой крупной, но и фактически единственной на этом этапе войны - в остальных случаях, если посланцам королевы не открывали ворота сразу, дело ограничивалось, максимум, короткой осадой, во время которой осажденные выторговывали себе гарантии при сдаче). Тем не менее, это восстановление порядка, требовавшее также заменить ненадежных командиров (пусть даже и выторговавших себе амнистию от прямого обвинения в измене) и разбавить верными людьми их подчиненных, занимало время, и Арвику пока что удавалось оставаться впереди движущейся на север условной границы подконтрольных Элинор территорий. Существовало, правда, и встречное движение - эмиссары, посылаемые Бургхельмом. Но, поскольку Бургхельм был ограничен запретом самой королевы на вывод его войск с новых территорий и мог отправлять на юг лишь гонцов с небольшим эскортом, то это было менее убедительно, чем крупные вооруженные отряды. Посланцев Бургхельма, правда, тоже никто из бывших сторонников Арвика пока что не осмелился арестовать или убить; кое-где их отказывались принять, требуя документ от королевы, подтверждающий полномочия самого Бургхельма, кое-где - изъявляли формальную лояльность, но эти заявления едва ли можно было счесть надежными. Гвардейские части, некогда присягнувшие Арвику, даже формально не были подчинены Бургхельму, и их командиры, успевшие уже и порадоваться, что не угодили в мясорубку под Дракенхаймом, и получить не особо убедительные, но все же депеши от айзеншлосского "короля", в основном предпочитали теперь отсиживаться за стенами своих крепостей - никого не отвергая прямо, но и не спеша исполнять ничьи распоряжения.

По-прежнему остро нуждаясь в продовольствии, фураже, оружии, профессиональных солдатах - или же деньгах для закупки всего этого - Арвик направился к ближайшему замку, принадлежавшему, согласно карте, его стороннику - барону Лахтенвайзу, вассалу Фельзенбурга. Принц знал, что барон был в бою под Дракенхаймом вместе с ним и со своим сеньором, но не знал его участи - хотя и мог, конечно, догадываться о таковой. Все же существовала небольшая надежда, что барон или его младший брат, служивший в военной гвардии, мог спастись. Последнее даже казалось Арвику чем дальше, тем более вероятным, ибо он припомнил, что младший Лахтенвайз служил в дивизионе, направленном принцем в северный лагерь - а стало быть, мог вообще не участвовать в бою.

Однако, когда Арвик со своим воинством прибыл (уже в вечерних сумерках) к замку Лахтенвайзов, он сперва услышал глухие ритмичные удары, а затем и увидел, что замок осажден и, более того, идет штурм. В ворота бил тяжелый таран, в то время как защитники замка с высоких стен осыпали атакующих стрелами - но, похоже, без большого успеха, в силу

собственной немногочисленности. Осаждающих, впрочем, тоже было не слишком много - что-то порядка сотни. Все они собрались напротив главных ворот, готовые ворваться внутрь, когда таран сделает свое дело.

Ни осажденные, ни осаждающие, очевидно, не поняли, к кому прибыло неожиданное подкрепление - как не был уверен в этом в первый момент и сам Арвик. Казалось очевидным, что атаковать замок его верного сподвижника могут только враги, однако у осаждающих не видно было королевских знамен. Напротив - если Арвику не изменяла память, он различил цвета Лахтенвайзов. Возможно, наоборот - люди барона пытаются отбить замок, конфискованный по указу узурпаторши? Тогда Арвику следовало немедленно принять их под свою руку, наконец-то заполучив профессиональных солдат.

Арвик под своим знаменем выехал вперед в сопровождении дюжины пеших лучников (представителей едва ли не самой боеспособной категории его войска), приближаясь к штурмующим с правого фланга, и прокричал во все горло: "Я Арвик Айринтийский! Я принимаю командование над людьми барона Лахтенвайза!"

Со стороны осаждающих, которые теперь уже почти все глядели в его сторону (исключая тех, что по-прежнему раскачивали на цепях тяжелый таран, от ударов которого вздрагивали ворота замка) навстречу Арвику выехал рыцарь в длинном плаще (вероятно, командовавший осаждающими) в сопровождении двух всадников в легких доспехах. Принц подумал, что они скачут слишком уж быстро для желающих почтительно приветствовать своего сюзерена, и его рука нервно стиснула рукоятку меча. Кое-кто из его лучников тоже поднял свое оружие и стал натягивать тетиву.

- Не стрелять! - велел им, тем не менее, Арвик, вглядываясь в щит быстро приближающегося рыцаря. - Я узнаю́ герб Лахтенвайза! - он поднял руку с мечом жестом скорее салютующим, чем угрожающим: - Приветствую, барон!

Рыцарь тоже обнажил меч - вероятно, для ответного салюта.

Но тут произошло неожиданное. С гребня высокой стены замка кто-то истошно завопил: "Да здравствует король Арвик!" Принц застыл в растерянности, не понимая, кто же тут, в таком случае, его враги. Зато его лучники, не разбиравшиеся в гербовых цветах и фигурах, теперь уже все дружно натянули тетивы. Рыцарь, с которым Арвика разделяли уже считаные ярды, вдруг переменил намерения, резко вздергивая коня на дыбы. Секунду или две он гарцевал в такой позе, окидывая взглядом Арвика и людей за его спиной - а также, несомненно, нацеленные на него жала стрел - а затем развернулся и поскакал обратно, сопровождаемый своими спутниками. Едва он доскакал до своих, осаждающие снялись с места и поспешили прочь, бросив таран перед воротами. За исключением ускакавших всадников, все они были пешими, и люди Арвика могли бы догнать их на своих санях - но принц благоразумно решил не наглеть, понимая, чего стоит его плохо вооруженный сброд против сотни профессиональных бойцов. Напугать последних удалось, очевидно, главным образом благодаря сумеркам, помешавшим их командиру оценить качество, а не только количество противника. Так что, раз уж с очередными союзниками опять почему-то не сложилось, оставалось лишь воспользоваться гостеприимством замка - кто бы там ни сидел, хотя бы он, очевидно, не мог отказать в гостеприимстве своим спасителям.

Как выяснилось, старший из братьев Лахтенвайзов, Лукас - носитель титула и владелец поместья - действительно погиб под Дракенхаймом, но младший, Томас, остался в той гвардейской сотне, что так и простояла без движения в северном лагере до конца боя и в итоге сдалась вместе с пехотой единственному королевскому офицеру. Расчет сдававшихся на то, что не участвовавшие в бою будут помилованы, вполне оправдался - Элинор не жаждала крови и стремилась как можно скорее восстановить мир перед лицом гроггендорской угрозы - так что Томас получил свою амнистию. Чего он, однако, не получил, так это имения и титула брата, на которые рассчитывал. Как ему объяснили, у королевы хватало других дел, и решения вопроса о том, кому должны отойти владения убитого мятежника, можно было ожидать еще не один месяц.

Томас ждать не пожелал и отправился на север, дабы избавить королеву от лишних разбирательств, заняв замок брата явочным порядком. Однако вдова Лукаса Анна-Луиза не пожелала мириться с таким подходом. Она, вероятно, смирилась бы с обычной участью семей изменников, явись в ее замок некто совершенно посторонний, и притом с предписанием от королевы. Но она решительно отказывалась согласиться с тем, что из двух братьев, участвовавших в одной и той же битве на одной и той же стороне, один должен был потерять все, включая жизнь, а другой - ничего, да еще и приобрести чужое в придачу. Она требовала от деверя официальную бумагу (тот утверждал, что таковую пришлют позднее, ибо королевская канцелярия чересчур загружена) и говорила, что, когда увидит таковую, сама подаст королеве прошение с просьбой пересмотреть решение "с учетом всех обстоятельств" - "пусть лучше мой дом достанется первому же алебардщику личной гвардии королевы, но только не вам, сэр!" Потеряв терпение, Томас собрал, сколько смог, солдат (наемников, ибо у него не было своих вассалов) и привел их к замку. Однако вдова заперлась внутри с очень немногочисленным гарнизоном и принялась обороняться. Решимости ей придавали еще и слухи о том, что Арвик, вопреки первоначальным известиям, вновь объявился и даже короновался в Айзеншлоссе. Томас, заделавшийся теперь самым ярым сторонником Элинор, тоже слышал об этом, но считал это вздором.

И вот теперь он столкнулся с Арвиком лицом к лицу - не с призраком и не с самозванцем, а с самым настоящим Арвиком из плоти и крови, которого не раз видел вблизи. В этот момент лишь несколько ярдов отделяли его не то что от баронского, а пожалуй что и от графского титула - если бы он проскакал их и нанес удар принцу, облаченному лишь в легкие доспехи с открытым шлемом и, похоже, даже не готовому к бою. Впрочем, более вероятно, что вместо титула он получил бы несколько стрел из длинных луков в упор, которые легко прошили бы его кирасу. Оценив это обстоятельство - а также численность выгружавшегося из саней за спиной у принца войска, что в разы превосходила его собственное - Томас предпочел поворотить коня и убраться восвояси вместе со своими наемниками.

Теперь Анна-Луиза принимала Арвика, как дорогого гостя, называя его "ваше величество". Ее радость, правда, несколько омрачило то обстоятельство, что впустить в замок и кормить пришлось не только "короля", но и все его воинство, которое, как она не могла не заметить, куда более походило на разбойничью шайку, чем на королевскую армию - притом, что ее собственный гарнизон насчитывал лишь два десятка человек, а кладовые были далеко не бездонны. Всю эту орду Анна-Луиза оставила пировать в общем зале внизу, а "короля и его офицеров" пригласила в семейную баронскую столовую наверху. Из офицеров у Арвика имелся только Дармонт - единственный дворянин в отряде, не считая его самого; все командиры подразделений, назначенные Арвиком из числа бывших солдат, оставались простолюдинами и едва ли могли украсить аристократический ужин. По кратком размышлении Арвик решил не брать с собой и Дармонта, ибо в ситуации ужина втроем чувствовал бы себя в его присутствии словно несовершеннолетний мальчишка под присмотром старшего наставника. Мысль о том, что, оставшись наедине с хозяйкой, он может попасть в ловушку, Арвик тоже отверг - только не в замке, полном его людей, и с оставленными для охраны "поросятами" за дверями.

То, что юный король явился ужинать с ней наедине, Анна-Луиза вполне предсказуемо восприняла, как намек, но, хотя в свои тридцать шесть бойкая вдова еще была вполне привлекательной, с этой точки зрения она принца, которому годилась пусть не в матери, но в тетки, не интересовала. Он расспрашивал ее исключительно о вещах, имеющих отношение к войне и политике. Самых свежих новостей вдова, конечно, не знала (последние три дня она и вовсе провела в осаде без всякой связи с внешним миром), но сообщила ему об ожидаемо печальной участи окрестных дворян, участвовавших в битве за Дракенхайм. По ее словам, с этой стороны рассчитывать на поддержку не приходилось, ибо их наследники теперь, как и ее собственный деверь, готовы были из кожи вон лезть, чтобы оправдать доверие Элинор. Во

всяком случае - до тех пор, пока соотношение сил опять не поменяется радикальным образом. Кто ныне занимает замок Фельзенбург, Анне-Луизе было неизвестно, хотя она полагала, что вдова графа уже покинула замок - графиня и в лучшие для нее времена не отличалась самостоятельным и бойцовским характером (в отличие, очевидно, от самой Анны-Луизы), а уж теперь, потеряв разом мужа и сына (а заодно титул и состояние, как жена и мать изменников - по версии дракенхаймского двора, добавила Анна-Луиза поспешно), была, очевидно, совершенно сломлена и неспособна ни к какому сопротивлению. А если так, продолжала Анна-Луиза с небрежно-уверенным видом знатока чужих родословных, следующая в очереди наследования - сестра покойного графа, если только Элинор не лишила наследства и ее, но это вряд ли, поскольку та замужем за Райнбальдом, который стал теперь новым коннетаблем и вообще, как говорят, вошел у королевы - "той есть так называемой королевы", вновь поправилась Анна-Луиза - в большой фавор. И уж он-то, понятно, не упустит возможность завладеть через жену еще и землями Фельзенбургов. Понятно, подумал про себя Арвик, стало быть, захватив этот замок, он сумеет еще и лично досадить наиболее ненавистным своим врагам - однако делать это стоило быстро, покуда хорошо укрепленный, но пока что, похоже, оставшейся без должной защиты замок не заняли или посланцы Райнбальда, или кто-нибудь еще. Формально, конечно, он объявит это возвращением законной собственности графине Фельзенбург - если она такая кроткая и покорная, как о ней говорят, она не будет помехой его планам... Меж тем Анна-Луиза, удовлетворив его любопытство, почтительно поинтересовалась у него делами в Айзеншлоссе. Она не знала не только о том, что Айзеншлосс уже взят войском Элинор, но и что айзеншлосский "король" и ее собеседник - разные люди. Принц, который также еще не знал о незавидной участи самозванца, ответил, тем не менее, не без смущения, что Айзеншлосс пришлось оставить "из тактических соображений". Не давая вдове опомниться, он тут же развил тему тактических соображений, требующих "сбора всех доступных средств для успешного продолжения кампании", и Анна-Луиза быстро поняла, что у нее собираются не только выскрести практически до дна все кладовые (с чем она уже почти смирилась), но и конфисковать (то есть, конечно же, "одолжить под личное ручательство" Арвика) имеющиеся в замке деньги. С милой улыбкой принц поведал растерявшейся вдове, что, пока они тут так приятно беседуют, его правая рука майор Дармонт уже, очевидно, имел не менее содержательную беседу с кастеляном замка и изучил приходно-расходные книги, а стало быть, составил представление о сумме, на которую он, Арвик, может рассчитывать не только как сюзерен, но и как защитник вдов и сирот от преступных посягательств. Последнее можно было расценивать двояко - как намек не только на изгнанного из-под стен замка Томаса, но и на пирующих ныне в нижних покоях победителей. Осчастливив Анну-Луизу (которой все равно было уже некуда деваться) этой информацией, принц отправился почивать в отведенную ему спальню - один.

Ночь прошла благополучно. Перепившиеся "солдаты короля" заснули прямо в пиршественной зале и особо не буянили (а если кто из них и пытался подняться наверх, то натыкался на запертые двери и нетвердой походкой возвращался обратно). Наутро Анну-Луизу ожидал еще один удар. Арвик объявил, что забирает в свою армию весь ее гарнизон. Когда же вдова, уже больше не в силах сдерживать возмущение, воскликнула, что не может остаться совершенно одна без защиты хоть от Томаса, хоть от иных пособников лже-королевы, принц снисходительно ответил, что оставит ей взамен собственных бойцов, которые "несколько менее опытны, но не менее самоотверженны" - и оставит их даже вдвое больше, сорок вместо двадцати. Таким образом он избавлялся от необходимости кормить лишний балласт, получая пусть всего два десятка, но все-таки профессиональных воинов. Вдова, чьи намеки и заигрывания накануне пропали даром, решилась на отчаянный шаг и прямо заявила, что раз уж с королем уходят ее люди, то и она сама хотела бы сопровождать его лично, ибо только рядом с ним будет чувствовать себя в безопасности. Принц с усмешкой отверг это предложение,

напомнив ей о ее трауре и добавив, что она будет куда полезнее делу короля, по-прежнему командуя обороной своего стратегически важного замка (до которого ему, разумеется, уже не было никакого дела).

Когда воинство со всею своей добычей тронулось в путь, держа курс в направлении замка Фельзенбург, Арвик насмешливо поведал нагнавшему его Дармонту, как Анна-Луиза пыталась увязаться за ним.

- Возможно, это была и не самая вздорная идея, - задумчиво заметил майор.

- Меньше всего мне нужна сейчас обозная шлюха.

- Я говорю не о шлюхе и не о любовнице, сир, а о законной супруге.

- Вы в своем уме?! - возмутился принц. - На кой черт мне какая-то баронесса?

- Король или принц Айринтии может сочетаться браком с любой дамой или девицей пэрского достоинства, - напомнил Дармонт. - Собственно, для короля это вообще не проблема, ибо он может даровать любой титул любой женщине, но наследник, еще не вступивший в свои законные права, ограничен в выборе - а в нынешних военно-политических обстоятельствах, увы, очень ограничен. А эта особа еще достаточно молода, чтобы родить вам наследника. Который укрепил бы ваши позиции. Вы ведь понимаете, сейчас будущее Йоргелингов под вопросом. Остались всего двое представителей династии и обладателей священной крови. При этом у Элинор наследника нет. А вот появись он у вас - и ей для того, чтобы избавиться от угрозы, пришлось бы убить не только вас, но и невинного малютку.

- Как будто это кого-то когда-то останавливало, - пробурчал Арвик.

- Это может вызвать дополнительные проблемы как технического, так и политического свойства, - не согласился Дармонт.

- Все равно это в лучшем случае через 9 месяцев, - поморщился принц. - И то если ребенок выживет. К этому времени я должен уже выиграть эту войну.! И потом, нельзя нарушать траур. Хотя, конечно, это всего лишь обычай, а не закон, а в Айринтии сейчас и в самом деле образовалось немало знатных вдов, которые должны почитать такой шанс за счастье... Кстати, эта графиня Фельзенбург - вы не знаете, сколько ей лет? Хотя, - тут же перебил он себя, - у нее ведь уже был взрослый сын...

- Да, ей пятьдесят четыре, - подтвердил Дармонт тоном человека, помнящего наизусть досье на всю высшую знать королевства. - Едва ли она подходит. Но в целом, не стоит недооценивать вдов.

- Даже тех, которых фактически я же и сделал вдовами? - усмехнулся Арвик.

- Их в особенности, - серьезно ответил Дармонт. - Причем - недооценивать ни в каком смысле. Даже я не поручусь, чью сторону может занять каждая из них.

- И насколько она будет верна этой стороне, - проворчал принц, считавший, что женщинам вообще доверять не следует. В конце концов, именно женщина была теперь его главным врагом.

- И это тоже, - согласился Дармонт.

"Одолженные" у вдовы Лахтенвайз деньги позволили Арвику на пути к замку Фельзенбург перейти от чистого разбоя как основного способа снабжения своего воинства к хотя бы относительно честному варианту - закупкам, пусть и не всегда добровольным и не всегда по справедливой цене. В основном Арвик тратил деньги на закупку оружия и доспехов и наиболее честно и деликатно обходился именно с оружейниками - а вот торговцев продовольствием просто ставили перед фактом. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что во время боевых действий или подавления беспорядков так нередко поступала и королевская армия, не говоря уже о личных армиях феодалов. Обзаведясь мечами и доспехами (пусть и дешевыми) и получив даже некоторые начатки дисциплины под командованием профессиональных солдат, войско принца стало, наконец, хотя бы внешне походить на настоящую армию, а не на разбойничий сброд (правда, дурная репутация о них успела уже распространиться по всей

округе - нападение на Бартморскую ярмарку, известную по всей северной Айринтии, выходило далеко за пределы обычных эксцессов феодальных междоусобиц). К тому же людей Арвика очень воодушевила бескровная победа над профессиональными воинами Томаса Лахтенвайза (ну и что, что впятеро уступавшими им по численности), и они уже и сами старались держаться, как настоящие солдаты, воспринимая приказы и покрикивания назначенных принцем командиров не как раздражающую обузу, а чуть ли не как знак отличия, свидетельство своего причисления к военному сословию. Впрочем, Арвик и особенно Дармонт хорошо понимали, что надолго этого энтузиазма не хватит, и он быстро улетучится не только от первых серьезных потерь, но и от бесплодных переходов от одной крепости, не желающей признать Арвика законным сюзереном, к другой. И даже от длительной осады, если на то пошло - которую Арвик в любом случае не мог себе позволить, догадываясь, что пока избегает столкновений с серьезными силами противника главным образом за счет мобильности. Принц не мог допустить новых Виденфрахтов и Хартенбаумов, ему нужны были только быстрые победы (пусть над не самым серьезным и даже вовсе символическим противником, главное - победы), и он очень рассчитывал в этом плане на легкое занятие замка Фельзенбург. Но что, если там уже успел обосноваться или королевский, или еще чей-нибудь гарнизон? Войско Арвика к этому времени насчитывало пять с половиной сотен и, вероятно, могло бы расти и дальше за счет всевозможного сброда - но принц резко потерял интерес к увеличению количества без учета качества. Во-первых, у него просто не было ресурсов, чтобы кормить и снабжать такую ораву ("ораву", конечно, лишь по меркам его нынешних возможностей), а во-вторых, это грозило потерей мобильности (караван из шести десятков запряженных в сани лошадей и так уже растягивался на узких зимних дорогах на полмили) и только-только начавшей налаживаться дисциплины. Добраться до Фельзенбурга как можно скорее было сейчас, по его мнению, гораздо важнее, чем рыскать по округе в поисках новых сомнительных рекрутов.

Арвик надеялся достигнуть цели за три дня ускоренного марша, но в его планы вмешалась погода. На третий день пути февральские морозы, подзадержавшиеся в этом году словно в порядке компенсации за ранний приход зимы и особенно холодный декабрь, все же пришли брать свое с континентальных равнин севера вместе с холодным фронтом, обернувшимся сильной метелью. Дармонт считал, что такую погоду необходимо переждать под деревенскими крышами, но Арвик упрямо погнал свое войско вперед, в очередной раз напомнив всем об ответственности за дезертирство. В конце концов, им не надо брести сквозь снег, а надо всего лишь сидеть в санях, пока кони везут их к цели (не зря же он кормит этих прожорливых кляч вместо того, чтобы самих отправить их в котел, как под Дракенхаймом!)

Кони, однако, вынужденные шагать против ледяного ветра по быстро наметаемому снегу, начали выбиваться из сил гораздо быстрее, чем он рассчитывал. Вскоре назначенным Арвиком капралам пришлось уже с грубой бранью сгонять своих людей с саней, чтобы облегчить нагрузку лошадям - а затем уже бойцам (насколько, конечно, их можно было так назвать) пришлось не просто брести за санями, но и самим подталкивать их. Это уже, впрочем, не вызывало возмущения, ибо физические усилия помогали хоть как-то согреться на обжигающе холодном ветру, хлеставшем лица сплошным потоком снега. Отстать и дезертировать, затерявшись в снежной пелене, никто не думал - все понимали, что остаться в одиночку вдали от жилья в такой метели означает верную смерть.

Затем лошадь, шагавшая самой первой, во главе колонны, и, соответственно, не прикрытая от ударов стихии идущими впереди, остановилась, отказываясь шагать дальше, несмотря на все понукания и удары, а когда ее принялись хлестать особенно немилосердно, просто улеглась в снег. Стало очевидно, что она уже не встанет и придется бросить и ее сани со всем их грузом; они, соответственно, перегородили дорогу, и солдатам пришлось с проклятиями вести других коней вместе с из повозками в объезд. Впрочем, к этому времени снегу намело уже столько, что между дорогой и обочиной пропала всякая разница.

За первой лошадью последовала вторая, а затем и некоторые из людей обессилели уже настолько, что неспособны были не то что толкать сани, но и просто идти, цепляясь за них. Их пытались уложить на сани, но Арвик, по-прежнему остававшийся в седле, запретил перегружать повозки и велел просто бросать тех, кто не сможет идти сам - "слабаки мне не нужны!" Теми, кто еще оставался на ногах, этот приказ был воспринят скорее с облегчением, нежели с возмущением - они не хотели новых потерь коней и саней из-за обессилевших товарищей. Некоторые попытались было бросать свое оружие и доспехи, но принц, которому доложил об этом внимательный Белый, проорал, что всякий, оставляющий казенное вооружение, будет приравнен к дезертиру и казнен на месте. Согреваемый собственной яростью, Арвик готов был гнать свой отряд вперед, несмотря ни на что - но после потери шестой лошади и по меньшей мере трех дюжин человек самоубийственному маршу, наконец, решительно воспротивился Дармонт. Арвик несколько секунд сверлил его бешеным взглядом - но, почувствовав коленями, как крупная дрожь пробирает его собственного коня, вынужден был согласиться с планом майора. Оставшиеся сани выстроили четырехугольником, чтобы они служили хоть какой-то защитой от ветра и снега, а лошадей выпрягли, после чего люди и животные сбились в кучу внутри периметра, согревая друг друга теплом собственных тел.

Разбить нормальный лагерь они не могли. У них почти не было палаток. При всей, казалось бы, незамысловатости этого приспособления быстро обзавестись армейскими шатрами на более чем полтысячи человек было даже сложнее, в силу крайней специфичности спроса на это изделие, чем оружием для них же, которое в Айринтии, где ношение мечей не было сословной привилегией, почти всегда имелось в уже готовом для продажи виде едва ли не у каждого деревенского кузнеца. Да, не лучшего качества и в ограниченных количествах, но все же, делая после первоначальной бартморской "реквизиции" закупки по пути, Арвик сумел в несколько дней вооружить все свое воинство. А вот приобрести добротные армейские палатки, пригодные для зимнего времени, было негде. Их изготовление можно было бы заказать, но у Арвика не было времени дожидаться выполнения такого большого заказа. До сих пор ему удавалось выстраивать маршрут так, чтобы всегда останавливаться на ночлег в каком-нибудь населенном пункте, и он рассчитывал, что и ближайшую ночь проведет уже в Фельзенбурге (хотя и понимал, что рискует, если замок окажет сопротивление). Теперь, однако, даже ему, несмотря на накатывавшую приступами ярость, пришлось признать, что этот план потерпел крах. Вокруг к тому же простиралась совершенно голая равнина - разве что кое-где сквозь метель просматривались торчащие из снега редкие кусты или сухие стебли многолетней травы, но ни одного дерева, которое можно было бы пустить на растопку. Словом, место для стоянки в метель на морозе было самым неподходящим - но попытка и дальше пробиваться к подходящему, как вынужден был признать даже Арвик, могла стоить жизни половине отряда, а то и ему всему. По такой погоде ни Арвик, ни Дармонт и никто иной уже даже не поручился бы относительно правильности направления и пройденного и оставшегося расстояния.

К вечеру ветер в основном утих (хотя снег продолжал сыпаться, пусть и менее активно), но мороз усилился. Разумеется, о том, чтобы куда-то прорываться в темноте через сугробы не могло быть и речи.

- Нам придется жечь сани, сир, - тихо объявил Арвику Дармонт, - иначе мы не переживем эту ночь.

- Они могли бы меняться местами, - огрызнулся принц. - Те, что мерзнут на периферии, заходить вглубь толпы, а те, в свою очередь...

- Люди не могут спать в таком режиме, - отрезал Дармонт, уже даже не пытаясь сохранять почтительность. - И им нужна горячая пища и питье после такого дня. Нам нужен огонь, много огня. Коней и саней уже по-любому не хватает на всех, - добавил он, - так что мы в любом случае уже не могли бы двигаться быстрее пешего.

- Просто отобрали бы у этих пеших оружие и оставили бы их позади, - проворчал Арвик,

которого, впрочем, и самого уже донимали холод, голод и усталость. - А впрочем, делайте, что хотите. Жгите хоть всё.

Жечь все оставшиеся сани не пришлось, но за ночь была сожжена почти половина их - что, впрочем, все равно не позволило избежать обморожений (открытый огонь - очень неэффективное средство обогрева, груди от него жарко, а спине холодно, или наоборот). Но, по крайней мере, никто не замерз насмерть.

Боевой дух, впрочем, был сломлен совершенно - когда утром отряд поплелся дальше, с трудом пробираясь сквозь глубокий снег, едва ли хоть кто-то, кроме, может быть, немногочисленных профессиональных солдат, не клял себя за то, что ввязался в эту авантюру (а опытные солдаты, в свою очередь, про себя костерили Арвика, погнавшего их в переход в такую погоду вместо того, чтобы переждать ее, как советовал Дармонт). Но деваться, конечно, ни тем, ни другим было уже некуда. Правда, лошадей у них теперь было вдвое больше, чем саней, что позволило запрячь их парами и облегчило задачу прокладывания пути через снежные заносы. По крайней мере, больше не сыпался новый снег, хотя солнце, светившее сквозь морозную дымку, казалось, совершенно не грело. Теперь бойцам время от времени дозволялось отдохнуть, по очереди садясь на сани. Но все равно за целый день отряд едва преодолел неполные пять миль, и даже Арвику было ясно, что ни о каком скором прибытии в Фельзенбург не приходится и мечтать. Утешало его, впрочем, то, что в такую пору и его враги наверняка сидят по своим крепостям; с тех пор, как они покинули селение, где ночевали под крышами в последний раз, они не встречали ни одного человека, ни военного, ни штатского.

Ночевать им опять пришлось в чистом поле - и, соответственно, сжечь уже почти все оставшиеся сани. Утром, что могли, навьючили на коней - которых, однако, на третий день затянувшегося перехода было уже почти нечем кормить, притом, что сильный мороз и тяжесть пути по глубокому снегу требовали много еды и для животных, и для людей. Отряд снова начал терять и тех, и других. Третья ночь под открытым небом на таком морозе грозила обернуться полной катастрофой, но, к счастью для Арвика и его людей, им удалось отыскать небольшую осиновую рощу. Тонкие ветки были плохим топливом, намного хуже, чем крепкие доски саней, но это был хоть какой-то шанс не замерзнуть. К этой роще они вышли за три часа до заката, и к тому же она находилась в стороне от намеченного маршрута, но на сей раз у Арвика хватило ума направиться туда и ждать ночи там, а не пытаться любой ценой продолжать путь, пока не стемнеет.

Утром, когда отряд, стуча зубами и уже не пытаясь сдерживать хриплую брань, двинулся дальше, навстречу им из морозного тумана показались всадники. Ехали они небыстро, поскольку им тоже приходилось преодолевать глубокий снег, но все же их кони были в явно лучшей форме, чем измученные лошади отряда (коих к тому времени оставалось лишь три десятка) - к тому же это были породистые боевые кони, а не крестьянские клячи. Кавалеристы, несомненно, уже тоже заметили войско Арвика, но уверенно приближались - хотя, похоже (насколько можно было разглядеть в тумане), конный отряд был невелик. Но был ли это всего лишь одинокий разъезд, или передовой дозор куда более крупного войска?

У Арвика не было никаких оснований считать неизвестных кавалеристов желающими присоединиться к нему союзниками (сколь бы ни хотелось ему верить в обратное), и он приказал лучникам выдвинуться вперед. Это было практически единственное, что он мог противопоставить атаке кавалерии - копейщиков в его войске почти не было, несмотря на то, что копье дешевле меча. Просто принц знал, что от необученных и не умеющих держать строй солдат в копейном бою больше вреда, чем пользы. Хотя, конечно, от необученных мечников толку не сильно больше - но, по крайней мере, их необученность не бросается противнику в глаза издали, и они способны произвести впечатление одним своим числом.

Всадники подъехали еще ближе и теперь представляли хорошую мишень даже в тумане, но Арвик по-прежнему не приказывал стрелять, все еще надеясь, что они могут присоединиться

к нему. На атакующий аллюр они, во всяком случае, не переходили - впрочем, по такому снегу это едва ли было возможно. Затем кавалеристы остановились и несколько секунд вглядывались в короткую шеренгу лучников и угрюмую пехоту Арвика за их спинами. Принц сидел на коне рядом с пешим знаменосцем, но в безветренном воздухе знамя свисало вдоль древка совсем не величественной тряпкой, чьи государственные цвета можно было различить, а вот нашитую поверх красно-желтую литеру "А" - совсем не факт. Возможно, кавалеристы все же разобрали "лишние" цвета на знамени, или же их убедил сам вид отряда, слишком мало походившего на дисциплинированное королевское войско, или дело было в лучниках, которые не натягивали тетивы, но и не опускали свое оружие - так или иначе, всадники молча развернулись и быстро, насколько позволял снег, поехали прочь. Теперь уже было видно, что их не больше трех десятков, но Арвик замешкался, не зная, отдавать ли команду стрелять, ибо все еще не был уверен, что это не авангард более крупных сил - а когда все же выкрикнул приказ, всадники успели раствориться в тумане. Несколько стрел полетели им вслед, но ни одна не достигла цели.

Тем не менее, еще одна бескровная победа несколько взбодрила измученную и злую толпу - особенно когда отряд, выждав еще с четверть часа в условно оборонительной позиции, двинулся дальше, и никакого вражеского войска впереди так и не обнаружилось. Но Арвика эта встреча отнюдь не порадовала. Он не видел у кавалеристов знамени или иных знаков принадлежности - что было неудивительно, если они проводили разведку - но предполагал, что они могли выехать из Фельзенбурга. И если так, значит, там уже стоит гарнизон, подчиняющийся, скорее всего, либо Элинор, либо лично Райнбальду, позаботившемуся поскорее прибрать к рукам женино наследство - и более того, теперь этот гарнизон получит известие о приближающемся войске принца, лишая его единственного остающегося преимущества - внезапности. Но деваться Арвику и его замерзающему воинству было уже некуда - только вперед, что бы там ни ждало.

Они достигли Фельзенбурга к вечеру. Замок не стоял на скале, как можно было бы ожидать по его названию - если не считать таковой каменистый остров посреди небольшого озерка. Его название следовало трактовать в том смысле, что он сам, подобно несокрушимой скале, высился над окружающей равниной (благодаря этому обстоятельству они заметили его издали несмотря на то, что заметно отклонились от курса). И хотя зимой замерзшее озеро не представляло преграды, в целом замок, расположенный почти у самой старой северной границы Айринтии, был укреплен очень хорошо. Он не имел внешней крепостной стены, состоя, по сути, из одного четырехгранного донжона высотою в добрые тридцать ярдов, к которому с четырех сторон вплотную примыкали еще четыре квадратные в сечении башни несколько меньшего размера - со стороны все это и в самом деле походило на неприступную отвесную скалу. Внутреннего двора, таким образом, замок не имел; конюшни, хлев, кузни и все прочие службы, способные поддерживать жизнедеятельность и боеспособность гарнизона в течение многомесячной осады, размещались внутри башен или даже в подземельях под ними, выдолбленных в каменном основании острова. Единственные ворота замка находились в южной башне, причем они выходили фактически на каменный карниз, нависавший над водой озера (частично природный, частично наращенный и укрепленный искусственно), который был достаточно широк, чтобы по нему мог проехать всадник или экипаж, но вот для того, чтобы развернуть на нем таран перпендикулярно воротам, места уже не хватало. Существовал также проложенный под дном озера туннель, соединявший замок с отдельным фортом на южном берегу; в этом месте расстояние между островом и берегом было самым коротким - форт и замок разделяла полоса воды шириной менее семидесяти ярдов - что позволяло защитникам замка из форта обстреливать в спину врагов, угрожающих южной башне. Сам форт наземного входа не имел, зато мог беспрепятственно получать подкрепления по туннелю из замка во время осады и штурма. Овладеть им, конечно, все равно было намного проще, нежели самим замком, но если бы захватчики после этого попробовали воспользоваться туннелем в собственных интересах, тот

был бы мгновенно затоплен водами озера вместе с ними (позже аналогичную схему использовал архитектор Башни Слез в Дракенхайме). Во всякое время года, кроме зимы, из замка на большую землю или обратно можно было попасть только на пароме или лодке.

Столь серьезные укрепления создавались в расчете не только на обычные феодальные междоусобицы, но и, в первую очередь, на отражение внешнего врага с севера. В Айринтии не было отдельного титула, аналогичного гроггендорским маркграфам или бугенхольмским маркизам, но фактически дом Фельзенбургов исполнял именно эту роль - владел пограничным графством, имея за это дополнительные привилегии. Некогда единственная сухопутная граница Айринтии вся целиком находилась во владении герцогов Краулонских, но последний Краулон, любимчик короля Стефана Трусливого, назначенный коннетаблем, но не сумевший оказать достойного сопротивления агрессору во время Бугенхольмской войны, был уже после победы обвинен в измене и казнен, а его владения поделены между короной (на западе, именно там начали копать недостроенный канал), графом Зольтеном (в центре) и графом Фельзенбургом (на востоке). Мужская линия Зольтенов пресеклась на отце графини Алиссы[84] - ныне супруги Бургхельма, который должен был унаследовать титул, если бы его жена, доселе остававшаяся бездетной, умерла раньше него. Арвику уже было известно, что Бургхельм, прежде лояльный Гартхарду, после его гибели принял сторону Элинор, так что во владениях графини Алиссы делать ему было нечего и, потерпи он теперь неудачу с Фельзенбургом, север Айринтии мог превратиться для него в натуральную ловушку, где нельзя оставаться и откуда некуда бежать.

Только отчаянное положение - и отчаянная самоуверенность - могли подтолкнуть Арвика прийти к стенам Фельзенбурга с теми смешными силами, которыми он располагал (теперь, после мучительного перехода, стоившего ему больше сотни отставших и замерзших человек, половины лошадей и всех повозок, войско принца, и без того не блиставшее выправкой, выглядело особенно жалко). Поскольку замок, в отличие от обнесенных стеной городов, не имел длинного внешнего периметра, растягивающего силы защитников и повышающего вероятность успешного прорыва на узком участке, даже небольшой профессиональный гарнизон мог бы успешно защищать Фельзенбург от многотысячной и притом не менее профессиональной армии. Собственно, за все время Бугенхольмской войны замок так и не был взят, оставаясь осажденной крепостью в тылу врага до самой капитуляции бугенхольмцев. Даже своему ближайшему теперь сподвижнику - Дармонту - Арвик не сказал правды, сообщив, что получил от баронессы Лахтенвайз точные сведения, что замок покинут прежними владельцами и не занят новыми - хотя на самом деле это было не более чем предположение.

Над фортом развевался сине-белый вымпел Фельзенбургов, но "передовой отряд", направленный туда Арвиком (три десятка крестьян, которых ему было не жалко), не был ни обстрелян, ни хотя бы окликнут, когда приблизился к массивной круглой стене с узкими бойницами в верхней части. Похоже было, что внутри и впрямь никого нет - или же они не хотели выдавать свое присутствие, из страха или из хитрости. Тогда Арвик без дальнейших колебаний повел свое войско походной колонной по льду озера, направляясь прямо к южной башне, даже не пытаясь выслать вперед герольда для переговоров - повел нагло, как хозяин, вернувшийся домой и не допускающий и мысли, что его могут не пустить.

Тем паче таких сомнений не возникало у его подчиненных, мало что понимавших в ситуации и жаждавших лишь поскорее попасть в тепло - а потому устремившихся к замку со всем возможным энтузиазмом. Плотная колонна представляла собой неплохую мишень, но по ним по-прежнему не стреляли. Наконец Арвик с Дармонтом и наиболее аристократично среди всех прочих выглядевшим Черным, коему доверена была роль знаменосца, въехали на каменный карниз перед входом в сопровождении нескольких пехотинцев. Протрубить в рог не получалось за отсутствием такового, поэтому Арвик просто проорал во все горло: "Открывайте ворота!!!"

---

[84]Alyssa, не путать с именем Алиса/Элис (Alice), имеющим совершенно другую этимологию.

Некоторое время из замка не было никакого ответа, и принц уже начал думать, что там, возможно, не осталось вообще никого, даже прислуги - хотя ворота были заперты, и кто-то же должен был задвинуть засовы изнутри. Но затем из-за тяжелых створок донесся неуверенный мужской голос: "Кто вы такие?"

Арвик снова разинул рот, чтобы прокричать свои титулы, но Дармонт неожиданно и сильно стиснул его руку, так что принцу стало больно даже сквозь перчатку. Принц на миг потерял дар речи от гнева, и Дармонт, воспользовавшись этим, выкрикнул:

- Королевская армия Айринтии! Открывайте, именем короны!

Это была удачная формулировка, позволявшая избежать прямых указаний, идет ли речь о королеве или о короле, и Дармонт по опыту знал, что люди в таких случаях обычно подсознательно выбирают ту трактовку, которая им более симпатична. Действительно, из-за ворот тут же донеслось: "Минутку, добрые господа, сейчас открою!" - а затем заскрежетали засовы, и одна из массивных створок медленно приотворилась. В полутемном проходе за ней, где полдюжины тяжеловооруженных воинов могли бы долго сдерживать многократно превосходящие силы противника, обнаружился лишь одинокий старик в долгополом камзоле со свечой в руке.

Это был кастелян замка. Как выяснилось с его слов, почти две недели назад в замок прискакал отряд из трех десятков всадников. Они носили цвета Фельзенбургов, однако их предводитель передал графине, во-первых, официальное известие о смерти ее мужа и сына, а во-вторых, указ Элинор о лишении ее прав состояния и, соответственно, предписание покинуть замок. Что вдова покорно и исполнила, несмотря на то, что в замке оставался довольно приличный гарнизон. Однако он, следуя приказу своей госпожи, не оказал никакого сопротивления, был разоружен и распущен. Предводитель прибывших остался в замке со своими людьми в качестве временного управляющего. Но в этот самый день еще до рассвета все эти люди внезапно покинули замок. Никаких объяснений кастеляну, как и кому-либо в Фельзенбурге, они, конечно, не дали (и вообще впечатление было такое, что они стараются уехать тайком), и лишь когда старик, чуть ли не хватая уже севшего в седло главного за сапог, попытался добиться у него ответа, кто же будет защищать замок в эти неспокойные времена - тот раздраженно ответил, что им на смену скоро пришлют более крупный гарнизон. За каковой гарнизон кастелян и принял вновь прибивших, не разглядев (как сообразил перед воротами проницательный Дармонт) в сгущающихся сумерках из окна башни, что на их флаге имеется еще и литера "А". Впрочем, даже если бы он это и разглядел, то, во-первых, не стал бы оказывать сопротивления Арвику, которому служил его покойный господин (хотя сам кастелян старался держаться как можно дальше от политики), а во-вторых и в-главных, и не мог бы его оказать, ибо в замке не осталось никого, кроме немногочисленной прислуги.

Впрочем, хотя денег в замке тоже не осталось совсем - даже медяков на жалование слугам, которые не разбежались только потому, что за крепкими стенами чувствовали себя в большей безопасности, чем снаружи - кладовые оставались полны, так что Арвик мог позволить не только себе, но и своим людям отметить занятие Фельзенбурга настоящим пиром.

- Выходит, это они и были, - вернулся к теме Арвик, сидя во главе длинного стола в большой пиршественной зале и обращаясь к сидевшему по правую руку от него Дармонту. - Те, кого мы встретили утром. Должно быть, разведка доложила им о нашем приближении, и они предпочли унести ноги. Весьма предусмотрительно с их стороны.

- Не очень, если они наткнулись прямиком на нас, - возразил Дармонт, с задумчивым видом отрезая тонкий ломоть копченого окорока. - И какая разведка могла обнаружить нас в этом сплошном снегу? Они были первыми, кого мы встретили. Возможно, это был какой-то совершенно другой отряд.

- Той же численности на том же направлении? Ну то есть почти на том же - столкнулись мы случайно, потому, что сбились с дороги в метели, а так это, конечно, не входило в их планы.

И по времени тоже сходится - раз они выехали затемно, могли часа за три на хороших конях проделать путь, который мы пешком плелись все восемь... И, кажется, я знаю, откуда они могли о нас узнать. Это все Анна-Луиза. Чертова болтливая сука.

- Обиделась, что вы пренебрегли ею? - усмехнулся Дармонт. - Стоило взять ее с собой уже хотя бы ради того, чтобы предотвратить утечку информации. Хотя - выходит, что благодаря утечке мы получили замок без боя. Впрочем, возможно, это и не она. Даже скорее всего не она - ей было особо некому о нас рассказывать - разве что какой-нибудь соседке, но тогда бы сведения не дошли сюда так быстро. Думаю, это ее деверь. Он узнал вас в лицо и помчался докладывать. не знаю, куда именно, на какой-то ближайший форпост, верный Элинор, - Дармонт упорно не называл королеву "узурпаторшей", полагая, что, даже оказавшись волею судьбы ее врагом, он все равно должен выказывать уважение дочери короля Гумбольдта. - А уже посланный оттуда конный гонец мог опередить нас.

- Томас Лахтенвайз не мог знать, что мы направимся в Фельзенбург.

- Но это довольно логичное предположение, если в таком хорошем замке такой маленький гарнизон. И, вполне возможно, гонцы были отправлены не только туда... Но что меня смущает, так это почему гарнизону приказали срочно уходить, а не держаться до подхода подкрепления. В таком укрепленном замке даже и тридцать человек могли создать нам... определенные трудности.

- Томасу могло показаться, что наша армия в несколько раз больше, - усмехнулся Арвик. - У страха глаза велики.

- Может, и так, - не стал спорить Дармонт, - но я не пойму, почему сюда вообще изначально прислали такой слабый гарнизон.

- Потому что они считали, что я уже мертв, - самодовольно усмехнулся принц. - И что родовые замки моих верных вассалов теперь может брать не армия, а любой чиновник с бумажкой.

- Может, и так, - повторил Дармонт тоном, далеким от убежденности.

- А что думаете вы? - спросил недовольно Арвик, уже мысленно записавший дерзкую операцию по овладению Фельзенбургом в счет своих блестящих побед.

- Что это может быть ловушка. Нам словно специально отдали Фельзенбург.

- Вот как? - Арвик вдруг резко отставил от себя кубок с вином, уже, впрочем, почти пустой. - Вы думаете, что еда здесь...

- Нет, - покачал головой Дармонт, - ее здесь слишком много, чтобы всю ее отравить. Думаю, что речь идет все же о чисто военной провокации. Любая крепость - ловушка сама по себе. Искушение сделать Фельзенбург нашей базой слишком велико. Но если мы задержимся здесь, нас окружат превосходящие силы противника, и тогда нам отсюда уже не выбраться. Пусть даже у них не хватит сил войти внутрь, главное, что и мы не сможем выйти наружу, а для нас это проигрыш. Вы не сможете вернуть контроль над страной из осажденного Фельзенбурга.

С этим Арвик нехотя согласился, но тут же заявил, что пока уходить из Фельзенбурга нет никакой необходимости, ибо заметенные снегом дороги замедляют действия неприятеля. Он решил, что в ближайшие несколько дней может безбоязненно оставаться в замке, а затем, оставив в качестве гарнизона сотню своих людей (наименее боеспособных, но от них потребуется просто сидеть за крепкими стенами), с остальными совершать рейды по ближним и дальним землям, не давая захватить себя врасплох и окружить (даже если такая участь постигнет сам замок, пока принц и бо́льшая часть его войска будут снаружи) и по возможности пополняя свои материальные ресурсы, в то время как людские будут притекать к нему сами (он рассчитывал, в частности, на скорое возвращение в замок оставшихся без работы солдат прежнего гарнизона, как только до них дойдет соответствующая весть - правда, пока что ему было нечем им платить).

Неделю принц действительно просидел в замке безвылазно, дожидаясь, пока по снегу

вновь протопчут дороги, а там, где этого не произойдет, снег хотя бы слежится, покроется настом (несмотря на морозный воздух, в полдень верхний слой снега подтаивал под прямыми лучами субтропического солнца) и станет более проходимым. Нельзя сказать, впрочем, что Арвик просто потерял неделю впустую - помимо того, что он заставил свое необученное воинство отрабатывать кормежку ежедневными тренировками под началом немногих профессиональных солдат, он также разослал в разные стороны два десятка гонцов, выдав им лошадей с графской конюшни, собственноручно подписанные грамоты и обещание наградить за любое приведенное подкрепление пропорционально размеру такового (последнее обещание давало хоть какую-то надежду, что гонцы и впрямь постараются выполнить свою миссию, а не предпочтут продать хорошего коня на первом же постоялом дворе, до которого доберутся, и счесть на этом свою военную карьеру законченной).

Наутро шестого дня пребывания Арвика в Фельзенбурге к замку с юга приблизился конный отряд. Он был невелик - всего двадцать два человека, но все же известие об их появлении вызвало у Арвика некоторое беспокойство - опять-таки, они могли оказаться лишь разведкой вражеской армии, подтянувшейся сюда раньше, чем он ожидал. Однако это оказались, по сути, остатки его собственной армии - те кавалеристы, что сперва играли отвлекающую роль, заманивая на север Бронгара, а потом сражались за самозванца и благополучно унесли ноги из-под Айзеншлосса. От них Арвик впервые узнал об участи своего бывшего ординарца и не смог удержаться от мстительной радости при этом известии - хотя оно и означало успех его главных врагов. Впрочем, у него хватило здравомыслия не предъявлять претензий кавалеристам за службу самозванцу (во исполнение, кстати, приказа, некогда отданного самим принцем, и - поскольку приказ этот был отдан не лично, а через старших офицеров - в большинстве своем действительно веривших, что ими командует настоящий Арвик, вплоть до состоявшегося под стенами Айзеншлосса разоблачения). А вот какая новость принца совсем не порадовала, так это известие об участи Двенадцатого гвардейского дивизиона, куда он уже тоже успел отправить гонца и на чьего молодого амбициозного капитана, в свое время присягнувшего ему в числе первых, весьма надеялся (там же, кстати, служил и еще один из людей Дармонта). Теперь стало ясно, что ни гонца, ни тем паче приведенных им гвардейцев ждать не приходится.

Однако прибывшие принесли Арвику и весьма полезную весть. В результате варварского штурма Айзеншлосса войсками узурпаторши сгорело полгорода (так, во всяком случае, это звучало в их изложении) и, соответственно, тысячи жителей древней столицы лишились крова и всего имущества. Податься им некуда (хотя городские власти и пытаются наладить для них какие-то жалкие подачки), так что многие из них покинули город, сбившись в банды (в изложении рассказчиков деликатно названные "отрядами"), готовые грабить окрестности - но теперь, получив от гонца его высочества известие о том, что настоящий принц жив и собирает верных ему людей в Фельзенбурге, охотно присоединятся к нему (хотя, конечно, не имея коней, не сумеют прибыть так быстро, как кавалеристы).

Действительность, впрочем, оказалась не столь однозначной. Айзеншлосские погорельцы не были организованной армией или хотя бы движением с единым лидером; это была просто озлобленная толпа, которая даже покидала город не одновременно, а разнородными группами, некоторые из которых позже объединялись, другие, наоборот, дробились дальше. Изначально они вовсе не знали о появлении "очередного" Арвика на северо-востоке и занялись грабежом дворянских поместий, пользуясь тем, что многие из них лишились прежних хозяев, павших под Дракенхаймом, а новые хозяева либо еще вовсе не были определены, либо не прибыли и не прислали своих представителей в новообретенные имения, либо прислали, но чисто символических - одного лишь управляющего без гарнизона, способного обеспечить оборону. Арвик в начале своей нынешней кампании грабил селения, а не поместья своих павших рыцарей - отчасти следуя все-таки классовой морали и солидарности, отчасти потому, что села не могли оказать достойного сопротивления, а вот как обстоят дела в каждом из замков, он не знал и не

хотел нарваться на сюрпризы, пока не наберет пусть самое дешевое, но способное впечатлить своей численностью войско (с которым и пошел к первому из таких замков - Лахтенвайзу, а оттуда уже, вдохновленный полученными от Анны-Луизы сведениями - прямиком к Фельзенбургу). Айзеншлоссцы же, напротив, селян старались не обижать (хотя сами еще недавно были горожанами, и более того - "столичными" жителями, привыкшими задирать нос перед деревенщиной), а весь свой гнев направляли на "богатеев и аристократов" (хотя в Айринтии это давно уже были не синонимы, и Арвик - знатнейший из аристократов по рождению, но к этому моменту абсолютно не богатей - служил тому самым ярким примером). Кое-где банды грабителей встретили тот самый жесткий отпор, которого опасался Арвик (даже от небольших, но профессиональных и уверенных в себе гарнизонов), но кое-где им удалось поживиться, причем, как правило, вообще без сопротивления. Однако это отсутствие противодействия не смягчало их гнев - разграбленные таким образом замки они непременно жгли, мстя за свои собственные дома. Когда гонцы Арвика достигли этих мест, не все разрозненные банды даже узнали об этом, а из тех, кто узнал - совсем не все вдохновились идеей идти под его знамена, наученные предыдущим горьким опытом. Кое-кому казалась куда более привлекательной идея продолжать грабить всех дворян без разбора вместо того, чтобы воевать за одних из них против других.

Все же до Фельзенбурга добралась "народная армия" (точнее говоря, более-менее организованная толпа) числом почти в восемнадцать сотен человек. Приближение столь многочисленного отряда заставило Арвика, хоть он и был предупрежден об айзеншлоссцах, перенервничать настолько, что он все же вышел из замка вместе с примерно сотней лучших своих людей, готовясь, естественно, не к битве, а к бегству, если окажется, что это ловушка, и замок попытаются окружить - но это и в самом деле оказались свои, и он, получив сигнал флагами с башни, возвратился как ни в чем не бывало и лично приветствовал своих верных подданных. У них было сразу два предводителя (которым согласились подчиниться главари мелких отрядов) - старый солдат Магнус, успевший в свое время послужить наемником в полудюжине феодальных армий, который вел своих сограждан от самого Айзеншлосса (он потерял дом и жену во время пожара, а сына - в бою под стенами города), и не имевший никакого отношения к Айзеншлоссу, зато знаменитый атаман разбойничьей шайки Годвин Два Меча, получивший свое прозвище за свой излюбленный стиль боя. Годвин тоже был непростым человеком - он происходил из старинного дворянского рода (согласно семейной легенде, его предок участвовал в походе самого Йоргела), ныне, однако, обедневшего настолько, что даже его старшему брату достались в наследство одни развалины фамильного замка, а Годвину как младшему не причиталось вообще ничего - что и привело его не в гвардию (ему не на что было даже справить себе достойный доспех и коня), а на большую дорогу. Награда за его голову была назначена еще при Гумбольдте, но он оставался неуловим - однако теперь, заслышав об объявленной Арвиком амнистии, решил явиться к принцу сам вместе со своими людьми. Его собственная шайка насчитывала лишь три дюжины человек, однако слава легендарного разбойника (как водится, изрядно раздутая слухами и балладами, нередко являвшимися чистым вымыслом) была такова, что многие айзеншлоссцы почли за честь признать его своим предводителем. Пока что эти двое, при всем их несходстве (Магнус был вдвое старше, отличался флегматичным нравом (пока его не разозлят по-настоящему) и успел за время мирной жизни обрасти жирком в прямом и переносном смысле, а Годвин был молод и порывист), умудрились не перегрызться между собой - впрочем, и задача перед ними стояла простая, всего лишь привести своих людей в Фельзенбург, притом, что по пути они не встретили никакого вооруженного противодействия. Несколько раз они видели в отдалении неких всадников, которые могли быть дозорными, а могли просто путешествовать по своим делам, но в любом случае, связываться с достаточно внушительной толпой никто не рискнул.

Получив это подкрепление, разом увеличившее его армию впятеро, Арвик разделил свое

войско на три полка, поставив во главе первого Дармонта, второго (получившего гордое имя "Первый Айзеншлосский") - Магнуса и третьего - Годвина. С такими силами, как он полагал, уже можно было напомнить некогда присягнувшим ему гвардейским частям об этой присяге, не опасаясь того же афронта, что в Виденфрахте. Однако в войске Арвика по-прежнему было очень немного профессионалов, плюс снова образовался острый дефицит оружия и снаряжения - а у принца по-прежнему не было денег, и он прекрасно понимал, что гвардейцы, в отличие от нищих погорельцев и повязанных кровью грабителей, даже если и признают его формально, не станут воевать за него без жалования. Своих вассалов, обязанных служить ему войском за собственный счет, он погубил под Дракенхаймом; военная же гвардия, хотя и сама обеспечивала себя конями, доспехами и оружием, получала за свою службу жалование из казны (что должно было служить дополнительной гарантией ее верности престолу, в отличие от сложной системы феодальных отношений, где один и тот же человек мог быть вассалом нескольких сеньоров, и даже двое сеньоров могли приходиться вассалами друг другу[85]).

Так что известие о грабежах и погромах, творимых айзеншлоссцами, отказавшимися присоединиться к "народной армии" или отколовшимися от нее (а возможно, уже и не только ими), навело Арвика на новую мысль. Он велел Годвину разделить его подчиненных на несколько отрядов (каждый - под командованием одного из разбойников), которые должны были направиться каждый к "своему" замку. Если бы замок оказался бесхозным (или занятым назначенцами узурпаторши, которые не оказали бы сопротивления), им следовало занять его именем "будущего короля Арвика" (принц, которого многие поддерживающие его уже называли королем, но который понимал, что не имеет права на этот титул без коронации в Дракенхайме, решил пока официально именоваться именно так). Если бы в замке обнаружился неприятель, оказывающий серьезное сопротивление - не тратить на него время и силы и отступить. Если же в замке оставались прежние владельцы - семьи павших под Дракенхаймом или даже сами участники несчастливого похода, которым повезло остаться в живых - такой замок следовало обложить осадой от имени, конечно же, никакого не Арвика, а разбойника Годвина Два Меча (или какой-нибудь айзеншлосской банды). После чего Арвик (или отряд под его знаменем), получив соответствующее известие, прибудет, чтобы с триумфом снять осаду, обратить разбойников в бегство и пожать заслуженную материальную благодарность хозяев замка, как это вышло в Лахтенвайзе. В общем, вариант получался беспроигрышным и позволял грабить как противников (исключая только успевших хорошо укрепиться), так и сторонников, не неся при этом потерь ни в живой силе, ни в репутации и, напротив, нарабатывая имидж защитника своих подданных, наводящего порядок и разбирающегося с разбойниками, которых расплодила тираническая политика узурпаторши.

Дармонт, однако, резко протестовал против этого плана. Ему и прежде не нравилось привлечение в их войско преступников, а теперь, по его мнению, Арвик переходил уже всякие границы, превращаясь в разбойника самолично уже без всяких оговорок типа "обусловленных войной реквизиций". Да, говорил майор, какие-то провинциальные бароны в глухих углах еще могут разбойничать на своих землях - и то короли айринтийские с этим борются и предают их суду, если об этом становится известно. Но наследник престола, борющийся за восстановление своих законных прав, должен считаться образцом дворянской чести. Разумеется, в междоусобных войнах с врагами отнюдь не всегда поступают согласно рыцарским идеалам, а военные хитрости вообще святое дело - да, да, он, Дармонт, прекрасно это понимает, нет нужды напоминать ему детали его собственной карьеры - а имущество врага является законным трофеем. Но это касается врагов! А мошенническим способом грабить своих... "Попробуйте заставить их раскошелиться, если им ничего не будет угрожать! - огрызался в ответ Арвик. - Особенно когда они считают, что война и так их разорила, и держат на меня зуб за смерть их

[85]Если каждый из них получал в ленное владение феод, вассальный по отношению к другому.

мужей, отцов и сыновей! Хотя претензии надо предъявлять к этим мужьям и сыновьям - если бы они лучше сражались, я бы уже сидел на дракенхаймском троне! Нет, я даже верю, что мне удалось бы выпросить у них подачку - десяток золотых и пару солдат из гарнизона. Но мне не нужны подачки! Мне нужно все, что у них есть! Иначе мы не успеем собрать достаточную для победы армию, и нас раздавят уже окончательно!" Дело, в общем-то, не в высоких принципах как таковых, терпеливо пояснял Дармонт. Дело в том, что будет, когда об этой мошеннической схеме узнают - а о ней узнают непременно; когда в операции задействовано столько людей, которые к тому же - не заслуживающие доверия профессионалы, а самые отъявленные бандиты, это только вопрос времени. Этот удар по репутации принца будет сокрушительней, чем поражение под Дракенхаймом. "Узнают потом, а деньги и обученные солдаты мне нужны сейчас!" - отре́зал Арвик и зыркнул на Дармонта таким бешеным взглядом, что тот лишь вздохнул: "Как скажете, сир."

Рейдами такого рода Арвик занимался до конца марта, почти постоянно курсируя от одного замка к другому и лишь изредка наведываясь в Фельзенбург - куда, тем временем, периодически подтягивалось новое подкрепление, включая уже не только "народных мстителей" и рассчитывающих на амнистию разбойников, но и столь нужных Арвику профессиональных солдат, в том числе из бывшего фельзенбургского гарнизона, которым теперь уже было чем платить (а вот графиня Фельзенбург, возвращения которой Арвик не жаждал, но и не опасался, полагая, что она поселится в своих покоях и не будет ни во что вмешиваться, так и не появилась; о ее судьбе после того, как она покинула замок, никому ничего не было известно). В первые две недели рейды Арвика и его отрядов были весьма успешными, затем их эффективность начала снижаться - быстро распространяющиеся слухи о разбойниках и мятежниках заставляли действовать всех заинтересованных лиц, и в пределах досягаемости Арвика оставалось все меньше замков, не подготовленных к обороне либо старыми, либо новыми владельцами. Растерявшие собственных вассалов предпочитали нанять наемников, хотя бы даже и на последние деньги - и уж точно не собирались отдавать таковые. Кое-где вдовы и сыновья павших при Дракенхайме прямо заявляли "пришедшему на выручку" Арвику, что считают его самозванцем, в замок не пустят, в его помощи не нуждаются и сами таковой ему не окажут. Королевская армия тем временем все еще не доставляла принцу хлопот, но это не значило, что она бездействует. Элинор - или Райнбальд, или кто у них там командовал - сосредоточились на восстановлении и укреплении контроля над крепостями и частями, подчиненными непосредственно короне, предоставив пока что частные поместья заботам их владельцев. Руководство ненадежных частей, некогда присягнувших Арвику, смещалось (что означало, как правило, опалу, понижения и отставки, но все-таки не казнь и не тюрьму), их состав ротировался, а верность новых командиров подкреплялась титулами и поместьями, отобранными у павших сторонников Арвика и их наследников. Так что планы принца заново подчинить эти части себе, как только он соберет достаточно хотя бы для внешнего впечатления сил, делались все более призрачными. Как охарактеризовал ситуацию Дармонт, "вам позволили без помех заниматься благоустройством клетки, пока вокруг нее крепят прутья решетки".

Вдобавок еще и Годвин Два Меча, успевший рассадить свои гарнизоны по шести захваченным без сопротивления замкам (ни один из которых, впрочем, и близко не мог тягаться с Фельзенбургом и лишь один не уступал Лахтенвайзу) и, главное, осознавший, сколь чувствительной для Арвика тайной он владеет, стал чересчур задирать нос. Два Меча (как, впрочем, и сам принц), кстати, не знал (а если бы знал, то, возможно, возгордился бы еще больше), что лучший из захваченных им замков (и самый удаленный от Фельзенбурга, находившийся у северо-восточной оконечности Иммермура), некогда принадлежавший баронам Памберкрастам, ныне был пожалован Элинор ее фавориту Локхарту, "сжегшему Айзеншлосс"...

Локхарт, когда до него дошла информация о распространении беспорядков на севере и

нападениях разбойников на дворянские поместья, порывался ехать в свой новый замок организовывать оборону, движимый не столько даже беспокойством за имущество, которое он еще не успел почувствовать своим, сколько нежеланием позволить врагу занять хорошую крепость. Однако Элинор отговорила его, сказав, что с малым отрядом она его не отпустит, а большой дать не может. Выделить ему солдат она могла либо из своей личной гвардии, и без того обескровленной в битве за Дракенхайм, либо из военной, находившийся в процессе формирования чуть ли не с нуля - либо же их пришлось бы просить у Райнбальда. Который, конечно, ответил бы - со всею почтительностью - что, как коннетабль ее величества, облеченный ее высочайшим доверием в военных вопросах, он не считает на данном этапе целесообразным распылять силы королевской армии для защиты частных замков. Наглядным примером чему служил он сам, не пытавшийся отбить у мятежников Фельзенбург, ныне официально принадлежавший его жене. И уж если главнокомандующий королевской армией не делал исключения для Фельзенбурга, занимавшего во многих отношениях стратегическое положение, то почему оно должно быть сделано для Памберкраста, имевшего, несомненно, куда меньшее военное значение? Конечно, королева ничего не обязана была просить и объяснять, она могла просто приказать - "но вы же понимаете, сэр Эрик, как это будет выглядеть?" Локхарт, разумеется, понимал. Он даже вынужден был признать, что рациональных аргументов для подобного исключения и в самом деле не существует - хотя не сомневался и в том, что Райнбальд в случае подобного диалога отказал бы не только и даже не столько по военно-стратегическим мотивам. Локхарт мог бы нанять отряд наемников на собственные средства (с доходами от имения пока что приходилось обождать, но у него все еще хранились нетронутыми сто золотых, полученных некогда - какая ирония! - от Дармонта, а кроме того, ему, как общепризнанному теперь фавориту королевы, многие охотно дали бы в долг), но Элинор отговорила его и от этой идеи. Ей определенно не хотелось снова отпускать его на войну, да и сам он, откровенно говоря, совсем не рвался опять расстаться с ней, оставляя ее в обществе Райнбальда... и прочих интриганов. Конечно, если бы того действительно требовал долг и стратегические соображения... но, в конце концов, замок Памберкраст и в самом деле едва ли мог сыграть ключевую роль в победе над мятежниками. Впрочем, мысль о том, что в его собственности будут хозяйничать даже не вражеские солдаты, а какой-то разбойный сброд, заслуживающий только виселицы, все же уязвляла его самолюбие - уголовников и погромщиков Локхарт глубоко презирал всю свою жизнь, еще задолго до попадания в средневековый мир. Но это он все же мог пережить.

И все же он не избежал прямого столкновения с Райнбальдом, без чего обе стороны, хотя и не пытавшиеся изображать симпатию друг к другу, доселе старались обходиться. Это произошло на военном совете 28 марта. Райнбальд спокойно докладывал о положении дел на севере; по его словам выходило, что связь со всеми находящимися там частями королевской армии полностью восстановлена, как и управляемость ими; все они подтвердили лояльность королеве и назначенному ею коннетаблю (последнее было важным - если Бронгара, несмотря на ходившие о нем жуткие слухи, армия любила или по крайней мере уважала почти поголовно, то назначение Райнбальда понравилось далеко не всем) и ныне находились в местах постоянной дислокации в ожидании приказов. Лояльность гвардейских частей, изначально поддержавших мятежника, однако, по-прежнему вызывала опасения; несмотря на произведенные там новые назначения и перестановки, явно не все там одобряли своих новых командиров, включая командующего Вульфеншванца (Райнбальд бросил взгляд в его сторону), и саму концепцию задуманной королевой радикальной реформы военной гвардии. ("Это вполне ожидаемо", - усмехнулась Элинор.) Впрочем, продолжал Райнбальд, ее величеству известно, что процесс переформирования этих частей по задуманной ей процедуре в любом случае завершится не ранее, чем через несколько месяцев. На новых территориях продолжается строительство укреплений, каковые работы очень затруднены условиями зимнего времени, но все равно

проводятся в виду гроггендорской угрозы. По приказу Бургхельма к строительным работам привлечены не только рабочие, как обычно, но и сами солдаты, каковые, в конце концов, заинтересованы в укреплении своих позиций самым непосредственным образом...

Поняв, что Райнбальд, перешедший уже к новым территориям, не собирается, похоже, вообще упоминать Арвика (коего теперь было принято называть просто "мятежником"[86] без какого-либо официального имени) и что никто, кажется, не намерен перебить его соответствующими вопросами, Локхарт не выдержал и дисциплинированно поднял руку.

- Вы что-то хотели сказать, барон? - холодно осведомился коннетабль.

- Да, сэр. Меня интересует - и не только меня, я полагаю - какие меры принимаются для *скорейшего*, - он подчеркнул это голосом, - подавления мятежа на северо-востоке. Коль скоро, как вы говорите, управление королевской армией полностью восстановлено на всей территории Айринтии, почему она до сих пор остается "в местах постоянной дислокации" вместо того, чтобы выступить и покончить с мятежником, многократно уступающим ей по силе?

Локхарт заметил, как одобрительно кивнул Айбенхорст, а Швертлинг (доселе так и не отправленный в предсказывавшуюся многими почетную отставку) и вовсе уставился на Райнбальда своим взглядом рассерженного воробья, который, вероятно, должен был означать: "Ну, молодой человек, и как вы теперь будете выкручиваться?" Кажется, доволен был и Вульфеншванц, явно задетый только что подчеркнутым Райнбальдом контрастом - "вся армия поддерживает меня, но далеко не вся гвардия поддерживает вас". Однако никто из них не решился первым открыто выступить против набравшего большую силу (или, по крайней мере, сумевшего создать такое впечатление) коннетабля - всякий дожидался, пока это сделает кто-нибудь другой. Ну да, подумал с раздражением Локхарт, кому еще, как ни фавориту королевы...

- С мятежом следует покончить одним ударом, - покровительственным тоном ответил Райнбальд. - Для чего следует дождаться, пока мятежник соберет все имеющиеся у него силы в один кулак - что он непременно должен будет сделать, если хочет добиться... каких-то целей. Тогда мы и уничтожим их всех разом в одном сражении. Королевской армии Айринтии было бы неразумно гоняться по отдельности за каждой разбойничьей шайкой.

- Однако эти шайки продолжают терроризировать северо-восток страны, и без того уже понесшей значительный ущерб и находящейся к тому же под угрозой внешнего вторжения.

- Полагаю, - пожал плечами Райнбальд, - претензии за это следует предъявлять в первую очередь тому, кто их расплодил.

- Что вы имеете в виду?! - возмутился Локхарт.

- То, что именно ваши поспешные действия при штурме Айзеншлосса, оставившие без крова половину его жителей, породили такое количество недовольных, примкнувших к мятежникам и разбойникам. Обеспечили мятеж топливом... практически в буквальном смысле.

- Во-первых, не половину! - резко ответил Локхарт. - Сгорела примерно пятая часть Нижнего города, были еще поджоги в Верхнем, но их уже устроили сами горожане. А во-вторых, что я, по-вашему, должен был делать - сидеть в осаде много месяцев, дожидаясь, пока им надоест их самозваный "король"?

- О, я понимаю, сколь вам не терпелось поскорее получить обещанную награду...

- При чем тут моя награда?! Я...

- Полагаю, - перебил Райнбальд, - при том же, при чем и ваше нынешнее желание поскорее отбить *подаренный* вам замок.

- Я исхожу не из личных интересов, а из интересов Айринтии! Которой перед лицом внешнего врага необходимо как можно скорее покончить с внутренними раздорами!

- Мой род служит Айринтии уже пятьсот лет, - холодно ответил Райнбальд, - и я полагаю, что могу судить о ее интересах лучше человека, появившегося несколько месяцев назад

---

[86]В оригинале the mutineer, с определенным артиклем, что отличает его от простых мятежников.

неизвестно откуда... *барон*.

- Граф, вы переходите все границы! - не выдержала королева. - Вам достаточно знать, что я безусловно доверяю барону Локхарту, и уж если он облечен *моим* доверием и уважением, то безусловно заслуживает ваших.

- Да, ваше величество, - наклонил голову Райнбальд. - Прошу прощения. Я никоим образом не хотел подвергнуть сомнению верность барона. Я лишь имел в виду, что недостаток военного опыта, возможно, мешает ему принимать оптимальные решения, - он сделал крохотную паузу, давая Локхарту шанс возразить, но полковник угрюмо промолчал - как раз с данным тезисом спорить было глупо. - Вы позволите мне ответить на вопрос барона, мэм?

- Отвечайте, - кивнула Элинор, похоже, не уверенная (как и сам Локхарт), о каком именно вопросе речь.

- Вы спрашивали, что вам следовало делать, сэр, - граф вновь повернулся к Локхарту. - Я не был с вами под Айзеншлоссом и не берусь судить, какая тактика была наилучшей в конкретном случае. Но что я знаю твердо, так это что врагов следует либо приводить к покорности, либо уничтожать. А вы не сделали ни того, ни другого. Вы их только раздразнили.

- Вы что же, - потрясенно произнес Локхарт, когда до него дошел смысл этих слов, - хотите сказать, что я должен был просто вырезать... - у него чуть не сорвалось с языка пресловутое "половину", но он вовремя поправился, - пятую часть города?! То есть Нижнего города... то есть всех погорельцев...

- Не только любой военный, - произнес коннетабль тоном снисходительного превосходства, - но даже любой охотник знает, что нельзя оставлять подранков.

- Я не охочусь на подданных ее величества! В отличие, очевидно, от некоторых, - не удержался Локхарт.

- Им был предъявлен ультиматум, - вновь пожал плечами Райнбальд. - Выдать самозванца. Они его отвергли. Значит, заслужили последствия. А теперь нам, так или иначе, все равно придется их перебить. Только уже после того, как они натворили намного больше бед.

Локхарт бросил почти беспомощный взгляд на Элинор, ожидая, что она станет возражать - в конце концов, речь шла о ее подданных! Но королева молчала - не выказывая Райнбальду ни одобрения, ни протеста.

Ладно, подумал полковник. Это уже не тот мир, где преднамеренное убийство мирных жителей в уже сдавшемся городе называлось преступлением против человечества. Здесь это - даже не месть, а просто превентивная мера, и глупо пытаться применять теперь прежние правила. В конце концов, тот мир погиб, а этот жив - вот и ответ на вопрос, какой подход оказался эффективней...

- Что возвращает нас к исходному вопросу, - угрюмо произнес он вслух. - *Когда* вы намерены их уничтожить - вместе с их главарем, разумеется? Уже начинается весенняя распутица, которая крайне затруднит переброску войск. А после того, как она закончится... у нас, как всем тут известно, могут возникнуть на севере куда более серьезные проблемы.

- Распутица начинается не везде одновременно, - ответил коннетабль прежним покровительственны тоном, в котором явственно слышалось "ну должен же кто-то объяснить залетному выскочке элементарные вещи, которые в Айринтии знает любой ребенок." - На севере снег сходит на неделю, а иногда на две позже, чем здесь. А для того, чтобы покончить с мятежником, нам вполне достаточно уже имеющихся на севере сил, которые, как я уже сказал, теперь полностью лояльны ее величеству. Перебрасывать подкрепления с юга не потребуется.

- То есть вы не намерены лично выехать на место событий? - спросил напрямую Локхарт.

- Не вижу в этом необходимости, - отрезал Райнбальд. - Если, конечно, ее величество не примет иное решение.

Тебе очень не хочется покидать Дракенхайм, понял Локхарт, во всяком случае - до тех пор, пока ты не получишь некие... обещания от королевы. Без этого ты готов оставаться здесь

под любым предлогом - хотя бы и распутицы, до которой ты дотянул дело теперь.

Но этого он уже не стал высказывать вслух.

С совещания Локхарт вышел в прескверном настроении. Мало того, что Райнбальд выставил его перед королевой и остальными, еще недавно столь торжественно отмечавшими его айзеншлосскую победу, некомпетентным идиотом, ставшим главным катализатором мятежа, нарушившим тот мир между сословиями, о котором как о достижении последних королей говорила Элинор и который до этого тщетно пытался разрушить Арвик. Критику в свой адрес Локхарт мог пережить, и даже признать ее небеспочвенной (хотя он до сих пор не был уверен, как все-таки следовало поступить при взятии Айзеншлосса). Хуже было то, что он лишь укрепился во мнении, что все слова Райнбальда о пятисотлетней службе Айринтии и заранее просчитанных планах прихлопнуть Арвика в наилучшее время в наилучшем месте - всего лишь прикрытие, а в первую очередь графа заботят его личные интересы. Нет, конечно, двойная игра с его стороны исключена - Арвик никогда не простит ему предательства под Дракенхаймом. Райнбальду теперь нет других вариантов, кроме как оставаться на стороне королевы - даже если та окончательно отвергнет его, гм, ухаживания. Но он может заиграться по другой причине - скажем (как уже проницательно предполагал Крамп), как можно дольше сохраняя угрозу Арвика актуальной, дабы подчеркивать собственную значимость (а то и незаменимость) в глазах Элинор... а возможно, и не только ее. Впрочем, Гроггендор может скоро устроить им всем такую угрозу, по сравнению с которой любой Арвик...

И, как если бы всех этих мрачных мыслей было недостаточно для плохого настроения, Локхарт был в очередной раз перехвачен в коридоре Виолеттой - наверняка знавшей о совещании у королевы и дожидавшейся его с целью выведать какие-нибудь новости - главным образом, понятно, о Райнбальде.

- Вы, кажется, не слишком рады меня видеть, барон Локхарт, - заметила с усмешкой она. - А ведь вам, по-хорошему, следовало бы поблагодарить меня.

- За что?

- За избавление от врага.

- Насколько я понимаю, ни я, ни вы от Райнбальда пока что не избавлены.

- Я не о Райнбальде. Я о Хагентраубе-младшем.

- Рауль? - припомнил с удивлением Локхарт. - Я видел его единственный раз полтора месяца назад. И он не показался мне враждебно настроенным. Напротив - наговорил каких-то комплиментов... ну, это было как раз на церемонии в честь взятия Айзеншлосса, там это многие делали...

- Я об этом и говорю, - кивнула Виолетта. - Это я убедила его, что вы ему неопасны.

- Я не воюю с детьми, - согласился Локхарт. - И не обвиняю их в грехах родителей.

- Я не об этом, - рассмеялась баронесса. - Что, опять не понимаете? Я объяснила ему, что ваши отношения с Элинор носят абсолютно целомудренный характер и всегда останутся таковыми, в силу ваших принципиальных убеждений. Кажется, он стал вторым человеком во дворце после меня, который в это поверил.

- Ах да, - вспомнил полковник. - Он говорил что-то о грязных слухах, в которые больше не верит... Так он что - тоже?! Как Райнбальд? Ну это уж совсем смешно...

- Не как Райнбальд. У Райнбальда это чистый расчет. А мальчик по уши влюблен в Элинор. Она вам не рассказывала?

- Н-нет. Она вообще знает? Он делал ей какие-то признания?

- Нет, конечно, он бы не посмел. Но это знает всякий, кто видел, какими глазами он на нее смотрит, или слышал, каким тоном он о ней говорит. Вы меня удивляете, сэр Эрик. Живете во дворце и не знаете сплетен, известных уже, кажется, каждой дворцовой кухарке.

- Меня не интересуют сплетни! - отрезал Локхарт.

- И напрасно. Поговорите с Крампом, он вам объяснит, *откуда* порою удается извлечь

самую ценную информацию... Кстати, это на самом деле не так уж и смешно, как вам кажется. По своему происхождению он ей вполне достойная партия.

- Хмм... - задумался вдруг Локхарт. Ему припомнились подозрения де Сегюра, что Хагентрауб-старший заслал сюда сына вовсе не в качестве вынужденного откупа и заложника, а преследуя собственные цели. Как и более ранние измышления того же де Сегюра, придумывавшего различные матримониальные комбинации для Элинор. Что, если план Хагентрауба состоял не в каком-то шпионаже, а именно в этом? Соединить два самых могущественных рода в стране, возведя потомка Хагентраубов на тот самый трон, от которого когда-то отказался их предок, и положив конец войне и вражде... Возможно, это был бы и не худший для Айринтии вариант.

Хотя Локхарту он определенно не нравился, и он ничего не мог с собой поделать.

Тем паче что, тут же припомнил он, один раз подобный союз уже заключался и кончился скверно - королевой Марианной, утопленной в подземной тюрьме. Хотя тогда короли айринтийские как раз добились своих политических целей...

Впрочем, подумал Локхарт, пылкая влюбленность Рауля как-то не сочетается с хитрым планом. Хотя - почему нельзя запланировать и влюбленность? Отправляя романтически настроенного юношу во дворец красивой девушки, его отец вполне мог рассчитывать на определенный результат. Хотя, разумеется, чувства Рауля тут особого значения не имеют. Значение имеет только мнение Элинор, а она, насколько помнил Локхарт, отзывалась о парне весьма пренебрежительно. "Мальчишка, сам по себе ничего из себя не представляет." И что она не имеет ни малейшего желание усиливать род Хагентраубов, ибо все последние поколения айринтийских монархов стремились к обратному, Элинор говорила неоднократно.

- Вы действительно думаете, - спросил полковник вслух, - что это может иметь... ээ... какое-то развитие?

- Могу лишь вернуть вам ваш излюбленный ответ - спросите об этом у самой королевы, - язвительно ответила Виолетта. - Впрочем, если угодно - сам по себе он, разумеется, личность не ее масштаба. Но если его отец и впрямь тешит себя подобной иллюзией - заметьте, я сказала "если" - и если эта иллюзия будет обеспечивать его лояльность - Элинор вполне может поддерживать таковую... пока будет считать нужным. Почему нет. Она не может не понимать, что она сейчас - самая завидная невеста королевства, и было бы глупо этим не пользоваться. Хотя пока что, насколько я могу судить, Элинор общалась с ним лишь на больших светских мероприятиях и не сказала ему там больше нескольких дежурно-любезных фраз.

- Она поручила вам присматривать за Раулем?

- Мне? Нет, с какой стати. Для присмотра за ним у нее имеются иные... специалисты.

- Да, но люди из Тайной Стражи, скорее всего, стараются держаться на расстоянии, а если и общаются с ним, то вряд ли пользуются его большим доверием и симпатией. Что ограничивает их возможности. А вы все-таки его кузина... то есть нет, я имел в виду - сестра...

- Какая я ему сестра, - жестко произнесла Виолетта, дернув щекой. - Я - незаконнорожденная дочь поломойки. А он - наследник второго, после королевского, дома Айринтии. Хотя "кузина" - это, пожалуй, неплохой эвфемизм.

Злая горечь, прорвавшаяся в этих словах, так контрастировала с обычным для Виолетты тоном холодной иронии, что Локхарт смущенно пробормотал: "Извините, я не хотел вас задеть." Но баронесса уже совладала с собой:

- Хотя формально, конечно, - продолжила она со своей обычной интонацией, - мы все теперь в одном ранге - баронском. Включая вас. Забавно, не правда ли?

- Подождите, если Рауль - законный сын графа, то почему он барон?

Виолетта широко улыбнулась его невежеству.

- Потому что граф, как и король, как и любой носитель титула, в своих владениях может быть только один. Это всегда действующий глава дома. Пока он жив, его наследники могут

носить лишь почетные титулы - как правило, на ступеньку ниже. Сын короля будет принцем, или герцогом, если он не первый в очереди. Сын герцога - графом, сын графа - бароном. Сын барона - баронетом, но это уже не пэрский титул, хотя и дворянский.

- То есть, при живом герцоге, его сын будет графом, а внук - бароном? - уточнил Локхарт.

- Именно так, - кивнула Виолетта. - У бугенхольмцев, с их маркизами и виконтами[87], цепочка еще длиннее. Но это лишь почетные титулы, они не образуют нового дворянского рода. Исключение - только герцоги королевской крови: если они умирают, так и не став королями, то их дети наследуют их герцогский титул, но фактически он тоже считается на ступеньку ниже носящих аналогичный титул сыновей и братьев короля.

- Хитро накручено, - проворчал Локхарт, привыкший к простой и четкой армейской иерархии. Хотя и там, если вдуматься, два лейтенанта или два майора совсем не обязательно равны друг другу...

- Если добавить женщин, получается еще хитрее, - продолжала просвещать его баронесса. - Скажем, графиня в своем собственном праве считается выше, чем графиня но мужу. И, само собой, обе они выше, чем почетная графиня - дочь герцога при отсутствии у него сыновей или жена его старшего сына. Но так выглядит иерархия, только пока муж жив. Если же вдова графа наследует титул при отсутствии наследников мужского пола, то тоже фактически становится графиней в своем праве.

- Все это интересно, - нетерпеливо перебил Локхарт, - но что вы имели в виду, говоря "мы"? Вы полагаете, что Рауль, в силу его... интереса к королеве, становится нашим союзником против Райнбальда?

- Нет, это вряд ли, - покачала головой Виолетта. - Райнбальд, во всяком случае, уж точно не воспринимает его как помеху или соперника. И, скорее всего, он прав. Рауль - просто наивный глупенький мальчик, оказавшийся в гуще интриг, в которых он сам ничего не смыслит.

- Кстати, он хотя бы знает о вашем родстве?

- Не думаю. Я, во всяком случае, ему ничего об этом не говорила. Насколько я понимаю, я представляю для него интерес исключительно как подруга королевы, с коей можно поговорить о предмете его страсти. Кстати, берегитесь, как бы он и вас не попытался сделать своим конфидентом, - усмехнулась баронесса.

- Стало быть, по-вашему он не может быть самостоятельной фигурой... точнее, даже не самостоятельной, а сознательно выполняющей чье-то задание? - еще раз уточнил Локхарт. - Кое-кто считает иначе.

- За чужое мнение я не ответственна, - пожала плечами Виолетта. - Но лично я бы поостереглась иметь дело с таким "союзником" и уж точно не стала бы делиться с ним никакой конфиденциальной информацией.

- В отличие от меня, разумеется, - усмехнулся Локхарт.

- Вы тоже бываете по-детски наивным, - осадила его баронесса, - но вы, во всяком случае, умны и рассудительны, и этого я никогда не отрицала. Так вам не кажется, что теперь ваш черед поделиться информацией?

Полковник, как всегда тщательно взвешивая слова, поведал ей, как Райнбальд хвастался, будто королевская армия на всей территории Айринтии уже полностью ему подконтрольна. Было это преувеличением или нет, подобная "утечка", видимо, ничему не могла повредить.

- И это все? - требовательно спросила баронесса.

- Все, что я могу рассказать, не злоупотребляя доверием королевы. Об иных темах, как всегда, можете расспросить ее сами. Впрочем, - добавил Локхарт, не желая упреков в том, что он не выполняет их "союзный договор", - еще могу сказать, что он критиковал мои действия в Айзеншлоссе. Считал, что я был там чересчур мягок с мятежниками.

---

[87]Маркиз - титул между герцогом и графом, виконт ("вице-граф") - между графом и бароном.

- Именно этим объясняется та мрачная мина, с которой вы меня встретили? - усмехнулась Виолетта. - А я уж было приняла ее на свой счет. Ну ничего. Когда он скажет вам подобное в следующий раз, можете спросить его, зачем он сдал мятежникам Фельзенбург.

- Вы хотите сказать, что он сделал это специально? - удивился полковник.

Баронесса широко улыбнулась его наивности:

- Разумеется. Вы правда не догадывались? И не понимаете, зачем он это сделал?

- Ммм... заманить Арвика в ловушку? Дождаться, пока он соберет там все свои силы, и осадить замок?

- Арвик не такой дурак, чтобы ждать, пока его осадят, - пренебрежительно отмахнулась Виолетта. - Хотя я, конечно, всего лишь женщина, что́ я понимаю в войне. Зато я понимаю кое в чем другом. Ловушка тут вовсе не для Арвика. Он - не более чем инструмент.

- Инструмент? - тупо переспросил Локхарт.

- Открывалка, - покровительственно улыбнулась Виолетта. - Сундуков с фамильными сокровищами Фельзенбургов и одновременно дороги к брачному ложу Элинор.

- Вы говорили, что он собирается развестись с женой, обвинив ее в измене, - припомнил, наконец, Локхарт, - в смысле, не супружеской, а государственной...

- Тут возникает юридическая коллизия, - кивнула Виолетта, охотно подхватывая. - Видите ли, если бы он обвинил жену в сговоре с изменником-братом, выходило бы, что она должна быть лишена прав состояния вместе с ним. Для того, чтобы она могла наследовать Фельзенбургам, она должна была быть очищена от всех обвинений - что проще и быстрее всего, без тянущихся годами разбирательств и тяжб с другими претендентами, было сделать через официальную амнистию от королевы, не имеющую обратной силы. То есть амнистия не может быть отменена даже "по вновь открывшимся обстоятельствам" - она означает прощение за любые прошлые грехи. А стало быть, устраняет повод для развода - особенно такого, который позволил бы Райнбальду присвоить все имущество супруги себе. Вывод? Леди Элен должна совершить измену уже после того, как вступит в права наследования.

- То есть он обстряпает все таким образом, будто это *она* сдала Арвику замок? - понял Локхарт.

- Уже обстряпал, - кивнула Виолетта. - Бедняжка, увы, слишком плохо разбирается в политике, а в военных вопросах еще хуже. Следуя совету мужа, она отправила в замок слишком слабый гарнизон - прибывший туда, разумеется, в цветах[88] и с документами Фельзенбургов, а не Райнбальдов - а позже, с приближением мятежников, туда явился гонец с предписанием покинуть замок вовсе, запечатанным личной печатью леди Элен. При этом мятежникам были преднамеренно оставлены все возможные припасы, кони и оружие, и даже золото - которого на самом деле, конечно, не было, Райнбальд не такой дурак, но все нужные свидетели дадут соответствующие показания... включая, полагаю, старую графиню, ну то есть уже бывшую графиню - невестку леди Элен. Она бесследно исчезла, вы не слышали? Не знаю, где Райнбальд ее держит, но полагаю, она подпишет все, чтобы выйти оттуда.

- М-да. А разве это не подставит самого Райнбальда? Ну то есть, если вдова графа Фельзенбурга лишена всех прав за измену мужа, то и Райнбальд должен пострадать за измену жены?

- Во-первых, - покачала головой Виолетта, - это работает только в одну сторону - как муж дает жене свой титул, но не наоборот, так же и с лишением. Если, конечно, не будет доказано соучастие, но, сами понимаете, Райнбальд этого не боится. А во-вторых, вряд ли дело дойдет до официального обвинения. Леди Элен просто отпишет супругу все имущество и уйдет в монастырь, как я и говорила.

- Вы не пробовали рассказать все это Элинор?

---

[88]Имеются в виду гербовые цвета.

- Пробовала.

- И что она?

- Говорит, что это не более чем мои фантазии. А если даже и нет... Фельзенбурги в любом случае ее враги, а Райнбальд ей все еще нужен.

- Только как коннетабль?

- По ее словам - да.

- Но получается, что он, - "а вовсе не я", добавил Локхарт мысленно, - фактически выпестовал этот новый мятеж, только чтобы присвоить состояние жены! Хорош коннетабль!

- Ну, не то чтобы выпестовал с нуля - все-таки Арвик и Дармонт, похоже, оказались на севере без его помощи. Как видите, - вновь усмехнулась Виолетта, - я с вами честна и не пытаюсь обвинить его во всех мыслимых грехах. Но что он воспользовался ситуацией, это безусловно. И что мог бы прихлопнуть Арвика раньше, если бы не затеял эту игру в поддавки.

- Надеюсь, - саркастически скривился Локхарт, - это состояние хотя бы большое.

- Приличное. Фельзенбурги - богатый род... то есть были. Не такой богатый, как Хагентраубы, и даже не такой, как Райнбальды, но все-таки.

- Никогда не понимал этой людской ненасытности, - с раздражением произнес Локхарт. - Я могу понять - не одобрить, но хотя бы понять - когда крадет бедный. Даже если он крадет у своего ближнего. Но когда это делает богатый, у которого и так всего полно...

- У вас теперь есть собственное имение, и даже с титулом. Вы бы хотели поселиться там до конца жизни и больше не участвовать ни в каких наших играх?

- Это другое, - поморщился Локхарт. - То, что мне не нравится роль пассажира, не значит...

- Значит, - резко перебила баронесса. - Это совершенно то же самое.

В этот же самый день - о чем, разумеется, еще не могли знать в Дракенхайме - Арвик решил, что настало самое время для радикальной смены стратегии и тактики. Собственно, продумал он уже все заранее и ждал только того короткого периода, когда на юге Айринтии весенняя распутица уже затруднит перемещение королевских войск (в частности, снова делая почти непроходимым Иммермур), а на севере все еще будет лежать снег. И вот подходящий момент настал.

Первым делом он решил избавиться от Годвина. Тот как-то не учел, что шесть за́мков, находящихся под его личным контролем - или под контролем преданных ему людей, что то же самое - не очень ему помогут, если большинство этих людей осталось там, и до ближайшего из них теперь два дня пути. Так что в критический момент Годвину пришлось полагаться лишь на свои знаменитые два меча, которые, однако, ему тоже не особо помогли. Операция была поручена "поросятам". Пока Годвин отбивался обоими мечами от Черного (два телохранителя из числа членов его прежней шайки рухнули наземь еще раньше, когда брошенные Белым одновременно с двух рук стилеты вонзились одному из них в левый глаз, а второму в правый), Бурый спокойно и неслышно подошел сзади, накинул атаману на шею привязанный двумя концами к палке шнур и резким движением перекрутил палку. После чего гонцы понесли вести, что печально знаменитый разбойник Годвин Два Меча, державший в последнее время в страхе весь север Айринтии (при полном бездействии и попустительстве армии и гвардии узурпаторши, само собой), наконец-то изловлен и казнен будущим королем Арвиком, и тело оного разбойника разрублено на четыре части, а голова вывешена на стене замка Фельзенбург, где ее может увидеть любой желающий удостовериться. Для внутреннего употребления была пущена другая версия - что Годвин был завербован Тайной Стражей узурпаторши с целью убийства будущего короля, и что в награду ему было обещано, что все захваченные им замки перейдут в его собственность - оттого-то он и старался захватить их побольше, а вовсе не из преданности делу короля. Поверили в это отнюдь не все, кое-кто даже дезертировал (или был

схвачен и казнен по доносу товарищей при попытке сделать это), и в особенности вероятным было неповиновение гарнизонов тех самых замков, когда известие дойдет и до них - но это Арвика уже мало заботило. Он уже выжал эти замки досуха и не собирался вести бои в той местности, где они пригодились бы ему, как укрепления - как не волновала его и потеря нескольких десятков мало на что пригодных горожан и крестьян из бывшего полка Годвина, которые только зря ели свой хлеб. Он решил, что теперь уже сможет собрать настоящую армию, и отправился именно за ней.

Целью Арвика был Хампельтонский гвардейский полк - один из самых старых компонентов военной гвардии Айринтии, которая изначально была создана в виде трех полков, каждым из которых командовал сын короля - наследный принц и двое его братьев-герцогов. Впоследствии, однако, такая организация гвардии была признана неэффективной и не соответствующей ставящимся перед ней задачам, и основной структурной единицей айринтийской военной гвардии стали отдельные дивизионы, рассредоточенные по всей стране и при необходимости либо придаваемые в оперативное подчинение армейским частям, либо решающие местные задачи по поддержанию порядка, обыкновенно не требовавшие сил целого полка. К тому же такая организация позволяла не сосредоточивать чересчур большую силу в руках командующего - что с особой наглядностью проиллюстрировал мятеж, поднятый в 532 году одним из тогдашних королевских братьев. Мятеж был подавлен, герцог казнен, а его полк навсегда расформирован (и даже название его было велено вымарать из всех хроник, хотя кое-где оно, разумеется, сохранилось) - однако два других полка формально остались, как дань традиции. Но именно формально - дивизионы, на которые они делились (по три в каждом полку), с тех пор тоже фактически использовались как отдельные, хотя и сохраняли общую символику и номинальных полковых командиров (уже, впрочем, не королевской крови). И все равно служба в этих, "именных", а не номерных, гвардейских частях считалась особенно почетной, туда, как правило, попадали лишь выходцы из самых старых и знатных аристократических родов Айринтии; некоторые из них кичились тем, что их предки были дворянами еще при дворе хильдских князей, когда сам Йоргел Освободитель еще был простолюдином, а то и вовсе не родился. Между дивизионами одного полка практически не было обычного между гвардейскими частями соперничества - во всяком случае, над ним явно преобладала солидарность, чувство общей принадлежности к элите из элит, смотрящей свысока на всю остальную гвардию. Вариант, при котором дивизионы одного полка встали бы друг против друга, выглядел практически невероятным.

Три дивизиона Хампельтонского полка были размещены вдоль северной границы еще до присоединения новых территорий, а после такового были переведены в бывшие бугенхольмские крепости Орландор, Валлентур и Ламбуаз на другой стороне Канала - уже не только для того, чтобы отражать возможную иноземную агрессию, но и для того, чтобы стоять за спинами переброшенных на новые земли армейских частей, не допуская их бунта или дезертирства - опасность чего Гумбольдт и его коннетабль Бронгар хорошо понимали. (Восточнее Канала та же роль "прикрытия" была возложена на людей графа Зольтена, а теперь - графини Алиссы, и Фельзенбурга.) Ни одна из гвардейских частей так и не была отправлена на новые территории дальше приграничных крепостей - дабы не подставлять гвардию под первый удар Гроггендора на землях, где не было достойных укреплений. Эту незавидную участь должны были принять на себя простые армейцы.

До сих пор - после того, как узнал о переходе Бургхельма на сторону Элинор - Арвик не рисковал соваться севернее старой границы. Сам Бургхельм, насколько было известно принцу, тоже не спешил посылать свои части через границу в обратном направлении - то ли потому, что старался все-таки как можно дольше оставаться вне схватки и оставить себе шанс вновь переметнуться к победителю, то ли потому, что узурпаторша сама не доверяла ему и не позволяла идти на юг. Пока что - учитывая соотношение сил - подобный неявный нейтралитет

был для Арвика не худшим вариантом. Но вот теперь он решил, что сможет совершить быстрый марш на запад, затем перейти старую границу в той точке, где обрывался недостроенный Канал и продолжить путь вдоль такового уже с северной его стороны, прикрываясь таким образом от возможной атаки с юга (даже не успевший растаять Канал с его высокими, почти отвесными стенами оставался весьма серьезным препятствием). Так он рассчитывал быстро добраться до крепости Орландор, где стоял - восточнее двух других - Первый Хампельтонский дивизион, и склонить его к переходу на свою сторону. Повторения Виденфрахта он не ожидал не только потому, что теперь располагал куда более крупными силами. В самом деле, кому, как ни хампельтонцам, было поддержать принца, гарантирующего сохранение гвардейских аристократических привилегий? Для кое-кого из них даже граф Дирлих казался недостаточно знатным, а уж подчиняться какому-то Вульфеншванцу было прямым оскорблением! Не говоря уже о намерении узурпаторши - если слухи были верны, но Арвик, конечно, собирался настаивать, что они верны - вообще уничтожить всю прежнюю военную гвардию, заменив ее безродной солдатней! Ну а после того, как к нему присоединится Первый дивизион, два других примкнут вообще без вопросов... С такой силой он переправится обратно через Канал и начнет восстанавливать власть над севером, присоединяя одну гвардейскую часть за другой. О нет, он не повторит ошибок прошлого - не станет пытаться выиграть войну одним стремительным броском на столицу, но не станет и сидеть в своей штаб-квартире, дожидаясь, пока сподвижники подтянутся к нему сами - или пришлют издали формальные изъявления лояльности. Он придет сам лично за каждым из них, никому не давая отсидеться в стороне. Имея под своей рукой гвардейский полк - причем под рукой в буквальном смысле, а не сидящий по каким-то далеким гарнизонам - он сможет подчинить себе любой отдельный дивизион - а поскольку они теперь отдельные практически все... Его враги просто не успеют собрать все эти части вместе - он придет за каждой из них по отдельности. И не оставит их сидеть в уютных крепостях, а поведет за собой, наращивая свою армию с каждой встречей и делая все более очевидным выбор и переход для следующих. Едва ли не впервые в истории Айринтии он соберет всю военную гвардию - всю настоящую гвардию, а не ту плебейскую пародию, что создает узурпаторша со своим Вульфенхреном - в один кулак. Гвардия - это кавалерия. Королевская армия - преимущественно пехота. Таким образом, он сможет уклоняться от генерального сражения до тех пор, пока сам не выберет время и место для такового. Зимой действия крупных кавалерийских сил затруднены из-за большой потребности в фураже. Но уже начинается весна, на полях после снежной зимы вырастет густая сочная трава, и эта проблема решится.

Конечно, это разрушит легенду о "народном короле", делающем ставку на простолюдинов, а не на аристократов, но - плевать, она уже отыграла свою роль. Хотя, впрочем, если дела пойдут не так хорошо, он может продолжать разыгрывать и эту карту, одной рукой поощряя волнения плебса, другой - объединяя вокруг себя аристократов (ну или то, что от них осталось на севере после битвы за Дракенхайм) под девизом необходимости наведения порядка. Это будет его главный козырь - "узурпаторша не может справиться с хаосом, а я могу!"

Итак, сразу после расправы над Годвином Арвик выступил на запад с двухтысячным войском (пока что пехотным - не желая возни с фуражом, принц взял с собой, не считая Дармонта и "поросят", лишь дюжину легких кавалеристов в качестве личной охраны и дозорных). В этом войске было лишь четыре сотни профессиональных солдат, а остальные должны были служить массовкой. Еще три сотни - наименее боеспособные из всех - он оставил в качестве гарнизона Фельзенбурга, способного выдержать осаду даже и с такими защитниками, лишь бы они, опять-таки, создавали у противника впечатление, что в замке полно настоящих солдат. Остальные были распределены по прочим захваченным замкам - которые, впрочем, Арвика уже не особенно волновали, ибо задуманная им кавалерийская война не предполагала отсиживания за стенами каких-то провинциальных курятников.

Самым опасным для Арвика был участок пути от западной границы Фельзенбургского

графства (дальше которой ни сам принц, ни его отряды пока что не проникали) до начала (или конца, смотря откуда считать) Канала, то есть через земли графини Алиссы Зольтен-Бургхельм.

В принципе, лейтенант-генерал Бургхельм командовал частями королевской армии на севере - сперва под началом Гартхарда и, соответственно, подчиняясь Арвику, а теперь переметнувшись на другую сторону - но ни тогда, ни сейчас он не командовал вассалами своей жены, графини в своем праве, на что попросту не имел полномочий (во всяком случае, в рамках сеньорско-вассальных отношений). Арвик, однако, помнил, что ни один из непосредственных вассалов Зольтенов не был с ним под Дракенхаймом (хотя уже их вассалы среди его рыцарей были). И уж если графиня Зольтен воздержалась от поддержки ему тогда, когда на его стороне были ее муж, настоящая армия и хорошие шансы на победу, то не оставалось никаких сомнений, чью сторону она занимает теперь. Если узурпаторша еще испытывала сомнения по поводу лояльности - и, соответственно, дальнейшей участи - Бургхельма (что было вполне вероятно), то его супруга не могла оказать ему - и себе самой - лучшей услуги, чем если бы ее личная армия разделалась с главным врагом Элинор. И, конечно, того уже не столь маленького, но все еще слабого мужицкого войска, которым он пока что располагал, было недостаточно, чтобы отбиться от графских сил, включавших пехоту и кавалерию, в том числе тяжелую рыцарскую конницу...

Тем не менее, Арвик рассчитывал преодолеть земли графини Алиссы ускоренным маршем, тем паче что выбранный им маршрут проходил не по открытой местности (как на пути к Фельзенбургу, где это чуть не стоило жизни ему и его людям даже без всяких врагов), а в основном по лесам, где, как он надеялся, его войско вовсе пройдет незамеченным, ну а в худшем случае - вражеская кавалерия резко потеряет свои преимущества. Дармонт не был в восторге от этого плана - он предпочел бы обойти земли графини с юга, даже рискуя нарваться там на королевскую пехоту - но вынужден был в очередной раз ответить: "Да, сир".

Погода выдалась как раз подходящей для такого перехода - по-весеннему теплой, но пасмурной, когда солнце не сверкает на оружии и доспехах пробирающегося по лесу войска и не выдает его издали недружественному наблюдателю. На открытых местах снег таял уже, что называется, на глазах, но в лесу еще оставался глубок, что, конечно, замедляло передвижение и нервировало Арвика. И все же удача, похоже, наконец была на стороне принца. Так никого и не встретив за три дня пути через лес (кроме какого-то злосчастного крестьянина, которого, конечно, пришлось убить - а и поделом, нечего браконьерствовать в лесу своей госпожи!), войско Арвика благополучно пересекло опасные земли и вышло, как и планировалось, туда, где в свое время оборвалось рытье Канала. Там до сих пор еще громоздились засыпанные снегом кучи смерзшейся земли и виднелись полуразвалившиеся бараки землекопов. Лес вдоль старой бугенхольмской границы был вырублен еще раньше, дабы не служить укрытием ни одной из сторон (впрочем, последняя рубка состоялась четырнадцать лет назад, так что молодая поросль уже пробивалась то тут, то там, словно щетина на небритой щеке - но пока еще не могла никого спрятать). Переночевав под прикрытием деревьев (никакие вражеские лазутчики не потревожили их покой), утром войско вышло на открытое пространство, пересекло бывшую границу и, как и планировал принц, в бодром темпе двинулось на запад вдоль северного берега Канала - чему способствовала проложенная там дорога, хотя и все еще покрытая снегом, не расчищенным и не протоптанным путниками, а лишь подтаявшим под весенним солнцем.

Местность к северу уже не была такой лесистой - рощи чередовались с обширными открытыми пространствами - однако оставалась безлюдной (оттого и дорога была такой пустынной, едва различимой под снегом). Жить вблизи границы не особо дружественных стран - довольно специфическое удовольствие; в свое время здесь располагалось несколько бугенхольмских деревушек, чье население промышляло почти исключительно контрабандой, но после строительства Канала, а затем и вовсе передачи территории Айринтии, этот промысел потерял всякий смысл, и их жители покинули эти места. В то время, как бугенхольмцы отсюда ушли, айринтийцы все еще не особо охотно обживали новые земли, где не чувствовали себя в

безопасности. Хотя дальше к северу (но очень вдалеке) и можно было различить башни пары замков, по-прежнему принадлежавших их бугенхольмским владельцам (ныне - айринтийским подданным); Арвик не знал, обитаемы ли они и если да, то на чьей стороне их обитатели, и не имел желания проверять. Его войско миновало также развалины бугенхольмской пограничной крепости, срытой почти до основания - после присоединения айринтийское командование сочло нецелесообразным держать здесь гарнизон, а оставлять крепость пустой, чтобы в ней могли обосноваться какие-нибудь разбойники, тоже было бы неправильно. Тем не менее, дальше на запад действующие крепости были (каждая из них охраняла мост через Канал, каковые мосты были, конечно, построены уже позже, чем сами крепости), и до ближайшей из них - Орландора - Арвик рассчитывал добраться за один переход без привалов и нещадно гнал свое воинство по снегу вперед.

Наконец - солнце, едва различимое сквозь облачность, уже перевалило за полдень - крепость показалась впереди. Усталые - и злые по этой причине - люди приободрились и даже сами, без понуканий, ускорили шаг (само собой, они полагали, что их принц уже обо всем договорился, и их ожидают верные ему союзники; если бы они знали, что переговоры с гарнизоном еще только предстоят, то, возможно, не столь спешили бы). Уже видны были вымпелы на башнях, когда внезапно ворота крепости открылись, и оттуда начала выезжать кавалерия, разворачиваясь на восток, навстречу идущим. Кое-кто из них, полагая, что это почетная встреча, радостно закричал и замахал руками.

- Сир! - рука Дармонта в перчатке сжала повод. - Они собираются атаковать!

- Нет, - самоуверенно ответил Арвик, хотя ему тоже не нравилось, что переговоры придется проводить прямо в чистом поле - под стенами крепости это было бы удобнее. - Они просто еще не разобрались, кто мы такие. Знамя! - крикнул он ехавшему впереди знаменосцу (это был уже не Черный, а красивый и статный юноша, присоединившийся позже; он также исполнял теперь обязанности герольда, хотя не был дворянином, как того требовал обычай). - Выше держи! И помаши им, пусть лучше его видят!

Конница, стремительно вытягиваясь колонной из ворот крепости, переходила на резвую рысь.

- Копейщики! - рявкнул Дармонт. Теперь в войске принца уже были тренированные копейщики, способные создать проблемы атакующей кавалерии - если бы успели перестроиться в оборонительный порядок. Но Арвик резко перебил майора:

- Отставить! Никому не обнажать оружия! Пусть видят, что это свои.

- Что, если это вообще не они? - Дармонт щурился, пытаясь разобрать цвета треугольного флага военной гвардии, бившегося на скаку над головой всадника. - Если хампельтонцев увели отсюда, а сюда перебросили другую часть?

Эта мысль беспокоила и Арвика, хотя он старался не подать вида. Однако спустя полминуты напряженного всматривания он расслабился: - Нет, это Первый Хампельтонский. Они скачут приветствовать своего принца.

Колонна начала разворачиваться на скаку в шеренгу, при этом ее левый фланг выдвигался вперед - очевидно, с целью перекрыть войску Арвика отход на север и прижать его к каналу.

- Сир, они перестраиваются в боевой порядок! - крикнул Дармонт, хотя принц, разумеется, не мог не видеть этого и сам.

- Скачи же к ним! - крикнул он герольду-знаменосцу. - Объяви, кто я такой!

- Сир... - начал Дармонт.

- Они присягали мне! - вновь резко перебил его Арвик, догадываясь, что тот хочет - коль скоро выстраивать оборонительный периметр было уже, очевидно, поздно - предложить занять более удобную позицию для бегства. Разумеется, бежать от кавалерии принц мог лишь одним способом - бросив всю свою армию, для чего следовало прямо сейчас, не теряя больше времени, отъехать в сторону так, чтобы пехотинцы не путались под копытами.

- Как и Седьмой дивизион в Виденфрахте, - напомнил Дармонт.

Арвик стиснул челюсти от ярости, но сдержался и лишь процедил сквозь зубы: "И их впятеро меньше нашего." Что, впрочем, не было решающим преимуществом даже по формальному правилу сравнения конницы и пехоты (4:1), а уж если учитывать качество арвикова войска против гвардейской элиты...

- Стойте! - крикнул герольд-знаменосец, выехавший на полсотни ярдов вперед и остановившийся сам. - Принц Арвик, будущий король Айринтийский, ваш законный сюзерен, повелевает вам...

Всадник в блестящих латах с личным гербом на груди - видимо, командир гвардейцев - наскакал на него, выхватывая меч, и одним ударом перерубил и древко знамени с литерой "А", и шею злосчастного юноши.

- Сир!!! - Дармонт схватил повод коня Арвика. - Бежим!

Арвик в бешенстве ударил его по руке: - Стоять, трус!

Правой рукой он выхватил меч, но левой одновременно сорвал с головы шлем, чтобы его лицо было лучше видно, и заорал, потрясая в воздухе обоими предметами:

- Я не самозванец! Я настоящий принц Арвик! Вы присягали мне!

Дармонт, потеряв терпение, резко поворотил коня. Бессмысленная гибель сегодня не входила в его планы.

Командир гвардейцев уже мчался прямо на Арвика, занося окровавленный меч. Но в последний момент кто-то сбоку закричал: "Спасайте короля!" - и между двумя всадниками бросился еще один, такой же совсем молодой мальчишка, как и зарубленный знаменосец. Кони столкнулись на скаку и повалились оба в снег. У Арвика мелькнула мысль броситься вперед, спешиться и добить упавшего врага - тем самым, как он надеялся, одним ударом закончив бой в свою пользу - но другие гвардейцы уже скакали справа и слева, и он понял, что не успеет. Развернув коня, он поскакал прочь с мечом в руке, готовый рубить собственную пехоту, если она встанет у него на пути. Но это не понадобилось - его бойцы уже разбегались врассыпную. Проскакав через то, что еще недавно было головой колонны, Арвик, однако, закричал оставшимся позади: "Сомкнуть строй! Держать оборону! Вас больше!"

Кое-кто из имевшихся в его войске профессиональных солдат - как копейщиков, так и мечников - даже попытался исполнить этот приказ, понимая, что бегущих легко перебьют всех. Лязгало железо, воздух рвали крики, слева от принца, обгоняя его, с тонким ржанием проскакал гвардейский конь без всадника, волоча по снегу внутренности, вывалившиеся из распоротого брюха. К самому Арвику с двух сторон уже скакали его телохранители.

И тут из рощи на северо-северо-востоке, мимо которой колонна прошла совсем недавно, вылетели новые всадники. Сразу переходя на галоп и разворачиваясь полукольцом на открытом пространстве, они устремились в тыл и во фланг войску Арвика, окончательно отрезая ему пути для бегства. Над шлемами этим новых всадников тоже трепетал треугольный гвардейский флаг, почти такой же, как и первый - это был Второй Хампельтонский дивизион.

В своих планах сделать хампельтонцев ядром своей новой армии Арвик не учел некоторые обстоятельства. Во-первых, тот Арвик, которому они присягали в начале войны, считая его законным наследником престола, защитником попранного права и выразителем традиций айринтийской аристократии, на которые вроде как покушалась Элинор с ее реформами - это был совсем не тот Арвик, который явился к ним сейчас во главе мужицкой армии погромщиков и разбойников. Дело было даже не в том, насколько они верили в то, что он настоящий, а не очередной самозванец. Дело было в том, что никакие планы Элинор открыть простолюдинам дорогу в военную гвардию не могли возмутить этих чопорных выходцев из самых знатных семей так, как айринтийский принц, не брезгающий встать во главе шайки воров и сам посылающий чернь грабить дворянские замки. Из защитника закона и аристократических традиций он превратился в самого злостного их нарушителя, ради расправы с которым можно

было отложить любые прочие обиды. Во-вторых, и обиды хампельтонцев на Элинор были уже, в общем-то, неактуальны. Арвик не знал о состоявшемся примерно три недели назад разговоре между Элинор и Крампом, в ходе которого генеральный дознаватель убедил королеву не затрагивать своими реформами "именные" дивизионы. Напротив, по мысли Крампа - "пусть они сохранятся в качестве отстойников для аристократической спеси" - туда следовало перевести аристократов из других гвардейских частей - увольняемых, разумеется, не в силу их недостаточных воинских качеств или прямого участия в мятеже, а лишь в силу их недовольства проводимой реформой. В результате "именные" полки по части богатства родословных еще более возвысились бы над "опростившейся" остальной гвардией - но это послужило бы залогом их лояльности, а не обиды. Элинор, поразмыслив, согласилась с разумностью этих доводов, но все же настояла на необходимости сменить командование хампельтонцев - присяга мятежнику есть присяга мятежнику, такое нельзя оставлять совсем без последствий. Однако замена эта была произведена не с демонстративностью наказания, призванного "укротить хампельтонский гонор", как хотела Элинор изначально, а, напротив, деликатно - все новые командиры были не менее знатными, чем отставленные. И, наконец, третье обстоятельство, которого не знал Арвик - *кого именно* Элинор, зная о новом мятеже, поставила во главе Первого Хампельтонского дивизиона. Это был Атальред Горденвуд - кузен того самого офицера, которого Арвик некогда зарубил в припадке ярости, расплатившись за это дортинайнской ссылкой. Он прибыл в расположение дивизиона и принял командование как раз накануне того дня, когда Арвик отправился из Фельзенбурга на запад - о каковом походе Горденвуд был вскоре извещен благодаря находившемуся в войске Арвика агенту Тайной Стражи. Изначально планировалось, что ловушку устроят все три хампельтонских дивизиона - не столько из военной необходимости, сколько для того, чтобы совместной ликвидацией мятежника окончательно реабилитировать полк перед королевой - но командир полка не решился утвердить этот план. После мятежа 532 года действия гвардейских полков полным составом, а не подивизионно, не то чтобы запрещались - ни в одном документе не было прописано ничего подобного - но традиционно считались как бы не очень желательными, и в теперешней непростой обстановке свеженазначенный командир предпочел не принимать такое решение, не получив согласия Дракенхайма, а испрашивать таковое уже не было времени. Так что ограничились двумя дивизионами, коих, судя по информации лазутчика, должно было хватить с избытком.

Их хватило бы, даже если бы войско Арвика состояло из полноценных солдат. Но таковые - попытавшиеся оказать хоть какое-то сопротивление, впрочем, запоздалое, неорганизованное и, как следствие, краткое - были лишь во главе колонны (плюс очень небольшая замыкающая группа в хвосте). Остальные в панике бросились бежать, бросая оружие, щиты и все, что могло облегчить бег. Окруженные с трех сторон, в основном они бежали к Каналу в абсурдной надежде спуститься на лед (куда, конечно, конница не могла последовать по отвесным кручам) и перебраться на другой берег. Однако берега Канала, усиленные валами вырытой при его прокладке земли, были слишком отвесными и для пехоты. Попытка спуска по ним фактически означала падение на лед с высоты минимум в пятнадцать ярдов. Еще неделю назад глубокий снег внизу мог смягчить падение, однако каждый полдень он активно таял под лучами поднимавшегося все выше субтропического солнца, а затем снова смерзался, так что из мягкой подушки успел превратиться в слоеный пирог из льда. Не все падавшие туда разбивались насмерть, но почти все получали тяжелые травмы. Некоторые бойцы Арвика, вскарабкавшись на вал и заглянув вниз, где стонали и копошились среди месива тающего льда, снега и ледяной воды их товарищи, в ужасе бросались назад и были тут же зарублены или застрелены практически в упор подъехавшими гвардейцами. Теоретически лучники (коих у Арвика было около двух сотен), выстроившись на валу, куда не могли подняться кони, могли бы какое-то время удерживать этот последний рубеж, но об организации обороны никто уже не думал - только о бегстве, хотя бежать было некуда. Впрочем, даже и такая оборона

не давала никаких шансов на прорыв и закончилась бы вместе со стрелами и силами стрелков (большинство из которых были не солдатами, а простыми охотниками, умеющими сделать один меткий выстрел - чаще всего из засады и тщательно прицелившись - но не посылать одну стрелу за другой в быстром темпе, как этого требует бой). Утешением для них была бы разве что возможность нанести напоследок хоть какие-то потери противнику. Но - не случилось даже этого.

Менее чем за десять минут двухтысячная армия Арвика прекратила свое существование. Потери Первого дивизиона, столкнувшегося хоть с каким-то сопротивлением, составили пятеро раненых и восемь лошадей. Второй дивизион, который лишь преследовал и добивал бегущих, не должен был понести потерь вовсе.

После того, как были добиты последние, кто еще бестолково метался поверху, пытаясь убежать от всадников - две сотни гвардейцев, спешившись, взобрались на вал и с луками наготове подошли к обрыву. Внизу среди трупов и покалеченных, корчившихся с переломанными конечностями, обнаружилось и около полусотни пострадавших меньше прочих и способных идти - в основном это были те, что свалились самыми последними и попали не на лед, а на тела своих товарищей, смягчившие удар. Теперь они, хлюпая по талой воде и топча тела - мертвых и еще живых - пытались уйти по льду Канала на восток, ибо уже поняли, что у них нет никаких шансов вскарабкаться по обледенелой круче на другой берег (хотя, даже если бы это им удалось, конница легко достала бы их и там, доскакав до моста за крепостью). Гвардейцы принялись без особой спешки расстреливать их сверху. Мятежники побежали - и тут подтаявший лед, уже трещащий под всей свалившейся на него тяжестью, раскололся с глухим хрустом, разом образовав длинную и широкую полынью вдоль северного берега. Почти все утонули сразу, утянутые под воду тяжестью доспехов и зимней одежды. Нескольких, цеплявшихся за крошащийся лед по краям, добили стрелами. При этом стрелявшие развлекались и демонстрировали свою меткость тем, что целились только в цеплявшиеся за лед руки, а не в спину или шею, что быстрее прекратило бы агонию.

Другие спешившиеся гвардейцы тем временем обходили валявшихся наверху, добивая еще живых. Один, лежавший ничком с торчащей из спины стрелой, когда к нему приблизился гвардеец с мечом, вдруг резко перевернулся и сел с поднятыми руками, совсем не похожий на раненого.

- Олеандр, - сказал он уже изготовившемуся для удара гвардейцу.

- Что? - оторопел тот.

- Олеандр! Вам что - не сообщили пароль? Где ваш командир?

К ним уже, все еще прихрамывая после падения, подходил Горденвуд. Гвардеец был из Второго дивизиона (потому и не знал пароля), но узнал командира Первого по гербу.

- Сэр...

- Оставьте этого человека, - велел ему Горденвуд. - Это наш лазутчик. Где Арвик? - Горденвуд пренебрег правилом, предписывающим называть его врага безымянным "главарем мятежников".

- Мне не удалось его достать, - признал лазутчик, однако не виноватым, а все тем же брюзгливым тоном, и даже не подумал прибавить "сэр". Это был тот самый лучник, который некогда застрелил Шрамма. В этой миссии он действовал без своего товарища, ибо в войске Арвика не было арбалетчиков. - Его конники закрыли его. Одного я снял, но большего уже не успел - слишком быстро они скакали, а меня бы тут зарубили, не разобравшись... - он выдернул бутафорскую стрелу из своей кожаной куртки.

- А вы? - Горденвуд сердито повернулся к гвардейцу. - Перекрыть им отход с тыла должен был ваш дивизион!

- Это не было моей задачей, сэр, - ответил тот с оттенком уязвленной гордости. - Я занимался нейтрализацией их лучников. Полагаю, вам лучше обсудить это с графом Лангертом.

Вон он, как раз возвращается, - гвардеец указал на командира Второго дивизиона, который в сопровождении своего знаменосца ехал со стороны бывшего тыла вражеской колонны. - Может быть, уже с головой главаря мятежников. Мой лорд! - окликнул гвардеец.

Лангерт подъехал к ним, но вместо того, чтобы продемонстрировать голову Арвика, лишь недовольно покачал своей собственной:

- Он с группой всадников пошел на прорыв. Большинство их мои люди перебили, но... ему и еще, кажется, троим удалось уйти. То есть пока удалось, - добавил Лангерт поспешно. - Их преследуют.

- Проклятье, граф! - не сдержался Горденвуд. - Вы атаковали из засады сзади, ваша задача была проще простого! Если бы я знал, я бы поменялся с вами местами!

- Но вы и на своем месте не смогли его убить, не так ли, граф? - холодно возразил Лангерт.

- Мне помешали. Случайность, - угрюмо ответил Горденвуд.

- У него чертовски хорошие телохранители, - признал Лангерт. - Это не простые разбойники. Один здоровый амбал зарубил четверых моих людей! Четверых, одного за другим! Троих насмерть, и одному отсек руку. И еще убил коня под пятым! А какой-то коротышка метнул стилет барону Дуббертону точно в глаз прямо сквозь забрало! На скаку! С десяти футов!

- Короче, скольких вы потеряли?

- Шестерых только убитыми, - нехотя признал Лангерт. - Если выживет Ризенбарт, тот, что остался без руки.

- Вы пытались взять его живым, не так ли? - проницательно констатировал Горденвуд - Надо было просто изрешетить их всех стрелами.

- В Дракенхайме предпочли бы получить его живым, чтобы навсегда закрыть тему двойников и самозванцев.

- В Дракенхайме предпочли бы получить его мертвым, чем узнать, что он до сих пор на свободе.

- Что ж вы сами не велели сразу же осыпать их стрелами? - парировал Лангерт. - Вам хотелось свершить вашу месть лично, своею рукой, не так ли, граф?

- Ладно, - проворчал Горденвуд. - Не будем считаться. Скольких вы послали в погоню?

- Три дюжины. Больше не имело смысла - у этих самых лучшие кони, - хотя Лангерт, как и Горденвуд, заступил на свой пост совсем недавно, он, как хороший кавалерийский командир, уже знал, чего стоит каждый конь в его дивизионе. - А их всего четверо. Они не уйдут.

Но они ушли.

Кони Второго Хампельтонского дивизиона и в самом деле были хороши. Но и рыцарские кони из конюшни графов Фельзенбургов им не уступали - тем паче что и Арвик, и "поросята", понимавшие толк в таких вещах, тоже отобрали себе самых лучших.

Несколько раз Арвику казалось, что вот теперь ему точно конец. Когда у него выбили меч, а сильная рука здоровенного гвардейца уже схватила его лошадь под уздцы справа. Но в следующий миг сабля Бурого отсекла эту руку по самое плечо. Когда еще один враг ринулся наперерез к нему слева - но Черный, перегнувшись и вытянувшись с седла, достал концом меча его подпругу, и гвардеец на полном скаку свалился с коня (позже Арвик подумал, что чертов пижон мог бы просто убить врага или хотя бы его коня, но предпочел покрасоваться таким вот образом). Когда стрела ударила ему в спину, защищенную не кирасой, а всего лишь бригантиной - но скорость стрелы была уже недостаточной, и стальная пластина, нашитая на толстую кожу, хотя и прогнулась, но выдержала удар. Когда дистанция с пятью или шестью преследователями, вырвавшимися вперед, медленно, но неумолимо сокращалась - однако их кони не смогли выдерживать такой темп достаточно долго; один, нетерпеливо понукаемый всадником, повалился прямо на скаку, остальные вскоре стали отставать.

По ним снова стреляли, но на полном скаку не могли попасть. Затем постепенно стали отставать и один за другим выбывать из гонки и другие. Хотя некоторые из отставших поначалу, наоборот, опасно приблизились позже (на самом деле они все это время держали ровный темп, а вот кони беглецов, скакавшие на пределе своих сил, начали все же постепенно терять скорость). Впрочем, Арвик вспомнил, как утром, когда он ехал той же дорогой в обратном направлении, конь ехавшего впереди дозорного, отклонившегося вправо от дороги, чтобы следить за флангом, едва не споткнулся о скрытый снегом ствол поваленного дерева (вероятно, оставшегося здесь еще со времен последней рубки). Опознав ориентиры впереди, принц понял, что это место уже близко, и велел "поросятам" (это было все, что осталось от его эскорта и всей его армии) отклониться влево и сделал это сам. Он сильно рисковал - под снегом могли быть и другие, неведомые ему препятствия - но лишь стиснул зубы в ярости, в очередной раз бросая вызов судьбе. Несколько его преследователей забрали влево еще круче, полагая, что их добыча хочет уйти от Канала на север - и в то время как принц и его спутники успешно перескочили через дерево (как, впрочем, и первый из преследователей), лошадь следующего гвардейца налетела на это препятствие и сломала ногу, и буквально через несколько секунд то же случилось и с другой, споткнувшейся о пень. Это заставило остальных гвардейцев (и даже скакавшего первым, который услышал шум и проклятия позади) резко сбавить темп и вернуться на дорогу. Арвик еще с полминуты упрямо продолжал скакать по вырубке, словно по минному полю (как сказали бы в другую эпоху), прежде чем тоже вернулся на безопасный путь - оторвавшись благодаря этому отчаянному до безумия маневру от преследователей еще на полторы сотни ярдов.

Погоня еще несколько раз сокращала этот разрыв, но ни разу уже не сумела приблизиться на дистанцию уверенного выстрела. Те лошади преследователей, которым удавалось развить бо́льшую скорость, чем преследуемые, не могли выдержать такой темп достаточное время и одна за другой выбывали из гонки. Возможно, играло роль и то, что гвардейцы, в отличие от снабжаемой за счет казны королевской армии, заботились о своем снаряжении сами, а знатное происхождение совсем не обязательно означала богатство, особенно в случае младших сыновей - и потому дорогих породистых коней, купленных за собственные деньги, они все же старались беречь, хотя бы и подсознательно, в то время как принц, естественно, думал лишь о том, чтобы уйти от погони любой ценой, и нещадно нахлестывал и шпорил своего вороного. В конце концов принцу и "поросятам", вынужденно державшим тот же темп, удалось доскакать до конца Канала. Арвик свернул на юг, продолжая двигаться вспять по прежнему маршруту. Он понимал, что опять углубляется в леса графини Алиссы, где его армия к тому же оставила достаточно следов, протоптав в снегу целую дорогу. Но по крайней мере он знал, что по этой тропе сможет проехать. Дорога же, идущая вдоль Канала, здесь заканчивалась, и скакать в любом другом направлении - на восток или на север - означало почти наверняка переломать коням ноги на бездорожье. Там можно было бы проехать шагом, но этого Арвик сейчас не мог себе позволить.

И тут он понял, что его конь сейчас свалится. Он вынужден был позволить вороному сбросить темп, но все равно ощущал, как дрожь начинающейся агонии пробирает сильное, но измученное до последнего предела тело скакуна, слышал его хриплое надорванное дыхание, вырывавшееся клубами желтого пара, чувствовал запах нездорового липкого пота, выступившего по всему телу коня, а главное - видел, как он роняет в снег кровавые кляксы из своих ноздрей. "Стойте!" - в отчаянии крикнул принц уносящимся вперед "поросятам". Его особенно возмутило, что его обогнал Бурый - Арвик был уверен, что его конь, как вынужденный нести более тяжелый груз, свалится раньше. А вот коню Белого, наоборот, приходилось легче всех, и принц собирался затребовать его для себя (как будет при этом спасаться сам коротышка, принца, естественно, не волновало): "Белый, назад!" Но проклятые наемники продолжали скакать вперед, очевидно, намеренные бросить его одного на растерзание и не имея ни малейшего желания жертвовать собой ради его спасения. Арвик, чей конь совсем остановился, беспомощно оглянулся. У него не было даже меча, чтобы дорого продать свою жизнь. Его

возьмут живым, привезут в Дракенхайм в клетке и повесят, как простого главаря разбойников...

И тут он увидел, что от всей погони - во всяком случае, насколько он мог разглядеть в редком лесу - остался лишь один всадник. Похоже, в пылу преследования он просто не заметил, что все остальные уже отстали. Это было бы уже, конечно, совсем не так плохо - если бы принц не потерял свой меч. И то, что остальных врагов не было видно, еще не означало, что они повернули обратно, а не появятся здесь чуть позже.

Но тут Арвик услышал мокрый хруст снега под копытами и увидел, что "поросята" все же возвращаются к нему. Должно быть, они тоже заметили, как сократились неприятельские силы. Поравнявшись с принцем, уже развернувшимся к врагу, они остановились слева и справа от него. Гвардеец, видя это, тоже остановился, не доезжая до них около сотни футов.

- Сэр, - очень вежливо произнес Белый, обнажая в улыбке крупные зубы, - нас четверо, а вы один. Почему бы вам не повернуть и не сказать своим, что вы потеряли нас из виду?

- Я, барон Грангельхоф, - крикнул гвардеец, - вызываю человека, называющего себя принцем Арвиком, на поединок! Если в ваших жилах и в самом деле течет благородная кровь, сэр, отзовите ваших людей и сразитесь со мной один на один, согласно рыцарскому обычаю!

- Я не могу принять ваш вызов, - огрызнулся Арвик, которому меньше всего хотелось сейчас играть в благородных рыцарей. - Я... лишился своего меча в бою. И мой конь... слишком утомлен.

- Я готов биться пешим, - невозмутимо ответил барон, - и, полагаю, один из ваших людей может одолжить вам меч.

- Соглашайтесь, сэр, - тут же повернулся к Арвику Черный. - Я дам вам меч.

- Это уловка! - сердито ответил Арвик. - Он хочет задержать нас. Через несколько минут здесь будут его товарищи.

- Нескольких минут не понадобится, - улыбнулся тонкими губами Черный, не повышая голоса. - Просто пусть он спешится и отойдет от своего коня.

- Вы намерены напасть на него втроем и убить, нарушив мое слово? - с возмущением понял Арвик. - Но это действительно против всех рыцарских обычаев! Что обо мне будут говорить?!

- А кто об этом узнает? - Черный улыбнулся еще шире.

- Те, кто найдут его труп и поймут, как он был зарублен, - мрачно ответил принц и мысленно добавил про себя: "И вы тоже!"

- Мы не можем его просто отпустить, - вмешался Бурый. - Он видел, куда мы свернули.

- Как будто это и так нельзя понять по нашим следам! - проворчал Арвик, но тут вороной под ним пошатнулся, неловко переступив ногами и опуская голову, и принц тут же переменил свое мнение: - Впрочем, мне нужен его конь. Мой сейчас упадет, - он поспешно спрыгнул в снег и требовательно протянул руку за мечом.

Однако Грангельхоф оказался не так прост.

- Велите своим людям сложить все оружие на землю, спешиться и привязать коней, а затем отойти, - потребовал он.

- Вы осмеливаетесь не верить моему слову чести?! - возмутился Арвик так искренне, словно только что не согласился на план предательского убийства своего оппонента.

- Я не могу верить на слово предводителю разбойников, *сэр*, - язвительно ответил барон. - Особенно после того, как вы только что о чем-то шептались с ними. Так что, или вы принимаете мои условия...

- Вы изменник и трус! - крикнул Арвик, надеясь все же спровоцировать его на бой и забрать трофеи. - Вы смеете подвергать сомнению мою честь, а сами лишь тянете время до прибытия ваших сообщников - таких же изменников, нарушивших присягу своему законному королю!

- Я хотел дать вам шанс умереть достойной смертью - от руки рыцаря, а не палача, -

холодно ответил Грангельхоф. - Но если вы отклоняете мое предложение - оставляю вас вашей судьбе, - выждав еще несколько мгновений, он развернулся и поскакал прочь. Преследовать его на измученных конях (хотя и его собственный был, вероятно, не в лучшей форме) навстречу другим гвардейцам было бы, конечно, самоубийственной глупостью.

И не успел еще барон скрыться за деревьями, как вороной Арвика, хотя и избавленный уже от седока, повалился сперва на колени, а затем и набок в снег. Принц еле успел отступить - а затем, пеший и безоружный (Черный так и не успел отдать ему меч - а может быть, даже и не собирался это делать?), почти затравленно оглянулся по сторонам, на трех окруживших его всадников, смотревших на него сверху вниз. До него впервые дошло, что они не просто не выполнят его приказ отдать ему коня одного из них. Им вообще теперь нет никакого резона выполнять его приказы. У него не осталось ничего, что он мог бы им предложить - ну разве что несколько золотых монет в кошеле под доспехами и чуть больше серебром и медью - в седельной сумке (остатки "войсковой казны"), которые они могут забрать и так. Зато сам он, если его связать и выдать его врагам, стоит, очевидно, немало. Арвик хорошо помнил, с какой легкостью "поросята" перешли на его сторону после убийства Юфтлинга. Впрочем, хранить верность покойнику было бы в любом случае глупо. Но с той же легкостью они, очевидно, предадут и живого, который более не может быть им полезен. Уж если его предал даже Дармонт, то эти бандиты...

Напряженную тишину, нарушаемую лишь хриплым дыханием измученных коней, прервал Бурый, также грузно спрыгнувший на землю. Арвик был уверен, что амбал, как самый сильный, собирается его скрутить, и изготовился к последней безнадежной борьбе - понимая, что без меча у него никаких шансов - но Бурый лишь пробурчал: "Похоже, с моим сейчас будет то же самое", - имея в виду, очевидно, своего коня.

- Еще не все потеряно, - торопливо произнес Арвик, делая над собой усилие, чтобы не пятиться от Бурого и не показывать свой страх (ему в эту минуту отчетливо вспомнилось, как Бурый душил его подушкой). - Нам надо только добраться до Фельзенбурга. Это один из лучших замков в стране, и там у нас остается гарнизон... (Арвик прекрасно знал, какого качества этот гарнизон, и "поросята" тоже это знали). Плюс еще полдюжины других замков. (Возможно, уже осажденных, или даже уже взятых, подумал про себя Арвик. Он уже понял, что в его войске были шпионы - неудивительно, ведь вступить в него было так легко! - и теперь был уже готов поверить в то, что каждый его шаг был известен врагу и чуть ли не распланирован заранее с целью завести его в ловушку.) Я - законный король Айринтии. Я еще взойду на трон и сделаю всех вас... - "генералами", хотел сказать он, но в столь явную ложь они бы не поверили, - дворянами, и раздам вам поместья этих изменников... Собственно, - его вдруг осенило, - я готов произвести вас в рыцари прямо сейчас! Сию же минуту, вам не придется ждать вашу награду! Всех троих, за героизм, проявленный при защите вашего короля. Только мне нужен меч... а вы должны спешиться и преклонить колени... ну, вы знаете, это ритуал...

Он еще не решил, действительно ли попытаться купить их лояльность таким посвящением, или же использовать меч иным образом, как только они встанут перед ним на колени (он несомненно успел бы срубить голову одному, при большой удаче - двоим, но троим - точно нет; впрочем, если третьим останется тот, что отдаст ему свой меч...), но тут Черный перебил его мягким тоном взрослого, увещевающего ребенка:

- Все это хорошо, сэр, но прежде всего нам надо отделаться от погони, так что не стоит здесь задерживаться. Похоже, у нас осталось две лошади на четверых, - конь Бурого еще держался на ногах, но, видимо, для езды уже совершенно не годился, - и это вносит некоторые коррективы...

Арвик хотел его перебить, но не знал, что сказать, чтобы тот подчинился. "Отдай мне своего коня и оставайтесь здесь вдвоем с Бурым держать оборону, а я через неделю приведу подкрепление из Фельзенбурга"?

- Мы двое поедем дальше и уведем погоню за собой, - безапелляционным тоном продолжал Черный. - А вы с Бурым сделаете круг по лесу, вернетесь к Каналу и спрячетесь в одной из хижин землекопов. Они не догадаются искать вас там.

- Они найдут нас по следам, - угрюмо возразил Арвик. Проклятый снег, подумал он. Да еще и мертвый конь, наглядно демонстрирующий, что враг остался пешим...

- Нет, сэр, - возразил Бурый, похоже, полностью одобривший этот план. - Мы пойдем по тропе спиной вперед, тогда наши следы не будут ничем отличаться от тех, что натоптали ваши люди с утра. А там, где мы свернем с тропы, будет казаться, что мы, напротив, на нее вышли. Эти подумают, что просто какие-то солдаты отходили в сторону отлить. Они не станут отвлекаться, они погонятся по тропе.

- Именно, - встрял Белый. - Даже увидев мертвого коня, они будут уверены, что тот, кто им нужен, продолжает путь верхом. Они не станут тратить время на пеших.

- Тем паче, скоро уже стемнеет, - продолжил Бурый. - А ночью нас в этих лачугах и подавно никто не найдет и искать не будет.

- Ночью они и нас потеряют, - подхватил Черный. - Так что мы оторвемся от погони и к утру вернемся.

Арвик был вынужден согласиться с этим планом, за неимением лучшего. Коня Бурого плетью и шлепками по крупу прогнали в лес. Неизвестно было, свалится он там замертво или найдет в себе силы оклематься, но, в любом случае, погоня, решившая последовать по этому следу, только потеряет время. Черный и Белый поскакали по протоптанной утром тропе дальше, а принц (по-прежнему безоружный), чувствуя себя идиотом, зашагал по ней спиной вперед, доверясь руководству Бурого, который с легкостью взвалил на плечи седельные сумки их обоих (Арвик предпочел бы оставить свою при себе, помня о деньгах внутри, но не посмел возражать). Через некоторое время они сошли с тропы и все тем же неестественным способом углубились в лес - причем сделали это как раз вовремя, ибо вскоре до них донеслись приглушенный снегом топот копыт и побрякивание сбруи, и в просветах между деревьями замелькали всадники. Арвик и Бурый залегли в снег и лежали так, пока звуки погони не затихли. Затем они продолжили свою "заячью петлю" по лесу и уже в сумерках вновь вышли к концу Канала и баракам землекопов. Еще только утром этого дня принц миновал это место с совершенно другими чувствами, уверенный, что самое опасное - переход через враждебные земли Зольтенов - позади, и впереди его ждет только триумф...

Бараки сооружались как времянка на сезон, и даже тогда совершенно не предназначались для того, чтобы жить в них зимой. А уж теперь проблемой было даже найти среди них хоть один с не провалившейся крышей, и притом такой, какая не грозила бы рухнуть на голову в любую минуту. И даже когда Бурый все же отыскал соответствующее сооружение - с покосившимися во все стороны стенами, наполовину вросшее в землю, наполовину засыпанное снегом - оно, разумеется, продувалось насквозь и через маленькие окошки, где никогда не было стекол, и через щели между тонкими бревнами. Из-за толстого слоя земли, намытой на пол за многие годы бегущими сверху, с вала, ручьями, провисший (но все же подпертый по центру вертикально поставленным бревном) потолок был настолько низким, что не позволял встать в полный рост. И все же это была крыша, под которой можно было переночевать, а на земляном полу можно было даже развести небольшой костер, не опасаясь ни пожара, ни того, что его пламя издали заметят враги. Из мебели сохранился только полусгнивший топчан в углу, где земли было меньше всего. Такой была в эту ночь резиденция принца Арвика Йоргелинга, потомка шестисотлетней королевской династии, наследника (во всяком случае, по его собственному мнению) айринтийского трона.

После заката изрядно похолодало. Бурый развел костерок, подвесил над ним котелок, которым перед этим зачерпнул снега, и бросил туда пару луковиц. Дожидаясь, пока сварится это жалкое подобие супа (которое все же был хоть каким-то способом согреться), он вытащил из

своей сумки длинную и узкую палку колбасы и принялся кусать ее, словно это была какая-нибудь морковка. В холодном воздухе поплыл чесночный дух от его дыхания. Принц смотрел на него почти с отвращением - в его представлении даже в походных условиях колбасу следовало нарезать тонкими ломтиками и укладывать на хлеб. Сам Арвик, наконец получивший доступ к собственной сумке, извлек оттуда завернутые в тряпицу остатки тетерева, подстреленного специально для него накануне одним из его лучников. Ныне охотник, очевидно, был так же мертв, как и его добыча - и еще более бесполезен, чем она.

Все предали, абсолютно все, думал Арвик, механически двигая челюстями, но не чувствуя вкуса. Гвардия. Дворянство. Дармонт. Даже собственный, черт побери, отец, с чего и началось все остальное предательство (сам Арвик, конечно, никогда не верил в байки о подделанном завещании). И даже это тупое мужичье, которое он возвысил до статуса королевских солдат - и которые бросились бежать вместо того, чтобы защищать его. Их наверняка в результате всех перебили, и туда им и дорога, но ему-то от этого не легче. (О том, как он сам запретил им обнажить оружие и перестроиться для обороны, пока не стало слишком поздно, он уже не вспоминал). Остались только "поросята", но разве он может им доверять?! Да - он помнил, как они спасли ему жизнь, буквально прорубаясь сквозь пытавшихся схватить его гвардейцев - но ведь они спасали и себя тоже. Хотя, вероятно, если бы они бросили его, им самим позволили бы уйти. Но - они остались бы ни с чем, а так они, очевидно, спасли его, чтобы потом продать. И если они продолжают спасать его и сейчас, то только для того, чтобы продать потом подороже. Не посредникам, а главному покупателю, точнее, покупательнице... Они оставили Бурого стеречь его, а сами отправились искать того, с кем можно вступить в переговоры на сей счет. И кто знает, с каким эскортом они вернутся утром? Впрочем, если даже и ни с каким - это будет означать все то же самое: они постараются обходиться без посредников как можно дольше, пока не сумеют заручиться обещанием награды от самой узурпаторши или кого-то из ее ближайшего окружения.

Но они же не могли успеть сговориться все трое, вот что главное, понял Арвик. До разгрома у них не было для этого повода, а после - времени. Те двое, что остались сейчас наедине - да, но не третий!

- Бурый, - сказал Арвик, - я действительно впечатлен тем, как ты сегодня бился за меня. И я решил повысить тебе жалование.

- Рад это слышать, сэр, - спокойно ответил тот, продолжая жевать.

- Но тут есть одна тонкость. Как ты сам понимаешь, мы сейчас переживаем... временные трудности. В связи с чем мои ресурсы ограничены. И поднять жалование тебе я могу только за счет твоих товарищей.

- Не думаю, что им это понравится, сэр, - заметил Бурый все так же спокойно.

- Я тоже так не думаю, - осклабился Арвик. - Поэтому я намерен их... уволить.

- Вот как? - амбал оторвался от колбасы и приподнял бровь, впервые демонстрируя нечто, похожее на интерес.

- Ты ведь сможешь работать на меня один, без них? Получая жалование за троих... и, возможно, дополнительные награды в будущем?

- Возможно. Хотя вообще-то мы довольно долго были одной командой, сэр.

- Времена меняются, - пожал плечами Арвик. - На Юфтлинга ты тоже работал довольно долго, не так ли? И, разумеется, ты сможешь сразу же забрать свою долю. Все, что есть у них при себе сейчас - твое.

- Ах вот что вы имеете в виду, - произнес амбал, пристально глядя на него, и принцу снова вспомнилась подушка.

- Мы ведь не хотим, чтобы они в будущем создали нам какие-либо проблемы, правда? - произнес Арвик, надеясь, что его голос звучит твердо, а не заискивающе. - А они могут их создать, ты ведь понимаешь.

- Нет, сэр, - медленно изрек Бурый, - думаю, что не хотим.

Всю ночь Арвик боялся заснуть. Он ежился от холода возле почти не способного согреть костерка (разжигать большой огонь было опасно, его пламя было бы хорошо заметно издали сквозь окна), периодически задремывая и тут же вскидываясь и бросая опасливые взгляды на Бурого, который, напротив безмятежно дрых, лежа на спине (казалось, что такой амбал непременно должен храпеть, но Бурый лишь мирно посапывал). Не раз за эту ночь Арвику приходила мысль, что он мог бы перерезать Бурому горло и уйти, не дожидаясь возвращения двух других. Но, во-первых, он уже не раз видел "поросят" в деле и сомневался, что, даже если Бурый действительно спит, а не притворяется, то не проснется мгновенно, едва Арвик попытается приблизиться к нему с ножом, как бы тихо и осторожно тот ни старался это сделать. А во-вторых, двое других сумеют отыскать его по следам - проклятый снег выдаст его, куда бы он ни пошел, а у них лошади, и ему от них не уйти. Ну и, наконец, остаться *совсем* одному, без всякой помощи и защиты, в его нынешнем положении загнанного зверя посреди вражеской территории было едва ли не рискованнее, чем все же довериться Бурому и его все-таки выдающимся боевым и охранным качествам.

Все-таки удачно, думал Арвик, что он остался наедине именно с Бурым и получил возможность обработать именно его. Логично, что не выдержал конь самого тяжелого из них - и одновременно удачно. Это давало ему, Арвику, наибольшие шансы. Не потому, что Бурый был самым сильным и мог справиться с двумя другими - по-настоящему опасными были все трое, и тот же коротышка Белый, которого многие по невежеству не принимали всерьез, мог метнуть разом два стилета с такой быстротой, что двое других не успели бы и глазом моргнуть - а потом моргать было бы уже нечем и некому. Но Бурый был самым туповатым из всех. Самым умным и, по всей видимости, получившим лучшее образование и воспитание среди них троих был, очевидно, Черный. Арвик практически не сомневался, что в нем течет дворянская кровь - возможно, бастарда, но все же дворянская, и не самого худого рода. Хотя Черный никогда не рассказывал о своем прошлом. Никто из них не рассказывал. Белый, выглядевший почти что балаганным карликом, тоже был типчиком весьма себе на уме. А вот Бурый был вполне классическим недалеким громилой, чья внутренняя суть полностью соответствовала внешнему облику. Да, прекрасно умеющим убивать разными способами, хорошо разбирающимся в оружии, лошадях и всем, от чего зависит эффективность и сама жизнь человека его профессии. Но - все его умственные способности ограничивались чисто техническими навыками. Вопросом "как?" Вопросы "зачем" и "почему", похоже, вообще не возникали под этим крепким черепом. И потому его проще всего было уговорить предать своих ближайших товарищей, почти что названных братьев, всего лишь пошлым обещанием денег - причем намного меньших, чем он мог бы выручить, объединившись с ними и продав принца его врагам...

Под утро Арвик все же задремал, но проснулся, услышав хруст снега на улице, и тут же распахнул глаза. Костер догорел, среди золы и головешек лишь тускло тлели угли. В бараке стоял полумрак - рассвет еще только брезжил, а более светлый дверной проем почти целиком перекрывал силуэт Бурого, который стоял там, глядя наружу, но не проявляя признаков беспокойства (впрочем, Арвик уже знал, сколь обманчива может быть безмятежность Бурого - как, вообще-то, и любого из троицы). Принц встал (чувствуя, как все тело затекло от холода и сна в неудобной позе) и подошел к нему, выглядывая наружу из-за плеча амбала.

Черный и Белый шагали по снегу к бараку (по всей видимости, безошибочно вычислив его по следам еще до того, как увидели Бурого). Пешком. Их лошадей нигде не было видно. Черный, впрочем, сделал Бурому некий знак, вероятно, означавший, что все спокойно и опасности нет, так что, когда двое подошли вплотную, Бурый лишь насмешливо-добродушно спросил:

- Я думал, вы нам коней приведете, а вы, гляжу, и своих лишились?

- Пришлось, - усмехнулся Черный. - Эти гвардейцы оказались чертовски настойчивы и

продолжали скакать по нашим следам, даже когда уже стемнело. Ночь-то, как на грех, ясная, Кольцо светит, луна помогает, следы хорошо видны... Оторваться не было шансов, так что оставался лишь один способ от них избавиться.

- И какой же? - полюбопытствовал Арвик. Очевидно, эти двое не могли перебить три десятка гвардейцев (или сколько их там было), даже заманив их в засаду - да и вряд ли убили даже нескольких, раз не вернулись на трофейных конях. А вот *договориться* с ними... Арвик снова почувствовал холодный страх. Возможно, ему все-таки надо было удрать ночью...

- Плеснули коням под хвост кой-чего из моей особой фляги, - осклабился Белый. - Ну они и помчались вперед, как свеженькие... когда так задницу припекает, и мертвый побежит... (Арвик метнул на него неприязненный взгляд - чрезмерной жестокости по отношению к лошадям он все же не одобрял) ...а эти, само собой, за ними - долго гонялись, наверное, - закончил Белый.

- А вас они, выходит, не заметили? - удивился Арвик. - Там, где вы слезли - сами же говорите - следы на снегу хорошо было видно.

- Так не было никаких следов, - снисходительно пояснил Черный. - Мы не слезали на землю. Мы все проделали там, где деревья высокие, с крепкими сучьями. Ну и на скаку, под такими сучьями проезжая, забросили на них по веревке - сперва он, потом я - и кони дальше ускакали, а мы по веревкам наверх влезли и за собой их втянули. Так полночи на деревьях и просидели, что две совы. Зато забавно было посмотреть, как эти... джентльмены по следу скачут, чуть не носом снег роют, а наверх хоть бы один догадался взглянуть...

- Должно быть, полагали, что мы слишком грешны, чтобы вознестись, - подхватил Белый, вновь скаля свои крупные зубы.

- А ведь святая церковь учит, что всегда надо давать грешникам шанс, - вздохнул Черный, возводя очи к небесам.

- Вы видели, как они вернулись? - спросил Бурый серьезным тоном.

- Нет. Должно быть, к тому времени, как наши кони пали бездыханными, они уже поняли, что потеряли нас, и поехали в свою крепость более короткой дорогой. Вы ведь тоже их не видели?

- Отсюда дороги не видно, - ответил Бурый, - зато и этой лачуги оттуда тоже.

- Ну ладно, не думаю, что они до сих пор рыщут по лесу, как неупокоенные души, - произнес Черный. - Даже гвардейское упорство имеет предел. Так что, полагаю, по крайней мере от этой опасности путь свободен - если мы собираемся идти дальше на юг и на восток.

- Заходите внутрь, - мотнул головой Бурый и отступил в сторону, - к чему обсуждать дальнейшие планы на улице... Хотя нет, погодите - у нас тут, кажись, костер догорел, надо бы новых веток нарубить. Сходите кто-нибудь - лучше ты, Черный, ты ж выше, Белый прыгать замучается.

- Он не выше, он длиннее, - проворчал Белый; похоже, это была традиционная шутка в компании.

- Почему бы тебе самому не сходить? - огрызнулся Черный. - Ты тут всю ночь у костра греешься, а мы на деревьях сидели!

- Так вот как раз и согреешься за работой-то, - возразил Бурый. - Я тебе и саблю мою дам, ею сподручнее рубить, чем твоей ковырялкой. А в этой землянке без огня сидеть холоднее, чем на улице. Разве что Белый тебя согреет в своих объятиях, я так точно не буду...

- Тьфу на тебя! - рассердился Черный. - Ладно, давай свой тесак.

Забрав широкую саблю Бурого, Черный зашагал в сторону леса (его собственный эсток при этом по-прежнему болтался на боку) - а Белый вошел в барак мимо посторонившегося Арвика. Бурый шагнул за ним, не вызвав, разумеется, у коротышки ни малейших подозрений - а затем схватил его сзади за голову - одной рукой за подбородок, другой за затылок - и рывком вздернул в воздух. Это было почти то же самое, что повешение - в том его варианте, когда милосердный палач делает веревку достаточно длинной, чтобы казнимый не умирал от

медленного удушья в петле, а сразу ломал позвоночник. Белый успел еще дернуть ногами и конвульсивно взмахнуть руками, но Бурый столь же резко крутанул его голову - быстрее, чем тело могло успеть повернуться следом за ней - и Арвик явственно услышал хруст ломающихся позвонков. Подержав еще несколько мгновений обмякшее тело коротышки в воздухе, пока не прекратилась последняя дрожь агонии, Бурый аккуратно опустил его на земляной пол в стороне от дверного проема.

Четверть часа спустя вернулся Черный. Оба клинка болтались у него по бокам в своих портупеях, а руки были заняты большой охапкой сучьев. "Ага, клади сюда", - Бурый кивнул в сторону кострища, пропуская его мимо себя - а затем тут же оказался сзади и молниеносным движением набросил удавку. Черный выронил ветки - но, надо отдать ему должное, не все, одной, едва ли не самой толстой, зажатой в правой руке, он попытался наугад ударить врага по голове - однако от первого удара тот легко уклонился, а второй вышел слабым и скользящим, совершенно безвредным. Подскочивший тем временем Арвик выхватил эсток у Черного из ножен, и у него мелькнула мысль, не пронзить ли сейчас одним ударом обоих - момент, кажется, был самый подходящий, а узкий и длинный эсток хорошо протыкает даже сочленения лат (для чего он, собственно, и придуман), а тем паче бригантные доспехи. У Бурого, возможно, мелькнуло то же подозрение, потому что он вместе со своей жертвой сделал шаг назад и прохрипел, продолжая затягивать удавку: "Я справлюсь, сэр!" Действительно, через несколько мгновений бессильно обмякло и тело Черного. После того, как второй труп лег на землю рядом с первым, Арвик все же не отказал себе в удовольствии на всякий случай проткнуть эстоком сердце каждого.

Бурый, которому были обещаны все трофеи, тщательно обыскал и обобрал убитых (Арвик с внутренней усмешкой наблюдал, как он без малейшей рефлексии обшаривает тела своих многолетних товарищей - не раз, вероятно, спасавших ему жизнь в схватке, как, впрочем, и он им), после чего двое живых позавтракали остававшимися припасами и тронулись в путь.

Из всех возможных вариантов пути на восток - а Фельзенбург по-прежнему оставался последней надеждой Арвика, хотя он догадывался, что не успеет добраться туда пешком прежде, чем замок будет осажден - они все же выбрали прежний, через леса графини Алиссы по уже протоптанной тропе. Сперва они пошли этим путем лишь для того, чтобы вырезать (точнее, вырубить мечом, ибо ночной мороз сделал свое дело) лучшие куски мяса из трупа вороного - это был самый простой, быстрый и надежный способ пополнить съестные припасы. А потом Арвик рассудил, что тем, кого разыскивают, идти через лес все же безопаснее, чем по открытой местности, где до сих пор могут рыскать конные патрули, и что по протоптанной тропе двое (а не целая армия, где прокладывающие путь остальным могут постоянно чередоваться) пересекут эти опасные места намного быстрее, чем по глубокому снегу. В конце концов, на этой тропе их уже искали, и есть надежда, что не будут искать снова. Скорее всего, понял Арвик, Черный и Белый не соврали и действительно просидели ночь на деревьях - если бы они успели сговориться с врагами, то, вероятно, все же привели бы их с собой. Ну и потом, у пешего есть шанс заметить всадника на коне раньше, чем тот - его

Так оно, в конечном счете, и получилось.

Это произошло уже вечером, после целого дня утомительного пути. Хотя на протяжении всего этого дня Бурый то и дело оглядывался - и даже периодически вновь принимался идти спиной вперед, уже не ради следов, а чтобы не пропустить опасность сзади - всадник показался спереди. Он был один, и у Арвика мелькнула мысль, как было бы неплохо, подпустив его вплотную, убить и завладеть его конем - но это была, конечно, глупая идея, и ноги уже сами несли принца прочь с тропы, а Бурый не замедлил за ним последовать. Двое отбежали, пригибаясь, в сторону и рухнули в снег за кустами, закрывшими их со стороны тропы. Сами они в то же время могли видеть всадника в щели между ветками.

Он ехал в кольчуге с нагрудником и при мече, но без каких-либо знаков принадлежности

типа сюрко гербовых цветов, и, похоже, действительно совершенно один, а не впереди некоего отряда. Арвику показалось, что он узнает эту фигуру, хотя лошадь огненно-рыжей масти (хорошо заметная в зимнем лесу, благодаря чему, собственно, принц и заметил всадника издали) была совсем не той, что он помнил.

И все же, когда одинокая фигура подъехала ближе, подозрение перешло в уверенность.

- Дармонт, - процедил сквозь зубы Арвик. - Чертов предатель. Уж не меня ли он тут разыскивает? Променял меня на этого коня?

- Небось, просто едет мимо, - столь же негромко пробурчал Бурый. - Откуда ему знать, что мы здесь.

Но, подъехав к тому месту, где они убежали с дороги, Дармонт остановился и повернул коня в их сторону. Разумеется, никакие кусты не могли скрыть от него двойную цепочку следов.

- Это вы, сир? - окликнул он. - Можете выходить. Опасности нет. У меня для вас добрые вести.

- Так я тебе и поверил, - пробормотал под нос принц.

- Если там кто-то еще из людей его высочества Арвика, выходите без страха, - продолжал Дармонт. - Вы меня знаете, я майор Дармонт. И я нашел нам союзников.

Арвик и Бурый по-прежнему не шевелились, и тогда Дармонт поехал по им следам, продолжая взывать:

- Сир, я говорю правду. Вы можете полностью мне доверять. Вспомните, что я оставался верен вам даже в самые трудные минуты.

- Особенно вчера, да! - гневно воскликнул Арвик, поднимаясь с эстоком в руке. Прятаться, очевидно, больше не имело смысла. - Вы бросили меня, как последний трус!

- Сир, со всем почтением вынужден заметить, что я настойчиво говорил вам об опасности, но вы, к сожалению, не пожелали меня слушать. Моя смерть там не принесла бы никакой пользы. Зато то, что я сохранил жизнь, позволило мне...

- Вы обязаны были остаться и защищать меня до последнего! - не слушал Арвик.

- Я видел, что вам удалось прорваться, - невозмутимо ответил Дармонт. - Моя помощь была нужнее в другом месте.

- Это - единственный человек, который у меня остался! - Арвик гневно указал на Бурого, не уточняя, что стало с двумя другими. - Мы лишились коней! А вы имеете наглость до сих пор сидеть в седле, когда ваш... король стоит перед вами!

- Сир, - терпеливо произнес Дармонт, - я пытаюсь вам объяснить, у вас будут теперь и кони, и люди, причем не такой сброд, как вчера. Собственно, я уже привел их вам.

- Где? - Арвик повертел головой - и тут увидел, как между деревьями к ним приближаются другие кавалеристы, целый отряд. Пока все внимание принца - и даже, похоже, расслабившегося после утомительного пути Бурого - было сосредоточено на огненно-рыжей лошади Дармонта и на нем самом, с тыла к ним подтянулись всадники на конях чубарой и серо-пегой мастей - идеальный окрас, чтобы теряться в мешанине древесных стволов, заснеженных ветвей и длинных теней вечернего зимнего леса. То, что они ехали не по тропе, а по лесу в стороне от нее (но, видимо, не теряя из виду яркое пятно дармонтовой лошади), куда более походило на поведение охотников, подбирающихся к добыче, нежели спешащих на помощь союзников - но Арвик, в первый миг, конечно, снова подумавший о предательстве, тут же сообразил, что они находятся на враждебных землях графини Алиссы, а потому для любых его союзников - если это просто отряд, а не огромная армия - благоразумно все-таки по возможности маскироваться.

Но радость принца от этой мысли длилась совсем недолго. Он даже не успел расспросить Дармонта, что это за союзники и откуда они тут взялись, когда разглядел, несмотря на игру теней и вечернего света, цвета их нарамников. Косая белая полоса на зелено-черном поле, повторенная двумя рядами по два - цвета графов Зольтенов!

- Это же люди графини Алиссы! - принц в отчаянии и ярости снова повернулся к Дармонту, стискивая в руке рукоять эстока и готовый броситься на предателя.

- Сир! - Дармонт предостерегающе выставил руку ладонью вперед. - Выслушайте же меня! Это наши друзья! Графиня Алисса на вашей стороне!

- Но... - растерянно пробормотал Арвик, - как такое возможно? Ее муж Бургхельм... или, - как бывало с принцем уже не раз, сразу же за вспышкой самого глубокого отчаяния его захлестнула волна самой пылкой надежды, - он тоже?...

- Графиня все объяснит вам при личной встрече, сир. Я скакал всю ночь, чтобы побеседовать с ней сегодня утром, а затем вместе с ее людьми отправился искать вас. Счастье, что мы благополучно встретились, теперь позвольте препроводить вас в ее замок.

Арвику ничего не оставалось, как вновь довериться Дармонту и его словам. Само собой, у подъехавших кавалеристов были запасные кони для принца и для Бурого (на самом деле - для всех троих "поросят", ибо Дармонт видел, что из окружения вырвались четыре всадника, но ныне благоразумно не задавал вопросов, что стало с двумя из них). В Зольтенхолл они прискакали уже глубокой ночью, но графиня ждала гостей.

Алисса Зольтен-Бургхельм оказалась невысокой и худощавой, почти миниатюрной женщиной - ростом едва по плечо Арвику, однако абсолютно прямая осанка, длинная шея (подчеркнутая высоким воротником) и горделиво поднятый подбородок создавали впечатление, что она выше. Ей было чуть больше тридцати - на пятнадцать лет меньше, чем ее мужу. Ее узкое лицо не могло снискать ей славу красавицы - подбородок был чуть длиннее, губы - тоньше, а глаза - меньше, чем полагается по классическим канонам (и в уголках глаз уже залегли первые морщинки, хотя высокий лоб оставался идеально гладким), однако могло считаться по-своему привлекательным - если бы она улыбнулась. Но она не улыбалась. Ее серые глаза смотрели холодно и строго; в первую минуту она, казалось, ощупывала взглядом лицо Арвика, придирчиво сличая его черты с известными ей портретами - и лишь затем соизволила ответить на его приветствие коротким наклоном головы (и не более чем, хотя этикет предписывал приветствовать наследника престола реверансом). Столь же строгим было и ее одеяние - коричневое платье без всяких украшений, лишь с узкой кружевной окантовкой стоячего воротника и длинных манжет. Ее густые и волнистые каштановые волосы, впрочем, были убраны в сетку с мелким жемчугом на пересечении нитей - единственный (помимо золотого перстня с гербом) элемент роскоши во всем ее облике.

Она пригласила принца отужинать с ней. На Дармонта приглашение со всей очевидностью не распространялось - впрочем, с ним она все обсудила еще утром, и сейчас не спавший двое суток майор и сам мечтал лишь о том, чтобы поскорее добраться хоть до какой-нибудь постели. Арвик и сам был преизрядно вымотан почти бессонной ночью, долгим путем пешком, а затем быстрой скачкой - но сейчас нервное возбуждение заставило его забыть об усталости. Ужин состоялся в небольшой, явно приватной столовой, освещенной довольно скупо - одними лишь свечами в канделябрах на столе, светильники на стенах оставались погашены. Впрочем, искусство графских поваров и качество поданных к столу вин заслуживало всяческих похвал - особенно учитывая, что предыдущей трапезой Арвика была полусырая с одной стороны и обгорелая на костре с другой конина, запиваемая водой из растопленного снега.

Графиня снисходительно наблюдала, как принц орудует челюстями. Затем, когда он утолил первый голод, произнесла:

- Просто во избежание недоразумений. Я в полной мере представляю себе ваше текущее положение, так что не стоит делать вид, будто оно лучше, чем есть. Те два человека, с которыми вы приехали - это все, что у вас осталось. Вообще всё.

- Есть еще Фельзенбург! - ответил Арвик оскорбленным тоном. Она не прибавляла при обращении к нему не то что "сир", но даже "сэр"! Однако пока что он был вынужден это терпеть, ибо положение его, и в самом деле...

- Он будет сдан в ближайшие дни, если уже не сдан, - ответила графиня таким тоном, словно отмахивалась от докучливой чепухи. - Как только королевские войска подойдут к нему, шпионы, что внутри, откроют ворота.

- Откуда вам это известно? От вашего супруга?

- Он не делится со мной военными секретами, - слегка качнула головой графиня. - Но не требуется иметь доступ к штабным тайнам, чтобы это сообразить. Ваша идея собрать под свои знамена весь сброд северо-востока Айринтии была прямым приглашением Тайной Страже - и не только ей, а вообще любому желающему - заслать в ваше войско столько шпионов, сколько им будет угодно. Так что, если вас до сих пор не прирезали прямо в вашей спальне, то, видимо, только потому, что кое-кому вы все еще нужны в качестве живого пугала сейчас или живого трофея потом. В качестве, к примеру, свадебного подарка... Но этот кое-кто вам, безусловно, не союзник. Единственный ваш союзник теперь - я.

- И ваш муж? - задал, наконец, Арвик наиболее интересовавший его вопрос.

- Нет, - поморщилась графиня. - Он твердо встал на сторону Элинор и, полагаю, останется ей верен. Во всяком случае, в нынешних обстоятельствах точно. У него есть прямой резон доказывать свою лояльность ей и нет никакого резона переходить на вашу сторону.

- Тогда какой резон у вас? - спросил Арвик напрямую и тут же предположил: - Личная месть? Он изменяет вам?

- Нет, это едва ли, - ответила Алисса все тем же пренебрежительным тоном. - Да и какое это имеет значение... Давайте сперва закончим с вашими резонами. Я могу дать вам то, чего никогда не даст ни мой муж и никакой иной мужчина[89] в королевстве. И что укрепит ваши позиции получше, чем иная армия. Наследника.

Арвику вспомнились рассуждения Дармонта на эту тему, и он понял, о чем тот говорил с графиней минувшим утром. Однако Алисса определенно не была вдовой.

- Но... - произнес он слегка растерянно, - вы ведь понимаете, что наследник престола может быть рожден только в законном браке.

- Разумеется.

- То есть вы хотите стать королевой? - наконец сообразил принц. - А как же ваш муж?

- Разумеется, он должен умереть, - ответила Алисса тоном очевидной констатации. - Только не надейтесь, что я стану подсыпать ему яд. Он должен умереть в честном бою, как положено воину. В конце концов, он этого заслуживает, - произнесла она без тени иронии.

- То есть вы не испытываете к нему ненависти? - еще раз уточнил Арвик.

- По-своему я его даже уважаю, - дернула плечом графиня. - Но - что он может мне дать? Его род куда менее знатен, чем мой. Даже если, допустим, за победу над вами ему пожалуют графский титул - хотя и это едва ли, учитывая, насколько легко одержать такую победу сейчас - у меня уже есть свой собственный, который ценится выше. А герцогами в наше время не делают. Короли айринтийские уже не первое поколение дают герцогские титулы только своим братьям и сыновьям, дабы не создавать чересчур знатных конкурентов правящей династии. Ну, полагаю, это вы знаете не хуже меня. Большего богатства на королевской службе, чем имеет род Зольтенов, он тоже не заработает. Ну, допустим, его произведут в полные генералы, тем паче что Гартхарда должен кто-то заменить. Ну и что дальше? Одно время я рассчитывала, что он сможет стать коннетаблем. Но, похоже, при Элинор это место занято теперь уже до конца ее царствования. А царствовать она, в ее-то возрасте, намерена долго. И ее избранник тоже моложе моего нынешнего. Вот, собственно, и все перспективы. А с вами я стану королевой. А мой сын - королем Айринтии.

- Сын, - задумчиво произнес Арвик. - Однако этот сын еще должен родиться. Пока что, насколько мне известно, у вас нет детей, хотя - сколько лет вы уже в браке?

---

[89]В оригинале - nor any other man, что звучит как "никакой иной человек".

- В бесплодности брака всегда обвиняют женщину, - невесело усмехнулась Алисса, - хотя далеко не всегда справедливо.

- Ах вот оно что, - рассмеялся принц. - Стало быть, бравый генерал, мужественный защитник Севера, на самом деле не очень-то силен... по мужской части? Но теперь я понимаю ваши альтернативы. Если вы останетесь с ним, род Зольтенов не то что не станет королевским - он просто угаснет.

- Да.

- Но... я все-таки не понимаю, - недовольно пробормотал Арвик (он очень не любил чего-то не понимать). - Почему именно сейчас? Полгода назад вы не очень-то стремились меня поддержать, хотя тогда мои шансы были гораздо выше... во всяком случае, с точки зрения обывателей, - поспешно добавил он. - А сейчас, когда, как вы говорите... идти на такой риск... Это потому, что Дармонт предложил вам этот план только сегодня... то есть вчера утром?

- Нет, - покачала головой графиня, - ваш Дармонт предложил мне лишь то, что я уже сама обдумывала и раньше. Просто полгода назад из желающих выстроилась бы длинная очередь. А я уже не так молода, чтобы в нее становиться. Особенно учитывая, какой вступительный взнос мне бы пришлось заплатить без всякой гарантии на победу, - она, очевидно, говорила об убийстве мужа. - А сейчас у меня не осталось конкуренток. Мы с вами оба в отчаянном положении, каждый по-своему - и нам остается только заключить сделку.

- Откровенно, - усмехнулся Арвик.

- Надеюсь, вы не думали, что я стану разыгрывать перед вами любовную сцену?

- Упаси Троица, - поморщился принц. - Терпеть не могу женских сцен и женского лицемерия. Но если мы говорим о сделке, каковы ваши условия?

- Я все их уже назвала. Я выхожу за вас замуж сразу после смерти моего супруга... сразу, обойдемся без полугодового траура. И мой сын - или, если такова будет воля Троицы, моя дочь - унаследует ваш трон. При этом смерть моего мужа должна быть почетной, а не позорной. В бою, а не на плахе. Пусть даже это будет не эпическая битва, а какая-то мелкая стычка...

- Хорошо, хорошо, - нетерпеливо перебил Арвик. - Осталось решить самый главный вопрос. Как вы намерены обеспечить мою победу? Вашей личной армии все же недостаточно, чтобы сражаться против королевской армии - особенно против королевской и личной армии Райнбальда, вместе взятых.

- Я постараюсь решить эту проблему в ближайшее время, - ответила графиня таким тоном, словно речь шла о второстепенной, чисто технической мелочи. - Пока что я дам вам убежище в замке. Здесь вы в полной безопасности. Мой муж, как вы понимаете, безвылазно находится на севере - Элинор прямо запретила ему пересекать старую границу - а мои слуги верны мне и, главное, никто из них не знает, кто вы такой на самом деле.

- И сколько мне тут сидеть? - огрызнулся Арвик.

- Пока не появится возможность действовать наверняка, - пожала плечами Алисса, - или, во всяком случае, с большими шансами на успех. Трон стоит ожидания, не так ли?

Ждать Арвику пришлось более двух недель. Все это время он провел практически на положении узника, которому прямо не запрещалось, но настоятельно не рекомендовалось, "ради его же собственной безопасности", покидать отведенные ему покои в одной из угловых башен замка. Его людей разместили рядом; им так же не было позволено не то что покидать замок, но даже выходить во внутренний двор - гулять можно было, лишь поднимаясь на верхнюю площадку башни. Арвик из принципа отказался от прислуги графини, заявив, что ему будет прислуживать его собственный телохранитель; теперь в обязанности Бурого входило подавать принцу всю еду (к каковой лакейской роли он явно был непривычен, но исполнял ее со смирением, подбадриваемый, разумеется, своим немыслимым для любого лакея жалованием в 33 кроны в месяц, каковое, впрочем, ему пока что все равно негде было тратить); также Бурый охранял сон принца, лежа на пороге его спальни (что как раз вполне соответствовало его

привычным обязанностям). Во всем этом демонстративном недоверии людям графини не было, разумеется, никакого практического смысла - если бы она хотела причинить какой-либо вред принцу, она бы давно это сделала, и все заинтересованные стороны это понимали, но Арвик, вынужденный пассивно ждать, пока его судьбу решат за него, из принципа демонстрировал свою независимость хотя бы так. Кормили его (и его людей) по-прежнему превосходно, но чаще всего ему теперь приходилось трапезничать в обществе Дармонта, ибо графиня навещала будущего супруга даже не каждый день и, как правило, лишь на несколько минут, чтобы спросить, во всем ли ему удобно и не желает ли он чего еще. Однажды, обозлившись, Арвик ответил, что желает танцовщицу (каковая профессия традиционно пользовалась в Айринтии весьма двусмысленной репутацией), на что графиня невозмутимо ответила, что приглашать в замок танцовщиков, музыкантов, менестрелей, актеров и тому подобную постороннюю публику было бы сейчас неблагоразумно - даже если принц будет смотреть и слушать из-за ширмы, слухи о наличии в графском замке некоего таинственного гостя (или гостей) совсем не желательны. Впрочем, графиня готова прислать принцу свою лютнистку (лютнистке было за пятьдесят, и в ней было по меньшей мере сорок фунтов лишнего жира, но играла она действительно превосходно), от какового любезного предложения Арвик отказался. Само собой, при всякой встрече он спрашивал графиню о новостях, но их почти не было - если не считать известия о падении Фельзенбурга, которое, впрочем, пришло позже, чем ожидала графиня. То есть солдаты Райнбальда действительно отправились брать замок, как только Арвик выступил в свой бесславный поход на запад, но Магнус, которого принц оставил во главе гарнизона, сочтя, что он слишком стар и толст, чтобы брать его с собой, неожиданно сумел организовать достаточно неплохую (особенно учитывая качество доставшегося ему контингента) оборону и даже выявить и схватить внедренных агентов в тот самый момент, когда они пытались открыть врагу ворота. Головы незадачливых шпионов вывесили в назидание осаждающим на стене замка рядом с головой Годвина Два Меча, но бурное воодушевление, охватившее при этом событии защитников, быстро сошло на нет. Вчерашние крестьяне и горожане, никогда прежде не противостоявшие профессиональным солдатам, попросту не имели достаточной стойкости и решимости, чтобы выдерживать осаду. Особенно когда из-под стен им каждый день кричали, что их армия уже разгромлена, "самозваный принц" убит, так что на помощь им никто не придет, и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Окончательно убедили их привезенные с запада головы Черного и Белого, чьи тела рыскавшие в поисках Арвика гвардейцы в конечном счете все же обнаружили. Мятежники, сидевшие в Фельзенбурге, хорошо знали, что Арвик никуда не ходит без своих телохранителей, и эта демонстрация решила дело. (Вопрос, где же, в таком случае, голова самого Арвика, имел простой и логичный ответ - ее увезли прямиком в Дракенхайм.) Так что следующей же ночью защитники Фельзенбурга связали Магнуса и открыли ворота. Что их, впрочем, уже не спасло - обозленный долгим сопротивлением командир осаждающих приказал повесить всех (предварительно, впрочем - согласно данным ему инструкциям - допросив некоторых из них в присутствии представителя Тайной Стражи, запротоколировавшего показания).

Арвик, однако, не имел возможности наблюдать все перипетии этой драмы, ибо поступавшие ему сведения были слишком скудны. Алисса не скрывала от него деталей - просто известия, получаемые с востока ей самой, были именно настолько лаконичны: "Фельзенбург осажден людьми Райнбальда" (что было вполне ожидаемо - коль скоро Фельзенбург был теперь семейным владением коннетабля, то освобождать замок он отправил личную армию, благородно не привлекая для этого государственные ресурсы), "Все еще не взят", "Видимо, пока еще нет, поскольку нет новых сведений" и, наконец, "Замок взят, все мятежники повешены". В частности, принц так и не узнал, какую роль в осаде Фельзенбурга сыграло нежелание его и Бурого возиться, пряча или уничтожая трупы двух других "поросят". Впрочем, даже узнав об этом, Арвик едва ли бы сильно расстроился. Фельзенбург был уже пройденным этапом, а принц

смотрел в будущее. Которое, однако, все никак не желало наступать. Алисса говорила, что ведет некие переговоры, но сообщит об их результатах позже, когда эти результаты появятся - а пока что она сама вынуждена ждать ответа на отправленные ей письма, и в который раз призывала принца набраться терпения - каковое всегда было едва ли не самой несвойственной ему добродетелью...

К его услугам были книги, но, хотя Арвик и был хорошо образован, как полагается наследнику престола, читать, в особенности длинные книги, он не любил. Его внимание быстро отвлекалось на его собственные мысли, и взгляд начинал бездумно скользить по строчкам, не цепляясь за смысл. Так что из всех способов коротать время принцу оставались разве что шахматы с Дармонтом и кости с Бурым. Причем от первого занятия он вскоре отказался, потому что Дармонт чаще всего выигрывал, что приводило принца в бешенство. Хуже всего было то, что нельзя было ни наказать Дармонта за это, ни велеть - или хотя бы позволить! - ему поддаваться, ибо такая победа была бы еще унизительнее поражения. Однако игра в кости - в том числе и проигрыши - не вызывала у него таких эмоций. Во-первых, это была неблагородная игра с неблагородным соперником, а стало быть, не заслуживала серьезного к себе отношения. Как с усмешкой сформулировал для себя Арвик, "проиграть в кости собственному слуге - все равно что испортить воздух при собственной собаке". Во-вторых, что еще важнее, главной в этой игре была случайность, а не ум или умение, и, стало быть, проигрыш не означал ровным счетом ничего обидного. Вот разве что несколько проигрышей подряд вызывали у Арвика дикую вспышку ярости, так что Бурый вскоре сообразил - после третьего выигрыша подряд надо непременно делать перерыв, даже если его высочество настаивает на продолжении. Впрочем, Арвик, которому совсем не нравилось приходить в ярость (хотя он ничего не мог с собой поделать), тоже быстро сообразил, что в таких случаях, как бы ни хотелось отыграться, лучше не настаивать. В целом за две недели Бурый умудрился несколько раз проиграть и отыграть обратно свое - правда, не нынешнее, а прежнее - месячное жалование, а больше ничего не происходило.

Но, наконец, настал день, когда (при окончательном счете 3 гульдена и батцен в пользу принца) им стало не до костей.

Апрель уже перевалил за середину. После долгой и снежной зимы весна вступила в свои права уже по всей территории Айринтии, но ее теплу радовались далеко не все - дороги сделались сплошным месивом из воды и грязи, низины кое-где затопили паводки, Иммермур превратился в одну гигантскую лужу, практически непреодолимую уже даже по старой гати, скрывшейся под водой. На море, правда, уже открылся сезон навигации, но это никак не могло помочь городам и крепостям, находившихся вдали от побережий - практически любое передвижение между ними, будь то по военной, коммерческой или иной надобности, прекратилось в ожидании конца распутицы. И в этот-то самый период Зольтенхолл был взбудоражен известием о скором прибытии весьма непростых гостей.

Посольство Гроггендорской империи, которого тщетно ждали в Айринтии всю зиму, наконец-то направлялось в Дракенхайм! С точки зрения обывателя, конечно, трудно было подобрать более неудобное время для длинного путешествия, но, очевидно, соображения высокой политики были важнее капризов природы. Делегация двинулась в путь из своих северных земель, когда там еще лежал снег; на айринтийских новых землях ей пришлось сделать длительную остановку, пока экипажи переставляли с полозьев на колеса (попросту пересесть в кареты, предоставленные айринтийской стороной, имперцы, очевидно, считали ниже своего достоинства), но и после этого им не раз приходилось останавливаться, пока местные крестьяне - или айринтийские солдаты - вытаскивали экипажи из грязи. Наконец по мосту через Канал - тому самому, возле которого была уничтожена "народная армия" Арвика - посольство пересекло старую границу, направляясь дальше на юг и оставляя Зольтенхолл далеко в стороне. Однако известия о совершенной непроходимости дороги через Иммермур (не то чтобы совсем неожиданное), а также о мосте на западном тракте, разрушенном весенней водой

(впоследствии не подтвердившееся), заставили посла фон Клюйста избрать новый маршрут - вокруг Иммермура через восточное побережье. И вот на этом пути Зольтенхолл был не то что удачным, а попросту единственным подходящим местом для остановки - иначе высокой делегации пришлось бы ночевать под открытым небом посреди леса. Побочным, но удачным следствием этого обстоятельства - вызванного, разумеется, исключительно капризами весны - был тот символичный факт, что гостеприимство имперскому посольству окажет супруга человека, командующего айринтийскими войсками на территории, служащей причиной спора между двумя странами. Символизм этот был не угрожающим, а напротив - выражающим надежду на мирное разрешение всех разногласий и установление прочных добрососедских отношений между державами - за что вечером в пиршественном зале Зольтенхолла было поднято немало тостов. Посол фон Клюйст особенно поздравил хозяйку (и в ее лице всех айринтийцев) с благополучным окончанием гражданской смуты, столько месяцев терзавшей Айринтию, и выразил надежду, что отныне правительство ее величества Элинор сможет, "отложив в сторону меч, сосредоточиться на вопросах мирного созидания и взаимовыгодной торговли, каковая есть лучшая основа дружбы и процветания народов". Графиня Алисса в своем ответном слове отметила, что она не полномочна отвечать за королеву, однако тоже жаждет установления прочного мира, который позволил бы ее супругу наконец вернуться домой.

Принц Арвик, само собой, не присутствовал при этом обмене любезностями. Он даже не видел прибытия посольства - окно в его башне выходило на север, где простирались лишь глухие леса, а не на идущую с востока дорогу, и с самого утра у дверей его апартаментов была выставлена стража, почтительно, но твердо просившая принца не покидать покоев даже для того, чтобы подняться на вершину башни. Собственно, он даже не знал, кто именно прибыл в замок - графиня лишь велела передать ему (не найдя времени явиться лично), что гости замка "могут иметь прямое касательство к успеху нашего предприятия" и что ему следует, как всегда, набраться терпения. В обычное время ему принесли ужин, который в гастрономическом плане был филиалом того, что подавали в большом зале, но в плане политическом, разумеется, был отделен от него пропастью. Желая узнать хоть какие-то новости, Арвик даже отказался от привычных уже услуг Бурого, дабы лично расспросить слуг графини, но они лишь отвечали со всею почтительностью: "Не могу знать, мой лорд". И вот уже совсем поздно, когда разозленный Арвик решил-таки отправиться спать, в дверь снова постучали.

Получив разрешение, в комнату вошел высокий парень в ливрее Зольтенов, статью и осанкой, однако, больше походивший на воина, чем на слугу.

- Мой лорд, - коротко, опять-таки не по-лакейски, поклонился он, - покорно прошу вас последовать за мной. Вас ожидают.

- Кто? Графиня?

- Нет, сэр. Джентльмен, желающий переговорить с вами по интересующему вас делу, суть которого известна вам, а не мне. И, - добавил слуга, заметив, как Арвик протянул руку к портупее, - прошу вас оставить ваш меч здесь, сэр. Джентльмен, ожидающий вас, не вооружен.

Арвик застегнул камзол и последовал за своим провожатым - сперва по освещенной факелами винтовой лестнице вниз, до самого, кажется, подземелья, потом по полутемному коридору с низким сводом, затем снова наверх, но на куда меньшую высоту (Арвик не поручился бы, оказались они в итоге выше или ниже уровня земли) и, наконец, оказался перед узкой стрельчатой дверью. "Вас ожидают," - повторил слуга, пропуская принца. Арвик потянул дверь на себя и вошел.

За дверью обнаружилась совсем небольшая каморка со сводчатым потолком, лишенная окон. Ее освещали свечи в четырех ветвистых канделябрах, расставленные по углам квадратного столика. Этот столик и два стула - с высокими деревянными спинками, но без мягкой обивки - составляли всю мебель. На столике стоял большой ларец - почти что дорожный сундук, а на одном из стульев - отодвинувшись от стола к стене, так что его лицо почти скрывалось в

полумраке - сидел человек. Можно было, впрочем, разглядеть, что лицо его длинное и узкое, обрамленное светлыми волосами, ниспадающими на широкий кружевной воротник черного (а может, темно-фиолетового) бархатного камзола.

- Ваше высочество, - он поднялся и поклонился, гораздо более глубоко, чем только что делал это простой слуга. - Я Расмус ван Хлюкке. Секретарь имперского посольства.

Арвик почувствовал некоторую растерянность при этом признании. Не то чтобы он вовсе не допускал такой мысли, но все же верил (ибо хотел в это верить), что Алисса ищет ему союзников внутри Айринтии. Сколько бы его враги ни называли его гроггендорским агентом, с того момента, как он поднял свой мятеж, он не видел ни одного высокопоставленного гроггендорца. Правда, он получал кое-какие письма, полные дипломатических двусмысленностей и не содержавшие (хотя, впрочем, и не требовавшие) никаких конкретных обещаний. Вроде бы империя собиралась прислать своего представителя в Айзеншлосс - но Арвик не стал его дожидаться, он надеялся выиграть войну и корону одним стремительным броском... а потом... известно, что случилось потом. В том числе - и с посольством Гроггендора в Дракенхайме, и у Арвика были основания опасаться, что этой операцией он, мягко говоря, не приобрел себе друзей в Ингварштаде. Хотя, конечно, формально доказать, что за поджогом стоял именно он, было бы непросто, и если бы он победил, имперцы наверняка предпочли бы забыть этот эпизод, возложив всю вину на проигравшую сторону - но, поскольку он проиграл... Однако непохоже было, что ван Хлюкке прибыл сюда в качестве мстителя и карателя.

Гроггендорец, очевидно, заметил его замешательство и произнес:

- Хочу заверить вас, что Император весьма сожалеет о той несправедливости, которой вы подверглись, и о тех ударах судьбы, которые вам довелось испытать, отстаивая свои наследственные права. Однако дела, как известно, говорят лучше всяких слов, а потому предлагаю перейти сразу к делу и прошу вас открыть этот ларец, - он протянул Арвику небольшой ключик.

Арвик повернул ключ и двумя руками поднял крышку. Не смея верить собственным глазам, он глядел на открывшееся ему зрелище. В чуть дрожащем свете свечей густым маслянистым блеском сверкало золото. Ларец был весь полон золотых монет. Арвик едва удержался от искушения запустить в них руки по самые запястья и еще глубже, до самого днища - дабы окончательно удостовериться, что это не обман, что под тонким слоем золота не скрывается какой-нибудь мусор...

- Вы хотите сказать, что это всё... - пробормотал он, не в силах оторвать взгляд от монет.

- Даже не в долг. Всего лишь дружеская помощь. Империя понимает, в сколь затруднительном положении вы сейчас находитесь, - снисходительно кивнул ван Хлюкке. - Война, к сожалению, требует серьезных расходов. И это мы тоже понимаем очень хорошо. А потому предпочитаем решать дело миром там, где это возможно.

Арвик, наконец, перестал прикидывать в уме, какое количество наемников можно купить на такую сумму, и вновь поднял взгляд на гроггендорца.

- Каковы ваши условия? - требовательно произнес он. На языке у него вертелось пафосное: "Я родиной не торгую!" (что, несомненно, красиво звучало бы в будущих посвященных ему балладах), но он не был уверен, что сможет и захочет это сказать.

- Как я уже сказал, нам не нужна война, - улыбнулся ван Хлюкке, - что бы там ни утверждала по этому поводу пропаганда вашей соперницы. Нам нужен мир, сотрудничество и свобода торговли. Мы готовы признать суверенитет Айринтии над Южным Бугенхольмом, который у вас именуют "новыми территориями", на условии их демилитаризации, допуска туда наших купцов и отмены пошлин. Мы уже предлагали этот мирный план королеве Элинор, но она, к сожалению, отвергла его. Соответственно, мы рассчитываем, что король Арвик проявит большее благоразумие. Так что, если вы подозреваете, что никакие подарки не делаются просто так, то вы, безусловно, правы - но я уже сказал вам, в чем тут состоит наш интерес.

- Демилитаризация, - угрюмо повторил Арвик. Вопросы экономики его никогда не занимали, и на отмену пошлин он согласился бы с легкостью - тем паче что многие в Айринтии его бы поддержали. Кроме разве что контрабандистов, которые лишились бы своих доходов... А вот вывод войск с северных территорий был в Айринтии вопросом настолько болезненным, что принц даже в самом отчаянном положении не решался идти здесь дальше туманных намеков.

- Если вы полагаете этот пункт самым сложным, - вновь покровительственно улыбнулся дипломат, - то, позволю себе заметить, на самом деле дело обстоит с точностью до наоборот. Он как раз самый простой. Собственно, это уже практически решенный вопрос...

- Что вы имеете в виду?

- Разжигание гроггендорофобии, - вздохнул ван Хлюкке, - в конечном счете оборачивается против тех, кто ее разжигает. Стремясь демонизировать нас, правительство Элинор распускает слухи о якобы готовящемся нашем нападении в ближайшие месяцы, если не недели. И как должны реагировать на это солдаты, находящиеся на острие предполагаемого удара на территории, где нет должных укреплений, население которой настроено к ним не особенно дружелюбно и которую у них в общем-то нет исторических оснований считать своей? У нас есть источники, позволяющие судить об их настроениях... кое-что я даже видел и слышал сам во время нашего пути через эти земли. Достаточно легкого толчка - скажем, дезертирства или бунта какого-нибудь маленького отряда - и вся северная армия побежит... то есть я хотел сказать - покинет свои позиции. Что было бы, несомненно, большим уроном для айринтийской чести. А у вас есть возможность спасти лицо Айринтии, проведя организованный вывод войск. согласно указу короля Арвика... знаете, как говорят: не можешь предотвратить - возглавь... и получить вместо орды дезертиров и мародеров преданное войско, готовое служить своему будущему королю... причем преданное не только по эмоциональным, но и по материальным причинам, - дипломат кивнул на ларец. - Если вы разумно распорядитесь этими деньгами и этими людьми, ваша коронация в Дракенхайме - только вопрос времени, причем недалекого. Но вы не должны мешкать, пока дисциплина северной армии еще не рухнула. Сделать из солдат толпу дезертиров намного легче, чем совершить обратную трансформацию.

- Значит, - усмехнулся Арвик, - на самом деле Гроггендор не собирается нападать, даже если мы выведем войска?

- Зачем, если мы и так получим то, чего добиваемся?

- Свободная торговля и отмена пошлин?

- *Взаимовыгодная* свободная торговля, чего не понимают только узколобые гроггендорофобы. Я бы даже сказал - единое таможенное пространство. В конце концов, мы же родственные народы, объединенные общей верой...

По лицу Арвика пробежала раздраженная гримаса, и ван Хлюкке сообразил, что слишком увлекся, забыв, кто именно перед ним. Для человека, преданного собственным отцом, воевавшего с дядей и осужденного на смерть сестрой, слово "родственный" едва ли несло положительную коннотацию - как, кстати, и слово "вера", которое, скорее всего, ассоциировалось у него с Фабиасом. - Наши настоящие враги - там, за морем, - поспешно закончил дипломат, имея в виду, очевидно, Тлукаляхан, хотя Ибикейская республика тоже подходила.

Принц снова посмотрел на золото, запустил все же руку в ларец, пропихнул ее до самого дна, затем пересыпал горсть монет из одной руки в другую. Монеты были не только, по всей видимости, подлинными (только презренные ростовщики из насмешливых баек пробуют золото на зуб, на самом деле благородную тяжесть золота нетрудно распознать даже на вес), но и айринтийскими - или, во всяком случае, выглядели отчеканенными в Айринтии, с профилем короля Гумбольдта на каждой. Никто не скажет, что он покупает себе трон за гроггендорские деньги.

- Что ж, - изрек Арвик царственным тоном (ему уже мерещились кучи таких монет с его

собственным профилем), - я принимаю ваше предложение.

- Мудрое решение, ваше высочество, - вновь поклонился ван Хлюкке. - Да, кстати - как я понимаю, вас можно поздравить со скорой свадьбой? Это тоже весьма мудрое решение. Графиня Алисса, наша гостеприимная хозяйка - чудесная женщина, вполне достойная стать парой королю. Я был бы рад лично присутствовать на вашей свадьбе, но не знаю, позволят ли мои дипломатические обязанности - ибо, по всей видимости, это радостное событие произойдет еще до вашего вступления в Дракенхайм... но, в любом случае, вы можете рассчитывать на свадебный подарок, даже если я не смогу вручить его вам лично.

"Она подстраховалась, - понял Арвик. - Это часть сделки, гроггендорцы выступают гарантами, что я не отступлюсь от своего обещания жениться на ней, даже получив деньги и солдат... Ну да, конечно - им нужна лояльная к ним королева. Но если они надеются, что смогут вертеть мной через жену, то они очень ошибаются!"

И настойчивые намеки на то, что от него ждут быстрых действий, его тоже совершенно не смущали. Арвику чертовски надоело терпеть.

"Граф Райнбальд разводится!" Эта новость облетела двор стремительней и взбудоражила его больше, чем известие о скором прибытии гроггендорского посольства. Вывод, который делали из этого придворные сплетники - а следом за ними и люди посерьезней - был вполне однозначным: коннетабль наконец-то добился согласия от королевы - пока что, разумеется, неофициального - и вот теперь предпринимает предпоследний шаг, за которым уже должно последовать официальное обручение. Законы и обычаи Айринтии предусматривали четыре основания для развода - доказанная супружеская измена, неизлечимая болезнь (особенно психическая или бесплодие - последнее, впрочем, обычно позволяло мужу оставить жену, но не наоборот, однако Райнбальд уже имел от своей супруги двух дочерей), осуждение за тяжкое преступление и постриг в монахи. Леди Элен Райнбальд, недолго пробывшая графиней Фельзенбург, как сообщалось, избрала последний вариант, удрученная смертью мятежных брата и племянника и решившая удалиться от мира, дабы замаливать их грехи. Люди более посвященные шептались и о том, какие истинные причины стояли за этим ее решением, делавшим Райнбальда не только снова свободным мужчиной, но и наследником всего немалого состояния Фельзенбургов. Говорили, что показания, полученные от бунтовщиков, схваченных в замке Фельзенбург, однозначно изобличают леди Элен, великодушно прощенную королевой за соучастие в первом мятеже, в прямой и преднамеренной поддержке второго. Говорили, что это подтвердила и вдова мятежного графа, ныне также решившая удалиться от мира.

Так или иначе, Локхарт, который в последнее время волей-неволей вынужден был отказаться от прежнего затворничества (когда он покидал свои апартаменты почти исключительно ради встреч с Элинор и тренировок с Габриусом) и вести более светскую жизнь, замечал теперь бросаемые на него сочувственные взгляды и шепотки, смолкающие при его приближении. Он уже воспринимался, как проигравший, как фаворит, чья стремительно взошедшая звезда теперь столь же быстро закатывалась. В практическом плане это было, наверное, скорее хорошо - ибо Локхарт уже успел неоднократно столкнуться с тем, о чем его когда-то предупреждал де Сегюр: с настойчивыми просьбами незнакомых и малознакомых людей похлопотать за них перед королевой, каковые просьбы обычно (особенно после отказа) сопровождались и предложением материальной компенсации за услуги, что Локхарта особенно возмущало. (Хуже всего было то, что однажды с просьбой "похлопотать" - пускай изрядно завуалированной и не сопровождавшейся, разумеется, предложением взятки - к нему подкатил и сам де Сегюр, который, похоже, задался целью получить настоящее, а не "добровольское", айринтийское дворянство, каковое было теперь и у Локхарта, и даже у Вельо). При этом полковник знал от самой Элинор, что слухи беспочвенны и никаких обещаний Райнбальду она не давала (хотя и продолжала разыгрывать с ним все ту же игру "лояльность в обмен на

надежду", не подкрепляя эту надежду ничем весомым, но и не давая ей угаснуть вовсе) - просто, очевидно, коннетаблю наскучило ждать, и он решил прибрать наследие Фельзенбургов к рукам именно сейчас. И все равно все эти "понимающие" взгляды и перешептывания Локхарта чертовски раздражали. Особенно после того, как он пару раз явственно расслышал в этих шепотках слово "поджигатель". Люди, которые еще недавно восторгались "освободителем первопрестольной столицы", слушали оды в его честь и выстраивались в очередь, чтобы лично засвидетельствовать ему свое восхищение, теперь охотно повторяли идиотское прозвище, запущенное и распространяемое, как он ничуть не сомневался, Райнбальдом. Однажды Локхарт со стыдом поймал себя на мысли, что даже жалеет о слишком легком разгроме второго мятежа Арвика, благодаря чему коннетабль мог по-прежнему оставаться в столице. Полковник готов был согласиться уже почти на что угодно (кроме, конечно, полномасштабного гроггендорского вторжения), лишь бы это вынудило чертова графа убраться куда-нибудь подальше от Дракенхайма. Впрочем, несмотря на поголовное уничтожение своего воинства, сам Арвик вновь не был найден ни живым, ни мертвым, и это тоже не радовало.

Де Сегюр тоже раздражал еще больше, чем прежде. С тех пор, как Локхарт объяснил ему, что не раздает дворянские титулы ("Вы же сами объясняли мне, граф, что единственным "источником чести" является монарх"), они почти не общались, хотя и продолжали проживать в соседних покоях. Локхарт и раньше не очень-то доверял французу, а теперь - поскольку тот был человеком Фабиаса, а Фабиас стоял за Райнбальда - и вовсе воспринимал де Сегюра как противника. Впрочем, тот не ждал милостей от королевы или бывшего командира, а развивал собственную бурную деятельность, о которой теперь уже почти не рассказывал. Локхарт знал лишь, что он завел контакты по своей прямой части, т.е. в ведомстве канцлера Зиглера, и стал вхож там в некие кабинеты, хотя никакой официальной должности пока что не получил.

Один лишь Вельо наконец-то наслаждался жизнью. После чествования во дворце он сделался известен, и к нему до сих пор не приклеили никаких бранных кличек - видимо, потому, что он не лез в политику, не стоял ни у кого на пути и, соответственно, не имел врагов. Он обзавелся чем-то вроде фан-клуба, куда входила весьма разношерстная молодежь - и простые солдаты, и дети торговцев, очарованные военной романтикой в противовес скучному семейному бизнесу, и даже кое-кто из мелких городских дворян, склонных не к армии с ее дисциплиной, а, напротив, к богемному образу жизни. Вся эта компания регулярно устраивала пирушки и гулянки в городских кабаках, пила, веселилась, горланила песни собственного сочинения (умение Вельо ругаться на двух десятках мертвых теперь языков также было оценено по достоинству) - оставаясь, впрочем, в рамках относительного приличия и избегая ненужного членовредительства (чему зароком был сам Вельо, габариты которого заставляли любых трактирных буянов мигом становиться пацифистами). Иногда Локхарт завидовал этой безмятежности, иногда искренне радовался за наконец-то переставшего хандрить товарища - но иногда этот легкомысленный образ жизни доктора наук, почетного профессора и т.д. и т.п., окончательно забросившего изучение тлукаляханского и вообще, похоже, интеллектуальную деятельность как таковую (если не считать сочинения скабрезных куплетов), тоже вызывал у полковника приступы раздражения.

Именно от Вельо, возвратившегося с очередной гулянки, Локхарт узнал городскую новость - на площади Правосудия, где все еще болтался на виселице начавший уже гнить под апрельским солнцем труп айзеншлосского самозванца, была выставлена на пике голова, как гласила табличка, "главаря мятежников". Локхарт был удивлен не столько самой этой новостью, сколько тем, что узнает от ней вовсе не от Элинор или хотя бы кого-то из ее приближенных - если Арвик действительно наконец-то был мертв и его тело обнаружено, то, очевидно, как бы ни была занята королева, она должна была поделиться с ним этой радостной вестью, тем паче что таковая уже не была секретом для всей столицы. Или - мелькнула у Локхарта скверная мысль - Элинор уже не считает необходимым делиться с ним даже настолько важными вещами?

Несмотря на позднее время и гадкую погоду - холодный ветер и периодически срывавшуюся мелкую морось - он потребовал коня и поехал лично взглянуть на голову.

Площадь Правосудия, откуда, в назидание другим, месяцами не убирали останки казненных, и днем-то производила малоприятное впечатление, а уж ночью выглядела просто классической иллюстрацией к сюжетам об ужасах мрачного средневековья. Колеблющийся на ветру свет потрескивающих факелов озарял орудия казни и гниющие останки. Поскрипывала крепкая веревка, на которой покачивалось то, что осталось от злосчастного ординарца. Иссохший труп организатора поджога, прикрученный цепями к столбу, низко наклонил исклеванную птицами голову, словно прося прощения. Но до этих мертвецов Локхарту не было дела, и он, некогда воспитанный в совсем иной атмосфере, теперь уделял им не больше внимания, чем коренной уроженец этого мира. Выдернув из держателя факел на длинной ручке и стараясь не обращать внимания на запах, он подъехал вплотную к интересовавшей его голове.

Она также пребывала не в лучшем состоянии - над ней потрудились и птицы, и разложение - но, несмотря на довольно длинные светлые волосы, какие в принципе могли бы отрасти у Арвика за четыре месяца, у Локхарта ни на миг не возникло сомнения, что это не Арвик. Хотя надпись на прикрепленной к пике доске была именно той, о которой говорил Вельо.

Что ж - выходило, что горожан в очередной раз кормят утешительной ложью. Настоящий Арвик, кстати, по-прежнему официально считался убитым под стенами Дракенхайма. Возможно, это и было политически оправдано, но Локхарту определенно не нравилось. Ложь, тем паче принимающая систематический характер, плоха уже тем, что чревата разоблачением - которое не только опровергнет ее саму, но и подорвет доверие к любой правде, исходящей из того же источника... А еще - в глубине души он все же чувствовал себя уязвленным, что его не поставили в известность об этом, пусть и не самом важном, решении.

На следующий день состоялся очередной совет у королевы, куда был приглашен и Локхарт и где, разумеется, присутствовал и Райнбальд. Несмотря на мрачное настроение, в которым пребывал полковник, начался совет в атмосфере почти что благодушной. Ситуация в стране выглядела лучше, чем когда бы то ни было за все время с начала мятежа Арвика. Теперь мятеж был подавлен окончательно, армия полностью подчинялась королеве, реформа военной гвардии протекала своим чередом и хотя и была еще далека от завершения, но новых возмущений на этой почве едва ли следовало ожидать - последние события показывали, что Арвик полностью потерял поддержку гвардейцев. Личная гвардия королевы, как доложил Айбенхорст, так же постепенно восстанавливала свою численность после понесенных тяжелых потерь - хотя, конечно, часть пополнения составляли новобранцы, которым еще требовались упорные тренировки, чтобы полноценно заменить погибших предшественников...

Локхарт все ждал, пока речь зайдет о мерах по поиску Арвика, поглядывая при этом не на Райнбальда ("армия уже сделала свое дело"), а на Крампа - но тот молчал. Не выдержав, Локхарт сам задал этот вопрос.

- Пока что, к сожалению, мне не о чем доложить, - ответил ровным тоном генеральный дознаватель. - Принимаются все меры к розыску. Но, если он решил залечь на дно... Айринтия, может, и невелика по сравнению с соседями, но достаточно велика, чтобы в ней было где спрятаться одному человеку - во всяком случае, до тех пор, пока он не проявит себя. Конечно, с его стороны было бы крайне неблагоразумно делать это. Все его ставки - на рыцарскую армию, военную гвардию и даже чернь - провалились, одних он погубил, другие от него отвернулись, так что ему больше совершенно не на кого опереться. Однако, насколько я знаю его характер - едва ли он уйдет в отшельники до конца жизни.

- Но вы уверены, что это был именно он?

- В этом никаких сомнений нет. Это подтверждают показания не только моего агента, но и гвардейцев, видевших его близко.

- В таком случае, - усмехнулся Локхарт, - чья голова торчит на площади Правосудия?

Несмотря на то, что Крамп крайне редко проявлял что-то, похожее на эмоции, от внимания Локхарта не укрылся мгновенный неприязненный взгляд, который он метнул в сторону Райнбальда.

- Известного разбойника по кличке Годвин Два Меча, - ответил он и добавил: - Это трофей лорда коннетабля, - причем это было произнесено не тоном, воздающим должное чужому успеху, а так, словно Крамп хотел подчеркнуть, что снимает с себя всякую ответственность.

Локхарт понял, что Райнбальд выставил голову на площади по собственной инициативе, не спрашивая согласия ни Крампа, ни даже королевы и фактически делая их всех заложниками своей лжи, которую теперь уже поздно опровергать.

- Если этот разбойник столь известен, его могут опознать и понять, что это не тот, кто возглавлял мятеж, - жестко произнес Локхарт, сверля взглядом Райнбальда. Он все еще мыслил реалиями своей эпохи, где известность подразумевала, что фото и видео человека знакомы миллионам, и коннетабль тут же напомнил ему, что теперь совсем другие времена:

- Он известен только по имени. Из тех, кто видел его в лицо, совсем немногие остались в живых - включая как жертв, так и, теперь уже, сообщников. И он действительно играл существенную роль в мятеже. Между прочим, барон, - добавил Райнбальд с усмешкой, - это именно он захватил *ваш* замок Памберкраст, ныне освобожденный моими людьми. За что вы, вообще-то, могли бы меня поблагодарить.

- Тем не менее, главарем мятежников он не был, - ответил Локхарт, игнорируя последнюю реплику. - И когда это выяснится - а это выяснится уже хотя бы тогда, когда мы поймаем настоящего - получится, что правительство ее величества лгало своему народу.

- Был одним из главарей. Так что это, собственно, не ложь. А народ пускай верит в то, во что хочет верить, ради его же спокойствия. Кстати, разве не вы одобрили куда более явную ложь насчет предыдущей головы, якобы принадлежавшей бывшему принцу Арвику? Я на тот момент еще не занимал свой пост.

- Это было решение, принятое на совете. А вы свое приняли, не советуясь ни с кем. Со своей репутацией вы можете делать, что вам угодно, но вы не должны единолично принимать решения, способные бросить тень на репутацию ее величества! - в этот миг Локхарт имел в виду не только инцидент с головой разбойника.

- Кто бы говорил! - прищурился Райнбальд. - Напомните мне, какую должность *вы* занимаете, раз она позволяет вам указывать второму лицу в государстве, что он должен и не должен делать?

- Лорды! - вмешалась, наконец, Элинор. - Прекратите это! Давайте вернемся к обсуждению более конструктивных вопросов, касающихся интересов королевства.

- Да, мэм, - поклонился ей Райнбальд. - Все мы служим интересам королевства, кто как умеет. Одни разжигают пожары, другим приходится их тушить.

- Этот пожар потушили отнюдь не вы! - не сдержался Локхарт. - Вся заслуга в разгроме мятежников принадлежит военной гвардии, подчиненной полковнику Вульфеншванцу, - тому и в самом деле уже было пожаловано это звание, ибо командующему всей гвардией несолидно было оставаться просто майором, - а непосредственное командование осуществляли офицеры, назначенные лично ее величеством. Плюс помощь Тайной Стражи, своевременно снабдившей их информацией, - Локхарт коротко кивнул Крампу. - А весь ваш вклад свелся лишь к тому, что вы послали своих людей забрать у разбойников замок вашей жены, который перед этим сами же им и...

- Сэр Эрик! - перебила королева. - Я же просила вас! Вас обоих!

- Ничего страшного, ваше величество, - Райнбальд, лицо которого уже складывалось в гневную маску, вновь нашел в себе силы снисходительно улыбнуться. - Барону Локхарту, в силу его неопытности в вопросах стратегии, простительно не понимать суть некоторых операций,

связанных с дезинформацией противника...

- Лорд Райнбальд! - гневно возвысила голос королева.

- Прошу прощения, ваше величество, - смиренно поклонился коннетабль, бросая исподлобья угрюмый взгляд на Локхарта.

- Вы должны извиниться не только передо мной, но и перед бароном Локхартом, - потребовала Элинор. - И раз и навсегда прекратить эти выпады в его адрес!

- Мои извинения, барон, - холодно поклонился Райнбальд.

- А вас, сэр Эрик, - продолжала королева, - я также прошу выбирать выражения и помнить, что лорд коннетабль находится на своем посту только потому, что туда назначила его я.

- Прошу прощения, ваше величество, - поклонился и Локхарт, уже научившийся оценивать подобные формулировки, когда формальный упрек в его адрес был одновременно и намеком Райнбальду - мол, я тебя назначила, я тебя могу и снять в любой момент. - И у лорда коннетабля тоже, если *форма* моих слов показалась ему обидной.

- Все, закончили с этим, - торопливо произнесла Элинор. - Лорд канцлер, какие новости о гроггендорском посольстве?

- Направляются к нам вдоль восточного побережья, мэм, - ответил Зиглер. - Якобы из-за паводков, сделавших невозможными другие маршруты. Сейчас они, вероятно, где-то здесь, - он показал на рельефной карте.

- Это значит, что в Дракенхайм они прибудут через земли Хагентрауба, - констатировала Элинор. - А виноват, конечно, паводок. Не удивлюсь, если они специально откладывали посольство в ожидании столь удобной погоды...

- При всем уважении, мэм, скорее все-таки в ожидании исхода мятежа, - возразил Зиглер. - Без так называемого принца Арвика граф Хагентрауб не является самостоятельной силой, которая могла бы представлять интерес для Гроггендора. Я очень сомневаюсь, что они попытаются разыграть тот же прием, что и с северными лордами Бугенхольма, которым они обещали независимость в обмен на предательство. Этот пример слишком недавний и слишком наглядный, чтобы кто-то еще попался в эту ловушку.

Упоминания Арвика, Гроггендора и Хагентрауба неожиданно сложились в мозгу Локхарта, словно части головоломки.

- Лорд канцлер! Не могли бы вы показать, как именно проходил маршрут посольства от самой границы? - попросил он. - Насколько, конечно, нам это известно.

Зиглер старательно повел пальцем по дорогам.

- То есть, - воскликнул Локхарт, видя, что его гипотеза подтверждается, - они проехали практически через то самое место, где состоялся разгром Арвика, или Дункельта, или как там теперь его принято называть - и где его видели живым в последний раз?

- Чуть западнее, а потом свернули на восток чуть южнее, - подтвердил канцлер, - но это было спустя две недели после битвы.

- Неважно, - мотнул головой Локхарт. - Предположим, что две недели он прятался где-то в лесу. Там же к востоку, как раз на маршруте посольства, обширные леса...

- Их прочесывали, - отозвался Крамп, - но, конечно, невозможно заглянуть под каждый куст. Теоретически он мог... Значит, вы полагаете, что имперское посольство...

- Провело его эвакуацию, - кивнул Локхарт. - И сейчас, пользуясь своей неприкосновенностью, везет его через любые патрули прямиком к Хагентраубу, где старые союзники вновь воссоединятся.

- Понятно, зачем это ему, - согласился Зиглер, - он сейчас простит Хагентраубу любые обиды за недостаточную помощь в прошлом. Понятно, зачем это Гроггендору - он поддержит любую смуту в Айринтии. Но зачем это Хагентраубу? Сил для новой войны с королевской армией у него недостаточно, к тому же у нас его сын и наследник...

- Возможны разные варианты, - задумчиво заметил Крамп. - Вплоть до обмена так

называемого Арвика на собственного сына - о чем первый, как и его гроггендорские покровители, конечно, не догадываются. И что было бы совсем неплохим выходом - если только Хагентрауб не потребует в придачу еще какие-нибудь преференции. А он, скорее всего, потребует. Но могут быть и сценарии намного хуже. В любом случае, версия барона Локхарта представляется мне довольно убедительной. Но проверить ее будет затруднительно. Попытка остановить и обыскать дипломатический кортеж, кто бы ее ни предпринял - даже, допустим, какие-нибудь недобитые мятежники... особенно после того оскорбления, которое наши подданные уже нанесли империи...

- Никаких оскорблений не будет, - возразила Элинор. - Наоборот. Посольству будут оказаны максимальные почести. Прежде, чем оно въедет на земли Хагентрауба, его встретит почетный эскорт, возглавляемый лично... - взгляд королевы на миг задержался на Зиглере, но затем сместился, - вторым человеком в королевстве! Лорд коннетабль, пожалуй, и в самом деле чересчур засиделся в столице. Но я возлагаю на него всю надежду в этой чрезвычайно ответственной и деликатной миссии.

- Я? - Райнбальда эта идея явно застала врасплох. - Но, очевидно, для подобной миссии я не смогу взять с собой армию... или сколь-нибудь значимые силы. Только небольшой отряд почетного эскорта, с которым мы должны будем дважды пересечь очевидно недружественные земли Хагентраубов - сперва навстречу посольству, а потом сопровождая его. Я, разумеется, исполню любой приказ ее величества, но... достаточно ли благоразумно командующему королевской армией отправляться фактически без охраны на вражескую территорию?

Локхарта так и подмывало поддеть его: "Боитесь, граф?", но он благоразумно промолчал.

- Любая... провокация против вас со стороны Хагентрауба - даже если она будет оформлена как нападение неких неизвестных разбойников - будет означать для него открытую войну, - возразила королева. - А на это он, как тут только что было сказано, пойти сейчас не может. Даже если бы он осмелился захватить командующего моей армией, соотношение сил все равно слишком не в его пользу.

- Но в чем будет заключаться наша миссия? Просто в том, чтобы не выпускать так называемого принца Арвика из кареты - коль скоро вытащить его оттуда мы не имеем права? А если он все же попытается выйти, когда мы будем окружены солдатами Хагентрауба?

- Если Хагентрауб открыто, у вас на глазах, примет государственного преступника, это будет точно так же означать войну, - ответила Элинор.

- А гроггендорское посольство, столь же открыто поучаствовавшее в подобном преступлении против законов Айринтии, потеряет свой статус, - добавил Зиглер. - Даже если предположить, что они ищут повод для войны - это неподходящий сценарий. В этом случае лицо теряют они, а не мы.

- Как будто это помешает им напасть, - проворчал Айбенхорст.

- Если бы они хотели напасть без повода, они бы так и сделали, что бы мы ни предпринимали, - возразил канцлер. - Но если им нужен повод, то такой - не годится.

- Так где они сейчас, говорите? - Райнбальд наклонился над картой. - Хм... успеть встретить их на северной границе графства Хагентрауб будет совсем непросто.

- Но возможно? - требовательно осведомилась Элинор.

- Если скакать почти круглосуточно, меняя лошадей... Причем могу предположить, что на землях Хагентрауба новых лошадей не удастся раздобыть даже за золото.

- Их там просто не осталось, - кивнул Айбенхорст. - Те, что были, или пошли в солдатские котлы под стенами Дракенхайма, или погибли в бою, или стали нашими трофеями.

- Можно, конечно, взять заводных коней, но это не то, что свежие, - продолжал коннетабль. - Даже лошади, бегущей налегке, нужно иногда отдыхать.

- Но обязательно ли встречать их на границе графства? - возразил Локхарт. - Вряд ли они собираются высадить Арвика там. Скорее всего, они повезут его прямо в Хагенхолл. Они ведь

ничего не будут знать о скачущем навстречу эскорте, и люди Хагентрауба не успеют их предупредить. Голубя в движущийся кортеж не пошлешь, а конный гонец не опередит вас.

- И более того, - вмешался Крамп, также наклоняясь над картой. - Куда голубя послать можно, так это в Фихтерн. Тогда мои люди успеют разрушить мосты через Флиссу, - он провел пальцем вдоль изображения недлинной реки, вытекающей из Иммермура и впадающей в океан. - Мостов всего два, и они невелики - летом эту речку можно переехать вброд, но не сейчас. Они хотели паводка - они его получат. Поскольку переправляться на лодках, бросив свои экипажи, они, очевидно, не будут, ремонт моста задержит их минимум на пару дней.

- Отлично, - кивнула королева и вновь обратилась к Райнбальду: - В этом случае вы гарантированно успеваете.

- Но все же поторопитесь, мой лорд, - уточнил Крамп. - Иногда бывает, что даже из нескольких голубей ни один не долетает до цели. Особенно когда находятся желающие им помешать.

Райнбальд вновь одарил Локхарта тяжелым взглядом, но вынужден был повиноваться воле королевы.

Локхарт надеялся остаться наедине с Элинор после совещания (и ему, откровенно говоря, доставило бы особенное удовольствие сделать это на глазах у Райнбальда, наконец-то - пусть даже всего на несколько дней - отсылаемого из столицы), но на этот раз королева попросила остаться Зиглера, дабы, очевидно, обсудить с ним какие-то дипломатические вопросы в свете скорого прибытия посольства.

Сразу же после совещания Локхарт решил отправиться на прогулку. Было довольно ветрено, но солнечно (по синему весеннему небу бежали лишь редкие взлохмаченные облака), и полковник решил, что поездка по городу, или даже вокруг него, где уже сошел весь снег и сочно зеленела молодая трава, поможет ему поднять настроение (остававшееся, несмотря на тактическую победу над Райнбальдом, достаточно скверным). В своей прежней жизни он ненавидел интриги среди своих, среди людей, делающих общее дело на одной стороне - и вот теперь был втянут в них по самые уши, так, что даже само нежелание в них участвовать было бы воспринято другими, как слабость и капитуляция. Насколько все-таки проще иметь дело с машинами... или хотя бы с лошадьми!

Погруженный в эти мысли, он шагал через двор, направляясь к конюшне, как вдруг услышал за спиной: "Сэр! Лорд Локхарт!"

Он досадливо обернулся, ибо уже понял, кто его нагоняет. Так и есть - Рауль Хагентрауб. В последние недели юноша, как и предсказывала Виолетта, несколько раз пытался заводить с ним беседу, начиная с общих тем, дабы потом перейти на тему королевы. Полковник сухо сворачивал такие разговоры, но, похоже, влюбленного мальчишку это ничуть не отрезвляло. Локхарт успел уже обсудить эту тему и с Элинор, спросив у нее полушутливым тоном, не думает ли она, что Хагентрауб-старший заслал к ней сына с матримониальными целями. Королева искренне рассмеялась в ответ, а когда поняла, что это была не совсем шутка, серьезно добавила, что вряд ли граф настолько наивен, чтобы всерьез на такое рассчитывать. Локхарт не стал уточнять, считает ли она подобную идею абсурдной из-за родовой истории напряженных отношений между Йоргелингами и Хагентраубами (и твердого нежелания первых усиливать последних), или же из-за того, что не воспринимает всерьез самого Рауля, или из-за всего вместе - в любом случае было очевидно, что Раулю ничего не светит даже чисто теоретически.

И вот теперь, когда полковник еще менее, чем обычно, был расположен к разговорам с ним, парень нагонял его бегом, стуча башмаками по брусчатке двора. На поясе у него болтался едва не бивший его по ногам длинный и узкий эсток. Будучи официально в Дракенхайме не узником, а почетным гостем, графский сын имел право носить личное оружие везде, кроме королевских покоев, но Локхарт, и без того раздраженный, подумал, что смотрится этот мотающийся на бегу меч, особенно в сочетании с расфуфыренным штатским костюмом, ничуть

не романтически (как, возможно, полагал юноша), а довольно нелепо

- Прошу меня простить, - бросил полковник через плечо, не замедляя шага, - но я спешу. Я должен ехать, - он произнес это таким тоном, словно речь шла не о прогулке, а о деле государственной важности.

- Это не займет много времени, сэр, - юноша, наконец, поравнялся с ним. - Зная вас как человека чести, чьему слову можно доверять, кто не опустится до клеветы, исходя из личных симпатий и антипатий или соображений политики...

"Тебе бы следовало читать поменьше книжек, парень", - сердито подумал Локхарт, слушая вполуха все эти витиеватые обороты.

- ...правда ли, что граф Райнбальд разводится с женой?

- Да, - коротко буркнул Локхарт. Не было никакого смысла скрывать факт, известный уже всему двору.

- А правда ли, что для этого он заставляет ее уйти в монастырь, обвинив в государственной измене, будто бы она сдала замок мятежникам, хотя на самом деле это подстроил он сам?

- Да, - ответил, не задумываясь, Локхарт, желая поскорее отвязаться (конюх уже выводил ему навстречу игреневого) - и только тут сообразил, что ляпнул лишнее. - То есть, - поспешно добавил он, - мне так говорили, но у меня нет никаких доказательств, и вообще я не обсуждаю лорда коннетабля за его спиной, и вам делать этого не советую.

- Да, сэр, - ответил молодой человек, и глаза его сверкнули мрачной решимостью. - Благодарю вас, сэр, - он коротко поклонился, развернулся и поспешил прочь.

"Побежал писать письмо королеве, открывающее глаза на ее, по его мнению, избранника? - подумал Локхарт. - Или просто запивать горе в кабаке? Впрочем, неважно, за ним есть кому присмотреть..."

Полковник сел в седло и выехал со двора, больше не думая о мальчишке.

Хотя Райнбальд и сопротивлялся навязываемой ему (с подачи все того же чертова Локхарта) миссии, с момента, когда он принял ее, у него и в мыслях не было исполнять ее абы как или, тем более, проваливать специально. Напротив, он намеревался сделать все, от него зависящее, наилучшим образом. Все-таки, он не мог это не признать, версия Локхарта вполне могла оказаться верной.

Так что он собирался отправиться в путь как можно быстрее, но, разумеется, торжественный эскорт, возглавляемый самим коннетаблем, не может состоять из первых попавшихся солдат, попрыгавших на первых попавшихся лошадей. Требовались рыцари с хорошей родословной, в парадных доспехах, со знаменами, на самых сильных и быстрых конях (которых, конечно, потом все равно придется менять, но это позволит выиграть в скорости хотя бы в начале пути).

Райнбальду удалось организовать все это менее чем за четыре часа, и он мог по праву собой гордиться. К исходу этого времени (до заката оставалось чуть более двух часов, и выезжать решено было немедленно, с тем, чтобы ехать и бо́льшую часть ночи при свете Кольца) в большом дворе дома, выделенного королевой коннетаблю в качестве дракенхаймской резиденции и расположенного совсем недалеко от дворца, собралось восемнадцать рыцарей - часть из них были вассалами самого Райнбальда, сопровождавшими своего сеньора со времен битвы за Дракенхайм, часть - кавалеристами королевской армии и еще трое - знатными столичными аристократами, оказавшимися достаточно легкими на подъем, чтобы откликнуться на доставленные гонцами Райнбальда призывы. Всего, таким образом, вместе с самим Райнбальдом, его знаменосцем и четырьмя молодыми оруженосцами[90] (поскольку миссия

[90]Термин "оруженосец" не следует понимать просто как слугу, заботящегося об оружии господина. Обычно оруженосцами были молодые воины, ожидавшие своего посвящения в рыцари.

предполагалась небоевая, больше не требовалось, но при необходимости можно было использовать их в качестве гонцов), набралось две дюжины человек.

Большинство были уже в седлах и ждали только сигнала. Райнбальд, в парадных латах с узорчатой гравировкой и золоченым гербом на груди (волк с ягненком в пасти, пронзаемый копьем), в шлеме с навершием также в виде золотого наконечника копья, отдал мажордому последние распоряжения на время своего отсутствия и, звонко цокая ошпоренными солеретами по каменным плитам, вышел во двор и быстро зашагал к оседланному коню, которого держал под уздцы конюх.

- Сэр! Лорд Райнбальд! - услышал он вдруг сбоку молодой голос.

Коннетабль обернулся, думая, что это один из оруженосцев или, возможно, кто-то из слуг (хотя и не узнал его по голосу - но он и не обязан был помнить их голоса, обыкновенно с прислугой общался мажордом). Однако к нему быстро подходил юноша в штатском, но явно дорогом бархатном костюме с кружевными воротником и манжетами, с качеством которого, впрочем, никак не сочетались травинки сена, приставшие к одежде и запутавшиеся у парня в волосах. На боку у него висел длинный эсток. Некоторые из всадников косились на него с любопытством, но, несмотря на странности во внешности, никто не помешал ему войти во двор и приблизиться к коннетаблю, вероятно, считая, что он или послан с поручением, или это еще чей-то оруженосец, в последний момент примчавшийся просить разрешить ему участвовать в миссии, дабы таким образом заслужить свое посвящение. Если так, то он уже опоздал, и в любом случае Райнбальду не был нужен нечетный. В то же время лицо юноши показалось коннетаблю смутно знакомым - где-то он видел его при дворе, на каких-то церемониях в задних рядах...

- Что вам, молодой человек? - нетерпеливо бросил граф. - Я спешу по важному государственному делу.

- Я Рауль Хагентрауб, сын графа Хагентрауба! - выкрикнул юноша так громко и звонко, что у Райнбальда едва не заложило уши от резонанса в шлеме. Теперь он вспомнил - ну да, конечно...

- И при всех этих благородных рыцарях, - продолжал молодой человек, - я обвиняю вас в том, что вы лжец и подлец, сэр! Вы обвинили вашу супругу, леди Элен Райнбальд-Фельзенбург, в государственной измене, которую подстроили вы сами, с целью отправить ее в монастырь и завладеть ее состоянием! Желая защитить честь оной благородной дамы, оклеветанной вами, я вызываю вас на бой до смерти, здесь и сейчас! Защищайтесь, сэр! - с этими словами Рауль выхватил свой эсток и вытянул его вперед, наставляя в бронированную грудь графу.

- Вы не в своем уме, юноша, - поморщился Райнбальд. - Убирайтесь, или я велю слугам вас вышвырнуть.

- Не заставляйте меня прибавлять к оглашенным обвинениям еще и обвинение в трусости! - молодой человек сделал еще полшага вперед и нетерпеливо дернул концом эстока перед лицом коннетабля.

А почему бы и нет, подумал Райнбальд. Дело было даже не в публично нанесенном оскорблении и не в опасении прослыть трусом - вряд ли кто-то обвинил бы одного из лучших фехтовальщиков королевства в том, что он, будучи в полном вооружении, отказался драться с мальчишкой, лишенным даже доспехов. Но - если род Хагентраубов лишится единственного наследника, совсем не факт, что граф Рудольф успеет зачать и вырастить нового. Во всяком случае его нынешняя жена для этого, пожалуй, старовата, а развод - дело хлопотное, уж ему ли, Райнбальду, не знать. А если род Хагентраубов угаснет - или утратит былую мощь при переходе титула кому-то из дальних родственников - тогда вторым домом Айринтии после Йоргелингов становится дом Райнбальдов. Даже в том случае, если Элинор так и не уступит его притязаниям.

Правда, это в будущем, а сейчас Дракенхайм лишится заложника, да и его собственная миссия изрядно осложнится. Ему надо будет с двумя десятками человек открыто пересечь туда и

обратно владения разгневанного отца, чьего сына он убил. Убил, разумеется, в честном поединке, так что формальных претензий к нему быть не может, но захочет ли Рудольф Хагентрауб соблюдать формальности, вот в чем вопрос. Возможно, за время их пути туда Хагентрауб еще не узнает о случившемся, но когда они поедут обратно, весть уже точно успеет дойти... С другой стороны, у Хагентрауба, привезут ему Арвика или нет, сейчас действительно слишком мало сил, чтобы воевать с Элинор. Пожалуй, все, что он может сделать - это вызвать убийцу сына на поединок сам. Ну что ж, к такому варианту Райнбальд был вполне готов. И это было бы даже еще лучше. Это закрыло бы тему Хагентраубов окончательно.

- Хорошо. Освободите нам место, господа, - велел Райнбальд собравшимся во дворе. - Это не займет много времени, - он с лязгом опустил забрало. Даже имея дело с явно более слабым противником, не следует пренебрегать никакими обстоятельствами, повышающими твои собственные шансы - этому правилу граф следовал всю жизнь.

Всадники, понукая коней, разъехались по краям квадратного двора. Беспокойства никто из них не выказывал - большинство лишь готовилось насладиться шоу. Райнбальд, вынуждая своего соперника следовать за собой, вышел на середину, куда еще не доставали вечерние тени, и - следуя все тому же правилу - встал так, чтобы опускающееся солнце светило в глаза его оппоненту. Затем обнажил меч.

Юноша тут же атаковал, целясь ему в горло, туда, где кираса соединялась с бувигером. Райнбальд легко отбил этот выпад и немедленно перешел в контратаку. Хотя юноше также удалось парировать первый удар и увернуться от второго, граф сразу же и бесповоротно завладел инициативой. Его преимущество было бы абсолютным, даже имей он дело с равным по искусству и опыту соперником - Райнбальд мог использовать как рубящие, так и колющие удары с любых направлений и в любую часть тела противника, в то время как единственным шансом Рауля был прямой колющий удар в одно из немногих слабых мест сплошных лат - главным образом, в их сочленения. Правда, парадный доспех был легче и, соответственно, тоньше боевого, и теоретически пробить его эстоком было все-таки можно - но для этого потребовалась бы сила настоящего амбала, коим Рауль отнюдь не выглядел. Единственными преимуществами юноши была несколько бо́льшая длина меча и, поскольку он не был обременен доспехами, бо́льшая мобильность и гибкость - но, разумеется, эти факторы никак не могли уравновесить преимуществ графа ни в вооружении, ни в опыте.

Тем не менее, парень довольно искусно отбивался и уклонялся от сыпавшихся на него ударов, и пару раз даже умудрился, используя длину своего меча, ткнуть его концом в сплошную броню кирасы противника (без всякой, разумеется, пользы для себя). Граф подумал про себя, что через год-другой тренировок из мальчишки вышел бы толк - вот только этот год он не проживет. Не проживет даже и пяти минут. Его левый рукав уже набухал кровью, клочья рассеченного бархата (правда, вроде бы не окровавленного) свисали и с правого плеча. Удерживать позицию он, разумеется, не мог и пока оставался жив лишь потому, что непрерывно отступал, отскакивая и уворачиваясь от выпадов Райнбальда. Граф уверенно теснил его в угол двора, туда, где стена конюшни смыкалась с каменным забором. Там все и закончится.

А может быть, проявить милосердие и оставить его в живых? Ну, не просто так, конечно. Урок наглецу должен быть преподан. Скажем, отрубить ему правую руку, чтобы он никогда уже не смог стать воином и вести своих людей в бой. Хотя полководцу и необязательно участвовать в бою лично, для тех, кто чтит рыцарские традиции, это большой урон для репутации. Или, еще лучше, полоснуть мечом по глазам... Нет, тут же перебил себя Райнбальд, это плохая идея. Ни старший, ни младший Хагентраубы не оценят его доброты. Как он сам объяснял этому выскочке Локхарту, нельзя оставлять подранков.

Рауль отпрыгнул в очередной раз, уклоняясь от удара, который должен был распороть его живот - и неожиданно для себя стукнулся спиной о стену конюшни. Райнбальд шагнул вперед и немедленно нанес следующий удар - в грудь. Юноша, которому уже некуда было уворачиваться,

принял его на меч, но сумел парировать лишь отчасти. Острие клинка Райнбальда скользнуло вниз и вонзилось ему глубоко в бедро. Белая ткань шосса тут же обильно окрасилась кровью. Граф выдернул меч, нога юноши подломилась, и он упал на колено. Райнбальд занес меч для последнего удара.

- Стойте, мой лорд! Не убивайте его, сэр!

Граф не повернул головы и не опустил руки́. Однако на миг, только на один миг этот отчаянный крик, донесшийся сзади, от входа во двор, заставил его отвлечься.

Этого мига хватило, чтобы уже стоящий на одном колене, истекающий кровью Рауль вонзил узкое жало эстока точно в щель забрала коннетабля Айринтии.

- Как ваши люди могли упустить его, Корнелиус?

- Они точно не знают, мэм, - сокрушенно покачал головой Крамп. Редко кому удавалось увидеть его по-настоящему расстроенным, даже при очень плохих вестях, но из всех провалов, допущенных его службой, этот был самым нелепым. Какой-то глупый мальчишка... - Сам он говорит, что выпрыгнул из окна третьего этажа на проезжавшую внизу телегу с сеном.

- И допрыгнул? Телеги обычно не ездят вплотную к стене.

- Ну, лично я полагаю, что он сперва бросил монетку возничему и показал ему жестами, чтобы тот подъехал поближе и остановился. А версия про прыжок на ходу - это чтобы романтичнее звучало.

- Да уж. Романтики в нем хоть отбавляй... Что ему за дело до этой Элен Фельзенбург, которую он никогда даже не видел?

- Гхм... - если редко кому удавалось увидеть Крампа расстроенным, то увидеть его смущенным было делом и вовсе невероятным. Тем не менее, сейчас королеве представилась именно такая возможность. - Дело в том, мэм, что леди Элен Райнбальд-Фельзенбург - это лишь предлог. Он не мог публично назвать истинную причину из опасения задеть честь... иной дамы.

- И что же это за дама?

- Ээ... говоря по-простому, ваше величество, мальчишка без памяти влюблен в вас. А графа Райнбальда считал своим удачливым соперником. Это и было единственной причиной дуэли.

- И вы хотите сказать, что из-за такой глупости мы снова остались без коннетабля, можно сказать, прямо на глазах у гроггендорского посольства в преддверии возможной войны? Он сам вам в этом признался?

- Нет, мэм. Он твердо стоит на том, что хотел лишь заступиться за леди Элен. Кстати, если она еще не приняла постриг, то, думаю, обвинения против нее и в самом деле можно теперь снять. Она уже достаточно запугана, чтобы принимать участие в каких бы то ни было интригах, и будет верна нам уже только поэтому. Но что касается Рауля - он не особо умеет скрывать свои чувства. Можете поверить моему опыту - причина действительно в этом, и ни в чем другом.

Элинор вспомнила, что эту тему как-то упоминал и Локхарт, но тогда она не восприняла это всерьез. А ведь сама когда-то говорила, что чувствами нельзя руководствоваться, но их нужно учитывать... И ведь это уже второй раз! Второй раз влюбленный в нее глупец "из лучших побуждений" срывает рационально просчитанный план! Надо было извлечь урок из случая со Шраммом - и, конечно, никто, кроме нее, не виноват, что она этого не сделала. Впрочем, сэр Эрик, насколько она помнила, говорил не столько о чувствах Рауля, сколько о планах Хагентрауба-старшего, и вот это - стать жертвой чужой интриги, а не просто неучтенной глупости! - было бы хотя бы не так обидно.

- Вы уверены, что он не исполнял волю своего отца? - спросила она вслух.

- Это крайне маловероятно, мэм. Во всяком случае, он не получал и не отправлял никаких писем на эту тему. Мои люди тщательно контролировали всю его корреспонденцию - там было всего несколько коротких писем, не содержавших ничего, кроме бытовой рутины. Во избежание

каких-то скрытых шифров, мы направляли адресату не оригинал, а копию письма, изготовленную специалистом по подделке почерков, на новой бумаге, со слегка иным расположением слов и не дословную, а лишь близкую к исходному тексту.

- Ваши люди, - с едкой горечью повторила Элинор.

- Они понесут самое строгое наказание, - твердо пообещал Крамп. - В оправдание их могу лишь сказать, что они быстро сообразили, где его надо искать, и опоздали буквально на мгновение - хотя, разумеется, это не утешает...

- Вот именно. И наказание ваших агентов тоже никого уже не утешит. Главное ведь - даже если вы правы насчет истинной причины, никто в нее не поверит! Дом Райнбальдов - теперь во главе его брат, так?

- Да, поскольку у него самого остались лишь несовершеннолетние дочери.

- И еще там целая куча кузенов и племянников... так вот они теперь все ополчатся на нас, требуя крови Рауля. То, что все было в соответствии с дуэльным кодексом при куче свидетелей, что глупо было бы посылать мальчишку без доспехов атаковать опытного рыцаря в полных латах, что мне вообще не было никакого смысла убивать коннетабля, которого я сама назначила и сама могла снять - все это их не убедит...

- Прошу прощения, мэм, но они могут считать, что назначили вы его в одной обстановке, а избавиться от него решили уже в другой - причем избавиться так, чтобы это выглядело, как роковое стечением обстоятельств, а не как королевская воля.

- В любом случае, по их мнению, если мы не казним убийцу - значит, сами его пособники. С другой стороны, Хагентрауб будет считать, что мы попытались вероломно убить его мальчика, в то время как он со своей стороны честно соблюдал условия сделки.

- Или не очень честно, если действительно готовится принять у себя Арвика.

- Это пока что не доказано. А если будет доказано - он теперь сможет сделать вид, что это ответная мера, ибо первыми перемирие нарушили мы. Если бы хотя бы одна из сторон была права, мы могли бы, по крайней мере, опереться на другую! А так получается, что против нас будут и те, и те... Как, кстати, состояние Рауля? Я имею в виду - физическое.

- Кровотечение было остановлено вовремя, он вне опасности.

- Может быть, - тяжело вздохнула Элинор, - лучше было позволить ему истечь кровью. Это насытило бы хотя бы Райнбальдов. Потому что выдать его им мы, конечно, не можем. Это была честная дуэль, и такого поругания рыцарских принципов нам не простит не только Хагентрауб, но и другие аристократы Айринтии.

- Если бы он истек кровью, мы не смогли бы его допросить. Хотя, конечно, - заметил Крамп, - он все еще может умереть... от осложнений после ранения.

- Нет, - решительно ответила Элинор, - теперь, даже если он *на самом деле* умрет от осложнений, все решат, что вы замучили его в ваших подвалах. Так что ухаживайте за ним наилучшим образом. Где он сейчас, все еще в замке святого Михаила?

- Да, мэм.

- Хорошо. Пусть там и остается. Ради его же безопасности. Переведите его в Башню Слез. В верхние покои, разумеется.

- Да, ваше величество, - получив это распоряжение, Крамп направился к выходу, но на пороге остановился:

- Еще одно, мэм. Возможно, это и не имеет значения, но вам стоит это знать. Последним человеком, с которым Рауль говорил перед дуэлью - не считая, видимо, возницы телеги с сеном - был барон Локхарт. С которым, как мы все помним, граф Райнбальд перед этим имел стычку на совете, причем уже не первую.

- И что? - неприязненно откликнулась Элинор.

- Это был короткий разговор возле дворцовой конюшни. Сам Рауль утверждает, что хотел поговорить с бароном о лошадях, но тот ответил, что у него нет времени, на чем беседа и

завершилась. Однако конюх слышал финал разговора. В котором барон Локхарт подтвердил Раулю именно ту информацию, которая и стала формальным поводом для дуэли.

Белый голубь сделал два круга над конической верхушкой круглой башни замка, что возвышался среди простиравшегося до горизонта сплошного леса, и нырнул в стрельчатое окно под самой крышей. Графиня Алисса Зольтен-Бургхельм взяла птицу в руки, нетерпеливо отвязала от ее лапки маленький цилиндрик и развернула послание.

Когда она прочла сообщение, узкая бумажная полоска едва не выпала у нее из рук.

Граф Райнбальд убит! Никакой королевской свадьбы не будет. Но главное - место коннетабля Айринтии теперь свободно. И, стало быть, ее муж все еще может занять таковое. Особенно если окажет правящей королеве услугу. Очень, очень значительную услугу. Оказать которую, в то же время, можно чрезвычайно легко и вообще без всякого риска. Да, жена коннетабля - это не жена короля, но это гарантированный успех, в то время как ее нынешний план может с очень большой вероятностью стоить ей головы...

Если бы она знала заранее! Если бы не отправила на север своих людей! Но, может, еще не поздно все остановить?

Графиня бросилась к витому алому шнуру, свисавшему из отверстия в стене, и принялась яростно дергать его. Через минуту на лестнице снизу затопали сапоги, а затем в дверном проеме возник слегка запыхавшийся сержант в кольчуге и при мече.

- Вызывали, моя леди?

- Да, Конрад. Немедленно возьмите трех солдат для охраны - нет, лучше шесть, на севере сейчас неспокойно - самых быстрых и выносливых коней, и скачите вдогонку за отрядом Баррета. Вы должны настичь его прежде, чем он прибудет в расположение моего супруга. Передайте Баррету мое послание и убедитесь, что он прочитает его немедленно, при вас. Далее вы должны будете продолжить путь в ставку генерала и вручить второе послание ему лично. Смотрите не перепутайте, от этого будет зависеть ваша и не только ваша жизнь! - она вытащила из ящика два листа бумаги, обмакнула перо в чернильницу и вдруг задумалась. Приказ, отданный Баррету, был, разумеется, устным. Стоит ли оставлять письменное свидетельство? С другой стороны, сообщать новый приказ Конраду - хотя он и состоял из двух простых слов "все отменяется!" - она тоже не хотела. Да и успеет ли Конрад догнать Баррета прежде, чем станет слишком поздно? Шансы, вообще-то, не очень велики. Они могут даже просто разминуться, если Баррет поедет другой дорогой. И о чем догадается Конрад тогда, и *с кем* захочет поделиться своими догадками? И что станет делать с недоставленным письмом Бургхельму, устоит ли перед искушением вскрыть его? Она не разбирается в сложных шифрах, она всего лишь слабая женщина, максимум, на что она способна - это использовать язык намеков... И потом, те гарантии, которые дали ей *северяне* - вот уж кто точно не поймет, если она попытается снова сменить сторону!

Нет. Это была лишь минутная слабость. Теперь уже слишком поздно отыгрывать назад. Да и корона - это все-таки корона.

- Забудьте, Конрад, - сказала она, машинально разрывая лист, так и оставшийся чистым.

- Эрик, - кажется, она впервые обратилась к нему без "сэр", но Локхарта это не радовало. Вид у Элинор был усталый и измученный. - Скажите мне правду. Нет, - упредила она его, поднимая ладонь, - не надо заверять меня в вашей лояльности. Я приму любой ответ... и я понимаю, что у вас могли быть причины... но я должна знать: это вы натравили младшего Хагентрауба на Райнбальда?

- Нет, - мотнул головой Локхарт и тут же, желая быть с ней до конца откровенным, поправился: - То есть я надеюсь, что нет. Он, то есть Рауль, действительно спросил меня, правда ли, что Райнбальд подставил собственную жену, чтобы избавиться от нее. А я был в тот момент

изрядно зол на него и подтвердил. Но тут же поправился, что это всего лишь бездоказательные слухи. Хотя, как я понимаю, на самом деле это чистая правда. Но в любом случае - Рауль узнал об этом не от меня, и я понятия не имел, что он собирается сделать. У меня, конечно же, не было никаких причин любить графа Райнбальда. Но то, что случилось, шокировало меня не меньше, чем остальных.

- Хорошо, - кивнула королева с некоторым (но лишь с некоторым) облегчением. - Мне важно это знать уже хотя бы для того, чтобы защитить вас. Видите ли... я боюсь, что уже формируется партия желающих свалить все именно на вас. Не то чтобы Райнбальда все здесь любили, но, кажется, только вы решались вступать с ним в прямую конфронтацию, и о ваших трениях с ним известно многим...

- Я думал, - невесело усмехнулся Локхарт, - то, что происходит на ваших советах, не выходит за стены совещательной комнаты.

- Не выходит, если это не выносят сами заинтересованные лица. А Райнбальд сам распространял негативные слухи о вас... ну вы знаете, "поджигатель" и все такое...и слухи о том, что вы говорили с Раулем, уже поползли - сами понимаете, там во дворе и на конюшне были люди, которые видели вас вместе... И вот теперь - кое-кому просто хочется свалить вас лично. Просто потому, что они завидуют вашему положению при дворе.

- В первую очередь, полагаю, это те, у кого я отказался брать взятки за проталкивание их интересов, - Локхарт вновь невесело усмехнулся.

- А другие - включая, к сожалению, некоторых моих искренних сторонников - просто видят в вас идеального козла отпущения. Дескать, во всем виноват Локхарт и больше никто. В то, что во всем виноват сам Рауль, не верят ни сторонники, ни противники Райнбальдов. Он - всего лишь мальчишка. А вот в вашу личную интригу поверят легко. И вы станете личным врагом одновременно Райнбальдов и Хагентраубов. Двух самых могущественных - после королевского, конечно же - домов Айринтии.

- И вам советовали пойти именно по этому пути? - догадался полковник.

- Советовали.

- И если я спрошу вас, кто...

- То я попрошу вас не задавать мне этот вопрос, - Элинор вымученно улыбнулась. - Вы ведь понимаете, меньше всего нам сейчас нужны новые конфликты, особенно среди своих. Новые личные счеты и антипатии.

"Крамп, скорее всего, - подумал Локхарт. - И уж наверняка Фабиас, ведь Райнбальд был его ставленником. Элинор говорила, что Крамп и Фабиас редко соглашаются между собой, но боюсь, что это как раз тот случай... Значит ли это, что теперь и де Сегюр - мой враг?"

- Но вы с ними не согласились, - произнес он вслух.

- Я же говорила вам, что никогда не предам вас... Эрик. Ни ради какой политики, - она протянула руку через разделявший их стол. Он в ответ протянул свою. Их пальцы переплелись. "Какое нарушение этикета", - внутренне усмехнулся Локхарт. В этом, разумеется, не было ничего сексуального, никакого физического удовольствия. Просто выражение и подтверждение доверия, столь необходимое в эту минуту им обоим.

- Меня не покидает ощущения абсурдности происходящего, - произнес полковник через минуту, не выпуская ее руку. - То есть, - поспешно уточнил он, - я не о нас, конечно же. Я все об этой проклятой политике. Мы одерживаем одну военную победу за другой - а потом все опять начинает расползаться на ровном месте. На одного Арвика приходится уже три головы, считая ту, что в петле - а он до сих пор где-то шляется. Что там, кстати, с почетным эскортом - я слышал, он все-таки отправился?

- Да, вместо Райнбальда поехал Вульфеншванц. Сам по себе он далеко не столь знатен, даже пока еще не барон, но все-таки должность командующего военной гвардией, пусть и больше церемониальная, чем реальная, стои́т достаточно высоко. Вот только... есть у меня

опасение, что все это напрасно.

- В каком смысле?

- В том, что Арвик не там. Не в посольском караване. Нет, мне ваша версия тоже показалась убедительной. Но вчера мы не знали того, что стало известно сейчас. Свежее донесение с новых земель... там неспокойно. Распространяются некие прокламации от имени Арвика, призывающие солдат к дезертирству.

- То есть вы думаете, что на самом деле он там?

- Похоже на то. Но это еще не самое худшее. Все эти прокламации появились, разумеется, не сегодня и не вчера. Но Бургхельм не докладывал об этом. И, похоже, специально старался скрыть любую информацию на сей счет. Понятно, что он не мог скрывать это бесконечно...

- Значит, опять предательство, - мрачно констатировал Локхарт. - Тот самый Бургхельм, которого вы простили.

- И которому обещала полного генерала за лояльность, - убито кивнула Элинор. - И он действительно помог восстановить управляемость на севере после первого мятежа. Но, видимо, лишь пока считал, что Арвик мертв. А когда тот заявился к нему собственной персоной...

- Небось, еще и предложил ему пост коннетабля, - усмехнулся Локхарт. - Иначе непонятно, зачем переходить на сторону проигравшего.

- Если бы он знал, что скоро этот пост освободится и тут, - кивнула Элинор, - и что, пока я не получила сегодняшнее донесение, я вполне была готова рассмотреть его кандидатуру... У меня ведь уже буквально на столе лежал указ о его производстве в генералы, и я могла сразу подписать и следующий. Какая ирония.

Локхарт не знал, что сказать - на ум приходили одни банальности - и лишь снова молча сжал ее руку, словно напоминая, что есть те, кто не предает. Она ответила на пожатие.

Лейтенант-генерал Эберхард Бургхельм был мрачен, и ни яркое апрельское солнце, ни густая синева северных озер, ни сочная зелень свежей травы под копытами его могучего коня не могли поднять его настроение. Еще недавно ему казалось, что события развиваются наилучшим образом. Осторожная позиция, которую он занял с самого начала мятежа - формально подчиняясь своему непосредственному командиру Гартхарду, но стараясь держаться как можно дальше от борьбы между Арвиком и Элинор, сосредоточившись исключительно на защите новых земель от внешней угрозы - вполне оправдала себя, когда Арвик был разбит под Дракенхаймом. Королева не только приняла выраженную Бургхельмом готовность служить ей и дальше, но и обещала ему производство в полные генералы, "как только порядок на севере Айринтии будет окончательно восстановлен". И он честно способствовал этому восстановлению - насколько это можно было делать, следуя ее же приказу не переходить старую границу. Он понимал причины ее недостаточного доверия, но старался заслужить таковое - и, казалось, у него получилось. Он ожидал депеши о своем производстве и утверждении в должности командующего всеми королевскими войсками на севере (которую прежде занимал Гартхард) со дня на день - ему был сделан намек, что соответствующий указ уже отправлен на подпись королеве. Однако тут разразился новый мятеж, к которому он не имел уже совершенно никакого отношения, но "окончательное восстановление порядка", а с ним и его генеральство, опять отложилось. Хуже всего было то, что он готов был выступить на юг и покончить с мятежниками (неважно, возглавлял этот разбойный сброд самозванец или забывший о дворянской чести настоящий Арвик) своими силами, причем он предлагал сделать это с самого начала, когда раздавить бунтовщиков можно было силами одного кавалерийского отряда, ничуть не оголяя оборону новых земель - однако ему по-прежнему не дозволяли этого (на сей раз запрет исходил не лично от королевы, а от ее нового коннетабля), и он вынужден был пассивно ждать, пока проблему решат другие. Но вот, наконец, и второй мятеж был разгромлен, и Бургхельм опять со дня на день ожидал своего назначения. Но его все не было (он искренне надеялся, что дело лишь

в нерасторопности канцелярии), а ситуация опять начала портиться - причем, что самое скверное, на сей раз это происходило уже прямо на его территории, за которую он нес непосредственную ответственность! Он, конечно, и раньше знал об упаднических и пораженческих настроениях, имевших место среди вверенных ему солдат на новых территориях, но доселе ему удавалось держать ситуацию под контролем. Хотя, видит Троица, с тупой и неблагодарной солдатней это не так-то просто. Сперва они бурчат, что их бросили на убой в чистом поле без всяких укреплений, а когда им дают кирки и лопаты, чтобы строить эти укрепления - начинают бурчать, что они не нанимались работать землекопами и каменотесами. Но, тем не менее, прежде ему удавалось поддерживать дисциплину - жесткими, но необходимыми мерами. Парочка повешенных дезертиров убеждают куда лучше, чем два часа патриотических речей.

Однако в последние дней десять по вверенным ему частям и гарнизонам начали распространяться "указы короля Арвика" о выводе войск с новых территорий. Причем это не были безграмотные прокламации, которые зимой рассылал айзеншлосский самозванец, призывая все войска ему на выручку. Эти были составлены человеком, безусловно разбиравшимся в военном деле не на уровне простого ординарца, и содержали четкий план вывода войск с указаниями - кому, как, куда, в каком порядке. В каждую часть направлялось собственное предписание, но все они - насколько мог судить по доставленным ему экземплярам Бургхельм - образовывали единый согласованный план. Первыми должны были двинуться в путь части, находившиеся дальше всех на севере, у самой гроггендорской границы - а к ним уже, по мере их движения на юг, должны были присоединяться остальные. В этом случае на старую территорию Айринтии должна была войти не толпа дезертиров, а организованная армия. Предательские "приказы", собственно, так и подчеркивали - все солдаты продолжат свою службу под знаменами "законного короля Арвика", как минимум, с сохранением, а все отличившиеся - с повышением званий и жалования (в частности, было обещано утверждение в новом статусе всем тем - даже нижним чинам - кто заменит офицеров и командиров, отказавшихся исполнять приказ "короля").

Бургхельм не особенно верил в очередного "короля Арвика", чудом спасшегося в какой уже там по счету раз. Он полагал, что весь этот план составлен от имени такового в гроггендорском генеральном штабе. Конечно, гроггендорцам было бы выгоднее именно бегство толпы дезертиров, а не организованный вывод войск - но толпа получится потом, когда пересекшая старую границу армия обнаружит, что никакой король Арвик с деньгами ее не ждет, а пока что для врага главным было убедить сомневающихся, оттого призывам к дезертирству и был придан такой солидный вид.

Впрочем, в четкой организации капитулянтского плана заключалась и его слабость - для его идеального исполнения требовалось, чтобы "приказы Арвика" были, во-первых, доведены до всех частей, и во-вторых - чтобы все части согласились их исполнить. В реальности, конечно, это было невозможно - "приказы" нередко удавалось перехватить, а офицеры (во всяком случае, пока) оставались верны присяге Элинор. И поначалу Бургхельм надеялся, что ему удастся удержать ситуацию под контролем, не докладывая о ней в Дракенхайм до тех пор, пока он не получит, наконец, свое назначение, которое теперь оказывалось под куда большей угрозой, чем раньше. Но ситуация все больше ухудшалась. Появлялись все новые гонцы с "приказами" - их ловили и допрашивали с пристрастием (а потом, разумеется, вешали), но показать они могли только то, что им заплатили некие неизвестные им люди. Часть из них были айринтийцами, завербованными к югу от старой границы, часть - бугенхольмцами, нанятыми уже на месте (например, доставить подметную грамоту в гарнизон мог местный крестьянин, привозивший продукты, фураж или топливо). Хуже того, эти грамоты вывешивались в местных кабаках, куда солдаты ходили в увольнение, их раздавали своим клиентам местные проститутки и т.д. и т.п. Бургхельм издал приказ о запрете увольнений на всех новых землях (а в особенности - на

приграничных), чем, понятно, не снискал дополнительной популярности у солдат - и к тому же, пока гонцы доставили этот приказ во все части, он уже безнадежно опоздал. О "выводе войск" говорили уже почти везде. Начались первые случаи дезертирства - пока еще не целыми частями, но уже и не поодиночке, как это случалось раньше; на поверках порой недосчитывались разом по десятку или более солдат. Да и среди тех, что пока оставались на своих постах, явно росло брожение и недовольство, причем жесткие карательные меры, хорошо помогавшие прежде, теперь, кажется, имели скорее обратный эффект.

Если бы он доложил сразу! Возможно, ему прислали бы подкрепление с юга, которое частично заменило бы распропагандированные части - или встало бы надежными заслонами против дезертиров. Но он ждал повышения и не только не доложил сам, но и запретил всем своим подчиненным что-либо сообщать на юг. И теперь с каждым днем увязал все глубже. Его действия все больше походили уже не просто на самонадеянность, а на преднамеренный саботаж и измену.

И вот этим утром ему доложили о самом худшем. Гарнизон замка Ляширолъ покинул его в полном составе и двигался на юг.

Ляширолъ была одной из немногих айринтийских крепостей на новых территориях - и лучшей на всей новой границе. Некогда это был замок бугенхольмского графа, при передаче территории оказавшийся как раз на вновь образовавшемся рубеже. В общем случае замки бугенхольмских дворян не решали проблемы отсутствия укреплений на новых землях - ибо продолжали оставаться собственностью их владельцев, которые, хотя и приняли айринтийское подданство, совершенно не обязаны были (как и исконно айринтийские аристократы) пускать к себе королевских солдат (и даже выставлять для обороны собственное войско, ибо предпочитали выплачивать свой вассальный долг в денежной форме). Но Ляширолъ, столь удачно расположенный на границе (и действительно представлявший собой очень хорошую крепость, пригодную для размещения большого гарнизона), был выкуплен правительством короля Гумбольдта у прежнего владельца (за очень внушительную сумму, но строительство такой же крепости с нуля обошлось бы еще дороже, а главное - на это не было времени). По сути этот замок, контролировавший переправу через ставшую теперь пограничной реку Хильеру, был ключевым для обороны центрального участка границы. И вот теперь выходило, что первой дезертировала часть, расположенная не в "чистом поле" (таких, впрочем - вопреки всей демагогической риторике на сей счет - уже не осталось, за одиннадцать лет даже первоначальные временные лагеря обзавелись, как минимум, прочным деревянным частоколом), а в лучшей из всех крепостей (правда, и расположенной в наиболее опасном месте - в самой северной точке выступа, вдававшегося в гроггендорскую территорию). Вероятно, главным страхом дезертиров было не то, что Ляширолъ возьмут штурмом (что было бы очень непросто), а что они останутся одни после бегства тех, кто должен прикрывать их с юга, и попадут в безнадежное окружение.

Собственно, "план короля Арвика" как раз и предусматривал начать "вывод войск" с Ляширолъ. И это еще более усугубляло катастрофу. Дезертирство ляширольцев становилось сигналом всем остальным - и по принципу "все идет согласно приказам короля", и по принципу "ну уж если они из своей суперкрепости ушли, то нам-то чего ждать?!" Если не остановить этот снежный ком немедленно, он превратится в лавину, которая сметет всю северную армию.

И вот поэтому сразу по получении донесения Бургхельм выехал на север, чтобы лично развернуть дезертиров назад. Хуже всего было то, что у него не было для этого почти никаких сил. В его ставке в Легунтоне, находившемся примерно в центре новых земель, оставалось не так много солдат - основные силы были распределены ближе к северной и западной границам - и в основном (как и во всей северной армии) это была пехота. Дезертиры тоже шли пешком, но идти навстречу им в том же темпе уже не было времени - как и, тем более, запрашивать подкрепление откуда-то еще. А кавалеристов у него под рукой оставалось всего полсотни

(остальных он еще раньше разослал патрулировать дороги и перехватывать мелкие группы дезертиров), причем это были не рыцари, а легковооруженные наемники из простолюдинов - в то время как численность ляширольского гарнизона составляла девять сотен человек. Что еще хуже, Бургхельм уже не знал, кому из своих подчиненных и насколько он может доверять. Вряд ли хоть кто-то из них еще не слышал о "приказах короля Арвика". Как они поведут себя, если им придется атаковать уже не одиночных нарушителей, а целый полк дезертиров? Что, если они откажутся - из солидарности с собратьями или просто из страха перед их численным превосходством?

Но выхода у Бургхельма не было, и, взяв с собой эту сомнительной надежности полусотню, он поскакал на север, рассчитывая пополнить свою кавалерию еще в паре крепостей по пути (что, правда, удлинило бы маршрут). Там, впрочем, тоже едва ли можно было набрать много конницы. В остальном же Бургхельму приходилось полагаться исключительно на свой авторитет жесткого и сурового, но справедливого командира. Он не терпел нарушителей дисциплины, но не был и самодуром, и его солдаты это знали. Он очень надеялся, что, когда они увидят своего генерала прямо перед собой, ему удастся образумить их даже без кровопролития.

Легунтон уже остался далеко позади, вокруг простиралась живописная страна озер - в основном небольших и неглубоких, но красиво отражавших синее небо с яркими белыми облаками и обросшие многолетним мхом валуны на своих берегах - но лейтенант-генерала они сейчас не радовали уже хотя бы потому, что мешали ехать по кратчайшей прямой. Огибая очередное озеро, он услышал крик: "Сэр! За нами скачет какой-то отряд!"

Действительно, на изгибе пути это было хорошо видно - хотя расстояние было слишком велико, чтобы различить цвета. Но, похоже, там была не одна сотня кавалеристов, скакавших во весь опор. Кто бы это мог быть? В одном Бургхельм был убежден - эти люди здесь не по его приказу. Столь нужное ему подкрепление? Но откуда оно взялось и кто его послал? Враги? Но дезертиры - это пехота, и потом, они бы двигались на юг, а не на север, если только они не направляются в Гроггендор... что, впрочем, тоже нельзя полностью исключать. Или, может, это отряд королевской армии с юга - королева или ее коннетабль таки заподозрили неладное и без его доклада и послали кого-то разобраться на месте, что здесь происходит?

Со стороны догоняющих над водой озера долетел протяжный звук рога. Возможно, они трубили и прежде, но ветер относил звук прочь, и лишь искривление пути вокруг озера позволило расслышать призыв.

Не зная, в какой степени это друзья, и видя, что их отряд в несколько раз превосходит его собственный, Бургхельм все-таки приказал перейти на шаг, но не остановиться вовсе, ибо продолжал спешить на север, надеясь перехватить дезертиров прежде, чем те увлекут за собой других. Те, кто желает его догнать - пусть делают это, не снижая темпа.

Наконец неизвестный отряд приблизился настолько, что стало возможно разобрать цвета их знамени и нарамников. Лейтенант-генерал вздохнул с великим облегчением. Бело-зелено-черные цвета Зольтенов! Еще один ресурс, который он мог использовать и не использовал. Если подкрепления с юга он не запросил, боясь, что из-за этого сорвется его повышение, то обратиться к собственной жене ему помешало мужское самолюбие. Как выглядел бы полководец, просящий у жены помощи в военных вопросах?! Пусть даже речь шла вовсе не о том, чтобы она сама вела войска в бой, а лишь об отправке в его распоряжение солдат ее личной армии, но все равно... К счастью, похоже, его Алисса все сообразила сама - недаром он всегда считал ее очень умной женщиной. Как же вовремя, это просто дар небес...

Наконец большой отряд настиг полусотню Бургхельма. Три сотни конных арбалетчиков во главе с капитаном Барретом, верно служившим еще отцу графини Алиссы. Баррет, с раздвоенной седеющей бородой поверх бармицы, добродушно ухмыляясь, подъехал к лейтенант-генералу и отсалютовал.

- Добрый день, сэр. Не так-то просто было вас догнать.

- Мы очень спешим, - ответил Бургхельм и без утайки рассказал о цели их скачки.

- Ясно, сэр, - мрачно кивнул Баррет; очевидно, старому служаке претила сама мысль о дезертирстве, тем паче массовом. - Леди Алисса подозревала что-то подобное, потому и послала нас. Слухи о том, что здесь творится, уже достигли Зольтенхолла.

Значит, скоро достигнут и Дракенхайма, или уже достигли, убито подумал Бургхельм. Впрочем, было очевидно, что полностью замять происходящее уже не получится. О повышении речь, разумеется, уже не идет - речь о том, чтобы сохранить голову. Если ему все-таки удастся переломить ситуацию и не допустить массового ухода с позиций...

- Я, конечно, не смею вам советовать, сэр, - негромко заметил Баррет, - но на вашем месте я бы все же отпустил этот ваш эскорт обратно. Не знаю, насколько они надежны, сэр. Эти наемники такие пройдохи, - произнес Баррет с типичным презрением вассала старой школы к тем, кто служит за деньги, а не согласно родовому долгу и личной клятве, - а в этих подметных письмах, как я слышал, обещают хорошие деньги за предательство... Мы и без их помощи со всем справимся.

- Да, - с облегчением согласился Бургхельм; Баррет словно озвучил его собственные мысли. И, разумеется, три сотни конных арбалетчиков (вооруженных, как положено, также и мечами) были вполне достаточной силой, чтобы на ровной местности без укрытий справиться с девятью сотнями пехотинцев (даже с учетом наличия среди последних лучников). Особенно учитывая, что, во-первых, это были всего лишь дезертиры, а во-вторых, целью было не перебить их всех, а всего лишь образумить и заставить повернуть обратно. Не было уже даже необходимости терять время и отклоняться от прямого курса, заезжая в крепости за подкреплением. Так что лейтенант-генерал велел королевским кавалеристам возвращаться в Легунтон, оставив при себе только знаменосца, и поехал дальше во главе солдат своей супруги.

Еще через три часа скачки без единого привала они, наконец, встретили идущих с севера дезертиров.

Правда, на дезертиров те не очень походили. Они шли в походном строю и с развернутым знаменем. И... их оказалось не девять сотен, а почти вдвое больше. Бургхельм рассчитывал, что ляширольцы не станут делать большой зигзаг, чтобы подобрать гарнизоны двух меньших недостроенных крепостей с востока и запада, у основания северного выступа, а пойдут прямиком на юг. Это соответствовало не только естественной логике дезертира, стремящегося унести ноги как можно скорее, но и направленному им "приказу короля Арвика". Они так и пошли - но солдаты из соседних крепостей вышли на соединение с ними сами, чего известный Бургхельму "план вывода войск" не предусматривал. Возможно - получили новый "приказ", о котором лейтенант-генерал не знал, а возможно - даже и проявили собственную инициативу, заранее скоординировав свои действия через гонцов. Если так, это были очень необычные дезертиры, противоречившие всем представлениям Бургхельма об этом понятии.

И это уже означало серьезные проблемы. Это уже означало достаточное количество лучников, чтобы рассеять три сотни Баррета. Оставалось надеяться лишь на психологический фактор, на ту силу морального превосходства, которое имеет бесстрашный и уверенный в себе конный генерал над пешими дезертирами.

При виде приближающейся кавалерии они остановились и начала разворачиваться из походной колонны в шеренги - впрочем, как-то неуверенно, словно еще не решив, свои перед ними или противник. "Вперед!" - крикнул Бургхельм, немилосердно шпоря уже усталого коня, дабы его арбалетчики успели занять позицию для стрельбы раньше, чем пехотинцы закончат перестроение. Кавалеристы разворачивались в шеренгу прямо на скаку.

Они остановились, когда стороны разделяло около двадцати ярдов. Теперь Бургхельм отметил про себя с некоторым удовлетворением, что это все же дезертиры, а не организованное войско. Они не выстроились в оборонительный порядок, щетинящийся копьями навстречу коннице. В первой шеренге стояли вперемешку, без всякого порядка, мечники, копейщики и

алебардщики, все - с опущенным или поднятым на плечо оружием, словно по-прежнему демонстрируя свое нежелание воевать. Офицеров нигде не было видно. Убили они их, или просто бросили? Во всяком случае один - тот, что отправил полученное утром донесение - очевидно, остался жив. Бургхельм надеялся, что остальные тоже, и ему не придется прибегать к казням - да и его самого не обвинят в том, что королевские офицеры погибли по его вине...

"Прикройте меня, парни", - бросил он через плечо. Люди Баррета, выстроившиеся в линию за его спиной, дружным отлаженным движением навели взведенные арбалеты на толпу. Бургхельм выхватил свое знамя из руки знаменосца и выехал вперед, остановившись посередине между застывшими в напряженном ожидании отрядами.

- Я генерал Эберхард Бургхельм, командующей королевской армией на новых территориях и на всем севере Айринтии! - выкрикнул он, потрясая знаменем и именуя себя согласно так и не полученному повышению. - Ваш командующий! Третий в иерархии после господа нашего Иисуса и королевы Элинор! - коннетабля в этот список он решил не включать, и по факту даже был прав, хотя и не успел получить известие о его смерти. - Даже те, кто никогда не видел меня в лицо, знают мое имя - и здесь на севере, и по всей Айринтии, и по ту сторону границы! Да, там, в Гроггендоре, это имя произносят со страхом - потому они и устроили эту подлую провокацию! Гроггендорцы велики только своей численностью, но не своей доблестью! Они кажутся вам страшными, но на самом деле это они боятся честного боя с вами - потому и пытаются добиться своего обманом, рассылая подметные письма от имени так называемого Арвика, на самом деле давным-давно покойного! Как могли вы, воины славной Айринтии...

Баррет, сидевший в седле в десяти ярдах позади лейтенант-генерала, тщательно прицелился, наводясь в панцирную спину Бургхельма, затем сместил точку прицеливания выше, точно под нижний край шлема. Седина в бороде не сделала его руку менее твердой, а глаз - менее острым. С такого расстояния он попал бы даже в монету в один хеллер. Его палец лег на спуск... но остановил свое плавное движение. Отданный ему приказ гласил "должен умереть в бою". Баррет сомневался, что единственная стрела в затылок во время переговоров попадает под понятие "бой". А он привык весьма тщательно исполнять распоряжения своей госпожи - за что и был ею ценим так же, как в свое время ее отцом. Поэтому он поднял левую руку, что означало "никому не стрелять!", и практически беззвучно отъехал чуть правее, так, чтобы широкая спина Бургхельма перестала загораживать голову его лошади. Затем прицелился снова. Арбалетный болт, пробивающий цельные латы, пробьет и конский череп.

- ...у смелого всегда есть шанс на победу, но даже в худшем случае его ждет почетная смерть, - продолжал разоряться лейтенант-генерал. - У труса же нет никаких шансов, кроме гарантированной позорной смерти! Кара, ожидающая изменников и дезертиров...

Голова его коня вдруг резко дернулась, и жеребец рухнул на левый бок, придавив ногу своего всадника вместе с его мечом.

- Да здравствует король Арвик! - выкрикнул Баррет, поднимая арбалет вертикально вверх. Тот же жест немедленно повторили его люди. Знаменосец Бургхельма несколько мгновений дико озирался по сторонам, а затем, оценив ситуацию, крикнул срывающимся голосом: - Слава королю!

- Ура! - нестройно, но радостно завопили в ответ дезертиры.

- Измена! - кричал ворочавшийся на земле Бургхельм, пытаясь выбраться из-под туши коня. - Не смейте... Вас всех повесят...

Толпа устремилась к нему. Баррет резко развернулся и поехал прочь, демонстрируя, что то, что будет происходить здесь дальше, его не касается. Его люди (и чуть замешкавшийся знаменосец лейтенант-генерала) последовали за ним.

Бургхельм сумел вытащить меч, но так и не сумел подняться на ноги прежде, чем на него набросились. Даже из такого положения ему удалось ранить двоих, прежде чем у него выбили оружие. Удары мечей посыпались на лежащего со всех сторон, но не могли пробить крепкие

латы, что лишь дополнительно взъярило дезертиров. Множество рук потянулось к Бургхельму, выволакивая его из-под конского бока, срывая с него сперва доспехи, а потом и одежду. Затем удары - мечами, алебардами, сапогами - обрушились с новой силой. Лейтенант-генералу отрубили обе руки, чьи-то жилистые руки клочьями вырывали его бороду и волосы..."Почетная смерть! - хохотал кто-то, вонзая меч ему в промежность. - Получай свою почетную смерть!" Другой шутник уже пытался засунуть в кричащий рот несчастного отрезанный пенис его жеребца...

Отъехав на некоторое расстояние, Баррет остановился и обернулся. Он все же должен был лично удостовериться, что все кончено. Он всегда тщательно исполнял данные ему поручения, да. Увидев, как над оставшимся на земле кровавым месивом поднимают изуродованную голову Бургхельма, насаженную на древко его же собственного знамени, капитан удовлетворенно кивнул и поскакал со своими людьми дальше на юг.

- Выходит, мы ошибались во всем, - мрачно констатировал Локхарт. - И с Бургхельмом, и с Арвиком. То есть не столько мы, сколько я. Простите меня, Элинор, это была моя идея.

- Ну от того, что Вульфеншванц прокатился туда и обратно, хуже никому не стало, - ответила королева. - Возможно даже, это и впрямь сорвало некие тайные переговоры посольства с Хагентраубом. Во всяком случае, навещать Хагенхолл на глазах у нашего эскорта они не решились. Но Арвика там действительно нет и не было с самого начала. Теперь мы точно знаем, где он. Позавчера в домовой церкви замка Зольтенхолл в присутствии нескольких высокородных свидетелей состоялось его бракосочетание с графиней Алиссой Зольтен, вдовой Бургхельма.

- Через сколько дней после смерти ее мужа? - усмехнулся Локхарт.

- Через семь - причем это именно от момента смерти. Если считать от момента, когда она могла получить известие о таковой, то не прошло и недели. Вместо положенного полугодового траура - хотя это, разумеется, не закон, всего лишь обычай. Со стороны может показаться, что он чуть ли не взял ее силой. Вторгся со своей армией дезертиров в ее владения и захватил врасплох и замок, и его безутешную хозяйку. Вдова побежденного становится добычей победителя, классический сюжет. Но на самом деле это, конечно, совсем не так. Скорее всего, именно там он все это время и отсиживался, пока его эмиссары мутили воду на севере. И инициатива этого брака исходит не от него - или, во всяком случае, не только от него. Вы понимаете, что на самом деле означает эта спешка, нарушающая все нормы приличия?

- Что Алиссе не терпится стать женой претендента на трон?

- Тут дело уже не просто в "не терпится". Тут причина уже, полагаю, физическая... Арвик хочет укрепить свое положение, обзаведясь наследником. А она готовится дать ему такового.

- То есть, вы хотите сказать, что Алисса беременна? - сообразил, наконец, Локхарт. - От него?

- Со свечой, как вы сами понимаете, никто не стоял, но такой вывод представляется наиболее вероятным. По айринтийским правовым нормам, чтобы наследник считался законным, он должен появиться на свет не раньше чем через семь месяцев после свадьбы родителей. Это тот минимальный срок, при котором выживают недоношенные. Если ребенок родился раньше и при этом выжил, он считается бастардом. Существует, правда, механизм, позволяющий узаконить и бастарда, но там все зависит от желания отца, и такой наследник все равно будет считаться, так сказать, второго сорта. Потомок, рожденный законным - в этом браке или в другом - будет иметь преимущество над узаконенным, независимо от старшинства. Так что, если женщина хочет гарантий себе и своему сыну, она должна выйти замуж не позже чем через два месяца от зачатия.

- А... не знаю, насколько удобно спрашивать об этом... невинную девушку, но сам я абсолютно ничего не смыслю в этой теме - когда проявляются первые признаки?

- Женщина замечает их уже на первом месяце, - просветила его Элинор. - Если ребенок

был зачат в начале апреля, то все сходится. И, кстати, я уже говорила вам - не путайте невинность с невежеством. Последнего королева не может себе позволить, особенно в вопросах, могущих иметь государственное значение.

- А разве сын, зачатый еще при жизни ее предыдущего супруга, не будет считаться сыном Бургхельма?

- В этом один из смыслов полугодового траура, - кивнула Элинор. - Но не в данном случае. Их брак оставался бесплодным много лет... а самое главное - всем известно, что Бургхельм безвылазно находился на севере, и что Алисса к нему не ездила.

- Догадываюсь, что большой любви к мужу - в смысле, предыдущему - она не испытывала, - усмехнулся Локхарт, - но ведь какой-то расчет за их браком должен был стоять?

- И даже не один, - усмехнулась Элинор в ответ. - Расчет Бургхельма состоял в том, чтобы породниться со знатным и богатым семейством. Расчет графа Зольтена, выдававшего дочь за человека более худородного, чем он сам, состоял в том, чтобы продолжить род графов Зольтенов. Ведь если бы Алисса вышла замуж за человека не менее знатного, чем она сама - она получила бы титул и фамилию мужа. Формально графский титул Зольтенов за ней и ее потомками тоже бы сохранился, но уже в разряде "и прочая, и прочая", а не как самостоятельный дом. А так она оставалась графиней в своем праве, и ее сын должен был унаследовать ее титул. Расчет моего отца, который, насколько мне известно, лично порекомендовал графу Зольтену выдать дочь за не слишком знатного, но перспективного военного, состоял в том, чтобы не допустить усиления ни одного из крупных домов путем слияния с Зольтенами. Единственное, что не принималось в расчет - это мнение самой Алиссы, которой на тот момент едва исполнилось семнадцать. Хотя, разумеется, ее это все равно не оправдывает.

- Думаете, она сама организовала убийство мужа?

- По дошедшим до нас сведениям, в момент гибели Бургхельма вся его охрана состояла из людей Зольтенов. Эти сведения еще нуждаются в проверке, но... - Элинор пожала плечами, - в любом случае, больше это устроить было некому. У Арвика на тот момент просто не было собственных ресурсов.

- Кстати, а эти ранние признаки беременности - они заметны только женщине? - "Насколько я понимаю, тестов в этом мире нет", добавил Локхарт про себя. - То есть если она решила соврать ему, дабы женить на себе, проверить ее слова он не мог?

- Возможен и такой вариант, конечно. Симулировать беременность, потом симулировать выкидыш, а брак уже заключен... но лучше исходить из худшего. Мы должны покончить с Арвиком раз и навсегда еще до того, как у него родится наследник - и даже до того, как о беременности Алиссы станет известно. Если она умрет раньше, или если безвестно родит где-нибудь в тюрьме, в этом нет ничего страшного. Но публично убивать малютку очень бы не хотелось. Равно как и получить двадцать лет спустя очередного "чудом спасшегося" самозванца.

- Вы бы действительно отдали такой приказ, Элинор? Убить ни в чем не повинного младенца?

- Нет, если бы была возможность отдать его на усыновление таким образом, чтобы никто и никогда не узнал о его истинном происхождении. Да, в противном случае, - твердо ответила королева. - Я понимаю, как это звучит - потому и говорю, что лучше до этого не доводить. Но - вы ведь не предпочитаете еще одну войну?

"Возможно, - подумал Локхарт про себя, - если Элинор останется королевой-девственницей (он никогда не обсуждал с ней эту тему, но подсознательно ему хотелось в это верить), то она могла бы сделать своим наследником сына Арвика, и династия Йоргелингов продолжилась бы. Ведь и английской королеве-девственнице, кажется, наследовал сын её врага[91], и это не обернулось бедствием для Англии... Впрочем, с такой наследственностью, как у

[91] Под врагом в данном случае имеется в виду женщина - Мария Стюарт, казнённая по приказу Элизабет I. После смерти Элизабет королём Англии и Шотландии стал сын Марии Джеймс.

Арвика - нет, лучше не надо!"

- От новой войны нам, похоже, в любом случае никуда не деться, - проворчал Локхарт вслух.

- Да, - мрачно согласилась королева. - Беременность Алиссы - это, собственно, не главная и не самая срочная угроза. Мы должны покончить с Арвиком немедленно в первую очередь потому, что теперь, когда северная граница полностью оголена, Гроггендор может начать вторжение в любой момент.

- У нас там совсем никого не осталось?

- После того, как по всем гарнизонам провезли голову Бургхельма на шесте, это убедило даже колебавшихся, - невесело усмехнулась Элинор. - Собственно, просто не оставило им выбора. Какой смысл удерживать позицию, когда не только бежали все, кто должен был прикрывать тебя с флангов, но и никакого командования тоже не осталось.

- Разве Бургхельм не оставил заместителя?

- Оставил. Тот сбежал в числе первых. Нет, ну, если совсем точно - кое-где все же остаются особо упертые, не знаю, считать их героями или безумцами - впрочем, одно не обязательно исключает другое. Некоторые радостно перебрались в лучшие крепости, оставленные дезертирами, из своих деревянных и недостроенных, и такое впечатление, что это был их главный мотив остаться - прямо не знаешь, плакать или смеяться... Но это в любом случае совершенные крохи. А самые боеспособные наши силы там сейчас - это, как ни смешно, несколько бугенхольмских баронов со своими вассалами. Им просто некуда бежать, это их родовые земли. А нас они считают меньшим злом, чем империю. Хотя есть и бугенхольмцы, считающие наоборот. Но даже союзные нам бугенхольмцы будут тупо сидеть в своих замках, защищая свои поместья и только их - они не пойдут оттуда, к примеру, в наступление, или куда-то еще, по нашему приказу. Вот с учетом всех перечисленных у нас на всем пространстве между новой и старой границами наберется сейчас неполные три тысячи бойцов. Готовых оборонять каждый свой огороженный клочок земли, но не имеющих ни общего командования, ни координации. Против потенциальных десятков тысяч гроггендорской армии вторжения. Ну, еще есть несколько в принципе верных нам гвардейских дивизионов на старой границе - в первую очередь хампельтонцы, которые, не получив вовремя приказов ни с севера, ни с юга, оставались в своих крепостях и не пытались остановить дезертиров - каковые, впрочем, уходили с севера в основном через земли графини Зольтен. В сумме эти гвардейцы дают примерно две тысячи легкой кавалерии, которые, однако, могут оказаться в ситуации войны на два фронта. Поскольку к югу от старой границы у нас вместо рубежа обороны - армия дезертиров во главе с Арвиком. Те, кто должны были нас защищать, превратились в нашу проблему... А самое смешное, - добавила Элинор после паузы, - что мы же сами вторжение и финансируем. Ну, по крайней мере частично.

- В каком смысле?

- Мне пришлось предложить империи весьма солидную компенсацию за разгром прежнего посольства, чтобы они согласились прислать новое. Притом, что его прибытие в Дракенхайм, разумеется, не гарантирует нас от войны. Но все-таки чуть-чуть снижает ее вероятность.

- Чуть-чуть, - повторил Локхарт.

- Именно так.

- И каков наш план?

- Атаковать и уничтожить Арвика немедленно. Больше никаких маневров, никаких осад, никакого длительного стягивания сил. Придется идти на север с тем, что есть под рукой прямо сейчас, благо паводки уже закончились, и майское солнце быстро сушит землю.

- И что у нас есть под рукой? Насколько я знаю, Райнбальд вернул бо́льшую часть королевской армии в места постоянной дислокации, ибо не считал, что второй мятеж может

представлять угрозу столице.

- Да, и что с наступлением навигационного сезона армия нужнее на побережье... Собирать все это обратно уже нет времени. Вместе с тем, что удалось подтянуть за последнюю неделю, в столице и окрестностях сейчас где-то треть от тех сил, которые Бронгар водил на север. Численно это примерно тридцать шесть сотен пехоты и шесть конницы - только королевской армии, без учета гвардейцев, моих и Вульфеншванца. Но это лишь по состоянию на начало похода. Мы будем набирать подкрепление в гарнизонах по пути на север.

- А у Арвика...

- Численность северной армии - двадцать две тысячи, из которых тринадцать сотен остаются на новых землях, если донесения верны и не устарели, но едва ли Арвику удалось взять под контроль всех остальных. Дезертиры есть дезертиры, часть их наверняка просто разбежалась. А главное - это почти исключительно пехота. А у нас будет и легкая, и тяжелая рыцарская конница.

- У него тоже, - мрачная заметил Локхарт. - Насколько я понимаю, личной армией Зольтенов он теперь может командовать, как своей. А вот мы больше не можем положиться на личную армию Райнбальдов.

- Тут есть хорошие новости, - наконец улыбнулась Элинор. - Мне удалось договориться с Фридрихом.

- Это его младший брат?

- Да, нынешний глава дома. Он как раз лично прибыл в Дракенхайм требовать возмездия за смерть Эдгара. Но теперь обещал поддержать наш поход. Не скажу, что добиться этого было просто... хотя, конечно, дядя Фабиас приложил свои посреднические усилия... блаженны миротворцы, да.

- Какой ценой? - требовательно спросил Локхарт. - Надеюсь, не той же, что в прошлый раз?

- Нет, Фридрих Райнбальд не будет новым коннетаблем, если вы об этом. Ценой стала Элен Райнбальд-Фельзенбург. Ведь она не успела принять постриг и, соответственно, развестись, так что становилась теперь наследницей сразу двух графских титулов и двух состояний. Ну, точнее говоря, титул графини Райнбальд за ней оставался лишь почетный, который не наследуется - настоящий перешел к Фридриху...

- Почему, кстати? - полюбопытствовал Локхарт. Не то чтобы сейчас это было самым важным, но, похоже, ему стоило разобраться в местных правилах наследования, чтобы лучше понимать здешние интриги.

- Тот же принцип, что и у королей. Собственно, в старину любой пэр был фактически суверенным государем на своих землях, потому, собственно, они и называются пэрами, то есть равными, хотя, казалось бы, герцог и не равен барону - но принципы общие для всех. Предпочтение при наследовании отдается мужчине, и я даже не скажу, что это просто глупый предрассудок - ибо глава дома, хоть королевского, хоть баронского, всегда мыслился в первую очередь как воин, главнокомандующий своими людьми. Соответственно, при отсутствии у почившего лорда сыновей и внуков титул переходит к его брату в обход дочерей. Для королей, как вы знаете, мой отец отменил это правило своим посмертным указом, но для всех остальных дворян оно действует. Так что Фридрих получил графский титул и родовой замок - но не все остальное имущество брата, а его было совсем немало, не говоря уже о наследии Фельзенбургов. Кое-кто советовал мне оставить все это в руках Элен, дабы ослабить Райнбальдов, в то время как сама Элен, освобожденная буквально на самом пороге монастыря, была бы после этого верна нам, а не своим свойственникам[92]. Но сейчас нам важнее не ослабить Райнбальдов, а получить их помощь, и это была цена, удовлетворившая Фридриха. Так что

[92]В оригинале in-laws.

больше нет никакой леди Элен, графини Фельзенбург, графини Райнбальд, а есть только сестра Кларисса, которую благословил на новое служение лично его высокопреосвященство.

- Удобно, - усмехнулся Локхарт. - От человека не остается ничего - даже имени. А Фридриху, выходит, достались сразу два графских состояния. А что теперь будет с ее дочерьми? Их тоже... вслед за матерью?

- Фридрих становится их опекуном до их совершеннолетия. В случае их замужества, он будет обязан выдать им такое же приданое, как если бы они были его собственными дочерьми. Хотя, конечно, они могут и принять постриг... если изъявят такое желание.

- Так же, как изъявила их мать, ага, - саркастически покивал Локхарт.

- Эрик, - вздохнула Элинор, - я понимаю, что судьбе этих девочек и их матери можно только посочувствовать. Но нам сейчас нужно спасти не их троих, и даже не мою личную власть, а все королевство. И для этого нам нужна конница Райнбальдов.

- Почему бы им самим не сообразить, что сейчас надо спасать королевство от угрозы вторжения, а не охотиться за чужими состояниями, - пробурчал полковник.

- Потому что таковы люди. Для вас это новость?

- Нет, - согласился Локхарт. - Ладно. Если у нас нет коннетабля, и очередной Райнбальд им не станет, то кто поведет королевскую армию?

- Я.

- Вы?! - переспросил полковник, словно не поверив своим ушам. - То есть, - спохватился он, - я не хочу сказать, что...

- А кто? - перебила Элинор не рассерженно, скорее устало. - Швертлингу я эту роль доверить не могу. Все-таки битву за Дракенхайм он не выиграл, хотя первоначальный замысел и был неплох. Но нас спасло только вмешательство Райнбальда.

- И колокола его высокопреосвященства, - пробурчал Локхарт.

- Драббен тем более не годится, - продолжала королева. - Айбенхорст хорош на своем месте - он и будет его занимать - но не в качестве командующего всеми нашими силами. Он никогда в жизни не командовал кавалерией.

"Можно подумать, вы ею командовали, - подумал Локхарт. - Да и пехотой тоже." Но возражать вслух он не то чтобы не отважился, а - решил подождать, пока Элинор выскажется.

- Вульфеншванц - это тем более не его уровень, - продолжала перечислять та. - Хоть формально он и произведен в гвардейские полковники, то есть генералы, в душе он все равно пока еще только капитан. Есть еще генерал Эбенрих на юге, но он слишком далеко, не успеет добраться, когда для нас критичен каждый день, если не каждый час. Кроме того, нельзя совершенно оголять юг. Сезон навигации открыт, гроггендорцы могут одновременно с вторжением по суше с севера высадить морской десант на юге. Есть еще несколько лейтенант-генералов и глав достаточно знатных домов, но все они либо слишком далеко, либо непопулярны в войсках и никак не проявили себя в военном деле, либо, наконец, я просто не знаю, насколько им можно доверять. После битвы за Дракенхайм все они клянутся мне в верности, но кто знает, как они себя поведут, оказавшись вне моего контроля, зато лицом к лицу с Арвиком - у которого теперь, по всей видимости, хватает не только солдат, но и денег, и нетрудно догадаться, *кто* их ему дал...

- Вы имеете в виду Гроггендор?

- Да уж не графиню Зольтен! Хотя она тоже не нищая. Так что ресурс для подкупа у него изрядный. Райнбальда он, по крайней мере, ненавидел лично, и в этом была гарантия - такой, как Арвик, ни ради какой стратегии не переступит через свою ненависть. И даже в лучшем случае - хотя при таких ставках мы должны не полагаться на лучший случай, а исходить из возможности худшего - никто из тех, кого я не перечислила пофамильно, не смог бы одним своим присутствием во главе войска воодушевить его так, как это сделает королева. Знаете, как говорят: хочешь, чтобы дело было сделано хорошо - делай его сам.

"В конце концов, а сколько лет было Жанне Дарк? - подумал Локхарт. - Правда, она в итоге плохо кончила..."

- У вас уже есть план кампании? - спросил он вслух.

- Мы выступаем послезавтра, с пехотной колонной. Я бы сделала это завтра, но завтра я должна дать аудиенцию гроггендорскому послу. Сегодня я только приняла у него верительные грамоты, а настоящий разговор будет завтра - хотя я не думаю, что от него будет какая-то практическая польза, но этого требует дипломатический этикет... Так вот, всего будет три колонны. Пехота, включая мою личную гвардию, выходит первая и пойдет кратчайшей дорогой напрямую через Иммермур. Там все еще изрядно грязно - впрочем, там никогда не бывает чисто - и это будет нелегкий марш, но это все равно быстрее, чем в обход. В обход и уже позже, когда шпионы успеют донести Арвику, что моя армия - это одна пехота, двинется конница. Сначала - королевская кавалерия, которая пойдет не на север, а на юго-запад, якобы для дополнительного укрепления городов на кирландском побережье на случай угрозы с моря. На самом деле в Боденкраббе, - королева показала на карте порт на юго-западе Айринтии, - они сядут ночью на корабли и поплывут вдоль западного побережья на север до самого Бигенбагена. Даже при неблагоприятном ветре это быстрее, чем скакать, не говоря уже о пешем марше - ну и, само собой, любые шпионы Арвика потеряют корабли из вида, как только те отплывут. Из Бигенбагена конница поскачет на восток своим ходом, подобрав по пути все три Хампельтонских дивизиона. Ну и, наконец, последней выступает конница Райнбальдов, которая поедет по восточному побережью.

- Через земли Хагентрауба? - усомнился Локхарт. - А он с ними не сцепится?

- Его сын все еще жив и все еще у меня в заложниках, - напомнила Элинор. - Причем сейчас его положение сильно осложнилось и зависит исключительно от моей доброй воли. Не думаю, что Хагентрауб захочет так рисковать. Тем более что человек, пытавшийся убить его сына, мертв, и не особо понятно, кому Хагентрауб мог бы мстить.

"Мне, например, или вам, если он считает нас ответственными", - подумал Локхарт, но вслух сказал: - Он мог бы потребовать освобождения Рауля в обмен на беспрепятственный пропуск войска Райнбальда.

- У него просто не будет на это времени.

"Ну да, не та эпоха, когда главе другой партии можно просто позвонить..." - подумал Локхарт и спросил вслух:

- А если наоборот? Если Фридрих решит наплевать на приказ и свести счеты с Хагентраубом? Хотя, конечно, - усмехнулся Локхарт, - учитывая, какие блага на него свалились после смерти брата, он должен быть только благодарен Раулю.

- У них не будет достаточно сил, чтобы атаковать Хагентрауба в его владениях, - возразила Элинор. - Тут одной конницы мало, тут нужны осадные машины... И вряд ли им действительно нужна полномасштабная война с ним.

- И все же, почему бы на всяких случай не пустить их по западному пути?

- Потому что официально они направляются в Фельзенбург, ныне унаследованный Фридрихом. Вступать, так сказать, в законные права владения и наводить окончательный порядок в графстве. Кстати, и в самом Фельзенбурге, и нескольких других замках на востоке - включая, насколько я понимаю, и ваш Памберкраст - все еще стоят солдаты Райнбальдов, выбившие оттуда мятежников. Фридрих подберет их на своем пути. Все три колонны должны сойтись возле нашей цели - ставки Арвика в Зольтенхолле. Пехота прибудет первой, выманивая его на бой. А когда он выйдет, рассчитывая на свой численный перевес - подойдет конница и ударит по нему одновременно с запада и с востока.

- А если он не захочет выходить? Запрется в замке и все? Как я понимаю, нам нужен бой в чистом поле, только тогда кавалерия может реализовать свои преимущества. А на осаду у нас просто нет времени.

- Двадцатитысячную армию нельзя разместить в одном замке, как вы понимаете. Сейчас она просто стоит лагерем в лесу вокруг..

- И будет стоять и дальше, вы думаете? Сколько времени займет этот пехотный марш на север - я так понимаю, около двух недель?

- Даже чуть больше, - вынуждена была признать королева. - Но не думаю, что он тронется с места - как только узнает, что мы выступили, каким числом и в каком составе. Все его попытки куда-то ходить самому доселе оканчивались разгромом. А сейчас для него оптимальная стратегия - не тратить силы своих солдат, не рисковать попасть ни в какую ловушку, просто сидеть и ждать, пока мы сами к нему придем. И даже если вместо Зольтенхолла он предпочтет занять какой-нибудь из окрестных городков - больших там, кстати, нет - он все равно выйдет оттуда, чтобы атаковать, пока у него численное преимущество. Ибо жаждет покончить со мной ничуть не меньше, чем я с ним - и это, в общем-то, еще одна причина, почему мне стоит лично быть там.

- Хотите выманить его на живца? - усмехнулся Локхарт. - А если он пошлет в бой только часть своих сил, а сам все равно останется под защитой крепостных стен?

- Он не станет целиком доверять командование кому-то из дезертиров и, что для него еще важнее, отсиживаться в крепости, позволяя обвинять себя в трусости, - покачала головой Элинор. - Его репутации и так уже нанесено слишком много ущерба. Он выйдет на бой, чтобы разом решить все проблемы. Можете мне поверить, я с детства знаю его натуру.

- Мы уже убеждались, что иногда он способен ее обуздывать, - возразил Локхарт. - Особенно если ему это настоятельно посоветуют его гроггендорские кураторы.

- А вот, кстати, едва ли он станет их слушать. Как ни парадоксально, но он тоже не хочет вторжения. Вряд ли его прельщает перспектива стать вторым Финеасом Бугенхольмским. Он хочет как можно скорее захватить власть в Айринтии сам и утвердиться на троне - дабы потом говорить с империей уже не с позиции всем ей обязанного просителя, а с позиции самовластного государя, опирающегося на собственные силы. Поэтому призывать на помощь гроггендорские войска или тянуть время, дожидаясь, пока они придут сами, он не будет. Он ведь понимает - не такой он дурак - что обратно они уже не уйдут. В свою очередь, гроггендорцы вряд ли нападут, пока верят, что у Арвика и так преимущество. Зачем им тратить собственных солдат, пусть айринтийцы убивают друг друга... И наш шанс в том, чтобы изменить ситуацию настолько быстро, чтобы они не успели среагировать. Огромные размеры империи - это одновременно и ее же слабое место. Слишком большая инертность. Слишком медленно доходят донесения и передаются приказы. И даже командующий, выдвинутый на передовые позиции, не решится взять на себя ответственность за радикальные шаги, не дождавшись санкции начальства.

- Но что потом? Допустим, мы победим, пока гроггендорцы согласовывают свои решения. Значит ли это, что они откажутся от вторжения?

- Как только Арвик будет мертв - а наша цель именно в этом, а не в том, чтобы убить как можно больше его людей - у его войска не останется другого выхода, кроме как снова перейти под мою руку. Да, придется простить им убийство Бургхельма и дезертирство, сделав вид, что во всем был виноват один лишь Арвик. Таким образом, в районе старой границы окажется бо́льшая часть воссоединившейся айринтийской армии, готовой к бою и продолжающей подтягивать силы с юга. Это не лучший момент для вторжения. Я рассчитываю получить тридцатитысячную армию, Гроггендор, насколько нам известно, сосредоточил у наших границ порядка девяноста тысяч - но трехкратный перевес - это, как вы знаете, тот минимум, который рекомендуется наступающей армии. Штурм крепостей может требовать и пятикратного, и десятикратного преимущества, а старая граница хорошо укреплена. Затем наши свежие силы с юга займут новые территории, а бывшие дезертиры останутся позади них во втором эшелоне. И если мы успеем это сделать, пока имперцы анализируют новую ситуацию - момент для Гроггендора будет упущен окончательно. Попробовать, конечно, они все равно могут. Но ситуация будет для

них самой невыгодной из возможных.

- Звучит убедительно, - согласился Локхарт. - Хотя слишком многое зависит от того, насколько нам удастся скоординировать свои действия и насколько нашим врагам это не удастся.

- Что поделать. Таков расклад.

- Одна битва решит судьбу Айринтии.

- Не впервые в ее истории.

- Я могу поехать с вами?

Элинор взглянула на него с удивлением:

- Но конечно же, Эрик! Я же все время говорю "мы". Разумеется, вы едете со мной.

Локхарт молча взял ее за руку. Риск личного участия в бою не значил ничего по сравнению с перспективой остаться в Дракенхайме и бессильно ждать вестей от Элинор. Он понял, что есть нечто еще хуже ненавидимой им роли пассажира - роль ждущего на земле. Для пассажира, по крайней мере, в случае катастрофы все закончится, и дальше страдать будет уже некому. Избрав рискованную профессию пилота и астронавта, Локхарт привык спокойно относиться к возможности собственной смерти - именно потому, что после нее нет уже никаких сожалений и терзаний. А вот остаться жить с мыслью, что Элинор мертва, что она, возможно - от Арвика вполне стоило этого ожидать - умерла ужасной смертью... Впрочем, в случае ее поражения и гибели его собственная жизнь также оказывалась под очень серьезной угрозой, где бы он ни находился - но не это беспокоило его теперь в первую очередь.

- Ситуация сейчас такая, что со мной на войне вам будет безопаснее, чем без меня здесь, - сказала королева, словно прочитав его мысли. - Те люди, которые винят вас в дуэли Рауля и Райнбальда - или используют этот предлог для своей личной зависти и злобы - никуда не делись. Некоторые даже называют вас агентом Арвика, а то и Гроггендора - мол, вы специально оставили нас без коннетабля накануне войны, хотя и очевидно, что это - всего лишь несчастливое совпадение... Между прочим, Фридрих Райнбальд тоже поначалу выдвинул условие удалить вас от двора. Я сказала, что сделаю это... на какое-то время. Поэтому вы едете со мной, - она широко улыбнулась, как удачно напроказившая девчонка.

- Не думаю, что он оценит ваше остроумие, - усмехнулся Локхарт.

- Едва ли он узнает об этом прежде, чем закончится битва, но, в любом случае, для него это требование... в смысле, пожелание, требовать от королевы он ничего не может - не более чем формальность ради сохранения лица. То, чего он хотел на самом деле, он получил.

- Какова будет моя роль? Скажу не хвастая, тренировки с Габриусом не прошли для меня даром, а в последние месяцы мы много упражнялись и в приемах конного боя - но я все же не считаю себя готовым командовать другими в столь ответственной битве.

- Вы будете сопровождать меня в качестве рыцаря моей личной охраны, - улыбнулась Элинор. - Устраивает?

- Более чем, - улыбнулся он в ответ. - Но Вельо мы оставим дома. У него здесь нет врагов. Хотя он, конечно, обидится. Но пусть уж лучше обижается.

- Должен же кто-то охранять столицу, - поддержала шутливый тон Элинор, а затем серьезно добавила: - Но он не должен ничего знать о наших планах. Не то чтобы я не доверяла ему лично...

- Но есть люди, не созданные для того, чтобы хранить тайны, - кивнул Локхарт, - и Вельо - классический образец. Само собой. Ни ему, ни тем паче де Сегюру, хотя тот, понятно - обратная крайность.

- Надеюсь, вы ни в чем не подозреваете архиепископа? Помните - из нас троих он самый старый враг Арвика. Был таковым еще до его, то есть Арвика, рождения. И тот слишком хорошо это знает.

- Конечно, - кивнул Локхарт. - Но Фабиас - это Фабиас. А де Сегюр - это де Сегюр.

"Вот это, видимо, уже окончательный конец "Доброй воли", - подумал он про себя. -

Старому средневековому интригану я доверяю больше, чем своему человеку."

Элинор никак не прокомментировала его слова, очевидно, полностью согласная с ним, и он лишь уточнил:

- Значит, выступаем послезавтра с утра?

- Да. На рассвете.

Шеститысячная пехотная колонна, включавшая две с половиной тысячи личной гвардии королевы и не включавшая конницу (кроме полусотни личной охраны Элинор), выступила на север точно по плану - ранним утром 11 мая. В этот отряд собрали практически всех, кого можно было собрать - в столице оставался лишь символический гарнизон в две сотни человек (даже дворцовая охрана была заменена обычной городской стражей, никогда прежде не удостаивавшейся такой чести) и необученные новобранцы. Поскольку верные королеве силы должны были двигаться на противника сразу и через Иммермур (ныне проходимый только по главной гати), и по восточному побережью, а западную дорогу надежно охраняли крепости с прошедшим ротацию гарнизоном, теперь уже можно было практически не опасаться, что Арвику удастся прорваться к Дракенхайму в обход своих противников, а перебросить двадцатитысячное войско на кораблях он бы также не сумел - ни в одном порту Айринтии не нашлось бы достаточно судов, к тому же гарнизоны всех портовых городов еще во время второго мятежа подтвердили свою верность королеве. Соответственно, Элинор планировала и дальше выгребать практически подчистую гарнизоны городов и крепостей на своем пути и рассчитывала таким образом к моменту прибытия в земли Зольтенов увеличить свою армию по меньшей мере вдвое. Что, впрочем, все равно составило бы лишь около половины от соединенной численности северной армии и личной армии графини Алиссы.

Во главе колонны ехали сама королева, Локхарт, Айбенхорст, по-прежнему командовавший личной гвардией королевы, генерал Швертлинг (которого Элинор все же взяла с собой, но не в качестве командующего, а в качестве военного советника), свежеиспеченный лейтенант-генерал Дорвит (участвовавший в последнем походе Бронгара в ранге полковника и ныне назначенный непосредственно командовать всей королевской пехотой), полковник Краут (назначенный ему в заместители) и еще несколько офицеров. Над самой землей еще стелился туман, и лошади шагали по колено в нем, словно в молоке, а деревья по сторонам от дороги, где над травой он поднимался еще выше, казались висящими в воздухе - однако солнце, уже решительно карабкавшееся с востока в безоблачное небо, обещано еще один ясный и по-летнему теплый день. Такая погода стояла уже неделю, позволяя надеяться на достаточно легкий переход через Иммермур - до которого, впрочем, оставалось еще три дня пути, и еще по меньшей мере столько же - через него. За это время могло случиться всякое, и майские грозы были тут вполне вероятным и еще не худшим вариантом.

Внезапно сзади послышались крики, не сулившие, впрочем, опасности. Дозорные извещали командование, что армию нагоняет одинокий всадник. Когда он приблизился, стало ясно, что это гонец в красно-синем нарамнике Райнбальдов. Подъехав к голове колонны, он почтительно отсалютовал королеве и вручил ей запечатанный пакет.

От Локхарта не укрылось, как Элинор на миг поджала губы, прочитав послание.

- У нас какие-то проблемы, мэм? - негромко осведомился он.

- Мм... нет, - Элинор оглянулась на ехавших рядом офицеров и повысила голос, дабы они все слышали: - Граф Фридрих Райнбальд извещает нас, что не будет командовать своей конницей в нынешней кампании. Он возвращается в свои родовые земли, дабы уладить дела, связанные, как он пишет, с его вступлением в новые обязанности главы дома. Туда же возвращаются пехотные части Райнбальдов, некогда приведенные сюда покойным графом Эдгаром - которые в любом случае не должны были участвовать в операции. А командование конницей он передал Филиппу, своему кузену. Который уже скачет с юга. Хорошая новость

заключается в том, что он скачет не один, а ведет с собой дополнительный кавалерийский отряд в три сотни рыцарей. Плохая новость состоит в том, что он, вероятно, не успеет к назначенному сроку. В связи с чем граф Фридрих предлагает перенести время операции на один день. Вообще-то это не то, о чем мы договаривались, - проворчала Элинор, вновь понижая голос.

- Что вы намерены ответить, мэм? - осведомился Швертлинг. - Мы уже выступили, и противник достаточно скоро об этом узнает, - пехотное выступление, собственно, и было вполне демонстративным, а вот действия кавалерийских колонн, как и само их существование, не афишировались. - Вряд ли нам стоит останавливаться в пути.

- Мы не будем останавливаться специально, - согласилась Элинор. - Нас еще самих может задержать погода. А Филиппу я напишу, чтобы торопился, как может. Быть может, ему все же удастся успеть в срок. Если нет - мы внесем коррективы позже.

Локхарту эта новость совсем не понравилась. Было похоже, что Фридрих желает снять с себя ответственность за исход боя, каким бы тот ни был. А лишние триста всадников лишь выглядят достойным оправданием для задержки - но если они прибудут слишком поздно, толку от них не будет, даже если б их было три тысячи. Впрочем, возможность задержки на один или даже два дня план допускал - в конце концов, погода и впрямь могла вмешаться - хотя это было нежелательно. Но не найдет ли Филипп - по наущению кузена или по собственной воле - еще какой-нибудь повод отложить свое прибытие?

Обменявшись быстрым взглядом с Элинор, полковник понял, что она думает о том же самом. Но отменять операцию было поздно, тем более - из-за всего лишь подозрений. Оставалось лишь надеяться, что Райнбальды, получившие свою плату вперед, все-таки будут играть честно. В конце концов, если Эдгар мертв, это еще не значит, что Арвик не жаждет обрушить свой мстительный гнев на остальной род...

Королевское войско продолжало двигаться на север в максимальном для пехоты темпе. Нужно было как можно скорее пройти Иммермур, пока погода оставалась благоприятной. И если первый день пути прошагали легко на одном энтузиазме, то после капралам пришлось уже немало орать, а то и пускать в ход тычки, подгоняя отстающих - особенно когда после уже вполне сухой и удобной дороги к югу от болот под ноги легла все еще покрытая разводами густой грязи гать. И все же им везло с погодой почти до самого Дортинайна, прежде чем на западе показалась огромная, иссиня-черная грозовая туча, ползущая со стороны Кирландского залива. Тут уже солдат не нужно было подгонять - они, несмотря на усталость, устремились вперед почти бегом, надеясь укрыться в крепости до того, как весь растущий на полнеба и уже грозно рокочущий ужас обрушится им на головы. Королева и ее конные спутники могли бы, конечно, пришпорить лошадей и добраться до Дортинайна раньше пехоты, но продолжали ехать шагом, демонстрируя единство со своими солдатами.

Увы - они все-таки не успели. Ливень рухнул стеной, когда голову колонны отделяли от крепости каких-нибудь две сотни ярдов - и этого оказалось достаточно, чтобы вымочить до нитки всех, от ее величества Элинор до последнего обозника. Да и бараки в небольшой крепости - где уже находился собственный гарнизон - не были рассчитаны на семитысячное (с учетом уже успевших присоединиться) войско. Отдельная комната досталась только королеве (комендант уступил ей собственную, служившую ему спальней, кабинетом и столовой), а всем старшим офицерам пришлось ютиться в одном помещении - солдаты же и вовсе набились под крыши и навесы стоя, словно в вагоны забытой здесь подземки в час пик. Но все же это было лучше, чем остаться в такой ливень под открытым небом посреди болота.

Гроза бушевала почти три часа, но задержала армию на сутки - необходимо было ждать, пока уровень смешанной с грязью воды, затопившей гать, снова понизится. Что ж - теперь, по крайней мере, конница Филиппа Райнбальда (даже если она и попала позже под ту же грозу, но на куда лучшей дороге) не должна была опоздать на рандеву с пехотой. (Королевская конница, двигавшаяся западным маршрутом и имевшая теперь перспективу прибыть на день раньше

остальных, должна была получить копии приказа от королевы о точном времени прибытия в каждой из крепостей по пути ее следования, начиная с Бигенбагена).

Уходя из Дортинайна, Элинор забрала с собой весь его гарнизон, оставив крепость совершенно пустой. Практически так же она поступала и в крепостях к северу от Иммермура, оставляя там не многим больше человек, чем нужно, чтобы открыть и закрыть ворота. В том числе был выведен весь гарнизон из Айзеншлосса (со времени похода Локхарта пополненный до полутора тысяч). Швертлинг на правах самого старшего тоном более ворчливым, чем почтительным, выразил королеве сомнение, стоит ли полностью уводить войска из недавно еще мятежного города, на что Элинор ответила, что если они победят - никаких мятежей можно будет уже не опасаться, а если проиграют - никакие гарнизоны уже не помогут. Вместе с тем Элинор не пыталась поставить под свои знамена личные армии феодалов, через земли которых проходила ее армия. Многие из них, часто вместе со своими сеньорами и вассалами, уже полегли в битве за Дракенхайм на стороне Арвика, а надежность тех, что остались - и даже тех, кто унаследовал поместья мятежных родичей по указам самой Элинор! - вызывала сомнения. Формально, конечно, все они присягнули в верности королеве - но как они поведут себя на поле брани, особенно увидев, что у противника численное преимущество? Надежнее было не рисковать, чем получить удар в спину в самый ответственный момент. К тому же почти никто из них не был готов выступать немедленно; для того, чтобы собраться в поход вместе со своим вассальным войском, им понадобилась бы как минимум пара дней (или, во всяком случае, они имели полное право так заявить), что, разумеется, было неприемлемо. Почти единственным исключением стал Томас Лахтенвайз, сам явившийся к королеве со своим отрядом из шести десятков наемников (содержать сотню у него уже не хватало денег) в надежде, что она решит, наконец, в его пользу вопрос о титуле и замке баронов Лахтенвайз (что королева и пообещала ему сделать сразу же после победы).

Наконец после шестнадцати дней изнурительного марша, проходя в среднем по 23 мили в день (не считая одного дня вынужденного отдыха в Дортинайне), королевская армия достигла городка Торринворт к югу от обширных лесов, укрывавших замок Зольтенхолл. Насколько Локхарт помнил карту, лес рос здесь даже в его эпоху - тогда он назывался Национальным лесом имени Осиолы[93]. Хотя с тех пор, очевидно, растительность там, следом за климатом, серьезно изменилась. Торринворт был последним форпостом на этом направлении, где стоял королевский гарнизон. В свое время он, правда, как и многие части на севере, успел формально присягнуть Арвику (хотя ни в каких боевых действиях не участвовал), но комендант и его офицеры с тех пор уже были благополучно заменены (хотя солдаты, конечно, остались теми же самыми). Именно в Торринворте Элинор должна была получить последние шифрованные донесения от обеих кавалерийских колонн об их готовности прибыть в срок, а также наиболее свежие сведения о противнике. Существовала, конечно, вероятность, что Арвик попытается захватить город еще до прибытия королевской армии, но Торринворт, несмотря на свои маленькие размеры, был хорошо укреплен и являлся для Арвика одновременно слишком мелким и слишком твердым орешком, о который не было смысла ломать зубы, коль скоро битва в любом случае должна была состояться в чистом поле (о кавалерийских колоннах и, соответственно, о роли городка в коммуникации с ними, как надеялись в королевском войске, Арвик не знал). Он понимал, что Элинор ведет свое войско через всю страну не для того, чтобы запереться в крепости, и не хотел оказаться запертым там сам, предварительно потеряв намного больше солдат при штурме, чем в бою с теми же людьми, когда они выйдут на открытую местность. Обе стороны стремились к генеральному сражению в поле, которое раз и навсегда разрешит счеты между ними, и обе хотели его как можно скорее. Если Элинор опасалась, что в случае промедления Гроггендор может начать вторжение на оставшиеся без защиты новые территории,

[93]Osceola National Forest, назван в честь известного вождя семинолов.

не дожидаясь конца айринтийской смуты (а также и что начнут распространяться слухи о грядущем появлении у Арвика наследника), то Арвик, в свою очередь, понимал, что его противница еще может подтянуть дополнительные силы с юга, в то время как его собственный мобилизационный потенциал, по всей видимости, исчерпан - во всяком случае здесь на севере.

Торринворт действительно не был занят противником, который даже не предпринимал такой попытки, но новости, доставленные с голубиной почтой, оказались не слишком радостными. Хотя штормов за все время пути не было, из шести кораблей, которые должны были доставить в Бигенбаген конницу (две с половиной сотни тяжеловооруженных рыцарей, три с половиной сотни легкой кавалерии и два гвардейских дивизиона обшей численностью в семьсот человек), до цели добрались только четыре. Два тяжелых неповоротливых нефа, шедшие последними, столкнулись ночью в густом тумане, в результате чего один, получивший пробоину вдоль всего борта, опрокинулся и затонул, а второй, пострадавший меньше, благодаря отчаянной работе на помпах сумел-таки дотянуть до суши и выброситься на пустынный берег вдали от портов и городов. (По иронии судьбы, капитан затонувшего судна как раз пытался из осторожности увеличить дистанцию с кораблем, шедшим впереди - и в результате был протаранен шедшим сзади.) Внезапность катастрофы, произошедшей тогда, когда почти все пассажиры спали, плюс ночь и туман, дезориентировавшие даже тех, кто успел выбраться с тонущего судна, не позволили спастись почти никому с первого корабля. Впрочем, погибло не так уж много воинов - менее сотни, из которых лишь два десятка рыцарей, поскольку на этом судне перевозилось меньше людей, зато больше лошадей, чем на остальных. И вот рыцарские кони в результате были потеряны почти все. А это были отборные кони фризской породы, заменить которых было не так-то просто. Даже лучшие лошади легкой кавалерии, превосходившие их в скорости, уступали им в выносливости.

Остальные четыре корабля даже не заметили, что произошло позади. Пропажу двух судов там обнаружили только ближе к полудню, когда, наконец, развеялся туман, и решили, что два нефа просто отстали. Капитаны, следуя полученному приказу, продолжали путь в Бигенбаген, и лишь там командующий королевской конницей граф Лоренберг после двух дней ожидания получил известие, доставленное с конным гонцом от капитана Айзенбруста (в прошлом - лейтенанта Вульфеншванца, ныне командовавшего Шестым дивизионом), который вместе со своими людьми находился на выбросившемся на берег корабле. Он извещал о случившемся и о принятом им решении - вести своих людей не в Бигенбаген, а сразу в крепость Орландор на соединение с Первым Хампельтонским дивизионом. Возможно, на это его решение повлияло не столько желание сэкономить время в пути, сколько опасение, что командир оставшихся безлошадными рыцарей попытается всеми правдами и неправдами "одолжить" коней у гвардейцев (которые вообще-то являются личной собственностью своих наездников, но с учетом чрезвычайных обстоятельств...). Таким образом, перед Лоренбергом встала необходимость срочно где-то изыскивать - покупать или реквизировать - две сотни боевых коней, подходящих для тяжеловооруженных рыцарей, что даже в портовом Бигенбагене было совсем не простой задачей. Вынужденный выбирать между вариантами опоздать на неопределенный срок со всем своим войском или привести вовремя хотя бы его часть (и не на лучших конях), Лоренберг выбрал второе и пересадил своих рыцарей на коней легкой кавалерии, а оставшихся безлошадными всадников, в свою очередь, оставил в Бигенбагене, снабдив их бумагами, которые - по крайней мере теоретически - должны были помочь им приобрести коней за счет королевской казны. Но насколько их это задержит, было неизвестно. Таким образом, Лоренберг обещал прибыть в срок (несмотря на задержку в Бигенбагене, лишний день позволял ему теперь даже не особо торопиться и не гнать лошадей), но вместо запланированных тринадцати сотен всадников он вел теперь на восток менее половины - плюс где-то еще скакали отдельно и самостоятельно три с половиной сотни Айзенбруста. От них не было никаких известий с того момента, как они отправились в свой путь с места вынужденной высадки. У них просто не было

голубей, которых можно было бы отправить ни в Бигенбаген, ни тем паче в Торринворт. Впрочем, в случае благополучного соединения с хампельтонцами все эти отряды все еще должны были образовать достаточно внушительное войско в двадцать две сотни всадников (из которых более чем десятую часть составляли первоклассные рыцари, правда, на менее первоклассных конях), что даже без учета ожидаемых двадцати одной сотни Филиппа Райнбальда превосходило всю кавалерию Зольтенов. Но это - в случае благополучного соединения.

А от Райнбальда меж тем тоже не было свежих вестей. Последнее известие, полученное от него в предыдущий точке маршрута - городе Раммельтоне - гласило, что он прибыл в Фельзенбург. Поскольку это сообщение соответствовало официальной версии его миссии, оно было передано не с голубем, а колоколами, как не особо секретное (его расшифровал армейский капеллан, и Локхарт только теперь сообразил, что в этом мире капелланы по сути являются еще и офицерами связи) - и, соответственно, не содержало информации о его дальнейших планах. Таким образом, Филипп благополучно пересек не особо дружественные земли Хагентрауба, а дорога от Фельзенбурга уже не должна была сулить никаких неожиданностей - но прибудет ли он в срок? Возможно, голубь с новым посланием просто не долетел? Голубей, знавших дорогу в маленький Торринворт, было слишком мало, и у Элинор на момент начала похода просто физически не было под рукой еще одного, чтобы отправить его Филиппу в качестве запасного.

Между Торринвортом и южной окраиной леса простиралась плоская, поросшая одной лишь травой равнина, идеальная для действия конницы. Эту полосу шириной около четырех миль никто не смог бы пересечь незамеченным ни с одной, ни с другой стороны, но разведка докладывала о конных разъездах противника, появлявшихся со стороны леса. Очевидно, Арвик ждал прибытия неприятеля, не желая при этом самому выходить из-под прикрытия деревьев. К юго-востоку местность слегка повышалась и переходила в гряду пологих невысоких холмов, откуда, в принципе, должна была в неожиданный для противника момент появиться конница Райнбальдов. К западу местность была совершенно открытой, так что появление королевской конницы с этой стороны не могло стать абсолютно неожиданным, но все же должно было расстроить вражеские планы.

После получения всех докладов следовало решить, выходить ли, согласно плану, в поле на следующий день под вечер, дабы занять позицию между Торринвортом и лесом в расчете на то, что Арвик атакует ее на следующее утро - или отложить все еще на один день в ожидании прибытия кавалерии (в первую очередь - Филиппа, ибо наибольшее беспокойство вызывал он). Проблема была в том, что промедление резко повышало вероятность, что Арвик узнает о главной изюминке плана - идущей на помощь королеве коннице. Отряд Лоренберга разведка Зольтенов могла заметить уже по достижении им конца Канала. Никакой голубь, однако, не донес бы эту весть в расположенный у окраины леса лагерь Арвика, а конный гонец не доскакал бы намного быстрее, чем сам отряд. Но за лишний день - если бы Лоренберг остановился в ожидании подхода Райнбальда - известие легко дошло бы до Арвика либо напрямую, либо с гонцом из Зольтенхолла.

С другой стороны, армия королевы, с учетом гарнизона Торринворта, который также должен был быть выведен в поле для участия в бою, составляла теперь двенадцать тысяч восемьсот человек (включая три с половиной сотни легкой кавалерии). Силы Арвика оценивались приблизительно в двадцать тысяч северной армии (включая от трех до пяти сотен легкой кавалерии) плюс полторы тысячи конницы (включая тяжелую) и две тысячи пехоты Зольтенов. Ввязываться в бой при таком соотношении сил, имея от Лоренберга лишь обещание прибыть вовремя, отправленное несколько дней назад, а от Филиппа вообще ничего, было, безусловно, большим риском.

И все же Элинор приняла решение действовать по плану, не откладывая. "Гарантированного варианта у нас нет в любом случае, - сказала она. - И хотя в условиях

неопределенности в общем случае надо стремиться минимизировать риск, а не максимизировать выигрыш, сейчас у нас другая ситуация. Сейчас все, что не победа - это поражение, для нас и для всей Айринтии. Если он, к примеру, отступит обратно в лес или вовсе не выйдет на бой. У нас больше нет времени на затяжную войну. Ублюдок, - это теперь был "официальный титул" Арвика, после "графа Дункельта" и безымянного "мятежника", - не должен дожить до послезавтрашнего заката, чего бы нам это ни стоило. Иначе все напрасно и все проиграно. Не только наш поход, не только мое правление, но и все шестьсот лет нашей независимости."

Локхарт впервые слышал от Элинор такую патетическую речь и видел столько яростной решимости в ее глазах. При этом он понимал, что это не игра на публику (хотя позже королева обратилась с аналогичной речью уже не к узкому кругу своих старших офицеров, а ко всей армии). Она верила в каждое слово, которое произносила - и он понимал, что она права.

До вечера 28 мая вымотанная маршем королевская пехота отдыхала и отсыпалась. Следующей ночью - ночью перед битвой - высыпаться им было уже некогда: вечером они выступили из города, дабы разбить лагерь примерно посередине между Торринвортом и лесом (то есть достаточно далеко от города, чтобы выманить Арвика), а ночью занялись оборудованием позиции. Локхарт принял самое непосредственное участие в разработке схемы укреплений, вообще говоря, нетипичных для средневековых войн. Впрочем, его первоначальная идея вырыть ночью траншею с бруствером по фронту и флангам подверглась изменениям - траншею вырыли, но не для того, чтобы укрыть в ней лучников (чья методика стрельбы все же существенно отличается от солдат огнестрельной эпохи и для которых потеря даже метра высоты означала потерю примерно шестнадцати метров дальности - а кроме того, это не спасло бы их от навесной стрельбы лучников противника, хотя и частично помогло бы против настильной из более популярных в армии Зольтенов арбалетов), а в качестве преграды с острыми кольями на дне, а бруствер (точнее, более высокий земляной вал) сделали, соответственно, не с внешней, а с внутренней стороны. В нескольких местах на этот вал еще втащили обозные телеги, завалив их набок колесами к себе и закопав эти (нижние) колеса в землю, а в днищах выломав доски таким образом, чтобы получились щели бойниц.

Тем временем, пока шли все эти работы, старшие офицеры королевы собрались у нее в шатре, чтобы в последний раз обсудить план боя. Пока окончательно не стемнело, сохранялась надежда, что из Торринворта прискачет гонец с известием от Филиппа. Но таковой так и не появился. Хорошую новость, впрочем, сообщил армейский предсказатель погоды, пообещавший на следующее утро южный ветер, дававший преимущество королевским лучникам (Локхарт уже знал, что и в этом мире есть свои синоптики, исходящие не из суеверий, а из реальных наблюдений за погодой - хотя, конечно, при доступной им информации точность их прогнозов была намного ниже, чем в цивилизованную эпоху). В обсуждении грядущей тактики особых разногласий не возникало - все сходились в том, что необходимо связать противника боем и удерживать оборону, не допуская ни охвата с флангов, ни прорыва по центру, для чего использовать маневр и концентрировать стрельбу лучников) на наиболее угрожаемом направлении, при необходимости организованно отходя в сторону Торринворта и заманивая врага еще дальше от леса, до тех пор, пока не прибудет собственная кавалерия. Вопрос о том, что делать, если она так и не прибудет, никто поднять не решался, и Локхарт уже собирался поставить его прямо, когда вдруг снаружи шатра послышался голос часового: "Ваше величество?"

- Войдите! - разрешила королева, знавшая, что ее не побеспокоили бы без действительно важной причины.

Вошел рослый воин в кольчуге, наклоняя голову в круглом шлеме:

- Мэм, дозорные задержали всадника на окраине лагеря. Похоже, он прибыл от неприятеля и настаивает на встрече с вами, мэм.

Присутствующие обменялись взглядами. Перебежчик? Было бы очень кстати, но не

ловушка ли это?

- Его обыскали как следует? - спросила Элинор.

- Да, мэм. Забрали меч, спрятанного оружия у него при себе не было.

- Хорошо. Давайте его сюда.

Через минуту в шатер вошел человек среднего роста, с косым шрамом на левой щеке, в черной кожаной куртке без доспехов и нарамника - вероятно, их сняли при обыске - и низко поклонился королеве:

- Ваше величество...

- Какая встреча! - не удержался Локхарт. - Вы знаете, кто это, мэм?

- Видела рисунок, составленный со слов знавших его, - ответила Элинор, не сводя взгляда с гостя. - Могу сказать, что почти восхищена вашей наглостью, Дармонт.

- Я понимаю, ваше величество, - ответил Дармонт почтительно, но без раболепства, - все, что думаете обо мне вы и эти достойные господа. Кстати, рад видеть полковника Локхарта здравствующим и рад, что не ошибся, оценивая его потенциал. Зато я ошибся в гораздо более важном вопросе - но умный человек признает и старается по мере сил исправить свои ошибки...

- На колени перед королевой, изменник! - рявкнул вдруг Айбенхорст, до глубины души возмущенный тем, что даже свою покаянную речь Дармонт начал с похвалы собственному уму. Хотя распоряжение исходило не от Элинор, тот послушно опустился на колени, вновь наклоняя голову.

- Ошибка, - холодно повторила королева. - Так теперь называется предательство?

- Я не прошу простить меня, мэм, - произнес Дармонт в той же позе, но затем все же поднял голову, - но прошу понять: все, что я делал, я делал не ради себя, а ради блага Айринтии - так, как я понимал его в тот момент.

- Да, да, - саркастически пробасил Айбенхорст, - все предатели предают ради высоких идей, а не ради собственной шкуры.

- Моя шкура на выбранном мною пути подвергалась не меньшей опасности, чем ваша, полковник, - спокойно ответил Дармонт, переводя взгляд на него. - Порою даже большей. И уж точно подвергается таковой сейчас, причем сразу с двух сторон. Но, может быть, вы все же не будете перебивать мой разговор с ее величеством? У нас, к сожалению, мало времени.

- Пусть говорит, полковник, - разрешила Элинор. - И можете встать, Дармонт. Я желаю видеть ваши глаза.

- Я все же прошу понять мои мотивы, мэм, - повторил Дармонт, поднимаясь. - Я никогда не желал зла вам лично. Но я полагал, что в той сложной политической ситуации, в которой оказалась Айринтия, принц Арвик, как более легитимный - прошу меня простить, но так я думал тогда - и как... мужчина и воин, будет лучшим правителем для королевства, чем совсем юная девушка, которую я вообще не считал самостоятельной фигурой...

- Теперь считаете? - усмехнулась Элинор.

- Как я уже сказал, я признаю́, что ошибался во всем. И насчет вас, и насчет него. Связав свою судьбу с принцем Арвиком, я до последнего пытался наставить его на верный путь, хотя мне не нравились многие его решения - но, когда я окончательно убедился, что он намерен сдать страну Гроггендору, это не оставило мне другого выбора, кроме как тот, что привел меня сюда.

- Он действительно намерен это сделать? - осведомилась королева.

- Сам он, конечно, так не считает. Он думает, что просто использует гроггендорцев в своих интересах - как уже делал, когда организовывал поджог их посольства (замечу, кстати, что это решение тоже было принято без моего ведома и согласия). Прийти с их помощью к власти, а потом отделаться от них простым "спасибо". Самовлюбленный мышонок, возомнивший, что может манипулировать котом. Договориться с ним "где-то посередине". Но коту, во-первых, не нужна середина мыша, он хочет съесть его целиком. А во-вторых, даже если бы он откусил только половину, второй от этого бы легче не стало...

- Давайте без метафор, - перебила Элинор. - О чем конкретно он договорился с имперцами?

- Вывод войск за старую границу, "особый статус" новых территорий, обеспечение экономических интересов Гроггендора. В обмен империя формально признает наш суверенитет над территориями, фактически отданными ей на милость - до тех пор, разумеется, пока просто не заберет их явочным порядком, чтобы использовать как плацдарм для дальнейшего наступления. Как она делает уже триста лет.

- И вы, конечно, не имеете к этому никакого отношения, - усмехнулась королева.

- Клянусь, что нет, мэм! Когда я устраивал его союз с графиней Зольтен, я полагал с ее помощью изыскать новые средства для продолжения борьбы внутри страны. Возможно, действительно через привлечение северной армии, которой командовал ее муж - но с тем, чтобы вернуть ее обратно после победы... извините меня, мэм. Но не сговор с Гроггендором! А теперь у Арвика уже в принципе нет выхода. Если он будет соблюдать условия сделки - Гроггендор нападет, потому что северные земли оставлены без защиты. Если попытается вернуть туда армию - Гроггендор нападет, потому что Айринтия нарушила договор. Но договор пока еще заключен не с Айринтией, а с ним лично. Поэтому Арвик ни при каких раскладах не должен оказаться на айринтийском троне. Вы можете казнить меня, ваше величество, это ваша воля - но, надеюсь, вы поняли, почему я больше уже никогда не буду на его стороне.

- Вы ведь родом из Бугенхольма? - осведомился скрипучим голосом Швертлинг. - Имя "Орелан Дармонт" звучит не очень-то по-айринтийски.

- Мой отец был бугенхольмцем, - спокойно ответил Дармонт, - но бежал в Айринтию после Войны Секиры, когда гроггендорцы захватили его родовые земли. Я родился в Айринтии, прожил здесь всю жизнь и не знаю никакой иной родины. И уж тем более не желаю для нее судьбы Бугенхольма.

- Многие бугенхольмцы, как я слышал, настроены вполне прогроггендорски, - гнул свое Швертлинг.

- Некоторые айринтийцы тоже, - не удержался в ответ Дармонт. - Но не я. Даже моя вина перед моей королевой вызвана лишь моим желанием защитить мою страну.

- Почему бы вам не искупить свою вину перед ними обеими, самолично убив ублюдка? - мрачно осведомился лейтенант-генерал Дорвит. - Вы ведь, насколько я понимаю, входите в число его ближайших приближенных. Раз уж вы говорите, что готовы заплатить жизнью за вашу ошибку - это спасло бы тысячи солдат, которые погибнут завтра. Тех самых солдат, которые все еще нужны Айринтии для защиты от Гроггендора.

- Потому что он только так говорит, а на самом деле надеется на помилование, - пробурчал Айбенхорст. Дармонт бросил на него короткий неприязненный взгляд, но ответил Дорвиту:

- Это не так-то просто, сэр. Его хорошо охраняют - особенно этот бандит по кличке Бурый, его личный телохранитель, не отходящий от него ни на шаг. Раньше их было целых три, но Бурый, как я подозреваю, прикончил двух других, дабы единолично занять исключительную позицию при своем господине - хотя те двое были тоже отнюдь не просты. А мне он, то есть Арвик, в последнее время, боюсь, уже не столь доверяет. Я неоднократно спасал ему жизнь, но после наших споров... вы знаете, как он относится к тем, кто осмеливается с ним не соглашаться. Формально я все еще командую его полком, но в завтрашнем бою мне отведена второстепенная роль. Мы должны будем оставаться в лесу, вроде как в засаде. Но, полагаю, Арвик рассчитывает разделаться с вами и без моей помощи и просто хочет держать меня подальше от поля боя.

- Да, - вернулась Элинор к самой актуальной теме, - так что вы можете рассказать о его плане на завтра?

- Самое главное - Филипп Райнбальд не придет.

В шатре повисло молчание - которое, впрочем, было красноречивее слов.

- Да, - продолжал Дармонт, - Арвик знает о нем. Филипп сам написал ему. И пообещал, что опоздает на бой.

- Как удобно! - вновь не сдержался Айбенхорст. - Одной стороне пообещать, что успеешь, другой - что опоздаешь. А самому встать где-нибудь на дальнем холме и ждать, чья возьмет, чтобы появиться в самый последний момент. Кто бы ни победил - останешься в выигрыше. А побежденный ничего не расскажет, потому что будет уже мертв.

- После того, как я дала Райнбальдам все... - пробормотала Элинор.

- Фридриху, а не Филиппу, - заметил Локхарт, успевший уже понять, чего стоят в этом мире родственные чувства. - Филипп может надеяться подставить Фридриха и самому стать главой дома.

- Мэм, - вмешался Краут, - не думаю, что нам стоит обсуждать это... при этом человеке.

- Да, - тут же согласилась Элинор. - Мы не знаем, говорит ли правду Дармонт, и мы не знаем, говорит ли правду Филипп. Даже если он действительно отправил подобное письмо нашему врагу, он мог сделать это с целью обмануть его, а не нас, - она, очевидно, намеренно говорила это при Дармонте. - Что вы можете сообщить еще? - вновь требовательно обратилась она к перебежчику.

- Что касается конницы, которую вы ждете с запада... - он сделал паузу, во время которой ни королева, ни ее люди не выдали себя никакими жестами или репликами. Но Дармонт снисходительно улыбнулся: - Ну, не так уж трудно догадаться, что вы попытаетесь снова использовать хампельтонцев, не правда ли? Потому и не повели кавалерию с собой, что надеетесь использовать ту, что стоит тут неподалеку, тем паче что она уже отметилась в битве с Арвиком - если, конечно, ту резню можно назвать битвой... Так вот, легкая кавалерия Зольтенов выступит им навстречу еще до того, как они приблизятся, и не позволит прийти к вам на помощь. Даже если военная гвардия сумеет прорваться, она понесет большие потери и к тому же задержится.

"А про Лоренберга с его рыцарями они, похоже, так ничего и не знают, - понял Локхарт. - И в этом случае их ждет большой сюрприз..."

- Тем временем Арвик свяжет вас пехотой по фронту и с флангов, - продолжал Дармонт, - дождется, пока вы истощите силы, а затем сам с тяжелой конницей Зольтенов - это сто тридцать рыцарей - и четырьмя сотнями конников северной армии обойдет вас по левому флангу - то есть левому с его стороны, восточному, где ему уже нечего опасаться конницы Филиппа - отрежет вас от Торринворта и ударит в тыл. Дабы либо добить на месте, либо, если вам - то есть части вашей армии и вам лично, ваше величество - все же удастся вырваться из окружения, то естественным - и единственным - укрытием для вас станет лес, а там вас уже будет поджидать мой полк.

- Оставшийся без командира, - недобро усмехнулся Айбенхорст.

- Со всем почтением должен заметить, - Дармонт отвечал на его реплику, но обращался при этом к королеве, - что мне необходимо вернуться к вверенным мне людям. Иначе Арвик просто назначит им нового командира, и полк, возможно, не будет без толку стоять в засаде, а примет участие в битве. Если, конечно, таковая состоится.

- Что вы имеете в виду? - холодно спросила Элинор.

- Я не смею советовать вашему величеству, но все-таки я бы на вашем месте отступил обратно в Торринворт, пока не поздно. Эту битву вам не выиграть. Не при таком соотношении сил. Я понимаю, что ваша главная надежда была на двухтысячную конницу Райнбальдов...

- Мы выслушали ваши показания, - отрезала королева, - но не приглашали вас участвовать в военном совете. Теперь можете возвращаться в свой лагерь. Ваше раскаяние будет учтено при решении вашей дальнейшей участи.

- Вы отпустите его, мэм? - не удержался Айбенхорст. - После всего, что он здесь видел и слышал?

- Он не видел и не слышал ничего, что не было и так известно неприятелю, - ответила Элинор. - А теперь, Дармонт, оставьте нас, пока полковник Айбенхорст сгоряча не сболтнул что-нибудь такое, после чего я и в самом деле не смогу вас отпустить. Вам вернут ваши доспехи, оружие и коня, и постарайтесь завтра не дать моим солдатам повода вас убить. Ни вас и ни ваших людей. Как справедливо заметил лейтенант-генерал Дорвит, для защиты от Гроггендора нам еще понадобится каждый, кто способен держать оружие.

После его ухода все молчали, пока солдат не доложил, что Дармонт благополучно покинул лагерь.

- Все, что он сказал, может быть ложью и провокацией, - напомнил Швертлинг, когда солдат вышел.

- Но, во всяком случае, про конницу Филиппа они знают, - констатировал Дорвит. - А про Лоренберга, кажется, нет... если только он не скрыл это специально.

- Лгать тут могут все, - заметила королева. - Филипп - ублюдку, ублюдок - Дармонту, Дармонт - нам.

- Но исходить следует из худшего, - сказал Локхарт. - Из того, что Филипп не придет. Это очень похоже на правду. Похоже, - не удержался он, - предавать союзников - это вообще у Райнбальдов в крови.

- Так что скажете, господа? - мрачно спросила королева. - Есть у нас шанс победить без их помощи?

- Ублюдок мнит себя великим стратегом, - заметил с усмешкой Дорвит. - Я бы на его месте, имея такой перевес, вместо всех этих фланговых маневров тупо ударил по центру всей массой, рассекая нашу армию, а потом бы уже добил по отдельности то, что останется по краям.

- Возможно, он рассчитывает, что маневр с заходом в тыл дает ему больше шансов разделаться со мной лично, - спокойно ответила королева. - Но вы не ответили на мой вопрос, лейтенант-генерал.

- Ну, поскольку нашей целью тоже является не нанесение максимальных потерь противнику, а убийство или пленение их командующего... - начал Дорвит.

- Только убийство, - перебила Элинор. - Раньше я хотела взять его живым, но теперь нам не до публичных процессов в Дракенхайме. Теперь необходимо закрыть этот вопрос как можно скорее. Иначе Гроггендор может потребовать сохранить ему жизнь в качестве условия для переговоров. Посол фон Клюйст накануне нашего выступления уже делал мне намеки на готовность империи выступить "посредником в гражданском конфликте".

- ...Таковое, в принципе, всегда возможно, - закончил свою мысль Дорвит. - Но, разумеется, не гарантировано. Особенно учитывая, что пехота не сможет навязать бой конному, если он сам того не захочет. Нам бы, безусловно, очень помогло, если бы удалось подставить его под удар конницы Лоренберга. Но для этого надо отрезать ему путь на восток, а коль скоро конницы Райнбальдов там не будет...

- У меня есть идея, - перебил его Краут. - У нас очень мало времени, но, возможно, мы еще успеем... Вы позволите карту меньшего масштаба?

На переносном столе в центре шатра была расстелена крупномасштабная схема поля будущего боя с нанесенными на нее значками (Дорвит предусмотрительно сворачивал ее во время визита Дармонта), но, очевидно, интересующее Краута находилось за пределами этой карты. Ему протянули другой рулон.

- Я сам родом почти что из этих мест, - пояснял он, разворачивая новую карту, - только дальше к юго-востоку. И я помню, что эти равнины всегда использовались как пастбища, куда по весне коневоды выгоняли целые табуны. Вот здесь, - он ткнул пальцем на юго-восток от Торринворта, - большое село Визенвилль. Коневодство - их основной промысел. Правда, разведением боевых коней они не занимаются, обычные рабочие лошадки. Но это, в общем, неважно - издали это все равно будет не разглядеть...

- Вы хотите создать нам эрзац кавалерии? - поняла Элинор. - Но кого вы посадите на этих коней даже если успеете пригнать их сюда?

- Это тоже не столь важно, мэм, - поспешно ответил Краут. - Важны только первые ряды, там будут солдаты из числа имеющихся у нас кавалеристов, но в красно-синих нарамниках, которые надо пошить или перекрасить за эту ночь. И под таким же знаменем. А дальше уже может быть кто угодно - крестьяне из Визенвилля и даже чучела, облаченные в некое подобие доспехов. За спинами первых рядов детали будет не разглядеть. Их задачей будет только создать видимость большого конного войска, а не участвовать в реальном бою.

- То есть вы хотите создать у противника впечатление, что Филипп все же пришел нам на помощь, - понимающе кивнул Дорвит. - Но если эта так называемая конница будет просто стоять на месте, не идя в атаку, он, пожалуй, решит, что Филипп исполняет их уговор.

- Она не будет стоять, сэр, - качнул головой Краут. - Она покажется из-за холмов в самый ответственный момент, вынуждая ублюдка отступить, на ходу меняя свои планы. Что есть худшая ситуация в разгар боя.

- А если он все же попытается их атаковать? - усомнилась Элинор.

- При соотношении один к четырем по общей численности и почти один к пяти по тяжелой коннице? Он ведь знает, сколько людей должно быть у Райнбальда - Дармонт подтвердил это. Арвик не настолько идиот, мэм - может быть, ублюдок но не идиот.

- Под Дракенхаймом он все же пошел в последнюю атаку при уже проигранной битве, - напомнила королева.

- Тогда он не знал о приготовленной ему засаде, мэм. А тут он будет видеть превосходящие силы противника воочию... ну или думать, что видит... Разбираться ему будет некогда.

- Что ж, - согласилась Элинор, - у нас тоже нет времени на споры. Я утверждаю ваш план. У нас не больше девяти часов - возможно, меньше - чтобы наши люди добрались до Визенвилля, договорились среди ночи с местными жителями - пусть не жалеют никаких денег и обещают селу статус вольного города, если те попросят - обеспечили изготовление всей маскировки и пригнали табун сюда.

Проведение этой ответственной операции было поручено рыцарю по имени Роберт Скоупридж, возглавлявшему личную охрану королевы. На самом деле, хотя его верность не вызывала сомнений, его должность только звучала внушительно - прежде он главным образом нес дежурство во дворце и возглавлял королевский эскорт во время торжественных выездов и прочих почетных церемоний; впрочем, и нынешняя его миссия не планировалась, как боевая, хотя именно он, сидя на коне в латах под наскоро сшитым красно-синим знаменем (без вышитого герба, на изготовление которого не было времени, опять-таки в надежде на то, что это не будет заметно издали), должен был изобразить явившегося-таки поддержать Элинор Филиппа Райнбальда. Получив указания и золото для платы визенвилльцам, он ускакал, взяв с собой две сотни легких кавалеристов, коим вскоре надлежало изобразить рыцарей.

Перед рассветом усталые после рытья укреплений солдаты королевы получили возможность поспать пару часов, но видя, как сгущается над травой предутренний туман, Дорвит велел дежурным будить их по-тихому, без всяких звуков горна. Интуиция не подвела командующего - Арвик, со своей стороны, действительно решил использовать туман, чтобы еще до того, как окончательно рассветет, незаметно подобраться к королевским позициям. Для этого его пехоте нужно было преодолеть две мили до того, как туман развеется, но погода дала им на это время, и с неплохим запасом. Однако вышло так, что природа выполнила их пожелания даже слишком хорошо - солнце уже вовсю поднималось над восточным горизонтом, а туман над полем все еще оставался столь плотным, что ничего нельзя было разглядеть уже в нескольких шагах - разве что сменил цвет с темно-серого на ярко-белый. И по этой причине солдаты Арвика перехитрили сами себя, не сумев правильно оценить расстояние до позиции противника и

остановиться вовремя. Шедшие самыми первыми попросту провалились в траншею с кольями на дне, и их крики стали первыми в сражении, которому отныне предстояло войти в историю как битва при Торринворте.

Для их противников, напротив, никакой неожиданности не было. Как ни старались наступающие беззвучно ступать по мягкой траве, тысячи пехотинцев в доспехах не могут подкрадываться совершенно бесшумно. Металлические сочленения побрякивают, кожа поскрипывает - и, наконец, хотя о таком и не пишут в хрониках, нет никакой гарантии, что из тысяч человек, находящихся в состоянии нервного и физического напряжения, ни один громко не испустит газы. Так что лучники королевы уже поджидали их с натянутыми луками - и теперь спустили тетивы. Причем они пускали стрелы по крутым навесным траекториям, целясь не в угадывающиеся в считаных ярдах первые шеренги, а на разную глубину позади них (и с различными задержками). Во-первых, потому, что их главной целью были лучники противника, которые, разумеется, никогда не наступают в первых рядах. А во-вторых - чтобы посеять максимум паники и неразберихи среди ничего не видящих в тумане врагов, на которых внезапно начинают сыпаться стрелы и спереди, и сзади (и притом даже не синхронными залпами, а сплошным потоком), заставляя их хаотично шарахаться в разные стороны, сталкиваясь друг с другом и разрушая боевой порядок.

Разумеется, при подобной стрельбе вслепую - как, впрочем, и при любой навесной стрельбе - далеко не все стрелы попадали в цель, особенно учитывая, что пехотинцы Арвика наступали со значительной дистанцией между шеренгами (как раз для того, чтобы снизить потери от вражеских лучников). Тем не менее, пара минут активной стрельбы вполне возымела желаемый эффект. Кое-кто из наступавших рванулся из-под обстрела вперед, дабы скорее сойтись с противником в рукопашной, лишив его возможности стрелять - и провалился в ту же траншею; остальные, сломав строй, топча в тумане упавших и сбивая с ног зазевавшихся, отхлынули назад, едва не опрокинув собственных лучников, которые не решились стрелять в ответ, боясь поразить своих. Менее чем за три минуты пехота Арвика потеряла более сотни человек, включая раненых. Дорвит, пользуясь возникшей неразберихой в рядах противника, тут же послал в атаку своих мечников, сводные группы из тяжелой и легкой пехоты. Перебравшись по известным им безопасным проходам через траншеи, они побежали вперед, стремясь добраться в тумане до вражеских лучников, представлявших на этот момент наиболее серьезную угрозу для армии королевы. Типичным для королевской пехоты Айринтии - и в основном сохранившимся в обеих армиях - было соотношение лучников, легкой и тяжелой пехоты как 4:4:2[94] (при добавлении кавалерии получалось 4:4:2:1) Соответственно, если в войске Элинор было пять тысяч лучников с длинными луками, то в пехоте Арвика - семь тысяч семьсот, плюс еще шесть сотен арбалетчиков Зольтенов (которые пока что не имели возможности проявить себя). Впрочем - чего еще не знали в королевском войске и чего не мог сообщить даже Дармонт, не поставленный заранее об этом в известность - бо́льшую часть своих лучников Арвик сосредоточил не по центру, а на правом фланге, дабы при необходимости оперативно развернуть их против атакующей с запада конницы, если таковой все же удастся прорваться.

Стремительная контратака в тумане оказалась весьма удачной - мечникам, бежавшим не широким фронтом, а узкими клиновидными группами (тяжелые пехотинцы - на острие клина, пробивая вражеские шеренги, за ними - легкие, устремляющиеся в прорыв), удалось сразу в

[94]Если верить дошедшим до нас историческим документам (крайне немногочисленным и косвенным), в английских армиях времен Столетней войны и Войны Роз лучники с длинными луками численно превосходили всех остальных пехотинцев и кавалеристов в 3, 4 и более раз. Однако если это хорошо объясняет победы англичан над французами (см. примечание), то совершенно непонятно, почему исход ни одной из битв Войны Роз, где армии обеих сторон якобы состояли преимущественно из лучников, не был решен перестрелкой. Наиболее вероятные объяснения - либо дошедшие до нас цифры неточны, либо большое количество лучников этого периода компенсировалось их низким качеством. Соответственно, в королевской армии Айринтии лучники составляют меньшинство, но зато это высокопрофессиональные стрелки.

нескольких местах прорваться сквозь дезориентированные и не успевшие подтянуться друг к другу шеренги противника на всю глубину до задних рядов, где шли лучники, и обрушиться на них, сея хаос и панику. Эффект усиливался тем, что, поскольку пехотинцы обеих сторон еще недавно были солдатами одной и той же королевской армии и имели не только одинаковое вооружение и доспехи, но и почти одинаковые нарамники (Арвик лишь добавил своим красную ленту, дабы не заморачиваться пошивом двадцати тысяч качественно новых нарамников), для солдат принца отличить в тумане своих от врагов было практически невозможно, в то время как мечники королевы точно знали, что впереди - не свои, и уж тем паче своими не являются лучники. Впрочем, далеко не всех лучников, оказавшихся на пути у внезапно возникших из тумана врагов, ждала гибель - ибо мечники королевы имели указание рубить не столько их самих, сколько их луки, что, во-первых, было быстрее и легче, а во-вторых, Элинор велела по возможности щадить рядовых солдат, которые еще пригодятся против Гроггендора. Лучники отнюдь не были беспомощными жертвами: большинство из них имели вспомогательное оружие - короткий меч или же топор или чекан, способный прорубить даже рыцарские латы - и на недостаток физической силы, учитывая силу натяжения длинного лука - до ста фунтов - тоже не жаловались. Однако они были облачены лишь в легкие кожаные доспехи, и длина их второго оружия уступала вражеским мечам (а некоторые и вовсе предпочитали взять вместо этого оружия лишний колчан со стрелами), поэтому чаще всего они с готовностью бросали свой лук, избегая вступать в рукопашную. Хотя некоторые из них все же были зарублены, а кое-кому удалось, напротив, зарубить чересчур беспечного и торопливого противника...

Главной же целью для солдат королевы во всем этом бою должны были стать неприятельские командиры, хотя охотиться за ними в тумане было делом бесперспективным. Тем не менее, одна из групп мечников чуть было не преуспела и в этом, выскочив практически прямо на командующего пехотой Арвика полковника Хоббинтротта - того самого заместителя Бургхельма, который "сбежал в числе первых" и был теперь произведен принцем в полные генералы. Особого выбора при этом назначении у Арвика не было, ибо слабым местом его более многочисленного воинства было то, что таковым было почти что некому командовать. Большинство офицеров северной армии отказались покинуть позиции на новых землях, видя в этом предательство даже не королевы, а Айринтии. Некоторые из них, как Бургхельм, поплатились за это жизнью (в особенности те, что пытались остановить дезертиров), другие были просто брошены своими солдатами (в результате гарнизон Легунтона состоял теперь почти исключительно из офицеров, собравшихся из разных покинутых крепостей, дабы сохранить верность присяге и в случае вторжения отстаивать город до конца). Зато те (в основном из младшего командного состава), что все же переметнулись к Арвику, получили возможность прыгнуть вверх сразу на несколько званий. В капралах, впрочем, недостатка не было, а для тактического командования на поле боя они важнее капитанов - до тех пор, пока битва развивается согласно плану и не вынуждает срочно его менять.

Хоббинтротт, в полном латном доспехе и с полуторным мечом-"бастардом", в окружении своих адъютантов и охранников шел вперед вместе со своим войском пешим - как нередко поступали пехотные командующие, дабы, с одной стороны, воодушевлять своим примером солдат, а с другой - не служить на их фоне слишком заметной мишенью для вражеских лучников. Услышав звуки боя прямо впереди, он остановился и встал в боевую стойку, а его охранники выстроились, готовые к бою, перед ним. Через считаные мгновения из тумана на них выскочили сразу трое солдат - и были тотчас зарублены. Но это оказались не мечники королевы, а обратившиеся в бегство свои. "Никому не отступать! - рявкнул Хоббинтротт. - Сомкнуть ряды и шеренги и держать строй! Рубить всех, кто бежит назад, своих среди них нет!"

Этот приказ возымел эффект, позволив преодолеть хаос первых минут, вызванный тем, что солдаты принца не знали, где свои, а где враг. Когда еще несколько мгновений спустя прямо на голос Хоббинтротта выбежали королевские мечники, их уже встретила плотно сомкнувшаяся

шеренга, за которой во второй линии стояли телохранители командующего. К этому времени над полем уже поднялся предсказанный южный ветер, быстро разгонявший туман. После яростной схватки, в которой полегло тринадцать человек, включая восьмерых бойцов Элинор и двух охранников Хоббинтротта, полтора десятка остававшихся на ногах к этому моменту королевских мечников увидели, что окружены сбегающимися со всех сторон врагами, и поняли, что шансов прорваться к неприятельскому командующему у них уже нет. Они бросились бежать обратно; прорывая уже со спины восстанавливающие строй шеренги, но добраться до своих удалось лишь троим из них.

Большинству из семи сотен участников дерзкой атаки вглубь двадцатитысячного войска повезло больше - они повернули назад сразу же, как только туман начал развеиваться, и сумели пробиться обратно на свои позиции, потеряв в общей сложности лишь девять дюжин человек и выведя из строя (тем или иным способом, включая и тех, кто побежал назад и был зарублен своими в соответствии с приказом Хоббинтротта) более чем всемеро больше (в том числе более четырех сотен стрелков). Тем не менее, для двадцатитысячной армии этот ущерб был более психологический, чем реальный, особенно учитывая, что стрелков в задних рядах оказалось меньше, чем ожидали прорвавшиеся по центру мечники. Однако осторожный Хоббинтротт (с самого начала не одобрявший идею наступления в тумане, но не могший возражать принцу) не стал бросать армию в немедленную атаку, а предпочел отвести ее назад, дабы спокойно перестроиться и оценить ситуацию. Он не сомневался, что все еще имеет преимущество в лучниках (и был прав), а потому, раз уж внезапная атака в тумане сорвалась, решил вернуться к классическому в таких случаях началу боя с обстрела противника с большого расстояния (исключающего быстрый переход к рукопашной и потому позволяющего использовать луки по максимуму). Хоббинтротт не был никудышным командиром, но (как и приверженец той же школы Драббен) не был и мастером импровизации, предпочитая действовать "по книге" - если один маневр не удался, надо отойти на исходную (или любой безопасный рубеж), перестроиться и лишь тогда начинать следующий из стандартного положения. Собственно, даже и свое, с точки зрения королевы, дезертирство сам он считал примерно таким же "отходом на новый рубеж для перегруппировки".

Лучники королевы провожали отступающего врага новыми залпами. Но теперь уже и лучники принца, продолжая отходить, отвечали им через головы своих, и армия Элинор начала нести потери на своих собственных позициях. Тем не менее, ее стрелки выходили вперед, поднимались на земляной вал (где, впрочем, могла поместиться лишь одна шеренга) и продолжали стрелять оттуда - лишние два ярда высоты в сочетании с благоприятным ветром давали им преимущество над стрелявшим против ветра противником почти в полсотни ярдов максимальной дальности. На смену убитым и раненым королевским лучникам тут же поднимались новые. При этом пехота Арвика - видимо, в первую очередь из-за нехватки опытных старших офицеров, способных командовать разными видами солдат, а не одним лишь своим подразделением - не сумела организовать грамотный отход, когда лучники, при наступлении остававшиеся в задних рядах, при отступлении, напротив, должны были бы оставаться впереди, ближе всех к противнику, а всем остальным следовало быстро отбежать за их спины. Вместо этого - в том числе и из-за только что отданного (и не отмененного) приказа Хоббинтротта держать строй и даже рубить тех, кто бежит назад - копейщики, мечники и алебардщики лишь пятились сомкнутыми шеренгами через простреливаемое пространство впереди своих лучников, тесня их массой и мешая им стрелять. Когда лучники попытались остановиться на предельной дистанции, откуда они еще могли продолжать дуэль со стрелка́ми неприятеля, у них ничего не вышло - их оттеснили дальше, туда, откуда их стрелы уже не долетали, но где сами они (как, разумеется, и теснившие их) все еще оставались в зоне поражения. Наконец пехота Арвика вся полностью отошла на безопасное расстояние, оставив на поле за собой почти четыре сотни убитых и раненых одними только стрелами. Сторона Элинор

потеряла от вражеской стрельбы чуть больше двухсот пятидесяти человек (в том числе более сотни лучников) - что было отличным результатом, учитывая соотношение сторон. Впрочем, это были лишь первые минуты боя.

Элинор, облаченная в те же золоченые доспехи, в которых поднималась на стены Дракенхайма, но на сей раз - в их полный комплект с защитой конечностей, в сопровождении своих старших офицеров подъехала к земляному валу (приходившемуся всадникам примерно по грудь), разглядывая противника. Из траншеи по ту сторону вала еще доносились стоны умирающих; копейщики, перебравшиеся через вал, добивали раненых ударами сверху, но Дорвит нетерпеливо велел им расступиться и не загораживать обзор. Теперь, наконец, все вражеское войско, развернутое в поле, было хорошо видно - в том числе сосредоточение лучников на правом неприятельском фланге. Левый фланг выделялся еще заметнее - там стояла двухтысячная пехота Зольтенов под своим знаменем и со своими командирами. Их ряды выглядели стройнее, чем у бывшей северной армии. Впереди у них выстроились арбалетчики в черных кожаных куртках со стальными нагрудниками. Швертлинг, окинув наметанным глазом вражеский строй, а затем и разбросанные по полю тела, озвучил свой вывод:

- Полагаю, изначальная численность дезертирской армии была не больше восемнадцати тысяч. Теперь - по крайней мере на семь с чем-то сотен меньше, это только те, кто остались лежать. Сколько убежало или отошло в тыл, потеряв луки или из-за ран, отсюда не видно.

"Где же еще две тысячи?" - чуть не вырвалось у Локхарта, но он тут же вспомнил: в лесу под командованием Дармонта. Плюс еще легкая кавалерия, пока на поле не показавшаяся.

- Но следует помнить, конечно, - продолжал Швертлинг, - что лучники, оставшиеся без луков, все еще способны драться врукопашную, если прижмет. Однако, если их не вынуждать, они, скорее всего, предпочтут остаться в стороне. В конце концов, один раз они уже дезертировали. То же самое, собственно, будет относиться и к остальным лучникам, когда они израсходуют свой боезапас. Они точно не будут рваться в бой, если поймут, что мы готовы оставить их в покое. Надеюсь, по рейду наших мечников многие уже это поняли. Что касается зольтенских, то они только выглядят браво. Судя по их построению, они тоже не рвутся в атаку. Арбалетчики - это оборонительный вид войск. Они будут сдерживать наш ответный маневр, но сами вперед не пойдут.

Да, вспомнился Локхарту трактат ван Штравена, арбалетчики не могут стрелять на ходу или тем паче на бегу. Перезарядка требует слишком много времени. Их классическое построение в поле - в три стационарных шеренги, одна стреляет, две перезаряжаются. Если вся армия продвигается вперед (или отступает), они переходят на новое место и снова выстраиваются тремя шеренгами.

- Очень может быть, что они не станут таскать каштаны из огня для ублюдка, - согласился Айбенхорст (который, вообще-то, и сам был бастардом). - Кто он им? Муж их графини? Ну так Бургхельм тоже был ее мужем, не очень-то это ему помогло...

- Вероятно, они станут драться всерьез, если увидят, что он проигрывает, - возразил Дорвит, - но не раньше. Пока они видят, что у него перевес - пусть две части королевской армии разбираются друг с другом. Вот только потом для них может стать уже поздно.

Тем временем со стороны леса в окружении своей свиты уже скакал Арвик в сверкающих на утреннем солнце латах. Поначалу он планировал наблюдать за действиями своей пехоты издали, пока не придет черед для его кавалерийского маневра, но видя, что после столкновения в тумане она отступает от более малочисленного противника, пришел во гнев и поскакал разбираться лично.

"До него немногим больше трехсот метров", - думал Локхарт, разглядывая блестящую вдали фигурку, когда Арвик со своим эскортом остановился позади своей армии. "Сюда бы одну-единственную винтовку с оптическим прицелом..." Но увы - он уже давно оставил попытки убедить Элинор возродить какие-либо, хотя бы и самые полезные в военном деле, технологии

ушедшего мира. Похоже, что эта тема была здесь табу, которое не могли преодолеть даже самая близкая дружба и самое искреннее доверие.

Вражеское войско вновь пришло в движение - на сей раз вперед выдвигались лучники, чтобы продолжить перестрелку "как положено". Очевидно, Арвика не волновало преимущество в дальности, которое имели лучники королевы, пока он имел преимущество в численности - даже несмотря на то, что он имел таковое в целом по армии, а не по центру. Вокруг королевы и ее спутников защелкали тетивы и засвистели стрелы - разумеется, пока только свои, для врага они еще оставались недосягаемы. Зато лучникам принца предстояло самое неприятное - без поддержки прочих солдат (которая, понятно, в этой ситуации могла бы быть только моральной) преодолеть несколько десятков ярдов под обстрелом, зная, что стрелять в ответ бесполезно. И они даже не могли рвануть через эту смертоносную полосу бегом (хотя и старались идти побыстрее), чтобы не сбить дыхание, что помешало бы им стрелять, оказавшись на позиции. При этом по центру наступали лишь двадцать две сотни стрелков; еще тысяча - при теоретической поддержке зольтенцев, которые следовали за ними, но оставались позади - начали маневр в обход правого фланга королевы, а главная стрелковая сила принца в четыре тысячи лучников - левого. За лучниками, выполняющими фланговые обходы, тянулись пехотинцы, готовые прикрыть их от внезапной контратаки (особенно имеющей целью отсечь их от главных сил), но пока что державшиеся позади, вне досягаемости стрел. Обстрел с флангов, где ветер уже не давал преимущества королевской стороне, представлял для таковой, с одной стороны, бо́льшую опасность, но с другой - стрелка́м противника требовалось больше времени, чтобы выйти на позиции, так что пока лучники королевы могли позволить себе не обращать на них внимания и сосредоточить всю стрельбу на "коллегах", выдвигавшихся по фронту (оказавшихся к тому же теперь не только в невыгодном положении, но и в меньшинстве). Вероятно, Арвику было бы тактически выгоднее вместо того, чтобы идти вперед единой армией, а потом растягивать ее на манер сплющенной подковы в виду неприятеля, сразу наступать тремя колоннами с трех сторон, но такой маневр требовал идеальной синхронизации и быстроты - иначе атакуемые могли разбить наступающих поодиночке - а у принца попросту не было офицеров, которым он мог бы доверить столь ответственную операцию ни в тумане, ни при ясной видимости (в тумане, пожалуй, ее попытка окончилась бы еще печальней, вплоть до атаки колонн Арвика друг другом).

Наступающие стрелки падали под сыпавшимися сверху стрелами, некоторые поворачивали назад, хромая или держась за плечо, едва ли не счастливые полученным ранением - не смертельным, но дающим им законное право выйти из боя, другие лишь растеряно крутили головами по сторонам, явно желающие задать стрекача, но вынужденные, на глазах у всей армии и лично принца, идти вперед. Наконец у шедших первыми не выдержали нервы, они остановились, натянули тетивы и выстрелили. Несколько стрел с коротким шорохом воткнулись на разной высоте в стену траншеи и основание земляной насыпи. "Лучше отъехать назад, ваше величество", - почтительно заметил Дорвит. Но Элинор оставалась на месте, пока вражеские лучники не прошли еще несколько ярдов, и первая стрела не клюнула в ступню стоявшего справа от нее на насыпи стрелка́, а другая следом не воткнулась в землю гребня прямо перед мордой ее коня. Лишь тогда королева отъехала назад со своей свитой - и вместе со всей пехотой, начавшей неспешно отходить от передовой позиции, на которой остались только продолжавшие стрелять лучники - но недалеко. Если враги побегут в атаку, пехота должна была успеть вернуться к траншее, пропустить сквозь свои шеренги лучников и снова сомкнуть ряды и изготовиться к обороне, выставив первую шеренгу копейщиков по гребню вала - поэтому не была отведена дальше, на совсем безопасное от вражеских лучников расстояние. Возможно, кому-то из солдат это и не понравилось - хотя неприятельские лучники, несмотря на все новые потери, продолжали идти вперед, и стрелы падали все ближе - но, как только прозвучал приказ "Стой!", Элинор спрыгнула на землю, оказавшись среди своих пехотинцев, и велела адъютанту

отвести коня назад, а сама осталась со своими солдатами.

- Мэм, - Локхарт тут же спешился рядом с ней и понизил голос, склоняясь к ней, насколько позволяли приличия, - вы уверены, что это разумно?

- Опасность грозит только нашим коням, - ответила Элинор так же тихо, - а у нас самих слишком хорошие доспехи, стрелы на излете их не пробьют. У солдат доспехи далеко не столь прочные, но сами понимаете, какой эффект оказывает мое среди них присутствие...

Словно в подтверждение ее слов, один из пехотинцев, что стоял неподалеку, опираясь на копье и не сводя взгляда с королевы (не так часто увидишь монарха в каких-нибудь полутора ярдах от себя!), вдруг коротко вскрикнул и, выронив оружие (падая, оно глухо стукнуло по чьему-то шлему), схватился за древко стрелы, вонзившейся ему в шею прямо сквозь бармицу. "Не дергай, не дергай! - закричали сразу несколько голосов рядом. - Истечешь кровью!" Но кровь из пробитой артерии уже хлестала внутрь, в горло. Солдат мокро закашлялся, булькая и плюясь кровью, а затем, теряя сознание, осел на землю. Два или три товарища склонились над ним, пытаясь помочь, но, очевидно, ничего сделать было уже нельзя. Большинство солдат уже, впрочем, смотрело не на него, а (с восхищением и тревогой одновременно) на королеву, которая даже не дрогнула при этом зрелище.

- Эдгар Райнбальд тоже думал, что в доспехе он неуязвим, - пробормотал Локхарт.

- Я не держу вас, сэр Эрик, - ответила Элинор почти весело, - никто не осудит вас, если вы отойдете назад.

- Я беспокоюсь не за себя! - возмутился Локхарт почти грубо. - В конце концов, я ваш рыцарь охраны... мэм.

- Тогда поверьте мне, что я бы тоже не стала подставлять вас под удар, если бы здесь действительно было опасно... для нас двоих. Все будет хорошо, - она не могла взять его за руку при всех, но символически сжала пальцы в латной перчатке. - Мы победим.

- Подбирайте падающие стрелы! - раздался рядом высокий голос кого-то из офицеров. - И передавайте их по цепочке нашим лучникам!

Действительно, такой способ пополнения боезапаса был еще одним преимуществом, которое имели удерживающие позицию солдаты королевы перед наступающим и маневрирующим противником - лучникам Арвика было не до того, чтобы собирать стрелы, сыплющиеся в поле вокруг, и помочь им с этим было некому. Стрела с окровавленным наконечником, выдернутая из горла убитого копейщика, тоже пошла в дело. Хотя, скорее всего, ее наконечник был уже деформирован при пробитии кольчуги - но все же при удаче (или при неудаче - смотря с чьей стороны смотреть) мог забрать еще одну жизнь.

Хотя лучники Арвика, наступавшие по фронту, наконец вышли на позицию для эффективной стрельбы, было очевидно, что у них нет никаких шансов выиграть дуэль у лучников Элинор, которые все собрались по центру, оставив фланги, и имели теперь численный перевес почти в два с половиной раза над противником, потерявшим более двух сотен во время беготни туда-сюда еще до выхода на эту позицию. Боезапас в двух колчанах позволял лучникам принца полностью отстреляться за шесть минут - но даже это время под градом сыплющихся вражеских стрел показалось им вечностью. По мере того, как вокруг падали их товарищи, многие старались выпустить все стрелы как можно быстрее, не заботясь ни о меткости, ни о дальности, натягивая тетиву абы как, лишь бы только поскорее остаться с пустым колчаном и получить право отбежать обратно на безопасное расстояние (кое-кто, пользуясь тем, что находится более чем в сотне ярдах впереди своих командиров, попросту вытягивал из колчана сразу по две стрелы и выбрасывал лишнюю в траву). Хоббинтротт, видя, насколько в невыгодном положении оказались его лучники, отозвал бы их обратно - он знал, что при прицельной перестрелке двух армий (под каковое определение, впрочем, навесная стрельба попадала лишь частично, особенно учитывая, что хорошо видимой и видящей противника была лишь та шеренга лучников королевы, что стояла на валу), даже если не учитывать ветер, потери

меньшей стороны растут гораздо быстрее, чем потери большей[95] - но Арвик не позволил ему отдать такой приказ. Принц не особенно высоко ценил лучников, польза от которых быстро заканчивается вместе с их боезапасом, и считал, что стрелки, гибнущие сейчас по центру, хотя и наносят противнику, по всей видимости, лишь небольшой урон, зато отвлекают на себя внимание всех неприятельских лучников, позволяя своим товарищам беспрепятственно заходить для атаки с флангов.

Стрельба на дальности, близкой к максимальной, была куда менее эффективной, чем вблизи, так что из десятков тысяч выпущенных стрел лишь несколько сотен поразили цели - и все же к тому времени, как последние из лучников, коих с обычным своим равнодушием подставил под удар Арвик, стремглав побежали назад, отстрелявшись (или просто выбросив оставшиеся стрелы) - их, все еще невредимых (но и малополезных в дальнейшем бою) оставалось уже менее пятнадцати сотен, в то время как потери королевы за время перестрелки составили лишь 112 человек

Тем временем главная стрелковая группа Арвика численностью в четыре тысячи человек спешила выйти во фланг королевскому войску, пока лучников, только что защищавших центр, не успели перебросить им навстречу. Но королевских лучников, на самом деле, никто и не думал перебрасывать туда. В этот самый момент все они спешили в прямо противоположном направлении - на правый фланг, туда, где стрелковые силы Арвика были слабее всего, будучи представлены лишь тысячей лучников с сомнительным прикрытием шестисот арбалетчиков. Дорвит принял это решение - перебросить всех стрелков на правый фланг сразу по окончании дуэли по центру - как только заметил, что противник сосредоточивает основную часть своих лучников против его левого фланга, и сразу же, еще пока шла перестрелка по центру, отправил направо телеги с новыми стрелами, понимая, что свои колчаны лучники королевы в основном израсходуют уже в первой дуэли, а вражеские стрелы, подобранные с земли - даже если бы солдатам удалось собрать их все - были не лишним, но явно недостаточным подспорьем уже хотя бы потому, что их по позициям королевы было выпущено намного меньше. Впрочем, на этих телегах был лишь половинный запас, из расчета по одному колчану на человека, причем уложенных не в колчаны, а перевязанными веревкой пуками по 30 стрел. Арвик, со своей стороны, не озаботился дополнительными боеприпасами для своих стрелков - ибо даже половинный запас для 5000 лучников (не говоря про 7700, которые изначально имелись у него) означал 12 метрических тонн одних только стрел. Проблема была не только в том, чтобы возить их за совершающим маневры в поле войском (королевской армии, удерживающей позицию, было проще - требовалось максимум перегнать телеги с одного фланга на другой, с чем вполне справлялся десяток крепких коней, а при необходимости солдаты могли помочь, толкая их вручную) - а в том, как пятистам стрелка́м разобрать стрелы с одной телеги, не выстраиваясь в очередь на четверть часа, пока противник идет в атаку. Дорвит решил эту проблему очень просто - солдаты, ехавшие на медленно катившихся телегах, сбрасывали пуки стрел на землю, так, что те образовывали своеобразную дорожку от старой к новой позиции, и когда лучники, отстрелявшись, побежали с центра на фланг, каждый из них просто подбирал свой пук стрел на

---

[95]Такая перестрелка описывается законами Ланчестера, для неприцельной стрельбы (по площадям) - линейным, для прицельной - квадратичным. В последнем случае потери каждой из сторон в момент времени t находятся в соотношении $\mathbf{y^2 - yt^2 = E(x^2 - xt^2)}$, где x и y - исходная численность, E - соотношение эффективности оружия каждой из сторон (при одинаковом оружии и квалификации равно 1). Т.о., если считать стрельбу прицельной и не учитывать преимущество ветра и расположения, а также предполагать, что перестрелка ведется не до исчерпания боезапаса, а до полной гибели меньшей стороны, то при начальном соотношении 49 сотен на 20 лучники королевы полностью истребили бы своих оппонентов, потеряв лишь 4.3 сотни человек (а не 20, как при неприцельной стрельбе). В реальности, однако, как было отмечено, подобная стрельба представляет собой нечто промежуточное между неприцельной и прицельной, причем ближе к первой, особенно для лучников Арвика, от которых большинство целей загорожено валом (в то же время лучникам королевы помогает ветер и психологический фактор - все это влияет на коэффициент E, который, однако, вносит линейный, а не квадратичный вклад).

ходу (потому и нужно было отправить подводы на фланг заранее). Естественно, для маневрирующих в поле войск Арвика такой вариант не годился, поэтому каждую из групп своих лучников принц планировал использовать лишь один раз.

О наличии у противника дополнительного запаса стрел Арвик не знал, но допускал такую возможность. Чего он не предполагал, так это что неприятельский командующий направит своих лучников - в том случае, если им все еще будет, чем стрелять - не против его самой мощной стрелковой группы, и даже не против обеих, одновременно атакующих с двух флангов, разделив, таким образом, свои силы (на что Арвик надеялся и что при нынешнем соотношении боеготовых лучников - 48 сотен у королевы и 50 у принца - было бы вполне логично) - а против самой слабой группы на восточном фланге, оставив, таким образом, совершенно не прикрытым западный, где угроза была наибольшей. Однако Дорвит руководствовался принципом "если ты в меньшинстве - сконцентрируй свои силы на узком участке, где они окажутся в большинстве". Лучникам Арвика, прикрываемым сбоку-сзади от возможной пехотной контратаки арбалетчиками, позволили приблизиться к правому королевскому флангу на оптимальное расстояние, давая понять, что стрелять по ним в ответ или нечем, или некому (как и рассчитывал Арвик и его командиры) - а затем, как только они выстроились на удобной позиции всего в шестидесяти ярдах от ощетинившейся копьями и прикрывающейся щитами в сугубо оборонительном порядке шеренги королевской пехоты, выпустили по ним над головами и плечами копейщиков разом без малого четыре тысячи восемьсот стрел. И еще два раза по столько в следующие десять секунд. И еще. И еще.

Даже самые тренированные лучники не выдержали бы темп двенадцать выстрелов в минуту долго - но долго и не требовалось. На сей раз их оппоненты не стали расходовать весь свой боезапас - и даже дожидаться, пока таковой иссякнет у противника (что должно было произойти всего через три минуты). Внезапно оказавшись под сплошным ливнем стрел почти пятикратно превосходившего неприятеля, они бросились бежать, сделав лишь по несколько выстрелов - а кто-то и вовсе ни одного. "Бросайте луки!" - кричали им с королевской стороны. "Бросайте, если хотите жить!" Некоторые так и поступали; по ним, как и вообще по бегущим прочь, специально не стреляли, хотя кое-кого из них все же достала шальная стрела. Всего лишь за минуту с близкого расстояния, на котором стрела легко прошивает латы, а не то что легкий доспех, было убито или серьезно ранено более двухсот семидесяти лучников Арвика; королевская сторона потеряла лишь шестерых стрелков и 29 копейщиков. Зольтенские арбалетчики - в чью сторону не было выпущено ни одной стрелы - спокойно отступили следом за бегством своих подопечных, держа арбалеты наготове, но так же не стреляя в ответ и всем своим видом демонстрируя "не трогайте нас, и мы не тронем вас".

Но тут майор, командовавший пехотой на левом фланге армии Арвика (недавно произведенный в этот ранг прямиком из лейтенантов), решил доказать, что не зря получил свое повышение, и, размахивая мечом, заорал: "Вперед! В атаку! За короля-а-а!" Мечники и алебардщики северной армии грузно побежали на врага - сперва нехотя, а потом уже во всю прыть, ибо это был единственный способ как можно скорее пересечь простреливаемое пространство и оказаться там, где, по крайней мере, убивать можешь и ты, а не только тебя. "Коллеги" в бело-зелено-черных зольтенских нарамниках вежливо пропускали их вперед. Похоже, они окончательно определились со своей тактикой на этот бой - держаться как можно ближе к битве, но по возможности не принимать в ней участия до самого конца, с тем, чтобы либо присоединиться к добиванию и грабежу побежденных, если верх возьмет Арвик, либо сделать вид "а мы что? мы просто рядом стояли", если победу одержит Элинор.

Кто-то из командиров кричал атакующим, чтобы они вытягивались влево (то есть к югу), дабы попытаться обогнуть фланг врага и ударить ему в тыл, но бегущим вперед под градом стрел пехотинцам было уже не до маневров - они лишь стремились добраться до врага самым коротким путем, то есть по прямой лоб в лоб. Они попросту не знали, что стрелы у лучников

королевы на исходе (исключая разве что тех, кто прихватил второй пук стрел, предназначенный уже убитому товарищу), и смертоносная стрельба через минуту прекратится и так. Свои последние стрелы лучники выпустили почти в упор, успев забрать, в общей сложности, более четырехсот жизней бежавших прямо на них солдат - и быстро отбежали назад, оставляя дальнейшее мастерам рукопашной. С лязгом и криками пехота двух сторон столкнулась, и началась жестокая рубка.

Меж тем на левом, западном фланге королевской армии ситуация складывалась практически противоположным образом. Там четыре тысячи приближающихся лучников Арвика были встречены лишь угрюмыми рядами тяжелой пехоты, переброшенной преимущественно на этот фланг. Наступающие, однако, прекратили дальнейшее сближение, ибо командир лучников принца помнил, что их главной задачей является отражение неприятельской кавалерии, если та сумеет прорваться с запада, и стрелы следует приберечь именно для этого; в то же время грозные шеренги его стрелков одним своим видом удерживали неприятельский фланг от встречных маневров. Таким образом, какое-то время стороны просто стояли друг против друга (некоторые бойцы с обеих сторон, надрывая горло, выкрикивали противнику или призывы сдаться, или насмешки, но на расстоянии в полтораста ярдов ветер в основном относил слова). Но идущая вдоль леса дорога и все поле в западном направлении оставались пусты до самого горизонта, и в конце концов капитан лучников (также повышенный до этого звания практически накануне битвы), видя полное отсутствие противодействия с вражеской стороны, не выдержал искушения реально повыбить тяжелую пехоту противника вместо того, чтобы стоять в практически бесполезном заслоне, и повел своих стрелков вперед, а у пехоты, выделенной ему в качестве прикрытия, не осталось вариантов, кроме как следовать за стрелка́ми. Первые залпы с более чем сотни ярдов почти не причинили вреда панцирным пехотинцам королевы - лишь немногие стрелы сумели пробить их доспехи. Но когда лучники, по-прежнему не встречая противодействия, стали продвигаться вперед - королевская пехота начала отходить, оттягивая левый фланг назад и заворачивая его к югу. Лучники, увлекшись преследованием (которое происходило в темпе небыстрой ходьбы с короткими остановками для выстрелов), сами не заметили, как строй королевской пехоты таким образом прогнулся внутрь в юго-восточном направлении, и как уже у них самих на левом фланге оказались королевские солдаты, прежде стоявшие по фронту позади передовых шеренг, а теперь разворачивающиеся назад - и что этот самый "выступ" уже опасно отрезает их - наступающих лучников и прикрывающих их пехотинцев - от остальной армии Арвика. А затем офицеры королевы громко выкрикнули команды, и тяжелая пехота, словно распрямляющаяся после сжатия пружина, бросилась в атаку - отступавший перед этим фланг контратаковал в лоб, а левые ряды центрального строя, ставшие теперь новым флангом, ударили в западном и юго-западном направлении, окончательно отсекая фактически зашедшую в полуокружение группу от поддержки основной массы войск принца. Лучники, атакованные одновременно по фронту, с левого фланга, а затем уже отчасти и с тыла, не сумели быстро развернуться в оборонительный порядок (что позволило бы четырем тысячам, стрелков, прицельно лупящим по бегущему навстречу противнику с расстояния в считаные десятки ярдов, нанести весьма существенный урон), а лишь стреляли кто куда, во многом мешая друг другу (а то и бросившейся им на выручку солдатам из группы прикрытия). Все же и такая стрельба успела сразить более трехсот восьмидесяти пехотинцев королевы, прежде чем стороны схлестнулись в рукопашной. Самые сообразительные из лучников, увидев, что отрезаны от своих, бросали луки и пускались наутек в единственном остававшемся свободным направлении - на юго-запад. Им не пытались помешать - следуя как все той же директиве королевы щадить тех, кто больше не представляет угрозы, так и правилу не разбегаться, увлекаясь преследованием, дабы самим не оказаться отрезанными и окруженными.

Меж тем Арвик, наблюдавший за боем с коня позади центра своего войска, видел, что битва закипела на обоих флангах армии Элинор, но поначалу совершенно неверно оценивал

происходившие там события. Он полагал, что на западном фланге его бойцы прорвались в тыл неприятеля и развивают там успех; даже когда он увидел убегающих в поле лучников, то поначалу принял их за улепетывающих солдат Элинор. Он также не знал, что на восточном фланге солдаты личной армии его супруги, коим на этом направлении отводилась ключевая роль (в том числе и психологическая - настоящее дисциплинированное и преданное войско должно было служить примером для вчерашних дезертиров!), фактически лишь обозначают свое присутствие на поле боя, но не участвуют в сражении - что делало сомнительными перспективы всех принцевых войск, действовавших против правого фланга противника. Не понимая всего этого, Арвик не спешил вводить в бой главные силы по центру, желая окончательно удостовериться, что у Элинор не осталось боеспособных лучников. Но, наконец, он все же отдал приказ, и весь центр его армии также двинулся в атаку.

И если начальная фаза боя, благодаря как удачным погодным условиям, так и тактике Дорвита по концентрации локального превосходства при общем меньшинстве, определенно осталась за армией королевы (хотя и тоже понесшей потери), то теперь ситуация стала меняться. Если проводить аналогию со старинной (и до сих пор не забытой в Айринтии) игрой "камень-ножницы-бумага", то Дорвит удачно подсунул врагу "ножницы" (лучников) на правом фланге и "камень" (тяжелую пехоту) на левом, но по центру у него осталась только "бумага" против "бумаги" - при том, что у противника последней было больше, при одинаковом вооружении и квалификации. Правда, атакующим еще требовалось преодолеть ров и вал, но эта наскоро сооруженная за ночь преграда отнюдь не была неприступной. Через ров имелись проходы (перемычки, заглубленные лишь по колено), которые уже использовали для своей контратаки королевские мечники, а главное - туда можно было спуститься и просто повыдергивать воткнутые в землю колья, которые наилучшим образом сыграли свою роль благодаря туману и неожиданности, но были далеко не столь опасны для тех, кто их видел. Само собой, королевские солдаты не собирались спокойно смотреть, как враги преодолевают этот рубеж; перебравшись через вал со своей стороны, они били копошащихся в траншее и лезущих наверх противников копьями сверху вниз - в то время как те, в свою очередь, старались достать их алебардами по ногам, или же, ухватив за копье, сдернуть вниз. Раненые и просто сброшенные валились в ту же траншею, где в тесноте продолжалась яростная и одновременно угрюмая, практически молчаливая бойня; не имея порою места, чтобы развернуться для удара основным оружием, солдаты обеих сторон срывали друг с друга шлемы, резали друг друга ножами, душили, пытались насадить на торчащий рядом кол, кто-то и вовсе норовил укусить противника за нос (как в свое время Вельо) или выдавить ему глаза. Тем временем все новые солдаты Арвика, подталкиваемые в спину наступающими следом, спрыгивали и соскальзывали в траншею и перебирались на другую сторону прямо по мертвым телам и по копошащейся массе еще живых, своих и врагов. Если бы наступавшие сзади, подгоняемые своими командирами, знали, какой ад творится во рву, они бы, возможно, предпочли повернуть назад. Но они не видели этого до тех пор, пока сами не оказывались там - а тогда было уже поздно. Если на ровной местности атакующие, столкнувшиеся с упорным сопротивлением, могут отступить, то из траншеи дороги назад уже не было - или вылезти вперед на вал, или быть задавленным. Ни о какой директиве "по возможности щадить рядовых солдат и призывать их бросать оружие, не трогая послушавшихся" никто в этой траншее, конечно, уже не вспоминал.

Во рву нашли свою смерть более девятисот человек (из которых почти три четверти - солдаты Арвика), в некоторых местах буквально заполнив его своими телами. Но в конце концов тупое давление массой все же одолело. Сразу в нескольких местах алебардщикам Арвика удалось вскарабкаться на вал и утвердиться на гребне - теперь уже они рубили сверху пытавшихся подняться с другой стороны на помощь своим королевских солдат. Убедившись, что сбросить их обратно не получается, а из траншеи тем временем под их прикрытием быстро лезут все новые, пехотинцы Элинор, еще остававшиеся на валу, поспешно отступили, дабы

избежать окружения. Весь центр королевской пехоты, теснимый перебирающимся через вал врагом, стал медленно откатываться назад.

Это еще не было катастрофой - план королевской стороны предусматривал такую возможность. И все же Элинор (уже вернувшаяся в седло, как и ее свита) все чаще с беспокойством поглядывала то на запад, то на восток. Конницы пока что не было видно ни там, ни там. И если о том, сумеет ли Скоупридж организовать фальшивую кавалерию и, главное, успеет ли привести ее вовремя, оставалось только гадать, то Лоренбергу пора бы уже было показаться. Легкой коннице Зольтенов, высланной ему наперехват - в расчете противостоять одному лишь Хампельтонскому полку - было недостаточно, чтобы его остановить или даже серьезно задержать. Если только...

- Мэм, - мрачно спросил Локхарт, - вы уверены, что Лоренберг не готовит нам тот же сюрприз, что и Филипп Райнбальд?

- До сих пор его лояльность вопросов не вызывала, - тихо ответила королева. - Даже у Корнелиуса. То есть он любит говорить, что до конца не доверяет никому, кроме монаршей особы, но, во всяком случае, Лоренберга он счел наиболее надежным вариантом из тех, что были под рукой и имели достаточный опыт командования. Лоренберг, правда, высоко ставил герцога Бронгарского, под чьим началом служил, и если бы нам пришлось воевать против дяди Хуберта, то, возможно, он был бы не лучшей кандидатурой. Но едва ли он предал бы свою присягу ради... - Элинор презрительно мотнула головой на север, туда, где Арвик дожидался вестей от своей армии.

Локхарт тоже посмотрел в ту сторону.

- Хорошо было бы атаковать его сейчас, - пробормотал он. - С ним всего дюжина конной свиты и какая-то легкая пехота - кажется, отстрелявшиеся лучники. А у нас все-таки еще остаются полторы сотни кавалеристов. Мы бы сумели пробиться.

- "Мы"? - повторила королева. - Хотите возглавить этот рейд лично?

- Ну... - это "мы" вырвалось у Локхарта машинально, но он не стал сдавать назад: - В принципе, я упражняюсь в приемах конного боя уже не первый месяц.

- А он - не первый год, - возразила Элинор, - и его умения в этом деле не станет отрицать самый ярый недоброжелатель. Так что, пожалуйста, оставьте идею сразить его в личном поединке. Это было бы очень романтично, но, как я уже говорила, живой друг мне нужнее мертвого героя. А главное - он и не доставит вам такого удовольствия. Слишком открытая местность, он ускачет прежде, чем вам удастся его окружить. Ускачет в сторону леса, чтобы тут же вернуться с прячущейся там кавалерией - где одних только тяжелых рыцарей почти столько же, сколько у нас сейчас всех конников, вместе взятых.

- Это ведь рыцари графини Зольтен, - заметил Локхарт с усмешкой, - а ее люди пока что не слишком проявили себя.

- Не судите о рыцарях по пехоте, - возразила королева. - Эти проявят, можете не сомневаться. Да, они преданы не ему лично, а графине - которая теперь уже титулует себя принцессой - но ей он пока что нужен живым и победившим. Во всяком случае, до его коронации и рождения сына - если это будет сын. Потом она, может быть, и попытается стать регентшей при собственном ребенке - но не раньше.

- Полагаете, Арвик пригрел на груди змею, которая позже попытается его прикончить? - эта мысль прежде не приходила Локхарту в голову, хотя он, конечно, понимал, что это чисто политический брак - но полагал, что взаимные интересы скрепляют этот союз вернее, чем клятва перед алтарем.

- Во всяком случае, с одним своим мужем она уже так и поступила, - спокойно ответила Элинор, - почему бы не обойтись так же и со следующим? Но это все станет актуально лишь в случае моей смерти, так что ее люди нам точно не союзники, даже невольные.

Правота королевы подтвердилась в самом скором времени. В то время как по центру

солдаты Элинор постепенно проигрывали битву за траншею, на правом фланге они, напротив, развивали успех, обеспеченный как удачной стрельбой в начале, так и фактическим саботажем со стороны зольтенцев. Однако, когда остатки сражавшейся против них фланговой группы, поначалу лишь пятившиеся назад, после гибели последнего из своих офицеров окончательно утратили боевой дух и бросились бежать прямо на зольтенцев, выяснилось, что те все-таки стоят на своей позиции не просто так. Ибо арбалетчики тут же дали залп навстречу бегущим - впрочем, не на поражение, а предупредительный под ноги, хотя несколько человек все же было ранено. "Вы что, сдурели?! - закричали солдаты Арвика зольтенцам. - Мы же свои!" "Назад! - неслось им в ответ. - Все назад!"

Арвик вовсе не планировал использовать зольтенских арбалетчиков в качестве заградотряда - каковое явление было вообще нетипичным в айринтийской тактике (обычно самым суровым способом помешать отступлению своих было разрушение мостов у них за спиной - но не стрельба по отступающим, уже хотя бы потому, что стрелы всегда лучше приберечь для врага). Это была самодеятельность зольтенского командира, который рассудил, что данная тактика является беспроигрышной, независимо от результатов битвы. Если победит Арвик - зольтенцы предотвращали бегство и дезертирство солдат его армии, если Элинор - стреляли по ее врагам. Причем - не подвергая себя риску и не неся потерь, что интересовало рачительного командира в первую очередь. Сам исход боя его не особенно волновал - это была политика, которой он не интересовался, будучи убежденным, что дом Зольтенов устоит при любой власти, если сохранит свое войско. А вот чем больше потеряют в междоусобной войне любые его возможные конкуренты, пусть даже и претенденты на престол, тем больше они вынуждены будут с ним, зольтенским домом, считаться.

И поначалу перепуганные солдаты, оказавшиеся между арбалетчиками и пехотой, действительно вновь развернулись навстречу наступающей пехоте королевы, предпочтя иметь дело с теми, кого они могли, по крайней мере, рубить в ответ, чем с теми, кто мог безнаказанно расстреливать их с расстояния. Тем паче что, судя по доносившимся справа крикам, их товарищи уже преодолели укрепления врага (кто-то уже радостно размахивал желто-красным гейнским флагом с гребня вала) и развивали наступление, а стало быть, могли вскоре прийти к ним на помощь. Однако затем в дело вмешался сообразительный капрал королевы, протолкавшийся в первые ряды своих, туда, где снова возобновился бой.

- Солдаты северной армии! - заорал он. - Вы видите, что вас предали! Вас расстреливают в спину! Вы позволили обмануть себя безбожной шлюхе, убившей своего мужа, а теперь ее головорезы убивают и вас! Это их зольтенская манера - стрелять в спину своим! Поверните оружие и деритесь против них вместе с нами! Королева обещает всем прощение! Нам нечего делить с вами! Наши общие враги у вас за спиной!

- А кто ты такой, чтоб мы тебе верили? - послышалось в ответ.

- Я лейтенант Виртенбюрх! - раздался новый голос. - Личная гвардия ее величества! Родом из простой семьи, как вы, пожалован в лейтенанты за битву под Дракенхаймом! Опустите оружие! Никому не трогать опустивших оружие! Это приказ королевы!

Лязг клинков начал затихать. Для солдат Арвика, коих на восточном фланге осталось менее тринадцати сотен против двух с половиной тысяч противника (и это еще без учета державшейся теперь позади своей пехоты тысяче лучников королевы (остальные отошли в тыл по центру), которым было больше нечем стрелять, но которые все еще могли поддержать своих короткими мечами и топорами) - и коим зольтенцы теперь не давали даже отступить - предложение выглядело достаточно привлекательным (во всяком случае, прямо сейчас, если не задумываться о том, что будет потом, если Арвик все же одержит победу). Так что враги, тяжело дыша, останавливались друг напротив друга, больше не пытаясь наносить удары - но все еще оставаясь в оборонительных позах и, с взаимным недоверием, напряженно следя за противником. Добившись хотя бы такой приостановки смертоубийства, Виртенбюрх, выйдя с

поднятой без меча правой рукой в первую шеренгу, сделал пехотинцам Арвика еще более выгодное предложение: "Если не верите нам - можете не сражаться на нашей стороне, просто расступитесь и не мешайте. Дайте нам самим покончить с зольтенцами!"

И вот это уже стало, как говорили совсем в другую эпоху, предложением, от которого нельзя было отказаться. Одно дело - самим бежать на арбалеты (пусть и далеко не столь скорострельные, как луки, зато обладающие отменной меткостью и убойной силой), хотя бы даже и вместе с новообретенными союзниками, а другое - просто подождать, пока эти союзники сделают все сами. Солдаты Арвика - сперва несколько человек, потом уже вся масса - стали опускать мечи и топоры и расступаться.

- Впрочем, - уточнил Виртенбюрх, проходя между рядами уже бывших врагов, - помощь нам не помешает! Королевская гвардия пойдет вперед, а вы прикрывайте нас сзади! - а затем, не успело это предложение вызвать недовольное ворчание, как лейтенант быстро расстегнул ремни своей кирасы (не цельной, а состоявшей из грудной и спинной пластин) и сбросил ее на землю (оставив, впрочем, шлем и наручи) - после чего выхватил меч и с криком "за флаг и королеву!" первым побежал на шеренги арбалетчиков. Гвардейцы, подхватив клич, и бывшие солдаты Арвика, увлеченные этим порывом, устремились следом.

На самом деле жест со сброшенными доспехами не был просто показным героизмом, призванным воодушевить своих и устыдить трусов. Это был трезвый, хотя и все равно отчаянно рискованный расчет. Виртенбюрх понимал, что арбалетные болты все равно пробьют кирасу и застрянут в теле - и предпочитал получить ранения навылет. Кроме того, он рассчитывал без тяжести доспехов добежать до врага быстрее - а самой опасной была именно простреливаемая дистанция, а не бой на мечах потом.

С последним пунктом у него не очень получилось. Пока он бежал, по нему успела выстрелить каждая из шеренг - и попали в него трижды: в правый бок, в правое бедро и в левое плечо. Навылет прошли два первых болта, третий, хотя и был выпущен с самого близкого расстояния, застрял в плече, серьезно повредив ключицу и лопатку. Тем не менее, несмотря даже на простреленную ногу, лейтенант на чистом адреналине добежал до врага и, словно мстя за каждую из своих ран, зарубил двух арбалетчиков и успел ранить в ягодицу убегающего третьего, прежде чем все-таки свалился сам, все еще живой и не получивший новых ранений. Виртенбюрху сильно повезло - его не затоптали бегущие следом, что было судьбою многих раненых в этом бою.

А вот хитромудрому капитану зольтенцев повезло гораздо меньше. Он не ожидал, что попытка остановить отступающих обернется их объединением с врагом и общей атакой, к которой присоединились заодно и отстрелявшиеся королевские лучники. Шеренги арбалетчиков были смяты, а пытавшаяся в последний момент прикрыть их зольтенская пехота - опрокинута с быстротой, неожиданной для ее командира, но вполне объяснимой той яростью, которую вызывало у бывших союзников двойное предательство зольтенцев, которые сперва не пошли с ними в бой, а потом и вовсе принялись по ним стрелять. Сам капитан после безуспешной попытки контратаки попытался было бежать в сторону родного леса, но был окружен и в неравной схватке лишился ноги, отрубленной алебардой выше колена. Правда, он и после этого не только не упал, но и пытался ускакать на одной ноге. Преследователи из обеих армий со смехом опустили оружие и, вместе обступив его - но не мешая ему прыгать и громко обещая более не трогать, пока он остается на... ноге - принялись заключать пари, как далеко ему удастся доскакать таким образом. Злосчастный капитан, подначиваемый спорщиками (совершенно уже, кажется, забывшими о своей недавней вражде на фоне этого зрелища), пропрыгал почти тридцать ярдов, прежде чем истек кровью и свалился. Впрочем, почти шести сотням зольтенцев все же удалось спастись бегством (на север к лесу или просто рассеявшись в поле), и еще примерно две сотни прорвались к основным силам Арвика.

Правый фланг королевского войска, таким образом, резко вырвался вперед, оказавшись

почти строго на восток от самого Арвика с окружавшей его легкой пехотой и немногочисленными всадниками, причем королевских солдат теперь отделяло от него не более двухсот ярдов чистого поля - но одновременно они и сильно оторвались от своих, наоборот, оттесненных неприятелем к югу от вала. Правда, те тоже были оттеснены неравномерно. На левом фланге, где была сосредоточена тяжелая пехота, королевская армия разбила пяти-с-половиной-тысячную фланговую группу противника почти так же успешно, как и на правом, хотя и без переходов на свою сторону (частично истребив, а по большей части рассеяв неприятеля при вдвое меньших собственных потерях - правда, если основную часть потерь Арвика на этом фланге составили лучники, то у королевы - куда более необходимая в дальнейшем бою тяжелая пехота), но позиционным результат оказался противоположным: поскольку с этой стороны королевский строй прогнулся назад и вглубь, словно амеба, поглощающая добычу, то к тому моменту, когда "поглощение" практически завершилось, то, что изначально было левым флангом Элинор, оказалось южнее и восточнее исходной позиции, практически в тылу у первоначального центра, теперь также отступавшего назад под натиском противника, по центру все еще сохранявшего перевес как по общей численности, так и, в особенности, по тяжелой пехоте. Это столкновение отступавшего центра с маневрировавшим позади него бывшим левым флангом внесло сумятицу, и хотя офицерам королевы удалось достаточно быстро восстановить строй, наступавший по фронту противник за это время развил успех.

Тем временем бойцы правого фланга королевы, только что разбившие зольтенцев, смотрели хищными взглядами в сторону Арвика, все еще остававшегося к северу от траншеи, на довольно значительном расстоянии от ушедшего вперед основного войска - но даже и самому последнему рядовому было понятно, что столь близкая и столь желанная добыча для них недосягаема. Конный всегда ускачет от пеших. Со стороны центра королевского войска уже мчался вестовой от Айбенхорста с приказом быстро отойти назад, пока противник, развернувшись, окончательно не отрезал их от основных сил. Увы, этот приказ запоздал - Арвик уже отдал соответствующую команду, и двухтысячная колонна его пехоты (в том числе и окружавшие его отстрелявшиеся лучники) побежала на восток, отсекая оторвавшийся королевский фланг. Только что объединившихся солдат даже после боя с зольтенцами оставалось больше - почти три тысячи, но именно недавнее объединение их и подвело, поскольку, успев разбить в едином порыве зольтенцев, они так и не успели наладить единое командование. В итоге королевский капитан, видевший так и не доскакавшего вестового и догадавшийся, какое распоряжение он нес, велел идти на прорыв (на юго-запад), расхрабрившийся после разгрома зольтенцев капрал, принявший командование над недавними дезертирами (или, во всяком случае, он так считал), возомнил себя стратегом и решил, что сможет обойти атакующих справа и ударить врагу в тыл с северо-запада, а большинство его товарищей сочли, что с них уже хватит геройства, и побежали прочь от противника на северо-восток (что в общем-то имело резон, ибо они и впрямь были вымотаны предыдущим жарким боем, а атаковавшие их лучники Арвика, пусть и вооруженные не так хорошо, успели достаточно отдохнуть). В результате из трех тысяч на соединение с главными силами сумели пробиться лишь около семи сотен, в основном гвардейцы (и то благодаря отстрелявшимся лучникам королевы, выдвинувшимся им навстречу), остальные были перебиты или разбежались. Потери Арвика в этой схватке составили менее пятисот человек.

Пока остатки правого фланга Элинор, недавняя победа коего обернулась столь же стремительным поражением, пробивались назад, перестроился и левый фланг, теснимый собственным отступающим центром, а сам центр развернулся между заново сформировавшимися флангами, выравнивая фронт. Таким образом, когда королевское войско вновь сомкнулось и выровнялось, оно оказалось развернуто примерно на 50 градусов от первоначальной линии "восток-запад" - с юго-запада на северо-восток. Соответствующим

образом выстроился и противник. Выровняв фронт, однако, королевская армия продолжала отступать - причем теперь уже не на юг к Торринворту, как предполагал первоначальный план, а на юго-восток. Если сразу после успеха на обоих флангах королевская армия превзошла неприятеля по числу солдат, продолжавших бой (хотя даже тогда Арвик сохранял перевес в тяжелой пехоте), то теперь соотношение снова менялось на обратное. От восточного фланга остались лишь ошметки, а расторопные капралы принца уже реорганизовывали и вели обратно солдат, ранее разбежавшихся при разгроме западного фланга Арвика, коих оставалось в живых более трех тысяч. Пусть по большей части это были отстрелявшиеся лучники, но и они еще могли принести пользу, даже просто создавая давление в задних рядах. Не все горели желанием возвращаться, но жажда платы и трофеев в сочетании с осознанием того факта, что королевская армия отступает, и надеждой больше уже не оказываться в первых шеренгах делали свое дело.

Айбенхорст, правда, предлагал возглавить контратаку, уверяя, что его гвардия сумеет отбросить врага, но ни королева, ни Дорвит не поддержали эту идею. Во-первых, сил гвардейцев, особенно после уже понесенных ими на востоке потерь, хватило бы лишь на прорыв на отдельном участке, а не по всему фронту, и прорвавшиеся в результате просто оказались бы в окружении или полуокружении. Не то чтобы Айбенхорст этого не понимал, но он рассчитывал, что атака гвардейцев увлечет за собой и других бойцов, как это уже было на правом фланге - а вот это было совсем не гарантировано, особенно учитывая, что бой шел уже не первый час, и солдаты, даже сменявшие друг друга на переднем крае, изрядно устали. Во-вторых, перейти из постепенного отступления в контрнаступление, особенно успешное, можно было лишь ценой резкого роста потерь, что совсем не отвечало ни стратегическим планам королевы, ни тактическим интересам и так находящегося в меньшинстве войска. Ну а самое главное - любая, даже самая успешная контратака пехоты не способна была достигнуть главной и по сути единственной цели этой битвы. Покончить с Арвиком могла только конница. А ее все не было - ни с востока, ни с запада.

Элинор вдруг решительно тронула коня вперед, приказывая охране и стоявшим впереди солдатам расступиться. Ее свита двинулась за ней, но королева, обернувшись, велела им: "Оставайтесь здесь, господа, не стоит лезть туда сразу всем". "Ваше величество, мэм..." - пытались удержать ее сразу несколько голосов, но королева, больше не обращая на них внимания, поехала сквозь небыстро расступающуюся толпу солдат к самому переднему краю, туда, где продолжалась беспощадная битва. Копья, которыми солдаты Элинор пытались сдерживать натиск противника, были давно перерублены, многие щиты разбиты, иные мечи ломались, а секиры алебард покрывались выщербинами - но снова и снова острый тяжелый металл лязгал и скрежетал по металлу, иногда принятый на встречный клинок, иногда - соскальзывая по доспеху, иногда - разрубая его и застревая в плотной коже и войлоке поддоспешника, иногда - рассекая и все, что под ним - мясо, жилы, кости, внутренности - и вновь вырываясь наружу в снопе кровавых брызг. Некоторые бойцы с обеих сторон были уже забрызганы кровью с ног до головы - и все это была чужая кровь, раз сами они оставались на ногах. Место упавших тут же занимали новые - по своей ли воле или просто вытолкнутые давлением из задних рядов. Наступавшие, медленно продвигаясь вперед, топтали мертвых и раненых, не глядя под ноги и не пытаясь различать своих от чужих. Солнце, поднимаясь все выше, палило все жарче, нестерпимо сверкало на клинках и доспехах, еще не забрызганных кровью. Пот обильно струился из-под шлемов и слипшихся волос по лицам, разъедая глаза, смывая кровавые пятна, противно пропитывал насквозь плотные стеганые поддоспешники и холщовые рубахи. Жара. Жажда. Усталость, свинцовая тяжесть брони и ноющая боль в перетруженных мышцах. Все это уже вытеснило на задний план и страх смерти, и ненависть к врагу (которой, впрочем, особо и не было даже изначально - не больше, чем у спортсменов выходящих на матч команд). Бойцы обеих армий вновь и вновь поднимали и обрушивали свои клинки, действуя уже скорее как тупые автоматы, не способные осознавать и чувствовать что-

либо, кроме самых простых физических раздражителей.

И вот над всей этой затянувшейся бойней разнесся звонкий голос Элинор, протолкавшейся на своем коне чуть ли не в самые первые шеренги, так, что лишь считаные ярды отделяли ее от мелькающих окровавленных мечей:

- Солдаты северной армии Айринтии! К вам обращается ваша королева! Я не хочу вашей крови и смерти! Я понимаю, что все вы стали жертвами обмана негодяя и изменника, который называет себя айринтийским принцем, а сам продал ваши жизни за гроггендорское золото! И теперь трусливо прячется за вашими спинами! Оглянитесь - где ваш принц? Я здесь, со своими солдатами, а он не смеет даже перебраться через ров, по его приказу заполненный вашими телами! Солдаты Айринтии! Я, королева Элинор, обещаю полное прощение всем, кто повернет оружие против изменника, как это уже сделали ваши товарищи на правом фланге! И даже тем, кто просто прекратит сопротивление моим войскам! Довольно айринтийцам убивать друг друга! Пусть прольется кровь ублюдка, продавшегося Гроггендору, а не ваша!

- Сто золотых! - заорал какой-то из офицеров Арвика, указывая мечом на Элинор (он был недавно произведен из капралов, и сто золотых казались ему немыслимой суммой). - Сто золотых тому, кто убьет узурпаторшу!

- Пятьсот! - перебил его старший по званию и опыту товарищ. - Именем короля, пятьсот гульденов каждому, кто прольет ее кровь!

Он не зря изменил не только сумму, но и формулировку. С одной стороны, далеко не каждому хочется единолично прослыть цареубийцей, с другой - когда атакуют сразу несколько, отнюдь не всегда можно доказать, кто именно нанес смертельный удар. А вот если равная награда обещана всякому, кто нанесет хотя бы рану, смертельную или нет - это другое дело.

У Локхарта, который, повинуясь приказу королевы, оставался позади нее, но слышал весь диалог, мелькнула мысль, что применительно к ней "пролитие крови" может означать и изнасилование. Хотя едва ли офицер Арвика имел в виду это, рука Локхарта почти что до боли стиснула рукоять меча. Внезапно у полковника вновь возникло острое чувство нереальности происходящего - как могло случиться, что он, военный летчик и астронавт высокотехнологичной цивилизации, гражданин одной из самых демократических республик на Земле, превратился в средневекового барона, готового с мечом в руках защищать честь своей королевы? Неужели все это действительно происходит на самом деле? Все это мелькание и грохот клинков в считаных шагах от него, запах пота, крови и нагретого солнцем железа, тяжесть собственной рыцарской брони, столь непохожей на почти невесомый скафандр - не сон, не симулятор, не какой-то хитро устроенный, чрезвычайно затянувшийся тест, а единственная настоящая реальность, и другой уже не будет? Реальность, в которой, между прочим, нет не то что передовой медицины XXI столетия, но даже элементарной анестезии, и любое сколь-нибудь серьезное ранение - и тем паче любая хирургическая операция, длящаяся куда дольше, чем один удар мечом или копьем - превращается, даже если пациенту удастся выжить, в самую настоящую пытку? Удивительно, что все эти тысячи людей, сражающихся вокруг, это соображение ничуть не останавливает. Еще более удивительно, что оно не останавливает его самого...

И тем не менее - он, должно быть, впервые со всей ясностью понял, что уже не хотел бы проснуться ни на борту "Доброй воли", ни в тренажерной капсуле Космического центра (хотя не бывает, конечно же, ни снов, ни симуляций настолько длительных и реалистичных), ни в психиатрической клинике ("ваша травма была серьезной, полковник, но курс лечения проходит успешно..."). Не хотел бы снова оказаться в мире, где есть полеты в космос, нейроимпланты и компьютеры - но где Элинор оказалась бы всего лишь иллюзией его спящего или травмированного мозга. Доселе он рассуждал по принципу "раз уж возврат в нормальный мир невозможен, надо находить положительные стороны в этом". Но в этот миг на поле битвы при Торринворте он вдруг отчетливо понял - или впервые признался себе - что не хотел бы возврата, даже если бы у него был выбор. В конце концов, в космосе он уже был. И межзвездная

экспедиция оказалась просто семью годами, проведенными взаперти в самой совершенной тюрьме в истории, с бонусом в виде кошмара кэйлианской катастрофы. Хотел бы он навсегда потерять Элинор, чтобы испытать подобное еще раз? Даже если бы встреча с иной цивилизацией состоялась? В конце концов, то, с чем они встретились на Земле теперь - это уже тоже, по сути, иная цивилизация... И все же - возможно, он бы еще мог согласиться расстаться с Элинор ради новой космической миссии, как расстались со своими близкими Якобсон и многие другие члены его экипажа - если бы знал, что она останется жить своей жизнью, и притом, наконец, в безопасности. Но вот чего он однозначно и категорически не хотел и на что не был согласен ни ради какого космоса, так это чтобы она, вместе со всем своим миром, оказалась всего лишь плодом воображения. Чтобы выяснилось, что на самом деле ее нет и никогда не было...

Все эти мысли пронеслись в мозгу Локхарта в считаные секунды, а затем он резко осознал, что Элинор грозит куда более реальная опасность, чем оказаться всего лишь порождением его фантазии. Обещание пятисот золотых возымело ожидаемый эффект, и множество солдат Арвика с удвоенной силой устремились вперед, пытаясь прорваться к королеве. Шеренги, отделявшие ее от врагов, дрогнули, прогибаясь под этим натиском. Но Элинор, вместо того, чтобы сразу же скакать прочь, лишь подалась назад вместе с ними, продолжая увещевать бывших солдат королевской армии: "Опустите оружие, и вас никто не тронет! Я гарантирую вам амнистию! Айринтии нужны солдаты для войны с Гроггендором, а не друг с другом!"

- Нам не нужно воевать с Гроггендором! - крикнули с другой стороны. - Король Арвик договорился с ними о мире! Война нужна только узурпаторше!

- И ее амнистия нам не нужна! - подхватил давешний офицер. - Мы уже побеждаем! Почти победили! Пятьсот каждому, кто нанесет ей удар, и тысячу тому, кто сделает это первым!

Элинор не пыталась в ответ назначить еще большую награду за голову Арвика - было вполне очевидно, что подобный аукцион ей не выиграть. Во-первых, офицер, вещавший якобы от имени Арвика, но без каких-либо официальных подтверждений от последнего, мог называть любые суммы, в то время как ее слово - слово королевы - нельзя было бросать на ветер. Во-вторых, что еще важнее, она находилась в считаных ярдах от врага - и в толпе окружавших ее солдат не смогла бы ускакать быстро - в то время как Арвик был далеко и имел предостаточно возможностей ретироваться, даже если бы вся его пехота повернулась против него. Поэтому она лишь крикнула: "Не слушайте, что вам тут врет неизвестно кто! Арвик потом наплюет на все эти обещания!" Но ее призыв возымел не больше эффекта, чем во все времена имели призывы не верить мошенникам, сулящим золотые горы. Вражеские пехотинцы рвались к ней со всех сторон с яростной решимостью, говорившей "врут нам или нет, а ради такой кучи денег мы лучше попробуем!"

Элинор уже видела, что из ее затеи ничего не вышло, и продолжала сдавать коня назад, не поворачиваясь спиной к врагу - но вид у нее при этом оставался такой гордый и уверенный, словно она полностью контролировала ситуацию, и это действовало почти что гипнотически на ее собственных рыцарей, по-прежнему следовавших ее приказу оставаться позади. "На помощь королеве!" - рявкнул Локхарт, разрушая этот "гипноз" и тесня конем собственных солдат.

Этот крик действительно заставил кавалеристов личной охраны Элинор устремиться к ней, расталкивая пехотинцев (двое или трое солдат в результате свалились под копыта), но одновременно воодушевило и врагов, показав им, что у них есть шанс, но он не надолго. Солдаты впереди королевы, пытавшиеся защитить ее, падали один за другим под сплошным градом ударов мечей и алебард. Элинор, осознав, наконец, до какой степени все серьезно, начала разворачивать коня - но медленно, слишком медленно в окружавшей ее толпе пехотинцев. Некоторые из них уже не просто пятились, а разворачивались назад, напуганные вражеским напором и готовые к бегству, коему мешала лишь теснота. "Вперед! - кричал Локхарт, толкая

пехотинцев грудью игреневого и грозя паникерам мечом - Защищайте королеву!"

Над круглыми шлемами солдат справа от Элинор, где в сплошной давке уже невозможно было понять, где свои, а где враги, взметнулась алебарда, нацеленная в бок королеве. У Локхарта (который пробивался к Элинор слева и все видел, но ничего не мог поделать) перехватило дыхание, но тут же другая алебарда перерубила уже движущееся древко первой. Падающая секира лязгнула о чьи-то доспехи, но не задела ни королеву, ни ее коня. Однако пехотинцы Арвика, продолжавшие напирать, свалили сразу двух или трех солдат, еще прикрывавших Элинор с этого бока, и между врагами и королевой не осталось вообще никого. Ее охранники, пробивавшимся к ней справа, никак не успевали защитить ее от радостно устремившихся к ней вражеских солдат. Доспехи королевы могли выдержать удары простым, не двуручным мечом (но не алебардой), но, скорее всего, первым делом под ней убили бы коня, а уже потом бы набросились на упавшую - а отбиваться Элинор было нечем, ее единственным оружием был стилет-мизерикорд, пригодный, конечно, не для боя с мечниками и алебардщиками, а разве что для того, чтобы не достаться врагу живой - и то если хватит времени его применить. Впрочем, жаждавшие награды за кровь Элинор едва ли собирались брать ее в плен.

Но тут кто-то из поверженных, но еще живых воинов королевы дернул за ногу одного из рвавшихся к ней мечников. Тот рухнул, а, споткнувшись об него, тут же упали еще двое, а за ними еще - слишком уж густой была толпа и слишком яростно они стремились к своей добыче. Пока вся эта куча-мала копошилась в своих доспехах на земле, отчаянно ругаясь и пытаясь подняться, Элинор удалось, наконец, развернуться, а солдаты позади (теперь - впереди) нее расступились, одновременно давая ей дорогу и набрасываясь (те, что оказались рядом) на упавших врагов. И тут, когда Локхарт, уже почти поравнявшийся с королевой с другой стороны, вздохнул было с облегчением, он увидел, как один из солдат, оказавшийся как раз между ним и Элинор, ухватил за уздцы королевского коня. С этого бока враг еще не прорвался так близко, и, хотя Локхарт не видел в толпе деталей его нарамника, он не сомневался, что это один из своих - но действовал на автомате, как это бывало в критических ситуациях в небе. Уроки Габриуса не пропали даром. Резко наклонившись в седле вправо-вперед, он со всей силы рубанул по этой руке. Меч с коротким хрустом рассек и кольчужный рукав, и обе кости предплечья. В следующий миг игреневый сбил с ног лишившегося руки солдата. Хорошо, что тот попытался сначала остановить коня Элинор и так и не успел нанести свой удар... Только теперь, бросив быстрый взгляд под копыта, Локхарт понял: да, это был "свой", очевидно, рассудивший, что предложение о награде за кровь и смерть Элинор распространяется не только на тех, кто пришел сюда под знаменами Арвика, и что он имеет уникальный шанс заработать больше, чем верная служба под знаменами королевы принесет ему за всю жизнь. В самом деле, кто сказал, что переходить на другую сторону могут только солдаты противника?

Локхарт вздернул коня на дыбы и угрожающе махнул мечом, отпугивая других потенциальных умников. Но, похоже, больше предателей не нашлось - а в следующие секунды подоспели, наконец, и другие всадники из охраны Элинор. Еще с полминуты полковник гарцевал возле сражающейся пехоты, прикрывая отход королевы, но не влезая в саму свалку (он знал, что это плохая идея - конный рыцарь имеет полное преимущество над пехотой, пока ему есть, где скакать, но если он окажется зажат в толпе, под ним тут же убьют коня, после чего, скорее всего, добьют и его самого прежде, чем он успеет подняться). Затем, обернувшись через плечо и убедившись, что Элинор уже в безопасности, Локхарт поехал за ней.

Никто из офицеров Элинор не посмел упрекать королеву за рискованный маневр, и лишь Локхарт, поравнявшись с ней, буркнул:

- Вы напугали меня, мэм.

- Зато вы, кажется, спасли мне жизнь, - ответила она, бросив на него быстрый взгляд - но в следующий момент она уже снова смотрела на запад. Увы, ее попытка переманить солдат противника на свою сторону не просто не принесла пользы, но и вдохновила их на новый натиск

- и хотя шансов добраться до королевы у них уже не было, на этом порыве они еще продвинулись вперед, вклиниваясь в армию Элинор по центру, и теперь, похоже, имели хорошие шансы развить успех. Арвик - или, скорее, Хоббинтротт - перешел, видимо, к той тактике, о которой с самого начала говорил Дорвит - тупо давить массой по центру, реализуя численный перевес. До сих пор королевская армия медленно отступала, удерживая ровный строй и сравнительно небольшой темп потерь, но после неудачного рейда королевы в передние ряды ситуация обострилась. Теперь противник лез вперед, не считаясь ни с потерями, ни с усталостью. Отходить в прежнем темпе стало теперь почти так же трудно, как контратаковать ранее, а более быстрое отступление грозило превратиться в беспорядочное бегство. Солдаты королевы еще перед боем были поставлены в известность, что их задача - продержаться до прихода рыцарской конницы, а стало быть, не должны еще были расценивать ситуацию как безнадежную - но конницы все не было...

Локхарт обратил внимание, что на поводьях королевского коня до сих пор болтается отрубленная кисть, и попытался брезгливым жестом сбросить ее, но мертвые пальцы держали крепко. "Мертвый хватает живого", - вспомнилась Локхарту французская пословица, слышанная от де Сегюра.

- Оставьте, - королева скосила глаза, заметив его жест. - Это трупное окоченение. Иногда оно развивается мгновенно. Не стоит возиться, потом само отвалится, - она говорила с хладнокровием патологоанатома, глядя на отрубленную конечность без всяких эмоций, каких можно было бы ожидать от юной девушки - то есть, конечно же, от юной девушки какой-нибудь другой эпохи, не той, где отрубленные головы выставляют на площади или хранят во дворце в банках со спиртом. И за один только этот день она имела возможность увидеть уже тысячи смертей, в том числе по меньшей мере дюжину - в паре шагов от себя...

Дорвит отправил вестового на правый фланг, и королева, в тщетном ожидании вглядывавшаяся в горизонт, тут же переключила внимание на это:

- Вы отдали новый приказ, лейтенант-генерал?

- Да, мэм, о переброске части солдат с правого фланга на левый. Правый фланг резко отойдет назад, а левый удержит позицию, и мы снова выровняем фронт, одновременно разворачиваясь спиной к Торринворту. А то мы в последнее время отходим не к городу, а в сторону от него.

- И что дальше?

- Поскольку кавалерии все нет, нам придется по возможности скорее отойти в Торринворт, мэм. Я откладывал это, сколько мог - до тех пор, пока у нас оставалось достаточно сил, чтобы выдержать удар вражеской кавалерии. Но больше ждать Лоренберга или хотя бы Скоуприджа мы не можем. Сейчас наш уровень потерь уже...

- Вы хотите свернуть сражение и спрятаться в крепости? - Элинор гневно сверкнула на него глазами, но тут же поняла, что он прав. Даже если бы им не грозила атака спрятанной в лесу конницы, без возможности достать Арвика они только впустую губят армию... обе армии. А он явно не собирается повторять ее ошибку - лезть в гущу пехоты. - Но мы не успеем провести все войско через городские ворота, - сказала она вслух. - Придется пожертвовать арьергардом, оставив его на верную гибель прикрывать наш отход - иначе противник ворвется в город на наших плечах.

- Что поделать, мэм. Иначе мы рискуем потерять вообще все. Мы и так ждали слишком долго.

- И после этого мы сразу окажемся в осаде.

- В течение двух-трех недель можно ожидать подхода подкреплений с юга.

- Опять затяжная война... Давайте все же подождем еще немного, лейтенант-генерал. Лоренберг должен прийти. Я не верю, что он предал. Что-то задержало его в пути... но он придет.

- Вы королева, мэм. Окончательное решение за вами. Но я бы все же почтительно рекомендовал вам...

- Еще немного, лорд Дорвит. Дайте ему шанс. Иначе все сегодняшние жертвы напрасны. Вы же понимаете, если Лоренберг подойдет, когда я буду уже в крепости и поле боя останется за Арвиком - ничего уже не выйдет. Без нашей пехоты у ублюдка будет слишком большой численный перевес, а если даже он сочтет, что это не так - без приманки в моем лице он может просто ускакать в лес, не приняв бой.

Дорвит неодобрительно покачал головой, но не посмел спорить. Зато это сделал Локхарт.

- Мэм, - тихо сказал он, - не позволяйте эмоциям взять верх над разумом. Если Лоренберг не придет, мы рискуем потерять не только собственные жизни, но и Айринтию.

- Разве вам никогда не случалось в критической ситуации полагаться на свою интуицию? - ответила она так же тихо.

- Интуиция - это, по сути, те же логические выводы, только не осознаваемые явно. Важно не перепутать их с надеждой, выдающей желаемое за действительное.

- Если бы Лоренберг хотел саботировать мой приказ, он бы нашел способ это сделать. Сообщил бы, что застрял в Бигенбагене, добывая лошадей, или что погода слишком долго мешала кораблям пристать к берегу, или еще что-нибудь.

- Да, но если предположить, что он хочет вас погубить, тогда, наоборот, имело бы смысл внушить вам ложную надежду.

- Тогда бы он скрыл сведения о кораблекрушении и всех связанных с этим трудностях. Или еще проще - пришел бы вовремя, чтобы нанести удар нам в спину. Это именно логика, сэр Эрик, а вовсе не пустые надежды. Предатель повел бы себя по-другому.

- Но Филипп повел себя именно так - обещал прийти и не пришел, уклонившись от боя на чьей-либо стороне.

- То Филипп, а то Лоренберг. О последнем, насколько мне известно, все отзываются как о человеке чести, презирающем малодушие. Верьте мне, сэр Эрик. Он придет. Я понимаю, чем мы рискуем, - добавила Элинор, чувствуя скепсис Локхарта. - Мы не можем позволить себе проиграть. Но если мы сейчас отступим - это и есть проигрыш. Не вероятный проигрыш, а гарантированный проигрыш. Между вероятным и гарантированным что мы должны выбрать?

Локхарт мог вы возразить: "Проигрыш битвы, но не кампании", но он знал, что ответит Элинор - что у них может уже не быть времени собрать силы для новой попытки. Что ж, наверное, ей виднее. В конце концов, она командует этим кораблем[96], а он - только член экипажа...

Армия тем временем начала маневр, отводя назад правый фланг. Солдаты Арвика устремились вперед, полагая, что противник готов окончательно обратиться в бегство, но столкнулись с яростным сопротивлением на левом фланге.

- А может, - предложила королева, отыскивая взглядом фигуру остававшегося в безопасном тылу Арвика, - все же выслать против него те полторы сотни, что у нас есть? Пусть хотя бы побегает...

- Это не нарушит командование войсками противника, так как непосредственное руководство его пехотой осуществляет не он... - начал объяснять Дорвит, но тут у Локхарта появилась идея.

- Прошу прощения, лейтенант-генерал. А может наша легкая конница поджечь лес?

- Поджечь лес? - удивленно переспросила королева.

- Раз уж меня тут все равно называют поджигателем, - усмехнулся Локхарт. - Ветер с юга, погонит огонь на тех, кто там прячется. А Арвику станет некуда бежать.

- Огонь не разгорается мгновенно, а его кавалерия наверняка ждет команды у самого

---

[96]В оригинале Pilot-in-Command.

края, а не в глубине, - возразил Дорвит. - Они успеют выскочить без потерь, и это даже не нарушит их планов - в какой момент вступать в бой, решает в любом случае конница, а не пехота.

Сражение продолжалось, причем все более неблагоприятно для королевской армии. Пока еще ей удавалось - все большим напряжением сил - удерживать примерно равный с врагом темп потерь, но, поскольку армия Арвика снова имела численный перевес, для него это было менее критично, чем для Элинор. В конце концов Дорвит не выдержал:

- Мэм, мы должны уходить в город. Мы и так уже упустили момент, когда это можно было сделать, не боясь кавалерийского удара в тыл. Или позвольте мне отдать этот приказ прямо сейчас, или тоже сейчас назначьте другого командующего. Я готов умереть за вас, но я не готов принять на себя ответственность за гибель вверенной мне армии.

Элинор покусала губу.

- Ладно, - выдохнула она. - Делайте, что считаете нужным.

Армия, доселе лишь постепенно пятившаяся в сторону Торринворта, начала поспешный, но все еще организованный отход. И тут вдруг Элинор, которая, казалось, не обращала внимания на кипящий рядом бой, а продолжала вглядываться поверх голов дерущейся пехоты вдаль на запад, туда, откуда все мужчины уже потеряли надежду дождаться помощи - воскликнула: "Смотрите!"

Поначалу не было понятно, вьется это пыль, поднимаясь над дорогой из-за горизонта, или просто зыблется марево горячего воздуха. Дорвит, уже смирившийся с невозможностью выиграть бой и сосредоточившийся теперь на задаче, как отвести армию (или ее остатки) в крепость с наименьшими потерями, лишь бросил в ту сторону короткий скептический взгляд и снова сосредоточил внимание на пехоте. Однако затем в неясном мареве над горизонтом проступили - пока еще заметные только для всадников, а не для пехотинцев с высоты их роста - колеблющиеся, сливающиеся друг с другом искорки света, словно там плескалась вода. Но это была не вода. Это сверкали на солнце латы рыцарской конницы.

- Теперь только не спугнуть его, - тихо пробормотала Элинор. - Продолжаем отступать. Пусть подъедут поближе.

Но один из членов свиты Арвика тоже увидел приближающуюся конницу (хотя и несколько позже) и, конечно, сразу сказал своему сюзерену. В первый момент, впрочем, принц не выказал обеспокоенности, заявив - возможно, с большей уверенностью, чем считал на самом деле - что это возвращается с победой разбившая врага кавалерия Зольтенов. Но вскоре стало ясно, что скачущие всадники слишком многочисленны для зольтенцев, даже если предположить, что им каким-то чудом удалось не понести существенных потери в бою с Хампельтонским полком военной гвардии (соответственно, их было слишком много и для хампельтонцев). Однако Арвик уже отдал приказ своему знаменосцу, который одновременно исполнял обязанности горниста, трубить в рог сигнал к атаке, которого с начала боя ожидала спрятанная в лесу его собственная кавалерия. Вражеская конница была все еще далеко и, похоже, скакала не так уж быстро на своих усталых лошадях - вероятно, ей оставалось до цели минут двадцать, как минимум. А вот кавалерия Арвика была полна свежих сил, и у нее еще оставалось время совершить свой стремительный и смертоносный маневр и покончить с узурпаторшей раз и навсегда прежде, чем эти невесть откуда взявшиеся всадники подоспеют ей на помощь. Сейчас или никогда!

Низкий и натужный трубный звук далеко разлетелся над полем. И не успело еще замереть в лесу дальнее эхо этого зова, как на опушке показалась тяжелая кавалерия Зольтенов, Топча и вырывая молодую траву копытами могучих коней, закованные в броню рыцари с пока еще поднятыми вверх копьями с дробным грохотом и лязгом, на скаку переходя с рыси в галоп, понеслись к готовому возглавить их принцу. Слева, справа и позади рыцарей, еще оставаясь в тени деревьев, лихо мчалась легкая кавалерия.

Но почти одновременно, словно отвечая на тот же сигнал, на гребне пологого длинного холма на юго-востоке появился одинокий рыцарь в латах. Одиноким он, однако, оставался совсем недолго. За ним сразу же выехал его знаменосец; красно-синее полотнище билось на древке, словно рвалось в бой впереди пришедшего с ним войска. А за этими двумя по всей длине гребня, словно прикрывая правый фланг и тыл армии Элинор, выезжали новые и новые всадники в красно-синих сюрко.

- Наконец-то, - широко улыбнулась королева. - И появились именно так, как надо. Не знаю, что там в задних рядах, но передние смотрятся чертовски убедительно. Возможно, в прошлой жизни Скоупридж руководил театральной труппой.

"А что: если это и есть настоящий Филипп? - мелькнуло вдруг в голове у Локхарта. - Если он все же решил принять нашу сторону, как в свое время Эдгар? Впрочем, это, наверное, слишком хорошо, чтобы быть правдой. На сей раз никакие колокола ничего ему не обещали..."

Арвик смотрел на открывшуюся картину в ярости и отчаянии. Проклятый Райнбальд *опять* предал его! Хотя теперь это был уже другой Райнбальд. Весь их род - сплошные предатели! И опять тогда, когда он в одном шаге от победы! Когда одна, только одна кавалерийская атака должна решить все! Если бы враги появились хотя бы на пять минут позже! Но у него нет этих пяти минут. Он не может обойти армию с востока, как планировал - теперь это означает либо выйти прямо в лоб многократно превосходящей коннице Райнбальда, либо подставить под ее удар свой фланг. Не может и выполнить аналогичный обход с запада, откуда скачет другое войско, о численности которого он даже не имеет понятия - а чертовы лучники, которые должны были стать преградой на такой случай, не выполнили приказ ждать, позарившись на якобы легкую добычу - хотя, конечно, какой дисциплины ждать от дезертиров... И тупо атаковать в лоб он тоже не может - Элинор со своими командирами просто ускачет назад под защиту Райнбальда. А если он вообще не пойдет в атаку прямо сейчас, две эти конницы просто обрушатся с двух сторон на его сильно потрепанную усталую пехоту и размажут ее в фарш. Он даже не успеет отвести ее назад в лес. Все, что он успеет - это спастись самому. Так что же - бросить все, бросить свою армию и бежать? *Опять*?! И кто тогда даст ему новое войско? Он исчерпал уже действительно *все* возможности. Даже гроггендорцы не будут больше ставить на лузера. Он может спасти разве что те полтысячи всадников, что скачут к нему сейчас - но такой силы явно недостаточно, чтобы завоевать королевство. Да и то - при таком раскладе четыре сотни легких наверняка разбегутся (что взять с дезертиров!), а что касается рыцарей его драгоценной супруги, то она запросто может решить, что зря доверила ему своих людей (бо́льшая часть которых уже, очевидно, мертвы), и попытаться купить прощение Элинор его головой...

За спиной у него нарастал глухой топот копыт быстро приближающихся всадников. Он должен принять решение прямо сейчас, в ситуации, когда хорошего варианта нет вообще - но Арвик уже чувствовал, как, сметая все рассуждения, бурно вскипает и захлестывает его столь хорошо знакомая ему волна дикого, неудержимого, ни с чем не сравнимого бешеного гнева. Филипп Райнбальд, вонючий предатель! Ты поплатишься за все, мразь!!! Чего бы это ни стоило, я выпущу тебе кишки!!! Ты должен сдохнуть, сдохнуть, СДОХНУТЬ!!!

- В а-та-ку!!! - заорал во все горло принц, выплескивая всю свою ярость в этом крике и указывая мечом на фигурку под красно-синим знаменем. - Вперё-о-од!!!

Уже на скаку, неистово шпоря коня, все еще охваченный яростью, но уже вернувший себе способность рассуждать, он понял, что это и был самый правильный выход. Неважно, во сколько раз конница Райнбальда превосходит его собственную (и, к счастью, скачущие за ним еще не видят этого за гребнем холма, а когда увидят - будет слишком поздно разворачиваться на всем скаку). Главное - убить самого Филиппа. И тогда его люди, потеряв своего лорда, не будут сражаться. Они ведь пришли сюда не ради Элинор, а исключительно по его приказу. В любом случае - они будут ошарашены, и им потребуется время, прежде чем кто-то примет

командование и отдаст новый приказ. А он, Арвик, тем временем сразу же развернется со своими людьми и обрушится с тыла на Элинор, как и планировал изначально. Прежде, чем очухаются люди Райнбальда, прежде, чем доскачут неведомые враги с запада, его ненаглядная сестричка будет мертва, и всем, кто скачет сюда, чтобы покончить с ним, останется только, доскакав, пасть перед ним на колени и принести ему присягу, как последнему Йоргелингу!

- Что он делает? - пробормотал Айбенхорст, глядя на несущуюся галопом через поле вражескую конницу.[97]

- Боюсь, он все же не поверил, несмотря на всю игру Скоуприджа, - угрюмо произнес Дорвит.

- Нет, - мрачно покачала головой Элинор, - думаю, что поверил. Я предупреждала, что такое может быть, а мне говорили, что он не настолько идиот. А он бросился в ярости на Филиппа - на того, кого считает Филиппом - как когда-то на кузена графа Горденвуда.

- Ваше величество, - поспешно произнес Дорвит. - вам лучше... передислоцироваться. Как только он обнаружит, что там одни чучела, он примчится сюда, а у нас уже слишком мало сил, чтобы справиться разом с пехотой и кавалерией. Возьмите всю нашу конницу и скачите навстречу Лоренбергу.

- И бросить мою армию? - однако Элинор тут же сообразила, что тем лишь избавит свою пехоту от удара кавалерии в тыл, ибо Арвик, конечно, погонится за ней, игнорируя всех прочих. - Впрочем, вы правы, но пусть он сначала доскачет до лже-Филиппа, иначе они свернут и могут перехватить меня.

- Да, мэм, - согласился Дорвит. - Когда он будет на максимальном расстоянии от нас. Но приготовьтесь, это надо будет сделать очень быстро...

Но в этот момент Скоупридж - а это был, конечно же, именно он, а никакой не Филипп - видя во весь опор несущихся на него врагов, принял собственное решение. Он решил, что, раз противник пошел в атаку, обман не удался, и не очень удивился этому. Он сделал все возможное - наверное, даже больше, чем возможное, подняв среди ночи и усадив за работу весь Визенвилль от мала до велика, а также и приданных ему кавалеристов, которые вместе с простыми крестьянами мастерили из проволоки, веревок, жестяных корыт, тазов и ведер, кухонной утвари и любых попадавшихся под руку кусков металла подобие доспехов - однако, в любом случае, он привел с собой лишь тринадцать сотен лошадей (включая те две, что у него уже были), а что касается всадников, то единственным настоящим рыцарем был он сам, плюс все те же две сотни легких кавалеристов, кое-как закамуфлированных под тяжелую конницу (в частности, с оглоблями и жердями от плетней, призванными изображать рыцарские копья), плюс неполные шесть сотен селян (включая женщин и подростков) в бутафорских подобиях доспехов, прикрытых наскоро сшитыми из любых кусков красной и синей материи нарамниками - на остальных же лошадях, ведомых в поводу, сидели и вовсе кое-как сооруженные из тряпья и соломы чучела с ведрами, кастрюлями и котелками на "головах". Во время скачки обратно часть этих чучел развалились или упали на землю, так что лошади в самых задних рядах были теперь вообще без всадников. Благодаря удачным складкам местности, впрочем, это позорище оставалось пока что по большей части скрыто от глаз врага, видевшего лишь наиболее презентабельную голову колонны на обращенном к нему склоне самого северного холма и какие-то едва различимые силуэты на гребне следующего. Но, быть может, ублюдку уже подал знак какой-нибудь проворный разведчик, а если даже и нет - тот скоро увидит все своими

---

[97]Немного цифр для понимания динамики происходящих событий. Элинор заметила конницу на западе (в виде пыли над горизонтом) с расстояния примерно 4.5 мили, Арвик отдал приказ трубить в рог, когда она была чуть менее чем в четырех милях. Эта конница идет рысью со скоростью не более 0.2 мили в минуту - это максимум, что они могут выжать из своих утомленных коней (причем не кратчайшим путем к месту боя (по гипотенузе), а по дороге вдоль леса с целью выйти противнику в тыл (по катетам)), хотя Арвик не знает, каким маршрутом они поскачут и не могут ли ускориться. Кавалерия Арвика идет в атаку галопом со скоростью 0.5 мили в минуту.

глазами. И тогда участь всех этих крестьян - которые, разумеется, не были обязаны делать то, что делали, ибо Айринтия - не Гроггендор, где власть может мобилизовать кого угодно и для чего угодно, и которым Скоупридж лично давал, в придачу к королевскому золоту, свое слово, что участвовать в бою по-настоящему им не придется - тогда их участь будет незавидна. Но дело было, конечно, не в визенвилльцах и не в слове, которое он дал им. И даже не в том, что будет с ним самим, когда до него доскачут сто тридцать вражеских рыцарей - он сам, вероятно, еще имел возможность спастись бегством. Дело было в том, что он все-таки подвел свою королеву. До сих пор вся его служба ей, а до этого - ее отцу, состояла из одних церемоний и парадов. Он всю жизнь мечтал послужить короне по-настоящему, мечом, как подобает рыцарю. И вот, когда ему, наконец, представилась возможность сыграть, быть может, ключевую роль в решающей битве...

Но ничего еще не кончено и не потеряно. Он видел ублюдка, скакавшего впереди всей своей полутысячной кавалерии. Но неважно, сколько их там - пять сотен или пять тысяч, если все может решить смерть одного человека. Один рыцарь против другого рыцаря. Ублюдок, конечно, не будет играть в благородство и принимать вызов на поединок. Он просто вырвался вперед в азарте, но, кажется, уже осознал это и сбавляет темп, позволяя остальным нагнать себя. Но они пока еще не нагнали, пока еще есть шанс, прежде чем ублюдка надежно прикроют со всех сторон - только надо очень торопиться, это последние секунды, когда еще есть надежда успеть! Скоупридж вонзил шпоры в бока коню и помчался вниз по склону навстречу Арвику.

Он даже не отдал никакой команды приданным ему кавалеристам (тем двум сотням, что были настоящими). В результате часть из них поскакали за своим командиром (кто - не рассуждая, по-военному, кто - считая, что спектакль продолжается и атака "кавалерии Райнбальдов" заставит врага повернуть), часть остались на месте, а кое-кто и развернулся, готовясь к бегству. Из тех, что в первый момент остались на месте, некоторые спустя несколько мгновений все же устремились за командиром и товарищами. В итоге навстречу друг другу помчались два клина, каждый - со своим предводителем на острие, но один (и совсем не тот, что ожидал принц) - гораздо менее многочисленный. Арвик, однако, не обращал внимания на последнее обстоятельство или не задумывался о нем. Возможно, это была какая-то уловка врага, неважно. Он смотрел только на Филиппа - на того, кого считал Филиппом, и кто, отчаянно шпоря коня, мчался ему навстречу. По крайней мере, мелькнуло в сознании Арвика, этот предатель не трус, раз не прячется за спинами своих рыцарей; впрочем, эту мысль тут же вытеснила другая - он просто хочет выслужиться перед узурпаторшей, наверняка та тоже назначила награду тому, кто лично сразит ее главного врага - и уж конечно Райнбальд получит в этом случае куда больше, чем рядовой солдат! Впрочем, если Филипп сам спешит навстречу собственной гибели - тем лучше!

Оба рыцаря были вооружены типично для командующих - полные латы, щит и меч, без копья или какого-либо иного оружия. Далеко не все рыцари тяжелой кавалерии брали в бой щит, полагаясь с одной стороны на крепость своих лат, а с другой - желая сохранить свободной левую руку для работы мечом-"бастардом", допускающим хват как одной, так и обеими руками. Однако для командующих армиями или большими отрядами щиты считались практически обязательным атрибутом, как ради дополнительной безопасности, так и потому, что несли на себе личный герб (в то время как знаменосец в бою мог отстать или погибнуть). На щите Скоуприджа его родовой герб был закрашен аляповатым подобием герба Райнбальдов, какое смог изобразить сельский маляр - что не доставляло рыцарю никакого удовольствия. Но вовсе не по этой причине он за несколько секунд до столкновения с противником резко отшвырнул свой щит. Ему нужна была вся возможная сила удара, чтобы сразить закованного в латы врага; скорость их взаимного сближения вполне позволяла нанести такой удар, главное было - удержать меч, поэтому Скоупридж перехватил рукоять "бастарда" обеими руками. Он знал, что должен зарубить противника с первой попытки - времени на дальнейшую дуэль уже не будет, на

него набросятся другие неприятельские рыцари (по этой же причине не имело смысла пытаться сперва поразить коня, а не всадника). Особенно ему не нравился тот амбал, что уже поравнялся с Арвиком справа - и даже, кажется, начал обгонять своего командующего - поэтому Скоупридж направил коня так, чтобы сойтись с Арвиком левым боком, хотя это и означало атаку со стороны щита. Он рассчитывал, используя длину полуторного меча и скорость движения, нанести удар слева направо, то есть все же достать ублюдка с противоположной щиту стороны и при удаче снести ему голову. В худшем случае, если тому все же удастся прикрыться, силы удара на такой скорости вполне могло хватить, чтобы разрубить не только щит, но и держащую его руку. Сам Арвик, судя по тому, как он держал меч, вероятно, рассчитывал либо на удар сверху вниз, либо на прямой колющий, но Скоупридж надеялся ударить на долю секунды раньше - и тогда инстинкт заставит ублюдка защищаться, а не нападать, и в итоге он не успеет толком сделать ни то, ни то.

Королева и ее командиры, замерев, следили за несущимися навстречу друг другу врагами, которые в итоге схлестнулись почти точно к востоку от них. Арвика в этот миг закрыла от них могучая фигура его телохранителя (видимо, это и был небезызвестный Бурый), но было хорошо слышно, как резко лязгнул металл о металл, и в следующее мгновение справа показалась лошадь принца без всадника, а слева - его противник, по-прежнему сидящий в седле. В следующую секунду обоих коней вновь скрыли от наблюдателей скакавшие вокруг кавалеристы.

В войске королевы у многих разом вырвались радостные крики. Локхарт выдохнул, поняв, что перед этим не дышал, но не решался поверить, что все кончено - и, взглянув на Элинор, понял, что она тоже еще не уверена в успехе. В самом деле, сообразил он, даже если Арвик выбит из седла, это еще не значит, что он мертв - хотя, конечно, падение на такой скорости, еще и с перспективой угодить под копыта скачущим следом... Но если Арвик повержен, почему его рыцари продолжают скакать на юг, не снижая темпа, а кавалеристы в красно-синих сюрко, доселе мчавшиеся им навстречу, напротив, брызнули в разные стороны, спеша убраться с их дороги?

Еще, наверное, с четверть минуты все, кто не рубился в этот момент с пехотой противника, напряженно вглядывались в скачущую мимо конницу (над головами рыцарей по-прежнему реяло знамя Арвика, но это еще ничего не значило), пока позади промчавшихся кавалеристов не остался конь Скоуприджа - без седока. Хотя даже это еще не доказывало, что дела у Арвика обстоят лучше. Но затем, разрешая все сомнения, вражеская кавалерия начала разворот на склоне холма, словно велосипедист, использующий наклон трека, чтобы изменить направление, не теряя энергии - и устремилась в тыл королевской армии. Уже не клином, а широкими шеренгами - и в середине первой из них скакал Арвик.

В тот миг, когда Скоупридж занес меч для удара, Арвик резко откинулся назад, падая спиной на круп коня. Одновременно он перебросил правую руку с мечом максимально влево, упирая предплечье в бронированный живот под выступающим нагрудником, а кисть выворачивая так, чтобы направить меч под углом вперед-влево, и фиксируя ребро меча ниже рукояти (где оно было специально затуплено для удобства хвата второй рукой) краем щита. В свое время принц потратил немало времени с Габриусом, отрабатывая этот сложный прием встречного боя, требовавший идеальной координации одновременных быстрых и резких движений корпусом и двумя руками с целью не только уклониться от горизонтального удара скачущего навстречу противника, но и фактически вслепую, на одной кинестетике, нацелить меч ему в живот, используя край щита в качестве направляющей. Далее скачущий навстречу попросту сам насаживает себя на этот клинок. И часы тренировок не прошли даром - в то время как меч врага безопасно просвистел над Арвиком, его собственный скользнул по стальному набедреннику противника, словно сам находя дорогу к цели, и вонзился точно под нижний край кирасы, туда, где она сочленялась с латной юбкой.

Скорость столкновения и, соответственно, сила удара была такова, что меч Арвика резко развернуло в ране, вспарывая плоть и отрывая латную юбку от кирасы по периметру крепления, прежде чем вырвало уже практически со стороны спины; Арвик едва не вывихнул кисть и сумел удержать оружие лишь благодаря тому, что гарда уперлась в край щита. Он снова выпрямился в седле; недостаточный обзор в шлеме не давал ему возможности оглянуться и посмотреть на противника, но ему вполне хватило взгляда на собственный клинок, перепачканный кровью и фекалиями. "Я таки выпустил ему кишки!" - удовлетворенно подумал принц.

В следующий миг он, наконец, осознал то, на что, зацикленный на мести Филиппу, не обратил внимания сразу - всадники, брызнувшие врассыпную от его конницы, ни числом, ни поведением не походили на грозную кавалерию Райнбальдов, а когда он заметил поспешно выбрасываемые ими "копья", оказавшиеся простыми жердями, то понял все окончательно. Все это обман! Жалкая попытка его сестрички выдать желаемое за действительное! Убитый им "Филипп", видимо, тоже никакой не Филипп, и значит, настоящий его все-таки не предал... но все равно, надо держать ухо востро с этой предательской семейкой. А кто там скачет с запада - может, точно такие же клоуны? Плевать - они в любом случае не успеют! Теперь уже точно никто не помешает ему покончить с узурпаторшей! Он выкрикнул команду, разворачивая свою конницу.

Когда Роберт Скоупридж помчался навстречу Арвику, он поставил на кон нечто большее, чем собственную жизнь. Если бы его самоотверженная попытка удалась, он бы в одну минуту закончил войну абсолютной победой королевы. Но, проиграв, он не оставил Элинор времени на эвакуацию - которое было бы, если бы конница Арвика обнаружила обман, лишь доскакав до гребня холма. К тому же, пока Элинор и ее приближенные, не отрываясь, следили за этим судьбоносным поединком, Хоббинтротт не терял времени даром. Еще с того момента, как Арвик сигналом рога призвал свою кавалерию, командующий его пехотой начал передислоцировать своих солдат таким образом, чтобы по возможности перекрыть Элинор дорогу на запад - в то же время, поскольку сил (а теперь уже и времени) для полного окружения королевской армии у него было недостаточно, он вынужден был снимать для этого бойцов с севера (что ничуть его не беспокоило, согласно плану о засадном полку в лесу.) Лучники, расстрелявшие свой боезапас, но все еще способные к рукопашной, получив команду, уже тоже бегом вытягивалась цепью на север все с той же целью - встать на пути у возможного бегства Элинор. Дорвит, видя, что путь на запад уже перекрыт - не то чтобы у конников Элинор вовсе не было шансов прорваться сквозь пехоту, но на это уже просто не было времени - и понимая, что пути на юг, в Торринворт, тем более нет - конница Арвика успела бы перехватить королеву - крикнул, уже не тратят времени на титулы: "Скачите на север, скорее! Солдаты, дорогу королеве!"

Но солдаты, еще минуту назад в плотном строю отражавшие натиск с севера, не могли расступиться столь же быстро, как приближалась вражеская конница. Локхарт стискивал рукоять меча, уже практически готовый в отчаянии рубить собственных солдат, чтобы расчистить путь к спасению для Элинор. Позади тем временем сомкнулась шеренга копейщиков - увы, далеко не столь многочисленная, как следовало бы, это был последний резерв с целыми копьями, еще сохраненный Дорвитом - упирая свое оружие пятками в землю, остриями навстречу быстро скачущим врагам. Но и рыцари на скаку опускали длинные острые жала копий, целя в грудь пехотинцам. Однако первый удар нанесли даже не они - у двух сотен легких кавалеристов Арвика были луки, и их рыцари, скакавшие с юго-востока, пропустили впереди себя. Эти сотни проскакали дальше на запад (окончательно перерезая путь к Торринворту - впрочем, туда уже никто и не стремился) и теперь заходили с юга, дабы максимально использовать южный ветер. Они обрушили град из сотен стрел на и без того тонкую шеренгу копейщиков почти в упор, произведя неизбежные бреши в оборонительном строю, а затем столь же стремительно откатились назад, давая дорогу рыцарям, и продолжили стрелять навесом через их головы.

Арвик благоразумно придержал коня, позволяя своим рыцарям, вооруженным копьями,

первыми врезаться в уже частично расстроенные обстрелом ряды противника. Трещали ломающиеся копья, ржали и бились в агонии лошади с пропоротыми внутренностями, люди, пронзенные насквозь или просто сбитые с ног, валились на траву под тяжелые копыта рыцарских коней, топтавших в мясо мертвых и еще живых. Сразу были убиты лишь четверо рыцарей и еще около трех дюжин лошадей (но почти все их всадники сумели быстро подняться на ноги и продолжить бой, в полных латах против в основном легковооруженного противника), однако остальные, сломав о врага свои копья, продолжали рубить пехоту с коней длинными мечами и боевыми топорами. Эффективно противостоять им могли только алебардщики, но их - тех, что отдыхали в тылу, пока их товарищи сдерживали натиск вражеской пехоты, и теперь оказались на пути врага - было уже слишком мало. Самой разумной тактикой для пехоты в такой ситуации было поражать в первую очередь лошадей, но, во-первых, хотя лишь немногие кони, принадлежавшие самым богатым рыцарям, имели собственные нагрудники, даже и это без длинного древкового оружия было не так просто. Столкнувшись с сопротивлением, которое не удавалось преодолеть сразу, всадники не застревали на месте, что сделало бы их и особенно их коней уязвимыми, а быстро отъезжали назад и вновь атаковали на скорости. Кроме того, они старались все время действовать в строю, шеренгой или клином при общей атаке или небольшими группами при маневрах, прикрывая друг друга. А во-вторых, даже и спешенные рыцари в полных латах оставались грозной силой.

Пехотинцы Арвика, в свою очередь, видя атаку своей конницы, с новой силой обрушились на противника, сминая и опрокидывая западный фланг королевского войска. Строй, атакуемый с двух сторон (и при этом еще обстреливаемый через головы атакующих), распадался на глазах; большинство пехотинцев помышляли уже не об удержании позиции, а лишь о том, как оказаться подальше от противника, особенно от тяжелой кавалерии, рвавшейся к королеве. Им нужно было продержаться еще двадцать минут до подхода конницы Лоренберга (меньше, если бы тот сообразил скакать напрямую, а не вдоль леса с целью атаковать со стороны такового) - но и такой срок кажется вечностью, когда на тебя, словно сказочные чудовища, надвигаются закованные в броню, практически неуязвимые для твоего оружия рыцари на огромных, нередко выше человеческого роста в холке, конях, рубя всех на своем пути. А кому-то мысль о близкой помощи, о которой кричали им офицеры, и вовсе служила прямо противоположным стимулом - не сражаться с отчаянием обреченных, а любой ценой сохранить свою жизнь, раз спасение уже близко.

Тем временем солдаты только что бывших передними - северных - рядов, понукаемые криками, торопливо толкаясь, расступались перед Элинор и ее эскортом, однако дорога и в этом направлении не была свободной - хотя большинство их противников только что отхлынули на запад, несколько десятков тут же побежали в образующийся коридор. Похоже, они действовали даже не по приказу, а по собственной инициативе, в надежде на назначенную за Элинор награду (успевшую, по распространившемуся среди пехоты принца слуху, возрасти уже до двух тысяч золотых, хотя сам Арвик по-прежнему ничего официально не подтверждал). Охранники королевы, пусть даже в основном это была легкая кавалерия, пока еще имели достаточно сил, чтобы прорубиться сквозь них (Локхарт накинулся на этих пехотинцев в числе первых), но вражеская конница продвигалась вперед быстрее.

- Гвардия, все за мной!!! - заорал во все могучее горло Айбенхорст, с двуручным мечом в руках бросаясь навстречу рыцарям, уже почти не встречавшим организованного сопротивления; за спинами своих зольтенских союзников маячил с окровавленным клинком и сам Арвик. - За флаг и королеву!!!

Гвардейцы, многие из которых в этот миг все еще сражались с вражеской пехотой или пытались навести порядок среди собственной, бросили все и устремились к своему командиру. Айбенхорст, не оглядываясь - ибо не сомневался, что его люди последуют за ним - снес голову солдату собственной армии, в панике бежавшему ему навстречу и едва не сбившему его с ног, и

тут же атаковал рыцаря, ставшего причиной этого бегства. Командующий гвардией резко присел, пропуская просвистевшую над головой булаву и одновременно подсекая двуручником обе передние ноги рыцарскому коню. "Прикройте, парни!" - крикнул он, все так же оборачиваясь, предоставляя своим людям позаботиться о свалившемся рыцаре (сразу двое гвардейцев действительно прикончили его, не дав подняться), а сам, не тратя времени, побежал дальше, прорываясь к Арвику. Следующий всадник обрушил на него удар боевого топора на длинной ручке - точнее, попытался обрушить, но Айбенхорст встречным движением перерубил эту ручку мечом, а затем просто схватил рыцаря за руку, все еще бессмысленно сжимавшую обломок, и сдернул его с коня на землю. Снова не тратя времени на добивание разоруженного (который, впрочем, не имея возможности даже смягчить падение рукой, приземлился так неудачно, что свернул себе шею), Айбенхорст отбил удар следующего всадника и тут же рубанул его по ноге с такой силой, что рассек не только стальной набедренник, но и бедро под ним почти на всю глубину; отрубленная конечность повисла на куске металла, кожи и мяса, все еще бессмысленно питаемая кровью из бедренной артерии, до которой меч не достал. Раненый был все еще жив и в сознании - шок, похоже, даже не дал ему понять, что именно произошло - и даже пытался продолжать бой, но Айбенхорст просто проскочил мимо, не тратят времени и на него тоже, ибо понимал, что тот, даже если и не вырубится от потери крови в ближайшие секунды, все равно не сможет управлять конем одной ногой. И вот теперь перед Айбенхорстом оказался Арвик собственной персоной - но прежде, чем командир гвардии успел занести меч для удара, сбоку на него налетел еще один всадник - здоровенный амбал в латах, но вооруженный совсем не типичной для рыцаря абордажной саблей. Айбенхорст рухнул на землю, вновь позволив вражескому оружию просвистеть над собой (сабля был достаточно тяжелой, чтобы прорубить любой доспех, особенно в руках такого здоровяка, но вот длины для боя с коня ей явно не доставало), перекатился на спину и ударом снизу вверх под углом распорол брюхо вражескому коню. Тот не рухнул сразу, а, обезумев от боли, помчался, нелепо взбрыкивая, прочь вместе со своим всадником, роняя на траву куски внутренностей из ужасной раны.

Айбенхорст перекатился еще раз и вскочил на ноги уже лицом к лицу с Арвиком - что, похоже, стало неожиданностью для последнего, полагавшего, что его телохранитель зарубил противника. Впрочем, хотя Арвик и подал коня назад, Айбенхорст не обольщался его растерянностью, понимая, что перед ним умелый и опасный противник. Первым делом следовало уравнять шансы, и Айбенхорст, прыгнув вперед, вонзил свой меч в незащищенный нагрудником бок неприятельского коня. Арвик попытался отбить этот удар, но не успел - его меч лишь лязгнул по ребру уже вонзающегося клинка. Конь с коротким ржанием повалился набок, но принц успел спрыгнуть на землю. На краткий миг, пока он балансировал после поспешного прыжка с мечом в одной руке и щитом в другой, стараясь сохранить равновесие, он представлял собой беспомощную цель, но Айбенхорст, выдергивавший свой меч, не успел ударить. В следующее мгновение принц уже был готов к бою и бросился в атаку, надеясь, в свою очередь, достать врага прямым колющим ударом под низ кирасы прежде, чем тот примет боевую стойку. Но Айбенхорст повернулся, позволив клинку безвредно скользнуть по броне, и тут же, освободив, наконец, собственный меч, рубанул сам. Арвик успел отскочить, но не успел отдернуть меч - и мощный и резкий удар по клинку чуть ниже гарды выбил оружие из его руки.

Принц отпрыгнул назад, прикрываясь щитом. "Убейте же его!" - закричал он. Но весь бой не длился и десяти секунд, и никто из его рыцарей, ближайшим из которых уже мешали другие гвардейцы, не успевал ему на помощь. Кто-то лишь крикнул: "Меч! Меч королю!" Айбенхорст бросился в атаку. Арвик отскочил еще раз, все еще морально не готовый к тому, чтобы повернуться к врагу спиной и броситься бежать у всех на глазах (хотя в его положении это было единственно разумным решением) - и тут удар копыта бьющегося в агонии коня сбил его с ног, и принц рухнул набок в траву.

Айбенхорст мгновенно оказался рядом, занося меч. Все, что успел сделать Арвик - это

перевернуться на спину, закрываясь щитом. В то же мгновение Айбенхорст почувствовал движение у себя за спиной - и даже услышал свист рассекаемого чужим клинком воздуха. Но у него уже не было времени ни отбиваться, ни уворачиваться. Он знал, что у него, вероятно, последний шанс нанести удар, который решит судьбу Айринтии. Он вложил в этот удар все - и это действительно стало самым сильным ударом за всю его богатую военную биографию. Тяжелый двуручник обрушился на щит, раскалывая его пополам, перерубил, словно сухую ветку, державшую щит руку чуть выше края латной перчатки, и...

В этот же самый момент - в ту же ничтожную долю секунды - широкая и тяжелая абордажная сабля, направляемая не менее сильной рукой, разрубила шлем Айбенхорста, а затем проломила теменную и затылочную кости, развалив череп надвое.

Тело мертвеца начало падать от этого удара, но руки все еще сжимали рукоять двуручника, который лишь слегка изменил траекторию, так что его конец обрушился не на шею, как планировал Айбенхорст, а на шлем Арвика, пробил крепкое забрало и закончил свой путь внутри шлема.

Локхарт не обращал внимания на крики, доносившиеся сзади, и даже на стрелы, уже долетавшие с юга (одна из них клюнула его в спину, но отскочила от кирасы, не причинив вреда). Его задачей было как можно скорее расчистить путь для Элинор, и он не мог отвлечься ни на секунду. Вражеские пехотинцы бросались навстречу конному эскорту королевы с удивительным упорством - похоже, обещание более чем щедрой награды заставило их забыть о самосохранении. И, надо сказать, им действительно удалось свалить с коней нескольких охранников Элинор - но остальные, включая Локхарта, яростно работая мечами и топча конями упавших, все же сумели пробиться через эту человеческую массу и вырваться на простор. Локхарт быстро обернулся, проверяя, скачет ли Элинор следом (она отставала от него всего на два корпуса), пропустил ее вперед, прикрывая с тыла, и поскакал вслед за ней.

Они обогнули с востока вал и ров, от которых армия успела уже отступить более чем на полмили к югу (Локхарт несколько раз оглядывался через правое плечо, но погони не было - бой позади, кажется, превратился уже в полный хаос, где конница перемешалась с пехотой и солдаты обеих армий - друг с другом) и поскакали на север к лесу; именно вдоль леса шла дорога, по которой приближалась конница Лоренберга. Когда полковник обернулся снова, вал уже скрыл от него картину сражения. Над гребнем видны были только беспорядочно двигавшиеся фигуры всадников - одни, похоже, преследовали разбегавшихся, другие, напротив, пытались собраться в центре вокруг качавшегося знамени Арвика. Королевского знамени, которое после бегства королевы должно было оставаться у Дорвита, видно не было.

Отстрелявшиеся лучники Арвика, вытянувшиеся цепью с юга на север, уже не имели ни возможности, ни желания помешать скачущей на север кавалькаде, которая пронеслась параллельно им галопом, а затем перешла на размашистую рысь - так что Локхарт уверился в безопасности Элинор и все чаще оборачивался назад, надеясь увидеть, как поднимется королевское знамя или упадет знамя Арвика - но так и не дождался ни того, ни другого, пока не оказался на расстоянии, с которого уже трудно было бы отличить эти похожие знамена. Ни Локхарт и никто в кавалькаде королевы не знал, какова судьба Айбенхорста, Дорвита и других высших офицеров - из всех них за Элинор скакал только старый Швертлинг, которому королева прямо это приказала. Все остальные остались отражать одновременный натиск пехоты и кавалерии, понимая, что если они ускачут прочь, бросив свою пехоту, то и та кинется разбегаться, преследуемая беспрепятственно рубящими ее всадниками, и тогда даже скорое прибытие конницы Лоренберга не спасет от полного разгрома или, как минимум, от огромных потерь. Но удалось ли предотвратить такой сценарий - или попытка сделать это привела лишь к тому, что вместе с рядовыми пехотинцами будут потеряны и командующие? То, что Локхарт видел, когда оглядывался, скача прочь, заставляло заподозрить последнее. Полковник мрачно подумал, что, хотя Элинор велела Швертлингу скакать за ней не ради его стратегических

талантов, а просто понимая, что генерал слишком стар для рукопашной с молодыми рыцарями, в результате его желание возглавить королевскую армию еще может сбыться - просто потому, что больше это сделать будет некому. Хотя, конечно, есть еще тот же Лоренберг - впрочем, еще вопрос, почему он так задержался...

- Черт, это еще что?!

Возглас одного из охранников королевы заставил Локхарта отвлечься от того, что происходило позади, и посмотреть вперед. Из леса, до которого они уже почти доскакали, быстро выезжали новые всадники - прямо перед ними, слева и справа, перекрывая им путь и окружая их. И их было больше, чем всей конницы Арвика, доселе участвовавшей в бою.

- Это люди Дармонта, - спокойно ответила Элинор, тем не менее, натягивая поводья.

- Он не говорил, что командует кавалеристами! - воскликнул Локхарт, быстро оглядываясь по сторонам в поисках самого капитана. Доселе все, рассказанное Дармонтом ночью, оказывалось правдой, но вот этот сюрприз приятным не выглядел. - Да и откуда они взялись, если во всей северной армии...

- Это не кавалерия, - перебил скрипучим голосом Швертлинг. - Это пехота, посаженная на коней для скорости. Они не будут драться конными.

- Они вообще не будут драться, - твердо произнесла Элинор, хотя намерения быстро окруживших их солдат совсем не выглядели дружественными. Их было уже не меньше тысячи - против неполных четырнадцати десятков людей королевы - и из леса появлялись все новые, эти уже, правда, в подтверждение слов Швертлинга выбегали на своих двоих, но с обнаженными мечами.

- Здравствуйте, солдаты! - громко и властно провозгласила Элинор. - Где ваш командир Дармонт? - она специально не стала называть его ни капитаном, ни майором. - Вы прибыли как раз вовремя, чтобы проводить меня к моим рыцарям.

Но на сей раз тактика, примененная при первой встрече с людьми Вульфеншванца, не сработала.

- Вы это ищете? - усмехнулся один из всадников и с силой, словно шар в кегельбане, швырнул на землю некий круглый предмет, подкатившийся почти под ноги королевскому коню. Даже те, кому ноги лошадей загораживали обзор, прекрасно поняли, *что* это такое.

- Бросайте оружие и слезайте с коней! - потребовал все тот же всадник, видимо, назначенный командовать после казни Дармонта. - Нам нужна только Элинор. Остальных не тронем.

- Оглянитесь, глупцы! - Швертлинг указал мечом на запад. Кавалеристы, скакавшие оттуда, были уже менее чем в миле. Правда, они не знали и не могли знать, что королева находится здесь, и уже начали было сворачивать с дороги к югу, срезая путь к месту основного боя - но теперь - очевидно, увидев неожиданно большое количество всадников, выехавших из леса - вновь поворачивали, чтобы разобраться с ними.

- Это наши, - презрительно ответил вражеский командир тоном столь уверенным, что он не походил на блеф.

У Локхарта мелькнула жуткая мысль - что, если он прав? Несмотря на все рассуждения Элинор, что Лоренберг не мог предать, в этом мире, как там говорил Ференц - предательства надо ждать всегда, да и де Сегюр высказывался в том же духе насчет того, как выигрываются гражданские войны... и кто им вообще сказал, что это Лоренберг?! Пока они видят только некую скачущую с запада конницу, даже знамя еще плохо видно, хотя и оно может быть фальшивым, как они сами использовали фальшивое знамя Райнбальдов... Тогда кто это? Да кто угодно - может быть, вообще гроггендорцы, решившие больше не пускать ситуацию в Айринтии на самотек. Но Дармонт не предупредил их - а раз он поплатился жизнью, он действительно прошлой ночью был уже на их стороне. Однако Дармонта могли самого разыграть втемную, поскольку Арвик уже не доверял ему (потому-то его, очевидно, и выследили, когда он

возвращался из лагеря королевы). Может оказаться даже и так, что об этом гроггендорском подарке не знает сам Арвик - если, допустим, его решили поставить перед фактом, исключая возможность предварительной торговли - но знает вот этот тип, являющийся, допустим, имперским агентом в его войске...

Если так - надо прорываться не навстречу кавалеристам, а прочь от них, на восток или в лес, но в лесу могут быть еще враги, так что лучше сначала на восток, потом в лес. А если с запада скачут все-таки союзники - отлично, это выяснится позже, но сейчас главное - предотвратить наихудший сценарий и не оказаться между молотом и наковальней. Противник численно превосходит чуть ли не в пятнадцать раз, но - если наметанный глаз Швертлинга не обманул его и это действительно посаженные на коней пехотинцы, то именно сейчас они наименее готовы для боя. Они не умеют воевать верхом (а Локхарт уже хорошо знал на личном опыте, насколько это непростая наука - управлять конем в бою, когда заняты обе руки, да и небоевой конь, впервые оказавшийся в сражении, склонен пугаться и скакать прочь, особенно если чувствует неуверенность наездника), а спешиться они еще не успели.

Все эти мысли пронеслись в голове Локхарта в доли секунды, как всегда бывало в критических ситуациях, в которые он попадал в небе. "На восток!" - крикнул он, не задумываясь, кто здесь должен командовать - не то заместитель Скоуприджа (Локхарт даже не знал, кто это), не то Швертлинг как старший по званию, а может, и кто-то еще, но сейчас все это не имело значения, надо было действовать, особенно пока никто не задумался всерьез над предложением врага спастись, предав Элинор. "Защищайте королеву!" - он налетел на ближайшего неприятельского всадника, оказавшегося на пути, и рубанул его, словно это было учебное чучело. Парень и в самом деле, похоже, не имел понятия о приемах конного боя. Локхарт зарубил одного за другим троих ("спасибо тебе, Габриус, что гонял меня до седьмого пота!") - и другие защитники королевы, кажется, не отставали - прежде чем большинство врагов догадалось попрыгать с коней вопреки интуитивному желанию оставаться в седле, когда тебя атакуют всадники. Однако, как только пехотинцы оказались в более привычном для себя положении, ситуация изменилась. Окружая противника со всех сторон и не давая пространства для маневра, они били мечами лошадей, а также и всадников по ногам, у легкой кавалерии практически лишенным защиты. Локхарту, одному из немногих, кто был облачен в полный латный доспех, пока что, однако, удавалось защитить и себя, и игреневого, и даже пробиваться вперед, хотя и не так быстро, как хотелось (до прибытия не то враждебной, не то дружественной кавалерии оставалось уже, видимо, не больше двух минут). Скосив глаза, Локхарт увидел, как Швертлинг, также облаченный в полные латы, яростно лягает в лицо выдернутой из стремени стальной ногой пытающегося стащить его с коня пехотинца, одновременно отмахиваясь мечом от другого, но ничем не мог помочь старику, вынужденный сражаться с собственными противниками. Локхарт ударил мечом в лицо одного из них (который в результате не умер, но отпрянул с воплем ужаса, бросив меч и зажимая пальцами кровоточащие глазницы), замахнулся на следующего, который предпочел отскочить сам - а затем понял, что враги расступились, открывая ему путь на свободу и, видимо, больше не желая с ним связываться. Его первым инстинктивным желанием было тут же пришпорить коня и послать его вперед, пока этот путь к безопасности вновь не закрылся - но он тут же сообразил, что дело неладно, и обернулся назад еще до того, как услышал короткий вскрик Элинор. В своих боевых успехах он слишком продвинулся, оторвавшись от своих - и, главное, от королевы, под которой в этот самый момент убили коня. Локхарт резко развернулся и налетел сзади на атаковавших ее солдат. Он рубанул сверху вниз одного (кажется, не до смерти - несмотря на все тренировки, мышцы его правой руки уже наливались ноющей тяжестью, и удар вышел не таким сильным и резким, как в начале боя), сбил конем с ног другого, оглушил, давая хотя бы краткий отдых руке, ударом солерета по шлему третьего - и оказался уже неподалеку от королевы. Элинор уже самостоятельно выбиралась из-под бока лошади - причем в руке у нее был меч, подобранный, видимо, у кого-то

из убитых, валявшихся вокруг. Локхарт вспомнил, как она говорила, что еще в бытность принцессой тайно брала кое-какие уроки у Габриуса. По ту сторону от упавшей лошади ее уже прикрыл кто-то из охранников, также уже спешенный, но с ближайшего к Локхарту бока к ней метнулся еще один вражеский солдат. Полковник, наклонившись в седле, успел достать его прямым колющим в спину; меч вошел аккурат между пластинами бригантины - и в тот же миг Элинор, схватившая меч двумя руками, также нанесла успешный колющий удар, пропоров доспех врага спереди. Мечи лязгнули друг о друга, встретившись в теле. "Как романтично, - усмехнулся про себя Локхарт. - Вдвоем убить одного и того же человека."

Но уже в следующий миг ему стало не до сарказма. Он ощутил, как игреневый резко вздрогнул всем телом - а затем начал оседать на задние ноги. "Черт, нет!!!" - метнулось в голове у Локхарта, но было уже слишком поздно. Пока он разбирался с врагом справа, он пропустил удар слева. Тот, кто его нанес, был тут же зарублен сзади еще одним уже спешенным кавалеристом королевы - но игреневого было уже не спасти. Локхарту оставалось лишь поспешно выдернуть ноги из стремян и соскочить на землю. Он тут же подбежал к Элинор, едва успев прикрыть ее сзади от пехотинца с чеканом, способным пробить латный доспех. Чекан пробил насквозь подставленный щит (но не задел руку под ним) и застрял в нем; при этом противник оказался слишком близко к полковнику, и тот, не имея достаточно простора для замаха мечом, попросту саданул со всей силы гардой, словно кастетом, в лицо врага, проломив правым концом гарды череп между глазами. Почти тут же из-за спины донесся короткий и хриплый мужской вскрик - похоже, Элинор тоже удалось, как минимум, ранить кого-то из нападавших.

- Спина к спине, сэр Эрик? - услышал он ее голос. Несмотря на частое дыхание, королева, похоже, превосходно владела собой.

- Не на одном месте, - быстро ответил он. - Мы должны выбираться отсюда.

Его первым побуждением было крикнуть "коня королеве!", но он тут же понял, что это привлечет внимание врагов, из которых пока что лишь ближайшие могли рассмотреть их в общей каше беспорядочного боя. К тому же, похоже, в этот момент неприятельских солдат отвлекло что-то еще - кажется, их атаковали какие-то всадники извне. Все-таки Лоренберг, уже доскакал? Нет, новые крики и лязг оружие доносились с юга, а не с запада.

- Туда! - указал мечом Локхарт, заметив неподалеку коня без седока. Вообще-то таких вокруг было немало - тех, на которых приехали уже спешившиеся или убитые пехотинцы - но эти лошади, как и думал недавно полковник, пугливо разбегались в разные стороны (усиливая беспорядок и мешая врагу), и поймать их было непросто, а главное - неизвестно было, насколько они годятся, чтобы уходить от погони, если такая необходимость все же возникнет. Но тот конь, которого заметил Локхарт, стоял среди шума, хаоса и кровопролития битвы спокойно, как и подобает боевому рыцарскому скакуну. Если Локхарт не ошибался, это был мышастый жеребец Швертлинга. Жаль старика, если так. Впрочем, к исходу этого дня придется, очевидно, пожалеть о многих, а пока надо спасать королеву!

Они вдвоем подбежали к коню, который послушно ждал.

- Садитесь! - крикнул Локхарт.

- А вы?

- Найду себе другого! - ответил он, понимая, что даже рыцарскому коню тяжело будет нести двух всадников в полных латах - пусть даже один из них и весил меньше, чем обычный воин. Особенно в случае, опять-таки, погони.

- Я вас не брошу!

- Им нужны вы, а не я!

- И не пробьюсь через них одна!

Это был аргумент, и Локхарт, бросив на землю уже расколотый щит, чтобы хотя бы так облегчить коню нагрузку, торопливо вскочил в седло (он уже и впрямь приноровился

запрыгивать туда, несмотря на вес доспехов), а затем протянул руку Элинор и буквально вдернул ее на круп позади себя. Она обхватила его левой рукой, не выпуская меча из правой.

К ним уже бежали новые враги, но Локхарт на миг вздернул коня на дыбы, заставив неприятельского пехотинца шарахнуться от тяжелых копыт, отбил выпад еще одного так, что тот потерял меч, и направил коня в образовавшийся просвет. Оказавшись в седле, полковник увидел, кто внезапно напал на солдат Арвика с юга - это были кавалеристы в красно-синих сюрко. У Локхарта на миг мелькнула мысль, что Филипп в конце концов все-таки решил принять сторону королевы, но он тут же сообразил, кто это на самом деле - те самые легкие кавалеристы, что изображали его рыцарей и поскакали в атаку за Скоуприджем, а потом рассеялись. Однако почти никто из них не погиб - коннице Арвика было не до них - и около тринадцати десятков из них не бежали с поля боя, а вновь собрались вместе, а затем поскакали на север вслед за кавалькадой королевы. Несмотря на их немногочисленность (против, на тот момент, семнадцати с лишним сотен противника), их неожиданный удар фактически в тыл врагам, все внимание которых было направлено внутрь, на окруженных людей Элинор, вызвал хаос и панику на южной стороне вражеского войска. Солдаты засадного полка, стоявшего в лесу почти в трех милях от места, где нашел свою смерть Скоупридж, так ничего и не знали о разыгранном и разоблаченном спектакле и приняли атаковавших их за настоящую кавалерию Райнбальда. В отличие от полководца, спокойно наблюдающего за ходом боя откуда-нибудь с холма или, в крайнем случае, с высоты своего седла, рядовому пехотинцу с высоты собственного роста в толпе ему подобных крайне трудно адекватно оценить численность и силу уже прорвавшейся и орудующей мечами вокруг вражеской конницы. К тому же совсем рядом уже слышался топот копыт и бряканье доспехов и сбруи кавалерии, прискакавшей с запада.

Бегущие уже не обращали внимания на королеву, думая лишь о спасении своей жизни; в течение нескольких секунд Локхарт и Элинор скакали прямо среди них (тех, что убегали на восток), словно звери враждебных видов, вместе спасающиеся от пожара - а затем, наконец, мышастый вырвался на простор, оставляя врагов позади. Но Локхарт все еще не чувствовал себя (и, главное, Элинор) в безопасности. Бежавшие следом пехотинцы, конечно, не могли их догнать, но он все еще не знал, на чьей стороне прибывшая с запада конница. Позади определенно все еще кипел бой, но, оборачиваясь через плечо во время поспешной скачки прочь, Локхарт уже не мог понять, кто там с кем дерется. Обрушились ли "западные" на пехоту Арвика, или, объединившись с ними, добивали бойцов королевы? Имея одного коня на двоих, стоило сперва как можно дальше оторваться от возможного противника, а потом уже разбираться.

Локхарт заметил краем глаза, как какой-то всадник настигает их справа, словно пытаясь отрезать путь обратно в поле и загнать в лес. Полковник рефлекторно пришпорил и без того скакавшего на пределе сил коня еще прежде, чем обернулся, и тут же услышал почти жалобный голос: "Ваше величество!"

Теперь уже он посмотрел на догонявшего. Это был молодой парень с красно-синим знаменем в руке - фальшивым, без герба. Тот, что исполнял роль знаменосца при лже-Филиппе. Он скакал за Скоуприджем навстречу врагам до самого конца, не отвернув вовремя, как другие, и в итоге чудом избежал смерти, проскакав насквозь через весь строй вражеской кавалерии. Несколько рыцарей замахивались на него мечом, но ни один не достал, а останавливаться или хотя бы снижать темп ради него они не стали, имея куда более важную цель - однако за эти несколько секунд бешеной скачки, когда столкновение на скорости под шестьдесят миль в час грозило гибелью даже и без всякого оружия, парень натерпелся такого страха, что до сих пор даже не отдавая себе в этом отчета, рефлекторно сжимал древко совершенно ненужного уже знамени, словно некий защитивший его оберег.

Вид этого трепещущего на ветру флага в сочетании с только что промелькнувшей ассоциацией с бегущими от пожара животными вернул Локхарта к его прежней идее.

- Вы можете разжечь огонь? - крикнул он юноше. Любой солдат имел при себе огниво, хотя, конечно, воспользоваться им на скаку было совсем не так просто

- Огонь? - удивленно переспросил знаменосец.

- Да, и поджечь это полотнище! С его помощью мы подожжем лес и оставим за собой огненную завесу!

- Ветер погонит огонь на север, а не на запад, - напомнила Элинор. - Если считать, что те, кто на западе, и в самом деле нам не друзья.

- Те, кто на севере, не друзья уж точно, - осклабился Локхарт. - Пусть гонит аж до самого замка Зольтенов! И если в лесу кто-то еще прячется...

Непосредственной погони за ними, кажется, пока не было, так что они снизили темп, дабы юноше было легче разжечь трут (знамя он при этом передал Локхарту). С третьей попытки у него это получилось, и вскоре запылал и угол полотнища. Локхарт въехал под сень деревьев (лес был смешанный - хвойные и лиственные вперемешку, с густым подростом, который замечательно горит и передает огонь наверх), волоча за собой опущенное горящее знамя по прошлогодней траве и сухим иголкам, поджигая тонкую бересту и смолистую кору сосен, пока последние ошметки пылающей ткани не оторвались от древка. После этого они еще несколько минут скакали по лесу на восток-северо-восток, оставив разгорающийся пожар позади.

- Хватит, сэр Эрик, - сказала, наконец, Элинор. - Думаю, мы оторвались уже ото всех, от кого стоило и не стоило.

Локхарт позволил коню перейти на шаг, зная, что тому вредно сразу же останавливаться, а сам спешился, освобождая жеребца от лишнего груза, и пошел рядом (Элинор перебралась в седло и взяла поводья). Бока скакуна ходили ходуном, и полковник почувствовал, что и сам вымотан до предела. Весь бой у опушки леса не занял и пяти минут, но по своему накалу отчаянная битва неполных ста сорока человек против двух тысяч окруживших их врагов стоила, наверное, целого часа позиционного сражения. Скольких людей он убил сегодня, прокладывая королеве путь сперва на север, потом на восток? Он не помнил даже приблизительно, но теперь, когда тело сожгло весь адреналин, он сомневался, что у него хватило бы сил даже просто снова поднять меч.

- Могу я предложить вам моего коня, сэр? - спросил юноша, жаждавший быть еще чем-нибудь полезным.

- Нет, - тут же ответил Локхарт. - Ваш конь вам еще пригодится. Вы должны отправиться на разведку и вернуться с докладом о ситуации на поле боя. Разумеется, в том случае, если вы сможете вернуться, не приведя за собой врагов ее величества.

- Да, - подхватила Элинор. - Принесите нам как можно более точные сведения. Кто привел кавалерию с запада, на чьей он стороне, жив ли ублюдок и наши командующие... впрочем, в первую очередь - кто находится тут рядом с нами. Если это союзники, немедленно возвращайтесь, с остальным разберемся уже позже. И, я думаю, вам лучше снять этот сюрко. Не обозначайте собственную принадлежность, пока не будете уверены, что имеете дело со своими.

- Да, ваше величество, - молодой человек сбросил красно-синий плащ на траву.

- Как ваше имя? - спросила Элинор.

- Родерик Бруммель, ваше величество.

- Бруммель? Майор Эрвин Бруммель случайно не был вашим...

- Моим отцом, мэм, - кивнул юноша.

Элинор посмотрела долгим взглядом на сына человека, которого когда-то сознательно обрекла на смерть.

- Уверена, ваш отец гордился бы вами, - сказала она наконец.

- За что, мэм? Я ведь так и не убил ни одного врага. И не смог защитить своего командира.

- Я видела, как вы скакали со знаменем навстречу многократно превосходящему

противнику, - возразила Элинор. - Пусть даже это было чужое и фальшивое знамя... Не считая Скоуприджа, вы были единственным, кто не отвернул. Но довольно, воспоминаниями и чествованиями будем заниматься после победы. А сейчас отправляйтесь и привезите нам точные сведения, *сэр* Родерик.

Юноша, понявший, что ему обещан давно вожделенный рыцарский титул, просиял лицом и ускакал. Элинор спешилась, воткнула свой меч в землю (за неимением ножен и портупеи) и привязала повод коня к дереву. Локхарт, лязгнув сочленениями доспехов, тяжело опустился на мягкий мох у его корней и оперся спиной о ствол. Он сделал это, пока королева еще оставалась на ногах, но сейчас никто из них не думал об этикете. Элинор уселась рядом под углом к нему, прислонившись к тому же стволу и сняла шлем вместе с подшлемником, позволив мокрым от пота волосам упасть на закованные в латы плечи.

Где-то на западе в это время разгорался пожар, а еще дальше, вероятно, все еще шел бой - или же победители добивали раненых - но сюда не доносилось ни звуков сражения, ни запаха гари, уносимого ветром на север. Пахло нагретой смолой и молодой травой. Негромко перекликались птицы в густой зелени листвы, просвеченной солнцем погожего летнего дня. Да еще конь изредка пофыркивал и периодически хлопал себя хвостом по ляжкам, отгоняя насекомых.

"Жалко игреневого", - подумал Локхарт, слыша эти звуки. Никогда раньше ему не доводилось жалеть вышедшее из строя или списанное транспортное средство - даже при том, что искусственный интеллект бортовых компьютеров пожалуй что и превосходил лошадиный. И лошади на отцовском ранчо не вызывали у него никаких эмоций - кроме разве что недовольства, когда приходилось за ними убирать. Ну, точнее, прокатиться на них иногда было интересно, но привязываться к ним было столь же глупо, как к велосипеду - притом, что велосипед был удобнее. Но игреневый был для него чем-то большим, чем велосипед или даже летательный аппарат. Он был боевым товарищем... "Я ведь даже не дал ему настоящего имени, просто игреневый, и все. А - чертовски жалко. Вот ведь, сегодня погибли тысячи людей, некоторых из которых я знал лично - а я жалею коня..."

По траве пробежала белка, поднялась на задние лапки, посмотрела на людей внимательными бусинками, но, видимо, решила, что они не представляют опасности, и принялась деловито жевать травинку, аккуратно придерживая ее деликатными, почти человеческими пальчиками.

- Хорошо здесь, - вздохнула Элинор, - но я не должна была позволять вам увезти себя так далеко. Я должна быть не тут, а со своей армией.

"Если таковая еще существует", - подумал Локхарт, но не сказал это вслух.

- Думаете, мы проиграли? - требовательно спросила королева, словно прочитав его мысли.

- Не знаю, - вздохнул Локхарт. - Все зависит от того, кто пришел с запада. И от того, жив ли Арвик, само собой. Но непохоже, что кому-то из наших удалось до него добраться. Иначе, очевидно, все бы уже кончилось.

- Может, оно и кончилось. Может, вся бойня на опушке была напрасной - просто ни мы, ни противники не знали, что Арвик уже мертв.

- Когда мы удирали на север, я видел его флаг и не видел нашего. Хотя, конечно, это еще не доказательство. Его знаменосец просто мог держать знамя так же упорно, как этот парнишка Бруммель, так?

- "Удирали", - горько повторила Элинор. - Думаете, это моя вина? Надо было слушать Дорвита и уходить в Торринворт сразу, как только он предложил, а не ждать Лоренберга?

- Если это пришел не Лоренберг, или Лоренберг, но не к нам, это бы все равно не спасло.

- Кстати, вы ведь снова спасли мне жизнь. В который уже раз?

- Смотря как считать, - буркнул Локхарт.

- А я вас даже не поблагодарила.

- Не стоит благодарности, - проворчал Локхарт. - В конце концов, спасая вас, я спасаю себя. Если победит Арвик, меня он точно не пощадит.

- Это ваш единственный мотив? - лукаво улыбнулась Элинор.

- Нет, - серьезно ответил полковник. - И вы это знаете.

- Знаю, - ответила она так же серьезно и положила свою руку на его. Их пальцы переплелись, насколько позволяли латные перчатки. - Мне бы тоже не хотелось жить без вас, - добавила она.

- Бросьте. Вы королева. Вам есть, что терять и о ком заботиться, помимо меня.

- Я помню о своем долге, - вздохнула Элинор. - Всегда о нем помню. Но можно же иногда и помечтать.

- Помечтать о чем? О нашей взаимной смерти?

- Нет, конечно. О нашей взаимной жизни. Хотя, знаете, - она вновь улыбнулась, - мне понравилось сражаться с вами спиной к спине.

- Вы молодец, - ответил он, опять-таки не думая о правилах этикета. - В моем мире девушки служили в армии наравне с мужчинами, но в вашу эпоху девушка с мечом - это, наверное, очень необычно...

- Для рубящих ударов у меня, конечно, сил маловато, - спокойно признала Элинор, - но метко бить прямым колющим в уязвимые места Габриус меня научил.

- И все-таки надеюсь, что нам больше не придется повторять подобный опыт, - резюмировал Локхарт. - Кстати, - добавил он уже деловым тоном, - лучше бы нам куда-нибудь перебазироваться. Юный Бруммель не похож на предателя, но все-таки кто знает, кого он может привести с собой. Лучше бы нам увидеть их раньше, чем им - нас.

- Коня мы все равно не спрячем, - возразила Элинор, - а если уйдем слишком далеко, не только Бруммель нас не увидит, но и мы его.

- Все равно, отойдем хотя бы немного - пусть не гарантия, но все лишние шансы, - Локхарт без всякого удовольствия поднялся, чувствуя, как ноет все тело, и повертел головой. - Вон там, по-моему, неплохой кустарник, где можно укрыться.

Они направились туда и обнаружили за зарослями кустарника даже лучшее укрытие - небольшую ложбинку, по дну которой струился ручей. Они завели туда коня и спустились сами, получив возможность наконец-то умыть холодной водой разгоряченные лица. Элинор даже, не церемонясь, напилась из ручья, на что Локхарт по цивилизованной привычке все же не решился (он понимал, что никаких специальных систем очистки теперь нет, и старался пить только кипяченую воду) - но даже одно только умывание помогло ему взбодриться. Над головами у них послышался треск и шорох - по веткам, перепрыгивая с дерева на дерево, пробежала еще одна белка. Затем, немного погодя, еще одна. Локхарт слушал эти лесные звуки, пребывая в расслабленно-элегическом настроении; не хотелось, как обычно, просчитывать заранее возможные худшие сценарии (что делать, если Бруммель вернется с худыми вестями или не вернется вовсе? куда направиться королеве, какой путь наименее опасен, где она сможет снова собрать верных ей людей?), а хотелось просто бездумно отдыхать, сидя рядом с Элинор под журчание ручья, чириканье птиц, шелест листьев и даже беготню непоседливых белок... Однако королева вернула его к реальности:

- А ведь они бегут от пожара. Чувствуете? Уже ощущается запах гари.

Локхарт пока еще ничего не чувствовал - его обоняние никогда не отличалось особой остротой - но поверил ей на слово. И почти тут же сверху донесся голос Бруммеля: "Ваше величество!"

Ну да, подумал Локхарт. Увольнительная заканчивается, пора возвращаться на войну.

Он быстро поднялся по склону ложбины и осторожно выглянул сквозь кусты. От увиденного его сердце забилось быстрее. Юноша был не один. За ним с некоторым отставанием

ехал целый отряд всадников в доспехах. Впрочем, Локхарт тут же подумал, что для имеющих дурные намерения они едут слишком открыто, и даже под собственным знаменем, цветов которого он не знал.

- Это Лоренберг, - сказала Элинор, бесшумно поднявшаяся по склону вслед за Локхартом.

- Вы уверены, что ему стоит довериться? - тихо спросил Локхарт, больше уже, впрочем, для проформы.

- Надо же кому-то доверять, иначе нам придется прятаться в лесу всю жизнь. А это - добавила королева с улыбкой - может показаться привлекательным на какой-то момент, но быстро бы вам наскучило, уверяю вас. Тем более что мы сами подожгли этот лес, - она выпрямилась и пошла к всадникам прямо сквозь колючие кусты, чьи шипы, конечно, лишь безвредно скользили по ее золоченым латам. Локхарту ничего не оставалось, как следовать за ней.

Всадники заметили их, развернулись в их сторону. Предводитель отряда почтительно спешился и даже снял шлем. Это был кряжистый рыцарь с черными кудрявыми волосами, липшими колечками на его мокрый лоб.

- Ваше величество, - поклонился он, - граф Лоренберг и вверенное мне войско к вашим услугам. По пути сюда у нас возникли непредвиденные столкновения с изменниками, но ныне ситуация полностью под контролем. Вспомогательные силы неприятеля полностью разгромлены, основные оставили поле боя и поспешно отходят на юг.

- Арвик жив? - Элинор даже не стала называть его ублюдком, во избежание путаницы с каким-нибудь еще бастардом.

- Пока неизвестно, мэм. Но судя по тому, что они отходят организованно, не пытаясь ни разбежаться, ни капитулировать...

- Мы должны догнать его, - перебила Элинор. - Немедленно.

- При всем уважении, ваше величество, - граф снова поклонился, - сейчас это невозможно. Откровенно говоря, мои лошади полностью выбились из сил - притом, что они и так не самые лучшие, как вам, полагаю, известно, мэм. Они нуждаются в длительном отдыхе.

- Тут вокруг сейчас бегает полно бесхозных коней. Плюс еще табун, который пригнал Скоупридж - хотя его уже, наверное, гонят обратно... Правда, это все не боевые кони...

- Вот именно, мэм. К тому же одной моей конницы, вероятно, не будет достаточно. Необходимо собрать и реорганизовать пехотинцев, многие из которых разбежались по всему полю, оценить соотношение...

- Вы что - не понимаете? - гневно перебила Элинор. - Он не "отходит на юг". Он идет на Дракенхайм! Со всем, что у него осталось. Даже если осталось немного - там сейчас нет вообще никого. Отсюда и до самой столицы нет ни одного гарнизона, способного его остановить. Я забрала всех ради этого боя.

Лоренберг несколько секунд озадаченно молчал. Ему была поставлена задача не дать Арвику уйти обратно в северный лес, и с этой точки зрения "отход противника на юг", выглядевший как бегство от боя, был успехом. И лишь теперь граф взглянул на ситуацию не с тактической, а со стратегической точки зрения.

- Мы нагоним его позже, мэм, - сказал он наконец. - До столицы отсюда путь неблизкий. А если он попытается занять какую-нибудь крепость по пути, то лишь сам загонит себя в ловушку.

Элинор немного подумала.

- Ладно, - сказала она наконец. - Мы решим это позже. Сначала необходимо подвести итоги боя.

Итоги оказались не слишком утешительны. Атака кавалерии Арвика, несмотря на ее относительную немногочисленность - полтысячи всадников, из которых лишь 130 тяжеловооруженных, против шести тысяч двухсот, на тот момент, королевских пехотинцев, из

которых, впрочем, больше половины были отстрелявшимися лучниками, а почти вся еще остававшаяся в строю тяжелая пехота была занята сдерживанием пехоты противника - окончательно переломила ситуацию, превратив контролируемое отступление королевской пехоты в быстрый и полный разгром. Айбенхорст и Дорвит были убиты, строй и управление потеряны, и началось беспорядочное бегство - самое глупое, что могут сделать пехотинцы на равнине, где всадники легко настигали и рубили бегущих (чего не допустила бы Элинор с ее приказом щадить прекративших сопротивление, но Арвик церемониться не собирался). Всего за полчаса были перебиты более двух тысяч человек, включая многих офицеров. Краут, впрочем, уцелел и сумел собрать вокруг себя наиболее боеспособных солдат, в первую очередь оставшихся гвардейцев и тяжелых пехотинцев - всего менее двух тысяч бойцов - занявших круговую оборону. Вражеская конница предпочла не связываться с ними, охотясь за легкой добычей, но и они были бы обречены, если бы не подошла кавалерия Лоренберга.

Главной причиной, по которой ее прибытие так задержалось, стал фактор, ранее неизвестный ни королеве, ни графу - а именно полуторатысячный отряд бугенхольмских наемников, атаковавший с севера крепость Валлентур с целью не только захватить ее, но и перерезать стратегическую дорогу вдоль Канала. ("Наших бугенхольмцев или гроггендорских?" - уточнил Локхарт, когда Лоренберг рассказывал об этих событиях. "По допросам тех, кого мы захватили, сформировался отряд на наших новых землях, - ответил граф, - но вполне возможно, что у него были кураторы с той стороны. И деньги тоже оттуда. А может, их дала графиня Зольтен. Во всяком случае, так, наверное, будут утверждать имперцы, если мы станем их расспрашивать." "Мне говорили, - Локхарт бросил взгляд на королеву, - что бугенхольмцы на новых землях в основном считают нас меньшим злом, чем империю." "Многие да, но есть и те, что хотят "воссоединения всех бугенхольмцев", хотя бы даже и под властью Гроггендора", - уточнила Элинор. "Да, ваше величество, - кивнул Лоренберг, - но самым меньшим злом наемники считают того, кто им платит.") Таким образом, когда Лоренберг подошел к Валлентуру, откуда рассчитывал забрать Второй Хампельтонский дивизион, то обнаружил, что гвардейцы осаждены в своей крепости на северном берегу, а противник контролирует мост и оба предмостных плацдарма. Причем на мосту бугенхольмцы выстроили своих арбалетчиков, практически повторив диспозицию, использованную королевскими лучниками в битве за Дракенхайм - с той разницей, что под мостом не было льда, и Канал представлял собой непреодолимое препятствие. Таким образом, перед Лоренбергом встала дилемма - или обойти противника и идти дальше на восток, не досчитавшись трех с половиной сотен очень нелишних гвардейцев (и оставляя их в осаде без помощи), или атаковать из невыгодной позиции, рискуя потерять в результате больше, чем вся численность Второго Хампельтонского. Граф выбрал третий вариант - ждать ночи и весьма вероятного при установившейся погоде тумана над Каналом. Туман действительно поднялся как на заказ, сделав арбалетчиков беспомощными, и план увенчался полным успехом - сперва конные лучники, бесшумно подъехав на конях с обмотанными тряпками копытами, осы́пали стрелами южный предмостный плацдарм (они тоже стреляли вслепую, но они-то хорошо знали, где находится противник), а затем спешившиеся рыцари пошли в атаку, рубя все на своем пути. В итоге до тысячи наемников - по крайней мере, такие цифры назвал сам граф - были убиты или утонули в Канале, остальные разбежались. Осада была снята, собственные потери Лоренберга составили лишь восемнадцать человек. Однако столь блестящая операция задержала кавалерию на полдня по сравнению с первоначальным планом (притом, что образовавшийся в результате задержки королевской пехоты лишний день граф уже успел потратить, щадя непривычных к нагрузкам тяжелой кавалерии коней), и весь следующий день граф гнал своих лошадей и людей почти без отдыха, пытаясь сократить это отставание.

Однако туман, который так помог ему, сыграл скверную шутку с Шестым дивизионом. Капитан Айзенбруст также хотел прибыть на место - в его случае в крепость Орландор - как

можно скорее, а кроме того, хотел, чтобы его дивизион как можно меньше попадался на глаза возможным симпатизантам противника, и потому тоже практиковал ночные переходы. В итоге ночью в тумане дивизион сбился с дороги и вышел к Каналу восточнее Орландора. Само по себе это еще не было проблемой, так как Айзенбруст понял, в какую сторону ошибся, и повернул на запад. Однако часовые на башнях Орландора, увидев кавалерийский отряд, внезапно появляющийся из тумана на востоке, со стороны лесов Зольтенов, приняли его за изменников, тем паче что и цвета знамени Шестого дивизиона - зеленый, желтый и черный - походили на бело-зелено-черные цвета Зольтенов, хотя и складывались в другой рисунок, но знамя безвольно свисало в сыром безветренном воздухе, и этих отличий, как и его треугольной гвардейской формы, часовые не рассмотрели. Айзенбруст же, в свою очередь, не мог предупредить о своем прибытии, не имея голубей; правда, он мог бы просто отправить впереди себя конного гонца, а самому с остальными своими людьми притормозить на полчаса, позволив гонцу прибыть первым - но он был уверен, что Первый Хампельтонский верен королеве (что тот не так давно доказал делом), и подобные предосторожности просто не пришли ему в голову.

В итоге "изменников" осыпали стрелами, когда они переправлялись по мосту. Большинство стрел, выпущенных с башен с большого расстояния, не причинили вреда, и лишь одна - благодаря не невозможной в таких условиях меткости, а исключительно капризу вероятности - воткнулась сквозь открытое забрало точно в глаз ехавшему впереди Айзенбрусту, убив его на месте.

Хартенбарт, заместитель Айзенбруста, немедленно увел гвардейцев из-под обстрела назад на южный берег, не пытаясь переправиться и вступить в переговоры. Ему и так было очевидно, что крепость в руках врага. При этом он, как и его уже покойный командир, не верил в измену Первого Хампельтонского. Значит, крепость либо захвачена превосходящими силами (что было бы непросто), либо - эта версия показалась Хартенбарту более вероятной - Шестой дивизион все-таки не успел на встречу с Лоренбергом, который уже прошел здесь и забрал с собой Первый Хампельтонский, оставив в крепости лишь горстку защитников - и вот их-то уже одолел разминувшийся с Лоренбергом неприятель. Проблема была в том, что никто в Шестом дивизионе не знал, когда Лоренберг прибыл в Бигенбаген (это сильно зависело от ветра и погоды на море), когда он выступил оттуда на восток и получил ли он вообще отправленное с конным гонцом послание Айзенбруста, в котором тот назначал встречу в Орландоре. Человеческие гонцы надежней голубей, но и они иногда опаздывают или вовсе не добираются до цели (как теперь было уже известно рассказчикам и слушателям этой истории, Лоренберг действительно прождал известий в Бигенбагене два дня). Подумав, Хартенбарт решил скакать со своим дивизионом на восток догонять Лоренберга, но на тот случай, если граф все-таки еще находится западнее, послать ему навстречу нескольких (для надежности) гвардейцев с известием, что Орландор захвачен противником, а Шестой дивизион скачет к королеве.

Это известие, понятно, совсем не обрадовало Лоренберга, но он, также абсолютно исключавший возможность измены Горденвуда (лично ненавидевшего Арвика!) и сомневавшийся, что в Орландоре у врагов получилось то, что не вышло в Валлентуре - взять крепость штурмом, а не просто обложить осадой - внимательно расспросил посланцев об обстоятельствах гибели Айзенбруста и сообразил, что могло иметь место трагическое недоразумение. Каковое благополучно разрешилось, когда объединенная под знаменем графа кавалерия - ясным днем и с правильной стороны - достигла Орландора, где к ней, соответственно, присоединился Первый Хампельтонский. А вот Шестой в результате ранним утром следующего дня, когда на Торринвортском поле только начиналась битва, налетел в одиночку на кавалерию Зольтенов, высланную для перехвата всего Хампельтонского полка.

Впрочем, у Хартенбарта хватило ума не угробить свой дивизион самоубийственной атакой в лоб на вчетверо превосходящего противника. После первого столкновения - стоившего его подчиненным четырех десятков жизней, но сыгравшего роль разведки боем - он развернулся

и поскакал со своими людьми прочь, обратно на запад. Он уже сообразил, что столь многочисленные силы неприятеля говорят о том, что боя с конницей Лоренберга еще не было. Зольтенцы, обрадованные столь легкой победой и столь малочисленным противником, рвались в погоню, но мудрый капитан Баррет, поставленный командовать всей легкой кавалерией Зольтенов в этом бою, рассудил, что это может быть ловушкой, и велел своим людям оставаться на месте и ждать подхода настоящих сил противника. Однако того, что эти силы окажутся вдвое многочисленней ожидаемых и будут включать тяжелую кавалерию, не предвидел даже он. Маневр Элинор с переброской конницы морем из дальнего южного порта, а не по дорогам северной половины страны, где действительно имелось слишком много любопытных глаз и болтливых ртов, вполне оправдал себя, даже несмотря на потерю двух кораблей.

В итоге Лоренберг, знавший, в свою очередь, все детали от Хартенбарта, наголову разбил Баррета. Даже страшные для рыцарей конные арбалетчики не смогли переломить ситуацию, подавленные превосходством лучников военной гвардии в числе и скорострельности. Впрочем, эта победа далась все же не бескровно - Лоренберг потерял почти триста семьдесят бойцов - численность целого дивизиона - включая три дюжины тяжеловооруженных рыцарей. Остатки кавалерии противника (во главе с самим Барретом) предпочли скрыться в зольтенских лесах, а не скакать на соединение с Арвиком, таща вражескую конницу на хвосте. В конце концов (о чем, понятно, не могли знать в королевском лагере), накануне графиня Алисса напутствовала Баррета словами: "Возвращайтесь живым!", а он привык весьма тщательно исполнять распоряжения своей госпожи.

И вот, наконец, измотанная долгой скачкой и боем конница Лоренберга достигла Торринвортского поля - но не приняла участия в битве с основным силами Арвика, ибо первым делом атаковала засадный полк, каковой вполне предсказуемо уничтожила практически подчистую (командира этого полка, после разоблачения и казни Дармонта назначенного Арвиком из младших офицеров за считаные часы до битвы, подвело элементарное незнание - он, как и Арвик в первый момент, счел скачущую с запада кавалерию возвращающимися с победой зольтенцами и, не имея хорошего обзора с опушки леса, пребывал в этом заблуждении практически до момента, когда "союзники" обрушились на его людей). Однако Лоренберг, у конницы которого действительно уже не было сил даже на финальный рывок, прибыл все-таки слишком поздно, чтобы спасти спутников королевы - из всей кавалькады уцелело лишь шестнадцать человек, не считая Элинор и Локхарта - зато считая Швертлинга, которого свалили с коня, но не добили, видимо, посчитав мертвым, хотя он не был даже ранен, а лишь потерял сознание, ударившись при падении. В то же время защищавшие королеву всадники дорого продали свои жизни, уничтожив почти вчетверо больше врагов - а после того, как в дело вступили их товарищи, прискакавшие с юга, а затем на "засадную" пехоту налетели рыцари Лоренберга, из первоначальных двух тысяч пехотинцев спастись бегством удалось лишь двум сотням с небольшим. В основном они убежали в лес на север, где позже большинство из них настиг разгоравшийся пожар.

Основное войско Арвика - пехота и конница - не стало, однако, дожидаться подхода кавалерии Лоренберга (хотя после разгрома королевской пехоты и могло дать ей достойный бой) и, прекратив гоняться за разбегающимися пехотинцами противника (а также не попытавшись занять фактически беззащитный Торринворт), быстро ушло на юг. Предположительно, это войско все еще насчитывало около семи с половиной тысяч пехоты (плюс-минус в зависимости от того, сколько разбежавшихся по ходу боя дезертировало, а сколько вернулось под свои знамена) и почти полтысячи конницы, понесшей лишь незначительные потери. Главным вопросом оставалось, однако - кто его ведет.

По крайней мере три выживших пехотинца королевы, из них один гвардеец, утверждали, что видели, как Айбенхорст сразил Арвика своим мечом прежде, чем сам был убит его телохранителем. Один даже клялся, что меч Айбенхорста отрубил ублюдку сперва руку, а потом

и голову. Потом поверженного окружили его люди, и что было дальше, никто из выживших сказать точно не мог. С поля боя его определенно унесли - но живого или мертвого? И если живого, то надолго ли?

Очевидный аргумент, высказанный Лоренбергом - что раз армия врага не распалась, значит, ее предводитель жив - был, на самом деле, не столь однозначен.

- Его вынесли из боя рыцари Зольтенов, - напомнила Элинор. (Разговор происходил в шатре, который Лоренберг поставил к северу от бывшего поля боя; примерно там, где стоял в начале сражения Арвик; помимо самого Лоренберга, королевы и Локхарта, присутствовал только Швертлинг, уже вполне оправившийся (во всяком случае, внешне) и еще больше, чем обычно, походивший на сердитого воробья. Зван был также Краут, принявший на себя командование всей оставшейся королевской пехотой, но он "со всем уважением" ответил, что занят неотложными делами - необходимо реорганизовать то, что осталось от войска, заново поделить на подразделения, назначить командиров - и заранее принимает любое решение, которое будет принято на совещании, хотя будет признателен, если позже барон Локхарт кратко доведет ему суть.) - Вассалы Алиссы, - продолжала королева. - И они же сейчас, очевидно, командуют его армией - поскольку других рыцарей у него нет, а пехота всегда подчиняется рыцарской кавалерии. Ну то есть, конечно, если командовать не может он сам.

- Вы хотите сказать - командуют от его имени, если он мертв? - удивился Локхарт.

- В истории бывали случаи, когда смерть полководца скрывали до тех пор, пока противник не капитулирует.

- Но какой им в этом смысл? Они же не могут посадить на трон мертвеца. И Алиссу тоже не могут. Он не был коронован, а в ней нет крови Йоргела.

- Теперь уже, может, и есть, - мрачно напомнила Элинор.

- Ах вот вы о чем, - сообразил полковник. Он бросил косой взгляд на Лоренберга, но тут же сообразил, что, раз о законном браке Арвика уже известно, то и возможность беременности его супруги больше не тайна.

- Если она уже носит в себе его наследника, она может считать себя регентшей, действующей в интересах будущего короля, - подтвердила Элинор. - Конечно, айринтийское общество вряд ли примет такие притязания прямо сейчас, без всяких доказательств. Поэтому можно распустить слух, что Арвик-де тяжело ранен - и захватывать власть от его имени. Что он даже не транспортабелен, по каковой причине невозможно доставить его на коронацию в собор. Ну а когда *доказательства*, наконец, станут наглядными - объявить о его смерти, несмотря на все усилия врачей.

- Какой-то фантастический сценарий, - скривился Локхарт. - Я допускаю, что можно выдавать мертвого за живого несколько дней. Но несколько месяцев?

- Я не говорю, что это легко реализовать. Но Алисса может на это рассчитывать.

- Особенно если ей обещали помощь из Гроггендора, - едко добавил Швертлинг.

- Но в таком случае, - осознал Локхарт, - нам надо не гнаться за ними на юг, а идти на север и брать Зольтенхолл! У нас ведь, как я понимаю, достаточно оснований, чтобы отправить Алиссу в тюрьму... или сразу на плаху?

- Более чем, - кивнула Элинор. - Даже если не удастся доказать ее роль в смерти Бургхельма и сговор с Гроггендором, участие ее людей в сегодняшнем бою - это безусловная измена первой степени[98].

"В моей стране беременные не подлежали казни, - подумалось Локхарту, - но, собственно, почему нет? Это тот же аборт. Эмбрион - не личность, у него мозгов меньше, чем у курицы."

---

[98]В оригинале high treason. В феодальной Англии за такое преступление предусматривалась (хотя и далеко не ко всем изменникам применялась) чрезвычайно жестокая казнь - повешение не до смерти с последующим потрошением заживо. В Айринтии, однако, столь изощренные казни не практикуют, дворянам просто рубят голову.

- При всем уважении к ее величеству, ее версия - это пока только предположение, - напомнил Лоренберг.

- Независимо от того, жив Арвик или нет, эту угрозу тоже необходимо устранить, - жестко возразила королева.

- Но боюсь, что сейчас у нас недостаточно сил, чтобы направлять их в две противоположные стороны одновременно, мэм, - отметил Лоренберг.

Да, это было очевидно. От всей королевской пехоты, включая личную гвардию, осталось меньше четырех тысяч трехсот человек - те, что оборонялись вместе с Краутом, и те, что разбежались в конце боя или ранее, но не были перебиты и не дезертировали, а снова собрались теперь под королевский флаг. Плюс неполные девятнадцать сотен кавалеристов (включая всех пришедших с Лоренбергом и оставшихся от легкой кавалерии Элинор), в том числе восемнадцать десятков рыцарей. Битва, в которой Элинор рассчитывала быстро покончить с Арвиком и сохранить как можно больше солдат обеих армий для будущего отпора Гроггендору (каковой план был вполне реализуем, если бы не предательство Филиппа и не вынужденная задержка Лоренберга), обернулась в итоге чудовищным уровнем потерь - почти 60% у королевы, а у принца так и вовсе две трети даже без учета зольтенцев (но при этом у него все равно оставалось большинство). Жестокая ирония битвы при Торринворте состояла в том, что обе стороны практически до конца были почти уверены в том, что "вот-вот" победят - армия Арвика владела инициативой, армия Элинор ждала конницу - и потому продолжали сражаться при уровне потерь, когда обыкновенно сопротивление уже прекращается. Впрочем, финальное побоище разразилось в ситуации, когда, напротив, шансов на победу не осталось ни у одной из сторон... Дополнительная ирония была еще и в том, что наибольшие потери понесли недавние дезертиры, изменившие присяге из страха перед возможной войной - и получившие в результате неизбежную.

Конечно, то, что осталось от королевского войска теперь - это были далеко не все силы, на которые Элинор могла положиться во всей Айринтии, но это было то, что имелось под рукой прямо сейчас. Согласно формальному правилу пересчета конницы в пехоту, условная сила королевской армии все еще была больше, чем у ушедшего на юг противника (14700 против 11600), но при таком достаточно близком соотношении слишком упрощенная формула "20:5:1" еще не гарантировала победы - особенно победы без очередного неприемлемого уровня потерь. И уж тем более не могло быть и речи о двух одновременных операциях в противоположных направлениях.

- Возможно, пожар нам поможет, - пробурчал, тем не менее, Локхарт.

Пожар действительно разгорался уже не на шутку. Шатер Лоренберга был поставлен почти в двух милях к югу от леса, и ветер по-прежнему дул с юга - и все-таки запах гари уже можно было почувствовать даже здесь. Как, конечно же, уже хорошо видны были расползающийся в стороны огонь и дым, поднимающийся над лесом. Пламя, поначалу стелившееся понизу, так, что от него легко можно было уйти пешком, теперь добралось до крон и переходило в верховую фазу, от которой, если ветер не переменится, непросто будет ускакать даже на лошади.

- Зольтенхолл со всех сторон окружен лесом, но непосредственно вокруг замка деревья все же вырублены, - поведал Швертлинг. - Не такие они все-таки дураки.

- Однако и войска у Алиссы, как я понимаю, фактически не осталось, - настаивал Локхарт. - Пехоту разбили мы, легкую кавалерию - граф, - полковник коротко поклонился Лоренбергу, - а рыцари ушли с Арвиком, живым или мертвым. Защищать замок некому.

- Разбили, но не уничтожили поголовно, сэр, - возразил Лоренберг. - Если там наберется хотя бы сто человек - а думаю, наберется больше - то этого уже достаточно, чтобы довольно долго оборонять хорошо укрепленный замок.

- Нам так или иначе придется этим заняться, - сказала королева, - но войско, идущее на

Дракенхайм, представляет угрозу сейчас, а живот Алиссы будет представлять таковую лишь через несколько месяцев.

- Вы правы, мэм, - кивнул Локхарт, - но, полагаю, сил для взятия Зольтенхолла у нас все же достаточно, а вот погоня за армией, которая больше нашей, чревата ситуацией "кто кого поймал".

- Мы прямо сейчас отправим голубя в Дракенхайм, - ответила королева. - Пусть рассылают гонцов и собирают подкрепление. Вызвать Эбенриха с юга...

- Ублюдок, или кто там на самом деле, тоже может получить подкрепление, - напомнил Швертлинг. - Того же Филиппа Райнбальда. Или даже Хагентрауба - хотя, конечно, его сын по-прежнему в Башне Слез. Но он может надеяться освободить сына прежде, чем с севера дойдет приказ...

- Если бы знать наверняка, жив он или нет... - пробормотала Элинор, имея в виду, очевидно, Арвика.

"И в который уже раз, - подумал Локхарт. - Арвик Шрёдингера, черт бы его побрал!"

- Если он узнает, что мы пошли брать Зольтенхолл, он ведь не повернет назад спасать жену? - уточнил он скорее для проформы.

- Нет, конечно, - ответила королева. - Если он возьмет Дракенхайм, из желающих дать ему наследника выстроится очередь.

- Однако он не сможет жениться заново, пока Алисса жива, - заметил Швертлинг. - А нам ведь необязательно казнить ее, если она окажется в наших руках.

- Но и его цель - не женитьба и не наследник, - напомнила Элинор. - Это только средства. Его цель - трон.

- А если вместо него командуют вассалы Алиссы? - развивал свою мысль Локхарт. - Разве они не обязаны вернуться защищать свою сеньору?

- В принципе, да, если они вовремя об этом узнают... - подтвердила королева.

- Вот и способ проверить, - заключил Локхарт.

- Если только она сама не отдала им другое распоряжение.

- Едва ли она додумалась предусмотреть такое, - проворчал Швертлинг. - Наверняка она ожидала или победы, когда возвращаться в Зольтенхолл нет смысла, или поражения, когда нет смысла пытаться идти на Дракенхайм. А получилась, в общем-то, ничья. Думаю, что ублюдок все-таки, как минимум, серьезно ранен, если его армия оставила поле боя, будучи в большинстве. Довольно нетипичная ситуация.

- Или боевой дух его пехоты упал настолько, что она просто не захотела воевать дальше, несмотря на все успехи конницы, - предположил Лоренберг. ("А может, как раз успехи своей конницы наполнили их страхом перед атакой вражеской", - подумал Локхарт.) - Все-таки они тоже понесли огромные потери. Обычно сторона, потерявшая больше половины армии, думает уже не о победе, а только о том, как унести ноги - даже если у противника та же проблема.

- В любом случае, - вернулся к теме Локхарт, - нам даже не обязательно идти штурмовать Зольтенхолл - нам достаточно пустить такой слух и посмотреть, как они отреагируют. Те, кто командует сейчас у противника.

- Да, - усмехнулась Элинор, - сделать вид, что мы идем на север, а самим пойти на юг, чтобы застать их врасплох, если они повернут, и не терять времени, если они этого не сделают. Возможен, кстати, и такой вариант, что он сам пойдет вперед, а вот рыцари Алиссы оставят его и повернут назад. Это было бы вообще идеально - разбить их по отдельности... Увы, все это красиво только в воображении. На практике не получится скрыть нашу армию от всех глаз, даже при ее нынешней численности.

- Зольтенхолл ведь всего в одном переходе отсюда? - уточнил Локхарт.

- Это если бы отсюда туда вела прямая дорога, - ответил Швертлинг, - По пересеченной местности для пехоты все же скорее два дня. Но теперь, если мы пойдем туда, нам придется

сперва дождаться конца пожара, - генерал метнул на него колючий взгляд.

- Таким образом, - подхватил Локхарт, нимало не смущенный этим взглядом, - у нас есть вполне убедительная причина оставаться на месте. Мы собираемся идти на Зольтенхолл, но пока ждем в Торринворте окончания пожара. Если эта информация достигнет наших противников, она не будет выглядеть ложной - а будет для них, напротив, прямым призывом повернуть, пока не поздно, если им сколь-нибудь важна участь Алиссы. Если же они продолжат путь на юг, мы потеряем не так уж много времени, учитывая, что сейчас у нас все равно недостаточно сил, чтобы гарантированно разбить их, просто догнав...

- А если они повернут и пойдут прямо на нас? - спросил Лоренберг. - Отсиживаться в Торринворте и ждать подкрепления, отдав врагу инициативу?

- Нет, тогда мы действительно пойдем брать замок. Где будет их приоритет, там будет и наш.

- Мы можем не успеть взять Зольтенхолл, если численно превосходящая армия будет идти за нами по пятам, отставая всего на день-два, - возразил Лоренберг. - А в лесу, даже сгоревшем, кавалерия уже не даст нам преимущества.

- Возможно, нам вовсе не придется брать его военными средствами, - ответил Локхарт. - Все, кто вернутся туда после сегодняшнего боя, вернутся с вестью о поражении. Истинного итога боя никто из них не знает. Так что мы можем убедить защитников сдаться, выдав нам Алиссу. В крайнем случае - предложить определенные гарантии на определенных условиях ей самой. Если она будет считать свое положение безвыходным, то согласится.

"Интересно, практикуют ли в этом мире прерывание беременности? - подумал он про себя и тут же сам себе ответил: - Наверняка да, даже если официально и нет."

- По-моему, это неплохой план, - согласилась королева. - Только как вовремя известить нашего врага? Думаю, что просто объявить приказ по армии о том, что мы идем брать Зольтенхолл, будет недостаточно. Конечно, скоро об этом будет знать весь Торринворт, но мы не знаем, найдется ли там кто-то, кто отправит известие на юг. Нам нужно самим послать конного гонца, которого они не заподозрят... Впрочем, у нас ведь есть перебежчики. Те, что перешли на нашу сторону и помогли разбить пехоту Алиссы. Надеюсь, не все они погибли и разбежались. Надо найти среди них кого-нибудь, у кого остались товарищи на той стороне, которые подтвердят, что он воевал за Арвика. Он даже может не скрывать своего перехода - мол, специально сделал вид, что переметнулся, дабы узнать наши планы. Потом он, конечно, должен будет остаться во вражеской армии в качестве нашего агента и при возможности отправлять донесения. За это ему будет обещана щедрая награда... возможно, и рыцарский титул в придачу.

- Поручите Крауту найти такого человека, мэм, - кивнул Швертлинг.

- Значит, так и поступим, - кивнула королева. - Кто-то хочет что-то добавить? Лорд Лоренберг, у вас есть возражения?

- План не хуже всякого другого, мэм. Несколько авантюрный, но... война - это всегда авантюра. День на отдых, реорганизацию и пополнение припасов нам нужен в любом случае. Почему бы не отдохнуть здесь и два-три дня. Надеюсь только, что ветер не погонит дым в нашу сторону... и что местные успеют убрать все эти трупы прежде, чем они начнут смердеть.

Огонь подошел к Зольтенхоллу в начале ночи. Словно бы багровый отсвет заката, два часа назад угасший на западе, теперь возвращался с юга, грозно и властно охватывая весь южный горизонт. Впрочем, горький и едкий запах дыма, несомого ветром, проник в замок задолго до того, как стал виден огонь. Графиня Алисса Зольтен, или принцесса Алисса Йоргелинг, стояла в маленькой комнате под самой кровлей самой высокой башни Зольтенхолла, круглой и тонкой, нервно стискивая сплетенные пальцы, и глядела в выходившее на юг небольшое стрельчатое окно, верхняя часть которого никогда не закрывалась, даже зимой. Была открыта она и сейчас, хотя было давно уже очевидно, что голубь не прилетит. Во-первых, уже

слишком поздно, а во-вторых, ни один голубь не полетит над огненным фронтом, через дым, поднимающийся вверх на мили. Так что через окно в башню проникал лишь все тот же едкий запах гари, но Алисса не знала, как его закрыть, однако и не уходила, продолжая с бессмысленным упорством смотреть на юг. Огонь приближался, уже отбрасывая тусклые отсветы на круглые стены комнаты, и запах становился все более нестерпимым. Алисса закашлялась.

На винтовой лестнице за ее спиной послышались тяжелые шаги, но сумрак комнаты, нарушаемый лишь отсветами пожара, не озарился новым светом - свечи или факела. Поднимавшийся знал замок настолько хорошо, что мог бы пройти его весь в абсолютной темноте или с закрытыми глазами.

- Моя леди?

Алисса обернулась. Позади нее стоял Баррет, различимый в основном как высокий широкоплечий силуэт - лишь в его глазах отражалось близящееся зарево.

- Они подожгли лес, - сказала она, словно это была новость.

- Да, - спокойно ответил он.

- Рубки к югу от замка не проводились со времен моего деда. Все заросло...

- Я неоднократно обращал внимание покойного лорда вашего отца на это обстоятельство. Но он считал, что опасность может грозить нам только с севера. Как будто бугенхольмцы не могли бы обойти замок вокруг.

Он мог бы добавить, что уже после смерти старого графа говорил на эту тему и с его дочерью, но деликатно промолчал.

- Я... собиралась нанять лесорубов, но все не доходили руки, - сказала она. На самом деле после вхождения бугенхольмских земель в Айринтию она вообще не считала, что Зольтенхоллу может грозить реальная опасность. Деревья вокруг замка вырубали только для того, чтобы они не послужили врагам укрытием и материалом для строительства осадных орудий. Естественные пожары в лесах северной Айринтии возникали исключительно редко - длительных засух здесь не бывало, а грозы сопровождались обильными дождями, которые гасили возгорания от молний. Алиссе же с детства нравился живописный вид на деревья из окон, она хотела жить в лесу, а не посреди голой вырубки, как ее предки, и потому отмахивалась от напоминаний Баррета, чьим делом было, вообще-то, командовать конными арбалетчиками, а не вести замковое хозяйство. Однако Баррет в очередной раз оказался прав.

- Как вы думаете, огонь перекинется на замок? - спросила она.

- Горячий воздух поднимает горящие листья, а ветер несет их в нашу сторону, - ответил капитан. - Каменные стены, конечно, не пострадают, но у этой башни, например, деревянная кровля. И тушить ее снизу нет никакой возможности - только ждать, пока выгорит сама. Но главная опасность пожара - не огонь, а дым.

- Да, - рассеянно произнесла Алисса, - теперь им провоняют все гобелены...

- Моя леди, нам сейчас надо думать не о гобеленах.

Она посмотрела на него снизу вверх расширенными от темноты и слезящимися не только от дыма глазами.

- Мы... окончательно проиграли, да? Этот пожар означает, что все кончено?

- Я рассказал вам все, что видел сам, так что знаю не больше вашего. Но лес определенно поджег не ваш супруг.

Она шагнула к нему, обняла его широкую фигуру и уткнулась лицом в грудь. Он погладил ее по волосам, как делал, когда она была еще девчонкой.

- Пока мы живы, ничего не кончено, - сказал он.

С минуту она беззвучно плакала у него на груди, а он гладил ее волосы. Наконец он мягко взял ее за плечи и произнес:

- Вам не стоит здесь задерживаться, моя леди.

- Да, - она говорила уже практически своим обычным холодным деловым голосом. - Этот проклятый дым уже выел мне все глаза. Идемте вниз.

- Я имею в виду не только эту башню. Вам следует покинуть замок.

- Покинуть замок? - она даже отступила на шаг, возмущенная этой идеей. - Мне кажется, среди каменных стен мы все же в большей безопасности, чем в горящем лесу. Казематы внизу запираются так плотно, что не проникнет никакой дым.

- Пожар - это только прелюдия. Следом придут те, кто его устроил. А у нас недостаточно сил, чтобы оборонять замок.

- Мне всегда говорили, что он почти неприступен, - невесело усмехнулась Алисса. - Даже если прогорят кровли...

- Не против всей королевской армии. Не знаю, сколько сил у них осталось сейчас, но им некуда торопиться - они подтянут сюда столько, сколько захотят. И потом, самое слабое звено любой обороны - человек. Чем меньше защитников, тем скорее среди них сыщется предатель.

- Неужели нельзя договориться с Элинор? В конце концов, это все устроил мой муж. А я - просто слабая женщина.

- Не думаю, что это их убедит, - усмехнулся Баррет.

- Но вы предлагаете бежать прямо сейчас? В лес среди ночи? Даже не увидев врага, даже не зная, действительно ли он направляется сюда?

- Когда увидим и узнаем, может быть уже поздно. Если мы не уйдем прямо сейчас, огонь отрежет нам путь, а потом уже... У нас не больше часа, чтобы добраться до реки.

- Да, - кивнула Алисса. - Вы, как обычно, правы, а я опять вела себя, как капризная маленькая девочка, - так она позволяла себе вести себя только с ним - ну и еще с отцом, когда тот был жив. - Дайте мне десять минут, я только велю служанке собрать вещи. Сколько человек мы возьмем с собой?

- Никого. Включая вашу служанку. Велите ей отвечать всем, что госпожа нездорова - что в вашем нынешнем состоянии, в общем, неудивительно. Никто не должен знать, что вы покинули замок. Пусть обороняют его всерьез, и осаждают тоже. Когда возьмут - мы будем уже далеко.

- Только вы и я? Ночью через горящий лес?

- Расценивайте это, как романтическое приключение, - снова усмехнулся капитан.

- Но куда потом? В Гроггендор? Думаете, им нужен наследник айринтийского престола? Они будут только рады, если Айринтия останется без такового.

- Это мы обсудим потом. Для начала нам надо оказаться на северном берегу реки. Все, моя леди, время дорого!

Необходимость покинуть замок тайно означала, что уходить придется пешком, через тайный ход, ведший наружу прямо из подземелья. Все, что успела сделать Алисса - это сменить туфли на сафьяновые сапожки, более подходящие для прогулок по лесу, и упаковать кое-какие драгоценности и документы в непромокаемый цилиндрический футляр с ремешком, который повесила под платье на шею. О еде и прочих дорожных припасах Баррет позаботился заранее. Они быстро прошагали по узкому лазу, где душно пахло сырой землей и с потолка свешивались тонкие корни (Баррет шел впереди, принимая на себя всю паутину) и, подняв замаскированную дерном крышку, выбрались в ночь посреди леса в полумиле к югу от замка (увы, строители хода тоже исходили из логики, что опасность обитателям замка может грозить только с севера, а потому ход надо рыть на юг). Пламя трещало уже совсем близко, уже даже можно было почувствовать идущее от него тепло, и им пришлось огибать по дуге замок практически бегом, кашляя от дыма. Баррет понял, что огонь распространяется быстрее, чем он ожидал, и что им следовало отправиться в путь раньше. Но когда они, наконец, оказались на северной стороне от замка, там, где отделявшая его от леса широкая полоса поддерживалась исправно расчищенной, как встарь, стало легче. Эта полоса, полукругом огибавшая замок, и сам он как бы отбрасывали

на север своеобразную тень, куда огонь с юга не мог проникнуть напрямую, а лишь обойдя вокруг. Это обстоятельство дало им фору, но все равно не позволило расслабляться. Пламя верхового пожара продвигалось на север быстрее самого быстрого пешехода и, когда до реки оставалось еще не меньше мили, обогнало их и справа, и слева, постепенно сужая коридор. Они снова перешли на бег (Баррет тянул Алиссу за собой) и, наконец, задыхающиеся, постоянно кашляющие, мало что видящие слезящимися глазами и обливающиеся горячим потом, они выскочили на топкий илистый берег. Путь на восток к броду и на запад к паромной переправе был уже отрезан огнем, оставалось только переправляться вплавь - что, к счастью для них, умели они оба. Баррет первый снял с себя все, с сожалением расставшись с надетой под куртку кольчугой, вес которой утянул бы его на дно (но не с мечом, весившим всего два фунта), аккуратно увязал все свои вещи, включая меч и сапоги, в большой узел, вошел в реку и поплыл, гребя одной рукой, а другой удерживая узел на голове. Алисса попыталась сделать то же самое, но такой же аккуратный узел у нее не получился. Она вошла в воду, оказавшуюся, несмотря на лето, практически ледяной - впрочем, в первый момент погрузить в нее разгоряченное тело было даже приятно, но к тому времени, когда Алисса доплыла до противоположного берега, она уже стучала зубами. Вдобавок во время этого короткого (не более тридцати ярдов) заплыва ее узел растрепался, платье вымокло в воде, и чудо еще, что она не утопила сапожки. Выбравшись на берег, она натянула обувь на мокрые, перепачканные илом ноги, не надевая чулок (перспектива прогулки босиком по ночному лесу ее точно не прельщала), но в остальном осталась совершенно голой, не желая надевать сырую одежду на мокрое тело (она ненавидела прикосновение мокрой ткани к коже!) В свете Кольца ее кожа казалась молочно-белой, делая ее похожей на русалку из крестьянских легенд. Подпрыгивая на ходу, чтобы скорее согреться, Алисса устремилась за Барретом, который, уже полностью одевшись, быстро шагал вперед, спеша уйти подальше от пожара, оставшегося по ту сторону реки, но все еще пытавшегося дотянуться до них своими дымными щупальцами.

Наконец воздух достаточно очистился. Баррет остановился на небольшой полянке, быстро наломал веток в ближайших кустах, извлек из непромокаемого кожаного мешочка трут и кресало и споровисто развел костерок. Алисса воткнула в землю рядом с костром несколько веток и развесила свою одежду сушиться, а сама опустилась на траву и изящным кошачьим движением прильнула к сидевшему у костра мужчине.

- Ничего, моя леди, - он положил руку на ее грудь, - все образуется, - его рука сместилась ниже и осторожно легла на ее живот. - Наш малыш еще станет королем.

- Только не говорите мне, что он жив, - проворчал Локхарт, оценив выражение лица Элинор. Он уже знал о прибытии гонца из Раммельтона (голубя для посылки в маленький Торринворт не нашлось).

- Он жив, - подтвердила королева. - Его видели уже несколько человек, в том числе наш агент и еще один, завербованный Тайной Стражей. Он действительно потерял левую руку до середины предплечья, и у него жутко изуродовано лицо. Кажется, он даже говорит теперь с трудом из-за травмы челюсти. Но он жив. И вполне дееспособен.

- Может, это очередной двойник? - предположил Локхарт, сам не особо в это веря. - Раз, вы говорите, он обезображен до неузнаваемости...

- Вряд ли, - покачала головой Элинор. - Со стороны правого профиля, во всяком случае, он выглядит, как прежде. И, судя по всему, он действительно командует их армией. Это не кукла.

- И ведет ее на Дракенхайм, - мрачно не столько спросил, сколько констатировал Локхарт.

- Со всей возможной скоростью.

Что ж, этого следовало ожидать, поскольку из идеи заставить противника повернуть ради спасения Зольтенхолла и Алиссы ничего не вышло. Хотя гонцу, отправленному догнать армию Арвика и сообщить об угрозе - это и был агент, упомянутый Элинор - сделать это удалось (и

удалось отправить сообщение об этом). До самого Арвика его на тот момент не допустили, но сперва его выслушал Хоббинтротт, а затем он смог переговорить с одним из рыцарей Алиссы. Но даже и последние Арвика не покинули - то ли следуя указаниям своей сеньоры во что бы то ни стало обеспечить коронацию ее мужа, то ли сочтя, что сотня с небольшим рыцарей без поддержки пехоты не сможет ей помочь, то ли просто сочтя полученное известие, хотя оно и звучало вполне убедительно, вражеской провокацией. Так или иначе, теперь уже стало окончательно ясно, что Арвик жив, вполне контролирует своих людей и ведет их на столицу.

- По крайней мере, его удивительная неуязвимость закончилась, - попытался подбодрить королеву Локхарт. - Мы уничтожаем его пусть не сразу, но по кусочкам.

- Если его вторая рука будет стоить Айринтии еще двадцать тысяч жизней, солдаты в стране закончатся раньше, чем его части тела, - пробурчала Элинор.

- Ладно, - вздохнул Локхарт. - Какие еще новости?

- Я получила письмо от Филиппа Райнбальда.

- У него хватило наглости? И что же он пишет?

- Приносит извинения за то, что "не успел" на бой. И сообщает, что, поскольку "возмутитель спокойствия" - так он его называет, не ублюдком и не Арвиком - направляется со своим войском на юг, то и он, Филипп, вынужден сделать то же самое, дабы защитить от возможной угрозы родовые земли Райнбальдов.

- То есть помощи от него так и не будет.

- А вы бы теперь согласились на нее положиться, даже если бы он таковую пообещал?

- Выходит, Фельзенбург вы им дарили зря. И жизни Элен Райнбальд и ее дочерей загублены впустую.

- Быть может, Фридрих еще призовет Филиппа к ответу, - пожала плечами Элинор. - Но сейчас, во всяком случае, на дом Райнбальдов мы рассчитывать не можем. Скорее всего, они постараются сохранять нейтралитет, пока победитель не определится окончательно.

- И даже добрый дядюшка Фабиас нам не поможет?

- Он для них - не патриарх рода, а всего лишь бастард из побочной ветви. Хотя сам он и может несколько переоценивать свое влияние.

- Ясно. Что Эбенрих?

- От него ответа пока нет. Но прошло еще мало времени. Или просто голубь не долетел. В любом случае, все, что он мог сделать на данный момент - это разослать приказы войскам идти к столице. Пока они будут получены и исполнены...

- Вы уверены, что хотя бы он не предаст? Не предпочтет тоже "опоздать" к столице, пока не выявится явный победитель?

- А вы как думаете, Эрик? - устало вздохнула Элинор. - Основания надеяться на это есть, но уверенность... в чем теперь мы можем быть уверены?

- Разве что в том, что договориться с Арвиком миром не получится, - жестко усмехнулся Локхарт. - И в том, что гроггендорцы - наши враги.

- Вот именно.

- Мне, кстати, очень не нравится эта история с бугенхольмскими наемниками. Лоренберг их разгромил, но это не значит, что не появятся новые. Гроггендорцы могут засылать их со своей территории, утверждая, что это наши. Что имеет место внутриайринтийский конфликт между коренными айринтийцами и жителями новых территорий, к которому империя не имеет никакого отношения...

- Да, - кивнула королева. - Они вполне могут практиковать и это вместо прямого вторжения. Точнее - как прелюдию к прямому вторжению.

- Так что мы будем делать?

- Очевидно, сидеть в Торринворте нет больше никакого смысла. Мы сегодня же выступаем на юг в погоню за Арвиком.

- Он опережает нас на три дня.
- Да.
- И у него больше людей, чем у нас. Пехоты так почти вдвое.
- Да.
- И при этом мы оставляем север вообще без защиты. Северная армия дезертировала, а старую границу прикрывали Зольтен, Фельзенбург и военные гвардейцы, которых мы сейчас уводим с собой.
- У нас сейчас нет сил защитить север, даже если мы останемся тут. Или вы можете предложить лучший вариант?
- Нет, - признал Локхарт после мучительного раздумья. - Не могу. Насколько я понимаю, идеи ликвидации Арвика невоенным путем рассматриваются и без меня, и плодов не приносят.
- Он очень осторожен в последнее время. Не доверяет никому, кроме этого своего телохранителя Бурого. Собственно, участь Дармонта - наглядный пример. А после ранения он наверняка стал еще большим параноиком, чем прежде.
- Но Бурому он доверяет, хотя тот не спас его от ранения?
- Но спас жизнь. Во всяком случае, он, очевидно, так считает.
- Кто он такой вообще, этот Бурый? О нем что-нибудь известно?
- У Тайной Стражи есть на него досье, но не особо подробное. Настоящее имя неизвестно. По слухам - бывший ибикейский пират. В Айринтии входил в шайку "трех поросят", официально - предоставлявшую охранные услуги. Там, собственно, и приобрел свое нынешнее прозвище. Некоторое время шайка работала на кромбургского арматора Юфтлинга. Все перечисленные, кроме самого Бурого, сейчас уже мертвы.
- То есть, по сути, простой наемник. Интересно, сколько стоит его перекупить?
- Пока что, насколько мне известно, выйти с ним на контакт не удалось. Но, разумеется, Тайная Стража будет работать в этом направлении. Однако, думается мне, Арвик понимает подобную опасность. И раз уж он так доверяет ему, то привязал его к себе не только деньгами.
- Что еще он мог ему предложить? Графский титул после своей коронации?
- Зря смеетесь. С него станется.
- Да уж... Так что мы будем делать, когда настигнем его?
- Убивать его, - просто ответила Элинор.
- Как? При таком соотношении сил...
- Силы должны подтянуться. Эбенрих собирает армию, Вульфеншванц - военную гвардию, те части, что успели пройти реформирование. Кроме того, я отправила приказы командирам частей непосредственно...
- С голубями, которые могут "не долететь"?
- С конными гонцами. Конечно, это требует времени. Мы можем не успеть. Хорошо, что сейчас хотя бы не зима, когда к стенам Дракенхайма можно подойти по льду. Но город может открыть ему ворота просто из-за паники. От осознания, что защищать столицу некому. Поэтому сейчас годится все, что замедлит его продвижение. Жаль, что ваша идея насчет Зольтенхолла не сработала.
- Я старался, - вздохнул Локхарт. - А выходит, что мы только без толку потеряли три дня.
- Я ни в чем не виню вас, Эрик. В конце концов, людям был нужен отдых... - она немного помолчала и спросила: - Знаете, какой завтра день?
- Второе июня.
- Мой день рожденья. Мне исполняется двадцать лет.
- Поздравляю, - ответил Локхарт, - хотя, честно говоря, я никогда не понимал эту манеру людей праздновать бессмысленные даты, - "и в особенности вехи на пути к собственной смерти", хотел добавить он, но решил не портить Элинор и без того невеселое настроение. - То есть в детстве, конечно, я тоже праздновал, потому что так делали все... а потом задумался,

насколько это глупо. Если хочешь просто порадоваться и порадовать других, для этого не нужно ждать специальной даты на календаре. Которая к тому же, из-за високосных лет, еще и сдвигается туда-сюда. А праздновать имеет смысл только реальные и актуальные достижения, а не годовщины прошлых событий, тем паче таких, в которых нет никакой твоей заслуги.

- В нынешних условиях дожить до этой даты - это уже вполне реальное достижение, - невесело усмехнулась Элинор.

- Да, пожалуй, - согласился Локхарт. - Хотя, опять-таки, так можно сказать о каждом дне. Но королева, наверное, не может выбирать, отмечать или нет? Ее день рождения - государственный праздник?

- Да, - кивнула она. - Особенно юбилей. Должен был быть большой бал в Дракенхайме. Улицы, украшенные цветами, народные гуляния до утра. Вместо этого придется отмечать в походе. Можно сказать, не слезая с седла. Нельзя даже задержаться ради этого на лишний день в Торринворте. На вечернем привале офицеры произнесут тосты, солдаты получат по чарке вина, и это все.

- Мы еще устроим настоящий праздник в столице, - пообещал Локхарт. - В честь нашей победы.

- Да, Эрик, - твердо произнесла она. - Устроим.

Королевская армия выступила на юг уже через час после этого разговора.

Краут стал новым командующим личной королевской гвардией (тем, что от нее осталось), а Швертлинг - пехотой (после гибели такого количества старших офицеров оставить без командной должности полного генерала было бы уже просто неприлично - к тому же, если командовать в реальном бою Швертлингу доводилось нечасто, то организацией маршей и маневров он занимался всю жизнь). Лоренберг, естественно, остался командовать конницей, включая переданные в его подчинение части военной гвардии. Позицию верховного главнокомандующего королева сохранила за собой. Солдаты поначалу были даже рады покинуть тесный, пропахший дымом Торринворт, тем паче что погода стояла по-летнему хорошая и путь лежал по ровной, хорошо утоптанной (в том числе и недавно прошедшим здесь вражеским войском) дороге. Однако вскоре тяготы форсированного марша заставили умолкнуть разговоры и прибаутки, и даже песни запевал, призванные помогать шагающей пехоте держать темп, почти никто уже не подхватывал (быть может, причиной их малой популярности было и то, что при Бронгаре эти песни были, как правило, не особо приличного содержания, но из уважения к королеве был избран более возвышенный репертуар). Все, что радовало солдат в начале пути, оборачивалось своей противоположностью: ясное небо и летнее солнце - проклятой жарой и жаждой, мягкая утоптанная дорога - чертовой пылью, которая повисала в воздухе над армией сплошным облаком, липла на потные лица, лезла в глаза, скрипела на зубах. Вдобавок обозначились проблемы с продовольствием и фуражом, ибо вражеская армия, по пятам которой шло королевское войско, старалась максимально выгребать таковые на своем пути, выкупая по минимальным ценам, а то и просто уничтожая, дабы ничего не оставлять противнику. До отравления колодцев и сжигания деревень на своей собственной земле Арвик, в какой бы перманентной ярости он ни пребывал после полученных увечий, все же не дошел - однако королевским фуражирам и интендантам приходилось сбиваться с ног, обеспечивая снабжение за счет дальних рейдов налево и направо от маршрута.

Но главное - у королевского войска уже не было того боевого духа, который поддерживал его еще совсем недавно, когда оно (тогда - куда более многочисленное) шло таким же форсированным маршем в противоположном направлении. Тогда Элинор без особых даже пропагандистских усилий удалось внушить своим солдатам мысль, что они идут покончить с врагом и положить конец войне в одном решительном бою, который не будет тяжелым, поскольку их противники - дезертиры, которые либо трусливо разбегутся, либо перейдут на их сторону под обещание амнистии. Собственно, уже само присутствие королевы, лично ведущей

свою армию, воодушевляло солдат - если бы она не была уверена в победе, разве стала бы подвергать себя риску? На то у королей и тем паче у королев имеются генералы! Отчаянную меру, вызванную неуверенностью Элинор в собственных командующих, простые солдаты принимали за уверенность в успехе... Теперь, конечно, их королева по-прежнему была с ними (а куда ей было деваться?), но настроения переменились почти так же, как и направление их движения. Отчасти ситуацию скрашивало то, что они находились в роли преследователей, а не преследуемых. Но едва ли кто-то в королевской пехоте не отдавал себе отчета, что преследуемых чуть ли не вдвое больше, чем их самих (а конница, ожидание которой обернулось для них такими потерями в Торринвортской битве, теперь у них никакого доверия не вызывала - "господа рыцари как прискакали, так и ускачут, бросив нас подыхать!") - и едва ли, соответственно, не задавался вопросом, что же будет, когда они их все-таки догонят.

Догнать, впрочем, пока что не получалось. Арвик гнал свою армию на юг, не щадя ни людей, ни коней. Он явно был настроен захватить Дракенхайм с ходу, избежав еще одной, теперь уже совершенно ненужной ему битвы в поле. И если Торринвортское поле он покинул, потому что не мог командовать из-за ранений (хотя и пытался, но его фактически просто вынесли оттуда, истекающего кровью), то теперь действовал вполне обдуманно и резонно, несмотря на клокотавшую в нем ярость. Захватить столицу, пока к ней не успели подтянуться подкрепления, было для него важнее, чем вновь пытаться (без всякой гарантии) разделаться с Элинор. Королева и ее командиры уже не были рады хорошей погоде - теперь они предпочли бы затяжные дожди, которые, конечно, задержали бы их, но в первую очередь задержали бы находившегося ближе к цели противника. Нагнать Арвика можно было силами одной конницы, бросив пехоту - но этих сил было недостаточно. И дело было даже не в условной численности, а в том, что атака одной кавалерией на численно превосходящие и прикрытые по фронту копейщиками шеренги лучников с длинными луками кончилась бы плохо (а пополнить запас стрел и копий Арвик мог в любой из неспособных теперь сопротивляться ему крепостей). На крайний случай Элинор рассматривала такую возможность задержать противника - не разбить и не остановить (она понимала, что Арвик едва ли окажется настолько глуп, чтобы позволить просто нагнать и атаковать себя на марше, а не в подготовленной позиции), а всего лишь задержать - но это был именно самый крайний вариант, означающий фактически принесение собственной кавалерии в жертву даже не ради победы, а лишь ради будущего шанса на таковую. Притом, что эта самая кавалерия - во всяком случае, некоторая часть ее - посланная фактически в самоубийственную атаку, могла и не захотеть выполнять подобный приказ...

В очередном городе королеву дожидалось послание, доставленное с голубем с севера. Замок Зольтенхолл пострадал в результате пожара, по меньшей мере несколько его обитателей погибли, задохнувшись в дыму. Однако графиня Алисса (сторона Элинор, разумеется, не признавала за ней титула принцессы, ибо не признавала титула принца за Арвиком), судя по всему, покинула замок еще до пожара. Ее текущее местонахождение было неизвестно.

Конец гонке положил сам Арвик. Уже миновав, не задерживаясь, Айзеншлосс (как и все предыдущие крепости на своем пути), он вдруг развернулся и двинулся вспять. Вечером того же дня (как стало известно Элинор благодаря колоколам) он без сопротивления занял первую столицу.

Причины этого неожиданного поворота (в прямом и переносном смысле) стали понятны на следующий день, когда продолжавшую путь на юг армию королевы встретили новые гонцы.

- Переговоры, - рассказывала Элинор Локхарту. - Они предлагают провести их в Айзеншлоссе при посредничестве Гроггендора. Посол фон Клюйст в сопровождении канцлера Зиглера уже едут туда из Дракенхайма.

- Они - это кто? - требовательно уточнил полковник. - От кого исходит инициатива?

- Очевидно, от Гроггендора. Это точно не идея Арвика. И едва ли Зиглера. Хотя, конечно, он мог бы попытаться таким образом спасти столицу - но не без предварительной консультации

со мной. Да и Арвик бы его одного вряд ли послушал.

- Из Гроггендора что может быть хорошего, - пробурчал Локхарт, перефразируя Евангелие.

- Уж это точно, - вздохнула Элинор.

- И тем не менее, вы согласились?

- У нас нет выбора, Эрик, - она посмотрела на него почти просительно. - Противник теперь занимает второй город королевства, а у нас нет сил на штурм и нет времени на осаду - раз уж в это дело влез Гроггендор, что, в общем, неудивительно... Когда прибудет фон Клюйст, он прикроет Арвика своим дипломатическим статусом лучше, чем крепостные стены. Штурм и даже осада в таких условиях могут быть расценены империей как создание непосредственной угрозы ее послу. Что в контексте того, что уже случилось с прошлым посольством, и нынешней ситуации на границе, сами понимаете...

- Мы можем просто не пустить фон Клюйста туда? В конце концов, это наша страна, а не его!

- Не успеем, - покачала головой Элинор. - Он прибудет туда раньше нас и, видимо, раньше любых отправленных нами гонцов.

- Удивительная оперативность, - усмехнулся Локхарт. - Наводящая на мысль, что все это было запланировано заранее.

- Да, - кивнула королева. - Очевидно, это их план Б - на случай, если план А, то есть военная победа Арвика, не сработает. А если мы не проявим... готовности к сотрудничеству, они перейдут к плану В. Вы знаете, какому.

- Вторжение[99], - мрачно кивнул Локхарт.

- Так что... надо хотя бы выслушать, что они предложат.

- А если это ловушка? Если вас просто убьют, когда вы явитесь на эти переговоры? Или возьмут в заложники, требуя, чтобы вы подписали отречение?

- Нет, - решительно покачала головой королева, - так дела не делают. Все-таки даже у Гроггендора есть стандарты. Регламент предложен такой: его армия выходит из города и становится лагерем от него на востоке, наша, соответственно, на западе. Каждая из высоких договаривающихся сторон берет себе лишь по пятьдесят человек охраны. Они предлагали десять, но я настояла на пятидесяти, на случай каких-нибудь уличных беспорядков... Каждая делегация сама выбирает себе дом для проживания на вершине холма. Переговоры проходят в уже знакомом вам княжеском замке, - Элинор теперь предпочитала не называть его королевским, ибо все королевское может быть только в Дракенхайме. - Охранники, естественно, на переговорах не присутствуют. Гроггендорцы присутствуют, в лице фон Клюйста, но стороной переговоров не являются, однако выступают свидетелями и гарантами достигнутого соглашения - если, разумеется, таковое будет достигнуто.

- Иностранное государство намерено гарантировать выполнение соглашения между айринтийцами? Это какими же средствами, интересно?

- Можно мне не отвечать на риторический вопрос?

- Тогда ответьте на другой, - пробурчал Локхарт.

- Ответ все тот же, - вздохнула королева, понимая, что он имеет в виду. - Девяностотысячная армия вторжения стоит на нашей северной границе, по другую сторону которой нет ничего. В то время как нашей столице угрожает мой собственный брат. Мы не можем просто отмахнуться от этой реальности. Нам нужно выиграть время. Эти переговоры нужны уже хотя бы для того, чтобы успеть подтянуть верные мне части к Дракенхайму, если не удастся добиться ничего большего.

- А чего еще можно добиться? Арвик ни за что не согласится отказаться от своих

---

[99]В оригинале plan C - Seizure.

притязаний на трон. И после своих увечий он ненавидит вас еще сильнее, чем раньше.

- Может быть, - усмехнулась Элинор, - имперцы предложат ему утешительный приз. Скажем, место бугенхольмского короля. Им ведь не составит труда *попросить* Финеаса отречься.

- Зачем это Гроггендору?

- Ну как сказать. Во-первых, под этим соусом они могут потребовать "воссоединения бугенхольмских земель в исторических границах". То есть отдать им новые территории - чего, мол, вам не нравится, теперь вместо кусочка Бугенхольма айринтиец из рода Йоргелингов будет царствовать над ним всем. И возможно, на такое придется согласиться, потому что защищать эти земли сейчас нечем. Хотя можно будет попробовать выторговать для них какой-нибудь двойной статус, когда эти земли будут считаться вассальными по отношению к обеим коронам... А во-вторых, имея под рукой - и в своих руках - потенциального наследника айринтийского престола, они всегда смогут сохранять рычаг давления на нас.

- И как вы намерены обезвредить этот рычаг?

- Там посмотрим. Пока что это все наши гипотезы. Мы не знаем, что именно они намерены предложить.

- Я только надеюсь, что *вы* не согласитесь на "утешительный приз".

- Нет, - жестко произнесла Элинор, и ее губы сжались в линию, - этого они не дождутся.

- Элинор, - Локхарт взял ее руки в свои. - Вы знаете, как я вас... ценю и уважаю, в том числе за ваш ум. Но... вы только не обижайтесь, но вам всего двадцать лет. И я боюсь, что этот прожженный дипломатический лис сможет каким-то образом... провести вас.

- Не волнуйтесь, лорд Локхарт, - улыбнулась она. - Если они рассчитывают обвести вокруг пальца наивную девочку - тем лучше. Всегда хорошо, когда враг тебя недооценивает. И к тому же со мной будет Зиглер, а он ничуть не менее прожженный лис, чем фон Клюйст.

- Я войду в число ваших охранников, - сказал Локхарт тоном не вопроса и не просьбы, а констатации.

- Разумеется, - столько же спокойно подтвердила Элинор. - Но взять вас на переговоры я не могу. Только я, Зиглер, Арвик и фон Клюйст. Таков формат.

- Я понимаю, - кивнул полковник.

Когда армия Элинор подошла к стенам Айзеншлосса, стало известно о новом сюрпризе уже прибывшей делегации из Дракенхайма - вместе с фон Клюйстом и Зиглером приехал также Фабиас. Архиепископ не должен был официально участвовать в переговорах, но должен был именем церкви освятить их результаты - а также, разумеется, мог обращаться к сторонам с "пастырским увещеванием". Так как было очень сомнительно, чтобы его увещевания захотел слушать Арвик, очевидно, он должен был стать еще одним советником для королевы. Локхарт не был уверен, нравится ли ему вмешательство в дело еще одного прожженного лиса, имевшего к тому же влияние на Элинор с детства. В том, что Фабиас будет защищать интересы Элинор и Айринтии, у него сомнений не было - но вот насколько правильно он понимает эти интересы...

После того, как армия Арвика вышла из города и встала лагерем по другую его сторону, в город въехали остальные участники переговоров. Въезд был организован торжественно и символично - одновременно с трех сторон: через северные и южные ворота, соответственно - официально нейтральные фон Клюйст (для чего ему сперва пришлось объехать город вокруг) и Фабиас. каждый в своем экипаже в сопровождении личного секретаря и двух слуг, а через западные ворота - королева с Зиглером и сопровождающими. В королевской делегации один только канцлер ехал в карете; Элинор из принципа ехала по улицам древней и не особо дружественной к ней столицы верхом, в тех же доспехах, в которых была на поле боя, во главе полусотни своих рыцарей - теперь это была не легкая кавалерия, как во время торжественных королевских выездов в мирное время, а рыцари в полных латах. Локхарт ехал в голове колонны, но не сразу же за королевой и с опущенным забралом; Элинор попросила его не особо

афишировать себя в городе, где у многих могли быть к нему личные счеты - особенно у тех, кто потерял сперва дом при пожаре, а потом родных и друзей, подавшихся из-за этого в мятежники. Впрочем, опущены были забрала и у других рыцарей, производивших в итоге впечатление молчаливой и грозной силы, не сулящей ничего хорошего смеющим идти против королевской воли. Арвик, в свою очередь, был лишен возможности устроить столь же демонстративный въезд с востока, ибо уже находился в городе. Впрочем, для него это было, пожалуй, и к лучшему, ибо претендент на престол, вся свита которого состоит исключительно из рыцарей его жены, смотрится несколько комически (несмотря на вполне реальные боевые качества этих рыцарей), а главное - его внешность теперь разительно отличалась от образа прекрасного принца в сияющих доспехах, которому он прежде соответствовал практически идеально. И если лицо еще можно было скрыть глухим забралом, то культя левой руки, несмотря на все идеи о том, что всякое боевое ранение почетно, поневоле выглядела жалко.

Новый конь Локхарта караковой масти смотрелся красиво, но был не так силен и быстр, как игреневый - однако тут уж приходилось довольствоваться тем, что удалось добыть на Торринвортском поле, пока не получится вернуться в Дракенхайм с его элитной королевской конюшней. Похоже, что даже подъем в гору по крутым айзеншлосским улицам под грузом облаченного в полные латы всадника был для тонконогого каракового красавчика пусть и не непосильной, но ощутимой нагрузкой. Впрочем, королевская кавалькада ехала небыстро. Мерный перестук подкованных копыт по булыжнику, звонким эхом отражавшийся от стен домов, был почти единственным звуком, сопровождавшим этот подъем. Никаких приветственных криков, причитающихся посетившей город королеве, никаких толп, желающих поглазеть на это зрелище. Народу на улицах, уже погружавшихся в вечерний сумрак, было немного; в основном люди стояли молча и глядели настороженно. Никто из проживавших по ходу следования кавалькады не выходил на балконы и тем паче не выбирался на крыши - все они предпочитали наблюдать за процессией из окон, прячась за занавесками. Впрочем, столь же неприветливо - и еще более испуганно - встречал город два дня назад и армию Арвика. Шрамы от войны в виде выгоревших, разграбленных или просто заколоченных домов были все еще слишком заметны - в том числе и на пути следования королевской кавалькады.

Наконец, когда блеклое небо над крышами окончательно вылиняло и начало темнеть, кавалькада добралась до вершины холма. Роскошные особняки, окружавшие княжеский, он же королевский, замок, был покинуты - некоторые давно, еще со времени первого или второго мятежа (впрочем, такие были, как правило, разграблены и непригодны в качестве жилья для высоких особ), другие - только что, по "настоятельной просьбе" организаторов переговоров. Впрочем, временно выселенным жильцам - далеко не последним в городе людям - была обещана щедрая компенсация за неудобства. Над двумя соседними особняками уже развевались флаги Арвика; Элинор выбрала для себя и своей свиты два здания не прямо по соседству, но позволявшие держать врага в поле зрения. Судя по убранству, дома́, скорее всего, принадлежали богатым купцам. В одном было 16 комнат (включая помещения прислуги), в другом 21, что позволило не роскошно, но разместить всю охрану. Некоторым пришлось делить комнату с соседом, но с точки зрения вскакивания по тревоге так было, пожалуй, даже лучше. Хотя Локхарт, конечно, получил себе отдельное помещение рядом с апартаментами самой королевы. Переговоры должны были начаться рано утром следующего дня, и Элинор, побеседовав с Зиглером и Фабиасом, отправилась спать. Локхарт же бо́льшую часть ночи просидел, не снимая доспехов, вглядываясь в заоконный мрак (нарушаемый только светом Кольца, ибо с уличным освещением здесь было так же плохо, как и во всех средневековых городах) и вслушиваясь в ночные звуки. Наконец, убедившись, что никакая ночная провокация, по-видимому, все же не готовится, он все-таки позволил себе заснуть.

Проснулся он заполдень, зная, что ему некуда спешить и нечего делать. Он не входил в число рыцарей, несших дежурство непосредственно у дверей залы, где шли переговоры (нос к

носу с воинами врага), а стало быть, ему оставалось только ждать до вечера окончания переговоров (или их первого раунда, поскольку королева была прямо заинтересована затянуть их на несколько дней - да и условия, предложенные ей противником, едва ли располагали к быстрому достижению согласия). А ему, Локхарту, вновь оставалась лишь ненавидимая им роль пассажира, вынужденного пассивно ждать, пока судьбу оказавшегося в критической ситуации корабля решают другие. Поначалу он просто скучал, однако переговоры не закончились ни на закате, ни с наступлением темноты, ни даже к полуночи, и скука Локхарта переросла в серьезное беспокойство. Рыцари, несшие вахту в замке, сменялись, а участники переговоров все оставались внутри - даже обед и ужин им приносили туда. Локхарт расспрашивал возвращающихся с вахты, видели ли они саму королеву, и они отвечали, что да, она и Зиглер по-прежнему находятся в зале, и с ними все в порядке, но даже это не успокаивало полковника. Наконец в третьем часу пополуночи в замок пригласили Фабиаса. Это означало, что договор заключен, и участники должны не только скрепить его своими подписями, но принести клятву на Евангелии перед лицом Святой Троицы.

Элинор возвратилась полчаса спустя.

Локхарт даже не стал бы ее осуждать, если бы она сразу отправилась спать, отложив все объяснения на утро. Он догадывался, как она измучена. Но она, узнав, что он не спит, все же позвала его к себе.

Довольной она совсем не выглядела. Хотя, конечно, это можно было списать на усталость, но интуиция Локхарта сразу отбросила утешительную версию.

- Что? - спросил он. - Мы отдаем новые земли?

- Нет, - вздохнула Элинор, откидываясь в кресле. - Гроггендор признаёт их нашими и отказывается от термина "Южный Бугенхольм". Но они получают особый статус. На них создается герцогство Легунтонское. Герцогом, отныне и впредь, будет бугенхольмец, уроженец этих земель - то есть если в будущем его род пресечется, айринтийский монарх не может упразднить титул и забрать земли в казну, а должен будет назначить нового герцога на тех же условиях. Королевская армия с территории герцогства выводится - фактически это уже произошло, не считая той горстки самых верных солдат, о которой я говорила... Им теперь тоже придется уйти. При этом герцог, как и всякий пэр, имеет право на свою личную армию, но, в связи с "особым статусом", освобождается от обычной обязанности вассала служить войском своему сеньору, то есть королю. Ловко, да? Но фактически это получаются силы самообороны, и если они не подконтрольны нам, это еще не значит, что они будут подконтрольны Гроггендору... Далее - таможенные пошлины для торговли с Гроггендором на территории герцогства упраздняются, но могут сохраняться в остальной Айринтии.

- То есть они начинают ползучий отжим этих территорий, завязывая их на свою, а не на нашу экономику, - даже Локхарту, с его отношением к экономике как к "скучнейшей вещи на свете", это было вполне понятно. - Ну, надеюсь, Хустинг придумает, что можно этому противопоставить. Я ожидал худшего. Попытка постепенного перетягивания того, что они могли бы забрать силой прямо сейчас практически без сопротивления - это далеко не худший вариант.

- Это еще не все... Собственно, это и не главное. Это так, на уровне примечания мелким шрифтом... Я же еще ничего не сказала об Арвике.

- Да, - спохватился Локхарт. - Что получает он? - поскольку урожденным бугенхольмцем Арвик не был, это, очевидно, не мог быть титул герцога Легунтонского.

Элинор глубоко вздохнула, словно перед прыжком в холодную воду.

- Хильдское княжество восстанавливается в своих исторических границах. Но уже как вассальное по отношению к айринтийской короне. И он становится его князем. В обмен он отказывается от всех прав на айринтийский престол. Но мы, в свою очередь, признаем его законнорожденным Йоргелингом.

Когда до Локхарта дошел смысл услышанного, ему изменила даже его обычная

сдержанность.

- Вы хотите сказать, что мы отдаем ему половину Айринтии?! - воскликнул он. - Не Бугенхольм, не новые земли, а...

"И почему меня это так волнует? - мелькнуло у него в голове. - Еще год назад я даже не догадывался о существовании этой страны! Впрочем, конечно, если Айринтия - мой новый корабль..."

- Формально Айринтия не теряет ни акра своей земли, - произнесла Элинор бесцветным голосом. - На ее территории просто создается одно новое герцогство и одно новое-старое княжество.

- Элинор, вы же понимаете, я говорю не о формальной стороне дела! С армией, очевидно, все то же самое - королевские войска выводятся, а его собственные получают законный статус?

- Да, но уже без всяких исключительных привилегий. Он остается моим вассалом, обязанным служить мне войском и выставлять таковое по моему требованию. То есть в случае, допустим, нападения Гроггендора он должен будет привести свою армию под мои знамена. И королевская армия не должна входить на его земли без согласования с ним только до тех пор, пока он исправно исполняет свои вассальные обязательства.

- Воображаю, как он будет их исполнять... Насчет пошлин - то же самое?

- Здесь тоже никаких особых статусов. Обязан подчиняться общим правилам Айринтии. Это мне удалось отбить. По сути, - добавила она после короткой паузы, видя выражение лица Локхарта, - он не получает ничего такого, чего не имел бы любой мой граф. Каждый из них имеет свою личную армию или, по крайней мере, право на таковую...

- Да, вот только ни один из айринтийских графов не контролирует полстраны! Когда-то вы говорили, что не хотите усиливать Райнбальда до уровня Хагентрауба. А по сравнению с этим и Райнбальд, и Хагентрауб... И раз мы признаём его Йоргелингом - значит, права на престол, от которых отрекся он, будут у его сына! Ведь так? Скажите мне, что я ошибаюсь, - закончил он почти с мольбой.

- Не ошибаетесь, - качнула головой королева. - Но это проблема будущего. Пока что этого сына нет, и не факт, что появится.

- Затыкать будущим дыры в настоящем - это очень плохая идея, - жестко произнес Локхарт. - Лично я всю жизнь жил по принципу "никогда не живи в кредит". Даже на учебу в академии выиграл грант, а не брал заем...

- Эрик, - горько сказала Элинор, - неужели вы думаете, что я бы согласилась на все это, если бы у меня был выбор?

- Хотя бы потянуть переговоры, пока к столице стягивается армия, - пробурчал Локхарт, уже сожалея о своем резком тоне - в конце концов, это она здесь королева, это ее страна! - но все равно не в силах примириться со случившимся.

- Он с самого начала сказал, что не даст мне это сделать, - покачала головой она. - Сказал, что именно на это я и рассчитываю, и что или мы договоримся сегодня, или никогда. Не уверена, что фон Клюйсту это понравилось - он явно хотел этого соглашения - но я же знаю Арвика. Когда он в ярости, когда ему мешают поступить так, как он хочет - он наплюет на любых своих... союзников, кураторов, кого угодно, как бы много от них ни зависело. Ну и в любом случае - дело не в этих нескольких днях. Да, я все еще могу собрать десяти-, пятнадцатитысячное войско и разбить его окончательно. Но потери с обеих сторон в этой битве будут такие, что после этого Гроггендор возьмет нас голыми руками. Нам сейчас жизненно важен этот мир. Даже такой ценой.

- Он действительно сильно обезображен? - спросил Локхарт после короткой паузы.

- Да, - усмехнулась Элинор, - с левой стороны видок у него теперь еще тот. Меч отсек ему верхнюю губу, вошел в рот, выбил верхние зубы и разорвал щеку до самого уха. Ее зашили, но не особенно хорошо. Знаете легенду о монстре, которого сшили из кусков трупов? Вот очень

похоже. На месте губы так и осталась дырка. Когда он пытается говорить - а понимать его теперь не так просто - оттуда высовывается язык и летят слюни, - Элинор брезгливо поморщилась. - Думаю, он вздрагивает теперь каждый раз, когда видит свое отражение. И даже прислуга отводит взгляд, когда он ест.

- Это хорошо, - проворчал Локхарт и тут же подумал, что для него это тоже новое чувство. В прежней жизни он никого не любил - если говорить именно о любви, а не просто об уважительной симпатии к хорошему профессионалу или интересному собеседнику и не о чувстве ответственности за своих подчиненных и подопечных - но и ненависти ни к кому не испытывал. Раздражение - да, нередко, особенно когда чужая глупость или невежество, трусость или чванство мешали делать дело. Но желать кому-то даже не смерти - что может быть сугубо рационально, если речь идет, допустим, о террористах, или о тех же солдатах противника - а именно увечья и страдания, и злорадствовать по этому поводу - нет, раньше бы это ему и в голову не пришло.

- Если бы меч прошел на три дюйма выше, - мечтательно произнесла Элинор. - Или ниже, по шее. Всего на три дюйма в любую сторону!

- И вы думаете - после этого он не нарушит свои обязательства? - Локхарт вновь вернулся от эмоций к логике. - И главное - что их не нарушит Гроггендор?

- Во всяком случае, не сразу, - ответила королева. - Нам нужно просто выиграть время.

- Выиграть время для чего? Как я уже понял, не для того, чтобы стянуть имеющиеся войска к столице. Вы знаете, где нам взять девяностотысячную армию?

Он спрашивал саркастически, но Элинор ответила вполне серьезно: - В определенном смысле да.

Локхарт молча посмотрел на нее, взглядом требуя продолжения. Несмотря на то, что они находились наедине в комнате с толстыми стенами, королева еще понизила голос:

- Это тот план, с которым сюда приехали Зиглер и Фабиас. Я его утвердила. Пока о нем знаем только мы трое, вы будете четвертым. Империй у нас, как известно, две. Ни одну из них мы своими силами победить не можем. Но мы можем стравить их друг с другом.

- Натравить Гроггендор на Тлукаляхан? - за всеми последними событиями Локхарт давно уже не вспоминал об этом заморском государстве, не имевшем с Айринтией сухопутных границ и потому вроде не представлявшем большой опасности, но теперь вспомнил, что Тлукаляхан до сих пор удерживает земли, которые Гроггендор считает своими.

- Наоборот, - ответила Элинор. - Раз Гроггендор сосредоточил большую армию против нас на востоке, у Тлукаляхана появилась хорошая возможность ударить по нему на западе. И, например, откусить еще парочку портов на западном побережье Кирландского залива.

- Если они вдохновятся этой идеей, - скептически произнес Локхарт.

- Мы отправим туда посольство, которое их убедит, - без тени сомнения ответила королева.

- И какими же аргументами?

- Какие аргументы самые убедительные на свете? - улыбнулась Элинор. - Тлукаляхан - насквозь коррумпированное государство. Так называемый "бакшиш" там основа всей экономической системы... и не только экономической. Мы просто раздадим взятки чиновникам, которые имеют влияние на императора. Весьма большое, замечу, влияние, ибо сам по себе этот старый жирный дурак - совершенное ничтожество, которым вертят его приближенные. Это, кстати, даже не всегда чиновники, высшие по своему формальному статусу...

- А если они взятки возьмут, а делать ничего не будут? В сильно коррумпированных странах так бывает. Зачем напрягаться и, тем паче, подставлять себя под опасность монаршего гнева, если вдруг война пойдет не так, как ожидалось - ради каких-то чужеземцев, которые ничего не смогут им сделать?

- Смогут, - королева вновь улыбнулась. - Все предусмотрено. Видите ли, вся система

тамошних отношений, и коррупция в том числе, подчинена весьма сложной, многоступенчатой и строгой иерархии, формальной и неформальной. То есть кто и сколько может брать и сколько при этом должен отстегнуть начальнику или покровителю... Но вы же понимаете, что такое человеческая жадность. И если сановнику не самого высокого уровня дают чрезмерную сумму золотом, он еще может перестраховаться, отдав "излишек" наверх. А если это, к примеру, крупный бриллиант, который на части не делится? То есть в принципе, конечно, делится, но с резкой потерей ценности. Разве такой субъект, фактически всю жизнь только и живущий воровством, удержится от искушения оставить камешек себе? Причем он его даже не продаст, нет - он и так богат, да и безопасно продать такой приметный камень непросто - а именно оставит у себя в коллекции как статусную вещь, которая ему по статусу не положена. Но если он не отработает свой гонорар - можно напомнить ему, как рассердится его начальник - а это, кстати, может быть даже и сам император - узнав, что дар, по праву причитающийся ему, какой-то ничтожный червь посмел от него утаить. В Тлукаляхане рубят головы за меньшее, и вообще, там имеются очень затейливые казни...

- Не проще ли вручить все эти дары сразу императору?

- То-то и оно, что император дарителю ничего не обязан. Это ему все обязаны, а он - божественный. Даже просто намекнуть ему, что от него ждут чего-то в ответ - это уже смертельное оскорбление. Он примет все, что угодно, а поступит так, как захочет его левая нога - может быть, даже нарочно назло, если переест за ужином. Так что послы дары ему, конечно, вручат, исключительно как знак уважения от новой айринтийской королевы - но говорить о войне с Гроггендором вообще не будут. А будут говорить, например, об ибикейских пиратах, которых император в очередной раз пообещает обуздать и тут же об этом забудет. А вот чиновники, попавшие в ловушку собственной жадности, расшибутся в лепешку, чтобы внушить ему нужную идею. Причем внушить так, чтобы он считал, будто это его собственная гениальная мысль. Тут нашим дипломатам не стоит и пытаться с ними тягаться, для этого надо вырасти в тлукаляханской культуре...

- Остроумно, - согласился Локхарт. - Но если тлукаляханцев так просто подкупить, почему мы не сделали это раньше?

- Потому что это совсем не просто, - помрачнела Элинор. - Придется весьма изрядно опустошить нашу сокровищницу, в которой и так со всей этой войной дела обстоят далеко не лучшим образом. На взятку пойдут камни, которые считались сокровищами айринтийской короны на протяжении столетий. Хорошо, что я всегда относилась к драгоценностям чисто функционально - как к средству инвестирования и не более чем, не делая из них фетиш, как иные женщины... А сам император получит всего лишь золото. Тем страшнее будет его гнев, если он узнает, что подчиненные утаили от него истинные сокровища. Но золота тоже должно быть много, иначе он обидится на послов.

- Даже если все получится - что мы будем делать с Арвиком?

- С ним мы разберемся потом. Как вы верно заметили, рано или поздно он наверняка нарушит свои обязательства и даст нам законный повод. Сейчас главное - нейтрализовать гроггендорскую угрозу. Если две империи сцепятся - Гроггендору станет не до Айринтии надолго.

Увы, Локхарту не удалось увидеть финальную часть заключения соглашения, состоявшуюся уже на следующее утро, которую ему увидеть очень хотелось: как Арвик, стоя на коленях перед Элинор, будет приносить ей вассальную присягу. Новоиспеченный князь Хильдский категорически потребовал, чтобы эта церемония прошла без свидетелей, за исключением фон Клюйста и архиепископа (присутствие последнего, понятно, тоже не доставляло Арвику ни малейшего удовольствия, но авторитет церкви - а из всех церковников, естественно, высшего иерарха - считался самым высоким и непререкаемым в вопросах подтверждения любых клятв и договоров). Исполнив требуемое, Арвик вскочил и, ни на кого

больше не глядя и ничего не говоря, быстро вышел из зала, направляясь уже не в дом, где остановился за два дня до этого, а наверх, в княжеские покои, где когда-то ночевал Локхарт. Отныне и этот замок, и весь этот город, древняя столица Айринтии, принадлежали ему по праву, и даже его злейшие враги не могли больше это оспорить. Элинор со своими людьми, а также Зиглером, Фабиасом и фон Клюйстом, в свою очередь, покинула Айзеншлосс и уже без всяких форсированных маршей отправилась со своей армией на юг в Дракенхайм.

- Командир?

Локхарт поднял глаза от книги. На пороге стоял де Сегюр.

Полковник не помнил, когда они беседовали в последний раз. За месяц, прошедший со времени возвращения в Дракенхайм - возвращения почти такого же нерадостного, как и въезд в Айзеншлосс, с людьми, молча стоявшими на улицах и провожавшими угрюмыми взглядами пришедшую без победы армию, когда приветствия королеве выкрикивали, кажется, одни только агенты Тайной Стражи - Локхарт едва ли перемолвился с дипломатом и парой дюжин фраз. Полковник знал, что де Сегюр (по-прежнему не занимавший никаких официальных постов - как, впрочем, и он сам) нашел себе дело в ведомстве Зиглера, не порывая при этом отношений и с Фабиасом, и, по-видимому, вполне доволен жизнью, отчитываться о которой перед бывшим командиром, однако, не склонен. При редких и, как правило, случайных встречах француз уже даже называл его не "командир", а "барон" - словно он был просто одним из многочисленных придворных аристократов. Никакой иронии в этом обращении, вполне отвечавшем теперешнему этикету, не было (или, во всяком случае, таковую невозможно было обнаружить ни в интонации, ни в выражении лица дипломата), но Локхарта подмывало спросить, помнит ли еще де Сегюр, что когда-то был астронавтом и летал к звездам, или уже окончательно сросся со средневековым миром. Впрочем, если в этом мире он наконец нашел себя, то и пусть его.

Кто беспокоил Локхарта всерьез, так это Вельо. В своей богемной компании он чересчур пристрастился к вину, а все замечания на сей счет пропускал мимо ушей, отрицая проблему, как и положено всякому пьянице. Нет, пока что его еще нельзя было назвать алкоголиком - тем паче что и айринтийские вина были не особо крепкими, такие напитки, как бренди или водка, были здесь забыты, хотя спиться можно даже и на пиве - однако такими темпами... Однажды он уже даже принял участие в кабацкой драке - более того, стал инициатором таковой! - разнеся при этом, сообразно своей силе и габаритам, ползаведения (к вящему восторгу, а отнюдь не осуждению, своих теперешних дружков, хотя ущерб кабатчику, конечно, пришлось оплатить). Участвовал он и в "цивилизованных" драках - кулачно-борцовских поединках на спор, в которых неизменно одерживал верх (опять-таки к восторгу фанатов), зарабатывая таким образом намного больше, чем официальное жалование, которое он продолжал получать, числясь действующим капралом королевской армии (но не будучи при этом приписанным ни к какой конкретной части, не живя в казарме (оставаясь, вероятно, единственным капралом в истории Айринтии, живущем в королевском дворце за пределами помещений для стражи) и не подчиняясь воинской дисциплине). У Локхарта сложилось впечатление, что если де Сегюр просто не вспоминает о прошлом, уйдя с головой в интриги нового мира, то Вельо сознательно и яростно старается забыть таковое.

Впрочем, откровенно говоря, полковник и сам в последнее время все реже вспоминал о космосе. В июне он, наконец, съездил-таки в пожалованный ему замок Памберкраст, который из находившегося в самой середине страны внезапно превратился в крепость на самой границе с княжеством Хильдским. Формально, конечно, по ту сторону границы по-прежнему лежала Айринтия, но... Делая ему свой подарок, Элинор, конечно, не предвидела такого развития событий и теперь, как и весной, пыталась отговорить его от этой поездки, полагая ее небезопасной (особенно учитывая, что Арвик, несомненно, уже знал о нем как о фаворите королевы и, соответственно, ненавидел), но на сей раз Локхарт категорически ответил, что это

было бы трусостью, и что как раз сложившиеся обстоятельства требуют приведения замка (разграбленного сперва разбойниками, а потом "освободителями" из личной армии Райнбальда) в боеспособное состояние. На каковые цели (включавшие ремонт и найм гарнизона) Локхарт, наконец, истратил сто золотых Дармонта, до сей поры пролежавшие нетронутыми. Впрочем, Локхарту с пожалованным ему имением еще сильно повезло по сравнению с большинством из тех, кто унаследовал земли, отобранные у сторонников Арвика после битвы за Дракенхайм. Бо́льшая часть этих земель оказалась теперь в составе княжества Хильдского. И хотя Арвик, сам будучи вассалом королевы, не мог отменить пожалования, сделанные ею еще до образования его княжества, теперь новые владельцы этих имений чувствовали себя, как на вулкане - особенно после завершения вывода с территории княжества королевских войск и военной гвардии. (Зато неведомая Локхарту Анна-Луиза Лахтенвайз теперь торжествовала, а ее деверь Томас, благополучно переживший битву при Торринворте, но оставшийся в итоге не только без вожделенного замка, но и практически уже без средств к существованию, пребывал в отчаянии.)

Наведя, в первом приближении, порядок в Памберкрасте (в том числе наняв толкового и дельного управляющего, жалование которого напрямую определялось доходами с имения) и так и не столкнувшись ни с какими провокациями, двенадцатого июля Локхарт возвратился в Дракенхайм. Узнанные им по возвращении новости, которых он ждал и опасался одновременно, свелись в основном к формуле "все по-прежнему". Посольство в Тлукаляхан все еще готовилось - нужно было договориться не только с имперскими чиновниками, но и (о чем стыдливо старались не говорить прямо даже люди, посвященные в тайну миссии) с ибикейскими пиратами, дабы они обеспечили безопасный проход посольского судна. Филиппу Райнбальду сошло с рук его предательство - предъявить ему обвинение в измене значило толкнуть Райнбальдов в объятия Арвика, который, испытывая после всех проигранных им битв острую нужду и в средствах, и в бойцах, вероятно, переступил бы через свою неприязнь к их дому ради обретения таких союзников. Так что все ограничилось лишь официальными извинениями, каковые вслед за самим Филиппом принес и его кузен Фридрих, и церковным покаянием, наложенным на Филиппа Фабиасом. Фридрих, впрочем, вряд ли был доволен тем, что в результате его фельзенбургские владения теперь стали частью княжества Хильдского, но предпочел не выносить сор из избы - и возможно даже, про себя винил в сдаче этих земель Арвику в большей степени Элинор, чем своего кузена. Новый коннетабль так и не был назначен - Элинор словно демонстрировала всем заинтересованным сторонам, что больше ни с кем не собирается воевать. Что касается Арвика, то он по-прежнему жил в Айзеншлоссе, счастливо воссоединившись со своей супругой, как было объявлено - ожидавшей наследника.

И вот теперь, на третий день после возвращения, Локхарт сидел в библиотеке "президентского люкса" и читал (а точнее - просматривал) все, что смог найти о Тлукаляхане. Увы, большинство книг, изданных по этой теме в Айринтии, по стилю куда больше напоминали сказки "Тысячи и одной ночи", чем серьезную аналитику. Собственно тлукаляханских книг, оригинальных или переводных, не было вовсе - кажется, в Тлукаляхане действовал прямой запрет на их вывоз из страны, что вполне согласовывалось с гипотезой, что тлукаляханцы не хотят, чтобы чужеземцы изучали их язык. Хотя, возможно, в секретных архивах ведомства Зиглера имелась и более точная информация - но Локхарт не пытался получить туда доступ. Едва ли он мог дать полезные советы профессионалам, годами занимавшимся этой темой, а как офицер, он прекрасно понимал, что такое военные и государственные секреты и почему их следует хранить даже от тех, в чьей лояльности нет сомнений.

И вот от этого занятия его отвлек неожиданный визит де Сегюра и еще более неожиданное обращение "командир", как в прежние времена.

- Входите, - кивнул Локхарт.

Де Сегюр придвинул к столу второе кресло и сел.

- Я прошу вашей санкции на участие в миссии, - сказал он без предисловий.

- В какой миссии? - спросил Локхарт, хотя уже догадывался.

- В известной вам миссии, - француз с усмешкой кивнул на лежащие на столе книги. Заголовок верхней из них гласил: "Пленник Тлукаляхана, или Подлинная история капитана Северуса Кнаббе, проведшего в тлукаляханском рабстве одиннадцать лет, восемь месяцев и четырнадцать дней". Слово "Тлукаляхан" выделялось на обложке стилизованной вязью. - В посольстве в Тлукаляхан.

- Полагаю, - медленно произнес Локхарт, доселе не знавший, в какой мере де Сегюр посвящен в детали операции (сам факт готовящегося посольства, в отличие от его реальной цели, тайной уже не был), - об этом нужно спрашивать не меня, а Зиглера... или кто там руководит подготовкой непосредственно.

- С канцлером и непосредственным руководством миссии все уже согласовано, - невозмутимо ответил де Сегюр. - Осталось получить ваше согласие.

- И что будет, если я его не дам? - усмехнулся Локхарт.

- Я постараюсь вас переубедить, - невозмутимо ответил де Сегюр и после краткой паузы продолжил: - Я не сомневаюсь, что вы могли бы обратиться к ее величеству с просьбой заблокировать мое участие, а она, в свою очередь, могла бы отдать соответствующее распоряжение канцлеру. Я также подозреваю, что мог бы отправиться в плавание, вовсе не поставив вас в известность. Но мне бы не хотелось ни первого, ни второго. На борту "Доброй воли" у нас было полное взаимопонимание, и мне жаль, если в последнее время оно... несколько разладилось, хотя я этого, безусловно, не хотел. Мне казалось, что мы работаем ради общего блага каждый на своем месте, не мешая друг другу, и что именно такой формат является оптимальным. Я сожалею, если у вас сложилось иное впечатление.

- Общее благо - это очень расплывчатая формулировка, - заметил Локхарт.

- Многозначная, я сказал бы так, - поправил де Сегюр. - И я, разумеется, употребил ее не случайно. Я имею в виду не только благо Айринтии - в коем, однако, заинтересован и коему служу не менее искренне, чем вы. И я, разумеется, поставлен в известность об истинных целях посольства и готов употребить все свои дипломатические навыки, дабы им способствовать. Я никогда не имел дела с тлукаляханцами, но в свое время немало общался с представителями восточных культур, которые, как я понимаю, имеют с ними немало общего - и даже, вероятно, являются их прямыми предками. Так что мое участие не будет бесполезным или, тем паче, вредным для Айринтии. Но дело, повторяю, не только в этом. Мне необходимо проникнуть в Тлукаляхан, дабы своими глазами увидеть то, что невозможно почерпнуть ни из каких, даже самых подробных отчетов разведчиков и дипломатов. Просто потому, что они не являются людьми *нашего* мира.

- И что же вы надеетесь там увидеть?

- Подтверждение моей гипотезы. Я не знаю, какие конкретно формы оно может принять. Но сама закрытость этой страны наводит меня на мысль, что это неспроста, ибо там они нагляднее, чем здесь.

- И эта гипотеза?.. - поторопил Локхарт, вновь недовольный многословием дипломата. Да, конечно, это профессиональная деформация - забалтывать собеседника, обволакивая его словами, вместо того, чтобы сразу перейти к сути, как предпочел бы военный...

- Минутку терпения, командир, - улыбнулся де Сегюр. - Я хочу показать вам, как я к ней пришел, дабы дать вам возможность сделать те же выводы - или, может быть, найти другое объяснение, хотя, честно говоря, я в этом сомневаюсь... Я задумался об этом уже давно, хотя, быть может, моя отправная посылка покажется вам несерьезной. Вы обратили внимание на здешние костюмы?

- А что с ними не так? - удивился Локхарт. - Я, конечно, совершенно не специалист по этой теме, но, по-моему, это совершенно обычные средневековые одеяния.

- Вот именно! - торжествующе поднял палец француз. - Во всем богатстве фасонов,

которое мы тут наблюдали - простонародных и элитарных, повседневных и праздничных, даже карнавальных, а я так еще и специально изучил множество гравюр и иллюстраций в книгах - не было ни одного, который не соответствовал бы средневековью. Тому, прошлому.

- Ну а почему бы и нет, собственно, - пожал плечами Локхарт. - Откат - он откат во всем... производство одежды тоже завязано на технологии.

- Производство, но не фасоны! - пояснил граф. - Есть вещи объективные, которые неизбежно будут воспроизводиться при любом откате в прошлое. Скажем, если у вас есть войны и нет огнестрельного оружия, то неизбежно появятся мечи, копья, металлические доспехи и каменные крепости. При этом дизайн доспехов будет более-менее похожим, ибо он определяется все той же целью - защитить воина от рубящих и колющих ударов - и теми же ограничениями по массе, подвижности и качеству обработки металла. Но одежда, особенно модная и праздничная - дело другое. Не существует никаких рациональных причин делать воротники-жабо, или рукава-буф, или чулки разного цвета, причем мужские, или фестончатые воротники, или обувь с заостренными носами. Кому-то когда-то показалось, что это красиво. В следующий раз должно показаться красивым что-то другое. Если ныне живущие забыли нашу эпоху, они уж тем более не должны помнить, как одевались люди тысячу лет назад - и маловероятно, чтобы они пришли к тем же модам независимо. Тем не менее, мы, кажется, видели в Айринтии полный парад старинных фасонов - и ни одного нового...

- Что вы хотите сказать? - не выдержал полковник. - Что вся Айринтия - это какая-то гигантская мистификация? Тематический парк с аттракционами? Признаюсь, в первые дни у меня мелькала такая надежда. Но абсурдно предполагать такое сейчас. Мы видели здесь слишком много настоящих трупов. Включая трупы наших товарищей.

- Тела Шрамма мы, положим, не видели, - заметил де Сегюр, - хотя я верю, что он действительно мертв. В истории, вообще-то, хватало и мистификаций с настоящими трупами - другое дело, зачем... Уж конечно все это устроено не ради нас. Так что я не сомневаюсь, что Айринтия - это реальность, и откат - это реальность. Другое дело, что он, вероятно, произошел... не настолько спонтанно, как нам кажется. Не просто гибель цивилизации в результате некой планетарной катастрофы. А, скажем, человечество загнали в средневековье вполне сознательно. Загнали, не желая уничтожить физически - и потому преподнесли все готовые рецепты, как именно надо жить в таком мире, всё вплоть до фасонов одежды и готовой истории прошлых веков - но желая удерживать людей на этом уровне, не позволяя вновь подняться.

- И кто это мог устроить? - усмехнулся Локхарт. - Строители Кольца? Инопланетяне?

- На инопланетян я бы подумал в последнюю очередь, - серьезно ответил граф. - Хотя мы с вами знаем, как никто другой, что они существуют. Но скорее, речь идет о какой-то силе среди самих людей. Какие-нибудь неолуддиты, противники прогресса. Религиозные фундаменталисты, радикальные зеленые... мало ли было на свете ненормальных. Каким образом им удалось добиться своего и причастно ли к этому Кольцо, я, разумеется, не знаю. Но есть и более банальный вариант, который представляется мне более вероятным. В средние века загнали не все человечество, а только Америку, возможно - Америку и Европу. Сумев внушить местному населению мысль, что так было всегда. В этом случае круг подозреваемых даже не требует особой конспирологии.

- То есть, по-вашему, где-нибудь в Китае или в арабском мире сейчас по-прежнему наслаждаются всеми достижениями высоких технологий? - скептически произнес Локхарт. - Нет, не может быть, цивилизация выдала бы свое присутствие. Летательные аппараты, радиопередачи...

- Допустим, вся Америка - закрытая для полетов зона. А что касается радио... вспомните наши гипотезы при подлете к Кэйли.

- Не оправдавшиеся.

- Там. Но не факт, что здесь. Мы не видели, как выглядит Земля с орбиты.

- Ну а зачем это вообще? Допустим, была война, или какая-то террористическая мегаатака, и нас победили, промыли мозги каким-нибудь психотронным оружием - но почему так, почему не оккупация?

- А смысл? - усмехнулся де Сегюр. - Захватывать чужие территории - это как раз средневековое понимание победы. В наше время это было уже делом нерентабельным. Последний известный нам более-менее успешный проект такого рода - китайская аннексия Сибири, но там речь шла в основном о малонаселенных территориях, да и то сами китайцы в конце концов поняли, что откусили больше, чем хотят проглотить. Их территориальные нужды, таким образом, уже были более чем удовлетворены. А захватывать целый континент или два, чтобы потом кормить сотни миллионов местного населения... зачем? Рабочая сила у наших азиатских друзей и так была в переизбытке, и автоматизация производства с каждым годом усугубляла эту проблему. Возможно, как раз по этой причине там предпочли тормознуть собственный прогресс, а поскольку в этом случае Азия становилась неконкурентоспособной, западных конкурентов надо было извести вовсе. И гораздо разумнее было просто устранить их, нежели брать на себя заботу об их населении. При этом тотальный геноцид - дело тоже слишком хлопотное, особенно такой, чтобы не пострадать при этом самим. Правда, население Айринтии и Гроггендора, вместе взятых, вряд ли превышает десять-двадцать миллионов, но я не думаю, что всех остальных перебили в прямом смысле. Скорее, откат к средневековым методам ведения хозяйства в сочетании с похолоданием климата привел к тому, что они сами вымерли с голоду. Ну а выжившим - позволяют жить... вот так.

- А как же западный рынок сбыта? Не думаете же вы, что теперь китайцы поставляют сюда мечи и латы!

- Нет, конечно, поставка каких-то примитивных товаров за золото явно не может компенсировать потерю прежнего рынка, но, видимо, другие соображения перевесили. И я не знаю, было ли похолодание причиной или результатом действий противника, или вовсе случайным совпадением. Тут еще очень много неясного.

- А Тлукаляхан?..

- А Тлукаляхан, как мне кажется, может быть такой базой противника на континенте, откуда они присматривают за Америкой, не начнет ли та снова развиваться. И если айринтийское средневековье реально, то тамошнее как раз может быть декорацией. При такой закрытости страны это нетрудно устроить. Впрочем, тоже не обязательно. Возможно, большинство тамошнего населения тоже загнано в средневековье - но не все. С правителями Айринтии мы уже хорошо знакомы... особенно вы, - улыбнулся француз. - Это действительно вполне натуральные феодальные монархи и аристократы. А вот на тех, кто правит Тлукаляханом, очень хотелось бы взглянуть.

- Если предположить, что это правда... хотя мне в это не верится, уже хотя бы потому, что непонятно, как можно было уничтожить и технологии, и их следы, и память о них - но допустим... и если вы сумеете найти в Тлукаляхане доказательства, неужели вы думаете, что вам позволяет оттуда выбраться?

- Я буду очень осторожен, разумеется. Постараюсь вести свое расследование так, чтобы они ни о чем не догадались. Может быть, напоминаю, и вариант, что тлукаляханцы действительно ни при чем. Что они - тоже жертвы. Прежде всего надо постараться собрать информацию. Потом будем делать выводы.

- Да, - согласился Локхарт. - Поезжайте и попытайтесь выяснить, что возможно... без чрезмерного риска. Надеюсь, ваша гипотеза не подтвердится.

- Разве вы бы не хотели, чтобы цивилизация сохранилась хоть где-то? - усмехнулся де Сегюр.

- Где-то? У врагов, уничтоживших мою страну, мою культуру, весь наш мир? Нет уж, лучше новый ледниковый период, астероид, супервулкан или что там еще вы предполагали

раньше.

- Pereat mundus, fiat justitia, - кивнул граф - Пусть погибнет мир, но торжествует справедливость - так?

- Я не настолько максималист, как вам кажется, - усмехнулся Локхарт в ответ. - Я бы сформулировал чуть иначе - пусть погибнет мир, но не торжествует несправедливость. Тоже, кстати, неплохой девиз для герба...

- Ладно, - дипломат поднялся. - Значит, разрешение получено. Благодарю, командир.

- Только все-таки помните о первоочередной задаче миссии. Не поставьте ее под угрозу ради вашей гипотезы, которая пока всего лишь гипотеза. А гроггендорская угроза - реальность.

- Разумеется, - кивнул де Сегюр. - Мы выезжаем в Боденкрабб уже завтра, дабы отплыть сразу же, как будут получены все согласования и позволит погода.

- Удачи, посланник.

- И вам, - снова кивнул дипломат. - Сейчас такие времена, что не знаешь, где она нужнее - в море или на суше. Впрочем... когда они, по существу, были иными?

Он подошел к двери, но на пороге вновь обернулся:

- Я не знаю, когда мы теперь увидимся, командир... так что вы позволите дать вам на прощание небольшой совет? Вместо, так сказать, покойного Якобсона, ибо хороший дипломат должен быть и психологом...

- Какой совет? - нахмурился Локхарт, которому не понравилось это вступление.

- Никогда не верьте человеку, который говорит, что не может без вас жить. Это не обязательно сознательная ложь, это может быть искренним заблуждением, но это в любом случае неправда.

- Никто мне такого не говорил, - ответил Локхарт почти сердито. - С чего вы взяли?

- Нет, ну и хорошо, - согласился француз. - Просто имейте это в виду.

Он еще раз коротко поклонился и вышел.

Медно-рыжее солнце опускалось в синие воды Кирландского залива, словно надраенный таз, который решил ополоснуть небесный кок. Искрящаяся и переливающаяся дорожка тянулась от горизонта в бухту Боденкрабб, разрезанная вдали черным силуэтом стоящего на рейде корабля. Невысокие прозрачные волны с шумным хлюпаньем разбивались о заросшее водорослями подножие скалы - по сути, просто большого камня - торчавшей из воды возле берега. А на вершине скалы, свесив с уступа босые ноги, сидел с удочкой старик в подвернутых холщовых штанах и некрашеной рубахе из того же материала. На самом деле он был не так уж стар - всего-то 54 - но седая щетина, которой он зарос по самые глаза, и длинные седые волосы заставляли его казаться старше. В городе его знали многие - когда-то он был матросом, а списавшись на берег, заделался смотрителем маяка, точнее, сразу двух маяков, обозначавших проход между двумя мысами, обнимавшими бухту, словно клешни гигантского краба, благодаря которым и она, и весь город получили свое название. Оба маяка были слишком маленькими, без жилых помещений внутри - только винтовая лестница и фонарь наверху. Смотритель жил в маленьком домике у основания южного мыса, по коему доходил до маяка, зажигал (или гасил) фонарь, потом спускался в небольшой грот с внутренней стороны мыса, отвязывал укрытую там лодку, переправлялся на ней к северному мысу, там поднимался и проделывал свою работу на втором маяке, после чего возвращался обратно. Все вместе занимало немногим более получаса вечером и столько же утром (зимой работы не было вовсе - правда, не было и платы, приходилось жить на предыдущие накопления, что, учитывая скудость жалования смотрителя, было, конечно, неприятно). Ну еще периодически надо было привезти и поднять наверх с помощью талей очередную бадью со светильным маслом. Кроме того, в сильный шторм, когда плыть от одного мыса к другому на маленькой лодчонке было слишком опасно, приходилось обходить всю бухту кругом по берегу, и тогда путь между маяками вместо привычных десяти

минут занимал добрые два часа - но такое случалось нечасто. Все остальное время смотритель был свободен - чем не работа мечты? - и при этом отличался исключительно трезвым образом жизни и спокойным нравом (не то что иные отставные моряки с их вечной отговоркой "Я пью, чтобы снова ощутить морскую качку!"), так что, вероятно, не одна вдовушка, потерявшая мужа в море, согласилась бы связать с ним свою жизнь, но смотритель предпочитал одиночество. В хорошую погоду он часами просиживал с удочкой на камне у берега, иногда маша вслед уходящим судам или перебрасываясь словечком-другим с гребцами лодок, доставлявших грузы и пассажиров на рейд. Вот и сейчас он был занят тем же самым, хотя клонящееся к закату солнце намекало ему, чтобы пора бы уже сворачивать снасти, спускаться с камня и топать на мыс, дабы успеть вовремя зажечь оба маяка. Однако смотритель все чего-то ждал - наверное, поклевки, которая, говорят, особенно хороша на закате.

Тем временем в гавань прибыл целый караван экипажей, сопровождаемый отрядом солдат. Из карет выходили хорошо одетые господа и спускались по мосткам в лодки, которые, очевидно, должны были отвезти их к маячившему на рейде кораблю. Из последней повозки - это был закрытый фургон без окон - солдаты вытащили три длинных ящика, закутанных в рогожу, и по скрипящим и прогибающимся под тяжестью доскам также отнесли их в лодку, после чего сами сели на весла.

Старик проводил взглядом лодки, проплывшие мимо его камня в сторону корабля - особенно самую последнюю - после чего принялся поспешно сматывать свою удочку. Ему и впрямь нужно было теперь поспешить, чтобы успеть на маяк.

На самом деле рыбалка его не интересовала. На его крючке даже не было наживки. Зато своим наметанным глазом он прекрасно определял по осадке лодки вес груза. И он уже знал, сколько весят эти ящики, которые, несмотря на их очевидную тяжесть и неудобство переноски, солдаты транспортировали сами, не прибегая к помощи ни портовых грузчиков, ни гребцов. Ему не требовалось делить в уме массу на объем, чтобы получить точные цифры - он уже знал качественный ответ.

Только один груз на свете имеет такую плотность. Самый тяжелый из всех металлов[100].

Золото.

Смотрителю пришлось добираться до южного маяка бегом, а на северный он поднялся, когда уже смеркалось. Тем не менее, он успел. Корабль в это время уже поднял якоря и направлялся в открытое море, явно не собираясь задерживаться у берега на ночь. Смотритель несколько раз опустил и поднял заслонку фонаря, посылая сигнал, который пока еще не мог быть виден с отходящего судна - зато был хорошо виден далеко в море.

Ему действительно нравилась его работа смотрителя маяков, оставлявшая ему столько свободного времени. К сожалению, она очень плохо оплачивалась.

Ибикейские пираты платили намного лучше.

Де Сегюр стоял у левого борта, облокотившись на планшир, и смотрел на море. Небо было почти безоблачным, ветер - свежим, но не вполне попутным, так что корабль шел крутым бакштагом правого галса, наискосок взрезая пологую волну с легкими барашками. На фоне этих барашков, периодически вспенивавшихся до самого горизонта, граф не сразу обратил внимание на маленькие треугольники белых парусов, показавшиеся вдали слева-сзади. Однако постепенно они увеличивались, и не заметить их было уже невозможно. Какое-то судно шло им наперерез.

Очевидно, его должны были уже заметить и матросы - де Сегюр не допускал мысли, что он, непрофессионал, единственный, кто его видит - однако никакой тревоги на борту не поднялось. Тем не менее, граф подошел к вышедшему на палубу капитану и указал ему на неизвестный корабль.

---

[100]Доступных в средневековом мире.

- Да, сэр, мне уже доложили, - ответил тот. - Это, очевидно, наш эскорт.

- От пиратов? - нахмурился де Сегюр.

- От флота Ибикейской республики, - усмехнулся капитан в ответ.

- Разве они должны нас сопровождать? Мне говорили, что они лишь гарантируют нам безопасный проход со своей стороны, а не пойдут вместе с нами. Вы ведь понимаете, посольскому судну ее величества было бы не только... унизительно, но и попросту неуместно прибыть в тлукаляханский порт в сопровождении пиратов. Особенно учитывая, что мы как раз намереваемся обсудить с императором тему борьбы с ними.

- Ну, наверное, при подходе к Тлукаляхану они отвернут, - пожал плечами капитан.

- Но мы можем встретить другие суда, в том числе тлукаляханские, до того, как подойдем к берегу. И они станут свидетелями подобного сопровождения.

- Как будто тлукаляханцы сами не имеют с ними дело постоянно, - скривился капитан. - Едва ли не все их рабы, которые не родились там, куплены у пиратов.

- Да, и это весьма прискорбно, что тлукаляханский престол смотрит сквозь пальцы на подобную торговлю, - кивнул де Сегюр. - Но одно дело - частные тлукаляханские торговцы, а другое - корабль официальной делегации ее величества.

- Ну, я-то что могу поделать, сэр, - ответил капитан. - Обратитесь к лорду послу, - он имел в виду главу айринтийской делегации графа Вельтронда, - ему виднее, как именно с ними договорились. Это ваши дипломатические дела, а мое дело - корабль вести.

Де Сегюр снова посмотрел на чужой корабль, который стал еще ближе.

- Тогда у меня вопрос по вашей специальности - мы можем уклониться от встречи с ними?

- Вряд ли, сэр, - покачал головой капитан. - У них скорость больше. Это типичное ибикейское судно - трехмачтовая каракка с косыми парусами на всех мачтах. Они могут идти бейдевиндом быстрее, чем мы бакштагом.

- И почему у нас не строят таких судов, - проворчал де Сегюр.

- Наш корабль устойчивей в бурю, сэр. На море моряку грозят две опасности - бури и пираты. С пиратами договориться можно, а вот с бурей навряд ли.

Пиратский корабль все приближался, и де Сегюр, не утерпев, пошел стучаться в каюту Вельтронда. Тот, явно недовольный тем, что его побеспокоили - похоже, несмотря на довольно уже позднее утро, он все еще спал, - пробурчал, что соглашение с ибикейцами не предусматривало никаких эскортов - во всяком случае, появляющихся в поле зрения. Впрочем, он, как и капитан, настаивал, что беспокоиться нечего - когда ибикейцам уплачено, они честно выполняют свою часть сделки. Они ведь понимают, что в противном случае вместо регулярного источника денег получат войну.

- Но ведь у них не настоящее государство, а практически анархическая вольница, - заметил де Сегюр. - Притом, что даже и в настоящем государстве бывают свои преступники, не повинующиеся его законам. Что, если какой-нибудь капитан решит нарушить то, что подписали от его имени?

- Сто семьдесят лет назад был такой прецедент, - нехотя ответил Вельтронд. - Голову этого капитана ибикейцы потом сами доставили в Велленфорт с извинениями. А его судно с экипажем, в полном составе повешенным на реях, еще долго дрейфовало по морям в назидание всем встречным.

- А если эта каракка вообще не ибикейская? Может нам в этих водах угрожать кто-нибудь еще? Я понимаю, что ни тлукаляханский, ни гроггендорский военный флот не посягнет на посольский корабль - но как насчет частных судов?

- В обеих империях с ними сделают примерно то же самое, что и с тем капитаном. Частники нападают только на частников, это неписанное правило. Никогда - на государственные корабли.

- А как вообще становится известно о подобных преступлениях, если, допустим, не останется живых свидетелей?

- Экипаж корабля, подвергшегося нападению, бросает в воду бутылки с названием напавшего корабля. Это намного надежнее, чем может показаться. К какому бы берегу ни прибило бутылку, известие будет передано соответствующему правительству, независимо от натянутости отношений между странами. Может быть, конечно, и так, что бутылку не найдут вообще никогда, или найдут через сто лет. Но надеяться на это - слишком большой риск.

Час спустя пиратская каракка подошла вплотную к посольскому кораблю (это, кстати, тоже была каракка, но более широкая и тяжелая и с прямыми парусами). Теперь уже не было сомнений, что это именно пираты - на мачте трепетал черный ибикейский флаг (не череп и кости, а рука, держащая ключ; изначально этот символ был позаимствован из родового герба адмирала Когбурга, а теперь обычно трактовался в смысле "в наших руках - ключ от всех морей!"). Не вызывала особых сомнений и выстроившаяся вдоль борта команда из по меньшей мере восьми десятков человек - в доспехах (кольчуги и бригантины, а кое у кого даже и кирасы и шлемы), с мечами и саблями, а на высоких надстройках на носу и на корме - еще и с натянутыми луками. На посольской каракке было сорок матросов (не имевших доспехов и по большей части вооруженных одними ножами, и лишь некоторые - саблями) и только две дюжины солдат, составлявших почетный эскорт посольства (большему количеству в Тлукаляхане все равно не позволили бы сойти на берег, а в море никаких стычек не ожидалось).

- Никому не обнажать оружия! - потребовал Вельтронд. - У нас с ними договор!

- А где название их судна, граф? - негромко спросил де Сегюр.

Действительно, люди на борту посольской каракки, с тревогой всматривавшиеся в ухмыляющиеся лица вооруженных ибикейцев, не сразу обратили внимание на самое главное - название на носу и на корме пиратского корабля было завешено просмоленной парусиной, которая выглядела такой же темной, как и дерево корпуса.

Сообщать в бутылке было нечего.

Через борт полетели абордажные крючья, подтягивая суда друг к другу, а затем пираты перебросили трап. Первым на борт посольского судна шагнул, улыбаясь во весь рот, рослый субъект с густой гривой черных волос и роскошными усами, в сверкающей на солнце кирасе и с укороченным эстоком в руке, но при этом босой, как, кстати, и многие члены его команды. Очевидно, это был капитан. За ним переходили и перепрыгивали его люди. Айринтийские солдаты и матросы пятились от них, не смея браться за оружие - по причине не только отданного им приказа, но и нацеленных на них луков.

Вельтронд вышел навстречу предводителю пиратов со свитком в руке.

- Приветствую вас, капитан, - сказал он, - но прошу убрать ваших людей с моего судна. У нас договор с вашим Генерал-капитаном, - он развернул свиток перед носом пирата.

- Так, так, - покивал тот. - Теперь велите всем своим людям выйти на палубу. Мы должны убедиться, что это то самое судно, о котором нам сообщили.

- Я же уже предъявил вам бумагу с печатью, чего вам еще?

- Мы должны убедиться, - повторил главарь пиратов почти ласково.

- Хорошо, - буркнул Вельтронд, поворачиваясь к капитану своего корабля: - Позовите, кто там еще в каютах...

- Тем временем, - продолжал усач, - прошу всех бросить за борт ваше оружие. Клянусь Святой Троицей, что мы не тронем никого, кто будет сотрудничать.

Солдаты растерянно озирались, неуверенно берясь за эфесы своих мечей. Если сейчас вместо того, чтобы выбросить их, кинуться в решительную атаку, пусть и на более чем втрое превосходящего противника...

- Делайте, как он говорит, - велел Вельтронд.

Мечи, сабли и ножи полетели в воду. На палубу вышли оставшиеся матросы и пассажиры

и вынуждены были исполнить тот же ритуал.

- Хорошо, - кивнул предводитель пиратов, затем сделал знак своим людям, и те принялись бросать под ноги айринтийцам куски веревки. - Теперь попрошу матросов связать руки за спиной солдатам и пассажирам. Просто мера предосторожности, пока мы проверим груз. Да смотрите, без глупостей, затягивайте хорошенько!

- Что дальше? - воскликнул де Сегюр. - Он велит им перерезать нам горла? Во исполнение своего обещания не убивать нас самолично?

- Нет, нет, - откликнулся усач успокаивающим тоном. - Никто никого не будет резать, если вы, конечно, не станете на этом настаивать. Просто рутинные меры безопасности.

Когда матросы связали остальных, половине из них было предсказуемо приказано проделать то же со второй половиной. Затем повторили ту же процедуру с двадцатью и десятью. Когда осталось пять, одному велели связать остальных, а потом лечь на палубу лицом вниз. Пока связанные пленники стояли под прицелом лучников, другие пираты быстро, но тщательно обыскивали весь корабль. Наконец послышались торжествующие крики, и на палубу выволокли тяжелые ящики. Несколько пиратов, поддевая доски мечами и саблями, с хрустом выломали крышки - и палубу огласили радостные вопли, когда взорам сгрудившихся вокруг ибикейцев предстали упакованные в опилки, но все равно ярко сияющие на солнце золотые статуи.

Дарить Божественному императору Тлукаляхана золотые монеты или слитки, словно какому-то купчишке, было совсем уж неприлично, поэтому золото отлили в форму статуй - художественные достоинства коих, впрочем, не сильно превосходили типичный ассортимент сувенирных лавок. И последнее обстоятельство было уже не оскорблением, а как раз-таки тонкой формой вежливости, предоставляя тлукаляханскому владыке полную свободу выбора: с одной стороны, ему было бы не зазорно использовать эти статуи в качестве украшения (ну, может, не главной залы дворца, а спален каких-нибудь наложниц), а с другой - не жалко просто переплавить, если бы он предпочел использовать их именно как золото.

Не переставая радостно галдеть, пираты поволокли добычу к себе на судно.

- Это собственность тлукаляханского императора! - наконец грозно возвысил голос Вельтронд. - Вы ответите за это! Вас всех посадят на кол, если раньше не прикончат свои!

- В самом деле? - усач, проследивший за благополучной перегрузкой трофеев, обернулся к связанным айринтийцам. - А кто им всем об этом расскажет?

- Вы же поклялись никого не трогать! - в отчаянии крикнул молодой матрос.

- А мы и не будем, - пожал плечами главарь пиратов, переходя по трапу к себе на борт. Его подчиненные, отцепляя абордажные крючья и поднимая за собой трапы, также перебрались туда.

- Поджигайте корабль, - кивнул им их предводитель.

На палубу обреченной посольской каракки полетели пылающие факелы и горшки с маслом.

- Стойте! - закричал во весь голос де Сегюр. - Вы не знаете самого главного! В каюте посла, вторая справа на корме, есть тайник! Фонарь под потолком - это вовсе не фонарь! Если отвинтить крышку, под ней спрятаны семь уникальных, самых крупных драгоценных камней из королевской сокровищницы Айринтии!

- В самом деле? - главарь пиратов быстро перебежал обратно на посольское судно и, совершая отчаянные скачки босыми ногами через лужи горящего масла, помчался на корму. Еще несколько пиратов после секундного промедления устремились за ним.

- Что вы наделали? - в отчаянии воскликнул Вельтронд, поворачиваясь к де Сегюру. - Зачем? Надеетесь спасти свою жалкую жизнь? Они все равно никого не оставят в живых, им не нужны свидетели!

- Я знаю, - улыбнулся де Сегюр. - Но я отомстил за нас.

Если бы драгоценности просто ушли на дно вместе с кораблем, от этого все равно никому

не было бы пользы. Но они еще могли послужить торжеству справедливости.

Золотые статуи не составляло труда распилить или переплавить, разделив добычу поровну между всеми грабителями (или как там принято делить добычу у пиратов). Но семь драгоценных камней не делятся на восемьдесят. И ценность каждого из них слишком велика, чтобы согласиться отдать такую добычу другому, даже в обмен на его долю золота. Значит, резня за право обладать ими начнется задолго до того, как каракка сможет вернуться в свой ибикейский порт. А у последних семи счастливчиков - если они сумеют остановиться хотя бы тогда - просто не хватит сил, чтобы управиться с таким кораблем.

Похоже, скоро в этих водах появится еще один "летучий голландец" с мертвым экипажем, дрейфующий в назидание другим.

Усач с фонарем подмышкой и его сообщники вновь выбежали на палубу. Судя по выражению их лиц, они уже успели заглянуть внутрь. Будь они поумнее, они бы притворились, что ничего не нашли... впрочем, нет, остальная команда точно заподозрила бы их во лжи.

Как ни спешил пиратский капитан покинуть горящий корабль, он все же на миг остановился перед де Сегюром.

- Благодарю вас, сэр, - сказал он. - Думаю, вы заслужили легкую смерть.

Резким движением он воткнул свой эсток в грудь француза и тут же выдернул. Этим, правда, он нарушил свой обет "никого не трогать", но ведь он совершил это ради милосердия! Он был уверен, что с точки зрения Святой Троицы такое клятвопреступление - заслуга, а не грех.

Дипломат упал на дощатый настил, не переставая улыбаться.

Так умер Арман Луи Франсуа Максимилиан, последний граф де Сегюр.

Эндшпиль

Эй, вставайте, кто ещё остался,
Встанем гордым строем среди руин.
Кто ещё помнит и кто не сдался.
Я не верю, что я один
Защищаю свой город.

Тэм Гринхилл

И жизнь закончена, и война,
Нас покидает последний страх.
В глазах - лишь моря голубизна,
Улыбка легкая на губах...

Скади

Август выдался погожим, и солнце все еще светило с безоблачного неба с летней беззаботностью, без того оттенка неизбежной печали, что обыкновенно ощущается в преддверии осени. Но атмосфера в княжеском замке Айзеншлосса оставалась унылой и мрачной. Казалось, самый воздух здесь был тусклым, пыльным и душным, несмотря на то, что замок стоял на вершине холма, открытый солнцу и ветрам, и на регулярные усилия слуг, драивших стекла, полы и мебель. Отчасти это, конечно, объявлялось самой архитектурой древнего замка, возведенного, как и всякая крепость, не для радости, а для войны - с его узкими окнами-бойницами, толстыми стенами и тяжелыми сводами. Виноват был также и продолжающийся ремонт, из-за которого в воздухе, несмотря на все старания уборщиков, постоянно висела мелкая пыль, а стук молотков, доносящийся сквозь все толстые перекрытия, приводил Арвика в бешенство - хотя князь[101] понимал, что не может отменить эти работы и не может даже съехать куда-нибудь до тех пор, пока они не будут закончены (чего, учитывая масштабы разрушений, предстояло ждать, очевидно, не один год). Никакой закон, естественно, не мешал ему поселиться, где он пожелает, в пределах его владений - но замок был не просто местом для жилья (далеко не самым удобным). Он был символом. Символом его статуса, который он обязан поддерживать, если желает должного уважения к своей власти.

Статуса князя Хильдского. И не более чем. Отныне и навсегда.

Он, конечно, старался утешать себя мыслью, что его дорогой сестричке фактически тоже досталась лишь половина страны. Но, во-первых, он не хотел половину. Он хотел все. Во-вторых, он категорически не желал видеть ее на троне - каком угодно троне, пусть даже ослабленном и уполовиненном. Он желал видеть ее либо мертвой, либо, еще лучше, посаженной на цепь в каземате, в том виде, в каком они держали его мать (которую он, впрочем, совершенно не помнил и о которой вспоминал лишь для того, чтобы питать свою ненависть). А в-третьих, ее трон даже не был уполовиненным. Он, Арвик, по-прежнему оставался ее вассалом, и это не была "всего лишь пустая формальность", как убеждал его фон Клюйст. Он стоял перед ней на коленях! И должен будет встать снова, если она найдет повод того потребовать!

Но дело было даже и не только в этом.

Сумрачную атмосферу замка обеспечивали не только маленькие окна, темное дерево громоздкой старинной мебели и взъевшаяся в камни многолетняя копоть. Он, словно король из

[101]В оригинале его титул по-прежнему prince, поскольку это значит и "принц", и "князь".

забытой сказки, распорядился убрать все зеркала из всех помещений, включая спальню его жены. И предпочитал теперь принимать посетителей (чего делать не желал, но чего требовали его княжеские обязанности) при задернутых шторах.

Его левая рука уже не была жалкой и бесполезной культей. Протез для нее изготовил самый искусный мастер. Пять блестящих металлических пальцев приводились в действие винтом с внутренней стороны запястья. Если крутить винт вправо, пальцы сжимались, и их полная сила сжатия (требовавшая, правда, большого количества оборотов) намного превосходила силу живой руки. Чтобы разжать их, надо было крутить винт в обратную сторону. Он бы даже мог снова сражаться этой рукой, зажав в ней топор или булаву (но не меч, требующий не только крепости хватки, но и гибкости кисти). Правда, и весил протез немало - но Арвик никогда не снимал его, даже ложась в кровать.

Но лицо... ничего нельзя было поделать с лицом. Одно время он обдумывал, не носить ли маску, но отказался от этой идеи. Ибо это означало фактически расписаться в собственном унижении. Показать своим врагам, насколько он страдает. К тому же - никакая маска, даже полностью скрывшая отрезанную губу, выбитые зубы и ужасный шрам до самого уха, не улучшила бы его дикцию. То, как он говорил теперь, шепелявя и брызгая слюной (после каждой пары фраз приходилось вытирать подбородок)... он все еще мог сражаться обеими руками, но он уже не мог обратиться с воодушевляющей речью к войску или своим подданным. Над ним будут смеяться. Его будут передразнивать. Его, Арвика Йоргелинга Айринтийского, потомка великих королей!

Хильдского, снова напомнил он себе. Всего лишь Хильдского. Этот титул успел уже стать ему почти столь же ненавистным, как и прежде "граф Дункельт". Проклятые гроггендорцы, обещавшие ему трон и вынудившие в итоге принять эту жалкую подачку. Все предали, абсолютно все...

В дверь постучали - так робко и деликатно, что Арвик, погруженный в свои мрачные мысли, не обратил внимания на этот звук. Стук повторился, чуть более настойчиво - но все равно это явно был кто-то из прислуги (и точно не Бурый). "Войдите!" - крикнул Арвик (в его исполнении теперь это звучало примерно как "шойдите").

Не поднимая глаз, вошла, действительно, служанка в коричневом платье с белым передником и чепце, из-под которого свисали жиденькие светлые волосы. Слуги теперь старались не смотреть Арвику в лицо, и он сам не знал, что злит его больше - когда на него пялятся или когда отводят глаза. Пожалуй, второе все же было более правильно - негоже слуге смотреть на господина, как на равного, даже если у того все в порядке с лицом.

Девушка тщательно притворила за собой дверь и сделала торопливое подобие книксена, все так же продолжая смотреть в пол. Из-за этой ее манеры, а также из-за царившего в комнате с задернутыми шторами полумрака, князь практически не видел ее лица - но, кажется, она была очень молода (наверное, лет семнадцать) и при этом не слишком привлекательна. Такая типичная серая мышка, каких обожают делать своими подругами красавицы, не опасаясь с их стороны конкуренции и желая, наоборот, дополнительно выиграть на их фоне. Арвик не мог припомнить, чтобы видел ее раньше - хотя он, безусловно, и не обязан был знать всю прислугу. Впрочем, у него на миг мелькнула мысль, что человеку, чьей смерти желают могущественные враги, не стоит столь пренебрежительно относиться к появлению незнакомцев, но он тут же успокоил себя тем соображением, что никакая переодетая служанкой шпионка не смогла бы пройти в замок и тем паче в его личные покои без тщательной проверки. Бурый бы этого точно не допустил - хотя он и не был дворянином, он был теперь возвышен князем из простых телохранителей в начальники его личной охраны и сумел организовать таковую уж точно не хуже, чем в свое время чертов изменник Дармонт.

- Что тебе? - буркнул Арвик, недовольный, что его беспокоит столь незначительная особа. Неужели мелкий хозяйственный вопрос - а ничто более серьезное подобной девке явно не могли

доверить - некому решить, кроме самого князя Хильдского?

- Я Тереза, мой лорд, - ответила та тихим голоском скромницы, полностью отвечавшим ее внешности. - Младшая сестра Мелиссы.

Арвик не знал и знать не желал, кто такая Мелисса, и собирался уже резко ответить служанке, что спросил ее не об этом, но она продолжала:

- Камеристки леди Алиссы.

- Так тебя прислала моя жена?

- Она, то есть моя сестра, взяла сейчас отпуск, а я, видите ли, ее замещаю, - продолжала ровным тихим голоском Тереза, игнорируя его вопрос и, похоже, произнося заранее выученную речь. Арвик, несмотря на все свое раздражение, сообразил, что лучше не перебивать ее, а то она, пожалуй, начнет от страха запинаться и путаться.

- Перед своим отъездом Мелисса просила меня ровно через неделю передать вам письмо, мой лорд. Сказала, что оно очень важное...

- Так отчего ж ты передаешь его только через неделю?! - возмутился Арвик, Но Тереза лишь повторила: "Сказала, что оно очень важное", - и извлекла из кармана на фартуке сложенную и запечатанную простым сургучом без всякого оттиснутого знака бумагу. Князь выхватил у нее послание, уже чуя нутром, что дело не к добру и речь вовсе не о хозяйственном вопросе или, скажем, прошении о прибавке к жалованию.

- Она сказала, вам, наверное, не понравится то, что там написано, - подтвердила его подозрения Тереза, - но вам непременно надо прочитать все до конца, мой лорд.

Арвик сломал печать и стал читать.

Когда он вновь поднял глаза на Терезу, взгляд его был так страшен, что девушка невольно попятилась и ударилась спиною о ею же закрытую дверь.

С полминуты Арвик боролся с неистовым желанием избить ее, растоптать ногами, задушить, размозжить ей голову... - но, наконец, процедил сквозь оставшиеся зубы:

- Ты знаешь, что здесь написано?

- Нет, мой лорд! - поспешно пролепетала девушка, мотая головой для убедительности. - Клянусь Троицей! Мелисса мне только сказала, что вам непременно нужно дочитать до конца...

- Это все ложь! Грязная пачкотня! - слюни летели у него из дыры во рту, несколько капель попали на лицо служанке.

- Если вы так говорите, мой лорд, - поспешно согласилась Тереза, не отваживаясь даже утереться.

- Твоя сестра - лживая шлюха!!!

- Как вам будет угодно, мой лорд, - Тереза не посмела спорить и с этим.

- Я повешу ее на воротах! И тебя вместе с ней!

- Мой лорд! - служанка в ужасе упала на колени, складывая руки перед грудью.

Но Арвик уже понял, что весь его гнев бесполезен. Мелисса недаром обеспечила себе фору в неделю, чтобы добраться туда, где она будет в безопасности. И где, случись что-нибудь с Терезой, она даст показания, которые будут там выслушаны с чрезвычайной охотой и вниманием. Показания о том, что ее госпожа Алисса Йоргелинг, княгиня Хильдская, состоит в давней предосудительной связи со своим вассалом, капитаном Барретом, коий опекал ее еще девочкой и у коего она в итоге нашла утешение, удрученная отсутствием мужской ласки вследствие длительных отлучек и половой слабости своего законного супруга лорда Бургхельма. И что именно оный Баррет и не кто иной и является сеятелем того семени, что ныне вызревает во чреве княгини Алиссы (так цветисто выражалась Мелисса, не иначе как почерпнув подобный стиль из рыцарских романов). В чем Мелисса готова свидетельствовать под присягой перед высоким королевским судом в Дракенхайме, подкрепив свое свидетельство и некими материальными доказательствами упомянутой интимной связи, благоразумно ею сохраненными. Впрочем, она готова молчать об известной ей тайне, щадя чувства заинтересованных сторон, но,

поскольку она решила оставить службу у леди Алиссы и лишается тем самым постоянного дохода, она рассчитывает на скромную компенсацию в качестве ответной любезности. Размер "скромной компенсации", разумеется, далеко превосходил самое щедрое жалование любой служанки.

Все-таки это оказалась просьба о повышении жалования, криво усмехнулся Арвик (впрочем, усмехаться не криво он теперь не мог физически).

Несмотря на только что выкрикнутые слова, он ни на секунду не усомнился, что прочитанное - правда. Все сошлось один к одному. Никаких иллюзий относительно чувств его супруги к нему он не питал, да она, собственно, с самого начала и не пыталась изображать таковые. И та поспешность, с которой, по ее настоянию, был заключен этот брак, вопреки всем традициям и нормам приличия... "Мы с вами оба в отчаянном положении, каждый по-своему", сказала она ему в день их первой встречи. Только теперь Арвик понял истинный смысл этих слов.

Почему Мелисса оставила ему сестру в заложницах, а не забрала с собой на юг, он тоже прекрасно понял. Она, конечно, тварь, но не дура (точь-в-точь как и ее госпожа, да). И понимает, что он тоже не дурак - а стало быть, не пойдет на сделку, не получив никаких гарантий. Пока Тереза в его руках - это его гарантия, что Мелисса будет играть честно, а не попытается, скажем, сперва получить деньги от него, а потом таки продать тайну его врагам. Которые, конечно, дорого дадут за сведения, что его наследник, коему судьбой предназначено вновь объединить всю Айринтию под своим скипетром - на самом деле бастард, не имеющий никаких прав не то что на айринтийский, но даже на хильдский престол...

Впрочем, залог, конечно, так себе. Вряд ли эта сука Мелисса сильно расстроится, даже если он выпотрошит Терезу живем - учитывая, какую "скромную компенсацию" она получит за это от той стороны. И не факт, кстати, что она не умудрится урвать еще и что-нибудь от Гроггендора!

Арвик яростно сжал письмо в кулаке. Его первым порывом было швырнуть бумагу в камин (не горевший по летнему времени), вторым - разорвать ее на мелкие клочки (но это было затруднительно сделать одной рукой и протезом), но потом он решил пока сохранить улику, которая пригодится ему прямо сейчас, и стремительно зашагал к выходу. Тереза, все еще стоявшая на коленях, едва успела отпрянуть с его пути. Он подавил желание пнуть ее на ходу, не желая попусту расплескивать свою ярость. Возможно, он убьет ее потом. А впрочем, эта малолетняя дура, скорее всего, и в самом деле ничего не знает, раз осмелилась явиться к нему с этим листком вместо того, чтобы бежать отсюда как можно дальше. Даже не догадывается, как подставила ее родная сестричка. Для сестричек такое вообще типично...

Воплощением праведного гнева, тяжкой поступью неумолимого возмездия (как, вероятно, написали бы все в тех же рыцарских романах) он быстро прошагал по коридорам замка, одним своим видом заставляя стражников вжиматься в стены, и ворвался в спальню своей жены.

Алисса полулежала в постели, обложившись подушками - в последнее время, ссылаясь на свое состояние, она взяла манеру не вылезать из кровати по полдня - и читала книгу. Арвик понятия не имел, какую, и это интересовало его меньше всего - но уж точно не рыцарский роман, подобное чтиво она презирала. Когда за спиной Арвика захлопнулась дверь, княгиня подняла на него взгляд от книги, и от Арвика не укрылась мгновенная брезгливая гримаса, мелькнувшая на ее лице. Она смотрела на него так уже не в первый раз после "счастливого воссоединения" супругов в Айзеншлоссе, и дело было не только в его увечье. Она презирала его как неудачника, не оправдавшего ее надежд. Она поставила на него все и дала ему все, что только могла дать - а он умудрился проиграть битву, бездарно угробил ее людей, сжег ее лес (ну ладно, не он сам - но по его вине это сделали другие), вынудил ее бежать из собственного замка - и все это лишь ради жалкого утешительного приза. Конечно, формально титул княгини

Хильдской был выше, чем графини Зольтен-Бургхельм. Но фактически, если бы ее супруг стал коннетаблем всей Айринтии, это, пожалуй, дало бы ей больше возможностей и влияния, чем положение жены Хильдского князя. Во всяком случае, она, пусть даже и не в статусе королевы, оказалась бы при *настоящем* дворе - куда отныне ей, разумеется, путь заказан. Да, она прожила почти всю свою жизнь в лесу, и в свое время это романтическое уединение ей даже нравилось (или же она внушала себе такую мысль) - но тем острее она теперь жаждала наверстать упущенное. Жаждала настоящей светской жизни в настоящей столице, а не жалкой пародии в Айзеншлоссе, невыносимо провинциальном несмотря на всю свою "первопрестольность" - особенно теперь, когда в новом-старом княжестве почти не осталось настоящих аристократов - верные Арвику полегли в бою, верные Элинор перебрались на юг. Вдов и дочерей, правда, хватало, чтобы обеспечить ее фрейлинами, но не они придают блеск двору и не они делают политику...

- Шлюха! - рявкнул Арвик, обильно брызгая слюной из дырявого рта.

Алисса приподняла бровь с видом скорее удивленной иронии - "надо же, табуретка заговорила!" - нежели обиды или, тем паче, испуга.

- Я все знаю! - продолжал Арвик, не задумываясь, насколько пошло звучит эта фраза в данном контексте. - Все, про тебя и про твоего Баррета! И про то, чей это на самом деле ребенок!

- Держите себя в руках, сэр, - холодно осадила его Алисса. - Помните о своем достоинстве... и о моем, кстати, тоже. Не к лицу князю повторять какие-то лживые сплетни.

- Это не сплетни, а лжив здесь кое-кто другой! - крикнул Арвик, потрясая мятым письмом. - У меня есть письменные показания! Твоя камеристка пыталась бежать на юг, чтобы продать эти сведения узурпаторше, - согласно подписанным им условиям Айзеншлосского мира, он официально признал Элинор законной королевой, но сейчас ему было в высшей степени плевать на принесенные тогда клятвы, - но мои люди перехватили ее и заставили во всем признаться!

Он счел, что такая версия, согласно которой Мелисса находится у него в руках и дает показания на допросе, а не шантажирует его из безопасного далека, будет для Алиссы более убедительной и не позволит прятаться за отговорками, что-де это всего лишь выдумки неблагодарной мерзавки.

- Ваши костоломы заставят кого угодно сознаться в чем угодно, - не потеряла самообладания Алисса. - Подумайте лучше, *кому* выгодна подобная клевета и *кто* мог ее вбросить.

- Очень скоро мы узнаем, клевета это или нет, - зловеще посулил Арвик, - когда сличим показания Мелиссы с показаниями самого Баррета. В настоящее время его уже разыскивают.

На самом деле он не успел отдать такой приказ - был слишком взбешен и помчался прямиком к жене - и теперь уже жалел об этом. Но она не могла этого знать - да и, в любом случае, несколько минут ничего не решают. И если этот старый подонок хоть в какой-то степени ей небезразличен...

- Ладно, - решилась княгиня после краткой паузы. - Не будем больше ломать комедию. Поговорим как разумные люди. Вы ведь с самого начала знали, что наш брак - чисто политический, не так ли? И теперь вы не можете не понимать, что в ваших интересах - признать этого ребенка, а не поднимать скандал, который не принесет вам ничего, кроме урона не только для вашей чести, но и для ваших политических перспектив. Для которых только лучше, если наследник появится на месяц раньше, чем если бы он был зачат с вашим участием.

- Вот, значит, как, - произнес Арвик уже почти спокойно (но если бы Алисса потрудилась узнать его лучше, она бы знала, насколько обманчиво это спокойствие). - Значит, вы обо всем подумали. А Баррет? Хотя бы он должен быть... удален.

- Зачем же удалять преданного мне солдата? Если его преданность мне и моему будущему

ребенку, помимо вассального долга, обеспечивают еще и личные мотивы - так это только хорошо, а не плохо. И, разумеется желая блага этому ребенку, он никогда не раскроет тайны, которая подорвала бы его - или ее - права на престол. Так что Баррет никак не угрожает... нашим общим интересам.

- Так-так, - покивал Арвик, подходя ближе к ней. - Интересно - Бургхельму вы собирались сказать все то же самое? Ну, если бы вам так удачно не подвернулся я.

- Бургхельм - это дело прошлое, - на лице Алиссы мелькнула мгновенная тень досады. - К чему обсуждать то, что уже не вернуть.

- Ну почему же? - теперь глумливый оскал обезображенного рта сделался по-настоящему страшен. - Думаю, что могу воссоединить вас с вашим дражайшим супругом. А Баррета пришлю следом.

С этими словами он резко выбросил левую руку вперед и прижал ею шею Алиссы к подушке - а затем принялся правой рукой быстро крутить винт по часовой стрелке, сжимая металлические пальцы.

В первый миг княгиня, кажется, не могла поверить, что такая "немыслимая пошлость" может происходить всерьез, но потом принялась яростно сопротивляться. Увы, при всем своем уме - но и полном отсутствии подобного опыта - она совершила ту же ошибку, что и абсолютное большинство людей в такой ситуации: вместо того, чтобы стараться поразить противника в уязвимые места, они, повинуясь инстинкту, пытаются разжать и оторвать душащую их руку (или иной предмет), лишь впустую теряя время и силы, пока нехватка кислорода не сделает дальнейшую борьбу невозможной. И уж в особенности глупо было пытаться разжать таким образом механические пальцы. И даже когда она вцепилась двумя руками в запястье живой руки, крутящей винт металлической, ей не удалось пересилить мускулы рыцаря, привычные к тяжести меча, копья и брони.

В конце концов, как она не раз повторяла, она была всего лишь слабой женщиной.

Последняя дрожь агонии давно прекратилась, но Арвик, давая выход своей ярости, продолжал крутить винт, пока не услышал, как хрустнули шейные позвонки.

И в тот же миг у него за спиной распахнулась дверь.

Арвик не мог даже отскочить в сторону, выпустив свою жертву - для этого сперва требовалось полностью открутить винт в обратную сторону. Поэтому он лишь затравленно оглянулся через плечо, словно был не всевластным в своих владениях князем, а простым разбойником, пойманным на месте преступления.

Бурый шагнул внутрь и тщательно закрыл за собой дверь.

- Прошу прощения, сэр, - пробасил он. - Стражники видели, как вы шли сюда, и по вашему виду им показалось, что случилось нечто... неладное...

- Да, - проворчал Арвик, продолжая крутить проклятый винт, - был некоторый... инцидент. Но он уже исчерпан.

- Вижу, - спокойно кивнул Бурый, как всегда, не задавая никаких лишних вопросов.

- Вели срочно разыскать капитана Баррета, - Арвик, наконец, сумел высвободить металлические пальцы из багровых складок мертвой плоти.

- И прислать к вам?

- И убить! - рявкнул Арвик, раздраженный его непонятливостью.

- Да, сэр.

- Но, - спохватился князь, - это не должно выглядеть, как казнь. Это... покушение на нашего верного офицера, устроенное шпионами с юга.

- Да, сэр.

- И еще. В смерти княгини Хильдской, вызванной... осложнениями беременности, косвенно виновна ее камеристка Тереза, не позвавшая вовремя на помощь. По всей видимости, она также была подкуплена шпионами... а именно - действовала в сговоре со своей сестрой

Мелиссой, которая, к сожалению, уже успела бежать на юг, к своим дракенхаймским хозяевам. Следствие по делу произвести максимально быстро, приговор вынести и исполнить уже сегодня.

- Да, сэр. Что-нибудь еще?

- Ступай и распорядись.

Бурый, коротко кивнув, вышел. Арвик машинально прикрыв изувеченное горло Алиссы ее кружевным воротником, тоже повернулся к выходу - но вдруг остановился и подобрал с кровати выпавшую из рук княгини книгу. Как оказалось, она читала мемуары Евы-Лотты - одной из самых знаменитых гроггендорских королев, которая свергла своего мужа, объявив его слабоумным (после чего он, по официальной версии, в припадке разбил голову о стену) и благополучно процарствовала потом тридцать лет, выиграв за это время очередную войну с Бугенхольмом, подавив два мятежа (горных кланов, желавших возвращения прежних вольностей, и крестьян, недовольных военными поборами) и сменив две дюжины любовников. Одним из результатов этого блистательного царствования, правда, стало то, что законный, но нелюбимый сын Евы-Лотты, опасаясь разделить участь отца, сразу по восшествии на престол издал, а точнее, восстановил закон, запрещавший женщинам наследовать гроггендорский трон.

Надо было раньше поинтересоваться, что она читает, подумал Арвик. Тогда бы он лучше понимал ее планы и намерения.

Нет, моя дорогая Алисса, Евой-Лоттой тебе не бывать.

- Результат даже лучше, чем мы ожидали, ваше величество, - наконец-то Крамп мог отчитаться о своей работе с полным удовлетворением.

- Чем *вы* ожидали, Корнелиус, - поправила с улыбкой королева. - А я, зная его натуру, не сомневалась, что будет именно так. Что он не станет заморачиваться с разводом. А нам уже ни в каком будущем не придется доказывать, бастард или не бастард тот, кто теперь уже никогда не появится на свет.

- Не появится этот, но может появиться другой, мэм, - мрачно напомнил Зиглер. - При всем уважении, лично я бы предпочел, чтобы он, как вы выразились, заморочился. Любая задержка в стане противника нам на руку. А сейчас он, в принципе, может найти себе новую невесту в любой момент.

- И снова не соблюсти траур? - иронически приподняла бровь Элинор. - Не забывайте, по официальной версии он теперь - безутешный вдовец, оплакивающий любимую супругу и нерожденного сына. Он вынужден будет выждать минимум полгода уже хотя бы для того, чтобы отвести от себя подозрение.

- Что ему все равно вряд ли удастся, - заметил Крамп. - Притом, что репутация у него и без того была не блестящей, еще даже до того, как он поднял свой мятеж. А теперь еще физическое уродство - и то, как оно повлияло на его и без того истеричный нрав. Не думаю, что потенциальные невесты будут так уж рваться повторить судьбу Алиссы.

- Желающие все равно найдутся, - возразил Зиглер. - Несмотря на все это, он все-таки князь королевской крови.

- Найдутся, конечно, - согласилась Элинор, - но, возможно, такие, с какими он сам не захочет связываться.

- Кстати говоря, его официальная версия тоже не способствует притоку желающих, - заметил Крамп. - Он ведь уже успел обвинить в смерти жены наших агентов. Так что выходит, что это весьма опасное место для тех, кто пожелает его занять - с какой стороны ни посмотри.

- Ему бы следовало выбрать что-то одно - или "естественную смерть от осложнений", или шпионов, - усмехнулся канцлер.

- Он не мог удержаться от искушения лишний раз обвинить нас, - ответил Крамп почти что добродушно-снисходительным тоном.

- И, сам того не подозревая, попал в точку, - напомнила Элинор. - Честно говоря, даже я

удивилась, как легко оказалось добраться до этой камеристки и как дешево - ее купить.

- Я говорил в свое время еще покойному герцогу Бронгарскому, что есть два способа брать крепости, - невозмутимо произнес Крамп. - Один - послать многотысячную армию, а другой - подкупить самого ничтожного и незаметного из слуг, который откроет ворота.

- Полагаю, он ответил вам, что насчет крепости это преувеличение, - возразил Зиглер. - В хорошо охраняемой крепости кого попало к воротам не пропустят. И даже высокопоставленному офицеру не позволят выйти за рамки его полномочий.

- Значит, наш князь Хильдский плохо охранял свою крепость, - ответил Крамп все так же невозмутимо. - Что, впрочем, в его случае почти что извинительно, ибо все тайные проходы эта крепость открыла еще до того, как она стала, собственно, его.

Канцлер покосился на него неодобрительно, сочтя шутку слишком двусмысленной в присутствии королевы, но Элинор лишь осведомилась холодным деловым тоном:

- Эта Мелисса все еще у вас?

- Да, ваше величество, пока что мы за ней присматриваем на случай, если она нам еще пригодится. Хотя тема Алиссы Зольтен закрыта уже, видимо, окончательно...

- Но что-то вас смущает? Договаривайте, Корнелиус.

- Не то чтобы смущает, мэм, но есть одна странность. У меня не было уверенности, что он решится убить жену - тут вы в очередной раз оказались правы, мэм - но в чем я не сомневался, так это в том, что он расправится с ее любовником. Вне всякого сомнения, такой приказ был им отдан. Но, по всей видимости, не выполнен. Нет известий ни о казни Баррета за измену - ему, кстати, вполне можно было приписать таковую за оставление поля боя под Торринвортом, не затрагивая личные мотивы - ни о его убийстве "подосланными агентами". Капитан Баррет просто исчез.

- Тайно брошен в темницу для особо изощренной расправы? - предположила Элинор.

- Не думаю, мэм. Похоже, что он просто успел сбежать из Айзеншлосса. А сделать это он мог только в одном случае - если его предупредили.

- Так ли удивительно, что у него есть друзья при хильдском дворе?

- Не просто "при дворе", мэм, а в службе личной охраны князя, - коль скоро сторона королевы официально признала новый титул Арвика, Крамп упорно пользовался им, никаких больше "ублюдков". - А это очень закрытая структура. Пока что все попытки моего ведомства завязать там контакты были безуспешны. Кандидатуры туда отбирал небезызвестный Бурый, и зольтенцев среди них нет. Учитывая, как они повели себя под Торринвортом, у Арвика - и, соответственно, у Бурого - нет никаких оснований им доверять. Тогда князь предпочел не идти на прямой конфликт с женой, но вновь доверять ее людям свою жизнь не стал бы.

- Было бы интересно выйти на этого загадочного друга Баррета, - отметила Элинор.

- Именно так, мэм. Или на самого Баррета. Возможно, теперь он попытается бежать к нам и предложить нам свои услуги.

- Это ведь он организовал убийство Бургхельма? - напомнил Зиглер.

- Именно так, сэр. Но вряд ли сейчас в Айринтии есть более непримиримый враг князя Хильдского, чем он. Столь же - да, но более - вряд ли.

- Думаете, стоит предложить ему амнистию? - осведомилась королева.

- Если он выведет нас на этого предателя в личной охране князя, это позволит искупить его прошлые грехи, мэм.

- Погибших под Торринвортом уже не вернуть, - покачала головой Элинор. - И Айзеншлосский мир не денонсировать. Если мы попытаемся это сделать, Гроггендор начнет войну.

- Я сказал "грехи", но не сказал "все", ваше величество, - уточнил Крамп. - Некоторые - безусловно. Что до остальных... если капитан Баррет, пользуясь своими связями в личной охране князя, свершит свою персональную месть, никто не сможет обвинить в этом нас.

- Гроггендор сможет, - мрачно возразил Зиглер. - Во всяком случае, попытается. Ему нужен повод для войны.

- Таковой у него был с момента разгрома посольства, - напомнила Элинор, - но он им не воспользовался. Мы ждали вторжения все лето, но, похоже, теперь уже можем вздохнуть с облегчением. До распутицы в Айринтии остается месяц, максимум полтора. Притом, что в самом Гроггендоре она начнется раньше. Слишком мало времени для полноценной кампании, имеющей целью захват всей Айринтии. Гроггендор упустил окно возможностей и, скорее всего, в этом году войны уже не будет. Во всяком случае, так считают и Эбенрих, и Швертлинг, и Лоренберг. А к следующему году мы сумеем подготовиться лучше.

- Айзеншлосский мир спас нас, - сказал Зиглер. - Во всяком случае - позволил выиграть столь необходимое нам время. Я сам, разумеется, далеко не в восторге от его условий. Но это была лучшая из возможных альтернатив, и мы не должны подвергать его риску. Вполне возможно и даже вероятно, что Гроггендор еще попытается нас спровоцировать. Но мы не должны поддаваться на провокации - и уж тем более не должны создавать их сами. Пусть себе Арвик сидит, где сидит. Объективно говоря, сейчас он нам не мешает. Ненавидит нас, конечно, но это лишь эмоции и не более чем. Так что моя позиция, ваше величество - мы должны, безусловно, внимательно наблюдать за ним, но не должны трогать его сами. Ни через каких наемников или мстителей. Я бы даже, - добавил канцлер после короткой паузы, во время которой Крамп уже открыл рот, чтобы возразить, - в том случае, если этот Баррет обратится к нам, или мы выясним его местонахождение иным способом, выдал его Арвику. Одновременно оповестив об этом Гроггендор, дабы подчеркнуть, сколь тщательно мы блюдем условия мира.

- Рассчитываете на ответную благодарность? - холодно усмехнулась Элинор. - Едва ли вы ее дождетесь - что от одного, что от другого.

- Дело не только в благодарности, мэм, - возразил канцлер. - Хотя, конечно, в этом случае им будет сложнее организовать какие-либо провокации против нас. Дело в том, что нам самим не нужен новый хаос. Который, несомненно, возникает в княжестве Хильдском, оставшемся без князя и наследника. Сейчас ситуация худо-бедно, но стабилизировалась. И мы не заинтересованы в том, чтобы ее вновь расшатывать.

- Вы предлагаете отдать инициативу противнику, мой лорд, - откликнулся Крамп, - а это всегда считалось плохой стратегией. Кроме, конечно, ситуации, когда таким образом противнику дается возможность самому насадить себя на кол. Но я не вижу, где в данном случае находится этот кол. Если князь сам нарушит договор, Гроггендор уж точно не поможет нам усмирить его - а если и предложит такую помощь, нам придется от нее вежливо отказаться. Ибо, сами понимаете, если мы пустим имперских козлов в наш огород, то обратно уже не выгоним.

- Как выражается барон Локхарт, лучше сократить число неизвестных в уравнении, - заметила Элинор. Ее собеседники достаточно знали математику, чтобы не нуждаться в пояснении.

- Насколько я понимаю, князь Арвик как раз - величина вполне известная, - возразил Зиглер. - Особенно вам, ваше величество. А вот что придет на его место в случае его устранения - действительно неизвестно. Во всяком случае, - слегка возвысил голос канцлер, видя, что Крамп снова желает возразить, - до тех пор, пока он не обзаведется новой невестой. Что, кстати, как раз и может стать тем колом, о котором вы говорили, сэр - если вы не станете ждать пассивно, в чем я с вами полностью солидарен, а сумеете взять процесс под свой контроль.

- То есть подсунуть ему нашу кандидатуру? - понял Крамп. - С тем, чтобы она его...

- С тем, чтобы она оказывала на него влияние в наших интересах, - перебил Зиглер. - Я нахожу этот путь намного более перспективным, нежели убийство, к которому ваше ведомство, сэр, уже пыталось прибегнуть год назад, что лишь породило последующий кризис вместо того, чтобы предотвратить его.

- Что ж, это неплохой план, - одобрила королева. - Не могу сказать, что меня

воодушевляет идея оставить в живых самого непримиримого из наших врагов, но аргументы лорда канцлера звучат убедительно. Если, конечно, ему действительно удастся сосватать нашу невесту - или обработать должным образом ту, которую он выберет сам. Учитывая сказанное ранее о трудностях, с которыми он столкнется при поиске таковой, шансы на успех есть. Ведь так, Корнелиус?

- Мы сделаем все возможное, ваше величество, - поклонился Крамп, - хотя, конечно, в такой сфере, как брак, никогда нельзя давать абсолютные гарантии. В истории было немало примеров, когда вопреки всем усилиям своих советников по устройству выгодного брака - причем даже усилиям, действительно предпринимаемым в его интересах - правитель брал в жены совершенно другую особу, руководствуясь исключительно собственной блажью. Что, как правило, имело для государства печальные последствия... Наша ситуация обратная - мы действуем отнюдь не в интересах князя Хильдского и вынуждены действовать окольными путями - одно лишь его подозрение о нашей вовлеченности разрушит все наши планы - что, безусловно, лишь усложняет задачу. Но мы приложим все усилия. В конце концов, если князь выберет не ту кандидатуру, у нас все еще останется возможность... убедить ее отказаться от этого брака.

- Убедить, - понимающе усмехнулась Элинор.

- Тем или иным способом, - невозмутимо подтвердил Крамп. - Если лорд канцлер настаивает на неприкосновенности самого князя, то на его невест сей иммунитет ведь не распространяется?

- Хорошо, - кивнула королева. - Будем придерживаться этого плана. Что делать с Барретом, решим позже, если он окажется в наших руках.

Крамп поклонился, повинуясь монаршей воле, и Элинор перешла к следующему вопросу, вновь устремляя взгляд на Зиглера:

- О тлукаляханском посольстве по-прежнему никаких известий?

- Увы, мэм, - покачал головой канцлер. - Не может быть уже никаких сомнений, что наш корабль был потоплен, и потоплен преднамеренно, ибо погода на море в интересующий нас период была хорошей. Но о виновниках мы можем лишь гадать. Ибикейцы утверждают, что один из их кораблей, находившийся в то время в море, до сих пор не вернулся в порт, но само по себе это ничего не доказывает. У пиратов нет постоянных портов и маршрутов. Они могут устроить себе якорную стоянку возле любого острова, где вообще нет людей, по крайней мере, цивилизованных. Ибикейцы, во всяком случае, обещают учинить капитану и его команде тщательное расследование, если они вернутся. Но если этот капитан и в самом деле нарушил договор и ограбил наше судно, то едва ли он будет настолько глуп, чтобы вернуться. Скорее всего, он и его люди попытаются, тайно высадившись на берег у нас или в Гроггендоре, начать новую жизнь. Возможен, конечно, и такой вариант, что в результате боя с нашим судном затонули оба корабля, но это вряд ли. Силы наших солдат, представлявших собой всего лишь почетный эскорт, были слишком ограничены.

- Ну, к примеру, капитан, видя, что положение безнадежно, мог протаранить атакующий корабль, - заметил Крамп, - хотя я, конечно, не специалист в морском деле.

- Главное, что наши люди не ожидали нападения и не были к нему готовы, - возразил Зиглер. - Уже сто семьдесят лет не было такого, чтобы ибикейцы нарушали свои гарантии.

- А что, если это были не ибикейцы? - предположила Элинор. - Если гроггендорцы каким-то образом узнали о нашем посольстве и решили сорвать его любой ценой?

- Нападение на посольское судно - это неслыханно, - пробормотал Зиглер.

- Ничто не неслыханно, если не остается живых свидетелей, - возразил Крамп. - Однако, ваше величество, вы знаете поименно всех, кто был посвящен в план. Даже я был поставлен в известность о нем лишь в последнюю минуту. Кого из них вы подозреваете, мэм? Одного из присутствующих? Его высокопреосвященство? Может быть, барона Локхарта?

- Нет, разумеется, - ответила Элинор, рассерженная его последней репликой. - Но утечки информации случаются и не по злому умыслу.

- Несомненно, мэм, - кивнул дознаватель, - однако все же полагаю, что все, посвященные в тайну, включая ныне, по всей видимости, покойных участников посольства, были слишком искушены в подобного рода делах, чтобы допустить столь преступную небрежность. Исключая разве что... - на сей раз он предпочел подвесить окончание фразы в воздухе.

- *Полковник* Локхарт умеет хранить военную тайну не хуже вас, сэр, - отрезала королева.

- Вашему величеству виднее, - поклонился Крамп. - Но в таком случае, полагаю, вы сами ответили на свой вопрос - гроггендорскую гипотезу можно не рассматривать, - впрочем, тон, которым он это произнес, позволял предположить и продолжение: "Но я все же проведу кое-какие проверки по своей линии".

- Гроггендор мог перехватить наш корабль, зная лишь о самом факте посольства, а не о его истинной цели, - возразила Элинор. - Просто на всякий случай. В конце концов, не так уж трудно додуматься до идеи, что если нам угрожает Гроггендор, то мы можем попытаться искать помощи у Тлукаляхана. Больше-то все равно не у кого, не у ибикейских же пиратов...

Откровенно говоря, мэм, - заметил Крамп, - лично я предпочел бы иметь дело с пиратами, нежели с этими язычниками. Ибикейцы, по крайней мере - потомки айринтийцев, а кое-кто из наших соотечественников, увы, и поныне пополняет их ряды. Но, конечно, ибикейцы не способны оказать нам серьезную помощь, особенно в сухопутной войне.

- А им бы стоило, - заметил Зиглер. - Я, разумеется, крайне отрицательно отношусь к морскому пиратству, от которого страдают не только наши торговцы, но и наши прибрежные поселения. Но, в силу известных причин, борьба с пиратами не является приоритетной задачей Айринтии. А вот в гроггендорском адмиралтействе постоянно говорят о необходимости "навести порядок на море". На практике это означает не просто борьбу с пиратскими судами в открытом море. Если Айринтия падет, следующей целью Гроггендора станет захват ибикейских островов.

- Жаль, что целая куча ваших дипломатов не смогли объяснить это тем из них, что погубили наше посольство, мой лорд, - проворчал Крамп. - Если, конечно, это и в самом деле были ибикейцы.

- Эти пираты были изгоями даже среди своих, - возразил Зиглер. - Их интересовало личное обогащение прямо сейчас, а не то, чем это обернется для их страны и нации - коей ибикейцы себя считают - в будущем, даже и самом недалеком.

- Если бы это касалось только пиратов, - пробормотала Элинор.

Похороны Алиссы, княгини Хильдской прошли куда скромнее, чем можно было бы ожидать сообразно ее статусу. Во-первых, ни разоренный войной Айзеншлосс, ни сам его нынешний владыка не могли позволить себе тратиться на пышную и при этом не имеющую никакого практического смысла церемонию. Во-вторых, Алисса, прожившая в Айзеншлоссе лишь пару месяцев, оставалась совершенно чужой его жителям, не заслужив у них не то что любви, но даже и приязни - одно только равнодушие, и траурное шествие, которое привлекло бы лишь редких зевак, способно было скорее унизить, чем почтить память покойной. В-третьих, Алиссу единодушно не приняло айзеншлосское духовенство, осуждавшее ее хоть и формально законный, но "богопротивный" брак без соблюдения траура, "на крови убиенного первого супруга", в смерти которого ее также винили, хотя это уже не произносилось вслух. Ни один из айзеншлосских храмов, который мог бы по своему статусу принять останки княгини, не согласился предоставить ей последнее прибежище, и Арвик, вынужденный по-прежнему подчиняться айринтийским законам, не позволявшим светской власти вмешиваться в церковные дела, ничего не мог с этим поделать. Да и, надо сказать, не особо стремился. Понимая умом, что ему следует разыгрывать безутешного вдовца, лишившегося разом возлюбленной супруги и

ребенка, он счел ниже своего достоинства "кривляться перед всем этим сбродом, воздавая почести этой шлюхе". К тому же Арвик после увечья вообще старался как можно реже появляться на публике (разве что в шлеме с глухим забралом, чего похоронный этикет, безусловно, не предусматривал). Имелось у него в придачу и вполне рациональное соображение, что если тело будет погребено вне княжеского замка, то его враги могут вскрыть могилу и обнаружить истинную причину смерти. Так что гроб был замурован в подвале самого замка, рядом с какими-то захоронениями, столь древними, что их принадлежность уже затруднительно было установить, после краткой церемонии, в которой приняли участие лишь пара десятков человек.

Смотреть на повешенье несчастной Терезы и то собралось больше.

Было, впрочем, одно соображение, по которому Бурый рекомендовал своему господину все же устроить публичные похороны. Он полагал, что на подобной церемонии - или возле могилы уже после ее окончания - непременно появится Баррет, которого до сих пор не удалось изловить. Конечно, он будет прятаться и маскировать свою внешность, но..."Ты возомнил себя слишком умным! - грубо перебил его Арвик. - Твое дело - беречь меня от меча, стрелы или яда, а не рассуждать о чужой психологии! Меньше читай сентиментальные книжки... впрочем, ты вряд ли читал хоть одну... ну тогда меньше слушай слезливые воровские баллады. Баррет не такой дурак. Он уж точно поумнее тебя и твоих головорезов, раз сумел оставить вас всех с носом и унести от вас ноги! Он уже давно далеко от Айзеншлосса!"

В эту самую минуту капитан Баррет находился менее чем в двухстах ярдах от него, в церкви святой Бригиты, шпиль которой был хорошо виден из окон княжеского замка.

Айринтийская церковь, несмотря на свою автономию, не обладала правом убежища. Светская власть не имела права вмешиваться в духовные дела, но и духовная не могла препятствовать светским. Если разыскиваемый желал принять участие в церковном таинстве, стража не вправе была прерывать церемонию - но по окончании таковой церковь обязана была его выдать. Легенда сохранила историю о разбойнике Матиасе Длиннорукoм, который молился на коленях 28 часов подряд, чтобы избежать выдачи. Но стражники, ждавшие его снаружи, оказались упорнее (что неудивительно, ибо они могли дежурить посменно) и, когда он таки рухнул без сознания, получили свое и уже спустя несколько минут повесили Матиаса согласно заранее вынесенному приговору. Айринтийские воры впоследствии провозгласили "святого Матиаса" своим покровителем, хотя, разумеется, официальной церковью он никаким святым признан не был, ибо молитва его была "не подвигом веры, но страхом наказания".

Тем не менее, Баррета не особенно удивило, когда ему предложили укрыться в церкви. Айзеншлосские священнослужители, как и все айринтийское духовенство, оставались подчиненными Фабиаса, отношение которого к Арвику было общеизвестным. Само собой, церковь, как и любая организация, не была единым монолитом, так что это не значило, что любой ее представитель беззаветно предан своему верховному руководителю и полностью разделяет его взгляды - но все же персонажи типа Пратеруса были скорее исключением, чем правилом (да и тем двигала не столько симпатия к Арвику - или лже-Арвику - сколько личное честолюбие). И настоящий Арвик, в отличие от самозванца (чье недолгое правление можно было бы назвать опереточным, если бы не число жертв в итоге), ничего не мог с этим поделать. Стань он королем, он, быть может, и покусился бы на освященную многовековой традицией церковную автономию - но в статусе князя Хильдского вынужден был следовать айринтийским законам. К тому же и история с самозванцем (которому он своими руками отдал город, отправляясь в свой рейд на Дракенхайм), и обстоятельства его женитьбы, мягко говоря, не укрепили его репутацию среди айзеншлосских церковников. Собственно, все эти соображения были столь очевидны, что само предложение Баррету спрятаться в церкви походило на ловушку и провокацию - можно было ожидать, что там-то его и будут искать в первую очередь. Плюс, конечно, негативное отношение церкви распространялось и на Алиссу, а Баррет был ее

человеком.

Но особого выбора у него не было. Он слишком плохо знал город и совершенно не имел здесь союзников. В Айзеншлоссе в его подчинении было лишь три десятка зольтенских арбалетчиков, не включенных ни во вновь создаваемую личную охрану князя (возглавляемую каким-то бандитом Бурым, что, по мнению Баррета, было чистым позором), ни в княжескую армию, ни в городскую стражу (а стало быть, и не имевших связей во всех этих структурах и остававшихся для них чужаками). После всех потерь под Торринвортом и с учетом необходимости оставить все же какой-то гарнизон в Зольтенхолле Алисса и не могла привести с собой больше людей - а главное, против был Арвик, имевший на зольтенцев изрядный зуб после все того же Торринворта. По сути эти три десятка представляли собой лишь почетный эскорт княгини - оказавшийся в итоге бессильным защитить свою госпожу, как, очевидно, и своего командира. К тому моменту, когда Баррета известили о том, *что* произошло в замке, и о приказе, отданном относительно него самого, его люди, по всей видимости, были уже нейтрализованы (на тот момент - просто блокированы, позже, когда версия с "верным офицером, убитым дракенхаймскими шпионами", не выгорела и была заменена на куда более приятную Арвику - о том, что зольтенцы как раз были тесно связаны с этими шпионами, оттого и предали принца под Торринвортом - их участь стала более печальной). Так что Баррету оставалось лишь довериться человеку, предупредившему его, понимая, что вряд ли это может сделать его положение еще хуже.

Впрочем, этот человек совсем не походил на священника.

Однако, какие бы отношения ни связывали его с клиром церкви святой Бригиты, совет укрыться там оказался дельным. Даже когда Баррет был уже официально объявлен дезертиром и изменником, никто так и не пришел туда с обыском. В первые дни он прятался в подземных кладовых, где хранились свечи, вино и масло, но затем осмелел и стал подниматься наверх, и даже поприсутствовал (стоя в густом полумраке за колонной в боковом проходе и никем не замеченный в полупустой церкви) на заупокойной службе, которую формально все же отслужили по княгине в айзеншлосских храмах - хотя по сути это была проповедь, прозрачно намекавшая, что Алисса понесла кару за свои грехи, и что она не последняя, кого настигнет божие правосудие. И если первый тезис совсем не доставил Баррету удовольствия, то второй он выслушал с мрачным одобрением.

Три дня спустя поздно вечером он сидел в кабинке исповедальни все в той же церкви, отделенный от своего собеседника деревянной перегородкой с отверстиями, слишком мелкими, чтобы разглядеть сквозь них что-то, кроме темноты. Разговор, как и положено в подобном месте, шел о его грехах.

- Прегрешения ваши весьма велики, сын мой, - журчал ровный негромкий голос из-за перегородки, - но королева наша милосердна к кающимся, - по его тону можно было подумать, что речь идет о Марии, царице[102] небесной, но Баррет, разумеется, прекрасно понимал, о какой королеве речь. - Особенно к тем из них, что готовы подтвердить свое покаяние делом. Вы можете получить полное прощение, сын мой - если сделаете то, к чему и так лежит ваше сердце.

- Вряд ли мне пригодится это прощение, - недобро усмехнулся Баррет. - Мне не дадут уйти оттуда живым. Впрочем, проблема уже в том, как пройти туда. Охрана в замке сейчас наверняка только усилена.

- Не впадайте во грех уныния и маловерия, сын мой, - возразили ему. - Ваши розыски уже прекращены. Убийца уверился, что вы бежали из Айзеншлосса и не осмелитесь вернуться. Охрана действительно остается усиленной, да... но господь отведет их глаза, дабы поспособствовать торжеству справедливости. Вы проникнете в замок под видом каменщика, работающего в северной башне. Прямого прохода к апартаментам убийцы оттуда нет, но вы

---

[102]По-английски и то, и другое - queen.

сможете проделать его, пользуясь вашим инструментом. Стук кирки и молотка по камню - это сейчас в замке едва ли не самый привычный звук, он не привлечет ничьего внимания. Вот, возьмите, - что-то прошуршало внизу, и Баррет, скосив глаза, увидел, как в щель под перегородкой просунулся большой лист бумаги... нет, скорее пергамента.

- Потом рассмотрите на свету, - продолжал голос. - Это самый старый план замка Айзеншлосс, он сохранился только в королевском скриптории. С тех пор замок перестраивался несколько раз еще до разрушения бугенхольмцами. Этот план - единственный, на котором обозначен тайный ход, идущий прямиком от княжеской спальни. Вы увидите на плане, где можно прорубиться в него из северной башни. По легенде, этим ходом воспользовался сам Лодвик, последний князь Хильдский - ну то есть теперь уже предпоследний - чтобы бежать из замка. Впоследствии один из королей сообразил, что так можно попасть не только наружу, но и внутрь, и ход заложили камнем, но не сплошь, а лишь в нескольких местах. За день вы сумеете проломать эти перегородки, включая последнюю - собственно в стене самой спальни. Завтра седьмой день со дня смерти княгини, и убийца, следуя традиции хотя бы в этом, вынужден будет устроить поминальный ужин[103]. Это значит, что с семи до девяти вечера никто не войдет в его спальню, и у вас будет время разобрать стену, войти внутрь и положить камни обратно - уже, конечно, не соединяя их раствором. Прямо на этой стене сейчас висит гобелен, который прикроет следы вашей работы, только не порвите его киркой, когда будете выбираться. Вы когда-нибудь бывали в княжеской спальне замка?

- Нет. Он вообще никогда не вызывал меня с докладом или чем-то еще.

- Спальня не особо роскошная - как и все интерьеры Айзеншлосса - но вы сможете спрятаться в платяном шкафу или прямо под кроватью. Дождитесь ночи, пока он заснет, сделайте свое дело, не издавая лишнего шума, и сможете выйти обратно тем же путем.

- Я могу взять с собой меч?

- Было бы слишком рискованно пытаться пронести его под одеждой каменщика. Но кирка при сильном ударе - а господь ведь не обделил вас силой, сын мой - способна пробить даже рыцарские латы. Впрочем, полагаю, что самым тихим и безопасным способом будет просто удавить его во сне.

- Да, - медленно согласился Баррет, - он недостоин смерти от меча.

- Да поможет вам Троица, сын мой.

Лил нудный холодный дождь. Пока еще не начало настоящих осенних дождей - лету, очевидно, еще предстояли обычные три недели сентябрьских арьергардных боев перед окончательной капитуляцией - но уже совсем не похожий на короткий и бодрящий летний ливень. Предвестник осени, неизбежной и неумолимой, как смерть. Стражники, несущие караул на стенах Хагенхолла, в большинстве своем были укрыты от его нескончаемых струй под крутыми деревянными скатами навесов и тяжелыми каменными сводами галерей - но все равно терзались от промозглой сырости, многократно умножавшей тоскливую скуку дежурства. Но вот, наконец, у них появилось развлечение. По серпантину от подножья холма к замку на его вершине поднимался небольшой - всего дюжина всадников - кавалерийский отряд. Дорога вокруг холма была длинной, копыта лошадей скользили по мылкой грязи, сюрко всадников были мокрыми насквозь, словно невыжатые половые тряпки, так, что даже трудно было различить их цвета (но все-таки можно - красно-синие), и стражники, наблюдая за их мучениями из хотя бы относительно сухих укрытий сквозь сеявшуюся с краев крыш водяную бахрому, тихо (а кое-кто и не очень тихо) злорадствовали. Тем не менее, кавалькада упрямо, виток за витком, поднималась вверх, пока, наконец, не остановилась перед воротами замка.

Несмотря на то, что за ними давно уже наблюдали десятки глаз, никто и не подумал

[103]Айринтийская церковь следует католической традиции: заупокойная служба на третий день, поминальная трапеза на седьмой.

окликнуть гостей, не говоря уже о том, чтобы естественным в такую погоду жестом гостеприимства открыть явно не представлявшему угрозы малочисленному отряду ворота. Гарнизон замка делал вид, что не замечает их в упор. Тогда рыцарь, ехавший впереди - видимо, не герольд, а сам предводитель прибывших - поднес к губам болтавшийся на шее рог и попытался протрубить - тут же, однако, с коротким проклятием выплюнув потекшую ему прямо в рот воду. Перевернув рог раструбом вниз, он яростно потряс его, а затем предпринял вторую попытку, на сей раз более успешную.

- Кто там? - наконец донеслось ему в ответ из бойницы над воротами.

- Филипп Райнбальд из дома Райнбальдов просит Рудольфа, графа Хагентрауба, принять его по важному делу!

В бойнице лязгнул железный ставень. Через некоторое время (не так чтобы короткое, особенно для ожидающих под дождем) она отворилась вновь:

- Его сиятельство слишком занят, чтобы принять вас. Но если у вас имеется послание от главы дома Райнбальдов, вы можете передать его.

- Ээ... мне необходимо обсудить с ним послание устно и лично.

- Боюсь, что он так не считает, сэр, - ответил стражник уже откровенно глумливо.

- Я готов подождать, пока он освободится, - невозмутимо ответствовал Филипп.

- Ну тогда ждите, сэр.

Ставень вновь захлопнулся.

Их продержали под дождем перед закрытыми воротами три часа. Караулы успели смениться дважды, солдаты на стенах заключали между собой пари, сколько еще продержатся незваные гости, и, не дождавшись, уходили греться в караулку - а Филипп со своим эскортом все терпеливо мок под стенами. Наконец, когда начало уже смеркаться - точнее говоря, продолжило, ибо в такую погоду даже в полдень было темно, как в сумерках - дождь уронил свои последние капли, хотя небо оставалось обложено тучами, ворота нехотя приотворились - не нараспашку, а так, что лошади едва могли пройти в щель.

Хагентрауб стоял под навесом на балконе над входом в донжон, облокотившись на каменный бортик (при необходимости способный прикрывать лучников), и насмешливо смотрел на подъезжающего Филиппа, имевшего далеко не бравый вид. Филипп носил длинные, ниже подбородка, волосы и пышные усы, но сейчас все это походило на свалявшуюся шерсть бродячей собаки.

- По крайней мере, в настойчивости вам не откажешь, - насмешливо изрек Хагентрауб. - Как и в дерзости.

Какими бы словами ни поносил его Филипп про себя последние три часа, внешне он постарался держаться невозмутимо:

- Что есть, то есть, сэр.

- Насколько я знаю, вы в немилости у собственного кузена, - продолжал граф, - так что я сомневаюсь, чтобы он отправил вас с важным поручением. Одно ведь, кажется, вы уже провалили?

- У кого я только не в немилости, - откликнулся Филипп почти беспечно. - У королевы, у князя Хильдского, и даже у собственного кузена, да - всего лишь за то, что ставил интересы и сбережение людей дома Райнбальдов выше, чем разборки между Йоргелингами... Даже его высокопреосвященство лично наложил на меня епитимью. Дескать, раз ты не способен достаточно быстро ездить на лошади, отныне будешь передвигаться только пешком, пока не заслужишь прощение...

- В таком случае, как называется то, что находится у вас между ног, сэр? - глумливо осведомился Хагентрауб.

- Его зовут Пешок[104], сэр, - ухмыльнулся в ответ Филипп и потрепал коня по мокрой гриве.

Граф коротко хмыкнул, но затем добавил: - Не думаю, что Фабиас оценит ваше остроумие и скоро дарует вам прощение.

- Да, мой лорд. У меня есть идея получше на тему того, как его заслужить... хотя и, возможно, не от Фабиаса. Но, если вы предпочитаете вести переговоры на улице, может, вы хотя бы пригласите внутрь моих людей, дабы они могли согреться и что-нибудь перекусить? Они-то уж точно ни в чем не виноваты перед вами. И их лошади, кстати, тоже.

- Ладно, - решил Хагентрауб, - поставьте лошадей на конюшне и поднимайтесь в башню. Вас проводят.

Когда промокшие и продрогшие кавалеристы эскорта получили, наконец, горячую еду и вино в нижней трапезной замка, господа поднялись в кабинет Хагентрауба для разговора наедине.

- От вражды между нашими домами ни один из них не выигрывает, - говорил Филипп. - Положить ей конец - в наших обоюдных интересах, и я знаю, как это сделать! Человек, пытавшийся убить вашего сына, мертв, не так ли? Кто бы из них ни был виновен в конфликте, вам более нет смысла держать зло на Райнбальдов.

- Виновен, насколько я понимаю, королевский фаворит Локхарт, стравивший их между собой, - ответил Хагентрауб, - но мой сын по-прежнему находится в башне под арестом.

- Я как раз и хочу освободить его оттуда, - с энтузиазмом кивнул Филипп.

- Каким образом? - усмехнулся граф. - Собираетесь штурмовать Башню Слез?

- Нет, разумеется. Видите ли, как вам, без сомнения известно, у покойного графа Эдгара остались две дочери. Хотя титул главы дома перешел к Фридриху, они по-прежнему занимают не последнее положение в доме Райнбальдов, и Фридрих обязан выдать им приданое, как если бы они были его собственными дочерьми. Так вот, самым лучшим способом не только положить конец конфликту между нами, но и заключить между нашими домами - двумя самыми могущественными домами в Айринтии, не считая, понятно, Йоргелингов - прочный союз, было бы выдать одну из них за вашего сына Рауля. Только подумайте! - торопливо воскликнул Филипп, не давая графу перебить. - Формально Рауля держат в башне "ради его собственной безопасности", из опасения мести с нашей стороны - так? Но такой брак, закрывающий конфликт между Райнбальдами и Хагентраубами лучше любых формальных заверений, лишит Элинор этого оправдания. У нее просто не останется другого выхода, кроме как освободить его.

- Но это же невозможно! - возразил, наконец, Хагентрауб. - Вы предлагаете выдать девушку за человека, убившего ее отца?

- Ну а что такого, собственно? В истории много раз бывало, что победители женились на дочерях побежденных.

- Только чаще всего это не называлось словом "жениться", - осклабился Хагентрауб. - Но если Райнбальды не видят в подобном браке ущерба для своей чести, честь Хагентраубов тем более не пострадает. Как я понимаю, речь о старшей дочери?

- Мм... нет, мой лорд, о младшей, Лизетте.

- Но ей всего одиннадцать лет!

- Недавно исполнилось двенадцать. Но какая разница? Ваш сын тоже молод. Да, придется подождать с консумацией три года, ну и что с того? Политические выгоды от этого брака начнут работать прямо сейчас.

- И для кого же, в таком случае, вы приберегли старшую? - прищурился Хагентрауб.

- Для Арвика, который теперь князь Хильдский, - признал Филипп.

- Но ведь он женат!

---

[104]В оригинале: "...go only on foot [...] His name is Foot, sir".

- Как, вы еще не знаете, мой лорд? Его жена умерла. Буквально на днях. Осложнения беременности... так, во всяком случае, объявлено официально. Собственно, как только я об этом услышал, мне и пришла в голову эта идея. Тройственный союз. Князья Хильдские и графы Хагентраубы породнятся друг с другом через Райнбальдов, и в стране, наконец, воцарится долгожданный мир и спокойствие.

- Не думаю, что Элинор будет в восторге от союза между всеми ее врагами... или теми, кого она считает своими врагами, - усмехнулся Хагентрауб.

- Может, и не будет. Но как она сможет этому помешать? У нее нет никаких формальных оснований.

- Ну что касается формальных оснований - Арвик, как минимум, должен будет соблюсти траур хотя бы на этот раз. А его потенциальной невесте, если я правильно помню, еще четырнадцать.

- Через десять месяцев будет пятнадцать. Но тут как раз одно обстоятельство уравновешивает другое... ну, хотя бы частично. То есть подождать ему придется в любом случае. Но обручиться он может уже сейчас.

- Но с ним вы ведь это еще не обсуждали? Просто не могли успеть. Так с чего вы взяли, что он согласится породниться с вашим домом, который сильно не жалует со времен предательства под Дракенхаймом?

- У него не будет особого выбора, - самодовольно заявил Филипп. - Главы других домов не предложат ему своих дочерей и племянниц уже хотя бы потому, что не захотят ссориться с королевой. Ну и всякие прочие обстоятельства, сильно снижающие его привлекательность. Титул у него высокий, это да - второй после королевского, но он должен быть счастлив, если ему предложат юную и невинную племянницу графа, а не перезрелую кузину какого-нибудь захудалого провинциального баронишки.

- Предложат, - повторил Хагентрауб. - Кто именно предложит? Вы, кажется, сказали, что это ваша личная идея. И я до сих пор не увидел письма Фридриха Райнбальда, подтверждающего ваши полномочия вести переговоры.

- Ммм... в общем-то, письма у меня пока нет, но...

- Я надеюсь, вы не хотите сказать, что примчались ко мне обсуждать эти грандиозные планы, не только не получив согласия, но даже не поставив в известность главу вашего дома? Если так, то это прямое оскорбление, сэр - и для него, и для меня!

- Как вы сами справедливо отметили, у меня просто не было времени... но послушайте же! Фридрих согласится, как только узнает, что вы, со своей стороны, согласны!

- Согласится отдать богатое приданое за девиц, которых он уже наверняка нацелился пристроить в монастырь следом за их матерью?

- Но в монастыре они ему совершенно бесполезны, в то время как политическая выгода этого брака - этих двух браков...

- То есть ко мне приезжает человек, находящийся, как он сам признает, в опале абсолютно у всех - что, несомненно, говорит о его больших политических талантах, о да! - и пытается заключать со мной договоры от лица этих всех, даже не потрудившись поставить их в известность? Да вы не просто наглец - вы натуральный мошенник! Не удивлюсь, если все это вы придумали только для того, чтобы накормить и напоить за мой счет свою шайку оборванцев.

- Мой лорд!

- Убирайтесь, вы и так отняли у меня слишком много времени! И кстати - из моего замка вы уйдете на своих двоих. Пора уже вам научиться честно исполнять ваши обязательства, а не искать способа увильнуть от них. Пешок останется у меня, и остальные кони тоже. Впрочем, я готов возвратить их Фридриху Райнбальду, если он явится за ними лично, и любые дальнейшие переговоры готов вести только с ним. Стража!

Удовлетворенно пронаблюдав из окна, как Филипп и его люди униженно плетутся прочь

в темноту, шлепая и скользя по грязи (ночевать им, очевидно, предстояло под открытым небом, ибо пешком до ближайшего жилья они могли добраться в лучшем случае к утру), граф Хагентрауб вернулся в кресло. На самом деле он вовсе не был так разгневан, как изобразил. Идеи Филиппа были не таким уж вздором. Женитьбу Рауля вполне можно было бы обсудить - если бы, конечно, такую готовность выразил сам Фридрих, а не не пойми кто. Правда, сам Рауль, судя по его письмам, категорически не желал даже говорить о вариантах своего брака, ибо, кажется, вообразил себя в кого-то там влюбленным - впрочем, это болезнь, весьма свойственная его возрасту, и, к счастью, быстро проходящая. Однако Фридрих согласится вряд ли. Как вряд ли и Арвик захочет ждать вступления предложенной ему невесты в брачный возраст - ему нужен наследник как можно скорее. Но вот эта идея - "князья Хильдские и графы Хагентраубы породнятся друг с другом через Райнбальдов" - содержала в себе вполне здравое зерно.

Просто Райнбальды были в этой схеме лишними.

Свою внешность Баррет изменил, насколько мог, в первый же день своего прятанья, полностью сбрив всю растительность на голове, и пыльная брезентовая роба каменщика с длинным фартуком, заляпанным кляксами засохшего раствора, дополняла маскарад - и все же он до конца не был уверен, что сможет вот так просто пройти в княжеский замок вместе с другими рабочими. Однако стражники лишь скользнули по нему рассеянным взглядом, как и по всем остальным. Сами рабочие тоже не задали никаких вопросов затесавшемуся в их ряды новичку. Впрочем, эту туповатую публику вообще мало что интересовало, особенно с утра, когда желание спать и тоскливое ощущение предстоящего долгого, нудного и тяжелого труда глушат всякое стороннее любопытство. Так что Баррету не составило труда, уже оказавшись внутри северной башни, незаметно отделиться от остальных и проследовать туда, куда указывала стрелка на спрятанном в кармане фартука плане.

План оказался точным. Разломав древнюю кладку в стене пустого подземного помещения, куда, похоже, никто не наведывался уже многие годы, Баррет протиснулся в узкий ход, уводивший под углом наверх, в кромешную темноту. Время отчасти облегчило его дальнейшую задачу - в некоторых местах каменные преграды, которые ему пришлось преодолевать, уже частично разрушились сами собой. Все же труд оказался нелегким, пожалуй что ничуть не проще, чем махать мечом в бою - особенно учитывая, что орудовать киркой ему приходилось в очень тесном, особенно для такого рослого и широкоплечего человека, пространстве, где трудно было даже сделать нормальный замах. Несколько раз его светильник гас, оставляя его в абсолютной тьме, и ему приходилось наощупь заново разводить огонь. К счастью, Баррет не знал, что такое клаустрофобия, равно как и страх темноты.

Наконец он добрался до стены, за которой, согласно плану, находилась княжеская спальня. С минуту Баррет, прижавшись ухом к холодным камням, старательно прислушивался, но с той стороны не доносилось никаких звуков. Тогда он взялся за инструменты. Последняя преграда оказалась самой трудной - не только потому, что даже его тренированные мышцы уже успели устать, но и, в первую очередь, потому, что эта стена располагалась не поперек, а сбоку, и места для замаха киркой не было совсем, так что Баррету пришлось отложить ее на пол и взять долото и молоток. Впрочем, оно и к лучшему, ибо камни из стены спальни следовало вынуть по возможности аккуратно, не повреждая ни их, ни висящий с той стороны гобелен. После того, как Баррету удалось извлечь первый из них (просунув руку в отверстие, он нащупал ткань гобелена), дальнейшая работа пошла легче.

Наконец он проделал проем достаточного размера, чтобы пролезть в него, и осторожно отдернул гобелен. В спальне горел неяркий свет, но Баррет сразу понял, что беспокоиться не о чем - если бы там кто-то был, тревога, несомненно, поднялась бы намного раньше. Действительно, спальня была пуста. Он проделал свой проход прямо за изголовьем кровати, а источником света были три длинные свечи в канделябре, стоявшем на квадратном прикроватном

столике. Очевидно, они были оставлены для того, чтобы вернувшемуся Арвику не пришлось зажигать свет в темноте. Полагаясь на свое хорошее чувство времени, Баррет определил, что у него в запасе еще более часа, так что можно было без всякой спешки выбрать себе укрытие. Действительно, и громоздкий шкаф, и большая кровать под балдахином на высоких ножках в виде львиных лап, накрытая ниспадавшим до самого пола покрывалом, предоставляли достаточно места даже для человека его комплекции. Баррет уже занес было ногу, чтобы шагнуть в пролом, но вдруг остановился. Он запоздало сообразил, что его покрытые вековой грязью подземелья сапоги оставят следы на чисто вымытых прислугой каменных плитах пола. Но это было не главной проблемой. Сапоги, в конце концов, можно было снять. Главным было другое. Баррету вдруг подумалось, до чего пошло будет выглядеть эта сцена - любовник, прячущийся от мужа под кроватью или в шкафу. Трагедия о мстителе, пришедшем покарать убийцу, превращалась в низкопробный балаган. Нет, сам-то он, может быть, и толстокожий солдафон, которому не к лицу задумываться о подобных вещах. Но ему ясно - так ясно, словно это происходило в реальности - представилось, как Алисса, презрительно поджав губу, брезгливо цедит: "Какая немыслимая пошлость!" - и ему стало почти что стыдно.

В конце концов, он привык всегда точно исполнять пожелания своей госпожи. Даже после ее смерти.

Поэтому он решил не входить внутрь и не закладывать за собой проход, как предлагал ему священник (или кем он там был на самом деле), а так и остаться стоять в коридоре за гобеленом. Было вполне очевидно, что гобелен полностью закрывает пролом, и вернувшийся Арвик ничего не заметит. А когда он уснет, Баррет сумеет отодвинуть гобелен и войти достаточно бесшумно. Впрочем, идея просто задушить Арвика во сне ему тоже не нравилась. Убийца должен узнать, кто и за что пришел его покарать. Он зажмет ему рот, но даст время выслушать приговор...

Арвик возвратился с поминального ужина в прескверном настроении - в каковом, впрочем, в последние месяцы пребывал постоянно. Ладно, по крайней мере, с последней формальностью покончено, и об этой суке Алиссе можно больше не вспоминать. Нет, ну какова все-таки тварь! В конце концов, если бы она сразу, в их первую встречу, сказала ему о своей беременности - он бы, может быть, и принял ее аргументы. Ему действительно нужен наследник, чем скорее, тем лучше, и он пока согласился бы признать этого ребенка своим - на условии, что Баррет будет удален навсегда. А потом... потом у него было бы время сделать Алиссе второго ребенка уже самому. После чего - не сразу, само собой - со старшеньким случилась бы какая-нибудь неприятность... дети ведь такие уязвимые существа... и на престол в итоге взошел бы истинный Йоргелинг, носитель священной крови. Так ведь нет! Эта сука сделала из него обманутого мужа, персонажа дешевой комедии!

Он распахнул дверь спальни. Пламя свечей на столике резко метнулось, едва не погаснув... еще не хватало сейчас заново разжигать огонь... но нет, огоньки, хотя и трепещущие в наклонном положении, удержались, и Арвик, захлопнув за собой дверь, шагнул внутрь. Пламя свечей снова качнулось, заставив тени балдахина и шкафа шарахнуться по стенам и потолку, (Арвику показалось, что шевельнулся даже гобелен на стене - видимо, из-за этой игры света) и вновь вытянулось вертикально вверх. Князь сделал еще пару шагов к кровати, стягивая через голову портупею (в последнее время он расставался с оружием разве что в постели) - и тут до него дошло.

Свечи не должны вести себя так - и никогда не делали этого прежде. Возмущение воздуха, созданное открытой и захлопнутой дверью, не могло достигнуть противоположного конца спальни. Если только открытая дверь не создала сквозняк. Но окно в спальне наглухо закрыто, значит...

Арвику можно было предъявить много разных претензий, но тугодумом он не был - это признавали даже его враги. И он тут же сообразил, что колебание гобелена ему вовсе не

померещилось - это было действие все того же сквозняка. А значит, отверстие находится прямо за гобеленом. Как, вполне возможно, и тот, кто его проделал.

Арвик не стал звать стражу - его бы все равно не услышали. У дверей его спальни никого не было. Он не любил, когда стражники стоят прямо за дверью - не мог отделаться от ощущения, что они пытаются подслушивать или даже подглядывать сквозь замочную скважину - и поэтому ограничился тем, что расставил посты на дальних подступах. Они гарантировано перекрывали любой ведущий к его спальне проход, и этого было достаточно. В свое время прямо на пороге его комнаты спал Бурый, но с тех пор, как тот был возвышен из простых телохранителей в начальники охраны, это было уже как-то несолидно, да и не нужно, в силу предыдущего соображения. Если не знать, что бывают и проходы, не обозначенные на планах замка...

Можно было просто броситься бежать обратно в коридор, но Арвик не был уверен, что успеет. От арбалетной стрелы не убежишь, и даже от брошенного умелой рукой метательного ножа (ему ли не знать, как делал это покойный Белый!) Но меч уже был у Арвика в руках, и он, рывком вытряхивая его из ножен, бросился вперед на невидимого врага.

Интуиция и многочасовые тренировки с Габриусом не подвели его. Он сразу понял, что клинок, пронзив гобелен, попал в тело - не в каменную стену и даже не в доспех. Попал и пронзил его насквозь. Но в тот же миг слева, срывая и распарывая гобелен, на князя обрушился удар кирки.

Арвик не успел ни отпрыгнуть, ни выдернуть меч - лишь рефлекторно прикрыться левой рукой, что принесло бы не много пользы, будь она из плоти. Но острый конец кирки с лязгом обрушился на протез, ломая и куроча изделие лучшего в княжестве Хильдском мастера. Ремни, крепившие протез, больно рванули культю - но и только. И все же Арвик потерял равновесие и качнулся вправо, выпустив рукоять меча. Но нанести следующий удар было уже некому. Кирка бессильно упала на пол, грохоча по камням - а следом повалился назад, вглубь прохода, и тот, кто уже не мог держать ее, увлекая за собой и меч Арвика, и разорванный гобелен, который с шелестом накрыл его.

Но Арвик смекнул, что где был один убийца, могут быть и другие, и не полез в темноту за своим мечом, а бросился назад к двери, теперь уже вопя во все горло: "Стража!!!"

Дверь распахнулась еще прежде, чем он успел до нее добежать - и на сей раз, когда дыру в стене ничто уже не прикрывало, сквозняк все же погасил две свечи из трех, погрузив комнату в полумрак. Но света все же оставалось достаточно, чтобы князь опознал вбежавшего ему навстречу - это был Бурый.

- За что я тебе плачу?! - накинулся на него Арвик, нелепо потрясая раскуроченным и наполовину сорванным протезом. - Убийца! Прямо в моей спальне!

- Успокойтесь, сэр, - Бурый быстро подошел к накрытому гобеленом телу, ухватил его за ноги и рывком втащил в спальню. Затем сунул руку под ткань, нащупывая пульс на шее.

- Опасности больше нет, сэр. Он мертв.

От Арвика не укрылась нотка разочарования в его тоне.

- Ты что, недоволен этим?!

- Вы нанесли отличный удар, сэр, но было бы лучше взять его живым, чтобы расспросить о сообщниках.

- Меня только что чуть не прирезали в собственной постели, ты это понимаешь, идиот?! Мне было не до того, чтобы церемониться!

- Да, сэр, и именно поэтому очень важно выяснить, как он сумел сюда попасть. Взгляните-ка, может, вы его знаете?

Арвик подошел, наклонился над трупом, откидывая гобелен и всматриваясь в полумраке в мертвое лицо:

- Да это же Баррет! Бритый, но...

В тот же миг ловко наброшенная сзади удавка впилась в его горло.

Князь попытался дотянуться до меча, все еще торчавшего из тела Баррета, но его уже оттаскивали назад с силой, заметно превосходившей его собственную. Он попытался вслепую бить находившегося позади душителя кулаком и ногой, но с тем же успехом он мог бы пинать бронзовую статую. В глазах у него потемнело, в ушах начало звенеть.

- Думаю, перед смертью вы вправе это узнать, - услышал он спокойный бас Бурого над ухом. - На самом деле я никогда не работал ни на вас, ни на Юфтлинга, ни на "поросят", ни на ибикейцев. Все это время я работал только на свою родину - Гроггендорскую империю.

Последней мыслью Арвика Йоргелинга, урожденного принца Айринтийского, князя Хильдского, было: "Какой же я идиот!!!"

- Это война, Эрик.

Локхарт не стал тратить время на бессмысленные восклицания типа "вы твердо в этом уверены?" Он молча продолжал слушать.

- Посол фон Клюйст предъявил мне ноту. Империя обвиняет нас - а точнее говоря, меня лично - в убийстве Арвика, князя Хильдского, и нарушении Айзеншлосского договора. Якобы полученные доказательства не оставляют в этом сомнений.

- А... - их не могли слышать посторонние, но Локхарт невольно понизил голос, - это действительно не мы? Я понимаю, - добавил он поспешно, - что вы запретили это Крампу, а Зиглер был против изначально. Но, как вы говорили, разведок у нас по сути, три - и самая закрытая из них принадлежит церкви...

- Я говорила об этом с Фабиасом, - кивнула Элинор. - Потребовала от него ответа не только как королева - допускаю, что из соображений высокой политики он мог бы солгать даже королеве - но и как... девочка, в свое время сидевшая у него на коленях чаще, чем у родного отца. Он клянется, что не делал этого. Все знают, как он и Арвик ненавидели друг друга... но Фабиас заверяет, что это не он, и я ему верю. Уже хотя бы потому, что он, напротив, еще раньше выступал против любых наших... активных действий на севере. Ведь он был одним из инициаторов Айзеншлосского мира и считал, что мы должны максимально воспользоваться купленной таким образом передышкой.

"Такой старый лис как раз легко мог бы нарушить договор, который сам же и предложил, и еще и счесть это неплохим алиби", - подумал Локхарт, но вслух этого не сказал. Элинор, судя по всему, была права - Фабиасу явно хватало мудрости, чтобы понимать, чем грозит Айринтии эскалация с Гроггендором, особенно в ситуации, когда план натравить на гроггендорцев Тлукаляхан сорвался.

- В таком случае, каковы их "неопровержимые доказательства"? - спросил полковник.

- У убийцы найден план айзеншлосского замка с обозначенным тайным ходом, якобы из дракенхаймского скриптория. На самом деле, очевидно, копия, снятая с действительно хранящегося у нас оригинала. Но снять ее мог кто угодно и когда угодно. Айзеншлосский замок простоял разрушенным триста лет, и никому не приходило в голову делать любые относящиеся к нему сведения секретными - да и вообще интересоваться ими.

- И сама личность убийцы никак с нами не связана. Это ведь бывший любовник Алиссы. У него был собственный мотив, а против нас он сражался с оружием в руках.

- Да, но он не мог осуществить это без посторонней помощи. Кто-то снабдил его всем необходимым, и нетрудно догадаться, кто... Думаю, что у гроггендорцев все же не все пошло по плану. Они действительно вербовали его от моего имени, с тем, чтобы он прикончил Арвика, и тут же подоспевшая стража взяла бы его живым и получила от него все необходимые признания. Но живым Баррет не дался. Тем не менее, империя продолжает играть по своему плану. Обратите внимание, кстати, с какой скоростью была вручена нота. Никакие гонцы, круглосуточно скача на сменных лошадях, не могли доставить известие в Ингварштад и обратно за двенадцать дней. Они, конечно, скажут, что гонцам помогла голубиная почта. Туда, вероятно,

вести дошли именно так - но не обратно. Официальные ноты такой важности не доверяют голубям, да и чисто физически такой документ для них слишком велик... Все было согласовано и подготовлено заранее, фон Клюйст только ждал отмашки - возможно, у него уже лежал готовый бланк с подписью и печатью императора, куда оставалось лишь вписать нужные слова. Либо эстафета отправилась из Ингварштада заранее - Арвик был еще жив, а имперские гонцы, сменяя друг друга и коней, скакали с нотой, обвиняющей нас в его убийстве. Хотя в этом случае, очевидно, там тоже было оставлено место, чтобы вписать нужные детали.

- Значит, они не просто используют удобный повод. Все было спланировано Гроггендором от начала и до конца, - мрачно констатировал Локхарт.

- Предложите иное объяснение, если оно у вас есть, - вздохнула Элинор.

- Но почему сейчас? Мы же уже думали, что в этом году войны не будет. Вот-вот начнется распутица.

- Тут, сами понимаете, мы можем только предполагать. Зиглер полагает, что изначально это действительно не было их основным планом. Арвик в любом случае был не жилец, но они делали ставку на его наследника, рассчитывая сделать из него второго Финеаса Бугенхольмского, который после гибели своих родителей, одного или обоих - ну или, может быть, после признания Арвика невменяемым - объявил бы о "добровольном" присоединении своей страны к империи. Он ведь имел бы право на престол всей Айринтии, вы знаете. Причем с гроггендорской точки зрения это право было приоритетным по отношению к любым наследникам, которые могли бы появиться у меня - и потому, что он потомок по мужской линии, и по старшинству... Само собой, имперцы не могли проделать это, пока я жива и пока они признают меня законной королевой. Так что, скорее всего, они планировали устранить Арвика и забрать ребенка к себе "в целях обеспечения его безопасности" - как и Финеаса в свое время, да, - разумеется, с формального согласия Алиссы, которая осталась бы хильдской регентшей. А когда ребенок повзрослеет достаточно, либо ждать моей смерти, либо... форсировать события. Ну а когда с наследником не выгорело, они перешли к плану Б. Точнее, В[105]. Который тоже ни на минуту не сбрасывали со счетов... По срокам, кстати, сходится - если ноту отправили из Ингварштада по получении известия о смерти не Арвика, а Алиссы, тогда почтовая эстафета теоретически могла успеть доскакать. На пределе, но могла.

- Выходит, устранив этого наследника... - Локхарт замолчал.

- Я сама спровоцировала войну? - закончила за него Элинор. - Договаривайте, Эрик, чего уж стесняться... Но я ведь сказала вам, почему ни в коем случае нельзя было допустить его появления на свет.

- По крайней мере это дало бы нам отсрочку, - сумрачно заметил Локхарт. - Сколько там было Финеасу, когда он сдал Бугенхольм Гроггендору - кажется, тринадцать? Если бы у нас было тринадцать лет мира... И потом, это могла оказаться девочка - а по гроггендорским законам, насколько я понимаю...

- Не вы ли учили меня, сэр Эрик, не затыкать будущим дыры в настоящем? - невесело усмехнулась Элинор. - А что касается девочки... от Гроггендора можно ожидать всего. Подозреваю, что в этом случае они бы просто подменили ребенка. Алисса бы согласилась, узнав, что только при этом условии она станет регентшей. А может, даже ей самой не показали бы, кого именно она родила. Ну и, конечно, она могла умереть при родах или сразу после, так что вариантов у Гроггендора хватало. А вот у нас идеального решения, устраняющего все риски, не было совсем. Во всяком случае, в том, что сделал Арвик с Алиссой своими собственными руками, Гроггендор нас обвинить не мог. А вот теперь...

- Да, что теперь? Что они могут предъявить, кроме какой-то сомнительной копии древнего манускрипта? Все же довольно шаткое основание для войны.

---

[105]См. примечание .

- Да, разумеется. Они требуют, чтобы им, как гарантам Айзеншлосского мира и формально нейтральной и независимой стороне во внутриайринтийском конфликте, были предоставлены все полномочия для проведения расследования на нашей территории. Даже не совместная следственная комиссия - ибо, сами понимаете, "никто не может быть судьей в собственном деле" - а их собственная. Разумеется, выдвигая это требование, они понимали, что я никогда на соглашусь. Во-первых, это абсолютное унижение для нашего суверенитета. А во-вторых, сами понимаете, к каким выводам пришло бы такое "следствие".

- Кто между позором и войной выбирает позор, получит и то, и другое, - процитировал Локхарт старую мудрость.

- Именно. И это еще не все их требования. Поскольку нынешняя династия князей Хильдских пресеклась, это, по их мнению, восстанавливает права предыдущей династии. Прямым наследником коей является гроггендорский император. Не то чтобы совсем законным, но... Он уже прибавил к своим титулам "князь Хильдский", и нота подписана и этим титулом тоже. И требует от меня признать за ним этот титул.

- Что, если я правильно понимаю, сделало бы его вашим вассалом? - усмехнулся Локхарт. - Забавно было бы взглянуть, как гроггендорский император приносит вам присягу, стоя на коленях.

- За него бы это сделал его представитель, тот же фон Клюйст. Но в обмен на это коленопреклонение новый "князь Хильдский" получил бы право ввести на территорию своего княжества свою личную армию. Мы потеряли бы полстраны вообще без боя. Естественно, тут они тоже даже и не думали, что я соглашусь. Ну а поскольку я отвергаю оба эти требования, с точки зрения Гроггендора я - преступница, утратившая право на трон. И единственным легитимным носителем власти в Айринтии становится все тот же "князь Хильдский".

- По-моему, все это очень притянуто за уши.

- Да - если бы дело рассматривалось в независимом суде. А не на поле боя, как это будет происходить.

- М-да. Мы можем еще как-то потянуть время?

- Нет смысла даже пытаться, - покачала головой Элинор. - Гроггендор начнет в любом случае. Сейчас, в каком-то смысле, даже наиболее выгодный, то есть наименее невыгодный, для нас момент - из-за все той же скорой распутицы... Сегодня я подписала указ об упразднении княжества Хильдского в связи с пресечением династии - он подписан вчерашним числом, так что императору больше не на что претендовать. К моменту официального вручения его ноты соответствующего титула уже не существовало. Конечно, с их точки зрения это очередное нарушение Айзеншлосского мира - хотя юридически это опять-таки спорно, мир был подписан не с Гроггендором, а с Арвиком, а Арвика больше нет. Но - одним поводом больше, одним меньше, значения уже не имеет. И другой указ - о назначении Эбенриха коннетаблем. Бывшая личная армия князя Хильдского также переходит под его командование.

- Дезертиры и мятежники?

- Рядовые солдаты амнистированы еще по Айзеншлосскому миру. Новым указом я амнистирую вообще всех, кто воевал против нас во всех поднятых Арвиком мятежах.

- Хммм... включая тех, чью собственность уже успели поделить их родичи и прочие награжденные?

- Опасаетесь за свой замок? - улыбнулась королева.

- Элинор! - возмутился Локхарт. - Неужели вы думаете, что меня сейчас...

- Извините меня, Эрик, - она дотронулась до его руки. - Это была неудачная шутка. Отвечая на ваш вопрос серьезно - больше никаких переделов собственности. Кто успел получить новые поместья и титулы, тот успел. Это касается и земель, которые пожаловал своим вассалам князь Хильдский. А там, где дела все еще находились в стадии рассмотрения - восстанавливаются права прежних владельцев или их наследников.

- Думаете, они будут драться за нас?

- Они будут драться за Айринтию. У них просто нет другого выхода.

- Бугенхольмские дворяне в свое время решили иначе.

Элинор лишь молча пожала плечами, словно говоря: "Что я еще могу сделать?!"

- Сколько у нас людей? - спросил Локхарт.

- Вы знаете, мы собирали, что могли, все лето... Прямо сейчас мы можем рассчитывать как минимум на двадцать тысяч человек.

- Без учета амнистированных?

- С учетом.

- Против девяноста тысяч армии вторжения.

- Но я говорила только об армии под королевским штандартом. Вместе с личными армиями феодалов можно набрать вдвое больше... может быть.

- Может быть?

- Слишком многие в последнее время предпочитали откупаться деньгами вместо того, чтобы исполнять свои вассальные обязанности, содержа войско. И, откровенно говоря, короли Айринтийские это поощряли, желая ослабления феодалов. Но сейчас, когда королевская казна сильно расстроена, нам бы очень не помешал независимый от нее ресурс. Хотя феодалы, конечно, тоже понесли немалые потери, одна только битва за Дракенхайм чего стоила... Но тем не менее. Может, не двадцать, но хотя бы пятнадцать тысяч, все-таки удастся набрать. Правда, их мобилизация займет время...

- Но и Гроггендор может подтянуть свои резервы. Которые куда значительнее наших.

- Эрик, - вздохнула Элинор. - если вы можете сказать мне что-то, чего я не знаю - говорите.

Полковник молчал несколько секунд, затем, вновь невольно понизив голос, произнес:

- Думаю, что могу.

Королева посмотрела на него с надеждой, которая вспыхивает во взгляде даже самых трезвомыслящих людей, оказавшихся в отчаянном положении. Вдохновленный этим взглядом, он продолжал:

- Я знаю, что у вас не положено говорить об этом. Что даже все доверие и близость между нами до сих пор не могли преодолеть этот запрет. Но ситуация действительно отчаянная. На кону само существование Айринтии, и нам больше неоткуда ждать помощи. А я знаю секрет оружия, которое может нас спасти. Оружия моего мира.

- Эрик... - протестующе покачала головой Элинор, и надежда в ее глазах погасла.

- Конечно, - возвысил голос он, не желая слушать ее возражений, - ваши технологии не позволят производить бронемашины и авиацию, да и я - простой пилот, а не инженер, который мог бы их сконструировать - но полагаю, что наладить выпуск хотя бы однозарядных ружей мы еще успеем. У нас очень мало времени, начинать надо, как говорится, еще вчера, но даже небольшое количество такого оружия, благодаря его психологическому эффекту на неподготовленного противника...

- Эрик! - перебила Элинор уже гневно. - Я уже говорила вам, что вы никогда - никогда, понимаете?! - не должны...

- Если это грех по канонам вашей религии, то я беру его на себя! Пускай мне лично жариться за это в аду... то есть никогда не выйти из чистилища, или переродиться в крысу, или во что вы там верите - но Айринтия будет спасена! И пусть меня потом вместо благодарности проклинают в ваших церквях, мне плевать! Пусть вся ответственность ляжет на меня одного! Даже если вам придется в итоге меня казнить - какая разница, умереть на поле боя или так, главное, что...

- Эрик! - тон Элинор, наконец, заставил его замолчать. - Вы что, *в самом деле* не понимаете?

- Не понимаю! - ответил он уже тоже сердито и с вызовом.

- Не понимаете, *почему* существуют правила? - вновь понизила голос она и добавила совсем еле слышно: - В любую игру можно играть вдвоем.

Локхарт словно с разбегу налетел на стену. Так вот оно что, понял он наконец. Прошлое все-таки забыто здесь не полностью. О том, что такое огнестрельное оружие, здесь знают. Может быть, не в деталях, но хотя бы саму идею. И договорились никогда не воплощать ее в жизнь. Потому что, если это сделает одна сторона - это тут же сделает и другая, и в итоге соотношение сил не изменится, а лишь бессмысленно возрастет число жертв. Кажется, что-то подобное было и в прошлом средневековье - какая-то булла какого-то папы, был бы жив де Сегюр, он бы подсказал - но тогда эта попытка продержалась недолго. Слишком много было разных стран и армий, и отнюдь не для всех из них романский папа был авторитетом. А здесь, где государств всего три - ну пусть с ибикейцами четыре, а в недавнем еще прошлом, с Бугенхольмом, было пять - блюсти взаимный запрет получается, причем без всякой религиозной подоплеки. Правда, прежде и здесь было гораздо больше стран, княжеств и графств... но тут, напомнил себе Локхарт, надо не забывать о границе, отделяющей мифическую древнюю историю этого мира от более поздней реальной. Граница, которая совершенно не ощущается по историческим хроникам - так, что он и сам давно уже не вспоминал о ней - хотя и очевидно, что она не может уходить далее чем на два столетия в прошлое. Может ли Элинор знать или хотя бы догадываться и об этом тоже? Так или иначе, обсуждать это она по-прежнему не будет, даже с ним. И, самое главное, никакие знания из прошлого использовать не согласится. Даже если они неизвестны ей - она не может гарантировать, что они неизвестны в Гроггендоре.

- Простите меня, - вздохнул он. - Я думал, что могу помочь.

- Я понимаю, Эрик. И... я очень ценю предложенную вами жертву. Но и не могу, и не хочу ее принять.

"Жертву?" - подумал Локхарт. Поглощенный новым открытием и мыслями, которые оно вызвало, он уже почти забыл, как только что, пытаясь любой ценой переубедить Элинор, выразил готовность пойти на казнь. Нет, конечно, он, как и всегда, готов был ответить за свои слова - но жалел ли о том, что они у него вырвались? Действительно ли он был готов теперь не просто рисковать собой в бою, а пойти на эшафот ради... ради Айринтии? Страны, о самом существовании которой он узнал лишь год назад, страны, которая, рассуждая логически, была для пилота Военно-Космических Сил Конфедеративных Штатов Америки чужой абсолютно во всем, исключая разве что английский язык? Ведь он даже родился не здесь, а, говоря по-современному, на территории Бугенхольма, то есть теперь Гроггендора - который, однако, уж тем более не считал своей родиной. Впрочем, географическое место рождения не имеет никакого значения, даже из конституции КША был убран пункт, остававшийся нелепым архаизмом в конституции США - о том, что Президентом страны не может стать тот, кто не рожден на ее территории, даже если он прожил там всю свою дальнейшую жизнь. Да и вообще, тот, кто сделал выбор в пользу страны сознательно, уже во взрослом возрасте, скорее станет ее истинным патриотом, чем тот, кто просто поставлен перед фактом обстоятельствами собственного рождения. А офицер, поступающий на службу, принимает свой долг независимо от того, какой была его предыдущая биография. Это даже не вопрос пафосных слов и высоких чувств - это, если угодно, вопрос контрактных обязательств. В которые входит и обязанность, если потребуется, идти на смерть. За это нам, военным, и платят...

Нет, тут же оборвал себя Локхарт, поняв, что делает то, что всегда резко осуждал в других - лукавит с самим собой, подыскивая рациональные обоснования своему поведению. Вовсе не материальные и не практические вопросы его волнуют. Рассуждая рационально, вряд ли победа Гроггендора станет для него лично такой уж катастрофой. Это мстительный Арвик не пощадил бы фаворита Элинор, а вот гроггендорцы, скорее всего, не станут особо ущемлять айринтийских дворян, если те покорятся им. Во всяком случае, в Бугенхольме захватчики поступили именно

так. Вероятно, ему бы даже оставили его замок Памберкраст, так что слова, некогда сказанные Виолеттой - о том, что в Гроггендоре его ждала бы смерть в нищете или на виселице - более неактуальны. Свободы, конечно, стало бы меньше - ибо в империи ее мало у всех - но, объективно говоря, на борту космического корабля ограничений было еще больше. Хотя, конечно, такой расклад был бы хуже его нынешнего положения. Возможно - в достаточной степени хуже, чтобы рисковать жизнью, пытаясь этого не допустить. Но - рассуждая опять-таки практически - не настолько хуже, чтобы идти на верную смерть.

Это вовсе не почти одно и то же, как могут подумать те, кто никогда не стояли перед таким выбором... Это принципиальная, качественная разница. Идущий на риск - даже на очень большой риск - все равно надеется и стремится избежать гибели. "Хороший солдат должен думать не о том, как умереть за свою страну, а о том, как сделать, чтобы за свою страну умер враг." Идущий на смерть - идет именно на смерть. Без надежды и без вариантов.

И он действительно готов на такое? Ради Айринтии? Феодального королевства - пусть и не лишенного своих достоинств, да и то во многом лишь по сравнению с соседями? Или все-таки ради ее королевы? Рисковать жизнью он был готов ради них обеих. Но пожертвовать жизнью - только ради одной из них.

Даже если рассматривать Айринтию как его новый корабль, долг капитана, обязанного любой ценой спасти экипаж и пассажиров, тут ни при чем. Айринтийцам в целом не грозит геноцид. Но Элинор завоеватели не оставят в живых - это совершенно очевидно. Даже если бы она согласилась на капитуляцию и отречение (а она не согласится, в этом он не сомневался). Пока она жива - их претензии на власть над Айринтией несостоятельны.

Никогда не верьте человеку, который говорит, что отдаст ради вас жизнь, сказал де Сегюр ему на прощание, за несколько дней до собственной смерти. Тогда эти слова прозвучали как предостережение о "таком человеке", адресованное ему. А теперь получается, что таким человеком является он сам? Впрочем, де Сегюр сказал не так. Он сказал - "который говорит, что не может без вас жить". Сможет ли он жить, если Элинор убьют? Определенно да. Но захочет ли? Он живет даже после краха главного дела своей жизни и гибели всего своего мира. Хотя, признался себе Локхарт, никто во всем том мире, населенном миллиардами человек, не был близок и дорог ему так, как эта единственная девушка... Но он, безусловно, не стал бы кончать с собой, если бы она, скажем, умерла от болезни, да и вообще от чего угодно, что уже невозможно изменить - это было бы просто глупо. Чудовищно глупо. А вот если бы он мог предотвратить ее гибель - хотя бы даже и ценой собственной...

Но он, похоже, не может даже этого.

Элинор видела, что он погружен в раздумья, и молча ждала, не перебивая его мысли.

- Я бы очень хотел сказать вам, что мы все равно победим, несмотря ни на что, - произнес он наконец, - но вам ведь не нужна утешительная ложь.

- Ложь, безусловно, нет, - ответила королева, - но надежда бы не помешала. Вы совсем не верите в нашу победу?

- Я не знаю, - честно ответил Локхарт. - В истории... во всяком случае, в истории моего мира не раз бывало, что маленькая страна побеждала большую империю. Причем совсем не обязательно эта империя была колоссом на глиняных ногах. К примеру, Англия в разные годы разбивала Испанию, Францию и Германию, - он не стал упоминать более ранние столетия, когда Англия была успешно завоевана, целиком или по большей части, романцами, англо-саксами, викингами и норманнами. - Но Англия была островом, что и давало ей стратегическое преимущество над захватчиками с континента. А Айринтия - полуостров. Если бы мы хотя бы достроили Канал... - он вновь отметил про себя это вырвавшееся у него "мы", относившееся ко временам, когда он еще находился далеко в космосе и не имел понятия об Айринтии.

- Мы тоже разгромили Бугенхольм, когда никакого Канала еще не было, - напомнила Элинор.

- Да, - согласился без энтузиазма полковник, добавив про себя: "Если не считать того, что вся эта история выдумана от начала до конца." Или все-таки ложными являются только даты, а не сами факты? - Но Гроггендор сейчас сильнее, чем Бугенхольм тогда.

- Больше еще не значит сильнее, - возразила королева. - Все слишком большое неповоротливо. И захват новых земель всегда означает потерю единства. Бугенхольм еще может стать им костью в горле во время этой войны. Ведь все тяготы снабжения армии лягут на него - собственно, уже лежат, пока эта армия стоит вдоль границы - а всю славу пожелают присвоить себе выходцы из гроггендорских кланов.

- Видите, - улыбнулся Локхарт, - вы умеете находить основания для надежды лучше, чем я. Что и логично, ведь вы лучше знаете этот мир.

- Императору Гроггендора 67, - продолжала Элинор. - Еще не дряхлость, но уже возраст, в котором может случиться... всякое. В том числе и по чисто естественным причинам.

- У него есть наследник? - доселе Локхарту, погруженному во внутриайринтийские проблемы, как-то не приходило в голову интересоваться гроггендорской династией.

- И даже целых три, - усмехнулась королева. - Первый брак Манфреда был бездетным, и во всех айринтийских церквях молились, чтобы это было по его вине. Но вторая супруга подарила ему, одного за другим, троих сыновей - Зигфрида, Зигмунда и Вольфганга.

- Думаете, между ними может возникнуть грызня за власть?

- Вряд ли там может повториться то же, что здесь у нас, - признала Элинор. - Во всяком случае, все трое - от одной жены, законность брака сомнений не вызывает, и юридически права старшего на трон неоспоримы. И нет оснований считать, будто бы отец намерен обойти его вопреки закону - что вообще не в гроггендорских традициях. Так что младшим братьям пришлось бы устранять одного или двух совершенно легитимных претендентов, не считая отца. Но... кто знает. Нынешний император уже вошел в историю как Манфред Великий, присоединитель Бугенхольма, превративший, собственно, королевство в империю. Его наследник может счесть, что, если отец захватит еще и Айринтию, то на его собственную долю славы совсем не останется. А тогда уже и средний брат может увидеть свой шанс в том, чтобы обвинить старшего в убийстве отца и сесть на трон самому...

- И наши агенты работают, чтобы внушить принцам эти мысли? - подхватил Локхарт.

- Нет, - покачала головой Элинор. - Во-первых, подобраться к ним совсем не так просто. Это Арвик, избавившись от нашей Тайной Стражи, сделал себя беззащитным перед агентами Гроггендора. А в самом Гроггендоре со службой безопасности все в порядке. А во-вторых, кто бы ни оказался на имперском престоле, войну против Айринтии начнет любой из них. Молодой, возможно, с еще большим рвением, чем старый. Нам помогла бы только затяжная смута. Но скорее всего это был бы молниеносный дворцовый переворот, когда уже на следующее утро все "лишние" претенденты оказываются мертвы.

- "Чудом спасшиеся" самозванцы, - предположил полковник.

- И это не исключено, - согласилась королева. - Но - совершенно неизвестно, как бы развивались события. Так что - возможно все, но самим толкать ситуацию в эту сторону было бы опрометчиво. Особенно учитывая, что наших агентов могут схватить, и тогда Гроггендор получит дополнительный повод для войны. Хотя, конечно, одним поводом больше, одним меньше... - она печально замолчала.

- Элинор, - он взял ее за руку. - Я не могу гарантировать вам победу. Я даже не знаю, насколько хороши и надежны мои собственные солдаты - я ни разу не видел их в бою, - он имел в виду гарнизон Памберкраста. - Я могу гарантировать вам только одно - я, я лично буду сражаться за вас и вместе с вами до самого конца, каким бы он ни был.

- Это больше, чем могут гарантировать многие предводители тысячных армий, - ответила Элинор, и ее тонкие пальцы сжали его ладонь. - Вместе до конца. Только теперь уж держите свое слово, Эрик. Это значит - не вздумайте умереть раньше меня! Ни ради каких

стратегических соображений. Я вам это запрещаю, слышите?

- Я старше вас, - улыбнулся Локхарт.

- Мы можем вернуться к этой теме лет через тридцать-сорок. Но не раньше! - королева помолчала несколько секунд, а затем выпустила его руку и добавила другим, деловым тоном: - Жду вас на военном совете завтра вечером в шесть.

В ожидании начала совещания Локхарт скользил взглядом по лицам собравшихся, но думал не столько о них, сколько о тех, кого видел на военных советах прежде и не увидит уже никогда. Бронгар, Райнбальд, Айбенхорст... У Локхарта не было причин сожалеть о первых двух - особенно о Райнбальде - а вот Айбенхорста было реально жаль, хотя они никогда не сближались и за все время, кажется, ни разу даже не беседовали с глазу на глаз. Но Айбенхорст был образцом честного служаки, и Локхарт искренне его уважал. И Дорвит, которого Локхарт тем более не успел узнать близко, но который тоже был достойным воином королевы. И де Сегюр. Он участвовал лишь в одном военном совете - самом первом на памяти Локхарта. Позже Элинор перестала его приглашать, не доверяя ему до конца - но в итоге вышло так, что и он отдал жизнь за нее и Айринтию... Но хуже всего, как наверняка сказал бы он сам, было то, что эта жертва оказалась совершенно бесполезной.

Зато теперь вместо всех этих теней прошлого в ситуационной комнате присутствовал новый человек - худощавый рыцарь с коротко стриженными пшеничного цвета волосами, гладко выбритым острым подбородком и короткой жесткой щеточкой усов. Это был генерал Эбенрих, недавно прибывший в столицу и теперь уже возглавивший всю королевскую армию. Для своего ранга он выглядел необычайно молодо - Локхарт дал бы ему не больше тридцати, хотя уже знал, что на самом деле Эбенриху почти сорок. Все же рядом со старым Швертлингом новый коннетабль смотрелся совсем мальчишкой, и Локхарту оставалось лишь гадать, каким образом он сделал столь стремительную военную карьеру в мирное по сути время. Но, очевидно, и у Бронгара, и у короля Гумбольдта имелись причины продвигать его. Деталей не знала даже Элинор, но полагала, что ни герцог Бронгарский, ни покойный король, утверждавший подобные назначения, ни ради каких политических соображений не допустили бы на генеральскую должность человека, не одаренного в военном отношении. И все же он имел в определенных кругах репутацию выскочки, сделавшего карьеру не на опасном севере, а на комфортном юге, и был не слишком популярен в войсках за пределами этого региона, отчего Элинор не рассматривала его кандидатуру прежде, - но теперь выбирать было особенно не из кого. Между старым Швертлингом и молодым Эбенрихом для большой войны за само существование Айринтии логичнее было все же предпочесть молодого.

Швертлинг, впрочем, тоже присутствовал, и даже не походил, по своему обыкновению, на встрепанного воробья, а имел вид торжественный и официальный - начиналась война, к которой он готовился всю жизнь. Был здесь и Лоренберг, назначенный заместителем Эбенриха и одновременно командующим армиями севера - должность, которую некогда занимал Гартхард и которую так и не успел официально занять Бургхельм. С образованием Легунтонского герцогства и Хильдского княжества эта должность потеряла смысл, но теперь была восстановлена. ("Он доказал свою верность, и он неплохой тактик, хотя стратегического мышления ему не хватает, - так охарактеризовала Лоренберга королева в разговоре наедине с Локхартом, добавив все то же: - но выбирать теперь особенно не приходится.") Теперь ему предстояла не самая легкая и приятная задача - принять под свою руку тех, против кого он еще недавно сражался под Торринвортом.

Присутствовали, разумеется, и оба командующих гвардиями - Вульфеншванц и Краут (с последним Локхарт раскланялся почти что дружески, а не учтиво-формально, как с прочими). Приглашены были также и формально штатские Зиглер и Фабиас, и Локхарт прекрасно понимал, в каком качестве. А вот Крамп почему-то отсутствовал.

Гулкий колокол кафедрального собора принялся отбивать шесть. С последним ударом в ситуационную комнату вошла королева. Все почтительно поклонились.

- А где же генеральный дознаватель? - осведомилась Элинор (что удивило и встревожило Локхарта - он полагал, что уж она-то это знает). Никто ей не ответил, и она продолжила: - Полагаю, у него есть веская причина, вынудившая его отступить от его обычной пунктуальности. Тем не менее, раз все остальные в сборе, начнем, - она сделала короткую паузу (все глаза неотрывно смотрели на нее), затем сухим протокольным тоном объявила: - Как уже известно некоторым из вас, сегодня имперский посол фон Клюйст покинул Дракенхайм и отбыл на родину, вместе со всеми своими сопровождающими. Вы все понимаете, что это значит.

- Мы уже находимся в состоянии войны с Гроггендором, мэм? - предпочел уточнить неискушенный в дипломатических тонкостях Вульфеншванц. - Или надо ждать еще какого-то официального объявления?

- Едва ли оно последует, - ответил за королеву Зиглер. - Поскольку мы отвергли ультиматум, позиция Гроггендора будет состоять в том, что он более не признает правительство ее величества легитимным, а стало быть, не считает себя обязанным соблюдать какие-либо формальности по отношению к нам. В свою очередь, мы также можем более не считать себя связанными какими-либо договоренностями с Гроггендором. Впрочем, юридические аспекты потеряли значение. Все будет решаться на поле боя.

- Я имел в виду - когда они начнут, - сказал Вульфеншванц. - Дождутся ли они возвращения своего посла?

- Не обязательно, - ответил канцлер. - Разумеется, им необходимо получить ответ ее величества, но таковой может быть передан и впереди кортежа посла с голубиной почтой - причем не в столицу, а всего лишь командующему армией вторжения у нашей границы. Причем неожиданным для них этот ответ определенно не является, так что они ко всему подготовились заранее и могут начать, даже не дожидаясь, пока посольский эскорт пересечет границу. Император мог двинуть свои войска, даже вообще не дожидаясь нашего ответа - просто потому, что считает теперь так называемое Хильдское княжество своим независимо от того, принят ультиматум или отвергнут. Мы все равно должны будем обеспечить безопасное следование кортежа через нашу территорию - и сделаем это, насколько это будет возможным - но, полагаю, для империи это уже в любом случае не принципиально. Не настолько, чтобы откладывать из-за этого начало наступления. В конце концов, - тонкие губы Зиглера сложились в холодную улыбку, - с их точки зрения, фон Клюйст сделал свое дело и больше им уже не понадобится.

Действительно, сообразил Локхарт. Если имперцы, как они рассчитывают, захватят Айринтию, то и все их дипломаты, работавшие на айринтийском направлении, потеряют работу. Выходит, что фон Клюйст трудился против своих собственных интересов. Хотя, конечно, едва ли он останется без средств к существованию. Но как там говорил покойный де Сегюр - "даже если империя щедро отблагодарит меня, в мире, который она захватит, мне будет просто нечего делать, и я умру со скуки."

- Так что вторжение может начаться в любой момент, - подытожила Элинор. - Возможно даже - уже началось, просто мы еще этого не знаем. Сами понимаете, информация запаздывает. Вот то, что мы знаем на текущий момент, - она обвела широким жестом рельефную карту. - Полагаю, все вы уже успели ознакомиться с расположением войск и, вероятно, составили собственные мнения. Но я просила генерала Швертлинга подготовить, на основании этих сведений, анализ вероятной тактики противника. Потом свои соображения смогут высказать остальные. Генерал?

- Как вам всем известно, - начал Швертлинг, - незадолго до Торринвортской битвы Гроггендор сосредоточил у наших северных рубежей группировку примерно в девяносто тысяч человек. После Айзеншлосского мира она была сокращена - ибо даже для имперцев накладно содержать столь крупную армию в состоянии постоянной готовности - но с получением

известия о смерти княгини Хильдской ее численность стала быстро восстанавливаться и сейчас, вероятно, даже превысила первоначальную. Наша разведка не имела возможности пересчитать войска противника непосредственно, но сделала этот вывод по таким признакам, как усилившиеся поставки продовольствия и фуража в районы дислокации. Как всегда у Гроггендора, эта армия на девять десятых пехотная, с типичным, надо полагать, для гроггендорцев соотношением - они менее полагаются на лучников, которые, если не считать отдельных элитных отрядов клановых горных стрелков, заметно уступают нашим, и более - на тяжелую пехоту, которая должна, прикрываясь щитами, выдержать начальный обстрел, а потом, когда у наших лучников кончатся боеприпасы, идти вперед, сметая все на своем пути. Гроггендорская панцирная пехота с длинными пиками хорошо дисциплинирована и способна успешно отражать даже атаки тяжелой кавалерии. Вместе с тем, столь крупная армия вторжения наверняка включает и бугенхольмские части, чье качество не особо улучшилось с тех пор, как они проиграли Гроггендору все последние войны. Сильной стороной Гроггендора являются также инженерные части, способные не только строить осадные орудия, но и быстро наводить мосты и гати. Однако даже с учетом этого обстоятельства едва ли имперцы в это время года решатся наступать через Иммермур. Это значит, что, даже в случае успешного занятия ими территории бывшего княжества Хильдского, дальнейшее наступление на столицу им придется развивать вдоль хорошо укрепленного побережья, западного или восточного. Разделить свои войска на две колонны, наступающие сразу по обоим побережьям, они, по всей видимости, не отважатся, дабы не распылять силы, а предпочтут сосредоточить максимум возможного против каждой из противостоящих им крепостей последовательно. Надобно заметить, что для успеха своей кампании им нет необходимости брать все эти крепости - достаточно лишь осаждать их таким образом, чтобы исключить удары оттуда во фланг и тыл основной армии, наступающей на Дракенхайм - но подобная тактика свела бы на нет их численное преимущество. С другой стороны, штурм этих крепостей может стоить им еще бо́льших потерь, чем отвлекла бы на себя пассивная осада. Итак, какое же побережье они изберут? Оба укреплены примерно одинаково хорошо. Путь через западное будет, очевидно, длиннее, ибо наступающей из Гроггендора армии придется сперва обогнуть Канал. Напомню, что когда наша гвардия вынуждена была оставить крепости на северном берегу Канала, она разрушила за собой мосты, возведение которых задержало бы наступающих сильнее, чем путь в обход. С другой стороны, на восточном направлении серьезным препятствием для них могла бы стать сильная группировка, базирующаяся в замке Фельзенбург - если бы мы успели перебросить ее туда, что в нынешних обстоятельствах непросто, но и не вовсе невозможно. В настоящее время там находится лишь чисто символический гарнизон из людей Райнбальдов - насколько я понимаю, между Арвиком и Райнбальдами было что-то вроде молчаливого соглашения, что он не пытается выгнать их оттуда, а они, в свою очередь, не пытаются перебросить туда реальные силы. Но мы не знаем, насколько имперский командующий осведомлен о реальном гарнизоне Фельзенбурга и о наших возможностях нарастить его в кратчайшие сроки. Так что на месте имперского командующего я бы все же предпочел оставить Фельзенбург в стороне и действовать вдоль западного побережья...

- Это если предположить, что их целью является как можно скорее овладеть Дракенхаймом, - заметил Эбенрих. - Но план их кампании может состоять в том, чтобы сначала целиком занять всю северную Айринтию - то есть так называемое княжество Хильдское вместе с герцогством Легунтонским - а поход на Дракенхайм отложить до следующего лета, имея к тому времени и крепкий тыл, и оптимальные погодные условия. Это было бы намного логичнее, чем загонять себя в ловушку на западном побережье, между Каналом на севере, непроходимыми по осени болотами Иммермура на юго-востоке и нашими сохранившимися силами на северо-востоке, которые могли бы действовать во фланг и тыл наступающим, а также перерезать их коммуникации с метрополией.

- Такой вариант возможен, - согласился Швертлинг, - но потребует захвата большего числа крепостей, а также бо́льших расходов на содержание оккупационной армии в состоянии полной боевой готовности аж до следующего лета. Кроме того, успешная оккупация всей северной Айринтии не решит в полной мере вопрос снабжения за счет местных ресурсов, ибо эти территории в значительной степени разорены предыдущими конфликтами. Наконец, хотя нам все еще неизвестно с полной определенностью, кто командует армией вторжения, но скорее всего это будет фельдмаршал фон Дойтлиц, В юности он успел поучаствовать еще в Войне Секиры и всегда считал ее образцом наступательной стратегии. Он сторонник стремительных прорывов вглубь, дабы быстро овладеть стратегическими пунктами и выиграть войну одним ударом, а не постепенно давить широким фронтом, даже и имея значительный перевес.

"Стало быть, и император, и его фельдмаршал - старики, - подумал Локхарт, - а противостоят им юная королева и ее молодой коннетабль. Впрочем, едва ли это дает нам преимущество. Старики-то, похоже, бойкие, а опыт - это всегда опыт..."

- Видели мы уже одного любителя брать Дракенхайм одним стремительных ударом... - пробормотал Краут, очевидно, имея в виду Арвика.

- Но соотношение сил, согласитесь, ныне совсем иное, - возразил Швертлинг.

- Что касается соотношения сил, - заметил Лоренберг, - то, насколько я понимаю, быстрое продвижение через герцогство Легунтонское - где не приходится ожидать сопротивления, не так ли? - он сделал короткую паузу, но никто ему не возразил, - позволит имперцам занять многие наши крепости между старой границей и Иммермуром, которые сейчас просто некому оборонять. Королевские войска оттуда ушли, а хильдская армия немногочисленна и, надо полагать, в настоящее время изрядно деморализована и дезорганизована. Включая, возможно, даже и сам Айзеншлосс.

- Кстати говоря, - заметил до сих пор молчавший Фабиас, - в случае занятия Айзеншлосса император может попытаться повторить тот же трюк, что и самозванец некоторое время назад - объявить именно его истинной столицей Айринтии, а указ короля Стефана о переносе столицы в Дракенхайм юридически ничтожным. И, как следствие, провозгласить нелегитимными всех последующих айринтийских королей, как коронованных в неправильном месте с нарушением процедуры. Самозванцу, претендовавшему на то, что он сам является их потомком, последнее было не с руки, а вот целям императора отвечает идеально.

- Никакое юридическое крючкотворство не избавит их от необходимости воевать всерьез, - возразил Лоренберг. - Мы будем сопротивляться до конца, и они наверняка это понимают.

- Да, - согласился Зиглер, - и оттого необходимо решить, который из двух вариантов неприятельской стратегии - затяжная кампания с предварительным захватом всего севера или стремительный прорыв по западному побережью - представляет нам больше шансов для противодействия и к каковому, соответственно, надо попытаться склонить противника через ложные маневры и действия наших агентов.

- Дело не только в ложных, но и в наших истинных маневрах, - заметил Швертлинг. - Необходимо как можно скорее решить, сосредоточить ли наши, увы, ограниченные силы на направлении угрожаемого прорыва или же распылять их на спешное занятие северных крепостей, которые могут остаться в стороне от основного театра военных действий...

- Я бы, кстати, не сбрасывал со счетов и восточное побережье, - подал голос Вульфеншванц. - Особенно учитывая, что они могут надеяться на конфликт между графом Хагентраубом и ее величеством. Я лично проследил за тем, чтобы у имперского посольства не было контактов с Хагентраубом на пути сюда, но это, конечно, не значит, что они не могли установить связь позже. Кстати, на это может указать тот маршрут, который изберет посольство сейчас. Пока что они выехали через северные ворота, но вряд ли поедут через Иммермур. Думаю, они свернут к востоку или к западу, навстречу армии вторжения - дабы не только быстрее соединиться со своими, но и собрать для них по пути разведывательные сведения.

Мысль была вполне здравая - Вульфеншванц, как видно, за время пребывания в столице научился лучше разбираться в политике - но Локхарта эти слова лишь отвлекли от более важной идеи, промелькнувшей перед этим. О чем же шла речь перед этим? Хагентрауб... восточное побережье... западное... северные крепости... Айзеншлосс... самозванец... Арвик! Его рейд на столицу!

- Прошу прощения, лорды, - перебил Локхарт военных, уже обсуждавших сравнительные достоинства для неприятеля восточного и западного маршрута. - Мне кажется, обсуждая одни лишь сухопутные варианты, мы совершаем ту же ошибку, что и некогда герцог Бронгарский, который увел свои войска на север, в то время как противник высадился с корабля на кратчайшем расстоянии к востоку от Дракенхайма. Отчего Гроггендор, располагая не одним кораблем, а целым флотом, не может поступить так же? Сезон навигации еще не закрыт.

Швертлинг взглянул на него покровительственно, как учитель на ученика - мол, хвалю вас за пытливость, юноша, но вопрос ваш вполне тривиален.

- Потому что гроггендорский флот на самом деле не настолько велик, - пояснил он. - Гроггендор столетиями был сухопутной державой с единственным портом на кирландском побережье, судоходство через который целиком зависело от милости соседей. Потом, конечно, они начали захватывать бугенхольмские порты в Заливе, но национальный менталитет меняется медленней, чем политическая карта. Гроггендорцы не любят моря.

- Вот как? - удивился Локхарт. - А мне говорили, что они помаленьку пиратствуют, списывая это на ибикейцев.

- Слухи такие ходят, - согласился Швертлинг, - но за руку их не ловили. Вы ведь понимаете, если гроггендорца поймать за руку, тут же выяснится, что он давно уволился из флота и исключен из морской гильдии, да и вообще не гроггендорец даже, а просто ходил под фальшивым флагом... Но это именно что помаленьку, это не массовое явление.

- Я даже не удивлюсь, - заметил с усмешкой Зиглер, - если окажется, что эти слухи тайком распускает сам Гроггендор, дабы казаться большей грозой морей, чем они есть на самом деле.

- Море для них слишком непредсказуемо, - продолжил пояснять Швертлинг, - не подчиняется их параграфам и уложениям. Погода на суше, конечно, тоже переменчива, особенно в горах, откуда они родом - но там неизменны хотя бы сами горы. А в море нет ничего постоянного. К тому же они, похоже, опасались строить сильный военный флот, чтобы с ним не произошло того же, что и с нашим. Есть даже легенда, что Ингвару Второму приснилось, как мятежные корабли поднимаются по Шлемвассеру и устраивают переворот в Ингварштаде - и он, проснувшись, порвал подготовленный накануне указ о развитии гроггендорского флота. Ситуация стала существенно меняться лишь после Войны Секиры, когда Гроггендор получил выход к океану, а в особенности - после окончательного захвата Бугенхольма. Но с тех пор просто прошло недостаточно времени. Интересно, что Гроггендору почти не досталось трофейных бугенхольмских судов - одни капитаны предпочли уйти на юг и присоединиться к пиратам, другие просто затопили свои корабли, чтобы не достались врагу. Как гроггендорцы никогда не любили моря, так и моряки других стран никогда не любили Гроггендор... Сейчас у гроггендорцев уже имеется немало быстроходных военных судов среднего размера, способных успешно атаковать тяжелые тлукаляханские галеры и не только их - но вот больших транспортных кораблей, способных обеспечить быструю переброску стотысячной армии, да еще и с лошадьми, у них явно недостаточно. Не забывайте - Арвика лошади дожидались на берегу, а имперцам придется везти их с собой. Даже если их будет, в процентном отношении, меньше обычного - "всего" пять-шесть тысяч - для гроггендорского флота это отнюдь не "всего".

"Они могли бы провести часть войск по суше, а часть высадить с моря нам в тыл", - подумал Локхарт, но тут же понял, что это слишком рискованный план. Дробить свои силы подобным образом означает для имперцев терять свое главное преимущество - в численности, и

успех операции будет требовать идеальной координации и, соответственно, сильно зависеть от морской погоды - которой, как ему только что объяснили, гроггендорцы отнюдь не склонны доверять.

- Таким образом, - продолжал Швертлинг, вновь обращаясь ко всем присутствующим, - самый ключевой и неотложный вопрос сейчас - стоит ли продолжать спешную переброску наших войск на север, уже начатую, насколько мне известно, генералом Эбенрихом, - похоже, так и не получившему вожделенный пост старику не доставляло удовольствия называть обошедшего его молодого коллегу "главнокомандующим", - или же следует, наоборот, сконцентрировать все наши силы в наиболее узком месте между побережьем и юго-западным Иммермуром, где они, даже уступая неприятелю в численности, смогут с наибольшей эффективностью преградить ему путь.

- Тактически концентрация наших сил в узкой и хорошо укрепленной прибрежной полосе выглядит хорошим решением, - согласился Эбенрих, - но если мы без боя отдадим имперцам северную Айринтию, мы уже не выгоним их оттуда.

- Бугенхольмцев в свое время выгнали, - не согласился Швертлинг.

- Вряд ли нам сейчас удастся добиться столь же безоговорочного разгрома противника, - возразил Эбенрих. - Наших сил явно недостаточно, чтобы окружить и пленить стотысячную армию - способную к тому же получать новые подкрепления с севера.

Швертлинг открыл было рот для ответа, но в этот момент в дверь постучали.

Все на миг замерли. Наверное, у каждого присутствующего мелькнула мысль, что вести, ради которых кто-то решился потревожить королеву во время стратегического совещания, могут быть только дурными. "Войдите!" - разрешила Элинор.

Вошел Крамп, тщательно закрыв за собою дверь.

- Вот и вы, Корнелиус, - кивнула королева. - Не сомневаюсь, что причина, задержавшая вас, серьезна.

- Более чем, ваше величество, - наклонил голову Крамп. - Моею службой было раскрыто дело столь важное, что я счел необходимым провести допрос обвиняемого лично и безотлагательно, как только он был доставлен в столицу. Сожалею, что не успел сделать этого до начала совета, ибо речь идет о плане гроггендорского вторжения, каковой, полагаю, здесь как раз и обсуждают - однако обсуждают, смею предположить, исходя из неверных посылок.

Все неотрывно смотрели на Крампа, пока он подходил к столу с рельефной картой.

- Позволю себе кратную предысторию, - начал он. - Еще когда мое ведомство узнало, что место главного телохранителя и наиболее доверенного лица при Арвике Хильдском занял некто Бурый - как мы полагаем теперь, сыгравший не последнюю роль в его смерти - мы постарались выяснить предыдущие связи этого загадочного персонажа. Прежде он работал на кромбургского арматора Юфтлинга, одного из самых богатых и влиятельных в Айринтии. Юфтлинг, однако, также умер преждевременной смертью, что могло бы насторожить Арвика, но, как мы знаем, не насторожило. Наследником Юфтлинга стал его племянник, однако он не долго продолжал фамильный бизнес - ибо тот был целиком выкуплен, частично напрямую, но в основном - через посредников и подставных лиц, главным конкурентом Юфтлинга по фамилии Тугенфорк. Как только мы это выяснили, возник естественный вопрос - откуда, собственно, господин Тугенфорк взял столь значительные средства, позволившие ему в кратчайшие сроки и без какого-либо невиданного бума на рынке морских перевозок - напротив, как вы знаете, из-за смуты торговля пребывала в упадке - позволившие ему удвоить собственные активы? Дабы получить ответ на этот вопрос, мы арестовали Тугенфорка по формальному обвинению в сотрудничестве с пиратами...

- Такое обвинение можно предъявить любому айринтийскому арматору, - усмехнулся Краут. - Договариваться с пиратами - это просто часть их бизнеса.

- Совершенно верно, - невозмутимо кивнул Крамп. - Потому обычно на это закрывают

глаза, но это чрезвычайно удобный повод, чтобы задать другие вопросы. Поскольку в Кромбурге, и даже в соседних городах побережья, Тугенфорк имеет весьма обширные связи - и есть, увы, основания опасаться, что они могут затрагивать местных чиновников и даже отдельных сотрудников Тайной Стражи - я приказал, со всею возможной скоростью - экипаж мчался днем и ночью, останавливаясь лишь для перемены лошадей - и одновременно секретностью доставить его в замок святого Михаила и допросил лично. Поначалу он отпирался и говорил о кредитах, взятых им под расширение своего дела, но в конце концов принужден был назвать своих кредиторов. И вы, полагаю, уже догадались, кто его столь щедро профинансировал.

- Гроггендор, - мрачно произнесла королева.

- Именно, ваше величество. Кстати, как нам теперь известно, подобной деятельностью по тайной скупке активов своих коллег и конкурентов в западных портах занимался незадолго до своей гибели и сам Юфтлинг, но его теперь уже не допросишь - хотя выводы вполне очевидны. Все эти корабли, старые и новые, ныне зафрахтованы нашими северными друзьями. Гроггендорская армия вторжения - точнее, ее авангард - будет доставлен в Айринтию на судах под айринтийском флагом. Высаженный таким образом десант захватит ничего не подозревающий Кромбург - или, возможно, другой близкий к столице порт на западном побережье - после чего оставшаяся часть армии будет переброшена на захваченный плацдарм уже совместными силами зафрахтованного и собственно гроггендорского флота. После чего последует форсированный марш на столицу, возможно, даже без генерального сражения, если наша армия успеет уйти на север в расчете встретить неприятеля там - для чего, возможно, будет предпринято предварительное отвлекающее наступление второстепенными частями, но это уже лишь мое предположение...

От Локхарта не укрылось мгновенное торжество во взгляде, который старый Швертлинг метнул на Эбенриха - мол, я же говорил, что переброска войск на север - плохая идея! Старик словно уже забыл, как только что сам отрицал возможность высадки неприятеля с моря.

- А мне говорили, что гроггендорцы не любят моря и не доверяют ему стратегических операций, - произнес полковник, желая поставить Швертлинга на место и напомнить ему о неуместности его мелкого торжества.

- Все меняется, - пожал плечами Крамп. - И чаще к худшему, чем наоборот.

- Но хватит ли у Гроггендора моряков для такой операции, если у них не хватает своих кораблей? - усомнился Локхарт. - То есть туда корабли приведут айринтийские экипажи, а обратно?

- Они же, - пожал плечами Крамп. - Простым матросам чаще всего все равно, кто и для чего фрахтует их суда. А если кто-то и попытается возражать, то солдаты на борту не оставят им выбора.

- Вот и еще один ответ на вопрос, почему Гроггендор не начал вторжение летом, - сказала королева. - Распутица им не особенно помешает. Правда, есть еще и осенние шторма...

- Полагаю, ваше величество, - почтительно возразил Крамп, - первоначально они планировали кампанию именно на минувшее лето, а ключевой фигурой в их плане с нашей стороны был Юфтлинг. Бурый, в свою очередь, осуществлял связь между ним и его имперскими нанимателями. Но, когда из небытия неожиданно вынырнул - вынырнул, кажется, в буквальном смысле - Арвик-тогда-еще-не-Хильдский, они резко изменили план. Но и от первоначального не отказались, а лишь оставили его про запас. И вот теперь пускают его в ход.

- Пустили бы, вы хотели сказать? - уточнила Элинор. - Вы ведь арестовали не только самого Тугенфорка, но и его корабли?

- Разумеется, я отдал такой приказ сразу же после допроса Тугенфорка, - наклонил голову Крамп, - но, по правде говоря, я не могу гарантировать, что его успеют выполнить до того, как все эти суда, находящиеся сейчас в нескольких портах по всему побережью, выйдут в море.

- Почему вы не сделали этого превентивно, едва у вас только возникло подозрение в отношении Тугенфорка? - не сдержался Локхарт.

- Потому что Айринтия - это пока еще не Гроггендор, ответила за Крампа королева. - У нас не принято, чтобы власть вмешивалась в дела бизнеса без веских к тому оснований. Особенно в ситуации, когда деловая активность только начала восстанавливаться после гражданской войны. Вы все сделали правильно, Корнелиус.

"Кажется, я становлюсь уже бо́льшим средневековым феодалом, чем сами средневековые феодалы, - подумал Локхарт почти со стыдом. - Забываю, что даже в королевствах должен царить закон, а не всевластие спецслужб, и что именно в этом - одно из ключевых отличий Айринтии от Гроггендора..."

- Надеюсь, ваши люди все-таки успеют, - заключила Элинор, обращаясь к Крампу.

- Тогда весь их план сорвется, - радостно кивнул Вульфеншванц, имея в виду захватчиков. - У них просто не хватит судов для высадки, ведь так? Войны не будет. Вообще.

- Я бы не расслаблялся, - сумрачно возразил Краут. - Они от нас не отвяжутся. У гроггендорцев всегда есть какая-нибудь пакость в запасе. Напомню, что и этот план уже был у них запасным. А не получится перебросить войска по морю - тогда они, вероятно, все же попытаются захватить по суше северную Айринтию, пока там совсем мало сил.

- Лорд Лоренберг, - Элинор обернулась к графу, - вам в любом случае необходимо как можно скорее попасть на север и принять командование над тем, что было хильдской армией. Что делать дальше - укрепляться там и ждать подкрепления или вести это войско на юг для защиты побережья и пути на столицу - станет ясно по обстановке. Сейчас главное - восстановить контроль над этими людьми и не дать им просто разбежаться. Помните - всем им даровано полное прощение за прошлые грехи, но, разумеется, ни в коем случае не за новые, так что восстанавливайте дисциплину так жестко, как это будет необходимо, но только не повторите ошибки Бургхельма. Возьмите конный отряд нужной вам численности и отправляйтесь как можно скорее.

- Да, ваше величество.

- Лорд командующий, ведите основные силы королевской армии на Кромбург. В зависимости от ситуации, вы либо займете оборону там, либо пойдете по побережью на север на помощь Лоренбергу. Генерал Швертлинг, вы, как и прежде, командуете столичным гарнизоном. Я также немедленно отправлю послание графу Райнбальду, поощряющее его как можно скорее - и максимальными силами - занять принадлежащий ему Фельзенбург, одновременно тем самым прикрыв от возможных неожиданностей восточное побережье. Полагаю, это самое надежное применение, которое мы можем найти ему и его людям. Кто-нибудь хочет что-то добавить? Возможно, вы, лорд Локхарт? - поощрила королева, уловив вопрос в его взгляде.

- Я? Не то чтобы добавить от себя, мэм. Я лишь хотел поинтересоваться, не имеет ли что сказать его высокопреосвященство, который промолчал практически весь совет.

- Ну, - ворчливо произнес Фабиас, - если кого-то интересует мое мнение, то я уже высказывал его ранее... в более узком кругу и, если ее величество не возражает, готов повторить и здесь, - он сделал крохотную паузу и, не дождавшись возражения от королевы, продолжил: - Я с самого начала был против... дестабилизации ситуации. Прелюбодеяние, несомненно, большой грех, заслуживающий кары, однако божьи жернова не всегда мелют быстро. Не было никакой нужды разоблачать грех Алиссы прямо сейчас. Мудрее было бы дать этому ребенку вырасти, пользуясь годами мира и спокойствия, дарованными нам благодаря Айзеншлосскому договору - и вот только потом, когда сей отпрыск стал бы реально претендовать на власть или хотя бы на полномочия, представляющие для нас угрозу - объявить о его незаконном происхождении.

- И наше разоблачение назвали бы клеветой, - не без раздражения ответила Элинор, очевидно, повторяя ранее уже изложенные ею аргументы. - "Если вы все знали, отчего столько лет молчали?" К этому времени ключевых свидетелей могло уже не остаться в живых - Баррета,

Мелиссы, может, и самой Алиссы. И, как теперь уже ясно, наверняка не было бы в живых самого Арвика, который и выступил в роли вашего "божьего жернова". Но главное - он мог успеть породить второго наследника, который легко занял бы место первого.

- Единожды солгавшему кто поверит? - возразил архиепископ. - Жена, согрешившая один раз, тем самым ставит под сомнение законность всех своих отпрысков.

- Едва ли этот аргумент показался бы достаточно весомым для Гроггендора, ищущего лишь формального повода для захвата Айринтии.

- Боюсь, что теперь этот повод дан ему раньше, чем было возможно, если бы к моим советам прислушались. Увы, терпение - добродетель, не свойственная молодости, хотя, казалось бы, должно быть наоборот - ведь именно у молодых больше всего времени в запасе...

- Весь этот спор уже неактуален, - перебил Локхарт без особой почтительности; впрочем, Фабиаса, осмелившегося публично критиковать королеву, определенно следовало одернуть. - Я хотел узнать, неужели его высокопреосвященство, пользуясь... своими возможностями, не может сообщить нам никаких дополнительных сведений о противнике.

- Они уже были сообщены, сын мой, - покровительственно улыбнулся Фабиас. - В частности, тот факт, что армией вторжения будет командовать фон Дойтлиц, известен благодаря испрошенному им благословению и щедрому пожертвованию, которое в Гроггендоре принято делать церкви при подобных начинаниях.

- Гм... - смутился Локхарт, осознав, что зря подумал плохо о церковной разведке.

- Что же касается плана неприятельской кампании, то, увы, военными подробностями со священниками обычно не делятся, - закончил архиепископ.

Королева поблагодарила всех, и на этом военный совет завершился.

- Прошу прощения, мой лорд, - голос слуги, деликатный и вместе с тем, как показалось Локхарту, неодобрительный, отвлек его от книги, которую полковник, впрочем, не столько читал, сколько просто сидел над ней, погруженный в мысли о войне. - Некий человек добивается встречи с вами. Охрана не пустила его во дворец, но он очень настаивает.

- Человек? В такое время? - был уже поздний вечер, на улице давно стемнело. - Что ему надо?

- Осмелюсь заметить, сэр, тип довольно подозрительный и, кажется... не вполне трезвый. Говорит, что его зовут Джон Пибольд, - Локхарту это имя ничего не говорило, - и что он друг господина Вельо. Настаивает, что вы должны ехать выручать господина Вельо, ибо тот якобы арестован за убийство...

- О черт! - Локхарт поспешно встал. Только этого не хватало... - Что это было? Дуэль? - спросил он с надеждой - это был бы самый лучший вариант, ибо личное дворянство давало Вельо право на дуэли - но тут же понял, что сказал глупость: во-первых, в этом случае Вельо вовсе не должны были арестовать, а во-вторых, мечом он не владел, а дуэли на алебардах среди айринтийских дворян как-то не практиковались. - То есть, я имею в виду - кулачный поединок? - поправился полковник; подумав, что итальянец просто не рассчитал силы в очередном состязании на спор, что тоже было бы легко разрешимой ситуацией.

- В некотором роде, сэр, только не совсем поединок. Компания господина Вельо заспорила в кабаке с другой, будто бы позволившей себе непатриотические высказывания - ну а поскольку и те, и другие были пьяны, спор быстро перешел в драку, и в итоге господин Вельо проломил одному из спорщиков голову...

- Я знал, что этим кончится... - пробормотал Локхарт, надевая через голову портупею.

- То есть это так говорит этот Пибольд, сэр, - напомнил слуга. - Неизвестно, правда ли это. Во всяком случае, господина Вельо нет в его апартаментах. Но, с вашего позволения, сэр, все это может быть и некой провока...

- Я возьму с собой охрану, - нетерпеливо перебил Локхарт. - Где этот Пибольд?

- Ожидает на улице у входа в правое крыло, сэр...

Локхарт набросил подбитый мехом плащ - днем все еще было довольно тепло, но после заката резко холодало - и зашагал к выходу.

На улице и в самом деле оказалось мерзко - если обыкновенно после заката в городе воцарялся штиль, то сейчас шумными порывами налетал холодный ветер - не иначе, погода менялась, и, очевидно, к худшему. Ветер со скрипом раскачивал фонарь над крыльцом, заставляя тени метаться туда-сюда, а под фонарем, переминался с ноги на ногу Пибольд под присмотром одинокого хмурого стражника, и вид он и в самом деле имел самый непрезентабельный. Щуплый от природы, теперь он был к тому же весь встрепанный, с фингалом под глазом, и от него сильно разило дешевым вином (притом, как вскоре понял Локхарт, не столько даже от его дыхания, сколько от слипшихся волос и одежды). Преодолевая брезгливость, полковник учинил ему быстрый допрос об обстоятельствах случившегося, все еще надеясь, что проломленная голова означает лишь травму, а не смерть потерпевшего, или что, по крайней мере, действия Вельо были бесспорной самообороной (хотя и трудно было представить человека, который в здравом уме первым напал бы на гиганта - но где здравый ум, а где пьяные гуляки?)

Увы, ни одна надежда не оправдалась.

Со слов Пибольда, компания, лишившаяся накануне (как все надеялись, не навсегда) четверых своих членов - солдат, ушедших с войском, причем столь поспешно, что товарищи не имели возможности их проводить - запоздало отмечала как раз это событие весьма немудрящим способом - выпивая как за себя, так и за отбывших. За соседним столом тем временем расположилась другая компания, которая принялись слишком громко обсуждать грядущую войну (в которой не было сомнений уже ни у кого в Дракенхайме), высказываясь при этом скептически о перспективах Айринтии и непочтительно - о ее руководстве. (Делали они это, как сообразил Локхарт, скорее всего, не с целью специально задеть соседей - их было всего пятеро, а приятелей Вельо вместе с ним самим все еще оставалось семеро, притом, что он один стоил как минимум троих - а просто потому, что вино заставило их забыть о всякой осторожности и деликатности.) Особенно разорялся один из них, восклицавший на весь трактир, что лучшим королем был бы герцог Бронгарский, а коннетаблем при нем - "единственный стоящий айринтийский генерал" Гартхард, и вот тогда-то гроггендорцы не посмели бы сунуться туда, где их уже били, а теперь, когда обоих полководцев "извели" - говоривший явно намекал, хотя и не говорил прямо, что и за убийством Бронгара стояла Элинор, видевшая в нем конкурента за трон, но "это-то еще понятно, а вот зачем было рубить голову Гартхарду, словно тупой курице, если теперь все равно всех амнистировали?" - то, стало быть, с такими генералами, как Эбенрих, у которого "молоко на губах не обсохло" (говоривший, кстати, был моложе коннетабля - как выяснилось позже, ему было 27), и Швертлинг, из которого "песок сыплется"... ну и т.д. и т.п. Пибольд (сын мелкого торговца, никогда не служивший в армии), возмущенный этими речами, предложил своим товарищам заткнуть смутьянов, но большинство в компании находились на той стадии опьянения, которая характеризуется благодушной апатией, а не агрессией. К тому же соседи ругали не простых солдат вроде их ушедших товарищей, а власти, к которым у богемной публики принято было относиться скептически; а в Вельо (единственном из оставшихся, кто дрался за королеву - хотя больше все-таки за собственного командира - с оружием в руках) под влиянием выпитого вновь проснулся университетский профессор, а не армейский капрал) и он пробормотал что-то про "свободу слова". Тогда Пибольд сам подошел к соседнему столу; впрочем, по его словам, он тоже не хотел драки и лишь потребовал, чтобы соседи выпили тост за королеву. Их предводитель поднялся с места и поднял полную кружку, но вместо того, чтобы провозгласить тост - опорожнил ее на голову Пибольду. Тот, конечно, такого уже не стерпел и кинулся на обидчика, но тут же получил в глаз и грохнулся на пол. Тогда уже поднялись остальные, включая Вельо, и кое-кто из смутьянов, осознав, наконец, соотношение сил, попытался ретироваться, но их главный заявил, что айринтийский дворянин не отступает перед

кабацким сбродом. Вельо навис над ним, с угрожающей вежливостью требуя извинений "и за обиду, нанесенную его другу, и за все, сказанное ранее" - но тот с пьяным бесстрашием бросил ему в лицо: "Если ты такой патриот, чего пьянствуешь тут, а не идешь служить?" "Да я капрал Вельо!" - возмутился тот, на что его оппонент лишь глумливо скаламбурил: "Насрал под елью?"[106] - и тут уже итальянец, побагровев, со всей пьяной силы хватил его тяжелой глиняной кружкой по голове, разбив в результате и первую, и вторую. Почти тут же вбежали стражники - уличный патруль, вызванный ранее успевшим выскочить на улицу товарищем сраженного - но было уже слишком поздно, тот был мертв. Стражников было всего трое, и Вельо мог бы раскидать их даже в одиночку, но предпочел торжественно предать себя правосудию (что, впрочем, было неожиданно мудрым, учитывая количество выпитого, решением, ибо найти столь заметную персону по показаниям свидетелей, конечно, не составило бы никакого труда). Затем явился дознаватель городской стражи, на месте опросивший свидетелей и участников, но более никто задержан не был, и растерянные выпивохи просто разбрелись - один лишь Пибольд, очевидно, чувствуя себя обязанным Вельо, который попал в беду, вступившись за него, побежал во дворец просить помощи у всесильного (как многие думали) королевского фаворита.

- Где он сейчас? - резко спросил Локхарт, выслушав все это.

- Видимо, на городской гауптвахте, мой лорд.

- Берите лошадей, поехали, - обернулся полковник к сопровождавшим его шестерым гвардейцам. - Да, и еще карету - Вельо же не умеет ездить верхом.

- Вам, наверное, не отдадут его без распоряжения провоста, сэр, - робко заметил Пибольд.

- Ну тогда едем к провосту. Знаете, где это? - спросил он гвардейцев.

- Там рядом, сэр, но в такую пору его уже, верно, нет на службе, - ответил один из них.

- Значит, поедем к нему домой и вытащим его из постели! - отрезал Локхарт и тут же задумался - а правильно ли он поступает? Вельо, пожалуй, было бы невредно протрезветь, проведя ночку в камере - что послужит ему хорошим уроком! - да и провост будет настроен более благожелательно, если не врываться к нему среди ночи. Но ситуация Локхарту ужасно не нравилась, и он жаждал разрешить ее как можно скорее - как минимум, выяснить позицию городских властей. Несомненно, Вельо спровоцировали, причем сделал это субъект, который, вполне вероятно, сам заслуживал душеспасительной беседы в замке святого Михаила - но с формальной точки зрения выходило, что итальянец убил безоружного, который, в свою очередь, пальцем его не тронул и даже Пибольда ударил, лишь защищаясь (а вылитое на голову вино на телесные повреждения никак не тянуло). Если бы Вельо, имея не потомственное, но все же дворянство, убил публично оскорбившего его простолюдина, дело, скорее всего, осталось бы без последствий. Но погибший упомянул о своем дворянском происхождении, и вот это уже было скверно. Если бы Вельо хотя бы крикнул ему "Защищайтесь!", как предписывал дуэльный кодекс! - но ему (как подтвердил Пибольд) даже не пришло это в его пьяную голову...

Конечно, на первый взгляд смерть в пьяной драке в мире, где люди то и дело убивают друг друга в войнах и на дуэлях, не выглядела делом столь серьезным, каким она была бы во Флориде (или Италии) XXI столетия. Но Локхарт помнил, как подобную же драку - причем между даже не дворянами, а простыми солдатами - разбирал высший королевский суд, и одного из виновных, кстати, приговорили к повешенью, а другого по-тихому прикончили прямо на больничной койке, дабы удовлетворить пострадавшую сторону. Конечно, там в дело вмешалась политика - но кто сказал, что она не вылезет каким-нибудь боком здесь? В конце концов, у него, Локхарта, по-прежнему остаются сильные враги (из-за чего он и вынужден ездить по ночам с эскортом), а Вельо - его человек, и те, кому надо, быстро об этом вспомнят и напомнят другим. Конечно, ни казнь, ни тюрьма Вельо не грозят. Королева всегда может помиловать его личным

---

[106]В оригинале "Co-pro-ral Smell-you?"

указом. Хотя - не он ли, Локхарт, еще вчера думал, как это правильно, что в Айринтии закон стоит выше произвола властей? Но правом помилования обладали даже республиканские президенты и губернаторы в его мире, да и этот тип действительно сам напросился. Но тогда будет очень легко представить ситуацию в том духе, что сперва королевский фаворит стравил между собой Райнбальдов и Хагентраубов (и это сошло ему с рук), а теперь, пользуясь своим "неограниченным влиянием на королеву", покрывает убийство еще одного дворянина (из какого тот рода?). "Кто у нас вообще правит страной, добрые айринтийцы?!" Может быть, вся эта кабацкая стычка - специальная провокация именно против него... хотя, если бы Пибольд не проявил патриотическое рвение, ничего бы не было. Тогда провокатор - сам Пибольд? Нет, это уже паранойя... Если бы Вельо вел себя, как подобает человеку его ума и образования, в не пьянствовал по кабакам с компанией городской шантрапы - вот *тогда бы* действительно ничего не было!

Ладно. Командир отвечает за своих людей и должен вытаскивать их из беды. Сначала вытащить, а уж затем спрашивать по всей строгости. Даже если из всех людей его команды остался только один. Особенно - если только один. Пока жив хоть кто-то из его экипажа, он все еще командир "Доброй воли" и уже только потом - средневековый барон.

Пибольда он взял с собой на случай, если потребуются его показания. Но, конечно, сажать безлошадного гуляку в карету из королевского сарая было бы слишком жирно, тем паче что Локхарт совсем не хотел, чтобы дорогой экипаж провонял винной кислятиной (правда, он тут же вынужден был признать, что это вполне может произойти на обратном пути, когда в этой карете повезут Вельо) и потому велел одному из гвардейцев усадить щуплого Пибольда на круп коня у себя за спиной - после чего пустая карета покатила к помещению гауптвахты, а всадники поскакали к дому провоста.

Того не пришлось вытаскивать из постели. Он как раз изучал доставленный ему рапорт, посвященный именно этому происшествию. И все оказалось еще хуже, чем опасался Локхарт.

Все дело было в личности убитого. Им оказался Джероним Хоббинтротт - двоюродный племянник того самого Карла Хоббинтротта, который сперва был заместителем Бургхельма, потом командовал пехотой Арвика под Торринвортом, а в итоге возглавил армию княжества Хильдского (хотя Арвик и отнюдь не был в восторге от результатов Торринвортской битвы, он все же сохранил за Хоббинтроттом пост командующего, рассудив, что от Элинор того может ждать теперь только казнь, а стало быть, можно хотя бы не опасаться предательства с его стороны). Его племянник все это время спокойно жил в Дракенхайме, не подвергаясь никаким преследованиям. И вот теперь, когда именно от Карла Хоббинтротта зависело, насколько легко и благополучно недавние еще дезертиры и враги королевы вновь перейдут под ее руку, дабы сражаться против общего врага в самый критический для Айринтии час - с его родственником, пускай не самым близким, но носящим его фамилию и его цвета! - случается такой афронт. Локхарт уже достаточно изучил местные нравы, чтобы понимать - дело здесь не в личных чувствах, а в дворянской чести. И королева, которой столь необходима была лояльность дяди, одновременно должна была (или, по крайней мере, так бы это выглядело) избавить от наказания убийцу его племянника. Причем в данном случае уже нельзя было сослаться на честную дуэль по правилам, как в случае с Раулем.

Разумеется, Хоббинтротт-старший сам был теперь не более чем амнистированным изменником. Но это вовсе не значило, что ради своей амнистии он согласится на все. На самом деле, как вполне отчетливо понимал Локхарт и как, видимо, должен был понимать и сам Карл, Элинор теперь нуждалась в нем больше, нежели он в ней. Гроггендорская угроза вовсе не означала, что ему некуда деваться. Он мог бы вместе со своей армией присягнуть новому "князю Хильдскому" - гроггендорскому императору. И, вероятно, рассчитывать в этом случае не просто на амнистию, а на титул и земли в благодарность за свое предательство - которое с гроггендорской точки зрения было бы не предательством, а, напротив, исполнением вассального

долга перед законным сюзереном.

И что было теперь делать Локхарту, уже достаточно разбиравшемуся в айринтийской политике, чтобы понимать все это? Просто предоставить Вельо его судьбе? Не только не пытаться освободить его самому, но и не говорить об этом королеве, если ей не доложат? (Хотя ей, скорее всего, доложат.) Или даже прямо сказать ей, что он не против принесения Вельо в жертву интересам Айринтии? С прагматической точки зрения, очевидно, гроггендорское вторжение - и все, что могло хоть как-то помочь ему противостоять - было важнее свободы и даже жизни одного отдельно взятого доктора и профессора. Тем более - решившего позабыть, что он доктор и профессор.

И, конечно, нелепо даже спрашивать, кто ему дороже - Вельо или Элинор. Хотя чувства, безусловно, не могут быть основанием для принятия решения...

В конце концов, вольно ж было Вельо напиваться. О чем он, Локхарт, не раз его предостерегал, так что его совесть чиста.

Но Вельо все еще был его человеком. Членом его команды.

Хотя даже это не было бы основанием вытаскивать его, если бы от его действий пострадал действительно невинный. Однако Вельо дал по башке тому, кто этого в полной мере заслуживал, чьим бы племянником он ни был.

Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

- Ознакомившись с обстоятельствами дела, - произнес Локхарт холодным официальным тоном, - я прихожу к выводу, что капрал Вельо фактически выполнил вашу работу, попытавшись пресечь подрывные речи, в условиях войны являющиеся государственной изменой. Поскольку подстрекатель отказался подчиниться законным требованиям, Вельо пришлось применить силу для пресечения его противоправной деятельности - что привело к непредумышленной смерти подозреваемого, но было в целом оправдано обстоятельствами, - это были юридические формулировки, характерные скорее для XXI века, но Локхарт не сомневался, что они сгодятся и для средневекового правосудия. - Так что прошу выдать мне предписание об освобождении капрала Вельо, - Локхарт требовательно протянул руку, словно соответствующий документ был уже готов и подписан.

- Что вы называете изменой, сэр? - возразил провост. - Согласно показаниям свидетелей, потерпевший говорил, что герцог Бронгарский мог быть лучшим королем, нежели ее величество Элинор. Я, разумеется, не разделяю эту точку зрения, - поспешно произнес он, - но изменнической она могла бы считаться, только если бы герцог был жив. В нынешних же обстоятельствах это сугубо теоретическое рассуждение, не могущее иметь практических последствий. Также он выражал сожаление, что генерал Гартхард был казнен, поскольку, доживи он до сегодняшнего дня, он был бы амнистирован и еще мог бы послужить Айринтии. Не могу не признать, что определенная логика в этом есть.

- Это не логика, а непонимание, чем ситуация сейчас отличается от тогдашней, - сердито возразил Локхарт.

- Вот видите, сэр, вы сами говорите - непонимание, а не измена. В целом я готов согласиться, что речи потерпевшего были предосудительны, но в Айринтии не казнят за пьяную болтовню в кабаке.

- В любом случае, капрал Вельо - военнослужащий королевской армии...

- Поэтому он доставлен на гарнизонную гауптвахту, а не в обычную тюрьму.

- И в военное время он подлежит суду своего командира. Я - его командир.

- Согласно показаниям арестованного, - провост потряс бумагой в воздухе, - на вопрос, к какому полку он приписан, он ответил "ни к какому". ("Чертов пьяный дурак!" - подумал Локхарт.) Кроме того, военное положение в столице еще не объявлено, сэр.

- Ладно, вопрос о подсудности этого дела будет разобран позже, - произнес полковник таким тоном, словно отмахивался от докучливой мухи. - Сейчас я, в любом случае, должен

забрать моего человека из вашего гарнизонного клоповника. Выдайте мне его на поруки.

- Откровенно говоря, сэр... провост потеребил бумаги, на миг отводя взгляд - если вы намерены отвезти Вельо в королевский дворец, то городским властям будет довольно затруднительно впоследствии забрать его оттуда, ежели он вдруг сам этого не пожелает. Разумеется, ее королевское величество может в любой момент прекратить это дело своим личным распоряжением. Но не вы, мой лорд, при всем уважении, сэр.

Локхарт вздохнул. Очевидно, ему предстояло сделать то, чего он не делал никогда и чего делать прежде не собирался.

- Вы понимаете, с кем вы говорите? - произнес он с холодной угрозой.

- Да, лорд Локхарт.

- И вы уверены, что хотите поссориться со мной?

Провост тяжело вздохнул. Затем молча достал из бюро чистый лист, обмакнул перо в чернила, написал несколько строк и приложил печать.

- Арестованный капрал Вельо передается барону Локхарту под его личное ручательство представить поименованного капрала военному суду. Гражданская администрация более не занимается этим делом.

- Благодарю, провост, - полковник забрал бумагу.

- Выходит, слухи врали, - пробормотал чиновник ему в спину - как бы про себя, но вполне отчетливо слышно - когда он уже повернулся к выходу.

- Какие слухи? - Локхарт резко обернулся.

- Будто вы не такой, как все, - ответил провост, избегая смотреть ему в лицо. - Будто вы не берете взяток, и у вас нет любимчиков. Будто вы верите в то же, во что и покойный король Гумбольдт - что не лорды должны стоять над законом, а закон над лордами.

"То-то этот законник положил под сукно расследование в отношении своего собственного брата!" - сердито подумал Локхарт о Гумбольдте, а вслух все так же холодно ответил:

- Не беру и не даю. От вас мне нужна была не взятка, а мой человек. Который мне не любимчик, а подчиненный. Защищавший честь своей королевы, своей армии и свою лично. Слово "юстиция" означает "справедливость", не забывайте об этом.

- Как скажете, мой лорд.

Извлеченный с гауптвахты Вельо вид имел опухший, словно после недельного запоя (впрочем, а сколько и в самом деле продолжался его загул?), его грязные волосы и борода топорщились во все стороны, и в них запуталась солома, служившая ему единственной постелью в камере (соломинки пристали и к его растрепанной одежде) - но, тем не менее, он успел уже в значительной степени протрезветь. Когда его вывели к ожидающему во дворе Локхарту, он даже попытался вытянуться во фрунт и щелкнуть каблуками - что, впрочем, выглядело скорее издевательски, чем молодцевато.

- Посмотрите на себя, доктор, - процедил полковник с отвращением. - Лучший лингвист планеты Земля. Почетный профессор полудюжины университетов.

- Капрал королевской армии Айринтии, - буркнул в ответ Вельо. - Сейчас только это имеет значение.

- Пьяная свинья, - в тон ему ответил Локхарт (в прежней жизни он никогда не позволял себе подобных выражений в адрес подчиненных). - Вот что сейчас имеет значение. Сколько раз я предупреждал вас, что ваши кабацкие загулы добром не кончатся? Вы хоть понимаете, что подставили не только меня, но и королеву? - он в паре фраз объяснил Вельо политическую ситуацию.

- Тот тип сам напросился, - угрюмо проворчал итальянец. - Хотя бить насмерть я не собирался...

- Пойдите и объясните теперь это его дяде! Учтите - хотя сейчас я вытащил вас из камеры, если королева решит купить его лояльность вашей головой, я и пальцем не шевельну,

чтобы ее отговорить! - фраза вышла корявой, но Локхарту было сейчас не до изящной словесности.

- И пойду! - агрессивно ответил Вельо. - Отправьте меня на фронт! Вы не взяли меня в Торринворт! Я сижу в Дракенхайме безвылазно с самой Айзеншлосской операции! В городке диаметром в милю! Что мне тут еще делать, кроме как пить?

- Ах, вам тесно в городе размером в милю! Вам напомнить, сколько места было на борту "Доброй воли"?

- Там было другое общество, - огрызнулся Вельо. - Другие информационные ресурсы. И другие перспективы.

- Если вам было мало места в Дракенхайме, то теперь вам придется довольствоваться вашей квартирой, - продолжал Локхарт. - Из ваших комнат ни шагу. Вы под домашним арестом. Даже во дворце вы не должны никому попадаться на глаза. И не вздумайте заказывать алкоголь, я лично прослежу, чтобы вам его не подавали. Имейте в виду - ничего еще не кончилось. Я не шутил и не утрировал, когда говорил о возможных последствиях для вашей головы.

- Да понял, понял, - прокряхтел Вельо, забираясь в карету. Локхарт подумал, не сесть ли с ним, отдав повод коня одному из гвардейцев - уж очень неприятным был холодный ветер - но, вспомнив о запахе перегара, брезгливо дернул щекой и снова взобрался в седло.

- Мы опоздали, ваше величество.

Королева молча смотрела на Крампа. В ее взгляде не было упрека, она понимала, что он сделал все, что мог.

- Мои люди сумели задержать лишь один корабль. Остальные успели отплыть.

- Значит, у нас всего около недели, пока корабли доплывут туда и обратно, - констатировала королева. - Что ж, по крайней мере наша пехота должна успеть дойти до Кромбурга за пять дней, если только не будет сильных дождей. И, в любом случае, гарнизон Кромбурга уже предупрежден, так что неожиданный захват уже провалился.

- Думаю, что у нас больше времени, мэм, - возразил Крамп. - Слышите, какой ветер на улице? Он дует с северо-запада, а значит, в Кирландском заливе начинается шторм.

- Надеетесь, что он сорвет их вторжение, как когда-то тлукаляханское?

- Надеются любители, ваше величество - профессионалы рассчитывают. И нет, я не рассчитываю, что этот шторм нанесет флоту вторжения непоправимый урон. Шторма в Заливе обычно не столь сильны, как в открытом океане, а айринтийские торговые суда, хотя и проигрывают пиратским и военным в быстроходности, в шторм более устойчивы и надежны. Так что нет, я не думаю, что они будут потоплены или выброшены обратно на берег... во всяком случае, в том количестве, в каком нам бы хотелось. Но, несомненно, шторм изрядно замедлит их продвижение в северо-северо-западном направлении, и, вероятно, помешает им прибыть к цели организовано, единым флотом. Что не станет для них такой катастрофой на пути в гроггендорский порт, как стало бы на пути обратно - хотя мы еще не знаем, какая погода будет ожидать их тогда - но, в любом случае, задержит их отплытие сюда не только до окончания шторма, но и до прибытия отставших кораблей. Однако я как раз в морских делах все-таки не профессионал. И потому хотел бы познакомить ваше величество с человеком, который как раз является таковым.

- Что за человек?

- Капитан Сильвестр Кнаббе. Ранее работал на Тугенфорка. Прибыл в столицу почти одновременно с ним, но, в отличие от своего бывшего нанимателя, по собственной воле, желая получить аудиенцию у вашего величества. На всякий случай, как человек Тугенфорка, был нами задержан для проверки...

- Надеюсь, он... не пострадал?

- Нет-нет, мэм, с ним побеседовали весьма деликатно, и его показания подтверждаются.

Тугенфорк расторг с ним контракт незадолго до начала операции именно потому, что считал ненадежным со своей точки зрения - то есть не считал, что тот даже и за деньги согласится действовать против интересов Айринтии. Кнаббе же показал, что подавал свою докладную записку еще королю Гумбольдту, однако смерть оного и воспоследовавшие события помешали рассмотрению дела по существу. После того, как он поведал нам об этом, эта записка действительно была найдена в архиве королевской канцелярии.

- Я точно не читала ее, но эту фамилию где-то слышала.

- Полагаю, мэм, вы слышали фамилию его отца. Он также был морским капитаном. Происхождение у него гроггендорское, однако еще подростком он сбежал из дома, нанявшись юнгой на айринтийское судно. Впоследствии ходил под айринтийским флагом и сделал карьеру до капитана, но был захвачен пиратами и продан в рабство в Тлукаляхан, где провел двенадцать лет, пока не был выкуплен айринтийской церковью - гроггендорцы, как вы знаете, принципиально не платят выкуп за пленников, считая, что это поощряет пиратство и унижает достоинство их короны. Весьма недальновидно с их стороны, могу заметить. После освобождения он, то есть Кнаббе-старший, принял айринтийское подданство и оставил мемуары о своих злоключениях, получившие довольную известность.

- Да, теперь припоминаю. Саму книгу не читала, но отчеты о Тлукаляхане лорда канцлера упоминают ее в числе источников. Так о чем же его записка? Я имею в виду, само собой, сына.

- Полагаю, мэм, вам лучше выслушать его самого. Я взял на себя смелость пригласить его во дворец, ибо нахожу, что его идеи могут существенно помочь нам в отражении вторжения. Не скрою, его гроггендорские корни вызывали у меня некоторое сомнение, но он обязан Айринтии всем, включая сам факт своего появления на свет, так что, полагаю, ему все-таки можно доверять. Он ожидает за дверью.

- Хорошо, пусть войдет.

Элинор ожидала увидеть типичного морского волка - лет пятидесяти, с сединой в волосах и курчавой шкиперской бородке, с грубым обветренным лицом, прорезанным глубокими морщинами. Однако Кнаббе оказался еще довольно молодым человеком - слегка за тридцать, черты его длинного лица, хотя и действительно смуглого от загара, не лишены были тонкости и изящества, и бороду он брил (хотя, судя по пробившейся щетине, не имел возможности сделать этого в последнюю пару дней). Но уже тот факт, что, несмотря на молодость, он уже заслужил капитанский патент, свидетельствовал, что это не какой-то безответственный прожектер и отнестись к его словам следует со всей серьезностью.

- Надеюсь, Тайная Стража не причинила вам... слишком больших неудобств, - сказала королева.

- Я понимаю необходимость проверок, ваше величество, - поклонился Кнаббе, - особенно в такое тяжелое время, как сейчас. К сожалению - хотя и по вполне понятным причинам - моим предложениям не был дан ход раньше, но надеюсь, что хотя бы теперь, если мы будем действовать без промедления, положение еще можно спасти.

- Что вам уже известно о нашем положении?

- Насколько я понимаю, гроггендорская армия собирается высадиться на западном побережье, зафрахтовав для этой цели корабли нашего же торгового флота, и мой бывший наниматель Тугенфорк был к этому причастен. Уверяю вас, я ничего не знал о его планах, иначе...

- Вам нет нужды оправдываться, капитан. Генеральный дознаватель снял с вас все подозрения, и я полностью доверяю его выводам. Переходите сразу к сути вашего предложения.

- Вы читали пропозиции, поданные мной вашему отцу, ваше величество?

- К сожалению, у меня не было на это времени. Можете кратко изложить суть?

- Возрождение айринтийского военного флота, мэм. В своем докладе я обосновывал, почему эта мера не только необходима политически, но и вполне реализуема практически.

- Традиционно считалось, что попытка строительства военного флота спровоцирует агрессию со стороны наших уже обладающих такими флотами соседей, которые нанесут удар прежде, чем мы успеем выстроить достаточно кораблей для защиты. Хотя, конечно, в итоге агрессия все равно стала неизбежной - но теперь у нас в любом случае нет времени...

- Видите ли, ваше величество, на самом деле нет никакой необходимости строить военный флот с нуля. Дело в том, что разница между военными и торговыми кораблями в действительности довольно условна. Практически любой купеческий корабль имеет некоторые средства защиты от пиратов - как минимум, носовые и кормовые надстройки для размещения стрелков, часто в несколько рядов. Некоторые судовладельцы идут еще дальше и устанавливают на корме метательное орудие на поворотном круге, чтобы отбиваться от преследователей - потопить такое едва ли способно, но отбить желание связываться со слишком кусачей добычей может. Такие орудия, на носу, на корме, как поворотные, так даже и более мощные стационарные, не так уж сложно собрать и установить даже силами самого экипажа непосредственно в море, вдали от портов и верфей, где эти приготовления могли бы заметить вражеские шпионы. Аналогично - со стационарными орудиями вдоль бортов, все детали могут быть загружены в трюм под видом просто строительного леса, а в море их останется только смонтировать, применяя обычные на каждом торговом судне грузовые тали. Можно также соорудить огнеметательные трубы на основе обычных корабельных помп, которые будут качать не воду, а горючую смесь. Для этого даже не потребуется целиком заменять деревянные части и брезентовые шланги на медные, как принято считать. Никакой материал не загорится без доступа воздуха, поэтому при поддержании устойчивого давления горение будет происходить только на выходе, не распространяясь внутрь шланга... Иными словами, мы можем переоборудовать наши торговые корабли в военные быстро, дешево и незаметно для противника.

- Как-то все слишком просто, - недоверчиво произнесла королева. - Неужели за триста лет никто, кроме вас, до этого не додумался?

- Считалось, что платить пиратам проще и надежнее, чем менять status quo, - невесело усмехнулся Кнаббе. - Ну и, конечно, вы правы, ваше величество - не все так просто. Есть нюансы. Во-первых, купеческим судам, рассчитанным на перевозку большого количества груза, часто не хватает скорости и маневренности в сравнении со специально построенными военными кораблями. Так что такой вариант военного флота годился бы только на первое время, чтобы прикрыть строительство уже специализированных судов. Второй нюанс еще более важен. Главная проблема, отличающая торговый флот от военного, даже не в самих кораблях, а в экипажах. Многие айринтийские матросы умеют обращаться с абордажными саблями и способны маневрировать в бою, но они не обучены действию в корабельном строю. Сражение с их участием превратилось бы в беспорядочную череду стычек, где каждый капитан действует по собственному усмотрению против врага, которого видит непосредственно перед собой - и, очевидно, было бы проиграно адмиралу, чьи суда подчинены единому командованию и единому плану. Вы, должно быть, знаете, мэм, мой отец провел в тлукаляханском рабстве почти двенадцать лет, семь из них на галерах. Это ужасное место, большинство прикованных к веслам гребцов думают только об усталости, голоде, жажде и о том, как избежать кнута надсмотрщика. Но отец не позволил себе опуститься до животного состояния. Он старался изучать тлукаляханский флот изнутри. Кроме того, по возможности он расспрашивал других пленников об их собственных флотах - в надежде когда-нибудь выйти на свободу и донести эти сведения до соотечественников...

- Каких именно? - не удержалась Элинор.

- Я понимаю ваши сомнения, мэм, - нахмурился Кнаббе, - но, хотя отец и был рожден в Гроггендоре, он считал себя айринтийцем с четырнадцати лет - а уж в особенности после освобождения. Так вот, его выводы есть в его книге - но не очень подробно, ибо издатель счел,

что большинству читателей это будет не слишком интересно - их-де более привлекает описание ужасов рабства, чем военно-технические детали. Мне он рассказывал больше, а позже я и сам расспрашивал разных моряков. Так вот, если позволите, мэм, состояние современных военных флотов можно оценить так. Самый многочисленный по числу кораблей - и одновременно лучший по быстроходности и маневренности - флот у ибикейцев. Собственно, невоенных кораблей у них просто нет. Но при этом они страдают от недостатка дисциплины и координации. Тот самый случай, когда каждый корабль сам за себя, действовать в составе формаций они не умеют и даже не пытаются. Самый многочисленный по личному составу, особенно если учитывать подневольных гребцов - флот тлукаляханцев. Но по качеству самих кораблей и соответственно по их тактике он безнадежно отстает от всех прочих. В основе его - тяжелые гребные суда с несколькими рядами весел. Использовать все возможности паруса тлукаляханцы за все столетия так толком и не научились - зачем, если рабам можно приказать, а ветру нет? Но при этом у них тоже есть чему поучиться - а именно дисциплине и умению слаженно действовать в едином строю. В частности, команды могут передаваться и сигнальными флагами, и специальными духовыми инструментами, рев которых далеко разносится над водой, и разноцветными дымами, и огнями, которые то открываются, то закрываются заслонками. Самый передовой флот - и по конструкции кораблей, и по тактике - был у Бугенхольма, хотя это не спасло их от разгрома на суше. Как вы знаете, мэм, многие из их кораблей ушли к ибикейцам. И, наконец, сами гроггендорцы - хотя в последнее время они активно развивают собственный флот, но пока что он у них во всех отношениях средненький. Айринтийские корабли, переоборудованные из купеческих, могли бы успешно противостоять ему после нескольких месяцев учений, которые помогли бы решить проблему координации и действия в строю. К тому же, полагаю, было бы вполне реально привлечь под наш флаг по крайней мере часть бугенхольмских кораблей, ушедших к пиратам - как только их команды узнают, что мы готовы сражаться против ненавистного им Гроггендора...

- Но у нас нет нескольких месяцев, - напомнила Элинор. - От Кромбурга до ближайших гроггендорских портов немногим больше трехсот морских миль по прямой. При благоприятной погоде флот, состоящий из больших торговых судов, пройдет это расстояние за трое-четверо суток. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

- Не ошибаетесь, ваше величество, - поклонился Кнаббе, воздавая дань осведомленности королевы, - но ключевое здесь - при благоприятной погоде, каковая может установиться еще не так скоро...

Даже если погода задержит вторжение, у нас в лучшем случае пара недель. Разве мы можем что-то успеть за это время?

- Не столь уж многое, но можем, - ответил Кнаббе. - Как я понимаю, в западных портах сейчас осталось совсем немного крупных купеческих судов, готовых немедленно выйти в море, дабы перехватить противника там - а те, что все-таки есть, могут не успеть прибыть на зов...

- Или не захотеть, - мрачно добавила Элинор. - Те корабли, которые не успел выкупить Тугенфорк, их владельцы при первых известиях о военной угрозе предпочтут отправить в порты восточного побережья, или еще куда подальше, хоть в Тлукаляхан, лишь бы не рисковать своей собственностью. У короны ведь нет своих кораблей, вся морская торговля в Айринтии в частных руках...

- Да, мэм, - наклонил голову Кнаббе. - Но зато в Кромбурге и ближайших портах хватает легких рыбачьих шхун и фелук, на которые тоже можно установить метательные и зажигательные приспособления. У моряков будет несколько дней, чтобы разучить сигналы, команды и маневры. Мало, конечно, но ведь и управлять маленьким суденышком легче, чем большим кораблем. Потом мы перехватим и атакуем неприятеля в открытом море.

- У стотысячной армии вторжения будет более сотни больших судов, - покачала головой королева. - Вы надеетесь потопить их с помощью флотилии рыбачьих лодок?

- Да, мэм, но это будут купеческие суда - причем не переоборудованные и без военного прикрытия, ибо имперцы в принципе не ждут никакой угрозы для себя на море. Они не будут полностью беззащитны - на борту, очевидно, будут лучники, плюс, возможно, те орудия, о которых я говорил, но это совсем не то же самое, что военный флот. Кроме того, эти суда пойдут не все сразу, а с выдвинутым далеко вперед авангардом, если имперцы все еще надеются на фактор внезапности. Слишком большой флот, даже и под айринтийскими флагами, насторожил бы гарнизоны крепостей, не так ли? Они надеются высадить десант прежде, чем кто-то что-то заподозрит. Но внезапность будет на нашей стороне, если мы встретим и атакуем их ночью в открытом море. А главное - на нашей стороне будут скорость и маневренность. Подходить вплотную с наветренной стороны, осыпа́ть неповоротливые вражеские суда зажигательными снарядами и быстро уходить, не давая им навязать нам абордажный бой. Тогда совершенно неважно, сколько солдат будет у них на борту. Эти солдаты просто не получат шанса.

- Вас засыплют стрелами. Гроггендорцы - не лучшие лучники, но если из тысячи солдат на борту каждого нефа стрелками будут хотя бы сто... много ли нужно команде фелуки из... семи-восьми человек, я правильно понимаю?

- Вы очень хорошо разбираетесь в морских делах, мэм, - улыбнулся Кнаббе. - Да, на фелуке обычно от пяти до дюжины, в среднем примерно столько... Но потому я и сказал - подходить с наветренной стороны. И уходить круто к ветру, что фелука может, а тяжелый неф - нет. И ночью. их большие корабли будут гораздо заметнее, чем наши. Они, конечно, будут идти с сигнальными огнями, чтобы не столкнуться друг с другом. А главное - их белые паруса будут хорошо заметны в свете луны и Кольца.

- А ваши? - королева улыбнулась, уже угадав ответ.

- А наши мы выкрасим в черный, - не обманул ее ожиданий Кнаббе. - Придется засадить за работу всех портовых красильщиков, но, надеюсь, мы успеем.

- Что ж, - резюмировала королева, - план, конечно, авантюрный, но едва ли он может ухудшить наше положение - а вот улучшить может радикально. Если нам удастся потопить армию вторжения - или хотя бы существенную ее часть - вообще не вступая с ней в сухопутный бой... Вы отправляетесь на запад немедленно, не дожидаясь рассвета. Я сейчас же выпишу вам грамоту, дающую неограниченные полномочия в рамках данного проекта. Право на любые реквизиции и рекрутирования... Владельцы судов получат компенсацию, если их собственность пострадает. Потом. После нашей победы. А вы... если все получится, я не только дам ход вашему основному плану, но и сделаю вас адмиралом. Первым в истории Айринтии после Когбурга. Надеюсь, вы не поступите так, как он.

- Ваше величество! - Кнаббе прижал руку к груди.

- Во всяком случае, я не дам вам для этого повода, как когда-то мой недостойный предшественник... Кстати, быть может, и в самом деле настала пора исправить допущенную тогда роковую ошибку. Привлечь под наши знамена не только бывших бугенхольмских капитанов. Полная амнистия для всех ибикейцев, которые пожелают поступить на службу в королевский флот... захотят определенно не все, но... Впрочем, - оборвала себя Элинор, - сначала мы должны победить.

Когда Кнаббе вышел, оказалось, что за дверью дожидается Локхарт. Вообще-то он уже давно получил право являться в королевские покои без предварительного приглашения (каковым правом обыкновенно пользовались особо важные чиновники, такие, как Крамп), но старался этим правом не злоупотреблять, подчеркнуто не желая смешивать деловое и личное и даже случайно отвлекать королеву от государственных забот, пока она сама его не позовет. Однако теперь он предпочел прийти, даже не дожидаясь утра, несмотря на поздний час - время уже близилось к полуночи.

- Вы? - мгновенное радостное чувство Элинор тут же сменилось пониманием, что Локхарт прибыл с каким-то срочным известием, и, судя по виду полковника - скверным. -

Проходите, сэр Эрик.

- Прислуга сказала, что вы еще не спите, - произнес он почти извиняющимся тоном, закрывая за собой дверь.

- Надеюсь, что не заставила вас ждать слишком долго. Но человек, которого вы видели... он принес некоторую надежду. Если у него получится задуманное... Но прежде расскажите, что случилось у вас. Как я понимаю, вы не просто зашли поболтать - хотя я была бы и не против после всего этого утомительного дня...

- Случилось, - мрачно подтвердил Локхарт и коротко пересказал всю историю с Вельо.

- Не знаю, - закончил он, - может, это и не настолько серьезно, чтобы докладывать посреди ночи. Но я предпочел, чтобы вы узнали об этом от меня, а не от Крампа.

- Вы правильно поступили, Эрик, - сказала королева.

- Наверное, не во всем, - ответил Локхарт еще более мрачно. - Наверное, мне стоило сразу известить вас, а не бросаться вытаскивать Вельо самому. Но на тот момент я еще не знал, кого именно он убил, и мне казалось, что это дело не столь серьезно, чтобы беспокоить занятую грядущей войной королеву. А потом, когда провост сообщил мне... ну, как-то поздно было отступать. Хотя, наверное, стоило бы. Надо было сказать ему, что я доложу об обстоятельствах дела королеве, развернуться и уехать. Но... надеюсь, вы понимаете, Элинор. Вельо - последний из моих людей. У меня есть долг не только перед вами, но и перед ним.

- Я помню ваш девиз, - невесело улыбнулась Элинор. - Вы приняли ответственность на себя вместо того, чтобы перекладывать ее на меня. Хотя, очевидно, без меня тут все равно не обойдется. Даже если я полностью устранюсь от этого дела, все - ну или, точнее, заинтересованные лица - все равно будут считать, что решение вынесено под моим влиянием. Каким бы ни было это решение. Вельо не просто один из множества айринтийских капралов. Он до сих пор пользуется статусом моего гостя и живет во дворце...

- Наверное, мне не следовало вновь привозить его сюда, - вновь повторил Локхарт.

- Пусть уж лучше пока остается под нашим присмотром. Неизвестно, что бы он мог наговорить, оставаясь на гауптвахте... особенно если бы некие "доброжелатели" подсказали ему "правильные" показания... Но, конечно, придется перевести его из королевских гостевых покоев в... менее престижное помещение. Во всяком случае, на время разбирательства.

- Надеюсь, не в бывшую камеру леди Агаты, - пробурчал Локхарт.

- Условия содержания леди Агаты были обусловлены единственно ее буйным помешательством, - возразила королева. - Во всяком случае, так мне докладывали. Сажать Вельо на цепь в комнате с голыми стенами никто не собирается. Но во дворце действительно имеются помещения для узников, которых почему-либо неудобно содержать в замке святого Михаила - предназначенном, в первую очередь, для серьезных государственных преступников - и уж тем более в обычной городской тюрьме. И заинтересованным лицам будет известно, что он действительно, а не понарошку, находится под арестом.

- Насколько вообще серьезна ситуация?

- Вы имеете в виду формальную или политическую сторону?

- Обе. Но в первую очередь, конечно, политическую.

- Ну, скорее всего, Хоббинтротт примет мою амнистию, которую ему везет Лоренберг - со всеми вытекающими из нее обязательствами - еще до того, как получит известие о гибели своего родича. При этом Джероним ему не сын и не наследник. Мне докладывали о том, что он живет в столице - Тайная Стража некоторая время приглядывала за ним, но в итоге потеряла интерес и сняла наблюдение. Трогать его не было оснований ни с точки зрения закона, ни даже из соображений политики. В отличие от Рауля Хагентрауба, Джеронима было бессмысленно пытаться использовать в качестве заложника - его двоюродному дяде было на него, в общем-то, плевать, они не поддерживали переписки, а лично не виделись, кажется, с тех пор, когда Джероним был подростком. Так что Карл Хоббинтротт едва ли загорится искренними гневом и

жаждой мщения их-за него... но если ему потребуется формальный повод, чтобы вновь переметнуться на сторону врага, то да, он может это использовать. И он может это сделать и после того, как примет амнистию.

- Будет ли он опасен в таком случае? Если уже передаст дела Лоренбергу...

- Не все так просто, - покачала головой королева. - С одной стороны, Хоббинтротт - изменник, который должен быть счастлив уже тем, что избежал плахи, а не торговаться за высокие посты. С другой - под его командованием армия в несколько тысяч человек, а север сейчас, вы ж понимаете, просто нашпигован гроггендорскими шпионами, которые будут склонять его перейти со всеми его людьми на сторону императора. И в этих условиях предложить ему одно лишь помилование с дальнейшей отставкой было бы мало. Пришлось обещать ему, что он сможет продолжить свою карьеру в айринтийской армии - если докажет делом свою верность престолу и отечеству перед лицом угрожающего всем нам врага...

- Надеюсь, - усмехнулся Локхарт, - вы не сохранили за ним генеральский чин, пожалованный Арвиком?

- Нет, это было бы, конечно, чересчур - жаловать в генералы за дезертирство и убийство такого количества айринтийских солдат. И даже он не может этого не понимать. Но в отправленной ему грамоте содержится прямой намек, что он может заслужить это звание, если, опять-таки, достойно проявит себя в боях с Гроггендором. Так что - хотя он и будет подчинен Лоренбергу, но не полностью снят с командования. Это цена, которую приходится платить за мирный переход хильдской армии на нашу сторону. И даже эта цена может оказаться недостаточной, если захватчики предложат больше...

- Притом, что и шансы на победу, сражаясь на их стороне, выше, - мрачно заметил Локхарт.

- Именно так, - печально кивнула Элинор.

- Тогда что же делать? Выдать ему Вельо на расправу?

- Нет, конечно. Как я сказала, то, что случилось, в любом случае может стать лишь поводом, а не причиной... не главной, во всяком случае. Но дополнительный камешек, брошенный на весы имперскими агентами, нам тоже не нужен. Вы понимаете, как они постараются раздувать толки типа "Хоббинтротт проглотил оскорбление, нанесенное его роду, его племянника убили в Дракенхайме, как безродную собаку, а он не смеет даже потребовать справедливого суда", и тому подобное. Так что и просто спустить это дело на тормозах нельзя.

- Да, так что там с формально-юридической стороной?

- Хуже всего, что Вельо ударил противника кружкой. Если бы просто кулаком - даже таким кулаком, как у Вельо - это сошло бы за несчастный случай во время простой драки. Неделя гауптвахты и все. Но использование орудия, способного проломить череп - это уже совсем другое дело. Любого такого орудия. С точки зрения закона, кружка в этом случае ничем не отличается от меча, примененного против безоружного противника. Что переводит ситуацию в ранг умышленного убийства. А убийство дворянина не на поле боя и без соблюдения дуэльных правил - это в Айринтии серьезное дело, даже если погибший сам спровоцировал. В свое время, если помните, подобное не сошло с рук даже наследнику престола - но Арвику хотя бы хватило ума крикнуть: "Защищайся!", чего Вельо, увы, не сделал. Причем согласно закону, принятому еще моим отцом, опьянение рассматривается как отягощающее обстоятельство. Отец пытался извести бессмысленные убийства из-за пьяных ссор - пить пейте, и даже драться деритесь, но чтобы без кровопролития. Очевидно, именно поэтому, Джероним явился в кабак без меча, хотя и имел право носить таковой... В общем, поскольку Вельо числится военнослужащим королевской армии, то подлежит военному суду. Поскольку у него нет своего полкового командира, судить его может лично Швертлинг как командующий городским гарнизоном или судьи, назначенные им. Наиболее вероятный приговор в нынешних обстоятельствах, когда неразумно казнить или гноить в тюрьме солдат, столь необходимых в армии - это лишение дворянского достоинства,

разжалование в рядовые и отправка на фронт.

- Черт.

- Само собой, я могу откорректировать этот приговор, - продолжала королева. - Как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения. Но если я его смягчу, это будет выглядеть... именно так, как хотели бы наши враги. А ужесточать - это не то, чего хотим мы. Поэтому будет лучше, если вместо военного суда Вельо сразу обратится к королеве с ходатайством судить его лично. Такое право есть у каждого айринтийского дворянина, включая и не потомственных. При этом, однако, монарх не обязан сам разбирать каждое такое дело - иначе, сами понимаете, у королей все время уходило бы на мелкие дрязги их подданных. Поэтому имущественные споры, если только это не уровень графов и герцогов, чаще всего спускаются в нижестоящие инстанции. Но обращения по делам, допускающим смертный приговор, монарх всегда разбирает лично.

- Смертный приговор? Вы же говорили - максимум разжалование!

- Я сказала - в нынешних обстоятельствах. А вообще-то в Айринтии казнят за умышленное убийство. Но это лишь один из вариантов приговора, который, как вы понимаете, в данном случае применен не будет. Однако в сложившихся обстоятельствах я не смогу и полностью избавить Вельо от наказания, вы ведь понимаете.

- Зато Карла Хоббинтротта можете, - вырвалось у Локхарта, о чем он тут же пожалел.

- Да, - твердо ответила королева, - я вынуждена даровать полное прощение Хоббинтротту и другим изменникам, убившим тысячи наших солдат, но мне придется наказать человека, вся вина которого в том, что он вступился за мою и свою собственную честь. И вы понимаете, почему это так. Как говорил еще мой отец, если бы люди понимали, в чем состоит удел королей, они бы меньше нам завидовали... Но могу обещать вам, что на фронт он не попадет.

- Беда в том, - криво усмехнулся Локхарт, - что как раз туда-то он и рвется. И я боюсь, что если подать ему идею обратиться к вам с прошением, то именно об этом он и будет просить.

- Да? - Элинор задумалась. - А может быть... в таком случае, позволить ему поступить так, как он хочет? В конце концов, он не ребенок, а вы ему не нянька. Он взрослый человек, отвечающий за свои решения. Во всяком случае, за те, которые он принимает на трезвую голову...

- Но это же величайший специалист в области науки о языках! Послать его туда, где он может загнуться от меча или стрелы какого-то тупого гроггендорца...

- Вы тоже рисковали собой в бою - а вы уж точно не менее ценны, чем он, уж мне можете поверить...

- Это другое, - отмахнулся Локхарт, игнорируя ее интонацию. - Я офицер, и был таковым и в моем мире тоже, пусть там воевали и другим оружием. А Вельо ученый!

- Но он больше не хочет быть ученым, сэр Эрик. И, по правде говоря, наука о языках едва ли может теперь спасти Айринтию. А вот ни один сильный и выносливый солдат нам сейчас лишним не будет. Я бы не стала его принуждать - но если он сам хочет... Я понимаю, что вы чувствуете ответственность за него. Но, в конце концов, я сама отправляла свою единственную подругу на задания, с которых она могла не вернуться.

- И жалели об этом, - напомнил Локхарт.

- Да. Но все равно отправляла.

- Виолетту попробуй не отправь, - усмехнулся полковник. - Она сама сплетет любую интригу, только чтобы не соскучиться - а потом выкрутится из чего угодно. Кстати, что-то я давно ее не видел. Она в Дракенхайме?

- В данный момент, - улыбнулась королева, - она следует на некотором отдалении за кортежем фон Клюйста. И у нее полная карета почтовых голубей.

- Понятно, - усмехнулся полковник. - И как далеко она будет сопровождать фон Клюйста?

- Если получится - до территории, занятой гроггендорскими войсками... где бы они на тот

момент ни находились. Где потеряет интерес собственно к фон Клюйсту и попытается свести знакомство с кем-нибудь из имперских офицеров, скучающих в походе без женского общества. Я имею в виду, конечно, галантное и изысканное общество, а не то, которое могут предложить маркитантки и прочий таскающийся за армией сброд.

"Изысканная дочь поломойки, ага", - невольно подумал Локхарт и тут же одернул себя - давно ли он сам, в детстве убиравший навоз за лошадьми на ранчо, заделался бароном? Хотя дело, конечно, не в происхождении, а в воспитании, которое Виолетте в юные годы негде было получить... однако потом она научилась, как минимум, хорошо имитировать таковое.

- Чего-то подобного я и ожидал, - сказал он вслух. Шпионить при дворе Арвика, который знал ее лично, Виолетта, разумеется, не могла, а вот перед неискушенными гроггендорцами в эпоху, когда нет фотографий, идентификационных чипов и электронных досье, ей было бы легко выдать себя за кого угодно. - Но, - вернулся он к прежней мысли, - Виолетта тут действительно в своей стихии. А Вельо... он, по-моему, именно что большой ребенок, несмотря на весь свой ум и знания. Который до сих пор не понимает, насколько все серьезно. Что это не игра в войнушку, в которую уличные парни берут или не берут домашнего мальчика. То есть умом-то он, конечно, понимает, но не чувствует. Даже несмотря на то, что видел уже много реальных смертей и убивал сам.

"Выступаю в роли Якобсона, - подумал Локхарт про себя. - Ну а что делать, если больше уже некому..."

- Да, - медленно кивнула Элинор, - наверное, вы правы.

"Ей самой всего 20, - напомнил себе Локхарт. - Хотя ей пришлось рано повзрослеть. Как и Виолетте, кстати. Все-таки мы жили в очень тепличных условиях, несмотря на все кризисы нашей эпохи. Потому-то, наверное, эти кризисы и случались. И потому-то, вероятно, наша цивилизация в итоге и рухнула..."

- Если дойдет до худшего, - сказал он вслух, - когда действительно понадобится каждый, способный держать оружие... чего, надеюсь, все-таки не случится... тогда, конечно, пусть и он становится в строй со своей... Франческой. Но пока придержите его в резерве. Вряд ли он один, даже при его габаритах, переломит ход войны.

- Ну, один раз, в битве за Айзеншлосс, он уже практически это сделал, - улыбнулась Элинор. - Но я обещаю вам не посылать его в бой сейчас. Даже если он будет очень просить. Так что... пусть просит, собственно. Пусть подает прошение на мое имя. Мы должны его наказать - и мы его накажем. Тем, что откажем в просьбе направить его на передовую.

- Ловко, - усмехнулся Локхарт.

- Но больше никаких пьяных загулов не будет!

- Уж теперь я об этом позабочусь, - проворчал Локхарт, не очень, впрочем, представляя, как это можно гарантировать, если только физически не посадить Вельо под замок.

- Нет, сэр Эрик, - строго ответила Элинор, - теперь об этом позабочусь я.

- Кстати, - припомнил полковник, - вы говорили, что человек, которого вы принимали передо мной, принес надежду...

- Да, - Элинор пересказала ему разговор с Кнаббе.

- Утопить армию вторжения, даже не дав ей вступить в бой, - мечтательно произнес Локхарт. - Я думал об этом, но моя мысль упиралась в отсутствие у нас военного флота. Я не думал, что это могут сделать рыбачьи лодки.

- Когда-то "москиты" уже спасли Айринтию, - напомнила Элинор. - Тогда, правда, сухопутные.

"И все же слишком это хорошо, чтобы быть правдой", - подумал Локхарт, но не сказал это вслух. Однако Элинор уловила скепсис на его лице:

- Вы не верите в наш успех, Эрик?

- Хотел бы верить. Но, раз уж гроггендорцы не любят моря... я сомневаюсь, что они

поставили успех всей кампании в зависимость от морской операции.

- Не любили раньше, - напомнила королева. - В последние десятилетия они активно развивают свой флот.

- После Войны Секиры, я помню, - кивнул полковник. - Но и император, и командующий его армией вторжения - люди немолодые, воспитанные еще до нее. Полагаю, что они как раз подвержены прежним стереотипам. То есть, понимая умом пользу флота, подсознательно все же относятся к нему с недоверием... - "опять я изображаю из себя Якобсона", докончил он про себя.

- Но корабли действительно ушли, - пожала плечами Элинор. - Зачем-то же они их зафрахтовали.

- Возможно, это отвлекающий маневр... - предположил Локхарт и тут же понял, что неправ - для этого операция была слишком масштабной, да и гроггендорцы, имея огромный численный перевес, не особо нуждались в таких маневрах. - Возможно, этим кораблям поставлена вспомогательная задача, - поправился он. - Скажем, перевозка лошадей и запасов продовольствия - но не основной армии, которая все-таки двинется по суше. Или даже вообще эти корабли забрали в первую очередь для того, чтобы ими не могли воспользоваться мы сами для переброски войск вдоль побережья. И чтобы они уже точно достались Гроггендору, а не ушли к ибикейцам, как бугенхольмские.

- Думаю, на этих кораблях все же будут их солдаты, - покачала головой королева. - Может быть, не вся их армия - но если мы потопим хотя бы часть таковой, это уже значительно облегчит наше положение.

- Надеюсь, вы правы, и у Кнаббе получится.

- В любом случае, хуже уж точно не станет. Мы рискуем лишь горсткой рыбачьих лодок - и, может, парой-тройкой больших купеческих кораблей, если они успеют к месту битвы.

- Не считая тех, которые придется потопить. Ведь это тоже айринтийские суда. Снова одни айринтийцы будут губить других на радость нашим врагам...

- Надеюсь, что теперь уже не на радость, а на погибель, - возразила королева. - Я все понимаю, Эрик. И все же в сложившихся обстоятельствах это практически идеальный план.

На следующий день, 17 сентября, голуби доставили два известия. Первое пришло от Виолетты и извещало о том, что посольский кортеж свернул не на запад, а на восток, двигаясь, таким образом, почти тем же маршрутом, которым весной прибыл в Дракенхайм. Это, однако, никого из приближенных королевы не удивило, ибо уже было понятно, что, раз имперцы собираются высадиться на западный берег с моря, то фон Клюйсту нет никакого смысла собирать там информацию, которую он все равно не сможет передать на корабли, а есть смысл, наоборот, по возможности попытаться отвлечь внимание от западного побережья. Второе донесение - точнее, целая серия таковых, поступившее к исходу дня - было более тревожным: сухопутные войска Гроггендора, не дожидаясь, как и предсказывал Зиглер, благополучного возвращения посла, пересекли границу и вторглись на территорию Легунтонского герцогства, безопасность коего гарантировали так недавно. Никакого сопротивления они при этом опять-таки предсказуемо не встретили, и не только в силу численного превосходства над немногочисленными легунтонскими силами самообороны, но и потому, что передовые части вторжения состояли почти исключительно из бугенхольмцев - гроггендорцами были только старшие офицеры. Вторжение, таким образом, началось под девизом воссоединения "искусственно разделенного" бугенхольмского народа, завоеватели зачитывали на площадях и клеили на ворота императорский манифест, гарантировавший местным дворянам сохранение всех привилегий, которые они имели в Айринтии, купцам и ремесленникам - беспошлинную торговлю по всей империи, а не на одной лишь территории герцогства, и всему бугенхольмскому населению - право говорить на родном языке (которое у них и в Айринтии никто не отнимал). Верили этим гарантиям, очевидно, не все, особенно из числа проайринтийски настроенных

дворян, но все, что они могли - это запереться в своих замках, не имея ни достаточных сил, ни координации для противодействия армии вторжения. Герцог Легунтонский, хотя и назначенный в свое время Элинор из числа таких дворян, узнал о происходящем, лишь когда конница неприятеля показалась ввиду его столицы, и велел своим подчиненным "избегать бессмысленного кровопролития", за что получил от захватчиков заверение, что его титул, полномочия и сам полуавтономный статус герцогства будут сохранены.

Относительно численности армии вторжения источники пока не имели точных сведений, и их оценки заметно расходились - от четырех до двадцати тысяч. Но, в любом случае, уже хотя бы исходя из того, что все части были укомплектованы бугенхольмцами, ясно было, что это далеко не главная часть девяносто- или стотысячного войска. Что тоже не вызвало удивления в дракенхаймском дворце и полностью вписывалось в ожидаемую схему действий врага: коль скоро основное вторжение должно было произойти с моря, сухопутная операция на севере, очевидно, имела целью лишь отвлечь туда айринтийскую армию, оставив южную половину страны без защиты.

Никаких новых распоряжений в связи с этим отдано не было. Кавалерия Лоренберга продолжала скакать на север (кратчайшим путем через пока еще проходимый Иммермур), армия под командованием Эбенриха - идти на запад. Вскоре ее обогнал запряженный четверней экипаж, мчавшийся на запад днем и ночью и останавливавшийся только чтобы переменить лошадей. В экипаже ехали Кнаббе и трое офицеров Тайной Стражи, посланные вместе с капитаном не из недоверия к нему - хотя ларец с золотом, который он вез с собой для оплаты всего, что требовал его план, безусловно нуждался в охране - а для того, чтобы сменить руководство службы в Кромбурге. Крамп не знал наверняка, дотянулись ли коррупционные сети Юфтлинга и Тугенфорка до его собственных подчиненных, но предпочел не рисковать (тем паче что слишком поздно вскрытый заговор такого масштаба наводил на мысль если не о подкупе, то о недостаточной компетентности тех, кто не выявил связи арматоров с Гроггендором вовремя). Трех человек для очистки города было, конечно, недостаточно, но Крамп рассчитывал на своих людей, уже посланных в Кромбург ранее (именно они сыграли ключевую роль в разоблачении схемы, посредством которой Тугенфорк выкупил бизнес своего покойного врага), а также, при необходимости, на помощь местных солдат - комендант городского гарнизона был, вероятнее всего, чист. Все же, следуя своему принципу полностью не доверять никому, Крамп отправил следом еще два десятка человек верхом - по меркам Тайной Стражи, никогда не проводившей операций большими силами, это было очень много - но они значительно отставали от Кнаббе и его спутников, и даже не потому, что всадники, в отличие от пассажиров кареты, не могли спать на ходу - их тоже можно было бы посадить в экипажи, но на военных постах просто не было столько лошадей, чтобы быстро заменять их. Так что приходилось полагаться на то, что после ареста Тугенфорка и смены городского руководителя Тайной Стражи Кнаббе все же не столкнется с явным саботажем сразу же по прибытии - каковое состоялось на следующий день, 18 сентября.

Упомянутой четверкой, кстати, число пассажиров кареты не ограничивалось. Она доставила в город и других сотрудников Тайной Стражи, которые, хотя тоже были двуногими, всю дорогу проделали в закрытых клетках, размещенных в задней части кареты в качестве багажа. Это были соколы, натасканные на перехват почтовых голубей - дабы помешать любым информаторам уведомлять своих нанимателей о происходящих в городе событиях. В свое время еще король Гумбольдт пытался внедрить подобную меру в городах, имеющих стратегическое значение (к коим Кромбург, "морские ворота Дракенхайма", безусловно относился) - но столкнулся с яростным противодействием местного бизнеса, который потерял бы в этом случае возможность оперативно получать и отправлять важную для торговли информацию. А интересы торговли, и особенно морской, от которой весьма изрядно зависело благосостояние полуострова, в Айринтии вынуждены были уважать даже короли. Что, увы, немало поспособствовало тому,

что "заговор арматоров" был раскрыт так поздно. Но в теперешней ситуации Крамп решил больше не церемониться.

Смещение местного начальника Тайной Стражи прошло без каких-либо эксцессов. Он ожидал, что не пресеченный им вовремя "заговор арматоров" не останется для него без последствий - хотя формально никакие законы и не запрещали фрахт айринтийских судов иностранцами - и ждал гонцов из Дракенхайма с обреченным спокойствием. Он не был арестован, всего лишь "отправлен в столицу с докладом" в сопровождении двух приданных "для безопасности" солдат (армия традиционно недолюбливала Тайную Стражу).

Кнаббе при всем этом не присутствовал - дела Тайной Стражи его не касались. Сразу же по прибытии он занялся собственной задачей. Необходимо было отправить посланцев в порты к северу и югу от Кромбурга, где все еще могли оставаться (или куда могли прийти за последние дни) крупные купеческие суда и где, в любом случае, также необходимо было рекрутировать всю доступную мелочь. Кнаббе знал людей, которым можно было доверить такую миссию - и которых связанная с морем публика стала бы слушать охотнее, чем представителей власти, потрясающих официальными грамотами - но проблема была в том, как доставить их к цели по возможности скорее, ибо дорога́ была буквально каждая минута. Самым быстрым был путь по морю - быстроходные фелуки при хорошем ветре легко обогнали бы лошадей даже на короткой дистанции, не говоря уж про длинную, ибо парусным кораблям не нужен отдых; однако ветер был "слишком уж хорошим" - иными словами, шторм, начавшийся два дня назад, хотя и начал уже ослабевать, но все еще не закончился, и плавание на маленьком суденышке в такую погоду хотя и не было чистым самоубийством, но требовало большого искусства и не меньшей смелости. И, хотя те, кого Кнаббе наметил в качестве своих посланцев, сами были опытными моряками, их оставалось в Кромбурге слишком мало; отправлять их на совсем маленьких лодчонках, с которыми можно управиться в одиночку или вдвоем, в шторм было все же чересчур рискованно, а более крупная фелука или шхуна требует экипажа хотя бы из пяти-шести человек, особенно в такую сложную погоду. Рыбаки же в порту (выглядевшем непривычно пустынно после ухода всех до единого больших кораблей) наотрез отказывались выходить в море, несмотря на обещанное (и продемонстрированное) щедрое вознаграждение. За эти деньги они готовы были предоставить свои суда, но сами предпочитали остаться на берегу. Поэтому Кнаббе отправился в едва ли не единственное место, где можно было надеяться найти достаточно отчаянных парней для необходимой ему миссии.

В "Ось миног".

Капитан никогда не бывал там раньше, но хорошо знал репутацию этого заведения. Тем не менее, он явился туда один - не взяв не только стражников для охраны, но даже членов своей бывшей команды, которых собирался использовать в качестве гонцов и своих представителей в соседних портах. Самого Кнаббе в "Оси миног" тоже знали - если не лично, то, по крайней мере, его имя и репутацию. Репутацию моряка, получившего свой капитанский патент в 27 лет, умелого и отважного, но и весьма требовательного к своей команде. Явиться в таверну в одиночку не было для него особенным риском (хотя возможности нарваться на некогда обиженного его требовательностью матроса, который под воздействием вина захотел бы свести счеты, нельзя было исключать) - скорее это был знак уважения к хозяину таверны и его посетителям: мол, я пришел к вам, как моряк к морякам, а не как представитель власти с королевской грамотой, дающей право требовать и приказывать - и одновременно демонстрация собственного достоинства: мол, я не допускаю и мысли, что такой человек, как я, не будет встречен с должным уважением.

Этот подход "открытого забрала" он использовал и дальше, когда публика в "Оси миног" во главе со своим одноглазым хозяином сгрудилась вокруг, слушая, что пришел предложить столь необычный гость. Он не стал скрывать от них практически ничего, поведав, что городу и стране угрожает высадка гроггендорской армии с моря (это не стало для его слушателей особой

неожиданностью, после внезапного исчезновения Тугенфорка и, особенно, ухода в море разом всех судов по городу уже ползли мрачные слухи) и что единственный шанс сорвать вторжение - встретить и потопить десантный флот в открытом море, положась на внезапность атаки, ночную тьму и маневренность и быстроходность малых судов по сравнению с громоздкими купеческими кораблями. Пока что, заключил Кнаббе, ему нужны смелые парни, чтобы донести эту весть в соседние порты - но он с неменьшей охотой наймет их и для последующего боя, обещающего стать самым славным во всей истории Айринтии со времен адмирала Когбурга.

Тех, кто его слушал, никак нельзя было назвать образцовыми верноподданными королевы. Почти у всех из них имелись проблемы с законом (впрочем, чаще это была контрабанда, нежели смертоубийство, хотя при необходимости любой из них пустил бы в дело и нож, а кое-кто успел походить и на пиратских судах) и, что было еще важнее, с дисциплиной, по каковой причине им, в отличие от некоторых их приятелей, не нашлось места на ушедших в море судах Тугенфорка, которые теперь им предлагалось топить. (Впрочем, как раз эту подробность - что им, вероятно, предстоит жечь и топить собственных товарищей - Кнаббе предпочел от них скрыть; в его изложении враги выглядели исключительно как "гроггендорский флот под фальшивыми айринтийскими флагами". И дело было даже не столько в товарищеских чувствах - едва ли столь уж сильных у этой публики - сколько в невысокой репутации, которой "не любящие моря" гроггендорцы пользовались у айринтийских моряков, что, соответственно, повышало шансы на согласие последних участвовать в предлагаемой рискованной операции.)

Но если этим людям не хватало уважения к закону - не только государственному, но и тому, который олицетворяет собой капитан на корабле, из-за чего кое-кто из них не ужился даже с пиратами - то зато им было не занимать авантюризма, готовности ввязаться в рискованное дельце, если оно сулило хороший куш (а Кнаббе, кстати, помимо платы золотом посулил им от имени королевы и амнистию за все предыдущие прегрешения), а то даже и просто ради хорошего приключения, ибо некоторые из них, кому отказывали в найме все суда, чувствовали, что чересчур засиделись на суше. А кроме того - если они и не были большими поклонниками айринтийских властей, то Гроггендор им определенно нравился еще меньше. Они прекрасно понимали - даже и без объяснений Кнаббе - что, если Айринтия окажется под имперской пятой, той полулегальной вольнице, к которой они привыкли, придет конец. Да и сам контрабандный промысел с исчезновением границы и таможни потеряет всякий смысл.

В итоге Кнаббе удалось завербовать всех, кто был в зале (исключая разве что хозяина, который, впрочем, обещал переговорить об этом деле "с другими парнями", которые могут наведаться позже) - причем завербовать не только для доставки гонцов, но и для планируемого боя. Капитан не строил иллюзий - он догадывался, что кое-кто из них согласился сейчас лишь для того, чтобы не выглядеть трусом в глазах прочих, а как дойдет до дела, предпочтет по-тихому не явиться. Знал он и об их проблемах с дисциплиной, из-за которых не нанял бы их на большой корабль - равно как и для рисовавшегося его воображению морского боя "по правилам", где каждый экипаж с тлукаляханской четкостью выполняет распоряжения адмирала - но для предстоящей ночной атаки малыми судами, где, как уже понял Кнаббе, каждый будет выбирать себе цели по собственному усмотрению, полагаясь лишь на быстроту маневра, эта анархическая публика вполне годилась.

Четыре маленьких суденышка - три фелуки и шхуна - отправились на север и на юг, в ближайшие к Кромбургу порты, в тот же день. При этом гонцы были отправлены также и по суше - на тот случай, если все же не все корабли достигнут целей. И действительно, фелуку, которой предстоял не самый дальний географически, но самый сложный из всех путь - на север в Миртхаффен, идя практически все время против крепкого северо-западного ветра - так больше никто и не увидел. Видимо, чересчур увлекшись задачей добраться до цели как можно скорее - для чего именно такое судно, как фелука, с ее способностью ходить очень круто к ветру (и даже

быстрее при бейдевинде, чем при фордевинде[107]), годилась лучше всего - команда не взяла вовремя рифы[108], и при очередном развороте на другой галс порыв ветра опрокинул маленький кораблик. Вместе с контрабандистами на дно отправился и старый боцман Шлеппенторп, учивший еще юного Сильвестра Кнаббе морским премудростям...

Но капитан все еще не знал об этой потере человека, которым дорожил - и которого, тем не менее, не мог не отправить в это рискованное плавание, ибо знал, что Шлеппенторп сумеет организовать дело в Миртхаффене, как никто другой. Пока что у Кнаббе хватало забот и в Кромбурге. Необходимо было продолжать вербовать людей для боя - ибо одних лишь завсегдатаев "Оси миног" было, конечно, недостаточно, а большинство профессиональных матросов ушли на судах Тугенфорка - и приходилось полагаться на простых рыбаков, никогда не воевавших ни с кем опаснее макрели (как ни странно, некоторых из них, наотрез отказавшихся выходить в море для доставки гонцов, удалось завербовать для боя с вражеским флотом - вероятно, потому, что что такое шторм, они представляли себе очень хорошо, а вот о морском сражении имели весьма смутное понятие), а также стариков и мальчишек. Хотя формально данные королевой неограниченные полномочия позволяли Кнаббе реквизировать суда и рекрутировать их команды, он понимал, что без добровольного согласия участников будущего боя толку не будет. Подневольные матросы еще могут служить в экипажах больших судов, но маленький кораблик с командой из трех-семи человек просто вильнет рулем и скроется в темноте при первой возможности. Так что Кнаббе приходилось убеждать их, и от этих людей он также скрывал, что им, весьма вероятно, придется жечь и топить собственных соседей, а кому-то даже и родственников. Озвученная им версия гласила, что корабли были уведены из Кромбурга вовсе не в Гроггендор (слухи о чем уже поползли было по городу), а напротив - в восточные порты, чтобы не допустить их захвата в случае нападения врага на город. Подобная мера со стороны владельцев мирных торговых судов выглядела вполне логичной, и Кнаббе поверили тем охотнее, что хотели верить. Известие о грозящей городу опасности в любом случае не радовало, но по крайней мере кромбургские моряки переждут ее в безопасных гаванях на восточном побережье... В ночном же бою, как рассчитывал Кнаббе, его новым подчиненным будет не до того, чтобы разглядывать, что за корабли перед ними и какие на борту команды.

Стрелять и пользоваться метательными машинами почти никто из набранной Кнаббе разношерстной публики не умел, но это и не требовалось - их дело было обращаться с парусами и рулем, пока стрелять будут взятые на борт солдаты. Все же, хотя Кнаббе и понял, что грядущий бой будет свалкой по принципу "каждый сам за себя", он старался за несколько дней обучить свое воинство хотя бы минимально обращать внимание на соседей и понимать и передавать подаваемые мигающим огнем сигналы. А главное - нужно было обучить их маневру, который никогда прежде не практиковали не только мирные рыбаки, но даже и контрабандисты (которым доводилось уходить от атаки, но не атаковать самим): зайти на цель с наветренной стороны, подойти к вражескому кораблю почти вплотную для нанесения удара из максимально выгодной позиции и тут же, резко переложив парус и руль, уходить по дуге назад, все время, таким образом, оставаясь в положении, где ветер будет мешать стрелкам неприятеля. Лишь несколько человек, имевшие пиратский опыт (который они, несмотря на обещанную амнистию, не стремились афишировать), были знакомы с подобным маневром, но даже и пираты никогда не атаковали корабль с таким большим числом стрелков на борту, какое ожидалось, на таком

---

[107]Бейдевинд - курс, при котором ветер дует сбоку-спереди, при фордевинде он попутный. При бейдевинде и галфвинде (курс, перпендикулярный ветру) ветер, обдувая косой парус сбоку, как крыло, создает аэродинамическую силу, которая может обеспечивать даже лучшую тягу, нежели прямое давление попутного ветра в парус.

[108]Взять рифы - уменьшить площадь паруса, свертывая его снизу и подвязывая свернутую часть риф-штертами у косых и шлюпочных парусов или подбирая парус кверху и прихватывая его риф-сезнями к лееру на рее у прямых парусов.

маленьком суденышке. Скорость всего маневра была выше, время на атаку - меньше, и резко возрастала цена ошибки - а также и критичность потерь: если атакующая большой неф средняя каракка - типичное пиратское судно - могла позволить себе потерять из-за вражеского обстрела дюжину или даже более членов команды, то для маленькой лодки, весь экипаж которой мог состоять из трех человек, даже гибель или ранение одного из них (особенно в самый напряженный момент, когда нужно выполнять отворот и уход - и когда, в то же самое время, вражеские лучники ближе всего), могли означать катастрофу. В иную эпоху предстоящую операцию могли бы сравнить с воздушным боем Второй мировой, когда горстка истребителей должна была атаковать большую формацию бомбардировщиков, прорываясь на скорости сквозь плотный заградительный огонь их турелей и имея считаные секунды (в данном случае - минуты) на то, чтобы отстреляться в упор и снова уйти. Кнаббе возлагал большие надежды на ночную темноту, но пока что проводил тренировки в кромбургской гавани (где их можно было начать в первый же день, не дожидаясь окончания шторма) в светлое время. Город был уже переведен на военное положение и закрыт с суши (покинуть его можно было только при наличии пропуска), небо патрулировали соколы Тайной Стражи, а отсылке вестей морем мешала погода - но все же нельзя было исключить, что рано или поздно информация об этих учениях просочится наружу и достигнет Гроггендора. Но надежда была на то, что это произойдет все же поздно, а не рано - то есть уже после того, как корабли с имперским войском отчалят из гроггендорских портов. В данном пункте короткие сроки вражеской операции были айринтийцам на руку. Однако успеют ли новоиспеченные военные матросы Кнаббе освоить и ночной маневр - и, главное, успеет ли освоить хоть что-нибудь подкрепление из других портов, которое подтянется позже?

Необходимо было также в те же кратчайшие сроки произвести как можно больше горючей смеси, а также соорудить метательные машины, пригодные для использования на судах. Понятно, что громоздкие требушеты не годились для установки не то что на малых и средних, но и на больших кораблях, если таковые все же подойдут из соседних портов. На военных судах обыкновенно использовались орудия трех типов: торсионные баллисты, работавшие за счет энергии скрученных волокон и обычно забрасывавшие по крутой навесной траектории горшки с зажигательной смесью, падавшие сверху на палубу, и шрапнелеподобные острые металлические обрезки, чьей главной задачей было рвать паруса и такелаж и уже во вторую очередь - сыпаться на головы вражеской команды; тенсионные[109] орудия прямой наводки - станковые арбалеты или устроенные по тому же принципу камнеметы, стрелявшие настильно стрелами по людям на палубе или же каменными и чугунными ядрами в борта для их разрушения (с помощью этих орудий метали также гарпуны и абордажные крючья); и, наконец, огнеметы ближнего боя, работавшие по тому же принципу, что и пожарные насосы, но с прямо противоположной функцией (последние особенно охотно применяли тлукаляханцы, чьи гребные суда могли при любом ветре быстро отойти от подожженного корабля, избегая опасности разделить его судьбу). Кнаббе счел, что наиболее дальнобойная навесная стрельба в условиях маневренного ночного боя будет иметь мало шансов на поражение целей (особенно айринтийскими артиллеристами - что из кромбургского гарнизона, что из армии, ведомой в город Эбенрихом - обученными стрелять с неподвижной позиции, а не с качающейся палубы), и сосредоточился на орудиях, бьющих прямой наводкой с близкого расстояния. На маленьких лодках места для них фактически не было, и вместо даже сравнительно небольшой метательной машины с расчетом из двух-четырех человек разумнее было взять троих-пятерых простых лучников с горящими стрелами или парней, забрасывающих через борт сосуды с горючей смесью с помощью пращи или даже просто вручную. Однако на шхуну или большую фелуку уже имело смысл поставить и хотя бы одно орудие - не говоря уже о больших кораблях, если хотя бы парочка таковых, как надеялся Кнаббе, все же подтянется из соседних портов. Их он рассчитывал превратить в

[109]Торсионное оружие в процессе выстрела раскручивается, тенсионное - разгибается.

настоящие крепости, не только установив метательные машины по всей палубе, но и защитив их расчеты деревянными, а частично и металлическими щитами - которые, однако, также еще требовалось изготовить. Городские красильщики тем временем получили заказ на окраску парусов в черный цвет.

Надежда Кнаббе заполучить большой корабль исполнилась даже скорее, чем он рассчитывал - на четвертый день, когда шторм, наконец, закончился (хотя ветер оставался довольно свежим, что было как раз идеально и для тренировки, и для будущего боя, произойди он в такую погоду), и капитан перенес упражнения своей москитной флотилии из гавани в открытое море. И вот, пока его подопечные отрабатывали заход на условную цель - старый баркас, символизировавший большой корабль ("Научитесь попадать по маленькому баркасу - с большим нефом у вас вообще не будет проблем", напутствовал их Кнаббе), со стороны моря - а вовсе не с юга и не с севера, как можно было ожидать - показалось судно, шедшее под всеми парусами прямиком в порт. Увлеченные тренировкой айринтийцы даже не сразу его заметили - хотя заметить его определенно следовало. Это был большой и тяжелый круглобокий неф явно не новой постройки, но самое главное - он шел под гроггендорским флагом! Впрочем, когда будущие моряки айринтийского военного флота, наконец, обратили на него внимание, их это ничуть не смутило. Большинство просто решило, что это часть учений, сюрприз, приготовленный для них Кнаббе - а кое-кто подумал, что гроггендорское вторжение и впрямь уже началось. Однако, охваченные все тем учебно-боевым азартом, не только первые, но и вторые радостно устремились в атаку не на какой-то баркас, а наконец-то на настоящую цель. Кнаббе, незадолго до этого как раз сошедший на берег, чтобы дать пояснения прибывшему в город накануне Эбенриху, не мог их остановить.

На нефе, в свою очередь, тоже слишком долго не уделяли внимания странным маневрам рыбачьих лодок перед входом в гавань - так что, когда эти лодки вдруг развернулись и помчались по широкой дуге к кораблю, и в особенности когда они принялись одна за другой, отворачивая от столкновения в последний момент, осыпать неф стрелами (к счастью дня нефа, не горящими - Кнаббе счел, что на учениях дешевле и безопаснее будет обойтись без огня) и рвущей паруса шрапнелью, это стало для команды полным шоком. Капитан тут же приказал выкинуть белый флаг (впрочем, восемь его матросов все же успели получить ранения разной тяжести, а один был убит шальной стрелой; жертв было бы больше, если бы лучники стреляли по палубе, а не в борта, как их учили для поджога судов). Москитная флотилия взорвалась торжествующими криками. В окружении суденышек, чьи мачты едва доходили ему до кормовой надстройки, плененный неф был отведет к порт, откуда навстречу ему уже спешил на шестивесельном яле Кнаббе.

Как выяснилось, гроггендорский купеческий корабль, носивший верноподданное название "Королева Беатриса" в честь давно покойной матери гроггендорского императора (что позволяло судить о времени его постройки), отправился по торговым делам в Тлукаляхан (в один из немногих портов, куда тлукаляханцы пускали иностранцев) еще до гибели Алиссы Хильдской и всех последовавших за этим событий - а потому не получал никаких предостережений от своего адмиралтейства относительно захода в айринтийские порты. Правда, со времени Айзеншлосского мира действовала директива, "рекомендовавшая" гроггендорским торговым судам отдавать предпочтение портам северной Айринтии, статус которых был сложным - формально находясь на территории Хильдского княжества, они сохраняли свое прямое и монопольное подчинение дракенхаймской короне (в этом пункте Элинор встала насмерть, исключив любые уступки и компромиссы), но в то же время их гарнизон не мог выходить с оружием за пределы городских стен без разрешения хильдской стороны (при этом безоружным айринтийцам - включая хильдцев - гарантировался свободный проход как внутрь, так и наружу). Но, когда на старом судне, отнесенном штормом к айринтийским берегам, открылась течь, которую команда не смогла заделать своими силами и удерживала неф на плаву,

лишь круглосуточно откачивая воду, капитан предпочел не пытаться дотянуть до севера, а искать спасения в ближайшем порту, каковым и оказался Кромбург.

Новость о начавшейся войне стала для него большим сюрпризом - как и многие далекие от политики люди, он был уверен в прочности Айзеншлосского мира - но, само собой, неведение не спасло ни его, ни его команду от интернирования, а его корабль (со всем вырученным удачной торговлей золотом) - от статуса первого трофея внове создаваемого айринтийского военного флота. Впрочем, осмотрев добычу, Кнаббе убедился, что "Королева Беатриса" едва ли годится на роль флагмана. Старое судно действительно нуждалось в серьезном ремонте, каковой едва ли можно было успеть закончить до грядущего боя. Так что первой мыслью Кнаббе было все же использовать неф в том качестве, в каком его и восприняли в первый момент - как учебную мишень, которая таки будет в итоге сожжена и потоплена для поднятия боевого духа - но в условиях, когда из-за продажности своих арматоров Айринтия лишилась стольких кораблей, он все-таки отдал приказ начать ремонтные работы, которые позволили бы "Беатрисе" выдержать хотя бы короткое и несложное плавание. Переименовывать судно не стали - оно еще могло пригодиться, чтобы затесаться во вражеский строй именно как гроггендорское и послужить, скажем, в качестве брандера. Впрочем, Кнаббе не был уверен, что ему удастся набрать команду для такой опасной миссии.

Тем временем в Дракенхайм пришло известие о дальнейшем продвижении сухопутных сил неприятеля. Овладев Легунтонским герцогством в один день, поначалу это войско остановилось на старой границе - вероятно, как потому, что бугенхольмцы, из которых оно по большей части состояло, охотно заняв свои исконные земли, не особо рвались идти вперед на чужую территорию и проливать там свою кровь за гроггендорскую славу, так и, в первую очередь, потому, что этим войскам отводилась вспомогательно-отвлекающая роль. Они стояли на старой границе в не таком уж большом количестве, словно провоцируя айринтийцев как можно скорее, пока из имперского тыла не подтянулось подкрепление, бросить все свои силы на север и контратаковать, а не оттягивать их для защиты Дракенхайма. Но, простояв таким образом четыре дня, 21 сентября это войско все же двинулось дальше на юг. Оно предсказуемо не стало пытаться восстанавливать мосты и переправляться через Канал; не пошло и через леса графов Зольтенов - несмотря на то, что организовывать сопротивление здесь было уже практически некому, пострадавший от пожара Зольтенхолл стоял заброшенный, а оставшиеся в живых вассалы разъехались по собственным домам. Но невыгоревшая часть леса все еще давала слишком хорошие возможности для устройства засад (этот урок бугенхольмцы помнили и триста лет спустя), а идти через сплошную гарь, где сапоги пехотинцев поднимают тучи пепла и сажи, а коням, даже обозным, совершенно нечем поживиться - тоже удовольствие ниже среднего. Не пошли захватчики и через земли Фельзенбургов, подставляя свой фланг и тыл под удар из грозного замка. Им не было известно, что там до сих пор оставался лишь номинальный гарнизон Райнбальдов; Фридрих, правда, получив письмо от королевы, отправил туда крупный отряд под командованием своего вассала барона Таппертона - двенадцать сотен верхами, из которых, правда, большинство были не кавалеристами, а посаженными для скорости на коней пехотинцами. Этих сил было, конечно, недостаточно для битвы против десятитысячной армии в чистом поле, но, заняв Фельзенбург, они сделали бы его абсолютно неприступной базой сопротивления на севере и серьезной угрозой для коммуникаций и снабжения неприятеля. Однако этот отряд двинулся не кратчайшим путем, а в обход земель Хагентраубов, ибо и у Фридриха, и у Таппертона были основания опасаться, что Хагентрауб окажет противодействие войску Райнбальдов, вторгшемуся на его территорию (и это даже не классифицировалось бы как измена, несмотря на начавшуюся войну - Хагентрауб действительно имел право запретить войску любого феодала проход через свои земли, а отношения между двумя графскими родами, соперничавшими еще до роковой дуэли, из-за которой Рауль по-прежнему пребывал в Башне

Слез, оставались, мягко говоря, не блестящими.) Такой маршрут занимал около 280 миль, что означало для конницы в максимальном темпе, не наносящем вреда лошадям, девять дней пути - которые можно было сократить до восьми, если в последние сутки устроить двойной переход (тяжелый не только для лошадей, но и для всадников, которым пришлось бы, пусть с перерывами на большие и малые привалы, провести в седлах шестнадцать часов). Так что Таппертон, выступивший вечером 18 сентября, рассчитывал прибыть в Фельзенбург не раньше 26-го. Однако, когда до Фридриха дошло известие о том, что имперская армия пересекла старую границу, он отправил с голубями в два города, через которые должен был пройти отряд Таппертона, приказ, начинавшийся словами: "Со всей возможной скоростью..."

Итак, захватчики, не знавшие о ситуации в Фельзенбурге, но полагавшие, что такой хороший замок попросту обязан иметь мощный гарнизон, двинулись еще восточнее, вдоль самого побережья. Здесь дорогу контролировали крепости, которые, как и на западном берегу, сохраняли прямое подчинение королеве или хотя бы статус вольных городов - но их гарнизоны, особенно у "вольных", были совсем невелики, потому говорить о "контроле" можно было лишь условно. Сами по себе эти крепости были весьма неплохими, какие можно длительное время защищать даже небольшими силами - но вот атаковать идущую мимо армию, пусть даже не сто-, а всего лишь десяти-двенадцатитысячную, оттуда было практически некем. Так что захватчики просто обошли стороной самую северную из таких крепостей - Ронглэйр, но, после двух дней марша, во время которого они не встретили никакого сопротивления, все же осадили следующую крепость - Мондхаффен, как раз имевшую статус вольного порта - вассального по отношению к короне, но не входящего в королевский домен - и потому обороняемую лишь силами городского ополчения (впрочем, неплохо обученного и вооруженного), а не королевской армией. Теоретически ситуация выглядела обоюдоострой - гарнизоны Ронглэйра и Фельзенбурга, действуя навстречу друг другу, могли бы отрезать вторгшуюся группировку от тылов, и в то же время в случае успешного захвата Мондхаффена отрезанным от юга с суши оказался бы уже Ронглэйр, а захватчики получили бы первую удобную базу на побережье Айринтии, куда можно было бы перебрасывать подкрепления морем, игнорируя опасности со стороны оставшихся в тылу крепостей. Но на практике - как не усомнился никто из участников королевского совета в Дракенхайме - истинной целью всей этой операции было, опять-таки, завлечь королевские войска Айринтии на северо-восток, как можно дальше от места главного удара - Кромбурга. Поэтому никакие дополнительные силы на помощь Мондхаффену - ни сушей, ни морем - отправлены не были.

Одновременно с известием об осаде Мондхаффена наконец пришло донесение от Лоренберга из Айзеншлосса (дожди, принесенные с северо-запада штормом, который задержал айринтийские суда на пути в Гроггендор, все же задержали на пути через Иммермур и его отряд, хотя кружной путь вряд ли вышел бы быстрее). Формально его вступление с вооруженным отрядом на территорию Хильдского княжества без ведома и согласия правителя такового было нарушением Айзеншлосского договора, но это никого не заботило уже не только в Дракенхайме, где само Хильдское княжество было уже упразднено королевским указом, но и в самом бывшем княжестве, оставшемся не только без правителя и наследника, но и без кого-либо, пригодного на роль регента. Фактически эта функция досталась Хоббинтротту как командующему вооруженными силами княжества, но нельзя сказать, чтобы ему пришлось оспаривать эту роль у других желающих. Более того - желающим в общем-то не был и он сам, прекрасно понимая, что княжество оказалось теперь между молотом гроггендорцев с севера и наковальней королевских сил с юга, не имея достаточно сил, чтобы отбиться не только от первых, но даже и от вторых. И это был отнюдь не тот случай, когда малочисленность армии искупается решимостью населения отстаивать свою независимость (или хотя бы автономию). Никакой "хильдской нации" не существовало и не могло существовать, вся легитимность этого свежевоссозданного образования держалась исключительно на Арвике, едва ли не главной опорой которого были, в

свою очередь, зольтенские рыцари (благодаря предыдущему нейтралитету Зольтенов пострадавшие в гражданской войне меньше, чем другие дворяне севера). Теперь все это рассы́палось практически в единый миг; придворные, которыми успел обзавестись Арвик, разбегались из Айзеншлосса, нимало не сомневаясь, что хильдская автономия доживает последние дни, и мечтая лишь забиться в самые дальние щели своих замков и поместий, где новая власть, кто бы ни установил таковую, не станет припоминать им участия в мятеже. Конечно, еще совсем недавно законность Хильдского княжества была признана и скреплена самыми высокими подписями, но времена переменились, и все это понимали. Появилась, правда, прогроггендорская партия, призывавшая признать новым сюзереном императора, "ведущего свой род от Лодвика Хильдского", но она была немногочисленна и непопулярна. Не то чтобы бывшие приближенные Арвика были такими ревностными патриотами Айринтии - просто после смерти их сюзерена (слухи о которой ходили разные, но сам факт был бесспорен) в гроггендорские гарантии никто уже не верил и не хотел отягощать свое и без того непростое положение. Похоже, что прогроггендорскую тему раздувал бывший глава службы безопасности Арвика (которого так до сих пор никто и не знал под его подлинным именем, а только под псевдонимом "Бурый"), и едва ли не самой решительной мерой, предпринятой Хоббинтроттом в новом статусе (каковой, впрочем, не был подтвержден никакими формальностями), стал приказ об аресте Бурого и всех его подчиненных, формально - как проваливших свою главную задачу по защите князя. На самом деле Хоббинтротт не только предполагал, что этот "провал" был отнюдь не случайным, но и, самое главное, не хотел стать следующим. Однако его солдатам удалось схватить лишь нескольких рядовых охранников - сам Бурый успел ускользнуть и исчез без следа.

Из всех начинаний Арвика дольше всего после его смерти продолжались ремонтные работы в замке, так его раздражавшие - каменщики делали свое дело, не задумываясь о проблемах лордов. Но затем прошел слух, что рабочим теперь не заплатят, и прекратился даже стук молотков, придававший княжескому замку последнее подобие жизни.

Таким образом, никто не попытался оказывать сопротивление конному отряду Лоренберга, насчитывавшему три сотни рыцарей - сила не то чтобы пустяковая, но все же недостаточная для разгрома всей хильдской армии, если бы та выразила желание сражаться, равно как и для взятия штурмом Айзеншлосса. Но город встретил их открытыми воротами - и встретил бы так же, будь у прибывшего под королевским знаменем Лоренберга эскорт лишь из десятка всадников. Город, в результате всех смут потерявший немалую часть своего населения (не столько убитыми, сколько покинувшими его) и до сих пор не залечивший раны от пожаров (если для реставрации княжеского замка деньги находились, то о простых горожанах это можно было сказать отнюдь не всегда), ныне производил впечатление практически вымершего - что полностью гармонировало с унылой атмосферой пасмурного осеннего дня с периодически срывавшимся мелким холодным дождем. Никакие зеваки не вышли поглазеть на рыцарей. Лишь одинокая тощая собака, вся в длинных мокрых клочьях свалявшейся шерсти - явно породистая, но, видимо, давно уже оставшаяся без хозяев - облаяла их издали, одновременно поджимая хвост, а при их приближении развернулась и убежала в переулок.

Хоббинтротт, однако, некогда уже запятнавший себя дезертирством, теперь не пытался никуда бежать, рассудив, что деваться ему уже некуда. Гроггендорцам он не просто совершенно не доверял, но и нимало не симпатизировал - в конце концов, если бы он хотел переметнуться на их сторону, он бы мог сделать это еще тогда, тогда унаследовал северную армию после гибели Бургхельма - но свое тогдашнее дезертирство он сам представлял не как измену, а как мудрый вывод вверенных ему айринтийских солдат из-под грозившего им удара; организованный отход, который иначе превратился бы в беспорядочное бегство, ну а что касается того, что потом произошло с этими солдатами под Торринвортом, то тут уж ему, как говорится, не оставили выбора. Однако он прекрасно понимал, что, что бы он ни думал про себя, после Торринворта и

всей той роли, что он сыграл при Арвике, ему уже не приходится надеяться просто отсидеться от гнева королевы в провинциальном имении. Но и скрываться где-то, выдавая себя за простолюдина - или же примкнуть к разбойничьей шайке - он счел ниже собственного достоинства. Поэтому он решил просто принять уготованную ему участь. Это, впрочем, не означало, что он собирался безропотно идти на эшафот. В его подчинении - во всяком случае, формально - все еще оставалось несколько тысяч солдат, и он надеялся выторговать у королевы не слишком тяжелые условия ссылки.

Услышав же от Лоренберга - который был хорошим воином, но не слишком искусным дипломатом, предпочитавшим рыцарскую прямоту намекам и прощупыванию собеседника - что королева не только дарует ему прощение, но и готова позволить ему и дальше командовать его людьми, он мгновенно воспрянул духом. И потребовал гарантий. То есть, конечно, он не произносил таких слов, как "требования" и "гарантии", и вообще говорил не о себе - он-то, дескать, безмерно рад мудрому решению ее величества положить конец раздору между айринтийцами - но что людям, находящимся (в настоящее время) в его подчинении, чрезвычайно важно было бы получить знаки, что "досадные инциденты прошлого" действительно "преданы забвению", и что они не просто формально избавлены от наказания, но что в объединенной Айринтии не будет деления подданных на первый и второй сорт в зависимости от того, на чьей стороне они "волею судьбы" оказались еще недавно, и что доблесть любого из них в грядущей войне с Гроггендором будет оцениваться именно как заслуга, а не как всего лишь искупление прошлых грехов. Когда же Лоренберг возмутился, уж не ставит ли тот условия ее королевскому величеству, Хоббинтротт смиренно ответил, что сам-то он готов сражаться за Айринтию и (крохотная пауза) ее королеву хоть рядовым, но вот его солдаты - и вообще бывшие подданные княжества Хильдского - восприняли бы это, как скверный знак, и он с этим ничего поделать не может при всем желании - будучи рядовым, он бы даже не смог отдать им приказ. Впрочем, никакие приказы - и никакие чины - не помогут, если командующий утратит уважение, как это случилось, к примеру, с покойным Бургхельмом, пытавшимся действовать силой там, где необходимо было убеждение.

Опасаясь, что его слова могут быть перетолкованы превратно, Хоббинтротт настоял на своем праве лично вписать их (мелким бисерным почерком на тонкий листок голубиной почты) в донесение, отправленное королеве.

О смерти племянника Хоббинтротт пока еще, по всей видимости, не знал (как, кстати, не знал об этом и Лоренберг, покинувший Дракенхайм раньше этого события), но, очевидно, должен был узнать в ближайшие дни. И, хотя своим беспокойством о жителях Хильдского княжества в целом он в первую очередь прикрывал собственные интересы, Элинор не могла не признать, что в его словах есть резон - в условиях уже начавшегося гроггендорского вторжения, когда у хильдцев (многие из которых действительно оказались "хильдцами" лишь волею судьбы) есть выбор, на чью сторону встать - причем сила не на стороне Дракенхайма! - очень важно дать им понять, что в Айринтии к ним не станут относиться, как к людям второго сорта, прощенным из милости, но по-прежнему не пользующимся уважением и доверием королевы. И, поскольку она не могла выказать свое расположение каждому из них лично, Хоббинтротт как наиболее знаковая фигура действительно выглядел идеальной моделью для остальных. Уж если его, по всем традиционным нормам безусловно заслужившего плаху, минует даже умеренная королевская немилость, остальным тем более не о чем беспокоиться.

26 сентября, на следующий день после очередного военного совета, на котором обсудили все эти новости с севера и отказались от посылки подкреплений Мондхаффену, в дракенхаймском дворце состоялся суд королевы. Присутствовали: обвиняемый Вельо (успевший за несколько дней под арестом осунуться с лица, хотя его узилище было достаточно комфортным, и еды он получал столько, сколько просил - но, правда, ни капли вина), двое доставивших его стражников, Локхарт как его командир, Швертлинг как формальный начальник

над всеми королевскими солдатами в столице, герольдмейстер Хаттенберг и двое секретарей - один от ведомства верховного судьи Моррингтона, другой от королевской канцелярии. В целом, торжественность и представительность мероприятия были куда выше, чем при обычном разбирательстве дела об убийстве - что, впрочем, было естественно, когда дело разбирал лично монарх. При этом помещение, где происходило действо, хотя и украшенное государственными флагами, было невелико и вовсе не предусматривало сидячих мест за исключением маленьких квадратных столиков для секретарей, которые должны были вести протокол. Личный суд монарха, в отличие от обычного судебного заседания с допросами свидетелей и прениями сторон, обыкновенно не затягивался надолго. Чаще всего государь заранее знакомился со всеми обстоятельствами дела, с которыми считал нужным, и вызывал участников разбирательства лишь для того, чтобы объявить о своем решении, окончательном и вступающем в силу немедленно (и подававшие прошение о личном разбирательстве их дела, разумеется, знали, что идут именно на это; все, что подсудимый мог сказать в свою защиту, он излагал в своем прошении).

Так было и на этот раз. После нескольких минут общего ожидания вошла Элинор - в строгом официальном платье, с осыпанной бриллиантами диадемой на голове. Все почтительно поклонились; затем, повинуясь разрешающему знаку королевы, секретари опустились за свои столики, обмакнули перья в чернила и приготовились писать. Каждая фраза, произнесенная в этой комнате, обретала статус исторического документа, подлежащего вечному хранению - таков был статус личного королевского суда.

- Мы, Элинор Первая, - начала королева, и ее тон был столь же строгим и официальным, как и ее вид, - рассмотрели прошение о личном суде нашего подданного, дворянина Луиджи Вельо, капрала королевской армии Айринтии, обвиняемого в убийстве дворянина Джеронима Хоббинтротта, и вынесли по сему делу следующее решение, - она говорила без бумажки, но ее речь со всеми официальными формулировками звучала гладко, как хорошо отрепетированная. - Установлено, что вы, Луиджи Вельо, находясь вне службы в питейном заведении и изрядно злоупотребив подаваемым там вином - что, как нам стало известно, вы делали уже не в первый раз - вступили в конфликт с находившимся там же потерпевшим Хоббинтроттом. Вместо того, чтобы разрешить конфликт согласно правилам и обычаям, принятым между благородными людьми, вы напали на него с оружием ("Это была просто кружка!" - читалось на лице Вельо, у которого, однако, хватило ума не пытаться перебить королеву) без предуведомления и не предоставив вашему безоружному противнику возможности для защиты, и убили его на месте. Чем не только грубо преступили закон Айринтии, но также бросили тень на репутацию королевской армии, а также показали себя недостойным доверия вашей королевы, которая удостоила вас высокой чести личного гостеприимства.

"Да я же... наоборот!..." - снова читалось в возмущенном взгляде Вельо, но он тут же сник, осознав, что она права. Хотя он ударил Джеронима, вступаясь в том числе за ее честь, объективно выходило, что он подставил ее, причинив ей больший урон, чем любой кабацкий пустобрех.

- В связи с чем, - продолжала королева, - мы лишаем вас нашего благорасположения, а также и ранее пожалованного вам титула, ибо поведение ваше недостойно дворянина. Ваше имя будет исключено из списков дворян Королевства Айринтия, с лишением вас всех соответствующих привилегий. Вы также лишаетесь звания капрала королевской армии, которое вы также опозорили, вместе с причитающимся жалованием.

Локхарт слушал и не верил своим ушам. После разговора с Элинор у него сложилось впечатление, что Вельо отделается лишь символическим наказанием (и, хуже того, он уже успел обнадежить в этом плане самого Вельо), но пока что все шло по наихудшему варианту, к которому приговорил бы Вельо военный суд и без всякого участия королевы. Или же сейчас, проявив формальную суровость, Элинор найдет способ смягчить приговор?

- Вы должны будете покинуть не только наш дворец, но и нашу столицу, без права возвращения в нее... - продолжала королева.

"Еще и ссылка?" - поразился Локхарт. Этот вариант они с Элинор вообще не обсуждали. Неужели Вельо принужден будет оказаться где-то в чужом краю совершенно один, да еще в такое опасное время?!

- Однако, - Элинор словно прочитала его мысли, - учитывая ваши прошлые заслуги перед короной, а также и то обстоятельство, что потерпевший первым спровоцировал вас на конфликт - что вас, однако, не оправдывает - мы даем вам возможность искупить вашу вину, служа Айринтии в качестве рядового в действующей армии. Сим вы направляетесь в крепость Дортинайн, где и будете нести свою дальнейшую службу. Вам запрещается покидать крепость до особого распоряжения. Так постановили мы, Элинор Первая, королева Айринтийская, - это, очевидно, было формальной фразой, завершающей церемонию. Королева слегка кивнула своим подданным, те в ответ снова склонились в глубоком поклоне (Вельо - последним из всех, одному из стражников даже пришлось слегка подтолкнуть его в спину). Развернувшись, Элинор величественно удалилась.

Локхарт едва подавил в себе желание броситься следом и потребовать (да, именно потребовать!) объяснений. Пусть даже политическая ситуация требовала примерно наказать Вельо, но она же обещала ему, что в любом случае не отправит его на фронт! А Дортинайн - да, это традиционное место ссылки проштрафившихся солдат (и даже сам Арвик в свое время почтил ее своим пребыванием), но в мирное время, а не теперь, когда с севера надвигаются гроггендорцы!

Но он, конечно, сдержал свой порыв, который стал бы демонстративным и вопиющим нарушением этикета, и вместо этого повернулся к Вельо. Полковник был готов к тому, что ложно обнадеженный им итальянец обрушится на него с упреками, но тот даже не вспомнил о словах своего командира.

- Как она так может? - возмущенно бормотал лингвист. - Она дала мне дворянство за то, что я защищал ее, и теперь отбирает ровно за то же самое! В конце концов, это просто нелогично!

У Локхарта мелькнула мысль, что вообще-то довольно забавны такие переживания по поводу собственного дворянства у итальянского профессора, который прежде - как, увы, и большинство его коллег - придерживался вполне левых взглядов и уж точно ни в грош не ставил аристократию вместе со всеми прочими "феодальными пережитками". Правда, теперь эти "пережитки" вновь стали актуальной реальностью, а в пережитки превратились как раз республиканские и демократические представления... Но Локхарт не стал углубляться в размышления об относительности понятий "современный" и "передовой" - Вельо следовало немедленно одернуть, пока его непочтительные слова не навлекли на него еще бо́льшие проблемы.

- Держите себя в руках, доктор, - строго сказал он. - Подвиг на поле боя - это вовсе не "ровно то же самое", что и пьяная драка в кабаке.

- Но меня не пускают на поле боя! - воскликнул Вельо еще громче и возмущеннее, так что услышали не только стоявшие рядом стражники, но и прочие находившиеся в помещении (которые почему-то не спешили расходиться, как и стражники не пытались увести Вельо прочь). Герольдмейстер недовольно нахмурился, видя столь недостойное поведение. - Почему эта дыра на болоте? Я просился на передовую!

- В свете событий на севере теперь это стратегически важная крепость, - сердито ответил Локхарт. - Но если уж вам угодно быть солдатом - так и ведите себя, как солдат, исполняйте приказ без возражений и обсуждений!

- Да, сэр! - Вельо щелкнул каблуками, но этот жест был явно издевательским. Ответить Локхарт не успел, ибо двери (те, через которые входили все участники суда, кроме королевы)

вновь резко распахнулись, и в помещение быстрым шагом вошли еще трое, все вместе выглядевшие достаточно зловеще. Это были капитан стражи, палач в красном котарди (но без какого-либо колпака или маски, скрывающей лицо - в Айринтии исполнение судебных приговоров отнюдь не считалось позорной профессией) и с обнаженным мечом в руке, и священник в траурном облачении, в коем обычно читались заупокойные службы. Могло показаться, что незамедлительная кара постигла Вельо за то, что он не принял свой предыдущий приговор с должным смирением, но на самом деле, конечно, все было подготовлено заранее.

Капитан стражи выступил вперед и встал прямо перед итальянцем.

- Луиджи Вельо! Церемония лишения вас дворянского достоинства состоится немедленно. Согласно закону, она должна проходить при свидетелях, но повелением нашей всемилостивейшей королевы вы будете избавлены от публичного позора. Вашими свидетелями станут лишь те благородные господа, что присутствуют здесь. На колени, Луиджи Вельо!

Вельо бросил затравленный взгляд в сторону Локхарта, но покорно опустился на оба колена - даже в этой позе оставшись по грудь капитану и по плечо невысокому священнику, который приблизился к нему следом и забормотал на латыни: "Mater nostra, Maria Paracleta.." - "Мать наша, Мария Заступница, яви милосердие свое к заблудшему брату нашему и прости ему прегрешения его, вольные и невольные..." Локхарт уже знал, что эту же молитву читают и перед настоящей казнью. Вообще все эти приготовления, и особенно обнаженный меч в руке палача, выглядели настолько мрачно, что, хотя умом полковник и понимал, что Вельо не могут и в самом деле отрубить голову, он все равно чувствовал себя неуютно.

Наконец священник закончил молитву, и тогда уже настал черед палача. Тот встал за спиной стоящего на коленях приговоренного - опять-таки так же, как поступал при настоявшем усекновении головы, и итальянец даже покорно опустил голову, словно и в самом деле ожидал удара мечом по шее. Но палач поднял меч над его головой горизонтально, держа руками в толстых кожаных перчатках за рукоять и за противоположный конец, и с усилием переломил клинок пополам (конечно, у него не хватило бы сил сделать это с нормальным оружием - меч был подпилен заранее). Вельо заметно вздрогнул, когда над его головой резко хрустнул металл. Затем капитан объявил "рядовому Вельо", что тот должен незамедлительно отбыть к назначенному ему месту службы, и стражники вывели сломленного великана прочь. Тот успел лишь беспомощно оглянуться через плечо на Локхарта.

Лишь вечером Локхарт получил возможность обсудить это с королевой наедине.

- Почему, Элинор? Вы же обещали мне, что он не попадет на фронт!

- Он и не попадет, - устало ответила королева. - Полагаю, во всей Айринтии сейчас нет места безопаснее, чем Дортинайн. Включая Дракенхайм. Враг со дня на день высадится на западном побережье и одновременно наступает вдоль восточного, столица так и вовсе является их главной целью... но через Иммермур они не пойдут. Не станут повторять ошибки бугенхольмцев трехсотлетней давности и увязать в болотах в самый разгар осени. Это не только мое мнение. Так считают все мои генералы. Даже если падет вся Айринтия - Дортинайн это последнее место, куда доберутся имперцы... то есть если это и произойдет, то уже в обстоятельствах, когда всякий бой уже потеряет смысл. И кроме того, - добавила королева без улыбки - там совершенно невозможно достать алкоголь. Просто физически негде его взять посреди болот, где до ближайшей деревни - несколько дней пути. Так что принятое мной решение - полностью в интересах Вельо, что бы ни думал на сей счет он сам. Хотя формально да, провинившийся солдат отправлен прямо навстречу врагу, и никто не может сказать, что я наказала его мягче, чем обычно делается в таких случаях.

- Но так ли обязательно было лишать его дворянства? Похоже, оно было для него не пустой формальностью. И он чувствовал себя ужасно униженным, когда стоял на коленях, а над его головой ломали меч.

- Это тоже сделано в его интересах, - вздохнула Элинор. - Теперь никто не может вызвать

его на дуэль. Вы понимаете? Не только он сам, но и его - тоже. Будь то кто-либо из рода Хоббинтроттов или просто какой-нибудь бретер - которые, кстати, могут оказаться и в Дортинайне, туда ссылают и дворян, в смысле, не разжалованных... Простолюдины тоже могут драться между собой, и в таком месте, как Дортинайн, где плохо с другими развлечениями, это дело нередкое - но без оружия. А связываться с Вельо в кулачном бою, сами понимаете, мало кто захочет. А вот опытный дуэлянт проткнул бы его с легкостью, несмотря на все его габариты.

- Я раньше думал, что дуэльный кодекс требует, чтобы противники пользовались одинаковым оружием, - сказал Локхарт. - То есть если Вельо не владеет мечом, то и его противник должен взять алебарду. Но, как я понимаю, это не так?

- Нет, требуется лишь, чтобы оба противника были вооружены, и чтобы инициатор дуэли явно объявил о своих намерениях и причине и потребовал "защищайтесь!"

- Даже если он будет вооружен мечом, а тот, кого он атакует - глиняной кружкой?

- Против меча кружка - в отличие от алебарды - конечно, оружием не считается, - покачала головой Элинор. - Но против безоружного - считается. Кроме того, вызываемый имеет право отказаться... хотя без уважительной причины, такой, например, как травма, мешающая сражаться, это считается большим уроном для чести.

- Честь, да, - пробормотал Локхарт. - Он очень расстроился, что был разжалован за то, что вступился за свою и вашу честь. Конечно, ему не следовало напиваться, но...

- Вот именно.

- Но можно было хотя бы предупредить его заранее, что это, в общем, в его же интересах.

- Тогда бы он обиделся еще больше, - непреклонно возразила Элинор. - Счел бы, что его не принимают всерьез. Но вы сами говорили, что он - большой ребенок. Вот и пришлось отобрать у него игрунку, слишком для него опасную. Может быть, когда-нибудь в будущем... когда все уляжется... я еще верну ему этот статус, если он докажет, что усвоил урок, и заслужит примерным поведением. Но сейчас у меня есть дела поважнее, чем вытирать носик большому мальчику. Очень большому, да.

Горечь, прорвавшаяся в ее тоне, заставила Локхарта спросить:

- Есть еще что-то, о чем я не знаю? Новые дурные вести?

- Сегодня пришло известие о сдаче Фельзенбурга.

- Черт! - вырвалось у Локхарта. - Говорили же, что он неприступен!

- Любой замок "приступен", если гарнизон сам открывает ворота, - мрачно ответила Элинор.

- Чертовы Райнбальды! Вы же говорили - они отправили туда подкрепление?

- Да, так мне написал Фридрих. И это войско действительно видели на марше. Оно должно было прибыть в Фельзенбург сегодня или завтра.

- Один день! Не хватило всего одного дня! Но почему они не дождались? Ведь еще вчера, насколько я понимаю, их даже никто не атаковал - во всяком случае, на военном совете об этом не говорилось. У Райнбальдов не нашлось голубя, способного доставить в Фельзенбург известие, что подкрепление уже близко?

- Потому что оно не было близко, - вздохнула королева. - Отряд Таппертона повернул обратно с полдороги. Судя по всему, это произошло еще 23-го, но донесение о том, что они движутся назад, поступило только вчера, уже после совета... Ну а дальше в дело вступил наш старый знакомый Филипп. Насколько я понимаю, он сам примчался предлагать гроггендорцам свои услуги. А сами они вообще не планировали идти на Фельзенбург, но, конечно, не отказались от такого подарка.

- Филипп же не командовал гарнизоном Фельзенбурга? Или Фридрих одной рукой отозвал Таппертона, а другой назначил его... как раз для этого? По уже испытанной схеме...

- Я еще спрошу с Фридриха за поведение Таппертона, - мрачно пообещала королева. - Но вот за действия Филиппа он, скорее всего, не ответственен. Он был сильно недоволен Филиппом

еще со времен Торринвортской битвы. Как доносит Тайная Стража, в последнее время Филипп околачивался на севере, то есть после смерти Арвика Фридрих не мог видеться с ним чисто физически. Конечно, он мог бы отправить Филиппу письмо, но это был слишком большой риск, даже если использовать шифр - ибо Филипп наверняка сохранил бы подобную улику в качестве своей гарантии. Так что это, видимо, инициатива самого Филиппа, который решил, что в Айринтии ему уже ничего не светит ни с какой стороны, и лучше продаться Гроггендору, пока это еще можно сделать не очень дешево. Конечно, гарнизоном он официально не командовал, но командир, видимо, счел за благо подчиниться "лорду Райнбальду" и спихнуть с себя ответственность, зная, сколь сильна империя и сколь мало людей у него самого. Но Фридрих... полагаю, он не сильно разгневается, когда ему доложат. Если Айринтия падет - Райнбальды успеют выслужиться перед победителем. А если мы устоим - во всем будет виноват изменник Филипп, ну и, видимо, трус Таппертон, хотя, как мне докладывали, это способный командир, прежде в трусости не замеченный... И Фридрих, полный благородного негодования, сам выдаст их королевскому правосудию.

- В прошлый раз Филиппа не выдал.

- Тогда измена не была настолько бесспорной. То есть все всё понимали, конечно, но формально Филипп просто "не успел на бой". Зато сейчас, как мы видим, он проявил удивительную прыть.

"Видимо, суровый приговор Вельо обусловлен еще и этим, - понял Локхарт. - Важно было показать не только готовность королевы забыть грехи тех, кто выступал против нее в прошлом, но и ее нетерпимость к тем, кто нарушает закон и порядок сейчас. Особенно - к любым нарушениям, творимым служащими королевской армии..."

- Честно говоря, - горько произнесла Элинор, - я была уверена, что Райнбальды будут защищать Фельзенбург всерьез. Не ради своего долга передо мной и Айринтией, а ради своих собственных интересов. Едва ли их род еще когда-нибудь получал столь дорогой подарок.

- Подарок, да, - столь же невесело усмехнулся Локхарт. - То, что легко досталось - не ценится.

- Но то, что дано, может быть и отобрано, - посулила королева. - Видите ли, сейчас об этом редко вспоминают, но формально ленное владение дается вассалу не в собственность, а всего лишь в пользование - в обмен на исполнение им его вассальных обязанностей. И если он не исполняет таковые надлежащим образом - мы найдем Фельзенбургу хозяев получше.

- Для этого сначала придется отобрать его у гроггендорцев, а уж потом у Райнбальдов, - мрачно напомнил Локхарт со свойственной ему прямотой. - Теперь вместо того, чтобы нависать над правым флангом противника и одним фактом своего существования заставлять его жаться к побережью, Фельзенбург превратится в его ключевой опорный пункт, обеспечивающий контроль над всем северо-востоком.

Сейчас это и в самом деле было куда важнее любых душевных терзаний Вельо, заслуженных или нет - и даже чувств самой Элинор.

- Быть может, это заставит врага распылить силы, - произнесла Элинор, но это была лишь неубедительная попытка сделать хорошую мину при плохой игре, и оба собеседника это понимали.

- У них не настолько мало сил, чтобы им следовало бояться их распылить, - ответил Локхарт все в той же прямой манере.

- Их сухопутное войско сейчас не столь уж велико, - напомнила королева. - Основная армия готовится высадиться с кораблей. И если у Кнаббе получится - основная часть этой основной армии отправится на дно. Может быть, уже этой ночью, или следующей. Надеюсь, они не слишком затянули с отплытием.

- Надеетесь? Разве не лучше было бы, чтобы у Кнаббе было больше времени на подготовку?

- Тогда бы и они могли успеть получить известие о наших приготовлениях в Кромбурге.

- А мне кажется, - усмехнулся Локхарт, - их это не остановит. Они сочтут ниже своего имперского достоинства менять столь грандиозный план вторжения из-за каких-то потешных маневров рыбачьих лодок.

- Возможно, - медленно согласилась Элинор, - хотя если они будут знать, что их фактор внезапности не сработал, не сработает и наш тоже. Они могут изменить место высадки... но высаживаться севернее Кромбурга им нет особого смысла, а если они пойдут южнее, то, скорее всего, не станут делать большой крюк, а значит, пройдут мимо Кромбурга на таком расстоянии, где Кнаббе все еще сможет их обнаружить с помощью патрульных лодок и атаковать в открытом море. Такой дерзости они, скорее всего, не ждут, даже если успеют что-то узнать о наших мерах. Посмотрим. Думаю, сейчас исход этой операции уже невозможно изменить ни из Дракенхайма, ни из Ингварштада. Остается только ждать результата.

- Будем надеться на лучшее и готовиться к худшему, - кивнул Локхарт.

- Да, - кивнула в ответ королева. - Обычно эту фразу произносят ради ее второй части. Но первая тоже важна, не так ли, Эрик?

Он молча взял ее за руку.

Однако морской бой не состоялся ни в эту, ни в следующую ночь - и вовсе не потому, что имперский десантный флот задержался с отплытием. Нет, корабли отчалили еще 23 сентября - после того, как окончательно утих шторм, подтянулись последние разбросанные им суда и в ударном темпе, возможном только в империи, был выполнен весь необходимый мелкий ремонт (надо отдать должное айринтийским морякам - хотя шторм и потрепал часть судов, ни одно из них не было потеряно на пути в Гроггендор). И в результате этих ударных усилий известие о прибывшем в Кромбург королевском войске - и стало быть, о провале плана застать айринтийцев врасплох - как и надеялись в Айринтии, безнадежно опоздало. Однако, словно подкрепляя извечную нелюбовь гроггендорцев к непредсказуемой и неуправляемой морской стихии, следом за штормом пришла прямо противоположная беда - штиль. Даже днем тяжело груженые купеческие суда делали меньше двух узлов - то есть плелись медленнее самого ленивого пешехода - а по ночам, когда стихал даже такой ветер, и вовсе практически останавливались, а то и бессильно дрейфовали назад, сносимые течениями. Фактически гроггендорцы увязли в Кирландском заливе, словно в Иммермурском болоте, которое как раз-таки и надеялись благополучно миновать, избрав морской путь. Благодаря этому Кнаббе получил три лишних дня сверх того, на что рассчитывал; правда, все тот же штиль задержал и прибытие к нему подкреплений из соседних портов (правда, легким рыбачьим суденышкам было проще идти даже при слабом ветре, а кое-кто из завербованных посланцами Кнаббе, привлеченный как патриотическими соображениями, так и, в еще большей степени, обещанной наградой, не ленился и как следует поработать веслами) - но, в любом случае, это время можно было использовать для дополнительной тренировки и производства вооружения и боеприпасов.

Но вот, наконец, ветер снова стал крепчать, и это был вест-норд-вест, практически идеальный для флота вторжения. Однако и при этом ветре, совсем не попутном для них, до Кромбурга сперва добрались два больших торговых нефа из южных портов, чей путь был намного короче. Первый из них, "Розалинда", был тем единственным судном Тугенфорка, которое успели арестовать до выхода в море. Теперь, сменив на нем капитана и, на всякий случай, команду, его прислали в распоряжение Кнаббе. Второй неф, "Незабудка"[110] ("Дурацкое имя!" - проворчал Кнаббе, услышав оное), прибыл по воле собственного капитана, откликнувшегося на призыв посланцев Кнаббе (при неохотном согласии судовладельца, которому было обещано возмещение возможного ущерба). Оба корабля были более новой

[110]англ. Forget-me-not.

постройки, чем "Беатриса", и находились в заметно лучшем состоянии, но по здравом размышлении Кнаббе пришел к выводу, что на роль флагмана ни один из них также не подходит. По своим мореходным качествам они не уступали, но и не превосходили те суда, что будут везти вражескую армию, а потому не могли компенсировать многократный численный перевес неприятеля за свет маневренности и скорости. Хотя зафрахтованные гроггендорцами айринтийские торговые корабли в основном не имели тяжелого вооружения, множество вражеских лучников, способных осыпа́ть противника практически непрерывным потоком стрел, могло перевесить возможности метательных машин, наносящих более разрушительные, но куда более редкие удары - а если бы айринтийцы не сумели уклониться от абордажа, их корабль был бы гарантированно захвачен многократно превосходящими силами противника. И это даже в бою один на один - что уж говорить о ситуации, когда айринтийскому нефу пришлось бы иметь дело сразу с несколькими неприятельскими! И все же Кнаббе велел установить на оба нефа максимальное число метательных орудий (вышло по девять на каждом борту плюс более легкие носовые и кормовые на поворотных кругах) и чаны с горючей жидкостью, которую надлежало не только использовать для огнеметов, но и поджечь в случае абордажа (конечно, в этом случае у матросов нефов не оставалось шансов на спасение, но абордажная команда тоже едва ли стала бы их щадить). Капитанам было дано указание все время держаться на периферии и ни в коем случае не лезть в гущу вражеского флота, где их могли бы окружить и откуда тяжелые неповоротливые суда едва ли сумели бы вовремя вырваться. Сам Кнаббе решил, что будет командовать боем с рыбачьей шхуны "Махи-махи"[111].

Но вечером 29 сентября - последнего дополнительного дня, подаренного штилем - в порт Кромбурга, на этот раз с севера, вошел еще один корабль. Это была великолепная четырехмачтовая каракка бугенхольмской постройки, несшая по два прямых паруса на фок- и грот-мачтах и по одному косому на обеих бизанях[112]; она называлась "Морская дева", и Кнаббе почувствовал, что влюбился в нее с первого взгляда на ее изящные обводы. Хотя она ходила под айринтийским торговым флагом (а другого у Айринтии пока что не было), но всем своим обликом - стройная талия палубы (9 ярдов в ширину при длине корпуса 36 - соотношение 1:4, а не 1:3, как у пузатых нефов), высоко поднятые многоярусные носовая и кормовая надстройки, широкие марсовые площадки (все это были позиции для стрелков) - красавица так и просилась в военный флот. Для такового она, собственно, и строилась - тогда еще под именем "Принц Арчибальд", в честь наследника престола, старшего брата Финеаса - но независимость Бугенхольма, как и жизнь принца Арчибальда, кончилась раньше, чем отделочные работы на каракке, и судно полулегальным-полупиратским способом (уплатив мзду бугенхольмским чиновникам до того, как гроггендорский наместник успел принять у них дела) увел на юг находившийся в то время в Бугенхольме айринтийский купец (не связанный ни с Юфтлингом, ни с Тугенфорком). В Айринтии оно получило новое название (какой такой "Арчибальд", господа гроггендорцы? знать ничего не знаем о таком корабле!) и было переделано под перевозку груза, а не солдат, что, впрочем, не ухудшило его мореходных качеств, если не считать того, что на какое-то время с каракки сняли малую бизань - опять-таки для того, чтобы без опасений узнавания и ареста заходить в гроггендорские порты - но позже, когда стало ясно, что имперцы не пытаются разыскать уведенный из-под носа корабль (сочтя, видимо, что он, как и многие другие, ушел к ибикейцам, да и доказать в эпоху, когда победителям достались лишь словесные описания уплывшего корабля, ничего уже было невозможно), мачту вернули на место. И вот теперь, кажется, сама судьба предначертала "Морской деве" все же вернуться к той роли, для

---

[111]Mahi-mahi, или большая корифена, или рыба-дельфин, или золотая макрель, или золотистый дорадо - Coryphaena hippurus, крупная (около метра в длину) рыба, обитающая в умеренных и тропических широтах, популярный объект рыбалки с древних времен.

[112]Наличие двух бизань-мачт (а не двух грот-мачт, как на большинстве четырехмачтовых судов) - отличительная особенность каракк.

которой она была рождена, стать флагманом военного флота и дать бой гроггендорцам, который она не успела дать двенадцать лет назад.

Переговорив с капитаном (его звали Джеффри Эккерт), Кнаббе узнал, что тот пришел в Кромбург не случайно, как злосчастная "Беатриса", а именно что откликнувшись на его призыв. Каракка пришла из Миртхаффена, куда так и не добралась фелука с боцманом Шлеппенторпом, но куда все же доскакали гонцы по суше. Капитан "Морской девы" принял решение идти на зов Кнаббе самолично, без консультации с владельцем судна (что было невозможно, ибо тот проживал на самом юге Айринтии) и очень надеялся на заступничество королевы в том (весьма вероятном) случае, если ему будут предъявлены претензии (и особенно в том случае, если вверенный его попечению корабль пострадает). Впрочем, Эккерт имел в то же самое время основания считать, что он, напротив, спас "Морскую деву" от захвата гроггендорцами, ибо по первоначальному предписанию - полученному еще до гроггендорского ультиматума - корабль направлялся с грузом фруктов именно туда (быстроходная каракка была особенно хороша в доставке деликатных скоропортящихся товаров), а в Миртхаффен зашел переждать самый пик шторма (из опасения не столько за корабль, в котором был уверен, сколько за нежный груз, способный пострадать от качки) и заодно пополнить запас пресной воды. Узнав там, однако, об отбытии из Дракенхайма имперского посла (новость о вторжении в Легунтон пришла на следующий день), капитан смекнул, что дальше на север идти не стоит, отправил хозяину на юг письмо с запросом дальнейших указаний и остался в порту ждать ответа. Дни шли, фрукты портились, и Эккерт опять-таки волевым решением велел распродать их на местном рынке хоть по какой цене (на что формально не имел права). Цена вышла очень низкой, наносившей хозяину груза прямой убыток, но опять-таки это было лучше, чем потерять вообще все - хотя капитан не был уверен, что жадный купец согласится с этой логикой. И вот в этом самом положении - ожидании ответа и возможных неприятностей - его и застал гонец от Кнаббе, предложивший ему, в некотором роде, радикальный выход из затруднительного положения. Кнаббе заверил Эккерта, что королева не только защитит его, но и осыплет всеми монаршими милостями, а корабль, скорее всего, будет выкуплен у владельца и станет первым флагманом нового военного флота. "Если переживет этот бой", - добавил Кнаббе про себя; впрочем, шансы на это были весьма неплохими - среди неповоротливых нефов маневренная и быстроходная каракка должна была стать волком в овечьем стаде, пусть даже у овец и имелись рога в виде гроггендорских лучников.

Впрочем, пренебрегать этими лучниками, пусть даже не столь хорошими, как айринтийские, тоже не следовало, и легкой прогулки грядущая миссия не обещала - все зависело от того, насколько умелыми будут действия экипажа, и Кнаббе (уже, конечно, принявший решение, что его флагманом будет "Морская дева") пожелал хотя бы коротко, но лично переговорить с каждым. Кое-кого из них он заменил бывшими пиратами из числа посетителей "Оси миног", имевшими боевой опыт - но лишь нескольких, чтобы не нарушать общей слаженности и дисциплины команды.

- Это все? - спросил Кнаббе у сопровождавшего его боцмана каракки, дойдя до конца выстроенных на палубе шеренг матросов.

- Брэма не хватает, - тут же определил наметанным глазом боцман. - Куда он подевался? Только что тут был, я его сам на палубу выгонял. Эй, парни, где Брэм?

После краткого замешательства из задней шеренги пред грозные очи Кнаббе был выпихнут тщедушный матросик, попытавшейся было прошмыгнуть за спинами своих товарищей в уже опрошенную часть экипажа. Даже оказавшись на виду, он попытался отвернуться и потупиться, словно надеясь, что в уже начинающихся сумерках его не узнают - но эта надежда, конечно, оказалась тщетной.

- Так-так, - зловеще изрек Кнаббе. - Абрахам Мунс собственной персоной. А я-то надеялся никогда больше не увидеть твою вороватую физиономию.

После того, как Локхарт взял Айзеншлосс, Мунс в числе прочих солдат был оставлен там в составе нового городского гарнизона. Хотя он быстро спустил (главным образом на игру в кости) полученные в награду за спасение Локхарта деньги, служба в бывшей столице показалась ему весьма непыльной и уж точно более приятной, чем тяжелая и опасная работа матроса. Так продолжалось до тех пор, пока Элинор, ведя свою армию на север к Торринворту, не забрала в нее почти весь айзеншлосский гарнизон, включая опять-таки Мунса (от чего тот попытался было увильнуть, но безуспешно). Уже один только форсированный марш, которым Элинор гнала свое войско, заставил Мунса в корне пересмотреть его взгляды о преимуществах армейской карьеры над морской, где корабль хотя бы везет тебя сам. Под Торринвортом не отличавшегося статью солдата поставили в задний ряд, где он и надеялся продержаться всю битву (ловко уклоняясь от ротаций, когда задние сменяли усталых передних) - и преуспевал в этом до тех самых пор, когда удар кавалерии Арвика обрушился как раз-таки на тыл королевского войска. В отличие от многих своих охваченных паникой товарищей, Мунс моментально смекнул, что пытаться убегать по равнине от преследующих тебя всадников - это очень плохая идея, и счел за благо упасть и притвориться мертвым. Этот вариант тоже не гарантировал спасения - хотя ни один рыцарь не стал бы спешиваться или хотя бы свешиваться с коня, чтобы на всякий случай ткнуть мечом лежащего, но его могли просто затоптать - однако Мунсу повезло. Пару раз в самом начале на него, правда, и впрямь наступили бегущие (к счастью - не скачущие лошади), но без серьезных последствий. Из положения лежа ничком ему было затруднительно следить за ходом боя; поначалу он был уверен, что Арвик одержал полную победу, потом вроде бы прискакали еще какие-то кавалеристы - но, в любом случае, Мунс решил дождаться, пока с поля боя уберутся все вооруженные, и тогда уже спокойно воскреснуть и дезертировать, даже не разбираясь, кто там в итоге победил. Военная карьера к этому времени уже успела ему совершенно разонравиться.

Это был отличный план - нужно было только уловить момент, когда с поля боя уже уберутся рыцари, но еще не начнут хозяйничать мародеры. Однако, лежа под горячим летним солнцем с закрытыми глазами, Мунс так старательно притворялся мертвым, что в конце концов его разморило, и он заснул. Проснулся он оттого, что кто-то стягивал с него сапоги. Это были, однако, не мародеры, а жители Торринворта, пришедшие убирать трупы; имущество убитых считалось в таких случаях законной платой за выполнение этой тяжелой и неприятной работы[113]. Мунс, возможно, еще мог бы стерпеть раздевание до белья (брэ и камизы), благо погода позволяла (и по этой же причине раздевавших не удивило бы, что лежавшее на солнце тело подозрительно теплое через несколько часов после боя), но отправиться затем в кучу трупов на телеге, а оттуда - в яму уж точно не входило в его планы. Истории о похороненных заживо, сумевших выкопаться обратно из братской могилы, конечно, существуют, но Мунс предпочел не проверять, насколько они достоверны. Так что он чудесным образом воскрес - и был тут же возвращен в ряды остро нуждавшейся в людях королевской армии.

Таким образом он снова промаршировал, глотая пыль и обливаясь потом под кольчугой, обратно до Айзеншлосса, а после заключения мирного договора и далее на юг - однако увидеть престольный Дракенхайм ему так и не довелось. Вместо этого он был - опять-таки приказанием начальства, а не по собственной воле - включен в состав одного из отрядов, которыми Элинор решила укрепить гарнизоны портовых крепостей - тех, что по Айзеншлосскому договору остались на хильдской территории, но под прямым управлением короны. Перебрасывать туда войска сушей без согласия Арвика Элинор уже не могла, поэтому единственный путь был морской. Мунс узнал, что его направляют в Миртхаффен, и его это не огорчало и не радовало - Миртхаффен так Миртхаффен - пока он, отшагав уже изрядную часть пути к западному

[113]Именно по этой причине мародерство и осуждалось даже в те времена, когда грабеж и насилие со стороны победителей по отношению к живым считались нормой: мародер, обиравший павших, фактически обрекал их на то, что их тела будут брошены без должного погребения.

побережью, не понял, что погрузка на корабль будет в Кромбурге. Опять этот чертов город, откуда он в свое время еле унес ноги! Впрочем, он тут же рассудил, что за полгода поджог "Герцогини" (к которому он *действительно* не имел никакого касательства!) успел забыться за всеми последовавшими бурными событиями, да и матросы, некогда ходившие на ней и клявшиеся повыдергивать Мунсу руки-ноги, давно уже устроились на другие корабли и в самый разгар сезона навигации где-то плавают, а не торчат в городе. И к тому же - он теперь не просто Мунс, который сам по себе Мунс, а солдат королевской армии, обижать которых никому не позволено, а уж всякой портовой шантрапе в особенности. В то же самое время, как говорили, королева и ее офицеры теперь чрезвычайно злы на дезертиров (еще бы - после того, что случилось со всей северной армией!), так что в этом направлении судьбу лучше не искушать.

Однако при погрузке на корабль ему все же довелось пережить весьма неприятный момент, когда он увидел среди команды одного из матросов с "Герцогини" (здорового амбала размером в полтора Мунса). Что хуже всего - тот тоже его увидел и, судя по всему узнал - причем не крикнул: "А, старина Мунс, как поживаешь?", а зыркнул весьма недобро. И хотя было сомнительно, чтобы тот дерзнул затеять ссору при всех или сумел подстеречь Мунса наедине на полном людей корабле, Мунс постарался не выходить из отведенного его взводу помещения под палубой (и даже в гальюн ходить с кем-нибудь за компанию) до самого конце плавания (занявшего, впрочем, лишь два дня).

В Миртхаффене, казалось, полоса его неприятностей закончилась. Служба оказалась почти такой же непыльной, как и в Айзеншлоссе - дела в портовом городе шли лучше, чем в разоренной войной древней столице, что сказывалось и на ассортименте кабаков и харчевен, но, правда, напрягал новый статус Миртхаффена, фактически ставшего полуосажденной крепостью, окруженной врагом со всех сторон, кроме моря. Хотя гражданское население могло выходить за ворота (и возвращаться впоследствии), солдатам это было категорически запрещено - и даже Мунс понимал, что в случае нового обострения отношений между Элинор и Арвиком городу грозит не только полноценная осада, но и штурм. Тем более понимал это комендант, а потому муштровал своих солдат (особенно свежеприсланных новичков) всерьез - но, правда, и не мешал им потом расслабляться в увольнении, настаивая лишь на том, чтобы не было никаких конфликтов с местными. И к тому же даже эта муштра на крошечном пятачке гарнизонного плаца не могла сравниться с тяготами многодневного форсированного марша, не говоря уже о реальном бое. При этом особый статус города означал еще и прибавку к жалованию - не такую, конечно, большую, как во время настоящей войны, но все-таки ни один батцен не бывает лишним. Особенно для такого любителя поиграть в кости, как Мунс.

Это-то пристрастие его в конечном счете и подвело - как, откровенно говоря, случалось уже не раз, но на сей раз он решил испробовать математическую теорию, что, если удваивать ставки при каждом проигрыше, то в конечном счете выиграешь столько, что это покроет все предыдущие убытки. Эта теория прекрасно работает - но только при условии, что ты располагаешь неограниченным кредитом. А вот с этим-то у Мунса возникли проблемы. В итоге на нем повис долг, отдавать который ему было решительно нечем. Причем задолжал он таким парням, которые вряд ли настроены были шутить. То есть настолько не настроены, что Мунс бы даже рискнул попасть под обвинение в дезертирстве (в военное время грозившее виселицей, но для этого дезертира надо сначала еще поймать - а это в эпоху, когда нет других документов, кроме словесных описаний, непросто, да и не станет никакая Тайная Стража искать по всей стране какого-то Мунса) - но после смерти Арвика и дошедших до Миртхаффена слухах о претензиях на Хильдское княжество самого гроггендорского императора в городе объявили военное положение и наглухо закрыли ворота для всех, даже гражданских. Все, что удалось Мунсу - это выпросить у кредиторов три дня, чтобы достать деньги. Он понятия не имел, что будет делать в это время, но верил в свою судьбу, которая не раз уже вытаскивала его из казавшихся безнадежными положений (предварительно, правда, поместив его в таковые). В

любом случае, это было лучше, чем вырывание всех зубов и отрезание губ, носа и ушей прямо сейчас (что характерно, кредиторы тоже не хотели на виселицу, полагавшуюся за подрыв боеспособности королевской армии в военное время - а убийство королевского солдата, и даже, к примеру, отрубание ему конечностей, могло трактоваться именно так, но на увечья, не мешающие сражаться, закон смотрел сквозь пальцы - иначе, мол, пришлось бы вешать за каждый шрам или тот же выбитый зуб, что случалось не только в "дружеских" потасовках, но и на учениях).

Судьба послала ему "Морскую деву".

Мунсу было совершенно все равно, куда идет это судно - главное было унести ноги из Миртхаффена. Убедить капитана, что он опытный матрос, большого труда не составило, ибо это было правдой (а в команде, к счастью, не оказалось никого, кто знал его прежде и мог бы внести в его рассказ некоторые дополнения). Попутно Мунс узнал по намекам - деталей ему не объяснили - что корабль вроде как идет в некий внеплановый рейс по приказу самой королевы - так что выходило, что это как бы даже и не дезертирство вовсе, то есть все складывалось просто на удивление удачно. Но, конечно, в команду Мунс записался под другим вариантом своего имени.

И вот теперь оказалось, что судьба таки сыграла с ним очередную злую шутку, снова притащив его в проклятый Кромбург - словно в какое-то заколдованное место, откуда невозможно вырваться! Да еще и поставила прямо перед человеком, с которого, можно сказать, начались все его проблемы - ибо Сильвестр Кнаббе как раз и был тем самым капитаном, который некогда списал Мунса на берег без единого хеллера. (Правда, ко времени пожара "Герцогини" Кнаббе ею уже не командовал, получив под свое управление новое и лучшее судно, с коего позже сам был списан заподозрившим его в нелояльности Тугенфорком - но всех этих подробностей Мунс не знал.) По мнению самого Мунса, пострадал он тогда незаслуженно - капитану не следовало слушать возведенную на него напраслину, деньги у своих товарищей он не крал, а просто позаимствовал и честно собирался вернуть (как только отыграется), да и сумма-то была совсем пустяковая (куда меньше той, что в Миртхаффене). Но Кнаббе оказался глух к этим аргументам в прошлый раз и едва ли прислушался бы к ним сейчас.

Но может быть, подумал Мунс, это не так и плохо, если Кнаббе сейчас спишет его на берег (если в море капитан вправе даже повесить виновного матроса - да и то за свежие и серьезные грехи, а не за какие-то давние мелочи - то в порту - максимум выгнать, и уж точно ничего ему не вырвет и не отрежет). Ибо, как понял Мунс по вопросам, которые Кнаббе задавал матросам каракки, дельце-то, похоже, намечалось рискованное. Капитана особенно интересовал боевой опыт, в частности, доводилось ли матросам "иметь дело с пиратами" (каковой вопрос можно было трактовать двояко - формально как "доводилось ли им отбиваться от пиратов", а неофициально - доводилось ли им самим ходить на пиратском корабле, причем Кнаббе явно давал понять, что второй вариант устроил бы его едва ли не больше, чем первый - кстати, у Мунса как раз имелся кое-какой опыт по этой части в неспокойной юности). Однако что Мунсу делать дальше, если он окажется в чертовом Кромбурге - один, без всякой помощи и защиты, и к тому же без единого хеллера в кармане? Что, если ворота Кромбурга уже закрыли точно так же, как и ворота Миртхаффена, и покинуть город по суше невозможно? (Так оно и было.) Совершенно неизвестно, кто тут все еще может хотеть свести с ним счеты, репутация его тут, похоже, испорчена безнадежно (слух о том, что его *опять* ссадили с корабля, конечно же, пойдет, и поди доказывай, что это расплата за прежний грех, а не за новый), да и история с дезертирством очень даже может всплыть, и тогда кромбургский комендант повесит его с неменьшим удовольствием, чем миртхаффенский. И, наконец, опасное дельце намечалось в будущем, а денег на еду и ночлег у него не было прямо сейчас!

Так что Мунс, только что отводивший взгляд, приосанился и смело взглянул снизу вверх в глаза Кнаббе.

- Воля ваша, сэр, - сказал он, - а только то дела прошлые, а я слыхал, что даже королевский суд не судит дважды за одно и то же. А я теперь, между прочим, у самой королевы в фаворе после того, как в бою под Айзеншлоссом спас ейного... - Мунс проглотил слово, сообразив, что оно может быть расценено как непочтительное по отношению к королеве, - ... барона Локхарта...

- Что-то не похож ты на королевского любимчика, - усмехнулся Кнаббе. - Вон даже имя свое и то скрываешь - не иначе как от скромности.

Мунс запоздало сообразил, что углубление в эту тему может таки поднять вопрос о его дезертирстве из Миртхаффена, но отступать было некуда:

- Воля ваша, сэр, а только я правду говорю, вот вам святой треугольник. Как будете в Дракенхайме, спросите самого лорда Локхарта, он вам подтвердит, что все так и было. Чтоб мне в следующей жизни родиться портовой шлюхой, ежели я вру, сэр.

- Угу, - буркнул Кнаббе, - вот прямо сейчас и отправлю барону письмо с нарочным - тут, мол, некий Мунс, он же Брэм, знакомством с вами хвалится, и что мне с ним делать, если он врет - выпороть у мачты или сразу протащить под килем?

- То как вам будет угодно, сэр, - в третий раз повторил Мунс, - а только, если вам нужен кто-то, умеющий хорошо кидать... разные штуки, то лучше Мунса вы вряд ли кого найдете. Можете даже не спрашивать барона Локхарта, а испытайте меня хоть сейчас.

- Хмм... - Кнаббе впервые взглянул на него без иронии. Мунс явно намекал на ножи или даже куда более тяжелые абордажные крючья, хотя он и казался слишком тщедушным, чтобы хорошо бросать их - но под свободными рукавами его матросской робы вполне могли скрываться не исполинские, но вполне крепкие мускулы. Коротышки вообще нередко бывают сильнее, чем кажутся - а для метателя всего важнее быстрота движения, каковой обычно не обладают гиганты с огромными ручищами. Впрочем, как раз абордаж в грядущем бою был тем, чего айринтийской стороне следовало категорически избегать, да и лучники были эффективнее метателей ножей - а вот умение далеко и метко бросать бутылки с горючей смесью очень даже требовалось.

- Принесите кто-нибудь бутылку, - распорядился Кнаббе. - Наполните ее водой и заткните пробкой покрепче.

Через пару минут ему подали метательный снаряд, каковой капитан (или теперь уже адмирал?), в свою очередь, протянул Мунсу:

- Иди-ка сюда, к борту. Сможешь отсюда забросить эту бутылку на грот-марс? И так, чтобы никакая снасть не помешала.

- Да на этакий марс корову можно забросить, а не то что бутылку, - ответил Мунс пренебрежительно, имея в виду отменную ширину марсовых площадок "Морской девы". - Вам как, чтоб бутылка разбилась или целой осталась?

- И так, и так можешь? - восхитился Кнаббе.

- А то! Чтоб целая была, надо ровненько так кинуть, чтоб аккурат через край корзины кувырнулась, у нее там, в верхней точке, скорости-то не будет совсем. А чтоб разбилась, надо кидать круче и сильнее, чтоб, значит, сверху о доски грянулась.

- Надо, чтоб разбилась.

Мунс лизнул свой не слишком чистый палец и поднял его, определяя ветер, а затем, покачав бутылку в руке, внезапным и резким движением метнул ее. Та взвилась высоко в воздух и, благополучно пролетев мимо всех снастей такелажа, грохнулась на марсовую площадку грот-мачты. Сверху послышался звон, затем закапала вода.

- Хорош, - оценил Кнаббе. - А можешь кинуть, скажем, топор, чтобы перерубить, к примеру, брас[114]?

---

[114]Снасть бегучего такелажа, служащая для брасопления - поворота рея в горизонтальной плоскости (обычно для установки паруса под нужным углом к ветру).

- Да хоть брас, хоть галс[115], хоть шкот. Скажите только, какой именно. Эй, принесите топор кто-нибудь!

- Не-не-не! - поспешно перебил его Кнаббе. - Раскомандовался. На "Морской деве" мы ничего рубить не будем. Верю, что можешь... вот только на все снасти топоров не напасешься...

- Так веревку длинную ему в ручку продеть и после каждого броска обратно вытаскивать. Ежели быстро, то они там помешать не успеют.

- Соображаешь, - похвалил Кнаббе. - Только сейчас придумал, или делал уже такое?

- Ну... - вновь потупился Мунс, - всякое бывало...

Что может сделать один метатель топора, пусть даже умелый, против целого флота, на каждом из кораблей которого множество снастей? На самом деле - совсем не так уж мало, если понимает, для чего эти снасти служат и какие надо рубить в первую очередь, чтобы судно потеряло ход или не смогло выполнить маневр. А там, глядишь, с одним потерявшим управление кораблем в ночи столкнется следующий...

- Ладно, - решил Кнаббе, - ты в деле. Оправдаешь мое доверие - останешься служить на флагмане айринтийского военного флота, - он с особенным удовольствием произнес эти слова. - Ну а не оправдаешь - списанием на берег уже не отделаешься. Просто пойдешь на корм рыбам, только и всего.

Мунс не был уверен, что ему так уж нравится предложенный расклад, но предпочел в очередной раз положиться на судьбу.

Спустя три часа после этого разговора высланная Кнаббе дозорная фелука обнаружила идущий к Кромбургу флот.

Днем по небу бежали лишь отдельные облака, но к вечеру натянуло густую облачность, вскоре после заката полностью скрывшую Кольцо. Пасмурная ночь без дождя - лучшей погоды для своих планов Кнаббе и желать не мог (если, конечно, дождя и в самом деле не будет). Над открытым морем, за много миль от любых береговых огней, способных подсвечивать тучи снизу (впрочем, в эту эпоху весьма немногочисленных ночной порой), царила полная тьма, в которой вода и небо сливались в единую, не разделенную никакой границей черноту. Суда флота вторжения шли сквозь эту тьму с сигнальными огнями на концах реев, носу и корме, чтобы не столкнуться друг с другом. На дозорной фелуке, с борта которой разглядели это колеблющееся созвездие вблизи невидимого горизонта, естественно, никаких огней не зажигали, так что она оставалась совершенно неразличимой - даже при том, что на ней оставался не черный, а обычный парус. Но даже если бы каким-то чудом - скажем, если бы свет Кольца озарил ее сквозь разрыв в тучах - одинокую фелуку и заметили с кораблей, то приняли бы за обычных рыбаков, вышедших на ночной лов. Ну, может быть, забравшихся дальше от берега, чем обычно, но уж точно не способных представлять угрозу целому флоту. (Собственно, именно поэтому Кнаббе и не велел разведчикам менять парус на черный - в их облике не должно было быть ничего необычного и настораживающего.) Однако завеса туч оставалась плотной, как одеяло без единой прорехи - и все же разведчики не стали подходить к противнику вплотную, а, пересчитав издали хорошо видимые в темноте огни, вытянувшиеся колонной (или, скорее, двумя параллельными колоннами) друг за другом (выходило около четырех десятков кораблей - отрадно мало, они ожидали большего); переложили парус и повернули обратно. Фелука, так и оставшаяся никем не замеченной, помчались к Кромбургу, подгоняемая попутным ветром куда быстрее, чем тяжелые купеческие суда.

Выслушав их доклад, Кнаббе не удивился, что неприятельских судов явно недостаточно для перевозки предполагаемой огромной армии в сто или хотя бы восемьдесят тысяч человек. Дело было не в том, что у Тугенфорка, даже скупившего на имперские деньги бизнес конкурентов, не было столько кораблей - гроггендорцы, очевидно, могли использовать и

---

[115]В данном контексте снасть бегучего такелажа, удерживающая наветренный угол паруса в нужном положении.

собственные торговые суда. Но, по всей видимости - в точности как Кнаббе и говорил королеве - авангард под айринтийскими флагами, предназначенный для захвата Кромбурга (а возможно, в случае его разделения - и других плацдармов на берегу) пустили далеко впереди остального флота, который должен прибыть уже "на готовое", и такое разделение вражеских сил лишь облегчало задачу айринтийцев.

Только что миновала полночь, но никто из добровольцев Кнаббе, разумеется, не спал - уже которую ночь они (за исключением прибывших только накануне) проводили свои тренировки именно в темное время, а в последние несколько ночей еще и до самого утра ждали вестей от высылаемых далеко в море дозоров и лишь на заре со смешанным чувством разочарования и облегчения расходились отдыхать. Вообще-то дозорные, сменяя друг друга, несли свою вахту круглосуточно, причем днем уходили гораздо дальше от берега - чтобы иметь в запасе ночь до того, как неприятельский флот подойдет к городу. Никто не мог знать наверняка, в котором часу это должно произойти, но Кнаббе полагал, что это зависит не столько от погоды, сколько от воли вражеского командующего, который, в случае чего, придержит свои корабли, лишь бы провести операцию по высадке и захвату города на заре - утренней или вечерней, когда, с одной стороны, айринтийские суда под айринтийскими флагами будут уже или еще хорошо видны дозорным и не вызовут тревоги, а с другой - горожане (включая и большинство солдат кромбургского гарнизона) или еще не успеют толком проснуться, или, напротив, будут расслаблены и настроены на отдых после долгого дня. Как стало ясно теперь, ветер наиболее благоприятствовал первому варианту, и гроггендорский командующий планировал высадку утром 30 сентября.

К тому времени, как разведчики доставили свою весть, на "Морской деве" успели установить только по три камнемета на каждый борт (вместо расчетных еще в бытность "Морской девы" "Арчибальдом" десяти) плюс один поворотный носовой, но, конечно, медлить больше было нельзя - тем более что самым страшным оружием Айринтии в этом бою должен был стать огонь, а восемь огнеметов уже были смонтированы на каракке. Успели также и загрузить боезапас для всех этих орудий. Так что сразу же после того, как Кнаббе выслушал доклад о противнике, новорожденный айринтийский военный флот, состоявший из флагманской каракки, трех нефов (включая кое-как залатанную "Беатрису" под гроггендорским флагом), пяти шхун и неполных четырех дюжин фелук и лодок поменьше (некоторые из них приплыли и присоединились буквально в последний день) отправился наперехват.

Нефы отстали почти сразу. Они еще кое-как держали темп в самом начале, пока их подгонял бриз, в ночное время дующий с берега, но по мере того, как флотилия удалялась от побережья, бриз сменялся господствующим над морем северо-западным ветром, и нефы потеряли ход. Это, впрочем, было предсказуемо и ожидаемо. Кнаббе и не возлагал на них ключевой роли, понимая, что даже при благоприятном ветре они отстанут от легких и быстрых малых судов, а после сведений о погоде в открытом море, доставленных дозорными, стало ясно, что даже в лучшем случае нефы, петляя галсами, доползут до места сражения лишь спустя часы после "москитной" флотилии, а скорее просто станут последним заградительным барьером для тех неприятельских судов, которые прорвутся - если таковые все же попытаются высадить солдат в Айринтии, а не сочтут за благо повернуть назад к Гроггендору. Поскольку нефы Кнаббе не были загружены так тяжело, как те, что были набиты гроггендорскими солдатами, первые имели некоторое преимущество в скорости и маневренности над вторыми, ниже сидевшими в воде - и, стало быть, даже могли их преследовать, компенсируя их многократный численный перевес мощью своей артиллерии. На боевые возможности "Беатрисы", впрочем, Кнаббе никаких надежд не возлагал - ей таки была уготована роль брандера, благо нужное число добровольцев для ее последней команды набрать все же удалось. Много их, впрочем, не требовалось - команда была сокращена до минимума, чтобы успеть попрыгать в лодку перед самым столкновением с вражеским кораблем.

"Морская дева" шла круто к ветру гораздо лучше, но и она отстала от легких шхун, несущих одни лишь косые паруса, а те, в свою очередь - от самых быстроходных во всей флотилии фелук (еще более мелкие суденышки имели худшее соотношение площади парусов к гидродинамическому сопротивлению корпуса). Несколько таких суденышек, впрочем, отстали по причинам, никак не связанным с физикой. Просто их экипажи рассудили, что в темноте никто не заметит их отсутствия, и это не помешает им по окончании боя потребовать свою награду, как ни в чем не бывало - если, конечно, это окончание окажется удачным для айринтийской стороны. Ну а если бой кончится плохо, тогда растворившихся во тьме дезертиров тем более никто не заметит. Но это были лишь самые маленькие лодки - слишком маленькие, чтобы в придачу к их собственным командам, состоявшим из трех-четырех рыбаков или контрабандистов, посадить еще и солдат, и ключевой роли они опять-таки не играли. Кнаббе предвидел, что дезертиры будут - кто-то испугается в последний момент, кто-то с самого начала записался ради одной лишь награды, надеясь уклониться от реального участия в бою. Но даже и от этих мошенников была польза - пока они вынуждены были изображать патриотов (иногда даже активнее, чем прочие), они поднимали боевой дух остальных.

Передовые фелуки, заметив огни неприятельских кораблей, просигналили растянувшейся позади флотилии с помощью потайных фонарей - увеличенной версии тех, что применялись на суше, но использовавших тот же принцип: непрозрачный корпус с открывающимся окошком, позволяющим направлять луч только в одну сторону, так что эти сигналы не были видны со стороны противника. Зато их увидели даже на "Морской деве", отставшей более чем на три морские мили. Ответных сигналов Кнаббе передать не мог из опасения, что в царившей над морем кромешной темноте впередсмотрящие на мачтах вражеских нефов могут заметить их даже с такого расстояния. Но это и не требовалось - маневр, с которого должен был начаться бой, был обговорен и отрепетирован заранее: обойдя вражеский строй под прикрытием темноты справа (то есть с северо-востока), фелуки должны были дойти до его конца и развернуться под ветер там, в то время как следовавшим за ними менее быстроходным лодкам надлежало выполнить аналогичный разворот одновременно с ними, но ближе к началу неприятельского ордера - после чего все разом должны были атаковать колонну по всей длине, заходя сзади-слева каждый на свою выбранную цель...

Однако, когда айринтийская флотилия начала свой маневр обхода и сближения с неприятелем, выяснилось, что неопытные разведчики - которых подвел не столько даже страх подойти вплотную к противнику, сколько нетерпеливое желание скорее доложить о его приближении - неверно оценили и численность, и построение кораблей. Их оказалось вдвое больше - не четыре, а все восемь десятков! - и они шли не параллельными кильватерными колоннами, как доложили разведчики и как рассчитывал Кнаббе, а ромбовидным строем, где каждая из сторон ромба была перпендикулярна двум соседним, но при этом смещена относительно них по обеим горизонтальным осям. Таким образом, ни один корабль не шел ни в кильватер, ни борт о борт с другим. С точностью до нескольких градусов можно было сказать, что строй флота вторжения представлял собой квадрат, движущийся по ветру углом вперед на юго-восток, со сторонами, ориентированными по сторонам света, но слегка (на 1/40 своей длины) сдвинутыми относительно друг друга на манер свастики - в чем не было, разумеется, никакого символизма, а один лишь практический смысл: любой из кораблей, если бы он по какой-либо причине потерял ход, не оказался бы на пути у другого, а кроме того, имел достаточно пространства для маневра (внутрь ромба для судов, шедших в передней его половине, и наружу - в задней), чтобы не пересекать курс ближайших соседей. Это было грамотно, и это было плохо для айринтийцев - Кнаббе очень рассчитывал, что паника и хаос после первых удачных поджогов приведут к столкновениям между нефами. Хуже того, строй

был рассеянным - расстояние между ближайшими кораблями составляло полный кабельтов[116], и, таким образом, каждая из сторон ромба тянулась на две морских мили, а каждая его диагональ составляла с учетом ранее упомянутого сдвига, почти три морских мили. Разведчики же увидели весь этот строй - точнее, его далекие огни - в боковой проекции, то есть только ближайшую к ним восточную сторону ромба (он же квадрат) и западную в промежутках между ее огнями позади (или, если смотреть по курсу кораблей - левую переднюю и правую заднюю); две же другие стороны попросту слились для них в один-два корабля, разве что более ярко освещенные, и разведчики сочли, что таким образом просто обозначены ведущий и замыкающий корабли. В конце концов, им никогда в жизни не доводилось видеть столь огромный флот даже днем, а уж тем более в кромешной темноте.

Таким образом Кнаббе, полагаясь и на ошибочный доклад, и на собственные представления (почерпнутых из чужого опыта), ожидал, что неприятель вдвое меньшей численности будет идти в походном ордере, характерном для военных флотов - одной или двумя параллельными колоннами с большей плотностью, где суда прикрывают друг друга в расчете на то, что всякий, кто попытается вклиниться между ними, угодит под перекрестный обстрел. Но гроггендорский командующий не опасался нападения. Он опасался только столкновения в темноте кораблей, чьи экипажи не привычны к хождению в крупных и плотных формациях даже днем (купеческие корабли, даже если и ходили не поодиночке, то это обыкновенно была колонна из трех-пяти судов) - и принял меры именно против этого, однако, помимо его ведома, они фактически расстроили всю диспозицию Кнаббе. Вместо плотной колонны из сорока кораблей предстояло атаковать рассеянный ромб-квадрат из восьмидесяти.

По плану Кнаббе, первая, никак не ожидаемая врагом атака должна была стать самой эффективной - и потому он заранее приказал своей флотилии в первый раз не отворачивать обратно, обстреляв ближайшее судно, а продолжать идти вперед вдоль неприятельского ордера к его началу, забрасывая зажигательными снарядами все обгоняемые суда, пока противник не сумеет организовать своих лучников для плотной заградительной стрельбы. Таким образом, рассчитывал Кнаббе, чем ближе корабль к началу строя, тем больше настигающих сзади суденышек успеют проплыть мимо него в этот первый заход и тем большее поражение он получит. Голова колонны в результате превратится в пылающие костры уже в эту первую атаку и расстроит весь походный порядок, породив хаос и, возможно, столкновения судов, идущих следом.

Теперь выходило, что никакого прохода по прямой из конца в начало вражеского строя не получится. Нефы, даже подгоняемые попутным ветром, делали не более шести узлов; фелуки, идя бакштагом (еще более эффективным для них, чем фордевинд) сперва одного, потом другого галса вдоль двух сторон ромба, легко могли сделать девять - и это позволяло проплыть вдоль борта нефа (имевшего около ста футов в длину) за треть минуты (время, в течение которого неф оставался наиболее удобной целью - но и атакующая лодка была таковой для его лучников - можно было считать вдвое большим), но это лишь в том случае, если бы фелука легла на параллельный нефу курс. Что было возможно в случае с каждым конкретным кораблем, но для того, чтобы обстрелять их все - или хотя бы несколько подряд - айринтийским лодкам пришлось бы двигаться вдоль сторон ромба, то есть по катетам, в то время как нефы шли параллельно гипотенузе, и проекция скорости фелук на курс нефов, таким образом, лишь ненамного превышала все те же шесть узлов. Что, естественно, отменяло возможность поразить в одном заходе несколько судов (ну разве что два - одно из задней стороны ромба и одно из передней). Кроме того, все айринтийские кораблики заходили в атаку слева, если смотреть по курсу вражеского флота - а теперь оказалось, что у него есть и правая сторона, самые дальние суда которой отстают от примерно симметричных им левых почти на три морских мили. И добраться

[116]Здесь: 1/10 морской мили.

до них под прикрытием фактора внезапности не было уже никакой возможности.

Само собой, айринтийские рыбаки и контрабандисты едва ли проделывали в уме тригонометрические вычисления - но им вполне хватало и основанной на опыте интуиции, подсказывавшей, что весь объявленный им перед отплытием из Кромбурга план полетел к чертям. "Морская дева" оставалась далеко позади, невидимая во мраке и неспособная дать новые указания своей флотилии. Так что на каждом из суденышек самостоятельно решали, что делать дальше. Кое-кто предпочел отвернуть направо (а не налево, в сторону противника), дабы дождаться подхода флагмана и других крупных судов, кто-то, следуя все же первоначальному плану, поплыл в обход северо-восточного угла ромба, кто-то отчаянный, напротив, направил свою лодку на северо-запад между идущими в кабельтове друг от друга судами внутрь ромба, желая маневрировать не снаружи, а внутри него, а остальные просто устремились в атаку на ближайшие цели из левой передней стороны ромбовидного строя.

Несмотря на полную несогласованность всех этих действий и маневров (вместо красивого разворота "все вдруг", рисовавшегося воображению Кнаббе) - ночные тренировки в кромбургской гавани, при всей их поспешности, все-таки не прошли даром, и маленькие кораблики сумели не столкнуться друг с другом в темноте. Хотя порою они замечали друг друга с расстояния в считаные ярды - но, не обладая инерцией больших судов, успевали отвернуть и разойтись. Не обошлось, правда, без несдержанных восклицаний в такие моменты - но если кто-то на вражеских кораблях и расслышал над морем эти звуки, то, очевидно, принял их за болтовню матросов соседнего судна. Плеск рассекаемой корпусом волны или поскрипывание снастей также не могли привлечь ничьего внимания, ибо те же звуки - только громче - издавали и большие суда. Так что лодки под черными парусами, пусть и совсем не так четко и синхронно, как планировалось, сумели незамеченными подобраться к своим целям.

Никто на судах флота вторжения не то что не ждал атаки, но даже не мог догадываться о ее возможности. На палубах находились лишь вахтенные матросы, причем в минимальном количестве, ибо установившийся ровный попутный ветер не грозил никакими неожиданностями, которые потребовали бы усилий большой команды. Гроггендорские солдаты спали на нижних палубах и в трюмах - ни одного из них не было наверху. Их командиры не опасались не только нападения с моря, но и бунта на борту - несмотря на то, что экипажи зафрахтованных в Айринтии судов по-прежнему состояли преимущественно из айринтийцев. Матросы торгового флота - самый космополитичный народ на свете; в мирное время ни закон, ни обычай не запрещали подданным одной страны наниматься на корабль под флагом другой. Гроггендорские власти с их стремлением все регламентировать и загонять в рамки, правда, в свое время попытались ввести такой запрет для своих моряков, но он был быстро отменен, ибо даже до имперских чиновников дошло, что таким образом они только растеряют даже тех не очень многочисленных умелых матросов, которых имеют. Если они будут знать, что не могут наняться на чужой корабль, когда захотят, то сбегут в первом же иностранном порту (и кто их остановит, торговый корабль - это не плавучая тюрьма, не сажать же на каждое судно целый отряд стражников!) и уже никогда не вернутся, зная, что им грозит наказание. Пусть уж лучше ходят на иностранных судах, перенимают там опыт и возвращаются. И уж если смириться с таким положением дел вынужден был даже Гроггендор, то уж тем более оно всегда считалось естественным в Айринтии.

Сейчас, конечно, время уже не было мирным, и айринтийские матросы не могли не понимать, куда и зачем направляются заполнившие их суда солдаты. Но большинство из них легко смирилось с этим - "какая разница, ну будем теперь ходить под гроггендорским флагом, впервой, что ли?" - а меньшинство понимало, что пытаться геройствовать бессмысленно. Солдат было намного больше, они были куда лучше вооружены, и им на помощь всегда готовы были прийти их товарищи с соседних судов - в то время как потенциальные айринтийские бунтари на поддержку своих товарищей отнюдь не могли полагаться. Так что куда разумнее было получить

обещанную за этот рейс плату, чем меч или стрелу в живот. А деваться в открытом море некуда, так что у имперцев и в самом деле не было причин бояться саботажа со стороны тех, кто в буквальном смысле находился с ними в одной лодке.

И вот первые горящие стрелы, прилетавшие не сверху, как в обычном морском бою, где лучников стараются разместить как можно выше, дабы обеспечить им преимущество в дальности и хороший угол обстрела вражеской палубы, а снизу, практически с уровня воды, тупо застучали в крутые борта нефов. Изгиб этих бортов порою загораживал не успевшее еще разгореться пламя от матросов, удивленно выглядывающих за борт. Лодки под черными парусами уже не были столь невидимы, озаряемые отсветами огней, но атакованные по большей части все еще не замечали атакующих и не понимали, что вообще происходит, скользя взглядом слишком высоко. Первая бутылка, переброшенная через борт, не разбилась, а лишь с грохотом покатилась по палубе; один из матросов удивленно поднял ее - "Это что, бесплатная выпивка от морского царя?" - и в недоумении уставился на тлеющий фитиль. В тот же миг другая бутылка с горючей смесью разбилась о палубу шедшего в кабельтове к северу нефа, выплеснув пламя, сразу облизавшее снизу грот-мачту. Только тут поднялась тревога.

Впрочем, тут уже разреженность и растянутость ромбовидного строя сыграла против империи. Хотя взметнувшееся над палубой пламя было хорошо видно в темноте за многие мили, и частые тревожные удары рынды тоже далеко разносились над водой, на дальних нефах все еще не понимали, что происходит. Все, что там поняли - что на одном из судов возник пожар, но о нападении до сих пор не догадывались и продолжали спокойно идти прежним курсом. Оказать помощь терпящим бедствие, конечно, полагалось, но этим должны были заняться соседние, а не отдаленные корабли. И лишь когда пламя поднялось над бортами еще двух нефов (все три - с левой передней стороны ромба, ибо пока что атакующие лодки добрались только туда), тревога была поднята по всему флоту.

Однако отсутствие какой бы то ни было слаженности (и доверия!) между айринтийскими матросами и гроггендорскими солдатами все еще играло на руку атакующим. Солдаты, устремившиеся наверх, сталкивались с матросами на узких крутых лестницах и мешали им, а то и просто грубо сбрасывали их, заподозрив, что чертовы айринтийцы подняли-таки бунт. В особенности худо дело обстояло на уже подожженных судах - которые все еще можно было спасти, если действовать быстро и грамотно (влажная древесина разгоралась медленно, вонзившиеся в борта стрелы нередко гасли сами, оставляя за собой лишь длинные подпалины, и лишь костры от разбившихся бутылок и горшков представляли серьезную опасность) - но быстрее и губительней, чем огонь, эти корабли охватывала паника и хаос. Причем виновниками были не моряки торгового флота, не бывавшие прежде в бою, но знавшие, как действовать при пожаре, а именно гроггендорские солдаты, от чьей хваленой имперской дисциплины не осталось и следа. Они могли сражаться в горящей крепости на суше - но в море, загнанные толпой в тесные, темные, непривычные им трюмы, не понимающие, что происходит, и лишь чувствующие, как расползается по подпалубным помещениям едкий, дерущий горло запах гари (а кое-где уже и дым), они отчаянно рвались из этих плавучих гробов наверх, как гонимое инстинктом стадо, затаптывая не только матросов, именно сейчас необходимых для спасения корабля, но и собственных товарищей. Кое-где в этой панике и давке роняли и разбивали масляные фонари, порождая новые очаги огня уже внутри корпуса судна. Но, даже вырвавшись наверх, солдаты понимали, что по-прежнему остаются в смертельной ловушке, окруженные со всех сторон тьмой и холодом ночного моря. Никаких спасательных лодок на борту не было; обыкновенно нефы несли лишь один или два яла, которые использовались для высадки на берег там, где не было портов, и определенно не могли вместить всю команду судна, не говоря уже о тысяче солдат - но в этом рейсе даже и эти ялы были оставлены на берегу. Таково было требование гроггендорского командования, не доверявшего до конца айринтийским матросам - дабы те не попытались-таки однажды ночью тихо смыться, бросив своих пассажиров в

открытом море, или при приближении к айринтийскому берегу отправить туда гонца с предупреждением. Вода в конце сентября, при теперешнем климате, была уже слишком холодной, чтобы искать спасения вплавь - тем более что большинство солдат, следуя своему сухопутному уставу, по тревоге выскочили наружу в доспехах. Впрочем, даже сбросив доспехи, они не имели никаких шансов доплыть не только до остававшегося далеко за горизонтом враждебного берега, но и до, казалось бы, такого близкого (всего кабельтов по диагонали!) соседнего корабля: шесть узлов - это один кабельтов в минуту, что не оставляло даже самому хорошему пловцу никаких шансов[117]. Днем, в спокойной обстановке, еще была бы надежда, что человека в воде заметят (или хотя бы услышат) и повернут ему навстречу, но сейчас на это едва ли стоило рассчитывать. Да и захотят ли проклятые айринтийцы замечать даже тех, кого ясно подсвечивает пламя? При этом где-то там в темноте за бортом рыскали неведомые призраки, поджигавшие все новые суда... Но многие все же в отчаянии прыгали за борт, обрекая себя на верную смерть - причем в ситуации, когда пожар все еще вполне можно было потушить.

Но осознание гроггендорцами того факта, что деваться с горящих кораблей им некуда, повергнув в слепой ужас одних, других все же заставило прислушаться к крикам надрывавших глотки командиров. А где-то мечущаяся по палубе толпа попросту затоптала разгоравшийся на досках настила огонь, даже и не слушая ничьих приказаний. Но там, где пламя успело охватить просмоленные канаты снастей и добраться до парусов, справиться с ним было уже невозможно. А где-то залившие, затоптавшие, задушившие брезентом пламя на палубе люди едва успевали облегченно перевести дух, как языки огня от все-таки сделавших свое дело стрел вздымались теперь уже из-за бортов... Так или иначе, на подожженных судах (пока что все они были из левой передней части ромба - до остальных атакующие еще не добрались) было не до того, чтобы развернуть стрелков и организовать оборону, а на остальных нефах пока еще ясно не видели противника (но, правда, там лучники уже занимали позиции вдоль бортов и на носовой и кормовой надстройках).

Первые гроггендорские стрелы были выпущены лишь через двадцать две минуты после первых (горящих) айринтийских. Кнаббе рассчитывал на подобную задержку, но его план, рассчитанный на обгоняющую атаку кильватерной колонны, больше не годился. Однако кое-кто из его людей - в первую очередь отчаянная публика из "Оси миног" - сообразили, как наилучшим образом использовать это время в новых условиях. А именно - прямо противоположным начальному плану образом: вместо того, чтобы каждой лодке пытаться поразить как можно больше судов, сосредоточить все усилия на каком-нибудь одном, идя рядом с ним параллельным курсом почти вплотную. Это было как раз то, от чего Кнаббе всячески предостерегал своих подопечных (как и в свое время делали это инструкторы молодых пилотов истребителей, готовившихся атаковать формацию бомбардировщиков) - ни в коем случае в азарте боя не задерживаться вблизи какого-либо из вражеских кораблей, ибо в условиях плотной стрельбы оттуда (сотни стрел в минуту!) это было для команды маленького суденышка чистым самоубийством. Но, пока эта стрельба не началась, неф, неспособный даже уклониться от более быстрой и маневренной лодки (или, напротив, протаранить ее), оставался совершенно беспомощным. Проблема была в том, что в темноте, да еще и при взгляде снизу вверх, когда высокие борта нефа загораживают обзор, трудно было понять, в какой момент лучники займут позиции и бестолковая суета на палубе обернется смертельным залпом.

И все же, если не имевшие никакого боевого опыта рыбаки вняли наставлениям Кнаббе и старались сближаться с вражескими кораблями лишь на самое короткое время и на максимально возможной скорости, то парни из "Оси миног" не удержались от искушения расстреливать в

---

[117]Скорость пловца на дистанции порядка кабельтова - около 2-х, максимум 3-х узлов, в то время как для того, чтобы успеть в точку встречи при описанном построении, ему нужно иметь ту же скорость, что и корабль. Правда, для людей с кораблей передней половины ромба сохраняется шанс быть подобранными судами из задней - при условии, что их заметят и, главное, что задние продолжат движение в том же направлении, а не отвернут.

упор беззащитные цели - и эта тактика имела успех. Через двадцать минут шесть нефов, атакованные подобным образом, уже полыхали от носа до кормы без каких-либо шансов на спасение (еще на восьми, атакованных лишь по "тактике Кнаббе" - то есть быстро сближавшимися и уходившими назад или вбок лодками - к этому моменту шла борьба с огнем, и еще на пяти его уже удалось потушить, или он погас сам). Правда, увлекшись избиением (точнее, сжиганием) беззащитного противника, экипажи четырех лодок израсходовали весь свой боезапас, что делало их бесполезными в дальнейшем бою - хотя и то, что каждая из них, имевшая команду от шести до десяти человек, уничтожила по кораблю, несшему тысячу вражеских солдат, уже было немалым достижением (даже и с учетом, что всего таких кораблей у противника было 80). Впрочем, на самой маленькой из лодок, имевшей весла, решили продолжить свое участие в битве, добивая в воде солдат и матросов, попрыгавших с горящего нефа, веслами по головам. Объективно говоря, это следовало расценивать как акт милосердия, избавлявший обреченных от долгой агонии в холодной воде (хотя айринтийскими контрабандистами двигали вовсе не гуманные соображения, а пьянящий охотничий азарт) - но барахтавшиеся в воде люди этой милости не оценили и устремились со всех сторон к лодке вовсе не затем, чтобы смиренно получить свой coup de grace - а торжествующие победители, в свою очередь, слишком поздно сообразили, что такую численную диспропорцию не перевесит никакая самая ударная работа веслами. Как ни пытались они отбиться (уплыть было уже некуда - лодку окружили со всех сторон), их страшили в воду и утопили. Однако и свершившие эту месть, в свою очередь, пережили их ненадолго. Людей, искавших спасения, были сотни, а небольшая лодка, способная вместить максимум десяток человек - всего одна, так что неудивительно, что отчаянно лезшие на нее со всех сторон попросту потопили ее и вскоре утонули сами.

Еще одна айринтийская фелука была потеряна трагикомическим образом еще в начале атаки - матрос на борту нефа умудрился поймать в воздухе брошенную бутылку с зажигательной смесью и скорее даже рефлекторно, чем сознательно швырнул ее обратно. Бутылка разбилась о мачту фелуки, и пламя быстро охватило мачту и парус. Экипаж гибнувшего суденышка попытался по крайней мере поджечь неф, протаранив его и, но из этой затеи также ничего не вышло - тот просто отбросил своим крутым бортом теряющую ход фелуку, а пламя при этом так и не перекинулось.

Третья лодка была потеряна уже в результате ответного обстрела, когда гроггендорцы, наконец, поняли, кто их атакует и где надо высматривать опасность. Неф, к которому она приблизилась (это была ее первая цель в этом бою), осыпал ее стрелами, большинство из которых, однако, ушли в темноту, не причинив никому вреда (хотя и пронзив во многих местах черный парус), и лишь одна пробила горло рулевому на корме. Тот, падая, навалился на румпель, и прежде, чем его товарищи успели понять, что случилось, фелука вместо того, чтобы отойти от борта нефа, устремилась ему наперерез и была тут же раздавлена тяжелым форштевнем. Двое пращников успели метнуть зажигательные снаряды, но один из них перелетел через палубу нефа, не нанеся ущерба, а второй команде удалось потушить.

Почти сразу же вслед за этим, но в шести кабельтовых дальше к северу, произошел еще один неприятный для айринтийской стороны инцидент. Фелука, успешно забросившая на борт нефа два зажигательных сосуда, уже отворачивала от своей цели, как вдруг рыбак, бывший ее владельцем и фактическим капитаном (хотя формально это гордое слово, предполагающее капитанский патент, не применимо к рыбачьим лодкам), расслышал среди криков на борту нефа голос родного брата. "Дрю, ты?" - крикнул он. "Марк?!" - донеслось в ответ. "Это наши!!! - завопил Марк, обращаясь уже к своим товарищам на фелуке. - Не стреляйте! Никто не стреляйте! Нам все наврали! Нам сказали, что на кораблях гроггендорцы!" У Дрю хватило ума не крикнуть в ответ, что гроггендорцы в этот самый момент вокруг него, но до фелуки и без его усилий донеслись отрывистые выкрики на гроггендорском - с классическим резким акцентом

горных кланов, без всякой бугенхольмской мягкости. "Там и есть гроггендорцы! - крикнул растерявшейся команде фелуки один из двух посаженных на нее кромбургских солдат. - Эти корабли набиты гроггендорскими солдатами, плывущими захватить Айринтию, а кто их везет, не имеет значения!" "Тебе не имеет, а мне имеет! - крикнул в ответ Марк. - Там мой родной брат! Нельзя так! Э-эй, слушайте все! Прекратите атаку, там на-ши!" "Заткнись, идиот! Ты присягу королеве давал! И твой брат тоже, а если он ее нарушает..." "Да плевал я на твою королеву! Она мне не сестра и не жена, чего это мы ради нее должны братьев жечь и топить?! Э-эй слу-шай...!"

Короткий удар мечом в грудь оборвал его крик. Шестеро рыбаков вытаращились на двух солдат. "Так будет с каждым, кто не подчиняется приказу в бою! - рявкнул тот из них, что заколол Марка. - Теперь я ваш капитан! Отворачивай круто влево, а потом наперехват... - он быстро оглянулся через плечо, выбирая новую цель, - вон тому кораблю! И никаких разговоров про братьев! Вот что нам эти братья везут!" - он наклонился и выдернул торчавшую из борта стрелу.

К счастью для айринтийской стороны, крики Марка не были расслышаны на других лодках, находившихся слишком далеко. Вообще эта баталия не походила на сухопутные практически ни в одном своем аспекте, и одним из этих качественных отличий было то, что если на суше воины сражались в плотном строю и на глазах у своих командиров, то морская битва с, вопреки адмиральским мечтам Кнаббе, самого начала была, по сути, не сражением двух флотов, а совокупностью разрозненных изолированных стычек, где командующий каждым судном, большим или малым, вынужден был принимать решения исключительно сам за себя, импровизируя на ходу. Айринтийский предварительный план боя оказался непригоден, а гроггендорцы, уверенные, что не встретят никакого сопротивления на море, не имели такого плана вовсе. Тем не менее, поначалу все нефы держали свой ромбовидный строй, продолжая идти прежним курсом даже тогда, когда запылали первые из них. Затем левая передняя сторона ромба, подвергнутая атаке, стала распадаться; подожженные суда бессильно дрейфовали гигантскими кострами, а те, что пока избегли этой участи, начали сворачивать направо, внутрь ромба - не только потому, что так им было предписано на случай каких-либо чрезвычайных ситуаций, но и, едва ли не в первую очередь, просто желая оказаться подальше от нападающих, атаковавших слева и слева-сзади. Впрочем, отворачивали они отнюдь не синхронно и не слажено, а так же по принципу "кто во что горазд", как и атакующие. Значительные расстояния между кораблями позволили им избежать столкновений, но там, где они искали безопасности, их поджидал новый сюрприз в виде айринтийских лодок, ранее проскочивших незамеченными внутрь ромба. Именно эти суденышки оказались в наилучшем положении для атаки - описывая внутри движущегося ромба круги (точнее, неправильные овалы, сплющивавшиеся при разворотах против ветра), они могли по очереди атаковать все четыре его стороны. Обстреляв (с переменным успехом) отворачивающие вправо и назад суда из левой передней линии (более не существовавшей как линия), они направились навстречу правой задней, ибо правая передняя к этому времени уже успела уйти вперед.

Тем временем большая фелука и две лодки поменьше, следовавшие первоначальному плану догоняющей атаки с хвоста, наконец завершили свой маневр обхода вражеского строя и настигли с кормы последний из кораблей левой задней линии. Фелука, вооруженная двухплечевым тенсионным камнеметом (похожим на гигантский арбалет с двумя симметрично отгибающимися назад рычагами вместо лука и тетивы), за время прохода вдоль левого борта нефа успела сделать два выстрела. От первого доски затрещали, брызнув щепками в разные стороны, но серьезного пролома не получилось - однако второй, пришедшийся в область якорного клюза, пробил дыру в носу, куда гарпунер с идущей следом лодки с отменной точностью забросил зажигательный снаряд. Третья лодка прошла вдоль правого борта, всадив в него дюжину горящих стрел, но и потеряв двоих убитыми от ответной стрельбы; эти жертвы, впрочем, оказались по сути напрасными, ибо именно сосуд, разбившийся внутри корпуса, стал

для нефа роковым. Теперь, однако, трем суденышкам надо было догонять следующий (или предыдущий, считая от начала строя) неф, что при сохраняемом противником диагональном построении требовало слишком много времени.

Пока что никак не затронутой боем оставалась правая передняя линия, но это обстоятельство исправили наконец добравшиеся до района баталии айринтийские шхуны. Они вышли галфвиндом правого галса (с северо-востока на юго-запад) наперерез этой линии, протянувшейся с востока на запад, заранее нацелившись каждая на свой корабль (бой уже шел, необходимости в полной светомаскировке больше не было, и экипажи шхун применили преподанный Кнаббе навык - обменявшись световыми сигналами, разобрали цели между собой самым простым и естественным образом: первая взяла ближайший корабль, вторая следующий и так далее). Хотя шхуны даже и в темноте - и даже без этого быстрого обмена сигналами - были заметнее небольших лодок, ни один из нефов не попытался маневрировать, чтобы избежать встречи с ними - да и все равно, пусть и идя по ветру, не смог бы уклониться от более маневренной шхуны. Напротив, многие гроггендорские солдаты только жаждали (и требовали от айринтийских матросов) максимального сближения с противником в надежде протаранить его или взять на абордаж (оба варианта, понятно, не оставляли шхунам ни малейших шансов). Гоняться на тяжелом нефе за мелкими рыбачьими лодками было совершенно нереально, а вот со шхуной, прояви ее экипаж недостаточно умения и расторопности, подобное проделать было уже можно. Шхунам, в свою очередь, тоже требовалось пройти как можно ближе к цели - ибо они были оснащены огнеметными насосами - куда более эффективными, чем все прочие орудия, мечущие стрелы, бутылки и горшки, но и имевшими по сравнению с ними меньшую дальность (около 20 ярдов - дальше, даже при увеличении напора, струя распадалась на слишком мелкие капли, сгоравшие быстрее, чем достигали цели). Маневр был рискованным еще и потому, что при слишком близком прохождении огонь мог перекинуться с подожженного нефа на саму шхуну; чтобы предотвратить это, поливать противника огнем следовало с наветренной стороны, то есть в данном случае с кормы, но, во-первых, для нанесения максимального поражения нужно было пройти вдоль борта, а во-вторых, этому могли помешать маневры жаждущего столкновения нефа, который ускориться сверх своих шести узлов не мог, а вот сбросить ход быстрее, чем это сделала бы скоростная шхуна, встав при этом у нее на пути - мог. К тому же ради безопасности и экономии все тренировки в кромбургской гавани проводили с простой водой вместо горючей жидкости, так что огнеметным расчетам впервые предстояло испытать свои орудия в деле. До этого огневые испытания прошел лишь один огнемет, сконструированный Кнаббе - и поскольку они, после пары доработок, оказались успешными, остальные просто собрали по тому же чертежу.

Но, если на шхунах примерно представляли себе, чего можно ожидать от нефов и находившихся на них солдат, то на нефах ничего не знали об огнеметах. Там ожидали лишь обычных зажигательных снарядов. Поэтому, когда первая из пяти шхун прошла перед носом у первого из нефов правой передней линии и так резко, как могла, повернула вправо, ложась на крутой бейдевинд, чтобы пройти вдоль борта нефа практически встречным курсом - там тоже рулевой со всей силы навалился на колдершто́к[118], беря право руля по приказу гроггендорского командира, который надеялся либо протаранить теряющую ход шхуну, либо захватить ее (не будучи моряком, он не мог сказать заранее, что именно получится - сильный удар или всего лишь легкое касание бортами, которое, однако, позволило бы его солдатам, даже не имевшим никаких абордажных приспособлений - как и соответствующего опыта - все же попрыгать на вражескую палубу). При этом, пока мечники толпились на палубе между баком и ютом, лучники

[118]Длинный вертикальный рычаг, использовавшийся для управления средневековыми кораблями до изобретения штурвала (появившегося лишь на рубеже XVI-XVII вв.) Интересно, что позже авиация унаследовала сразу оба варианта управления (добавив вертикальную составляющую) - на одних самолетах установлен штурвал, на других - ручка управления.

осыпали шхуну стрелами с высоких носовой и кормовой надстроек, от чего установленные вдоль борта шхуны щиты практически не спасали. В считаные секунды трое моряков шхуны были ранены и один убит, но уже в следующий миг две тугие струи ревущего пламени ударили сперва в борт нефа, а потом, словно коса самой смерти, прошлись от носа к корме по всей его палубе, заполненной изготовившимся к штурму солдатами. Вопли боли и ужаса, вырвавшиеся из сотен глоток, далеко разнеслись над морем, а шхуна, тормозя всем корпусом, развернутым под углом к вектору скорости выполнила поворот оверштаг, вокруг кормы нефа и вновь увалилась под ветер на догоняющий курс, чтобы пропахать врага огнем уже с левого борта.

Больше ни одной из айринтийских шхун не удался столь ловкий и рискованный маневр - обойти врага вокруг практически вплотную к нему, почти непрерывно поливая его огнем. Три другие прошли мимо своей цели лишь по одному разу - встречным, догоняющим или почти перпендикулярным (со стороны кормы) курсом, соответственно - но и они превратили атакованные нефы в пылающие костры, где жарилась человеческая плоть, гроггендорских солдат и айринтийских матросов без разбора. (Некоторые матросы в отчаянии взбирались на мачты, спасаясь от огня, но деваться оттуда было, понятно, некуда - только прыгать в холодную воду, сулившую не столь мучительную и не столь быструю, но столь же верную смерть.) Потери, понесенные при этом от стрел, оказались не столь велики, как можно было ожидать (сказывались и темнота, и неприученность сухопутных лучников к морской качке), но на одной шхуне случилась беда серьезнее - не испытанная должным образом муфта, соединявшая медный раструб огнемета с подающим топливо шлангом, ослабла от жара, и горючая смесь стала разбрызгиваться под давлением во все стороны - причем солдат в толстых кожаных перчатках, направлявший раструб на врага, в горячке боя даже не заметив растекавшейся под его ногами лужи. Всего через несколько мгновений донесенная ветром с подожженного нефа искра воспламенила растекшуюся смесь, и огонь вспыхнул уже на палубе шхуны. Потушить его уже не удалось; команда в отчаянии попыталась направить горящую шхуну к следующему нефу, надеясь использовать ее хотя бы как брандер, но пламя, весело взбежав по снастям, охватило паруса, и обреченная шхуна потеряла ход. Все же ее гибель не стала совсем напрасной - издали в темноте еще один костер на море воспринимался, как очередной горящий неф, еще более подрывая дух врага.

А дух этот и так был уже отнюдь не высок, и свидетельством этому стал сюрприз, преподнесенный неприятелем команде "Махи-махи", которая шла самой последней, но ее задача была самой трудной - атаковать противника, уже хорошо представляющего, чего он может ожидать. Однако при приближении шхуны на выбранном ее нефе попросту выкинули белый флаг и закричали по-гроггендорски и по-айринтийски: "Сдаемся, сдаемся!" Шхуна, гася ход, подошла к борту возвышавшегося над ней корабля. "Кидайте оружие в воду!" - заорали с нее. За бортом послушно захлюпало. Но капитан "Махи-махи" пребывал в мучительных раздумьях. С одной стороны, ему, вчерашнему рыбаку, стать владельцем большого купеческого корабля - а по морскому обычаю главный трофей должен был достаться ему, хотя частью добычи следовало поделиться и с командой - было чертовски соблазнительно. С другой стороны, Кнаббе ничего не говорил о пленных, ему просто не приходило в голову, что тысяча вооруженных до зубов солдат может сдаться команде рыбачьей лодки или даже шхуны. Что делать с этой толпой, в полсотни раз превосходящий численностью своих победителей? Велеть им идти в Кромбург следом за "Махи-махи"? А если это ловушка, и, оказавшись в кромбургской гавани, они раздумают сдаваться? Поди проверь в этой темноте, все ли они выбросили оружие, и что там еще может быть спрятано внутри... Подняться на борт и принять командование? А если они, опять-таки, только этого и ждут, чтобы напасть? К тому же вокруг все еще полно кораблей с их товарищами, и кто сказал, что те не попытаются прийти на помощь? Да и будет ли в восторге сам Кнаббе, если огнеметная шхуна - один из главных его кораблей, который он даже собирался сделать своим флагманом - выйдет из боя задолго до его окончания, хотя бы даже и для того, чтобы

отконвоировать пленных? Времена нынче крутые, к шуткам не склонен никто - не пришлось бы потом расплачиваться за свою жадность в подвалах Тайной Стражи...

- Жги их на хрен, ребята! - принял решение капитан.

Видя разгорающиеся слева-впереди гигантские костры, другие суда правой передней линии начали отворачивать направо и назад, подальше от опасности, как и их товарищи из левой передней линии - но если тех это вело внутри ромба, как им и было предписано на случай нештатных ситуаций, то этих - наружу, на пересечение с курсами идущих сзади-справа. Учитывая, что некоторые из них предпочли еще и погасить все огни, дабы не привлекать внимания атаковавшего из темноты противника, неудивительно, что надежды Кнаббе на хаос и столкновения все-таки сбылась - два нефа столкнулись, в результате чего один из них, получивший пробоину в борту, опрокинулся почти сразу, а второй, повредивший нос, затонул три часа спустя, несмотря на отчаянные усилия айринтийской команды и пытавшихся помочь ей гроггендорцев. Еще два нефа разошлись только чудом, но при этом стрелки того из них, что шел сзади, обстреляли вынырнувший из тьмы им наперерез корабль с погашенными огнями, приняв его за противника. Было убито и серьезно ранено около шести десятков человек, столпившихся на палубе - в основном солдаты, но также и некоторые члены экипажа.

К тому времени, как до района сражения добралась, наконец, "Морская дева" (айринтийские нефы все еще плелись позади), ромбовидный строй полностью распался. Горели 25 нефов (14 из бывшей левой передней линии, 5 из правой передней, 4 из правой задней и 2 из левой задней), не считая двух, получивших фатальные повреждения при столкновении, остальные уже без всякого порядка, где опасно сближаясь, где рассеиваясь еще шире, чем в первоначальном строю, пытались, лавируя против ветра, отойти назад. Даже те из них, что сперва ушли вправо, то есть к юго-западу, теперь по дугам большего или меньшего радиуса поворачивали дальше в северо-западном направлении. (Многие из них поначалу погасили огни и не были видны ни "Морской деве", ни более близким врагам; впрочем, некоторые, едва избежав столкновения, зажигали их снова.)

Айринтийская флотилия, в свою очередь, помимо уже упомянутых шхуны и трех суденышек поменьше, потеряла лишь еще одну лодку, бороздившую теперь тьму ночного моря подобно кораблю-призраку - под неубранным черным парусом, но с мертвым экипажем, перебитым стрелами до последнего человека (причем их смерть оказалась напрасной - неф, который они пытались поджечь, сумел потушить огонь). Но если считать не в кораблях, а в людях, то потери айринтийцев были куда существенней. Многие лодки вышли из боя потеряв от вражеских стрел более половины своей маленькой команды; на некоторых осталось лишь по одному или по два человека, едва управлявшихся теперь с парусами и рулем на пути обратно в Кромбург. Всего ко времени прибытия каракки айринтийцы потеряли убитыми и ранеными более трети от всех, кто участвовал в бою с их стороны - то есть не считая тех, кто дезертировал в самом начале, и экипажей больших кораблей, пока еще в бой не вступавших. Кроме того, еще восемь лодок вышли из боя, израсходовав боеприпасы.

Кнаббе, разумеется, не мог знать всех этих подробностей. Он мог лишь пересчитать горящие корабли противника (также ошибочно причислив к ним и горевшую вдали шхуну - но зато он не знал о двух столкнувшихся), а также оценить курс тех, что шли с непогашенными огнями, опасаясь столкновения больше, чем атаки (а возможно, желая хоть как-то осветить море вокруг себя). Уничтожение по меньшей мере третьей части кораблей флота вторжения и бегство остальных выглядело превосходным результатом, независимо от собственных потерь (особенно учитывая, сколь ничтожны были айринтийские силы) - но Кнаббе понимал, что это еще отнюдь не конец и не победа. Отошедшие назад и даже рассеявшиеся по морю (как полагал Кнаббе, не видя их огней) с рассветом вновь могли собраться вместе и вместо того, чтобы возвращаться ни с чем в Гроггендор, предпринять попытку высадки в другом месте. Даже если у них осталось "всего" около пятидесяти тысяч солдат, это все еще более чем вдвое превосходило численность

всей королевской армии Айринтии - и это еще не считая гроггендорских частей на севере. И в том, что империя не захочет отступить так просто, Кнаббе не сомневался. Очень многое, конечно, зависело от того, где находился гроггендорский командующий. Кнаббе с самого начала, как только узнал про флот вторжения, был уверен, что тот будет на одном из кораблей, а не на севере. Но когда ему доложили, что кораблей всего сорок, он было усомнился в этом - однако узнав их истинное число, утвердился в прежнем мнении. Но на каком именно из кораблей? Наверняка на одном из шедших в арьергарде - так безопаснее. Но атакованы были и некоторые арьергардные суда. Если командующий погиб, флот вторжения наверняка предпочтет вернуться в империю. Даже если жив его заместитель (находившийся, разумеется, на другом корабле) - он не возьмет на себя всю ответственность за продолжение так неудачно начавшейся операции. Такова имперская психология и имперская манера делать дела - он предпочтет вернуться в Гроггендор и ждать новых указаний от императора. Но Кнаббе понимал, что не стоит основывать расчет на самом оптимистическом варианте. Скорее всего, командующий жив. Да и, в любом случае, даже если нефы уходили обратно в Гроггендор, не стоило просто так отпускать их. Лучшей возможности уничтожить столь малыми силами такое количество вражеских солдат, чем атакуя их в море, где они практически беспомощны, могло уже никогда не представиться.

Ну и, конечно же, Кнаббе хотелось поучаствовать в сражении самому, а не отдавать все лавры простым рыбакам.

Так что с "Морской девы" просигналили всем, кто увидел этот мигающий в ночи свет - "Продолжать преследование!" Увидели, на самом деле, далеко не все, кому адресовался этот приказ - многие из них попросту не смотрели в сторону каракки и даже не знали о ее приближении. Зато словно в ответ на сигнал Кнаббе вдали, впереди-слева (теперь уже по курсу на северо-запад) вспыхнул и начал разгораться еще один плавучий костер - это "Махи-махи" настигла свою вторую жертву, не столь покорную, как первая, но все же не сумевшую уйти от быстроходной шхуны. Кнаббе счел это предзнаменованием дальнейшего успеха.

Пока "Морская дева" пересекала район недавнего боя, из темноты за бортом время от времени доносились умоляющие крики (некоторые из них - на айринтийском, то есть на английском) все еще барахтавшихся в холодной воде людей, должно быть, заметивших во тьме силуэт каракки. Кнаббе велел не сбавлять ход. Ему некогда было возиться с пленными - включая даже и айринтийских матросов, служивших врагу. (Почти все эти люди утонули или погибли от переохлаждения в течение следующей пары часов. Лишь шестерым гроггендорским солдатам удалось спастись, взобравшись на плававшую в воде обгорелую мачту. От берега их отделяло всего несколько часов хода под парусом или хотя бы на веслах - но, поскольку у них не было ни того, ни другого, их носило по волнам три дня, прежде чем прибило к айринтийскому побережью возле рыбачьей деревни под Кромбургом. Полумертвые от холода, жажды и усталости, они выбрались на сушу, где и были забиты до смерти местными жителями. В этой деревне из четырнадцати человек, ушедших с Кнаббе, девять не вернулись назад.)

Корабли флота вторжения, в начале своего отступления беспорядочно рассеявшиеся по большой площади, постепенно снова собирались вместе - причем теперь уже плотнее, чем в первоначальном строю. Их экипажи - и отдававшие им приказания гроггендорские офицеры - поняли, что разбегаться в стороны, спасаясь от более быстроходного противника - это плохая идея (многие из них до сих пор еще ни разу не видели этого противника и не понимали, что их атакуют всего лишь рыбачьи лодки, но насчет быстроходности уже все осознали), и необходимо собраться так, чтобы лучники соседних кораблей прикрывали друг друга. Никакого правильного строя, впрочем, они при этом не образовали - за полным отсутствием опыта не только масштабных морских баталий, но и передвижения в крупных формациях - сбиваясь скорее в бесформенную кучу, что поначалу привело еще к двум столкновением (в результате которых затонули еще два корабля, но два других, получивших меньшие повреждения, остались на плаву), но затем нефам все же удалось выработать более-менее единый ритм лавирования,

позволявший идти галсами, не пересекая курс друг друга. Прежде, чем этот новый условный строй сформировался, шхунам и фелукам удалось настигнуть и поджечь еще три нефа, пытавшихся спастись поодиночке вместо того, чтобы идти на соединение с остальными. (Команде одного из них, впрочем, удалось спасти судно, срубив охваченную огнем грот-мачту, а за нею завалилась и бизань - в результате неф потерял ход, но, отнесенный уже слишком далеко от остальных кораблей, сумел затеряться в темноте и больше не был атакован. Более трех недель корабль, не имевший припасов для столь длительного путешествия такого количества людей, добирался под единственным парусом фок-мачты обратно в Гроггендор, так и не встретив более никого по пути - хотя остро страдавшие от дефицита пищи и, главное, пресной воды люди были бы рады кому угодно, хоть ибикейским пиратам (если бы те позарились на одинокое, искалеченное и еле плетущееся купеческое судно, их, несомненно, ожидал бы большой сюрприз в виде почти тысячи солдат на его борту). Но пираты им так и не попались, и в итоге на нефе началась резня за последние глотки воды. Тем не менее, даже у обезумевших от жажды солдат, в буквальном смысле пивших кровь своих убитых товарищей, хватило ума не трогать айринтийских матросов, остававшихся их последней надеждой добраться до суши. И это им почти удалось - но, когда цель была уже близка, разразился очередной осенний шторм, и неф был разбит о тот самый берег, к которому так стремился. Из тысячи ста человек, бывших на борту в момент отплытия, выжить удалось троим айринтийцам и девяти гроггендорцам.)

Однако на этом успехи москитной флотилии закончились. Когда несколько лодок (также собравшиеся вместе, ибо атаковать поодиночке сблизившиеся нефы было уже слишком страшно) нагнали арьергард отступающего флота, то угодили под плотный обстрел, вынудивший их поспешно отвернуть в разные стороны, потеряв нескольких человек и даже не сделав ни единого выстрела или броска по врагу. Теперь, когда курс поменялся на почти противоположный изначальному, ветер хотя и заставлял нефы лавировать с левого бейдевинда на правый, но давал стрелкам на полуютах (и без того имевшим выигрыш за счет высоты) дополнительное преимущество над преследователями. На нефах к тому же перенесли побольше фонарей на корму, что, вкупе с тем обстоятельством, что и сами суда теперь шли намного ближе друг к другу, позволяло осветить море позади достаточно хорошо, чтобы никакой черный парус не позволял врагу подобраться вплотную незамеченным.

Это понял и Кнаббе, сигналивший со своего флагмана "Стройся за мной!!" Маленькие суденышки свое дело сделали - как могли, но в целом очень неплохо. Настало время больших кораблей - довершить разгром неприятеля.

Точнее, конечно, одного большого корабля - "Морской девы". Айринтийские нефы, хотя и вооруженные несравнимо лучше своих "собратьев" из флота вторжения, годились лишь для добивания оторвавшихся от своих - лезть в гущу боя для них было слишком опасно из-за угрозы абордажа (а безоружной "Беатрисе", которая плелась позади всех, и вовсе была уготована одноразовая роль брандера - которая, конечно, могла бы стать ключевой, если бы ей удалось потопить флагман с командующим на борту, но на такое маловероятное везение Кнаббе не рассчитывал). Так что ключевая роль, безусловно, должна была принадлежать каракке. Одной - против полусотни вражеских кораблей. Но все это были торговые суда, а она - военный корабль. Не наскоро вооруженный неф, а настоящее боевое судно, строившееся именно в этом качестве. Превосходившее своих противников не только в вооружении (и защите), но и в скорости, и в маневренности - во всем, кроме числа солдат на борту.

Последнее обстоятельство, конечно, не следовало сбрасывать со счетов. Опасность быть взятой на абордаж существовала и для "Морской девы" - особенно если бы вражеским кораблям удалось ее окружить. Но - ни моряки торгового флота, ни сухопутные солдаты не имели опыта подобных маневров. Да и вообще - разве овцы, или даже олени, пытаются окружить и атаковать волка, ворвавшегося в стадо? Даже имея рога, в принципе позволяющие отбиваться, они предпочтут разбегаться, а не нападать...

Несмотря на то, что у Кнаббе было очень мало времени на переоборудование "Морской девы" из торгового в военное судно, он - а точнее, рабочие под его командованием - успели не только смонтировать метательные орудия (пусть и меньшую часть от возможного), но и позаботиться о защите от стрел. Помимо железных щитов вдоль бортов, на падубе оборудовали коридоры из досок, со стенами и потолком, позволяющие безопасно дойти от люков, ведущих в трюм с боеприпасами, до метательных орудий (стрела с близкого расстояния, в принципе, пробивала доску насквозь - но дальше уже не летела, а застревала в ней).Правда, таким образом можно было защитить лишь орудийные расчеты, но не матросов, управляющихся с парусами. На палубе также были размещены ящики с песком, а на высоких полубаке и полуюте, откуда удобно было поливать весь корабль - еще и бочки с водой для тушения огня на случай, если он перекинется с вражеского судна. Так что Кнаббе чувствовал себя (и свой корабль) готовым к битве с целым флотом. Но, конечно, камнеметное вооружение оставалось явно недостаточным, да и боеприпасов (включая горючую смесь), конечно, не хватило бы на полсотни вражеских кораблей. Поэтому Кнаббе планировал стремиться не к максимуму повреждений, а к повреждению максимального числа судов, пусть даже и не фатальному - в расчете на то, что они, потерявшие ход и часть команды, будут добиты айринтийскими нефами (и все еще сохранившими боеспособность шхунами и лодками), а то и вовсе посталкиваются друг с другом.

Кнаббе, взяв рифы на гроте, выжидал некоторое время, держась в паре кабельтовых позади арьергарда вражеского флота, дабы его подчиненные на малых судах могли оттянуться назад и собраться позади каракки, избегая опасности быть случайно раздавленными во время ее маневров. Не все из них, однако, сохранили достаточно дисциплины и здравомыслия, чтобы обращать внимание на его сигналы; некоторые продолжали следовать за вражескими кораблями, не решаясь, однако, снова атаковать, но и не отворачивая, а выжидая, что будет дальше, а некоторые, напротив, разворачивались обратно к Кромбургу, сочтя свой долг выполненным. В то же время слева, с запада, начали подходить оставшиеся четыре шхуны, которых Кнаббе как раз не имел в виду, подавая свои сигналы - он предпочел бы, чтобы они остались на левом фланге если не в качестве активно атакующих (что против изрядно уплотнившегося неприятельского строя было теперь опасно даже для них, особенно учитывая, что эффективная дальность вражеских стрел была вчетверо выше, чем у их огнеметов), то хотя бы в роли "загонщиков", не позволяющих преследуемым нефам вновь рассеяться в стороны. Но, убедившись, что на шхунах не понимают и не следуют этой идее, Кнаббе снова велел своим матросам поставить полный парус, набирая максимальную скорость. Волк устремился на спасающееся бегством стадо.

Впрочем, эта погоня развивалась не столь стремительно, как в случае с волком - или как во время атак фелук на предыдущей стадии боя. Если по ветру каракка делала до восьми узлов, то бейдевиндом, даже с учетом лавировки - в лучшем случае четыре, а нефы и вовсе три. Сближение с противником, таким образом, происходило со средней скоростью всего в узел, а прохождение на догоняюще-обгоняющем курсе полукабельтова - интервала, на котором стрельба по противнику была наиболее эффективной - занимало три минуты (в том числе минуту движения борт о борт, когда неприятеля можно было расстреливать в упор, в том числе из тяжелых стационарных камнеметов, жестко зафиксированных на палубе, а не поставленных на поворотные круги - но и, разумеется, подвергаясь в это время ответному обстрелу). Минута может показаться ничтожным временем человеку, в покое и комфорте читающему описание боя, но минута расстрела из всех корабельных орудий, или из сотен луков, с расстояния в считаные ярды - это очень долго для тех, по кому стреляют. Впрочем, скорость сближения в один узел была лишь средней - в отдельные моменты ее можно было увеличить, "подрезая" лавирующее судно, ценой потери темпа потом. При грамотном использовании этого маневра выгоду можно было извлечь из обеих его стадий - быстрее выйти на самую удобную для стрельбы позицию и дольше в ней задержаться - причем, что самое ценное, кое-кому в экипаже "Морской девы", положительно ответившим на вопрос Кнаббе "приходилось ли вам иметь дело с пиратами?", уже

доводилось проделывать такое на практике.

Матросы первого нефа, который догнала каракка, очевидно, такого опыта не имели. Они не пытались спастись хитрым маневрированием, а просто уходили на всех парусах - что было, очевидно, заранее обреченной стратегией. Вдобавок на борту их судна оказалось совсем мало лучников, ибо этот неф перевозил в основном не солдат, а лошадей. Так что, поравнявшись с беспомощным противником, "Морская дева" спокойно, как на учениях, жахнула ему в борт из трех камнеметов, наведенных под углом вниз (снарядами служили, на самом деле, не камни, а конические чугунные чушки). Все три выстрела пробили борт чуть выше ватерлинии (расчеты орудий и не пытались попасть ниже нее из опасения, что вода ослабит удар), но это "чуть" не было спасительным для нефа, ибо дело происходило на море, а не на озерной глади, и волны, хотя и невысокие, сразу же начали захлестывать в пробоины. Изнутри донеслось отчаянное ржание раненых и испуганных животных. Не тратя более боеприпасы, каракка ушла вперед, нагоняя следующую намеченную жертву.

Или скорее даже две жертвы. Вместо того, чтобы повиноваться "овечьему" инстинкту, заставляющему разбегаться в стороны от опасности, экипажи двух нефов (вероятно, понукаемые гроггендорскими офицерами), напротив, направили свои корабли на сближение, не только прикрывая друг друга, но и зажимая каракку с двух сторон, с вполне вероятной перспективой абордажа. Однако Кнаббе, прикинув скорости, крикнул своему рулевому "так держать!", уверенный, что проскочит.

Град стрел обрушился на каракку с двух сторон; стальные наконечники звонко отскакивали от железных щитов и с тупым стуком вонзались в доски, но пока что не могли достать прятавшихся за этими укрытиями людей. Лучники, однако, стреляли не только по палубе, но и по мачтам - точнее говоря, по смутно различимым в темноте силуэтам на реях и марсовых площадках. Их не защищали никакие щиты - ни железные, ни деревянные - и стрелы находили свои цели, но не было слышно ни криков, ни глухого падения тел на палубу. Фигуры лишь вздрагивали от ударов, но оставались на месте, словно в легендах о кораблях-призраках. На самом деле это были не люди, а привязанные тряпичные куклы - еще одна хитрость Кнаббе, решившего отвлечь вражеских стрелков ложными целями (а то и напугать их неуязвимостью). Это была разумная идея - настоящие матросы на мачтах в любом случае были бы слишком уязвимы для многочисленных лучников противника - но тем самым, с того момента, как матросы, поставившие полный грот, спустились на палубу, Кнаббе отказался от возможности убирать и ставить паруса во время боя, ограничиваясь лишь тем управлением парусами, которое возможно с палубы. Это несколько сокращало его маневренные возможности, вынуждая идти под всеми парусами при любом положении судна относительно ветра.

Осыпаемая стрелами с двух сторон, каракка не отвечала, хотя оба нефа уже находились в пределах досягаемости ее носового орудия, установленного на поворотном круге на полубаке - конструктивно это был такой же камнемет, что и стационарные вдоль бортов, но меньшей массы и размера (и соответственно мощности), и заряжен он был не тяжелыми болванками, а острыми и длинными обрезками железа, рвущими паруса и снасти (и человеческую плоть, разумеется, тоже, если таковая попадется им на пути). Стремясь использовать боезапас максимально эффективно, Кнаббе распорядился стрелять только в упор и наверняка, а кроме того, он рассчитывал сначала, атакуя задние корабли, израсходовать тяжелые болванки, дабы уменьшить массу и соответственно осадку каракки и быстрее добраться до авангарда вражеского флота (того, что стало авангардом теперь, после разворота), а уж там пустить в ход огнеметы и средства разрушения парусов и такелажа, дабы подожженные и теряющие ход суда оказались на пути у идущих за ними следом.

Но, когда после двух минут под обстрелом "Морская дева", наконец, вклинилась (или вползла на своей относительной скорости в один узел) между сближающимися нефами и уже почти заняла идеальную позицию для стрельбы обоими бортами, левый неф вдруг начал

настолько резко, насколько мог, поворачивать вправо. Это был более крутой разворот, чем требовался для абордажа (от какового каракка уклонилась бы, проскочив вперед) - фактически неф шел на столкновение, опасное для обоих судов, но тот, кто там командовал, как видно, решил, что терять уже нечего. Каракка вынужденно также резко взяла право руля - не только для того, чтобы избежать столкновения, но и чтобы сохранить параллельное неприятелю положение перед выстрелом - иначе снаряды, выпущенные под углом, могли срикошетить от округлого корпуса нефа, не причинив вреда. Однако, если рулевой безукоризненно выполнил приказ Кнаббе, то орудийные расчеты не были готовы к этому внезапному маневру и в итоге выстрелили кто как и кто когда. Из трех камнеметов левого борта в цель попали лишь два (задний промазал мимо кормы), причем из-за крена каракки в развороте обе болванки ушли под воду и достали вражеский корпус уже там. Средняя, заторможенная водой, стукнулась боком о доски и не смогла их пробить, и лишь передний выстрел, получившийся с минимальной дистанции и под лучшим углом, проломил борт ниже ватерлинии. Однако своим правым бортом каракка в то же самое время развернулась уже под слишком большим углом ко второму кораблю, и два снаряда ушли мимо, а третий срикошетил от крепких досок борта. Непострадавший неф, на палубе которого толпились и взбадривали себя боевыми кличами готовые к рукопашной солдаты, устремился прямиком на абордаж "Морской девы".

Отворачивать было уже некуда - каракка неминуемо столкнулась бы либо с левым, либо с правым кораблем. Если бы нефы сближались под более острым углом, как они делали изначально, каракка успела бы проскочить - но они шли теперь наперерез не только ей, но и друг другу. Кнаббе не ожидал, что они пойдут на столь рискованный маневр, чреватый столкновением всех трех судов - не просто соприкосновением бортами, идеальным для абордажа, а столкновением с достаточной для серьезных повреждений силой. Даже если считать, что левому терять было уже нечего (хотя свой поворот он начал еще до того, как получил роковую пробоину, да и с ней мог продержаться на плаву еще долго, а столкновение могло сильно сократить этот срок), то для правого подобный отчаянный риск выглядел совершенно безрассудным. И Кнаббе был прав - ни айринтийские капитаны, ни айринтийские рулевые не пошли бы на такой маневр, если бы не наставленные на них гроггендорские мечи. Но гроггендорские офицеры не разбирались в судовождении сами и не верили заверениям айринтийцев, что это "слишком опасно", подозревая их в саботаже.

Если бы правый неф получил пробоины, они не отправили бы его на дно сразу, но могли замедлить продвижение - однако после неудачного первого залпа для нового уже не было времени - перезарядка и взведение камнеметов занимали не меньше четырех минут. Между камнеметами вдоль бортов каракки (а также на носу) были установлены готовые к бою огнеметы, но применять их в этой ситуации было самоубийством - сколько бы народу на палубе они ни сожгли, продвижение нефа это бы не замедлило, и через минуту горящий корабль столкнулся бы с караккой. Даже крутить вправо носовое орудие было уже поздно - выстрел под таким углом мог повредить собственный такелаж, да и едва ли единственный выстрел сумел бы изорвать вражеские паруса настолько, чтобы противник потерял ход. Сам Кнаббе замешкался, не зная, что приказать.

И тут вдруг к правому борту подбежала невысокая, почти гротескная фигурка в не по размеру большой и тяжелой кирасе и шлеме-морионе с высоким стальным гребнем, но без всякой защиты рук и ног. Это был Мунс, облаченный в те доспехи, которые сумел найти для него Кнаббе перед отплытием (от наручей и поножей он отказался сам, желая сохранить максимум свободы движения). В руке у него был обоюдоострый топор на длинной ручке с привязанной к ней веревкой. С приближающегося нефа продолжали сыпаться стрелы, одна из них чиркнула по кирасе Мунса (он ее даже не заметил), другая звонко звякнула о его гребень, и тогда он испуганно присел, что было, конечно, глупо - во-первых, стрела не причинила вреда, а во-вторых и в-главных, будь это не так, пригибаться было бы уже поздно. Несколько

гроггендорских солдат, в нетерпении потрясавших мечами у самого борта нефа, рассмеялись, увидев это. Но уже в следующее мгновение Мунс вновь выпрямился и встал у фальшборта, окидывая находящийся уже совсем рядом неприятельский корабль холодным прищуренным взглядом, как минимум, опытного капитана. Затем он быстро раскрутил над головой свой топор и с удивительной для такого тщедушного человечка силой метнул.

Теперь уже пара только что потешавшихся над ним солдат испуганно пригнулись, но он метился вовсе не в них, а гораздо выше. Топор, мелькнув в воздухе, перерубил туго натянутый левый галс грота. Самый большой парус нефа, лишившийся крепления нижнего угла, заполоскался, захлопал на ветру, мигом превратившись из движителя в тормоз. Тяжело груженый, глубоко сидящий в воде неф сразу же начал терять ход, и каракка проплыла мимо него под крики бессильной ярости гроггендорцев (Мунс тем временем ловко вытянул за веревку свой топор, который, падая на палубу, даже еще и ранил кого-то из солдат; две или три руки попытались перехватить топор, пока он скользил обратно к борту, но Мунс оказался проворнее). Неф все-таки сумел ткнуться в высокую корму "Морской левы" своим бушпритом, который даже пробил окно капитанской каюты, но затем обломался, что привело также к потере закрепленных там штагов[119] и блинда[120]. Поскольку Кнаббе в этот момент находился наверху на шканцах, каюта была пуста, и никто не пострадал. "Отличная работа, Мунс!" - крикнул Кнаббе, мысленно похвалив и себя за то, что все-таки взял этого парня в команду. Понравилось ему и то, как ловко Мунс вытянул топор обратно. По сути, подумал Кнаббе, таким образом можно решить проблемы с боеприпасами. Не с горючей жидкостью и не со шрапнелью, конечно, но вот вытягивать обратно чугунные и каменные ядра после того, как они проломят борт - или, тем более, пролетят мимо и упадут в воду... Над этим следовало подумать после возвращения.

Вскоре два этих поврежденных корабля были добиты подоспевшими "Розалиндой" и "Незабудкой" а каракка тем временем ушла вперед - дабы добраться до авангарда неприятельского флота, нанося врагу максимум ущерба по пути, но не задерживаясь при этом. Однако Кнаббе, наученный горьким опытом, теперь уже не лез между идущими параллельно друг другу нефами в надежде залпами сразу двух бортов одновременно поразить обоих; а предпочитал обходить их справа (а если там их прикрывал следующий корабль, брать, соответственно, еще правее, пока по правому борту не окажется достаточное для свободы маневра пространство), подходя к неприятелю максимально близко левым бортом. Это, конечно, требовало заметно больше времени, чем прорыв напрямую, но, как заметил Эккерт (сейчас, когда на борту "Морской девы" командовал Кнаббе, исполнявший обязанности первого помощника) - "до Гроггендора еще триста миль, куда спешить?" Хотя на самом деле спешить было куда - темнота все еще оставалась верным союзником айринтийцев, и желательно было нанести как можно больший урон противнику до рассвета, до того, как он увидит, сколь на самом деле немногочисленны атакующие его силы.

Следующая атака каракки оказалась не слишком удачной - орудийные расчеты, непривычные к морской качке и кренам маневрирующих судов, выстрелили в неподходящий момент, и болванки ушли слишком высоко - две из них лишь разбили фальшборт, одна и вовсе перелетела через палубу. Правда, при этом было покалечено несколько солдат возле борта, но и каракка понесла первые потери - стрелами с нефа один ее матрос был убит и один ранен. Но и тут отличился Мунс, сумевший в два броска перерубить брасы грот- и фока-реев, нарушив, таким образом, управление самыми большими парусами, столь важное во время лавировки. В результате этот неф столкнулся с другим, шедшим левее, и хотя оба судна не получили при этом критических пробоин, но сцепились реями и такелажем, и, пока их команды пытались расцепиться, были подожжены подоспевшими шхунами.

---

[119]Снасть стоячего такелажа, расположенная в диаметральной плоскости судна и поддерживающая мачту, стеньгу и другое рангоутное дерево спереди.

[120]Прямой парус под бушпритом, использовался на средневековых судах до появления кливеров.

Еще один неф, вставший под всеми парусами в левентик[121] и таким образом быстро сбросивший ход (и даже начавший дрейфовать вспять), "Морская дева" проскочила, так и не выйдя на удобную для стрельбы позицию. Кнаббе предпочел не снижать собственный темп и оставить это судно позади в надежде на то, что с ним разделаются его подчиненные (и действительно, оно было атаковано и потоплено обошедшими его с двух сторон айринтийскими нефами, хотя и успело забрать жизни нескольких их матросов).

А тем временем "Морскую деву", устремившуюся к очередной намеченной цели, ожидал неприятный сюрприз. Преследуемый неф начал разворот круче к ветру, поворачиваясь кормой к преследователю - что, по мнению моряков каракки, было глупостью, ибо означало потерю скорости лишь позволяло им настичь свою жертву быстрее, хотя, конечно, попасть в корму было труднее, чем в борт. И вдруг еще до того, как они изготовились стрелять, из тьмы донесся характерный звук резко распрямляющихся рычагов метательной машины, и в следующий миг тяжелое каменное ядро обрушилось на высокий полубак каракки, вдребезги разнеся дощатые щиты, прикрывавшие от стрел расчет носового орудия (примитивный аналог орудийной башни, сооруженный по приказу Кнаббе), и переломив правое плечо взведенного камнемета. Эффект был примерно такой же, как если перерубить туго натянутый лук, только масштабнее. Длинный обломок рычага полетел, вращаясь, назад, круша все на своем пути. Левый рычаг не был поврежден, но сорвался с фиксатора - и, лишенный уравновешивающего усилия справа, швырнул свой груз из острых металлических обрезков не вперед, а широким веером влево. В считаные мгновения было убито или покалечено восемь солдат носовых орудийных расчетов и один матрос на палубе внизу (не считая мелких ранений, нанесенных разлетающимися щепками и осколками камня), перебит шланг левого носового огнемета (к счастью, не наполненный топливом, ибо команды на применение огнеметов еще не было) и частично перерублены ванты фок-мачты с левой стороны.

На самом деле наличие на нефе собственного кормового орудия вовсе не было непредсказуемым - сам Кнаббе в свое время говорил королеве, что купцы порою ставят такие на свои корабли для защиты от пиратов (хотя айринтийские торговцы чаще предпочитали договариваться с пиратами "по-хорошему"). Но до сих пор ему и его людям попросту везло по очень простой причине - гроггендорцы, опасаясь не атаки внешнего врага, а попыток бунта айринтийских матросов, распорядились снять орудия даже с тех нефов, где они были. Но это, само собой, касалось лишь судов с айринтийскими экипажами. А их было недостаточно, и в состав флота вторжения входили и гроггендорские нефы с гроггендорскими командами - и они-то свои орудия сохранили. В изначальном строю они двигались в задних линиях - не столько как своеобразный конвой, сколько потому, что в Кромбурге должны были увидеть лишь айринтийские суда - но теперь все корабли отступающего флота перемешались. На самом деле кое-кто из экипажей лодок, атаковавших задние линии, уже убедились в наличии у некоторых нефов кормовых орудий, но они не имели возможности передать эти сведения Кнаббе (впрочем, и редкие попытки поразить маленькую, почти невидимую в темноте лодку из такого орудия все до единой были неуспешны - а вот большая каракка представляла собой куда более удобную цель).

Кнаббе гневно приказал зажечь неф огнеметами, пока там не успели перезарядить кормовое орудие, но тут прибежавший с полубака запыхавшийся матрос доложил о повреждении левого носового огнемета, и Кнаббе тут же скомандовал "отставить!" Он сообразил, что надо на всякий случай проверить и остальные огнеметы, прежде чем пускать их в ход. Кнаббе уже видел, что одна из шхун потеряна, и хотя он не знал, как именно это произошло, но догадывался, что команда шхуны была слишком велика, чтобы быть полностью перебитой стрелами (если, конечно, не бросаться в самоубийственные атаки до упора, а отступить, как

[121]Положение носом к ветру. Парусное судно в таком положении не может идти вперед (кроме как по инерции) ни при каком угле установки парусов.

только потери станут серьезными) и что шхуны слишком маневренны, чтобы неф мог взять ее на абордаж или протаранить - а значит, наиболее вероятной причиной гибели была неисправность огнемета. Но разделаться с нефом, представлявшим повышенную опасность для айринтийских судов, было нужно, и сделать это надо было быстро. Гроггендорский бомбардир продемонстрировал отличную меткость - возможно, конечно, ему просто повезло, но скорее тут сказывался морской опыт, которого не хватало айринтийским артиллеристам, набранным в основном из сухопутных солдат.

- Мунс! - заорал Кнаббе. - Забросишь им ответный гостинец? Надо сжечь их камнемет!

- Сделаю, сэр! - донесся с палубы голос Мунса. - Примите два румба вправо, мне так сподручнее... - Мунс сообразил, что времени подниматься на полубак нет, и поэтому кидать надо с падубы, а значит, кораблю следовало довернуть, чтобы носовая надстройка не загораживала цель.

- Вправо на два румба! - скомандовал Кнаббе рулевому. - Так держать!

Для Мунса быстро принесли бутылку и наполнили ее топливом одного из бортовых огнеметов. Кнаббе тем временем видел со своего места на полуюте, как суетятся люди на корме нефа, готовя камнемет к новому выстрелу. Дистанция между кораблями быстро сокращалась, и если гроггендорец не промазал в первый раз, теперь он тем более попадет. Насколько серьезным будет ущерб от второго выстрела, если он успеет первым - или если Мунс промажет? Возможно, надо было не полагаться на Мунса, а отвернуть, обойти неприятеля по широкой дуге и атаковать со стороны носа, из практически безопасной (не считая, конечно, стрел) позиции? Конечно, это дольше, но, действительно, до Гроггендора еще триста морских миль... с другой стороны, кто сказал, что они не поставили такую же штуку и на носу? На обычных купеческих судах так не делают, их задача - отбиваться от преследователей, а не атаковать самим, но кто их знает, этих имперцев - возможно, они решили подкрепить лояльность идущих впереди айринтийских нефов не только платой за фрахт и солдатами на борту, но и смотрящими в спину орудиями... В любом случае, теперь менять решение уже поздно - корабли сошлись слишком близко. Либо Мунс бросит свою бутылку и поразит цель прямо сейчас, либо...

До слуха Кнаббе донесся отдаленный звон разбитого стекла, и прямо над вражеским орудием, четко обрисовав его контуры в темноте, взвилось пламя. Несколько человек орудийного расчета, на которых также попали горящие брызги, бросились врассыпную. На каракке разразились радостными и глумливыми криками. Впрочем, торжествовать было еще рано - ветер сносил искры в сторону самой каракки, продолжавшей сближаться с нефом, и нужно было скорее отворачивать от подожженного судна. "Морская дева" выполнила этот маневр, пройдя так близко, что трое гроггендорцев попытались перепрыгнуть с горящей кормы на полубак каракки - не то в безумной попытке абордажа, надеясь, что за ними последуют и другие, не то просто любой ценой спасаясь от огня. Допрыгнуть удалось лишь одному из них, но он не долетел до края высокой носовой надстройки и упал на палубу с высоты трех этажей, сломав обе ноги - после чего был тут же убит подбежавшими матросами. Мунс тем временем, как только каракка начала удаляться от нефа, забросил в пламя еще одну бутылку - "для гарантии".

- Молодец, Брэм! - боцман, торопливо проходивший мимо, чтобы оценить, насколько серьезно поврежден такелаж в носовой части, все же задержался на миг, чтобы хлопнуть Мунса широкой ладонью по закованному в кирасу плечу. При этом он даже не заметил, что из бедра отличившегося матроса торчит стрела. Мунс в горячке боя и сам не замечал, что ранен. Он лишь широко улыбался, слыша общие одобрительные крики в свой адрес - случавшиеся в его жизни, прямо скажем, нечасто. В последний раз его чествовали, когда он спас лорда Локхарта - впрочем, тогда, конечно, это было еще более торжественно. Однако то ли еще будет, когда "Морская дева" вернется в Кромбург с победою, в которой он, Мунс, сыграет далеко не последнюю роль! Что-то теперь будут делать те, кто обещал переломать ему все кости? Засунут

свои языки в задницу, вот что они сделают. А что, если только что подожженное им судно - не простой неф, потому-то оно и было вооружено лучше прочих? Что, если там-то и сидит имперский командующий, который теперь, понятное дело, либо изжарится, либо утонет?

Что интересно, эта же самая мысль мелькнула в эту минуту и у Кнаббе. Но капитан сразу же подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Вероятнее всего, гроггендорцы просто предпочли вооружить все свои (именно свои) нефы, и подходить к ним с кормы следует с осторожностью. И прежде, чем ввязываться в новый бой, следовало проверить исправность всех огнеметов - хотя их дальность и была намного ниже, чем у орудий, метавших болванки, и запас последних еще не иссяк.

Самым простым и быстрым способом проверки было перекрыть выходные раструбы и подать давление в шланги, чтобы посмотреть, будут ли где-нибудь утечки. Но это означало, что в случае утечек горючая жидкость будет брызгать и вытекать на палубу - что, конечно, было неоправданным риском в случае попадания шальной искры. Поэтому Кнаббе приказал отсоединить шланги от чанов с горючим и прокачать их обычной водой - а затем, если утечки не обнаружатся, подсоединить обратно. Это, конечно, заняло больше времени (но в результате выяснилось, что, за исключением левого носового огнемета, больше ни один шланг не поврежден). Каракка тем временем, конечно, не стояла на месте, а обходила по дуге очередной неф, стремясь выйти на дистанцию эффективной стрельбы спереди-справа, подальше от возможно имевшегося у врага кормового орудия (хотя опять-таки было неизвестно, нет ли такового и на носу). Но прежде, чем "Морская дева" могла завершить свой маневр, неф резко отвернул вправо, уваливаясь под ветер, дабы пройти за кормой каракки. Кнаббе рассудил, что при таком курсе он будет неминуемо перехвачен идущими следом айринтийскими судами, а потому нет смысла терять время, гоняясь за ним, а лучше сразу идти к следующей цели.

И тут Кнаббе заметил, что и другие неприятельские нефы больше не пытаются сбиться в кучу (от которой он "откусывал" их по одному, нападая с внешней стороны), а, словно убедившись в бесперспективности этой тактики, отворачивают вправо, к северо-востоку. Но затем Кнаббе разглядел, что первыми поворачивают не те нефы, что ближе к нему, а те, что дальше всего впереди, в авангарде - а следующие уже повторяют их маневр. Словно бы гроггендорцы раздумали возвращаться домой и решили все-таки высадиться в Айринтии, только не в районе Кромбурга, а севернее - возможно, на территории "Хильдского княжества", которое они теперь считают "своим по закону". Что, кстати, подумал Кнаббе, действительно может быть их запасным планом на случай, если высадка в Кромбурге провалится... Портовые крепости до самого Бигенбагена, впрочем, все равно верны королеве (во всяком случае, Кнаббе надеялся на это), но высадить армию, и даже с лошадьми, можно ведь не только в порту, особенно если не жалеть кораблей. Айринтия - равнинная страна, ее побережье - не отвесные скалы, выбрасывайся на отмель в любом месте...

Но затем, всматриваясь в движение далеких огоньков на мачтах, Кнаббе понял, что и эта версия неверна. Направо, в сторону все еще далекого отсюда берега, отворачивала лишь ближняя к нему правая половина оставшегося флота. Вторая столь же круто (насколько позволял ветер) уходила влево, в открытое море.

И, когда те и другие достаточно разошлись в стороны, впереди, практически прямо по курсу каракки, стали отчетливо видны еще какие-то огни. Над "Морской девой" все еще ползли тучи (так и не разродившиеся дождем, чего опасался Кнаббе), но там, впереди, ветер частично разогнал их, и свет Кольца озарил силуэты высоких кораблей[122], идущих фордевиндом под всеми парусами навстречу.

В первый миг у Кнаббе мелькнула абсурдная мысль, что это невесть откуда взявшиеся союзники, обошедшие неприятеля со стороны моря - ибо гроггендорские нефы буквально

[122]В английском tall ship - это не эпитет, а термин, обозначающий большой парусный корабль (в отличие от малого - small craft).

брызнули от них в стороны (насколько, конечно, такое выражение применимо к невысокой скорости лавирующих против ветра тяжелых судов), словно эти новые корабли представляли для них еще большую угрозу, чем те, что атаковали их до сих пор. Но капитан тут же понял, что взяться таким союзникам действительно совершенно неоткуда - ну не ибикейцы же решили вдруг поддержать родину своих предков (чего они не делали ни в каких прежних конфликтах), а если бы даже и так, они подошли бы с юга, а не с севера. По всей видимости, это был арьергард - или, скорее, второй эшелон - все того же флота вторжения. Восемьдесят загруженных под завязку нефов - это очень внушительный десантный флот, но для перевозки ста тысяч солдат, да еще с лошадьми, этого все еще недостаточно. И если предположить, что гроггендорцы все же решили перебросить морем все или почти все свои силы, отряженные для захвата Айринтии, то, очевидно, сначала к Кромбургу должен был подойти сравнительно небольшой, чтобы не пугать защитников, авангард (максимум кораблей двадцать под айринтийскими флагами), а уже после захвата города все остальные должны были высаживаться в несколько волн, ибо ни гавань, ни сам город не вместили бы такого количества судов и солдат сразу. А может быть, дополнительные силы предназначались для захвата с моря и других крепостей - если вдруг гроггендорцы решили не идти на столицу одной колонной, а брать ее в клещи... Так или иначе, вражеские нефы вовсе не "брызнули в стороны в испуге", а расступились, пропуская товарищей. Хотя все-таки непонятно, где империя нафрахтовала кораблей для столь гигантского десанта, да и зачем - для захвата плацдарма в Айринтии так много солдат не нужно, проще было перевезти их в два приема... но с этим, подумал Кнаббе, будем разбираться потом. Сейчас важнее всего оказать новоприбывшим такой же *горячий* прием, как и их товарищам - и желательно нанести им максимальный урон еще до того, как рассветет. Тем более что командующий всей армией вторжения, которого Кнаббе тщетно выискивал до сих пор, скорее всего находится именно там, во втором эшелоне. Так что капитан скомандовал держать курс навстречу приближающимся кораблям. Его собственные нефы (не считая безнадёжно отставшей "Беатрисы", которой нигде не было видно), шхуны и даже полторы дюжины фелук следовали за ним.

И лишь когда до нового противника оставалось не более мили, Кнаббе понял, что это за корабли.

Это были не купеческие нефы. Это был гроггендорский военный флот.

Ни Кнаббе и никто другой не ожидал, что таковой будет сопровождать десант. Это не имело никакого смысла - ведь гроггендорцы не ожидали сопротивления на море. Всем было известно, что у Айринтии нет собственных военных судов, а больше на флот из восьмидесяти нефов не покусился бы никто. (Да и, собственно, если бы военный флот выполнял функцию эскорта для десантного, то ему следовало идти гораздо ближе к эскортируемым, а не позволить устроить им ту бойню, которую устроили подопечные Кнаббе.) А поход военного флота - слишком дорогое удовольствие, чтобы посылать его без серьезной причины. К тому же какой-нибудь случайный корабль, увидев издали идущие в сторону Айринтии военные суда, мог предупредить айринтийцев и сорвать операцию по захвату Кромбурга под айринтийским флагом. Использовать военные корабли для перевозки сухопутной армии - тоже плохая идея, на них попросту слишком мало места для размещения пассажиров. Помимо того, что сами эти корабли не столь вместительны (зато более быстроходны и маневрены, чем пузатые нефы), слишком значительную часть их полезной нагрузки занимают метательные машины (даже в своей менее дальнобойной корабельной версии намного более громоздкие, чем бортовые пушки пороховой эпохи, и требующие больше народу для своего обслуживания), а также вес боеприпасов и средств защиты, таких, как щиты вдоль бортов. А высаживать на берег и расходовать в сухопутной войне сами флотские экипажи - неоправданное расточительство, особенно для Гроггендора, где не так уж много опытных моряков вообще и военных в частности. Конечно, как последний ресурс сгодились бы и они - но когда сухопутные солдаты более чем в избытке...

В общем, по всем рациональным соображениям никакого гроггендорского военного флота в эту ночь близ Кромбурга не должно было быть. Но он там был.

По меньшей мере три десятка кораблей примерно того же класса, что и "Морская дева", оценил Кнаббе, присматриваясь к огням на мачтах. Ну, может быть, чуть похуже - все же она строилась как флагман бугенхольмского флота, а бугенхольмские корабелы всегда превосходили гроггендорских... однако теперь уже и они работали на империю - и сколько в идущей навстречу флотилии судов их постройки? И даже если "Морская дева" все же превосходит их по ходовым качествам, то уж точно не по вооружению. У гроггендорцев оно не устанавливалось в спешке за пару часов перед выходом в море. Да и артиллеристы у них какие-никакие, а не сухопутные. Огнеметов у них, вероятно, нет - это излюбленное оружие тлукаляханцев, а не гроггендорцев - но они разнесут в щепки противника еще до того, как тот подойдет на достаточную для огнеметов дистанцию... Даже дуэль с одним таким кораблем была бы для "Морской девы", мягко говоря, большим риском - а уж бросаться в одиночку против тридцати, положась исключительно на темноту и наглость...

Кнаббе не был ни идиотом, ни самоубийцей. Корабли сближались с относительной скоростью в двенадцать узлов, и у него оставались считаные минуты, чтобы отвернуть. Разворот оверштаг, увалиться под ветер и удирать на максимальной скорости. Тогда не догонят. Но... открыв рот, он так и не выкрикнул эту команду.

- Сигнальте "Все назад" всем нашим судам, - приказал он. - Повторяйте сигнал, пока не дойдет даже до самого тупого.

Моряки, стоявшие рядом с ним, ждали продолжения, но его не было.

- Сэр? - не выдержал рулевой. - Прикажете поворачивать? Взять право руля, сэр?

- Нет. Так держать.

- Но сэр, разве вы не видите... - пролепетал рулевой.

- Так держать, матрос!

- Есть, сэр, - выдавил тот из себя.

- Что вы делаете, сэр? - тихо, практически ему на ухо, произнес Эккерт. - Мы еще успеем уйти.

- Мы, может, и успеем. А тех, кто идет за нами, они порвут в клочья. Нефы, во всяком случае, точно. Шхуны, может, и уйдут, если сообразят взять круче к ветру - в сторону моря, а не берега, тогда на прямых парусах за ними не угнаться. Но на нефах народу втрое больше, чем у нас. Мы должны выиграть для них время.

- При всем уважении, сэр, неразумно разменивать такой корабль, как "Морская дева", на два простых торговых нефа, - возразил Эккерт таким тоном, словно речь шла только о сравнительной ценности кораблей, а жизни людей на борту каракки, включая его собственную, значения не имели.

- Я не собираюсь ничего разменивать, - жестко ответил Кнаббе. - Я же сказал - только выиграть время, пока наши нефы затеряются среди гроггендорских. Пройдем разок мимо, подожжем пару-тройку лоханок, и хватит. От нас не ждут такой наглости. Наверняка там сейчас думают, что мы перебежчики или что-то вроде. А еще я хочу взглянуть поближе на их флагман. Может быть, - добавил Кнаббе уже без иронии, - мы еще сумеем выиграть этот бой.

Мунс смотрел с левого борта на приближающийся военный флот, и нельзя сказать, чтобы это зрелище ему нравилось. С другой стороны, капитан Кнаббе, наверное, знает, что делает. Мунсу могло не нравиться, как Кнаббе в свое время поступил с ним (хотя, откровенно говоря - повод был), но капитаном он всегда был толковым, этого у него не отнять. Наверное, у него есть какой-то хитрый план. Может быть, на каракке установлено секретное оружие специально для такого случая (хотя Мунс все время находился на борту с момента прихода в Кромбург - то есть, конечно, с момента ухода из Миртхаффена - видел, как монтировали бортовые орудия, и ничего "секретного" среди них не заметил). Но капитану, наверное, виднее. Своим наметанным глазом

Мунс мог легко оценить скорость сближения с врагом - около двенадцати узлов. "Морская дева" идет крутым бейдевиндом навстречу идущим фордевиндом судам того же класса, значит, кабельтов - предельная дальность стрельбы корабельного камнемета - проходится за полминуты, но на встречных курсах так можно стрелять только из носового орудия, и с кабельтова еще попробуй попади, а длина корпуса, то есть шестая часть кабельтова, проходится за пять секунд - это все время, какое будет у артиллеристов для выстрела из стационарных орудий борт в борт. Совсем не просто попасть даже с близкого расстояния, особенно на волне. Правда, это относится не только к врагам, но и к своим. Но своим и нет нужды пытаться сделать единственный меткий выстрел из камнемета, когда они могут непрерывно поливать врага потоками огня, причем не из установленных неподвижно, а из поворачиваемых в любую сторону раструбов. Выходило, что шансы у "Морской девы" совсем не такие плохие (правда, лишь пока гроггендорцы тупо прут ей навстречу на максимальной скорости, а не начнут маневрировать - но пока до этих тугодумов дойдет...) Но все равно, не нравилось Мунсу происходящее. Уж больно вражьих судов было много, что бы там ни думал капитан Кнаббе. А логика подсказывала Мунсу, что на сей раз отлежаться, притворившись мертвым, не получится. Матросу, может, и хорошо, что ему, в отличие от солдата, не надо день за днем маршировать к месту битвы на своих двоих - корабль везет его сам. Но уж зато на месте этой самой битвы солдат может просто лечь на землю и спастись, а матрос тонет вместе с кораблем, которому совершенно наплевать, лежит он, стоит или пляшет вприсядку... За все приходится платить, как говорил папаша Мунса, повесившийся из-за долгов. Да еще нога чего-то разнылась, потянул мышцу, наверное - вот ведь некстати...

Мунс машинально протянул руку, чтобы помассировать бедро, и наткнулся пальцами на древко стрелы.

"Вот черт", - пробормотал он. Впрочем, рассуждая здраво, оно, может, вовсе не так уж и плохо, что он ранен. Теперь у него есть совершенно законный повод уйти в кубрик и в дальнейшем бою - который обещает быть куда жарче, чем все, что было до этого - не участвовать. Все-таки даже на корабле, который может потонуть весь целиком, есть более и менее опасные места - и простреливаемая врагом палуба явно не из второй категории...

Рядом громко затопали ноги. "Мунс!" - услышал он (теперь его звали кто "Брэм", кто "Мунс") и, обернувшись, увидел подбежавшего рослого матроса, который торопливо, но и осторожно поставил какой-то ящик на палубу возле его ног. Ящик глухо звякнул.

- Вот, - продолжал матрос, - капитан велел отнести тебе на всякий случай два запасных топора и заполненные бутылки - что и когда кидать, выбирай сам, ты в этом деле мастер... Черт! - теперь и матрос заметил стрелу. - Ты ранен? Только не выдергивай, можешь истечь кровью... надо сперва жгут наложить, иди внутрь скорее, там тебе помогут... Идти-то можешь? Давай помогу, - матрос сделал жест рукой, вероятно, намереваясь подхватить Мунса под мышки. Возможно, впрочем, им двигала не столько забота о товарище, сколько желание воспользоваться благовидным предлогом, чтобы убраться с опасной палубы самому.

- Пустяки! - тут же с нарочитой беспечностью ответил Мунс. - Кость не задета, проткнуло жир и все... - на самом деле жира в тощем мунсовом бедре было совсем немного, а стрела, косо воткнувшаяся под углом сверху, вошла в его плоть как минимум на четыре дюйма. - Некогда сейчас с этой ерундой возиться, вишь чего делается, - он кивнул на приближающиеся военные корабли.

- Ну как знаешь, - тут же согласился матрос. - Тут ты нам, конечно, нужнее, ты нас уже здорово выручил, а сейчас дела покруче затеваются... Ну давай я хоть здесь тебе ногу перетяну, я хоть и не лекарь, но уж узлы вязать умею... Есть чем?

- Да вот же конец[123], - кивнул Мунс на веревку, привязанную к одному из топоров. - Длинный, мне хватит.

---

[123]Концом на судне называют любую веревку или канат.

- Точно! - матрос отхватил кусок веревки ножом и быстро и сильно затянул жгут выше раны. - Так, ну а теперь, кажись, можно и стрелу вытаскивать. Не боись, я мигом, пикнуть не успеешь, - он прижал пальцами левой руки края раны прямо сквозь штанину, а затем другой рукой резко дернул за древко. Стрела выскочила наружу, тут же потекла кровь, пропитывая штанину, но ее было совсем немного. Мунс не издал ни звука. - Вот и все. Ты молодчина, Мунс. Главное, не дай им себя грохнуть! - матрос поднял кулак в приветственном жесте. Мунс, который был ниже его почти на голову, с довольной улыбкой стукнул его по кулаку в ответ.

В его ушах все еще звучали чествующие его крики команды, а теперь вот и этот здоровяк (которого Мунс, по правде говоря, побаивался с момента выхода из Миртхаффена) о нем заботится и нахваливает. Да что там какой-то матрос - сам капитан Кнаббе, будущий адмирал всего айринтийского флота, распорядился обеспечить его оружием, а как именно этим оружием вести бой - оставил на его, Мунса, усмотрение! Не-ет, он будет дураком, если уйдет из-за стола в середине игры. На этот раз он намерен собрать весь выигрыш! И постарается, кстати, теперь уже не просадить его в кости...

А тонуть, если что, все равно придется всем вместе. И без его помощи - вероятнее, чем с таковой.

Тем временем на шканцах к Кнаббе снова обратился Эккерт.

- Сэр, один неф и одна шхуна по-прежнему идут следом за нами.

- Они что - не видели сигнал?

- Наверняка видели, сэр. Мы повторяем его, как вы велели. Они не повинуются.

- Кто эти идиоты? - пробурчал Кнаббе.

- "Незабудка", сэр.

- Дурацкое имя, как я и говорил.

- Но, похоже, они намерены воплотить его буквальный смысл, сэр, - серьезно ответил первый помощник.

- Решили поиграть в героев? Что лишает смысла нашу собственную... - у Кнаббе чуть не вырвалось "жертву", но он вовремя поправился: - ...наш собственный риск. Рулевой! Нет, отставить, - тут же передумал Кнаббе, глядя на совсем уже близкие идущие навстречу имперские каракки. - Все равно уже слишком поздно. Черт с ними. Мы сегодня потопили уже кучу айринтийских нефов с айринтийскими экипажами - одним больше, одним меньше...

- Думаю, в этом и причина, сэр, - негромко сказал Эккерт. - Капитан "Незабудки" и его люди решили доказать, что не все моряки айринтийского торгового флота готовы продать свою страну.

Все равно, если их капитан умудрится выжить - отдам его под трибунал за неподчинение приказа!

- Он штатский, сэр...

- Все мы тут штатские - и вы, и я... Указ об образовании айринтийского военного флота будет подписан задним числом... А шхуна - которая?

- Отсюда плохо видно, сэр, - все шхуны были разной конструкции, и силуэты их различались, но у команды "Морской девы", пришедшей в Кромбург за несколько часов до боя, не было времени запоминать, кто из них кто.

- Рыбаки так увлеклись ловлей, что не поняли, что теперь они сами - улов? Или им просто понравилось сжигать корабли вдвое больше собственного, и они не могут остановиться? Ладно, - посерьезнел Кнаббе. - Пусть каждый из нас просто доделает до конца свою работу. И постарается сделать ее максимально хорошо.

Имперский военный флот давно уже, конечно, заметил впереди горящие корабли и перестроился из походного в боевой порядок, который представлял собой прямоугольник из пяти шеренг равной ширины, но не равной плотности. В первой шло лишь четыре корабля, в следующих - пять, шесть, семь и восемь (таким образом, последняя шеренга была вдвое плотнее

первой). Идея такого построения состояла в том, чтобы каждый неприятельский корабль, вклинившийся в первые шеренги (или, наоборот, обойденный с боков их судами), оказывался в окружении превосходящих сил и практически без пространства для маневра. С кормы "Морской девы" еще нельзя было рассмотреть этот строй на всю глубину, но Кнаббе догадывался, что плотность задних шеренг выше, чем передних. Тем не менее, он рассчитывал пройти этот строй насквозь. При нынешнем курсе "Морской девы" (не лоб в лоб, что потребовало бы движения прямо против ветра, а справа под тупым углом к курсу противника) она должна была пройти вражеский порядок наискосок прямо через центр. Пока каракка имела абсолютное преимущество над своими противниками, она могла позволить себе обходить их по дуге с флангов, но теперь, когда враг имел превосходство во всем, не оставалось ничего другого, кроме как лезть в самую его гущу. Максимальный (а быть может - и вообще какой бы то ни было) ущерб можно было, очевидно, нанести лишь за минимальное время, пока неприятель не опомнится - но это не было и чисто самоубийственной тактикой "погибнуть, прихватив с собой как можно больше врагов". Капитаны "Незабудки" и рыбачьей шхуны, быть может, и в самом деле действовали на одних эмоциях, не вполне отдавая себе отчет, во что ввязались, но Кнаббе и в эти отчаянные минуты не покидал трезвый расчет. У "Морской девы" действительно были шансы выйти живой из схватки с тридцатикратно превосходящим противником. Даже не превосходя вражеские корабли по своим ходовым качествам, но идя при этом крутым бейдевиндом намного медленнее, чем они, и выполняя повороты оверштаг в то время, как противник вынужден будет разворачиваться через фордевинд, "Морская дева" получала преимущество в маневренности, точнее - в малом радиусе разворота. Упрощенно говоря, она могла крутиться практически на месте (и стрелять при этом), пока враги будут проноситься мимо, не способные ни затормозить (ибо ветер им не помощник, а попытка отдать якорь на восьми узлах окончилась бы плачевно), ни, на такой скорости, взять ее на абордаж (а таран был бы слишком опасен для них самих), даже если она не сможет уклониться. И вообще пытаться взять на абордаж корабль, изрыгающий во все стороны струи огня - это очень непривлекательная идея. Да, столкновение с судном, которое ты только что поджег - это гибель для обоих, но когда у тебя нет выбора, а у врага он есть, враг предпочтет на такое столкновение не идти. Самой теоретически правильной тактикой для имперцев будет окружить "Морскую деву" широким, но плотным кольцом, через которое она не могла бы прорваться, и расстрелять ее ядрами с расстояния, превышающего дальность огнеметов. Но для этого им придется сперва развернуться по широким дугам, единственно возможным при их курсе и скорости - а ведь "Морская дева" не станет ждать, пока они завершат этот маневр, и, пройдя их строй насквозь, уйдет дальше на запад-северо-запад. После чего - они могут, конечно, попытаться ее догнать, но вряд ли у них получится. На одинаковых курсах их скорости должны быть примерно равны, а у каракки будет фора, в несколько раз превышающая предельную дальность носовых орудий. В крайнем случае, если в гроггендорском флоте обнаружатся особенно быстроходные корабли, можно будет силами команды сбросить за борт свои метательные машины вместе с остатками боеприпасов, чтобы уменьшить осадку - работа тяжелая, но выполнимая.

Конечно, проделать такой финт можно только один раз. Поэтому курс через вражеский строй надо проложить так, чтобы за этот единственный проход поджечь или еще как-то повредить как можно больше вражеских кораблей. Они, конечно, будут пытаться уклониться (но в плотном строю это может привести к их столкновениям с соседями), и они будут лупить из всех орудий (но на такой скорости, как уже верно оценил не только капитан Кнаббе, но и простой матрос Мунс, попасть будет непросто - а вот у артиллеристов "Морской девы", пусть они и успеют сделать только по одному выстрелу из каждого камнемета, шансы попасть будут выше - стрелять по тридцати целям (ну или сколько там их пройдет в радиусе досягаемости) всегда проще, чем по одной).

Существовал, правда, еще один вариант действий имперцев - самый простой и он же

самый правильный не с теоретической, а с практической точки зрения. Не пытаться выстроить окружение на безопасной дистанции и не стрелять на авось на скорости в двенадцать узлов, а попросту пожертвовать любым из своих кораблей, направив его на столкновение с караккой. Заранее принять, что этот корабль будет сожжен или потоплен - но и врага постигнет та же участь. Это соответствовало не только арифметической логике, но и психологии империи - не только Гроггендорской, любой империи - которая всегда с легкостью и без колебаний жертвует жизнями своих подданных, если это самый простой способ достичь цели. Причем это считают нормальным и естественным не только те, кто отдает гибельные приказы, но и те, кто безропотно их выполняет...

Или все-таки не совсем? Или рука гроггендорского рулевого дрогнет в последний момент? Как, впрочем, может дрогнуть и рука айринтийского - тем паче что он до этого дня даже не был военным...

- Рулевой! - развернулся к нему Кнаббе. - Свободен. Я сам встану к рулю.

- Есть, сэр! - рослый и плечистый, как все рулевые, парень уступил свое место с такой поспешностью, словно колдершток жег ему руки.

Кнаббе не стоял у руля со времен матросской юности, но был в хорошей форме. Он слегка надавил на рычаг - влево, потом вправо, соизмеряя усилие с реакцией корабля. Для судна своей массы "Морская дева" очень хорошо слушалась руля - хотя, конечно, сил для поворота, особенно крутого, все равно требовалось немало. Но Кнаббе понадеялся, что сильно петлять не придется - если враги будут идти, как идут, потребуются не столь большие коррекции курса, чтобы пройти мимо одного из кораблей в каждой из их шеренг. Пройти достаточно близко, чтобы поджечь его. Плюс, может быть, еще один корабль в задних шеренгах, где плотность выше, удастся достать из бортовых камнеметов. Хотя, конечно, после того, как запылает первый, вряд ли остальные "продолжает идти, как идут", и чем дальше шеренга, тем больше у них будет времени для маневра - но и тем больше они могут и мешать друг другу. Парадоксально, но в такой ситуации действительно лучше иметь дело с тридцатью вражескими кораблями, чем, скажем, с четырьмя. И уничтожить четыре, пять, может быть, даже шесть из этого скопища за один проход вполне возможно - и, само собой, будет совсем неплохо (пожалуй, это будет рекорд, доселе не встречавшийся ни в одной летописи!), хотя все равно не смертельно для флота из тридцати судов. Но если ему удастся добраться до флагмана и отправить на дно их командующего...

Увы, в темноте - ни света Кольца, пробивавшегося сквозь прорехи в тучах, ни первых, еле заметных признаков рассвета на востоке было недостаточно. чтобы различать флаги и вымпелы - Кнаббе оставалось полагаться лишь на интуицию. Теоретически вражеский флагман мог находиться где угодно - и в первой шеренге, и в последней, и даже на фланге любой из них. А возможен даже и такой вариант - самый худший из всех и в то же время весьма разумный - что командующий флотом находится на одном корабле, а командующий всеми силами вторжения - на другом. Но Кнаббе был уверен, что это не так. Имперская логика - простая и дубовая, там не любят нетривиальных решений и отклонений от строгой пирамидальной иерархии. Центр власти, что на суше, что на море, должен быть только один, и располагаться он должен, соответственно, по центру. То есть в середине средней шеренги.

Только в ней, похоже, шло шесть кораблей. Третий слева или третий справа? Придется метиться посередине, а потом доворачивать, когда станет ясно... притом, что враги наверняка тоже попытаются маневрировать... Но проблемы надо решать по мере поступления, а сейчас на пути - второй справа корабль первой шеренги!

Согласно принятому на флоте правилу - то есть если бы встречное судно не было вражеским - расходиться с ним следовало левым бортом. Кнаббе продемонстрировал, что намерен правилу следовать (несмотря на то, что на этом борту у него теперь было на один огнемет меньше). Гроггендорцы, в свою очередь, тоже вели себя так, словно это была мирная

встреча где-нибудь у входа в гавань - во всяком случае, хотя на высоком носу их каракки уже можно было различить угловатый силуэт метательного орудия и между кораблями оставалось меньше кабельтова, они не стреляли. Быть может, их действительно озадачила идущая навстречу странная троица - одинокая каракка, почти нагнавшая ее шхуна и плетущийся позади них неф. На имперском корабле, должно быть, никак не могли поверить, что такими силами можно атаковать боевой ордер из тридцати военных кораблей, и ожидали чего угодно, только не нападения. (Впрочем, неф, пока что находившийся вне досягаемости их орудий, они вообще могли считать одним из кораблей своего десантного флота, спасающимся от того разгрома, который учинил им все еще непонятный гроггендорцам неприятель.) А может быть, имперские бомбардиры просто хотели подпустить встречные корабли поближе, чтобы стрелять уже в упор и наверняка?

Но, когда носы двух каракк прошли мимо друг друга, ни одна из них все еще не предпринимала враждебных действий. "Морская дева" шла очень близко к имперскому судну - между носами в этот момент было менее двадцати ярдов, а между кормами в момент окончания расхождения должно было оставаться не более десяти - но все же этот курс исключал столкновение. Кое-кто из айринтийских матросов, выстроившихся вдоль борта, даже приветственно махал и кричал гроггендорцам, словно те и в самом деле были для них свои, и окончательно запутывая их командиров. И вот, когда корабли благополучно разошлись уже на полкорпуса вдоль курса - то есть когда у имперских артиллеристов уже фактически не осталось времени для выстрела в борт "Морской деве" (особенно учитывая неизбежную задержку между отдачей команды и ее исполнением) - Кнаббе рявкнул: "Огонь!"

В эпоху без огнестрельного оружия такая команда была редкостью - обычно командовали "стреляй!" - но Кнаббе имел в виду буквальный ее смысл. Три струи огня - две с палубы, одна с высоты кормовой надстройки - обрушились на имперское судно, проходясь по нему на скорости почти по всей длине и снизу - по борту и палубе, и сверху - по парусам.

Фокус был в том, что стационарные камнеметы вдоль бортов (что на "Морской деве", что у ее противников) допускали наводку лишь по вертикали - в горизонтальной плоскости их можно было развернуть только вместе с кораблем, в то время как раструбы огнеметов хотя и имели ограничители, не позволявшие направить их на собственный корабль (совсем не лишняя предосторожность на случай ранения или гибели управлявшего солдата), в остальном могли поворачиваться в любую сторону, и Кнаббе заранее велел направить их под углом назад. Чтобы достать противника даже под углом, требовалось пройти к нему очень близко, подставляя свой борт под залп десятка вражеских камнеметов в упор, если бы гроггендорцы все же выстрелили первыми - но они этого не сделали, и риск себя оправдал. Было, впрочем, очевидно, что повторить такой трюк уже не получится. Но один выстрел по "Морской деве" подожженная каракка все же сделала - вдогонку из своего кормового орудия меньшего размера, установленного на поворотном круге. Кормовые орудия чаще всего заряжали стрелами, шрапнелью и обрезками, так как они предназначались, в первую очередь, для стрельбы по преследующему судну, а в этом случае важно не столько угодить единственным ядром в корпус (что, скорее всего, не будет фатальным, особенно учитывая меньшую мощность поворотных орудий), сколько нанести ущерб парусам и команде преследователя. Именно такие разлетающиеся веером железные обрезки накрыли корму "Морской девы", в нескольких местах продырявив паруса на обеих бизань-мачтах и обрушившись смертоносным градом на полубак. Рулевой, освобожденный со своего поста, но все еще остававшийся на корме, был убит на месте. Эккерту куском железа длиной в восемь дюймов насквозь пробило плечо. Еще одному матросу, как показалось в первый момент, снесло полголовы - но на самом деле лишь срезало кожу на макушке (ранение, вызывающее обильное кровотечение, но не опасное). Кнаббе не получил ни царапины.

Следом айринтийская каракка взяла курс на второе справа судно второй шеренги. Кнаббе

начал поворот вправо, изображая, что намерен и это судно атаковать левым бортом. Там, как он и надеялся, в ответ тоже начали отворот вправо, дабы удалиться от курса "Морской девы" на слишком большое для ее огнеметов (но не для собственных камнеметов) расстояние (одновременно право руля взял и крайний правый (со стороны Кнаббе) корабль в шеренге, дабы прикрыть товарища с левой стороны). И вот тогда Кнаббе, при помощи не только руля, но и сноровисто брасопивших реи матросов, развернулся, наоборот, влево, в надежде, что он, имея меньший радиус разворота, проскочит перед носом выбранной им цели и атакует ее с той стороны, куда она как раз пыталась уклониться - а она, имея более высокую скорость и инерцию, уже не успеет отклониться обратно. Но она и не попыталась сделать это - а, напротив, продолжала забирать все круче вправо (при этом там тоже брасопили реи, стремясь сбросить скорость) - в то время как с правого борта с ней сближался уже третий, средний в шеренге корабль, также устремившийся на перехват "Морской девы". Фактически три каракки - айринтийская и две гроггендорских - шли теперь пересекающимися курсами, чреватыми столкновением, хотя и не в одной точке (крайняя правая (глядя со стороны Кнаббе) каракка в шеренге к месту их встречи уже не успевала). На дистанции в два корпуса вторая, ближайшая к "Морской деве" каракка оказалась повернута к ней левым бортом перпендикулярно и выстрелила из своих бортовых орудий - одновременно, впрочем, начав отворот влево из опасения столкнуться не столько с "Морской девой" (та, вероятно, все же прошла бы у нее за кормой), сколько с третьей караккой, приближающейся к ней справа. Именно то, что у гроггендорского рулевого не выдержали нервы, и он начал маневр уклонения до того, как артиллеристы успели отстреляться, сбило им прицел (притом, что их цель и так была развернута к ним носом, а не бортом), и все чугунные ядра ушли мимо, за исключением двух - одно срикошетило от борта в носовой части и одно, пробившее фок, но не причинившее других повреждений. Однако и огнеметы "Морской девы" не достали противника - когда она все же оказалась к нему бортом, а не носом, тот был уже слишком далеко.

Тем временем третья каракка, также не желая столкнуться со второй, начала отворачивать вправо, и оба судна выровнялись на параллельных курсах с интервалом в полтора корпуса, более не угрожая другу. Но, занятые этим маневром, они не обращали внимания на приближавшуюся к ним какую-то там рыбацкую шхуну - и совершенно напрасно. Шхуна, шедшая слева-сзади от "Морской девы" (Кнаббе уже успел распознать силуэт "Махи-махи"), вошла аккурат посередине между легшими на параллельные курсы гроггендорскими каракками и полыхнула огнеметами разом с обоих бортов.

Увы, ее капитана-рулевого-владельца подвело именно желание поразить двух врагов разом. В итоге он неверно оценил расстояние между ними (точнее, он полагал, что они выровняются ближе друг к другу, а когда заметил свою ошибку, маневрировать было уже поздно), и огненные струи не достали ни левую, ни правую цель (горючая жидкость продолжала гореть, даже растекаясь по поверхности воды, но даже и это не помогло). Но и у гроггендорских артиллеристов, видевших приближающееся к их бортам пламя, не выдержали нервы, и они жахнули по проходящей между ними шхуне с обеих сторон, совершенно не имея времени прицелиться. В результате ни одно ядро так и не попало в "Махи-махи" (большинство плюхнулось в воду уже за ее кормой, некоторые перелетели через палубу, причем не порвав паруса), зато два из них угодили в борт одной каракки и одно - другой, пробив его ниже ватерлинии.

Кнаббе тем временем уже направил "Морскую деву" в центр третьей шеренги - и всего вражеского строя - почему-то приближавшейся совсем не так быстро, как он рассчитывал. Еще полминуты - и он, наконец, ясно разглядел во вновь пробившемся сквозь тучи свете Кольца, какие корабли там идут.

И понял, что проиграл.

Это были не каракки, хотя издали и походили на таковые парусным вооружением. И уж

тем более - не переоборудованные для военных целей нефы, с которыми их роднила ширина (но не форма) бортов. Это были суда невиданного прежде Кнаббе типа - галеасы, представлявшие собой гибрид каракки-переростка и тяжелой тлукаляханской галеры (или, как их называли гроггендорцы - но не сами тлукаляханцы - дромона). Они были в полтора раза длиннее "Морской девы" и несли по двенадцать метательных орудий на каждом борту, плюс три на носу и два на корме - причем более мощных. чем на каракках. От дромонов они, впрочем, тоже отличались весьма существенно - не только парусами (дромоны имели лишь три короткие мачты с одним косым парусом на каждой) и более широким и округлым корпусом, но и самими веслами: если дромоны обыкновенно имели три или как минимум два ряда весел, то явно превосходящие их массой и осадкой галеасы - только один, зато эти весла выглядели более внушительно. И вот теперь эти могучие весла дружно вспенивали широкими бурунами глянцево-черную, холодно сверкавшую в свете Кольца воду, не разгоняя тяжелые четырехмачтовые суда, а, напротив, быстро тормозя их и лишая "Морскую деву" того единственного преимущества - и шанса - которые она имела за счет скорости и инерции неприятеля.

Такого Кнаббе не мог предвидеть даже в еще большей степени, чем сам факт встречи с гроггендорским военным флотом. За исключением тлукаляханцев, гребные суда в своих военно-морских силах не использовал никто - даже ибикейские пираты. На реках - да, но не на море. Очевидные преимущества гребных кораблей - независимость от ветра и недоступная ни одному паруснику маневренность, позволяющая разворачиваться буквально на одном месте - по всеобщему (за пределами Тлукаляхана) мнению перевешивались столь же очевидными недостатками: во-первых, очень плохой остойчивостью узкого и длинного судна в шторм (гибель почти всего тлукаляханского флота при попытке высадится в Айринтии на исходе Бугенхольмской войны была тому самым наглядным подтверждением), а во-вторых - крайне низкой эффективностью движителя в виде гребцов, которые мало того что занимают слишком много места - и веса - сами по себе, но и еще требуют брать в сколь-нибудь длительное морское путешествие огромное количество припасов - еды и, в особенности, пресной воды (которой гребцам нужно заметно больше, чем обычным матросам), еще более снижая полезную нагрузку судна и вынуждая сильно сокращать число либо метательных орудий, либо солдат. Частично, правда, это можно компенсировать, сажая на весла самих солдат - но такое имеет смысл, лишь когда галерный флот используется для десантирования на вражеский берег, и солдаты-гребцы получают возможность отдохнуть перед высадкой. В морском же сражении утомленные греблей бойцы будут далеко не лучшей абордажной командой против парусника, солдаты которого поджидают их со свежими силами. Кроме того, гибель гребцов в бою - даже и без абордажа, а просто в результате перестрелки - оказывается заметно более критичной, чем гибель членов экипажа парусника или повреждения его самого. Фактически любую потерю гребцов надо сразу умножать на два, ибо гребное судно не сможет идти ровно, если на одном его борту гребцов меньше, чем на другом.

В Тлукаляхане считали, что возможность посадить на весла дешевых, покорных и не требующих обучения (в отличие от матросов парусного флота) рабов искупает прочие недостатки (ну или просто, как и во многих других вопросах, следовали многовековой традиции, не желая ничего менять). Поэтому Тлукаляхан, несмотря на обширность своего флота, так и не стал владыкой морей.

Идея объединить достоинства большого парусника и гребного корабля, очевидно, тоже решала лишь часть перечисленных проблем, усугубляя в то же время другие. Корабль с высокими мачтами и более остойчивым корпусом имел бо́льшую массу и требовал, соответственно, больше гребцов. Пусть они требовались далеко не всегда, а лишь при неблагоприятном ветре - но, даже если бы они понадобились всего на пару часов в решающей битве, где-то размещать, поить и кормить их надо было на протяжении всего похода. Но

гроггендорцам - а точнее, одному из работавших теперь на них бугенхольмских корабелов - удалось решить проблему, которую за столетия так и не удосужились решить тлукаляханцы - проблему низкой эффективности работы гребцов. Если просто посадить нескольких (обычно трех, как на большинстве дромонов) человек за одно весло, усилия и движения каждого из них будут различны. С удалением от борта - точнее, от точки опоры весла - плечо силы и амплитуда при гребле увеличивается. Сидящему ближе к борту придется максимально напрягать руки, зато от сидящего дальше всех может потребоваться грести стоя или, хуже того, вставать и снова садиться на каждом такте. Ни для кого из них, кроме среднего, такой режим не оптимален. В качестве альтернативы можно дать каждому свое весло, размещая гребцов в несколько рядов по вертикали или по горизонтали. Но такое решение тоже не назовешь хорошим - вертикальное размещение увеличивает размеры и массу корабля (что, в свою очередь, потребует добавить еще гребцов), горизонтальное требуют более слаженной профессиональной работы (которую уже не доверишь необученным рабам, поэтому тлукаляханцы по этому пути не пошли) - и в любом случае несколько индивидуальных весел весят больше, чем одно общее. Однако бугенхольмский мастер, получив приказ от своего нового сюзерена, нашел более изящное решение. В предложенной им конструкции (о которой, конечно, ни Кнаббе, ни его подчиненные не могли и догадываться) гребцы размещались парами лицом друг к другу по диагонали и приводили в движение не само весло, а симметричный рычаг, поворачиваемый туда-сюда в горизонтальной плоскости вокруг оси, проходящей через центр соединяющей гребцов диагонали. Таким образом, их усилия и движения были полностью симметричны. А уже на ось этого рычага насажено было колесо, передававшее усилие на весло - при этом оно не просто двигалось вперед-назад, но и, следуя по специальной направляющей, поднималось при движении в одну сторону и опускалось при движении в другую. Размещая пары гребцов вдоль одной оси друг над другом, можно было с максимальной эффективностью обеспечить работу на одном весле четырех, шести и даже восьми человек - результат, в принципе не достижимый ни для одной тлукаляханской галеры хоть с индивидуальными, хоть с общими веслами. Гребцам при этом, правда, все равно приходилось не очень удобно - чтобы не слишком увеличивать высоту и массу корпуса, их сажали практически на плечи друг другу, точнее говоря, на балки, образующие прямоугольный каркас, что-то вроде деревянной клетки, вокруг каждой оси - разделяющих их сплошных настилов не было, и каждый, кроме верхних, мог созерцать ноги товарища по обеим сторонам от своего лица. Но командующего имперским флотом (и по совместительству всей армией вторжения), для которого спроектированные по его приказу галеасы стали любимым детищем, не особо заботило удобство гребцов. Он лишь постановил, чтобы в верхний ряд сажали солдат, а во все нижние - каторжников пропорционально их сроку (чем грешнее - тем ниже, почти как в забытой здесь "Комедии" Данте).

И вот теперь эти чудеса инженерной мысли и имперской военно-тюремной системы всеми своими веслами (по шесть гребцов на каждом) тормозили на пути у "Морской девы", дабы, пользуясь своим абсолютным превосходством в маневренности (а также и скорости под любым углом к ветру), окружить и спокойно расстрелять ее. Правда, не все корабли третьей шеренги были галеасами - только четыре, а по краям шли две каракки, невольно вырвавшиеся теперь вперед, но это не имело большого значения. "Морская дева", уступавшая каждому из них во всем, включая дальнобойное вооружение, имела очень мало шансов в противостоянии даже с одним из них и совсем никаких - с двумя. Остальные, сколько бы их ни было, в принципе могли позволить себе просто наслаждаться зрелищем.

Кнаббе тоже не очень волновало, сколько всего галеасов ему противостоит. Его занимали только те два, что по центру. Левый - или правый? Который из них флагман?

По своей конструкции - насколько можно было различить с расстояния немногим меньше кабельтова при таком скудном освещении - они выглядели совершенно одинаково (как и два других). Разобрать детали флагов было все еще невозможно. А быть может, командующий

флотом все же на одном галеасе, а армией - на другом?

Кнаббе бросил тоскливый взгляд назад. Вот сейчас бы очень не помешала брандер "Беатриса", тихо подобравшаяся к врагам, пока их внимание занято "Морской девой". Но "Беатрисы" по-прежнему не было видно - позади тащилась одна "Незабудка" (очертания корпуса и паруса́ всех трех нефов различались, и Кнаббе мог распознать их даже издали). Которая, в принципе, могла бы исполнить ту же роль - тем паче что гроггендорцы, похоже, считали неф своим, а капитан "Незабудки", понимая это, не спешил их разочаровывать. Вот только на "Беатрисе" команда самая минимальная, рассчитанная на то, чтобы вся она попрыгала в лодку и спаслась сразу после поджога, а для большинства матросов и солдат "Незабудки", хотя и подготовленной к поджогу на случай абордажа, это будет верным самоубийством. Впрочем, они ведь знали, на что идут, когда не выполнили приказ Кнаббе отворачивать... во всяком случае, должны были знать.

Но, в любом случае, "Незабудка" была еще слишком далеко. Галеасы успеют расстрелять "Морскую деву" раньше, чем подойдет неф. Если бы противниками были обычные суда, еще был бы шанс прорваться к флагману любой ценой. Даже попадание десятка ядер ниже ватерлинии не потопило бы "Морскую деву" сразу, даже сотни железных обрезков, рвущие снасти и паруса в клочья, не остановили бы ее мгновенно - она бы успела доползти до своей цели по инерции и поджечь ее. Но галеасы не дадут ей такого шанса, они сумеют отойти на веслах на безопасное расстояние от пытающегося достать их в последней агонии корабля. Их орудия расположены на верхней палубе и надстройках - выше весел, пропущенных в портики бортов, так что гребцы и артиллеристы могут работать одновременно, не мешая друг другу. И неф слишком далеко, а шхуна слишком мала, чтобы помешать их маневрам... Но что если повернуть навстречу нефу? До сих пор все надежды Кнаббе строились на том, чтобы прорваться к цели как можно скорее, не ввязываясь в безнадежный маневренный бой с многократно превосходящим противником - но раз уж из этого ничего не выйдет, возможно, два (или три) судна все же получат шанс там, где его точно нет у одного. Особенно - Кнаббе почувствовал восторг озарения, приходящего в критические моменты, когда счет идет уже буквально на секунды - если запутать гроггендорцев, укрепив их в мысли, что "Незабудка" - их собственный неф! То есть атаковав ее! Тогда, во-первых, их артиллеристы остерегутся лупить по "Морской деве" со всех сторон, опасаясь попадать по "Незабудке". Даже имперцы не станут жертвовать тысячей своих солдат, которые, по их мнению, находятся на борту айринтийского нефа, ради потопления какой-то одной каракки. А во-вторых, когда они все-таки расстреляют "Морскую деву" с безопасных для "Незабудки" углов (когда, а не если - тут Кнаббе иллюзий не строил), та преподнесет им сюрприз. И, кстати, в этом бою, вероятно, прояснится, кто же из них все-таки флагман. Потому что в условиях явного превосходства своих он предпочтет лишний раз не рисковать и не лезть вперед. Поймет ли это штатский капитан "Незабудки" и сумеет ли подобраться к флагману? Поймет ли он саму суть притворной атаки? Которая должна выглядеть очень убедительно - дабы гроггендорцы не обратили внимания на силуэты метательных машин на палубе нефа. При свете дня они бы, конечно, заметили таковые - но сейчас, когда до рассвета еще около четверти часа, а свет Кольца то пробивается, то вновь тускнеет в ползущих тучах... В любом случае, другого шанса уже не будет. Кнаббе начал поворот оверштаг - уже понимая, что опоздал. "Морская дева" пройдет по дуге слишком близко от галеасов, подставив свой борт их артиллерии. То есть под удар двух, а то и трех дюжин камнеметов (и, возможно, более дальнобойных баллист), в зависимости от того, насколько быстро галеасы успеют развернуться к ней бортами - огрызнувшись в ответ максимум тремя ядрами с правого борта, которые едва ли нанесут критический ущерб этим монстрам, даже если хотя бы одно из них попадет в цель. Оставалось надеяться лишь, что повреждения, которые получит каракка, все-таки позволят ей добраться до "Незабудки" и поддерживать иллюзию боя с ней достаточно долго, чтобы галеасы поспешили на помощь "своим", не дожидаясь, пока "Морская дева" затонет сама, и подошли к

нефу достаточно близко. Черт с ними, думал Кнаббе, с дырами в корпусе - хотя бы четверть часа на плаву мы с ними продержимся, главное, чтобы уцелели мачты и паруса...

На галеасах уже поняли траекторию маневра каракки и теперь споро работали веслами, разворачиваясь и выстраиваясь дугой вдоль того курса, которым она неизбежно должна была пройти - дабы по очереди угостить ее залпами бортовой артиллерии на всем протяжении ее разворота. "Молодцы, - невольно восхитился Кнаббе, глядя, как слаженно маневрируют вражеские корабли, хороня его надежду на то, что они столкнутся или, как минимум, помешают друг другу. - А еще говорят, что гроггендорцы плохие матросы. Впрочем, конечно, вымуштрованный военный флот - не то что моя вольная публика..."

И тут слева, пересекая курс "Морской девы", выскочила "Махи-махи", о которой Кнаббе, все внимание которого было сосредоточено на галеасах, уже забыл и думать. Капитан чертыхнулся сквозь зубы, увидев ее невысокие мачты прямо перед своим бушпритом - на миг ему показалось, что столкновение неизбежно. Но в следующий миг, продолжая наваливаться влево на колдершток, он подумал, что это даже хорошо - удар, наверняка смертельный для шхуны, не нанесет серьезного ущерба каракке с ее крепким форштевнем и высоким (куда выше бортов "Махи-махи") бушпритом, но поможет ей погасить инерцию и рывком довернуть под ветер, разрушив весь расчет врага. Но "Махи-махи" все же успела проскочить перед самым носом "Морской девы", направляясь дальше к грозным галеасам, словно собачонка, бросающаяся с отчаянным лаем сразу на четырех медведей. Но медведи уже знали, как страшен может быть укус этой собачонки. Кнаббе не видел ее неудачную попытку поджечь разом две каракки, проходя между ними (ближайшая из них в тот момент как раз загораживала обзор с "Морской девы"), но с галеасов это видели. И, хотя попытка и осталась неудачной, вполне оценили длину языков огня - равно и как многочисленные костры на море, пылающие вдали.

Поэтому один из галеасов, уже почти занявший оптимальную позицию для стрельбы по "Морской деве" - правый из предполагаемых на роль флагмана - начал поспешно отходить на веслах, желая сохранить безопасную дистанцию, другой (левый) принялся столь же быстро разворачиваться бортом к новой и более близкой угрозе. В следующую минуту он отстрелялся по шхуне из двенадцати орудий, заряженных как чугунными ядрами, так и рвущими обрезками - отстрелялся не залпом, а по очереди, дабы расчет каждого следующего орудия мог корректировать наводку с учетом результатов предыдущего. Но, несмотря на это - и благодаря тому, что "Махи-махи" тоже не стояла на месте и не двигалась по прямой, а маневрировала так круто, как могла - почти все эти выстрелы прошли мимо маленькой шхуны. Лишь одно ядро разнесло вдребезги фальшборт и еще одно снесло угол кормы, в парусах, особенно в бизани, прибавилось дырок (но снасти, критически важные для управления ими, уцелели), и солдату, стоявшему за огнеметом на левом борту, выбило глаз. Однако и шхуне пришлось отвернуть раньше, чем она смогла подойти на достаточное для огнемета расстояние.

Тем временем первый из галеасов на пути "Морской девы" - самый правый, если смотреть на северо-запад - все же выпустил залп по каракке, но не всем, что имел на левом борту, а лишь половиной, предпочтя приберечь остальное для шхуны, если та сунется ближе. В результате "Морская дева" получила три пробоины в корме, но все три - существенно выше ватерлинии и, что еще более важно, руль при этом не пострадал. Однако в самом конце разворота ее все же настиг залп четвертого, самого левого галеаса.

На "Морскую деву" обрушился град ударов. Хрустело и разлеталось щепками (и целыми кусками досок) дерево, трещала разрываемая ткань парусов, канаты снастей лопались, словно натянутые струны. Эккерт, отказавшийся покинуть шканцы после первого ранения и ограничившийся лишь перевязкой (кусок железа так и торчал с двух сторон из его плеча), теперь рухнул на настил, заливая его кровью - другой железный обрезок перерубил его голень чуть ниже колена, белый обломок кости торчал из сочащегося кровью мяса, соединенного с остальной ногой теперь лишь куском кожи. Еще одна острая железяка выщербила кусок

колдерштока прямо между кулаками Кнаббе - но сам капитан снова не пострадал и продолжал вести каракку теперь уже фордевиндом навстречу "Незабудке"...

Едва потерявшего сознание раненого унесли вниз (держа на весу и его оторванную ногу, которую, очевидно, уже не было никаких шансов пришить обратно), на шканцы торопливо поднялся второй помощник - это был совсем молодой парень, явно не старше двадцати пяти. Его фамилия, как запомнил Кнаббе, когда знакомился с командой, была Притчард. Коммерческий рейс с грузом фруктов, приведший "Морскую деву" в Миртхаффен, был его первым плаванием в качестве первого помощника; когда Кнаббе принял командование "Морской девой", вся иерархия ее офицеров сдвинулась на ступеньку вниз, но теперь парень фактически возвращался к прежней должности. Его лоб был рассечен наискосок, и кровь текла по лицу. Он вытирал ее машинальным жестом, чтобы она не попадала в глаза, похоже, до сих пор еще не осознавая, что ранен.

- Четыре пробоины в правом борту, сэр, - доложил он капитану. - Одна - ниже ватерлинии. Одна сквозная дыра в верхней палубе. Мы можем в любой момент потерять фок-мачту - ванты повреждены с обеих сторон, сейчас она держится почти что на одних штагах и фордунах[124]. Перебит правый грота-галс и... - он бросил взгляд поверх плеча капитана в сторону кормы - насколько я вижу, отломана треть гика второй бизани. Убито шестеро матросов, включая боцмана, и одиннадцать солдат орудийный расчетов, разбиты два камнемета правого борта, состояние шлангов огнеметов пока не знаю. Есть еще повреждения парусов, такелажа и, возможно, рангоута, но их так быстро не оценишь.

- Ладно, - бросил сквозь зубы Кнаббе. - Сумеете заделать дыру? - он имел в виду, конечно, ту, что ниже ватерлинии.

- Парни уже работают над этим и откачивают воду. Если не получим новых дырок, то останемся на плаву.

"Нам нужно продержаться совсем недолго", - подумал про себя Кнаббе. О том, чтобы добраться обратно в Кромбург, он уже не помышлял.

- Спустить паруса на фоке не получится? - спросил он вслух.

- Не раньше, чем починим ванты, сэр - хотя тогда, как я понимаю, это уже не будет нужно. Но у нас уже не хватает людей, чтобы разом чинить снасти и пробоину, я послал парней сверху на помпы, сэр.

- Отставить! Паруса сейчас важнее. И враг должен видеть, что мы сохраняем ход, даже если мы нахлебаемся воды. Значит, все время брасопите реи так, чтобы максимально ослабить нагрузку на мачту. Будем обходить "Незабудку" левым бортом, имитируя атаку, - это было логично, когда неизвестно, какие повреждения получили огнеметы на правом. - Постарайтесь дать им знать, что это имитация, но не так громко, чтобы услышали наши гроггендорские друзья... Да, и перевяжите лоб.

- А? - Притчард снова провел рукой по лбу и с недоумением уставился на свою окровавленную кисть. - Да, сэр!

В этот момент отсвет далекого пламени озарил его лицо и отразился в глазах.

- Смотрите, сэр! - радостно воскликнул он, указывая за спину Кнаббе.

Капитан обернулся и увидел, что галеас, нанесший такой ущерб его судну, горит. "Махи-махи" таки сумела, уворачиваясь от других врагов, прошмыгнуть прямо под борт только что отстрелявшегося корабля, чьи орудийные расчеты еще не успели перезарядиться, и щедро окатить его огнем с расстояния в считаные ярды. Более того - пройдя так близко вдоль борта галеаса, шхуна еще и переломала ему весла вдоль левого борта, поэтому немедленно отданная гребцам команда "полный вперед!", призванная увести подожженный корабль подальше от уже близкого соседа, возымела противоположный эффект - галеас начал разворачиваться на месте,

[124]Фордуны - снасти стоячего такелажа, крепящие верхнюю часть мачты (в данном случае - стеньгу) сзади и с бортов.

становясь боком поперек курса второго. Пока капитаны обоих кораблей поняли, что происходит, пока гребцы получили и принялись выполнять новые команды - инерция тяжелых судов сделала свое дело, и они, к вящей радости тех, кто, затаив дыхание, следил за происходящим с кормы "Морской девы", все же столкнулись. Удар, правда, произошел уже на минимальной скорости и сам по себе не повредил корпуса ни одного из галеасов - но пламя таки перекинулось с первого на второй (флагман?!).

- Молодцы, с-сукины дети! - восхитился Кнаббе в адрес "Махи-махи". - Знай наших айринтийских рыбаков!

Но следить за дальнейшими эволюциями шхуны уже не было времени - "Морской деве" надо было выполнять маневр обхода "Незабудки", причем делать это плавнее и осторожнее, чем изначально планировал Кнаббе, чтобы не свалить ненадежную фок-мачту. Каракка благополучно легла на курс расхождения с нефом левым бортом с интервалом около 16 ярдов - а когда суда уже практически поравнялись друг с другом, огнеметчики "Морской девы" завопили во всю глотку "Смерть гроггендорским собакам!!!" и направили огненные струи в борт "Незабудки".

То есть, конечно же, не совсем в борт. Горящая жидкость падала в воду, не долетев до "цели" совсем чуть-чуть - и, хотя она продолжала гореть даже на поверхности моря, реальной опасности для "Незабудки" не было. Но с того расстояния, откуда могли наблюдать "атаку" гроггендорцы, она смотрелась весьма убедительно - казалось, что на каракке лишь чуть-чуть не рассчитали маневр. При этом Кнаббе специально изобразил дальнобойность огнеметов "Морской девы" меньше, чем она была в реальности.

На "Незабудке" в первый миг опешили, но тут же сообразили. Ведь и сам капитан нефа велел своим людям изображать, что их корабль - из флота вторжения, пока враги - и не одно судно, а сразу несколько - не подпустят их вплотную. Можно было, правда, испугаться, что обманулись не только враги, но и сам капитан "Морской девы" - и кто-то с борта "Незабудки" и впрямь заорал: "Свои, свои!", но был тут же заткнут более догадливым товарищем. Корабли прошли слишком близко друг от друга, чтобы даже в слабом свете Кольца и едва начинающего брезжить рассвета не узнать друг друга, да и тот факт, что огненные струи хлестнули не на полную длину, очень аккуратно не достав до борта, доказывал, что это показуха. Оставалось лишь надеяться, что она сработает, что приближающиеся враги обратят все внимание на яркие струи огня, а не на темные силуэты метательных орудий на борту "Незабудки"... Кнаббе казалось, что не заметить их невозможно даже издали - но он понимал, что смотрит пристрастным взглядом человека, знающего, куда и на что смотреть. Гроггендорцы же, как он надеялся, будут тоже пристрастны, но противоположным образом. Людям свойственно видеть то, что они ожидают увидеть, а не то, что есть на самом деле...

"Морская дева" начала левый разворот, обходя "Незабудку" с кормы, чтобы снова лечь на догоняющий курс. Сумеют ли матросы в процессе этого разворота с фордевинда на бейдевинд брасопить фока-реи так, чтобы дующий сбоку ветер не завалил фок-мачту на правый борт, пока их товарищи торопливо вяжут морские узлы, скрепляя разрубленные ванты? Потеряв мачту, каракка уже не сможет догнать неф (который, понятно, не может ей подыграть, не раскрыв гроггендорцам свою суть) и останется на растерзание уже окружавшим ее имперским судам.

Эти суда тоже были каракками, но куда более многочисленными и неповрежденными. Когда Кнаббе впервые увидел галеасы, он после первого шока быстро сообразил, что задние, пока еще плохо видимые ему шеренги вражеского флота не могут целиком состоять из таких же монстров. Во-первых, даже если бы у империи хватило ресурсов на строительство сразу двух десятков столь крупных судов нового типа - что было бы очень непросто даже для Гроггендора - это невозможно было бы скрыть, а значит, королева, вероятно, предупредила бы об этом своего адмирала. Пусть даже ни он, ни она не ожидали подобного прикрытия для флота вторжения, но - просто на всякий случай. Во-вторых, интуиция верно подсказала Кнаббе, что запасы воды для гребцов на самих галеасах недостаточны для длительного плавания - строители предпочли

отдать побольше полезной нагрузки под мощные метательные машины (способные разбивать не только борта вражеских судов, но и стены прибрежных крепостей) и боеприпасы к ним. На трехдневный переход этих припасов бы хватило, но, идя вместе с обычными парусниками, галеасы вынуждены были приноравливаться к их скорости, а значит, точно так же могли застрять в море из-за погоды (что и случилось, когда установился штиль), и потому дополнительную воду для них нужно было везти отдельно. Для двух десятков галеасов потребовалось бы несколько кораблей, груженых одной только водой - притом, что у Гроггендора и так не хватало судов, чтобы погрузить на них всю свою армию.

Так что, когда Кнаббе увидел, что даже в средней шеренге не все суда - галеасы, он пришел к выводу, что это и есть все, что есть у врага. Четыре галеаса, идущие в самой середине флота. И один из них - флагман.

И теперь, выполняя свой разворот (из тривиального превратившийся в сложный из-за фок-мачты), но и не забывая оглядываться назад и по сторонам, Кнаббе убеждался, что понял правильно. В задних шеренгах тоже шли обычные каракки. Они не могли сбросить скорость так быстро, как галеасы, и потому, чтобы избежать столкновения, вынуждены были разойтись в стороны, влево и вправо, обходя тормозящие веслами корабли. Однако теперь, благополучно выполнив этот маневр и погасив таким образом излишек скорости, они сходились обратно. Часть из них успела уйти вперед по ветру (то есть дальше на юго-восток), часть двигалась примерно на одном уровне с "Морской девой", часть еще оставалась позади галеасов (но уже бортом, а не носом к "Морской деве" и "Незабудке") - но, в любом случае, теперь они окружали корабль Кнаббе со всех сторон с явным намерением сомкнуть кольцо и расстрелять айринтийскую каракку, не имевшую больше никаких преимуществ - и никаких шансов.

Но Кнаббе они не интересовали. Его интересовали галеасы. Два горят, осталось еще два. В действиях врага, увы, не было заметно никакой суеты и растерянности, каковые обычно сопровождают гибель флагмана - значит, второй загоревшийся галеас (левый кандидат на эту роль) таковым, по-видимому, не был. Остается правый. Значит, надо подобраться к нему на достаточную для огнеметов дистанцию - и неважно, что будет потом с кораблем Кнаббе, с ним самим и его людьми. Даже если никто из них не останется в живых (что скорее всего - на милость разъяренных гроггендорцев лучше не рассчитывать), это уже не будет иметь значения. Гибель имперского командующего будет означать выигрыш не только морского сражения, но и, вполне вероятно, всей войны.

"Морской деве" удалось благополучно довершить разворот - мачта устояла. На шканцы снова взбежал второй помощник Притчард (его голова теперь была туго перетянута матросской косынкой, что придавало ему сходство с пиратом) и доложил, что ванты удалось снова связать. - и освободившиеся от этой работы матросы уже бежали в трюм к помпам, пока их товарищи, стоя по грудь в ледяной воде, пытаются заделать пробоину. Но Кнаббе чувствовал, как тяжело идет каракка - и не только из-за воды в трюме, которую теперь, вероятно, все же удастся откачать. Капитан слышал, как бессильно полощется на ветру парус на малой бизани, более не растягиваемый сломанным гиком, и как плещутся лоскуты, вырванные из других парусов. Хуже того - он слышал не только хлопки, но и потрескивания: под напором ветра разрывы парусов, особенно по краям, продолжали увеличиваться.

Слева по борту громко плюхнуло, и в воздух взлетел фонтан брызг. Через несколько мгновений такой же фонтан взметнулся прямо по курсу. Пристрелочные, понял Кнаббе. И столь же ясно понял - нет, не успеть! С такими парусами никак не успеть нагнать неф, который мог бы послужить прикрытием от считающих его своим гроггендорцев. Сейчас каракки расстреляют "Морскую деву" с трех сторон - спокойно, как на учениях, не боясь зацепить неф.

Ладно, подумал Кнаббе с удивившим его самого спокойствием. Пусть так. Зато, пока они всем хороводом добивают нас, "Незабудка" успеет подойти вплотную к галеасу. Только бы сообразили, что жечь надо левый! Впрочем, два оставшихся галеаса подошли теперь так близко

друг к другу, что был неплохой шанс огнем с двух бортов накрыть разом обоих...

Но тут "Незабудка", вместо того, чтобы идти прямиком к близкому уже галеасу, начала поворот оверштаг влево - словно бы у ее капитана (моряка торгового флота, непривычного к морским баталиям) сдали нервы, и он попытался отделаться от преследующего его врага, маневрируя под ветер и не понимая, что так он лишь сократит дистанцию с тем, от кого хочет оторваться. На самом деле, конечно, таким образом он пытался помочь "Морской деве" подойти ближе.

- Дурак! - проворчал сквозь зубы Кнаббе. - Не о нас сейчас надо думать! - но, поскольку его собственный корабль к галеасам бы точно не подпустили, вынужден был выполнить тот же маневр еще круче, срезая путь и подходя к нефу теперь уже правым бортом. Так они и закружились на месте, словно кошка, преследующая собственный хвост, в центре все сужающегося овального кольца вражеских судов.

В принципе, с гроггендорской точки зрения этот танец двух врагов не выглядел нелогичным. Каракка больше не пыталась поджечь неф (хотя могла бы), понимая, что это - заложник, без которого ее сразу же разнесут в щепки. Неф, в свою очередь, не пытался взять на абордаж каракку (хотя мог бы), понимая, что в этом случае противник, которому уже нечего терять, подожжет его. Но бесконечно это кружение продолжаться не могло. В конечном счете вражеские суда подойдут настолько близко, что смогут расстрелять каракку в упор, не боясь попасть в неф - а еще вернее, разглядят во все более светлеющих сумерках метательные орудия "Незабудки" и все поймут.

Снова послышался плеск падающих в воду ядер, но дальше. Кнаббе скосил глаза и заметил потерянную было из вида "Махи-махи". Она тоже кружила внутри сужающегося кольца врагов, но в противоположном направлении и по более широкому радиусу. По ней стреляли, но не всеми бортами - каковые гроггендорские суда старались обращать к "Морской деве", выжидая удобного момента - а одиночными выстрелами из поворотных орудий и потому никак не могли попасть. У Кнаббе мелькнула надежда, что вот сейчас шхуна рванет прямиком к галеасам, повторяя свой предыдущий подвиг, но нет. Тогда она атаковала только что отстрелявшийся корабль, теперь же галеасы - да и каракки - не спешили делать залпы разом всем бортом; стреляли лишь одно-два орудия с каждого корабля, зато самих кораблей теперь было много. И шхуна предпочла рвануть в северо-восточном направлении, увалившись под ветер на оптимальный для нее галфвинд и набирая максимальную скорость. Она прошмыгнула между двумя каракками, которые предпочли отвернуть друг от друга, дабы не попасть под ее огонь, и сами, в свою очередь, не повторили ошибку своих предшественников - не стали стрелять по проходящей между ними шхуне с риском поразить друг друга. С бешеной собачонкой предпочитали не связываться - пусть убирается и позволит волкам и медведям без помех добить одинокого раненого волка. "Махи-махи" оценила этот "жест вежливости" и, не пытаясь сблизиться и атаковать ни одну из каракк, выскользнула из окружения.

Ладно, мрачно подумал Кнаббе, провожая ее взглядом. Вы уже сделали сегодня, что могли.

- "Незабудка"!!! - заорал он во все горло, уже не заботясь, могут ли услышать его враги. - Ваша цель... - он на миг запнулся, не зная, как назвать невиданные прежде в Айринтии корабли, - эти, с веслами! Левый! Флагман!

Уже в следующий миг у него мелькнула мысль, что можно было крикнуть остроумнее - "не забудь, наша цель...", в надежде, что на нефе догадаются, а враги, если и расслышат, сочтут, что он обращается к собственной команде. Но в подобных уловках уже не было нужды. Хотя звуки далеко разносятся над водой, неясно было даже, расслышат ли его на совсем близкой "Незабудке", не говоря уже о находящихся в несколько раз дальше неприятельских судах. На каждом корабле выкрикивали свои собственные команды, а больше всего шума доносилось со стороны двух горящих галеасов.

Первый из них, щедро окаченный горючей жидкостью от кормы до носа, полыхал всем левым бортом. У второго, столкнувшегося с ним, пока горел только нос и фок-мачта. Но часть парусов, особенно на втором, еще не была охвачена огнем, и ветер постепенно сносил горящие корабли в сторону центра кольца из их пока что целых собратьев (которое, впрочем, тоже смещалось по ветру, но медленнее). Пламя трещало и гудело, лопались натянутые снасти, с грохотом рушились перегоревшие куски рангоута - но громче всех этих звуков были крики. На втором корабле все еще пытались бороться с огнем, но многие матросы и солдаты уже прыгали в воду, наплевав на отчаянные выкрики приказов. В отличие от их товарищей с судов десантного флота, для них это не было всего лишь выбором между быстрой и страшной смертью в огне и медленной, но тоже малоприятной - в ледяной воде. Союзные корабли были совсем рядом, и притом не шли полным ходом по ветру, а неспешно маневрировали практически на месте - и соответственно имели возможность подобрать всех или почти всех. Но часть матросов и солдат все же оказались отрезаны огнем во внутренних помещениях, а главное - никто, разумеется, не собирался освобождать прикованных к деревянным балкам своих клеток каторжников, и именно их крики - вопли сотен людей, горевших заживо, задыхавшихся в дыму либо же осознавших, что это ждет их в самом ближайшем будущем, и спасения нет - перекрывали все прочие звуки.

Горящие галеасы уже настолько приблизились к кружащим друг за другом с минимальным радиусом нефу и каракке, что на следующем кругу "Незабудки" могли оказаться у них на пути. Но тут ее капитан или расслышал, наконец, приказание Кнаббе, или смекнул сам, но вместо того, чтобы продолжать крутиться влево, неф вышел из разворота галфвиндом правого галса и начал заворачивать уже вправо, обходя горящие корабли правым бортом. Это было не то, чего хотел Кнаббе - он велел "Незабудке" идти напрямик к еще целым галеасам, а не петлять вокруг - но это подарило ему идею. Идею, как не быть расстрелянным... хотя бы еще какое-то время. Два горящих корабля, еще недавно столкнувшиеся, теперь медленно отходили друг от друга - точнее, отходил второй из них: гребцы в его задней части, не видевшие из своих подпалубных клеток, что происходит, все еще не понимали (или не хотели верить), что нос их корабля уже горит, и выполняли последнюю полученную команду "полный назад" в надежде уйти от пожара. Делали это, правда, уже не все, без отбивавшего ритм барабана, нестройно и вразнобой, весла сталкивались и цепляясь друг за друга, так что корабль отползал назад медленно и вихляя кормой - но все же расстояние между ним и другим горящим галеасом увеличивалось (а между ним и пока еще целым вероятным флагманом, напротив, сокращалось, хотя тот находился заметно дальше). И Кнаббе понял, что сумеет войти между двумя подожженными кораблями, прикрывшись ими с двух сторон. Не идеально, когда тебя обстреливают со всех четырех, но лучше, чем ничего - к тому же, быть может, вражеские артиллеристы поостерегутся лупить по нему хоть какое-то время, пока в воде вокруг барахтаются сотни их товарищей, совсем не жаждущих получить чугунным ядром по голове. Или это уже издержки, на которые в империи не принято обращать внимания?

Кнаббе направил "Морскую деву" в расширяющийся проход между горящими галеасами - что было бы рискованном маневром даже на полностью исправном корабле. Тут же, впрочем, он получил подтверждение собственной мысли о ненадежности такого прикрытия - чье-то ядро, прилетевшее сзади, пробило корму каракки. Но руль снова не был поврежден, и "Морской деве" удалось вписаться в пока еще неширокий просвет. При этом она, однако, оказалась с подветренной стороны от первого, охваченного огнем по всей длине галеаса. Густой дым, горячий, сухой и едкий, окутал каракку, заставив людей на палубе отчаянно кашлять и сжимать веки слезящихся глаз; сам Кнаббе на корме вынужден был рулить вслепую, полагаясь исключительно на собственную интуицию - не только из-за рези в глазах, но и из-за невозможности что-либо рассмотреть сквозь это марево, кроме разве что мутных отсветов огня слева и справа. Хуже того - в этом дыму ветер нес в сторону "Морской девы" искры и мелкие клочки горящей парусины, а в какой-то момент на палубу у левого борта даже шлепнулся

довольно большой пылающий клок, еще недавно бывший частью грот-марселя галеаса; к счастью, двое матросов сумели быстро затоптать горящую ткань. И все же дымовая завеса одновременно и скрывала "Морскую деву" от глаз врагов, и Кнаббе решил продержаться под этим прикрытием столько, сколько удастся выдержать.

Тем временем уже невидимая для Кнаббе "Незабудка", обойдя горящие суда с наветренной стороны, направилась, наконец, к вероятному флагману вражеского флота. В этом ей, однако, чуть не помещала гроггендорская каракка из задней шеренги, вклинившаяся между галеасами практически наперерез нефу. Возможно, ее капитан хотел лишь помочь нефу, пройдя у него прямо за кормой и отрезав от него преследователя, но на фоне продолжающего отползать кормой вперед наперерез ему горящему галеасу предпочел взять левее - а может быть, все же заподозрил что-то неладное и сознательно решил преградить нефу путь к флагману. Но капитан "Незабудки" приказал "Так держать!", хотя и видел, что при сохранении курса обоих кораблей неф врежется в борт каракки. Пришлось отворачивать влево каракке; оттуда донеслись громкие проклятия в адрес тупоумных и криворуких айринтийских моряков и их неуклюжих, как черепахи, судов (что было совершенно незаслуженным поклепом в адрес морских черепах, весьма подвижных и быстрых в своей среде) - но, тем не менее, корабли благополучно разошлись бортами, двигаясь теперь в одном направлении, но более быстрая каракка ушла вперед. Однако около полуминуты они шли практически вплотную друг к другу - и за это время гроггендорские моряки разглядели, наконец, то, чего до сих пор не замечали их товарищи: метательные орудия "Незабудки", которых не могло быть на десантном корабле флота вторжения.

Пока там осознали увиденное, пока капитан отдал команду - инерция унесла каракку вперед, так что лишь последнее из бортовых орудий имело шанс поразить неф, но его артиллеристы, рассчитывавшие на более далекую цель, не успели перенацелиться, и ядро, выпущенное практически в упор, перелетело через нос, зацепив лишь левый фальшборт. У заряженного обрезками поворотного орудия на корме было больше шансов, но, пока его разворачивали, "Незабудка" успела первой, полыхнув двумя длинными струями огня в корму каракки. Артиллеристы кормового орудия, охваченные пламенем, с воплями бросились в воду с высокой кормы, не успев сделать выстрел. Взметнувшееся пламя тут же радостно охватило заднюю бизань. Но самым худшим для гроггендорцев было то, что огонь добрался и до места рулевого, сделав каракку практически неуправляемой.

На флагмане - или том галеасе, который считали флагманом айринтийцы - конечно, теперь уже тоже увидели и осознали, что происходит. Зазвучали резкие команды, заскрипели вороты и рычаги метательных машин, изменяя угол наведения с дальней на ближнюю дистанцию. Но "Незабудка" благополучно пристроилась в кильватер подожженного ею корабля, прикрываясь им. На галеасе тем временем поняли, что горящая каракка продолжает идти им в борт, не пытаясь отвернуть, и самое главное сейчас - поскорее убраться с пути новоявленного брандера (впрочем, поскольку каракка горела с кормы, а не с носа, столкновение с ней вряд ли привело бы к пожару на галеасе - зато риск переломать весла правого борта был вполне реальным). Галеас начал отходить задом на веслах против ветра, одновременно поворачиваясь из почти перпендикулярного положения к "Незабудке" в параллельное - что не только обеспечивало куда более удобную для стрельбы позицию, но и не позволяло нефу и дальше прятаться за подожженной караккой, ибо для этого ему пришлось бы обойти ее справа, а она всё еще шла быстрее него. Артиллеристы на борту галеаса были военными моряками, их коллеги на борту нефа - сухопутными солдатами, однако последние находились в более выигрышном положении, поскольку им не требовалось спешно наводиться на другую цель - так что они снова успели первыми. Для огнеметов дистанция была слишком большой, а вот для ядер в самый раз.

Девять чугунных ядер "Незабудки" ударили в борт галеаса. Ни одно из них не пробило борт ниже ватерлинии, зато было сломано два весла, а также убиты и ранены гребцы еще на

трех. Из трех дюжин весел, которые имел галеас на каждом борту, это было, казалось бы, не так уж и много - но три весла, переставшие двигаться (совсем или в прежнем ритме), помешали движению соседних, те - следующих, и в итоге встал весь борт. Для гроггендорских галеасов с их усовершенствованной, полумеханической системой гребли, где все весла двигались строго в одной плоскости, эта проблема была даже более критической, чем для обычной галеры, где гребцы, в принципе, могут приподнимать весла, перенося их через остановившиеся. Конструкция позволяла втащить поврежденные или оставшиеся без гребцов весла внутрь корпуса, но это нельзя было сделать быстро (особенно в условиях, когда для этого нужно было послать новых людей на замену выбывшим).

Соответственно, прежде чем гроггендорский капитан (для которого, как и для его коллег на остальных имперских галеасах, это был первый реальный бой на судне такого типа) успел понять, в чем дело, и остановить греблю также и на левом борту, возникший дисбаланс наполовину развернул галеас кормой к "Незабудке", не только выводя ее из-под прицела стационарных бортовых орудий (и вновь сбивая прицел артиллеристам поворотных), но и, главное, сближая суда уже почти до огнеметной дистанции. "Незабудка", в свою очередь, довернула круто влево против ветра, теряя ход - но все-таки сумев таким образом преодолеть это "почти". Всего лишь на несколько мгновений - но этого хватило, чтобы струи жидкого пламени облизали сперва борт, а затем корму и, почти до середины, палубу галеаса.

В ответ жахнули поворотные орудия - не столь мощные, как стационарные, но их хватило, чтобы разбить носовую часть нефа, начисто снеся бушприт и свалив фок-мачту. Мачта с двумя парусами, опрокинувшаяся в воду через правый борт, но по-прежнему удерживаемая снастями, сыграла роль плавучего якоря, снова быстро разворачивая неф вправо - что в первый момент было хорошо, ибо окончательно вывело "Незабудку" из-под обстрела, но, конечно, мешало двигаться дальше под оставшимися парусами. Матросы побежали рубить снасти, чтобы избавиться от этой помехи.

Тем временем "Морская дева", продолжавшая укрываться за дымовой завесой между двух горящих кораблей, получила удар с неожиданной стороны - а именно оттуда, где, как считал Кнаббе, его прикрывал второй из галеасов. Однако вынырнувшее из дыма ядро с грохотом врезалось в полубак чуть ниже его палубы, расшвыривая в стороны деревянные обломки. На самом деле, хотя второй галеас и горел - причем пожар, начавшийся на носу, распространился уже достаточно, чтобы безнадежная участь судна стала очевидной - пламя все еще не добралось до кормы, где, в свою очередь, расчет поворотного орудия хладнокровно решил не покидать свой пост. Это не был самоубийственный героизм - это был вполне трезвый (хотя и противоречащий естественным рефлексам) расчет, что спрыгнуть за борт они еще успеют, а пока есть время сделать еще хотя бы пару выстрелов по врагу. При этом как раз с их позиции силуэт "Морской девы" был виден достаточно хорошо - дым скрывал его лишь частично.

Кнаббе не понял этого в первый момент, но понял, что ядро никак не было шальным и случайным, а стало быть, оставаться на прежнем месте (точнее, дрейфовать вместе с горящими кораблями) смысла больше не имеет, и снова (к немалому облегчению кашлявшей и пытавшейся дышать сквозь натянутую на нос одежду команды) вывел каракку на открытое пространство к северу. Здесь он, едва дымное облако осталось позади, с радостью увидел еще два гигантских костра, в одном из которых опознал третий галеас. Флагман! Был ли таковым второй корабль или третий - теперь ему уже точно конец! Молодцы, "Незабудка", чертовы дураки, нарушившие прямой приказ и полезшие в бой на купеческом нефе против целого флота военных судов, включая невиданных прежде монстров - но какие же молодцы! Капитана - под трибунал, тут же помиловать королевским указом, дать графский титул и чин вице-адмирала! Он, Кнаббе, будет лично ходатайствовать перед королевой... впрочем, пока еще рано праздновать победу. Остается еще четвертый галеас, и теоретически флагманом все-таки может оказаться он. Да и вражеский

командующий еще вполне может выжить, перебравшись на другой корабль - хоть на лодке, хоть даже вплавь. Как ведут себя неприятельские суда? Ретируются, как подобает флоту, лишившемуся командира - или же продолжают бой?

Увы - ретироваться они совершенно не собирались. Напротив - четвертый галеас, благополучно разминувшись с караккой, которую подожгла "Незабудка", теперь спешил на веслах к потерявшему ход нефу с явным намерением расстрелять его прежде, чем тот сумеет восстановить управляемость, избавившись от вынуждающей его крутиться на месте (и тем не дающей целиться) мачты. Две имперские каракки, слева и справа, также шли в сторону "Незабудки" явно с той же целью, но могли и не успеть занять оптимальную для стрельбы позицию - а вот галеас должен был успеть, тем паче что благодаря веслам он мог быстро остановиться напротив цели и стрелять, как в тире, не нуждаясь ни в каких поправках на движение.

Кнаббе направил "Морскую деву" ему наперехват - точнее, по дуге с таким расчетом, чтобы все время находиться носом к противнику, минимизируя свой простреливаемый профиль. Если в противостоянии с обычным судном наиболее опасной была лишь позиция на его траверзе - на любом ином направлении угрозу представляли лишь поворотные орудия - то галеас благодаря веслам мог из любого положения быстро развернуться бортом к противнику, а затем столь же быстро вернуться на прежний курс, так что безопасного угла сближения с ним не существовало. Выбранная Кнаббе траектория означала, что идти придется бейдевиндом, выполняя левый оверштаг в процессе - и что скорость, соответственно, будет куда меньше, чем хотелось бы. Но это был самый надежный - и, вероятно, последний - шанс подобраться к врагу, пока тот еще занят "Незабудкой". Если маневрировать, пытаясь обойти галеас с наветренной стороны и зайти в атаку оттуда, он за это время разделается с нефом и, пользуясь своим преимуществом в скорости и маневренности, уклонится от дальнейшего боя, предоставив добить "Морскую деву" караккам. А скорее всего - те даже сделают это раньше, не дав закончить обходной маневр. Лишь в последний момент Кнаббе рассчитывал пройти за кормой галеаса и атаковать его все-таки с наветренной стороны левым бортом - не только потому, что в этом случае ветер понес бы огонь на врага, а не обратно в сторону "Морской девы", но и потому, что помнил о возможных повреждениях шлангов огнеметов правого борта, заменять которые уже не было времени.

На галеасе, конечно, заметили "Морскую деву" (которую до этого потеряли из виду, когда она скрылась между горящими кораблями), но в первый момент приняли за одну из своих каракк, полагая, что вражеская уже уничтожена - однако быстро осознали свою ошибку. Тем не менее, галеас не снизил ход, явно рассчитывая разделаться с двумя неприятельскими судами одновременно, что его тяжелое вооружение вполне позволяло.

Первый выстрел по "Морской деве" сделало левое носовое поворотное орудие галеаса. Он угодил почти точно в правый носовой огнемет каракки, убив при этом двух солдат, управлявших раструбом и помпой (чан с топливом, питавшим оба носовых огнемета, находился внутри носовой надстройки и не пострадал). К этому времени, правда, айринтийцы уже успели заменить перебитый шланг левого носового огнемета, так что тот вновь был готов к бою. Но расстояние пока еще было слишком большим.

Когда "Морская дева" оказалась на траверзе галеаса, оттуда вылетели еще два ядра, вдвое более тяжелых, чем первое - одно из них отскочило от борта, оставив, впрочем, за собой длинную трещину, зато второе угодило точно в нос, пробив наружную обшивку и внутренние переборки полубака, а затем и стенку чана с горючей жидкостью. Возгорания не произошло - ядро не было горящим, а в помещении не было светильников - однако жидкость хлынула на пол, растекаясь во все стороны и наполняя помещения носовой надстройки резким запахом спирта и масла. На галеасе не спешили лупить всем бортом в удобный момент, пока каракка находилась у них на траверзе - ибо там поняли ее маневр и выжидали, пока она окажется в еще более удобной

позиции в левентике, точно у них под ветром. И вот тогда уже галеас красиво довернул влево с помощью весел, так, что "Морская дева" по очереди оказалась на линии прицела трех орудий левого борта, которые отработали по ней одно за другим - обрезками, ядром и снова обрезками.

Ядро врезалось в полубак уже под углом сверху-слева, пробив несколько палуб надстройки; разлившаяся горючая жидкость потекла вниз, срываясь ручьями с иззубренных краев проломов до самого трюма. Основной удар обрезков приняла на себя фок-мачта. Она устояла, но почти половина фока-рея рухнула на палубу, увлекая за собой верхний левый угол паруса. Впрочем, оба паруса фок-мачты были изорваны в клочья, были перебиты также фока-штаг и правые брасы фока- и фор-марса реев[125] и вновь частично перерублены только что починенные ванты. Сверху на палубу посыпались обломки марсовой площадки вместе с размещенными там для обмана вражеских лучников тряпичными куклами (но на галеасах не было лучников - только тяжелая артиллерия). В целом фок-мачта была фактически выведена из строя - управляемость ею была потеряна, и оставшиеся лохмотья парусов, треплемые ветром, теперь лишь мешали ходу.

И хуже того - подходившая справа вражеская каракка тоже развернулась и отстрелялась по почти остановившейся в левентике "Морской деве". Большинство ядер, правда, ушли за корму - неприятель слишком поспешил, не желая самому терять ход в позиции носом к ветру - но два все же ударили в корму, породив новые течи в трюме.

Кнаббе с отчаянием чувствовал, как "Морская дева" теряет ход. При нынешнем состоянии парусов уже не приходилось надеяться обойти галеас сзади и окатить огнем справа. Теперь в самом лучшем случае еще оставался шанс доползти хотя бы до его левого борта - точнее, до той дистанции, откуда можно будет достать его правыми огнеметами. Но прежде, чем "Морская дева" на последних остатках инерции и управляемости сумеет занять эту позицию, по ней уже практически в упор отработают остальные орудия галеаса - и, вполне вероятно, разнесут ее в щепки. Во всяком случае - снесут оставшиеся мачты и добавят еще несколько дырок ниже ватерлинии, после чего галеас спокойно уйдет вперед, не дав гибнущему кораблю ни единого шанса (ну разве что - выстрелить из единственного уцелевшего камнемета правого борта, но даже идеальное попадание одной болванки, очевидно, не нанесло бы серьезного ущерба такому монстру).

Могут ли они промазать с такого расстояния по еле ползущей цели? Однозначно нет. Но Кнаббе продолжал самоубийственный маневр подхода с разворотом к левому борту галеаса - ничего другого ему уже не оставалось просто физически. Даже если бы "Морская дева" попыталась просто отвернуть, чтобы выйти из боя (чего ей бы, конечно, не позволили), она вынуждена была бы пройти по той же самой траектории.

Тем временем "Незабудка" продолжала крутиться на месте. Ее капитан вовремя сообразил, что пока не стоит отрубать мачту, которая со своим полощущимися в воде парусом позволяет нефу разворачиваться гораздо быстрее и с гораздо меньшим радиусом, чем это было бы возможно без нее - фактически обретя ту же маневренность, что и у галеаса на веслах, или даже еще лучшую, учитывая его бо́льшую массу и длину. Конечно, эта "маневренность" годилась лишь для разворота на месте, причем только в одну сторону - но сейчас "Незабудке" нужно было именно это, чтобы развернуться к приближающемуся галеасу правым бортом, пока орудия левого еще перезаряжаются. Правда, с другой стороны уже подходила вражеская каракка, но капитан "Незабудки" понимал, кто является для него главной целью - и главной угрозой.

На галеасе, наконец, сообразили, что неф кружится на месте быстрее, чем ожидалось, умело брасопя реи под ветер в процессе разворота - и делает это, видимо, целенаправленно, а вовсе не беспомощно. И действительно, как только фок-мачта помогла "Незабудке" развернуться в идеальную позицию для стрельбы по галеасу правым бортом, удерживающие ее снасти были

[125]Первый и второй снизу реи фок-мачты. На участвующих в описываемой баталии кораблях более высоких реев нет (на нефах, несущих единственный парус на фок-мачте, нет и фор-марса-рея).

обрублены. Галеас же в это время довернул влево, оказавшись как раз на линии, соединяющей неф и каракку, в оптимальной позиции для стрельбы обоими бортами сразу по двум вражеским кораблям. Точнее - первый залп следовало сделать по нефу, уже изготовившемуся к стрельбе, а потом (дабы поперечная качка, вызванная отдачей могучих орудий при стрельбе всем бортом, не сбивала прицел артиллеристам с другой стороны) - по каракке.

На этот раз неф не успел выстрелить первым. Но не успел и галеас, Чугунные ядра и обрезки с обеих сторон взвились в воздух одновременно.

Мгновение спустя град ударов обрушился на галеас, снося под корень грот-мачту и одновременно срубая ее стеньгу, а также перерубая бейфут, удерживающий фока-рей. Мачта, переламываясь пополам, и сорванный рей упали на палубу ближе к левому борту, накрыв большими парусами грозные метательные машины за мгновения до того, как они выстрелили бы по "Морской деве".

Однако и расплата за этот успех была суровой. За исключением двух крайних ядер, шлепнувшихся в воду позади и впереди нефа, все остальные снаряды галеаса накрыли цель, разнося в щепки правый борт "Незабудки" и выше, и ниже ватерлинии. Одно ядро угодило точно в шканцы. Отважному капитану "Незабудки" не довелось стать ни графом, ни вице-адмиралом, ни даже подсудимым трибунала. Сто фунтов чугуна буквально размазали его по доскам настила, превратив все, что было выше пояса, в бесформенное кровавое месиво.

Но "Морская дева" получила свой шанс. Орудия не могли стрелять из-под накрывших их парусов (весивших в несколько раз больше, чем ядра) и перепутавшихся канатов. Свободными остались лишь орудия ближе к корме, но это как раз были те, что уже отстрелялись. Так что, пока офицеры яростными криками подгоняли матросов, кромсавших ножами тяжелую парусину и прочные канаты, пока была отдана куда более адекватная команда "Полный вперед!" гребцам, остановившим было судно для комфортной стрельбы с неподвижной позиции - команда, которая никак не могла быть выполнена мгновенно в силу инерции огромного (по меркам своего мира) корабля - стало уже слишком поздно. Каракка медленно и неуклюже, но подобралась к левому борту галеаса и плюнула в него огнем из всех имевшихся стволов.

Пламя сразу охватило упавшие паруса, а затем перекинулось дальше, растекаясь по палубе и карабкаясь по уцелевшим снастям и мачтам. Но в это же время горючая жидкость брызгала в разные стороны тонкими струйками из перебитых шлангов на палубу и борт каракки - пока еще не подожженная, но достаточно было лишь искры. И ветер донес эти искры с горящего галеаса, пока "Морская дева" проходила с подветренной стороны вдоль его левого борта.

Кнаббе видел и понимал опасность, но сделать уже ничего не успел, да и не мог. Это был единственный шанс уничтожить галеас, и он им воспользовался. Надежды уйти на сильно поврежденном, набиравшем воду судне из окружения целых и невредимых вражеских каракк все равно не было. Но это было уже не столь важно. Главное - все четыре галеаса (которые он про себя называл "голиафами") горели - включая, соответственно, имперский флагман. И вместе с, между прочим, половиной флота вторжения. Даже если их командующий и доберется вплавь до одной из своих каракк, после таких потерь он не решится продолжать операцию. Сегодня он, *адмирал* Кнаббе, и его люди уничтожили в одном бою более сорока тысяч врагов, потеряв всего два больших корабля и, кажется, одну шхуну, не считая совсем уж несерьезной мелочи - в общей сложности, наверное, порядка трех сотен человек. Ну максимум - если потери "мелочи", которых он не знал, были выше - четыре сотни. Менее процента от потерь противника. Победы с таким сокрушительным счетом не одерживал, кажется, еще никто - ни на суше, ни на море. Даже легендарный Когбург. И что с того, что в число этих трехсот входит и он сам? Теперь о нем, адмирале Кнаббе, герое битвы при Кромбурге, тоже сложат легенды и песни. А все его идеи по возрождению айринтийского военного флота не пропадут, теперь-то они точно не затеряются в канцелярских архивах... Жалко было только "Морскую деву" - хороший был корабль. Лучший

из всех, какими он когда-либо командовал.

Но что все-таки с "Незабудкой"? Возможно, он зря спешит списать в потери и ее команду? Если неф не получил серьезных повреждений (Кнаббе не видел этого за галеасом), может быть, он еще сумеет уйти? Дуракам, говорят, везет... хотя эти парни из торгового флота проявили себя в бою отнюдь не как дураки. И если им хватило ума поджечь третий "голиаф" и критически повредить четвертый, то, быть может, теперь, прикрываясь дымовой завесой от горящих кораблей...

В постановке которой, кстати, теперь уже может поучаствовать и "Морская дева" - причем, в отличие от имперских кораблей, сознательно и целенаправленно. Кнаббе смотрел, как разгорается пламя вдоль правого борта. Матросы суетились, пытаясь потушить очаги огня с помощью песка и воды - и даже валявшихся на палубе кусков парусины, но он сомневался, что у них получится. Все эти методы хороши, когда надо задушить огонь на ровной падубе - а со всеми проломами, которые наделали ядра, огонь уже наверняка проник на нижние палубы.

"Морская дева" наконец обогнала потерявший ход горящий галеас (весла, брошенные охваченными паникой гребцами, быстро тормозили его), и Кнаббе увидел "Незабудку". Даже в скудном освещении - Кольца, едва брезжущего сквозь тучи на востоке рассвета и отсветов пламени от горящих судов - ему сразу стало понятно, что дела "Незабудки" плохи. И потеря фок-мачты не была единственной проблемой. Неф уже успел накрениться на правый борт - очевидно, он быстро набирал воду. Еще несколько минут - и он опрокинется. Даже каракка, подходившая слева, чтобы добить его, раздумала и отвернула, не желая попусту лезть под удар орудий уже и так обреченного корабля. Впрочем, когда крен станет еще больше, делая практически невозможной работу артиллеристов, она, возможно, все же подойдет пострелять по уже беспомощной мишени...

Но тут Кнаббе увидел то, что практически заставило его забыть и о нефе, и о вражеских каракках, и о песнях, которые напишут в его честь.

Ибо понял, что с мечтами о песнях он явно поспешил.

Это было настоящее морское чудовище. Кнаббе называл "монстрами" и "голиафами" имперские галеасы, которые увидел до этого, но оно превосходило их в размерах в той же мере, в какой они сами превосходили каракки. Семьдесят ярдов в длину (вдвое длиннее "Морской девы" и вдвое шире ее в самой широкой ее части). Пять мачт - фок, две грот и две бизани. Пятьдесят весел на каждом борту, каждое из которых приводилось в движение восемью гребцами (последнего обстоятельства Кнаббе знать не мог - он даже затруднился пересчитать сами весла, лишь прикинув на глаз, что их не менее четырех дюжин, но их размеры в любом случае впечатляли). И силуэты метательных машин на широкой палубе, размеры которых сделали бы честь даже стационарной крепостной артиллерии.

До сих пор он держался позади других гроггендорских судов (даже обогнавших его каракк последней шеренги), в предположении, вероятно, что они справятся со всеми возникшими помехами сами. Но вот теперь он волей или неволей выступил вперед во всей красе, еще более жуткий в полумраке, чем был бы при дневном свете, словно и в самом деле явившийся из каких-то инфернальных бездн, а не сошедший со стапелей гроггендорской верфи.

Центральный корабль четвертой шеренги - единственный такой и в ней (остальные шесть, уже ушедшие вперед, были каракками), и во всем имперском флоте...

Флагман.

Единственное, чем он не превосходил остальные суда - это высотой мачт (именно поэтому айринтийцы до сих пор не замечали его за мачтами и корпусами более близких судов). Каждая его мачта несла только по два паруса, соблюдая неизменное правило всех корабелов известного Кнаббе мира - третий ярус парусов был для них табу, считалось аксиомой, что такой

корабль будет слишком неустойчив и опрокинется от первого порыва ветра[126]. И уж в особенности противопоказаны были излишне высокие мачты судну, у которого центр тяжести и так располагался слишком высоко из-за чересчур тяжелых метательных орудий на верхней палубе. Но имперский флагман имел по два паруса именно что на каждой мачте, включая обе бизани - чего не было ни на каракках, ни даже на других галеасах. Но Кнаббе смотрел теперь во все глаза не на плохо видную ему корму, а на нос морского чудовища.

Сперва ему показалось, что у гигантского галеаса какой-то необыкновенно высокий и длинный бушприт. Но тут в прореху туч на востоке пробился первый утренний луч, словно специально озарив грозный флагман на фоне все еще темного моря, и Кнаббе понял, что бушприта у него не было вовсе! Штаги фок-мачты, очевидно, крепились прямо к палубе - а вот то, что возвышалось на носу, занимая практически весь полубак, выглядело, как порождение больной фантазии.

Или, возможно, не совсем больной. В конце концов, это была своеобразная реализация идеи, недавно мелькнувшей с подачи Мунса у самого Кнаббе - о снаряде на привязи, который после удара по вражескому кораблю можно втаскивать обратно, решив таким образом проблему расхода боеприпасов. Сооружение на носу флагмана происходило от обычной грузовой стрелы, только представляло собой ее гротескно-гипертрофированную, как почти все на этом корабле, версию. Стрела уходила вперед на добрые двадцать ярдов (почти треть длины самого галеаса!), а под ней на толстой цепи висел металлический шар диаметром чуть ли не в ярд, весь утыканный коническими шипами, способными пробить не то что самое крепкое дерево, но и самую прочную стальную броню. Стрела позволяла не только "ронять" этот шар вертикально вниз на палубу вражеского судна, пробивая его насквозь до самого днища, но и раскачивать из стороны в сторону, регулируя длину цепи для увеличения размаха и нанося удары в борт - или даже в стену наземного укрепления; стрела также могла использоваться как осадная лестница, для чего на верхней ее стороне имелись деревянные ступеньки). Механизм, управлявший вертикальным и горизонтальным движением стрелы и шара, размещенный в носовой надстройке, был весьма сложен и требовал скоординированных усилий двух ломовых лошадей и сорока человек. Но зато жуткое орудие выглядело способным одним ударом не только разнести в щепки любой корабль, но и проломить практически любую крепостную стену. В самом деле, ни один, самый гигантский, требушет, не говоря уже о корабельной артиллерии, не в состоянии метать четырехтонные ядра - а стало быть, и крепости не строят в расчете на удары такой силы (да и не существует на свете камней, способных их выдержать).

Однако шок Кнаббе от увиденного прошел очень быстро, сменившись кривой усмешкой. Он понял, что этот цепной моргенштерн-переросток столь же неэффективен, как и его ручной аналог - а точнее, еще менее эффективен. Кнаббе был моряком, а не солдатом, но даже он знал, что цепные моргенштерны, они же кистени, используют разве что разбойники - но не профессиональные солдаты, ни в королевских, ни в феодальных армиях. Обычные (шипастые палицы) - да, цепные - нет. Ибо шар на цепи только выглядит устрашающе и годится главным образом для запугивания безоружной или не умеющей сражаться жертвы. В реальном же бою он крайне неудобен из-за большой инерции, а кроме того, даже пробив вражеский щит или доспех, имеет обыкновение застревать там своим шипами (опять же, шипастую палицу, представляющую собой твердый рычаг, выдернуть легко, шар на цепи - нет). А уж при таких размерах... Гладкий шар был бы более разумным решением, но гроггендорскому конструктору, очевидно, пугающий вид был важнее. Впрочем, независимо даже от формы, раскачивание такой здоровой дуры должно вызывать качку всего судна - и даже рысканье на курсе. То-то артиллеристы спасибо скажут, когда это помешает им целиться...

И вообще, весь этот мегагалеас мог быть построен только в империи - то есть там, где

[126]Такое действительно случалось с первыми парусниками, несшими брамсели (третий ярус парусов). В частности, так затонул шведский боевой корабль "Vasa" (1628).

устрашение, гигантизм и помпезность важнее любых практических соображений. Кнаббе не понадобилось много времени, чтобы понять, какова расплата за всю эту внешнюю грозность. Такая прорва гребцов потребляет огромное количество воды - за флагманом должен следовать отдельный корабль с припасами для них (так оно и было, вооруженный неф в последней шеренге). Не только "кистень", но и прочие слишком тяжелые орудия судна, поднимая его центр тяжести, опасно снижают его остойчивость, фактически не позволяя ему ходить в шторм. Мощность этих орудий (взводимых в боевое положение мускульной силой, а все рычаги и блоки, обеспечивающие выигрыш в силе, одновременно дают проигрыш в расстоянии и, следовательно, во времени) и тяжесть их боеприпасов (флагман использовал двухсотфунтовые ядра) делают перезарядку запредельно долгой для реального боя, к тому же их отдача должна, опять-таки, раскачивать корабль. Кроме гребцов и артиллеристов, на корабле, очевидно, просто нет места, чтобы разместить кого-то еще - ни лучников, ни абордажную команду, и даже матросов парусной команды должен быть самый минимум (и это было верно - их число было сокращено до предела, при том, что парусов на флагмане было больше, чем на любом другом судне флота; при штатной численности матросы со своими обязанностями все же справлялись, но резерва на случай боевых и небоевых потерь не было никакого). Возможность использовать "кистень" против наземных крепостей также сомнительна - для этого крепость должна стоять не просто вплотную к воде, но к воде достаточно глубокой для такого корабля с его большой осадкой. Правда, эффективно обстреливать своими тяжелыми ядрами крепость издали этот корабль все-таки может - но лишь при условии, что его плотно прикрывают другие суда. Иначе его сумеет поджечь любая фелука - а еще лучше, несколько фелук, подплывших с разных сторон, против которых у него практически нет защиты: они слишком быстрые, маленькие и верткие для его тяжелой артиллерии (да и нетрудно подобрать время, когда артиллеристы будут перезаряжаться), "кистень" может махать только вокруг носа, а лучников на борту нет.

В целом по здравому размышлению выходило, что флагман имперского флота был чертовски большой, сложной и дорогой и при этом практически бесполезной игрушкой.

Если не считать того факта, что он был флагманом. И что именно там, по всей очевидности, находился командующий всеми гроггендорскими силами вторжения. Вероятно, и со всем своим штабом.

На шканцы снова взбежал Притчард. Его косынка намокла от крови, но он, похоже, снова не обращал на это внимания.

- Матросы потушили огонь на палубе, сэр, - доложил он запыхавшимся голосом (Кнаббе уже видел это и сам), - но горящая жидкость протекла через проломы на нижние палубы. А у нас, похоже, большой разлив горючки в носу. Я запретил всем входить туда с фонарями, но это ясно уже по запаху. Если огонь доберется туда...

- Это уже неважно, - перебил его Кнаббе. - Прикажите рубить фок-мачту.

- Сэр?

- В нынешнем состоянии она будет только мешать нам идти бейдевиндом.

- Но сэр, потеря грот-стень-штагов[127] ослабит и грот-мачту, такелаж которой тоже имеет повреждения, и я не уверен, что...

- Поэтому не вы здесь капитан! - рявкнул Кнаббе.

Притчард сглотнул.

- Да, сэр.

- Если завалится и грот - значит, пойдем под одними бизанями! - продолжал Кнаббе. - Но мы должны добраться до этого... яла-переростка любой ценой! И велите выкидывать за борт все тяжелое, начиная с оставшихся болванок. Надо максимально облегчить корабль.

Второй помощник, уже понявший, что капитан уготовил "Морской деве" роль брандера,

---

[127]Крепятся к фок-мачте.

мог бы возразить, что, как ее ни облегчай, в нынешнем состоянии она не сможет идти бейдевиндом быстрее пары узлов, а стало быть, "ял-переросток" легко сумеет уклониться от встречи с ней - но лишь повторил:

- Да, сэр.

- Нам в любом случае нужно продержаться лишь несколько минут, - добавил Кнаббе другим, тихим голосом. - Вы же видите, - на миг сняв руку с колдерштока, он сделал жест вокруг, указывая на приближающиеся справа и слева гроггендорские каракки.

- Понимаю, сэр, - так же негромко ответил Притчард и побежал отдавать распоряжения.

Тем временем "Незабудка", избавившаяся, наконец, от болтавшейся в воде мачты, тоже двинулась навстречу имперскому флагману со всей еще доступной ей скоростью в полтора узла. Казалось невероятным, что судно в таком состоянии еще может куда-то идти, и тем более - в атаку, но принявший командование первый помощник не хуже Кнаббе понимал, что в любом случае и он, и его корабль, и все его люди обречены, и единственное, что им еще остается - попытаться из последних сил дотянуться до врага, пусть даже объективно на это и нет шансов...

Кнаббе наблюдал за движением нефа - который шел медленней "Морской девы", но был ближе к цели - глуша разумным скепсисом иррациональную надежду. Они опрокинутся раньше, чем доползут, думал он. А если даже и нет - "переростку" достаточно сделать пару движений веслами назад, чтобы спокойно дождаться этого. Одна только надежда на имперскую спесь, которая не позволит флагману всего гроггендорского флота пятиться назад от двух еле ползущих калек, которые вот-вот затонут сами. Но ведь не совсем же они там идиоты, чтобы дать нам подойти на дистанцию огнемета, не говоря уже про таран...

Имперская каракка, подходившая слева и отвернувшая было в сторону, снова переменила курс и дала залп по "Незабудке". Несколько ядер попали в левый борт, но неф продолжал упорно ползти вперед. Впрочем, отвернуть он теперь не мог даже при желании, ибо одно из ядер, попавшее в корму, повредило руль. Тем временем каракка справа, потерявшая было "Морскую деву" из вида за горящим четвертым галеасом, вновь увидела ее и опять пошла на сближение, без особого труда сокращая дистанцию.

Но тут фок-мачта "Морской девы" с шумным плеском рухнула в воду, сваленная стараниями тех самых матросов, которые еще недавно прилагали столько усилий, чтобы ее укрепить - что одновременно добавило каракке скорости и маневренности, хотя ее стало труднее держать на курсе. Это произошло практически в тот же момент, когда преследовавшая ее имперская каракка выстрелила - но не всем бортом, а пристрелочно, из носового орудия. Ядро шлепнулось слева от кормы, перелетев через полуют, но полумрак все еще играл на руку айринтийцам - рухнувшая мачта убедила имперских артиллеристов, что это они, целившие в середину судна, попали с перелетом - и потому весь следующий залп, с учетом принятой поправки, поплюхался за кормой.

Но когда освободившийся от тяжести мачты нос приподнялся из воды, разлившееся там топливо потекло назад по нижней палубе - и меньше чем через минуту, достигнув места, где уже горел проникший сверху огонь, вспыхнуло по всей длине передней половины корабля. Матросы, передававшие друг другу чугунные болванки, чтобы выбросить их за борт, с криками бросились наверх.

На шканцы в последний раз взбежал Притчард.

- Сэр...

- Вижу, - спокойно перебил его Кнаббе. Огонь еще не вырвался наружу, но дым уже валил из проломов и щелей. Но капитан смотрел не на дым, а сквозь него. Его руки по-прежнему крепко сжимали колдершток, направляя корабль под тупым углом навстречу имперскому флагману. Притчард повернулся в ту же сторону.

- Думаете, они не отвернут, сэр? - негромко спросил он.

- Я бы отвернул, - ответил Кнаббе все так же спокойно. - Но я бы и не стал строить

такой... попугайский корабль.

Имперская каракка, догонявшая "Морскую деву" и уже начавшая маневрировать для нового залпа левым бортом, вдруг прекратила этот маневр и начала уходить вправо. Там заметили дым, быстро становившийся все гуще и уже подсвеченный пламенем снизу, и решили не тратить боеприпасы на и так уже обреченный корабль, подставляясь к тому же под его все еще возможные выстрелы. Однако флагманский галеас продолжал идти навстречу "Незабудке" и "Морской деве" вместо того, чтобы сдать назад и спокойно дождаться, пока одна из них утонет, а вторая сгорит. И помимо имперской спеси и желания кое-кого на борту лично добить наглых айринтийцев, на то существовала и более веская причина.

Со шканцев "Морской девы" ее уже не было видно за дымом, но эта причина имела две коротких мачты с косыми черными парусами и заходила на огромный корабль с кормы. "Махи-махи", неугомонная шхуна, вовсе не вышла из боя. Она лишь сделала большой круг, скрывшись от глаз врагов в предрассветном мраке, и теперь снова настигла имперский флот с тыла, с наветренной стороны. Вид гигантского (по меркам своей эпохи) галеаса не смутил ее маленькую команду - которая могла бы, конечно, выбрать цель поскромнее (например, неф с водой), но пристроилась в кильватер самому внушительному судну из всех, какие они (и не только они) видели за всю свою проведенную в море жизнь.

В конце концов, какой рыбак не мечтает о по-настоящему крупной добыче?

На имперском флагмане, надо отдать должное и ему, не стали недооценивать опасность, исходящую от какой-то маленькой рыбачьей шхуны. Хотя оттуда и не видели, как "Махи-махи" подожгла самый первый галеас, на флагмане уже поняли, что главное оружие айринтийцев, позволившее им нанести такой ущерб флоту вторжения - не большие размеры и тяжелые ядра, а огонь, который может изрыгать и небольшое суденышко. Впрочем, и необходимости, забыв о своем имперском достоинстве, удирать от него на всех веслах там тоже не видели, а продолжали плавно и величественно идти вперед под парусами, не тормозя и не ускоряясь, словно бы и не замечая наглую шавку. Но на самом деле артиллеристы поворотных кормовых орудий лишь выжидали, пока цель подойдет на оптимальное расстояние - и дождались.

Левое орудие выстрелило первым. Оно было заряжено противопарусно-противотакелажными боеприпасами, но это не были просто острые и длинные куски железа, как на других судах. Всем им была придана симметричная форма двух лопастей с остро заточенными краями - точь-в-точь самолетные пропеллеры, разве что не столь аэродинамически совершенные. И идея их заключалась именно в том, чтобы они раскручивались в полете от встречного потока воздуха и, достигнув цели, рубили ее на куски. Локхарт бы оценил, хотя за образец автор идеи брал, конечно, не самолет, а двукрылатки семян клена.

Оснащать подобным образом другие суда не имело смысла - "пропеллеры" летели не так быстро и, главное, не так далеко, как простые обрезки или ядра, ибо сопротивление воздуха, раскручивая, одновременно тормозило их. Но на флагмане даже поворотные кормовые орудия были мощнее, чем стационарные на каракках.

Выстрел, громкое и жуткое стрекотание, словно от железных крыльев апокалипсической саранчи - и на палубу шхуны посыпались обрывки перерубленных снастей и лоскуты парусины. С грохотом рухнули гафели обеих мачт, увлекая за собой располосованные паруса. Сами мачты устояли, но толку от них больше не было - поднять на них было уже практически нечего и нечем. Ни один из моряков не был убит, но двое были травмированы упавшими частями рангоута. Однако это тоже уже не имело значения. Корпус шхуны еще продолжал двигаться по инерции, но очевидно было, что выйти на дистанцию огнеметания уже не получится. И вообще ни для самой "Махи-махи", ни для людей на ее борту уже не получится ничего и никогда. Разве что обложить напоследок Гроггендор и его императора так, как умеют ругаться только моряки - но даже на это у них уже не осталось времени.

Второе кормовое орудие, заряженное тяжелым ядром, выстрелило по шхуне,

беспомощной, словно лишившееся конечностей туловище, едва дистанция между судами начала увеличиваться. Ядро грохнулось в самую середину, почти что расколов легкий корпус пополам. "Махи-махи" затонула очень быстро.

Однако, пока флагман разбирался с этой проблемой сзади, он сблизился с "Незабудкой" спереди. Неф к этому времени частично выровнял крен - но, увы, лишь за счет того, что вода теперь поступала и через пробоины слева, и хотя матросы на помпах работали изо всех сил, а их товарищи все еще пытались заткнуть дыры просмоленной парусиной и листами фанеры, корабль продолжал постепенно погружаться. Его движение вперед почти остановилось, но галеас сам продолжал идти навстречу, и айринтийские огнеметчики, взобравшись на самый нос, кусали губы, дожидаясь своего единственного и последнего шанса.

Этого шанса им не дали. Стрела "кистеня" пошла вправо, и почти тут же могучие весла галеаса взрыли крутые буруны обратным движением, тормозя настолько резко, насколько это было возможно для судна с такой инерцией - а затем стрела быстро двинулась обратно. Громко залязгала толстая цепь, стремительно разматываясь через зубчатый шкив, и шипастый шар устремился вниз и одновременно по дуге справа налево, увлекаемый горизонтальным движением стрелы. Огнеметчики "Незабудки", понимавшие, что произойдет через пару секунд, до отказа повернули вентили своих раструбов. От носа галеаса их отделяло немногим более двадцати ярдов - это была как раз предельная дистанция, на которой оставался шанс поджечь врага. Но этот шанс сработал бы, будь ветер попутным. Увы - для них он был практически встречным, и огненные струи лишь бессильно упали в воду за пару ярдов до вражеского форштевня. Хотя зажигательная смесь продолжала гореть и на поверхности воды, волны, поднятые тормозящими веслами и самим корпусом флагмана, погнали ее прочь от уже почти остановившегося галеаса.

В следующий миг шар на длинной цепи, увлекаемый собственной инерцией дальше, чем доставала стрела, с грохотом обрушился сбоку на нос "Незабудки" и снес одним ударом чуть ли не половину носовой надстройки, включая и бушприт, и огнеметчиков вместе с их оружием - только брызнули в разные стороны и шумно посыпались в воду деревянные и прочие обломки и ошметки. От этого страшного удара содрогнулся весь корпус нефа, и грот-мачта, и без того нетвердо стоявшая после потери фок-мачты, а теперь лишившаяся последних штагов, удерживавших ее спереди, завалилась назад, грохнувшись на кормовую надстройку и переломившись пополам. И тем не менее - страшная рана оставалась намного выше ватерлинии, и изувеченный неф, хотя уже и полностью беспомощный, все еще оставался на плаву. И те, кто управляли стрелой и шаром, пожелали нанести последний эффектный удар.

Стрела поднялась вверх, цепь снова залязгала, втягивая все еще покачивающийся шар в самое верхнее положение (пока несчастная "Незабудка" по инерции еще медленно-медленно подплывала под него) - а затем опять загрохотала, отправляя его практически в свободное падение. Шар обрушился на палубу "Незабудки", словно меч, которым наносят финальный удар сверху вниз в грудь поверженного противника - и пробил корпус нефа насквозь до самого днища. Теперь уже ничто не могло удержать "Незабудку" на плаву, и она стала стремительно тонуть.

Цепь натянулась. Стрела застонала от натуги, принимая на себя непосильную тяжесть. Огромные колеса и шестерни скрипели и дергались на месте, несчастных лошадей, которые должны были приводить их в движение, хлестали так, словно хотели забить до смерти - но все было тщетно. Механизм не двигался с места.

Шар застрял внутри своей жертвы.

Произошло именно то, о чем недавно думал Кнаббе. То, что лишило популярности обычные цепные моргенштерны. Нельзя сказать, что строители их гигантского собрата (в отличие, надо заметить, от автора идеи, поручившего им ее практическую реализацию) вовсе об этом не задумывались. В первой версии, сделанной по рисунку того самого автора - слишком

высокопоставленного, чтобы ему возражать - проблема проявилась на первых же испытаниях. После этого шипы, а точнее, конусы, сделали короче и шире в основании. Этот вариант на испытаниях и тренировках с легкостью топил подставленные ему корабли, пробивая их хоть сбоку, хоть сверху - а потом выходя обратно. Проблема была только в том, что даже Гроггендорская империя не могла позволить себе тратить корабли такими темпами - по одному за раз просто для тренировки команды "ризенштерна[128]", как официально именовалось это орудие. И без этого для переброски армии вторжения пришлось фрахтовать айринтийский флот. Так что на испытаниях и учениях использовались наскоро сооруженные макеты и списанная трухлявая рухлядь вроде "Беатрисы". А "Незабудка" была очень крепким и добротно сделанным кораблем. И теперь, быстро наполняясь водой, тянула за собой на дно своего убийцу.

Нет, конечно, потопить галеас, более чем вчетверо превосходивший ее водоизмещением, она не могла. Если бы стрела была протянута через борт, тогда да, шанс опрокинуться у флагмана был бы вполне реальный - но не через нос. Тем не менее, галеас оказался в ловушке. Не избавившись от "Незабудки", он даже на всех своих веслах практически не мог сдвинуться с места - во всяком случае, достаточно быстро. А под углом к его левому борту со стороны носа уже приближалась "Морская дева", и пламя победно рвалось из ее носовой надстройки.

Опять-таки нельзя сказать, что строители "ризенштерна" совсем не думали о подобной возможности. Они предусмотрели механизм аварийного сброса цепи вместе с шаром. Но тянущее усилие со стороны тонущего нефа оказалось слишком большим. Механизм заклинило.

Под таким углом поразить приближающийся брандер можно было только из двух поворотных носовых орудий. Но они были заряжены ядрами, а не противопарусными боеприпасами, и перезаряжать их было поздно. А ядра при стрельбе в нос имеют обыкновение рикошетить от бортов - и даже две успешные дыры могли не пустить каракку на дно прежде, чем она доберется до борта флагмана. Это все-таки не легкая рыбачья шхуна - да и ту сперва остановили, а уже потом добили. Остановить каракку на безопасном расстоянии можно было, сбив ее оставшиеся мачты (хотя бы две из трех) - что было теоретически возможно сделать двумя ядрами, но требовало идеальной меткости, а огонь и особенно дым, охватившие нос айринтийского судна, закрывали обзор и мешали имперским артиллеристам целиться. К тому же стрела с натянувшейся цепью могла помешать наведению правого орудия через нос налево. Поэтому их командир принял другое решение - стрелять не по каракке с риском промазать и оставить застрявший на месте галеас беззащитным, а - с носа вниз в упор - по полузатонувщему нефу в надежде окончательно разрушить его корпус и высвободить цепь. Был ли этот вариант лучше или хуже, чем стрелять по каракке? Трудно сказать - гарантии не давал ни один из них, но решение надо было принимать немедленно, и гроггендорский командир принял такое.

- Застряли! - с мальчишеской радостью завопил Притчард, наконец разглядевший сквозь дым, что происходит, и тут же закашлялся. Огонь, охвативший уже весь нос "Морской девы", подбирался к грот-мачте, но на шканцах жар еще почти не чувствовался - а вот дышать было уже тяжело даже сквозь натянутую на нос повязку. - Смотрите, сэр, они застряли!

- Похоже, Троица все еще на нашей стороне, - проворчал Кнаббе, сжимая колдершток.

На носу флагмана снова торопливо заскрипели рычаги и блоки, наводя носовые орудия под непривычным углом вниз. Выстрел. Выстрел. Хруст разлетающихся досок, плеск волны снизу вверх сквозь раскуроченную палубу "Незабудки" - или того, что от нее осталось. И по-прежнему туго натянутая цепь. Шар застрял слишком глубоко.

Над палубой "Морской девы" один за другим вырастали огненные столбы - пожар добрался и до других резервуаров с топливом и теперь распространялся очень быстро. Матросы прыгали в воду с обоих бортов, спасаясь от огня. Но Кнаббе знал, что это всего лишь растягивание агонии. Да и, в любом случае, кто-то должен был держать на курсе корабль,

---

[128]От герм. riesen - "гигантский".

ставший слишком рыскливым. Держать до самого конца. Хотя одного человека для этого было достаточно. Он покосился на второго помощника.

- Вы свободны[129], мистер Притчард. Хотя... - он мотнул головой за борт, - не рекомендую. Они не станут спасать никого из наших, а если даже и да - офицерам лучше не попадать к ним в плен. Здесь, по крайней мере, все кончится через пару минут.

- Да, сэр, - молодой человек сглотнул. - Я остаюсь.

- Благодарю за службу, мистер Притчард. Даст Троица, увидимся в следующей жизни.

- Служить с вами было для меня честью, сэр.

- Бросьте, - усмехнулся Кнаббе. - Вы служили под моим командованием всего несколько часов.

- Но эти часы я прожил как боевой офицер, а не как торговец. Я всегда мечтал... - его голос прервался.

Гроггендорские гребцы - не видевшие, разумеется, из своих клеток, что происходит, но подгоняемые отчаянными криками: "Скорее, ленивые обезьяны, или мы все тут поджаримся!" - изо всех сил налегали на весла, пытаясь оттащить попавший в капкан галеас с пути "Морской девы". Кнаббе взял чуть правее, чтобы не дать им шанса, а затем вновь покосился на Притчарда и заметил в свете пламени, что парень дрожит, а на глазах его блестят слезы - впрочем, возможно, они были лишь следствием дыма...

- Кстати, как вас звали?[130] - спросил капитан. Прошедшее время вырвалось у него непреднамеренно, но он не стал поправляться.

- Джошуа, сэр.

- Все хорошо, Джошуа. Через минуту мы выиграем эту войну. Мало кому везет умереть так, как нам! О нас еще сложат песни!

Нос каракки поравнялся с носом галеаса, и Кнаббе различил озаренные пламенем крупные буквы названия, выписанные затейливым старогроггендорским шрифтом (Локхарт назвал бы его готическим): "Vernichter". "Сокрушитель, - перевел он про себя. - Типичный имперский пафос, это вам не "Незабудка"... Ну и кто в итоге кого?"

Однако за названием возвышался громоздкий силуэт первого стационарного орудия левого борта, давно изготовленного к выстрелу - последнему шансу поразить надвигающуюся огненную смерть. Впрочем, даже попадание в упор ядром, способным разрушать крепости прошило бы оба борта каракки насквозь, но уже едва ли смогло бы ее остановить до столкновения с галеасом. Но в тот самый момент, когда старший расчета потянул спусковой рычаг, стрела "ризенштерна", не выдержав нагрузки, с громким треском рухнула на нос, ломаясь у основания, барабан, на который наматывалась цепь, сорвало с креплений, и он, круша все на своем пути, пропахал полубак, проломил нос и с оглушительным плеском плюхнулся в воду следом за погружающейся в пучину "Незабудкой". Нос галеаса, разом освободившийся от нагрузки, взлетел вверх - именно в этот момент выстрелило левое переднее орудие, посылая свое ядро намного выше "Морской девы" - а затем тяжело осел обратно, подняв высокую волну, которая качнула каракку, относя ее в сторону от галеаса. Притчард, чтобы устоять на ногах, невольно ухватился за капитана, обхватывая его рукой за плечи.

- Все хо-ро-шо! - повторил сквозь зубы Кнаббе, наваливаясь на колдершток и снова направляя каракку влево. Даже сквозь гул и треск пламени (охватившего уже и грот-мачту и обдававшего сухим жаром шканцы) он услышал - и почувствовал - как одно за другим ломаются под тяжелым форштевнем его корабля весла галеаса. Тогда он тоже обхватил одной рукой за плечи Притчарда и заорал во все горло: "За королеву и Айринтию!!!" Юноша подхватил этот клич.

Пылающая каракка врезалась в борт имперского флагмана.

---

[129]В оригинале Dismissed.

[130]В оригинале "what was your first name?"

В тот момент, когда это произошло, Мунс был все еще жив. После стрелы в ногу в него еще дважды попадали обрезки, но оба раза его спасала кираса. Нога тоже уже не болела - она онемела и больше не напоминала о себе. Правда, при попытке опереться на нее она подгибалась, поэтому Мунс привязал к ней длинную доску, некогда бывшую частью разбитого ядром защитного коридора. (На самом деле слишком тугая перевязка перекрыла доступ крови к конечности, и сейчас его нога медленно умирала, грозя в будущем ампутацией. Но Мунс в эти минуты не задумывался об этом - как и о том, есть ли у него будущее.) Смущало Мунса только то, что ему больше не удавалось блеснуть своими умениями. За все время боя с военными кораблями ему так и не представилась возможность ни забросить им на борт бутылку с горючей смесью, ни перерубить их снасти. И это после того, как капитан лично позаботился, чтобы снабдить его всем необходимым! А он, получается, не оправдывал доверия. Даже четвертый галеас подожгли без него - огнеметчики управились раньше, чем он перебежал со своим ящиком на правый борт. Но он же не виноват, он ждал (как изначально и планировал Кнаббе), что они зайдут в атаку левым, с наветренной стороны!

Но на имперский флагман - а Мунс, конечно же, сразу понял, что это и есть главный корабль всего гроггендорского флота - они заходили левым бортом. И Мунс ждал свой шанс. Ждал его даже тогда, когда над полубаком взметнулось пламя, и другие матросы принялись прыгать за борт (некоторые из них напоследок оборачивались на Мунса, продолжавшего спокойно и неподвижно стоять у борта и даже не пытавшегося снять тяжелую кирасу и шлем - и крутили пальцем у виска). Ждал и тогда, когда от дыма, сносимого ветром в сторону кормы, стало почти невозможно дышать, а палуба под ногами, под которой тоже бушевало пламя, раскалилась настолько, что это чувствовалось даже сквозь подошвы добротных солдатских ботинок. Ждал, хотя, казалось бы, было очевидно, что теперь, когда в одну большую бутылку с зажигательной смесью превратилась вся каракка, его умение больше не понадобится.

На самом деле Мунс понимал, что искать спасения в воде бессмысленно. С такой ногой он далеко не уплывет, а если бы даже и уплыл, то все равно не добрался бы до спасения. Вода была холодной, а Мунс ужасно не любил холод. Но главное было не это.

Он понимал (опять-таки как и Кнаббе, и независимо от него), что такой большой корабль, как тот, что маячил сквозь дым и огонь впереди, даже после столкновения с охваченной пламенем караккой не сгорит и не потонет сразу. И что у того, кто там всем командует, наверняка припасена лодка для спасения. А стало быть, он успеет этой лодкой воспользоваться. Если ему не помешать. Но главное было даже и не это.

Маленький человечек, дезертир, мародер, мелкий воришка и заядлый, но неудачливый игрок в кости, за всю свою жизнь не слышащий, наверное, и десятка похвал, произнесенных не снисходительно, а с искренним уважением, не говоря уже о восхищении - тоже очень хотел, чтобы о нем слагали песни.

Гигантский галеас приближался спереди, но наступающий огонь вынуждал Мунса пятиться назад, к корме. Это было плохо. Как бы ловко он ни метал различные штуки, даже ему будет трудно метко бросить тяжелый топор слишком далеко. Мунс, правда, понимал, что каракка сближается с галеасом под тупым углом, а потому после удара не просто уткнется носом в борт, а развернется вдоль такового и пройдет еще, ломая весла, какое-то расстояние по инерции - а стало быть, вражеская палуба окажется рядом, даже если кидать с самой кормы. Но этот имперский корабль был слишком уж здоровенный - а попасть надо не куда-то "на палубу", а на шканцы, в кормовую часть - их главный должен быть именно там. В то время как "Морская дева", очевидно, застрянет среди обломков в носовой части. С ее носа кидать было бы удобно, а вот с кормы... это может получиться ярдов шестьдесят. А ему вряд ли удастся метнуть топор больше чем на полсотни[131]. Да еще к тому же кидать придется снизу вверх...

[131]Примерно соответствует результатам олимпийских призеров в метании молота 1900 г (современные рекорды превосходят 80 м, но с тех пор изменилась техника метания). Топор заметно легче 16-фунтового молота, но и Мунс

Стоп, а почему снизу? Почему не подняться на шканцы "Морской девы"? До сих пор интуиция заставляла его держаться ближе к носу, но раз уж все равно приходится отступить к корме... Правда, на шканцах не положено находиться никаким посторонним матросам, кроме рулевого - но, наверное, капитан Кнаббе не будет против.

Мунс развернулся, чтобы бежать на шканцы - и тут же целая секция палубы позади него провалилась в огненную бездну, из которой вырвался высокий столб жаркого пламени. Еще один чан с горючей жидкостью! Теперь огонь отрезал его и от носа, и от кормы. Что же делать? Мунс быстро оглянулся по сторонам - и тут же нашел ответ, столь очевидный, что он чуть не стукнул себя по лбу с досады - и как он не подумал об этом раньше?! Грот-мачта! Ее широкая марсовая площадка, специально предназначенная для стрелков - просто идеальное место, лучше любых шканцев! Оттуда вся верхняя палуба имперского флагмана будет как на ладони. И ее ванты совсем рядом - правда, уже начали тлеть, но он еще успеет!

Мунс поспешно сбросил шлем, с некоторой натугой - кирасу, избавляясь от лишней тяжести, и задрал на нос мокрую от пота фуфайку, чтобы хоть как-то защититься от дыма. Из врученного ему арсенала он взял два топора, обрезав одним движением ножа обе привязанные к ним веревки - ему нужна максимальная дальность, и, стало быть, возможностью втащить потом топор обратно для нового броска придется пожертвовать. Да и вряд ли у него будет время на дополнительные броски, если он промахнется с первого раза. Засунув топоры за пояс с двух сторон, он быстро заковылял к вантам. Карабкаться по мачтам с его ногой, м-да... он, конечно, слышал истории об одноногих пиратах, продолжавших ходить в рейды (правда, ни разу не видел ни одного такого вживую), но и они вряд ли лазили по вантам. Ну ничего, как-нибудь...

Подтягиваясь на руках и упираясь в выбленки здоровой ногой, он успел подняться на три ярда, прежде чем прогоревшие ванты лопнули - к счастью, ниже, а не выше него. Мунса, вцепившегося в ванты, качнуло вперед, как гигантский маятник, и с размаху ударило о грот-мачту. Как он ни пытался в последний момент отстраниться на руках назад, его все равно приложило лицом о твердое дерево. сломав нос, разбив губы и выбив передние зубы (облегченная версия того, что обещали ему кредиторы в Миртхаффене, мелькнуло у него в голове, когда он, вися на вантах, выплевывал осколки зубов в сползшую с носа, но еще закрывавшую рот фуфайку).

Все же сознания он не потерял и рук не разжал, и сумел-таки тем же способом, фактически на трех конечностях, добраться до марсовой площадки. Кнаббе и Притчард не видели этого со шканцев, поскольку грот-мачту заволокло дымом (да и все их внимание было уже сосредоточено на галеасе) - а к тому времени, как Мунс, наконец, достиг своей цели, пламя уже жадно пожирало грот прямо под ним, и на марсовой площадке было примерно так же комфортно, как на верхней решетке в пекарской печи. И все же, несмотря на идущий снизу жар, здесь, наверху, ветер отчасти отгонял дым, и Мунс, наконец, увидел - уже совсем близко - борт вражеского галеаса, яростно - но без особой пользы - взрывающие воду весла, палубу, на которой отчаянно суетились гроггендорские матросы, уже не способные предотвратить неизбежное, а дальше (все так же сверху - отличный обзор, прекрасная позиция для метателя, особенно когда не мешают уже сгоревшие или оборванные снасти!) - корму, шканцы и четырех человек на них.

Один из них был рулевой, и его Мунс отмел сразу, а вот трое других - явно важные господа. Рыцарских лат на них не было - морские офицеры их обычно не носят, чтобы не утонуть, если окажутся в воде - но пышность их мундиров не оставляла в этом сомнений. До них еще оставалось больше шестидесяти ярдов, но зрение у Мунса было отличное - что да, то да - и он даже при все еще тусклом освещении различил, что двое из них уже в летах, а третий, напротив, молод. Но именно этот третий, нимало не походивший на пожилого фельдмаршала

не обладает комплекцией олимпийского атлета.

фон Дойтлица (о коем, впрочем, Мунс ничего не знал - а потому не удивился и не усомнился), что-то выкрикивал резким и властным голосом, а двое других почтительно внимали, но, очевидно, бессильны были развеять его гнев. Ветер доносил обрывки его слов, но Мунс не понимал по-гроггендорски - однако вполне достаточно было и интонации, чтобы понять, кто здесь главный и кто, соответственно, должен умереть первым. Не обращая внимания на жар (пламя уже облизывало края марсовой площадки, и рядом с Мунсом загорелась одна из до сих пор остававшихся здесь тряпичных кукол), он вытянул из-за пояса один из топоров, и, ухватив его за обрезанный конец веревки, принялся раскручивать над головой. В руках еще чувствовалась слабость после трудного подъема по вантам, и это было плохо. Он рискует не добросить, а времени на отдых совсем нет...

В этот момент галеас, освободившийся, наконец, от тянувшей его в бездну "Незабудки", вздыбился и снова рухнул в воду, пустив могучую волну, которая, в свою очередь, сильно качнула "Морскую деву". Грот-мачта, уже не поддерживаемая прогоревшими снастями спереди и с боков, широко мотнулась, но все-таки не рухнула, удержавшись благодаря бизань-штагам и фордунам. Однако Мунс на своей одной ноге, чтобы не кувырнуться через край марсовой площадки, вынужден был рефлекторно схватиться за ограждение - и выпустил топор, который полетел вниз на палубу.

Теперь у него оставался только один шанс. Причем бросить надо было еще до того, как два флагмана столкнутся - Мунс понял, что еще одного толчка горящая грот-мачта не выдержит. Пламя обожгло его пальцы; он шагнул назад от горящего ограждения и вытащил свой второй и последний топор. Однако горячий воздух с летящими вверх искрами, дрожа, искажал обзор, а едва Мунс раскрутил топор над головой, клубы дыма и вовсе закрыли от него цель. Мунс, вообще-то не склонный к грубой брани, вполголоса помянул разбитыми губами некий физиологический процесс - тем паче что он уже слышал, как ломаются под форштевнем и килем вражеские весла, а значит, до удара остается буквально пара мгновений!

Но в этот миг порыв ветра отогнал дым, вновь позволив увидеть - уже совсем близко, в каких-нибудь трех десятках ярдов - молодого человека на шканцах имперского флагмана, увидеть во всех подробностях, включая надменное выражение красивого лица, полного не естественным, казалось бы, за миг до столкновения с брандером страхом, а только лишь холодным гневом и чуть ли не удивлением: как смеет что-то не повиноваться его воле? почему *это* до сих пор не убрали? В следующее мгновение Мунс метнул свое оружие.

Одновременно, словно освобождаясь не только от тяжести топора, но и от куда более тяжкого и долгого бремени, он выкрикнул боевой клич. Но не такой, какой доносился в этот же миг со шканцев гибнущей каракки. Мунс не поминал ни королеву, ни Айринтию, ни Троицу и морских чертей (как те моряки, что были отрезаны огнем во внутренних помещениях и не смогли покинуть судно - включая и изувеченного Эккерта, который пришел в себя в офицерской каюте лишь затем, чтобы сгореть со своим кораблем).

- Мунстра-а-аль! - орал он, охваченный пламенем. - Меня зовут Абрахам Мунстраль!

Он еще успел увидеть, как вращающееся в полете лезвие топора вошло прямо в брезгливый тонкогубый рот молодого человека, изрекавшего очередную возмущенную фразу, и снесло ему голову по самую нижнюю челюсть - и как один из его пожилых собеседников, чье лицо забрызгало кровью, деловито, словно не было в тот миг занятия более важного, вытирается кружевным платочком. А затем флагманы двух флотов столкнулись, и пылающая грот-мачта каракки рухнула на палубу галеаса.

Рассказ о событиях той ночи будет неполным, если не упомянуть о судьбе "Беатрисы". По пути к месту боя у нее снова открылась течь, но ее немногочисленная команда, которая могла бы, в принципе, сесть в подготовленную для эвакуации шлюпку и вернуться в Кромбург, решила все-таки выполнить задание и добраться до места баталии, откачивая воду - где и использовать брандер по назначению, столкнув его с первым же неприятельским кораблем. Однако корабли

флота вторжения повернули назад прежде, чем еле плетущийся с водой в трюме неф сумел до них добраться. Уже на рассвете "Беатрису" повстречала одна из лодок, дезертировавших в самом начале - но не повернувшая сразу к дому, а продержавшаяся всю ночь хотя и в отдалении от битвы, но так, чтобы не терять большие корабли из виду. Рыбаками в лодке двигало не столько даже любопытство или стремление скрыть собственное дезертирство, сколько страх не найти путь домой в кромешной темноте, где даже не было видно Кольца - ибо они были слишком бедны, чтобы позволить себе компас. Когда тучи начали развеиваться, а потом и забрезжил рассвет, они, наконец, повернули на юго-восток - и тут-то и наткнулись на одинокий корабль под гроггендорским флагом, явно отбившийся от своих. За ночь они уже успели насмотреться (хотя и издали), как хорошо горят эти корабли, а неф выглядел таким беззащитным и чуть ли даже не покинутым командой, что дезертиры расхрабрились и решили честно заработать обещанную награду. Быстро подойдя к "Беатрисе", они закидали ее бутылками с зажигательной смесью и, помня наставления Кнаббе, столь же быстро уплыли прочь. Неф, специально подготовленный к роли брандера, а потому пропитанный и обложенный горючим, где только можно, вспыхнул мгновенно. Поскольку это произошло совершенно неожиданно для команды, почти в полном составе работавшей на помпах внизу, воспользоваться шлюпкой они не успели. Не спасся никто.

Локхарт стоял у дворцового окна и смотрел на дождь.

Дождь не был сильным - изнутри согреваемого камином помещения при задернутых шторах доносившееся снаружи мягкое постукивание капель и негромкий плеск воды в водосточном желобе могли показаться даже уютными. Но стоило раздернуть занавески - и всякое ощущение уюта пропадало. Оставалась лишь бесконечно унылая, безнадежная, бескрайняя серая сырая муть, окутавшая Дракенхайм и, казалось, весь мир. Трудно было даже поверить, что еще недавно город сиял всеми огнями и пестрел праздничными красками, что на дворцовой площади, заполняя ее всю целиком, вливаясь из улиц и вновь растекаясь в переулки, веселилась шумная многоцветная толпа, играла музыка, плескались черно-желто-синие флаги - не вывешенные по приказу властей, а принесенные охваченными патриотическим пылом горожанами. Теперь огромная площадь была совершенно пуста, если не считать покорно мокших на своих постах гвардейцев. (Когда-то и Шрамм был среди них, вспомнилось Локхарту. Наверное, он был бы счастлив охранять покой своей королевы даже и в такую погоду... А каково сейчас Вельо в его дыре посреди болот? Вот уж где тоска так тоска...) Дождь смыл все краски, не оставив никаких цветов, кроме серого. Мокрая брусчатка пустой площади, стены домов, низкое, тяжело набрякшее небо - все было теперь одного цвета. Разве что кое-где острый глаз мог заметить застрявшие на решетках водостока размокшие разноцветные ленты серпантина и прочий оставшийся после гуляний пестрый мусор.

Первые вести о разгроме гроггендорского флота в Дракенхайме были получены уже к полудню первого октября. Утром второго об этом знал уже весь город. Само по себе известие о том, что Айринтия, вообще не имевшая военного флота, уничтожила армию вторжения именно в открытом море, должно было, казалось бы, вызвать разумный скепсис - но таковой проявили лишь немногие. Большинство же, напротив, радо было пересказывать все более невероятные подробности - цифры вражеских потерь множились с каждым часом, а кто-то уже клялся Троицей, что на дно отправился сам гроггендорский император, якобы лично направлявшийся в Айринтию во главе своих солдат.

Официальные власти не опровергали столь патриотические слухи, но и подтверждать их не спешили, не имея пока что достоверных подробностей и не желая, чтобы чрезмерные надежды сменились пропорциональным разочарованием; когда же ликующая толпа хлынула к дворцу, требуя королеву, отдуваться пришлось Швертлингу, который признал, что "по предварительным сведениям" Айринтия одержала "внушительную победу", но призвал набраться терпения, пока герои морской битвы прибудут в столицу и "сами вам обо всем

расскажут".

С героями, то есть выжившими и вернувшимися участниками морской баталии, тем временем весьма подробно и внимательно - но и со всей причитающейся героям деликатностью - беседовали сотрудники обновленной кромбургской Тайной Стражи. Это было несложно организовать - все они, в том числе и прибывшие на зов Кнаббе из других мест, являлись за обещанной наградой именно в Кромбург. Каковая награда им после допроса и в самом деле выплачивалась, причем в большинстве случаев по справедливости - дезертиры, узнавшие, что пусть к деньгам лежит через вдумчивое собеседование с каждым по отдельности в помещении Тайной Стражи, в основном сами предпочли не искушать судьбу. Исключением стали рыбаки, сжегшие "Беатрису" - вполне искренне верившие, что уничтожили гроггендорский корабль, и так и не узнавшие, что погубили своих.

В результате всех этих допросов была составлена настолько полная и точная, насколько это было возможно, картина боя и, главное, понесенных противником потерь. Но, если по уничтоженным нефам действительно удалось собрать достаточно точные сведения (самыми ценными здесь были профессиональные показания офицеров "Розалинды", которые не только лично участвовали в потоплении нескольких из них, но и точно пересчитали все суда, подожженные другими до момента выхода "Розалинды" из боя), то с финальной стадией, когда три айринтийских корабля вступили в бой с имперским военным флотом, все было сложнее. Из непосредственных участников этого боя назад не вернулся никто. Так что приходилось полагаться на показания команд лишь двух лодок - тех самых дезертиров, что сожгли "Беатрису" (но они видели военные корабли лишь издали, хотя и сумели пересчитать горящие - но это было практически все, что они смогли различить), и экипажа одной из фелук, чье любопытство пересилило страх, заставив их приблизиться к военному флоту достаточно, чтобы пронаблюдать за финальной фазой сражения более детально. Возможно, таким образом они пытались компенсировать свое недостаточно активное участие в самом сражении - хотя дезертирами они не были. В начале боя они - пятеро контрабандистов и трое кромбургских солдат (расчет спешно установленного на лодку тяжелого стреломета) - честно атаковали один из нефов и даже подожгли его, но неудачно - команде удалось потушить огонь. А вот при следующем заходе в атаку наскоро смонтированный стреломет сломался. Солдаты, правда, пытались его починить, но в темноте и без нужных инструментов так и не преуспели (или, во всяком случае, так они говорили тем, кто их допрашивал). Все же они (опять же по их словам) не оставляли этих попыток и не покидали района боя до тех пор, пока не увидели имперский военный флот. Тут им уже, конечно, стало ясно, что даже с исправным стрелометом пытаться атаковать его было бы чистым самоубийством - но что под прикрытием темноты они смогут понаблюдать за дальнейшими событиями, не привлекая внимания занятого более крупными целями врага.

Со своей позиции они тоже видели не всё и не всё могли описать, но по крайней мере они видели галеасы (не зная, как те называются), видели, как те запылали один за другим и, главное, как погибли, сцепившись в смертельном огненном объятии, флагманы обоих флотов. Что было после, члены команды фелуки не знали; поначалу они, правда, говорили, что оставшиеся гроггендорские корабли, подобрав из воды своих, ушли обратно на северо-запад, но быстро выяснилось, что это лишь предположение - свидетели этого не видели, ибо уже светало, и они предпочли не маячить на виду у врага, а скорее возвращаться в Кромбург, тем паче что самое интересное, то бишь бой, очевидно, закончился, а наблюдать за ходом спасательной операции было вроде как и незачем.

Таким образом, вопрос о дальнейших действиях гроггендорского флота оставался открытым. Несомненно было, что тот понес огромные потери (более сорока кораблей, в том числе пять особо крупных военных судов нового типа, включая флагман) - но заставило ли даже это имперцев признать провал и вернуться домой, или же они, перегруппировавшись, предпримут новую попытку высадки в другом месте? (Быть может - на территорию "княжества

Хильдского", где уже находились имперские войска - правда, на северо-востоке, а не на западе; но возможен был даже и такой вариант, как поход оставшегося флота вокруг Айринтии с целью высадки именно на восточном побережье, хотя, скорее всего, на набитых солдатами кораблях просто не хватило бы припасов для такого плавания.) Свидетели видели лишь, как уходили на северо-запад нефы, пока военные корабли вели бой - но и нефы могли потом снова изменить курс. Кто командовал флотом вторжения? Погиб ли он вместе с флагманом и если да, то кто принял командование после него? На все эти критически важные вопросы ответов пока что не было. Если командующий выжил, вполне вероятным было, что он попытается вырвать победу любой ценой, понимая, что после бесславного возвращения с половиной флота ему не сносить головы - как минимум, в фигуральном, а то и в буквальном смысле (версию, что на флагмане мог находиться лично сам император, аналитики Тайной Стражи, конечно, всерьез не рассматривали). Если же командование принял его заместитель, не несущий ответственности за разгром, то он, очевидно, предпочтет не рисковать уже собственной головой и возвратиться в империю, предоставив дальнейшие решения верховной власти. Но пока все это были лишь предположения. Нужно было дождаться сведений из Гроггендора (где пока еще, очевидно, не знали о собственном разгроме) - агентурных и официальных.

Но нужно было и что-то докладывать собственному начальству и двору в Дракенхайме, где с нетерпением ожидали вестей из Кромбурга. Так что после трех дней, проведенных кромбургскими сотрудниками Тайной Стражи практически без сна, в непрерывных допросах, сличении и анализе показаний, в столицу была отправлена эстафета из трех экипажей - (останавливающихся лишь для перемены лошадей и возниц), в которых помимо двух сотрудников с докладом ехали и свидетели последней, самой важной стадии морского боя. Отправившие их верно рассудили, что, несмотря на все протоколы допросов, начальство (включая, вероятно, самого Крампа) захочет побеседовать с ними лично, дабы удостовериться, что не упущена ни одна деталь.

Утром пятого октября эстафета примчалась в Дракенхайм, а уже в полдень глашатаи на всех площадях возвещали, что в шесть часов пополудни королева обратится к своим подданным с известием о великой победе, впервые за три века одержанной Айринтией не на суше, а на море.

Но в назначенный час с балкона королевского дворца, нависавшего над вновь запруженной горожанами площадью, выступила не только Элинор. Народу надо было предъявить уже обещанных живых героев, участников победоносного сражения, которые поведали бы о нем из первых уст - и в качестве таковых, естественно, были использованы те, что находились под рукой, то есть присланные в столицу не за свои боевые заслуги, а в качестве свидетелей последнего этапа битвы. Впрочем, контрабандисты были из их списка исключены по настоянию Фабиаса - довольно, мол, с них и того, что они получили амнистию и денежное вознаграждение, а служить публичным примером они недостойны. Таким образом, живым символом одержанной великой победы для жителей столицы стали трое солдат, не нанесшие врагу никакого урона и пронаблюдавшие почти весь бой со стороны, и пятеро дезертиров, потопившие своих. Впрочем, произнесенные ими с балкона речи (составленные на основании подлинных показаний участников битвы и тщательно отрепетированные заранее) были в целом правдивы с точностью до местоимений - там, где они употребляли первое лицо, следовало бы использовать третье. Площадь ревела от восторга, выслушивая рассказ о дерзкой атаке горстки рыбачьих суденышек на огромный имперский флот. (После официальной части герои "пошли по рукам", сопровождаемые толпой поклонников из одного кабака в другой, и всюду их норовили напоить и накормить бесплатно - или, точнее, в обмен на очередной пересказ истории, которая с каждым разом украшалась все новыми красками и в итоге весьма далеко ушла от первоначальной сравнительно правдивой версии). Помянули на площади, конечно, и подлинных героев во главе с Кнаббе, отдавших свои жизни в этом бою - в их память была объявлена минута

молчания, не продлившаяся, как всегда бывает в таких случаях, и тридцати секунд. И уж совсем никто не упомянул о том обстоятельстве, что большинство кораблей, героически потопленных айринтийцами в этой действительно невероятной, не имевшей исторических аналогов битве, были айринтийскими торговыми судами с айринтийскими экипажами.

Праздничные гуляния в истосковавшемся по хорошим новостям городе продолжались два дня - и перекинулись бы и на третий, но гуляющих разогнал начавшийся дождь. Унылый, холодный, осенний, продолжавшихся с тех пор, с небольшими перерывами, уже четвертый день.

Локхарт смотрел на дождь и думал, как странно, что погода влияет на настроение даже цивилизованного человека, который, казалось бы, зависит от нее куда меньше, чем дикарь. И это притом, что он семь лет не видел солнца, и там, в космосе, это не вызывало у него никаких проблем. Правда, вся внутренняя поверхность кают "Доброй воли" - как и обычных жилых помещений на Земле его эпохи - представляла собой экраны, куда можно было вывести любые изображения, выглядевшие абсолютно реалистично - а при желании и более красивые, чем реальность. В том числе, конечно, и залитые солнцем пляжи, лесные поляны или горные луга. Правда, после кэйлианской катастрофы все это великолепие вышло из строя - не на всем корабле, но в его каюте - да, однако он даже и не подумал перебраться в одну из *освободившихся* кают, где видеообои еще работали. Тогда у него были проблемы и задачи куда важнее этой.

Как, собственно, есть они и сейчас - но почему же пейзаж за окном нагоняет на него тоску? Умом он понимал, что этот затяжной дождь - скорее благо. Гроггендорцы не успели завершить свой блицкриг до начала осенней распутицы, и в этих условиях, понеся страшные даже по их масштабам потери на море, вполне возможно, предпочтут свернуть и сухопутную кампанию, особенно если та играла лишь вспомогательную и отвлекающую роль. Пока что они, впрочем, этого не сделали - сведений об их дальнейшем продвижении на юг не было, но осада Мондхаффена продолжалась. Хотя, наверное, прошло еще недостаточно времени - в эту эпоху информация циркулирует так медленно, а в такую погоду, наверное, даже и голуби не очень-то летают... Да, подумал Локхарт, настроение ему, очевидно, портит не дождь как таковой, а сохраняющаяся неопределенность и необходимость пассивно - именно пассивно! - ждать...

За спиной у него открылась дверь.

- Извините, что заставила вас ждать, Эрик, - сказала королева.

Полковник поспешно повернулся к ней.

- Но сегодня с утра я выслушиваю один доклад за другим, - продолжала Элинор. - И все важные.

- Наконец-то, - откликнулся Локхарт. - Лучше даже плохие новости, чем неопределенность. Впрочем, - он попытался оценить выражение ее лица, но оно не выглядело ни опечаленным, ни счастливым - скорее усталым, - надеюсь, они все же не слишком плохие.

- Они разные, - ответила королева. - Во-первых, вернулось наше посольство.

Локхарт сразу понял, что речь об айринтийском посольстве в Ингварштаде. С началом войны имперцы, очевидно, должны были выслать его, но в то же время обязаны были обеспечить его безопасное следование до границы. Если это произошло не позже 17 сентября - то есть дня, когда имперские войска вторглись в Легунтонское герцогство - то посольство должно было уже добраться до айринтийской территории, однако до сих пор от него не было никаких вестей. Впрочем, было вполне предсказуемо, что гроггендорцы не захотят, чтобы посольство проехало обычным маршрутом через Бугенхольм и теперь уже оккупированные северные территории Айринтии, собирая по пути сведения о размещенных там имперских войсках - но и другого сухопутного пути на полуостров просто не было.

- Они не позволили посольству ехать по суше, - подтвердила Элинор. - Сказали, что не могут гарантировать его безопасность в приграничных районах из-за боевых действий - хотя их там, собственно, до сих пор не было. Все, что гроггендорцы заняли на севере, они заняли без сопротивления... В общем, они объявили нашей миссии, что доставят ее домой морем. И отвезли

их в Гляйциг - это город на кирландском побережье примерно посередине между Флиссенбургом в устье Шлемвассера и восточными портами Нидеркюстен и Зандвааль, откуда они отправляли свой флот вторжения. Но потом задерживали отплытие, ссылаясь на погоду, и удерживая при этом наших людей в условиях, близких к тюремным. Очевидно, они подозревали, что посольство располагает сведениями о готовящейся морской операции. Это действительно было так - но, увы, передать эти сведения в Айринтию уже не было никакой возможности. Гроггендорцы, скорее всего, рассчитывали удерживать наших дипломатов таким образом до самого падения Дракенхайма - или, как минимум, Кромбурга. Но с этим, как известно, не сложилось, так что пять дней назад наших людей все-таки посадили на корабль и буквально выпихнули в море, напоследок вручив нечто вроде ноты, хотя это была не официальная бумага, которую никак не могли успеть доставить из Ингварштада, а устное заявление... Которое не то давало надежду, что корабль хотя бы не утопят по пути, свалив все на погоду или пиратов, не то намекало, что именно это и произойдет. Однако вчера поздно вечером корабль благополучно прибыл в Кромбург. Сегодня мы получили от посла донесение с голубем...

- Я думал, они не летают в такую погоду.

- Породистые и хорошо тренированные летают, хотя и не так эффективно. К тому же дождь шел не все время. Так вот, самая главная новость - остатки флота вторжения вернулись в Гроггендор, и там уже официально подтвердили гибель командующего. Но самое главное - *кто* был этот командующий.

- Как я понимаю, это был не маршал фон Дойтлиц.

- Принц Зигфрид. Наследник гроггендорского престола.

- Старший сын Манфреда?

- Именно так.

- Однако, - пробормотал Локхарт, для которого эта новость стала полной неожиданностью.

- В принципе, этого можно было ожидать, - просветила его Элинор. - Именно он был при гроггендорском дворе главным апологетом развития военного флота... во всяком случае, наиболее высокопоставленным. Все энтузиасты этой идеи - в основном молодежь, ну и относительная молодежь - группировались вокруг него. Старики, как вам известно, держались прежних порядков: пехота - царица полей, а с этим зыбким и непредсказуемым морем лучше не связываться, флот годится только для вспомогательных ролей... Той же точки зрения придерживался и сам император, но Зигфрид, очевидно, сумел его переубедить. Как успело выяснить, но не успело вовремя доложить наше посольство, именно Зигфрид и был автором и разработчиком всей операции морского вторжения.

- Сынок выпросил у папы свою личную войну, - усмехнулся Локхарт. - А папа, очевидно, рассудил по принципу "чем бы дитя ни тешилось[132]". Или...?

- Что "или"?

- Я вдруг подумал, а не было ли это все провокацией Манфреда? Может быть, он хотел, чтобы партия, стоявшая за его сыном, потерпела как можно более наглядное и сокрушительное поражение? И сам Зигфрид... я понятия не имею, какие у них были отношения, но, насколько я понимаю, если бы император считал своего старшего недостойным престола, то никакого законного способа отстранить его от наследования не было?

- Корнелиус бы вам аплодировал, - улыбнулась Элинор. - Да и его высокопреосвященство вместе с лордом канцлером, вероятно, тоже. Но - нет, не думаю. Во-первых, у нас нет никаких сведений, что разногласия между императором и принцем достигли *такой* остроты. А во-вторых, даже если бы Манфред действительно решил избавиться от сына, он бы не стал попутно приносить в жертву десятки тысяч собственных солдат. Слишком дорогая цена, даже по

---

[132]В оригинале "Whatever floats your boat", что создает иронию из-за совпадения переносного смысла с буквальным.

гроггендорским меркам. Кроме того, Зигфрид имел хорошие шансы победить... и если бы не Кнаббе, возможно, победил бы. Что вознесло бы его в империи на совершенно недосягаемую высоту. Так рисковать получить результат, обратный желаемому, не стал бы ни император, ни кто-либо еще из врагов "флотской" партии.

- Ясно. Выходит, теперь это личное.

- Независимо от чувств императора, прощать нам гибель наследника и половины флота - точнее, армии - они точно не намерены, - подтвердила Элинор. - Я еще не сказала вам, что гласит их прощальная "нота". В какой бы шок ни повергли их результаты морского боя - надо отдать им должное, оправились они быстро. Знаете, как они теперь интерпретируют этот бой? Как "нападение пиратов, подстрекаемых и спонсируемых так называемой королевой Айринтии", - теперь они употребляют такую терминологию, да - "на суда под айринтийским флагом с айринтийскими экипажами, перевозившие мирных переселенцев".

- Каких еще переселенцев?!

- Которые направлялись в княжество Хильдское, где им новым князем, то бишь Манфредом, были сданы в аренду земельные участки. На что, согласно Айзеншлосскому договору, князь Хильдский имеет полное право. Конечно, согласно тому же договору император Гроггендорский не имеет права вводить свои войска на территорию Легунтонского герцогства, но об этом пункте, сами понимаете, в империи предпочитают не вспоминать.

- Да какие, к черту, "мирные переселенцы"?! - от подобной наглости Локхарту даже изменила его обычная сдержанность. - Солдаты! Лучники! Кто, по их мнению, обстреливал наших людей?!

- Охотники, - вздохнула Элинор. - Со своими личными луками. Айринтийские законы разрешают охоту. И князь Манфред тоже отдельным документом разрешил своим арендаторам охоту на своих землях. Ну а право на самооборону, сами понимаете, священно.

- А право плыть в Кромбург вместо "Хильдского княжества" - хотя, конечно, и там им делать нечего?

- Сбились с курса, заблудились в темноте, бывает. И вообще - вся вина за это лежит на айринтийских экипажах, к Гроггендору какие претензии?

- Они так уверены, что у нас нет выловленных из воды пленных, которые опровергли бы всю эту чушь?

- Ну, видимо, расчет на то, что солдат в доспехах и с оружием не выплыл бы, а солдат без всего этого может выдавать себя за "мирного арендатора". Да и вообще - "вы все врете, наняли каких-то скоморохов, в нашей армии такие люди никогда не служили"... Зато у них есть наши пленные. Несколько матросов с "Морской девы" и "Незабудки". И все они уже подтвердили, что не были официально наняты в военный флот. Ну естественно, ведь в Айринтии его не существует. Точнее, формально указ о его создании подписан задним числом, но эти парни об этом не знали. Их никто не учил, как надо отвечать на допросах, их торопились обучить совсем другим вещам... А один из них даже признал, что он действительно ибикейский пират.

- Под пытками!

- Нет, скорее всего, это правда. Бывший, но какая разница?

- Все равно. Кто мешает нам тоже заявить "вы все врете"?

- В Айринтии принято выкупать своих пленных, - снова вздохнула королева. - В империях - нет. Ни в одной, ни в другой. Если только речь не идет о ком-то очень знатном.

"Действительно, - устыдился Локхарт. - Я столько раз говорил о необходимости во что бы то ни стало защищать своих людей, а сейчас... только потому, что они не с моего корабля - но, тем не менее, с моего флота... Права Элинор - такими темпами я действительно превращусь в... Корнелиуса!"

- Хотя, - печально добавила Элинор, - этих спасти, скорее всего, не удастся. За убийство наследника престола они повесят всех.

- А что этот наследник вообще там делал вместе с имперским военным флотом?! - вновь возмутился полковник. - Мирные охотники и хлебопашцы взяли в аренду у князя Хильдского не только землю, но и боевые корабли? А наследника пригласили порыбачить?

- А он тут вообще ни при чем, - с готовностью пояснила Элинор. - Имперский флот во главе с принцем Зигфридом проводил учебно-тренировочный поход в нейтральных водах с целью отработки взаимодействия с кораблями нового типа, когда был внезапно и неспровоцированно атакован айринтийскими пиратами. О наличии в том же районе сбившихся с курса *айринтийских* кораблей с переселенцами гроггендорские военные не знали, потому и не успели вовремя прийти им на помощь.

- Угу. Добрые гроггендорцы хотели защитить айринтийцев от злой королевы, убивающей собственных подданных, но немного не успели... Интересно все-таки, почему они на самом деле так оторвались от десантных кораблей. Да и зачем вообще был нужен военный флот, если они не ожидали нападения?

- Скорее всего, точные ответы на эти вопросы канули в пучину вместе с Зигфридом, - пожала плечами Элинор. - Все это был его план. Можно лишь предположить, что - держались подальше, чтобы какое-нибудь случайное судно не заметило военный эскорт у торговых судов и не подняло тревогу раньше времени. А зачем этот эскорт вообще понадобился... скорее всего, как вы выражаетесь, мальчику просто не терпелось поиграть в свои любимые игрушки. Испытать свои галеасы - так имперцы называют эти огромные парусно-гребные корабли - в настоящем боевом походе, пусть даже он и не надеялся встретить в этом походе реального противника. Наверное, гонять по морю целый флот просто так папа бы ему не разрешил, все-таки слишком дорогое удовольствие. А тут подвернулся повод.

- Интересно все-таки, как наши агенты прохлопали строительство таких больших кораблей.

- Представьте себе, на этот вопрос посол тоже дал ответ. Все дело в том, что их не строили ни на одной из морских верфей Гроггендора.

- А где же тогда? На островах Ибикейского моря? Закончили сделку с пиратами?

- Нет, все гораздо проще. Их строили на Шлемвассере под видом речных барж - чисто гребных, без парусов. Они действительно бывают таких размеров. Потом сплавили вниз по реке якобы с грузом строевого леса для флиссенбургских верфей. Баржи пришли вечером, утром их уже не было. Ну ясно - разгрузились и ушли обратно на веслах. А на самом деле они вышли в море и использовали свой груз уже там, вне видимости берега и даже идущих в гавань судов. Подняли мачты, возвели носовые и кормовые надстройки, смонтировали орудия. Кстати, Кнаббе предлагал мне похожий план тайного строительства военных судов. Ну, до всего, до чего может додуматься один человек, может додуматься и другой...

- Что ж - хотя бы с этой проблемой мы покончили. Пусть даже доклад посла и запоздал... Удивляюсь, кстати, как столь обширный отчет уместился в футляре голубиной почты. Я думал, так можно отправить лишь пару фраз.

- Специальная тайнопись, обеспечивающая не только скрытность, но и компактность. Многие слова, включая и имена известных фигур, заменяются отдельными значками.

"Иероглифы, - понял Локхарт. - Интересно, помнят ли здесь этот термин?"

- Но это еще не все новости? - спросил он вслух.

- Нет, не все, - подтвердила Элинор. - Получен ответ от графа Райнбальда.

- Ну наконец-то! - желчно усмехнулся Локхарт; в самом деле, затяжное молчание Фридриха уже перешло все рамки приличия - Этот, я так понимаю, не с голубем? Иначе - придется предположить, что голубь успел облететь вокруг Земли.

- Нет, разумеется. Письмо привез личный посланец, специально отряженный для этой миссии.

- И что же пишет Фридрих?

- Очень извиняется. Во-первых, за задержку с ответом - ему-де надо было дождаться возвращения Таппертона и лично разобраться в причинах такового. Во-вторых - за сам, собственно, факт. По словам Фридриха, произошло трагическое недоразумение. Как только он узнал, что гроггендорская армия пересекла старую границу, он отправил Таппертону приказ, гласивший "Со всей возможной скоростью отведите вверенное вам войско для защиты наследственных владений Райнбальдов". Что означало требование поторопиться с занятием унаследованного Райнбальдами Фельзенбурга. Но глупый Таппертон решил, что речь идет об исконных родовых землях Райнбальдов, и отвел войско обратно. О чем Фридрих чрезвычайно сожалеет - не только как патриот Айринтии, но и как лорд, лишившийся едва ли не лучшего из своих замков со всеми причитающимися землями - но вся вина за это лежит на непонятливом Таппертоне, коего он, Фридрих, отправляет мне на суд, дабы я казнила или миловала его по своему высочайшему усмотрению, но, со своей стороны, все же просит проявить свойственное мне великодушие, приняв во внимание, что проступок Таппертона вызван не трусостью и не изменой, а исключительно недомыслием. Собственно, Таппертон и был тем особым гонцом, что доставил это письмо - уж не знаю, насколько будучи осведомленным о его содержании... Каково, а?

- Я вообще не понимаю, на кого это рассчитано, - фыркнул Локхарт. - Очевидно же, что если бы Фридрих имел в виду Фельзенбург, он бы так и написал - "Фельзенбург". Любой военный знает, как пишутся приказы и чем они отличаются от поэмы с этими, как их... парафразами.

- Вы, очевидно, имеете в виду перифразы, - мягко уточнила Элинор. - Гроггендорцы их, кстати, любят - такая разновидность перифраза, как кеннинг[133], очень распространена в их старинных сагах. Но по существу вы, разумеется, правы - даже гроггендорцы не пишут приказы кеннингами. Кроме, очевидно, случая, когда надо сделать приказ непонятным для перехватившего его противника... и Фридрих, полагаю, будет настаивать, что это тот самый случай. Но я, конечно, понимаю, что запутать в данном случае пытались меня, а вовсе не гроггендорских лазутчиков. Таппертон исполнил именно то, что от него требовали. И откупиться от меня его головой Фридрих решил не тогда, когда он возвратился - что должно было произойти никак не позднее тридцатого сентября - а лишь тогда, когда получил достоверные сведения о разгроме Гроггендора на море.

- И что теперь? - сердито осведомился Локхарт. - Вы намерены опять спустить ему с рук измену, покарав по сути невиновного?

- Нет, - тряхнула головой Элинор, - Таппертона я карать уж точно не буду. Я возьму его в королевскую армию, там он будет как раз на своем месте. Что же касается Фридриха... увы, мы сейчас не в том положении, чтобы ссориться с кем-либо из крупных феодалов. И даже из мелких, если на то пошло - если у них есть хоть какая-то личная армия. Нам нужна любая рука, способная держать меч.

- Даже та, что вонзит его нам в спину? Неужели еще не очевидно, чего стоят все эти Райнбальды?

- Фридрих не изменник, - покачала головой королева. - Он просто трус. Точнее говоря, даже и не то чтобы трус... он будет осторожничать и лавировать, желая в итоге оказаться на стороне победителя. Но это не значит, что он вовсе не будет драться. Будет - но только за того, в чьей победе он уверен... или, по крайней мере, чьи шансы считает достаточно высокими. За безнадежное дело он сражаться не будет. Это я прекрасно понимаю и не рассчитываю на него как на последний резерв. Но в общий строй, призванный произвести впечатление на противника, его поставить вполне можно - и нужно. А вот толкать его следом за Филиппом не нужно категорически. Напротив - я намерена написать ему, что, если он достойно проявит себя,

[133]Прием в древнескандинавской поэзии, состоящий в замене слова описательным образом из двух (или более, в случае составных кеннингов) существительных. Напр. "олень волн" - корабль, "земля оленей волн" - море.

защищая Айринтию, все имущество Филиппа - которое теперь, разумеется, подлежит конфискации - отойдет ему, а не в казну. Не то чтобы там было много, но...

- Вы уже отдали ему целый Фельзенбург. Много пользы это принесло?

- Эрик, - вздохнула королева, - если у вас есть лучший план, я его охотно выслушаю. Обвинить Фридриха в измене, передать оккупированный Фельзенбург кому-то другому, у кого все равно сейчас нет сил его отбить, возможно, выманить Фридриха в столицу, чтобы здесь арестовать, похитить его, подослать наемных убийц - короче говоря, настроить против себя не какого-то одного Филиппа, а весь дом Райнбальдов, второй по силе после Хагентраубов, которые нам тоже не друзья - дальше что?

Локхарт смущенно молчал.

- Вы ведь понимаете, - продолжала Элинор, - что на любой мой кнут Гроггендор может предложить пряник? Даст ли потом - это, конечно, большой вопрос. Но предложить - может и постарается. Да, безусловно - показывать слабость тоже нельзя, явная измена должна караться со всею беспощадностью. У Филиппа дороги назад уже нет, он будет казнен, как только мы сумеем до него добраться. Но во всех прочих случаях - да, приходится бороться за каждый меч, который все еще может служить нам - или по крайней мере может НЕ служить нашим врагам. Кстати, с Хоббинтроттом этот подход себя вполне оправдал. Бывшую армию княжества Хильдского удается привести под нашу руку. Пока что, правда, в боях с захватчиками она не участвовала - но по крайней мере подчиняется приказам. Сейчас Лоренберг стягивает все силы на севере - включая, кстати, даже отдельные легунтонские отряды, которые предпочли уйти на юг, не желая служить оккупантам - стягивает их для защиты Айзеншлосса, допустить захват которого нельзя, в первую очередь, из политических соображений. Это не особенно сложно, так как большинство своих сил Арвик и так держал поблизости, не рискуя распылять их по всей территории княжества - так что, заручившись их лояльностью, мы гарантированно опережаем врага. Гроггендорцы, правда, и не торопятся действовать в направлении первой столицы - очевидно, они полагали, что все решится на юге - но теперь момент для них уже упущен. Имеющимися у них на нашей территории силами город уже не взять, а если они подтянут подкрепление с севера, то и армия Эбенриха, коль скоро вторжения с моря можно больше не опасаться, успеет подойти по западному побережью с юга.

- Значит, вы полагаете, что ничего еще не кончилось. Они не отступят - и даже не перенесут кампанию на следующий год.

- Обычная гроггендорская тактика - иметь нескольких планов, один выбирается в качестве главного, но при этом и остальные не сбрасываются со счетов, поэтому переключиться на новый главный план можно быстро. Они так уже делали - сначала планировали морское вторжение, потом переключились на наследника Арвика, потом вернулись к морскому вторжению - а теперь переключатся на сухопутное, которое, вероятно, разрабатывалось еще до того, как Зигфрид вылез со своим морским проектом. Если Манфред и согласился с ним, это совсем не значит, что он поставил все на успех именно этого плана, ничего не оставив для наступления по суше. Подозреваю, что наша оценка в сорок тысяч уничтоженных солдат на самом деле завышена - часть кораблей наверняка перевозила лошадей и припасы, а если и солдат, то не самого высокого качества. Если бы высадка удалась, им бы хватило и этого. Ну а когда она не удалась, у них все еще остаются очень приличные силы для дальнейшей войны.

- Физически да. Но психологически? Они все-таки понесли очень серьезные потери - до наследника престола включительно. Неужели это не отобьет у них охоту снова лезть на Айринтию - которая, со своей стороны, ничем им не угрожает, если просто оставить ее в покое? Ну, хотя бы на время?

- Они не остановятся, Эрик, - печально покачала головой Элинор. - Никогда. До тех пор, пока существуем мы - и пока существуют они сами.

- Но... в чем тогда наша надежда? Мы можем нанести им разовое поражение, и даже

очень серьезное. Но если они будут лезть снова и снова, не считаясь с потерями... у нас просто не хватит сил. Даже сейчас, когда нам повезло в одном бою уничтожить столько их солдат почти без потерь с нашей стороны, у них, как вы говорите, все еще остается больше, чем все наши силы, вместе взятые. А наш нынешний успех - это именно везение, которое вряд ли повторится.

- Рано или поздно они сдохнут, - ответила королева с неожиданной жесткостью. - Да, у нас не хватит сил взять штурмом Ингварштад, но они развалятся сами. Любая империя несет собственную гибель в самой своей сути. Как опухоль, которая разрастается, пока не убьет саму себя.

- Вместе со всем организмом, - мрачно заметил Локхарт.

- В случае империи весь организм и есть одна большая опухоль... Чем огромнее государство, тем более громоздким, негибким и, соответственно, неэффективным становится его аппарат. Компенсировать эту неэффективность он пытается за счет дальнейшего экстенсивного роста. Что только усугубляет проблему. Это дорога в один конец. Нам надо просто дождаться, пока они ее пройдут. Только, к сожалению, пассивно ждать не получится. Придется отбиваться, пока они не выдохнутся. И по мере сил помогать им выдохнуться поскорее.

- Жаль, что все эти убеленные сединами Манфреды и фон Дойтлицы не понимают того же, что и двадцатилетняя девушка.

- Ум определяется не возрастом.

- Конечно. Как и величие страны - не ее размерами.

"Когда-то все эти земли уже были одним государством, - вспомнилось Локхарту. - Сперва Соединенными Штатами, потом Конфедеративными... Хотя нет, Гроггендор начинался в калифорнийских горах, то есть с территории Союза - а уже потом начал захватывать бывшие земли Конфедерации. В каком-то смысле его историю можно рассматривать как реванш янки за Вторую Сецессию, их стремление вновь подавить независимость южан, как в XIX веке. И нынешние события, таким образом - это война тоталитарной Калифорнии против свободной Флориды, оставшейся последним бастионом Юга... Хотя, конечно, сколько в нынешних гроггендорцах от тех калифорнийцев? Скорее они все же происходят от пришлых народов, раз не сохранили даже язык. Но стиль, во всяком случае, похож - то, о чем всегда мечтали левые: откровенная диктатура всевластного государства, регулирующего всё и вся, причем уже без всяких путающихся под ногами Первых поправок[134]..."

- Я еще не рассказала вам последнюю новость, - прервала его раздумье королева. - Она хорошая без всяких оговорок, потому я приберегла ее напоследок. Нашлись четыре из семи камней. Тех самых, что мы посылали в Тлукаляхан.

- Где? - поспешно спросил Локхарт.

- В маленькой рыбацкой деревушке на юго-востоке Айринтии, - улыбнулась Элинор с видом рассказчицы, предвкушающей удовольствие от приготовленной для слушателей истории. - В общем-то агенты Тайной Стражи никогда не переставали их искать, рассчитывая, что рано или поздно столь приметные камни где-то обнаружатся, если только они не ушли на дно вместе с кораблем. Но, разумеется, не в таких местах. Расспрашивали ювелиров, аккуратно прощупывали богатых людей и у нас, и в Гроггендоре, встречались с информаторами из числа ибикейских пиратов, даже пытались выяснить, не попали ли камни все-таки в Тлукаляхан, хотя там наши возможности очень ограничены - но все тщетно. И вот некоторое время назад двое агентов ехали по тракту вдоль восточного побережья на юг - причем, надо заметить, по совершенно другому делу - когда у одного из них захромала лошадь. В поисках кузнеца они свернули в ближайшую деревеньку - но там в это время вовсю шло гулянье в честь праздника урожая...

---

[134]Имеется в виду Первая поправка к Конституции США запрещающая государству ограничивать свободу слова. Левые XXI века обходят ее, осуществляя политическую цензуру и травлю инакомыслящих средствами не государства, а частных компаний (включая крупнейшие соцсети) и общественных организаций.

- Рыбаки тоже его празднуют? - усмехнулся Локхарт, припоминая карнавал в Хассенворте.

- Это была совсем не та деревенька, не на берегу моря. Но вообще да, празднуют и рыбаки. Его празднуют по всей стране, хотя и в разное время - на юге обычно позже, чем на севере. Вы же понимаете, урожай - только повод. На самом деле люди просто стремятся, как это называется у простонародья, "оттянуться вовсю" перед наступлением самой унылой поры года... Так вот, кузнеца дома не было, он "оттягивался" вместе с прочими, агенты отправились его искать и среди отплясывавшей на утоптанной площадке в центре деревни публики вдруг наткнулись взглядом на некую девицу из местных, как сказано в донесении - "весьма фривольно одетую". К верхней составляющей этой "весьма фривольной одежды" была приколота большая самодельная брошь. Ее грубая оловянная оправа должна была, по всей видимости, символизировать серебро - а в эту оправу был вставлен самый большой из розовых бриллиантов, когда-либо украшавших королевскую сокровищницу Айринтии.

Подчиненные Корнелиуса - обыкновенно люди сдержанные, но даже у них едва не отпала челюсть, когда они увидели один из самых дорогих камней в мире на груди у босоногой деревенской девки. Причем ошибки быть не могло - они слишком хорошо изучили предмет своих поисков, хотя и лишь по рисункам - доселе им не доводилось видеть его в реальности. Их первой мыслью, конечно, было, что это всего лишь стеклянная подделка - но даже тот, кто изготовил такую подделку, должен был очень хорошо знать, как выглядит оригинал. В общем, девице даже не дали доплясать до конца, и заканчивать вечер ей пришлось совсем не в том обществе, на которое она рассчитывала.

На допросе выяснилось, что она работает трактирной служанкой и действительно не отличается строгостью нравов. Камень она получила от одного из своих клиентов - то есть посетителей трактира, хотя, возможно, ему были оказаны услуги не только по части еды и выпивки. Описать его она могла весьма смутно - он был лишь одним из многочисленных проезжих, она не видела его ни до, ни после, не знала ни его имени, ни откуда он родом. Само собой, камень она считала лишь забавной безделушкой - по ее словам, парню еще пришлось уговаривать ее принять в оплату "эту стекляшку" вместо денег, и она согласилась лишь потому, что он "был красавчиком" - и, очевидно, того же мнения о "стекляшке" придерживался и сам "красавчик". Тем временем спешно вызванный ювелир подтвердил, что камень - тот самый.

Не буду утомлять вас подробностями масштабнейшей следственной операции по поиску "красавчика" во всех окрестных городках и деревнях - хотя девица теперь, вероятно, навсегда заречется иметь дело с парнями и их подарками и вообще уйдет в монастырь, - по тону Элинор было понятно, что она шутит. - Перейду сразу к результату. Нашли его довольно быстро - уже на четвертый день. Он оказался рыбаком и сыном рыбака из той самой деревушки, о которой я упомянула в начале. Вместе с отцом и братом они регулярно выходили в море, и в одном из таких выходов вдали от берега наткнулись на одиноко дрейфующую весельную лодку, над которой кружили чайки. Старый рыбак, увидев птиц, сразу заподозрил неладное - и не ошибся. На дне лодки лежали три трупа в разной стадии разложения. Впрочем, потрудились над ними не только разложение и птицы. По словам старого рыбака, при осмотре останков у него не осталось сомнений, что сперва двое убили своего товарища, чтобы питаться его мясом, а потом один из оставшихся проделал то же самое со вторым. Но и последнего это не спасло - солнце и жажда убили его прежде, чем лодку, унесенную, очевидно, в открытый океан, вновь вынесло достаточно близко к берегу... Судя по одежде, сохранившейся только на этом последнем, это был простой матрос. И хотя понятно, в каком состоянии была эта одежда на гниющем трупе, рыбаки все же обыскали эти лохмотья, движимые как человеколюбием - умирающие моряки нередко оставляют послания для своих близких - так и, само собой, более меркантильными соображениями. И нашли в грязном мешочке на шее мертвеца... вы уже поняли, что.

- Четыре драгоценных камня, - кивнул Локхарт.

- Сами они, конечно, не поняли, что именно нашли. Они даже не знали, что бриллианты бывают голубые или розовые, полагая, что они могут быть только бесцветными, а другие драгоценные камни должны быть более насыщенного синего или красного цвета. К тому же они были очень уж крупные - "настоящие такими не бывают". Да и откуда вообще взяться драгоценностям у простых матросов?! Может, у сыновей в первый момент и разгорелись глаза, но мудрый отец объяснил им, что это, конечно же, стеклянные подделки, и весьма грубые, которым вся цена - полбатцена в базарный день - "вон, даже цвет нормальный и то сделать не сумели!" - а бедолага, верно, вез их в подарок жене и дочкам, так как на свое небогатое матросское жалование мог позволить себе только такую дешевую бижутерию. Но, поскольку никакой записки с адресом этой гипотетической семьи при покойном найдено не было, рыбаки оставили находку себе. Останки же они предали воде, как обычно и делается в таких случаях.

Таким образом, четыре самых дорогих камня Айринтии целый месяц пролежали, завернутые в грязную тряпку, где-то под кучей хлама в углу рыбацкой хижины, пока старший сын не поехал за покупками в город. Это был первый раз, когда отец счел его достаточно взрослым для подобной самостоятельной поездки, и парню не терпелось, вырвавшись из-под присмотра строгого родителя, заняться... не только делами. Поэтому он прихватил с собой один из камней, надеясь найти девку поглупее, которая согласится принять подобную безделушку вместо денег - трату которых на подобные цели отец бы точно не одобрил. Как мы теперь знаем, он ее нашел.

- Так кто же был в той лодке? - задался вопросом Локхарт. - Пираты или... может, матросы с нашего корабля? Или даже не только матросы, коль скоро одежда сохранилась лишь на последнем из них...

- Пираты, конечно же, - пресекла его мрачную гипотезу Элинор. - Никто на посольском корабле не мог знать о драгоценностях, кроме дипломатов. А если предположить, что на лодке пытался спастись кто-то из них, то он бы, конечно, взял с собой все семь камней.

- Интересно, почему этого не сделали пираты, раз уж им удалось найти камни.

- Вероятно, им не дали это сделать другие пираты, - пожала плечами Элинор. - Полагаю, мы уже никогда не узнаем, что именно там случилось, но версия "передрались из-за добычи" представляется мне наиболее вероятной. Возможно, в итоге их осталось слишком мало, чтобы управлять кораблем, и они попытались добраться до берега на лодках - но ветра и течения унесли их слишком далеко на восток... Найдем ли мы когда-нибудь другую лодку и оставшиеся три камня? Не знаю, но и четыре из семи - куда лучше, чем ничего. Особенно в нашей нынешней ситуации. Увы, эти камни все равно придется если не продать, то как минимум заложить, чтобы финансировать войну. Но на эти деньги мы сможем нанять немало новых солдат. Так что это очень своевременная удача.

Локхарта новость обрадовала не только по причинам, названным Элинор. На протяжении этих месяцев, прошедших после его последнего разговора с де Сегюром, он нет-нет да и вспоминал о высказанной тем зловещей версии о врагах, загнавших Америку в средневековье и теперь следящих за тем, чтобы она не смогла развиться снова. Что ни говори, в эту теорию вписывалось многое - включая исчезновение самого де Сегюра. "Что, если именно его желание найти в Тлукаляхане доказательства своей теории и стало истинной причиной уничтожения посольского корабля?" - думал иногда Локхарт. Если гипотетические подавители сохранили у себя высокую цивилизацию, им ничего не стоило и подслушать их разговор, и сжечь потом каракку хоть лазером со спутника. А пропавший в это же время пиратский корабль - не более чем совпадение... И вот теперь полковник с облегчением убедился - нет, все-таки просто пираты, все-таки обычная средневековая (точнее, неизменная во все времена) жажда наживы и не более чем. Все-таки самое большое зло и самый страшный враг в нынешнем мире - это феодальный Гроггендор, а не высокотехнологичные подонки где-то за облаками.

Пусть рушится мир, но не торжествует несправедливость.

Грязь, грязь, грязь. Ничего хуже нет военной кампании в середине осени. Даже весна не столь пакостна - хотя весенние паводки и бывают пострашнее любых осенних дождей, они, как правило, кратковременны, день прибывает, солнце сушит почву, с каждым днем становится теплее, а если на какое-то время и холодает, то уже одна мысль о скором лете приободряет вязнущих в грязи бойцов. Осенью же... Высокомудрые имперские стратеги готовились к этой войне много месяцев, если не лет, планировали-планировали, рассчитывали-рассчитывали - и вот допланировались в итоге до того, что бросили армию вперед в самую гнусную середину осенней распутицы. Теперь, конечно, дармоеды из Департамента Пропаганды (личного детища стареющего императора Манфреда - до того триста лет как-то побеждали без этого) будут рассказывать бойцам, что на самом деле это был гениальный план - заманить в самую распутицу подальше от собственной столицы как раз-таки войско противника, пока в тылу у него готовится высадиться морской десант, а с нашей стороны грязь должны были месить одни бугенхольмцы, которых не жалко - и вся Айринтия была бы наша еще до зимних морозов... Op der Karte var es schlichte, doch vergessen varen Schluchte.[135] После того, как с морским десантом и лично его высочеством Зигфридом, разработчиком всего гениального плана, вышла известная неожиданность, все пошло наперекосяк. Фельдмаршал фон Дойтлиц, участвовавший еще в Войне Секиры сорок пять лет назад и ныне извлеченный из нафталина в качестве пугала для айринтийцев, внезапно оказался настоящим главнокомандующим всей кампанией (во всяком случае, до тех пор, пока в Ингварштаде не назначат нового), а вверенные ему далеко не лучшие части, гроггендорские только по названию - на острие главного удара. И, соответственно, в этих частях, среди бугенхольмцев, стоящих под Мондхаффеном, пошли панические слухи о невесть откуда взявшемся непобедимом айринтийском флоте, который уже уничтожил имперский, господствует теперь на море, как во времена Когбурга, и вот-вот высадит большой десант не то в самом Мондхаффене, не то, что еще хуже, в Ронглэйре, каковой десант отрежет армию вторжения с севера, и бугенхольмцы окажутся в ловушке, как триста лет назад (некоторые травмы никогда не забываются, да - что личные, что национальные). Разумеется, все заявления пропагандунгов[136] (как их окрестили в войсках) о том, что это именно Айринтия лишилась всего своего флота (частично утопленного самими айринтийцами, частично уведенного обратно в Гроггендор), и высаживать десанты ей теперь просто нечем, а потери гроггендорского флота составили лишь несколько кораблей, имели прямо противоположный эффект - "раз опровергают, значит, правда" (хотя на сей раз, похоже, пропагандунги в виде исключения были ближе к истине, чем их оппоненты). В итоге, стоило единственному айринтийскому нефу войти, под прикрытием крепостных стен, в мондхаффенскую гавань - и чуть ли не вся имперская группировка, состоявшая почти исключительно из бугенхольмцев, оказалась на грани паники и бегства.

Имперские власти приняли, в свою очередь, две меры. Во-первых, в ответ на известия о гибели Зигфрида - и, надо полагать, чтобы приободрить бугенхольмские части - было, наконец, официально объявлено об аннексии Южного Бугенхольма. (До сих пор этого почему-то не делали, продолжая никому не нужные игры в "хильдского князя", который привел армию лишь для того, чтобы защитить свои права, положенные ему по Айзеншлосскому договору - и не более чем.) Титул герцога Легунтонского, правда, был формально сохранен, хотя самого его отозвали в Ингварштад под предлогом необходимости присяги его новому формальному сеньору - бугенхольмскому королю Финеасу (вот тоже никому не нужные игры в "двуединую монархию",

---

[135]Гладко было на бумаге, да забыли про овраги (гроггендорский; на классическом дойче было бы Auf der Karte war es schlicht, doch vergessen waren die Schluchten - или, для сохранения рифмы и размера, ... war die Schlucht - "овраг" в единственном числе.) В германской поэтической традиции "ю" и "и" считаются рифмующимися..

[136]От герм. Dung - навоз.

хотя давно пора уже официально провозгласить принцип "Ein Volk, ein Reich, ein Kaiser"[137]). Однако это "патриотическое" известие о "возвращении исконных бугенхольмских земель" не очень-то воодушевило уведенных на юг солдат, которые понимали, что это чистая формальность, сами были родом не оттуда, а главное - не видели, каким образом это поможет им в случае высадки айринтийского десанта. Поэтому на сей раз уже не Ингварштад, а лично фон Дойтлиц - которому, надо отдать ему все-таки должное, все же хватило ума понять все это, даже не дожидаясь, пока доставят доклады - предпринял вторую, более действенную меру, а именно срочно бросил на юг, на укрепление стоявших под Мондхаффеном частей, Второй Адлерштадский пехотный полк. Когда-то 17-летним юнцом он сам дошел в рядах этого полка до самого Восточного океана - и с тех пор полк, сформированный, как ясно по его названию, в западных горах, уже не покидал бугенхольмских земель. После добровольного присоединения остатков Бугенхольма Второй Адлерштадский был расквартирован в Кранцхюгеле - дабы, понятное дело, стоять на страже доброй воли новых счастливых подданных. И все это время - все 45 лет, что полк провел на востоке - он по-прежнему комплектовался исключительно этническими гроггендорцами; более того - любой офицер или солдат, женившийся на местной, немедленно выводился из его состава. Само собой, редко кто связывал с полком всю свою жизнь, ротация происходила постоянно - одни возвращались на запад, другие прибывали оттуда им на смену, и это только поощрялось, дабы никто из прослуживших слишком долго не пропитался бугенхольмским духом. Полк должен был оставаться неколебимым оплотом Гроггендора на присоединенных землях.

В преддверии новой войны он был усилен со стандартных трех батальонов до пяти (практически до уровня бригады, хотя в гроггендорской армейской структуре такого понятия не было) - его численность в результате выросла до 2100 бойцов, не считая обслуги - и переведен из Кранцхюгеля ближе к границе, но перебрасывать Второй Адлерштадский дальше в Айринтию, оголяя Бугенхольм, по плану кампании не предполагалось. Его роль должна была сводиться лишь к тому, чтобы тяжелым многозначительным взглядом смотреть в спину уходящим на юг частям, сформированным преимущественно из бугенхольмцев - и одновременно гарантировать порядок на "добровольно присоединенных" землях после ухода этих каких-никаких, но доселе лояльно служивших Империи войск. Так что формально полк не находился в подчинении фон Дойтлица, но тот задействовал его под свою ответственность, не дожидаясь согласования из столицы - случай для гроггендорской армии практически беспрецедентный. "Дедушка старый, ему все равно", - мрачно комментировал это кое-кто из поднятых ночью по тревоге и брошенных месить грязь вместе со своими солдатами офицеров (вынужденных, несмотря на недовольство, повиноваться приказу своего полковника, который, в свою очередь, без колебаний подчинился безмерно уважаемому им фельдмаршалу); другие объясняли это своеволие давним, еще со времен Войны Секиры, близким знакомством фон Дойтлица с императором. Но, объективно говоря, решение старикана было правильным - ибо после того, как почти все гроггендорские силы, накапливавшиеся вдоль айринтийской границы, были с максимально возможной секретностью, ночными маршами без доспехов и оружия, переброшены на юго-запад для погрузки на корабли (от полков и батальонов оставляли лишь отдельные взводы, призванные демонстрировать вражеской разведке, что части находятся на прежних местах), Второй Адлерштадский - это было практически все, что оставалось у фон Дойтлица под рукой. Точнее - все, на что реально можно было положиться в сложившейся непростой ситуации. Вероятность бунта в самом Бугенхольме, даже после известия о гибели наследника имперского престола и десятков тысяч гроггендорских солдат, вряд ли можно было считать серьезной - во всяком случае, сейчас, когда там просто некому бунтовать. А вот если бы деморализованные бугенхольмские солдаты прибежали обратно, они не просто окончательно

[137]Один народ одна империя, один император.

провалили бы айринтийскую кампанию - они могли бы устроить беспорядки в самом Бугенхольме. Не то чтобы их некем было подавить, но, конечно, такое развитие событий меньше всего нужно Ингварштаду, и это куда важнее любых формальных правил субординации. Так что эти части, ушедшие на юг, нужно было срочно подпереть хоть кем-то надежным, пока основные силы (или то, что от них осталось), бесславно вернувшиеся в Зандвааль, доползут по осенней грязи (больше никаких перебросок морем!) оттуда до Мондхаффена.

Вот кому, кстати, не повезло по-настоящему. Сперва - многодневные мучения в тесноте и духоте забитых под завязку кораблей, потом - ужас той ночной бойни в открытом море, ужас, и отчаяние солдат, обученных драться на суше, но оказавшихся беспомощными в смертельной ловушке между огнем и водой, а потом для тех, кто пережил и это, и мучительное возвращение в порт - сразу же, без передышки, форсированный марш по грязи осенних дорог на триста с лишним миль, втрое длиннее того, в который "дедушка" послал адлерштадцев...

Этими мыслями утешал себя Рагнар Фритйофсен, оберлейтенант Второго Адлерштадского пехотного полка, поочередно вытаскивая из тошнотворно-бурого месива сапоги, на каждый из которых, как казалось, налипало по полпуда полужидкой глины. Конь ему по штату не полагался. Логика имперского устава была проста - коль скоро пехотная часть в любом случае не может двигаться быстрее, чем идут ее солдаты, так нечего и на офицеров расходовать фураж - тем паче в такую пору года, когда его добыча уже начинает становиться проблемой, способной замедлить продвижение войска вместо того, чтобы ускорить его. Опять же, это помогает поддерживать боевой дух и дисциплину солдат, когда они видят, что офицеры месят грязь вместе с ними и среди них. Да и вообще, хотя прошли уже столетия с тех пор, как воины горных кланов спустились на равнину и вынуждены были освоить искусство верховой езды - представление, что "Гроггендор силен пехотой" и истинный герой сражается, твердо стоя на своих ногах, а лошади - это баловство для равнинных неженок, все еще пользовалось популярностью у ревнителей традиций (а Второй Адлерштадский определенно считался прибежищем таковых). Разумеется, до самого верха эта логика не доходила. Его высокоблагородие полковник Бйорнвальд (вместе, между прочим, со всею своей свитой) ехал верхом. А его высокопревосходительство фон Дойтлиц так и вовсе никуда не ехал и уж тем более не шел, а расположился со всеми удобствами в герцогской резиденции в Легунтоне и командовал кампанией оттуда, не думая о том, как подняло бы боевой дух и дисциплину его появление под стенами Мондхаффена. Равно как и о задержках, особенно в такую погоду, при передаче донесений в одну сторону и приказов в другую...

Откровенно говоря, оберлейтенант Фритйофсен и не мог позволить себе лошадь (на полном казенном обеспечении состояли лишь кони фельдкурьерской службы - все прочие, даже кому они и полагались, должны были содержать их за свой счет). Происхождение у него, правда, было безупречное (что и обеспечило ему место в считавшемся элитным полку, где к вопросу чистоты крови относились очень серьезно). Его отец любил говорить "Западнее нас - только волны", имея в виду Западный океан (ибо все расширение Гроггендора шло с запада на восток и, несмотря на все законы, формально уравнявшие завоеванных с завоевателями, среди коренных гроггендорцев - выходцев из горных кланов - принято было относиться свысока ко всем, в чьих жилах текла хоть какая-то восточная кровь, и чем восточнее, тем, соответственно, хуже) - а по матери Рагнар и вовсе был родом из клана Хобденов, то есть теоретически состоял в родстве с самим императором (все члены одного клана считались родственниками, ибо по легенде каждый клан происходил от единого полубожественного предка). Но таких "родичей" у императора были многие тысячи, и никакой практической пользы это им не приносило. Во всяком случае - точно не Фритйофсенам, которые мерзли в своей полуразвалившейся башне в горах близ древней столицы, пока восточные полукровки делали карьеру в Ингварштаде...

Рагнар, обладавший от природы неплохим практическим умом, мог бы задуматься над этим парадоксом - отчего, чем больше и величественнее становится империя, тем хуже делается

положение империообразующего народа? Отчего гроггендорцы проливают свою кровь в боях лишь для того, чтобы приобрести новых конкурентов? Отчего каждая новая победа вместо торжества гроггендорского духа ведет ко все большему его размыванию, о коем так часто брюзгливо ворчал отец? Однажды у него даже состоялся спор на эту тему с товарищем по офицерской школе (если в Айринтии молодые дворяне обычно проходили военную подготовку в частном порядке - или в своих семьях, или в услужении у своего сеньора по традиционному пути паж-оруженосец-рыцарь - то в Гроггендоре это с давних времен было делом клана, а позже - государства). Тот парень - его звали Рихард - считался очень способным, хотя, кажется, военная служба не особенно его привлекала (но выбора у него не было - в кланово-гильдейской структуре Гроггендора обстоятельства рождения определяли дальнейший путь, и от самого человека зависела лишь степень успехов на этом пути). Рагнару, которого он считал своим другом ("ты умнее всех этих недоумков, только и способных махать мечом"), он говорил так: "Ты пойми, это же простая арифметика. Завоевывая новые земли, мы становимся меньшинством в собственной стране. И вариантов тут только два. Либо мы упорно держимся за свое обособленное и привилегированное положение - и тогда вместо врагов где-то там за границей, за поясом крепостей, мы получаем врагов, окружающих и численно превосходящих нас прямо у нас дома, а всё возрастающее бремя расходов по содержанию империи ложится исключительно на нас, поскольку доверить его врагам мы не можем. Уже Ингвар Второй понял, что это тупиковый путь. Либо, соответственно, второй вариант - ассимиляция. Официально считается, что это мы ассимилируем покоренные народы. Но на самом-то деле все наоборот - они ассимилируют нас! Это, опять-таки, простая арифметика - как только выходцы из горных кланов перестали быть большинством..." "Ну, если бы мы сразу захватили весь континент, тогда да, - вынужден был согласиться Рагнар. - Но наше расширение продолжается столетиями. На момент каждой победы нас больше, чем присоединенных. А ко времени следующего расширения эти присоединенные уже тоже становятся гроггендорцами..." "Забавно это слышать от представителя клановой аристократии, убежденной, что "этим равнинным" никогда не сравняться с потомственными горцами - они-де могут перенять лишь внешнюю атрибутику, но не дух. "Если на осла надеть седло, это еще не сделает его конем" - это ведь ваша поговорка? А всего забавнее слышать ее от тех, кого научили ездить верхом как раз-таки равнинные. Кавалерия, летосчисление, религия - все это мы заимствовали у равнинных, это так, навскидку. Так кто кого ассимилирует? И это нам еще везло захватывать тех, у кого и впрямь было чему поучиться. Но я не могу себе представить ничего более страшного, чем если мы когда-нибудь завоюем Тлукаляхан... Видишь ли, если мы завоевываем тех, кто ниже нас по своему культурному и, если угодно, моральному уровню - они становятся бременем, которое тянет нас вниз. А если мы захватываем тех, кто выше нас - не морщись, такое бывает, что более развитый народ оказывается покорен грубой силой - тогда они вовсе не поднимут нас до своего уровня. Напротив, это уже мы потянем их вниз. Ты скажешь - ну и черт с ними, это их проблемы? Но дело в том, что в этом случае они уже не смогут дать нам того, что дали бы, если бы мы позволили им развиваться свободно. Теперь дальше, - продолжал Рихард, не давая Рагнару возразить. - Почему, расширяясь, мы становимся беднее, а не богаче. Ведь мы получаем новые земли, новые ресурсы, новых подданных, с которых можно собирать подати - так? Но вместе с ними мы получаем и все их статьи расходов - плюс дополнительно еще расходы на обеспечение их лояльности, будь то хоть кнутом, хоть пряником - денег стоит и то, и другое, а особенно их сочетание, которое у нас как раз и практикуется. Знаешь, есть такой закон квадрата-куба. Он объясняет, почему муравей может тащить на себе былинку во много раз тяжелее, чем он сам, а самая сильная ломовая лошадь не поднимет даже груз, равный ее собственному весу. Все дело в том, что с ростом размеров тела сила растет пропорционально площади сечения мышц, то есть квадрату, а масса - пропорционально объему, то есть кубу. То есть с ростом размеров абсолютная сила увеличивается, но относительная - уменьшается! Поэтому великаны ростом с гору бывают

только в сказках. В реальности им бы не хватило сил двинуться с места - да что там двинуться, даже дышать! Просто задохнулись бы под тяжестью собственных мускулов. Больших, но слишком тяжелых, чтобы работать." "И при чем тут мы?" "Притом, что со странами то же самое. Расходы на содержание - и удержание! - империи растут быстрее, чем доходы от новых подданных." "Это просто твои слова. Где у нас эти твои... плоскости сечения?" "Ну смотри, - вздохнул Рихард. - На близком тебе примере. Допустим, в твоем распоряжении имеется взвод. Тебе дали еще один - это хорошо?" "Конечно, - Рагнар не видел, в чем тут может быть подвох. - А ты что - откажешься в бою от подкрепления?" "В бою-то не откажусь. Но до боя еще дожить надо. Итак, у тебя два взвода. Но вторым командует свой лейтенант. И ему нужно платить офицерское жалование. То есть солдат у тебя стало вдвое больше, а расходы выросли более чем вдвое. Дальше тебе дали еще один взвод. Это уже рота. Над командирами взводов надо ставить еще и ротного. Его жалование еще выше. Уже нужен горнист и барабанщик - голосом на такую толпу не накричишься, глотку сорвешь. Хорошо бы уже иметь и своего кузнеца для починки оружия. И поваров, способных готовить сразу на роту, чтобы не жечь слишком много костров. Теперь мы поднимаемся до уровня батальона. Тут уже, помимо очередного командира, пойдут заместители, интенданты, квартирмейстеры, вестовые, кони хотя бы для них и обозные, а где кони - там и фуражиры, и шорники... Знаменосец. Капеллан. Большинство этих людей непосредственно в бою не участвует, но платить им всем надо, и нередко больше, чем простым солдатам, которые собственно и воюют. Дальше - больше, штабы, писаря, картографы... Понимаешь?" "Тебя послушать, так большая армия во главе с фельдмаршалом вообще небоеспособна!" "Нет, боеспособна - только расходы на нее намного больше, чем сумма расходов на каждый взвод в ее составе. И да - если бы она была ОЧЕНЬ большой, то в конечном счете это подорвало бы ее способность воевать. Никакая казна не могла бы обеспечить ее потребности, все силы офицеров уходили бы на переписку и интриги между штабами и службами различных уровней, а донесения снизу вверх и приказы сверху вниз шли бы столько времени, что куда менее многочисленный, зато быстрый и мобильный противник успевал бы наголову разбить все это гигантское войско. А если половина этого войска еще не очень-то и лояльна и готова разбежаться или повернуть оружие в другую сторону, едва почувствует слабину? А если таких две трети? Три четверти? И потом - армия воюет все-таки не все время, между войнами ее численность можно сильно сокращать. А вот государство должно функционировать непрерывно. Вообще, большая армия нужна только для того, чтобы победить сильного врага. Сама по себе она не самоцель. Содержать ее, когда такого врага нет - глупость. А мы превратили расширение нашего государства именно что в самоцель. Не только бессмысленную, но и, в конечном счете, разрушительную для нас самих." "И ты хочешь сказать, что мы задохнемся под собственной тяжестью?" - агрессивно осведомился Рагнар. "Рано или поздно да. Как это уже случилось с античной Империей. Священники говорят, что она распалась из-за того, что отвергла Иисуса Спасителя - но, полагаю, причины были куда более прозаичными и материальными. Так что, если все будет идти, как идет... хотя я думаю, что точка невозврата пройдена с захватом Бугенхольма. Надо было остановиться, самое позднее, после Войны Секиры. И северных сепаратистов, которым мы обещали независимость, тоже не трогать. Ни они, ни Бугенхольм уже не могли представлять для нас никакой угрозы." "Слабые, которых долго не трогают, могут накопить силы." "Можно было брать с них дань, размеры которой просто не позволили бы им это сделать. При этом они платили бы нам даже больше, чем через подати сейчас, однако все их проблемы оставались бы их, а не нашими. Все, как тебе бы хотелось. Хотя это тоже не идеальный вариант." "А какой же тогда, по-твоему, идеальный?" "Вариантов обращения с соседями всего три. Первый - завоевать их. Как я уже сказал, он самый глупый. Второй - сделать их данниками. Но данники должны быть слабыми. А слабые не могут платить много. Поэтому лучший вариант третий - взаимовыгодная торговля. В этом случае мы заинтересованы в том, чтобы наши соседи богатели - ведь тогда они купят больше наших

товаров. А они, соответственно, заинтересованы в нас. В результате развиваются обе стороны. А война становится просто невыгодна ни одной из них." "Я даже не буду говорить тебе про славу и героизм..." - возмущенно начал Рагнар. "И правильно, и не надо, - перебил Рихард. - Пафосными словами всегда прикрывают отсутствие рациональных аргументов." "...но ты думаешь, на подобные соображения "выгоды" можно полагаться в политике?! - продолжал Рагнар. - Всегда найдется кто-то, кто считает, что просто отнять выгоднее, чем купить." "И пока что этот кто-то - мы, - желчно усмехнулся Рихард. - Но, видишь ли, успешно отнять можно один раз. Дальше от отнимающего будут пытаться отделаться, отдавая ему худшее. А вот честному покупателю предложат лучшее, чтобы он обращался еще." "Скажи еще что-нибудь про скидки и рассрочки, - неприязненно поморщился Рагнар. - Тебе следовало родиться в купеческой гильдии." "Каждый из нас родился там, где предписала Троица, - пожал плечами Рихард. - И я не капитулянт и не пацифист. Когда тебе угрожают - надо драться. Но пока что именно мы угрожаем всем..." "А что было сто сорок лет назад?!" - гневно перебил Рагнар. "Это было сто сорок лет назад. И тогдашняя смута и спровоцированные ею войны - это тоже расплата за наши предыдущие захваты. Пойми, я не меньший патриот Гроггендора, чем ты. Я тоже хочу, чтобы моя страна была сильной. Но быть сильным еще не значит быть агрессивным. Часто даже совсем наоборот." "Угу - как та ломовая лошадь, - мстительно вернул ему образ Рагнар. - Она сильная и неагрессивная. Вот только ездят на ней другие. Куда более слабые."

Рихард в ответ лишь снова пожал плечами, показывая, что не видит смысла продолжать спор. Но Рагнар, хотя поле боя формально и осталось за ним, не успокоился. Доводы друга (друга ли?), его слова о том, что Гроггендор идет не туда, в тупик, к гибели, оставили у будущего офицера Фритйофсена слишком тяжелый и неприятный осадок. И на следующий день он поделился своим беспокойством с наставником. Наставник похвалил его за бдительность и сказал, что нет даже нужды опровергать по пунктам "примитивную пораженческую демагогию", которую уже опровергла сама история, дарующая Гроггендору одну победу за другой - и, само собой, Троица, которой, очевидно, угодны все эти победы, раз она позволяет им свершиться. Так что сомневаться в политике императора значит сомневаться также и в божьей воле, что есть не только непомерная дерзость, но и очевидная глупость. За подобным преступлением против родины, чести и веры стоит, конечно же, никакой не патриотизм, пусть даже ложно понимаемый, и не логика, пусть даже основанная на ошибочных посылках, а всего лишь банальное желание оправдать свою трусость. Империя признательна кадету Фритйофсену за проявленную честность и верность долгу и награждает его внеочередной увольнительной.

Когда Рагнар вернулся из увольнительной, Рихарда в учебном лагере уже не было. Больше Фритйофсен никогда о нем не слышал и старался не думать, что с ним стало.

С тех пор он старался не задаваться чересчур глобальными вопросами, сосредоточившись лишь на проблемах тактического характера - тем паче что последних в его жизни хватало. Отец, не доживший до окончания сыном офицерской школы, оставил ему одни долги, и небогатое лейтенантское жалование стало для молодого Фритйофсена единственным источником дохода. Никаких влиятельных близких родственников или знакомых, способных обеспечить ему протекцию, у него не было. Однако же - благодаря, очевидно, происхождению и успехам в учебе, а может быть (хотя ему не хотелось так думать), и пометке в личном деле, появившейся после того разговора с наставником - Рагнару все же повезло получить престижное назначение во Второй Адлерштадский полк (а не в какую-нибудь северную глухомань на границе с необитаемой пустыней, как молодой офицер без связей и денег имел основания опасаться). Впрочем, даже и это назначение имело свои обратные стороны. Жизнь в "третьей столице", как кое-кто именовал Кранцхюгель, была дорогой, и при этом от гроггендорских офицеров требовалось "держать марку" (что включало, например, требование обращаться лишь к строго определенным портным и сапожникам - иное могло повлечь обвинение не только в нарушении полковых традиций, но и в прямой нелояльности, как "нежелательные контакты с местными") - а

жалование при этом было нисколько не выше, чем в куда менее престижных полках, так что Рагнару приходилось в буквальном смысле экономить каждый грош. Иногда непредусмотренные уставом, но от этого ничуть не менее обязательные расходы - такие, как на бал в честь годовщины основания полка или на подарок ко дню рождения полковнику - вынуждали его жить до очередного жалования на хлебе и воде, словно арестанту на гауптвахте. К счастью, он с детства приучен был к скромности и не имел склонности к вину и азартным играм (из-за чего, правда, новые товарищи из богатых семей тоже косились на него без особой симпатии - некоторые едва ли не в глаза именовали его "нашим постником" и "монашком", а кое-кто, похоже, был убежден, что столь примерным нравом может обладать только *стукач*, каковые намеки были Рагнару особенно неприятны). И все же, хотя упомянутые намеки были лишены оснований (случай с Рихардом, о котором никто на новом месте службы не мог знать, был единственным, а настоящими доносчиками в полку были как раз-таки самые заядлые кутилы и рубахи-парни, любители щедро угощать товарищей и слушать потом их пьяную болтовню), скромный и старательный офицер был на хорошем счету у начальства и перед началом айринтийской кампании был даже произведен в оберлейтенанты. Что, впрочем, породило новую проблему - согласно все тем же неписанным, но непререкаемым армейским традициям, офицер, получивший повышение, должен был *проставиться*, то есть напоить за свой счет других офицеров части, и до тех пор, пока он этого не сделает, он, вопреки официальным документам, не считался вступившим в новый чин и даже не имел права носить соответствующие горжет, шарф и нашивки. Это, разумеется, прямо противоречило уставу, но "священные традиции" были важнее. А у Фритйофсена не было денег. Правда, хотя бы жалование ему теперь выплачивалось уже согласно новому рангу - ненамного, но все-таки побольше - и он рассчитывал за три месяца все же накопить на требуемую пирушку. Но война началась раньше.

И вот, после шести дней мучительного, изматывающего марша по раскисшим дорогам, под то и дело срывающимся холодным дождем, когда нет никакой возможности просушить одежду и обувь (за ночь они, кажется, становились только мокрее, а трескучие, с трудом разгоравшиеся костры давали больше дыма, чем тепла), Второй Адлерштадский добрался, наконец, до Мондхаффена. Где и встал без всякого дальнейшего продвижения и прогресса. Генерал Раммель - командующий гроггендорской группировкой, в чье оперативное подчинение формально поступил теперь Бйорнвальд со своими людьми - тупо стоял под стенами, не отваживаясь ни на решительный штурм, ни на то, чтобы плюнуть на Мондхаффен и продолжать наступление вглубь территории противника. "Раммель" значит "баран", и на гербе генерала действительно гордо красовалась в красном круге белая голова барана с медно-желтыми рогами, что должно было символизировать таран, сносящий вражеские укрепления. И сам он отдал приказ строить эти тараны и требушеты, хотя не сразу же после начала осады, а лишь после получения известий о морском разгроме, зато даже в избыточном количестве. Но, очевидно, делалось это более с целью занять собственных солдат (насколько губительна праздность для армии, особенно если ее боевой дух и так уже пошатнулся, Раммель понимал) и оказать психологическое давление на противника, а также изобразить хоть какую-то деятельность для собственного начальства, чем исходя из реального плана штурма. Так что многие, особенно во Втором Адлерштадском, полагали, что генерал оправдывает скорее второе, менее почтенное значение своей фамилии.

Вообще-то, с объективной точки зрения генерала вполне можно было понять. Изначально у него не было приказа ни развивать наступление, ни брать город (разве если только тот сдастся сам), ибо весь смысл его группировки состоял лишь в том, чтобы заманить айринтийскую армию подальше на север и оставить Дракенхайм беззащитным против удара с кромбургского направления. Когда же ситуация переменилась - и сведения об этом дошли не только до Раммеля, но и до его подчиненных - он (сам - этнический гроггендорец, как и все высшее офицерство империи) обнаружил себя во главе ненадежных бугенхольмских частей, чей боевой

дух резко упал настолько, что проблемой было даже просто удержать их на месте, не говоря уже о том, чтобы посылать на штурм под стрелы и кипящую смолу со стен. Приказа сделать это он не получал, а брать на себя ответственность за возможные последствия не желал. Одна из военных аксиом, которой его научили еще в офицерской школе, гласила "лучше не отдать никакого приказа, чем отдать тот, который не будет выполнен" - ибо ничто не может подорвать авторитет командира сильнее, чем подчиненные, отказавшиеся повиноваться. Правда, эта аксиома вступала в противоречие с другой, гласившей "лучше принять неправильное решение, чем не принять никакого" - и за ней тоже стояла очевидная логика: неправильное решение все-таки имеет шанс оказаться правильным, а бездействие гарантированно отдает инициативу неприятелю и опять-таки подрывает авторитет командира. Это противоречие объяснялось третьей аксиомой, не столь официальной, как первые две: "В армии все делается по правилам, но если все делать по правилам - толку не будет." К тому же Раммель ранее уже разделил свои силы, отправив треть их в Фельзенбург, так что до прибытия подкрепления под Мондхаффеном у него оставалось менее восьми тысяч. Не то чтобы это было мало, однако непосредственно перед приходом Бйорнвальда генерал всерьез обдумывал идею отвести и остальные свои войска к Фельзенбургу - подальше от берега, куда вот-вот мог высадиться ужасный, загадочный и непобедимый айринтийский флот, множащиеся слухи о котором так пугали его подчиненных.

Прибытие Второго Адлерштадского отменило эти планы, но и не оправдало надежды генерала, что Бйорнвальд привез с собой долгожданный приказ из ставки, четко предписывающий, что делать дальше. Фон Дойтлиц, похоже, как и сам Раммель, не желал принимать на себя ответственность, не дождавшись явных указаний сверху - он уже и так взял на себя инициативу, когда, не тратя времени на согласование с Ингварштадом, явочным порядком переподчинил себе Второй Адлерштадский. Ну или, точнее, вообще-то фельдмаршал жаждал быстрого наступления, но после понесенных империей огромных потерь на море понимал, что необходимо проявить осторожность и не полагаться на одно лишь численное превосходство, особенно пока это превосходство размазано на сотни миль между Зандваалем и Мондхаффеном. Вместе с тем прямой приказ стоять на месте и ждать подкрепления, отдав инициативу противнику, развязавшему себе руки под Кромбургом и воодушевленному этим успехом, в Ингварштаде тоже могли не оценить - тем паче что врагов у фельдмаршала при дворе хватало, несмотря на его близость с императором со времен общей боевой юности (а точнее, как раз благодаря таковой). К тому же эта давняя близость изрядно нивелировалась нынешней отдаленностью - в буквальном смысле слова, когда фон Дойтлиц находился в полутысяче миль от императорского дворца, а нашептывающие против него враги - возле самого уха Манфреда. И потому Раммелю, которому "на месте виднее", было приказано лишь "действовать по обстановке".

Приободренный полученным подкреплением в лице людей Бйорнвальда - или же, что более вероятно, озабоченный полученным соглядатаем в лице самого полковника - Раммель даже и впрямь попытался действовать, в первый же день после прибытия Второго Адлерштадского предприняв вялую попытку штурма. Началась она с артподготовки - которая, впрочем, свелась всего к нескольким залпам в сторону города, причем даже для них было задействовано менее половины построенных требушетов - для большего количества попросту не было каменных ядер. В окрестностях Мондхаффена, выстроенного на пологом песчаном берегу, вообще не было каменоломен - в свое время камни для возведения городских укреплений пришлось возить за многие мили. Да и требушеты, строившиеся с психологической, а не военной целью, были многочисленными, но маломощными (именно такое строительство позволяло загрузить работой максимальное число солдат при ограниченных ресурсах не только камня, но и пригодного для осадных сооружений дерева) - так что их выстрелы оставили лишь несколько мелких выщербин на мондхаффенских стенах, не причинив защитникам ровно никакого вреда. Затем Раммель, оправдывая свою фамилию (первое или второе ее значение),

подвел к городским воротам тараны, где их (а также деревянные щиты, которыми прикрывались таранные команды) щедро полили горящим маслом из желобов надвратных башен Атакующие поспешно отступили, бросив подожженные орудия. Тем дело и кончилось. Второй Адлерштадский, стоявший на безопасном расстоянии в ожидании, когда бугенхольмцы проломят ворота, в бой введен не был (к вящей радости его все еще слишком измученных "грязевым маршем" солдат). Скорее всего, весь этот "штурм" был лишь демонстрацией Бйорнвальду (и, главное, тем, кому Бйорнвальд, формально подчиненный Раммелю, непременно будет докладывать через голову нового командира) - "вот видите, с кем приходится иметь дело, я ничего не мог сделать с такими солдатами!" И тоскливое "стояние под Мондхаффеном" продолжилось, лишенное новых событий.

В первую пару дней измотанные адлерштадцы были только рады возможности никуда больше не идти по грязи под дождем - однако стоять лагерем в грязи под дождем тоже не столь уж приятное времяпровождение. Так что сердитый ропот начал распространяться по лагерю довольно быстро. Особенную злость вызывал уже ретроспективно как раз предшествовавший марш - стоило, мол, так гнать из последних сил, чтобы в итоге тупо встать тут в полном бездействии! Само собой, ни о каком неповиновении приказам не могло быть и речи (элитный полк - не какие-то бугенхольмские части, гроггендорские лишь по названию!), это было всего лишь недовольное бурчание - но поминали без особого почтения уже не только "барана", но и своего "батяню" Бйорнвальда. Фритйофсен, в отличие от простых солдат (и даже кое-кого из не столь смышленых офицеров), понимал, что эти претензии несправедливы - не говоря уже о том, что Бйорнвальд просто выполнял приказ, главной целью форсированного марша было не вступить в немедленный бой с противником, а подпереть собственные ненадежные части прежде, чем они начнут разбегаться. Что и было успешно выполнено. И тем не менее - общее брюзгливо-тоскливое настроение, активно подпитываемое отвратительной погодой, передавалось и ему.

От нечего делать он стал прислушиваться к сплетням, ходившим по лагерю, каковые обычно презирал (но все же не опустился до того, чтобы пересказывать их самому). Говорили, что между Раммелем и Бйорнвальдом возник конфликт, который с каждым днем углубляется. У генерала и полковника и в самом деле были причины для взаимной неприязни даже еще до того, как они встретились лично - для Бйорнвальда Раммель был тем, из-за кого его вместе с полком сорвали с непыльного места и бросили в эту грязь затыкать чужие дыры и прикрывать чужую задницу (притом, что вся слава в случае дальнейших успехов досталась бы генералу как командующему группировкой, а не одному из подчиненных ему полковников), а для Раммеля Бйорнвальд был посланным по его душу соглядатаем, высокомерным столичным снобом (пусть даже из второй столицы - Адлерштада иди третьей - Кранцхюгеля), привыкшим прохлаждаться в своей элитной части и давно забывшим, чем пахнут солдатские портянки, и при этом презирающим простых армейцев, причем не только бугенхольмцев (которые, впрочем, заслужили), но и своих же гроггендорцев, вынужденных по воле начальства ими командовать. Раммель, происходивший из равнинной аристократии, был к тому же, по гроггендорским понятиям, менее родовит, нежели выходец из горного клана Бйорнвальд. Неудачная (прямо-таки демонстративно неудачная!) попытка штурма также имела все основания вызвать раздражение у полковника, с которым генерал, разумеется, не обязан был советоваться, но людям которого мог бы дать больше времени на отдых, а саму операцию лучше спланировать - и тогда, глядишь, ее итог был бы совсем иным. Однако армейские сплетники выдвигали на первое место - и обсуждали гораздо охотнее - иную причину неприязни между двумя командирами: говорили, что Бйорнвальд не то уже отбил, не то пытается отбить у Раммеля любовницу из местных, которой тот успел обзавестись в этом походе - некую айринтийскую баронессу или, во всяком случае, особу, называющую себя баронессой. Будто бы она была на стороне принца в местной гражданской войне, сильно пострадала от победителей (некоторые сплетники особенно

смаковали подробности, *как именно* она пострадала - впрочем, подробности эти разнились от рассказа к рассказу, так что, вероятно, отражали не столько реальность, сколько озабоченное воображение рассказчиков) и теперь ненавидит Элинор и ее солдат. Говорили даже, что она подбивала Раммеля штурмовать город и именно нерешительность генерала в этом вопросе, а не преимущества Бйорнвальда как мужчины, толкнули баронессу в объятия последнего - хотя другие с ухмылкой поясняли, что недостаточная военная решимость Раммеля символизирует его слабость и в другом аспекте, и что "стояние под Мондхаффеном" вернее следовало бы называть "*нестоянием*".

Фритйофсену были противны эти скабрезности, но сколько во всем этом правды, он не знал. В отличие от простых офицеров, мерзших и мокнувших в палатках, начальство обустроилось со всем возможным в ситуации комфортом в придорожном трактире - единственном здании за пределами мондхаффенских стен, которое все же находилось в достаточной близости от города. В обычных условиях трактир служил путникам, едущим вдоль побережья с юга на север и обратно без заезда в Мондхаффен (заезжать туда только ради ночлега означало бы лишнюю трату денег и времени) - то есть рассчитан был на постояльцев, останавливающихся на одну ночь и предпочитающих низкую плату излишним удобствам. Так что это было не самое роскошное заведение - но, разумеется, по сравнению с палаточным лагерем оно могло считаться настоящим дворцом. Там бок о бок жили теперь и Раммель, и Бйорнвальд, и загадочная баронесса (если ей и в самом деле принадлежал этот титул). Рагнар ни разу ее не видел.

Достоверных сведений о действиях противника тоже не было - или, во всяком случае, до младших офицеров их не доводили. Ходили, опять-таки, одни лишь слухи. Айринтийцы погрузились на корабли в Кромбурге и идут теперь вокруг полуострова, чтобы высадиться на восточном побережье. Нет, они направляются сюда по суше, обходя Иммермур с юго-востока. Нет, они обошли его с северо-запада и идут в Айзеншлосс на соединение с бывшей армией Арвика, а уже оттуда ударят объединенными силами. Нет, вы ничего не знаете, они движутся вдоль западного побережья на север, чтобы снова отбить Южный Бугенхольм и отрезать нас от метрополии и подкрепления... Вероятнее всего, все это были чьи-то домыслы, выдаваемые за факты. Что, впрочем, не означало, что какой-то из этих домыслов не может совпасть с реальностью. Во всяком случае, Фритйофсену, даже в его невеликом звании оберлейтенанта, было очевидно, что для айринтийцев сейчас самое разумное - не дать гроггендорским войскам снова соединиться и постараться разбить их по частям. С этой точки зрения, возможно, было бы и правильно не "подпирать" Вторым Адлерштадским группировку Раммеля, а, напротив, отвести ее навстречу идущей из Зандвааля основной армии. В конце концов, ни Мондхаффен, вообще не имеющий ключевого значения для хода кампании (хотя любой порт и считается стратегическим объектом), ни вся Айринтия целиком никуда не денутся, и почему бы не вернуться сюда чуть позже, особенно если к тому времени мороз скует грязь? Или уж, на худой конец, если отступление до самого Гроггендора (или Легунтона, который, впрочем, теперь уже тоже Гроггендор) так уж политически неприемлемо - хотя бы отвести все силы, ныне находящиеся на айринтийской территории, к Фельзенбургу. Во-первых, туда основной армии добираться все-таки ближе, а во-вторых, пусть даже сам замок и не смог бы вместить такие силы (почти двенадцать тысяч Раммеля плюс две тысячи Бйорнвальда), дожидаться подхода своих все же как-то приятнее под стенами дружественной, а не враждебной крепости. Но кто он такой, Рагнар Фритйофсен, чтобы рассуждать о вопросах стратегии? Его дело - исполнять приказы. После катастрофы на море императору срочно нужна хоть какая-нибудь победа, хотя бы даже и над теряющим свое стратегическое значение с окончанием сезона навигации Мондхаффеном, а значит - ни шагу назад...

Шагов вперед, впрочем, тоже не было - ни в буквальном смысле, ни в фигуральном. До самого 19 октября - это был шестой день пребывания Второго Адлерштадского под

Мондхаффеном. В этот день впервые за неделю установился стабильный западный ветер (обыкновенно на восточном побережье Айринтии он дует, напротив, со стороны океана), чему Фритйофсен (и не только он) поначалу не придал никакого значения (разве что порадовался тому факту, что этот ветер не нес очередного дождя - облака были не такими уж плотными, и сквозь них то и дело проглядывало солнце). Утром Бйорнвальд собрал своих офицеров и объявил им нечто странное: "Как мне стало достоверно ведомо, после полудня неприятельские лазутчики предпримут диверсию и подожгут требушеты, выстроенные вдоль их стен. Сразу же после этого наш полк пойдет на приступ. Помощи от людей генерала Раммеля я при сем не ожидаю, ибо вы сами могли видеть, каковы оные солдаты. Полагаю, что они способны оказать нам более помех, нежели содействия, а посему надлежит держать их как можно далее от нашего предприятия."

В первый момент Фритйофсен ничего не понял. Во-первых, до сих пор защитники города не предпринимали никаких вылазок, и устраивать таковую в середине дня было бы слишком опасно. Куда логичнее было бы делать это ночью, особенно в нынешнюю пасмурную погоду, когда даже Кольцо почти не светит. Во-вторых, если об их замысле стало известно, то почему полковник говорил не "попытаются поджечь", а "подожгут"? Это явно не было случайной оговоркой, особенно учитывая, что Бйорнвальд изъяснялся высокопарным официальным стилем, обычно совершенно для него несвойственным при общении с подчиненными. И более того - он прямо запретил уведомлять солдат Раммеля не только о штурме, но и о готовящейся против них, точнее, их осадной техники диверсии! И только пару минут спустя, по довольным ухмылкам старших офицеров, а также и по словам самого полковника, перешедшего к деталям ("Всем вашим людям надлежит иметь мокрые шарфы или платки для защиты от дыма..."), он сообразил, какие именно "диверсанты" подожгут требушеты и в чем состоит план.

И действительно, в назначенный час, пока ничего не подозревавший Раммель прохлаждался (или, вернее сказать, грелся) в трактире (возможно - в обществе той самой баронессы), а Бйорнвальд, "не беспокоя" его, прибыл на позицию, требушеты, выстроенные в линию параллельно крепостной стене, запылали, причем не снизу, а сверху (рычаги обвязали пуками соломы и облили горючей смесью, а затем подняли вверх, как при выстреле - только на сей раз они ничего не метали). Бугенхольмцы Раммеля не пытались препятствовать решительно настроенным солдатам Бйорнвальда, говорившим, что они выполняют приказ командующего (без уточнения фамилии). Со стен Мондхаффена донеслись радостные крики - кто-то там, вероятно. и впрямь решил, что требушеты подожжены айринтийцами, другие пришли к более правдоподобному выводу - враги снимают осаду и уходят, сжигая за собой нетранспортабельные осадные орудия. Однако эта радость была недолгой - вскоре густой дым от мокрой соломы и дерева, несомый ветром в сторону города, полностью заволок гребень стен, лишив защитников Мондхаффена возможности не что видеть нападающих, но даже и просто дышать, оставаясь на позициях. И тут же две тысячи солдат Второго Адлерштадского побежали на приступ, неся с собой длинные приставные лестницы. Дым, стлавшийся высоко над ними, не мешал им; мокрые повязки понадобились им лишь тогда, когда они полезли на стену. Если при предыдущей попытке штурма атака концентрировалась на узких участках - напротив городских ворот, которые предполагалось проломить таранами - то теперь штурмующие, наоборот, растянулись максимально широким фронтом и лезли на западную стену одновременно по всей ее длине. Когда стало ясно, что они лезут наверх, не встречая никакого противодействия, кое-кто из солдат Раммеля - сперва поодиночке, а затем и группами во главе с капралами и младшими офицерами - тоже побежали следом, не желая упустить свою долю славы и трофеев.

Когда первые штурмующие добрались до верха стены, они не встретили никакого сопротивления и там. Немногочисленные айринтийцы, отступившие от дыма в башни, еще оставались там, но и оттуда они поспешили бежать, видя, что стены уже захвачены, и, очевидно, не надеясь на подкрепление изнутри города. Гроггендорцы спустились по башням вниз и

открыли ворота, к которым тут же устремилось уже все остальное воинство Раммеля. Сопротивления внутри города (коего Бйорнвальд все же опасался, потому и назначил операцию на дневное время, исходя из того, что в темное время в лабиринте узких и кривых улиц хорошо знающие город местные получили бы преимущество) оказано также не было. Завоевателям попадались только оружие и доспехи, брошенные прямо на улицах - ополченцы предпочли поскорее избавиться них и смешаться с мирным населением, из коего и происходили. Никаких королевских солдат, якобы доставленных так напугавшими бугенхольмцев Раммеля кораблями, в городе не оказалось.

Таким образом, Мондхаффен был взят вообще без потерь, если не считать одного неудачника, который свалился со стены, не заметив в дыму ее неогороженный внутренний край. (Позже Департамент Пропаганды сделал из него героя, который в одиночку отбивался от пятерых врагов, удерживая захваченный участок стены, пока туда поднимались по лестнице его товарищи; он был посмертно произведен в капралы, а улица Тухлая Канава, на которой он родился, была переименована в его честь. Сама канава, впрочем, от этого никуда не делать, и благоуханнее тоже не стала.)

Вечером того же 19 октября во дворце мондхаффенского купца (куда более роскошном, чем резиденция бургомистра) состоялся пир победителей, в котором участвовали все гроггендорские офицеры во главе, разумеется, с Раммелем и Бйорнвальдом. Именно там Фритйофсен впервые увидел пресловутую баронессу и убедился, что слухи все-таки не врут.

Она восседала прямо между генералом и полковником, что помещало ее в самый центр главного стола, словно именно она была тут самой важной персоной. Подобное было бы в порядке вещей, будь она хозяйкой дома, дающей пир в честь господ офицеров (но настоящий владелец, не говоря уже о его жене, в зале не присутствовали - хотя купец и поспешил предложить свой дом победителям и взять на себя все расходы по собственной инициативе, какому-то торгашу не место было среди благородного воинского сословия) или законной супругой генерала (уже даже полковнице следовало бы держаться поскромнее - сидеть не рядом с мужем, а наискосок от него). Или, наконец, если бы это была обычная неформальная пирушка, где нет вообще никаких правил и женщины определенного поведения могут сидеть хоть прямо на коленях у офицеров или плясать на столе. Но на торжественном мероприятии в честь одержанной победы, где присутствуют полковые хронисты ("затем генерал провозгласил тост в честь капитана такого-то, чьи умелые и решительные действия в ходе баталии... в своем ответном слове капитан...") и, конечно, пропагандунги (куда же без них!), поведение этой особы было, как минимум, вызывающим.

И все же со своего места за столом, находившегося достаточно далеко от высокого начальства, но все же дававшего достаточный обзор, Рагнар разглядывал ее, не сводя глаз - и не чувствуя при этом раздражения, которое, казалось бы, должен был испытывать. Дело было не только в том, что женщина была молода и красива. Ее красота совсем не походила на вульгарную красоту шлюхи - таких-то Рагнар уже успел навидаться, и как раз они у него ничего, кроме раздражения, не вызывали. Пышнотелые, с грудями, норовящими перевалиться через верх корсета, и завитками блондинистых или рыжих волос (натуральных или крашеных), обильно рассыпавшихся по оголенным плечам, с непременно округлым, в ямочках, лицом, с пухлыми накрашенными губами и глазами с поволокой, то и дело глупо хихикающие... нет, та, что сидела между Раммелем и Бйорнвальдом, не имела с этим ничего общего. Это была стройная худощавая брюнетка с узким лицом, лишенным какой-либо круглости и пухлости, и длинными тонкими пальцами, с непринужденным изяществом обращавшимися со столовыми приборами. (Рагнару на миг представилось, как эти пальцы перебирают его собственную шевелюру, но он отогнал от себя эту мысль.) На ней было черное платье с узким, но весьма глубоким вырезом, приоткрывавшим груди не сверху, как обычное декольте, а с внутренней стороны, создавая необычный контраст с целомудренно закрытыми плечами. Такой фасон тоже был дерзким и

вызывающим, как и ее место за столом - но именно вызывающим, а не вульгарно-бесстыдным, как у шлюх. "Хочу - и имею право, и мне нет дела до того, что вы думаете!" Но главное - выражение ее лица, исполненное холодного достоинства. Нет, эта женщина была кем угодно, только не банальной проституткой, набивающейся в содержанки к дворянину и оттого корчащей из себя благородную.

Или, во всяком случае, Рагнрау хотелось так думать.

- Любуетесь троицей? - прокряхтел вдруг над его головой немолодой насмешливый голос. - Душеполезное занятие, если только не впадать в ересь Беренгария, отдавая предпочтения одной из составляющих и забывая о других.

Молодой человек испуганно обернулся, словно его застали за чем-то неприличным. На свободный стул рядом с ним тяжело опустился (стул скрипнул под его весом) незнакомец лет, наверное, пятидесяти пяти, грузный, седеющий, с довольно-таки обрюзглым лицом. В его облике совершенно не ощущалось той подтянутости, которая отличает рыцарей даже в пожилом возрасте, и от него уже заметно пахло вином. Но дряблую красную кожу его шеи подпирал тугой воротник, обшитый штаб-офицерским[138] золотым галуном, и юноша поспешно вскочил и отрапортовался по уставу:

- Оберлейтенант Рагнар Фритйофсен из клана Ворона, Второй Адлерштадский пехотный полк!

- Вольно, оберлейтенант, вы не на смотре. Здесь скоро все будут настолько пьяны, что все эти звания потеряют значение... (Рагнар послушно сел.) Фритйофсен из Воронов, вы сказали? Когда-то я знал одного Фритйофсена из Воронов. Гуннар Фритйофсен вам случайно не родственник?

- Это мой отец, господин... ? - Рагнар вопросительно замер, ожидая представления собеседника. Нашивок, обозначающих звание и подразделение, юноша на его одежде не видел (впрочем, старшие офицеры часто их не носят). Хорошо айринтийцам, у них говори любому вышестоящему "сэр" - не ошибешься. А гроггендорский язык - и устав! - требует при обращении точно указывать звание или титул.

- Можете звать меня просто "дядюшка Эйнар", - отмахнулся собеседник. - Хоть мы и не родственники, меня многие так зовут. А ваш облик, стало быть, недаром показался мне чем-то знакомым. И как поживает Гуннар?

- Он умер три года назад, господин... дядюшка Эйнар.

- Вот как? Жаль это слышать. Хотя, по правде сказать, мы не были друзьями - ну да то дела прошлые... А молодежь интересует будущее - так? Так вот ради вашего будущего хочу дать вам дружеский совет - не стоит так пожирать глазами фрау Памберкраст.

- Я вовсе не... - смутился Рагнар и перебил сам себя: - Как вы сказали - Пам-бер-краст? Доселе я не слышал ее имени.

- Фредерика Памберкраст, - кивнул дядюшка Эйнар. - Вдова барона Памберкраста, убитого в ходе недавней айринтийской войны... Элинор отняла у нее не только мужа, но и поместье, которое отдала своему любовнику. Фредерика поклялась отомстить. И не снимать черное платье, пока этого не сделает. Ну то есть не то чтобы в буквальном смысле не снимать, разумеется, - ухмыльнулся дядюшка Эйнар. - Чем ныне не без успеха и занимается. Мстит, я имею в виду, - он протянул руку к початой бутылке и наполнил свой кубок.

- Вы имеете в виду, - откликнулся Рагнар, задетый его глумливой ухмылкой, - что она сперва уговаривала генерала Раммеля штурмовать город, а когда это не получилось - переключилась на нашего полковника?

- Она не просто "уговаривала", а предоставила некие ценные сведения о том, насколько на самом деле слаба оборона города. Так что сейчас она сидит на этом своем месте не только

---

[138]Штаб-офицеры - офицеры в ранге от майора до полковника. Более низкие офицерские ранги относятся к обер-офицерским.

как, так сказать, связующий и одновременно разделяющий элемент троицы - очень символична ее позиция, не правда ли? - но и как соавтор сегодняшней победы. Такова, во всяком случае, официальная версия, - дядюшка Эйнар сделал большой глоток из кубка и продолжил: - Вообще, конечно, забавная у них там сложилась ситуация. С формальной точки зрения, ваш полковник не просто грубо нарушил субординацию, но и совершил натуральный акт саботажа - велел поджечь осадные машины, которые наши солдаты строили больше недели... нет, я не спорю, это было единственно разумное их применение, но формально... И Раммель, конечно, был в ярости, даже если вынести за скобки фрау баронессу. И пребывает в таковой и теперь, особенно если не выносить за скобки все ту же фрау. Но поделать ровно ничего не может! Теперь он должен признавать, что не просто дал "добро" полковнику на все его действия, а и был автором сего гениального плана, обеспечившего нам бескровное взятие города. Иначе выйдет, что именно он, генерал Раммель, и был саботажником, препятствовавшим нашей победе - или, в лучшем случае, в полном соответствии со своей фамилией, бездарным и тупым бараном, чуть ли не месяц не могшим решить задачу, которую его подчиненный решил за пару часов. Так что в его интересах, чтобы полковник не очень настаивал на своем авторстве - во всяком случае, на единоличном. На что Бйорнвальд, вероятно, согласится, приняв в качестве отступного фрау Памберкраст. Что и символизирует собой ныне наблюдаемая нами кон-фи-гу-ра-ция... Если так, то это плохой выбор. За эту операцию Бйорнвальд мог бы получить генерала, и фрау все равно ушла бы к нему. А если бы даже и нет, невелика потеря, что бы там она ему ни нашептывала... Послушайте доброго совета, друг мой - никогда не любите. Даже если вы умудритесь не наделать глупостей в процессе - что очень вряд ли - когда все кончится, вы все равно будете чувствовать себя идиотом. Можете мне поверить. Понимаю, что в вашем возрасте это сложно, но мне - можете. Видите ли, я как раз один из очень немногих, кому удалось не наделать при этом глупостей. И даже получить кое-какую практическую пользу. И тем не менее. Поверьте, чувствовать себя идиотом очень неприятно - особенно когда ты умный.

Фритйофсен был все же не настолько наивен, чтобы восклицать: "А кто вам сказал, что все непременно кончится?", но все-таки возразил с кривой усмешкой:

- Но если бы не было любви, то и вы бы не появились на свет, не так ли?

- Э, нет! - рассмеялся дядюшка Эйнар, - У моего отца было много грехов, но любви среди них не числится. Вот вам его афоризм: "Я никогда не спрашиваю имени женщины, с которой ложусь в постель, поэтому наутро мне не приходится трудиться, чтобы забыть его". Хотя имя моей матери он, конечно, знал - ведь она была его законной супругой. Но никогда не звал ее по имени - только "баронесса" и на "вы". И тут баронесса, да. Слишком много баронесс... - он снова выпил. - Так что, - продолжил он неожиданно трезвым голосом, - насчет постели это как вам угодно, но никогда не любите. И никогда не посвящайте женщинам стихов. Особенно хороших. За хорошие потом будет стыдно вдвойне.

- Да я вовсе не пишу стихов! - воскликнул Рагнар.

- Нет? Рад это слышать, - кивнул дядюшка Эйнар. - А то сейчас половина армии пишет стихи. Вошла в моду бугенхольмская идея, что рыцарь-де должен не только владеть мечом, но и складывать рифмы и бренчать на лютне. Идея, само собой, вздорная - вы только посмотрите, к чему это привело Бугенхольм. А теперь и благородные гроггендорские дворяне пытаются отобрать последний кусок хлеба у бродячих менестрелей... Я вот тоже когда-то писал, много лет назад, но, слава Троице, вовремя бросил. Никому это не нужно. Империи не нужны поэты.

- Разве? - удивился Рагнар. - По-моему, некоторые из них весьма прославлены. И осыпаны милостями от самого императора.

- Это не поэты, - поморщился дядюшка Эйнар. - Это, если угодно, стихокузнецы. Знаете, есть простые кузнецы, Schmiede, которые куют всякую бытовую утварь. Есть Waffenschmiede, которые куют оружие. А есть Dichtungschmiede, которые куют стихи. Один из них - не нынешних, прошлых - так прямо и писал: "Я хочу, чтоб к мечу приравняли перо..." Но это еще,

впрочем, не самое худшее. Когда к мечу. Хуже - когда к топору палача. Хотя за это-то как раз и награждают всего охотнее... Так что - не пишите стихов, юноша. Добром это не кончается, что так, что этак.

У Рагнара вдруг возникло жуткое подозрение. А кто он вообще такой, этот странный "дядюшка", явно давно не державший меч в руках, не назвавший ни своего полного имени, ни звания, и с какой целью он ведет с ним эти странные, чтобы не сказать - подозрительные разговоры? Что, если он из Имперской Службы Внутренней Безопасности? Говорят, они любят заводить неформальные разговоры в расслабляющей обстановке под вино... Никакой вины перед страшным ведомством Рагнар за собой не знал, но все же со времени учебы в офицерской школе наивности в нем поубавилось.

- Осмелюсь спросить, господин... - начал он по-уставному, - то есть дядюшка Эйнар, чем заслужил я ваше попечение о моем благе? Вы ведь не... капеллан?

- Капеллан? Я? - тот снова рассмеялся. - О, нет! Я - тот, кого всем положено ненавидеть.

Рагнар похолодел. Неужели он и впрямь угадал?

- Вы из... - произнес он, невольно понизив голос, но в последний момент выбрал все-таки более безобидный вариант: - ...Департамента Пропаганды?

- Нет, не настолько плохо, - продолжал усмехаться дядюшка Эйнар. - Я всего-навсего интендант. Ворюга, жирующий на солдатской крови. Так ведь принято считать?

- Я вовсе не считаю, что... - пробормотал Рагнар.

- И напрасно, - неожиданно жестко перебил его собеседник. - Все мы - ворюги, жирующие на чужой крови. Вся армия. Такова наша профессия. В данный момент мы сидим в украденном нами городе и пьем украденное вино, - он сделал еще глоток. - Сегодня, правда, обошлось без крови. Но это только сегодня. А чья она - гроггендорская, бугенхольмская, айринтийская - да какая, в конечном счете, разница? Она у всех одного цвета.

- Но... прошу меня простить, господин барон, - Рагнар, наконец, нашел более подходящую формулировку, чем "дядюшка", хотя, строго говоря, сын барона мог и не быть бароном сам, - если вы не одобряете законы войны, то мне непонятно, отчего вы не оставите военную службу. В вашем возрасте это уже не считается уроном для чести, - добавил юноша и тут же пожалел о своей дерзости.

- А кто вам сказал, что я не одобряю? Таков всеобщий порядок вещей. Все едят всех. И выбор, в конечном счете, существует только один - съедят тебя заживо или после смерти. Других вариантов природой не предусмотрено. Просто надо это четко понимать и не строить прекраснодушных иллюзий. Не строить иллюзий и не делать глупостей, поддавшись чувствам, какими бы высокими они вам в какой-то момент ни казались. И на что бы они ни были направлены - будь то женщина, страна или даже искусство. Ни за какую мерзость не бывает потом так стыдно, как за высокие чувства, - он осушил свой кубок до конца и поставил на стол. - Вот я, например, - добавил он после короткой паузы, - делал в жизни очень мало глупостей, чем и горжусь. Точнее говоря - всегда успевал остановиться прежде, чем они примут необратимый характер. Если бы не это, то... вероятно, вашим отцом был бы не Гуннар, а я. Но фортуна Эйнара хранила. Чего и вам желаю, - он поднялся и пошел прочь не слишком твердой походкой.

Рагнар смотрел ему в спину, запоздало сообразив, что этот человек спросил его об отце, но не о матери - которая, кстати, была еще жива и с которой он, по его словам, когда-то... Но, должно быть, теперь это его уже и в самом деле совершенно не интересовало.

Затем Рагнар вспомнил о другой женщине и быстро развернулся в противоположную сторону. Но "троицы" за главным столом больше не было. Баронесса Памберкраст покинула зал, и, очевидно, сделала она это в сопровождении полковника Бйорнвальда. За столом на почетном месте остался один лишь генерал Раммель, отныне - разработчик гениального плана и покоритель Мондхаффена, и вид у него был мрачнее тучи.

Баронесса вошла в комнату и с удовольствием плюхнулась на широкую мягкую кровать. Даже в этой расслабленной позе она смотрелась очень эффектно в черном платье на снежно-белом белье. Полковник Бйорнвальд в расстегнутом темно-зеленом пурпуэне присел рядом.

- Надеюсь, теперь вы довольны, - пробурчала женщина. По-гроггендорски она говорила лишь с легким акцентом.

- А вы как будто не совсем, - откликнулся полковник, - хотя, право же...

- Я не привыкла, чтобы мне приходилось делать мужчинам подарки, да еще и уговаривать их принять таковые, - отрезала она. - Я говорила вам, как говорила до того этому болвану Раммелю, что в городе осталась всего пара дюжин человек, призванных изображать массовку на стенах...

- Судя по найденным нам доспехам и оружию, их было никак не менее полусотни, - уточнил Бйорнвальд.

- Да какая разница, против ваших-то двух тысяч профессиональных солдат? Вы могли взять город намного раньше и без этого огненного шоу. Которое, наверное, эффектно смотрелось, зато мне не пришлось бы... отвлекать на себя Раммеля, чтобы он не успел вам помешать. А у него, между прочим, дурно пахнет изо рта. Я этого терпеть не могу.

- Видит Троица, как я сожалею об этом, - ответил Бйорнвальд, невольно задумываясь, чем после обильного пира пахнет его собственное дыхание. - Кто-кто, а я бы точно предпочел, чтобы вам не пришлось приносить эту жертву. Но вы ведь понимаете, Фредерика - хороший командир обязан сочетать храбрость и решительность - каковые, полагаю, сегодняшняя операция вполне продемонстрировала - обязан сочетать их с осторожностью. И с моей стороны было бы... безответственно ставить исход стратегической операции в зависимость исключительно от слов женщины - пусть даже и столь прекрасной, как...

- Вы все еще не доверяете мне?

- Дело не в этом. Я не сомневаюсь в ваших мотивах ненависти к нынешним айринтийским властям. Но чем очевиднее эти мотивы, тем, согласитесь, и менее вероятно, чтобы эти власти позволили вам проникнуть в их военные секреты...

- Для того, чтобы сообщить вам то, что сообщила я, вовсе не требовалось проникать в какие-то тайные хранилища, - фыркнула баронесса. - Достаточно элементарной наблюдательности. Я видела приходивший в Мондхаффен корабль, который так напугал подчиненных Раммеля. И сразу же поняла, что он вовсе не доставлял в город подкрепление, как решили эти трусливые недоумки, а строго наоборот - проводил эвакуацию. Это можно было заметить по его осадке на пути в порт и из порта, если как следует присмотреться. Но что женщина может понимать в кораблях - так? Вот только никто из ваших замечательных мужчин почему-то не обратил на это внимания. Впрочем, - ядовито добавила она, - у гроггендорцев вообще сложные отношения с морем, понимаю. Особенно в данный момент.

- Ну вообще-то, - возразил уязвленный Бйорнвальд, - в подчинении у Раммеля в основном состоят не гроггендорцы, а бугенхольмцы. А уж у них-то с морем все в порядке - хотя это их, как мы знаем, не спасло.

- Ладно, ладно. Люди всегда видят то, что они ожидают увидеть, а не то, что есть на самом деле - причем независимо от национальности. За очень редким исключением, и вам повезло такое исключение встретить... и даже держать его сейчас за руку. Теперь-то вы убедились, что к моим словам стоит прислушиваться?

- Да, Фредерика. Должен сказать, что восхищен вашим умом не меньше, чем вашей красотой, - он сделал попытку поцеловать ее длинные тонкие пальцы, но баронесса отдернула руку:

- Подождите, подождите. Сперва пообещайте впредь прислушиваться к моим словам и не считать их пустой болтовней.

- Слово дворянина, - охотно согласился он.

- Очень хорошо. Тогда перейдем, наконец, к главному, - она положила его руку себе на грудь прямо в узкий вырез платья.

- Вы и в самом деле хотите...? - казалось, он был несколько смущен ее натиском.

- Ну же! - требовательно произнесла она и чуть ли не силой впихнула его руку под платье между грудями.

- А! - понял Бйорнвальд в следующий момент. - Вы имеете в виду *это*?

- А вы что подумали? Доставайте. Только осторожно, не порвите. Эта бумага стоит всей Айринтии.

Он аккуратно вытащил бумагу, спрятанную между двумя слоями ее корсета. Самый тщательный обыск не обнаружил бы ее, если бы баронесса сперва не расстегнула тайную застежку.

- Читайте.

- Так вот оно что, - пробормотал он, закончив чтение. - Вот, значит, на кого вы работаете на самом деле.

- Кого я представляю, - поправила она. - Работают наемники. А тут, как вы можете видеть, дело семейное. Собственно, как я и говорила с самого начала. Просто речь идет о несколько иной семье. Несколько более значимой. Но для всех я, разумеется, должна оставаться Фредерикой Памберкраст. Этот документ я не показывала еще никому.

- Даже Раммелю?

- Уж этому-то болвану в особенности! - фыркнула она. - Вы первый, кто его видит, не считая меня и его автора.

- И он...

- Он готов пропустить гроггендорскую армию через свои земли и даже содействовать при необходимости ее проходу. При условии, что получит гарантии сохранения всех прав и привилегий, пожалованных нашему роду айринтийскими монархами. Всех - это значит всех, включая и те, что были незаконно отобраны в последние царствования.

- Но я не могу давать такие гарантии! Вы же понимаете, я всего лишь командир полка. А подобные решения принимает даже не Раммель и не Дойтлиц, а лично император.

- Разумеется. Но если именно вы станете посредником, через которого император получит это предложение, он, полагаю, не забудет человека, который помог ему выиграть войну. Вы держите в своих руках золотой билет, вы понимаете это? И, надеюсь, вы не отдадите его Раммелю так же бездарно, как предыдущий. Впрочем, полагаю, что и с Мондхаффеном не все потеряно. Вы не можете настаивать, что действовали через голову Раммеля - но и он не может отрицать, что город брал именно ваш полк, а сам он даже не находился на месте событий. Слишком много независимых свидетелей подтвердят это. Если вы и впредь будете прислушиваться к моим словам, как обещали, то, вполне возможно, все же станете генералом уже только за одно это... Хотя, разумеется, взятие Мондхаффена - это ничего не значащая мелочь по сравнению с ключом ко всей Айринтии.

- Но... - Бйорнвальд в сомнении повертел документ, - здесь ничего такого не сказано... насчет ключа.

- Он не может доверять такие вещи бумаге, вы же понимаете. Не в нынешних обстоятельствах. Достаточно того, что этот документ подтверждает мои полномочия - и мой личный интерес в этом деле, если угодно. А все остальное я передаю на словах.

Бйорнвальд вновь посмотрел на ее полуобнаженную грудь, а затем все же произнес: - Однако вы уже назывались другим именем и даже предъявляли грамоту, подтверждающую его...

- То была подделка, хотя и искусно изготовленная. А этот документ подлинный. Любой тщательный анализ докажет это.

- Допустим. Но - прошу меня простить, но, рассуждая чисто теоретически - что, если этот подлинный документ, допустим, украден, и речь в нем идет вовсе не о вас?

-- Существуют другие документы, удостоверяющие мою личность, и люди, знающие меня в лицо, - отмахнулась баронесса. - Но это долгий и нудный путь. Лучше просто подумайте логически. Выгодно ли изложенное мной предложение автору документа? Определенно да - status quo никак не может его устраивать. Выгодно ли оно той, о ком идет речь в документе? Очевидно, да, в силу изложенных там причин. Выгодно ли оно некой самозванке, завладевшей документом? Никоим образом. Такая самозванка попыталась бы продать документ Элинор, или Тайной Страже, или кому-то еще из тех, кто был бы заинтересован в его покупке - вплоть до, собственно, законной владелицы. Но точно не гроггендорской армии. Она бы вообще не появилась в расположении ваших войск, ей было бы нечего здесь делать.

- Логично, - вынужден был согласиться Бйорнвальд. - Позвольте еще раз выразить вам свое восхищение, ...

- Фредерика, - перебила она его прежде, чем он успел произнести имя. - Вы должны по-прежнему называть меня Фредерикой Памберкраст, даже когда мы наедине. Для другого имени время еще не пришло.

Продолжение следует

Иллюстрации

Музыка